Caucasica

Кавказоведение. Страницы прошлого. Антология

По материалам архива и библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С.М. Кирова (1926–1937)

Составители:
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Ростов-на-Дону, 2017

УДК 81:811.35:394:398
ББК 81.1:81.2:82.3(2):71.1
К 12

ISBN 978-5-9906581-7-2

Caucasica: Кавказоведение. Страницы прошлого. По материалам архива и библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С.М. Кирова (1926–1937): Антология / Составители К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. – Ростов-на-Дону: ИП К.Р. Попов «Полиграф-Сервис», 2017. – 1148 с.

В антологии печатаются материалы архивного фонда Р-1260 Государственного архива Ставропольского края «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937) и редкие книги из библиотеки этого института, репрессированного в 1937 году. Антология связана с ранее вышедшей монографией «Лингвистическая палеонтология культуры» (2017). В первой части антологии печатаются архивные материалы ученых, работавших в Горском институте: этнографические и исторические исследования А.Н. Дьячкова-Тарасова, связанные с экскурсами в область культуры Чечни, работы Н.И. Покровского, А.Н. Генко, посвященные Кавказской войне (1817–1864). В разделе лингвокультурологии публикуются уникальные исследования о языковой политике и языковом строительстве на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е годы, – работы Н.Ф. Яковлева, М.Я. Немировского, А.М. Дирра, М.К. Милых, Л.П. Семенова, А.Н. Генко. Печатается уникальное исследование Н.Ф. Яковлева «Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем» (1928), выполненное с использованием метода лингвистической палеонтологии. К нему прилагаются раритетные «Материалы для кабардинского словаря. Выпуск I. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога» (1927) Н.Ф. Яковлева. Рассказывается о судьбах ученых, работавших в Горском институте.

Во второй части антологии представлены редкие издания из фондов библиотеки Горского института: книга английского поэта и дипломата Г. Эллиса «Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с описанием кавказских народов и словарей их языков» (1788), одна из первых работ о Кавказе «Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии» анонимного автора (1805), исследования Ф.Ф. Торнау, К.П. Патканова, Л.П. Пасынкова, Л.П. Семенова, Г.П. Чурсина, посвященные истории и культуре народов Кавказа. В разделе языкознания публикуются исследования Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, М.Я. Немировского, Л.И. Жиркова, П.Н. Черняева, М.В. Беляева, Г.П. Сердюченко, О. Егорова, связанные с разработкой «нового учения о языке». Читателей заинтересует раздел истории письменности народов Кавказа, вопросы латинизации алфавитов, перевода их на кириллическую основу в 1920-е – 1930-е годы – во время активного подъема культуры горских народов: исследования П.К. Услара, Л.П. Загурского, У.Д. Алиева, Б.А. Алборова, Б.А. Чамозокова, А.Н. Генко, М.К. Милых, Н.Ф. Яковлева. Антология содержит биографические справки, обширную библиографию.

Предназначена для читателей, интересующихся вопросами этнографии, языкознания, филологии, истории, культуры.

Составители: К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Подготовка текста: К.Э. Штайн, Д.И. Петренко,
А.И. Темирболатова, Е.Н. Золоторева, М.С. Коршунов

Обложка, верстка, дизайн: Д.И. Петренко
В оформлении обложки использована репродукция картины П.М. Гречишкина
«В горах Кавказа». 1981. 160х200.

Антология подготовлена к печати в научно-исследовательской лаборатории «Текст как явление культуры: Кавказоведение. Метапоэтика. Педагогика» историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института.

ISBN 978-5-9906581-7-2

© К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, 2017
© ИП К.Р. Попов «Полиграф-Сервис», 2017

Введение

В 2017 году вышла в свет наша монография «Лингвистическая палеонтология культуры: Языкознание. Кавказоведение». Книга посвящена изучению лингвистической палеонтологии культуры — дисциплины, которая рассматривает возможности реконструкции древних культур по данным языков. В поле зрения монографии сравнительно-историческое языкознание, метод «ученой реставрации» в отечественной филологии XIX века (Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, А.А. Котляревский и др.), зарубежная лингвистическая палеонтология (А. Пикте, О. Шрадер, Э.Б. Тайлор, Л. Леви-Брюль, Э. Сепир, Б. Уорф и др.), уделяется внимание палеонтологии речи в «новом учении о языке» Н.Я. Марра и его последователей И.И. Мещанинова, О.М. Фрейденберг, У.Б. Алиева. Вводятся в научный обиход данные о Северо-Кавказском горском научно-исследовательском историко-лингвистическом институте им. С.М. Кирова (1926–1937), с которым сотрудничали профессора Н.Ф. Яковлев, А.Н. Генко, М.Я. Немировский, М.К. Милых и др. Изучается новый этап в развитии лингвистической палеонтологии в России: Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов, Ю.С. Степанов и др. — и за рубежом: Ю. Покорный, Дж. Мэллори, Д. Адамс, Г. Дойчер, Э. Фокс и др.*

Главная задача монографии — рассказать о короткой, но героической истории Северо-Кавказского горского научно-исследовательского историко-лингвистического института имени С.М. Кирова (1926–1937), ввести в научную парадигму имена ученых, их исследования, которые они вели в сложный, но отмеченный большими достижениями в области языкознания период 1920-х – 1930-х годов. Архив института мы обнаружили в 1999 году во время работы семинара «Textus: Текст как явление культуры» в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК). Позже мы нашли библиотеку института, книги которой в разрозненном виде хранились в фонде редкой книги научной библиотеки Ставропольского государственного университета. Ни архив, ни библиотека Горского института не изучались с 1937 года, года ликвидации института. Все его материалы были переданы в ГАСК и библиотеку Ворошиловского педагогического института (позже — Ставропольский государственный университет), так как последнее место работы Горского института — Пятигорск. Институт был создан 24 ноября 1926 года как Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения (постановление Совета народных комиссаров РСФСР), работал во Владикавказе, Ростове-на-Дону, Пятигорске, был призван решать и решал важнейшие задачи языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе. Архивные материалы института хранятся в Государственном архиве Ставропольского края, в фонде Р-1260 «Северо-Кавказский горский научно-исследовательский историко-лингвистический институт им. С.М. Кирова» (1926–1937).

В 2010–2011 годах вышла наша трехтомная антология «Опальные: Русские писатели открывают Кавказ», где мы постарались показать языкотворчество русских писателей как миросозидающую деятельность на Кавказе, предшествовавшую углубленным исследованиям ученых начала XX века: А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова и др.

1920-е годы — период энтузиазма, бескорыстного служения науке и людям во всех областях строительства нового авангардного государства СССР. Горский историко-лингвистический институт, как в зеркале, отобразил победы советской науки, в особенности лингвистики: перед ним были поставлены задачи всестороннего изучения бесписьменных языков Кавказа, создания грамматик, словарей, конечно же, алфавитов. Понятно, что эти задачи решал не только этот небольшой институт, но и лингвисты всей страны. В институте работали профессора Н.Ф. Яковлев, М.Я. Немировский, А.Н. Генко, Л.И. Жирков, М.К. Милых, Б.А. Алборов, У.Д. Алиев, Х.Д. Ошаев и мн. др., они вместе с своими учениками А.К. Хашба, М.М. Сакиевым, У.Б. Алиевым и др. проделали огромную работу и блестяще справились с труднейшими задачами исследования, классификаций многочисленных языков.

---

* См. Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры: Языкознание. Кавказоведение. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017.

В 1920—1930-е годы в СССР была создана письменность для более чем 50 бесписьменных языков: разработаны алфавиты, системы орфографии, грамматические нормы, определены диалектные базы литературных языков, составлены словари, в том числе и терминологические, создана художественная литература, периодика. Началось обучение родным языкам в школах, появились национальные театры. К младописьменным и новописьменным литературным языкам Кавказа относят абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, чеченский, ингушский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский и др. Создание алфавитов велось в несколько этапов: сначала они были разработаны на основе латиницы, так как главные задачи были идеологические и политические — победа мировой революции и последующее слияние языков на основе всеобщего языка. Утопический характер этих задач был впоследствии осознан. В 1930-е годы в качестве базы для создания алфавитов была определена кириллица, которой до сих пор пользуются практически все национальные языки и культуры бывшего СССР.

В 1920-е — 1930-е годы в языкознании господствовало «новое учение о языке» Н.Я. Марра, который предполагал, что все мировые языки образовались путем скрещения первоначального языкового субстрата (множества языков), территориально в качестве прародины языков всех народов был определен Кавказ, языки которого в начале XX века практически не были изучены, являлись бесписьменными; эпизодически народы Северного Кавказа использовали арабский язык и так называемый «татарский» (азербайджанский). В России, осуществившей в XIX веке колонизацию Северного Кавказа, была на высочайшем подъеме наука, культура, а ученые, писатели столкнулись с фактом, подобным тому, с которым в это же время имели дело европейские и американские лингвисты и антропологи, занявшиеся изучением языков коренных народов Америки, Африки, Австралии. Языки эти были бесписьменными, строй жизни народов, — как правило, родоплеменным, даже в начале XX века.

Необходимо было досконально изучить языки народов СССР, проследить пути их развития. Следует отметить, что академические научно-исследовательские институты (они постоянно трансформировались), которые возглавлял Н.Я. Марр, занимались изучением практически всех мировых языков. Политика страны была направлена на скорейшее обретение бесписьменными народами грамотности, включение их в русскую и мировую культуры. Горский историко-лингвистический институт, который базировался во Владикавказе, потом в Ростове-на-Дону, Пятигорске, был включен в эту масштабную деятельность по реализации языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе. Понятно, почему профессора Н.Ф. Яковлев, М.Я. Немировский, А.Н. Генко и многие другие были сотрудниками Горского историко-лингвистического института, а их ученики впоследствии стали аспирантами и докторантами крупных университетов Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону.

С Горским институтом сотрудничал немецкий этнограф, лингвист-полиглот А.М. Дирр, который занимался преимущественно языками Дагестана и Чечни еще до Октябрьской революции, публиковал свои монографиии в выходившем в Тифлисе «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК, 1881—1915). В нашей монографии мы, как уже отмечалось, постарались рассказать о работе ученых института. Их труды входят в парадигму сравнительно-исторического языкознания, а конкретнее, в парадигму лингвистической палеонтологии культуры, так как именно метод лингвистической палеонтологии был использован в «новом учении о языке» Н.Я. Марра. Этот метод с определенными корректировками применялся в изучении языков народов Кавказа на основе составления протолексиконов (топикальных словарей древнейшего пласта лексики) и реконструкции материальной и духовной культуры народов по лингвистическим данным.

1920-е — 1930-е годы в нашей стране были временем активного языкового строительства, Н.Я. Марр был одним из энтузиастов в деле исследования, создания письменностей для бесписьменных народов СССР. В его работах отразился пафос лингвистических достижений: «Между тем труднее себе представить эпоху, которую можно было бы сравнить с протекающим на наших глазах временем по актуальности, какую представляют для жизни и язык, и история, а в связи с этим всякого рода именно увязанные с жизнью исторические и языковедные штудии, — пишет Н.Я. Марр в работе «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» (1930). — О громадных потребностях в специалистах по изучению языка говорить не приходится. Достаточно указать, какое количество языков впервые попали и продолжают попадать в орбиту серьезного... научного исследования. Достаточно учесть, в каких, ко всякой культуре глухих, первобытных углах нашей необъятной обширной советской страны осознается небывалая потребность самостоятельного изучении своей родной речи, хотя

бы, и чаще именно, бесписьменной, и с каким бесспорным неподдельным интересом и увлечением нет-нет, а все-таки открывает новый внутрирубежный вид неслыханного раньше нигде языка — кто? Специалист с классическим образованием...» (см. с. 547 нашей антологии).

Сделано было, бесспорно, очень многое, в том числе и Горским историко-лингвистическим институтом и его сотрудниками, занимавшимися изучением языков и созданием письменностей для народов Северного Кавказа. К сожалению, в России путь подлинных ученых, как правило, мученический, это же можно отнести и к некоторым крупным научным центрам. Ведь если не смотреть поверхностно, уже в комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова содержится провидческое предупреждение о неизбежном искоренении умов, как правило, во имя удобной посредственности. А в годы «большого террора» на службу борцов с лучшими умами страны была поставлена еще и идеология.

Институт был ликвидирован Постановлением Президиума Краевого исполнительного комитета от 5 сентября 1937 года. Несмотря на огромные достижения, лингвисты СССР, в том числе и те, которые работали в Горском институте, подвергались жесточайшим репрессиям. Были расстреляны в 1937 году первый директор института У.Д. Алиев, ученик Н.Ф. Яковлева А.К. Хашба, последний директор института Х.Д. Ошаев в 1937 году был арестован и провел 14 лет в тюрьме, в 1941 году умер в заключении профессор А.Н. Генко, в 1950 году был отстранен от работы, уволен со всех должностей выдающийся лингвист профессор Н.Ф. Яковлев, который не смог пережить эту травму и в течение более двадцати лет страдал от тяжелой душевной болезни. Н.Ф. Яковлев много лет возглавлял Технографическую комиссию Всесоюзного центрального комитета нового алфавита, занимавшегося разработкой алфавитов для бесписьменных народов СССР, разработал алфавит для кабардино-черкесского языка, создал математическую формулу алфавита в соответствии с фонологической системой этого языка. На восемь лет был выключен из жизни, заключен в тюрьму, а потом скрывался от преследований первый советский профессор на Кавказе Б.А. Алборов; издевательствам подвергались бывший аспирант института, ученик Н.Я. Марра У.Б. Алиев, ученица Н.Я. Марра профессор О.М. Фрейденберг. Практически все, кто был связан или с институтом, или с учением Н.Я. Марра, так или иначе пострадали в ходе сталинских репрессий. Приказы о «врагах народа» спускались сверху, а их исполнители были всегда наготове. В наших книгах мы вспоминаем многих выдающихся ученых, которые в разные времена, даже в 1970-е и последующие годы, вынуждены были покидать страну, оставлять любимую работу, науку под напором репрессивных мер со стороны руководства кафедрами, вузами, министерствами.

Пришлось пережить подобного рода издевательства и нам, уже в 2012 году, когда Ставропольский государственный университет, где мы работали под руководством замечательного организатора образования и науки доктора социологических наук профессора В.А. Шаповалова, был преобразован в Северо-Кавказский федеральный университет. Мы несколько раз писали о нашем ректоре Владимире Александровиче Шаповалове, старались изучить феномен его руководства как пассионарной личности. На примере его деятельности и работы нашего университета мы убедились в правоте идей Л.Н. Гумилева о пассионарной индукции, которая возникает, когда большой коллектив находится во взаимодействии с пассионарным лидером: ведь в процессе этого взаимодействия сами члены коллектива становятся пассионариями и образуют уникальный творческий союз с общими интересами, продуктивной средой и проспективными идеями. Таким и был наш Ставропольский государственный университет, созданный талантом ректора В.А. Шаповалова и тех людей, на которых он опирался.

Деятельность нынешнего ректора кандидата филологических наук доцента А.А. Левитской, которая в 2012 году возглавила Северо-Кавказский федеральный университет, антипассионарна: оказались ненужными бывший ректор В.А. Шаповалов, ведущие профессора, доценты. Прежние руководители научных школ, направлений были вынуждены покинуть университет, которому они отдавали жизни. А.А. Левитской, директору гуманитарного института А.М. Ерохину, заведующему кафедрой русского языка В.П. Ходусу, защитившему обе диссертации на наших костях, стали неугодны преподаватели, серьезно занимающиеся наукой. Оказались востребованными деньги и люди, умеющие ими ловко оперировать. Перед университетом и каждым преподавателем были поставлены задачи добывания денег любым путем.

Под напором издевательств и запретов был уничтожен организованный нами и проработавший двадцать лет межрегиональный научный семинар «Textus: Текст как явление культуры», закрыта наша проблемная научно-исследовательская лаборатория «Текст как явление культуры: Кавказоведение. Методология. Семиотика», уничтожена научная школа профессора К.Э. Штайн «Лингвистика текста: Семантика. Синтактика. Прагматика». Мы были

вынуждены покинуть университет в разгар большой работы, которой мы занимались, несмотря на угрозы и оскорбления со стороны тех, кто на протяжении многих лет преследовал нас. Особый энтузиазм в этом проявляли А.А. Серебряков, О.К. Страшкова, Э.П. Лаврик и др. Шло вход всё: травля, клевета, предательство. Несмотря ни на что, выходили наши монографии, антологии, учебные пособия, учебники, по которым строились курсы филологической магистратуры, разрабатывались проекты, связанные с сохранением языкового, литературного, культурного, исторического наследия Северного Кавказа. Мы работали не только со студентами, аспирантами, которые успешно защищали диссертации, но и со школьниками Ставропольского края. Было признание российского и зарубежного научного сообщества.

В Северо-Кавказском федеральном университете с 2012 года создана репрессивная среда (подробнее об этом см.: Штайн К.Э., Петренко Д.И. Язык. Языкознание. Идеология: От социализма к российскому капитализму. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2016. С. 318–358). И сейчас на глазах у всех, в том числе и различных министерств, продолжается вынужденный исход профессоров, ведущих ученых, молодых специалистов из СКФУ — картина весьма трагическая для науки и просвещения в Северо-Кавказском федеральном округе, для которого был создан этот конгломерат из нескольких самостоятельных и весьма успешных прежде вузов.

Все это привело к трудностям в разработке архива Горского историко-лингвистического института и его библиотеки, так как, оказавшись вне университета, мы не могли получать доступ к научной библиотеке СКФУ, где в фонде редкой книге содержится архивная библиотека Горского института, появились проблемы с работой в Государственном архиве Ставропольского края. К нашему счастью, большая часть тех материалов, которые предназначались для публикации, была нами обработана, и мы, находясь вне стен университета, в котором проработали соответственно 45 и 12 лет, продолжаем вести исследования в избранном направлении.

Мы хотели бы, чтобы новое поколение ученых познакомилось с работами замечательных исследователей языков и культур Кавказа, обратило внимание на то, насколько проспективными и смелыми были их, несомненно, беспримерные, мирового уровня работы. Чего только стоят «Материалы для кабардинского словаря» (1927) Н.Ф. Яковлева, составленные на основе систематизации моносиллабической лексики, гипотетически представляющей протолексикон кабардино-черкесского языка, и написанная на его основе монография «Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем» (1928)! С гордостью называем работы А.Н. Генко по лингвистической палеонтологии культуры «К вопросу о языковом скрещении» (1923), «Из культурного прошлого ингушей» (1930); А.Н. Дьячкова-Тарасова «Экскурсы в область культуры Чечни» (1929), исследования К.П. Патканова, А.М. Дирра, Л.И. Жиркова, Л.П. Семенова, М.К. Милых и др.

Есть у А.С. Пушкина оптимистическое высказывание о непобедимой силе разума, и для нас эта антология — еще одно подтверждение правоты гения, страдавшего от посягательств черни.

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!
Вакхическая песня. 1825

Мы уверены, что работы ученых Горского историко-лингвистического института, лингвистов 1920-х — 1930-х годов будут для современных поколений примером умения оперативно и оптимально верно решать лингвистические, исторические, филологические, антропологические, этнографические задачи огромной степени сложности, способности осознавать значимость цивилизационных тектонических процессов этногенеза и антропологии, понимать сущность тех смыслов, которые несет лингвистическая палеонтология — возможность изучать древнейшие культуры по данным языков и их протолексиконов. Что же касается кавказоведения, то работы, помещенные в антологии «Caucasica», — это необходимые научные произведения, которые составляли прежде «отсутствующую структуру» в парадигме этой науки. Возможно, в результате знакомства с исследованиями ученых-полиглотов Н.Ф. Яковлева, А.Н. Генко, М.Я. Немировского, А.М. Дирра, Л.И. Жиркова возникнет интерес не только

к прагматике жизни, но и к той духовной сущности, которую хранят в себе языки, культуры, история народов России: о них надо патриотически заботиться, изучать. Исследования ученых Горского института показывают подлинное величие отечественной науки, должны быть поставлены в один ряд с выдающимися достижениями нашей страны.

В антологии «Caucasica» печатается только часть материалов, которые готовились нами для публикации в течение более, чем десяти лет. Антология названа так же, как научный журнал А.М. Дирра, выходивший с 1924 года в Германии, в котором печатались и исследования советских лингвистов; в этом журнале реализовывалось подлинное содружество европейских и российских ученых, занимавшихся языками Кавказа, ведь цель нашей антологии — привлечь внимание к выдающимся кавказоведам и их работам, которые проводились в тот героический период, когда надо было создавать алфавиты, письменности, литературы для бесписьменных народов для того, чтобы включить их в русскую и мировую культуры.

В антологии две части. В первой публикуются материалы архива Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1926–1937), фонд Р-1260 Государственного архива Ставропольского края. В разделе этнографии и истории печатается рукопись исследования А.Н. Дьячкова-Тарасова «Экскурсы в область культуры Чечни» (1929), снабженная уникальными фотографиями с подписями-текстами самого автора. Публикуется также исторический документ «Записка о Кавказских делах, составленная статским советником де Скасси, бывшим попечителем по торговым сношениям с черкесами» (1810–1829) с комментариями А.Н. Дьячкова-Тарасова. Большой интерес представляют работы, связанные с историей Кавказской войны (1817–1864): небольшие, но содержательные исследования Н.И. Покровского «Кавказские войны», А.Н. Генко «Об одном забытом источнике по истории горцев» дают интересную информацию об истории Кавказа и свидетельствуют о широте взглядов их авторов.

В разделе лингвокультурологии и лингвистики мы печатаем уникальные исследования Н.Ф. Яковлева «Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем» (1928), М.Я. Немировского «Лексикологические заметки по горским яфетическим языкам Северного Кавказа», которые велись учеными на основе применения метода лингвистической палеонтологии и остались в рукописях, не были опубликованы. Необходимо было ввести в лингвистический обиход работу Н.Ф. Яковлева «Материалы для кабардинского словаря. Выпуск I. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога» (1927), на основе которого выполнена монография «Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем». В связи со сложностью воспроизведения текста в печати словарь дается в приложении в виде фотокопии.

Публикуется рукопись доклада «30 лет изучения кабардино-черкесского языка» ученика Н.Ф. Яковлева М.М. Сакиева, которая предоставлена его дочерью Светланой Муссовной Сакиевой. Для образца выбрано одно из многочисленных исследований языков Кавказа — работа А.М. Дирра «Северо-восточные языки», посвященная изучению чеченского языка. Печатается доклад неизвестного автора «Русские слова в карачаевском языке», который отображает лингвистические процессы взаимодействия русского и карачаево-балкарского языков. Интереснейшие сведения о работе орфографических комиссий, разрабатывавших алфавиты для тюркских языков СССР, приведены в рукописи М.К. Милых «Об орфографии советизмов и интернациональных слов в тюрко-татарских языках». Выдающийся филолог Л.П. Семенов также состоял в штате Горского историко-лингвистического института. Для публикации в антологии выбрано его исследование «Мировые мотивы в фольклоре горцев Северного Кавказа» (1936). В разделе персоналий помещены очерки профессора А.М. Ладыженского, посвященные памяти А.М. Дирра и Г.Ф. Чурсина.

Во второй части антологии публикуются редкие издания из фондов библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова. В разделе истории, этнографии и фольклора Кавказа печатается ценное исследование английского поэта и дипломата XVIII века Г. Эллиса «Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с описанием кавказских народов и словарей их языков» (G. Ellis «Memoir of a Map of the Countries Comprehended between the Black Sea and the Caspian; with an Account of the Caucasian Nations, and Vocabularies of their Languages», 1788) на русском (перевод Э.В. Пивановой и Е.А. Колесниковой, 2010) и английском языках.

Важными для исследователей истории повседневности, быта, культуры народов Кавказа являются вышедшие из научного обихода раритетные издания «Описание Кавказа» анонимного автора (1805), работы Ф.Ф. Торнау «Плен у шапсугов» (1864), К.П. Патканова «Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии» (издание без указания года),

Л.П. Пасынкова «Быт и игры кавказских народов» (1925), Л.П. Семенова «Ингушская и чеченская народная словесность» (1928), Г.П. Чурсина «Амулеты и талисманы кавказских народов» (1929).

В разделе языкознания печатается хроника работы «Краевого горского института (Доклад о деятельности института в комиссии Государственного ученого совета 27 июня 1929 года)». Представлены материалы, которые оперативно доставлялись в научно-исследовательский институт в процессе разработки «нового учения о языке»: брошюры Н.Я. Марра «Племенной состав населения Кавказа» (1920), «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» (1930), доклады И.И. Мещанинова «Яфетидология и марксизм» (1929), М.Я. Немировского «К сорокалетию научной деятельности академика Н.Я. Марра» (1930) с прениями по ним. Публикуются работы по языкам народов Кавказа М.Я. Немировского «К современному состоянию кавказской лингвистики» (1930), «К научной постановке исследования чеченской группы северокавказских языков» (1930), Л.И. Жиркова «Языки Дагестана и их изучение» (1926), П.Н. Черняева «Как изучал П.К. Услар язык убыхов» (1929), М.В. Беляева «Осетинские этимологии» (1930), Г.П. Сердюченко «О чеченско-ингушском консонантизме» (1935), О. Егорова «Чечено-ингушская лексика» (1935), Л.И. Жиркова «Развитие частей речи в горских языках Дагестана» (1935), статьи по лингвистической палеонтологии культуры А.Н. Генко «К вопросу о языковом скрещении» (1923), «О названиях 'плуга' в северокавказских языках» (1930). По причине сложности воспроизведения в печати значительная для кавказоведения работа А.Н. Генко «Из культурного прошлого ингушей» (1930) помещена в приложении в виде фотокопии.

Следует обратить внимание на то, что в 1920-е — 1930-е годы, период господства яфетидологии Н.Я. Марра, ученые-лингвисты пытались разобраться в его теории и, несмотря на вынужденный, подчас апологетический характер в ее оценке, старались поставить «новое учение о языке» на научную лингвистическую основу, уйти от идеологизации в языкознании. В наших работах «Язык. Языкознание. Идеология: От социализма к российскому капитализму» (2016), «Лингвистическая палеонтология культуры» (2017) мы также пытаемся разобраться в борьбе идей, осмыслить парадигму лингвистической палеонтологии и тот период ее развития, когда она приобрела вынужденно идеологический характер. При этом мы отталкиваемся от науковедческого постулата о том, что рост научного знания происходит не за счет сокрытия, а за счет выявления, анализа и «исправления ошибок» (К.Р. Поппер).

В разделе истории письменности народов Кавказа публикуются уникальные материалы по созданию алфавитов для бесписьменных языков в тот период, когда проходили дискуссии, обсуждения, когда шла напряженная работа по языковому строительству, разработке алфавитов, грамматик, установлению норм орфографии в процессе изучения языков горских народов. Публикуются работы ученых XIX века П.К. Услара «О распространении грамотности между горцами» (1869), Л.П. Загурского «Кавказские алфавиты» (1882), которые предшествовали работе ученых Горского историко-лингвистического института. Приводим исследования первого директора института профессора У.Д. Алиева «Латинизация горских письмен» (1928), профессора Б.А. Алборова «История осетинских письмен» (1929), ученика Н.Ф. Яковлева Б.А. Чамозокова «История кабардинской письменности» (год издания не указан), профессора А.Н. Генко «Цахурский (цахский) алфавит» (1934), профессора М.К. Милых «Вопросы орфографии тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана» (1937).

Работы из архива и фонда редкой книги библиотеки, несмотря на прошедшее время, попрежнему актуальны: они дают обширные материалы по языкам и культурам Кавказа, раскрывают подлинную картину подвига выдающихся лингвистов первой половины XX века, заложивших основы для развития культуры народов Северного Кавказа.

Книга снабжена библиографией по архивному фонду Р-1260 Государственного архива Ставропольского края, приводится предметный указатель к описи документов № 1 фонда Р-1260, дается предварительный список книг библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института в фонде отдела редкой книги научной библиотеки СКФУ.

Монографию «Лингвистическая палеонтология культуры» мы посвятили ученым Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института и всем лингвистам, которые были расстреляны, подвергнуты жестоким преследованиям в ходе сталинских репрессий и в последующие годы. Надеемся, что исследования по разработке архива и библиотеки института будут продолжены учеными, для которых наука — это счастливая возможность приближения к истине.

К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Часть I.
Материалы Государственного архива Ставропольского края. Фонд Р-1260 «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова» (1926–1937)

I. Раздел этнографии и истории

Александр Николаевич Дьячков-Тарасов

Дьячков-Тарасов Александр Николаевич (1867—1943?) — историк, краевед. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Преподавал в гимназиях Екатеринодара, Тифлиса, Ставрополя. Один из организаторов Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), созданного в Екатеринодаре (Краснодаре) в 1897 году, и более десяти лет (по 1908 год) являлся секретарем общества и редактором (вместе с В.М. Сысоевым) «Известий ОЛИКО». Впоследствии был директором Тифлисской 3-й мужской гимназии, в советское время являлся одним из учредителей Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института в Ростове, работал в нем заведущим отделом социальной культуры. В «Бюллетене Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института» (№ 2—4) за 1927 год опубликован список его главных трудов, приуроченный к тридцатилетию научной и общественной деятельности. Среди приведенных в нем работ и такие известные, как «Абадзехи» (1902), «Гагры и их окрестности» (1903), «Абхазия и Сухум в XIX столетии» (1909), «Социальные формации в Карачае и их современная экономическая мощность» (1928—1929) и др.

В фонде Р-1260 Государственного архива Ставропольского края «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова» (1926—1937) находятся рукописи статьи А.Н. Дьячкова-Тарасова «Записка Р. Скасси — попечителя по торговым сношениям с черкесами» (1810—1829) (д. 165, 24 листа), работы А.Н. Дьячкова-Тарасова «Экскурсы в область культуры Чечни» (часть I — д. 172, 56 листов; часть II — д. 174, 20 листов), трудовой список А.Н. Дьячкова-Тарасова (д. 303).

Рукопись (машинопись) работы «Экскурсы в область культуры Чечни» снабжена 29 оригинальными фотографиями хорошего качества с рукописными подписями, часто подробно описывающими бытовые ситуации, запечатленные на фотографиях. Судя по текстам, сам А.Н. Дьячков-Тарасов принимал участие в съемке, в некоторых случаях называются другие лица, сделавшие фотографии («Ламройцы» высокогорные трех конституций. Фото врачей Панкратова и Овчаренко»). В первой части работы сохранены рукописные тексты к фотографиям, во второй части они отсутствуют. В тексте рукописи есть указание о том, что «культурные очерки написаны преимущественно на основании материалов, добытых автором во время экспедиции в Чечню летом 1929 году, снаряженной Северо-Кавказским краевым научно-исследовательским институтом. Задача «экскурсов» — поставить, прежде всего, на очередь вопрос научного изучения тейповой организации Чечни. Чечня в целом, не создавшая феодального института, вместе с тем, является эмбриональной формой государства, основанного на конфедерации тейп» (д. 172, л. 2).

В отделе редкой книги научной библиотеки СКФУ имеются работы А.Н. Дьячкова-Тарасова «Карачаевские кефирные зерна и перспективы их эксплуатации». — Ростов-на-Дону: Государственная типография им. Коминтерна, 1927. — 4 с. Отдельный оттиск из журнала «Бюллетень СКГНИИ». — 1927. — № 2—4; «Учкуланское искусственное озеро (в связи с климатом Большого Карачая)». — Ростов-на-Дону: Государственная типография им. Коминтерна, 1927. — 4 с. Отдельный оттиск из журнала «Бюллетень СКГНИИ». — 1927. — № 2—4. В последнее время исследования по этнографии и культуре народов Северного Кавказа обогатились обобщающим исследованием З.А. Кучуковой «Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии» (Нальчик, 2005).

Исследования А.Н. Дьячкова-Тарасова:

О задачах этнографии в деле изучения горских племен Кубанской области // Общество любителей изучения Кубанского края. Известия. — Краснодар, 1899. — Вып. 1. — С. 7—11.

Абадзехи // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. — 1902. — Кн. 22. — Вып. 4.

Гагры и их окрестности // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. — 1903. — Кн. 24. — Вып. 1.

Экскурсия учеников Екатеринодарской городской гимназии летом 1897 года // Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом. — 1898. — № 2.

Заметки о Карачае и карачаевцах. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1898. — Вып. 25. — Отд. 1. — С. 49—91.

Сентинский храм и его фрески. — Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет, 1899. — 11 с.

В горах Большого и Малого Карачая. Путешествие 26 учеников Екатеринодарской гимназии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1900. — Вып. 28. — Отд. 1. — С. 1—136.

К вопросу о дельте реки Кубани // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества, 1901. — Т. 14. — Вып. 3. — С. 83—85.

Горячий ключ и его минеральные воды. — Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1901. — 63 с.

Псекупская и Сухумская сталактитовые пещеры // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, 1901. — Т. 14. — Вып. 5. — С. 201—204.

Мамхеги//Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. — Тифлис, 1901. — Том XIV. — № 6.

Через Перевал Псеашхо к Черному морю // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1902. — Т. 31. — С. 1—48.

Экскурсия к озеру Рица, в бассейне притоков Бзыби-Геги и Юпшары // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества, 1903. — Т. 16. — Вып. 1. — С. 58—61.

Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед восточною войной в 1853 году // Кубанский сборник. — 1904. — Т. 10.

Бзыбская Абхазия // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества, 1905. — Т. 18. — вып. 1. — С. 49—67.

Абхазия и Сухум в XIX столетии // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. —Тифлис, 1909. — Т. XX. — № 1. — С. 149—210.

Социальные формации в Карачае и их современная экономическая мощность // Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт. Записки. — Ростов-на-Дону, 1928. — Т. 1. — С. 137—150.

Историческое и археологическое значение Тебердинского ущелья // Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт. Записки. — Ростов-на-Дону, 1929. — Т. 2. — С. 331—332.

О неизвестном и древнем караванном пути через «Маджар». Доклад // Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт. Записки. — Ростов-на-Дону, 1929. — Т. 2. — С. 332—333.

А.Н. Дьячков-Тарасов
Экскурсы в область культуры Чечни

Часть I

Содержание

Введение

Чеченская тейповая конфедерация

Процессы расселения чеченских тейп. Две главные фазы расселения чеченцев на их территории. Аланский момент (X век). Влияние грузинских колонизаций. Автохтоны Чечни. Этнические ингредиенты. Древние этнические массивы Чечни. Ламрой. Нахчой. Карабулак. Несерхой. Чеченхой. Мичиковцы. Аух. Предания о славянском этническом моменте в Чечне.

Древние этнические групповые образования в Чечне

Древние чеченские тейпы (кланы) — «маисты», «малхесты», «Нашхой», «Акки», «Дышни», «Шото». «Падухорой» — автохтонная этническая прослойка в высокогорной Чечне. «Парсани» — чеченская тейпа в пределах Тушии (Пирикительская Алазань). Экономические факторы продвижения чеченских кланов в верхнем бассейне Хулхулау, Гудермеса, Аксая. Ичкерия. Продвижение тейп на «Плоскость» и его экономическая основа. Разделение Чечни на три экономические зоны — плоскостная (Чеченхой), «Черногорская» (Шото) и высокогорная (Ламрой). Современное хозяйственное состояние последних зон.

Морфология тейп

Конгломератный состав тейп. Виды тейп: «Чистые тейпы», «Тейпы-гости» (хамалгабяхкема), «Тейпы безземельные» («мохк-бацу»), Тейпы-полувассалы. Сильные тейпы — Нашхой, Хорочой, Чермой, Чаберлой, Дышни. Взаимоотношения тейпы (кланов), гаара (рода), неки (боковая родовая линия), дёзоу (семьи). Институт братства (вожерей, воша, вошалла). Тейповая солидарность и кровная месть. Теория кровной мести и элемент ритуальности в чеченской кровной мести. Случаи кровной мести. Признаки разложения тейповой организации на плоскости и значение в этом отношении хозяйственных факторов. Империализм некоторых тейповых образований и тейповые междоусобицы. Внутритейповая взаимопомощь. Культ тейпы и его следствие. «Махкама» («мягкемэ») — общетейповые собрания. Места общетейповых собраний. Причины призвания князя Турлова и его изгнание. Рабство в Чечне (лай и есырь). Междутейповая борьба на основе классовых интересов. Характеристика сопротивляемости чеченской тейповой конфедерации в разные эпохи ее существования: влияние христианства и ислама на духовную культуру и хозяйство чеченцев. Мюридизм в Чечне. Период имамата и общетейповая реакция. Факторы, вызвавшие, с одной стороны, обострение классовой борьбы, вражду к русским, а с другой — развитие, преимущественно ичкеринцами, колонизации нижнего бассейна Сунжи, Аргуна, Хулхулау, Гудермеса. Территориальное распадение клановой организации и современная чеченская тейповая солидарность.

Дополнение

Список чеченских тейп по сведениям, собранным во время экспедиции 1929 года, с комментариями к некоторым из них.

Введение

Предлагаемые культурные очерки написаны преимущественно на основании материалов, добытых автором во время экспедиции в Чечню летом 1929 году, снаряженной Северо-Кавказским краевым научно-исследовательским институтом.

Задача «экскурсов» — поставить, прежде всего, на очередь вопрос научного изучения тейповой организации Чечни. Чечня в целом, не создавшая феодального института, вместе с

тем, является эмбриональной формой государства, основанного на конфедерации тейп, часть которых может быть признана обломками отдельных племен, осевших на территории Чечни, часть — родовыми объединениями автохтонов, часть — кланами, объединенными древним родоначальником-беглецом. Центробежные силы этого тейпового объединения были настолько сильны, что не только воспрепятствовали созданию государственного организма, но были причиной отпадения от общей тейповой массы нескольких племенных групп — «галга», ошибочно называемых «ингушами», «карабулак», «несерхой» (назрановцы), «аух» (ауховцы).

Чеченская «тейпа» (от арабского «т'аифа» — племя, территория, занимаемая племенем; чеченское «тейпа», «тайпа», «тайпан», «тайпаныш») являет собой родовое объединение, возглавляемое общим родоначальником — кавказский клан (кумыкское — «тохум»). Выявление морфологии тейповых образований, а также их динамики в поле зрения истории своевременно, потому что тяжесть культурной борьбы с некоторыми формами чеченских адатов зависит в значительной степени от традиционного влияния чеченского тейпового института. Местные географические факторы в связи с культурным окружением Чечни оказали большое влияние на ее родовой и семейный быт и на особенности ее материальной культуры, особенно жилищных и дворовых построек, — поэтому, 2-й и 3-й «экскурсы» должны дать некоторый ответ и на эти последние темы. Кроме того, подверглись предварительной проработке следующие, пока неосвещенные научным исследованием вопросы: общая миграционная процедура племен чеченской территории; вопросы о генетике чеченских тейп; об этнических ингредиентах Чечни; образование социальных прослоек и их борьба; образование класса бедноты в связи с элементами феодального порядка и роль в борьбе между чеченскими группами ислама, вообще, и мюридизма в эпоху Шамиля, в частности; попутно автор приводит некоторые основания для разрешения вопроса о научном наименовании чеченцев, выявляет ритуальные черты в чеченском институте кровной мести и иллюстрирует труд и правовое положение чеченской женщины.

Касаясь всех этих вопросов, автор особенно подчеркивает мысль, что все они во весь рост могли бы быть освещены при дальнейшем научном обогащении новыми фактами вышеуказанного порядка, что возможно при намечаемых экспедициях в бассейн Мартана, Гехи, верховья Аргуна, с одной стороны, и в бассейн Хулхулау, Гудермеса и верховья Аксая — с другой стороны.

Чеченская тейповая конфедерация

Процессы расселения чеченских тейп. В поле исторического зрения человеческие массы Чечни пережили две фазы расселения на территории современной Чеченской области, причем последняя из них не может и в настоящее время считаться законченной, что, в свою очередь, не может не иметь кардинального значения для нормирования полевого хозяйства всего чеченского населения и уравнения его материальной обеспеченности.

Обратимся к первой фазе расселения чеченцев на указанной в первой главе территории Чечни, то есть в районе северного склона от Главного хребта до Терека, в бассейне рек (с востока) Яман-Су, Аксая, Гудермеса, Хулхулау, Аргуна, делящего территорию Чечни на две равные части, Мартана, Гехи и Сунжи.

Эпоха X и начала XI веке нашей эры на Северном Кавказе характеризуется особенно оживленными отношениями не только Северного Кавказа с Закавказьем, Грузией и Абхазией, но и далекого Хорезма с Северным Кавказом через Итиль (на Волге) и большой торговый хазарский город на Куме («Маджар»), а отсюда, через Дарияльское ущелье, с Мцхетом и Тифлисом, и через Клухорский и Марухский перевалы с древним Сухумом и древней Пицундой, откуда азиатские товары направлялись в Византию через Трапезонт. Сильное хазарское царство, столица которого была в середине X веке в Итиле, развило по всему Северному Кавказу значительную культуру и торговлю. С Византией и Грузией у хазар были оживленные сношения. В эту эпоху караванная торговая сеть пролегала по разным направлениям[1], одна из дорог, и притом очень оживленная, так как она соединяла район нынешнего Баку с крупнейшим торгово-складочным пунктом на западной оконечности Кавказского перешейка (Тьмуторокань), проходила по левому берегу Терека мимо нынешнего Моздока. Еще в XVI веке этот, известный у русских под названием Черкасского[2], притеречный торговый путь не был забыт купцами из Закавказья и Персии, Бухары, Азова, из Крыма. Этим обстоятельством пользовалась казачья русская колония[3], занявшая в 1520 году горный хребет[4] в треугольнике, образуемом Тереком и впадающей в него с юга Сунжей. В те времена Сунжа и Терек были, вследствие обилия лесов в приречной полосе[5], очень многоводны, почему и «перелазы» (броды) через них были только в ред-

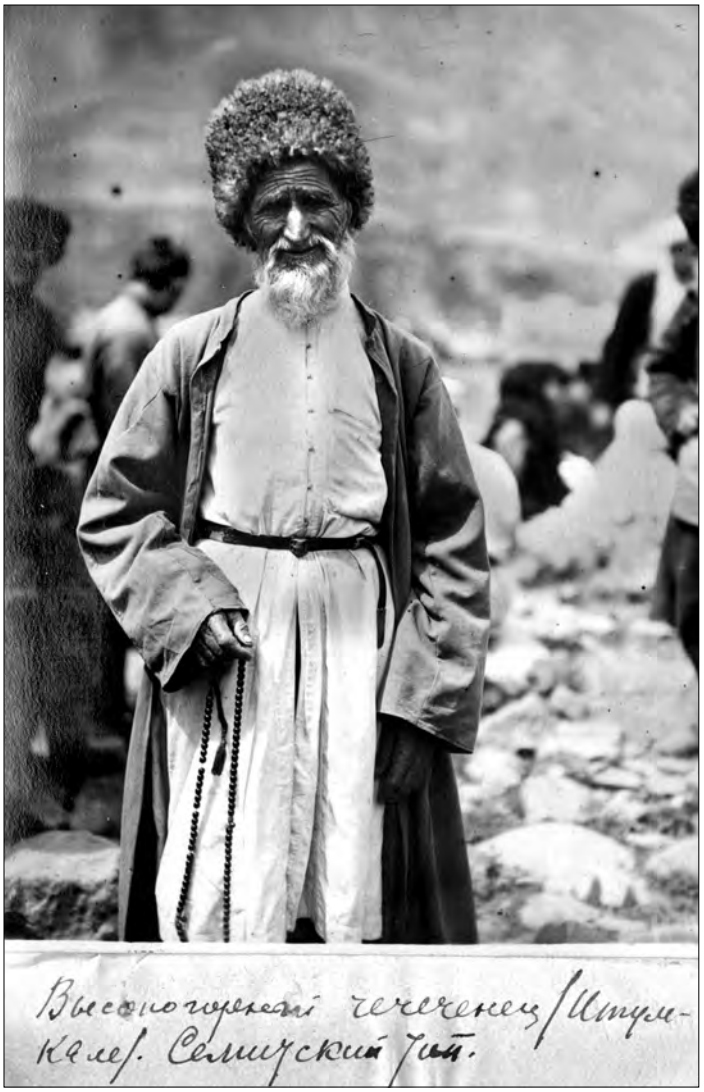
Фотография 1. «Ламройцы» (Ламрой). Чеченцы высокогорного района.
Клана Малхесты. Картвельский тип.

ких местах, известных гребенцам; последние залегали на бродах и брали с проезжавших купеческих караванов «дорожную пошлину» или зачастую грабили их. В это время на Чеченской равнине были густые дубовые и буковые леса, соединявшиеся с уцелевшими еще с 30-х годов прошлого столетия Ичкеринскими лесами[6]. Здесь кое-где гребенцы встречали одинокие хутора (по-кумыкски — «кутаны») чеченцев, живших далее в Черных Горах.

В X веке эта местность была оживленнее, чем в XVI веке, когда после громового удара, нанесенного степными центральноазиатскими массами, искавшими новые завоевания на Западе и прокатившимися уничтожающей волной, и не однажды, по всему Северному Кавказу и даже далее, вплоть до Ельца, насельники бассейна правых притоков Терека и Сунжи были отброшены в глубину гор. Именно здесь, на Тереке, два раза произошла встреча Тамерлана с Тохтамышом — и всякий раз неудачно для последнего[7], после чего турко-монголы проникли довольно глубоко в ущелье Аргуна и других чеченских рек[8]. Некогда громадное аланское племя, ударами восточников разрезанное на несколько частей, занимало равнины Предкавказья (V—VI век), но затем было прижато к горам, и уже в хазарскую эпоху степняки-аланы были горцами. Это племя, жившее в интересующую нас эпоху X века (как особенно показательную, насколько мы проследили его историческую топографию) недалеко от бассейна обоих Зеленчуков, в бассейне Верхней Кубани, правых притоков Терека, в районе бассейна правых притоков Сунжи, соприкасалось с леками (легами), дагестанскими, лезгинскими племенами. И Чечня, где произошла эта встреча, была, по-видимому, восточным пределом горного распространения алан, которые, быть может, и дали имя Дарьяльскому горному проходу по ущелью Терека[9]. По этому проходу и в древности, как и в наше время, шло оживленное торговое сообщение между Грузией и Северным Кавказом,

в то время как другие районы, прилегавшие к Дарьяльскому ущелью, были сравнительно тихи в силу своей малодоступности. Поэтому-то район высокогорной Чечни и стал убежищем оттесненных в X веке хазарским натиском равнинных жителей — алан, которые, в свою очередь, потеснили местных жителей в этот высокогорный и замкнутый, как это мы показали в первой главе, с высокими и труднопроходимыми хребтами район. Сбившиеся у подножья этих хребтов, преимущественно в районе массива Тебулос-мта, малоуступающего Казбеку, аборигены края, которые по языку относятся академиком Н.Я. Марром к кавказским яфетидам восточно-горской группы[10], (подверглись в языковом и культурном отношении аланскому влиянию. Нашей экспедиции[11] удалось выявить до 600 корней древнеосетинского, то есть аланского происхождения).[12]

Кроме языкового свидетельства внедрения в аборигенную массу древнеосетинской (аланской) стихии, в Нагорной Чечне нам удалось открыть ряд предметов материальной культуры: башни, гробницы, надземные погребальные трупохранилища, монолитные своды тех же образцов, которые нами найдены в верховьях Кубани и Зеленчуков.[13]

Фотография 2. Высокогорный чеченец (Итум-Кале). Семитский тип.

Кроме алан на аборигенов бассейна Сунжи и ее притоков оказала в этот период влияние (и в сильнейшей степени) также грузинская организованная государственность, и в силу своей близости, и в силу организации флангового движения по Алазанскому ущелью (нынешняя Военно-Грузинская дорога до Крестового перевала) она сумела не только форсировать труднопроходимые перевалы на запад и восток от центрального чеченского горного массива Тебулос-мта[14], но и произвести через миссионеров значительный культурный переворот у первонасельников этого района Кавказа. Мы, однако, не исключаем возможности участия в насаждении христианства в X веке в Чечне и аланов, которые при посредстве византийцев были в эту эпоху (X век) христианами. Однако эпоха X и XI веков есть эпоха сильного колонизационного грузинского продвижения на кавказский север. Отмечаем, что кроме государственной грузинской колонизации древней Чечни, шла еще значительная грузинская иммиграция, бывшая результатом сильнейшего феодального давления со стороны грузинских феодалов (тавадов и мтаваров) на своих крестьян, принужденных из широких долин Иоры, Алазани (Кахетия) и бассейна Арагвы (Карталиния) спасаться в узкие и неприступные ущелья либо Пирикительской Алазани, либо в теснины массивов Тебулос-мта и в горы верхнего бассейна Аргуна, где они составили вместе с предками нынешних шатильских хевсур тот смешанный чеченский тип, который с полным правом мог бы быть назван чечено-картвельским. Прилагаемые фотоснимки, сделанные нами в Нагорной Чечне, подтверждают это (фотография 1). Таков второй этнический ингредиент, который мы можем отметить в аборигенной массе насельников бассейна Сунжи в X веке.

Третий этнический элемент — семитского происхождения с явно выраженными антропологическими особенностями этого типа. Народные предания, во-первых, связывают иммиграцию представителей этого типа с арабскими нашествиями на Северный Кавказ (VI—VII век), с передней частью Малой Азии (именно армянами), наконец, с горскими евреями. Эти элементы уже были в X веке, согласно тем же народным сказаниям (фотография 2).

По-видимому, в эпоху X века вся вышеуказанная территория была вплоть до Терека покрыта селениями, которые от нападения кочевников в значительной степени охранялись первобытными лесами. Народные предания чеченцев в один голос называют Ичкерию[15] праотеческой землей (Демохк), район аула Чечен всей левобережной территории от ущелья Хан-Кале[16] до «ворот» Аргунского ущелья назывался «Нана-чечен» — «мать чечен».

Пока мы не можем восстановить полную картину миграционных процессов в Чечне в эту эпоху, но ясно, что нагорная часть ее находилась в обладании сильного аланского племени, постепенно проникавшего в горы. Разразившееся нашествие турко-монголов в XIV веке обессилило «алано-осетинское» давление на горы, что в значительной степени было ускорено наступлением адыгейского племени (кабардинцев), теснивших их на восток и занимавших все упомянутые выше торговые пути. Осетинские предания, с одной стороны, утверждающие, что осетины (аланы) некогда занимали значительные пространства и по правому берегу реки, подтверждаются народными преданиями как чеченцев, так и соседей их, родственных им ингушей, утверждающих, что осетины были изгнаны из области Ассы и Сунжи на левый берег Терека. Возможно, что это давление на осетин было произведено под напором турко-монголов (XIV—XV век), занимавших одно время не только плодородную «Чеченскую равнину», но и проникавших в глубину Чечни. Народные предания находят близ аула Дуба-юрт (у ворот Аргунского ущелья) и «Тамерланов вал» и «Тамерланову крепость»[17].

Суммируя сказанное, приходим к следующим заключениям: 1) территория нынешней Чечни в поле зрения истории была населена древними яфетическим кавказским племенем, говорившем на прачеченском языке восточно-горской яфетической семьи спирантно-сонорной группы; 2) племя распространялось на всю территорию бассейна Сунжи, Аргуна, Гудермеса. Племя это в эпоху X века подвергалось с севера сильному аланскому колонизационному давлению, впоследствии (до XIV века) успевшему проникнуть и в глубину гор, населенных коренным населением, и частью смешаться с ним (осетинский тип), частью отойти на левый берег Терека[18] под давлением турко-монгольского, кабардинского, а отчасти и картвельского колонизационного наступления. XVI век застает чеченцев в глубине гор. К этому времени племя было уже в значительной степени насыщено аланским, картвельским, отчасти турецко-монгольским, а также и арабо-семитическим, аварским, лекским (тавлинским — по грузинской терминологии) элементами. Впоследствии число этнических ингредиентов в народных массах жителей этой территории увеличилось выходцами не только из разных местностей Северного Кавказа, но и вне его пределов (абхазцы, армяне, евреи, русские, кумыки).

Однако, пребывание чеченцев в районе высокогорном, скотоводческого типа, изолирование от торговых путей и обусловили, по преданию, глубокую депрессию их хозяйства, что не могло не развить динамичность всего племени, зажатого в горах, в верховьях Аргуна, давлением с севера степной колонизации, а с юга — картвельской.

Древние этнические групповые образования в Чечне

В современной Чечне необходимо различать этнические наименования, во-первых, связанные с «тейпами» («тайпами», «тайпан», «тайпаныш», по-кумыкски — «тохум») — кланновыми группами, объединенными общим происхождением; во-вторых, этнические имена, связанные с территориями, занимаемыми тейповыми образованиями. Таким образом, мы имеем следующие этнотерриториальные имена: 1. Ламрой (ламорой)[19] — жители всей высокогорной части Чечни, то есть территории четырех округов — Итумкальского, Галанчожского, Чаберлоевского, Шаройского. Нагорную Чечню населяют 20 тейп, всего до переселения на плоскость их было 59 («три раза двадцать без одного», по народному выражению)[20]. 2. Нахчой — обитатели плоскостной Чечни. 3. Ичкери — ичкеринцы. Начинаясь у массива Пешхой-лам, территория ичкеринцев тянется до верховьев Ярык-су. Еще в 30-х годах прошлого столетия русские стали называть всю эту территорию Ичкерией.[21] 4. Жившая еще во времена Шамиля по нижнему течению реки Фортанги[22] (прежнее название — Мартан Карабулакский) группа чеченцев называлась по этой реке (Карабулак — по-кумыкски) — «карабулакцами» или «карабулаками». Она почти целиком выселилась в Турцию после сдачи Шамиля. 5. Группа чеченских тейп, жившая в бассейне нижней Ассы, называлась несер-хой («несерховцы»). Аул Несер был здесь основан в конце XVIII века одновременно с постройкой русскими в этом районе укрепления «Назрановского» (испорченное «Несер»). Жители этого района получили имя назрановцев и впоследствии отошли от чеченской тейповой массы и присоединились к ингуш-

ской тейповой конфедерации. 6. Обитатели средней части бассейна Ченты Аргуна (Чанты-Аргуна) — от «ворот» Аргунского ущелья к северу, жившие в районе «Черных гор», получили у чеченцев общее наименование шотой (от слова «шу» — высота)[23]. 7. Этническо-географическое наименование «чеченцы» (правильнее «чечены») должно быть приурочено к нижнему бассейну Аргуна, Хулхулау, Васа и Шаудона. Старый аул Большой Чечен[24] (по-кумыкски «Чачан», по-кабардински «Шашан») на Аргуне и близ него, на востоке аул Малый Чечен были одной из ранних стоянок во время обратного переселения чеченских тейп из гор на древнечеченскую плоскость, на «нана»-чечен — «материнскую» землю. Кабардинцы эти «приаргунские» чеченские аулы с их хуторами, распространявшимися за Старым Атаги до аула Дуба-юрт (близ Аргунских «ворот»), называли «шашан» аулы. По чеченскому преданию, разделяемому и аулом Чечен, этот последний основан около 200 лет назад жителями чеченских хуторов Ханкальского ущелья (территория «Новых» грозненских промыслов) и выходцами из Дагестана («тавлинцами», по терминологии грузин, и «леками», или лезгинами). Связь между Большим Чеченом и Ханкальским ущельем можно усмотреть из географических пунктов, зарегистрированных в этом ущелье: аул «Новый Чечен» (существовал в 20-х годах прошлого столетия — см. Карту при соч. Клапрота, 1823)[25], а также курган близ «Новых промыслов» — «Чечен-хой-барц». В 70-х годах XIX века в Ханкальском ущелье сидела тейпа из 13 семей абхазского происхождения. В настоящее время в Чечне имеется еще один пункт с именем Чечен — это аул Чечен-юх в Ножай-юртовском округе близ границы с Дагестаном.

Пространство по левому берегу Аргуна по направлению к Дагестанской границе и к северу от вышеназванной Ичкерии было заселено так называемым «зааргунским народом» («аргуналь-дихере-нах»); он-то и составлял главное население Большой Чечни, в то время как жители Малой Чечни — района Мартана, Гехи — назывались «гехинцами» («гехи-хой»). 8. В начале XIX столетия для Чечени еще не установилось общего названия. Имя «чеченцы» придавалось преимущественно жителям указанного выше приаргунского района: говорили — не «чеченцы», а «карабулакцы», «ичкеринцы», «мичиковцы». Чаще других употреблялось для всей Чечни (даже на карте генерального штаба) для наименования жителей всей плоскостной территории имя «мичиковцы» — по речке Мичик, впадающей в реку Гудермес, недалеко от ее впадения в Терек, и бывшей некогда границей между чеченцами и кумыками.[26] Так называли дагестанцы, вообще, а кумыки, в частности, самых доступных по топографическим условиям к ним чеченцев, точнее, мичиковцы (по-кумыкски — «мичикиши», или «миджикиши»), что означало по-кумыкски «мичиковский народ». И это название настолько привилось к плоскостной Чечне, что точный в географической номенклатуре Клапрот, побывавший на «Кавказской Линии» в 20-х годах прошлого столетия, называет плоскостную Чечню тоже Mitzdcheghi,[27] причем оговаривается, что mitzdcheghi русские называют «чеченцами»; во-вторых, в территорию, занятую mitzdcheghi, он включает и территорию, занимаемую ингушами по течению реки Кумбалей (ныне Камбилеевка) и реки Ассы (по-осетински — Шалгир). По-видимому, кумыки имя «мичикиши» (мичиковцы) распространяли не на жителей всей территории Чечни, а только на жителей «плоскостной Чечни», то есть на ту территорию, что слывет у чеченцев под именем «Чечен-ари» (чеченская плоскость, поле). Дагестанцы называли чеченцев «сюли» — «бедняк» и «буртель».[28] Грузины называют чеченцев «кистами». Сами же чеченцы называют себя «нахчой». [29]

Тейповая группа «аух», живущая в восточной части Чечни, по преданию, образовалась из отселившихся родов одной из древнейших тейп Чечни — «Акки» (Аккой), жившей в верховьях Гехи.[30]

Таким образом, взвесивши вышеприведенные данные об этногеографических названиях, приходим к выводу, что насельники территории нынешней Чечни в течение многовекового своего существования в бассейне Сунжи, Аргуна, Хулхулау, Гудермеса не обособились в отдельное племя, а этнически являются племенным конгломератом с основным стержнем (падухорой), пока неизвестным ни в антропологическом, ни в историческом отношении, но который лингвистически можно причислить (академик Н.Я. Марр) к группе восточно-горских языков. Эти же предания приводят к выводу, что чеченские автохтоны были настолько слабым племенем, что их сопротивляемость легко преодолевалась отдельными небольшими народными группами, которые, теснимые или у себя на родине или в качестве осколков значительного племени (аланы, хазары, кипчаки, турко-монголы, волжские русские) искали для себя убежище в глухих, лежавших в стороне от торных торговых путей горных трущобах, как, например, верховья Аргуна (район Малхесты и Маисты) и сравнительно легко одерживали верх над старожилами.

В этом отношении интересны чеченские предания о том, что, во-первых, тейпа Чаберлой (глубинно-горная) основана в древности русскими,[31] во-вторых, о том, что в древние времена «русские были отцом страны, и «матушка» (баба) русская тогда ходила одна по Черным и Лысым горам»[32].

Известно, что в X веке Святослав овладел всею Кавказской Хазарией и взял Итиль, но затем ушел оттуда; известно, что в X веке русские захватили Таманский полуостров. Возможность проникновения русских в эту эпоху (X век) в глубину гор Чечни исключена быть не может. Быть может, лингвистические особенности говора чаберлойцев (а он несколько отличается от типичного чеченского говора) помогут в отношении этой нашей гипотезы[33] о древнем проникновении в чеченскую среду русского элемента. Сами чеченцы считают чаберлойскую тейпу «первобытной», аборигенной тейпой[34].

Плоскостная Чечня, замечательный район по своим естественно-производительным силам, защищенный двойной преградой в виде многоводных в древности (благодаря обилию лесов) Терека и Сунжи, была очень заманчива для всех беглецов, и если с юга приток последних значительно задерживался цепью горных массивов с трудными перевалами, то здесь в плоскостной Чечне стоило беглецу переправиться через редкий брод Терека или Сунжи, и он чувствовал себя в безопасности среди густых дубовых и буковых лесов, где жило в бедных хуторах гостеприимное племя, не торговавшее рабами (наиболее доходный вид торговли на Северном Кавказе), как это делали другие кавказские племена, накопившие себе богатства и создавшие феодальную систему, как, например, дагестанцы (их шамхалы), кабардинцы, кумыки. Общеплеменная бедность, слабая культурность, мало того — культурный регресс в силу насильственного перемещения в горы с более культурного плацдарма, на границе которого исконно проходил торговый путь европейско-азиатского значения, невоинствующая религия, распространенная среди насельников Чечни грузинскими завоевателями, — все это в значительной степени ограничивало сопротивляемость Чечни насильственным вторжениям, а с другой стороны — способствовало быстрой ассимиляции с пришельцами, причем, однако, вновь приходившие подчинялись старожилам в языковом отношении, но одновременно передавали некоторый запас своего лексического богатства в местный язык. Так образовались в чеченском языке древнеосетинские, картвельские, турко-монгольские языковые вкрапления, которые, пока едва намеченные, требуют дальнейшей разработки.[35]

Предыдущее обозрение периферического векового воздействия на основных насельников Чечни и в этническом, и в языковом, и в социально-культурном, и в хозяйственном отношении (сильное обеднение) выявило тот факт, что эти насельники принуждены были скрываться в малодоступных ущельях верховьев Чанты-Аргуна в соседство, у подножья мощных горных массивов ледникового порядка — самых высоких на участке Кавказского хребта от Казбека до Каспийского моря — Ацунта (3 570 метров), Тебулос-мта (3 342 метров), Маистис-мта (Маисты), хребты Поголам, альпийские горы Цуузункорт, хребет Веги-лам. Местности Маисты и Малхесты считаются священными, колыбелью чеченских древнейших тейп, предание которых насчитывает до 14.

«Маисты» и «Малхесты» — одни из авторитетнейших тейп в Чечне и считаются хранительницами тейповых традиций (адата). Этот район, хорошо защищенный с юга, не менее хорошо защищен и с востока. Здесь мы находим безлесные, мощные хребты Андийско-Арагво-Аргуно-Алазанского водораздела, отдельные вершины которого доходят до 3200 метров.

Тейпа Маисты (аулы Маисты, Цехарой, Того) сидит в неприглядной каменистой пустыне на берегах ледниковой речки Маисти-хи, вытекающей непосредственно из-под ледников Маистис-Мта (около 3 150 метров), а соседняя с нею древняя тейпа Малхесты сидит уже по аргуну и его притоку Меше-хи (в аулах Теретего, Тушунды, Сахана, Джарего). Близ последнего, в треугольнике, образуемом р. Мешехи с Аргуном, находим замечательный по своей древности, устройству и преданиям город «солнечных могил»: более 200 надземных гробниц с древними погребениями.[36]

Этот неприступнейший район, куда с величайшим трудом можно проникнуть из Итум-Кале не прямо по ущелью Аргуна[337], а в объезд через аулы Кий и Амии Галанчожского округа, издревле служил той цитаделью, тем временным убежищем для чеченских, в целом, тейп, чем для отдельных тейп и родов впоследствии служили многочисленные башни, сохранившиеся во многих чеченских аулах и уже существовавшие в аланское время в Чечне. Впоследствии этот район, который мы условно назовем «Маисто-Малхестинским», постепенно расширялся. Общая площадь района (его называют иначе Мааста и Малки) достигает 240 квадратных километров. Расширение его шло на север. Народная память удержала картину пе-

редвижений, очевидно, после одного из древнейших отступлений в первобытную цитадель при натиске с севера или после обоснования в этом неприступном и очень суровом по природе уголке бедствующей группы древних переселенцев под чьим-то давлением с юга. Народные предания, записанные нами в высокогорной Чечне, дружно указывают на Малую Азию и ее части, как на метрополию для древнейших родоначальников некоторых тейп. Однако к этому явлению необходимо относиться с тем большей осторожностью, что яфетидское происхождение основного чеченского ядра лингвистически приурочивается к Кавказу.[38] И если некоторые чеченские тейпы имеют основания выводить своих родоначальников из-под Арарата, Абхазии, Аравии, Грузии, то другие с такой же вероятностью связывают их происхождение с севером — с аланами, русскими, Волгой, степью Северного Кавказа, с донскими и терскими казаками, турко-монголами.

Пока не доказана иная схема продвижения древних чеченцев из Маисто-Малхестинского района в один из культурно-хозяйственных периодов на север от Главного хребта, предлагаем учесть при объяснении динамики чеченской тейповой конфедерации следующее: на западе Маисто-Малхестинские эмигранты в первую стадию расселения достигли истоков притоков Сунжи, Ассы и Арме-хи (Кистинки — Джераховское ущелье). На севере они заняли все пространство обоих склонов водораздельного хребта между левыми притоками Чанты-Аргуна, с одной стороны, и истоками Гехи и Мартана — с другой, до гор Нашахо-лам. В этом районе особо выдающееся значение приобрела тейпа нашхой (Наше-хи), давшая впоследствии ряд ответвлений (гаар), в свою очередь разросшихся в тейпы.[39]

По-видимому, на западе от района Нашхой, по истокам Гехи, сидела тейпа акко (Акки) — акинцы или аккойцы. Предание единогласно утверждает, что они были христианами — «Акки-керестан». Впоследствии, под давлением соседних тейп, часть акинцев эмигрировала и образовала на востоке Чечни общество аух.

Сильная тейпа дышни сидела на левом берегу Аргуна по южным склонам Аргуно-Гехо-Мартанского водораздела. Предание определенно выдвигает ее в число феодальных тейп, ставит во главе ее не тейпового родоначальника, а князя — «э-элэ»: Дышинский «ээлэ» фигурирует в древне-эпическом повествовании, записанном нами в Итум-Кале.[40] Этот случай характеризует и взаимоотношения между тейпами и стимулы классовой борьбы в древней Чечне: здесь чувствуется влияние феодального начала, успевшего расцвести пышно в эпоху X—XI веков и влиять на север. Аулы этого клана распространялись до нынешнего Итум-Кале.

Тейпа Шото сидела по Аргуну и Шаро-Аргуну в среднем и нижнем его течении. В названии тейпы «Шото» есть некоторая неясность. «Шото», как мы сказали раньше, есть общее название горцев, населяющих Черные горы, именно указанный только что район; в то же время есть предание, называющее основателя тейпы не «Шото», а «Шюото».

Как бы то ни было, но район Шото (ныне Шатоевский округ, по аулу Шатой) был значительно богаче высокогорных тейп, в числе которых, кроме упомянутых уже, относятся тейпы Пешехой, Ялхорой, Никарой, Хой. Что касается тейпы Кахут-Хой, значащейся в числе двух тейп (южных) на карте Клапрота (Nachakhi и Kagout Khai), то эта тейпа не чеченская тейпа, а тавлинский «тохум», который надлежит отнести к Дагестану, в район Ботлиха (по-видимому, Клапрот впал здесь в ошибку). Рассматривая этот этногеографический район и его динамические процессы, мы должны упомянуть о неясном пока ответвлении чеченской тейповой конфедерации на южном склоне главного хребта, сохранившемся в ущелье Пирикительской Алазани.

Рассматривая генетику чеченских тейп, мы, как показали в начале нашего исследования, должны считать эту тейповую конфедерацию, сумевшую отбиться от феодального начала, племенным конгломератом с основным стержнем («падухорой»), пока недостаточно выявленным. Рассматривая с этой точки зрения насельников ущелья Пирикительской Алазани, находим здесь чеченцев в значительной степени огрузиненными, но сохранившими чеченскую тейпу Парсани[41] (у Клапрота — Фарсмани — смотри карту 1823 года).

Вторая стадия продвижения чеченских кланов, нуждавшихся и в пахотных и пастбищных («лам») участках, имела направление на северо-восток, путем соглашения и отчасти оттеснения тавлинцев (именно аварцев) за реки Аксай и Ярык-су и постепенного занятия всей территории нынешней Ичкерии, чеченцы овладели великолепными долинами («веденэ»), одна из которых заслуженно получила название «ца-ведено» (огненная долина).[42] Чеченцам, однако, пришлось долго повозиться с аварскими ханами, стремившимися экономически подчинить себе нуждающихся в земле бедных жителей высокогорных районов Чечни, сделать их своими перманентными данниками. Столкновения между аварским напором и чеченцами сменялись затишьем, ког-

да некоторые тейпы, как например, Чаберлоевская, платили аварским феодалам земельную подать, получая взамен участки земли для всего клана или для нескольких родов. Новые участки земли в Ичкерии делились между родами в присутствии членов всей тейпы. Чтобы не было никаких земельных недоразумений в будущем, процесс введения во владение всем участком проводился так: граница проводилась или сохой, или на конце границы резали быков и баранов, варили мясо в родовых огромных котлах и угощали свидетелей и родичей. По окончании угощения котлы катили до другого пограничного пункта; этим актом закреплялась земля «навеки» за родом или тейпой. Бывало, что и на другом конце границы повторялось пиршество.

Предания о группах переселенцев из чеченской метрополии в Ичкерию и об их руководителях приводят к родоначальнику из Нашхоя. Таким образом, по преданию, весь веденский округ населен нашхойцами. Ичкерия впоследствии экономически настолько усилилась, что стала в 40-х годах прошлого столетия надежным оплотом Шамиля, имевшего около Ведено свой «хутор». В это время здесь было тринадцать аулов (Гуной, Ахпатой, Арсин, Шоулук, Веденэ, Хорач, Хатуна, Агванта, Алистанжи, Таузин, Шавдониши, Нахкита, Зазарган), разбросанных в следующих границах: с севера перпендикулярный к реке Хулхулау хребет Малх-Басса (около 1000 метров), с востока — река Аксай, с юга хребет Индой-Лам, Гуалкум, Хой, с запада — водораздельный хребет между реками Джалкой и Аргуном, на юге же этой части Ичкерии находим горный массив Пешхой-Лам.

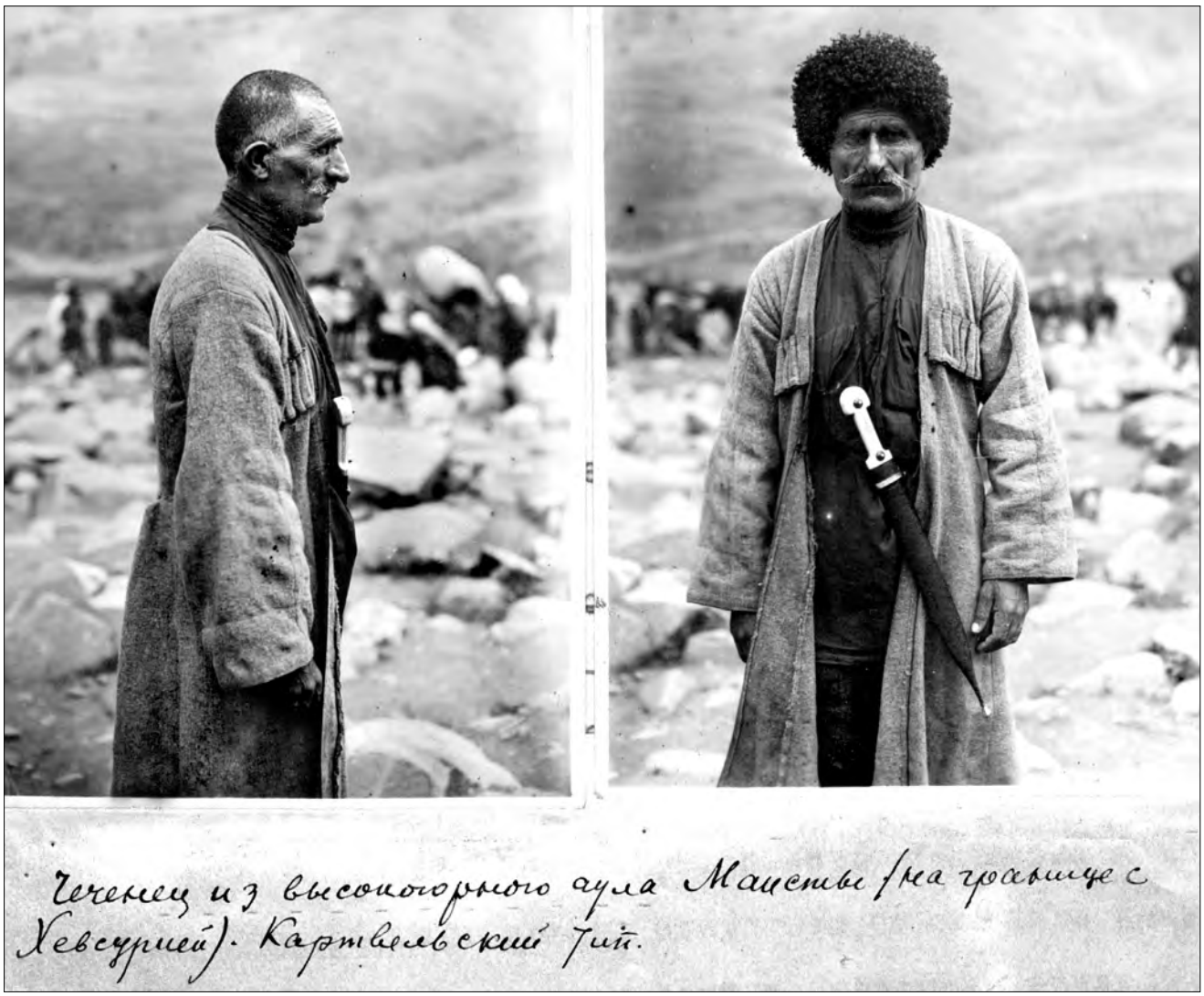
С заселением Ичкерии наступила третья стадия миграционных процессов у чеченских тейп после их древнего, вероятно, в аланский период, удаления в горы (X—XIV век)[43]. Эта стадия характеризуется постепенным водворением тейп на плоскости и в бассейне Аксая, Гудермеса. До 1818 года (год постройки крепости Грозной) это переселение шло медленно. К 1822 году находим следующие аулы, зарегистрированные Клапротом: Майортуп, Гременчук (Герменчук), Тушкин, Чуна, Шали, Цонти, Большой и Малый Чечен, Хаджи-аул, Б. и М. Атага (Атаги), по Тереку — Атаркхана, Алда (Алды), Новый Чечен (Джангаконт); на реке Екхе — аул Екхе, Мартан-аул, Чакаши, Боко, Гикх. Многие из этих аулов теперь не существуют. Следуя карте одного из наибов Шамиля — Юсуфа Гаджи Сафарова, составленной им в 40-х годах прошлого века,[44] находим уже 29 аулов,[45] подчиненных Шамилю и входивших в наибство Мичиковское и наибство Шали. Близость крепости Грозной вызвала и отпадение некоторой части чеченцев от Шамиля. И при нем и в послешамилевский период число аулов еще больше увеличивается: наблюдалась поразительная способность чеченцев к перемещению — у некоторых семей имелось до 20 пунктов их недолгого обитания, объяснялось это тяжестью условий борьбы и с русскими, и с самим Шамилем, который не стеснялся в средствах подавления чеченских восстаний против его деспотизма.

Чеченцы стихийно потянулись на плоскость: в этом движении чувствовалось тяготение к сильным торговым артериям старых времен, к столбовой караванной дороге по Тереку, вдоль которого сели богатые казачьи станицы, а впоследствии и к богатым старым аулам (Алды, Чечен, Атаги), а еще сильнее — к железной дороге и забившим нефтяным фонтанам. К 50-м годам прошлого века вокруг Грозного правильным полукругом залегла мощная сеть богатых аулов.[46]

Плодотворная почва, удобная сеть естественного орошения в виде левых притоков Сунжи (Мичик, Гудермес, Хулхулау, Шаудан (вернее Шавдон), Джалка, Аргун, Гойта, Мартан, Гехи, Валерик, Нитхой, Фортанга, Асса, Сунжа) дает полную возможность значительно увеличить систему искусственного орошения, что придает, например, аулу Атаги своеобразный вид «аула каналов»; близость лесов для построек в корне изменила у плоскостного чеченца его древнее хозяйство и труд, значительно и материальную культуру.

Благосостояние этих аулов в настоящее время является необычайным контрастом к обеспеченности высокогорных аулов. Сравнивая, например, убожество жилищ некоторых аулов Итум-Кальского округа с домами городского или станичного типа, например, аула Атаги, мы поняли ту рознь между «ламройцами» и «чеченхойцами»,[47] которая когда-то вылилась в форму прямой классовой борьбы, когда «ламройцы» произвели набег на богатых родственников чеченской плоскости, но были отбиты с тяжким уроном.[48]

Срединное положение между этими полярными в экономическом отношении группами аулов занимают аулы «Черных гор» — Шото. Лесистые и крутые «Черные горы» заставили «Шотой» (ныне «Шатой» — «черногорцы») сгрудиться в группе аулов по Аргуну и его притоку Верды-Эхк[49] — 31 небольшой аул, из них самый многолюдный Борзой имеет население в 1059 человек, в то время как на плоскости, в самом многолюдном ауле Урус-Мартане, живет 13 011 человек, а в районе бедняков у «ламройцев» в Итум-Кальском округе самый многолюдный аул Гамгой состоит из 483 человек. Эти демографические данные точно характеризу-

Фотография 3. Чеченец из высокогорного аула Маисты (на границе с Хевсурией). Картвельский тип.

ют и сравнительную материальную обеспеченность этих трех основных экономических районов Чечни — плоскостного «черногорского» (Шото) и «высокогорного» (Ламрой). Еще более показателен контраст между социальной плотностью плоскостного Урус-Мартанского района и высокогорного Итум-Кальского: в первом приходится на 1 кв. км при социальной плотности 992 человека, а во втором — 143.[50]

Малоземелье в высокогорной полосе Чечни (ламройцы) доходит до микроскопических размеров в ¼ гектара, в то время как на плоскости в одних руках бывало до 300 гектаров. Известная «Абрамовская комиссия», обследовавшая и «ламройцев», констатировала, что своего хлеба у них хватает только от 2 ½ до 4 месяцев. Поэтому приходится беднякам хлеб возить с плоскости и делать для этого 8—10 поездок на плоскость.

Все эти данные имеют свою социальную историю, и она в значительной степени обусловлена институтом тейповой конфедерации Чечни.

Морфология тейп

Население Чечни должно быть признано этнической массой конгломератного типа. Это доказывается и приведенными выше данными о миграционных процессах чеченских тейп и их причинах, а также общими антропологическими признаками, которые легко усмотреть в фотоснимках, сделанных вышеназванной экспедицией Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института (фотография 3).

Фотография 4. Чеченец смешанного типа, но без семитского элемента.

Часть тейп, которых сами чеченцы называют «чистыми», и число которых, по их подсчету, доходит до 14,[51] <…>[52] родовая и тейповая гордость иногда заставляет чеченца тенденциозно помещать своего предка в колыбель чеченских тейп — бассейн Чанты-Аргуна, в число 14 «чистых», то есть наиболее древних чеченских тейп.

В число этих 14 тейп входят следующие, отмеченные нами путем перекрестного опроса в ряде аулов, и если в отношении признания некоторых других возможны колебания, то большая часть этих тейп безоговорочно признается всеми опрошенными нами чеченцами.

Чеченские «чистые» тейпы (древнейшие): 1) Нашхой; 2) Малхестой; 3) Маистой; 4) Аккой; 5) Дышни; 6) Чаберлой; 7) Чермой; 8) Чанты; 9) Харачой; 10) Итон; 11) Цонтарой; 12) Гуной; 13) Хиль-дихой; 14) Шарой.

Из них первые пять признаются за «чистые» всеми без исключения, по отношению к другим есть колебания (фотография 4, 5, 6).

Древнейшие тейпы, занявши определенный участок, всемерно его отстаивали. Имея свою «гору» («лам»), они были обеспечены и летними пастбищами. Не иметь своего «лама» тейпа не могла: она беднела и утрачивала всякий авторитет в общетейповом совете. Мало того, каждый род имел свою «гору»; быть без «лама» считалось бесчестием и для рода. Поэтому-то «лам» отстаивался всемерно, и из-за нападения на «лам» происходили между тейпами жестокие кровопролитные схватки. С уменьшением свободных участков тейпы, образовавшиеся из новых пришельцев, селились на земле с согласия владеющей ею тейпы, и тогда такая тейпа или род считались «хамалга-бяхкема» («гостями»). Гостем сидеть можно было годами, пока не создавалась возможность где-либо получить участок для поселения и выпаса скота. Случалось, по преданию, и так, что такие «тейпы-гости» не проявляли достаточной энергии, перехо-

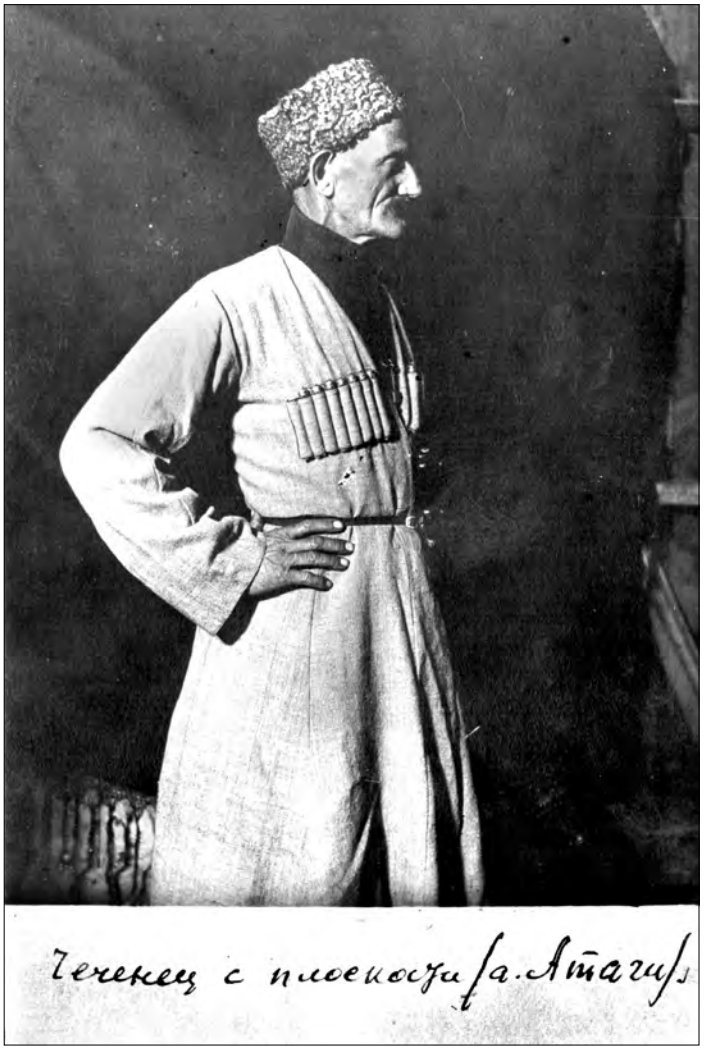

Фотография 5. «Ламройцы» (высокогорные) — трех конституций.
Фото врачей Панкратова и Овчаренко.

дили в разряд «мохкбацу» (безземельных) и, в конце концов, становились зависимыми от более сильной тейпы и, становясь полувассалами, вместе с тем увеличивали удельный вес этой тейпы в глазах всей конфедерации. По некоторым данным, такого рода разросшимися тейпами были Нашхой, Харочой, Чермой, Чаберлой, Дышни.

В свою очередь, сильные тейпы, нуждаясь вследствие естественного прироста населения в новой земельной площади, вступали в настоящую войну с соседями, оканчивавшуюся иногда, согласно преданиям, поражением нападающей стороны. Вообще, чеченские тейповые предания богаты воспоминаниями о междоусобицах, иногда длительных и жестоких, что объясняется отчасти и тем, что в этих случаях сказывалась и разноплеменность, а также иноверие: предание говорит, что христианская тейпа Акки не выдержала атак соседей, противников христианства, и часть тейпы эмигрировала на дальнее расстояние от своего древнего местожительства (район истоков Гехи), и, переселившись на восток, образовала новый клан «аух» (чеченскую тейпу «ауховцев»).[53] Тейпа Чаберлой, бывшая христианской, тоже, по преданию, несколько потерпела, несмотря на то, что считалась одной из сильных тейп.

Борьба за «лам», за пахотные участки (в стране дорожили каждой пядью земли и кое-где для посевов прибегали иногда к терассовке, особенно для устройства виноградников, как

Фотография 6. Чеченец с плоскости (аул Атаги).

это нами констатировано в высокогорной Чечне,[54]) — усиливала в значительной степени родовую солидарность в тейпе, а с другой стороны, создавала необходимость искать союза с другой тейпой для совместного отпора или нападения. Даже территориально отделяясь от тейпы, уходя из гор на плоскость, отселившийся род (гаар), фактически не пользуясь своей землей в горах, получал от своих братьев по тейпе («вожерей», «воша») незначительный «отдарок» (бер), основанный, однако, не на идее арендной платы, а на идее братства всех членов тейпы («вошалла»). Любовь к древнему местопребыванию тейп очень велика у тейповцев: старики и старухи, переселяясь из гор на плоскость, увозят в узелке с собой горсть земли предков.

«Гаары»[55] и «неки»,[56] объединенные в одну тейпу общим родоначальником, выводимым из чужбины или из Нашхоя, по преимуществу,[57] а также из Маисты, Дышни, Чаберлоя, Чермоя, Харачоя, Шароя, борясь за себя и за всю тейпу в целом, создали в сознании членов рода солидарность необычайной силы: созданное на глубоко экономической почве, это чувство солидарности подводило члена тейпы, гара, неки, «дёзоу» (отдельной семьи) к самому ригористическому, почти автоматическому проведению в жизнь насильственного момента — семейной, родовой и, наконец, тейповой кровной мести за любого из членов тейпы. Предания о случаях кровничества сообщают, что иногда при убийстве, совершенном кем-либо из членов сравнительно слабой тейпы, чеченца, принадлежавшего к сильной тейпе, вся тейпа убийцы, во избежание открытого междутейпового столкновения, бежала в дальние места. «Кровь» («ци») не забывалась, однако, и, в конце концов, все-таки проливалась.

В древности «кровь», то есть ответственность за пролитую кровь, распространялась на всех членов тейпы, в таком порядке: в первую очередь мстили за убийство члены его семьи, а затем, в случае нужды, члены гаара и, наконец, вмешивались члены целой тейпы без различия гааров, — в результате получалась война между тейпами. Но впоследствии, во избежание тейповых войн, ведших к умножению числа «кровников», ответственность за убийство распространялась только на членов того «гаара», которому принадлежал убийца, и даже на «дёзоу» (на семью).[58] Мстители старались убить или самого убийцу или его брата и отца. Убивать женщин адатом не разрешалось. Не разрешалось также убивать колющим ударом, а только режущим или секущим ударом или пулей. В этом обычае нельзя не видеть некоторой ритуальности. В весьма значительной степени развитый в Чечне и в настоящее время институт кровной мести требует особого нашего внимания. Поэтому мы несколько на нем остановимся, так как нельзя не видеть в генезисе этого обычая тесной связи как с институтом отдельных тейп, так и с институтом тейповой конфедерации. Раньше мы показали те историко-экономические основы, которые создали теснейшую связь между потомками одного и того же предка, вылившуюся в создание сплоченного целого — задруги (дёзоу), гаара, тейпы, члены которой связаны были между собой некогда одним и тем же тотемом.[59] Мощность родственных чеченских связей обусловила и силу, и автоматичность чеченской мести. Многие ученые рассматривают кавказскую горскую кровную месть как вид уголовной репрессии рода, способом защиты гражданского права, считают ее эквивалентом в отношении вреда, нанесенного данному роду, ме-

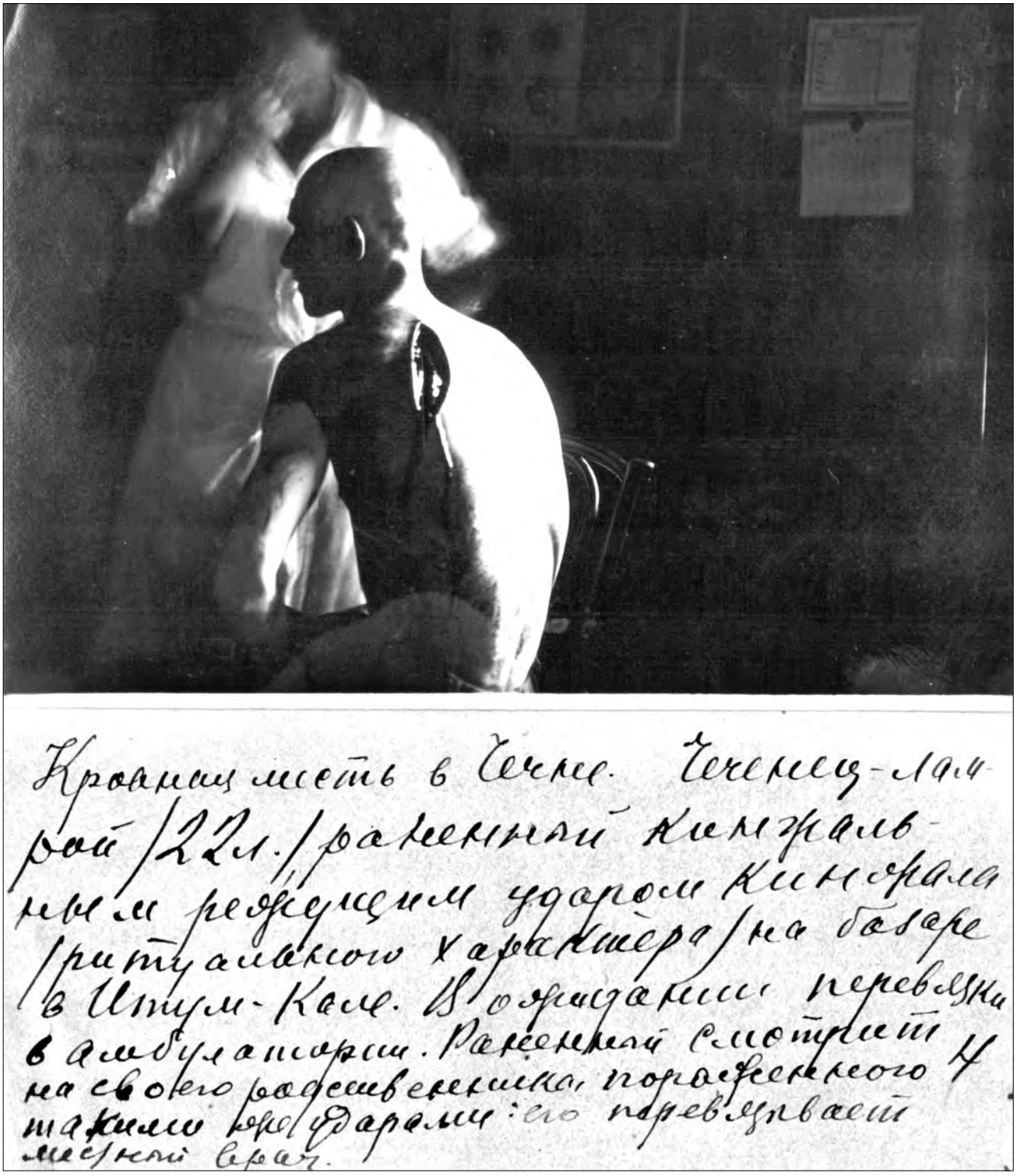
рой устрашения, родового террора, проявлением института мести.[60] Не возражая против участия всех этих факторов в создании этого кровавого института, мы должны обратить внимание и на ритуальность чеченской кровной мести.

Эта ритуальность отнюдь не устраняет участия всех вышеуказанных факторов, но она гораздо сильнее их всех, она их покрывает своею неизбывностью: род мог бы примириться на некоторых необременительных условиях, но тень убитого требует жертвы, и кровь должна пролиться, и только своего рода гекатомба (не 100, как у греков, а, по адату, 80 коров) явилась впоследствии уступкой перед беспощадной кровавой жертвой во имя тени убитого. Хотя в настоящее время упорство, с которым эта жертва в свое время приносилась для успокоения убитого, и ослабело — междутейповые отношения, как мы отметили выше, значительно ограничили число лиц, на которые распространялось кровомщение — однако, скрытый, малосознаваемый, но сильный еще дух ритуальности и веры в ней живет в чеченских массах; особенно сильно это сказывается в высокогорной полосе, где распадение родового строя не развилось так, как это произошло в «Ичкерии», «Чечении» (так можно назвать район от Грозного до Аргунских ворот), в Малой Чечне.[61] Этой верой в необходимость умилостивить дух родичей умерших недавно или давно (последнее обстоятельство особого значения не имеет) и объясняется кровное мщение, имеющее место даже и в том случае, если этим родичам нанесено оскорбление, как например, если зарезал кто-либо «нечистое» животное на могиле предка, или же плевком оскорбил очажную цепь. В отсталой же во всех отношениях Чечне древние религиозные пережитки еще очень сильны. Поэтому акты кровной мести там не являются в глазах населения тем ужасающим, скажем, для культурного европейца, действием, а считаются страшным обрядом, который неминуемо должен быть исполнен, и население примиряется с этой кровавой церемонией, как примирялось тысячу лет назад. С этой точки зрения институт кровной мести в Чечне должен быть подвергнут дальнейшему изучению, а пока мы, в виде иллюстрации к сказанному, приведем следующий факт, очевидцем которого мы были.

На еженедельном базаре в окружном ауле Итум-Кале, собирающем до тысячи ламройцев, мужчин и женщин, на наших глазах произошел акт кровной мести (24 июля 1929 года). Два, среднего возраста, жителя древнего соседнего аула Басхой, вооруженные кинжалами, явились на базар со специальной целью отомстить за убитого неделю назад своего родственника[62] и кинжалами нанесли двум родственникам убийцы тяжелые ранения, доходящие до легких, причем удары были рубящие. Обстановка самого акта мщения была такова: оба родственника убийцы были в разных местах базара; оба мстителя, разделившись, выследили их в густой толпе и готовились уже убить, как один из преследуемых, заметив опасность, пустился бежать; выхватив свой кинжал и размахивая им во все стороны, так как в толпе он не знал, кто его враг, он бешеными скачками промчался мимо нас и, выскочив на чистое место, остановился и, обернувшись к толпе, стал в оборонительное положение, рассекая во все стороны воздух кинжалом. В это мгновение он увидел сгрудившуюся в одном месте базара толпу и, сообразив, что это нападение на его родственника, как тигр ринулся в толпу, но через несколько секунд кинжал мстителя глубоко рассек ему спину,[63] и толпа схватила обоих — его и мстителя. Раненые были доставлены в Окружной совет, окруженные цепью знакомых и друзей, причем несколько выстрелов в воздух со стороны милиции предупредительно заставили любопытных держаться подальше. Я не заметил ни у мужчин, ни у женщин базарной толпы особого смущения: вся масса, кроме небольшой кучки родных, друзей и молодежи, осталась на месте, и базар продолжался, словно был выполнен какой-то привычный и тяжелый обряд, без которого обойтись нельзя. Подходя к амбулатории, где должна была быть произведена первая перевязка, мы тоже никакого скопления любопытных не увидели. Оба раненых вели себя очень спокойно, не издавая ни одного стона, не говоря ни одного слова: они тоже исполняли своего рода обряд: раненый чеченец должен быть тверд и терпелив к боли.[64] Второй из раненых получил четыре аналогичные раны тоже в спину, словно по уговору (фотография 7).

Старший врач окружной больницы в Итум-Кале рассказывал мне о случае кровной мести, когда раненый получил много кинжальных ран, но ни одной смертельной: рассечены челюсть и грудь, отсечена кисть руки.

И в первых двух и в последнем случае видим желание не убить кровников (это нетрудно было бы сделать и рубящими ударами кинжала, например, по черепу), но пролить кровь. Один из мстителей на Итум-Кальском базаре так и заявил: «Мы убивать не хотели: мы должны были пролить кровь». И этот акт пролития крови нам кажется не только актом мести, но вместе с тем и ритуальным актом, принесением крови виновной в убийстве стороны в жертву духу

Фотография 7. Кровная месть в Чечне. Чеченец-ламрой (22-х лет), раненый кинжальным режущим ударом кинжала (ритуальный характер) на базаре в Итум-Кале. В ожидании перевязки в амбулатории. Раненый смотрит на своего родственника, пораженного 4 такими же ударами: его перевязывает местный врач.

убитого. В этом случае показателен следующий акт пролития человеческой крови как ритуального действия, имеющего значение скрепляющего акта, вернее, своего рода пакта: два рода, враждовавшие долго на почве кровной мести, наконец, примирились, и в этот же день решили примирение свое скрепить пролитием нейтральной крови, не чеченской, так как последняя грозила бы новым кровомщением; по семи человек с каждой из сторон выехало на дорогу, чтобы сообща убить первого встретившегося нечеченца. Встретился им русский. С трудом он, бла-

годаря счастливому случаю, спасся от руки бывших кровников. Анализируя этот случай, мы можем в нем видеть акт скрепа «вечного мира» между кровниками, но, вместе с тем, можем видеть (если были убитые со стороны обеих сторон) и умилостивление духов убитых кровью, именно жертвенной кровью.

В старину чеченцы считали более достойным, чем уплата цены за кровь, как бы ни была она велика, акт усыновления убийцы: с согласия родственников убитого, он подвергал себя известному покаянию, своего рода продолжительному моральному посту, причем не стриг волос и ногти. По прошествии достаточного периода покаяния он являлся к матери убитого и, в торжественной обстановке, создаваемой присутствием враждебных сторон, как сын, сосал ее грудь; затем, сын матери убитого стриг голову и обрезал ногти своему новому брату, и последний делался членом и семейства, и всего рода, и тейпы. Бывали случаи, что усыновленный навсегда оставался в новом семействе.[65] Этот акт усыновления имел также место и у остальных горских племен; он применялся также беглецами, искавшими спасения от преследователей и находившими его путем прикосновения к груди матери семейства. Но в описанном чеченском обычае я вижу использование акта усыновления как средства без углубления кровной вражды умилостивить дух убитого, сделав убийцу братом убитого, то есть ближайшим родственником, фиктивно единокровным, что и должно было, по мнению наивного древнего горца, устранить необходимость в пролитии жертвенной крови: дух покойника должен был быть удовлетворен.

Из этих примеров и народных преданий можно заключить, какими железными обручами древнего обычая была скована тейпа со всеми ее единицами. Даже в настоящее время, когда разложение тейпы вследствие хозяйственных факторов (земледелие) значительно продвинулось вперед, тейповая солидарность еще очень значительная социальная величина. И в настоящее время каждый чеченец обязательно чувствует себя членом этого древнего родственного коллектива и не упустит случая воспользоваться его помощью, в свою очередь, помогая своему однотейповцу. Но и в настоящее время, в глубинах Чечни, горе тому, кто принадлежит к малочисленной тейпе или же совсем «без тейпы», пришелец какой-нибудь: он беззащитен, он не застрахован, как те, от нападения. Вспоминается мною, по этому поводу, следующий мой разговор с заведующим хозяйством чеченского областного сыроваренного завода относительно рассказанного выше случая кровной мести на Итум-Кальском базаре. «Ты ведь хочешь ехать на завод сегодня, везешь 700 рублей. Не опасно ли ехать одному? Видишь, из-за одного барана три человека пострадало». Мой собеседник гордо усмехнулся и сказал: «Вот деньги. Пойду сейчас на базар. Возьму так (он высоко поднял пачку денег). Все увидят. Спрячу так (он сунул деньга за пазуху). Сяду на лошадь и поеду на завод один. Никто меня не тронет». Он возвысил голос: «Мой тейпа — большой тейпа». Несколько мгновений спустя, усмехаясь, он прибавил: «А кто слабый тейпа или не чеченец, тот денег не довезет».

Связь отдельного чеченца со своей тейпой такова, что никто без особо уважительных причин от нее отделиться не мог и не может. Вся тейпа следила за поведением своих членов, так как всегда чувствовала свою ответственность за сделанное кем-либо из них правонарушение; в этом случае за виновного отвечал гаар или семья. Чеченские тейпы, экономически развившиеся или имевшие выдающихся по уму старшин, пользовались значительным весом среди других тейп и всемерно старались сохранить свое доминирующее положение. К числу таких тейп, как мы уже отмечали, принадлежала тейпа Нашхой, Чермой, Чаберлой, Харачой, Дышни.

Таким образом, мы не можем исключить бывшего некогда аристократизма некоторых тейп. В период магометанства в Чечне это явление усиливалось. Верховенство некоторых тейп влекло за собой ряд междоусобиц и анархию в горах, так как другие тейпы отчаянно сопротивлялись империализму своих собратий. Тейповая вражда значительно утихла в период Кази-Муллы, особенно же в период Шамиля, разбившего территорию чеченских тейп на семь обществ,[66] подчинив их наибам и устроив для себя укрепленное поместье между Ведено и Хорачоем.

Взаимопомощь среди однотейповцев была необыкновенно развита. В горах эта общественная солидарность в значительной своей чистоте до сих пор сохранилась, а на плоскости значительно ослабела. Все чеченцы в отношении взаимопомощи ставят в пример Маистинскую тейпу[67] — самую дальнюю и одну из беднейших: «Волов соседу охотно дают, сами тоже идут помогать соседу в тяжелой работе. Это пример для наших чеченцев», — таково мнение о маистинцах, а также и малхестинцах.[68]

Жизнь в «ламройском», высокогорном районе, крутизна безлесных, малопригодных к культуре злаковых гор, борьба за стадо в соседстве с лезгинами, кумыками, кабардинцами, осетинами, картвелами (хевсурами, тушинцами, пшавами), как мы уже отметили, вызывали повышенную чувствительность к нарушению интересов кого-либо из членов данной тейпы. Культ

тейпы — это чувствование глубоко националистического порядка, созданное тяжелой горной тысячелетней экономикой и ставшее рефлекторно работающей функцией каждого «родовича». Мало того, этот инстинкт укрепления мощности того поистине «миниатюрного государства родственников», безопасность территории и насельников которого была «категорическим императивом» для всех гааров вместе и каждого в отдельности, выработал в чеченце значительный комплекс психологических факторов, охраняющих его как члена тейпы от морального, физического и хозяйственного падения, создал, во-первых, выносливость в перенесении тяжелого труда, передвижений и, как мы показали выше, боли; во-вторых, волевой тонус в подавлении эксцессов, в стремлении к превосходству; в-третьих, мужество в битве; в-четвертых, сознание, что акт кровной мести есть акт защиты и право суда,[69] творимого тейпой через посредство каждого отдельного ее представителя; наконец, болезненную гордость в отношении своей тейпы.

Отсюда вытекает и то беспрекословное исполнение решений тейпы, которое обязательно для каждого гаара, каждой семьи и каждого чеченца. Этим общим послушанием и воспользовались тейпы, когда непрерывное перемещение тейп вызывало междоусобицы, обессиливавшие тейповую конфедерацию, и создавало хозяйственную депрессию; дробление земельных участков с увеличением числа населения также способствовало всеобщей разрухе. Нормирующий хозяйственную и политическую жизнь чеченского объединения фактор был найден в виде «махкама» («мягкемэ») — народных собраний. Старики, представители тейп, собирались в определенном месте и вырабатывали мероприятия — комплекс правил, превратившийся с течением времени в целый неписанный кодекс междутейповых отношений. Так, одно из преданий передает, что в критический момент обострения хозяйственных интересов тейп Ичкерии было избрано сто самых умных стариков. Собрались они близ аула Цонтарой (Цонтари), в Введенском округе, на высоты Кейтыш-корт, и перед началом своих совещаний дали обет не покидать горы, не выработав мер для успокоения перессорившихся ичкерийских тейп. Дело не обошлось без участия советчиков из древней чеченской метрополии — стариков из Маисты и Малхесты. Около года жили законодатели на Кейтыш-корте, выработали дополнительный «кодекс» адатных правил, имевших в свое время значительную силу в жизни чеченских тейп и, прежде всего, прикрепивших их к земле. С тех пор на Кейтыш-корте собирались на «махкама» представители тейп всякий раз, когда требовали этого интересы всей тейповой конфедерации. Так, например, решение о прикреплении некоторых ичкерийских тейп к земле, по преданию, было вынесено на Кейтыш-корте 140 лет назад.

Кроме Кейтыш-корта, «махкама» собирались и на холме близ Ханкальского ущелья (нынешний Грозненский район) и на реке Качкалыке — у качкалыковцев, выселившихся после сдачи Шамиля в Турцию; жители бассейна верхнего Аргуна «махкама» устраивали в районе Нашах-Малхесты.

Тейповые междоусобицы, ведшие к непрерывным миграциям, потеря нормальной хозяйственной продукции, как следствие этих явлений, в значительной степени отразились и на быте, и на психическом облике чеченца и в связи с местными географическими тяжелыми факторами (крутизна гор, грозные паводки, безлесность, трудность дорожного сообщения из-за сланцевого строения гор) способствовали неудовлетворительности питания, жилищного строительства и одежды.[70]

Эти междоусобицы и связанное с ними обеднение масс создавали для чеченской конфедерации опасность потерять свободу, ставши колонией степняков, надвигавшихся с севера, аварцев, теснивших чеченцев с востока, и картвелов, надвигавшихся через перевалы и ущелья Пирикительской Алазани и Хевсурской Арагвы.

К тейповым междоусобицам присоединилась и классовая борьба: 1) ичкеринцы, платившие «ясак» за пользование восточными земельными участками, которые считали своими сильные аварские ханы (Хунзах), решили сбросить с себя давление хунзарских феодалов и вступили с ними в жесткую борьбу, перестав платить им «ясак», и, в конце концов, овладели землей по реке Аксай; но землю эту еще требовалось закрепить за собой: аварское давление еще было сильно; 2) слабые тейпы испытывали большие бедствия от притеснения сильных, забиравших себе лучшие «лам». Чеченцы, чувствовавшие себя равными между собой и считавшие себя «озди» (уздень — вольный человек, «вольный как волк» («борзусенна»)), не могли не реагировать на эти притеснения со стороны многоземельных тейп, развивших уже значительное полевое хозяйство. Высокогорные тейпы, наиболее бедные, испытывали давление от шатойских и ичкерийских тейп, а эти последние — от плоскостных. Шло, по преданию, в точном смысле слова, завоевание сильными тейпами земельных угодий слабых тейп; это сопровождалось убийствами, а последние вызывали кровничество, кроме того, в силу экзогамических

тенденций, тейпы воровали друг у друга женщин, что вызывало новое кровопролитие. Предание повествует, что нежелание допустить возвышение какой-либо одной тейпы через избрание в князья родоначальника заставляло ичкеринцев и шатоевцев не однажды приглашать к себе правителей — «князей» («алолу дан») на жалованье из среды аварских князей-изгоев.[71] Зааргунские чеченцы приглашали «княжить» кумыкских князей; жители Малой Чечни — кабардинских «пши», преимущественно это делали «надтеречные аулы».[72] Предание передает о следующем индивидуальном случае в общей цепи чеченского «призвания князей» в качестве медиаторов между тейпами и предводителей тейповых ополчений. На общем тейповом собрании на Кейтыш-корте было решено призвать на «княжение» кумыкского князя Турлова. Тот прибыл, принялся за организацию постоянного войска, что и провел с большим успехом. Как известно, у степняков военная организация достигала очень высокой степени совершенствования и в области вооружения,[73] и в области стратегии и тактики. Потомки степняков — кумыки — унаследовали эту военную технику. Естественно, поэтому постоянная дружина из чеченцев, созданная кумыком Турловым, стала опасным орудием борьбы для соседей чеченцев, что вскоре и дало эффект: «Чеченская плоскость» была очищена от занимавших ее степняков.

Однако, Турлов, обжившись и укрепив свою власть среди тейп, стал ею злоупотреблять: во-первых, он наложил на отдельные тейпы «ясак», который удерживал в свою пользу; во-вторых, в сильной степени ограничил для тейп свободу передвижения, к чему, как мы видели выше, чеченские тейпы были вынуждены глубоко экономическими причинами: увеличение в высокогорных тейпах естественным путем населения и ничтожность «ламовых» участков двигали тейпу к выделению колонии или даже заставляли ее целиком переселяться. Эти обстоятельства, по преданию,[74] привели к тому, что тейповые старшины, возмущенные действиями Турлова, собрались на Кейтыш-корте,[75] обсудили создавшееся положение и решили, по древнему новгородскому выражению, «показать князю путь», причем собрание вновь подтвердило свободу передвижения и действий каждой тейпы, а равно и свободу отдельного тейповца, как «узденя».

По преданию, это же собрание решило уничтожить и институт рабства. Однако известно, что это решение не было проведено в жизнь: слишком глубоко проникло в сознание высших классов северокавказских племен древнее средство обращения и пользования человеком как рабочей силой. Так, работорговля достигла феноменальных размеров у соседей чеченцев — кабардинцев, владения которых доходили до нынешнего Грозного и Брагунов; мало того, рядом с плоскостной Чечней, на Ярыксу, был главный горский восточнокавказский рынок рабов в Эндери.[76] Поэтому рабство в Чечне продолжало существовать; однако, общий комплекс данных народного предания констатирует тот факт, что число «лай» (раб) у чеченского населения было невелико. Старые чеченцы говорят, что рабами делались военнопленные (в основном — временными рабами: их отпускали за выкуп), и пленные поступали и от картвелов, и из Кахетии,[77] и с плоскости — от кумыков, ногайцев, кабардинцев, а от русских — во времена Кавказской войны, когда чеченцы партиями прорывались за Терек в казачьи станицы; особенно эти набеги учащались в период больших войн России, когда мужское население, притеречных станиц было на фронте. Известен, например, случай нападения партии чеченцев на Наурскую станицу. Нападение было отбито казачками. Кроме «ясыря», «иесир» (пленные), чеченцы приобретали рабов покупкой или через обмен во временное рабство, людей на съестные припасы в голодные годы; случалось так, что владелец обмененного (часто отец семейства) не был в состоянии выкупить временного раба, и последний навсегда оставался в чеченском рабстве. Учитывая предания, услышанные нами в Чечне о положении рабов, мы приходим к выводу, что чеченский «лай» напоминал в этом отношении карачаевского «кула». Чеченские рабы принимали живое участие в общей жизни семьи, старшие из них ели вместе с хозяином. Источником рабства были и несостоятельные должники.

В нагорной полосе Чечни рабов было меньше; но зато в плоскостной Чечне рабочей силы требовалось больше, и здесь охотно покупали рабов и неохотно их продавали; здесь находим рабов еще в 1866 году.[78]

Чеченская масса, в случае нарушения общего тейпового равновесия, когда почему-либо некоторые тейпы становились особенно сильными, ревниво оберегала свою свободу от хозяйственного угнетения сильных тейп, и путем объединения нескольких тейп против одной междутейповое равновесие восстанавливалось. Поэтому, мы и не находим в прошлом отдельных тейп, владеющих латифундиями, не находим также не только тейп, но и отдельных гааров владельцами масс рабов или крепостных (как у адыгов), мобилизация которых могла бы значительно усилить военную мощь тейпы. У чеченцев, несмотря на их традиционное свое-

волие,[79] тенденция выполнять решения старшин была очень сильна, между тем как это решение для каждого отдельного чеченца было не обязательно. Чувство солидарности всегда было сильно у чеченца: оно было воспитано тяжелым хозяйственным бытом в условиях горного, преимущественно высокогорного хозяйства, так как на плоскость сильные племена, окружавшие Чечню, племенной массе не позволяли выходить, и если в некоторые периоды чеченской истории это и имело место, то только было временным явлением. Итак, не имея писаных законов, отдельные тейпы являлись теми микрокосмами, которые самоуправлялись независимо от соседа, и только составная часть их гаары через своих родоначальников являлась корректирующим моментом в жизни тейпового самоуправления. Если в одном ауле жило несколько гааров, каждый выбирал своего старика, и все они вместе составляли тот аппарат, который судил лиц, принадлежащих к разным гаарам. Хотя власть этого совещания стариков и основывалась отнюдь не на принудительном начале, однако редкий из судившихся не подчинялся этому решению. Аульные дела в Чечне могли решаться и путем собрания всех граждан аула: стоило только чеченцу с каким-либо делом влезть на минарет мечети и крикнуть оттуда своих односельчан на сходку.

На сходках дела решались большинством. Были случаи несогласия и кровавого столкновения сторон, что иногда вынуждало часть аула эмигрировать. Такую междуродовую, а за нею автоматически следовавшую и междутейповую борьбу умеряли те «махкама», о которых мы говорили выше. Даже с принятием ислама, в значительной степени фанатизировавшего весь чеченский народ, те юридические нормы, те адатные правила, которые были выработаны в домусульманскую эпоху знаменитым собранием тейповых старшин на Кейтыш-корте, всякий раз вступали в силу, когда шариатский кодекс становился неудовлетворительным в каждом отдельном случае. Здесь нельзя не видеть силы древнего влияния сплотившейся общественной единицы из родственников, объединенных одной формой хозяйства, древнего быта и своеобразием естественных производительных сил Чечни.

Общая характеристика тонуса хозяйства средневековой Чечни должна быть проста — это хозяйство бедных и отсталых людей; это не то хозяйство, насыщенное благами, которое мы находим у самых богатых людей северокавказского горского средневековья, каковыми мы считаем кабардинцев с их развитым, с помощью силы рабов, земледелием и, как следствие этого, развитым феодализмом и его спутником — работорговлей. Поэтому ясно, что чеченские тейпы в средние века не отличались агрессивностью; наоборот, на них чувствуется в это время давление грузинской колонизации. Последняя являлась соперницей кабардинскому засилью на Северном Кавказе в эту эпоху. Абхазо-грузинское объединение сумело дать отпор кабардинцам и помешало им переселиться в Закавказье и через Клухорский, Мамисонский и Крестовый перевал.

Еще в X веке, по многим данным, Грузия стремилась закрепить свое влияние на Северном Кавказе (в Осетии, Ингуши и Южной Чечне) и усердно распространяла там христианство. Возможно, что в эту эпоху в Чечне произошла встреча двух христианских течений: одного — картвельского через перевалы из бассейна Хевсурской Арагвы и Пирикительской Алазани в бассейн Аргуна и верховьев Мартана, Гехи, Фортанги и Ассы, и другого — аланского: аланы[80] могли получить христианство от византийских миссионеров. Как мы отметили выше, у нас имеются значительные данные распространить захват аланами горной территории до истоков Шаро-Аргуна.

Христианизированные в некоторой степени и разбитые по тейпам средневековые чеченцы не сумели создать, в силу своей бедности, крупных торговых городов, далее «шахаров» («городов»)[81] они не шли, называя этим именем не города в общем значении этого слова, а аульные скопления в каком-либо узловом пункте среди ущелий. Поэтому, чеченцы и не могли действовать организованно в деле отражения соседей. Предания утверждают, что земледелие в некоторой степени оказывало поддержку чеченцам в деле приобретения меновым путем оружия, шедшего на Северный Кавказ через Клухорский, Марухский перевалы и через Дербент. Мы имеем основание предполагать довольно продолжительное существование в Чечне и итальянских миссионеров, быть может, в XVII веке, эпоху, когда они проникали в некоторые провинции грузинских владений;[82] мало того, в Чечне, по-видимому, в районе озера Галай-ам (близ Галанчожа), в верховьях реки Гехи был монастырь или же общежитие миссионеров.

В эпоху средних веков и позднее хозяйственная продукция Чечни, кроме зерновых продуктов, состояла из кожи, шерсти, звериных шкур, скота, не была значительной. Бедность чеченцев в некотором отношении отводила от них нашествия степняков. Однако Тамерлановское нашествие не миновало и плоскостной Чечни: в народной памяти живет еще воспоминание об

этом в виде ряда легенд и указания на земляную крепость близ аула Дуба-юрт и на земляной вал там же, приписываемый Тамерлановским войскам.

Словом, бедность — давний спутник высокогорных чеченцев. В этом районе до сих пор можно натолкнуться на случаи вопиющей бедности. В этом районе в большом ходу нательная одежда из грубого домашнего сукна, раздражающего кожу: холщевую или бумажную рубаху приберегают для праздничных костюмов. Нам передавал один из административных служащих Шатоевского округа следующий характерный в этом отношении случай: посетив по делам службы один глухой аул, он, один осматривая подворье и не найдя хозяев, подошел случайно к сараю, распахнул двери и увидел трех совершенно нагих чеченок, занятых обработкой шерсти для бурок; оказалось, что бедняжки, сберегая свои единственные рубашки из бумажной материи и не желая надевать шерстящей домашней рубахи, предпочитали работать совсем без рубахи. Подобные же случаи, по его словам, можно наблюдать и выше, в районах Маисты и Малхесты.[83]

Бедность, тейповые междоусобицы, ослабившие всю горную конфедерацию Чечни, до некоторой степени христианизирование, вражда с восточными соседями — аварцами, нуждавшимися в чеченском хлебе и бравших его или насильно, или через обмен на металлическую посуду, оружие, ковры, ткани; с западными — аланами (осетинами); с северными — кабардинцами; с южными — картвельскими племенами, хевсурами, тушинами, пшавами, — все это создавало и культурную и хозяйственную депрессию: воинственность у чеченцев средних веков была не так развита, как это мы видим после их вторичного выхода на плодородную плоскость и после переделки их быта насильственно проникшим в Чечню около 180 лет назад исламом (хронологические показания преданий в этом отношении совпадают). Предания также подтверждают сравнительное чеченское миролюбие в средние века и говорят, что плоскостное хлебопашество смягчало в значительной степени чеченские нравы. По одному из чеченских преданий, записанному в 1854 году, это миролюбие находит следующую иллюстрацию: «В прошедшие времена, — говорили старые чеченцы, — русские были отцом страны, и матушка русская (баба) тогда ходила одна по Черным[84] и Лысым[85] горам». Это воспоминание о мирном симбиозе в XVI—XVII веках чеченцев с предками гребенских казаков, в 1520 году бежавших на Сунжу, характеризует и миролюбие чеченской клановой конфедерации с ее отсталой культурой в горном окружении, и слабую степень ее сопротивляемости, и, наконец, влияние на эти добрососедские отношения христианства, исповедовавшегося обеими сторонами, хотя грузинское православие чеченцев было скорей конгломератом языческих и христианских обрядов.

Ислам произвел у чеченцев и моральную и социальную революцию, несмотря на то, что он был сначала отвергнут Чечней. Предания сохранили память и о кровавых столкновениях с насильственными «проповедниками» воинствующей религии, не столько распространявшими ее, сколько завоевывавшими новые территории с сидевшими на них человеческими массами. Около 200 лет назад некоторые успехи чеченцев в хлебопашестве привлекли к себе внимание аварцев, и в начале XVIII века шамхалы Тарковские решили подчинить своему влиянию чеченский хлебный район. Значительное войско, под предводительством некогда ненавистного всем чеченцам Абу-Муслима и его помощника Термаола, ворвалось в Чечню, но слабо объединенная тейповая конфедерация, без твердого единоначалия, оказала отчаянное, но безнадежное сопротивление: малокультурные, полухристиане, полуязычники, без сильной центральной власти, бедновооруженные чеченцы уступили поле сражения организованным и уже давно фанатичным магометанам, хорошо вооруженным и направляемым жестким (по преданию) Абу-Муслимом. Чеченцы не только были побеждены, не только стали платить дань шамхалу Тарковскому, но Абу-Муслим и Термаол, проникшие в гнездо Чечни — в Нашхой — насильственно кроваво стали укреплять свое завоевание путем обращения чеченцев в ислам. Предания повествуют о кровавой борьбе за веру с обеих сторон. Чеченцы не забывали, что предки их и они «керестан», то есть христиане, и отчаянно сопротивлялись кровавому ритуалу обращения в новую религию;[86] часть чеченцев вспомнила, что на Тереке и Сунже живут их хотя и неблизкие, но все-таки единоверцы — православные — гребенские и терские казаки, и бежала от аварских «Никиты и Путяты» к терским казакам: еще в 60-х годах прошлого столетия некоторые казачьи роды станиц Червленной, Николаевской, Петропавловской выводили своих родоначальников от чеченских тейп Гуни (Гуной), Ахшапатой, Биллетой. Этот факт, вместе с четырехсотлетним (с 1520 года) сожительством терского казачества в известной своей части (гребенской), дает нам возможность констатировать и черты бытового уклада и материальной культуры чеченцев у местного казачьего населения: культ коня, оружия, тан-

цы, охотничьи обычаи, костюм (казачки не так давно бросили бешметы), семейные обычаи: некоторые казачки, по древнему горскому обычаю, избегали называть мужей по имени. Последнее явление наблюдалось нами еще в 1929 году: везший нас из Грозного в Атаги 27-летний казак из станицы Петропавловской (на Сунже) рассказал нам, в ответ на наши расспросы о быте его станичников, следующее: женился он на 17-летней одностаничнице. Месяц прошел, два — не называет его жена по имени. Раз он ей сделал внушение, два — в ответ молчит, и по имени не называет. «Проснулся раз я на заре: надо было скот гнать в поле. Лежу и молчу. Проснулась жена. Будит меня. Я делаю вид, что сплю. Думаю, что дальше будет. Вдруг слышу: «Ваня! Ваня! Вставай!». «А, так ты знаешь, как меня звать!» «Да и поучил ее немного. С тех пор как рукой сняло».

Побудьте хоть день в присунженской или притеречной станице, и вы скажете, что вчерашние ваши наблюдения над материальной культурой, например, в плоскостном ауле Большие Атаги, почти во всем совпадают с сегодняшними.

В конце концов, ислам, как и талмудизм, жестко зажал в тиски и личную, и общественную жизнь чеченца; думается, этого зажатия не было бы в такой степени, и чеченское магометанство имело бы такой же характер, какой мы находим, например, в адыгейском мире, если бы к нему на помощь не пришел фанатизм сектантства, воспитанный мюридским учением и шейхизмом. Ислам повлиял и на отчуждение высокогорных чеченцев от соседей их — хевсур, тушин и пшавов, исповедовавших тогда уже грузинское православие.[87] Ислам обострил так же отношения между чеченцами и казаками; ислам ввел большой ригоризм в междутейповые отношения и увеличил власть тейпы, введя в обиход шариат — кодекс правил поведения, в значительной степени подчинивший тейповца тейповому началу, которое с этой поры стало опираться на двух китов — древний адат и «новый» шариат.

Следует признать, что если с Абу-Муслимом в Чечню пришел «простой» ислам, то с Шамилем там появился ислам, вооруженный мюридской идеей, сделавшей доселе малоосознанный чеченскими массами ислам более доступным вероучением, увлекавшим и до сих пор увлекающим даже чеченок.

Однако впоследствии два этих начала вступили в борьбу между собой, что и повело к некоторому разложению тейпового института; в правление Шамиля в XIX веке эта борьба стала склоняться в пользу шариата, так как принцип единоначалия в лице Шамиля-имама — духовного и, вместе с тем, и светского владыки — был в духе воинствующей религии, каковой и является ислам. Древняя роль медиатора в лице тейпового родоначальника стала исполняться муллой и кади, судившим по шариату. Приведенные решения кади в исполнение представлялись судившимся и зависели от степени религиозности их; поэтому, иногда случалось так, что член сильной тейпы, проиграв тяжбу, отвергал шариатское решение и возвращался к адату. Случалось, что хорошо знакомый с адатом из «кругом виноватого» делался правым и исподтишка смеялся над своим противником.[88]

Тейпы, видя эти противоречия, стремились согласовать адат с шариатом и выявить категории правонарушений, из которых одни следовало разбирать по адату, другие — по шариату.

Ни призыв извне князей для создания централизованной власти, ни принятие магометанства, с его светско-иерархическими тенденциями, ни Шамиль, разбивший Чечню на «губернаторства» — «наибства», создавшими подобие государства (шамхальства) — не вывели чеченцев из кланового периода: тейповая конфедерация, несмотря на разброс членов тейп по плоскости, наоборот, при давлении извне усиливала свои центростремительные силы, что, в свою очередь, усиливало значение некоторых тейп в столь сильной степени, что они начинали вновь своевольничать, в результате получалось угнетение одной стороны, что вело к обеднению тейпы, а это обстоятельство создавало настолько тяжелое положение и для тейпы и для отдельных родов, что они решались выходить из горных убежищ и селиться даже в соседстве с казачьими станицами, а с 1818 года — в соседстве с крепостью Грозной. Некоторые из чеченских стариков ту гирлянду аулов, что некогда опоясывала эту крепость в очень близком от нее расстоянии, объясняют стремлением освободиться от давления некоторых глубинногорных сильных тейп.

Наши наблюдения во время экспедиции выявили следующий факт: отсталость чеченской культуры, несмотря на выход части населения на плоскость и на значительные изменения, произошедшие в материальной культуре этой части населения Чечни, на развитие у него полеводного хозяйства вместо древнего полуномадного, сказывается в значительной степени в том, что далеко еще не изжито господство над каждым отдельным чеченцем, над каждым чеченским родом тейпового начала.

Дополнение

Список чеченских тейп[89] по сведениям, собранным во время экспедиции 1929 год

1. Нашхой. Первоначальное обитание тейпы — верховья Мартана, Гехи и левых притоков Аргуна, между р. Кий-хи и устьем Дзуисой-ахк, впадающей в Аргун. По словам стариков, аул Хайбах Галанчожского округа населен чеченцами тейпы Нашхой. Древнейшая чеченская тейпа, давшая ряд ответвлений. Пока считаю возможным высказать предположение, что имя тейпы Нашхой впоследствии распространилось на всю чеченскую конфедерацию в виде Нахчой (Чечня, вернее — «чеченцы»). Основания для нашей гипотезы таковы: фонетические трансформации — Нахчой = Нашхой; «ч» могло трансформироваться в «ш»: у кабардинцев это так и есть — вместо «чечен» они говорят — «шашан». У назрановцев, говорящих нечистым чеченским языком, имеем: «начхи» — «сыр», откуда они производят «начхой» — название чеченца.

По-видимому, имя родоначальника тейпы было не «Наш», а «Нах»; впоследствии оно смягчилось в сложном «Нашахи», «Нашахой», «Нашхой» («нашхойцы»).[90] Таким мы и видим это написание на карте Клапрота (1823): Nachakhi; оно помещено им на том же месте, где и мы его поместили на основании преданий. По законам фонетики «х» смягчается в «ш» — Нах = Наш (чеченская фонетика допустила этот переход перед «х»), и вместо «нах — хой» получилось «нашхой». Переводить здесь «нах» словом «народ», зная и имя родоначальника тейпы и имя тейпы, и зная ее топографию с географическим названием «Нашахо-лам» (Нашхойская гора), как это делает профессор Н.Ф. Яковлев, мы не решаемся.

Так как большинство ичкеринских аулов основано выходцами из «Нашхоя»,[91] то ясно, почему «Нахчой»'ем назывался бывший чеченский округ,[92] состоявшим преимущественно из выходцев из Ичкерии, а последняя, на высказанном выше основании, называлась «Нахчой-мохк[93] — «Нахчойской землей». Если мы не ошибаемся в своих конъюнктурах, научное название чеченцев должно быть «нахчои» (нахчойцы) по имени их основной тейпы «Нашхой» (с родоначальником ее «Наш» (Нах)).

По чеченским, а также по ингушским преданиям, в бассейне Ассы, в районе Хамки близ г. Геалерды-корт, поселился родоначальник тейпы. Эта тейпа колонизировала бассейны реки Армехи (Кистинки). Поэтому совершенно правильно раньше ингушей называли «галгаевцами». Ингушами их прозвали так же неправильно, как и чеченцев: по аулу Ангушт, близкому к Владикавказу; а чеченцев, как об этом прежде было упомянуто, по ближайшему к Тереку большому аулу «Большой Чечен». Профессор Н.Ф. Яковлев предложил называть чеченцев и ингушей одним этническим именем «вейнах» — «вей» — наш, «нах» — народ.[94] Мы считаем, что это название следует отклонить, как необоснованное: корень «нах» в слове «вейнах» пока нет оснований отрывать от имени древнейшей чеченской тейпы «Нах-хой» (Нашхой).[95]

2. Дышни. (Дишни). Эта тейпа родовое свое гнездо имела в бассейне рек, впадающих в Аргун с левой стороны, в пределах нижнего течения реки Кийхи и горы Дугон-Корт близ Итум-Кале.[96] На правый берег Аргуна земли дышнинцев не заходили. Это очень древняя тейпа. Предания наделяют ее даже князем («э-эле»). Она дала колонии в Ичкерию — например, на реке Хулхулау, против Ведено, имеем тейпу «Дышни-Ведень».

3. Тейпа Маисты (Мааста) — древнейшая. С сильным картвельским элементом. Одна из беднейших высокогорных тейп. Район ее расположения — район горного массива. Маистос-мта и хребет Поголам. Северная граница тейпы — река Чанты-Аргун.

4. Малхесты (Малхи). Древнейшая тейпа. Малочисленная. Одна из беднейших высокогорных тейп. Аулы ее расположены по левому берегу реки Чанты-Аргун в очень глубоких ущельях рек Меше-хи и Басты-хи. Самый большой из аулов — Теретего.

5. Чантой (Чанты). Эта тейпа заселяет Итум-Кале и окрестные небольшие аулы. В числе тейповцев много «падухоройцев». Беднейшее население края, считаемое стариками за основное население высокогорной части Чечни.

6. Акки или Акко. Древнейшая чеченская тейпа. Живет в районе истоков Гехи. Носит прозвище «Акки-керестан» — «акинцы-христиане». Некогда дало колонию, развившуюся в тейпу «Аух» (ауховцы). Эта последняя носит характер значительного племени.

7. Шото (Шотой). Значительная тейпа — аулы в окрестностях бывшего укрепления Шатой. Основателем тейпы считается легендарный Шюото, или Шото. Некоторые выводят Шото от «шу» — Черные горы.

8. Харачой — верхнее течение Хулхулау. По мнению одних стариков, основатель тейпы — «подкидыш», которого нашли два брата — Элсан и Дишни. Звали его Хаара-чу; по словам же других, основатель ее — выходец из андийского ущелья «Хаара-чо»; впоследствии к нему приселились грузины, арабы, армяне, евреи. Сильная тейпа.

9. Чермой — по преданию, родоначальник ее еврей. Сильная тейпа.

10. Итон-тейпа. Одна из так называемых «чистых» тейп.

11. Шарой. Сильная тейпа, живущая в бассейне верховьев Шаро-Аргуна; считается «чистой» тейпой.

12. Хиль-Дихерой. Одна из древнейших тейп. «Чистая тейпа».

13. Парсеной. По преданию, родоначальники тейпы — остатки разбитого аварцами персидского войска.

14. Чаберлой. Одна из древнейших тейп. По преданию, она жила в восточной части территории Чечни. «Чаберлойцы» и «падухоройцы» считаются автохтонами. Впоследствии к ним присоединились новые насельники, которые, по преданию, передали им чеченское наречие; этим обстоятельством некоторые чеченцы объясняют те отклонения от общего чеченского корня, которые наблюдаются в языке чаберлоевцев. Нами записано предание о том, что предки чаберлоевцев — группа русских, некогда осевшая в горах. Не делая пока никаких выводов, мы должны отметить, что арабский историк IX века Баладури, умерший в 832 году, сообщает, что арабский полководец Мерван во время набега на Хазарию взял в плен 20 000 славян и поселил их за Кавказом.

15. Турхой. 16. Хуркой. 17. Хой — тейпы, образовавшиеся от разбитых неприятельских войск персиан и турко-монголов. Предание указывает в отношении персов даже эпоху (Надир-шах).[97] Другое предание выводит их из Дагестана.

18. Барзой. Эту тейпу образовали выходцы из Ингушии.

19. Ботерши (в высокогорной части Чечни). Слабая тейпа. Отношение к ней покровительственное: ей приписывают родоначальника из «лай» (раб).

20. Цацохой.

21. Мержой — ответвление тейпы Нашхой.

22. Ялхорой.

23. Кей (или Кий).

24. Теллой.

25. Кичихой.

26. Хаскалой.

27. Халдехой.

28. Гачкалой.

29. Эткалой.

30. Басахой.

31. Терлой.

32. Молкой.

33. Баулой.

34. Тусхорой.

35. Бешбасхой.

36. Ботушхой — близкородственные, первая — Баулой, вторая — Тусхорой.

38. Никарой.

39. Пежой.

40. Басхой (Басахой).

41. Мятш.

42. Беной.

43. Дай — аул Дай на Шато-Аргуне.

44. Сети (Сатто) — родоначальник этой тейпы из тушин (селение Парсани на Пирикительской Алазани).

45. Паметой (Памитой, Памто).

46. Вашендерой.

47. Варанды — родоначальники этой тейпы, по преданию, русские казаки, родственники гуннойцам (гуно) и хевсурам. По общему признанию, лучше обрабатывают землю, чем другие тейповцы, кукурузы получают больше, и обеспеченность их больше.

48. Тумсой.

49. Нихалой.

50. Чиннахой. Аул Ушкале.
51. Келла (ой) — ее тейповцы считают себя тушинского происхождения.
52. Гендергеной.
53. Машкалой.
54. Гуно (Гуной) — ответвление тейпы Нашхой. Живет на Гудермесе. Тейповцы были христианами. Имеют родственников в лице некоторых казачьих родов станицы Червленной.
55. Никарахой.
56. Керлой.
57. Экой.
58. Устаргардой («Георгиевская»).
59. Чартой.
60. Чермой.
61. Карденхой.
62. Биллетой.
63. Белгатой — на реке Аксае. Тейповцы — выходцы из Нашхой за 17 поколений.
64. Эрсеной (Арсеной). Ответвление тейпы Нашхой. Члены этой тейпы в значительном числе живут в долинах Шали, Мартан, Мескер-юрт. Родина тейпы Эрсен-лам, в районе истоков Гудермеса («Гумс» — по-чеченски, «Гуйдур-мес», по-кумыкски, откуда казачье «Гудермес»). Родоначальник тейпы — бухарец Кулаб. Гнездо тейпы — Нашхой.
65. Чаги.
66. Зумсой (Цумсой, Дзумсой) — считает себя грузинского происхождения.
67. Ашхилатой (эхшибатой, эхишбатой) — говорит, что она «фиренгского» происхождения. «Ференками» или «ференгами» в горах, вообще, принято называть европейцев, в частности — генуэзцев. Тейпа Ахшипатой, по преданиям, считается одной из «чистых»; она вышла на плоскость одной из первых (из Нашхой, «Нашахе»), как говорит предание, и настолько усилилась, что, захватив землю, стала взыскивать арендную плату с позднее переселившихся, что поставило от нее в зависимость некоторые слабые тейпы. По другой версии, тейпа эта произошла от того же родоначальника, что и тейпа Эрсеной.
68. Карденхой.
69. Мержой.
70. Халдехой.
71. Эткалой.
72. Гачколой.
73. Молкой.
74. Мереджи.
75. Юкеркелой.
76. Халикилой.
77. Макзой.
78. Джантур-Гурджа — грузинского происхождения.
79. Беной — ответвление тейпы Нашхой — в ауле Беной.
80. Алларой (Аллерой) — аул Аллара. Члены тейпы живут на Аксае. Ее основатель — «Аллериш» — вышел из Нашхоя за 18 поколений.
81. Пешхой — в ауле Пешхой.
82. Садой — в ауле Садой.
83. Эршботой — аул Эршбота.
84. Билтой (Биллетой) — аул Билта.
85. Дзантокой — аул Дзантока.
86. Куршелой (Курчалой) — аул Куршела (Курчали). Основана выходцами из Нашхой, перешла в бассейн Гудермеса из Чаберлоя.
87. Гордали — живет на Аксае. Родоначальник Гордал вышел из Нашхой за 15 поколений.
88. Шуани — живет в бассейне Гудермеса. Родоначальник ее Шуан вышел из Нашхой.
89. Элистанджи — основана на Аксае, за 21 поколение, выходцами из Нашхой.
90. Цонторой — члены ее живут близ исторической горы Кейтыш-корт.
91. Дишни-Ведена — ответвление древнейшей тейпы Дышни (Дишни) — живет на реке Хулхулау.
92. Энокалой — в Ичкерии.
93. Арестенжой.

94. Эйтыкале (Эйтыкалой) — живет на Гудермесе; тейпа основана за 18 поколений выходцами из Нашхой.

95. Энокале (Энокалой) — живет на Гудермесе; основана за 18 поколений выходцами из Нашхой.

96. Ялхой-Мохк — в бассейне Гудермеса. Тейпа эта основана за 15 поколений — несколько столетий назад — выходцами из Нашхой. Бедная тейпа. По преданию, многие занимались батрачеством в сильных тейпах.

97. Ширды-Мохк — в бассейне Гудермеса, основана 15 поколений назад выходцами из Нашхой.

98. Чунго.

99. Мокзо.

Этот список тейп я не считаю законченным, потому что и свое экспедиционное исследование Чечни в 1929 году я считаю далеко не законченным; мало того, в дальнейшем этот список нуждается в проверке путем перекрестных опросов стариков, во-первых, в отношении причисления некоторых тейп к древнейшим, так называемым «чистым тейпам», во-вторых, в отношении признания тейпы или вполне самостоятельной древней тейповой единицей или разросшимся родом позднейшего происхождения.

В настоящее время разложение древней тейпы сделало значительные шаги вперед, и большинство аулов, особенно плоскостных, имеет население, принадлежащее к многочисленным тейпам. Так, например, в плоскостном ауле Большой Атаги мы констатировали принадлежность населения к следующим тейпам: Мятш, Чунгро, Харачой, Паметой, Нихалой, Сатто, Вашендерой, Мокзо, Акко. Однако, как мы отметили выше, это начавшееся разложение тейп, разбросанность ее членов по всей территории Чечни, отнюдь не мешают чеченцам помнить свою метрополию, быть с нею в тесной связи, быстро и резко реагировать на обиду или притеснение, испытываемые кем-либо из однотейповцев. Передают следующий случай такого реагирования: Ногай-мирза из Чермоевской тейпы проезжал[98] через какой-то аул (не его тейпы). Вдруг он увидел незнакомую женщину в ужасе, с криком спасающуюся от гнавшегося за ней с кинжалом чеченца. Женщина кричала: «О, мусульмане, сжальтесь надо мною. Меня убивают безвинно. Неужели не осталось на земле ни одного моего брата, чермоевца, который защитил бы невинную сестру». Ногай-мирза подскакал, крикнул: «Чермоевцы еще живы, шашки их не притупели». Выхватил из ножен свою шашку и зарубил преследователя. Чеченка действительно была чермаевской тейпы.[99] Нам приходилось слышать немало рассказов о взаимопомощи однотейповцев. Тейповская солидарность еще очень сильна.

Примечания

1. Из Итиля через Маджар на Дон, на Тьмуторокань, на Сухум и на Дербент.

2. В это время кабардинцы уже распространили свое влияние по Тереку до устья Сунжи.

3. Колония эта образовалась из рязанских казаков Червленого Яра, бежавших от засилья рязанских князей и бояр, из волжских вольных людей.

4. Отсюда и название «Гребенские казаки».

5. Например, степное пространство, окружающее нынешний Моздок, было покрыто густыми лесами. Само название «Моздок» — кабардинское «Мыздогу» (дремучий лес) — указывает на лесные заросли.

6. В стихотворении М.Ю. Лермонтова (1830) «Валерик» встречаем упоминание о больших лесах на плоскости: «Раз, это было под Гехами, мы проходили темный лес».

7. История России С.М. Соловьева, VI.

8. Это обстоятельство доказывается многочисленными турко-монгольскими географическими названиями.

9. Дарьял, по мнению акад. В.Ф. Миллера, испорченное Dari alan — «Двери алан».

10. Точнее — дагестанско-чеченской группы. Другие (Трубецкой) чеченский язык объединяют в одну группу с близкородственными чеченскому языками — тушинским и цовским (Тушино-цово-чеченскую).

11. Именно члену экспедиции Х. Яндарову, природному чеченцу, ученику академика Н.Я. Марра.

12. Осетинские корни в чеченском языке, по определению Х. Яндарова.

13. Это виды древней материальной культуры насельников верхней Кубани, где присутствие алан в X веке доказывалось и академиком В.Ф. Миллером («Осетинские этюды»), а также картой Ламберти (XVI век) и нашими разведками. Этому предмету нами посвящается отдельное специальное исследование. А пока отметим, что среди трех нами отмеченных видов чеченских башен один явля-

ется тождественным с башней аланского периода в Верхней Кубани, именно с башней Мамиа (она же Гошеях-кала) в ауле Хурзук; не умевшие делать сводов из отдельных частей с замковым камнем в средине аланы из монолитов высекали полулунный свод, окружая его ступенчатыми выемками для удобства скрепления этого монолита с каменной кладкой всего сооружения; то же мы находим и в чеченских башнях (Итум-Кале, Ушкалой, Басхой, Эт-Кале).

14. По-чеченски — Дакуахэ.

15. Район Введенского округа.

16. В районе «Новых промыслов» в Грозном.

17. В этой древней земляной крепости находили древние среднеазиатские и китайские монеты. К доказательствам пребывания в этих районах турок следует отнести следующие турецкие названия аулов: Ханикале, Башин-Кале, Учкала, Улус-Керт, Бекум-Кале, Байсунгур, Шахгирей, Гучун.

18. В район Дарияльского ущелья.

19. От чеченского слова «лам» — гора, горный хребет. Этот термин следует отличать от слова «корт» — отдельная гора, и, наконец, от слова «гуда» — пик, вершина. Таким образом, известная на Военно-Грузинской дороге «Гуд-гора» может быть в переводе названа «Гора-гора»; «гуда» и по-ингушски имеет то же значение.

20. «Сборник сведений о кавказских горцах», VI, стр. 11.

21. См. стихотворение М.Ю. Лермонтова «Валерик»: «Из гор Ичкерии далекой слетались толпы удальцов».

22. В начале прошлого века (см. карту Клапрота 1823 г.) Фортанга называлась тоже «Мартан» или «Фартан Карабулакский» в отличие от нынешнего Мартана, который в 20-х годах (см. ту же карту) назывался «Мартан» или «Фартан Чеченский». По-кумыкски «карабулак» — черный поток.

23. Некоторые чеченские народные предания слово Шотой (русифицированное Шатой) производят от родоначальника тейпы Шотой — «Шюото».

24. По легендарному народному преданию, записанному нами в соседнем ауле Большой Атаги, «Чечен-аул» был когда-то так велик, что «один чеченец, задумавший объехать вокруг аула, заморил своего коня».

25. Y. Klaproth. Voyage au mont Caucale eten georgue. Paris, 1823, II.

26. Сборник сведений о кавказских горцах, VI, 4.

27. Это имя на карте, изданной им в Париже в 1823 году, напечатано таким же большим шрифтом, как имя Ossetes и Tcherkessej.

28. На карте Клапрота район близ Эндери называется Bourtouna. Вспомним племя «буртасов» (в написании арабских историко-географов Масуди и Эльбалхи), живших в бассейне Волги и Оки, подчиненное хазарам, торговавшее мехами, полукочевое племя; с другой стороны, вспомним ряд народных легенд (приводим ниже) о древних переселенцах в Чечню, и мы не можем исключить вероятности об этническом сходстве этих двух имен («burtas» и «bourtouna»).

29. У нас имеются некоторые сомнения в правильности перевода некоторыми этого слова словом «народ». У чеченцев отвлеченные понятия не фиксированы отдельными словами, например: у них нет словестного выражения понятия «животное». Поэтому термин «нахчой» следует искать в этнической чеченской топонимике. У. Лаудаев, природный чеченец, писавший о чеченцах в 1872 году, сообщает: «Собственно нахчой называется общество бывшего Чеченского округа; прочие же общества, лишь поверхностно называются этим именем, имеют каждое для себя особые названия». («Сборник сведений о кавказских горцах». «Чеченское племя», стр. 4). У нас имеются веские основания считать название всего народа «Нахчой» стоящим в тесной связи с этническо-географическим термином «Наш-хой». К этому предмету мы вернемся ниже.

30. Абзац дописан (*прим. сост.*)

31. Сборник сведений о кавказских горцах, VI, ст. V. Лаудаева, стр. 1. См. ниже о тейпе «чаберлой».

32. Там же, стр. 36.

33. В чеченском языке находим элементы и древнерусского, например, мы отметили чеченское слово «сини» — яркий, такое же значение слово «синий» имело и в древнерусском языке, например — в «Слове о полку Игореве» (XII век) «синие молнии», чеченское «раго» — сарай, ср. русск. «рига».

34. Там же, стр. 37.

35. Научный сотрудник Х. Яндаров, кроме 600 корней праосетинского происхождения, нашел несколько сот корней турецкого происхождения; что касается картвельского языка, то, начиная с названий дней недели и кончая многочисленными предметами материальной культуры, в чеченском языке находим значительное количество картвельских корней.

36. Малхестинский «город мертвых» был осмотрен и сфотографирован членами нашей экспедиции — А.Д. Панкратовым и П.П. Овчаренко.

37. Здесь есть тропинка по ущелью Аргуна, но она очень опасна вследствие оползней (сланцевые породы).

38. Академик Марр, Трубецкой, Дирр, Услар.

39. На карте Клапрота, приблизительно в этом же районе (карта Клапрота очень схематична) значится общество «Nachakhi». Весьма значительное число тейп выводят своих родоначальников, как увидим ниже, из указанного этногеографического района Нашхой.

40. Сущность сказания в том, что Итон, выходец из Грузии, сумел организовать угнетенных Дышнинским князем «падехоройцев», плативших ему подать и пасших его скот, и освободить их от власти феодала. Этот Итон и был основателем тейпы и тейпового гнезда аула Итум-Кале.

41. И чеченское предание, записанное нами, и самое наименование тейпы («парс», «фарс») указывают на ее персидское происхождение.

42. Несколько севернее Ведено, в этой широкой долине реки Хулхулау расположен аул того же имени: «Ца-Ведень» («огненная долина»).

43. Это было своего рода «secellio in montem lacram», если этой горой считать массив Маистис-мта.

44. В наибстве Мичик: Гертмени, Мацук-Ирзау, Гельдыген, Курчели, Инди-юрт, Май-ортуп, Автур (Автуры), Али-Султан, Джагурт, Дюш-юрт, Аку-юрт, Пхинуин; в наибстве Шали: Саид-юрт, Мурдан-юрт, Эсни-юрт, Цацун-юрт, Сартын, Шерди, Агапа-шой, Шали, Саль-юрт, Басен-берд, Мазаин, Мусаин, укрепление Чахкери (Воздвиженское), Бердыкель, Алда (Алды), Урус-Мартан, Аршты-Мартан.

45. «Сборник сведений о кавказских горцах», VI. Линевич. Карта горских народов, подвластных Шамилю.

46. Катыр-юрт, Валерик, Шама-юрт, Хадис-юрт, Кулары, Алхан-юрт, Гехи, Урус-Мартан, Гойты, Алды (один из самых больших в Чечне), сильные торговые центры — Атаги, Б. Чечен, Бердыкель, Шали, Герменчук, Автуры, Гельдыген, Курчалой, Маюртуп, Бачей-юрт, Цонторой, Аллерой, Элис-хан-юрт, Исти-су, Гудермес, Кошкельды, Герзель-аул, Мискир-юрт, Дуба-юрт, Устар-Гардой, Энгель-юрт, Шалажи, Ойсунгур, Нойберды, Кади-юрт, Азамат-юрт, Амираджи-юрт.

47. «Чеченхой» называются жители Чеченской плоскости бассейна Аргуна. Они же называются так же «Нахчой».

48. Это случилось, по преданию, около 100 лет назад; «ламройцы» потеряли до 500 человек.

49. При впадении последнего построено русскими в 1858 году Шатоевское укрепление, ныне значительный торговый пункт, курорт.

50. А.И. Гозулов «Морфология населения», 113.

51. Из общего числа тейп, доходящего, по собранным нами тейповым названиям, до <...>.

52. Фраза «точный список этих тейп в текущую стадию изучения социального устройства Чечни еще затруднительно составить, так как в каждом ауле мы встречали его варианты по отношению к некоторым тейпам» вычеркнута в рукописи (*прим. сост.*)

53. В районе близ Хасав-юрта. Тейпа Акки получила прозвище Акки-«керестан» — «христианская».

54. Остатки этих виноградников, некогда разведенных на терасссах, находятся близ аула Итум-Кале у подножия аула Басхой. Чеченцы, недавние магометане и, будучи христианами, вернее полухристианами, и соседями кахетинцев, возделывали виноградники и пили вино, по преданию, из рога. Желательно возобновление этих виноградников.

55. «Гаар» или «гаара» — род или ветвь одной фамилии — тейпы.

56. «Нека» — боковая линия главного рода.

57. Например, основатели ряда аулов и новых тейп в Ичкерии, в числе 18 человек, выводятся преданием из Нашхоя (И. Попов. Ичкерия, 23. Сборник сведений о кавказских горцах, IV).

58. Следует отметить, что древняя чеченская семья имела форму семейной или дворовой общины, «задруги»: на одном подворье жило несколько семей, близкородственных — братьев, сыновей с женами и детьми, достигая несколько десятков человек. Это явление не изжито в полной мере и в настоящее время, и наблюдалось нами, например, в ауле Большой Атаги.

59. В Итум-Кале нам удалось найти остатки тотемизма: в данном случае тотемом был кабан, когда-то полезнейшее для человека, по преданиям, животное в чеченских горах.

60. Е.Б. Пашуканис. Общая теория права и марксизма. М., 1924, с. 147.; профессор А.М. Ладыженский «Черкесы». Журнал «Революция и Горец», № 2, 1928., Steinmets-Reise durch die Hohländer, профессор Г. Шпет. «Введение в этническую психологию». М., 1927.

61. Здесь это разложение тейпового единства пошло быстрее в связи с переходом чеченцев на земледелие и в связи с ослаблением внутриродовых скреплений и притоком чужеземцев, садившихся с разрешения тейпы на землю.

62. В предыдущий базарный день (среда) житель селения Басхой поручил одноаульцу свести на базар и продать барана. Тот выполнил поручение, но денег не отдал; в возникшей ссоре владелец барана был убит. Убийца бежал. Родственники убитого громогласно объявили: пусть родные убийцы носа не показывают на базар. Этой угрозы не могли снести два парня по 20—25 лет и явились на базар.

63. Фотография снята фотографом экспедиции 15 минут после акта мщения в местной амбулатории. Раненый, не морщась, а спокойно куря данную ему папиросу, смотрит, как перевязывают его родственника. Чеченцы стоически и с гордостью переносят невыносимые иногда боли.

64. Старший врач Шатоевской окружной больницы рассказал нам об одном из таких случаев

публичного выявления презрения к болевым страданиям: изрезанный кровник, схватив со стола горсть соли, не морщась посыпал ею свои ужасные раны, повторяя по-чеченски: «Пустяки, пустяки!».

65. У. Лаудаев «Чеченское племя». Сборник сведений о кавказских горцах, VI, 50.

66. Общества: Мичиковское, Шали, Гехи, Шубут (Шаровское), Ичкерии, Шаро и Нашах (смотри карту Шамиля. Сборник сведений о кавказских горцах, VI).

67. В глубине близ Тебулос-мта, на границе с Хевсурией.

68. Малхесты — тейпа, соседняя с Маистинской тейпой. Обе — древнейшие тейпы: они до сих пор в значительной чистоте сохранили тейповые традиции, и их старшины до сих пор служат для всей Чечни своего рода юрисконсультами в вопросах древнего адата, в разборе земельных границ, иерархии тейп, степеней родства.

69. Выше мы видели, что комплекс факторов, вызывающих кровную месть, не целиком доходит до сознания мстителей: если они и говорят, что не хотели убивать, а только хотели пролить кровь убийцы или его родственников, то все-таки не могут сказать, почему.

70. Зарегистрирован членами экспедиции ряд случаев неимения нижнего белья: его заменял грубого ткания шерстяной бешмет. Бедность чеченцев, по преданию, доходила до того, что убивали из-за рубахи, из-за бешмета, из-за пояса.

71. Лаудаев. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах, VI, 26.

72. Op. cit., 27.

73. Степные войны не только были сами закованы в сталь и даже в ратную «броню», но и их лошади были своеобразно забронированы.

74. Записано в ауле Шатой.

75. Некоторые чеченцы произносят: «Кутыш-корт» (ср. Х. Ошаев «В сердце Чечни». Грозный. 1928, стр. 4).

76. Русскими назывался «Андреевским аулом».

77. По преданию, отсюда было значительное число рабов-кахетинцев. Попадали в рабы и тушины.

78. А.И. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа. 1868, стр. 44.

79. Интересное наблюдение: чеченцы-отцы и в настоящее время очень бережно относятся к свободе действий сыновей. Нам пришлось просить одного чеченца послать сына с нами в соседний аул в качестве проводника. Отец охотно согласился, но при этом заметил: «Надо у него спросить, хочет ли он идти».

80. Горные кавказские аланы были христианами.

81. Турецкое слово «шахар» — город.

82. Например, в «Мингрелии» А. Ламберти — первая половина XVII века.

83. В соседнем, но уже находящемся в Грузии Хевсурском селении Шатили тоже в большом употреблении домотканая шерстяная длинная рубаха.

84. Шатоевский район.

85. Высокогорный район.

86. По сведениям, относящимся к 1859 году, последняя чеченская тейпа приняла магометанство в 1750 году (А.П. Берже. Чечня и чеченцы. Кавказский календарь. 1860 год).

87. Изучение религии у этих народностей дает представление о бывшем у чеченцев православии: это тот же языческо-христианский религиозный конгломерат, дошедший до наших дней. Среди чеченских тейп есть несколько тейп грузинского происхождения (А. Камараули. Хевсурия. Тифлис. 1929 год).

88. У. Лаудаев. Чеченское племя. 30.

89. Раньше в значительно большей степени, чем в настоящее время, были в употреблении кроме «тейпы» названия «тайпан», «тайпаныш».

90. «Нашахи» — сложное слово. Собственное имя и слово «хи» — река; это слово в чеченском языке «эыкли» — <…>, ср. р. Кии-ху, Ге-ху, Гасты-ху, р. Меше-ху.

91. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. «Ичкерия» И.М. Попова.

92. Чеченским округом в 60-х годах называлась территория плоскостной Чечни (смотри карту Берже 1854 год).

93. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI. Лаудаев. «Чеченское племя», 5.

94. См. Н.Ф. Яковлев «Ингуши».

95. Пункт вычеркнут в рукописи (*прим. сост.*).

96. Аул имени этой тейпы — «Дишни» — имеется на карте, изданной Берже в 1859 году («Кавказский календарь» за 1860 год), помещен он в районе нынешнего аула Ошни.

97. Лаудаев, 10.

98. 60-е годы XIX века.

99. У. Лаудаев. Сборник сведений о кавказских горцах. VI. 30.

Рукопись без указания даты. Приблизительно 1929—1930 годы

Текст первой части рукописи печатается по источнику:

ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 172. Лл. 1—56. Машинописный экземпляр.

А.Н. Дьячков-Тарасов
Экскурсы в область культуры Чечни

Часть II. Род и семья

Содержание

Чеченский род («гаар»)

«Гаар» и «лам». «Нека». Родовая башня. Дележ земли. Самоуправление. Родовая солидарность.

Чеченская семья (дёзоу)

Патриархальность семьи. Отношения между отцом и сыновьями. Отношение отца к дочерям. «Большая чеченская семья» («задруга»). Угнетенность чеченки. Правовое ее положение и криминальные случаи. Чеченская девушка. Факты пробуждения правосознания. Чеченские дети и общая характеристика их и бытовых условий их воспитания. Чеченка как семейный воспитательный фактор.

Чеченский род («гаар»)

Чеченский род («гаар») объединяется основным хозяйственным фактором — скотоводством; физически это начало выражается в «родовой горе», в родовом «ламе», который служил даже предметом культа: у чеченцев существует древнее выражение — «увидеть свой «лам» — «быть самым счастливым человеком»; умирая на чужбине, чеченец вспоминает, по словам стариков, не жену и детей, а свой «лам». Понятно, поэтому, с какой силой сопротивления отстаивал «гаар» свой прадедовский «лам», свою «гору». «Ир» — аульная полуродовая община, существующая в горах у мелхистинцев и маистинцев[1], также считает свой «лам» священным местом.

Этот культ родового «лама» основывается, кроме того, и на древнеязыческом культе солнца (Цей): по чеченским преданиям, записанным нами, на вершинах «лам» старейшины гааров и тейп (тохум) приносили солнцу в жертву детей; легенда донесла до нас и повод к прекращению этого жертвоприношения, напоминающий легенду про киевского отца, христианина-варяга, хотевшего спасти своего сына от жертвоприношения его Перуну[2].

Старики-чеченцы с почтением говорят о древнейшей тейпе Нашхой и чтут место ее пребывания наравне с «Малхесты» и «Маисты», а древний «лам» нашхойцев до сих пор служит предметом особого почитания — он так и называется «Нашхойский Лам» («Нашахо-лам»)[3].

Древний чеченский род (гаар), являясь веткой («нека») тейпы (клана), имел с другими гаарами общего родоначальника; значительная часть родоначальников являлась выходцами из Нашхоя: как мы отметили в очерке о тейпах, в одном только Ичкерийском тейповом районе можно насчитать 18 тейп происхождения из окрестностей горы Нашхой-лама.

«Лам», являясь колыбелью «гаара» и в то же время естественной крепостью, с крутизны которой «ламройцы» с успехом могли защищать и свое стадо и свои семьи, был еще усилен родовой башней («бау»; у ингушей «вау»); некоторые из башен были приспособлены для постоянного житья, другие — боевые («бау») — служили для отсиживания во время нападения. Башни обыкновенно строились в неприступнейших местах «лама»; нами, например, зарегистрирована группа башен на конце неприступнейшего скалистого «гребешка», причем основание башни посажено на гребень так, как верховой садится на седло; таким образом, оба склона гребня мы находим на нижнем этаже башни, площадь основания которой всего 28 кв. метров. Древний «Лам» служил одновременно и местом летнего выпаса скота и местом культуры ячменя. Впоследствии, с отходом многих «гааров» в Ичкерию и на плоскость, «лам» оставался для многих гааров местом, куда ими перегонялся скот на летние пастбища. Даже давно отселившийся гаар имеет свой «пай» на «Ламе» и поддерживает свои права не из-за эконо-

мических побуждений, а из-за древнеродовой солидарности. Родичи, оставшиеся на горе, на «ламе», посылают изредка незначительные подарки родственникам — «пайщикам».

Родовые предания сообщают о процессах образования родовой общины. Приведем одно из них о роде Вашенды. Родоначальник Сулдан жил в ауле Салой[4]. Седьмым родоначальником после Сулдана[5] был Вааша[6]. Вааша и основался со своим родом близ нынешнего аула Улус-Керт, между двумя речками (по местной топографии — «междуречье Вашендеройское»). Могила Вааша существует до сих пор на старом Вашендеройском кладбище, находящегося среди аула. Это случилось 390 лет назад, по словам рассказчика. Род Вааша был сильный, имел рабов; это обстоятельство дало ему возможность расширить родовые владения. Дойдя до аула Зонаха, он здесь укрепился в башне, и стал вести борьбу с соседями за пастбище, и настолько удачно ее повел, что его пастбища стали граничить на востоке с чермоевцами (аул Махкеты на реке Джалке); на юге он занял землю до паметойцев (тейпа Паметой сидела в районе нынешнего Шатоя), а с запада дошел до земель хаккойцев (Хакко); мало того, Вааша наложил дань на тейпу Варанды[7]. Однажды Вааша на охоте в дремучих лесах, покрывавших район Черных гор и, в частности, территорию нынешней Вашендеройской тейпы и богатых дичью, особенно свиньями и козами, устал и заснул на том месте, где в настоящее время имеются в ауле Вашендерой остатки двух башен. Ложась спать, Вааша воткнул свою палку в землю. Проснувшись, он увидел, что ласточка свила на палке гнездо[8]. «Это место будет для меня счастливым», — сказал Вааша и нанял строителей башен; они были греками и построили для него две башни. Имея укрепленную базу, Вааша, а затем и его сыновья, вели разбойничью жизнь и нападали на «безбашенные» соседние роды (например, на нахалойцев), пригоняли к себе отбитый у них скот и, пользуясь защитой башен, легко отбивали преследования пострадавших. Однажды при набеге на хаккойцев, вашендеройскому клану пришлось потерпеть поражение и потерять 7 человек убитыми; со стороны хаккойцев потеря была такого же размера, но у хаккойцев был убит их гость, что в сильнейшей степени озлобило хаккойцев, так как по адату они должны были подвергнуться насмешкам со стороны соседей как бессильные в деле охраны «священной особы гостя». И, таким образом, между соседними родами война продолжалась, на почве кровной мести в течение 100 лет, пока, наконец, не удалось тейпам примириться, причем, вашендеройцы принуждены были заплатить за убитого некогда гостя натурой и отдать «Гатинкалинскую гору» (лам)[9]. Один из «лай» (рабов) Вааша, по имени «Удом», стал вольноотпущенником и, вместе с тем, родоначальником гаара — «удом». Этот гаар не имел права владеть рабами, а также не был принят в тейпу Вашендерой. Браки между удомцами и вашендеройцами были запрещены. Последние за убитого удомца не начинали мстить. Эта эпизодическая история одного из родов характеризует междуродовое и междутейповое положение, как первобытное патриархальное, горное, полуномадное общество с тенденциями феодального порядка: рабство, набеги и вассалы (варандойцы платили дань).

* * *

Таким образом, гаары, родоначальником коих был «лай», были до известной степени изолированы. Гаар, отстаивая до последней степени свои права на родовую территорию, вместе с тем никому из членов рода не разрешал права личной поземельной собственности: земля была всех родичей и входила, как часть, в общую территорию клана (тейпы, тохум).

Каждый год, весной, все родичи являлись на свои земли и делили их на столько ровных дач, сколько домовых очагов считалось в тейпе; затем бросали жребий и разбирали свои участки. Получивший свой годовой участок член гаара делался его полным хозяином на целый год: сам его разрабатывал, или отдавал в аренду, или оставлял невозделанным. Что касается лесов, то в виду бывшего их изобилия, каждый мог рубить, где хотел; причем вырубленная и вычищенная от корней поляна становилась частной, неотъемлемой собственностью. Так поступили чеченцы в аулах по Сунже и по Тереку, и в глубине Чеченской плоскости, покрытой в 40-х годах прошлого столетия непроходимыми лесными массивами.

Самостоятельность гааров характеризовалась тем фактом, что каждый из них управлялся совершенно самостоятельно. Старший в гааре был медиатором в ссорах одногаарцев. В ауле, где жило несколько гаар, каждый из гааров выбирал своего старика; все они сходились, судили приходивших к ним и выносили постановления, но последние не являлись обязательными для тяжущихся приговором; они имели, скорей, моральное значение: им обыкновенно подчинялись, но были случаи, когда недовольный решением стариков не исполнял приговора; особенно часто это случалось, если обвиненный чувствовал за собой силу гаара или тейпы. Важные дела, касавшиеся всего гаара, решались на сходке. Последнюю мог собрать всякий: взо-

бравшись на минарет мечети, он, как ныне мулла, кричал на весь аул. Родичи сбегались на площадку перед мечетью и выслушивали сообщения. Если мнения делились поровну, и никто не хотел уступать, вопрос решался силой, возникало побоище, в результате которого могло быть и отселение группы недовольного меньшинства.

Если созвавший родовое «вече» беспокоил своих родичей по пустякам, то все-таки он выслушивался ими, и толпа, расходясь, не выражала негодования за нарушение ее покоя.

Личные обиды и важнейшие преступления (убийство, насилие) не подвергались суду рода. Мстил сам пострадавший, или, если он был убит, за него мстили его ближайшие родственники, но дело могло дойти и до дальних родичей, если «канлы» затягивалось.

Междуродовые ссоры и преступления разбирались по адату. Противники — члены одного рода — выбирали одного или двух судей, но непременно из другого гаара или тейпы. Судьи выслушивали каждого отдельно и затем произносили приговор; требовались свидетели, совершеннолетние, один или два со стороны истца; без свидетелей судебного решения не выносилось. Если жалобщик не мог найти свидетелей, то судьи прибегали к Корану: обвиняемый клал руку на Коран и говорил. Этого было достаточно, и подсудимый оправдывался, если правдивость его слов подтверждали на Коране шесть указанных им свидетелей.

Очные ставки не требовались, и свидетели, во избежание мщения, допрашивались в тайне. Приговор судей мог виновной стороной и не исполняться, в этом случае пострадавшему предоставлялось право компенсировать себя по своему усмотрению: украсть у обидчика лошадь, корову или вещь.

До самого последнего времени такие серьезные вопросы, как земельные недоразумения, решались на «махкама», и тейпы старались строго держаться его решения. Во времена Шамиля, занятого военными действиями, адат продолжал царить в отношении кланового права на землю; причем, во всяком затруднительном случае решала своего рода высшая (адатная) инстанция — старики кланов Маисты или Малхесты.

После Шамиля в дело адата, нормировавшего поземельные, а стало быть, и лесные угодья в отношении каждого отдельного клана, в земельное дело Чечни вмешалась русская государственная власть и наложила свое veto на часть лесных массивов Чечни, объявив их государственной собственностью и назначив туда казенных лесничих и казенных сторожей.

Чеченские же тейпы, считая их своею исконной собственностью, имели в этих лесных массивах своих лесных стражников; последние следили за действиями первых, а казенные стражники за действиями последних. Все это вело к недоразумениям, выражавшимся в том, что в лес, принадлежавший данной тейпе, с разрешения казенного лесничего, вторгалась другая тейпа. Так, в 1912 году хакмадойцы вступили в бой с ичильдоевцами (исильдоевцами) из-за того, что последние начали рубить дрова в лесу, принадлежавшем первым; в том же году шароевцы подрались с сандакоевцами из-за лесного участка, вошедшего в зону казенных лесов.

* * *

Родовая солидарность выражалась особенно ярко во время голода или внешних неприязненных давлений. Род органически не может переносить, чтобы в его среде кто-либо просил милостыню; поэтому, в Чечне вы не увидите нищих.

Род помогал семьям, лишившимся своих глав и мужской силы.

Родовая солидарность, с другой стороны, служила причиной прямого разорения семьи, обязанной устраивать поминки по умершем главе семьи, сзывать всех родичей на угощение, похожее в некотором отношении на греческую гекатомбу.

Родовая солидарность особенно ярко чувствовалась во время войны. Родичи выступали на войну, организуя особый отряд; во время боя ревностно помогали друг другу и, считая за бесчестие для рода, всемерно старались вынести из боя тело убитого родича и привезти его в аул, чтобы похоронить его на родовом кладбище, чтобы поколения родичей, глядя на длинный шест, ставящийся у могилы убитого в бою, вспоминали своего храброго предка.

Дёзоу (чеченская семья)

Чеченская семья патриархальна по своим формам, но, вместе с тем, она не накладывает на мужское ее поколение того рабского подчинения, которое находим у других патриархальных народов по отношению к внутрисемейным взаимоотношениям. Пока дети малы, пока они не могут сопротивляться насилию, они находятся в совершенной зависимости от отца, но едва

они вступают в юношеский возраст, едва научаются владеть оружием, они уже делаются способными оказывать сопротивление отцу, даже физическим действием; это, однако, отнюдь не препятствует им выражать ему все свое внимание, все знаки уважения: при входе отца сын встает и не смеет сесть в его присутствии. Сын всячески помогает отцу в тяжелые минуты; сын — истинная опора семьи, но вместе с тем, перед адатом и отец, и сын равны. Мало того, «канлы» может иметь место между сыновьями и отцом, если последний убивал одного из своих сыновей; бывали случаи, что братья убивали отца за брата (фотография 1).

Фотография 1. Дед с внучатами. В бытность его отцом малолетних детей адат запрещал их ласкать на людях. Теперь дед наслаждается своим правом это делать. Старику 83 года. Бодр и весел (аул Вашендерой).

Даже при поверхностном наблюдении во время посещения чеченской семьи вы можете заметить осторожность в обращении отца к сыну: отец никогда не крикнет, не ударит его (ругательства, вообще, у чеченцев не практикуются).[10] Удивительное проявление сознания своего достоинства отличает чеченца с юношеских лет; понятна поэтому та стойкость, которую чеченцы проявляли в боях за свободу и которую они проявляют при перенесении физических страданий, как это мы указывали выше. Отношения между отцом и взрослыми сыновьями похожи на отношения друзей. Эта особенность чеченской семьи могла бы составить тему отдельного исследования. На свое домашнее имущество и отец, и сыновья имеют одинаковые права, и если сыновья задумают отделиться, отец не может сопротивляться этому: адат будет против него. К этому выделению обыкновенно вынуждают поступки отца: например, если отец при наличии в семье взрослых сыновей задумает жениться, последние могут потребовать, чтобы раздел предшествовал его свадьбе на том основании, что будущие их братья не имеют права на равную с ними долю в наследстве, так как отцовское имение нажито их трудами. Был случай, когда после смерти отца сыновья от первого брака потребовали от своих братьев от второй жены отца раздела имущества поровну между всеми братьями семьи. Дело перешло к старикам, и те по адату решили так: все имущество отца было разделено на число всех братьев этой семьи, и каждый из детей от второй жены получил свою часть той доли имения, которая досталась отцу после первого раздела.

Совершенно иные отношения у отца к дочерям: последние подчинены отцу, пока они находятся в его доме; он их содержит, как хочет, и выдает замуж, за кого хочет. В дележе отцовского имения дочери не участвуют; поэтому за совершенное кем-либо из членов семьи ни дочь, ни дети ее, по адату не отвечают. В случае смерти отца незамужнюю дочь содержит или старший брат или ближайший старший родственник; они обязаны ее и замуж выдать. Однако у женщины все-таки есть своя собственность — это ее калым, который ей выдается отцом при выходе замуж, и все подарки, полученные от жениха; без согласия жены муж не смеет распоряжаться калымом и, если бы он вздумал в этом отношении принуждать жену, последняя, по адату, может обратиться за помощью к своим родственникам.

Подчинение чеченки мужу безусловное. Муж является домоправителем, слово которого не подлежит обсуждению. В чеченской семье мы никогда не слышали перебранки. Нам пришлось неделю прожить в громадной чеченской усадьбе в ауле Большой Атаги; в ней жило шесть взрослых братьев со свои многочисленными семьями. Полная тишина царствовала

Фотография 2. Женщины даже в поле, вдали от аула, не смеют садиться в присутствии мужчин (высокогорная Чечня близ Башин-Кале). Снимок сделан на перекрестке, когда происходило деловое полевое совещание.

в этой семейной общине во всякое время дня; ее нарушал только лай собак и окрик женщин на коров во время загона их в стойла для доения; даже дети не кричали и не дрались. В Чечне, особенно в плоскостной Чечне, такие семейные общины еще сохранились; число членов этой «задруги» доходит до 80 человек; в старое время эта семья имела, по словам стариков, до 150 человек. В этой семье мы видим эмбриональную форму рода. Старший брат без совещания с младшими братьями ничего не предпринимает. Замечательна солидарность этой разросшейся семейной единицы: общность хозяйств тесно сплачивает отдельных ее членов, и все с уважением относятся к работе каждого; мне приходилось присутствовать при вечернем дележе только что сдоенного от 10 коров молока — оно делилось на 6 семей, по числу ртов, причем, ни разу я не заметил проявления ни с чьей стороны какого-либо недовольства. И если бы не невыносимая подчиненность жены мужу, чеченская семья могла бы служить примером для русской крестьянской. Чеченка — бессменная работница мужа, безропотно сносящая его выговоры, рабски исполняющая его приказания; она — батрачка мужа, не смеющая ни есть при нем, ни разговаривать с ним, ни называть его по имени (фотография 2).

* * *

В аулах на магистральных чеченских дорогах мы уже видели другие, более культурные формы отношений между мужем и женой, но в глухих аулах — древний семейный адат царит попрежнему: жена не только холопка, она носильщица тяжестей, она — полевая работница, она — доильщица, поводырь быков, в то время как ее супруг, важно, в бурке, с ребенком на руках восседает на арбе.[11] Одна из самых тяжелых работ, выполняемых чеченской труженицей с детских лет до могилы, — это ношение воды в огромных медных кумганах, емкостью до 15 литров; с такой тяжестью на плечах чеченке приходится несколько раз в день спускаться и подыматься на значительную высоту (фотография 3). Из-за такой затраты сил чеченки отличаются худобой, но вместе с тем и значительной физической силой; руки 40-летней труженицы костлявы, морщи-

Фотография 3. Председательница женотдела Шатойского округа, вдова, несет по грязи из водоема воду (аул Шатой).

нисты и жилисты, в своих действиях чеченка очень ловка и грациозна. До мелочей доходит индифферентность мужа к заботам жены: на Итум-Кальском базаре мы наблюдали старуху, опустившуюся из аула, утопающего в облаках (Дюэрхе), продать петуха; оказалось, что совершенно здоровый и бодрый старик послал ее с этим поручением, а сам в это время сидел со сверстниками и болтал, простругивая палочку; старухе было 72 года. Продала она за 1 рубль петуха и купила 5 фунтов соли. Этот факт я зарегистрировал предлагаемым фотоснимком (фотографии 4, 5).

Несколько минут спустя после этого фотоснимка мы наблюдали следующий случай, характеризующий и труд женщины, и супружеские отношения, и силу адата по линии «хорошего тона». Через широкий и бурный горный поток, терроризирующий в половодье все население Итум-Кале угрозой смыть близлежащие сакли, перекинуто узкое, длинное, шаткое бревно. Молодые супруги спешат на базар. Он в чувяках, свободно размахивая ничего не несущими руками, ловко, как кошка, шагает легким горским шагом по бревну; она, нагруженная бурдюком с коровьим маслом на спине, с ворохом овечьих кож под мышкой, едва осмеливается свободной рукой прикоснуться к рукаву быстро шагающего мужа и, хотя и ловкая, как кошка, но, видимо, боится упасть в речку, в которой накануне утонула девятилетняя девочка (фотография 6).

Впечатление от снимка: владелец в сопровождении рабыни; муж, демонстрирующий перед базарной толпой полное знание хорошего семейного тона: у себя в руках ничего — все на руках у жены; жена, тоже знающая «хороший тон», не конфузит мужа: идет за ним, несет груз и едва осмеливается дотронуться до руки своего главы. Ту же картину мы можем наблюдать где-либо у озера Нианца. Несомненно, это древнейший адат, но он в значительной степени поддерживается и шариатом. Однако мы были бы односторонни, если бы обобщили эти факты в мысль, что чеченская женщина — обезличенное адатом и шариатом существо. Достаточно побеседовать с какой-либо из представительниц чеченских женотделов, чтобы вынести заключение о значительных потенциальных психических силах, заложенных хозяйственным бытом, борьбой с природой и бурной историей Чечни (фотография 7).

Фотография 4. Старуха, принесшая из высокогорного аула на базар в Итум-Кале за версту продавать курицу и петуха. Старик-муж не смеет этого делать.

* * *

Чеченка, прежде всего, необыкновенно ласкова, вкрадчива, но вместе с тем горда, хотя и хорошо понимает, что мужчина считает ее ниже себя; она против этого взгляда пока не борется, за исключением нескольких встреченных нами представительниц женотдела, являющихся убежденными сторонницами равноправия сторон. Чеченка, при свободном (без давления со стороны отца) выборе себе мужа, предъявляет к нему очень высокие, с чеченской точки зрения, требования: он должен быть смел, предприимчив, физически силен, остроумен; о красоте лица она не заботится — как-то досадно было смотреть в маленьком ауле близ Шатоя на красивую чеченку грузинского типа и крючконосого, хотя и стройного и широкоплечего, обросшего до глаз ее мужа (фотография 8).

Чеченка, однако, адатом, в некоторой степени, ограждается от жестокости со стороны мужа: последний, по адату, не имеет права лишить ее жизни, даже в случае неверности; в этом случае обычай предоставляет ему право выгнать ее со двора и откусить или отрезать ей нос. Женщина имеет право, со своей стороны, в любое время развестись с мужем, но тогда она покидает дом мужа, оставляя там свое приданое (калым мужа, переданный ей ее отцом) и все свое имущество; однако если инициатива в деле развода исходит от мужа, он должен отпустить жену с ее калымом и со всем имуществом.

Адат жестоко поступает с женщиной, лишая всяких прав на детей, которые всецело принадлежат отцу; мать должна довольствоваться со стороны детей тем чувством привязанности, которым природа наделила человека. Жена не наследует мужу и обязана выйти за ближайшего родственника, если только тот пожелает ее взять; при этом в Чечне наблюдается и обычай левирата; если она почему-либо не выходит замуж, то получает 4-ю долю имущества мужа, которым уже имеет право независимо распоряжаться. Напротив, муж ни в коем случае не становится наследником жены: после ее смерти ее калым, жениховый подарок мужа и другое нажитое ею имущество делится между детьми, причем доля дочери, по шариату[12], должна составлять третью часть доли сына; в случае бездетности умершей, все ее имущество возвращается в

Фотография 5. Старуха на Итум-Кальском базаре
без мужа привезла на продажу масло (в ведре).

дом родителей или переходит к ближайшим ее родственникам. В одном только случае женское наследование, согласно шариату, является солидным: это тогда, если отец не оставил сыновей. В таком случае имение делится пополам: одна часть отдается дочери, другая — ближайшему родственнику; если налицо несколько дочерей, имение делится на три части: две доли дочерям (сколько бы их ни было) и одна доля ближайшему родственнику (фотография 9).

В настоящее время, несмотря на запрет и судебное преследование, тайный калым практикуется в широких размерах и состоит, в среднем, из 300 рублей, барана, по обычаю[13], платья, шелкового платка, одного или, иногда, и нескольких. Кроме того, согласно древнему обычаю, некоторые дают оседланную лошадь. Хотя, по шариату, моложе 16 лет замуж выдавать нельзя, в Чечне наблюдаются и более ранние браки; так, по словам заведующей женотделом товарища Я., в ауле Барзой, в мае 1929 года выдали замуж тринадцатилетнюю девочку. Это тем более преступно, что физиологические особенности супружеской жизни у чеченцев связаны с особенным потрясением женского организма.

Двоеженство в Чечне наблюдается больше, чем у других горцев Северного Кавказа; даже муллы позволяют себе этот пережиток. По словам заведующей женотделом товарища Я., разводы значительно участились. Этому обстоятельству в сильной степени способствует и повышенная чувственность чеченцев обоих полов, что, в свою очередь, является следствием общей повышенной нервозности племени, что отражается и на значительном, сравнительно с нормой, количестве лично-больных.[14] Хотя чеченцы и считают женщину нечистой в период менструации и родов; хотя у них много общих обычаев с их ближайшими соседями — хевсурами, особенно у верхнеаргунских жителей, однако того унижения и смертельной опасности, которым подвергается хевсурская женщина, чеченка в указанные периоды ее жизни не испытывает: хевсурка изгоняется или на 7 (в период менструации) или даже на 40 дней (в период родов) в жалкую каменную хижину, с отверстием вместо окон, кое-как сложенную из камней, без скрепления; к женщине, находящейся в «самревло», никто не смеет подойти, и пища ей подается через порог, «самревло» не отапливается, и роженица здесь не только страдает от холода и мук дето-

Фотография 6. Супружеская чета «ламройцев», переправляющаяся по бревну через опасный поток (аул Итум-Кале): муж, по адату, не смеет помочь жене, несущей на базар тяжесть, и идет, ничего не неся.

рождения, но иногда и гибнет с ребенком; мало того, на сороковой день после родов женщина должна еще вместе с ребенком искупаться в холодной воде, и только после этого может возвратиться домой. Разрешение от бремени у чеченцев также происходит в изолированном помещении; однако, за роженицей ухаживает какая-нибудь старуха, но муж не допускается к больной.

К сожалению, при участившихся разводах наиболее страдающей стороной являются дети. Здесь нами зарегистрированы тяжелые семейные трагедии. Так, например, в ауле Варанды муж развелся с женой А., прижив с нею 4 детей, причем один из них был грудной. Суд присудил с отца алименты в пользу жены, но он отказался от уплаты. Вообще, алиментов, по словам представительницы женотдела Я., в Чечне не хотят платить. Изгнанная А. не смела подойти к дому своего бывшего мужа, чтобы посмотреть на детей, а любовь у чеченок к детям, по нашим наблюдениям, очень нежная; это и понятно: в этой любви кроется компенсация тех адатных отношений мужа к жене и обратно, о которых мы говорили выше. Муж, заприметив жену, подкрадывавшуюся, чтобы только через плетень поглядеть на своих детей, насильно отнятых у нее мужем и адатом, каждый раз выскакивал с плетью в руках и гнался за нею, а она, как дикая коза, поспешно скрывалась у ближайшей соседки. А-ва ездила в Грозный, просила, но безрезультатно. Бесприютная, 30-летняя разводка, она ютится то у брата, то у других родственников. Муж ни калыма, ни женихового подарка, ни благоприобретенного ею имущества — ничего не отдал. Мулла вызвал отца, успевшего уже жениться на другой (с этой целью он и развелся), усовещивал его, доказывая, что, по шариату, он должен детей отдать матери, но напрасно: отец, желая отделаться от платежа алиментов, прикрывался адатом. А дети в руках мачехи стали мучениками; грязные, нечесаные, голодные, они не вынесли такой жизни и двое из них умерли. Грудной ребенок все-таки выжил; теперь ему 2 года. И мать по-прежнему, как тень, бродит вокруг старого своего двора в надежде, не удастся ли ей повидать своих деток.

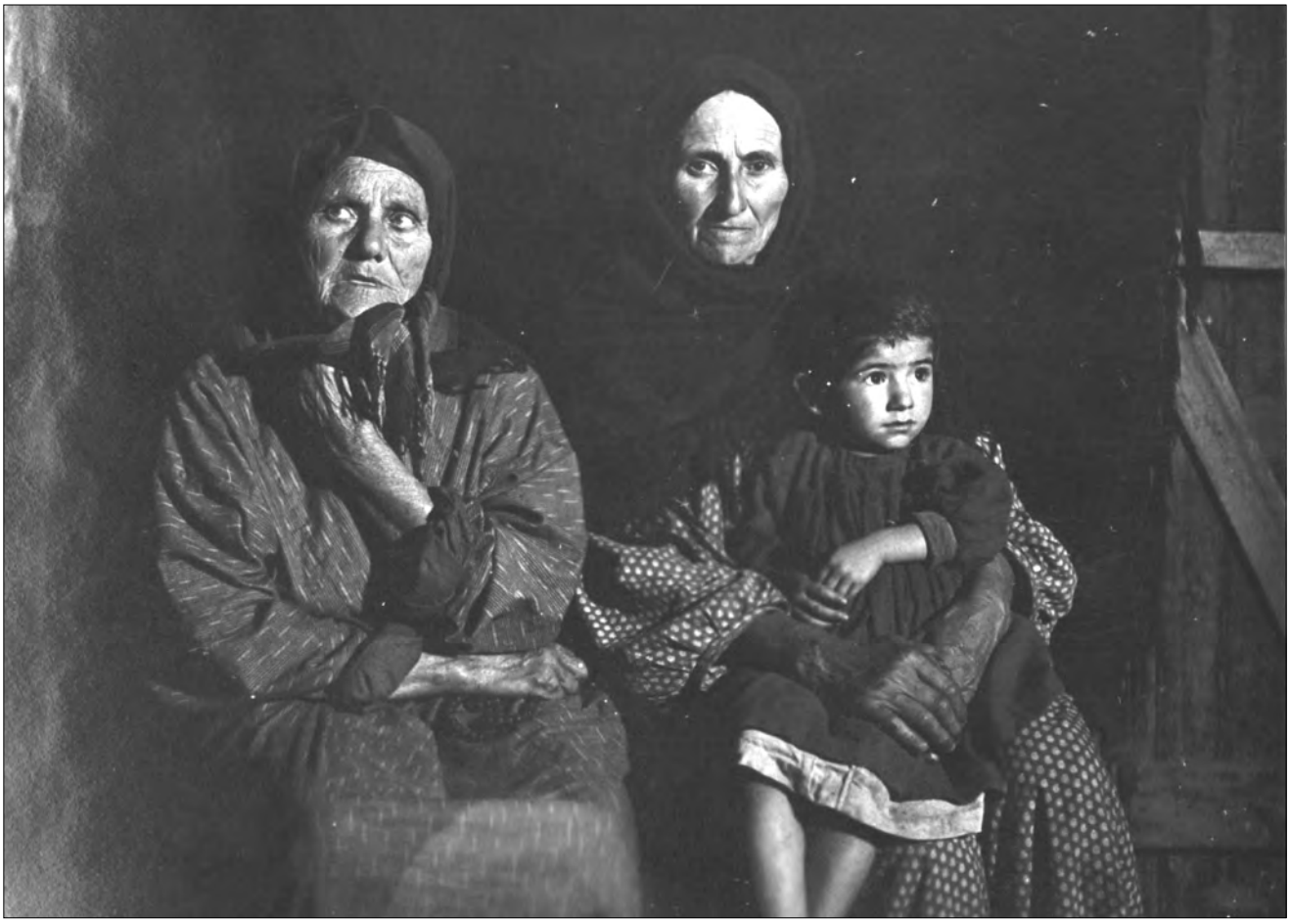
В ауле Чеймехки жила около 10 лет супружеская пара.[15] Мужу приглянулась 16-летняя девушка. Однажды жена его — труженица, как все чеченки, несмотря на беременность, моты-

Фотография 7. Спасение козла, снесенного потоком, с бревна, по которому еженедельно проходит тысячная толпа посетителей базара, в том числе женщин, обремененных тяжестями. Снимок сделан несколько минут спустя после снимка № 6.

гой, не сходя с поля, подбивала кукурузу, а он, сидя на крыльце сакли, курил и только смотрел на нее.[16] Затем встал, перелез через плетень в кукурузное поле, подошел к жене и говорит ей: «Я тебя не люблю. Силой меня не заставить любить тебя. Я женюсь на молодой. Уходи к отцу». Бедная женщина беспрекословно подчинилась адату и ушла к отцу. Муж заплатил ей за «любовь», за батрачество тем, что отдал ей корову и подушку из всего принадлежавшего ей имущества. Родился ребенок. Отец его не отобрал у нее, но платить алиментов не желает. Вмешалась в это дело энергичная представительница женотдела Я. и вызвала мужа. Тот не пришел. Потребовали его через милицию. Явился, но не желал разговаривать с Я-ой. Посадили в арестную комнату. Выдержал два дня; на третьи сутки сдался и согласился платить по 15 рублей. Отосланная жена любила мужа и, несмотря на нанесенные ей оскорбления, решилась просить Я-ву настоять на том, чтобы муж принял ее обратно, причем поставила условие, пока не помирят ее с мужем, до тех пор она не станет кормить грудью только что родившегося у нее ребенка (она разрешилась в Шатоевской больнице). Я-ва пригрозила ей исправдомом — не подействовало: влюбленная в мужа чеченка стояла на своем. Я-ва засадила ее. «Сидит у решетчатого окна, смотрит на улицу», — рассказывает мне Я. Прохожу я мимо: «Будешь кормить?» — мотнула головой. —«Нет, не буду». — «Сиди голодная». Прошли сутки. Приходят за мной: вызывает. Прихожу. Говорит: «Буду кормить; пусти меня». Стала кормить ребенка. Муж некоторое время платил алименты, а затем — видно тяжело стало — взял жену с ребенком обратно (фотографии 10, 11).

В ауле Вашендерой плотник при беременной жене женился на другой, заплатил калым. За эти два правонарушения был привлечен к суду. На суде фигурировали обе жены, заранее терроризированные мужем. Старая жена говорила на суде: «Я ему сама советовала жениться; я плохо пеку чурек; я хотела, чтобы другая женщина лучше пекла. Мы живем хорошо». Вызывает судья другую. Закрываясь платком, она пыталась уверить судью, что они обе живут «как сестры». Мужа приговорили к 2 годам, но затем заменили штрафом в 400 рублей. Однако не-

Фотография 8. Плоскостные чеченки. Слева — индоевропейского типа; справа — семитского. Аул Б. Атаги.

выносимая совместная жизнь вдвоем с соперницей заставила первую жену покинуть не только мужа, но и детей. Но не всегда так мирно заканчивается супружеское сожительство. На Шатоевском хуторе мирно жила супружеская чета, пока муж, не соблазнившись соседней девушкой, не заявил, что он берет в дом вторую жену. Ревнивая женщина кинжалом убила мужа и заявила о совершенном, озлобленно повторяя сбежавшимся: «Я его зарезала, как быка». Она была настолько образцовой женой, а муж ее настолько был непопулярен, что общественное мнение избавило ее от суда: она осталась на хозяйстве: купила быка, насушила мяса, образцово ведет до сих пор свое маленькое хозяйство.[17]

* * *

Несмотря на свой пылкий темперамент, чеченка поражает своим умением сдерживать проявление своих чувств. Лицо чеченки, обыкновенно, бесстрастная маска. Но это «адат», за которым может скрываться буря. В доме покойник-муж, а жена при народе не проронит слезинки: стыдно рыдать. «Теперь уже начинают плакать», — спокойно, наивно сказала мне одна чеченка в Шатое. Ссора с мужем иногда кончается самоубийством: в ауле Чиннахое недавно жена поссорилась с мужем; последний заявил ей, что он не хочет с ней жить. «Что же мне делать?» — спросила ошеломленная женщина, любившая мужа. — «Иди, куда хочешь», — последовал холодный ответ. И она ушла, дошла до моста над пропастью и бросилась с него. Родственная любовь очень сильна у чеченки: Аргун унес у одной из них любимого брата; не перенеся горя, она бросилась в бешеный Аргун. Несмотря на необыкновенное самообладание (вспомните подавление слез при глубоком горе), пылкий темперамент чеченки иногда берет верх: узнав, что муж хочет взять вторую жену, недавно одна чеченка закололась кинжалом. Женщины, кончающие самоубийством, вообще редко стреляются; чеченки же не боятся брать на помощь револьвер: нам известны два случая самоубийства с помощью револьвера.

Фотография 9. Мать семейства с ребенком у печки, где поджаривается перед молкой кукуруза. Сито, черпак, плоская черпалка для кукурузных клецок, деревянный таз для муки (аул Вашендерой).

* * *

Девушка в семье проявляет большую энергию в помощи своей матери, которую хотя и любит, но не всегда ей повинуется. В глухом горном ауле Какадой мы фотографировали както жилую башню; у входа посадили хозяина, около него примостились две девушки-дочери. Вдруг слышу за своей спиной визгливый женский голос. Оглядываюсь: мать семейства, прячась за углом от посетителей, бранит своих дочек, требуя, чтобы они не позорили себя, не снимались. Брань была очень решительная. Обе девицы застенчиво улыбались на слова матери, но, однако, и не подумали двинуться с места. Девушка обыкновенно самоучкой усваивает искусство ткать сукно, шить, изготовлять тесьму, войлок, бурки, привыкает подбивать кукурузу, стряпать, особенно же — носить воду (фотографии 12, 14, 15). Для девушки эта последняя работа является источником развлечения и радости: в определенный час, утром, в полдень, вечером девушки, с высокими блестящими кумганами на плечах, спускаются к реке; здесь, на некотором расстоянии, сидят аульные парни, заливается гармоника. Девушки вереницей и молча проходят под огнем юношеских взглядов, со своей стороны делая незаметные сигналы веками: по-чеченски этот безмолвный разговор называется «морганием»; на вечеринках он является самым привлекательным занятием во время перерыва лезгинки. Девушка всюду стремится аттестовать себя скромной и работящей: идя в гости, сидя у порога сакли, она сучит нитки, шьет; на Итум-Кальском базаре наш фотограф с величайшим трудом, украдкой, мог сфотографировать группу из двух девушек, упорно отворачивавшихся от аппарата потому только, что это проделывалось на виду у всех: мы видели совершенно обратное в ауле Какадой (фотографии 13). На самом деле чеченские девушки смелы, ловки и предприимчивы.

* * *

Умыкание и насилие над личностью женщины в Чечне имеет еще и поныне значительное место: так, из общего числа дел по бытовым преступлениям в Чечне на умыкание падает

Фотография 10. Древняя чеченская мотыга для подбивки деревьев, кукурузы. По адату мужчина не смеет пользоваться ею: обработка засеянного — поля обязанность женщины.

37%, кроме дел о многоженстве и о калыме. Зарегистрировано, что большинство дел о многоженстве есть скрытая форма батрачества. С каждым годом число дел по бытовым преступлениям, нарушающим правовое положение горянки, увеличивается[18]; это сигнализирует не то, что общее число преступлений увеличивается, а то, что протест со стороны чеченской женщины усилился. Увеличение в Чечне дел об умыкании объясняется стремлением избежать уплаты калыма; поэтому умыкание имеет место в значительном числе случаев среди чеченской бедноты и происходит обыкновенно с согласия похищаемой; кроме того, по адату, умыкание считается «почетнее» нормального сватовства: здесь проявляется и удальство, и ловкость, и физическая сила жениха.

Несмотря на общую культурную чеченскую отсталость от Осетинской или Адыгейской области, в Чечне мы видим проявление той большой потенциальной энергии, которая, по всем признакам, скрыта в этом племени: ни в Адыгее, ни в Осетии мы не наблюдаем той инициативы в возбуждении дел против правового положения женщины, которую проявляют чеченки: из общего, 1929 года, числа бытовых судебных дел в Чечне 37 % возбуждено чеченками, в то время как в Черкесии — 6,3, а в Адыгее и Осетии — 0.[19]

Нам известен следующий, недавний случай проявления чеченкой энергии и настойчивости в отстаивании свободы на жизнь и на чувство: 18-летняя чеченка, сирота, страстно полюбившая молодого одноаульца, отвечавшего ей взаимностью; дядя, у которого она жила, насильно выдал ее замуж за 60-летнего старика. Улучив день, она бежала от ненавистного старика к своим родственникам. Дядя ее, узнав о поступке племянницы, избил ее и водворил вновь на жительство к старику. Тот ее не бил, ибо, по адату, бить жену воспрещается, но держал, как в тюрьме, изводя своими ласками. Чеченка ухитрилась вновь бежать, но уже теперь к своему возлюбленному, и была опять водворена к мужу, упорно не желавшему дать развода, несмотря на все данные для этого: старик был упрям, а девушка была красива. Насилия над несчастной были прекращены лишь администрацией, к которой удалось чеченке (в третий раз) убежать.[20]

Чеченская девушка крайне заботлива в отношении своих маленьких братьев и сестер; здесь она является большим подспорьем для матери: отец не обращает никакого внимания на детей, что создает отчужденность между ними и отцом в такой степени, что дети не ласкаются совсем к отцу; когда он проходит мимо дочери — девочки или же подростка, последняя, как бы ни была увлечена игрой, встает и, опустив глаза, пропускает отца мимо себя. При виде этой сцены (аул Большой Атаги), я сделал замечание отцу о необходимости более дружеского отношения к дочери, но он на это заметил: «Нельзя. Разбалуется». Одновременно следует отметить, что чеченцы не наказывают побоями своих детей: древний инстинкт увеличить силу семьи, рода, тейпы решительным, инициативным, храбрым защитником создал адатную традицию — не бить детей, чтобы не сделать их «забитыми», робкими, поэтому даже маленькие чеченцы очень своевольны и мало обращают внимания на то, что отец внешне с ними суров и молчалив. Они отца своего даже не зовут отцом (по адату), а просто по имени. Со своей стороны, всякое проявление ловкости, сметливости или предприимчивости в сыне радует чеченца, даже если он принесет ворованные из соседнего сада яблоки; и даже хозяева, пострадавшие

Фотография 11. Малолетние девочки мотыгой подбивают кукурузу, в то время как их братья не смеют им помочь.

Фотография 12. Водоем, к которому ежедневно по три раза приходят девушки и женщины, носят в кумганах за версту в аул ключевую воду, что особенно затруднительно зимою и в грязь.

Фотография 13. Чеченские девушки на базаре в ауле Итум-Кале. Снимок сделан с большим трудом, так как девушки упорно не желали сниматься на глазах толпы.

Фотография 14. Чеченки с грудными детьми на руках треплют шерсть, помогая одной из своих подруг (аул Вашендерой).

Фотография 15. Выделка бурки. Фотография Федорова.

Фотография 16. Арык из Аргуна на улице аула Старые Атаги (плоскостная Чечня). Купающиеся чеченские дети.

Фотография 17. Чеченские мальчики-сверстники в ауле Паметой.

Фотография 18. Молодежь в высокогорной Чечне. Девочка трех лет индоевропейского типа, равно как и ее нянька. Юноша осетинского типа. Женщина несла нарезанную для козы траву на взгорье и с трудом согласилась позировать.

Фотографии 19, 20. Девочка 13 лет. Горная чеченка индоевропейского типа. Дочь школьной сторожихи. Училась в школе. Очень развита. Аул Шатой.

от набега на яблоки, слабо реагируют на этот поступок. Но если мальчик еще несколько сдерживается присутствием отца, то матери-вдове никак не справиться с мальчишкой-подростком: в Шатое у школьной сторожихи-вдовы мальчик 13 лет приходит домой только спать, а остальное время, несмотря на протесты матери, которая никак не смеет его наказать, он вертится около приезжих на курорт «Шатой», около них и кормится; старший его брат, 18-летний парень, приехавший из школы, тоже не в силах справиться с ним, хотя, по его словам, не однажды его колотил; мальчишка уже курит и пьет.

Даже в глухих аулах дети поражают своею ловкостью, грациозностью, сообразительностью, ласковостью и интеллигентностью; самые маленькие из них легко, комично и серьезно танцуют чеченскую лезгинку, чутко прислушиваясь к музыкальному такту (фотографии 16, 17, 18). Чеченцы в общем очень наивны, несмотря на их хитрость, и эта наивность, граничащая с первобытным простодушием, сказывается и на детях, доверчиво подходящих к вам в упор, охотно протягивающих вам свою маленькую ручку и никогда не попрошайничающих: чеченский ребенок очень обидчив и очень нервный. Адат — спутник его с колыбели; к адату прибавляются еще те горные условия полукочевой, полной опасности жизни, которые (в связи с географическими факторами) угнетающим образом действуют на детскую психику: эти горные пропасти, эти потрясающие детский слух громовые раскаты, устрашающие своими чудовищными размерами стремительные дождевые массы воды, скатывающие в ущелье горы ила и щебня; эти частые картины кровавых схваток, вызывающих семейные бедствия: эта борьба со стадом и борьба не на безопасной плоскости, а на краю настоящих каньонов, как, например, каньоновидные в некоторых местах ущелья Чанты и Шаро-Аргуна (фотографии 19, 20). Если к этому прибавить, что до последнего критического момента беременная чеченка не оставляет своей илотской работы, заставляющей худеть и ее, и носимый ею плод, а также традиционную умеренность чеченки в пище, что создает недостаток моло-

ка при кормлении грудью; если еще учесть всю напряженную бытовую обстановку жизни чеченской семьи[21], то становится объяснимой нервность чеченских детей, а также вообще чеченской молодежи.

* * *

Чеченки, как и женщины других наций, очень эмоциональны в отношении религии, хотя ислам настолько обезличил женщину, что горскую мечеть отдал в распоряжение по преимуществу мужчин: мы ни разу не видали в чеченской мечети женщину, хотя вход им в определенное место мечети, закрытое от мужчин, не возбраняется. Женщина не может публично отдать последний долг умершему родственнику, посещать открыто кладбище, выражать публично скорбь. Несмотря на эти адатные и шариатные препятствия, чеченка не чужда увлечений религиозного порядка: в Чечне имеется немало мюридок; мало того, есть даже семидесятилетняя «тамада» (начальница) мюридок[22]; а так как в число обетов мюрида входит безоговорочное повиновение муршиду («учителю», собственно — «указывающему путь»), то мюридки, верящие слепо своей «тамаде», слушаются, конечно, ее во всем, что бы она ни приказала. Чеченки любят участвовать в религиозных празднествах; например, когда собираются со всех аулов в Эрдень на поклонение погребенному там святому, женщины идут с пением, экзальтированно пляшут, гонят с собой жертвенных животных. По преданию, в этих жертвоприношениях в старину деятельное участие принимали девушки. По всей Чечне на высоких местах до сих пор имеются развалины или столбы из сложенных камней, куда стекаются женщины на поклонение; в ауле Какадой мы нашли один из таких столбов; ближайшее его и его окрестностей исследование показало, что мы стояли на месте древнего христианского храма, уничтоженного, вероятно, при Аду-Муслиме и Термаоле, насадивших впервые в Чечне огнем и мечом ислам; однако древний христианско-языческий культ священного места сохранился и поныне, и если мужчины стали к нему более равнодушны, то женщины еще верны старым традициям: так, например, к какадойскому священному урочищу все окрестные чеченки сходятся для моления о прекращении засухи. Такие же паломничества женщины устраивают и в места языческих капищ: например, на гору близ Шатоя, где еще сохранились следы такого капища и где, по преданию, солнцу приносили в жертву детей.

Чеченская женщина требует, как производительница здорового поколения, самого энергического участия и медицинской, и общественной, и административной, и судебной помощи. Думается, что ее внутренние силы настолько значительны, что школьное образование развяжет такую скрытую в ней энергию, что чеченка в деле эмансипации женщин опередит своих северокавказских современниц.

Примечания

1. Тейпы, живущие на границе с Хевсурией.
2. Это имя найдено нами в Чечне в виде «Пер'ун'а»; древняя чеченская легенда считает его творцом медного неба, жившем в Египте («фараон»).
3. Под этим же названием этот хребет помещен и на 5-верстной карте. Он находится у истоков Гехи и Мартана.
4. Близ аула Какадой.
5. Сулдан, Сулбан, Султан, Реби, Дарик, Адам.
6. После Вааша было 12 поколений: Сулла, Алихан, Аксан, Мама, Геези, Дуда, Генишь, Хубай-Мурад, Девлет-гирей, Ахмат, Хамид — рассказчик родословного предания. Они принадлежат к гаару Мурада и его фамилия — «Мурадов» (в русском произношении).
7. Близ Шатоя.
8. Эпизод с ласточкой, вьющей гнездо на палке, встречается почти во всех легендах, повествующих об основании нового родового (или тейпового) гнезда. Ласточка поэтому — самая популярная птичка у чеченцев.
9. Аул Гатин-кале на реке Хорзой-эхк в 6 км от нынешнего поселения Шатой.
10. Одно из самых сильных — «сын собаки».
11. Случай, неоднократно наблюдавшийся нами во время экспедиции.
12. Адат, как мы отметили, беспощаден к женщине в деле наследования, лишая ее всяких прав на него.
13. Этим бараном поддерживается связь с культом древнего скотоводства, как основой хозяйственного быта кочевников, какими, по-видимому, были предки чеченских тейп-племен. Калым при Шамиле был очень незначителен — всего 10 рублей. Имам Чечни и Дагестана, ведя борьбу с русски-

ми и неся большие потери людьми, стремился увеличить число населения, и шамилевская администрация тщательно следила за тем, чтобы не было ни вдов, ни старых дев, ни засидевшихся разводок.

14. Исследования нагорных округов, предпринятые членами нашей комплексной экспедиции, врачами Овчаренко и Панкратовым, дали 6,5 % promille (норма: 3).

15. Сообщено представительницей женотдела Я-ой.

16. Это спокойное созерцание трудящейся женщины, без проявления всякого желания прийти ей на помощь, проникает все правосознание, даже у мальчиков: на пути пешком из аула Шатой в аул Паметой мы увидели группу девочек, из которых старшей было лет 13, а младшей — 9, мотыгами подбивавших кукурузу (смотри снимок), а группа мальчиков, глазевших, как наш фотограф снимал их сестер, сидела рядышком в шоссейной канаве без всякого дела. Они учились в школе и несколько понимали по-русски. «Почему не помогаешь сестрам», — громко сказал я ближайшему мальчику лет 14-ти. Он показал белые зубы и сказал: «Нельзя. Адат».

17. Мне рассказывали про случай мужской адатной беспечности и женской энергии: в ауле Итум-Кале возник пожар, мужчины отнеслись пассивно к тушению огня, предоставив это своим бессменным работницам — женщинам. («Эта адатная индифферентность бывает иногда необычайна» — предложение вычеркнуто. — *Прим. сост.*)

18. В 1928 году судами было заслушано 54 бытовых дела по всем национальным областям (на 97 человек), а затем в 1929 году в одной только Чечне было рассмотрено 46 дел на 90 человек. Дзедзиев. Бытовые преступления и правовое положение горянки. «Револ[юция] и горец», № 11—12, 1929.

19. Ibidem. C. 60

20. В конце концов упрямый старик, смотревший на жену как на купленную собственность, сказал сакраментальную фразу, означавшую, что он развелся с женой, и несчастная женщина была водворена в дом любимого человека.

21. Напряженность чеченской жизни сказывается на таких пустяках, как случайный крик за забором: я сидел с двумя стариками на чеченском дворе, обнесенным высокой каменной стеной с прочными воротами; внизу, у реки, кто-то негромко крикнул: мои собеседники мгновенно вскочили и бросились к воротам, но тотчас же, улыбаясь, вернулись. Оказывается, кричал парень, перегонявший осла через речку. Такова привычка, воспитанная всей историей чеченских кланов.

22. Мюридизм возник на Восточном Кавказе (на Западный он никогда не переходил, несмотря на попытки Шамиля насадить его среди адыгов); в основе его лежит «тарыкат» («тарикат») — учение, следуя которому «желающий» должен был отречься от мира и от родных для того, чтобы посвятить себя религиозному созерцанию; это сектантское учение было использовано Шамилем, который сумел его применить к горским нравам и сделать воинствующей сектой. Так, например, он разрешил мюридам жениться и, сам мюрид, подал этому пример. Мюрид в новом учении наставляется «муршидом»; кроме молитв, мюрид упражняется в ряде телодвижений, в особом дыхании, в задержке его (до 500 раз в сутки), словом, здесь видим своего рода мистерию. Всем известна «Песня Шамиля», но мало кто знает ее автора и повод, по которому она создана; в Чечне мы узнали следующее: песня создана в 90-х годах XIX века жителем аула Шатоя Магометом Магомавым, вдохновленный следующим рассказом старика-современника имама: смутными рядами стояли мюриды перед русской позицией, предстоял решительный бой, Шамиль видел смущение своих воинов. Выйдя далеко вперед, имам запел молитву перед боем и, кончив ее, прошелся вдоль линии войск в священном мюридском танце. «Ля-илляхи иль-Ала» грянуло в рядах мюридов, и они в экстазе ринулись на русских. Рассказ так растрогал чеченца-музыканта, что он в тот же день сочинил свою «Песнь Шамиля». Магомаев.

Рукопись без указания даты. Приблизительно 1929—1930 годы

Текст второй части рукописи печатается по источнику:
ГАСК Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 174. Лл. 1—20. Машинопись.

А.Н. Дьячков-Тарасов
«Записка» Р. Скасси, попечителя по торговым сношениям с черкесами (1810–1829)

В центральном архиве в январе 1929 году мною найдена «докладная записка» Р. Скасси, бывшего с 1810 по 1829 год торгово-дипломатическим агентом по сношениям с приморскими и нижекубанскими черкесами. Она написана на французском языке и носит заглавие: «Note Lus les appailes du Caucade par le Conseille d'Etatcle Scassi ci-devant curateur des relations commerciales aver les Circassiens» («Записка о кавказских делах, составленная статским советником де Скасси, бывшим попечителем по торговым сношениям с черкесами»). «Записка» не датирована, но, по-видимому, написана в первой половине 1840 года. Скасси, проводивший, соответственно директивам де Ришелье[1], Ланжерона[2] и министра иностранных дел Нессельроде, систему мирной политики с черкесами и отрешенный от должности (1829 год) «попечителя» против желания Нессельроде и не без влияния военного министра князя Чернышева, сторонника агрессивной политики, решил воспользоваться удобным моментом и восстановить в пограничной с черкесами полосе прежнее положение, а вместе с последним и свое собственное, как это ясно можно видеть из контекста «Записки»[3].

Весною 1840 года черкесы перешли в наступление и ими были взяты (с 7 февраля по 30 марта) пять русских укреплений: 7 февраля — форт Лазарев (между нынешним Сочи и Туапсе), 27 февраля — форт Головинский (там же), 29 февраля — укрепление Вельяминовское (ныне Туапсе), 22 марта — укрепление Михайловское (ныне Архипо-Осиповка) и 30 марта — укрепление Николаевское. Автор, по-видимому, учел психологический момент смущения в Петербурге, вызванного неожиданным падением пяти укреплений за время 51 день, и подал Николаю I[4] не одну, а две «Записки» о «Кавказских делах», где с резкостью отмечает, что результаты принятой «системы» «становятся со дня на день гибельнее».

Реальных последствий для Скасси в деле создания вновь «попечительства», а также в деле изменения политики военного воздействия на черкесов «Записка» эта не имела. Однако мы можем утверждать, что она не только была известна наместнику Кавказа Воронцову, но и находилась в числе дел, взятых Воронцовым с собою, когда он в 1844 году отправлялся наместником на Кавказ.

Кавказское начальство хорошо знало Р. Скасси: еще в 1820 году Ермолов получил от Нессельроде пространные «Заметки» Р. Скасси о «Сухум-Кале и абхазцах». Нессельроде, посылая их, писал Ермолову[5], что ввиду серьезного значения, которое приобретает в сношениях с Портой вопрос о Черноморском побережье, необходима в этом деле всесторонняя осведомленность, поэтому он поручил «надворному советнику Скасси», причисленному к министерству иностранных дел как ведущему несколько лет сношения с черкесами и с Абхазским краем, предоставить все сведения об этой территории, которые он имел случай или лично собрать, или через своих служащих. В заключение своего письма Нессельроде отмечает, что это сообщение имеет только одну цель — увеличить в руках Ермолова материал для составления порученной ему Николаем I «Записки о кавказских делах».

Из этого письма Нессельроде можно заключить, что Р. Скасси пользовался у Нессельроде достаточно сильным авторитетом, если ему поручались такие серьезные задания, как собрание материалов для дипломатической переписки с враждебным государством, каким в эту эпоху была Турция. Не меньший авторитет он имел и у влиятельного герцога де Ришелье[6], и у его преемника графа Ланжерона, полным доверием он пользовался у начальника Черноморского флота известного графа Грейга и начальника Кавказской линии генерала Эммануэля. Однако диаметрально противоположно к нему отнеслись и князь Меньшиков, командовавший войсками, осаждавшими в 1828 году Анапу, и начальник его штаба известный полковник впоследствии граф Перовский. Эта их неприязнь к Скасси, по-видимому, передалась и близкому к Николаю I человеку военному министру князю Чернышеву и была при такой сильной поддержке причиной внезапного падения Скасси, предотвратить которое не удалось его ближайшему начальнику графу Нессельроде.

Записка написана на лучшей в то время веленевой бумаге, каллиграфическим почерком, встречаются этимологические и синтаксические погрешности, что объясняется не слабостью

общей эрудиции Скасси, обнаружившего значительные сведения в области истории, вообще, и в истории торговли, в частности, но тем, что Скасси был итальянец (генуэзец).

Во вступлении автор сообщает о мероприятиях цивилизаторского порядка в отношении диких племен вообще и отмечает тормозящее в этом отношении действие насильственных действий и, наоборот, положительное влияние торговли, отмечая при этом политику Генуэзской республики, которая предписывала своим агентам оказывать всяческое покровительство торговле вплоть до предоставления местным жителям и местным купцам убежища в своих факториях, причем эти агенты во время своих торговых сношений с местными жителями должны были соблюдать строжайшую осмотрительность, чтобы тем самым приобрести доверие своих клиентов. Автор, по-видимому, с гордостью генуэзца отмечает, что «даже в настоящее время по прошествии столетий имя «дженови» (генуэзцы) все еще в почете в горах».

Автор «Записки» вспоминает первые этапы русской колонизации, причем отрицает целесообразность переселения на Кубань воинственных запорожцев. Дипломатично подтверждает «солидарность» мирной политики Николая I с Александровской, стремясь укрепить ее идейность ссылкой на политику Ост-Индской торговой компании и на черкесскую помощь Крыму зерном во время голода 1823 и 1824 годов. Затем автор, пользуясь деловым журналом «попечительства», который он вел с 1810 по 1830 годы, дает историю своих коммерческо-дипломатических операций в стране черкесов. Особенно подчеркивает он значение своей «миролюбивой политики» в эпоху 1812 года, указывает на свой выгодный для дела проект снабжения провиантом гарнизонов прибрежных укреплений не с помощью частных судов, а с помощью военных транспортов, которые могли бы, возвращаясь с кавказских берегов пустыми, грузиться кавказским лесом. Проект, одобренный всеми, был отвергнут морским министерством. Товарообмен между крымскими портами и городскими пристанями от Суджук-Кале до нынешнего Сочи усилился, и в нем принимали участие и крымские купцы. Торговля шла в полной безопасности для обеих сторон. Добрые отношения, сложившиеся у Скасси с черкесами, по его словам, значительно способствовали уменьшению тылового натиска на русские войска во время осады Анапы в 1828 году. Автор отмечает, что достигнуть по Кубанской границе (то есть по границе с черноморскими казаками) такого же мирного положения, которое имелось с побережными черкесами, мешало начальство казачьего черноморского войска (автор имеет ввиду атамана Безкровного, который, по словам Скасси в другой его «Записке», приготовляемой нами к печати, рассказывает о сожжении Безкровным натухайского аула близ Анапы, что в одни сутки свело на нет многолетние усилия Скасси укрепить с черкесами добрые отношения, и послужило причиной борьбы автора с Безкровным).

Автор с горечью сообщает, что накануне принятия важных договорных решений, которые должны были быть приняты в декабре 1829 года на собрании представителей племен (шапсугов и натухайцев), он получил 1 ноября 1829 года приказ о ликвидации «попечительства».

Несмотря на помощь, оказанную автору со стороны министра иностранных дел Нессельроде, командующего Черноморским флотом адмирала Грейга и командующего Кавказской линией генерала Эммануэля, Скасси успеха в Петербурге не имел.

В заключительной части «Записки» автор подвергает резкой критике современное ему положение на Западном Кавказе, доказывая ошибочность блокады горцев и насильственных против них операций. Отмечая значение горского феодального режима, характер горского дворянства, автор предлагает для воздействия на высшие горские сословия для привлечения их на сторону России учреждение при командующих войсками особых агентов и рекомендует сделать это возможно скорее, указывая на «успехи Ислама» на Кавказе и на опасность объединения горцев под властью религиозного фанатика.

Заканчивая «Записку» и отмечая свой опыт в горских делах, Скасси предлагает правительству вновь, согласно выработанному Скасси проекту, организовать аналогичную бывшей торгово-дипломатическую агентуру, причем, указывая на то доверие, которым он пользовался у натухайцев и шапсугов, отмечает, что его участие в этом деле могло бы значительного облегчить восстановление прежних отношений с горцами.

Рукопись без указания даты

Записка о Кавказских делах, составленная статским советником де Скасси, бывшим попечителем по торговым сношениям с черкесами

Настоящее состояние Кавказа, система (наших отношений к горцам. — *прим. А.Н. Дьячкова-Тарасова*), результаты которой становятся со дня на день гибельнее по своим последствиям, повелительно требует рассмотрения всех обстоятельств, предшествовавших изменению в системе, которой следовало Правительство вплоть до 1830 года, в отношении народов Кавказа вообще и, главным образом, по отношению к племенам, живущим по северному склону гор, в области Кубани, по берегам Черного моря.

Нижеследующий обзор первоначальных сношений России с этими народами, извлечение из журнала учреждения, заведывавшего этими сношениями, начиная с первых сделок с натухайцами[7] в 1810 году и вплоть до 1830 года, смогут осветить правительству всю несостоятельность настоящей системы, которая влечет за собой огромные жертвы и не дает никакой надежды достигнуть намеченной цели.

История самых древних времен нас знакомит со средствами, употребляемыми с наибольшим успехом для покорения и смягчения нравов диких народов. Известно, что сила оружия могла иногда их обуздать на некоторое время, но никогда она не была в состоянии их окончательно подчинить; что война, вторжение возбуждали ненависть, месть этих в большинстве воинственных племен, высшим счастьем для которых была независимость, ибо им нечего было терять, кроме своей свободы. Финикияне, греки, венецианцы, генуэзцы и англичане проникли к самым диким народам и сумели их приручить к игу, которое они желали на них наложить.

Так, греки сделали своими данниками варваров Тавриды, побережья «Палус-Меотидес» (Азовское море)[8], Босфора Киммерийского и восточных берегов Черного моря. После них в более поздние времена венецианцы и генуэзцы основали колонии в этих же самых местностях и подчинили единственно при помощи коммерческих операций эти же племена.

В течение нескольких столетий крымские татары были бичом соседних стран, Украины и Польши. Однако генуэзцы благодаря единственно влиянию своей политики и торговли основались и утвердились по всему побережью их края. То же самое произошло по всему побережью Черкесии, Абхазии и Мингрелии. Просвещенное генуэзское правительство, желавшее господствовать на всем побережье Черного моря, встретило сначала большие затруднения в осуществлении своих проектов со стороны суровых народов, живших по горам и побережью Кавказа. Они противились сношениям с ними, угрожали безопасности судов, которые плавали по берегам, соседним близким к «Фазу» (Рион) и «Натолии»[9]. Нужно было завоевать дружбу у этих племен, проникнуть к ним и основаться среди них. И с помощью своей настойчивости и жертв, генуэзцы достигли этого и основали ряд факторий у черкесов, «абазов» и в Мингрелии. В 1475 году генуэзцы уже эксплуатировали полезные ископаемые Кавказа[10] (см. Симонд де Сисмонди «История итальянской республики», том XI, страница 38, Никифор Григорио, византийский писатель «о генуэзских учреждениях». Реестры банка Георгия в Генуе).

Впервые, как это видно из исторических данных того времени, жестокость этих горцев смягчается: их берега становятся гостеприимными для торговцев; то, чего не смогли сделать римские армии и азиатские завоеватели, было достигнуто союзом купцов, все морские силы которых на Черном море состояли всего из нескольких галер.

Архивы Генуи сообщают нам об инструкциях, дававшихся правителями этой республики своим агентам, позволяют нам проникнуть в смысл принципов, которые управляли их политикой.

Мы видим, что генуэзцы являлись повсюду в качестве покровителей торговли, но вместе с тем они стремились к укреплению своих факторий, предлагая их самим жителям в качестве защиты во время их междоусобиц и как убежища для их собственных купцов.

Им были предписаны величайшая честность в торговых сделках, строжайшее соблюдение договоров, которые они заключали с этими племенами. Этим они создавали к себе доверие. И даже теперь, по прошествии столетий, имя «Дженови»[11] все еще чтится в этих горах.

Таким образом, они собрали в этой стране и по «Фазу» и по «Анатолии» все богатства, для которых складочным местом была Каффа (Феодосия). Эти богатства и дали им возможность построить на Черном море столько городов и крепостей.

Дикость и преследования со стороны завоевателей греческой империи[12] поставили непреодолимые преграды по сообщению генуэзцев с Средиземноморским побережьем, и наши сношения прекратились; все учреждения были брошены, весь край вернулся к варварскому состоянию.

Такова была система, применявшаяся генуэзской республикой в ее сношениях со всеми варварскими народами Тавриды, Азовского моря и, главным образом, с черкесами, и только такой она должна была быть для того, чтобы дать такие блестящие результаты.

Русское правительство также одобряло эту политику в ранние периоды нашей истории: московские цари, чтобы привлечь к себе народы Кавказа, не пренебрегали возможностью породниться со скромными княжнами-черкешенками[13].

Петр Великий придерживался той же самой системы, и многие черкесские князья с их вассалами оказались полезными союзниками в его экспедициях против персов, кивинези[14] и других близких его врагов. Славной памяти императрице Екатерине II, проникнутой принципами той же мудрой политики, удалось привлечь к себе доверие со стороны многих могущественных князей; усмирить и подчинить обе Кабарды и другие до сих пор непокорные племена.

Однако поселение из запорожских казаков на Кубани, решенное предусмотрительной политикой этой великой государыни, не достигло своей цели, ввиду того, что наблюдение за этой границей было поручено военным колонистам.

Запорожские казаки, люди недисциплинированные и, может быть, наименее цивилизованные, чем все остальные народы Империи, сторонники, так же, как и черкесы, их соседи, войны и грабежа, уничтожили и дружеские отношения и мирный строй жизни, установившийся на Кубанской границе: грабежи, разбой с той и с другой стороны привели, в конце концов, к системе репрессий. Это столкновение интересов и по тысячам разных поводов, то серьезных, то незначительных, породило длинную серию небольших войн между казаками и черкесами; войны, которые опустошили и все еще опустошают все пограничные с Кавказом пространства от Черного до Каспийского морей.

Желая оздоровить это положение вещей, славной памяти его величество император Александр одобрил мероприятия для восстановления дружеских и коммерческих сношений с черкесами, представленные ему господином герцогом де Ришелье: первые попытки при покровительстве этого просвещенного правителя были удачны, несколько племен сблизились с Россией, часть прибрежной полосы их Поморья стала опять гостеприимной для торговцев, возможность смягчить эти народы и привлечь их к России через блага торговли и цивилизации была доказана.

Его величество император Николай I при своем восшествии на престол, поставленный в известность о гибельных результатах противоположной системы, установленной на Кубанской линии, и о несправедливостях, учиненных в отношении натухайцев, командировал генералов, облеченных его доверием, пресечь здесь злоупотребления, установить законность, и предписал строго соблюдать мирную политику, которая, в значительной степени отвечая его гуманным чувствам, вместе с тем больше всего соответствовала интересам и политике его правительства. Если бы еще понадобилось доказать силу и влияние примирительных средств для смягчения и подчинения диких народов при помощи торговли и цивилизации, я хотел бы привести здесь один из самых замечательных в наше время случаев.

Горы Махиварра в Раджепутане[15] населены народом, совершенно напоминающим черкесов; с незапамятных времен эти народы не знали, как и черкесы, иных средств к существованию, как грабительские набеги на соседние края; они были всегда ужасом, горем Тибетии и Индостана. Ни завоеватели Индии, ни монгольские императоры, ни вожди Раджепутаны не могли подчинить своему влиянию этот разбойничий народ, только один единственный человек смог создать из этого воинственного племени мирных хлебопашцев, искусных пастухов — человек, совершивший это чудо цивилизации в 7—8 лет, был майор Холл. Ему это удалось без затраты хотя бы одной человеческой жизни. Изучив их нравы, он исследовал причины, которые их удерживали в этом диком состоянии, и нашел средства для воспитания этого народа: он сумел удовлетворить чувству их воинственности, неукротимому у некоторых, сформировав из этой дикой молодежи отряд, который в данное время является самым дисциплинированным в армии «Ост-Индской компании»; другим он указал средства для удовлетворения их нужд: через земледелие, ремесла, создание выгодного для них обмена продуктами; все это, вместе с увеличением их зажиточности, породило и новые потребности и, вполне естественно, — этим он их привязал к средствам для их удовлетворения. Наконец, он их довел до необходимости платить Индийской компании ежегодную дань в 500 000 фунтов стерлингов.

Со значительно большими выгодами вследствие своего географического положения Россия имеет возможность пустить в ход с успехом те же самые средства по отношению к черкесам. Она может получить у них самую лучшую легкую кавалерию и снабжать их предметами обмена на продукты их удивительно плодоносной земли.

Жители окрестностей Анапы, Суджук-Кале[16], Селенджека (Selengek)[17], Пшады[18] и Тзу[19], благодаря легкости производства обмена их продуктов с нашими купцами на необходимые для них предметы, уже стали частично землевладельцами; во время недостатка у нас хлеба в 1823 и 1824 годы, они доставили в Керчь, Феодосию 22 грузовых судна с различными съестными припасами, а позже еще двадцать; они рубили свой лес для продажи его нам, распахивали и засеивали свои земли для последующего обмена своего урожая на необходимые для них предметы.

Таковы были нити, привязавшие их к России. Наконец случилось то, что для сохранения этих выгод несколько племен стало в оппозицию к турецким властям и даже стали вести борьбу у себя с приверженцами этих последних, упорных противников дружбы с Россией.

Прилагаемое при настоящей «Записке» извлечение из моего делового журнала с 1810 по 1830 годы, основанного на копиях со всех официальных документов, покажет, какое впечатление произвел мой приезд в эти горы, базировавшийся на гостеприимстве, оказанном когда-то моим предкам и приносивший этим народам от лица русского правительства слова мира и предложение торговли и законности. Ниже можно будет усмотреть, какие средства я употребил для создания на этих берегах торговых сношений и для установления близости этих народов к России; можно будет также видеть, каких успехов я добился, видеть, какие препятствия часто их парализовывали, а также причины, создавшие изменение системы, применявшейся нами до 1830 года.

Извлечение из делового журнала по ведению политических и торговых сношений с черкесами с 1810 по 30 ноября 1829 года

Одушевленный поощрением герцога де Ришелье, бывшего тогда главнокомандующим Кубанской линии, я принялся в 1810 году на свой счет и риск за создание первых торговых сношений между русскими и черкесами, живущими в бассейне нижней Кубани и по берегам Черного моря. Благодаря усердию и денежным затратам, мне удалось заставить эти дикие племена понять, какая польза была бы для них в сближении с Россией, если они оставят враждебный образ действий, который служил только на пользу политики турок и который мог бы только ухудшить их бедственное положение и вовлечь их в величайшие несчастья; я умиротворил натухайских князей, и некоторые из их кланов я их обязал личными договорами, обеспечивающими русскому правительству безопасность части Кубанской границы, а также безопасность и сообщения с крепостью Анапой; я заставил жителей побережья Черного моря, района до того времени столь негостеприимного, дружелюбно принимать в свои гавани не только русские торговые суда, но даже суда императорского флота.

В 1814 году военный транспорт «Дунай», приведенный мною в «Псехад»[20], погрузил там строевой лес для адмиралтейства при протекции князя Индароглу[21].

Командир судна Ристрицкий, его офицеры и экипаж не могли нахвалиться хорошим приемом, искренним гостеприимством князя и его подвластных.

С 1810 по 1815 годы результаты меновой торговли, открытой в различных пунктах этого побережья, законность поступков военных властей по отношению к этим племенам создали уже настолько благоприятную перемену в отношении к нам, что экспедиция через горы против Суджук-Кале, предпринятая под личным начальством его превосходительства герцога де Ришелье, не встретила никакого сопротивления. Турки, видя себя покинутыми горцами, оставили нам крепость без выстрела.

Когда в 1812 году Россия возвратила туркам Анапу и когда было приказано взорвать крепость Суджук-Кале, то натухайцы не переставали нам давать всевозможные доказательства своих добрых отношений к нам. В 1812, 1813 и 1814 годах я объехал эти горы под покровительством натухайских князей, и всюду я был принят с самым сердечным гостеприимством. Я выполнил важные поручения герцога де Ришелье к князьям и к этим горным племенам: результаты моих переговоров вернули спокойствие нашей границе, заселенной черноморскими казаками; до этого ее беспрерывно тревожили абадзехи и натухайцы и часто разоряли. Благодаря вмешательству этих князей кланы, сидевшие в соседстве с Суджук-Кале, по нашей

просьбе помешали туркам вновь отстроить эту крепость, я добился также при их посредничестве освобождения нескольких русских экипажей, потерпевших кораблекрушение у этих берегов и взятых в плен, то есть попавших в рабство к шапсугам и абазам[22]. Все эти факты засвидетельствованы официальными документами, которые прилагаются к моему деловому журналу.

Герцог де Ришелье и граф Ланжерон, его приемник по управлению Новороссией, сделали представление блаженной памяти его высочеству императору Александру и его министру о политической важности успехов, достигнутых мною с помощью новой системы, предложенной мною в отношении черкесов, и я был вознагражден за оказанные услуги тем, что был принят на службу в Министерство иностранных дел с чином надворного советника, а также получил в награду 800 рублей. Мое дело по умиротворению и сближению горцев с Россией при помощи политики, способной удовлетворить их интересы, было отдано под непосредственное покровительство его императорского величества. В ожидании разрешения финансовых и административных мероприятий, план которых я представил, и которые настоятельно нужны были для организации этой новой торговли, общее ведение этого дела было поручено господину графу Ланжерону[23].

Стремясь успешно реализовать этот проект, я отказался от места, предложенного мне его превосходительством господином бароном Строгановым в его миссии в Константинополе, что может засвидетельствовать его превосходительство граф Нессельроде: по моей просьбе я был назначен к графу Ланжерону и послан тотчас же в конце 1816 года на Кубанскую границу, которой в то время угрожало восстание горного племени шапсугов, которых едва могли сдерживать казаки с несколькими линейными полками. Благодаря моим переговорам со старейшинами этих племен и вмешательству натухайских князей, мне удалось умиротворить этих горцев, получить от них гарантию в спокойствии в этой части границы, привлечь на свою сторону князей Немири, Нартезу и Наврус-Иглу-Довлет-мурзу[24], до того времени бывших сторонниками турок и бешеными врагами русских, что подтверждается точными официальными документами, прилагаемыми к моему деловому журналу.

Начиная с этой эпохи (1816) до 1822 года, несмотря на промедление в принятии необходимых мер для того, чтобы дать простор развитию торговых сношений, благодаря одним только моим стараниям, результаты в деле сближения этих народов с Россией оказались блестящими. Они констатированы в донесениях его превосходительства графа Ланжерона, а затем засвидетельствованы и личным посещением е[го] и[мператорского] в[ысочества] великого князя Михаила этой границы в 1817 году.

Князья и дворяне соседних племен нагорной полосы, а также Прикубанья в числе более 300, представленные мною его императорскому высочеству, устроили в его присутствии джигитовку, уверяли в своей преданности и предложили сопровождать его высочество вдоль Кубанской границы. Подарки, сделанные его императорским высочеством этим князьям, крест Св[ятого] Владимира 4-й степени, полученный мною в Одессе из собственных рук блаженной памяти императора Александра, свидетельствуют о достигнутых мною успехах.

Так как прикубанские шапсуги сдерживались безусловно нам преданными натухайцами, то эта граница не только пользовалась наибольшим спокойствием, но даже целое племя — Пшадухи[25] — сражалось в 1819 и 1820 годы с соседними горцами, с абазами[26] в защиту наших интересов, наших купцов и наших судов у этих берегов. Эти факты засвидетельствованы вышеупомянутыми официальными документами и наградами, пожалованными князьям по представлению пограничных начальников.

Всех этих результатов я достиг без всякой жертвы со стороны правительства и, мало того, так как граф Ланжерон не получил особых ассигнований на это дело, на все нужные для него издержки, то даже путевые расходы были отнесены мною на мой собственный счет.

В то время как я был занят этим важным поручением, я получил, кроме того, распоряжение указать наиболее легкие и выгодные средства для обеспечения провиантом гарнизонов Мингрелии, Имеретии, части Грузии, а равно и всех крепостей по Черному морю, которые часто имели недостаток в продовольствии, хотя на это затрачивались огромные средства, производимые ежегодно правительством. Я предоставил по этому поводу господину графу Ланжерону, в то время генерал-губернатору Новороссии, проект, который, объединяя средства наиболее легкие, наиболее экономичные и наиболее обеспечивающие снабжение провиантом все границы, мог бы одновременно служить для обучения моряков флота, для исследования берегов Черкесии и Абхазии, при условии согласия министерства разрешить транспортным судам флотилии, которую я предлагал организовать, грузить строевой лес при своем возвращении с берегов соседних с Мингрелией; эта операция была бы очень выгодна для Адмиралтейства, как

вследствие высокого качества леса, так и вследствие дешевизны; наконец, это было бы средством к сближению с этими народами, благодаря тем выгодам, которые дали бы этот обмен.

Этот проект, поданный в комитет министерства, был единогласно одобрен, за исключением статьи, относящейся к лесам Черкесии, встретившей возражение со стороны маркиза де Траверсэ, бывшего в то время морским министром, под предлогом опасностей как со стороны навигации вдоль этих берегов, так и со стороны их жителей.

Таким образом главный пункт полезности этого проекта выпал.

Получив назначение сформировать эту флотилию, я выполнил эту операцию в трехмесячный срок; этим я сэкономил государству сумму, которую в 1818 году нужно было выплатить за прокат частных судов и, кроме этого, сэкономил более чем 500 000 рублей на низкой попутной цене за транспортные суда, а равно и на их вооружение и содержание. Я обеспечил и урегулировал дело снабжения провиантом таким образом, что с этого времени гарнизоны имели всегда провиант в запасе. Вместо 5 — 600 000 рублей ежегодных расходов по транспорту, содержание флотилии не превышало никогда 150 000 рублей ассигнациями в год. Крушение наемных судов ежегодно вызывало большую потерю в муке, между тем как в течение 9 лет наша флотилия не потеряла ни одного пуда муки. Орден Святой Анны 2-й степени, данный мне в награду благодаря Совету Министров, которому было сделано представление со стороны военного министра, равно как и официальные документы по этому предприятию, доказывают полезность и моего проекта, и моих стараний.

В 1819 и 1820 годах его превосходительство граф Гурьев, тогдашний министр финансов, несколько раз советовался со мной по поводу тарифов, по поводу управления соляными промыслами[27], по поводу организации порто-франко, а так же по поводу Одесского коммерческого банка[28].

Их превосходительства господа Рибопьер и Дружинин могут засвидетельствовать пользу моих консультаций и работы, проведенной мною в этом направлении. Однако с 1816 года никакого решения еще не было принято для урегулирования тарифа для ввоза и вывоза предметов этой новой торговли, поэтому случилось то, что за неимением на этот счет инструкций в таможнях, черкесские продукты, прибывшие в Феодосию на моей шхуне «Черкешенка», были конфискованы и только некоторое время спустя были возвращены мне.

Проект, предложенный мною касательно открытия Керченского порта, претерпел сильные возражения и, несмотря на все представления графа Ланжерона и вице-адмирала Грейга, бывшего командующим Черноморским флотом, относительно эксплуатации строевого черкесского леса, я ничего не мог добиться от Морского министерства.

Так как конструкция судов лишала возможность грузить толстые и длинные бревна, то торговля, которая была бы так выгодна для государства и в коммерческом и в политическом отношении, была потеряна, не было надлежащего транспорта, по той же причине я сам потерял более 3000 дубовых балок, погибших в разных пунктах побережья. Положение о торговле с черкесами было принято только в 1821 году, и тогда же я был назначен попечителем по этим сношениям, мне дали несколько служащих и некоторую сумму денег на расходы по канцелярии, на разъезды и по приему черкесов.

Постройка менового двора в Бугазе и в Керчи запоздала и была окончена только в 1824 году, то есть когда был открыт в Керчи карантин[29].

Однако, несмотря на все препятствия и задержки, в силу собственной своей настойчивости, я все-таки организовал в это время на берегах Черкесии меновую торговлю, довольно значительную для того, чтобы прокормить часть Феодосийского уезда в течение 1823 и 1824 годов при помощи хлеба, обмененного у черкесов и совершенно отсутствующего в то время в Крыму вследствие уничтожения урожая саранчой.

Порты Суджук-Кале, Селенджек (Selengek), Пшада (Psehad), Терапсин Шапсугский и Тзу были открыты для наших судов и для наших купцов; они пользовались там полнейшею безопасностью под покровительством дружественных нам князей. К концу 1826 года уже 43 судна посетили эти порты; и многие из наших купцов провели там ряд лет, занимаясь меновой торговлей; это подтверждается при сем прилагаемыми сводными ведомостями об этой торговле, извлечением из дел Керченской и Феодосийской таможни. Никогда ни одной жалобы не было ни со стороны капитанов, ни со стороны купцов на какое-либо посягательство на их интересы со стороны этих жителей, еще недавно столь враждебных русским, столь диких и негостеприимных.

Несколько племен Черноморского побережья так пристрастились к торговле, что многие дошли до открытой борьбы с анапским пашей и с его приверженцами, намеривавшимися

воспрепятствовать их сношениям с русскими. Некоторые князья обратились к нам с просьбой помочь им против этих врагов и построить укрепления в их портах, предлагая нам доверить им их защиту; это засвидетельствовано официальными документами, прилагаемыми к моему деловому журналу.

Эти добрые намерения и дружеские отношения прекратились только с момента, когда прервана была моя чисто политическая миссия, и когда новая принятая система была приведена в действие. Дневник моего делопроизводства во время осады Анапы до 1830 года, так же как официальные документы, свидетельствуют о достоверности этого утверждения. В течение тяжелой своей службы я должен был бороться с громадными препятствиями: с одной стороны, ненависть этих народов против казаков по всей Кубанской линии, в особенности против черноморцев, или черноморских казаков, ненависть, возбужденная их беззакониями и постоянными стычками, которые имели место, начиная с самого основания казаков на Кубани; необыкновенно враждебный образ действий со стороны генералов, только и мечтавших о сражениях да экспедициях против этих племен, а в то же время мало заботившихся о результатах этих гибельных войн; с другой стороны, турки, завидуя этим дружеским и торговым сношениям, ставили постоянно препятствия осуществлению моих проектов, то стараясь возбудить и распространить среди горцев подозрения относительно намерений русского правительства, то пытаясь отдалить от нас князей и общества натухайцев и в особенности возбуждая против них шапсугов и «абазов» (abazes), их соседей. И я должен был бороться против их фанатизма, против интриг и политики анапских пашей, которые не щадили никаких жертв для возбуждения и поддержания у этих племен их враждебного отношения к России. Несмотря на все эти трудности, наши дружеские связи все укреплялись, и только от твердой воли правительства зависело, чтобы получить такие же результаты и по всей Кубанской границе. Для этого необходимо было следовать все время одним и тем же указанным выше принципам: с момента, когда были признаны пагубными результаты противоположной политики и когда захотели наказать за вред, нанесенный беззаконными экспедициями против натухайцев, сидевших по Кубани (в 1826 году), — спокойствие тотчас же было восстановлено в этой части границы, и оно продолжалось без перерыва еще 4 года, несмотря на то, что враги мирной системы делали попытки вызвать соседей на войну.

Представления, сделанные его императорскому величеству о моем усердии и моих успехах генералами, посланными на Кубань, а также генерал-майором Дибичем, послужили основанием к представлению меня к чину статского советника в день коронования его величества.

На основании других представлений, я получил, кроме того, на следующий год также крест Св[ятого] Владимира 3-й степени в день святого Николая. Эта последняя награда сопровождалась очень лестными для меня похвалами со стороны его императорского величества, когда я имел честь быть ему представленным.

Во время осады Анапы в 1828 году, а затем во все время войны с Турцией, эта граница, лишенная войск, осталась не только неприкосновенной, несмотря на подстрекательство бывших в то время в горах агентов Порты, но вследствие вмешательства дружественных к нам князей многие из этих обществ принесли присягу на покорность и верность России.

Камышей[30], атокаи[31], чеченцы[32] и кемигои[33] дали нам своих заложников, а именно 14 июня 1828 года во время осады Анапы. Все остальные соседние народности Кубани и Черноморского побережья, сделали бы то же самое, если бы не существовало затруднений, испытанных мною во время осады Анапы и позже со стороны всех начальников сухопутных сил, а также не было совершено таких беззаконий с натухайцами[34].

На общем народном собрании, которое должно было состояться в декабре месяце 1829 года, князья[35] и старшины наших друзей — натухайцев, объединившись с шапсугами и с жителями Черноморского побережья, должны были договориться с нами о своей покорности нам и о гарантиях, обеспечивающих нам спокойствие нашей границы и безопасность наших учреждений на черноморском побережье, как вдруг 1 ноября мне было сообщено, что систему сношений с этими племенами решено изменить и что моя миссия закончена. Это было событием, вызванным, без сомнения, ни на чем не основанном предубеждении: успех, достигнутый мною на Кубанской границе во время осады Анапы, был сообщен в главную квартиру его величества императора генералом Эммануэлем; полезность моих поездок на берега Черкесии, в Пшаду, и мое поведение во время вышеуказанной осады, могут быть засвидетельствованы его превосходительством господином адмиралом Грейгом, при котором я находился и которому я докладывал о всех своих мероприятиях, предпринимаемых для пользы службы.

Мой деловой журнал, исправно веденный с 1810 года по 30 ноября 1829 года, подкрепленный всеми официальными документами, моей перепиской с генерал-губернаторами, с по-

граничными начальниками и с министерством, доказывает изо дня в день, каково было направление, данное мною этим сношениям, мое личное отношение к этим племенам; каковы были средства, которые мне предоставили, каковы были препятствия, против которых я должен был бороться, наконец, каковы были результаты, которых я достиг.

Та цель, которой в то время мы старались достигнуть, была основана на системе, избавившей от больших несчастий этот пограничный край и сохранивший жизнь тысячам солдат в течение 20 лет.

Мало того, была организована торговля, выгодная для России, как это можно было видеть из прилагаемой при сем таблицы к письму А. за номером 1—44[36]. С 1810 по 1816 годы мои операции стоили правительству только 16 000 рублей ассигнациями, назначенными в мое распоряжение в 1817 году на путевые расходы. Кроме того, я получил 800 пудов соли, отпущенных мне по распоряжению господина герцога де Ришелье.

С 1816 по 1822 годах моя миссия обошлась в сто тысяч пудов соли, за которую я заплатил акцизу по 5 копеек, кроме расходов за доставку от места добычи соли до берегов Черного моря, а затем в Черкесию — более 2500 рублей ассигнациями были посланы в 1820 году моему секретарю Роденетицу на непредвиденные расходы.

С 1822 года по 1830 год мое жалованье, жалованье служащим моей миссии, расходы по канцелярии и на разъезды, и по приему черкесов ежегодно достигало, в общем, суммы от 30 до 31 000 рублей ассигнациями.

Правительство к этому прибавило на секретные расходы и для поддержки дружественных князей против преследований анапских пашей один раз 10 тысяч рублей ассигнациями в 1824 году, и 15 тысяч рублей ассигнациями в 1827 году. В общем, жертвы Правительства в течение 20-летнего периода работы, имевшей вышеуказанные результаты, не превысили 430 тысяч рублей ассигнациями, включая сюда авансы, которые мне были назначены, и те суммы, которые мне были даны в виде награды в 1829 году.

Мои личные расходы на организацию этих сношений были значительны и поглотили мое родовое имение. Жертвы, принесенные моей семьей, лишили меня ресурсов в будущем, что известно его превосходительству господину графу Нессельроде и засвидетельствовано рескриптом, сопровождающим орден, посланный моему старшему брату в Геную за содействие в успехе моего предприятия.

Обозрение настоящего положения дел в Черкесии

В заключение этого исторического обзора, я должен заметить, что неприязненная политика, принятая в 1829 году в отношении черкесов, уничтожила все полезные результаты мирной системы, что никаких сношений с этими горцами уже больше не существует и что по сие время, несмотря на огромные жертвы, понесенные людьми и деньгами, еще не удалось не только снова достигнуть того положения, в котором мы находились на этом побережье и на Кубани в момент, когда моя миссия была отменена, но мы еще более ухудшили положение этой пограничной области, вследствие восстания племен, столь долгое время миролюбиво настроенных.

Мы потеряли моральное влияние, приобретенное нами над одной частью этих племен благодаря торговле, — единственному средству, с помощью которого можно достигнуть желательной перемены и в обычаях и в нравах этих горцев; средству, которое привело их к сближению, становившемуся со дня на день более и более необходимым для них, для удовлетворения их незаметно создавшимся потребностям; приближая их к нашим нравам, — это влияние торговли породило бы высшие стремления, как честолюбие, любовь к отличиям, к богатству, этим могучим двигателям, которые заставили бы их повиноваться и отдали бы их в наше распоряжение. Тогда было бы легко принять план, соответствующий видам правительства, и занятие береговой полосы этого побережья произошло бы спокойно, постепенно, без необходимости прибегать к силе оружия. И вместо того, чтобы стоить таких жертв[37], оно, напротив, дало бы большие выгоды государству и его торговле.

Система, существовавшая до 1830 года, столь мало убыточная, давшая такие удачные результаты, была оставлена в момент, когда все препятствия, стоявшие на ее пути, были устранены Адрианопольским трактатом, удалявшим турок из этой страны, и таким образом устранявшим противников, которые возбуждали и поддерживали ненависть этих народов против России.

В этот момент не было ничего легче, как получить от князей и побережных племен согласие на устройство укреплений в их гаванях, где уже велась нами торговля: шла речь только о том, чтобы при помощи переговоров и осторожных доводов дать им почувствовать выгоды, которые они могли бы извлечь в качестве посредников по торговле с жителями дальних ущелий; привести их к сознанию выгод при содействии со стороны наших укреплений и их артиллерии; наконец, доказать необходимость совместной защиты их и нашего имущества от общего врага; многие из их князей по собственной инициативе уже пошли навстречу нам.

Эти же выгоды и привели бы к тому же и всех остальных. Опыт прошлого, 11 лет войны[38], должны были убедить, что нет другой возможности достигнуть успеха в деле подчинения этого народа. Я должен сказать в интересах государства, а так же как человек, хорошо изучивший край и его обитателей, что не только невозможно силой подчинить эти племена, но что даже трудно будет добиться некоторого улучшения ненадежного положения, в которой находятся гарнизоны этих многочисленных укреплений[39]. Чтобы создать сухопутные сообщения через эти горы, через эти отвесные скалы и эти ущелья, понадобились бы долгие годы огромной работы нескольких сотен миллионов, а в ожидании этого черкесы, пока разъединенные между собой, благодаря междоусобным распрям, кончат тем, что сольются в одно целое, чтобы действовать заодно и биться за доступы в глубь их страны[40].

Они всегда будут иметь перевес над нами при их нападениях на наши укрепления в самый удобный для себя момент без всякого опасения преследования с нашей стороны в их неприступных теснинах.

Нужно было бы всегда иметь наготове флот в деле оказания помощи этой линии укреплений и снабжения ее провиантом.

Каковы были бы результаты этих огромных жертв? Сильно ошибаются те, кто думает, что раз край окружен всеми этими фортами с налаженным сообщением между ними, то эти племена вынуждены будут подчиниться.

Я должен повторить, что это заблуждение. Они могут довольствоваться своими средствами существования, как это они делали всякий раз, когда находились в состоянии войны со своими соседями. Ни один завоеватель с древних времен не мог их покорить: самые выдающиеся полководцы наших дней потерпели неудачу в этом деле, и то же самое случится со всеми теми, кто рассчитывает на успех.

Прискорбно думать, что при продолжении этой чисто враждебной политики берега Черкесии и Абхазии, все эти горы будут служить всегда могилой для наших храбрых офицеров, для наших замечательных солдат, и окажутся той пропастью, которая поглотит миллионы казенных денег вследствие огромных расходов, требуемых войной. До тех пор, пока оружие и война будут единственными занятиями черкесов, грабеж, месть, резня будут всегда для них праздником.

Невзирая на все то, что настоящая система создала тяжелое в умах этих племен, по своей природе воинственных и мстительных, несмотря на их крайнее раздражение, вызванное этими вторжениями к ним, экспедициями, схватками (чего только не было и в 1810 году, когда я начал налаживать с ними дружеские отношения), все-таки у нашего правительства имеются еще шансы на успех или в деле хотя бы частичного их умиротворения, или в деле смягчения условий их подчинения, если только последнее возможно. Для этого следовало бы открыто соединить политику с нашей системой, использовать переговоры, прежде чем прибегнуть к оружию, сдерживать пыл у военачальников, — словом, пользоваться силой только тогда, когда будет признано, что этого потребовало бы достоинство правительства и справедливость.

Феодальный режим, господствующий почти по всему Кавказу, влияние на умы этих племен, оказываемое знатностью и храбростью, насколько мне известно, по моему личному знакомству с нравами и стремлениями, захватывающими массы, могли бы служить теми средствами, которые облегчили бы переговоры с горцами агентов правительства, прикомандированных к командующим войсками, особенно если бы эти переговоры были подкреплены действительными выгодами, способными вовлечь в сферу наших интересов и влиятельных лиц и целые племена.

Однако в этом отношении не следовало бы терять времени и ждать, пока распри, их разъединяющие, сгладятся. Исламизм делает большие успехи в этом крае: уже один фанатик распоряжается по своему произволу несколькими племенами на Северном Кавказе, и это могло бы стать очень опасным оружием в руках человека более ловкого, чем он. Если бы ему удалось объединить все эти народности, то тогда задача умиротворения и подчинения этого края сделалась бы еще более затруднительной.

Если было бы решено прибегнуть к миротворческой системе и применить согласительные меры, я мог бы тогда представить нужные для реализации этого и организационный проект, и материалы для создания посреднического органа, моя репутация у этих народов, доверие, которым я пользовался у натухайских князей, у шапсугов и у других прикубанских племен, помогли бы значительно облегчить восстановление прежних отношений.

Какая ожидает слава того, кто умиротворит этот народ, эту прекрасную страну, которую природа так богато одарила, но для достижения этого нужны люди просвещенные, бескорыстные, преданные, люди, у которых не было бы другого побуждения, как преуспеть в этом прекрасном деле цивилизации и возрождения.

Примечания

1. Управляющий военной и гражданской частью в Черномории, Херсонский губернатор.

2. Приемник де Ришелье.

3. Мною найдена еще одна «записка» Скасси о тех же «кавказских делах» (подготовляется к печати), где видно, что служебное положение автора после перехода Черноморского побережья и черноморских казаков в ведение кавказского начальства (Ермолов) в глазах военного начальства сильно пошатнулось.

4. Печатаемая записка найдена в делах «Комитета об устройстве Закавказского края» (№ 4, ч. 2. — 1841–1844), а упомянутая выше другая его «Записка» найдена мною в архиве «Временного отделения собств. его в. канцелярии». Известно, что оба учреждения находились под непосредственным наблюдением Николая I, часто председательствовавшего на заседаниях комитета в его отсутствие председательствовал кн. Чернышов.

5. Письмо гр. Нессельроде ген[ералу] Ермолову от 13 июля 1820 года и «Заметки» Р. Скасси (на франц[узском] яз[ыке]) помещены в «Актах» Кавк[азского] арх[еологической] ком[иссии], т. IV, ч. I, стр. 646.

6. Инициатива организовать «попечительство» принадлежала Скасси, и герцог де Ришелье всецело разделял основы «мирной политики» Скасси, как это видно из самой «Записки».

7. Натухайцы (натхо-куаджь) и хечайк (ныне не существующее племя) были адыгейскими племенами, ближайшими к русской торговой базе — Бугазскому таможенному и меновому пункту, расположенному на северном берегу пролива, соединяющего Кизилташский лиман с морем. Бугаз был до 1828 года ближайшим к турецкой Анапе русским и военным и торговым пунктом, через который Скасси вел главные сношения с закубанскими племенами. Временами Скасси передвигался вверх по Кубани и временно перевозил свою базу в Екатеринодар. *Прим[ечание]. ред[актора].*

8. Автор ошибается в древнем названии Азовского моря, которое называлось у римлян: «Палус-Меотис» — Меотийское болото — у греков просто: «Меотис» (Меотида). *Прим. ред.*

9. Анатолии. *Прим. ред*

10. Брат Скасси извлек из генуэзских архивов материалы, нужные для Скасси, за что впоследствии получил орден Станислава. *Прим. ред.*

11. Генуезцы. *Прим. ред.*

12. Турок. *Прим. ред.*

13. В 1560 царь Иван Васильевич женился на княжне-черкешенке Темрук (на кабардинке Марии Темрюковне. *Прим. ред.*)

14. Италианизированная автором форма имени хивинцев. *Прим. ред.*

15. В Индии. *Прим. ред.*

16. Ныне Новороссийск. *Прим. ред.*

17. Геленджик. *Прим. ред.*

18. Черкесская пристань в устье реки Пшады. *Прим. ред.*

19. Район нынешнего Туапсе. *Прим. ред.*

20. По-видимому, неточная передача имени «Пшад». *Прим. ред.*

21. Шапсугский уорк. Скасси, по-видимому, мало был знаком с сословиями у шапсугов и натухайцев: уорки (дворяне) у него занимают место князей, между тем как «князья» — «пши» имелись в районе нижнего бассейна Кубани и Черноморского побережья у племени бжедухов, «бзедугх», «бжадугх». *Прим. ред.*

22. Так автор называет абхазцев. Ср. его. «Обзор Абхазии» в «Актах Кавказской археологической комиссии», т. V, I, 646. — *Прим. ред.*

23. С точки зрения русского правительства, успехи, достигнутые Скасси в сношениях с горцами в период крайнего напряжения, с которым боролась Россия с Наполеоном, когда для того, чтобы обезопасить свой левый фланг и бросить на фронт все лишние войска, находившиеся на юге, оно поспешило заключить с Турцией мир (Бухарестский), по которому возвратила ей Анапу; когда Кавказ мог с помощью турецкой агитации превратиться в вулкан, притянувший бы к себе значительное количество

войск, — этим успехи были значительны. Они были бы еще больше, если бы Скасси имел в своем распоряжении значительный запас продуктов фабричной промышленности, в которых так нуждались горцы и которые им в большом количестве доставляли англичане (через всю трапезундскую факторию); но фабричная промышленность России того времени была настолько слаба, что не могла конкурировать с английской, поэтому-то главным товаром, которым оперировал Скасси и которого не было у англичан, была столь необходимая в горском хозяйстве соль. *Прим. ред.*

24. Бжедугские и темиргоевские. *Прим. ред.*

25. Бжедухи — по черкески «бжадугх». Последнее имя, по-видимому, тенденциозно составлено соседями бжедухов, обьясняющими его происхождение от слов «бжа» — чаша и «дугх» — вор, и приводящими предание, как один из бжедугхских князей на свадебном пиру украл чашу, что-де и дало основание назвать все племя «бжадугх» — воры чаш. *Прим. ред.*

26. Под этим именем следует понимать не собственно абхазцев, с которыми адыгейцы в эту эпоху не сталкивались, а абазинское прибрежное племя — джигетов. *Прим. ред.*

27. Промыслами Крымского полуострова, снабжавшими солью западный Кавказ. *Прим. ред.*

28. Этот банк был учрежден в Одессе при содействии правительства, причем одной из его функций было субсидирование коммерсантов, ведших торговлю на Кавказском побережье Черного моря. *Прим. ред.*

29. В 6 верстах к югу от Керчи, у входа в Керченский пролив, в 1824 году был построен карантин, куда направлялись все прибывавшие из-за границы. Сюда же направлялись и все кавказцы и магометане из внутренней России, возвращавшиеся из своего путешествия в Мекку. Чума 1805—1809 годов унесла на Кавказе тысячи горского населения, заставила, кроме этой меры, организовывать вдоль всей Кавказской линии еще и Карантинно-кордонную, имевшую тяжелые последствия для русской торговой политики на Северном Кавказе. *Прим. ред.*

30. Автор неправильно пишет имя племени, называющегося «хамысши» или «хамысшей». *Прим. ред.*

31. Автор неправильно пишет имя адыгейского племени «хатюкай» или «хатукай». *Прим. ред.*

32. Автор ошибается, он написал имя чеченцев, спутав его с именем одного клана племени «хамысши», а именно — «чечнай». *Прим. ред.*

33. Автор неправильно пишет имя темиргоевцев, «кэмгуй» или «чемгуй» (по-адыгейски). *Прим. ред.*

34. Автор намекает на черноморского атамана Безкровного, сжегшего близ Анапы натухайский аул. *Прим. ред.*

35. Здесь термин «князья» должен быть заменен термином «уорки» (дворяне). *Прим. ред.*

36. Таблицы и письма А. при «Записке» не оказалось. *Прим. ред.*

37. Автор, по-видимому, имеет ввиду недавнее (1840) взятие горцами пяти названных выше укреплений. *Прим. ред.*

38. Эта цифра подтверждает наше предположение, что «Записка» составлена Скасси в 1840 году: со времени закрытия его миссии (1829) прошло 11 лет, за время которых вырос ряд укреплений и набеги горцев и вторжение их к нам не прекращались. *Прим. ред.*

39. В Черноморской прибрежной полосе от Бугаза (Черноморское устье Кубани) до Сухума находим (в период 30—40 годов) 9 укреплений: крепость Суджук-Кале, Кабардинское, Геленджикское, Тенгинское, Вельяминовское форты + Лазарев, Головинский, Навагинской, Адлер, Гагринское, Пицундокское, Бомбры, Сухумская крепость, укрепление Цебельдинское. *Прим. ред.*

40. Это объединение и было произведено наибом Шамиля — Магомет-Амином, объединившим западно-горские племена. *Прим. ред.*

Рукопись без указания даты

Текст печатается по источнику:
ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 165. Лл. 1-24. Машинописный экземпляр.

Николай Ильич Покровский

Покровский, Николай Ильич (1897–1946) – историк, кавказовед, первый декан исторического факультета Ростовского государственного университета, отец историка академика Николая Николаевича Покровского.

Родился в 1897 году в Харькове, но детские и юношеские годы его прошли во Владикавказе. В 1920 года после окончания историко-филологического факультета Ростовского университета работал в системе народного образования: заведовал дошкольным подотделом Донского отдела народного образования, преподавал в Донской советской партшколе, на коммунистических курсах Донского военкомата, был завучем и преподавателем рабфака, преподавателем истории Северо-Кавказского педагогического и финансово-экономического института. Вел научно-исследовательскую работу в качестве научного сотрудником Горского научно-исследовательского историко-лингвистического института, занимался исследованием истории народов Северного Кавказа XIX века. Участвовал в экспедициях в различных регионах Северного Кавказа, собирал исторический, этнографический материалы, изучал языки народов Кавказа, владел арабским языком. Исследовал памятники арабоязычной кавказской литературы, арабоязычные рукописи книг дагестанских авторов Мухаммеда-Тахира аль-Карахи, Исхака аль-Урми, Абдурахмана и др., а также различного рода письма, актовые и другие материалы. Некоторые из них хранятся в фонде Р-1260 «Северо-Кавказский горский научно-исследовательский историко-лингвистический институт им. С.М. Кирова» (1926–1937) Государственного архива Ставропольского края.

В архивном фонде Р-1260 содержатся рукописи работ Н.И. Покровского «Имамат» (дела №№ 167, 204), «Кавказские войны» (дело № 168), рукопись статьи «Борьба Чечни и Дагестана за независимость в 1830–1859 годы» (дело № 169). Здесь мы публикуем работу «Кавказские войны» (дата написания не обозначена). В архиве также хранятся: «Хроника» Мухаммада Тахира о сражениях Шамиля (Магомет Тагир из Караха «Сверкание горских сабель в некоторых газаватах имама Шамиля» (записано со слов Шамиля)) (дела №№ 191, 193, 259, 260, 261, 262).

В творчестве Н.И. Покровского ведущее место занимало исследование истории горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX века. В 1939 году защитил докторскую диссертацию по данной проблеме. Н.И. Покровский написал несколько статей для «Большой советской энциклопедии» (1926–1947): «Кавказские войны», «Мюридизм», «Курали Магома», «Кази Мулла». По свидетельству Н.А. Мининкова, Н.И. Покровский умер в 1946 году при невыясненных обстоятельствах в одном из санаториев (Мининков Н.А. К истории издания труда Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля» // Метаморфоз vs трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI веках: Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2013. – С. 232–238).

Исследования Н.И. Покровского:

Мюридизм у власти // Историк-марксист. – 1934. – № 2 (36). – С. 30–75.

Обзор источников по истории имамата // Проблемы источниковедения. – М., 1936. – Вып. II. – С. 187–234.

Кавказские войны // Большая советская энциклопедия: В 65 т. / Под ред. О.Ю. Шмидта. – М.: ОГИЗ РСФСР, Советская энциклопедия, 1937. – Т. 30. – Стб. 483–505.

Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.

Н.И. Покровский
Кавказские войны

Кавказ попадает в сферу русской политики в половине XVI века, когда Московское государство, завладев Казанью и Астраханью, стало на всем протяжении хозяином крупнейшего торгового пути из Европы в Персию и Среднюю Азию — реки Волги. Путь этот имел в те дни относительно большее значение, чем в наше время, так как тогдашняя Европа не могла обойтись без некоторых азиатских товаров, главным образом без шелку. «Торговля шелком есть, без сомнения, самая важная из всех, которые ведутся в Европе», — писал в первой половине XVII столетия известный путешественник по России Олеарий. Московское правительство стремилось сделать из этой торговли свою монополию, не позволяя торговать с персами в Астрахани никому, кроме своих гостей. Но пока Каспийское море с прилегающими к нему персидскими областями было не в русских руках, сильным конкурентом в этом деле являлись турки, в XVI веке сидевшие в Дербенте и вплоть до XIX века державшие под сильным своим влиянием весь Дагестан — все западное побережье Каспийского моря. Двинуться из Астрахани дальше на юг и попытаться завладеть Дагестаном вынуждали, таким образом, русское правительство интересы торгового капитализма. Но рядом с этой, так сказать, официальной линией русской политики в этих краях шла неофициальная, но весьма интенсивная колонизация Северного Кавказа русскими поселенцами — казаками с Дона и Волги. Уже около 1590 года последние настолько прочно занимали Терек, что между турецким тогда Азовом и турецким же Дербентом образовался русский клин, разрезающий эти два турецких владения и до того стеснявший турок, что они собирались воевать из-за этого с Московским государством. В смутное время Терское казачье войско чувствовало себя настолько сильным, что выставило своего самозванца — царевича Петра; правительство Михаила Федоровича старалось склонить терцев на свою сторону подарками.

В половине XVII столетия был занят не только Терек, но и Сунжа (правый приток Терека с юга), и казаки поставили «городок» уже в самом Дагестане. Появляющееся еще ранее название «гребенских» казаков показывает, что русская колонизация не ограничивалась плоскостью, а захватывала и «гребни», то есть предгорья Кавказского хребта. Правительство официально в переговорах с Турцией, отрекаясь от казацких набегов, под рукой старалось их использовать, но само не выходило из своего пассивного положения. К более активной политике перешли с первых лет XVIII века. Еще не кончив Северной войны, Петр начинает нащупывать дорогу в Персию. В 1715 году туда отправлен был Волынский официально в качестве посланника, фактически для разведок, что персидское правительство сообразило очень скоро и стало сдерживать В[олынско]го под почетным арестом. В[олынск]ий должен был «склонять шаха», чтобы повелено было армянам все свои торги шелком-сырцом обратить проездом в Российское государство. В качестве более отдаленных перспектив рисовались торговые сношения с Индией и Бухарой. В 1719 году Волынский был сделан астраханским губернатором с инструкцией «при море сделать крепость и помалу строить магазейны, амбары и прочее, дабы в удобном случае затем не было остановки». В то же время он должен был положить основание русскому военному флоту на Каспии. Как только шведская война кончилась, стали искать предлога начать войну с Персией, и скоро без труда нашли: в Шемахе ограбили русских купцов. Летом 1722 года к Астрахани было стянуто более 30 000 регулярных войск и до 50 000 казаков, калмыков и татар, а с Балтийского моря было переведено 5 000 матросов. Во главе экспедиции Петр стал лично, Екатерина и весь двор также были при армии, 27 июля, в годовщину Гангутской победы, Петр Первый высадился на кавказский берег. С персами воевать не пришлось. Стесненное афганцами, взявшими Испагань, персидское правительство на словах на все соглашалось — на деле оно ничего не могло дать, ибо мелкие феодальные владетели, ханы и горские племена, его не слушались.

Узкую береговую полосу с городами Дербентом и Баку удалось занять почти без выстрела, но при попытках движения в горы русские войска терпели поражения, продовольствовать войско оказывалось крайне трудно, и самому Петру с главной армией уже в конце августа пришлось думать об отступлении. В январе 1723 года Петр был уже в Москве, оставив на месте своих завоеваний более 4 000 солдат одного регулярного войска, не считая казаков. Слабым утешением был удачный набег полковника Шипова на Решт, в Гиляни, на южном берегу Ка-

спийского моря. Но удержаться там было еще труднее, чем на западном берегу. По договору 12 сентября 1723 года Персия уступила России все каспийское побережье, Дербент, Баку, «также и провинции Гилянь, Мазандаран и Астрабад». Практическим последствием этого договора было вмешательство в дело Турции, принявшей дагестанских горцев официально под свое покровительство и занявшей своими войсками Грузию. Воевать с Турцией Петр не решился, и дело кончилось разделом «сфер влияния» (по договору 12 июня 1724 года), разделом не очень почтенным для России. В Грузии после этого взяла верх Турецкая партия. Если хотели удержаться против турок, надо было взять Персию в союзники, а шах не иначе соглашался на союз, как под условием уступки Россией обратно всех ее завоеваний. Переговоры долго тянулись после смерти Петра, и в 1735 году русские очистили, наконец, не только Дербент и Баку, но и построенную Петром крепость Св[ятого] Креста на реке Сулак, то есть отошли на те позиции, которые занимали они в допетровское время. В следующие затем 60 лет русская политика на Кавказе определяется отношениями к Турции, почему и фронт русского наступления поворачивается с юго-востока на юго-запад. Во время первой турецкой войны Екатерины II русские вновь оккупировали Грузию и осаждали Поти, но безуспешно. Во время второй, в 1790 году, Гудович взял Анапу, которая, однако же, не осталась в русских руках. Все это время Кавказ был второстепенным театром войны, на него обращали мало внимания и посылали туда мало войска. Но во время наместничества гр[афа] Павла Потемкина, двоюродного брата екатерининского фаворита, был построен Владикавказ, и начали строить дорогу через горы (теперешняя Военно-Грузинская).

В самом конце столетия неожиданное военное усиление Персии под властью новой династии Кеджаров вновь передвинуло центр тяжести; в 1796 году началась новая персидская война, с перерывами тянувшаяся до 1828 года. На этот раз наступающей стороной явились персы: основатель новой династии Ага-Магомет-хан ворвался в Грузию и разграбил Тифлис <...>. Наместником был назначен младший брат последнего фаворита Екатерины, Валер Зубов, и в его руках были сосредоточены значительные силы; город Дербент был взят очень легко, но при попытке русских войск двинуться в горы они были разбиты. Легче оказалось обойти горы и завоевать Закавказье: к моменту смерти Екатерины большая часть ханства по сю сторону Аракса была в русских руках.

Восшествие на престол Павла положило конец наступлению: давать Зубовым усиливаться и приобретать популярность совсем не входило в планы нового государя; сделанное Вал[ером] Зубовым было просто-напросто кассировано, и русские войска вернулись на северную сторону Кавказского хребта. Перейти его снова заставили их грузинские дела: в 1800 году Грузия, до тех пор постоянно колебавшаяся между Россией, Турцией и Персией, окончательно перешла на положение русского вассала, а скоро и русской провинции <...>. Отряд русских войск был послан в Тифлис, что повело к возобновлению русско-персидской войны (которая формально и не прекращалась, так как мир не был заключен). На этот раз война сосредоточилась в Закавказье, и опасных для русских армий горцев не трогали. Отсюда ряд блестящих успехов (деятельность Цицианова). Кульминационным пунктом была победа над персами Котляревского при Асландузе в 1812 году. Затягивалось дело благодаря общеполитическим комбинациям: русско-персидская война совпала с наполеоновскими войнами. До 1807 года против России работало на Востоке французское влияние: Персия получила французских инженеров и инструкторов, в войну были втянуты и турки, внимание русских сил за Кавказом было раздвоено. Со времени же Тильзитского мира 1807 года Россия оказалась в войне с Англией, персидскую армию стали обучать английские офицеры, из Англии персы получали оружие и денежные субсидии. Этим объясняется, — почему конец войне, несмотря на русские победы, положило только прекращение наполеоновских войн.

В октябре 1813 года при посредстве Англии, вновь сделавшейся русской союзницей, был подписан Гюлистанский трактат, но и он не был окончательным. Английская редакция трактата оказалась очень коварной: персы были убеждены, что занятые русскими ханства к северу от Аракса оккупированы лишь временно, а русское правительство смотрело на них как на свое прочное завоевание. Когда правительство шаха убедилось, что ханства назад не отдадут, а в тоже время до Тегерана дошли в крайне искаженном и нелепом виде слухи о 14 декабря и происходящей будто бы в России анархии, оно решилось на новую войну. Русские, в лице командовавшего тогда в Закавказье Ермолова, к ней совершенно не были готовы, население оккупированных ханств, давно уже доведенное до отчаяния грабежами и насилиями русской администрации, приняло своих старых хозяев с распростертыми объятиями и поголовно восстало. В июле и августе 1826 году русские войска были оттеснены к Грузии; от недавних завоеваний

осталась только крепость Шуша, осажденная персами. 13 сентября они атаковали под Елисаветополем (бывшая персидская Ганжа) отряд князя Мадатова, при котором находился и новый главнокомандующий Паскевич, и были разбиты на голову. В октябре следующего, 1827 года, Паскевич взял Эривань, не дававшуюся русским в предшествующей кампании, а 13 октября русские были уже в Тавризе. В конце концов персидское правительство, вдобавок к уступленным по Гюлистанскому миру ханствам, потеряло Эриванское, а Тавриз со всем Ад(з)ербейджаном получило право выкупить ценою контрибуции в 70 миллионов рублей. Туркманчайским миром 9—10 февраля 1828 года закончилась последняя война, которую пришлось вести России с официальной Персией: с этого времени персидское правительство всегда оставалось другом правительства русского. В то же время окончательно стало русским и Закавказье, по реке Аракс, опять-таки почти в том составе, в каком оно сохранилось и до сих пор. Турецкая война 1828—1829 годов прибавила сюда Ахалцыхский пашалык, дав Грузии приемлемую границу и с юго-запада, со стороны Турции. На Северном Кавказе в третий раз, и уже окончательно, была взята Анапа (возвращенная туркам по Бухарестскому миру 1812 года).

Последнее обстоятельство поставило русских лицом к лицу с горскими племенами из западного Кавказа: чтобы связать русские владения на северном берегу Черного моря с Закавказьем, нужно было владеть береговой линией между Анапой и Поти, а этот берег был в руках горцев. Постройка на этой линии ряда укреплений (Михайловское, Вельяминовское — ныне Туапсе, Головинское, Лазаревское и другие) привела к ряду столкновений с последними, давших несколько блестящих эпизодов Кавказской войны; в военных летописях особенно осталась памятна трагическая защита Михайловского укрепления в 1840 году, где в решительную минуту русский гарнизон взорвал себя на воздух.

В то же время борьба за восточное побережье Черного моря была последним эпизодом К[авказской] в[ойны], который еще можно поставить в связь с основной причиной, приведшей русские войска в эти края при Петре В[еликом] — торговой политикой. Через это побережье шел оживленный торг Одессы с Персией и Турцией: через главную тогда здесь гавань Редут-Кале (к северу от Поти) с 1833 по 1835 годы было ввезено товаров на 11 миллионов рублей ассигн[ациями]. Еще в 50-х годах обороты этого порта доходили до 700 тысяч рублей серебром. Вообще же говоря, интересы торгового капитализма на Кавказе и за Кавказом все менее и менее определяли направление русской политики в этих местах. Что касается Персии, Гюлистанский и Туркманчайский трактаты сделали в этой области все, что было нужно; в тоже время главный вопрос, о шелке, утратил свою жгучесть.

В Закавказье можно было уже иметь свой русский шелк; мало-помалу становился доступен шелковый рынок Дальнего Востока; наконец, с развитием хлопчатобумажного ткачества, шелк, как предмет массового потребления, отступил на второй план. Для продолжения К[авказской] в[ойны] в сколько-нибудь широком масштабе, по-видимому, не было никаких оснований. На самом же деле война, давшая «погибельному Кавказу» такую определенную репутацию в народной памяти, только начиналась в первые десятилетия XIX века. Притом объектом ее были, главным образом, не западные горцы, как-никак мешавшие русским стать полными хозяевами на экономически важной полосе русской территории, а горцы восточные, дагестанские, старые противники армий Петра Великого и Екатерины II, но теперь, после завоевания русскими Закавказья, никаким торговым интересам не мешавшие. Очевидно, определяющим началом русской политики были теперь не эти интересы, а что-то другое — казацкая колонизация. С конца XVIII столетия она становится государственным делом крупного масштаба, на которое затрачиваются огромные средства и людьми и деньгами. После Персидского похода Петра В[еликого] казачьи поселения были выдвинуты вперед и усилены. 1 000 новых семей, переселенных с Дона — это был первый опыт казенной колонизации. Неудача предприятий Петра приостановила эту последнюю надолго. Но в конце XVIII века на нее вновь навели соображения внутренней политики. Потемкин пришел к мысли использовать беспокойную силу казаков для борьбы с турками и колонизации только что отнятых у турок провинций. Когда была уничтожена в 1775 году Запорожская сечь, запорожские казаки, оставшиеся в русском подданстве (часть эмигрировала в Турцию), были сначала поселены на северном берегу Черного моря, между Бугом и Днепром. В 1792 году «черноморские казаки» были переселены на реке Кубань; в течение XIX века эти поселения получили постоянные подкрепления, вплоть до 50 годов, от Черного до Каспийского моря Северный Кавказ был теперь сжат казацким кольцом, которое подвигалось все дальше и дальше к югу. Окончательную организацию это кольцо получило в 1832 году, когда была образована Кавказская линия. Но последствия усиленной казацкой колонизации сказались гораздо раньше. Места,

куда она направлялась, отнюдь не были пустыней. Даже в прикубанских степях было многолюдное кочевое население, которое должно было потесниться для русских пришельцев, причем руководящая администрация не останавливалась перед самыми сильными мерами, чтобы очистить место (истребление Суворовым ногайцев в 1780-х годах). Предгорья Кавказского хребта были заселены еще гуще, там еще чаще приходилось прибегать к прямому захвату.

Вот что писал один местный историк о чеченцах, ближайших соседях терских казаков: «Русские нападали на них, грабили их имущество, жгли хутора, убивали и пленяли людей, так что еще долго чеченцы не решались водворяться на плоскости между Тереком и горами... Когда началась правительственная колонизация, администрация самым решительным образом приняла сторону новых поселенцев: в столкновениях с туземцами казаки всегда были правы, всякое сопротивление туземцев объявлялось бунтом, их ответ на русские набеги хищничеством и т.д. «Сего народа, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее, ни преступнее», — писал Ермолов о тех же чеченцах. Хищники, то есть чеченцы, осмеливавшиеся оказывать вооруженное сопротивление русским, избивались без пощады. Но и за простое укрывательство «хищников» — «деревня истребляется, жен и детей вырезывают», говорил один русский официальный документ. Иногда не ограничивались репрессиями по отношению к отдельным деревням, и наказание постигало целую округу: у чеченцев, например, отбирали или уничтожали корм, весь запасенный на зиму для скота, что фактически равнялось истреблению этого последнего. Всего этого нельзя было оправдать даже интересами «высшей культуры».

В культурном отношении русские поселенцы стояли на одном уровне со своими противниками, если не ниже их. От чеченцев казаки научились виноделию и шелководству, они усвоили себе костюм, вооружение и всю военную повадку своих «диких» соседей; первые поселенцы являлись сюда по большей части без женщин, и женами первых казаков были чеченки, что, между прочим, выгодно отразилось на физическом типе линейного казачества. Отдельные администраторы, мечтавшие об экономическом завоевании Кавказа, были исключением и не находили себе никакой поддержки. Население Кавказского хребта и его предгорий резко распадалось на две группы. Население Западного Кавказа, кабардинцы, черкесы в собственном смысле и другие имело твердо выработанный феодальный строй, сильное дворянство и было крайне разъединено на целый ряд племен (шапсуги, абадзехи, татухайцы и т.д.). Черкесское дворянство всегда тянуло к России, кабардинские князьки являлись на поклон еще к Ивану Грозному, а развившееся на Западном Кавказе со второй половины XVIII века демократическое движение еще усилило это тяготение. Здесь поэтому русские не встречали упорного и систематического сопротивления, в частности, кабардинцы уже к началу XIX столетия могли считаться «усмиренными навсегда». Только решительные шаги русского начальства, доходившего до проектов конфискации всех земель кабардинцев, гальванизировали их иногда, но лишь на короткое время. Впоследствии окончательное покорение Западного Кавказа взяло всего четыре года, так как сорок лет понадобилось русским, чтобы стать твердою ногою на Кавказе Восточном.

Предгорья хребта были заняты здесь чеченцами, которым и пришлось вынести на себе первый натиск русской колонизации: а высокие нагорья, перерезанные цепями Главного Кавказского хребта — Дагестан, в тесном смысле этого слова, — были покрыты рассеянными аулами народцев весьма различного происхождения, носившего у русских общее название — лезгин: многочисленнее всех среди них были аварцы, составляющие около четверти всего населения Дагестана (до полумиллиона, с Чечнею несколько более одного миллиона). И чеченцы, и лезгины, хотя имели князьков и нечто вроде дворянства, фактически представляли из себя очень характерный образчик первобытной демократии с сильными остатками родового быта (кровная месть). Основною властью в каждом ауле была народная сходка («джамаат» в Дагестане); у чеченцев были и общеплеменные собрания, но вообще до войны с русскими централизация была развита крайне слабо. Русский напор заставил сплотиться, но так как туземное начальство, ханы и беки, и здесь по большей части тянуло к России, то форму для объединения пришлось искать вне рамок традиционной общественной организации. Эту форму дало мусульманство, очень сильное в собственном Дагестане, снабжавшем муллами и проповедниками весь Восточный Кавказ; в Чечне оно усвоено было сначала очень поверхностно, но по мере борьбы с русскими народные массы проникались им все глубже и глубже; ислам стал боевой религией горцев. При этом в обстановке борьбы общемусульманские течения испытали весьма своеобразное преломление; тарикат, общемусульманская аскетическая практика, всюду носивший мирный характер, на Кавказе получил воинственный оттенок; в число обязанностей последователей тариката, мюрида, стал здесь входить газават (священная война с неверными). Это аскетически боевое направление мусульманства давало себя чувствовать уже во второй

половине XVIII века (проповедь Шейх-Мансура), но окончательно оформилось оно лишь в 20—30-х годах XIX века, когда Дагестан последовательно выдвинул трех имамов: Кази-муллу, Гамзад-бека и Шамиля, создавших теократически-военную державу горцев, четверть столетия выдерживавшую борьбу против России, иногда с блестящим успехом.

К проповеди мюридизма русская администрация отнеслась сначала так же легко, как и к настроению горских племен. После первого поражения мюридов один командир был совершенно уверен, что Кази-мулла «теперь не что иное, как начальник разбойничьей шайки, скитающийся по ущельям Кавказа». Год спустя, чтобы взять столицу этого разбойничьего атамана, Гимры (в северном Дагестане), понадобилось 10 000 войска под начальством самого командующего на Кавказе барона Розена. Гимры были взяты (17 октября 1832 года), и Кази-Мулла убит, причем русским войскам победа стоила нескольких сот человек, выбывших из строя; но это оказалось частным успехом: мюридизм легко находил себе новых вождей, более способных и более страшных, чем убитый. Его непосредственный приемник Гамзат-бек, низвергнув и уничтожив крупнейшую феодальную династию Дагестана, аварских ханов, вырвал с корнем главную возможную опору русского господства и главное препятствие для образования государства имама. Гамзат-бек пал жертвою своего дела: его убили мстители за смерть аварских ханов. Но его преемник Шамиль оказался еще более искусным организатором, чем оба его предшественника. Он ввел в Дагестане нечто вроде правильной воинской повинности и регулярные поборы на военные цели. Русские власти продолжали не понимать причин и характера движения. Они поддерживали уцелевших в Дагестане ханов и беков, тратили силы на охрану их резиденций и поддержание сообщений между этими последними и русскими крепостями.

В борьбе с Шамилем главное внимание обращалось на то, чтобы открыть и разгромить его «убежище», после чего он обыкновенно очень скоро устраивал себе новое. При этом с русской стороны дело, как правило, было организовано плохо, и после победы русские войска часто оказывались в худшем положении, чем до нее. В 1837 году, взяв главное «убежище», Старое Ахульго, ген[ерал] Фези вынужден был вступить в переговоры с Шамилем и как бы признать его воюющей стороной. Шамиль обещал не воевать больше с русскими, но обещание это осталось пустым звуком, самый же факт официальных переговоров русского начальства с имамом произвел на горцев огромное впечатление не в русскую пользу: лезгины увидели, что Шамиля и русские считают чем-то вроде государя. В 1839 году Ахульго пришлось брать снова, но Шамиль опять не попал в русские руки. Тем не менее, пока действие ограничивалось Дагестаном, можно было надеяться взять горцев хотя бы измором. Дагестанское нагорье — страна очень бедная, население живет в значительной степени отхожими промыслами, пахотной земли чрезвычайно мало, и ею лезгины очень дорожат. Постоянные опустошения и блокада страны русскими войсками довольно скоро должны были довести население до голода и сдачи. Но когда Шамиль был уже при последней крайности, грабежи и насилия русской низшей администрации подарили ему Чечню, житницу восточного Кавказа, из которой он мог извлечь гораздо больше средств, чем из нищего Дагестана.

Чеченское «восстание» 1839—1840 годов ничем не отличалось от предыдущих движений этого рода, но на этот раз рядом была организованная сила в лице государства Шамиля: став под власть имама, чеченцы оказались такими противниками, грознее которого русские еще не встречали на Кавказе. Русские завоевания были отброшены чуть не на сорок лет назад. Недавний покоритель возобновленного Ахульго ген[ерал] Граббе едва не погиб со всеми своими силами (ичкеринская экспедиция 1842 года). Теперь речь шла уже не о разыскании и разрушении «убежищ» Шамиля, а о защите русских фортов и сообщений, но и тут, в оборонительной войне, русские терпели одну неудачу за другой, и к концу 1843 года в русских руках не осталось ни одного укрепленного пункта в Чечне и северном Дагестане. Местных средств явно оказывалось недостаточно для продолжения борьбы. Из России было выдвинуто на Кавказ до 40 000 свежих войск, и наместником был назначен особо доверенный человек императора Николая, один из крупнейших государственных деятелей России его времени, бывший одесский генерал-губернатор граф Воронцов. Он предпринял (летом 1845 года) грандиозную по подготовке экспедицию к новому, уже чеченскому, «убежищу» Шамиля Дарго (где у имама был, между прочим, целый полк из беглых русских солдат). Шамиль употребил свой обычный тактический прием: он не мешал противнику углубляться все дальше в горы, дождался, когда русские войска, съев весь свой провиант и расстреляв большую часть своих зарядов, должны были повернуть обратно, и тогда оказалось, что обратный путь прегражден десятками завалов, за каждым из которых сидели сотни метких стрелков. Воронцов едва успел спастись, оставив в теснинах более трети своих солдат, орудия и весь обоз. Даргинская экспедиция была кульми-

национным пунктом славы и могущества Шамиля. Очень скоро, однако, чеченцы убедились, что блестящая победа не избавила их от русских: в следующем же году русские явились снова. В то же время военная диктатура Шамиля, заведенная им аскетическая дисциплина (запрещение табака, вина, пения, танцев и т.д.) утомляли чеченцев, которые никогда не были такими ревностными мусульманами, как дагестанцы; а вымогательства и насилия «наибов» (наместников) имама начинали им казаться не лучше притеснений русской администрации. Между тем, эта последняя кое-чему научилась. В судах начинали считаться с чеченскими «адатами» (обычаями), тогда как администрация Шамиля не хотела знать местных особенностей, признавая единственным правом шариат, то есть Коран. Уже с конца сороковых годов боевое одушевление Чечни начинает падать, и все усилия имама поднять его ни к чему не приводят, а стремления обуздать злоупотребления наибов имели последствием только озлобление последних против Шамиля, доходившее иногда до явной измены и перехода к русским.

Крымская кампания 1853—1856 годов, отвлекшая на время внимание русских властей от горцев (береговая линия между Новороссийском и Поти, например, была совсем брошена), дала Шамилю последние успехи (набег в Грузию летом 1854 года). Тотчас по заключении Парижского мира решено было сделать новый натиск на кавказских горцев. Двинутые новым наместником, кн[язем] Барятинским в Чечню крупные военные силы (генерал Евдокимов) встретили сравнительно очень неэнергичное сопротивление. Много помогало делу новое вооружение русской пехоты — нарезное ружье, тогда как раньше горцы имели винтовки, а русские — нет, и перевес ружейного огня был на стороне горцев. В августе 1859 года Шамиль, еще весною окончательно вытесненный из Чечни, был окружен в Гунибе, в центре Дагестана, и взят в плен. С побежденными обошлись сравнительно кротко. Шамиль был отправлен на житье в Калугу. В Чечне и Дагестане введено «военно-народное» управление с администрацией из русских офицеров, но с помощниками из туземцев. Барятинский преимущественно старался опираться на горское дворянство, где оно уцелело. Но льготы ограничивались восточным Кавказом, стоившим России столькой крови. С гораздо слабее сопротивлявшимися западными племенами расправа была более крутая: после покорения (1864 год) они должны были выселиться на север, к Кубани, или совсем эмигрировать в Турцию (большинство предпочло последнее). Их земли были розданы казакам, а также генералам и офицерам, участникам завоевания. Попытка русской колонизации на черкесских землях на этот раз имела, однако же, очень слабый успех. Долгое время оставленный западными горцами край стоял почти пустой и стал заселяться лишь к XX столетию.

Библиография

Баделей. «The Russian campiest of the Caucasus with maps, plans and illustrations» (London, 1908 год, преимущественно по русским документам).

Дубровин. «История войны и владычества русских на Кавказе». В 6 томах (доведено до 1827 года; продолжением является его же краткий очерк «Кавказская война при императорах Николае I и Александре II», 1896 год).

Биографии: Паскевича — кн[язя] Щербатова, Воронцова-Щербинина, кн[язя]. Барятинского—Зиссермана.

«Акты, собранные Кавказской археологической экспедицией».

«Сборник сведен[ий] о кавказских горцах», «Кавказский сборник».

Рукопись без указания даты

Текст печатается по источнику:
ГАСК. Ф. Р-1260. Оп.1. Д. 168. Лл. 1—8. Машинописный экземпляр.

Анатолий Несторович Генко

Анатолий Несторович Генко (4 [16] ноября 1896, Санкт-Петербург — 26 декабря 1941, Ленинград) — российский и советский языковед, кавказовед, историк, этнограф, первый исследователь языков и культур абазин, убыхов, хиналугцев, цахур и других кавказских народов.

В 1914 году поступил в Петроградский университет, учился на факультете восточных языков (кафедра армяно-грузинской словесности) и историко-филологическом (кафедра грузинской словесности). Изучал абхазский язык и фольклор еще в студенческие годы. После окончания университета работал переводчиком в Главном управлении кораблестроения, преподавал в 29-ой Петроградской единой трудовой школе. С 1921 года А.Н. Генко — научный сотрудник в НИИ сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока при Петроградском университете, работал в секции яфетического языкознания вместе с Н.Я. Марром, трудился над составлением «Осетино-черкесского словаря» с В.И. Абаевым, был научным сотрудником Российской академии истории и материальной культуры, Кавказского института археологии и истории, Яфетического института РАН.

С 1923 года работал в Азиатском музее АН СССР. С 1930 года на базе Азиатского музея был образован Институт востоковедения АН СССР, в структуре которого сформировали Кавказский кабинет. Отсюда А.Н. Генко выезжал в длительные экспедиции на Кавказ. В документах Северо-Кавказского горского научно-исследовательского историко-лингвистического института есть сведения о сотрудничестве с А.Н. Генко.

З.М. Габуниа отмечает, что «все годы научная работа Генко сочеталась с большой педагогической деятельностью. Он был по совместительству доцентом, затем профессором Ленинградского института живых восточных языков и Ленинградского института истории, философии и лингвистики, где читал курсы по истории и этнографии Кавказа» (Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания. Владикавказ, 2011. С. 287).

Исследование языков и культур народов Кавказа А.Н. Генко вел комплексно, используя данные языка (метод лингвистической палеонтологии) для реконструкции истории народов, о которых не было сведений в письменных источниках: «Изучая ингушский язык, Генко обратился к истории и этнографии этого народа, — пишут Н.Г. Волкова и Н.Г. Сергеева. — Результатом его исследования стала статья «Из культурного прошлого ингушей», в которой рассмотрена этническая, социальная и культурная история этого народа в контексте этнической истории других народов Кавказа, прежде всего, этнически родственных им чеченцев и бацбийцев, а также соседних кабардинцев и осетин. Сам Генко говорит, что это была попытка широкого использования данных языка для реконструкции истории народа, о котором почти нет известий в письменных источниках. Один из важнейших выводов работы Генко заключается в определении времени и исходной области миграций бацбийцев в Горную Грузию. Исходя из лингвистических и исторических данных, Генко убедительно доказывает, что это была Ингушетия. Другой важный, также новый вывод касался древнейшей этнической территории нахских народов, которая, по мнению Генко, включала часть современной Горной Тушетии. Отметим, что данная гипотеза в дальнейшем нашла подтверждение в трудах современных ученых, в том числе этнографов и лингвистов: Ф.Г. Утургаидзе, Т.А. Очиаури, Н.Г. Волковой» (Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Трагические страницы истории кавказоведения: А.Н. Генко // Репрессированные этнографы / Сост. Д.Д. Тумаркин. — М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 114–115).

«Из культурного прошлого ингушей» (1935) — первое специальное исследование, посвященное ингушской культуре, основанное на широкой языковедческой базе и материалах письменных и этнографических источников. Известны работы ученого по истории народов Дагестана и Чечни первой половины XIX века. В фонде Р-1260 ГАСК «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова» (1926–1937) хранятся рукописи А.Н. Генко: «Стенограмма лекций по источниковедению проф. Генко» (дело № 136), «Абазинский язык (материал для характеристики). Гл. 1. Грамматический очерк языка тапанта» (дело № 258), «Об одном забытом источнике по истории горцев» (дело № 137).

В фонде библиотеки Горского историко-лингвистического института (сейчас находится в фонде редкой книги научной библиотеки СКФУ) имеется сборник статей «Язык и

мышление» (Л.: АН СССР, 1934. Вып. II), в котором опубликована рецензия В. Дондуа и В.И. Абаева на работу А.Н. Генко «Из культурного прошлого ингушей»; работа А.Н. Генко «Цахурский (цахский) алфавит» (с предисл. В. Хулуфу. Баку: Азернешр, 1934); статья «Из области чеченской диалетологии» из сборника «Языки Северного Кавказа и Дагестана» (М.—Л., 1935).

В 1930-е годы А. Генко во многом отошел от теории Н.Я. Марра: не пользовался четырехэлементным анализом, который предложил Марр, не разделял его взглядов на стадиальное развитие языков. «На содержании первых его статей, — отмечает З.М. Габуниа, — отразилось влияние яфетической теории, но ученый шел своим путем, не разделяя крайних взглядов своего любимого учителя. Особую ценность как для лингвистов, так и для историков, представляет исследование «О языке убыхов», посвященное анализу ныне исчезнувшего языка древнего кавказского народа — убыхов» (Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания. Владикавказ, 2011. С. 287).

Несмотря на то, что А.Н. Генко занимался историей и этнографией Кавказа, он считал себя лингвистом, был полиглотом — знал европейские языки, арабский язык, многие языки Кавказа. «А.Н. Генко был сторонником комплексного изучения исторических проблем и исследовал культуру народов Кавказа в самом широком понимании этого слова, — отмечают Н.Г. Волкова и Г.А. Сергеева. — Его в равной мере интересовали и широкие основополагающие проблемы — фольклор, народные верования, роль мировых религий (ислама и христианства) в истории Кавказа, и более узкие, конкретные — природа обычая аталычества, названия плуга в кавказских языках, характер классовой борьбы в Дигории в XVIII веке, новации в общественном быту и песенном творчестве народов Кавказа, средневековый город Татартуп и др. Первым в этнографической науке А.Н. Генко обратил внимание на некоторые аспекты многоязычия, рассмотрев его на кавказских материалах. Он предложил классификацию местных бесписьменных языков, основываясь на их общественных функциях: многоаульные, аульные, семейные» (Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Трагические страницы истории кавказоведения: А.Н. Генко //Репрессированные этнографы / Сост. Д.Д. Тумаркин. — М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 111).

А.Н. Генко активно сотрудничал с редакцией «Большой советской энциклопедии» (1926—1947). Для публикации в ней он подготовил 11 статей по кавказским языкам и этнографии кавказских народов. Среди них статьи «Кавказоведение», «А.М. Шегрен», «Чеченский язык», «Кабардинский язык» и др. Как член Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР он занимался созданием алфавитов для бесписьменных языков Кавказа. Членами ВЦК нового алфавита были также кавказоведы Н.Ф. Яковлев, Л.И. Жирков. На латинской основе А.Н. Генко разработал цахурскую письменность, которая на практике применялась в 1935—1936 годах. Он принимал также участие в создании лезгинской, табасаранской и абхазской письменности. Не только научное, но и практическое значение имели подготовленные им словари и грамматики абазинского, абхазского, лезгинского, табасаранского, цахурского, рутульского, хиналугского языков, материалы и тексты к ингушскому, чеченскому, бацбийскому, кабардинскому словарям (там же, с. 127—128).

«...его лингвистические исследования также увенчались многими достижениями: это открытие кубинского диалекта лезгинского языка, выявление диалектов в табасаранском языке, первые исследования абазинского, адыгейского, кабардинского, черкесского, хиналугского языков, изучение абхазского, чеченского, ингушского, бацбийского, рутульского, цахурского языков, — отмечают Н.Г. Волкова и Г.А. Сергеева. — Блестящий лингвист, он в своих работах вышел далеко за рамки чисто лингвистических исследований, дал пример великолепного использования языковых данных для историко-этнографического анализа, а историко-этнографических материалов — для углубленного понимания культуры народа, в том числе языка. Свой вклад А.Н. Генко внес и в изучение кавказского фольклора» (там же, с. 129). Тем не менее в критике работы «Из культурного прошлого ингушей» (1930), с которой можно познакомиться в рецензии В. Дондуа и В.И. Абаева, опубликованной в сборнике «Язык и мышление» (Л.: АН СССР, 1934. Вып. II. С. 142—161), чрезвычайно много замечаний умозрительного толка. Часть рецензии, написанная В. Дондуа, заканчивается словами: «...работа, выполненная небрежно, а в известной части и с недостаточным знанием дела, изобилует ошибками, не говоря уже о том, что вопросы, затронутые в ней, не разрешены, что воз, увы, и ныне там» (там же, с. 159), а часть статьи, дописанная В.И. Абаевым, дополняет убийственную, по-настоящему необоснованную критику: «Эти и подобные сопоставления, сделанные наудачу и без

какого-либо определенного семантического или фонетического критерия, не имеют, конечно, никакой цены и только разжижают те немногие, действительно верные и интересные соответствия, которые мелькают там и сям» (там же, с. 161).

В 1938 году А.Н. Генко был арестован, через два года освобожден, так как ничего не подписал по предъявленному ложному обвинению. Н.Г. Волкова и Г.А. Сергеева в статье «Трагические страницы кавказоведения: А.Н. Генко» (1999) отмечают «силу духа Генко, его стойкость и принципиальность в науке, жизни, что проявлялось, в частности, в отношениях Генко с академиком Н.Я. Марром, его учителем» (там же, с. 106).

В 1941 году А.Н. Генко был снова арестован по клеветническому обвинению, умер 26 декабря 1941 года в больничной камере тюрьмы. Документы о его арестах в 1938 и 1941 годах, допросах приведены в рубрике «Памяти ученого-востоковеда. Анатолий Несторович Генко (1896–1941)» журнале «Кавказоведение» (М., 2004. № 5. С. 9–54).

Жизни и творчеству выдающегося ученого посвящены работы:

Лавров Л.И. Памяти А.Н. Генко // Кавказский этнографический сборник. – М., 1972. – Вып. V. – С. 213–222.

Арутюнов С.А., Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Вклад А.Н. Генко в этнографическое изучение Кавказа // Советская этнография. – М., 1987. – № 3. – С. 61–72.

Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Трагические страницы кавказоведения: А.Н. Генко // Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. – М.: «Восточная литература» РАН, 2002. – Вып. I. – С. 101–133.

Сумбулатов А.А. А.Н. Генко – лингвист // Петербургское востоковедение. – 2002. – Вып. 10. – С. 480–483.

Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – С. 113–114.

Решетов А.М. А.Н. Генко как этнограф (к 100-летию со дня рождения) // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб., 2003. – С. 318–332.

Памяти ученого-востоковеда. Анатолий Несторович Генко (1896–1941) // Кавказоведение. – М., 2004. – № 5. – С. 9–54.

Генко Г.А. Кавказовед: лингвист-полиглот, этнограф, историк А.Н. Генко // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. – Т. III. – СПб., 2005. – С. 371–384.

Габуниа З.М. А.Н. Генко как кавказовед (1986–1941) // Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – С. 285–298; 502–504.

Исследования А.Н. Генко:

Свидетельство Геродота о колхах // Абхазское научное общество, Бюллетень № 3 Распорядительного комитета Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа. – Сухум, 1924. – С. 26.

К вопросу о языковом скрещении: (Два случая с греческим языком) // Яфетический сборник. – Пг., 1923. – Т. II. – С. 120–136.

Грузинская версия «Хосро и Ширин» Хосро Дехлеви // Доклады РАН. – Пг., 1924. Июль-сент, сер. В. – С. 138–144.

Лидийское palmuz // Доклады РАН. – Пг., 1924. Июль-сент, сер. В.

Ликийское qa // Доклады РАН. – Пг., 1924. Июль-сент, сер. В.

Оксфордский фрагмент древнегрузинской версии Иеремии // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 345.

По поводу работы проф. И.А. Джавахишвили, касающейся грузинских палимпсестов с библейскими текстами // Тексты и разыскания по кавказской филологии. – Л., 1925. – Т. I. – С. 35–49.

Ахтынские тексты // Доклады РАН. – Л., 1926. – Март-апрель, сер. В.

Об отношении турецких языков к яфетическим языкам // Первый всесоюзный тюркологический съезд, 28 февраля – 5 марта 1926 года: Стенографический отчет. – Баку, 1926. – С. 118–122.

Несколько образцов южнодагестанского словесного творчества // Восточные записки. – Л., 1927. – Т. I. – С. 182–189.

Азиатский музей // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г.: Отчет о научных командировках и экспедициях. — [Без подписи]. — Л., 1927. — Т. 2.

Об изучении хиналугского языка. Материалы проф. Генко // Власть труда. — 1927. — № 170.

Сообщение о результатах поездки в Хиналуг // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. — Тифлис, 1928. — № 1—3. — С. 13.

Абхазский вокализм // Известия АН СССР. — 1928. — Сер. VII. — № 1. — С. 45—54.

О языке убыхов // Известия АН СССР. — 1928. — Сер. VII. — № 3. — С. 227—242.

Отчет научного сотрудника Академии наук А.Н. Генко о летней экспедиции на Кавказ // Известия АН СССР. — 1928. — Сер. VII. — № 8—10.

Материалы по лезгинской диалектологии: Кубинское наречие // Известия АН СССР. — 1928. — Сер. VII. — 1929. — № 4. — С. 317—342.

Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. — Л., 1930. — Т. V. — С. 681—763.

О названиях «плуга» в северокавказских языках // Доклады АН СССР. — 1930. — № 7. — С. 128—135.

Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Записки Института востоковедения. — Л., 1933. — Т. 2. — Вып. 2.

Шегрен А.М. // БСЭ. — М., 1933. — Т. 62.

Чеченский язык // БСЭ. — М., 1934. — Т. 61.

Цахурский (цахский) алфавит / С предисл. В. Хулуфлу. — Баку, 1934 (работа опубликована также на азербайджанском языке).

Из области чеченской диалектологии // Языки Северного Кавказа и Дагестана: Сборник лингвистических исследований / Под ред. Г.П. Сердюченко. — М.-Л., 1935. — Т. I. — С. 117—132.

Литературные языки Южного Дагестана // Революция и письменность. — М., 1936. — Сб. 2.

Задача этнографического изучения Кавказа // Советская этнография. — 1936. — № 4—5. — С. 6—20.

Об издании этнографических и социологических трудов М.М. Ковалевского // Советская этнография. — 1936. — № 4—5 [Подписано А. Г.].

Кабардинский язык // БСЭ. — М., 1937. — Т. 30.

Кавказоведение // БСЭ. — М., 1937. — Т. 30.

Лев и заяц: Пер. с табасаранского / Запись и пер. А.Н. Генко // Сказки народов Востока. — М.—Л., 1938.

Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения. Труды Второй сессии Ассоциации арабистов. — М.—Л., 1941. — С. 81—110.

Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии // Советское востоковедение. — М.—Л., 1945. — Т. 3. [В соавт. с акад. И.Ю. Крачковским].

Абазинский язык: Грамматический очерк наречия тапанта. — М., 1955.

Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. — Сухуми, 1957. — Т. XXVIII. — С. 177—226.

Русско-абхазский словарь. — Сухуми, 1998.

А.Н. Генко
Об одном забытом источнике по истории горцев

До создания сколько-нибудь удовлетворительной и полной истории народов Северного Кавказа еще далеко. Центральная задача горской историографии состоит сейчас в решении проблемы источниковедения. Это значит, что необходимо стремиться, прежде всего, к составлению возможно полного свода библиографических указаний на те сведения о народах Северного Кавказа, которые можно найти в литературах народов, когда-либо приходивших в соприкосновение с Кавказом. Дальнейший этап работы будет заключаться в переводе и истолковании этих сведений, в издании сведений не изданных, а иногда и переиздании давно изданных, но совершенно позабытых или трудно доступных. Совершенно очевидно, что работа эта выполнима лишь при условии коллективного, организованного напряжения всех наличных сил работников кавказоведения в указанном направлении.

Для иллюстрации того, насколько неблагополучно обстояло дело источниковедения применительно к истории народов Северного Кавказа до самых последних дней, приведу лишь один, достаточно яркий пример, позволяющий, с одной стороны, выяснить крайне недостаточное знание современными нам историками Кавказа уже наличного исторического материала, помогающий, с другой стороны, восстановить несколько любопытнейших моментов из исторического прошлого Северного Кавказа. Прошло уже более ста лет с момента опубликования материала, о котором будет [идти] речь далее, и свыше трехсот лет со времени совершения событий, которых этот материал касается.

В 1828 году по инициативе командовавшего на Кавказской линии генерала Эммануэля возникла мысль о необходимости естественно-исторического обследования, сделавшегося незадолго перед тем доступным для проникновения русских исследователей горного района Карачая и прилегающей к нему с востока Балкарии. Дело исследования было возложено на Академию наук, снарядившую экспедицию во главе с академиком Купфером в составе следующих лиц: по физике — адъютанта Академии наук Ленца, по ботанике — адъютанта Дерптского университета, профессора Мейера, по зоологии — хранителя Зоологического кабинета Менетрис (Menetries) и по геологии, по командировке Горного департамента, чиновника Вансовича. Через год, в 1830 году, академик Купфер представил Академии подробный отчет на французском языке под заглавием: «Путешествие в окрестности горы Эльбруса на Кавказе, предпринятое по приказу его величества императора (Николая I) в 1829 году», издано в Санкт-Петербурге в 1830 году.

До отправления означенной экспедиции академик И.Х. Гамель, состоявший академиком «по технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам», извлек из архивных материалов сведения об аналогичной экспедиции на Кавказ, предпринятой за 200 лет до этого, и доложил на заседании Академии. Его доклад, написанный и прочитанный на немецком языке, был вызван желанием способствовать путем исторической справки успеху экспедиции Купфера. Напечатанный в весьма ограниченном количестве экземпляров по-немецки и в русском переводе (русский перевод озаглавлен: «Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 году по приказанию царя Михаила Феодоровича для отыскания серебряной руды»). Составлено из подлинных документов и читано в заседании Императорской Академии наук 10 июня 1829 года академиком статским советником Гамелем, по случаю отправления Академией наук ученой экспедиции на Кавказ. СПб.: Тип. Академии наук, 1829. 16 с. 8 д.л. — он стал уже очень давно большой библиографической редкостью. В момент выхода в свет издание Гамеля заслуженно привлекло к себе большое внимание со стороны повременной печати того времени: газета «Санкт-Петербургские ведомости» воспроизвела целиком текст русского издания брошюры (см. № 80, с. 441–442, № 81, с. 450 и № 83, с. 461–462 за 1829 год); газета «Северная Пчела» напечатала краткую библиографическую заметку об издании (см. № 123, в отделе рецензий под № 108, за 1829 год), а журнал «Московский телеграф» дал не только подробную библиографическую заметку (см. часть 28 за 1829 год, № 15, с. 349–351), но поместил кроме того особые «Замечания к путешествию на Кавказ в 1628 году для отыскания серебряных руд» некоего А.Р., содержащие толкование некоторых встречающихся в тексте брошюры географических названий и собственных имен лиц (см. часть 40 за 1831 год, № 16, с. 544–550). Впоследствии издание Гамеля и содержащиеся в нем лю-

бопытные исторические данные оказались основательно забытыми, если не считать беглого упоминания о предприятии 1628 года в одной-двух журнальных статьях (например, в статье П.Ю. Дина «Серебро в Осетии. К истории горнопромышленности на Кавказе», в журнале «Русский архив» за 1915 год, № 5, с. 55 сл.). Текст редчайшего издания Гамеля заслуживает, без сомнения, переиздания: предлагаемый здесь русский перевод сделан с немецкого оригинала на основании экземпляра, хранящегося в Библиотеке Академии наук в Ленинграде.

Немецкое заглавие брошюры гласит:

Beschreibung einer im Jahr 1628 auf Befehl des Zaren Michail Feodoro-witsch statt gefundenen Sendung an clen Kaukasus zur Aufsuchung von Silber — und anderen Erzen.

Aus Russischen Original Dokumenten zusammen getragen und vorgelesen in der Akademie der Wissenschaften vom Akademiker Staatsrath Hamel.

«Известно, что в последней половине XVI столетия, вскоре после завоевания Казани и Астрахани, многие черкесские князья, убежденные, что они не в состоянии противостоять победоносному оружию русского царя, если бы оно обратилось против них, отдались добровольно в русское подданство и послали своих сыновей в залог своей верности в Москву, где большинство из них приняло христианскую религию. В это же время у расположенного на реке Тюмени, рукаве реки Быстрой (нынешнего Терека), неподалеку от Каспийского моря, русского пограничного города Терека (не существующего более уже ста лет) поселилось большое количество крещеных черкесов.

При таких-то дружественных отношениях случилось, что в 1628 году черкесский князь Пшимах Канбулатович Черкасский отправил в Москву из Кабарды некоего Коншов-мурзу Битемрюкова, чтобы сообщить царю Михаилу Федоровичу, что имеется в Кабарде небольшая землица, называемая Абаста, также Та-абаста («землица невелика слывет Та-абаста»), принадлежащая по большей части сыновьям Ибак-мурзы: Ильдару, Сихову и Ильмамету и удаленная от города Терека приблизительно на 6 дней пути, в каковой землице имеется много серебряной и медной руды, и в которой еще недавно добывалось серебро; в настоящее время обработка руды прекратилась, так как боятся, что русский царь отнимет у них эту землю. Коншов-мурза объявил дьякам посольского приказа, каким способом следует ехать из города Терека в землицу Та-абасту вдоль реки Сунжи, и какие меры следует принять, чтобы иметь возможность добыть руду. Что следует, мол, отправиться туда с военной силой и потребовать от сыновей Ибак-мурзы хороших заложников в Терек; что в настоящее время там находится в качестве такового их сводный брат Шенбак-мурза, но что нельзя быть уверенным, что они его предоставят на произвол судьбы. Чтобы обезопасить себя от черкесов, следует построить на реке Сунже, где прежде был острог, новый; между этим местом и кабаками (селами) сыновей Ибак-мурзы кочует на горных хребтах («в гребенях») около 500 терских казаков, и на них можно положиться.

Царь Михаил Федорович приказал отправить туда для исследования указанной руды немецкого минералога и химика («рудознатец, золотознатец»), по имени Самуил Фрич (Fritsch) и с ним рудоискателя или рудокопа («лозоходец, рудокопец») Иоанна Герольда. Эти два иностранца прибыли в Москву в 1625 году, 24 августа, по приглашению английского гостя или купца Фабина Юлианова, чтобы поступить на службу царя, и предприняли уже в марте 1626 года совместно с господином Григорием Александровичем Загряжским и Сергеем Беликовым путешествие в Пермскую область и различные места Сибири для поисков всевозможных руд, из какового путешествия они вернулись в 1627 году, когда именно Фрич был представлен царю и награжден им 40 собольими и столькими же куньими мехами, также и несколькими кусками шелковой материи. Руководство экспедицией в Кабарду, через Казань и Астрахань, было поручено назначенными воеводами на Терек: князю Ивану Александровичу Дашкову и господину Богдану Герасимовичу Приклонскому. Господам Фричу и Герольду были даны из посольского приказа в качестве переводчика г-н Тимофей Фаннемин и в качестве толмача господин Иоанн Кашпиров. Фрич и Герольд просили царя письменно, чтобы он приказал одному немецкому плотнику, по имени Георгу Бем (Boehm), который служил раньше царю в Нижнем Новгороде и в то время находился в Москве, поехать вместе с ними, так как они думали, что будут нуждаться в его помощи, потому что он умел делать водяные колеса, сверлить трубы и тому подобное. Царь приказал это тотчас же.

Фрич получил жалованья согласно контракту 30 и Герольд 25 ефимков в месяц, ефимок был уплочен в русских деньгах 15 алтынами и 2 деньгами (46 копеек). Переводчик Фаннемин получил 35, а толмач Кашпиров 15 рублей годового жалования.

В пути и в городе Тереке Фрич и Герольд должны были получать: по пяти алтын ежедневно столовых и из кабацкого приказа по четыре стакана водки и по шести кружек хорошего

меда; их прислуге было установлено: по десяти денег в день, по два стакана водки, по одной кружке пива и по одной кружке меда. В качестве провизии в Казани Фричу и Герольду должно было быть выдано каждому 10 ведер водки, десять пудов свежего меда, десять окороков, десять ведер уксуса, пять четвертей сухарей, четверть крупы (Grutze) и четверть толокна. Для исследования руды были взяты: магнит, пробирный камень для золота, полпуда стеклянной посуды, мешочек винного камня, мешочек стеклянной пены (Glasgalle), мешочек с мышьяком, мешочек с бурой, мешочек с гуммилаком, 28 треугольных плавильных тигеля, девяносто очищенных черепков (Abtreibscherben), девяносто маленьких тигелей, железная печь, две латунных ступки (Morser), двенадцать фунтов олова, четыре глиняных муффеля, четыре глиняных подставки для того, чтобы ставить муфеля и т.д.

В Астрахани, куда миссия прибыла 18 июля, Фрич и Герольд заявили тамошнему стольнику и воеводе князю Юрию Федоровичу Буйносову-Ростовскому, что после минералогического путешествия, совершенного несколько лет до того англичанином Джоном Ватером (Water), под руководством Чулок Бартенева, в Сибирь, осталось на обратном пути из Перми в Нижнем Новгороде большое количество нужных для выкапывания руды инструментов, и просили о присылке им этих инструментов. Князь Ростовский сообщил об этом царю, который немедленно отдал приказ нижегородскому воеводе Ивану Траханиотову доставить их через Казань, что и было сделано.

21 августа компания прибыла в город Терек. Свирепствующая в горах чумообразная болезнь, из-за которой прежние воеводы: князь Василий Федорович Щербатов и господин Степан Татищев — устроили карантин, была выставлена причиной тому, что они не сразу обратились в горы к самому князю Пшимаху Канбулатовичу Черкасскому. Сначала были допрошены многие давние жители Терека, а также стрельцы, которые прежде посылались в горы по царским делам, однако, они все сказали под присягой, что никогда не слыхали о землице Та-абаста и находящейся в ней руде. Некоторые добавили к этому: мы, однако же, живем в городе со времени его построения (откуда следует, что город Терек построен не ранее середины XVI столетия); другие высказали, что часто из Мударовских и Ибаковских кабаков доставляли свинец в слитках («крученый свинец») в Терек. Конный стрелец из Кошкадамовского приказа Девятко Савельев заявил, что он, будучи послан из Терека к князю Черкасскому в горах у Грузии («в колканех да в мыльницех?») сам покупал свинец и привозил его в Терек; но где он добывался, знает, мол, он так же мало, как и другие жители Терека.

Коншов-мурза, бывший в Москве, утверждал, что, кроме него, никто не может найти то место в горах, где имеется серебряная и медная руда. Поэтому он был отправлен 18 сентября с новокрещенными служилыми черкесами (Андреем Афанасьевым, Сидором Семеновым и Марком Агапитовым), несколькими избранными надежными татарами и окоцкими людьми (из черкесской, лежащей на реке Сулаке, Окочинской слободы) в Кабарду, чтобы доставить образчик руды и пригласить прибыть в Терек сыновей владельца Та-абасты Ибак-мурзы Ильдара и Сихова, а также его узденя Мамика Ажедаева и узденя Канмурзы Иналука (эти последние сами выплавляли серебро).

24 ноября Коншов-мурза вернулся из гор и передал миссии около фунта руды, какую он, по его уверению, собрал по кусочкам в землице Абаст в различных местах, также в горах Исгодир и в одном месте, называемом Хасин (Chasin).

Из этой руды, о которой сообщается, что она блестела, три четверти фунта были переданы Фричу для исследования, и он нашел, что она содержит преимущественно свинец, а именно 55 процентов, также серебро, количество которого он оценил в 4 золотника на 100 фунтов руды. В своем отчете (от 22 декабря) он упоминает, что представляется вероятной возможность найти по соседству с этой рудой (бывшей серебросвинцовым блеском) более богатую серебряную, а может быть и медную руду. Так как для него, вследствие опасностей, было невозможно самому совершить поездку в горы к руде, то он, естественно, не мог также определить, может ли эта руда в большем масштабе подвергнуться выгодной обработке, в чем он, впрочем, ввиду большой содержательности металла, не сомневался.

Полученные при анализе свинец и серебро, так же как оставшаяся порция руды, были отправлены под печатью Фрича и Герольда через толмача Кашпирова и двух новокрещенных черкесов (Сидора Семенова и Марка Агапитова), бывших с Коншов-мурзой высоко в горах, в Москву к царю Михаилу Федоровичу, который велел одарить Кашпирова куском английского сукна и 5 рублями денег.

Коншов-мурза показал перед воеводами в съезжей избе, что будет совершенно невозможно добывать и обрабатывать эту руду без военной силы, так как Нартов мурза Елбузлуков

приехал из Терека в горы и везде рассказывал, что хотят овладеть Кабардой, чтобы обрабатывать в ней золото и серебро; что за ним, Коншов-мурзой, следили, чтобы его убить, и что он спасся лишь благодаря князю Пшимаха. Сыновья Ильдара, главного владельца Та-абасты, не желают ни в каком случае приехать в Терек, ни представить каких-либо заложников, будучи обеспокоены, что они потеряют свою землю. Нельзя было уговорить приехать в город и вышеупомянутых мастеров, Ажедаева и Иналука, которые еще недавно выплавляли серебро, так как они боялись или быть там задержаны, или при возвращении быть убиты кабардинцами.

Место, где он, Коншов-мурза, добыл руду, удалено от города Терека на шесть дней пути. Его описание ведущей туда дороги неясно: он упоминает в нем реки: Сунгус (Sungus), Черек (Fscherek), Хасин (Chasin), Ардон (Ardan) и Урух (Uruch). Князь Пшимах, у которого Коншов-мурза пробыл короткое время при этом путешествии в Кабарде, сказал ему: если царь желает приказать обрабатывать руду, он должен собрать два приказа конных стрельцов и 500 пеших стрельцов, 2000 юртовских астраханских татар и, кроме того, как можно больше терских черкесов, окочан, татар, новокрещенов и казаков. С этой военной силой должен напасть на кабардинских и горских князей и мурз в то время, когда они велят вспахивать свои земли, — так как в то время их люди разбросаны и заняты — и привести их в страх. Вместо тех заложников, которые находятся сейчас в Тереке, на которых нельзя положиться, следует достать других, более значительных. Если бы военная сила простояла там два года, тогда можно было бы свободно обрабатывать руду. Леса и воды по соседству достаточно, чтобы ее выплавлять. Спутник Коншов-мурзы, Андрей Афанасьев, высказал перед воеводами в Тереке, что он сопутствовал только до Кабарды к Нартовским кабакам; от Кабарды в горы Коншов-мурза взял с собой Нартова брата, Ильдара Елбузлукова, вышеупомянутых Сидора и Марка, а также узденей князя Пишмаха Шаган Каташова и Бек Урдашова, и своего собственного узденя Шаганука Бартова, его же с остальными оставил в Нартовских кабаках.

Сидор и Марк сказали: из Кабарды поехали они верхом сначала через лес и горы, часто им приходилось многие версты вести коней под узды, так как ехать верхом было невозможно («все гребени»); когда они отдалились от горских кабаков приблизительно на 20 верст, Коншов-мурза оставил как Ильдара Елбузлукова, так и их обоих и своего узденя со своими лошадьми, и стал тайком пробираться через горы, где нельзя ехать верхом, с узденями Пшимаха. На четвертый день Коншов-мурза вернулся с образцами руды.

В Москве, в посольском приказе, Сидор и Марк были еще раз допрошены. Они объявили здесь: место, где они были с Коншов-мурзой, принадлежит, кроме ильдаровских мурз, также балкарцам Абши Тазрекову (Abschi Fasrekoff) и Улли-мурзе, которые являются сыновьями сестры князя Пшимаха, царю не подчиняются, в городе Тереке заложников не имеют, но послушны черкесскому Алегук-мурзе Шеганукову, который подчиняется царю, имеет в Тереке своего сына Темир Аксака и квартиру для остановок. Особенно много народа названные мурзы не имеют, но вокруг них в горах стоят люди многих других мурз. Сможет ли Алегук-мурза склонить различных обитателей страны, где находится руда, заставить обрабатывать ее для царя, они не знают, но весьма сомневаются в том, чтобы что-либо подобное могло совершиться без значительной военной силы; относительно пути, который они совершили, они сказали здесь: первые пять дней от Терека путь, хотя все время ведет по скалам («стенью»), не слишком утомителен, а последние два дня чрезвычайно утомительны; что там находятся одни лишь горы и скалистые хребты («пришли горы великие и гребни»), где приходится постоянно ехать гуськом, а часто даже и идти пешком, ведя лошадь под уздцы.

21 февраля 1629 года приехал, наконец, из Кабарды в Терек сам князь Пшимах; здесь воеводы пригласили его в съезжую избу, объявили ему царское благоволение за его службу и усердие, и передали ему назначенные для него от царя в подарок шубу и шапку. Он подтвердил, что воля царя может быть осуществлена лишь при помощи многочисленной военной силы. Вся Кабарда охвачена страхом. Еще до того, как Коншов-мурза выехал из Москвы, приехал оттуда в Терек терский боярский сын Борис Станиславов и говорил о проекте царя с Фаддеем Волошениновым, который сообщил это Барук-мурзе. Этот тотчас же приказал дать знать об этом по всей Кабарде всем князьям и мурзам, которые делали ему, князю Пшимаху, сильные упреки за то, что он указал на руду. Когда Коншов-мурза появился у него в Кабарде, князья и мурзы тотчас догадались, что означает этот визит и поклялись убить их обоих, если они осмелятся поехать к рудному месторождению. Так как впоследствии через приехавшую из Терека сестру Барук Мурзы, по имени Хабас (Chabas), узнали, что Коншов-мурза все-таки тайно доставил в Терек небольшое количество руды, вооружили многие князья и мурзы, также и кумыцкий Андемир Салтамамутов, своих людей и поднялись в горы (в Болгары) против

его и Коншововых родственников и подданных, где они еще сражаются. Сыновья Казиевы, Шолоховы и многие кабардинские кабаки, которых он прежде уговорил отдаться под власть царя и которые действительно пришли в соседство города Терека, желают снова этой весной отправиться в горы, так как они слышали, что предположено обрабатывать серебряную руду. Впрочем, князь Пшимах объявил, что он сам никогда в землице Та-абаст не был, но что знает ее только понаслышке; но что совершенно определенно, что там еще не за долгое время добывалось серебро уже упомянутыми лицами.

В то время, как Коншов-мурза уезжал в Кабарду за образцами руды, поручили новые терские воеводы, князь Дашков и господин Приклонский, господам Фричу и Герольду значительную гидравлическую работу, которая была предпринята уже весной того же 1628 года предшествующим воеводой, князем Василием Федоровичем Щербатовым, а именно: снабдить город Терек свежей водой из реки Быстрой. Я хочу коснуться здесь этой работы несколько обстоятельнее, так как мы имеем ведь так мало исторических известий о тех способах и приемах, которые применялись в эпоху первого рассвета просвещения и цивилизации в нашем отечестве при такого рода предприятиях.

Город Терек, называвшийся потом Терки, лежал, как выше замечено, на реке Тюмени, одном из рукавов реки Быстрой, недалеко от Хвалынского (Каспийского) моря. Быстрой (стремительный поток) называлась тогда, вероятно, вся река, называемая теперь Тереком, вследствие присущего ей, как и всем вытекающим из высоких снеговых гор рекам, быстрого течения. Воевода князь Дашков писал о ней: «В быстрой реке вода живет, быстра и течет сердито не одним местом, в иных местах промывает, а старые песком засыпает».

Река Тюмень была, вероятно, раньше устьем нынешнего Терека (так как горные реки, которые несут с собой много камней, песку и земли, очень часто меняют свое русло) и потому город Терек был заложен тогда на этой реке (с городом Тереком был тождественен, без сомнения, там и сям упоминаемый город Тюмень), однако она в начале XVII столетия совсем почти высохла и многие другие терекские воеводы получали один за другим царские приказы постараться перевести воду из реки Быстрой снова в Тюмень. Князь Щербатов взялся за это дело с большим усердием. Весной 1628 года он несколько раз ездил на реку Быструю и брал с собой начальников терекских стрельцов, нескольких боярских детей, татарина из лежащего по ту сторону реки Тюмени пригорода, Тогаша Теребердеева, в особенности же вновь крещенных терекских черкесов: Андрея Афанасьева (выше уже упоминавшегося), Никифора Киссебеева и Федора Шулебеева, так как черкесы понимали в канализационном деле, имея обыкновение проводить из Быстрой воды по каналам на свои земли (собаны). Еще советовался князь Щербатов со стрельцом (надобный стрелец) Васильевского приказа, терекским охранителем камыша (камышник) Иваном Михайловым Ветошем, так как этот последний знал по роду своей службы местность в точности (камыши чает для зверовья).

Пришли к решению, что наиболее подходящее место для отвода воды из Быстрой находится в пяти верстах выше города Терека у ведущего к некой деревне Искинь (Yskin) искусственного рукава (искинь дерева копань), так как отсюда мог быть прорыт канал к ложбинам (ерки), идущим к реке Зеленой (Соляной), из каковой реки вода должна была изливаться далее в реку Тюмень. Руководство работой было поручено названному стрельцу Ветошу, и для рытья канала была нанята сотня астраханских ногайстких татар, которые приехали из Астрахани, чтобы наняться у тезиков для копания марены. Эти татары выкопали, за 102 рубля, канал длиной 570 сажен, до двух сажень глубиной и 10 сажень шириной. 11 апреля вода была пущена в канал и появилась тотчас же совершенно свежая у города Терека, мимо которого она потекла в Каспийское море. Князь Щербатов приказал терекскому боярскому сыну, Булату Демьянову с 15 стрельцами, стоять на страже того места, где канал выходил из Быстрой, чтобы этот исток на запрудился. Ветоша, Киссебеева и Шулебеева он послал к царю в Москву с уведомлением о произведенной работе.

К концу лета, когда в Быстрой было уже мало воды, она не текла уже более в канал. Новым воеводам, Дашкову и Приклонскому, царем Михаилом Федоровичем было поручено возложить на Фрича и Герольда исследование того, не может ли в то время совершенно запруженный выход реки Тюмени из Быстрой или даже выход старой реки Тюмени, при верхнем истоке реки Кизляра (против верхние кизлярские изголовы) быть так прокопан, чтобы вода снова потекла через реку Тюмень к городу Тереку. Поэтому они отправились с ними туда. Было найдено совершенно невыполнимым обновить старые естественные протоки Тюмени, так как они были совершенно занесены песком и поросли тростником, так что уже 20 лет вода совсем не протекала. Было найдено также невозможным обновить старую реку Кизляр и от-

вести к реке Тюмени (потому что те старые реки далеко ж отошли). С другой стороны Фрич и Герольд заверили, что канал князя Щербатова может быть так устроен, что свежая вода из Быстрой в будущем всегда будет течь в реку Зеленую, а из нее в реку Тюмень к городу Тереку. Поэтому воеводы дали им 31 октября сначала 90, а неделю спустя еще 250 человек рабочих, которых они были вынуждены взять из числа различных обитателей города Терека (ружники, оброчники и всякие ратные и жилецкие люди всяких чинов), так как отсутствовали не только незанятые собственно мастеровые, но и другие какие-либо наемные рабочие. 17 ноября, вследствие наступившего мороза, работа должна была быть приостановлена, но она была начата вновь в марте 1629 года и закончена уже 21 апреля. Заработная плата рабочим, их содержание, расходы на дерево, железо и уголья составили 261 рубль 15 алтын и 1 деньгу.

Не только прежний Щербатовский канал был расширен, но прорыли заново еще большой конец, так что вся длина составила 2350 саженей. Канал был так широк и так глубок, что можно было плыть по нему в лодках и на груженых судах (грузными каюками), даже на деревянных плотах. Фрич и Герольд дали распоряжение, что верхнее устье канала должно всегда держать в чистоте; на берегу Быстрой, напротив устья канала, посредством набросанных в реку древесных стволов, следует реку так сузить (на другой стороне быстрия реки против копанского устья надобе ставить на мысу наплавные карши), чтобы вода была принуждена течь больше в канал. Снова был поставлен один боярский сын с 20 стрельцами, чтобы следить за этим. Булат Демьянов и Тогаш Теребердеев были посланы 25 июня в Москву с сообщением о работах к царю. Демьянов и Ветош получили по приказанию царя каждый по 8 рублей в подарок, татарин Теребердеев и черкесы Кисебеев и Шулебеев по 12 рублей, и сверх того, каждый по куску английского сукна, по куску камки и по куску тафты.

Гидравлическая работа Фрича и Герольда не отвечала, однако, на первых порах в полной мере ожиданиям. Уже 15 февраля 1631 года новые терекские воеводы, князь Василий Тюренин и князь Семен Волконский, сообщали царю, что самый канал выкопан слишком мелко и что использованные при проводке естественные маленькие рвы (ерки) невозможно никак укрепить. При первом высоком подъеме воды Быстрая перейдет берега, в настоящее время канал почти сух, и в городе Тереке полный недостаток свежей воды, так что от стоячей соленой воды умерло уже много людей.

Фрич, находившийся в то время опять в Москве, был вызван к допросу по этому делу. Он сказал, что причиной этому то, что лед закупорил выход в канал из Быстрой, что он передал необходимые указания для избежания этого в письменной форме господам Дашкову и Приклонскому.

Эти последние подтвердили, что они получили упомянутые указания и что они передали их вступившим на их место воеводам, приклеив их к прочим бумагам в деле (столп) об этом. Они сказали далее, что они не только сузили противоположный устью канала берег Быстрой посредством плавучих древесных стволов, но и вбили для большей безопасности в Быстрой толстые сваи при устье канала и устроили плетеное сооружение, заполненное щебнем (хрящ), однако высокий бурный подъем воды весною 1630 года все снес. Они предложили прорыть канал еще раз, такой же глубины, какую сделал Фрич, тогда вода потечет беспрепятственно в канал, тем более, что устье Быстрой у моря все более и более засоряется песком, так что уже тогда более нельзя было въехать с моря на небольшой лодке, не говоря уже о бусе или другом большом корабле.

Мне неизвестно, последовали ли этому предложению воевод; об этом ничего не сказано в бумагах, касающихся путешествий Фрича. Однако свежая вода была, должно быть, снова проведена в Терек, так известно, что в 1638 году царь велел укрепить город, имевший тогда 2000 шагов в длину и 200 в ширину, земляными валами и бастионами по последнему слову техники под руководством нидерландского инженера Корнелия Клаусена, и что эти сооружения были еще значительно расширены в 1670 году по приказанию царя Алексея Михайловича шотландцем Томасом Бэли (Thomas Bayley). После того, как Петр Великий при своем походе в Персию в 1722 году побывал в Тереке (Терках), который ему весьма не понравился по своему низкому положению в болоте и тростниках, и когда вследствие его тогдашних завоеваний была заложена на реке Сулак, в 20 верстах к югу, новая крепость Святой Крест, Терек был в 1728 году — то есть ровно через 100 лет после путешествия туда Фрича, — снесен, не будучи уже более пограничной крепостью, и место, где стоял этот город, было впоследствии совершенно покрыто Каспийским морем и (более) не видимо.

Фрич совершил из Терека еще одно путешествие к одному из горячих источников, чтобы искать руду, однако ничего, кроме черной нефти, не нашел. 20 марта 1629 года царь приказал

прекратить рудоискательную экспедицию в Тереке, так как она без военной силы не могла достичь своей цели. Фрич, Бем и Фаннемин выехали в сентябре в Астрахань, куда Герольд, будучи больным, отправился еще ранее — в июне. Царь поручил Фричу и Герольду, через тогдашнего нового астраханского воеводу, князя Федора Семеновича Куракина, вымерить весь город и произвести съемку, а также набросать план для расширения городской стены, от Красной башни у Волги, где имелось деревянное заграждение, чтобы иметь возможность расквартировать еще один приказ на 500 человек стрельцов и построить 500 новых домов. Их проект, набросок и план постройки были посланы царю. Бем умер в Астрахани.

В сентябре 1630 года Фрич, Герольд, Фаннемин и Кашпиров отправились, вследствие нового царского приказа, в обратный путь в Москву через Казань, Нижний Новгород и Муром; первую часть путешествия они совершили водой по Волге (в осеннем гребном караване). Герольд, который давно, уже при прежнем путешествии в Сибирь, был болезненным, был по пути похоронен; остальная компания прибыла 25 декабря в Москву.

Год спустя, в 1631 году Фрич, снабженный царем, по его просьбе, написанной по-немецки и по-русски грамотой от 7 июля, выехал обратно в Германию. В этом открытом великокняжеском паспорте было указано, также по просьбе Фрича, что его товарищ, Иоганн Герольд, скончался в России. Фрич обещал царю при своем отъезде нанять в Германии различных мастеров, особенно таких, которые умеют производить искусственные железные предметы (всяких статей мастеров разных мудростей, которые делают всякие железные мудрственные дела) и отправить их в Россию за его (Фрича) собственный счет.

Было бы желательно узнать, какие следы имеются в настоящее время от уничтоженного сто лет тому назад города Терека и от произведенной неподалеку от него еще 200 лет тому назад гидравлической работы, а именно, соединения каналов рек Быстрой, Зеленой и Тюмени и покрыты ли совершенно также и теперь эти места Каспийским морем, как они были будто бы покрыты в середине прошлого столетия. Как известно, утверждали, что Каспийское море периодически поднимается и опускается. Важнее было бы, однако, разузнать, что собственно представляет собой кабардинская землица Та-абаст, обратившая на себя уже 200 лет тому назад особое внимание повелителя России и побудившая к отправке туда экспедиций, действительно ли там налицо много особо содержательной серебряно-свинцовой, а может быть и другой, заслуживающей обработки руды, и была ли в последующее время эта местность ближе исследована в минералогическом отношении. Гюльденштедт и Рейнеггс находили во многих местах на Кавказе не только сереброносный свинцовый блеск, но также и очень пригодную к выплавке медную, железную и цинковую руду. Уже древние авторы говорили о столь богатых золотых и серебряных копях в этих горах, что их изображение звучит совершенно сказочно. Весьма вероятно во всяком случае, что в горах Кавказа имеются большие минеральные клады, и возможно недалеко то время, когда все это будет выяснено. Можно надеяться, что ныне предпринимаемая научная академическая экспедиция и в этом отношении даст поучительные результаты».

Воспроизведенная нами в переводе записка Гамеля требует, прежде всего, нескольких пояснений относительно собственных имен действующих в описываемых событиях лиц и географических названий рек; последние пояснения необходимы для точного приурочения местонахождения интересовавших Москву рудных ископаемых.

Пшимах (то есть Пшимахо) Канбулатович Черкасский — один из пяти известных нам по имени сыновей скончавшегося в 1588 году князя Канбулата Идаровича, родного брата известного Темрюка Идаровича, тестя Иоанна Грозного; Пшимах принадлежал к той, старшей ветви потомков Инала, которая вела свое происхождение от Идара и отличалась особой приверженностью к московскому правительству. Коншов (то есть Каншау)-мурза Битемрюков — двоюродный племянник Пшимаха, внук Канбулатова брата Елбузду.

Ибак Мурза и его сыновья Ильдар, Сихов (в подробной родословной кабардинских князей, известной по изданию Белокурова, из которой почерпаются мною приводимые генеалогические данные, назван Суркаем) и Ильмамет (в упомянутой родословной Кельмет, то есть Гюльмемед), владевшие местонахождением руды, принадлежали к совершенно другой ветви кабардинских князей, к потомкам Джанхота; к этой же ветви принадлежал и Алегук-мурза Шегануков (двоюродный брат Алегука, Джанбулат, был дедом убитого в хивинском походе в 1717 году князя Александра Бекетовича Черкасского), которому подчинялись балкарские мурзы, Абши Тазреков и Улли-мурза.

Распространители слухов, враждебных намерению русских воспользоваться рудой: Нартов-мурза (в родословной Нарчов) Елбузлуков (по родословной Елбузтуков) и его брат Ильдар — внуки Идарова брата, Биту, и Барук-мурза — по-видимому, внук представителя

третьей ветви кабардинских князей, а именно Клехстана, и сын Тагяга, именуемый в родословной Оборуко (или Бозоруко). Материалы, приведенные в записке Гамеля, вскрывают, таким образом, любопытные черты феодального разброда представителей кабардинского княжеского рода по вопросу о политической ориентации за и против московского влияния, наряду с характерной группировкой их в прямой зависимости от различной степени родственной близости, указывающей на все еще сильные переживания семейного родового строя.

В лице Пшимахо мы видим представителя «Идаровской» (называемой нами так по имени Идара — отца Темрюка Идаровича, наиболее известного сторонника русской ориентации), крайней русофильской группировки, не останавливающегося перед мыслью о захвате русскими вооруженной рукою отдаленнейших частей кабардинской территории, посылающего, в очевидно продуманном расчете на «благодарность» московского князя, своего ближайшего родственника Каншау в Москву, с полезными для русских сведениями. Поступок Пшимахо поднимает на ноги всю Кабарду и начинается междоусобная война, причем противники России имеют в числе своих союзников кумыцкого князя Андемира (вероятно ошибка Гамеля, следует читать Айдемир), сына заклятого врага русских, убитого в 1605 году Султан-Мута (в документах Гамеля назван Салтамамутом), побочного сына шамхала Тарковского, Анди-хана. Приверженцам Пшимахо неслучайно противостоит другая группа кабардинских феодалов, ведущая свое происхождение от другой, Джанхотовской, линии кабардинского княжеского рода: их поддерживают, в лице Барук-мурзы, потомки третьей линии — «Клехстановской». Феодальный антагонизм в среде кабардинских князей, ведущих свой род от единого родоначальника — Инала, не порвал еще окончательно, как доказывают эти подробности, с восходящей к эпохе родового общества, пережиточной группировкой интересов по признаку большей и меньшей родственной близости друг к другу действующих лиц.

Обратимся к географическим названиям. Названия рек Черек, Урух и Ардон (в балкарской форме имени Ардан) не представляют затруднений, сохраняемые в той же форме на современной карте Кавказа. Сунгус очевидно соответствует Псыгансу, правому притоку Черека (ср. к форме Сунгус название лежащей в верховьях Псыгансу вершины Сунгульцубаши), а Хасин, без сомнения, соответствует реке Хызны-дон, левому притоку Уруха. Нам не трудно, таким образом, восстановить в главных чертах направление, в котором двигался из Кабарды, примерно из района современного Нальчика, Каншау-мурза: он шел к юго-востоку, пересекая последовательно течение Черека (пониже Кашкатау), Псыгансу (в районе верхнего Кожокова), Хызны-дон, Урух (около Нара), и, наконец, Ардон. В имени Исгодир, упомянутом особо, в стороне от главного пути, не трудно опознать Стыр Дигор (в форме Стигор, это же название встречается в 1650 году в известиях московского посла в Имеретию, Никифора Толочанова), лежащий немного к юго-западу от намеченной нами линии. Все приведенные географические указания чрезвычайно облегчают установление несколько загадочного местонахождения серебросвинцовой руды, которая именуется в записке Гамеля Абаст (а), иногда Та-абаста: речь идет, конечно, о знаменитом впоследствии Садонском месторождении серебросвинцовой руды, расположенном на седловине, отделяющей бассейн реки Урух от бассейна реки Ардон, и подвергшемся систематической эксплуатации средствами современной горнопромышленной техники в 1839 году (ср. по этому вопросу указания в статье О. Карапетяна: «Краткий очерк развития горного дела на Кавказе» в журнале «Кавказский Вестник», за 1901 год, № 11, с. 26 сл.).

Возникает естественно вопрос: откуда взялось название Абаст или Абаста (форма Таабаста результат простого недоразумения: Гамель не учитывал старинного русского словоупотребления местоимения 'та', ставившегося после того слова, к которому относилось, — земля та, землица та и т.п., и понял 'та', как относящееся к названию места), применительно к Садонскому месторождению серебросвинцовой руды. Недоумение разрешается, как нам кажется, очень просто: кабардинцы, информировавшие русских о рудном месторождении, по незнанию ими осетинского языка, приняли по ошибке нарицательное выражение осетин — обитателей Садонского ущелья — 'a baestae', что значит «эта земля, это место», за собственное имя, и сообщили его русским. Эта терминологическая подробность чрезвычайно интересна для характеристик и культурных взаимоотношений осетин, кабардинцев и балкарцев в ту отдаленную эпоху. Насколько знакомство с кабардинским языком (оставившее свой след в осетинском языке), как и вообще с адыгейским этикетом, так называемым «Адыги хабзе», почиталось уже тогда за непременную обязанность всякого, претендующего на более широкую общественную роль горца, настолько кабардинцы мало давали себе труда поинтересоваться местными осетинскими названиями местности или самим осетинским языком. Так, и

только так, приходится объяснять странное название Абаста, под каковым Садонский рудник, окрестности которого находились в совместном владении кабардинских и балкарских (связанных с кабардинцами родственными узами) феодалов, впервые появляются на культурно-исторической арене Северного Кавказа.

Нам остается еще коснуться вкратце названий Тюмень и Быстрая, относящихся к нижнему течению реки Терека, собственно его дельты. Хорошо известная изменчивость дельт рек подобных Тереку, лишает нас возможности установить точное географическое положение всех упомянутых в тексте Гамеля названий. Не вполне помогает здесь и обращение к современному описываемым здесь событиям описанию дельты Терека в известной «Книге большому чертежу» (так называется объяснительный текст к утерянной старинной карте, составленный в 1627 году). Здесь читаем (по изданию Г.И. Спасского 1846 г., с. 64 сл.): «Против устья реки Сунши, на другой стране Терка, острог. А от острога вниз по Терку 170 верст, потек из реки Терка (с правой стороны, А.Г.) к морю проток Вспольная Быстрая, и пал в морскую проливу: протоку до морския проливы 100 верст. А ниже Быстрия 20 верст потекла протоком река Тюменка: протоку до Хвалимского моря Тюменки реки 130 верст. А из Тюменки реки вытекла река Заплавная, и текла 80 верст, и пала Заплавная опять в Тюменку. А на устье реки Тюменки град Тюменской. А ниже Тюменки протока Терек пала река Терек от Тюмени в море 30 верст. А из Терка с левыя страны протока Подстепная Быстрая, а из него потекла протока Кыгла (читай Кызла. — *А. Г.*), и пала опять в Быструю же. А промеж протоки Терка и протоки Кызла пал проток, из Терка же в море, в Брянцовой». Мы видим, таким образом, что в начале XVII века были в дельте Терека не одна, а две реки, носившие название Быстрой: Вспольная и Подстепная. Крепость Терки, или Тюменский городок, находилась первоначально на реке Тюменке, впадавшей в море на 30 верст севернее главного русла Терека. Отвечая на поставленный Гамелем вопрос, мы можем теперь сказать, с точки зрения современной нам карты этого района, что остатки Терского городка, основанного (как мы теперь знаем) в 1588 году, и существовавшего на первоначальном месте до 1668 года, расположены были на протоке, именуемом Копай. Отнесенный вглубь материка в 1668 году и существовавший на новом месте до 1722 года, когда он был окончательно упразднен, Терский городок продолжал оставаться на том же протоке Копай, на расстоянии примерно 10 верст к северу от нынешнего главного русла Терека (географическое положение обоих городков показано на «Военно-исторической карте северо-восточного Кавказа», составленной Е.Д. Фелицыным в 20-верстном масштабе). Можно полагать, что тот проток, который называется теперь Копай, носил в начале XVII века название Тюменка. Как бы то ни было, приводимые Гамелем подробности интересного факта гидротехнических предприятий в районе нижнего течения Терека 300 лет тому назад говорят сами за себя; следует отметить большую роль местных, «черкесских» (в данном случае в широком смысле слова, включающем и кумыков) знатоков канализационного дела, наряду с привлекаемыми со стороны иностранными специалистами-техниками.

Факты, изложенные в брошюре Гамеля, позволяют сделать ряд важных исторических выводов. Первый важнейший вывод должен быть сделан тот, что с самого же начала своей экспансии на территории Северного Кавказа и почти одновременно с неудачными поползновениями покорить силой шамхальство Тарковское (окончившимися дважды, в 1594 и в 1605 годах, полным разгромом русских войск) московское правительство делает попытки втянуть в сферу непосредственной промышленной эксплуатации природные богатства края, снаряжая с этой целью специальную ученую экспедицию. Это важно подчеркнуть, тем более что в работе одного из современных историков, профессора М.А. Полиевктова, напечатанной в 1932 году в Тифлисе под заглавием «Экономические и политические разведки Московского государства XVII-го века на Кавказе», прямо утверждается (стр. 19—20), что: «Московское государство (XVII-го века), не располагавшее, в конце концов, большими свободными средствами, и в техническом и в научном отношении довольно отсталое, не могло, конечно, и думать о снаряжении специальных разведочных экспедиций на Кавказ. Такую роскошь в деле географических изысканий редко могли себе позволить в ту эпоху даже наиболее богатые и вооруженные более высокой техникой страны Запада». Совершенная ошибочность этого утверждения ясна на основании вышесказанного, и принципиального значения предприятия Фрича и Герольда не может умалить совершенная неудача их поездки.

Полное незнакомство с приведенным материалом ярко сказалось в работе другого советского ученого, молодого историка Осетии Г. Кокиева. В опубликованных им «Материалах по истории осетин (XVIII век)», т. 1 (известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института т. VI, Орджоникидзе, 1934) утверждается совершенно ошибочно на с. 18,

что «О горных богатствах Осетии царская Россия до отправления на Северный Кавказ миссионерской комиссии (то есть в 1745 году) не имела почти никаких сведений, за исключением краткого упоминания о них в челобитной грузинских миссионеров Иосифа и Николая (1742 год) и так далее». Неудачны были, как мы знаем, и позднейшие попытки 1768 и 1771 годов, о которых подробнее см. в опубликованных Кокиевым архивных материалах (замечу попутно, что Кокиев ошибается, считая, что все опубликованные у него материалы появляются в печати впервые: так, например, важный документ 1767 года, в его издании под № 68, был известен в литературе уже около 20 лет и напечатан почти полностью в цитированной выше статье П. Юдина). Препятствием служили в начале XVII века причины местного порядка, во второй половине XVIII века — международный характер, приданный русским делам на Северном Кавказе влиянием Турции и отчасти Персии.

Второй интересный вывод, который позволяет нам сделать материал Гамеля, касается вопроса промышленной эксплуатации горных богатств Кавказа самим местным населением. Мы знали, правда, о существовании на Северном Кавказе древних рудников со времени вышеупомянутой экспедиции Купфера, обнаружившей в 1828 году в Карачае, по течению реки Худес, так называемое Индышское месторождение серебросвинцовой руды. Однако какой исторической народности следует приписать те древние «большие каменные молоты, которыми когда-то отбивали руды или забивали забои» (ср. у В.М. Сысоева в статье «Карачай» в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 43, Тифлис, 1913. С. 33—34), которые найдены были в балке Тархтанул Чалган, известно не было: есть некоторое основание считать эти рудники одним из следов деятельности византийцев в эпоху их проникновения в X—XII веках в верховья Кубани. В материалах Гамеля мы получаем впервые ясное и недвусмысленное указание на горнопромышленную деятельность самих горцев и узнаем имена мастеров: это были уздени Мамик Ажедаев и Иналук Канмурзин.

Третий любопытный вывод, делаемый нами на основании текста Гамеля, касается характера ранних поселений казаков гребенцев на Северном Кавказе; по показанию Каншаумурзы, между так называемым Сунжинским острогом и кабаками (селениями) сыновей Ибакмурзы — лежавшими, по видимому, в районе позднейшей Малой Кабарды — «кочевало на горных хребтах около 500 терских казаков». Мы хорошо знаем, что вплоть до XVIII века включительно большая часть горского населения северокавказской равнины вела кочевой, точнее полукочевой, образ жизни, и не сеяла, как правило, дважды подряд в одном месте. Совершенная незаселенность равнины допускала в те времена ведение экстенсивнейшего хозяйства, позволяла горцам широко раскидывать свои пахотные земли и снимать богатейшие урожаи с девственной черноземной почвы предгорий. Выясняется, что и русское «гребенское» население, впитавшее в себя разнообразнейшие элементы местного горского населения, приспосабливалось к местным приемам ведения хозяйства и так же, как и местные жители, вело полукочевой — полуоседлый образ жизни.

Целый ряд интересных деталей, сообщаемых Гамелем, мог бы послужить предметом подробного рассмотрения. Но и сказанного уже достаточно для бесспорного подтверждения вышесказанной нами мысли, что, во-первых, историки совершенно недостаточно считаются до сих пор с имеющимися богатейшими историческими материалами даже в тех случаях, когда эти материалы уже давно стали достоянием печати, и что, во-вторых, очередная задача истории горских народов Северного Кавказа состоит в тщательном учете первоисточников как напечатанных, так и ненапечатанных, без чего всякая попытка разрешить поставленную вышесказанными партийными решениями задачу — восполнить существующие пробелы в истории народов СССР — обречена заранее на полную и безусловную неудачу.

Ленинград
10 апреля 1936 год

Текст печатается по источнику:
ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 137. Лл. 1-31. Машинописный экземпляр.

II. Раздел лингвокультурологии и лингвистики

Николай Феофанович Яковлев

Николай Феофанович Яковлев (9 (21) мая 1892 — 30 декабря 1974) — советский лингвист-кавказовед, фонолог, социолингвист, активный участник языкового строительства и борьбы с безграмотностью в 1920—1930-е годы. Первым предложил определение фонемы как собственно языковой единицы (1923). Один из основоположников Московской фонологической школы, председатель Московского лингвистического кружка с марта 1923 до ноября 1924 года, участник летних экспедиций членов МЛК по изучению среднерусских диалектов, а также языков Северного Кавказа.

Родился 9 (21) мая 1892 года на хуторе Булгурин (ныне Волгоградская область). В 1916 году окончил Московский университет, участвововал в работе школы Ф.Ф. Фортунатова. 1917—1919 годы связаны с революционной деятельностью. В 1919 году вернулся к занятиям наукой, с 1920 года руководил экспедициями по изучению языков и культур Северного Кавказа. В 1924 году создал Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа при Главнауке Наркомата (министерства) просвещения, позже преобразованный в Институт этнических и национальных культур народов Востока, где Яковлев был заместителем директора (см.: Алпатов В.М. Николай Феофанович Яковлев // Отечественные лингвисты XX века. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 149—157).

Был руководителем Технографической комиссии Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (1925—1937). В.М. Алпатов приводит слова М.В. Панова о деятельности Н.Ф. Яковлева в области создания алфавитов: «...многообразным было его участие в общей работе. В создании одних алфавитов он был главный работник, других — помогал совершенствовать, консультировал на разных этапах их готовности. Принимал участие в «доводке» третьих. Четвертые алфавиты строились с учетом конкретного опыта Н.Ф. Яковлева, его достижений. Наконец, создатели пятой группы алфавитов не следовали конкретному опыту Н.Ф. Яковлева, но принимали во внимание его теорию»... В итоге было создано к 1936 году более 70 новых алфавитов на латинской основе... Особенно велика роль Яковлева в создании алфавитов для языков Северного Кавказа» (там же, с. 150).

Во второй половине 1920-х годов исследования Н.Ф. Яковлева по фонологии и кавказоведению получили международную известность, его труды рецензировали А. Мейе, Н.С. Трубецкой. Теоретический труд «Теория фонем» (1928—1929) не был издан и не сохранился. В кратком виде фонологическая концепция ученого изложена в статье «Математическая формула построения алфавита» (в книге «Культура и письменность Востока». Баку, 1928), а также в предисловии к «Материалам для кабардинского словаря» (М., 1927).

В 1930—1940-е годы Н.Ф. Яковлев написал пять фундаментальных грамматик кавказских языков: адыгейского, кабардинского, чеченского, ингушского и абхазского. До войны вышли «Синтаксис чеченского литературного языка» (1938), «Краткая грамматика кабардино-черкесского языка» (1938), «Грамматика адыгейского литературного языка» (в соавторстве с Д.А. Ашхамафом, 1941). В послевоенные годы была издана «Грамматика литературного кабардино-черкесского языка» (1948), «Морфология чеченского языка» (1960), ингушская и абхазская грамматики не изданы до сих пор. «Грамматика кабардинского языка» — тема докторской диссертации Н.Ф. Яковлева, которую он защитил в 1946 году.

Н.Ф. Яковлев разрабатывал теорию и методику лингвистической палеонтологии, но в отличие от Н.Я. Марра, не использовал его четырехэлементный анализ, соответствующие этимологические посылки. Используя структурно-системный подход к анализу кабардино-черкесского языка, особенно его сельскохозяйственной лексики, опираясь на моносиллабические лексемы (протолексикон), указывая путь к более сложным составным элементам, он восстанавливал древнейшее состояние языка и на его основе определял опорные тематические группы лексики, связанной с протокультурой кабардинцев и черкесов. В архиве Горского историко-лингвистического института в Государственном архиве Ставропольского края (фонд Р-1260) хранится рукопись (машинопись) работы Н.Ф. Яковлева «Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем» (1928), которую он готовил к публикации в этом же году в городе Нальчике. Рукопись, по нашим сведениям, не была опубликована, но представляет большой интерес в плане изучения метода лингвистической палеонтологии, а также кабардино-черкесского языка и культуры. В 1927 году, как это было принято в палеонтологических исследованиях, Н.Ф. Яковлев подготовил протолексикон — работу «Материалы для кабардинского словаря. Выпуск 1. Словарь однокоренных слов и корней типа открытого слога». Он и послужил основой для системного подхода к изучению материальной и духовной культуры кабардинцев и черкесов на основе данных языка. В предисловии к словарю Н.Ф. Яковлев дает подробное описание математической формулы алфавита (латиницы), который он использовал для написания словаря и других работ по кабардино-черкесскому языку.

В антологии мы публикуем «Материалы для кабардинского словаря» (1927), а также рукопись «Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем» в той степени подготовки, которую заявил автор. Эти взаимосвязанные работы (протолексикон кабардино-черкесского языка и исследование на его основе протокультуры черкесов) являются эталонными в исследованиях по лингвистической палеонтологии.

В военные и послевоенные годы Н.Ф. Яковлев был профессором Московского института востоковедения и Военного института иностранных языков, работал в Московском отделении Института языка и мышления АН СССР. Судьба выдающегося ученого сложилась трагически. После выступления И.В. Сталина против «нового учения о языке» Н.Я. Марра Н.Ф. Яковлев как его последователь в 1951 году был уволен со всех мест работы как «неразоружившийся маррист», заболел тяжелой душевной болезнью и вынужден был отойти от науки. Умер в Москве 30 декабря 1974 года.

С 1934 года можно встретить статьи издевательского толка, в которых высмеивается подход Н.Ф. Яковлева к изучению черкесской культуры по данным языка, палеонтологический метод. Тяжело и грустно читать, например, рецензию Г.Ф. Турчанинова «Черкесская культура по данным языка в интерпретации профессора Н.Ф. Яковлева», опубликованную в сборнике «Язык и мышление» (Вып. II. Л.: АН СССР, 1934): «Выхватив из системы черкесских языков моносиллабичный слой, поставив его вне всякой связи и зависимости от целого, законсервировав развитие его значений.., профессор Яковлев сразу же пытается схватить «быка за рога», стать на ортодоксальную социологическую позицию и заявляет: «Я совершенно расхожусь с академиком Марром, который считает, что первыми словами должны были быть 'небо', 'луна' и т.д. Я думаю, что для того, чтобы додуматься до 'неба', нужно было бы прежде иметь что-нибудь для еды. Мне кажется, что человек идет от ближайшего, то есть от своего собственного тела. Значит, названия частей тела и должны были появляться на языке первыми». Значит (не входим в «компетенцию» профессора Яковлева по яфетической теории) — в определении окружавшей его объективной действительности, видимо, и производственного процесса, человек отправлялся от собственного носа. «Додумался» ли до этого примитивный человек, но Яковлев додумался» (с. 133—134). См. также статью М.М. Сакиева «Против неверных толкований в изучении языков народов Черкесии» (В родной семье. Сборник произведений писателей и поэтов Черкесии. — Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1953. С. 179—195). Чтобы критиковать исследования Н.Ф. Яковлева (что, конечно же, возможно), нужно, по крайней мере, сделать не менее того, что сделал этот выдающийся ученый и бескорыстный человек. Заметим, что рецензия Г.Ф. Турчанинова — его первая печатная публикация.

Ю.Д. Дешериев и Г.А. Климов отмечают, что «с именем Н.Ф. Яковлева-кавказоведа связана разработка научной основы изучения абхазско-адыгских и нахских языков. Опубликованные им грамматики и ряд других монографических исследований явились по существу тем фундаментом, на котором строятся труды едва ли не всех отечественных и зарубежных исследователей в этой области (некоторые из этих работ остались в рукописи).

Целесообразно заметить, что не забывал ученый и о необходимости популяризации знаний науки о малоизученных в его время кавказских языках» (Н.Ф. Яковлев и советское языкознание. — М.: Наука, 1988. С. 4).

Н.Ф. Яковлев известен как крупнейший специалист по общему и кавказскому языкознанию. Он был создателем и некоторое время руководителем Московского лингвистического кружка (1923—1924), работал вместе с Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном над созданием структурной фонологии, предложив в противовес психологической концепции фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы подход к фонеме как к минимальной смыслоразличительной языковой единице («Таблицы фонетики кабардинского языка», 1923). Н.Ф. Яковлев — видный деятель Московской фонологической школы, в подготовке многочисленных алфавитов для бесписьменных народов Кавказа он использовал идеи теоретической фонологии Московской фонологической школы. Круг его интересов был огромен: «Его деятельность на Кавказе в 20—30-е годы была разнообразной, — пишет В.М. Алпатов. — Он занимался не только языком: изучал быт, материальную и духовную культуру кавказских народов, собирал фольклор, консультировал учителей и начинающих писателей, составлял буквари и учебники, разрабатывал орфографию, одним из первых стал заниматься использованием кино для этнографических исследований. Из его работ этнографического характера отметим книгу об ингушах и брошюры о дагестанских кустарных промыслах» (Алпатов В.М. Николай Феофанович Яковлев // Отечественные лингвисты XX века. — М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 150).

З.М. Габуниа отечает заслуги выдающегося кавказоведа: «Исследования Н.Ф. Яковлева по западнокавказским языкам широко известны в нашей стране и за ее пределами. Многие из них переведены на иностранные языки. Некоторые положения теории фонем Яковлева нашли отражение в фонологии, разработанной Н.С. Трубецким. ...Николай Феофанович Яковлев шел от материала (от практики) к теории, готовя национальные лингвистические кадры, воздействуя на мысли своих учеников, углубляя и расширя их лингвистический кругозор, «хорошо владея, глубоко чувствуя, понимая и уважая язык, обычаи, культуру, историю» исследуемых языков» (Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания. — Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. С. 272).

В фондах отдела редкой книги научной библиотеки СКФУ находятся следующие работы Н.Ф. Яковлева: «К вопросу об общем наименовании родственных народов: чеченцы и ингуши» // Отдельный оттиск из журнала «Записки СКГНИИ». — 1928. — Т. I. — С. 195—204; «Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков». — Ростов-на-Дону, 1929; «Языки и народы Кавказа: Краткий обзор и классификация». — Тифлис: Заккнига, 1930.

Работы о Н.Ф. Яковлеве:

M(eillet) A.N. Jakovlev: Materials for the Kabarden dictionary // Le Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. — P., 1929. — Vol. 29.

Cuipers E.H. Caucasian studies // Soviet and East European Linguistics. — The Hague, 1963. — P. 318—320.

Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. — М.: Наука, 1970. — С. 16—21.

Панов М.В. Теория фонем Н.Ф.Яковлева и создание новых письменностей // Народы Азии и Африки. — М., 1974. — № 4. — С. 210—223.

Климов Г.А., Панов М.В., Реформатский А.А. Из истории отечественного языкознания 20—40-х годов: Н.Ф.Яковлев (1892—1974) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — М., 1975. — Т. 34. — №4. — С. 362—367.

Ашнин Ф.Д., Журавлев В.К. Принципы фонемологии: (К 90-летию Н.Ф.Яковлева) // Вопросы языкознания. — М., 1983. — № 6. — С. 127—134.

Н.Ф. Яковлев и советское языкознание / Под ред. Ю.Д. Дешериева. — М.: Наука, 1988.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Жизнь и труды Николая Феофановича Яковлева // Известия РАН. Серия литературы и языка. — М., 1994. — Т. 54. — № 4. — С. — С. 77—85.

Ašnin F.D., Alpatov V.M. N.F. Jakovlev (1892—1974) // Une familière étrangeté: La Linguistique russe et soviétique. — P., 1995. — P. 147—161.

Габуниа З.М., Р.Г. Тирадо. Миноритарные языки в современном мире. Кавказские языки. — М., 2002.

Алпатов В.М. Николай Феофанович Яковлев // Отечественные лингвисты XX века. — М.: ИНИОН РАН, 2003. — С. 149—158.

Габуниа З.М. Н.Ф. Яковлев как кавказовед (1892–1974) // Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – С. 233–272; 497–501.

Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)) / Под ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2012.

Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры. – Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017. – С. 277–338.

Основные работы Н.Ф. Яковлева:

Таблицы фонетики кабардинского языка. – М., 1923.

Проблемы письменностей восточных народов // Новый Восток. – М., 1925. – Кн. 10/11. – С. 236–242.

Ингуши. – М.: Государственное издательство, 1925.

Вопросы изучения чеченцев и ингушей. – Грозный, 1927.

Материалы для кабардинского словаря. Выпуск 1. Словарь однокоренных слов и корней типа открытого слога. – М.: Центральное издательство народов СССР, 1927.

Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. – Ростов-на-Дону, 1928. – Т. 1. – С. 117–128.

К вопросу об общем наименовании родственных народов // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. – Ростов-на-Дону, 1928. – Т. 1. – С. 195–204.

Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. – М., 1928. – № 3. – С. 206–234.

Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока. – Баку, 1928. – Кн. 1. – С. 41–64.

Краткий обзор черкесских (адыгских) наречий и языков. – Ростов-на-Дону, 1928.

Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. – М., 1928. – № 3. – С. 206–237.

Черкесская культура по данным языка // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1928. – № 2. – С. 56–62.

За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. – Баку, 1930. – Кн. 6. – С. 27–43.

Историко-материалистическая лингвистика и грамматика // Русский язык в советской школе. – М., 1930. – № 1. – С. 26–33.

Унификация алфавитов для горских языков Северного Кавказа // Культура и письменность Востока. – Баку, 1930. – Кн. 6. – С. 44–67.

Языки и народы Кавказа (краткий обзор и классификация). – Тифлис: Заккнига, 1930.

Термины «мать – отец», «сестра – брат», «дочь – сын» в северокавказских яфетических и некоторых других языках // Ученые записки Института народов Востока. – М., 1930. – Т. 1.

Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка для школы и самообразования. – Краснодар: Крайнациздат, 1930 (в соавторстве с Д.А. Ашхамафом).

Культура и письменность горских народов Северного Кавказа. Сборник статей. – Владикавказ: Сердало, 1930 (в соавторстве с А. Ходжаевым).

«Аналитический» или «новый» алфавит // Культура и письменность Востока. – М., 1931. – Кн. 10. – С. 43–60.

О принципах построения орфографии в национальных языках // Культура и письменность Востока. – М., 1931. – Кн. 7–8. – С. 71–78.

О принципах создания терминологии в национальных языках // Культура и письменность Востока. – М., 1931. – Кн. 7–8. – С. 79–92.

Некоторые итоги латинизации и унификации алфавитов в СССР // Революция и письменность. – М., 1932. – № 4–5. – С. 35–46.

Адыгейская орфография. — Краснодар, 1936.

О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и письменность. — М., 1936. — Вып. 2. — С. 26—38.

Проект адыгейского алфавита на русской основе. — Майкоп: Адыгнациздат, 1936 (в соавторстве с Д.А. Ашхамафом, А.Х. Джаримовым).

Вопросы марийской орфографии: В порядке обсуждения к Первой марийской научной языковой конференции. — Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936 (в соавторстве с И.С. Капитоновым, С.Г. Эпиным).

Падежи в марийском языке (тезисы к докладам): В порядке обсуждения к Первой марийской научной языковой конференции. — Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936 (в соавторстве М.П. Чхаидзе).

Краткая грамматика кабардинско-черкесского языка. — Ворошиловск: Орджоникидзевское краевое издательство, 1938. — Вып. 1. Синтаксис и морфология.

Основы орфографии // Революции и письменность. — М., 1938. — № 1.

Адыгейская орфография. — Майкоп, 1938 (при Н.Ф. Яковлева).

Кабардино-черкесская орфография. — Нальчик, 1939 (при участии Н.Ф. Яковлева).

Синтаксис чеченского литературного языка. — М.: АН СССР, 1940.

Грамматика адыгейского литературного языка. — М.: АН СССР, 1941 (в соавторстве с Д.А. Ашхамафом).

Как люди научились говорить. — М.: Молодая гвардия, 1945 (в соавторстве с В.К. Никольским). Переиздания в 1946, 1947 годах.

Древние языковые связи Европы, Азии и Америки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1946. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 141—148.

Новая теория происхождения частей речи [рецензия на книгу И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи. М., 1945] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1946. — Т. 5. — Вып. 5. — С. 435—441.

Культура кабардинцев и черкесов по данным словаря // Ученые запискии Кабардинского НИИ. — Нальчик, 1947. — Т. 2. — С. 157—165.

Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. — М.—Л.: АН СССР, 1948.

Изучение яфетических языков Северного Кавказа за советский период // Языки Северного Кавказа и Дагестана. — М.—Л., 1949. — Вып. 2. — С. 296—315.

Морфология чеченского языка. — Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1960.

Принципы фонемологии // Вопросы языкознания. — 1983. — № 6.

Н.Ф. Яковлев
Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем

Посвящается раскрепощению черкесской женщины

Содержание

От автора.
Глава I. «Национальности», «национальные культуры» и «национальные названия» и их происхождение на Кавказе.
Глава II. Проблема национальной истории черкесов.
Глава III. Материальная культура черкесов.
Глава IV. Язык и народная поэзия, как элемент духовной культуры черкесов.
Глава V. Современное культурное строительство Кабардино-Балкарской автономной области.

От автора

Приступая к составлению книги, я думал придать ей гораздо меньший объем. Теперь, после того, как я ее закончил, мне, кажется, что она должна была бы быть в два-три раза длиннее. В самом деле, здесь не хватает упоминания о многих существенных явлениях материальной и духовной культуры. Однако автор и не мог взять на себя задачу объять необъятное. С другой стороны, в настоящее время еще нет достаточного материала, чтобы написать настоящую историю черкесов и дать полную картину развития их культуры вплоть до современности. Одна из главных причин этого лежит в отсутствии в руках исследователей достаточного количества точно записанных черкесских адатов, преданий и песен. Только собирание этого материала может восполнить недостаток документальных исторических данных о черкесах. Таким образом, в настоящей стадии изучения черкесов мы находимся еще в периоде общей постановки вопросов и решения основных проблем развития черкесской культуры. Однако, по моему глубокому убеждению, такое положение не дает исследователю права молчать и воздерживаться от опубликования тех результатов изучения, которые уже достигнуты.

Стоя на этой точке зрения и будучи убежденным, что для современного государственного строительства и для национальной общественности дороги лишь те достижения науки, которые своевременно выходят в свет и становятся достоянием широких народных масс, я и счел себя обязанным выпустить эту книгу со всеми ее пробелами и недостатками, естественными в городе Нальчике в условиях отсутствия под руками необходимых мне материалов и библиотек, взамен которых я получил, однако, неожиданно большую помощь в той атмосфере общественного внимания и поддержки моей работы, которые были мне оказаны со стороны самих представителей кабардинской общественности и работников Кабардино-Балкарской автономной области. Это и сообщило моему труду некоторые ценные с моей точки зрения черты, которых не могли бы дать ему, пожалуй, лучшие библиотеки и архивные материалы центра. Может быть, через несколько лет изучение черкесов и Кавказа вообще подвинется настолько вперед, что многие построения данной книги придется перестраивать заново. Однако для настоящего момента, для теперешнего состояния наших научных знаний по истории черкесов, все основные выводы и их методологические предпосылки, изложенные в этой книге, представляются мне наиболее правильными и научно вероятными. Во всяком случае, эта книга является плодом моих восьмилетних занятий черкесскими языками и историей их культуры.

В заключение приношу свою глубокую благодарность отделу народного образования Кабардино-Балкарской автономной области, давшему возможность ее написать и опубликовать. Кроме того, благодарю тех отдельных местных работников, которые брали на себя труд просмотреть отдельные главы моей книги, в особенности же заведующего краеведческим кабинетом Учебного городка Д.А. Сарахана, подбиравшего для меня в библиотеках Нальчика некоторую необходимую для меня литературу и сообщившего ценные библиографические справки.

Нальчик. 7 сентября 1928 года

Глава I. «Национальности», «национальные культуры» и «национальные названия» и их происхождение на Кавказе

В наше время, когда каждая из национальностей, населяющих СССР, свободно строит свою национальную культуру, у этих молодых наций существует стремление осознать самих себя, осознать свое прошлое, свое происхождение, чтобы с тем большей сознательностью и расчетливостью строить свое будущее. При этом вопрос о прошлом данного народа, о его происхождении приобретает в глазах националов особую остроту и важность, я бы сказал, даже злободневность. Первый вопрос, который задают они нам, ученым, с которым они нас встречают на Кавказе, это — «Откуда появился наш народ и наш язык?», «Объясните же нам, откуда мы происходим?»

Надо сказать, что на этот вопрос пробуют ответить и сами национальные работники. Они используют для этого старинные легенды, предания, иногда даже мусульманские и арабские источники. В устах правоверных мусульман их родной народ становится потомком наследников самого пророка Магомета, выводится из рода курейшитов из Аравии (см. легенду о происхождении ингушей)[1] или выводится из священной страны Шам (Сирия), как в предании о происхождении Шамхалов Тарковских, или, наконец, связывается с Египтом (легенда о происхождении кабардинских князей), Турцией, Крымом (легенда о происхождении карачаевцев)[2] и проч. Находятся и такие пытливые умы, которые ищут похожие на свои родные слова в английском, французском и других словарях и говорят потом, что наш язык происходит от английского (как это мне серьезно говорил один ингуш), французского, как в этом убеждены кубачинцы — жители одного маленького аула в Дагестане и т.д. Конечно, это стремление во что бы то ни стало найти свои корни в историческом прошлом, которое порождает все вышеуказанные попытки доморощенных историков, имеет свои веские причины, которые особенно в нашу эпоху и вызывают к жизни такие «исторические» изыскания.

Нет никакого сомнения в том, что для национальности молодой, теперь только впервые строящей свою национальную школу, письменность и культуру, становится положительной необходимостью найти какое-то обоснование ценности и важности своей национальной культуры. Необходимо доказать, что местная молодая национальная культура не менее ценна чем, например, культуры таких больших национальностей, как русская, немецкая и другие. Это доказательство, это обоснование национальные работники ищут, прежде всего, в прошлом своего народа, в его истории. В общем, эти стремления нельзя не признать здоровым показателем роста восточных национальностей в условиях советской государственности. Однако результаты этих стремлений, несомненно, являются большей частью весьма сомнительными, очень часто даже просто курьезными. Задача советской исторической науки — материалистической — прийти сейчас местным работникам на помощь, помочь им осознать свое действительное прошлое, правильно построить свою национальную историю и тем создать культурную идеологическую базу для развития национальной культуры в будущем.

Создавая различные теории о происхождении данного народа, местные историки руководствуются часто следующим правилом: «Раз наш народ так успешно строит сейчас свою государственность, значит, и в прошлом он не был безвестным маленьким народцем. Очевидно, и в своем далеком прошлом наш народ происходит от какого-нибудь знаменитого культурного предка». На этом убеждении и основаны попытки панисламистски настроенных авторов выводить происхождение своего народа от потомков пророка Магомета, из священных для мусульман стран Аравии, Палестины и других. Также естественно, что националы-западники стремятся найти своих национальных предков на западе, среди англичан, французов и т.д.

Постараемся, однако, разобрать самый метод такого построения национальной истории. Не проистекает ли он из неправильного представления о сущности национальной культуры, о самом понятии «нация, национальность»? Ведь гипотеза о том, что данный народ уже в древнейшие времена существовал со всеми своими культурными особенностями, со своим языком, уже, так сказать, в готовом виде, и дальнейшая его история заключалась только в переселении из одной страны в другую — такое предположение требует весьма критического к себе отношения, потому что оно, по существу, является методологической и идеологической предпосылкой, а не результатом исследования. С другой стороны, гипотезы о том, что данная национальность происходит от другой национальности, в настоящее время не имеющей ничего общего ни в языке, ни в культуре с первой, в сущности, нисколько не объясняют нам характерных национальных особенностей данного периода и сводят весь вопрос только к его

расовому происхождению. Постараемся рассмотреть поподробнее методологическую сущность как первого, так и второго предположения.

Если мы утверждаем, что данная национальность с незапамятных времен уже существовала со всеми ее основными особенностями в культуре и языке, тогда вся история ее представляется нам в виде бесконечного количества переселений из одной страны в другую и, наконец, на место ее теперешнего обитания, и мы будем иметь теорию переселенческого или миграционного происхождения народов. Эта теория, принятая до сих пор даже некоторыми учеными, в особенности археологами, носит определенно метафизический характер. Согласно ей, каждая национальность представляется нам постоянной, неразложимой в своем культурно-историческом происхождении, первичной абсолютной величиной. Основные черты такой национальности являются всегда на протяжении всего исторического процесса неизменными, изменяются лишь страны, где живет эта народность. По существу эта теория не допускает также никаких культурных взаимоотношений между отдельными национальностями, которые бы в корне могли изменить культурный облик одной из них. Единственное возможное, с ее точки зрения, взаимоотношение — это истребление или полное уничтожение одной национальности вместе с ее культурой другою, или, в крайнем случае, так называемое заимствование одной национальностью некоторых, всегда по существу, однако, для нее чуждых черт культуры и языка, которые поэтому и называются словом «заимствования». Заимствования в языке и в культуре рассматриваются учеными разбираемого нами направления всегда как инородные тела, которые без всякого ущерба для своеобразного облика данной национальности могут быть изъяты, выделены и отброшены при ее характеристике как своего рода случайные занозы в живом теле данного народа.

Таким образом, мы видим, что переселенческая теория, которую мы могли бы назвать теорией метафизического или статического этнологизма, представляет собой, в сущности, учение о национальностях, которое стремится совсем обойти вопрос о подлинном происхождении национальностей и национальной культуры. В самом деле, если с древнейших времен история различных народов представляется только как цепь переселений данного, уже готового в основных своих чертах народа из одной страны в другую, то вопрос о подлинном происхождении данного народа просто обходится. Ведь очевидно, что до начала своих переселений данный народ все же должен был где-то появиться, характерная для него национальная культура и язык должны были сложиться перед тем, как этот народ начал свои странствия. Вопрос о происхождении национальностей и национальной культуры, таким образом, остается в пределах теории миграций открытым, и единственным логически последовательным его решением было бы здесь предположение об изначально Божественном происхождении национальностей, какими-то неисповедимыми путями впервые появлявшихся на исторической арене.

Несомненно, что в противовес разобранной нами выше теории мы должны построить такое учение о национальностях, которое объясняло бы нам самое происхождение, сложение национальных культур и вместо голой статики дало бы нам динамику развития национальностей, как величин исторических, обусловленных развитием социально-экономических факторов. Такая теория, прежде всего, не может рассматривать каждую отдельную национальность как нечто замкнутое в самой себе, неизменное в основных своих чертах, лишь иногда заимствующее от других национальностей по существу чуждые для нее элементы. Вместо термина «заимствование» мы должны решительным образом ввести новый термин — «усвоение», как по отношению к явлениям материальной культуры, так и к явлениям языка. Мы видим, что на протяжении всего исторического процесса развития данной национальности она полными пригоршнями черпает и явления материальной культуры — орудия, предметы обихода, одежды и т.д., слова и элементы мировоззрения, религии и права из всех национальных источников, с которыми ей приходилось сталкиваться на ее историческом пути. И то, что она почерпнула, здесь не остается чуждым для ее культуры и инородными телами, но становится плотью от плоти и кровью от крови ее собственной культуры. В этом смысле мы и должны назвать такие культурные приобретения — усвоениями, ибо они не только входят целиком в данную национальную культуру, но становятся здесь ее необходимыми элементами, изменяющими всю систему этой культуры в целом и становящимися действенным фактами ее дальнейшего развития.

В сущности, исторический процесс формального развития культуры заключается в том, что происходит постоянное смешение, скрещение, слияние одних национальных культур с другими, и этот процесс создает, в сущности, новые формы культур, новые национальности, новые языки и т.д.[3] Роль социально-экономического фактора в этих процессах этнотворчества заключается в том, что, во-первых, он обусловливает собою самый тип развития данного

общества и его культуры в соответствии со стадией развития его хозяйства, социально-экономической формацией и, во-вторых, в том, что пути межнациональных отношений, пути, по которым происходит слияние одних национальностей с другими, их скрещение, из которого возникают новые национальности и новые национальные культуры — эти пути определяются направлениями экономического взаимообмена отдельных обществ. Древние торговые дороги становятся настоящими организаторами национальных культур и регуляторами их развития. Такова в основных чертах та теория этнотворчества, зарождения и развития национальностей и национальных культур, которую мы должны противопоставить, как теорию динамическую, — статической теории миграций или переселений. С древнейших, видимых нам на основании исторических источников времен, население известных нам стран, в том числе и Кавказа, остается приблизительно на одних и тех же местах, но меняются, переселяются, смешиваются и переплавляются, как в котлах древних экономических отношений, культуры и национальности.

Население приблизительно остается на своих местах, передвигаются и изменяются национальные культуры. Примерно такая формулировка исторического процесса культуротворчества впервые выдвинута академиком Н.Я. Марром и представляет большую заслугу и одно из основоположений созданной им яфетической теории. Задачей дальнейших исследований должно явиться уточнение и углубление этой предпосылки всякого культурно-исторического исследования и пересмотр даже всей выработанной до сих пор в этой области терминологии.[4] В качестве одной из деталей этой работы мы предлагаем здесь отказаться раз и навсегда от термина «заимствование» и заменить его как в отношении фактов культуры, материальной и духовной, в особенности же в отношении фактов языка — термином «усвоение».

Мне недаром пришлось в начале настоящей работы, которая должна быть посвящена культуре одной из важнейших на Кавказе национальностей — черкесам, остановиться на общеметодологическом вопросе, разрешение которого необходимо для учения о национальной культуре вообще. Многие наивные ученые-исследователи часто думают, что их выводы подсказаны им исключительно исследованием того фактического материала, который они изучают. На самом деле эти исследователи глубоко заблуждаются. Их выводы уже заранее предрешены теми часто бессознательными предположениями общего и методологического характера, которые данные ученые часто совершенно произвольно заранее кладут в основу своей работы. К таким предпосылкам, хотя бы и бессознательным, безусловно, относится во всяком культурно-историческом исследовании выбор между вышеупомянутыми двумя теориями — теорией диалектического развития, созидания национальных культур и метафизическим этнологизмом, или теорией абсолютных, всегда неизменных, замкнутых в себе национальных субстанций. Мне пришлось специально остановиться на данном вопросе, чтобы в дальнейшем при изложении истории происхождения черкесов как национальности и черкесской культуры как культуры национальной, моя собственная точка зрения на методы исторического исследования этого вопроса не оставляла никаких сомнений у читателя.

Откуда же появились черкесы или народы «адыге» на Кавказе? Этот простой, казалось бы, вопрос, как мы видим, с точки зрения изложенной нами выше теории, здесь не совсем правильно сформулирован. Правильнее будет спросить: как, из каких элементов сложились черкесы как особая национальность, то есть сложилась черкесская культура в основных ее чертах и черкесские языки как языки «близко родственные». Конечно, уже заранее мы можем и должны предположить, что черкесская культура, как и черкесские языки, складывалась постепенно под воздействием соседних национальных культур, от которых они и усвоили, в конечном счете, те своеобразные формальные черты, которые характеризуют современную культуру Черкесии. Таким образом, решить вопрос о происхождении Черкесии — это вовсе не значит искать какие-то отдаленные страны, откуда черкесы вышли как готовая, вполне уже сложившаяся национальность, но проследить, из каких национальных элементов складывалась культура их приблизительно на тех же самых местах, на которых они живут и теперь. Итак, мы можем поставить перед собой следующие вопросы: есть ли какие-нибудь исторические указания на то, что черкесы или те народные (этнические) элементы, из которых они складывались с древнейших известных нам времен, жили в тех же приблизительно пределах на Западном Кавказе, в каких они сохранились до времени русского завоевания? Если такие элементы действительно существуют или существовали, то нельзя ли установить более детально характерные особенности их тогдашней национальной культуры сравнительно с теперешним ее состоянием? В частности, можем ли мы установить, на каком языке или языках говорили эти предки черкесов? Наконец, в какую приблизительно эпоху сложились основные черты современной черкесской культуры и языка? Для того чтобы решить все эти вопросы, рассмотрим,

прежде всего, какие народы и языки входят в число черкесских и с какими народами и языками на Кавказе находятся они в ближайшем родстве.

Характерной особенностью населяющих Кавказ национальностей является наличие здесь для каждой отдельной народности нескольких одновременно употребительных национальных названий. Сама народность называет себя не так, как называют ее соседи. Причем, и между соседями здесь не наблюдается никакого единодушия. Так, восточные соседи кабардинцев — ингуши — известны у русских под названием «ингуши», у кабардинцев под именем «мышхыш» (myṣxўṣ)[5], у осетин — макал (maqhal), у грузин — кисты, сами себя ингуши называют «галгай» (ŋelgaj). С другой стороны, те народы, которые мы объединяем под именем черкесы, известны под таким названием только у своих северных соседей — тюрок и русских. Чеченцы и ингуши называют их габартие (gebertie), осетины — käсäг (keseg), наконец сами себя они называют одним общим именем «адыге» (adyŋe). Не всегда, однако, национальность на Кавказе доходит до такой стадии национального самосознания, при котором она ощущает потребность в собственном национальном названии. Существует или существовал до недавнего времени целый ряд народов на Кавказе, которые на их собственном языке не имели никакого общенародного названия. Представители таких народов обычно называют себя каждый именем того рода или того сельского общества, из которого они происходят. Так, аварцы в Дагестане до сих пор не имеют никакого собственного национального названия на родном языке, хотя это не мешает их соседям называть их каждому по-своему: у чеченцев «джай» (džhaj), у русских и кумык «авар» (auar) и т.д. Несомненно, что такое состояние объясняется тем, что данная национальность не представляет собой собственно еще настоящей единой национальности до тех пор, пока она всецело находится еще на стадии доклассового общества, например, родового.

В этот период каждый из отдельных родов, обладающий еще значительной хозяйственной самостоятельностью, считает себя вполне автономной общественной единицей. Представители таких народов сознают только свою принадлежность к каждому отдельному роду, сознание же принадлежности всех родов, говорящих на одном языке и объединенных одной культурой, к одному этническому целому («этносу») может еще не сознаваться. Для выражения этой принадлежности первоначально начинают пользоваться просто словами «наш род», как это имеет место еще в настоящее время у чеченцев и ингушей. Чеченец еще сам не называет свой собственный язык чеченским и страну чеченской, он еще буквально говорит «нашего народа страна», «наш народный язык» и т.д., хотя в настоящее время и чеченец, и ингуш имеют уже каждый на своем языке особое национальное название — нохчуо и галга (noxtšue и ŋalŋa). Наконец, иное положение мы находим у Черкесии. Здесь национальное название «адыге» употребляется не только по отношению к представителям населения, но и к языку адыгебзе (adyŋe-bze) и к другим явлениям культуры, как, например, к обычаям и правилам вежливости адыгехябзе (adyŋe-xabze) и т.д. При этом надо отметить, что название «адыге» объединяет в действительности собственно два различных народа, говорящих на двух различных, хотя и культурно весьма близких («близкородственных») языках. Таким образом, черкесы в настоящее время действительно дошли уже до той конечной стадии национального развития, которая вполне аналогична стадии национального развития европейских народов, например, хотя бы русских. Подобно тому, как великоросс и украинец, несмотря на всю разницу в языке и культуре, еще сохраняют возможность называть себя каждый одним и тем же национальным именем «русский», точно также верхние черкесы, или кабардинцы, и нижние черкесы, известные у кабардинцев так же под именем «кяхи» (ḳaxe), и сейчас еще обычно называют себя одним и тем же национальным названием «адыге», хотя разница в языке и культуре между ними нисколько не уступает различию между украинцами и великороссами. Каковы исторические причины того, что черкесы в отношении развития национального самосознания значительно опередили многих других своих соседей, мы поговорим ниже, рассматривая основные черты истории Черкесии и их соседей-горцев на Кавказе.

Интересно проследить происхождение самих вышеуказанных национальных названий, так как это представляет собой хорошую иллюстрацию к нашему положению о динамическом происхождении и развитии каждой отдельной национальности из разнообразных и разнородных культурно-исторических источников. Лучше других известно нам происхождение национальных названий ингушей и чеченцев. Название «ингуш» происходит от имени, лежавшего у самого выхода из гор большого ингушского аула «Онгушт» (Oangušt) — Тарская долина, с населением которого впервые и столкнулись русские при их появлении на подступах к Кавказскому хребту. Отсюда произошло то древнее название ингушей в русских документах и на картах XVII—XVIII века — «унгушевцы», которое позднее было видоизменено

в современное «ингуши». Этот путь образования национальных названий от названий жителей отдельного селения (resp. рода) или отдельного сельского (resp. родового) общества,[6] с которыми впервые сталкиваются соседи, переносящие затем это название на весь данный народ, — такой путь является далеко не случайным, а скорее обычным, нормальным путем образования иноязычных национальных названий. Осетинское название ингушей «макал» происходит от имени маленькой речки и горной долины, выходящей в Дарьяльское ущелье, с жителями которой, ингушами, очевидно, впервые столкнулись соседние пограничные осетины — иронцы. Эта долинка, называемая по-ингушски долиной реки: ехкы-хы (ex̆qhy-x̆y), по-осетински «Макал-дон», что соответствует, по-видимому, известному из русских карт названию «Мецхал» (ср. «Мецхальское общество»), в нагорной Ингушии — слову, по-видимому, грузинского происхождения (от грузинского «пкали» (çqali) — «вода»), служившему одним из названий ингушского племени «фяппий» (fjappyj). Таким образом, частное название рода, а затем племени, населявшего одну долину, откуда русское «макаловцы», было перенесено впервые познакомившимися с ними осетинами на весь ингушский народ. Кабардинское название ингушей «мышхыш», по всей вероятности, одного происхождения с тем древним названием «мечкизы», которое мы находим уже в русских документах XVI—XVII веков в качестве национального названия чеченцев и которое у некоторых старых путешественников (Гюльденштедт, Паллас) звучит несколько иначе — «мисджеги», иногда «мисгиты», наиболее вероятным мне представляется происхождение этого названия от имени реки Мичик (resp. рода, обитавшего на реке), находящейся в восточной части современной плоскостной Чечни. Жители долины этой реки — по-чеченски «мичикиш» (mytšyqhyš) — в устах соседей тюрок и русских превратились в мечкизов, что было воспринято и кабардинцами при появлении их в восточной части Предкавказья и в устьях Терека, когда они распространили туда свое феодальное господство и открыли там торговые княжеские фактории.

Очевидно, таково же происхождение и грузинского «кисты». Под этим именем ближайшим образом разумеют те ингушские и чеченские племена, которые жили по самой южной границе распространения чеченского племени. Отсюда, организованный в первое время владычества русских на Кавказе нагорный округ, включавший в себя нагорную Ингушетию и западную часть нагорной Чечни, назывался «Кистинским округом». Точно так же название чеченец или тюркское «шешен» происходит, по-видимому, от имени крупного плоскостного чеченского аула (resp. родового общества) — «Чечен-аул», находившегося также в восточной части Чечни. В связи с этим интересно отметить, что национальное название «лезгины», под которым персы, русские и грузины знают жителей всего Дагестана в целом, — название неизвестное в самом Дагестане, также представляет собой несомненный продукт распространения частного названия отдельного народа, с которым соседи имели возможность познакомиться раньше других, — на целую страну с многонациональным населением. «Лесги» (lesgi) — называют себя сами только так называемые кюринцы, народность юго-восточного Дагестана, непосредственно граничащая с побережьем Каспийского моря и Закавказской плоскостью, занятой азербайджано-тюркским населением. Очевидно, именно с этой народностью раньше, чем с другими дагестанцами, и познакомились жители Закавказья — азербайджанцы, а затем (до XVII века) и персы[7], которые впоследствии и перенесли это название на весь Дагестан. Русские же пошли в этом вопросе по стопам персов.

Что касается происхождения своеязычных национальных названий, то собственное название ингушей «галга» может быть раскрыто нами также с достаточной достоверностью. Галга было прежде, по сохранившимся еще у ингушей устным преданиям, названием лишь одного из нагорных ингушских родов, державшего в своих руках ущелья, служившие наиболее важными транзитными путями между Предкавказьем и Грузией (главное ущелье реки Асси). Сосредотачивая постепенно в своих руках богатства, накапливаемые с контроля над товарообменом, этот ингушский род постепенно захватил в свои руки феодальное господство над другими соседними ингушскими родами, подчинил их своему политическому влиянию и затем в XVIII—XIX веках, при выселении ингушей на Предкавказскую плоскость, сделался инициатором колонизации плоскости и захватил в свои руки руководство ее первоначальным заселением и, как первый объединитель разрозненных дотоле ингушских родов в однонациональное целое, передал и свое фамильное прозвище всей национальности. В память об этом ингуши и сейчас еще кроме общенационального названия всякого ингуша «галга» помнят еще и другое значение этого термина. Галгаями в узком смысле называются у них сейчас представители лишь немногих «лучших», по их выражению, фамилий, являющихся потомками древних феодально господствовавших когда-то в Ингушетии родов.

Если мы перейдем теперь к вопросам о происхождении национальных названий ближайших соседей черкесов — балкарцев, карачаевцев и самих черкесов, то мы увидим здесь в общих чертах ту же самую картину, что и у их восточных соседей. Совершенно очевидно, что название «балкарец» представляет собой позднейшее перенесение частного названия одной лишь родовой общины, живущей лишь в одном из ущелий Балкарии и составляющей одно из здешних сельских обществ — балкарское — на все говорящие одним и тем же языком нагорные тюркские сельские общества и роды. Так как это общество является самым восточным по нагорью, то, очевидно, знакомство с нагорными тюрками их более культурных плоскостных соседей кабардинцев, осетин и русских, шло последовательно с востока на запад. Между тем сами так называемые балкарцы или нагорные тюрки считают это название только частным названием сельского общества и до сих пор еще не согласны с его широким национальным значением. Еще интереснее происхождение названия «карачаевец». Несомненно, что как по культуре, так и по языку балкарцы и карачаевцы представляют собой, в сущности, весьма близкие разновидности одного и того же народа, если не единую национальность. Поводом для возникновения названия «Карачай» и «карачаевец» народные предания некоторых феодально господствовавших карачаевских фамилий указывают переселение некоего крымского выходца, одного из военачальников крымского ханства Карчи в Карачай вместе с остатками верного ему войска. При этом указанные предания стремятся представить дело так, будто все карачаевцы как народ являются потомками вышеуказанного крымчанина Карчи.[8] Однако определенная и совершенно ясная разница, которая отличает карачаевцев в языке и быте от крымских татар (как южнобережных, так и нагорных), и, с другой стороны, культурное сходство, которое объединяет их с балкарцами, остается совершенно необъяснимым с точки зрения такой теории происхождения карачаевцев.

Однако наряду с вышеуказанными родословными преданиями феодального происхождения нам удалось услышать в Карачае и другие легенды, которые определенно связывают происхождение народной массы карачаевцев, еще живших в значительной степени родовым строем со своими западными соседями — балкарцами. Таким образом, если мы захотим сделать правильный вывод о происхождении карачаевцев из всего указанного нами выше разноречивого материала народных преданий, то мы должны будем построить себе следующую схему: основное этническое ядро карачаевцев представляет собой мелкие родовые общины того же самого языка и типа культуры, что и соседние родовые общины Балкарии. Вопрос об их происхождении как в Балкарии, так и в Карачае представляет собой в сущности одну историческую задачу.[9] Эти отдельные родовые общины до известного исторического момента еще не знали настоящего национального объединения и жили родовым бытом. Однако, по-видимому, не ранее XVII века наступает известный переломный момент, разделивший указанное более или менее однородное нагорное тюркское население на две различные культурные области. Основным толчком для такого выделения карачаевцев как особой национальности, сознающей свое единство, послужил, по-видимому, процесс феодального объединения карачаевцев под гегемонией одного из родов, по тем или иным причинам захватившего власть над другими родами. Таким господствующим родом и организатором этого объединения и мог служить легендарный крымский выходец Карча со своей дружиной, переселившейся в Карачай, по-видимому, не ранее XVII века. Основной экономической базой феодального господства, его и его потомков послужило, по-видимому, его умение использовать свои родственные связи с крымцами и плоскостными ногайцами, игравшими в это время видную роль на Прикубанской плоскости для развития торговых и политических сношений вновь образовавшейся феодальной единицы с Крымским ханством и прикубанскими черкесами. Фамильное прозвище феодально-господствовавшего рода — потомков Карчи — было перенесено, таким образом, и на все подчиненные им первоначально разрозненные роды, и феодальное объединение явилось, таким образом, первым шагом к национальному объединению карачаевцев в особую, отличную от балкарцев, единицу.

Таким образом, уже из приведенных выше примеров ясно видно, как часто случайны по своему происхождению для данной национальности ее национальные названия. В сущности, они представляют собой примеры того, как частные родовые названия получают общенациональное значение в связи со сменой родового строя классовым обществом и становятся затем для представителей метафизической статической школы в этнологии как бы неотъемлемыми постоянными признаками, характеризующими «исторические» и «доисторические» народы, «этносы» и национальности. По этим, так называемым этническим именам, хотят находить места первоначального обитания народов, пути их переселений и их отражения в географиче-

ских названиях соответствующих стран. Ясно, что все такие попытки методологически заранее обречены на неудачу. Национальные или этнические названия возникают так же, как и сами национальности и этносы из различных, многообразных, часто случайных исторических источников и изменяются вместе с самими национальностями. Поэтому они вовсе не являются материалом, который мог бы помочь нам установить древнейшую историю национальностей.

Некоторые «этнические названия», в противоположность только что нами разобранным, носят, я бы сказал, обобщенный, универсализированный характер, несмотря на то, что по своему происхождению они также могут восходить к частному названию отдельного рода или сельского общества. Так, кабардинцы называют и соседей-осетин, и балкарцев, и карачаевцев одним названием — кушха (quyṣhe), что значит буквально «горец, житель нагорных долин (от слова «ко» (que) — «долина» и «шха» (ṣhe) — «верх»)». Таким образом, топографическое (resp. в данном случае — социально-экономическое) название перенесено в этом случае на все население, живущее в нагорных местностях независимо от национальных и культурных особенностей, существующих внутри этого населения. Для того чтобы указать более частные подразделения его, кабардинец прибавляет к названию «кушха» имена отдельных родов или племен, обитающих в горах. Так, он не знает общего названия «осетин» и говорит в зависимости от того, имеет ли он дело с иронцем (восточная часть осетинского народа) или дигорцем (западная часть осетинского народа): Ирон-кушха (jyron-quyṣhe) или Дыгор-кушха (dyguer-quyṣhe). Точно так же кабардинец говорит «балкар-кушха» (baḷkar-quyṣhe) — «балкарец» или «карашей-кушха» (qereṣei-quyṣhe) — «карачаевец». Именно название «кушха» первый кабардинский историк-любитель и большой фантазер Шора Бекмурзин Ногмов, издавший «Историю адыхейского народа» (Пятигорск, 1891, 3-е издание) и перевел как «осетинец», вместо правильного «горец». Это ввело в дальнейшем в заблуждение почтенного исследователя Всеволода Миллера, который приводит этот неправильный перевод в качестве одного из доказательств в пользу первоначального расселения осетин по всему Балкарскому и Карачаевскому нагорью (аланская гипотеза).[10]

Точно такого же топографического (resp. — социально-экономического) происхождения и тюркский термин «таулу» (taulu), то есть «горец» (от «тау» — «гора»), как сами себя называют (например, балкарцы). Отсюда же происходит этнический термин «тавлины», которым называют жителей нагорного Дагестана, причем и здесь практика употребления этого названия вводит дальнейшие частные его подразделения путем присоединения к нему соответствующих определений — детерминативов. Так получилось название «черные таулины», для обозначения всех мелких народцев, обитающих в западной высокогорной части Дагестана по верховьям Андийского Койсу (жителей Андийского округа).

Особенно интересны для нас случаи, когда племенные названия происходят от названий социальных, как и социальные названия происходят от названий племенных. Эти случаи помогают нам и сейчас еще на Кавказе на живых фактах проследить те процессы складывания народностей (этнотворчество, этногония), которые в известные ранние эпохи были типичны для всего человечества. Именно на них, на этих процессах, мы легче и яснее всего можем видеть, как именно складывались часто из разных племенных и разнонациональных элементов народы и национальности, и как они получали независимо от этой своей разноплеменности одно общее национальное прозвище. История национального названия «адыге» среди населения Верхней Кубани дает нам яркий пример только что высказанных положений.

«Адыге», как мы уже говорили выше, представляет собой собственное национальное название как верхних, так и нижних черкесов и соответствует иноязычному термину «черкес». Однако в современном его употреблении в бассейне Кубани этот термин получает также совершенно новое употребление. «Адыге» называются здесь все жители плоскости Предкавказской равнины, то есть кабардинцы, абазинцы и ногайцы в отличие и в противоположность жителям нагорной полосы — карачаевцам. Исторически, надо думать, что это новое значение термина сложилось совершенно так же, как складывались в уже приводившихся нами примерах национальные названия из частных названий родовых групп. Черкесские и кабардинские племена (бесленеевцы и другие) являлись историческими феодальными руководителями этой части Прикубанской равнины. Они держали в своих руках экономическую и политическую гегемонию над нагорным населением, состоявшим тогда из карачаевцев и абазинцев — отрасли абхазского народа, обитавшей в верховьях левых притоков Верхней Кубани. Эта гегемония, это господство основывалось на той постоянной экономической зависимости, в которой нагорное скотоводческое население всегда находится по отношению к соседней плоскости, к жителям равнины и их хозяйству. Горцы всегда нуждаются в той земледельческой продукции

(муке, зерне), которой занимаются соседние жители долины, ибо собственного хлеба у горцев периодически не хватает. Поэтому горцы вынуждены менять часть своих продуктов скотоводства на хлеб и с этой целью должны периодически спускаться из горных ущелий на плоскость. Это обстоятельство ставит их всегда в теснейшую экономическую, а следовательно, и политическую зависимость от жителей равнины. На этой почве возникает феодальная зависимость нагорного населения от соседнего плоскостного населения, обычно успевающего по сравнению с горцами достичь более развитых форм общественной жизни. Многочисленные примеры этого рода мы можем видеть в истории межнациональных отношений и на Кавказе. Именно этим объясняется феодальное господство над осетинами, балкарцами, карачаевцами кабардинцев, которые в одно время распространяли свое влияние также значительно дальше на восток — на ингушей и чеченцев. Этим же объясняется и та ожесточенная борьба за обладание плоскостью, которую вели в более позднее время запертые и экономически теснимые в нагорных ущельях осетины или вышедшие уже на плоскость чеченцы и ингуши с кабардинцами, — борьба, в которой русские завоеватели, как третья решающая сила, сыграли крупную роль.

Итак, термином «адыге» в бассейне Верхней Кубани, очевидно, обозначились участники плоскостной феодальной организации в отличие от «кушха», названия всех феодально-зависимых от них жителей нагорья без различия национальностей. Однако этот первый термин, который в начале, когда обитателями равнины были только черкесы, вполне соответствовал также и национальному составу жителей плоскости, приобретает новое значение, когда национальный состав последних пополнился ногайцами, явившимися в одно время серьезными конкурентами кабардинцев в борьбе за феодальное господство. Естественно, что в эту эпоху — эпоху феодализма — термин «адыге» окончательно выявляет свою социально-экономическую сущность и становится общим названием участников равнинной феодальной организации, классовым термином, обозначавшим сословие феодалов в противоположность зависимым от него горцам. Дальнейшее расширение своего значения этот термин получает уже после русского завоевания, когда часть горцев — «абазинцы», были принудительно переселены на плоскость. Население плоскости становится еще более пестрым, однако термин «адыге» сохраняет свое социально-экономическое значение. Правда, старые феодальные формы при русской власти приобретают здесь несколько завуалированный характер, становятся полуприкрытыми, отчасти загоняются, так сказать, в подполье (номинальное «освобождение» зависимых сословий и прочее). Однако хозяйственные и политические взаимоотношения жителей плоскости и жителей нагорья остаются прежними, хотя и входят в рамки новых политических форм. В этот период термин «адыге», развившийся исторически на почве чисто феодальных отношений, переносится на весь вновь образовавшийся этнический конгломерат, объединяемый уже кроме феодальных отношений также одним типом хозяйства и быта (плоскостное землевладение и скотоводство) в отличие от хозяйства и быта жителей нагорья — карачаевцев (полукочевое скотоводство), и в настоящее время термин «адыге» в том толковании, которое придается ему самими местными жителями, получает свое идеологическое обоснование в их устах как прозвище более культурного, более правоверного в религиозном отношении мусульманского населения, отличающегося знанием законов высшей вежливости (адыге-хябзе).

Термин «адыге» становится почти равнозначным термину «правоверный мусульманин», хотя, конечно, по существу в нем скрыто определенное социально-экономическое и формально-культурное содержание. Этот термин находится здесь на грани развития из него настоящего национального названия, в результате развития у всех жителей здешней плоскости сознания своего экономического и культурного единства, несмотря на противоречия в их языках, в их историческом происхождении и, отчасти, в быте. Доказательством того, что термин этот действительно начинает приобретать национальный оттенок как выразитель наметившегося здесь процесса исторического слияния всех жителей плоскости в одну национальность под феодальным культурно-экономическим руководством черкесов, служат те процессы национального самоопределения народов, которые протекают при советской власти в этом уголке Кавказа на наших глазах. Так называемая Карачаево-Черкесская область, объединявшая в себе как карачаевцев, так и жителей плоскости, разбилась о те внутренние противоречия, которые возникли в нем между жителями нагорья, карачаевцами, и жителями плоскости. В результате эта единая область распалась, и на месте ее возникли сейчас две автономные области, из которых вторая — Черкесская автономная область, объединяет в себе всех вышеуказанных обитателей плоскости, которые сами себя объединяют этническим термином «адыге». Весьма характерно, что в то время как раскол между нагорной и плоскостной частью непрерывно углублялся, никаких внутренних трений между различными плоскостными национальностями и никакого

вопроса о том, чтобы каждая из трех приблизительно равных по численности плоскостных национальностей была бы выделена в самостоятельную автономную единицу, не поднималось. Социально-экономическая и культурная общность всего плоскостного населения, поддерживаемая также историческими феодальными традициями, оказалась сильнее национальных, в узком смысле этого слова, и языковых различий[11], которые, на первый взгляд, в глазах объективно настроенного этнографа являются сейчас здесь преобладающими.

Итак, на примере истории термина «адыге» у прикубанских жителей плоскости мы можем ясно себе представить, каким образом могло идти в дальнейшем развитие социального значения этого термина, если бы процесс исторического слияния всех жителей плоскости в одну национальность здесь неизменно прогрессировал. Вслед за экономическим единством и развитием единой государственной феодальной организации должно было последовать объединение населения в области языка и быта. В результате название «адыге» сделалось бы здесь действительно национальным названием. Таково же было, очевидно, происхождение отдельных национальных названий в те отдаленные эпохи, когда различия в языках отдельных этнических групп не соответствовали их социально-экономическим и политическим объединениям в разноплеменные конгломераты, известные из истории под именем скифов, авар, гуннов, по-видимому, и хазар и многих других и связывавшиеся крепче, чем единством языка, едиными экономическими интересами и политическими целями. Эти процессы объединений имели в своем результате всегда также слияние и объединение языков, и слияние и объединение разрозненных родовых групп в единые национальности, и единые государственные образования.

На примере истории термина «адыге» в бассейне Верхней Кубани мы могли убедиться в том, что иногда национальное название феодальных руководителей данного этнического коллектива становится национальным термином для обозначения всего коллектива. Отсюда, естественно, вытекает предположение, что национальные названия феодально зависимых народов могут сделаться названиями зависимых сословий, эксплуатируемых классов в том же коллективе. Действительно, мы можем найти на Кавказе довольно ясные примеры, подтверждающие это положение. Так, у абхазов этнический термин «мингрелец» — «аэгруа» (от корня «Эгер», от которого происходит и древнее и современное название «Мингрелии» — «Мегрелии») (a-gr-wa), имеет в основе значение «раб, слуга». Несомненно, это восходит к тем еще временам, когда Мингрелия находилась в полной политической зависимости от могущественного некогда абхазского царства и поставляла для последнего слуг и рабов — представителей зависимых трудовых сословий.

Очень интересна, с нашей точки зрения, история термина «раб», которую можно проследить с достаточной достоверностью на основании языкового материала многих народов Северного Кавказа. У большинства народов Северного Кавказа, а также западного и восточного морских побережий для обозначения социального понятия «раб» употребляется слово, восходящее, несомненно, к одному и тому же корню: это слово звучит в языках вейнахской группы (чеченцев и ингушей) как «лей» (laj), а у аварцев как «лаг» (laŋ).[12] Применение такого термина необходимо, так как три не менее родственных, чем черкесы и кабардинцы, между собой народа: чеченцы, ингуши и цова-тушины — до сих пор не имели никакого общего названия для обозначения их как близкой в культурном и языковом отношении группы. Термин «вейнахский» происходит от слова «вей нах», что звучит буквально «наш народ». Этим термином, а также производным от него прилагательным одинаково пользуются все народы вейнахской группы для обозначения своей национальной принадлежности.

* * *

У лезгин (кюринцев) «лык» (lyk̦), и тот же самый термин мы находим на крайнем западном приморье: у абазинцев «лыг» (lyg) и, наконец, у абхазцев «а-лыг» (a-lyg). Вейнахский «лей», несомненно, восходит к прототипу «лаг», так как согласно законам языков этой группы исходное в слоге «г» закономерно переходит в «й» (см. ibid, с. 27). Самым достоверным объяснением происхождения этого названия «раб» представляется нам следующее: в осетинском языке мы находим слово «лаг» (lag) в значении «человек». Известно из некоторых старых документов, что при процветавшей по всему Северному Кавказу торговле рабами и при вызванной этой торговлей систематической охотой за таким живым товаром со стороны черкесских и других феодалов одним из главных источников добывания рабов была именно Осетия. Осетины ценились, как лучшие рабы, наиболее сильные, выносливые и красивые, поэтому совершенно естественно, что именно осетинское слово, которым, очевидно, называли себя сами рабы-осетины, и превратилось в общепринятый по всему пути, по которому протекала выше-

указанная торговля, термин, испытавший лишь со звуковой стороны воздействия звуковых законов соответственных языков. Социальный, родовой («демократический») термин специально осетинского языка становится общим социальным термином, обозначающим физически эксплуатируемое сословие для группы экономически связанных между собой народов.

Еще интереснее, хотя может быть менее достоверно, сопоставление аналогичных слов в языке самих осетин. Если осетинами пользовались как рабами их соседи, то совершенно естественно было бы предположить, что и сами осетины при случае использовали как рабов тех пленников, которых они забирали у своих наиболее близких, связанных с ними наиболее тесными экономическими и социальными узами соседей. Действительно, в осетинском языке мы находим для обозначения раба слово «кос-аг» (qos-ag) в связи с глагольным корнем «кос» (qos) с обозначением «работать» и для этнического обозначения черкесов — «käс-äг», известное у нас из русских летописей в форме «кос-ог», служившее, несомненно, для обозначения тех же черкесов. Мне кажется наиболее вероятным, что оба осетинские корня «кос» и «käс» являются лишь разновидностями одного общего прототипа, скорее всего того, который распространен до сих пор в массе древних и современных этнических и топографических названий на Кавказе (сравни: «Кас-пии», «Кав-кас», «чер-касы», «чер-кес» и т.д.»). Мне кажется, что подобно тому, как осетинское слово «человек» было воспринято соседями как специфический термин «раб», точно так же от первоначального некоего племенного или родового названия «кас» в осетинском языке, благодаря тому, что исторически это племя или род было источником, откуда добывались осетинами рабы, было образовано слово с обозначением «раб», откуда было произведено и «работать», как первоначальный специфический термин для подневольной эксплуатируемой работы, для рабского труда.[13] Что касается звукового видоизменения гласного корня, то оно могло развиться в результате и в зависимости от дифференциации значения, как это мы наблюдаем на многочисленных примерах в разнообразных языках. Таким образом, по всему Северному Нагорью «раб» происходит от термина «(осетинский) человек», а в языке осетин «раб» — от слова «черкес».

К каким же общим выводам мы можем теперь прийти на основании рассмотрения многочисленного материала кавказских языков относительно той связи, какая существует между социально-экономическими факторами исторического процесса возникновения национальностей, между культурно-языковыми особенностями последних и между теми национальными названиями, которыми их соседи или сами себя называют. Национальные названия вовсе не представляют собой каких-то особо устойчивых и наиболее древних терминов с постоянным неизменным значением. Национальные названия зарождаются, возникают в известный исторический момент, который мы можем на Кавказе наблюдать своими собственными глазами еще и теперь (сравни «вей-нах» у чеченцев и ингушей) и также легко могут быть утеряны или заменены другими соответственными названиями или, наконец, могут получить новое сословное или классовое значение. Вообще же процесс развития этнических названий в его типичной форме представляется нам в следующем виде. В эпоху доклассового общества, например, стадного или группового («тотемисторического»), когда каждое отдельное общество-орда обладает еще полной производственной самостоятельностью, ведет вполне независимое от других орд чисто коллективистическое (первобытно-коммунистическое) хозяйство, тогда каждое из таких обществ-орд при одинаковом (с другими ордами числе) орудий и средств производства) типе «материальной культуры» должно обладать и совершенно отличным от них языком и таким же совершенно отличным названием, особый изолированный язык и особое название орды в эту эпоху являлись непосредственным и одним из наиболее ярких выразителей хозяйственной изолированности данной орды. Новые процессы возникают при переходе от дородовой формации последующей стадии общественного развития, когда изолированные орды в результате возникавшей хозяйственной общности (товарообмен и разделение производственных функций) с другими такими же ордами начинают, с одной стороны, объединяться в более крупные социальные единицы, как племя, и противополагать себя членам других таких же единиц. В этот период прежние разноязычные группы, несомненно, начинают, сохраняя некоторое время еще следы своей прежней групповой замкнутости, вариться в общем котле новых социальных отношений и в результате этого ассимилироваться, уподобляться в своих характерных чертах, в культуре и в языке другим сочленам их собственной племенной или феодальной группы. Именно в этот момент исторического развития мы и можем наблюдать возникновение, с одной стороны, из первоначально отдельных, материально лишенных всякой общности друг с другом родовых языков — языков смешанных, скрещенных, языков общеплеменных, общенародных, языков феодально господствующих классов. Название родов, на

которые выпадает роль организаторов и руководителей этого процесса объединения, названия родов, захватывающих феодальное руководство в свои руки и начинает приобретать общеплеменной, общенародный или общенациональный характер. Название одного отдельного рода переносится на весь народ (сравни происхождение национального названия «галгай» у ингушей). С другой стороны, и в связи с этим названия зависимых, подчиненных родов и народов становятся в новом феодально-объединенном обществе названиями зависимых сословий и эксплуатируемых классов (сравни происхождение термина «раб» во многих языках). Таким образом, во всех этих случаях так называемое национальное, а отчасти и сословные названия, вовсе не являются какими-то специфическими терминами для данной национальности и ее культуры, терминами с самого начала связанными с происхождением данной национальности. Наоборот, национальные названия есть, прежде всего, названия социально-экономических и политических взаимоотношений, возникавших как внутри объединений родовых групп в общеплеменные или феодальные объединения, так и в особенности взаимоотношений, возникавших между такими объединениями. Национальные названия в своем происхождении есть, прежде всего, термины социально-экономические, есть, прежде всего, названия социально-экономических отношений, вновь возникавших между родовыми группами в переходную от родового строя, от первобытного коммунизма эпоху.

Здесь для нас весьма важно подчеркнуть, что огромную, по крайней мере, столь же важную в возникновении этнических и национальных названий роль наряду с внутренним своеязычным происхождением национальных названий всегда играло также и их внешнее иноязычное происхождение. Народ или феодальная община не только называли себя каким-нибудь именем, но часто даже раньше этого они бывали уже названы, и притом не одним, несколькими различными именами в устах своих, чуждых им по феодальной организации, соседей. Поэтому подавляющее большинство, например, кавказских национальных названий является по происхождению первоначально чуждыми для данной национальности, возникшими в чуждых для нее языках словами. Иногда такие чуждые национальные названия появляются до того, как сама данная национальность успела выработать свой национальный термин (сравни отсутствие национального названия у аварцев). Иногда такое иноязычное название начинает мало-помалу вытеснять название, возникшее у самой данной народности, становится, во всяком случае, более распространенным и единственно официально употребляемым термином для обозначения данного народа. Так произошло как раз с национальным названием черкесов. Своеязычное название «адыге» продолжает оставаться общенародным, живет в народных массах. Однако официально распространяется и отражается в официальных названиях автономных образований преимущественно другое, иноязычное по своему происхождению название «черкес» и «черкесский».[14]

Итак, можно ли, как это делают многие исследователи, на основании исследования истории распространения отдельных национальных названий, их следов в исторических документах и названиях мест (топонимике) решать вопрос о происхождении соответственной носящей в настоящее время данное название народности. Мне кажется, что на этот вопрос может быть только один отрицательный ответ, хотя бы только на основании уже приведенных здесь примеров. Мы могли убедиться, что национальные названия вовсе не связаны всегда и неизменно с данной народностью и вовсе не имеют какого-либо постоянного определенного этнического содержания. Однако так называемые национальные названия все же являются, несомненно, весьма интересными историческими документами, которые помогают нам вскрыть историю главным образом межнациональных, международных социально-экономических процессов. Они помогают исследовать не столько те народы, которые назывались этими именами, сколько историю отношений, складывавшихся у хозяйственно и политически сталкивавшихся с ними народов соседей, народов союзников или противников. Национальные названия есть великолепные документы по истории развития межнациональных связей и образования межнациональных объединений в известную переходную к племенному быту и феодализму эпоху. С этой точки зрения мы и должны исследовать национальную историю, национальные названия черкесов.

Однако, может быть, мне возразят, что если даже национальные названия и не являются характерными для исторического определения данной национальности, то такой материал для ее постоянной исторической характеристики могут дать основные черты ее языка, материальной и духовной культуры. В самом деле, язык и сейчас еще является одним из наиболее постоянных неизменных признаков национальности как таковой и ее национальной культуры. Столь же характерными для данной национальности признаются также черты ее специфиче-

ской религии, наконец, черты ее материальной культуры, как одежда и прочее. Однако если мы обратимся к тому материалу, который дает нам в этом отношении Кавказ, то должны будем, по крайней мере, внести значительные исправления в эти утверждения. В самом деле, мы находим сейчас в языке и народной поэзии целого ряда народов Кавказа такие общие им всем явления при совершенном, однако, различии их как национальностей, что должны будем прийти к выводу о полном отсутствии каких-либо специфически национальных отдельных черт, характеризующих только данную народность, выделяющих ее из ряда других таких же народностей, специфических только для ее языка и культуры.

В самом деле, если мы возьмем религию и культ, которым многие ученые исследователи придают совершенно исключительное значение, как основному элементу национальной характеристики, то мы найдем здесь поразительные примеры того, как не только отдельные верования и связанные с ними обряды, но и самые молитвенные формулы являются общими для нескольких совершенно различных по языку и по воображаемому историческому происхождению народов. Притом эта формула, что интереснее всего, не может быть пока что с достоверностью возведена в своей основе ни к одному из вышеупомянутых языков. Рассмотрим подробнее этот замечательный пример межнационального в национальном.

В сочинениях немецкого путешественника по Закавказью барона Гакстгаузена[15] приводится следующее место, характеризующее верования, наблюдавшиеся им, очевидно, у югоосетин, туальтцев, в связи с почитанием божества грома и магические действия, целью которых является предотвращение несчастных последствий от удара молнии. В указанном сочинении и говорится, что у осетин (очевидно туальтцев): «Пораженный молнией считается святым и хоронится на том же самом месте с радостными криками: «О, элай, эльдар чоппи» («О, Илия, владыко скал!..»)».

По любезно сообщенным нам Г. Кокиевым сведениям, в Дигории указанная формула звучит несколько иначе «Алай цоппай» и также причитается специально женщинами в случае смерти кого-либо от удара молнии. Самая формула потеряла здесь всякий смысл. Перевод же, передаваемый Гакстгаузеном, безусловно, или неверен, или представляет собой позднейшее искажение и народное осмысление формулы путем перенесения в нее сходных по созвучию осетинских слов. Эта формула получает для нас особенный интерес и значение, если мы сравним ее со следующей аналогичной формулой, сохраняющейся у кабардинцев.

Уже в изданных Лопатинским кабардинских текстах[16] в одном из помещенных здесь кабардинских преданий о нарте Пшыбадиноко (Ρşybadinoque) в конце текста говорится: «Химыш старый (имя героя нарта) по краю столика проплясал и когда соскочил со столика, спрыгнул на дощатый стол, старики, сидевшие во дворе (приняв это за удар грома) сказали: «Молния в нас ударила» и «Иэле» запели». В последних словах и заключается намек на какую-то специальную песню, очевидно, культового характера, которая у кабардинцев связана с обрядом заклинания молнии. Это место, бывшее для меня сначала совершенно непонятным, объяснилось, когда мне полностью удалось записать во время экспедиции 1921 года в Большую Кабарду следующую формулу: «йэле, йэле, йэлери чоппэ». Эта формула специально поется при ударе молнии или громовом раскате для предотвращения несчастия. По-кабардински нам также не удалось найти никакого достаточного перевода данной формулы, кроме последнего ее слова «чоппэ», которое истолковывалось некоторыми как «грязный», а другими как «мокрый». В самом деле, это слово можно сопоставить с выражением «шопэ-шопэ» <...>*, например, во фразе <...>*, обозначающей «сиди в воде, купайся, плескайся», выражении, имеющем, несомненно, смысловую связь с водой или ее производным.

Позднее совершенно аналогичная формула была записана моим учеником аспирантом Б. Чамозоковым у моздокских черкесов в следующем виде: «Иэле-йэле йэлери цопай», — как видим, здесь последнее слово совпадает совершенно с аналогичным словом в осетинской редакции. По расспросам у моздокских черкесов оно является синонимом слова «псы» (ρsy) «вода», как это можно видеть, нарпимер, из выражения: <...>*, которые одинаково значат «мокрый стал». Уже из этих двух примеров для нас становится совершенно несомненным, что мы имеем здесь у двух народов по обычной терминологии совершенно различного происхождения одинаковую молитвенную формулу в обоих языках потерявшую, очевидно, свое первоначальное осмысление. Лишь последнее слово получает в одном и в другом языке различные народные толкования (так называемая народная этимология).

---

* В рукописи в этих местах текста пробелы.

Почти то же самое магическое приурочение мы имеем и в Карачае у карачаевцев-тюрок. Умар Алиев[17] приводит следующие, правда отрывочные и до известной степени противоречивые сведения, в которых, однако, с полной достоверностью можем распознать характерные черты как уже найденной нами у кабардинцев и осетин молитвенной формулы, так и ее культурное приурочение к почитанию или, вернее, к боязни грома и молнии. Именно здесь говорится: «Карачаевцы, несмотря на магометанство, чтут божество молнии. Божеству «Чоппа» даже приносят в жертву именно серого козленка, которого перед закалыванием кормят, и это жертвоприношение сопровождается песнями (остатки язычества)», и в другом месте: «В большой праздник, называвшийся «Чаппаны ташы» и устраивавшийся весною, молились над священным камнем. Над камнем ставили из жердей подставки, на них клали поперечную жердь. Потом брали откормленного серого козленка, связывали ему ноги и вешали на перекладину. Козленка качали за рога, и он кричал. Сами же молящиеся, кружась хороводом вокруг камня, кричали и пели: «Эллири Чаппа» и т.д.

Итак, у трех народов, из которых один считается иранским (осетины), другой — тюркским (карачаевцы) и третий — яфетическим или, во всяком случае, по общепринятым взглядам, не имеющим ничего общего с каждым из первых двух, мы находим совершенно одни и те же культовые подробности и даже дословную одну и ту же связанную с ними религиозную молитвенную формулу. Не исключена возможность того, что формула будет обнаружена также и у восточных соседей кабардинцев и осетин — вайнахов, у которых сохраняются следы аналогичного культа молнии и козла.[18] Такое совпадение нельзя объяснить простой случайностью. Дело в том, что если мы будем рассматривать дохристианскую и домусульманскую религию народов Северного Кавказа, включая сюда и абхазов, да и не только их одних, мы будем постоянно сталкиваться с аналогичными совпадениями. Отдельные религиозные обряды, магические действия и даже связанные с ними термины будут оказываться одинаковыми у совершенно различных по происхождению и часто весьма удаленных друг от друга народов. Эти общие черты в народной религии останутся и тогда, если мы отвлечемся от таких позднейших общностей, которые принесло с собой распространение христианства, шедшее, несомненно, из одного и того же закавказского, по-видимому, абхазо-грузинского источника. Примером таких общих явлений в материальной культуре, в культовом значении и терминологии может служить хотя бы, несомненно, христианское по своему происхождению и почитание креста и его название: кабардинское «жор» (žor), моздокско-черкеcсское «бжор» (bžor), ингушское и чеченское «джар» (džar), осетинское «дзуар» (ʒuar) (последнее в несколько измененном значении «святыни вообще»), которые все восходят, несомненно, к грузинскому «джвари» (džvari) «крест».

Религиозные культовые и терминологические общности идут на Кавказе глубже тех культурных усвоений, которые мы можем исторически проследить и возвести к какому-нибудь одному определенному национальному источнику. Вернее, несомненно, что поскольку мы можем проследить эти процессы на протяжении веков, каждое отдельное явление культуры и соответствующий ему термин (название) происходят из разнообразных и часто совершенно неожиданных по своей удаленности источников. Так, если считать кабардинское «шерх» (šerx̌), ингушское и чеченское «чарх» (štarx̌), осетинское «цалх» (calx̌) «колесо», иногда в других языках «точильное колесо, точильный камень»[19] — иранским или персидским заимствованием, то другой термин, ингушское и чеченское «кэш» (keš) «могила» или специально надземная склепообразная могила, балкарское «кешенэ» (kešene), кабардинское «чешанэ» или «кешанэ» (kešane) находят свою неожиданную параллель в монгольском <...>*, куда, возможно, что восходит и самый способ надземного погребения.

Связи такого же порядка можно обнаружить во всех областях национальной культуры народов Кавказа. Из области материальной культуры укажем хотя бы знаменитую черкеску. По-кабардински этот костюм называется, как и сукно, «цей» (cej), что происходит от «цыйе» (cy-je) и обозначает собственно «шерстяная (одежда)» от корня «цы» (cy) — «шерсть». Название же «черкеска» было дано ему, очевидно, русскими в результате того обстоятельства, что из народов Кавказа русские исторически впервые столкнулись именно с черкесами (уже в XV—XVI веках). Между тем черкеска, несомненно, является общекавказским национальным костюмом, несмотря на незначительные различия в покрое и значительные — в терминологии, всюду сохраняющим один и тот же общий тип. Из области языка и народной поэзии укажем известный нартовский эпос, в котором, как самый термин «нарт» (nart) — «богатырь», так и

* В тексте рукописи пробел.

собственные имена различных его героев, а также сюжеты отдельных сказаний с замечательной точностью совпадают по всему северному нагорью у аварцев, вейнахов, осетин, нагорных тюрок и черкесов. Источник этой общности пока не определен еще с достаточной достоверностью[20], однако, у нас нет никаких решительно оснований считать один из кавказских горских народов, например, осетин, единственным исконным создателем и хранителем этого эпоса.

Итак, если мы будем анализировать, разбирать с точки зрения их происхождения отдельные черты какой-либо национальной культуры в ее материальных или духовных проявлениях, то мы с уверенностью можем сказать, что почти всегда найдутся совершенно аналогичные отдельные явления во многих других национальных культурах. Подобно тому, как национальные названия по указанным уже нами выше причинам не являются и не могут являться неизменными признаками данной национальности, не могут ими являться также и те иные, на первый взгляд, весьма характерные для данной национальности черты ее материальной и духовной культуры, в том числе даже слова языка, элементы культа и произведений народной поэзии, в том случае, если мы берем эти черты каждую в отдельности.

Характеризуют каждую отдельную национальность и ее культуру не отдельные ее черты, но весь комплекс ее культуры в целом, система специфического только для данной национальности сочетания нескольких культурных черт — вот что является характерным для нее, характеризующим данную национальность в ряду других национальностей, стоящих приблизительно на одной и той же стадии общественного развития, и задачей исследования явлений национальной культуры и является как раз, во-первых, отнесение данной культуры к определенной фазе общественного развития в зависимости от степени развития производительных сил; во-вторых, выяснение комплекса или системы характерных для данной национальности культуры, так сказать, основных ее черт, отличающих ее от аналогичных по стадии общественного развития других национальных культур (определение данной национальной культуры с точки зрения ее формы); и, в-третьих, выяснение национальных источников всех этих основных черт, взятых каждая в отдельности, или выяснение инонациональных источников, в конечном счете, создавших данную национальность во всем ее своеобразии.

В результате такого исследования социологической науке, несомненно, удастся установить, что то, что нам кажется своеобразными формальными признаками культуры, характеризующими данную национальность, в конечном счете, окажется привнесенным в нее извне из различных и разновременных источников в результате межнациональных отношений по экономическим и международным путям обмена. Национальность и ее язык в итоге окажутся детищами межнациональных и межъязыковых связей и отношений. Конечно, намечаемая здесь научная задача, поскольку она противоречит взглядам, принятым до сих пор большинством ученых, огромна и требует еще колоссальной работы для своего выполнения. В настоящем маленьком труде о черкесской культуре мы попытаемся лишь наметить схему того, что новыми методами можно сделать в этой ограниченной, но имеющей для развития всего кавказоведения в целом, безусловно, значительный общий интерес, области.

Глава II. Проблема национальной истории черкесов

Народы, которые сами себя называют в настоящее время «адыге», в пределах СССР можно поделить на два главных подразделения: верхних черкесов (верхних адыге), или кабардинцев, и нижних черкесов (нижних адыге), или кяхов. Название черкесы, как мы уже говорили, является сейчас иноязычным и вполне соответствует родному для самих черкесов термину «адыге». Кроме этого общего для двух вышеуказанных народов названий, существует еще специфическое название «кабардинец», кабардинское — «кабардей» (qeberdej), кяхское — «кабартай» (qebertaj), вейнахское — «габартие» (ŋabartie) и прочие для народа верхних черкесов, которое употребляется также на их собственном языке. Для нижних черкесов мы такого своеязычного названия не имеем. Взамен мы употребляем в качестве общего названия нижних черкесов то национальное прозвище, которое дают им кабардинцы: «кях» (ḳeh), что буквально значит «нижний». Не имея своего собственного национального названия (о причинах этого явления мы поговорим ниже), кяхи зато имеют несколько различных племенных названий, которые соответствовали прежде исторически сложившимся многочисленным племенным подразделениям этого народа, а в настоящее время в гораздо меньшем числе частью соответствуют наблюдающемуся у них делению на наречия. Если мы проследим теперь в соответствии указанному нам национальному подразделению черкесов также развившиеся в их сердце языковые отношения,

то есть деление черкесов по наблюдаемым языковым различиям на отдельные языки и наречия, то мы сможем нарисовать приблизительно следующую картину: черкесы говорят в пределах Союза на двух языках: верхнечеркесском, или кабардинском, и нижнечеркесском, или кяхском. Кабардинцы живут главной массой в Кабардино-Балкарской автономной области и отдельными островками в Черкесской автономной области (под именем «черкесы»), в восточной части Адыгейской автономной области и в окрестностях города Моздока (на последней территории под именем «черкесов-христиан»). Нижние черкесы живут главной массой в пределах Адыгейской автономной области и отдельными островками около Армавира и в окрестностях Туапсе, где образуют Черкесский автономный район; отдельный черкесский аул (hetramtyku (hetram — название съедобного растения)) — Суворово-Черкесский — имеется на Таманском полуострове; наконец, наречием нижнечеркесского языка говорят армяне города Армавира. Кабардинский язык не имеет резко отличающихся наречий: в нем представлены лишь немногие говоры и наречия, и весь он представляет собою один более или менее унифицированный язык народной поэзии и высших сословий, унаследованный от существовавшего у кабардинцев феодального строя. Наоборот, нижнечеркесский язык имеет четыре наречия: бжедухское, на котором говорит главная масса нижнечеркесского населения: племен-бжедухов (bzedyŋu) и западной части темиргоевцев (ḳemguyj) (сокращенно: бж.), шапсугское — племя шапсугов (šapsyj) (сокращенно: ш.), абадзехское — племя абадзехов (abʒax) (сокращенно: абдз.) и темиргоевское, на котором говорит восточная часть поселений племени кемгуй (ḳemguyj) и молодое поколение абадзехов и других остатков более мелких восточнокяхских племен (мамхег, махош, гатюкай и пр.). Это наречие кладется сейчас в основу зарождающегося кяхского литературного языка (сокращенно «тм»). Наконец, бесленеевское наречие: черк. бесленй (besḷenyj), каб. бесленей (besḷenej), — сохранившееся в восточной части Карачаево-Черкесской области, является наречием переходным, совмещающим некоторые черты кабардинского и нижнечеркесского языков. Различие между последними сравнительно не велико: кабардинец из Кабарды и черкес из-под Краснодара могут с некоторыми усилиями объясняться друг с другом.

* * *

Численность современных адыге составляет по приблизительным подсчетам всего <...> тысяч человек.* Из этого числа на долю кабардинцев приходится около 125 тысяч; на долю нижних черкесов, или кяхов, около 50 тысяч человек. Преобладающая масса населения последних принадлежит в настоящее время к потомкам племен бжедухов и темиргоевцев (кемгуй).

Ближайшую к черкесам адыге близость, как в культуре, так и в языке — близость, которую представители уже разбиравшегося нами метафизического направления этнологии называют «родством», обнаруживают юго-западные соседи черкесов абхазцы. Абхазцы называют сами себя «апсуа», а свою страну «апсны» (apsuà, apsnýy), что происходит от корня «псы» (psy), соответственного черкесскому «псе» (pse), переводимому обычно как «душа»; однако, этот перевод неточен и неверен. Абхазское «псы» и черкесское «псе» присуще всякому живому существу, обладающему способностью произвольного движения, а не только одним разумным существам, как это можно было бы понять на основании термина «душа», получившего в русском языке несомненный налет христианских религиозных воззрений. Поэтому правильнее будет переводить это черкесское и абхазское коренное слово как «одушевленность» или «жизнь» в узком смысле этого слова. Основываясь на высказанном толковании, мы можем таким образом перевести своеязычное название абхазец или Абхазия как «одушевленный» и «страна одушевленных» или «страна живых», «страна жизни» (а не «страна души», как это часто неправильно толкуется теперь). В этом названии, таким образом, мы видим один из немногих примеров, когда возникшее у данной национальности собственное национальное название зародилось, очевидно, так недавно, что может быть еще истолковано на основании средств самого данного языка, как производное слово от живых еще в нем корней нарицательного значения. Абхазцы живут в настоящее время двумя главными группами, разделенными между собой полосой иноплеменного, позднее поселившегося на абхазской территории населения, к северу от Сухума в бассейне реки Бзыби и соседних рек и к югу от Сухума в бассейне Кодора и других, заходя частью в пределы Самурзакани. Третья группа абхазцев, так называемые абазинцы, живет обособленно на Северном Кавказе к северу от Баталпашинска, входя в состав недавно образованной Черкесской автономной области. Всех абхазцев в настоящее

* В рукописи цифра не указана.

время насчитывается около 100 тысяч человек, из них на долю абазинцев приходится 15 тысяч. Отдельные поселения абхазцев имеются, кроме того, в Аджаристане возле Батума. Говорят абхазцы на трех наречиях абхазского языка, которые соответствуют трем вышеперечисленным территориальным их группам, <которые> можно назвать бзыбским, абжуйским (к югу от Сухума) и абазинским, причем последнее ближе стоит к абжуйскому наречию.

Переходя теперь к истории черкесских племен на Кавказе, мы должны, прежде всего, на основании уже высказанного нами мнения о сущности национальной культуры вообще, предостеречь читателя от неправильного понимания термина «национальная история черкесов». Обыкновенно думают, что историю отдельного народа, отдельной национальности можно писать также совершенно отдельно, как историю только одних черкесов, совершенно не считаясь с историей их соседей. Такое мнение, конечно, с нашей точки зрения совершенно ошибочно. Никоим образом нельзя думать, что черкесы развивались в своей истории совершенно отдельно, изолированно; нельзя считать, что черкесская национальная культура представляет собой нечто совершенно замкнутое, вырванное из международных отношений, наоборот, мы уже видели, что ни одна национальная культура не создавалась и не развивалась изолированно, всякая национальная культура по существу представляет собой смесь, известную комбинацию международных культурных влияний, вываренную в котле многовековых международных отношений и в результате этого спаявшуюся в одно своеобразное целое.

Национальная культура все время развивается и изменяется, и эти процессы этнотворчества, создания национальностей и их культур мы можем проследить еще собственными глазами с особой ясностью в условиях национальной жизни Кавказа. Но если отдельная национальность, отдельная национальная культура представляет собой, в сущности, только смесь национальных международных культурных черт, то чем же отличается данная национальная культура от других таких же культур, в чем заключается ее культурное своеобразие? Каждая отдельная национальность отличается от других таких же национальностей только тем, что смесь, комбинация общенациональных для данной области культурных черт дана в ней, в этой отдельной народности, в своеобразной, присущей только ей одной неповторимой пропорции. Отличие заключается в том, что эта смесь культурных черт исторически скрестилась и спаялась здесь в одну неповторимую больше нигде систему культурных форм. Вот этой-то пропорцией межнациональных по существу элементов культуры, составляющей здесь не простую арифметическую сумму, но своеобразное систематическое единство, а отнюдь не какими-то изначальными расовыми и национальными особенностями, якобы дарованными данному народу на его мифической прародине промыслом Божьим, как и в других областях земного шара. Поэтому, чтобы писать историю одной национальности, надо изложить историю межнациональных отношений, складывавшихся в данной культурно-исторической области, точно так же, как писать историю отдельного языка — это значит писать историю межъязыковых отношений и воздействий, протекавших на этой же территории.

Итак, чтобы написать историю черкесов, мы никаким образом не можем отрешиться от той общекавказской исторической обстановки, в которой пришлось развиваться и складываться черкесам как особой национальности. В качестве решающего фактора этого развития надо непременно проследить не столько географические условия, сколько условия социально-экономические, то есть мы должны исследовать, в каком окружении каких культурно-национальных коллективов развивались черкесы и, в особенности, в каком положении они находились в отношении международных путей торгового обмена. Подходя с этой предпосылкой к истории Черкесии, мы, прежде всего, должны отметить, что они находились издревле на одной из больших дорог международной торговли тогдашнего мира, и это не могло не повлиять самым существенным образом на всю их историю. Направление и развитие путей международной торговли на Кавказе являлось, безусловно, решающим фактором для общественного развития здешних народов и для создания из обломков прежних родов и племен феодальных обществ и, наконец, настоящих национальностей. Поэтому мы должны здесь наметить хотя бы голую схему путей международной торговли на Кавказе, как она представляется нам по изученным до сих пор материалам.

В общем, мы можем прийти к следующим выводам по этому вопросу: основными экономическими факторами истории Кавказа являлись два древних оживленных международных торговых пути, связывавших Каспийское море с Черным. Один из этих путей шел по Закавказью от устьев Аракса до устьев Риона — путь, по которому с древнейших времен шла торговля Средиземноморья с Индией. Другой путь, который в противоположность первому южному пути может быть назван северным, вел от устьев Терека к верхней и средней Кубани и

далее, разветвляясь на целый ряд мелких перевальных путей, выходил через Кавказский хребет к различным пунктам прилегающего Черноморского побережья. Этот путь, который мы можем проследить на дошедшей до нас русской карте конца XVI или, вернее, XVII века, проходил по левому (степному) берегу Терека, по-видимому, в эту эпоху не переходя на правый, еще покрытый тогда дремучими лесами, далее проходил вдоль Баксана, затем между Бештау (Бестов) и «Кислыми ключами», то есть, по-видимому, теперешним Кисловодском, и, наконец, по южному берегу Кубани по землям нижнечеркесских племен, помеченных как «отука» (гатюкай) и «задух» (бжедух), где он и терялся, судя по данным карты. Однако для нас совершенно несомненно, что путь этот не обрывался здесь на западе, но постепенно разветвлялся, как выше указано, на ряд перевальных дорог к Черноморскому побережью. Одной из таких торговых дорог, весьма оживленной в определенную историческую эпоху, был, несомненно, путь, связывавший западнокабардинские и восточнокяхские племена с Абхазией. Дорога проходила по перевалам, соединявшим верховья Кубани и левых ее притоков Зеленчуков, Урупа и других через перевалы Клухор, Нарух и другие с верховьями Цебельды и торговыми пунктами Абхазского побережья. Этот путь был, по-видимому, самым восточным и главнейшим ответвлением северного торгового пути в западной его части. Другое самое западное ответвление, также являвшееся, по-видимому, весьма важным путем торговли в определенный период, шло вдоль берегов Кубани, являясь продолжением основного направления северного пути, и выходило к морю через Таманский полуостров, где мы последовательно находим крупнейшие торговые порты: в античные времена Фанагорию, позднее Тмутаракань и, наконец, Тамань. Этот старый северный торговый путь в XVI—XVII веках был известен русским под именем «Черкесской дороги».

* * *

Чем же было вызвано возникновение, направление и развитие двух вышеуказанных международных торговых путей на Кавказе? Они были важны, прежде всего, как дороги, соединявшие Каспийское и Черное моря, каждое из которых, в свою очередь, являлось важнейшим узлом целого ряда крупных торговых путей.[21] Так, в Каспийском море мы имеем сплетение целого ряда дорог, ведших через Среднюю Азию из Индии и Китая, из Персии и из Поволжья. С другой стороны, в Черном море пересекались пути, связывавшие с Кавказом и путями по Дону, Днепру и Дунаю — все Средиземноморье через Византию, а затем через ее преемницу Турцию. Ясно, что международная торговля, например, шелком, уже с древнейших времен, связывавшая средиземноморские культуры с культурами Средней Азии, Индии и Китая, должна была использовать Кавказский перешеек, как удобное место для одного из кратчайших транзитных путей между Западом и Востоком. Таково и было историческое значение южного и северного кавказских торговых путей в экономических отношениях древнейших культур Старого Света. Будучи в своих нагорных областях страной весьма отсталой в экономическом и культурном отношениях, на прилегавшим к ним низменностях Кавказ уже с древнейших времен являлся большой дорогой, весьма оживленной и, по тогдашним временам, крупнейшей международной торговли. Этот важнейший экономический фактор и определяет собою всю дальнейшую историю Кавказа, историю возникавших на его территории царств и колоний, так же как и создававшихся на Кавказе народов, языков и национальностей. В настоящей работе нас, конечно, будет интересовать в первую очередь история культурных и политических взаимоотношений, складывавшихся вдоль северного торгового пути, — отношений, которые и создали, в конце концов, то, что нам известно под именем «черкесов» как национальности и черкесской национальной культуры.

С древнейших, известных нам из оставшихся в сочинениях античных авторов сведений, времен мы уже видим, что кавказское Черноморское побережье в пределах от теперешнего Батума и до Керченского пролива было ареной оживленного торгового обмена между Западом (греками) и Hinterland'ом этого побережья — основной территорией Кавказа. Указанные торговые сношения и вызвали к жизни целый ряд греческих колоний на Черноморском побережье. Несомненно, что основными товарами, которые получали греки на Кавказе было сырье: хлеб, скот, кожа, шерсть, мед, пушнина и, в особенности, рабы. Стягивая вышеуказанные товары в прибрежные колонии, древнегреческие колонизаторы внедряли тем самым элементы товарного оборота в целиком натуральное хозяйство кавказских народов, а спрос на рабов вызывал к жизни вооруженную охоту за ними, создавал вооруженные дружины работорговцев. И то, и другое вызывало появление феодализма и разложение доклассового общества среди туземного населения. Насколько крупный характер имело это вовлечение туземных народов в торговые отношения с греками, можно судить уже хотя бы по одному тому, что, по свидетель-

ствам античных писателей, уже в начале нашей эры в одном из торговых греческих портов на Черноморском побережье Диоскурии (Dioskourias), имя которого, по-видимому, сохранилось до наших дней в названии мыса Искурия в теперешней Абхазии, встречалась такая масса туземных народов, говоривших на различных языках, что для обслуживания их требовалось по одним сведениям до 70, а по другим даже до 300 специальных переводчиков.[22] Такой экономический и культурный взаимообмен между различными, до тех пор разрозненными, мелкими доклассовыми обществами Черноморского побережья и прилегающего нагорья должен был вскоре вызвать к жизни как экономические, так и культурные и политические явления, объединения вышеуказанного населения. И действительно уже к <...>* веку римлянам приходится столкнуться здесь с могущественным и, конечно, разноплеменным еще политическим образованием, известным под именем Понтийского царства. Несомненно, что в его основе лежала попытка в результате уже значительного накопления туземного торгового капитала организовать торговый обмен со Средиземноморьем собственными силами и на собственные средства. Каково же было это уже тогда ставшее на путь усиленного, стимулируемого иноплеменными колонизаторами социально-экономического развития местное население? Единственными источниками, которые могли бы дать нам в этом отношении кое-какие указания, являются местные географические и племенные названия, дошедшие до нас в сочинениях античных историков и географов.

Рассматривая приводимые ими названия с точки зрения их связи с теперешней национальной номенклатурой, мы, прежде всего, принуждены будем с изумлением отметить, что значительное количество этих названий на протяжении двух тысяч лет и более сохраняется почти без всяких существенных изменений. Так, кроме вышеупомянутой Диоскурии, мы находим на Черноморском побережье античную реку Варданос в современном местечке Варданэ и названии одного из убыхских родов, античную реку Псатес можно легко узнать в современном названии реки Пшада, античный порт Питиус — в названии Пицунда, античный Гюпанис или средневековое Генуэзское Кофена или Копена — в названии Кубань, наконец, название реки на Северном Кавказе Термодон, которая звучит у некоторых античных авторов, как Териодорис и Териодон, если принять за наиболее правильное последнее название, — легко может быть разложено на корень «дон», который до настоящего времени в языке осетин обозначает «реку» и прибавляется к собственным названиям рек (например, Ар-дон, Гизель-дон и т.д.) и основу, обозначающую собственное название реки Тери (Терио-дон), эта основа представляет собой основу, существующего до наших дней собственного названия второй главной реки на Северном Кавказе русского «Терек», происходящего от черкесского «терчь» (каб: terk, кяхск.: terts), вейнахского «теркь» (terk), из которых последнее, сохраняющее более древнюю звуковую форму этого имени, может быть возведено к прототипу «Тери-кь» (teri-k), где «кь» (-k), по-видимому, является суффиксом; к этой форме названия весьма близко подходит старое русское «Терки» — название города или тогового пункта в устьях реки Терека, первоначально принадлежавшего кабардинским феодалам.[23] Такие же устойчивые топографические названия дает нам и Закавказье в лице хотя бы следующих: античное «Кюрос» или «Корос» (kyros, koros) — современная «Кура», античное «Араксес» (Araxes) — современное «Аракс», античное «Арагон» (Aragon) — современное «Арагва», причем одного и того же происхождения и название реки, вытекающей с близлежащего северного склона Кавказского хребта в пределах современной Чечни русское «Аргун», чеченское «Оргу» (Oarŋu), которое должно восходить к прототипу «Аргу» (Arŋu) или «Арго» (Arŋo), античное «Аладзониос» (Aladzonios) современное «Алазань» и т.д. Даже на сравнительно отдаленном и мало известном для античных греков побережье Каспийского моря мы можем узнать в античном «Кайсиус» (Kaisios) или «Кейс» (Keis) — современное «Койсу», представляющее уже дальнейшую тюркскую народную этимологию древнейшего имени, в античном «Камбюсес» (Kambyses) — современное «Самур» и т.д.

Если мы обратимся теперь к этническим названиям, то воздерживаясь пока на основании уже высказанных нами причин от каких-либо отождествлений этих названий и носивших их древних племенных или родовых групп с современными национальными названиями, мы все должны будем констатировать, что в этой области можно наблюдать значительное количество терминов, так или иначе сохранившихся на протяжении двух тысячелетий от античных до наших времен. Среди мелких племен, населявших Черноморское побережье, которые, по-видимому,

---

* В тексте рукописи пробел.

по величине и своему политическому значению соответствовали скорее мелким родовым подразделениям, существовавшим до последнего времени (эпохи завоевания русскими) в среде, например, кяхского населения, мы находим группы, носившие следующие, например, имена: «синдой» (sindoi, синды), «керкетай» (kerketai, керкеты), «дзюгой» (dzygoi, дзюги), «дзикхой» (dzikkhoi, дзикхи), «ахейой» (akheioi, ахейи), «абсилэ» или «абсилай» (absilae, absilai, абсилы), «абаской» (abaskoi, абаски), «аспургой» или «аспунгитаной» (аспурги или аспунгитаны), наконец, «ладзой» (ladzoi, лазы), «суани» (suani, сваны), или «соанес» (soanes), или, наконец, «санчы», «саннихи», «санихи», «санеги» (sannoi, sannikhoi, sannegoi и прочее), как жители прилегавшего к побережью нагорья и прочее. Вышеуказанные родовые или племенные названия мы узнаем сейчас: «синды» в том названии, которое убыхи — одно из обитавших на Черноморском побережье черкесских племен, после завоевания их русскими совершенно выселившееся в Турцию, — давали соседнему кяхскому нагорному племени абадзехам: «шинджишуа» (šendžišue); керкеты, известные из арабских источников как «керкес» и генуэзцев как «киркаси», у русских во времена Московского царства как «черкасы», в современном названии «черкесы», под которым известны адыге у русских и тюрок; дзюги — в современном названии «адзыхуа» (adzyxua), которое дают абхазцы черкесам и их стране («адзыхуны»), то же самое название, равно как и название «дзикхи» может быть сопоставлено с этническим термином «адзыге» (a-dzyge), которым убыхи обозначали абхазцев; несомненно, что к обоим вышеуказанным этническим названиям весьма близок и тот термин, которым черкесы сами себя называют «адыге» или, как произносят иногда «андыге» (adyse, andise). Несомненно, что попытка Ногмова истолковать этот термин из «антихе», происходящий от предполагаемого им древнего слова «ант» — человек, не имеет под собой никакой научной почвы. Название «дзикхи» мы узнаем в грузинском «дисики» и «дисикетия» — черкесы и Черкесия (džiki, džiketi).

Название «черкес», античное «керкет» представляют собою, в сущности, удвоение корня «кес» (кет, кер) — корня, который мы находим в древнерусском названии времен Киевской Руси «черкес»: «кос-ог», которое мы теперь еще находим у осетин, как «кяс-аг» и которое, несомненно, мы узнаем в античном названии народа «кас-пии» или «кас-пианы» (касс-пиой) а также в античных названиях горы (Каспион), страны (страна Каспионская), залива, знаменитых Каспийских ворот, и, наконец, Каспийского моря. Тот же самый корень может быть признан нами и в названии всего перешейка — Кав-каз.

Античное «абаски» легко может быть отождествлено нами с современным — «абхазы», — иноязычным названием абхазец, равно как и этническое название «абсилы» с своеязычным — апс-уа; к тому же термину восходят древнерусское Киевских времен встречающееся в летописях название «обезы», вейнахское этническое название народа «абадзой» и, наконец, современное название северокавказских абхаз — «абазинцы» и название одного из кяхских племен «абадзехи», кяхское «абдзах» (abzax), также карачаевское — «эбзе» (<...>*), «сванеты». С названием «ахейой» мы сопоставляем термин «анхае», название одного из сословий у абхаз. Античное «аспурги» или «аспунгитаны» напоминают нам название «аспэ» — одного из приморских селений Абхазии.[24] Таким образом, все перечисленные нами этнические термины имеют прямое отношение к черкесам и родственным с ними абхазцам, являясь или своеязычными или иноязычными названиями этих народов или входящих в их состав отдельных племен.

Какие же, однако, выводы мы можем сделать на основании сохранения такого довольно большого количества этнических названий, имеющих непосредственную связь с современными племенными и национальными названиями народов абхазо-чеченской группы; можем ли мы на основании этого сказать, что, например, в античных «керкетах», в этом маленьком прибрежном племени, или, вернее сказать, родовой группе, мы должны видеть настоящих и единственных предков современных черкесов со всеми особенностями языка и культуры последних; несомненно, что такой вывод был бы не только слишком поспешным, но и противоречил бы всему ходу процесса исторического развития на Западном Кавказе. Как же пришлось бы объяснить в этом случае полное исчезновение всех остальных живших здесь в античные времена племен и родов, имена которых сохранили нам античные писатели; если незначительный народец тех времен «керкеты» уже обладал тогда всеми характерными для современных черкесов особенностями культуры и языка, то какими же особенностями должно было обладать и каждое из остальных живших тогда на побережье мелких племен: сделать при этих условиях предположение, что одному мелкому племени при приблизительно равном уровне техники

---

* В тексте рукописи пробел.

всего тогдашнего населения удалось в течение веков истребить или бесследно поглотить все окружающие его столь же оригинальные и развитые народы и культуры, граничило бы почти с признанием возможности чудес в истории. Единственным правдоподобным, с нашей точки зрения, предположением является следующее.

Все этнические группы, жившие на черноморском побережье и на прилегающей части Кавказского перешейка (его хитерлянде), которые под различными именами сделались известными нам из античных авторов, отнюдь не были различными национальностями или даже различными этническими группами в том смысле, в каком это сейчас понимает социология и этнология. Это были, скорее, даже не племенные, а родовые мелкие группы, управляемые родовыми старшинами, которые по мере перехода создавших их родовых социально-экономических отношений под воздействием греческого торгового капитала и отношений торгового товарооборота постепенно перестраивались в феодальные общины с наследственными феодалами во главе, в силу необходимости добывания наиболее ходкого тогда товара — рабов, поставленные в условия постоянных военных междоусобиц друг с другом. Несомненно, что на стадии родового быта производительные силы всех этих мелких родовых общин, равно как и их материальная культура, должны были быть приблизительно одинаковыми, стоящими, примерно, на одном и том же уровне. Однако в противоположность этому, некоторые явления духовной культуры, в особенности же язык — формально (то есть в отношении своего материального состава, его корней и звуков) должны были оставаться первоначально совершенно замкнутыми в пределах только данного рода, совершенно своеобразными, отдельными, непонятными для окружающих общин родовыми языками.

Эта особенность языков в период чистого родового строя является внешним выражением (феноменом) хозяйственной особенности родовых общин. Однако такое положение не могло удержаться уже при первых проблесках развития международной торговли на Кавказе: как только начали свою торговую и колонизационную деятельность античные греки или далее пока нам не известные их средиземноморские предшественники, так сейчас же отдельные родовые общины оказались выведенными из своего замкнутого хозяйственного равновесия, коллективистическое хозяйство их стало разлагаться, и вместе с хозяйственными возникли также культурные и языковые междуродовые отношения. Однотипная техника и культура начала дифференцироваться как внутри каждой общины, выделяя классы феодально господствующие и феодально эксплуатируемые, так и в междуобщинных отношениях отдельных родовых общин друг к другу. Общины, вставшие в ближайшую зависимость от греческих колоний, как от торговых, культурных центров, должны были более интенсивно пойти по пути усвоения новых форм экономики и культуры и в свою очередь делались проводниками этих новых форм по отношению к более отдаленным соседям. Прежние чисто родовые языки стали на путь смешения, скрещения друг с другом и образования тех межъязыковых общностей, которое впоследствии в более развитом виде принято называть «языковым родством» и которые в своем развитии в конечном итоге могут повести к превращению нескольких отдельных языков в близко родственные языки или даже наречия одно и того же языка.

Однако процесс социального и политического оформления вновь возникавших на Черноморском побережье экономических отношений шел, конечно, гораздо быстрее, чем процесс развития межъязыковых общностей. Процесс развития из чисто родовых общин феодальных объединений и из последних — политических объединений более крупного масштаба, основанных уже на значительной концентрации торгового капитала, этот процесс выявился уже к первым векам нашей эры и выразился в создании столь крупного политического объединения как Босфорское царство (II—V); однако, несомненно, что внутри этого объединения еще сохранялись в полной силе феодально-обособленные общины и еще в большей степени обособленные отдельные племенные языковые и культурные центры; Босфорское царство являлось лишь наспех объединенной коалицией более мелких феодальных единиц и колоний, интересы которых часто противоречили друг другу. Еще сильнее должны были быть внутри такого царства противоречия, различия языкового и культурно-бытового порядка, сохранявшиеся еще по традиции от эпохи замкнутых родовых обществ; в результате такого недостатка внутреннего единства мы и видим, что огромное Босфорское царство чрезвычайно быстро разрушается и распадается на свои составные элементы после первого же удара, нанесенного ему римлянами, и на место туземного организатора всего объединения вновь становится организатор заморский — торговый капитал Римской Империи.

Если процесс политического объединения мелких родовых и феодальных общин в одно большое царство и служил доказательством того, что к этому времени местный производст-

венно-экономический базис такого объединения уже созрел, то с другой стороны, у нас имеются определенные доказательства, что в ту же самую эпоху этот базис не был еще развит настолько, чтобы окончательно нивелировать древние языковые различия, феодальные родовые противоречия между отдельными общинами. Их различные родовые названия, известные нам уже с первых времен колонизационной деятельности античных греков, не исчезают. Наоборот, число их ко временам Босфорского царства и господства римлян даже как будто увеличивается, хотя в качестве показателя новых тенденций, уже с самых древних времен начинают появляться скрещенные родовые названия, служащие доказательством смешения, скрещения первоначально самостоятельных родовых общин, а следовательно, и скрещение их языков (сравни свано-колхи и другие). Лучшим доказательством того, что языковые отношения к этому времени характеризовались еще значительным развитием явления множественности, дробности языков — черта, характерная для эпохи чистого родового строя, — служит тот приводимый античными писателями факт, что в одном из главнейших портов Черноморского побережья того времени, как мы уже указывали, сходилось в совместной торговле, по разным сведениям, от 75 до 300 представителей языков (Страбон); это количество, если мы даже примем меньшую цифру, оставляет далеко позади то число туземных языков, которые мы в настоящее время наблюдаем на территории всего Кавказа. Толковать его так, что в Диоскурию регулярно собирались в это время представители языков всего Кавказа, включая также его удаленную северную и восточную части, мы вряд ли сможем, если примем во внимание состояние тогдашних средств передвижения и еще большую, чем теперь, непроходимость нагорных частей Кавказа в те времена. Даже при дореволюционном развитом капиталистическом хозяйстве на Кавказе, мы не имели здесь ни одного городского центра, который бы регулярно мог собирать в своих пределах одновременно представителей всех кавказских народов.

Предполагать такую возможность для античных времен при тогдашнем более низком уровне объединяющих хозяйственных факторов являлось бы чистой утопией. Единственным правдоподобным предположением, объясняющим наличность большого количества представителей различных языков, сходившихся для торговых операций в порт Диоскурию, является, на мой взгляд, следующее. Сходились в Диоскурию отнюдь не представители народов всего Кавказа, а только представители населения района, непосредственно экономически тяготевшего к этому торговому центру, то есть представители, в лучшем случае, всего Кавказо-Черноморского побережья и прилегающих нагорий. При этом предположении цифра количества языков этого района (70—300) является для нас показателем господствовавшего в ту эпоху здесь на сравнительно столь ограниченной территории разноязычия. Несомненно, как это и следовало ожидать по нашим предположениям, разноязычие той эпохи, как прямой пережиток еще не вполне изжитых тогда отношений предшествовавшей эпохи родового строя, являлось по сравнению с тем, что мы теперь наблюдаем на той же территории, совершенно исключительным, с нашей точки зрения, из ряда вон выдающимся фактом.

Каково же может быть отношение всех наблюдавшихся нами здесь тогда языков и мелких родовых и феодальных общин к современному населению этой части Кавказа, то есть к современным черкесам и абхазам?

Мне кажется, что на этот вопрос может быть только один ответ. Вместо того, чтобы искать предков черкесов в какой-нибудь одной из мелких родовых или феодальных общин античного времени, например, в той, которая носила название «керкет», мы должны поставить вопрос о происхождении современных черкесов (адыге) от всей совокупности тогдашнего населения Черноморского побережья Кавказа и прилегавшего к ним Западно-Кавказского нагорья, равно как и западной части северного Предкавказья. Несомненно, что именно в результате процессов междуродового и междуфеодального взаимообщения, процессов, явившихся в результате воздействия на родовое хозяйство пришедшего извне, из Средиземноморья, торгового капитала, и возникла, в конце концов, та языковая и культурно-историческая общность, которая характеризует, в большей степени, черкесские народы и племена и, в меньшей степени, — черкесов и абхаз друг по отношению к другу. Несомненно, с нашей точки зрения, что развитие шло здесь от множества замкнутых в себе, первоначально совершенно независимо развивавшихся родовых языков к образованию в среде все более и более крупных племенных и феодальных междуродовых объединений языковых общностей, возникавших путем языкового взаимообмена, с течением времени увеличивавшего запас общих слов и общих звуковых явлений. Эти выраставшие коалиции отдельных родовых общин под влиянием увеличивавшейся их хозяйственной и политической централизации сплачивались также в однородные языковые и культурные коллективы, которые постепенно и вырастали до сознания своего национального

единства: несомненно, что этот процесс развивался очень постепенно, и очень медленным темпом на протяжении многих веков, и в античное время мы можем лишь наметить первые шаги этого процесса, в особенности, в области языка. Несомненно, что в античное время, при наметившейся общей тенденции к экономическому и культурному объединению отдельных родов, мы должны были иметь еще в полной сохранности явления многоязычия.

Роль прибрежных древнегреческих и римских колоний, как очагов торгового и культурного взаимовлияния и влияния средиземноморской культуры на местное население, после того как сходят с исторической арены их основатели, никогда не оставалась вакантной. Вслед за Римской империей это место занимает Византия, вслед за Византией — генуэзцы, и вслед за генуэзцами — турки. Можно догадаться, что уже задолго до греков здесь действовали какие-то неизвестные нам пока торговые посредники между догреческими экономическими и культурными центрами Средиземноморья и Кавказа и что сами греки явились только первыми исторически известными нам их преемникам, захватившими в свои руки уже готовые пункты сложившейся прибрежной торговли.

Наряду с воздействием на образование местных народов иноземных колоний побережья и в связи с их торговым влиянием уже в древнейшие эпохи должны были складываться также торговые дороги, связывавшие эти пункты побережья с Кавказским хинтерландом (примыкающей страной). Торговые порты южной части побережья (района устьев Фазиса, теперешнего Риона) являлись выходными портами южнокавказского транзитного пути, в то время как пункты, лежавшие дальше к северу, приблизительно выше Диоскурии, были выходными пунктами для целого ряда перевальных путей, связывавших их как с нагорьем, так и с предкавказской равниной, откуда все они, сливаясь, поворачивали на восток, образовав здесь, в конце концов, Северо-Кавказскую торговую дорогу.

В отношении Северо-Кавказского торгового пути мне представляется наиболее вероятным, что он сложился несколько позднее, вслед за оформлением южной дороги; однако уже до окончательного исторического зарождения северного пути, должен был существовать целый ряд частных перевальных путей, ведших с Черноморского побережья, которые, удовлетворяя потребности заморской торговли, выкачивали у населения северокавказской равнины необходимое для этой торговли сырье (по преимуществу, по-видимому, рабов и продукты скотоводства). Первым достоверным историческим доказательством окончательного оформления Северо-Кавказского транзита в одно организационно-политическое целое было создание и развитие на всем протяжении этого пути так называемого Хазарского каганата (VII—X век). Несомненно, что на востоке принадлежавшей им территории хазары держали в своих руках целый ряд торговых пунктов Каспийского побережья, возможно, вплоть до самого Дербента на юг; где-то здесь и следует искать в районе к югу от теперешнего Петровска и их столицу Семендер. С другой стороны, столь же несомненно, что под их контролем находилось и восточное побережье Азовского моря, устье Дона, Прикубанская равнина и даже области, шедшие далеко к северу вдоль служивых торговыми путями рек Дона и Волги. Мы не знаем пока, были ли у хазар какие-либо исторические предшественники в роли организаторов северного торгового пути, оперировавшие на всем его протяжении, но мы можем предположить, что торговля между Каспийским и Черным морем ко времени создания Хазарского царства получила какой-то особый специфический толчок, который побудил направить значительную часть этой торговли по северной стороне Кавказского хребта и со времен Хазарского каганата северный путь, как это можно с достоверностью проследить, уже не замирает никогда, меняются только народы, захватывающие его вооруженной рукой, или туземные аборигены, которым на время удавалось становиться главными организаторами международной торговли по этому пути.

Кто же были сами хазары по своему этническому составу? Обычное представление о хазарах как о тюрках, нуждается, несомненно, в значительных исправлениях; нельзя себе представить, чтобы в те времена на всем огромном протяжении, на которое простиралось политическое влияние Хазарского каганата, было распространено вполне однородное или даже только господствующее тюркское население. Самым вероятным предположением в отношении этнического состава хазарского царства будет допущение, что в его состав входило значительное количество мелких отдельных родов, племен и народцев, говоривших каждый на своем особом языке и отличавшихся также по степени общественного и культурного развития. Северное нагорье Кавказа, которое должно было также подстать под экономический контроль хазар, несомненно, являлось территорией, на которой могли существовать уже в ту эпоху скотоводы, земледельцы и охотники, по рекам и морям могли сидеть рыболовы, скотоводы кочевого и полукочевого типа и частью земледельцы могли кочевать и рыбачить в степях Предкавказья

и Придонья; наконец, с севера в границы Хазарского каганата заходили земледельческие и охотничьи племена. При такой пестроте социально-общественного экономического и этнического состава, хазары должны были представлять конгломерат языков, религий и культур; в последнем отношении весьма показательным будет тот факт, что Хазарское царство не имело какой-либо одной господствующей в массах религии. То же следует, по-видимому, сказать и о языке, который мог бы выполнять тогда роль международного по всей территории Хазарского каганата. Таких языков, по-видимому, было также несколько: одним из них был письменный древнееврейский, другим, по-видимому, тюркский, третьим мог быть, в особенности в западной части царства, один из предков современного черкесского языка. То, что в состав Хазарского каганата входили те элементы, из которых впоследствии сложилась черкесская национальность, назовем их для краткости проточеркесскими, представляется нам несомненными. Будучи в те времена на Северном Кавказе преимущественно скотоводами, эти проточеркесы, несомненно, пользовались всей приглашаемой к западной части хребта северокавказской степью для своих пастбищ, заходя своими кочевьями далеко на север и восток до рек Дона и Волги (по-кабардински <...>, по-кяхски <...>*). Однако также несомненно, что на всем этом пространстве проточеркесы не были единственным кочевым населением, наоборот, население степей было чрезвычайно пестро, говорило на разных языках, и отдельные роды еще не сознавали своей национальной принадлежности. Хорошо сознавалась ими только общая их экономическая связь с Северо-Кавказским торговым транзитом в конкретной форме принадлежности к одному и тому же политическому коллективу — Хазарскому царству. В степях проточеркесы кочевали вперемежку с протоосетинами (скифами, савроматами, яксаматами, тюрками и протовейнахами и, возможно, еще многими другими протонациональностями) отдельные кочевые роды находились в состоянии постоянных междуродовых войн, с одной стороны, и союзов, с другой, на которые некоторое регулирующее влияние оказывало самим фактом своего существования их общее политическое объединение.

Кроме этих наших общих предположений, мне кажется, мы имеем прямое историческое свидетельство о том, что проточеркесские элементы входили действительно в состав Хазарского каганата и, следовательно, уже в ранние эпохи должны были быть представлены на территории предкавказской равнины так же, как и на Черноморском побережье. При перечислении названий хазарских племен или колен мы находим одно, которое очень напоминает название современных кабардинцев (<...>*). Это отнюдь не является, конечно, доказательством, что кабардинцы, как таковые, как национальность уже существовали в готовом виде в те времена. Сплочение кабардинцев в отдельный народ, отдельную национальность совершилось, как мы это увидим, значительно позднее; мы можем только с уверенностью предположить, что уже в те времена, очевидно, и на севере Кавказа существовали какие-то этнические или, лучше сказать, родовые группы, которые в дальнейшем были использованы как составные элементы, давшие при своем скрещении и слиянии то, что мы теперь называем черкесами.

Именно вследствие чрезвычайной пестроты своего состава и очевидной еще слабости организации как торгового транзита, так и связанной с этим политической централизации, Хазарский каганат чрезвычайно быстро и легко пал под ударами другого, подобно ему возникшего на ином крупном международном торговом пути государства Русского. По-видимому, эта борьба должна бы быть объяснена необходимостью для русских устранить с рынка Византии, поставщиком которого являлась Киевская Русь, ближайшего опасного торгового конкурента по торговле рабами и сырьем, каким и являлся Хазарский каганат. В дальнейшем естественным поэтому становится стремление феодально-торговой организации русских князей удельного периода захватить в свои руки хотя бы головную часть Северо-Кавказского торгового пути, откуда они могли бы постепенно распространить свое влияние на всем его протяжении; этим и объясняется захват русскими Тмутаракани и основание здесь русского города с удельной династией во главе, очевидно, разноплеменного и разноязычного населения (XI—XII века). Какой бы из античных или современных городов Таманского полуострова и не отождествлять с вышеуказанной Тмутараканью, несомненно одно, что этот пункт лежал в пределах современного Таманского полуострова и являлся одним из головных торговых пунктов Северо-Кавказского пути, выводивших его к транзитной черноморской торговле. В эпоху Тмутараканского княжества мы получаем уже определенные исторические указания на существование проточеркесских элементов (косогов), которые наряду с протоосетинами (ясами) ведут борьбу с русской

---

* В тексте рукописи пробелы.

княжеской династией, причем самая техника и форма этой борьбы, по-видимому, указывает на развитый уже феодальный строй в среде самых северокавказских туземных племен.

В частности, что касается собранных Лопатинским материалов по вопросу о дошедших до наших дней легендах о покорении Тмутаракани черкесами (легенда о борьбе летописного черкесского Ρедеди, по преданиям «Ρедадэ», с князем Мстиславом Тмутараканским), то из всех сохранившихся в народном эпосе черкесов и кабардинцев относящихся сюда указаний, наиболее вероятным представляется нам сохранение ими исторического названия Тмутаракания в той формуле проклятия, которая до сих пор употребляется кабардинцами и кяхами в следующем виде «Тамтаракай ух» (tamtereqaj uyx̆u)[25], то есть «Будь тебе Тамтаракай», что может иметь приблизительно такой смысл: «Да возьмет тебя Тамтаракай, Тумтарак». Если принять такое толкование, то весьма правдоподобным и соблазнительным представляется толкование слова «Тамтаракай» и особенно кяхского «Тумтэрак», воспринимаемого самими черкесами как некое имя собственное, как названия аналогичного русскому летописному «Тьмуторокань». Что касается записанной Лопатинским легенды о борьбе Ρедеди, черкесского богатыря, с русскими, то самый текст этой легенды представляется нам пока подозрительным, так как в нем весьма подробно рассказывается о борьбе, закончившейся для черкесов неудачно, и только вкратце без всяких подробностей упоминается о последующей победе и разорении города. Такое содержание народно-поэтического черкесского текста мы должны признать весьма маловероятным; во всяком случае, необходимо подождать новых, более точных, с несомненностью документированных записей этого предания как у кабардинцев, так и у кяхов. Наконец совершенно не соответствует действительности, по нашему мнению, истолкование слов известной черкесской свадебной песенки как отголоска того же имени черкесского богатыря Ρедеди.

Это истолкование основано просто на недоразумении. Слова этой песни, лично мною слышанные, представляют собою постоянно повторяющиеся два-три слова, которые с точки зрения обыденного песенного текста не могут быть названы связным песенным текстом в собственном смысле этого слова. Слова эти следующие: у Лопатинского «О, Ρедедэ, махуо!», что он истолковывает так: «О, Ρедедя, счастливый», — однако уже самый этот эпитет в применении к Ρедеде как к бойцу, известному из самого же приводимого Лопатинским, весьма, впрочем, подозрительного кабардинского предания, а также из свидетельств русских летописей своей неудачной борьбой с русским князем Мстиславом, последствия которой были печальны для всего тогдашнего черкесского (косожского) войска, и употребление этого имени в свадебной песне, которая должна магически упрочить счастье новобрачных, представляется нам для народной поэзии фактом совершенно невероятным. Судьба именно несчастного Ρедеди была такова, что он никак не мог являться символом счастья в свадебном обряде. Мне кажется, что имя Ρедеди в указанную песенную форму вписали те нарочито настроенные собиратели, которые во что бы то ни стало хотели отыскать в черкесской народной поэзии следы имен и событий, известных им из русских летописей; сами кабардинцы, поющие указанную песню, никакого имени Ρедеди в ней не узнают, и единственным поддающимся осмыслению ее словом для них является «Махуэ», представляющее собою несомненное слово со значением «счастливый», также «день», «щедрый» и т.д. Мне удалось записать следующий текст: уо-рэ-дэ уо-рэ-дэ-уо-рэ-да-дэ махуош (ue-re-de ue-re-de ue-re-da-de maxueş). Все дело здесь в том, как мы будем делить приведенный текст на слова. С несомненностью его можно разделить, мне кажется, только следующим образом: «уорэдэ, уорэдэ, уорэдадэ махуош». Первые два слова совершенно ясно представляют собой лишь некоторые видоизменения существующего и до сих пор в кабардинском языке слова «уоред» (uered), что значит «песня»; появление гласного в конце объясняется приспособлением его к условиям кабардинского песенного стиля, который требует появления гласных после конечных согласных слов при пении*. Что касается третьего

---

* Совпадение в звуковой стороне слов со значением «песня» и употребительных у данного народа песенных припевов не представляет собой единичного и случайного явления в черкесских языках; тот же самый факт может быть отмечен и для языков вейнахов, где название песни «Иллай» или «Эллай» почти буквально совпадает с постоянно употребительным песенным припевом «А ла лай» и т.п. Точно так же и у черкесов мы замечаем не только в вышеуказанной свадебной песне, но и в других постоянно употребительные припевы «Уоре, уореде» и прочее. Что здесь является первичным, происходит ли слово от припева или припев от слова, мы пока решать не беремся, но в качестве отдельного случая правдоподобного объяснения происхождения припевов упомянем, как это уже установлено для русских песен, происхождение припева «Ай лю ли» от церковного «Аллилуя», последнее, впрочем, имеет огромное сходство и с вышеупомянутым припевом чеченских песен (примечание Н.Ф. Яковлева. — *Сост.*).

слова, то оно, несомненно, образовалось из того же «уорэдэ» с повторением конечного слога «дэ» — «уорэдэдэ», что должно было дать согласно звуковым законам кабардинского языка «уорэдадэ» — «песня-ня». Таким образом, весь текст в точном переводе будет представлять собой не что иное, как: «Песня, песня, песня-ня счастливая есть». Никаких других слов в указанной песне, которые действительно подтвердили бы какими-нибудь эпическими подробностями наличность в ней имени исторического героя Редеди, не имеется; несомненно, что указанная песня представляет собой род распеваемой магической формулы, которая по воззрениям певцов имеет силу призвать счастье на головы новобрачных.

Что касается различных преданий, приводимых Шора Ногмовым в его книге «История адыгейского народа», то все предания эти переданы там в таком пересказе, который заставляет сомневаться и в правильной передаче их содержания. Это не подлинные народные тексты. Но тексты, подвергшиеся сильнейшей стилистической обработке собирателя, который может быть в отношении некоторых из них превратился даже в автора. По-видимому, качеству книги Ногмова весьма повредило то обстоятельство, что он предварительно хорошо ознакомился с фактами русской истории и русскими летописями, может быть, в пересказе одного из русских историков той эпохи; поэтому фактическим указаниям относительно древних связей черкесов с русскими князьями и другими государствами придется поверить только тогда, когда будут найдены и записаны вторично в подлинных народно-поэтических текстах предания, подтверждающие текст Ногмова, что же касается иного использования преданий пересказываемых Ногмовым, то мы попытаемся дать их анализ ниже при характеристике феодального строя черкесов более поздней эпохи, так как считаем, что все же известную документальную ценность эти тексты собой представляют.

Итак, после падения Хазарского каганата мы видим, что единая государственная политическая организация, создавшаяся на базе Северо-Кавказского торгового пути, на время сходит с исторической арены, и транзитная связь по Северному Кавказу оказывается в руках нескольких разрозненных объединений, одним из которых и является возникающее на западе Тмутараканское княжество. Этот распад единой политической организации на севере, мне кажется, нельзя объяснить только теми внешними ударами, которые нанесли ему военные силы Киевской Руси. Думается, что в эту эпоху, в силу пока еще неизвестных нам причин, транзитная торговля по Северо-Кавказскому пути пришла в известный относительный упадок. Во всяком случае, образование враждебного туземцам Северного Кавказа русского княжества на западном головном участке этого транзита явилось также неприятным фактором для сохранения регулярных торговых связей в этом направлении. Исторические факты, косвенные указания на которые мы получаем со стороны прошлого Абхазии, позволяют нам хотя бы частично вскрыть причины вышеуказанного упадка, по крайней мере, в отношении западной части Северо-Кавказского транзита. Речь идет здесь о причинах и датировке появления абхазской колонизации на северном нагорье Кавказского хребта.

Выше мы уже указывали, что часть абхазского народа, так называемые абазинцы, живут в настоящее время на предкавказской равнине в районе Верхней Кубани вперемежку с кабардинцами и ногайцами; документально известно, что они попали на указанное место жительства лишь в результате принудительного выселения их из гор, предпринятого русскими властями сейчас же вслед за покорением западной части Кавказа. Первоначальными же местами абазинских поселений, на которых застали их русские войска, были высокогорные долины по истокам левых притоков Кубани (Большого и Малого Зеленчука, Урупа и других). Известно также, что, находясь здесь, абазинцы были в феодальном подчинении по отношению к занимавшим прилегающую плоскость кабардинским и бесленеевским княжеским родам; однако предания последних племен дают нам совершенно точные указания на то, что абазинцы не всегда находились в таком подчиненном положении; предания кабардинцев указывают, что при первом появлении абазинцев на северном склоне хребта они представляли собой могущественную и централизованную феодальную организацию, политическое влияние которой распространялось и на предкавказскую плоскость. Те же предания говорят, что абазинцы потеряли это свое значение вследствие того, что отдельные абазинские княжеские роды стали ссориться друг с другом и растратили свою силу на междоусобицы. Остатки материальной культуры, сохранившиеся до сих пор на территории прежнего обитания абазинцев в горах, как, например, «Старое жилище», «Архыз» и другие, вполне подтверждают данные, сообщаемые преданиями. Здесь обнаружены развалины настоящих городов с каменными христианскими храмами, в которых исследователи находили еще великолепные фрески с каменными акведуками и прочие. Состояние современной нам культуры абазинцев никаким образом не может

объяснить возникновения вышеуказанных городов, если не предположить определенной деградации культуры самих абазинцев; между тем, из русских летописей мы знаем, что во времена Киевской Руси лучшими мастерами-каменщиками, которых специально выписывали на Русь для постройки наиболее значительных ее храмов, являлись как раз «обезы», то есть народ, имеющий несомненное отношение к происхождению современных абхазов. Таким образом, нет ничего удивительного, что в известный период своей истории создавшееся на Черноморском побережье абхазское феодальное государство являлось значительным культурным центром, распространявшим свое влияние даже на Киевскую Русь. Некоторые документальные данные позволяют нам установить, хотя и косвенным путем, дату первого появления абхаз-абазинцев на северном нагорье Кавказа,[26] так же, как и приблизительную дату основания здесь вышеуказанных абхазских городов. Среди опубликованных Помяловским найденных на территории Кавказа надписей мы находим также ряд таких, которые были обнаружены на интересующих нас древних городищах. Между прочим, Помяловским опубликована надпись на греческом языке, высеченная на каменном кресте, которая в переводе гласит «Николаю, патрону Аспэ».

Надпись датирована 1015 годом, то есть самым началом XI века. Селение Аспэ мы находим до сих пор на Черноморском побережье в пределах современной Абхазии. По-видимому, это селение и являлось той метрополией, выходцы из которой основали свою колонию в верховьях Архыза на северном склоне Кавказского хребта, причем, как это часто бывает, они дали своему новому поселению имя того родного города, из которого они выселились (сравни в названиях аналогичных... греческих колоний, в названиях русских поселений западной части Кавказского хребта, как станицы Калужская, Московская и т.д., а также в названиях многих городов Нового Света). То, что надпись написана на греческом языке, не должно нас смущать, так как греческий язык, как язык христианского культа и богослужения, был распространен не только среди абхаз, но и среди черкесов, между прочим, также среди кабардинцев (как об этом свидетельствуют находки здесь богослужебных книг на греческом языке). Таким образом, если принять высказанное нами предположение, которое подтверждается также тем обстоятельством, что Николай, считавшийся по христианской традиции специальным покровителем морского дела, естественно, был патроном приморского порта Аспэ и, как патрон, был перевезен колонистами абхазами с собой на новое место, то мы должны будем совершенно точно датировать колонизацию абхазами северного нагорья Кавказского хребта X веком, так как уже в самом начале XI здесь уже существуют их города.[27] Время этой колонизации, таким образом, приблизительно совпадает со временем упадка и окончательного распадения Хазарского царства на Северном торговом пути и, по всей видимости, также со временем первого появления русских на Таманском полуострове (около <...>*). Мне думается, что нельзя не поставить вышеуказанные три факта в непосредственную причину: связь друг с другом.

В самом деле, какой смысл был абхазам, жителям богатого и торгового приморья, переселяться с него в дикую нагорную полосу, где занятие привычными для них садоводством и земледелием не могло иметь места? С другой стороны, какова могла быть экономическая база тех значительных городских центров, остатки которых мы находим в горах, если они не могли держаться здесь на базе развитого сельского хозяйства? Мне кажется, что единственной причиной колонизации приморскими абхазами северного склона хребта и основания здесь довольно крупных по тогдашнему времени городских центров, могла быть только значительная экономическая выгодность такого переселения. Несомненно, что эта колонизация не была трудовой колонизацией абхаз-земледельцев; ее основной причиной могло быть только стремление захватить в свои руки новые источники необходимых для абхазской морской торговли товаров. Судя и по самому характеру поселений, имевших вид, скорее, городов с каменными постройками, чем деревенских поселений крестьянства, мы должны признать, что они были торговыми центрами, а вовсе не сельскохозяйственными колониями. Только постоянная и интенсивная торговая связь с приморскими абхазскими метрополиями могла давать этим колониям средства к существованию в диком нагорье. Таким образом, для нас становится ясным, что единственной возможной экономической базой абхазской колонизации на север были торговые сношения с Предкавказьем. Сопоставив эти факты с фактом распадения Хазарского царства и затруднений в выходе торговли на Тамань, мы приходим к выводу, что Абхазия путем указанной колонизации как раз в этот момент попыталась взять в свои руки важнейшие перевалы через Кавказский хребет, выставив на них свои укрепленные форпосты, бывшие одновременно

---

* В тексте рукописи пробел.

и торговыми факториями. Чувствуя упадок торговой и политической организации хазар на севере, Абхазия должна была попробовать наладить эту торговлю собственными силами хотя бы на одном из участков северного транзита; можно думать, что именно в этот период с X и примерно XII, а может быть и XIII века, главная масса транзитной торговли была сдвинута с помощью вышеуказанных абхазских факторий с прямой магистрали, связывавшей Терек с устьями Кубани, на юг через перевалы к Абхазскому побережью. Торговыми агентами абхаз явились в это время на севере ближайшие к вышеуказанным перевалам черкесские племена.

Действительно, самое положение Абхазского побережья, простиравшегося, по-видимому, с севера от поселений близких им по культуре черкесских племен и на юг, может быть, доходившего почти до устьев Риона, было чрезвычайно благоприятно для развития транзитной торговли, так как оно давало возможность Абхазии одновременно являться головным участником как Южного, так и через сравнительно легко проходимые перевалы и Северного торговых путей. Фактическое сосредоточение торговли обоих транзитов было осуществлено Абхазией, по-видимому, как раз к X веку; в результате, мы видим постепенный рост экономической и политической мощи этого, по-видимому, феодального государства, что еще раньше и привело Абхазскую династию на трон так называемого Абхазо-Грузинского царства, достигшего апогея своего экономического расцвета в XII и XIII веках (эпоха царицы Тамары и других). Не случаен тот факт, что именно абхазская династия делается в этот период главным контролером и организатором западной части закавказского транзита. Расцвету Абхазо-Грузинского царства в этот период способствовали, по-видимому, особые исторические обстоятельства, понизившие, очевидно, пропускную способность северного пути в это время и направившие большую часть торговых сношений именно в это время и именно по Южно-Кавказскому пути.

Я имею в виду здесь появление в этот период в степях Северного Предкавказья татар, выступивших здесь, в первую очередь, в роли завоевателей; несомненно, что эпоха завоевания татарами, как предкавказских и южнорусских степей, так и Киевской и Московской Руси, (XII—XIII века), несмотря на документально-доказательную теперь историческими исследованиями сравнительно высокую культурность этих завоевателей, как и всякая эпоха борьбы, была периодом некоторого нарушения и ослабления наладившихся в предшествовавшую эпоху торговых сношений по Северо-Кавказскому пути. Вот почему главный нерв международной торговли естественно был перенесен на Южный Кавказ. Расцвет Абхазо-Грузии в это время являлся непосредственным отголоском тех же самых международных причин, которые повели к окончательной гибели Киевской Руси, к подрыву торговли, шедший по Днепру «из варяг в греки» и к одновременному постепенному усилению Руси Московской.

После покорения Руси политический центр татар на известное время обосновывается на территории именно Северного Предкавказья, куда и принуждены были являться вызываемые на суд и расправу русские князья; в частности, есть указания на существование здесь татарского города Титякова на реке Севенце, то есть Сунже («Севенец», ср. перс. Севендж, позднейшее русское Сююджа, современная река Сунжа). В конце концов, такое положение татарской ставки не могло не оживить и даже увеличивать транзит товаров по Северо-Кавказскому пути, однако уже в XIV веке татары начинают организационно распадаться на целый ряд независимых феодальных образований, роль которых вскоре окончательно замирает на Северном Кавказе под ударами как Московского царства, так и других их соседей. К концу XIV века этот процесс можно считать законченным; место политического организатора Северо-Кавказского транзита в этот период опять остается вакантным; между тем, положение, создавшееся к этому времени на Южно-Кавказской торговой дороге, ведет к ее постепенному замиранию, что в свою очередь является чрезвычайно благоприятным моментом для перенесения в это время центра тяжести международной торговли с юга на Северный Кавказ. Я разумею здесь наступающий с конца XIV века и продолжающийся весь XV и XVI века период нашествия монголов и войн турок и персов на территории Грузии, приведших к ее полному экономическому и политическому ослаблению и в корне подорвавших значение Южного торгового пути. В этот именно исторический момент и появляются в роли руководителей Северо-Кавказской транзитной торговли черкесы, в частности кабардинцы, которым на ряд столетий удалось выполнить приблизительно ту же миссию по отношению к Северо-Кавказскому торговому пути, какую выполняла в более ранние периоды Киевская Русь по отношению к пути «из варяг в греки».

Несомненно, что с конца XIV века появляется еще один исторический факт международного значения, способствовавший выдвижению именно черкесов на первое место в тех межнациональных феодальных отношениях, которые складывались в этот период на Северном Кавказе.

Мы уже указали раньше, что с древнейших времен Кавказ являлся крупнейшим международным поставщиком рабов на средиземноморский рынок. Ко времени создания ряда мусульманских государств и Турецкой империи, сменившей Византию, из таких рабов, между прочим, стала формироваться и дворцовая гвардия — личная охрана различных восточных султанов, так называемые «мамелюки». Несмотря на общераспространенное мнение, что последние формировались, главным образом, из рабов тюркского происхождения, я должен указать, что немаловажную роль в отрядах мамелюков играли также уроженцы Северного Кавказа, которых постоянная междуродовая и междуплеменная борьба на родине делала достаточно опытными в военном деле и обладающими необходимыми для бойца духовными качествами. В отношении самого же термина «тюрок» следует указать, что подобный термин мог быть в эту эпоху таким же сборным в этническом отношении термином, объединившим население определенных и даже неопределенных территорий, которые поставили в этот период наиболее ценимых рабов-воинов, как термин «славянин» (sclavus — «раб», всякий раб варварского происхождения) в более раннюю эпоху, или как термин, употребляемый русскими «татары» (иногда «горские татары», «дагестанские татары», «черкасские татары») — термин, под которым в сравнительно более позднюю эпоху (XVII—XIX века) русские понимали все разноплеменное и разноязычное население, с которым они сталкивались на Северном Кавказе. Точно такое же значение принял и термин «черкесы» в империи османов последних времен и в современной Турции, под которым понимают также здесь вообще всех выходцев с мусульманского Кавказа, во времена империи являвшихся материалом для комплектования наиболее ценившихся рабов-воинов и гаремных рабынь.

Попадая в дворцовую охрану или вообще в штат придворных рабов, черкесы, так же, как и рабы других национальностей, могли в это время делать крупную карьеру, занимать даже высшие политические посты, как это имело место при последних турецких султанах; а в случае какого-нибудь дворцового переворота даже становиться родоначальниками султанских династий. Подобный случай как раз и имел место в Египте, где в результате дворцового переворота мамелюки, очевидно, состоявшие в своем большинстве из черкесов, посадили на трон некоего султана Баркока, черкеса по происхождению, основателя целой династии султанов, которая под названием Боргидов, или «Черкасов», царствовала в Египте в продолжение сотни лет (с 1382 года, см. Броневский «Новейшие исторические и географические сведения о Кавказе», 1823 год, часть 2-я, стр. 50, У. Алиев «Карахалк», Ростов-на-Дону, Крайнациздат, стр. 29). Самый этот факт появления Черкесской династии в Египте не мог не оказать решающего влияния на социальные отношения, складывавшиеся к этому периоду на родине династии — на Северном Кавказе. Несомненно, что здесь к этому времени, в результате того воздействия международного торгового транзита, которое требовало постоянных походов для добывания рабов, предпринимавшихся одними родами против других и одними племенами против других, того воздействия, которое оказывало на смежное Предкавказье феодальное государство и приморская торговля, развивавшаяся на территории современной Абхазии и Грузии — мы имеем среди черкесских племен уже несомненные начатки феодализма.

По такому-то пути общественного развития должны были пойти в особенности те из последних, которые занимали или через территорию которых проходили наиболее важные магистрали транзитной торговли; ее важным узлом в эпоху X—XII века, как это подтверждается временем абхазской торговой колонизации северного нагорья, была Предкавказская плоскость, непосредственно примыкавшая к верхнему течению Кубани, то есть приблизительно теперешний район Баталпашинска. Именно здесь на восточной окраине территории, занятой в то время черкесскими племенами, и был пункт, откуда единый шедший от Краснийского моря торговый тракт разветвлялся на значительное количество более мелких дорог, частью ведших вдоль течения Кубани на Таманский полуостров, частью же пересекавших Главный Кавказский хребет и выходивших через перевалы на Черноморское побережье. Как мы уже указывали выше, наиболее важный торговый нерв проходил в этот период через перевалы ближайших левых притоков верховьев Кубани, непосредственно в Абхазию; на перевалах этот путь контролировался абхазскими форпостами, появляющимися здесь не позднее начала XI века, на прилегающей же равнине, именно вокруг этого узла, в эпоху XI—XII веков и должно было начаться формирование тех восточных черкесских племен, которые, в конечном счете, и дали современную кабардинскую национальность, ее культуру и особый язык. Первыми результатами этого процесса было, по-видимому, образование вокруг этого узла двух смешанных по своему составу феодально организованных племен, сначала бесленеевцев и затем кабардинцев.

Для восстановления основных исторических черт развивавшегося тогда здесь феодализма, для установления, хотя бы приблизительно, дат этого развития, мы обладаем весьма скудными документальными данными, к тому же относящимися в своем большинстве к позднейшей эпохе XVI и XVII веков; много могут дать здесь достоверно записанные точные тексты народных песен и преданий о событиях феодального периода — многочисленных усобицах князей, в особенности же, генеалогические предания старых феодальных фамилий (князей и дворян), в которых необходимо записать перечисленные по именам всех предков или колен черкесских княжеских фамилий, как кабардинских, так и бесленеевских, а также кяхских (темиргоевских и бжедухских); наконец, большое значение имела бы запись всех судебно-правовых адатов и правил обхождения, до сих пор, к сожалению, полностью не записанных, — так называемое «адыге хябзе», которое в Кабарде уже представляло собою, повидимому, единственный цельный кодекс, составление которого приписывается также определенному лицу (Джабаги Казаноков). Поименная запись княжеских родословных помогла бы нам установить хотя бы приблизительные датировки времени появления, возникновения и развития феодализма среди черкесов северного Предкавказья. Собирание преданий и обычаев, сложившихся в эту эпоху, позволило бы нам восстановить социальную и политическую сущность этого феодализма и вскрыть решающие факторы его возникновения и развития — его экономическую базу. Надо сказать, что в этом отношении имеют значение даже такие недостоверные с фактической стороны предания, как обработанные или даже прямо сфантазированные Шора Ногмовым, если они исходят от черкеса, целиком еще воспитанного на старой феодальной культуре. Фантазировать и даже врать всякий человек может только по тем схемам и из того материала, который дан его воспитанием, культурной средой родного ему народа. С этой точки зрения даже ложь феодала является отличным документом для характеристики феодализма определенной эпохи и народа. В этом именно смысле и могут быть использованы данные, приводимые как Шорой Ногмовым, так и другими не вполне надежными с фактической стороны источниками.

Большим вопросом, решение которого можно здесь только предварительно наметить, является вопрос о времени колонизации черкесами предкавказской равнины к востоку от верховьев Кубани до верховьев Терека, то есть современного Пятигорья (татарское Бештау, по русским документам «Бестов» или «Бештов»). Предания согласно указывают, что кабардинцы появились здесь в результате переселений с другой черкесской территории. Конечно, предания эти носят ярко выраженную генеалогическую окраску. Они выводят происхождение всего народа кабардинцев от одного родоначальника Кабарды; с другой стороны, судя по Итальянским картам конца XV века и по свидетельствам генуэзского писателя Интериано (относящимся к концу XV века), черкесское племя под этим названием населяет местность значительно западнее современной Кабарды — на восточном берегу Азовского моря и у устьев Дона. Еще раньше мы знаем упоминание о кабардинцах в составе Хазарского царства; все это вместе заставляет предположить, что колонизация теми черкесскими племенами разноплеменными и если не разноязычными, то, во всяком случае, разнодиалектическими, которые мы условно назовем протокабардинцами, земель, расположенных между Верхней Кубанью и Верхним Тереком, происходила позднее или одновременно с вышеуказанными историческими свидетельствами, причем направление этой колонизации шло, несомненно, с Запада на Восток. Самыми восточными из черкесских племен в эпоху, предшествующую данной колонизации, были те, которые позднее сложились в особое племя и наречие бесленеевцев.

Развитие феодализма среди черкесских племен Северного Кавказа, по моему мнению, раньше всего началось именно среди элементов, постепенно сложившихся в только что названное черкесское племя. Несомненно, что это развитие было обусловлено теми историческими влияниями, которые оказывала на Северное Предкавказье Абхазия — страна с уже развитым к тому времени феодализмом, своеобразной государственностью и культурой — путем организации на севере специальных агентур и стимулирования там транзитной и экспортной торговли. Именно бесленеевцы явились непосредственными северокавказскими агентами абхазцев, которые в свою очередь должны были организовать для торговых сношений смежные с ними на западе черкесское и на востоке тюркское и иное население. Таким образом, феодализм у бесленеевцев является более древним по сравнению с феодализмом, как кабардинским, так и кяхским. В соответствии с этим родословные княжеские предания, даже кабардинские, подчеркивают особую родовитость бесленеевских феодальных родов; бесленеевские князья в смысле родовитости становятся не только на одну точку с кабардинскими княжескими фамилиями, но, по-видимому, считаются даже несколько выше их по доблести и происхождению.

Совершенно иное положение мы находим по отношению к кяхскому феодализму; князья темиргоевцев и родственных им племен (гатюкай и другие) или еще в большей степени князья бжедухов стоят уже значительно ниже по рангу своего происхождения в глазах кабардинцев, что является косвенным доказательством их исторически позднейшего появления и относительной слабости создавшей их экономической базы; поэтому именно на территории бесленеевцев следует искать тот отправной пункт, от которого началось развитие черкесского феодализма на Северном Кавказе, как на запад в направлении кяхских племен, так и на восток в направлении организации черкесской колонизации этой области и создания там кабардинских феодальных фамилий, и самих кабардинцев как единой национальности, говорящей одним и тем же языком. По-видимому, создавшаяся в результате распадения Золотой Орды, как единой политической организации, объединившей восток и запад Предкавказья и тем способствовавшей установлению и организации здесь торговых сношений, заминка в этом торговом транзите между востоком и западом у Северного Предкавказья и явилась причиной того обстоятельства, что никто другой, как именно восточно-черкесские уже феодализированные на основе торгового капитализма племена оказались наиболее подготовленными к тому, чтобы в качестве преемников татар захватить Северо-Кавказский транзит в свои руки и на его экономической основе создать своеобразную феодальную государственность. Колонизация всей области Северо-Кавказского торгового пути совершались черкесами постепенно, очевидно, в несколько приемов. В первую очередь, по-видимому, были колонизованы земли между Верхней Кубанью и Пятигорьем. На этой территории создалась та феодальная группировка, которая существовала уже ко второй половине XVI века как вполне оформившееся целое известное под именем пятигорских черкас (1554 год, см. Кудашев «Исторические сведения о кабардинском народе», стр. 21). Далее были колонизованы, очевидно, земли по Верхнему Тереку, объединяемые феодальной организацией, известной под именем кабардинских черкас; эта организация также уже существовала ко второй половине XVI (1557 год, Кудашев, стр. 23). Тот факт, что обе эти части посылали каждая свою отдельную делегацию Московскому царю с просьбой о приняти в подданство (1554[28] и 1557 годы), свидетельствует об автономном существовании в тогдашней Кабарде, по крайней мере, двух феодальных организаций. Наконец, в последнюю очередь произошла колонизация земель по правому берегу Верхнего Терека, то есть так называемой Малой Кабарды. Колонизация эта явилась не столько следствием княжеских раздоров, в результате которых известный княжеский род отделился и увел вместе с собой руководимое им кабардинское сельскохозяйственное население, как об этом говорят кабардинские предания (Шора Ногмов, стр. 48), сколько может быть бессознательным, но определенным экономическим и политическим расчетом кабардинских феодалов постепенно захватить в свои руки все протяжение Северо-Кавказского торгового пути на восток. Последним этапом этого движения является основание кабардинских притеречных колоний, которые отдельными пунктами заняли все течение Терека вплоть до его устья.

Следует отметить, что в последний период колонизация носила уже не столько сельскохозяйственный, сколько чисто торгово-политический характер, и производилось при содействии и прямом вооруженном вмешательстве тогдашнего союзника черкас (кабардинцев) Московского царя. Русские войска по просьбе кабардинцев-колонистов, начиная с 1563 года, основывают и поддерживают специальную крепость, так называемый «Терский городок» или «Терки», которая, будучи основана первоначально на Тереке при впадении реки Сунжи, по-видимому, еще поселившимися здесь в конце XV века так называемыми гребенскими казаками в дальнейшем несколько раз разрушается, восстанавливается и переносится на новые места,[29] пока, наконец, не обосновывается окончательно в устьях Терека в виде постоянной крепости с русским гарнизоном и черкасско-татарским, то есть кабардинским, по-видимому, торговым населением, где и находит его в 1640-м году проезжавший здесь Адам Олеарий. Ко времени этой эпохи Терский городок уже служит специальным военным портом, защищавшим, с одной стороны, Северо-Кавказский торговый путь, находившийся на всем его протяжении в руках черкесов и, с другой стороны, охраняет точку пересечения этого пути с так называемым сухопутным Астраханским трактом — одним из важнейших торговых путей Московского царства, связывавшим Поволжье с Кавказом. Необходимость устройства этой крепости диктовалась, между прочим, соображениями охраны этого пути против находившихся к югу за Тереком мелких феодальных государств Дагестана, которые, находясь в это время вне фактического контроля как Москвы, так и Персии, в силу своих феодальных привычек не прочь были пограбить территории обеих сторон. Таким образом, уже завершившийся до второй половины XVI века захват кабардинцами всей территории между верховьями Кубани и Верхним Тереком включи-

тельно и выход их к этому времени к среднему и нижнему течению Терека, поставил кабардинское феодальное государство в необходимость искать каких-нибудь внешних дружественных политических факторов для того, чтобы довести до конца свое основное экономическое предприятие, объединение всего Северо-Кавказского транзита в своих руках. В это время черкесы встретили двух врагов и конкурентов в отношении указанного предприятия. С одной стороны, с запада основанное приблизительно в XV веке Крымское ханство и зависимая от него появившаяся на западе Северного Предкавказья Малая Ногайская орда (первая половина XVI века) частью военным путем при поддержке Турции, частью же путем мирного торгового политического внедрения (браки, эмигранты-феодалы[30]) распространяло свою экспансию на восток. Ее целью являлся захват западной части Северо-Кавказского торгового пути в руки крымцев, политическое подчинение черкесских феодалов Крымскому государству, а идеологическим выражением этого движения было распространение мусульманства среди бывших дотоле полуязычниками-полухристианами черкесских племен.

Несомненно, что свои первые удары крымцы направили против феодально организованных восточно-черкесских племен бжедухов, темиргоевцев, гатюкаевцев, бесленеевцев и далее на восток — против кабардинцев; ко второй половине XVI века положение кабардинских феодалов, державших в своих руках один из важнейших и наиболее уязвимых пунктов Северо-Кавказского торгового пути — современную Большую Кабарду и Пятигорье, то есть сухопутный перешеек между Верхним Тереком и Верхней Кубанью, становится настолько угрожающим со стороны крымцев, что с этого времени, то есть приблизительно с 1552 года, начинается посылка целого ряда специальных посольств со стороны различных групп кабардинских князей в Москву. Целью этих посольств является всегда одно и то же — просьба к Московскому царю защитить их от набегов крымских ханов, татар и прочих; кабардинские князья со своей стороны предлагают Москве свое подданство и неоднократно присягают Московскому царю в постоянной верности, как его верноподданные; конечной целью этих переговоров со стороны кабардинских князей было найти себе в лице Московского царя могущественного союзника и покровителя, который, хотя бы ценой утраты их номинальной независимости, обеспечил бы им монопольное торговое господство на всем протяжении Северо-Кавказского торгового пути и помог бы им осуществить захват восточной головной части этого пути до устьев Терека. Между московским торговым капиталом того времени в лице Московского царя и кабардинским феодализмом, как торговым монополистом на Северном Кавказе, устанавливается более или менее постоянная, с течением времени все более крепнущая связь, которая выражается даже в женитьбе Московского царя Ивана IV на черкесской княжне Марии Темрюковне.

Эта экономическая и политическая связь вначале была полностью использована кабардинским феодализмом для осуществления тех исторических задач, которые он себе ставил, но, с другой стороны, она же расчистила почву и тому поступательному движению русского империализма на Кавказ, которое несколько позднее завершилось полным покорением этой страны и, в частности, уничтожением экономического и политического значения и самого кабардинского феодализма. Итак, к первой половине XVI века кабардинцы уже занимают приблизительно ту же территорию, какую они занимают в настоящее время, со значительным, однако, расширением ее к северу в область Пятигорья, а к началу XVI века торговый и политический контроль кабардинских феодалов достигает высшей точки своего развития и завершает задачи объединения всей восточной половины Северо-Кавказского тракта в кабардинских руках. Рассмотрим, какова же была к этому времени как политическая, так и национальная карта Северного Кавказа, рисующая нам взаимоотношения племен и народов, слагавшиеся на экономической базе Северного торгового пути.

Все восточное протяжение этого пути политически находилось в руках кабардинских феодалов, которые на восточном головном участке его пользовались прямой поддержкой и содействием основанных здесь русских фортов казачьи городки и русского гарнизона. На востоке сфера влияния кабардинского феодализма граничила с цепью феодально организованных кяхских племен; промежуточным звеном между теми и другими являлось также феодально организованное племя бесленеевцев. Самым восточным и, очевидно, самым значительным в отношении степени участия в организации международной торговли из кяхских племен являлись в это время, по-видимому, гатюкаевцы (hetyquej). Далее торговый путь продолжался на запад на территорию так же, хотя и позднее феодального организованного племени бжедух (bzedyŋu). К западу же от племени бжедух непрерывная цепь феодальных черкесских групп прекращается. В этом пункте, по-видимому, в период XVI и XVII века происходит разветвление единой торговой магистрали на целый ряд частых перевальных путей, ведших через Кавказский

хребет к приморским пунктам торговли рабами. Эти мои предположения основаны, главным образом, на той картине территориального распространения и относительного развития феодализма среди черкесов, которую мы находим частью исторически засвидетельствованной, частью еще сохраняющейся в народных преданиях и обычаях до времени полного покорения черкесов русскими. В эпоху XVI—XVII веков мы можем считать черкесские, в частности кабардинскую, феодальные организации на Кавказе, вполне сложившимися, находившимися в периоде своего полного расцвета. Кроме кабардинцев, приблизительно одинаково развитые и имеющие столь же мощную экономическую базу в виде монополии права добывания рабов и международной торговли ими феодальные группы мы находим также последовательно на запад — у бесленеевцев, у гатюкаевцев и темиргоевцев, наконец, в меньшей степени у бжедухов. Далее на запад идут племена только отчасти феодализированные: шапсуги и натухайцы, которые уже знали наряду с сословием свободных также и сословие дворян — с одной стороны, и рабов — с другой.

Право вести экспортную торговлю рабами на занятом шапсугами Черноморском побережье имело только шапсугское дворянство; таким образом, шапсугов и родственных им натухайцев (hatx̌uequardž) мы должны причислить к черкесским племенам, феодализация которых еще только начиналась. На юг от бжедухов и отчасти темиргоевцев по нагорью главного Кавказского хребта сидели племена в тот период еще, по-видимому, весьма мало феодализированные — абадзехи (abʒax) и хакучинцы (hegnytṣu). Наконец, на Черноморском побережье между шапсугами с севера и абхазцами с юга находилась пользовавшееся весьма большим почетом среди черкесских племен сравнительно небольшое племя убыхов (uybyx), которое, по-видимому, также не представляло еще достаточно развитой феодальной организации. С другой стороны, так же, как и у шапсугов, и у убыхов мы находим уже совершенно несомненные признаки весьма интенсивного разложения родового строя на почве экономического воздействия той же экспортной торговли рабами. Исторически известно, что убыхи славились среди других черкесских племен, как наиболее наглые и ловкие охотники за живым товаром; среди убыхов имелись даже специальные шайки, постоянно занимавшиеся этой охотой так называемые «унару» (uyneryu), то есть буквально «нападающие на дома». Эти шайки специализировались на том, чтобы глубокой ночью неслышно выкрадывать из домов почти на глазах у их обитателей — женщин, которые сейчас же переправлялись в безопасные пункты экспортной торговли рабами на побережье. Несомненно, что такие организации, равно как и аналогичные им шайки абреков на Северном Кавказе, до эпохи принятия мусульманства и обострения борьбы с русскими, являлись несомненным признаком распадения родового строя под влиянием работорговли в среде данного населения и начала развития здесь частной собственности и феодализма.

Приблизительно ту же картину распространения феодализма мы можем установить и на основании весьма интересной русской карты XVII века, приведенной Г. Кокиевым в его «Очерках по истории Осетии», на которой нанесено приблизительное направление Северо-Кавказской торговой магистрали, или, как она здесь названа, «Черкасской дороги». Дорога эта идет здесь от Каспийского моря вдоль левого берега Терека, проходит по Пятигорью между Бештау и нынешним Кисловодском и идет на запад через территорию нижних черкесов — кяхских племен гатюкай и бжедух; на земле последних дорога обрывается. Как видим, протяжение торгового пути на карте вполне соответствует той территории, на которой мы документально можем проследить наличность вполне развитого феодализма. Западнее бжедухов, как мы уже указывали, находится целый ряд кяхских племен, которые живут еще в переходном от родового строя к феодализму периоде. Итак, территория развитого феодализма на Северном Кавказе соответствует территории, сконцентрированной вдоль единого международного тракта работорговли. С другой стороны, отсутствие развитого феодализма соответствует территории, на которой работорговля еще не объединена вдоль какого бы то ни было единого пути, но распыляется по целому ряду путей частного и менее крупного значения. Совпадение между данными территориального распространения феодализма и данными карты в этом случае полное, новые косвенные указания дают нам также факты распространения и развития черкесских языков и наречий, на которые я укажу в четвертой главе (см. ниже). Таким образом, теперь мы подходим вплотную к вопросу о том, что представлял собой в это время кабардинский феодализм как один из самых передовых типов феодализма на Северном Кавказе, каковы были его существенные черты и какова была его экономическая база.

Несомненно, что по этому вопросу имеется необозримый, еще совершенно неиспользованный материал во всякого рода народных преданиях и песнях, создавшихся в эпоху феода-

лизма, в сложившихся в ту же эпоху адатах и правилах поведения и, наконец, в родословных преданиях самих феодалов. Материал этот частью не записан еще вовсе, частью же записан в весьма незначительной степени. Между тем, изучение феодализма на Кавказе представляет не только местный, но, несомненно, и общетеоретический социологический интерес. Дело в том, что изученные до сих пор типы феодализма, а также даты его появления на Западе и в удельной Руси, по моему глубокому убеждению, вовсе не являются единственно возможными или даже достаточно характеризующими это явление в масштабе мировой истории. Несомненно, что исследование феодализма на Востоке, вообще, и на Кавказе, в частности, может открыть нам совершенно новые его типы, заставить нас изменить самое определение феодализма и далеко передвинуть возможные даты его появления с точки зрения всемирной истории. Таков, например, интереснейший вопрос о феодализме скотоводов-кочевников на Востоке и прочее. Несомненно, что в настоящей работе я далек от мысли дать как исчерпывающий анализ совершенно недостаточного материала, так и исчерпывающую характеристику феодализма у черкесов. Мне хочется наметить в этом отношении только пути предстоящего решения, которые мне кажутся наиболее правильными.

Для того чтобы подойти к понятию феодализма у черкесов, мне хочется остановиться сначала на характеристике тех социальных явлений, которые предшествуют появлению феодализма в собственном смысле этого слова, то есть на явлениях переходного от эпохи родового строя к феодализму периода, как эпохи, объясняющей нам пути развития последнего. Эту переходную эпоху мы застаем даже в наше время у некоторых народов, которые в ходячем представлении считаются живущими в значительной степени еще пережитками родового строя, тогда как на самом деле представляют собою картину полного разложения его экономических основ и несомненное развитие начатков накопления частной собственности, а вместе с тем, и первых шагов развития феодализма. Я имею в виду здесь чеченцев, осетин и, особенно, ингушей. При этом весьма характерны методы такого накопления. Конечно, в настоящее время, при современном социальном строе СССР, который исключает возможность развития отсталых обществ по старой схеме (феодализм — капитализм), эти явления разложения родового хозяйства и перехода к феодализму представляются нам в значительной степени деформированными, менее интересными для исследования, но все же и они позволяют судить о своих чистых прототипах, которые можно было бы наблюдать в среде тех же народов до завоевания их русскими. Эти факты, которые вкратце можно охарактеризовать лишь «как воровство всех у всех», причем наворованная добыча немедленно превращается в деньги или эквивалентные товары, указаны мною в книге «Ингуши» стр. <...>*; влияние же обусловленной этими экономическими и социальными явлениями «воровской психологии» выражается даже в создании юридических прецедентов и специальных воровских норм обычного права, регулирующих и защищающих интересы «воровского товарообмена».

Я не буду останавливаться здесь подробнее на приведенных фактах, так как у нас есть великолепный исторический документ: описание, составленное Адамом Олеарием того социального положения, которое он непосредственно наблюдал в XVII веке среди мелких дагестанских народцев, через территорию которых он проезжал и над которыми еще не было ничьей постоянно организованной государственной власти. Вот это описание («Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию 1633, 1636 и 1639 годах, составленное Адамом Олеарием», перевод Барсова. Москва 1870 год, стр. 975). Он говорит, что обитатели Дагестана «Это суть татары. Персияне называют их лезги, а сами себя они называют дагестанскими татарами... хотя они и исповедуют магометанскую веру, совершают обрезание над собою, следуют учению турок, но не особо ревностны в исполнении благочестивых обрядов. Питаются они от своего скота, уход за которым больше лежит на обязанности женщин. Мужчины же беспрестанно разъезжают или уходят из дому, воруют или разбойничают кругом, и они вовсе не совестятся похищать детей друзей своих, сестер и братьев и продавать их персиянам и туркам, поэтому между ними нет никакого доверия друг другу. Они ездят на коне и ходят обыкновенно вооруженные латами, щитом, шлемом, луком, стрелами и метательными копьями. Мы видим там и сям таких молодцев, у которых, вероятно, в дому только и было, что пара овец, а все-таки они ходят в описанном сейчас вооружении. С путешествующих купцов они собирают большие пошлины или поборы, а если купцы недостаточно сильно защищены, то они и совсем грабят их и отнимают все... Ни персияне, ни

* В тексте рукописи пробел.

русские, между владениями которых проживают эти народцы, не могут обуздать их военной силой. Ибо тотчас убегают в непроходимые горы и укрываются там, в высоких и безопасных аулах или притонах. В стране находится много разных князей, даже каждый почти город имеет своего собственного князя и из них верховный глава шемхал.., хотя такой шемхал… пользуется известным почетом и уважением, но остальные князья мало слушаются его и доверяют ему».

«Четыре татарских князя разом пришли дружески навестить посланников. Их угостили по возможности роскошно… главнейшие разговоры их вертелись на воровстве, похищении и продаже людей, и один из них рассказал при этом, что недавно, еще именно на текущей неделе, он похитил одну девушку…».

«…Нельзя также было отважиться укрыться и отдохнуть в избах татар. Ибо как имел предостеречь нас хан, такое посещение могло быть сопряжено с гибелью самих людей, которые бы решились на это, так как подданные его имеют право свободно воровать и продавать людей, где только могут».

Вышеуказанные сведения, сообщаемые Олеарием, упоминают, правда, о наличии князей и ханов среди мелких народцев Дагестана того времени, следовательно, дают указания и на наличность здесь той или иной формы феодализма. Однако мы не можем признать этот феодализм действительно развитой его формой, так как право добывания и торговли рабами, как это весьма определенно говорит Олеарий, принадлежало не только высшим феодальным сословиям, но и всем гражданам (очевидно свободным) без различия сословий. Мы не знаем также, была ли здесь в это время твердо установленная сословная иерархия. По-видимому, в Дагестане в этот период общественный строй представлял собой чрезвычайно смешанную сложную картину и являлся в той или иной степени переходным от родового к развитому сословному феодализму. Одно совершенно несомненно и ясно видно из приведенных примеров: экономически этот строй держался на внешнем хозяйственном факторе — крупном экспортном спросе на живой товар, который при отсутствии местного единого государственного объединения и порождал то положение взаимного похищения людей всеми у всех, которое так метко охарактеризовано в записках Олеария. Нет никакого сомнения в том, что подобное же положение могло зародиться и у народа чисто родового строя в том случае, если бы внешний экономический фактор — требования международного рынка — толкнул его на этот путь. Такое положение мы имеем, очевидно, в известную эпоху в Чечне и у ингушей незадолго до завоевания их русскими. Товарное хозяйство или требования товарного рынка, внедряясь в массу населения, живущего отдельными мелкими замкнутыми коллективистическими родовыми хозяйствами, мало-помалу вызывает в них разложение родового строя, элементы товарного накопления в частных руках и в результате постепенный переход к феодализму; методом такого накопления, в том случае, если местный рынок не пользуется выгодами организации на своей территории международного транзита, на первых порах является только добывание путем вооруженного нападения военной добычи, сбываемой немедленно на внешний рынок; такое добывание первоначально производится представителями данного рода только у других родов; затем с распадением коллективистического родового хозяйства охота за добычей начинает производиться данной семьей у всех остальных семей как чужих, так и своего рода, наконец, в эту же эпоху появляются уже внеродовые сварные шайки таких добытчиков.

Такое положение и создалось, по-видимому, в Чечне непосредственно перед началом последнего этапа завоевания Кавказа, то есть к концу XVIII началу XIX века. В это время здесь появляются многочисленные отряды так называемых абреков, расцветает местный кумыцкий пункт торговли рабами «Эндери», или «Андреево», наконец, появляются отдельные вожди отрядов уже крупного международного масштаба, из которых наиболее известен Шейх Мансур, чеченец по происхождению, который, борясь с русскими не только за национальную независимость, но также и за экономическую свободу нарождавшегося феодализма, за право Северо-Кавказской транзитной торговли во главе большого международного отряда таких воинов торговцев, прошел по направлению уже известного нам торгового пути с востока на запад и очутился, в конце концов, в Анапе, где и был захвачен при взятии ее русскими в 1791 году. Правом торговли у чеченцев еще пользуются все свободные чеченцы, то есть бывшие к началу развития вышеуказанных социальных явлений чеченскими аборигенами. Представители теми или иными путями позднее попадавших к чеченцам родов становятся уже на положении зависимого сословия — рабов («лей») пленников («кыерыхуо» — qhieryx̆uo) и т.д. Таким образом, чеченцы уже в XVII—XVIII веках находились на стадии перехода от чистого родового строя к сословному феодализму, и интересно, что они даже пережили характерный для начала этой стадии момент — призвание коалицией единоплеменных родов иноземного княжеского рода

Турловых (по-видимому, из кумыков) для организации и улучшения своей военной обороны от надвигавшихся на них вооруженных требований транзитной работорговли, которые осуществлялись на границах Чечни с одной стороны — кабардинцами, с другой — соседними дагестанцами (кумыкам). Этот момент типологически совершенно соответствует тому моменту русской истории, когда новгородские «словене» призывают варяжских князей для того, чтобы обезопасить себя от вооруженных нападений тех же варяг как агентов международной торговли рабами на пути «из варяг в греки».

Мы не знаем точных подробностей того социального строя, который господствовал в это время у различных отдельных племен нижних черкесов или кяхов, однако отрывочные сведения, которые мы имеем в этом отношении, все же позволяют судить о некоторых деталях этой общей картины; так у убыхов на Черноморском побережье, несомненно, уже существовали шайки для добывания рабов упоминавшихся уже нами выше «унару», наводившие страх на все окрестные кяхские племена, благодаря чему убыхи и пользовались среди них большим почетом и уважением, как лучшие воины. По-видимому те же самые «унару» грабили не только соседей, но и своих же соплеменников-убыхов и представляли собой по своему составу коллективы, уже состоявшие из представителей различных родов и семей. Если это так, то стадию общественного развития убыхов непосредственно перед русским завоеванием мы должны определить как стадию полного разложения коллективистического родового строя и отправной пункт для развития феодализма. Сословного строя у убыхов в это время, по-видимому, еще не было. Приблизительно то же следует сказать и о живших к северу от убыхов шапсугах. Относительно последних мы имеем некоторые более определенные сведения. Приморские шапсуги, жившие по самому побережью, то есть в наиболее выгодном для экспортной торговли положении (сравни интересный факт, что в абхазском языке до сих пор «море, морское побережье» и «базар, пункт торгового обмена» называются одним и тем же словом: «поехали к морю» — это значит в то же время «поехали на базар») имели уже сословное подразделение на дворян, свободные и зависимые сословия, и монопольное право торговли на побережье, главным образом, конечно, торговли рабами, имели только шапсугские дворяне.

Этот чрезвычайно интересный факт характеризует для нас уже новую последующую стадию перехода от родового строя к феодализму. Монопольное право торговли рабами, а следовательно и добывания рабов, сосредоточивается в руках только феодального господствующего класса; я считаю эту черту существенным экономическим признаком уже развитого подлинного феодализма. Интересно, однако, также, что у шапсугов в это время мы не имеем еще по-настоящему централизованной феодальной организации. Здесь отсутствует сословие князей, представляющих собой в то же время единую по отношению друг к другу родовую организацию, и установленная иерархическая лестница взаимно подчиненных, как эксплуатирующих, так и эксплуатируемых сословий. Я думаю, что этот факт состоит в связи с отсутствием на территории шапсугов единого централизованного пути международной работорговли; как мы уже видели раньше, единый транзитный Северо-Кавказский торговый путь доходил на запад только до территории бжедухов, и главнейшие его ответвления, начиная уже с Верхней Кубани, выходили в более древние эпохи преимущественно на абхазское побережье, а позднее, вероятно, также на смежные с ним убыхское и шапсугское побережья. Чем дальше на запад, тем Северо-Кавказский транзит становится слабее, а вместе с тем слабее становится и его стимулирующее на развитие местного феодализма влияние. Этим и объясняется тот факт, что феодализм здесь, в среде уже сложившихся кяхских племен, начал развиваться сравнительно позднее и не достиг высшей для Северного Кавказа фазы его развития, несмотря даже на то, что со стороны побережья развитие феодализма непрерывно стимулировалось также другими международными экономическими и политическими факторами (возникновение здесь сначала генуэзских XIV—XV века, а затем и турецких XVI—XVIII века) факторий.

Эту высшую фазу развития феодализма мы находим только у верхних черкесов или кабардинцев, к которым можно отнести также и их западных соседей бесленеевцев, и из западных кяхов — у гатюкаевцев, темиргоевцев и отчасти бжедухов. Феодализм характеризуется здесь несомненным монопольным правом добывания рабов и торговли ими, принадлежащими феодально господствующему классу, затем чрезвычайно развитым сословным строем (более десятка сословий и их разновидностей) и, наконец, самое главное, тем, что экономической основой этого феодализма, как впрочем, и всех других типов его на Кавказе, является захват в свои руки контроля над единым транзитным Северо-Кавказским торговым путем; несомненно, что именно кабардинские и тесно связанные с ними кяхские феодалы сознательно поставили перед собой и провели в жизнь задачи политического захвата Северо-Кавказской дороги, для

чего им постоянно приходилось лавировать в последний период их истории между сталкивавшимися интересами экспансии русского, с одной стороны, и турецкого торгового капитализма — с другой. Кабардинский феодализм явился последним политически самостоятельным туземным организатором международных экономических связей на Северном Кавказе. Задача характеристики этой последней стадии кабардинского феодализма, конечно, не может быть осуществлена в настоящей работе полностью, однако мы вправе уже наметить эту характеристику в ее общих чертах и указать также пути дальнейшего собирания материалов, которое необходимо для окончательного выяснения этого вопроса. Несмотря на скудость дошедших до нас документальных данных, мы все же имеем записанными ряд родословных преданий об общем происхождении кабардинских бесленеевских и темиргоевских племен; затем ряд ранее или вновь мною записанных адатов и обычаев, наконец, известное число — целый ряд текстов народно-поэтического характера — песен и объяснительных преданий к ним, — равно как и целый ряд, хотя и сильно, по-видимому, переработанных, но все же сохраняющих самый дух и стиль феодальной эпохи исторических текстов, якобы преданий адыгейского народа, опубликованных Шорой Ногмовым. Весь этот материал и позволяет нам составить довольно ясную картину кабардинского феодализма в эпоху его расцвета.

Начнем с того материала, который дает нам так называемая «адыге хябзе», то есть свод законов и правил поведения кабардинцев, который соответствовал бы, по привычным нам представлениям, не столько и не только устному кодексу юридических норм, но в значительной степени также правилам вежливости и поведения в феодальном обществе, а также правилам, регулирующим ведение феодалами войн как главного приема добывания рабов, то есть «адыге хябзе» одновременно является, кроме свода правовых норм, также кодексом, регулирующим, так сказать, светское поведение каждого члена феодального общества, и уставом воинской службы феодалов. В отношении последних двух важнейших составных частей этого кодекса следует отметить, что они еще совершенно не собраны и не записаны, в то время как именно они дают богатейший материал для характеристики кабардинского феодализма. Здесь следует отметить, что «адыге хябзе» уже был, очевидно, кодифицирован бесписьменным путем и кое в чем исправлен согласно сохраняющемуся устному преданию некием Джабагы Казаноковым, происходившим из селения Казанукой из сословия свободных людей (<...>*); он жил, по-видимому, в конце XVII или в начале XVIII столетия. Происходя из простого народа Казаноков, тем не менее был в то время в Кабарде главным авторитетом по обычному праву, к голосу которого прислушивались и тогдашние феодалы; он исправил и дополнил устный кодекс адатов и правил поведения, в чем, впрочем, вероятно, он имел уже своих предшественников. Этот кодекс в устном предании сохраняется и до настоящего времени под именем «Джабагы йи хябзе» (gabaŋy juxabze), который в настоящее время, судя по моим вопросам, очевидно, вполне отождествляется с «адыге хябзе», то есть, по-видимому, общечеркесский кодекс обычного права в настоящее время существует уже только в редакции вышеупомянутого Джабагы Казанокова, по крайней мере, на территории Кабарды насущной в настоящее время задачей изучения является сбор полного списка всего «Джабагы йи хябзе» и выяснение также на основании сравнения этого материала с тем «адыге хябзе», которое существует до настоящего времени у кяхов, или нижних черкесов (где также необходимо произвести тщательную запись последнего), — имеется ли какая-нибудь существенная разница между «Джабагы йи хябзе» и «адыге хябзе». При ее наличии эта разница помогла бы нам выяснить, в каком направлении происходило развитие обычного права кабардинцев в последний период самостоятельного существования кабардинского феодализма. Такое исследование имело бы огромный интерес также для выяснения развития экономической базы этого феодализма за тот же период. Необходимо обратить сейчас самое серьезное внимание собирателей из среды самих кабардинцев на необходимость собирания вышеуказанных кодексов, норм обычного права, то есть адатов, так как без этого исследователи кабардинской истории сейчас лишены одного из важнейших исторических документов.

Каково же должно было быть в эпоху после XV века то влияние, которое оказала международная торговля, вообще, и работорговля, в частности, на идеологию и организацию тогдашнего кабардинского общества? Это влияние должно было сказаться, прежде всего, в двух направлениях. Во-первых, наряду с прежней родовой хозяйственной организацией замкнутого натурального производственно-потребительского характера должна была возникнуть новая

---

* В тексте рукописи пробел.

междуродовая организация, целью которой являлось бы добывание товаров, имевших значение для тогдашнего международного рынка — организация, уже участвующая, таким образом, в товарообороте. Такая организация отнюдь не имела еще в те времена трудового производственного характера и своеобразной производственной деятельностью была организация постоянных набегов, нападений и захват силой необходимого для торговли товара, то есть пленников или имущества, скорейшая реализация этих товаров на близлежащем пункте товарообмена, до того как организованная за грабителями погоня могла вернуть награбленное обратно. Указанная здесь военная организация таких «добытчиков» вылилась в коллективы или отряды различной величины, которые должны были иметь все типичные черты постоянных военных организаций, мобилизуемых в любой подходящий для нападения момент, так как война за военную добычу и представляла собою их своеобразную производственную деятельность. С другой стороны, так как, в конечном счете, все жившее по территории северокавказской торговой дороги население вынуждено было рано или поздно перестроить свой социальный строй по вышеуказанному образцу, и все кабардинское и восточно-кяхское население оказалось поделенным на сферы влияния вышеуказанных военных, то есть феодальных коллективов (княжеские уделы), то, в конце концов, нападения в целях захвата военной добычи должны были превратиться во взаимные нападения одних таких коллективов феодалов на другие, то есть в так называемые княжеские усобицы, а это, в свою очередь, возложило на феодальные организации задачу не только захвата добычи, но и защиты самих себя и эксплуатируемого данной группой сельскохозяйственного населения от постороннего захвата. Таким образом, характерными чертами указанной военной феодальной организации являлись: ее раздробленность на целый ряд самостоятельных оперативных военных групп, ее способность к немедленной мобилизации, быстрота ее передвижений и необходимая во всяком воинском деле дисциплина — иерархическое подчинение начальникам разных рангов и степеней.

Вторым не менее крупным следственным влиянием международного торгового транзита, — следствием, имевшим крупнейшее социальное значение, было установление цены на живой товар-человека, — в особенности — на женщину, то есть цены рабов и рабынь, по которой они поставлялись на внешние рынки и которая регулировалась с ближайших Кавказу рынков Турции и Персии. Установление этой цены имело огромнейшее значение для изменения социального положения женщины на Кавказе. До тех пор многие племена, жившие родовым строем, в особенности в глухих местах кавказского нагорья, были построены по принципу полного равноправия полов, как это и до сих пор еще сохраняется в отголосках как в языке, так и в пережитках родового строя и связанных с ним обычаев кровной мести, экзогамии и других, например, у чеченцев и у ингушей (см. мои работы «Ингуши» Москва, Госиздат, 1925 год и «Вопросы изучения чеченцев и ингушей», Грозный, издание ЧечОНО, 1927 год). Это равноправие и было в эпоху античных писателей, когда Северо-Кавказский торговый путь не успел еще сложиться в мощную товаропроводящую артерию, и было принято некоторыми тогдашними писателями за отправной пункт создания легенды об амазонках и за доказательство правильности этой легенды. Следы того же равноправия полов в пределах одного рода мы можем, пожалуй, вскрыть и в черкесских языках, если проанализируем такие социальные термины как «шыпху» (šypx̌) — «сестра» и «куэш» (queš) — брат.

Дело в том, что кроме чисто семейного значения этих терминов, которое они имеют в теперешнем употреблении черкесов, сохранился еще пережиток того, что как «брат», так и «сестра» употреблялись также для обозначения всех сочленов данного рода друг по отношению к другу. Однако оба эти термина являются составными, производными основами, получившимися из слияния в каждой из них двух корней; во второй из них мы легко узнаем корень «куэ» («que»), что значит «сын» или «потомок мужского пола», а в первой корень «пху» (pxǔy), что значит «дочь», или «потомок женского пола»; если мы отбросим эти составные части, то увидим, что в обеих основах остается один и тот же корень «шы» в значении «брат» или «сородич», (очевидно, без различия пола). Следует заметить, что то же значение корня «шы» сохраняется в кабардинском до сих пор в выражениях «шынехыше» (šyneχyche) и «шынехыж» (šyneχyʒ), то есть «младший брат» и «старший брат»; кяхское (šy — «брат»), то есть мы имеем здесь тот же самый корень и с тем же самым значением, что и в вейнахских языках (см. «Вопросы», стр. <...>*). Однако, сейчас же вслед за установлением товарной ценности человека, положение женщины должно было резко измениться. Военная организация стала

* В тексте рукописи пробел.

специально мужской организацией, тогда как женщина превратилась в товарную ценность, которую необходимо охранять в своем коллективе и добывать с оружием в руках, как военную добычу и источник обогащения, — в коллективе чужом; отсюда и возникает целый ряд характеризующих положение женщины на Кавказе обычаев, часть из которых должна была появиться даже раньше установления на Северном Кавказе развитого феодализма, в переходную эпоху от родового строя к последнему. К этим обычаям отношу различные формы затворничества женщин, право хозяйственного руководителя рода или семьи распоряжаться брачными судьбами женщин, обычай экзогамии и формы брака посредством купли и похищения и т.д.

Как же отразилось создание феодальной военной организации и установление товарной ценности женщин на тех обычаях, которые в качестве правил вежливости, например, существовали у кабардинцев до самого последнего времени. Здесь следует отметить, что эти правила вежливости, безусловно, отражают в себе две эпохи — пережитки родового строя и пережитки периода развитого феодализма, — причем последние уже явно господствует над первыми, то есть при противоречии обоих норм оказываются единственно действующими. Так, военная и хозяйственная организация родового периода или первых стадий его разложения требует внешнего выражения подчинения младших старшим по возрасту. Сюда относятся такие обычаи, как правило: младшим стоять в присутствии старших по возрасту. Однако правило это не только не действительно, но и может принять даже обратный характер по отношению к военным руководителям феодального периода князьями. Князь, если даже он мальчик, приравнивается к самому старшему по летам, и в его присутствии все остальные должны стоять. Еще более выраженный военный характер имеют правила взаимного расположения по старшинству участников какого-либо передвижения вне дома, хотя бы простой прогулки, которая приравнивается в этих случаях, несомненно, к военному порядку по время походного движения. Так, при трех мужчинах, участниках прогулки, самый старший по летам находится в середине, следующий по старшинству слева, и третий, младший — справа; такой порядок вызывается, на мой взгляд, тем обстоятельством, что расположение членов военного похода друг по отношению к другу имело своей целью наилучшую защиту старшего с его наиболее уязвимой (с точки зрения тогдашней военной тактики рукопашного боя) стороны; наилучше защищен рукопашный боец, конечно, с правой стороны и меньше — с левой стороны, поэтому левая рука должна быть защищена более опытным и сильным бойцом, в то время как с правой руки старшего может стоять боец менее опытный. Согласно правилам военной дисциплины феодалов и вытекающим из них теперешним обычаям, в случае необходимости какого-либо поручения или отлучки из группы, первым выполняет данное поручение и может покинуть данную группу именно самый младший. В этих случаях остается открытой наиболее сильная правая рука старшего; при большем количестве участников расположение членов походного движения всегда таково, что левая рука старшего или предводителя всегда защищена наибольшим количеством бойцов или бойцами относительно более опытными (что определяется их старшинством).

Особо интересны для нас правила движения мужчин по отношению к женщинам; если мужчина встречает женщину внутри селения, то он должен обойти ее так, чтобы она осталась с его правой руки, если один мужчина сопровождает женщин, то женщины должны быть с его правой руки; если мужчина встречает или сопровождает женщину на околице селения, то он должен находиться со стороны поля, а женщины должны быть к стороне селения. Несомненно, что целью этих обычаев является необходимость возможно более надежной охраны женщин, как своих, так и отбитых во время феодальных нападений. По правилу Джабаги, женщины должны находиться всегда с правой стороны мужчины, то есть с сильнейшей стороны бойца, вне селения они должны находиться ближе к последнему, а мужчина — со стороны возможных на них нападений, то есть с внешней стороны со стороны поля; если несколько мужчин сопровождает женщину, то в этих случаях возможно расположение мужчин также по краям шеренги, а женщин в середине (доказаноковское правило). Таким образом, во всех случаях движения походным порядком одних мужчин, наиболее безопасное место в военном отношении занимает на основании старых еще родовых традиций старший по летам; однако в феодальный период это правило сохраняет свою силу только в отношении представителей одного и того же сословия и тем более князь, несмотря на его лета, всегда имеет за собой право старшинства, как это и полагается военному руководителю феодальной организации. В отношении женщин мы как будто имеем их формальное уравнение со старшими мужчинами, однако мотивы этого уравнения совсем другие — это есть мотивы оберегания женщин как наиболее ценного товара от похищения. На основании таких же соображений всякий первый встречный кабардинец обязан оберегать всякую женщину также от опасных работ, при которых, в случае несчастной

случайности, она может получить телесное повреждение и тем потерять часть своей товарной цены, как он обязан оберегать ее от нападений. Так, по адату, если кабардинец видит, что женщина колет дрова, то он обязан тотчас же взять у нее из рук топор и заменить ее в этом деле, безразлично является ли он при этом гостем или просто прохожим. Во всякой другой неопасной работе кабардинец обязан помочь женщине. Все перечисленные правила вежливости связанные с существованием военных феодальных организаций, отчасти же с признанием товарной ценности за женщиной, сохранялись до самого последнего времени (до периода, предшествовавшего революции) в Кабарде, а с немногими изменениями и у кяхов, несмотря на то, что при современном укладе жизни они давно уже сделались анахронизмом; на их анализе можно видеть, к каким ценным выводам может привести исследователя этот материал в том случае, если он будет правильно и достаточно полно собран.

К столь же ценным выводам приводит нас также материал народных преданий, рассказов о военных походах феодалов и относящихся к этим походам или к легендарному времени нартов эпических и лирических песен. Постараемся привести и из этой области также несколько характерных примеров. Дети феодалов отдавались сейчас же после рождения на воспитание в семьи других феодалов, обычно подчиненных отцу ребенка с тем, чтобы укрепить или завязать между этими семьями связи, считавшиеся наравне с родственными. Приемный отец вскармливал и воспитывал такого приемного сына (кабардинское «кан» (qan) от татарского «кровь» или кяхское «пур» собственно «воспитанник», кабард.: «пхыр» (phyr), татарское «аталык» (atalyqh) от корня «ата» — отец, кабардинское «бофхакуа» (См. Шора Ногмов, стр. <...>*) При возмужании воспитанного мальчика (14—15 лет) воспитатель дарил ему полное военное снаряжение (верхового коня со сбруей, одежду и богато отделанное вооружение), очевидно как «орудия производства», присущие сыну феодала. После этого воспитанник возвращался в семью своего отца, но навсегда сохранял самые тесные родственные отношения к своему воспитателю. За воспитание он должен был щедро наградить аталыка, причем часть награды состояла в известном числе рабов и холопок, кроме того, получив с последнего «средства производства», воспитанник должен был регулярно выделять в честь своего воспитателя известную часть отбиваемой им военной добычи.

В этом отношении весьма характерна та небольшая песенка, которую приводит Шора Ногмов и которую пели воспитатели своим малолетним воспитанникам вплоть до самого последнего времени существования этого обычая, как в Кабарде, так и у кяхов: «...вырастешь велик, будешь молодцом; отбивай коней и всякую добычу, да не забывай меня, старика». Естественно, что в связи с требованиями тогдашнего международного рынка, обслуживанием которого и жили черкесские феодалы, высшими деловыми достоинствами человека было уменье добывать награбленную добычу, искусно скрывать и сбывать ее. В этом и находят свое объяснение те положительные качества героев, которыми наделяют их предания и песни черкесов. Эти качества: сила, храбрость и предприимчивость. Жизнь героя протекает отнюдь не дома, но в постоянных походах за добыванием добычи. Герой возвращается домой, обычно гоня перед собой огромные табуны коней или ведя пленников-рабов. В этом отношении я приведу два небольших рассказа, которые характеризуют идеальный характер человека таким, каким он представляется в феодальном обществе. Оба эти рассказа передавались мне, как факты, действительно имевшие место в сравнительно недавнее время уже при власти русских.

Один дворянин, будучи еще воспитанником у своего аталыка, в возрасте 14 лет получил от него оружие и коня и сейчас же, чтобы доказать свою зрелость как бойца и мужчины, отправился воровать лошадей; где-то отбил от табуна пять или шесть коней и погнал их домой обратно. Однако если трудно было угнать коней из табуна, то столь же трудно было в те времена доставить украденное до дому, так как в дороге всякий, видя мальчика с такой добычей, мог, в свою очередь, воспользоваться случаем, чтобы ее отбить. И действительно в одном из аулов кабардинцы, его жители, видя, что мальчик гонит столько коней и подозревая здесь что-то неладное, преградили ему в количестве нескольких человек путь, чтобы отнять у него лошадей; однако мальчик с таким бесстрашием и стремительностью бросился на них, что они все отступили, и добыча была спокойно доставлена домой. В 1921 году этот случай рассказывали мне об одном из живых еще тогда кабардинских дворян, с которым я в то время познакомился. Рассказывали мне его, как самый характерный, по мнению рассказчиков, факт, который должен был охарактеризовать личные качества данного человека с самой лучшей стороны.

---

* В тексте рукописи пробел.

Другой факт был мне передан об одном из кабардинских князей, в качестве примера его высшей доблести и безупречного поведения этого кабардинского феодального джентльмена. Один князь находился в походе, а военным походом у феодалов считается всякая поездка с оружием в руках, как с определенной целью грабежа, так и без такой определенной цели, в расчете просто на случай, который может дать им возможность по дороге захватить то, что плохо лежит. Князь в сопровождении своей ближайшей свиты, то есть несколько подчиненных ему дворян, проезжая мимо одного двора, заметил, что двор совершенно пуст, никого из людей в нем не видно; князь, и его приближенные, заинтересовавшись этим, въехали во двор. Их никто не встретил. Двери в доме были отворены. Они зашли внутрь в «легуне» (leŋuyne), то есть женскую половину, и тогда увидели в комнате молодую женщину, которая сидела на стуле и молча пряла нитки. Не говоря ни слова, князь взялся за стул, поднял женщину вместе со стулом и с ее пряжей, принял к себе на коня и в таком виде как военную добычу, доставил ее домой. Что было потом с этой женщиной, рассказ умалчивает, но, несомненно, во времена существовавшего в Кабарде феодализма она должна была сделаться личной собственностью, то есть рабыней князя. Рассказ этот приводится для того, чтобы характеризовать доблесть этого князя с самой лучшей стороны. Во-первых, он не упустил случая въехать в интересовавший его двор (предприимчивость), во-вторых, он оказался настолько сильным человеком, что сам единолично, без помощи своих приближенных, поднял женщину со стулом и так доставил ее домой; в-третьих, самое важное, что он при этом соблюдал полностью все принятые в феодальном кабардинском обществе правила рыцарского обхождения с женщиной (которые, как мы видели, базировались на отношении к женщине как к одному из самых ценных товаров): он сумел похитить женщину без того, чтобы изменить ее положение на стуле или прервать ее работу. Кабардинцы называли это весьма характерным термином, князь при похищении «ничуть не обеспокоил женщину».

Эти три качества и вменяются князю в высшую феодальную услугу. Несомненно, что последнее из них, в сущности, представляет собой уменье достать и доставить в целости материальную ценность в полной неприкосновенности без всякого изъяна или ущерба для нее — качество, которое мы и в настоящее время ценим у антикваров или археологов, сумевших добыть в целости древние предметы уникального значения. Я думаю, что эти два рассказа достаточны для того, чтобы охарактеризовать кабардинский феодализм с его идеологической стороны. Подобно тому, как в буржуазном капиталистическом обществе выше всего ценится уменье «делать деньги» (ср., например, качества американского делового человека — бизнесмена), так в феодальном обществе, державшемся на международной торговле рабами, высшими качествами человека-феодала также считалось его уменье «делать тогдашние деньги» то есть при отсутствии еще спроса на сельскохозяйственную продукцию добывать единственный ходкий тогдашний товар — пленников и, в особенности, пленниц, а также и коней, как самое ценное орудие вышеуказанного своеобразного феодально-грабительского «производства». Не следует забывать, что спрос на последних со стороны Турции особенно возрос ко времени завоевания Кавказа, когда каждый паша считал своим долгом иметь в своем гареме несколько черкешенок.

Если международный товарообмен и его требования стимулировали на Северном Кавказе развитие феодализма определенного типа, то все существеннейшие черты создавшегося в тогдашнее время феодального общества должны были так или иначе отразить эту основную его хозяйственную базу, должны объясняться потребностью этой торговли. Мы можем проследить это в отношении фактов как духовной, так и материальной культуры той эпохи. В области материальной культуры сюда относятся необходимость иметь для феодала-добытчика «орудие производства», то есть оружие и походное снаряжение, с одной стороны, и хорошего коня, как средство быстрого передвижения, — с другой. И действительно, как всякая постоянная военная организация, и организация феодалов на Кавказе сумела выработать унитарное и распространенное по всему Кавказу военное походное снаряжение, хорошо приспособленные к потребностям конного воина (сюда относятся, между прочим, и знаменитая бурка, и черкеска, и башлык), выработала также идеальный комплект верховой конской сбруи и тип походного седла, наконец, в древнейшие эпохи своего существования — также целый ассортимент холодного оружия, так как добытчики рабов должны были уже по характеру своей добычи действовать, главным образом, в рукопашном бою. Огнестрельное оружие и его распространение на Кавказе было вызвано, главным образом, теми военными отношениями, которые устанавливались здесь с появлением русских и турок и сложились окончательно, по-видимому, лишь в XVII—XIX веке. Те же военно-хозяйственные потребности принудили кабардинских феодалов начать культивировать особую породу кровных лошадей, приспособленную для нужд

военного передвижения — так называемую «кабардинскую лошадь». Искусство выведения и тренировки этих лошадей представляет собою также целый свод неписаных правил, а знаки собственности — тамги — становятся, в конце концов, чем-то аналогичным родовым гербам феодальных фамилий на Западе. Так как оружие и лошадь представляют собой основные орудия производства феодалов этой эпохи, его основной капитал, то, естественно, что феодал стремился вложить в них возможно больше ценности, чтобы этим внешне выразить с возможно лучшей стороны свои качества удачливого «добытчика». Отсюда обычай богато украшать верховую сбрую и оружие. Холодное рукопашное оружие феодала уже с древнейших времен должно было сделаться металлическим, а это в свою очередь вызывало к жизни на Кавказе целую свою местную индустрию кустарного характера, которая до сих пор еще сохраняется в виде пережитка в форме кустарной оружейной промышленности в некоторых областях нагорного Дагестана, как-то: в Кубачах и окрестных селениях Даргинского округа, в Лакском округе и т.д. (см. мою статью «Ювелирно-художественное производство аула Кубачи». Дагестанский сборник. Вып. III. Махачкала, 1927 год).

Сколько же велико влияние феодального строя кабардинского общества и его экономической базы на сторону духовной культуры этого общества? Как мы уже видели выше, правила поведения феодалов, судебные адаты, самый образ жизни феодала, а также обслуживающие его художественные вкусы народной поэзии — все это носит на себе яркие следы воздействия феодальной экономики. До самого последнего времени лучшим времяпрепровождением для мужчин считалось отнюдь не сидение дома, но постоянные поездки «по свету» и по гостям, дома же мужчина-феодал не занимается, конечно, никакой непосредственной производительной работой. Эти воззрения на место и роль мужчины в домашнем хозяйстве, — воззрения которые распространялись опять-таки далеко за пределы только тогдашнего кабардинского общества и сделались типичными, пожалуй, для всего Северного Кавказа и Дагестана, являются также прямым следствием той производственной роли, которая была отведена мужчине феодалу в феодальном обществе.

Единственной признанной производительной деятельностью мужчины здесь считалось вооруженное добывание добычи. Внешне эта деятельность должна была выражаться в постоянных походах за добычей, то есть мужчина феодал большую часть своего времени проводил вне дома. Он рыскал по тогдашнему кавказскому «свету», изучал пути, высматривал, где что плохо лежит, нападал, грабил и доставлял похищенное домой. С другой стороны, он должен был иметь для сбыта и для укрытия похищенного целую сеть связанных с ним преданных и верных агентов. Этой цели мужчина-феодал достигал, завязывая постоянные знакомства, приобретая себе так называемых «кунаков» во всех важных для него пунктах Северного Кавказа. Для того чтобы закрепить дружественные связи с этими последними он, в свою очередь, должен был оказывать им такую же помощь на началах взаимности и в своем собственном доме, он должен был прибегать также к экономическому поощрению своих друзей, отсюда — обычай обмена подарками; наконец для завязывания новых особо прочных связей были выработаны обычаи аталычества (см. выше) и побратимства (см. «Ингуши» стр. <...>*). Таким образом, производственная деятельность мужчины-феодала должна была протекать, главным образом, вне дома; в домашнем трудовом производительном хозяйстве мужчина-феодал не принимал почти никакого участия. Дома он лишь отдыхал в промежутке между двумя «походами».

Совершенно иным было положение женщин. Женщина оказывалась в положении особенно оберегаемой материальной ценности. Поэтому, естественно, женщина была домоседкой, на нее ложились все заботы о домашнем хозяйстве. Если она занимала высокое положение, то слуги и оставшиеся дома для ее охраны феодалы старались устранить ее от непосредственного участия в труде, чтобы тем не испортить ее достоинств, как первосортного товара. Отсюда так называемое рыцарское отношение к женщине, обязанность мужчины помогать женщине в работе и т.д. С другой стороны, если женщина сделалась товаром, цена на который определялась тогдашним международным рынком, то тем самым ее начинали расценивать как товар с определенной установленной на него ценой даже и в тех случаях, когда сама она собственно не предназначалась для экспортной торговли, то есть когда речь шла о выдаче ее замуж, то есть о передаче женщины из одной экономической единицы — феодальной семьи — в другую. Подобно тому, как сейчас цена на молоко и яйца, установленная раз в неделю на базаре, принимается как постоянная цена на те же продукты, даже не вывозимые на базар, но являющиеся

---

* В тексте рукописи пробел.

предметами внутреннего товарообмена в самом ауле между отдельными хозяйствами, точно так же в рассматриваемый период цены международных рынков Турции и Персии, продиктованные международному торговому пути на Северном Кавказе, влияли на цены женщин, которые вовсе не предназначались для экспортной торговли, то есть прежде всего на цены невест и, в известных случаях, жен (ср. калым у вейнахов, которые никогда не продавали своих женщин на сторону). При выдаче девушки из одной семьи в другую те, кто брал ее в новую семью, должны были оплатить семье, выдающей стоимость девушки, ее товарный эквивалент, приблизительно равный тому, который был установлен на местном рынке продажи рабов. Так как цены на местных рынках в зависимости от качеств товара (его сословного происхождения и т.п.) и от близости рынка к пунктам экспортной торговли колебались, то и цены на невест, так называемый «калым», черкесское «nase», то есть «калым» — цена вообще, был различной величины в различных местностях Кавказа, но наиболее высокие калымы осуществляли для кяхских и кабардинских невест из княжеских фамилий: 500 и более рублей, — так как это был товар определенной марки, очень ценимый на рынках востока, в особенности в Турции. Обычай торговли женщинами в среде самих черкесов, живших непосредственно на самом торговом пути, настолько вкоренился в их быт, что были нередки случаи в период расцвета черкесского феодализма, когда феодалы нисколько не стеснялись продавать своих собственных дочерей в гаремы Турции, причем акт такой продажи приравнивался ими к выдаче дочери замуж, к устройству ей наилучшей супружеской партии. Так смотрели на сей предмет и сами жертвы этой торговли.

Несомненно, что указанные здесь нами отношения, развивавшиеся с особой яркостью в среде класса эксплуататоров феодалов, воспринимавшего, в первую очередь, то разлагающее экономическое воздействие заморской работорговли, которое оказывали на него рынки Персии и Турции, клало на этот класс столь значительный социальный отпечаток, который делал быт феодала совершенно отличным от быта эксплуатируемых ими сословий, занимавшихся трудовой производственной, сельскохозяйственной деятельностью (пшитли и другие). Здесь в этом последнем женщина, как и мужчина, была, прежде всего, приблизительно равной ему трудовой силой. Сфера приложения труда обоих, однако, была строго поделена. Женщина в трудовых сословиях вообще была гораздо свободнее, была равноправной участницей труда, да иначе и не могло быть при отсутствии в этом хозяйстве рабов и других форм подневольного труда. В связи с этим, как мы увидим дальше, вся культура кабардинцев и черкесов в период развития феодализма должна, собственно, рассматриваться в двух разных плоскостях. Культура эксплуатирующего класса феодалов ни в области материальной, ни в области духовной не совпадала с культурой класса зависимого, эксплуатируемого, занимавшегося непосредственно сельским хозяйством. В особенности мы постараемся проследить эту разницу в главе о материальной культуре черкесов.

Экономическая необходимость добывания рабов должна была наложить свой решающий отпечаток и на политическую структуру черкесского феодализма. Эта политическая структура выражалась в том, что в то время, как весь кабардинский народ был подчинен немногим (четырем) княжеским фамилиям, причем все князья, как кабардинские, так и бесленеевские и темиргоевские, считались потомками одного общего предка, происхождение которого легендарно выводилось из Египта, их вассалы, дворяне разных степеней, а также крепостное население и холопы делятся на целый ряд мелких княжеских уделов (не по принципу территории, а по признаку количества зависимого населения), представлявших собственность отдельных княжеских семейств. По-видимому, в это время закрепления отдельных земельных территорий за князьями не было, за ними закреплялось лишь право получать доходы и пользоваться определенным количеством вассалов и обслуживавшего их сельскохозяйственного населения. Последнее же при основном своем занятии — скотоводстве — пользовалось определенными пастбищами, территориями; что касается индивидуальных покосов, усадебных земель и земледельческих полей, то последние в пределах этой скотоводческой территории выделялись в частное пользование просто по праву свободной трудовой заимки, что при сравнительной немногочисленности таких земель и обширности пастбищ еще не вызвало необходимости какого-либо общественного регулирования.

Так как основным доходом феодального класса было не столько скотоводство, сколько доход от продажи рабов-пленников, то для добывания этого товара князья независимо от их родственных связей находились в состоянии постоянных вооруженных столкновений друг с другом, наиболее частным предлогом для чего служили споры о разделе наследства. Это состояние постоянных княжеских междоусобных войн чрезвычайно напоминает другое историческое явление — княжеские усобицы Киевской Руси, которые вызывались аналогичными

же экономическими причинами. Тип феодализма, известный под именем «удельного строя», развился и получил свои окончательные формы на Руси именно на экономической основе обслуживания потребностей той транзитной международной торговли, которая в виде пути «из варяг в греки» проходила через южно-русскую территорию. Если мы будем сравнивать удельный строй со строем кабардинского феодализма, то мы найдем чрезвычайно много однотипных черт в характеристике одного и другого при одном существенном отличии. Кабардинский феодализм, правда, имел среди князей одного наследственного главного, так сказать, великого князя, влияние которого и власть были, однако, так же, как и на Руси, в большинстве случаев чисто номинальными, однако кабардинский феодализм не знает того сложного и запутанного правила наследования великокняжеского стола, который утвердился в Киевской Руси.

Звание главного князя в Кабарде сохранялось за одной определенной фамилией и передавалось по наследству, по старшинству. Результаты сравнительного изучения кабардинского и нижнечеркесского феодализмов — с одной стороны, и удельного феодализма на Руси — с другой, должны дать нам чрезвычайно важный и ценный материал для решения общетеоретического вопроса о сущности феодализма вообще и в частности, подтверждать на конкретном материале то положение, что приблизительно аналогичные экономические причины порождают аналогичные же типы общественного развития. Правда, по сравнению с экономической базой пути «из варяг в греки», экономическая база черкесского феодализма на Кавказе была, очевидно, гораздо беднее. На этой базе мы не видим собственно развития настоящих черкесских городов, за исключением, пожалуй, таких чисто торговых поселений, как Терки и другие кабардинские торговые фактории, возникавшие уже в самый последний период существования кабардинской феодальной организации под непосредственным покровительством русских вдоль нижнего течения Терека. Однако в своих существенных экономических, социальных, отчасти также культурных и народно-поэтических чертах кабардинский феодализм по своему типу, на мой взгляд, ближе всего подходит именно к феодализму так называемого удельного периода русской истории.

Выше мы уже говорили о том, что с конца XIV по конец XV века существовала особая черкесская династия султанов Египта, мне представляется весьма вероятным, что этот факт не мог в качестве важного международного политического фактора не оказать своего влияния на то, чтобы на Кавказе именно черкесы были использованы в качестве первых агентов международной торговли и затем политической поддержкой извне ускорить среди них развитие настоящего феодализма. После того, как эта египетская династия была ликвидирована в войнах с Турцией, несомненно, что часть самих черкесов из правящих кругов Египта могла спастись обратно бегством на Кавказ к своим единоплеменникам, и эти вновь прибывшие элементы, воспитанные в обстановке развитого торгового капитала тогдашних стран Востока, должны были также явиться теми организаторами, которые на своей родине усилили темп развития местной торговли и перехода черкесского общества к развитому феодализму.[31] Именно в этих исторических фактах и следует искать реальную основу тех преданий о происхождении рода черкесских князей из Египта, которые известны нам уже, по крайней мере, в двух редакциях, опубликованными разными авторами. Одна редакция, народная, возводит княжеские роды к некоему Иналу, выходцу из Египта, другая, более документально обоснованная, довольно ясно связывает происхождение кабардинских князей с теми беглецами, которые прибыли на родину после падения черкесской династии в Египте, в результате неудачной войны их с турками (см. Шора Ногмов, стр. <...>*). Правда, эта легенда также страдает многими неясностями и анахронизмами, которые необходимо проверить при помощи специального исследования, посвященного этому вопросу; между прочим есть сведения, что в Египте до сих пор существует восходящая ко временам черкесской династии — черкесская колония, сохраняющая и свой родной язык. Чрезвычайно важно было бы установить, откуда именно родом было большинство черкесов, стоявших тогда в Египте во главе управления, и не принадлежали ли они как раз в своем большинстве к кабардинскому племени.

Таким образом, международные политические явления, шедшие из Египта и, возможно, способствовавшие развитию феодализма у черкесов, могут быть датированы довольно точно: периодом не ранее конца XIV века и не позднее границы между XV и XVI веками. Последняя дата представляется нам наиболее вероятной. Она как раз и совпадает с теми датами, которые мы уже приводили из документальных источников. В конце XV, в начале XVI века кабардин-

---

* В тексте рукописи пробел.

цы еще живут на Западе по побережью Азовского моря, а в половине XVI века они уже находятся в Пятигории и посылают оттуда первую делегацию к Московскому царю, как вполне уже оформившаяся феодальная организация. Ясно, что в промежуток времени в полстолетие и произошел тот толчок, который, во-первых, переселил кабардинцев на новое место жительства и, во-вторых, позволил окрепнуть феодальной организации. Вернее, одно происходило в связи с другим, так как переселение, очевидно, обусловливалось интересами захвата в свои руки важнейшей и наиболее уязвимой части Северо-Кавказского торгового транзита между реками Тереком и Кубанью. В руководстве этим переселением, захватом торгового пути и сплочением феодальной организации и могли принять непосредственное участие те реэмигрантские элементы, которых предание называет выходцами из Египта и родоначальниками кабардинских и восточнокяхских князей. По-видимому, в основе предания здесь лежит такой же исторический факт, как и в основе предания о происхождении карачаевцев из Крыма (см. выше стр. <...>*). Соплеменные, воспитанные в условиях более развитой экономики и общественного строя и затем эмигрировавшие или реэмигрировавшие в обстановку близкого им по языку, но более отсталого племени элементы могли очень часто играть роль первых организаторов феодализма там, где тенденции исторического развития в эту сторону уже намечались самой социально-экономической обстановкой. Вышеуказанные соображения дают нам, по-видимому, довольно точную дату появления кабардинцев на их теперешнем местожительстве и развития среди них настоящего развитого феодализма — первая половина XVI века.

Каково же было влияние захвата Северного торгового пути и развитие феодальной системы на черкесов вообще и на кабардинцев, в частности? На востоке в отношении кабардинцев мы можем с несомненностью установить, что именно этот период и явился поворотным пунктом в процессе выделения кабардинцев из среды всех адыге как особой, сознающей свое единство национальности со своим особым языком и особенностями культуры. До этой эпохи кабардинцы, по-видимому, были одним из средних по величине черкесских племен, отличавшихся ко времени конца XV века, по-видимому, своим особым наречием, сознававшим свою принадлежность к одному общему этническому конгломерату языков и наречий, известному под именем «адыге». Племя это было, по-видимому, совершенно аналогично тому племенному подобразованию, которое известно нам под именем бесленеевцев и которое создалось, по нашим предположениям, в более ранний период в XI—XIII веках. Племенные названия кабардинцев и бесленеевцев совершенно аналогичны по своему образованию. Оба эти племенные названия происходят от собственных имен тех предков родоначальников, которым народная генеалогия, очевидно, приписывала происхождение каждого племени (от имен «Кабарда» или «Беслен» (Qabarde, Bejsļen)). Однако в то время как бесленеевцы и в настоящее время продолжают оставаться маленьким племенным подразделением, вполне аналогичным тем, которые различаются в пределах смежного с ним кяхского народа, современные кабардинцы представляют собой в настоящий момент, безусловно, особую национальность, такую же, как национальность кяхская или нижнечеркесская. Даже больше того, кабардинцы в смысле сплочения своего национального единства и роста своего национального самосознания пошли дальше нижних черкесов. Если спросить нижнего черкеса, к какой национальности он себя относит, то он скажет или «адыге» (название всех черкесов вообще) или назовет то отдельное племя, к которому он принадлежит (бжедух, шапсуг, абадзех и т.д.[32]); оба эти термина не соответствуют собственно точному определению нижнечеркесской национальности, термин «кях», «кяхский» народ, «кяхский» язык, которым мы здесь пользуемся, у нижних черкесов не употребляется. Таким образом, сейчас нет в сущности национального названия, которое бы точно определяло их как особую национальность.

Совсем другое положение у кабардинцев. Они не только имеют, кроме общечеркесского термина «адыге», еще особый термин, обозначающий специально кабардинскую национальность, выделяемую из общего числа всех черкесов, — «кабардей», но они выработали также и особый термин для нижних черкесов в отличие от самих себя, они их называют кяхами. Мы имеем здесь интересный пример, что народ, дошедший уже до национального самосознания и консолидировавший свою национальную культуру, такой народ и соседние народы воспринимает уже только как консолидировавшиеся национальности, хотя бы процесс этот у последних не вполне еще завершился; в этом случае национальное название не столько характеризует стадию общественного развития того народа, который им назван, сколько отражает в себе

---

* В тексте рукописи пробел.

стадию общественного развития народа, дающего им название. Как мы увидим ниже, факты выработки единого языка и преодоления дробности и значительного расхождения более ранних племенных наречий также вполне подтверждают вышеуказанные сделанные нами выводы. В то время как кабардинский язык у огромного большинства своих носителей кабардинцев является в то же время и единым наречием, выделяющим лишь некоторое количество говоров (особое, но весьма близкое первому наречие представляет собою лишь речь небольшой части прикубанских кабардинцев, составляющей в настоящее время незначительный процент общего населения Кабарды), нижнечеркесский язык и сейчас еще распадается на пять сильно различающихся наречий, не считая существующих внутри каждого наречия говоров. Несомненно, что в эпоху непосредственно перед завоеванием Западного Кавказа и эмиграции большинства кяхских племен в Турцию эта разница в степени языковой консолидарности между кабардинцами и кяхами была еще более значительной, так как количество кяхских наречий, даже может быть отдельных языков, тогда было более значительно. Итак, мы можем прийти к выводу, что в период, непосредственно предшествовавший советскому национальному строительству, кабардинцы являлись уже вполне сформировавшейся национальностью с своязычным национальным названием, вполне оформленным национальным самосознанием и консолидировавшимся национальным языком, в то время как нижние черкесы или кяхи находились еще на некоторой переходной от племенного строя стадии развития к вполне развитой форме национальной жизни, при котором единого национального самосознания, названия и унифицированного междудиалектического языка еще не существовало.

Мы не можем не сопоставить этот весьма интересный факт с теми данными, которые дает нам сравнение стадий общественного развития, наблюдаемых у кабардинцев и нижних черкесов. В то время как кабардинцы находятся целиком уже в стадии развитого феодализма, при котором отдельные пережитки родового строя, хотя и существуют еще в толще сельскохозяйственного трудового населения, но уже всецело подчинены нормам феодального общества и при всяком противоречии между первым и вторым (ср. например, кровная месть по отношению к князю и прочее) отдаленные нормы всегда перекрывают, побеждают нормы родовые. Совершенно иную картину мы видим на западе среди нижнечеркесских племен. Здесь до периода непосредственно перед завоеванием Кавказа мы имели столь же пеструю, неоднородную картину общественного строя различных нижнечеркесских племен, сколь разнородна была их картина языкового дробления. Наряду с племенами с развитым (темиргоевцев) и относительно развитым (бжедухи) феодализмом мы имеем здесь целые племена, находившиеся на переходной от родового строя к феодализму (шапсуги с их дворянством) и наконец, племена, целиком еще пребывающие в досословном родовом строе, хотя, несомненно, уже в начальной стадии его разложения (может быть, приблизительно в такой же, в какой находились ингуши до их объединения под одним национальным названием «галгай»). Этот пестрый по уровню исторического развития состав нижних черкесов не представлял и не мог представлять картины сколько-нибудь устойчивого социального и политического равновесия; между племенами разного общественного строя шла непрерывная как экономическая, так и политическая борьба, выливавшаяся в формы войн, отдельных вооруженных столкновений, внутренних восстаний и революций и т.д.

Феодально организованные племена, имея постоянную военную организацию, всегда стремились использовать своих живущих родовым строем соседей в качестве наиболее удобного и легкого источника добывания рабов. В самом деле, родовая военная организация гораздо более неуклюжа, неповоротлива, чем военная организация феодалов; к тому же, она не имеет постоянного характера. Феодалы как профессионалы всегда будут иметь большой перевес в военном отношении над представителями родового строя, если только дело не дойдет до всеобщего возмущения и всенародной войны последних против первых. Несомненно, нижнечеркесские феодальные организации беспокоили своими постоянными набегами и захватами пленников своих, так называемых «демократических» (то есть живших родовым строем) соседей. С другой стороны, племена, не дошедшие еще до полного развития феодализма, переживали период постоянной внутренней борьбы между нарождавшимися эксплуататорами и еще не вполне экономически и политически подчинившимися им эксплуатируемыми. Одним из эпизодов этой войны и была знаменитая шапсугская революция (вторая половина XVIII века), закончившаяся сначала изгнанием дворян. Затем изгнанные дворяне нашли поддержку у нижнечеркесских феодалов, а так же не постеснялись получить ее и у войск Екатерины II, снабдивших их артиллерией, результатом чего явилась известная черкесской истории междоусобная Бзиюкская битва (Bzyuquezau), где, с одной стороны, выступали феодально-органи-

зованные бжедухи, а с другой — изгнавшие своих дворян шапсуги и помогавшие им другие «демократические» племена. Эта битва закончилась победой феодалов, в честь чего певцам последних и была сложена нижеприведенная хвалебная песня (см. ниже в главе IV). И после поражения шапсуги не согласились принять обратно своих дворян. Борьба на этом не закончилась, она продолжалась и дальше. Эти внутренние противоречия и борьба между нижнечеркесскими племенами не прекратились даже в период последней и самой напряженной борьбы с русскими завоевателями. Племена родового строя — абадзехи — так же, как в IX веке русские словене в Новгороде и чеченцы в XVII веке, с тем большей охотой приняли к себе присланного Шамилем наиба Мегмет Амина (в <...> году*), что надеялись с его помощью не только организовать борьбу с русскими, но и создать у себя постоянную военную организацию, которая могла бы обезопасить их от нападения феодально организованных соседей. К этому времени относится и этим отчасти объясняется соперничество между абадзехами с Мегмет Амином во главе, с одной стороны, феодализованными шапсугами во главе с руководителем шапсугского дворянства Сефербей-Зваком, но с другой стороны, ясно, что при таком политическом положении нижнечеркесских племен, обусловленным отсутствием централизующего их общественную и политическую жизнь единого экономического фактора, не могло быть и речи о том, чтобы в этот период могло консолидироваться у них национальное чувство и язык, и появиться единое национальное название, как идеологическое выражение отсутствовавшего социально-экономического единства.

Мне кажется, что эта особенность общественного развития нижних черкесов объясняется, прежде всего, тем обстоятельством, что хотя фактор международной торговли и влиял на Западном Кавказе, но влияние его было раздроблено, разветвлено по многим мелким торговым путям местного значения, перерезывавшим в разных направлениях территорию черкесов, а на черноморском побережье это воздействие было столь же раздроблено на всем его протяжении между многочисленными пунктами кабардинской торговли и Турцией. С этой точки зрения, консолидация кабардинской национальности и единой кабардинской феодальной системы представляет собой прямое отражение того централизованного, концентрированного по одному торговому тракту международного товарообмена, на экономической базе которого и развивался кабардинский феодализм.

Будучи сам создан как местными, так и международными экономическими факторами кабардинский и нижнечеркесский феодализм явился, в свою очередь, фактором международного значения. На Северном Кавказе он служил посредником, проводником экономических и социальных влияний, которые развивались в русле Северо-Кавказского торгового пути к тем народам и родовым общинам, которые обитали в смежном нагорье. Мы уже указывали выше, что население нагорья всегда находится в регулярном товарообмене с населением прилегающей плоскости и чисто это нагорное население всегда поставлено в экономическую и политическую зависимость от соответственных явлений на соседней плоскости. Поэтому если на плоскости развивается феодальная организация, которая в любой момент может запереть горцам выход их стад на летние равнинные пастбища, а также поставить их в невозможность обменивать на плоскости необходимый для них хлеб, то такая феодальная организация становится по отношению к нагорью, в конце концов, господствующим, диктующим свои условия как экономическим и социальным, так и политическим фактором. К тому моменту, когда складывался на Прикубанской и Притерской равнинах феодализм, в среде обитавших там черкесских племен в прилегающих горах по северному склону хребта мы имели еще, несомненно, лишь самые начальные стадии распадения родового быта.

По северному и южному торговым путям экономические международные отношения, а вместе с ними и отношения политические, складывались на протяжении всей истории Кавказа в широтном продольном направлении; примерами последних можно считать, например, Хазарское царство, Ногайскую орду и систему кабардино-кяхских феодальных образований (союз феодальных обществ), на юге Абхазо-Грузинское и Албанское царство. На разделявшем оба торговых пути Кавказском нагорье экономическое влияние их обоих заключалось в том, что здесь возникал в ходе регулярных сношений с соответствующими плоскостями целый ряд второстепенных перевальных путей местного значения, шедших в меридиальном направлении с юга на север и обратно. Влияние этих частных торговых путей, ролью которых было постепенное вовлечение нагорья в товарообмен, совершавшийся по главным плоскостным путям,

---

* В тексте рукописи пробел.

постепенное установление и развитие здесь тех же форм социально-экономической жизни, которые уже значительно ранее устанавливались на плоскости и, наконец, политическое подчинение нагорья тем государственным образованиям, которые мы видим на плоскости. Таких местных путей частного товарообмена проходило через перевалы Кавказского хребта великое множество, но некоторые из них, благодаря благоприятным историческим и топографическим условиям, приобретали особо важное значение и становились известными уже с древнейших времен. Таковы так называемые Каспийские или Кавказские ворота античных писателей. Этих ворот было, по крайней мере, двое: во-первых, перевальный путь, шедший через Дарьяльское ущелье и ущелья Белой Арагвы в Грузию и, во-вторых, путь вдоль Каспийского побережья — довольно важная дорога международного значения, издавна связывавшая Персидское государство с Предкавказьем и в то же время являвшаяся путем местного товарообмена для всех дагестанских горцев. Оба эти пути как это, впрочем, всегда бывает, служили не только для торговых, но и для военных отношений связанных ими народов.

Вслед и рядом с торговыми сношениями шли и военные набеги, вернее, и то и другое являлось лишь двумя различными формами тогдашних экономических отношений. Караваны тогдашних купцов частью были в то же время вооруженными отрядами для добывания самих товаров. Поэтому уже с древнейших времен государства, накапливавшие значительное количество товарных ценностей, должны были заботиться и о защите своего накопления от менее богатых, а следовательно, и менее культурных соседей. Такими, как их тогда называли, «варварами» являлось на первых порах население северного Предкавказья по отношению к Закавказью. Поэтому вышеуказанные ворота запирались с юга целым рядом крепостей, имевших сначала римские, арабские, местные кавказские и, наконец, турецкие и персидские гарнизоны. Такими крепостями являлись Дербент в Восточно-Кавказских воротах и менее известные нам по названиям крепости в воротах среднекавказских (Дарьял). Кроме этих двух главных меридиональных путей, мы можем назвать еще следующие: путь, соединявший восточное нагорье Чечни, Чеберлой, с западным нагорьем Дагестана; этот путь функционирует и в настоящее время, как путь местного товарообмена, с помощью которого горцы западного Дагестана выменивают добываемую у них соль на кукурузу; путь, соединявший верховья Чанты-Аргуна с верховьями Перекительской Алазани, этот путь и в настоящее время содействует тому, что нагорные, крайние к югу общества Чечни, как, например, Майстинское, и в настоящее время экономически еще в значительной степени связаны с Грузией (здесь не редкость встретить человека грамотного по-грузински); путь, шедший через современную нагорную Ингушию параллельно Дарьяльскому пути по долине реки Ассы; наконец, в западной части хребта путь по верховьям Кубани и левых притоков в Абхазию. Влияние торговых сношений вдоль указанных путей отразилось, между прочим, на двух явлениях, следы которых мы можем наблюдать и в настоящее время, во-первых, вдоль этих путей местного значения также складывались те социальные и культурные отношения, которые, в конце концов, вели или к образованию на всем их протяжении по культуре и языку национальностей или, по крайней мере, так называемых, близкородственных в культурном отношении народов.

По этим же путям происходила миграция родовых и племенных групп с севера на юг и обратно. В качестве примеров мы можем указать целый ряд народов, которые населяют Кавказское нагорье, вытянувшись в меридиальном направлении через главный хребет. Таковы, в первую очередь, осетины. Осетины как национальность в том виде, в каком мы ее знаем теперь, безусловно, сложились из разнообразных и многоязычных родовых и племенных групп вдоль главного среднекавказского перевального пути и на основе его экономического влияния. Поэтому-то осетинами и заняты оба выхода вышеуказанного пути на смежные равнины. Экономические отношения, складывавшиеся вдоль верхнекубанских перевалов, были одним из факторов, создавших так называемое родство черкесских и абхазского языков и культур. Они же в известную более позднюю историческую эпоху послужили путем миграции абхазского населения на север (абазинцы). Такой же путь мы находим в Дагестане, связывавший верховья аварского Койсу с Закаталами, по которому происходила миграция аварских племен с севера на юг. Наконец, по пути с Аргуна на Алазань произошла миграция части вейнахских племен на юг в Грузию (ср. цова-тушины или бойцы, панкистойцы). Другим интересным отголоском древних торговых сношений по меридиональным путям являются одинаковое название верховьев рек, текущих на юг и на север вдоль вышеуказанных перевальных дорог, так, в своих верховьях Терек называется до сих пор Арагвой так же, как и река — приток Куры, к которой спускается перевальная дорога после подъема на перевал. Нечто подобное существовало в известную эпоху, очевидно, в нагорной Чечне, так как главная река ее северного склона Аргун,

несомненно, восходит к тому же названию Арагва (см. выше стр. 116), в особенности близко подходя к сохраненному нам у античных авторов названию этой реки «Арагон». С другой стороны на Западном Кавказе подобное же отношение сохранилось в местах названных Теберда и Цебельда — рек, текущих приблизительно вдоль одной и той же перевальной дороги с юга на север в теперешней Карачаевской области и с севера на юг в Абхазии. Культурные отношения, складывавшиеся вдоль тех же торговых путей и на их экономической основе, и сейчас еще можно проследить по остаткам иногда значительных по своим размерам и своей отделке храмов, развалины которых до сих пор сохраняются на важнейших узловых пунктах вышеуказанных путей, где, по-видимому, происходил также военный их контроль и оживленный товарообмен. Товары, по-видимому, привозили в ряд грузинских монастырей в Дарьяльском и Арагвинском ущельях, так, например, монастырь Сион, крепость Онакур и другие, таков же храм, основанный еще в начале IX века грузинами в Ассинском ущелье (Гкобга-ерды), другой обследованный нами храм с неизвестным названием в Мейстинском ущелье (в нагорной Чечне), стоящий в центре средневекового разрушенного укрепления и некрополя Фарендзкел, наконец, относимые к X веку и ранее развалины нескольких храмов и городов в верховьях Кубани, построенных, несомненно, абхазцами. Вместе с храмами и религией, которые являлись выражением экономической и политической экспансией Абхазо-Грузинского царства, на север через перевалы распространялось и влияние южнокавказской культуры, в частности, письменности. На западе, как это можно считать наиболее вероятным, письменным языком абхазцев, судя по надписям, дошедшим до нас на надгробных плитах, крестах, храмах и прочих вышеуказанных верхнекубанских колоний в X—XI веках, был греческий. В связи с этим, очевидно, и стоит тот факт, что абхазы распространяли и на Северном Кавказе христианское богослужение именно на греческом языке, как это доказывается найденной в кабардинском роду Шовгеновых греческой богослужебной книгой, по-видимому, Евангелием, которое было отослано Шора Ногмовым академику Шегрену (см. Ногмов, стр. <...>*), а также теми каменными крестами с греческими надписями, которые были найдены в Кабарде и в восьмидесятых годах отправлены в Москву в Румянцевский музей (см. Ногмов, стр. 45).

Та же роль, которую играли на западе абхазы, на востоке проводилась грузинами, грузинской церковью и грузинской письменностью; на востоке экономическая и культурная экспансия грузинского царства началась также несколько ранее, она документально может быть отнесена уже к началу IX века (830 год основание наиболее значительного храма Ткабсаш-ерды в нагорной Ингушии с датирующими его грузинскими надписями). Письменность грузинскими буквами, несомненно, распространилась здесь в народных массах, являвшихся, по-видимому, различными по языку родовыми и племенными группами. Это с полной несомненностью доказывается теми написанными грузинскими буквами (но передающими, безусловно, не грузинские, а местные именами), надписями, которые были найдены на глиняных горшочках, извлеченных из могильных погребений нагорной Ингушии (ныне хранятся во Владикавказском музее) и на одной надписи, обнаруженной мною на обмазке арки рядом с отпечатками широколопастных крестов в полуподземном могильном склоне Некрополя Кедий-эмериж, в ущельях Галгачие, в нагорной Ингушии. Там же в недавнее время была обнаружена и часть богослужебной книги, написанной грузинскими буквами на грузинском языке. Книга хранилась у одного из потомков жрецов, состоявших при храме Ткобай-ерды, и была отправлена одним из местных работников для определения в Академию наук (следует пожелать, чтобы в отношении как этой, так и рукописи, отправленной Шегрену, Академия наук проявила, наконец, достаточную внимательность, чтобы датировать и опубликовать образцы письма указанных рукописей, которые являются документами первостепенной важности для установления времени проникновения христианства и культурного влияния Закавказья на Северный Кавказ). Наконец фрагмент надписи грузинскими буквами, но на местном языке обнаружен нами и в нагорный Аварии в Гидажие, в ауле Урада[33].

После падения и ослабления Абхазо-Грузинского царства заложенные им на Северном Кавказе экономические и культурно-политические центры перешли по наследству в руки местных племен и родовых обществ. Вокруг этих центров по традиции начали группироваться тогда первые феодальные и феодально-родовые организации, которые использовали и самые храмы для религиозного освещения своих экономических и политических притязаний. Храм Ткобай-ерды в это время сделался, судя по ингушским преданиям, местом, в котором собира-

* В тексте рукописи пробел.

лись представители феодально господствовавших ингушских родов, их родовым фамильным храмом, в котором они праздновали годовой фамильный праздник перед тем, как отправиться в поход для собирания ежегодной дани с окрестных подчиненных им ингушских родов. Именно вокруг этого храма на обломках прежней политической власти и культурно-экономического влияния Грузии и сложилась та зачаточная феодальная группировка в нагорной Ингушии, которая привела в XIV и XV века к слиянию ингушей в единую национальность с единым национальным (бывшим родовым) прозвищем «галга». В это время культура всего ингушского и чеченского нагорья, включая и крайний его восток — Чаберлой — была еще однотипной культурой, собственно, различных ингушских племен и родовых групп. Чеченцы, как национальность, начали складываться значительно позднее: тогда, когда в результате колонизации плоскости различные нагорные ингушские племена вышли на прилегавшую равнину и перемешались здесь, восприняли в себя элементы господствовавших на плоскости культурных влияний: тюркские, русские, кабардинские — и благодаря этому сложились в особую, отличную от своих родоначальников ингушей национальность. Еще позднее в конце XVII, в начале XIX века начинается колонизация западно-ингушскими нагорными племенами прилегающей Назрановской плоскости, которая кладет начало появлению и развитию современных нам ингушей как особой национальности.

Таким образом, кабардинцы и родственные им кяхские феодальные племена, занимая восточно-прикубанскую и теречную равнины, должны были стать в ближайшие экономические, социальные и политические отношения к смежному разноплеменному населению нагорья, для которого они сделались проводниками новых форм общественной и политической жизни. Народы эти в первой половине XVI века были нагорные тюрки (предки теперешних балкарцев и карачаевцев), осетины (дигорцы и иронцы) и нагорные ингушские племена по всему нынешнему ингушскому и чеченскому нагорью. В XVII веке, кроме того, складываются две новые национальности: из ингушских племен на Надтеречной равнине — чеченцы, на нагорье к западу от Эльбруса — карачаевцы. Несомненно, что все эти племена и народы оказались в тех или иных отношениях к кабардинскому феодализму. Эти отношения часто выливались в форму экономического и политического подчинения, как это было, например, по отношению к балкарцам, отчасти осетинам, частью же между нагорными народами и кабардинскими феодалами возникала длительная борьба, причем горцы боролись за свою политическую свободу, а кабардинские феодалы поставили их в положение своих данников, что, в конце концов, и удавалось им по отношению к ингушам и карачаевцам. Однако кроме политической борьбы кабардинские феодалы неустанно насаждали феодализм и сословный строй в горах. Именно поддержкой этих феодалов обязаны своим возникновением феодальные фамилии в Осетии, тагаурские алдары и дигорские бадилята, которые, в свою очередь, становились в самой Осетии агентами плоскостного феодализма по образцу кабардинского.

Разложение родового строя осетин с фактической стороны хорошо описано М. Ковалевским (см. «Современный обычай и древний закон»). Им же описана внешняя сторона возникновения осетинского феодализма и приведено мнение автора, что феодализм этот возникал под влиянием и по образцу кабардинского феодализма. Так как мы вполне согласны с этой точкой зрения, то отсылаем читателя, интересующегося подробностями этого процесса, к сочинениям вышеуказанного автора. Процесс внедрения феодализма в родовую общину сделал также известные успехи и в среде карачаевцев, где до самого последнего времени существовали фамилии, например, Крымшамхаловых, Дудовых и Карабашевых, которые пользовались известными феодальными привилегиями. Подобное выделение, я думаю, также протекало не без влияния кабардинского и бесленеевского феодализма на смежной плоскости. Что же касается ингушей, то здесь этот вопрос остается пока невыясненным. Возможно, что известные отношения зависимости, но от кабардинцев существовали и здесь. Дело в том, что в ингушском ауле Онгушт, расположенном у самого выхода из гор в Тарской котловине, еще до выселения из нее ингушей и основания на этом месте казачьей станицы Тарской, а также и теперь сейчас после восстановления этого аула, старики ингуши показывают кладбище, называемое «кабардинским». На некоторых могильных памятниках на этом кладбище мы видим изображения кабардинских родовых знаков — «тамг», как это действительно принято у феодальных кабардинских фамилий. Местоположение аула Онгушт, запиравшего выход из важнейшего для ингушей и бывшего, несомненно, торговым путем с Закавказьем Ассинского ущелья, было действительно чрезвычайно удобным для того, чтобы поставить здесь хотя бы небольшой контрольный пункт, при помощи которого кабардинцы могли держать в своих руках все снабжение нагорной Ингушии. По-видимому, вышеуказанные остатки показывают,

что в самый последний период существования кабардинского феодализма они действительно имели здесь такой контрольный пункт, однако, развитие тех начатков ингушского феодализма, которое мы прослеживаем по ингушским преданиям, началось значительно раньше этой эпохи, по всей вероятности, еще с XIV века. По-видимому, подчинение ингушей кабардинскому феодальному влиянию произошло в сравнительно более позднюю эпоху и не успело оставить здесь существенных следов. Еще более тесные взаимоотношения с кабардинскими феодалами должны были возникнуть у ингушей при выселении их на Назрановскую плоскость. Мы не знаем точной даты этого переселения, но оно произошло, по-видимому, не ранее XVIII века и не позднее начала XIX, и здесь-то, по-видимому, ингушам-колонистам пришлось выдержать жаркую борьбу за обладание этой землей с кабардинцами. Мальсаговы, ингушский род, являвшийся, по-видимому, пионером и первым руководителем этого переселения, выстроил здесь даже военную каменную башню по образу тех, которые строились ими в горах. В то же время, по-видимому, выселявшимся из гор ингушам пришлось установить какие-то мирные отношения с кабардинскими феодалами, результатом которых, по-видимому, являлась выплата последними дани. Сами ингушские предания намекают на это, говоря о посещении неким Керцхалом, основателем Назрани, какого-то кабардинского князя (см. Яковлев «Ингуши, стр. <...>*). В постановлениях о сословиях в Кабарде, приводимых в приложении «Истории адыгейского народа» Ногмова, стр. 132, перечислены определенные повинности (дани и прочее), которые зависимые нагорные народы платили кабардинским князьям. Здесь названы: ингуши, назраны и карибулаки — под этими племенами мы должны разуметь, очевидно, западные племена вейнахской группы: нагорных ингушей, плоскостных ингушей и арштхоев. Последние представляют издавна плоскостной, занимавшийся скотоводством вейнахский народ, ныне почти целиком выселившийся в Турцию.

«Дагаурские осетины» собственно по-кабардински — «дагаурские горцы». Под ними следует понимать иронцев.

«Дигорский народ», живущий на плоскости и горах — осетины дигорцы.

«Балкарцы» — жители балкарского общества в Балкарии.

«Чеченцы и урусбиевские осетины» — здесь термин «осетины» применен неправильно. Следует читать «урусбиевские горцы», то есть жители Урусбиевского общества в Балкарии.

«Хуламцы, безенги — осетины» — опять-таки горцы, жители Хуламского и Безенги обществ Балкарии.

«Карачаевские осетины» — горцы-карачаевцы.

Шесть частей абазинцев.

Из всех вышеуказанных народов чеченцы, по-видимому, находились в меньшей, чем другие, зависимости от феодалов. Под перечисленными здесь чеченцами следует, скорее всего, разуметь не всю совокупность чеченского народа, но какие-то отдельные чеченские племена, находившиеся на западной территории Чечни. Восточная же территория Чечни входила в это время в сферу влияния феодализма, развивавшегося в Дагестане. Несомненно, будущим исследователям предстоит еще точно проанализировать как различные формы зависимости вышеуказанных народов от кабардинских феодалов, так и различные виды повинностей: денежная дань, дань скотом, холопами, вещами и т.д. Проанализировать следует также различные виды штрафов и наказаний, налагавшихся князьями на зависимые народы. Из них интересен обычай наложения «табу», выражавшийся в форме наложения камня князем на вход в дом, пашню и прочее причем через такой камень нельзя было ни переступить, ни переехать (Шора Ногмов, стр. 133) до тех пор, пока сам князь не снимал запрет.

Кроме насаждения феодализма в горах, а также экономического и политического воздействия, кабардинский феодализм оказывал также крупнейшее культурное влияние на все зависимые народы. Влияние это выразилось, между прочим, в сохранении кабардинского языка как языка международного, главным образом на осетинском, балкарском, карачаевском и абазинском нагорьях. Кабардинский язык в это время обслуживал все протяжение Северо-Кавказского торгового пути, начиная от устьев Терека и кончая бесленеевцами на западе, однако, с кабардинским языком при некотором навыке феодал-кабардинец мог доехать и до черкесского Черноморского побережья на крайнем западе и устьев Кубани. В этом отношении с кабардинским языком мог еще соперничать только татарский (ногайский) язык, на котором обычно изъяснялись горцы и русские (ср. название горские татары, черкесские татары и т.д.,

* В тексте рукописи пробел.

на это же ссылается и Адам Олеарий, говоря, что язык черкесских татар не отличается от языка и других горских татар, стр. <...>*). Из других культурных влияний кабардинцев материального характера следует упомянуть о снабжении кабардинцами всего Северного Кавказа верховыми лошадьми кабардинской породы, о выработке однотипного воинского снаряжения и т.д. В иные отношения был поставлен кабардинский феодализм к иноплеменному населению на крайнем востоке там, где он граничил с местным, развивавшимся по транзитному пути из Персии к устьям Терека и Волги Дагестанским феодализмом. Как это мы видели уже у Олеария, к XVII веку здесь уже существовало несколько феодальных групп: группа под руководством Уцмия Каракайтагского, Шамхала Тарковского и других, которые, впрочем, все номинально признавали верховую власть последнего. Дагестанский феодализм, находясь здесь на востоке вблизи от своей оперативной базы, имел в этом пункте Северо-Кавказского торгового пути несомненный перевес над феодализмом кабардинским. Вот почему распространение влияния кабардинского феодализма далее на восток от среднего Терека (Малая Кабарда) было затруднено столкновением его с политическим влиянием других феодальных групп, получавших отчасти деятельную поддержку персидской деспотии. Кабардинскому феодализму пришлось выдерживать здесь жестокую борьбу, что было одной из причин, побудившей его искать себе союзника на севере в Московском царстве. Только при помощи этого союзника и его войск кабардинский феодализм сумел противостоять Дагестанским феодалам и был отчасти застрахован от нападений Персидских шахов.

Мы подходим теперь к периоду XVIII—XIX веков, который явился периодом планомерной экспансии русского империализма в пределах Кавказа и который является в то же время эпохой лучше всех других изученной. Этой эпохе посвящен ряд как иностранных (Боденштедт, Лапинский и другие), так и русских работ. В частности, период этот довольно хорошо освещен М.Н. Покровским в его русской истории (изд-во «Мир» том IV, стр. <...>*) Приводимые здесь документы с совершенной ясностью показывают, что с самого же начала русскими был принят ряд мер по ликвидации северо-кавказского торгового пути как экономического нерва, вскармливавшего туземные самостоятельные государственные образования. С юга точно таким же образом был перерезан меридиональный Прикаспийский путь, после того как было занято все Закавказье. Эта политика привела русских к неминуемому и ожесточенному столкновению как с дагестанскими феодальными организациями, так, отчасти, и с кабардинским феодализмом. Столкновение это вылилось в Кабарде в целом ряде восстаний кабардинских феодалов против русских, несмотря на верность и другой части местных феодалов, которые променяли свою политическую независимость и экономическую базу на русский военный мундир и офицерское жалованье. Русские власти неуклонно проводили свою политику лишения феодализма его экономической базы. С этой целью помимо перерыва Северо-Кавказского торгового пути на первых порах в его восточных частях русские принимали в свое непосредственное подданство и тем самым освобождали из-под кабардинской феодальной зависимости те горские народы, которые, в свою очередь, предпочли быть подчиненными непосредственно русской власти, чем через посредничество кабардинского феодализма. Такова история принятия в русское подданство ингушей и осетин. Жалобы верноподданных кабардинских феодалов русским властям и их уверения, что они сами сумеют обеспечить верность России как ингушей, так и осетин, и пресечь их набеги на русские пределы — эти жалобы оставлялись без внимания.

В конце XVIII века некий шейх Мансур, чеченец по национальности, во главе международного по своему составу отряда представителей туземного торгового капитала еще мог беспрепятственно пройти по всему протяжению этого пути с востока на запад до Турецкой крепости Анапы (в 1791 году). Однако вскоре после окончательного подчинения кабардинцев, прочного захвата всего левого течения Терека и основания здесь русских крепостей торговля на восточной половине северного пути прекратилась. Некоторое время оставалась еще свободной и функционировала западная половина этого пути, начиная с района теперешнего Баталпашинска и дальше вдоль реки Кубани по землям независимых черкесских племен. Также через перевальные дороги в Абхазию и на Шапсугское побережье еще велся некоторое время экспортный торг рабами в Турцию. Однако наступивший вскоре вслед за тем период окончательного завоевания западной части Кавказа положил конец этой последней экономической базе самостоятельного развития туземного феодализма. Вместе с тем война со стороны русских приняла здесь характер безжалостного колонизаторского захвата всех нагорных

---

* В тексте рукописи пробелы.

и приморских земель с полным истреблением туземного населения. Этому факту, проводившемуся тогда с преступным хладнокровием войсками крепостнической России, мы обязаны теперь тем, что от наиболее многочисленных западночеркесских племен теперь остались на территории Кавказа только жалкие обрывки.

Таким образом, несмотря на все присущие ему недостатки, черкесский и кабардинский феодализм на Кавказе был в свое время фактором прогрессивным. Он сплотил многие разрозненные и разноязычные местные родовые и племенные группы в национальности с едиными национальными языками и культурой, он успел выработать своеобразные культурные достижения этих национальностей; в отношении других народов он наметил тенденцию их дальнейшего экономического и общественного развития, наконец, он же сумел сыграть и известную организационную роль в деле национальной борьбы кавказцев за свою независимость. Однако ко времени Октябрьской революции сохранявшиеся часто в полной неприкосновенности пережитки кабардинского и других феодализмов на Северном Кавказе являлись уже грубым, ничем не оправданным и искусственно из корыстных целей поддерживаемым русским империализмом анахронизмом. Борьбу с этими пережитками, как-то: неравноправием женщины, сословным неравноправием и прочим — пришлось вести в совершенно иных условиях молодым автономным национальным областям и республикам, которые, несомненно, сумеют теперь использовать для укрепления и развития своей национальной культуры те ценные ее формы, которые в свое время были выработаны феодализмом, отбросив при этом в сторону все отжившие и сохранившиеся отголоски феодальной эксплуатации, ее пережитки.

Глава III. Материальная культура черкесов

В принятой до сих пор классификации этнографического материала под материальной культурой, вообще, разумеют те ее проявления, которые выражены в материале, то есть в материально существующих объектах, в вещах, как например, одежде, жилище, орудиях производства и проч. Материальная культура противопоставляется культуре духовной. Духовная культура выражена, наоборот, предметами нематериального порядка, то есть в слове, звуке, обычаях, верованиях. Для различения этих обеих областей человеческой культуры, может быть, было бы удобнее называть первую, то есть материальную культуру, культурой, выраженной в пространстве, или пространственной культурой, так как то, что выражено материально всегда имеет пространственное протяжение. Духовную же культуру в этом отношении удобнее было бы определить как культуру, выражаемую во времени, так как звуки (музыка), слова, процессы обрядов, судопроизводство и прочее имеют протяжение во времени. Однако оба вышеуказанных подразделения культуры, несомненно, носят условный характер, так как они вызваны не столько существом изучаемого явления, сколько необходимостью разграничивать эти явления в целях удобства техники исследования. Например, процесс производства, имеющий непосредственное и существенное свое значение в создании объектов материальной культуры, пришлось бы, согласно вышеуказанному второму определению, отнести к другой области культуры, чем его продукцию. Продукция производства отошла бы в область пространственной, тогда как неразрывно связанный с ней процесс производства пришлось бы отнести к явлениям временно́й культуры. Условно принимая указанное деление как требующее в науке подлинного пересмотра, в дальнейшем изложении я отношу процессы производства также к области материальной культуры.

В настоящей главе мы попытаемся дать беглый обзор того комплекса материальных культурных благ, которые сохраняются черкесами до нашего времени в известных слоях их общества и которые в то же время восходят в глубь времен, имеют глубокую культурную традицию. В качестве материала мы будем использовать в особенности те факты, которые дает нам культура кабардинцев как одна из наиболее развитых черкесских культур.

При рассмотрении вопроса о составе культурных благ у черкесов, мы, прежде всего, сталкиваемся с двойственным характером этой культуры, который объясняется двойственным характером производства данного общества и делением на два противопоставленные друг другу класса. Выше мы уже указывали, что, несмотря на всю многочисленность сословий, феодальное общество черкесов и, в частности, кабардинцев, резко делилось только на два класса: класс феодалов-эксплуататоров и класс эксплуатируемых зависимых сословий. Для последнего существовал и общий термин: усвоенное тюркское «карахалк» (qurahe̦q) и кабардинское «тльхукотль» (ḷxuyquelh). Это классовое подразделение черкесского общества базировалось на том,

что трудовой производственной деятельностью, которая выражалась в том или ином типе сельского хозяйства, занимался только этот второй класс. Класс же феодалов занимался только накоплением тех товарных ценностей, которые имели спрос по северокавказскому торговому пути: главным образом, рабов и некоторых наиболее ценных материальных благ (соль, шерсть, ткани и прочее). В связи с этим обнаруживается также разница в орудиях производства и во всей материальной культуре как одного, так и другого класса. Орудиями производства зависимых сословий являлись орудия скотоводства и земледелия, а также орудия домашней обработки продуктов того и другого. Это и были орудия труда в собственном смысле этого слова. Между тем, класс феодалов орудиями труда в собственном смысле не обладал, но зато он обладал орудиями внеэкономического (насильственного) накопления необходимых ему товаров: оружием, боевым конем и полным походным снаряжением. Отсюда проистекает и различие в материале, из которого строилась материальная культура того или иного класса. В то время как трудовой класс жил еще всецело или преимущественно в условиях натурального хозяйства, класс феодалов в последнюю пору своего исторического развития, безусловно, находился уже в сфере влияния торгового обмена развитого феодализма (ср. тот факт, что часть дани с подвластных народов кабардинские феодалы собирали уже деньгами: Шора Ногмов, стр. <...>*).

В связи с этим материальная культура трудового класса состояла в значительной своей мере из объектов, сделанных без участия металлов; металлические орудия и предметы проникают сюда лишь как вторичное явление, связанное с экономическим и культурным воздействием на этот класс уже развившейся культуры класса феодалов. Наоборот, материальная культура класса феодалов целиком строится на металлах, как на необходимом основном материале, и пользуется также известными культурными благами, выработанными культурой зависимых сословий лишь постольку, поскольку хозяйство феодалов также сохраняет в известной своей части (домашнее хозяйство) пережитки эпохи натуральной экономики. Таким образом, вся культура черкесов в эпоху развития феодализма представляется нам уже, несомненно, дифференцированной на два составных элемента; носит ярко выраженный двойственный характер: в трудовом классе в течение ряда веков и до наших дней сохраняется в основных своих чертах одна и та же неметаллическая (дометаллическая) материальная культура, в то время как у феодалов возникает новая культура металлического периода, характеризуемая, главным образом, развитыми формами оружия. Весьма интересен тот факт, что оба типа культуры, несмотря на все их взаимовлияние друг на друга, доживают обособленно до наших дней, и в хозяйстве современного кабардинского бедняка-крестьянина вы найдете еще несомненные характерные черты культуры дометаллической эпохи.

Каким же образом удается нам восстановить более полную картину всего комплекса тех материальных благ, которыми характеризуется эта культура дометаллической эпохи, культура трудового сельскохозяйственного черкесского населения, сохраняемая в пережитках до сих пор в черкесском крестьянстве? Ее можно восстановить, конечно, непосредственным изучением самих предметов культуры крестьянства и относительно каждого из этих предметов в отдельности критически выяснить вопрос о возможных источниках его появления у черкесов. Такой путь требует огромных культурно-исторических изысканий, является путем чрезвычайно медленным, хотя он и исследует непосредственно сами интересующие нас объекты культуры. Однако есть и другой путь, более быстрый, хотя и не менее надежный. Возможность идти и по этому пути дают нам черкесские языки. Несомненно, что культура, как материальная, так и духовная, имеет свое непосредственное отражение в языке, в развитости тех или иных областей его терминологии. Основное производство и наиболее важные для хозяйственной жизни данного народа его отрасли будут иметь и наиболее развитую терминологию. С другой стороны, самый строй языка, его грамматика, в частности, тип его корней зависит также от той стадии социально-экономического развития, в которой находится данный народ. Подробнее я буду развивать эту мысль в четвертой главе (см. ниже стр. <...>*). Здесь я лишь укажу, что интересующая нас дометаллическая сельскохозяйственная культура черкесов отразилась в языке в виде особого пласта слов, имеющих односложный (моносиллабический) характер. Этот пласт слов, который мы можем сравнить по его звуковому построению с известным нам более или менее широко односложным характером китайского языка, был выделен мною в специальной работе «Материалы для кабардинского словаря» (вып. I, «Словарь коренных односложных слов и корней типа открытого слога», Москва, 1927, Центриздат), куда я и от-

* В тексте рукописи пробелы.

сылаю читателя, интересующегося научной стороной этого вопроса. Выделение односложных корней и их изучение, изучение их значений позволяет нам нарисовать более или менее полную картину тех культурных благ, которые составляют культурный комплекс черкесов, сложившийся еще в дометаллическую эпоху, эпоху близкую к эпохе доклассового чистого родового общества. По этим данным языка культура сельскохозяйственного населения черкесов представляется нам в следующем виде.

Основными производствами, на которых держалось сельское хозяйство на всей территории черкесов, мы должны признать два: скотоводство кочевого типа и земледелие. При этом скотоводство являлось, по-видимому, наиболее распространенным типом сельского хозяйства в пределах всего Предкавказья, по степным просторам которого кочевали предки черкесов, заходя далеко на север до рек Дона и, может быть, Волги. Продукты земледелия были также известны этим кочевникам, отчасти, как продукты питания, отчасти же, как продукты собственного земледелия, которое носило, вероятно, лишь подсобный при скотоводстве характер. Шире были развиты земледельческие культуры в нагорной и приморской полосе. По-видимому, земледелие носило здесь весьма примитивный характер мотыжной культуры; здесь же необходимым подспорьем в питании черкесов стали служить дикие плоды, собирание которых для этих целей началось еще задолго до появления здесь экстенсивного скотоводства и земледелия.

Из домашних животных в эту эпоху уже известны крупный рогатый скот (быки, коровы), который являлся главным рабочим скотом черкесов (лошадь, первоначально, по-видимому, лишь употреблявшаяся для верховой езды), а также свинья, овца и, кроме того, несомненно, собака. Все эти названия уже представлены в черкесском словаре следующими односложными корнями: «вы» (vy) — «вол, рабочий бык», «шке» (šķe) — «теленок, сосун до одного года», «шы» (šy) — «лошадь», «куэ» (qhue) — «свинья»; «ты» (thy) — «баран-производитель, кочкарь». Название тех животных, которые черкесами узнавались позднее, производились, несомненно, от известных уже им раньше названий животных по их производственному сходству. Однако в этом случае мы получаем уже термины, состоящие не из одного корня, но из соединения двух корней, из которых один берется прежний старый, а второй, другой, является более точным определителем нового вида животного — детерминативом. Так, название буйвола кабардинское «хыв» (xyv) составилось из корней «хы» (xy) — «море» и «вы» (vy) — «вол», то есть буквально «морской вол»; это название показывает, что буйвол попал к кабардинцам путем культурного усвоения из Приморья. У кяхов он называется «псыцу» (ρsycu), что составилось из «псы» (ρsy) — «вода» и «цу» (cu) — «вол», то есть буквально «водяной вол». Точно также название осла — «шид» (šyd), несомненно, производится от корня «шы» (šy) — «лошадь» и присоединенного к нему другого корня «д» (d) с неясным пока для нас значением. По-видимому, эти названия домашних животных создались еще в эпоху до их приручения и могли переноситься затем на животных, уже прирученных. Так, термин «ха» (ha) — «собака», обозначает не только это домашнее животное, но имеет также и значение «волк». Точно так же и термин «свинья» безразлично применяется и к дикой, и к домашней свинье. Несомненно, что до проникновения в среду черкесов мусульманства, черкесы разводили и употребляли в пищу это животное.

С собакой у черкесов связаны интересные верования и обычаи. Среди нижних черкесов весьма распространены так называемые «собачьи имена», то есть имена собственные еще домусульманского происхождения, такие как для мужчины «кобель», «старая черная собака», «собачья нога», «собака-волк», «собачий хребет» (оттуда фамилия Хатьховых), «собачье ухо», откуда фамилия «Хачхакумовых»; женские имена — «сука» и прочее. В известных случаях старшие обращаются к младшим родственникам, свекровь к невестке: «О, моя сука». У кабардинцев таких домусульманских имен уже не сохранилось. Однако существует поверье, что если в какой-либо семье умирают дети, то для того, чтобы предохранить семью от этого несчастья, следует называть в ней детей именами арабского происхождения, но начинающимися на слог «ха» (ha (uc sihabz)). Например, арабскими именами Хасан, Хамид, Хазрен и т.д. Это поверье, несомненно, восходит к тому же явлению, что и у нижних черкесов. Объяснение происхождения этого обычая феодализмом и тем, что собачьи имена нарочно давались простому народу феодалами, чтобы его унизить, как это теперь пытаются делать сами нижние черкесы, не выдерживает никакой критики, так как собачьи имена распространены как раз среди тех племен, которые еще не знали развитого феодализма и были исконно враждебны племенам феодально организованным, например, среди абадзехов. Единственным правдоподобным здесь объяснением будет, на мой взгляд, следующее. Собачье имя должно было отвести заразу от

данной семьи, так как оно должно было служить доказательством, что дети в данной семье не пользуются особой любовью родителей, а следовательно, для того, чтобы наказывать родителей, олицетворяемой (персонифицируемой) заразе нет никакого смысла убивать нелюбимых детей. Таким образом, собачье имя является здесь чисто магическим примером для охранения детей от смерти.

В отношении овцеводства мы должны предположить, что на Северном Кавказе первоначально оно было распространенно относительно меньше, чем в позднейшую мусульманскую эпоху, которая, вытеснив свинью, сделала овцу единственным наиболее распространенным видом мелкого рогатого скота, служащего и сейчас главным источником мясной пищи населения. В более крупных размерах у сельскохозяйственного населения первоначально было представлено разведение крупного рогатого скота, лошадей и свиней.

Значительное количество терминов относится к трудовым процессам и технике скотоводства. Правда, непосредственно само скотоводство не требует почти никаких специальных орудий производства. Поэтому перечисление терминологии, связаной с орудием производства, мы предпошлем описанию черкесского земледелия. К скотоводству относятся следующие слова в кабардинском языке: «бзы» (bzy) — «самка», «ху» (ẋuy) — «самец», <...>*, «ху» (ẋuy) или «хоэ» (ẋue) — «пасись, разводись». Все эти термины связаны, как видим, с самой техникой скотоводства. Особое развитие получают также названия мастей животных: «фе» (fe) — «масть», «гуэ» (ŋue) — «рыжий», «ху» (xuy) — «светлый, белый» (про пятна масти животного), «тхуэ» (tẋue) — «буланый», «шхуэ» (şẋue) — «седой, седей», «тху» (tẋuy) — «серый». Большинство из этих названий мастей служит основными формами для образования названий цветов, окраски вообще.

В связи со скотоводством стоит и обработка его продуктов. Здесь, во-первых, мы должны обратить внимание читателя на чрезвычайно развитую в черкесских языках анатомическую терминологию: название частей, органов, и основных отправлений и элементарных движений тела человека и животных. Таковы «голова» — «шха» (şha), «глаз» — «нэ» (ne), «смотри» — «птле» (ρḷe), «нос» — «пэ» (ρe), «чихай» — корень «псы» (ρsy), «рот» как отверстие, полость «у» (ú), рот как челюсти, «пасть» — «же» (ʒe), «кашляй» — «пске» (ρske), «зуб» — «дзе» (ʒe), «ешь» — «шхе, шхы» (šxe, šxy), «пей, соси» — корень «фе» (fe), «жаль, кусай» — «уэ» (ue), «плачь» — «гы» (ŋy), «волос, шерсть» — «цы» (cy), «рог, копыто» — «бже» (bže), «шея» — «пше» (ρşe), «дуй» — «пше» (ρşe), «кисть руки» — «е» (é), «тяни» — корень «а» (á), «предплечье, часть руки от костевого до локтевого сустава» — «бле» (ble), «бери» — «штэ» (şte), также корень «хы» (xy), «хватай» — «пхуэ» (ρxŭe), «ступня ноги, прыгай» — «тле» (ḷe), «прыгай» — «пче» (ρḳe), «бедро, ляшка» — «куэ» (kue), «иди, уходи, уезжай» — «куэ» (ḳue), «проходи, проезжай (пространство)» — «ку» (ḳuy), «беги, беги вскачь» — «же» (že), «ползи, пресмыкайся» — «пшы» (ρşy), «кость, туловище, телосложение» — «пкы» (ρqy), «верхняя часть спины» — «тле» (ρlhe), «поясная часть тела» — «бгы» (bgy), «спина ниже талии и ягодицы» — «пхэ» (ρxe), «позвоночный столб» — «тхы» (txy), «мошонка» — «ге» (ŋe), «половые органы» — «вты» (fty), «испражняйся» — «це,цы» (çe, çy), «рожай» — «тльхуэ» (ḷxue), «дуйся, надувайся, уставай от движения, запыхайся» — «пшы» (ρşy), «лежи» — корень «тли» (ḷy), «стой» — корень «ты» (ty), «сиди» — корень «сы» (sy), «стой смирно, не двигайся» (žy) — «жы», «чешись, зуди» — корень «шхе» (šxe).

«Мясо, тело» — «ль» (ly), «шкура» — «фе» (fe), «сердце» — «гу» (guy), «кровь» — «тли» (ḷy), «сухожилие» — «хуэ» (xue), «селезенка» — «ке» (ke), «умирай, издыхай» — «тле» (ḷhe), «души, загрызай» — «тлы» (lhy), «жизненная сила, одушевленность» — «ρсэ» (ρse).

Итого в односложной части кабардинского словаря набирается до тридцати четырех названий частей и органов тела человека и животных и, кроме того, около тридцати глагольных названий его отправлений и элементарных движений. В качестве примеров развития терминологии мы можем привести следующие: «прыгай» имеет два термина, «спина и ее части» — имеют четыре названия; части руки имеют два названия и столько же — части ноги; «иди», «неси» и другие глаголы движения должны быть выражены двояко, смотря по тому, в какую сторону направляется движение: от лица говорящего или к нему и т.д.

Все эти основные корни с «телесным» значением могут сочетаться друг с другом, и в этом случае они образуют еще значительное количество составных терминов (из двух, трех и т.д. корней), служащих для обозначения частей тела; например, лицо — «напэ» (nape), бук-

---

* В тексте рукописи пропущены слова.

вально «глаза и нос»; губы — «упэ» (úуре), буквально «нос рта», то есть передняя часть рта; крайняя точка выпрямленной ладони — «апэ» (áре), то есть «нос кисти руки»; носок ступни — «тляпэ» (ļаре), то есть «нос ступни»; затылок — «шхапхэ» (şhархе), буквально «задница головы»; «шхабгу» (şhabŋuy) — боковые части головы, буквально — «бок голововы»; верхняя поверхность головы — «шхагупэ» (şhaguуре), буквально — «лицо головы»; от слова «гупэ» — лицо, буквально «сердце носа»; внешняя поверхность кисти руки — «ашха» (áşhe) — буквально «голова кисти руки», ладонь «агу» (águ) — буквально «сердце кисти руки»; запястье, сустав, соединяющий кисть руки и предплечье, — «апше» (áрşe) — буквально «шея кисти рук». Точно так же образуются и соответственные термины от корня «ступня»: верхняя поверность ступни — буквально «голова ступни», «подошва» — буквально «сердце ступни»; щиколотка — сустав, соединяющий ступню и голень, буквально — «шея ступни».

Еще сложнее соединения для выделения термина «ноготь», причем терминологически в кабардинском языке различается ноготь на руке и ноготь на ноге: буквально (ébzune) «глазочек рога кисти руки» и (ļébzune) «глазочек рога ступни». Подобным же способом образуются частные названия различных костей: «скула» — буквально «кость глаза», «нэпк» (nерq); «челюсть», буквально «кость рта» — «жепк» (zерq); «пепк» (реrq) — буквально «кость носа»; «блыпк» (blуrq) — плечо, буквально «кость предплечья» и прочее. Точно так же образуются названия выделений некоторых желез, например «слеза» — «нэпс» (nерs), буквально «глаза вода»; «слюна» — «упс» (úрs), буквально «рта вода»; выделение из носа — «пепс» (реrs), буквально «носа вода» и т.д. Здесь следует заметить, что эта анатомическая и физиологическая часть черкесского словаря гораздо богаче соответственной части словаря русского литературного языка, если, конечно, мы оставим в стороне русскую специальную медицинскую терминологию.

Какова же причина этого развития анатомических названий в черкесском языке? Здесь мы имеем отражение этого факта, что именно скотоводство было основным хозяйственным занятием черкесов, а при скотоводстве чрезвычайно важно различать части туши животных, как основной продукт питания и один из доставляемых скотоводством продуктов обмена. Различная ценность в отношении питательности вкусовых качеств и удобоваримости различных частей тела животных и вызывает необходимость для скотоводов чрезвычайно тонко развитой анатомической терминологии. Столько же необходимо последнее и при борьбе скотовода с болезнями животных. Словом, тело животного представляет собою для скотовода не только основную продукцию его хозяйства, но также одно из основных орудий его производства. Отсюда необходимость развитой терминологии.

Подобную же необходимость ощущает человек, живущий еще в обстановке слабого развития производительных сил, и в развитой терминологии членов человеческого тела. В этот период при чрезвычайной еще бедности орудий труда (этой бедностью, в особенности, отличается материальная культура скотоводов) одним из основных орудий служат члены человеческого тела: руки, ноги и пр. Развитость терминологии в этой области соответствует, таким образом, важному производственному значению частей человеческого тела в примитивном хозяйстве определенной эпохи общественного развития. Таким образом, части тела человека, животных являлись для той эпохи, когда складывалась черкесская культура, такими же материальными благами, какими для нас являются продукты питания и производящие их орудия.

Знакомство черкесов в эту эпоху с земледелием доказывается также наличностью целого ряда относящихся сюда терминов. Из хлебных злаков основными для черкесов, как по существующим еще в настоящее время устным преданиям, так и по другим источникам, являлись два: просо и ячмень. Названия односложного типа имеют зерна только этих злаков, что касается остальных злаков, то их названия, безусловно, вторичного происхождения и частью производились уже от ранее известных двух вышеуказанных. Это же подтверждается и тем перечислением злаков, разводимых черкесами, которые мы находим, например, у Шоры Ногмова (стр. 32). При перечислении злаков он ставит на первое место просо и ячмень, а на последнее — кукурузу и огородные овощи.

Просо еще в конце XVIII и в начале XIX века было самым распространенным основным хлебом тех черкесских племен, которые обитали в степях Предкавказья, в частности, у кабардинцев. По-видимому, даже до того, как кочевники-скотоводы черкесы научились сами разводить этот вид хлеба, они могли знать его как продукт потребления, выменяваемый у кого-нибудь из своих соседей. Лучшим доказательством этой основной роли проса в питании черкесов может служить анализ их традиционной пищи. Нигде основное сельскохозяйственное занятие данного населения не отражается с такой яркостью и постоянством, даже после того, как сама

основная хозяйственная база изменяется, как в национальных излюбленных у данного народа кушаньях. Поэтому для нас очень интересно проследить вкусы черкесов в отношении блюд, чтобы судить по этим вкусам об основной их хозяйственной деятельности в сравнительно недавнее еще время. Самым почетным (употребляемым, например, для угощения гостя), самым вкусным, питательным и здоровым блюдом, кабардинец и нижний черкес из Предкавказья считает свежезарезанное мясо, затем молочные продукты (масло, сыр), мед, некоторые виды хлеба и в качестве приправы (соус к мясу) — чеснок, лук и перец. Овощи, например, картофель, черкес не признает за ценное блюдо и потому никогда не станет им угощать гостя, которого он уважает. Также не признавал он до последнего времени и горячего (первого блюда), то есть какой-либо похлебки; бульон из-под вареного мяса, которое является одним из излюбленных блюд черкеса, обыкновенно или совсем выплескивался, или подавался в виде подливки к мясу и отнюдь не считался особым блюдом. В этой части стола резко отражаются привычки и вкусы черкеса как скотовода. В качестве подаваемого к мясу наиболее ценимого и излюбленного вида хлеба, черкесы так же, как, по-видимому, и абхазы, приготовляют род хлеба из крупной пшенной каши без соли, так называемая черкесская паста, абхазская абыста. Это является одним из доказательств значения проса как основного злака в хозяйстве черкесов.

Несомненно, культура проса была первоначально распространена по всему степному Предкавказью, которое издавна было занято частью проточеркесских обществ. В словаре это отражается односложным корнем «ху» (xuy) для названия проса (зерна), пшено называется «хугу» (xuygu) то есть буквально «сердце проса»; кукуруза появилась на Кавказе и заняла господствовавшее положение в хозяйстве черкесов и других горцев, переходящих ныне на плоскости к земледелию как к основному хозяйству, сравнительно очень недавно. По всей видимости, хотя ее узнали раньше XIX века, но еще в начале этого периода она не занимала того доминирующего положения в севообороте черкесов, какое занимает теперь. Самое название ее: кабардинское «нартыху» (nartyxu), кяхское «натрыф» (nartyf), буквально обозначает «нартовское» то есть «богатырское просо». Таким образом, появившись позднее проса, кукуруза получила от него и свое название, так как начала заступать в хозяйственном и потребительском отношении вышеуказанный злак. Параллельно тому, что степные черкесы потребляли и культивировали просо, нагорные черкесы, в особенности, высокогорные, по Кавказскому хребту начали с ранних времен культивировать другой вид злака — ячмень, что и отразилось в их словаре односложным корнем «ха» — «ячмень в зерне». Так как ячмень является, по-видимому, одной из древнейших земледельческих культур проточеркесских племен, то его название отразилось в терминологии позднейшего земледелия и даже на терминах приготовления хлеба. Так, грядка и земледельческая полоса (пашня) называется по-черкесски одним и тем же именем «хасе» (huse), что буквально обозначает посеянный ячмень. Это относится, очевидно, еще к тем временам, когда культивировали только исключительно ячмень. Затем это название сделалось общим названием для всякой грядки и всякой пахотной полосы, когда стали сеять и другие виды хлеба.

В Большой Кабарде всякое хлебное зерно теперь называют «хадзе» (haʒe), что буквально значит «ячменный зуб», то есть ячменное зерно. Когда же появилась необходимость называть зерна других видов хлеба, то этот более старый термин был использован в значении всякого зерна вообще. Однако более старое употребление сохранилось у кубанских кабардинцев. Терские кабардинцы в настоящее время, чтобы сказать пшеничное зерно, говорят буквально «пшеничное ячменное зерно» — «гуэдз-хадзе» (guez-haʒe), тогда как кубанские кабардинцы говорят просто «пшеничный зуб», в смысле пшеничное зерно «гуэдзы-дзэ» (gueʒy-ʒe) и т.д. Тот же корень «ха» (ha) мы находим, по-видимому, и в названии «ток для молотьбы» — «хам» (ham), так что мы вправе заключить, что и ток первоначально устраивался только для молотьбы ячменя. Наконец, мы имеем название хлеба «халыгуэ» (halaŋue), что мы можем сравнить с другим словом «халывэ» (halyve), которое теперь обозначает «пирожки» (обычно с начинкой из творога). Оба эти термина содержат в себе одну и ту же основу «халы» (haly), которая собственно обозначает «ячменя мясо», по-видимому, должна была служить термином для слова «тесто». Здесь мы опять видим характерное отражение воззрений чистых скотоводов, которые при выработке терминологии для основного продукта питания растительного происхождения исходят все-таки от скотоводческого термина «мясо». Оба вышеприведенные термина значат буквально «ячменное тесто» сушеное, то есть «печеное» и «ячменное тесто вареное». Оба эти термина впоследствии стали обозначать вообще всякое печеное тесто (у нижних черкесов «халтгу» до сих пор — «хлеб вообще») и вообще всякое вареное тесто. Почему пирожки назывались вареным тестом, по-видимому, следует объяснить тем, что первоначальная техника их

приготовления было именно кипячение в воде, как это мы теперь еще встречаем у давнишних степных соседей черкесов — украинцев, у которых те же самые пирожки называются варениками (пирожки с начинкой из творога).

Земледельческая техника в кабардинском представлена значительным, хотя и уступающим по количеству, числом терминов техники скотоводства, односложными словами. Сюда относятся такие слова, как «шы» (<...>*) — «земля, почва», «вы» (<...>) — «оттаивай» (о земле), «шэ» (<...>) — «возделывай землю», «тэ», «ты» (<...>) — «вскапывать лопатой», «вэ» (<...>) — «паши», «пшэ» (<...>) — «поли, тяпай» (мотыкой); «сэ» (<...>) — «сей, сажай», «пхы» (<...>) — «сей в разброс», «хе, хы,» (<...>) — «жни»; первоначально, как мы уже выше видели, этот термин обозначал просто «бери, рви руками»; и такой способ уборки мотыжных культур хлеба, например, ячменя, до сих пор сохранился в некоторых нагорных местностях, например, в Абхазии. В дальнейшем этот термин получил название «жни серпом», вместе с началом применения для этого трудового процесса специального металлического орудия. Впоследствии же, так как характерным для серпа является зазубренность лезвия, этот же термин стал применяться и для значения «режь зазубренным лезвием», отсюда и название пилы «пхах» (<...>), что значит буквально «жнущая или режущая дерево», «уэ» (<...>) — «укатывай ток», этот корень, по-видимому, стоит в связи с «уэ» (<...>) — «бей» и собственно значит «убивай, уплотняй землю».

Можно думать, что первоначально вытаптывание травы на току с помощью прогоняемого вокруг скота и было первой техникой устройства тока. Следующий термин «уэ» (<...>) — «молоти», несомненно, представляет собой звуковую разновидность термина предшествующего (подобно тому, как см. выше корни «у»). Молотьба первоначально производилась также путем вытаптывания ногами скота зерен из разостланного на току хлеба. Таким образом, один и тот же технический процесс утаптывания тока и вытаптывания хлебного зерна и послужил поводом для создания первоначально одного единого термина с первоначальным значением, очевидно, «бей», который затем соответственно двум стадиям этого производственного процесса раздвоился и с помощью фонетической дифференциации и создал два исходных корня: («укатывай», собственно «убивай ток» и «молоти»).

«Тхы» — «чисть кукурузные початки от обволакивающих их листьев». Этот корень стоит в связи с корнем «тхы» в значении «дери, царапай», от которого он, очевидно, и произведен, но со специфическим значением «обдирай только кукурузные початки». «Хы» (<...>) — «сеть для очищения зерна при веянии». Этот корень стоит, несомненно, в связи с сохранившимся еще у кяхов глагольным корнем «хы» (<...>) — «плети сеть, кружева, вяжи чулки». Сеть эта представляет собой весьма своеобразное земледельческое орудие, которое теперь можно встретить уже только очень редко. Самая сеть сделана из бечевки четырехугольной формы, причем нижний ее край снабжен довольно длинной бахромой из той же бечевки, верхний край прикреплен к тонкому концу длинной жерди. Обметающий зерно берется за толстый край жерди и после каждого подбрасывания зерна лопатой при веянии обметает с кучи зерна попадающие туда сор (мякину, кусочки земли и т.д.). К приготовлению хлеба относятся следующие термины «шы» (<...>) — «меси тесто»; «ху» (<...>) — «раскатывай тесто», что, очевидно, стоит в связи с корнем «ху» (<...>) — «гони», «пчи» (<...>) — «режь тесто зубчатым колесом» — особый способ разрезания тонкого раскатанного теста для того, чтобы готовить из него род вареников и прочее. Этот корень, несомненно, стоит в связи со словом «чэ» (<...>) — «прыгай», в связи с чем мы имеем также «штампуй кожу» с помощью аналогичного же зубчатого металлического колеса и «зубри, точи зубчатое лезвие» (пилы, серпа). Очевидно, все эти процессы, связанные с зубчатой формой инструмента, послужили поводом для создания соответствующих терминов из корня со значением «прыгай».

Из овощей имеется название односложного типа только для моркови «кы» (<...>), что стоит, может быть, в связи со значением того же корня «сей вразброс», хотя, по собранным сведениям, кабардинцы морковь сажают, а не сеют.

Кроме вышеуказанных двух основных злаков, в растительную часть черкесского стола с древнейших времен входили также плоды некоторых диких плодовых деревьев, которые в изобилии росли в лесах на предгорьях Кавказа. Собирание таких лесных плодов было, по-видимому, той отраслью черкесской экономики, которая восходит еще к временам чисто собирательного хозяйства мелких проточеркесских орд — хозяйства, предшествовавшего как

---

* В тексте рукописи пустые скобки.

земледелию, так и скотоводству. Позднее же при развитии последних в качестве основных отраслей хозяйства собирание диких плодов сохранилось как известное к ним подспорье, и мы можем наблюдать его еще и теперь. Это собирание диких плодов отразилось в следующих односложных корнях черкесских языков «мы» (my) — «дикое яблоко», «зэ» (ze) — «кизил» (плод) и «дэ» (de) — «орех». Собирание диких яблок производится еще и теперь сельскохозяйственным населением, причем на них настаивается у черкесов особый прохладительный напиток «мыпс» (myps) — буквально «вода из диких яблок», напоминающий рассол из-под моченых яблок.

Если мы обратимся к хозяйству приморских прибрежных черкесов, в особенности, убыхов, а также абхазов, то увидим, что в этом районе уже с древнейших времен могло развиваться также примитивное садоводство. Это отражается и на их питании. Здесь уже могут быть поданы гостю в виде легкой закуски сушеные или свежие фрукты и орехи. Кроме того, здесь у абхазов мы находим то отличие от черкесов, что с древнейших времен известное хозяйственное значение имели здесь также лесной промысел и охота. Отсюда в абхазском словаре мы находим значительное количество односложных корней для названия различных пород деревьев, процессов обработки древесного материала, а также для некоторых пород диких зверей и способов охоты за ними.

Прежде чем перейти к технике земледелия и скотоводства остановимся на вопросе об употреблявшихся черкесами орудиях труда. Черкесы не имеют, собственно, и сейчас слова для выражения орудия труда вообще и в настоящее время склонны употреблять для этой цели термин «ашэ» (éşe), который обозначает собственно специально «оружие». Однако если этого термина нет в отдельности, то он начал уже развиваться в черкесских языках из корня «не» (ne), что собственно значит «глаз». Так «удэ» (úyde) имеет значение «сшивай вместе, пришивай край к краю», «уданэ» (úydane) — «нитка», то есть орудие, которым пришивают, буквально «глаз для пришивания», «унэ» (úyne) — древнейший колышек, вбиваемый в стену дома и служащий в качестве вешалки или ручки для придерживания, то есть «орудие для втыкания», буквально «глаз для втыкания»; «фанэ» (fhane) — буквально «глаз или орудие для цепляния», то есть «мотыга». Здесь надо сказать, что «мотыга», по-видимому, и являлась основным земледельческим орудием черкесов, и самое земледелие в горах и в приморье, где оно было, безусловно, наиболее древним занятием у проточеркесских родов, их основным хозяйственным занятием, оно носило характер примитивной мотыжной агрокультуры.

История термина «пахотная полоса» вполне подтверждает это. Пахотная полоса в современном кабардинском языке имеет одновременно и значение «грядки», то есть возделываемой вручную, мотыжным способом вблизи от усадьбы небольшой полосы земли. Мы считаем, что значение «грядка» в этом отношении является основным, из которого впоследствии, путем переноса этого термина на новые явления развилось значение «земледельческая пахатная полоса» в ту эпоху, когда плоскостные проточеркесские племена стали производить настоящую запашку первоначально небольшой части принадлежавших им степных пастбищ, главным образом, под культуру проса с помощью рабочего скота. Первоначальная же культурная грядка в нагорной полосе служила, как это показывает самое ее название, для разведения мотыжным способом ячменя. Вышеуказанные соображения о более позднем возникновении у черкесских племен пахатного земледелия доказываются и историей термина «плуг», то есть названия горского деревянного плуга.

Термин «плуг» произведен в черкесском языке от сложного термина «оружие». Оружие, как мы это пытались уже наметить в истории черкесов, связано с проникновением в быт черкесов металла и развития у них феодально господствующего класса, что происходит, несомненно, значительно позднее эпохи того примитивного скотоводства и земледелия, о которых мы говорили выше. Таким образом, возникновение термина «аше» (éşe) — «оружие» — приходится отнести уже ко времени возникновения или зарождения среди черкесов феодализма. Этот термин мы находим и в «ашэ-фашэ» (éşe-faşe), который входит уже в состав сложного термина, то есть полное воинское снаряжение: оружие и доспехи (буквально: «рук оружие», «кожи оружие»). И вот для того, чтобы получить термин «плуг», черкесы использовали феодальный термин «оружие» («рук оружие»), прибавив к нему только определение «деревянное», так как черкесский плуг первоначально был, очевидно, целиком деревянный. Получилось слово «пха-аше» (рхе-еşе) «плуг», то есть буквально: «деревянных рук оружие». Таким образом, возникновение пахотного земледелия у степных черкесов, в частности у кабардинцев, относится уже к довольно поздней эпохе. Из других названий орудий мы должны отметить «квэ» (ḳe) — «рукоятка, деревянная рукоятка, древко всякого орудия», первоначально, по-видимому, просто «деревянная

палка с заостренным концом». Этот термин служит для выражения, например, «рукоятки ножа, рукоятки грабель, рукоятки мотыги» и прочее; «напилок или напильник» — «йы» (jy), у кяхов есть специальный термин — «напилок, стачивающий дерево», «стачивай дерево», «напилок для стачивания дерева» — «пхахуэ» (рхăхue). Этим, да еще вышеуказанной нами мотыгой, и ограничиваются основные орудия черкесов. Их значительная бедность объясняется, на мой взгляд, тем, что наиболее крупную хозяйственную роль в известный период жизни проточеркесских племен (в особенности на севере Предкавказья) играло скотоводство, а скотоводство, как известно, почти не требует каких-либо специфических орудий производства.

Из оружия следует упомянуть восходящие еще, очевидно, к дофеодальному периоду «нож» — «сэ» (se) и «лук» — «шабзэ» (šabze), что буквально обозначает «стрела» — «шэ» (še) и «тетива» — «бзэ» (bze); из последнего термина позднее развилось значение «пружина». Интересен также технический термин «лы» (ly), что обозначает «прожигай (в настоящее время) раскаленным железом отверстие в дереве». Наконец, вторично образованным термином является «бдзы» (bʒy)— «долото», «долби», что стоит в несомненной функциональной и материальной связи с «дзе» — «зуб», который по археологическим материалам является древнейшим прототипом всех орудий для дробления, раскалывания и прочего (ср. догадку вышесказанную еще Нуаре «Орудие труда». Одесса, с. <...>*).

Соответственно преобладающей роли скотоводства мы находим у черкесов уже в древнейшие эпохи весьма развитые технику и терминологию обработки продуктов скотоводства. К области молочного хозяйства относятся: «молоко» — «шэ» (še), «дои» — «шы» (šy), «цеди» — «зы» (zy), «заквашивайся», «кисни» — «пцэ» (рçе), «квашенное молоко» — «шху» (šxuy), «животное масло» — «тху» (tхuy). Соответственный термин односложного характера для растительного масла отсутствует. К потреблению и обработке мяса относятся: «мясо» — «лъы» (ly), «туша» — «бгуэ» (bʒue), «нутряное сало» — «шэ» (ṣe), «пекись, жарься» — «жэ» (ʒe), «варись» — «вэ» (ve), «сушись, вялься» — «гу» (ŋuy). Наконец, особенно развита обработка шерсти. «Шерсть, волос» — «цы» (cy), «стриги шерсть» — «шы» (ṣy), «чеши шерсть» — «пхы, пхэ» — (рху, рхе), «сваляйся, скатайся» (о войлоке) — «рцэ» (рçе), «пряди нить» — «гы, гэ» или «джи, дже» (gy, ge), «вей веревку из шерсти, плети аркан из волоса» — «шы» (ṣy), «плети круглый шнур» — «уэ» (ue), «тки сукно, плети тесьму» — «шэ» (ṣe), «валяй сукно ногами» — «хуэ» (хue), «крои» — «бзы-бзэ» (bzy-bze), «шей» — «ды-дэ» (dy-de). К обработке кожи относятся немногие термины: «фа» (fe) — «шкура, кожа, ремень», «пкъы» или «пчи» (рḳy) — «штампуй кожу».

Значительное развитие представляют также термины обработки дерева и постройки жилища: «дрова, дерево как материал», откуда в дальнейшем развивается «материал вообще» — «пха» (рхе), «долото, долби» — «бдзы» (bʒy), «напилок» — «йы» (jy), служивший первоначально, очевидно, для дерева, «стачивай напилком (первоначально) дерево» (это значение сохраняется у кяхов в наречии шапсугов, натухайцев) — «хуэ» (хue), «прожигай отверстие в дереве раскаленным железом» — «лъы», «хворост, прут» — «чы», плетень» — «ху» (xuy), «обмазывай плетень глиной» — «йы» (jy), «крась» — «ле» (le), «крой крышу растительным материалом» — «бгэ» (bʒe), «дверь» — «бжэ» (bže).

Развитие терминологии по обработке шерсти вполне соответствует доминирующему положению шерсти как материала для одежды черкесов, сохраняющемуся и до сих пор. Развитие терминологии специально по плетению плетня находится в связи с исключительной ролью различных родов плетня в быту черкесов. Из него сооружаются стены жилищ, зернохранилища, базы для скота и прочее. Переносной плетень служит также в процессе выделки бурок, сукна, в старину для бороньбы и т.д. Интересен факт почти полного отсутствия односложных терминов по технике добывания и обработки металлов. Такие слова, как «тай» (о снеге), «растапливайся» (о масле), «плавься» (о металле) — «тку» (tḳuy), «застывай» (о масле, металле) — «жы» (jy), «накаливайся, нагревайся» (о печи, металле) — «птлъы» (рḷy) первоначально, конечно, не относились к металлам. Здесь можно упомянуть только «тль» (ḷy) — «точи, остри», «пки» или «пчи» (рḳy) — «зубри, точи (серп, пилу)», причем последний корень по значению, по-видимому, стоит в связи с «пкэ» (рḳe) — прыгай. Почти полное отсутствие этих терминов заставляет предположить, что в известную эпоху металлы проникли к черкесам только извне, в виде торговых предметов, например, в виде таких орудий, как нож, долото, напилок, шомпол или вертел для прожигания дерева и только как техника постройки жилищ, средств передви-

* В тексте рукописи пробел.

жения, надворных построек и прочего. У всех черкесов до сих пор в бедняцких хозяйствах не знают еще применения металлов в качестве материалов.

Таким образом, культура трудового сельскохозяйственного класса черкесов, которая восходит к дофеодальной культуре проточеркесских родовых общин, была в значительной своей части еще дометаллической. Можно думать, что даже те немногие орудия, которые мы привыкли видеть сделанными из железа (см. перечисленные выше) в ту эпоху могли быть еще не металлическими, а, например, каменными. Металлическая культура начала проникать в быт проточеркесских родов постепенно по мере развития международных торговых сношений и начатков междуродового феодализма. В переходную эпоху металлические изделия, в особенности, необходимые для феодалов, проникали в быт черкесов извне по путям торговых международных сношений, были предметами воинского снаряжения, в первую очередь, оружием, доспехами, частями конской сбруи. Позднее в эпоху развитого феодализма как у кабардинцев, так и у кяхов, появились собственные, частью пришлые (например, черкесские армяне), частью же туземные (преимущественно из зависимых сословий) мастера — оружейники, серебряники и прочие. Предметы этого феодального оружия и снаряжения обычно являются не односложными словами, все это, по-видимому, термины, проникшие и усвоенные языками по тем же путям международных сношений, которые развивал у черкесов самый феодализм. Таким образом, мы опять приходим к уже высказанному нами мнению, что в период развитого феодализма культура черкесов являлась двойственной по своему составу. Материальная культура дометаллической эпохи была присуща и сохранилась почти до наших дней в быту трудового сельскохозяйственного населения. Металлическая культура, вызванная к жизни потребностями военной деятельности феодалов при развитом феодализме, спаялась в одно социальное целое с вышеуказанной дометаллической культурой и отразилась, в конце концов, на одежде и снаряжении всех классов черкесского общества, что и дает в конечном итоге весь комплекс материальной культуры черкесов в целом, который как единая система и характеризует ту культуру, с которой черкесы вошли в современное национальное советское строительство.

Глава IV. Язык и народная поэзия как элементы духовной культуры черкесов

Язык вообще представляет собой одну из областей культуры, которая так же, как и все остальные области, находится в зависимости от хозяйственного фактора, как от основного фактора исторического развития. С этой точки зрения, мы должны признать несостоятельным и всякие попытки выводить историю языка из факторов физического, физиологического, акустического характера — звуки, движения органов речи, так и из факторов психологического и логического порядка. Не могут помочь нам в этом отношении и ссылки на индивидуальное сознание говорящего. Напротив, индивидуальное сознание каждого отдельного человека, с точки зрения формы мышления, несомненно, складывается под влиянием той социальной стихии языка, в которой этот отдельный говорящий на нем человек был воспитан и которая служит ему средством социального общения. Таким образом, звуки, из которых состоит язык, не существуют сами по себе как нечто физическое, а целиком подчинены социальной функции речи.

В языке существуют и могут существовать только социально оправданные, социально оформленные звуки. С другой стороны, не мышление и не сознание отдельного говорящего формирует язык, но язык сам как отражение определенных стадий хозяйственного и общественного развития формирует социальную сторону сознания и мышления каждого отдельного говорящего индивида. С этой точки зрения, мы можем назвать язык социальной формой человеческого мышления и сознания. Эти социальные формы у разных народов, пользующихся различными языками, различны и зависят от той стадии хозяйственного и общественного развития социально-экономической формации, которую выражает язык и культура данного народа в данный момент. Поэтому изучение всех особенностей данного языка, например, кабардинского или кяхского, позволяет нам проконтролировать еще раз и на другом историческом материале те выводы, к которым мы пришли на основании краткого анализа истории хозяйства и общественного строя черкесов, которую мы набросали выше, во второй главе.

С точки зрения уже приведенного нами деления культуры на две области: материальную и духовную, или пространственную и временну́ю, — мы должны отнести язык, несомненно, ко второй области, то есть к явлениям духовной культуры. Поэтому язык, несомненно, находится

в непосредственной зависимости от стадии общественного развития, от социального строя данного общества, а через него от развития производственных сил, создающих данную культуру. Однако это вовсе не значит, что отдельные выхваченные из языка элементы, например, отдельные звуки или отдельные слова, должны обязательно служить примерами только этой зависимости. Язык, как особая область культуры, для каждого отдельного народа представляет собой единую систему или структуру языковых явлений, в которой все находится во взаимной связи друг с другом. Эта единая система и называется грамматикой данного языка. При материалистическом построении лингвистики как науки, последняя должна представлять собой учение об историческом развитии грамматической системы данного языка с учетом хозяйственного и общественного развития создавшего его общества. Исходя из этих предпосылок нового лингвистического направления, мы и наметим в дальнейшем, хотя бы схематически, историю развития черкесских языков, поскольку пережитки прежних эпох этого развития еще сохраняются и в современном их состоянии; при этом многие факты развития языка помогут нам осветить с другой стороны те же самые исторические процессы, о которых мы говорили выше.

Подходя с вышеуказанной точки зрения к разбору материала черкесских языков, мы должны прежде всего отметить, что языки эти дают чрезвычайно богатый материал не только специально для истории черкесов, но и для решения общетеоретических вопросов о материалистическом обосновании лингвистики вообще и о месте языковых явлений в цельном комплексе явлений общественного развития.

Рассматривая структуру современных как кабардинского, так и кяхского языков, мы сейчас же обнаруживаем в них замечательную особенность, которая резко отличает их от привычных для нас европейских языков, хотя бы от языка русского. Мы сразу открываем в черкесских языках целые пласты значительного количества слов и корней односложного типа. Все эти слова и корни образуются совершенно одинаковым способом. Если мы будем брать любой из согласных, существующих в кабардинском языке и соединять его с одним из двух существующих в нем же кратких гласных «э» (е) или «ы» (у), то у нас будут получаться действительно существующие в кабардинском языке слова и корни. Таким образом, типом этих односложных слов будет следующая схема: «согласный + гласный», то есть то, что ученые называют типом открытого слога. Кроме такого наиболее распространенного в черкесских языках типа, который по числу составляющих его звуков мы можем назвать двузвучным, реже попадается и более сложный тип, который строится по схеме: «согласный + согласный + гласный», то есть вместо одного согласного в начале слога мы имеем в нем сочетание двух согласных, а в конце — гласный, то есть тип остается тем же самым типом открытого слога. Собирая все слова и корни указанного типа в кабардинском языке, мне удалось составить целый словарь, заключающий в себе около четырехсот отдельных слов (Н.Ф. Яковлев, «Материалы для словаря кабардинского языка» вып. I)[34]. Если мы рассмотрим все вышеуказанные односложные слова с точки зрения их социально-экономического содержания, то есть с точки зрения их значений, то увидим, что этот односложный или моносиллабический пласт слов в кабардинском отражает в себе и определенную стадию социально-экономического развития, ту именно стадию, которую мы выше охарактеризовали как культуру трудового сельскохозяйственного населения дометаллической эпохи, стоявшую, по-видимому, в начале переходного периода от родового строя доклассового общества к феодализму или докапиталистическому классовому обществу.

Для известной исторической эпохи этот пласт слов и был основным богатством кабардинского словаря, из которого развивались словарные запасы дальнейших стадий социального и экономического развития. Мы можем сейчас попытаться вкратце наметить даже некоторые предшествующие и последующие этапы этого развития, основываясь на анализе чисто языкового материала. Мы должны предположить, что в некоторую предшествующую эпоху кабардинский язык был такого же приблизительно грамматического строя, как и современный китайский в его моносиллабическом строе или как язык суданских негров в его идеальном типе. В этот период в кабардинской речи употреблялись только отдельные односложные слова — корни. Никаких аффиксально выраженных форм (морфологии) ни падежей, ни лиц глагола еще не было. Формы выражались только порядком постановки слов в предложении. Так, если говорилось односложными корнями «человек лов зверь», то это значило «человек ловит зверя», а если говорилось «зверь лов человек», то это понималось как «зверь ловит человека». Следы такого состояния можно и сейчас отыскать в сложных кабардинских словах, так «вода глаз» значило «воды глаз», то есть «колодезь», а «глаз вода» имело смысл «глаза вода» то есть «слеза». В этот период, таким образом, все слова в речи были только односложными и кончались на гласную. Таким образом, в эту эпоху речь делилась на слоги

совершенно так же, как наша речь делится на отдельные слова. Тогда впервые и возникли те корни односложного типа, которые мы теперь можем собрать и выделить как особый пласт в теперешнем кабардинском языке. Эта эпоха, по-видимому, должна была соответствовать эпохе стадного периода доклассового общества.

Развитие общества и накопление трудового опыта, которое совершалось и в этот период, должно было вызывать необходимость в создании новых слов для обозначения возникших ценностей, орудий производства и их продукции. Для этой цели в ту эпоху, когда не было еще возможности соединить два корня в одно слово, так как все слова должны были быть еще односложными, в ту эпоху, когда не было еще никаких ни приставок, ни окончаний, которые можно было бы использовать для образования новых слов от старых корней, создание новых слов могло идти только двумя способами. Во-первых, один и тот же корень, употреблявшийся прежде лишь в одном определенном значении, получал также новое значение без изменения его звуковой стороны, его произношения, то есть получалось то, что обычно называют словом с двумя значениями и что правильнее было бы назвать двумя разными словами, которые звучат совершенно одинаково (путь полисемантизма). Так, в кабардинском и кяхском языках мы и теперь еще можем проследить историю развития нескольких таких значений. Было слово «хы» (ху) со значением «бери, собирай», которое сейчас сохраняется в обоих языках в соединении с приставками (de-x, jy-x, tej-x и прочие). Уже в самую древнюю эпоху, когда люди научились собирать злаки, первоначально дикие, а затем стали их культивировать, то тем же самым словом стала называться и организованная уборка этих злаков (ячменя). Так как ячмень разводится еще на маленьких грядках, как теперь огородные растения (мотыжное земледелие), то убирали его вручную, просто рвали колосья. Такой способ уборки до сих пор существует в нагорных селениях Абхазии. И вот этот способ уборки стали называть тем же самым корнем, который до этого обозначал «бери». Таким образом, слово получило два значения: «бери» просто и «убирай» («созревай» ячмень). Затем в значительно более позднюю эпоху, когда культура злаков стала производиться на больших участках земли путем валовой запашки и появилось специально металлическое орудие для уборки — серп, тот же самый термин перешел и на новый способ уборки, и «хы» (ху) стало обозначать «жни серпом» и так же «коси косой», и, наконец, отсюда позднее пила получила название «пхах» (рӽех), то есть буквально «режущая дерево».

Таким образом, в эпоху стадного общества данный корень значил «бери, собирай», в связи с собирательным характером хозяйства, отсюда в эпоху родового строя в связи с начатками земледелия ручной мотыжной культурой он получает смысл «рви колосья, убирай, созревай ячмень». Наконец, в эпоху классового докапиталистического общества возникает интенсивное земледелие с применением силы домашних животных, появляются металлы, серп и коса, и термины получают значение «убирать — жать», «косить — пилить». Общей схемой развития значений для этих трех эпох будет, таким образом: «собирать, брать → срывать = убирать хлеб → срезать = убирать хлеб → срезать = пилить дерево». Такой же пример развития представляет собой, например, корень «фэ» (fe). Первоначальным его значением было, очевидно, «шкура» (животного), затем, когда при скотоводстве явилась производственная необходимость различать в стаде отдельные головы скота по их масти, это же самое слово использовали и в значении «масть» (животного). Потом его же стали употреблять, когда научились соскабливать шерсть и выделывать кожи, в значении «сыромятная кожа» и, наконец, «выделанная кожа и ремень». С другой стороны, когда производственное значение получили не только животные, но и различные изделия из шерсти, когда научились окрашивать их и появились способы различной окраски, тогда явилась необходимость в слове для обозначения цвета вообще. Для этого стало употребляться тоже прежнее слово «фэ» (fe) — «масть». Наконец, в известную эпоху кабардинец дошел до необходимости обозначать внешний вид вообще и для этого он стал употреблять то же самое слово «фэ» — «цвет».

Таким образом, из одного и того же древнего корня мы видим одновременное развитие двух различных рядов значений. С одной стороны: «шкура — сыромятная кожа — сыромятный ремень — выделенная кожа — выделанный ремень». С другой стороны: «шкура — масть животного — цвет вообще — внешний вид вообще». Такое же развитие значений мы находим и в более поздние эпохи. Так, например, первоначальный термин «шэ» (še) — стрела — при появлении огнестрельного оружия переносится на сходные по функции его части, то есть получает значение «пуля, патрон, заряд» и т.д. В результате этого способа получения новых слов мы имеем в современном кабардинском языке, в особенности в односложных словах, массу так называемых омонимов, то есть слов совершенно одинаково звучащих, но имеющих различ-

ные (два, три и больше) значения. Так, например, звукосочетание «сэ» (se) имеет следующие значения «я», «нож», «сей», в соединении с приставками также «плавай»; звукосочетание «хы» (ху) — «бери, жни» в соединении с приставками «спускайся», «море», «шерсть». Таким образом, необходимость в получении новых слов привела в черкесских языках (кяхский в этом отношении нисколько не отличается от кабардинского, и в нем мы также находим почти все перечисленные примеры) к явлениям так называемого полисемантизма или многозначности одних и тех же слогов.

Однако идти в развитии запаса слов таким путем можно только до известного предела. Вернее даже сказать, что в наиболее древние эпохи чистого односложного (аморфного) строя таким путем идти совсем нельзя, так как при отсутствии соединения одних корней с другими в одно слово, при отсутствии также приставок и окончаний, одинаково звучащие слова в речи будут смешиваться и не будет никаких средств различить, когда, например, данный корень «фэ» употреблен в смысле «шкура» и когда употреблен в смысле «вид» и т.д. Поэтому в первую эпоху словотворчества проточеркесские родовые языки, несомненно, должны были использовать другой способ образования новых слов. Этот способ заключается в том, что одновременно с развитием нового значения изменяется и звуковой вид данного слова. Для изменения звукового вида черкесы использовали, главным образом, различные разновидности согласных звуков. Гласных же в этот период в их языках, по-видимому, было еще не больше одной. Таким образом, мы получаем вслед за образованием новых значений слов также развитие соответствующих этой разнице значений согласных звуковых различий; следы такого развития приходится теперь вскрывать с большим трудом. Наиболее достоверными представляется мне следующие: «лъы» — «мясо» (ly), «тлъы» (ly) — «кровь», корень «у» — «всовывай твердый предмет, втыкай», «уы» (uy) — «вдевай, всовывай мягкий предмет» и т.д. Этот способ, несомненно, должен был повести вместе с накоплением новых слов к развитию значительного числа новых согласных звуков в языке. В этом и кроется причина того, что как кабардинский, так и кяхский языки, в общем, значительно превосходят известные нам европейские языки в отношении количества звуков. В кабардинском — 52 (из них 46 согласных) и в некоторых наречиях кяхского языка до 74 (из них согласных 68). В самом деле, если мы сравним то, каким образом построены из звуков черкесские слова, с теми способами построения слов, которые мы имеем в европейских языках, то поймем, почему в черкесских языках, как и в некоторых других кавказских, число звуков (а следовательно и букв, необходимых для их алфавита) должно далеко превосходить те цифры, которые мы имеем здесь в языках европейских, например, в русском.

В русском самые короткие слова и корни, имеющие в языке массовое применение, минимально должны иметь три звука, которые строятся по схеме: согласный + гласный + согласный, то есть состоят самое меньшее из трех звуков и представляют собой то, что ученые называют «закрытым слогом». Таким образом, черкесские односложные слова и корни короче на один звук, проще по своему звуковому составу, чем самые короткие корни русского языка. В русском языке мы будем иметь «мел, дуб, конь», а в черкесских: «хы», «фэ», «шэ», «лъы» (ху, fe, še, ly) и т.д. Ясно, что для того, чтобы получить достаточное количество различающихся в звуковом отношении слов, черкесский язык должен пользоваться различием самих звуков, тогда как русский, кроме того, может создавать новые слова также путем перестановки порядка согласных, например «мол», «лом» и т.д. В черкесском же согласные и гласные могут стоять только в одном порядке, изменить который никак нельзя. Таких слов как «ыф, эх, ыл» в черкесском языке вообще существовать не может.

Мы можем пояснить это на примере сигнализации с помощью флажков различного цвета, которые применяются, например, в мореходстве. Если установить такое правило, что одновременно может выбрасываться только два флажка, и притом они должны быть всегда только в одном определенном порядке, например, в порядке цветов спектра от синего к фиолетовому, то, разумеется, для того, чтобы получить необходимое нам количество сигналов, мы должны иметь очень большое количество самих различающихся по цвету флажков. Если же установить, что мы одновременно можем выкидывать по три и более флажков и притом в любом порядке их расположения, то количество самих флажков может быть значительно меньшим, так как при одних и тех же составных флажках мы можем передавать различные сигналы, изменяя порядок расположения этих флажков. Языками, которые пользуются для сигнализации разницы слов не только разницей самих флажков, но и изменения порядка этих флажков-звуков друг по отношению к другу в составе слова, и являются языки европейские, в том числе русский. Поэтому количество самих сигнальных флажков-звуков в этих языках может быть относительно небольшое. Черкесские же языки для образования новых слов не мо-

гут использовать изменения порядка флажков-звуков, так как порядок этот у них установлен строго определенный. Поэтому всю разницу между словами они могут сигнализировать нам только путем применения значительного количества различных флажков-звуков. В языках абхазо-черкесской группы этими сигнальными флажками-звуками, на которых основывается все различие слов друг от друга, являются для односложного их пласта — согласные, так как эти языки в известную эпоху своего развития были чрезвычайно бедны гласными.

Таким образом, в древнейший период своего развития проточеркесские языки должны были развивать богатую систему звуков, в особенности согласных. Развитие звуков шло параллельно образованию и развитию новых слов в языке. В этот период проточеркесские языки являлись, безусловно, языками чистого односложного типа, то есть не допускали еще образования новых слов из соединения двух или нескольких корней в одно слово. По-видимому, этот период должен был соответствовать периоду родового строя и коллективистического хозяйства в его чистом виде.

Однако в известную эпоху наступил момент, когда стадная орда вступила в период некоторой дифференциации производственных функций, что вызвало необходимость их распределения между различными ее членами. Такими, различно участвующими в процессе производства группами, на первых порах могли быть возрастные группы, которые, например, во время охоты выполняли функции загонщиков — более молодых и сидевших в засаде охотников — более старых и т.п. (групповое или тотемистическое общество). В этот период для обозначения различного участия членов одного и того же общества в производственных функциях появляются слова-местоимения «лы, вы», а также «тот невидимый», «тот видимый» и «этот», которые существуют до сих пор в кабардинском языке. Вместе с тем в этот период начинается развитие новых слов в проточеркесских родовых языках с помощью сочетаний одних корней с другими. Вопрос об этом развитии, его характере, его отправном и конечном пункте — все это вопросы не только частного по отношению к черкесским языкам, но и огромного теоретического значения, их исследование позволяет нам, несомненно, установить, что процесс развития значений, вообще, протекает путем накопления противоречий, которые, в конце концов, синтезируются во вновь возникающих словах, что этот процесс от начала до конца есть процесс диалектический, основанный на историко-материалистическом базисе.

Остановимся подробнее на исследовании этого процесса. В настоящее время, как я уже сказал, как в кабардинском, так и в кяхском языках, мы имеем односложные слова, совершенно совпадающие по своей звуковой стороне и в то же время значительно разнящиеся со стороны значений. В известных случаях нам удается вскрыть, что все эти различные значения, современные различные слова, несомненно, восходят к некогда существовавшему одному основному слову с одним значением, которое иногда еще и теперь сохраняется в числе других значений. При этом в целом ряде случаев удалось установить, что таким основным словом, от которого шло в дальнейшем развитие всех последующих значений, являлось, несомненно, слово, имевшее для той эпохи производственный характер, связанный с тогдашним производством. С нашей точки зрения, так как мы привыкли подходить к вопросу о значении слов исходя из норм формальной логики, не представит никакого сомнения проблема, какой из двух терминов должен бы быть основным: название дерева, производящего плоды, или названия плода; например, «яблоня» или «яблоко».

Несомненно, что мы скажем, что «яблоня» должна быть основным термином, а «яблоко» — производным, так как в наше время именно фруктовое дерево и его культура является основным производственным фактом, от которого и зависит получение плодов. Так как в производстве яблоко происходит от яблони, а не наоборот, то и в языке, мы, с нашей точки зрения, могли бы ожидать именно тот же порядок происхождения терминов. Однако то, что справедливо для нашей социально-экономической эпохи, совершенно неверно для эпохи другого, значительно более примитивного хозяйства. Собирание диких плодов, несомненно, являлось одним из древнейших известных человеку производственных процессов, целью которых было получение необходимых продуктов питания. Это собирание восходит, по-видимому, еще к эпохе чисто собирательного хозяйства стадного общества. Тогда человек впервые и должен был познакомиться с хозяйственным значением диких плодов и найти для них соответственные названия в своем языке. О производственной роли деревьев он в ту пору еще ничего не знал. Деревья не имели для него хозяйственного значения, и в названиях деревьев он первоначально, очевидно, не нуждался. Затем позднее должен был наступить момент, когда производственная связь между плодом и деревом, первоначально дикими, открылась для человека, он стал не только собирать плоды с земли, но и рвать их с деревьев. Он научился

также распознавать и оберегать деревья, приносящие плоды. В эту позднейшую эпоху ему понадобились также названия и для диких плодовых деревьев.

Наконец, на следующей стадии хозяйственного развития (родовой строй и начало классового общества) человек научился сам культивировать плодовые деревья, и они-то и сделались для него главным производственным фактором. Все эти стадии, несомненно, проходились всеми народами. Во всех их языках развитие терминологии должно было идти по одной и той же схеме: «название для дикого яблока → название для дикой яблони → название для садового яблока и яблони». Однако не во всех этих языках сохранились до наших дней ясные следы развития этого процесса. Замечательной особенностью черкесских и, в частности, кабардинского языков и является то, что они сохранили нам в теперешнем их состоянии несомненные следы всех этих стадий. По-кабардински основной односложный корень, от которого происходят все другие термины этого порядка, существует и до сих пор в виде отдельного слова, это: «мы» (my) — «дикое яблоко». Именно этот корень и относится к тому пласту односложных слов, который мы признаем в кабардинском отголоском доклассового, в значительной степени еще коллективистического общества. Название дерева «яблоня» производится уже от этого корня с помощью особого окончания, как это совершенно ясно видно еще в кяхских наречиях (темиргоевском, абадзехском): где «мыйэ» (myje), кабардинское «мэй» (mej), обозначает «яблоня», то есть это название образовано от то же «мы» с помощью суффикса «йэ» с первоначальным значением «он», что придает всему этому слову характер, аналогичный нашему прилагательному, то есть «яблоня» буквально значит здесь «дико-яблочное дерево», «дерево, производящее дикие яблоки». Наконец, для обозначения садового яблока употребляется сейчас единое, но еще легко разложимое на свои составные корни слово: «мыарысэ» (myéryse), что значит буквально «дикое яблоко, руками посаженное». Совершенно аналогичным образом от названия диких плодов «зэ» — «кизил», «дэ» — «орех» образуется название деревьев кизилового: «зэй» — кяхское (zej), «зайе» (zaje) и орехового «дэй» (dej), кяхское «дайе» (duje).

Еще один интересный пример: современная лампа называется «уэздыга» (uezdyŋa) кяхское «уэстыга» (uestyŋa). Однако это название перенесено на лампу позднее материала для освещения в черкесском жилище, который впоследствии заменила лампа. Таким образом, основное хозяйственное значение имела для кабардинца «лучина», а не то дерево, из которого он эту лучину добывал. Поэтому название «дерево» произведено в черкесских языках от названия лучины: кабардинское «уэздыгей» (uezdyŋey), кяхское «уэзтыгай» (ueztyŋaj) (откуда и происходит название станицы Гастогаевской, возле Анапы), что значит «сосна», то есть буквально «лучинное дерево».

Столь же честную картину того, что отправным пунктом всякого развития слов являются именно производственные термины, дает нам исследование образования названий цветов, окраски в черкесских языках. Подобно тому, как из термина «шкура», как хозяйственного термина для охотничьего и скотоводческого общества, образуется сначала «масть» животного и затем «цвет» вообще, точно так же мы видим, что в кабардинском и кяхском языках названия мастей животных выражены односложными основными корнями, тогда как названия цветов произведены от этих корней с помощью прибавления особого суффикса. Так, например, «гуэ» (ŋue) имеет значение «рыжий» (масть животного, цвет глаз и волос человека); «ху» (xuy), кяхское «фы» (fy) — «светлый, белый (масть светлых пятен на животном)», отсюда образован «гуэж» (ŋuyz) — «желтый» (название цвета вообще), «хуж» (xuyz), кяхское «фыж» (fyž) — суффикс «ж» также служит в черкесских языках для образования производных имен (со значением прилагательных) и т.д.

Столь же показателен для черкесских, как и для многих других языков, тот факт, что в нем мы не находим основных корней для обозначения таких широко распространенных в природе цветов, как «синий» и «зеленый». Во многих языках, например, в вейнахских, «синий» и «зеленый» называются безразлично одним и тем же термином; «зеленый» же может быть назван также «травяным» (цветом). В черкесских языках мы видим выражение основными корнями названия мастей «рыжий», «светлый», «серый» и «буланый». Для выражения «синий» существует термин производный неодносложного типа, для того, чтобы выразить «зеленый», говорится буквально «травы цвет». Эта история названия цветов показывает, что мы имеем здесь дело с терминами, возникшими у охотников и скотоводов, единственной хозяйственной базой которых являлось добыча и обработка продуктов животного мира. Название мастей животных поэтому и были в их языке первыми терминами, появление которых было обусловлено производственно-экономически. Вслед за тем от них были образованы названия соответствен-

ных цветов. Что же касается названий для цвета травы и неба, то они развились значительно позднее той первоначальной эпохи, когда проточеркесские общества говорили еще языками односложного аморфного типа. Все вышеуказанные примеры с несомненной ясностью показывают нам, что человек в первую очередь называл вовсе не то, что его окружало и что он, несомненно, видел, но только то из окружающего, что имело для него хозяйственный интерес. Примитивный человек эпохи кочевого скотоводства, конечно, великолепно видел и цвет неба, и цвет травы, но в обозначении в его языке этих цветов особыми словами он не нуждался. Различие мастей его собственного скота — вот что интересовало его в первую очередь и что должно было прежде всего найти выражение в его терминологии.

Попробуем теперь на основании установленного нами закона, что отправным пунктом всякого развития значения являются именно термины, имеющие производственно-хозяйственное значение, разобрать один-два примера из черкесских языков, на которых мы можем проследить последовательную смену и развитие значительного количества значений и слов, восходящих, в конце концов, к одному основному производственному термину. Так, в черкесских языках существует большое количество частью одинаково, частью очень близко звучащих слов со следующими значениями: глагол «гу» (ŋuy) — «сушись впрок, вялься» (о мясе, плодах и прочем), «сохни, засыхай» (о растениях), «гибни» (о живых существах); корень «гуэ» (ŋue) — «пекись, жарься» (о хлебе), «пора, время» (например, жатвы, сенокоса и т.д.), «рыжий» (масть), откуда производится «желтый» (цвет вообще); тот же корень участвует в слове «фагуэ» (faŋue), что значит «белый», буквально «кожа бледная»; этот же корень «гуэ» (ŋue) обозначает еще по-кабардински «нора», по-кяхски «место под защитой нависших скал» в горах. Несомненно, что оба эти корня «гу» и «гуэ», различающиеся только по их кратким гласным, представляют собой видоизменения одного и того же корня, точно так же, как «шы» (chy) — «делай», «шэ» (che) — «исполняй, совершай», «тлъы» (ɬhy) — «задуши», «тлэ» (ɬhe) — «умирай» и т.д. Кроме того, в связи с ними стоит корень «га» (ŋa), который в значении «время» может даже отчасти заменять корень «гуэ» (ŋue). Этот последний корень значит «теплая половина года, время года, сезон, год, время вообще», наконец то же самое «га» (ŋa) употребляется как окончание, во-первых, давно прошедшего времени, завершившегося в истекший период и, во-вторых, для образования глагольных имен со значением процесса действия, например, от глагола «делай» — «делание» и прочее.

На первый взгляд, мы не видим решительно никаких оснований к тому, чтобы значения «сушись», «время», «рыжий» и «нора», например, могли развиваться одно из другого. Попробуем, однако, разобраться в этом детально; несомненно, основным первоначальным значением, с нашей точки зрения, должно быть «гу» — «сушись впрок, вялься» и производное отсюда «гуэ» — «пекись, жарься». Вяление было одним из древнейших производственных процессов, с помощью которых человек мог консервировать продукты питания: мясо и плоды. Этот хозяйственный термин он переносит и на аналогичные явления в природе: «сохни, засыхай, гибни» (о растениях), и отсюда «гибни» о животных существах и людях. В тех степях, в которых жили проточеркесские орды, одной из характерных особенностей климата было засушливое лето. В этих степях к середине лета вся растительность засыхает. Отсюда тем же термином могло быть названо степное лето, как пора засыхания растительности, отсюда, с одной стороны, образуется с помощью некоторого звукового изменения корень «га» (ŋa) — «теплая половина года в противоположность зиме», затем, путем обобщения этого термина — вообще всякое время года сезон, наконец «год» и «время, пора» первоначально какой-нибудь работы (как время жатвы, сенокоса и т.д.). С другой стороны, из того же термина производится название цвета засохшей растительности, собственно, выцветший желтоватый цвет засыхания и увядания. В связи с этим мы имеем название масти «рыжий» по признаку слабости окраски или, как это утверждают и антропологи, слабости пигментации. Что это, несомненно, так, что развитие значения «рыжий» здесь отнюдь не связано с термином «красный», как в русском, доказывается наличием того же корня в значении «бледный». Наконец, место, защищенное скалами в горах, представляет собой, несомненно, один из древнейших видов человеческого жилища (sousabris des roches) и, безусловно, названо тем же термином, как сухое, защищенное от сырости, от влаги место. Поэтому тем же термином названа и «нора».

Наконец, нам осталось только разобрать происхождение глагольных окончаний. Здесь сохранение прошедшего времени связано, несомненно, со значением «год» или «сезон» и буквально, несомненно, со значением «протекало в прошлом году или в истекшем сезоне», значит «я некогда ходил» (sesyķkuenyŋaş), буквально значит «я ходил или в прошлом году, или в прошлом сезоне». Наконец, отглагольное имя, особенно распространенное у кяхов, например,

«куэныга» (қuenyɣe) «хождение», буквально обозначает «время, пора хождения», причем «время» здесь получает название «процесс», «процесс хождения».

Подобно тому, как мы это видели в вышеуказанных примерах, мы можем проследить в черкесских языках развитие значений, идущее от конкретных производственных терминов к другим конкретным терминам и, наконец, к абстрактным отвлеченным понятиям и частицам с формальным значением, то есть приставкам, окончаниям и прочим, причем формальное значение здесь является также одним из видов развития абстрактных значений. Особенно важное место в развитие новых слов в черкесских языках занимают термины, служащие для обозначения частей тела человека и животных. Мы уже указывали выше, что эта часть словаря могла развиться в проточеркесских языках еще в эпоху, когда основной экономической базой этих обществ являлись охота и скотоводство. Части тела и его органы в ту эпоху могли рассматриваться как основные продукты производства, с одной стороны, и орудия производства, с другой. Тот факт, что именно эта часть словаря дает нам картину наибольшего семантического развития, служит также одним из доказательств значительной древности и первичного характера телесной терминологии для определенной эпохи общественного развития. Из примеров этого рода можно указать: развитие значений «верх, власть, главный, исток, начало» и множество других из термина «голова», «перед, передний конец, конец вообще» — из термина «нос» и «зад, задний конец, конец вообще» — из термина «хвост»; «отверстие» — из термина «рот» и т.д. Значительное количество слов получается также в результате развития термина «глаз», отсюда мы имеем «отверстие» (например, «глаз иглы» в значении «ушко иглы», «глаз норы», в значении «дыра», «воды глаз» в значении «колодезь»), «место», «кусок», «глазок», «часть», наконец, «орудие» (примеры см. выше). В связи с термином «место», очевидно, стоит глагольное значение «оставайся, застревай», буквально «помещайся». Наконец, от слова «глаз» происходит глагольная приставка со значением «туда, в сторону от лица говорящего» и окончание так называемого неопределенного наклонения глаголов в кабардинском языке, которое можно было бы точнее переводить как отглагольное имя существительное со значением процесса действия, например, «куэ» (қue) — «иди», «куэн» (қuen) — «хождение», буквально «место хождения» и т.д.

Очень интересны для установления некоторых фактов материальной культуры черкесов примеры развития значений, которые даны нам в приставках (так называемые префиксы) черкесских языков, выполняющие в них ту же роль, что в русском языке предлоги. Здесь мы имеем для выражения русского абстрактного значения предлога «в (внутри)» несколько префиксов, каждый из которых употребляется лишь в строго определенных случаях. В общем, как здесь, так и во многих других случаях, мы видим, что кабардинский язык в ту эпоху, когда он складывался, не дошел еще до той степени развития абстрактных понятий, до которых дошли, например, языки европейские (ср. отсутствие в кабардинском и черкесских языках слова для обозначения термина «яблоко вообще». Здесь существует только термины более частные: «дикое яблоко» и «садовое яблоко»; вместо термина «ноготь вообще» существуют конкретные «ноготь на руке», «ноготь на ноге» и т.д.) Подобно этому, кабардинец строго различает, находится ли предмет внутри, в самом веществе, например, в воде, в песке, в земле и т.д. или предмет находится внутри в полом пространстве, или, наконец, он находится внутри горизонтального огороженного пространства, например, на улице, во дворе и т.д., или предмет находится под прикрытием сверху и т.д. Для всех вышеуказанных случаев черкес употребляет разные предлоги «в». Для обозначения нахождения в самом веществе он употребляет предлог «хэ» (хе), который до сих пор сохранился в виде особого корня и слова со значением «море» — «хы» (ху). Первоначальным значением этого корня была, очевидно, «вода» (ср. чеченское «хы» (ӽу) — «вода»).

Таким образом, когда черкес желает выразить понятие «в веществе», то он собственно говорит «в воде». «Вода» и получила здесь значение «вообще всякого вещества», а затем еще более абстрактное значение предлога «внутри вещества». Для того чтобы выразить понятие «внутри в полом пространстве», кабардинец и кях употребляют предлог «йы» (jy), который до сих пор сохранился в виде особого, самостоятельно употребляемого глагольного корня со значением: «обмазывай глиной (например, стены дома)». Для того чтобы понять эту связь между предлогом «внутри в полом пространстве» и глаголом «обмазывай глиной», нам следует восстановить картину того, какое место в культуре черкесов занимал этот трудовой процесс обмазывания глиной. Как выше нами уже указывалось, главным материалом для устройства зернохранилищ, ульев (так называемых «сапеток») и прочего у черкесов до сих пор служит плетень, обмазываемый глиной. Так устраиваются стены жилищ и сапеток, служивших, главным образом, для хранения зерна. Таким образом, предлог со значением «внутри в полом пространстве» буквально

значит: «в плетневом обмазанном помещении», так как у черкесов это и было первоначальным видом всякого рода хранилищ. Этот корень также получил в дальнейшем обобщенный смысл, сделался формальным значением предлога «внутри во всяком полом пространстве вообще», из какого бы материала ни были сделаны стенки этого помещения. Для того чтобы выразить нахождение предмета в горизонтально ограниченном пространстве, безразлично замкнута ли эта ограда или она состоит только из двух параллельных продольных стенок, кабардинец пользуется предлогом «дэ» (de). Мы находим тот же самый корень в самостоятельном слове «дэ» (de) «орех», являвшемся одним из древнейших корней для обозначения первоначально в диком виде собираемых в качестве продуктов питания орехов. Этот корень стоит в несомненной связи с совершенно одинаково звучащим глагольным корнем «дэ» (de) — «шей», то есть «соединяй, скрепляй». Связь с корнем «орех» осуществляется, очевидно, по признаку крепости. Дальше мы имеем тот же самый корень в значении «вместе и рядом», что, очевидно, также развивается из производственного понятия: «сшивай, скрепляй». От последнего значения уже один только шаг до значения глагольной приставки «между», то есть собственно «рядом с горизонтально расположенными заграждениями». Этим предлогом кабардинец пользуется, когда хочет сказать, что предмет находится во дворе, на улице, в ущелье и т.д.

Наконец, для выражения нахождения «под чем-нибудь, под каким-либо прикрытием сверху» кабардинец пользуется предлогом «шэ» (che), кяхское «че» (ḳe), что, по моему мнению, несмотря на расхождение в этом отношении кяхских наречий, несомненно, восходит к тому же самому корню, который мы находим в слове «дно» и далее в слове «земля» и «под землей». Таким образом, когда он говорит «под чем-нибудь», то буквально по своему происхождению это могло бы быть передано «под дном чего-нибудь», а понятие «дно» получилось из обобщения понятия «земля». Таким образом, если кабардинец хочет сказать, что человек стоит в воде, в комнате, во дворе, то в этих случаях он будет к одному и тому же глагольному корню прибавлять разные приставки. Так, например, «хэ-тш» (xe-tş), «дэ-тш» (de-tş) «йы-тш» (jy-tş) и «ше-тш» (che-tş) и т.д., причем в разных наречиях в отношении комнаты в доме возможно употребление разных предлогов, смотря по тому, от какого пространственного представления исходили в этом случае представители данного наречия. Поэтому «стоит в комнате» можно выразить словами «йитш» (jytş), «дэтш» (detş) или «шытш» (chetş), что буквально будет обозначать «стоит в полом пространстве» (в комнате), или «стоит между стенами комнаты», или, наконец, «стоит под крышей» (дома). Также различно выражаются и предлоги, обозначающие «возле» чего-нибудь, «возле конца» или «на конце» обозначается с помощью предлога, произведенного от корня «нос». «Возле отверстия» выражается предлогом, происходящим от корня «рот». Один человек возле другого, если стоит лицом к лицу, то в этом случае кабардинец воспользуется предлогом от слова «грудь», если стоит сбоку — от слова «бок» и т.д. Таким образом, мы видим здесь значительно более точную терминологию пространственных отношений и вместе с тем меньшую степень абстракции значений предлогов, чем в русском языке.

Каким же образом протекает самый процесс развития значений во всех приводившихся нами случаях, который может повести, как мы видим, к весьма дифференцированным гнездам общих по происхождению слов. Нам удалось теперь вскрыть самый процесс развития значений, его начальную, переходную и конечную стадии с достаточной полнотой и ясностью, причем оказывается, что тот же самый процесс может быть прослежен, хотя и с меньшей полнотой и ясностью на материале не только черкесских, но и многих других языков. Мы можем, таким образом, сделать вывод, что развитие значений в языке вообще шло по одной и той же схеме и что процесс этот носит везде ярко выраженный диалектический характер. Приведем несколько примеров такого развития из кабардинского языка.

В качестве односложных корней, восходящих еще к эпохе, когда проточеркесские общества говорили на односложных языках, мы находим сейчас в кабардинском корни «дзэ» (ʒe), кяхское «цэ» (ce) — «клык, зуб» и «ха» (ha) — «ячмень в зерне». Когда понадобилось создать в черкесских языках термин для обозначения отдельного ячменного зерна, то язык прибег здесь к способу сочетания вышеуказанных двух корней друг с другом, что привело, в конце концов, к слиянию их в одно слово. Так получилось слово «хадзэ», буквально значившее «ячменный зуб», то есть «ячменное зерно». Это термин является новым доказательством того, что развитие земледельческой терминологии шло в черкесских языках по схеме уже сложившихся здесь охотничьих или скотоводческих понятий. Поэтому-то «зерно» производится от термина, взятого из области телесной номенклатуры «зуб». В таком именно смысле и употребляется вышеуказанный термин в кубано-кабардинском наречии. Затем, когда появились другие виды

хлебов, например, пшеница, то понадобилось найти термины для особого обозначения отдельных зерен и этих злаков. Самым естественным, с нашей точки зрения, было бы, если бы язык в этом случае присоединил то же самое «дзэ» — «зуб» к названию новых злаков. Однако вся особенность этого процесса заключалась в том, что «хадзэ» (hа-зе) уже воспринималось только как единое слово — как «ячменное зерно», отдельно же «дзэ» (зе) в значении «зерно вообще» еще не употреблялось, так как являлось, очевидно, такой степенью абстракции, которая не могла еще наступить на данной стадии развития производства у черкесов. Поэтому к названию новых хлебных злаков приходилось присоединять не отдельное «дзэ» (зе) «зуб», но целиком все слово «хадзэ» (hазе). Так, от названия пшеницы «гуэдз» (guез) было образовано значение «пшеничного зерна» в сочетании корней «гуэдз-хадзэ» (guез-hазе), что буквально, собственно, обозначало «пшеничное-ячменное зерно». Мы видим, что это сочетание корней заключает в себе безусловное смысловое противоречие. В этом случае «хадзэ» (hазе) должно было потерять значение «ячменный» и превратиться в общественный термин «зерно вообще», что мы видим в терско-кабардинском наречии, где для выражения термина «ячменное зерно» под влиянием вышеуказанного образования «пшеничное зерно» начинают уже употреблять сочетание «ха» (hа) и «хадзэ» (hазе) — «хахадзэ» (hahазе), то есть буквально «ячменное зерно». Путем процесса абстрагирования мы и получаем из вышеуказанных обоих сочетаний термин «хадзэ» (hазе) в современном терско-кабардинском наречии в обобщенном значении «хлебное зерно вообще»; это и есть конечный пункт процесса всего развития.

Таким образом, весь процесс развития значений представляется нам протекающим по следующей схеме. Два самостоятельных по своему происхождению хозяйственных или производственных термина для получения нового понадобившегося в производстве слова соединяются в единое слово. При этом в таком соединении один из его компонентов приобретает новое значение. Этот переход к новому значению по существу и здесь совершается уже в силу того противоречия, которое заключается в самом соединении. В самом деле, соединение в одно слово терминов «ячмень» и «зуб», взятых каждый из совершенно разных областей хозяйственной культуры, связанных с земледельческим, с одной стороны, и скотоводческим производством, с другой стороны, является моментом, несомненно, диалектического характера не только в языке, но и в хозяйстве и в культуре данного народа. Очевидно, в этот момент существовавшие раздельно, может быть, даже в разных обществах эти два типа хозяйственной продукции оказались слитыми воедино в пределах одной и той же родовой производственной группы, что должно было, конечно, создать некоторый новый синтетический тип хозяйства и культуры — смешанный тип земледельческо-скотоводческий.

Таким образом, противоречий в терминологии между «зубом» (скотоводческое хозяйство) и «ячменем» (земледельческое хозяйство) получило свое разрешение в том, что один из терминов делается термином тоже земледельческим, приобретает значение «зерна». Таким образом, уже в этой стадии развития значения «зерно» и развитие значения «зуб» представляет собой типичный диалектический процесс. Однако этот процесс становится совершенно осязательно видным и необъяснимым никак иначе, как только диалектикой развития на следующих более наглядных в этом отношении стадиях. Сочетание «пшенично-ячменное зерно» представляет собой уже совершенно ясный и неоспоримый пример возникающего сочетания внутреннего диалектического противоречия. Выход из этого противоречия опять-таки наступает в известном синтезировании соединявшихся основ, путем изменения значения одного из компонентов. «Хадзэ» (hазе) теряет признак «ячменный», получает как признак только значение «зерно». Это в свою очередь должно вызвать перестройку во всей системе данной терминологии. Ибо термины так же, как и всякие другие явления в языке, никогда не развиваются изолированно, и всякое изменение отдельного термина влечет за собой изменение всей системы данной терминологии в целом. Отсюда и возникает необходимость появления нового термина для обозначения «ячменного зерна», того самого, который уже раз был создан, но затем утерял свое значение в процессе диалектического развития.

Таким образом, получается построенный по принципу удвоения одного и того же определительного корня, по принципу тавтологии, термин «ячменно-ячменное зерно», внутреннее противоречие которого изживается путем утраты значения одним из определителей. Вышеуказанные два основосочетания «пшенично-ячменное зерно» и «ячменно-ячменное зерно» мы можем считать своего рода тезой и антитезой для последующего и самого важного для нас этапа развития. В результате наступивших в сочетаниях изменений значений вторая часть «хадзэ» (hазе) выделяется снова как отдельное слово, отдельный термин, но уже с совершенно новым более обобщенным, более абстрактным, чем в начальной стадии процесса, значением: «зерно вообще».

Еще один из примеров такого же развития представит нам следующий случай. Мы имеем односложные корни в кабардинском со значением «лошадь» и со значением «двухколесный местный экипаж, арба». Надо сказать, что в то время как в трудовом сельскохозяйственном слое черкесского населения «арба» с дышлом и воловьей упряжкой являлась основным средством транспорта, лошадь первоначально употреблялась лишь как верховое животное. Таким образом, арба была связана с культурой зависимых трудовых сословий, лошадь — с культурой феодалов, как животное, обслуживавшее их военно-хозяйственную деятельность. Наступает, однако, момент разложения феодального хозяйства и развития земледельческой культуры, шедшей на смену культуре скотоводческой, когда лошадь должна была принять на себя функции рабочего скота. Для того чтобы запрягать лошадь в арбу, пришлось переменить способ упряжки, вместо дышла появились оглобли, вместо ярма — хомут. Таким образом, в диалектике хозяйственного и культурного развития, благодаря новым условиям производства, пришлось объединить для сельскохозяйственной деятельности производственные средства класса феодалов и класса зависимых сословий, и из этого возникает новая форма транспортного экипажа: арба, приспособленная для лошадиной упряжки. Мы находим отражение этого процесса и в языковой терминологии. В этот момент наступает необходимость в особом термине для того, чтобы обозначить новую разновидность арбы. Это достигается путем соединения воедино, в одно слово, двух вышеуказанных односложных корней «гу» (guy) — «арба», шы (šy) — «лошадь»: «шыгу» (šygu) — буквально «лошадиная арба». Это составное слово уже заключает в себе терминологическое противоречие, так как в нем объединены термины различных классов кабардинского общества и различных хозяйственных культур. Различие устраняется тем, что второй корень «гу» теряет уже часть своего производственного содержания, постоянно присущий ему раньше признак «воловьей упряжки». Это вызывает в свою очередь возникновение повторительного (тавтологического) термина «ыгу» (vygu) — буквально «воловья арба». И, наконец, путем абстрагирования мы получаем в результате ныне существующий в терско-кабардинском наречии термин с обобщенным значением «гу» (guy), в кяхском языке «ку» (kuy) — «всякий экипаж вообще». Иногда, впрочем, кабардинский язык дает нам примеры, когда последняя стадия появления старого термина с новым обобщенным значением в языке еще не наступает. В этих случаях, процесс развития, конечно, не остановился, но завершение его нам приходится ожидать лишь в будущем.

Вот примеры: «у» — «рот», откуда получается значение «отверстие» и значение «втыкай в отверстие», «нэ» (ne) — «глаз», отсюда «у-нэ» (úy-ne) — буквально «втыкаемый глаз» или «предмет для втыкания», то есть деревянный колышек, забиваемый в стены жилья для вешания одежды, кяхское «чека», скрепа для бревен, кроме того, <употребляемое> для того чтобы молодые люди, обязанные стоять в присутствии старых и гостей, могли придерживаться за него руками. Это было распространено у бжедухов. Появляется первоначально чуждый для культуры сельскохозяйственного кабардинского населения железный гвоздь. Для образования соответственного термина к вышеуказанному нами деревянному колышку прибавляется основа «железо» и получается «железный деревянный колышек», в значении «железный гвоздь». Вышеуказанное образование дает нам возможность заключить, что железные гвозди у кабардинцев в период их первого внедрения в кабардинскую материальную культуру служили не только для скрепления деревянных частей, но также в качестве забиваемых в стену дома вешалок; только одинаковой их функцией с деревянной вешалкой и можно объяснить, почему название последних и было перенесено на название первых. Как мы уже выше указывали, в технике построек и изделий из дерева кабардинское крестьянство до сих пор по традиции воздерживается от употребления металлов. Так возникает от слова «гуш» (ŋuych) — «железо», «гуш-унэ» (ŋuych-úyne) буквально — «железный деревянный колышек», то есть «железный гвоздь». Это вызывает необходимость появления нового термина «пха-унэ» (pχe-úyne), то есть буквально «деревянный деревянный колышек», взамен прежнего «унэ» (úyne). Конечной стадией процесса должно было бы быть «унэ» (úyne) в значении «всякий гвоздь» или «забиваемый в стены колышек вообще». Однако такой термин в кабардинском языке пока отсутствует. Точно так же мы имеем здесь термин «дикое яблоко», затем «дикое яблоко, руками посаженное» в значении «садовое яблоко», термин же «всякое яблоко, яблоко вообще» отсутствует.

Мы имеем в кабардинском сочетание корней с буквальным значением «глаза рога на ноге», в значении «ногти на ноге», «глаза рога на руке» в значении «ногти на руке», но термин «ноготь» вообще отсутствует и т.д. Совершенно такой же путь развития значений мы можем наблюдать и в языках, где из двух корней «вода» и «камень» получается сочетание «водяной камень», которое первоначально, очевидно, имело значение «жернова», приводившегося в

обществе в движение водой, — уже в раннем финском. Однако затем появляются и ветряные мельницы. Тогда возникает термин «ветряной водяной камень» в значении «ветряная мельница». Это вызывает необходимость в слове «водяной водяной камень» в обобщенном значении «мельница вообще», а для термина «жернов» приходится говорить: «водяного камня камень». Нечто аналогичное мы можем найти и в русском в истории термина «чернило». Первоначально это слово имело значение специально «черной или темной краски», от слова «чернить», буквально «то, чем чернят». Подобно тому, как «белило» — «то, чем белят». Однако появляются чернила разных цветов и возникают термины «красные чернила», поэтому необходимо говорить «черные чернила» и, наконец, мы имеем «чернила» вообще всякого цвета. Прежний признак черноты исчез.

В какие же эпохи хозяйственного и общественного развития развивалось у черкесов вышеуказанное словотворчество? В какую эпоху черкесы начали пользоваться вместо употребления в речи отдельных изолированных односложных корней слитными составными из нескольких корней терминами? Очевидно, это произошло в ту эпоху, когда язык их перестал быть языком односложного типа и стал приближаться по типу к языкам с формативами (языкам аналитическим). В какую же социально-экономическую эпоху мог наступить этот перелом?

Для выяснения этого вопроса мы должны будем обратить внимание на один чрезвычайно важный для всего построения теории материалистической лингвистики факт, который сохранил нам наречия нижнечеркесского (кяхского) языка. В этом языке мы имеем два вида притяжательных местоимений. Первый вид притяжательных употребляется в кяхском языке исключительно для обозначения органической принадлежности, то есть принадлежности частей тела — живому существу, частей предмета — всему предмету, как единому целому, затем некоторых степеней родства — носителю этого родства, члену данного рода и, наконец, некоторых отношений пространства и времени, то есть для обозначения притяжательных в выражениях «мое тело», «ножка стола», «мой брат» «его начало» кяхи употребляют особые притяжательные «органической» принадлежности. По отношению же к предметам, принадлежащим имущественно, как собственность — кяхи употребляют другие притяжательные местоимения, которые мы можем обозначить термином «местоимения имущественной принадлежности» или «собственности».

Сравнительные исследования тех и других местоимений показывают, что обе категории, в сущности, восходят к одним и тем же местоименным корням. Так, если местоимение первого лица «сэ» (se) — «я», то местоимение органической принадлежности будет «сы» (sy) — «мой», а местоимение имущественной принадлежности звучит как «сый» (syj) — «мой». Точно так же от второго лица «уэ» (ue) — «ты», соответственно образуется «уы» (uy) — «твой» и «уый» (uyj) «твой» и т.д. Из этого сравнения местоимений мы видим, что местоимения «органической» принадлежности образованы непосредственно от местоимений личных, путем изменения лишь гласного корня «э» (e) на «ы» (y). Что же касается местоимений имущественной принадлежности, то они произошли уже позднее, образованны от местоимений органической принадлежности путем присоединения к ним одного и того же суффикса «й» (j), имеющего значение собственно «его» (кяхское притяжательное местоимение имущественной принадлежности третьего лица) «йы» (jy). Таким образом, если черкес говорит «мое собственное тело», то он скажет «мое тело», а если он говорит «сое», то есть «купленное мною мясо», то он скажет «мое его мясо». Это различие проводится чрезвычайно строго и не знает никаких исключений. Уже сам языковой материал позволяет нам сразу установить, что в кяхском языке местоимения «органической» принадлежности появились раньше, в период, предшествовавший появлению местоимений для выражений собственности, при этом последние были образованы от первых, так как представляют собой более сложные производные основы.

Данные языка здесь вполне согласуются с данными социологии. В самом деле — период возникновения частной собственности должен быть сравнительно позднейшим периодом возникновения с эпохой доклассового общества. Между тем только при появлении частной собственности и могла развиться в языке соответствующая грамматическая категория местоимений, обозначающих эту частную имущественную принадлежность. Когда же и в силу каких социально-экономических причин должны были появиться местоимения «органической» принадлежности? Я считаю, что происхождение их может быть объяснено только той эпохой, когда в обществе, жившем до тех пор всецело коллективистическим хозяйством, появилась необходимость различать различные хозяйственные функции членов этого коллектива, то есть появилось известное распределение производственных обязанностей внутри коллективистической общины. Несомненно, что эта стадия являлась началом перехода от коллективистическо-

го хозяйства к хозяйству индивидуалистическому, частнособственническому, то есть началом разложения доклассового общества. Однако момент распределения производственных функций между членами одного и того же коллективистического общества должен был предшествовать моменту появления частной собственности.

Таким образом, именно в ту эпоху, когда хозяйственные функции членов рода были уже не одинаково дифференцированы, но когда частная собственность, имущественная принадлежность вещей отдельным членам рода еще не возникла, в этот момент и должны были появиться местоимения органической принадлежности. В самом деле, мы имеем определенные указания в современных черкесских языках, в частности в кабардинском, что в известную эпоху названия органов и членов тела и названия производимых ими производственных функций, движений не различались, то есть одно и то же слово обозначало и данный член тела, и его движения, то есть его участие в производственном процессе. От этой эпохи и осталось такое совпадение значений, как в современных кабардинском и кяхском в словах: «тле» (ḷe) — «ступня» и «прыгай», «а» (e) — «кисть руки» и в качестве глагольного корня с различными приставками в значениях «тяни», в кяхском «касайся», «содержи, имей», «пшэ» (ρṣe) — «шея» и с приставками в значении «дуй». То же самое явление мы имеем и по отношению к названиям некоторых инструментов: «бдзы» (bʒy) — «долото» и «долби», в шапсугском наречии кяхского языка «хуа» (x̌ua) — «напилок для оттачивания дерева» и «стачивай дерево напилком» и т.д.

Несомненно, что такое совпадение названий органа и инструмента — с одной стороны, и процесса их действия — с другой, было в ту эпоху явлением далеко не случайным, но распространенным и типичным. В таком случае станет понятным, зачем понадобились притяжательные местоимения «органической» принадлежности, а также их историческая сущность. При разделении производственных функций внутри доклассового общества оказалось необходимым отмечать принадлежность того или иного действия в процессе этого труда, то есть долю участия в производстве группы отдельных членов общества. Так, «моя кисть руки» в это время должна была обозначать также «я тяну», или «держу», «моя ступня» — «прыгаю», «моя шея» — «я думаю» и т.д.

В современных черкесских языках это предположение находит свое полное и яркое подтверждение. При образовании глагольных форм и сейчас еще мы видим, что как в кяхском, так и в кабардинском языках употребляются только как раз те притяжательные местоимения, которые в кяхском языке сохранились как притяжательные органической принадлежности. В самом деле, если мы разберем такую форму, как например, прошедшее время «я шел» — кабардинское «сыкуаш» (syḳuaṣ), кяхское «сыкуаг» (syḳuah), то мы видим, что они буквально обозначают «мой ходивший есть». «Мой» и другие притяжательные, выражающие в таких формах лица глагола, представлены здесь как раз той первичной формой притяжательных местоимений органической принадлежности, которые до сих пор сохранились в кяхском языке. Таким образом, притяжательные органической принадлежности выражают не только принадлежности членов тела всему телу, и не в этом их исторический смысл, но и принадлежность движений, в первую очередь, производственных, агенту, действующему лицу или участнику доклассового производства. Вернее сказать, что в древнейшую эпоху разницы между тем и другим в способах словесного выражения еще не было. Принадлежность члена тела одновременно сознавалось и как принадлежность той работы, которую данный член тела производит. Это сразу дает нам возможность, во-первых, считать органическую принадлежность — производственной по своему происхождению принадлежностью и, во-вторых, датировать, то есть приурочить к определенной эпохе хозяйственного и общественного развития возникновение местоимений притяжательных органической принадлежности в черкесских языках. Очевидно, они возникают как раз в ту эпоху, когда появилось экономическое и социальное разграничение производственных функций между членами одной и той же родовой общины, то есть в эпоху зарождения коллективистического разделения труда в доклассовом обществе.

В ту же эпоху стали, очевидно, развиваться и те формы, которые мы теперь называем глагольными, то есть появились грамматические категории глагола с его спряжением и имена с его склонением. Эти формы и являлись языковым выражением общественной необходимости социально выражать принадлежность определенных трудовых процессов определенным отдельным членам общины или их группам. Эту эпоху хозяйственного и общественного развития можно определить как начальную эпоху разложения коллективистического родового хозяйства, как начальный момент позднейшего перехода к обществу, покоящемуся на принципах частной собственности. Той стадии развития общества, когда частной собственности в пределах родового (доклассового) общества еще не было, а, следовательно, в его языке не существовало

еще категории притяжательных имущественной принадлежности, до нашего времени, конечно, ни у одного из черкесских племен не сохранилось, хотя бы даже только в тех переживаниях, которые представляет нам в некоторых своих явлениях, часто запаздывающих по сравнению с развитием хозяйства и общественного строя, язык. Этой стадии не сохранилось даже в наречиях наиболее примитивного в этом отношении кяхского языка.

Кяхский язык сохраняет нам другую, очевидно, последующую стадию языкового развития, соответствовавшую последующей стадии развития социально-экономического. В современном кяхском языке мы имеем до сих пор строго проведенное различие между притяжательными производственной («органической») и притяжательными имущественной принадлежности. Эта стадия развития языка должна была отражать то социально-экономическое состояние общества, когда в нем, наряду с коллективистическим хозяйством, наряду с существовавшей еще коллективистической собственностью, а также наряду со сложившимся уже коллективистическим разделением труда внутри общины, появилась новая социальная категория — индивидуальной частной собственности. Очевидно, этот период был периодом объединения мелких родовых и племенных групп в более крупные коллективы, спаянные некоторыми общими экономическими интересами, то есть он был периодом после образования племен и периодом, порождавшим те социальные явления, которые позднее дают нам картину феодализма, периодом, переходным от доклассового общества к классовому. Огромнейшую научную ценность одного из черкесских языков, именно кяхского, или нижнечеркесского, и представляет тот факт, что этот язык в силу закона переживания сохранил нам отражение того общественного строя, который, конечно, в настоящее время исчез и у самих нижних черкесов. Это явление представляет собою факт чрезвычайно большой теоретической ценности, которая сразу подводит твердую почву под материалистическое понимание процессов развития человеческого языка, а также бросает одновременно яркий свет и на те переходные от родового строя к феодализму эпохи, которые до сих пор еще очень мало удавалось как следует осветить данными науки.

Близкий кяхскому языку, другой черкесский язык — кабардинский — сохраняет для нас опять-таки новую следующую стадию социально-экономического развития. В современном кабардинском языке мы уже не находим двух категорий притяжательных местоимений, хотя следы того, что они здесь когда-то существовали, несомненны. Притяжательные органической принадлежности сделались в кабардинском языке теми частицами, которые выражают лица глаголов. Что же касается притяжательных местоимений, то в этой роли в кабардинском языке выступают всегда во всех случаях, без различия производственной или имущественной принадлежности притяжательные только одной категории. Этой единственной категорией является в современном кабардинском языке именно та, которая соответствует категории имущественной принадлежности нижнечеркесского языка. Весьма замечателен тот факт, что кабардинский язык выбрал в качестве единственно употребительных притяжательных местоимений не ту их категорию, которая проще по своему составу, является основной по своему происхождению и, казалось, должна была бы быть удобнее для всеобщего употребления, но ту, которая соответствует местоименному корню, сложенному вторым местоименным корнем, то есть категорию производную, более сложную по своему составу, более длительную по своему произношению. Ясно, что в этом случае мы имеем не просто технический отбор, но результат воздействия на язык каких-то непреодолимых исторических фактов.

Таким образом, безусловно, является весь ход исторического процесса развития хозяйства и общественных форм, смена социально-экономических формаций. Этот процесс был направлен в сторону постепенного расширения круга явлений частной собственности за счет постепенно уменьшавшегося и исчезавшего круга явлений доклассовой коллективистической собственности. Этот процесс, как мы знаем, лежал в основе развития феодального строя и порождавших его международных торговых отношений и много позднее в капиталистическом обществе должен был завершиться полным вытеснением первобытного коллективизма. Соответствующие явления в языке и должны были отразить процесс именно такого развития. Соответственно развитию и постепенно выраставшему общественно-экономическому значению частной собственности и в языке поле применения притяжательных имущественной принадлежности должно было постепенно увеличиваться. С другой стороны, область применения притяжательных производственной принадлежности по мере сужения границ родового коллективистического хозяйства должно было постепенно уменьшаться и исчезать. В этом процессе, наконец, должен был наступить такой момент, когда единственным идеологически приемлемым для данной эпохи типом собственности сделалась собственность индивидуальная, частная. В этот момент и в языке имущественная принадлежность сделалась единствен-

ной идеологически приемлемой грамматической категорией принадлежности, которая и стала употребляться по отношению ко всем случаям, когда было необходимо выражать принадлежность. Именно поэтому, в результате социально-экономической необходимости в языке могла и должна была выжить только категория имущественной принадлежности. Грамматическое развитие языка целиком обусловлено социально экономическими процессами развития общества, а вовсе не соображениями технического удобства тех или иных языковых фактов.

В результате этих процессов мы и видим, что в кабардинском языке сохранилась только одна категория выражения притяжательности, служившая раньше для имущественной принадлежности, — для всех случаев выражения грамматической принадлежности. Ясно, что этот процесс мог и должен был завершиться только в эпоху развитого кабардинского феодализма. То же самое явление мы находим и в наречии бесленеевцев. Что касается кяхских наречий, то здесь все решительно племена и наречия, независимо от того, являлись ли они, как говорят, «демократическими» или феодально организованными единицами, сохраняют в языке строгое различие между двумя категориями принадлежности. Этот факт можно объяснить тем, что до тех пор, пока во всей массе кяхской национальности, в которой, как в общем котле, должны были вариться как феодальные, так и родовые или полуродовые общественные отношения отдельных племен, не возобладали феодальные отношения, до тех пор, пока в ней не было достаточно прочной экономической базы, на которой могло бы возникнуть, как ее отражение в языке, исчезновение категории органической принадлежности, не произошел отбор одной единственной категории имущественной принадлежности. Неизбежное в следующий за тем исторический момент покорение черкесов русскими, выселение их из гор на плоскость и эмиграция главной массы населения в Турцию, нарушившие здесь, в массе кяхского населения, процесс развития туземного феодализма, и позволили сохраниться в кяхском языке той замечательной его особенности, о которой мы говорили выше и которая дает нам возможность ставить вопрос о социологической датировке появления и развития спряжения в человеческом языке вообще.

Дело в том, что подмеченная нами в кяхском языке наличность двух категорий притяжательных местоимений производственной («органической») и имущественной принадлежности оказывается явлением в языках земного шара далеко не единичным. Точно такое же явление мы находим в языках суданских негров в Африке, в полинезийских языках на островах Великого океана, в некоторых языках Австралии и Индонезии, наконец, во многих языках северно-американских индейцев и в некоторых индейских языках Южной Америки. Во многих случаях мы также находим, что именно притяжательные местоимения органической принадлежности служат и для образования лиц глагола. Все это заставляет нас предположить, что происхождение спряжений и притяжательных местоимений органической принадлежности вообще было взаимно связано, являлось двумя сторонами одного и того же грамматического явления в языке на определенной стадии его исторического развития вообще. Безусловную общенаучную ценность имеют в этом отношении именно черкесские языки, потому что они представляют собой во многих отношениях более ясную картину грамматического развития, что они оказались более доступными для изучения, что они в настоящее время по условиям советской национальной политики сделали такое внимательное их изучение общественно необходимым. На основании изучения одних только черкесских языков у меня еще в 1926 году сложилось убеждение, что, казалось бы, на первый взгляд маловажное явление наличности в кяхском языке двух категорий притяжательных имеет огромнейшее для построения материалистической лингвистики значение и дает возможность культурно-исторически датировать начало развития в человеческом языке многих чрезвычайно важных грамматических явлений. Предположение об этом и сами факты были опубликованы мною во введении к материалам для кабардинского словаря (см. стр. XVIII—XX и в особенности сноску IV на стр. XX). В настоящее время эта тема служит предметом специальной разработки со стороны сторонников нового материалистического направления в лингвистике в Институте народов Востока в Москве.

Выше мы видели уже, что кабардинская, или верхнечеркесская, национальность, с одной стороны, и кяхская, или нижнечеркесская, с другой стороны, в силу целого ряда экономических причин оказались к эпохе завоевания Кавказа стоящими на неодинаковых стадиях общественного развития. Если правильно наше положение, что язык, хотя и запаздывая, отражает в себе также стадии хозяйственного и связанные с ним стадии общественного развития, то мы можем с этой точки зрения сравнительно исследовать оба близкородственных языка — кабардинский и кяхский, и попытаться установить, подтверждается ли на них выставленные нами положения. Кабардинский и кяхский народы представляют в этом отношении то удобство, что как проблема их национальной истории, так и изучение их языков, наречий и истории разви-

тия этих языков были проведены и, во всяком случае, по имеющимся источникам проверены вполне единообразными методами одним и тем же исследователем. Это обстоятельство должно обеспечить возможность произвести как сравнения, так и привести к достоверным выводам. При сравнении кабардинского языка с кяхским бросаются в глаза несколько главнейших пунктов их расхождения и в то же время определенная их общность в ряде других пунктов. Эта общность, не касаясь вопроса о материальном совпадении слов и корней кабардинского и кяхского языков, а также вопроса о существующих в них звуковых корреспонденциях, заключается, прежде всего, в том, что и кабардинский, и кяхский языки в одинаковой степени сохраняют в себе тот пласт односложных корней типа открытого слога, который связан в них с определенной стадией развития хозяйства и культуры (трудовое скотоводческо-земледельческое хозяйство, сложившееся в основных своих чертах, по-видимому, на первой стадии разложения доклассового общества).

Затем оба языка представляют собой один и тот же тип построения предложений, при котором то, что в русском языке, например, выражается в именах и сопровождающих их предлогах (падежными и предложными формами), то в черкесских языках выражается, главным образом, в глаголе, в его лицах и слитых с глаголами предлогах — префиксах, то есть в том, что мы обозначаем как принадлежность обоих черкесских языков к языкам так называемого полисинтетического, по моей терминологии, предикатного строя. Наконец, сюда же мы должны отнести и ту культурную общность, которая привела к созданию в обоих языках огромного количества общих им обоих слов и корней и связанного с этим явления звуковых соответствий. Несомненно, что это явление начало развиваться с первых же времен распадения родового коллективистического хозяйства у черкесов и с первого же момента возникновения объединявших черкесов в одно целое путей их междуплеменного и международного товарооборота. Особенного же развития достигло это явление материально языковой общности в ту эпоху, когда могучим проводником этой общности сделалось единая развитая феодальная организация, связывавшая кабардинцев с восточными кяхами, а через посредство последних влиявшая также и на западнокяхские «демократические» племена.

Интереснее для нас, с нашей точки зрения, исследовать вопрос о языковом различии кяхского и кабардинского языков для того, чтобы попытаться проверить наше положение: действительно ли та разница в хозяйственном быте и строе общества, которую мы подметили между нижними черкесами и кабардинцами, выражается в том типологическом различии, которое существует между соответственными двумя языками: кабардинским и кяхским. Перечислим сначала те пункты различия, которые нам удается установить в отношении обоих языков. Во-первых, как уже мы выше указывали, кяхский язык отличается от кабардинского тем, что в нем существуют две категории притяжательных местоимений: производственной (органической) и имущественной принадлежности, в то время как в кабардинском языке имеется лишь одна категория притяжательных для всех случаев выражения грамматической принадлежности, причем в качестве этой единственной категории кабардинским языком избрана именно категория имущественной принадлежности; во-вторых, кабардинский язык при одном и том же типе односложных корней обладает несколько меньшим количеством согласных звуков (46), тогда как в наиболее богатых звуками наречиях кяхского языка число согласных превышает 60; наконец, в то время как в кабардинском языке представлено всего только три наречия, причем два из этих наречий имеют лишь незначительные отличия (терско-кабардинское и кубано-кабардинское), и лишь одно отличается значительно, являясь переходной ступенью к кяхскому языку (бесленеевское), в нижнеечеркесском языке мы находим в настоящее время, по крайней мере, пять наречий, из которых многие отличаются друг от друга очень существенными чертами их звукового состава.

Кроме того, следует отметить, что кабардинский язык имеет, в сущности, лишь одно наречие, на котором говорит преобладающая масса населения, остальные два представлены сравнительно незначительными группами кабардинцев. Наоборот, кяхские наречия, которые в эпоху до завоевания Кавказа были, очевидно, еще более многочисленны, в настоящее время, распределены гораздо равномернее между всем населением, говорящем на кяхском языке. Эта равномерная дробность наречий кяхского языка была еще сильнее выражена, несомненно, в эпоху до завоевания. Словом, кяхский язык отличается от кабардинского гораздо большей диалектической дробностью, большим расхождением между отдельными наречиями и более равномерным распределением всей массы населения по наречиям, в то время как в кабардинском мы имеем меньшее число менее отличных друг от друга наречий, из которых вся основная масса населения говорит лишь на одном преобладающем.

Остановимся пока лишь на трех приведенных различиях. Выше мы уже говорили, что сохранение двух категорий притяжательных производственной и имущественной принадлежности является, безусловно, переживанием более древней эпохи общественного развития, когда в доклассовом обществе возникло уже разделение трудовых функций, но еще не наступила эпоха возникновения частной собственности. Выбор же кабардинским языком лишь одной категории притяжательности, притом имущественной, объясняется позднейшей следующей стадией развития хозяйства и общества, когда преобладающим видом собственности сделалась уже собственность частная индивидуалистическая и когда в связи с этим в нем возник и сделался господствующим класс феодалов. Таким образом, с этой точки зрения картина языкового развития вполне подтверждает документально известный нам факт, что кабардинский народ и нижние черкесские племена вступили в засвидетельствованную стадию исторического развития, находясь на разных ступенях их хозяйственного и общественного развития, кабардинцы в более поздней стадии общественного развития, в стадии феодализма, а кяхи, или нижние черкесы, в более ранней стадии в эпоху разложения родового строя и начала возникновения частной собственности и феодализма. Неодинаковое количество согласных звуков в кабардинском и в кяхском языках может быть также объяснено с этой точки зрения. Выше мы уже видели, что для известного периода развития языка и общества мы должны предположить такой период, когда при односложном типе языка образование новых необходимых для него слов достигается сначала дифференциацией значений одних и тех же слов, а затем и соответствующий дифференциацией звукового состава этих же слов. Последняя дифференциация ведет к увеличению числа звуков в языке, а в черкесских языках она должна была повести именно к увеличению согласных.

В последующий период языкового развития, когда язык перестал быть чисто односложным, когда потребность в новых словах стала удовлетворяться путем слияния в одно слово двух прежних самостоятельных слов или корней, а также путем усвоения новых слов из других языков, развитие числа согласных в языке должно было остановиться. Что же доказывает отмечаемый нами факт, что в кяхском языке количество согласных больше, чем в кабардинском? Мы можем объяснить этот факт только как прямое доказательство того, что кяхский язык, очевидно, дольше переживал вышеуказанную нами эпоху более примитивного словотворчества, сопровождавшегося развитием числа согласных звуков. Кабардинский же язык, очевидно, раньше, чем кяхский, вышел из аналогичного состояния и применил способы увеличения запаса слов, свойственные последующей эпохе общественного развития, которые позволили ему обойтись одним и тем же количеством согласных без их увеличения. Таким образом, и с этой точки зрения мы должны признать, что стадия развития кабардинского языка несколько опередила такую же стадию нижнечеркесского языка в определенную историческую эпоху.

Наконец, то же самое подтверждается и фактами сравнительной дробности кабардинских и кяхских наречий. Дробность наречий вообще так же, как и дробность отдельных языков, с нашей точки зрения, вообще, служит доказательством того, что данный язык (в отношении дробности наречий) или что данная языковая территория (в отношении дробности языков) сохранили нам в качестве пережитка картину той более древней эпохи общественного языкового развития, которая уже пройдена там, где мы видели наречия ассимилировавшимися, а дробные языки — превратившимися в наречия одного и того же языка. Этот именно ход процесса языкового развития от большего количества более дробных языков к меньшему количеству языков более однородных унифицированных, этот именно путь диктуется нам всей совокупностью фактов развития общества и хозяйства и необходимостью их правильного социологического объяснения (см. выше). Таким образом, и с этой точки зрения кабардинский язык сохранил для нас более позднюю стадию языкового развития, являющуюся отражением более позднего периода развития социально-экономического. В самом деле, возникший в кабардинском обществе типичный феодализм на основе известного его экономического объединения должен был явиться столь же мощным фактором культурного объединения тех отдельных племенных и родовых групп, которые впоследствии и сливаются в одну кабардинскую национальность.

И с точки зрения языка, единый класс феодалов, объединенный общими экономическими интересами эксплуатации и политического господства, должен был первым начать пользоваться единым классовым языком и наречием, единым для всей территории, объединенным под властью данной группы феодалов. Этот единый язык и единое наречие было наречием экономически и политически господствующего класса, и по мере того, как влияние и политическое воздействие этого класса на подчиненную ему массу возрастало, возрастало и влияние его языка, как объединяющего фактора на народные массы зависимых сословий. Этот процесс дол-

жен был закончиться и закончился тем, что на стадии законченного феодализма все зависимые сословия кабардинского общества на всей объединяемой северным торговым путем территории в большинстве своем стали говорить единым наречием. В результате этого процесса мы видим, что хотя кабардинский язык дошел до наших дней в состоянии языка бесписьменного, по своей отшлифованности, стилистической отточенности и по своей унифицированности этот язык не уступает многим литературным языкам. В этом отношении большую роль сыграла также развивавшаяся для обслуживания художественных потребностей, главным образом, феодалов устная художественная литература кабардинцев, их народная поэзия. Эта поэзия успела выработать даже свой особый поэтический язык с особыми, только в нем употребляемыми терминами и словами и свой виртуозный поэтический стиль. Таким образом, хотя кабардинский язык и не был письменным, в силу обслуживания интересов централизованной экономики, как язык единого феодального класса, он сделался устным, литературным и международным языком, несмотря на свою бесписьменность, носящим в себе все признаки литературно обработанной речи. Я думаю, что в результате изложенного в этой главе материала мы достигли главной своей цели — показать, что в черкесские языки проходили, в общем, те же стадии исторического развития, что и хозяйство, общественный строй и вся культура черкесов. Черкесские языки, как и вообще всякие языки, не развивались замкнуто в самих себе, но все их развитие было целиком обусловлено тем сходством и различием в экономической и социальной истории, которыми характеризуются современные нам, сложившиеся в настоящую эпоху автономного национального строительства две культурно близкие, тесно связанные в своем прошлом национальности: кабардинская и нижнечеркесская, или кяхская.

Нам остается сказать еще несколько слов о народной поэзии черкесов. Народная поэзия на определенной стадии хозяйственного и общественного развития удовлетворяет тем же самым художественным и культурным запросам населения, каким в более позднюю эпоху удовлетворялись художественная литература и даже, отчасти, периодическая пресса. Как в наше время эта последняя живо откликается на все злобы дня, так в древние времена при отсутствии письма и печатного станка отдельные народные певцы столь же горячо отзываются на все близкие их сердцу и по их понятиям важные бытовые и политические явления и события, создавая песни или рассказы, посвященные им. Путем устной передачи от певцов к слушателям и от одних певцов к другим певцам эти устные произведения распространяются довольно быстро, иногда на огромные территории (в особенности в среде кочевников: ср., например, у киргизов, обычный первый вопрос, который задается встречному путнику: «Что нового?» — и отражает в себе социальную потребность бесписьменного народа обслуживать общественную потребность осведомления, которую в наше время обслуживает пресса) и вызывали в сердцах слушателей не менее живой и сознательный отклик, чем публикуемые в настоящее время в газетах документы политической важности. Несомненно, такую роль играла и кабардинская народная поэзия, как для всего кабардинского народа, так и для тех народов, которые находились в сфере экономического и политического влияния кабардинцев.

Однако кабардинский народ в эпоху развитого капитализма уже не представлял собой единого целого. Несомненно, что в эту эпоху класс феодалов, как господствующий, должен был целиком взять в свои руки народно-поэтическое творчество для того, чтобы найти в нем идеологическую поддержку своему экономическому и политическому могуществу. Поэтому, несомненно, что в этот период народная поэзия кабардинцев становится почти целиком феодальной по своему идеологическому направлению. Ко дворам феодалов и в их походные дружины привлекается непременный их участник — певец, который в случае удачного боя должен был слагать песни, прославлявшие подвиги своего феодального владения, прославлять также подвиги наиболее отличившихся членов его дружины и клеймить презрением тех из них, кто не высказывал ценных с точки зрения феодальной эпохи качеств бойца.

Такие песни, распеваемые перед и во время самого боя, были столь же мощным идеологическим средством для поднятия духа бойцов, как и теперешние лозунги, марши и патриотические крики. С другой стороны, особый профессионал-скоморох при феодальных дворах имел специальное ремесло забавлять и веселить владетелей и его гостей во время пира. Из его уст должны были сыпаться шутки, замечания, восхваляющие одних и задевающие других, благодаря чему опять-таки, в конце концов, производится в феодальном обществе отбор наиболее приспособленных и наиболее выгодных для феодального класса, характеризуемых наиболее ценными для феодального строя качествами индивидуумов. Этого рода профессионал должен был быть блестящим импровизатором, сатириком и юмористом, должен был, кроме того, играть на инструментах, обычно на зурне, и хорошо танцевать. Специалисты этого рода

назывались «джекуако» (geguaḳue), то есть буквально «забавник, шутник», от глагола «джегу» (gegu) — «шутить, забавляться». Специалисты, слагавшие песни и сказания, по-видимому, сохранились еще кое-где и до наших дней под названием «уэрэд жиако» (uered žyeḳue), что буквально значит «сказатель песен». Обратимся теперь к самим образцам народной поэзии кабардинцев и черкесов для того, чтобы найти в них подтверждение нашим выводам о преимущественно феодальном характере этой поэзии, сложившейся в дошедшей до нас редакции окончательно в эпоху развитого феодализма.

Народная поэзия кабардинцев знает в настоящее время две наиболее распространенные формы народно-поэтических произведений — это песня «уоред» (uered) и сказание, обычно связанное с текстом песни и являющееся пояснением, своего рода поэтическим комментарием к ней «таурэх» (tauryx̌). Необходимость вышеуказанного комментария диктуется самими формами и стилем черкесских песен. Черкесская песня по своему содержанию является произведением всегда очень коротким, ярко выраженного лирического, эмоционального, патетического характера. По содержанию такая песня всегда является отражением на определенное историческое или бытовое событие. Однако в самом тексте песни только некоторые намеки указывают на подробности этого события. Эти намеки обычно так коротки и отдалены, что судить о самом событии по тексту песни почти не представляется возможным. В песне упоминаются лишь имена собственных участников события, его описание отсутствует. Зато песни являются эмоциональным откликом, выражением тех чувств и настроений, которые в певце, авторе и часто очевидце были вызваны при непосредственном наблюдении события и которые являются выражением личной оценки этого события со стороны певца как представителя определенных социальных групп кабардинского общества.

Поэтому песня обычно выражает скорбь или радость по поводу убитых в бою и т.д. Эмоциональность этой поэзии тесно связана с ярко выраженным индивидуалистическим ее характером. Восхваляются в ней отдельные индивидуумы, герои, имена которых приводятся полностью, которые обладают сверхчеловеческими достоинствами бойцов и совершают сверхъестественные подвиги. Эмоциональность связана с восхвалением личности. Личность характеризуется гиперболическими, чрезмерно преувеличенными чертами физической мощи и воинственности характера. Словом, по отношению к произведениям этой поэзии мы можем смело применить термин «историческая лирика». Ее примеры можно найти у многих других народов. Из русских песен образцами этого рода являются коротенькие исторические песенки, складывающиеся в эпоху XVI—XVII веков и дошедшие до нас в записи заезжего англичанина Ричарда Джеймса. Этим же стилем написан и известный памятник художественной литературы Киевской удельной Руси «Слово о полку Игореве». Насколько мы можем судить по этому произведению, по тем отрывкам хвалебных феодальных песнопений, которые кое-где проступают в тексте Слова, в основу его легли такие же лирико-исторические эмоциональные хвалебные песни, прославлявшие отдельных феодалов киевской эпохи, какие мы находим в сохранившихся целиком образцах кабардинской поэзии.

Это совпадение в стилях поэтических произведений двух разных народов и эпох, конечно, не случайно. Выше мы не раз уже указывали на значительные типологические аналогии удельного южнорусского и кабардинского феодализма, которые, по-нашему, явились отражением аналогичных экономических причин. С этой точки зрения аналогия в народно-поэтическом стиле вполне объясняется теми аналогиями, какие мы имеем в социальных и культурных чертах, создавших эти песни обоих феодализмов. Особенно яркими представляются нам характерные черты этого рода феодальной по своему происхождению поэзии, если мы сравним поэзию кабардинцев с поэтическими произведениями — песнями другого северокавказского народа, не дошедшего в своем историческом развитии до явлений настоящего феодализма, я имею виду вейнахов. Вейнахские песни, в общем, имеют приблизительно то же самое содержание, что и кабардинские. Их целью является также восхваление личных боевых подвигов, хотя в них больше заметно стремление наряду с отдельными бойцами подчеркнуть также и деятельность всего военного отряда, как единого товарищеского коллектива. Сюжетами обоих поэзий являются походы военных отрядов за добычей, скотом и пленниками (чаще всего девушками). Однако вейнахские соответственные песни носят совершенно другой стилистический характер, чем кабардинские. В самой песне, обыкновенно очень значительной по величине, вейнахский певец слово за словом, эпически спокойно описывает во всех подробностях все перипетии подготовляемого и осуществляемого военного похода. Здесь не упускается ни одна потребность, ни один существенный эпизод. Вследствие такой особенности стиля эти песни

чрезвычайно растянуты, полны длиннотами, дословными повторениями одних и тех же мест, что мы обычно определяем как характерные черты народного эпического стиля.

Песни вейнахов представляют собой столь же типичный образчик эпоса, как и дожившие до наших дней русские былины. Противоположность в стилях между исторической лирикой кабардинцев и историческим эпосом вейнахов вполне соответствует стадиям их экономического и общественного развития. В то время как поэзия кабардинцев, очевидно, слагалась в эпоху развитого феодализма народная поэзия вейнахов, выработались в тот момент социально-экономического развития, когда родовой строй чеченских общин стал усиленно разлагаться под воздействием развившегося на плоскости товарообмена и феодализма. В этот именно переходный от родового строя к феодализму момент, и ранее, и сложился тот эпический стиль народных песен, являвшийся, на мой взгляд, стилем, характерным для эпохи родового строя, в то время как содержание самих песен всецело уже проникнуто новыми социально-экономическими веяниями — восхвалением разбойничьих набегов, ставивших своей целью захват особенно ценившихся в то время на международном рынке товарных ценностей.

Приведем теперь для непосредственного ознакомления образцы народной поэзии кабардинцев и нижних черкесов, которые должны сами говорить за себя читателю. Наиболее древними сюжетами поэтических произведений являются предания и песни о так называемых нартах. Происхождение слова «нарт» до сих пор сколько-нибудь удовлетворительно не объяснено (так Шора Ногмов выводит это слово из «нар-ант» (nar-ánt) то есть «глаз антов», а последнее слово он считает древним адыгским названием «человек» и сопоставляет это название с тем народом антов, которые упоминаются в VI веке у Прокопия как восточные соседи славян и др.). Лопатинский сопоставляет это слово с армянским «мард» (mard), сванским «мар» (mar) и, как прибавили бы мы тогда: и с вейнахским «мар» (mar) в значении «мужчина — муж». Наконец, различные предположения этого слова и самого нартовского эпоса высказывались еще Всеволодом Миллером (см. <...>*) и в последнее время Н. Трубецким (см. <...>*). Однако самый ценный материал и метод для того, чтобы решить к какому времени и к какому источнику относится зарождение нартовского эпоса, может дать разбор вопроса о том, какую стадию общественного развития характеризует данный эпос, чью культуру он отражает и какие черты героев считает за положительные. В этом отношении фигуры нартов такие, какими они нам рисуются в эпосе, не оставляют места для сомнений: это давно знакомые нам фигуры феодалов-добытчиков, рыщущих в походе, по степи, за табунами скота или девушками, — знакомые фигуры, наделенные преувеличенными качествами личной доблести и силы, которые устраивают все время единоборства из одного якобы спортивного желания узнать, кто из них сильнее и храбрее.

Эпические легенды, изложенные ритмической прозой, так называемые «таурых» (tauryx-) часто начинаются типичной сценой на перекрестке дорог. Герой нартов, то есть феодал, блещущий своим вооружением на великолепном коне, так сказать, во всеоружии своих «производственных» средств, встречается со стариком-пастухом, представителем трудового сельскохозяйственного класса. Пастух, конечно, нарисован в самых непривлекательных красках: он труслив, глуп и смешон. И вот нарт начинает расспрашивать после обычных приветствий такого пастуха, не знает ли он, где можно найти богатые табуны, по какой дороге можно отправиться за красивыми девушками или какие нартовские вести, то есть какие новости о различных событиях в феодальном обществе того времени, он слышал. Вежливый тон приветствий, однако, в устах феодала тотчас сменяются самой грубой бранью, если только ответ кажется ему неудовлетворительным. Он начинает грозить, что он изобьет его плетью и даже приводит свою угрозу в исполнение. В некоторых случаях нарты отрезают уши и носы у пастухов просто из желания побольше насолить их феодальным владетелям.

Словом, уже из этой краткой характеристики совершенно ясно, какими глазами смотрит на своих персонажей автор этих преданий, на чьей стороне его кассовые симпатии и, следовательно, чью идеологию отражает он в своих произведениях. Это не идеология трудового сельскохозяйственного населения — это целиком взятая идеология феодалов, презирающих трудовую производственную деятельность и живущих исключительно на средства грабительского товаронакопления. Независимо от того, каково по происхождению само слово «нарт», для нас совершенно ясно, что нарты, как коллектив, который занимается обычно пирами или походами или спорами и борьбой друг с другом, представляют собой и не что иное, как художествен-

---

* В тексте рукописи пробелы.

ное отображение в поэзии класса феодалов, нарисованное автором-художником, стоявшим всецело на идеологической позиции феодализма. В то время как легенды о нартах (таурых) написаны эпическим стилем, песни о них носят такой же лирико-эмоциональный характер, как и песни об исторических событиях феодальной жизни, однако, по-видимому, они действительно несколько более древнего происхождения, чем последние, так как в них встречаются еще поэтические отголоски сельскохозяйственного трудового производства. Таким образом, приблизительно временем создания нартовского эпоса, безусловно, является тот или иной момент развития феодализма по Северо-Кавказскому торговому пути, товарооборот по которому и создал те общественные отношения, которые отразились в нартовском эпосе. Очевидно, это была эпоха наиболее ускоренного темпа развития феодализма, его золотой период. Более поздняя эпоха известной цивилизации феодализма выразилась уже в позднейшем эпосе историко-лирических песен, посвященных отдельным кабардинским и черкесским феодалам. По-видимому, нартский эпос отсутствовал еще в эпоху развития феодально-торгового государства в Абхазии (Абхазо-Грузинское царство), так как мы не имеем там никаких определенных следов этого эпоса, и если это явление подтвердится специальным исследованием, то мы должны будем признать, что нартский эпос сложился специально на Северном Кавказе и распространился вместе с экономическим и социальным влиянием Северо-Кавказского торгового пути в эпоху между XIII—XV веком; начиная уже с XVI века на смену ему новые авторы начинают создавать преимущественно песни о личных подвигах тех или иных феодалов или их групп.

В качестве примера нартской песни приведу следующую маленькую песню, которую нам удалось записать в Большой Кабарде в 1921 году, имеющую своим сюжетом смерть главного героя нартского эпоса — нарта Сосруко. Песня ведется, очевидно, от имени самого Сосруко: <...>*

При социологическом анализе поэтических произведений вообще чрезвычайно важно устанавливать само материальное содержание принятых в этой поэзии образов, сравнений и прочего. Этот анализ дает нам возможность вскрывать хозяйственные источники, на базе которых могла создаваться данная поэзия. В этом отношении очень показательно начало приведенной нами песни, в которой звучат космогонические нотки без комментариев, мы, жители другой эпохи и других социально-экономических отношений, вряд ли поймем хотя бы даже приблизительно смысл и образы данной поэзии. Песня намекает на то, что в известный период, по представлению автора песни, очевидно, начальный период мироздания, когда земля была еще не достаточно сформирована, для придания ей окончательной формы и твердости ее утаптывания овцами. Это образ, характерный для психологии скотовода, основной экономической базой которого является стадо овец. С его точки зрения, конечно, стадо овец и овцы вообще есть более первичный элемент мироздания, чем даже сама земля. Другой употребленный здесь образ относится уже к другой отрасли сельского хозяйства — к земледелию. Когда сформировывалось небо, и было еще, очевидно, недостаточно чистым, то для придания небу надлежащей чистоты, по мнению автора песни, был применен тот самый способ, с помощью которого кабардинец и до сих пор еще очищает зерно при веянии, именно обметание неба с помощью особой веревочной сетки с длинной бахромой, которая удаляет сор, попадающий на кучу зерна в процессе веяния. Этот образ, в противоположность первому, чисто земледельческий. В его основе лежит экономически обусловленная уверенность земледельца, что в начале всего, в основе мироздания как первичный космический элемент лежит зерно и процессы его обработки. Таким образом, оба эти сравнения, исследованные со стороны материального содержания их образов, заставляют нас с несомненностью предположить, что данная песня могла быть создана только автором, воспитанным на хозяйственной базе скотоводства и земледелия.

Интересны также те отдельные эпитеты, которыми характеризуются отдельные нарты, так Сосруко «нарт сырой, черный, железо-глазый, не отстающий наездник». Нартский князь Несренжаке с золотой сбруей, с белой, как снег, бородой, доходящей до пупка, в белой бурке, закрывающей зад лошади, в шубе из волчьей шкуры внакидку, с трубкой из морской пены во рту; ему приводят жирного барана и доносят о том, что плохо стережется, о тех стадах, которые без охраны: «то тлебицы табун, пасущийся между двух морей, его нам бог дарует», Несренжаке заставляет глашатая созвать войско и собирает множество нартов вплоть до тех, которые живут на верховьях Кубани (см. Лопатинский «Ашамез», стр. 38). Весьма характерные здесь упоминание о том, что князю Несренжако, как всякому порядочному феодально-

* В тексте рукописи пропуск.

му владетелю, его услужливые слуги, агенты регулярно доносят, какое добро и в какой части тогдашнего света плохо лежит для того, чтобы феодальный властитель мог найти себе легкую поживу. В качестве примера одного такого объяснительного к песне предания я приведу легенду о Магомете Хатькове и его жене. Эта легенда — одно из тех редких черкесских сказаний, в котором сюжетом является не столько мотив феодального похода за добычей, сколько чисто бытовая тема о любящей жене, которая весьма ярко характеризует положение женщины в феодальном обществе. Надо заметить, что песня о том же Магомете Хатькове, песня, которая должна бы быть пояснена приводимой ниже легендой, на самом деле не имеет, по-видимому, никакого отношения к сюжету легенды. Вообще смысл и содержание кабардинских лирических песен часто бывает настолько темен уже в силу одного своего лирического стиля, что во многих случаях он просто не поддается толкованию. В связи с этим, по-видимому, и следует отметить тот факт, что в известных случаях в кабардинском эпосе с песней оказывается соединенной легенда, ничего общего с первой не имеющая и первоначально, очевидно, связанная с каким-нибудь другим песенным сюжетом.

Рассказ, объясняющий значение песни «О, мой Магомет, сын Хатьков»

Однажды Магомет уехал в поход. Когда настало время его приезда, а он все не приезжал, его мать и его жена пошли за водой. Когда они набрали воды из реки и собирались возвратиться домой, посмотрев через речку, мать Магомета, увидела одного всадника, который подъезжал к реке, гоня перед собой табун лошадей. Ей стало жалко всадника, и она сказала, если этот всадник пойдет вброд через реку, он попадет в беду. Посмотрела его сноха, увидела всадника и, узнав в нем своего мужа, сказала: «Не беспокойся, наша матушка, старый пень водой не уносит, овчарка в воде не утонет», — и, взяв воду, они возвратились домой. Сейчас же вслед за ними приехал ее сын, пригнав табун коней. Он спешился и вошел в комнату. Мать обрадовалась: «Наконец-то мой сын целый и невредимый вернулся», — сказала она. Накормила она сына, напоила, а потом и говорит: «Я хочу тебе сказать одну вещь. Если ты не исполнишь моей просьбы, то пусть те груди, которыми я тебя кормила, будут тебе проклятием». «Скажи матушка, что пало тебе на сердце», — спросил Магомет. Тогда мать сказала: «Немедленно отправь мою сноху в ее дом». Сын сейчас же без всякого шума и разговора вышел, велел запрячь подводу и отправил жену в дом ее родителей. Прошел целый год с тех пор, как она находилась дома в разводе. Как-то раз Магомет поехал опять в поход и, возвращаясь обратно с табуном лошадей, он проезжал тот самый аул, в котором находилась его жена. Была полночь, и он увидел только один светлый огонек, который сверкал из одного дома.

Остановив лошадей, он подумал: я пойду к огню — и вошел во двор. Повесив шапку и повод на плетень, он подошел к окну, а в это время в том доме, к которому он подошел, какая-то женщина плакала, подбирая печальные слова. Прислушавшись, он узнал, что эти слова относятся к нему, и из них он понял, что его жена была мудрой женщиной. Сев на коня, он выехал из аула и поехал к себе домой. Приехав домой, он спросил у матери: «Скажи мне, какая причина того, что эта твоя сноха отправлена домой?» Тогда мать рассказала: «В то самое время, когда ты подъезжал к реке, гоня впереди себя табун лошадей, я встревожилась и сказала: «Этот всадник в реке попадет в беду». А моя сноха посмотрела и говорит: «Не беспокойся, матушка, старый пень водой не уносит, и овчарка в воде не тонет». Этими словами она тебя, моего сына, все равно, что собакам на съедение бросила. Поэтому я и отправила ее домой». Тогда сын объяснил матери, что она сказала это потому, что в реке пенек не утонет, не пристав ни к одному из берегов, и овчарка в воде не захлебнется, а всегда переплывет реку. Поэтому хотя она меня и узнала, но была уверена, что я тоже переплыву через реку, поэтому она и сказала так. Если, кроме этой обиды, других ты за ней не знаешь, то разреши мне привезти ее обратно. Тогда мать сказала: «Больше она меня ничем не обидела, и поэтому я даю тебе разрешение». Тогда сын привез ее обратно, и она снова стала его женой. Отправить жену домой к ее родителям — это равносильно формальному объявлению развода.

Указанный рассказ весьма характерен во многих своих деталях. Муж Магомет Хатьков в обрисовке песни является, несомненно, феодалом, проводящим время в походах за добычей. Поэтому жена и сравнивает его в момент переправы, когда он гонит перед собой награбленный им табун через Терек — с овчаркой, перегоняющей табун через реку, и с деревянным чурбаном, который не может утонуть в реке. В этих словах заключается, несомненно, своеобразная похвала мужчине-феодалу, с точки зрения его силы и ловкости, как героя. Не понявши смысла этой похвалы, мать решает, что невестка совсем не любит ее сына, поэтому она, как глава женского населения дома, требует без объяснения причин развода сына с женой. Магомет

Хатьков, как послушный сын своей матери, обязан был, не спрашивая о причинах, отослать жену к ее отцу, что и является с его стороны формальным объявлением развода и возвращает жену домой. В этом рассказе чрезвычайно характерно то бесправное положение, которое занимает жена по отношению к мужу и муж по отношению к родителям. Отношения здесь строятся по схеме той же строгой иерархической подчиненности и того произвола власти более высоких степеней иерархической лестницы по отношению к более низким, которые столь характерны для строя феодального общества. В заключение приведем образец исторической лирической песни, сложенной, несомненно, феодальным певцом. Эта песня о Бзиюкской битве, происходившей между бжедухами и шапсугами в 1795 году. Битва явилась выражением столкновений экономических и политических интересов феодально-организованного племени бжедухов и шапсугов, которые перед этим совершили так называемую шапсугскую революцию, лишив торговых привилегий класс нарождавшегося дворянства (см. выше).

Под ним конь хоавэ с красивой шеей,
Он красиво бой начинает.
Сражайся, Бахты-Гирей!
Конь хоарэ задержан стрелой,
Ущелье Нечидэ покрыто трупами.
Сражайся, Бахты-Гирей!
Шишак его блестит,
Он сам среди войска блистает.
Сражайся, Бахты-Гирей!
Шелковая дворянская плеть выпала из рук,
Он заходит, подобно вечерней луне.
Сражайтесь, бжедухские юноши!
То о нем плакали бжедухи,
Его оплакивала великая княгиня.
Сражайтесь, бжедухские юноши!
Бахты-Гирей — счастливый князь,
Его невеста Гошемаф оплакивала.
Сражайтесь, бжедухские юноши!
Их конница толпится,
Пехота их теснится.
Если они теперь нас одолеют,
То наших красавиц отнимут.
Сражайтесь, бжедухские юноши!
Ты щеголь с белым воротником,
Когда для тебя нет никакого выхода, ты наша опора.
Батоко Пшемаф,
Ты днем наша крепкая крепость.
Ахачако Анчок,
Он надвигает шишак на лицо,
В глубине битвы он буйствует.
Хачемуко Ислам,
В бедре его сидит пуля,
Опираясь на лошадиную шею, он бьется.
Ахечекого Бек-мурза,
Он сам черен как железо,
Тешится свистом черных пуль.
Берзег Едыгь,
При нем большой пистолет,
Он убивает двух хагуров.
Локошко Алхаз,
На чалом коне Гетытлехе
В бою ты храбрый вождь.
Локшокоге Алхаз,
Он натягивает тетиву,
Его стрелы бьют хуже ружья.

Декичь Казы,
У его чалого коня голова, как у лани,
Он играет головами шапсугов.
Хаджемуко Алхаз,
Конь Бечкан становиться на дыбы,
Когда он налетает, он кричит.
Хачемуко Ягубег,
Он мучит коня Кыдэниха,
Преследует пехоту шапсугов.
Берсечь Едыдж,
От него остались малые сироты,
Запираются двери кунацкой.
Ешико Есенгал,
Он ставит рогатку для ружья.
Он валит вождя врагов —
Хыджоко Захирей.

По этой песне видно, как в боевой феодальной поэзии каждый из участвовавших в бою феодалов, смотря по своему рангу и обнаруженным им подвигам, получает отдельное славословие. В песне также отражается судьба каждого: кто пал в бою, кто ранен или кто вышел невредимым. На первом месте стоит, очевидно, князь Бахты-Гирей, в четвертом куплете упоминается Великая княгиня, оплакивающая смерть бжедухского князя и предводителя войска, то есть императрица Екатерина II, которая в этой битве помогла феодалам против демократов снабжением их артиллерией и казаками. Великими князьями именовались у черкесов русские цари, очевидно, еще в силу старой традиции. В следующей строке, как это и следует по рангу, Бахты-Гирея оплакивает его невеста. Наконец, дальше следует по одному из куплетов посвященных каждому из отдельных феодалов с упоминанием его имени; куплеты, очевидно, следуют друг за другом в порядке ранга или старшинства, упоминавшихся в них бойцов (см. Лопатинский, стр. 77 и следующие).

Разумеется, в этом кратком перечислении основных художественных черт и в приведенных отдельных образцах кабардинской и кяхской поэзии мы лишены были возможности дать сколько-нибудь исчерпывающий анализ этой оригинальной своеобразной народной поэзии. Для историка, социолога и историка литературы народная поэзия черкесов и кабардинцев представляет собой драгоценный материал, который позволяет нам проникнуть в культуру, мировоззрение и быт тех эпох черкесской истории, от которых до нас не дошло никаких других исторических документов. Кроме того, те же образцы народной поэзии сохраняют нам отточенный, литературно обработанный <...>* язык, замечательный своим художественным <...>, несомненно, представит ценнейший материал для <...> и кяхского литературных языков в буд <...> народной песни и народной легенды <...>, и примеры рифмования строк придется <...> национальной художественной <...>. Все эти стороны требуют самого тщательного собирания памятников народной поэзии у кабардинцев и нижних черкесов, использование их в деле современного культурного национального строительства нуждается в самом внимательном к себе отношении.

Глава V. Современное культурное строительство Кабардинской автономной области

Современное национальное строительство во всех национальных областях Республики, главные массы национального населения которых составляют представители так называемых восточных национальностей, всюду имеют перед собой приблизительно однородные по своему типу задачи. Восточное население Союза в результате того наследия обрусительной политики, которое было оставлено нам предшествующим строем, все характеризуется приблизительно одними и теми же основными чертами. Ко времени Октябрьской революции восточные наци-

* Пропуски в тексте рукописи связаны с повреждением страницы.

ональности оказываются отодвинутыми на наименее пригодные для развития земледелия (сухого земледелия) места (ср., например, распределение в западной части Северного Кавказа, в Нижнем Поволжье, Западной Сибири и т.д.). С другой стороны, в культурном отношении восточные национальности все характеризуются сравнительной отчужденностью их от западноевропейской культуры, а во многих случаях также и бесписьменностью, полным отсутствием школы и литературы на родном языке. Обе последние черты культуры, характерные для восточных национальностей дореволюционной эпохи, объяснялись, конечно, влиянием двух причин. С одной стороны, это было следствием политики царского правительства никоим образом не давать восточным национальностям массовое народное образование. С другой стороны, для значительной части восточных национальностей, являвшихся мусульманами по религии, это было следствием развития в них религиозного клерикализма, как национально буржуазного течения.

Сущность мусульманского клерикализма по отношению к национальному вопросу можно охарактеризовать в кратких словах, как полное отрицание необходимости строить и развивать национальные культуры внутри религиозного панисламистского единства. С этой точки зрения, все мусульмане должны представлять собой одну единую нацию. Их единственным общим языком является язык Корана — арабский, и их культура должна быть единообразным по возможности повторением культуры арабов того периода, когда создавался Коран. Такое крайнее выражение панисламистской идеи, конечно, далеко уже не всегда проводится в жизнь, однако оно представляет собой типичное мировоззрение мусульманской клерикальной интеллигенции, то есть мулл — лиц, получивших соответственное образование, в особенности сильное в этих слоях населения у национальностей, еще целиком бесписьменных, лишенных грамотности на родном языке. Находясь среди такого населения на положении культурных монополистов, лиц, единственно могущих обслуживать необходимость в письме идеологически народные массы, интеллигенты арабистского направления готовы всякими путями и средствами отстаивать это свое монополистское положение. В случаях попыток введения грамотности на родном языке местные клерикальные круги обычно оказывают этой реформе отчаянное сопротивление, так как идеологически, по их мнению, это нарушает единство мусульманского мира, а на самом деле подрывает их положение как монопольных обслуживателей духовных и культурных потребностей данного народа. Яркие примеры этого рода мы могли бы наблюдать на Северном Кавказе в первый период введения здесь советской властью письменности на родном языке. Отрицательное отношение мулл и руководимых ими темных масс крестьянства выражалось здесь в прямом, иногда даже вооруженном сопротивлении организации национальных школ и введению учения на чеченском языке, тогда еще (в 1923 году) пользовавшимся арабским алфавитом. По-видимому, такое же сопротивление в большей или меньшей степени можно было наблюдать и среди других мусульманских народов Кавказа.

Однако наряду с этим чисто панисламистским течением очень рано должно было возникнуть также и новое течение, имевшее свои корни в прогрессивно настроенных кругах национальной интеллигенции и даже духовенства. В особенности имело оно благодарную почву среди тех национальностей, которые в силу ранней экономической связи с местными городскими и культурными центрами оказывались вынужденными перестроить свою экономику, первоначально чисто натуральную, на новых основах товарного хозяйства. В очень благоприятных в этом отношении условиях оказались народы, занимающие центральную часть северного Предкавказья, то есть наиболее близкие Владикавказу и Военно-Грузинской дороге с ее товарным влиянием как центра международного туризма.

В таком положении оказались на первом месте осетины, затем ингуши и кабардинцы. В частности, среди кабардинцев это новое культурно-национальное течение, которое мы можем назвать западническим и сущность которого заключалась в том, чтобы через родной язык и местные национальные культурные особенности приобщить данную национальность к завоеваниям европейской культуры, началось уже давно. Однако оно было представлено лишь отдельными единичными деятелями и отдельными попытками. Представители этого направления оказывались действительно в очень тяжелом положении; им приходилось бороться на два фронта, с одной стороны, против противодействия царской администрации, которая вообще не хотела давать сколько-нибудь широкого массового образования восточным национальностям, с другой стороны, они встречали противодействие и со стороны панисламистски настроенных клерикалов, которые в те времена являлись идеологическими и политическими вожаками крестьянских масс. Вот почему даже отдельные удачные попытки в этом направлении (деятельность муллы Микерова на территории теперешней Черкесии, деятельность Лопатинского и его учеников-кабардинцев в Кабарде) и иногда поддерживаемые наиболее дальновидными

представителями царской администрации (Услар, Лопатинский и другие) не давали никаких результатов действительно социального характера.

Все эти попытки чрезвычайно быстро гибли, как только их идеальные инициаторы оказывались по тем или иным причинам сошедшими со сцены. В этом отношении весьма интересно проследить краткую историю попыток письменности на кабардинском языке. В шестидесятых годах прошлого столетия, в период, непосредственно предшествовавший окончательному завоеванию Кавказа русскими, работал один из тогдашних крупнейших лингвистов барон П.К. Услар, являвшийся в то же время наиболее культурным и дальновидным представителем тогдашней военной администрации. Он первый создал грамматические очерки целого ряда главнейших (по численности населения) языков Северного Кавказа, первый разработал проекты их национальных практических алфавитов, взяв для этого за основу русский алфавит, и первый же разработал проект введения обучения в горских школах Кавказа на национальных языках; пока длилась сама война, и царское правительство не было еще вполне уверено в ее результатах, деятельности Услара по изучению языков Кавказа, а также разрабатывавшимся им проектам введения национальной школы на Кавказе оказывалось известное внимание. Однако политика сейчас же переменилась после того, как Кавказ оказался завоеванным. Проекты введения обучения на местных языках сейчас же были оставлены, средств на это не нашлось, и работа, проведенная Усларом, к тому же вскоре умершим, оказалась забытой и заброшенной на целые десятилетия. Между прочим Услар разработал для научных целей также алфавит для одного из наречий кяхского языка и записал на нем некоторое количество слов и примеров для грамматики. Кабардинским языком Услар не занимался.

Однако на основе работ Услара и, воспользовавшись в основных чертах его алфавитом, некий кабардинец Кази Атажукин издал в шестидесятых годах прошлого века несколько книжек на кабардинском языке не получивших, правда, широкого распространения и значения. Судя по содержанию этих книг, он являлся, безусловно, уже тогда представителем западнического направления. Между 1864–1867-м годами им изданы отрывки из поэмы «Сосруко», кабардинская азбука и статья о воздухе и воде на кабардинском языке. Приблизительно в то же время были изданы неким Шардановым «Правила мусульманской веры» на кабардинском языке. В 70-х годах начинается деятельность в Кабарде Л. Лопатинского, которого привлекли к изучению кабардинского языка его научные интересы. Он вовлек в свою работу также нескольких кабардинцев, в особенности Т. Кашежева и П. Тамбиева. Эта деятельность Лопатинского протекает в 80-х годах. Им впервые издана краткая грамматика кабардинского языка и русско-кабардинский словарь. Затем отдельно был издан им кабардинский букварь с алфавитом на русской основе, и в последние годы перед революцией делались попытки применения этого алфавита в местных школах.

Здесь следует отметить, что первая грамматика кабардинского языка или, вернее, попытка написать такую грамматику была произведена еще в первой половине XIX века кабардинцем Шорой Бекмурзином Ногмовым, которая была переслана в Ленинград в Академию наук и затем долгое время считалась утерянной. В настоящее время уже после революции эта грамматика была вновь найдена среди рукописей Азиатского музея, и, таким образом, в настоящее время представляется возможным ее изучение как ценного материала. Параллельно с этой деятельностью первых изобретателей национальной кабардинской письменности, стремившихся провести в жизнь русский алфавит, возникают и другие течения апологетов применения арабского алфавита для кабардинской письменности. Первым изобретателем такого алфавита, по-видимому, является некий мулла западнического направления Микеров в Баталпашинском округе в местной городской школе. Отдельные попытки писать арабским алфавитом возникают и после этого и в результате приводят к изданию даже газеты на кабардинском языке (издававшейся в 1917 году на Баксане неким кабардинцем Дымовым). Одновременно выпускается и несколько маленьких книжечек, как букварь и другие, арабским шрифтом (отпечатаны в Казани).

Таким образом, ко времени Октябрьской революции и ко времени образования в 1921 году Горской Советской Социалистической Республики, в состав которой вошли многие народы Северного Кавказа, в том числе кабардинцы и балкарцы, мы имели, в общем, несколько разрозненных и разнородных по своему идеологическому направлению попыток создать кабардинский алфавит и ввести его в жизнь через школу. В 1921 году в бытностью мою в Кабарде, когда национальное строительство в области, являвшейся тогда частью Горской Республики, только еще начиналось, еще не решен был вопрос о том, на каком именно проекте алфавита остановиться, конкурировали два проекта: русский (в переработке Шеретлокова) и

арабский, и тогда только лишь намечалось течение в пользу разработки кабардинского алфавита на латинской основе. Состоявшаяся после этого в Пятигорске в 1922 году конференция по просвещению среди горских народов Северного Кавказа окончательно постановила ввести для горских народов алфавиты на латинской основе, после чего всякие старые споры между сторонниками русского и арабского алфавитов должны были раз и навсегда затихнуть. Латинский алфавит в Кабарде впервые был отпечатан в виде листовки в 1923 году, затем в 1924 году был опубликован первый букварь, а следующий букварь — в 1925 году. Во всех указанных изданиях кабардинский алфавит подвергался новым переработкам, что указывало стремление местных работников приблизить алфавит к требованиям фактического письма, исходя из опыта преподавания его в школах.

Наконец, алфавитный вопрос нельзя еще считать окончательно разрешенным и сейчас. Сейчас поставлена на очередь проблема унификации, объединения алфавитов для групп близкородственных языков на Кавказе. Эта задача в отношении черкесов была тем более своевременно необходима, что в известный период национального строительства вплоть до 1925 года не существовало не только никакой унификации между родственными языками кяхским (в Адыгейской автономной области тогда был арабский алфавит) и кабардинским в (Кабардино-Балкарской автономной области), но даже для своих кабардинцев, говорящих на одном и том же языке и населявших верховья Кубани и бассейн Терека (под именем черкесов тогдашней Карачаево-Черкесской автономной области и под именем кабардинцев в Кабарде) существовало в то время два совершенно разных алфавита: латинский для Кабарды и арабский для Карачаево-Черкесской области. Этот ведшийся тогда на территории всего Северного Кавказа спор между латинской и арабской формами алфавита был окончательно разрешен на второй конференции по просвещению горцев Кавказа в Ростове-на-Дону в 1925 года в пользу латинского алфавита. Это решение, однако, не устраняло различий в формах латинских букв в дополнительных буквах, отсутствующих в основной форме латинского алфавита, и в различном графическом начертании одних и тех же одинаково произносимых всеми горскими народами звуках. Такие различия в алфавитах, прежде всего, затрудняли взаимное пользование книгами представителей тех народов, которые были настолько близки друг другу по языку, что могли понимать разговорную речь. На той же конференции возникла мысль о том, чтобы для облегчения дела культурного сближения родственных по языку народов были проведены специальные конференции по унификации, во-первых, кабардино-нижнечеркесская и, во-вторых, чечено-ингушская.

Летом же 1925 года из этих конференций состоялось лишь одна, первая, в июле месяце в городе Кисловодске. На этой конференции был выработан тот проект алфавита, который лег в основу позднее проведенного в жизнь латинского алфавита нижних черкесов (в Адыгейской автономной области). Целей унификации алфавита тогда добиться не удалось, вейнахская же конференция в то время совсем не состоялась. Наконец, вопрос об унификации горских алфавитов ставился после этого неоднократно на тюркологическом съезде в 1926 году и на Пленумах Комитета Нового тюркского алфавита, пока, наконец, в 1928 году не были проведены обе давно намечавшиеся конференции по Северному Кавказу: абхазо-черкесская в городе Нальчике, в которой принимали участие представители Кабардинской, Черкесской (бывшая часть Карачаево-Черкесской) и Адыгейской автономных областей и Абхазской Республики. Кроме того, в городе Владикавказе прошла и вейнахская конференция из представителей Чечни и Ингушии. Наконец, намечена последняя стадия окончательного решения алфавитного вопроса на конференции по унификации алфавита в общегорском масштабе, после которой можно будет считать алфавитную проблему для бесписьменных прежде народов Северного Кавказа окончательно разрешенной.

В истории разрешения этого вопроса Кабарде пришлось сыграть видную роль. Именно Ингушетия и Кабарда ввели первыми из народов мусульманской культуры на Кавказе в массовое употребление латинский алфавит. Этот опыт, который следует признать блестяще удавшимся, позволил в дальнейшем на его основе проводить тот же алфавит в среде других национальностей, попробовавших для начала остановиться на применении арабской письменности. Мы нарочно остановились, в первую очередь, на алфавитном вопросе, что этот вопрос представляет собой основную техническую проблему, без разрешения которой фактически не может быть осуществлено никакое культурное строительство в национальных областях.

Рассмотрим теперь вопрос о национальной школе и то, что сделано в этой области именно в Кабарде. В этом отношении, прежде всего, поразителен рост количества учащихся, который мы можем проследить в дореволюционные времена 1914 года. Количество учащих-

ся за 13 лет выросло почти на 200 процентов; к сожалению, эти цифры не дают нам возможности судить о росте чисто национального школьного населения, при учете чего картина роста кабардинских учеников сделалась бы, по моему мнению, еще более внушительной. Приблизительный подсчет в этом направлении мы можем произвести, исходя из числа учащихся за 1927 год, распределенного по округам. Из общей суммы 10462 учащихся в 1926—1927 году по пяти округам, главную массу населения которых составляют кабардинцы, мы имеем около 4651 учащихся, в то время как в 1914 году учащиеся-кабардинцы — 952, то есть увеличение составляет около 400 процентов. Другим показателем роста национальной школы может служить увеличение количества учителей-националов. Цифра учителей националов выросла с двух в 1914 году до 81 в 1927 году, что составляет увеличение около 4000 процентов. К сожалению, в национальной статистике по Кабардино-Балкарской автономной области, как это мы видим часто и в других национальных областях, совершенно отсутствуют данные о грамотности национального населения, и специально о грамотности его на родном языке, и между тем именно эта последняя цифра была бы наиболее показательной для характеристики роста национальной школы и национальной культуры вообще.

В самом деле, ни в какой другой области народного образования, как именно в преподавании родного языка и грамотности на нем, не отразилась с такой точностью и яркостью национальная политика советской власти. Если раньше до революции процент грамотности по Кабарде состоял, главным образом, из грамотных представителей русского населения здесь, с одной стороны, и из прошедших русскую школу представителей феодальных сословий, с другой, то естественно, что этот процент почти целиком являлся показателем грамотности на русском языке, то теперь в условиях советского национального строительства, для которого самой характерной чертой является образование на местном национальном языке, является наиболее характерной по народному образованию цифрой грамотности на местном родном национальном языке. Большим упущением национальной статистики является до сих пор отсутствие такой цифры, она более, чем всякие другие цифры по народному образованию, являлась бы характерной для темпа местного национально-культурного строительства. Мы можем, правда, попытаться восстановить эту цифру косвенным путем. Тогда мы должны будем прийти к заключению, что количество национально-грамотных кабардинцев, которое составляла в 1914 году цифру близкую к нулю, в настоящее время достигает <...>* процентов. Итак, характерные для количества роста национальной школы и письменности цифры мы можем привести в виде следующей таблицы:

	1926/27	1914
Количество школ 1 ступени <у> кабардинцев % к общему числу	81	3
Учителей кабардинцев % к общему числу	60	2
Учащихся кабардинцев % к общему числу	4651	952**

Приблизительно теми же цифрами характеризуется и рост школ, учителей-националов, учащихся, обслуживающих национальную грамотность балкарцев. За время, охваченное нашей таблицей, рост национального и общего числа всего населения характеризуется следующими цифрами:

---

* В тексте рукописи цифра не указана.

** Несомненно, что в эту цифру входит подавляющее число школ и учащихся только на русском языке, что видно также и из числа учителей националов в это время. Правда, обучение грамоте на кабардинском языке было начато по инициативе Лопатинского в сельских школах еще с 1906 года, однако оно являлось только факультативным, и главная масса учащихся оставалась еще совершенно неграмотна на родном языке (примечание Н.Ф. Яковлева. — *Сост.*).

	1926/27	1914	Рост в %
Кабардинцев			
Всего население	<...>*		
Отношение в %			

Сравнивая данные обеих приведенных нами выше таблиц, мы приходим к несомненному выводу, что рост и абсолютный, и относительный в основных элементах национального образования Кабардино-Балкарской автономной области, конечно, никак не может быть объяснен как нормальный рост народного образования в зависимости от естественного прироста национального населения. Мы имеем здесь, очевидно, бурный рост совершенно новых элементов образования, создания взамен образования на чуждом для национального населения языке, совершенно новых элементов, завоеванных вместе с правами политической и культурной автономии в результате Октябрьской революции, — элементов совершенно нового по своим принципам, целиком вновь созданного в результате революции национального образования.

Более сложную, чем построение национального образования в объеме первой ступени задачу, представляет собой проблема национализации следующих ступеней школы. Это общее явление мы наблюдаем не только в автономных областях, но даже и в большинстве национальных восточных республик. Обычно проблема национализации первой ступени и является первой, благополучно разрешаемой, ступенью первого десятилетия существования советской власти задачей национального народного образования. Завоевание национальным языком и национальным образованием второй ступени сопряжено обычно в отношении подавляющего большинства восточных национальностей Союза со значительными трудностями культурного и социального порядка. Дело в том, что для развития национальной культуры, и в частности национального языка в советских условиях, необходимо развитие тех социальных предпосылок, на которых первые могли бы базироваться. К таким социальным предпосылкам относится, на мой взгляд, то соотношение, которое в пределах каждой отдельной национальности существует между национальным промышленным и городским населением, с одной стороны, и национальным сельскохозяйственным населением, с другой. Только у тех национальностей, у которых в настоящее время сравнительно развит уже процент национального пролетариата и национальной городской трудовой интеллигенции, имеются в наше время социальные предпосылки для того, чтобы ставить вопрос о создании школы второй ступени целиком на национальном языке.

И еще сложнее вопрос о национализации высшей школы. Последняя является большой проблемой даже в таких мощных национальных республиках с огромными национально-социальными предпосылками (развитие национального пролетариата и прочие), как Азербайджан. Для национальных же областей Северного Кавказа, основная масса национального населения которых является в настоящее время сельскохозяйственной, вопрос о национализации высшей школы пока не имеет никакого даже теоретического значения. Весьма важно отметить, что целиком национализированная школа второй ступени имеет под собой реальную почву, по-видимому, лишь там, где полный круг товарооборота между промышленными центрами и сельскохозяйственной массой населения, хотя бы в известном своем проценте, обслуживался целиком в пределах данного национального языка. Это и значит, что производящий промышленную продукцию пролетариат — товаропроизводящий аппарат, как в центре, так и на местах, сельскохозяйственное население, хотя бы в известной своей доле обслуживались во всех звеньях этой цепи национальным населением и, что еще важнее, местным национальным языком с его письменностью и т.д. Только такое положение создает твердую базу для развития школы второй ступени, как школы, обслуживаемой преимущественно промышленными, культурно-хозяйственными элементами и обслуживающей потребности индустриализации и урбанизации населения. Только в этих культурно-социальных условиях вторая ступень может получить достаточное число квалифицированных педагогов из числа националов, соответственные учебники на национальном языке, что стоит в связи с развитием промышленной и культурно-городской терминологии на нем и т.д.

Из республик Кавказа задачу национализации школы второй ступени успешно разрешают пока только Азербайджан, Грузия и Армения. Что же касается национальных автономий

---

* В тексте рукописи не указаны цифры.

Северного Кавказа, то здесь до сих пор главной массой населения остается население сельскохозяйственное, национальный язык пока не выходит за пределы деревни, национальное население местных городов, как и вообще явление городской жизни на территории этих автономий, еще только начинает развиваться. Характерным показателем этих социальных отношений является до сих пор чрезвычайно малый еще процент, во многих случаях приближающийся к нулю, национального пролетариата. В этом отношении и Кабардино-Балкарская область не представляет исключения. Правда, она имеет известные преимущества перед другими областями в том, что ей удается довольно усиленным темпом создавать сейчас свой собственный центр городской и промышленной культуры, бывший до революции целиком русской слободой. Городское строительство в Нальчике идет сейчас довольно быстрым темпом и достигло за последние семь лет значительных успехов (электрификация, домовое строительство и прочее). Этому темпу в особенности помогает тот приток средств со стороны, который обеспечен Нальчику ежегодно наплывом курортного населения. Дальнейшей весьма важной проблемой социального развития Кабардино-Балкарской области является организация кабардинского населения, проникновение национальных элементов языка в городскую и промышленную жизнь. Только это развитие создает необходимую социальную и культурную базу для дальнейшего поступательного развития элементов национального культурного строительства не только в количественном (рост вширь), но и в качественном (рост вверх) отношениях. Пока же задача национализации школы второй ступени (<...>*) сводится в Кабарде к тому, чтобы ввести в нее преподавание родного национального языка как особого предмета, причем основным языком преподавания остается все же русский, как единственный здесь пока еще язык городской и промышленной культуры. Вышеуказанную задачу первого этапа национализации школы второй ступени мы можем считать сейчас в Кабардино-Балкарской автономной области вполне разрешенной. Из общего числа преподаваемых в школах второй ступени и аналогичных им других типах школ и курсов (<...>*) преподается на национальном языке.

В зависимости от указанной нами выше организации кабардинского языка и развития национального пролетариата и городского населения стоит еще целый ряд культурных проблем в области самой техники развития и применения кабардинского языка к новым культурным и социальным условиям. Эти задачи можно объединить под одним общим названием развития языка, до сих пор остававшегося бесписьменным, до стадии развитого литературного языка, в частности сюда же относится вопрос о развитии в кабардинском языке необходимой терминологии, которая могла бы обслужить выходящую теперь на нем научно-популярную, техническую и другую литературу. Отсутствие в кабардинском языке необходимых для обозначения явлений городской и промышленной жизни и культуры терминов, является прямым отражением той отмеченной нами выше социальной роли, которую играл этот язык до сих пор. Поскольку кабардинский язык являлся до сих пор языком исключительно сельскохозяйственного населения, ясно, что в отношении сельскохозяйственной терминологии, в особенности скотоводческой, кабардинский язык по богатству далеко оставляет позади русский. То же касалось, пожалуй, и специальной терминологии социальных явлений феодального строя (сословия и прочее), однако в отношении терминов современной городской и промышленной культуры кабардинский язык, конечно, значительно беднее русского.

Это положение кабардинского языка лишний раз подтверждает то общее положение, что нельзя говорить об абсолютно бедных и абсолютно богатых языках. Всякий язык богат в той области терминологии, которая связана с основной производственной деятельностью данного народа, в остальных областях этот язык может быть значительно беднее. Таким образом, проблема развития кабардинского литературного языка заключается сейчас в том, чтобы, во-первых, точно выяснить, собрать и издать хотя бы в виде полного словаря кабардинского языка весь наличный в нем запас слов и, во-вторых, на основе этого запаса, решить вопрос о планомерном систематическом пополнении терминологии, недостающей в этом языке и необходимой для технического выражения его средствами явлений современного советского общественного строя и культуры. Первая часть указанной задачи, весьма значительной по объему, ставится сейчас на очередь Кабардинским отделом народного образования. Вторая часть пока еще находится в стадии непланомерного, часто совершенно случайного творчества отдельных индивидуальных переводчиков. Индивидуально изобретаемые новые термины и даже очень часто просто целиком заимствуемые новые, например, в газетном языке, русские слова вряд

---

* В тексте рукописи пробелы.

ли воспринимаются и принимаются кабардинцем-крестьянином, они загрязняют и засоряют язык, к тому же очень часто один и тот же термин переводится разными переводчиками поразному, все это, в сущности, лишает язык газет и переводной литературы его социальной функции служить общепонятным средством социального общения. Необходимой базой для нормального процесса развития терминологии также должно являться развитие национального городского и промышленного населения в виде на первое время хотя бы и незначительного коллектива, который бы в порядке необходимости социального взаимообщения на родном языке в новых для него городских и промышленных условиях сам создавал бы новую терминологию не путем индивидуального изобретательства, а в социальном процессе настоящего коллективного творчества. Средством же, технически облегающем такой процесс, явилось бы создание постоянной терминологической комиссии, члены которой могли бы поделить между собою различные области современной городской и промышленной жизни и регулярно работали бы над пополнением кабардинского словаря именно в этой области, обслуживая как потребности национальной прессы, так и переводной на национальный язык литературы.

Что касается возникающего также почти во всех национальных областях запроса о выборе диалекта для развития единого литературного языка, который должен служить средством взаимообщения между существующими, обычно чрезвычайно раздробленными бесписьменными наречиями, — то этот вопрос для кабардинского языка, как мы уже отметили выше, не существует. Ибо эта работа к современному историческому моменту оказалась уже выполненной самой историей, кабардинский язык в современном его состоянии представляет собой, в сущности, хотя и бесписьменный, но уже унифицированный единый литературный язык (см. выше). Причем задача его объединения была исторически выполнена кабардинским феодализмом. Это обстоятельство значительно облегчает работу по дальнейшему техническому развитию кабардинского литературного языка.

Развитие национальной культуры в Кабарде может быть охарактеризовано следующими цифрами: общего количества изданий на национальном языке, тиража местной издаваемой наполовину по-кабардински и балкарски газеты и тем процентным соотношением, которое занимает в этой продукции национальная художественная литература. Цифры эти следующие:

	1914	1926/27	% роста
Количество изданий на кабардинском языке			
Количество изданных художественных произведений		<...>*	
Учебников			
Процентное отношение			
Тираж газеты «Карахалк»			

Приведенные цифры показывают, несмотря на общий колоссальный рост, который можно назвать, скорее, созданием заново национальной литературы в Кабарде, все же чрезвычайно низкий уровень развития, на котором пока остается чисто художественная литература. Между тем, как для технического развития обработанности языка, так и в качестве активнейшего социального факта именно проблема создания художественной литературы должна быть теперь, после предварительного обсуждения, на первое время удовлетворения школ 1-й ступени учебниками поставлена на очередь дня. Несомненно, что в этом отношении авторам новой кабардинской художественной литературы придется провести значительную и довольно сложную работу, чтобы <...>** и технически выработать вполне соответствующие данному языку и культуре национальные художественные формы — то, что можно назвать национальной поэзией. Несомненно, что выработка новых форм национальной литературы, происходившая у разных народов с древней письменной традицией в разное время, протекала под известным влиянием форм и приемов иноязычной литературы преимущественно тех народов, которые в данный период культурно влияли на соответствующую национальность. Так, рус-

---

* В тексте рукописи не указаны цифры.
** Рукопись повреждена.

ские литературные формы развивались в различные периоды своей истории под несомненным воздействием западноевропейских литературных форм. По-видимому, на вновь складывающиеся кабардинские литературные формы, например, формы стиха могут оказать сильнейшее воздействие, с одной стороны, формы русской художественной литературы и формы арабской поэзии — с другой. Однако вышеуказанные иноязычные, инокультурные влияния представляют собой лишь одну из сторон процесса национального литературного развития.

Другой его стороной всегда и у всех народов являлось использование поэтической техники, так называемой устной долитературной, дописьменной формы художественной литературы — устной, или народной, поэзии. Только такое использование, связывая письменную литературу с уже привычным и народным массам формами народной поэзии, способно положить начало действительно массовой национальной художественной литературе, так как пересадка на кабардинскую национальную почву форм иноязычной, например, арабской литературы, дала бы в результате художественную поэзию не массового, но узко кастового, замкнутого характера. Облегчить вышеуказанную задачу отыскания наиболее приемлемой поэзии было бы возможно, если бы при этом авторы имели у себя под рукой собранные и изданные образцы поэзии дописьменной, то есть древних песен, легенд, сказок и проч. На эту задачу нужно обратить сейчас самое серьезное внимание, так как она поможет не только решению вопроса о литературных кабардинских формах, но и даст значительные ценные материалы, часть уже забытых и вышедших из употребления терминов и слов, необходимых для собирания полного кабардинского словаря и, с другой стороны, как мы уже говорили выше, предоставит богатейшее фактическое обоснование для всякого рода исторический и социологических изысканий в области кабардинской истории.

Эти соображения делают крайне желательным организацию постоянного собирания произведений кабардинской народной поэзии через местные краеведческие организации с тем, чтобы часть этого материала могла бы периодически издаваться, а другая часть была бы использована в рукописях.

Несомненно, самой крупной задачей, которая стоит сейчас перед Кабардой в области культурного строительства, является проведение национального языка для обслуживания функционирующих государственных учреждений (так называемая коренизация аппарата). Только такое превращение кабардинского языка из языка не только школы и литературы, но и местных учреждений может создать предпосылку для окончательного укрепления национальной письменности в трудовых массах населения. Дело в том, что до тех пор, пока население не видит обязательного и необходимого применения получаемой через школы национальной письменности, следовательно, до тех пор, пока национальная письменность не является для народных масс практически необходимым к жизни знанием, трудовое население склонно преуменьшать значение национального образования. Отсюда и вытекает то иногда высказываемое кабардинским крестьянством мнение (как и в других национальных областях), что было бы гораздо полезнее преподавать в школах на русском языке. Крестьянин видит, что те официальные документы, заявления, удостоверения и т.д., которые он принужден получать или подавать через государственные органы, он должен пока еще писать или читать на малопонятном для него русском языке. Эта практическая потребность и создает в его глазах ценность русского языка и сознание необходимости изучать русскую письменность.

До тех пор пока аналогичное положение не создается для кабардинского языка, до тех пор, пока кабардинская письменность не сделается такой же практически жизненно необходимой потребностью в быту кабардинского крестьянства, не будет и настоящего оправдания ее существования. Задача коренизации аппарата — это есть задача дальнейшего укрепления дела создания национальной кабардинской культуры. Ее необходимо провести в жизнь, обставив также всеми теми побочными мероприятиями, которые облегчат эту реформу и дадут возможность работникам учреждений при новой постановке дела находить необходимые им технические справки из области орфографии и терминологии в современно выпущенных справочных изданиях. К числу таких справочных изданий будут относиться, несомненно, словари, из которых, кроме полного толкового кабардинского словаря, необходим также еще орфографический словарь и терминологический словарь политических и технических терминов современности. Само собой разумеется, что, кроме того, должна быть разработана, наконец, совершенно единообразная орфография на основе вполне соответствующей строю кабардинского языка грамматики.

До сих пор такой грамматики кабардинского языка, которая вполне правильно отражала бы тот строй этого языка, который в нем действительно существует, а не являлась бы подражанием русской или арабской грамматике, не издано. Между тем эта задача представляет

собой одну из основных даже для практического проведения в жизнь коренизации аппарата учреждений. Без грамматики невозможно установить твердую и правильную орфографию, без орфографии нельзя единообразно писать всегда одним и тем же способом одни и те же слова, а без такого способа письма нет никакой возможности всем кабардинцам одинаково читать и правильно понимать написанное; поэтому задача разработки чисто научной теоретической грамматики, должна быть положена в основу школьных грамматик, должна быть признана сейчас особенно своевременной и практически необходимой.

Просматривая тот значительный рост и то огромное напряжение творческой энергии, которое осуществляется в области хозяйственного строительства Кабардино-Балкарской автономной области, мы должны отметить, что все же темп строительства в области культурно-национальной несколько отстает от темпа вышеуказанного строительства. Между тем нам представляется, что одним из необходимых условий успешного завершения тех задач, которые стоят сейчас перед экономическим развитием области, является также создание основного кадра технически и культурно вполне подготовленных рабочих и работников из среды самих националов области. В самом деле, если вновь создаваемая местная промышленность не сумеет создать и втянуть в себя кадры местного национального пролетариата, то она рискует остаться лишь народным делом для проникновения основ социалистического строительства в самую толщу национальных кабардинских масс. Вновь созданная местная промышленность только тогда сможет сделаться проводником и основой нового быта, тем фокусом новых влияний, которые будут перестраивать быт и мировоззрение окружающей национальной массы, если обслуживать эту промышленность будут хотя бы частью рабочие и техники — кабардинцы и балкарцы. Только тогда между национальной сельскохозяйственной массой и местной промышленной создается непосредственный живой культурный контакт.

А создание кадров националов-рабочих, националов-техников и притом таких, которые должны быть именно национально образованными, грамотными на родном языке, не порывающими теснейшей связи с выделившимися национальными массами, возможно только при условии значительного усиления культурной работы среди местного национального населения, доведения масштаба этой работы до того же уровня, которого достигло уже в своей области хозяйственное строительство. Таким образом, уравновесить две стороны государственного строительства Кабардино-Балкарской автономной области, хотя сказанное относится также, пожалуй, и к остальным национальным областям Северного Кавказа, является сейчас, на мой взгляд, одной из первоочередных задач местного строительства, так как без правильного разрешения этой задачи хозяйственные мероприятия не будут в состоянии дать в будущем тот <...>*, который мы вправе были бы от них ожидать по крайней мере в отношении перестройки самых начал национального быта на основах социализма. Для решения этих задач материальная база культурной работы среди кабардинского и балкарского населения должна быть усилена в гораздо большей степени, чем это имеет место теперь.

Интересно проследить пути и формы распространения ислама на Северном Кавказе, так как они характеризуют также пути торговых сношений на его территории и экономические связи одних территорий Кавказа с другими. На основании всех высказывавшихся нами ранее соображений мы можем уже предположить, что наиболее удаленной от экономических и других влияний территорией Кавказа являлась та часть его нагорья, которая лежала посередине Кавказского перешейка в равном приблизительно расстоянии от обоих морей в центре Кавказского хребта. Эта территория оказывалась довольно удаленной также от северного и южного торговых путей. Все вновь возникающие экономические и культурные воздействия должны были впервые появляться на обоих морских побережьях, затем на головных участках Северного торгового пути, наконец, захватывать все его протяжение и лишь постепенно отсюда просачиваться в нагорья.

Сообразно с этим мусульманство на Кавказе распространялось двумя волнами из двух противоположных центров влияний. Раньше всего мусульманство появляется, безусловно, в районе Дербента вслед за покорением Персидского Сасанидского царства (вторая половина VII века). Затем поток мусульманства, постоянной питательной базой которого остается Персия, постепенно начинает проникать с Каспийского побережья в Дагестанское нагорье. Однако проходивший здесь по побережью в первой половине XVII века Адам Олеарий отмечает еще в своих записках, что хотя жители Дагестана и считаются мусульманами, но они не

---

* Рукопись повреждена.

являются особенно ревностными последователями этой религии. Вероятно, не раньше XIII—XIV века достигает эта волна мусульманства нагорного Дагестана, района Аварии. В XV веке мусульманство, по-видимому, проникает на западную окраину Дагестана в районы северного Андо-Дидойского округа. В XVI, XVII, XVIII веках оно постепенно завоевывает нагорную плоскостную Чечню. Здесь мы находим еще отдельные немусульманские роды во второй половине XVIII века (1778 год). В Ингушетию мусульманство проникает в первой половине XIX века и окончательно завоевывает ее территорию в 1861 году, когда последний самый западный ингушский аул Гвилеты принимает эту религию. Здесь поток мусульманства останавливается, дальнейшему его распространению на запад кладет предел покорение Кавказа русскими.

Более поздним центром распространения мусульманства являлась Турция и зависимое от нее Крымское ханство. Турецкое религиозное влияние осуществлялось здесь, по-видимому, не непосредственно, но через крымцев. Последние уже рано должны были вступить в торговые и политические отношения к Северо-Кавказскому транзиту и его агентам — черкесам. Этих взаимоотношений между феодалами и полуфеодалами черкесами и крымской деспотией, носившей, по-видимому, также характер скорее феодальный, были, как всегда в таких случаях, столько же мирными, сколько и враждебными. Крымский феодализм охотно добывал на Северном Кавказе товарные ценности с оружием в руках тем более охотно, что местный черкесский феодализм не был еще достаточно развит, чтобы отплатить ему той же монетой. С другой стороны, у черкесов свой приют находили различные феодалы Крыма, жертвы обычных феодальных междоусобиц или особых переворотов. Постоянные экономические и политические отношения не могли не повлиять, наконец, и на распространение религии Крыма на смежные черкесские племена. Мне представляется, что первыми должны были принять мусульманство именно феодально организованные племена нижних черкесов и кабардинцев.

В Кабарде мусульманство окончательно утвердилось в начале XVIII века (1713 год, по указанию Шоры Ногмова). Для кабардинского феодализма мусульманство представляло собой ту экономическую выгоду, что оно сразу делало кабардинских феодалов единоверцами тех стран Востока, которые они экономически обслуживали при помощи Северо-Кавказского транзита, то есть Персии, Закаспийских царств (на востоке) и Турции и Крыма (на западе). В дальнейшем распространение мусульманства среди западных черкесских племен особенно ускорилось в период войны с русскими и окончательно утвердилось здесь, по-видимому, лишь в XVIII—XIX веке. По Черноморскому побережью поток мусульманства двигался с северо-запада на юго-восток и успел захватить лишь незначительную часть Кавказа; в западной нагорной части Кавказа мусульманство под кабардинским влиянием, несомненно, шло с запада на восток и, захватив лишь часть западных осетин-дигорцев, также остановилось. Таким образом, прежняя мусульманская религия сохранилась еще в неприкосновенности в народных массах осетин в центре Кавказа и абхазов на западном побережье. Кроме того, отдельные языческие переживания еще живы в памяти современного населения: у ингушей, балкарцев, карачаевцев и нижних черкесов. Распространение мусульманства идет, таким образом, вдоль Северного торгового пути, главным образом с запада, не ранее второй половины XVII века и окончательно распространяется в начале XVIII. В первой половине XVII века Олеарий еще описывает «языческую» религию черкесских татар, то есть кабардинцев, в городе Терки. Столь позднее распространение мусульманства на этом важном пути объясняется, на мой взгляд, теми задерживающими политическими причинами, которые вызывались политической военной связью в эпоху кабардинского феодализма с русским государством. Несомненно, что первыми в феодально организованных племенах и народах принимали мусульманство именно феодально господствующие классы, как в первую очередь заинтересованные в тех экономических и политических связях, которые должны была облегчить эта религия.

Итак, в этом кратком и неполном обзоре тех культурных достижений, которые мы находим в Кабардино-Балкарской области, мы могли коснуться кратко только немногих из сторон этого огромного творческого движения социальной жизни кабардинцев вперед. Приводившиеся нами в начале этой главы цифры показывают, что здесь речь идет не о каком-нибудь росте элементов народного образования и национальной культуры, речь идет о совершенно новых явлениях, о созданной заново этой национальной культуре и об успешном ее развитии в первое семилетие. Достижения в этой области уже сейчас огромны, однако развитие дальнейшей хозяйственной и социальной жизни Кабарды непрерывно выдвигает и перед культурным строительством все новые и новые задачи, решение которых мы также попытались наметить. За этот период существования Кабардино-Балкарской автономной области были созданы национальная письменность, национальная школа для крестьянства, национальная

литература, главным образом, учебного и популярно-технического характера для крестьянства, теперь требуется ввести в созданную национальную письменность практику работы местных учреждений, разработать и издать основные справочные издания по вопросам национальной письменности (словари, грамматику и т.д.), приложить усилия к созданию национальной художественной литературы. Наконец, самое главное: создать условия, облегчающие дальнейшее развитие городского и промышленного социального базиса для развития национальной кабардинской и балкарской культуры. Если велик уже пройденный путь, то и вновь возникающие задачи огромны. Однако то, что уже сделано в этом направлении, успехи как в области культурного, так и в области хозяйственного и социального строительства, которые характеризуют весь путь развития Кабардино-Балкарской автономной области, дают нам уверенность, что все эти новые задачи культурного и социального строительства, важнейшие и огромнейшие задачи превращения национальностей, стоявших одной ногой в феодализме, в национальность, находящуюся в эпоху социалистического строительства, будут столь же успешно и быстро выполнены, как и им предшествующие. Нам остается только от всей души пожелать Кабардино-Балкарской области дальнейших успехов на этом пути.

Примечания

1. Н.Ф. Яковлев. «Ингуши», Москва, 1925 . Госиздат, стр. <...>*
2. См. Сборник сведений о кавказских горцах, том <...>*, стр. <...>*
3. Яфетическая теория о скрещении, см. работы академика Н.Я. Марра.
4. Такие понятия, как «этнос», «национальность» нуждаются, в первую очередь, в их историческом истолковании как отражения определенных социально-экономических формаций, возникающих в определенный момент развития общества и в известный исторический момент сменяющих друг друга.
5. Все национальные названия и примеры из кавказских языков транскрибированы мною кабардинским латинским алфавитом.
6. Мы намерено не идем здесь в своем анализе происхождения национальных названий глубже определенной эпохи (родового общества), так как нашей целью является показать происхождение национальных названий из родовых в связи с переходом от доклассового к классовому обществу — хотя их палеонтологический анализ мог бы объяснить и происхождение родовой терминологии из явлений языка дородовой эпохи.
7. Ср. у Олеария «Описание путешествия в Московию и Персию». М., 1870, с. 975, который говорит о дагестанцах прикаспийского побережья: «Это суть татары. Персияне называют их лесги (lesgi)».
8. См. У. Алиев «Карачай». Ростов-на-Дону. 1927, с. 35 и след.
9. Ср. по этому вопросу: В.Ф. Миллер «Осетинские этюды».
10 См.: В.Ф. Миллер. Ibid. Ср. еще: Ш. Ногмов. Ibid.
11. Правда, в Черкесской автономной области продолжается борьба абазинцев за школу на родном языке, так как навязываемое им теперь обучение на кабардинском языке не соответствует материнскому языку детей школьного возраста. Однако борьба эта носит чисто культурный характер. Никогда абазинцами не ставился вопрос о выделении их в самостоятельную политически автономную единицу.
12. Приводимый мною здесь термин впервые предложен в моей работе «Вопросы изучения чеченцев и ингушей». Издательство ЧечОНО. Грозный, 1927, с. 7.
13. Ср. аналогичную историю слов «раб» и «работать» в русском языке.
14. В настоящее время Адыгейская (Черкесская) автономная область называется просто Адыгейской в связи, очевидно, с тем, что вновь образовалась Черкесская автономная область на Верхней Кубани.
15. Гакстгаузен. «Закавказский край, заметки посемейной и общественной жизни». СПб., 1857, 2 часть, с. 99.
16. Сб. мат. для описан. мест. и племен Кавказа. Вып. 12. Тифлис, 1913. Кабардинск. тексты с. 29.
17. Умар Алиев. «Карачай (Карачаевская автономная область. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк)». Крайнациздат. Ростов-на-Дону, 1927, с. 45 и 123.
18. О культовом значении козла у черкесов ср. еще: Олеарий, ibid, с. 1004—1005.
19. В частности, в связи с этим знаменитое «острое колесо» — «жан-шерх» (žan-šerx̌) нартов, которым обычно играют эти богатыри в описаниях эпоса и которое послужило причиной гибели знаме-

* В тексте рукописи номер тома и страницы не указаны.

нитого нарта Сосрыко, объясняется отсюда именно как большое каменное точильное колесо, подобные которому и сейчас еще встречаются в кустарных мастерских, выделывающих клинки для кинжалов, например, в окрестностях Кубачей, и которое нарты в доказательство своей силы одним ударом вгоняли на вершину холма и затем ловили его у подножия обратно.

20. Одну из последних попыток см. в работе Н. Трубецкого «Иранские заимствования в языках Северного Кавказа». Бюллетени Парижского лингвистического общества.

21. См. приложение к книге Г. Кокиева «Очерки по истории Осетии». Владикавказ, 1926.

22. Сурабан, XI, 2, 16: «Говорят, что там (в Диоскурии. — *Н.Я.*) собирается 70 (по другим, которые менее правдивы, даже 300) народов; все они говорят на различных языках, так как довольствуются своей обособленностью и, вследствие своей дикости, живут замкнуто, не общаясь с другими. Большей частью они сарматы, но все они народы Кавказа…» (перевод Гана. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 4, стр.64).

23. Ср. у Олеария, ibid: «…река эта (Терек. — *Н.Я.*) выделяет из себя (у устья. — *Н.Я.*) две другие реки, из которых одна… прежде называлась… Терк (Terk) (некоторые и теперь еще так ее называют) и она-то дала городу, мимо которого протекает, имя Терки (Terki)».

24. Хорошо сохранились также до наших дней античные названия ближайших соседей вышеуказанных черкесо-абхазских народов: античное «ладзы», современное «лазы» или «чаны»; античное суаны, соаны и санны,— современные русские сваны, кабардинское «соня» (sone), как они называют сванов и грузин, абхю, а-шуа (а-şue); последний из античных терминов может также относиться и ко второму известному нам этническому названию лазов «чаны» (ķan). Упоминаемые на Северном Кавказе «яксаматы» или «ядзаматы» — одно из близких сарматам племен — отождествляется с древнерусскими «ясами», грузинскими «осами» (osi), этническими иноязычными названиями осетин, а также иноязычным названием балкарских тюрок-осетин: (asi) асы. Что же касается названия «ядзюги», то его, по-видимому, ближе сопоставить с уже приводившимся нами этническим названием «адзых», или «адзыг», или наконец «азэг», которое взаимно дают абхазцы — черкесам, а убыхи и черкесы — абхазцам. В названии «гаргареи» мы узнаем современное вейнахское слово «гаргар» (например, gargar, naǎ), что значит: «близкий, родственный» (человек), в античных «туски» и «дидуры» — этнические термины «тушины» и, может быть, «дидойцы»; в «леках» — современное название народа «лаков» («казикумов»), в античных «удах» или «удинах» — современных удин. Наконец, возможно, что в античных «массагетах» — современных «мизгитов», «мисджегов» или «мечкиз» — кабардинское: «мыш-хыш» — одно из иноязычных названий вейнахского племени; наконец абзои, живущие к востоку от Каспийского моря (Плиний), и каспии, живущие к югу от него, опять напоминают нам племенные названия народов крайнего запада Кавказа «абхаз» (древних обезов) и черкесов (древних «касогов»), а в «дахах» (dahoe — дахой — современных dža-x̌wa) — современных аварцев. Последние названия показывают, что этнические элементы, из которых складывались народы на Кавказе, были однотипными, очевидно, и на территории Закапийских степей и пустынь. Нет никакого сомнения, что настоящий беглый обзор далеко не исчерпывает всего материала, и дальнейшие исследования откроют большее количество новых связей, которые существуют между современными этническими названиями на Кавказе и теми племенами и родовыми названиями, которые сохранили нам античные писатели.

25. Фонетически нижнечеркесское tum-teraq (tumtereqe) весьма точно соответствует древнерусскому: «Тьму-торок-ань», с передачей короткого «е» (а) через древнерусское «о», и также близко к античному («tamatarchu») — названию Таманского полуострова.

26. Несомненно, что колонизация абхазами-абазинцами северного нагорья была процессом длительным и происходила в несколько приемов, что подтверждается наличными сейчас в их среде диалектическими подразделениями: «бесхяг» (besxaŋ) и (thaphanthe, mananta). Речь идет здесь о том моменте одного переселения, к которому относится основание вышеуказанных абхазских городов у перевалов.

27. Археологические находки — византийские монеты X века, обнаруженные в руинах этих абхазских поселений (см. У. Алиев «Карачай». Ростов-на-Дону, 1925), — вполне подтверждают эти выводы.

28. Одновременно с пятигоскими князьями прибывали и некие князья «жансенские», в которых хотят видеть жанеевских (восточнокяхских) князей (Кудашев, стр. 21—22).

29. В 1567 году Терский городок при устьях Сунжи; с 1571 года — городок оставлен Московскими войсками и занят гребенскими казаками; последние покидают его около 1588 года. С 1588 года Терский городок, или Терки в устьях Терека, основан как особое Московское воеводство (Попко, стр. 28 и след.). Одновременно в последний переходит и кабардинское население с князем Мамеруком во главе из покинутого городка при устье Сунжи.

30. См. Попко, стр. 54. Брак Казья-мурзы на дочери кабардинского князя Пшеопшока.

31. Г. Перетяткович («Поволжье в XV и XVI», стр. 331) пишет, что в 1532 году Астраханью завладели черкесы и посадили своего претендента на астраханский престол. Власть черкесов над Астраханью продолжалась по 1538 года. Дата этого набега как раз указывает связь роста военной активности «черкесов» (кабардинцев) на Кавказе с датой падения черкесских династий в Египте (1507 год).

32. На вопрос о национальности нижний черкес ответит «адыге» (adyŋe), на вопрос о роде (lerg) — ответит названием племени, к которому принадлежит, и на вопрос о фамилии (laqu) — назовет свою фамилию.

33. В нагорной же Аварии нашлись так же, если не более ясно выраженные, секты хрестианства и культурного влияния Закавказья, как и в Нагорной Ингушетии и в верховьях Кубани. Здесь обнаружена христианская церковь в Датуне, надгробная плита из урочища Верхняя Гонода, многочисленные кресты, выгравированные на камнях и т.д. (см. Н.Ф. Яковлев «Новое в изучении Северного Кавказа». «Новый Восток», 1925, № 5).

34. Аналогичный словарь составлен мною в 1928 году и по всем неновым наречиям кяхского (нижнечеркесского) языка, но, к сожалению, до сих пор не опубликован, хотя и принят к печати Главнаукой Наркомпроса РСФСР.

Текст печатается по источнику:
ГАСК Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 135. Лл. 1–213. Машинописный экземпляр.

Работа Н.Ф. Яковлева «Материалы для кабардинского словаря. Выпуск I. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога» (1927) печатается в Приложении настоящего издания, с. 980–1102.

Мусса Макаович Сакиев

Мусса Макаович Сакиев (1917–1990) – советский лингвист, кавказовед, педагог. Занимался теорией языка, изучением кабардино-черкесского языка, преподавал в Карачаево-Черкесского государственном педагогическом институте. Ученик выдающегося ученого профессора Н.Ф. Яковлева. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды, медалью за оборону Сталинграда.

Далее мы приводим приветственное слово декана филологического факультета профессора Р.Н. Клычева на расширенном заседании ученого совета Карачаево-Черкесского государственного педагогического института, посвященного чествованию М.М. Сакиева, 18 марта 1967 года.

«Дорогие товарищи, пришедшие, чтобы принести скромную дань уважения Муссе Макаовичу!

Весьма символично то, что пятидесятилетний юбилей сына черкесского крестьянина, ныне ученого-кавказоведа, нашего старшего друга, коллеги Муссы Макаовича мы отмечаем в юбилейном году, пятидесятом году советской власти.

Наш юбиляр всего лишь на несколько месяцев старше Великого Октября, верным солдатом которого на всех его фронтах стал Мусса Макаович.

Еще в прошлом веке адыгейский ученый и просветитель Шора Ногмов в предисловии к своей неопубликованной грамматике писал: «При начатии труда моего сердечное убеждение говорило мне, что придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги, письмо».

Мы бесконечно рады тому, что эти слова Шоры Ногмова стали вещими в наше советское время. А свидетельство тому, что эта мысль Ногмова стала вещей, – наша советская действительность, наш вуз и этот торжественный вечер, посвященный чествованию одного из многочисленых потомков Шоры Ногмова – нашего дорогого Муссы Макаовича.

По окончании Кабардино-Балкарского государственного педагогического института в 1939 году Мусса Макаович начинает свою плодотворную трудовую, армейскую деятельность, его послужной список выглядит так.

1939–1940 годы – учитель средней школы;

1940–1941 годы – директор только что организованного Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы;

1941–1943 годы – курсант военного училища связи, преподаватель дивизионной школы Уральского военного округа, командир взвода, действовавшего на передовой Сталинградского фронта, где Мусса Макаович был тяжело ранен;

1943–1946 годы – редактор областной газеты «Ленин нур»;

1946–1950 годы – аспирант Института языкознания АН СССР, где Мусса Макаович работал под руководством известного кавказоведа профессора Н.Ф. Яковлева;

1950–1961 годы – научный сотрудник, заведующий сектором, заместитель директора, директор Карачаво-Черкесского научно-исследовательского института;

С 1961 года – преподаватель нашего Карачаево-Черкесского пединститута, кандидат филологических наук, доцент.

Ученик крупного кавказоведа профессора Н.Ф. Яковлева, Мусса Макаович, прошедший большую лингвистическую и филологическую школу в аспирантуре Института языкознания АН СССР, внес весомый вклад в разработку самых различных проблем не только адыговедения, но и абхазо-адыгского языкознания.

Публикация реалий диалектов кабардино-черкесского языка, изучение его лексики, вопросы сложноподчиненного предложения кабардино-черкесского языка, сбор, публикация и жанровая классификация богатейшего черкесского фольклора, вопросы кабардино-черкесской лексикографии, написание школьных учебников и пособий, вопросы графики и орфографии кабардино-черкесского языка, вопросы истории Черкесии, активное участие в общелингвистической дискуссии 50-х годов – вот диапазон научных изысканий нашего юбиляра, скромного Муссы Макаовича, автора свыше трех десятков опубликованных работ.

Один лишь перечень тех проблем, над которыми трудился и трудится Мусса Макаович, свидетельствует о том, насколько актуальны исследуемые им вопросы адыговедения и вообще советского кавказоведения.

Особого внимания заслуживает тот факт, что Муссе Макаовичу, как одному из представителей старшего поколения нашей интеллигенции, приходилось решать многие из названных проблем одним из первых.

Это «первое» относится к ряду его работ. Так, в 1948 году, М.М. Сакиев, Н.Ф. Яковлев и М.Л. Абитов (впервые после П.И. Тамбиева) в «Ученых записках Кабардинского научно-исследовательского института» (том IV) публикует тексты бесленеевского диалекта, который, как известно, впоследствии монографически был изучен Б.Х. Балкаровым.

Сложнейший вопрос сложноподчиненного предложения не только абхазско-адыгского языкознания, но и иберийско-кавказского был объектом изучения в кандидатской диссертации М.М. Сакиева, которая была успешно защищена в Институте языкознания АН СССР. Причем типы обстоятельственных придаточных предложений, который выделяются в диссертации, вошли в академическую грамматику кабардино-черкесского языка. Соответствующие положения оказали влияние на школьное и вузовское преподавание вопросов сложноподчиненного предложения.

Работа «Тюркская и арабская лексика в кабардино-черкесском языке» не только выявляет арабское и тюркское заимствования в кабардино-черкесском языке, но материал этой статьи ценен и тем, что при его сравнении с фактами других абхазо-адыгских языков, он позволяет судить об аффрикатизации смычных и спирантизации аффрикат в адыгских языках.

М.М. Сакиев в другой своей работе «Изучение кабардино-черкесского языка за годы советской власти», опубликованной в 1950 году, не только прослеживает историю изучения данного языка с XVIII века русскими и зарубежными специалистами, но и фиксирует внимание специалистов коруг еще не решенных или недостаточно полно решенных вопросов адыговедения, каковыми автор считает следующие:

1) словарно-терминологическая работа;

2) вопросы диалектологии кабардино-черкесского языка;

3) изучение архивного материала, относящегося к кабардино-черкесскому языку;

4) обеспечение школ и вузов высококачественными учебниками и учебными пособиями.

Сегодня можно с удовлетворением сказать, что кабардино-черкесская филология, перед работниками которой наш юбиляр в названной статье ставил данные задачи, за эти годы пополнилась известными работами Кумахова и Балкарова, Шагирова и Керашевой, Карданова и Мамрешева, Дзасежева и Куашевой и других авторов, исследования которых посвящены данным проблемам.

Возглавляя областной научно-исследовательский институт, Мусса Макаович являлся, по существу, организатором научных изысканий по языкам, литературам и истории народов нашей области. В своевременном и доброкачественном издании русско-национальных и национально-русских словарей немалая заслуга нашего юбиляра, под редакцией которого в течение ряда лет выходили труды научно-исследовательского института, выходят и сейчас труды нашей кафедры.

Наш юбиляр широко известен научной общественности Москвы, Ленинграда, Ростова, Тбилиси, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Абхазии не только по его работам, не только как редактор многих научных изданий, но и как активный участник многих региональных и всесоюзных научных конференций по проблемам иберийско-кавказского языкознания, истории Кавказа и фольклористики, на которых Мусса Макаович неизменно остается на принципиальной позиции марксистско-ленинской методологии.

Ученый, офицер Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, Мусса Макаович — кавалер орденов: «Красная Звезда», «Знак почета», медалей «За доблестный труд», «За победу над Германией», других правительственных наград.

Будучи членом обкома КПСС, депутатом областного и городского советов, Мусса Макаович активно участвовал и участвует в общественной, культурной жизни нашей области. Начиная с 1943 года, областные и краевые газеты опубликовали не одну статью Муссы Макаовича по вопросам культурного строительства нашей области, по вопросам популяризации науки и политики партии и правительства. Свой юбилей, пятидесятилетие со дня рождения, Мусса Макаович встречает усиленной работой над объемистой монографией «Сопоставительная грамматика русского и кабардино-черкесского языков».

От имени коллег, многочисленных друзей и учеников позвольте, товарищи, от души, горячо поздравить дорогого Муссу Макаовича с пятидесятилетием со дня рождения, двадцатипятилетием научной и педагогической деятельности, пожелать ему крепкого здоровья, долгих, долгих лет счастливой жизни, многих больших творческих успехов».*

18 марта 1967 года

Кроме названных, см. **исследования М.М. Сакиева:**

Против неверных толкований в изучении языков народов Черкесии // В родной семье. Сборник произведений писателей и поэтов Черкесии. — Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1953. — С. 179—195.

Обстоятельственные придаточные предложения в кабардино-черкесском языке: Автореферат дис., представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. — М., 1954.

Народы Карачаево-Черкесии: Историко-этнографические очерки / Под ред. П.И. Балтина и М.М. Сакиева; [Введ. Ф.П. Бурмистрова]. Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории языка и литературы. — Ставрополь: Книжное издательство, 1957.

* Рукопись из архива М.М. Сакиева предоставлена его дочерью С.М. Сакиевой.

М.М. Сакиев
30 лет изучения кабардино-черкесского языка*

История изучения кабардино-черкесского языка охватывает сравнительно небольшой период. Наиболее развернутое изучение данного языка началось после Великой Октябрьской Социалистической революции. Как известно, до советской власти кабардинцы и черкесы не имели своей национальной письменности. Этот факт определяет и условия развития, становления кабардино-черкесского языка, так как только в наше советское время начал складываться кабардино-черкесский литературный язык.

Научное наследство до Октябрьской революции в области изучения кабардино-черкесского языка составляет очень небольшой круг исследований. Если перечислять специальные исследования по кабардино-черкесскому языку, то мы можем указать только на рукописною грамматику кабардинца Шоры Бекмурзовича Ногмова и «Краткую грамматику кабардинского языка» П.Г. Лопатинского. Остальные дореволюционные работы сводились лишь только к изучению лексики в изолированном виде, без отношений к внутреннему содержанию и не затрагивали грамматического строя языка. Но как бы скудны ни были эти материалы в области лингвистики, они представляют некоторую ценность для истории изучения кабардино-черкесского языка.

Первое упоминание о кабардино-черкесском языке, которое относится к началу XVIII века, мы находим у голландского ученого Витзена. Витзен записал ряд кабардинских слов и внес их в свой глоссарий. Г.Ф. Турчанинов говорит, что записи Витзена в фонетическом отношении являются наиболее близкими к фонетике кабардинского языка.[1] Однако мы сомневаемся, что Витзен в начале XVIII века мог научно правильно отобразить звуки кабардинского языка.

В дальнейшем наиболее подробные сведения о кабардинском языке дают академики Гюльденштедт, Паллас, Клапрот, Шёгрен. Академик Гюльденштедт в 70-х годах XVIII века произвел ряд записей по кавказским языкам, в том числе и по кабардинскому, предназначенных для «Большого сравнительного словаря». Собранный Гюльденштедтом лексический материал в виде глоссариев разных кавказских языков издан в описаниях его путешествия по Кавказу.

Материалы Гюльденштедта но кабардинскому языку представляют собрание слов и фраз кабардино-черкесского языка, которые не были полностью опубликованы. Кроме того, Гюльденштедт впервые пытался дать и классификацию кавказских языков, где он делит кавказские языки на шесть групп. Черкесский язык он выделяет как самостоятельную группу с кабардинским и абхазским диалектами. Гюльденштедт также пытался установить родство некоторых языковых групп с другими группами.

Небольшой лексический материал мы находим и у академика Палласа. Материалы Палласа по кабардино-черкесскому языку использованы в вышеупомянутом «Сравнительном словаре». Среди его лингвистических коллекций имеются следующие записи: «Слова черкесо-кабардинские» (284 слова и числительные, транскрипция русскими буквами); «Перевод на черкесский диалект, письма не имеющий» (286 слов). Кроме того, Паллас, предполагая, что между венгерским, кабардинским и абхазским языками имеется какое-то родство, составил сравнительный глоссарий, который озаглавлен: «Comparision des Dialectes du Kabarda et de l'Abassa avec la langue Hongroise» (русско-венгерско-абазинско кабардинский глассарий).[2]

В первой четверти XIX века кавказские языки привлеки к себе внимание немецкого ученого Клапрота. В 1807—1808 годах Клапрот совершил путешествие по Кавказу. Результаты этого путешествия он изложил в двухтомном труде. Во втором томе «Reisen in den Kaukasus und Georgien», в разделе «Kaukasischen Sprachen» помещены краткие грамматические очерки

---

* На первой странице этой рукописи содержится замечание профессора Н.Ф. Яковлева, научного руководителя М.М. Сакиева: «Исправить стиль и снабдить все упоминания работ точными библиографическими ссылками. По исправлении статья вполне подойдет для «Ученых записок». 5.VI.1948. Н.Ф. Яковлев».

различных кавказских языков, в том числе краткий очерк черкесского языка: «Tscherkessische Sprache» и небольшой словарь по кабардинскому диалекту. Записи Клапрота не дают никакого представления о фонетике кабардинского языка. Он считает, что черкесский язык стоит изолированно и не сходится ни в словарном запасе, ни в строении с каким-либо другим языком. Из грамматики даны краткие сведения о склонении, спряжении. Для иллюстрации строения предложения в кабардинском языке Клапрот приводит несколько образцов кратких фразеологических оборотов. Кроме того, он указывает на образование множественного числа через «хэ» и образование сравнительной степени прилагательных в кабардино-черкесском языке.

Изучением кабардинского языка занимался также академик Шёгрен. Записи Шёгрена по черкесским языкам относятся к 1835–1838 годам. Г.Ф. Турчанинов, имевший возможность ознакомиться с рукописными материалами Шёгрена и издавший статью «Рукописные материалы академика Шёгрена по черкесским языкам»[3], пишет, что материалы Шёгрена по кабардино-черкесскому языку составляют шесть тетрадей и представлены следующими рукописями.

1. Рукопись без заглавия — словарь нескольких языков, записанный Шёгреном в разное время. Общее количество черкесских слов по приблизительному подсчету 600.

2. Рукопись, озаглавленная «Nogaiska och Tcherkeska Mosdok».

3. Рукопись, не имеющая заглавия, числится под названием «Ossetinisch-Kabardinisch-Abasesche Wörtersammlung».

Кроме того, у Шёгрена имеется ряд рукописей, которые относятся к грамматике Ногмова, в частности «Атыхейская грамматика, сочиненная поручиком Ногма Шора Бекмурзиным», 1840 год.

Объем рукописи — 91 лист, рукопись озаглавлена «Kabardinisch-Tscherkessische Sprachlehre», здесь Шёгрен излагает вчерне морфологию кабардино-черкесского языка.

Кроме рукописной грамматики Шоры Ногмова, через руки Шёгрена прошел и получил отзыв «Словарь русско-черкесского языка».

«Рукописные материалы академика Шёгрена, — пишет Г. Турчанинов, — представляя собой необработанные черновики, являются первой попыткой серьезного подхода к изучению кабардинского языка. Если бы состояние здоровья позволило Шёгрену продолжить работу над кабардинским языком, мы, безусловно, имели бы труд типа его блестящей «Осетинской грамматики», тем более, что Шегрен, первый применивший русский алфавит к горским языкам, старался и здесь создать азбуку, точно передающую фонетику кабардинской речи».[4]

Первым из кабардинцев, который сделал попытку составить грамматику кабардинского языка, был выдающийся просветитель кабардинец Шора Бекмурзович Ногмов. Перу Ногмова принадлежит первая кабардинская азбука, которую он составил на основе русской графики в 1830–1835 годах. Пользуясь этим алфавитом, он позже написал и первую кабардинскую грамматику, которой не суждено было увидеть свет. То, что Ногмов действительно составил впервые кабардинскую азбуку, подтверждается рядом сведений, которые до нас дошли. Например, русский поэт Нечаев, который хорошо знал Ногмова, пишет, что «со введением магометанства черкесы пишут на своем языке арабскими буквами. Недостаток их для выражения всех звуков языка черкесского, обильного носовыми и гортанными складами, заставляет желать, чтобы для кабардинцев изобретена была особая азбука. Один из их узденей, известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству опыт таковой азбуки для напечатания».[5]

Такое же подтверждение мы находим и у известного исследователя кавказских языков П.К. Услара. П.К. Услар пишет: «Лет за сорок тому назад кабардинец Шора Бекмурзин Ногмов составил для кабардинского языка азбуку».[6] Вот все пока, что известно о первой кабардинской азбуке Ш. Ногмова.

Составление грамматики кабардинского языка Ш.Б. Ногмов закончил в первой редакции в 1840 году, но она не была издана. В рукописи грамматику просмотрел академик Шегрен и дал свои отзывы. В настоящее время только отзывы Шегрена являются единственными источниками, по которым можно судить о грамматике Ногмова. Г.Ф. Турчанинов, который имел возможность изучать рукописные материалы академика Шёгрена, дает нам следующее представление о кабардинской грамматике Ш.Б. Ногмова. Он пишет: «Грамматика Шоры Ногмова, написанная под большим влиянием русского языка, в частности, современной ему русской грамматики Н. Греча, не отражает целиком структуры кабардинской речи, однако

парадигмы и слова, записанные Ногмовым специальным, выработанным для этой цели алфавитом, дают нам возможность фонетически точно воспроизводить многое».[7]

Делать пока другие выводы о грамматике Ногмова трудно, поскольку она не была издана и недостаточно изучена в рукописном виде. Однако труд Шоры Бекмурзовича Ногмова, хотя и не свободен от недостатков, представляет большую научную ценность как первый опыт создания грамматики для кабардинского языка. За последнее время благодаря усилиям Г.Ф. Турчанинова появился ряд статей, посвященных жизни и научной деятельности Шоры Бекмурзовича Ногмова. Но вместе с тем нужно сказать, что лингвистическое наследие Ногмова еще недостаточно изучено и исследовано. До сих пор в печати не появилось ни одного исследования, где бы изложена была полностью научная деятельность Ш.Б. Ногмова в области кабардинского языка. Дать полную разработку лингвистического наследия Ш.Б. Ногмова является неотложной задачей.

Эти не ограничивается научная деятельность Ш.Б. Ногмова. Мы также знаем его как ревностного собирателя исторических преданий и песен кабардинского народа. Его перу принадлежит замечательный труд «История адыгейского народа», который он составил на основании, главным образом, устных преданий. «Из всего собранного материала мною, — пишет Ногмов, — мне удалось составить хотя краткую, но довольно ясную картину минувшей жизни адыгейского народа».[8]

Кроме того, известно, что Ш.Б. Ногмов занимался и переводами памятников устного творчества кабардинцев на русский язык. В предисловии к истории адыгейского народа он пишет, что переводил некоторые песни на русский язык, придерживаясь буквально их смысла настолько, сколько было возможно при свойствах обоих языков.

В дальнейшем изучение кабардино-черкесского языка связано с именами П.К. Услара, Л.Г. Лопатинского, А. Дирра, Н.С. Трубецкого и др. П.К. Услар совместно с черкесом У. Берсеем в 1862 году составил на русской основе алфавит для кабардинского языка. Кроме того, в своих черновых записках, опубликованных в «Этнографии Кавказа» за 1887 год, Услар дает описание звуков кубанских кабардинцев, где указывает на особенности произношения черкесских слов. К заметкам приложен небольшой словарь, составленный в алфавитном порядке с русским переводом. Словарь насчитывает около 270 слов. Пользуясь букварем П.К. Услара, кабардинец Кази Атажукин издал отрывки из нартовского эпоса, рассказы, переведенные с русского языка. Алфавитом Услара пользовался также Магомет Шарданов, который в 1864 году выпустил «Правила мусульманской веры» на кабардинском языке.

В 90-х годах XIX века кабардинский язык становится предметом неустанного изучения Л.Г. Лопатинского, который составил алфавит для кабардинского языка на русской графической основе. Но попытки Лопатинского применить свой букварь на практике, как и попытки многих других, кончаются неудачей. После этого Лопатинский пишет «Краткую кабардинскую грамматику» и «Русско-кабардинский словарь», которые были изданы в 1891 году.[9] При составлении «Грамматики кабардинского языка» и «Русско-кабардинского словаря» большую помощь Лопатинскому оказали с ним вместе работавшие кабардинцы Паго Тамбиев и Талиб Кашежев.

«Кабардинская грамматика» Лопатинского состоит из двух разделов: учение о звуках и учение о формах. В первой части, то есть в учении о звуках, автор дает классификацию звуков кабардинского языка как по месту, так и по способу произношения. При классификации звуков, где он останавливается на особенностях звуков h, h, хь, автор замечает, что немецкое «h» встречается в произношениях кабардинских слов: «адэ» — «отец», «унэ» — «дом», которые обозначают придыхание при произношении этих звуков. По поводу этой части грамматики следует сказать, что Лопатинский лишь вкратце осветил звуковой состав кабардинского языка.

Второй раздел грамматики — учение о формах — начинается с изложения местоимений. Изложив все местоимения, которые встречаются в кабардинском языке, автор переходит к глаголу. В главе о залогах и видах глагола Лопатинский отмечает, что в кабардинском языке имеются виды глаголов. В доказательство наличия видов глаголов в кабардинском языке автор приводит ряд примеров. Например, он пишет, что совершенный вид образуется с помощью префикса «къэ». По Лопатинскому, от слова «лъа-гъун» — «видеть» совершенный вид будет «къэлъагъун» — «увидеть». Кроме совершенного и несовершенного видов, автор указывает и на виды многократный, окончательный. Окончательный вид образуется распространением

глагольной основы посредством префиксов: «зэ», «хэ». Например, от слова «1уэн» — «молотить» окончательный вид будет «зэхэ-1уэн» — «окончательно размолотить». Таким же порядком Лопатинский образует окончательный вид и от глагола «вэн» — «пахать»: «зэхэвэн» — «запахать». Затем идет вид беспрерывный, который образуется при помощи вспомогательного глагола «пэтын». Например, «лъагъун» — «видеть», «лъагъу зэпытын» — «видеть все время, постоянно». И наконец, вид понудительный, образуемый посредством префикса «гъэ». Например, «шыхъум сабийр егъэджэгу» — «сестра ребенка заставляет играть».

Дальше, изложив виды наклонений, автор переходит к именам существительным и прилагательным. Здесь он говорит, что признака родов в кабардинском языке нет. Существительные, обозначающие женский пол, имеют суффикс «абз» и «ыбз». Например, «дыгъужъ» — «волк», «дыгъужъыбз» — «волчица», «дыгъу» — «вор», «дыгъурабз» — «воровка». Говоря, что и суффиксом «абз» можно образовать женский пол, Лопатинский допускает ошибку. Есть самостоятельный корень «абз», который показывает принадлежность к женскому полу, но не является показателем женского рода вообще.

В главе «Имена существительные» Лопатинский тогда еще заметил, что в кабардинском языке есть падежи, позже настойчиво отрицавшиеся некоторыми кабардинскими грамматиками. Но кажется неверным стремление автора подгонять кабардинские падежи и систему склонения к русской системе склонения. В кабардинском языке нет предложного и винительного падежей. Лопатинский свою грамматику заканчивает числительными, из которых указаны только три формы: числительные количественное, порядковые и собирательные. Таково вкратце содержание грамматика Л.Г. Лопатинского, второго грамматиста после Шоры Ногмова, взявшего на себя труд по составлению очерка грамматики для кабардинского языка.

Нельзя сказать, что грамматика Лопатинского удовлетворяет всем требованиям лингвистики. Как признается сам автор в предисловии к своей грамматике, конечно, ему трудно было уберечься от недостатков и ошибок в таком языке, как кабардинский, никем раньше не исследованном и не изученном. Остались неразработанными многие вопросы кабардинского языка. Например, в главе о глаголе автор ничего не говорит о глагольных префиксах, о глагольных спряжениях. Из наклонений отражение в грамматике получили только изъявительное, желательное, повествовательное. Незамеченными остались наклонение вопросительное, удивления, вероятности и другие формы. Ничего не сказано о деепричастии, совсем не затрагивается синтаксис кабардинского языка. В грамматике множество опечаток и неточных переводов. Автор не чужд и русификаторской тенденции, которая сказывается в том, что он склонен подгонять нормы кабардинского языка под русские.

Но несмотря на все эти недостатки, труд Лопатинского — первый и единственный до революции, в котором наиболее подробно изложен грамматический строй кабардинского языка.

Несколько слов о «Русско-кабардинском словаре» Лопатинского. Как выше было указано, Лопатинский составил «Русско-кабардинский словарь», который охватывает свыше 5000 слов. Говоря о недостатках словаря, нужно заметить, что автор неправильно переводит на кабардинский язык многие слова и искусственно создает многие термины, которых нет в кабардинском языке. Русские слова на кабардинский язык большей частью переводятся описательно. Например, слово «агент» он переводит заимствованным из арабского языка кабардинским словом «уэчыл», в то время как это слово в кабардинском языке означает «советник»; этим же словом переводят и слово «адвокат». Слово «акушерка» переведено кабардинским словом «нэуэжь», что значит «бабка», слово «алфавит» переведено описательно: «друг за другом идущие буквы»; «лихой» как «тэмакък1эщ1», что значит «вспыльчивый», «раздражительный»; «личность» как «щытык1э», что означает «состояние, положение». Такие ошибки в словаре встречаются сплошь и рядом, но есть и слова, которые переданы правильно. К положительной стороне можно отнести то, что автор дает в скобках примечания, из какого языка заимствовано то или другое кабардинское слово.

Мы должны отметить еще и работы А. Дирра, который долгое время жил на Кавказе, изучал кавказские языки. Дирром был основан журнал «Caucasica», имевший своей целью изучение кавказских языков. В 1927 году в четвертом выпуске этого журнала он поместил свое исследование, посвященное языку черкесского племени — убыхов. Вышедшая работа А. Дирра «Die Sprache der Ubychen» содержит грамматический очерк убыхского языка, краткие сведения по фонетике, несколько текстов с переводом и убыхско-немецкий глоссарий. Работа А. Дирра по убыхскому языку является единственной, дающей научное описа-

ние этого языка. Кроме того, в 1928 году А. Дирр выпустил большой труд «Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen», где даны краткие сведения о кабардинском языке, об особенностях грамматического строя, взаимоотношениях кабардинского языка с другими соседними языками. Дирр кратко останавливается на характеристике звуков кабардино-черкесского языка. В своих работах по кабардинскому языку Дирр широко использовала материалы Лопатинского. Наконец, пользуясь материалами Лопатинского, венгерский ученый Г. Балинт выпустил в 1904 году кабардино-латинский словарь, а позже кабардинскую грамматику на венгерском языке.

Следует упомянуть и кабардинца П. Тамбиева, который в 1906 году составил кабардинскую азбуку на русской основе. Но эта азбука не получила практического применения. Вот, в основном, все то, что было сделано до советской власти в области изучения кабардино-черкесского языка.

Подводя итоги научной работы по изучению кабардиского языка до революции, можно указать на некоторые достижения в этой области. Например, в результате этих работ кабардинский язык получил некоторое научное описание (грамматики Ногмова и Лопатинского); учеными-лингвистами был сделан ряд попыток ввести письменность для кабардинцев и т. д. Но наряду с этими небольшими достижениями, имеется и много недостатков в дореволюционных работах по изучению кабардино-черкесского языка. Во-первых, в результате этой работы и собранного лингвистического материала не написано ни одной грамматики, которая бы полностью отражала все особенности и грамматический строй кабардинского языка. Единственная изданная до революции грамматика Лопатинского далеко не удовлетворяет требованиям лингвистики. Во-вторых, совсем не затрагивались вопросы синтаксиса, которые имеют первостепенное значение для научной разработки языка и построения грамматики. Прежние лингвисты не учитывали, что главное в языке заключается не только в словах, но и в особенностях грамматического строения языка. В-третьих, очень слабо были разработаны вопросы фонетики и диалектологии. Наконец, самое важно, не была создана письменность, без которой немыслимо систематическое и научное изучение языка.

Попытки отдельных любителей и прогрессивных деятелей кабардинского народа ввести письменность для кабардинцев встречала непреодолимое затруднение и непримиримое отношение со стороны фанатического духовенства и невежественных кабардинских князей. Арабская письменность — письменность Корана и духовенства — не могла явиться письменностью для широких масс трудящихся кабардинского народа. Русское культурное влияние, которое шло под знаком захватнической политики русского империализма, служило только орудием принижения национальной культуры и сопровождалось гнетом царизма и политическим обезличением кабардинского народа. В результате кабардинцы не получили не только письменности, но даже и элементарной грамотности.

Таким образом, Великая Октябрьская социалистическая революция застала кабардинский народ бесписьменным, без научно разработанного языка. Поэтому как только утихли последние выстрелы гражданской войны на Кавказе и установилась советская власть, лингвисты принимаются за создание письменности для кавказских народностей. В 1923 году проводится первая конференция в Пятигорске по вопросам культуры и просвещения народов Северного Кавказа, где разрабатываются вопросы введения письменности для горских народов. Через два года, в 1925 году, в Ростове-на-Дону созывается вторая конференция для обсуждения вопросов унификации алфавита. Затем в 1928 году в Нальчике состоялась конференция, где был утвержден окончательно латинизированный алфавит для черкесской группы языков, а в 1936 году Кабарда и Черкесия, как и все другие народности Северного Кавказа, переходят с латинской графики на русскую.

Кроме того, советская власть проводит и другие важные мероприятия по улучшению разработки и научного изучения кавказских языков, в том числе и кабардинского. Создание при советской власти Яфетического института, ныне Института языка и мышления имени академика Н.Я. Марра, Института языка и письменности народов СССР, создание во всех национальных областях научно-исследовательских институтов, массовая подготовка научных кадров из многих националов свидетельствуют о том глубоком интересе, который советская власть проявила к изучению и разработке национальных языков. Это в корне отличает политику советской власти от прежней политики, которую преследовала прежняя русская власть на Кавказе.

Царизм в изучении кавказских языков видел только средство обрусения Кавказа и укрепления своего владычества на Кавказе. А советская власть в изучении кавказских языков видит средство свободного культурного развития народов Кавказа. До революции лингвистическое сокровище Кавказа было малодоступным и разработка этого сокровища находилась большей частью в руках случайных путешественников. При советской власти изучение и разработка национальных языков идет по иному пути. Советские лингвисты, вооруженные знанием марксистско-ленинского диалетического материалистического метода и новым учением о языке, исследуют языковые факты всесторонне, широко сопоставляя языки в отношении их общего развития, в отношении их внешних форм и содержаний.

Немало трудностей встречалось и на пути становления кабардинского литературного языка. Нужно было усовершенствовать только что созданную письменность, организовать преподавание родного языка, разработать школьные и научные грамматики. Буржуазные лингвисты и арабисты, долгое время возглавлявшие языковое строительство в Кабарде и Черкесии, полность находились под арабским влиянием и целиком переносили в кабардино-черкесский язык образцы арабских грамматик. Так, например, Борукаев и буржуазные ученые преподносили кабардинскому народу лженауку вместо грамматики. Они утверждали, что кабардинский язык ничего общего не имеет с другими языками, и открыто утверждали, что изучение кабардинского языка — дело самих кабардинцев, и русские ученые не должны вмешиваться в изучение кабардино-черкесского языка. Таким образом, буржуазные лингвисты мешали научной разработке кабардино-черкесского языка. В борьбе со старым буржуазным направлением победителями вышли новые лингвистические силы, которые разрабатывали кабардино-черкесский язык на основе марксистско-ленинской методологии и строили свои грамматики с учетом всех особенностей языка и последних достижений лингвистики.

В научной разработке кабардино-черкесского языка большую работу проделали русские ученые-лингвисты. Молодые кадры языковедов Кабарды оказывали практическую помощь русским ученым в их работе. Особенно деятельное участие в научном изучении кабардино-черкесского языка и составлении грамматик принимал профессор Н.Ф. Яковлев. Он по праву считается основоположником научной разработки кабардинского языка. Начиная с 1918 года профессор Н.Ф. Яковлев занимается кабардинским языком. С его именем связано создание кабардинской письменности, орфографии, грамматики. Ни одной значительной языковой работы не проходило в Кабарде без активного участия Н.Ф. Яковлева. Чтобы привить любовь и интерес к изучению своего родного языка, Н.Ф. Яковлев выступает на конференции учителей-кабардинцев, читает лекции по кабардинскому языку студентам Кабардинского пединститута и вместе с тем сам учится и делает научные наблюдения над произношением и особенностями кабардинского языка.

В 1923 году вышла первая его работа по кабардинскому языку «Таблицы фонетики кабардинского языка» с приложением «Словаря примеров». В этом труде Н.Ф. Яковлева впервые подробно изложена фонетическая система кабардинского языка. В 1927 году он издает другую работу «Материалы для кабардинского словаря (словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога)», затем в 1928 году в «Записках Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института» появляется его статья «Краткий обзор черкесских наречий и языков», где он опять излагает фонетическую систему кабардинского языка и его диалектов. Работа эта была издана на немецком языке Адольфом Дирром в журнале «Caucasica» за 1930 год. В этом же 1928 году Яковлев пишет статью «Черкесская культура по данным языка» («Революция и горец», Ростов-на-Дону). В 1930 году выходит другая работа Н.Ф. Яковлева «Языки и народы Кавказа», где наряду с другими кавказскими языками он уделяет большое внимание кабардино-черкесским языкам. Здесь Н.Ф. Яковлев подробно классифицирует черкесские языки и наречия, которые до этого не имели ясного разграничения. К классификации приложена небольшая статья «История черкесских наречий как пример языкового развития». Статья эта, хотя и небольшая, довольно интересна по своему содержанию. Н.Ф. Яковлев на основе общественного развития убедительно объясняет дробление черкесских языков на разные наречия.

Следующая работа профессора Н.Ф. Яковлева — «Краткая грамматика кабардино-черкесского языка». Она была издана Кабардинским научно-исследовательским институтом в 1938 году. Этот труд был первым опытом создания научной грамматики кабардинского языка. И действительно, по сравнению с той лженаукой, которую под видом грамматики преподно-

сили буржуазные лингвисты, работа Н.Ф. Яковлева является подлинно научной, в ней исследуются языковые факты сравнительно с другими языками, учитываются общие тенденции. Свою грамматику автор начинает излагать с синтаксиса простого предложения, считая, что исследование грамматики удобнее и правильнее начинать с предложения, так как подлинный строй языка обнаруживается не только в словах, но и в их отношениях в предложении. В главе «Синтаксис простого предложения» он приводит все типы предложений, которые могут встречаться в кабардино-черкесском языке, затем, осветив подробно связи слов в простом предложении, автор говорит о конструкциях предложений в кабардино-черкесском языке. Он приводит две конструкции предложения в кабардинском языке, а именно: непереходная (непродуктивная) и переходная (продуктивная), — которые друг от друга отличаются существенными особенностями. Например, в непереходном обороте два главных члена предложения: подлежащее и сказуемое, а в переходном — три: подлежащее, прямое дополнение и сказуемое. В непереходном обороте подлежащее стоит в прямом падеже (то есть с суффиксом «р» в определенной форме), а в переходном — в косвенном падеже (то есть с суффиксом «м»), прямое же дополнение стоит в прямом падеже (то есть с суффиксом «р» в определенной форме). Сказуемое в переходном обороте всегда отличается от сказуемого в непереходном обороте префиксами для выражения субъекта, их формой и порядком их расположения и т. д.

Хорошо изложено употребление союзов в слитном предложении и согласование сказуемого с подлежащим в числе. Отмечаются особенности согласования сказуемого в числе с подлежащим или прямым дополнением, когда их множественное число должно обозначаться суффиксом «хэ» в составе сказуемого. Автор пишет, что если множественное число непереходного подлежащего или прямого дополнения выражено в их составе суффиксом «хэ», то сказуемое остается без этого суффикса, не согласуется с ним в числе, например: «Хьэщ1эхэр къэк1уащ» («Гости приехали»). А если непереходное подлежащее или прямое дополнение во множественном числе подразумевается или выражено неоформленным именем, имеющим значение множественного числа, то в этом случае сказуемое обязательно получает окончание множественного числа «хэ». Например: «Нобэ дахэу мэджэгухэр» («Сегодня красиво играют»). Здесь нужно отметить, что Н.Ф. Яковлев впервые дал правильное объяснение этому вопросу. Первая часть грамматики заканчивается синтаксисом сложного предложения в кабардино-черкесском языке.

Вторая часть грамматики посвящена морфологии кабардино-черкесского языка. В этой части грамматики очень ясно изложена глава о глаголе, которые представляет собой наиболее развитую часть речи в кабардино-черкесском языке и обладает замечательным богатством форм. Даны подробные таблицы образования времен и наклонений. Затем идет глава «Имя», где автор отмечает, что имя в кабардино-черкесском языке представляет собой еще недостаточно развитую часть речи с явными следами аморфности и слабым развитием форм и далее переходит к склонению.

Вопрос о склонении в кабардино-черкесском языке долгое время оставался спорным. Наличие падежей в кабардинском языке отрицали так называемые лингвисты из числа буржуазных: Борукаев и другие. Борукаев в своей грамматике писал: «В склонении имен существительных в кабардино-черкесском языке имеются только две формы: определенная и неопределенная. Эти две формы склонения мы не считаем падежными окончаниями, так как падежей в кабардино-черкесском языке нет». Этот вопрос молчанием обошел и Г.Ф. Турчанинов в своей грамматике кабардинского языка. Вопрос о наличии склонений не был осознан и другими составителями кабардинских грамматик.

Профессор Н.Ф. Яковлев научно доказал, что в кабардино-черкесском языке есть падежи. Позже эта же система оказалась применимой к адыгейскому языку (Н.Ф. Яковлевым и Ашхамафом) и рассмотрена в синтаксическом употреблении, где она себя вполне оправдывает. Таким образом, научно установлено, что кабардино-черкесский язык имеет четыре падежа, а именно: прямой (винительно-именительный), который соответствует русскому именительному падежу для непереходного субъекта и русскому винительному для объекта. Падеж этот в определенном склонении оканчивается суффиксом «р». Второй падеж — косвенный или косвенно-именительный. Он оканчивается в определенном склонении суффиксом «м» и соответствует всем косвенным падежам в русском языке, а также именительному для переходного субъекта. Третий — творительный, который оканчивается в неопределенном склонении на «к1э» и в определенном — на «мк1э». Четвертый падеж — превратительный (эссивный), ко-

торый по его основному смыслу имеет значение результата превращения материала в продукт. Падеж этот оканчивается в определенном склонении на «уэ».

«Что касается истории развития этой системы падежей, — пишет профессор Н.Ф. Яковлев, — то мы можем вообще сказать, что она представляет собою один из древнейших этапов развития склонения из аморфного состояния имени».

«Краткая грамматика кабардино-черкесского языка» (выпуск 1) заканчивается звуками-предложениями и междометиями. Она является первым отделом той большой «Научной грамматики кабардино-черкесского литературного языка», которая должна выйти из печати в значительно дополненном и переработанном виде.

«Научная грамматика кабардино-черкесского литературного языка» профессора Н.Ф. Яковлева состоит из двух отделов. Первый отдел состоит из двух частей: синтаксис и морфология, а второй — из трех: лексика, семантика (учение о составе слова) и фонетика. Сейчас нет возможности подробно останавливаться на каждой части грамматики. Но предварительное ознакомление с рукописью во время сдачи в печать дает нам возможность сказать, что если прежние составители грамматик кабардинского языка стояли на пути слепого подражания и далеки были от научного исследования языка и поэтому допускали ряд грубейших ошибок, то Н.Ф. Яковлев, следуя принципам марксистско-ленинской методологии, сумел создать подлинно научную грамматику кабардино-черкесского языка. Ценность этой грамматики состоит еще в том, что она является документом, который показывает пути развития кабардинского языка, его взаимоотношения с языками Кавказа и другими языками народов СССР. Грамматика Н.Ф. Яковлева — целостное научное исследование, в котором нашел свое выражение богатейший практический опыт автора. Нет сомнения в том, что она долгое время будет служить одним из главных источников по изучению основ кабардино-черкесского языка и явится настольной книгой каждого кабардинца, любящего свой родной язык. По кабардинскому языку до сих пор не было научно разработанной грамматики, она теперь есть. Наука должна быть благодарна профессору Яковлеву за его ценный вклад в кавказскую лингвистику.

Этим трудом не заканчиваются работы Н.Ф. Яковлева по кабардино-черкесскому языку. Он неутомимо занимается дальнейшей разработкой кабардино-черкесского языка. В 1947 году в «Ученых записках Кабардинского научно-исследовательского института» появилась его новая работа «Культура кабардинцев и черкесов по данным словаря». В этой работе автор пишет, что по реальному содержанию первичных корней-слов можно составить довольно ясное представление о производстве, материальной, отчасти духовной культуре той или иной эпохи. Древняя культура кабардинцев и черкесов отражается и в сохранившемся до наших дней запасе односложных коренных слов кабардно-черкесского языка. Для подтверждения своих выводов автор приводит множество примеров.

В последние годы Н.Ф. Яковлев работает над изучением бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка. Вот уже второй год, как он возглавляет кавказскую лингвистическую экспедицию Академии Наук СССР, которая ведет исследования языков Северного Кавказа и Дагестана. Кроме того, он изучает и исследует черкесский говор армавирских армян. Надеемся, что и эти работы Н.Ф. Яковлева скоро появятся в печати и внесут еще ценный вклад в лингвистическую науку. Таковы вкратце работы крупнейшего знатока кабардино-черкесского языка, замечательного исследователя кавказских языков, профессора Николая Феофановича Яковлева.

В 30-х годах кабардинским языком стал заниматься Г.Ф. Турчанинов. Первая работа Г.Ф. Турчанинова по кабардинскому языку появилась в 1934 году. Работа эта, которая озаглавлена «Черкесская культура по данным языка в интерпретации Н.Ф. Яковлева», была напечатана в сборнике «Язык и мышление» за 1934 год. В следующем 1935 году он пишет другую работу «К стадиальной характеристике кабардинского глагола «жы/эн» («говорить»)».[10] Эта работа посвящена вопросам связи кабардинского языка с окружающими языками яфетических и неяфетических систем. В 1936 году в седьмом томе сборника «Язык и мышление» была опубликована другая статья Г.Ф. Турчанинова «О категории грамматических классов в кабардинском языке». В этой статье Г.Ф. Турчанинов пишет, что в кабардинском языке он обнаружил две новые особенности в его грамматической структуре. Первая особенность состоит в том, что в кабардинском языке наличествует категория грамматических классов, которая указывает на типологическое схождение кабардинского языка с территориально близким к нему яфетическим языком — абхазским. Вторая особенность состоит в том, что она определяет

категорию страдательного залога в глаголе, явление в северокавказских языках неизвестное и обнаруженное пока что только в кабардино-черкесском языке.

Кроме того, Г.Ф. Турчанинов совместно с М. Цаговым составил грамматику кабардинского языка, которая была издана в 1940-м году издательством АН СССР. Грамматика состоит из тринадцати глав и посвящена фонетике и морфологии кабардинского языка. В первой главе дан краткий исторический обзор изучения кабардинского языка и основных источников по истории изучения кабарднского языка. Этот обзор является первым в истории кабардинского языка, где наиболее подробно и обобщенно изложены основные источники по истории изучения кабардинского языка. Кабардинская грамматика Г.Ф. Турчанинова и М. Цагова, как признают сами авторы, не может претендовать на исчерпывающую полноту фактов и законченность их объяснения. Многие вопросы остались неразработанными. К недоработанным вопросам относится, в частности, вопрос о видовых формах глагола. Профессор Н.Ф. Яковлев не признает наличия в кабардинском языке видовых форм глагола, а Г.Ф. Турчанинов, наоборот, считает, что в кабардинском языке можно установить видовые формы глагола. И в своей грамматике он приводит три основных вида глагола: совершенный, несовершенный и начинательный. Этот вопрос, правильно поднятый Г.Ф. Турчаниновым, почему-то не получил дальнейшей разработки. Нам кажется, что в кабардинском языке может быть не только три основных вида глагола, а больше, и суждение Л.Г. Лопатинского о видовых формах глагола в кабардинском языке, где он приводит, кроме этих форм, и еще целый ряд других форм, не лишено основания.

Кроме того, Г.Ф. Турчанинов в своей грамматике ничего не говорит также и по вопросу о склонении в кабардино-черкесском языке, хотя о вопрос о падежах является одним из самых важных при разработке научной грамматики. Автору были известны работы Л.Г. Лопатинского, Н.Ф. Яковлева о склонении в кабардинском языке, но почему-то он умалчивает об этих работах. Видимо, здесь он оказался под влиянием работавшего с ним вместе М. Цагова, который также отрицал наличие падежей в кабардино-черкесском языке.

Научную ценность грамматики снижает еще то, что авторы подошли к построению научной грамматики узко лингвистически, что не вполне удовлетворяет требованиям диалектического метода к разработке языка. Богатый фактический материал, который они приводят, они не сравнивают ни с одним языком яфетической группы, к которой принадлежит и кабардинский язык. Мы знаем, что такой метод построения грамматики приводил к ошибкам и прежних составителей грамматики. Известно, что тонкости языка можно вскрыть лишь путем широко сопоставления языковых фактов, путем сопоставления определенных соотношений и соответствий звуков и форм между языками. Только тогда можно строить всякую теорию на прочной основе и создать прочную научную базу для выяснения особенностей языка. Кроме того, ряд ученых во главе с академиком Мещаниновым считает наиболее ценным начинать построение грамматики с синтаксиса.

Опыты такого нового построения грамматики уже были. По поводу этого профессор Н.Ф. Яковлев пишет: «Такое построение наилучшим образом обеспечивает научное построение грамматики и оправдывается историей развития языка».[11]

В грамматике Г.Ф. Турчанинова встречается много грамматических ошибок и опечаток. Ошибки эти автор оправдывает происшедшими изменениями орфографии во время печатания грамматики. В связи с этим, говорит он, остались незамеченными несколько случаев употребления знака «ль» вместо «лъ» и употребления знака «а» долгого вместо «э» краткого. Но, к сожалению, ошибки встречаются не только там, где вышеупомянутые знаки употребляются, но и в других местах. Так, например, вместо «дэщ1ыхьа» написано «дэщыхьа», вместо «къыщ1эжахэщ» — «къышэжахэщ», вместо «1уэху» — «1уэхъу», вместо «зызогъэпсэху» — «зызогъэпсэхъу» и т. д.

Неправильно напечатаны интернациональные слова. В кабардно-черкесской орфографии, принятой в 1939 году, говорится, что основы усвоенных кабардино-черкесским языком интернациональных и русских слов пишутся с полным сохранением их русской орфографии. Например: коммунизм, социализм, километр и т. д. А в грамматике написано «кэлхоз» вместо «колхоз», «кэмандир» вместо «командир», «кэммунизм» вместо «коммунизм».

Автор иногда неправильно определяет значения некоторых глагольных префиксов и суффиксов. Например, в параграфе, где он говорит о префиксе «в интересах лица» (на стр. 83), приводится такое выражение: «Къуэр адэм тхылъ хуэджащ», которое переведено так: «Сын

отцу книгу в его интересах читал». Или другой пример там же: «Нысэм щ1алэщ1ык1уэм джанэ хуэдащ» («Невестка мальчику рубашку в его интересах сшила»). Таких сочетаний слов в кабардинском языке нет. Если правильно построить эти предложения, то будет так: «Къуэр адэм тхыл хуейджащ», «Нысэм щ1алэщ1ык1ум джанэ хуидащ», потому что при наличии прямого дополнения субъектные префиксы меняются.

К сожалению, в грамматике такие ошибки не единичны. Однако считаем своим долгом отметить, что несмотря на некоторые указанные недостатки, в кабардинской грамматике Г.Ф. Турчанинова много ценного. Автор разбирает большое фактический материал и дает подробное освещение частей речи, словообразования, классификации глаголов и т. д.

Перу Г.Ф. Турчанинова принадлежит также работа «Материалы по диалекту моздокских кабардинцев», которая была напечатана в первом томе «Ученых записок» Кабардинского научно-исследовательского института. В работе дается общая характеристика языка моздокских кабардинцев и впервые описание их диалекта. Материал, привлекаемый автором, хотя является неполным, может дать довольно ясное представление о диалекте моздокских кабардинцев.

Здесь нужно еще отметить, что Г.Ф. Турчанинова проделал большую работу по изучению лингвистического наследия первого кабардинского филолога Ш.Б. Ногмова и его жизнедеятельности. В результате работ Г.Ф. Турчанинова Ш.Б. Ногмов встал перед нами как выдающийся филолог, который положил много сил для создания письменности и грамматики кабардинского языка, разрешился целый ряд неясных вопросов в научной деятельности Ш.Б. Ногмова. В статье «Первая рукописная грамматика кабардинского языка» Г.Ф. Турчанинов кратко характеризует кабардинскую грамматику Ш.Б. Ногмова.[12]

Кроме того, Г.Ф. Турчанинов опубликовал ряд статей, посвященных исследователям идей Ш.Б. Ногмова — Кази Атажукину, Ерустаму Ногмову, Паго Тамбиеву, которые во второй половине XIX века пытались продолжить дело выдающегося ученого кабардинского народа Ш.Б. Ногмова, но потерпели неудачу из-за враждебного отношения со стороны царской власти и кабардинской аристократии. В статье «Кази Атажукин (из истории кабардинской общественной мысли во второй половине XIX столетия)», напечатанной во втором томе «Ученых записок» кабардинского научно-исследовательского института, Г.Ф. Турчанинов знакомит читателей с общественно-педагогической деятельностью Кази Атажукина, много сделавшего для просвещения кабардинского народа и разработки алфавита кабардинского языка.

Большое внимание изучению и разработке кабардино-черкесского языка уделяет профессор Г.П. Сердюченко. Профессор Г.П. Сердюченко, занимаясь свыше пятнадцати лет абазинским языком, который по своему строю близок к черкесскому, не мог не обратить внимание и на кабардино-черкесский язык. За последнее время им написан ряд статей, которые он посвятил кабардинскому языку: «Правила кабардино-черкесской орфографии на основе русской графики» (1937), «О словообразовании в яфетических языках Западного Кавказа», «О счете лет по животному циклу у черкесов, абазин и ногайцев» («Ученые записки» Каб. НИИ, том II, 1947 год). Не так давно им же написана статья «Фонетика в нерусской школе» на материалах западнокавказских языков, где уделено большое внимание фонетике кабардинского языка. Статья эта напечатана в «Ученых записках» Академии педнаук.

В своей статье «О категории глагольного вида в яфетических языках Западного Кавказа» профессор Г.П. Сердюченко пишет, что вопрос о видах глагола в западнокавказских языках, в частности, кабардинском, совершенно не разработан. Ученые, кроме Лопатинского, которые занимались этим языком, не касались вопроса о видах глагола, хотя виды глагола легко могут быть выявлены на основе характеризующих их социально-видовых аффиксов. Правда, говорит автор, категория вида в кабардинском языка не присуща глаголу во всех временах и наклонениях, но деление глаголов на глаголы совершенного и несовершенного вида четко прослеживается в прошедших временах изъявительного наклонения. Таким образом, профессор Г.П. Сердюченко устанавливает в кабардинском языке следующие виды глагола: совершенный с общерезультативным и финитивно-результативным значениями, повторный, многократный, уверенности и затруднительности. Вопрос, затронутый профессором Г.П. Сердюченко, несомненно, представляет большой научный интерес, и этот вопрос должен быть поставлен на повестку дня.

Кроме того, профессор Г.П. Сердюченко посвятил ряд работ переводу на кабардинский язык. К ним относятся его работы «О переводах на кабардинский язык», которая напечатана во втором томе «Ученых записок» Кабардинского научно-исследовательского института (вы-

шедшая отдельной брошюрой в 1946 году), «О переводах доклада товарища Сталина на XVII партсъезде», «О переводах Устава сельхозартели на языки Северного Кавказа».

Работа Г.П. Сердюченко «О переводах на кабардинский язык» является хорошим пособием для переводчика, автор на конкретных примерах излагает особенности перевода на кабардинский язык и дает ряд ценных методических указаний.

Создатель яфетидологии академик Н.Я. Марр также проявлял интерес к кабардинскому языку. У академика Н.Я. Марра есть неопубликованная рукопись по сравнительной грамматике черкесского языка с абхазским. Кроме того, академиком Н.Я. Марром написаны работы: «Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском языках» («Доклады Академии Наук», 1928 год). В этой работе академик Н.Я. Марр пишет, «что пока настал для науки час исследования и черкесской речи, из соответствующей языковой среди успела улетучиться столь важная по социальному охвату фонетическая норма, как «аканье».

За годы советской власти в самой Кабарде выросли молодые кадры языковедов, которые занимаются научным исследованием своего родного языка. В апреле месяце этого года защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук товарищ М.Л. Абитов. Он является первым кабардинцев, получившим ученую степень кандидата наук в области филологии.

Работа товарища М.Л. Абитова «Сложные слова в кабардино-черкесском языке» состоит из вводной части и двух разделов. В вводной части автор дает предварительные сведения о сложных словах и подробно рассказывает о кабардино-черкесском языке, о степени изученности его диалектов. В других двух разделах описывются инкорпорированные комплексы предложения в кабардино-черкесском языке. Подробно автор останавливается на вопросах словосложения. Приложенный к работе словарь может служить полезным материалом для лексикографической работы. Работа товарища Абитова затрагивает не только вопросы кабардинского языка, но также и вопросы общего языкознания, как например, учения об инкорпорации и сложении слов. Много примеров приведено из других языков для сравнения с кабардинским языком.

По отзывов профессоров Л.И. Жиркова и Г.П. Сердюченко, которые выступали в качестве оппонентов во время защиты диссертации, работа товарища Абитова представляет большой научный интерес. Профессор Л.И. Жирков в своем отзыве пишет: «Хочу отметить, что появление работы товарища Абитова, дающей так много нового и интересного в вопросе инкорпорирования, — особенно надо приветствовать в момент, когда изучение инкорпорирующих языков в Америке в лице представителей современных школ «физикалистов», «механицистов» и «структуралистов» находится в глубоком прорыве».

Положительный отзыв дал работе товарища Абитова и профессор Г.П. Сердюченко. И с нашей стороны тоже хотелось бы отметить, что работа товарища Абитова, принесшая автору такой успех, является ценным вкладом в кавказскую лингвистику и хорошим пособием для будущих специалистов по кабардино-черкесскому языку.

Наконец в нашем кратком обзоре хочется отметить еще товарища Эльбердова, заслуженного учителя Кабардинской АССР, много сделавшего по составлению школьных грамматик на кабардинском языке. Товарищ Эльбердов, несмотря на свой преклонный возраст, неустанно работает над исследование кабардино-черкесского языка. Еще до советской власти товарищ Эльбердов ходил среди населения и пропагандировал введение обучения на родном языке. Из преподавателя начальной школы он вырос до научного работника. В настоящее время товарищ Эдьбердов является старшим научным сотрудником кабардинского научно-исследовательского института и работает над составлением учебников для кабардинских школ и занимается научным исследование кабардино-черкесского языка.

Получившие за годы советской власти образование товарищ Бичоев — директор Кабардинского научно-исследовательского института, товарищ Корданов — преподаватель кабардинского языка пединститута — работают над составлением русско-кабардинского словаря. Другие молодые научные сотрудники Кабардинского научно-исследовательского института изучают устное творчество кабардинского народа. За последние годы заметно усилилась подготовка национальных научных кадров. В настоящее время в аспирантуре учится ряд кабардинцев, которые специализируются по кабардино-черкесскому языку.

Заканчивая на этом наш краткий обзор по истории изучения кабардинского языка за тридцать лет советской власти, хотелось бы отметить, что советскими лингвистами сделано так много, как никогда ранее в области разработки кабардино-черкесского языка. Выше было

указано, что национально-языковая политика, проводившаяся советским правительством, создала необычайный подъем культуры кабардинского народа и благоприятные условия для всестороннего изучения кабардино-черкесского языка. Нам здесь хочется отметить и большие заслуги русских ученых в этом деле. Вопросы создания алфавита, составления правил орфографии, вопросы словарно-терминологического строительства, выработка принципов перевода, проблемы методики преподавания кабардинского языка требовали больших усилий ученых. В разрешении этих вопросов большую помощь Кабарде оказали русские ученые-лингвисты: академик Н.Я. Марр, профессор Н.Ф. Яковлев, профессор Г.П. Сердюченко, доцент Г.Ф. Турчанинов, которым кабардинский народ выражает глубокую благодарность.

Большие задачи стоят еще перед языковедами Кабарды. Первой и основной является дальнейшая разработка и исследование важнейших вопросов кабардино-черкесского языка на базе марксистско-ленинской методологии, обеспечивающей наиболее правильное решение этих вопросов. Далее необходимо развернуть словарно-терминологическую работу. Ни в Кабарде, ни в Черкесии до сих пор нет ни одного крупного словаря, который бы удовлетворял нужды специалистов и переводчиков. Также нет терминологических словарей. Плохо ведется работа по диалектологии. Если не считать последние исследования профессора Н.Ф. Яковлева по бесленеевскому диалекту и работы Г.Ф. Турчанинова по диалетку моздокских кабардинцев, то можно сказать, что совершенно не ведется никакой работы по изучению диалектов кабардино-черкесского языка. Неотложной задачей языковедов Кабарды является усиление работы по диалектологии. Очень важным является также изучение богатого неопубликованного архивного материала, относящегося к кабардино-черкесскому языку. Не менее важно также обеспечение наших школ и педагогического института хорошими учебниками по родному языку и методическими пособиями, которые у них еще отсутствуют. Для разрешения этого вопроса нужна тесная связь между научными работниками Кабардинского научно-исследовательского института и работниками Института усовершенствования учителей, работниками методических кабинетов, преподавателями родного языка. Для разрешения этих задач благоприятные условия создают начавшие выходить «Ученые записки» Кабардинского научно-исследовательского института, где можно освещать вопросы кабардинского языка. Наконец, для этого требуется дружная совместная работа местных научных работников с научной силой центра.

Первый филолог кабардинского народа Шора Бекмурзович Ногмов в предисловии к своей грамматике писал: «При начатии труда моего сердечное убеждение говорило мне, что придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство — светильник жизни — любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги, письмо. Для этого времени составлен этот труд — труд многих лет, который предается забвению, может быть, пренебрежению, но некогда пробудит благодарное воспоминание потомства учащегося. Это убеждение, давшее мне в 30 лет силы и решимость учиться русскому языку, дабы хоть несколько понятно выразить свои мысли, говорило мне, что недолго осталось до сего счастливого времени. Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда она обратится к добру и познанию». Ш.Б. Ногмов тогда еще понял великое прогрессивное значение русской культуры и науки, и всю свою жизнь он посвятил делу приобщения своего народа к великой культуре русского народа.

Заветные мечты выдающегося просветителя кабардинского народа Шоры Бекмурзовича Ногмова сбылись только сто лет спустя, благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, которая предоставила кабардинскому народу широкие возможности для культурного развития. Сейчас соплеменники Ногмова, свободные от всякого угнетения и приниженности, идут уверенно к вершинам науки и культуры. Кабардинский язык больше не является бесписьменным языком. Он сейчас изучается во всех школах Кабарды и Черкесии, его преподают сотни учителей, которые получили образование при советской власти. Этим кабардинский народ прежде всего обязан советской власти, мудрой ленинско-сталинской национальной политике и дружеской помощи со стороны великого русского народа.

Примечания

1. Турчанинов Г.Ф. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., 1940. С. 11.
2. Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т 1. С.-Петербург, 1904. С. 482.

3. Сборник «Язык и мышление». Т. X. 1940.
4. Турчанинов Г.Ф. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., 1940. С. 17.
5. Кокиев Г.А. Шора Бекмурзин Ногмов — выдающийся кабардинский ученый и просветитель. Нальчик, 1944. С. 20.
6. Услар П.К. Этнография Кавказа. Т. 1. Тифлис, 1887. С. 20.
7. Турчанинов Г.Ф. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., 1940. С. 18.
8. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Изд. 5. Нальчик, 1947. С. 19.
9. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып XII. Тифлис, 1891.
10. Сборник памяти академика Н.Я. Марра. Изд. АН СССР, 1935 год.
11. Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка». М.—Л., 1941. С. 14.
12. Шора Ногмов (1844—1944). Сб. документаций и статей к столетию со дня смерти. Под ред. Г. Турчанинова, И. Давыдова, А. Дадова. Нальчик, 1944.

Рукопись из архива М.М. Сакиева.
Рукопись предоставлена дочерью М.М. Сакиева Светланой Муссовной Сакиевой.

Михаил Яковлевич Немировский

Немировский Михаил Яковлевич (13 июля 1883 — 7 февраля 1965) — российский и советский лингвист, педагог.

Окончил юридический и филологический факультеты Новороссийского университета (город Одесса). После окончания университета преподавал там же филологические дисциплины. В 1921 году был переведен во вновь созданный Днепропетровский университет. В 1926–1942 годах заведовал кафедрой в Орджоникидзевском горском педагогическом институте (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова). В 1942–1944 годах — научный сотрудник Института языка и мышления в Институте народного образования в Ереване. С 1944 года — заведующий кафедрой общего и русского языкознания в Ростовском государственном университете.

Наиболее известные труды профессора М.Я. Немировского: «Обозначение множественного числа имен существительных в языках мира» (1940), «Словообразование в горских яфетических языках Кавказа» (1933), «Заметки по морфологии яфетических языков Кавказа» (1935), «Род и класс. К вопросу о генезисе номинальных классификаций» (1935), «Род и класс в яфетических языках Кавказа» (1939) и др. Профессор М.Я. Немировский написал более 40 статей для «Большой советской энциклопедии» (1926–1947) об отдельных языках разных систем (греческом, тохарском, лакском и др.), статьи о языковедах мира (М. Фасмере, Г. Шухардте, П.К. Усларе и др.).

В архиве Горского историко-лингвистического института (ГАСК, фонд Р-1260) имеется рукопись М.Я. Немировского: «Лексикологические заметки по горским яфетическим языкам Северного Кавказа» (1937, дело № 134), в которой используется системный подход к анализу сельскохозяйственной лексики с привлечением метода лингвистической палеонтологии. Эту рукопись мы публикуем в нашей антологии.

В фонде редкой книги научной библиотеки СКФУ находятся следующие работы М.Я. Немировского: «Альфред Тромбетти: его жизнь и научные труды по сравнительному языкознанию, по общей и кавказской лингвистике» / Горский педагогический институт. — Владикавказ: Типография издательства «Сердало», 1930. — Отдельный оттиск из журнала «Известия Горского педагогического института». — [1930]. — Т. VII. — С. 215–247; «К научной постановке исследования чеченской группы северо-кавказских языков» / Ингушский НИИ краеведения. — Владикавказ: Типография издательства «Сердало», 1930. — Отдельный оттиск из журнала «Известия Ингушского НИИ краеведения». — Вып. II–III. — С. 448–464; «К современному состоянию кавказской лингвистики». — Владикавказ: Типо-фото-цинкография издательства «Растдзинад», 1930; «К сорокалетию научной деятельности академика Н.Я. Марра» / Ингушский НИИ краеведения. — Владикавказ: Типография издательства «Сердало», 1930. — Отд. отт. из журн.: Известия Ингушского НИИ краеведения. — Вып. II–III. — С. 495–499; «Хеттские местоименные формы на -I и яфетические языки Кавказа и Средиземноморья». — Владикавказ: Типо-фото-цинкография издательства «Растдзинад», 1930.

Работы о М.Я. Немировском:

Юбилей профессора М.Я. Немировского // Русский язык в школе. — 1949. — № 1.

Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. — Т. 1-3. — Минск, 1976–1978.

Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017. — С. 277–338.

Исследования М.Я. Немировского:

Лингвистическая география и ее значение. — Владикавказ, 1926. — Отдельный оттиск из Известий Горского педагогического института. — Т. 3. — С. 235–248.

Современное языкознание и его очередная задача. — Владикавказ, 1926. — Отдельный оттиск из «Известий Горского педагогического института». — Т. 3. — С. 167–189.

Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики. — Владикавказ: Ингушский НИИ краеведения, 1928.

Адольф Дирр и кавказская лингвистика: [Посвящается памяти Адольфа Дирра] / Научное общество этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. — Владикавказ: Растдзинад, 1930.

К современному состоянию кавказской лингвистики / Научное общество этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. — Владикавказ: Растдзинад, 1930.

Некоторые явления чеченско-дагестанских языков в свете общей лингвистики / Горский педагогический институт. — Владикавказ: Сердало, 1930.

Заметки по морфологии яфетических языков Кавказа // Академия наук Н.Я. Марру: Сборник статей. — М.—Л.: АН СССР, 1935. — С. 321—326.

М.Я. Немировский
Лексикологические заметки по горским яфетическим языкам Северного Кавказа*

Этюд I. Номенклатура животного мира

Вводные замечания

Итоги лексикологической работы на сегодня. Неотложные задачи лексикологии.

Лексикологическое исследование горских яфетических языков Северного Кавказа до сих пор находится, как известно, в зачаточном состоянии. Не только не исследован, но и не собран словарный материал этих языков. Мелкие и «одноаульные» языки Дагестана вообще мало еще изучены, в особенности же их словарный состав. Что знаем мы из словаря таких, например, языков, как хиналуг, джек, будух, как андо-дидойские?

Только по андийскому языку мы имеем сравнительно крупное собрание слов в «Кратком грамматическом очерке андийского языка» А. Дирра[1]. Из словаря прочих названных языков мы знаем всего по нескольку десятков слов, собранных тем же Дирром[2].

Приблизительно такого же объема и типа, как андийский, остальные словарики, опубликованные Дирром в его грамматиках удинского[3], табасаранского[4], агульского[5], рутульского[6], цахурского[7] и арчинского[8] языков. По главным языкам Дагестана лексический материал, которым мы располагаем, сводится к составленным П.К. Усларом словарикам, напечатанным в его очерках аварского[9], лакского[10], хюркилинского[11] и кюринского[12] языков. И здесь материал ограниченный, дающий лишь самое общее представление о словарном запасе этих языков.

По языкам центральной, или чеченской группы, в основном, наши знания их лексического богатства ограничиваются словарным материалом, собранным Усларом[13] и Шифнером[14], а по игушскому — З.К. Мальсаговым[15].

Наконец, лексический материал по языкам западного ответвления северокавказских яфетических языков заключается по абхазскому языку в словариках Услара[16] и акад. Н.Я. Марра[17], по кабардинскому — в «Материалах для кабардинского словаря» Н.Ф. Яковлева[18] — в более старом словарике Л. Лопатинского[19], а по черкесскому — в словаре Л. Люлье 1846 года.[20].

Новых словарей, вышедших после Октябрьской революции, как видно из сделанного обзора, всего три: академика Н.Я. Марра, Н.Ф. Яковлева и З.К. Мальсагова. Существует, правда, еще несколько словарей практических, но, к сожалению, неудовлетворительных[21]. Специальные терминологические словари также большей частью неудовлетворительны, а некоторые, как политически вредные, изъяты.

Таким образом, даже тот сравнительно небольшой материал, который уже собран, большей частью старый, дооктябрьского периода, частично же восходящий к 60—70-м годам прошлого столетия (Услар, Шифнер).

Нечего и говорить, что диалектологического материала мы вовсе не имеем, так как диалекты даже основных языков каждой из трех главных групп северокавказских яфетических языков почти не изучались.

В иностранной лингвистической литературе существует сравнительный словарь «кавказских» языков, опубликованный в труде R. Von Erkert'a «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» (Wien, 1895) и представляющий собою перевод 545 немецких слов на 30 «кавказских» языков. Весь этот материал разделен по «частям речи»: 1) числительные, 2) местоимения, 3) наречия, 4) существительные (№№ 52—411), 5) прилагательные и 6) глаголы.

---

* В архивном деле № 134 фонда Р-1260 содержится рукописный текст работы М.Я. Немировского (лл. 1—37) и его машинописная копия (лл. 39—91). В рукописном тексте на первом листе надпись «Посвящается памяти академика Н.Я. Марра», в машинописном тексте эта надпись вычеркнута.

Это полезное пособие требует, однако, критической проверки, так как сообщаемые в нем данные почерпнуты автором не на месте, а из вторых рук, от «корреспондентов», осведомителей, и слова нередко передаются в фонетически неточной форме.

По отдельным яфетическим языкам горских народов Северного Кавказа словарей очень мало. По черкесскому языку имеется старый словарь Лёве на английском (L.A. Loewe, Dictionary of the cirkessian language, 1854), по убыхскому — небольшой словарик Дирра в его очерке «Die Sprache der Ubychen» (Leipzig, 1928)[22] и довольно объемистый (243 страницы) словарь J. von Mészáros'a в его монографии «Die Päkhy-Sprache» (Chicago, 1934). По всем прочим северокавказским яфетическим языкам в западной лингвистике не существует ни одного словаря. Работы Шифнера, Услара и Эркерта служили и еще и ныне продолжают служить для западной лингвистики источником ее лексических знаний.

Таково состояние лексикологической работы по горским яфетическим языкам Северного Кавказа. Этот несколько длинноватый обзор существующей лексикологической литературы казался нам необходимым с целью показать, насколько недостаточны, неполны еще наши знания лексики по интересующей нас группе языков, а неполнота лексического материала, естественно, создает на каждом шагу затруднения для научного лингвистического анализа, направленного на разрешение ряда лексико-семантических вопросов генетического характера, приобретающих исключительную по своему значению важность при марксистской концепции языка как «практического сознания».

Неполнота лексического материала, имеющегося в словарях, не дает возможности во всю ширь поставить наблюдение и над современным этапом развития лексико-семантической стороны языков горских народностей, создающих на яфетическом Кавказе новую социалистическую культуру.

Однако лексикологический анализ современного языка легче и проще. Процессы современной трансформации языка, процессы его роста, качественного и количественного, нередко настолько очевидны, что обнаружить их даже невооруженному средствами научного анализа наблюдателю не составляет труда. Современная письменно-книжная, литературная речь — с одной стороны, и разговорно-бытовая речь — с другой, ежеминутно дают в руки даже самого поверхностного наблюдателя все новые и новые лексические факты — новые слова и выражения, новые термины самого различного характера, или старые слова, сделавшиеся новыми благодаря новому содержанию, вложенному в их старую звуковую оболочку.

Понятно, что одним наблюдением и регистрацией фактов науке ограничиться нельзя. Нужно эти факты привести в систему, обобщить, дать им правильную интерпретацию и тогда только делать те или иные выводы. Все эти задачи нелегки, но все же работа исследователя облегчена уже тем, что, во-первых, факты лежат на поверхности, они сами себя обнаруживают, а, во-вторых, факты, увязанные с действительностью, этой же действительностью и объясняются, из нее получают смысл и значение. Конечно, количество фактов, на основании которых исследователь делает свои выводы, небезразлично: если фактов мало, то и выводы могут оказаться скороспелыми, поспешными, необоснованными. Вот почему пробелы в лексическом материале могут создать затруднения и при анализе современного этапа развития языка. Гораздо труднее положение исследователя, который берется за решение генетических проблем, будь то лексикологические проблемы, или относящиеся к другим областям лингвистической науки.

Осложнение работы обусловливается уже тем, что приходится вскрывать в языке ряд напластований, чтобы докопаться до истоков того или иного языкового явления. В процессе этих раскопок, имеющих целью проникнуть в головокружительные глубины доисторических, точнее говоря, лефо-исторических[23] этапов развития языка и мышления в увязке с соответствующей общественностью, исследователю-палеонтологу приходится иметь дело с «омертвевшими формами»[24], и это обстоятельство опять-таки усложняет дело. Воскресить эти мертвые факты, вдохнуть в них былую жизнь, понять, какова была их функция в живой действительности указанных древнейших эпох развития человечества — дело чрезвычайно трудное.

Все эти операции недоступны не только дилетанту, но и ученому, не вооруженному методом «палеонтологии речи», созданным покойным академиком Н.Я. Марром. Не говоря уже о технике палеонтологического анализа, требующего точного знания всех возможных фонетических вариантов основных элементов, точного знания звуковых законов различных языковых систем, анализ этот возлагает на исследователя задачу определить семантические сдвиги в исследуемых словах в связи с изменениями техники мышления на базе развития общественных формаций.

Совершенно очевидно, что каждый факт языка, даже на первый взгляд незначительный, может иной раз оказаться чрезвычайно важным, способным по-новому осветить тот или иной

более или менее широкий круг языковых явлений, объяснить происхождение того или иного явления, открыть те или иные пережитки пройденных этапов развития и т.д. Здесь каждый факт должен быть на учете. Иной раз, даже нередко, необходим кругозор, более широкий, чем открывающийся в одной только определенной группе или системе языков. Тогда приходится выходить далеко за пределы этой системы, обращаться за материалом к самым различным языкам мира, казалось бы, ничего общего между собой не имеющим, на деле обнаруживающим иной раз удивительно сходные черты[25]. Неполнота лексического материала может, следовательно, ощущаться чрезвычайно болезненно в подобных случаях, затрудняя или делая даже невозможными те или иные выводы.

Изображенное нами состояние лексикологической работы по горским яфетическим языкам Северного Кавказа совершенно нетерпимо, так как оно не только является серьезным препятствием в разрешении теоретических вопросов лексикологии, упомянутых в предшествующем изложении, но и тем самым замедляет разработку ряда таких актуальных проблем современности, как создание норм письменно-литературной речи, как установление орфографии и т.д. — проблем, которые могут быть правильно разрешены только на базе всестороннего, деятельного и тщательного изучения языка, на материале языковых фактов во всем их многообразии, в разрезах синхроническом и диахроническом.

В связи с указанной ситуацией выдвигается ряд вопросов, которые должны быть разрешены лексикологией в ближайшее время. Они могут быть сведены к двум общим задачам. В первую очередь необходимо собрать лексический материал как можно полнее, учитывая все диалектальное разнообразие языка. В этом направлении лексикология должна опираться на работу диалектологии. Следующая чрезвычайно важная задача лексикологии — проанализировать этот материал с целью открыть в нем отражение классовой дифференциации языка, в частности, словарного богатства, уяснить пути его развития в связи со сменой общественно-хозяйственных форм в истории существования носителей этого языка, сменой, определяющей развитие языка и мышления.

Если при разработке вопросов лексико-диалектического характера мы имеем дело с фактами синхроническими, то решение второй задачи требует установки диахронической, дающей возможность вскрыть разностадиальные языковые отложения, понять их классовую сущность и определить их генезис. Здесь мы должны опираться на новое учение о языке, созданное академиком Н.Я. Марром и развиваемое его школой, внося, однако, коррективы, необходимые с точки зрения марксистско-ленинского языкознания, основные положения которого установлены в многочисленных и чрезвычайно ценных высказываниях основоположников марксизма-ленинизма (Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина) по вопросам языка и мышления.

Только на базе такого многообразного и по возможности исчерпывающего языкового материала, подвергнутого тщательному и методологически правильному лингвистическому анализу, возможно правильное решение и вышеуказанных задач языкового строительства в национальных республиках и автономных областях нынешнего социалистического Кавказа.

Предлагаемые в настоящей статье вниманию специалистов мои черновые заметки, плоды некоторых моих изысканий в области кавказской лексики, могут быть полезны, как первые (и потому, естественно, несовершенные) опыты определить сложный состав этой лексики, с учетом как ее полистадиальности, так и даже, априорно несомненной, скрещенности. Вот почему автор решается опубликовать собранный им материал, интересный, по его мнению, с указанной точки зрения, и некоторые свои домыслы, которые могут послужить «рабочими гипотезами». Весьма интересные проблемы выдвигает, например, номенклатура животного мира горских яфетических языков Северного Кавказа. Посильное решение этих сложных проблем пытается дать следующий этюд, написанный по заметкам, накопившимся у автора во время его работы над словарем указанной группы языков[26].

I. Принципы построения номенклатуры животного мира в горских яфетических языках Кавказа

Принципы построения номенклатуры животного мира в горских яфетических языках Северного Кавказа, как и Закавказья, те же, что и в прочих языках мира. Во-первых, существуют общие видовые названия животных, применяемых безразлично к самцу и к самке.[27] Таковы, например, абхаз. a-la — «собака», a-ččə — «лошадь», a-kvodžma — «волк», a-ža —

«заяц»; каб. и черк. ha — «собака»; черк. dže, каб. šə — «лошадь»; черк. и каб. doghuš — «волк»; черк. ρsekette — «утка»; каб. šidd — «осел»; чечен. žyäli — «собака», gavr — «лошадь», buorz — «волк», cicig — «кошка», bād — «утка»; ингуш. žhoeli — «собака», gorz — «лошадь», borz — «волк», cisk — «кошка»; бац. byorch — «волк», byad — «утка»; авар. ču — «лошадь»; hank — «заяц», mikbi — «голубь»; анд. xoj — «собака», ботл., годоб., карат., ахвах. xŭaj, чам. xoaj, тинд. xŭaji, куан. hŭaj, авар. hoj, дид. ghŭaj; авар. iciko — «кошка», анд., ботл. и годоб. gedu, тинд. gidu, капуч. gedo, арчин. gat, даргин. (хюркилин.) gata; лак. čitu, лезгин (кюрин.) gate, грузин. kata, мегрел. katu, лаз. katu, сван. kata; лак. urči — «лошадь», sinka — «медведь», xwi — «собака»; лезгин. (кюринск.) balkhan — «лошадь», dewe — «верблюд», cewre — «медведь», lelew — «шакал» и т.д.

Приведенные видовые термины нередко служат одновременно и названием самца, как это видно, например, из следующих слов: абхаз. a-la — «собака» и одновременно «пес», «кобель», a-ža — «заяц» и как видовой термин, и как название мужского экземпляра вида, a-kudžma — «волк», кабард. šə — «лошадь» и «конь», ha — «собака» и «кобель», авар. hoj — «собака» и «кобель», лезг. (кюринск.) khitc — «собака» и «кобель» и т.д[28]. Видовым наименованием животного может являться также и название самки, как, например, в русском «овца», «утка», лезгин. xeb — «овца» и т.п.

Однако такое специальное значение, обозначающее самца или самку, видовое название приобретает лишь тогда, когда в языке имеется и соответствующее название противоположного пола. Так, например, абхаз. a-la обозначает и вид, и самца «собаки», так как для обозначения самки того же вида существует наименование a-la-ρs — «сука» (ср. кабард. šə-bz — «кобыла», ha-bz — «сука»); a-quədžma — «волк» в значении также и «волк-самец», потому что есть a-quədžma-alaρs — «волчица», «волк-сука», лезгин. xeb — «овца», her — «баран» и т.д.

В этих случаях специализация общего видового термина обнаруживает второй структурный принцип номенклатуры животных, который может быть сформулирован: дифференциация терминов прямо пропорциональна социально-производственному, хозяйственному назначению вида животных. Эта дифференциация, прежде всего, проявляется в создании отдельных названий для особей как мужского, так и женского пола.

Но пути этой специализации могут быть различны: 1) общее видовое название может быть использовано как обозначение особи того или иного пола, о чем мы только что сказали; 2) рядом с видовым наименованием создаются отдельные сексуально специализированные термины для обозначения самца и для обозначения самки. Так, например, рядом с термином видовым «лошадь» в русском языке существует термины для самца — «жеребец» и для самки — «кобыла»[29]. Точно так же в абхазском a-čča обозначает «лошадь», а для особей мужского и женского пола имеются отдельные названия: akjakhua — «жеребец» и a-čča — «кобыла», собственно «лошадь-матка» (a-an — «мать», «матка»), a-kutə обозначает безразлично «кура» (петуха) и «курицу» как вид, но a-kutarbaghi означает «петух» (собственно «кур» или «кур-самец»), а a-kutarcna — «курица», «кур-самка»; в чеченском рядом с общим значением «лошадь» — gavr[30] имеются специальные термины ajghar — «жеребец» (ингуш. hoejghoer), qela — «кобыла» (ингуш. qāl); в аварском: ču — «лошадь», barti — «жеребец», qhala — «кобыла»; в даргинском (хюркюринском): urči — «лошадь», hjirhusa — «жеребец», gwaza — «коблыла»; в лакском: ču — «лошадь», ajghuz — «жеребец», kkatca — «кобыла»; лезгин. (кюрин.): balkhan — «лошадь», šiw — «жеребец», xwar — «кобыла» (kkulan — «кобыла», еще не слученная)[31]; xeb — «овца» (общее видовое название), šekh — «овца» (самка), her — «баран»; wakh — «свинья» (название вида), kkaban — «боров», «кабан», mekhedža — «свинья супоросая». Большей частью довольствуются, однако, двумя терминами, по одному для каждого пола, как например: абх. atə — «баран» или a-təghjlla-uassa — «овца», a-abghi — «козел» || adžma — «коза», чечен. ka — «баран» || ži — «овца», ингн. žij — «овца» || koe — «баран», чечен. stu — «бык» || jăt — «корова», ингуш. ust — «бык» || joet — «корова», бац. ρsthu — «бык» || jet — «корова», авар. kuj — «баран» || lemag — «овца», ос — «вол» || haka — «корова»; даргин. (хюркилин.) unc — «бык, вол» || qwoel — «корова»; kiwa — «баран» || maza — «овца»; лак. nic — «бык» || h'ol — «корова», tta — «овца» || khu — «баран»; лезгин. (кюрин.) jatc — «бык» || kal — «корова» и т.д.

Существует ли три термина или два для одного и того же вида животных, важно то, что различие пола выражено в языке и что различие это отмечается, прежде всего, в названиях домашних сельскохозяйственных животных.

Еще у Варрона в его сочинении «О латинском языке»[32] мы находим совершенно правильное утверждение, что различие пола получает тогда языковое выражение, когда это различие имеет практическое значение, и как примеры приводит различные названия самца и самки

«лошади»: equus — «жеребец» и equa — «кобыла» — и одно общее название «вороны» — corvus, а не corvus / corva. «Поэтому, — продолжает Варрон, — в некоторых случаях раньше было не так, как теперь: например columbas назывались все, и самцы, и самки (голуби), так как они не были домашними (собственно в домашнем употреблении), как теперь; теперь же, наоборот, вследствие их одомашнения (собственно: их домашнего употребления, которое мы усвоили), самец называется columbus («голубь»), а самка columba («голубка»)». Мысль, высказанная Варроном, который, нужно подчеркнуть, был не только грамматиком, но и знатоком сельского хозяйства, подтверждается не только уже приведенными примерами, но может быть проверена на любом языке.

Однако дифференциация терминов не останавливается в номенклатуре животных на различии пола, как различии самца и самки. В сексуальную терминологию добавляют особое название для холощеного животного того или иного вида, важное для животноводства. Так, имеется часто особый термин для холощеного жеребца: русск. «мерин», немец. der Wallach, голланд. de ruin, англ. a gelding, франц. le hongre, монгол., тунг., манджур. akta, мандж. akta mörin, зап. монгол. acta mörin, axta, ërë mörin, корейск. murangi, тюркск., азербайдж. axta at.

В горских яфетических языках Северного Кавказа мы встречаем тот же термин, как, например, абхаз. а-čč-ab — «мерин» (а-ab — «холощеный козел»), кабард. šəsek'ā[33], чеч. alaša, ингуш. alčoe, авар., лакск., лезгин. axta, даргин. (хюркил.) wurka urči, удин. axta ekh, сван. kuariul. В абхазском имеются термины для холощеного барана а-t'ə (убых)[34] и холощеного козла а-ab; в чеченском для холощеного барана (баран — ka) erin̦ bocun ka (собственно — «похоти не имеющий баран»).

Далее животноводам необходимо иметь названия молодых животных, составляющих приплод, и создаются соответствующие термины. Таковы, например, абхаз. а-ččteəs[35] — «жеребенок», убых. čiš, каб. šəsə, черкес. šičexo, чечен. beqhi, ингуш. boeqh, бац. baqhu, авар. taji, анд. taj, лак. tjaj, даргин. (хюркилин.) toej, лезгин. (кюрин.) ttaj, удин. kuruk, грузин. kvici, сван. sabel — «барашек, ягненок», абхаз. а-ssəss, убых. bijš, кабар. šine, чечен. уахаr, ингуш. häxoer, даргин. (хюркил.) muqara, лак. č'i, лезгин. (кюрин.) khoel, авар. loeher, анд. bura, груз. batkani, мегрел. kiribi, сван. žinh — «теленок», абх. а-həss, чечен. esi, ингуш. hasoe, авар. beče, анд. loedir, дид. meši, даргин. (хюркил. kkača), лакск. bjärč, лезгин. (кюрин.) dana, удин. mozi, грузин. xbo, мегрел. gini, лаз. gjeni, сван. hun. Ср., кроме того, например, а-la-sba — «щенок», «собачка» а-kučiš — «цыпленок», убых. gätiš — «котенок», kazus — «гусенок», čədiš — «осленок», manxčeš — «верблюжонок», чечен. khezi — «щенок», ингуш. khasoe, чечен. khorni — «детеныш» (различных зверей), авар. gučuk — «щенок», kert — «осленок», лак. čitul örc — «котенок» (кота детеныш), hoku — «осленок», лезгин. (кюрин.) khurtcul — «щенок», žeqi — «поросенок», batci — «козленок», šenp'i — котенок, даргин. (хюркил.) katca — «щенок», doegwa — «осленок», sinkala durhwae — «медвежонок» (медведя детеныш) и т.д.[36]

Этот общий термин для обозначения детенышей и молодняка без обозначения пола и возраста оказывается недостаточным. Для обозначения этих признаков происходит дальнейшая дифференциация терминов в номенклатуре животных, играющих в производстве и хозяйстве важную роль. Создаются термины, обозначающие пол и возраст молодняка. К сожалению, при общей отсталости лексикологии, прежде всего в фактическом материале, мы мало осведомлены об указанных специальных терминах. Кое-какие примеры все-таки в словарях попадаются. Таковы, авар. hačar — «телка», beče — «теленок», horxxen — «годовалая овца», даргин. (хюркил.) wugha — «бычок», kača — «телка», лак. nūša — «годовалая овца» или «годовалый баран», лезгин. (кюрин.) kkulan — «кобыла, еще не слученная», dana — «теленок» и «телка», džingaw — «бычок», dugwe — «годовалая телка», gar — «ягненок не старше шести месяцев», bartcak — «буйволенок», khoelče — «подросший буйволенок», awara — «буйволица, отлученная от матери», dugwe — «буйволица, способная к случке», tcurnugh — «годовалый поросенок», tcitcib — «цыпленок», но fere — «подросший цыпленок» и т.п.[37]

Как показывает ряд приведенных примеров, дифференциация терминов происходит в номенклатуре домашних животных по преимуществу; в значительно меньших размерах касается она названий диких животных. В номенклатуре последних, если не довольствуются названием вида, то создают еще термины для обозначения самца, редко для приплода, но обычно только для наиболее крупных представителей животного мира и притом более или менее туземных, или различающихся внешними признаками. Так, например, в русском языке названия *носорог*, *слон*, *бегемот*, *крокодил*, *страус*, *жираф*, *леопард*, *барс*, *кит*, *морж*, *тюлень*, *акула*, *гиена*, *пума*, *обезьяна*, *лама* и т.д. являются всегда *epikoina*, потому что представляют для нее существа заморские, чужеземные, знакомые нам большей частью лишь по изображениям. Если в

русском языке различают, однако, «льва» и «львицу», «тигра» и «тигрицу», то очевидно, из-за их внешних отличительных признаков. Различие же в языке «волка» и «волчицы», «медведя» и «медведицы», «орла» и «орлицы», которые водятся в наших краях, вполне понятно.

Мелкие четвероногие хищники, птицы, рыбы, пресмыкающиеся, насекомые, почти все, носят названия, общие для самца и для самки. Особые названия для самца и для самки этих животных очень редки (ср., например, в русском: заяц — зайчиха, орел — орлица, но коршун, ястреб, соловей, глухарь, дрозд, тетерев, сорока, синица, галка, кукушка, цапля, журавль; осетр, щука, лещ, лосось, карп, белуга; блоха, вошь, клоп, таракан; лягушка, ящерица и т.д.).

Из названий приплода и молодых диких животных можно указать для примера в русском языке такие, как волчок, волчата, тигренок, тигрята, львенок, медвежонок — очень малочисленные. Сказанное о русском языке приложимо и к прочим языкам (ср., например, der Elefant — «слон», der Leopard — «леопард», das Nashorn — «носорог», das Krokodil — «крокодил», der Straus — «страус», der Wallisch — «кит», der Haifisch — «акула», der Kranich — «журавль», der Adler — «орел», die Elster — «сорока», die Schwalbe — «ласточка», die Drossel — «дрозд», die Amsel — «черный дрозд», der Stör — «осетр», der Hecht — «щука», der Hausen — «белуга», die Laus — «вошь», die Wanze — «клоп», die Schabe — «таракан», der Frosch — «лягушка», die Eidesche — «ящерица» и т.д.)

В яфетических языках Кавказа для различных видов диких животных существуют названия, общие для самца и для самки даже крупнейших видов. Таковы, например, абхаз. a-bga — «шакал», «лисица», a-bgədž — «шакал», a-doəbga — «лиса», «полевой шакал», a-ləm — «лев», a-bdžas — «тигр», a-slan — «слон», a-mot — «змея», a-dompej — «зубр», чечен. luom — «лев», «тигр», «барс», choqu cxuogal — «лисица», buorz — «волк», ča — «медведь»; ингуш. lom — «лев», choqh — «тигр», «барс», cogal — «лисица», borz — «волк», ča — «медведь», бац. löm — «лев», byörch — «волк»; авар. bac — «волк», tcer — «лиса», qhalbac — «лев», tci — «медведь», čaqal — «шакал»; анд. boco — «волк», sej — «медведь», soz — «лиса»; даргин. (хюркил.) witc — «волк», sinka — «медведь», gurda — «лиса»; лак. barc — «волк», culča — «лиса», cuša — «медведь»; лезгин. (кюрин.) džanawur — «волк», sikh — «лиса», sew — «медведь»; lelew — «шакал»; агул. bagniš, cul — «лиса»; груз. mgeli — «волк», dathvi — «медведь», mela — «лиса», lomi — «лев», verxvi — «тигр», tura — «шакал»; мегрел. ngeri — «волк», thunthi — «медведь», verxir — «тигр»; лаз. gjeri — «волк», tuti — «медведь»; сван. thxere — «волк», dašav — «медведь» и т.д.

Птицы, пресмыкающиеся, насекомые, рыбы также имеют лишь видовые названия (ср., например, абхаз. a-lapfüa — «ворона», a-mlaqhə — «иволга», a-džc — «ласточка», a-encuəš — «ящерица», a-kalma — «форель», a-tca — «вошь»; чечен. xozu — «воробей», ghaz — «гусь», qoqu — «голубь», küri — «ястреб», läxi — «змея», zingat — «муравей», sagal — «блоха», ghundalghij — «клоп»; авар. mikxi — «голубь», cun, kojk — «орел», qunqra — «журавль», miloiršo — «ласточка», čut — «ящерица», nac' — «вошь», thuth — «муха», cunca — «муравей», soansoa — «клоп»; лакск. barzu — «орел», lačin — «сокол», ažari — «кукушка», šatta — «змея», khkhurtma — «кит», č'ača — «блоха», nac' — «вошь», zimiz — «муха», methiqoqo — «муравей», naj — «пчела»; лезгин. (кюрин.) loeq — «орел», kard — «ястреб», nuq — «воробей», net — «вошь», sutt — «клоп», theth — «муха», ghuloegh — «змея», kezpi — «форель»).

II. Обозначение пола животных

Как легко усмотреть из предшествующего обзора названий животного мира в горских яфетических языках Кавказа, номенклатура фауны в этих языках представляет собой систему терминов частью асексуальных, частью сексуально дифференцированных. Термины асексуальные — это общие видовые названия, названия молодых животных некоторых видов и названия возрастные. Все эти термины представляют собою тип имен, аналогичный тому, нам знакомому из языков прометеидских, который греки назвали *epicoina* (латин. *epicoena*), например, др. греч. he alōpeks — «лиса», лат. haec vulpes; hó aetos — «орел», haec aquila; he helidōn — «ласточка», haec hirundo; hic corvus — «ворон», hic turdus — «черный дрозд», русск. носорог, крот, кит, глухарь, белка, ласточка, синица, акула, белуга, немец. der Fuchs — «лиса», die Gans — «гусь», франц. le cheval — «лошадь».

Коренное различие заключается в том, что прометеидские *epicoina* грамматически относится к определенному «роду» — «мужскому» или «женскому», хотя и обозначают безразлично и самца и самку (Ср., например, русск. бегемот, крокодил, белка, ласточка, акула, кит и

т.п.; немецк. der Fuchs — «лиса», der Adler — «орел», der Hase — «заяц», die Gans — «гусь», die Nachtigall — «соловей», франц. le cheval — «лошадь», le chat — «кошка» (как вид); исп. la liebre — «заяц», um giraffa — «жираф»), между тем как в языках яфетическо-кавказских грамматического рода нет, а в тех языках, где существуют номинальные классы, все без исключения названия животных являются в сущности *epicoina* в том смысле, что каждый термин, будь он видовым, будь он сексуально дифференцирован, всегда относится к одному и тому же строго определенному номинальному классу (ср., например, чечен. buorz — «волк», stien buorz — «волчица», kuotam — «курица», nyäni — «петух» одинаково принадлежат к национальному классу j-j, III классу по Услару, din, gila — «конь», stu — «бык», jat — «корова», mozu — «муха» — к классу b-d, IV по Услару, cicig — «кот», «кошка» (как вид), stien cicig — «кошка» (самка), khezi — «щенок», xuozu — «воробей», zud — «сука» — к классу d-d, V по Услару, ajghar — «жеребец» — к классу b-d, VI по Услару).

Однако когда нужно обозначить пол животных, указанные асексуальные термины легко превращаются в сексуально дифференцированные названия особей того или иного пола. Для этого прибавляется к общему названию чаще всего дополнительные лексемы, слова со значением «самец», «мужчина», «самка», «женщина», «мужской», «женский», реже другие слова с определенным сексуальным значением. Эти добавочные слова сливаются иногда с определенным общим названием, образуя сложные слова, или превращаются в суффиксы. Так, в абхазском языке названия самок некоторых видов образуются посредством дополнительного слова a-laṗ's — «сука», «самка», сливающегося с общим для обоих полов названием, например, a-qvədžma (a-qudžma) — «волк» с прибавлением указанного слова получает форму a-qvədžmalaps со значением «волчица»; ср. a-məš — «медведь» || a-məšlaps — «медведица». В других названиях самок прибавляется только суффикс -ṗs, по-видимому, сокращенный из указ. a-laps, например, a-ža-ṗs — «зайчиха» при a-ža — «заяц», a-cgvaps — «кошка», при a-cgvə — «кот», «кошка» (как вид).

Для обозначения самца применяется или дополнительное слово abaghj, или только суффикс -ghi, образуя, например, такие названия, как a-abaghj — «козел», a-cgvabaghj — «кот» (a-cgvə — «кошка» как вид). Для обозначения самца птиц употребляется термин a-arbaghi, для самки птиц a-arcna, так что, например, от общего видового термина «кура-петуха» и «курицы» образуется в сложении с указанными словами названия: a-kvtərbaghj — «петух» || a-kvtarcha — «курица». Названия «кобыла» и «мерин» образуются своеобразно: a-čč-an — «лошадь-мать» и a-čč-ab — «лошадь-отец», «лошадь-самец», «лошадь-козел» (a-ab — «отец» и «козел»)[38].

Подобные образования существуют и в прочих языках западного ответвления северокавказских яфетических языков. Так, например, в убыхском[39] языке мы встречаем такие слова — названия животных, как ṗˁsə-čĕu-x(u) («буйвол-самец») ṗˁsə-čč-bze — «буйволица», «буйвол-самка», geto-x — «кот» || ge-ti — «кошка» (самка), čə-do-x — «осел» || čə-da-bze — «ослица», wec — «олень-самец» || we-guma — «олень-самка» (собственно «дикий бык» || «дикая корова»); čədiṗˁe — «осел», хоа-ṗˁe — «вепрь», ṗˁe-ze — «козел».

В языках центральной (чеченской, вейнахской, нахской) группы названия многих видов животных получают значение особей того или иного пола при помощи дополнительных различительных лексем: 1) чечен. buoršan — «самец», vieṇ — «самка»[40], zud — «сука». Ср., например, buoršan cicig — «кот» || stieṇ cicig — «кошка», buoršan bād — «селезень», stieṇ bād — «утка», stieṇ или zud buorz — «волчица», stieṇ, ča — «медведица»; 2) ингуш. boršoe — «мужской», se — «женский», например, boršoe hasoe — «теленок» || se hasoe — «телка»; moehoe — «мужской», qal[41] — «женский», например, moehoe cisk — «кот» || qal cisk — «кошка», qal-borz — «волчица».

Также и дагестанские языки прибегают к этому способу обозначения пола животных. Так, например, аварский язык[42] применяет слова bihin, bihinab «мужской» для обозначения самца и са или cojab для обозначения самки, например, bihin или bihinab tsi — «медведь» || co или cojab tsi — «медведица», bihinab nuga — «ворон», cojab nuga — «самка ворона», cojab bac — «волчица»; в даргинском (хюркилин.)[43] употребляются дистинктивы margha — «самец» и gwadža — «самка», например, margha sinka — «медведь» || gwadža sinka — «медведица», margha gata — «кот» || gwadža gata — «кошка», margha xwi — «кобель», gudža xwi — «сука»; в лакском[44]: burhni, burhnissa «мужской» и cˈu, cˈussa — «женский» («самец», «самка»), например, burhnissa cuša — «медведь» || cˈussa cuša — «медведица», burhnissa qattu — «ворон-самец» || cˈussa qattu — «самка-ворона», burhničitu — «кот» || cˈucˈitu — «кошка», burhnittukku — «осел» || cˈuttukku — «ослица»; в лезгинском (кюринском)[45] erqeq — «самец» || diši — «самка», например: erqeq sew — «медведь» || diši sew — «медведица», erqeq sik$_{o}$ — «лиса-самец», «лис» || diši sik$_{o}$ — «лиса-самка», erqeq dewe — «верблюд», diši dewe — «верблюдица», erqeq khwagh — «ворон» ||

disi khwagh — «самка-ворона»; употребляются и другие дистинктивы, например, говорят: qicdi džangwur — «кобель-волк» || qučdi džanawur — «сука-волк» («волчица»); jacdi mirh — «бык-олень» || qaldi mirh — «корова-олень»; jacdi qhur — «заяц» («бык-заяц») || disi qhur — «зайчиха»; в агульском[46] ile — «мужской», «самец», xambe — «самка», например, ile bagniš — «медведь» || xambe bagniš — «медведица»; рутул.[47] hədəldə džimiš — «буйволица»; цахур.[48] wughəlna bisi — «кот», həwənna bisi — «кошка», wughənna balkan — «жеребец»; həvənna dža nawar — «волчица»; арчин.[49], meľe jam — «самец-волк» || lennetu-b jam — «волчица»; удин.[50] kandžig ul — «волчица» и т.п. Ср. южнокавк. грузин. dzu mgely: волчица, мегрел. džua ngery — «волчица» и т.п.

Приведенные примеры показывают, насколько распространенным является этот способ обозначения пола в горских яфетических языках Кавказа. Однако он не составляет какой-либо специфической особенности яфетическо-кавказских языков, а представляет собой универсальное явление, встречающееся в языках всего мира[51]. Любопытные параллели к яфетическо-кавказским названиям животных представляют по своей структуре многие немецкие термины, каковы, например: Mutter schaf — «матка-овца», ср. с абхаз. а-čč-an — «лошадь-матка», Hirschbock — «олень-козел», ср. с абхаз. а-čč-ab — «лошадь-козел» («лошадь-отец»), Hirschstier — «олень-бык», ср. лезг. jacdi mirh — «бык-олень», Hirschkuh — «олень-корова», ср. с лезг. qaldi mirh — «корова-олень». Pfauhahn — «павлин-петух» || Pfauhenne — «павлин-курица», ср. с лезг. ačkardi kek — «фазан-петух», ačkardi werč — «фазан-курица» и т.д.

Ср. еще, например, др.-греч. alōpex he arrēn — «лиса-самец», lagōs ho thēlys — «зайчиха», латин. agnus mas || agnus femina — «агнец» || «агница», lupus femina — «волчица», испан. la liebre macho — «заяц-самец», кимр. bwch gafr — «козел, коза» (самец), ceiliagwydd — «петух-гусь»; Дуала (из Банту) mom ma ńaka — «бык» || módi ma ńaka — «корова» (ńaka вообще «рогатое животное», «бык»-«корова»), Kneze (в Либерии) nina size — «бык», «корова-самец», bada-sa «Mutterschaf» — «овца-матка», Понг (Индо-Китай) hik bu — «петух» || hik mot — «курица», tāngmo lóng — «слон-самец» || tāngmo mot — «слон-самка», китайск. lan-mao, gun-mao, ja-mao — «кот» || mu-mao, nüj-mao — «кошка», gun-gou — «кобель» || mu-gou — «сука» и т.д.

В ближайшем окружении, в соседних языках на самом Кавказе и в прилегающих к Кавказу областях этот тип языкового выражения пола распространен широко, как в тюркских, так и в прометеидских, в частности, в иранских языках. Из последних можно привести для образца следующие примеры образования сложных слов, в которых одним из компонентов является сексуальный дистинктив, а другим — общее видовое название животного: осетин.[52] nälsägh — «козел» || silsagh — «коза», nälfis, nälffus — «баран» || silfis, śiläfus — «овца», nälxu — «кабан» (xu — «свинья») и т.д. (где näl — «мужской», «самец» и sil, śilä — «женский», «самка»); в татском[53] mara-ga — «матка-воловья» (новоперс. mada-gav); талышском[54] nīgō (из nir-gō) — «бык», «вол» (новоперс. nar-gāv) — «самец-вол»; мазандеранском[55] nāre-buz — «козел», mōde-bamšī — «кошка», «матка-кошачья»; персидском[56] gāwi här — «бык», härīan — «жеребец» || mādian — «кобыла» и т.д.

В тюркских языках отчасти образуются сложные слова-термины, отчасти каждый компонент (по крайней мере, в письме) сохраняет свою самостоятельность. Ср., например, в азербайджанском diši kyrt — «волчица» (kančyk kyrt); madjan at — «кобыла», erqəq at — «жеребец»; kančyk eššəq — «ослица»; erqəq pišik — «кот»; diši tulqu — «лиса» (самка), diši ajy — «медведица» (ajy — «медведь»); в балкарском erqeq at — «жеребец», erqeq it — «кобель»; в кумыкском tiši bürü — «волчица» и т.д., и, как можно усмотреть из вышеприведенных примеров из лезгинского языка, этот последний заимствовал тюркские слова erqəq и diši для обозначения самца и самки.

Таким же универсальным[57] характером отличается и другой применяющийся широко в яфетическо-кавказских языках способ обозначения пола животных — так называемая гетеронимия, то есть обозначение особей различного пола специальными терминами, образованными от различных основ. Так как примеры гетеронимии можно в изобилии найти в предшествующем изложении, ограничимся здесь несколькими парами образцов, выхваченных из различных групп яфетическо-кавказских языков: абхаз. а-džma — «коза» || a-ab — «козел» (холощеный), a-abštva — «козел» (нехолощеный), ср. также сложное a-džm-ab; убых. t'ərsa — «баран» || bij — «овца»; чечен. stu — «бык» || jat — «корова», bož — «козел», gasaŋ — «коза»; авар. bugha — «бык» || haka — «корова», kuj — «баран» || lemag — «овца»; даргин. (хюркилин.) kiwa — «баран» || maza — «овца», unc — «бык» || qoel — «корова», datqwa — «петух» || av'a — «курица»; лак. ttā — «овца» || khu — «баран», kači — «кобель» || tula — «сука»; лезгин. šiw — «жеребец» || xwar — «кобыла», jac — «бык» || kal — «корова»; грузин. bugha, hari — «бык» || p'uri, zroxa — «корова»; мегр. xodži — «бык» || čxou, pudži — «корова» и т.д. Ср. также баскск. zaldi, zamazi — «жеребец», «конь» || behor — «кобыла», ahalzarlz — «баран» || ardi — «овца».

III. Сравнительный обзор названий домашних животных

Сравнительное изучение яфетическо-кавказских языков показывает, что номенклатура животного мира в этих языках довольно богата и разнообразна. Особенно развита номенклатура домашних животных, так как скотоводство на Кавказе играло и играет очень важную роль в хозяйстве горцев. Но наши сведения в этой области лексики, к сожалению, очень недостаточны. Нужно думать, что тщательное и детальное изучение животноводческой терминологии вскрыло бы еще много названий, доныне остающихся нам неизвестными.

Номенклатура диких животных, по-видимому, также довольно богата, но очень мало изучена, и часто даже известные названия требуют разъяснения, какое собственно животное они обозначают, так как значение терминов очень неопределенное. Примеры таких терминов, требующих разъяснения их точного значения, можно найти хотя бы в абхазском языке, где встречаются, скажем, такие слова, как а-bga[58] — «лиса», «шакал», «волк», а-bgədz[59] — «зверь вроде шакала», а-ρšədza[60]— «куница», «ласка» (ʔ)*, а-bdžas[61] — «тигр» (ʔ), а-ρšdza[62] — «белка» (ʔ), «хорек» (ʔ) и т.д.

В приведенных примерах мы имеем термины местные. Еще более неопределенное значение получают иной раз иноземные, занесенные из других стран, термины, как показывает, например, чеченское слово lom,luom — «лев», к которому Услар[63] делает пояснение «но чеченцы под этим именем подразумевают барса или тигра, которые им известны».

Однако и наличный материал яфетическо-кавказской лексики, при всех его пробелах, при всей его неполноте, дает возможность отметить некоторые интересные факты, наблюдаемые в номенклатуре животного мира.

Прежде всего заслуживает внимания большое многообразие этой номенклатуры: нет ни одного названия, которое встречалось бы во всех яфетическо-кавказских языках; очень мало названий, более или менее широко распространенных в этих языках; немногочисленны и такие, которые являются общими для какой-либо целой группы языков этой системы.

Для иллюстрации этого положения остановимся на рассмотрении названий домашних животных и, прежде всего, обратимся к названию лошади, учитывая как видовой термин, так и названия особей того или иного пола, холощеного экземпляра и приплода.

Общего для всех яфетическо-кавказских языков названия этого животного нет, но по отдельным группам этих языков такие названия существуют. Так, в западной группе северокавказских яфетических языков мы встречаем следующие термины, представляющие, очевидно, варианты одного названия: абхаз. (а)-ччə — «лошадь», убых. (а)ччi, кабард. šə, ššə, абадз. šə, šu, šü, шапсуг. ši, ssö; абхаз. (а)-чч-ab — «мерин», (а)-чч-an — «кобыла», (а)-ччtcəs — «жеребенок»; убых. ччa-ghaччi — «кобыла», ччiš — «жеребенок».

В соседней центральной (чеченской) группе северокавказских языков существует совсем иные названия лошади: чечен. gavr — «лошадь», ингуш. govr, бац. doⁿ, чечен. diⁿ — «конь», gila — «конь» (диалектальное — «преимущественно употребительное в нагорной Чечне»), чечен. qec(-a) — «кобыла»; ингуш. qāl, бац. qa-dal, чечен. ajghar — «жеребец», ингуш. ajghoer, бац. don — «конь», чечен. beghi — «жеребенок», ингуш. boegh, бац. baqhu.

Но в Дагестане мы вновь наталкиваемся на термины, несомненно «родственные» с западнокавказскими: авар. и лак. ču, даргин. (хюркил.) čirči — «лошадь», «конь», анд. iča — «кобыла», чамалал. iša, лезгин. (кюрин.) siw — «жеребец», хиналуг. ρšə (ʔ) — «лошадь».

Остальные яфетические языки Дагестана имеют другие названия лошади.

В андо-дидойской группе преобладают варианты одного названия «лошади» в формах: анд. kottu, куан. ботл. kkattu, чамалал. čattu, тинд. kkjattu. Особые термины имеют языки хваршинский — soro, капучинский — sojja и дидойской — sirjo, тоже, по-видимому, разновидности одной основы, а языки годоберинский, каратинский, ахвахский и аварский — разновидности другого слова: год. и ахвах. xŭani, карат. huani, авар. hoani (ср. агул., табасаран. hajwan).

Лезгинская группа дагестанско-яфетических языков большей частью пользуется двумя терминами для обозначения «лошади»: 1) лезгин. (кюрин.), цахур. balkhan, джек. barkhan; 2) агул., табасаран. hajwan, рутул. hejwan, jiwan. В будухском «лошадь» называется hillä, в удинском ekh, в арчинском — noš.

В части дагестанских яфетических языков для обозначения «жеребца» применяется тот же термин, что и в центральной (чеченской) группе: лак., цахур., агул., табасаран. ajghur, ру-

---

* Вопросительные знаки поставлены М.Я. Немировским (*прим. сост.*).

тул. ajghər, в прочих — самые разнообразные названия, как: авар. barti, анд. čor, даргин. hihwa, лезгин. (кюрин.) šiw, уд. hara.

Холощеный экземпляр «мерин» называется здесь большей частью термином axtta, который распространен в лакском и лезгинском (кюринском), агульском, табасаранском и удинском языках. Аварский язык недостающий термин заменяет описательным словосочетанием sojrarab ču — «холощеный конь», а даргинский (хюркилинский) — wurga urči, сокращенно wurga — «холощеный конь» (причем w — классный показатель, а слово urga означает «кастрат», «евнух»).

Кобыла обозначается в разных языках разными словами, из которых самое распространенное xwar, встречающееся в лезгинском (кюринском), агульском и рутульском. Даргинское название «кобылы» gwaza сходно с удинским gwaciu, лакским kkaca. В аваро-андо-дидойской группе имеется ряд терминов: авар. hala, анд. iča, чамал. iša, дид. sirjo (ср. хварш. soro, капуч. sojja), среди которых, очевидно, ближе всего друг к другу два средних. Цахурский имеет особый термин madjan, а лезгинский, кроме упомянутого xwar, kkulan — «кобыла» (молодая, еще не испытавшая случки).

Наконец, «жеребенок» также выражается в разных языках по-разному, но чаще всего термином, разновидности которого имеют следующие формы: авар. taji, анд. ttaj, даргин. toej, лезгин taj, лак. tjaj, рутул. daj, табасаран. dajča (вероятно, сложное слово из daj+ča, в котором первая часть — измененная озвонченным согласным taj, а последний компонент, очевидно, относится к вариантам вышеуказанного ряда от абхаз. čča до анд. iča), хиналуг. dačä. Арчинское uri, цахурское ujrä, агульское iwra, даргинское (хюрк.) v-ur-qa и ur-či, надо полагать, также составляют варианты одного термина, видоизмененного вставкой классных элементов (цахур. j в u-j-rä, агул. w в i-w-rä) или вошедшего как компонент в сложные слова (даргин. ur+či v-ur-qa, где v — классный показатель).

Наконец, южнокавказские языки имеют для «лошади» названия cxeni — груз. и мегр., чан. xeni, сван. čaž. Это последнее, а также слова сван. dčag — «кобыла», груз. и мегр. dčaki cxeni, ингил. dčak-cxen, вероятно, также связаны как-то с западнокавказскими и дагестанскими указанными выше (абх. ččə, убых. ččaghaččі и т.д.; авар., лак. ču, анд. iča и т.д.).

Рогатый скот. «Бык» в западной группе северокавказских яфетических языков носит названия: абх. a-cv, a-c-agh — «бугай», убых. či, абадз. čii, ču, шапсуг. tcii, кабард. wə — «вол», «бык».

В чеченской группе иные названия быка: чечен. stu, ингуш. ust, бац. pstu.

В языках Дагестана мы встречаем несколько названий, представляющих варианты одного и того же «корня», сходного с абхазским cv: авар. otc, анд. unsso, ботлих., годобер., карат. unssa, ахвах. unča, куан. mussa, чиналал. mussa, тинд. munssa, хварш. ens, дид. is, капуч. os, даргин. (хюркил.) unc, лак. nic, лезгин. jac', табасар., цахурск., рут. jac, агул. wec', арчин. ans, удин. us, шиназ. (говор рутульского языка) čawra.

«Корова» именуется в абх. a-žzv, в убых. guma, черкес. čemme, кабард. žem, чечен. jat, ингуш. joett, бац. jett (ср. лезгин.-самур. jac — «бык»), авар. haka, арч. xon, лак. hol, дарг. qwoel, лезгин. (кюрин.) kal (ср. последние два с чечен. qel, ингуш. qal, бац. qadal — «кобыла» и груз. qal-i — «женщина», ср. ингуш. qalsoeg, qalnax plur). В андо-дидойской группе мы встречаем разновидности одного и того же термина: анд. zivu, ахв. zivun, ботл., годоб., карат., чамал., тинд. zini, куан. zin, хварш. zina, дид. zia, а в самурской — различные почти в каждом языке: агул. hani, табас. xini, рутул. и цахур. zer., будух. zar, дж. dzar, хинал. lac, удин. čur.

«Теленок» — абх. a-hfjəss, убых. məzghə (телка; еще не испытавшая случки), laqə, хинал. lak, будух., джек. lag, кабард. škə, черк. škie, škebze — «телка», чечен. ēsi, ингуш. hasoe (boršoe hasoe — «теленок», se hasoe — «телка»), бац. aze, авар. beče, анд. l°edir, дидойск. meši, дарг. kkača, vugha — «бычок»; лак. bjarč, qqjača — «бычок», č'aba hol — «нетелившаяся корова», лезгин. (кюрин.) dana, džingaw — «бычок», dugwe — «телка», агул. arč, luč — «телка», рут. quq, цахурск. qukka, хинал. kuza, удин. mozi, арч. lur.

Мелкий скот. В западной группе следующие названия: «баран» — абх. a-gdə a-tə (холощеный), убых. t'ərsa — «баран», кабард. tə — «кочкарь», mel; «овца» — абх. a-wasa, убых. bij, кабард. meləbze; «ягненок» — абх. a-tress, убых. bijss, кабард. šine.

В чеченской группе иные термины: «баран» — чечен. ka, ингуш. koe, ustgoe, бац. ujstx; «овца» — чечен. dži (žij), ингуш. žij, бац. yaxrob, že — «баранта», «овца» и «баран» — daca (видовое название), «ягненок», «барашек» — yaxar, ингуш. häxoer.

В дагестанских яфетических языках соответствующие термины чрезвычайно разнообразны: единого названия нет ни в одной группе, редко случается, что одно и то же название

существует хотя бы в нескольких языках. Аварский язык имеет следующие названия: kuj — «баран», lemag — «овца», horkxen — «годовалая овца», tlexer, xux — «ягненок», hi — «баранта», «бараны», даргинский (хюркилин.) kiwa — «баран», maza — «овца», muqara — «ягненок», лак. khu — «баран», tta — «овца», nuša — «годовалый баран» или «овца», č'i — «ягненок», лезгин. (кюрин.) xeb — видовое название, her — «баран», šekh — «овца», koel — «ягненок», qar — «ягненок» (после шести месяцев); в самурской группе: агуль. ha — «баран», «овца», kkel — «ягненок», рутул. wuhər, čabal — «баран», «бараны», t'eh — «овца», gäl, urg — «барашек», цахур. gharg, dawar — «баран», woda — «овца», gew — «барашек», baki — «баранта», табасаран. marč — «баран», aghlidž — «годовалый баран», čal — «ягненок»; в арчинском: bakk — «баран», čan — «овца», l°al — «ягненок»; в удинском: egel — видовое название, egel — «баран», xuni egel — «овца», «самка-овца», qal — «ягненок»; в андо-дидойской группе имеются следующие названия: «баран» (видовое название) — анд. hajman, ботл. riха, годоб. riха, карат. riha, абхаз. langa, мн.ч. ruccu, куан. beccur, чамал. boccal°dan, тинд. bočcar, капуч. boc'i — «баран» (самец); анд. khun, карат. khuj, куан. khujn, тинд. khui, хварш. betle, дид. betl, betghu, капуч. xoj (ср. авар. kuj, hi — «бараны») — «барашек»; анд. bura, годоб. teidir, дид. tleli — «овца», анд. dan, ботл. hanutla, годоб. riха, тинд. riха, карат. qini, куан. riha, хвар. bitlghu, дид. akhoni betlghu, akiju betlghu (akhoni, akiju — «самка»), капуч. bitl.

Не менее разнообразны названия козы и козла.

Так, в абхазском языке: a-džma — «коза», a-džm-ab — «козел», a-abghij — «козел», a-ab, a-abštva — «холощеный козел», a-adžəss — «козленок», в убыхском ρ°e — «холощеный козел», ρ°e-ze — «козел-самец», ρ°e-ste — «козленок-самец», wege — «коза», кабард. bžen — «козел», «коза».

В чеченской группе: чечен. bož — «козел», gaza — «коза», ингуш. bož — «козел», gaza — «коза», bhijg — «козленок»; бац. guzan — «коза», böx — «козленок».

В дагестанских языках: авар. ce — «коза», dehen — «козел», ghoala — «безрогий козел», burutt — «козленок», лак. c'uku — «коза», gjaca — «козел», daba — «безрогий козел», лезгин. ceh — «коза», qun — «козел», baci — «козленок», «козочка», ghec — «козленок»; в самурской группе: агул. c'eh — «коза», qun — «козел», murdur — «козленок», табас., рутул. c'ih — «коза», цахур. c'le — «коза», джек. ciah, будух. cia, хинал. c'ol, арч. ccej, удин. vel — «овца», рутул. qən, khən — «козел», mettəl — «козленок», цахур. qəna, wudrä — «козел», čer°ig, məswa — «козленок», табас. qun, арч. qon — «козел», mottol — «козленок», ccej — «коза», удин. vel — «козел», xuni vel — «коза»; в андо-дидойской группе: «коза» анд. ccija, ботл. ccinat°u, годоб. ccinal°o, карат. ccenal°u, ахвах. ccunul°i, куан. ccenel°, тинд. ccenel°i, хвар. ccan, дид. čan, капуч. ccan; «козел»: анд. ccija, ботл. t'ukha, годоб. t'ukhä, карат. t'ukha, ахв. t'ukha, куан. džutta, тинд. t'ukhja, хварш. t'ekha, дид. t'ekha, капуч. t'iga; дид. ceki — «козленок».

«Свинья» — абхаз. a-hfja, a-hva, самка a-hv-an, самец (боров) ahapa, убых. xoa, xoabze, xwa — «свинья», «вепрь», xoa-ρ°e — «вепрь», «дикий кабан», кабард. qve, черкес. kho, khobze — (самка); в чеченской группе: чеч. x̣aqa, ингуш. xaqa, бац. qa — «свинья», чеч. nall — «кабан», ингуш. noel; чеч. xersi — «поросенок»; в дагестанских языках: авар. botl° — «свинья», qaman — «кабан», «боров», cuka — «самка», botl°onil ttinčč — «поросенок», «свиньи детеныш», даргин. cura — «свинья», лак. donghuz — «свинья», qqaban — «боров», donghuziral örč — «поросенок», «свиньи детеныш», лезгин. wakh — «свинья» (общее название), khaban — «боров», mekedža — «свинья» (самка), žegi — «поросенок», curnugh — «годовалый поросенок»; в андо-дидойской группе: анд. xunt'a, ботл. botlon, годоб., карат., ахвах. botlon, куан. и хварш. bolhon, тинд. botlon, дид. betl°l°o, капуч. butl°o — «свинья»; в самурской группе: агул. buqac, табас. mekhedžin, sil — «свинья», vaqaj — «поросенок»; kkaban — «кабан», цахур. wokh, джек. wakh, хинал. guma, удин. boq, арч. botxl°.

«Собака» — абх. a-la — «собака» и «кобель», a-la-ρs — «сука», a-la-sba, a-la-sbə — «щенок», убых. wə, uwə, auwe, lə — «собака», k°abze — «сука», абадз. xabzü, wass — «собачка», wandžass — «щенок», кабард. he — «собака», haqvə — «кобель», habz — «сука», шапсуг. xabzü, xabze; чечен. žyäli — «собака», zud — «сука», khēri — «щенок», ингуш. zhoeli — «собака», zud — «сука», khazoe — «щенок», бац. khach — «щенок», авар. hoj — «собака», «кобель», guazi — «сука», gučük — «щенок», анд. xoj, ботл., годоб., ахвах. xŭaj, тинд. xŭaji, куан. hŭaj, карат. hŭaj, чамал. xoaj, хварш. ghŭe, дид. ghŭaj — «собака», капуч. wo — «собака»; лакск. kkači — «собака» и «кобель», tula — «сука», дарг. xwi — «собака», «кобель», gwadza xwi — «сука», kaca — «щенок», лезгин. khitc — «собака», «кобель», khač — «сука», khurtcul — «щенок»; в самурской группе: агул. xuj — «собака», ttazi — «охотничья собака», qač — «сука», рутул. ttəla — «собака», цахур. xoa — «собака», табас. x̣oj — «собака»; ttazi — «охтничья соба-

ка», tula — тоже, kurc'el — «собачонка», удин. xa, ttula — «собака»; арчин. gwačči — «собака», «кобель», ttula, bahri — «собака».[64]

«Кошка» — абхаз. a-cgvə — «кошка», a-cgvaps — «кошка-самка», a-cgv-abaghj — «кот», убых. getti — «кошка», ge-tto-x — «кот», ge-tti-ss — «котенок», begetti — «дикая кошка», абадз. ketuux — «кот», čäty — «кошка», кабард. gedu — «кошка»; чечен. cicig — «кошка» (видовое название), «кот», steiƞ cicig — «кошка», buöršaƞ cicig — «кот-самец», cicigin khozni — «кошки детеныш», «котенок»; ингуш. cisk — «кошка», moehoe cisk — «кот», qal cisk — «кошка-самка», авар. kheto, keto — «кошка», «кот» (видовое название), coketo — «кошка», katil ttinčč — «котенок», анд. gedu, ботл., годоб. gedu, карат. iso, ахв. khetu, куан. khitu, чам. č'et'a, тинд. gidu, хварш. kit', дид. ket'u, капуч. gedo — «кошка», даргин. gata — «кошка», margga gata — «самец-кот», gwagža gata — «самка-кошка», gatala durchwoe — «кошки детеныш», лак. č'itu — «кошка», burhnič'itu — «кот», «самец-кот», cuč'itu — «кошка», «самка-кошка», лезгин. gatc — «кошка» (как вид), erqeq gatc — «самец-кот», «кот», diši gate — «самка-кошка», «кошка», агул. kurmaw — «кот», рутул. gett — «кошка», «кот», цахур. bisi — «кошка», wughulna bisi — «кот», huwynna bisi — «кошка», bula — «котенок», табас. gatu — «кошка», «кот»; арчин. gattu — «кошка», «кот», gattulin lo — «котенок», удин. pišik — «кошка». Ср. также грузин. k'at'a, мингр. и лаз. katu, сван. kata — «кошка», cicu — «кот», kitav — «котенок».

«Осел». 1. В абхазском a-ččada — «осел», a-ččada-ps — «ослица», убых. čədə — «осел» (видовое название), čədi-pᶜe — «осел-самец», čəda-bze — «ослица», čədo-x — «осел-самец», čədiss — «осленок»; кабард. šəd — «осел», абадзин., шапсуг. šide. Все эти термины ясно обнаруживают этимологическое «родство» свое с вышеупомянутыми названиями «лошади» в этой же группе языков.

2. В чеченской группе северокавказских языков имеются следующие названия этого животного: чечен. vir — «осел», ингуш. vir, бац. vir.

3. В дагестанских языках: авар. hama — «осел», cohama — «ослица», «самка-осел», khert — «осленок»; даргин. hamha — «осел», gwadža hamha — «самка-осел», «ослица», doegwa — «осленок»; лак. ttukku — «осел», burhni ttukku — «самец-осел», cuttukku — «самка-осел», «ослица», hoqu — «осленок»; лезгин. lam — «осел», erqeq lam — «самец-осел», diši lam — «ослица», šarquntt — «осленок»; supa — «подросший осленок»; в андо-дидойской группе: анд. hamoroxi, ботл., годоб. hamaxi, карат. ama, ахв. imixi, куан. hama, чамал. amax, тинд. amaxa, хварш. omoqe, дид. homoj, капуч. ihmato; в самурской группе: агул. dagi, табас. dadži, рутул. jumäl, цахур. amalä, будух. lim, хинал. kilam, арч. dogi, удин. helem — все означают осел; агул. kkwanč — «осленок», табас. kkanc — «осленок». Ср. также грузин. viri — «осел», мегр. girini, сван. tcel, dčak tcel — «самка осла», «ослица», tcelisabel — «осленок».

Название «мула» известно лишь из нескольких языков: абхаз. a-gedž, чечен. virbyärz, лезгин. kkatir.

Более распространено название «буйвола». В абхазском «буйвол» называется a-kambaš — «буйволица», a-kambaš ažv или ažv-kambaš, a-bat — «буйволенок»; в убыхском: pᶜsəčč — «буйвол», pᶜsəčču-x — «буйвол-самец»; pᶜse-čča-bze — «буйволица», pᶜse-ččlākki — «буйволенок»; абадз. pcič — «буйвол», шапсуг. psičy, psetcii, кабард. xəw; в чеченско-дагестанских яфетических языках имеются следующие названия буйвола: чечен.-ингуш. gamaž — «буйвол», gamaža bugha — «буйвол-самец», gamaž se — «буйволица», gamažoe khorig — «буйволенок», авар. gamuš, анд. gamuš, даргин. gamuš, лезгин. gamiš — «буйвол», gamiš bugha — «буйвол-самец», kal gamiš — «буйволица», «самка», «корова» буйвола, bartcakh — «буйволенок», khoelcě — «подросший буйволенок», awara — «молодая буйволица», qantta — «буйвол» (старый); агул. gamiš, рутул. džemiš, džimiš, арчин. gamuš — «буйвол». Как видно из приведенных примеров, в этой группе языков распространены варианты одного и того же названия для «буйвола» (как вида) и различные названия специальные для обозначения экземпляров, отличающихся полом, возрастом и т.п. Ср. груз. kambeči, мегр. kambeči, сван. kambeč, балкар. čambyš, азерб. džamyž, армян. gomeš.

«Верблюд» — абхаз. a-maxcə, убых. mauxča, ma-uxcəss — «верблюжонок», абадз. maxše, кабард. maxᶜše, шапсуг. maxše makuše; чеченск. emkal, ингуш. incoel, бац. amkel — «верблюд»; авар. varani, даргин. walli, анд. varani, лак. varani, арчин. vanara, табасар. vellur, лезгин. dewe, агул. dewa, рутул. däwä, удин. buš. Ср. груз. akhlemi, мегр. aklemi, сван. akhlem.

«Олень» — абхаз. a-bna-cv — «лесной бык» (bna — «лес», cv — «бык»), a-čč-aa-ččař — «самка оленя», a-čča-cv — «самец», убых. we-čč — «олень», «дикий бык», weguma — «олень-самка», «дикая корова», черкес. ssexa, кабард. šah, чечен. saj, ингуш. soej, бац. sag, авар. rohol otc — «лесной бык», čanal haka — «самка оленя», «зверя корова», «дикая корова», анд. belir,

ботл., годоб. ričʼa, карат. ritʼučʼ, тинд. ghuarčʼa, куан. mqlualčʼa; ахв. ghualatqla, дид. tlºid, капуч. led, дарг. vartkel, лак. bjorni, лезгин. mirghgh (jatcdi mirghgh — «самец», «бык-олень», kaldi mirghgh — «корова-олень», «самка»), удин. muk, рутул. mih, агул. mürh, табасаран. mirš, арчин. lilmuč, удин. maral, цахур. maral. Ср. груз., мегр. iremi, лаз. skeri, сван. liacv.

Из домашней птицы отметим названия «курицы» || «петуха», «утки», «гуся» и «голубя».

«Курица» || «петух» — абхаз. a-kvtə || arba, arbagh, a-kvtərba, a-kvtərbagh, a-kvtcəssʼ — «цыпленок», убых. dima — общее название петуха и курицы, «курица» || takʼa — «петух», «самец птиц», кабард. adaqa, adaqe, ᶜadaqa, абадз. atuke, шапсуг. atake (ср. варкун. tughu, кубач. tagha, акушин. dagha, хюркилин. daghuoa — «петух»); чечен. nyäni — «петух» || kotam — «курица», горночечен. borghul, ингуш. borghoel — «петух», kotoem — «курица», бац. kotan — «курица» || mamal — «петух»; авар. hankho — «курица» || heleko — «петух», анд. uecu, ботл. enenču, годоб. ooča, карат. uuča, ахв. enko, куан. hakub oča («женская особь курицы»), тинд. hakkub occa, хварш. onč, дид. onoču, капуч. güda — «курица» || анд. alkhuci, ботл. heleku, карат. qutʼa, ахв. qelekhu, чам. berekh, дид. mamalaj, капуч. mamali — «петух»; даргин. avʼa, urhwa — «курица» || datqwa — «петух» (daghwa), лакск. hanakhi — «курица» || ažari — петух, лезгин. verč — «курица» || khekh — «петух», агул. ρʼa — «курица» || kekk — «петух», табас. ρʼe — «курица» || tat — «петух», удин. kokoz — «курица» || dadal — «петух», рутул. kʼatʼa, kʼatʼ — «курица» || dadal — «петух», цахур. kʼatʼa — «курица» || dadal — «петух», арчин. helekhu — «курица» || metlettu helekhu — «петух», «самец курицы». Ср. грузин. kathami — «курица» || mamali — «петух», «самец», мегр. kotomi || mumuli, лаз. korme || mumuli, сван. katʼal || mamal, осетин. khark || basag, кум. taukh || xoraz, ног. taux || xoroz, балкар. tauk || kečaj — «петух», талыш. kjak, kak || kak, suk.

«Гусь» — абхаз. a-qəz, убых. qaz takᶜa, «гусь-самец», черк.-каб. qaz, чечен. ghaz, ингуш. ghaž, аварск. khaz, анд. khazi, даргин. khaz, лак. khaz, лезгин. batt, kkaz, удин. khaz. Ср. грузин. bati, сван. bat, harhad, мегрел. gorgondži.

«Утка» — абхаз. a-džəkvtə (дикая, водяная птица), убых. bzidumä, bzədəma — «водяная курица» (bzi — «вода»), bzidima takʼa — «селезень», «утка-самец», черкес. ρseteke, каб. babyš, чечен. bād, ингуш. baboešk, бац. byard, анд. baduš, авар. urdyn, лак. ordeg, лезгин. urdeg, рутул. ürdeg, агул. urdeg, арч. urdakh, табас. egur. Ср. грузин. ixvi, мегрел. kvata, сван. milc, ногайск. babyš, карач.-балк. erdek, кум. ordek.

«Голубь» — абхаз. axfjəxf, убых. daxŭa, чечен. qoqu, ингуш. qoq, бац. qovq, авар. mikxi, дид. elbo, лак. hi, даргин. lawha, арчин. xurkk, лезгинск., агул. luf, рутул. lirf, lirhw, цахур. kənelhe.

IV. Предварительные выводы и «рабочие гипотезы»

Рассмотренная нами часть номенклатуры животных, как она представляется в синхроническом разрезе, состоит: 1) отчасти из терминов сексуальных, которых мы называем видовыми, и сексуально дифференцированных; 2) отчасти только из видовых асексуальных. Дифференциация в области номенклатуры животного мира идет прямо пропорционально общественно-хозяйственной ценности животного вида. В номенклатуре домашних животных этот закон проявляет себя в полной мере. Названия же животных диких большей частью существуют только как видовые термины. Только некоторые крупные хищные звери, различающиеся внешними признаками пола, как лев и львица, получили особые названия для самца и для самки. Приплод диких животных также не имеет особых названий, а большей частью обозначается в форме: «детеныш такого же вида», или носит название, образованное от имени взрослого животного с помощью «уменьшительного» суффикса (ср., например, в чеченском сх̣ōgalaɳ khorni — «лисы детеныш», мн.ч. khornieš, рх̣agalaɳ khorhi — «зайца детеныш»; убых. хоа-će-ss — «кабаненок», «дикого кабана детеныш», mišše-će-ss — «медвежонок» с суффиксом će-ss от će — «молодой»)[65].

Названия мелких хищников, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся почти все только видовые.

Однако и в этой части номенклатуры животного мира возможны случаи дифференциации. Так, в арабском языке существует 1000 названий льва. Рыбаки и охотники имеют специальные, в общем языке обычно неупотребительные, термины для рыб, диких животных, для диких птиц (дичи) и т.д.

Если, таким образом, обусловленность дифференциации номенклатуры животных от хозяйственного значения животных очевидна, — и это отмечено было еще Варроном две тысячи

лет тому назад, то гораздо труднее разъяснить эту номенклатуру в диахроническом разрезе. Но общий ход ее развития нам ясен.

Асексуальность видовых названий животных, как и вообще живых существ, в том числе и человеческих, представляет собой наследие чрезвычайно древних эпох развития человечества, когда оно, по выражению академика Н.Я. Марра[66], «полом как полом, при сложении своего мировоззрения, не интересовалось». В дальнейшем, когда обозначение пола стало необходимым в условиях новых социально-экономических отношений, прибегали к дополнительным сексуально определенным лексемам или к созданию гетеронимических терминов.

Такова первая наша «рабочая гипотеза»[67].

Во-вторых, нужно думать, что первичные названия животных отличались не только сексуальностью, но и вообще недифференцированностью, диффузностью смысла, значения. Один и тот же термин мог обозначать различных животных, различные виды, если они функционально служили для одних и тех же целей, для удовлетворения одних и тех же производственно-хозяйственных функций. Этот закон семантики, блестяще доказанный академиком Н.Я. Марром[68], обнаруживает свое действие во многих случаях, которые вскрываются как пережитки пройденных этапов развития языка, как реликтовые отложения далекого прошлого. Если взять, например, слово чечен. qēllqēla, ингуш. qal, бац. qa-dal — «кобыла», первоначально оно, очевидно, не имело столь точного, специализированного значения самки лошади, но обладало более широким смыслом, означало «самку» вообще всякого рода, даже и «самку человеческую», то есть «женщину», как показывают грузинское qal-i — «женщина», «дочь» и чечен. nusqul (nuskul), ингуш. nusqoel (nuskoel) «невеста» (сложные слова из nus — «невестка» и qal-i — «женщина»). Отсюда вытекает и дальнейший вывод, что встречающееся в дагестанских языках — в даргин. qwoel, в лезгин. kal — слово того же «корня» со значением «корова», происходит из того же недифференцированного некогда термина qal — «самка».

Другой показательный пример того же явления предсталяют чечен. jat, ингуш. joett, бац. jet сравнительно с авар. otc, лезгинско-самурским jac. Можно предположить, что это варианты одного и того же слова с первоначальным значением «рогатое животное» (вида «бык-корова»), которое в одной (именно чеченской) группе языков получило в дальнейшем развитии специализированное значение «корова», а в дагестанских яфетических языках противоположное значение «бык». Я позволю себе высказать и еще одну «рабочую гипотезу», — что начальное j в чеченской группе есть ни что иное, как классный показатель женского класса (II по Услару), сохранившийся, но не воспринимаемый уже как таковой, относимый теперь к «корню». Тот же «корень» с ‖ č встречаем и в других дагестанских языках в различных, по-видимому, осложненных какими-то морфологическими элементами, образованиях со значением «бык»: даргин. unc, лак. nic, ахвах. unča, агул. wec'. В других языках того же Дагестана это слово обнаруживает вместо коренного с ‖ č — свистящий -s, -ss (ср. анд. unsso, ботл., годоб., карат. unssa, чамал., куан. mussa, тинд. munssa, хварш. ens, арчин. ans, в некоторых без носового: дид. is, капуч. os, удин. us). Замечательно, что и на западе в абхазско-черкесской группе тот же «корень» c, cv ‖ č мы встречаем в виде абхаз. a-cv, a-cv-agh — «бык», «бугай», убых. či, абадз. čü, ču, шапсуг. tcü.

Еще пример: слово «лошадь», распространенное в виде вариантов одного и того же «корня» čč'ə, čči, sə, šš'ə в абхазско-черкесской группе языков, повторяющееся и в Дагестане в виде авар. u, лакск. ču, даргин. ur-či, анд. iča, чамал. iša, лезгин. šiw — «жеребец» и даже в южнокавказских языках: грузин., мегрел. cxeni, сван. čaž, сван. dčag — «кобыла», груз. и мегрел. dčagi.

И это «слово-корень» встечается в иных образованиях со значением «осел», как показывают в абхазско-черкесской группе слова: абх. a-čča-da, a-čča-da-ρs, убых. čədə, čədi-ρᶜe, čəda-bze, čədo-x, čədi-ss, кабард. šəd, абадз. и шапсуг. šide.

По-видимому, и «буйвол» получил название от «корня», обозначавшего прежде вообще крупный скот, крупных домашних животных: этот «корень» с ‖ č иногда удвоенный čč, как видно из убых. ρᶜsə-čč, ρᶜsə-čč-u-x, ρᶜse-čča-bze, ρᶜse-čč-lākki — абадз. ρsič, шапсуг. ρsičy, ρsetcü. Корень, обозначающий «лошадь», «осла», «вола», «буйвола», думается нам, один и тот же, позже дифференцированный из первоначального с ‖ č, имевшего значение «крупное домашнее животное», которое имело приблизительно одно и то же хозяйственное значение, как вьючное верховое, перевозочное средство, как поставляющее и мясо для еды и т.п.

Сложнее проблема «этимологическая», или «палеонтологическая», — определение происхождения терминов номенклатуры животного мира. Дело в том, что в пределах Кавказа ря-

дом с яфетическими языками существуют языки иных систем, например, тюркской, прометеидской, имеются языки, представляющие переходную стадию от яфетической к прометеидской (например, осетинский, армянский). И в них встречаются термины — названия животных, нередко сходные, а иногда и тождественные. Возникает, естественно, вопрос отнести ли такой термин к общей подоснове всех этих языков, или признать его принадлежностью определенной системы языков или группы внутри системы, а в прочих языках считать заимствованием. Вопрос этот представляет для исследователя большие трудности, так как нужно располагать большим материалом фактов для сравнительного их изучения и путем палеотологического анализа пытаться проникнуть к первоисточникам человеческой речи.

Оставляя этот анализ для второй части настоящего труда, считаю небесполезным пока представить несколько сопоставлений терминов яфетических с соответстующими названиями иных языков иных систем.

Например:

1) чечен. stu — «бык», инг. ust (метатеза ?), бац. ɾstu сравни с прометеидскими: санскр. sthura, авест. staora — «бык», осетин. stur, stor — «крупный скот», герман. (немец.) Stier, гот. stiur, старослав. тур., греч. tauros, лат. taurus, ирланд. tarb, с семитическим tauru;

2) чечен. gavr., ингуш. govr — «конь», «лошадь» сравни с прометеидскими: санскр. gō, авест. gāo, армян. kow, старослав. говѧдо (govendo), «вол», «бык», шумер. gor, нуб. gor;

3) абх. a-hva, убых. хоа, кабард. qve, черкес. qoo (kho), чечен. хʼа-qa, ингуш. хʼaqa, бац. qa — «свинья» сравни с прометеидскими: санскр. sukara — «кабан», авест. hu, осет. khuy, перс. khuk, памир. khüg, греч. hys, лат. sus, древневерхненем. su, старослав. и русск. свиния, свинья;

4) кабард. he — «собака», авар. hoj, анд. хoj, ботл., годоб., ахв. хŭaj, тинд. xuaji, куан. hŭaj, карат. hŭaj, чамал. хоaj, хварш. ghŭc, дид. qhŭaj, даргин. xwi, агул. huj, табас. хʼoj, удин. ха, грузин. dzaghli, мегр. džogori, лаз. dzogor, баск. zakhur, hor, or, шумер. ur — «собака», us — «самец»;

5) убых. getti, getto-x, абадз. ketu-u-x, čäty, кабард. gedu, авар. kheto, анд. gedu, ботл., годоб. gedu, ахв. khetu, капуч. gedo, даргинск. gata, лак. čʼitu, лезгин. gatc, рутул. gett, табас. gatu, арч. gattu, грузин. kʼatʼa, мегр., лаз. katu, сван. kata сравни с прометеидскими: латин. catus, итал. gatta, исп. gato, франц. chat, англ. cat, русск. кот, кошка и т.д.;

6) авар. taji, анд. ttaj, даргин. toej, лезгин. taj, лак. tjaj, рутул. daj, табас. dajča, хиналуг. dacä ср. с тюркскими: кашгар. taj — «лошадь», чагат. taj, осман. taj, башкир., казан.-татар. taj — «жеребенок», «молодая лошадь»;

7) чечен. ajghar, ингуш. ajghoer, лак. ajdhur, агул., цахур., табасар. ajghur, рутул. ajghər ср. с азербайджан. ajghər — «жеребец»;

8) цахур. madjan — «кобыла» и то же слово в армянском, персидском, азербайджанско-тюркском;

9) абх. a-kambaš — «буйвол», чечен. gamaž, авар. gamuš, анд., даргин. лезгин. gamyš, gamiš, агул. gamiš, рутул. džemiš, арч. gamuš, грузин. kambeči, мегрел. kambeči, сван. kambeč сравни с балкар. čambyš, азербайджан. džamyš, армян. gomeš, осман.-турец. džamuš и т.д.

Эти сопоставления, которые могут быть умножены до очень значительного числа, дают основание для различной интерпретации, для различных выводов, в зависимости от применяемых методов — формального или семантико-палеонтологического, который учитывает мышление, мировоззрение, как неотъемлемую часть языка-мышления, обусловливаемого в своей динамике общественно-хозяйственным развитием человечества. Следует указать еще один важный момент при исследовании генезиса номенклатуры животных — это тотемные представления древнейшей тотемической стадии развития языка и мышления, учет которых необходим при палеонтологических изысканиях в этой области лексики (См. об этом в работах академика Н.Я. Марра, например, «Яфетические зори на украинском хуторе»).

(*Продолжение следует*)*

---

* Замечение автора (*прим. сост.*).

Примечания

1. Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа (цитирую сокращенно: Сб. матер.) вып. 36, Тифлис 1906 .

2. В его «Материалах для изучения языков и наречий Андо-Дидойской группы» (Сб. матер., вып. 41, Тифлис, 1909). В указанной грамматике андийского языка, в его «Агульском языке» (Сб. мат., вып. 37, Тифлис, 1907) и наконец в его Einführung in das Studium der Kaukasischer Sprachen, Leipzig 1928).

3. Удинская грамматика (Сб. матер., вып. 33, Тифлис, 1904).

4. Грамматический очерк табасаранского языка (Сб. матер., вып. 35, 1905).

5. Агульский язык.

6. Рутульский язык (Сб. матер., вып. 42, 1912).

7. Цахурский язык (Сб. матер., вып. 43, 1913).

8. Арчинский язык (Сб. матер. вып. 39, 1903).

9. Аварский язык (Этнография Кавказа. Языкознание, III, Тифлис, 1889).

10. Лакский язык (там же, IV, Тифлис, 1890).

11. Хюркилинский язык (там же, V, Тифлис, 1892).

12. Кюринский язык (там же, VI, Тифлис, 1896).

13. Чеченский язык (там же, II, Тифлис, 1888).

14. Там же и Versuch über die Tusch-Sprache, Санкт-Петербург, 1856.

15. Ингушская грамматика, Владикавказ, 1925.

16. Абхазский язык (там же, I, Тифлис, 1887).

17. Абхазско-русский словарь, Ленинград, 1926 и Русско-абхазский обратный словарь, под ред. Дондуа., Л., 1928.

18. Москва, 1927, I.

19. Сб. матер., вып. 12, Тифлис, 1890.

20. Одесса, 1846.

21. Таковы, например, словари Мациева (Чеченско-русский словарь, Грозный, 1927) и Шерипова (Русско-чеченский словарь, Грозный, 1929) по чеченскому языку, Мальсагова И. (Русско-ингушский словарь, Владикавказ, 1929) и Ужахова (Игушско-русский словарь, Владикавказ, 1927) по ингушскому (того же Мациева по бацойскому) Bacojn-noxčijn-özsijn dešnižajna, Грозный, 1932 (См. отзыв Г.П. Сердюченко о последнем в журнале «Революция и горец», 1932, кн. 10—12 и А.Н. Генко, Из области чеченской диалектологии. Сборник «Языки Северного Кавказа и Дагестана» I, М.—Л., 1930, стр. 118—133).

22. Отдельной книгой и в журнале «Caucasica», 1929, IV—V.

23. Термин, выдвинутый академиком Н.Я. Марром (См. его «К вопросу об историческом процессе», заключительное слово, Труды I Всероссийской конференции историков-марксистов», т. II, стр. 45).

24. Выражение Фр. Энгельса / См. его «Анти-Дюринг», стр. 306 /.

25. Об этом говорит ряд трудов покойного академика Н.Я. Марра. См. его «Избранные работы», I, III, V тт.

26. Предлагаемая I часть работы дает большей частью фактический материал, излагаемый синхронически, но расположенный по семантическим рядам с целью показать семантическую дифференциацию номенклатуры животных в увязке с их социально-производственным значением, с их хозяйственной ценностью. Таким образом определяются принципы построения номенклатуры животного мира вообще и в частности в яфетических языках Кавказа. В то же время дается сравнительный обзор названий домашних животных. Эта часть работы заключается предварительными выводами.

Во второй части будет дан сравнительный обзор названий диких животных, птиц, пресмыкающихся, насекомых, рыб и т.д.; затем рассмотрены названия животных в диахроническом разрезе с целью определить происхождение этих названий в увязке с историей животного мира.

Желая более глубоко и всесторонне разработать особенно эту «этимологическую» или «палеонтологическую» проблему, автор не решается пока ее опубликовать, но в «Предварительных выводах» I части намечены некоторые «рабочие гипотезы».

27. Ср., например, русск. кошка, собака, утка, ласточка, лошадь, волк, медведь, носорог, бегемот, акула, кит, куропатка, белка, жаворонок, осел, крокодил. Немец. hase— ‘заяц’, fukus — ‘лиса’, hund — ‘собака’, wolf — ‘волк’ (с артиклем der муж. рода), gans — ‘гусь’, ente — ‘утка’, nachtigall — ‘соловей’, taube — ‘голубь’ (с артиклем die жен. р.). Франц. le cheval — ‘лошадь’, le chat — ‘кошка’, l’ours — ‘медведь’. Испан. el caballo — ‘лошадь’, la liebre — ‘заяц’. Итал. cavallo — ‘лошадь’, lupo — ‘волк’, aquila — ‘орел’. Турец. (осман.) at — ‘лошадь’. Монг. morin — ‘лошадь’, mü — ‘кошка’. Манджур. mörin — ‘лошадь’, ulxu — ‘белка’, taixa — ‘собака’, китайск. ma — ‘лошадь’, mao — ‘кошка’, gŏu — ‘собака’. Япон, inu — ‘собака’, neko — ‘кошка’, банту: Суахели phaka — ‘кошка’, mgumi — ‘кит’, дуала mbo — ‘собака’.

28. Ср. например, русск. кролик, крот, голубь, кит, верблюд, волк, тигр, осел, носорог и немец. der Hase — «заяц», der Hund — «собака», «кобель», der Wolf — «волк», der Fuchs — «лиса», франц.

le cheval — «лошадь» и «конь», le chat — «кошка» (как вид) и «кот» (самец), итал. cavallo — «конь», испан. caballo — «конь», lupo — «волк» и «волк-самец».

29. Ср. русск. кошка (рядом с «кот»), овца (рядом с «баран»), немец. Die Katze — «кошка» || der Kater, die Ente — «утка» || der Enterich — «селезень», испан. la liebre — «заяц, зайчиха» || la liebre macho — «заяц, самец» и т.п.

30. Ср. немецк. das Pferd — «лошадь», der Hengst — «жеребец», die Stule — «кобыла»; франц. le cheval — «лошадь», «конь», etalon — «жеребец», la jument — «кобыла» (la cavale); испан. el caballo — «конь» || la yegua — «кобыла» и т.п.

31. Существуют еще слова din — «конь» (верховой), инг. di, бац. doŋ диалектическое (в Нагорной Чечне) — gila (Услар, Чеченский язык, стр. 166)

32. Varro, De lingua latina, IX, 56.

33. По Лопатинскому.

34. J. von Mészáros, Die Päkhy-Sprache, Chicago, 1934, c. 257.

35. По Услару (Абхазский язык, стр. 80 и 173) вторая часть сложного слова teəs — «птичка», буквально «лошадь-птичка».

36. Так, например, в голландском языке существует по пяти терминов для важнейших видов домашних животных: 1) общее видовое название; 2) название самца; 3) холощенного самца; 4) самки; 5) приплода, например, het ros, paard — «лошадь», dehengst — «жеребец», de ruin — «мерин», de merrie — «кобыла», het veulen — «жеребенок», rund — «бык, вол», stier, bul — «бык», «бык-самец», os — «холощеный бык», koe — «корова», kalf — «теленок» и т.д.

37. Ср. голландские термины: enter — «годовалая лошадь»; twenter — «двугодовалая» и т.д.

38. П.К. Услар, Абхазский язык (Этнография Кавказа, Языкознание) Тифлис, 1887, стр. 79—80 и словарь Н. Марр, Абхазско-русский словарь, Ленинград, 1926; Русско-абхазский обратный словарь под ред. К. Дондуа, Ленинград, 1928.

39. J.von Mészáros, Die Päkhy-Sprache, Chicago, 1934 (The Oriental Institut of the University of Chicago. Studies in Ancien Oriental Civilisation, № 9. A. Dirr,Die Sprache der Ubychen, Leipzig, 1928 (и в журнале «Caucasica», fasc 4 и 5).

40. П.К. Услар, Чеченский язык (Этнография Кавказ, Языкознание II), Тифлис, 1888, стр. 39.

41. З.К. Мальсагов, Ингушская грамматика, Владикавказ, 1925, стр. 23.

42. П.К. Услар, Аварский язык (Этнография Кавказа, Языкознание, III), Тифлис, 1889, стр. 84.

43. П.К. Услар, Хюркилинский язык (там же, V), Тифлис, 1892. стр. 41.

44. П.К. Услар, Лакский язык (там же, IV), Тифлис, 1890, стр. 48

45. П.К. Услар, Кюринский язык (там же, IV), Тифлис, стр. 53—54.

46. А. Дирр, Агульский язык (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 37), Тифлис, 1907, стр. 121, 150.

47. А. Дирр, Рутульский язык (там же, вып. 42), Тифлис, 1912, стр. 142.

48. А. Дирр, Цахурский язык (там же, вып. 437), Тифлис, 1913, стр. 114, 167.

49. Арчинский язык (там же, вып. 39), Тифлис, 1908, стр. 167, 198.

50. А. Дирр, Удинский язык (там же, вып. 33), Тифлис, 1904.

51. См. об этом в моей работе «Способы обозначения пола в языках мира» / печатается в «Сборнике памяти акад. Н.Я. Марра» в Академии наук СССР.

52. Wsewolod Miller, Die Sprache der Osseten (Qrundris d.iran Fhil, Anhang, Strassburg, 1903), стр. 40, § 48.

53. Qrundris d. iran Fhil. Bot I, стр. 100, 356.

54. L. c.

55. L. c.

56. Sättel, Deutsche-persisches Konversationswörterbuch.

57. Ср., например, древнегреч. tragos — «козел» || aiks — «коза», kapros — «кабан», sys, hus — «свинья»; латин. taurus — «бык» || vacca — «корова», aries — «баран» || ovis — «овца»; итал. toro — «бык» || vacca — «корова»; исп. toro || vaca; франц. taureau || vache, le bouc — «козел» || la chèvre — «коза», le coq — «петух» || la poule — «курица»; немец. hengst — «жеребец» || Stute — «кобыла»; stier — «бык» || Kuh — «корова», Ziege — «коза» || Bock — «козел», Schaf — «овца» || Widder — «баран»; англ. Stallion — «жеребец» || mare — «кобыла», Stag — «олень» || hind — «олениха»; турецк. (осман.) öküz — «бык», «вол» || inek — «корова»; азербайдж. öküz — «бык» || inəq — «корова»; якут. biä, kytyt — «кобыла» || atyr — «жеребец», oghys — «вол» || ynax — «корова»; тунгус. adzirga — «жеребец»; монгол. (халхас). adzărgă; бурят. adzarga; манджур. adžirgan, тунгус. goon — «кобыла»; монг. (халхас.) gū; манджур. geo; бурят. gün; китайск. ko; китайск. jan — «баран» || gao — «овца», «ягненок», čžu — «свинья» || czun — «боров», «кабан»; семитич. himar — «осел» || atan — «ослица»; араб. hisam — «жеребец», faras — «кобыла» и т.д.

58. См. Н. Марр, Абхазско-русский словарь, стр. 25, 37, 101, 153, 48. См. также Русско-абхазский обратный словарь, под ред. К. Дондуа.

59. Ор. с. р. 25.

60. Op. c. p. 84
61. Op. c. p. 27.
62. Op. c. p. 83.
63. Услар, Чеченский язык, стр. 193. Чеченское слово обычно считают заимствованным из грузинского языка.
64. Ср. грузин. dzaghi, ингил. dzagl, мегр. džogori, лаз. dzogor, сван. žegh.
65. J. von Mészáros, op.c., p. 46
66. «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема», Ленинград, 1930, стр. 42.
67. Более подробное обоснование в моей статье «Способы обозначения пола в языках мира» (печатается в «Сборнике памяти академика Н.Я. Марра, изд. Академии наук СССР»).
68. См., например, работы Н.Я. Марра «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории» (Л. 1926) «Лингвистически намеченные эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры» (Л., 1936), перепечатанные ныне в «Избранных работах», том III, стр. 35—60 и 123—151; «Яфетические зори на украинском хуторе», М., 1930, перепечатано в «Избранных работах», Т. V, 1935, стр. 224—271.

1937

Текст печатается по источнику:
ГАСК Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 134. Лл. 1—91. Рукописный текст.

Адольф Михайлович Дирр

Адольф Михайлович Дирр (1867—1930), профессор, почетный доктор Мюнхенского университета, директор этнографического музея в Мюнхене, кавказовед. Занимался изучением кавказских языков в течение нескольких десятилетий. Еще до революции исследовал Кавказ, сотрудничал с различными учебными и научными учреждениями.

В начале XX века крупным кавказоведческим центром был Тифлис. В «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), который являлся изданием Управления Кавказского учебного округа, регулярно выходили объемные исследования по фольклору, этнографии, антропологии, кавказским языкам. А.М. Дирр печатал в этих сборниках свои работы: «Грамматический очерк табассаранского языка» (СМОМПК, № 35. Тифлис, 1905. Отдел 3, с. 1–248), «Краткий грамматический очерк андийского языка» (СМОМПК, № 36. Тифлис. 1906. Отд. 4, с. 1–200), «Грамматика удинского языка» (СМОМПК, № 33. Тифлис, 1904. Отд. 4, с. 1–83), «Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы» (СМОМПК, № 40. Тифлис. 1909. Отд. 3, с. 1–114), «Арчинский язык» (СМОМПК, № 39. Тифлис. 1908. Отд. 3, с. 1–227), «Рутульский язык» (СМОМПК, № 42. Тифлис, 1912. Отд. 3, с. 1–158), «Антропологический и этнографический состав кавказских народов» (Кавказский календарь на 1910. Тифлис, 1910, с. 538–549) и др. Эти работы имеются в фонде редкой книги научной библиотеки СКФУ. Во всех исследованиях А.М. Дирр благодарит попечителей Кавказского учебного округа, инспекторов за помощь в работе. Так, в предисловии к монографии «Рутульский язык» А.М. Дирр выражает благодарность попечителю Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольфу и окружному инспектору Л.Г. Лопатинскому за содействие в исполнении работы. «Это был совершенно исключительный человек, — пишет о нем профессор А.М. Ладыженский, сотрудничавший с ним в Северо-Кавказском горском научно-исследовательском историко-лингвистическом институте, в статье «Памяти Адольфа Михайловича Дирра» (1930). — Происходя из небогатой семьи, он не получил высшего образования, и ему удалось окончить в молодости только реальное училище. Но его влекло к языкознанию, и в 1889 году 22 лет от роду он отправляется в Африку, где небогатому немцу легче было устроиться, чем в Германии, и изучает африканские наречия. По возвращении оттуда он в короткий срок проходит семинарские занятия по востоковедению в Берлине под руководством известных лингвистов Ф. Мюллера и Захау и обращает на себя внимание названных ученых. Но стремление к путешествию и к познанию новых стран побуждает его вновь покинуть родину. Ввиду своих блестящих филологических способностей он быстро и в совершенстве выучил английский и французский языки и отправился из Мюнхена в Париж, где в 1897 году принял участие в известном Конгрессе ориенталистов» (см. настоящее издание, с. 281).

В начале XX века А.М. Дирр устремляется на Кавказ, где в первозданном виде сохранились бесписьменные языки многочисленных горских народов. По свидетельству А.М. Ладыженского, в Махачкале (тогда Петровске), потом в Тбилиси (Тифлисе) он преподавал иностранные языки, очень быстро выучил русский. Как отмечает А.М. Ладыженский, «на Кавказе он познакомился с известным исследователем горских языков, б[ывшим] директором гимназии Л.Г. Лопатинским, и начал сам изучать сперва дагестанские, а затем и северо-кавказские наречия. Вскоре он стал самым выдающимся продолжателем дела Услара по исследованию адыгских и других кавказских языков. В 1908 году Российская академия наук присудила ему премию Макарова за работы по кавказоведению. Насколько высоко эти исследования ценились, можно видеть также по тому, что Академия наук командировала его в 1913 году в Турцию изучать язык остатков переселившихся туда убыхов. Свои исследования Адольф Михайлович опубликовал в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» и за границей в разного рода филологических и этнографических журналах. За эти работы Мюнхенский университет в 1908 году присудил ему степень доктора философии Honoris causa (ученую степень почетного доктора философии)» (там же).

Об условиях, в которых осуществлялись экспедиции и работа А.М. Дирра, говорят некоторые замечания в его исследованиях. Так, в предисловии к монографии «Рутульский язык» (1912) А.М. Дирр отмечает: «Моими помощниками при изучении рутульского языка

были: в 1904 году Туай Гудаев, тогда фельдшер в селе Рутуль, сам уроженец села Шиназа, с которым я мог однако работать только один день и которому я обязан за материалы по шиназскому говору рутульского языка, и в 1909 году юный Абас-бег Казибеков, ученик Т.-Х. Шуринского реального училища. Крайняя рассеянность этого молодого человека с одной стороны, и тяжелые припадки малярии, которыми я страдал почти все время пребывания в селе Рутуль, с другой стороны, значительно затруднили ход моих занятий» (Дирр А.М. Рутульский язык // СМОМПК. — Тифлис, 1912. — Отд. 3. — № 42. — С. IV).

Иногда А.М. Дирр встречался с более квалифицированными помощниками. Так, в заключении работы «Арчинский язык» (1908) А.М. Дирр отмечает: «Моим помощником при изучении арчинского языка был житель села Арчи Мохаммед Мохаммедлии ло (Магомед Магомедханов), — тот же самый, который помогал мне при занятиях агульским языком. Он настоящий полиглот; кроме родного, он говорит свободно на лакском, аварском и агульском языках и владеет письменно и устно кумыкским и арабским языками. Он также знает довольно хорошо по-русски. Я ему очень благодарен за живой интерес и неутомимое терпение во все время наших занятий» (Дирр А.М. Арчинский язык // СМОМПК. — Тифлис, 1908. — Отд. 3. — № 39. — С. VII).

С работами А.М. Дирра можно познакомиться в архиве Северо-Кавказского горского научно-исследовательского историко-лингвистического института им. С.М. Кирова. В процессе работы в Государственном архиве Ставропольского края мы обнаружили корпус текстов, которые подписаны именем А.М. Дирра. Пока неясно, являются ли они подлинными рукописями ученого или это переписанные сотрудниками Горского института работы А.М. Дирра.

В лингвистическом отделе архивного фонда Р-1260 сохранились следующие ценные материалы: рукописи книг профессора А.М. Дирра «Рутульский язык» (дело № 133), «Северо-восточные языки (чеченский язык)» (дело № 139), «Юго-восточные языки (грузинский язык)» (дело № 215), «Северо-западные языки (абхазский, убыхский, кабардино-черкесский)» (дело № 218), «Звуковая система кавказских языков» (дело № 223), «Андийский и ботлихский язык» (дело № 227), «Ингушский язык» (дело № 233), «Табасаранский язык (грамматика)» (дело № 237, 248), «Цахурский язык» (дело № 241). Среди работ о А.М. Дирре рецензия неизвестного автора на его исследование «По вопросу о сравнительном изучении Кавказских языков» (дело № 229), рукопись статьи профессора А.М. Ладыженского «Памяти Адольфа Михайловича Дирра» (дело № 152).

З.М. Габуниа отмечает, что все монографии А.М. Дирра носят описательный характер и построены приблизительно по одной схеме: «В предисловии даются некоторые сведения об описываемом языке и его носителях, их родственных взаимосвязях с соседними языками, анализируется звуковой состав данного языка, отмечаются особенности произношения, прилагается азбука. Работы Дирра содержат огромный материал для исследования лексики и грамматики кавказских языков, а также для синхронного и диахронического изучения конкретных языков Кавказа. Представленные в большом количестве примеры позволяют проследить закономерности фонетической дифференциации слов в различных языках и пронаблюдать некоторые особенности структуры слова. Особое внимание в его трудах уделяется грамматике, что дает возможность учитывать основные особенности морфологии кавказских языков: классы, классно-личное спряжение, особенности словообразования и формообразования. Монографии А. Дирра снабжены текстами, взятыми из живой речи, словниками и небольшими словарями. Тексты имеют подстрочный и литературный переводы, а также некоторые пояснительные примечания, преимущественно грамматического характера» (Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания. — Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. — С. 150–151).

А.М. Дирр считал Кавказ особым антропо-географическим регионом, разделяющим Европу и Азию. Труднопроходимые Кавказские горы между Черным и Каспийским морями задерживали движение народов с севера на юг и в то же время защищали народы друг от друга. «С самых отдаленных времен во всех странах на севере и на юге от Кавказа кипела жизнь доисторических и исторических народов, — пишет А.М. Дирр в очерке «Антропологический и этнографический состав кавказских народов» (1910). — В степях Скифии вырабатывается из хаоса самых разнообразных народов славянство и основывается старая Русь; в горах и долинах Передней и Малой Азии возникают могущественные государства, Ашур и Бабель, Каппадокия, народ хетитов, Халдея, Элам, древняя Персия. И между тем, как все на севере пускает прочные корни и устанавливается, на юге все распадается, и одни только развалины свидетельствуют о прежней деятельной исторической жизни. Впоследствии неоднократно гро-

мадные народные толпы выдвигаются из сердца Азии и заливают Переднюю Азию и Европу, последней удается отбросить назад этих непрошенных гостей, Передняя Азия подчинилась.

Среди этих бурь на Кавказе образовался как будто тихий уголок, убежище, где можно было хорошо укрыться, чтобы выждать более спокойные времена. Но кто раз попал в тесные долины и ущелья этих гор, тому трудно выбраться оттуда. Как быстро текущая река бросает к своим берегам все то, что она несет с собою, так и волны исторических событий на севере и на юге отбросили клочки больших и малых народов в тихие уголки Кавказа. Таким образом, Кавказ является убежищем, а не родиной народов, его населяющих; и вследствие своеобразного способа его заселения он представляет наблюдателю ту крайнюю пестроту, которая всегда поражала всех, познакомившихся с ним. Изучение рас Кавказа и их языков убедит нас в том, что он является настоящим народохранилищем» (Дирр А.М. Антропологический и этнографический состав кавказских народов // Кавказский календарь на 1910. — Тифлис, 1910. — С. 538).

Основываясь на работах антрополога, врача Пантюхова, исследованиях парижского ученого-антрополога Деникера, А.М. Дирр выделяет шесть кавказских «рас» на основе формы черепа, разреза глаз, цвета лица: «расы» «кимвров», «адриатическую», «семитическую», «иранскую», «урало-алтайскую», «монгольскую» (там же). А.М. Дирр отмечает, что эти «расы» распределяются на Кавказе по хорошо определенным географическим областям. В то же время А.М. Дирр предлагает собственную «этнографическую», или «лингвистическую» классификацию. «Раса» и язык, по мнению А.М. Дирра, — два совершенно различных понятия. Если мы знаем, к какой расе принадлежит народ, то не всегда можем знать, на каком языке он говорит. С другой стороны, язык народа не всегда позволяет говорить о том, какой он расы. «Так, например, среди говорящих на турецко-татарских наречиях встречаются типичные монголы и типичные представители нашей иранской расы; среди говорящих на «кавказских» языках находятся типичные представители кимрийской и хетитской рас; поэтому слово «раса» не будет употреблено в следующей части нашей статьи», — пишет А.М. Дирр (там же, с. 542).

А.М. Дирр особое внимание обращает на многоязычие Кавказа, описывает процессы, связанные с исчезновением языков малых этнических групп, проникновением в пределы Кавказа языков народов из других географических областей: «Так, например, татарский и турецкий языки существуют на Кавказе, конечно, только с времен нашествия турок. Язык убыхов (промежуточное звено между адыге и абхазцами) исчез вследствие поголовной эмиграции этого народа в Турцию. Удинский язык уцелел только в двух селениях; через 20, 30 лет его совсем не будет: он заменится татарским и армянским» (там же).

А.М. Дирр отмечает, что упрочение русского владычества способствовало переселению многих европейских народов на Кавказ. В начале XX века А.М. Дирр регистрирует в своих исследованиях представителей почти всех европейских народов, пишет о смешении этнических групп, говорящих на разных языках. Наблюдения А.М. Дирра дали ему возможность выделить в качестве основного критерия этнографической классификации отношение народов к «нетуземцам» и «туземцам». «Туземцы», по Дирру, делятся на две группы: кавказцев в географическом смысле и кавказцев в собственном лингвистическом смысле. «Армяне, например, — пишет исследователь, — кавказцы только в географическом смысле, потому что есть армяне также в Персии и Турции, а грузины уже настоящие кавказцы, потому что грузин нет вне пределов Кавказа (кроме лазов). В нашей классификации осетины принадлежат, следовательно, к той же самой группе, как и армяне, потому что они говорят не на кавказском языке, а на языке иранской ветви» (там же, с. 542–543).

В этнографической (лингвистической) классификации профессор А.М. Дирр выделяет три группы народов:

1. Люди европейских народностей (русские, поляки, чехи, литовцы, немцы, румыны, греки, эсты и др.)

2. Туземцы-кавказцы в географическом смысле (армяне, осетины, персияне, таты, талышинцы, курды, цыгене, айсоры, турки и др.)

3. Туземцы-кавказцы в собственном смысле (грузины, мингрельцы, лазы, сваны, абхазцы, черкесы, чеченцы, лезгины, лаки и др.) (там же, с. 549).

По мнению З.М. Габуниа, «для Дирра Кавказ был «незаменимой лингвистической лабораторией», где он мог изучать и систематизировать чрезвычайно богатый языковой материал. А. Дирр, рассматривая природу языковых изменений, приходит к мысли, что главная их причина исходит из взаимного соприкосновения, внедрения, смешения и ассимилирования «разноязычных человеческих коллективов» (Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания. — Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. — С. 166).

А.М. Дирр писал обзоры русских исследований о кавказцах, публиковал их, а также сами исследования, проводимые в СССР, в журнале «Caucasica», выходившем в Германии, поддерживал, по мнению А.М. Ладыженского, академика Н.Я. Марра, в частности его «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В 1929 году А.М. Дирр, по свидетельству А.М. Ладыженского, издал большой труд о кавказских языках, несколько ранее в Германии опубликовал большую работу об обычном праве кавказских горцев. Живя в Германии последние десять лет, А.М. Дирр не порывал связи с Россией и с кавказцами. Во время Первой мировой войны «он был переводчиком в лагере для военнопленных русских и кавказцев и многое сделал для облегчения их положения. После установления у нас советской власти он вместе с академиком Н.Я. Марром был приглашен редактировать «Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа», издающиеся в Махачкале. С профессором Дирром велись переговоры о переезде его в СССР и занятии кафедры кавказоведения в Московском университете» (см. настоящее издание, с. 282).

А.М. Дирр умер в 1930 году, последней его публикацией был обзор новейших работ о кавказских горцах. Деятельное участие принимал он также и в публикации статей русских исследователей в немецких периодических изданиях. А.М. Ладыженский отмечает, что «он перевел и поместил в «Caucasica» статью профессора Н.Ф. Яковлева об адыгейских языках и мою в «Zeitschrift fűr vergleichende Rechtswissenschaft» об обычном праве кавказских горцев. Содействовал он и переизданию этой статьи по-французски в «Revue des etudes islamiques», — о чем я не могу не упомянуть с чувством искренней признательности» (там же).

Работы об А.М. Дирре:

Немировский М.Я. Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики. — Владикавказ: Ингушский НИИ краеведения, 1928.

Немировский М.Я. Адольф Дирр и кавказская лингвистика. — Владикавказ: Растдзинад, 1930.

Ладыженский А.М. Памяти Адольфа Михайловича Дирра. ГАСК Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–5.

Габуниа З.М. А. Дирр и кавказское языкознание // Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания. — Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2011. — С. 150–160.

Габуниа З.М., Сакиева Р.С. А.М. Дирр. Язык убыхов / Вступительная статья о А.М. Дирре — З.М. Габуниа, перевод работы А.М. Дирра — Р.С. Сакиева. — Нальчик, 1996.

Алиева А.И. Адольф Михайлович Дирр и журнал «Caucasica» // Горизонты современного гуманитарного знания: к 80-летию академика Г.Г. Гамзатова: Сборник статей. — Москва: Наука, 2008. — С. 222–236.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Адольф Михайлович Дирр — этнограф, антрополог, лингвист, кавказовед // Метапоэтика: Сборник статей научно-методического семинара «Textus: Текст как явление культуры»: В 2 ч. — Ставрополь: СГУ, 2010. — Ч. 1. — С. 375–378.

Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017. — С. 183–189.

Исследования А.М. Дирра:

Очерки по этнографии Дагестана. В Табасаранском округе. — СПб., 1903.

Очерки по этнографии Дагестана. Кубачи. —Тифлис, 1903.

Кавказское языковедение, его история и будущие задачи // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. — Т. XVII. — Вып. 5. — Тифлис, 1904. — С. 368–380.

Грамматика удинского языка // СМОМПК. — Тифлис, 1904. — Отд. 4. — № 33. — С. 1–83.

Грамматический очерк табассаранского языка //СМОМПК. —Тифлис, 1905. — № 35. — Отд. 3. — С. 1–248.

Краткий грамматический очерк андийского языка // СМОМПК. — Тифлис, 1906. — № 36. — Отд. 4. — С. 1–200.

О классах (родах) в кавказских языках // СМОМПК. — Тифлис, 1907. — Вып. 37. — Отд. 3. — С. 91–102.

Арчинский язык. Грамматический очерк, тексты, сборник арчинских слов с русским к нему указателем // СМОМПК. — Тифлис, 1908. — Вып. 39. — Отд. 3. — С. I—VII + 1—227.

Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы // СМОМПК. — Тифлис, 1909. — № 40. — Отд. 3. — С. 1—114.

Современные названия кавказских племен // СМОМПК. — Тифлис, 1909. — № 12. — Отд. 3. — С. 1—28.

Антропологический и этнографический состав кавказских народов // Кавказский календарь на 1910. — Тифлис, 1910. — С. 538—549.

Рутульский язык // СМОМПК. — Тифлис, 1912. — Отд. 3. — № 42. — С. 1—158.

Цахурский язык // СМОМПК. — Тифлис, 1913. — Вып. 43. — Отд. 3. — С. I—VII + 1—243.

Список имен, фамилий, названий народов и имен животных у абхазцев, мингрельцев и дагестанцев. Материалы к изучению языка и быта абхазцев. Абхазские слова. Заметки о татуировках в Дагестане // СМОМПК. — Тифлис, 1915. — № 44. — Отд. 4. — С. 1—24.

Божество охоты и охотничий язык у кавказцев // Труды XIII съезда русских естествоиспытателей и врачей. — Тифлис, 1916. — Т. VI. — С. 101—120.

Введение в изучение кавказских языков // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. — Ростов-на-Дону, 1929. — Т. 2. — С. 231—254.

Глагол в кавказских языках // Эргативная конструкция предложения / Под ред. Н.А. Кондрашова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1950. — С. 17—33.

А.М. Дирр
Северо-восточные языки*

Чеченский язык

Чеченский язык (пахčий̯ тиоᵗ)

Классов 6. 1-й — разумные существа мужского рода, 2-й — разумные существа женского рода[1]. Распределение имен существительных по прочим четырем классам до сих пор не удалось установить, даже для неразумных живых существ нет точного определенного класса, так как например, buorz — «волк», vir — осел, gaur — лошадь, относятся к классу j-j, а stᶜu — бык, вол, jatᶜ — «корова», кᶜa — «баран» к классу b̂-d, ǰ̯eli — собака, zud — сука, luom — «лев» к классу d-d и т.д. Поэтому мы будем вести речь о классе v-b-, resp. j-b, j-j, и т.д., основываясь на классных элементах. Эти последние таковы (подробности пока опускаем):

	1	2	3	4	5	6
Ед.ч.	v	j	j	b	d	b
Мн.ч.	b	b	j	d	d	b

Они могут встречаться во многих частях речи; примером может служить, прежде всего, связка:

	1	2	3	4	5	6
1-3 л. ед.ч.	vu	ju	ju	bu	du	bu
1-2 л. мн.ч.	du	du	ju	du	du	bu
3 л. мн.ч.	bu	bu	ju	du	du	bu

Склонение недостаточно ясно и богато неожиданностями. Основа косвенных падежей часто значительно отличается от именительного падежа, что выражается в изменении или дифтонгировании гласных звуков основы, выпадении конечной или других гласных, а в других случаях в присоединении -n, resp. -r, -č.

Следующие немногие примеры поясняют сказанное.

Основа косвенных падежей

bʒerig — глаз[2];	bʒerg-[3]
ečig — железо;	ešg-
huma — вещь;	human-
buīsi — ночь;	buīsin[4]
axĕa — деньги;	axčan
mār — муж	mēr-, mār-
ρᶜxa — жила	ρᶜxēn-, ρᶜxan
nāna — мать	nēn-, nān-
la̯i̯ — раб	lē-
t'â̯i̯ — мост	t'e
kᶜ au — ворота	kᶜē
beqi — жеребенок	beqin-, boq-

* Дело включает три машинописных экземпляра, отпечатанных с помощью копировальной бумаги. Чеченская лексика вписана чернилами.

vir — осел	vir-, varr-
urs — нож	uirs-
tᶜur — шашка	tᶜuir-, tᶜarr
buc — трава	bēc-, bāc-
muox — ветер	mex-, max-
tᶜuom — война	t'em-, t'am-
tᶜuop — ружье	tᶜuēp-
huord — море	hurd-, huerd-
luo — снег	laį-, luo-
naxčuo — чеченец	naxčuoču-[5]
uersiē — русский	uersiēču-
stᶜiē — жена, самка	stᶜiēču
duo: tᶜaɣa — друг	duo: tᶜaɣaču
zudā — женщина	zudaču
zʒuokᶜ — клюв	zʒuekᶜ-, zʒakᶜar
c'e — огонь	c'er-, c'ar-
dig — топор	dagar-.

Переходя к окончаниям падежей, назовем, прежде всего — ge-, являющееся базисом разнообразных местных падежей; это -ge часто исчезает; -ha, -ri, -ra — показатели направления.

Родительный падеж оканчивается на ṽ (v — гласный звук), таким образом, ã, ĩ, ẽ, ũo, ũ: gaųr — лошадь — gaųrũ, baga — рот — bagãį, bežina — скотина (рогатая) — bežinĩ, dā — отец — dẽ, lāį — раб — lẽ, ǰʒeei — собака — ǰʒelẽ, deši — золото — dašũo, ɣaž — палка — ɣožũ; aša — зола — ašanã, nāķa — грудь — nāķanĩ, qu — вор — quįnĩ, gū — холм — gūnũ; zʒuokᶜ — клюв — zʒuekᶜĩ, zʒakᶜarĩ, c'e — огонь — c'erĩ, dig — топор — dagarã; naxčuo — чеченец — naxčuočũ (также — uersiēčũ, stᶜiečũ, zudačũ, см. выше).

Дательный падеж оканчивается на -na: dā – отец – dēna, gaųr – лошадь – gaųrana, bʒerig — глаз — bʒergina, axča — деньги — axčanna, bežina — скотина (рогатая) — bežinna, baga — рот — bagaįna, ǰʒeli — собака — ǰʒeliēna, dele — бог — dalla (<dalna), nāna — мать (род. п. — nenĩ) nānna, naxčuōčuna, dagarna.

Активный падеж оканчивается на uō, as и a (в именах, обозначающих разумные существа), ē, iē[6]: vir — осел — viruō, beqi — жеребенок — boquō, luom — лев[7] — luēmuō, dā — отец — dās, naxčuōčuō, uersiečuō, stᶜie — жена — stᶜiēčuo, dig — топор — dagaruō, ǰa — стадо баранов — ǰiē, k'a — пшеница — k'iē, za — зима — zeniē, xa — караул — xē.

Орудно-совместный падеж (Jinstrum — komitativ) оканчивается на cĩ: da — отец — dēcĩ, stᶜiē — жена — stᶜiečucĩ, jiša — сестра — jišacĩ, vaša — брат — vašacĩ.

Allativ оканчивается на -ge, которое может сокращаться в iē (niē), ē: это окончание присоединяется к основе род. падежа: dā — отец — dēge, dē, āmal — нрав, обычай — āmalge, āmaliē, baga — рот — bagiē, lai — раб — lē, vuoʒ — сын — vuoʒē, juoʒ — дочь — jueʒē, axča — деньги — axčaniē, naxcuōčiē, uersiečiē, stᶜiēčiē, c'a — огонь — c'arie, dig — топор — dagariē. К этому -ge (-iē, ē) присоединяются еще следующие окончания: *-ḥa* directiv'a (conversiv'a), например, āmalgeḥa, āmaliēḥa, degeḥa, dēḥa, *-ri* allativ'a, например, āmalgēri, amaliēri, dēgeri[8], dēri, *-ra* delativa, например, āmalgēra, āmaliēra, dēgera[9], *-ḥ* adessiv'a (possessiv'a), например, āmalgaḥ, āmaliēḥ, dēgeḥ, dēḥ, *-c* terminativa, например, āmalgec, āmaliēc: dēgac, dēc.

Сравнительный падеж оканчивается на (-al, -il, -ul) āmalal, dēl.

Равняющий падеж имеет окончание сравнительного падежа -la: āmalalla[10], dēlla.

Illativ — на -x: āmalax, dēx.

Elativ присоединяет -ã; -ĩ к illativ'y: āmalxĩ, amalxã[11], dēxĩ, dēxã.

Наречный падеж на -xã: ãmalxã, dēxã.

Inessiv оканчивается на -ḥ, например, dīnaḥ (от dī — лошадь), c'aḥ — к дому (от c'a — дом), stᶜiglaḥ — на небе (stigil).

Motiv оканчивается на -a (-e): dina — на коня, lette — на землю, stᶜigla, c'a — домой.

Множественное число оканчивается в большинстве падежей на -š, -vš[12], у некоторых (в том числе многие обозначающие живые существа) на -i (į). Родительный падеж множественного числа имеет всегда (назалированное) -i (į); прочие падежи образуются так, что окончания дательного, орудно-совместного, активного (всегда a), allaliv[13], directive, ablativ, delativ, adessiv, terminativ, elativ'a и наречного падежа всегда присоединяются к основе множественного числа, оканчивающейся на -š (который принимают и имена, образующие именительный па-

деж множественного числа на -i, тогда как окончания сравнительного падежа, равняющего и illativ'а к основе на -i.

Здесь мы приводим главные падежи обоих чисел (единственного числа в скобках) слов āmal — нрав, обычай и dā — отец.

Nom.	(āmal)	āmalaš	(dā)	daį
Gen.	(āmalā)	āmalāį	(dē)	daį
Dat.	(āmalna)	āmalašna	(dēna)	daįšna
Act.	(āmaluō)	āmalaša	(dās)	daįša
Instr.-com.	(āmaleĩ)	āmalašeĩ	(dēcĩ)	daįščĩ
Allat.	(āmalge,-iē)	āmalašᵏe	(dēge, dē)	daįšᵏe
Direkt.	(āmalgeḥa)	āmalašᵏeḥa	(dēgeḥa, dēḥa)	daįšᵏcḥa
Allat.	(āmalgeri)	āmalašᵏiri	(dēgeri, dēri, -ĩ)	daįšᵏiri
Delat	(āmalgera)	āmalašᵏara	(dēgera, dēra, -ã)	daįšᵏara
Adess.-Ρossiv	(āmalgaḥ)	āmalašᵏaḥ	(dēgaḥ, deḥ)	daįšᵏaḥ
Termin.	(āmalgec)	āmalašᵏac	(degac, dēc)	daįšᵏac
Illat.	(āmalax)	āmalaįx	(dēx)	daįx
Elat.	(āmalxã, -ĩ)	āmalašxã, -ĩ	(dēxã, -ĩ)	daįšxã, -ĩ
Adverb.	(āmalxã)	āmalašxã	(dēxã)	daįšxã
Compar.	(āmalal)	āmalaįl	(dēl)	daįl
Aquativ.	(āmalalla)	āmalaįlla	(dēlla)	daįlla
	(āmmalal)	āmalaįl		

Послелоги, вероятно, именного происхождения; это видно и из того, что они частично принимают (смотря по значению) окончания местных падежей. Имя, к которому они относятся, стоит, например, при ču= «b» в Inessiv'е или дательном падеже, при этом Inessiv'ом выражается более общее значение. Покажем это на послелогах — -ču — -b (куда?), čuḥ / Inessiv (в / где?), čuiri (ср. с окончанием ablativ'а -ri) — из. В доме — c'ačuḥ (c'a — дом и домой), если же я мыслю более о пустом пространстве внутри дома; если же я хочу сказать о вещественности дома, о стенах, например, или потолке, то я должен употребить форму дательного падежа: c'ienna — čujuīlĩ t'unal — в дом проникла сырость, ḥũ — čuiri bēlĩ ɣala — из леса вышла лань; čuxulu — сквозь (середину, нутро): hũ — dēlĩ tᶜxuo — сквозь лес прошли мы. t'e — на (куда?), t'eḥ — (где?), t'iēri — с (вниз); xienā t'e — на дерево,~t'eh — на дереве, t'ieri — с дерева вниз (xiena — собственно xienna = дат. пад. от xiẽ — дерево); t'exulu- — поверх: suōna~jēlĩ vardã — через меня переехала арба. K'el — под (куда?), k'elḥa — (где?), k'elḥiri — из-под, k'elḥaxulu — под (через).

Есть имена прилагательные, которые принимают классные элементы, например, v-, j-, b-, d-ēxĩ — богатый, v-, j-, d-erĩ — дорогой, тяжелый, v-, j-, b-, d-oķķũ — большой.

Атрибутивное прилагательное обычно имеет окончание родительного падежа (которое иногда опускается), например, vēxĩ stᶜag — богатый человек, mēlĩ xĩ — тихая вода, dikᶜĩ vaša — добрый брат.

В том же атрибутивном значении имя прилагательное получает во всех косвенных падежах окончание — ču:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им. п.	sẽ dikᶜĩ vaša	sẽ ~ vežiriį — мой добрый брат
Род. п.	sẽ dikᶜiču vešĩ	sẽ dikᶜiču vižirĩį
Дат. п.	sẽ dikᶜiču vešina	sẽ dikᶜiču vižirišna и т.д.

Прилагательные, стоящие отдельно от существительного, принимают окончание -inig; говорят, например, dikᶜinig sẽ vaša vu — добрый мой брат есть; sẽ vaša dikᶜĩ vu или dikᶜinig vu — мой брат добр (есть).

По падежам и числам эта форма изменяется так:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Nom.	ʒeržinig (черный)	ʒeržinigiš
Gen.	ʒeržičũ	ʒeržičũį
Dat.	ʒeržičuna	ʒeržičušna
Act.	ʒeržičuō	ʒeržičuša
Com. Instr.	ʒeržičučĩ	ʒeržičušcĩ
Allat.	ʒeržičiē	ʒeržičušk'e и т.д.

Сравнительная степень описывается посредством соответствующего падежа имени (то есть сравнительный падеж): vaše jišil dikᶜĩ vu — брат лучше сестры.

Особой адвербиальной формы для прилагательного нет. Ранее, вероятно, чеченский язык сходился с бацойским, который свое наречие образует на -ši; в чеченском языке, например, есть еще melliši — спокойно, тихо (от mēlĩ — слабый); сравнит. деепричастие на -š.

Личные местоимения следующие:

1) Для всех классов:

	1-е л. ед. ч.	2-е л. ед. ч.	3-е л. ед. ч.
Nom.	suo	ḫuo	iz
Gen.	sē	ḫẽ	cuinĩ
Dat.	suōna	ḫuōna	cunna
Act.	as	aḫ	cuo
Comit.	suēcĩ	ḫuēcĩ	cũįcĩ
All.	suē (ge)	ḫuē (ge)	cũįge
Abl.	suē (ge) ri	ḫuē (ge) ri	cũįgeri
Comp.	suol	ḫuol	cul
Aq.	suollca	ḫuolla	culla

2) Без того, кому говорят, vaị — с тем, кому говорят.

	1-е л. мн.ч.	2-е л. мн.ч.	3-е л. мн.ч.
Nom.	txuo, vaị	šu	izuš
Gen.	tᶜxẽ, vãị	šũ	cērĩ
Dat.	tᶜxuona, vaịna	šuna	cārna
Act.	ōxu, vaị	aš	cār (a)
Comit.	tᶜxuecĩ, vaịcĩ	šuēcĩ	cercĩ
All.	tᶜxuē (ge), vaịge	šuē (ge)	cergi, cerge
Dir.	tᶜxuēḥa, vaĭgeḥa	šuēḥa	cergeḥa
Abl.	tᶜxuē (ge) ri, vaịgeri	šuē (ge) ri	cergeri
Compᴏ.	txuol, vaịl	šul	cāral
Äqu.	tᶜxuolla, vaịlla	šulla	cāralla

Указательные местоимения: i — мн.ч. izuš и hara — этот, dʒārinig — тот.

Местоимение i и izuš перед существительными в косвенных падежах имеют форму ocu; употребляемые без имени существительного, они склоняются.

Nom. i,	Sen. ocuịnĩ,	Dat. ocunna,	Act. ocuō,	Com. ocũịcĩ
et izuš	acerĩ	acārna	acāra	acercĩ и т.д.

Как личное местоимение с префиксом o, respᴏ. a, hara — имеет в косвенных падежах основу hoḳu-, haḳ-[14], dʒārinig — склоняется, как имя прилагательное с -ču в косвенных падежах, таким образом:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Nom.	hara	horuš	dʒārinig	dʒārnigiš
Gen.	(ho) ḳuinĩ	(ha) ḳērĩ	dʒāričũ	dʒāričũị
Dat.	(ho) ḳunna	(ha) ḳārna	dʒāričunā	dʒāričušna
Act.	(ho) ḳuō	(ha) ḳāra	dʒāričuō	dʒāričuša
All.	(ho)ḳũige	(ha) ḳārge	(-i) dʒāričũge	dʒāričušᵏe
Com.	(ho) ḳul	(ha) ḳāral	dʒāričul	dʒāričuịl

Вопросительные местоимения mila (осн. косв. пад. ḥẽ-, ḥã-, ḥan-), мн.ч. miluš — кто? и ḥũ (осн. косв. пад. stᶜiẽ) — что?

Nom. — mila, Gen. — ḥēni, ḥēnĩ, Dat. ḥenna, Act. ḥã, Com. ḥẽcĩ, ḥẽnci, Allat. ḥẽge, Compᴏ. ḥānal; мн.ч. — miluš, Gen. milxučũi, Dat. milxučušna.

Nom. ḥũ, Gen. stᶜīni, stᶜīnĩ, Dat. stᶜienna, Act. stᶜiẽ, Comit. stᶜiẽci (-ĩ), Compᴏ. stᶜiēnal и т.д.

В качестве притяжательных местоимений употребляются родительные падежи личных местоимений; формы эти не изменяются. Sẽ dikᶜĩ vaša, мн.ч.~~ veziriị — мой добрый брат, дат. пад. мн. ч.~~ dikᶜiču vežirišna.

Употребленные без имени: saiˌnig, ḥaiˌnig, cuiˌnig, tᶜxaiˌnig, vaiˌnig, šuiˌnig, cērinig — мой, der mein (ig)e, le mien и т.д., склоняются так: saiˌnig, род. п. sāiˌčū, дат. п. sāiˌčuna, активн. п. sāiˌčuō, мн.ч. sāiˌnigiš, род. п. sāiˌčuiˌ, дат. п. sāiˌčušna, активн. п. sāiˌčuša и т.д.

Имя числительное. Система двадцатиричная. Существительные в ед. числе. Числительное 4 принимает классные элементы (viiˌ, jiiˌ, biiˌ, diiˌ). «Множительный элемент» (в «двадцатках»; русск. -жды), вероятно, z: šau-z-t'qa — 40 (2×20), ķ̄u-z-t'qa — 60 (3×20). Числа 1—5 стоят перед существительным в форме cḥa, ši, ķ̆uo, v-iiˌ, ρᶜxi, перед существительным в косвенных падежах они звучат: cḥeni, šini, ķ̆aa, v-ica, ρᶜxica, таким образом, cḥa stᶜag один человек, род. пад. cḥeni stᶜegī, дат. п. stᶜagana и т.д.

Порядковые числительные образуются посредством присоединения l (u) ɣū (1-й ḥalxara), 2-й šolluɣū, 3-й ķ̄oluɣū, 4-й v-iealuɣū, 5-й — ρᶜxilaluɣū, 6-й - jalxalɣū и т.д.

Распределительные образуются посредством удвоения: cḥa-ca — по одному, ši-ši — по два, ķ̆uo-ķ̆ķ̆a, viiˌ, ρᶜxi-ρᶜxi, jalx-jalx и т.д.

Глагол. В чеченском языке, как и в большинстве дагестанских языков, нет личных глагольных окончаний. Так же, как и во многих дагестанских языках, в чеченском языке есть классные элементы (но наличные не у всех глаголов), которые относятся к «субъекту», resp. к «объекту» глагола.

Чеченский язык, пожалуй, как раз и показывает, как запутан вопрос о подлинном характере кавказского глагола и как мало, собственно говоря, объясняет термин «пассивное значение — passiver Sinn». Несколько примеров могут это показать (заметим, что -u (vu, ju, bu, du) — настоящее время связки, о чем раньше уже было сказано и что «писать» есть производный глагол: jāz-ar, где jāz выражает понятие «писать» и -ar (var, jar, bar, dar) — вспомогательный глагол «делать». ♀ есть указание на классный элемент женского рода + класса -d, ♂ — на мужской род). Рассмотрение помещенных ниже примеров приводит к заключению, что чеченский язык конструирует как «актив», так и «пассив», но наличие классных элементов и отсутствие винительного падежа не оправдывают все-таки нашего вывода, рассматривать всю конструкцию как пассивную.

Можно сказать:

as jāz-d-ieš d-u ǰaina u
suō jāz-d-ieš v-u ǰaina u
} Я пишу книгу. / ich schreibe Buch.

В первом случае as есть активный падеж suō; jāz-d-ieš d-u — причастная конструкция, которую можно перевести приблизительно как «пишущий + есьм, schreib + end + bin», если бы перевод не хромал вследствие передачи безличного «du» посредством личного «bin», есмь и jāzdieš посредством «пишущий», schreibend». Равным образом «книгу — Buch» можно было не понимать как винительный падеж.

Во втором случае suo — именительном падеже; в jāz — d — ieš v-u «-d-» относится к объекту (книга), v — к «субъекту» «Я».

Таким образом, невозможно дать адекватный немецкий перевод этих двух примеров, ни посредством активного оборота, ни пассивного. Подобно тому и в следующих примерах:

a) mārana j-iēzā stᶜiē — мужу любимая жена (мужем любимая жена);
b) stᶜiečuna v-iēzā mār — жене любимый муж (женою любимый муж);
c) suona gū stᶜag dikᶜī v-u — мне видимый человек хорош есть;
d) stᶜiē j-iēzā mār — жена, любимая мужем, то есть муж, любящий жену;
e) mār v-iēzā stᶜie — жена, любящая мужа;
f) suō gū stᶜag dikᶜī v-u — меня видящий человек хорош.

В a (и b) классные элементы относятся к «объекту» любви (таким образом, к субъекту в пассивном обороте); в d и e также.[15] В a и b глагольная форма — iēzā пассивная: geliebt; a в d и e — активная; liebend, любящая; в этих двух последних примерах ничто, кроме классных элементов, не показывает, кто «объект» любви.

Многократные глаголы (iterativa) образуются в чеченском языке посредством изменения гласного звука основы (a > ie, ī, i, uo > ī и др.), например, ḥažar — глядеть — ḥiežar, ɣa: ttar — встать — ɣī: tar, ķ̆uo: sar — бросать — ķ̆īsar.

Собирательные или множительные глаголы (kollektiv — oder pluralität Sverben), то есть такие, которые относятся только к множественности субъекта, resp. объекта,[16] иногда не имеют соответствующего корня для единичности, если же есть такие корни, то указанные глаголы отличаются коренным гласным, вставленным l или исходным xk, например, ḥieldar — бежать толпою к чему-нибудь, неколлективный глагол[17] ḥadar-id, многократн. ḥie-dar; boųdar — бежать, неколлективный глагол — adar-id, многократный idar; lauč'qar — спрятаться, но неко-

лективный глагол — lač'-qar, многократный liečᶜqar; ʒaxkar — лежать, tᶜaxkar — класть; ḥausar, многократный ḥīsar — смотреть, неколлективный ḥažar, многократн. ḥiežar. Настоящее время от «смотреть» будет так: suo (ḥuo, iz) ḥožu, мн.ч. tᶜxuo (šu, izuš) ḥauo̯su и многократный suo (ḥuo, iz) ḥiežu, мн.ч. tᶜxuo (šu, izuš) ḥīsu.

Есть в чеченском языке глагольные префиксы места: tᶜexaar — сесть на, čuxaar — сесть в, kᶜelxaar — сесть под и т.д.

Как и склонение, образование различных времен и наклонений правится по принципу дифтонгизирования. Последнему подвергается гласный основы, точнее говоря, гласный, находящийся в слоге перед окончанием инфинитива — ār.

Основные формы: инфинитив, наст. вр., имперфект, aorist. От этих форм образуются прочие. В чеченском языке три спряжения, которые различаются гласными основы и изменениями их.

Следующая схема содержит главнейшие формы:

	I-е спр.	II-е спр.		III-е спр.	
Гласн. основы	i, ie, ai̯, auo̯(oo), e	a, ā		u, uo	
Повел. накл.	-a	a		a	
Условн. накл.[18]	-aḥ[19]	-aḥ		-aḥ	
Желат. накл.	-aḥāra	aḥāra		aḥāra	
Наст. время	-u	=	a > o, ā > ō	=	uo > ū, u
Повелит. 3 л.	-ula	=		=	
Прич. наст.	-ũ, -urig	=		=	
Сосл. накл.	-uio̯la	=		=	
Прост. буд.	-ur	=		=	
Деепр. наст.	-uš	=		=	
Lokat-Gerund наст. вр.	učuḥ, uču (iri)[20]	=		=	
Imperfect	-ĩ	=	a > e, ā > ē	=	u, uo > uio̯ (ue)
Perfect	-ir	=		=	
Деепр. прош.	-čaḥ, či	=		=	
Aorist I.	-ina	-na[21]		=	
Aorist II.	-iniēra	-niera		=	
Прич. прош.	-ina, -inarig	-na, -narig	a > e, ā > ē	=	u, uo > uio̯ (ue)
Locat.-Gerund. прош. вр.	-inačuḥ, -inaču (iri)	-načuḥ, -naču (iri)		=	
Cond. perf.	-inieḥ, -inielaḥ	-nieḥ, -nilaḥ		=	
Cond. hyp.	iniēḥāra	-niēḥāra		=	

Примеры 1-го спряжения līčar — купаться, 2-го bāxar — рассказывать, 3-го buzar — напомнить.

Infin.	līčar	bāxar	būzar
Пов. накл.	līča	bāxa	būza
Условн. накл.	līčaḥ	bāxaḥ	buzaḥ
Желат. накл.	līčaḥāra	bāxaḥ āra	buzaḥāra
Наст. вр.	līču	bōxu	buzu
Пов. накл. 3-е л.	līčula	bōxula	buzula
Прич. наст.	līčũ, līčurig	bōxũ, bōxurig	buzũ, buzurig
Сослагат. накл.	līčuḭla	boxuḭla	buzuḭla
Будущ. прост.	līčur	bōxur	buzur
Дееприч. наст. вр.	līčuš	bōxuš	buzuš
Lok. ger. pr.	līčuču (ḥ), līčučuiri	bōxuču (ḥ), bōxučuiri	buzuču (ḥ), buzučuiri
Imperf.	līčĩ	bēxĩ	buizĩ
Perfect.	līčir	bēxir	buizir
Дееприч. прош.	līččaḥ, līčči	bēxčaḥ, bēxči	buizčaḥ, buizči
Aorist I.	līčina	bēxna	buizna
Aorist II.	līčiniēra	bēxniēra	buizniēra
Прич. пош.	līčina (rig)	bēxna (rig)	buizna (rig)
Lok. ger. perf.	līčinaču (ḥ), līčinačuiri	bēxnaču (ḥ), bēxnačuiri	buiznaču (ḥ), buiznačuiri
Cond. perf.	līčinieḥ, līčiniēlaḥ	bēxnieḥ, bēxnielaḥ	buiznieḥ, buiznielaḥ
Cond. hyp.	līčiniēḥāra	bēxniēḥāra	buizniēḥāra

Связка (vu, ju, bu, du и т.д.) — дефектна; ее главные формы: наст. вр.[22] || u, аор. || ara, условн. наст. вр. || alah, желат. наст. || alaḥāra, прич. наст. || olũ, || erig, дееприч. || oluš, Lok. ger. || olču (ḥ), || olčuiri.

Причастия склоняются так:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Именит. пад.	|| erig	|| eriš
Родит. пад.	|| olčũ	|| olčũi
Дат. пад.	|| olčuna	|| olčušna
Активн. пад.	|| olču	|| olčuša

Другой важный вспомогательный глагол xilar — бывать, делаться, который замещает недостающие времена связки.

Инфинитив склоняется так:

Им. пад. — xilar.	Активн. пад. — xilaruš.
Род. пад. — xilã.	Орудн. пад. — xilarcĭ.
Дат. пад. — xilarna.	Allat. — xilarge.
	Direct. — xilargēha и т.д.

Другие формы: наст. вр. xilu, imperf. xilĭ, perf. xeilir, aorist. xille, буд. вр. xir, повелит. накл. xila, повелит. 3-е л., наст. вр. xil ‖ a, условн. накл. xilaḥ, желат. накл. xilaḥāra, сослагат. накл. xiluịla, причаст. наст. xilũ, xĭ, xirig, причаст. прошед. xille, xilllerig, дееприч. наст. xiluš, дееприч. прош. xilčah, xilči, Lok. ger. xiluču (ḥ), xilučuiri и т.д. Вопрос в глаголе, говоря grassa modo, выражается посредством —i, отрицание посредством -c- (в prohibit и apt. посредством ma), например, наст. вр. связки: ‖ ac, аор. ‖ acara, сослагат. накл. ‖ ācaḥ, желат. накл. ma ‖ alara, прич. наст. вр. ‖ ōcũ, деепричастие ‖ ōcuš; глаг. xilar: наст. вр. ca xilu, xilac, imperf. ca xilĭ, xilãc, perf. ca xilir, аор. ca xille, буд. вр. ca xir, повелит. накл. ma xila, ma xil ‖ a и т.д.

Вопросит. формы (глагольные связки) наст. вр. ‖ uị̂ (< u-i), aor. ‖ ariị̂; от глагола xilar — наст. вр. xiluị̂, imperf. xilin, perf. xiliri, буд. вр. xirri и т.д. Вопросительно-отрицательная форма: наст. вр. ‖ ēciị̂, аор.‖ ēciriị̂.

Наречия места именного происхождения, на что указывают употребляемые для их образования суффиксы Directiv'a (-ḥa), Inessiv'a и Adesssiv'a (ḥ), Ablativ'a (-ri); Motiv'a (a,e): (ho:) k̂uzi[23] — здесь, (ho:) k̂uzizi — отсюда, sha — сюда, ci : gaḥ — там, ci : ge — туда, cigiri — оттуда, k̂iēčaḥah — в другом месте, k̂iēčaḥa — в другое место, k̂ieča-ḥēri — на другое место, (ср. k̂ê, косв. пад. — k̂iēču — другой).

Примеры предложений. Склонение: dẽ c'a — отцӑ дом, t^{c}xẽ dâị̂ c'iēnuoš — наших отцов дома; as sâị̂ dēna dĭ luo — мною моему отцў конь дается; sẽ bʒergišna guo — моим глазам видно (вижу моими глазами); as duo k^{c}uīgicĭ — мною делается с рукой; cuō iz vĭ t^{c}uiricĭ — он им убит с шашкой; lāmanuō dĭ barst^{c}abuo — порою конь откармливается (на горных пастбищах конь откармливается), suo vuede vešīe — я иду к брату, hara t^{c}erĭ vu šiẽ vežiriške — этот поход (есть) на своих братьев; ḥuo ɣuō lāmaniēha — ступай к стороне горы; ḥuo vierza malxiēḥa — ты повернись против солнца; suo vōɣu lāmaniēri — я иду от горы; as ρ^{c}aị̂da iēcu — много выгоды получается из горы (извлекаю пользу из горы); lāmaniēh ρ^{c}aị̂da bu — у горы есть выгода (гора приносит пользу); hara muoxk sẽ bu lāmaniēc — эта земля моя есть до горы; hara ǰʒelieš berziluoil da: k̂ãị̂ du — эти собаки больше волков; hara ǰʒelieš berziluoị̂l (la) du — эти собаки с волков (величиной); leḥi buīlĭ c'īnax — змея вползла вовнутрь дома; hara t'ulag lāmanaxĭ bu — этот камень из горы (есть); naxčuị̂ bēlle T^{c}urρ^{c} alxĭ (t^{c}urρ^{c} alxa) — чеченцы произошли от Турпала (герой Эроним); hara stag ʒiēxu viraxã — этот человек ревет по-ослиному. Прилагат. (см. выше, грамматический очерк).

Глагол: sẽ dena suo j-vēza — моему отцў я люб есть (говорит сын); sẽ dena suo j-iēza (говорит дочь); sẽ nānna suo v-iēza — моей матери я люб есть (говорит сын); sẽ nānna suo j-iēza (дочь); suo dik^{c}ĭ v-u — я хорош; sẽ gaụr j-u — у меня есть лошадь; suo vara meždigieḥ — я был в мечети; medrisich valaḥ muolla vaait^{c}a — в школе если есть мулла, позови (его). Suēgaḥ v-olũ laị̂ — у меня находящийся раб; c'a-čuḥ v-erig vaaị̂t^{c}a — в доме находящегося позови (пришли); c'a-čuḥ b-eriš bax k^{c}aị̂t^{c}a — в доме находящихся позови; ḥuo v-o: k̂ũ v-oluš, suo jimĭ v-ara — ты велик будучи я был мал (когда ты был велик, я был мал); sha vuōla suo volču — приди сюда я где сущий есть (приди сюда, где я нахожусь); imām volčuḥ nāx bu — имам где есть, (там) народ есть; suō vōɣu imām volčuiri — я иду оттуда, где нет имама; imām vōcučuḥ nāxa bac — имама где нет и народа нет; suo dik^{c}ĭvuị̂ — хорош ли я; suo dik^{c}ĭ vēciị̂ — нехорош ли я; suo meždigieḥ vu — я в мечети есть (теперь), suo meždigieḥ xilu — я бываю в мечети (может быть, по пятницам); mast^{c}uxučuna dik^{c}ĭ xĭ — verig vac iz — хорош сущий не есть он; ~ ~ xĭ-volũ st^{c}ag vac iz — к неприятелю хорош будущий человек не есть он (прич. буд. вр.); huo lovzargaḥ guitariē-a xiluš valaḥ suo vōɣu rigv'u ci : ge — ты у игры (ge — Adess om. louzar — играть) и всегда находясь (дееприч.) если ты есть (если) я приду туда — если ты останешься там, где играют, то и я приду туда; mila vu šuexĭ nānna dik^{c}ĭ xillerig (xille st^{c}ag) — кто есть из вас к матери хорош бывший? — кто из вас всегда хорош с матерью? ḥuo xilučuḥ xa: danie-a xilu ɣovɣa — ты, где бываешь, всегда бывает шум.

Примечания

1. -cu, которым обозначаются все «святые» предметы, принадлежит к 1-му классу; bēr — «дитя» (d-,d-), malaik̲c — «ангел», как существо бесполое, к классу d- d-; также — nuskcu — невеста и некоторые другие.

2. Здесь мы имеем часто встречающийся суффикс -ig (уменьшит…?)

3. č перед g > š.

4. Слова, оканчивающиеся на гласные звуки, часто образуют основу косвенных падежей на -n. Другие слова присоединяют -n только в некоторых падежах.

5. Это ču является только в словах, обозначающих разумные существа. Предполагаю, что здесь мы имеем остаток слова для названия «человек»; ср. авар. či, мн. ч. čaʒi — человек.

6. Большей частью у односложных, оканчивающихся на гласный, совпадает с allativ'ом.

7. Грузинское lomi.

8. и derī.

9. и derā.

10. и с удвоением согласного основы: āmmalal

11. Созвучны наречному падежу (см. ниже).

12. Например, balda — губа — baldaš, gau̯r — лошадь — gau̯raš, kcuog — нога — kcuogaš; bʒerig — глаз — bʒerdiš, urs — нож — uirsiš, bežina — скотина (рогатая) — bežiniš, buc — трава — beciš, niq — путь — neqiš, huord — море — huerdiš; c'e — огонь — c'eriš; ǰʒeli — собака — ǰʒeliēš; c'i — кровь — c'iēš; maž — борода — mažuoš, dē — день — dienuoš; xatc — грязь — xatcc̆uš, рсха — жила — рсхēniš; āga — колыбель — āganaš; qa — грех — qinuoš, ḫōzu — воробей — ḫōzunuš; ʒam — лужа, озеро — ʒemniš и т.д.

13. При этом g тех падежей, которые образуются с -ge- изменяются после: s, b, k^{c}.

14. ho- и ha- — могут отпадать.

15. Примеры e и f не могут быть приведены, так как соответствующий глагол не принимает классных элементов.

16. Может быть, место, занимаемое именами, «объект» стоит впереди.

17. Sing-verb, то есть глагол, употребляемый только при единичности субъекта resp. объекта.

18. То есть наст. и буд. вр.

19. Ср. Inessiv.

20. Род. ablat. и inessiv'у причастие.

21. -i окончания ina переходит к основе, поэтому a > e (ai > e).

22. ‖ обозначает место классного элемента.

23. Ср. указ. мест. hara, осн. косв. пад. ho̲ku.

Рукопись без указания даты

Текст печатается по источнику:
ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 139. Лл. 1–72. Машинописный экземпляр.

Русские слова в карачаевском языке*

Главы.

I. Краткий историко-этнографический очерк Карачая.

II. Влияние русского языка на карачаевский по экономическим, политическим и психологическим причинам.

III. Основные положения грамматики карачаевского языка и русского слова в ней.

I. Историческими судьбами народа объясняется многое в его языке. Тот исторический путь, по которому шел и развивался данный народ, его экономические и культурные достижения, политический строй, обычаи, нравы, природные условия, флора и фауна — вот те факторы, которые, в конечном счете, обусловливают состояние и развитие языка данного народа. Поэтому необходимо бегло коснуться исторического происхождения карачаевского народа; нужно проследить и учесть те условия, в которых существовал и развивался, жил и действовал карачаевский народ.

После разрешения вышеуказанной задачи мы найдем ключ к изучению и выявлению полной картины карачаевского языка, каким изменениям он подвергался, и что он приобретал и по каким причинам…

Итак, среди языков, на которых говорят обитатели глубоких ущелий Центральных Кавказских гор, существует язык, называемый карачаевским. Этим языком говорят обитатели ущелий реки Кубани и ее притоков: Теберды, Марухи и других, — известные под именем «карачаевцы». Этнографические особенности этого… пастушеского народа мало исследованы, но тем не менее несомненен тот факт, что карачаевцы тюркского происхождения (это устанавливается по языку) и исповедуют ислам.

По преданиям карачаевцев, в прежние времена, которые можно отнести к XII—XIII векам по Рождеству Христову, выходец из Крыма по имени Карча, охотясь на туров в Центральных Кавказских горах, попал случайно в местность, покрытую дремучим лесом, окруженную со всех сторон неприступными отвесными горами, и обосновался там со своими родичами и близкими, образовав впоследствии современный Карачай.

Я же склонен думать, что во времена великих переселений и передвижений народов, которые проходили через Кавказские ворота, карачаевский народ, как осколок тюрко-татарского движения, приютился у неприступных стен Кавказских Альп, вытеснив оттуда более слабых обитателей — аланов-осетин (иранцев-оссов), отошедших в нынешнюю Дигорию. Приблизительно этого же времени итальянский миссионер Ламберти говорит: «У подножья Кавказа на севере живет еще несколько народов, так называемые карачаевцы, или карачеркесы, то есть черные черкесы. Они носят такое имя не потому, что они черного цвета, ибо они очень белые, но, может быть, оттого, что в их стране небо постоянно облачное и темное (сами карачаевцы производят это название от слова Кара-чай, то есть черная вода), реки в этой местности от шиферного песка окрашены в черный цвет. Язык их тюркский, но они так быстро говорят, что человек с трудом поймет их. Меня очень удивило, что карачаевцы среди стольких варварских языков, на которых говорят окружающие их народы, могли так чисто сохранить тюркский язык, но когда я вычитал из Кедрена, что как раз с северной стороны Кавказа вышли гунны, от которых происходят турки, то догадался, что эти карачаевцы — то колено гуннов, от которых выделились тюрки, и что по этой причине они до сих пор сохранили свой древний язык».

Этот исторический документ важен, по моему мнению, в том, что Карачай создан не по желанию выходца из Крыма, как гласит предание, а обосновался он силой исторических обстоятельств, как часть тюрко-татарского движения. Тем не менее можно допустить, что карачаевцы не представляют собою чистого однородного племени. К главной массе тюрко-татарского происхождения, составившей как бы древнейшее ядро племени, последовательно в течение долгого периода времени, и вместе с тем безостановочно присоединялись различные этнические элементы: кабардинцы, сваны, мингрельцы, абхазцы, малкарцы и даже русские. Эта примесь происходила путем приселения и насильственными мерами похищения, покупки и

---

* На обложке дела надпись: «Доклад на тему «Русские слова в карачаевском языке» (автор неизвестен)».

рабства. Очевидно, в разные времена к карачаевцам присоединялись те или другие семейства иного племени. С другой стороны, карачаевцы крали или покупали себе жен и рабов у всех своих соседей. Так, встречается у карачаевцев весьма известная фамилия Семеновых, род которых своим этимологическим составом указывает на происхождение от русских. Также встречается другая фамилия — Урусовы или Орусовы, если принять во внимание, что карачаевцы русских называют «орусами», то можно предполагать, что и Урусовы тоже берут свое начало от русского племени.

Заняв ущелья Кубани и продвинувшись до снеговых вершин Главного Кавказского хребта, карачаевцы окончательно обосновались в этом районе, оградив себя естественными барьерами от нападения кабардинцев и других соседних народов. Таким образом, отрезанные от других народов и племен труднодоступными ущельями и прикрытые от их вторжения, а следовательно, и от их непосредственного влияния, — карачаевцы вели обособленную, замкнутую жизнь. По мере водворения русского господства на Кавказе и по мере продвижения русского владычества на реке Кубани — карачаевцы в северной своей части начали соприкасаться с русскими. Соседство это стало влиять на жизнь, быт и язык карачаевца; тем более это завершилось при окончательном, официальном покорении Карачая Россией в 1828 году.

Здесь нужно отметить, что карачаевцы, далеко еще до официального покорения их, вели экономические, торговые сношения с русскими.

После этого исторического акта начинается мирное сожительство и экономическое сотрудничество с русскими; установились тесные торговые, культурные отношения.

II. Теперь же перейду непосредственно к тому, как, в какой форме и степени и по каким причинам русский язык повлиял на карачаевский.

Находясь на низкой ступени своего развития, переживая в своей среде первобытные, родовые общинные отношения, ведя кочевой скотоводческий образ жизни, — карачаевский народ был беден в хозяйственно-экономическом, культурном, духовном, бытовом отношениях, и, как естественный закон первобытной родовой эпохи, он был беден в языке, как непосредственно отражающем в себе несложную... жизнь карачаевца.

Можно допустить мысль, что карачаевцы до прихода на Кавказ стояли на более высокой культурной ступени своего развития; но, гонимые судьбой, преследуемые и стесняемые более могучими народами, они забрались и замкнулись на вершинах суровых, диких и скупых на дар кавказских Альп, и эта суровая природа, от которой зависит в конечном счете благосостояние всякого народа, наложила свой неминуемый отпечаток на жизнь карачаевца.

На мой взгляд, причин влияния русского языка на карачаевский очень много, но здесь я отмечу самые главные факторы, которые обусловливают собой это влияние:

1. Экономические причины (или факторы).
2. Культурные.
3. Политические.
4. Психологические.

Рассмотрим каждую из них в отдельности.

1. Карачай, будучи стиснут к бесплодным... горам Кавказского хребта, переживал острую продовольственную нужду, главным образом, нуждался в хлебе и соли и неизбежно прибегал к помощи равнин и плоскостных местностей, прилегавших к границам Карачая, которые впоследствии были заняты русскими; и во имя своего существования Карачай прибегал к торговле с русскими (это еще до покорения Карачая).

а) Имея в своем домашнем обиходе незначительное количество предметов*, эта торговля внесла в жизнь карачаевца дотоле невиданные и неслыханные предметы, названия которых должны были принять гражданство в карачаевском языке.

б) Для ведения торговли и вообще экономических связей нужно было найти общий язык, а таковым являлся русский, как по своему богатству и обработанности, так и потому, что карачаевцы экономически были зависимы от русских.

2. Прикосновение культурной, высоко развитой русской нации с бедным, кочевым скотоводческим племенем, переживающим родовые отношения, естественно, повлияло на жизнь, быт, нравы, карачаевцев и, в частности, на язык. В то время... карачаевцы... не имели своей письменности, если не считать арабскую, внесенную вместе с исламом. И разумеется, что тес-

---

* Так в тексте рукописи.

ная связь этого... народа с Россией, с ее совершенной культурой, должна была отзываться на жизни и на языке карачаевца.

3. Будучи покорен Россией, Карачай составлял неотделимую часть российского политического организма. Проводя общегосударственные задачи, Россия установила в Карачае все местные органы власти на русском языке. Все административные, судебные, культурно-просветительные учреждения, школы, аптеки и другие были организованы на русском языке. Эти жизненные условия стали необходимостью к изучению и перенятию русского языка. Сталкиваясь на каждом шагу с русским языком, встречаясь с ним не только за пределами Карачая, но и на территории своего родного аула, у порога собственного дома — карачаевец или изучал русский язык, или же перестраивал его на свой лад.

4. Ослепленные... и отуманенные религиозными и бытовыми представлениями и предрассудками, иногда доходившими до фанатизма, как это было в среде и других народностей Кавказа, карачаевцы смотрели на русских и на их язык недружелюбно, враждебно и даже нетерпимо.

Но история делала свое дело. Сознание необходимости тесного и мирного сожительства и сотрудничества с русскими, мысль о необходимости приобщения к культуре и цивилизации — начала господствовать в умах карачаевцев, они начинают пробуждаться... и проникаться мыслью о необходимости просвещения. Лучшая сознательная часть начала просвещаться, и плоды его не заставили долго ждать. Началась всеобщая тяга к культуре, просвещению. Прежняя необходимость перешла в стремление, в роскошь.

Становится любимым занятием и развлечением говорить по-русски в общественных местах и в частной семейной жизни карачаевца. Таким образом, становится ясным из всего вышеописанного, что русский язык пустил глубокие корни в карачаевском языке.

Произношение одного и того же языка или отдельных слов в нем людьми различных национальностей в силу неодинакового строения и приспособления органов речи под влиянием географических и климатических условий — неодинаково. В этом отношении некоторую роль играют классовая принадлежность, образ жизни (горожане произносят иначе, чем деревенские) и психологические моменты и т.д. Поэтому ясно и естественно, что некоторые русские слова в карачаевском произношении изменены и искажены. Например: кырпыч (кирпич), самоуар (самовар), кобуста́ (капуста́) и т.д. Но слова русские, тождественные (сходственные) по своей артикуляции и фонетике с карачаевскими словами, — сохранили свою прежнюю форму. Например: «стакан», «лампа́», «учитель» и т.д. Таким образом, русские слова подчиняются правилам и законам карачаевского языка. Количество русских слов, вошедших в употребление в карачаевском языке, очень большое, их можно насчитывать целыми десятками — имеющих широкое распространение в обыденной жизни карачаевца. В области политики, юстиции и других научных дисциплин невозможно обойтись без употребления русских слов целыми массами, например: «Сютге заявление бердим», — перевод: «Я в суд подал заявление»; два слова этого предложения русского происхождения, а только одно карачаевское. Другой пример: «Милиция столумада шкафымара арест салды», — перевод: «Милиция наложила арест на мой стол и шкап». Из пяти слов этого предложения четыре — русского происхождения, а только одно карачаевское. Можно было бы привести много таких примеров, но я думаю, что приведенного достаточно, чтобы представить роль и значение русских слов в карачаевском языке. Необходимо отметить, а это видно из вышеприведенных примеров, что русские слова безоговорочно принимают формальную принадлежность карачаевского языка и отчасти подчиняются сингармониям последнего. Ударение переходит на последний слог, например, «кобуста́», хотя не всегда.

Итак, суммируя все изложенное, мы можем сказать, что Карачай, будучи зависим в экономическом, политическом, культурном отношениях от русских, которые стояли на высокой ступени своего развития, — карачаевцы, переживая... родовые отношения, с их простой жизнью приняли от русских культуру, навыки, достижения, это нашло свое отражение и в языке. Такое непосредственное значение и влияние русского языка среди горцев Кавказа, в частности, среди карачаевцев, вполне естественно и понятно. Здесь же небезынтересно отметить одно, на мой взгляд, любопытное явление. Карачаевский язык, подвергаясь влиянию русского языка, имел обратное действие и оказал некоторое, правда, очень незначительное, влияние на язык тех русских населенных пунктов, которые прилегают к границам Карачая. Это, по моему мнению, не столь важно с практической точки зрения, но важно с точки зрения лингвистики в области изучения языков различных народов, в процессе их исторического происхождения и развития и для установления этнографических и других связей между отдельными народами в области далекого прошлого и современности.

III. Теперь несколько слов о грамматике карачаевского языка.

Фонетика.

Гласные звуки: а, о, у, ы, и, е, которые произносятся, как и по-русски.

о, у произносятся немного иначе:

о — звук близкий к французскому,

у — звук, близкий к французскому.

Согласные звуки: б, п, м, д, т, з, с, н, р, л, к, г, х, ч, ш — произносятся, как по-русски.

Но, кроме того, существует ряд звуков, которые можно условно изображать так: қ, ғ, ң, ҷ, произношение которых следующее:

ҟ (q) «қ» твердое «к», произносимое задней частью языка и мягким небом;

ɣ (ɑ) «ғ» — соответствует гортанному «г»;

—(ŋ) «ң» — носовое «н», произносимое несколько грубее французского;

ҷ (ç) «ҷ» — звук, который можно было бы изобразить через «дж», но произносить их должно слитно, не выделяя предзвучья «д»;

«д» в принудительном залоге после ч, ҷ, п, б, т, ш, с, к, қ переходит в «т»;

«к» и «қ» между двумя гласными переходят в «г» и «ғ». Пример: қулақ (ухо) — қулағым; Терек — Терегим.

Частей речи в карачаевском языке восемь: имя существительное, прилагательное, местоимение, глагол, имя числительное, наречие, союз, послелог и частица.

Имена существительные бывают коренные и производные. Для производства имен от именных корней наиболее употребительными являются суффиксы: 1) -лык-, -лик-, -лук-, -люк- — для свойства или качества; 2) -чы-, -чу-, -чи-, -чю- — образуют имя мастера или деятеля:

Пример: темир-чи — кузнец — (темир — железо)

Для образования уменьшительных имен: чык, чик.

Пример: кыз — девушка, а кыз-чик — девочка.

Имена в карачаевском языке по родам не различаются.

Для образования множественного числа употребляются суффиксы: лар, лер, а падежные окончания для обоих чисел одинаковы.

Падежные окончания имеют следующие формы:

	Единственное число	Множественное число
Им. падеж	стол	стол-лар
Род. падеж	стол-ну	стол-лар-ну
Дат. қа, ға, ка, га, ке, ге	стол-га	стол-лар-га
Вин. ны, ни, ну	стол-ну	стол-лар-ну
Исх. дан, ден	стол-дан	стол-лар-дан
Местн. да, де	стол-да	стол-лар-да
Совм. была, била, биле	стол-была	стол-лар-была.

Имена прилагательные не отличаются от имен существительных. Главнейшие суффиксы:

1. лы, лу, лю — для относительных.

Пример: тау-лу — горский; инек-ли — коровий.

2. сыз, сиз, суз, сюз — отрицающие коренные понятия:

арю — красивый, арюсуз — некрасивый.

Степени сравнения:

1. Сравнительная степень — суффиксы: рек, рак, узак — далекий, узаграк — дальше.

2. Превосходная степень: кёп, бек, иги — хороший, бек, иги — весьма хороший.

Местоимения бывают: личные, притяжательные, возвратные, указательные, вопросительные, определенные и неопределенные.

Распространение на дальнейшие правила карачаевской грамматики считаю излишним и не касающимся непосредственно моей темы. Приведенного достаточно, чтобы сказать, что карачаевский язык.., будучи изолирован от родственных ему языков и развиваясь самостоятельно, имеет известную закономерность и определенные правила в своей грамматике, как и другие языки.

За отсутствием материала, настоящий доклад не может быть полным и исчерпывающим.

Дата написания доклада не установлена

Текст печатается по источнику:
ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 213. Лл. 1-9. Машинописный экземпляр.

Мария Карповна Милых

М.К. Милых родилась 10 ноября 1907 года в Ставрополе. В 1929 году окончила литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Северо-Кавказского (позже Ростовского) университета, работала учителем Песчанокопской железнодорожной школы Ростовской области. Ранние научные исследования были связаны с изучением тюркских языков (ногайского, кумыкского, карачаевского, балкарского) и с созданием письменности для бесписьменных народов Северного Кавказа. Была старшим научным сотрудником и ученым секретарем Северо-Кавказского краевого комитета нового алфавита в Ростове-на-Дону. Работала в Северо-Кавказском горском историко-лингвистическом научно-исследовательском институте им. С.М. Кирова в Ростове-на-Дону, позже в Пятигорске. После ликвидации Горского института преподавала в Ростовском государственном педагогическом институте, с которым в дальнейшем была связана вся ее жизнь.

Продолжая исследование кавказских языков, М.К. Милых интересовалась проблемами стилистики. Хорошо известен ее труд «Вопросы грамматической стилистики (к синонимике частей речи)», вышедший в 1945 году, заложивший основы изучения грамматической и практической стилистики русского языка. В 1942–1944 годах Ростовский педагогический институт находился в эвакуации в городе Ош Киргизской ССР. Здесь М.К. Милых завершила и успешно защитила кандидатскую диссертацию «Вопросы грамматической стилистики русского языка».

Центральное место в последующих лингвистических исследованиях М.К. Милых занимают проблемы изучения конструкций с чужой речью. В 1962 году в Ленинградском университете она защитила докторскую диссертацию «Конструкции с прямой речью в современном русском языке». Результаты исследования прямой и косвенной речи изложены в монографиях: «Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе» (1956), «Прямая речь в художественной прозе» (1958), «Конструкции с косвенной речью в современном русском языке» (1975). С 1962 года около двух десятилетий М.К. Милых возглавляла кафедру русского языка в Ростовском государственном педагогическом институте, участвовала в подготовке учебников, учебных пособий по стилистике, занималась изучением творчества А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова, исследовала язык и стиль других русских писателей, проводила конференции, была председателем диссертационного совета по филологическим наукам.

В архиве Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института (ГАСК, фонд Р-1260) находятся рукописи работ М.К. Милых «Об орфографии советизмов и интернациональных слов в тюрско-татарских языках» (дело № 230), «О ногайской терминологии» (дело № 247). В фонде редкой книги научной библиотеки СКФУ хранится работа М.К. Милых «Вопросы орфографии тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана» (1937).

Работы о М.К. Милых:

Маевский Н.Н. Ученый и педагог (К 105-летию профессора М.К. Милых) // Язык как система и деятельность – 3: Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: Издательство НМЦ «Логос», 2012. – С. 8–9.

Максимова Е.С. К 100-летнему юбилею Южного федерального университета // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. – № 4. – С. 10–24.

Основные работы М.К. Милых:

Вопросы орфографии тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана / Орджоникидзевский краевой комитет нового алфавита; Орджоникидзкивский историко-лингвистический институт им. С.М. Кирова. – Кисловодск: Типография Кароблнациздата, 1937.

Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. – Харьков : Издательство Харьковского университета, 1956.

Прямая речь в художественной прозе / Отв. ред. М.Я. Немировский. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1958.

Конструкции с косвенной речью в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1975.

Проблемы языка и стиля А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1983.

М.К. Милых
Об орфографии советизмов и интернациональных слов в тюрко-татарских языках

(*И. Рамеев. Орфографический словарь интернациональных слов в татарском литературном языке. Татиздат. Казань, 1935. Torycese: Y. Bomi. Tatar әdebi telendәge internatsional syzlәrneŋ orfografir. Tatgosizdat. Qazan, 1935*).

При разработке орфографии тюрко-татарских языков особое внимание следует уделить правописанию интернациональных слов и советизмов, часто имеющих фонетические особенности, не свойственные тюрко-татарским языкам. В орфографических руководствах этот раздел обычно недостаточно разработан, хотя правописание интернациональных слов и советизмов выделяется иногда в особый отдел орфографии. Правда, в большинстве известных нам орфографических материалов правила правописания так называемого коренного фонда слов родных языков и слов иноязычных, включая советизмы и интернациональные слова, даются параллельно[1]. Совершенно недостаточно разработано правописание иноязычных слов в орфографических руководствах тюркских языков Северного Кавказа.

Нужно отметить, что по кумыкскому и ногайскому языкам до сих пор вообще нет разработанных сводов орфографических правил. Руководства по орфографии кумыкского и ногайского языков, изданные в 1931—1932 годах, в настоящее время уже не могут быть полностью использованы, так как после их издания орфографическая практика значительно изменилась. В правописание же интернациональных и иноязычных слов II-я Дагестанская орфографическая конференция, происходившая в Махачкале в 1933 году, внесла коренные изменения, признав ошибочными решения I-й орфографической конференции, проходившей в конце 1931 года. Эти решения были отражены в орфографических руководствах. На I-й конференции было установлено, что иноязычные слова, усваиваемые дагестанскими языками, «должны писаться так, как произносятся в тех языках, из которых они проникают в дагестанские языки» (из резолюции конференции).

По ногайскому языку в 1931 году был издан орфографический словарь Джанибекова[2] в объеме более 4000 слов. Словам интернациональным в нем уделено незначительное место. Во вводной части (стр. 5—19) принципы правописания иноязычных слов излагаются на одной страничке. Писать предлагается: «kalxoz, kamsamol, komunijs, aparat, kalektijf, kapiratsь, revalθtsь».

Подобным же образом передаются в словаре все интернациональные слова. Например: raijspalkom, rapfak, parafesьr, pьrkaror, pьragram, asavjaxijm и др. Этот словарь следовало переработать и переиздать сейчас же после II-й орфографической конференции, но этого сделано не было.

В руководстве по орфографии кумыкского языка[3] так же, как и в ногайском орфографическом словаре, правописание интернациональных слов и советизмов отражало произношение, за исключением правописания в интернациональных словах сочетаний согласных, которые передаются без вставки между согласными так называемых облегчающих гласных. Вообще правописание интернациональных слов дано здесь не систематизированно и не полно.

Определяющим положением при установлении орфографии интернациональных слов в ногайском и кумыкском языках являются лишь решения последней II-й Дагестанской орфографической конференции, проведенной в Махачкале в 1933 году. На этой конференции было принято решение о необходимости передавать интернациональные слова и советизмы, заимствованные и впредь заимствуемые дагестанскими языками, «согласно правописанию их корней в тех языках, из которых они проникают в дагестанские языки».

Но эти общие положения не были впоследствии конкретизированы ни в построенных на их основе орфографических словарях, ни в специально изданных орфографических руководствах. Несмотря на решение конференции о том, что составление орфографических словарей-справочников является ударной работой, которую поручалось в кратчайший срок организовать и провести Дагестанскому научно-исследовательскому институту национальной культуры, до настоящего времени этих словарей-справочников не имеется.

Более детально раздел о правописании интернациональных и иноязычных слов разработан в проекте карачаево-балкарской орфографии[4]. В этом проекте имеется специальная глава, посвященная правописанию иноязычных и интернациональных слов (стр. 19—23).

В ней освещается правописание гласных и их сочетаний (типа: sosial, gigiena, period, presidium, burzuazija, kooperativ, individuum, aeroplan, Sopengauer и др.); согласных и их сочетаний (типа: kapitalist, komitet, gazet, sklad, proekt, şmidt, temp, romb, plasdarm); правописание удвоенных согласных (kommuna, kolleksija, korrektor, oppozisija, professor, klass, kongress, gramm, grammatika); передача отдельных специфичных для русского алфавита букв (я = ja, Japonija; е и э = e, Engels, Elizaweta, proekt, epos, metod, telefon; ю = ju, jurist, kajuta, poljus; щ = şc, towarişcestvo, obşcestwo); передача вошедших в современный литературный язык вместе со многими интернациональными терминами и советизмами аффриката -ц- и губно-зубного -в-: ц = s, sosializm, sentr; в = w, sowet, wlast, rewoljusia; обозначение звукораздела (sjezd, subjekt); передача интернациональных суффиксов (-izm, -ist, -al, -ar, -er, -or: marksizm, marksist, liberal, redactor и др.); сложносокращенных слов и аббревиатур (Sownarkom, Kompartija, SSSR, WKP(b)), а также частично оформление вводимых через русский язык имен прилагательных (на -ный — liberal, sentral, на -ский, -ический — sowet, oktjabr, kapitalist, kommynist и другие).

Некоторые из затронутых в проекте карачаево-балкарской орфографии вопросов требуют дальнейшего уточнения, но в этом своде орфографических правил карачаево-балкарского языка охвачены все же все основные вопросы правописания интернациональных слов.

Что касается орфографического словаря, то и для карачаево-балкарского языка он не составлен до настоящего времени. Сейчас составление орфографических словарей достаточно интенсивно ведется и в Карачае, и в Дагестане, поэтому именно теперь особенно интересно проанализировать те орфографические пособия и словари, которые уже составлены и выпущены из печати для других тюрко-татарских языков, близких по своей грамматической структуре к тюркским языкам нашего края, с тем чтобы учесть опыт этой работы в других национальных областях и республиках Советского Союза и использовать его в практике орфографической работы по тюркским языкам в крае.

Настоящая работа имеет целью дать анализ орфографического словаря интернациональных слов в татарском литературном языке, составленного И. Рамеевым[5], поскольку этот словарь является первым опытом составления подобных словарей специально интернациональных слов.

I. Орфографический словарь Рамеева содержит около 8 500 слов, но в него включены не только интернациональные слова, но и слова, вошедшие в татарский язык из русского и не имеющие интернационального значения, например: budilnik, budocnik, bogadelnə, barьjşnə, donos, donoscik, dopros, dozor, dvigatel, ispolnitel, ispravnik, kucer, nabor, naborşik, nacal'nik, nadzor, perevozcik, postanofka, predvoditel, propusk, skoroxod и другие.

Совершенно напрасно введены в словарь такие слова, как — mamzel, obzor, uxaz̧or, durak, podles, svoloc, zulic, şarlatan, şelma, kanalja, şalopaj, şpana, xoluj, xuligan, molokosos.

В словаре встречаются слова, не существующие на практике, искусственно составленные из отдельных словарных элементов: ametodik, bastofka, klassizm, jafetizm, skeptizm, likvid.

В начале словаря дан краткий свод правил правописания интернациональных слов (стр. 3-13), в качестве приложения даны таблицы иноязычных слов, орфография которых этим правилам не подчиняется.

Сюда автор относит: 1) слова, издавна вошедшие в татарский язык и в правописании отражающие особенности татарского произношения; 2) основные татарские слова, вошедшие в другие языки, а также орфографические названия и принятые в татарский из восточных языков имена собственные; 3) слова, в которых не следует обозначать мягкость согласного, поскольку он входит в состав мягкого слога; 4) слова, в которых не обозначается мягкость согласных, так как они усвоены с твердым произношением.

В своде орфографических правил, данных при словаре, излагается правописание гласных и согласных и их сочетаний, правописание сложных слов и аббревиатур, орфография интернациональных и татарских суффиксов в заимствованных интернациональных словах.

Правописание интернациональных слов в орфографическом словаре Рамеева совершенно верно строится на общем положении о том, что интернациональные слова, вошедшие через русский в литературный татарский язык, пишутся, как правило, в такой же форме, какая принята и в русской орфографии. Этому общему положению в татарской орфографии не подчиняется группа слов, издавна вошедших в татарский литературный язык и усвоенных в подчиненном фонетической структуре татарского языка виде. Сюда автор относит слова большею

частью бытовые, при передаче которых, конечно, вполне возможно исходить из норм родного языка, и установленное в словаре правописание их вполне допустимо. Подробный список этих слов мы находим в конце словаря. Сюда, благодаря занесению в словарь не интернациональных, вошло как раз большинство заимствованных из русского обиходно-бытовых терминов, как: чайник — cəjnik, очередь — cirət, кровать — karavat, капуста — kəbəsta, корзина — kərzinka, тарелка — tərilkə, фитиль — filtə, кирпич — kirpec, дуга — duoqa, клещи — kleşcə, щука — şykə, церковь — cirkəv, ярмарка — jərminka, корабль — karab, нашатырь — nişatır, шлея — şliə, бархат — bərxət, сургуч — suroqıc и другие.

Среди слов, в которых вполне возможно допустить исключение из общего правила о сохранении орфографической формы, принятой в языке русском, встречаются и такие слова, как «Россия» в форме «Russiə», «Сибирь» — «Seber» и «Симбирск» — «Sember». С таким способом написания их положительно нельзя согласиться. Собственные, географические и другие наименования на письме нужно максимально сближать с написанием их в том языке, из которого они принимаются. Поэтому при установлении твердых орфографических норм безусловно необходимо эти слова сохранить в форме «Rossiə, Sibir, Simbirsk».

К этой же группе слов отнесено и слово «фараон», которое, по указанию автора словаря, даваемому им в своде орфографических правил, должно писаться в форме «firoqəven». Однако в самом словаре помещены две формы написания «firoqəven» и «faraon».

При наличии в орфографической практике этих двух параллельных форм вряд ли следует отдавать предпочтение первой форме, лучше культивировать «faraon».

Основные татарские слова и географические названия и вошедшие из арабского собственные имена также исключаются из общего правила правописания интернациональных слов. Орфография их должна, по мнению автора, отражать произношение.

В списке слов, относящихся к этой группе, мы находим такие слова, как: arьq, basqaq, başmaq, basqort, jasavьl, jataqan, sultan и другие. Из географических названий — Almata, Amudərja, Baqdat, Maxac-Qala, Xəçənd и другие. Из числа этих написаний вызывает сомнение правильность написания названия города Астрахани через «Əstrxan», а не «Astraxan». Нельзя согласиться с рекомендуемым автором написанием «Məskəv». Слово «Москва» можно и нужно в татарском языке, как и в других языках Советского Союза, передавать без всяких изменений через «Moskva».

II. Правописанию гласных посвящено 6 пунктов.

При передаче гласных в интернациональных словах проводятся те же правила, которые приняты в тюркских языках Северного Кавказа (карачаево-балкарском, ногайском и кумыкском), а именно: гласные — а, о, и, е (-е- в середине слова) пишутся без изменения, несмотря на возможные отличия в произношении этих слов от произношения их в русском и других языках. Например:

foto	telefon	union
kino	moment	kul'tura
motor	komitet	auditoriə и другие.

Но и в отношении этого правила автор дает несколько исключений для слов, раньше вошедших в татарский язык в измененном виде.

В качестве примеров приводятся слова — jərminkə, rəşətkə, mərmər, xəlvə и многие другие, неправильно относимые автором к интернациональным.

Русское -э- так же, как и в языках карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском, в татарском передается через -е-.

Энгельс	—	Engels
экономика	—	ekonomika
поэзия	—	poeziə
эмаль	—	emal'

В орфографических правилах нет указания на передачу русского -ы-, но во всем словаре -ы- передается сочетанием -ьj-: Sьjzran, vьjcegda, vьjveska, vьjstafka, umьjvalnik, butьjlka, Rьjbinski, Rьjleef и другие.

Несмотря на некоторую разницу в произношении русского -ы- и татарского более краткого -ь-, излишне загромождать таким образом орфографию. Русское -ы- следует передавать через -ь-, как это и принято во всех тюрко-татарских языках.

Нуждается в упрощении правило на передачу русских йотованных гласных ю, я, е, ё.

Прежде всего следует отметить неточность в формулировке этого правила. В словаре, судя по формулировке автора, правило относится к правописанию йотованных гласных — е, ё, ю, я — в начале слов и слогов, примеры же даются автором не только на случай, когда я, ю, е, ё находятся в начале слова или слога, но и на случай звукораздела, обозначение которого следовало бы рассмотреть совершенно самостоятельно в отдельном пункте.

Не выдерживается и определенная система в передаче йотованных гласных в аналогичных случаях их местонахождения в слове.

Начальное -е- передается через ie:

Ievropa	Ienisej
Ievgenij	Iesenin
Evrej	Evgenika
Iegipet	и другие.

Для обозначения звукораздела между согласными и -е- совершенно правильно используется -j-. Примеры:

objekt	marseljeza
feljeton	kurjer
premjer	bareljef
barjer	Moljer

В этих случаях -j- последовательно передается звукораздел, обозначаемый в русском языке через -ъ- и -ь-.

Начальные -я- и -ю- в татарской орфографии принято передавать через -ja- и -jə-; -ju- и -jy-, в зависимости от твердости или мягкости следующего слога в слове. Этим способом якобы отражается в правописании произношение с учетом закона сингармонизма. Но совершенно ясно, что такое написание только затрудняет правописание. Это можно проследить и по самому словарю. Сам автор, давая примеры к правилам, не выдерживает установленных принципов. Рядом со словами — jumor, sojuz, ijyn, ijyl, de-jyre им помещены — jubilej и jurist, где, казалось бы, согласно его установкам, следовало писать -jy-. Просматривая текст словаря, мы находим и такие совершенно противоречивые написания, как: jymor, jymorist, jyrist, jystitsiə, jybilej и рядом: Jygoslaviə, Jytlandiə, jybka, jyngfrau, что совершенно не вяжется с установленными принципами автора. Слова «бюро» и «бюрократ» тоже пишутся с — j (bjuro, bjurokrat).

Очевидно, для того, чтобы орфография была более легкой для усвоения и использования в практике, нужно -ю- в начале слов и слогов и после звукораздела передавать одинаково или через -ju-, или -jy-. Та же непоследовательность, что и в передаче -ю-, наблюдается в передаче русского йотованного -я-. Рядом со словами — Jalta, Jakof, jəslə, jəcejka, отвечающими своим написанием установленным принципам, помещены написания «Zojə» и «alleja»; в самом словаре — «jafetidologiə», «jafetik», «jafetizm», где казалось бы должно быть -jə-. Эти противоречивые примеры весьма ярко иллюстрирует неприемлемость для практики рекомендуемой в словаре системы орфографических написаний.

Нет последовательности и в передаче принятых обозначений «ю», «я», «е» в середине слова после мягких согласных. -ю- и -я- заменяются соответствующими «мягкими» «у» и «ə», а «ё» после шипящих передается через «о» — otcot, zacot, scot, şcotka и другие, а после мягких согласных передается почему-то не через -ө-, а через -jo-, как и -ё- начальное. Сравним примеры:

bylleten	Aləska	samoljot
syzet	Brənski	aktjor
alymini	gornək	pulemjot
revolytsiə	Finləndiə	Budjonnьj

Следовало бы выдержать единую систему в передаче «я», «ю», «ё» и писать — samolθt, aktθr, ρulemθt, Budθnnьj и другие[6]

При таком обозначении -ё- было бы последовательно проведено на письме обозначение звукораздела при помощи -j-. В принятой же сейчас орфографии татарского языка, благодаря обозначению -ю- и -я- в середине слова после согласных через -у- и -ә-, очень удачно разрешается вопрос о передаче звукораздела через -j-, именно в тех случаях, когда звукораздел находится между согласными и -я-, -ю- или -е-; -j- выступает в качестве обозначения звукораздела во всех приводимых ниже примерах, причем благодаря передаче -ю- и -я- через -у-, -ә- сочетание с -j- мы не сможем читать, как русские -ю-, -я-, -е- после согласных.

konjunktura	biljard
intervjy	ρjesa
adjunkt	kurjer
adjutant	sjezd
konjak	ρodjezd

Совершенно напрасно в словаре, помимо -j-, для обозначения звукораздела используется и апостроф в словах — Ul'janovski, al'jans. Апостроф здесь является совершенно лишним.

В тех случаях, когда звукораздел находится между согласными и -ё-, для его обозначения употребляется не -j-, а -i-, так как j используется для обозначения -ё- после мягких согласных. Пишется: batalion, ρoctalion. Это написание также нельзя признать правильным, так как то же сочетание -io- произноситься иначе в словах: biografiə, biologiə, bibliografiə, biblioteka, Lion и других.

Следовательно, та непоследовательность, которая допущена в обозначении — я, ю, ё — после согласных ведет в дальнейшем к непоследовательности в обозначении звукораздела, а это, в свою очередь, усложняет орфографию и затрудняет усвоение навыков беглого чтения, так как аналогичным способом написанные слова должны читаться по-разному, что ясно видно из следующих примеров:

konjunktura	Semjon
konjak	Budjonnьj
sjezd	ρulemjot
adjutant	samoljot

В тюркских языках Северного Кавказа вопрос о передаче звукораздела в орфографических руководствах до конца не разрешен. Только в карачаево-балкарской орфографии указывается на обязательность обозначения звукораздела через -j- между согласными и -е-: sjezd, ρjesa, objekt и др. При единообразном обозначении я, ю, ё через ja, ju, jo не только в начале слов и слога, но и после мягких согласных (Japonija, Aljaska, jurist, kajuta, rewoljusija, ρulemjot) звукораздел, очевидно нужно обозначать особым способом, хотя бы при помощи апострофа. В таком случае следовало бы писать: kon'junktura, konjak, batal'jon и т.п.

Рядом с правилом на передачу русских йотированных гласных в татарском орфографическом словаре помещено примечание, в котором указывается, что татарские слова и имена собственные со специфическими звуками татарского языка — ә, ө, ү, ь, е — пишутся так, как они произносятся по-татарски, а не так, как принято их писать в русской орфографии. Нужно по указанию словаря писать:

не	uzbekov	а	uzbəkof
“	berkut	“	bөrket
“	şakurov	“	şəkyref
“	arьjk	“	arьq

Сочетания в интернациональных словах двух рядом стоящих гласных в татарской орфографии, как и в орфографии других тюрко-татарских языков, сохраняются без изменения.

К соответствующему правилу приводятся примеры:

Gaaga	zootexnika
Saar	Borneo
kooperatif	Zoologiə

Кроме того, в словаре находим:

diametr	geologiə	meteor
dialekt	geodeziə	oleandr
dialektika	geografiə	ρsixiatr
fiziologiə	gidroaviatsiə	radio и мн. др.

Но этот принцип почему-то не выдерживается по отношению к сочетанию гласных -ae- в словах с «aero…». В словаре дается почему-то — ajrobaza, ajrobomba, ajroplan» и другие вместо более правильных — aeroplan, aerostat, aerostantsiə, aerobomba и т.д.

III. Что касается правописания согласных, то общие принципы передачи в интернациональных словах согласных в словаре проводятся правильно, но в отдельных деталях и в этом разделе есть недочеты. Остановимся на анализе каждого пункта.

На письме, в конце слов и слогов перед глухими согласными совершенно правильно сохраняется обозначение звонких согласных:

kub	absolyt	Dansig	Leningrad
klub	rabfak	lozung	zavod
mikrob	obşina	Lafarg	doklad и другие

Но эта установка нарушается в правописании слов с согласным -в-. В конце слов и слогов перед глухими согласными вместо -v- в словаре пишется -f-. Передаче слов с -v- посвящается даже особое правило, к которому приведены следующие примеры:

ustaf	Ivanof
kollektif	Ρetrof
aktif	Kafkaz
objektif	aftomobil

Такое написание строго выдерживается во всем словаре. Отступление в данном случае от общих установок правописания согласных не имеет никаких оснований. Следует указать, что такое же написание было принято до конца 1934 года в орфографии крымско-татарского языка, но на научной конференции по крымско-татарскому языку (в конце 1934 года) этот способ был отменен. Вместо него принято совершенно правильное написание — avtomobil, Kavkaz, kollektiv, avtor и т.д.[7]

Для всех тюрко-татарских языков актуален общий вопрос об обозначении аффриката -ц-. Ρаньше в тюрко-татарских языках аффриката -ц- не было совсем. Затем вместе со многими интернациональными терминами и советизмами начал входить в тюрко-татарские языки и звук -ц-, в связи с этим встал вопрос о специальном его обозначении. Первоначально в интернациональных словах -ц- последовательно передавалось через -s-. Впоследствии, наряду с -s- начали употреблять -ts-. В татарской орфографии, как и в узбекской и в некоторых других, после гласных -ц- передается через -ts-, а после согласных, а также в начале и в конце слова через -s-.

sotsial	Setkin
spetsifik	sentr
ρrotses	matras

Но при таком написании не отражается на письме фонемное различие -ц- и -с- (-ts- и -s-) в интернациональных словах. Поэтому вопрос о передаче -ц- таким способом нельзя признать целиком разрешенным. Общее правило на передачу -ц- и -щ- в татарском словаре сформулировано чрезвычайно нечетко и совершенно не дает необходимой ориентировки в орфографии. В правиле сказано: если сложные звуки, обозначенные в русском алфавите буквами ц, щ, по-татарски произносятся как два звука, то пишутся две буквы в форме ts, şc, а если один звук произносится, то пишется одна буква s, ş. На правописание -щ- даны следующие примеры:

şci	borş
jəşcik	jəmşik
şcotka	naborşik

В тюркских языках Северного Кавказа для обозначения -ц- введен специальный знак -ѕ- (-s- перечеркнутое посредине), который и используется во всех случаях вместо -ц-: ѕement, ѕentr, ѕosializm, SK, rewollusia, oppozisija, plasdarm, kolleksija, kooptasija и т.д.

Это значительно облегчает орфографию и разрешает вопрос о различении на письме аффриката -ц- и свистящего спиранта -с- в интернациональных словах. Правильность этого решения подтверждается и опытом крымско-татарской орфографии, где тоже было принято раньше двоякое обозначение -ц- через -ts- и -s-, но на общекрымской языковой конференции было установлено единообразное обозначение -ц- через -ts-, что, конечно, упрощает орфографию. В резолюции общекрымской конференции даются следующие примеры:

tsirk	sotsializm
tsement	redaktsija
konferentsija	distsiplina и другие.[8]

Таким образом, в крымско-татарской орфографии путем единообразной передачи -ц- орфография упрощена, но осталось одно неудобство — обозначение -ц- двойным знаком. Особенно ощущается это неудобство в начале слов и в аббревиатурах, когда приходится писать — Tsetkin, tsentr, tsirkul', TsK и т.д.

Общий вопрос об обозначении в тюрко-татарских языках аффриката -ц- особым знаком должен разрешить Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, утвердив общий для всех знак в целях дальнейшего сохранения унификации алфавитов тюрко-татарских языков.[9]

В татарском правописании не выдерживается последовательность и в обозначении удвоенных согласных. Судя по примерам из словаря, удвоенные согласные передаются без изменения в середине слова, а на конце слов пишется всегда один согласный. Только в именах собственных удвоенные согласные сохраняются и на конце слов:

metal	massa	Krupp
pres	perron	Marr
gram	passif	Skott

Непоследовательность такого обозначения удвоенных согласных заключается в том, что во всех производных словах удвоенные согласные сохраняются, так как и они оказываются в середине слова. Орфография от этого усложняется, усвоение правильного письма затрудняется. В словаре рядом стоят слова:

klas	metal
klassik	metallist
klassifikator	metallografiə
klassifikatsiə	metallurgiə

Этот орфографический разнобой в словаре мотивируется особенностями произношения. Две буквы пишутся там, где якобы слышится два звука, одна буква там, где слышится один звук. Эта установка практически ничего не дает, так как ни в слове «классик» ни в слове «металлист» и других двух звуков тоже не слышится. Удвоенные же согласные сохранять надо всюду, где они пишутся в интернациональных и советских терминах.

Сочетания согласных в интернациональных словах передаются совершенно правильно без вставки между ними облегчающих гласных. Примеров достаточно приведено к правилу, большое количество их можно найти и в тексте словаря. Приводим некоторые из них:

Stalin	ρlan	fakt
Engels	sotsializm	stil
Karl	oktəbr	ssena
Marks	tribunal	sfinks

Однако слова «цифра» и «циферблат» почему-то переданы в форме «sьjfьr» и «sьjfьrblat», хотя в списки исключений они не внесены.

Так как при оформлении интернациональных терминов учитывается оформление их в русской орфографии, то сочетания -дж- и -нг- в словах типа «Орджоникидзе», «Англия» в татарской орфографии сохраняются без изменения:

Ordzonikidze	Kuindƶi
arpedƶio	kottedƶ
Anƶere-Zudƶen	kreking
Dzek London	demρing

Это правило нарушено в словаре в словах «джентльмен» и «джазбанд», они даны в форме «çentelmen», «çazband».

Существенным вопросом в орфографии тюрко-татарских языков является и вопрос об обозначении палатализованных согласных в интернациональных и иноязычных словах. В коренных тюрко-татарских словах палатализацию обозначать не нужно, так как по закону сингармонизма все согласные в слове бывают или твердые или мягкие. В словах же заимствованных требуется специальное обозначение палатализованных согласных в тех случаях, когда без такого обозначения было твердое произношение, например в словах: kultura, asfalt, detal, ρalto, ρalma, mindal и других.

В орфографии отдельных тюркских языков в последнее время вводится для обозначения палатализованных согласных апостроф, но общих правил его употребления для всех тюрко-татарских языков не установлено, и самый апостроф, как знак унифицированного алфавита, не получил утверждения со стороны Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. В татарской орфографии апостроф употребляется только в тех случаях, когда без него бывает твердое произношение, если же по законам фонетики родного языка согласный и без апострофа произносится мягко, то апостроф не ставится. Слова последней группы собраны в конце словаря. Приводим примеры из правописания слов с палатализованными согласными:

detal’	nacal’nik	Engels
Gor’ki	Xar’kof	Gegel
bol’sevik	Ρol’şa	oktəbr
kul’tura	vol’t	allyr

Из этого общего положения выделяется небольшая группа слов, усвоенных в татарском языке с твердым произношением. Слова эти собраны в конце словаря. Сюда входят: fevral, fonar, garmon, jantar, Kuban, ρisar, rojal, kalendar, jantar и другие. Сюда же внесены слова: kommunal, liberal, mineral, ρersonal, ofitsial, fenomenal и т.п., очевидно, при их употреблении в роли прилагательных. При этом нужно учитывать, что прилагательные берутся в усеченной форме, соответствующей имени существительному, в таком случае обозначать мягкость согласного, конечно, не следует.

Из северокавказских тюркских языков палатализация согласных обозначается только в ногайском языке и тоже при помощи апострофа. О его употреблении говорится и в орфографическом словаре, изданном еще в 1931 году, и в учебниках по языку. В самое последнее время апостроф в этом же значении начинает вводиться в карачаево-балкарской литературе, издаваемой в Карачае, хотя в проекте орфографии карачаево-балкарского языка предлагается палатализацию согласных в интернациональных и иноязычных словах не обозначать. Правила

на употребление апострофа в значении знака мягкости не разработаны ни в ногайской, ни в карачаево-балкарской орфографии.

Вопрос об обозначении палатализованных согласных является общим для всех тюрко-татарских языков и должен быть разрешен одинаково для всех тюрко-татарских языков. Всесоюзный центральный комитет нового алфавита этому вопросу должен уделить особое внимание.

IV. Следующий важный раздел — правописание сложных слов и аббревиатур. Большею частью сложные и сложносокращенные интернациональные слова пишутся так же, как и в русской орфографии. Например:

Leningrad	Sovnarkom	partkom
fotografiə	rajkom	Qazmaşstroj
Tatgosizdat	mexkombinat	Tatnarkompros

Интернациональные слова, которые пишутся через дефис в русской орфографии, так же пишутся и по-татарски: Avstro-Vengriə, sotsial-faşist, sotsial-demokrat.

В словаре особо выделяются имена, которые в отличие от русской орфографии должны писаться слитно. В основу такого написания кладется, по указанию автора, слитное произношение их — признак недостаточно четкий и не могущий быть принятым в качестве обоснования орфографических норм. В качестве примеров приведены следующие слова:

Amudərja	Cankajşi
Almata	Upəjfu
Stalinabad	Sunjatsen

Тюрко-татарские собственные имена, составляющиеся из двух слов, «если в произношении не сливаются в одно слово», как это сформулировано в правиле, пишутся не через дефис, а раздельно: Qara buqar, Qara qom, Qьzьl qom.

Буквенные аббревиатуры передаются без изменения с сохранением порядка букв, принятого в русском языке, что является совершенно правильным, так как буквенные аббревиатуры тоже являются советизмами, вошедшими в национальные языки Союза как целые слова: SSSR, AJSSR, VKP(b), GPU.

V. В особый раздел выделяется в своде орфографических правил правописание суффиксов. Прежде всего, указан ряд интернациональных суффиксов, принимаемых в татарский литературный язык без изменения. В перечень суффиксов включены не только интернациональные суффиксы, но и конечные части сложных слов, не являющихся суффиксами, и русские суффиксы, не имеющие интернационального значения. Самый подбор суффиксов носит случайный характер. Их можно рассматривать как примерные.

Приводим: а) собственно интернациональные суффиксы, помещенные в словаре и принимаемые без изменений в татарской орфографии:

- ant	aspirant, fabrikant
- at	fabrikat, gidrat
- ema	sxema, grafema
- ist	sotsialist, kommunist
- izm	sotsializm, kommunizm
- tor	agitator, akkompaniator
- ura	prokuratura, komendatura
- ika	texnika, taktika
- ik	kommunistik, grafik
- iə	partiə, Angliə
- ifikatsiə	unifikatsiə, elektrifikatsiə
- izatsiə	sotsializatsiə, munitsipalizatsiə

b) части сложных слов, являющиеся самостоятельными корнями, а не суффиксальными элементами, внесенные в словаре в перечень суффиксов, которые должны писаться без изменения:

- graf	telegraf, biograf	
- grafiə	geografiə, bibliografiə	
- gramma	telegramma, diagramma	
- metr	santimetr, diametr	
- fil	anglofil, russafil	
- fob	judofob	
- ologiə	metodologiə, geologiə	Нужно было дать -logiə-, -log-, так как -o- является соединительным гласным
- olog	biolog, grafolog	

c) Русские суффиксы, включенные в число интернациональных и принимаемые без изменения —

(ş) cina	soltangaliefcina
ofka	komandirofka, obstanofka
ie	zadanie, zajavlenie

Русские фамилии, оканчивающиеся на -ий-, пишутся по-татарски без -j- на конце — Vorovski, Mirski, Lunacarski. Окончание же -ый- передается через -ьj- — Bednьj, Budjonnьj; здесь сохраняется -ьj-, очевидно, потому, что в принятой орфографии -ы- вообще передается через -ьj-, о чем упоминалось выше. В названиях городов на -ск- в конце прибавляется -i-, Tomski, Vol'ski, Irkutski, Ul'janovski.

Последнее правило противоречит установленному принципу о сохранении без изменения сочетаний согласных в интернациональных словах.

В словаре даны и указания о правописании татарских суффиксов, присоединяемых к основе интернациональных слов. Так как интернациональные слова не подчиняются сингармонизму, то необходимо установить, какой вариант суффикса, твердый или мягкий, должен присоединяться к каждому интернациональному слову.

Обычно в тюрко-татарских языках, в частности, в карачаево-балкарском, критерием для определения варианта суффикса служат гласные основы. В татарской же орфографии предлагается употреблять вариант суффикса в зависимости от последнего звука основы: если последний звук основы твердый, то суффикс берется твердый, если же последний звук основы мягкий, то присоединяется мягкий суффикс.

Примеры приведены следующие:

normal'	normal'den
rol'	rolləre
Germaniə	Germaniəge
aktif	aktiflaşu
kollektif	kollektiflaşu
Stalin	Stalinoꞑa
udarnik	udarniklar

Но и к этому правилу дано исключение, без достаточно точного указания, какие именно слова должны являться исключением. В примерах приводятся слова:

Lenin	Leningə	Leninneŋ
Berlin	Berlində	Berlingə
Tiflis	Tiflistə	Tifliskə
Sьjzran	Sьjzranda	Sьjzranoꞑa

В примечании указывается, что к интернациональным словам, оканчивающимся на твердые -к-, -g-, прибавляются суффиксы в форме -ka, -ga, но не -qa, -ɑa:

Tattorg	Tattorgga
Gamburg	Gamburgga
rabfak	rabfakka
batrak	batrakka

Более точно правила правописания суффиксов, присоединяемых к интернациональным словам, разработаны в башкирской орфографии. Там установлены следующие критерии для определения варианта суффикса:

1) если в слове есть хоть один твердый гласный — присоединять к ним твердый суффикс; если нет ни одного твердого гласного, то — мягкий;

2) в словах с твердыми гласными, если после смягченной апострофом буквы не следует твердая гласная буква, — употреблять мягкий суффикс;

3) в односложных словах, если они оканчиваются на два слитных согласных, вроде «vint», «temp», независимо от того, является ли в них гласный звук твердым или мягким — употреблять твердый вариант.

Эти установки башкирской орфографии следует учесть при разработке орфографических руководств для тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана. Необходимо тщательно проверить, какие варианты суффиксов (твердые или мягкие) наличествуют в произношении тюркских народностей Северного Кавказа и Дагестана в случаях, соответствующих указанным в орфографических правилах башкирского языка, и твердо установить точные нормы правописания суффиксов, присоединяемых к интернациональным словам. Правилами на правописание суффиксов заканчивается обзор орфографических норм татарского языка в рассмотренном нами словаре Рамеева.

В заключение следует еще раз подчеркнуть чрезмерное насыщение словаря заимствованными из русского языка и через русский иноязычными словами, не имеющими общераспространенного интернационального значения.

В словаре находим: bubencik, butьjlka, britva, budilnik, budka, budocnic, bulafka, bulka, bojnə, beseda, besedka, castokol, caxol, daca, dacnik, delənka, desətina, desətnik, desətcki, deşofka, donoscik, doxod, dulə, dvigatel, dvornik, dyzina, gajka, gərbil, griр, grob, gudok, jafka, jarlьjk, jamşik, jaşik, jubka, kapot, kapor, karniz, kartocka, kartina, kastryl, kazjonka, kirka, kirpec, kləuznik, knopka, kacegar, koləska, konopajt, konopatcik, koreşok, korzina, kotelok, kozьjrjok, kruzka, kruzok, krьjsa, kukuruza, kulic, kurtka, kustar, kutuzka, kuxarka, lad, lafka, lampocka, lar, larjok, letucka, linejnьj, lixac, loxan, maxorka, maxovik, medicka, molodes, nagrad, nagruzka, najomşik, nakidka, nacladnoj, naljot, nalozник, naşifka, nedoimka, neustojka, noclezka, nosilka, nosilşik, obed, oblava, oboj, obojma, obstanofka, obşefka, obьjvatel, ocerk, odejal, odejalo, oklad, okop, okrug, opara, opeka, opekun, ostrog, ottisk, oxrana, paket, pamətnik, papka, par, parnik, parom, parovik, parovoj, parovoz, paroxod, peunie, percatka, peresadka, pereval, permək, pisar, pljonka, pocot, podjezd, podrəd, podrədcik, podval, podxalim, pogon, pogrom, pogromşcik, pojas, pojezd, polovoj, pomada, pomadka, poroşok, posad, posadka, postromka, posuda, posьjlka, povozka, poxod, pozor, pozar, pozarnьj, prəzka, priton, pritsel, priut, prival, progon, progulka, proljotka, pugas, pulə, rakita, ramka, rascot, raskol, raspiska, rassolnik, rasxod, ratnik, , razboj, razbojnik, razjezd, samogon, samokat, saza, sazin, scot, scotcik, sdobnьj, semjə, sitsa, skacka, sklad, skidka, smotr, snarəzenie, solənka, sustaf, spor, srok, trevoga, trubka, ucot, ucotcik, ukaz, umьjvalnik, uxvat, uzor, urozaj, velikan, veşalka, vodokacka, vodolaz, vodolif, vodoprovod, volgar', vozak, vtulka, vьjstafka, vzətka, vzətocnik, vьjveska, vьjstafka, xarcevnik, xarci, xlam, xodataj, zakuska, zadatka, zamaska, zapas, zapiska, zapros, zarəd, zasada, zastava, zaurəd, zazigalka, zemlənka, znacok, zvonok, zaloba, zgut, zmьjx, zulik.

Таким образом, анализируемый словарь превращается фактически из словаря интернациональных слов в словарь иноязычных слов, причем ряд заимствований, внесенных в словарь, явно не обоснован ни историческим прошлым, ни общими тенденциями развития татарского литературного языка (cepиха, pustək, zapoj, poxmel, skandal).

Кроме того, татарский орфографический словарь излишне загромождeн большим количеством введенных в него имен и географических названий. Например, на странице 36-й из 60 слов 23 — имена и географические названия: Barselona, Baskuncak, Basof-Verxojansef S., Basra, Bastiliə, Başqout SSR = Başqortstan, Batalpaşinski, Batraki st., Batum, Batьj, Bauman N., Bauer, Bavariə, Bavlь raj., Bax S., Baxmac, Baxmetjef S., Baxmut, Baxtь, Bazel, Bebel A.

На странице 94-й также находим 23 собственных имени: Litvinof M., Livadiə, Liverpul', Lixuncang, Ljəz, Llojd, Lloid-Dzordz D., Lobacevski N., Lob-Nor, Lodza, Lokarno, Lomonosof M., London, London D., Long-Ajland U., Lotaringiə, Lozanna, Luganski, Lunacarski A., Lutski, L'vof, Lxassa, Lyblin.

На странице 116-й собственных имен 20, на 130-й — 21, на 150-ой — 23, на 158-ой — 19 собственных имен, и это является для словаря обычным.

Помещать в орфографическом словаре так много собственных наименований не следовало. Нужно было ограничиться установлением общих норм передачи собственных имен и географических названий в своде орфографических правил. В самый же словарь ввести лишь очень ограниченное количество собственных наименований, вызывающих затруднения в их правописании.

С технической стороны татарский орфографический словарь интернациональных слов имеет ряд существенных недочетов. В то время как орфографический словарь должен издаваться особенно тщательно, здесь имеется целый ряд опечаток. Помимо 51-ой, отмеченных во вкладном листке опечаток, не отмечены — ριiut (вм. ριijut), ριesa (вм. ριjesa), ρret nziə (вм. ρretenziə), ρereodika (вм. ρeriodika), vuai' (вм. vual'), Brigadir (вм. brigadir), kotrmina (вм. kontrmina), mdistka (вм. modistka), ntzdar (?), ro nik (вм. ironik), kompr ssiə (вм. kompressiə), kontrag nt (вм. kontragent), kraa al' (?), kərd (вм. kord), Lokalizatsiə (вм.lokalizatsiə) и нек. др.

Проведенный нами анализ орфографии интернациональных слов в татарском языке показывает, что орфографическая система татарского языка в этом разделе правописания страдает рядом недочетов. В ней не всегда выдержана определенная последовательность, например, в передаче йотованных гласных, удвоенных согласных, сочетаний согласных (отступления от правила в написании наименований городов на -ск: Симбирск и другие), в слитном и раздельном написании слов.

Недостатком орфографии является и очень большое количество исключений из общих правил. Формулировки правил даны далеко не всегда в ясной и четкой форме.

Но, несмотря на все указанные недочеты, словарь все же представляет несомненный интерес, так как впервые в такой полной форме излагает систему правописания интернациональных и иноязычных слов.

Для тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана словарь тем и ценен, что иллюстрирует опыт в работе по созданию специального орфографического словаря интернациональных слов и иноязычных слов. Подобные словари необходимо составить и для тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана. При разработке их нужно избежать ошибок, допущенных в татарском орфографическом словаре интернациональных слов.

Необходимо или сузить объем словаря, включая в него только действительно интернациональные слова, или составить полные орфографические словари наиболее распространенных интернациональных и иноязычных слов, предварительно уточнив и детализировав правила на передачу йотованных гласных, обозначение звукораздела, палатализованных согласных и правописание суффиксов, присоединяемых к основам интернациональных слов.

Примечания

1. a) Tatar ədəbi teleneŋ orfografiə qaoɣidələre, Tatgosizdat, Qazan, 1933.

b) Basqortostan milli kul'tura oɣilmi-tikşerenev instituть. Basqjrt tele orfografianь. Yavaрlь redaktorь: oj. Avfntaj / Başqortostan dəvlət nəşriəte, θfθ, 1934.

c) Orbek tiliniŋ birlasgau imlasi toоɣrisida. 1 imla va a terminologija qurultajiniŋ rezolutsijasi va Oz SSÇ MYQ qarari. «Qzil Ozbekistan» naşri, Taşkent, 1934.

d) Qrьm Milli Medenijet Ylmi Tetqiqat Instituть. Qrьm tatar edebi tili orfografijasь. Qrьm ASSR Devlet Ntsrijatm, Aqmescit, 1934.

e) Qrьm ASSR Maarif Xalq Komissarlьoqь. Qrьm tatar edebij tili bytyn Qrьm III ilmij konferentsijasьnьŋ qararlarь. Qrьm ASSR Devlet Neşrijatь, 1935.

2. X. Gənibek, Noоɣajsa durus jazьv, SSSR Xalьqlarьnьŋ θzθk Basрasь, Maskva, 1931 jьl.

3. A.N. Batьrmurzajef, Qumuq tilni arfagrafijasь, Mahac-Qala, 1932 j.

4. Северо-Кавказский краевой комитет нового алфавита, Северо-Кавказский горский историко-лингвистический институт, Карачаево-балкарская орфография (проект) под редакцией Г.П. Сердюченко, Кисловодск, 1934 г.

5. Y. Rəmi, Tatar ədebi telendəge internatsional syzlərneŋ orfografiə syzləge, Qazan, 1935.

6. В карачаево-балкарской орфографии в целях установления единообразия в передаче букв русского алфавита принято писать во всех положениях в слове вместо ю, я, ё — ju, ja, jo. В ногайском и

кумыкском языке твердых орфографических правил нет, поэтому на практике встречается разнобой. В середине слова после согласных пишут -ju- и -y-, -jo- и -e-.

-ə- в алфавитах северокавказских тюркских языков нет, поэтому -я- во всех положениях передается через «ja», «ə» было только в ногайском алфавите, но в начале 1935 года, по решению ногайского совещания при Дагестанском комитете нового алфавита по вопросам усовершенствования ногайского алфавита, знак -ə- был исключен из алфавита, поскольку, как сформулировано в резолюции конференции: «а) звук, изображаемый этим знаком, встречается почти исключительно в словах, заимствованных из арабского и персидского языков, и б) исключение этого знака поможет сближению литературного ногайского языка с языком черкесских ногайцев, у которых звук, изображаемый этим знаком, встречается еще реже. Установить, что во всех случаях знак -ə- заменяется с помощью -a-, за исключением слова ər, где -ə- заменяется с помощью -e- (в целях избежать смешения со словам ar)».

7. a) Qrьm Milli Medenijet Tetqiqat Instituty. Qrьm tatar edebi tili orfografijasy. Qrьm ASSR Devlet Nesrijaty, Akmeşcit, 1934, стр. 8, §4.

b) Qrьm ASSR Maarif Xalq Komissarlyğy. Qrьm tatar edebij tili bytyn Qrьm III ilmij konferentsijasynyŋ qararlary. Qrьm ASSR Devlet Neşrijaty, 1935, стр. 21, §16.

8 Qrьm tatar edebij tili bytyn Qrьm III ilmij konferentsijasynyŋ qararlary. Qrьm tatar edebij tili orfografijasynyŋ qurulysy haqqynda, §20, стр. 22.

9. Одновременно с введением в карачаево-балкарский алфавит знака -*f*-, на той же Карачаево-балкарской конференции по языковому строительству было внесено решение о введении в алфавит знака w для обозначения губно-зубного -в- в интернациональных словах и советизмах типа «совет, власть, Ворошилов, революция» и других, в отличие от губного-зубного -v- в словах типа «tav, sav, avruv» и других. В настоящее время знак этот -w- в карачаево-балкарской издаваемой литературе последовательно применяется. Пишется — «sowet, wlast, rewoljusija, awtomobil» и т.п. Целесообразность обозначения фонемного различия v и w требует дальнейшей проверки на практике. Необходимо отметить, что вопрос о специальном обозначении губно-зубного w выдвигался и ногайцами Черкесской автономной области на специальных алфавитно-орфографических совещаниях. Это предложение вносила делегация черкесских ногайцев и на ногайской конференции по вопросам алфавита и орфографии ногайского языка, проведенной Дагестанским центральным комитетом нового алфавита в январе 1935 года, но предложение это конференцией принято не было.

Дата написания статьи не установлена

Текст печатается по источнику:
ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 230. Лл. 1-33. Машинописный экземпляр.

Леонид Петрович Семенов

Леонид Петрович Семенов (17(29) мая 1886, Владикавказ, — 2 апреля 1959, Орджоникидзе) — профессор Северо-Осетинского государственного педагогического института, литературовед, этнограф, фольклорист, кавказовед, археолог, педагог, Заслуженный деятель науки РСФСР, член Лермонтовской комиссии при АН СССР.

Родился 30 мая 1886 года в станице Слепцовской Терской области (станица Орджоникидзевская). В 1908 году закончил Владикавказское реальное училище, до 1912 года учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета, который не смог закончить из-за болезни, вынужден был вернуться во Владикавказ. В 1926 году завершил обучение в Азербайджанском университете. Преподавал во Владикавказском учительском институте (1918—1919), Северо-Кавказском педагогическом институте (1923—1934), где был заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы, деканом филологического факультета. Работал в Северо-Кавказском институте краеведения (Горском историко-лингвистическом институте) и его научном музее, во время Великой Отечественной войны преподавал в педагогическом институте города Цхинвала Юго-Осетинской автономной области.

Л.П. Семенов — выдающийся исследователь творчества М.Ю. Лермонтова. Одна из самых значительных работ — «Лермонтов и Лев Толстой» (1914). Итогом ранней исследовательской работы стали книги Л.П. Семенова «Лермонтов на Кавказе» (1939), «Лермонтов и фольклор Кавказа» (1941). Широкую известность получили работы Л.П. Семенова «Пушкин на Кавказе» (1937), «Кавказские поэмы Лермонтова» (1939), «Лев Толстой и Кавказ» (1928), «Нартские памятники Северной Осетии» (1949), «Татартупский минарет» (1947), «К вопросу о происхождении нартского эпоса» (1957), «Ингушская и чеченская народная словесность» (1928) и мн. др.

Л.П. Семенов занимался изучением жизни и деятельности основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова, творчеству которого он посвятил около 20 публикаций.

Л.П. Семенов известен археологическими исследованиями: с 1924 года совершал поездки по горным районам Северной Осетии, около 25 лет посвятил исследованию жилых и боевых башен, могильников, склепов, храмов, святилищ и других культовых мест, участвовал в 44 архелогических экспедициях на территории Северной Осетии, Чечни и Ингушетии. Исследовательский метод Семенова можно определить как междисциплинарный: он сочетал археологический материал с фольклорным, историческим, этнографическим. Этот продуктивный метод дает возможность проверок и перепроверок выдвигаемых гипотез, полученных данных. Л.П. Семенову принадлежат многие инициативные проекты: он один из создателей первой истории города Владикавказа, первой академической истории Северной Осетии, первого издания осетинского нартского эпоса на русском языке, первого академического собрания сочинений Коста Хетагурова.

Бескорыстие, научная щедрость отличали Л.П. Семенова, он передал в общественное пользование в библиотеку Северо-Осетинского научно-исследовательского института многие драгоценные сборники по кавказоведению; лермонтовскую коллекцию в 1952 году он подарил музею на родине поэта в Тарханах. В дар музею «Домик Лермонтова» в Пятигорске он передал ценнейшие материалы по лермонтоведению, которое собирал в течение 50 лет.

Далее мы приводим обширный библиографический список работ Л.П. Семенова, свидетельствующий о плодотворной многообразной деятельности ученого.

Работы о Л.П. Семенове:

Мануйлов В.А. Семенов Л.П. // Краткая литературная энциклопедия. — М., 1971. — Т. 6. — С. 743.

Фризман Л.Г. Кавказ о Лермонтове (Из неопубликованного наследия Л.П. Семенова) // Проблемы литературы и эстетики: Сборник, посвященный памяти профессора Л.П. Семенова. — Орджоникидзе, 1976. — С. 19—21.

Фризман Л.Г. Л.П. Семенов — исследователь Льва Толстого // Вопросы литературы. — 1979. — № 4. — С. 309—311.

Тахо-Годи М.А., Салагаева З.М., Габисова С.З., Круглиевская В.В. Л.П. Семенов — историк и критик русской литературы: Учебное пособие. — Орджоникидзе, 1986.

Научное наследие Л.П. Семенова и проблемы комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа: Сборник научных трудов. — Орджоникидзе: СОГУ, 1988.

Тахо-Годи М.А. Л.П. Семёнов (1886—1959): (Штрихи к портрету ученого) // Научная мысль Кавказа: Научный и общественно-теоретический журнал. — Ростов-на-Дону. — 1998. — № 2 (14). — С. 86—90.

Хозиев Б. Проповедник дружбы на родов // Северная Осетия. — 1989. — 17 ноября.

Цаллагова Т. Дидактические воззрения Л.П. Семенова // История и философия культуры. Актуальные проблемы: Сборник научных трудов. — Владикавказ, 2003. — Вып. 6. — С. 259—272.

Виноградов В.Б. Леонид Петрович Семенов (1886—1959) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. — Армавир, 2003. — Вып. 2. — С. 265—268.

Нарожный Е.И. Библиография Л.П. Семенова // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. — Армавир, 2003. — Вып. 2. — С. 269—270.

Ученый, ставший гордостью Осетии: о выдающемся ученом-гуманитарии, литературове де, искусствоведе Леониде Петровиче Семенове // Северная Осетия. — 2004. — 2 апреля.

Хайманова И. Леонид Петрович Семенов // Человек и книга: страницы истории Национальной научной библиотеки РСО-А (1985—2005). — Владикавказ, 2005. — С. 140—141.

Захаров В.А. Л.П. Семенов и его вклад в изучение кавказского периода жизни и творчества М.Ю. Лермонтова // Кавказоведение: опыт исследований: Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13—14 октября 2005 г.). — Владикавказ, 2006. — С. 160—164.

Основные исследования Л.П. Семенова:

«Ангел»: Очерк поэзии Лермонтова // Сборник историко-филологического общества при Харьковском университете. — Харьков, 1913. — Т. 19. — С. 263—298.

К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова. — Воронеж, 1914.

Лермонтов и Лев Толстой: (К 100-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова). — М.: В. М. Саблин, 1914.

М.Ю. Лермонтов: Статьи и заметки. — М.: В.М. Саблин, 1915. — Т. 1.

К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 году. — Владикавказ, 1924.

К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 году // Известия Северо-Кавказского педагогического института. — Владикавказ, 1924. — Т. 2. — С. 39—58.

Государственный научный музей города Владикавказа при Северо-Кавказском институте краеведения: Краткий очерк истории и деятельности музея. — Владикавказ, 1925.

Ингушская и чеченская народная словесность. — Владикавказ, 1928. — Оттиск из вып. I «Известий Ингушского научно-исследовательского института краеведения».

Лев Толстой и Кавказ // Кавказ и Лев Толстой: Сборник статей. — Владикавказ: Ингушская государственная типография издательства «Сердало», 1928. — С. 1—27.

Пушкин на Кавказе. — Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1937.

Лермонтов на Кавказе. — Пятигорск: Крайиздат, 1939.

Кавказские поэмы Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Кавказские поэмы. — Ворошиловск; Орджоникидзе, 1939. — С. 5—23.

Лермонтов и Коста // Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института: Юбилейный выпуск, посвященный 80-летию со дня рождения осетинского народного поэта Коста Хетагурова. — Орджоникидзе, 1939. — С. 25—50.

Обогащение поэзии: [Лермонтов и фольклор] // Известия. — 1939. — 14 окт.

Лермонтов во Владикавказе // Социалистическая Осетия. — Орджоникидзе. — 1939. — 9 окт.

Стихотворение неизвестного поэта на смерть Лермонтова // Учен. записки Северо-Осетинского педагогического института. — Орджоникидзе, 1940. — Т. 2. — Вып. 1.— С. 72—76.

А.И. Васильчиков о дуэли и смерти М.Ю. Лермонтова // Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института. — Орджоникидзе, 1940. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 77—83.

Лермонтов и фольклор Кавказа. — Пятигорск: Крайиздат, 1941.

Источник некоторых эпиграмм Лермонтова // М.Ю. Лермонтов, 1841 —1941: Сборние статей. — Пятигорск, 1941. — С. 75—82.

Кавказ в поэзии Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Кавказские стихотворения и поэмы. — Пятигорск, 1941. — С. 5—42.

Кавказ в русской дореволюционной поэзии // Альманах. — Пятигорск, 1941. — Кн. 1. — С. 218—246.

Лермонтов в Чечено-Ингушетии // Альманах. — Грозный, 1941. — Кн. 1. — С. 78—91.

О стихотворениях, приписываемых Лермонтову // М.Ю. Лермонтов. 1841—1941: Сборник статей. — Пятигорск, 1941. — С. 83—92.

Поэт-патриот // Газета «Социалистическая Осетия». — Орджоникидзе. — 1941. — 27 июля.

К столетию со дня гибели М.Ю. Лермонтова // Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института. — 1942. — Т. 3 (16). — С. 3—5.

Лермонтов и С.М. Броневский // Учен. записки Северо-Осетинского педагогического института. — Орджоникидзе, 1942. — Т. 3 (16). — С. 7—15.

Об источнике стихотворения Лермонтова «Незабудка» // Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института. — 1942. — Т. 3 (16). — С. 17—21.

Лермонтов в Северной Осетии: К 130-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова // Социалистическая Осетия. — Орджоникидзе. — 1944. — 13 окт.

Новый труд о Лермонтове // Социалистическая Осетия. — Орджоникидзе. — 1946. — 19 марта.

Из истории города Дзауджикау. — Дзауджикау : Госиздат СОАССР, 1947.

Татартупский минарет. — Дзауджикау : Госиздат СОАССР, 1947.

Археологические разыскания в Северной Осетии // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. — Дзауджикау: Северо-Осетинское государственное издательство, 1948. — Т. 12. — 1948. — С. 44—136.

Встречи М.Ю. Лермонтова на Кавказе // Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института. — Орджоникидзе, 1949. — Т. 18. — С. 99—115.

Нартские памятники Северной Осетии // Нартский эпос: Сборник статей. — Дзауджикау, 1949. — С. 48—79.

К вопросу об отношении Коста Хетагурова к русской культуре. — Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1955.

Брагунский мавзолей. — Орджоникидзе, 1956. — С. 196—206. — (Оттиск из XVII тома «Известий Северо-Осетинского научно-исследовательского института»).

К вопросу о происхождении осетинского нартовского эпоса // Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института им. К.Л. Хетагурова. — Дзауджикау: Госиздат СОАССР, 1957. — Т. 19. — С. 166—172.

Мотивы горского фольклора и быта в поэме Лермонтова «Хаджи Абрек» // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сборник статей и материалов. — Ставрополь, 1960. — С. 7—28.

Новое академическое издание М.Ю. Лермонтова // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сборник статей и материалов. — Ставрополь, 1960. — С. 293—306 (в соавторстве с Д.А. Гиреевым).

Семенов Л.П. Элементы разговорной речи в лирике Лермонтова // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. — 1960. — Т. 22. — Вып. 2: Вопросы лит. — С. 101—108.

Лермонтов и Коста // Семенов Л.П. Избранное: Статьи об осетинской литературе. — Орджоникидзе, 1964. — С. 31—48.

Лермонтов у европейских и восточных народов // Проблемы литературы и эстетики: Сб. статей, посвящ. памяти проф. Л.П. Семенова. — Орджоникидзе, 1976. — С. 22—29.

Лермонтов и Лев Толстой // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 16—94.

Лермонтов и Библия // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 94—103.

Дубовый листок // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 103—108.

Портрет // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 108—112.

Заметки [I. Об академическом издании сочинений Лермонтова. II. Лермонтов и песни гребенских казаков. III. Еще о «Казачьей колыбельной песне». IV. Эпизод с чиновником. V. Еще о «Валерике». VI. Еще о Лермонтове и Козлове. VII. Муки слова. VIII. «Спор» Лермонтова и «Разговор» Тургенева. IX. Бой туч. X. Воздушный город. XI. Ландыш. XII. «И скучно и грустно». XIII. Кое-что о Пушкине и Лермонтове] // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 112—132.

Ангел // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 133—144.

К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 145—150.

М.Ю. Лермонтов. Статьи и заметки // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 151—156.

Новые документы о Лермонтове // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 157—161.

Лермонтов на Кавказе // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 162—223.

Лермонтов и Коста // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 224—229.

Лермонтов и фольклор Кавказа // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / Сост., научн. ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — Т. 1. — С. 230—267.

Л.П. Семенов
Мировые мотивы в фольклоре горцев Северного Кавказа

Горский фольклор, помимо громадного значения для каждой из национальных общностей Северного Кавказа, имеет высокий интерес и в отношении близости к поэзии многих других народов СССР, Запада и Востока.[1] Вопрос о мировых мотивах в горском фольклоре эпизодически затрагивался в работах кавказоведов в дооктябрьскую и послеоктябрьскую эпоху, но до последнего времени не был предметом специального изучения.

Наша статья, нисколько не претендующая на полноту фактического материала и обобщений, имеет целью суммировать, хотя бы в очень краткой, предварительной форме, ряд мотивов горского фольклора, относящихся к различным общественно-экономическим стадиям и доказывающих наличие в устном творчестве разных народов Северного Кавказа многих образов и сюжетных положений, известных по классическим памятникам мировой поэзии. «С точки зрения яфетидологии, миф представляет собой надстрочную категорию, одну из форм идеологии и специфического мышления, порожденного обществом из строго-определенной стадии его развития; миф — это временная историческая категория, имеющая социальную обусловленность, а потому, с изменением этих условий, исчезающая и переходящая, в качестве одного из этапов, в следующий этап развития идеологии; в период своей актуальности миф так же единственно возможен и реален, как и всякая идеология».[2] Изучение этого вопроса приобретает большое значение еще и потому, что оно с наглядностью показывает ошибочность мнений о малой ценности горского фольклора, высказывавшихся исследователями не только дореволюционных лет, но и нашего времени.[3]

Ряд затрагиваемых нами вопросов более или менее глубоко освещен в печати. Отсылая читателей к этим, указываемым нами ниже, работам, мы подробнее остановимся на том, что было лишь бегло отмечено другими специалистами или никем не привлекалось к изучению.

Чрезвычайно интересен вопрос о матриархате, пережитки которого встречаем в фольклоре и в некоторых, бытовавших до позднего времени, обычаях горцев. Этой теме посвящена работа К.Д. Кулова «Матриархат в Осетии» (Орджоникидзе, 1935, с. 76, отт. т. VIII «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института»). Базируясь, главным образом, на нартском эпосе, автор показывает, что женщина у нартов пользовалась высоким уважением и почетом. «Осетины до последнего времени имя Сатаны давали исключительно хорошей хозяйке и умной женщине. Назвать осетинку Сатаной было высшей похвалой для нее. Все эти черты в осетинских нартовских сказаниях о Сатане свидетельствуют о том, что Сатана — исторический тип осетинской женщины, которая некогда возглавляла материнский род» (с. 47).

В.Ф. Миллер, указывая на то, что аналогии к мифу об амазонках имеются в преданиях черкесов («Осетинские этюды», Москва, 1887, т. III, с. 87—91), выдвинул следующее неправильное мнение: «К сожалению, в нартских осетинских сказаниях не сохранилось намеков на воинственность дев, быть может, вследствие мусульманского влияния, которое сильно отразилось на положении женщины у кавказских народов» (там же, с. 91). Правда, далее он делает оговорку: «Есть, впрочем, предание, что в древности женщины в Осетии пользовались большей свободой и разделяли с мужчинами опасности войны и охоты, искусно владея оружием» (с. 91—92).[4]

Образ женщины-воительницы встречаем, например, в сказании о сыне нарта Урызмага Крым-Султане (см. «Памятники народного творчества осетин. Нартовские народные сказания». Владикавказ, 1925, вып. I, с. 97—98).

Приводим интересный ингушский вариант предания о женщине-войне, записанный нами в 1933 году в ингушском селении Ахки-юрт (Æxki-jurt) со слов Висенгери Шанхоева.

Предание об основании селения Ахки-юрт. Местность, занятая Ахки-юртом, когда-то была заселена кабардинцами. Здесь жил какой-то кабардинский князь. Сюда явился Эджи Эхк, выходец из Ассетинского ущелья. Он захотел поселиться в этой же местности и часто беспокоил кабардинцев своими набегами. Князю это надоело, и он предложил Эджи решить вопрос о земле единоборством; каждая сторона должна была выставить со своей стороны самого лучшего бойца. Эджи отправился в горы искать искусного бойца, обратился за помощью к землякам. Один из родственников, дядя, сказал Эджи: «Не знаю, кого бы тебе назвать. Вот у меня есть молодая невестка. Недавно она доила буйволицу и, рассердившись, схватила ее

за хвост и перебросила за плетень. Может быть, она согласилась бы пойти в единоборство». Гость и свекор переговорили об этом с молодой женщиной и упросили ее выйти на единоборство. Она просила лишь о том, чтобы с нею на всякий случай отправилось 60 человек, которые помогли бы ей, если бы кабардинцы, после ее победы, бросились на нее. Ингуши и кабардинцы съехались присутствовать при единоборстве.

Женщина-воин явилась на поединок в мужском одеянии. Кабардинский боец, выходя на состязание, провел носком чувяка в земле, как плугом, большой круг и при этом осыпал камнями и землей своего противника. Началась борьба. Женщина так сильно сдавила противника, прижав его к груди, что он лишился чувств и упал на землю. Она победила кабардинского бойца, и кабардинский князь со своими людьми оставил принадлежавшую ему землю. Эджи поселился здесь, и селение с тех пор носит его имя.

В этом предании мы находим отзвуки исторического события, относящегося к позднему времени. В XVI веке предгорную часть современной Ингушии занимали кабардинцы; позже они стали отодвигаться к северу и в конце XVII века покинули даже район селения Яндырка, который до 1781 года никем заселен не был (см.: А.Н. Генко, «Из культурного прошлого ингушей» в «Записках коллегии востоковедов», Ленинград, 1931, т. V, с. 690–693).

Толчком к созданию приведенного нами предания в настоящей форме могло послужить одно из столкновений ингушей (или живших там же карабулаков) с кабардинцами. Ситуация развивается здесь на фоне феодальной эпохи (упоминание о кабардинском князе), но образ женщины-воительницы попал в канву предания из ранее сложившегося мотива, восходящего к матриархату.

Миф о сошествии в царство мертвых, известный в античной и средневековой поэзии, мы находим в различных кавказских вариантах. В осетинской «Сказке о белом великане», насыщенной образами, относящимися ко времени матриархата, описывается пребывание витязя в подземном мире. «Следует подчеркнуть, — говорит К.Д. Кулов, — что по содержанию сказки в так называемом подземном мире ярко выделяется преобладающая роль женщины во всех областях жизни, а о мужьях даже упоминаний нет. Дорогу на землю знает только женщина, занимающаяся кройкой шуб, причем из формы ее клятвы видно, что наиболее высокое значение придается только родству по материнской линии. Дочь ее, самостоятельно выбрав мужа, уходит с последним, каковое обстоятельство матерью с огромной радостью приветствуется» (назв. соч., с. 49).[5]

В ингушском культе богини плодородия Тушели, напоминающей Иштарь, сквозят пережитки матриархата.[6] Переход от матриархата к патриархату запечатлен в ряде сказаний разных горских народов. В одном из осетинских вариантов богатырь Каурбек в упорном поединке побеждает богатыря Хаджи, оказавшегося женщиной. Каурбек целует ее и отправляет домой. Когда Хаджи вернулась к братьям, то они спросили ее: «Ты, наша любимая и бесподобная сестрица, успела уже получить поцелуй и избрать жениха!» Она на это отвечала: «Есть ли на свете то, чему нет конца? Я была богатырем своего времени, царство мое не могло быть бесконечным. Я для своей прихоти принесла немало жертв, а теперь всему этому конец» («Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис, т. IX, отд. II). Черты разложения матриархата заметны в ингушском рассказе о Цазике и архустойцах (мотив убийства архустойцами своих матерей — см.: Ч. Ахриев «Из чеченских сказаний» в «Сборнике сведений о кавказских горцах», т. V, с. 42–46).[7]

П. Лафарг в статье «Миф о Прометее» высказал мысль о том, что эпизоды этого мифа, известные по сочинениям Гесиода и Эсхила, выражают воспоминание «о борьбе, раздиравшей племена доисторической Эллады в эпоху смены матриархальной семьи патриархальной; они являются также воспоминанием о событиях, разбивших патриархальную семью и подготовивших возникновение буржуазной семьи, состоявшей из одного хозяйства, семьи, существующей и поныне» («Очерки по истории культуры», Москва — Ленинград, 1926, с. 119).

Образ, напоминающий греческого **Прометея**, известен в многочисленных вариантах у народов Кавказа — у осетин, кабардинцев, абхазцев, армян и других. Мотивы этих сказаний близки к иранским сказаниям, использованным в «Шах-Намэ» Фирдоуси и средневековой грузинской повести «Амиран — Дареджани». В кавказских версиях герой носит различные имена — Амиран (Амран) у осетин, Абраскил у абхазцев, Мхарм у армян и прочие. Различна и обрисовка личности скованного великана: по одним вариантам, он страждущий друг человечества, по другим, — враг его. Свод кавказских мотивов, с указанием аналогий из мировой поэзии, дан нами в статье — «Амран» о драме осетинского писателя Е.Ц. Бритаева («Известия Горского педагогического института» Владикавказ, 1928, т. V, с. 201–233).

Касаясь осетинской (овской) версии об Амиране, академик Н.Я. Марр отмечает следующее: «Сам герой представляет в кавказской среде воплощение мифического кавказского же героя Прометея, означающего, как установлено новым учением о языке, «солнце», буквально «дитя неба», которому приписывается совершенно естественно изобретение огня».[8]

Интересное выражение встречается в осетинском сказании «О трех братьях и кривом великане». «Когда женщина захочет провести свою линию, то она сильнее Амирана» (Кулов, назв. соч., с. 41).

В.Ф. Миллер указал, что образы Прометея и Амирана восходят к известному многим народам образу бога или богатыря **змееборца**, в частности — к греческому мифу о Тифоне («Кавказские предания о великанах, прикованных к горам», с. 112—113). Таково «Предание о змее в Галиате» (В.Ф. Миллер, «Осетинские этюды», М., 1881, т. I, с. 138).

В сказке про Черного Андара герой стрелой убивает дракона («Памятник народного творчества осетин», Владикавказ, 1928, вып. III, с. 31).[9]

Образ змееборца, известен также по греческому мифу о Кадме, сыне сидонского царя Агенора, по «Песне о Нибелунгах», по русским былинам.

Чрезвычайно ценные данные к этой теме находим в археологических памятниках Северной Осетии. На одном из топориков кубанской культуры, восходящей к концу второго тысячелетия до н.э., встречаем изображение охотника, сражающегося с семью змеями.[10] Изображение змееборца на каменном изваянии позднего средневековья разъяснено В.Ф. Миллером при помощи мотивов осетинского фольклора о змеевидном чудовище Руймоне.[11]

Культ огня и железа, закрепленный в античных образах Гефеста (Вулкана), искусного кузнеца, воплощен в ярком образе кузнеца Курдалагона осетинского эпоса.[12] Этот культ связан также с осетинским мифом об Амиране и армянским — об Артавадде.[13]

Ряд других образов горского фольклора также очень близок к классическим мотивам запада. Широко распространены на Кавказе сказания об одноглазых великанах, во многих отношениях напоминающие эпизод о циклопе в «Одиссее». Несколько чечено-ингушских вариантов были отмечены нами ранее.[14] Аналогичные мотивы, как указал Л.Г. Лопатинский, имеются в мингрельском и кабардинском эпосе («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1891, т. XII, с. 80—88).[15] Мифы о циклопах известны также в осетинском эпосе; одноглаз носит разные имена: Ацамаз («Памятники народного творчества осетин», т. I, с. 7), Алаф (тоже, с. 87—89).[16] Многие детали кавказских вариантов весьма близки к гомеровскому сюжету: путники попадают к одноглазу людоеду, живущему в пещере, наиболее смелому и догадливому из них удается спастись, выколов великану глаз, и прочее.

В кабардинском эпосе есть и другие черты, близкие к древнегреческим преданиям. В.Ф. Миллер указывал на сходство ряда эпизодов кабардинской сказки «Красавица Елена и богатырь-женщина» с классическим сюжетом о похищении Елены (приезд гостя в отсутствии мужа, похищение героини по имени Елена, возвращение мужа, его поиски, возвращение жены домой) и сюжетом о пребывании Одиссея на острове феакийцев (прибытие героя на остров, воспевание певцами на пиру его подвигов, участие героя в играх, в том числе в метании камня).[17] В кабардинском же предании — «Переселение Кабарды Тамбиева» Л.Г. Лопатинский отмечает наличие эпизода, напоминающего предание о Дидоне, основательнице Карфагена: Куденет научает жену попросить у ее отца столько земли, сколько можно захватить воловьей шкурой; Куденет разрезает шкуру на тонкие ремешки и при помощи этой хитрости получает огромное пространство земли (там же, с. 18—20).

Мотив **об уязвимости** героя, развитый в ряде мировых образов — Ахиллеса, Бальдура, Зигфрида и других, имеет аналогии и на кавказской почве. В осетинских сказаниях нарт Батраз, закаленный в огне, имеет уязвимое место — одну кишку, которая внутри осталась «сырой» (не прокалилась). Бог послал на него смертоносное «Балсагово колесо», и оно поразило его (Миллер, «Осетинские этюды», т. I, с. 25). Тот же мотив находим в кабардинском эпосе: нарт Сосруко умирает от удара в уязвимое место (бедро), нанесенного волшебным колесом («жен-шарх»), имевшим стальные зубцы («Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа», т. XII, с. 44 —45). В другом осетинском нартском сказании «Сын Нокара Ахса-Будай» жена Ахса-Будая, полюбившая Айсана, врага мужа, выдала тайну последнего: «Ему, господину моей головы, нет смерти ни от чего, если не ударишь белое пятно на лбу его маленьким стальным кинжалом, находящимся вон в сундуке». Айсан послушал, достал этот кинжал и поразил Ахса-Будая в уязвимое место («Памятники народного творчества осетин», т. II, с. 54). В осетинском сказании «О нартовском князе Насран-Алдаре» упоминается «дикий человек» или «человек-зверь» с булатными зубами и ядовитым копьем в руках, погиба-

ющий от меткой стрелы, попавшей в имевшееся у него на затылке белое пятно («Памятники народного творчества осетин», т. I, с. 11–12). По одному из вариантов, и у Батраза уязвимым местом было темя (Абаев, назв. соч., с. 68).

Выдающийся интерес представляет также миф о рождении осетинского нарта Батраза; греческие аналогии к этому мифу еще не отмечались в печати. По одной, менее известной, осетинской версии, знаменитый нарт Батраз был рожден при следующих обстоятельствах: Хамиц плюнул своей жене Агунде между лопаток, женщина стала считать свои дни, и когда наступило ее время, то послала за Хамицом, велела вскрыть у себя между лопатками, и оттуда улыбнулся ребенок, ребенок этот был Батраз («Памятники народного творчества осетин», т. II, с. 21).

Чаще встречаем другой вариант, по которому богатырь рождается из нарыва, образовавшегося на теле отца; этот нарыв образовался от выдыхания жены между плечами Хамица. Батраз испытал закалку в огне — в плавильне Курдалагона, после чего бросился в море, отчего оно высохло на целую неделю.[18] Этот миф чрезвычайно напоминает известный античный мотив — о рождении **Диониса**, имеющий, в основных чертах, следующее содержание. Зевс-громовержец полюбил дочь фиванского царя Кадма Семелу. Он обещал ей исполнить любую ее просьбу. Этим воспользовалась ревнивая супруга Зевса — Гера и посоветовала Семеле попросить бога явиться во всем величии. Он показался Семеле в блеске своей славы при громе и молнии. Запылал дворец. У умирающей Семелы, потрясенной ужасом, родился сын — Дионис. Он был слаб. Из земли чудесным образом поднялся плющ и прикрыл ребенка от пламени. Зевс взял малютку-сына и зашил его себе в бедро. В теле отца Дионис окреп и затем родился вторично — из его бедра (См. Н.А. Кун. «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях», М., 1914, т. I, с. 94).

Здесь характерны две черты: 1) Батраз и Дионис рождаются от отца, носившего сына в своем теле (между лопаток или в бедре); 2) их появление связано с огнем (Батраз закалился в огне, Дионис родился, окруженный пламенем). Греческий миф, более подробно описывающий появление на свет Диониса, позволяет нам глубже понять осетинскую версию, отличающуюся краткостью.

С греческими мифами **о лабиринте**, находившемся на острове Крит, имеют заметное сходство осетинские нартские сказания, в которых говорится о таинственном подземельном жилище Сырдона, в которое бесстрашно спускается один из нартов. Содержание осетинского варианта таково: «Кто-то украл у Хамыца корову. По слухам, это сделал Сырдон. Никто не мог указать Хамыцу, как проникнуть к Сырдону. Хамыца выручила мудрая женщина; она советует ему поймать суку Сырдона, бродящую по улицам селения, надеть ей на шею веревку и не выпускать конца веревки до тех пор, пока собака не приведет его в дом Сырдона. Хамыц так и сделал и попал в жилище Сырдона. Там у котла, в котором варилось мясо, плясали 7 сыновей Сырдона. Хамыц погнал их перед собой, а одного из них убил. На этом у него прошел гнев, и он вернулся домой» («Памятники народного творчества осетин», т. III, с. 27–28).

По другому варианту, в дом Сырдона, с помощью собственной собаки, проникает Урызмаг; в первый раз он встретился с самим Сырдоном, во второй раз застал его детей, убил их и бросил в кипящий котел («Памятники народного творчества осетин», т. III, с. 27–28).

Эти предания весьма близки к греческим — о Тезее и Минотавре: на Крите существовал знаменитый дворец Лабиринт, в котором жило чудовище Минотавр; при помощи нити Ариадны Тезей проник в Лабиринт и убил Минотавра (Кун, назв. соч., с. 248, 257–260).

В осетинском селении Махческ имеется камень с изображением Лабиринта; местное население считает это изображение планом дома, в котором жил нарт Сырдон.[19] Упоминание об этом камне есть в труде Уваровой.[20] Махческий рисунок лабиринта по своему типу сходен с критским.[21] Главные черты сходства греческого и осетинского преданий: 1) лабиринт, 2) содействие женщины (Ариадны — у греков, мудрой женщины — у осетин), 3) проникновение в лабиринт героя с помощью спасительной нити или веревки, 4) убиение врага (Минотавра или детей Сырдона) и 5) благополучное возвращение героя.

Упоминание в осетинских преданиях о **собаке** — черта, очень типичная для кавказского фольклора, в котором верования, связанные с культом этого животного, весьма глубоки. «Как помощник человека в охотничьем промысле и в охране стад, собака окружается известного рода религиозным почитанием преимущественно у народов, занимающихся охотой и скотоводством», — отмечает Г.Ф. Чурсин. Ни у одного из кавказских народов нет божества в образе собаки, но «некоторые божества представляются неизменно сопутствуемыми собаками, наподобие греческой Дианы». Черной собаке приписывается способность нагонять страх на злых духов; это, наверное, существует у абхазцев, армян, осетин.[22]

В ряде указанных образов горского эпоса события происходят в условиях то глубоких пережитков матриархата, как, например, в предании «Сын Накара Ахса-Будай» («Памятники народного творчества осетин», т. II, с. 53—55), в котором женщины изображены главенствующими в народе,[23] то при патриархально-родовом строе, имеющем следы матриархата (помощь мудрой женщины Хамыцу).

Большой интерес представляет присутствие в горском эпосе мотивов о чудесном воздействии музыки на природу. Общеизвестными являются образы Аполлона, Орфея, Вейнемейнена, Садко, владевших необычайным музыкальным даром, очаровывавшим людей, животных и стихии природы.

В осетинской песне про красавицу Черной скалы описывается, как Ацамаз, сын Цаза, играл на золотой свирели: «Он заиграл так красиво, что вон на равнине, слушая его пение, стали танцевать львы и лисицы. Черная гора заревела на него, подобно черному быку, слушая его красивую песню, белые ледники Белой горы тронулись кусками». Эта песня пленила и смуглую красавицу Черной скалы («Памятники народного творчества осетин», т. II, с. 126—127).

Замечательный по богатству образов отрывок из осетинского эпоса под заглавием «Ацамаз и Агунда» в переводе С. Городецкого напечатан в газете «Вольный горец» (Тифлис, 1920, №24); переводчик отмечает близость его к мифу об Орфее. Мотив о чудесной игре на фандыре играет большую роль в нартском сказании «Хатаг Бараг», на котором мы остановимся ниже.

В замысловатой по содержанию осетинской «Сказке о поясе» есть следующий эпизод. Три брата-пастуха по очереди пасут стада у опушки леса. Старший, от скуки, искусно вырезал на стволе дерева изображение красивой девушки. На следующий день средний брат продолжил эту работу. Третий, сменивший их, сначала принял это изображение за прекрасную живую девушку; увидев свою ошибку, пастух взмолился: «Бог богов, мой бог, если ты создал меня для чего-нибудь, то впусти душу в это изображение девушки, которое так безукоризненно выполнил старший брат, так роскошно одел цветами и разрисовал красками средний брат».

Изображение превратилось в живую девушку («Памятники народного творчества осетин», т. III, с. 50—51). Этот эпизод напоминает греческую легенду о Пигмалионе и оживленной по его мольбе статуе Галатеи.

В осетинском эпосе имеется мотив, сходный с русскими мотивами о Святогоре и тяге земной (см.: В.Ф. Миллер, «Осетинские этюды», т. III, с. 26). Выдающийся интерес представляет замечательное по богатству образов и композиционной сложности осетинское нартское сказание «Хатаг Бараг» в записи Ц. Амбалова («Памятники народного творчества осетин», т. III, с. 18—23). Содержание его, в основных чертах, следующее. В селении Салхой живет красавица Салхая. Она приглянулась бедняку Хатаг Барагу и богатому юноше — «сыну Кульбадаг женщины».[24] Последний искусно играет на фандыре, явившись к башне красавицы. Песня его пленяет людей, но красавица равнодушна, и он разбивает фандыр о стену башни. Потом, сделав новый фандыр, он играет около той же башни, но опять безуспешно и разбивает свой инструмент. В третий раз, наконец, красавица завязывает с ним разговор. Когда-то она снисходительно улыбалась, смотря на Хатаг Барага; теперь ей полюбился «сын Кульбадаг женщины». Последний, в сопровождении Хатаг Барага, едет за сбором дани. По дороге им попадаются большие стада скота. Хатаг Бараг предлагает угнать их. Спутник поясняет, что одни стада принадлежат ему самому, другие — его рабам. Оставив Хатаг Барага на распутье семи дорог, сын Кульбадаг женщины поехал за данью к трем братьям Донбеттырам. Угнав их стада, он возвращается с Хатаг Барагом, везя богатую добычу. Братья Донбеттыры нагоняют их. Сын Кульбадаг женщины убивает двух из них, но третий поражает его завороженной стрелой. Сын Кульбадаг женщины успевает тою же стрелой убить врага, но чувствует приближение смерти. Он просит Хатаг Барага отправиться с добычей домой и оповестить о его положении. Красавица Салхая приезжает к умирающему герою. Он выражает свою последнюю волю: отпустить на волю всех рабов и разделить его имущество на части, отдав одну — матери, другую — бедным, третью — Хатаг Барагу. Он скончался на руках любимой девушки. Когда его опускали в землю, Салхая булатными ножницами пронзила себе сердце. Их похоронили в одной могиле, и через год на могиле выросли грушевое и яблоневое деревья и переплелись друг с другом ветвями.[25]

Ряд характерных черт определенно свидетельствует о том, что многие образы этого сказания сложились в феодальную эпоху.[26] Сын Кульбадаг женщины — богатый, влиятельный человек; у него обширные земли; он имеет рабов. Он собирает дань в соседних областях. Приехав к братьям Донбеттырам, он говорит им: «Знайте вы, что кругом нас не осталось никого, кто бы не был мне данником или кого бы я не сделал себе рабом». Сказание подчеркивает глубокую

социальную разницу между Хатаг Барагом и сыном Кульбадаг женщины. Первый беден, имеет плохих лошадей, плохое вооружение; у второго кони лучшей породы и великолепные доспехи.

Некоторые мотивы этого варианта весьма близки к мировому сюжету о Тристане и Изольде.[27] Сын Кульбадаг женщины — искусный музыкант, Тристан играет на арфе. В осетинском предании, как и в традиционном западноевропейском сюжете, большое значение имеет мотив о сборе дани, связанный с другим характерным эпизодом — борьбой героя с опасным врагом: Тристан сражается с драконом и великаном, сын Кульбадаг женщины — с водяными духами. Он умирает; с горя умирает, как Изольда, Салхая. Их хоронят, как Тристана и Изольду, рядом. Над их телами вырастают деревья, переплетаясь ветвями (в западноевропейском варианте называется терновник, здесь — груша и яблоня).

В западноевропейских сказаниях о Тристане и Изольде имеются мотивы, восходящие к матриархату; то же видим в кавказском фольклоре, в частности — в осетинском. Черты матриархата заметны в образе матери героя. Когда Хатаг Бараг зовет его отправиться в наезд, сын Кульбадаг женщины говорит: «Без разрешения матери я не выхожу даже за дверь». Он отправляется в поездку, получив позволение матери. К феодальной эпохе восходит мотив о чудесной игре на фандыре, воздействующей не только на людей, но и на природу: «Содрогаются корни сердечные от игры фандыра, небо темнеет от нее».

В западноевропейских сказаниях о Тристане его борьба с драконами, великаном является архаичным мотивом «борьбы солнечного героя с олицетворенным мраком-смертью»[28](«Тристан и Изольда», с. 12). Мрачный космический характер водяных духов, сражавшихся с сыном Кульбадаг женщины, особенно ярко подчеркнут в образе второго из них, олицетворяющего мрак, смерть: «Тем временем потемнел весь светлый мир: это второй брат Донбеттыров подъезжает на вороном коне: «от него помрачился светлый мир». С образом его победителя, напротив, связано представление, как о лучезарном герое: его «оружие метало искры — так оно было вычищено». Наконец, чрезвычайно важен растительный образ, которым замыкается западноевропейский и осетинский сюжеты: герои превращаются в кустарник или деревья.

О.М. Фрейденберг, резюмируя анализ основных мотивов о Тристане и Изольде, отмечает следующее: «Итак, если говорить о стадиях, то даже один и тот же средневековый сюжет «Тристан и Изольда» дает оформления космические, зооморфные и вегетативные. В нем есть и до-антропоморфный персонаж, неодушевленный, и персонаж богов-героев, и просто людей.

Подводя схематический итог мотивам, можно сказать, что в средневековом сюжете «Тристана и Изольды» мы имеем следующую метафоризацию основного образа солнца и воды преисподней...». Далее излагается схема сказания («Тристан и Изольда», с. 15).[29]

Осетинское предание, как мы видели, также заключает в себе образы — **космические** (сын Кульбадаг женщины, солнечный герой и побежденные им водяные духи), **зооморфные** (чудесные кони сына Кульбадаг женщины и водяных духов) и **вегетативные** (деревья, выросшие на могиле героев).

В ингушском предании «Могила Бексултана Барогана»[30] есть ряд черт, сближающих его с указанным осетинским преданием и, вместе с тем, с сюжетом «Тристана и Исольды». Бексултан Бароган и княжна Ахлава любят друг друга. Во время стычки с врагами, пытавшимися угнать скот, Бексултан и его спутник, брат пастуха, одерживают победу, но последний из врагов, уцелевший в бою, предупреждает Бексултана: «Не гонись за мной: если получишь рану от пули моего ружья, то немедленно умрешь, потому что ружье мое из ружей Пяси-Лача». Бексултан продолжает преследовать его и погибает от меткой пули. Княжна соорудила мавзолей[31] для погребения любимого человека и во время похорон закололась кинжалом над его телом; ее схоронили рядом с Бексултаном.

Сходство со сказанием о Хатаг Бараге бросается в глаза. Бексултан и его спутник по социальному положению напоминает образы сына Кульбадаг женщины и Хатаг Барага. Из-за стада скота у них начинается перестрелка с чеченскими наездниками (там — с водяными духами). В обоих вариантах последний из врагов метким выстрелом поражает героя (Бексултана, сына Кульбадаг женщины). Княжна Ахлава, как красавица Салхая, закалывается над могилой влюбленного, и ее хоронят вместе с ним. В ингушском варианте преобладают мотивы феодальной эпохи, он носит реалистический характер, но сопоставление с осетинским и с западноевропейскими сказаниями позволяет нам подметить в нем мотивы дофеодального времени.

Широким распространением в горском эпосе пользуются рассказы о **хитрецах**: в осетинском фольклоре они приурочены к личности Сырдона[32], в чечено-ингушском — к личности Наср-Эддина, анекдоты о котором очень популярны также в Азербайджане, Крыму, Турции.[33] В некоторых других образцах анекдотического жанра также находим сюжеты, приближающи-

еся к мировым нравоучительным рассказам. Таковы, например, две лакские сказки — «Мечты бедняка».[34] Краткое содержание первой: бедняк, имеющий горшок масла, привешенный к потолку, мечтает о выгодной продаже его и нечаянным ударом дубины разбивает горшок. Содержание второй: бедняк несет на голове для продажи корзину с яйцами, мечтает о богатстве и роняет корзину.

В этих реалистических сказках есть ряд черт, относящихся к позднейшему времени (первый бедняк желает засадить детей за науку, второй — завести большой магазин), но основа их сложилась в глубочайшей древности; аналогичные мотивы встречаются в санскритских сборниках, у арабских, греческих и других писателей (Ср.: Н.Л. Бродский, Н.М. Мендельсон, Н.И. Сидоров, «Историко-литературная хрестоматия. ч. 1. Устная народная словесность», Москва, 1922, с. 206—209).

Большой известностью пользуется в западноевропейской литературе **сюжет о неблагодарном сыне**, дурно обходившемся с престарелым отцом и получившем урок от маленького сына. Один из этих вариантов приводит Н.И. Стороженко в «Очерке истории западноевропейской литературы» (Москва, 1908, с. 77—78; фаблью XIII века — «Попона, разрезанная пополам»). При обработке этого сюжета в Осетинском педагогическом институте одна из студенток, Т. Цакулова, сообщила нам, что сходный вариант известен в фольклоре осетин; она записала для нас следующий его текст: «Жила семья: глава семьи Дадо, его жена Фатимат и их маленький сын Мурат. Дадо и Фатимат очень любили своего маленького сына Мурата. Жили они очень счастливо. Но вот Мурату сравнялось 19 лет. Его женили, и жизнь их текла опять по-старому. Отец и мать Мурата состарились. Они уже ни в чем не помогали Мурату. Мать Мурата умерла. Остался отец Дадо. Дадо, не дававший никакой помощи семье, очень надоел Мурату, и он решил сбыть его с рук. В один прекрасный день Мурат посадил своего старого отца Дадо в сапетку и понес, чтобы бросить его в пропасть. Дадо молчал. Только когда Мурат опустил его на землю, чтобы отдохнуть, то Дадо хрипло произнес: «Куда ты несешь меня?» Мурат отвечал: «Я хочу бросить тебя в пропасть, так как ты уже стар и никакой помощи не даешь». Подумал Дадо и сказал: «Ладно, бросай, но только смотри не урони сапетку вместе со мной в пропасть!» — «А на что мне эта сапетка? Я ее брошу с тобой». — «Как же на что? — спросил Дадо. — Когда ты будешь таким же старым, как я, то тебя тоже твой сын должен будет в этой сапетке бросить сюда же». — «Нет этого не будет», — сказал Мурат. — «Поверь мне, — сказал Дадо, — ты тоже когда-нибудь будешь таким же старым, беспомощным, как я». Постоял еще немного Мурат, подумал и отнес обратно Дадо домой, кормил его до тех пор, пока тот не умер, и больше не упрекал». Осетинский вариант имеет своеобразные черты, но в основном приближается к общеизвестному европейскому сюжету.

Примеры из области устного творчества горцев, приведенные в нашей статье «К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев», ярко показывают, как богат северо-кавказский эпос образами и композиционными комплексами, аналогичными многим памятникам мировой поэзии, повествующим об Иштари, Озирисе, Одиссее, Дионисе, Прометее, Орфее, Тристане и Исольде и других героях и героинях, носящих у разных народов разные имена, но сохраняющих в бесчисленных вариантах свои типические черты. Эти черты то в смутных намеках, то вполне отчетливо отражают смену различных общественных формаций, связь которых с фольклорными мотивами была с такою глубиной освещена академиком Н.Я. Марром.[35]

На кавказской почве отмеченные нами образы и сюжетные ситуации помимо черт, общих с мировыми мотивами, имеют и вполне своеобразные черты, специфически связанные с местным краем и историей и бытом его народов, с его природой и прочим и свидетельствующие о поразительном богатстве, мощи и утонченности горской поэзии.

Морские и караванные торговые пути, наличие на берегах Черного моря колоний различных народов содействовали со времен глубочайшей древности взаимному обмену культурными ценностями Кавказа с различными странами мира, близкими и дальними, но самое существенное при изучении сходных мотивов — стадиальный подход.

«Там, где видим заимствование, палеонтологический анализ обнаруживал одинаковую идеологическую продукцию, вызванную одинаковым этапом общественного развития; где факт считался упавшим с неба или впервые самостоятельно рожденным, палеонтология вскрывала его долгое пребывание в неоформленном или совершенно измененном виде. Отсюда — и тот разрыв с современной западной наукой, который вытекает с полной неизбежностью из формулировок Н.Я. Марра» («Тристан и Исольда», с. 6).[36]

Проблемы, затронутые нами в краткой предварительной форме, должны, разумеется, стать предметом длительной, большой коллективной работы как в отношении накопления фак-

тических материалов, так и их анализа, касающегося изучения отдельных вопросов (например, о Прометее, Иштари и т.п.) и широких обобщений.

«Всестороннее и детальное освещение величайших памятников мирового эпоса — мифов об Иштари, Одиссее, Тысячи и одной ночи, романа «Тристан и Исольда» и т.п., а также шедевров мировой литературы, выросших на фольклорной почве, невозможно теперь без привлечения обильных, чрезвычайно своеобразных по содержанию и высоко поэтических по форме аналогий из фольклора кавказских народов, в котором встречаем полустертые и явственные следы смены различных общественных формаций и которыми так широко пользуется Н.Я. Марр» («К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев», с. 564).

Примечания

1. Предложение зачеркнуто в рукописи (*прим. сост.*)

2. О.М. Фрейденберг «Целевая установка коллективной работы над сюжетом Тристана и Изольды». «Тристан и Изольда». Труды Института языка и мышления. Ленинград, 1932, стр. 8.

3. Смотри об этом в нашей статье — «К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев» // Сб. «Академия наук СССР — академику Н.Я. Марру». Ленинград, 1935, с. 551.

4. Об амазонках в фольклоре кавказских горцев см. еще: Услар, «Древнейшие сказания о Кавказе» (Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис).

5. О посещении подземного мира см. еще предание «Черная лисица Нарты» («Памятники народного творчества осетин», Владикавказ, 1927, вып. II, с. 37).

6. «К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев» (сб. «Академия наук СССР — академику Н.Я. Марру». Ленинград, 1935, с. 551—552).

7. Ср.: мотив о победе Зигфрида над Брунгильдой в «Песне о Нибелунгах».

8. См. еще: В.Ф. Миллер «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам» («Журнал министерства народного просвещения», СПб, 1883, I); А. Веселовский, «Прометей в кавказских легендах и мировой поэзии» («Этюды и характеристики», Москва, 1912, II); Нусинор, «Прометей» («Литранц»).

9. «К вопросу о народной овсской литературе» — предисловие к сб. «Амран» (перевод Д. Гутуева, М. — Л., 1932, с. 11), в этом же сборнике см. еще статью В. Абаева «Дааредзановские сказания у осетин».

10. Уварова «Могильники Северного Кавказа» («Материалы по археологии Кавказа», Москва, 1900, т.VIII, с. 20-29).

11. В.Ф. Миллер «Отголоски кавказских верований на могильных памятниках» («Материалы по археологии Кавказа, М., 1903). Поверье о Руймане см. в «Осетинских этюдах» В.Ф. Миллера (М., 1882, т.II, с. 295—296).

12. См. «Осетинские этюды», т. I, с. 19, 25, 29, 73, 118, 147; т. II, с. 247—248; «Памятники народного творчества осетин», т. I, с. 58, 62.

13. См. нашу статью об «Амиране» Бритоева, названную выше, с. 210, 216—217; сообщение Г.Ф. Чурсина «Культ железа у кавказских народов» («Бюллетень Кавказ. историко-археологического института», Тифлис, 1928, № 1—3, с. 11—12).

14. «К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев», с. 556—559.

15. См. еще: П. Остряков «Народная литература кабардинцев и ее образцы» («Вестник Европы», 1879, т. VIII); М.Н. Комаров «Экскурсы в сказочный мир», М., 1886; В.Ф. Миллер, «Кавказские сказания о циклопах» («Этнографическое обозрение», 1890, № 1).

16. См. еще — «Памятники народного творчества осетин», т. II, с. 10—12: В.И. Абаев, «О собственных именах нартовского эпоса» («Язык и мышление», М.—Л., 1935, т. V, с. 66).

17. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XII, текст сказки (с. 51—52) и комментарии В.Ф. Миллера (с. 70—77).

18. Миллер «Осетинские этюды», т. I, с. 17; ср. с. 148. См. еще Д. Шанаев, «Осетинские народные сказания» («Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис, 1871, т. V, с. 30—31;то же, 1876, т.IX, с. 8—9); Абаев, назв. соч., с. 68.

19. В.Б. Пфафф «Этнологические исследования об осетинах» («Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис, 1871, т. II, с. 114—115).

20. «Материалы по археологии Кавказа», т. VIII, с. 254.

21. В.Б. Пфафф (назв. соч.); А.А. Миллер (назв. статья).

22. Г.Ф. Чурсин «Культ собаки у кавказских народов» («Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе», Ленинград, 1929, № 5, с.19—20). См. еще А.А. Миллер «Изображение собаки в древностях Кавказа» («Известия Российской академии истории материальной культуры», 1922, т. II, с. 287—324).

23. Ст.: «Женщина приказала своему народу» (с. 54).

24. «В народных сказаниях так называется женщина — вдова, отличающаяся мудростью и даром провиденья. Живет особняком. Она является то доброй феей, то злой колдуньей; но чаще всего она на стороне добра и справедливости» («Памятники народного творчества осетин», т. III, с. 136—137, примеч. 44).

25. Другой, менее сложный, вариант см. в «Сборнике сведений о кавказских горцах», т. VII («Из осетинских народных сказаний», с. 20—21).

26. Предложение зачеркнуто в рукописи.

27. См. «Тристан и Изольда» (на с. 8—11 изложение основного западно-европейского сюжета). В этом же сборнике имеется статья Н. М. Дрягина — «Любовные мотивы нартовского эпоса горцев Северного Кавказа» (с. 183—199).

28. Слова «борьбы солнечного героя с олицетворенным мраком-смертью» зачеркнуты в рукописи.

29. Абзац зачеркнут в рукописи (*прим. сост.*).

30. См. «Этнографическое обозрение», 1901, т. IV, с. 52—54.

31. См. нашу статью — «Мавзолей Борга-Каш» («Известия Ингушского института краеведения», Владикавказ, 1928, т. I).

32. «Эта знаменитая личность нартов, — отмечает Г.А. Дзагуров, — встречается во всех сказаниях не только кавказских горцев, но и на Востоке, под именем муллы Пеф-Эддина, Одиссея у греков» («Памятники народного творчества осетин», т. I, с. 93, примечание 10).

33. «К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев», с. 555.

34. «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран», Баку, 1930, т. II, с. 125.

35. Предложение зачеркнуто в рукописи (*прим. сост.*).

36. Абзац зачеркнут в рукописи (*прим. сост.*).

Май 1936 года

Текст печатается по источнику:
ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 115. Лл. 1-21. Машинописный экземпляр.

III. Раздел персоналий

Александр Михайлович Ладыженский

А.М. Ладыженский (1891–1972) – доктор юридических наук, профессор. В 1914 году окончил юридический факультет Московского университета. В 1947 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Адаты горцев Северного Кавказа».

Область научных интересов: общая теория государства и права, всеобщая история государства и права, история государства и права народов СССР, история политических учений, международное публичное и международное частное право, государственное и административное право, римское право, советское семейное право и буржуазное гражданское право.

В 1917–1923 работал приват-доцентом, с 1923 года – профессором юридического факультета МГУ. Преподавал в Ростовском (Донском) университете, был сотрудником Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института. Проводил экспедиции в Адыгею, Кабарду, Осетию для сбора материала по обычному праву народов Северного Кавказа. Возглавлял Северо-Кавказское краевое общество истории, археологии и этнографии. Был знаком с А.М. Дирром и другими учеными, сотрудничавшими с Горским историко-лингвистическим институтом.

В 1930-е годы А.М. Ладыженский работал в Харькове старшим научным сотрудником Государственного института проектирования городов, юрисконсультом Госбанка, Крайземуправления. В 1940 году стал профессором юридического Института прокуратуры СССР, в 1941–1942 годах преподавал в юридической школе. В 1942 году вернулся к деятельности профессора юридического факультета МГУ. К интенсивной научной работе А.М. Ладыженский приступил в середине 1940-х годов, работал научным сотрудником в Институте права АН СССР в секторе международного права и истории и теории права.

В дальнейшем А.М. Ладыженский преподавал в Московском государственном институте международных отношений при МИДе СССР (1948–1952), на юридическом факультете МГУ (1951–1952), в Военно-юридической академии, с 1952 года начал работать на кафедре теории и истории государства и права Ростовского государственного университета. Позже он отошел от разрабатываемых им в 1920-е годы проблем этнографии, права, разрабатывал теорию международного права.

Работы о А.М. Ладыженском:

Бабич И.Л. А.М. Ладыженский – исследователь обычного права народов Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 1997. – № 2. – С. 76–79.

Абазов А.Х. А.М. Ладыженский – основатель юридической антропологии народов Кавказа (к 120-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. – М.: Наука, 2012. – № 1. – С. 102–109.

Исследования А.М. Ладыженского:

Внешняя политика и народное представительство. – М., 1917.

Большевики и право. – Ростов-на-Дону, 1919.

Достоевский как философ. – Ростов-на-Дону, 1923.

К вопросу о юридической природе норм так называемого частного международного права // Вестник Московского университета. – 1948. – № 5. – С. 9–17.

Мирные средства разрешения споров между государствами. — М.: Госюриздат, 1962 (в соавторстве с И.П. Блищенко).

Методы этнологического изучения права // Этнографическое обозрение. — 1995. — № 4. — С. 157—165.

Очерки социальной эмбриологии: внутриродовое и международное право кавказских горцев // Научная мысль Кавказа. — 1997. — № 2. — С. 80—89.

Адаты горцев Северного Кавказа. — Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2003.

А.М. Ладыженский
Памяти Адольфа Михайловича Дирра

Востоковедение вообще и кавказоведение в частности понесло очень тяжелую, без преувеличения можно сказать, невознаградимую потерю: 4 апреля 1930 года в Германии в больнице города Иассау умер после неудачной операции выдающийся исследователь языков и обычного права кавказских горцев, редактор «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», хранитель Мюнхенского этнографического музея, издатель «Caucasica» Адольф Михайлович Дирр.

Это был совершенно исключительный человек. Происходя из небогатой семьи, он не получил высшего образования, и ему удалось окончить в молодости только реальное училище. Но его влекло к языкознанию, и в 1889 году 22 лет от роду он отправляется в Африку, где небогатому немцу легче было устроиться, чем в Германии, и изучает африканские наречия. По возвращении оттуда он в короткий срок проходит семинарские занятия по востоковедению в Берлине под руководством известных лингвистов Ф. Мюллера и Захау и обращает на себя внимание названных ученых. Но стремление к путешествию и к познанию новых стран побуждает его вновь покинуть родину. Ввиду своих блестящих филологических способностей он быстро и в совершенстве выучил английский и французский языки и отправился из Мюнхена в Париж, где в 1897 году принял участие в известном Конгрессе ориенталистов.

Оттуда он поехал на Кавказ, где в Петровске (Махачкале), а затем в Тифлисе в гимназиях стал преподавать иностранные языки и очень быстро научился в совершенстве говорить по-русски. На Кавказе он познакомился с известным исследователем горских языков, б[ывшим] директором гимназии Л.Г. Лопатинским, и начал сам изучать сперва дагестанские, а затем и северо-кавказские наречия. Вскоре он стал самым выдающимся продолжателем дела Услара по исследованию адыгских и других кавказских языков. В 1908 году Российская академия наук присудила ему премию Макарова за работы по кавказоведению. Насколько высоко эти исследования ценились, можно видеть также по тому, что Академия наук командировала его в 1913 году в Турцию изучать язык остатков переселившихся туда убыхов. Свои исследования Адольф Михайлович опубликовал в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» и за границей в разного рода филологических и этнографических журналах. За эти работы Мюнхенский университет в 1908 году присудил ему степень доктора философии Honoris causa (ученую степень почетного доктора философии).

Дирра давно тянуло на родину, и в 1913 году он переехал в свой Мюнхен, где был назначен хранителем этнографического музея. Здесь он продолжал работать над изучением культуры кавказцев и основал известный кавказоведческий германский журнал, сыгравший довольно значительную роль в ознакомлении Запада с особенностями языка <...>.

Это был исследователь по призванию. Он очень хорошо понимал всю справедливость изречения К. Маркса о том, что «к науке ведет не широкая казенная, то есть проторенная дорога (route rojale), и только тот может рассчитывать достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась трудов, карабкается по ее каменистым тропам». И Адольф Михайлович не страшился этих трудов. Он любил подчеркивать, что in generalibus latet error — что в скорых обобщениях таится заблуждение, и для него часто прямота обычно даваемых ответов обращалась в кривизну проблем. Поэтому он был врагом какой бы то ни было предвзятости и подчеркивал, что рационалистическая стерилизационная теория убивает витамины творчества постижений. Эту мысль он высказал и в последней своей работе — в обзоре русских исследований о кавказцах, появившихся в последнее время, где, отмечая огромный интерес и ценность исследований своего товарища по редактированию «Сборников материалов для описания местностей и племен Кавказа» академика Н.Я. Марра, он решительно возражает против того, что названный ученый, по его мнению, недостаточно терпимо относится к мнению иначе мыслящих, чем он. В этом отношении Дирр мог бы вполне присоединиться к известным положениям К. Маркса, что «истина устанавливается путем полемики и что исторические факты познаются из столкновений противоположных утверждений» (Маркс и Энгельс, т. XXI, с. 412 и сл.) Поэтому, как известно, Маркс иронизировал над теми, кто воображал, будто у него в портфеле разрешение всех загадок и глупому непосвященному миру остается только раскрыть рот, чтобы ловить

жареных рябчиков абсолютной науки (Письмо к Руге). Поэтому в редактируемых Адольфом Михайловичем изданиях мы находим работы лиц, далеко не одинаково объясняющих происхождение и развитие горских языков и обычаев. Он боролся с тем, что англичане называют the deep slumper of a decided opinion — «глубокий сон составленного мнения». Адольф Михайлович призывал к тщательному собиранию материалов и к попыткам подходить к ним с самых разных сторон.

И этот призыв очень своевременен, так как кавказоведение давно страдает тем, что можно назвать риторической опухолью, и в нем подвизаются методы краснобайства, стремящиеся всегда от конкретного исследования перейти к вопросу о методологии.*

Адольф Михайлович в противоположность такому типу исследований давал обобщение фактов и таким образом составил научные грамматики ряда кавказских языков. И эта работа войдет в историю языкознания и, в частности, в историю кавказоведения как бесспорный вклад, который никогда не будет забыт, пока будут интересоваться этим исключительным по своему значению для науки краем. И, в частности, кавказские горцы будут всегда благодарны этому исследователю их языка и культуры, этому типичному западноевропейцу, искренне и глубоко полюбившему Кавказ.

В 1929 году Адольф Михайлович издал свой большой труд о кавказских языках. Несколько ранее «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft» опубликовало большую его работу об обычном праве кавказских горцев.

Живя в Германии последние десять лет, Адольф Михайлович не порывал связи с Россией и с кавказцами. Во время войны он был переводчиком в лагере для военнопленных русских и кавказцев и многое сделал для облегчения их положения. После установления у нас советской власти он вместе с академиком Н.Я. Марром был приглашен редактировать «Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа», издающиеся в Махачкале. С профессором Дирром велись переговоры о переезде его в СССР и занятии кафедры кавказоведения в Московском университете. Но неожиданная смерть прервала эту интересную, полную творчества жизнь. До последних дней он продолжал работать и еще совсем недавно просил пишущего эти строки прислать ему новую литературу о Кавказе, изданную в Ростове. Последней его публикацией был обзор новейших работ о наших горцах. Деятельное участие принимал он также и в помещении статей русских исследователей в германских периодических изданиях. В частности, он перевел и поместил в «Caucasica» статью профессора Н.Ф. Яковлева об адыгейских языках и мою в «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft» об обычном праве кавказских горцев. Содействовал он и переизданию этой статьи по-французски в «Revue des etudes islamiques», — о чем я не могу не упомянуть с чувством искренней признательности.

А. Дирр опубликовал следующие свои **исследования**:

1893 год

1. Грамматика простонародного арабского языка — «Grammatik der vulgär-arabischen Sprache» 41 VIII, 182 S.

1894 год

2. Теоретическо-практическая грамматика аннамитского языка — «Teoretisch-praktische Grammatik der annamitischen Sprache». Hartlebens Bild der Sprachenkunde 42, XIV. 164 S.

1895 год

3. Практический справочник языка гауссов — «Manuel pratique de la lange Haoussa». Paris Leroux. 141 p.

1901 год

4. Панстенография — «Panstenographie». Leipzig: Dürrsche Buchhandlung IV, 44, XVI S.

5. Панстенография — Panstenographie. Hartlebens Bild. der Sprachenkunde 74, VI, 166 S.

6. Грамматика удинского языка «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», *33*, 3—83.

7. «Удинские тексты». Там же, стр. 84—101.

---

* В рукописи абзац вычеркнут (*прим. сост.*).

8. Теоретико-практическая грамматика новейшего грузинского языка — Teoretisch praktische Grammatik der modern georgischen (grusiniscen) Sprache. Hartlebens Bild. der Sprachenkunde. 81, XIV, 170 S.

1905 год

9. «Табасаранский язык». Сборник для описания местностей и племен Кавказа» 35, 3, 1—248.

10. «Кавказское языковедение, его история и очередные задачи». «Die kaukasische Sprachforschung, ihre Geschichte und nächsten Aufgaben. Beiträge zur Kenntnis der Orient» / «Jahrbücher der Münchener Orientalischen Gesellschaft» 3, 140—153.

11. Расы и культурные объединения в Азии и Европе — «Rassen und Kulturzusammenhäege in Asien und Europa» — «Politisch-Antropologische Revue», 5, 315—325.

12. Наши этнографические музеи как собрание сокровищ искусства — Unsere ethnographischen Museen als Niederlage künstlerischen Formenshätze. Deutsche Kultur. 2, 590—592.

13. «Краткий грамматический очерк андийского языка». Сборник для описания местностей и племен Кавказа». 36, IV, 1—200.

1907 год

14. Sprachenkarte der Gebiete am Mittelauf des Andischen Koissu, Daghestan. Petersanns Mitt. 5, S. 234—236. — Карта языков Андийского койсу в Дагестане.

15. Ethnologische und sprachliche Zusammenhänge zwischen Südamerika und Australien. Beilagen zur Allgemeinen Zeitung 25, 11—15. — Этнологические и языковые взаимоотношения между Южной Америкой и Австралией.

16. Новейшие взгляды на отношения кавказских языков к другим. II «Закавказье как родина арийцев». Сборник… 37, III, 1—17.

17. О классах (родах) в кавказских языках. Там же, 91—103.

18. «Агульский язык». Там же, I—XV, 1—188.

1908 год

19. Die heutigen Namen der Kaukasischen Völker. Peiermanns Mitt. 54, 204—212.

20. «Арчинский язык» — Сборник… 39, III 1—227.

21. Eine neue Aufsicht über den Ursprung der Chewsuren. «Globus» 95, 158—159. (Новейшие взгляды на происхождение хевсуров).

22. Karte der Kürinischen Sprachgruppe. Petermans Mitt. 55, 138—139. (Карта кюринской группы языков).

23. Über die Klassen (Geschlechter) in der kaukasischen Sprachen. Internationales Archiw für Etnographie 18, 125—132/vgl. Nr. 15 (О классах в кавказских языках).

24. «Современные названия кавказских племен». Сборник 40, III, 1—28 (ср. № 17).

25. «Материалы к изучению языков и наречий андо-дидойской группы». Сборник… 40, III, 1—114.

1910 год

26. Linguistische Probleme in etnologischer, antropologisc her und geographischer Bedeutung. Mitt. der anthrop. Ges. in Wien 39/1909, 301—320, 22—44. (Лингвистическая проблема в этнографическом, антропологическом и географическом освещении)

27. Fünfundzwanzig georgische Volkslieder. Antropos 5, 483—512. (Двадцать пять грузинских народных песен).

28. Die Verbreitung der Hausgewerbe in Daghestan. Petermanns Mitt, 5.

29. «Антропологический и этнографический состав кавказских народов» — «Кавказский календарь».

30. «Antropologische und ethnographische Übersicht über die Völker der Kaukazus» — Petermanns Mitt., 58, I, 17—19, 135—139 (vgl. Nr. 27). Антропологическое и этнографическое обозрение народов Кавказа.

31. K.v. Hahn zum 40. Amtsjubileum. «Deutsche Erde» II, 93. (К 40-летнему юбилею К.Ф. Гана).

32. Kaukasische Jägerglaube «Wild und Hund» 18, 383—4. (Кавказские охотнические поверия).

33. Praktisch-theorethisches Lehrbuch des ägyptischen Vulger — Arabisch. Zweite ungearbeite Auflage. Hartlebens Bild. der Sprachenkunde» 41, VIII, 184 S. (Практический и теоретический учебник египетского простонародно-арабского языка.)

34. Practisches Lehrbuch der ostarmenischen Sprache. Hartlebens Bibliothek der Sprachenkunde 103, X, 182 S. (Практический учебник восточно-армянского языка.)

35. Рутульский язык — Сборник… 42, III, 1—260.

1913 год

36. «Цахурский язык» — Сборник… 43, III, 1—243.

1914 год

37. Neunzehn swanische Lieder. «Anthropos» 9, 597—623 («Девятнадцать сванских песен»).

38. Die sprachliche und poetische che Begabung der Tschetschenen und Daghestanen. «Der Geist der Osten». S. 2, 165—178. (Одаренность чеченцев и дагестанцев к поэзии и языкам.)

1915 год

39. Die Zukunft Kaukasiens «Petermanns Mitt». 61, 25—26. (Будущность кавказцев.)

40. Die Bevölkerung des Sakataler Kreises (Transkaukasien) Ebenda 309—310. (Население Закавказского округа.)

41. Vom Hausgewerbe im Pamir Kunst und Handwerk 65, 71—75. (О кустарной промышленности в Памире.)

42. Der Kaukasus. Seine politische, wirtschaftliche und völkische Bedeutung. Der Panther. 3, 546—560. (Кавказ — его политическое, хозяйственное и народное значение.)

43. Божество охоты и охотничий язык у кавказцев. — «Сборник…» 44, IV, 1—16.

44. Список имен, фамилий, названий народов и имен животных у абхазцев, мингрельцев, дагестанцев. — Материалы для изучения языка и быта абхазцев. — Абхазские слова. — Заметка о татуировке в Дагестане. — Там же, 1—24.

45. Zehn Lieder des Lesgischens Huseins Suleiman oghlu (Aschuch Sögün) Antropos 10/11, 218—233. Десять песен Сулеймана-оглы (лезгинских).

46. Der Kaukasus — der Kollos auf Tönnernen Füssen nsg. von A. Ripke, 156—167. (Кавказ — колосс на глиняных ногах).

47. Die Stellung des Ubychischen innerhalb der westkaukasischen Sprachen. Aufsätze zur Kultur und Sprachengeschichte Ernst Kuhn zum 70 Geburstag gewidmet, 413—419. — (Место убыхского языка среди западно-кавказских языков.)

1917 год

48. Über die Namen «Ubychen». Mitt. der Vorderas. Ges. 22 (Orientalische Studien. Fpitz Hommel zum 60 Gebupstag gewidmet. Bd. 2) 313—315 (О наименовании «убыхи»).

49. Praktisches Lehrbuch der russischen Sprache. Nartlebens Bibl. der Sprachenkunde 120. VIII, 181 S. (Практическое руководство для изучения русского языка.)

1918 год

50. Einiges über die Jezidene Antropos 12/13, 558—574. (Заметки о езидах.)

1919 год

51. Der Kaukasus Land und Leute. Jahresbericht des Frankfurter Vereins für Geoeraphin und Statistik 81/83, 139. — (Кавказ — страна и люди).

52. Russisches Lesebuch. Hartlebens Bibl. der Sprachenkunde 121, IV, 186 S. (Книга для чтения по-русски.)

1925 год

53. Der kaukasische Wild und Jagdgott. Antropos 20, 139—146. (Кавказский бог охоты и диких зверей.)

54. Zum Ethnikon «Abchas» Caucasica 2, 119—120.

55. Aus dem Gewohnheitsrecht der kaukasischen Bergvölker, Zeitschrift für vergleichenden Rechtswissenschaft 41, 1—128. (Об обычном праве кавказских горцев.)

56. Die Völker des Kaukasus unter fremden Völkern. Hsg. von W. Doegen, 191–211. (Народы Кавказа среди чужих народов.)

1928 год

57. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig. Asia Major X, 380 S. (Введение в изучение кавказских языков).

58. Die Sprache der Ubychen. Caucasica 5, 55–59. (Убыхский язык.)

59. Eine poliglottes Liebeslied. Caucasica (Многоязычная любовная песня.)

60. Udische Texte. Caucasica 5, 60–72. (Удийские тексты.)

61. Trepanation als gerechtlicher Beweis im Kaukasus. Festschrift P.W. Schmidt, 218–219.

1929 год

62. Georgische Lieder. Transkription, Übersätzung und Bemerkung (in R. Lach, Gesänge russischer Kriegsgefangener). Sber Akad. Wien, 204, 111–253. (Грузинские песни — песни русских военнопленных — запись, перевод и пояснения.)

63. Kaukasische Volksmedizin.

Кроме того, им напечатано много рецензий, газетных статей и переводов. Приведенный далеко не полный список работ Адольфа Михайловича показывает, как широки были его интересы и какой большой материал им собран. Почти все основные языки кавказских горцев, африканские языки, русский язык, влияние австралийских языков на американский, египетский и арабский языки, искусство различных народов, их легенды, обычное право, история живо интересовали его, и он по всем этим отделам знания плодотворно работал. Это не был такой филолог, о котором можно сказать, что il est grand dans son genre, mais son genre est retit — что он велик в своем жанре, но его жанр мал. Адольф Михайлович был ученым с широким кругом интересов, и во всех областях, в которых он работал, он оставил плодотворный след.

1930 год

Текст печатается по источнику:
ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 152. Лл. 1–7. Машинописный экземпляр.

А.М. Ладыженский
Памяти профессора Г.Ф. Чурсина

15 октября 1930 года в Тифлисе умер, заболев во время экспедиции по Дагестану, известный этнограф-кавказовед профессор Ленинградского университета Григорий Филиппович Чурсин. В лице покойного наука потеряла одного из преданнейших своих работников, человека, собравшего чрезвычайно большой и ценный материал и давшего ему интересную обработку.

Бывают люди, как монеты, сделанные как бы по одному образцу. Это так сказать фабричный продукт природы. Но бывают такие, которых можно сравнить не с монетами, а с медалями — чеканящимися только для одного какого-либо специального случая. Григорий Филиппович должен был быть отнесен к этому второму разряду. К нему вполне применимо английское обозначение — характеристика — self-made man — человек, который сам себя сделал.

Григорий Филиппович происходит из очень бедной крестьянской семьи. Его отец был плотником в Ейске и погиб, упав во время работ с крыши ветряной мельницы, которую он строил, когда его сыну, будущему ученому, едва исполнилось пять лет. Оставшись без всяких средств к жизни, мать Григория Филипповича возвратилась в семью своих родителей — простых хлеборобов и стала работать в поле как крестьянка. Способный мальчик хотел учиться и был отдан в Ейское городское училище, так как семья матери его — хотя и занималась хлебопашеством, как большинство жителей Ейска, жила в городе. В 1888 году 14-ти лет от роду Гриша окончил городское училище и поступил на 15 рублей в месяц писцом в Ейскую городскую управу. Но ему хотелось учиться дальше и самому стать учителем. Зарабатывая себе на жизнь собственным трудом, он, в конце концов, добился поступления в Тифлисский учительский институт, который и окончил в 1894 году.

Еще в институте он заинтересовался теорией К. Маркса и входил в студенческие революционные кружки. Как не вполне благонамеренного, его по окончании института назначили учительствовать в отдаленный форт Александровский Закаспийской области. Там он сошелся с военным врачом Ц. Игнатовским, вместе с которым изучал «Капитал» Маркса, и только что вышедшее в то время «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. С этого начались его занятия историей культуры и этнографией. Возвратившись в 1896 году в Тифлис, Григорий Филиппович усиленно принялся за самообразование. Занимался он самостоятельно, главным образом, кавказоведением и общей социологией, — проштудировав, между прочим, труды Тейлора, Спенсера, Леббока и М. Ковалевского. Состоял членом кружка Кайдановой. Вместе с Филиппом Махарадзе и Петром Гелейшвили усиленно изучал марксизм. Тогда же вступил в Географическое, Археологическое и Курортное об[щест]-ва.

2 января 1898 года была в «Новом обозрении» напечатана первая статья Г.Ф. Чурсина «Праздник мертвых» — сравнительно-этнографический очерк. С этого момента началась его литературная и научная деятельность.

Он был выбран секретарем Кавказского отделения Русского географического общества. За первой работой последовали вскоре новые:

«Этнографические заметки о Карачае» («Кавказ», 1900 год, 305 и 306);

«Культурные переживания» («Новое обозрение», 1901 год);

«Танцующее человечество» («Кавказ» 44, 1901 год);

«Культ мертвых на Кавказе» («Кавказ» — перепечатано в сборнике «Весь Кавказ»);

«Культ железа на Кавказе» (перепечатано в «Терских ведомостях»);

«Музыка и танцы карачайцев» («Кавказ», 1901 год);

«Свадебные обряды и обычаи на Кавказе» («Кавказ», 1902 год, № 2 и перепечатано в журналах «Северный Кавказ», «Весь Кавказ», 1903 год, и в «Терских ведомостях»);

«Траур у кавказских народов» — очерк по сравнительной этнографии («Кавказ», 1903 год);

«Боги и войны» (там же, 1902 год);

«Почитание огня на Кавказе» («Кавказ», 1902 год, перепечатано в «Весь Кавказ»);

«Обычаи и предрассудки карачайцев» («Кавказ», 1903 год);

«Масленица у кавказских народов» — этнографический очерк («Кавказ», 1903 год);

«Батонеби» (там же); «Чиакакона — костры страстной среды» («Кавказ»);

«История вдовьего траура» («Закавказье»);

«Народные суеверия» («Кавказ» — приложение 4, 1903 год);
«Почитание деревьев на Кавказе» (там же);
«Из истории народных поверий» (там же);
«Этнографические очерки Кахетии» («Кавказ», 1904 год);
«Народные обычаи и верования Кахетии» («Записки Кавказского отделения Русского географического общества.», т. XXV, 2, 1905 год);
«Курды в Закавказье» («Тифлисский листок», 1909 год);
«Праздник обновления природы» (там же);
«Турки в Закавказье» (там же, 1909 год);
«Очерки по этнологии Кавказа» (Тифлис, 1913 год) («Культурные переживания, взаимопомощь у кавказских народов, культ земледелия, легенды об окаменевших людях, легендарные озера на Кавказе, обычаи при рождении ребенка, свадебные обычаи кавказских народов», «Культ мертвых на Кавказе»);
«Храм огня в Суруханах» («Пламе», 2/3, 1921 год);
«По Юго-Осетии — воспоминания и наблюдения» («Пламе», 12, 1920 год);
«Население Кавказа» (гл. XI в книге А.Ф. Ляистера и Г.Ф. Чурсина «География Кавказа — Природа и население»);
«Осетины» — этнографический очерк («Труды Закавказской научной ассоциации», сер. 1 — «Юго-Осетия», 1925 год);
«Азербайджанские курды» («Известия Кавказского историко-археологического института», III, 1925 год);
«Этнография Кавказа — современное состояние и задачи» («Новый Восток», кн. 15, 1926 год);
«Ближайшие задачи этнографического изучения кавказских тюрок» — стенографический отчет Первого Всесоюзного тюркологического съезда (Баку, 1926 год);
«Талыши» — этнографические заметки («Известия Кавказского историко-археологического института» IV, 1926 год);
«Культ железа у кавказских народов» (там же, IV 1927 год);
«Население Закавказья» (глава VIII в книге А.Ф. Ляистера и Г.Ф. Чурсина — «География Закавказья»);
«Очерк по физической географии и этнографии ЗСФСР» (Тифлис, 1929 год);
«Программа для собирания этнографических сведений» (издание «Общества изучения и обследования Азейбаджана». Баку, 1929 год);
«Амулеты и талисманы кавказских народов» — («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» т. 46, Махачкала, 1919 год).

Кроме того, Григорий Филиппович напечатал ряд библиографических очерков и заметок и статей по курортному и школьному делу. Приготовлены им к печати «Абхазцы. Опыт этнологического обследования» (20 печатных листов), «Армяне Зангезура. Краткий этнографический очерк» (2 печатных листа), «Из истории хозяйственного быта и культуры кавказских народов» (2 ½ листа), «Взаимопомощь у кавказских народов» (4 печатных листа), «Фигурные обрядовые печения у кавказских народов»...

В 1929 году на Всеукраинском съезде востоковедов Григорий Филиппович выступил с интересным докладом о тотемизме у кавказских народов.

С 1928 года Г.Ф. Чурсин был приглашен читать лекции этнографии Кавказа на этнологический факультет Ленинградского университета.

Работы Григория Филипповича с давних пор пользовались большой популярностью, и их высоко оценивали специалисты. Так, в «Русской мысли» за 1914 год в рецензии на книгу Григория Филипповича мы читаем: «...сопоставлением сходных фактов из жизни разных народностей автор создает интересную картину первобытных верований... Книга написана легко и увлекательно, и в темпе изложения чувствуется живой интерес автора к своему предмету...». В журнале «Гермес» за 1913 год № 15 указывается, что «небольшая книжка Г.Ф. Чурсина весьма интересна и даже увлекательна. Автор, превосходный знаток Кавказа, относящейся к нему литературы и этнографической литературы вообще, совершенно правильно указывает, что изучение этой страны может пролить немало света на многие вопросы из истории первобытной культуры, в частности из истории религиозных верований». — В «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества» (т. XXII, № 1) мы читаем: «Как для специалиста этнографа, так и для всякого, даже впервые знакомящегося с этнографией Кавказа, труд Г.Ф. Чурсина представляется весьма ценным и интересным, он не только

имеет свое большое значение для этнографии как науки, как строго научный анализ богатого этнологического материала, касающегося народов Кавказа, но, несомненно, будет способствовать также и привлечению новых работников к делу изучения этнографии Кавказа, пред которыми интерес в этой области кавказоведения и к значению вскрываемых ею фактов, обнаружится впервые при чтении названной книги».

В опубликованном в газете «Кавказ» за 1914 год № 108 мы находим такой отзыв о книге Г.Ф. Чурсина: «Здесь читатель встретит действительно полные глубочайшего интереса и поэтической привлекательности картины или отдельные штрихи прошлого человеческой культуры. Очерки по этнологии Кавказа — ценный материал в литературу по кавказоведению и, без сомнения, займут в ней подобающее место».

Обладая огромной эрудицией в области первобытной этнографии, Григорий Филиппович всегда иллюстрировал свои описания обычаев кавказских горцев указаниями на подобного же рода обычаи других народов. При этом он, в отличие от представителей сравнительно-исторической точки зрения, не только проводит параллели, но и стремится выяснить те хозяйственные бытовые основания, которые порождают общие воззрения и верования.

Работы Григория Филипповича не только по богатству собранного в них материала, но и по методам своей обработки войдут непреходящим ценным вкладом в литературу о кавказских горцах, и все интересующиеся Кавказом должны быть знакомы с основными из них, в особенности с его «Очерками этнологии Кавказа».

Не ранее октября 1930 года

Текст печатается по источнику:
ГАСК.Ф.-1260. Оп. 1. Д. 151. Лл. 1–5. Машинописный экземпляр.

Часть II.
Исследования из фондов библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1926–1937)

I. Раздел истории, этнографии и фольклора Кавказа

Георг Эллис

Георг Эллис (19 декабря 1753 — 10 апреля 1815) — английский антиквар ямайского происхождения, поэт-сатирик, член парламента Великобритании.

Известен как составитель антологий «Specimens of the Early English Poets» («Образцы произведений раннеанглийских поэтов», опубликована в 1790 году), «Specimens of Early English Metrical Romances» («Образцы раннеанглийских метрических романсов», опубликована в 1805 году). Антологии включали образцы английской лирики XVI—XVII веков в современной Эллису орфографии, исторические, биографические справки и комментарии.

В конце 1784 года поступил на дипломатическую службу, работал в составе английского посольства в Гааге. В 1796 году был избран в парламент от города Сифорда.

Эллис был политическим карикатуристом, публиковался в еженедельной газете «Anti-Jacobin» («Антиякобинец»), которую он основал вместе с Дж. Каннингом и У. Джилфордом. Занимался исследованием раннеанглийской литературы, был редактором переводов избранных французских фаблио, сделанных Гр. Льюисом в 1796 году. Близкий друг В. Скотта Г. Эллис вел с ним обширную переписку.

Работа «Memoir of a Map of the Countries Comprehended between the Black Sea and the Caspian; with an Account of the Caucasian Nations, and Vocabularies of their Languages» («Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с описанием кавказских народов и словарей их языков», 1788) говорит о ее авторе как о вдумчивом исследователе, интересовавшимся языками и культурами народов мира, в том числе народов Кавказа. Этот замечательный труд предшествовал исследованиям в области сравнительно-исторического языкознания, основанным на гипотетическом определении лексического ядра языков (протолексиконов).

«Записки к карте» («memoir of a map») — особый жанр лингвокультурологических, исторических и географических работ, которые были выполнены в Англии в конце XVIII—XIX веке различными авторами, по-видимому, по заданию правительственных организаций или географических обществ.

В библиотеке Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института находится экземпляр на английском языке «Memoir of a Map of the Countries Comprehended Between the Black Sea and the Caspian; with an Account of the Caucasian Nations, and Vocabularies of Their Languages» (1788). Книга была частично переведена на русский язык Ф. Шишкевичем и опубликована в Санкт-Петербурге в 1810 году под названием «Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания. С приобщением географических карт». В настоящем издании книга Г. Эллиса дается в переводе Э.В. Пивановой и Е.А. Колесниковой (2010).

В Лондоне в конце XVIII — XIX веках были подготовлены и опубликованы многие работы жанра «memoir of a map» — «записки к карте». В каталоге Лондонской библиотеки указаны некоторые книги, среди которых «Memoir of a map of Ireland: illustrating the topography of that kingdom, and containing a short account of its present state, civil and ecclesiastical; with a

complete index to the map» («Записки к карте Ирландии, иллюстрирующие топографию королевства и содержащие краткие сведения о гражданском обществе и церкви, с полным указателем к карте»), составленные Д.А. Бюфортом (D.A. Beaufort) в 1792 году; «Memoir on the Map of Damascus, Hauran, and the Lebanon Mountains» («Записки к карте Дамаска, Хаурана и Ливанских гор»), написанные Дж.Л. Портером (J.L. Porter) в 1856 году и др. (см.: каталог Лондонской библиотеки http://www.londonlibrary.co.uk).

Работы о Г. Эллисе:

Poetry of the Anti-Jacobin: comprising the celebrated political and satirical poems. G. Canning, John Hookham Frere, W. Pitt, the Marquis Wellesley, G. Ellis, W. Gifford, the Earl of Carlisle, and others / Edited, with explanatory notes, etc., by Charles Edmonds (Поэзия «Антиякобинца»: Знаменитые политические и сатирические поэмы. Дж. Каннинг, Дж.Х. Фрер, У. Питт, маркиз Уэлсли, Г. Эллис, У. Джилфорд, граф Карлайл и др.) — New York: G.P. Putnam's sons; London: S. Low & Co., limited, 1890.

Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры: Языкознание. Кавказоведение. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017. — С. 28—42.

Исследования Г. Эллиса:

Specimens of the Early English Poets (Образцы произведений раннеанглийских поэтов). — London: Printed for Edwards, 1790.

Specimens of Early English Metrical Romances: to which is prefixed an historical introduction on the rise and progress of romantic composition in France and England (Образцы раннеанглийских метрических романсов, которым предпослано историческое введение о подъеме и прогрессе романтической поэзии во Франции и Англии). — London: Henry G. Bohn, 1848.

G. Ellis
Memoir of a Map of the Countries Comprehended between the Black Sea and the Caspian; with an Account of the Caucasian Nations, and Vocabularies of their Languages

Preface

It is hoped, that the Map now offered to the public, will be found to be much fuller and more accurate than any which has yet been published: it is still, however, very imperfect; and many errors will doubtless be discovered in it, when the countries that it represents shall have been completely and accurately surveyed.[1]

To such a map it seemed necessary to annex a few pages of narrative, and I flatter myself that I shall not be thought to have trespassed too much on the reader's patience. What I have offered is principally drawn from the first volume of Mr. *Guldenstaedt*'s Travels — from various papers inserted in the St. Petersburgh Journal — from Dr. *Reineggs*'s Description of Georgia, published in a periodical work by Professor *Pallas* — from the materials contained in *Muller*'s Sammlung Russischer Geschichte — and from some manuscript relations which it is needless to particularize. The little which relates to ancient geography is taken from *Strabo*, *Pliny*, *Ptolemy*, and *Stritter*'s Extracts from the Byzantine historians.

It would have been easy to increase the bulk of the Memoir, by extracts from *Olearius*, *Tavernier*, *Le Bruyn*, *Chardin*, *Tournefort*, &c.; but, whatever information can be drawn from them, is already inserted in every book of geography: besides which, as those travellers were unacquainted with the Caucasian languages, they appear to have frequently confounded in one description many very different nations.

The classification of the inhabitants of Caucasus was communicated to me by Professor *Pallas*, and is inserted in his own words. Of the districts which he has enumerated, the greater number are to be found on the map; but some have been omitted from want of room, and many others because I was unable to ascertain their position with sufficient accuracy.

The specimen of Caucasian languages is copied from the general vocabulary, compiled by order of the Empress of Russia, the words of which were chosen by herself, and are 130 in number. The different languages, however, are not equally complete: that of the Abkhas, in particular, is extremely defective. In copying the vocabularies, it has not always been in my power to express in English letters the sound conveyed by the original, because the Russian alphabet has signs for some vowels which we cannot pronounce, and because we have no uniform method of expressing even those vowels which are to be found in our own language.

Memoir, &c.

The tract of country comprehended betwen the Don and Cuban rivers, is said to have been occupied by the Great Dukes of Russia as early as the tenth century, and to have continued in their hands until the end of the eleventh, when it fell, together with the rest of their possessions, under the power of the Tartars. On the division of that empire, it was included in the kingdom of Astrachan; and when that kingdom was conquered by *Ivan Vassilievitch*, in the 16th century, although the right to these lands reverted to Russia, the Khans of the Crimea were suffered to take and keep possession of them, without molestation from the succeeding Great Dukes, whose attention was engrossed by the newly-acquired port on the Caspian.

The city of Astrachan is supposed to have been in very early times the general staple for the productions of Persia, India, and Arabia. In the 14th century, when the Venetians were in possession of the trade of the Black Sea, they drew from this port to their staple at Tanais the Asiatic productions with which they supplied the southern parts of Europe, while the articles designed for the North were conveyed to the Russian town of Ladoga, on the Volkhow, from whence they were transported to the town of Wisby, in the isle of Gothland. The destructive expeditions of Tamerlane had indeed forcibly diverted the trade of Asia from this channel to that of Smyrna and Aleppo; but although the new road

is obviously most convenient for the productions of Arabia, the situation of Astrachan appears to be better calculated for the trade of Persia and Northern India. The recovery of this place, therefore, gave rise to many splendid speculations: the project of re-establishing its commerce was formed by several succeeding sovereigns, was nearly perfected by *Peter* the Great, and is not yet entirely relinquished. *Peter*, after securing the navigation of the Volga, established a line of forts extending from that river near the town of Zaritsin to the Don, and thus formed a barrier of sufficient strength to protect the empire against the incursions of the predatory nations to the southward; but he was soon tempted to a farther extension of his territories by the revolution which took place in Persia.

Hussein, King of that country, had lost his crown by an insurrection to which the oppressions of his ministers had given rise, and which his own imbecillity had encouraged: the *Afghans* were in possession of Ispahan; *Thamas*, heir to the throne, was a figutive in his own dominions; the Turks had taken up arms in order to profit of the weakness of Persia, and *Peter* was almost compelled to follow their example. He therefore fitted out a fleet at Astrachan to attend the motions of his army, which, following the western coast of the Caspian, took possession of the towns of Derbent and Baku, marched into Ghilan, and occupied nearly the whole of that fertile province, which was afterwards assured to him by a treaty with *Thamas*. Thus he became for a while sole master of the Caspian, but when, by a second revolution, the famous *Nadir Shach* became undisputed sovereign of Persia, the Empress *Anne* was glad to purchase some exclusive privileges for the trade of her subjects by the cession of a conquest which it was no longer practicable to retain. On this occasion, the Russian settlements which had been made with a view to preserve the communication between Russia and Ghilan, were removed to Kislar, a town which had received the inhabitants of the ancient Terki; and for the protection of these settlers it became necessary to fortify the river Terek. A new line was therefore begun, but it advanced so slowly, that in 1763 the redoubts extended no farther than Tschervlenova, a Cosak village about 107 English miles to the westward of the mouth of the river. In the course of the same year the fort of Mosdok was built about 66 miles farther westward, and in 1770, with a view to secure the intermediate space, 850 Cosak families from the Don and Volga regiments were established at Naur, which lies about half way between the two preceeding ports. Since that time the lines have been gradually extended so as to reach the sea of Azof, and to secure the whole space included between that sea and the Caspian.

By the completion of these lines the enemies of Russia are kept at a great distance from the more fertile provinces of the empire, and the defence of the tributary princes of Georgia and Imeretia is greatly facilitated; but on the other hand it seems that the almost daily loss of men from the difference of climate and water, from the bad qualities of their food (which is in part brought from a great distance) and from the fatigue of constant exertions in repelling the attacks of an enemy equally resolute and alert, cannot but be severely felt by a country so imperfectly peopled as Russia. But whatever may be thought of this acquisition of territory, there can be no doubt concerning the importance of another province lately added to the Russian Empire; I mean the Crimea.

This peninsula, which until these few years was never thoroughly explored by Europeans, was very early distinguished by its extraordinary fertility, and by its commercial advantages. Long before the time of *Herodotus* its southern coasts were occupied by Greek settlers, who had founded the towns of Kherson[2], Theodosia, Panticapeum, and some others, and carried on a very extensive trade with the Scythians, and with the cities of Heraclea, Trebizonde, and Byzantium. These Greeks were perhaps at first independent, but about four centuries and a half before the birth of Christ, they became tributary to the Scythians, and continued in subjection until the time of *Mithridates*, whom they invited to take possession of their country. *Mithridates*, already master of Pontus and Colchis, and in close alliance with the Sarmatæ, eagerly embraced an offer which promised him such great resources in his designs against the Romans. He therefore dispatched a fleet to Kherson, and another with an army to the Palus Mæotis, dispossessed *Parisades*, tyrant of the Bosphorus, drove the Scythians out of Taurica, and took possession of that peninsula with its dependencies, consisting of the eastern coast of the Palus Mæotis from Tanais to the Cuban, together with the island of Phanagoria. From these possessions he is said to have drawn an annual revenue of 20,000 minæ (about 720,000 bushels) of corn, and two talents (about 200,000 ounces) of silver. This prince was the founder of the town of Eupatorium. Being defeated by *Pompey* in Asia Minor, he retired to the Bosphorus, where, after some ineffectual struggles to retrieve his affairs, he killed himself in despair. After his death this country became tributary to the Romans, and continued so till the time of *Valerian*, when we find the little sovereigns, among whom it was divided, giving a passage to the Goths into the Roman territories.

By the removal of the seat of empire from Rome to Constantinople, the importance of the maritime coasts of the Tauric Chersonese was considerably increased: but notwithstanding the anxiety

of the Greek emperors to protect this peninsula, it was successively ravaged by the Sarmatæ, by the Alani[3], by the Goths (who made a permanent establishment in the mountains to the southward), by the Huns, and by the Khazari[4].

It it not easy to determine the precise epocha at which the Genoese established themselves in this country, but it appears to have been towards the end of the eleventh century. Their first conquest was the town of Caffa, which was taken from them by the Venetians in 1297, but soon afterwards recovered. These commercial adventurers were treated with great lenity, and even distinction, by the Tartar Khans of the Crimea, who left them in undisturbed possession of the seaports, and being still more caressed by the kings of Armenia, whose dominions in the thirteenth century extended as far as the Caspian, they soon got possession of the whole trade of the East. They had establishments at Trebizonde, Amastria, Caffa, Soldaia, Symbol, and Tana. At length their own arrogance produced their destruction by incensing the Khans of the Crimea, whom the Porte had in vain laboured to prejudice against them. In 1474, the Tartars, vith the assistance of the Turks, besieged and took the town of Caffa, the last post of which the Genoese retained the sovereignty.

These Tartars had been established in the Crimea above two centuries before the expulsion of the Genoese. They were subjects of *Batu Khan*, grandson of *Zingis*, and their conquest was annexed to the kingdom of Casan, till after the death of *Tamerlane* in 1400, when *Edegai Khan*, an officer of that prince, took possession of it, and was succeeded at his death by *Deulet Gherai*, in whose family the sovereignty continued till the year 1783, when the Crimea was occupied by a Russian army under the command of Prince *Potemkin*.

The Tauric Chersonese is divided into two parts by mountains which run nearly across it from east to west. The northern division is flat, poor, and only fit for pasturage. In the southern parts the vallies are astonishingly productive, and the climate extremely mild, from the exclusion of those violent winds by which the northern division is frequently incommoded. The lower hills extending from Theodosia to the eastern extremity of the country are principally employed in gardening, and produce excellent fruit in great abundance. Besides the ports of Kertsh and Jenikalé, the road of Caffa, and the harbour of Baluclava, there is near Sebastopol one of the finest harbours in the world, secured from all winds, sufficiently capacious to admit large fleets, and capable of receiving ships of any burthen. It is said that the Tartar inhabitants do not at present exceed seventy thousand. Many must have perished in their civil dissentions, some in the defence of their country against the Russians, and many more have migrated from that principle of dislike which is generally conceived against a new government. But under all its present disadvantages the possession of this country seems to have decided for ever the contest for superiority between the rival courts of St. Petersburgh and Constantinople.

On the opposite side of the Bosphorus lies the small and beautiful island of Phanagoria, and at a small distance to the eastward begin the mountains of Caucasus, which extend from hence quite to the Caspian. From the southern side of these mountains advance several lower ridges, formerly known by the name of Montes Moschici, Pariedri, &c. on the northern side they throw out only a single chain, called Besh-tau (i.e. the five mountains) on which are bred those beautiful Circassian horses, so much esteemed by theTurks, and considered as nearly equal to the finest breeds of Arabia. This ridge probably answers to the Montes Hippici of *Ptolemy*.

According to *Strabo*, the country extending from Phanagoria to Colchis was inhabited by the following nations. First, the Sindi, close to Phanagoria; then, along the sea shore, the Achæi, Zygi, and Heniochi, which extended as far as Dioscurias (now Isgaour) and behind them the Cercetæ and Macropogones. Of the two latter nations nothing is known, and of the three former, little more than that they were pirates, and that they supplied the Greeks of the Bosphorus with the slaves which they made in their predatory expeditions. Behind Dioscurias, in the highest mountains, lived the Soanes, or Suani[5], perhaps the ancestors of the people who still occupy the same country and retain the same name. They were then a formidable and numerous nation, governed by a king, with a national council of three hundred persons. They are said to have collected a considerable quantity of gold by means of fleeces which they sunk in their torrents, a practice from which *Strabo* derives the Fable of the Golden Fleece. It is reported that this mode of collecting gold still subsisted when the Turks were in possession of Mingrelia, and that the produce of the Zgenis-skalé (horse-river, the Hippus) was farmed at Constantinople to certain Jews.

At Dioscurias began the country of Colchis, which extended nearly as far as Trebizonde. Its soil was fertile, its fruit delicious, and its honey excellent, though it produces some sorts which were bitter. It furnished every article necessary for ship-building; that is to say, flax, hemp, wax, pitch, and

wood of the best quality and in vast quantities. Its linen manufactures were much esteemed, which was adduced as a proof that its inhabitants were of Egyptian origin. This country, after being divided into several small principalities called Sceptuchiæ, fell into the hands of *Mithridates*, and after his death was again distributed into many divisions.

To the east of Colchis was Iberia, comprehending the present kingdom of Imeretia, and part of Carduel and Caket. It was well inhabited, had many villages and towns, with brick houses regularly built, and public edifices. The Iberians of the vallies were peaceable and fond of agriculture: the mountaineers subsisted by pasturage, were warlike and ferocious, and resembled the Scythians, from whom they were descended. The nation was divided into four classes. From the first they chose their king, who was always the oldest of the royal family, as the next in age was general and judge; the second class was that of the priests, who were also their ambassadors; the third class were soldiers and husbandmen, and the fourth, slaves. Each family possessed an undivided property, which was managed by its eldest individual.

Beyond the river Alazonius, and from thence to the Caspian, was the country of the Albani. These were an original people; simple, honest, unacquainted with money, or with exact weights and measures, and unable to reckon beyond an hundred. For the purposes of agriculture, they had only wooden ploughs. A fine climate, a rich soil, producing spontaneously all kinds of fruits, and particularly grapes, rendered industry unnecessary, and they subsisted by the produce of their numerous herds which they fed on the fertile banks of the Cyrus. They were the handsomest of mankind, and brave, though inoffensive. They fought both on foot and horseback, with light or heavy armour, and brought into the field against *Pompey* an army of seventy thousand infantry, and twenty-two thousand horse. Their arms were javelins, and bows and arrows, with leathern shields, breast-plates, and helmets. The Albani were composed of twenty-six tribes, each distinguished by a different language, and governed by an independent prince. They adored the sun, and Jupiter, but more particularly the moon, to whom they offered human sacrifices with many superstitious ceremonies. Their chief-priest was next in dignity to the prince of each tribe. They had the highest respect for old age. They buried their dead with all their property, and then thought no more about them, not even daring to mention their names, as this was reputed a kind of sacrilege.[6]

In the high mountains above the Albani were the Legæ, and beyond them the fabulous nation of the Amazons. Besides these, many other nations are enumerated by *Strabo*, *Pliny*, and others, as the Amardi[7], the Cicianthi, the Agedi, the Gabri, the Tagori, the Issi, the Essedones, and many more; but this long catalogue of names is not accompanied by any account of their history or manners. The languages of Caucasus were supposed to be almost innumerable, since at Dioscurias alone they reckoned seventy dialects, and, according to some authors, three hundred. The Romans, indeed, seem to have known very little of this country, excepting what they learnt from the officers of *Pompey*, who entered it from Armenia, fought the Albani and Iberi, and then advanced in pursuit of *Mithridates* as far as the mouth of the Phasis, where he found *Servilius* with the Roman fleet.

After the establishment of the eastern empire, the countries of Lazica (Colchis) and Iberia, were so frequently a subject of dispute between the Greek Emperors and the kings of Persia, that we might expect from the Byzantine writers a fuller and more correct account of the Caucasian nations. But the Greek historians (if we except the Emperor *Constantine*) were so ill informed of the geography of these barbarous countries, and so fond of comprehending all Barbarians under the collective appellations of Huns or Turks, that their relations are never satisfactory, and sometimes quite unintelligible. Since their time we have had nothing to trust to but the reports of a few casual travellers, until the reign of the present Empress of Russia, by whom Professor *Guldenstaedt* was sent to mount Caucasus, with orders to traverse these wild regions in various directions, to trace their rivers to their sources, to take astronomical observations, to examine the natural history of the country, and to collect vocabularies of all the dialects he might meet with, which might be afterwards referred to their respective languages, so as to form a general classification of all the nations comprehended between the Euxine and Caspian.

From the researches of this traveller it appears that there are in this district of country at least seven distinct nations, each speaking a separate language, viz. 1. The Tartars. 2. The Abchas. 3. The Circassians. 4. The Ossi, or Osseti. 5. The Kisti. 6. The Lesguis. 7. The Georgians. Besides these, the people of Imeretia, Suaneti, and particularly those of Touchet, speak such corrupt dialects of the Georgian as to make it doubtful whether they ought to be referred to that language. Some tribes of Lesguis likewise, as those of Andi, Akouscha, and the Kazi Coumyks, speak dialects extremely degenerated from the original language.

I. The Tartars

The Tartars are of three tribes, viz.

1. Terekemens, Turcomans, or Trukhmenians. These speak the Turkish dialect of the Tartar language, and inhabit the eastern slope of Caucasus, the coast of the Caspian about Boinak, Derbent, and Utemish, and the southern promontories between the sea and the river Alazan. Their districts are Cuba, Altipara, Tokuspara, Miskindshal, Khinakug, Krishbudug, Shamakhi, and the whole of Shirvan. They are subject to Feth-ali, the Khan of Cuba, whose authority extends as far as Sallian. To the westward of these are the Trukmenian districts of Shakhi, Caballà, Agdotsh, and Arash. Their chief is Hussein Khan, who resides at Nukhu. Lastly, there is the district of Kasak, in the dominions of the king of Georgia. This lies about the rivers Nakhatyr, Tebete, Kura, Akhishafa, and Alghete.

2. Coumyks. These live to the northward of the former, about the lower parts of the rivers Sundsha, Koisu, and Axai. They are governed by a number of small chiefs, constantly at variance with each other, but all professing allegiance to Russia. Bragun, Endery, and Kostek, are their chief villages.

3. Nogays. Some wandering Hordes of Nogays are dispersed among the Coumyks, but differ from them in dialect. Eight of these Hordes are subject to the prince of Axai; twelve to that of Endery; and twenty-four to the Shamkhal, who resides at Tarku. About a thousand families submitted to Russia in the reign of *Peter* the First, and are established along the northern side of the Terek.

A more considerable body of Nogays is that established on the Cuban, in the following divisions: — Kassai Aaul, consisting of 8000 families, encamped between the rivers Inshik and Laba, which fall into the Cuban. Naurus Aaul, of 2000 families, dwelling in permanent villages about the river Laba. Jedissan, Jedishkul, Dshamboiluk, and Akermen, filling the whole plain from the Laba to the Black Sea, along the Cuban. These Nogays retired hither on the conquest of the kingdom of Astrachan, afterwards removed to the Dnieper and Boug, and were readmitted to their present habitations on their submission to Russia during the last war.

Besides these, there are several villages in the higher parts of Caucasus, whose inhabitants are apparently of Nogay origin, since they speak that dialect.[8] These districts are, 1. Malkar, of about 1000 families, on the rivers Argudan and Tsherek. This district borders to the east on the district of Dugor, to the S. W. on the Imeretian district of Radsha, and to the north on the Circassian district of Kashkatan. 2. Bisnighe, near the Tsherek, about 100 families. 3. Khulam, near the same river, and containing about the same number. 4. Tshegem, about 360 families. 5. Karatchai, or Karadshiki, near the sources of the Cuban, about 200 families. It is not known at what period these Nogays took possession of the country they at present occupy. The general establishment of the Tartars in mount Caucasus is to be referred to the reign of Zingis and his immediate successors. The Tartars of Kasak, in Georgia, were probably subjects of the unfortunate *Mehemed*, Sultan of Carizme.

II. The Abkhas

The principal and most ancient establishments of this nation are on the southern slope of the mountains comprehended between the Cuban and the Black Sea. These are tributary to the Turks, and are divided into two governments, the western and eastern; each subject to a Basha, commonly chosen out of the principal native families, one of whom resides at Sotchuk-kalé, and the other at Soghum-kalé. Their districts are Shapsick, Ubuk, Tubi, Aipga, Sads, Tshadshi, and Chirpis. The capital is Anacopir (formerly Nicopsis). Other remarkable places are Anaclea (formerly Heraclea) a strong hold near the mouth of the Euguri; Bitchwinta, or Pityunta (formerly Pityus magna) at the mouth of the Kabeti; Bedga, Siakwi, Drandeli (formerly Dandari), old episcopal seats; Ilori, Kodri, Tshomi, Zalumka, Zupu, and Bovudiak, along the sea-shore; and Dshanketahabla, a large village on the river Pshaga, along which it extends in scattered houses for near fifteen miles. These Abkhas are called by the Circassians Kush-hasip, or Transmontani.

The north-eastern and smallest division of this nation is called by the Circassians Tapanta, and by the Tartars Altekesek (six parts). These Abkhas were permitted to settle in the last century between the Circassians of the Cabardas and those of Beslen, &c. and became subject to the Cabardians, who divided them under six families. Their districts are Kisilbek, Tam, Shegray, and Barokai, of 300 families, Bashilbai of 1000, and Sabai. The Abkhas speak an original language, essentially different from all the known languages, though appearing to have a very remote affinity with that of the Circassians. Their country is called by themselves *Absne*; by the Tartars, Turks, and Circassians, Abasa; and by the Georgians, Abchaseti. It is the Abasgia of the Byzantine historians, and the Abargia of the Emperor *Constantine*. The Abkhas have at present very little religion, although they still preserve some traces of Christianity.

III. The Tsherkess, or Circassians

These people occupy the following districts: — I. The Great Cabarda. 2. The Little Cabarda. 3. Beslen, on the greater Laba, which falls into the Cuban. 4. Temirgoi, upon the Shagwasha. 5. Abasech, principally on the river Pschaha. 6. Bseduch, on the lower part of the Chuash. 7. Hatukai. And 8. Bshana, on the rivers Churfa and Korkoi.

This nation, from the extent of their territory, which comprehends nearly ten degrees of longitude, and from their extraordinary courage and military genius, might become very formidable, were they united under one chief. But a nation of mountaineers, who subsist by raising cattle, and are therefore forced to establish themselves on the banks of rivers for the sake of water and pasturage, soon forget their common origin, and divide into separate and hostile tribes. From this principle of disunion, the Circassians of the Cuban are so little powerful, as to be scarcely known even to the Russians, but by the general appellation of Cuban Tartars, in which they are confounded with the Abkhas and Nogays, their neighbours.

The Cabardian Circassians, however, though disunited from the rest of their countrymen, are still the most powerful people of the northern side of Caucasus, and this superiority has introduced among their neighbours such a general imitation of their manners, that from a description of these we shall acquire a general idea of all the rest: besides which, the singularity of many of their customs and their resemblance to those of the most ancient inhabitants of these countries, renders them an object of particular curiosity.

The Circassians are divided into three classes. 1. The Princes. 2. The Nobles (called Usdens). And 3. The Vassals, or People. A certain number of the people is allotted to each princely family: thus the Great Cabarda is divided in three equal portions among the three families of Giambulak, Moisauost, and Atashuk. In each of these the eldest individual is considered as chief of the family, and as judge, protector and father of all the vassals attached to it. No prince can be a land-holder: he has no other property than his arms, his horses, his slaves, and the tribute he may be able to extort from the neighbouring nations. The person not only of the chief, but of every prince, is sacred; and this extraordinary privilege extends even to the princes of the Crimea. This is, however, the only distinction of birth when unaccompanied by personal merit. The greatest honour a prince can acquire is that of being the first of the nation to charge the enemy. The present possessor of this privilege is said to have acquired it by an action of strange temerity: he undertook, with three comrades, to cut his way through a Russian column, and succeeded: his companions lost their lives in this brilliant, but useless enterprize. The princes are not to be distinguished in time of peace from the nobles, or even trom the peasants: their food and dress are the same, and their houses little better.

The Usdens, or nobles, are chosen by the princes from the inferior class. They are the officers of the prince, and executors of the laws, and are employed in the general assemblies of the nation to gain the assent of the people to the measures proposed by the princes.

The people, as well as the Usdens, are proprietors of lands. By an odd kind of contradiction, the princes claim, and sometimes attempt to exercise the right of seizing the whole property of their vassals; but at the same time the vassal has a right of transferring his allegiance to any other prince, whenever he thinks himself aggrieved: by this privilege the princes are compelled to gain the affections of their vassals, on whose readiness to follow them into the field, all their hopes of greatness and wealth must absolutely depend.

The Circassians do not appear to have ever had any written laws, but are governed by a kind of common law, or collection of ancient usages. On great occasions the whole nation is assembled: a measure is proposed by the oldest of the princes, and this measure is first debated among the Usdens, and afterwards by the deputies of the people, who are old men, elected for this purpose, and who often possess greater weight and influence over the people than even the prince himself. If the proposition is accepted, it becomes a national resolution, and is confirmed by a solemn oath by the whole people. This ceremony generally takes place on a spot particularly destined to the purpose near the residence of the prince.

The Circassians have few manufactures. The points of their arrows are the only articles of iron which they work up themselves. They make, indeed, some very fine cloths, and felt for cloaks, which is uncommonly light and durable; and to these we may add, a few articles of leather, embroidered housings for horses, &c. Their coats of mail, which are very beautiful, are bought from Persia, and their fire-arms from Kubescha. Their agriculture produces barely, what is sufficient for their own subsistence. Sheep and horses are the principal articles of their commerce, particularly the latter, which sell at a very high price; but notwithstanding this, the balance of trade would be considerably against

them, were it not for the slaves which they make in their predatory excursions. The art of conducting these expeditions is therefore the most valuable talent of a Circassian prince, and the great object of a long and painful education.

At the birth of a prince, some Usden, or sometimes a prince of another family is chosen by the father as his future preceptor. At a year old he is presented, at the same time, with some play-things and arms: if he appears to prefer the latter, the event is celebrated in the family by great rejoicings. At seven (or according to others, at twelve) years of age he leaves his father's house for that of his preceptor. By him he is taught to ride, to use his arms, and to steal, and conceal his thefts. The word thief is a term of the utmost reproach amongst them, because it implies detection. He is afterwards led to more considerable and dangerous robberies, and does not return to his father's house, until his cunning, his address, and his strength are supposed to be perfect. The preceptor is recompensed for his trouble by nine-tenths of the booty made by his pupil while under his tuition. It is said that this mode of education is persevered in with a view to prevent the bad effects of paternal indulgence. The custom is, I believe, peculiar to the Circassians, but the object of education is the same among all the mountaineers of Caucasus, who universally subsist by robbery, for which reason the accounts of their ferocity appear to have been greatly exaggerated. Wars have been frequently undertaken with no other view but that of plunder, by nations who call themselves highly civilized, and such wars have not been considered as an impeachment of their humanity. In answer to the complaints of travellers, the princes of these little tribes might urge that the secrecy of their retreats is to them highly important; that they have in common with all sovereigns a right to punish spies and enemies; that to pillage or enslave such merchants as travel through their country without their permission is not more cruel than to condemn the contraband trader to death or to the galleys; and while they receive with disinterested hospitality and kindness such as court their protection, they might declaim in their turn against the methodical extortions of European custom-houses.

The education of a child renders the preceptor a kind of adopted father; therefore, as this is a very vindictive nation, a person who has killed any prince, endeavours by all the means in his power to steal away some child of the same family in order to educate him. The accomplishment of this is the only sure means of effecting a reconciliation. Some travellers report that a vassal sometimes contrives to steal and educate the son of his prince, and by his success insures his own advancement to nobility. The point in which all agree is the necessity that the child should be educated at a distance from the father.

Girls are brought up by the mother. They learn to embroider, to make their own dress, and that of their future husbands. The daughters of slaves receive the same education, and are sold according to their beauty, from twenty to one hundred pounds, and sometimes much higher. These are principally Georgians. Soon after the birth of a girl a wide leather belt is sewed round her waist, and continues till it bursts, when it is replaced by a second. By a repetition of this practice their waists are rendered astonishingly small, but their shoulders become proportionally broad: a defect which is little attended to on account of the beauty of their breasts. On the wedding night the belt is cut with a dagger by the husband, a custom sometimes productive of very fatal accidents. The bridegroom pays for his bride a marriage present, or kalym, consisting of arms or a coat of mail, but he must not see her, or cohabit with her, without the greatest mystery. This reserve continues during life. A Circassian will sometimes permit a stranger to see his wife, but he must not accompany him. The father makes the bride a present on the wedding day, but reserves the greater part of what he intends to give her till the birth of her first child. On this occasion she pays him a visit, receives from him the remainder of her portion, and is cloathed by him in the dress of a matron, the principal distinction of which consists in a veil. Until this time the dress of the women is much like that of the men, excepting that the cloak is longer, and frequently white, a colour never worn by men. The cap too is generally red, or rose-coloured.

Before marriage the youth of both sexes see each other freely at the little rejoicings which take place on festivals. Before the ball, the young men shew their activity and address in a variety of military exercises, and the most alert have the privilege of chusing the most beautiful partners. Their musical instruments are a long flute with only three stops, a species of mandoline, and a tambourin. Their dances are in the Asiatic stile, with very little gaiety or expression. The steps seem very difficult, but not graceful.

The Circassian women participate in the general character of the nation; they take pride in the courage of their husbands, and reproach them severely when defeated. They polish and take care of the armour of the men. Widows tear their hair, and disfigure themselves with scars, in testimony of their grief. The men had formerly the same custom, but are now grown more tranquil, under the loss of their wives and relations. The habitation of a Circassian is composed of two huts, because the wife and husband are not supposed to live together. One of these huts is allotted to the husband, and to the reception of strangers; the other to the wife and family: the court which separates them is surrounded

by palisades or stakes. At meals the whole family is assembled; so that here, as among the Tartars, each village is reckoned at a certain number of kettles. Their food is extremely simple, consisting only of a little meat, some paste made of millet, and a kind of beer, composed of the same grain fermented.

The Circassians are accused of frequent perjuries and violations of treaties; but this is said to be a new vice among them. Whatever may have been the original religion of this people, they have been successively converted to Christianity and Mahometanism, and have now no religion or worship among them. They break, without scruple, such oaths as they have taken on the Bible and Alcoran; but there are certain forms of oaths, and certain places in the neighbourhood of their ruins (supposed to be remains of Christian churches) which insure their fidelity.[9] Their courage, great as it is, is not yet proof against religious terrors. Like all Barbarians, they believe that what is called accident may be influenced by particular ceremonies. In an action with the Russians a Circassian prince happened to be shot. A Cosak of Kislar, acquainted with the rites of the Circassians, instantly ran to the body, opened it, plucked out the heart, and running with it to a river, and carefully washing it, threw it from him to some distance in the direction of the stream, with the most violent imprecations. He conceived that by this ceremony he had secured the victory to the Russians. A sacrifice performed by the people of Tchetchen seems more analogous to common superstition. The day after a bloody engagement, in which they had been successful, they led a Russian prisoner to the field of battle, where they put him to death, as a sacrifice to the spirits of their slaughtered countrymen, and as an atonement to heaven for the blood that had been spilt on the preceding day.

It is not extraordinary that the freedom of their goverment, the martial spirit of their women, their habitual abstinence, and familiarity with danger, should render the Circassians a most dangerous enemy to the undisciplined Georgians, but their ingenuity in war has rendered them formidable even to regular troops. In one of their actions against the Russians, they arrived in the field, pushing before them a kind of moveable rampart against which the artillery had no effect. They had adjusted between the wheels of their carts a sort of drum, composed of fascines, wool, and other soft substances, and covered with skins. These machines, being moveable, opposed scarcely any resistance to the balls, which penetrated and lodged in them without doing any damage. After a long engagement, in which the Russians lost a number of men from the well-directed fire of the enemy, they attacked this intrenchment with fixed bayonets, and forced the Circassians to retire.

The Circassians have not any letters of their own; those among them who wish to write their language being obliged to make use of Arabian characters. We are told, indeed, that on some remains of tomb-stones, in their mountains, are inscriptions, now unintelligible; and their princes pretend that they are in possession of certain old books, containing the history and antiquities of their nation. These last, however, are perhaps nothing more than devotional manuscripts left among them either by the Christian or Mahometan priests, whose religions they have successively embraced and deserted, so that their ancient history must now rest almost solely on conjecture. From the name which they give themselves, Adige, it is possible that they may be the same with the Agedi, a people mentioned by *Pliny* among the Caucasian nations: and at a later period they seem to have been comprehended with many neighbouring people, under the name of Alani, to have been subjugated by the Huns, and lastly by the Khazari, a nation of Tartar origin, with whom they were incorporated under the name of Cabari.

We are told, by the emperor *Constantine*, that these Cabari, upon some disagreement with the rest of the Khazar tribes had recourse to arms, but were defeated; and that the vanquished tribe divided into two parts, one of which retreated towards the neighbourhood of Persia, which at that time was in the hands of the Arabians, and comprehended the greater part of Iberia. This division probably gave its name to the two Cabardas. The other retired to the Hungarians (called Turks[10] in *Constantine's* relation) and formed an establishment on the frontiers of the Khersonitæ. From these the river Cabarta and the ruined fort of Tsherkess-Kerman, in the vicinity of the ancient Kherson, may perhaps have derived their name. It is observed by M. *Peyssonel*, that the Hungarian language contains several Circassian words, a circumstance which seems to confirm what is here related, and which indeed corresponds very nearly with the tradition of the Circassian Princes concerning their own origin. This is in substance as follows. «They are derived from a certain Prince of the name of *Kess*, who in former times was established in the Crimea. This prince had two sons, *Inal* and *Chaombok*. The elder sons of *Inal* had a numerous progeny, who, towards the close of the last century, were all assassinated in a general insurrection of the nation, produced by their haughtiness and cruelty. From the younger sons of *Inal* are descended the present princes of the Cuban Circassians, and from *Chaombok* the three families who now govern the Cabardas. Prince *Kess*, and his immediate descendants, were despotic; but the increase of their numbers, and consequent diminution of their authority, produced that mixed form of government which subsists at this day».

From this tradition, which relates only to the princely families, it seems that they are of a different origin from their subjects; indeed the same thing seems to be evinced by the superstitious reverence with which they are treated, and which, among uncivilized nations, is seldom claimed but by conquerors from the conquered people. Besides, the same tradition concerning prince *Kess* and his son *Inal*, subsists among the Kirguis Tartars, in whose language the word Kess signifies man.

From the eighth century to the twelfth, the Circassians are only mentioned, by the Greek and Russian historians, under the name of *Casaks*[11], an appellation which is still given to them by their neighbours the Ossi. By the Arabians they were usually called Mamlouks[12], and, by the Georgians, Tsherkessiani, from whence the Tartars and Europeans perhaps borrowed the name of Tsherkess, and Circassians, by which they have been generally known. After the declension of the Khazar empire, they appear to have been successively subject to the Arabians, as masters of Persia, to the Tartars, and perhaps to the Georgians; and towards the close of the sixteenth century they became tributary to Russia. In 1560, the Tsar *Ivan Vassilievitch*, married *Maria*, daughter of *Temruk*, a prince of Circassia, who had sent her as an hostage to Moscow, where she embraced the Greek religion. Five years afterwards, the Tsar sent a small army, under the command of General *Dashkow*; to the assistance of *Temruk*; but after the death of *Ivan*, these distant subjects seem to have been forgotten by the court of Russia; in consequence of which negligence, the Khans of the Crimea, as heirs of the Tartar empire, laid claim to the sovereignty of these countries, and easily induced the Circassians to pay them a small tribute as the price of their protection. But the officers of the Khan, under pretence of levying this tribute, having been guilty of great excesses, insulting the wives and daughters of the Circassians, and treating them in every respect like a conquered nation, they took up arms, murdered the collectors, and soon after cut to pieces an army of thirty thousand Tartars, who had been sent by the Khan to punish them for their disobedience. This happened at the beginning of the present century.

The foregoing description of the Circassians, as far as relates to the free spirit of their government, their general modes of life, and many of their particular customs, is equally applicable to all the mountaineers of Caucasus, and probably to every uncivilized nation upon earth. But two of their customs seem peculiar to themselves. The one, by which the husbands are prohibited, under pain of infamy, from publickly conversing with their wives, so that the two sexes are divided as it were into two distinct communities; — the other, by which the education of all male children is entrusted to strangers in preference to the parents, the females only being brought up by their mothers. It is not easy to conceive from what distant nation these strange regulations can be derived; and if we suppose them to have existed at an early period in mount Caucasus, they may perhaps account in some measure for the fabulous description of the Amazons and Gargarenses, who are placed by ancient geographers in the country now occupied by the Circassians.[13]

IV. The Ossi, or Osseti

The northern division of this nation is scattered about the rivulets that fall into the Terek, as far as the Lesken. The southern is settled on the Aragui, the Ksani, the two Liakwis, which fall into the Kura, and the Dshedsho, that joins the Kion. Their districts are:

1. Saka, Nar, Sannach, and Walagir, upon the river Aredon.
2. Dughor, near the rivers Dughor and Urukh.
3. Kewi, and Kesuri, also called Soni and Mekeweni, on the rivulets that fall into the Kumbelei and Terek.
4. Gelaxan, on the Kumbelei.
5. Kurtat, or Kurtauli, at the source of the Pogh.
6. Guda, about the sources of the Aragui.
7. Saperscheti, between the Ksani and Aragui.
8. Wanati, Tshamuri, and Lomisa, about the source of the Ksani.
9. Tagata, or Tagae-ur, about the Kizel and Terek.
10. Tirsan, or Truso, about the upper part of the Terek.
11. Archoti, near the Kumbelei.
12. Makal, in the Ossetin language Komoiti, below the former, near the Terek.
13. Gnasur, Tkupta, Padshur, Kobais, Ghria, Tsghru, and Gnugho, along the Batara Liakwi.
14. Ruka, at the source of the Didi Liakwi.
15. Dshaukom, on the Paza that joins the Didi Liakwi. This is a large and very populous district, containing more than a thousand families.

16. Urdswalda, called by the Georgians Magran-Dwaleti, near the same river.
17. Birtaul, on a river of the same name that falls into the Liakwi.
18. Sgobir, Dshiwatskur, and Dshomach, about the upper part of the Didi Liakwi.
19. Dwaleti, about the Dshedsho that joins the Rion.

This last district is subject to the prince of Imeretia; the others are subject to that of Georgia. These districts are of very unequal size, some containing only five, and others fifty villages, each of which comprises from twenty to an hundred families.

The Ossi are by the Circassians and Tartars called Kusha, i.e. Bones. They call themselves by the different appellations of Jir, Walp, Ghuatan, and Gherolin. *Guldenstaedt* thinks them the remainder of the Uzi, or Polowzi. Their language has some analogy with the Persian; the Dugorian seems even to be a dialect of that language. Their history is entirely unknown.

V. The Kisti[14]

This nation extends from the highest ridge of Caucasus, along the Sundsha rivulets. They are bounded to the west by the little Cabarda, to the east by the Tartars and Lesguis, and to the south by the Lesguis and Georgians. Their districts are:

1. Ingushi[15], about 60 miles to the southward of Mosdok, in the high mountains about the Kumbelei. This tribe submitted to Russia in 1770.
2. Endery, and 3. Axai, on a low ridge between the Sundsha and Iaxai rivers. In their territories are the hotwells.
4. Ackinyurt, towards the upper part of the Sundsha and Kumbelei.
5. Ardakli, on the Roshni that joins the Sundsha.
6. Wapi, near the Ossetin village Tshim, towards the source of the Terek.
7. Angusht, on the upper part of the Kumbelei.
8. Shalkha, called by the Russians Maloi Angusht. This, and the two preceding tribes, which were formerly tributary to the Cabardian princes, submitted to Ruffia in 1770.
9. Tshetshen, on the lower part of the Argun river. It is governed by its own chiefs, who are related to the Avar-Khan. This tribe is so numerous and warlike, and has given the Russians so much trouble, that its name is usually given by them to the whole Kisti nation. The chief village of Tshetshen lies on the Argun, about 15 miles from its mouth. Its other principal villages are Hadshi-aul, and Iangejent, both on the Sundsha.
10. Atakhi, a small district on the upper part of the Argun.
11. Kulga, or Dshanti, in the high mountains.
12. Galgai, or Halha, about the source of the Asai, a Sundsha rivulet.
13. Tshabrilo, and Shabul, on the Sundsha.
14. Tshishni-Kabul, on the Roshni, a Sundsha rivulet.
15. Karaboulak, a wandering tribe, who have their little villages about the six uppermost rivulets of the Sundsha, particularly the Fortan.
16. Meesti, Meredshi, Galashka, and Duban; these are small tribes on the Axai.

The different tribes of this restless and turbulent nation are generally at variance with each other, and with all their neighbours. Their dialects have no analogy with any known language, and their history and origin are at present utterly unknown.

VI. The Lesguis

The country of this people is indifferently called by the Georgians Lesguistan, and Daghestan. It is bounded to the S. and E. by Persia and the Caspian, to the S.W. and W. by Georgia, the Ossi, and Kisti, and to the N. by the Kisti and Tartar tribes. It is divided into a variety of districts, generally independent, and governed by chiefs elected by the people. *Guldenstaedt* has remarked, in the Lesguis language, eight different dialects, and has classed their tribes in conformity to this observation.

The first dialect comprehends fifteen tribes, which are as follow:

1. Avar, in Georgian Chunsagh. The chief of this district commonly called Avar-Khan, is the most powerful prince of Lesguistan, and resides at Kabuda, on the river Kaseruk. The village of Avar is, in the dialect of Andi, called Harbul.
2. Kaseruk, in the high mountains, extending along a branch of the Koisu, called Karak. This district is dependant on the Khan of the Kasi Kumychs.

3. Idatle on the Koisu, joining on the Andi; subject to the Avar Khan.
4. Mukratle, situated on the Karak, and subject to the Avar Khan.
5. Onsekul, subject to the same, and situated on the Koisu.
6. Karakhle, upon the Karak, below Kaseruk, subject to the same.
7. Ghumbet, on the river Ghumbet, that joins the Koisu, subject to the chief of the Coumyks.
8. Arakan; and 9. Burtuma, on theKoisu.
10. Antsugh, on the Samura, subject to Georgia.
11. Tebel, on the same river, independent.
12. Tamurgi, or Tumural, on the same river.
13. Akhti; and 14. Rutul, on the same.
15. Dshar, in a valley that runs from the Alazan to the Samura. It was formerly subject to Georgia, but is now independent. In this district are seen remains of the old wall[16] that begins at Derbent, and probably terminates at the Alazan.

The second dialect is spoken in the two following districts:

1. Dido, or Didonli, about the source of the Samura. This district is rich in mines; a ridge of uninhabited mountains divides it from Caket.

2. Unso, on the small rivulets that join the Samura. These two districts, containing together about a thousand families, were formerly subject to Georgia, but are now independent.

The third dialect is that of Kabutsh, which lies on the Samura rivulets, east of Dido, and north of Caket. The fourth dialect is that of Andi, situated on a rivulet that runs into the Koisu. Some of its villages are subject to the Avar-Khan, but the greater part to the Khan of Axai. The whole consists of about 800 families. The fifth dialect is common to four districts, namely,

1. Akusha, on the Koisu, subject to the Usmei[17], or Khan of the Caitaks, and Kara-Caitaks, containing about a thousand families.
2. Balkar,
3. Kubesha[18], near the Koisu; and
4. Zudakara, or Zadakh, down the Koisu, subject to the Usmei. It contains about two thousand families.

The sixth dialect belongs to the districts on the eastern slope of Caucasus, between Tarku and Derbent, which are,

1. Caitak; and 2. Tabasseran, or Kara-Caitak, both subject to the Usmei.

The seventh dialect is that of Kasi-Coumyk, on a branch of the Koisu, near Zudakara.

This tribe has a Khan, whose authority is recognized by some neighbouring districts.

The eighth dialect is that of Kuraele, belonging to the Khan of Cuba.

Besides these, there are some other Lesguis tribes, whose dialects Mr. *Guldenstaedt* was unable to procure. From a comparison of those which he has obtained, it appears that the language of the Lesguis has no kind of affinity with any other known language, excepting only the Samoyede[19], to which it has a remote resemblance.

This people is probably descended from the tribes of mountaineers, known to ancient geographers under the name of Lesgæ, or Ligyes. The strength of their country, which is a region of mountains, whose passes are known only to themselves, has probably at all times secured them from foreign invasion; but as the same cause must have divided them into a number of tribes, independent of each other, and perhaps always distinguished by different dialects, it is not easy to imagine any common cause of union which can ever have assembled the whole nation, and have led them to undertake very remote conquests. Their history, therefore, were it known, would probably be very uninteresting to us. They subsist by raising cattle, and by predatory expeditions into the countries of their more wealthy neighbours. During the troubles in Persia, towards the beginning of this century, they repeatedly sacked the towns of Shamachie and Ardebil, and ravaged the neighbouring districts; and the present wretched state of Georgia and of part of Armenia, is owing to the frequency of their incursions. In their persons and dress, and in their general habits of life, as far as these are known to us, they greatly resemble the Circassians.

VII. The Georgians

Georgia, called by the Persians Gurgistan, and by the Turks Gurtshi, comprehends the ancient Iberia, Colchis, and perhaps a part of Albania, as the province of Caket is said to be distinguished, in the old Georgian language, by the name of Albon. The inhabitants are Christians of the Greek communion, and appear to have received their present name from their attachment to St. *George*, the tutelary Saint of these countries.

Georgia is divided into nine provinces, 1. Semo Kartveli, or upper Carduel; 2. Kuemo Kartveli, or lower Carduel; 3. Somgheti; 4. Kakheti; 5. Tshina-kartveli, or inner Carduel; 6. Imereti; 7. Guria; 8. Suaneti; and 9. Mingreli. Of these, the five first are subject to *Heraclius*, and form what is commonly called the kingdom of Georgia; as the four last, which are subject to *David*, form the kingdom of principality of Imeretia.

This whole country is so extremely beautiful, that some fanciful travellers have imagined they had here found the situation of the original garden of Eden. The hills are covered with forests of oak, ash, beech, chesnuts, walnuts, and elms, encircled with vines, growing perfectly wild, but producing vast quantities of grapes. From these is annually made as much wine as is necessary for the yearly consumption; the remainder are left to rot on the vines. Cotton grows spontaneously, as well as the finest European fruit-trees. Rice, wheat, millet, hemp, and flax, are raised on the plains, almost without culture. The valleys afford the finest pasturage in the world; the rivers are full of fish; the mountains abound in minerals, and the climate is delicious; so that nature appears to have lavished on this favoured country every production that can contribute to the happiness of its inhabitants.

On the other hand, the rivers of Georgia, being fed by mountain torrents, are at all seasons either too rapid or too shallow for the purposes of navigation: the Black Sea, by which commerce and civilization might be introduced from Europe, has been 'till very lately in the exclusive possession of the Turks: the trade of Georgia by land is greatly obstructed by the high mountains of Caucasus; and this obstacle is still increased by the swarms of predatory nations, by which those mountains are inhabited.

It is said, that in the 15th century, a king of Georgia divided among his five sons the provinces of Carduel and Caket, Imeretia, Mingrelia, Guriel, and Abkhasia. These petty princes were too jealous to unite for their common defence, and too weak singly to resist a foreign enemy, or even to check the encroachments of their great vassals, who soon became independent. By forming a party among these nobles, the Turks gradually gained possession of all the western provinces, while the Persians occupied the governments of Carduel and Caket. Since that period the many unsuccessful attempts of the Georgians to recover their liberty, have repeatedly produced the devastation of their country. *Abbas* the Great is said to have carried off in one expedition from the provinces of Carduel and Caket no less than eighty thousand families, a number which, probably, exceeds the whole actual population of those provinces. The most horrible cruelties were again exercised on the unhappy people, at the beginning of the present century, by the merciless *Nadir*; but these were trifling evils, compared with those arising from the internal dissentions of the great barons. This numerous body of men, idle, arrogant, and ferocious, possessed of an unlimited power over the lives and properties of their vassals, having no employment but that of arms, and no hopes of aggrandizing themselves but by the plunder of their rivals, were constantly in a state of warfare; and as their success was various, and the peasants of the vanquished were constantly carried off and sold to the Turks or Persians, every expedition increased the depopulation of the country. At length they invited the neighbouring mountaineers, by the hopes of plunder, to take part in their quarrels; and these dangerous allies, becoming acquainted with the country, and being spectators of the weakness of its inhabitants, soon completed its desolation. A few squalid wretches, half naked, half starved, and driven to despair by the merciless exactions of their landlords, are thinly dispersed over the most beautiful provinces of Georgia. The revolutions of Persia, and the weakness of the Turks, have indeed enabled the princes of the country to recover their independence; but the smallness of their revenue has hitherto disabled them from repressing effectually the tyranny of the nobles, and relieving the burthens of the peasants.

The capital of Georgia, and place of residence of prince *Heraclius*, is Tifflis, called by the inhabitants Tbilis-Cabar (warm town) from the warm baths in its neighbourhood. It was founded, as appears by an old inscription in the citadel, by a certain prince *Lievang*, in the year 1063. Though its circumference does not exceed two English miles, it contains twenty thousand inhabitants, of which more than half are Armenians: the remainder are principally Georgians, with some Tartars. It has twenty Armenian, and fifteen Greek churches, and three Metsheds. The streets seldom exceed seven feet in breadth, and some are so narrow as scarcely to allow a passage for a man on horseback: they are consequently very filthy. The houses have flat roofs, on which the women occasionally walk in fine weather: they are neatly built, the walls of the rooms are wainscotted, and the floors spread with carpets. At Tifflis there is a foundery, at which are cast a few cannon, mortars, and balls, all of which are very inferior to those of the Turks. The gunpowder made here is very good. The Armenians have likewise established in this town all the manufactures carried on by their countrymen in Persia; the most flourishing is that of printed linens. The common coins of Georgia are the abasses, of about fifteen-pence value, and a small copper coin, stamped at the mint at Tifflis. Besides these, a large

quantity of gold and silver money is brought into the country from Persia and Turkey, in exchange for honey, butter, cattle, and blue linens.

The subjecls of *Heraclius* are estimated at about sixty thousand families; but this, notwithstanding the present desolated state of the country, is probably an under valuation. The peasants belonging to the queen, and those of the patriarch, pay no tax to the prince, and therefore do not appear on the books of the revenue officers. Many similar exemptions have likewise been granted by the prince to his sons-in-law, and his favourites. Besides, as the impost on the peasants is not a poll-tax, but a tax on hearths, the inhabitants of a village, on the approach of the collectors, frequently carry the furniture of several hunts into one, and destroy the remainder, which are afterwards very easily replaced. It is probable, therefore, that the population of Georgia does not fall short of three hundred and fifty thousand souls.

The revenues of this country may be estimated at about 150,000 roubles, or 26,250 l. They consist of, 1. the customs, farmed at 1750 l. — 2. Rent paid by the farmers of the mint at Tifflis 1750 l. — 3. The tribute paid by the Khans of Erivan and Gansha, 7000 l. — and 4. The hearth money levied on the peasants, amounting to 15,750 l.

The government of Georgia is despotic, but, were it not for the assistance of the Russian troops, the prince would be frequently unable to carry his decrees into execution. The punishments in criminal cases are shockingly cruel; fortunately they are not frequent, because it is seldom difficult to escape into some of the neighbouring countries, and because the prince is more enriched by confiscating the property of the criminal, than by putting him to torture. Judicial combats are considered as the privilege of nobility, and take place when the cause is extremely intricate, or when the power and interest of two claimants are so equal, that neither can force a decision of the court in his favour. This mode of trial is called an appeal to the judgment of God.

The dress of the Georgians nearly resembles that of the Cosaks; but men of rank frequently wear the habit of Persia. They usually dye their hair, beards, and nails with red. The Georgian women employ the same colour to stain the palms of their hands. On their heads they wear a cap or fillet, under which their black hair falls on their forehead: behind, it is braided into several tresses. Their eye-brows are painted with black, in such a manner as to form one intire line, and their faces are perfectly coated with white and red. Their robe is open to the girdle, so that they are reduced to conceal the breasts with their hands. Their air and manner are extremely voluptuous. Being generally educated in convents, they can all read and write; a qualification which is very inusual among the men, even of the highest rank. Girls are betrothed as soon as possible, often at three or four years of age. In the streets the women of rank are always veiled, and then it is indecent in any man to accost them. It is likewise uncivil in conversation to enquire after the wives of any of the company. These, however, are not ancient customs, but are a consequence of the violences committed by the Persians, under Shach *Nadir*.

Travellers accuse the Georgians of drunkenness, superstition, cruelty, sloth, avarice, and cowardice; vices which are every where common to slaves and tyrants, and are by no means peculiar to the natives of this country. The descendants of the colonists, carried off by Shach *Abbas*, and settled at Peria, near Ispahan, and in Masanderan, have changed their character with their government; and the Georgian troops, employed in Persia against the Affghans, were advantageously distinguished by their docility, their discipline, and their courage.

The other inhabitants of Georgia are Tartars, Ossi, and Armenians, called in the Georgian language Somakhi. These last are found all over Georgia, sometimes mixed with the natives, and sometimes in villages of their own. They speak among themselves their own language, but all understand and can talk the Georgian. Their religion is partly the Armenian, and partly the Roman Catholic. They are the most oppressed of the inhabitants, but are still distinguished by that instinctive industry which every where characterizes the nation.

Besides these, there are in Georgia considerable numbers of Jews, called, in the language of the country, Uria.[20] Some have villages of their own, and others are mixed with the Georgian, Armenian, and Tartar inhabitants, but never with the Ossi. They pay a small tribute above that of the natives.

M. *Guldenstaedt* was permitted to make some extracts from a manuscript chronicle in the Georgian language, compiled by order of *Vachtang*, late prince of Georgia, from the archives preserved in the monasteries of Gelati, near Cutais, and of Zcheta, near Tifflis. This singular history states that

«In the year of the world 1792, there dwelt in a fortress, on mount Ararat, a man, of the name of *Targamos*. He lived six hundred years, and was the father of eight sons: 1. *Aos*, from whom are descended the Armenians. 2. *Kartelos*, from whom came the Kartuelta (Georgians). 3. *Baidos*, ances-

tor of the people of Raanta (Shirvan). 4. *Moakan*, from whom are descended the Mokavnelta (people of Erivan). 5. *Lekas*, ancestor of the Lecta (Lesguis). 6. *Eros*, father of the Migrella (Mingrelians). 7. *Kaukas*, of the Kaukasianta (Caucasians). And 8. *Egros*, father of the Imeretians and Caketians.

Of these sons the most distinguished was *Kartelos*. He had four sons, all of whom became *Mépé* (sovereigns). 1. *Obserokos*, who reigned over the country of Thasiskari, extending to the Black Sea (Imeretia and Mingrelia). 2. *Dshavakhos*, who possessed the country of Parvanidkhon, as far as the Mtkuari (Kur) river. This seems to mean the district of Trianeti. 3. *Uplos*, king of the country from the river Aragui to the region of Thasiskari (the present province of Carduel). 4. *Charsarti*, who reigned over the country from Derbent to the Aragui.

Alexander Makedonaeli (the Macedonian) came from Stioletti (the north) to Kartweli. At that time iniquity was at the highest pitch, and men committed uncleanness with their sisters, and even with cattle. *Alexander* came first before Chartis, and afterwards took successively the cities of Odsrekal, Tsharochi, Upliszíche, a very great city, Sarkine, Samshilde, Zcheta, Urbnisi, Zichedidi, Aspaulani, inhabited by Jews, Rustawi, Daldoziche, Btkuresziche, and all the cities of Caket. He left garrisons in all these cities, and established himself at Zcheta, from whence he marched to Nastakisi, on the river Ksani. In Sarkinetti all persons above 15 years of age were put to death.

From the building of Rome, which happened 3233 years after *Adam*, to the days of *Merian*, there reigned in Georgia twenty-two *Mépés*, or sovereigns (whose names are mentioned in the chronicle); and in the reign of *Merian*, in the year 338 after Christ, the female saint, *Nino*, together with the holy sister, *Sidonia*, and the holy man, *Abrata*, arrived in this country, and established the Christian religion». — After this follows a long catalogue of the sovereigns of Georgia, brought down to the present time; but the foregoing extract will probably be sufficient to satistfy the reader's curiosity.

The capital of Imeretia, and place of residence of prince *David*, is Cutais. The remains of its cathedral seem to prove that it was once a considerable town, but at present it scarcely deserves the name of a village. *Solomon*, father of the present prince, very wisely ordered the walls and the citadel to be destroyed, observing, that the rocks of Caucasus were the only fortifications which were capable of being defended by an undisciplined army of six thousand men, unprovided with artillery.

The inhabitants of Imeretia, estimated at about twenty thousand families, are not collected into towns or villages, but scattered over the country in small hamlets. They are less mixed with foreigners, and handsomer than the other Georgians. They are likewise bolder, and more industrious: they send yearly considerable quantities of wine to the neighbouring parts of Georgia, in leathern bags, carried by horses: but they are without manufactures, very poor and miserable, and cruelly oppressed by their vexatious landlords.

The ordinary revenues of Imeretia, like those of Georgia, arise from a contribution of the peasants in wine, grain, and cattle, and from the tribute of the neighbouring princes. Among the extraordinary sources of revenue, confiscations have a considerable share; but as all this is by no means sufficient for the subsistence of the prince, he usually travels from house to house, living on his vassals, and never changing his quarters till he has consumed every thing eatable. It will of course be understood, that the court of Imeretia is not remarkable for splendour, nor the prince's table very sumptuously served. His usual fare consists of *gom* (a species of millet, ground, and boiled into a paste), a piece of roasted meat, and some pressed caviar; these he eats with his fingers; forks and spoons being unknown in Imeretia. At table he is frequently employed in judging causes, which he decides at his discretion, there being no law in his dominions but his own will.[21] His new ordinances are published to the people on Fridays, which are the market days, by a crier, who gets up into a tree, and from thence issues the proclamation.

The Imeretians are of the Greek religion. Their Catholicos, or patriarch, is generally of the royal family, and can seldom read or write; and the inferior clergy are not better instructed. Their churches are wretched buildings, scarcely to be distinguished from common cottages, but from a paper cross over the principal door, and some paintings of the Virgin and the saints.

The Dadian, or prince of Mingrelia and Guriel, though possessed of a country far more considerable than Imeretia, is tributary to prince *David*, who is, therefore, a very formidable neighbour to the Turks of Achalziché. He is, however, very much fettered in his operations by the disobedience of his numerous barons, who, like those of Georgia and Mingrelia, have power of life and death over their vassals.

Specimen of the Caucasian Languages

Abkhas Language

	Altikesek Dialect	Cuban Dialect
God	Antsha	Antsha
Father	Oorak	Yaba
Mother	Anshohk	Yan
Son	Spau	Ippa
Daughter	Efa	Efa
Brother	Ashey	Chee
Sister	Ahkshey	Khsha
Husband	Skodza	Lkhadza
Wife	Stevsva	Pkhoos
Girl	Hysba	Pkhoospa
Boy	Spau	Arps
Child	Sitskhoon	Tshkoo-oon
Man	Goo	Agoo
People	Keet	Keet
Head	Yekka	Aka
Face	Eetsuymuyce	Etsuymuyce
Nose	Pintsa	Pintsa
Eye	La	Oolla
Ear	Loomba	Limha
Forehead	Kapehk	Oolla
Hair	Leebray	Ijakay
Mouth	Eetcha	Etcha
Teeth	Peets	Peets
Tongue	Eeps	Ibs
Beard	Jaikay	Ijakay
Neck	Yookda	Akda
Shoulder	Eeshghvaka	Eeshghva
Hand	Innappay	Impay
Fingers	Matsha	Mashkhaba
Nails	Napkhay	Mamkhimnsa
Foot	Jappay	Shappay
Knee	Jamkhadedeerka	Keeka
Skin	Eetsha	Itshayish
Flesh	Jee	Jee
Bone	Bogo	Chont
Blood	Sha	Sha
Heart	Goo	Goo
Milk	Khshay	Khsay
Sleep	Chkha	Deetcha
Love	Bjeddelgooee	
Pain	Eesashkee	Asgheehkvee
Life	Eehkee	Debgaoo
Death	Deeshee	Deeshta
Cold	Tkhta	Ehkta
Sun	Marah	Marah
Moon	Muys, Mazia	Mezzeh
Star	Aets, Bagooa	Yass
Rain	Okvee	Kooah
Lightning	Attsey	Eematsoozvaee

	Altikesek Dialect	Cuban Dialect
Snow	Zeh	Zeh
Ice	Ttsasheh	Ttsash
Day	Meestcheh	Meesh
Night	Bakah, Bakla	Bak
Evening	Koolpezy	
Summer	Pkhneh	Apkh
Spring	Hapneh	Apna
Autumn	Bjayga	Atsneh
Winter	Gheen	Gheen
Year	Sheekoo, Skooskeek	Skzeek
Earth	Atoola, Ttsoola	Toola
Water	Dzeh, Seerreh	Agoo
River	Zeddoo	Dzeddoo
Sand	Pshahka	Pshahka
Clay	Khantsy	Noosh
Mountain	Booko, Doo	Boohk
Fire	Mtseh, Meetsa	Meetsa
Heat	Pkha	Pkhaoo
Stone	Hak	Haook
Gold	Pkheh	Pkhee
Silver	Reesna	Reesna
Salt	Jeeka	Jeeka
Grass	Ttsooa	Psha
Tree	Ttslah	Ttslah

Circassian of the Cabardas

God	Tka, T-ha
Heaven	Voo-afay
Father	Yada
Mother	Yana, Sana
Son	Ko, Kookva
Daughter	Pkhoo
Brother	Stchay, Stchee
Sister	Cheepkhoo, Choopkh
Husband	Tlay, Tlyee
Wife	Fees, Eefyiz
Girl	Hazebs, Pkhegebs
Boy	Shaya, Chvalay
Child	Zshadla, Goo
Man	Tsoog
People	Jeelay, Kookhshel, Tsoogkher
Head	Tsh-ha
Face	Nap, Napa
Nose	Pay, Pa, Ja
Nostril	Pahk, P-ha
Eye	Nay, Nejay
Eye-brows	Nabtsa
Eye-lashes	Nekkepkh, Nejgoots
Ear	T-hakooma
Forehead	Nasha
Hair	Sh-hats, Tshkhaats

Cheeks	Takiaja, Takiaghay
Mouth	Jay, Dja
Throat	Tamak
Teeth	Dzay, Dza
Tongue	Bzaygoo, Bzek
Beard	Jakay
Neck	Ρshay
Shoulder	Damasha
Elbow	Zuytkha, Afarakka
Hand	Ah
Fingers	Abkhuombay
Nails	Abjana
Belly	Nuyba, Negbay
Back	Cheefay, Chib
Foot	T-h-le, Skhlako
Knee	T-h-lagajay, Tlagoja, Tlegvadjay
Skin	Fa,
Flesh	Lay, L-lay
Bone	Koobj-ha
Blood	T-hlay, Lay
Heart	Goo
Milk	Shay, Shchay
Hearing	Zekhekheen
Sight	Lagoon, Sosliaoo
Taste	Afaoofa, Aiaρf
Smelling	Immerρchansh, Sso-oo
Feeling	Teyabomupchitch, Sloteray
Voice	Mak
Name	Eetsa
Cry	Gooamak, mak
Noise	Ρsmak, Kooa
Clamour	Khadaga, Ρahka
Word	Jeezo-eo, Jjeeρanner
Sleeρ	Jeay, Gheay, Jeateoo
Love	Chassa, Aitluiagoo
Ρain	Ooz, Maooz
Toil	Kooghyakhan, Gooch
Work	Loja, Ohkwichen
Force	Gocha, Gvadj
Ρower	Dzlek, Gooacha
Authority	Ρsheego, Khveet
Marriage	Neekahk, Gooshaa
Life	Ρso-oogo
Stature	Khekhon, Dshekhon
Spirit	Bahkkha, Ρooss
Death	Khkhada, Tlen
Cold	Shahay, Chyah
Circle	Koorahay
Globe	Toρe, Khorlay
Sun	Digga, Dweega, Ddaga
Moon	Maza, Mazay
Star	Bago, Bagwo, Yachah
Ray	Nehk, Deegaρaayez
Wind	Gjee
Whirlwind	Jeebzag, Wojuykooee
Storm	Joobahay
Rain	Ooashkh, Ooehksh, Bohejkh

Hail	Ooafa, Bwoohof
Lightning	Khobskay, Kopk
Snow	Wass, Wess, Bwooefs
Ice	Mwil, Mel, Meel
Day	Atchnoo, Mahko, Makhooa
Night	Jet, Gjegsh
Morning	Nakhoosh, Pshadeechas
Evening	Psheghashga, Pshabbay
Summer	Gamakva, Gammakho, Eetlesskol
Spring	Gatkh
Autumn	Zeenay
Winter	Jeemakva
Year	Eetlias
Time	Yoogoh, Paasley
Earth	Ch, Chwee
Water	Sirray
Sea	Khaoo
River	Psookho, Psooshkvo
Waves	Pewer, Toolkoon
Sand	Pshahko, Pshahkooa, Pshahkaoo
Clay	Yatta
Dust	Sava, Sappa
Dirt	Yatta
Mountain	Kooshkha, Bghee
Coast	Oofa, Nuyghay
Hill	Ashkha, Tloolghay
Valley	Tchlashka, Kooa
Air	Obshook
Vapour	Antkhoplshkashoo, Bakha
Fire	Maffa, Maafa
Heat	Jegoopl, Khoolba, Khvaba
Depth	Koo, Eekooag
Height	Khlaghy, Aootlejag
Breadth	Boohk, Eeboogag
Length	Kehkag, Eekehkahk
Hole	Gooana, Wana
Pit	Masha, Mashay
Ditch	Cheetoga, Tuycha
Stone	Muyvoa, Muyvwy
Gold	Duyshay, Deeshah
Silver	Djeen, Duyjeen
Salt	Shoog, Shoogoog, Choog
Miracle	Chagho
Forest	Mez, Miez
Grass	Oots, Oods
Tree	Jeeg, Pkha
Pole	Bjohk, Pjohg
Verdure	Oots, Shkhondahcha

Osetian Language

	Dialect of Oseti	Dialect of Dugor
God	Tsa-oo	Khoo-tsa-oo
Heaven	Arv	Arv
Father	Feed	Feeday

	Dialect of Oseti	Dialect of Dugor
Mother	Emmad, Mad	Madai
Son	Feert, Lapoo	Foort
Daughter	Kysgui	Kysgui
Brother	Arvadey, Ervod	Arvod
Sister	Kho, Ekhoo	Khorra
Husband	Moee, Emmoee	Moeenay
Wife	Oos	Oassa
Girl	Kysgay, Ekhootak	Kysgay
Boy	Lapoo	Lokkon
Child	Sevellom, Lapoo	Bidjiaoo
Man	Leg, Lahk	Leg
People	Adamta	Adamta
Head	Zer, Essar	Zer
Face	Etchaskom, Tseskom	Etchaskom
Nose	Findj, Fens	Finds
Nostril	Thinzakhonkhetty	Efinjykhoonk
Eye	Tsvettay, Chest, Chasht	Tsestay
Eye-brows	Tsestaythaltay, Erfeet	Erfeet
Eye-lashes	Khaltay, Erkta	
Ear	Khoos, Oos, Koos	Gos
Forehead	Yennihk, Nihk, Ennahk	Ternihk
Hair	Dzeekoo, Zibkoo, Essarkhoon	Djeckko
Cheeks	Roostay, Evadoohkta	Roostay
Mouth	Tsoog, Zuyhk, Tshuyhk	Tsoog
Throat	Cure	Ekkoor
Teeth	Dandak	Dendak
Tongue	Afzagkay, Vzag, Abzag	Afzaghay
Beard	Reehky, Botsoo, Bodjo	Rehkay
Neck	Aftseg, Efchak	Aftseg
Shoulder	Tsong, Evchak	Tsong
Elbow	Rambwin, Orak	
Hand	Kohk, Koohk	Koohk
Fingers	Koohkalhk, Koohktay, Nahkta	Angoolsay
Nails	Naehk, Nihktay, Yalg	Naehk
Belly	Goobynn	
Back	Fessontay, Eskaldan	
Foot	Kahk	Kahk
Knee	Oorag, Orak	Waragay
Skin	Tsarn, Srak, Cardj	Tsarn
Flesh	Fid, Thid	Fid
Bone	Asteg, Eestahk	Asteg
Blood	Artendy, Toog	Too-oog
Heart	Zarda	Serd, Serdey
Milk	Ahksuyr, Ihksuyr	Ahksheer
Hearing	Koosen, Fekkoosta	
Sight	Tsyunen, Ooney	
Taste	Adgheen	
Feeling	Anbaren, Archagsta	
Voice	Kalas, Djeerd	
Name	Nom	
Cry	Ekkar, Keery	
Noise	Calebah	

	Dialect of Oseti	Dialect of Dugor
Clamour	Kaoon	
Word	Djeerd, Zuyrd	
Sleep	Khoozeg, Khoos	Khoossek
Love	Warayen, Barjey	
Pain	Ruynkeen, Reece	Roon
Toil	Keyamat, Narv	
Work	Kioost, Koottak	
Force	Tuyhk, Ezeer	
Power	Tkheen, Teekkeen	
Authority	Ebboon, Khorsag	
Marriage	Keenzavseg, Keengiakzav	
Life	Tsernebon, Gas	Tserroon
Stature	Rez, Sevsardee	
Spirit	Smag, Shmak	
Death	Malat, Mard	Molluyn, Mard
Cold	Bazal, Eehkan	Ekhon
Circle	Khahk, Tymbull	
Globe	Tuynbuyn	
Sun	Khoor	Khor
Moon	Meyee, Ma-yee	Ma-yeh
Star	Stalat, Stella, Stalch	Stalooteh
Ray	Khooreten, Khoort	
Wind	Duymee, Bahad	
Whirlwind	Duymghy, Teembal	
Storm	Abzyoorybwoonty, Bodkanny	
Rain	Bar, Wahran	Kabda
Hail	Eehk	
Lightning	Bacheelaekar, Perfta, Arbateef	Artey
Snow	Meed	Meddy
Ice	Eehk, Yeehk	Yehk
Day	Bon	Bon
Night	Ahksaf, Ahksev	Ahksava
Morning	Raheeso, Raheesoon	
Evening	Eezar, Zer, Zar	
Summer	Serd, Fassek	Sardey
Spring	Walzak	Waldzak
Autumn	Aragfassek	Ragfassek
Winter	Zoomok	Zoomak
Year	Afadjoo, Az, Ans, Yafadsh	Ans
Time	Ragooo	
Earth	Zahk, Cheegheet	Cheegheet
Water	Don	Don
Sea	Foord	
River	Don	Don
Waves	Farsalak	
Sand	Amees	Ajmiessa
Clay	Keer, Cheef	Cheegheet
Dust	Ruyk, Ruyg	
Dirt	Tsuyf, Cheef	
Mountain	Khohk	Khong
Coast	Buyl, Donabuyl	

	Dialect of Oseti	Dialect of Dugor
Hill	Tuypuyr, Arak	
Valley	Thetten-bestey, Ardoos	
Air	Roohks	
Vapour	Tef, Tabd	
Fire	Art, Zuyng	Djeeng
Heat	Tsahkar, Sinkytapar	Antef
Depth	Arf	
Height	Ooleyaoo, Arzond	
Breadth	Theten, Korg	
Length	Darhk	
Hole	Khonka, Khoonk	
Pit	Oovaruym, Djeek	
Ditch	Ooverm, Darkhahkt	
Stone	Door	Attoor, Dor
Gold	Suyzgary, Soohkzerreen	Zoohkzareeny
Silver	Abzyss, Abzyst	Agooyesta, Ajoshesta
Salt	Sahk, Chahk	Tsankheh
Miracle	Deesag	
Forest	Kad	
Grass	Kuyrdey, Khos	Khoassa
Tree	Ballas, Pallas, Soog	Balahassey, Jog
Pole	Meehk, Seertmeehk	
Verdure	Tsahk, Kardakhos	

Language of the Kisti

	Dialect of Tchetchens	Dialect of the Ingoushi
God	D-yaly	D-yala
Heaven	Stuygley	Seeghelich
Father	Da	Da
Mother	Naana	Nana
Son	Ya	Ya
Daughter	Yohay	Yoogheek
Brother	Vashay, Vooasha	Vasha
Sister	Eshau, Ghesha	Esha
Husband	Maar, Kuanahk	Maar
Wife	Eestyoo, Sknellyn	Zyelk, Syee
Girl	Yohay, Yoau	Yoogheek
Boy	Bayar	Bayiree
Child	Beeyer, Bayar	Beeyer
Man	Steg	Stag, Sek
People	Naahk, Dookanahk	Naahk
Head	Korto, Kartay	Kortay, Kwartay
Face	Yookhay, Yohk	Yoohkmerinn
Nose	Maray	Meerha, Merj
Nostril	Maray-oorgesh	Mertchoorgeesh
Eye	Baireek, Bareek	Berg, Pairg
Eye-brows	Satsgamesh	Teggeelam
Eye-lashes	Barghen-neegheen	Bergentchooish
Ear	Lerrik	Lerk
Forehead	Hajay, Khiaeezay	Hajay, Kheejay
Hair	Kajoresh, Chooa	Beshkennish, Koodj

	Dialect of Tchetchens	Dialect of the Ingoushi
Cheeks	Besny	Beckelnghill
Mouth	Daghay, Baghay	Yeest, Bagga
Throat	Lyak	Kyarmuyky
Teeth	Tserghysh, Tserresh	Tserghyt
Tongue	Mot, Moot	Mottay
Beard	Maj, Miaj, Miav	Mekkash, Chingh
Neck	Bartaday, Yany	Faart, Ferto
Shoulder	Ꝑkhanaret	Bailam
Elbow	Gwaala	Gwalla
Hand	Kooyk, Kooky	Koolg, Koolkoo
Fingers	Ꝑaleek, Telgesh	Ꝑalk, Ꝑelgeesh
Nails	Maray, Maagaren	Maray, Merghin
Belly	Gahay	Gueeky, Bueeky
Back	Bookg	Booko
Foot	Kohk, Kok	Kog
Knee	Gooala	Gooa, Varoo
Skin	Kaka, Tshkoora	Kaka, Tsooalka
Flesh	Gheeshik, Beeleekly	Deehlk
Bone	Daahkket, Deeyahk	Tehkk
Blood	T-tsee, Tsee	T-tsee
Heart	Dook	Dog
Milk	Shyrrey, Shoorey	Shyrrey, Shooro
Hearing	Khazar	Kheddees
Sight	Deher	Goossuan
Taste	Leeair	Merseenday
Smelling	Kh-haajoo	Merdj
Feeling	Laatser	Kuydeedeas
Voice	Eesh	Tsaga
Name	Deen	Tsey
Cry	Anekken	Garee
Noise	Sellay	Gargahts-tsoo
Clamour	Bonkheelen	Belkkery, Deermas
Word	Doosh	Dooesh
Sleeꝑ	Gan	Naaꝑ, Bajee
Love	Veeezay, Kooezay	Bedzetsuan
Ꝑain	Oon	Mogats, Mogots
Toil	Doo-ookher	Kadakhoonzoo
Work	Boolhk	Booelhk
Force	Neetskey	Neets
Ꝑower	Dookatsaagoon	Nad, Nats
Authority	Makokheelar	Seenatsa
Marriage	Makhar-beeliar	Nooskoldarembaso
Life	Kkhan	Dentsek, Betaloveh
Stature	Lakadaalar, Lakeedaar	Kh-khah
Spirit	Eseh, Ssay	Eh
Death	Balar	Belleen, Layghee
Cold	Sheeyeleen	Sheely, Shel
Circle	Gooe	Goohoo
Globe	Goorghendeh	Goo-orghee
Sun	Malyk	Malyk
Moon	Boosh	Bute, Booto
Star	Syed, Seeyeddeh	Zetta, Zuta
Ray	Tkhahk	Merkhendenerj
Wind	Mohk	Moohk
Whirlwind	Yahatchoony	Foo-o

	Dialect of Tchetchens	Dialect of the Ingoushi
Storm	Oureshtekeen	Eeatcheegheh
Rain	Dogoo, Dougoo, Dagoo	Dohoh
Hail	Kwaroo	Shwysheeheh
Lightning	Steeglyaikey, Noorystegan	Tazehgo, Dekooka
Snow	Looa	La, Loho
Ice	Kheelen	Sha, Shebelek
Day	Deeyeeny, Deeyenehk	Den, Deh
Night	Boossoo	Boozee, Buyta, Booeessay
Morning	Yarroo, Oorioo	Soorey
Evening	Sarrahk, Sarehk	Seyeery
Summer	Bastee	Bastee, Shu
Spring		Goora
Autumn		Ahkk
Winter		Aee
Year	Shooa	Tsashoo, Tiashwoh
Time	Laan	Tagandehkeendeday
Earth	Lettehk, Latta	Liate, Lette
Water	Khee	Khiee
Sea	Khort	Foort
River	Malar	Dokankhee, Khiee
Waves	Toolgoonet	Khieestedete
Sand	Goom	Tesh, Goom
Clay	Khat	Tapoor, Ker
Dust	Chen	Doma
Dirt	Keeleeyet	Khottey
Mountain	Lam	Lamartch, Beerd
Coast	Eeyet	Shoo-oo
Hill	Eerakhooa	Bartsay
Valley	Bieeroo	Khozleroo
Air	Lekkeeyeh	Mogoshyee
Vapour	Koor	Egog
Fire	Tseeyeh	T-tseh, Tsuy
Heat	Yahookhen	Taoo, Yawehkey
Depth	Kargoon	Kargo
Height	Tkyeehk	Liakkay-khallay
Breadth	Latteh	Shoogra
Length	Dehehken	Deahkay
Hole	Ooreek	Yoorka
Pit	Tkhag	Lerma
Ditch	Ahk-ker	Booroog
Stone	Toolak	Kera
Gold	Betyee	Detaoo, Dehtoo
Silver	Detee	Detaoo, Detoo
Salt	Tookhee	Toohk
Miracle	Tamatabar	Tameeuyt
Forest	Khioon	Khioon
Grass	Boots	Boots, Yol
Tree	Khen	Kheh, Datcheek
Pole	Khaakoo	Doohkk
Verdure	Sengheleen	Seniee

Lesguis Language

Dialects of Antshoug		Dshar	Chunsagh	Dido
God	Bedshet	Bedshet	Bedjet	Bedshet
Heaven	Zob	Zob	Zob	Zoub
Father	Dayday	Dayday	Daddy	Obeeo
Mother	Ebbel, Evel	Evel	Ebbel	Enneeyoo
Son	Timmeer	Khimmeer	Timmeer	Takvee-oos-hee, Ooshee
Daughter	Yaz	Yaz	Yaz	Kid
Brother	Yats	Yats	Vaas	Gloochesseeo
Sister	Heeats	Heeats	Yas	Akkiyessio
Husband	Bikhintchy	Jennelaoochee	Bikkhichy	Tkeddioo
Wife	Choojo	Jennelaoochaba	Choojoo	Dya, Broo
Girl	Yassy	Yassy	Yassy	Kidd
Boy	Ooassa	Ooassa	Vaas	Ooshy
Child	Teemeer	Khimmeer	Timmeer	Takveeooshee
Man	Bahartsh	Bahartshy	Bahartshy	Checkvy
People	Emmeraoodjy	Jammahad	Osh, Adamal	Osh, Adam
Head	Betterr	Bekkerr	Betterr	Tkeen
Face	Berkbal	Berkbal	Berkbal	
Nose	Khoomoohg	Mooshoosh	Khomak	Malee
Nostril		Kallee		
Eye	Beayerr	Beayerr, Bear	Beayerr	Ozioorabbee
Eye-brows	Kroontsrool	Kroontsrool		
Eye-lashes	Berzoolas	Berzoolas	Berzoolas	
Ear	Inn	Ayinn	Aenn	Ahayaby
Forehead	Nodoh	Noodoh	Nodo	Tlokva
Hair	Zab	Ras	Zab	Kody
Cheeks	Khoomeer	Khoomeer	Khoomeer	
Mouth	Kaal, Kyal	Kaal	Kaal	Hakoo
Throat	Seckair	Seckair	Sekkair	
Teeth	Zeeby	Zeeby	Tsaby, Tsavy	Keetsoo
Tongue	Ma-ots	Ma-ots	Ma-ots	Mets
Beard	Ma-ej	Ma-ej	Ma-ej	Meshholga
Neck	Gooboor	Gaboor	Gaboor	Mitsh
Shoulder	Boohoon	Getsh	Gesh	Hero
Elbow	Kayshay		Kayshay	
Hand	Kooer, Kver	Kver	Kver	Retla
Fingers	Nats	Gheeleesh	Gheeleesh, Keeshal	Basheebee
Nails	Maat	Maahk	Matl	Motlooghy
Belly	Chehk	Chehk	Chehk	
Back	Moohk	Moohk	Moohk	
Foot	Pog	Pog	Pog	Roree
Knee	Nakoo	Googa	Nakoo	Eknokoo
Skin	Khegg	Kegg	Tsoko	Beek
Flesh	Han	Han	Han	Retl
Bone	Ratla	Recka	Radla	Tloosa
Blood	Bee	Bee	Bee	A
Heart	Rak	Rak	Rak	Roko
Milk	Rahk	Rahk	Rahk	Ghay
Hearing		Riabla		
Sight		Beekhoola		
Taste		Konahla		
Smelling		Miahkcholla		

Dialects of Antshoug		Dshar	Chunsagh	Dido
Feeling		Kheella		
Voice		Kharatl		
Name		Tsarsheeρ		
Cry		Kharatell		
Noise		Debl		
Clamour		Eddoola		
Word		Rayee		
Sleeρ	Matlee	Matlo	Matlo	
Love		Otlooloh		
Ρain		Oontee		
Toil		Zahkmat		
Work		Khialtee		
Force		Koobat		
Ρower		Bojee-booghy		
Authority		Seev-khaldee-doohk-ooghoo		
Marriage		Makkiareeton		
Life		Khleekhoog-heesh		
Stature		Kliuana		
Death		Khana		Haratch
Cold	Rohee	Khooatchala	Rohee	Rohee
Circle		Akeever		
Globe		Goorgheenaoo		
Sun	Baak	Baak	Baak	Book
Moon	Mo-ots, Motsh	Mo-ots	Mo-ots	Bootsee
Star	Tsoah	Tsavee	Tsoah	Tsah
Ray		Bab, Bakoon		
Wind		Khooree		
Whirlwind		Khiooree		
Storm		Zob-abargoon		
Rain	Tsad	Tsaat	Tsad	Kemma
Hail		Goro		
Lightning	Ρree	Ρree, Ρeerree	Ρeer	Maktl
Snow	Azoo	Azo	Arzoo	Eessee
Ice	Riee	Tsooer, Tser	Tsooer	Berroo
Day	Ko	Ko	Djaka	Djekkool
Night	Zoordo	Khassey	Zoordo	Cheedod
Morning		Radaleesa		
Evening		Bakkareeta		
Summer	Reyee	Reedal, Yooermy	Reedal	Semmeetl
Sρring	Eehktee	Eehktee	Okhossa	Atohk
Autumn	Khazeel	Khazeel	Khazab	Imkho
Winter	Tyilleen	Tyilleen	Khazel	Etlermo
Year	Zozo	Zozo	Taggett	Tlebby
Time		Reehkboochoo		
Earth, Land	Ratl	Riatl	Ratl	Cheddo
Water	Gtleem	Khleem	Gtleem	Gtlee
Sea		Rahkiad		
River	Or	Or, Khir	Khor	Eggoo
Waves		Bagaroola		
Sand		Khoom		
Clay	Chabbar	Khiash, Chabbar	Chabbar	Cheddo

Dialects of Antshoug		Dshar	Chunsagh	Dido
Dust		Khioor		
Dirt		Khiash		
Mountain	Mayerr	Mayerr	Tlooroo	Tillad
Coast		Rayall		
Hill		Mayerr		
Valley		Kauley		
Air		Koo-o		
Vapour		Kooee		
Fire	Tsah	Tsyah	Tsah	Tsee
Heat	Khentee	Kheenkhloo	Khentee	Khentee
Depth			Gvoarreeda	
Height			Reechadaa	
Breadth			Evva	
Length			Khalagvada	
Hole			Karat	
Pit			Bakka	
Ditch			Tattaool	
Stone	Teb	Khetsoh	Eetso	Gool
Gold	Mezet	Mezed	Mezet	Ookroo
Silver	Arats	Arats	Arats	Meetskheer
Salt	Tsam	Tsam	Tsyan	Tseeyo
Miracle			Tamata	
Forest			Tsool	
Grass			Tkherr	
Tree			Tsogooet	
Pole			Kazeek	
Verdure			Yoorcheena-boogoo	

Georgian Language

	Carduel Dialect	Imeretian	Suaneti Dialect
God	Gmerty	Horomti	Gherbet
Heaven	Tsah	Tsash	Tsah
Father	Mamma	Mooma	Moo
Mother	Dedda	Deeda	Dee
Son	Shyilly	Skooa	Yezag
Daughter	Kaly	Ozoory	Zoonak
Brother	Tsmah	Djeema	Moohkbay
Sister	Da	Datchkym	Datchoor
Husband	Kmary	Komodjy	Chash
Wife	Tsoly	Cheely	Aikhoo
Girl	Kally	Ozoory	Soorag
Boy	Bidjaoo	Bidjaoo	Tshkynta
Child	Kmatsvilly, Tsvilly, Krmah	Boshy	Bobsh
Man	Kadtsy	Kodshy	Maray
People	Khalkhee, Erny, Catsuy	Margalee	Khvaee-maray
Head	Tavee, Kavee	Doodee	Tkhoom
Face	Peerassa, Sakhay, Peeris-sakhay	Peejeeshee	

	Carduel Dialect	Imeretian	Suaneti Dialect
Nose	Tskhveery	Tchkhin-dee	Yepkhna
Nostril	Nesto, Nestvy		
Eye	Twaly, Tvaly	Toly	Tay
Eyebrow	Tsarby		
Eyelashes	Khaltay, Erkta		
Ear	Koory	Oodjy	Shdeem
Forehead	Shoobly	Kooa	Neekba
Hair	Tma	Toma	Patoo
Cheeks	Loka, Koba		
Mouth	Peeree	Pidjee	Peel
Throat	Kharkhanto, Tkelly		
Teeth	Kbeely, Gbeely	Keebeery	Shdik
Tongue	Aina	Neena	Nin
Beard	Tswerry, Tsverry	Preemooly	Waray
Neck	Kisserry, Kaily	Kisserry	Kinshkh
Shoulder	Pkary, Mkhary	Khoodjy	Mekher
Elbow	Dakvy, Tskrtah		
Hand	Kehelly, Khelly	Kheh	Shee
Fingers	Teetee, Teetebbee, Titnee	Keetee	Pkhooyay
Nails	Fchinly, Pehkhelly, Prchkheelebby	Byrtekha	Tskhah
Belly	Mootselly		
Back	Zoorghy		
Foot	Fayghee, Paykhee, Pekky	Koochkhy	Cheeshkh
Knee	Mookly, Moohkly	Boorgooly	Gweyee
Skin	Tkhavee	Tkhebby	Kan
Flesh	Khortsy, Kartsy	Khortsy	Yekhoo
Bone	Tswally, Tszvally	Tswally	Tjeego
Blood	Seeskhly	Seeskhelly	Yemmesk
Heart	Goolee	Gooree	Goo
Milk	Rtseh, Rdzay	Bjah	Eerdjeh
Hearing	Gogonebba, Sasmenelee		
Sight	Kebvelaba, Kedva		
Taste	Ghemovneba, Ghemo		
Smelling	Knossa, Knoseba		
Feeling	Shehkeba, Gankheelba, Goorzeenova		
Voice	Khmah		
Name	Sakhely		
Cry	Kveereety, Dsahkely		
Noise	Kakanee, Grgveenba, Tchkoobee		
Clamour	Teereleegodeva, Tkebba		
Word	Saubaree, Seetkhva	Looree	Looree
Sleep	Dzeely, Seesmaree	Worta	
Love	Seekvarooly, Ookvar		
Pain	Tkeeveely,		
Toil	Salmoba		

	Carduel Dialect	Imeretian	Suaneti Dialect
Work	Mooshakova, Mooshaova		
Force	Tszalee, Gonay		
Power	Dzalee, Goneh		
Authority	Cheelova, Chedleba, Khelmsteepaiba		
Marriage	Shayooglebba, Kortseeneba		
Life	Tsuytsotshkhley, Tskhovraba		
Stature	Taneesegzdeelova, Tanee, Agzda, Hazda		
Spirit	Soolee		
Death	Sikvdeela, Stschoolee		
Cold	Tseetsyeh, Seetskheh, Seetseeveh		
Circle	Mgoorgaly, Mergva-leatsre, Sym-grgvleh		
Globe	Boorshy, Mgoorbaly	Bja	Meej
Sun	Mzeh	Toota	Mij
Moon	Mtwary, Mtvary	Mooroots	Antkvesk
Star	Maskulavy, Varseelavy		
Ray	Shooshee, Skeeevee, Sharavandee		
Wind	Nyahvee, Karee, Kwheeree		
Storm	Bookee, Brtselgelba, Neeslee		
Rain	Tsuyma, Tsveema	Cheema	Ootchga
Hail	Setkva		
Lightning	Elva, Elvareba	Valy	Elvaee
Snow	Tovlee	Terree	Moos
Ice	Kinnooly, Keenoobly	Eenee	Kvarem
Day	Dgheh	Ga	Deshdwee
Night	Gam, Gamey	Zerry	Leket
Morning	Deela		
Evening	Sagamo, Mtsookhry		
Summer	Zapkhooly, Tselniee		
Spring	Gazapooly		
Autumn	Shamodgoma		
Winter	Zamtary		
Year	Ttseleetsadee	Tsanamatsana	Sahee
Time	Dro, Jamee		
Earth	Meetsa	Deehka	Gheem
Water	Tskaly, Tskhaly	Ttskary	Veets
Sea	Zgvebby, Zgva		
River	Bdeenary, Mdeenary		Gangalits
Waves	Ghelva, Ghelvany		
Sand	Khoomy, Kveesha		
Clay	Teekhah, Talakhee		Gheem
Dust	Mstverry		
Dirt	Lapee, Talakhee		

	Carduel Dialect	Imeretian	Suaneti Dialect
Dirt	Lapee, Talakhee		
Mountain	Keeldeh, Mtah	Keerdey	Kodi
Coast	Tskleesnapeery, Napeera, Plato		
Hill	Sevvee, Bortsvee		
Valley	Vakeh, Baree, Velly		
Air	Atchry, Hahery		
Vapour	Ortkly, Ortkhly		
Fire	Tsetskhlee	Datshkhley	Hemmek
Heat	Nakvertskhaly	Tbeela	
Depth	Seegrmey		
Height	Seemagley		
Breadth	Seeganyerry		
Length	Seegrtseh, Seegsay		
Hole	Nakvrety		
Pit	Ormo		
Ditch	Ruby, Tkhrebly		
Stone	Kva	Kooa	Kva
Gold	Okro	Mokro	Oker
Silver	Bertskhlee	Kvartchkheely	Bertskhleh
Salt	Mareely	Joomy	Gheem
Miracle	Sakoorvely		
Forest	Tken, Tkhen, Tenkeh		
Grass	Balakhee, Teeva		
Tree	Tkhertkey, Khay	Tkah	Tskhekka
Pole	Palo, Margheely		
Verdure	Mtsvaneely, Tsvanveely		

Notes

1. The latitude of the fort of *Mosdok* has been found to be 43°43'46" North. Its longitude, according to the observations of Professor *Lowitz*, is 62°42'30"; but, according to Mr. *Guldenstaedt* (whom I have followed) 62°27'30" East of Ferro. *Tifflis*, according to *Guldenstaedt*, is in 41°43'40" North latitude, and very nearly on the same meridian with *Mosdok*, although it is generally placed above a degree farther to the eastward. *Kislar* has been found to be in latitude 43°51' North, and its longitude, though it has not been observed, may be very nearly determined by its distance from *Mosdok*. Many other positions in the map have been pretty well ascertained by the marches of the Russian troops since the publication of *Zannoni*'s map, which is incomparably the best I have yet seen. Upon the whole, I have reason to hope that I have laid down, with tolerable accuracy, the desart of Astrachan, the Russian line, the interval between that line and the high mountains, and the greater part of Georgia. The country of the Lesguis, Armenia, and the Turkish province of Achalziché, are principally taken from Zannoni. The peninsula of Taurica, and the island of Phanagoria (or Taman) are, I believe, correctly delineated, being copied from a survey made by order of Prince *Potemkin*; but their position is very likely to be erroneous, because the great chart of the sea of Azof, and the maps published by the academy of St. Petersburgh, differ by more than a degree in the latitude of Taganrok; besides which, the direction of the sea of Azof is very differently represented. Such a difference could not be reconciled; and, by endeavouring to do so, I have perhaps placed the island of Phanagoria rather too far to the northward. As to the coast of the Black Sea to the eastward of Sotchuk-Kalé, it has never, that I know of, been surveyed by Europeans, nor do I think that any chart of that sea is at all to be depended on.

2. It is probable that the modern towns situated in Taurica are not built exactly on the site of those mentioned in antiquity, but perhaps Eupatoria (the Koslev of the Tartars) may answer nearly to the ancient Eupatorium. Sebastopol is at a very small distance from the ancient Kherson, the ruins of which still remain: Baluclava is probably the *Symbol* of the Genoese, and Portus Symbolon of Strabo: Theodosia (lately Caffa) the Theodosia of the ancients: Sudak, Soldaia: Kertsh the ancient Bosphorus, and Jenikale Panticapeum. The best map of this country is that of Kingsbergen, published at Berlin in 1776.

3. Under the name of Alani were comprehended a great variety of nations. Their inhabitants, according to *Ammianus Marcellinus*, began on the eastern side of the Don, from whence they extended over the vast desarts of Scythia as far as the Ganges. Those whose persons he has described (proceri autem Alani pæne

omnes sunt, et pulchri, crinibus mediocriter flavis) were probably some of the Tanaitæ, and of that race which we call *Fins*; because yellow hair, which is so common in the west, is I believe in the eastern parts of Europe peculiar to the people of Finnish origin. The Moschi, Aorsi, and Siraci, who are placed by *Pliny* betweeh the Palus Mæotis, and the Caspian, seem to answer to the Mockshanes, Ersanians, and Syrains; and these, together with the Kermikhiones (supposed to be Tsheremisses) and some others, now driven far to the northward, were perhaps the people here called Alani, and known at a later period under the name of Ougres, and White Huns. «Parte alia (says *Marcellinus*) prope Amazonum sedes, Alani sunt Orienti acclines, diffusi per populosas gentes et amplas, Asiaticos vergentes in tractus, quos dilatari ad usque Gangen accepi fluvium". These therefore were a Caucasian nation, the same with the Albani, and had migrated to the eastward. The only people I believe who can answer this description are the Agvhans, or Affgans, who pretend that their founder removed from the mountains of Armenia to those of Candahar. Colonel *Gaerber* takes it for granted that the Affghans, whom he found near Derbent, were descendants of the Albani; and Dr. *Reineggs* contends, that the names of the two people are in fact the same. The Armenians (says he) cannot pronounce the letter L in the middle of a word, but call the Albans Agvhans, as they call Kalaki, Kaghaki, &c. The name of Alani, however, is seldom used in the extensive sense adopted by *Marcellinus*, but is generally applied to those nations only who inhabited the northern slope of Caucasus from Mount Besh-Tau to the Caspian. *Rubruquis* says that the Alani were in his time called *Acias*, or *Akas* (now the Abkhas).

4. The history of this people may be found in the Histoire des Huns, by *M. de Guignes*. Their prince is by the Byzantine writers called Khan (χαγανοσ) and their nobles Beys (Πεχ). They built a town, with the assistance of the Greeks, called Sar-kel (Σαρκελ) which, as we are told by the Emperor *Constantine*, signified in the Khozarian language, *White Town*. This place is now called Bielgorod, which means the same thing. (In the present Tartar language, I believe that Sara-Kalah would signify the *yellow* town). The Khazari were divided into a great number of tribes, and were possibly composed of several different nations, but the governing Horde were most probably Tartars, and perhaps the ancestors of the present Kerguis.

5. The present Suani are a poor and simple people, who subsist by raising cattle and by a little agriculture. They are subject to the prince of Imeretia. Their language appears to be a very corrupt dialect of the Georgian.

6. This superstition exists among the present Samoyedes.

7. It has been observed by travellers, that barbarous nations generally distinguish themselves by a name expressing *man*, and denote the rest of mankind by some degrading appellation. Supposing this custom to have prevailed in Mount Caucasus, the Amardi may have been a tribe of Armenians, in whose language *mard* signifies man. In that of the Ossi, it is *leg*, and it may have been a tribe of these people who were called Legæ. The Tagori were perhaps the Dugoreans. In the language of the Circassians, man is called Tsoog, and in that of the Abkhas, Agoo: these nations occupy the county of the ζυχοι and Αχαιοι.

8. Guldenstaedt calls these districts the *province of Basiania*.

9. This is not improbable. In 1726, the Russians reinstated a Khan of Cuba, and forced his subjects to take the oath of allegiance to him. Being Mahometans, they swore on the Alcoran; but it was suggested to the Russians, that it was necessary that each man should likewise bind himself by the following imprecation: — «May my wife become a prostitute, and may I be dishonoured by every man, if I break this oath!» — *Gaerber's Narrative*.

10. The Greek historians, in imitation of the Persians, gave the name of Turks to all those northern Barbarians whom they had before confounded with the Huns. The first Turks, according to *Theophanes*, were the Kermikhiones, who subdued the Kerkhis and Seres (probably the Kirguis and Boukharians). They lived to the eastward of the Don (ωρος ευρον ανεμον τον Ταναιδος) and the residence of their prince was at a mountain called Ek-Tal, signifying in their language the golden mountain, and so called from the richness of its pastures. This word seems to belong to the Syrainish (a Finnish dialect) in which Essish signifies gold, and Tshol a mountain. The name of Turk is equally given to the Hungarians (whose language is of Finnish origin) and to the Khazars, who were perhaps a Tartar race. *Abulgasi* (the Tartar historian) applies the name indifferently to all the Mongul as well as Tartar tribes, while the present Europeans use it for the Othman Tartars only.

11. The flat countries, near the Volga, were always called by the Tartars Capchak, which *Strahlenburg* supposes to have been corrupted into Casaccia, and Casak. Hence the names of the Casaccia Orda, or Kerguis Casaks, the district of Casaccia (placed by *Constantine* near the Cuban, and now inhabited by the Circassians) the Turcoman Casaks in Georgia, near the river Kura, the Don and Zaporavian Casaks, &c. &c.

12. M. Volney (Voyage en Syrie et en Egypte, vol. I. p. 90) has given a very circumstantial account of the Caucasian militia, who, under the name of Mamlouks, or military slaves, are the masters of Egypt. The following assertion is very curious: — «Depuis cinq cent cinquante ans qu'il y a des Mamlouks en Egypte, *pas un seul* n'a donne ligneè subsistante; il n'en existe pas une famille à la seconde generation, *tous leurs enfans perissent* dans le premier ou le second age». — «Le moyen qui les a perpetués est donc le meme qui les y a etablis: c'est a dire, qu'ils se sont régéneres par des esclaves transportes de leur pays originel». If this be true, the Russians have rendered a most important service to the Turkish government by checking the traffic of slaves in Mount Caucasus.

13. *Strabo* observes on this story, that whereas other fictions of antiquity had gradually fallen into contempt, this alone continued to be confirmed by the testimonies of succeeding travellers. Indeed, it is not very extraordinary that women should be employed in tending horses, or in riding them afterwards, or that they should attend their husbands to battle. *Procopius* relates, that the Romans, after a battle with the Huns, frequently found among the slain the bodies of women. *Zonaras* says, that after the engagement of *Pompey* with the Albani, there were found several suits of armour belonging to the Amazons. While father *Lamberti* was in Mingrelia, the Dad-

ian (or prince of the country) received the account of an irruption of some Caucasian tribes, who had attacked the Suani and Caraccioli (people of Karatchai). They were repulsed, and many bodies of women were found on the field of battle. The armour of these women was presented to the Dadian, and consisted of helmets, brassards, and cuirasses, made of small steel plates. To the cuirass was fastened a kind of petticoat which reached about half way down the legs, made of serge, of a most beautiful red. (Recueil de Voyages au Nord, vol. X. p. 180). The most wonderful parts of the ancient story are, the mysterious commerce of the Amazons with their temporary husbands, the Gargarenses — their mode of disposing of their male children — and the amputation performed on the breasts of the females, which last circumstance was probably invented by the Greek etymologists in order to explain the name of the nation. Perhaps it might not be more absurd to derive that name from the Circassian word Maza, the moon, which is reported to have been the favourite deity of the mountaineers of Caucasus, than from the Greek word Μαζον, which signifies a woman's breast; but this must rest for the decision of etymologists.

14. These may perhaps be the people whom *Gaerber* calls the Taulinzi (i.e. mountaineers) and to whom he attributes the following strange custom: — «When a guest or stranger comes to lodge with them, one of the host's daughters is obliged to receive him, to unsaddle and feed his horse, take care of his baggage, prepare his dinner, pass the night with him, and continue at his disposal during his stay. At his departure, she saddles his horse and packs up his baggage. It would be very uncourtly to refuse any of these marks of hospitality». *Priscus*, I believe, relates that, during his travels among the Huns, he once received some offers of this sort, which he thought proper to decline.

15. The Ingushi are capable of arming about 5000 men. They call themselves Ingushi, Kisti, or Halha. They live in villages near each other, containing about 20 or 30 houses; are diligent husbandmen, and rich in cattle. Many of their villages have a stone tower, which serves in time of war as a retreat to their women and children, and as a magazine for their effects. These people are all armed, and have the custom of wearing shields.

Their religion is very simple, but has some traces of Christianity. They believe in one God, whom they call Dailé, but have no saints or religious persons. They celebrate Sunday, not by any religious ceremony, but by resting from labour. They have a fast in spring, and another in summer. They observe no ceremonies either at births or deaths. They allow of polygamy, and eat pork. One kind of sacrifice is usual among them: at certain times a sheep is killed by a person who seems to be considered as a kind of priest, as he is obliged to live in a state of celibacy. His habitation is in the mountains, near an old stone church, which is said to be adorned with various statues and inscriptions. Under the church is a vault that contains certain old books, which, however, no one ever attempts to approach. Mr. *Guldenstaedt* was prevented by the weather from visiting this church. (*Guldenstaedt* Reise, vol. I. page 150.)

16. The inhabitants of Derbent believe that their town was built by Alexander, and that this wall formerly extended as far as the Black Sea. It is, however, probable, from many inscriptions in old Turkish, Persian, Arabic, and Rusish characters, that the wall, and the aqueducts with their various subterraneous passages, many of which are now filled up, are of high antiquity. This town suffered greatly during its siege by Sultan *Amurath*, who entirely destroyed the lower quarter, then inhabited by Greeks. It was again taken by Schach Abbas. *(Gaerber)*. This town is the old Pylæ Caspiæ.

17. The following custom is attributed, by colonel *Gaerber*, to the subjects of this prince: — «Whenever theUsmei has a son, he is carried round from village to village, and alternately suckled by every woman who has a child at her breast until he is weaned. This custom, by establishing a kind of brotherhood between the prince and his subjects, singularly endears them to each other.

18. Colonel *Gaerber*, who wrote an account of these countries in 1728, gives the following description of this very curious place. «Kubesha is a large, strong town, situated on a hill between high mountains. Its inhabitants call themselves Franki (Franks, a name common in the east to all Europeans) and relate, that their ancestors were brought hither by some accident, the particulars of which are now forgotten. The common conjecture is, that they were mariners cast away upon the coast; but those who pretend to be better versed in their history, tell the story this way: — The Greeks and Genoese, say they, carried on, during several centuries, a considerable trade, not only on the Black Sea, but likewise on the Caspian, and were certainly acquainted with the mines contained in these mountains, from which they drew by their trade with the inhabitants great quantities of silver, copper, and other metals. In order to work these upon the spot, they sent hither a number of workmen to establish manufactures, and instruct the inhabitants. The subsequent invasions of the Arabs, Turks, and Monguls, during which the mines were filled up, and the manufactures abandoned, prevented the strangers from effecting their return, so that they continued here, and erected themselves into a republic. What renders this account the more probable is, that they are still excellent artists, and make very good fire-arms, as well rifled as plain; sabres, coats of mail, and several articles in gold and silver, for exportation. They have, likewise, for their own defence, small copper cannons, of three pounds calibre, cast by themselves. They coin Turkish and Persian silver money, and even rubles, which readily pass current, because they are of the full weight and value. In their vallies they have pasture and arable lands as well as gardens; but they purchase the greater part of their corn, trusting chiefly for support to the sale of their manufactures, which are much admired in Persia, Turkey, and the Crimea. They are generally in good circumstances, are a quiet, inoffensive people, but high-spirited, and independent. Their town is considered as a neutral spot, where the neighbouring princes can deposit their treasures with safety. «They elect yearly twelve magistrates, to whom they pay the most unlimited obedience; and as all the inhabitants are on a footing of perfect equality, each individual is sure to have in his turn a share in the government. In the year 1725, their magistrates, as well as the Usmei, acknowledged the sovereignty of Russia, but without paying any tribute».

19. The district of Avar is generally supposed to have been received from the Avari, a remnant of the Huns, who retired into this part of Caucasus. We should expect, therefore, to find in these countries some traces of their ancient language; and since the Samoyede is the only known language with which the Lesguis dialects have any affinity, it may be doubted whether *Strahlenberg* was mistaken in supposing that the Huns were, in part at least, composed of Samoyedes. *M. de Guignes*, on the contrary, is of opinion, that the Huns were the people known to the first Chinese by the name of Hoang-nou; that they were of the same origin with the Turks, by whom they were succeeded in the empire of Tartary; and that they were the ancestors of the present Monguls and Calmouks: and this opinion he grounds on the testimony of *Ammianus Marcellinus*, and that of the Chinese historians. The description of the Huns by *Marcellinus* is, in general, applicable to all the pastoral nations in Asia. The most curious particulars are those which follow: — «Hunnorum gens — ultra paludes Mæoticas glacialem oceanum accolens, omnem modum feritatis excedit. — *Quoniam sulcantur infantum altius genoe*, senescunt imberbes, absque ulla venustate — compactis omnes firmisque membris, et opimis cervicibus, prodigiosæ formæ & pandi, ut bipedes existimes bestias — *aguntur autem nulla severitate regali, sed tumultuario optimatum ductu contenti, perrumpunt quidquid inciderit*». The custom of marking the cheeks is, I believe, at present peculiar to the Toungouses (a people apparently of the Mandshour race); but it is used as an ornament only, and not with a view to prevent the growth of the beard. The Calmouks resemble the Huns in their ugliness, their want of beards, and in the custom of passing the greater part of their lives on horseback. In their internal discipline they have no resemblance. Mr. *Pallas* has observed, that the Mongul tribes are the *only* pastoral people in northern Asia, who appear to have been at all times subject to an arbitrary and hereditary government. They have a regular code of laws, and are distinguished from all their neighbours by their superior sagacity, frugality, and docility. It is remarkable, that a people, *exactly* resembling the Calmouks, is mentioned by *Theophylactus*, under the name of *Taugas*. These, he says, were a noble colony of *Turks*. They were free from intestine discords, because they were subject to *hereditary princes*. They worshipped statues, were governed by just laws, and distinguished by their frugality. Οδε της Ταυγας κλιματαρχης Ταισαν ονομαζεται. *Taidshi* is in fact the title of the Calmouk princes.

To the testimony of the Chinese historians it may be objected, that they do not seem to have discriminated between the different pastoral nations of Asia (who certainly have not a common origin) and that the identity of the Huns and Turks may be justly questioned. The northern regions of Siberia are inhabited by many different nations, all of whom, by their appearance, by their manners, by the dispersed situation in which they are found, and by the testimony of their traditions, appear to have been driven thither out of Tartary during some of those revolutions to which that country has been always subject. Since, therefore, the Hoang-nou were dispossessed by the Turks, it seems more natural to look for their descendants in the place of their retreat than in the country of the victors. The Samoyede nation is strangely dispersed: some of them are found in small and detached bodies among the mountains which lie to the westward of lake Baikal; others are supposed to be within the Chinese frontiers; others are scattered among the desarts, which extend along the frozen ocean; and some nearly as far to the westward as Archangel. It should seem, therefore, that they must have been formerly a very numerous and powerful nation. They have no longer the use of horses, because the climate of their present country renders their subsistence impossible; but they have still preserved the manners of a pastoral people, and retain the use of moveable habitations, with which they wander from place to place. They neither have, nor appear to have ever had, any kind of regular government; their traditional songs mention only certain heroes, who, in better times, led their ancestors to battle. These songs form their principal amusement; but the exploits they celebrate are never likely to be renewed. Whether it be owing to the septic qualities of their food, to the natural effects of excessive cold, or to those poisonous fogs which render some parts of their country quite uninhabitable, the nerves of the Samoyedes are so irritable, that a sudden and unexpected noise will frequently throw them into convulsions. Of this, professor *Pallas* relates some remarkable instances. The Samoyedes have a large head; a flat face; high cheek bones; small eyes; a flat nose; a wide mouth; a yellow complexion; large ears; straight, harsh, black hair: a short thick neck; broad shoulders; and short and thin legs. «Les hommes (says *Klingstadt* Mem. fur les Samoyedes & Lappons) *n'ont que fort peu ou presque point de barbe*, et ils ont ceci de commun avec leurs femmes, que non plus qu'elles ils n'ont du poil fur aucune partie de leur corps, excepté a la téte».

20. According to *Gaerber*, there are numbers of Jews scattered over the provinces of Shirvan and Daghestan; and he says, that they subsist principally by agriculture and raising cattle, very few of them being employed in trade. He adds, that they are a very ancient colony: their Rabbins pretend that their forefathers were driven from Jerusalem into Media, by the Musul *Padishah*, or king of Niniveh.

21. Judicial combats are in use in Imeretia and Mingrelia as well as in the rest of Georgia; but they are confined to the nobles. The trial by water ordeal is likewise sometimes practised: but in civil cases the Mingrelians have adopted a very rational kind of substitute for the common courts of justice. Each party chuses a judge, and the two judges chuse one speaker. To him the plaintiff exposes his pretensions, and then retires. The speaker then calls for the defendant, to whom he communicates the claim of his adversary, and receives his answer. When the two parties have nothing more to say, the two judges give their decision.

Текст печатается по изданию:

Memoir of a Map of the Countries Comprehended Between the Black Sea and the Caspian; with an Account of the Caucasian Nations, and Vocabularies of Their Languages. — London: Printed for J. Edwards, in Pall-Mall, M.DCC.LXXX.VIII (1788).

General Map of the Countries Comprehended Between the Black Sea and the Caspian

Общая карта стран, расположенных между Черным и Каспийским морями

Г. Эллис
Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с описанием кавказских народов и словарей их языков

(Перевод с английского Э.В. Пивановой, Е.А. Колесниковой, 2010)

Введение

Мы надеемся, что карта, предлагаемая теперь вниманию публики, окажется гораздо более полной и точной, чем все ранее изданные. Однако она, к сожалению, далека от совершенства, и когда представленные на карте страны будут изучены более подробно и тщательно, то, без сомнения, окажется, что она полна неточностей.[1]

Нам показалось необходимым сопроводить карту небольшим описанием на нескольких страницах, при этом мы надеемся, что у читателя не возникнет чувство, будто автор испытывает его терпение. Предлагаемые здесь сведения были преимущественно почерпнуты из первого тома «Путешествий» господина Гульденштедта, из различных статей, опубликованных в «Санкт-Петербургском журнале», из «Описаний Грузии» доктора Рейнеггса, опубликованных в периодическом издании профессора Палласа, из материалов «Сборника русской истории» Мюллера и некоторых других трудов, имеющих отношение к нашей теме, о которых нет необходимости упоминать здесь. Небольшую часть материала, относящегося к географии античных времен, составили отрывки из работ византийских историков — Страбона, Плиния, Птолемея и Штриттера.

Наши Записки можно было бы с легкостью дополнить отрывками из работ Олеария, Тавернье, Ле Бруна, Шардена, Турнефорта и др., но любого рода сведения, которые можно извлечь из них, уже содержатся в каждой книге по географии. Кроме того, поскольку названные путешественники не были знакомы с кавказскими языками, они в своих работах довольно часто объединяли весьма различающиеся народы Кавказа в одном общем описании.

Классификация народов, населяющих Кавказ, была заимствована нами у профессора Палласа, и она будет изложена на основе его терминологии. Большую часть районов, которые он перечислил, можно увидеть на прилагаемой карте; некоторые названия были опущены из-за недостатка места, а многие другие — из-за недостаточной уверенности в их точном местоположении.

Образцы словников кавказских языков были заимствованы из общего словаря, который был составлен по приказу российской Императрицы, лично подбиравшей для него слова (всего 130 слов). Однако различные языки оказались представлены в словаре неодинаково полно: например, количество слов абхазского языка особенно мало. При переписывании лексики из словаря кавказских языков нам не всегда удавалось передать звуковой состав слов посредством английских букв, поскольку в русском алфавите есть знаки для некоторых гласных, которые в английском языке невозможно произнести, и поскольку не существует единого способа передачи даже тех гласных, которые мы имеем в английском языке.

Записки, &c.

Есть сведения о том, что уже в 10 веке русские князья владели землями между реками Дон и Кубань, и эти территории оставались в их руках до конца 11 века, когда они вместе с другими владениями были захвачены татарами. После распада Золотой Орды земли между Доном и Кубанью вошли состав Астраханского ханства, а когда в 16 веке ханство было завоевано Иваном Грозным, право на эти земли было возвращено России; однако впоследствии крымские ханы предпринимали попытки захвата и удержания здесь своей власти, что не встречало особого сопротивления со стороны русских князей, чье внимание было всецело обращено к недавно захваченному порту на Каспии.

Считается, что уже в древнейшие времена Астрахань была основным центром торговли с Персией, Индией и Аравией. В 14 веке венецианцы, управлявшие всей торговлей в Чер-

ном море, перевозили из этого порта в Танаис азиатские товары, снабжая ими южные регионы Европы, тогда как предметы и продовольствие, предназначенные для севера, привозились в русский город Ладогу, расположенный на реке Волхов, откуда их переправляли на остров Готланд, в город Висби. Разрушительные походы Тамерлана привели к значительному изменению направления торгового пути. Теперь он проходил через города Смирна и Алеппо. Новый путь был намного удобнее для торговли с Аравией, но при этом оказалось, что месторасположение Астрахани гораздо больше подходит для торговли с Персией и Северной Индией. Процесс возрождения этого города привел к появлению множества догадок и предположений, которые не могут не удивлять. Так, согласно одной из версий, возобновление торговли было начато несколькими правителями, последовательно владевшими этими землями, а Петр I значительно упрочил здесь торговое дело, и оно до настоящего времени еще полностью не прекратилось. Наладив судоходство на Волге, Петр выстроил цепь крепостей, которая протянулась от реки, протекавшей вблизи от города Царицын, до Дона. Таким образом он сформировал мощную линию для защиты империи от набегов захватчиков с южной стороны. Но вскоре, под влиянием революционных событий в Персии, Петра I охватило желание еще более расширить границы своих территорий.

Персидский шах Хуссейн был свержен с престола в результате мятежа, причиной которого стали притеснения его министров, и которому способствовало собственное бессилие шаха. Афганцы завладели Исфаханом; Тамас, наследник престола, скрывался в своих владениях; турки взялись за оружие, решив воспользоваться слабостью Персии, а Петр I был практически вынужден последовать их примеру. Он высадил военно-морской флот в Астрахани, чтобы тот сопровождал передвижение его армии, которая, следуя по западному берегу Каспия, завоевала города Дербент и Баку, вступила в город Гилян и заняла практически все плодородные земли, которые впоследствии были переданы ему по договору с Тамасом. Так Петр на некоторое время стал единоличным хозяином Каспийского моря. Но когда в ходе второй революции бесспорным правителем Персии стал известный Шах-Надир, императрица Анна была рада приобрести преимущественные права на торговлю в зависимых территориях, уступив владение этими землями, так как больше не было никакой реальной возможности держать их в своем подчинении. В связи с этим русские поселения, которые были основаны с целью поддерживать сообщение между Россией и Гиляном, переместили в Кизляр, который принял народ, населявший древнюю крепость Терки; а для защиты этих поселенцев возникла необходимость в укреплении реки Терек. Так началось возведение новой крепостной линии, но оно происходило так медленно, что в 1763 году редуты простирались не далее, чем до казацкого селения Червленова, что в 107 английских милях к западу от устья реки. В том же году была построена крепость Моздок, что на 66 миль западнее, а в 1770 с целью укрепления промежуточного пространства 850 казацких семей из воинских частей, располагавшихся на Доне и Волге, поселились в Науре, местечке, что находилось между двумя вышеназванными пунктами. С тех пор оборонительные линии стали постепенно возводить на всем протяжении вплоть до Азовского моря с целью обороны территории между Азовским и Каспийским морями.

Возведение этих линий позволяет России держать врагов на почтительном расстоянии от наиболее плодородных земель страны. Правители Грузии и Имеретии, подчиняющиеся России, также получают серьезную защиту. Но, с другой стороны, оказывается, что такая слабо заселенная страна, как Россия, не может не страдать весьма сильно от ежедневной потери людей из-за различий в климате и составе воды, из-за плохого качества пищи, которую частично привозят издалека, из-за усталости, вызванной постоянной необходимостью обороняться от набегов врага, столь же решительных, сколь и стремительных. Но что бы ни говорилось о завоевании этих земель, нет никаких сомнений в важности недавнего присоединения к Российской Империи другой территории. Мы имеем в виду Крым.

Этот полуостров, который за исключением нескольких последних лет никогда основательно не исследовался европейцами, всегда ценился за свои чрезвычайно плодородные земли и выгодное торговое расположение. Задолго до Геродота южное побережье полуострова занимали греческие поселенцы, которые основали города Херсон[2], Феодосию, Пантикапей и некоторые другие. Они вели весьма активную торговлю со скифами, а также с такими городами, как Гераклея, Трабзон и Византия. Возможно, сначала эти греческие поселения были независимыми, но примерно в 450 году до н.э. они стали платить дань скифам и продолжали находиться в зависимости вплоть до наступления правления Митридата, которого они пригласили

стать властителем их страны. Митридат, уже правивший к тому времени Понтом и Колхидой и находящийся в тесном союзе с сарматами, охотно принял приглашение, дающее ему огромные возможности для осуществления его замыслов, направленных против римлян. Он отправил флот в Херсон, а еще один, в сопровождении армии, — на Азовское море и свергнул Парисада, тирана Босфора. Вытеснив скифов из Таврического Херсонеса, он завладел этим полуостровом и всеми его колониями, которые занимали восточное побережье Меотийского моря, а именно участок от Танаиса до Кубани, а также Фанагорию. Считается, что владение этими территориями давало ему ежегодный доход в размере 20 тысяч мин (около 720 тысяч бушелей) зерна и два таланта (около 200 тысяч унций) серебра. Митридат основал город Евпаторию. После поражения, нанесенного ему Помпеем в Малой Азии, Митридат вернулся на Босфор, где после нескольких неудачных попыток вернуть свое господство он в отчаянии покончил с собой. После его смерти страна оставалась под властью римлян вплоть до времени правления Валериана, когда мелкие наместники разделили ее на несколько частей, и в результате были созданы условия для вторжения готов на римские территории.

Когда столица Византийской империи была перенесена из Рима в Константинополь, важность побережья Таврического Херсонеса значительно возросла. Но, несмотря на стремление греческих императоров защитить этот полуостров, сарматы, аланы[3], готы, поселившиеся в горах южнее, а также гунны и хазары[4] постоянно совершали опустошительные набеги на полуостров.

Довольно трудно установить точное время появления генуэзцев на этой территории. Можно предположить, что это было примерно в конце 11 века. Первым завоеванным ими городом стала Кафа, которую в 1297 году отвоевали венецианцы, а затем она снова перешла к генуэзцам. Крымские ханы, отдавшие генуэзским купцам морские порты в полное распоряжение, относились к ним с великой милостью и даже почтением. А правители Армении, владения которых в 13 веке простирались до Каспийского моря, еще более их жаловали и вскоре предоставили им право вести всю торговлю на Востоке. Они установили торговые связи между городами Трабзон, Амастрия, Кафа, Солдая, Симбол и Тана. Впоследствии заносчивое поведение купцов привело к упадку торговли: оно вызвало гнев крымских ханов, которых Порта тщетно пыталась настроить против генуэзцев. В 1474 татары с помощью турок осадили и захватили город, остававшийся последним оплотом генуэзцев — Кафу.

Эти татары поселились в Крыму примерно за два века до изгнания генуэзцев. Они находились под властью хана Батыя, внука Чингисхана, а завоеванные ими земли были присоединены к Казанскому ханству; такое положение сохранялось до момента смерти Тамерлана в 1400 году, когда его военачальник хан Удегей принял правление территориями. После его смерти эти земли были переданы его преемнику Девлету Гераю. Власть находилась в руках этой династии вплоть до 1783 года, когда Крымский полуостров был завоеван русской армией под предводительством князя Потемкина.

Таврический Херсонес (Крымский полуостров) разделен на две части горной цепью, которая протянулась почти через весь полуостров с востока на запад. Северная часть характеризуется равнинной местностью и неплодородными почвами, поэтому она пригодна лишь для выпаса скота. В южной части почвы поразительно плодородны, а климат здесь очень мягкий, если не брать во внимание сильные ветры, дующие в северной части. Невысокие холмы, протянувшиеся от Феодосии до восточной оконечности полуострова, преимущественно используются для садоводства. Они дают превосходный урожай фруктов. Помимо таких портов, как Керчь, Еникале, Кафа и Балаклавская бухта, недалеко от Севастополя находится одна из прекраснейших бухт в мире, укрытая от всех ветров, вмещающая крупные флотилии и способная принимать суда различной грузоподъемности. Говорят, что сегодня численность татар не превышает 70 тысяч человек. Вероятно, это связано с тем, что многие татары погибли в результате гражданских беспорядков, некоторые из них — защищая свою страну от русских, а еще большая часть мигрировала из-за недовольства новой властью. Но, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, Санкт-Петербург и Константинополь находятся в вечном соперничестве за право управления этой территорией.

На противоположной стороне Босфора находится небольшой красивый остров Фанагория, а немного западнее начинается Кавказский хребет, который простирается до Каспийского моря. К югу от этого хребта возвышается несколько горных цепей пониже, известных под названиями Монте Мошицы (Monte Moschici), Париедры и др. К северу располагается лишь одна горная цепь под названием Бештау (что означает «пять гор»), на которой выращивают прекрасных черкесских лошадей, которых весьма ценят турки. Считается, что лошади этой по-

роды почти так же хороши, как лучшие арабские скакуны. Вероятно, именно эти горы описаны у Птолемея под названием Монте Хиппицы (Monte Hippici).

Согласно Страбону, территорию, простирающуюся от Фанагории до Колхиды, населяли следующие народы: синды, жившие ближе к самой Фанагории; ахейцы, зиги, проживавшие вдоль побережья, и гениохи, которые занимали земли до Диоскурии (теперь называемой Изгауром), а за ними — керкеты и макропогонь. О двух последних народах ничего не известно, а о трех названных ранее есть сведения, что они были пиратами и снабжали греков на Босфоре рабами, захваченными в ходе грабительских походов. А за Диоскурией, высоко в горах, жили соуны[5], или сваны. Возможно, они являются предками народа, проживающего в настоящее время на этой же территории и носящего то же названием. Некогда сваны были сильным и многочисленным народом, во главе с царем и всенародным собором, состоявшим из 300 человек. Есть сведения о том, что им удалось добыть огромное количество золота из речных вод путем погружения в них овечьих шкур. Страбон считает, что эти сведения были положены в основу мифа о золотом руне. Есть данные о том, что этот способ добычи золота все еще существовал в то время, когда турки владели Мингрелией, и что золото, добытое в Згениз-скале («река лошадей», Hippis), поступало на обработку к некоторым еврейских мастерам в Константинополе.

От Диоскурии начиналась территория Колхиды, которая простиралась почти до Трабзона. Ее земли были плодородны, плоды изумительно вкусны, а мед превосходен, хотя были и некоторые сорта меда с горьким вкусом. В Колхиде производилось все необходимое для судостроения: лен, конопля, воск, деготь и огромное количество древесины лучшего качества. Льняное производство Колхиды было чрезвычайно развито и ценилось очень высоко, что можно считать одним из доказательств египетского происхождения ее жителей. После того, как Колхида была разделена на несколько небольших княжеств, называемых скептухиями, она попадала под власть Митридата, а после его смерти снова была раздроблена на множество частей.

К востоку от Колхиды находились Иберия, территория, которая входит в состав нынешней Имеретии, и частично Кардуела и Кахети. Она была густо населена. В ней было много сел и городских поселений с кирпичными домами, выстроенными в соответствии с общим планом застройки, также здесь были и общественные учреждения. Иберы, населявшие долины, вели мирный образ жизни и по преимуществу занимались земледелием. Проживавшие же в горах занимались скотоводством, были воинственными и жестокими. Они походили на скифов, своих предков. Общество было поделено на четыре класса. Из высшего класса выбирали царя, который всегда был самым старшим в семье, а следующий по возрасту за ним становился военачальником и судьей. Второй класс состоял из священников, которые также выполняли функции послов; третий класс состоял из солдат и земледельцев, а четвертый — из рабов. Каждая семья владела неразделенной собственностью, которой управлял старший в семье.

За рекой Алазань и до Каспийского моря простирались земли, которые населяли албаны, коренные жители этой территории. Основные черты албанов — простота и честность. Они не знали, что такое деньги, и не имели понятия о точных единицах мер и весов. Они могли считать лишь до ста. Для возделывания земли у них были только деревянные плуги. Прекрасный климат, плодородные земли, на которых произвольно росли все виды фруктов, в особенности виноград, привели к тому, что развитие промышленности оказалось ненужным. Жители кормились благодаря многочисленным стадам, пасущимся на плодородных берегах Сайруса. Албаны были самым красивым народом, храбрым, но безобидным. Они сражались как пешими, так и верхом на лошадях, держа в руках легкое или тяжелое оружие. Албаны выступили против Помпея с 70-тысячной армией пехоты и 22 тысячами всадников. Их вооружение составляли копья, луки и стрелы, у них также были кожаные щиты, нагрудники и шлемы. Албанский народ состоял из 26 племен, каждое из которых имело свой собственный язык и управлялось независимым князем. Они поклонялись солнцу, Юпитеру и особенно луне, которой они приносили в жертву людей; с этой церемонией были связаны различные суеверия. В каждом племени вторым по важности после князя был главный священник. Албанский народ отличался глубоким уважением к пожилым людям. Умерших они хоронили со всем их имуществом, а после — совершенно не думали о них, даже не осмеливались произносить их имена, так как это расценивалось как кощунство.[6]

Высоко в горах над территориями албанов проживали леги, а за ними — мифические амазонки. Помимо этих народов Страбон, Плиний и другие историки упоминают о таких, как амарды[7], цицианты, агеды, габры, тагоры, иссы, эсседоны и о многих других, но этот длинный список не подкреплен никакими сведениями об истории этих народов или их образе жиз-

ни. Предполагается, что на Кавказе существовало неисчисляемое множество языков: только в одной Диоскурии насчитывалось более 70 диалектов, а, согласно некоторым источникам, 300. Римляне, в самом деле, очень мало знали об этих землях, ограничившись фактами, о которых им сообщили военачальники Помпея, который вторгся сюда через территорию Армении, сразился с албанами и иберами, а затем, преследуя Митридата дошел до устья реки Фасис, где он встретил Сервилия с римским флотом.

После образования восточной империи государство Лазика (Колхида) и Иберия так часто становились предметом спора между греческими императорами и владыками Персии, что от византийских авторов можно было бы ожидать более полного и точного описания народов Кавказа. Однако греческие историки (за исключением императора Константина) были так плохо знакомы с географией этих варварских территорий, и они с такой готовностью объединяли всех жителей под одним общим названием — гуннов или турок, — что их описания нельзя признать удовлетворительными, а иногда они просто неудобопонятны. С тех времен не появилось никаких трудов о кавказских народах, которым мы могли бы вполне доверять (за исключением некоторых работ, написанных случайными путешественниками), вплоть до начала настоящего правления Российской Императрицы, которая отправила профессора Гульденштедта в горы Кавказа, приказав ему пересечь эти дикие районы в нескольких направлениях, дойти до верховьев рек, провести астрономические наблюдения, сделать заметки по естественной истории региона, а также составить словари всех местных диалектов, с которыми он столкнется, и которые впоследствии можно было бы соотнести с соответствующими языками, дабы составить общую классификацию народов, проживающих на территории, расположенной между Черным и Каспийским морями.

Согласно результатам исследования этого путешественника, на Кавказе проживает, по меньшей мере, семь народов, каждый из которых говорит на своем языке: 1. Татары. 2. Абхазы. 3. Черкесы. 4. Осетины. 5. Кисты. 6. Лезгины. 7. Грузины. Помимо этих народов, он упоминает о жителях Имеретии, Сванетии, в особенности Тушетии, которые говорят на таких искаженных диалектах грузинского языка, что их едва можно отнести к последнему. Некоторые племена лезгинов, анды, акусча и кази-кумыки также говорят на диалектах, весьма мало напоминающих исходный язык.

I. Татары

Татары состоят из трех племен, а именно:

1. Терекеменцы, туркоманы, или трукменианы. Они говорят на турецком диалекте татарского языка и проживают на восточных склонах Кавказских гор, на побережье Каспийского моря рядом с Бойнаком, Дербентом и Утемишем, а также на территории южных промонториев между морем и рекой Алазань. Их территории — Куба, Алтипара, Токуспара, Мискиндшал, Хинакуг, Кришбудуг, Шамахи и весь Ширван. Они подчиняются Фет-Али, хану Кубы, чья власть простирается до Саллиана. К западу от этих областей находятся территории, занимаемые трукменами: Шахи, Кабаллах, Агдотш и Араш. Ими правит Хуссейн-хан, чья резиденция находится в Нуху. И, наконец, район Казак, находящийся во владении царя Грузии. Здесь текут реки Нахатыр, Тебет, Кура, Ахишафа и Алгет.

2. Кумыки. Данный народ проживает севернее, в низовьях рек Сунджа, Койсу, Аксай. Кумыками управляет множество мелких князей, постоянно враждующих друг с другом, но остающихся верными России. К главным селениям кумыков относятся Брагун, Ендери и Костек.

3. Ногайцы. Несколько кочующих ногайских племен можно встретить среди кумыков, но они отличаются своим диалектом. Восемь из них подвластны правителю Аксая, двенадцать — Ендери, а двадцать четыре — Шамхалу, резиденция которого находится в Тарку. Около тысячи семей вошли в подчинение России во время правления Петра I и сейчас расселены по северному берегу реки Терек.

Более значительная часть ногайцев обосновалась на реке Кубань, а именно: в ауле Кассай, где живут 8 тысяч семей, расселившиеся между реками Инджик и Лаба, притоками Кубани; в Наурском ауле, где проживает около 2 тысяч семей, основавших постоянное поселение рядом с рекой Лаба. Джедиссан, Джедишкуль, Джамбойлук и Акермен раскинулись на равнинной территории от реки Лаба до Черного моря вдоль реки Кубань. Эти ногайцы пришли сюда после завоевания Астраханского ханства. Затем они переселились на Днепр и Буг, а по-

сле, когда они в ходе последней войны вошли в подчинение России, им было позволено вернуться на ранее занимаемые территории.

Помимо перечисленных, выше на склонах Кавказских гор располагается несколько поселений, жители которых, по всей видимости, имеют ногайское происхождение, так как говорят на том же диалекте[8]. К таким районам относятся: 1. Малкар, около 1 тысячи семей, на реках Аргудан и Терек. Этот район граничит на востоке с районом Дугор, на юго-западе с частью Имеретии — Радша, а на севере с Черкесским районом Кашкатан. 2. Бизинге, рядом с Тереком, около 100 семей. 3. Хулам, вдоль той же реки, также около 100 семей. 4. Чегем, около 360 семей. 5. Карачай, или Карадшики, у истоков Кубани, около 200 семей.

Неизвестно, когда именно эти ногайские племена поселились на занимаемой ими в настоящее время территории. Массовое расселение татар по территории Кавказа относится ко времени правления Чингисхана и его ближайших преемников. Татары грузинского района Казак могли находиться в подданстве у неудачливого Мухаммеда, султана Каризмы.

II. Абхазы

Основные и самые древние поселения этого народа находятся на южных склонах гор, расположенных между рекой Кубань и Черным морем. Абхазы подчинены туркам и разделены на западную и восточную провинции, каждая из которых подчинена своему паше, как правило, избираемому из исконно проживающей на данной территории семьи. Один из них размещается в крепости Сучук-кале, другой — в Согум-кале. К местам их расселения относятся: Шапсик, Убук, Туби, Аипга, Садс, Чадши и Чирпис. Столицей является Анакопир (прежде Никопсис). К другим примечательным местам относится Анаклея (бывшая Гераклея), мощное укрепление в устье реки Еугури; Бичвинта, или Питиунта (ранее Большой Питиунт) в устье реки Кабети; Бедна, Сиакви, Дрантели (ранее Дандари) — древние резиденции священнослужителей; Илори, Кодри, Чоми, Залумка, Зупу и Бовудиак, расположенные вдоль побережья; Джанкетагабла, крупное поселение на реке Пшага, вдоль берега которой дома протянулись примерно на 15 миль. Черкесы называют этих абхазов куш-хасип, то есть «живущие за горами».

Северо-восточных абхазов, самых малочисленных представителей этого народа, черкесы называют тапантами, а турки — алтекезеками (то есть шестичастными). В прошлом веке этим абхазам было разрешено селиться на территории, расположенной между черкесами Кабарды, Беслена и других поселений. Тогда они стали зависимыми от кабардинцев, которые разделили их между шестью кабардинскими родами. Они расселились в Кизилбеке, Таме, Шеграе и Барокае, (около 300 семей), а также Башилбае (около тысячи семей) и Сабае. Абхазы говорят на своем собственном языке, совершенно отличном от всех известных языков, хотя и возможно проследить весьма отдаленное сходство с языком, на котором говорят черкесы. Свою страну абхазы называют Абсне, турки, татары и черкесы — Абаса, грузины — Абчасети. Византийские историки упоминают о ней под названием Абасгии, а император Константин — Абаргии. В настоящее время абхазы практически не исповедуют никакой религии, хотя все еще можно обнаружить следы христианства.

III. Черкесы

Черкесский народ занимает следующие территории: 1. Большая Кабарда. 2. Малая Кабарда. 3. Беслен на Большой Лабе, притоке Кубани 4. Темиргой, на реке Шагваша. 5. Абасех, преимущественно на реке Псаха. 6. Бшедух, в низовьях реки Чуаш. 7. Хатукай. 8. Бшана, на реках Чурса и Коркой.

Этот народ мог бы стать очень грозным, учитывая протяженность их территории (охватывает почти 10° долготы), а также их необычайную храбрость и военный талант, если бы они были объединены под руководством одного правителя. Но эти горцы, существующие благодаря разведению скота и поэтому вынужденные занимать территории на берегах рек ради воды и пастбищ, вскоре забыли свое общее происхождение и разделились на несколько независимых и враждующих племен. Из-за этого разделения кубанские черкесы стали столь менее могущественными, что даже русские почти ничего о них не знали и упоминали о них под общим именем кубанских татар, объединяя их с абхазами и ногайцами, их соседями.

Однако кабардинские черкесы, несмотря на разобщенность с остальными черкесами, по-прежнему являются самым могущественным народом северной части Кавказских гор. Это превосходство привело к тому, что их соседи так активно переняли их образ жизни, что, описывая данный народ, мы тем самым дадим краткую характеристику и остальным. А своеобразие их традиций, сходных с традициями древних народов, некогда населявших эти территории, делает их объектом особого интереса.

Черкесы делятся на 3 класса: 1. Князья. 2. Дворянство (именуются узденами). 3. Вассалы (или народ), распределенные определенным образом между княжескими семьями. Так, Большая Кабарда поделена на три равные части между тремя родами: Джиамбулак, Мойсауст и Аташук. В каждом из них старейший член считается главой семьи, а также судьей, защитником и отцом всех вассалов, принадлежащих этому роду. Ни один князь не вправе иметь земельную собственность. У него не может быть никакой иной собственности, кроме как оружия, лошадей, рабов и дани, взимаемой им с соседних народов. Не только старейшина рода, но и князья почитаются как святые. Эта необычная привилегия относится и к князьям Крыма. Однако это единственная особенность, которой князь отличается вследствие своего происхождения и которая не зависит от личных заслуг. Самый большой почет князь может заслужить в случае, если он первым из своего войска нападет на врага. Говорят, что действующий обладатель данной почести добился ее, совершив довольно безрассудный поступок. Он вместе со своими тремя товарищами предпринял попытку прорваться через русскую колонну, и ему это удалось. В результате этого блестящего, но бессмысленного прорыва все три его компаньона погибли. В мирное время князья ничем не отличаются от дворян и даже от крестьян. Они едят такую же пищу и одеваются так же, а дома их не намного лучше.

Князья избирают узденей, или дворян, из более низшего класса. Дворяне находятся на службе у князя и являются исполнителями закона. Они созывают и организуют общее народное собрание, когда нужно получить одобрение людей относительно мер, предлагаемых князем.

Народ (вассалы) и дворяне являются собственниками земли. Очень странным и противоречивым является тот факт, что князья иногда заявляют свои права и предпринимает попытку захвата всей собственности, принадлежащей их вассалам; но в то же время вассал обладает правом перейти в подчинение к другому князю всякий раз, когда он считает себя обиженным и ущемленным. Вследствие существования этого права князь вынужден завоевывать уважение вассала, так как все его надежды, связанные с достижением величия и богатства, полностью зависят от готовности вассала идти за князем в бой.

У черкесов никогда не было письменного закона: их жизнь регулирует своего рода общий закон, или свод древних предписаний. По случаю важных событий собирается весь народ. Старший из всех князей предлагает способ решения вопроса, и сначала его обсуждают уздены, затем — пожилые представители народа, специально избираемые для этой цели и зачастую обладающие большим влиянием среди простого народа, чем князь. Если решение принимается, то оно признается всеобщим и подтверждается торжественной клятвой всего народа. Эта церемония обычно проходит в специально предназначенном для таких целей месте рядом с резиденцией князя.

Ремесла у черкесов развиты очень слабо. Наконечники стрел — единственные железные предметы, которые они делают сами. Однако они в то же время способны изготавливать весьма качественные ткани и войлок для верхней одежды, который необычайно легок и прочен. К этому мы можем добавить производство некоторых кожаных изделий, украшенной вышивкой сбруи для лошадей и др. Их кольчуги, которые очень красивы, привезены из Персии, а огнестрельное оружие — из Кубачи. Сельское хозяйство также развито слабо и снабжает их скудной продукцией, которой едва хватает, чтобы прокормиться самим. Овцы и лошади являются основным предметом их торговли, особенно лошади, которых можно продать по очень высокой цене. Но, несмотря на это, торговый баланс был бы не в их пользу, если бы не рабы, которых они приобретают в результате захватнических походов. Искусство проведения таких экспедиций является самым ценным талантом черкесского князя, который приобретается в процессе обучения, долгого и мучительного.

Когда рождается князь, его отец выбирает ему наставника из числа узденей, а иногда и князей из других родов. Когда ребенку исполняется один год, перед ним одновременно кладут в качестве подарка несколько игрушек и оружие. Если он выбирает последнее, то это событие отмечается всей семьей с превеликим ликованием. В семь лет (согласно другим источникам, в 12) он покидает родительский дом и переезжает в дом своего наставника. Тот обучает его верховой езде и владению оружием, а также учит его красть и прятать укра-

денное (быть названным вором у них означает самое позорное бесчестье, поскольку такая ситуация требует расследования). Затем молодой князь приучается совершать более значительные и опасные грабежи и не возвращается в дом своего отца, пока его умение, ловкость и сила не станут совершенными. За свои услуги наставник получает девять десятых от награбленного учеником под его руководством. Говорят, что данный метод воспитания все еще сохраняется у этого народа; цель его — оградить сына от негативного воздействия родительской опеки, которые воспитывали бы его более мягко. Мне кажется, что этот обычай свойствен именно черкесам, хотя сам принцип такого воспитания является общим для всех горных народов Кавказа, которые существуют за счет грабежей, и из-за чего их дикость и жесткость обычно сильно преувеличивается. Очень часто причиной войн становилось исключительно желание наживы, возникавшее у народов, которые называли себя высоко цивилизованными, и эти войны не расценивались как противоречащие гуманным принципам. В ответ на жалобы путешественников князья этих маленьких племен настаивали на том, что для них очень важно скрывать направление всех своих передвижений; что наравне с другими правителями у них есть право наказывать шпионов и врагов; что грабить и угонять в рабство купцов, странствующих по их землям без их разрешения, не является более жестоким, чем смертный приговор или ссылка на галеры за контрабанду; и что поскольку местные жители относятся к путешественникам по Кавказу с бескорыстным гостеприимством и добротой, обеспечивая им защиту и покровительство на своей территории, то и путешественники, в свою очередь, могли бы выступить против постоянного вымогательства со стороны европейских таможенников.

Воспитание ребенка делает наставника своего рода приемным отцом; и так как это люди весьма жестокого и мстительного нрава, человек, убивший какого-либо взрослого князя, всеми возможными способами пытается украсть ребенка из той же семьи, чтобы сделаться его наставником. Такой поступок является единственным способом искупления своей вины и восстановления мира. Некоторые путешественники говорят, что иногда вассалу удается украсть княжеского ребенка с целью его воспитания и благодаря этому получить дворянское звание. И абсолютно все уверены, что ребенка необходимо воспитывать вдали от отца.

Девочек же воспитывают матери. Они учатся вышивать, шить одежду для себя и для будущих мужей. Дочери рабов тоже обучаются тому же ремеслу, а затем их продают, смотря по тому, насколько они красивы, по цене от 20 до 100 фунтов, а иногда и выше. Это касается преимущественно грузинок. Вскоре после рождения девочки вокруг ее талии оборачивают широкий кожаный пояс и зашивают его; она носит его до тех пор, пока он не разорвется. Тогда его заменяют новым. Такая практика приводит к тому, что талия у девочек становится очень тонкой, а плечи по сравнению с ней — очень широкими, однако такому недостатку уделяется очень мало внимания с учетом красоты их груди. В брачную ночь муж разрезает пояс кинжалом, что очень часто оказывается смертельным для девушки. Жених платит за невесту свадебный выкуп, так называемый «калым», состоящий из оружия или кольчуги. Но он не должен видеться со своей невестой, а после свадьбы не может жить с ней открыто, без сохранения тайны. Это условие соблюдается в течение всей жизни. Иногда черкес позволяет постороннему увидеть его жену, но сам он не может его сопровождать. Отец невесты делает ей подарок в день свадьбы, но придерживает большую часть того, что собирается подарить, у себя, пока она не родит первого ребенка. Когда же это происходит, дочь навещает своего отца, получает оставшуюся часть подарков, и он покрывает ее голову вуалью, которая является отличительной особенностью замужней женщины и матери. До того как женщина станет матерью, ее одеяние весьма схоже с мужским, за исключением того, что ее верхняя одежда, вроде плаща, длиннее и зачастую белого цвета, а мужчины никогда не носят белого. Шапка тоже в основном красного или розового цвета.

Неженатые молодые люди обоих полов видят друг друга свободно во время небольших гуляний, которые проходят по праздникам. Перед началом танцев юноши демонстрируют свою ловкость и сноровку, выполняя разнообразные трюки. Самый проворный получает право выбора самой красивой девушки. Музыкальные инструменты черкесов — это длинная флейта лишь с тремя отверстиями, нечто вроде мандолины и тамбурина. Черкесские танцы исполняются на азиатский манер, практически безрадостно и неэмоционально. Шаги в танце очень сложные, но не грациозные.

Характер черкесских женщин очень схож с характером мужчин этого народа. Они гордятся храбростью мужей и сурово бранят их в случае поражения. Женщина чистит оружие

мужа и следит за тем, чтобы оно было в порядке. Овдовевшая женщина в знак скорби рвет на себе волосы и обезображивает себя шрамами. Прежде у мужчин был такой же обычай, но теперь их с детства учат относиться более спокойно к смерти жены или родственников. Жилище черкесов состоит из двух домов, так как жена и муж не должны жить вместе. Соответственно, один из домов предназначен для мужа и приема гостей, другой — для жены и остальных членов семьи. Двор, разделяющий их дома, окружен оградой. Вся семья собирается вместе во время приема пищи. Поэтому, как и у татар, величина селения определяется по числу котлов для приготовления пищи. Пища черкесов очень проста: мясо в небольшом количестве, просяные лепешки и напиток вроде пива, сделанный из забродившего проса.

Черкесов очень часто обвиняют в клятвопреступлении и нарушении любых соглашений. Но говорят, что данный порок стал их отличать совсем недавно. Какова бы ни была исконная религия черкесов, известно, что на какой-то период они были обращены в христианство, затем перешли в магометанство, а в настоящее время у них нет ни религии, ни вероисповедания. Без колебаний они нарушают клятвенные обещания, данные на Библии и Коране. Но, тем не менее, есть ряд определенных клятв и определенных мест, расположенных неподалеку от руин (предположительно, разрушенных христианских церквей), которым они сохраняют верность.[9] Их мужество и отвага, как бы велики они ни были, все же не препятствуют религиозному террору. Подобно всем варварам, они уверены, что случайными событиями можно управлять, исполняя определенные обряды. Так, во время стычки с русскими один черкесский князь был застрелен. Кизлярский казак, знакомый с обычаями черкесов, тотчас же подбежал к телу, вспорол его, вырвал сердце, побежал к реке, тщательно обмыл сердце и бросил его в воду на некоторое расстояние по течению реки, произнося самые жестокие проклятия. Он был уверен, что такими действиями он обеспечит победу России. Жертвоприношения, осуществляемые чеченцами, сходны со многими распространенными суеверными обычаями. На следующий день после кровавой схватки, в которой они одержали победу, чеченцы приводят русского пленника на поле битвы, где убивают его, принося в жертву душам убитых земляков и стремясь искупить вину за кровь, пролитую накануне.

Нет ничего странного в том, что отсутствие четкого управления черкесами, воинственный дух их женщин, привычка переносить лишения и постоянная готовность встретиться с опасностью делают черкесов самыми грозными врагами грузин, не склонных к военному делу. А благодаря своему военному искусству, они представляют опасность даже для регулярных войск. Так, в одном из сражений с русскими они прибыли на поле битвы, толкая перед собой нечто вроде передвижного укрепления, против которого даже русская артиллерия оказалась бессильна. Они прикрепили между колесами телег что-то вроде обтянутых кожей больших барабанов, набитых хворостом, шерстью и другим мягким материалом подобного рода. Сила сопротивления этих передвижных устройств пушечным ядрам была столь незначительна, что, попадая в них, они застревали и не взрывались. После долгого сражения, в котором русские войска понесли значительные потери из-за метких выстрелов врага, они бросились в штыковую атаку на это необычное укрепление и вынудили черкесов отступить.

У черкесов нет своего алфавита. Те черкесы, которые хотят писать на своем языке, вынуждены использовать арабские буквы. В действительности, как нам поведали, на некоторых сохранившихся в горах остатках надгробных плит найдены непонятные надписи, а черкесские князья утверждают, что у них есть старые книги, в которых описана история их народа и упоминаются древние артефакты. Однако эти книги представляют собой не что иное, как сборники религиозных текстов, оставленных христианскими либо исламскими священниками, религии которых они сначала приняли, а затем оставили. Таким образом, о древней истории черкесов можно лишь строить догадки. Исходя из самоназвания черкесов — «адыги», — можно предположить, что они являются тем самым кавказским народом «агеды», о котором упоминал Плиний. По-видимому, в более поздние времена черкесов объединяли с соседними народами под одним именем «аланы»; они были покорены гуннами, а затем хазарами — народом, имевшим татарское происхождение, с которым они объединились под общим названием «кабары».

Император Константин говорит о том, что эти кабары в результате разногласий с другими хазарскими племенами прибегли к оружию, но потерпели поражение. Впоследствии побежденное племя разделилось на две части, одна из которых отступила ближе к соседней Персии, находящейся в то время в руках арабов и занимающей большую часть Иберии. Вероятно, именно это разделение и дало название Большой и Малой Кабарде. Другая же часть отодви-

нулась к венграм (император Константин называл их турками[10]) и основала поселение на границах с территориями херсонитов. Вероятно, именно от них получили свое название река Кабарта и разрушенная крепость Черкес-Керман, находящиеся неподалеку от древнего Херсона. Как заметил М. Пейссонел, в венгерском языке есть несколько черкесских слов. Этим обстоятельством подтверждается то, о чем здесь идет речь, и что действительно соответствует преданиям черкесских князей об их происхождении. Имеется в виду следующее: «Они произошли от некоего князя по имени Кесс, в прошлом жившего в Крыму. У этого князя было два сына: Инал и Чаомбок. У старших сыновей Инала было многочисленное потомство, но в конце прошлого столетия всех членов семьи убили во время всенародного восстания, причиной которого стали их надменность и жестокость. Нынешние князья кубанских черкесов происходит от младших сыновей Инала, а главы трех семей, правящих в Кабарде, являются потомками Чаомбока. Сам князь Кесс и его ближайшие наследники были деспотичны, но увеличение числа последних и, как следствие, ослабление власти привели к той смешанной форме правления, которая существует и в настоящее время».

Если верить данному преданию, которое относится только к княжеским семьям, то оказывается, что князья и их вассалы происходят из разных народов. В самом деле, такой же вывод можно сделать и из того, с каким суеверным почтением к ним относились. Кроме того, то же самое предание о князе Кессе и его сыне Инале можно встретить у киргизских татар, на языке которых слово «кесс» означает «мужчина».

С VIII по XII вв. русские и греческие историки упоминают о черкесах только под именем «казаков»[11]. Осетины, соседствующие с ними, по-прежнему их так называют. Арабы обычно называли их мамлюками[12]. Грузины же называли их черкессианами; возможно, отсюда и заимствовали татары и европейцы название «черкесы» и «черкассы», под которым последние стали общеизвестны. После падения Хазарской империи черкесы попали в подчинение к арабам, в чьих руках находилась Персия, затем — к татарам и, возможно, к грузинам. А к концу XVI века они стали платить дань России. В 1560 году царь Иван Васильевич женился на Марии, дочери черкесского князя Темрюка, отправленной в Москву в качестве залога. Там она приняла греческую религию. Спустя пять лет царь отправил небольшую армию под командованием генерала Дашкова на помощь Темрюку. Но после смерти Ивана Грозного Россия, кажется, забыла об этих небольших отдаленных территориях, находящихся от нее в зависимости, а крымские ханы как наследники Татарской империи заявили о своих правах на эти земли. Им без труда удалось заставить черкесов платить им небольшую дань в качестве вознаграждения за их защиту. Но посланники хана, под видом взимания дани, позволяли себе много большее, нападали на жен и дочерей черкесов и относились к ним как к завоеванной нации. В связи с этим черкесы вынуждены были взять в руки оружие, убили сборщиков дани, а затем разгромили и 30-тысячную армию татар, посланную на них ханом с целью наказать черкесов за их неповиновение. Эти события произошли в начале этого века.

Вышеизложенное описание черкесов, касающееся свободного духа в управлении их страной, характеристики их образа жизни и многих обычаев, присуще в равной мере всем горным народам Кавказа, а может быть и всем нецивилизованным народам на земле. Но, кажется, два обычая можно встретить только здесь. Согласно первому, мужьям под страхом бесчестья запрещается разговаривать со своими женами на глазах у третьих лиц, так что происходит своего рода разделение мужчин и женщин на два отдельных общества. Согласно второму обычаю, всех черкесских мальчиков воспитывают посторонние люди, а не родители, и только девочек воспитывают матери. Трудно даже представить, откуда эти странные правила были заимствованы, но если мы предположим, что они в горах Кавказа существовали еще с самых древних времен, то, возможно, именно эти обычаи легли в основу мифологических описаний амазонок и гаргаренсов, которые, по мнению древних географов, проживали на территории, ныне занимаемой черкесами.[13]

IV. Осы, или осетины

Северная часть данного народа расселилась в районе небольших рек, впадающих в Терек, вплоть до реки Лескен. Южная же часть заняла территории на берегах притоков Куры: Арагви, Ксани, Большой и Малой Лиахви, а также Джеджо, впадающей в реку Кион. К территориям их расселения относятся:

1. Сака, Нар, Санах и Валагир на реке Аредон.
2. Дугор, рядом с одноименной рекой Дугор и рекой Урух.
3. Кеви и Кесури, также известные, как Сони и Мекевани, расположенные вблизи от ручьев, впадающих в реки Кумбелей и Терек.
4. Гелаксан на реке Кумбелей.
5. Куртат, или Куртаули, у истока реки Пог.
6. Гуда, у истока Арагви.
7. Сапершети, между Ксани и Арагви.
8. Ванати, Чамури, Ломиса, у истока Ксани.
9. Тагата, или Тагае-ур, у рек Кизель и Терек.
10. Тирсан, или Трусо, в верхнем течении Терека.
11. Архоти, у реки Кумбелей.
12. Макал, по-осетински Комоити, ниже предыдущей территории по течению Терека.
13. Гнасур, Ткупта, Падшур, Кобаис, Гриа, Чру и Гнуго, вдоль Батара Лиахви.
14. Рука, у истока Диди Лиахви.
15. Джауком, на Паце, впадающей в Диди Лиахви. Это довольно большой и многонаселенный район, где насчитывается более тысячи семей.
16. Урдсвальда, по-грузински Магран Двалети, около Диди Лиахви.
17. Биртаул, у реки с тем же названием, впадающей в Лиахви.
18. Сгобир, Дшиватскур и Джомах, в верховьях Диди Лиахви.
19. Двалети, у Джеджо, впадающего в Рион.

Последний округ находится под властью князя Имеретии, другие — Грузии. Все вышеперечисленные округа разного размера. Одни включают пять сел, другие пятьдесят, причем в каждом из них проживает от 20 до 100 семей.

Черкесы и татары называют осов «куша», что означает «кости». Сами же себя они называют по-разному: иронами, вальпами, гуатанами и геролинами. Гульденштедт считает, что они происходят от узов, или половцев. Их язык в некоторой степени схож с персидским; также можно предположить, что дугорский язык является его диалектом. История осетин абсолютна неизвестна.

V. Кисты[14]

Этот народ расселился на территории наивысших хребтов Кавказских гор вдоль протоков р. Сунджа. На западе их территории граничат с Малой Кабардой, на востоке — с татарами и лезгинами, на юге — с лезгинами и грузинами. Их округа:

1. Ингуши[15], около 60 миль к югу от Моздока, в высокогорьях около р. Кумбелей. Это поселение находилось в подчинении России в 1770 году.
2. Ендери, и 3. Аксай, в предгорьях между реками Сунджа и Аксай. На данной территории находятся горячие природные источники.
4. Ахкингурт, в верховьях рек Сунджа и Кумбелей.
5. Ардахли, у Рошни, притока Сунджи.
6. Вапи, рядом с осетинским селом Чим, у истока Терека.
7. Ангушт, в верховьях реки Кумбелей.
8. Шалха, который русские называют Малый Ангушт. Этот округ и два предыдущих, изначально зависимых от Кабардинских князей, в 1770 стали подвластны России.
9. Чечен, в низовьях реки Аргун. Управляется своими собственными князьями, находящимися в родстве с Авар-ханом. Жители этого округа настолько многочисленны и воинственны, и доставили так много неприятностей русским, что последние называют чеченцами все кистинские народы. Главное селение, Чечен, расположено на реке Аргун, примерно в 15 милях от ее истока. Другие их важнейшие поселения — Хаджи-аул и Янгегент, расположенные на реке Сунджа.
10. Атахи, небольшой округ в верховьях Аргуна.
11. Кулга, или Джанти, в высокогорьях.
12. Галгаи, или Галга, у истока Асая, впадающего в Сунджу.
13. Чабрилло и Шабуль, на реке Сунджа.
14. Чишни-кабуль, на реке Рошни, притоке Сунджи.

15. Карабулак, жителями которого являются кочевники; они основали несколько небольших поселений в верховьях шести притоков Сунджи, наиболее крупное из них расположено у реки Фортан.

16. Меести, Мереджи, Галашка, Дубан — это небольшие племена, живущие на реке Аксай.

Различные племена этого неспокойного народа в основном враждуют друг с другом, а также со всеми соседними народами. Диалект, на котором они говорят, не похож ни на один из известных языков. В настоящее время практически ничего не известно об их истории и происхождении.

VI. Лезгины

Грузины называют страну данного народа и Лезгистаном, и Дагестаном. На юге и востоке она граничит с Персией и Каспийским морем, на юго-западе и на западе — с Грузией, осетинами и кистами, а на севере — с кистами и татарскими племенами. Эта территория поделена на огромное количество округов, в основном независимых и управляемых князьями, которых избирает народ. Гульденштедт обнаружил восемь диалектов в лезгинском языке и на основании своих лингвистических наблюдений объединил племена, соотнеся их язык с территорией проживания.

Первый диалект характерен для пятнадцати племен, к которым относятся:

1. Авар, по-грузински Хунзаг. Правитель этого округа, именуемый Авар-ханом, является самым могущественным князем Лезгистана. Его резиденция находится в Кабуде, что на реке Кезерук. На андийском языке Авар носит название Хайбул.

2. Кезерук, в высоких горах, на притоке Койсу, который называется Карак. Этот округ подчинен хану Кази-Кумыкскому.

3. Идатле, на реке Койсу, рядом с Анди, зависим от Авар-хана.

4. Мукратле, на реке Карак, подчинен Авар-хану.

5. Онсекул, на реке Койсу, подчинен Авар-хану.

6. Карахле, в верховьях Карака, ниже Кезерука, подчинен Авар-хану.

7. Гумбет, на реке Гумбет, впадающей в Койсу, подчинен кумыкскому князю.

8. Аракан и 9. Буртума, у Койсу.

10. Анцуг, на реке Самура; подчинен Грузии.

11. Тебел, на той же реке; независим.

12. Тамурги, или Тумурал, на той же реке.

13. Ахти и 14. Рутул, у Самура.

15. Джар, в долине между реками Алазань и Самур. Прежде данный округ подчинялся Грузии, сегодня же он независим. В этой районе можно увидеть остатки старой стены[16], начинающейся у Дербента и, как рассказывают, заканчивающейся у левого берега Алазани.

На следующем диалекте говорят в двух округах:

1. Дидо, или Дидонли, у истока Самура. Данный округ богат рудниками. Необитаемая горная цепь отделяет его от Кахети.

2. Унзо, у мелких притоков Самура.

Эти два округа, общее население которых составляет примерно тысячу семей, раньше подчинялись Грузии, а теперь независимы.

На третьем лезгинском диалекте говорят в округе Кабуч, который расположен у притоков Самура, к востоку от Дидо и к северу от Кахети.

На четвертом диалекте говорят в округе Анди, что у притоков Койсу. Некоторые из сел, принадлежащих данному округу, подвластны Авар-хану, но большая их часть — аксайскому хану. Весь округ населяет примерно 800 семей.

На пятом диалекте говорят в четырех округах, а именно:

1. Акуша, на Койсу; подчинен усмею[17], или хану Хайтакскому, и Кара-Хайтаксому, включает примерно тысячу семей.

2. Балкар.

3. Кубеша[18], у Койсу.

4. Цудакара, или Цадах, вниз по течению Койсу. Подчинен усмею. Включает около двух тысяч семей.

На шестом диалекте говорят народы, проживающие на восточных склонах Кавказских гор, между Тарку и Дербентом. К их округам относятся:

1. Кайтак.
2. Табасаран, или Кара-кайтак.
Они были подчиняются усмею.

Седьмой диалект относится к языку казикумыков. Они проживают в одноименном округе у притока Койсу, рядом с округом Цудакара.

У этого племени есть свой хан, который властвует и над некоторыми соседними округами.

На восьмом диалекте говорят в округе Курале, принадлежащем хану Кубы.

Помимо племен, проживающих в вышеназванных округах, есть и другие лезгинские племена, о диалекте которых Гульденштедту не удалось получить достаточно сведений. Однако имеющиеся данные позволяют предположить, что язык лезгинов не похож ни на один из известных языков, за исключением языка самоедов[19], с которым у него имеется отдаленное сходство.

Этот народ, вероятно, произошел от племени горцев, известных древним географам под названием лезги или лиги. Неприступность их горной страны, чьи тропы, ущелья и перевалы известны только самим лезгинам, всегда служила им надежной защитой от чужестранцев, но эта же неприступность, должно быть, и привела к разделению их на множество независимых друг от друга племен, различающихся также и диалектами. Довольно трудно представить какую-либо причину, которая объединила бы страну и заставила бы представителей всех ее племен отправиться на покорение дальних земель. Однако история этого народа, если бы о ней и было что-то известно, показалась бы нам, вероятно, довольно неинтересной. Основными видами их деятельности являются разведение крупного рогатого скота и совершение грабительских набегов на более богатые по сравнению с ними соседние страны. Во время беспорядков, происходивших в Персии в начале этого века, лезгины регулярно грабили города Шамачи и Ардебиль и опустошали соседние округа. Сегодняшнее прискорбное состояние Грузии и части Армении также является результатом их частых набегов. Насколько нам известно, характер и одежда лезгинов и в целом их образ жизни очень схожи с черкесскими.

VII. Грузины

Грузия, которую персы называли Гургистаном, а турки Гурджем, располагается на территории древней Иберии, Колхиды и, возможно, части Албании (есть сведения о том, что провинция Кахети на древнегрузинском языке называлась Албон). Жители Грузии — православные христиане, название страны возникло вследствие их поклонения святому Георгию, который считается святым покровителем этих земель.

Грузия разделена на девять провинций: 1. Семо Картвели, или верхний Кардуел; 2. Куэмо Картвели, или нижний Кардуел; 3. Сомгети; 4. Кахети; 5. Чина-картвели, или центральный Кардуел; 6. Имерети; 7. Гурия; 8. Сванети и 9. Мингрели. Первые пять провинций находятся под властью Гераклия, они составляют целостное образование, обыкновенно именуемое царством Грузинским; последние четыре, подвластные Давиду, образуют княжество Имеретия.

Вся эта страна настолько красива, что некоторые путешественники, наделенные богатым воображением, представляли себе, что очутились в месте, подобном райскому саду. Холмы Грузии покрыты лесами, в которых произрастают дубы, ясени, буки, каштаны, орехи и вязы, окруженные зарослями виноградной лозы, которая растет совершенно диким образом и при этом приносит большой урожай винограда. Ежегодно из этого винограда производится столько вина, сколько необходимо запасти до следующего урожая; оставшийся виноград попусту пропадает на лозе. Хлопок растет самостоятельно, так же как и прекраснейшие известные в Европе фруктовые деревья. Рис, пшеница, просо, конопля и лен растут на равнинах практически без вмешательства человека. Долины Грузии предоставляют самые прекрасные в мире пастбища, реки ее изобилуют рыбой, в горах богатые залежи минералов, а климат страны восхитителен; природа щедро одарила эту страну всеми возможными богатствами, способными совершенно осчастливить ее жителей.

С другой стороны, реки Грузии, подпитываемые из горных источников, в течение всего года остаются слишком быстрыми и слишком мелкими, так что они совершенно непригодны для навигации. Выходы к Черному морю, посредством которых можно было бы установить культурные и торговые связи с Европой, до самого последнего времени оставались во владении турок. Развитию же сухопутной торговли препятствуют высокие Кавказские горы; к тому же на этих маршрутах орудуют шайки грабителей, происходящих из местных племен.

Рассказывают, что в 15 веке царь Грузии разделил между пятью своими сыновьями провинции Кардуел и Кахети, Имерети, Мингрелию, Гурию и Абхазию. Эти мелкие князья оказались слишком ревнивыми, чтобы объединиться для общей защиты, а каждый из них в отдельности был слишком слаб, чтобы противостоять внешним врагам; они даже не смогли препятствовать посягательству на власть их вассалов, которые вскоре объявили независимость. Внедрившись в правящие круги Грузии, турки постепенно захватили власть во всех западных провинциях, а персы заняли Кардуел и Кахети. С того времени многочисленные неудачные попытки грузин вернуть себе свободу регулярно приводили страну к опустошению. Говорят, что Аббас Великий за один поход на провинции Кардуел и Кахети увел в плен не менее 80000 семей (число, вероятно, превышающее все фактическое население пострадавших провинций). В начале этого века несчастному народу пришлось ощутить на себе всю жестокость безжалостного Надира, но и это зло было незначительным по сравнению с тем, что порождали междоусобные раздоры князей.

Многочисленные праздные, надменные и свирепые, обладающие неограниченной властью над жизнью и имуществом своих подданных, не имеющие другого занятия, кроме военного и других способов возвеличения, кроме разграбления земель соперников, они постоянно находились в состоянии войны; а так как успех каждого из них был непостоянным, а подданные покоренных князей увозились и продавались туркам или персам, каждый военный поход приводил к уменьшению населения страны. Наконец, возможностью грабежа они привлекали на свою сторону соседствующие племена горцев, и эти опасные союзники, познакомившись со страной и увидев беззащитность ее жителей, довершили опустошение. Небольшое число несчатных людей, полураздетых и полуголодных, доведенных до отчаяния безжалостными поборами, рассеяно по красивейшим провинциям Грузии. Революции в Персии и ослабление турок, в сущности, дали князьям возможность вернуть свою независимость, однако они еще слишком слабы, чтобы эффективно противостоять тирании возвысившихся дворян и облегчить участь крестьянства.

Столица Грузии и одновременно резиденция царя *Гераклия* — Тифлис, который местные жители называют Тбилис-Кабар (теплый город) из-за расположенных неподалеку теплых источников. Старинная надпись на крепостной стене гласит, что город был основан неким царем Леваном в 1063 году. Хотя его окружность не превышает двух английских миль, здесь проживает 20000 человек, более половины из которых армяне; остальные главным образом грузины и некоторое число татар. Здесь действуют 20 армянских церквей, 15 греческих и 3 месхетинских. Ширина улиц редко превышает семь футов, а некоторые настолько узки, что по ним с трудом удается проехать всаднику на лошади; как следствие, улицы очень грязные. Крыши домов плоские, и в хорошую погоду женщины время от времени по ним прогуливаются; дома имеют аккуратный вид, стены в комнатах обшиты деревом, а полы устланы коврами. В Тифлисе есть литейные мастерские, в которых производятся в небольшом количестве пушки, мортиры и ядра, однако они намного хуже турецких. Порох здесь делают, напротив, очень хороший. Тифлисские армяне занимаются теми же ремеслами, что и их соотечественники в Персии, наиболее успешным является изготовление тканей с набивным рисунком. Самая распространенная монета в Грузии — абаз, стоимостью примерно в 15 пенсов, также есть мелкие медные монеты, которые отливают на монетном дворе в Тифлисе. Кроме того, большое количество золотых и серебряных денег ввозится в страну из Персии и Турции в обмен на мед, масло, скот и синий лен.

Число подданных Гераклия оценивается примерно в шестьдесят тысяч семей, что, однако, меньше, чем на самом деле, несмотря на произошедшее опустошение страны. Крестьяне, принадлежащие царице, а также церкви, не платят налоги грузинскому царю и потому не числятся в отчетных книгах чиновников. Подобным же образом не учитываются подданные, подаренные царем своим зятьям и фаоритам. Кроме того, крестьяне платят не подушный, а подомный налог, и жители селений, узнав о приближении сборщиков налога, поспешно сносят мебель из нескольких домов в один, а все остальное разрушают. Впоследствии они с легкостью восстанавливают все уничтоженное. Поэтому вполне вероятно, что население Грузии достигает 350000 душ.

Доход этой страны можно оценить в 150 тысяч рублей, или 26250 фунтов. Он составляется из: 1) таможенных пошлин, 1750 фунтов; 2) ренты, которую плятят арендаторы на монетном дворе в Тифлисе, 1750 фунтов; 3) дани, выплачиваемой ханами Эривана и Ганжи, 7000 фунтов; 4) подомного налога, который платят крестьяне, 15750 фунтов.

Правители Грузии деспотичны, но если бы не помощь русских войск, царь был бы по большей части неспособен добиться приведения своих приказов в исполнение. Наказание за преступление здесь чрезвычайно жестокое; к счастью, увидеть его можно довольно редко, поскольку преступникам не составляет никакой сложности скрыться в одной из соседних стран и поскольку царь скорее может обогатиться, конфисковав имущество беглеца, чем приговорив его к пыткам. Судебные поединки считаются привилегией дворянства; они происходят в том случае, если дело представляется чрезвычайно запутанным, или когда могущество и интересы противников настолько равны, что ни один из них не может склонить суд на свою сторону. Такой способ принятия решения они называют призванием к Божьему суду.

Платье грузин в значительной степени напоминает одежду казаков, однако знатные мужчины часто одеты по образцу персов. Они имеют обычай красить волосы, бороды и ногти в красный цвет. Грузинские женщины окрашивают в тот же цвет свои ладони. На голове они носят шапочку или повязку, из-под которой черные волосы спадают на лоб; чуть ниже они заплетены в несколько кос. Их брови подведены черной краской и таким образом, что они представляют одну сплошную линию, а на лица тщательно нанесены белила и румяна. Платье их до пояса распахивается, так что женщины вынуждены прикрывать грудь руками. Их манеры и поведение невероятно чувственны. Почти все девочки получают образование в монастырях и потому умеют читать и писать, что очень редко можно встретить среди мужчин, даже самого высокого звания. Обручение девочек происходит в самом раннем возрасте, зачастую уже в 3 или 4 года. Знатные женщины, выходя на улицу, всегда прикрывают лицо вуалью, и не принято, чтобы мужчины заговаривали с ними. Также неприличным считается в мужской компании спросить о жене кого-либо из присутствующих. Однако это не древний обычай, а следствие многочисленных насильственных преступлений, совершенных персами под предводительством Шах-Надира.

Путешественики обвиняют грузин в пьянстве, идолопоклонничестве, жестокости, праздности, скупости и трусости — грехах, повсеместно растпространенных среди рабов и тиранов, и ни в коей мере не являющихся характерными исключительно для жителей этой страны. Потомки поселенцев, захваченных Шах-Аббасом и осевших в Перии, что возле Эсфахана, и в Массандре, они — в ответ на смену власти — изменились и в своем характере, и грузинское войско, сформированное в Персии для участия в действиях против афганцев, выгодно отличалось послушанием, дисциплиной и мужеством.

Другие жители Грузии — татары, осы и армяне, по-грузински сомахи. Эти последние расселились по всей Грузии, основывая собственные поселения либо смешиваясь с коренным народом. Между собой они говорят на своем языке, хотя все понимают и могут говорить по-грузински. Религия у части их армянская, у других римская, католическая. Это самый угнетенный народ из всех, населяющих эти земли, но и здесь они проявляют ту инстинктивную деловую смекалку, которой эта нация отличается повсеместно.

Также в Грузии проживает значительное число евреев, называемых здесь уриа[20]. Они частью живут в отдельных селах, частью смешаны с остальным населением — грузинами, армянами и татарами, но никогда не живут рядом с осами. Они платят несколько больший налог по сравнению с коренным населением.

Гульденштедт получил позволение скопировать отрывки из рукописной хроники на грузинском языке, составленной по приказу Вахтанга, последнего царя Грузии, и хранившейся в архивах монастыря Гелати, близ Кутаиса, и Зшета, близ Тифлиса. Это удивительное повествование о том, что «в году 1792 от начала мира в крепости на горе Арарат жил мужчина по имени Таргамос. Он прожил шестьсот лет, и было у него восемь сыновей: 1) Аос, от которого произошли армяне, 2) Картелос, от которого произошли картвельты (грузины), 3) Байдос, предок народа рaанта (Ширван), 4) Моакан, от которого произошли мокавнельты (жители Эривана), 5) Лекас — предок лектов (лесгины), 6) Эрос — отец мегрелов (мингрелов), 7) Кавкас — предок кавказиантов (кавказцы), и 8) Эгрос — отец Имеретии и Кахетии.

Самым известным из сыновей был Картелос, у которого было четверо сыновей, все они стали мепе — полновластными правителями: 1) Обшерокос, в чьих владениях находилась страна Тхасискари, простиравшаяся до самого Черного моря (Имеретия и Мингрелия), 2) Джавахос, который правил страной Парванидхон, в районе реки Мткуари (Кур); предположительно, это был район Трианети, 3) Уплос был царем страны, простирающейся от реки Арагви и до региона Тасискари (в настоящее время провинция Кардуел) и 4) Чарсарти, который владел землями от Дербента до Арагви.

Александр Македонаели (Македонский) пришел из Стиолетти (то есть с севера) в Картвели. В то время беззаконие достигло своего апогея: мужчины допускали кровосмешение со своими сестрами, и даже скотоложество. Александр завоевал здесь города Одсрекал, Тшарочи, Уплизиче, великий город, Саркин, Самшилд, Зшета, Урбниси, Зичедиди, Аспаулани, населенный евреями, Рустави, Далдозиче, Бткурезиче и все города Кахети. Во всех этих городах Александр расположил военные гарнизоны и провозгласил себя правителем в городе Зшета, откуда двинулся на Настакиси, что на реке Ксани. В Саркинетти все жители старше пятнадцати лет были казнены.

Начиная с основания Рима, что произошло через 3233 года после появления Адама, и до времени Мериана в Грузии правили 22 мепе, или суверенные валдыки, чьи имена упоминаются в хронике; во времена правления Мариана в 338 году н.э. святая Нино вместе со своей сестрой святой Сидонией и святым Абрата прибыли в Грузию и проповедовали здесь христианскую веру». — После этого следует длинный список правителей Грузии, вплоть до наших дней, но приведенный выше отрывок кажется вполне достаточным, чтобы удовлетворить любопытство читателя.

Столицей Имерети и резиденцией царя Давида является Кутаис. Остатки собора свидетельствуют о том, что когда-то это был могущественный город, но сейчас его едва ли можно назвать даже деревней. Соломон, отец теперешнего царя, отдал весьма мудрый приказ разрушить крепостные стены и саму цитадель, рассудив, что лишь сами кавказские скалы и горы представляют собой укрепления, которые способно защитить необученное войско из 6 тысяч человек без поддержки артиллерии.

Жители Имеретии, число которых оценивается в 20000 семей, не концентрируются в крупных городах и селах, а живут в маленьких деревушках, разбросанных по стране. Они в меньшей степени смешиваются с другими народами и внешне красивее, чем остальное население Грузии. Они также отличаются большей отвагой и трудолюбием: ежегодно они отправляют большие партии вина в соседние районы Грузии в кожаных мешках, которые перевозят на лошадях; однако у них совершенно не развито производство, живут они в большой бедности и постоянно страдают от жестоких притеснений со стороны землевладельцев.

Основной доход Имеретии, как и Грузии, составляют налоги на вино, зерно и скот, выплачиваемые крестьянами, а также дань, которую платят соседние князья. Из необычных источников прибыли конфискация имущества составляет значительную долю, и именно этот способ весьма важен для поддержания благосостояния князя: он часто гостит то в одном, то в другом доме, живет за счет подданных и не переезжает в следующий дом, пока в этом остается что-либо съестное. Совершенно ясно, что двор правителя Имеретии не отличается пышностью, а стол князя изысканностью. Его обычной пищей является гом (вязкая каша, сваренная из молотого проса), кусок жареного мяса и прессованная икра. Он ест руками, поскольку ножи и вилки не известны в Имеретии. За столом он зачастую разбирает тяжбы, полагаясь лишь на свое собственное мнение: в его владениях нет другого закона, кроме его собственной воли.[21] Новые указы князя возвещают народу по пятницам: пятница здесь является рыночным днем. Глашатай забирается на дерево и сообщает о новых решениях князя.

Жители Имеретии исповедуют православие. Их Католикос, или верховный патриарх, принадлежит к правящей династии. В большинстве своем верховные патриархи не умеют ни читать, ни писать, впрочем, как и остальное духовенство. Их храмы являют собой весьма жалкие постройки, едва отличимые от обычных домов, и их можно распознать лишь по бумажному кресту над главным входом и нескольким изображениям Девы Марии и святых.

Дадиан, князь Мингрелии и Гурии, хотя и является владыкой страны более обширной, чем Имеретия, подчиняется царю Давиду, который вследствие этого оказывается весьма грозным соседом для турецкой провинции Ахалцихе. Однако он весьма ограничен в своих действиях из-за неповиновения многочисленных мелких князей, которые обладают правом распоряжаться жизнью и смертью своих подданных.

Образцы кавказских языков

Абхазский язык

	Алтикесекский диалект	Кубанский диалект
Бог	Antsha	Antsha
Отец	Oorak	Yaba
Мать	Anshohk	Yan
Сын	Spau	Ippa
Дочь	Efa	Efa
Брат	Ashey	Chee
Сестра	Ahkshey	Khsha
Муж	Skodza	Lkhadza
Жена	Stevsva	Pkhoos
Девочка	Hysba	Pkhoospa
Мальчик	Spau	Arps
Ребенок	Sitskhoon	Tshkoo-oon
Человек	Goo	Agoo
Народ	Keet	Keet
Голова	Yekka	Aka
Лицо	Eetsuymuyce	Etsuymuyce
Нос	Pintsa	Pintsa
Глаз	La	Oolla
Ухо	Loomba	Limha
Лоб	Kapehk	Oolla
Волосы	Leebray	Ijakay
Рот	Eetcha	Etcha
Зубы	Peets	Peets
Язык	Eeps	Ibs
Борода	Jaikay	Ijakay
Шея	Yookda	Akda
Плечо	Eeshghvaka	Eeshghva
Рука	Innappay	Impay
Пальцы	Matsha	Mashkhaba
Ногти	Napkhay	Mamkhimnsa
Нога	Jappay	Shappay
Колено	Jamkhadedeerka	Keeka
Кожа	Eetsha	Itshayish
Плоть	Jee	Jee
Кость	Bogo	Chont
Кровь	Sha	Sha
Сердце	Goo	Goo
Молоко	Khshay	Khsay
Сон	Chkha	Deetcha
Любовь	Bjeddelgooee	
Боль	Eesashkee	Asgheehkvee
Жизнь	Eehkee	Debgaoo
Смерть	Deeshee	Deeshta
Холод	Tkhta	Ehkta
Солнце	Marah	Marah
Луна	Muys, Mazia	Mezzeh
Звезда	Aets, Bagooa	Yass
Дождь	Okvee	Kooah
Молния	Attsey	Eematsoozvaee

	Алтикесекский диалект	Кубанский диалект
Снег	Zeh	Zeh
Лед	Ttsasheh	Ttsash
День	Meestcheh	Meesh
Ночь	Bakah, Bakla	Bak
Вечер	Koolpezy	
Лето	Pkhneh	Apkh
Весна	Hapneh	Apna
Осень	Bjayga	Atsneh
Зима	Gheen	Gheen
Год	Sheekoo, Skooskeek	Skzeek
Земля	Atoola, Ttsoola	Toola
Вода	Dzeh, Seerreh	Agoo
Река	Zeddoo	Dzeddoo
Песок	Pshahka	Pshahka
Глина	Khantsy	Noosh
Гора	Booko, Doo	Boohk
Огонь	Mtseh, Meetsa	Meetsa
Жар, тепло	Pkha	Pkhaoo
Камень	Hak	Haook
Золото	Pkheh	Pkhee
Серебро	Reesna	Reesna
Соль	Jeeka	Jeeka
Трава	Ttsooa	Psha
Дерево	Ttslah	Ttslah

Язык черкесов Кабарды

Бог	Tka, T-ha
Небо	Voo-afay
Отец	Yada
Мать	Yana, Sana
Сын	Ko, Kookva
Дочь	Pkhoo
Брат	Stchay, Stchee
Сестра	Cheepkhoo, Choopkh
Муж	Tlay, Tlyee
Жена	Fees, Eefyiz
Девочка	Hazebs, Pkhegebs
Мальчик	Shaya, Chvalay
Ребенок	Zshadla, Goo
Человек	Tsoog
Народ	Jeelay, Kookhshel, Tsoogkher
Голова	Tsh-ha
Лицо	Nap, Napa
Нос	Pay, Pa, Ja
Ноздря	Pahk, P-ha
Глаз	Nay, Nejay
Брови	Nabtsa
Ресницы	Nekkepkh, Nejgoots
Ухо	T-hakooma
Лоб	Nasha
Волосы	Sh-hats, Tshkhaats

Щеки	Takiaja, Takiaghay
Рот	Jay, Dja
Горло	Tamak
Зубы	Dzay, Dza
Язык	Bzaygoo, Bzek
Борода	Jakay
Шея	Рshay
Плечо	Damasha
Локоть	Zuytkha, Afarakka
Рука	Ah
Пальцы	Abkhuombay
Ногти	Abjana
Живот	Nuyba, Negbay
Спина	Cheefay, Chib
Нога	T-h-le, Skhlako
Колено	T-h-lagajay, Tlagoja, Tlegvadjay
Кожа	Fa,
Плоть	Lay, L-lay
Кость	Koobj-ha
Кровь	T-hlay, Lay
Сердце	Goo
Молоко	Shay, Shchay
Слух	Zekhekheen
Зрение	Lagoon, Sosliaoo
Вкус	Afaoofa, Aiapf
Обоняние	Immerpchansh, Sso-oo
Осязание	Teyabomupchitch, Sloteray
Голос	Mak
Имя	Eetsa
Плач	Gooamak, mak
Шум	Рsmak, Kooa
Крик	Khadaga, Рahka
Слово	Jeezo-eo, Jjeepanner
Сон	Jeay, Gheay, Jeateoo
Любовь	Chassa, Aitluiagoo
Боль	Ooz, Maooz
Тяжелый труд	Kooghyakhan, Gooch
Работа	Loja, Ohkwichen
Сила	Gocha, Gvadj
Могущество	Dzlek, Gooacha
Власть	Рsheego, Khveet
Брак	Neekahk, Gooshaa
Жизнь	Рso-oogo
Рост	Khekhon, Dshekhon
Дух	Bahkkha, Рooss
Смерть	Khkhada, Tlen
Холод	Shahay, Chyah
Круг	Koorahay
Шар	Tope, Khorlay
Солнце	Digga, Dweega, Ddaga
Луна	Maza, Mazay
Звезда	Bago, Bagwo, Yachah
Луч	Nehk, Deegapaayez
Ветер	Gjee
Ураган	Jeebzag, Wojuykooee
Гроза	Joobahay
Дождь	Ooashkh, Ooehksh, Bohejkh

Град	Ooafa, Bwoohof
Молния	Khobskay, Kopk
Снег	Wass, Wess, Bwooefs
Лед	Mwil, Mel, Meel
День	Atchnoo, Mahko, Makhooa
Ночь	Jet, Gjegsh
Утро	Nakhoosh, Ρshadeechas
Вечер	Ρsheghashga, Ρshabbay
Лето	Gamakva, Gammakho, Eetlesskol
Весна	Gatkh
Осень	Zeenay
Зима	Jeemakva
Год	Eetlias
Время	Yoogoh, Ρaasley
Земля	Ch, Chwee
Вода	Sirray
Море	Khaoo
Река	Ρsookho, Ρsooshkvo
Волны	Ρewer, Toolkoon
Песок	Ρshahko, Ρshahkooa, Ρshahkaoo
Глина	Yatta
Пыль	Sava, Sappa
Грязь	Yatta
Гора	Kooshkha, Bghee
Берег	Oofa, Nuyghay
Холм	Ashkha, Tloolghay
Долина	Tchlashka, Kooa
Воздух	Obshook
Пар	Antkhoplshkashoo, Bakha
Огонь	Maffa, Maafa
Жар, тепло	Jegoopl, Khoolba, Khvaba
Глубина	Koo, Eekooag
Высота	Khlaghy, Aootlejag
Ширина	Boohk, Eeboogag
Длина	Kehkag, Eekehkahk
Отверстие	Gooana, Wana
Яма	Masha, Mashay
Канава, ров	Cheetoga, Tuycha
Камень	Muyvoa, Muyvwy
Золото	Duyshay, Deeshah
Серебро	Djeen, Duyjeen
Соль	Shoog, Shoogoog, Choog
Чудо	Chagho
Лес	Mez, Miez
Трава	Oots, Oods
Дерево	Jeeg, Ρkha
Ствол	Bjohk, Ρjohg
Листва	Oots, Shkhondahcha

Осетинский язык

	Диалект осов	Дигорский диалект
Бог	Tsa-oo	Khoo-tsa-oo
Небо	Arv	Arv
Отец	Feed	Feeday

	Диалект осов	Дигорский диалект
Мать	Emmad, Mad	Madai
Сын	Feert, Lapoo	Foort
Дочь	Kysgui	Kysgui
Брат	Arvadey, Ervod	Arvod
Сестра	Kho, Ekhoo	Khorra
Муж	Moee, Emmoee	Moeenay
Жена	Oos	Oassa
Девочка	Kysgay, Ekhootak	Kysgay
Мальчик	Lapoo	Lokkon
Ребенок	Sevellom, Lapoo	Bidjiaoo
Человек	Leg, Lahk	Leg
Народ	Adamta	Adamta
Голова	Zer, Essar	Zer
Лицо	Etchaskom, Tseskom	Etchaskom
Нос	Findj, Fens	Finds
Ноздря	Thinzakhonkhetty	Efinjykhoonk
Глаз	Tsvettay, Chest, Chasht	Tsestay
Брови	Tsestaythaltay, Erfeet	Erfeet
Ресницы	Khaltay, Erkta	
Ухо	Khoos, Oos, Koos	Gos
Лоб	Yennihk, Nihk, Ennahk	Ternihk
Волосы	Dzeekoo, Zibkoo, Essarkhoon	Djeckko
Щеки	Roostay, Evadoohkta	Roostay
Рот	Tsoog, Zuyhk, Tshuyhk	Tsoog
Горло	Cure	Ekkoor
Зубы	Dandak	Dendak
Язык	Afzagkay, Vzag, Abzag	Afzaghay
Борода	Reehky, Botsoo, Bodjo	Rehkay
Шея	Aftseg, Efchak	Aftseg
Плечо	Tsong, Evchak	Tsong
Локоть	Rambwin, Orak	
Рука	Kohk, Koohk	Koohk
Пальцы	Koohkalhk, Koohktay, Nahkta	Angoolsay
Ногти	Naehk, Nihktay, Yalg	Naehk
Живот	Goobynn	
Спина	Fessontay, Eskaldan	
Нога	Kahk	Kahk
Колено	Oorag, Orak	Waragay
Кожа	Tsarn, Srak, Cardj	Tsarn
Плоть	Fid, Thid	Fid
Кость	Asteg, Eestahk	Asteg
Кровь	Artendy, Toog	Too-oog
Сердце	Zarda	Serd, Serdey
Молоко	Ahksuyr, Ihksuyr	Ahksheer
Слух	Koosen, Fekkoosta	
Зрение	Tsyunen, Ooney	
Вкус	Adgheen	
Обоняние, осязание	Anbaren, Archagsta	
Голос	Kalas, Djeerd	
Имя	Nom	
Плач	Ekkar, Keery	
Шум	Calebah	

	Диалект осов	Дигорский диалект
Крик	Kaoon	
Слово	Djeerd, Zuyrd	
Сон	Khoozeg, Khoos	Khoossek
Любовь	Warayen, Barjey	
Боль	Ruynkeen, Reece	Roon
Тяжелый труд	Keyamat, Narv	
Работа	Kioost, Koottak	
Сила	Tuyhk, Ezeer	
Могущество	Tkheen, Teekkeen	
Власть	Ebboon, Khorsag	
Брак	Keenzavseg, Keengiakzav	
Жизнь	Tsernebon, Gas	Tserroon
Рост	Rez, Sevsardee	
Дух	Smag, Shmak	
Смерть	Malat, Mard	Molluyn, Mard
Холод	Bazal, Eehkan	Ekhon
Круг	Khahk, Tymbull	
Шар	Tuynbuyn	
Солнце	Khoor	Khor
Луна	Meyee, Ma-yee	Ma-yeh
Звезда	Stalat, Stella, Stalch	Stalooteh
Луч	Khooreten, Khoort	
Ветер	Duymee, Bahad	
Ураган	Duymghy, Teembal	
Ураган	Abzyoorybwoonty, Bodkanny	
Дождь	Bar, Wahran	Kabda
Град	Eehk	
Молния	Bacheelaekar, Perfta, Arbateef	Artey
Снег	Meed	Meddy
Лед	Eehk, Yeehk	Yehk
День	Bon	Bon
Ночь	Ahksaf, Ahksev	Ahksava
Утро	Raheeso, Raheesoon	
Вечер	Eezar, Zer, Zar	
Лето	Serd, Fassek	Sardey
Весна	Walzak	Waldzak
Осень	Aragfassek	Ragfassek
Зима	Zoomok	Zoomak
Год	Afadjoo, Az, Ans, Yafadsh	Ans
Время	Ragooo	
Земля	Zahk, Cheegheet	Cheegheet
Вода	Don	Don
Море	Foord	
Река	Don	Don
Волны	Farsalak	
Песок	Amees	Ajmiessa
Глина	Keer, Cheef	Cheegheet
Пыль	Ruyk, Ruyg	
Грязь	Tsuyf, Cheef	
Гора	Khohk	Khong
Берег	Buyl, Donabuyl	

	Диалект осов	Дигорский диалект
Холм	Tuypuyr, Arak	
Долина	Thetten-bestey, Ardoos	
Воздух	Roohks	
Пар	Tef, Tabd	
Огонь	Art, Zuyng	Djeeng
Жар, тепло	Tsahkar, Sinkytapar	Antef
Глубина	Arf	
Высота	Ooleyaoo, Arzond	
Ширина	Theten, Korg	
Длина	Darhk	
Отверстие	Khonka, Khoonk	
Яма	Oovaruym, Djeek	
Канава, ров	Ooverm, Darkhahkt	
Камень	Door	Attoor, Dor
Золото	Suyzgary, Soohkzerreen	Zoohkzareeny
Серебро	Abzyss, Abzyst	Agooyesta, Ajoshesta
Соль	Sahk, Chahk	Tsankheh
Чудо	Deesag	
Лес	Kad	
Трава	Kuyrdey, Khos	Khoassa
Дерево	Ballas, Pallas, Soog	Balahassey, Jog
Ствол	Meehk, Seertmeehk	
Листва	Tsahk, Kardakhos	

Язык кистов

	Чеченский диалект	Ингушский диалект
Бог	D-yaly	D-yala
Небо	Stuygley	Seeghelich
Отец	Da	Da
Мать	Naana	Nana
Сын	Ya	Ya
Дочь	Yohay	Yoogheek
Брат	Vashay, Vooasha	Vasha
Сестра	Eshau, Ghesha	Esha
Муж	Maar, Kuanahk	Maar
Жена	Eestyoo, Sknellyn	Zyelk, Syee
Девочка	Yohay, Yoau	Yoogheek
Мальчик	Bayar	Bayiree
Ребенок	Beeyer, Bayar	Beeyer
Человек	Steg	Stag, Sek
Народ	Naahk, Dookanahk	Naahk
Голова	Korto, Kartay	Kortay, Kwartay
Лицо	Yookhay, Yohk	Yoohkmerinn
Нос	Maray	Meerha, Merj
Ноздря	Maray-oorgesh	Mertchoorgeesh
Глаз	Baireek, Bareek	Berg, Pairg
Брови	Satsgamesh	Teggeelam
Ресницы	Barghen-neegheen	Bergentchooish
Ухо	Lerrik	Lerk
Лоб	Hajay, Khiaeezay	Hajay, Kheejay
Волосы	Kajoresh, Chooa	Beshkennish, Koodj

	Чеченский диалект	Ингушский диалект
Щеки	Besny	Beckelnghill
Рот	Daghay, Baghay	Yeest, Bagga
Горло	Lyak	Kyarmuyky
Зубы	Tserghysh, Tserresh	Tserghyt
Язык	Mot, Moot	Mottay
Борода	Maj, Miaj, Miav	Mekkash, Chingh
Шея	Bartaday, Yany	Faart, Ferto
Плечо	Pkhanaret	Bailam
Локоть	Gwaala	Gwalla
Рука	Kooyk, Kooky	Koolg, Koolkoo
Пальцы	Paleek, Telgesh	Palk, Pelgeesh
Ногти	Maray, Maagaren	Maray, Merghin
Живот	Gahay	Gueeky, Bueeky
Спина	Bookg	Booko
Нога	Kohk, Kok	Kog
Колено	Gooala	Gooa, Varoo
Кожа	Kaka, Tshkoora	Kaka, Tsooalka
Плоть	Gheeshik, Beeleekly	Deehlk
Кость	Daahkket, Deeyahk	Tehkk
Кровь	T-tsee, Tsee	T-tsee
Сердце	Dook	Dog
Молоко	Shyrrey, Shoorey	Shyrrey, Shooro
Слух	Khazar	Kheddees
Зрение	Deher	Goossuan
Вкус	Leeair	Merseenday
Обоняние	Kh-haajoo	Merdj
Осязание	Laatser	Kuydeedeas
Голос	Eesh	Tsaga
Имя	Deen	Tsey
Плач	Anekken	Garee
Шум	Sellay	Gargahts-tsoo
Крик	Bonkheelen	Belkkery, Deermas
Слово	Doosh	Dooesh
Сон	Gan	Naap, Bajee
Любовь	Veeezay, Kooezay	Bedzetsuan
Боль	Oon	Mogats, Mogots
Тяжелый труд	Doo-ookher	Kadakhoonzoo
Работа	Boolhk	Booelhk
Сила	Neetskey	Neets
Могущество	Dookatsaagoon	Nad, Nats
Власть	Makokheelar	Seenatsa
Брак	Makhar-beeliar	Nooskoldarembaso
Жизнь	Kkhan	Dentsek, Betaloveh
Рост	Lakadaalar, Lakeedaar	Kh-khah
Дух	Eseh, Ssay	Eh
Смерть	Balar	Belleen, Layghee
Холод	Sheeyeleen	Sheely, Shel
Круг	Gooe	Goohoo
Шар	Goorghendeh	Goo-orghee
Солнце	Malyk	Malyk
Луна	Boosh	Bute, Booto
Звезда	Syed, Seeyeddeh	Zetta, Zuta
Луч	Tkhahk	Merkhendenerj
Ветер	Mohk	Moohk
Ураган	Yahatchoony	Foo-o

	Чеченский диалект	Ингушский диалект
Гроза	Oureshtekeen	Eeatcheegheh
Дождь	Dogoo, Dougoo, Dagoo	Dohoh
Град	Kwaroo	Shwysheeheh
Молния	Steeglyaikey, Noorystegan	Tazehgo, Dekooka
Снег	Looa	La, Loho
Лед	Kheelen	Sha, Shebelek
День	Deeyeeny, Deeyenehk	Den, Deh
Ночь	Boossoo	Boozee, Buyta, Booeessay
Утро	Yarroo, Oorioo	Soorey
Вечер	Sarrahk, Sarehk	Seyeery
Лето	Bastee	Bastee, Shu
Весна		Goora
Осень		Ahkk
Зима		Aee
Год	Shooa	Tsashoo, Tiashwoh
Время	Laan	Tagandehkeendeday
Земля	Lettehk, Latta	Liate, Lette
Вода	Khee	Khiee
Море	Khort	Foort
Река	Malar	Dokankhee, Khiee
Волны	Toolgoonet	Khieestedete
Песок	Goom	Tesh, Goom
Глина	Khat	Tapoor, Ker
Пыль	Chen	Doma
Грязь	Keeleeyet	Khottey
Гора	Lam	Lamartch, Beerd
Берег	Eeyet	Shoo-oo
Холм	Eerakhooa	Bartsay
Долина	Bieeroo	Khozleroo
Воздух	Lekkeeyeh	Mogoshyee
Пар	Koor	Egog
Огонь	Tseeyeh	T-tseh, Tsuy
Жар, тепло	Yahookhen	Taoo, Yawehkey
Глубина	Kargoon	Kargo
Высота	Tkyeehk	Liakkay-khallay
Ширина	Latteh	Shoogra
Длина	Dehehken	Deahkay
Отверстие	Ooreek	Yoorka
Яма	Tkhag	Lerma
Канава, ров	Ahk-ker	Booroog
Камень	Toolak	Kera
Золото	Betyee	Detaoo, Dehtoo
Серебро	Detee	Detaoo, Detoo
Соль	Tookhee	Toohk
Чудо	Tamatabar	Tameeuyt
Лес	Khioon	Khioon
Трава	Boots	Boots, Yol
Дерево	Khen	Kheh, Datcheek
Ствол	Khaakoo	Doohkk
Листва	Sengheleen	Seniee

Лезгинский язык

Диалекты Антшуг		Дшар	Хунзаг	Дидо
Бог	Bedshet	Bedshet	Bedjet	Bedshet
Небо	Zob	Zob	Zob	Zoub
Отец	Dayday	Dayday	Daddy	Obeeo
Мать	Ebbel, Evel	Evel	Ebbel	Enneeyoo
Сын	Timmeer	Khimmeer	Timmeer	Takvee-oos-hee, Ooshee
Дочь	Yaz	Yaz	Yaz	Kid
Брат	Yats	Yats	Vaas	Gloochesseeo
Сестра	Heeats	Heeats	Yas	Akkiyessio
Муж	Bikhintchy	Jennelaoochee	Bikkhichy	Tkeddioo
Жена	Choojo	Jennelaoochaba	Choojoo	Dya, Broo
Девочка	Yassy	Yassy	Yassy	Kidd
Мальчик	Ooassa	Ooassa	Vaas	Ooshy
Ребенок	Teemeer	Khimmeer	Timmeer	Takveeooshee
Человек	Bahartsh	Bahartshy	Bahartshy	Checkvy
Народ	Emmeraoodjy	Jammahad	Osh, Adamal	Osh, Adam
Голова	Betterr	Bekkerr	Betterr	Tkeen
Лицо	Berkbal	Berkbal	Berkbal	
Нос	Khoomoohg	Mooshoosh	Khomak	Malee
Ноздря		Kallee		
Глаз	Beayerr	Beayerr, Bear	Beayerr	Oziоorabbee
Брови	Kroontsrool	Kroontsrool		
Ресницы	Berzoolas	Berzoolas	Berzoolas	
Ухо	Inn	Ayinn	Aenn	Ahayaby
Лоб	Nodoh	Noodoh	Nodo	Tlokva
Волосы	Zab	Ras	Zab	Kody
Щеки	Khoomeer	Khoomeer	Khoomeer	
Рот	Kaal, Kyal	Kaal	Kaal	Hakoo
Горло	Seckair	Seckair	Sekkair	
Зубы	Zeeby	Zeeby	Tsaby, Tsavy	Keetsoo
Язык	Ma-ots	Ma-ots	Ma-ots	Mets
Борода	Ma-ej	Ma-ej	Ma-ej	Meshholga
Шея	Gooboor	Gaboor	Gaboor	Mitsh
Плечо	Boohoon	Getsh	Gesh	Hero
Локоть	Kayshay		Kayshay	
Рука	Kooer, Kver	Kver	Kver	Retla
Пальцы	Nats	Gheeleesh	Gheeleesh, Keeshal	Basheebee
Ногти	Maat	Maahk	Matl	Motlooghy
Живот	Chehk	Chehk	Chehk	
Спина	Moohk	Moohk	Moohk	
Нога	Pog	Pog	Pog	Roree
Колено	Nakoo	Googa	Nakoo	Eknokoo
Кожа	Khegg	Kegg	Tsoko	Beek
Плоть	Han	Han	Han	Retl
Кость	Ratla	Recka	Radla	Tloosa
Кровь	Bee	Bee	Bee	A
Сердце	Rak	Rak	Rak	Roko
Молоко	Rahk	Rahk	Rahk	Ghay
Слух		Riabla		
Зрение		Beekhoola		
Вкус		Konahla		
Обоняние		Miahkcholla		

Диалекты Антшуг		Дшар	Хунзаг	Дидо
Осязание		Kheella		
Голос		Kharatl		
Имя		Tsarsheep		
Плач		Kharatell		
Шум		Debl		
Крик		Eddoola		
Слово		Rayee		
Сон	Matlee	Matlo	Matlo	
Любовь		Otlooloh		
Боль		Oontee		
Тяжелый труд		Zahkmat		
Работа		Khialtee		
Сила		Koobat		
Могущество		Bojee-booghy		
Власть		Seev-khaldee-doohk-ooghoo		
Брак		Makkiareeton		
Жизнь		Khleekhoog-heesh		
Рост		Kliuana		
Смерть		Khana		Haratch
Холод	Rohee	Khooatchala	Rohee	Rohee
Круг		Akeever		
Шар		Goorgheenaoo		
Солнце	Baak	Baak	Baak	Book
Луна	Mo-ots, Motsh	Mo-ots	Mo-ots	Bootsee
Звезда	Tsoah	Tsavee	Tsoah	Tsah
Луч		Bab, Bakoon		
Ветер		Khooree		
Ураган		Khiooree		
Гроза		Zob-abargoon		
Дождь	Tsad	Tsaat	Tsad	Kemma
Град		Goro		
Молния	Рree	Рree, Рeerree	Рeer	Maktl
Снег	Azoo	Azo	Arzoo	Eessee
Лед	Riee	Tsooer, Tser	Tsooer	Berroo
День	Ko	Ko	Djaka	Djekkool
Ночь	Zoordo	Khassey	Zoordo	Cheedod
Утро		Radaleesa		
Вечер		Bakkareeta		
Лето	Reyee	Reedal, Yooermy	Reedal	Semmeetl
Весна	Eehktee	Eehktee	Okhossa	Atohk
Осень	Khazeel	Khazeel	Khazab	Imkho
Зима	Tyilleen	Tyilleen	Khazel	Etlermo
Год	Zozo	Zozo	Taggett	Tlebby
Время		Reehkboochoo		
Земля	Ratl	Riatl	Ratl	Cheddo
Вода	Gtleem	Khleem	Gtleem	Gtlee
Море		Rahkiad		
Река	Or	Or, Khir	Khor	Eggoo
Волны		Bagaroola		
Песок		Khoom		
Глина	Chabbar	Khiash, Chabbar	Chabbar	Cheddo

Диалекты Антшуг		Дшар	Хунзаг	Дидо
Пыль		Khioor		
Грязь		Khiash		
Гора	Mayerr	Mayerr	Tlooroo	Tillad
Берег		Rayall		
Холм		Mayerr		
Долина		Kauley		
Воздух		Koo-o		
Пар		Kooee		
Огонь	Tsah	Tsyah	Tsah	Tsee
Жар, тепло	Khentee	Kheenkhloo	Khentee	Khentee
Глубина			Gvoarreeda	
Высота			Reechadaa	
Ширина			Evva	
Длина			Khalagvada	
Отверстие			Karat	
Яма			Bakka	
Канава, ров			Tattaool	
Камень	Teb	Khetsoh	Eetso	Gool
Золото	Mezet	Mezed	Mezet	Ookroo
Серебро	Arats	Arats	Arats	Meetskheer
Соль	Tsam	Tsam	Tsyan	Tseeyo
Чудо			Tamata	
Лес			Tsool	
Трава			Tkherr	
Дерево			Tsogooet	
Ствол			Kazeek	
Листва			Yoorcheena-boogoo	

Грузинский язык

	Диалект Кардуела	Имеретии	Сванетии
Бог	Gmerty	Horomti	Gherbet
Небо	Tsah	Tsash	Tsah
Отец	Mamma	Mooma	Moo
Мать	Dedda	Deeda	Dee
Сын	Shyilly	Skooa	Yezag
Дочь	Kaly	Ozoory	Zoonak
Брат	Tsmah	Djeema	Moohkbay
Сестра	Da	Datchkym	Datchoor
Муж	Kmary	Komodjy	Chash
Жена	Tsoly	Cheely	Aikhoo
Девочка	Kally	Ozoory	Soorag
Мальчик	Bidjaoo	Bidjaoo	Tshkynta
Ребенок	Kmatsvilly, Tsvilly, Krmah	Boshy	Bobsh
Человек	Kadtsy	Kodshy	Maray
Народ	Khalkhee, Erny, Catsuy	Margalee	Khvaee-maray
Голова	Tavee, Kavee	Doodee	Tkhoom
Лицо	Peerassa, Sakhay, Peeris-sakhay	Peejeeshee	

	Диалект Кардуела	Имеретии	Сванетии
Нос	Tskhveery	Tchkhin-dee	Yepkhna
Ноздря	Nesto, Nestvy		
Глаз	Twaly, Tvaly	Toly	Tay
Бровь	Tsarby		
Ресницы	Khaltay, Erkta		
Ухо	Koory	Oodjy	Shdeem
Лоб	Shoobly	Kooa	Neekba
Волосы	Tma	Toma	Patoo
Щеки	Loka, Koba		
Рот	Peeree	Pidjee	Peel
Горло	Kharkhanto, Tkelly		
Зубы	Kbeely, Gbeely	Keebeery	Shdik
Язык	Aina	Neena	Nin
Борода	Tswerry, Tsverry	Preemooly	Waray
Шея	Kisserry, Kaily	Kisserry	Kinshkh
Плечо	Pkary, Mkhary	Khoodjy	Mekher
Локоть	Dakvy, Tskrtah		
Рука	Kehelly, Khelly	Kheh	Shee
Пальцы	Teetee, Teetebbee, Titnee	Keetee	Pkhooyay
Ногти	Fchinly, Pehkhelly, Prchkheelebby	Byrtekha	Tskhah
Живот	Mootselly		
Спина	Zoorghy		
Нога	Fayghee, Paykhee, Pekky	Koochkhy	Cheeshkh
Колено	Mookly, Moohkly	Boorgooly	Gweyee
Кожа	Tkhavee	Tkhebby	Kan
Плоть	Khortsy, Kartsy	Khortsy	Yekhoo
Кость	Tswally, Tszvally	Tswally	Tjeego
Кровь	Seeskhly	Seeskhelly	Yemmesk
Сердце	Goolee	Gooree	Goo
Молоко	Rtseh, Rdzay	Bjah	Eerdjeh
Слух	Gogonebba, Sasmenelee		
Зрение	Kebvelaba, Kedva		
Вкус	Ghemovneba, Ghemo		
Обоняние	Knossa, Knoseba		
Осязание	Shehkeba, Gankheelba, Goorzeenova		
Голос	Khmah		
Имя	Sakhely		
Плач	Kveereety, Dsahkely		
Шум	Kakanee, Grgveenba, Tchkoobee		
Крик	Teereleegodeva, Tkebba		
Слово	Saubaree, Seetkhva	Looree	Looree
Сон	Dzeely, Seesmaree	Worta	
Любовь	Seekvarooly, Ookvar		
Боль	Tkeeveely,		
Тяжелый труд	Salmoba		

	Диалект Кардуела	Имеретии	Сванетии
Работа	Mooshakova, Mooshaova		
Сила	Tszalee, Gonay		
Могущество	Dzalee, Goneh		
Власть	Cheelova, Chedleba, Khelmsteepaiba		
Брак	Shayooglebba, Kortseeneba		
Жизнь	Tsuytsotshkhley, Tskhovraba		
Рост	Taneesegzdeelova, Tanee, Agzda, Hazda		
Дух	Soolee		
Смерть	Sikvdeela, Stschoolee		
Холод	Tseetsyeh, Seetskheh, Seetseeveh		
Круг	Mgoorgaly, Mergva-leatsre, Sym-grgvleh		
Шар	Boorshy, Mgoorbaly	Bja	Meej
Солнце	Mzeh	Toota	Mij
Луна	Mtwary, Mtvary	Mooroots	Antkvesk
Звезда	Maskulavy, Varseelavy		
Луч	Shooshee, Skeeevee, Sharavandee		
Ветер	Nyahvee, Karee, Kwheeree		
Гроза	Bookee, Brtselgelba, Neeslee		
Дождь	Tsuyma, Tsveema	Cheema	Ootchga
Град	Setkva		
Молния	Elva, Elvareba	Valy	Elvaee
Снег	Tovlee	Terree	Moos
Лед	Kinnooly, Keenoobly	Eenee	Kvarem
День	Dgheh	Ga	Deshdwee
Ночь	Gam, Gamey	Zerry	Leket
Утро	Deela		
Вечер	Sagamo, Mtsookhry		
Лето	Zapkhooly, Tselniee		
Весна	Gazapooly		
Осень	Shamodgoma		
Зима	Zamtary		
Год	Ttseleetsadee	Tsanamatsana	Sahee
Время	Dro, Jamee		
Земля	Meetsa	Deehka	Gheem
Вода	Tskaly, Tskhaly	Ttskary	Veets
Море	Zgvebby, Zgva		
Река	Bdeenary, Mdeenary		Gangalits
Волны	Ghelva, Ghelvany		
Песок	Khoomy, Kveesha		
Глина	Teekhah, Talakhee		Gheem
Пыль	Mstverry		
Грязь	Lapee, Talakhee		

	Диалект Кардуела	Имеретии	Сванетии
Гора	Keeldeh, Mtah	Keerdey	Kodi
Берег	Tskleesnapeery, Napeera, Plato		
Холм	Sevvee, Bortsvee		
Долина	Vakeh, Baree, Velly		
Воздух	Atchry, Hahery		
Пар	Ortkly, Ortkhly		
Огонь	Tsetskhlee	Datshkhley	Hemmek
Жар, тепло	Nakvertskhaly	Tbeela	
Глубина	Seegrmey		
Высота	Seemagley		
Ширина	Seeganyerry		
Длина	Seegrtseh, Seegsay		
Отверстие	Nakvrety		
Яма	Ormo		
Канава, ров	Ruby, Tkhrebly		
Камень	Kva	Kooa	Kva
Золото	Okro	Mokro	Oker
Серебро	Bertskhlee	Kvartchkheely	Bertskhleh
Соль	Mareely	Joomy	Gheem
Чудо	Sakoorvely		
Лес	Tken, Tkhen, Tenkeh		
Трава	Balakhee, Teeva		
Дерево	Tkhertkey, Khay	Tkah	Tskhekka
Ствол	Palo, Margheely		
Листва	Mtsvaneely, Tsvanveely		

Примечания

1. Крепость Моздок находится на 43° 43' 46" северной широты. Согласно наблюдениям профессора Ловитца, ее долгота составляет 62° 42' 30", но, по мнению Гульденштедта (а этого мнения придерживаюсь и я), она составляет 62° 27' 30" восточной долготы. Тифлис, как считает Гульденштедт, находится на 41° 43' 40" северной широты и располагается практически на том же самом меридиане, что и Моздок, хотя он и находится на один градус восточнее. Кизляр расположен на 43° 51' северной широты, а его долгота, которая еще точно не определена, может быть установлена исходя из расстояния от Моздока. Благодаря походам русских войск удалось достаточно точно определить географическое положение многих других пунктов, что было отражено на карте Заннони, являющейся лучшей из тех, которые я когда-либо видел. В целом, у меня есть все основания полагать, что я обозначил достаточно точно географическое положение Астраханской пустыни, русской линии, расстояние от этой линии до высокогорий, а также большей части Грузии. Расположение страны лезгов, Армении и турецкой провинции Ахалцихе в целом позаимствовано у Заннони. Очертания Таврического полуострова и острова Фанагория (или Тамань), как мне кажется, переданы вполне правильно, так как они скопированы с карт, составленных по приказу князя Потемкина. Но их положение, вероятнее всего, ошибочно: большая часть карты Азовского моря и карт, опубликованных Санкт-Петербургской академией, отличаются более, чем на один градус на широте Таганрога. Помимо этого, сами очертания Азовского моря представляются весьма различно. Такие расхождения очень трудно устранить. Попытавшись это сделать, я, возможно, расположил остров Фанагория севернее, чем нужно. Что касается побережья Черного моря восточнее Сучук-Кале, оно, насколько мне известно, никогда не исследовалось европейцами, и, по моему мнению, эти земли никогда не находились в чьем-либо владении.

2. Вероятно, современные города Крымского полуострова построены не вполне там же, где в древности располагались одноименные поселения. Но возможно, что Евпатория (у татар — Кезлев) отвечает местоположению древней Евпатории. Севастополь находится на очень небольшом расстоянии от древнего Херсона, развалины которого все еще сохранились; вероятно, Балаклава встречается у генуэзцев под названием Симбол, у Страбона — бухта Симболон; Феодосия (позднее Кафа) в древности — Судак, Солдая; Керчь — древний Босфор и Еникале Пантикапейский. На мой взгляд, карта этой страны, составленная Кингсбергеном и напечатанная в Берлине в 1776 году, является лучшей.

3. Аланами называли множество разных народов. Согласно Аммиану Марцеллину, они занимали большую территорию к востоку от берегов Дона, откуда расселились по обширным пустыням Скифии до самого Ганга. Вероятно, те, кого он описал («Почти все аланы высоки, красивы, с длинными отливающими золотом волосами...») являлись жителями Танаиса и принадлежали к расе, которую мы называем финской. Мне представляется, что светлые волосы, столь характерные для западных народов, в восточной части Европы типичны для народов финского происхождения. Моши, аорсы и сирачи, которые, по свидетельству Плиния, населяли территории между Азовским и Каспийским морями, вероятно, соответствуют мокшанам, ерсанианам и сираинцам; эти племена вместе с кермихионами (по-видимому, они же черемиссы) и некоторыми другими ушли далеко на север. Можно предположить, что именно их здесь называли аланами, в более поздний период они стали известны под именем угров или белых гуннов. «Частично (сообщает Марцеллин) с амазонками соседствуют восточные аланы, занимающие обширные земли, населенные многочисленными народами, и величественные азиаты, которые вливаются потоком и населяют обширные территории и до самого истока Ганга». Это был кавказский народ, другое название которого — албаны, который мигрировал на восток. По моему мнению, единственные люди, соответствующие их описанию, — это афганцы (или агвганы), которые убеждены, что их предки пришли с территории горной Армении в горы Кандагара. Полковник Гербер убежден, что афганцы, которых он обнаружил возле Дербента, являются потомками албанов, а доктор Рейнеггс утверждает, что названия обоих народов, по сути, являются одним и тем же словом. По его мнению, армяне не могут произносить звук [л] в середине слова, и называют албанов агвганами, так же как и произносят «кагаки» вместо «калаки» и т.п.

Название «аланы», однако, редко используется в расширительном смысле, как это можно было встретить у Марцеллина, и в основном применяется для называния только тех племен, которые населяют северные склоны Кавказского хребта от горы Бештау до Каспийского моря. Рубрук говорит, что в его время аланов называли ациями или акасами (теперь это абхазы).

4. История этого народа описана в книге де Гиня «История гуннов». Хазарский князь упоминается у византийских писателей как «хан» (χαγανοσ), а дворяне — «беи» (Πεχ). При помощи греков хазары построили город Саркел (Σαρκελ). Согласно императору Константину, название этого города на хазарском языке означает «белый город». В настоящее время Саркел носит другое название — Белгород, что означает то же самое. (Я полагаю, что в современном татарском языке «Сара-калах» означает «желтый город».)

Хазары делились на множество племен, и не исключено, что несколько различных народностей составляли этот единый народ. Однако правящая верхушка («орда») в основном состояла из татар и, возможно, предков современных киргизов.

5. Современные сваны — это бедный и простой народ. Они живут за счет разведения крупного рогатого скота и в меньшей степени земледелия. Они подчинены князю Имеретии. Язык, на котором они говорят, представляет собой весьма искаженный диалект грузинского языка.

6. Это суеверие и по сей день можно встретить у самоедов.

7. Путешественники заметили, что варварские народы определяют себя посредством понятий, означающих человека, а остальные народы они называют, применяя уничижительные определения. Если предположить, что подобная тенденция была характерна и для народов Кавказа, то амарды могли оказаться племенем армян, на языке которых «мард» означает «человек». На языке осетин «человек» — это «лег», и, вероятно, они могли быть племенем, получившем название «леги». Тагоры — это, возможно, племя дугор. На языке черкесов человек — «тсоог», у абхазов — «агоо»; эти народы проживали в землях ζυχοι и Αχαιοι.

8. У Гульденштедта эти районы носят название провинции Басиании.

9. Это не вымысел. В 1726 году Россия назначила нового хана Кубы и заставила его подданных поклясться ему в верности. Будучи мусульманами, они поклялись на Коране. Но русские были уверены, что каждый непременно должен дать еще одну клятву, произнося следующие слова: «Да станет жена моя падшей женщиной, и буду я обесчещен, если нарушу данную мною клятву!» (из книги Гербера).

10. Греческие историки, подражая персам, называли турками всех тех северных варваров, которых они некогда путали с гуннами. Согласно Феофану, первыми турками были кермихионы, которые подчинили себе керхов и серов (вероятно, киргизов и бухарцев). Они проживали к востоку от Дона (ϖρος ευρον ανεμον τον Ταναιδος). Резиденция их князя находилась на горе Эк-Таль, что на их языке означает «золотая гора». Это название она получила из-за прекраснейших пастбищ, расположенных на ее склонах. Само слово, вероятно, относится к сираинскому диалекту финского языка, где «эссиш» означает золото, а «тшол» — гору.

Турками также называют венгров (чей язык имеет финское происхождение) и хазар, которые, вероятно, относятся к татарским народностям. Абулгази (атарский историк) применяет это название ко всем монгольским и татарским племенам, тогда как современные европейцы — лишь для обозначения оттоманских татар.

11. Татары всегда называли Капчаком равнинные территории, расположенные у Волги. Страленберг считает, что «касаккия» и «казак» являются искаженной формой этого слова. Отсюда и такие названия, как Казачья Орда или киргизские казаки, Казацкий округ (который, по мнению

Константина, располагался недалеко от реки Кубань, в настоящее время эту территорию занимают черкесы), туркменские казаки в Грузии, проживающие в районе реки Кура, донские и запорожские казаки и др.

12. М. Уолни («Путешествие по Сирии и Египту, том 1, с. 90) дал весьма подробное описание военной касты (так называемой милиции) кавказского происхождения: эти воины-рабы, известные под именем мамлюков, со временем сумели захватить власть в Египте. Следующее замечание весьма любопытно: «С 550 года, когда мамлюки оказались в Египте, ни один не оставил после себя потомства: не осталось ни одной семьи во втором поколении. Все их дети погибали в детстве или юности. Увезенные из родной страны в качестве рабов, они смогли сохранить себе жизнь благодаря врожденной способности к военному делу. И эта же способность увековечила их в истории». Если это правда, следует признать, что русские оказали правителям Турции весьма важную услугу, поскольку они остановили вывоз рабов с территории Кавказа.

13. Страбон замечает, что поверить в истинность древних мифов зачастую бывает весьма сложно, однако истории о воинственных амазонках регулярно подтверждаются все новыми рассказами путешественников. Нет ничего странного в том, чтобы женщины могли разводить лошадей, ездить верхом и идти вместе с мужьями в бой. Прокопий пишет, что римляне после сражений с гуннами часто находили на поле брани тела женщин. Зонар сообщает, что после сражения между Помпеем и албанами было найдено несколько доспехов, принадлежащих амазонкам. Во время пребывания в Мингрелии отца Ламберти Дадиан (князь Мингрелии) получил сообщение о набеге на сванов и каракиоли (карачаев) нескольких кавказских племен. Нападавшие получили достойный отпор, и после сражения на поле боя было найдено много тел женщин. Дадиану прислали их доспехи. Они состояли из шлема, нарукавников и кирасы, сделанных из небольших стальных пластин. К кирасе прикреплялась юбка из саржи длиной до колен, очень красивого красного цвета («Описания северных путешествий», том 10, с. 180). Наибольшее удивление при знакомстве с мифом об амазонках вызывают сведения о том, что они вели весьма странную торговлю со своими временными мужъями, гаргаренами, предметом которой становились их сыновья. Кроме того, рассказывается о том, что они проводили ампутацию груди. Последнее, скорее всего, придумано греческими этимологами с целью объяснения названия этого народа. На наш взгляд, с таким же успехом можно попытаться найти происхождение названия в черкесском слове «маза», которое означает луну (луна же была главным объектом поклонения горцев Кавказа), а вовсе не в греческом Μαζον, означающем «грудь». Однако решение этого вопроса следует предоставить этимологам.

14. Вероятно, кисты — именно тот народ, которого Гербер называет тавлинцами (что означает «горцы»). Этому народу он приписывает следующий странный обычай: «Когда приезжает гость или странник, одна из дочерей хозяина дома должна встретить его, расседлать и накормить его лошадь, позаботиться о его вещах, приготовить для него обед, провести с ним ночь и оставаться в его распоряжении в течение всего времени его пребывания. В день отъезда она седлает его лошадь и собирает поклажу. Если отказать гостю хотя бы в одной из этих почестей, это будет расценено как неуважение». Приск, в свою очередь, рассказывает о том, что во время своего путешествия по стране гуннов он однажды получил подобное приглашение, от которого счел разумным отказаться.

15. Ингуши способны собрать армию в 5 тысяч человек. Себя они называют — ингуши, кисты или галгаи. Они проживают в селениях, расположенных недалеко друг от друга и состоящих из 20—30 домов. Ингуши являются хорошими земледельцами, у них также развито скотоводство. В некоторых селах имеются каменные башни, служащие укрытием для женщин и детей во время войны и местом складирования имущества. Ингуши хорошо вооружены и имеют обычай носить щиты.

Их религия очень примитивна, но в ней прослеживаются следы христианства. Они верят в единого бога, которого называют Дайле, но у них нет ни святых, ни священников. Они отмечают воскресенье не посредством какого-либо религиозного обряда, а просто как день отдыха от трудов. Первый пост у них проходит весной, а второй летом. Они не совершают никаких обрядов по случаю рождения или смерти. В их обществе разрешена полигамия. Они употребляют в пищу свинину. Для них характерно лишь одного рода жертвоприношение — в определенное время человек, которого считают способным стать кем-то вроде святого отшельника, убивает овцу. С этого момента он дает обет безбрачия и уходит жить в горы, в место, расположенное неподалеку от старой каменной церкви, декорированной различными статуями и надписями. Под церковью находится подвал, в котором, как считается, хранятся старые книги. Однако никто не предпринимал попыток их достать. Погода помешала Гульденштедту добраться туда («Путешествия» Гульденштедта, том 1, с. 150).

16. Население Дербента считает, что их город был построен Александром и что эта стена некогда доходила до Черного моря. Такое вполне возможно: многие надписи на древнетурецком, персидском, арабском и русском языках свидетельствуют о том, что сама стена, а также акведуки со множеством подземных туннелей, многие из которых теперь засыпаны, относятся к глубокой древности. Этот город очень сильно пострадал во время осады, организованной султаном Амуратом, войска которого практически полностью разрушили нижнюю часть города, впоследствии занятую греками. Затем его снова захватил Шах-Аббас (из книги Гербера). Древнее название этого города — Pylæ Caspiæ (Каспийские ворота).

17. Полковник Гербер приписывает вассалам этого князя следующий обычай: «Всякий раз, когда у усмея рождается сын, его носят из деревни в деревню и прикладывают к груди каждой кормящей женщины, что продолжается до тех пор, пока его не отучат его груди». Этот обычай устанавливает своего рода братские и дружественные отношения между усмеем и его народом.

18. Полковник Гербер, который в 1728 году представил отчет о пребывании в этих местах, дает следующее весьма любопытное описание: «Кубеша — это большой и сильный город, расположенный на холме между высокими горами. Его жители называют себя франками (франки — название, общее на востоке для всех европейцев) и говорят, что их предки оказались в этих краях случайно, а обстоятельства этого переселения уже забыты. Общепринято мнение, что они были моряками, которых выбросило на берег. Но те, кто считают себя более сведущими, рассказывают об этом так: «На протяжении нескольких веков греки и генуэзцы активно вели торговлю, причем не только на Черном море, но и на Каспии. Им наверняка было известно, что здесь в горах есть рудники, и в ходе торговли с местными жителями они поучили огромное количество серебра, меди и других металлов, добытых здесь. Чтобы начать собственную разработку рудников, они направили сюда рабочих, чтобы развивать производство, а также обучать этому занятию местное население. Последующие нападения со стороны арабов, турок и монголов, в ходе которых шахты были заброшены, а производство остановлено, помешали чужестранцам вернуться на родину. Так что они обосновались здесь и образовали свою республику». Эта история кажется довольно правдоподобной в силу того, что жители этого города по-прежнему являются великолепными мастерами. Они изготавливают очень хорошее огнестрельное оружие, нарезное и гладкоствольное, а также сабли, кольчуги и различные предметы из золота и серебра, предназначенные для экспорта. Кроме того, для своей собственной защиты у них имеются небольшие медные пушки калибром 3 фунта, которые они отливают сами. Они чеканят турецкие и персидские серебряные монеты, и даже рубли, которые очень быстро стали общепринятой валютой из-за своей полновесности и высокой ценности. В их долинах есть пастбища, пашни и сады, но большую часть зерна им приходится покупать, и поэтому они всецело зависят от продажи предметов собственного производства, которые высоко ценятся в Персии, Турции и в Крыму. В целом франки живут довольно хорошо, являют собой народ спокойный и безобидный, но в то же время довольно отважный и независимый. Город Кубеша считается нейтральной территорией, на которой соседствующие князья могут безопасно хранить свои сокровища.

Ежегодно франки избирают двенадцать магистратов, которым они беспрекословно повинуются. Все жители Кубеши имеют равные права, в том числе и возможность принять участие в управлении. В 1725 году магистраты и усмей признали верховную власть России, но без уплаты ей подати».

19. Предполагается, что район Авар получил свое название от аваров, немногочисленных потомков гуннов, которые пришли в этот регион Кавказа. Мы ожидаем найти на этой территории следы их древнего языка. Так как самоедский язык является единственным известным языком, с которым лезгинский диалект имеет хоть какое-то сходство, необходимо задуматься о том, ошибался ли Страленберг, предполагая, что гунны (по крайней мере, частично) состояли из самоедов.

Де Гинь, напротив, считает, что гунны были известны еще древним китайцам под именем хоангноу; что они того же происхождения, что и турки, которые заняли татарскую империю после них, и что они были предками нынешних монголов и калмыков. Свою точку зрения он основывает на данных Аммиана Марцеллина и китайских историков.

Описание гуннов, данное Марцеллином, является общим для всех азиатских народов, занимающихся скотоводством. Наиболее интересными фактами являются следующие: «Племена гуннов населяют территории от Приазовья до самого Ледовитого океана, дикость их все превосходит; низкорослые и покрытые шрамами, они до старости остаются безбородыми, и лишь немногие из них отличаются привлекательностью. В целом же они коренастые, с мощными частями тела, неестественно широкими плечами, и больше похожи на двуногих животных; управляемые не суровым царственным предводителем, а поспешно избранным военачальником из знати, они стремительно пробивают себе дорогу, кто бы ни попался на их пути». Как мне кажется, обычай наносить краску на щеки присущ в наши дни тунгусскому народу, который, по всей видимости, относится к маньчжурской расе. Но она наносится лишь в качестве своего рода украшения, а не как средство, препятствующее росту бороды. Калмыки похожи на гуннов своей непривлекательностью, редкой бородой и привычкой проводить большую часть своей жизни верхом на лошади. Однако внутренний порядок у них иной. Паллас заметил, что монгольские племена являются единственным скотоводческим народом, который из поколения в поколение находился под гнетом автократической формы правления. У них был официальный свод законов. От своих соседей они отличались исключительной проницательностью, благоразумием и способностью к обучению. Примечательно, что у Феофилакта под именем таугасов можно встретить описание народа, очень похожего на калмыков. По его словам, это была известная колония турков. Их миновали междоусобные распри, так как они подчинялись одному наследному князю. Они поклонялись статуям; управление велось по справедливым законам. Сам же народ отличался бережливостью и скромностью. Οδε της Ταυγας κλιματαρχης Ταισαν ονομαζεται. Таидши — это, по сути, титул калмыцких князей.

Доводы китайских историков вызывают возражения, так как, по всей вероятности, они не проводили никаких различий между азиатскими народами, занимавшимися скотоводством (которые опре-

деленно имеют разное происхождение), а также ими ставится под сомнение родство гуннов и турков. Северные части Сибири населены многими народами. Судя по внешности, образу жизни и характеру расселения, а также исходя из их традиций, мы можем предположить, что каждый из этих народов переместился на данную территорию из Татарии в результате волнений, почти там не прекращающихся. И если Хоанг-ноу были выселены турками, то более целесообразно искать их потомков в местах, откуда они пришли, нежели в стране победителей.

Самоедский народ расселился довольно своеобразно. Одни основали небольшие обособленные поселения в горах, расположенных к западу от озера Байкал. Другие поселились вблизи границы с Китаем. Третьи рассредоточились на пустынной территории вплоть до ледяных вод океана. А некоторые ушли далеко на запад, достигнув Архангельска. Тем не менее, в древности они, вероятно, были очень многочисленным и сильным народом. Суровый климат их нынешней родины не позволяет им разводить лошадей, но приметы пастушеского народа у них все же сохранились. Они по-прежнему пользуются переносными домами, с которыми кочуют с места на место. У них нет и, похоже, никогда не было какого-либо установленного правления. Только некоторые герои, в лучшие времена водившие их предков в бой, упоминаются в национальных песнях. Эти песни являются их основным развлечением, но подвиги, которые в них прославляются, вероятно, никогда не повторятся. К тому же самоеды очень нервный народ. Даже непреднамеренный или неожиданный шум очень часто вызывает у них конвульсии. Возможно, это связано с недоброкачественной едой, которую они употребляют, или с воздействием чрезмерных холодов, или же с ядовитым туманом, из-за которого некоторые места на их территории оказываются совершенно непригодными для обитания. Профессор Паллас приводит несколько ярких примеров таких припадков.

Характерные черты самоедов — большая голова, плоское лицо, высокие скулы, маленькие глаза, уплощенный нос, широкий рот, желтоватый цвет лица, большие уши, прямые жесткие черные волосы, короткая толстая шея, широкие плечи, короткие и тонкие ноги. «Их мужчины (сообщает Клингштадт в своей работе о самоедах и лаппонах) практически не имеют бород, либо бороды совсем короткие, — и в этом схожи с их женщинами, у которых нет волос ни на одной части тела, кроме головы».

20. Гербер сообщает о том, что по территории провинций Ширван и Дагестан рассеяно значительное число евреев; он также рассказывает, что они существуют, в основном, благодаря земледелию и скотоводсву, лишь немногие из них занимаются торговлей. Он добавляет, что колония очень древняя: местные раввины убеждены, что их праотцов привел из Иерусалима в Мидию Мусул-Падишах, или царь Ниневии.

21. Судебные поединки распространены в Имеретии и Мингрелии, а также в остальных провинциях Грузии, и являются привилегией дворян. Также иногда может практиковаться судебная ордалия — испытание подсудимого физическим страданием, а именно, при помощи воды. Однако для случаев гражданского разбирательства мингрелы изобрели весьма разумную замену общепринятого способа ведения суда: каждая сторона выбирает судью, а двое судей выбирают одного оратора. Ему истец высказывает свои претензии и после этого удаляется. Затем оратор вызывает ответчика, которому сообщает претензии и требования другой стороны, и получает его ответ. Если обеим сторонам больше нечего сказать, двое судей принимают решение по делу.

Текст печатается по изданию:

Ellis G. Memoir of a Map of the Countries Comprehended Between the Black Sea and the Caspian; with an Account of the Caucasian Nations, and Vocabularies of Their Languages. — London: Printed for J. Edwards, in Pall-Mall, M.DCC.LXXX.VIII. (1788) / Эллис Г. Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с описанием кавказских народов и словарей их языков. — Лондон, 1788 / Перевод Э.В. Пивановой, Е.А. Колесниковой, 2010.

Засс (?)

Публикуемая в нашей антологии книга «Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии» (1805) относится к анонимным произведениям.

По данным библиографического издания известного армянского библиографа, подполковника русской армии, действительного члена Императорского русского географического общества М. Миансарова (М. Миансаряна) «Библиография Кавказа и Закавказья» за 1874–1876 годы, «Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии» — первая книга на русском языке, посвященная Кавказу. Автор — Федор Федорович Засс — в издании не указан, определен нами по каталогу Российской государственной библиотеки. Но, по-видимому, это ошибка. В «Словаре анонимных трудов и псевдонимов» («Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes», 1872) А.А. Барбье указана анонимная книга «Description du Caucase, avec la précis historique et statistique de la Géorgie» (1804). Автором книги назван другой господин де Засс (M. de Zass), сотрудник Министерства иностранных дел России (стлб. 902).

По данным энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Засс — русский баронский род, происходящий из Вестфалии, откуда его предки в начале XV века переселились в Прибалтийский край. Род баронов Засс внесен в матрикулы курляндского, лифляндского и эзельского дворянства.

Книга опубликована в 1805 году в русском переводе Я.К. Лангена, содержит посвящение переводчика: «Его императорскому величеству всемилостивейшему государю Александру Павловичу», имеется также предисловие автора, в котором он настаивает на том, что его работа связана с исследованием политических сил народов Кавказа и причин установленных взаимоотношений этих народов. Автор заканчивает свое исследование словами, обращенными к императору Александру I: «Просвещение народов самых варварских, споспешествуемое предприемлемыми мерами, отражаясь на потомство, воздвигнет в грядущие столетия императору Александру Первому незыблемый и знаменитейший памятник, когда-либо существовавший».

Яков Карлович Ланген — лингвист XIX века, переводчик, писатель.

Основные работы Я.К. Лангена:

Краткая испанская грамматика. — Митава: В типографии Стефенгагена и сына, 1811.

Краткая шведская грамматика: с приобщением краткаго словаря, употребительнейших в общежитии изречений, разговоров, пословиц и нескольких анекдотов. — СПб.: В типографии департамента внешней торговли, 1813.

Взгляд на достопамятнейшие происшествия в российской истории от Рюрика до новейших времен. — Рига: Печатано в типографии В.Ф. Геккера, 1822.

Описание Кавказа с историческим и статистическим описанием Грузии (перевод с французского Я.К. Лангена)

Его Императорскому Величеству, Всемилостивейшему Государю Александру Павловичу.
Всемилостивейший Государь!

Лучезарное светило не отказывает в улыбке своей ни червячку, ни былинке; а высокая благодетельность Вашего сердца не имеет другого примера. Всеавгустейший Монарх! Я дерзнул украсить перевод мой дражайшим именем Вашего Императорского Величества. Благоволите принять его, как слабый знак приверженности и любви моей к Отечеству.

Вашего Императорского Величества всеусерднейший верноподданный Яков Ланген.

Оглавление

1. Предисловие.
2. Гора Кавказ и ее жители вообще.
3. Размышления касательно жителей Кабарды, чеченцов, оссов, лесгинцов.
4. Грузия во всем ее протяжении.
5. История Грузии.
   a. Основание сего государства.
   b. Главные причины злоключений сей области.
   c. Грузинцы принуждены искать покровительства других держав христианских.
   d. Пункты наличных союзов, какие находились в различные времена между Россиею и царями грузинскими.
   e. Примечания, почерпнутые из истории, касаетельно характера грузинцев, их трудолюбия, литературы.
6. Местные силы области.
   a. Область.
   b. Жители.
   c. Произведения.
   d. Серебро.
7. Постановление.
   a. Власть царя.
   b. Права князей и других званий области, то есть дворян, духовенства, купцов, художников, крестьян, военных.
8. Правление.
   О государственных доходах и судопроизводстве.
9. Рассуждение о выгодах, какие Грузия получала от соединения своего с Россиею.
   Приобретает ли что из оной Россия?
   Какие бы надлежало предпринять меры, дабы воспользоваться сим приобретением?

Предисловие

С некоторого времени были путешественники, которые географически и физически описывали Кавказ и Грузию и которые прославились своими замечаниями касательно жителей сих стран, их постановлений, нравов, обычаев, вероисповедания и прочего.

Не входя в такие подробности, более всего старался я узнать политические силы сих народов и как они их употребляют (первоначально наиболее тех, которые до нас касаются по местоположению, ими занимаемому), научиться их соотношениям с нашими владениями и пред Кавказом и за Кавказом, и исследовать причины сих соотношений.

Поскольку большая часть народов, обитающих на горе Кавказе, касательно нравов и вероисповедания великое между собой имеют сходство, хотя и различными говорят языками, то я упомяну только вообще обо всех тех пунктах, в рассуждении которых народы сии между собою согласны и которые входят в план моего начертания.

Что касается до Грузии, то, имея предметом моих изысканий одну только часть, соединенную с Российскою державою, то есть провинции Карталинию и Кахетию, я почел за должное описать оную гораздо подробнее, и дабы можно было дать ясное понятие о настоящем ее состоянии, войти даже в ее историю, нравы народа, его постановление, а наипаче его прежнее правление. Что касается до истории этой части Грузии, то, занимавшись ею более всего относительно к России и старавшись при помощи ее достигнуть до настоящего оной части познания, я отыскал все пункты соединения, какие только находились в различных веках между державою и Грузиею. Помощию истории также я старался доказать, что с того времени, как грузинцы сделались христианами, они никогда не могли обойтись без покровительства держав христианских. Во время греческих императоров они искали его в Константинополи, а потом в России.

Поелику остальная часть ее истории состоит из бесчеловечия и тиранства, с каковым поступали с ними турки, персы и лезгинцы, то все покушения грузинцов по примеру европейцов прерываемы были беспрестанными возмущениями, в которых они вели жизнь свою, даже в самом своем начале.

Сочинители, отличившиеся между ими, приведены на конце исторической части государства, коего положение побудило меня к некоторым рассуждениям, помещенным в последней части моего начертания.

Автор

Кавказ

На Кавказских горах живут различные поселенцы, отличающиеся друг от друга касательно одного языка, которым они говорят, но все почти сходствующие в образе жизни, вероисповедании и обычаях. Немногие между ими занимаются земледелием; большая часть питается своими стадами.

Земли, лежащие у Кавказа.

1. Кубань.

Жители.

a) Ногайские татары обеих сторон Кубани на Куме и на Тереке;

b) Черкасы.

2. Кабарда, разделенная на большую и малую.

3. Земля, на горах лежащая.

a) Горные кубанские жители.

b) Осеты.

c) Кисты.

d) Ингухи.

e) Кумуки, или чеченцы.

f) Карабулаки.

g) Атачики.

h) Тавлинцы.

4. Дагестан и Легистан.

5. Грузия во всем ее протяжении.

A. a) Акалцик.

b) Гурвель на Черном море.

B. Имеретия.

C. Мигрелия.

D. Провинции Карталиния и Кахетия.

1. Кубань.

a. Ногайские татары, вероисповедания магометанского. Они получили название от одного героя именем Нагаиса, отличившегося между ими в 13-ом веке. Что ж касается до числа их[1], то иметь об этом точное сведение весьма трудно. Некогда они покорены были татарскому хану. Впрочем, зависимость их была весьма ограничена. Они следовали за ним на войну и уступали ему часть своей добычи. Стада овец и рогатого скота составляют все их богатство, которое они приобретают продажею оных.

Впрочем, их употребление серебра, которое они получают, обменивая свои товары, уничтожает всякое понятие о благосостоянии. Они только умножают свои сокровища, ни мало не

стараяся делать из них обороты. Они обитают в долинах, простирающихся от севера к югу по равнинам, и шатры, которые они ставят в прямой линии, походят на деревни. Они кочуют по обеим сторонам Кубани, также на Куме и Тереке.

b. Черкасы. Кубанские черкасы жили как на Кубани, так и на Дону. Они владели всеми островами нижней Кубани, левым берегом сей реки, даже до ее истока, и местами, лежащими около Черного моря, даже до Абазы. Черкасы хотя управляемы были своими собственными беями, однако они принуждены были признать верховную власть ханов Крымских[2].

Хотя османцы и завоевали в 1484 году города и крепости Тамана, Темрука и Ачука, лежащие при устьях Кубани, однако они не могли покорить черкасов.

Султан турецкий вследствие мира, в 1774 заключенного, отказался от сих владений, а Россия вследствие мирного договора, сделанного между ею и Портою в Константинополе в 1783 году, отказывается от некоторой части Кубани, лежащей к южной стороне сей реки, удерживала за собою ровное место, лежащее на севере. Ныне оно принадлежит к Кавказской губернии. Турки хотят завладеть другою стороною, которая большею частию управляема бывает малыми черкасскими князями.

2. Кабарда.

Кабарда на севере граничит с Малькою и Тереком, которые на западе отделяют ее от губернии Кавказской: Малька отделяет ее от Кубани.

Сунжа отделяет ее от восточной части Кистета — области, лежащей на горах. Она признает верховную власть России.

Во время греков и римлян страна та составляла часть Скифии Азиатской; а во время императоров византийских она почитаема была в числе владений сарматов Азийских. Страна сия названа Черкассиею не прежде, как в последних временах, от гористого уезда того же имени, лежащего между Кабардою и Кубанью, с которым сливали ее почти так, как Россию с Московиею.

Следы христианства, находимые в этой стране, соединенные с доказательствами, которые будто бы находят в летописях византийских, заставляют думать, что вероисповедание христианское введено там во время греческих императоров.[3]

Ныне древние жители Кабарды не должны более существовать; самое их имя должно быть изглажено со времени нападения татаров при Чингис-Хане и при Батти-Хане. Ибо все жители, начиная от Крыма и Кубани с одной стороны даже до Астрахани, а с другой до Кавказа слыли под именами татаров. Вероисповедание тут владычествует магометанское. Самое название Кабарды есть название татарское, так как кисты и осаты. В предании нынешних горных жителей, не умеющих ни читать, ни писать (паче всего они не имеют того, что называется свойством (характер) языка) нимало не упоминается об участи древних жителей, коих история нам совершенно не известна.[4]

Кабарда разделяется на большую и малую. Нигде может быть нет такой земли, где бы в малом пространстве находилось столько рек и речек, сколько находится их в Кабарде. Едва длина ее простирается на 140 верст; несмотря на то, она заключает в себе более двадцати рек довольно великих, не полагая в число малые, изливающиеся в Мальку.

Малая Кабарда ограничивается только тремя реками: Кистою, Сунжею и Тереком, а в самой области не находится ни одной реки, кроме многих минеральных и нефтяных источников.[5]

Естественные произведения большой и малой Кабарды, продаваемые россиянам и персам, равно как и произведения уже обработанные, коих одну часть жители ее вывозят в Россию, а другую в Персию, можно подвести под следующие статьи.

Несколько невыделанных кож ягнячьих, куньих, воск, мед, свечное сало, жито, черный и белый войлок, довольно толстый.[6] Язык их мало разнится от языка черкасов, их соотчичей; впрочем, ни с каким другим не имеет ни малейшего сходства.

Самая область управляется князьями, которые имеют свои собственные владения и которые окружены семействами более либо менее малыми, состоящими из дворян и подданных. Их можно сравнить с непосредственными немецкими государями, недавно пред сим бывшими, друг от друга не зависящими и сами по себе управляющими.

Кабарда может вооружить от 30 до 40000 людей.

3. Область, лежащая на горах.

Жители сей области смежны с кабардскими черкасами, и занимают северную часть Кавказских гор. Князья Великой Кабарды желают их сделать своими подданными, однако они намерений своих в действо произвести не могут.

Их разделяют на многоразличных поселенцев (смотри выше положение Кавказа), из которых главные суть следующие.

a. Горные Кубанские жители.

b. Оссы, жители Оссетской области, лежащей посреди гор Кавказских.

На севере границы ее составляют реки: Терек и Кизил, а на юге, кроме многих других малых, река Арагуй.

В этой области природа, кажется, вознесла Кавказ на самую возможную степень высоты, так что все ручьи низвергаются оттуда или на восток, или на запад.

c. Кисты отделяются от оссов высшим Тереком , а от Кабарды Сунжею.

d. Соседи их на западе ингухи, а на востоке чеченцы.

Из всех сих поселенцев одни могут вооружить от пяти до шести, а другие даже до десяти тысяч человек. Все они признали самодержавие России во время царя Ивана Васильевича, который область их присоединил к титулу империи.

e) Границы области чеченцов или кумуков на западе составляет река Сунжа, черные горы (для различия от снежных гор) и малая Кабарда; на севере нижний Терек и Кавказская губерния; на востоке река Акай и Дагестан; а на юге Кавказские горы.

Область сия названа Кумою от песчаной своей почвы татарским словом, означающим песок. Впрочем, одна часть сей области весьма прекрасна и в плодородии своем нимало не уступает малой Кабарде.

Примечания*

Кабарда. В Кабарде находятся князья, которые особенно преданы России, наипаче те, которые уже привыкли к обычаям, образу жизни и даже роскоши европейцев: но сия преданность обнаруживается только в некоторых случаях; например, когда они запрещают своим подданным нападать на наши границы и пр. и пр.; но кажется, что если бы польза их общества нашлась в противоположности с законоположением правления Российского, то они не убоснили бы употребить (по крайней мере, тайком) своих соотчичей для совокупного защищения общего их дела.

Чеченцы. Что касается до чеченцов, то они не столько еще вышли из дикого состояния и грубее жителей Кабарды.

Несколько раз делали на них нападения, гоняся за ними даже в собственную их землю, но нападения сии худой имели успех[7], что приобрело им славу непобедимых.

Таким образом, средства, которые несколько лет против них употребляли, кажется, более клонились к защищению нас от их ударов, наносимых ими украдкой на наших границах, нежели к совершенному их покорению.

Впрочем, меры, с некоторого времени против их предпринятые, кажется, отняли у них всю возможность причинять малейшее беспокойство жителям Кавказской линии, и если когда-либо им и удается отнимать у нас людей,[8] то мы умеем принудить возвратить нам таковых обратно, не платя ни малейшего выкупа, разве их собственным добром.[9]

Оссы. Оссы, особенно нас интересующие, по сообщению Моздока с Грузиею, так как такого места, которое лежит на пути сей области, кажется, придерживаются нас из денег, которые они даже добывать должны для пособия подаваемых ими путешественникам, купцам и полкам, идущим в Грузию.

Впрочем, кажется, они слишком придерживаются денег, так что, (наипаче во время великой быстроты Терека) не довольствуясь справедливым барышом, который местоположение им приносит, они иногда останавливают путешественников, и насильно отнимают у них деньги.

Но этот народ так как такой, который в то же самое время все меры употребляет продолжить сообщение России с их землею, который даже старается воспрепятствовать открытию другой какой-либо дороги, дабы не лишиться барыша, получаемого ими от проезжающих, без сомнения можно (не делать при том ни малейших пожертвований) заставить повиноваться и успокоиться, если только не преставать искусным образом употреблять те выгоды,[10] которые мы ему доставляем, наипаче со времени соединения Грузии с Россиею.

---

* В книге «Примечания» представлены как отдельная глава (дополнение к главе «Кавказ»).

Лезгинцы. Исключая жителей Кабарды, чеченцев и оссов, в особенности занимают нас лезгинцы со времени соединения Грузии с Россиею. Владения их, названные на отечественном языке Легистан, находятся даже в горах[11], а народ к воинскому духу присоединяет гораздо более трудолюбия,[12] неутомимости и силы, нежели другой какой Азийский.

Лезгинцы не только всегда были страхом грузинцев, у которых они уносили детей, жен и насильно отнимали лошадей и всякий другой скот; но их уважали и в Персии во время самого Шах-Надира.

Они нередко выдерживали войну с персами, и Шах-Надир, преследуя с пятнадцатью тысячами человек даже в горы несколько лезгинцев, принужден был возвратиться с великою потерею. При сем случае у многих персиан они отрезывали нос и уши, а потом отсылали их к шаху.

Лезгинцы не только нанимались у царей грузинских подобно телохранителям (Gardes suisses) во Франции, наипаче в царствование Иракла и грузинцы тогда были гораздо менее обеспокоены; но во время войны они ходят служить и под знаменами других держав.[13]

Такая сила, делающая их способными не только производить грабежи, но и сражаться фрунтом, соединенная с местоположением их области, совершенное их покорение делает весьма трудным.

Взятие двух из крепостей, лежащих близ реки Алазаны, и потери, понесенные ими с марта 1803 года, гораздо силы их уменьшили, и может быть они теперь уже не в состоянии причинять беспокойства грузинцам.

Грузия. Грузия во всем ее протяжении лежит от Кавказа на юг. Ее границы: на севере — Кавказ; на юге — Армения; на востоке — Дагестан, а на западе — Черное море. Она заключала в себе древнюю Колхиду, Иверию и Алванию.[14]

Иверия простиралась от начала реки Куры, вдоль по обоим ее берегам, даже до реки Аракса, и отделялась от Армении горами; Албания отделялась от Армении рекою Курою.

Таковы были пределы трех наций, о которых нам говорит древняя история, упоминаемая о грузинцах.[15]

История

Грузинские летописи производят свой народ, по примеру многих других, в прямой линии от Ноя. Последний из их князей (тогда царей еще не было) от крови Ноевой, имевший счастие царствовать и над армянами, и над грузинцами, над лезгинцами, и мингрелами, и над другими кавказскими народами, назывался, по их мнению, Тармагос, и летописцы полагают, что от его-то имени все упомянутые народы в продолжение шести веков назывались одним именем таргамоссиян.

Они утверждают, что князь Таргамос имел восемь сынов и владения свои разделил между ими, отдав половину оных Хаосу, от которого происходили короли Армении, а некоторую часть Карфлосу, от которого грузинцы производят имя картвелов, самих себя так называя. Город и крепость, построенная Карфлосом и названная от него Каршли, разрушена; но Мухетия, построенная старшим его сыном и именем его названная, еще и поныне существует.

Персы за 700 лет до Р.Х. сею областию овладели; Александр Великий, отняв у них сию добычу, поставил над нею наместника именем Азона; по смерти Александра она досталась Фарнабазу (первому царю), который убил Азона.

От смерти его до нынешнего времени считается 90 царей Карталинских, происшедших из четырех[16] фамилий, из коих последняя есть фамилия Багратиона.

Грузинские цари невсегда происходили так, чтобы по смерти отца на престол восходил сын; нередко скипетр правления переходил в руки братьев, племянников и других сторонних сродственников. Нередко были междуцарствия, иногда по смерти какого-нибудь царя, умершего без наследников, призывали на трон даже князей ассирийских, арменских и персийских, и в царствование одного персийского князя именем Мариана (он царствовал в 4-м веке) введено в Грузию вероисповедание христианское.[17]

Начиная от 6-го века жители сей области понесли весьма великие бедствия. Главные причины сих бедствий: их вероисповедание, их соседи и различные уделы, с того времени последовавшие.[18]

Усмотрев, что им не можно устоять без покровительства других держав христианских, грузинцы искали оного во время греческих императоров в Константинополе, а потом в России.

Может быть, это было покровительство императора Юстиниана, которого требовал царь Иберий именем Юрген, и которому Юстиниан послал для защищения от персов отряд войска, состоящего из гуннов. Император Мавриций оказал покровительство в 6-м веке.

Пункты первоначальных связей, которые находились в различные времена между Россиею и грузинскими царями.[19]

1. Александр II. Царь Кахетский попросил покровительства у России в 1586, которая тогда управляема была царем Феодором Ивановичем, отправил в оную посольство, кляняся в верности, и обещаяся платить ежегодную подать, он просил при сем случае царя повелеть построить российский город на Тереке.[20]

2. Царь Борис Феодорович Годунов, восходя на престол, отправил послов к кахетскому царю, и прежние трактаты возобновлены были.

Царь кахетов возложил при сем случае на послов российских должность сделать своему государю предложение построить в его областях одну или две крепости и поставить в них гарнизон российский, дабы воспрепятствовать нападениям турок и персов.

3. Почти в то же самое время Георг, царь Карталиии, поклялся в верности царю Российскому и за себя и за сына своего Ерсея, препоручая все свое королевство его покровительству.[21]

Бесчеловечный способ, с каковым шах Аббас употребил собственного сына царя Александра для умертвления его, и следствия сего ужасного злоключения[22] были новым побуждением искать покровительства России.

4. Царь Кахетии Теймурас (внук царя Александра) в 1619 отправил в посольство Аббата Харитона к царю Михаилу Феодоровичу в Россию, прося у него помощи против шаха Аббаса, от которого он принужден был скрыться в Башичине в Мингрелии, умоляя его вступиться у шаха и испросить у него отпущение его матери и двух сыновей, которые находились у него во власти.

После сего, когда царь Российский получил от шаха не только то, чтоб он возвратился в Кахетию, но и чтоб владел Карталиниею, то царь Теймурас и сын его.

5. В 1639 поклялись в верности России за себя и за свое потомство.[23]

6. При случае восшествия на престол царя Алексея Михайловича в 1646, тем же самым царем отправлено было другое посольство в Россию, и прежние трактаты возобновлены были.[24]

Его внук[25] и его мать скоро после того переехали в Россию. С того времени были цари и многие царевичи, как карталинские, так и кахетские в России.[26]

Связь сия между Россиею и Грузиею в продолжение целого века с половиною поддерживаема была выгодою для грузинцев заключать оную и великодушием монархов российских, покровительствовать таким государствам, коих жители одного с ними были вероисповедания. В царствование Тахмас-Кули-Хана (Шах-Надира) в Персии она, по-видимому, на минуту прекратилась.

Россия вследствие мирного договора, заключенного с Персиею, отказалась уже в 1732 году от всех своих прав на землю, лежащую между Тереком и Куром, и Надир-Шах, восшед на престол Персийский в 1736, пребыл даже до своей смерти, последовавшей в 1747, единым покровителем Грузии.

Турция также отказалась в 1735 от Грузии для персов; наипаче она обещалась не домогаться провинций Грузии, лежащих к востоку.

Шах позволил Карталинии[27] соединиться с Кахетиею, которые управляемы были царем Теймурасом, а потом царем Ираклом (сии две провинции с того времени остались соединенными); он к ним прибавил еще Борчал и Казах, которые составляют часть страны, в 1801 соединившейся с Россиею.

При смерти Шах-Надира.

7. Царь Иракл попросил опять покровительства у России. Он отправил посла в Россию в 1752 к императрице блаженной памяти Елизавете, прося сию монархиню не лишить его области того покровительства, которого их удостаивали ее предки, и обещая со своей стороны быть верным и приверженным к России.

При случае войны, последовавшей между Россиею и Портою Оттоманскою, царь Иракл вследствие своих обязанностей, заключенных с Россиею, соединился с российским войском, которым тогда командовал генерал граф Тоттлебен, действуя согласно с ним в Имеретии и в Мингрелии.

Вследствие мира, заключенного в 1774 году, Карталиния и Кахетия были признаны свободными и не зависящими; Мингрелия была отдана туркам, впрочем, под тем условием, что

Порта не будет впредь требовать от нее дани, состоящей из девиц, которая до того платима была.[28] Опасение нападений со стороны турок и персиан, мало наблюдающих мирные договоры, и наследников двух последних королей Карталинских, скончавшихся в России, заставило, наконец, царя Иракла прибегнуть опять под покровительство Российской державы.

Царь Иракл признал оное в мирном договоре, 1783 году заключенном в Георгиевске и подписанном с одной стороны генералом Потемкиным, а со стороны Грузии генералом князем Багратионом и генерал-адъютантом, за него и за все его потомство, за провинции Карталинию и Кахетию.

Впрочем, турки не перестали беспокоить Грузию и посредством паши Ахалзиха возбуждать лезгинцев против сей страны; и хотя султан был потом обязан мирным договором, в 1791 году заключенным между Россиею и Портою, признать независимость Грузии от его стороны и воспрепятствовать нападениям горных жителей, однако возмущения, восставшие в Персии в 1794 году тотчас сделались чувствительными и в Грузии.

Грабежи, которые там производил Ага-Махомет евнух, хан Испахан,[29] беспрестанные нападения лезгинцев после того, как войско российское удалилось из Персии и из Грузии, соединенные с возмущениями (которые готовы были обнаружиться), начинавшими восставать между искателями Короны, между сынами покойного царя Иракла[30] и потомками царя Георга (еще при его жизни) заставили царя Георга прибегнуть к Его Императорскому Величеству Императору России, умоляя его соединить со своею державою и его области.

Объявление соединения публиковано было.

1. Января 1801, по указу Императорского Величества блаженной памяти императора Павла Первого.

2. А Сентября 1801, по указу Его Величества ныне царствующего императора.

Из сего краткого исторического начертания Грузии видно, что обстоятельства, в которых грузинцы находились, не способны были дать им отличного характера, способствовать к тому, чтоб процветали у них науки, искусства, рукоделия и торговля.

Народ грузинский не мог дать себе отличного характера, ибо он окружен был персиянами, турками и лезгинцами, из которых два первые располагали им попеременно,[31] а последние все опустошили самовольно. Часть нации, особливо составляющая высшее благородство, которое желало сделаться способным к важным должностям,[32] исповедовала наипаче по наружности, магометанскую веру, и в сем отношении некоторым образом лицемерила.

Не могли быть рукоделия. Ибо всякий гражданин никогда не владел безопасно своею собственностию и самый прилежный трудился не для себя, но для того, который имел способ отнять у него плоды его деятельности. То же самое можно сказать и о торговле, для которой не доставало и выходов; ибо пристани на Черном море в Имеретии слишком были удалены, да и по причине возмущений, беспрестанно там царствовавших, не столько безопасны, чтоб предпринимать чрез них путь. Дорога, лежащая чрез горы в Россию, также была не безопасна.

Что касается до их словесности и до наук, в которых они упражнялись, то грузинцы в течение восьми столетий могли лишь произвесть весьма немного творений так, как памятников Европейского образования. По превосходству из оных можно привесть:

a. Некоторые переводы многих греческих философов, сделанные каким-то Иоанном Петризием, поименованным философом и посланным из Грузии с двенадцатью другими молодыми людьми в Афины для образования себя в науках.[33]

b. Две эпические поэмы, сочиненные в царствование царицы Тамары: одна некоторым господином, по имени Руставелем, а другая Чахрухадзам; первая под заглавием «Барсова Кожа», а вторая — «Тамариана».[34]

После того, как все успехи в литературе остановлены были вступлением Чингис-Хана[35] в Грузию, опять не прежде принялись за словесность и науки, как с половины прошедшего столетия в царствование царя Иракла и стараниями покойного кафоликоса Антония.[36]

Сей последний сочинил «Грузинскую Грамматику» и «Катехизис». Он перевел на грузинский язык «Философию» Баумейстера и «Физику» Вольфа.

Князь Арбельян, живший в царствование царя Арчилла, в 17 веке[37] сочинил словарь.

Что касается до истории их страны, то грузинцы сочинениями о сем предмете одолжены кафоликосу Антонию, князю Багратиону и царевичу Давиду, который ныне находится в Петербурге.

Состояние Грузии, выведенное из понятий, полученных об ней прежде соединения ее с Россиею, последовавшего в 1801 году.

1. Местные силы.

1) страна;

2) жители;

3) произведения;

4) сребро.

Грузия на севере и на северо-востоке граничит с владениями некоторых народов, обитающих на Кавказе, то есть оссов, ингухов и областей Авар-Хана; на юге с Ганжею[38] и Ереваном; на востоке, с владением хана Дербенда, Кубы, Шеки и владениями лезгинцев; на западе с Имеретиею и турецкими владениями. В долготу Грузия простирается на 300, а в широту на 280 верст.

Реки Арагуй и Кур[39] разделяют ее на две части.

Карталиния. Карталиния состоит из трех частей, то есть

a. Из высшей Грузии.

b. Средней Грузии.

c. И из Сомхетии.

Важные города и села, находящиеся

a. В высшей Грузии, подле Имеретии, суть:

Сурам (крепость) Ицинвалия.

b. В Средней Грузии, отделенной от высшей рекою Лиахвою, находятся города Тифлис, Мцехета, резиденция недавно пред сим бывших царей карталинских, а ныне кафолического патриарха. В Мцехетской церкви стоят гробы многих царей.

Крепости.

Гори, Мухран, Духет и селы Ананур и Ахал-Гори.

c) В Сомхетии, отделенной от Средней Грузии горою Дид, находится недавно пред сим бывшая крепость Лори и Борчали (Кале).

В Карталинии считается до 1682 сел.

Ее реки суть: Кур при выходе своем из провинции Ахаль-Чуик, протекающая всю Грузию на юго-восток, проходит чрез Ганжу и другие владения ханов и впадает близ Салианы[40] в Каспийское море.

Кахетия. Разделяется на три части:

a) Кизику;

b) Кахетию внутреннюю;

c) Гахмари.

В Кизике заметна крепость Сигнах и Кагач (цари кахетские на время там пребывали в 1722 году).

Во внутренней Кахетии город и крепость Телава.[41]

Гамхмари отделяется от Кахетии внутренней рекою Алазаною.

В нем нет городов. Сел во всей Кахетии считается до 324.

В Гамхмари главные реки: Алазана и Тора, которые изливаются в Кур.[42]

2. Жители.

Трудно точно определить число жителей Грузии по причине тех неудобств, которые встречались тогда, когда их считали. Правительство попыталось это сделать в 1792, последствие чуть было не оказалось злополучным: народ готов был умертвить того, на кого возложена была сия должность, почему намерение сие и оставлено было.

Впрочем, по всей вероятности можно полагать, что число домов в Грузии простирается почти до 40000,[43] не исключая из того дома армян, татар, греков и жидов, утвердившихся там для добывания руды, равно как и фамилий князей и дворян, означенных трактатом в 1784, заключенным между Россиею и царем Ираклом, то есть 62 фамилии князей; 118 фамилий дворян, принадлежащих царю; 119 кафоликосу и князьям.

3. Произведения.

В Грузии находятся рудники золотые, серебряные, медные и железные, нефтяные ключи, солончаки, шелк и хлопчатая бумага. Из естественных произведений касательно плодов, сверх множества других обыкновенных находятся аронии (coigns), каштаны и гранатовые яблоки.

Есть несколько фабрик, на которых делается сукно и хлопчатая бумага. Однако грузинцы принуждены были покупать оные еще у грузинцев.[44]

Главный торг купцов производился в Персии. Они вывозили оттуда полотна, камни, хлопчатую бумагу, жемчуг, сахар, и кофе, и всякого рода мелочные железные товары.

Вывозили русское железо, меха, тонкое сукно, купленное в России.

4. Серебро.

Количество денег, имевших оборот в Грузии, до соединения ее с Российскою державою, точно не известно. Впрочем, надобно думать, что оно было очень невелико, смотря по обстоятельствам, в каковых страна сия находилась.

Виды ходячей монеты были: 1) золотая монета Окур, более либо менее стоящая двух рублей серебряных, смотря по промену; 2) монета серебряная: a) Екусси Хаури то есть шесть монет от 5 до 30 коп., b) Аббаз или 20 коп., c) Ори Хаури, то есть две пятико и десятико монеты, d) Хаури 5 коп.; 3) монета медная: a) Бисти 2 коп., b) Ори-пули 1 коп., c) Ерши-пули $^1/_2$ копейки.

5. Постановление.

Деспотическое. Ни одного не было коренного закона, который бы ограничивал власть царя, соединившего в особе своей все три власти: судебную, законодательную и исполнительную.

Впрочем, судебная власть, равно как и часть власти исполнительной, поручаемы были Диванам беям, которых было восемь, четыре для Карталинии да четыре для Кахетии. Они всегда почти были в Тифлисе подле царской особы.

Управа городов и сел зависела от муравов (губернаторов и городничих) и полицейских, которые в делах своих обязаны были относиться к Диванам беям, относившимся уже к царю,

Царь решал последний, иногда изустно, а иногда письменно, налагая большую печать на указ, посредством которого он издавал повеления.[45]

Подданные Грузии магометанского вероисповедания, может быть, татары, казахи, борчалы и бомбака, судимы были по предписаниям Алкорана.

Права князей и других званий государства.

A. Князья могли занимать первые места в государстве, наследственные в их фамилиях.

B. Дворяне, непосредственно зависевшие от царя, занимали известные места во дворе и служили в царских полках.

Они достигали, но весьма редко, до степени полковника; (Бимбахи) честолюбие их должно было ограничиваться чином капитана.[46]

Духовенство. Всякого состояния люди могли вступать в духовенство, которое такими же пользовалось правами, как и князья и дворяне. Монастыри имели подданных и землю.[47]

Купцы.Купцы, большею частию армяне, могли покупать земли и занимали места в царском доме.

Художники. Художники, ремесленные люди не имели никакого особенного для себя права; они разделены были на третицы (tribus).

Крестьяне. Крестьяне могли покупать землю и рабов на свое имя, но без позволения своих господ они не смели продавать ни того, ни другого.

Войско. Войска можно было набрать около сорока тысяч человек.

Конница хороша и большею частию состоит из князей, да из отборных дворян.

Приводят примеры 50 тысяч человек и более, вдруг вооруженных царями.[48]

Пехота весьма худа. Лучшая пехота, состоящая из Тухов.[49]

NB. Войско это командуемо было генералами, называвшимися сердарями. Сердарей было 4; один для Карталинии, 2 для Кахетии, и один для Кизики. Должность сердаря была наследственная в фамилии князя, занимавшего оную, а именно: в фамилии князя Обельяна для Сомхетии, князя Амилахорава для средней Карталинии; князя Цицианова в уезде Тифлиса, и Андроникова в Кизике.

Правление. Правление, особливо по части правосудия, отдаваемо было на благорассуждение царя самого, из одного пристрастия, страха или снисхождения. Были князья, которые сочиняли законы, смотря по нуждам области, но законы сии никогда не были исполняемы.[50]

Сколько бы очевидна ни была польза того, либо другого закона для блага общего, но исполнение оного весьма часто сопровождаемо было неудобствами.

Может быть, был закон, который запрещал грузинцам продавать крестьян своих за рабов.

Хотя каждый уверен был даже в необходимости сего закона, однако и его нарушали в случае нужды в деньгах, утешая родственников продаваемых людей тем, что продаваемые туркам могут со временем достигнуть достоинства беев в Египте. Число нарушителей сего закона было столь велико, что уже за это никого не наказывали, по причине невозможности наказать всех.[51]

Может быть, число народа в Грузии еще более бы уменьшилось, если бы верность турок наблюдать трактат, которым они обязаны были не покупать рабов грузинских, не положила тому пределы.

Далее — дворянство грузинское весьма многочисленно, не столько богато, чтоб имения каждого дворянина довольно было для всех издержков, которые он почитает себя обязанным делать по своему состоянию.

Препровождая жизнь, праздную, не деятельную, они помышляют о хитростях и о средствах отнять имение у своих соседей и у слабейшего. Большая либо меньшая партия таких злонамеренных людей собиралась, защищалась ложными свидетельствами, и оканчивалась тем, что судьи принуждаемы были присудить им то, либо другое имение, которое вскоре потом, вследствие тем же самым причинам, и переходило в руки других людей.

Из сего видно, сколь сожаления достойна была наипаче участь черни.

Следствие оной имели влияние даже на земледелие.

Земледелие тем более претерпевало, что грузинские дворяне по связи своей с соседними персидскими ханами[52] иногда отдавали на их волю от 3 до 4000 человек, которые вместо того чтоб возделывать землю, принуждены были следовать за ними на войну или на грабежи.

Худое правление оказывалось еще в государственных доходах.

Царь не только умножал, как ему угодно было, свои доходы на счет всякого класса людей; но и злоупотребление оных (наипаче в царствование царя Георга) столь велико было, что царевичам и другим чиновникам, и в любви у государя находившимся людям, даваемы были указы без малейшей платы брать то, что им понравится.[53]

Главные статьи, составлявшие положительные царские доходы, были:

a) подати, состоявшие из хлеба и денег, которые собираемы были с татар (махта), и которые ежегодно составляли 35000 рублей;

b) с жителей Тифлиса 4000 рублей (они ничего более не платили со времени разорения сего города Ага-Магометом-Ханом);

c) жители Тифлиса и Гори платили поголовную подать, женатые люди 120 коп., а холостые 60 копеек в год (жители других городов были из этого исключены);

d) экономические крестьяне с каждого дома платили по шести пудов хлеба в год.

Сверх упомянутых статей откуп: 1) табаку; 2) соли; 3) всяких материй; 4) веса и пр. и пр. доставлял царю ежегодного дохода 43654 рубля.

Все золото, добываемое из рудников, принадлежало царю, а те, которые добывали, получали деньгами 150 рублей на пуд.

Что касается до медных рудников, то покойный царь Георг отдал их в откуп в 1800 году на два года за 20100 рублей.

Для добывания руд употребляемы были греки, коих число простирается до 200 человек. Они добывали их под надзиранием одного чиновника, находящегося при царе.

Все доходы собираемы были муравами, которые вместо жалованья пользовались 20-ю частию.

I. Какие выгоды для Грузии проистекали из соединения с Российскою державою?

Выше видели из краткого исторического начертания, какие причины побуждали грузинцев желать соединить отечество свое с Россиею, и какие выгоды для Грузии из оного соединения проистекали.

Всякий класс жителей сей страны мог приобресть тут свои выгоды, почему и пожелал соединения.

1) сам царь; ибо он не мог поддержать государства своего без помощи России;

2) некоторые царевичи, а особливо те, которые не надеялись достигнуть царского достоинства;

3) крестьяне, притесняемые и угнетаемые своими господами;

4) греки и армяне; словом, все жители христианского вероисповедания, побуждаемые одинаковою верою и хорошими, касательно их, поступками Российского правления, со времени царствования царя Ивана Васильевича, наипаче даже до наших дней.[54]

II. Российская держава получает ли какую-нибудь выгоду приобретением Грузии?

Неудобства, сопряженные с переправою — климат, к которому российское войско не привыкло — местоположение Грузии, ежеминутно подвергающее наши полки сражениям и стычкам с варварами, окружающими оную — все сие, кажется, заставляет Россию паче делать беспрестанные пожертвования для сего приобретения, нежели приобретать какую-либо выгоду из оного.[55]

III. Какие бы правительству надлежало предпринять меры, чтоб воспользоваться этим приобретением?

Не дерзая отвечать на сей вопрос, я смею однако ж предположить, что если бы границы Грузии распространить до известной точки, какую бы правительству назначить заблагорассудилось,[55] то Россия, равно как и Грузия, тем выиграла бы; может быть этим бы одним средством Россия могла даже получить вознаграждение, возвратить пожертвования, сделанные ею для Грузии.

В числе выгод, которые бы могли из сего проистечь для России, равно как и для Грузии, можно положить:

A. Большую безопасность внутри Грузии.

B. Заключив с обеих сторон горных жителей, удобнее можно их образовать и покорить.

C. Тогда бы отверзлось удобнейшее, безопаснейшее и обширнейшее сообщение между Россиею и Грузиею посредством пристаней в Азии, лежащих на берегах Черного моря с пристанями, лежащими в Европе.

D. Деятельность тотчас бы умножилась, коль скоро можно бы было слагать на них плоды свои, а доходы царские умножились бы от биржи.[56]

Многие персиане и армяне, действительно утвердившиеся в Персии, по справедливости надеясь на правительство российское, в таких обстоятельствах переселилися бы в Грузию, и перенесли бы с собою свое богатство и свою деятельность; и довольство во всех классах ее жителей мало-помалу сделалось бы довольно великою для вспоможения издержкам государства.

E. Правительство более имело бы средств покровительствовать армян, народ, торгующий в Азии (коего привязанность к России, может быть для собственной его выгоды, оказалась с того времени, как Россия занялась делами Востока), доставив монастырю Эчмиазину, где пребывает патриарх кафолический, независимо от хана Эриванского.[57]

Просвещение народов самых варварских, споспешествуемое предприемлемыми мерами, отражаясь на потомство, воздвигнет в грядущие столетия императору Александру Первому незыблемый и знаменитейший памятник, когда-либо существовавший.

Примечания

1. По Клеману, число ногайских татаров простирается до 500000 семейств, что кажется слишком много.

2. Они платили ему ежегодную подать, состоящую из меда, мехов и молодых людей обоего пола.

3. Полковник Гербер утверждает в своем сочинении gesammelten Nachrichten von denen Zwischen Astrachan und dem Flusse Rur gelegenen Völkern, изданном в 1727, что царь Иван Васильевич по взятии Казани и Астрахани, проник даже в горы и ввел там вероисповедание христианское. Впрочем, кажется, что оно не было принято и что памятники христианства простираются гораздо далее.

4. Сами черкасы начало свое получили в Аравии. Оттуда они удалились в Египет и покорились потом покровительству императоров византийских, которые им позволяли жить в Крыму. Когда притеснения татар принудили их оставить сию землю, то они перебрались как на оба берега Кубани, так и в Кабарду.

5. Источник, содержащий в себе минеральную воду, находится близ одной деревни татарской, которая называется Брагонна; а неподалеку от него Петров источник, коего вода содержит в себе серные, железные и стеклянные частицы. Он так называется в память Петра Великого, который приказал лекарю своему Шоберту испытать его свойство. Вода сего источника так горяча, что весьма скоро можно сварить в ней какую-нибудь птицу, и много пахнет нефтью.

6. Жители сей области прекрасных коз своих продают россиянам.

7. Может быть, отряд войска, которым командовал Пери.

8. Га дел-Позза, выкуп заплачен был таким образом.

9. Авторы беспрестанно противоречат относительно к славному узкому проходу, от которого зависело сообщение между северными и восточными народами; из снесения различных проходов, упоминаемых греческими и римскими писателями видно, что тут было три таких узких прохода, славных в древности. Проход, названный portae Ibericae, ведущий чрез Кавказ в Иверию, вероятно есть тот самый, о котором теперь идет дело.

10. Они покупают соль и другие припасы в Грузии и Моздоке. Сверх других пособий для сего употребляют средства лишать их сих припасов, запирая им вход с обеих сторон. Я предполагаю, что они теперь уже покорены совершенно, наипаче со времени великих успехов Войска Его Императорского Величества, на границах Грузии, и с тех пор, как наконец познали истинные средства, и начали употреблять (для введения порядка) все то, что относится к благу сей области.

11. Лезгинцы разделяются на разных поселенцев, которых считается около тридцати, и которые между собой разнятся как своими обычаями и нравами, так и языками. Они еще разделяются на некоторые третицы (Tribus), различаемые именами взаимно у них употребляемыми.

12. Они имеют хорошие рукоделия.

13. В прошедший год автор сам видел таких, которые служили во французской Армии в Египте, и которые для сего носили знаки на пуговицах, прикрепленные к их платью.

14. Чтоб исследовать причину имени Грузии и грузинцев, к тому ведут нас азиатские языки: и так как нет языка в Азии, который бы мог выразить название нации, но соединяя с ним понятия о вере, исповедуемой тем, либо другим народом, то кажется, что иверийцы, равно как и алваниры, применяя религию и избирая себе покровителем Св. Георгия, назвали отечество свое именем покровителя, которого они приняли со времени их обращения.

15. По крайней мере, не так, как о жителях той страны, о которой здесь идет дело.

16. Три другие суть следующие: 1) фамилия Фарнабаза, 2) Аркакуниана, 3) Хосрейева.

17. Царь Вахтанг I, царствовавший в 5-м веке, был основателем города Тифлиса. Другие предполагают, что он основан был не прежде, как в 11-м веке князем Ливангом. Сие последнее мнение свое подтверждают надписью, находящеюся на крепости сего города.

18. В 6-м веке король персидский Кавад, в то время царствовавший, хотел принудить грузинцев отречься от христианства, а после него и много было таких примеров. Один хан Персийский, царствовавший в 4-м веке, принуждая грузинцев на то же самое согласиться, для той же самой причины умертвил царя Вахтанга в 1304 году.

Что касается до сана правителей (Gouverneur), который в шестом веке в царствование царя Кабура III, сделался наследственным, то он был другим источником бедствий. Более всего учреждение сие следствиями своими препятствовало соединению столь нужному всей Грузии для того, чтоб противостоять неприятелям Государства; тем паче, что История представляет разительные примеры неповиновения сих правителей в подобных случаях. Даже в царствование короля Каталинского Давида VI случилось то, что правители явно отказали царю действовать соединенно с ним против неприятелей общества.

Уделы. Королева Рус-Удан, царствовавшая в 13 веке, разделяла владения свои на две части и Имеритию отделяла от своего королевства (эпоха основания королевства Имеритийского), которая, опять соединившись с Грузиею, во второй раз отделена была от нее в 15 веке, в царствование царя Александра, который все разделил на три части: Кахетию, Карталинию и Имеретию, оставшуюся после того времени королевством отделенным; Карталиния соединилась в Кахетию в царствование царя Иракла.

19. Я не полагаю в число связей супружество знаменитой царицы Тамары, последовавшее во II-м веке с князем российским, сыном Великого Князя Андрея Боголюбского, это связь домашняя, чрез которую два государства между собою не сближались.

20. Многие народы горных жителей в сию эпоху 1587 покорились покровительству России. В числе послов российских, отправленных от царя в Кахетию с объявлением принятой покорности, находился князь Звенигородский.

21. Царь российский хотел при сем случае заключить два брака: 1) между дочерью царя и сыном своим Феодором Борисовичем; 2) между Ксениею Борисовною, дочерью своею, и племянником царским.

Но смерть царя Бориса Феодоровича воспрепятствовала исполнению сего намерения; равно как и смерть царя Георга, который был отравлен ядом шахом Аббасом.

22. За ним последовала потеря грузинской армии, причиненная лезгинцами, которыми командовал царевич Константин, сын царя Александра.

23. Царь Теймурас девять лет спустя после того принужден был уступить Карталинию Ростому, магометанского вероисповедания.

В 1638 году князь Дидиан покорился России.

24. В 1651, Александр, царь Имеритский, в присутствии посла России поклялся в верности сей державе.

25. В Рескрипте, писанном в 1674 царем российским к царевичу Николаю, внуку царя Теймураса, сей последний наименован подданным Российским. В нем означено также и то, что уже царь Леон, отец Александра II, в царствование Ивана Васильевича признал покровительство России.

26. В числе царей может быть царь Теймурас (скончавшийся в Петербурге) вахтинг, Бакар (скончавшийся в Москве.)

27. Потомство царей Карталинских, Вахтана и Бокара осталось в России.

28. Царь Соломон Имеретский, прогнанный во время войны турками, был возвращен в свое государство помощию российского войска.

29. Он был убит. Нынешний хан Испахан есть Баба-Хан, человек, мало имеющий влияние по своей приверженности к крепким напиткам.

30. Дети царя большею частию были привержены к Персии, а дети царя Георга к России.

Царь Иракл скончался в 1798 году. Он царствовал 52 года.

31. Грузия была долгое время яблоком раздора для Турецции и Персии, разделена была между сими двумя державами таким образом, что провинции, лежащие к востоку, то есть Карталиния и Кахетия, остались за Персиею, которою тогда управлял шах Аббас. Мингрелия и Имеретия и пр. и пр. остались за Турециею, однако сей раздел не возвращал спокойствия Грузии; смотри выше статью Истории.

32. Разумеется, в глазах персиан, коих государи никого из грузинцев не принимали к себе в услугу, если он не был магометанского исповедания; уничтожить закон сей предоставлено было Надиру шаху.

33. Это было в 12 веке, в царствование царя Давида.

34. Царствование царицы Тамары для Грузии было веком словесности; в ее время два сочинителя отличились и в прозе, один именем Хонель, а другой Тмогвели.

35. А потом Тамерлина, смотри Гербелота, восточная библиотека искус. Тимур.

36. Грузинцы ему одолжены основанием училищ Народных; он образовался наипаче от сообщения с кафолическими проповедниками. О проповедниках смотри Кардина.

37. Он долгое время путешествовал по Европе, наипаче по Франции и Италии.

38. Ганжа есть укрепленный город на небольшой реке того же имени, изливающейся в Кур. Ганжа находится в 50 верстах от правого берега сей реки на границах Грузии и занята российским войском.

39. Древний Кир; название, которое, по мнению историков, дано сей реке при смерти Кира, убитого подле ней со всею его армиею горными жителями.

40. Число жителей города и уезда Салианского довольно велико. Рыбная ловля в Кур в том месте весьма прибыльна и отдается на откуп промышленникам, большею частию русским, города Астрахани.

41. Царь удалился туда после того, как Ага-Магомет-Хан опустошил Тифлис. Он там умер в 1798 году.

42. С 1801 Грузия разделилась на пять округов, из коих три находятся в Карталинии, то есть Гори, Лори и Духет, и два в Кахетии, то есть Телав и Сигнах.

43. Во время пребывания в Грузии Арсения Суханова, русского путешественника в 1653, число домов в Карталинии простиралось до 24000 и до 12000 в Кахетии.

44. В Кубесхахе, находящемся в Лесгистане, где обитает народ, именующийся франками, почитаемый произошедшим из Генуи, находятся фабрики и рукоделия различных родов.

45. Иногда таковое царское повеление, не быв записано в журнал, на другой день по утру уничтожаемо было для другого (повеления).

46. Что касается до дворян, привязанных ко князьям, то, как князьям они служили, так те же самые князья их награждали и чинами.

47. Церквей в Карталинии и Кахетии считается до трех тысяч. Шесть монастырей мужеских в Карталинии да пять в Кахетии, в обеих сих провинциях находится 12 епископов, архиепископов и митрополитов и 13 архимандритов.

48. Может быть, много их было между горными жителями; грузинские летописи говорят о полках несравненно еще больших, вступивших в поход. Если можно тому поверить, то в прежние времена жителей Грузии было гораздо более, нежели ныне.

49. Поселенцы, живущие в горах, на границах Кахетии, окруженные чеченцами, корабулаками и кистами.

50. Вахтан, царь Карталинский, он возшел на престол в 1703 году, сколько ни старался ввести у себя порядок правосудия, но все старания его были тщетны; он кончил свое законоположение сими словами: «Я начал сие законоположение, но правосудие никогда в Грузии наблюдаемо не было и никогда не будет».

В сии мятежные и несправедливые времена царь сей изгнан был из Отечества и скончался в России. Смотри выше.

51. Таковое послабление возбудило некогда одного первоклассного дворянина опустошить все село, в котором жили жиды, продавая их туркам. Извинение, принесенное им пред судилищем, что он это сделал для отмщения за кровь Иисуса Христа, было принято за действительное.

52. Со времени смерти Надира-Шаха беспорядок, царствовавший в Грузии, был столь велик, что, начиная от сей эпохи даже до восшествия на престол Керим-Хана, скончавшегося в 1779 году, число домогавшихся верховной власти простиралось до 8 человек. То же самое было со времени смерти Керима-Хана.

53. Из сего видно, что доходы царские нимало не были постоянны. Посредством денег можно было освободиться от телесного наказания и от самой смерти. Чем более было преступников, которые могли заплатить за освобождение от наказания, тем более доходов.

54. Доходы, могущие умножиться посредством рудников, доныне были весьма малы (смотри выше статью государственных доходов) в сравнении с тем, что надобно для содержания сей области. К тому же добывание руд весьма убыточно, по причине необходимости употреблять на сей конец греков и армян, коих труды обходятся весьма дорого.

55. Некоторые области, окружающие Грузию, уже были еще в прошедшие времена в зависимости, то от грузинцев, то от России по причине соотношения их с Имеретиею и Мингрелиею; что ж касается до областей Ганжи и Еривана, то они платили дань Грузии еще в царствование царя Ираклa.

56. Может быть и от Имеретии. Во время Римлян уже там добывали руду. Народная прибыль тут так же бы выиграла.

57. Сочинение сие написано было в такое время, когда автор не знал совершенно воли правительства сделать действительными древние права Грузии на многие области. Теперь взятие Ганжи и новые соотношения, в которые держава недавно вступила с Ереваном, Имеретиею и Мингрелиею, оправдывают справедливость его предположений.

Текст печатается по изданию:

Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии. — Санкт-Петербург, 1805.

Федор Федорович Торнау

В библиотеке Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института была обнаружена публикуемая здесь работа «Плен у шапсугов» (1864). Она подписана псевдонимом «Кавказский офицер», представляет собой оттиск из журнала «Военный сборник» (1864. Т. 40. № 11. С. 197–218). Настоящее имя автора – Федор Федорович Торнау. Источники определения имени: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. – Т. 2. – М., 1957. – С. 48; генеральный алфавитный каталог Российской национальной библиотеки.

Барон Федор Федорович Торнау (Торнов) (1810–1890) – русский офицер, генерал-лейтенант, дипломат, писатель, разведчик, участник Кавказской войны, автор документальных литературных произведений: «Воспоминания кавказского офицера» (1864), «Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции» (1867), «От Вены до Карлсбада» (1872) и др.

Окончив курс в Благородном пансионе при Императорском лицее, поступил на военную службу, участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, в польской кампании 1831 года, в Крымской войне 1853–1856 годов, в Кавказской войне. Отличался в боях, два года (1836–1838) был в плену у горцев; этот эпизод своей жизни описал в «Воспоминаниях кавказского офицера» («Русский вестник», 1864; переведены на европейские языки); ему же принадлежат заметки о Кавказской войне, опубликованные в газетах «Кавказ», «Русские ведомости», журналах «Русский архив», «Исторический вестник» и др. в 1850-м и последующие годы.

Г.А. Дзидзария в книге «Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века» (М., 1976) отмечает дерзновенные задачи, которые ставил перед собой Ф.Ф. Торнау как исследователь: «Следует отметить, что в материалах Торнау содержатся весьма важные данные и для науки. Показательно, что и сам автор значение своего путешествия оценивал прежде всего именно с этой точки зрения. «Если, – писал он, – пройденная мною дорога не представляла особенного интереса, зато собранные мною этнографические сведения были новы и весьма положительны. Из Абхазии до верховья Урупа я шел по местам, совершенно незаселенным, наполненным на нашей карте множеством несуществующих народов, которые мне пришлось стереть. Ошибки происходили оттого, что карты местностей, куда не проникали еще ни путешественники, ни войска, пополнялись через расспросы людей, дурно говоривших по-русски и которых язык мы совершенно не знали» (с. 43–44).

В 1850–1870 годах Ф.Ф. Торнау был военным агентом в Вене, состоял членом военного ученого комитета Главного штаба. В 1856 году был назначен военным атташе при русском посольстве в Вене, в 1861-м году ему было присвоено звание генерал-майора, в 1870-м – генерал-лейтенанта; на дипломатической работе состоял с 1856 по 1861 год. В 1875 году уехал с больной женой в Эдлиц, близ Вены, где оставался до конца жизни, писал мемуары. Воспоминания об австрийском периоде жизни и службы были изданы его дочерью, госпожой Борк, но весь личный архив Торнау исчез. «Воспоминания кавказского офицера» были переведены на французский язык и опубликованы в 1876 году.

С.Д. Руденская в книге «Царскосельский – Александровский лицей. 1811–1917» (СПб., 1999) выдвигает гипотезу о том, что «отправившись в разведку в сентябре 1836 года, Ф.Ф. Торнау попал в плен к горцам и находился у них по ноябрь 1838 года. Так он стал «кавказским пленником», бежать из плена ему помогали горские женщины. Одноименные поэмы Пушкина и Лермонтова и повесть Л.Н. Толстого, который сам тоже, но ненадолго, попал в плен к горцам, возможно, несут отголоски известной истории, произошедшей с Федором Торнау» (с. 420–421). Вряд ли эта гипотеза верна, так как поэма «Кавказский пленник» А.С. Пушкина написана в 1820–1821 годах, поэма «Кавказский пленник» М.Ю. Лермонтова – в 1828 году; во время написания рассказа «Кавказский пленник» Л.Н. Толстого (1872) это была уже литературная традиция.

Работы о Ф.Ф. Торнау:

Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М.: Наука, 1976.

Руденская С.Д. «Кавказский пленник». Ф.Ф. Торнау // Руденская С.Д. Царскосельский – Александровский лицей. 1811–1917. – СПб.: Лениздат, 1999. – С. 420–421.

Исследования Ф.Ф. Торнау:

Горские племена, живущие за Кубанью и по берегу Черного моря от устья Кубани и до Ингура // Кавказ. — 1850. — № 94—96 и 98.

Записки русского офицера, бывшего в плену у горцев // Кавказ. — 1852. — № 1—2.

Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. — 1869. — № 1—4.

Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции. — М.: В университетской типографии на Страстном бульваре, 1867. — В том же году произведение было опубликовано и в журнале «Русский вестник» (1867, № 6—7).

Из воспоминаний бывшего кавказца // Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу голодающих Самарской губернии. — СПб., 1874. — С. 43—55.

Воспоминания кавказского офицера. Ч. I. 1835 год. Ч. II. 1835—1838 годы. — М.: В университетской типографии (Катков и К°), 1864. — В том же году были напечатаны и в журнале «Руский вестник» (1864, № 9—12), а затем вышли в переводе на немецком, французском и английском языках. — *Переиздание*: Воспоминания кавказского офицера. — М.: Ассоциация исследователей российского общества XX века, 2000.

От Вены до Карлсбада (Путевые впечатления) // Русский вестник. — 1872. — Том 97. Январь. — С. 303—361. — *Переиздание*: От Вены до Карлсбада (Путевые впечатления) // Вена в русской мемуаристике: Сборник материалов / Сост. Е.В. Суровцева. — Казань: Изд-во «Бук», 2016. — С. 10—63.

Панна Зося (Рассказ армейского прапорщика) // Сборник «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». — СПб.: Издание Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, 1876. — С. 120—140 (среди авторов сборника были выдающиеся писатели и ученые: А.Н. Майков, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, С.М. Соловьев, Я.К. Гротт, О.Ф. Миллер, В.С. Караджич и др., одним из членов комиссии по подготовке сборника к изданию был Ф.М. Достоевский).

Государь Николай Павлович (Из автобиографических рассказов бывшего кавказского офицера) // Русский архив. — 1881. — Кн. II (1). — С. 228—248.

Гергебиль. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнова // Русский архив. — 1881. — Кн. II (2). — С. 431—476.

Великая княгиня Елена Павловна // Русский архив. — 1881. — Кн. III (2). — С. 300—311.

Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау // Исторический вестник. — 1897. — Т. LXVII. — С. 56—88. — *Переиздание*: Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау // Вена в русской мемуаристике : сборник материалов / Сост. Е.В. Суровцева. — Казань: Изд-во «Бук», 2016. — С. 64—132.

Ф.Ф. Торнау
Плен у шапсугов

22 мая 1860 года я, вместе с колонною, отправленною из шапсугского отряда[1] на пост великолагерный[2], командирован был в город Екатеринодар за получением из местной почтовой конторы простой и денежной корреспонденции для офицеров и нижних чинов баталиона, в котором в то время находился я на службе.

23 мая, получив из почтовой конторы все, что следовало, я в тот же день отправился в ближайшую к великолагерному посту станицу Марьевскую, к одному из знакомых мне офицеров, у которого, в ожидании оказии, пробыл до 26 мая. Хотя во все это время у меня повторялись сильные пароксизмы лихорадки, однако в ночь с 25 на 26 мая поехал я на пост великолагерный с тем расчетом, чтобы прибыть к утру и вместе с колонною возвратиться в отряд.

Я застал колонну уже готовою к выступлению. Сдав в баталион корреспонденцию, я, несмотря на убеждения товарищей ехать, по причине болезни, на повозке, отправился, как субалтерн-офицер, в цепи.

День был довольно жаркий. На полпути колонна остановилась для отдыха. Я сел между цепью и резервом правой цепи, примыкавшей к ариергарду, под небольшим кустом, держа за уздечку своего коня.

Трава была в рост человека. Выкурив папиросу и не слыша сигнала «движение», я встал посмотреть, где колонна. Она стояла на месте; солдаты сидели. Тогда я опять сел, привязав коня за куст, но в эту самую минуту почувствовал сильное кружение головы, сопровождаемое рвотой. Не могу определить, сколько времени продолжался мой болезненный припадок, но когда я очнулся, колонны уже не было.

Едва вышел я на дорогу, как вправо, на расстоянии полуверсты, близ леса, показались пять неприятельских всадников: они направлялись ко мне, держа винтовки наголо. Быстро вскочив на коня и не успев даже отвязать от седла нагайки, я поскакал во весь карьер по просеке в отряд, предполагая нагнать колонну. Всадники помчались наперерез мне; однако я успел опередить их на полуружейный выстрел. Преследуя меня, они девятым выстрелом ранили моего коня в ляжку задней правой ноги. Конь мой на всем скаку упал, а я бросился бежать влево от дороги в лес, надеясь или нагнать колонну, или скрыться в нем. Не тут-то было: три всадника, бросив коней своих, погнались за мной.

По причине густоты кустарника, бежать долго я не мог и, остановясь около довольно толстого дерева, стал защищаться шашкою. После полученной пятой, и самой сильной, раны в левую руку, я, и без того уже изнеможенный, должен был уступить в неравном бою шапсугам. Меня тотчас же увезли в аул, вправо от дороги[3].

Не доезжая до аула, шапсуги остановились, обыскали меня и, взяв находившиеся при мне в саквояже деньги, просили ломаным русским языком, чтобы я не говорил никому о том, что они обобрали меня.

Шагах в тридцати от аула я был встречен пикетом из трех горцев, которые сидели за толстым деревом.

Когда мы поравнялись с пикетом, двое из пикетных быстро бросились на меня и стащили с коня; один из них схватил меня за руку, другой за шею и так повели чрез широкий, довольно чистый двор, крича «урусь, урусь!», пока не впихнули меня в первую попавшуюся на дворе саклю.

Почти вслед за мной ворвалась в саклю толпа полунагих мальчишек, тоже кричавших «урусь, урусь!». Я сел на полу, у стены, поддерживая раненую левую руку. Вскоре потом пришел старик и знаком велел мне следовать за собою. На дворе, в противоположной части сакли, под двумя деревьями сидело много вооруженных шапсугов. По приходе нашем все они быстро поднялись, уступая место старику[4]. Старик сел на хазыр[5], посадив возле себя и меня; вслед за тем уселась и вся поднявшаяся толпа.

Между сидевшими мужчинами и собравшимися тут же женщинами и девушками завязался оживленный разговор. Начался осмотр моих вещей. Принесли шашку, саквояж, вынули из него бумаги, карандаш, сургуч, печать, кремень, трут, огниво, кисет с табаком, папиросную бумагу и спички. Каждая вещь по нескольку раз переходила из рук в руки, была тщательно рассмотрена, и потом все уложено в саквояж.

Старик толкнул меня рукою и, указывая на взявших меня в плен шапсугов и на мои карманы, говорил: «Ахча, ахча!», то есть «деньги! деньги!». Трое шапсугов, высунувшись между тем из толпы, смотрели мне прямо в глаза, как бы умоляя не выдать их.

Во все это время мухи целым роем садились на мои раны. Сколько я ни отмахивался, сколько ни прикрывал раны мои оставшимся у меня носовым платком, но, наконец, выйдя из терпения, толкнул сидевшего возле меня старика и показал ему, обводя правою рукою около левой, что надобно перевязать руку. Жестами и словами старик дал мне понять, что просьба моя будет исполнена.

Действительно, не прошло и пяти минут, как все сидевшие встали, стоявшие расступились, и я увидел двух всадников, приехавших на одной лошади верхом. Оба они были вооружены только кинжалами. Косой всадник, сидевший позади, ловко спрыгнул с коня и, прямо подойдя ко мне, сказал: «Здракуй!» — «Здравствуй», — отвечал я и прибавил:

— Послушай, брат, перевяжи, пожалуйста, чем-нибудь мои раны.

— Якши, якши (хорошо! хорошо!), — и, переговорив немного с присутствующими, уселся возле меня.

В ту же минуту марушки[6] засуетились, перебегали из одной сакли в другую, а две из них ушли в близлежащий лес.

— Черкес знай[7]? — спрашивал меня косой шапсуг.

Я сделал отрицательный знак головою.

— Турк знай? араб знай? енглиз знай[8]? — спрашивал он меня.

Я повторил тот же знак.

— Яман, яман[9]! — произнес он протяжно, приподняв платок и осматривая раны; потом вынул из кармана небольшой складной ножик, тщательно осмотрел его, осторожно отпорол рукав сюртука, а вместе с тем и рукав рубашки.

Запекшаяся кровь замедляла ход операции. Наконец рукав был снят. Свежая кровь полилась из ран.

На зов косого шапсуга марушка поспешно принесла из сакли небольшое корыто, десяток яиц, ложки три свежего коровьего масла, щепоть соли и тряпки.

Почти вслед за ней пришли и уходившие в лес две девушки: они принесли пучок какой-то травы и деревянную ступку. Косой шапсуг разбил яйца, вылил их в деревянную ступку, положил две ложки масла, щепоть соли, половину пучка травы и весь этот состав начал сбивать, что продолжалось около часа. Образовалась желто-зеленая жидкость, которою шапсуг намазал довольно густо длинную, но узкую тряпку и, не смывая крови, убинтовал тряпкою мою руку, не перезавязав однако ни одной раны. Потом, взяв кусочки хлопья и обмакнув их в состав, приготовленный таким же образом, но без соли, он вложил их в раны, перевязал тряпками и подтянул руку мою башлыком.

Во время перевязки косой шапсуг для поддержания сил моих давал мне несколько раз пить воды.

По уходе косого шапсуга взявшие меня в плен сняли с меня сюртук, панталоны, фуражку и, дав мне закусить пааста[10], повели на соседний двор. Здесь заковали ноги мои в цепь, посадили меня на арбу, запряженную парою волов, и под конвоем повезли к горам, сопровождая поезд песнею и выстрелами[11]. Конвой состоял из пяти гнавшихся за мною шапсугов, и все они, исключая одного, сидевшего со мною на арбе, были верхом. Тот, который ехал впереди арбы, заезжал на пути во все кутаны[12] и в ближайшие от дороги аулы, откуда возвращался с толпою мужчин и женщин, которые принимались рассматривать меня, дотрагивались иногда до головы моей, удивлялись моим волосам[13]; но более всего их занимали мои походные, с длинными голенищами, сапоги. После этого первого осмотра начинался другой: с арбы снимались все мои вещи, показывались саквояж и все в нем находившееся, и в заключение один из конвойных сожигал спичку.

Меня привезли в аул Эмпенхиако, за Кубанью. Подъезжая к нему, передовой ускакал: конвойные запели, сопровождая песню выстрелами, и толпа вооруженных шапсугов высыпала нам навстречу, также с выстрелами. Меня посадили на довольно обширном и чистом дворе стоявшей на полугоре сакли, откуда отчетливо был виден весь лагерь шапсугского отряда.

Было часов семь вечера. Некоторые из окружавших меня совершали вечерний намаз, после чего ко мне подошел невооруженный шапсуг и сел у ног моих. С ним долго говорил один старик.

— Слушай, брат, — сказал мне невооруженный, — они спрашивают тебя, кто ты такой. Стало быть, урядник ли ты, офицер ли ты, аль драгун?

— Урядник, — отвечал я.

Лишь только я произнес это слово, как один из шапсугов побежал в саклю и принес мое платье и саквояж.

Все присутствующие, в том числе и переводчик, начали рассматривать принесенное.

— Ты, брат, верно, беглый солдат? — спросил я переводчика.

— Беглый, — отвечал он.

— Давно бежал?

— Да лет пятнадцать будет. Эх, хотелось мне у тебя кой о чем порасспросить, — говорил сквозь зубы переводчик, потупив в землю глаза, — да вишь ты, вот налево около тебя сидит старик — это, стало быть, князь аула, он мой хозяин; а вот, направо от тебя, молодой — это сын его, стало быть, этого старика. Он кой-что смыслит по-русски…

Молодой князь, до сих пор чертивший по земле обнаженным кинжалом, начал что-то очень скоро говорить переводчику, махая кинжалом.

— Вишь ты, он бранит меня, — сказал сквозь зубы переводчик.

Посыпались расспросы: о числе в отряде войска и орудий; кто нас привел; кто командует отрядом; будем ли здесь крепость строить, пойдем ли далее или вернемся назад; зачем русские лес рубят и истребляют поля; какое войско: русское или черноморское? Не забыли расспросить и о Шамиле, прибавив, что Шамиль хотя и взят в плен, но брат и сын его живут еще в горах.

В продолжение разговора старик-князь нередко напоминал мне о том, что мне теперь нечего бояться русских, что я должен говорить всю правду; за то меня скоро вылечат, а в противном случае убьют.

Стемнело. В отряде начали показываться огоньки. Вдруг взвилась сигнальная ракета, и раздался вечерний зоревой нашего отряда орудийный выстрел. Шапсуги вскрикнули: «Аллах, Аллах!», — и некоторые из сидевших даже вскочили с своих мест. Расспросив, для чего в отряде каждый вечер стреляют из орудия и сказав, что на днях будет сделано нападение на отряд, старик-князь встал и тотчас ушел со двора. За ним последовали и прочие.

— Прощай, брат, прощай, — говорил мне переводчик, подавая руку, — не скучай, пой песни. Тут жить все равно, как в России.

Потом, переговорив с двумя оставшимися при мне шапсугами, прибавил: — Не бойся, брат: они скоро тебя вылечат; они лечат хорошо. Ну, прощай, брат, прощай.

— Прощай, прощай, — отвечал я.

По уходе переводчика оставшиеся со мной два молодых шапсуга отвели меня в саклю, уже наполненную женщинами и полунагими детьми.

— Тэс, мо тэс[14], — говорил мне шапсуг, указывая на насыпь, сделанную из земли, при входе в саклю с левой стороны.

Я сел у самого огонька, тлевшего под трубою.

Когда, поужинав кашею, шапсуги разошлись, оставшийся со мною показал мне рукою, чтобы я лег на насыпь. Я последовал его совету; но сильная боль в руке заставила меня сейчас же встать.

Кое-как, жестами и отрывочными словами, я дал понять, что мне нужно подложить что-нибудь под руку. Шапсуг принес кусок от одеяла и что-то вроде подушки. Лишь только я немного успокоился и стал забываться, как звук кандалов, в которые я был закован, пробудил меня. В то же время послышалось бряцанье железа вне сакли, и вошел молодой шапсуг, неся на плече довольно длинную цепь. Он сбросил ее возле меня. Другой шапсуг принес между тем топор.

Прорубив в боковых стенках трубы и в противоположной от меня стене небольшие отверстия, оба внимательно осмотрели кольца цепи, обмотали мне шею тряпкою, один конец цепи, составлявший два размыкающихся полукружия, надели мне на шею и замкнули их, а другой конец продели в прорубленное в трубе и в стенке отверстие и, наконец, завязали на наружной стороне сакли. Когда я лег, мне не оставалось ни одного лишнего вершка цепи, так что голова моя находилась в полувисячем положении. Всю ночь я промучился от сильной боли в руке и от тяжести цепей. Шапсуги тоже не спали: при малейшем звуке цепей они поднимались, раздували угасавший огонь и осматривали меня.

Настало утро. Совершив намаз, шапсуги расковали мне шею и повели в другую, на этом же дворе, саклю. Пробыв целую ночь в цепях, обессиленный от увеличившейся в ранах боли, я поднялся с трудом, еще с большим трудом, едва переступая, в кандалах, добрался до сакли, где тотчас лег на насыпь у стены. Старушка принесла мне воды и каши.

Немного спустя, ввалились в саклю человек до десяти шапсугов. После обычных приветствий гостям подали пааста, и между ими и хозяевами завязался разговор, судя по частым их указываньям на меня, обо мне.

— Эй, слушай, брат, кто ты такой? — спросил меня рябоватый, среднего роста, молодых лет шапсуг.

Вместо ответа я попросил перевязать мне руку.

— Погоди, брат, — говорил он, — вот приедет лекарь, так он сам сделает. Ты не бойся: они тебя вылечат. У них лечат не так, как у русских: у них лечат хорошо, больно хорошо.

Повторив первый свой вопрос, переводчик, со слов сидевших, начал меня расспрашивать: откуда я, есть ли у меня отец, мать, братья и сестры; выкупят ли они меня, и сколько за меня дадут денег; есть ли у меня товарищи и не выкупят ли они меня? При этом он предупредил, что если меня не выкупят, то я должен буду работать.

Потом пошли расспросы о числе войска и орудий в отряде, пойдут ли войска дальше в горы и скоро ли. Переводчик прибавил: «Да и у нас здесь в каждом ауле есть орудие».

— Ты, верно, русский? — спросил я его.

— Русский.

— Беглый?

— Нет, не беглый.

— Пленный?

— Нет, не пленный.

— Так зачем же ты здесь живешь?

— Затем, что здесь жить хорошо.

Мне очень хотелось продолжать разговор с переводчиком; но все сидевшие в сакле вдруг засуетились. Один из молодых шапсугов выбежал на двор и принес оружие, вслед за которым вошел в саклю старик, один из числа взявших меня в плен.

— Скажи, пожалуйста, что они хотят со мною делать? — спросил я переводчика, когда один из шапсугов, расковав мне ноги и отвязав поддерживавший руку башлык, вместо которого подвязал веревку, опутал мне шею довольно крепко и порядочной толщины веревкою, потянул меня и приказал встать.

— Они знают что делают, — отвечал переводчик.

— Гайда, гайда[15] дюр[16], — говорил вооруженный с ног до головы молодой шапсуг, таща меня за веревку и передавая кандалы другому горцу.

Совершенно безоблачное небо и невозмутимая ничем тишина в воздухе предвещали жаркую погоду. По выходе из сакли я взглянул, быть может в последний раз, на наш лагерь, который после первого поворота вправо скрылся из глаз. Пройдя полверсты, я увидел в большом тростнике высокого роста, немолодых лет, безбородого, с орлиным носом шапсуга, того самого, который более всех хлопотал при взятии меня в плен. Он, по-видимому, поджидал нас, потому что товарищ немедленно сдал ему меня. Едва заметная тропинка, по которой мы шли, пролегала чрез довольно большие балки, речки, горы, была усеяна мелким кустарником, и я, при всей осторожности, нередко цеплялся за кусты, отчего рука моя страшно ныла от боли. Изнуренный, задыхаясь от жары, я неоднократно садился перевести дух и с величайшими усилиями добрел к вечеру до довольно большого аула. Меня ввели в ближайшую саклю, довольно чистую и ярко освещенную пламенем горевших под трубою дров.

Стены сакли были увешаны камышовыми коврами, винтовками, шашками, пистолетами и кинжалами. На длинных, прикрепленных к крыше шестах висели различных сортов одеяла; у самых стен, на деревянной возвышенности, стояли различной величины окрашенные красной краской сундуки, с медными гвоздями. Вожатый мой посадил меня у стены близ огня, приказал снять сапоги, сковал мне ноги, потом вышел из сакли и, сделав выстрел, начал что-то кричать довольно громко. По прошествии не более получаса сакля была битком набита мужчинами, женщинами, девицами и детьми.

Заметив в числе пришедших шапсуга, который перевязывал мне раны, я попросил сделать новую перевязку.

— Ну что, каково тебе? — усмехнувшись, спросил меня по-русски сидевший с противоположной стороны белокурый шапсуг, когда перевязка была кончена.

— Плохо, брат: рука сильно болит, — отвечал я.

— Ничего, — говорил белокурый шапсуг, — этот лекарь скоро тебя вылечит, если ты заплатишь ему.

В это время послышался гул вечернего зоревого орудийного выстрела.

— Ты, брат, ешь, ешь, — говорил мне белокурый шапсуг, указывая на принесенную пааста — они кормят хорошо. Они говорят, что ты джигит, стало быть, по-ихнему джигит, а по-нашему молодец.

Вторую ночь плена я провел так же, как и первую, на цепи, прикованный за шею к стене. То же повторялось и в следующие дни. Меня переводили на веревке из сакли в саклю, из аула в аул, и везде служил я предметом живейшего любопытства. Днем у меня были скованы только ноги; но днем мне не позволяли спать: едва я смыкал глаза, меня сейчас же будили. Иногда выводили меня из сакли посидеть на дворе.

Однажды ночью карауливший меня молодой шапсуг взял пистолет, подсыпал на полку пороху и, поставив возле себя винтовку, сел и долго смотрел на меня с озабоченным лицом. Несколько раз он осматривал шашку, кинжал, винтовку и пистолет, иногда к чему-то прислушивался, тихо отворял дверь и выходил на минуту из сакли.

— Гатуля, Гатуля, — говорил он мне, указывая сам на себя пальцем, и потом спрашивал: — Урусюм ге?[17] — ударяя меня по плечу. — Степан? Иван?

— Степан, Степан, — отвечал я.

После этого молодой шапсуг, обратясь ко мне со словом «Степан», начал что-то рассказывать, сопровождая свой рассказ различными жестами, размахиваниями рук; на некоторых словах он делал ударение, другие произносил по нескольку раз. Видно было его искреннее желание сделать рассказ для меня понятным. Судя по нескольким уже знакомым мне словам и по выразительным жестам горца, я сообразил, что шапсуг с рыжей бородой, приходивший в числе прочих в саклю и сидевший возле меня, ночью задумывал убить Гатулю, а меня украсть и отвести к русским и что, опасаясь этого, Гатуля отведет меня к какому-то Ибергаму.

На рассвете, по приходе в саклю двух шапсугов, Гатуля расковал меня, снял даже кандалы, потом, обрезав голенища у моих сапог, приказал мне надеть сапоги и, завязав мне на шею веревку, вывел в сопровождении двух своих товарищей. К полудню мы прибыли в аул, где на дворе прилегавшей к речке сакли я увидел знакомые мне лица. Марушка, сидевшая у двери, подбежала к моему вожатому, взяла от него веревку и ввела меня в саклю, в которой, кроме спавшего в люльке дитяти и целого роя мух, не было никого. Посадив меня, она сняла с шеи веревку, принесла в небольшом корытце холодной пааста, уселась возле меня и многое что-то говорила мне с улыбкою, указывая на мою раненую руку. В это время пришла девочка лет двенадцати и, сев, стала внимательно слушать, что говорила старшая.

Вынув из колпака своего табак и наложив трубочку, я попросил у девушек огня.

— Маржо[18], маржо? — вскричали обе марушки. — Маржо; маржо? — повторяли они, указывая на огонь.

— Маржо, маржо! — говорил я.

Меньшая марушка тотчас принесла огня.

— Шапсугом[19] ге маржо, — продолжали они, указывая на огонь. — Урусюм ге? — спрашивали они.

— Огонь, — отвечал я.

— Огон, огон, — повторяли марушки, громко смеясь.

— Кьетти, кьетти, — говорили они, указывая на вбежавшую курицу. — Урусюм ге?

— Курица, — отвечал я.

— Куритца, куритца, — повторяли горянки с громким смехом.

Приход моих вожатых и еще незнакомого мне шапсуга прекратил этот разговор. Первым делом девиц было передать его шапсугам, при чем он повторяли слова мои по нескольку раз.

Гатуля, сев возле меня, заковал мне ноги и, показывая на немолодых лет горца, произнес:

— Ибергам, Ибергам! Ибергам — козаин Степан, козаин Степан.

И Ибергам, мой хозяин, сказал, в свою очередь:

— Козаин Степан, козаин Степан, указывая на себя и на меня.

Вечером Ибергам сделал мне перевязку и ушел. Тогда обе марушки опять подсели ко мне и, указывая на разные предметы, спрашивали, как они называются по-русски.

Мне надоело отвечать им, и я стал накладывать трубочку; но девицы до тех пор не давали мне огня, пока я не сказал «маржо» и вслед за тем по-русски: «огонь».

Наконец пришла до сих пор где-то скрывавшаяся мать лежавшего в колыбели ребенка. Марушки, тщательно осмотрев цепь и обмотав кольцо суконкой, заковали меня, закрутили цепь около ножки наглухо вколоченной в землю кровати и притянули к самой кровати мою голову, а другой конец цепи привязали к перекладине под крышею. После чего обе ушли,

а женщина с малюткой перебралась на кровать, у которой я был прикован. Перед светом пришел Ибергам.

— Степан, пуф, пуф?[20] — спросил он.

Видя, что я не сплю, он расковал меня и, затворив дверь и окошечко, вынул из сундука отобранные у меня при взятии в плен деньги и стал расспрашивать о достоинстве десяти, пяти, трех и рублевых кредитных билетов.

— Степан, ахча? (то есть это тоже деньги?), — спрашивал меня Ибергам, показывая несколько почтовых марок.

Желая показать, что это не деньги, я одну из них бросил в пылавший огонь. Ибергам рассердился, начал кричать и чуть меня самого не бросил в огонь.

Несколько серебряных монет они считали вдвоем с женою. По окончании счета деньги опять были спрятаны в сундук.

Вынув из того же сундука мой сюртук и отпоров галун и погоны, Ибергам отдал их утром двум марушкам, которые тотчас же начали примерять и нашивать их на свои колпачки.

Уже во второй раз серп луны показался на небе, во второй раз доходит он до полнолуния, я а все сижу, побрякивая цепями. Раны мои зажили; я здоров. Самая большая прогулка моя была та, когда выводили меня посидеть на чистый двор или в кунацкую саклю. Случалось, что утром, уходя на работу, шапсуги оставляли меня одного, прикованного к стене, в крепко запертой сакле, и беда, если, возвращаясь, заставали меня спящим. Ибергам нередко наделял меня за то толчками, да и жену угощал тем же, когда замечал, что она позволяла мне спать.

В одно прекрасное утро, после беспрерывного двухдневного дождя, в саклю вошел старик-шапсуг, сопровождаемый своими двумя молодыми сыновьями.

Переговорив с гостем-стариком, Ибергам расковал меня, приказал мне надеть сапоги и, завязав на шею веревку, передал кандалы одному, цепь другому молодому шапсугу, а веревку самому старику, и затем проводил нас со двора.

Меня привели в довольно большой аул и поместили в полуразвалившейся сакле. Сыновья старика находились при мне безотлучно. Вечером, обмотав мне плечо платком, они приковывали меня к стене, но было заметно, что молодые люди непритворно жалели меня, постоянно давали мне подушку и старались сделать так, чтобы цепь тяжестию своей не давила меня. С рассветом, расковав меня, они приносили мне пааста, баранину, яйца, чурек, сыр. Несколько раз приносили свежие колосья жита и, высушив их на огне и очистив, давали мне зерна. Ежели кто-нибудь из них замечал, что у меня мало табаку, тотчас же отправлялся в аул и приносил табак.

Раз оба караулившие меня молодые шапсуга ушли косить; вместо них сидела возле меня старуха, которая, на крик в соседней сакле мальчика, тоже ушла, оставив меня одного. Козы беспрестанно бегали мимо окошечка, возле которого я спал. Некоторые из них останавливались, заглядывали в окно и продолжали делать прыжки. Я дал кусочек чурека остановившемуся у окошечка козлу. Он просунул в окошечко свою рогатую голову. Я дал ему еще и еще, и, наконец, когда уже у меня чурека больше не стало, ударил козла рукою. Козел быстро отскочил назад и целиком выхватил рогами всю рамку окошечка.

Немного спустя возвратились оба молодые шапсуга и, заметив выбитое окно, стали, судя по выражению их лиц и по голосу, горько упрекать за намерение бежать, в котором заподозрили меня. После этого за мной стали смотреть строже и даже днем приковывали к стене, если в сакле не оставалось никого.

В девятую ночь пребывания моего в этом ауле сделалась тревога: по лаю собак вообразили, что русские вторглись в аул. На другой день за мной явился новый хозяин, огромного роста шапсуг, и повел меня на веревке по направлению к плоскости и к нашему отряду. Последнее предположение я основывал на том, что мы постепенно приближались к огромной, выдающейся седлом горе, которая замыкала ущелье, где находился аул Эмпсихиако, при начале которого, на реке Иль, расположен был лагерь шапсугского отряда. Наступил вечер. Влево едва слышно раздался зоревой орудийный выстрел. Мы шли довольно ускоренным шагом и, пройдя по правому берегу реки Иль, круто повернули вправо, в лес. Здесь, на полугоре, стояла окруженная высоким плетнем сакля.

После нескольких ударов в ворота на дворе послышался голос. Ворота отворились со скрипом, и мы вошли в довольно чистую, увешанную разного рода оружием саклю. Вправо от входа, на кровати, у самой трубы, под которой горел ярко огонь, лежал средних лет раненый шапсуг. При входе нашем он ухватился обеими руками за привязанную к крыше веревку,

с помощью которой привстал и сел. Меня посадили в противоположной стороне от него и заковали ноги.

На другой день чуть свет в саклю собралось человек до десяти шапсугов. Один из них сделал раненому перевязку; затем, по совершении всеми присутствующими утреннего намаза, больного посадили на коня и, поддерживая его, куда-то отправились. Меня оставили прикованного к стене, под караулом десятка мальчишек, которые, наперерыв один перед другим, надевали мои сапоги, бегали в них по двору и до тех пор таскали и бросали их, пока не отвалились подошвы. Возвратясь в саклю, мальчишки стали меня дразнить, дергали за руки и за ноги и, наконец, принялись бросать в меня из противоположного угла груши, пока на крик их не прибежала женщина.

Но вот раздался орудийный выстрел, потом другой, третий и т.д. По учащенным выстрелам, продолжавшимся почти до вечера, можно было полагать, что происходит порядочное дело.

Вечером шапсуги возвратились в довольно веселом расположении духа, в особенности больной, говоривши почти без умолку. Закусив, они вычистили оружие и начали приготовлять патроны. Один из них принес наше орудийное ядро, другой несколько нарезных пуль, из которых сейчас же начал лить пули для своего ружья. Из каждой нарезной пули выходило шесть ружейных пуль.

В этой сакле пробыл я не более пяти дней. В одно утро шапсуг-великан, расковав меня и, как прежде, повязав мне на шею веревку, повел, в сопровождении другого шапсуга, вверх по ущелью, орошенному рекою Иль. Всматриваясь в знакомые вершины гор, я догадывался, что меня ведут опять к прежнему моему хозяину Ибергаму. Так действительно и случилось. Меня встретили те же самые марушки.

— Степан, Степан, — говорил Ибергам, — кушай якши? тутюн якши? пуф-пуф якши?

У Ибергама мне пришлось прожить много дней. Отправляясь с целым семейством в поле на работу, он брал иногда с собою и меня, заставляя носить в одну кучу сжатые снопы жита; иногда водил меня в ближайший лес собирать груши, но чаще оставлял дома прикованным к стене и закованным в кандалы, под караулом мальчишек.

— Прими нашу веру; ты будешь мне вместо брата. Я буду любить тебя, не буду заставлять работать: если сам захочешь работать, работай, а не хочешь — сиди дома. Я дам тебе лошадь, корову, выдам за тебя дочь; мало одной жены — куплю тебе другую. А то видишь: ты сидишь в цепях, тебе трудно, да и я сколько работы упустил чрез тебя. Теперь время рабочее: дома сидеть и караулить тебя мне нельзя, надо убирать хлеб. Русские, видно, тебя не выкупят. Лето кончается, а о тебе никто и не наведывался. Присягни, что ты не уйдешь, перемени веру, и я тебя раскую.

Так говорил мне в один прекрасный день Ибергам, сидя со мною и с переводчиком, беглым молодым солдатом, под тенью стоявшего на дворе сарайчика.

— Ты теперь мой: я твой хозяин, — продолжал Ибергам, когда я на все его убеждения отвечал решительным отказом. — Я что захочу, то с тобою и сделаю. Я убил здесь одного из моих товарищей, а потому мне здесь оставаться нельзя, и как только уберем хлеб, уйдем дальше в горы; там я тебя и продам кому-нибудь, а то променяю тебя туркам.

— Куда он ведет меня? — спросил я переводчика, когда Ибергам после нашего разговора повел меня со двора.

— Он заставит тебя на огороде работать, — отвечал переводчик.

Пройдя аул, Ибергам привел меня в огород, засеянный кукурузой, и заставил оббивать ее. Солнце уже закатилось; два раза бросал я кирку, выбившись из сил, а Ибергам все понуждал меня работать, угрожая нагайкой. Наконец работа прекратилась. Той же самой дорогой Ибергам привел меня домой и, заковав, оставил на ночь на дворе прикованным к стене сакли.

На другой день, с рассветом, Ибергам со всем своим семейством, взяв с собою и меня, пошел опять в огород оббивать кукурузу. Вечно будет памятен мне этот день. Не довольствуясь ударами нагайки, Ибергам колол меня кинжалом, если я, изнемогая, на минуту переставал работать. По просьбе жены своей он дал мне некоторое время отдохнуть, но за то, отправляясь домой, навьючил на меня всю выбитую за целый день траву, и лишь только я останавливался и сбрасывал с себя ношу, бил меня нагайкой. Кое-как дотащил я траву до сакли. Приковав меня опять к сакле, Ибергам вернулся наутро в веселом расположении духа, расковал меня, ввел в саклю, дал кусок баранины и, сев возле меня, начал рассказывать о том, что шапсуги покупают меня для размена на своих пленных. Желая разговор свой сделать вполне для меня понятным, он взял семь палочек, положил одну из них отдельно, а прочие шесть рядом, и, указывая на каждую, говорил: «Шапсуг, шапсуг, чааля, чааля, чааля, марушка, гайда! Степан гайда!» — Ибергам прибавил, что меня купят чрез три дня.

На ночь он опять приковал меня вне сакли, но дал на этот раз ковер, подушку и одеяло.

Ночь была лунная. Я не спал. Когда все притихло, из-за угла сарайчика кто-то быстро пробежал и скрылся за углом кунацкой сакли[21], откуда стал высматривать и тихонько подошел ко мне. Видя, что я не сплю, незнакомец погрозил мне пальцем и начал осматривать цепь. В эту минуту хозяйская собака с лаем бросилась на него, и он исчез. Вслед за тем выбежал с винтовкою Ибергам, обошел кругом сакли, осмотрел двор и лег возле меня.

Утром он сказал, что меня хотят украсть и продать абадзехам, а потому если кто-нибудь ночью подойдет ко мне, то чтобы я закричал.

Прошло три, четыре, пять дней, а Ибергам ни слова не говорил о размене. Я сам спросил его.

— Не продам я тебя шапсугам: я тебя продам лучше русским, — был ответ.

— Толмач, толмач! — закричала дочь Ибергама, указывая на проходившего мимо дверей сакли уже знакомого мне переводчика, вслед за которым прошли два пожилых шапсуга, ведя за собою верховых коней.

Джеиба, жена Ибергама, встретив гостей и привязав на дворе их коней, ввела в кунацкую. Туда же приказали идти и мне.

— Здравствуй, брат, — сказал мне переводчик, — вот и еще увиделся с тобою.

После расспросов, каково мне живется, он, со слов старика-гостя с отбитым русскою пулей носом, передал мне, что два сына этого безносого старика и один сын старика, рядом с ним сидевшего, взяты на Кубани в плен и теперь находятся в черноморском отряде генерала Бабича. Потому отцы приехали купить меня у моего хозяина и разменять на своих сыновей.

— Они привезли тебе бумагу, — продолжал переводчик, — ты напиши письмо генералу Бабичу и проси его, чтобы он отдал за тебя трех человек ихних пленных.

Мне дали клочок бумажки. Заостренная палочка заменила перо; напитанная каким-то черным составом и намоченная в воде тряпочка исправляла должность чернильницы.

Я начал писать. До тех пор дочь Ибергама, молча стоявшая у дверей сакли, быстро вскочила в саклю и, вырвав у меня бумагу, начала кричать на переводчика.

— Она не позволяет писать без хозяина, — сказал переводчик и пошел за ним.

До вечера мы сидели в кунацкой, поглядывая друг на друга. Изредка безносый старик напоминал мне о том, что купят меня для размена на своих пленных и скоро отвезут к русским.

Ночь разлучила нас. Гости остались ночевать в кунацкой, а меня отвели в саклю хозяина.

На другой день пришли в саклю Ибергам, Гатуля и переводчик. По приказанию Ибергама на том же клочке бумажки, со слов безносого старика, передаваемых переводчиком, написал я письмо к генералу Бабичу, с убедительною просьбою о размене меня на таких-то трех пленных шапсугов.

Начался торг. Собрались все старики аула: судили, рядили, кричали, спорили, и, наконец, принесен был Коран. Все внимательно выслушали речь муллы, после которой мулла передал Коран рядом с ним сидевшему шапсугу, тот другому, другой третьему и т.д., пока Коран не возвратился в руки муллы. Присяга была кончена; условие заключено.

— Козаин Магомет, — сказал мне Ибергам, показывая на безносого старика.

Утром Ибергам выпроводил нас. После четырехдневного пути, переходя овраги, горы и леса по едва заметным тропинкам, на пятый день спустились мы на плоскость. Перед нами открылся ряд кутанов и аулов, брошенных жителями.

Приведя меня в опустелую саклю, один из шапсугов приказал мне просунуть ноги в выходящее на двор окошечко, связал их веревкою и, забив в землю между ногами кол, уехал.

До самого вечера я и безносый шапсуг, оставшийся при мне, с одинаковым нетерпением ожидали возвращения уехавшего. Он привез обратно мою записку к генералу Бабичу, и меня опять привели к Ибергаму: оказалось, что пленные шапсуги находились не в отряде генерала Бабича, а в Екатеринодаре.

На другой день утром дочь Ибергама, отведя в кунацкую саклю двух приехавших шапсугов, приказала и мне идти туда же. Один из них показал мне исписанную карандашом бумажку, но прочитать ее не дал. Между тем настал вечер. Я начинал уже дремать, прислушиваясь к однообразному, непонятному для меня разговору. Вдруг шапсуг толкнул меня, вынул спрятанную бумажку, развернул ее и, перервав вдоль на две части, подал одну из них мне.

На этой половинке рукою моего баталионного командира написано было карандашом: «...сылаю тебе бумагу и карандаш: пиши, каково тебе там живется».

Взяв от меня обратно эту половинку, шапсуг передал другую, на которой было написано: «Любезный N. ...! Подателю сей записки доверься во всем, что он тебе будет советовать, по...»

Взяв от меня и эту половинку, шапсуг дал клочок бумажки и кусочек карандаша и приказал написать ответ.

Не помню, что написал я. Гости уехали.

На другой день Ибергам, жена его и дочь, накормив нас всем, что было лучшего у них, и дав мне на дорогу несколько кусков чурека, выпроводили нас со двора. Несколько дней гнали меня по окраинам примыкавших к плоскости гор, останавливаясь ночевать в знакомых им кутанах и аулах, жители которых тотчас приходили к нам и забрасывали хозяев моих расспросами обо мне. Немало и бил меня хозяин мой, безносый шапсуг, если я, изнемогая от усталости, садился отдохнуть, и лишь после нескольких ударов нагайкой сажали меня на коня или позволяли перевести дух.

Наконец погнали меня по совершенно ровному, широкому, довольно отлогому ущелью, в конце которого чернелась замыкающая ущелье конусообразная гора.

Под вечер мы пришли к этой конусообразной горе. Влево от нее, саженях в десяти, находился крутой обрыв. Над самым обрывом шла стена, длиною сажен до пятидесяти, толщиною приблизительно в полтора аршина и вышиною до двух сажен, сделанная из двух плетней, набитых щебнем, и под тупым углом примыкала к конусообразной горе. В стене были амбразуры, а с противоположной стороны, из довольно толстых бревен, ворота.

— Цамесь каля[22], цамесь каля! — говорила мне окружавшая толпа горцев, указывая на стены.

Вечером, когда в укреплении зажжены были костры, горцы, посадив против меня переводчика, начали расспрашивать обо всем, что только приходило им в голову.

— Вот пускай русские придут сюда, — говорил переводчик со слов шапсугов, — мы их всех здесь перебьем. Видишь, тут человек двести будет; они день и ночь так и сидят, караулят русских. Дальше этого места они русских не пустят ни на один шаг.

— Кто ты? — спросил я переводчика.

— Я из России, служил в артиллерии, в Анапе. Это было лет десять тому назад. Однажды я вместе с товарищами обокрал тамошнего купца: украли мы у него много всякого товара и денег. Товар зарыли в яму, а на денежки стали гулять, отчего и пало на нас подозрение. Нас заарестовали; но в первую же ночь ареста мы все бежали в горы. Вот с тех пор я и мыкаю здесь горе. Много, брат, я выходил по горам; не один раз перепродавали меня горцы. С товарищами своими я разлучился и не знаю, где они теперь и живы ли. Принял я магометову веру и зовут меня теперь Косанф. Купили мне жену...

До самого света проговорили мы с Косанфом. Я расспрашивал его о горцах, о его жизни в горах, а он меня о том, что теперь делается в России, как там живут.

— Что бы со мной ни случилось, — говорил он, — так и бежал бы на родину, если бы знал, что меня не расстреляют за преступление. Жена моя, наслушавшись рассказов моих о жизни русских, подговаривала меня бежать; но я боялся, не хочет ли она выпытать о моем намерении, и отказал ей наотрез. Раз — это было прошлым летом — несносная тоска напала на меня. Вспомнил я о родных, долго, долго раздумывал, как бы пробраться за Кубань, и решился пуститься на волю Божию. Выбрал я для того темную ночь и, взглянув на спавшую жену, вышел тайком из аула. На третью ночь я был на Кубани. Оставалось только переплыть на ту сторону. Вот тут-то и взяло меня горькое раздумье. Как меня примут; что меня ждет; какое наказание определят мне?.. Испугался, брат, заплакал и вернулся к жене.

Утро разлучило нас.

— Мы с тобою скоро увидимся, — сказал мне переводчик, провожая нас из крепости. — Ты будешь жить недалеко отсюда, в доме вот этого безносого старика. Я буду к тебе приходить. Не горюй, брат, молись Богу: они скоро тебя разменяют.

Косанф точно навещал меня, пока я жил у безносого старика, во время его трехдневной отлучки.

— Скажи мне, пожалуйста, что это значит, что все переменились ко мне с тех пор, как воротился хозяин? — спросил я однажды Косанфа. — Бывало на ночь только заковывали меня, а теперь так по целым дням сижу в цепях. Есть дают мало; подушку отняли; спать не на чем.

Косанф вздохнул и завел другой разговор.

— Ничего, все пройдет! Молись Богу! — отвечал он на мой вторичный вопрос. — Бог даст, тебя разменяют, если не на сыновей старика, так на других; а уж здесь тебя не оставят.

— Верно, на сыновей не разменивают меня? — спросил я Косанфа.

Он молчал, как бы не слыша вопроса.

— Прощай, — сказал он наконец, уходя от меня. — Не унывай. Привыкнешь; будешь работать. Они тебя больше года не продержат в цепях; раскуют и только на первых порах будут за тобой присматривать. Что делать! Надо покориться... Прощай же, брат! Мы с тобой больше не увидимся. Тебя завтра поведут далеко.

На другой день с рассветом сын хозяина моего вывел меня из сакли и, крепко завязав мне за спиною руки, повел по узкому каменистому ущелью. Налево и направо возвышались громадные скалы. Вожатый мой, забежав вперед, прицеливался в меня из-за камня, показывая тем, что так будут стрелять горцы, если русские пойдут по этой дороге. Перебираясь чрез какую-то речку, я просил развязать мне руки, чтобы напиться, но молодой шапсуг стал объяснять мне, что можно напиться и не развязывая рук, стоя на коленях. Лишь только я встал на колени и наклонился к воде, как вожатый мой с громким хохотом толкнул меня в воду. Долго барахтался я и едва-едва выкарабкался.

Вечером молодой шапсуг сдал меня в кутане своим родственникам, из которых двое на другой день погнали меня далее. Спускаясь с горы, у подошвы которой был разбросан аул, мы встретили двух горцев, сказавших мне по-русски, что я буду разменян.

— Скажи нам, — говорили они, идя вслед за нами, — правда ли, что у нас новый царь и что теперь прощают всех беглых, которые сами воротятся из гор?

Спросив меня потом, кто я и давно ли взят в плен, они сообщили мне о своем намерении бежать в отряд[23].

Через два дня привели меня в только что начинавший строиться аул бежавшими с плоскости шапсугами.

Наступили холода, показался снег. Я дрожу, сидя день и ночь в цепях у пылающего огня в новой сакле старика-хозяина, который купил меня для обмена на своего брата и двух сыновей. Старик не дожил, однако, до этого. Он умер скоропостижно в ночь, и мне довелось быть свидетелем, как горцы оплакивают покойников. В течение дня, с раннего утра до позднего вечера, приходили в саклю знакомые и незнакомые. Не доходя шагов пятидесяти до сакли, они начинали голосить, а в самой сакле оплакивали все углы, все места, где покойный сидел, лежал или делал что-нибудь. Хозяйка же дома, чем бы она занята ни была, заслышав вой, вторила плачущим и, обернувшись к стене, выла до тех пор, пока не уходили гости.

На пятый день после смерти старика, в довольно морозное утро, восемнадцать шапсугов повезли меня куда-то. На пути из аулов к нашей партии присоединялось по нескольку человек, так что через четыре дня, когда мы выехали на плоскость, конвой мой увеличился до тридцати человек. Ни одной живой души не было в аулах, находившихся на плоскости. Мы остановились и слезли с коней.

— Степан, гайда! — говорили мне сидевшие со мною у костра шапсуги под высоким деревом, на вершину которого взобрался один горец и смотрел вдаль.

— Гайда, гайда! — повторяли они, показывая, чтобы и я влез на дерево.

Я влез, и передо мною как на ладони открылся расположенный на реке Иль лагерь шапсугского отряда. Вдали, по направлению к отряду, показался всадник. Мы отправились к нему.

— Ты мне должен дать по крайней мере пятьдесят рублей за мои хлопоты, — сказал мне всадник, переговорив с конвоировавшими меня шапсугами. — Тебя разменивают.

Взяв с собою одного из сопровождавших меня шапсугов, я приехал прямо в отряд.

— Какой теперь месяц, господа, — спросил я, сидя в палатке одного из окружавших меня моих товарищей.

— 26 ноября, — отвечали мне.

— Как раз шесть месяцев в плену у шапсугов!

Примечания

1. Шапсугский отряд был расположен при реке Иль и назначался в 1860 году для действий за Кубанью против шапсугов. Отряд, находившийся под командою генерал-маиора Рудановского, стоял верстах в 25-ти от великолагерного поста.

2. Склад провианта при реке Кубани.

3. По дороге я уже не видал моего раненого коня, но впоследствии узнал, что он добрался до колонны. Эскадрон драгунов, шедший в ариергарде, заметив двух неприятельских всадников, ловивших коня, поскакал на место происшествия; но я был в это время уже в ауле.

4. Горцы, завидя старика (исключая байгуша — бедного), все встают со своих мест и не садятся до тех пор, пока не сядет старик.

5. Ковер, сплетенный из камыша.
6. Девицы.
7. Знаешь ли говорить по-черкесски?
8. Знаешь ли говорить по-турецки, по-арабски и по-английски?
9. Нехорошо
10. Каша.
11. Не помню слов песни, но она состояла из двух почти однозвучных слов. Шапсуг, сидевший со мною на арбе, начинал петь первое слово песни довольно протяжно; по окончании этого слова он делал выстрел; ехавшие верхом живо подхватывали окончание слова, прибавляя к нему другое, делали выстрел, и так далее.
12. Хутора.
13. Горцы бреют голову.
14. Садись, здесь садись!
15. Пошел.
16. Частица усиления.
17. По-русски как называется?
18. Огонь.
19. По-шапсугски называется.
20. Он воображал, что по-русски «спать» значит «пуф-пуф».
21. Кунацкою называется сакля, где принимают гостей.
22. Крепость. Укрепление это уничтожено колонною, находившеюся под командою принца Баденского, во время похода его в горы в зимнюю экспедицию 1860 года.
23. Действительно, оба беглеца вскоре вышли в шапсугский отряд и рассказали обо мне моим товарищам.

Текст печатается по изданию:
Кавказский офицер. Плен у шапсугов // Военный сборник. — 1864. — Т. 40. — № 11. — С. 197—218. — Отдельный оттиск.

Керопэ Петрович Патканов

Керопэ (Кероп) Петрович Патканов [Патканян] (1833, Нахичевань-на-Дону (ныне район города Ростова-на-Дону) — 1889, Санкт-Петербург) — выдающийся востоковед, член-корреспондент Петербургской академии наук. Отец Керопэ и Серафима Паткановых — Петр [Тер-Петрос] Серафимович Патканов [Патканян] — с 1834 года служил настоятелем храма в Ставрополе, а в 1837—1870 годах преподавал армянский язык и Закон Божий в Ставропольской гимназии.

В 1843 году К.П. Патканов поступил в Ставропольскую гимназию, но на следующий год родители отправили его в Москву, в Лазаревский институт восточных языков. В 1851 году окончил учебу, получив среднее образование, ипоступил в Дерптский институт, но обучение завершить не смог, поскольку в 1852 году его покровитель перестал платить ему стипендию. Возвратился в Ставрополь и поступил в специальный класс при гимназии, готовивший к поступлению в высшие учебные заведения. В декабре 1853 года выступил на выпускном акте с сочинением «О сатире и сатирах Кантемира», опубликованным в «Ставропольских губернских ведомостях» (1854. № 2. 9 января).

Летом 1854 года в числе «кавказских воспитанников» стал студентом Главного педагогического института в Петербурге, где учился с Н.А. Добролюбовым, А.П. Златовратским (дядей известного писателя и будущим инспектором Ставропольской гимназии). После успешного окончания института в 1857 году получил назначение в Тифлис, где преподавал русскую словесность в Закавказском институте благородных девиц и скоро завоевал авторитет талантливого преподавателя. В 1858 году возвратился в Петербург и в 1860 году выпустил первую лингвистическую работу.

С осени 1860 года преподавал армянский язык в Санкт-Петербургском университете. В 1863 году защитил магистерскую (кандидатскую) диссертацию «Опыт истории династии Сасанидов по армянским источникам», а в 1864 году — докторскую «Исследование о составе армянского языка». В 1871 году Патканов — экстраординарный, а в 1876 году — ординарный профессор Санкт-Петербургского университета. В 1886 году был избран членом-корреспондентом Академии Наук. Автор ряда трудов по истории Армении и древнеармянскому языку.

В «Русском биографическом словаре» А.А. Половцова (т. 13, с. 370) отмечается: «Кроме занятий исторической литературой, Керопэ Патканов положил много труда в области науки о языке. Еще в 1873 году на первом съезде ориенталистов Керопэ Патканов сделал сообщение об изучении армянского языка во Франции и Германии и о Ванских клинообразных надписях: «Ванские надписи и значение их для истории передней Азии» («Журнал министерства народного просвещения» 1874, 1875, 1881 и 1883 годы и отдельный оттиск: СПб., 1881 год). Занятия ассириологией и чтением клинообразных надписей приобрели ему всеобщую известность. В труде своем «О клинообразных надписях Ванской системы, открытых в пределах России» (СПб., 1883 год), Керопэ Патканов обнаружил замечательную тонкость, сметливость и остроумие в деле дешифровки клинописи. Он показал, какую пользу может принести древнеармянский язык для чтения клинообразных надписей, находимых в разных местах древней Армении. По языковедению Керопэ Патканов оставил много работ, среди которых особенно выдаются его докторская диссертация: «Исследование о составе армянского языка» (СПб., 1864 год), «О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских» (Тифлис, 1879 год) и др.». Керопэ Патканов писал исследования на русском языке, многие его труды переведены на европейские языки.

Работы о К.П. Патканове:

Эмин Н.О. Профессор Патканов как ориенталист. — Вена, 1874.

Тигранов Гр. Керопэ Патканов // Русский биографический словарь: В 25 т. / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. — СПб., 1896—1918. — Т. 13. — С. 369—371.

Коршунов М.С. Выдающийся востоковед Керопэ Петрович Патканов (к 110-летию со дня смерти) // Коршунов М.С. Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе. — Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. — С. 639—645.

Исследования К.П. Патканова:

Catalogique de la litterature armenienne depuis le commencement du V jusqu'a XVI siecle. Записки Императорской Академии наук. — СПб., 1859.

Исследование о составе армянского языка. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864.

Исследование о диалектах армянского языка. Филологический опыт. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. — *Переиздание*: Исследование о диалектах армянского языка: филологический опыт. — Изд. 2-е. — Москва: URSS, ЛЕНАНД, 2016.

Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII веке. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1873.

Ванские надписи и значение их для истории передней Азии // Журнал Министерства народного просвещения. — 1874, 1875, 1881 и 1883 годы (отд. изд. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1881).

О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. — 1879. — Вып. 6 (отд. изд. Тифлис. 1879).

Библиографический очерк армянской исторической литературы. — СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1880.

Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: Боша и Карачи. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1887.

К.П. Патканов
Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии

О древней грузинской хронике

В последнее время в среде кунеологов распространяется мнение о том, что язык Ванских надписей имеет очевидное сходство с грузинским языком не только в лексическом, но даже в грамматическом отношении. О таковом мнении Фр. Ленормана мы говорили не раз. Вслед затем Ст. Гюяр[1] и Сейс, открывшие новые пути в изучении Ванских надписей, также выразили твердую уверенность в родстве языка этих надписей с примитивным грузинским, а последний, кроме того, в конце обширного своего мемуара[2] обратился к грузинистам с просьбой исследовать, не находится ли нынешнее картвельское наречие в какой-либо связи с древним ванским. Предположение высказано, но для убеждения читателей, за исключением поверхностных сравнений некоторых грамматических окончаний, сделано весьма мало, да и не могло быть сделано более в виду малого знакомства с грузинским языком тех, кто высказывал вышеприведенное мнение. Из этого предположения само собою вытекало другое, а именно, о распространенности в древнейшие времена грузинского племени по всей территории Армении. Поборником последнего мнения, кроме Раулинсона и Ленормана[3], является в последнее время также ученик покойного Дюлорье, господин Гатейриас. До сих пор господин Гатейриас известен несколькими лингвистическими статьями (в Revue linguistique) о грузинском языке, характер которого, как он говорит, им окончательно определен. Года два тому назад он поместил в Journal Asiatique французский перевод армянского жития святого Вагана Гохтнийского. Недавно издано им популярное сочинение под заглавием: L'Arménie et les Arméniens (Paris, 1882, par J.A. Gatteyrias). Господин Гатейриас не кунеолог и до своего убеждения он дошел путем лингвистическим. В последнем сочинении он говорит: «Армяне при первом своем поселении в Армении нашли, что страна от Вана и за равнины Арарата была населена автохтонами или другим, издавна поселившимся в ней народом, которого нынешние представители суть грузины, а, может быть, также и курды (?)... Только вследствие великих вторжений в средние века, грузины отступили за Аракс, а жители Ути исчезли подобно албанцам».

В конце книги говорится: «При занятиях своих грузинским языком я убедился в первостепенной важности его для изучения армянского языка, и прежде, чем издать армянскую грамматику, мне хотелось бы окончательно определить, что в ней принадлежит грузинскому языку, иначе грамматика будет лишена научного основания и метода». Оставив до времени в стороне вопрос о влиянии грузинского языка на армянский, мы примем только к сведению часто высказываемое предположение о более широком в древности расселении грузинского племени — до Вана. В сущности, в этом предположении нет ничего невозможного. Островное положение грузинской расы, сдавленной со всех сторон, кроме запада, позднейшими иммиграциями, более чем вероятное родство грузин с древними мосхами, собственные имена многих местностей в Армении и многие другие обстоятельства дают мнению о древней распространенности грузинского племени по значительной части территории Армении некоторую вероятность. Но прежде, чем решительно высказываться в таком еще малоразработанном вопросе, следовало бы изучить предмет со всех сторон и вооружиться достаточным количеством положительных данных.

В исторических памятниках других народов мы нигде не встречаем известия, поддерживающего это предположение. Не мешает справиться и в грузинской литературе и поискать, не найдется ли в ней памятников, повествующих о древних судьбах грузин. В настоящее время существует у грузин одно произведение этого рода — Летопись Грузии. Рассмотрим ее. Все сказанное нами (Ванские надписи, гл. III) относительно способов составления первобытной истории Армении, путем созидания эпонимов по именам племен, городов, гор, рек и других местностей еще в большей мере приложимо к так называемой Древней Хронике Грузии, в которой некоторые ученые — Вивиен де-Сен-Мартен, Броссе и другие — желали видеть действительные древние предания, унаследованные потомками от предков и преданные впоследствии письму. Но при всем нашем уважении к памятникам народной старины, мы в Древней

Хронике Грузии видим не более, как относительно новую, неудачную компиляцию, составленную неопытною рукой по известному шаблону. Содержание настоящей статьи имеет предметом подтвердить это наше мнение.

Географическое положение Грузии, занимающей бóльшую часть северного Закавказья от восточного прибрежья Черного моря до впадения Алазани в Куру, настолько известно, что считаю лишним о нем распространяться. С незапамятных времен в пределах этой местности живет народ, называющий себя ныне картвели (а страну свою Картли или Сакартвело), а у соседей известный под именем вирк (к знак множества), гурджи, грузин. Древние называли страну Иверией, а народ иверами. Что касается до происхождения этих имен, то о нем говорено и писано много, высказана масса более или менее остроумных предположений. Достаточно того, что мы знаем, какой народ подразумевается под этими различными названиями. Вопреки мнению некоторых ученых, мы из клинописных памятников не могли убедиться в том, чтобы ассирийские завоеватели когда-либо доходили до пределов Грузии. Правда, в них говорится о касках, которых иные отождествляют с колхами; но этот вопрос далеко еще нельзя считать решенным. Как впоследствии при Сассанидах, так, возможно, и при Ахеменидах, Грузия если не в виде настоящей провинции, то через своих отдельных правителей, находилась в вассальных отношениях к Персии. О таком отношении колхов, если только это племя принадлежало к грузинам — к Ахеменидам, сказано определенно у Геродота (III, 9 (?), VII (?), 79), но о других соплеменниках их, живших на средней Куре, у него не упоминается. Исторические сведения о Грузии начинаются собственно со времен похода Помпея (за 65 лет до Рождества Христова) Сами грузины не сохранили никаких исторических памятников о первобытных временах своего существования.

Точно так же не дошло до нас ни одного из тех эпических сказаний, в которых народное творчество воссоздает свое прошлое на основании поэтической правды. Все, что сохранилось о более древних эпохах истории Грузии, дошло до нас в случайных заметках Страбона, Плиния, Аппиана и других о временах не ранее I века до Рождества Христова; относительно же средних веков — у более древних византийских, армянских и арабских авторов. Исторические материалы, заключающиеся в грамотах царских и монастырских, не заходят за XI век по Рождеству Христова.[4] Между тем известно, что грузины, если не все, то частью приняли христианство в IV—V веках, и уже вскоре после этого события имели свою национальную письменность. Чем обяснить при этих обстоятельствах полное отсутствие народной историографии о временах не только первобытных, но и вполне исторических? По нашему мнению, причина этого явления заключается отчасти в самом факте раннего принятия грузинами христианства и в незначительном в то время развитии государственной жизни по всей территории, населенной грузинскими племенами. Сирийские, греческие и армянские монахи, содействовавшие распространению христианства в грузинском народе, очевидно, придавали большее значение легендам о мученической жизни святых, чем народным сказаниям о языческих предках новообращенного народа. В Армении рвению святого Григория Просветителя приписывают не только старание обречь забвению все совершившееся в народе до его крещения, но и окончательное истребление памятников древних верований и дохристианской письменности армян. Говоря о письменности, мы имеем, конечно, в виду не Месробовскую азбуку, изобретенную в начале V века, а употребление в письме алфавитов персидского, греческого и сирийского. Первые ревнители сильно опасались, чтобы новообращенная паства не впала снова в языческое заблуждение. Путем насильственного уничтожения всего, что могло напоминать народу, стоявшему не на высокой степени культурного развития, о его прошлом, они думали покончить с язычеством, — и не ошиблись. Нечто подобное могло случиться и в Грузии.

С другой стороны, народ грузинский долгое время едва ли сознавал общее происхождение разнообразных грузинских племен и, будучи политически и территориально разделен на многие мелкие центры, недостаточно ясно представлял свое единство. При таких обстоятельствах могли существовать отдельные племенные сказания, которые при слиянии мелких групп в более крупные политические единицы теряли свое значение и утрачивались в памяти народной. К единовластию, и то не вся Грузия, а только большая ее часть, пришла довольно поздно. Между тем старые племенные сказания, не быв вовремя записаны, частью пришли в забвение, частью игнорировались ревностным христианским духовенством. Не из чего было создавать народный эпос. Творчество народное, не найдя в своей древности предметов, возвышающих национальное сознание, обратилось к другим темам.

У всякого народа, вместе с усилением его политического могущества, просыпается жажда узнать свое прошлое, объяснить себе постепенный ход своего исторического развития. Нечто

подобное было и в Грузии: была сделана попытка удовлетворить народной любознательности, но насколько удачно, увидим ниже.

Читая с вниманием единственную историческую грузинскую книгу, мы невольно приходим к заключению, что в составлении ее принимал участие армянин или человек, получивший образование в армянской школе. Какие побуждения могли им при этом руководить, мы выскажем дальше в виде предположения. Скажем одно: книга сочинена относительно поздно. Но и в то время, если бы поискать, как следует, нашлись бы действительные народные предания и песни, в которых сохранялись отчасти воспоминания о древностях грузинского народа. Но для христианского монаха того времени, особенно для иностранца, не слишком дороги были предания дикого, на его взгляд, народа, его трудно произносимые имена, его непонятные поверья, хранившие следы языческой старины.

Если вы в настоящее время обратитесь к грузинам с вопросом об их истории и древностях, они предложат вам для разрешения всех подобных вопросов свои так называемые Анналы, в редакции царя Вахтанга V, составленные или собранные в начале XVIII века. Эти Анналы доступны в настоящее время европейским читателям в переводе их на французский язык покойным академиком Броссе, который снабдил свой перевод многочисленными историческими и филологическими примечаниями. Всё сочинение вышло в трех больших томах под заглавием: Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX siècle. St. Pétersbourg, 1849—1857. К ним в 1851 году присоединен еще отдельный том: Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie[5]. Для неспециалистов этот труд Броссе заменяет целую библиотеку исторических известий о Грузии. Так как эта единственная по богатству материалов книга о грузинской истории весьма распространена и известна всякому интересующемуся историей Кавказа, то мы в дальнейшем изложении постоянно будем ее иметь в виду (редакция Вахтанга), избегая по возможности отдельных на нее ссылок и лишь обозначая цитаты в случаях необходимых. Параллельные места в Анналах Вахтанга легко отыскать по приведенным в настоящей статье выдержкам из Армянской Хроники. Кроме этих переводов, академик Броссе издал два больших тома грузинского текста с небольшими филологическими примечаниями под заглавием «Картлис-Цховреба, Жизнь, или История Картли, то есть Грузии».

Мнения ученых об историческом значении этих Анналов различны. Одни, как Броссе, посвятившие труды свои на изучение их в подлиннике, несмотря на массу очевидных промахов и противоречий, твердо стоят за их древность и уверены в важности сообщаемых ими сведений. Такого мнения отчасти придерживался и арменист Сен-Мартен в своих мемуарах. Другие, и в том числе Сенковский, Кох, Ланглуа, держатся противоположного мнения, по крайней мере, о первой их части до Вахтанга I, и не придают им вовсе исторического значения[6]. Последние, мимоходом высказывая свое мнение на основании полученного ими после прочтения Анналов общего впечатления, не дали, однако, себе труда подвергнуть строгой исторической критике всю летопись или известный ее отдел и не постарались вникнуть в самый процесс ее составления. Эту малоблагодарную работу с известными ограничениями, о которых будет сказано ниже, приняли мы на себя в ожидании того времени, когда образованные грузинисты, глубоко изучив памятники своей старины, примутся за это дело и, отделив в своей летописи вымышленное от исторического, новое от древнего, выставят в надлежащем свете ее достоинства и недостатки, как исторического материала. До сих пор все написанное грузинскими авторами касательно древнейших эпох истории Грузии отличается не столько научным, сколько патриотическим направлением. Только господин Бакрадзе в статье «Об источниках грузинской истории» допускает, что «источники о первых временах истории Грузии скудны, да и те носят характер баснословный», и даже, что «события древних времен были описываемы по преданию» (Кавказский календарь 1858, стр. 405, 407). Цель наша, между прочим, состоит и в том, чтобы доказать, что первая часть истории Грузии составлена не по преданию, и известия в ней не носят баснословного характера, если под баснословием понимать легенды о мифических временах Грузии, а просто вымышлена одним лицом с предвзятою целью. Если б она заключала в себе действительные предания о древности грузинской, то историческая ценность ее была бы другая.

Царь Вахтанг V, сын Левана и гуриельской принцессы, родился в 1675 году, а умер в 1727. Ему приписывается составление двух важных сборников: законодательного и исторического. Этот последний сборник и есть та историческая книга Анналов, в которой Вахтанг собрал воедино все, что уцелело от древних письменных памятников. Летописные сказания и легенды святых расположены в ней в хронологическом порядке, без всякой их переработки, за исключением некоторых исправлений в литературном отношении и амплификаций перво-

начально кратко изложенных фактов. Приписки, встречающиеся в разных местах текста, как будто указывают на то, что первоначальными составителями отдельных частей этой сведенной летописи были разные лица. Так, в ней говорится, что история обращения грузин в христианскую веру была составлена тремя современниками — евреем Абиатаром, дочерью его Сидонией и Саломе, дочерью царя Мириана. В другом месте, после описания смерти святого Арчила мученика в начале VIII века, находится следующая приписка: «История Грузии до Вахтанга Гургаслана была написана в разные времена. От Вахтанга до сего времени (то есть до начала VIII века) она составлена Джеванширом Джеваншириьяном, мужем дочери брата святого Арчила». Дело грузинистов разобрать на основании языка, сколько правды в этих приписках. Не входя в ближайшее их рассмотрение, мы полагаем, что эти приписки, если они даже аутентичны, относятся только к христианским легендам, а не к фактам гражданской жизни.

В настоящей статье мы имеем в виду заняться только первым отделом этой летописи, тою ее частью, в которой описывается первобытная история Грузии до Рождества Христова.

Но не грузинский текст Анналов Вахтанга и не французский их перевод делаем мы предметом нашей критики, а другой, с которым познакомится читатель в дальнейшем изложении.

В кратком вступлении, предпосланном редакции Вахтанга, говорится: «История Грузии с течением времени подверглась разнообразным искажениям со стороны переписчиков или была прерываема вследствие (неблагоприятных) обстоятельств времени. Царь Вахтанг, сын Левана и племянник по отцу славного царя Георгия, созвал ученых мужей, собрал повсеместно грузинские летописи, какие только можно было отыскать в его время, а также грамоты, находившиеся в монастырях Мцхетском и Гелатском, в церквах и у разных князей. Их сравнили между собою, исправили искажения, сделали извлечения из исторических сочинений армянских и персидских, и все это привели в следующий порядок». Из этого вступления оказывается, что во время Вахтанга V (то есть в начале XVIII в.) существовали еще древние грузинские летописи, в которых он произвел исправления, и что вся новая редакция, помимо чисто грузинских сочинений и грамот, покоится еще на известиях, извлеченных из исторических книг персидских и армянских. Но каковы были эти грузинские летописи, в чем заключались исправленные в них искажения переписчиков, и из каких именно персидских и армянских книг сделаны извлечения, на все эти вопросы новая редакция не дает никакого ответа.

Как нарочно, древние грузинские летописи, собранные Вахтангом для составления своей редакции, не сохранились до нашего времени. И так как Вахтанг не исчисляет поименно и тех иностранных сочинений, которыми он пользовался, то мы лишены возможности в новой его редакции отделить текст древних летописей от тех прибавок, которые сделаны им в виде исправлений или извлечений из армянских и персидских книг. Поэтому у каждого читателя Вахтанговых Анналов может невольно возникнуть (что и бывало) сомнение, действительно ли когда-нибудь существовала древняя грузинская летопись, и не выдумал ли ее Вахтанг для придания большей авторитетности своим Анналам...

Известно, что за исключением нескольких жизнеописаний святых, от древнего периода грузинской литературы не осталось других памятников исторического содержания. Между тем трудно предположить, чтобы народ, один из первых принявший христианство, исторически известный около 2000 лет, владевший письменностью около 12 веков, во все это время до самого XVIII столетия лишен был какого-либо письменного памятника о своей прошлой судьбе. Были в истории Грузии и блестящие эпохи внешнего расширения пределов и внутреннего процветания, когда, вследствие объединения под одну власть многих ее племен (при Багратидах), неминуемо должно было родиться в коренном ее населении желание узнать, откуда оно и какою жизнию оно жило до того времени. Невероятно, повторяем, чтобы грузины задолго до Вахтанга V не имели своих исторических книг. И действительно, этот вопрос поставлен вне всякого сомнения, благодаря известиям, сообщаемым армянскими историками XIII века.

Историк Вардан говорит о существовании в его время у грузин «Исторической книги» и делает из нее извлечения, сходные по содержанию с тем, что говорится в редакции Вахтанга. Вот это место (Венец. изд. стр. 91): «Относительно царей грузинских в их книге говорится, что Торгом после потопа пришел в область Айрарат с восемью сыновьями, из которых трое: Гайос, Картлос и Кавкасос занимали первенствующее место». Завладев странами, они назвали их по своим именам: Гайк (Армения), Картл (Грузия) и Кавказ. Они господствовали в областях, лежавших между Понтом и Каспийским морем до времен Михрана и внука его Арбака, который женился на парфянке Саакдухт из Партава. Эта Саакдухт, будучи бесплодна, уверовала в Христа, который даровал ей сына Вахтанга, прозванного Гургасаром, что по-персидски значит волкоголовый, так как у него на шлеме спереди было изображение

волка, а сзади — льва. Он женился на дочери императора Льва, и от него происходят цари до Тевтаса, которого ослепил Абас».

В хронографической Истории Мхитара Айриванеци (см. мой перевод стр. 346—347), современника Вардана, приведены имена всех князей, царей и епископов грузинских, встречающихся у Вахтанга: «Гайк и семь братьев его: Картлос, Бардос, Мовкан, Лекан, Ковкас, Егрис, Мцхита, Уплос, Апридон, Азон, затем (?) Александр Великий».

Как Вардан, так и Мхитар, вероятно, пользовались уже армянским переводом Грузинской Хроники, так как у обоих встречается форма Арбак вместо Аршак (см. ниже).

Наконец, в самом конце XIII века, Стефан Орбелиан, митрополит Сюнийский, еще определеннее говорит о грузинской летописи и приводит ее грузинское название: Картлис-Цховреба, что в переводе значит: жизнь Картли, то есть Грузии. Извлечения, которые он делает из этой книги, более подробны, чем у предшествовавших авторов, и почти тождественны с тем, что передается в начале Вахтанговых Анналов, особенно касательно грузинских родоначальников и общего их с армянами происхождения от Торгома. Не лишним считаем привести и этот отрывок: «Родоначальник и предок наш Торгом имел восемь сыновей, отличавшихся мужеством и исполинским ростом. Старший из них назывался Гайк, второй — Картлос, третий — Бардос, четвертый — Мовкан, пятый — Лекан, шестой — Герос (Heros), седьмой — Ковкас, восьмой — Егрес. Разделив свои владения между сыновьями, Торгом дал Гайку Армению со всеми ее пределами, а северную темную (гористую) страну дал Картлосу и братьям его. Картлос отправился к горе Армаз и построил себе там дом, а на удобном месте неприступную крепость Орбет. Вся страна от Хунана и до Сперского моря от имени его получила название Картль. После долгих лет, причем дети сменяли отцов, потомки Картлоса дожили до времен персидского царя Хосрова, прозванного Кекавус. И так как в то время иверы не имели царей (в собственном смысле), то по обычаю называли властителей своих танутерами (буквально домовладыками). Танутеры сидели в Картле, в городе Мцхите, построенном Мцхитою, старшим сыном Картлоса. Угнетенные жестоким царем персидским, они готовы были смерть предпочесть жизни.

«В то время правил Грузиею перс Адармос, назначенный Абридоном, царем Персии, Грузии и Албании. Этот Адармос восстановил Мцхиту, окружив ее стеной из камня, связанного известью, и построил стену от горы Армаза до реки Куры. После его смерти Иверией управляли четыре наместника. Так как повсюду господствовали смуты и опустошения, причиненные Кекавус-Хосровом, а после него Кве-Хосровом, то Иверия находилась в безнадежном и бедственном положении». Далее автор говорит о поселении в Грузии ченской колонии, из которой происходили известные в истории Грузии князья Орбелиан. К этому мы еще вернемся.

Как Вардан, так и Стефан, находят сведения, сообщаемые «Грузинскою книгой», весьма скудными, и в дальнейшем изложении ссылаются на Мхитара Анеци (XII в.), любопытная история которого до сих пор еще не вполне отыскана.[7] Стефан Орбелиан прибавляет, что не нашел в «Грузинской истории» рассказа о катастрофе, постигшей фамилию князей Орбелиан, и потому принужден был обратиться к книгам, написанным по-армянски.

Из сказанного мы убеждаемся в том, что в XIII веке существовала грузинская историческая книга, на грузиискомъ языке, с весьма скудным содержанием. Но мы не знаем еще, в чем заключалось это скудное содержание, за исключением того, что из нее извлечено Варданом и Стефаном относительно грузинских родоначальников. Вступление Вахтанга говорит о грамотах, хранившихся в монастырях и у князей. Но такие грамоты и другие документы могли относиться только к позднейшим эпохам, а не к доисторическому периоду, описываемому в начале редакции Картлис-Цховреба. То же самое можно сказать относительно извлечений, сделанных будто бы из персидских и армянских книг. Из того, что сообщают персы о Грузии, весьма малая часть вошла в редакцию Вахтанга, а из армянских книг — и того менее.

Итак, хотя источники, по которым царь Вахтанг составил свою редакцию, не сохранились до нашего времени, известия армянских писателей не дают, однако, места сомнению относительно их действительного существования задолго до Вахтанга. Этот последний вывод обратился в положительный факт открытым в тридцатых годах настоящего столетия списком армянского перевода старинной грузинской летописи.

В апрельской книжке Journal Asiatique за 1838 год бывший профессор армянской словесности в Париже Le Vaillant de Florival, в небольшой статье[8], составленной в сотрудничестве с О.Г. Айвазовским, сообщает ученой публике об открытии в Венеции одним мхитаристом какой-то Истории Грузии, переведенной на армянский язык за семь веков до нашего времени, из которой, по всей вероятности, извлечена редакция Вахтанга.

Несколько позже, в рукописях архиепископа Карапета в Тифлисе нашелся другой экземпляр той же истории. Список с этой последней был сообщен Броссе, который, в бытность свою в Венеции в 1845 году, узнал, что и Венецианский список снят с рукописи архиепископа Карапета. Затем в библиотеке Эчмиадзинского монастыря открыт был еще более древний экземпляр, который, по мнению Броссе, написан между 1279 и 1311 годами.[9] Из этого или несколько более древнего списка делали, вероятно, свои извлечения Вардан и Стефан.

Таким образом, факт существования древней грузинской летописи раньше XIII века поставлен вне всякого сомнения. Из сравнения этого старого армянского перевода с Вахтанговою редакцией, несмотря на то, что последняя по объему несколько раз превосходит первую, оказывается, что, в сущности, содержание обеих редакций тожественно. Только многие факты, кратко сообщаемые в армянском переводе, в Вахтанговой редакции переданы большим количеством слов, не сделавшись от этого яснее. Также и речи, вложенные в уста некоторых лиц, удлинены в ней до бесконечности. Затем не прибавлено ни одной характеристической черты к подробностям кратко передаваемого армянским переводом факта. Следует полагать, что армянский перевод ближе передает древний утраченный ныне грузинский оригинал, чем редакция Вахтанга, исправленная в начале XVIII столетия. Но в то же время нельзя с уверенностью утверждать, чтоб армянская редакция была дословным переводом, а не сокращенным извлечением из первоначальной Грузинской Хроники.

Армянский перевод древней грузинской летописи, или Армянская Хроника, как его называет Броссе, и как мы его будем впредь для краткости называть, доведена до 1125 года, то есть до смерти Давида Возобновителя, и, по-видимому, не докончена, так как во всех списках прерывается на недописанном слове. Она также переведена[10] академиком Броссе, как и редакция Вахтанга. Так как оба перевода изданы в одинаковом формате, то можно легко судить об их относительном объеме. Армянская Хроника не велика и заключает в себе 60 полных страниц, тогда как Анналы Вахтанга по то место, где оканчивается армянский перевод, то есть по 1125 год, занимают 381 страницу, следовательно, они слишком, чем в шесть раз, обширнее Армянской Хроники. Но здесь следует обратить внимание на то, что, во-первых, в числе 381 страниц включено 13 страниц предисловия Вахушта, написанного в Москве в 1745 году, и, во-вторых, из 368 остальных страниц следует исключить, по крайней мере, меньшую половину, занятую примечаниями академика Броссе, так что вся редакция Вахтанга будет занимать не много более 180 страниц, и будет уже относиться к объему Армянской Хроники как 3:1. Но это отношение еще более уменьшится, если мы из обеих редакций выкинем самостоятельную легенду об обращении грузин в христианскую веру и оставим только те части летописи, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Нас могут, однако, спросить: почему мы Армянскую Хронику называем не оригинальным сочинением, а переводом первоначальной грузинской летописи?

Кроме отзывов армянских писателей, изложенных выше, Армянскую Хронику мы называем переводом, а не оригиналом, на том основании, что в ней в сильной степени сохранились следы грузинского текста. Во-первых, автор перевода, человек малосведущий, нашел нужным передавать армянскими словами названия таких местностей, которые находились в сердце Грузии, и, следовательно, должны были носить чисто грузинские названия. Так названия: Тке-тба, Цихедид, Уплис-цихе, Деда-цихе и другие он переводит армянскими словами, означающими: лесное озеро, большая крепость, крепость владыки, мать-крепость, то есть буквальным переводом грузинских названий, тогда как в оригинальном сочинении местные названия были бы сохранены как собственные туземные имена. Во-вторых, он удержал во многих собственных именах, имеющих отдельную армянскую форму, грузинский местный суффикс *ет*, например, Хазарет, Джорджанет вместо Хазирк, Вркан. В-третьих, в церковном грузинском письме буквы *ш* и *б* весьма сходны друг с другом. Переводчик, вероятно, не совсем точно знавший эту азбуку, передает через букву *б* такие имена, которые по-настоящему должны были заключать в себе букву *ш*. Например, он пишет Биуаб, Арбак, Ардабир, вместо Шиуаш, Аршак, Ардашир и прочие. Впрочем, и сами грузинские переписчики часто впадали в ту же ошибку, особенно в имени Арбак вместо Аршак. Таких следов, доказывающих, что Армянская Хроника есть перевод старинной грузинской летописи, довольно много.

В то же время армянский текст, как более древний, представляет немало вариантов, облегчающих понимание темных мест нового грузинского текста и дающих лучшее чтение для некоторых имен, встречающихся в редакции Вахтанга.

При отсутствии в настоящее время древних грузинских летописей, можно было бы допустить предположение, что их не было и в начале XVIII века, и что Вахтангова редакция

сделана на основании армянского перевода (как думали Флориваль и Айвазовский), так как сам Вахтанг в своем вступлении говорит о заимствованиях из армянских книг. Но многие варианты, гораздо вернее прочитанные, чем у него в армянском переводе, указывают на то, что Вахтанг пользовался главным образом не армянским переводом, а старым грузинским текстом.

Как бы то ни было, в настоящее время Армянская Хроника по своей давности должна занимать место утраченного оригинала, и мы именно ее, а не текст Вахтанга, кладем в основание своего исследования, сравнивая ее постоянно с французским переводом Вахтанговых Анналов.

Обратимся к вопросу о том, когда могла быть написана древняя грузинская летопись, дошедшая до нас в армянском переводе? Мы видели, что о ней знали Вардан и Стефан, в начале и в конце XIII века. Самая рукопись (армянская) оканчивается рассказом о событии, имевшем место в начале XII столетия. Даже ее последние страницы не встречаются у Вахтанга и составляют не перевод, а самостоятельное изложение современных переводчику фактов.

Итак, летопись не могла быть составлена позже XIII столетия. Приписка, встречающаяся в тексте, будто первая часть летописи до Вахтанга Гургаслана написана в разные времена, а с Вахтанга до святого Арчила в начале VIII века Джеванширом, едва ли достаточно авторитетна. Если мы и допустим, что Житие святого Арчила написано в начале VIII века, то должны предположить, что оно существовало отдельно и не входило первоначально в состав летописи. Что же касается до выражения: история до времен Вахтанга I написана в разные времена, то мы не знаем, что хотел сказать автор. Если автор имел в виду выразить такую мысль, что начало летописи составлено разными авторами до Вахтанга I (V век) или даже до смерти Арчила Святого (VIII), то мы с этим никак не можем согласиться по следующим причинам.

Все известия в первой части Хроники изложены так неопределенно и в таких общих выражениях, что читатель не замечает в них ни одного намека на современные автору факты. Нам известно, например, из истории, много случаев вторжения хазар с северного Кавказа в Грузию и Армению, и они относятся к разным определениым эпохам. В летописи также встречаются известия о походах хазар в Грузию за полторы и более тысячи лет до Рождества Христова, но читатель не может уловить того, в какое время и при каких обстоятельствах, известных из других источников, могли иметь место эти походы. Далее, многие собственные имена, встречающиеся в этой части (в отделе до принятия христианства), по своим формам относятся к позднейшей поарабской эпохе. Например, древний город Партав уже после арабов стал называться Барда. У летописца эпоним Аррана создан не по древней, а по новейшей форме имени — Бардос. Так, Месопотамия только в арабский период стала называться Алджезиром; между тем в Хронике, как и в Анналах, это название встречается в рассказе о IV и V веках. Затем Мириан, которому Анналы дают 77 лет царствования (265—342 годы по Рождеству Христова) бывал, по уверению летописца, в Багдаде, основанном, как известно, гораздо позже появления арабов. Точно также Хосров Парвис называется у анонима Кесра, то есть так, как переделали это имя арабы.

Этих доказательств позднейшого поарабского происхождения летописи не много, но они есть. В пользу более ранней эпохи составления Хроники нет вовсе доказательств. Но мы не ограничимся этими указаниями. В летописи мы встречаем более верные признаки того, когда могла быть составлена первоначальная летопись.

Анонимный автор Хроники представляется человеком малосведущим и малоначитанным. Он, как видно, знаком был с сочинениями Хоренского и Агафангела и знал несколько содержание Шах-Наме, но пользовался ими не по подлинникам, а по устному пересказу, как будет указано в разборе содержания Хроники. Это-то знакомство с содержанием Шах-Наме, к которому автор часто прибегает на первых же страницах своей Летописи, и утверждает нас в мысли, что Летопись никак не могла быть написана раньше XI столетия. Выше мы видели, что она не могла быть составлена позже XIII века. Итак, мы должны прийти к тому заключению, что анонимная, ныне в оригинале не существующая, Грузинская Хроника могла быть сочинена только в промежуток времени от XI до XIII столетия, и, вероятнее всего, в XII веке, на начале которого прерывается Армянская Хроника.

Наивность и малая начитанность автора изумительны. Он не только не знает того, что говорят о Грузии классические писатели, но и того, что о более позднейших эпохах грузинской истории повествуется у византийских и армянских историков, говоривших о многих событиях как современники. Он не сообщает никаких народных преданий, которые, несомненно, существовали в его время. Напротив, по примеру Хоренского, он даже избегает их, прибегая к заимствованиям из книг (пересказ Хоренского и Шах-Наме) и сочиняя генеалогии, ни с чем не сообразные. На каждом шагу чудовищные анахронизмы следуют за не менее чудовищными

противоречиями до такой степени, что в первом отделе Хроники едва ли можно встретить хоть один факт, имеющий действительно историческое значение. Отсутствие элементарных понятий об истории высказывается у автора особенно в том, что в его изложении не принимаются в соображение ни мировые исторические события, ни хронология. Оттого все его известия висят в воздухе, не имея под собою почвы. Для подтверждения высказанного нами мнения приведем из этой хроники несколько выписок, характеризующих, с одной стороны, наивность автора, с другой — его взгляд на историю и на своих читателей-современников. Возьмем время появления Спасителя. «На первом году царя Андрика в Иудее, в городе Вифлееме, родился Иисус Христос. Между евреями города Мцхеты распространилась молва о том, что персидские цари завоевали Иерусалим. Этот слух сильно их опечалил. Но спустя два года они узнали, что цари явились не для покорения Иерусалима, а для поднесения даров рожденному от девы младенцу. Через тридцать лет прибыл на северо-восток (то есть в Мцхету) из Иудеи гонец и объявил (тамошним евреям), что младенец, которому волхвы поднесли дары, возмужал и выдает себя за Сына Бога. «Итак, — говорит он, — пусть люди мудрые из нашего народа, сведущие в законах, соберутся, и поедем вместе (для совещания) по этому делу»[11]. Читатель видит, что автор не силен в изобретательности. Тотчас вслед за этим известием, читаем: «В то же время персы возмутились против македонян (это после Рождества Христова!) и избрали себе в цари Ажиана Мудрого» (?!). Правда, в редакции Вахтанга нет слова «македонян», но это не доказывает, что его не было в древнем тексте, в котором позднейшая редакция несомненно делала исправления. Вместо Ажиана в грузинской редакции стоит Ажгалана, под этим именем Анналы, вероятно, разумеют Аршакидов. Известно, что Аршакиды основали свою династию за 250 лет до, а не по Рождеству Христова.

Далее, представляется феноменальный случай, встречающийся только в истории Грузии. После смерти Андрика царствуют в Грузии попарно десять царей, всего пять пар. Но удивительно то, что лица, составляющие каждую пару, начиная одновременно царствовать, по прошествии известного времени умирают в один и тот же момент, уступая место следующей паре. И никакого объяснения для столь необыкновенного факта! Хотя цель моей статьи заключается собственно в разборе Армянской Хроники, а не в критике Вахтанговой редакции, мне, однако, приходится обращаться к последней за справками и объяснениями. В данном случае, открывая Анналы, мы не находим в них объяснения этому необычайному явлению. В переводе Броссе даже приведены цифры продолжительности царствования каждой пары, чего в грузинском тексте не встречается (см. стр. 47 и далее).

Возьмем пример из V века по Рождеству Христова. В это время, как известно, сассаниды задались мыслью обратить в огнепоклонство армян, грузин и албанцев. Современные армянские писатели (Егише, Лазар Парпеци) довольно подробно передают события религиозной войны, возбужденной персами. Между прочим, Лазар сообщает, что в самом разгаре войны, грузинский царь Вахтанг, в начале также теснимый персами, обратился к армянам за помощью. Ему послан был вспомогательный отряд. Во время происшедшего с персами столкновения, Вахтанг со своими грузинами трусливо бежал, предоставив армян на произвол судьбы. Отряд, конечно, был разбит. Вот что говорит современник. Дело тут не в трусости, в которой армяне обвиняют Вахтанга. Важное значение имеет этот рассказ в том отношении, что современники видели в Вахтанге не могущественного царя (каковым он и не мог быть), а простого предводителя, князя или владетеля грузинского, который не только не был великим завоевателем, но сам даже нуждался в помощи армянских инсургентов. Таков был Вахтанг исторически. В Летописи мы видим совсем другое лицо. В ней он представляется непобедимым героем, великим завоевателем и благочестивейшим христианином, говорившим с 15-летнего возраста бесконечные назидательные речи. Жил он в эпоху нам достаточно известную. Из других источников мы не имеем сведений о каком-либо завоевателе в Передней Азии в V веке.

А между тем, если послушать Армянскую Хронику или Анналы Вахтанга V, Вахтанг I не только совершает изумительные подвиги в Грузии против греков и персов, но вместе с царем Хосровом (какого в его время не было, а был Пероз), за которого он выдает сестру свою Михрандухт, он предпринимает завоевательные походы в отдаленные страны Азии. Они, говорит повествователь, опустошили Джорджанет (Гирканию), столицей которого был Гелан (?), и населили его персами. Затем они отправились в Индию, разграбили ее и взяли по тысяче литров мускусу и амбры; несколько кораблей с грузом курительных благовоний; драгоценных камней, изумруду и яхонту целый груз корабля; золота софирского сколько можно навьючить на сто верблюдов, серебра на 500 верблюдов. Оттуда они отправились к Синду, затем

в Абаш (Абиссинию), в землю Кушскую. В Абиссинии они захватили в плен тысячу семейств и распустили их в разные стороны. От них, уверяет составитель хроники, произошли Курды!..

Описание царствования Вахтанга I занимает десять страниц (французского перевода), то есть ровно шестую часть всей Хроники, а в редакции Вахтанга пятьдесят страниц. Подвергать отдельные походы и подвиги Вахтанга критике, искать в других источниках подтверждения тому, что изложено в Хронике, как делает Броссе в своих примечаниях к Анналам, — работа бесполезная. Все это описание никак не укладывается в историческую рамку; тщетно было бы видеть в приписываемых Вахтангу подвигах отголоски народных преданий о старине. Если кому-либо из известных исторических лиц можно приписать часть подвигов, совершенных Вахтангом, то разве жившему несколько раньше анонимного летописца знаменитому Газневидскому султану Махмуду, сначала покровителю, а после гонителю Фирдоуси, сочинения которого, как мы видели, если не в подлиннике, то по содержанию были известны нашему автору. После Вакха и Александра Великого Махмуд один прославлялся в народных преданиях как завоеватель Индии, вывезший оттуда несметную добычу.

Не можем также не обратить внимания на следующий анахронизм. Автор говорит, что современниками Вахтанга в Персии были цари Ормузд и сын его Хосров, взявший Иерусалим. Вахтанг, как нам известно, жил во второй половине V века, а Ормузд IV царствовал с 578 года по 590 год; сын его Хосров Парвиз — с 590 года по 628 год. Допуская подобный анахронизм, автор не мог быть современником Вахтанга I, как о том говорит приведенная нами выше приписка.

Следует обратить внимание еще на один пункт в истории Вахтанга. Автор говорит в одном месте: «Вахтанг приделал к золотому своему шлему изображения волка и льва, почему и был прозван персами Гургасал, то есть волк-лев». Во-первых, Гургасал не может значить «волк-лев». Гургасал, по свойству грузинского языка, обращающего *ρ* в конце собственных имен в *л*, например, Григол, Арчил (из Ардшир) и др., произошло из Гургасар, как оно встречается у Вардана и значит по-персидски «волкоголовый», и, следовательно, нет основания переводить его через «волк-лев». Но дело в том, что в этой более древней форме прозвище Гургасал или Гургасар встречается у грузин редко, а чаще в форме Гург-аслан, что действительно означает «волк-лев». Но в таком случае последнее слово уже не персидское, а турецкое, и прозвище Гург-аслан могло быть создано в ту эпоху, когда турецкий язык стал распространяться в Персии и Грузии, то есть гораздо позже арабских завоеваний. И Вардан переводит Гургасар через волк-лев, но он жил в начале XIII века, во время первого вторжения монголов, когда турецкий язык был уже господствующим в Передней Азии, и, как мы видели, заимствовал свои сведения о грузинской истории из летописи нашего автора (см. также Сенковского, «Некоторые сомнения касательно Истории Грузинов», стр. 166 в Библиотеке для чтения за 1838 год).

Такова большая часть известий, сообщаемых грузинским хронографом. Только крайняя снисходительность или отсутствие критики могли придавать этой хронике значение исторического источника, говоря о первой ее части. Приближаясь к нашему времени, конечно, чаще и чаще встречаются факты исторического характера; но, как мы уже говорили раньше, нас в настоящее время занимают известия о древнем, дохристианском периоде истории Грузии. Разбирая самый текст, мы постараемся шаг за шагом следить за автором и будем отмечать, где он черпал свои сведения. Но перед тем не мешает попытаться угадать, чему обязана летопись своим происхождением.

Сам анонимный автор Хроники ни слова не говорит ни о времени, в которое он жил, ни о цели своего труда, ни о том, при каких обстоятельствах он его предпринял. Выяснение этих обстоятельств весьма важно при оценке древнего памятника. Но так как ни в Армянской Хронике, ни в редакции Вахтанга никаких на этот счет положительных указаний не имеется, то волей-неволей приходится прибегнуть к предположениям, обойтись без которых в данном случае не представляется возможности.

Из многих сотен владетельных родов, между которыми разделена была вся площадь древней Армении, более влиятельными и знатными считались нахарарские (княжеские) роды: Багратуни, Арцруни, Сюни, Мамиконьян и некоторые менее замечательные. Старший в нахарарском роде считался главой всего рода и владетелем всей родовой территории на основании майоратства с политическими правами. Владетель майоратства носил звание нахапета, тера или танутера, буквально — домовладельца, то есть главы рода, то же, что мамасахлиси у грузин. Такой танутер хотя и утверждался в правах своих царскою властью, но в этом утверждении собственно не нуждался, так как нахарарская система предшествовала в Армении учрежде-

нию царской власти и покоилась на нравах и обычаях жителей. Установленная в Армении за 130 лет до Рождества Христова и существовавшая до двадцатых годов V века по Рождеству Христова, царская власть могущественными нахарарами большею частью признавалась номинально. Отношения между этими учреждениями никогда не были приведены в известную систему, обязательную для обеих сторон, и главным образом обусловливались наличностью фактической власти.

Род князей Багратуни, один из самых древних, знатных и богатых родов Армении, искони занимал выдающееся положение между другими княжескими фамилиями. Имена их связаны со многими событиями истории Армении как до, так и после Рождества Христова. Внимательно изучая армянских историков, выносим такое впечатление, что честолюбие и осторожность были постоянными спутниками всех действий представителей рода Багратуни. Хоренский (II, 7) упоминает о них, как о главных деятелях в Армении за 130 лет до Рождества Христова, при водворении в ней династии Аршакидов. Облеченные в высшую при дворе должность венценалагателей (тагадир) при воцарении каждого Аршакида, они сохранили свой древний титул аспета (рыцаря), носимый главами их рода. Несмотря на содействие, оказанное ими учреждению в Армении центральной власти, из отрывочных известий армянских историков мы видим, однако, что они, насколько было возможно, устраняли себя от деятельного участия в делах государства и, удалившись в свои владения, умели заставить царскую власть в некоторой степени уважать их нейтральное положение. Царская власть просуществовала в Армении слишком пятьсот лет, не пустив глубоких корней в жизни армянского народа. Интересы царя естественно шли вразрез с интересами князей, дороживших своею независимостью и правом перехода в формальное подданство к одному из сильных соседних государств, преимущественно к Персии. Без всякого видимого переворота в устройстве страны царская власть пала, когда князья армянские обратились к персидскому царю Враму, с просьбой заменить армянского царя своим марзпаном (наместником), в первой трети V столетия. Но нахарары, неохотно признававшие власть своих собственных царей, были еще менее склонны выносить произвол персидских наместников. Настало время смут и волнений в стране.

В то время, когда другие владетельные роды, руководясь своими страстями и увлечениями, принимали участие в самых необдуманных предприятиях и тем навлекали на себя гибель, Багратуни с необыкновенною дальновидностью умели удерживать себя от всяких рискованных поступков, оберегая себя и свои богатства для будущего. После падения армянского царства им желательно было играть в стране первенствующую роль, но они вскоре увидели, что их время еще не настало, и что при тогдашних обстоятельствах лучшее для них было — ждать. И они сумели выжидать. Между тем, для поддержания своего обаяния и для усиления своего могущества и влияния, они при благоприятных обстоятельствах выступали иногда на политическую арену, опираясь на силу государств, которым в данный момент была подчинена Армения. Так они не раз занимали высокие военные и административные должности не только в Армении, но и в Персии, облекаясь в звания спарапетов, марзпанов, востиканов, правителей (со стороны арабов), куропалатов (со стороны Византии). Родственные связи их, основанные на браках Багратидских княжен с соседними и дальними владетелями, были весьма обширны.

С наступлением арабской эпохи, когда часть старинных и могущественных родов была истреблена, а у других сломлена сила, Багратуни чрезвычайно умно воспользовались обстоятельствами. Заслужив доверие халифов, они в скором времени достигли цели своих долго питаемых честолюбивых замыслов: в IX веке они основали в Армении довольно обширное государство и украсили себя царским венцом. Более мелкие династии образовали они в Вананде (Карс), в Агвании и в других областях. Древние родовые владения Багратидов находились в области Тайк у Чороха. В смежности с ними, между Чорохом и Рионом, находилась страна, известная в разные эпохи под названием Колхиды, Лазики и Абхазии. Отрасль Багратуни, вступив в родственные связи с владетелями Абхазии и Грузии, в течение VII века успела настолько усилиться в этих странах, что один из ее членов в конце VIII века вступил на грузинский престол и тем положил основание знаменитой династии грузинских Багратидов (Багратионов), царствовавших до начала текущего столетия. Под правлением этой династии с XI века наступает самая блестящая эпоха в истории Грузии. Имена Давида Возобновителя, Георгия III, Тамары и других делаются известны в отдаленных странах. Извне пределы Грузии значительно расширяются. Внутри государства настает время высшего благосостояния, какое когда-либо знала Грузия. Счастливые войны с соседями и деятельная торговля обогащают край. Члены царского семейства и знать тратят большие суммы на возведение храмов и других общественных зданий, одаряют монастыри, поддерживают народную литературу, заводят

школы. Цветущее состояние Грузии продолжается до вторжения ховарезмийцев и монголов в первой трети XIII столетия.

Багратиды, заботясь об обеспечении за собою грузинского престола, не пренебрегали искать себе опоры в общественном мнении своего народа и исподволь действовали на умы своих современников. Еще в V веке, тотчас после падения армянского царства, они обратились к Хоренскому с просьбой написать историю их рода, надеясь на то, что он поймет цель их просьбы и изложит свою историю в таком виде, чтобы прошлые судьбы рода Багратуни давали ему право на выдающееся положение между другими местными владетельными родами. Может быть, этим путем Багратиды думали содействовать своим замыслам насчет вакантного в то время армянского престола. По-видимому, Хоренский не понял их настоящей цели, и желание Саака Багратуни он приписал его просвещенной любознательности. Вследствие того он изложил свою «Историю Армении» так, что в ней Багратуни не играют особенно выдающейся роли, хотя и говорится в ней об их древнем еврейском происхождении, об их благочестии, о занимаемой ими высокой придворной должности и о некоторых заслугах перед Аршакидами. Кстати, относительно происхождения Багратуни следует заметить, что еврейство их подвержено сильному сомнению. И откуда мог узнать Хоренский о том, что происходило в Армении в царствование небывалого Навуходоносора? Да и сам он говорит, что в его время существовали предания, производившие Багратуни из поколения древних армянских родоначальников.

То же самое встречаем мы и у Себеоса. Итак, говорим мы, Хоренский не понял, чего ждал от него Саак Багратуни. Но впоследствии, в письме своем к главе не менее знатного рода князей Арцруни, он как будто угадывает смысл честолюбивой политики Багратуни, а потому и пророчит, что будут они царствовать в Двине, а князья Арцруни возложат на себя корону Сенахериба Ассирийского, потомками которого они себя считали.

Достигнув царской власти в Грузии, Багратуни не переставали выставлять права свои на исключительное положение и между родовитыми грузинскими князьями, из коих некоторые богатством и влиянием, может быть, мало им уступали. Воспользовавшись уверением Хоренского, что предок их был знатный еврей, высланный в Армению Навуходоносором, они уже не довольствовались в Грузии этим скромным предком, а стали утверждать, что происходят по прямой линии от царя и пророка Давида. В Армянской хронике в одном месте говорится кратко: «Господь установил нам Спасителя из дома Давидова, в лице Давида, сына Георгия, из рода богоотца Давида, из фамилии Багратуни». А несколько раньше: «В те дни из Армении прибыл к царю Арчилу некто Адранас, из дома пророка Давида…»

Но в Вахтанговой редакции сохранилась генеалогическая таблица князей Багратуни от Адама и до какого-то Соломона, сына Дана. Всех поколений считается 87 (это в течение 5000 слишком лет!), из них 33-е место занимает царь Давид, 34-е Соломон, 58-е Иаков, отец Иосифа, супруга Девы Марии. Соломон, сын Дана, 87-й потомок Адама, родил семь сыновей, которые из Филистимской страны пришли в область Еклец (Акилисене в Армении), где царица Ракаэл (?) крестила их своею рукой. Четверо из братьев отправились в Грузию, где в то время погасла династия Гургаслана. Грузины обратились к греческому императору (какому?) с просьбой дать им царя. Император исполнил их просьбу, провозгласив царем Гуарама, одного из четырех братьев, в 575 году и т.д. Таким образом (по Вахтангу), Багратиды вступили в первый раз на грузинский престол в VI веке. Но они процарствовали на этот раз недолго, быв сменены Хосроидами. Во второй раз они взошли на престол в 787 году и уже царствовали до самого падения грузинского царства в 1801 году.

Не останавливаясь над разными несообразностями генеалогической таблицы Багратидов, мы замечаем, что грузинский летописец (по Вахтангу) почему-то находит нужным игнорировать действительных родоначальников грузинских Багратидов, то есть армянских Багратуни, живших в Армении с незапамятных времен и также, по уверению Хоренского, переселившихся из Палестины. А под пером летописца XII века, только через сто лет после Хоренского, являются в Грузии новые Багратиды прямо из Палестины и, не теряя времени, воцаряются в ней в лице Гуарама. При этом замечательно, что ни один из четырех братьев, поселившихся в Грузии, не носит имя Багарата. Их звали: Гуарам, Саак, Асам и Вараз-Вард (чисто персидское имя). Сын Гуарама, царствовавший после него, назывался Стефанос. Спрашивается: почему же они назвались Багратидами, когда в их роде не было ни одного Баграта?

Впрочем, этот вопрос для нас не особенно важен. Мы говорили, что Багратиды любили придавать себе высокое происхождение, чтобы раз навсегда знатностью рода стать выше других местных князей. Нам могут возразить, что Багратиды не виноваты в том, что льстивый летописец делает их близкими родственниками Пречистой Девы и прямыми потомками царя

Давида. В том-то и дело, что летописец здесь не причем. Гораздо раньше этого анонимного автора, жившего, как мы видели, не ранее XI века, Багратиды приписывали себе такое происхождение, хотя несколько по другой линии.

Константин Багрянородный (De administr. III, 197) говорит: «Куропалаты иверийские хвалятся своим происхождением от жены Урия, прельщенной царем-пророком Давидом. Они производят себя от Давида, одного из детей этой женщины, и потому считают себя родственниками царя-пророка Давида, а следовательно, и Пресвятой Девы, происходившей из племени Давида. Вот почему грузинские владетели не затрудняются вступать в брак с родственницами, согласно древним еврейским обычаям. Они говорят, что они выходцы из Иерусалима и поселились сначала в Персии, повинуясь предписанию, полученному во сне… Со времени выхода их из Иерусалима и поселения в нынешних их владениях прошло 400 или 500 лет до нашего времени, 10-го индикта 6460 года, в царствование Константина и Романа, усерднейших христиан».

Итак, если еще в Армении Багратиды хотели пользоваться услугами литературы для своих политических целей, то понятно, как важно было для них в Грузии опереться на письменный памятник, подтверждающий, с одной стороны, их высокое происхождение от праотцев нашего Господа, с другой — делавший их законными обладателями Грузии, на основании прямого престолонаследия. И потому легко допустить предположение, что летопись была написана по их заказу, или, по крайней мере, мысль о ней была ими внушена автору. Наконец, могло быть и так, что один из приверженцев их находил почему-либо целесообразным изложить историю Грузии в направлении выгодном для Багратидов. Конечно, прямых данных для такого заключения не встречается ни в армянской, ни в грузинской литературах, но внутренний смысл фактов приводит нас к такому выводу. Кроме всего вышеизложенного, в Хронике, во-первых, представляется, будто Грузия искони, то есть с потопа, а еще определеннее с Фарнаваза, имела те же политические границы, какие определились только впоследствии при династии Багратидов, объединивших разрозненные грузинские территории и установивших род единовластия, допускаемый обстоятельствами. Во-вторых, в ней утверждается, что Мцхет, а затем Тифлис, были исключительными резиденциями центральной власти (как это было только при Багратидах), господствовавшей над всею Грузией, с чем при ближайшем знакомстве с источниками едва ли можно согласиться. В-третьих, летописец избегает говорить о древнем происхождении знаменитого рода Орбелиан, хотя в его время, то есть в XI—XII веках, семейные предания Орбелианов должны были быть общеизвестны, и игнорировать их было невозможно без предвзятого намерения. Не следует забывать, что именно в XI—XII веках своими обширными владениями и политическим могуществом они не раз навлекали на себя подозрения со стороны царствовавших тогда Багратидов. В-четвертых, беспрерывный ряд царей от Картлоса и Парнаваза до Багратидов, в течение 11 или 21 столетий не прекращается ни разу, а если меняются династии, то в них, вследствие родства, остается кровь предшествовавшей династии, не дающая прекратиться роду Фарнаваза и Вахтанга I. Все это было выгодно для царствовавшей в то время династии Багратидов. Да и сами Багратиды, во второй раз занявшие престол Грузии в 788 году, делаются законными наследниками древней династии в лице Ашота Куропалата потому только, что последний представитель угасшей династии женат был на сестре этого Ашота. При этом возникает сомнение относительно существования первых Багратидов. Нам кажется, что Гурам и сын его Стефан, царствовавшие по летописи 44 года, от 575 г. до 619 г., обращены летописцем в Багратидов исключительно с целью усилить права настоящих Багратидов на грузинский престол.

Допустив верность нашего предположения относительно того, что мысль о Летописи была внушена автору Багратидами, мы несколько уясним себе, почему в самом начале Летописи приводится ни с чем несообразный факт о близком родстве между собою весьма различных народов, этнографически совершенно не родственных. Все эти народы частью находились в прямом подчинении Багратидам, частью входили в сферу их политики. Точно также преимущество, даваемое в начале летописи армянам, можете быть объяснено прямым происхождением грузинских царей от Багратидов в Армении, где старшая их ветвь была в то время во главе довольно сильного государства.

Несмотря на то, что задача, возложенная на летописца, была выполнена им крайне неумело, тем не менее, желанная Багратидами цель была достигнута. Они получили письменную санкцию на исконные и неоспоримые права на престол Грузии. И эта летопись, исполненная вымыслов, заимствований и противоречий (мы говорим о первой ее части) и до сих пор, несмотря на все свои недостатки, пользуется огромною популярностью и авторитетом у грузин.

Таким образом, из всего предыдущего изложения вытекает, что анонимный автор Хроники жил в XI—XII веках по Рождеству Христова и написал свою Летопись частью, чтоб создать «Грузинскую Историю», недостаток которой в то время сильно чувствовался в народе, но главным образом с целью возвеличить царствовавший в Грузии род Багратидов и придать их правам историческую санкцию.

Перейдем к самой Летописи. Та часть Хроники, которая нас интересует в настоящем случае, очень невелика. Мы выпишем ее дословно, чтобы дать о ней понятие, и затем изложим по параграфам наши объяснения.

Армянская хроника

§ 1. Упомянем о том, что армяне (гаи, сомехи[12]), виры (картвелы, грузины), раны (арранцы, то есть жители Аррана), моваканы, геранцы (геры), леки (лезгины), кавказцы и егеры (мегры — мингрельцы) были детьми одного и того же отца, Торгома, сына Тираса, сына Гомера, сына Иафета, сына Ноя.[13] Торгом был муж храбрый и исполин. После разрушения Столпа, смешения языков и расселения рода человеческого по лицу всей земли, он поселился между горами Масисом (Б. Араратом) и Арагацом[14] (Алагёзом). Было у него много жен, которые родили ему множество сыновей и дочерей. У последних были свои сыновья и дочери. Так как Торгом жил 600 лет, то страна не была в силах вместить в себе всего его потомства, которое вследствие того рассеялось и распространило свои пределы от Понтийского моря до моря Герета[15], до Каспийского моря и до горы Кавказа. Между сыновьями его самыми знаменитыми и доблестными были восемь мужей: Гайк (Гаос), Картлос, Бардос, Мовкан, Лекан (Лекос), Герос, Кавказ, Егрес (Егрос). Из всех их особенною силою и храбростью отличался Гайк. Не было на земле подобного ему ни до, ни после потопа, и до настоящего времени. Между этими сыновьями Торгом разделил свои владения: одну половину их он отдал Гайку, а другую распределил между остальными семью сыновьями своими сообразно достоинству каждого из них.

Картлосу дал Торгом темную[16] страну севера, которая заключалась в следующих границах: на востоке река Бердахоч (Бердудж, Дебеда), на западе Понтийское море, на севере горы Кавказа, и пределы областей Кларджк и Тайк до гор Лех (Сурамских).

Бардос получил земли (к востоку) от той же реки Бердахоч вдоль Куры до того места моря, где в него впадают, слившиеся в одну, реки Кур и Ерасх (Аракс). Бардос построил город Партав (Бардав) и назвал его по своему имени.

Земли по северному берегу Куры от устьев (в тексте: от головы) Алазани до Великого моря (Каспия) он дал Мовкану, который построил город Мовканет (Нуху?).

Геросу дал земли от головы (истоков, устьев?) Алазани до лесного озера (Тке-тба), называемого ныне Галгала (Гулгула). В промежутке между слиянием двух рек (Алазани и Иоры) он построил город и назвал его по своему имени Герет, называемый ныне Хоранта.

Егросу же дал земли на берегу[17] моря в горах Лех до Западного моря и до того места, где хазарская река (Кубань) впадает в море. Он построил и назвал по своему имени город Егрис, называемый ныне Бедия.

Горы же Кавказские по реку Ломек (Терек) в то время еще незаселенные[18], Торгом отдал двум остальным сыновьям своим, Кавкасу и Лекану, по именам которых эти страны называются до нашего времени.

Гайк, получив половину отцовских владений в вышеназванных пределах, властвовал над семью братьями своими, а все братья вместе служили исполину Неброту (Нимроду), который раньше всех стал царствовать на земле.

Спустя несколько лет Гайк собрал братьев своих и сказал им: «Послушайте меня, братцы! Бог даровал нам силу и многочисленный народ. В благодарность за такую к нам Его милость, давайте будем служить не иноземцу, а истинному Богу». Братья согласились на такое предложение, перестали платить дань Неброту и заключили союз с соседними народами. Сведав о том, Неброт в гневе собрал войско из исполинов и полчищ своих и, выступив (против мятежников), пришел в Атрпатакан.

Гайк со своими ждал его у подошвы Масиса. Неброт выслал против него 60 исполинов с сильным отрядом. Столкновение их произвело ужасный шум, наподобие грома. Резня была ужасная с обеих сторон. Гайк, стоя позади своего войска, ободрял всех. Подобно молнии он несся во все стороны, и поразил до единого всех 60 исполинов и войска их. А сам с семью братьями, оставшись невредим по милости Божией, воздал вместе с ними благодарение всесиль-

ному Спасителю своему. Смущенный вестью о поражении своего отряда, Неброт лично устремился на Гайка, который, не имея равных ему сил, укрепился в каменистых ущелиях Масиса.

Вооруженный и окованный с ног до головы в железо, Неброт, взойдя на косогор одного холма, взывал к Гайку, чтобы тот снова подчинился ему. Не отвечая ему, Гайк сказал братьям своим: «Поддержите меня с тылу, ибо я иду на Неброта». И приблизившись к нему, пустил стрелу в грудную доску его с такою силою, что она насквозь пробила блестящую броню его. Неброт свалился и испустил дух. С ним пало и все его войско. Так освободился и успокоился дом (страна) Торгома. Гайк же был признан царем над братьями своими и над всеми соседними народами.

§ 2. Картлос отправился к горе Армаз и построил себе дом и крепость, и страна от Хунана до Сперского моря получила от его имени название Картли. Он же построил Орбет, который ныне называется Самшуйльде, и воздвигнул из кирпича крепость Хунан. Пожив долгие годы, Картлос умер, оставив пять храбрых сыновей: Мцхетоса, Гардабоса, Кахоса, Кохкиса[19] и Гачиоса. Старший из них, Мцхетос, похоронил отца своего на вершине Картли, на горе Армаз. Жена Картлоса построила Майраберд (Деда-цихе)[20] и Ришу (Рустав), то есть Партез-Кагак (Бостан-Калаки)[21], и разделила владения (мужа своего) между пятью сыновьями своими. Гачиос построил город Гачен; Кахос — Челт и Кахет[22]. Мцхетос построил город Мцхету и властвовал над четырьмя братьями своими. У него было три именитых сына: Уплос, Одзрхос и Джавахос, между которыми он разделил свои родовые владения. Одзрхос построил две крепости: Одзрхе и Тухарис. Джавахос построил два укрепленные города Цунду и Артаган, который прежде назывался городом храбрых или гениев.[23] Уплос построил Уплис-цихе, Урбанис и Касп до ворот Тайских[24]. Его удел назывался Нижний или Внутренний Картли. Потомки Торгомовы (Таргамосианы) строили эти крепости из страха (вторжения) Небротидов, грозивших им за смерть предка своего Неброта, которые пока были не в силах одолеть их, так как Торгомиды до самой смерти Мцхетоса были единодушны. После же смерти Мцхетоса разногласие воцарилось в доме Картлоса, ибо (члены его) не желали, чтобы над ними царствовал Уплос, которого Мцхетос отец их (в тексте Картлос) назначил правителем всей страны. Междоусобия продолжались долго. Иногда благоразумные мужи успевали восстановлять между ними согласие, но вскоре смуты возобновлялись с новою силою. В то время разросся город Мцхета и был назван столицей (собственно: матерью городов) дома Картлоса. Князь, сидевший в нем, назывался просто Танутер[25] (Мама сахлиси, то есть домовладетель) и не носил ни царского, ни княжеского, ни другого титула.

После того (сыны Картлоса) забыли Бога, творца своего, и стали поклоняться солнцу, луне и пяти звездам, и клялись могилой Картлоса, отца (предка) своего.

§ 3. В то время усилились хазары и пошли войной на потомков Лекоса и Кавкаса, и так стеснили их, что те обратились к шести остальным народам Торгомова дома, жившим в мире и благоденствии, с просьбой прийти к ним на помощь. Те изъявили готовность; в полном вооружении перешли гору Кавкас и полонили землю хазарскую, с помощью Дуцука, сына Тиретиса, который призвал их на помощь. После того хазары, собравшись снова, избрали себе царя, и составив многочисленный отряд (лагерь), вторглись во владения Торгома через Дербендский проход. Так как число их было несметно, то они частью истребляли, частью брали в плен жителей до самой равнины Арарата и Масиса. Нетронутыми остались только неприступные (горные, темные) крепости: Хунан, Даби[26], Егрис, Самшуйльде. Между тем хазары, найдя другой проход Дариал, стали повторять свои набеги на страну Торгома и сделали ее своею данницей. Первых своих пленников, армян и грузин, царь хазарский отдал сыну своему Уобосу (в переводе Броссе — Рубос) с частью Кавказа от реки Ломека (Терека) до конца гор на западе. И поселился Уобос с родом своим в стране, называемой ныне Осет. Но Дурдцук, человек именитый из потомков Кавкаса, удалился в горные ущелия и платил дань царю хазарскому. Местность им занятую он назвал Дурцукет[27].

Тот же царь хазарский дал двоюродному брату своему (сыну брата отца своего) часть страны Лекана (Лекоса) от Дербендского моря на востоке до реки Ломека на западе, и пленников из стран Рана и Мовакана. Здесь он и поселился.

Один из потомков Лекана, Хузуних, углубившись в горные ущелия, построил город Хузунихет[28], так названный по его имени.

В течение долгого времени жители севера были данниками хазар.

§ 4. После того на Востоке потомки Неброта стали усиливаться числом. Между ними явился некто Абридон, о котором говорят, что он железными цепями приковал князя змей, Биратпа, к пустынным горам Раиса, как о том написано в персидских книгах[29]. Владея Персией

и принудив к дани многие народы, он отправил в Грузию полководца своего Адрама[30], также из потомков Неброта. Тот прибыл в страну, покорил ее, разорил города и крепости, и истребил всех бывших там хазар. На берегу моря он построил Дарбанд, что означает: «запри ворота». Этот же Адармос построил Мцхету из камня, сплоченного известью, и начал постройку стены от горы Армаза до реки Куры. До того времени в Грузии неизвестно было искусство строить из камня и извести. При разделе своих владений между тремя своими сыновьями Абридон дал Персию и Грузию одному из них, Иаред-ераху[31]. Адармос долгое время правил Грузиею. После него еще четыре начальника занимали его место.

В то время между сыновьями Абридона возникли несогласия, и два брата, условившись вместе, умертвили Ариадареха. Воспользовавшись этим, грузины призвали себе на помощь оссов, умертвили персидского правителя во время его прогулки в поле, истребили войска его и освободились от персов. Только области Ран и Герет остались во власти персов.

После того Кекапос, царь Персии, восстановив свою власть, вступил в Мовкан и в Герет и приготовился к вторжению в Лекет. Но владетель Леков[32], родственник (потомок?) Хузаниха, будучи волшебником, чарами своими нагнал слепоту на Кекапоса и на войска его, так что те должны были воротиться назад. Но вскоре глаза их открылись и они, подчинив себе Грузию, удалились.

§ 5. В то время распространилась удивительная молва, что Моисей, любимец великого Бога, перевел через Чермное море 12 колен, числом шесть тём, находившихся в то время в Синайской пустыне и питавшихся манною, то есть хлебом, нисходящим с небес. Язычники, сведав о том, славили Бога Израилева.

§ 6. В то время армяне, соединившись со всеми народами Торгома, отложились от персов и стали укреплять свои города и замки. Кекапос в гневе отправил против них полководца своего Параборота с многочисленным войском. Армяне и грузины выступили против него в Атрпатакан и разбили его. Параборот с несколькими спутниками едва успел спастись бегством.

Тогда разгневанный Кекапос отправил против них внука своего Квехосрова, сына прекрасного Шиуаша, убитого турками. Армяне и грузины, будучи не в силах сопротивляться ему, были (растоптаны ногами) раздавлены. Квехосров назначил правителей (в покоренных странах), построил в Атрпатакане молитвенный дом для обрядов своей религии и, воротившись в землю свою, стал воевать с турками, которые убили отца его. От него бежало 28 семейств турецких, которые, прибыв к мцхетскому танутеру, просили его отвести им для поселения пещеру, находившуюся к востоку от города. Они обвели ее стеной, устроив в ней свое жилище, и назвали ее Саркине, то есть «железным рудником». Воспользовавшись тем, что Квехосров занят был войной с армянами и грузинами, они умертвили персидского правителя и укрепили свои замки.

§ 7. В то же время стали прибывать в Грузию переселенцы из Греции, Сирии, Хазарии, бежавшие от неприятельских вторжений. Их принимали охотно, с целью воспользоваться их помощью против персов.

В то же время пришли в Грузию евреи, спасшиеся от Навуходоносора. Они просили у мцхетского танутера места для жительства, обязуясь платить дань. Тот дал им (участок) у реки Арагвы, на ручье Занав. Это место получило название Херк, по случаю платимой дани[33]. До сего времени (употребительным) языком у грузин был армянский. С этих же пор, вследствие смешения его с языками различных народов, поселившихся между ними, образовался грузинский язык.

§ 8. После того грузины усвоили веру и нравы нескромные и более скверные, чем у других народов. В браках они не различали (степеней) родства, употребляли в пищу насекомых, червей и трупы, и не хоронили мертвых (буквально: и не было у них могил).

После того, некто Спандиар[34], царь персидский, сын Ваштапиша, выступил против армян и грузин. Но лишь только он прибыл в Атрпатакан, как получил известие, что турки умертвили его дядю (брата отца). Он тотчас вернулся в Туркестан, а армяне и грузины отдохнули. После того царствовал над персами Вахрам, сын Спандиара, называвшийся также Арташесом. Он был могущественнее других персидских царей, взял Вавилон, и подчинил дани Сирию, Грецию и Грузию. В то время в Грузии говорили по-армянски, по-хазарски, по-еврейски, по-гречески, по-сирийски, и из смешения их образовался язык грузинский.

§ 9. В то время возвысился в Македонии Александр Великий, сын Нектанеба Египетского, и подчинил себе три угла света. Направившись с запада на север и обойдя восток, он проник в темную страну. Перейдя Кавказ, он вступил в страну грузин и был поражен их гнусным образом жизни. Встретив у них множество крепостей, Александр в течение шести

месяцев утомлял свои войска взятием замков: Цонда, Хертис, Удзрхе, построенный на скале Ладас; Тугарс на сперской реке Чорох, Урбнис, Касб, Уплис-цихе, то есть владычную крепость; Мцхету, предместие Саркине; Цихис-диди — большую крепость; Занав, населенный евреями; Риша, Майраберд[35], Шамшуде и Хунан — Курскую крепость. В этих крепостях он встретил мужественных воителей и потому распределил между ними свои войска, а сам остановился в местечке Астаки.

Неприступных крепостей Тугарс и Хунан Александр не одолел. Осада Саркине продолжалась 12 месяцев, и так как жители его оскорбили Александра, то он не заключал с ними мира. Вследствие чего они пробили мягкий камень пещеры и с противоположной стороны бежали ночью на Кавказ. В других местах Александр умертвил много народу, увлек в неволю женщин и невинных детей до 12-летнего возраста, и назначил патриком, то есть правителем края, македонянина Азона. Он поручил ему стотысячное войско, состоявшее из так называемых протитосиков[36], людей неистовых и свирепых. Так как они сильно притесняли греков, то Александр удалил их из Греции и поручил Азону. Из среды их Азон назначил начальников по всей Грузии.

Александр предписал Азону чествовать солнце, луну и пять звезд и служить единому Господу Богу, творцу неба и земли. То же самое он повелел всей стране, так как в то время не было еще провозвестника истины.

Азон разрушил все крепости, кроме четырех, защищавших входы в Грузию[37] и снабдил их гарнизонами. Кроме того, он подчинил себе леков, оссов и хазар, и властвовал над всею Грузией, начиная от Герета и Бердахоча до моря Сперского.

Подчинив себе в течение 12-тилетнего царствования всю вселенную, Александр на 12-м году вернул бывших у него в услужении заложников в их страны. Разделив между четырьмя своими родственниками свои владения, он дал Антиоху, строителю Антиохии, Ассирию; Ромосу, построившему город, называвшийся его именем, он дал Западную Грецию; Византосу, строителю Византии, он дал Фракию, Вифинию и Грузию, письменно повелев Азону повиноваться ему. Отправив Платона в Египет и дав ему Александрию, Александр скончался. Вскоре после того Азон, забыв религию, предписанную ему Александром, сделал два серебряных идола, Гаима и Гацима и поклонялся им.

Человек жестокий и корыстолюбивый, Азон повиновался Бизанту, и предписал своим приверженцам отнимать имущество и умерщвлять каждого богатого, рослого и удачливого грузина. Также поступал он и с греками, из которых умертвил многих.

§ 10. В то время был избран (то есть стал заметен) некто Парнаваз из потомков Мцхита. Мать его была персианка из Испагана. Он был сыном сестры Самароса танутера Мцхетского во время похода Александра, который и убил его.

Человек разумный, искусный охотник, Парнаваз сделался известным Азону. Мать Парнаваза говорила ему: «Не открывайся Азону. Увези меня в Испаган к братьям моим. Спаси себя и меня». Но Парнаваз не соглашался покинуть свое отечество. Раз ему приснился сон, будто он находится в весьма тесном доме, хочет выйти, но не может. Вдруг в окно проник луч солнца, обхватил его за поясницу и вынес из дома. По выходе он видел себя близким к солнцу, утер пот и помазал лицо свое (?). Проснувшись, он сказал себе: «Если я пойду в Испаган, благо мне будет». И решился ехать. В тот же день он вышел один на охоту, увидел зверя у Тифлисского оврага, пустил в него стрелу. Дичь свалилась в каменистое ущелье (?); Парнаваз бросился за нею. Между тем солнце закатилось, и ночь захватила его там. Пошел дождь, смешанный со снегом. Ища себе убежища, Парнаваз увидел заделанный с давних лет камнями и уже развалившийся вход. Он открыл его и увидел обширную пещеру, наполненную золотыми и серебряными сокровищами. Обрадовавшись и впомнив сон, он пошел и призвал мать и двух сестер своих. Они всю ночь набирали сокровища и скрыли их под рукой в разных потайных местах. Парнаваз посылает к Куджи и говорит: «У меня много скота. Хочешь, я приду к тебе, и уведем его, и объявим себя против Азона». Услыша то, Куджи обрадовался и сказал: «Приди ко мне, и воспользуемся стадом для того, чтобы добыть войска против Азона. Возрадуется Грузия, а Греция поможет нам, так как Азон возмутился против нее»[38]. Отправился Парнаваз с семейством своим к Куджи, который принял его с радостью и сказал: «Ты происходишь от древнейших танутеров грузинских, и тебе подобает власть. Ты господин, а я твой слуга». В то же время они уведомили оссов и леков, которые также обрадовались, потому что Азон сильно притеснял их данью. Собралось к ним, таким образом, весьма много конного войска. Также пришло много из страны Егеров.

Услыша о том, Азон собрал свои войска, из которых тысяча человек отделились и перешли к Парнавазу. Не полагаясь на остальные войска, Азон бежал в крепости Кларджетские.

Тогда Парнаваз пошел на Мцхету, взял ее, а также четыре крепости близлежащие, и завоевал всю Грузию в течение одного года. Он отправил к Антиоху послов с большими дарами, обещал служить ему и просил помощи против греков. Антиох охотно принял его предложение, назвал его сыном своим, послал ему корону, и предложил князьям армянским идти ему на помощь. В следующем году Азон, соединившись с греками, собрал значительное конное войско и пошел на Парнаваза. Этот также собрал своих и, получив войско от Антиоха, раньше Азона успел достигнуть области и города Артагана, называвшегося тогда Каджац-Кагак. Там произошла встреча. Разбитый Азон умер на месте; войско греческое также потерпело поражение. Парнаваз перешел в области греческие, полонил Анци, Анцура и Елекацик. На обратном пути он овладел Кларджетом. Воротившись с великим ликованием в Мцхету, он захватил все сокровища Азона. И возвеличился он сильно, и выдал одну сестру свою за осского царя, а другую за Куджиса. И дал ему земли между рекой Егерскою и Рионом до великой горы, под которою живут егерцы и соны, и обезопасил себя от врагов. Куджи построил крепость Куджи. Парнаваз назначил в своих владениях восемь воевод и одного спарапета: одного воеводу в Лехских горах; тот построил две крепости: Шаран и Димна. Второго отправил в Кахет; третьего в область, простиравшуюся от Бердахоча до Тифлиса и Гаченка, называемого Гардабан. Четвертого послал в Шамшуйльде и дал ему земли от Скакурета до Ташира и Абоцка. Пятого отправил в Цунди и дал ему земли от Нарвана до истоков Куры, то есть Джавахет до Артахана. Шестого отправил в Удзрхис, дал ему от Тайк до Арсиана, и с входа в Востан до моря, то есть Самдцхе и Аджару. Седьмого отправил в Кларджет, дав ему земли, лежавшие между Арсианом и морем. Восьмого отправил в Куджает и в Егер. Спарапета назначили над страной от Тифлиса и Арагвы до ворот Тайк[39], то есть над Внутренним Картли. Все платили Парнавазу дань и были покорны его власти. Привели ему жену из дурцукского народа Кавказа. И устроилась Грузия по образцу персидского государства.

Греки не могли беспокоить его, потому что сами заняты были войной с римлянами. Парнаваз обвел стеною Мцхету и крепости, разрушенные Александром. Он воздвиг большого идола, носившего его имя, то есть Армаза, потому что персы звали Парнаваза Армазом. И поставил он идола на вершине горы Картлоса, и эта гора до сих пор называется горою Армаз. Воцарившись двадцати пяти лет, он процарствовал 65 лет спокойно и радостно, служа царю Антиоху.

Осень и весну он проводил в Мцхете, зиму в Гаченке, а лето в Джавахете. Иногда он заезжал в Кларджет и в Егрис, заботясь о благосостоянии провинций, ибо человек он был мудрый и опытный. Тысячу человек, перешедших к нему от Азона, он распределил по разным областям Грузии, назвав их азонцами, и покровительствовал им. И вся Грузия, принося жертвы идолу, говорила: «Благодарение нашей надежде (?) за то, что мы получили царя из рода предка нашего, Картлоса». Сына своего он назвал Саурмаком. Парнаваз был первым царем из рода Картлоса. Он издал повеление по всей стране говорить по-грузински, и создал письмена грузинские. Когда он умер, его похоронили перед его идолом, Армазом.

§ 11. В том же году воцарился его сын, Саурмак, которого князья грузинские решились убить, предпочитая повиноваться не своему соплеменнику, а чужому, кто будет сильнее. Сведав о том, Саурмак взял с собой мать свою и бежал в Дурцукет к братьям ее. Но войско, называемое азонцы, помня благодеяния его отца, собралось к нему. Он призвал к себе на помощь царя оссов, выступил в поход и без труда завладел всей страной. Он истребил врагов своих, иных простил, причем возвеличил азонцев и унизил грузин. Половину размножившихся потомков Кавказа переселил в Мтиулет, то есть в Сванетию (sic), а начальников их назвал своими доверенными. Он воздвиг четырех идолов по дороге мцхетской: Айнину и Дадану, и женился на персианке, дочери князя Партавского. И было у него две дочери, из которых одну он выдал за перса Мрвана, сына тетки жены своей, и назвал его сыном своим; а другую — за сына Куджи, который приходился ему двоюродным братом (в тексте: сыном сестры отца). Пожив долгие годы, Саурмак умер, и воцарился на место его Мрван, человек благоразумный, храбрый и собою красивый. Между тем дурдзукцы, забыв о союзе и соединившись с чартальцами, жителями Кавказа, вышли из земли своей и опустошили Кахетию и Базалет. Тогда Мрван, собрав своих верных всадников и пеших, пошел на Дурцукию. В жестокой битве дурцукцы были побеждены и разбиты. Мрван вступил в землю их, взял Дурдзук, Чартал и проход Кразмен. После того он вернулся в Мцхет.

Умер Антиох, царь Сирии и Вавилона, а в Армении воцарился Арбак, за сына которого Мрван выдал дочь свою, и затем умер. И воцарился сын его Парнаджум, который построил крепость Адин, а в ней воздвиг идола. Он также построил город в Кахетии, Некрез. Оказы-

вая расположение магам персидского учета, он построил место, называемое ныне Могда, где воздвигнул жертвенник огня. Обиженные грузины обратились к царю армянскому Варбаку и просили его дать им в цари сына своего, «Ибо, говорили они, — наш царь сделался персианином, забыл веру отцов своих и не следует отеческой религии». Царь армянский с радостью (принял и) воротил послов. Услыхав о том, Парнаджум привел войска из Персии, и где только мог собрать их, и выступил против царя армянского. Варбакес сразился с ним во главе армян и грузин в области Ташире, умертвил его и совершенно истребил войска его. И воцарил сына своего Арбака[40], который женат был на дочери Мрвана.

Царствование его было благополучно. Он построил множество замков, укрепил стены Цунды, города в Джавахете, и после благополучной жизни умер.

После него царствовал над грузинами сын его Артак в течение двух лет. В его дни вторглись (в Грузию) персы, чтоб отмстить за кровь Парнаджума, и так как Артак не мог сопротивляться им открыто, то защищался за укреплениями. А те ушли, захватив с собою все, что нашли в открытых местах.

После Артака воцарился сын его Бартон. Между тем сын Парнаджума, Мрван, воспитанный в Персии, с помощью персов выступил против Бартона и отправил гонца к князьям грузинским, требуя, чтоб они отступились от Бартона. Но те не послушались, и воевали с Мрваном целый месяц в окрестностях Хунана, но были разбиты. Бартон также пал в битве. Так как у него не было сына, то он выдал дочь свою замуж за сына Куджиса-Картама, чтобы сделать его наследником престола. Так поступил он, чтоб угодить грузинам, которые желали иметь царя из потомков Парнаваза, а не из чужестранцев. Но и Картам был убит в битве. Жена его, дочь Бартона, будучи беременна, отправилась в Армению и там разрешилась сыном, которого назвала Андрик.

Между тем Мрван выступил в Грузию, завладел всею страной, подчинил себе тех, кто защищался в замках, а тех, которые укрылись в неприступных местах, вывел из этих мест, дав им клятву. В Шамшуйльде он взял жену Бартона, Аршакидского происхождения, и женился на ней. У него родился сын, названный Арбак. Жил Мрван немного лет и умер, и воцарился сын его Арбак.

Андрик, воспитанный в Армении, сделался человеком видным и отличился в войне армян с сирийцами, у которых он умертвил многих богатырей. Взяв армянские войска, он воевал с Арбаком в стране Трелы (Триалет), то есть Цагкац. В течение целого дня они дрались на мечах, изломали их, и никто из них не обратил тыла. На другой день бились палицами, окованными железом, и били ими друг друга, как кузнецы молотами по наковальне, и все-таки ни одна сторона не уступила. Тогда схватились за луки и стали метать стрелы, и пронзил Андрик стрелою грудь Арбака, брата матери своей, и убил его. Грузины обратились в бегство. Андрик, снизойдя к просьбе армян, приказал остановить истребление грузин, говоря: «С этих пор, благодаря вам, я царь их». И все войско грузинское преклонило пред ним колени. Возложив на главу его корону Арбака, армяне, грузины и дом Арана заключили между собою тесный союз. Андрику было тридцать лет при воцарении, и царствовал он над Грузиею сорок пять лет, взяв в супружество дочь царя армянского.

Объяснения

К § 1. Хроника начинается тем, что установляет близкое кровное родство между самыми разнородными народностями Кавказа и Закавказья, считая их прародителей сыновьями одного отца. Ясно, что это известие извлечено автором не из книг; но и в сказаниях народных он не мог встретить ничего подобного. Остается предположить, что оно прямо сочинено им с целью, указанною в конце введения.

Обыкновенно в действительных представлениях народа о своем происхождении лежат, если не точные исторические факты, то такие вымыслы, которые покоятся на основах поэтической правды. Здесь же, без всякого основания, без всякой необходимости сгруппированы в ближайшее между собою родство самые разнообразные народы, как по происхождению, так и по языку. Автор считает, например, грузин и мингрельцев за отдельные народности и на одну с ними степень родства ставит армян и лезгин. Другие его названия выражают не какие-нибудь этнические термины, а жителей областей: Аррана, Мовакана, Герета, без ближайшего определения их народности. Эти племенные и областные названия он без всякого стеснения обращает в эпонимы, прибавляя к ним чуждое грузинскому языку окончание *ос*, и делает из них восемь

братьев, сыновей одного отца, Торгома. Замечательно, что он это же окончание прибавляет и к эпонимам картвельского и мингрельского племен (Картлос, Егрос), которые должны были иметь архегетов с именами, составленными в духе грузинского языка, а не с греческим окончанием. И такое странное явление не поражало грузинского читателя с самого начала!

В третьей главе Ванских Надписей (Ж. М. Н. Пр. 1875 июнь) мы уже рассматривали значение Торгома в генеологии армянских родоначальников и объяснили, каким путем это имя могло перейти из семитического мира в армянский. В Истории Грузии мы не видим этих оснований. Между тем в ней приведена та же генеалогия с известными отступлениями, от Библии, как и у Моисея Хоренского: Иафет — Гомер — Тирас — Торгом.

Толкователи родословной таблицы Моисея обыкновенно производят иверов от Тубала и Мешеха или Мосоха. Иосиф Флавий также говорит: Thobelus Thobelis sedem dedit, qui nostra aetate Iberi vocantur: et Mosocheni a Mosoche conditi, nunc quidem Cappadoces dicti sunt… (I, с. VI). Эти два имени неразлучны с первого их появления в истории. В ассирийских памятниках мы встречаем в Каппадокии народ муски, мускаи, а за ним западнее — табалов. В Библии Тубал и Мешех тоже встречаются вместе, но местожительство их не ясно определено, хотя упоминание об их участии в полчищах Гога дает право предполагать, что они жили где-то в соседстве с Кавказскими странами. У Геродота (III, 94) мосхи и тибарены вместе с макронами, мозинайками и марами составляют XIX сатрапию и платят 300 талантов. Такое их перечисление переносит нас к юго-восточной стороне Черного моря в Малой Азии, следовательно, в соседство с Понтом Каппадокийским[41]. Известные грекам тибарены и мосхи живут гораздо севернее ассирийских табал и муски, потому ли, что греки говорили о северных, а ассирийцы о южных поселенцах этих народов, или потому, что жившие в ассирийскую эпоху в Каппадокии муски и табалы, во времена греческие были двинуты на север. У классиков рядом с Moschi часто встречаются Kòlchi, жившие севернее последних, как у ассирийцев за мусками Kaski, в которых многие узнают колхов (См. Schrader, Keilinschr. und Gesch., стр. 155—158).

В другом месте, перечисляя различные народы, входившие в состав Ксерксова войска, Геродот (VII, 78) говорит, что мосхи, тибарены, макроны и мозиноики были одинаково вооружены, но первые два находились под командой отдельного начальника. Замечательно, что в трех списках стран, дошедших до нас в надписях Дария, имена этих народов не встречаются вовсе. Из Ксенофонта, Страбона и других мы узнаем, что тибарены жили в их время на юго-восточном берегу Черного моря, а мосхи восточнее их, следовательно, приблизительно в тех местах, где позже мы встречаем поселения иверийского племени. Выражения Месх, Месхет означают у грузин местность у Ахалцыха по верхнему течению Куры. Одним словом, все указывает на то, что в древнейших своих преданиях грузины (или некоторые из иверийских племен) должны были производить себя от Тубала и Мешеха, если бы, как думают иные, в Хронике сохранился отклик от времен доисторических. Но вместо этого мы встречаем нечто особое, приведенное в искуственную связь с библейскими преданиями. Предполагать, что в глубокой древности родословная таблица книги Бытия была грузинам известна из источников общих источникам Библии — натяжка безосновательная. Едва ли можно допустить и такое предположение, какое делает господин Броссе (Hist. de la Géorg. Introd. XIX): грузины могли быть знакомы с Библией за семь веков до Рождества Христова от переселенных в Грузию израильских пленников. Спрашивается, во-первых, почему же генеалогия патриархов от Иафета до Торгома не сходна с тем, что мы встречаем в библейском сказании[42]. Во-вторых, кто сообщил автору, жившему в XI веке, что и как думали предки грузин за 18 столетий до него о своем происхождении? Письменных памятников не было, а устные сказания не живут в народе 18 веков, без искажения имен и фактов.

Вернее всего допустить, что автор сам возымел намерение связать начало грузинского народа с библейским сказанием. Но в таком случае, почему он не держался строго Моисеевой таблицы и не выводил грузинских родоначальников прямо из правильного ряда потомков одного из сыновей Иафета? Ясно, что он желал родоначальника грузин сделать братом родоначальника армян, а таковым, по Хоренскому, был Гайк, сын Торгома — Тираса — Гомера — Иафета. Очевидно, брат Гайка должен был иметь тех же предков. Вот почему и автор создает генеалогию: Картлос, сын Торгома — Тираса — Гомера — Иафета, то есть допускает для генеалогии грузин те же отступления от Библии, какие были, по известным уже нам причинам, сделаны Хоренским.

В III-й главе Ванских надписей мы видели, что греки называли эпонима армянского народа арменосом, а армяне, называющие себя гаями — Гайком. Грузины называют армян —

сомехи. Следовало ожидать, что они эпонима армян назовут сомехом или, наконец, арменом по примеру греков. Ни то, ни другое: они называют его Гайком (Гаос — у Вахтанга), как у Хоренского.

Не менее странно и то обстоятельство, что родоначальник известного народа в его древнейших сказаниях поставлен ниже родоначальника другого народа и даже в зависимость от него. В летописи мы видим такое явление. Из всех сыновей Торгома важнейшую роль играет не Картлос, эпоним грузин, а Гайк, подобного которому не было на земле ни до, ни после потопа и до настоящего времени. Почему в дальнейшем изложении не Картлос действующее лицо, а все тот же Гайк? Опять-таки потому, что автору известна была из Хоренского история Гайка, которую он целиком, хотя и своими словами, извлекает из Истории Армении. По Хоренскому же переданы все подробности борьбы Гайка с Небротом. Что же делает в это время Картлос, от которого пошел грузинский народ? Он вместе с братьями своими помогает Гайку, а впоследствии основывает несколько крепостей и замков. И ни одного героического подвига! Мы полагаем, что даже вымышляя всю доисторическую генеалогию, автор не мог бы поступить таким образом, если б он был природным грузином; в народном же воззрении на свою древность он еще менее мог встретить нечто подобное. Таким образом, с самого начала обнаруживается, что летописец не в народных сказаниях черпал свои известия о первобытной Истории Грузии, а частью в книгах, ему доступных, частью в области вымыслов.

Распределяя свои владения, заключавшиеся в землях, лежавших между Черным и Каспийским морями, Кавказом и Курдистаном, Торгом отделяет Гайку половину всех своих владений, а другую половину отдает остальным семи своим сыновьям. Картлос получает собственную Грузию до Сурамского хребта, за которым до Понтийского моря простираются земли брата его, Егроса, эпонима Мингрелии. Для ранцев (жителей Аррана) к востоку от Дебеды до слияния Куры и Аракса, летописец создает эпоним не по имени народа или области, а по названию главного города этой области — Партава, и то не по древнему его произношению, а по позднейшему встречающемуся у арабских писателей и сохранившемуся доныне — Барда. Из этого названия, прибавив к нему греческое окончание *ос*, летописец и создает Бардоса.

Достаточно одного взгляда на карту, чтоб угадать, какие уделы получили остальные братья Картлоса: Мовакан, Лекос и Кавказ.

Северными пределами Кавказа и Мингрелии считаются реки: Ломек (Терек) и Хазарская река (Кубань).

Странное понятие имеет также автор о местожительстве Неброта. Он у него действует в Адербейджане, а потомки его (то есть персы ?), как мы увидим ниже, также из Адербейджана делают вторжения в Армению и Грузию.

После счастливо оконченной борьбы с Небротом, все братья, в том числе и Картлос, признают своим царем Гайка. Таким образом, по летописцу, все древнейшие воспоминания грузин говорят об их исконном подчинении армянам.

Если подобный взгляд на грузинскую древность относительно зависимости грузин от армян не есть вымысел автора, а составляет отголосок действительного предания, то он мог бы в некоторой степени быть объяснен следующим соображением: в первые века христианства, как нам известно от современников, часть нынешней Грузии, по южному берегу Куры, входила в состав армянского царства. Области Тайк и Гугарк (Gogarene) в политическом отношении принадлежали Армении и составляли первая — четырнадцатую, а вторая — тринадцатую провинции этого государства. Но население этих местностей было, вероятно, и в то время наполовину грузинское. Впоследствии, с образованием грузинского царства, в них стали господствовать грузины и политически. Сами грузины считали Гугарк армянскою провинцией, так как называли ее Сомхет, то есть Арменией. У местных жителей могло сохраниться воспоминание об их прежней зависимости от армян.

Как бы то ни было, из рассмотренного нами параграфа мы приходим к заключению, что автор древней Грузинской Летописи едва ли был природный грузин, вероятнее всего — малограмотный армянский монах, и что он черпал свои сведения не из народных сказаний, а из книг, ему доступных, и до сих пор преимущественно из Хоренского, пользовавшегося во все времена громадным авторитетом у армян. Немалую роль играют в сообщениях автора и его собственные вымыслы.

К § 2. Картлос, эпоним картвельского племени, по обыкновению мнимонародных сказаний, передает, конечно, свое имя всей стране, которая только поэтому начинает называться Картли. Название Армаз не существовало при Картлосе, а было дано одной горе только при Парнавазе, как уверяет ниже автор. Далее в Летописи говорится о сыновьях и внуках Картло-

са, имена которых читатель сам легко создаст, если обратит внимание на названия следующих местностей: 1) Мцхета, древний город при слиянии Куры и Арагвы; 2) и 3) Гардабан и Гачиан, два эриставства; 4) Кахет, Кахетия, то есть местность, населенная племенем кахов; 5) Кухет, часть Кахетии; 6) Уплис-цихе, пещерный город, высеченный в скалах недалеко от Гори; 7) Одзрхе, город; 8) Джавахет, известная область. Стоит только ко всем этим названиям прибавить греческое окончание *ос*, из первых пяти получатся имена пяти сыновей Картлоса, а в последних трех окажутся имена детей старшего его сына, Мцхетоса. При названиях Кахет, Кухет и Джавахет предварительно отбрасывается местный суффикс *ет*, и затем уже прибавляется *ос*. В имени Мцхетоса этот суффикс не выброшен, потому что точное название города было не Мцхет, а Мцхита, у Птоломея Μεστλητα, вероятно, вместо Μεστχητα.

Замечательно бесцеремонное отношение автора к грузинскому языку. Так, к чисто грузинскому слову упали, род. уплис, он приделал греческое окончание, чтобы создать собственное имя, Уплос, по своему рецепту. Это имя нужно было ему для объяснения названия города Уплис-цихе (слово в слово: крепость господина, владетеля). Это совершенно то же самое, если бы для объяснения названия Царского Села обратиться не к русскому слову царь, а к сочиненному имени Царос. В другом месте сам автор (или его армянский переводчик) говорит, что Уплис-цихе значит крепость владетеля; но собственное имя, им созданное, тем не менее, осталось. Итак, эти продукты фантазии летописца каковы: Картлос, Мцхетос, Уплос и прочие, не только не возбудили протеста или улыбки со стороны читателей, но вскоре сделались популярными, а в настоящее время получили даже историческую санкцию в народной памяти. В то же время они не раз вводили в заблуждение и серьезных ученых. Так, один из известных современных географов, Вивиен де-Сен-Мартен[43], разбирая библейские этнические термины Мешех и Тубал, находит в названии города Мцхеты намек на первый. Это открытие, которое, впрочем, весьма естественно представлялось и многим другим исследователям, наполняет его таким восторгом и благодарностью к Грузинской Летописи, что он и второй термин с удивительною легкостью объясняет из той же Хроники. Он говорит: «Тубала Святого Писания нельзя не узнать в Уплосе Грузинской Летописи. Эти два имени, Тубал и Уплос, тожественны, потому что прибавка начальной согласной буквы (*m*) вовсе не изменяет их физиономии: Oupl, Toubl». Доказав по-своему идентичность Тубала и грузинского Уплоса, В. де-Сен-Мартен уже гораздо смелее приступает к своим дальнейшим выводам и оканчивает их приведением к одному корню — Ouplis этнических и географических названий: Oublis, Toubal, Taubâl, Tiber, Tabar, Taber, Imer, Iber, Ivir и прочие!

Что касается происхождения названия города Мцхеты, то если даже и прав Броссе (Hist. de la Géorg. Introd. IX), уверяя, что это имя по законам грузинского языка не может происходить от имени Месхов, — его нельзя никак отделить от названия территории Самцхе (Ахалцыхский округ), в котором с X века упоминается область Месхет.

Об именах Кахоса, Кухоса, Гардабоса и других излишне говорить — они и так понятны.

Таким образом, становится ясным, почему ни Картлос, ни сыновья его, ни внуки не совершают никаких подвигов. С именами их в народе не связано никаких воспоминаний. Эти мнимоисторические или даже мнимомифические лица были созданы с определенною целью, то есть для того, чтобы дать свои имена известным местностям. Удовлетворив этой цели автора, они исчезают бесследно. Таким образом, и в этом параграфе мы не нашли ничего исторического или народного.

К § 3. Здесь говорит автор о вторжениях в Грузию хазар чуть ли не за 2000 лет до Рождества Христова. Само собою разумеется, что и эта часть его рассказа имеет такое же историческое значение, как предыдущая, то есть равно никакого. Любой изобретательный писатель легко может сообщить десятки подобных неопределенных известий, не поддающихся никакому приурочению. Люди, привыкшие относиться с доверием к памятникам народной старины, но не вникшие в процесс образования этой Хроники, могут предполагать в повествовании грузинского хронографа историческую основу, извиняя самый анахронизм объяснением, что в народных преданиях имя древних набежников на Грузию с течением времени пришло в забвение и что оно было заменено позднейшим, но более известным именем хазар. Такое объяснение можно было бы допустить, если бы колорит факта был яснее, характернее намечен, если бы в сообщении летописца можно было с достаточным вероятием угадать, например, походы киммериан, саков, или даже гуннов, хотя бы с изменением их имен и с некоторыми хронологическими уклонениями. На деле мы видим совсем не то. Рассказывается что-то весьма туманное, но что совершалось в Грузии несколько десятков раз с незапамятных времен и до XV столетия, то есть о вторжениях северных племен через ущелия Дербендское и Дариальское.

То, что говорится в Хронике о хазарах первого доисторического периода, равномерно может относиться и к гуннам, и к действительным хазарам, и к аланам, и к массагетам, и к кипчакам, и потому нет никакого основания считать рассказ летописца за древнее предание, обыкновенно более определенное и рельефное. И наконец, откуда автор XI—XII века мог добыть эти известия? Если из древних местных письменных памятников, то их не было, а если б они были, то факты имели бы большую определенность, и в них не упоминалось бы имя хазар. Если же известия добыты из народных преданий, в которых имя древнего народа было заменено именем позднейших хазар, то таким преданиям едва ли можно придавать значение на том основании, что ни в каком народе не могут сохраниться устные предания в течение 2000—3000 лет...

Предполагая, что летописец, говоря о хазарах, приводит действительное народное предание, Клапрот (Journ. Asiat. XII, 537) хочет в этом рассказе видеть слабое воспоминание о походе скифов под предводительством Мадиеса в 633 году до Рождества Христова. Если даже в XI веке и сохранялись в народе какие-то предания о древних вторжениях в Грузию с севера, то таких вторжений было так много, что по оставшимся данным ни один историк не может угадать с достаточною ясностью, о каком именно вторжении говорится у летописца. Наконец, можно было бы принять к сведению толкование Клапрота в том случае, если б все, что говорит автор до и после рассказа о хазарах, переносило бы нас в какую-нибудь определенную историческую эпоху. На деле этого нет. Но, может быть, автор заимствовал свой рассказ из какого-либо иностранного книжного сообщения? Пожалуй. В Шах-Наме[44] сообщается, что в царствование Лохраспа, Гуштасп, по поручению императора Румского, выступил против хазарского царя Илиаса и умертвил его. В историческом отношении оба известия стоят одно другого. Если это место в Шах-Наме было известно летописцу, то он мог рассуждать так: хазары прежде чем появились на пределах Рума (Малой Азии), должны были пройти через Грузию, и, следовательно, могли опустошить и полонить ее. Как бы то ни было, мне кажется, столь ранний поход хазар в Грузию изобретен автором, чтобы пополнить пробел, оставшийся за недостатком фактов.

К § 4. Автор обращает персов в потомков Неброта и намекает на какую-то Персидскую Книгу. Можно подумать, что существовала какая-то Персидская Книга, в которой описаны были дружественные и враждебные отношения персов к Грузии. Но вчитавшись в рассказ, видим, что такой книги вовсе не было, и что автор заимствовал и переделал на свой лад с искажением имен то, что рассказывается в Шах-Наме. Имена Абридон, Бюрасп, Раис, Иаред-Ирах, Кекапос, Квехосров, Шиауш и другие суть искажения имен Феридуна, Бейвераспа, Реи, Иареджа, Кей-Кауса, Кей-Хосрова, Сиавуша, и то, что о них рассказывается в Хронике, явно заимствовано из Фирдоуси, в чем легко убедиться из следующих выписок содержания Шах-Наме:

Один из мифических царей династии Пишдадиан, Феридун, с помощью кузнеца Каве, освободил свое отечество от ига тирана Зохака, прозванного Бейверасп. Зохак царствовал тысячу лет. От поцелуя Аримана у него на плечах выросли змеи, которые ежедневно питались мозгами двух людей (оттого и назван он у нашего автора князем змей). Феридун, победив этого Зохака-Бюраспа, приковал его железными цепями к горе Демавенд[45]. Вместо Демавенд в Хронике стоит Раис, то есть Реи, так как Демавенд находится недалеко от этого города и может называться горою Реи.

Не могу объяснить себе происхождения Адрамоса из потомков Неброта. Откуда взял его автор?

Одно может быть справедливо в этом параграфе, а именно то, что грузины до прихода персов не знали искусства сплачивать при постройках камни посредством извести, на что указывают в настоящее время древние развалины в горах Кавказских.

Далее следуют новые заимствования из Шах-Наме. У Феридуна было, по сказаниям, три сына: Селм, Тур и Ирадж, между которыми он еще при жизни разделил свои владения. Первому он дал Рум, второму — Туркестан и Китай, третий получил страну героев — Иран. Движимые завистью, два старшие брата умертвили Ираджа и отправили к Феридуну набальзамированную голову его любимца. Летописец к уделу Ираджа, Ирану, добавляет, во-первых, от себя Грузию, а затем, смертью Ираджа пользуется, чтобы сказать несколько слов и о Грузии. Он говорит, что во время смут, возникших за умерщвлением Ираджа, грузины, воспользовавшись обстоятельствами, призвали к себе на помощь оссов, умертвили Адармоса, персидского правителя Грузии, и таким образом освободились из-под власти персов, оставив в их владении только восточную часть Грузии. Читателю заметно, что летописец факты (если таковые когда-либо имели место) из истории Грузии втискивает в рамки Книги Царей, не найдя для них более удобной обстановки.

Но мы не кончили еще с заимствованиями из Фирдоуси.

По эпическим сказаниям персов, место Пишдадиев заняла новая династия Кеянидов. Второй царь этой династии, Кей-Каус (Кекапос хронографа), наслышавшись о богатстве и прелестях жизни в Мазандеране, предпринял туда завоевательный поход. Белый див, покровитель Мазандерана, поразил как Кей-Кауса, так и все войско его слепотой. Призванный на помощь, национальный богатырь Рустем, совершив свои семь подвигов, умертвил, наконец, Белого дива и освободил Кей-Кауса и все иранское войско. Для возвращения зрения царю и его войску пришлось влить им в глаза крови Белого дива.

Грузинский хронограф, очевидно, знал содержание этого отрывка; но приводя его в своем рассказе, он вместо Мазандерана ставит Грузию, а Белого дива заменяет царем леков, волшебником и потомком Хузаниха.

К § 5. Относительно этого параграфа мы отсылаем читателя к первой главе Книги Чисел.

К § 6. В то время (то есть при Кей-Каусе и во время исхода израильтян из Египта), армяне и все другие народы Торгомова дома отложились от персов и пр. Мы не намерены опровергать эти сказки, но будем продолжать открывать в летописи следы Шах-Наме. У Кей-Кауса, говорится в Книге Царей, между другими богатырями был и Ферибурз или Фарабурз. Это и есть Парабород или Фарабород Грузинской Летописи. Далее, перебрав несколько книг Шах-Наме, мы узнаем, что любимым сыном Кей-Кауса был прекрасный Сиавуш, который с приятною наружностью соединял возвышенные качества души. Преследуемый местью отвергнутой им мачехи, он бежал ко двору Туранского царя Афрасиаба, где нашел убежище, и женился на дочери царя. Брат Афрасиаба, завидуя успехам Сиавуша, до тех пор чернит его перед царем, пока тот не дает приказания умертвить его, что и приводится в исполнение. Сиавуш, однако, имел малолетнего сына от дочери Афрасиаба. То был Кей-Хосров, после долгих препятствий достигший Ирана, где престарелый Кей-Каус назначает его своим преемником. Первым делом Кей-Хосрова по вступлении на престол было отмстить туранцам за вероломно убитого отца своего, Сиавуша. После многих поражений, понесенных отдельными иранскими богатырями — Тусом, Ферибурзом и другими, Рустему удалось, наконец, опустошить весь Туран и истребить все туранское войско и их союзников. В Шах-Наме говорится в этом месте о туранцах, а не о турках, как у нашего писателя. Последнее название было более доступно для грузинского писателя XI—XII столетий. Смешением туранцев с турками грешит часто и Фирдоуси; но он, оставаясь верен источникам, часто, особенно в древнейшую эпоху сказаний, упоминает только о туранцах.

И в этом параграфе летописец вставляет несколько неопределенных фактов, якобы из Истории Грузии, в рассказ Фирдоуси, и тем мечтает пополнить недостаток действительно древних известий.

В конце параграфа приводится местное предание о переселении в Грузию 28 турецких семейств. Потомки этих турок, говорится далее в § 9, оказав сопротивление Александру Великому, бежали за горы. К чему было говорить о том, что несколько турецких семейств в незапамятные времена поселились в Грузии и затем при Александре исчезли без следа? Очевидно, здесь автор недоговаривает чего-то. Мы отчасти отгадываем в чем дело, и постараемся изложить, о чем и по каким причинам умалчивает автор.

Выше, в введении, мы видели, что лучше всех армянских писателей с древнею Грузинскою Летописью знаком был Степанос или Стефан Сюнийский, писавший в конце XIII столетия. Мы также привели часть его извлечений из Грузинской Книги. Его извлечения из этой книги ограничиваются, однако, вышеприведенными строками. Он делает дальнейшие из нее заимствования. Только в них мы видим некоторое отступление от того, что ныне встречается в Армянской хронике и в Анналах Вахтанга. Он, например, переселенцев, поселившихся в Грузии при мцхетских танутерах (мамасахлисах), называет ченами, а не турками. Этот Стефан, митрополит Сюнийский, из знаменитого рода армянских Орбелианов, задался мыслью собрать в одно все древние известия касательно своего рода, и с этою целью он, прежде всего, обращается к существовавшей в его время Грузинской хронике. Не лишним считаем привести здесь его словами то место, которое, составляя, по словам Стефана, продолжение вышеприведенной нами из Истории Грузии выписки, с одной стороны, касается ченских переселенцев, с другой — пополняет существующий пробел в Грузинской летописи: «В то время начались смуты и междоусобия в стране Ченастан[46] на Востоке, которая находится за страною Халандров, в смежности с гуннами и хазарами, и простирается до горы Имауса. После смерти царя, называвшегося Чен-Бакуром, члены царственной фамилии вступили между собою в борьбу. Одна сторона одержала верх, другая обратилась в бегство. Во главе последней находился муж

искусный, сильный, видный и красивый собою, во цвете лет. Захватив с собою свое семейство, дружину и царские сокровища, на летучих конях он быстро пронесся по многим странам с таким ужасающим видом, что никто не осмелился остановить его. Пройдя через проход Дариальский они (беглецы), как бы по внушению свыше, пришли в страну Картль, к владетелю (танутеру) Мцхетскому. Увидя, что иверы угнетены и забиты персами, они обратились к танутеру и к вельможам со следующею речью: «Мы из царского рода ченов, и отделившись от братьев наших, пришли сюда. Нам нравится гористая местность ваша. Боги, видя стесненное положение ваше, привели нас к вам. Мы было думали отправиться в царство персидское или к императорам греческим. Но если мы вам нравимся, приготовьте нам место для поселения. В таком случае мы останемся у вас и освободим вас от всех притеснителей ваших. В противном случае мы уйдем своею дорогой, куда поведет нас бог наш». Вельможи страны, увидя этих сильных и энергичных мужей и услыша их приятные речи, весьма обрадовались их приходу. Они снарядили великий пир, оказали им блестящий прием и почет, и очень их полюбили. Для жительства и для обороны себя они дали им неприступную крепость Орбет, построенную Картлосом, а также множество областей, больших селений и замков в наследственную собственность. Удовлетворенные этим, чены поселились в Орбете и после долгого времени стали называться орбули (читай: орбели), то есть орбетскими, а прежде того звали их ченеулами, то есть ченами.

«Между тем эти чены, соединив иверов и образовав из них войско, устремились на всех противников их и, поразив персов, изгнали их из пределов Грузии. И наступило в стране спокойствие. За услуги, оказанные ченами, из среды их стали назначать спарапетов и главнокомандующих иверскими войсками. При воцарении в Иверии первого царя Парнаваза, орбели были осыпаны особыми почестями, так что во всей Иверии не было им подобного и равного, кроме царя. Вот все, что мы могли узнать из грузинских книг. Долго после того, вследствие ненависти к ним царя Георгия, который истребил весь их род в Иверии, имена Орбелианов были вычеркнуты не только в Истории Иверии, но и в других книгах и в надписях церковных. С крайним усилием нам удалось собрать краткие о них известия, частью от людей сведущих, частью из надписей, сохранившихся в разных местах, а главное из семейных преданий, передаваемых отцами детям и дошедших до нашего времени. Но так как подлинные известия о всех подвигах и великих деяниях рода Орбелиан в Иверии подверглись дерзновенному уничтожению в их Исторической Книге, называемой Картлис-Цховреба, то мы не могли в точности познакомиться с происшествиями, чтоб изложить их в нашем сочинении. Кое-что нашли мы в армянских книгах, в том числе повесть об истреблении этого рода, которую мы изложили здесь в том виде, в каком она сообщена в прекрасной Истории Мхитара Анеци».

Этот отрывок до слов «Долго после того» взят Стефаном, как он уверяет, из Грузинской Хроники, хотя его, как мы видели, нет в настоящее время ни в Армянской Хронике, ни в Редакции Вахтанга. Таким образом, отрывочный рассказ анонима о прибытии турок получает в извлечениях Стефана определенный смысл, приурочившись к преданиям о происхождении рода князей Орбелиан. Но действительно ли Стефан извлек свой рассказ о начале рода Орбелиан из Грузинской Летописи? Нам кажется, что нет, и вот почему. Если Анналы Вахтанга редактированы довольно поздно, в начале XVIII столетия, то армянский перевод существовал задолго до Стефана, и, следовательно, должен был сохраниться в том виде, в каком его видел Стефан. Однако, рассказа об Орбелианах нет ни в грузинской, ни в армянской редакциях. Нельзя предполагать, чтоб это место книги было выкинуто по общему согласию всеми владельцами рукописей на обоих языках. Стефан говорит, что царь Георгий приказал вычеркнуть из Грузинской Истории память о роде Орбелиан. Положим, что это было в XII веке, а Стефан писал в конце XIII столетия, и то, что он читал в этой летописи, должно было сохраниться до нашего времени. Да и самый рассказ о повелении царя Георгия кажется нам несколько сомнительным. Допустим, что Георгий имел причины ненавидеть Орбелианов, и ненависть его была так велика, что он приказал вычеркнуть их имена из единственного исторического памятника Грузии.

Но исполнимо ли такое приказание? Вычеркнутое в одном экземпляре сохранилось бы в других. Кроме того, Орбелианы не вечно были в опале. В годы своего могущества и влияния они могли восстановить выкинутое. Да, наконец, столь знатный род не оставил бы без протеста такое оскорбление своего имени, и в письменных памятниках грузинских сохранились бы следы этого протеста. Но ничего подобного не было и нет. Итак, мы полагаем, что хотя предания о ченском происхождении и существовали в семействе Орбелиан, но они, по известным причинам, не входили в рассказ анонимного летописца, сторонника Багратидов. Можно только угадывать, что летописец сначала имел в виду сообщить предания об Орбелианах, но раз-

думал, находя для себя не целесообразным говорить о них. А может быть, ему было внушено выкинуть это место из своей летописи, и это обстоятельство послужило поводом образования предания о том, что царь Георгий приказал в летописях вымарать все касавшееся Орбелиан.

Еще одно обстоятельство, подтверждающее наше предположение, что предание о начале рода Орбелианов взял Стефан не из Грузинской Хроники. В начале он говорит, что Орбелианы прибыли в Грузию при мцхетских танутерах, согласно тому, что говорится в летописи о приходе турок. Далее он поясняет, что прибытие Орбелиан происходило во II веке по Рождеству Христова. Это противоречие доказывает, что не в летописи он черпал свои известия, а только вставил в рамку летописи свои фамильные предания. Обратимся, однако, к нашему разбору.

Оба текста (Армянская Хроника и Стефан) одинаково говорят о приходе северных поселенцев в Грузию в эпоху владычества Кай-Хосрова, следовательно, еще в мифический период истории Грузии. Более значительная разница замечается при определении их национальности. Наш текст называет их турками и тем обнаруживает свое позднейшее происхождение. Стефан же, верный преданию, производит их из рода ченского царя Чен-Бакура. Это последнее, как уже давно замечено было Сен-Мартеном (Mèm. II, 54), не есть собственное имя царя, а, по всей вероятности, переделка титула фагфур (у Масуди — baghbour из baga-putra, то есть сын бога), который персы давали владетелям Китая. Что и сами Орбелианы производили себя от этого Чен-Бакура, доказывается существованием фамилии князей Джамбариан, Орбелиани-Джамбакуриан[47].

Относительно времени прибытия Орбелиан в Грузию, как мы говорили уже, существовало еще другое мнение. Изложив часть своих извлечений из Грузинской Книги, Стефан прибавляет уже от себя на основании фамильных преданий и сообщений Мхитара Анеци о катастрофе: «И это было в 626—1177 году. Так совершилось истребление Орбелианов и изгнание их из их родовых владений. Со времени прихода их из страны Ченской до того времени (то есть до истребления их в 1177 году), кажется, прошло более тысячи лет». В таком виде это предание приобретает некоторую историческую почву, общую другим сказаниям, ходившим в Армении. Там, несколько древних авторов IV, V и VII веков также рассказывают о прибытии в Армению ченских переселенцев почти при тех же обстоятельствах, причем они также сделались родоначальниками княжеского рода Мамиконьян. Эти последние предания имеют перед Орбелиановскими преимущество давности, так как записаны многими веками ранее. Вот в чем они заключаются. В кн. II, гл. 81, Хоренский говорит: «Арташир, сын Сасана, умирая, оставил персидский престол сыну своему Шапуху. В дни его прибыл в Армению предок рода Мамиконьян из северо-востока, из страны великой и важнейшей из всех северных стран, а именно из Ченской. О нем рассказывается следующее: «В последние годы жизни Арташира некто Арбок-Ченбакур (таков титул царей в их стране) имел двух молочных братьев, Бгдоха и Мамгуна, людей знатных. Бгдох оклеветал Мамгуна перед царем ченским, Арбоком, который приказал умертвить его. Узнав о том, Мамгун не явился на зов царя, и со всеми домочадцами своими бежал к Арташиру, царю персидскому. Арбок отправляет к Арташиру послов, требуя выдачи (беглецов). Когда Арташир не исполнил его требования, царь ченский стал готовиться к войне. Между тем Арташир умирает и воцаряется Шапух. «Шапух, хотя и не выдает Мамгуна в руки его царя, но также и не оставляет его в стране Арийской. Он отправляет его со всем семейством, как изгнанника, к своим правителям в Армению, а к царю ченов посылает сказать: «Да не покажется тебе обидным, что я не выдал в твои руки Мамгуна. Отец мой клялся ему светом солнца. Но чтоб успокоить тебя, я изгнал его из страны моей на край земли, где заходит солнце, что для него равносильно смерти». И так как народ ченский, говорят, миролюбивее всех народов, то Арбок согласился на мир. Из этого явствует, что чены действительно любят мир и жизнь».

Описав в кратких словах плодородие и богатство страны ченской (то есть Китая в настоящем смысле) Хоренский продолжает: «Мамгун, против воли своей пришедший в страну нашу, одновременно с возвратившимся туда Трдатом, не вернулся обратно с персидским войском, но со всеми домочадцами своими пошел на встречу Трдату и поднес ему богатые дары. Трдат принял его, но не взял с собою на войну против персов. Он отвел ему и домочадцам его места для поселения, назначил им содержание и в течение многих лет менял их места». Таков рассказ Хоренского о предке знатного и сильного в его время рода князей Мамиконьян, прибывших в Армению за два века до того времени, то есть в половине III столетия. В этом рассказе нельзя не видеть очевидного сходства с тем, что передает Стефан в конце XIII века о предках князей Орбелиан: тот же Чен-Бакур, те же раздоры в царском семействе, то же бегство из страны Ченской, но не через Персию, как говорит Хоренский, а через Кавказский

хребет и Дариал. Далее Хоренский рассказывает о том, как Мамгун, по приказанию Трдата, истребил древний, но строптивый, род князей Слкуни, завладел их землями и сделался одним из могущественных феодалов армянских. Славная впоследствии роль их в судьбах Армении известна всем знакомым с историей Армении.

Обратимся к другому историку. Себеос, живший в половине VII века, был современником императора Ираклa и Хозроя II, падения сассанидов и первых вторжений арабов в Переднюю Азию. Он оставил после себя правдивый рассказ о всем им виденном и слышанном. Из трех книг Истории, ему приписываемой, только третья книга несомненно принадлежит ему. Первые две составлены из отрывков, писанных частью раньше, частью позже VII века. Во второй книге мы встречаем отрывок, сообщаемый лицом, слышавшим рассказ при дворе царя Хозроя. Вот этот отрывок: «Скажем несколько слов о роде князей Мамиконьян. Они не происходили от потомков родоначальника Араманьяка (то есть не были коренного армянского происхождения), но пришли из Ченастана в дни Парфянского царя Артевана и армянского царя Хосрова Великого, как я слышал от знатного мужа, прибывшего послом от ченского царя к Хосрову, и которого я спросил при дворе царском: «Есть в Армении знаменитый род, о котором говорится, что он переселился из страны вашей?» Он отвечал мне: «Песнопевцы и в нашей стране говорят в песнях своих, что были два знатные мужа, Мамик и Конак, сыновья Карнама, бывшего вторым лицом в царстве ченском. После смерти Карнама царь взял жену его в супружество и имел от нее сына, который, после смерти отца своего, наследовал ему и вступил на отцовский престол. Но Мамик и Конак, бывшие ему братьями по матери, а не по отцу, возмутились против него и, привлекши на свою сторону часть войска и знати, составили зговор и покусились на преступное дело: они хотели умертвить брата своего, царя ченского, Чен-Бакура, и овладеть его царством.

В одной части государства Мамик и Конак вербовали себе войска против царя, так что все войско той страны разделилось на два лагеря. Узнав о том, Чен-Бакур также собрал своих приверженцев и пошел войной на мятежников. При столкновении царские войска одолели и истребили мятежников. Мамик и Конак обратились в бегство и отправились к Аршакидскому царю, жившему в Бахл-Шахастане, в стране Кушанской. В то время господствовал мир между этими двумя государствами, и Чен-Бакур обратился к царю Кушанскому с просьбою, чтоб он «истребил их (беглецов); в противном случае прекратится мир, существующий между нами». Но царь Кушанский, почувствовав к ним жалость, не выдал их в руки Чен-Бакура, а написал к нему дружеское послание следующего содержания: «Мир между нами да сохранится нерушимым! Я клялся им, что они не умрут. Но я приказал отвести их на запад, на край земли, в те места, где заходит солнце». В то же время Парфянский царь приказал войскам своим увести беглецов с женами, детьми и всеми домочадцами в землю армянскую, к родственнику своему, также Аршакиду, бывшему царем Армении. В этой стране они сильно размножились и образовали великий род, (происходивший) от Мамика и Конака, который сделался[48] спарапетом (главнокомандующим конницей)». Мне кажется, к Конаку относится и следующее место во втором отрывке Себеоса: «Корнак, спарапет Хосрава Великого, отца Трдата. Говорят, что он жил 160 лет и до самой смерти сохранил зрение, слух, волосы, зубы и силу молодости» (стр. 13—14 моего издания).

Эта редакция, записанная двумя столетиями позже[49] Хоренского, в главных чертах сходна с первою, хотя и разнится в подробностях. В ней прибытие Мамиконьянов отодвигается на целое поколение, то есть к концу II или к началу III века. При этом путь их лежит из Балха в Армению также через Персию.

Ченское происхождение рода Мамиконьян подтверждается еще более ранними писателями, как например, Фаустом в конце IV века. У него, во время войны царя Папа (370—377 годы) с персами, спарапет его Мушег Мамиконьян одержал несколько блестящих побед над последними. Но другие князья и придворные, завидуя славе Мушега, оклеветали его перед царем, как изменника. Однако Пап вскоре разгадал интриги придворных. Фауст влагает по этому случаю следующие слова в уста Папа: «Те, которые злословят храброго и именитого мужа Мушега, сами достойны смерти. Знатностью рода он равен нам; предки его равны предкам нашим. Предки его, покинув царство Ченское, пришли к нам, и за предков наших жили и умирали» и прочее (стр. 167 моего издания). Несколько позже при царе Вараздате (377—382 годы), умертвившем Мушега, спарапетом провозгласил себя брат убитого, Мануэль. Не признавая Вараздата законным царем Армении, он послал ему сказать: «Все мы (Мамиконьяны) умирали за вас. Но вы, Аршакиды, умерщвляли и тех из нас, которых щадила война. Ты вероломно умертвил брата моего Мушега на пиршестве. Впрочем, ты не Аршакид,

а плод прелюбодеяния, и потому ты не оценил услуг, оказанных нами Аршакидам. Не были мы вашими рабами, а были равны вам и даже выше вас, ибо предки наши были царями ченов, и только вследствие раздоров наших братьев, — причем много было пролито крови, — мы ушли из родины и пришли сюда искать спокойствия. Прежние цари Аршакиды знали, кто мы и откуда мы. И так как ты не Аршакид, то уходи из этой страны, чтобы не умереть от руки моей» и прочее (стр. 203). Из всего вышеизложенного вытекает, во-первых, то, что Мамиконьяны с самых давних пор считали себя людьми ченского происхождения, и, во-вторых, что они прибыли в Армению не позже III века по Р.Х. Должность спарапета была долгое время наследственною в их роде. Обязанные царям своими владениями и могуществом, они всегда отличались особенною преданностью царскому роду и менее других влиятельных родов думали о личных своих выгодах.

Хотя в существующей Грузинской летописи вовсе не упоминается о происхождении князей Орбелиан от ченов, мы, однако, не имеем причины не верить Орбелиану XIII века, тем более что существование фамилии Джамбакуриан служит побочным подтверждением известия приводимого Стефаном. Это известие до того сходно с преданиями о происхождении князей Мамиконьян, что всякому бросается в глаза. Тот же Чен-Бакур, те же раздоры в царском семействе, то же бегство в страны прикавказские. Очевидно, это одно и то же предание о событии, имевшем место в конце II или в начале III века. Разница в одно или в два поколения не может в этом случае иметь значения, так как Стефан писал по устным преданиям спустя 1100 лет после самого события. Имея все это в виду, можно прийти к заключению, что предки Орбелиан, как и предки Мамиконьян, принадлежали к одному и тому же царскому роду ченов и бежали из своего отечества одновременно и при одних и тех же обстоятельствах: первые в Грузию, вторые в Армению, и оба быстро положили основание двум могущественным владетельным родам. Но на таком выводе мы не можем остановиться окончательно. Древние армянские писатели, писавшие спустя 100—300 лет по прибытии Мамиконьян в Армению, не могли бы не упомянуть о знаменитом и влиятельном княжеском роде в Грузии, стоявшем в столь близких родственных отношениях к любимой всеми и популярной в Армении фамилии Мамиконьян. Кроме того, ни в грузинских, ни в армянских памятниках, ни в надписях церковных, ни разу не встречается имя Орбелиан раньше IX века, и нигде не говорится, чтоб они играли какую-либо важную роль в Грузии до этой эпохи. А между тем, именно в это время, армянские Мамиконьяны захудали и вскоре исчезли с исторической сцены.

Вопрос может быть разрешен только следующим предположением: Орбелианы — отрасль Мамиконьян, переселившаяся из Армении в Грузию, или вместе со своими владениями, вступившая в подданство Грузии. И в этом нет ничего невероятного. Некоторые провинции, частью населенные грузинами, каковы Гугарк и Тайк, то есть значительная часть позднейшего грузинского царства, долгое время входили в состав армянского государства, хотя фактически и пользовались часто самостоятельностью. В этих провинциях отдельные Мамиконьяны могли иметь свои владения и даже владеть крепостью Орбет (в Гугарк), откуда и самое название Орбели, то есть владетели Орбетские. Когда впоследствии, после падения Армении, провинции Гугарк и Тайк вошли в состав грузинского царства, эти Орбетские Мамиконьяны могли легко превратиться в Орбелианов и затем в качестве грузинских князей участвовать в судьбах своего нового отечества. И помимо этого мы не раз видим Мамиконьянов в близких отношениях к правителям Грузии. Так в V еще веке мы имеем известие о том, что грузинские и гугарские владетели роднились с Мамиконьянами: Вардан Мамиконьян и владетельный князь грузинский Ашуша оба были женаты на родных сестрах, дочерях князя Арцруни (Лаз. Парп. 148); другой владетель грузинский, Вазден, был женат на дочери Мамиконьяна. Дети одного Мамиконьяна воспитывались при дворе того же Ашуши. Таких случаев было, конечно, немало. Знатность происхождения и личные качества, отличавшие Мамиконьянов, давали им легкий доступ к высшим должностями, и так как должность спарапета Армении была наследственною в их роде, то и в Грузии отрасли их, Орбелианам, была поручена эта же должность спарапета и также, вероятно, наследственно.

Только под условием нашего предположения становится понятным, почему у обоих родов, Мамиконьян и Орбелиан, одни и те же предания, относительно происхождения их предков. С течением времени эти предания, вследствие разных причин, подверглись некоторым изменениям: например, Мамиконьяны, по армянским источникам (IV—VII столетие), пришли в Армению через Персию, а Орбелианы (по Стефану, XIII столетие) через Кавказ и Дариальское ущелье; а в редакции Вахтанга (в начале XVIII столетия) говорится даже: турки, разбитые Кей-Хосровом, переплыли Гурганское море (то есть Каспий), и поднявшись по Куре, пришли к Мцхету.

Ко всему вышесказанному следует присовокупить то обстоятельство, что еще до конца XIII века Орбелианы, если не все, то большею частью, исповедывали армянскую веру, и сыном одного из них был сам Стефан, митрополит Сюнийский.

Мамиконьяны, бывшие в Армении постоянными соперниками Багратуни, продолжали и в Грузии, в лице Орбелианов, соперничать с царствовавшими Багратидами. Их знатность, богатство, воинские таланты, честолюбие, несмотря на важные услуги, оказанные ими Грузии, не могли не беспокоить Багратидов и не внушать им опасений. Такое впечатление получит всякий, прочитав Историю Вахтанга от X до XIII столетия. Анонимный автор, писавший историю Грузии по внушению Багратидов, не мог в самом начале этой истории славить древность рода Орбелианов и делать, таким образом, Багратидов позднейшими поселенцами в Грузии. Может быть, говоря о турках, он и хотел коснуться этого пункта, но раздумал и заставил этих турок удалиться из Грузии при Александре Великом.

Оставим вопрос о происхождении рода Орбелиан открытым и перейдем к выводам другого рода. Пользуясь случаем, я хочу исчерпать вопрос о ченах по армянским источниками. В вышеизложенном мы имели случай познакомиться несколько с тем, что понимали армяне под словом чен. В Истории Хоренского и в Географии, ему приписываемой, мы имеем три отрывка, в которых описывается Ченастан, то есть собственно Китай, Serica у древних писателей. Не считаю лишим привести эти отрывки.

В Истории Хоренского (книга II, гл. 81): «Ченастан изумляет обилием плодов всякого рода; страна эта украшена прекрасными растениями; богата шафраном, павлинами и шелком. В ней несметное количество ланей, носорогов (?) и тех животных, которых называют ослами-сернами. Говорят, что фазан, лебедь (?) и подобные птицы, доступные у нас только знатным и то не всем, там обыкновенная пища. Вельможи, говорят, не знают там счета драгоценным камням и жемчугу. Роскошные, и не многим у нас доступные, одежды у них обыкновенное одеяние».

В Географии Хоренского по старому списку[50]: «Ченастан, к востоку от Скифии, простирается до Неизвестной земли и заключает в себе пространные равнины. В нем живут 29 народов, из которых один — людоеды. Много гор и рек. В Ченастане добывается корица, hoshi-buak (?), буиченик (китайское благовонное растение) (?), кассия, серикон (sericum), а также водятся: носороги (?), мускусная кабарга, много павлинов, несметное количество шафрану и много шелку превосходного достоинства. Вследствие такого изобилия произведений, жители Ченастана весьма промышленны, фабрикуют бумажные ткани (керпас), богаты и зажиточны. Царь их называется Чен-Бакур. Он живет в городе Сюрия (Sera) на пределах Неизвестной земли».

Из той же географии по новому списку[51]: «Сюрикия, то есть Ченк, к востоку от Скифии граничит ею с запада; с севера и с востока — Неизвестною землею; с юга — Индией и страной Sinae. Ченастан есть страна обширных равнин, населенных 29 народами, из которых один — людоеды у Неизвестной земли. В нем шесть гор. Ченастан производит корицу, касимон из горы Кассия, скютикан (scythicum — рубин (?) огненного цвета, самородный), носорогов (?), мускус, множество павлинов и других полезных птиц и несметное количество шафрану, так что всадник, отправляясь на охоту на белой лошади, с белым соколом, возвращается совершенно пожелтевшим. Добывается шелку много и лучшего достоинства, чем на всей земле, а потому промышленные жители ткут ткани и обогащаются. Царь ченов Чен-Бакур живет в городе Сюра, находящемся на юго-восточной окраине стран».

Все эти три отрывка относятся к описанию собственного Китая. В исторических же рассказах и преданиях под выражением страны или владений ченов разумеются земли к северу от Оксуса, а иногда страны к северу от Персии, по направлению с востока на запад, к Каспийскому морю, а может быть и далее.

Приведу еще несколько примеров. Зеноб-Глак, которого до сих пор еще считают писателем IV века, говорит следующее: «Когда возгорелась война между царем персидским (Ардширом Бабеганом) и Хосровом Армянским, царь ченов тщетно старался склонить их к миру. Хосров опустошал Персию в течение десяти лет. Наконец, царь персидский отправил в Армению аршакида Анака, который умертвил Хосрова. Из двух сыновей Анака один, Григорий, сделался впоследствии просветителем Армении. Другого, Сурена, дядьки его увезли ко двору персидского царя, где он воспитывался у тетки своей, бывшей женой Ефталитского царя, Джеваншира. После смерти своей тетки, Хосровухи, Сурен отправился в страну ченов и, по десятилетнем в ней пребывании, вступил на престол и царствовал 19 лет».

Другое подобное предание о родоначальнике знаменитого рода Камсаракан, сохранилось у Хоренского. В нем говорится о другом Аршакидском принце, Перозамате, который

немного раньше Сурена был увезен дядькой ко двору Кушанского (Ефталитского) царя, и, по достижении юношеского возраста, был назначен со стороны Арташира начальником войск против диких северных народов. Перозамат, победив Взурк-Хагана (великого хагана), царя этих народов, женился на его дочери. После смерти Арташира, он, однако, не пожелал повиноваться Шапуху, и потому был им отравлен. Между тем сын его, Камсар, поставленный в необходимость бороться с двумя сильными царями, Шапухом и другим — Взурк-Хаганом, преемником прежнего, предпочел переселиться с семейством и со всею своею дружиной в Армению, при царе Трдате, в III веке.

Хотя в этом последнем предании и не упоминается о ченах, но говорится о великом Хагане Севера, а этот титул принадлежал в то время ченскому царю.

Следует обратить внимание на то, что до сих пор все ченские предания армян относятся к III веку и находятся в связи с переселением Аршакидских принцев в Армению, вследствие перемены династии в Персии. Замечательно, что мусульманские писатели титул faghfûr (сын бога) одинаково придают и китайским императорам, и первым Аршакидам. Это обстоятельство объясняет Ольсгаузен (Monastber. 1880, стр. 345) тем, что северо-восток Ирана с незапамятных времен находился в постоянных сношениях с Китаем, и что первые Аршакиды, уроженцы этой местности, вероятно, переняли этот титул у китайцев, заменив сына Неба иранским выражением сына Бога.

Мы говорили о владычестве ченов над среднеазиатскими областями. Как долго эти области находились под властью Китая, нам не известно. Но еще в VII веке встречаются известия о господстве в них ченов. Так у Себеоса (гл. XVIII и XIX) мы читаем следующее: «Во время войны персов с кушанами (при Хосрое Парвизе, 590—627 гг.) последние обратились за помощью к великому Хагану Севера, который отправил к ним вспомогательное войско под предводительством Джембуха (то есть Чен-Буха). Джембух, переправившись через реку Вех-рот (Аму-Дарью), разбил персов и простер свои набеги до Аспахана и Реи. Затем, по приказанию Хагана, он прекратил опустошение Персии и, снова перешедши реку, вернулся в страну свою. Вскоре после того армянские князья, служившие в персидских войсках, недовольные начальством, возмутились и перешли на службу великого Хагана, царя северных стран, под команду китайского Чепетуха (буквально: под руку Ченастан-Чепетуха). По приказанию Хагана, они по северным странам отправились с востока на запад и вошли в отряд Чепетуха, который, пройдя через проход Чора (Дербенд) с многочисленными полчищами, пошел на помощь императору греческому (Ираклу).

Таким образом, оказывается, что в первой трети VII столетия хазары были в зависимости от великого Хагана Севера и находились под непосредственным владычеством китайского или китайца Чепетуха (имя это или звание?). Эти известия, хотя и несовсем ясно в тексте изложенные, выводят нас на более знакомую почву сношений императора Ираклa с хазарами. Известно, что хазары пришли к нему на помощь во время войны его с Хозроем II. Этого Чепетуха греческие писатели зовут Зибелем. В другом современном документе (Каганкатуаци, книга II, гл. 12) он назван Джебу-Хаганом (не одно ли и то же лицо с Джебухом Себеоса?), наместником великого царя севера и вторым лицом в царстве его. Следовательно, в начале VII столетия часть средней и южной России и области к северу от Каспийского моря, далеко на восток, признавали власть какого-то великого Хагана Севера, которому подчинен был и владетель хазар, именуемый то Зибелом, то Ченастом-Чепетухом, то Джебу-Хаганом. Последнее название, кажется, вернее других. Несколько раньше, при Хозрое Нушырване, турецкий Хаган называется у Менандра Зилзибул. Он разрушил царство Ефталитов. Этого Зилзибула (может быть, Син-Зибула?) мы встречаем и у Табари (Geschichte der Perser... 158 sqq.), где он назван Синджибу, то есть Син-Джибу, а так как Син или Чин значит китаец, то можно предполагать, что и в источнике Табари его называли китайцем или китайским. Зибел VII века и Зилзибул VI века, кажется, тожественны как титул, а не как собственные имена, и, следовательно, в Джебу мы также должны видеть звание, а не собственное имя лица. Там же у Табари (стр. 167) говорится, что при дворе Хозроя I находились посланники от турок, китайцев, хазар и других.

Итак, еще в начале VII века мы видим присутствие Ченского имени почти на берегах Волги. О наружности этого китайского Джебу современник говорит следующее: «Жители Тифлиса, осажденного Джебу-Хаганом, поставили на городскую стену огромную тыкву, нарисовали на ней портрет гуннского царя. Лицо в длину локоть и в ширину локоть, вместо глаз и ресниц незаметные черточки; на месте бороды отвратительно голое место; ноздри шириною в четверть, с редкими волосами на усах. При этом тифлисцы кричали хазарам: «Вот ваш

царь-император Джебу-Хаган, поклоняйтесь ему». Несмотря на большие искажения в тексте, в этом описании нельзя не узнать монгольского типа. Но дальше, говоря о войске, современник еще яснее обозначает этот тип, рисуя его «отвратительной, гнусной, широколицей толпой, без ресниц, с висячими как у женщин косами». Эти косы, вероятно, служили отличительным признаком в наружности тогдашних хазар, так как Ираклий, приглашая их прийти к нему на помощь, обещает со своей стороны «насытить жажду златолюбивого народа Косоносцев (Кас. ibid)». Была ли в то время у китайцев мода заплетать волосы в косы, как ныне со времен Манджурской династии? Если была, то понятно, что и вассальные хазары, по крайней мере, начальники и знать, должны были подчиняться этой моде. У Иакинфа (Собрание сведений о народах Средней Азии I, стр. 187). Мы встречаем известие о поколении Сяньбийских косоплетов в III и IV веках.

Таким образом, за много веков до XIII столетия, в восточной Европе и в средней Азии имели место такие же политические отношения, какие повторились впоследствии при монголах. Как в это время Золотая Орда зависела от великого Хагана, жившего в Каракаруме, так и в VII веке, а может быть и раньше, приволжские хазары находились в вассальном отношении к великим Хаганам Севера, жившим где-то в Средней Азии (?), но называвшимися в то время не монголами, но ченскими царями. Вот все, что можно было извлечь о ченах из армянских источников. Вопрос о политическом состоянии областей Средней Азии до VII века весьма сложен, и мы отнюдь не думали решать его. Мы только сгруппировали все, что касательно этого предмета встречается у армянских писателей, и предлагаем собранное как материал при исследованиях по этому вопросу. Сопоставление этих сведений с известиями византийских и арабских писателей может привести и к другим выводам, но мы — повторяем еще раз — имели в виду только одних армянских писателей, большею частью современников описываемой эпохи.

К § 7. Здесь автор, по обыкновению, сообщает несколько неопределенных известий относительно переселения в Грузию разных иноплеменников из Греции, Сирии, Хазарии и Палестины. Все эти сообщения начинаются словами «в то время». Но в какое? Этого никак нельзя понять за отсутствием какого-либо положительного факта или хронологической опоры. Правда, говорится о Навуходоносоре, но рассказ взят из Хоренского, который также переселяет из Палестины в Армению целую колонию евреев, отпущенную туда Навуходоносором (?) по просьбе армянского царя Грачьи. Во главе этой колонии, говорит Хоренский, находился знатный еврей Шамба, родоначальник Багратидов. Затем в хронике приводится наивное мнение о происхождении грузинского языка из смешения языков разных племен, поселившихся в Грузии. Это самое мнение повторено ниже в несколько других выражениях. Замечательно уверение автора, что первоначальным языком грузин был армянский. Здесь опять напрашивается предположение о том, что первым составителем Хроники был армянин. Нельзя себе представить, чтобы грузин, каков бы ни был уровень его образования, мог высказать подобное мнение. Тем менее оно могло возникнуть в народном сознании. В редакции Вахтанга также удержано это уверение, из чего можно заключить, что оно действительно встречалось в древнем грузинском тексте.

К § 8. Далее автор уверяет, что древние грузины имели нравы не скромные и употребляли в пищу трупы. Все это могло быть и не быть, смотря по тому, из каких источников заимствует автор свои сведения. Относительно вступления в брак без различия степеней родства и того, что грузины не имели обыкновения хоронить мертвых, следует напомнить читателю, что тоже самое делалось в Персии до прекращения династии Сассанидов. По предписаниям Авесты, браки с ближайшими родственниками, не исключая и сестер, были делом богоугодным, а прикосновение трупа к земле оскверняло эту стихию. Нет сомнения, религия Зороастра одно время господствовала в Грузии, на что, помимо других известий, указывает самое имя верховного божества — Армаз, переделанного из Аурамазда. Багратиды уверяли Константина Порфирородного, что, женясь на своих близких родственницах, они придерживались древнего еврейского обыкновения, и это обстоятельство они приводили в доказательство своего происхождения от пророка Давида. Мы видим, однако, что это было предписание персидской религии, обратившееся в обычай страны.

Факт употребления в пищу трупов встречается в истории многих народов, особенно в период первобытного их существования. Но питались ли когда-либо грузины мертвечиной — нам неизвестно, и для решения этого вопроса нет достаточных данных. В другом месте редакции Вахтанга (Hist. de la Géorgie, стр. 44) говорится, что грузины с уходом Александра перестали употреблять в пищу людей. То же самое повторяется и в Армянской Хронике при описании прекращения рода Парнавазидов, когда князья, собравшись у Манжана, говорят ему: «Если

бы был у нас царь, мы сложили бы головы свои за него; если б у нас был наследник престола, мы скрылись бы в наших замках и ели бы человеческое мясо, как наши предки». Пословицу, приводимую Вахуштом в подтверждение слов летописца о каннибализме древних грузин: «Карсанцы должны кодманцам пять мертвых», — можно, по справедливому замечанию Броссе, объяснить в смысле мести, которая должна постигнуть пять человек из жителей Кодмана. Можно допустить, что и это известие взято автором не из народных преданий, а также из книг. Нечто подобное рассказывает Хоренский (II, 59) об армянах II века по Р.Х., будто они кормились сырым мясом по примеру северных народов. Слово, им употребленное для выражения сырого мяса, также может означать употребление в пищу трупов животных. По уверению Фауста (книга VI, глава 4), патриарх Нерсес (IV в.) запретил армянам употреблять в пищу мертвечину и кровь. Под выражением «северные народы» армяне часто разумели и грузин.

Далее, мы снова возвращаемся к заимствованиям из Фирдоуси. Автор, чувствуя недостаток в положительных известиях, приводит незначительные факты из Шах-Наме, чтобы дать армянам и грузинам возможность отдохнуть от жестоких угнетений.

Спандиат, сын Ваштапиша, есть Исфендиар, сын Гуштаспа, прозванный руин-тен, то есть медное тело. В редакции Вахтанга он поэтому и называется руали. Во время войны иранцев с туранцами, Зерир, брат Гуштаспа, был убит турками, как на этот раз и Фирдоуси называет туранцев. Исфендиар решился отмстить за эту смерть (Mohl, IV, 325—332).

Формы Спандиат и Ваштапиш против новейших Исфендиар и Гуштасп, встречающихся в Шах-Наме, можно объяснить влиянием армянских форм этих имен: Спандиат и Вштасп. Далее идет простое заимствование собственных имен из Шах-Наме. Вместо Вахрам, в редакции Вахтанга стоит правильнее: Бааман, сын Спандиата. Действительно, по сказаниям персов, сыном Исфендиара был Бахман, называемый иными Ардширом Долгоруким, о котором говорится, что он взял Вавилон[52], но о Грузии, конечно, при этом не упоминается (Malkolm, Hist. of Persia, I, 68).

Говоря о Фирдоуси и его Шах-Наме, как об одном из источников летописца, мы только приводим самый ранний кодекс персидских сказаний, доступный автору. Мы вовсе не хотим сказать, что он прямо из Шах-Наме заимствовал свои краткие известия. Если только автор пользовался письменными памятниками, то гораздо ближе предположить, что он черпал из какого-нибудь исторического компендиума, составленного из сокращения содержания Шах-Наме, а не прямо из Книги Царей. Нам могут по этому поводу сделать следующее возражение: те древнеперсидские сказания, которые собраны были в XI веке и соединены в одно целое в Шах-Наме, несомненно существовали задолго до Фирдоуси и были распространены не только в разных областях Ирана, но даже и в Армении, как видно из разных отрывков, сохранившихся у Хоренского. Анонимный автор Грузинской Хроники мог поэтому жить гораздо раньше XI века и быть все-таки знакомым с ними. Такое возражение имело бы значение, если бы в заимствованиях анонима мы не встречали явных следов переработки персидских преданий в труде знаменитого поэта тусского. Все, что сохранилось из древнего эпоса Ирана, помимо Фирдоуси, в так называемых Пехлевийских романах и в Истории Хоренского, относительно собственных имен и изложения фактов, отличается такими особенностями, что знатоку персидских древностей не представляется особого труда отделить древнейшие сказания Ирана от тех, которые встречаются в переработке Фирдоуси. Я уже не говорю о том, что заимствования Грузинской Хроники изложены в той же хронологической последовательности, в какой они находятся в Шах-Наме.

В конце параграфа автор еще раз повторяет высказанное им уже мнение, что грузинский язык образовался из смеси армянского, хазарского, еврейского, греческого и сирийского языков, предполагая, что первоначальным языком грузин был все-таки армянский. Производя восемь народов от одного праотца, автор должен был быть последовательным, заставляя всех их говорить первоначально одним языком — армянским. Но при этом он не задает себе вопроса: почему грузины, говорившие на своем родном армянском языке, были грузины, а не армяне, и почему им понадобился отдельный от армян родоначальник — Картлос?

К § 9. Походы Александра Великого настолько нам известны, что излишне распространяться о том, что царь Македонский не был нигде на Кавказе, а, следовательно, и в Грузии. Впрочем, не было бы ничего удивительного в том, если бы в древних грузинских сказаниях говорилось о личном его пребывании в Грузии. Завоевания Александра оставили такой глубокий след в истории, что почти все народы Передней Азии рассказывают о его пребывании в их стране. Поэтому мы вовсе не находили бы странным, если б у грузин образовались предания о походе в их страну Александра, хотя такого похода никогда на деле не было. Но автор, по

обыкновению, оставаясь глухим к народным сказаниям, предпочитает им заимствования из сомнительных книг или прямой вымысел для пополнения недостатка в точных известиях. Так он, гласно Хоренскому (II, 13) и историческим романам, распространенным в средние века во множестве списков, называет Александра сыном Нектанеба Египетского. Все дальнейшие сообщения его свидетельствуют только о полнейшем его незнакомстве с событиями и лицами эпохи, о которой он повествует. Из области родных преданий сохранилась у него, может быть, только личность Язона, который, впрочем, является в его истории Александра под именем Азона, в качестве полководца великого завоевателя. Путь, избранный Александром для вторжения в Грузию, отличается такою же определенностью, как и все сообщения автора до сих пор. Он заставляет завоевателя сделать удивительный маршрут: сперва с запада на север, затем, обойдя восток, проникнуть в Темную, то есть Неизвестную страну, оттуда через Кавказ пробраться в Грузию. А в редакции Вахтанга, в переводе Броссе: Sorti de l'Occident, il alla vers le Sud, penetra dans le Nord et traversa le Caucase. (Hist. de la Géorgie, I, 32). Обе редакции стоят друг друга. Дело, вероятно, представлялось автору так: Александр из Македонии отправился в Персию, оттуда, перейдя Оксус и Яксарт, по северному берегу Каспийского моря проник в южную Россию. Из Ставропольской губернии, пробравшись через Кавказ, он вступил в Грузию! При этом автор перечисляет все города, замки и крепости, забранные Александром. Все эти названия современны автору, но существовали ли они в эпоху Александра, остается для нас неизвестным. Также для нас темно: предание ли указало автору на Астаки или Настаки, как на временное местопребывание Александра, или сам он по каким-нибудь соображениям нашел нужным поместить его в этом городе.

Истребив и полонив много народу, Александр назначает правителем Грузии Азона, в имени которого мы не можем не слышать отголоска о мифическом Язоне. Нет причин не верить тому, что в древности в местах, населенных грузинами, ходили предания о Язоне, если не о Язоне похода Аргонавтов, то о другом древнем герое, носившем это имя. У Страбона говорится: Язон после морского путешествия в Колхиду с теталийцем Арменом дошел до Касиийского моря, странствовал по многим областям Иберии, Албании, Армении и Мидии, на что указывают Язонии и многие другие памятники (см. изд. Казобона стр. 503, также стр. 45, 48, 493—530 и др.). На остальном повествовании об Александре мы недолго будем останавливаться. Название отряда протатосов указывает на какой-то греческий источник, но неизвестно, знаком ли был он автору непосредственно, или через вторые руки. Титул патрик, даваемый им Азону, мог быть ему известен из современного употребления в стране. Что касается до посмертного распоряжения Александра относительно завоеванных земель, то в изложении автора едва ли можно видеть что-либо другое, кроме простого вымысла. Очевидно, Ромоса и Бизинтоса, мифических основателей Рима и Византии, автор сам обратил в сподвижников Александра. С Антиохом он мог быть знаком из Хоренского или из Библии. В Платоне читатель, вероятно, должен узнать Птоломея.

В родословной таблице потомков Иафета редакция Вахтанга, оступая в этом месте от Армянской хроники, производит грузин от Иавана, праотца греков, имея в виду соединить первобытным родством грузин и греков. Такая же попытка к сближению судеб этих народов обнаруживается в распоряжении Александра, по которому Фракия, Вифиния и Грузия достаются в удел Бизинтосу, олицетворению Византии.

К § 10. Если мы признали за вымысел все, что говорит автор о Картлосе, Уплосе и других прародителях грузин, то в сообщениях его о Парнавазе или Фарнавазе мы видим нечто другое. Хотя все, что рассказывается о нем, не заключает в себе ничего чисто исторического относительно верности изложенных фактов, однако в Парнавазе выступает перед нами несомненно личность народного героя. Можно даже с вероятностью предположить, что он — самое древнее лицо, сохранившееся в народной памяти, в которой Парнаваз, а не Картлос, занимал первое место. Мы видели, что автор, поставив Картлоса во главе истории Грузии, не знал, что с ним делать: он и его потомки были выдуманы для объяснения происхождения названий племен и местностей. Совершенно в другом положении находится Парнаваз. В нем народ олицетворял известную ступень своего культурного развития и ему приписывал все те порядки, которые застал он в момент своего сознательного существования. Религия, язык, письменность, административное устройство страны — во всем видно участие Парнаваза. Он, говорит автор, воздвиг кумир Армаз на горе, которая с тех пор также стала называться Армазом. Далее, прибавляет он, персы самого Парнаваза называли Армазом. Это известие очевидно указывает на то, что в древности воздавали ему божеские почести, так как в Армазе не трудно видеть переделку имени верховного иранского божества Аурамазды, принявшего

у армян форму Арамазда. Сам Парнаваз носил персидское имя, мать его была персианка, и потому введение в Грузию религии Зороастра могло быть естественным последствием сближения с Персией.

Грузия, вследствие своего гористого положения, не могла надолго образовать большого сильного государства; но благодаря именно такому топографическому характеру местности, она имела все средства с легкостью защищать свою независимость от вторжения самых сильных соседей, если бы не подтачивал ее тот же недуг, который многими веками ранее положил конец политическому существованию Армении. Этот недуг — полное отсутствие политического понимания своего положения. Гористая территория, разделенная на множество отдельных кантонов, породила такое государственное устройство, при котором отдельные владетели и князья имели легкую возможность не давать образоваться сильной центральной власти и всеми мерами ослаблять ее, если таковая пыталась возникнуть. К единоначалию пришла Грузия довольно поздно, а до того времени была разделена на несколько отдельных владений, более или менее самостоятельных. И это явление объясняется автором не какими-либо историческими причинами, а прямо приписывается административному распоряжению Парнаваза, разделившего Грузию на восемь эриставств. Таким образом, оказывается, будто древние княжеские роды и высшее дворянство Грузии обязаны своим происхождением Парнавазу. Но и низшее дворянство ведет от него свое начало. Тысяча греков (у Вахтанга — римлян) из войска Азона перешли к Парнавазу, который распределил их по разным кантонам Грузии. Он назвал их Азонаци, то есть Азонцами, и постоянно выказывал им свое расположение. В редакции Вахтанга, вместо Азонаци, стоит более верный термин Азнаури, титул низшего дворянства в Грузии. При этом не лишено значения замечание об иностранном происхождении этого класса дворян, выставленных приверженцами царской власти.

Возникавшая центральная власть, только что вышедшая из борьбы с вассалами победительницею, должна была для своей опоры создать новое дворянство, вполне от нее зависимое. Такой класс людей легче всего можно было вербовать из иностранцев, с помощью которых власти удалось одолеть своих соперников. Антогонизм между высшим и низшим дворянством ярко выступает при сыне и наследнике Парнаваза, Саурмаке. В царствование Парнаваза, уверяет автор, народ говорил: «Благодарение судьбе, давшей нам царя из рода предка нашего Картлоса». И вдруг в начале царствования сына его Саурмака, читаем: «Задумали князья умертвить Саурмака, чтобы не служить своему, (предпочитая) служить чужому, кто одержит верх». Это место будет понятно, если мы повторим наше предположение, высказанное выше. Парнаваз, обединяя Грузию, должен был стеснить самостоятельность владетельных князей Грузии и подчинить их себе. В то же время, для усиления своей власти, он должен был содействовать возникновению нового дворянства, хотя и более бедного, но вполне ему преданного. Князья, конечно, не могли забыть своих попранных прав и тех льгот, которыми они пользовались до Парнаваза, но чувствуя его силу, должны были на время смириться. После же его смерти, заметив, вероятно, слабость нового правителя, они решились возвратить себе свободу и признать своим главой иноплеменника, от которого могло ждать милости за свою ему преданность. Но не так думало низшее дворянство, обязанное всем царской власти. Азонцы, говорит автор, отправились к бежавшему Саурмаку, выразили ему свою преданность и помогли ему одолеть врагов и вернуть свое царство. Далее автор говорит: «Саурмак возвеличил азонцев (низшее дворянство) и унизил иверов (то есть князей; в редакции Вахтанга — Картлосидов). Он поселил половину потомков Кавказа в Мтиулете, возвел их в звание нахараров и назвал их своими приближенными. Итак, мы видим в Парнавазе вводителя религиозного и гражданского благоустройства в Грузии.

Точно так же Парнавазу приписывается изобретение грузинских письмен. Чтобы выразить, каким благосостоянием наслаждалась Грузия при Парнавазе, автор говорит, что она во всем устроилась по образцу Персидского государства. В этих словах выражается идеал гражданского и государственного устройства страны.

Но замечательнее всего то, что говорит автор в конце описания царствования Парнаваза, а именно: «Парнаваз дал приказание всей стране говорить по-грузински». Из последнего обстоятельства еще яснее вытекает, что народ считал своим родоначальником именно Парнаваза, а не Картлоса, при котором не существовало еще грузинского языка, а грузины говорили по-армянски. О том, что Парнаваз лицо не вымышленное, мы имеем свидетельство одного армянского писателя IV века, Фауста Византийского. В книге V, главе 5 он говорит: «Спарапет Мушег пошел войной на царя грузинского, сильно стеснил его и опустошил всю страну

грузинскую (Врац). Он предал мечу всех дворян и все роды нахарарские (княжеские), которых встретил. Он же приказал распять на кресте поколение Паравазиян» и т.д. Итак, если в IV веке существовало поколение Паравазиян, то есть Парнавазидов, то, очевидно, их считали потомками Парнаваза. Вероятно, эти Парнавазиды в среде грузинского дворянства занимали особенное положение, или, может быть, принадлежали к царственному дому, так как Фауст делает различие между ними и другими грузинскими князьями.

Из всего вышеизложенного вытекает, что Парнаваз — самое раннее историческое лицо в Хронике, и им, а не Картлосом, анонимный автор должен был начать свою летопись… Но я вышел из своей рамки. Скромная задача моя заключается не в исследованиях по истории Грузии, а в оценке Армянской Хроники, в которой, до эпохи нами рассматриваемой, ничего исторического не сохранилось. Союз с Антиохом, нахождение в пещере сокровищ, борьба с Азоном, война с греками — все это факты, никогда в действительности не имевшие места. Напрасный труд предполагать за ними историческую подкладку, как это делает Броссе. Точно также лишняя трата времени стараться извлечь из сообщений автора какие-либо хронологические выводы. Из слов летописца выходит, что Парнаваз жил тотчас после Александра Великого, так как он ведет войну с Азоном, которого Македонский царь назначил правителем Грузии. Если так, то как согласить это обстоятельство с известием о войне греков с римлянами и с существованием Тифлиса, о чем упоминается несколько раз, несмотря на то, что сам автор утверждает далее, что Тифлис был основан семью столетиями позже Александра, Вахтангом I? Желая, во что бы ни стало, определить эпоху Парнаваза с помощью хронологических данных Вахушта, Броссе путается в исчислениях и, конечно, не достигает никаких результатов. А что такое данные Вахушта? См. Hist. de la Géorg. I, 39. Несмотря на то, что в рассказе о царствовании Парнаваза мы усматриваем кое-какие следы народных воспоминаний, самый рассказ ведется так бесцветно и неопределенно, что в нем незаметно ни одной черты, характеризующей древнее сказание.

К § 11. Период времени, протекший от смерти Парнаваза до Рождества Христова, рассказан автором весьма сжато; к тому же он не имел ясного понятия о том, как велик был этот период. Если допустить, что Парнаваз стал царствовать в 300 году, год его смерти должен быть 235 до Рождества Христова, так как он правил 65 лет. Начиная с Саурмака и до Рождества Христова прямых нисходящих поколений было пять, то есть 47 лет на поколение, а царствований было восемь, то есть почти по 30 лет на царствование. В армянском тексте почти нет известий о продолжительности отдельных царствований. В редакции Вахтанга (в переводе) приведены цифры по Вахушту, по которому выходит, например, что Парнаджум умер в 93 до Рождества Христова, а сын его вступил на престол только в 33 году. Из восьми царей двое называются Арбаками (читай: Аршак), двое других — Мрванами. Это последнее имя имеет арабский характер. Следовало ожидать: Михран или Мириан. Все восемь преемников Парнаваза, хотя и проводят все время в войнах с соседями, то есть с армянами, персами и кавказскими горцами, но эти войны вовсе не оживляют исторической пустыни упомянутой эпохи, так как автор не описывает действительные войны, а фантазирует по поводу бывших, может быть, столкновений грузин с соседями. Никаких положительных известий он не сообщает. То было время царствования Аршакидов в Персии и Армении и Селекидов в Сирии. Ни одного из имен, известных нам из других источников этой эпохи, не встречается в этом рассказе, и только частое повторение имени Арбак (Аршак) указывает на то, что автору известна была династия Аршакидов армянских по Хоренскому.

Из других преемников Парнаваза один назывался Артак. Это имя Броссе сближает с Артоком Диона Кассия. Такое сближение можно допустить относительно имен, а не исторических лиц, так как на сходстве имен и оканчивается сближение. Аноним ничего не находит сказать о двухлетнем царствовании Артака, тогда как Артокес Диона Кассия принимал, хотя и непродолжительное, но деятельное участие в войне Помпея с Митридатом. Как бы то ни было, за исключением этого имени, во всем рассказе за 30-летний период нет ни одного следа исторических фактов. На этом мы остановимся в своем разборе Армянской Хроники.

Проследив рассказ автора от времен столпотворения до эпохи Рождества Христова и разобрав ряд его вымыслов и заимствований, мы убедили себя и, надеемся, также читателя, в том, что во всем изложении автора не встречается почти ни одного исторического акта, ни одного подлинного народного предания. При этом мы пришли к нескольким положительным выводам и высказали большее число предположений. Насколько те и другие основательны, покажут дальнейшие исследования.

Примечания

1. Les inscriptions de Van, в Mélanges d'Assyriologie par *St. Guyard*. Paris, 1883.

2. The cuneiform inscriptions of Van, deciphered and translated by *A.H. Sayce: Journal of Asiat.* Society. Vol. XVI, part. III and IV.

3. History of Herodotus, Lond. 1862, Vol VI, p. 203—206: On the Alarodians of Herodotus; *Fr. Lenormant*, Lettres Assyriol. Deuxième lettre.

4. Самые древние грамоты восходят до начала XI столетия (1024 год (см. *Пурцеладзе*, Грузинские церковные гуджары. Тифлис, 1881, стр. V).

5. Четыре дома in folio по истории Грузии свидетельствуют о неутомимой деятельности академика Броссе. Но он не был историк, и еще менее критик. Нагромоздив в своем издании массу примечаний и выписок, он не объяснил почти ни одного сколько-нибудь темного до него факта в редакции Вахтанга. Часто приводит он два противоречивых известия из двух разных источников и находит возможным согласиться с обоими известиями. Характеристика господина Броссе как лингвиста, по Гатейриасу, вполне применима к нему и как к историку:«...Durant un certain temps le nom de Brosset domina toutes les études géorgiennes. Ce fut un travailleur infatigable qui toucha á tous les points et accumula toute sorte de travaux sur l'histoire, la géographie, la legislation ancienne et les idiomes de la Géorgie. Il faut donc rendre justice à son zèle et à sa bonne volonté, mais on est obligé de reconnaitre, qu'il n'avait aucune des qualités de linguiste et qu'il se contentait d'entasser sans ordre ni méthode une quantité de notes qui restent d'ailleurs une mine précieuse, et inexplorée. Absolument dépourvu de toute originalité personnelle et sans aucune base scientifique, Brosset n'en avait pas moins de bonne heure publié, par voie d'autographe, un grammair etc. *Revue lingvistique* t. XIV, 1881: Études linguistiques sur les langues de la famille Géorgienne, p. 275—311, par J.A. *Gatteyrias*.

6. Определеннее других излагает свое мнение *Ланглуа* в Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie. Paris, 1860.

7. Только начало этого сочинения удалось мне открыть в библиотеке архиепископа Саргиса и издать вместе с историей Себеоса. С.-Пб. 1879 г. См. Библиографический очерк армянской исторической литературы. С.-Пб. 1880.

8. Réponse aux allégations d'un prince géorgien reproduites dans le Journal Asiatique, Octobre 1836.

9. Histoire de la Géorgie. Introduction, p. XVIII; *Brosset*, Troisiéme Rapp. sur un Voyage Archeolog. dans la Géorgie et dans l'Arménie. St. Petersb. 1849, p. 62.

10. В Additions et Éclairciss.

11. В тексте Вахтанга все это гораздо подробнее, но в сущности то же самое.

12. Подчеркнутые в скобках грузинские названия взяты из грузинской редакции царя Вахтанга.

13. В редакции Вахтанга несколько иначе: Таргамос, сын Таршиша, сына Аванана, сына Иафета, сына Ноя.

14. В этой же местности армянские предания, сохранившиеся у Хоренского (I, 12), поселяют родоначальника армян — Арменака. См. Ванские надписи, гл. III. Вместо Масиса и Арагаца грузинская редакция говорит: между Масисом и Араратом. Но так как Масис и Арарат то же самое, то следует Арарат грузинского текста принять за описку вместо Арагаца.

15. В грузинской редакции: *до гор Орети*. По предположению Сен-Мартена, это название в родстве с греческим ὄρος и означает гористую страну и, вероятно, Курдистан.

16. Можно перевести также: гористую или северную.

17. В тексте не совсем ясно.

18. Это слово господин Броссе почему-то переводит через: Comme la voix de l'homme ne se faisait pas entendre dans le mont Caucase.

19. То есть Колхиса. В грузинской редакции гораздо вернее: *Кухоса*.

20. Оба названия означают: мать-крепость.

21. Оба названия означают: сад-город.

22. Здесь автор или переписчик пропустили уделы двух сыновей: Гардабоса и Кухоса. Гардабос выпущен также в Редакции Вахтанга. Стоит только иметь в виду местности *Гардабан* и *Кухет* (часть Кухетии), чтобы знать, какие уделы они получали.

23. Качац-кагак.

24. Армянский переводчик, по-видимому, прочитал *Таос-кари* там, где в грузинском подлиннике гораздо вернее стояло: *Тасис-кари*. Три первые местности существуют и до сих пор по среднему течению Куры. Последняя местность, вероятно, находилась у Борджомского ущелья.

25. Это слово, означавшее прежде главу рода, ныне в армянских деревнях употребляется в значении *деревенского старосты*, как и персидское *кетхуда*.

26. Неизвестно, где находилась крепость *Даби*. В списке населенных мест у Вахушта (стр. 479) встречается деревня Даба в долине речки Садгер.

27. Дуцук или Дуцкур — название народности, жившей, вероятно, в Чечне. Это имя, кроме истории Грузии, встречается только в новом списке географии Хоренского, изданном в Венеции.

28. Должно быть, Хунзах, на аварском — Кой-су.

29. Намек на Шах-Наме.

30. Адрама, ниже Адармос, Адрамас и пр.

31. Иаред-ерах, несколько ниже Ариадарех, в грузинском тексте: *Иаред*, есть искажение имени *Иредж*, третьего сына Феридуна. О смерти Иреджа см. Шах-Наме, т. I, гл. VI.

32. Лезгин.

33. Этимология насильственная, так как по-грузински дань не *херки*, а *харки*.

34. В грузинской редакции у Броссе: Spandiat Rouali, fils de Wachtab.

35. В грузинской редакции: Деда-цихе.

36. В редакции Вахтанга: *протатос* должно быть πρόταχτος, поставленный в первый ряд.

37. О четырех входах в Грузию со стороны Колхиды, Кавказских гор, Албании и Армении, по долинам реки Фазиса, Арагвы, Алазании и неизвестной реки; см. Srtab. *Casaub.*, стр. 500.

38. Все это место переведено приблизительно, так как текст искажен.

39. В грузинском тексте: *Тасис-Кар*.

40. В грузинском тексте вернее: *Аршака*.

41. См. новую статью *Ф. Ленормана* в *Muséon* за 1883, кн. II, стр. 210—244: Les peuples de Toubal et de Meschech.

42. В этом несходстве Броссе (Introd. IV) находит основание для предположения, что грузины не в Библии, а в своих преданиях черпали известия о своем происхождении от Иафета и Таршиша!

43. Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase, в *Nouvelles Annales des Voyages*, 1846, t. III, p. 309.

44. *Mohl*, t. IV, стр. 269—278.

45. *Mohl*, t. I, chap. V.

46. Китайцев и Китай персы называют *Чин* и *Чинастан*. Армянские формы этих названий обыкновенно транскрибитируются через *Тчен* и *Тченастан* по восточному выговору и *Djen* — по западному. Так как ни та, ни другая транскрипция не выражает вполне армянского произношения, то я буду просто писать *Чен* и *Ченастан*.

Здесь речь идет не о собственном Китае, а о китайских владениях, к которым в первые века нашей эры принадлежали многие страны Средней Азии и области к северу от Каспийского моря до Волги, а может быть, и далее.

47. *Brosset*, Histoire de la Siounie, p. 212, note.

48. Фраза не совсем ясна в тексте.

49. Может быть и гораздо раньше, так как состояние текста не дозволяет нам судить о том, из каких источников составлено второе приложение.

50. См. Арм. Геогр. VII века.

51. См. Géogr. de Moïse de Khor. Ven. 1881. P. 46, texte armén.

52. В примечании к переводу Вахтанга Броссе говорит: Wakhoucht fait rémarquer *avec raison*, que Baaman est Cyrus, de qui l'entrée en Perse se trouve par là fixée à l'an 530 avant J.C. Hist. de la Geórgie, p. 32. На такие отожествления можно было не ссылаться.

Текст печатается по изданию:

Патканов К.П. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии. — [Без указания места и года издания]. — С. 199—274.

Лев Павлович Пасынков

Пасанков Лев Павлович (1886—1956) — советский писатель. Родился в семье железнодорожника в Ростове-на-Дону. В 1907 окончил железнодорожное училище. Работал техником на Владикавказской железной дороге. В качестве фельетониста сотрудничал в газетах «Донская речь» и «Приазовский край». Печатался в «Летописи» М. Горького, «Ежемесячном журнале» В. Миролюбова, участвовал в газете «Советский Юг». Проводил этнографические исследования на Северном Кавказе, написал ряд работ по этнографии. Переводил произведения писателей советских республик на русский язык, писал о Д. Джабаеве, С. Стальском, Г. Цадаса, оставил воспоминания о М. Горьком, В.В. Маяковском, С.А. Есенине, Б.А. Садовском и др. Литературную известность Л.П. Пасынков получил как автор романов «Голубой цветок» (1925), «Заповедные воды» (1927), «Человек в лесу» (1932), «Тайпа» (1933).

Исследования и художественные произведения Л.П. Пасынкова:

Этнографический очерк Юго-Востока. — Ростов-на-Дону: Советский Юг, 1924.

Быт и игры кавказских народов. — Ростов-на-Дону: Издание «Северокавказского края», 1925.

Цветная лихорадка: Очерки Кавказа. — Ростов-на-Дону: Долой неграмотность, [1925?].

Ханук и Меджид: Повесть. — Ростов-на-Дону: Севкавкнига, 1926.

Голубой цветок: Роман. — М.—Л.: Госиздат, 1927.

Дети гор: Роман. — М.— Л.: Земля и фабрика, 1928.

Заповедные воды : Роман в 5 частях. — М.— Л.: ОГИЗ; Государственное издательство художественной литературы, 1931.

Человек в лесу: По лесогорьям Кавказа. — М.: ГИХЛ, 1932.

Тайпа: Роман. — М.: Советский писатель, 1936.

Л.П. Пасынков
Быт и игры кавказских народов

За последнее время, если не ошибаемся, никто не занят рассмотрением общественной стороны игр кавказцев. Интерес игр заключается в их национальной и общественной подпочве, в культурнической общности, очень глубокой, часто смутной и притом причинно мало разъясненной. Само положение оседлых и европейских культурных народов рядом с кочевыми и отсталыми народностями соблазняет на сопоставление их во времени и истории. Преимущества Кавказа с этой стороны неоспоримы.

Многие культурнические усилия ряда народов на Кавказе не раз сталкивались с коренными противопоставлениями, вызванными кочевничьими насущностями других кавказских народов. Отсюда попытка автора определять «дух» народа не по национальным признакам, а по особенностям либо кочевого, либо оседлого быта и тем необходимостям материального порядка, которые отсюда вытекают.

Крушение национальной обособленности таится в самой перемене форм жизни. Для Кавказа это, впрочем, еще раннее предварение, но именно Кавказ и дает нам «сырье» для подобных соображений.

Таким образом, автор полагает, что эта работа не только о Кавказе, но и о судьбах разных народов, где бы то ни было поставленных в условия жизни кавказских племенных группировок.

Нет лучшего вооружения против межнационального идеализма и националистического шовинизма, чем внимательное и спокойное сопоставление того, как переживали различные племена исторические необходимости. В наши дни, как знаем, рушатся с особой отчетливостью базы «готовых» народов, «готовых» языков, «готовых» игр и эстетики.

Игры религиозные, игры воинственные, игры земледельческие нами наблюдаемы в зависимости от того, с каким исторически сложившимся, клановым, племенным материалом сталкиваемся. «Вука» лезгинских племен, игры и уборка хлеба, схожи с «гоем» аварцев, «маршем» лаков, кумыцкой «булкой», «мамматлычеством» карачаевцев, «мамилит-ядобой» кахетинских грузин (кстати, нет ли тут общекорневого родства), с «тамазлухом» татар и армян в Задербентьи. Но не схожи с играми, связанными со стрижкой овец, трудовой помощью при уборке кукурузы и прочего, игры воинов-мюридов, общинные кварталы за место общины в больших городах мистерии шиитов-татар и т.д.

Мы пытаемся, с другой стороны, подойти к вопросу, тронутому опытной рукой Н.Я. Марра. Взамен взгляда, что Кавказ обладает двумя культурами: армянской и грузинской, Марр приводит вполне революционную и разумную мысль о культурах, взаимно воздействующих. Проглядели, например, сложную культуру Азербайджана. Должен сказать, что мы более чем бегло проходим мимо празднеств и траурных игр Муххарема, таких картинных и значительных, что их следовало бы показать с возможной детальностью. На одних мистериях муххаремлика вскрывается общность тюркского Востока (шиитского) с Аравией, Персией, Индией, христианской Европой, с огнепоклонничеством, с шаманством северных туранцев и прочих.

Если немец Миллер и француз-ориенталист Броссе искали общности Кавказа — один с югом России, а другой — с Западом Европы, то мы видим приоткрывающиеся завесы решительно всего мира. И еще шире будут отдернуты эти завесы, когда попытаемся сопоставить причинные стороны игрищ кавказских народов.

Мы не идем, однако, далеко. Мы ограничиваемся узко поставленной задачей. Мы не касаемся также и театра, хотя большое количество хроник о театре ряда народов и письма с мест у нас на руках.

Из одного только сопоставления игрищ, кочевого и оседлого порядка, вырисовывается вся грандиозность задач, поставленных пролетарской революцией в области разрешения задач нацмена. Наблюдения автора на Кавказе привели его к желанию сочетать наблюдения с материалами, уже приведенными другими наблюдателями в порядок, связать логически и оправданно игры персов, казанских и крымских татар, многих кавказских народов с игрищами ойратов, китайцев, индусов, малайцев, греков, италийцев, албанцев, закаспийских племен, русских и вообще — славян. Попытка эта, таким образом, не играми и не театром исчерпывается; она намечает еще границы межнациональных проблем социологического порядка.

Общественные игры у кавказцев развились, в общем, на тех же основах, как у ряда иных народов. Религия служила средством собирания отдельных семейств в общество, склонное разрастаться в народ. Наряду с религией, верой, как средством объяснения до того необъясненных феноменов, явлений природы, действовали и другие социальные необходимости.

Военные игры кавказцев, как решительно у всех народов земного шара — порожденье инстинкта самозащиты, обороны и нападения. Примерные игры вырабатывали боевой опыт, их ритм. Игры подражательные, основанные на животном эпосе, мимические сцены — слагаемые обоих указанных моментов — влечения путем веры сложить понятия космогонического, мироведческого порядка и, наряду с тем, укрепить чувство воинственности.

Наконец, на Кавказе видим пеструю, в общем, картину бытовых, этнических игрищ: это результат более или менее мирного общественного сожительства племенем объединенных особей, стремящихся выработать целесообразную эстетику, как обличье этической сути.

Путь от зрелищ, как религиозных, воинских и бытовых этнических моментов, к театральной четкой форме нигде так слабо не проявлен, однако, как на Кавказе. Между тем его прошлое, основательно нами позабытое, богато многим резко театрализованным. Нужно тут же сказать, что многое в этой области, относящееся к Кавказу, относится также ко всему тюрко-иранскому, индусскому и арабскому Востоку. Отчасти относится оно и к малайским разновидностям племен и к китайцам.

Сама постановка вопроса такова, что мы ни на миг не собираемся отрешиться от вполне материалистических межнациональных параллелей.

Если взять картинные слагаемые Кавказа, увидим разнообразную природу, заключающую в себе и вечные льды, и Альпы, и средиземноморского вида плоскогорья и субтропики анатолийского отрезка Черноморья. Сами сношения кавказцев друг с другом и с рядом народов Европы таковы, что должны были б в них, казалось, пробудить чувство театральности.

Легендарные предания, яркие факты войн, заносные элементы чужеземной культуры должны воздействовать на предков нынешних кавказцев. Купцы и арматоры, воины и географы, философы и лекаря, скульпторы и живописцы аттической Греции, Рима, потом Византии, искусники Китая, Персии, Индии — заурядные гости Северного Кавказа и Закавказья. Арабы и по последнее время имеют осколки племен, в виде арабов-шемли, под самим Баку.

Однако театр не рожден. Почему? Ответ краток: судьба кавказцев такова, что, накапливая зрелища, не разрешила их в заключительном аккорде тематического, богатого литературой театра.

Между двумя наиболее литературными, следовательно, и театральными народами Кавказа: грузинами и армянами легли пустой прослойкой алаварские тюрки, эта сложная смесь иранцев, шахсеванов, курдов, лезгин, горских даг-джюгутов, то есть евреев, казанских татар, туркмен. Азербайджанские татары до последних лет театра не имели в подлинном, глубоко национальном содержании, хотя отдельные интеллигентные и зачастую революционные деятели, подобные Нариману Нариманову, пишут для тюркского театра не первое десятилетие, а официально тюркский театр отпраздновал свое пятидесятилетие в 1923 году.

Перекрестное воздействие культур — это видим на долгом ряде примеров — не всегда действует благотворно, если нет народу возможности переварить, усвоить впечатления и богатый опыт, принесенные извне. Парфяне были данниками и слугами, гостями и друзьями Рима во время его наиболее пышного расцвета: все ж этот закавказский народ так и остался в полудиком состоянии, культуры своей не сложив. Точно так же обстояло и со скифами боспоридской межи. Греческое царство боспоридов, легшее, обще говоря, в разлоге Кавказа и Крыма, было снабжено повышенной и утонченной культурой, но эта культура ничтожно перешла на их соседей — скифов, на алланов, предков современных осетин и т.п.

По-видимому, тут можно сделать один вывод: есть культуры—источники просвещения, распространяемого без изъятия среди всех окрестных и смежных национальностей, и есть эгоистические завоевательские культуры, цивилизации арматоров, корабельщиков, фрахтовщиков, дисконтеров, ростовщиков, хлебных ссыпщиков, подобных античным грекам и римлянами на берегах Предкавказья и Кавказа. Эти-то разновидности, без сомнения, не могут никак содействовать подлинному развитию культуры у соседей, подвергаемых либо угнетению физическому, либо изнурению материальному, основанному на юридической межнациональной связности, на торговых сношениях и пр.

Если в личных общениях вы попытаетесь сложить мнение о представителях отдельных племен Северного Кавказа и Закавказья, вы, прежде всего, должны будете отметить общность в области того, что называем фронтальностью пластики. Танцы кавказцев, как это рассмотрим

впоследствии, рисунки миниатюр, работы на камне, даже мирное «препровождение времени» в стенах дарбаза, сакли — все отмечено печатью развернутого до пределов жеста и самого положения тела, положения рисунка кубачинских рисунчатых накишей и суратов и пр.

Наше краткое определение: кавказец имеет склонность к фронтальным проявлениям себя, как тела, как инструмента игры, или того, из чего кавказец делает предмет игры.

Только затем мы начинаем отличать и иные, уже психически национальные особенности отдельных племен и народов.

Впоследствии, говоря о кочевых моментах, мы коснемся также и моментов, различно формирующих психику кавказцев в другой уже области. Здесь кратко скажем, что если психика кочевника-кавказца резко отлична от психики оседлого жителя гор или долин, то точно также мы смело проводим разделительную черту между горцами, наиболее косными и приверженными буквальной покорности перед адатом, и между жителями долин, более склонными к новшествам, к пограничным примерам, к радикализму.

Вы видите черкесов в горах и на долинах. Между бжедухом-черкесом и горцем-шапсугом, тоже черкесом, есть существенная разница в склонностях к формам зрелищ. То же самое между кабардинцами, просвещенными жителями предбалкарских ущелий, с их культурно-усложненными легендами, большими, мистериального характера трудовыми процессиями во время уборки урожая и между их ближайшими соседями, балкарцами, имеющими более скудный литературно-театрализованный отбор понятий.

Пойдите дальше всеми землями Кавказа, — вы отмечаете закон: демографические условия сказываются на всех представлениях кавказца, как и то — кочует ли этот кавказец или давно от отдаленных предков засел в этой местности, на этих скалах, у этой реки. На двух склонах одной и той же небольшой горы у разных народов складываются разные предания, мироотношение и их разные игры.[1]

Трудно сравнить подвижного, порывистого абазинца, воспитанного на разбойниче-рыбацких примерах, с кубанскими черкесами, их сородичами, воспитанными на культуре не только арабистской, но и на начатках культуры армян-крымчаков, их соседей. В течение полутораста лет близость миролюбивых и, в общем, просвещенных новых насельников армян дало то, что черкесы-адыге на Кубани стали перестраивать свои зрелищные и литературные вкусы.

По одному танцу, лезгинке, танцуемой лезгинами, то есть рядом лезгистанских-дагестанских народностей, и танцуемой чеченцами (чеченская лезгинка), осетинами и прочими, вы видите, что эти народы жили подолгу в несродных условиях.

Воздействие персов на тюрок Азербайджана длилось столетиями. Однако, семь лет революции на советском Востоке дали то, что ряд танцев, мимических сцен и даже сложных, авторами разработанных и написанных пьес охватывают отсюда и Персию.

Довольно поворота истории, и тогда роли наций по отношению друг к другу существенно меняются.

Небесполезно для примера взять краткое сравнение греков ионических и греков аттических. Первые непосредственно соприкасались с прикавказской Азией и самим Кавказом. Вторые, хотя и участвовали в ряде торговых, политических экспедиций, но сносились с кавказцами кратко.

Что же дают ионийские греки грекам Аттики? Они собирают литературное сырье в пределах Кавказа, а аттические писатели пишут завершенные по форме образцовые пьесы, трагедии, которые и в наши дни не превзойдены по величавости, по размаху чувств и уподоблений.

Здесь, пожалуй, не излишним будет посмотреть на то, что вообще Кавказ дал античным писателям и зрителям древних театров. В ином месте скажем о зрительном «сырье» и всем, что связано с ним, сырье, идущем к античным народам из-за черты Кавказа.

Там же отметим и взаимоотношения ответного свойства, то, что давали взамен из своего «сырья» античные народы Европы кавказцам. Тут же кратко ограничим себя небольшим перечнем.

Периклов век в Греции — век великих и плодовитых драматургов. Жадно ищут греки темы. Свой эпос, свои предания намного исчерпаны. Нужно зрителя освежить веянием интересующей его иноземщины.

Перикл—полководец, влекущийся в горы Кавказа. Правда, он не осуществляет своих завоевательных походов за северокавказским золотом и железом, но как бы то ни было, планы им разработаны, насколько можем судить по ряду материалов, в широком и подробном виде.

Вместо медного меча нужен железный — он, по планам, должен быть добыт в ущельях рудоносного Кавказа. Это милитаристическое, военное пожелание надо воплотить в пьесах-лозунгах.

Что же делает греческий драматург?

Мы пытались сопоставить по времени ряд политических явлений Греции с рядом художественно-театральных и общелитературных явлений. В пору 435—434 годов до нашей эры, когда Перикл собирается походом за железом, золотом и хлебом Крымо-Кавказа, как раз и пишут свои лучшие пьесы греческие драматурги, причем в этих пьесах этнические материалы о Кавказе очень наглядны. Софокл под впечатлением плана Перикла пишет о Кавказе, как и Эсхил, который на двадцать лет старше Софокла, и Эврипид, который на пятнадцать лет моложе его. Как им и не писать! Они не только хорошие, театральные писатели, люди гения, но и недурные солдаты, офицеры.

Эсхил в дни Саламина сражается, Софокл поет гимны над трофеями, залитыми кровью, и получает под команду бригаду греческих войск, Эврипид, рожденный под гул жестокого боя, сам со временем, становится воином. Софокл, например, одно время—в равных чинах с Периклом и Фукидидом. И все эти люди устремлены воображением на Кавказ и на прилегающие местности Азии.

Немудрено, что у Софокла в трагедии «Антигона» повеления Креона явно отражают скифскую, прикавказскую манеру отмщения—лишение погребения Полиника. У Эсхила в трагедии «Персы» при чтении вы отмечаете, помимо ряда кавказских обычаев, обряд погребения ирано-кавказского оформления. Дарий, встающий из гроба, — это перепев кавказских сказаний о нартах, богатырях, оживающих в необходимый для их народа момент.

В «Прометее» Эсхил берет кавказский миф, очень популярный, о богатыре Амиране, прикованном к скале. В трилогии того же автора, «Орестее» женские облики при сличении формы повествования о них со сказаниями тавров, народа Крыма, обнаруживают сходство: обожествленные таврские «девы». Таврический миф об Ифигении — центральное место трагедии. Под влиянием сумрачных обрядов крымо-кавказцев у Эсхила начинает преобладать тон трагический над недавними лирическими формами, «звучание» трагедии. Хитрые поступки Клитемнестры подобны хитростям аракских (кубанских и др.) амазонок. Кассандра — отклик на ту же «деву» тавров.

Если взять Эврипида, пережившего кавказские попытки Перикла не менее, чем на четверть века, то видим у драматурга «Медею», волшебное существо, помогающее Язону похитить кавказское золотое руно, шерсть баранов, на которой мыли по способу примитивных времен крупицы самородного золота в горных речках Кавказа. Тут прямой отклик на попытки завладеть благородными и неблагородными металлами Кавказа. Недавние работы инженера Фильковича во владикавказских окрестностях показывают нам, что Язон, пожалуй, мог хорошо поживиться в этих местностях — золота тут, по-видимому, немало и обогатительные местные заводы, работающие по серебру и свинцу, могли бы приспособиться, возможно, к золоту.

Кстати сказать, и месть Медеи, показанная аттическим писателем — месть вполне кавказского, сильно иранизированного вида: одежды, напитанные ядом, должны отмстить. Рассматривая материалы о благовониях Кавказа и ядах, вывозимых для зрелищ и лекарств в культурные углы Европы, видим, что лучшие парфюмеры, отравители, красители, декораторы по тем временам числились за Малой Индией и Кавказом, странами смежными.

Ионийцы, творцы эпопей, помогли, как видим, творцам трагедий, аттическим грекам. Они смогли это делать, так как материальные, затем и отвлеченно-культурнические формы быта у обоих родственных народов были приблизительно на одних ступенях.

Так вот — обладал ли Кавказ такими общими ступенями — и внутри, между кавказскими народами, и извне, на культурнических, цивилизаторских подступах к Европе? Нет и нет!

Кавказцы, кинутые в щели-проходы, через которые волей-неволей шли кавказские «сарацины» и таты, победители и рабы, и кавказцы, живущие у берегов, полных хлеба, вина, золота, красителей (которые по тем временам ценилась значительно дороже золота) не могли усидеть спокойно. С ними воевали. Через узкие полосы владений одних побеждающим нациям или отдельным племенам надо проходить, а к соблазнительным, производящим и интенсивно-урожайным местностям других влекла непосредственная необходимость войны и засим победы.

Разобщало и это и верования, как результат навязанных религиозных предвзятостей со стороны победителей, разумно находивших, что религия — крепкая узда, обходящаяся к тому очень недорого.

Языческие секты на Кавказе, как знаем, непрестанно боролись друг с другом, как впоследствии мусульманские толки шиитов и суннитов и, главным образом, как магометане с христианами или скорей, наоборот, христиане с магометанами.

В силу этой непрестанной борьбы эпические предания, песни, дифирамбы, хвалебные чтения нараспев не могли получить развития. Не было в слабо выраженных классах наиболее развитых кавказских племен представителей драматургии, этого творчества повышенного, высокого характера, приходящего обычно только вслед за тем, когда все формы литературных памятников накрепко утверждены в народном сознании и вкусах широких межклассовых масс.[2]

Сама кастовая жизнь многих кавказцев мешала народу отстоять в горнилах своего воображения целостную картину, печальный и сложный образ, тем более выявить в зрелищах и играх эффекты борьбы.

Взамен сложных пьес, рожденных у греков, продолженных римскими театральными писателями, у кавказцев видим народные игрища, далеко не всегда лишенные массовых выявлений чисто театрального порядка.

Культурность отдельных племен приводила их к интересным массовым зрелищам-развлечениям. Долгими годами законодателями с этой стороны в Закавказье были именно армяне, потом грузины, а на Северном Кавказе — осетины, а затем кабардинцы, причем попеременно между этими двумя народами шли долгие распри художественного характера.

Нами отмечена разница между жителями долин и горцами в общих чертах. Теперь попытаемся взять общественные игры, вызванные интересами самого общинного быта племен. В чем их характерность? В утилитарности, в их причинной необходимости — ответим. И прежде, чем перейти к непосредственной оценке общественных игр кавказцев, попытаемся, все еще не отходя от сличений с античными и смежными некультурными народами, взять кавказцев в сравнении с этими соседями.

Мифология осетин, их сказки о небесных и земных существах и явлениях пропитаны земными практическими свойствами, как и мифологические представления греков. Нарты-богатыри Осетии — те же полубоги Греции, только в иранизированной восточной окраске.

Необходимость сноситься с соседними народами, чтобы поддержать материальные и культурные блага, осетин высказывает в мифическом представлении в духе греческой прометеевой сказки: к одной кавказской скале прикован нарт-мужчина, а к другой скале, через реку — женщина-нарт. Оба богатыря жаждут быть вместе. Они тянутся друг к другу. Наконец, свершается чудо. Не дотянувшись через бурную горную речонку, они все же рождают себе ребенка, получают продолжение рода богатырей.

Если взять всю историю цивилизаторского преобладания Осетии в течение долгого времени на Северном Кавказе, мы увидим в этом представлении практические пожелания. Аланские, осетинские амазонки охотно, судя по историческим материалам, заключали гражданские, так сказать, браки с соседями на северо-востоке, на юге, на западе. На всех Араксах, на Дону, на Кубани, на Тереке — временные становища амазонок, приходивших сюда зачать дитя. Девочки оставались в кругу амазонок, укреплявших всем своим полувоенным строем, идею матриархата, то есть правления женщин заместо мужчин. Мальчиков амазонки отдавали отцам.

Игрища древних осетин имели в себе ритмизированные представления о нартах. Античные соседи, колонизировавшие берега Кавказа, частично переняли эти игры у осетин, судя по материалам древних описателей кавказских берегов: Понта, Танаиса и прочих. Любопытно, что через много веков Мечников, как передавали, очень заинтересовался этим мифом, высказал мнение о музыкальности (то есть ритмических его сторонах), как о вторичных половых признаках именно мужчин. Вся сказка осетин как бы живописует это ученое положение, высказанное Мечниковым.

У айсор есть пословица-загадка. На вопрос, какой предмет всего звучней в мире — ответ: «Хлеб да соль». Если «звучат» такие необходимые вещи, лишенные среди сытых какого бы то ни было звучания, то не говорит ли это о том, что игрища айсор не могут приблизиться к совершенным играм! Наиболее поэтический, приятный момент в жизни рабочего земли, измученного труженика айсора — в добыче варева и вязанке травы для рабочего осла.

Перечень песен айсора говорит о том, что почти все песни античных народов отданы богам и полубогам, большим героям-полководцам. Мы видали уже великого драматурга, поставленного над военно-историческими трофеями и воспевающего их.

Но у айсор, осколка иракских, мессопотамских племен и племен, по-видимому, сирийских, нет в настоящем двигательных, живых сторон истории, нет и вкуса к ней. Они обращены целиком к непарадным сторонам личного быта. Они пахари, не герои. Осетины еще стоят на полпути от героического эпоса к практическим сторонам его. Айсоры, менее удачливые в своем историческом оформлении, вовсе не имеют мифов о нартах-богатырях, а если имеют, то заимствуют у соседей. О чем поет айсор?

В честь ослов, работающих на полях, сложено несколько песенок, исполняемых в августе. В честь Мириймама, царя змей, опасного людям и рабочей тягловой скотской силе, поют другие коротенькие песни в июле.

На свадьбах песни не уподобляют, как у народов-победителей, жениха — властителю, князю, а невесту — княгине. Тут больше действуют утомительная зурна и барабан. Зарезав быка, ударяя в барабан, айсоры хороводом обходят жертву.

Если вспомнить, что античные народы лихо и весело отплясывали вокруг распростертого жертвенного козла, то мы поразимся всей бедности отвлеченных представлений айсор, лишенных исторических благодарных воспоминаний. После вечерних хороводов айсоры мажут невесте и жениху ладони хною — в том, как бы повторение пышных дионисиански-азиатских празднеств ранних этрусков и греков. Жених при этом трет себе лоб яблоками, как греческие сборщики винограда терли щеки и лоб виноградом.

Несомненно, далекие предки айсоров так или иначе послужили, как ионийцы в последующие времена, мифам антиков. Мы знаем, что античные народы Европы щедрой рукой черпают из кавказской шкатулки; дальше увидим это на ряде примеров в различных областях, примыкающих к празднествам, к игрищам, украшающим их. Но далекие предки айсор содержательны, они, что-то делают среди народов, обороняются, нападают, строят. Они имеют, о чем рассказать. Потомки лишены того, они скудны. Кроме супряги волов и упряжки своих ослов, они ничего перед собой не видят. Их воображение, как и ноги на пахоте, — в комьях распаханной земли.

Если взять пляски татов, айсор, смешанных, иранизивованных и туранизированных племен лезгин, по преимуществу у моря Каспия, увидим, что и они небогаты преданиями, плясками, следовательно, и играми. В горах над морем—дело другое. Тут-то ионийские возможности.

Если бы история дала отстояться культурническим слоям горских племен неподалеку от моря, они дали б и своих антиков. Однако, чем дальше в горы, в вынужденное заточение скал, тем глуше, холодней, скудней, невыразительней становятся игры горцев. Демографическая увязка народов дает нам возможность наглядно проследить и за эстетической их полновесностью. Ничего идеалистически предвзятого, шпенглероподобного мы тут, конечно, не увидим.

Оргии побежденных, неразвитых или смешанных и невыявленных кавказских народов, их хороводы, их отдельные плясы монотонно повторяют, как ковровая вышивка, один и тот же замысел, подобно тому, как на ковре мы видим повторение одного и того же орнамента.

Прямые короткие линии, бессильные взмахи рук; ритм короток, как напев деревянной, неразработанной зурны или дудки. А возьмите ряд горных лезгин, чеченцев, осетин, и вы поразитесь: их плясы разнообразны, хотя и каноничны.

Среди племен, утративших прошлую игрищную подвижность, видим, например, в Азербайджане переродков белых грозных завоевателей и носителей культуры, араб-джа, джабирлы, араб-шемли, араб-кадым. Они говорят на тюркском наречии, преданы тюркским представлениям. Их игры фронтальны, как у азербайджанских татар. Ничего от прошлого и сложного у них не осталось.

По всему Дагестану видишь следы культуры этих давних победителей — арабески на поливяных плитках над входами в жилища, убранства магальных мечетей, глазированные плиты с вязями-молитвами, несколько со временем подвергнутыми обработке «гюль», то есть «розам» — росчеркам турок-османов.

В другом месте, при других племенных свойствах растворившего в себе народа, арабы точно также утрачивают свои игры, подчиняются вкусу других, чуждонациональных игр. Мы говорим о блистательных арабах кордовского, испанского средневекового халифата, где арабы долгое время держали испанцев в плену не только своих сабель, но и своей математики, астрономических познаний, тонкого врачебного искусства, поэтики, танцев, игрищ. А со временем испанцы, победив и расслоив своих недавних победителей, наделили их всеми чертами игр и развлечений, присущих им, испанцам.

Тюрки, кочевавшие под стенами Китая, взяли теневой театр китайцев, их музыкальные инструменты, их игрища, но, пройдя долгим азиатским путем, появившись из-за Каспия на

Кавказе и в Закавказьи, полонив Анатолию, славянские земли, греческие острова, став турками, сельджуками и османами, начали проявлять склонности к играм кавказцев, греков, славян, албанцев, итальянцев и прочих.

Карагез (черный глаз) — кукольный театр турок-перепев китайского и малайского театра теней. Карагез на Кавказе перенят армянами у турок и передан другим народам. «Петрушка» пошел по всему Кавказу. Те же армяне, как мы отмечаем, передали кубанским черкесам навыки и вкусы крымских татар, с которыми кубанские армяне, выходцы из Крыма, долго жили вместе. Крымские татары сохранили немало игр от генуэзских, итальянских времен. Сами хоровые начала, слабо отпечатленные в крымской Татарии, говорят об иноземном влиянии. На Кавказе хор почти не развит, можно сказать, тут его нет.

Игрища мавров в Испании приобрели изощренно заимствованный характер в ту пору, как игры покоренных кавказских племен оставались в первобытном состоянии.

Почему? Ответ материалистически краток и ясен.

Потому что мавры продолжили культуру, хотя и в русле испанском, потому что кордовцы-мавры видели в своей среде и в покоренном состоянии великих просвещенцев вроде Ибн-Рошта, Аввероэса, названного с большой буквы «Комментатором», то есть объяснителем-объяснителем именно Аристотеля. Ибн-Рошт не только теолог, астроном, медик, но знаток театра и вообще игр. Он тонко отличает в играх их общественную подоплеку. Он хочет связать в одно, верней, осмыслить, причинные связи игрищ и морально-политического состояния его полупокоренного, но все еще развивающегося народа. Сильный, настойчивый реформатор мусульманства (вынужденного под напором испанского фанатического христианства реформироваться), этот ересиарх, наряду с большими вопросами реального переустройства мусульманских дел, заинтересован был и тем, как бы насадить новые игры, новый театр среди мавров, недавно вполне владевших испанскими провинциями, а теперь уступавших соседям.

Теперь сравним Кордову в Испании с похожим во многих смыслах на Кордову Дербентом. Кавказский Дербент — «железные врата» был неслучайным местом на Кавказе. Эта та же Кордова на перегибе тюрко-иранского востока к племенам лезго-северным, общекавказским.

Основание Дербента тюркскими писателями давней поры приписывается никому иному, как... огненным людям. Даже Мюр-Арслан-бек, археолог и серьезный ученый, повторяет благоговейно этот лепет. Другие находят, что город основан Александром Македонским. Третьи видят, что он построен библейскими гогами и магогами. Не только тюрки, но и местные стародавние насельники, лезгины и евреи, живущие здесь до постройки второго иерусалимского храма и в наибольшей чистоте сохранившие черты чистого древнего семитизма, склонны зачислять за Дербентом немало чудес. Исса, то есть Иисус, здесь творил немало обычных своих благодеяний, оживлял мертвецов или наоборот давал успокоение костям злодеев-царьков, не находивших покоя после своих зверств при жизни.

Семито-мусульманские легенды здесь прочно обосновываются вокруг Корана, Нового Завета, вокруг старых ересей мусульманства. С давних пор в Дербенте, славном городе всего мусульманского Востока, живут великие ученые, мало в чем уступающие мудрецам Кордовы.

Фейзулла Ахунд, Мирза Керим бек-Шуаи, Мухамед Наги, Ибн-Абид были не только реформаторами, начетчиками, историками, они склонны к серьезному рассмотрению зрелищных мотивов, как общественных сторон быта. В этом, видим, они сходились с кордовским Ибн-Рошотом.

Астрономы почти всегда на всем Востоке были богословами. Так было и в двух славных городах: в Кордове и в Дербенте. Богословы почти всегда становились литераторами. Литераторы стремились к песне, затем ко всему, чем богат театр аттического образца. И если почти на всем востоке аттические формы не овладели зрелищами общества, то только потому, что общество недоразвилось до высших форм, когда театр так же необходим, как айсору необходима песня об осле, куске хлеба, глотке пресной воды.

Бек-Шуаи изображает кровавые стороны игрищ шиитского Муххарема. Бек-Шуаи склонен пойти и дальше, поставить рядом с фанатическими зверствами, выливающимися в этих зрелищах, гармонизированные удовольствия мирного порядка, аттического свойства. Но скованность местными адатами, правилами жизни, покоящимися на узком благочестии, не дают ему возможности развить свою мысль, подобно тому, как это сделал Комментатор, Инб-Рошт, последователь великого театрала и объяснителя общественной подоплеки зрелищ Аристотеля.

К Дербенту влекутся и позже бесчисленные завоеватели, путешественники, люди науки. Если тюркская колония Дербента имеет членов-корреспондентов Казанского университета и среди них серьезных ученых, то ученые времен Марко Поло, Олеария, Клавихо, посла коро-

ля кастильского, Флетчера, посла английской королевы Елизаветы, посещают окрестности и примечательные библиотеки, развалины, притворы художественных мечетей Дербента. «Дербент — город, каменный и белый» привлекает и русских средневековых исследователей вроде Котова. Тут и Петр Первый на месте Александра.

Поэт Фейзулли записывает сотни преданий Дербента с понятием европейским. Часть города называется «Шахер-Юнан», то есть город греков. По-видимому, тут жили культурные греки, не только экспортеры, так как тут кроме фруктов, того, чем богата самая Греция, ничего не было. Отсюда вывозили богатые предметы облачения, утвари, мебель, чепраки, оружие. Но сюда не ввезли, не смогли ввезти плавных зрелищ, тематически объединенных игрищ. Слишком в этом отрезке не походил Дербент на более удачливую омусульманенную Кордову.

Оставив этот пример, сличение двух городов, сличение, которое, понятно, мы могли бы продолжить на ряде подробных примеров, переходим к тому, что более переимчивый запад Европы, в силу своего счастливого политического положения, смог перенять у кавказцев.

На литургийных зрелищах Европы, на представлениях светских мимистов Кавказ сильно отпечатлен. Победитель — Европа копировала на Кавказе, как на всем вообще Востоке, то, что представлялось интересным для зрелищ. Если мы видим у дюжины, по малой мере, цезарей Рима, описанных Светонием и его сверстниками, кавказские обычаи, животных, вывезенных с Кавказа в триумфальной упряжке, рабов с Кавказа на площадях во время военных триумфов, плащи кавказцев, аббы, их ковры, их кофры-кожи и пр., то же самое видим в той же колористической гуще и на средневековых примерах.

Литургийно-мистериальный театр в эпоху борьбы крестоносцев-разбойников с мусульманскими воинами занес обличья Муххарема в Италию, Францию. Дервиши представлены в этих театрах комиками-буфф. Парма строит театральные павильоны с междустолпиями, как в кочевых палатках, вроде тех, которые строил Тамерлан.

В мистериях, передающих борьбу за гроб Христа, похожий, кстати сказать (чего никто еще не отмечал) на мусульманский, шиитский-хабр-и-Хусеейн, то есть на катафалк имама Хуссейна, мы видим кавказцев — «сарацинов», турок, мавров и опять-таки кавказцев наполовину, ибо так называли шахсеванов из Кавказа. Чудовищные тюрбаны и на женщинах напоминают головной убор современной андийской дагестанской женщины.

Реквизиторское ребро Адама, вывешенное у входа в театр, напоминает крашеные рога кавказских козлов, вывешиваемые у входов. Ребро Адама в английском театре красного цвета, как ребро подлинного кавказца давне-исторических времен, выставленного на съедение птицам, а потом по костяку окрашенного красным красителем. Дионисианские пережитки давне-азиатских доэтрусских времен видятся нами в этих пережиточных зрелищных формах. И в игрищах степенной христианской Англии, в фанатических зрелищах Испании ловим все те ж родственные с Кавказом мотивы дионисианского порядка. Тут даже бороды волхвов окрашиваются в красный цвет. Не так ли окрашены бороды почтенных мусульман в Задербентье?

Английские мистерии, как передают исторические писатели, полны восточных чалм, шальвар, сабель, черкесок. Во французских балетах позднего средневековья видим задники, декорации, изображающие Кавказ. Прометей изображен именно кавказцем,.. танцующим в представлении французского балетмейстера кавказские танцы. Турецкая церемония в мольеровском «Мещанине в дворянстве», посвящение в мамамуши — косвенный отклик на пробуждающиеся интересы Франции на Востоке.

Видали ли мы в играх кавказцев обратный, ответный отклик? Кто из властителей Кавказа, подобно герцогу Орлеанскому, выступающему в роли персидского шаха, сыграл кого-либо из исторических личностей Запада Европы? Ему, кавказцу, и на ум это не могло придти. Между тем, в течение долгих веков кавказские суда, сначала кожаные, подобные опрокинутым тамерлановым палаткам, потом деревянные, бороздили волны европейских морей и рек, были частыми гостями на Адриатике и Тибре, у самого Рима.

С Кавказа, с Танаиса, из Крыма возили римлянам глиняную посуду в ногтевом орнаменте; сюда шли бесчисленные жители, переселявшиеся с беспокойных берегов Кавказа и обратно, со временем окультуренные, возвращавшиеся на родину.

Музыкант Люлли охотно играет в мольеровской пьесе муфтия, но ни один певец, ни один саазандер, ни один ашуг Востока не сыграл роли западною человека, просвещенного европейца, а между тем напрасным было б думаю, что певцы Кавказа не забредали в самую глубь Греции и Рима, поздней — Франции, славянских земель, Румынии.

Мы лишены здесь возможности в аккуратной хронологической преемственности приводить пример за примером. Наша цель — оживить мертвое представление некоторого круга

читателей, привыкшего полагать, что в старину Кавказ был вовсе отрезан от мира. Если б мы взяли в строгом порядке отдаленную старину и довели до нынешних дней, мы увидали бы сложною и пестрою вереницу фактов и лиц, вязавших Кавказ с Европой. Но тут же мы увидели б и другое: Кавказу никогда не было возможности сделать эстетические, зрелищные выводы из опыта, из всего рассмотренного в Европе, виденного и у себя.

Когда вы кочуете по современной кавказской глуши, когда прислушиваетесь к устным легендам, вы поражаетесь тому, как невыразительно время в представлении горца, как стерты грани времени. Шамиль так же далек и далеко историчен в представлении аварца, андийца, как, скажем, легендарный Александр, Исса, Петр. Между тем, Шамиль существовал совсем недавно и, казалось бы, повернул Кавказ к новому. Зелим-Хан совсем недавно убит, между тем о нем поются такие же песни, как о давних богатырях. У туркмен Ставрополья записываем несколько песен одинакового темпа и словосочетания. Одни написаны о стародавних батырях, другие о нынешних. Трудно отличить их во времени. Бахши, т. е. певцы туркмен, в одной плоскости берут и сказания о батыре Юсуф-Ахмете, Кор-Оглы, Гемре. Песни Зариф-Хан Бахши, Кор-Бахши, Сагандык-Бахши одинаковы. Между тем, первые два пели полвека назад, а последний еще и теперь поет, приветствуемый своим народом.

Берем туркмен, как народ, деформировавший когда-то, преображавший в своей крови и культуре многие народы Закавказья, Прикаспия, верней Северного Кавказа — в виде ногайцев, карачаевцев, лезгин, балкарцев, кумыков и прочих.

Такая хронологическая нерезкость, стертость соответствует во многом и иранским народам. В сущности, на этом, как на «магике духа», попытался «идеалистически» соспекулировать Шпенглер, что ему и не удалось.

Миф о Прометее, соответствовавший комплексу понятий азиатско-античной общественности, одинаково консервативно переплескивается из страны в страну. Если балкарцы и их соседи, далекие им по крови кабардинцы, видят в Прометее седого, усталого старца, прикованного к соседней бледной вершине Эльбруса, то сванетский Прометей недалеко ушел, хотя и подвергся персидской обработке во вкусе Рустема, борющегося со злыми духами. Здесь означен коллективный дух киммерийцев, борющихся со скифами, дезорганизующими ряды киммерийцев, их попытки сплотиться в государственно-целое, следовательно, национальное.

Прометей и для античных народов — оберегатель национальных начал. Прометей борется за физическое материальное благоустройство нации. Грузины представляли себе Прометея в виде Амирана, крестника Христа, уносящего потихоньку от Бога огонь, для того, чтобы согреть окоченевших грузин, человечество вообще. Тут аллегория еще более ясна — вопрос, поставленный Прометеем, вопрос устроения, упорядочения коллективного быта людей на земле, постройка царств.

Если Эсхил приковывает Прометея к скалам Скифии, куда, как известно, стремились добоспоридские завоеватели Греции, то, видим, балкарцы и кабардинцы приковывают этого борца за их общественные пожелания рядышком, к глазетовой папахе Эльбруса. Аполлоний Родосский через двести лет после Эсхила в силу заинтересованности на этот раз непосредственным Кавказом переносит распятие Прометея из Скифии южной в горы Кавказа. Там, где живет устраивающий свою колонию грек, туда вслед за ним в сказочных сапогах и шествует миф.

Но тут и отпадает сходство античных народов с кавказцами; те и другие накапливают предварительные свои мифы, ионическое, что называется, сырье. Дальше вопрос развития, лежащий в самой культуре.

Если культура сильна, то, как видели мы, она строит гармонизированные, объединенные четкой темой игрища или представления, если же культура слаба, она костенит величавое предание и все, что его окружает и ему аккомпанирует: пляску, мимическую игру, хоровод, пение, общественные «сезонные» игры уборки, посева и прочего.

Нужды нет, что из долины Куры вышли северные народы Европы, из Азии театральные учителя ранних греков — этруски. Нужды нет, что на Кавказ финно-мадьярские племена принесли свои легенды сильногероического типа. Борьба без выроста, жизнь без истории, адаты без замены их живыми фактами — вот что стирает динамику игрищ и возможного театра, к которому так и не пришли кавказцы, десятки раз вводившие у себя (армяне, грузины) театр, театр, так и не принявшийся, не разросшийся. Психическая способность гармонизировать игры и чрез их посредство выказать общественные склонности и отклик на историческое прошлое рождается *в условиях времени, места и исторических свершений*.

Этруски дали некоторым народам Кавказа свой язык. Этруски в итальянской Этрурии дали также язык и больше сами окультурились. Наконец, в столкновении с греками дали им

трагические элементы великого театра. В трех различных условиях наблюдаем три различных эстетически-общественных последствия.

Миф об аргонавтах еще более настоятельно, чем миф о Прометее, повторяется на Кавказе, у греков и римлян, наконец, у средневековых италийцев и византийцев. Как же может двинуться миф в практические игры, применительно к необходимостям хозяйства или канонически-религиозным обоснованиям, когда не только время, как могучий отстойник образов, но и сама национальная зарубка (при всем внешнем фанатическом отстаивании нации) не вполне ясна?

Примером пусть послужат карачаевцы. Их народ зародился немногим более ста лет назад. При беседе с образованными карачаевцами выслушаете ряд версий. Они не отрицают туранской крови в себе. Другие видят в себе монголов, тамерланову осыпь горских бродяг, искателей приключений. Теперь карачаевцы считают себя наполовину славянами. Ясна их общность с балкарами, кумыками, ногайцами. Вместе с тем они убеждены, что в них остатки крестоносцев, кровь немецких рыцарей (Лоо и прочих).

Есть версия об испанском, французском их же происхождении. То же самое среди лезгин, лезгов древности. Не приходится говорить, что черкесы («черы-кыз» — ушедшие войска; турецкая версия) числят себя за многими национальными группами, тем более хевсуры, сохранившие в играх, обрядах и вооружении многое, по прямой линии, от действительных крестоносцев.

Наиболее чисто отграниченные в национальных формах народности, подобные армянам и грузинам, успели *в нации* создать взаимно уравновешивавшее общие и сложные интересы общество, которое плодило образы театрального порядка, игры и прочего.

А рядом великий сплав (но вечно колеблемый дебетами крови, видоизменениями, втягиванием новых народов) тюрок азербайджанской большой провинции не создал ничего, кроме кровавой мистерии муххарема, верней несколько видоизменил шиитско-персидские игры. О муххареме скажем в стороне.

Элевзин у греков — результат тщательной обработки эстетических сторон верования; игры мюридизма Чечни есть в значительной мере горский Элевзин, с его таинствами, посвящениями. Это не то, что общенародные «демократические» кровавые игрища Шахсей-Вахсея недели муххарема. Между муххаремликом и песнями геометрического образа, которые поются вступающими в бой чеченцами, лежит провал. Если бы мюридизм успел расцвести, то, на наш взгляд, характерный горско-восточный кавказский Элевзин был бы на лицо. Но мюридизму не дано ни времени, ни места. В наши дни он выродился, как выродились игрища осетин в «священных рощах» перед серебряным бараном и прочим.

Звездопоклонники, огнемолы, «парсы», гебры Закавказья сдавлены слишком мощными внушительными культурами, особливо в позднейшее время, когда мир получил вкус к играм более светского характера.

У Пушкина хорошо выражен примитивизм веры, построенный в математически-противополагающей форме, кристаллотомия вместо живого созидательного духа. В самом деле, вот в пушкинском стихотворении восточная молитва:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечем и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой.

А чеченские мюриды преемника Кази-Муллы, хорошего геометра в духе-Ибн-Рошта, запевали песню боя, сочиненную Шамилем:

Вы Актабы, вы Аудаты,
Вы Абдаллы, вы Асяды,
Помогите нам, помогите нам,
И заступитесь перед богом.

И еще песня в бою:

О Тахи, о Ясин,
О Хихим, о Тасын,
Мы несчастные рабы твои.

Что же это за песни, благословенные мюршудом, песни, вырезаемые на клинках дорогой стали, на плитках храмов, напеваемые монотонно в момент, когда кони пришпорены и русские солдаты из пушек палят в слабо вооруженных аллаховых воинов?..

«Актаб» — полюс, «аудат» — звено. Звенья и полюсы пусть помогут мюридам в борьбе, геометрическая символика заместо аттических полнокровных и ярких образов, вместо живых героев, «темнокудрых», «крутоикрых», вполне конкретных. Некогда создавать живое. Живой герой — скульптура. Звено в виде героя, полюс в виде защитника — это только черта, проведенная поспешной рукой воина и геометра в роштовском вкусе. Скульптуру создают народы счастливые, во времени и в фактах успевшие отстоять свою национальность, следовательно, образованное общество.

Когда арабы, будучи язычниками, сидели спокойно на отцовской земле, они имели статуи; языческий камень Каабы был элементом трехмерной скульптурной возможности. Как только арабы во имя новой веры сели на коней, на верблюдов, двинулись в бой, они почли греховным скульптору, они стали геометричны. Что, как не геометрика, учение о семидесяти Абдалли, аллаховых избранниках? Весь Коран, не подвергнутый скульптурной, то есть мирного порядка обработке, сработанный наспех в боях, — не реформация, как христианское евангелие, а в своем позднейшем завершении — бой с иными вероучениями; он есть геометрическая спешность. Двадцать девять глав Корана начинаются буквами, имеющими таинственное значение. Это те же умозрительные точки начатков геометрии, полюсы и звенья.

Немудрено, что чеченцы, постоянные всадники, воины, не имели времени, чтобы создать из своего своеобразного Элевзина скульптурно выявленное; они ограничились беглой геометрикой символических молитв. И танцы чеченцев более символичны, бедны, скупы, чем пляски народов с завершенным историческим циклом явлений в прошлом, чем, разумеем, осетин, грузин и армян — подавно.

Как ни грозен и отталкивающ арабо-ирано-тюркский муххарем, он носит на себе явные отпечатки скульптурности, выпуклости, рельефа, то есть обдуманности в течение долгого и сравнительно спокойного (исторически) времени. Этого нет в начатках воинских игрищ чеченцев, ингушей.

Уклонившись от примеров глубокой старины, мы сделали экскурс в ближайшее время только потому, чтобы показать, как откликаются в своих вынужденных, материально четко объяснимых играх разные народы, отмеченные разными же судьбами. Чеченцы для нас, таким образом, ближайший, потому и яснейший пример того, что делали в области игр, как организовывали общественную сторону развлечений их отдаленные предки и соседи их предков.

Теперь можем спокойней углубиться в прошлое, приводящее к современности нас более обогащенным материалом, освещающим то, что будут вскоре иметь кавказцы, национально раскрепощенные, получившие право не цензовиков, а рабочего, производящего общества.

Опираемся на обширные материалы античных писателей, среди множества вопросов заинтересовывавшихся также и сторонами общественных развлечений полудиких кавказцев. Западного человека прежде всего у кавказца удивляет живость его нескованной ритмики, его пластическая подвижность, его любовь к борьбе, к конским ристалищам, к метанию дротиков, его умеренность в пище, любовь к свободе, к быстроте перемещений, его кочевые склонности обожествлять солнце и коня, самое быстрое в видимом им мире светило и самое быстроногое животное.

Халибы, по описанию Ксенофонта, завиденные неприятелем в готовящемся бою, чтобы выказать презрение, пели и плясали. Греки дивились так и в таких условиях проявленному веселью. Тиварины в обществе смеются непрестанно, признавая «смех и веселье величайшим благом».

Диоскурцы, то есть, по-видимому, дагестанцы, отмечены древними писателями, как народ, лишенный любви к играм. А скифы, имевшие много сношений с зарубежными странами, имевшие своего Иданфирса, ходившего походом в Индию, отмечены, как народ, пластически одаренный, хотя и дикий.

Мы отмечали уже интерес к амазонкам. Амазонки Кавказа, по описанию антиков, доходили в своих кочевьях до Ионии, передавшей Аттике живые образы неустрашимых женщин.

Дион Хрисостом отмечает, что множество варваров-прикавказцев хлынуло в греческие колониальные города Черноморья и там сильно эллинизировались, стали выступать в греческих игрищах. Ионический «благородный» способ веселиться охватил многие селения на

Дону, Кубани, Азовского моря. Иверы и другие народы Кавказа пляшут перед жертвенниками Вакха, крича «Эвоэ, Вакх!». Они в кожаных передниках, как жрецы. Невры-кавказцы в честь Диониса водят хороводы под античными тирсами. Празднества в честь Артемиды известны в Армении и на Северном Кавказе. Здесь игры сопровождаются нескромностями, свойственными этому культу. Культ Анаиды (Анахит) армян — культ роз и веселья античного порядка.

Эсхил отмечает наиболее зрелищные города Крымо-Кавказа. Островной храм Ахилла полон хороводов и плясок. Ионические города, подобные Феодосии, полны игр, литературного сопровождения этих игр. В забытой повести Д.Л. Мордовцева (напечатана лет тридцать назад в приложении ростовской газеты), отмечен такой характерный скифо-эллинский город, где ставятся трагедии Эсхила, где изнеженные представители скифского народа «подскифливают» быт и сами становятся западниками. Роман этот «Ты победил», написанный небрежно, все ж изобличает серьезную подготовку Мордовцева, его любовное рассмотрение древнего Танаиса, Ростова то есть.

Многие греческие драматурги интересуются бытом авиев, скифов. Знаменитый певец-поэт Пиндар то и дело уподобляет различные вещи в быту греческом — кавказским вещам. Это делает и Овидий, и другие. Их интересуют игрища, общественная их сторона. Анакреон восклицает:

Ну, друзья, не будем больше,
С таким шумом и ораньем
Подражать попойке скифской...

Образованнейшие писатели Греции иногда путали: изображая игры в Тавриде, Софокл показывает вместо таврянок гречанок. Софокл, изображая игры, путает тут же Кавказ... с Аравией; Аристофан, как острый и наблюдательный фельетонист античности, более точен: он рассказывает о скифских рабынях в Греции; его интересуют досуги афинских полицейских стражей, набираемых обычно из пленных скифов. В его комедиях часто веселится кавказец, уморительно коверкающий греческий язык. «Стрелки» и «рабы» вообще во время Аристофана приравнивались, уподоблялись скифам, из которых получались те и другие. В греческих театрах становятся модными «скифики», скифская обувь; потом в обиход костюмировки входят скифские шерстяные плащи, плащи из шкур.

Демосфен, любивший не только ораторское искусство, но и театр с интересом следит за играми кавказцев; по матери Демосфен был скифом. Аристотель очень заинтересовывается агафирсами, так как хочет на кавказских примерах обосновать новые законы театра. Почему, в самом деле, агафирсы *поют* законы? Не потому ли, догадывается Аристотель, что до изобретения письменности законы вообще повсюду наподобие кавказцев пели, чтобы их не забыть.

Свою культурную зрелость греки определяют по тому, чем заняты кавказцы — много столетий назад греки сами были им подобны, в этом греки убеждены.

Аристотель отмечает, что народные ораторы, мимисты охотней всего проводят время с приезжающими с Кавказа; у них они учатся пляскам, манере петь. Кавказские фокусники очень ценятся в Аттике. Скиф Анахарсид объясняет, почему ряд развлечений отсутствует в Прикавказье: «Где нет вина, нет и флейт, — нет потому и пляшущих флейтистов».

В Таврополе и на Кавказском берегу много рощ, где предаются неустанным плясам и хороводам. В пышных мистериях участвуют только женщины — отзвук таврического матриархата. В рощах гепербореи, посвятив себя Аполлону, предаются плясу и песням. Целые города кавказцы посвящают имени Аполлона. Кварталами селятся музыканты на кифаре, кифаристы. Кифаристы постоянно проводят время у храма, воспевая «светлого» языческого бога, привлекая пилигримов не только с Кавказа, но и множество с греческих островов.

Скифы и кавказцы посмеивались над преувеличенной любовью огреченных прибрежных жителей к музыке: «Наши боги понимают человеческий язык, а у эллинов, полагающих, что их язык развит лучше нашего, мало слов к богам и потому они дудят в дудки». Так говорил Анахарсид. Иданфирс клялся, что ему приятней слушать ржание коня, чем игру на флейте знаменитого Исминия. А рядом разрастаются колонии прикавказцев, посвященных в мирный рост культурной общественности, ценящих красоту игр, плясов, сказаний.

Пятиструнник античности изобретен на Кавказе. Аримаспы, меланхлены сами изобретают примитивы музыкальных орудий, дуют в кости коршунов и орлов. Они распевают пэаны в храмах Аполлона. Клавдий Эллиан описывает тучи лебедей, слетающихся на музыку гиппер-

бореев. Кифаристы играют, а лебеди затягивают им в тон. Пернатые хоревты, таким образом, воспевают с людьми высшую силу.

«Песни Ахилла», игры в его честь в большом ходу на Мэотийском болоте, на Азовском море. Тут тоже птицы участвуют в играх и большими крыльями овевают рощу, сообщая ей прохладу.

Апостол Матвей, лицо легендарное, в позднейших сочинениях византийцев хвалит кавказцев за то, что они мало пропитались вкусом к общественным играм греков. Апостол, однако, не сообщает, что кавказцы все же охотно посещают «диавольские» упражнения греков и римлян, гладиаторские схватки и сами выступают гладиаторами, профессионалистами цирков.

Приск Панийский в посольстве к гуннскому царю Атилле видит представления пышного вида, как через столетия Клавихо при дворе Тамерлана. Гунны зажгли факелы, поют, выступая парами, а потом, «поврежденный разумом скиф», то есть шут, откалывает разные штуки перед царем.[3]

Фамирид-Кифаред, воспетый нашим Анненским — «незаконнорожденный» от брака нимфы, родившей от красавца Филамона на Кавказе несравненного музыканта, со временем состязавшегося с музами. Стисихор, составивший гимны в честь Елены, прозрел, так как до того, «до мужественного подвига» был слеп.

Анахарсид противопоставлял роскоши и искусству стрелы и лук. У кого богатства — у того враги, у кого оружие — тот свободен. На воспевании и лелеянии оружия и строились игры прикавказцев и кавказцев. В схолиях к «Илиаде» недаром «скиф, конское ржание, поставивший выше лучшей музыки, порицается за свое варварское суждение».

Вергилий описывает игрища на Азовском море: зажигают смоленные бочки, дубы и вязы и, заменив вино кумысом, предаются веселью. Овидий, однако, мало ценит игры кавказцев и плачется, что его труды будут забыты, так как они написаны среди народов, непосвященных в искусство и прелесть стихосложения. Да и какое развлечение возможно у народов, которые, по слову Овидия, имеют хлебопашцев, одной рукой пашущих, а другой держащихся за оружие. Это напоминает нам недавнее состояние северо-кавказцев до февральской революции, когда натравливаемые народы только и знали, что и нападать друг на друга.

Изредка усмотрит в голой степи Овидий то, что легло и дальше, на юго-восток — пастуха в шлеме на голове, играющего на тростинках, скрепленных смолой.

Но ряд путешественников, поэтов, побывавших на берегах прикавказья, отмечает, что жители этих берегов любят величавость и подвижность, а «разноцветная Иверия» идет в бои с волосами, умащенными ароматами, так же, как и микеи. Плиний пленяется видом гиппербореев, пресытившихся жизнью и потому после разгула, песен, зрелищ, испытывая тоску старчества, бросающихся со скал в море. Плиний, по своему положению, разумеется, мог и хотел наблюдать только аристократическую касту гиппербореев, народов, так названных.

В противность лицемеру, скрывшемуся за именем апостола Матвея, другой христианин, создатель постно-суровой патристики, Тертуллиан, возмущается играми кавказцев, их неприкрываемой любовью, свершаемой под наглядным знаком выставленного колчана на ярме. Простые зрелища и обычаи народов побережья возмущают Тертуллиана; он возмущен и пьесами античных писателей, изображавших местности, где «ничего, кроме дикости, не пылает, той дикости, которая дала сценам пьесы о жертвоприношениях, о любви колхов, о кавказских распятиях». «Отца» Климента тоже отталкивают игры кавказце. Он не видит в них христианского духа.

Много ли потеряли от осуждения этих отцов кавказцы — судить трудно. Отцы не взяли в расчет, впрочем, как многие писатели того времени, общественного развития кавказцев, ведших непрестанные кочевые войны и сообразно с этим предварявших в своих играх и мистериях — актабы и аудаты, сжатые и суровые символы наших имамистов недавнего времени.

Пожалуй, что и в быстро охристианивавшейся Европе пленные иверы, армяне, вообще кавказцы не могли видеть особого благообразия. Проповедь христианства была результатом политической борьбы в гораздо большем размере, чем борьбы морального толка. Аврелианы, запрягавшие свои колесницы кавказскими сильными оленями с тем, чтобы на Капитолии зарезать в честь Юпитера кавказских животных и, кстати, предать казни кавказцев-людей, мало могли расположить кавказцев к своей слишком «сложной» культуре. Пленные кавказцы сотнями гинут на песке арен: ни язычники Рима, ни христиане об этом не очень то жалеют.

Пестра картина Кавказа перед европейцем. Запад Грузии полон изнеженных празднеств. Вакху тут поклоняются изнеженно и мягко, без азиатской суровости. Триетические оргии Закавказья интересны настолько, что их охотно и подробно описывает Марцеллин. Ама-

зонки под звуки свирели упражняются в гимнастических приемах. Фокусники при Митридате пленяют европейцев.

Не будем здесь приводить примеры прошлого. И на этих образцах уясняем, что кавказские местности, обреченные кочевому оборончеству в силу колонизации более мощными народами либо растворялись в культуре (и всем производном) победителей, либо отодвигались и дичали. Часть скифов, подобных мудрецу Анахарсиду, принимает греческий облик, за что Анахарсида, например, казнят. Часть скифов замыкается в ветшающей скорлупе «адатов» того времени и гибнет. Национальные взаимоотношения покоятся только на греко-римском пиратстве, захвате, арматорстве полуразбойного вида; колонии живут вполне эгоистической самодержавной жизнью. Они не хотят знать соседей. Только экзотических склонностей поэты и географы кое-как заинтересовываются соседями «на диком берегу».

Мы видали также, что образованные мастера трагедии путают, плохо разбираются в том, что дала им полузавоеванная страна Кавказ, и только газетного темперамента, да точных вкусов Аристофан правильно обрисовывает кавказцев и прикавказцев. Видали мы и то, что в сравнительно благополучных, богатых плодами земными и мало воюющих странах, подобных Иверии, растут культовые игрища, хороводы, мистерии, обрядности не поспешного, не мистически-геометрического оформления (как у бедняков, обобранных чеченцев, лишенных земли, хлеба), а оскульптуренные, так сказать, игры.

Поставив себе целью и в иных областях выяснить разницу в общественных сторонах жизни разных народов Кавказа, мы неизменно и в храмостроении, в строении башен для обороны да могильников, в ковроткании, в различных декоративных искусствах вынуждены были б подчеркнуть то, что кочевые элементы создавали один строй вкуса, оседлые — другой строй. На нескольких фактах, изложенных ниже, увидим еще и то, что кочевники диктовали кавказским горам, даже наименее доступным, свои вкусы.

Не нов спор о том, откуда появилось большинство кавказских народов. И только в наши дни с особой силой отбрасывается ряд заблуждений. Пред нами предстает в исключительном свете история огромных кочевий, от Гибралтара до Дона, от якутских приомороженных тундр до османской речки Чороха и до Аравии.

На кочевых элементах игрищ открываются нам новые стороны, как и на элементах языка, культа и прочего. Возможно, что скоро проведена будет ясная соединительная линия между шаманствующими процессиями дальне-северных тюрок и исступлениями недели муххарема в Азербайджане.

Мы видели, как кочевые алтайцы, туранцы занесли китайско-яванский световой театр на Кавказ, в Турцию, в Аравию. В другом месте, если б мы могли отдаться разбору декоративной, начертательной, письменной связанности народов, мы смогли бы отметить немало кочевых элементов — переноса, скажем, типически китайских кудрявых облачков на плащаницы киевских храмов, с одной стороны, и на ковры персидских ханов, с другой. Мы могли б увидеть на софиевских храмовых фресках киевского собора скифские профили, деревья, как их исполняли персидские миниатюристы. До сих пор для нас не убедителен ни Кондаков, ни Толстой, разбиравшиеся в византийских привношениях в этих фресках. Лично мы увидим в харб-и-Хуссейне повторение плащаниц, средневековых мистериальных бутафорских гробов господних, а в пожаре Кербалая (Кербалай-пустыня имамова) — наследие огнепоклончества. В одном игрище мистерии, таким образом, явны европейские представления в смеси с персидскими. Можно было бы и дальше расчленять. Ударам копья на христовом боку, следам гвоздей на его конечностях соответствуют гримированные красками раны на белой шерсти любимого скакуна «святого» имама, шиитского полководца.

Здесь нужно различать кочевые влияния *самого* искусства непосредственно и влияния кочевых народных масс, приносящих свое искусство. Пармские отпечатки тамерланова кочевого искусства могли быть заносными, так как итальянцы работали при Тимур-Аксаке. Наоборот, строения всего Северного Кавказа — безусловно результат влияния шатрового быта кочевников Кавказа; даже «палатки» московских зданий средневековья есть, на наш взгляд, «оптовый» результат воздействия кочевников-кавказцев.

Но остановимся исключительно на игрищах, не касаясь материалов иного свойства, хотя бы и наводящих на размышления о массовом кочевом воздействии народов Кавказа и Прикавказья друг на друга.

Китайцы-инженеры, приглашаемые иранскими владыками в Персию, идущие через Итиль-Волгу, индусы Индии, строящие в нижне-плесских волжских городах свои кварталы, не могли, понятно, не воздействовать на игрища кавказцев, через земли которых проходили.

Самообразование смешанных, впоследствии одичавших, оторванных от культуры народностей говорит о том, что когда-то над горами скрестились многие культуры, возможно, друг друга исключавшие.

Греки прискифской межи одичали, по слову летописцев античности, настолько, что не знали, «что такое» Гомер, эта библия антиков. Они пили кумыс, снабжали себя трофеями в виде мумизированных голов врагов, насыпали курганы, словом, стали кочевниками древнего образца. Наряду с ними в горах более счастливо обосновавшиеся колонизаторы дали большую по тем временам, культуру своим соседям, небольшим народцам, которые, в силу своей дробности, культуры и не удержали.

Начнем с прохождения Тамерлана через Кавказ. Его бродяжничества из Средней Азии в глубь Руси, его завоевания в местностях европейской цивилизации, его манера повсюду запасаться не только предметами искусства, что означало простой грабеж, но и искусниками, что означало предварительное накопление культуры в условиях боевой эпохи — все это говорит о том, что кочевые элементы игрищ обильно пересаживались с места на место. В них мы ловим, понятно, боевые необходимости, не оседлые.

Кого только нет в стане Тимура! Испанцы, левантинцы, арабы, негры, индусы, славяне, албанцы, итальянцы, немцы. Известны записки испанского посла и немецкого студента, побывавших в гостях у Тамерлана.

Вот краткие любопытные данные о кочевых и фронтальных сторонах декоративной зрелищности, о диковинных палатках, где одна палатка вмещала до четырех тысяч зрителей, где окна, двери, «воздуха» — все было насквозь, так сказать, театрализовано.

Переносные кожаные фонтаны, бьющие золотыми яблоками, шесты комедиантов, бочки, покрытые нефтью и горящие в иллюминационные вечера, вечера ратоборств; слоны, крашенные в разные цвета и идущие на бой друг с другом. Мимы и гримасники выступают за боевыми слонами, украшенными театрального свойства палатками. Натянув иранские и индусские дивные платы, кашемировые шали, которые через несколько веков играют такую ж роль в мистериях мусульман, актеры и конюхи тамерланова театра-цирка проводят на пологе этих шалей пятнистых,— диковинных в этих местах, жирафов. Знамена на слонах, раскраска самих слонов говорят о высоком вкусе, если не к колориту в европейском духе, то к цветистости. Кавказцы часто пред тем раскрашивались в голубые тона, подобно аримаспам, дети кавказцев окрашиваются и покрываются узорами, как теперь мебель и вышивки осетин или кази-кумухское лезвие кинжала. И все это вводится в игрища.

Люди, сидящие наверху, на слонах, «заставляют их делать представления перед народом», — пишет Клавихо, посол короля кастильского. Здесь несомненное веяние пышно-процессиальной Индии. Показываются укротители диких зверей; борются великаны. Здесь же на представлениях расставлены виселицы, и неловких зрителей да плутоватых купцов вешают, а других щедро одаряют, если они понравились владыке.

Эта игры в полной мере прорепетированы. Сама их обстановка говорит о театральной нарочитости, искусственности. Здесь веяние ряда культур с их кастово-необходимыми игрищами. Это княжьи развлеченья. «Черный народ» играет в них не столько роль свободного зрителя, сколько статистов, лиц, минутами очень страдательных.

При дворе монголо-тюркского князя Арсинги, данника Тамерлана, видим то же самое. А непосредственно в горах, где меньше власти и больше самого народа, как он есть, там другие лица, вроде Олеария, Марко Поло; впоследствии, через века, французский романист Дюма, наш дербентский изгнанник, декабрист Бестужев-Марлинский видят игрища, основанные на интересах к земле, к пахоте к уборке винограда.

Пиршества, как на незабываемых клеенках грузинского художника Пиросманашвили, тут основа, как и общинные танцы. В пиршестве обязаны принять участие все мужчины сечения. В танцах все, кто обладает ногами. Танцы — обязанность, а не искусничество. В этой обязанности ловим отклики времен танцев в ограде ахиллова храма, храма апполонова, то есть то, о чем за добрую тысячу лет назад писали перед тамерлановым временем античные бродяги греко-беспорской и общекавказской межи.

Олеарий плохо разбирается в национальных группировках кавказцев, увы, так же, как и наш Лермонтов. Лермонтов никогда не жил среди черкесов, но охотно называет карачаевцев и их соседей именно черкесами. Не грамотности не хватало великому поэту, а внимания. Внимание есть результат зачастую неличного, а необходимо-исторического отношения. Примитив далекой эпохи средневекового Олеария и примитив царского наивного грабительства и империализма настраивали подневольно и «вольных» писателей, наблюдателей.

Олеарий, например, проехав и пройдя путь от Астрахани через весь Кавказ в Персию, не видит никого, кроме «татар», «черкизов», «персов». У князя Мусаллы Олеарий посещает театр, где крутят ручку немецкого музыкального ящика, регала. Кавказцы и русские музыканты, по преимуществу трубачи, увеселяют путешественника.

Привет-стрельба, каменными ядрами, потом представление среди парчи и ковров. Олеарий равнодушен к игрищам. Он описывает еще и «восточных индийцев» и их игры. Индийцы в Астрахани — это оставляем на совести Олеария, хотя задолго до того, как мы отмечали, индусы кварталами действительно занимали нижне-волжские города. В Шемахе, в Дербенте Олеария преследует лживая пластика тел и много музыки. Проводники местных султанов в задербентьи, «мехамандеры», забавляют гостя и европейской музыкой.

В длинных залах, «построенных только из глины», танцуют горцы. Олеарий не задумывается над преемственностью игр, над их выразительным выявлением общественности горцев. Впрочем, он отдает внимание свадебным обрядам татар, их стрельбищам, в чем он ловит кочевые отзвуки их прошлого. Князья и шамхалы, ханы и мехамандеры заинтересованы и искусством немецких музыкантов. Что касается женщин, они были довольно свободны и, хотя не участвовали в играх, однако «нахально ходили» за гостями, мыли им головы, ощупывали их одежды, приглашали к себе в жилища.

Олеарий находит, что это женщины, продолжающие явно род амазонок.

По-видимому, эти женщины являлись в лагерь путешественников не в аулах, а больших городах, где стерты семейные «адаты», где разврат — есть результат рынка, спроса.

Эстетически невзыскательный Олеарий отмечает, таким образом, хотя б в общих чертах: любовь кавказцев к пластике, к песне, любовь к декоративности, общинность в играх, обязательность танцев и попоек, во всем этом ловим отзвуки того, что нам задолго до Олеария рассказывали римляне и греки.

Нужно ли говорить, что Октябрьская революция дала кавказцам то, чего в течение тысяч лет они не имели в такой чеканной, завершенной форме: *театр* сюжетный, литературный.

В поездках «на места», в письменных общениях собираем сведения о впервые безусловно зарождающемся подлинном театре у карачаевцев, кабардинцев (Тау-Султан Шеретлоков), черкесов Адыгэ (Сефер Бей Ои-юхов), балкарцев, кумыков, чеченцев, аварцев (Маллачиханов).

Осетины до того, как и тюрки Азербайджана, как армяне и грузины, театр имеют, однако, находящийся в таких буржуазных рогатках, словно казано-татарский театр, обладающий издавна такими перворазрядными драматургами, как Гаяз Исхаков, Усманов, Сайфи, или крымско-татарский театр, обладающий силами вроде Акчокралы, У. Болатукова, Чергеева, Меинова, Озенбашлы.

Общая связность всех этих театров, их близость к османскому крепнущему театру, к первым шагам арабского (египетского) театра вне сомнений, хотя не прослежена ни на Востоке, ни в Европе. Эту работу пытаемся, как можем, сделать в своем основном труде «Зрелища Кавказа, Крыма, Казанской Татарии и Персии». Недаром на юбилее казанского театра первый в мире чеченец-пилот летает над театром, бросая слова, дорогие уму и цветистому воображению всякого горца, всякого тюрка, «татарина»: «Отсюда путь, по клинку театра, в тело мира». Недаром карачаевская депутация из-под Кавказских Минеральных Вод, из-под Эльбруса приходит на юбилей молодого Крымского театра в Симферополь.

У нас записаны названия и сюжеты многих десятков кавказских пьес, рожденных революцией, не приводим выдержек из писем, написанных непосредственно пореволюционными авторами. Театр уже вне нашей темы, так как он вне игр как непроизвольного общественного явления.

Театр — произволен. Театр — литература. Театр — результат особых общественных усилий на определенных национальных вершинах. Театром замыкается «цикл цивилизации».

Нам же предстоит, заканчивая беглые страницы этой поневоле очень сжатой книжки, без сомнения, сквозящей многими провалами и неточностями, дать беглые материалы об игрищах современных кавказцев.

Что входит в эти игрища, какие элементы? Пластика, движение, ритм кинетического и музыкального свойства, сама музыка, песня, хор, словесная импровизация, стихотворство, шутка, клоунада, маскарад.

Пластика кавказца, как и музыка и как родивший то и другое ритм, в зависимости от кочевых элементов, лежащих в психике кавказца. У некоторых народов, например, осетин, кочевые склонности невелики; у чеченцев, ингушей — большие. Еще больше у ногайцев, туркмен Прикумья, караногайцев, кабардинцев, балкарцев, лаков, дидойцев и прочих. Не удивительно ли, что наиболее культурный и исторический народ, как тюрки Азербайджана, наиболее и сохранил кочевые склонности в играх? Это так! Это говорит только о том, *как* стабилизованные *формы кочевий* (скульптура как знак оседлости, упрощенный рисунок ковра, паласа, палетки, шейного плата верблюда — как знак перспективы в плоскости, кочевых, следовательно, необходимостей) *переходят в оседлый быт* и держатся в них, как кожаная палатка стремится и в камне сохранить свои формы.

Пластика горца диктуется и теперь его жильем. Жилье — ровные стены без мебели. Утварь на полках, сработанных вместе с домом; несъемные полки. Постель прячется в плоскую нишу. Когда собираются гости, сидят фронтами у стен. Когда выходят за саклю к танцам, танцуют, обращаясь к четырем стенам окружающих зрителей, которые должны все видать в этих общественных танцах.

Альф-Араби пытался ввести греческую музыку повсеместно на Востоке, но потерпел неудачу. Греческая музыка скульптурна. А послушайте музыку, основанную на арабском монохорде, эти геометрические расстановки интервалов, чистоту незамысловатых терций. Магаммы арабов, мухамматы персов властвуют над кавказцем. Хромовые переливы авазата так стильно сливаются в древнем Дербенте с горельефами уплощенных каменных волков и львов на стенах Александра. Излюбленный раст, играемый и танцуемый, почти неподвижен. Это нечто, лишенное темы, сюжета. Почти слитны звуки коммы. Мотивы «испагана», «регави», «гиджаса» отражены в любом плясе кавказца, хотя и занесены из-за персидского залива, из Аравистана. Нотописание и теперь у многих народов Кавказа грех, как недавно «вещими снами» черкесских пророков была запрещена у черкесов... письменность вообще.

Попытки Тиграновых и многих других записать кавказскую музыку не доведены до образцового конца. «Дястгаи» охватывают мелодическим содержанием уклад закавказской эстетической жизни, однако, они не переданы до конца и передача не верна. О песнях шамилевых мюридов мы говорили в другом месте; отметим здесь только, что это тог же закон, «который поют, чтобы не забывать», как справедливо замечал древний писатель. Чтобы более выразительно отметить разницу между песней и ритмом танца кавказца и оседлого европейца, можно было бы дать перечень музыкальных инструментов тех и других. Скажем кратко: рассматривая на Кавказе инструменты, начинал от чанги, пандуры (не украинская ли бандура отсюда?), каныр-кобуза, ятаги, пишны и пр., сличая, переходим затем к музейным экспонатам, завезенным из Сиама, Индии, Китая. Видим: Ассирия целиком отражена и по этот день в танцах, играх, песнях закавказцев. Отброшены только необходимости, детали танцев, игр и песен завоевательного, великодержавного порядка. Они все не могут быть близки айсорам, как воинственная пляска, скажем, парфян их же потомкам — армянам.

Пережитки религиозного языческого прошлого звучат и в пифагорейских восклицаниях грузинских песен вроде «Мзе Шина», «Иав-Нана». «Я — солнце» — вот горделивая клятва, уложенная в песню грузина. Растянутые солнца на кинжальных ручках, солнце на мебели, в помеси с языческими «михрабами», «бацла-сурат» (луна) кубачинцев — говорят о том же далеком прошлом и ином, декоративном, оттенке.

И в танце наличны пережитки. Мелкость движений женщины соответствует резким движениям мужчин у народов воинственного недавнего прошлого. Танцы армян-мужчин гораздо мельче, миролюбивей, сдержанней, чем танцы ингуша, летающего орлом, взмахивающего подвернутыми широкими краями рукавов. Гаремное положение женщины также откликнулось в танце. Женщина не столько танцует, сколько показательно танцует. Она страшится развернуть ширь танца. Даже у народов, не знавших гаремов, женщина подчиняется гаремной затворнической эстетике, скованности. У даг-джугутов, поселившихся в горах во времена древнего царя Саргона-Салманасара, женщина вполне гарема в танце, в песне, хотя гарема почти не знала. Это потому, что женщина — военный приз и должна держаться пугливо.

Фигуры современных танцев так же, как и старые, возникают из хороводного начала. Хороводный круг — смятый четырехугольник сакли, начало горельефное и религиозное. От-

сюда все танцы. Круги, соло — попытка приблизиться к кочевому идеалу, как бы окаймить своим танцем, равно бы рисунком, невидимые стены палатки, расшить стежками пляса туркменскую дорожку на шерстяном круглом пологе. Танцуют в народе и для народа.

Отрыв от танца ведет к ритмическим движениям, самоистязующихся в честь имама Хуссейна, к полутанцам армян в день Анахид, мимическим игрищам аджарцев. Очень тонкая игра ногой, рукой, мелочь движений иранизированных племен, кавказцев — результат далекой индусской обработки, где каждое движение пальца — *слово* на языке храмовой веры.

Огрубевшие жесты индусов, баядерок сохранились в искаженной форме у персов и тюрок. Их немного очень у лезгин, создавших характерную пляску умыкающего вершего, конного джигита-налетчика. Лезгинка — явный пережиток кочевых обрядов, общественная иллюстрация к практическим бытовым делам далекого прошлого. Да и недавнее прошлое было в горах все еще таковым, что подобные плясы — сокольская гимнастика, маленькая реальная репетиция к предстоящим наездническим делам.

Обрядовые плясы горцев-кавказцев стоят того, чтобы на них остановиться. К сожалению, за недостатком места мы не можем привести их в параллель, кажущуюся нам необходимой — в параллель с рисунками могильников, формами погребений и прочих. Похоронные обрядовые оплакивания по материалу очень близки к обрядам свадебных плясов, те же жесты, только приведенные в минорный лад. Между жестами вертящихся закавказских дервишей и жестами суннитов, между движениями вакхантов Кербелла и движениями северных и восточных племен Северного Кавказа не лежит большая пропасть. Их разделяет религия, но не полнота всей истории.

Оттого в обрядах домашнего свойства народы Востока, Кавказа в том числе, близки друг к другу. Нагорные народы повсюду танцуют и поют иначе, чем долинные. Даже кровная связь братьев кабардинцев и черкесов Шапсугетии их мало роднит в этих смыслах. Наряду с этим вера меньше разделяет: аджарцы и грузины братья, как и осетины же христиане и мусульмане, но они живут в сродных условиях и общественные игры их, за малыми исключениями, тоже сродны. Это относится, впрочем, главным образом, к осетинам, слишком мало интересующимся своими религиями.

Не будем перечислять множества танцев. Отрыв от фронтальности ведет, естественно, к многим фигурам танцев. Оттого народы не типически горские, живущие не замкнуто и не в обороне, имеют много танцев, а горцы — мало. От периметра стен сакли не оторвешься — не оторвешься, значит, и многофигурного танца не создашь.

Линейные очертания рук, а не орнамет руки и пальцев — основа кочевого и горского танца. Танец оседлых кавказцев (долинных тоже) ищет орнамента руки и ноги, ищет мимики.

Переходные танцы от однообразия горско-кочевой «наурской», «лезгинки» — это танцы, тюркского оформления вроде «узундары», «таракамя», «энзели». Иное дело танцы грузин. В них спокойная и мишурная отделка: «шалахо», «кинтоури», «Нико-Нико Разбойнико». Последние два танца не без прямого влияния больших городов.

У армян интересней всего рассмотреть разницу в танцах.

Под влиянием османов танцы приобретают у армян воинственность вроде «зейтунского» пляса, а «шушаник», национальный танец, робко-мелкостен, потуплен, «казбек» эклектичен и имеет желание охватить все кавказские характерности танца.

Нужно сказать притом, что карабахские армяне — лучшие танцоры Кавказа.

Из «Молитвы Шамиля», известного танца, в 1923 году черкесы нарождают первую сложную мимодраму. У нас есть ряд фотоснимков, точно говорящих о том, как танец, как общинная, плановая необходимость, разрастается в произвольно-театральную форму и становится тематическим театром.

Если бы у Грузии не было своей письменности, без сомнения полу-апашский «кинтоури» родил бы своеобразную мимодраму, потом, возможно, пьесу со словами из быта городских людей. Известный дагестанский поэт Шуаиб Отевишев предполагает, как говорят, проработать именно народные плясы мимодрамы. Это, впрочем, в известной мере делает и кабардинский драматург Тау Султан Шеретлоков, вводящий обилие танцев в пьесы, растворяющий обрядовые стороны в темах своих полутрагедий.

Карачаевцы также начинают отход к театру от растворения пластики пережиточных форм в темах дня. Написаны первые две-три пьесы. Они ориентированы на пляс, на предание, на общинные игрища. Четверостишия в объяснении любви, построенные по Шах-Намэ, преломляются теперь не чрез книжный арабизм, а через факты дня, зачастую революционного

дня. «Инары», четверостишия, формируют и новые игрища и, заодно, первые шаги карачаевского театра. Каспот Вагиров и Аппа Калаев — два певца карачаевского народа, импровизаторы старого образца; однако, они от рапсодий больше отходят к фельетону. Их песни полны характеристик. Их «сражения» друг с другом полны ядовитых метафор и сарказмов. Если законодателями игр до сих пор были кабардинцы и отчасти осетины, то карачаевцы и все их тюрко-иранские родичи теперь начинают глубже заниматься своим фольклором, утверждают «самобытность».

У ногайцев, туркмен танец и песня изображают, главным образом, народные страдания и личную любовь. У туркмен больше воспоминаний героического содержания. Заунывная музыка, полная плаксивых модуляций, не дает недавним кочевникам материала к развитым формам, к возможному театру: это обращает их к черкесам, к кабардинцам, на Каспии — к театрам Азербайджана. Там они найдут и новые вольные игры, и театр. Тяжелое прошлое народов отражено в играх. «Джуюсхан», господин, наличен в плясах и песнях многих народов. Но нет господина в играх в честь дагестанского нашего «Октября».

Наиболее для нас интересны общеродственные празднества и игры на них *во время уборки урожая*. Телеги и арбы, украшенные цветами, музыканты, мимы, плясуны. Женщины играют на гармониках. На горских инструментах играют, главным образом, мужчины. Есть среди них знаменитости, одариваемые барантой, конями, серебром. Они в общинных играх незаменимы. Во время общинных игр большое оживление вносит у ряда народов «теке» (Карачай) и пр.: остроумец, памфлетист, сочинитель экспромтов. «Теке» закрывает лицо домодельной маской. Он поощряет веселье после танцев, следит за тем, чтобы энергия музыкантов не угасала. Лицо под маской не всякий знает. «Теке» — вождь веселья, хорег. Он каждому указывает его место, обязанности. «Теке» не считается и с возрастом, что в обычное время, по горским приличиям, почиталось бы преступлением. Он вводит чудаческую дель-азартную суматоху, расталкивает народ, подмигивает из-под маски, говорит долгие, смешные речи, на что «теке» большой мастер. (Маска в ходу у многих лезгинских племен на свадьбах).

Работа на кошах, на уборке урожая, подле скотины тяжела. Роль «теке» и всех празднеств, им проводимая, вообще вознаградить работников, окрылить. «Теке» имеет и палку в руках. Он бьет ею шутя нерадивых на работах, длящихся от солнца и до солнца. Трудовая дисциплина «теке» поддерживается неукоснительно. Когда народ на поле пристанет, «теке» запевает веселого, бойкого ритма песенку. В кошевых коммунах «аксакал» (белобородый) или «теке» —деспотические вожди, вооруженные весельем.

Общинный дух в игрищах черкесов пленял когда-то устроителей игр при боярских русских дворах. Попятно, вольнолюбивый дух не мог быть передан холопскому вкусу московских придворных. Кабардино-черкесские, адыгейские игры славились по всему Северному Кавказу. Надо сказать, что Осетия и Кабарда вообще время от времени заменяли друг друга — в воздействие на общественные стороны общекавказского быта. Кабарда и Осетия законодательствовали и в играх. Кабарда при этом по своему географическому положению влияла на соседей более длительно. Если Осетия передала вкус к орнаменту, к отделке утвари, к пережиточным бронзово-эпохальным, так называемым кобаньским поделкам в обрядовом рисунке, возводящем нас к доскифскому и доалланскому ногтевому орнаменту, то Кабарда более общественна и потому ярче отпечатлевается не в вышивках, а в общинных играх, не в прядеве, золотошвейничестве, резьбе по кости и дереву, а в сельскохозяйственных аллегорических празднествах и прочих. Тут снова отметим довольно резкую черту, отделяющую горцев от жителей долин. Ближайшие соседи долинных кабардинцев, балкарцы, имеют менее широко развитые обычаи; формы их игрищ выражены куда скупей.

Кабардинские игрища на «Прибытии Пахарей» (Вако Кидахажь) знакомы и кубанским, и черноморским сородичам-черкесам, бжедухам, шапсугам и прочим. Супряга в работе параллельна сообществу в веселии. Мы знаем, что большинство труднейших земельных работ, пахота и другое производится у черкесов и кабардинцев сообща. Работа идет всем кошем. Кошем же воспевают и радости урожая, изобилие хлеба, песни следуют за песнями.

С поля пахари возвращаются в родной аул; не въезжая, останавливают арбы, покрытые пестрыми ленточками, буйволов, изукрашенных с восточной заботливостью. Тут-то и открываются игрища «Вако Кидахажь». Как и у карачаевцев, тут есть гистрион, свой, так

сказать, конферансье, он и героический актер, и веселый юморист-потешатель. Есть рядом с ним, с тамадой, и следователь, и обвинитель, и строгий судья; стража оберегает знамя коша и судью.

Аул оповещается о том, что начинаются недельные празднества. Любопытно отметить, что кочевые элементы явно отпечатлелись в празднествах адыгейцев. Стоит только внимательно сопоставить то, что видим у адыгейцев в наши дни, и то, что нам сообщил Клавихо, испанец, об игрищах при дворе Тимур-Аксака, Тамерлана, чтобы поразиться многими общими чертами. Так, например, общее веселье с судилищем. От шутовских выходок тамады—до неумолимости прокурора.

Тамерлан давал зрелища синих и красных, окрашенных кавказскими красителями, слонов, приведенных на дорогу к будущей Темир-Хан-Шуре из Индии; тут же, вслед за примерным боем слонов, за паясничаньем клоунов, борьбой на поясах, потешными огнями — развешивал он на столбах, для того врытых, мошенников, торговцев, воров и прочих. У кабардинцев и черкесов то же самое, понятно, ослабленное новейшими мягкими временами. С одной стороны — шутки, а с другой — суд, по которому виновного можно уложить и в яму с грязью, под острые зубья бороны.

Собрались старики с аула. Кош пахарей окружается глубокой бороздой, проводимой плугом. Через борозду без разрешения тамады никто не переступит. Тамада сидит в своей палатке, пережитке кочевничеств, над ним развевается знамя, его оберегает почетная стража. После, в игрищах, наиболее ловкие землеробы пытаются похитить знамя, как оно похищено — и празднествам конец. Потому-то палатку окружают зоркие и искусные в беге юноши. Они не легко дадут вырвать у них знамя.

Начинается пиршество. За счет пахарей готовятся горы яств, причем аульские бедняки невозбранно угощаются. Кто из хлеборобов позажиточней и дает средства на то, чтобы прикупить пищи. Едят до отвалу. Звучит самодельная флейта, заменившая песню.

Тамада следит, чтобы все условия «Вако Кидахажь» соблюдались. Никто не может перейти плужную борозду, тем более драться, обижать кого-либо в коше веселящихся или украсть что-либо. Провинившегося, как сказано, ждёт яма, налитая грязной водой, и другая яма, покрытая бороной с обращенными во внутрь зубьями. Либо в яму лезь, либо плати выкупные. Плата с каждого по его зажиточности. Кто откупился, того под общий смех, угощают в палатке тамады; тамада ядовито вежлив. Равно всякого идущего мимо поля игрищ и едущего задерживают. Он платит выкупные и угощается. Такой образ веселья продолжается неделю; после того старикам и беднякам аула устраивается широкий и обильный обед. В течение недели видим беспрерывные схватки силачей, чарсы, скачки на призы, слышим песни, прибаутки, экспромты. После обеда, данного беднякам, кош торжественно въезжает в аул. Джигитовки, как повсеместно на Северном Кавказе, имеют призы: лучших коней, десятки голов баранов, посевную землю.

Суд иерархичен: проезжих и прохожих судит низший суд, пахарей знатоки адатов-обычаев, адатистов-судей — высший суд аула. Так протекают общинные игрища адыгейцев, имеющие общие корни с дионисиями греков и сельскими обрядами, смешанными с комикованием у римлян.

Казанский татарин Сетар Арифуллин, живущий среди карачаевцев, пишет мелодрамы из быта народа, пользуясь всеми преданиями, шутками аксакалов и прочими. Кабардинец-учитель Борукаев тоже следит за народными играми и переводит их на язык сцены. Игры отражены в аварской новой пьесе Маллачиханова. Учительство горцев-кавказцев решительно повсюду запечатлевает народные игры в литературно-сценической форме. Это дело последних четырех-пяти лет главным образом. И это говорит о том, что кочевые предания становятся «ионическим», что называется, материалом, перестают быть органичными, живыми, переходят в «аттическую» обработку, становятся рукописным материалом для более совершенных, хотя и менее инстинктивных игр.

От них отходит причинность, связность с необходимостями жизни. Они становятся предметом искусства. Это говорит лучше всего о том, что революция перестраивает могуче и исчерпывающе быт кавказцев.

Огромный цикл «татов», рабов, людей внеисторического материала, «глины» и других народов, к счастью, завершен. Национальное развитие пойдет по линии преодоления нации развивающимся обществом, трудовым классом. Здесь Кавказ находит себя, как и ряд исторически преуспевающих народов Европы.

Примечания

1. На расстоянии 10 верст кубачинцы, с их выступлениями «ночных комедиантов» (вау), сулеркентцы, амузгинцы имеют резко отличительные игры.

2. В Кубачах до сих пор начатки комедийности видны в выступлениях комедиантов — «вау»: это пережиток борьбы язычников с первыми мусульманами.

3. Поврежденным разумом считается современный нам кубачинский крикун «Вау».

Текст печатается по источнику:

Пасынков Л.П. Быт и игры кавказских народов. — Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского края, 1925.

Л.П. Семенов*
Ингушская и чеченская народная словесность

I. История изучения ингушской и чеченской народной словесности[1]

В истории изучения фольклора горцев Северного Кавказа можно отметить три периода. Первый охватывает 18 век и более половины 19-го века (до конца 50-х годов), второй — эпоху с 60-х годов 19-го века до революции 1917 года, третий датируется последним десятилетием. Хронологические грани каждого периода обусловлены объективными историческими причинами. Первый период совпадает с длительной порой завоевания Россией Кавказа. Многие ученые и писатели 18-го века и первой половины 19-го обнаруживали большой интерес к духовной культуре горцев, но упорная борьба, происходившая на Северном Кавказе, мешала работе по собиранию и изучению фольклора. Поэтому данный период характеризуется эпизодическими, большею частью поверхностными попытками описания обычаев горцев и закрепления текста образцов их словесности.

Из изданий, уделявших внимание кавказской народной словесности, следует отметить газету «*Кавказ*» (издавалась с 1846 года) и «*Записки кавказского отделения Императорского русского географического общества*» (издавались с 1852 года). Одной из ранних попыток в этой области является запись *чеченской* сказки в газете «Кавказ» (1849 год, № 17). Л. Толстой, будучи на Кавказе, в 1852 году записал русскими буквами *чеченский* текст двух народных песен. Запись Л. Толстого расшифрована недавно профессором Н.Ф. Яковлевым, который указывает, что это — первый опыт записи текста чеченских песен на языке подлинника.[2]

По окончании Кавказской войны стали появляться многочисленные непериодические и периодические издания, заключавшие в себе чрезвычайно ценные сведения по фольклору горцев, в частности — ингушей и чеченцев. Таковы, например, следующие издания: «*Сборник сведений о кавказских горцах*» (изд. с 1868 года), «*Терские ведомости*» (изд. с 1868 года), *Дубровин*, «История войны и владычества русских на Кавказе» (изд. с 1871 года), «*Известия кавказского отдела Императорского русского географического общества*» (изд. с 1872 года), «*Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*» (изд. с 1881 года), «*Терский сборник*» (изд. с 1890 года) и многие другие. В этих изданиях помещались работы этнографического характера Ч. Ахриева, Е.З. Баранова, А.П. Берже, Г.А. Вертепова, П.И. Головинского, Н.Ф. Грабовского, А. Грена, Б.К. Далгата, А.П. Ипполитова, У. Лаудаева, И.М. Мутушева, А. Россиковой, Н. Семенова, Т. Эльдарханова и других лиц, занимавшихся изучением народной словесности ингушей и чеченцев. Ценные сведения по фольклору названных народов находим не только в указанных изданиях общего характера, но и в специальных, к числу которых относятся следующие: *И. Бартоломей*, «Чеченский букварь» (1861 год), *В.Ф. Миллер*, «Материалы по археологии Кавказа», т. I (1888 год), *Услар*, «Чеченский язык» (1888 год), *Б.К. Далгат*, «Страничка из северокавказского эпоса» («Этнографическое обозрение», 1892 год) и др.

Со времени окончания Кавказской войны до Октябрьской революции опубликовано значительное число ингушских и чеченских текстов в пересказе и в полном виде, не только на русском языке, но и на горских языках, в том числе на ингушском и чеченском (в трудах И. Бартоломея, А. Грена, П. Услара, А. Шифнера, Т. Эльдарханова). В числе собирателей ингушского и чеченского фольклора имеется ряд *горских* имен: С.М. Андиев, Ч. Ахриев, Б.К. Далгат, У. Лаудаев, И.М. Мутушев, Т. Эльдарханов.

Некоторый интерес к данному вопросу проявили и иностранцы — Жиль, Зейдлиц, Шантр. Последнее десятилетие характеризуется широким развитием краеведения и национальной письменности на Северном Кавказе. За эти годы в горских автономных областях возникли краеведческие общества, музеи, исследовательские институты; совершались экспедиции по изучению горской культуры, при участии местных научных работников и специалистов из Москвы и Ленинграда; вышли многочисленные издания краеведческого уклона; созывались краеведческие конференции.

---

* Биографическая справка о Л.П. Семенове с. 266 настоящего издания.

В отношении Ингушии и Чечни отметим следующие существенные факты. В 1924 году во Владикавказе основано Ингушское литературное общество; в 1926 году учрежден Ингушский научно-исследовательский институт краеведения; в том же году в городе Грозном открыт Чеченский музей. За последние годы в пределах Ингушии и Чечни совершены экспедиции по изучению культуры под руководством профессора Н.Ф. Яковлева, а также экспедиции бывшего Северо-Кавказского института краеведения и Ингушского института краеведения — в плоскостной и горной Ингушии. С 1924 года издается ингушская газета «*Сердало*» («*Свет*», на ингушском и русском языках). В 1926 года издана «Ингушская грамматика» *З.К. Мальсагова* (на ингушском языке, со словарем). Членами Ингушского литературного общества собран большой материал по фольклору (на родном языке). В Грозном ведется работа по изучению чеченской народной словесности.

В итоге — к настоящему времени в печати появилось значительное количество текстов по изучению ингушской и чеченской народной словесности в пересказе и в полном виде, на ингушском, чеченском, русском и иностранных языках; большей частью эти материалы изданы на русском языке. Качественная ценность некоторых материалов, собранных не специалистами, не особенно велика, но и они не потеряют интереса до тех пор, пока мы не будем иметь более или менее полного свода текстов ингушской и чеченской народной словесности. Наибольшую ценность представляют записи Ч. Ахриева, И. Бартоломея, А. Грена, Б.К. Далгата, А. Россиковой, Н. Семенова, П.К. Услара, Т. Эльдарханова.

Для углубленного изучения вопроса необходимым подспорьем должны служить словари *чеченского* языка П.К. Услара («Этнография Кавказа. II. Чеченский язык», Тифлис, 1888 год) и *ингушского* — З.К. Мальсагова («Ингушская грамматика», Владикавказ, 1926 год).

Специальных исследований об ингушской и чеченской народной словесности пока не имеется. Отмечаем следующие статьи и заметки, частично затрагивающие этот вопрос.

А.П. Ипполитов, «Этнографические очерки Аргунского округа» («Сборник сведений о кавказских горцах», т. I, стр. 26—27); *П.К. Услар*, «Народные сказания кавказских горцев» («Сборник сведений о кавказских горцах», I); *Ч. Ахриев*, «Несколько слов о героях в ингушевских сказаниях» (то же, IV); *Н.Ф. Грабовский*, «Ингуши» (то же, IX, отд. I, 48); *В.Ф. Миллер*, «Кавказские сказания о циклопах» («Этнографическое обозрение», 1890 год, № 1); комментарии к ингушским и чеченским текстам *А. Грена* («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXII), *Б.К. Далгата* («Этнографическое обозрение», 1901 год, IV), *Л. Лопатинского* («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXII, предисловие, стр. III—X, отд. III, 26—28; XXVIII, предисловие, стр. II—XI, отд. III, 40; XXIX, предисловие, стр. IV—IX, отд. III, 33—34), *П.К. Услара* («Чеченский язык»); *Н. Семенов*, «Письмо в редакцию. По поводу чеченских сказок и легенд» («Терские ведомости», 1881 год, № 26); он же, «Туземцы северо-восточного Кавказа», СПб., 1895 год (103—106); *З.К. Мальсагов* — о деятельности Ингушского литературного общества («Учредительный съезд Ассоциации северокавказских горских краеведческих организаций», Махач-Кала, 1924 год)[3]; профессор *Н. Яковлев*, «Несколько слов о чеченской и ингушской народной песне» (газета «Сердало», 1927 год, № 63)[4]; А.Г. Гойгов«Ингушско-чеченская поэзия» («Сердало», 1927 год, № 75).

Из библиографических указателей для данного вопроса наиболее полезны следующие.

Дубровин, «История войны и владычества русских на Кавказе». СПб. 1871 год. Т. I, кн. III (библиографический указатель). Стр. IV+451.

В.Ф. Миллер, «Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея». Москва. 1889 г. Вып. II, стр. 117—119.

А. Грен, «Библиографический список карт, картин, сочинений и статей, относящихся к Терской области» («Терский сборник», вып. II, отд. II, стр. 1—28. Владикавказ. 1892 год).

«*Указатель* статей и заметок, помещенных в изданиях Императорского русского географического общества за время с 1852 г. по 1906 г. включительно». Тифлис. 1908 г. 51 стр.

Д.Д. Пагирев, «Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе» («Записки кавказского отдела Императорского русского географического общества». Тифлис. 1913 год. Кн. XXX. Стр. 309—530).

Д.К. Зеленин, «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700—1910 гг.» («Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии». Т. XL, вып. 1. СПб. 1913 год. Стр. XXXIX+733).

Г. Дзагуров, «Указатель статей по кавказоведению, помещенных в газете «Терские ведомости» с 1883 по 1916 гг.». Владикавказ. 1923 г. 18 стр.).[5]

А.В. Багрий, «Народная словесность на Кавказе. Материалы для библиографического указателя». Баку. 1926 г. 130 стр.[6]

Б.М. Городецкий, «Указатель библиографической литературы о Кавказе» («Северо-Кавказский край». Ростов-на-Дону. 1927 г., №. 2, стр. 128—136).

II. Основные формы и мотивы ингушской и чеченской народной словесности

Печатные источники, несмотря на всю их неполноту, содержат в себе ценный материал по изучению чечено-ингушской народной словесности. Отмечаем в кратких чертах их основные формы и мотивы.

Очень разнообразны по содержанию и настроению песни — обрядовые, разбойничьи и прочие. Они отличаются силой и выразительностью чувств, богатством и пластичностью образов. Таковы, например, песни, поющиеся во время танцев[7], любовные песни[8], свадебная песня[9], плач по покойному мужу[10], песня о кровомщении[11], боевая песня[12], разбойничьи (абреческие) песни, героями которых являются прославленные храбрецы: *Вара*[13], *Хамзат*[14], *Эль-Мурза*[15], *Саламбек*[16], *Зелимхан*[17]; интересна клятва абрека[18].

Обширный цикл сказаний посвящен *нартам* (богатырям)[19].

В легендах и песнях выступают помимо нартов и другие витязи: Баркумский «кант»[20], Турпал Нахчууо (Нахчоо)[21], Тинавин-вису[22], назрановец Мальсаг[23], Бексултан Бороган[24], Белхарой[25].

Многочисленны и разноречивы легенды о происхождении ингушей и чеченцев. Родоначальниками этих народов или некоторых фамилий считают выходцев из Аравии[26], Персии[27], Хевсурии[28] и других мест.

Прошлое аулов и отдельных родов чрезвычайно интересует ингушей и чеченцев. Существуют легенды о возникновении или гибели различных плоскостных и горных селений[29]; в частности, и ныне очень популярна традиционная легенда о построении аулов Ассинского ущелья — Эгикал, Таргим и Хамхи.[30] Предания повествуют также о построении старинных башен[31], храмов[32], склепов[33]. В связи с этим ингуши и чеченцы упоминают о неизвестных народах, живших в горах в незапамятную старину. Обычные названия этих народов следующие: «*мида*», «*джилаты*» или «*джилины*»[34], «*тинды*»[35], «*джай*»[36], «*джелты*»[37] и др.

Имеются предания и песни, приуроченные к *историческим* лицам и событиям отдаленных и более поздних времен. Отметим упоминания о *Чингис-хане* и *Мамае*[38]; цикл преданий посвящен *Тамерлану* (Тимуру-хромому)[39]; встречаются имена Петра I[40], *Шейха-Мансура*[41], сына Шамиля *Кази-Магома*[42], генерала *Грабе* и генерала *Слепцова*[43] и др.

Легенды мифологического характера близко знакомят нас с высшими и низшими божествами, олицетворяющими различные стихийные силы природы. Таковы, например, громовержец *Сели*[44], *Селиат* («лук Сели», радуга), *Сели-хашк* («головешка Сели», молния)[45], *Хинана* (мать вод)[46], *Гань-ерд* (покровитель деторождения)[47], *Мелер-ерд* (покровитель плодородия)[48], *Елта* (покровитель охотников)[49], *Дардза-нянильк* (мать вьюг)[50], *алмас* (лесное существо, враждебное человеку)[51], *убур* (злое существо, вроде вампира)[52], *Гешиб* (дух, подобный лешему)[53] и др.

Большой интерес представляют поверья и легенды *космогонического* характера — о создании земли[54], о море, тумане, громе, молнии, дожде, небе, солнце, звездах,[55] а также мотивы иного порядка — о загробном мире[56], об убитых молнией[57], о чудодейственных костях, вызывающих дождь[58], о происхождении леса[59], о происхождении отдельных растений: конопли[60], табака[61], кукурузы[62], о происхождении меры для хлеба[63].

Очень распространены сказки и повествования небольшого объема[64], басни[65]; особый цикл составляют анекдоты о Наср-Эддине[66]. Имеются записи пословиц, поговорок[67] и загадок[68].

В общем — народная словесность ингушей и чеченцев отличается большим разнообразием мотивов и форм. Многие присущие ей сюжеты и образы роднят ее с поэзией других народов Кавказа, России, Запада и Востока. Например, исследователи указывают, что чечено-ингушская поэзия соприкасается с народной поэзией кабардинцев, осетин, балкар, кумыков, аварцев, армян, грузин, татар, русских, белорусов[69], греков[70]; таким образом, она имеет не только национальное, но и более широкое значение.

III. Художественная обработка ингушских и чеченских мотивов

Чечено-ингушская народная словесность издавна привлекала внимание русских поэтов и писателей, черпавших из нее сюжеты, образы, новые (туземные) слова.

Серьезный интерес к горским мотивам, к горскому фольклору впервые обнаружил Пушкин, создавший в 1820—1821 годах поэму «Кавказский пленник». Черкешенка, героиня этой поэмы, тронутая участью пленника,

С неясной речию сливает
Очей и знаков разговор;
Поет ему и песни гор,
И песни Грузии счастливой,
И памяти нетерпеливой
Передает язык чужой.

Когда юные черкешенки поют родную песню («В реке бежит гремучий вал»), то старцы

Знакомый слушают припев —
И старцев сердце молодеет.[71]

В другой кавказской поэме «Галуб» (1829—1833 годы) в описании похорон встречаем следующие стихи:

Обряд творится погребальный;
Звучит уныло песнь муллы.

Далее в той же поэме автор изображает мирный быт чеченцев, причем упоминает и о песнях:

Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались,
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы
В пыли несясь во весь опор,
Стрелою шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают,
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. *Жены, девы*
Меж тем поют — и гул лесной
Далече вторит их напевы.[72]

В кавказских поэмах Пушкин часто употребляет туземные слова, снабжая их (в «Кавказском пленнике») примечаниями.

«Кавказский пленник» Пушкина вызвал в русской литературе много подражаний. Таковы, например, «Кавказский пленник» Лермонтова (1828 г.), «Киргизский пленник» Муравьева (1828 г.) и другие. Подробный перечень этих подражаний приведен в труде В. Жирмунского «Байрон и Пушкин» (Ленинград, 1924 год, стр. 213—228). В одном из них, принадлежащем А. Шишкову (отрывок из описательной поэмы «Ланской») изображены *чеченцы* и вставлена «*Чеченская песнь*» (В. Жирмунский, 224).

Переложения горских песен или подражания им встречаем у Полежаева, Марлинского и других поэтов.

Лермонтов с самого начала поэтической деятельности вдохновлялся мотивами горской поэзии и горского быта. В первых его опытах много подражательного, порою лишь внешне связанного с Кавказом, но и в них мы встречаем любопытные детали. В его «Кавказском пленнике» имеется горская песня, из которой приводим следующий отрывок:

Так русский средь бою
Пред нашим падет,
И смелой рукою
Чеченец возьмет
Броню золотую
И саблю стальную,
И в горы уйдет.[73]

Мотив и различные детали этой песни заимствованы из «Невесты Абидосской» Байрона в переводе Козлова[74], но указанная строфа сочинена Лермонтовым.

Не останавливаясь подробно на его кавказских мотивах, отметим лишь то, что имеет прямое отношение к нашей теме.

В поэме «Измаил-Бей» (1832 г.) поэт указывает, что сюжет этого произведения сообщен ему чеченцем-проводником:

Темны преданья их. *Старик-чеченец*,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.
Хвалил людей минувшего он века,
Водил меня под камень Росламбека...
.....
И под столетней, мшистою скалою,
Сидел чечен однажды предо мною;
Как серая скала, седой старик,
Задумавшись, главой своей поник...
.....
Его рассказ, то буйный, то печальный,
Я вздумал перенесть на север дальний:
Пусть будет странен в нашем он краю, —
Как слышал, так его передаю.[75]

В этой же поэме изображен народный певец:

Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец, —
Наряд войны ему не нужен,
Он горд и беден: он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.[76]

В стихах и в прозе Лермонтов часто употреблял кавказские слова и выражения.[77]

К. Белевич, служивший в действующей Кавказской армии в 40-х годах прошлого века, в поэме «Чеченец Берсан» уделяет несколько строк изображению чеченского народного певца:

Чеченцы мирные порой
Меня в редуте посещали,
И все бояром величали
За угощенье аракой.
Однажды с ними за стаканом

В кругу сидел один певец —
То был из гор Чечни беглец,
И назывался он Берсаном.
На балалайке он играл
И с чувством песни пел родные, —
И дико взор его сверкал,
Как в дни убийств, во дни былые.[78]

В. И. Немирович-Данченко в романе «Горные орлы» изображает горца, поющего *чеченскую* песню: «Чистя дуло ружья, он стал напевать про себя в сакле чеченскую песню, которую любили и аварийские лезгины.

Высохнет земля на могиле моей,
И забудет меня родная мать,
Порастет кладбище жесткою травою,
Заглушит трава твое горе, мой старый отец,
Но не забудет меня мой старший брат,
Пока не отомстит за мою смерть.
Но не забудешь и ты меня, мой второй брат,
Пока не ляжешь рядом со мною.
Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть,
Но не ты ли была мне верною рабою?
Черная земля, ты покроешь меня,
Но не я ли тебя конем топтал?
Холодна ты, ранняя смерть,
Но ведь сам я был твоим господином».[79]

Текст этой песни взят писателем из «Сборника сведений о кавказских горцах» (1868 год, вып. I) и подвергся незначительной обработке. Эта же песня, как мы отмечаем ниже, из того же сборника перенесена Л. Толстым в повесть «Хаджи-Мурат».

Выше мы упоминали о записи Л.Н. Толстым двух чеченских песен. Интерес великого писателя к горской песне был глубок и долог.

Запись песен на чеченском языке была сделана им в 1852 году. В повести «Казаки», написанной в том же году, он дает редкую по красоте и силе картину перестрелки казаков с чеченцами-абреками:

«Все было тихо. Вдруг со стороны чеченцев *раздались странные звуки заунывной песни*, похожей на *ай-да-лай-лай* дяди Ерошки. Чеченцы знали, что им не уйти, и, чтобы избавиться от искушения бежать, они связались ремнями, колено с коленом, приготовили ружья и *запели предсмертную песню*.

Казаки с возом сена подходили все ближе и ближе, и Оленин ежеминутно ждал выстрелов; но тишина нарушалась только заунывною песнью абреков. Вдруг песня прекратилась, раздался короткий выстрел…»[80]

Мотивы чеченских песен вплетены Л. Толстым в повесть «Хаджи-Мурат» (1896—1904 годы).

Толстой отмечает, что Хаджи-Мурат любил родные песни. Ханефи, его названый брат, «*…знал много горских песен и хорошо пел их*. Хаджи-Мурат, в угождение Бутлеру, призывал Ханефи и приказывал ему петь, называя те песни, которые он считал хорошими. Голос у Ханефи был высокий тенор, и пел он необыкновенно отчетливо и выразительно. Одна из песен особенно нравилась Хаджи-Мурату и поразила Бутлера своим торжественно-грустным напевом. Бутлер попросил переводчика пересказать ее содержание.

Песня относилась к кровомщению, — тому самому, что было между Ханефи и Хаджи-Муратом.

Песня была такая: «Высохнет земля на могиле моей, и забудешь ты меня, моя родная мать. Порастет кладбище могильной травой, заглушит трава твое горе, мой старый отец. Слезы высохнут на глазах сестры моей, улетит и горе из сердца ее.

Но не забудешь меня ты, мой старший брат, пока не отомстишь моей смерти. Не забудешь ты меня и второй мой брат, пока не ляжешь рядом со мной.

Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть, но не ты ли была моей верной рабой? Земля черная, ты покроешь меня, но не я ли тебя конем топтал? Холодна ты, смерть, но я был твоим господином. Мое тело возьмет земля, мою душу примет небо».

Хаджи-Мурат всегда слушал эту песню с закрытыми глазами, и когда она кончалась протяжной, замирающей нотой, всегда по-русски говорил:

— Хорош песня, умный песня».[81]

Эта песня заимствована Л. Толстым из «Сборника сведений о кавказских горцах» (1868 год, I, отд. III, 27)[82], причем почти не подверглась изменениям; незначительные отклонения от первоисточника имеются только в двух местах, отмеченных нами в примечании.[83]

Песня эта была сообщена Л. Толстым А. Фету, который переложил ее в стихотворную форму, создав две превосходных лирических пьесы:

Станет насыпь могилы моей просыхать, —
И забудешь меня ты, родимая мать;
Как заглушит трава все кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец;
А обсохнут глаза у сестры у моей,
Так и вылетит горе из сердца у ней.

* * *

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца;
Но я был властелином твоим до конца:
Свое тело в добычу земле отдаю,
Но зато небеса примут душу мою.[84]

Чрезвычайно характерна та бережность, с которой В.И. Немирович-Данченко, Л. Толстой и А. Фет отнеслись к горскому первоисточнику; красота подлинника настолько удовлетворила их, что они оставили текст песни почти нетронутым. Стихотворный размер обеих песен подсказан Фету ритмом прозы, в которой явственно звучит избранный им анапест: «на могиле моей», «твое горе, мой старый отец» и т.д. Одна строка вошла в стих без изменения: «Но не ты ли была моей верной рабой?»

В повести «Хаджи-Мурат» Л. Толстой упоминает о второй песне Ханефи:

«В песне говорилось о том, как джигит Гамзат угнал с своими молодцами с русской стороны табун белых коней, как потом их настиг за Тереком русский князь, и как он окружил его своим, как лес, большим войском. Потом пелось о том, как Гамзат порезал лошадей и с молодцами своими засел за кровавым завалом убитых коней и бился с русскими до тех пор, пока были пули в ружьях и кинжалы на поясах, и кровь в жилах. Но прежде, чем умереть, Гамзат увидал птиц на небе и закричал им: «Вы, перелетные птицы, летите в наши дома и скажите нашим сестрам, матерям и белым девушкам, что умерли мы все за хазават. Скажите им, что не будут наши тела лежать в могилах, а растаскают и оглодают наши кости жадные волки и выклюют глаза нам черные вороны» (XII, 79).

Образ героя повести автор сливает с образом Гамзата:

«Пока Хаджи-Мурат с своими людьми шумел, въезжая в кусты, соловьи замолкли. Но когда затихли люди, они опять защелкали, перекликаясь. Хаджи-Мурат, прислушиваясь к звукам ночи, невольно слушал их.

И их свист *напомнил ему ту песню о Гамзате*, которую он слышал нынче ночью, когда выходил за водой. Он всякую минуту теперь мог быть в том же положении, в котором был Гамзат. Ему подумалось, что это так и будет, и ему вдруг стало серьезно на душе.

Когда показался отряд милиционеров, Хаджи-Мурат подумал: «*Что же, будем биться, как Гамзат*» (XII, 87).

Песня о Хамзате, имеющая такое существенное композиционное значение для повести «Хаджи-Мурат», взята Л. Толстым из той же книги — «Сборник сведений о кавказских горцах» (I, отд. III, 27—30). Чеченская песня длинна, она занимает три страницы. Толстой

удовольствовался ее пересказом, но и в пересказе близко придерживается подлинника, в чем можно убедиться по следующему отрывку первоисточника:

«...И в душе тогда подумал Хамзат, что настал час его смерти и что нет им больше надежды. Высоко в небе увидал он перелетных птиц и сказал он им: «О, воздушные птицы! Передайте вы наш последний привет (салам), наш последний поклон гихинскому наибу Ах-Верды-Магома. Передайте и поклон красавицам, белым девушкам, и скажите вы им, что наши крепкие плечи стеной служат теперь для русских пуль; что желали мы по смерти лежать на родном кладбище — в Гихах, где бы поплакали над нашей могилой сестры и пожалел бы народ, — но что не дал нам бог этой радости: вместо плача сестер будет слышен над нами вой голодных волков. А наместо толпы родственников — соберется стая черных воронов».

«Песням, подобным приведенным, — замечает А.П. Ипполитов, — чеченцы вообще сильно сочувствуют. Мне не раз случалось видеть слезы на глазах людей самых серьезных при рассказе певцом о смерти Хамзата».

В чеченских текстах А. Грена находим иной вариант той же песни:

«Однажды трое чеченцев, Турпал, Идрис и Чалындер, отправились в гости к караногаям. Те их накормили, но когда чеченцы заснули, то связали им руки и бросили их в яму. Чеченцы проснулись, увидели свое положение и запели свои родные песни, прося птиц передать привет шалинскому чеченцу и просить у него помощи. И услышали птицы, и донесли весть до шалинца. Тот приехал, и они вчетвером перебили всех караногайцев».[85]

Укажем ряд позднейших поэтических переработок чечено-ингушских мотивов или подражаний им, придерживаясь хронологической последовательности.

Н. Решетин, «Качкер и Фатима». Ингушская легенда. («Терские ведомости». 1911 год. № 21).[86]

К. Искатель, «Песня чеченских девушек». (Журнал «Казбек». 1912 год. № 3).[87]

М. Шагинян, «Чеченка». («Orientalia». М. 1913 г. Стр. 16—18).[88]

А. Кулебякин, «Песня Зелимхана». (С чеченского). (Газета «Вольный горец». Тифлис. 1919 год. № 20).[89]

Е. Редин, «Усциг-Малсег». («Горский вестник», Владикавказ, 1924 г., II, 21—31; поэма эта перепечатана в альманахе «Советская страна», Москва, 1927 г., № 1, стр. 49—52, под заглавием — «Легенда гор»).[90]

М. Слободской, «Абреческая». (Из песен Ингушии). (Сборник «Золотая зурна». Владикавказ. 1926 г. Стр. 106—107).

Н. Яковлев, «Олень». (Из чеченских песен). (Газета «Сердало». 1927 г. № 75).[91]

Алякринский, «Последняя игра», «Святой Вата», «Злой джин», «Солса-абрек» («О тех, кого называли абреками». Грозный. 1927 год. Стр. 5—9, 13—14, 15—17, 17—18).[92]

А. Тульский, «Юсуп». (Там же, 9—12).[93]

Названные авторы, большею частью, близко придерживаются текста первоисточников, ограничиваясь рамками переложений в стихотворной форме (К. Искатель, Н. Яковлев) или прозаической (Решетин, К. Томашевский). Попытки более самостоятельного творчества сделаны М. Шагинян и Е. Рединым, но дух народной горской поэзии совершенно не уловлен ими. Стихотворение М. Шагинян, изящное по форме, является, как верно подметил К. Гатуев, данью литературной традиции, уподобляющей Кавказ «востоку шелковых тканей, розовых садов и театральных декораций»[94]. Совершенно неудачна в художественном отношении поэма Е. Редина, написанная, в подражание кавказским поэмам Пушкина и Лермонтова, четырехстопным ямбом. Условный ориентализм опрощен здесь до крайности. Язык чрезвычайно банален; в поэме есть, например, такие прозаизмы:

И строит планы в тишине...
.....
...Бежит жена и будит мужа,
И муж выходит на балкон.

Не выдержана в стиле подлинника и песня Кулебякина «Зелимхан». Удачнее опыт М. Слободского, в стихотворении которого («Абреческая») более сохранены суровая простота и образность народной горской песни.

Подлинная чечено-ингушская поэзия отличается необычайной силой, меткостью и образностью языка, отражающего неукротимую и пылкую душу горца. Приводим несколько отрывков из чечено-ингушских текстов.

Из эпической песни об Эль-Мурзе:

«Сам, свирепей медведя, опоясал он свое оружие, и, как легкий ястреб садится на дерево, вскочил Эль-Мурза на коня своего.

…Приехали они к синему Тереку, и их лошади им служили лодками, а их плети веслами.

…Вышли за ними русские в погоню и, догнавши, окружили их. Окруживши их, начальник послал к Эль-Мурзе требовать сдачи.

И сказал ему посланный: «У тебя нет крыльев, Эль-Мурза, чтобы взлететь на небо; нет и когтей, чтобы выкопать нору и уйти под землю».

«Крылья мои на небо — мое крымское ружье, а мои когти, чтобы сделать нору — моя шашка терсмеймуль. И сдамся я тогда только, когда вместо газырей надену женские петли».[95]

Из эпической песни о Хамзате:

«Такой жаркий день, что на одну лишь тень от наших шашек мы и можем надеяться».[96]

Из лирической песни:

«Прискакал мой милый, сейчас прискакал ненаглядный! давно жданный, давно невиданный! Я страстно расцелую его уста! Я расцеловала бы и тогда, если бы уста его, как у волка, были окровавлены».[97]

Из лирической песни о богатыре Нахчоо:

«Как от удара шашки о кремень сыплются искры, так мы рассыпались от турпаля Нахчоо. Мы родились ночью, когда щенилась волчица. Нам дали имя утром, когда барс ревом своим будил окрестность».[98]

Из лирической песни:

«Кинься же на него, как кидается ястреб, подобный кусту, на голубя!»[99]

Из песни о Зелимхане:

«Его мягкою постелью была черная земля...

Подушка его — чинаровые корни...

Одеяло его — голубое небо».[100]

Глубже всех почувствовали самобытность, мощь и красоту этой поэзии Л. Толстой и А. Фет, своими переложениями приобщившие ее к мировой поэзии. Чеченской поэзии посвящено великолепное стихотворение Фета «Графу Л.Н. Толстому» (1875 год):

Как ястребу, который просидел
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаяся настрелянною птицей,
Весной охотник голубя несет
С надломленным крылом — и, оглядев
Живую птицу, старый ловчий щурит
Зрачок прилежный, поджимает перья
И вдруг, нежданно, быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо, —
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией. Спасибо,
Полакомил ты старого ловца![101]

IV. Библиографический указатель образцов ингушской и чеченской народной словесности

1. *Андиев С.М. и Фарфоровский С.* «Дадий-Канат». Из чеченской поэмы. («Утро гор». Альманах. Баку. 1910 год. № 1. Стр. 17—21).

2. *Ахриев Ч.* «Из чеченских сказаний» («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1871 г. V, отд. II).

Ингушские сказания: орхустойцы и Ботоко-Ширтга (38—41), шестьдесят орхустойцев и Цазик (42—46).

3. *Ахриев Ч.* «Ингушевские праздники». («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1871 год. V, отд. III).

Ингушские предания: Мятцели, Амгали-ерда и Тамаж-ерда (7—8), Тамаж-ерда (13—14).

4. *Ахриев Ч.* «Ингуши». («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1875 год. VIII, отд. I).

Ингушские предания: родоначальник Кистинского общества (1—2), родоначальник Джераховского общества (2—3), Соска-Солса (5—7), земля, человек и горы (8—9), море (9—10), туман, гром, молния, дождь, землетрясение, мороз (10—11), небо, солнце, звезды и разные изменения в их виде (11—12), Елта (12—14), Магал (15—18), Баркумский «кант» (18—19), Магомет и храм Тхаба-ерды (20), канава Темира-хромого (20—25), основание аула Оббоно (25—27), орштохойцы (27—29), происхождение Галгаевского общества (30), второй вариант того же предания (30), переселение джераховцев (30—31), шесть сказаний об орхустойцах (31—40).

5. *Ахриев Ч.* «Несколько слов о героях в ингушевских сказаниях». («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1870 год. Вып. IV. Отд. II).

Ингушские сказания: Колой-Кант (4—7), Лял-Султа (8—15), черкес-Иса и чеченец-Иса (15—20).

6. *Баранов Е.* «Трус». Горская сказка. («Терские ведомости». 1896 год. № 47).

7. *Баранов Е.Э.* («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис. 1903 г. XXXII, отд. II).

Ингушские сказки: кто дороже (27—31), следует ли гордиться перед глупой женщиной (32—34), мудрый судья (36—40).

Чеченские сказки: лисица и журавль (55—57), волк и баран (57—59), вор и князь (60—63), человек, у которого нет мозга в голове (63—64).

8. *Бартоломей И.* «Чеченский букварь». Тифлис. 1861 год (Тексты на чеченском и на русском языках).

Чеченские пословицы (24—32).[102]

Чеченские рассказы и повести: восемь рассказов о Наср-Эддине (32—53)[103], богач и лекарь (53—55), расточительный сын (55—61), муж и жена (62—72), три брата (73—92), три вора (93—115), сын богача (116—144), догадливая невеста (144—154).

9. *Берже А.П.* «Чечня и чеченцы». Тифлис. 1859 год (Глава IV — «Предания чеченского народа»).

Чеченские предания: родоначальник чеченцев Молхк или Малкх (124), родоначальник чеченцев Али, выходец из Аравии (125—126), турпал (богатырь) Нахчууо (126—128), песня о турпале Нахчууо (129)[104], сын Молкха Тинавин-вису (131—133), происхождение меры для хлеба (136—137), поход Петра I на Кавказ (137), мост Тамерлана (138), происхождение слова «чеченцы» (138—140).

10. *Билто.* «Из чеченского эпоса». («Терские ведомости». 1891 г. № 98).

11. *Бывалый.* «Как выросла конопля». (Ингушское сказание). («Терские ведомости». 1911 год. № 252).

12. *Бывалый.* Удалой Идрис. Ингушское предание. («Терские Ведомости». 1911 год. № 266).

13. *Вертепов Г.А.* В горах Кавказа. («Терский Сборник». Владикавказ. 1903 год. VI).[105]

Ингушские и чеченские поверья и предания: горные духи (100—101), водяные духи (101—102), происхождение озера близ аула Ялхорой (102—103)[106], происхождение озера близ аула Хой (104), древнейшие обитатели Чечни и Ингушии (107—108), басня о барсе, волке и лисе (108—109)[107], предание о построении древних башен (110—111).

14. *Вертепов Г.А.* «Ингуши». («Терский Сборник». Владикавказ. 1892 г. II, 78—81).

Легенда о происхождении ингушей.[108]

15. *Ган К.Ф.* «Экскурсия в нагорную Чечню и западный Дагестан летом 1901 г.». («Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества». Тифлис. 1902 год. XV, 221).

Песня о Кази-Магоме, сыне Шамиля.

16. *Гатуев К.* «Зелимхан». Ростов-на-Дону — Краснодар. 1926 г.

Песня о турпале Нахчоо (6), об абреке Вара (15—16), отрывок из лирической песни (16)[109], лирическая песня (16—17)[110], песня об абреке Саламбеке (124), три песни о Зелимхане (189—195)[111].

17. *Головинский П.И.* «Чеченцы». («Сборник сведений о Терской области». Владикавказ. 1878 год. I).[112]

Происхождение чеченцев (241—244), происхождение древних построек (247), склеп Борга-каш (248—249), мифология чеченцев (254), Хинана, мать вод (254—255), богатырь Тинавинь-вису и Гуно-Карколой (256), происхождение леса на Кавказе (256—257), Соска-Солса и Тимур (257), Усар (258), песня о Нахчоо (258—259), песня о храбреце по имени Вара (259), две лирических песни (260), басня о барсе, волке и лисице (260—261).

18. *Горепекин Ф.И.* «Маги-ерда». («Языческий бог — покровитель у ингушей»). (Оттиск из «Терских Ведомостей» за 1909 год, стр. 3—11).

Легенда о чародее Маго и его потомстве.

19. *Грабовский Н.Ф.* «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа». («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1870 г. III, 16—17).

Предание о костях, вызывающих дождь.

20. *Грен А.* «Чеченские тексты». («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис. 1897 г. XXII, отд. III).

Тексты в подлиннике и в русском переводе: народная песня (1—2), былина о Мальсаге назрановце (2—4), сказка о храбреце Незнае, эпизод из чеченских нартовских сказаний (4—12).

Сказки и легенды чеченцев в русском пересказе: куда девались нарты-орхустойцы (12), приключения нартов (12—13), путешествие нарта (13—16), путешествие трех князей (17—18), «алмас» (18—19)[113], «иешеп» (19—20)[114], царь зверей с топором на груди (20), исторические легенды чеченцев (21—22).

21. *Далгат Б.К.* «Первобытная религия чеченцев». («Терский сборник». Владикавказ. 1893 г. Вып. 3, кн. 2).

Легенды и поверья: нарт-орштхойцы (57—58), глупая женщина (60—61), чума (63), доктор Кой Точиев (70), загробный мир (71—72), Темир и кузнец (73—74), зять и теща (75—76), харпехоец и черт (78—79), Ахмед и джины (80—83), поклонение Тамыж-ерде (102—103), молитва жреца на празднике святилища Мятцил (108—109), образование озера Галанчодж (114—115)[115], Хинана, мать вод (115), лесные духи алмасы (115—117), богиня вьюг (117), божество охоты Елта (118—119), почитание светил (119—120), громовержец Сели (121—122), Ауш, убитый молнией (122), Сели-Сата (122—123), нарты (125), Соска-Солса и кость великана (126), основание Назрани (126), гибель селения Ордык (126), вдова и сын (126—128)[116], сотворение мира (128—129).

22. *Далгат Б.К.* «Страничка из северокавказского эпоса. Ингушско-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 году» («Этнографическое обозрение», 1901 г., IV, 35—85).[117]

I. Сказания о нартах: как родился Соска-Солса (35), происхождение Газдиевых, Базоркиных (35—36), Батыг-Шертга (36), Соска-Солса и Батыг-Шертга (36—37), сказание про нарта Соска-Солса и Охкыр-Канта (37), Соска-Солса и Колай-Кант (37—38), Соска-Солса и накыстцы (38—39), Хамчи-Патриж (39), гибель орштхоев (40), отчего бог истребил орштхоев (40—41).

II. Сказания о великанах: «вамполож» (43—45)[118], людоеды —«Гарбож» (45—46), Гарбаша (великаны-чудовища, 50), Гарбаш (великан-чудовище, 50—52).

III. Предания о героях и богатырях: могила Бексултана Борогана (52—54), предание о происхождении фамилии Барконхой (54—57), предание о Бора Абаеве (57—58), предание об Ахмеде-благодетеле (58—63), подвиг Чербыша (63), сказание про Хидыр-Марза (64—65), глупая жена (66—68), легенда-быль о хромом Темире (Астха-Темыр) и его сыне (68—73).

23. *Дубровин Н.* «История войны и владычества русских на Кавказе». СПб. 1871 год. Т. I, кн. I.

Предания: расселение чеченцев (369—372), гробница нартов (384), построение церкви Зодцах-Ерды (385—386), кости, посредством которых вызывали дождь (387)[119], происхождение табака (409), песня о кровомщении (459).

24. *Gilles.* «Lettres sur le Caucase et la Crimeé». Paris. 1859.

Перевод чеченской песни о Турпале (стр. 138).

25. *Зотов В.* «История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах». СПб. — Москва. 1887 год. I, 354—355.

Песня о кровомщении.[120]

26. *Иваненков Н.С.* «Горные чеченцы». («Терский сборник». Владикавказ. 1910 год. VII).

Чеченские предания: 1) происхождение чеченцев (5)[121], деление чеченцев на роды (7—13), чеченская поговорка (130), чеченская песня (131), суеверия (141).

27. *Иванов И.* «Чечня». («Москвитянин». 1851. Т. 5, № 19—20).

Предание о происхождении чеченцев.

28. *Иванов М.А.* «В горах между р.р. Фортангой и Аргуном». («Известия кавказского отдела Императорского русского географического общества». Тифлис. 1904 г. XVII).

Предания: о карабулаке Белхарое (37—38), о могильнике карабулаков (47—48).

29. «*Из чеченских сказаний*». («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1870 год. IV, отд. 11).

Ингушские сказания о нартах (1—7), Лял-Султа (8—15), черкес Иса и чеченец Иса (15—20)[122], сказка о султане (21—26), о бедном человеке (26—31)[123], о богатом отце и его сыне (31—32), о мальчике и медведе (32), о мельнике (33), пословицы (33)[124].

30. *Ипполитов А.П.* «Этнографические очерки Аргунского округа». («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1868 г. I. отд. III).

Плач по мужу (13—14), песня о кровомщении (27), об абреке Хамзате (27—30), об Эль-Мурзе (31—35), сказка о пророке Соломоне (36—42), басня о медведице (42), предание о построении церкви близ озера Галанчодж (48)[125].

31. *Лаудаев У.* «Чеченское племя». («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1872 год. VI).

Чеченские предания: происхождение чеченцев (3—13), нарты (17), чеченские сказки (18), народные воззрения на явления природы (32), происхождение леса (32—33), уход калмыков из Чечни (33—34), второе предание о том же (34), поселенец Тарас (36), чаберлоевцы (36—37), ауховцы (37—38), разделение Ичкерии (39), принадлежность шатоевцев и назрановцев к начхоям (39), Ногай-Мирза Чермоев (39), переселение чеченцев в Ичкерию (39—41), пребывание грузин в Чечне (41), ров Тамерлана (41—42), кладоискатели (42), вдова и нарты (44—45), нарты Наур и Гожак (45—46), ногаец Мирза и нарт Наур (46—47), удаление русских из Чечни (48—49), основание Маюр-тупа (49), Чечень-аул (49), введение в употребление кукурузы в Чечне (49), плоскостные и горные чеченцы (49—50), предание о мудрецах аула Мааст (50—51), второе предание о том же (51), верование в «алмасов» и «убуров» (53—54), Ногай-Мирза и «алмас» (53), Термаол, первый проповедник ислама в Чечне (54—55), проповедник Берса (55—56), вражда между чеченцами и ингушами (59), шейх Мансур (59—61).

32. *Магомет.* «Ингушская песня». («Вольный горец». Тифлис. 1919 год. № 2).

33. *Максимов Е.* «Чеченцы». («Терский сборник». Владикавказ. 1893 год, III).

Предания о древних обитателях Чечни (гл. II).

34. *Марков Е.* «Кавказ в его настоящем и прошлом». («Живописная Россия». СПб. 1883 год. IX).

Ингушская легенда — Солса и кости великана (стр. XX), чеченская песня о Хамзате (стр. XLII).

35. «*Махкинан*». Ингушская песня и легенда. («Кавказ». 1895 год. № 98).

36. *Миллер В.Ф.* «Археологические наблюдения в области чеченцев». («Материалы по археологии Кавказа». Москва. 1888 год. I).

Предание об основании селений Эгикал, Таргим и Хамхи (9), о костях, посредством которых вызывали дождь (17), происхождение озера Галанчодж (23—24), построение башен близ Шатоевского укрепления (35), народ джай (36), башня в Коуси, близ селения Туркали (37).

37. *Мутушев.* «Чеченская сказка. Лиса и журавль». («Терские ведомости». 1899 год. № 134).

38. *Мутушев И.М.* «Чеченские сказки». («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис. 1903 год. XXXII, отд. II).

У кого и на гору везет, а у другого и под гору не двигается (64—65), долг платежом красен (65—67).

39. *Оссовский.* «Сурхо» (дословный перевод чеченской песни). («Терские ведомости». 1898 г. № 71).

40. «О тех, кого называли абреками». Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. Грозный. 1927 год.

«Сказка о том, как мулла поспорил с бедняком» (стр. 166—173), «Мудрый судья» (174—181, запись *Ф. Серова*), «Пропавшее золото» (182—186, запись *З. Шерипова*), «О том, как вор стал шейхом» (194—196, его же запись), «Сатана» (197—199, его же запись).

41. П. «Землевладение у чеченцев». («Сборник сведений о Терской области». Владикавказ. 1878 год. I).[126]

Предание о происхождении и расселении чеченцев (267—269).

42. *П...в П.* «Чеченцы вне Чечни». («Сборник сведений о Терской области». Владикавказ. 1878 г. I).[127]

Чеченские песни: о переселении чеченцев в Турцию (274), вторая песня о том же (275), лирическая песня (274—275).

43. *Пожидаев В.П.* «Горцы Северного Кавказа». Москва — Ленинград. 1926 год.

Ингушская легенда об избрании князя (13—14), чеченские легенды — богатырь Нохчэ и его двенадцать сыновей (16), Сеид Дли-Шами Нахичеванский (17).

44. *Попов И.* «Рассказ чеченца о происхождении аула Урус-Мартан». («Терские Ведомости» 1899 г. № 32).

45. *Попов И.* «Ичкеринцы». («Сборник сведений о Терской области». Владикавказ. 1878 г. I).

Легенда о Чингиз-хане (265—266), о Мамае (265—266).

46. *Попов И.М.* «Ичкерия». («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1870 год. IV, отд. 1).

Чеченские предания: о построении 12 аулов Веденского наибства (2—16), о построении 28 аулов Даргинского наибства (17—23).

47. *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, легендах и биографиях. СПб. 1885 год. Т. 2.

Предание о происхождении чеченцев (68—69), отрывок из чеченской песни о Нахчоо (69)[128], лирическая песня (72)[129], песня о кровомщении (75)[130], клятва абрека (76).

48. *Решетин Н.* «Аул Казеной», чеченская легенда. («Терские ведомости». 1913 год. № 87, 90).

49. *Решетин Н.* «Молитва Сеско-Солсы». (Чечено-ингушское предание). («Терские ведомости». 1911 год. № 127).

50. *Россикова А.* «Путешествие по центральной части горной Чечни». («Записки кавказского отдела Императорского русского географического общества». Тифлис. 1896 год. XVIII).

Чеченские легенды: бедный чеченец (151—152), Хорочаевская башня (156—157), гибель аула Кезеной (161), отцовское завещание (172—173), башня «Цогола-хе-хе» (186), мельник (189—190), происхождение халундоевцев, два варианта (195), чеченские поговорки (196), хозяин и воры (196—197), вор и мулла (197), сказка о дочери Гана (213—218), о муже и глупой жене (218—220), о догадливой невестке (220—222), о мудром судье (222), о человеке, понимавшем язык животных (223—224), басня о соколе, ястребе и галке (224), о коне, еже и собаке (225), о змее и человеке (225), о молодой и старой лисице (225), о старике и юноше (225—226), о семи богатырях (226), анекдот о чеченском родоначальнике и его приближенных (226), о трусливом воине (227), о голодном чеченце (227), о родоначальнике и его сыне (227—228), чеченская загадка (228).

51. «*Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*». Тифлис. 1893. Вып. XV. Отд. 1. Стр. 113—114.

Чеченская песня о генерале Фези, переведенная на русский язык, в стихах, казаком П. Гранадчиковым.

52. *Семенов Л.* «Борга-каш». («Известия Ингушского института краеведения». Владикавказ. 1928 г., I).

Ингушские легенды о мавзолее Борга-каш.

53. *Семенов Л.* «Лермонтов и Л. Толстой». Москва. 1914 год, стр. 425.

Чеченская лирическая песня.[131]

54. *Семенов Н.* «Туземцы северо-восточного Кавказа». СПб. 1895 год.

Песня об абреке Вара (66—70), предание о переселении аварского хана Турлова в Чечню (85), рассказ о почитании стариков (85—86).

«Образцы чеченских сказаний, сказок и песен»: сказания о великанах и великаншах и о богатырях (107—110), колдуньи-великанши (110—113), Хорачоевское сказание (113—115), Ялхой-мохкское сказание (115—119), сказание об образовании озера Эзень-ам (119—121),

сказка о трех братьях (122—128), сказка о том, как ханский сын Шейх-Исмаил в погоне за одною обманщицею приобрел себе трех жен (128—136), сказка о том, как простой андиец Карнай, благодаря своей холопке Задай, женился на княжеской дочери (136—142), хитрый кадий (143—146), отрывки из шуточной сказки про муллу Насыр-Эддина (147—156, семь рассказов), песня о юном Эстемире (157—160), предание о расселении чеченцев (210—211); краткие упоминания о двух других преданиях (211) заимствованы из Берже и Лаудаева.

55. *Семенов Н.* «Чеченские сказки и легенды». («Терские ведомости», 1880 и 1881 годы).

1880 год. Сказки богатырские и волшебные: сказка про то, какие на свете жили богатыри (№ 43), про колдуний-великанш (№ 44), про трех братьев, из которых двое было умных, а третий был дурак (№ 44), про молодца-чеченца и богатыря Ногая (№ 45), про то, как ханский сын Шейх Исмаил вместо одной жены приобрел себе трех жен (№ 49), про ханского сына Парсдана и про царевну Целису (№ 52).

1881 год. Сказки шуточные и остроумные: про андийца Карная и про то, как он с помощью своей холопки Задай женился на княжеской дочери (№ 2), хитрый кадий (№ 3), суд и мальчик (№ 5), Хорачоевская легенда (№ 8), Ялхой-мохская легенда (№ 23), легенда о том, как образовалось озеро Эзень-ам (№ 25).

56. *Семенов Н.* «Отрывки из шуточной сказки про муллу Насыр-Эддина». («Терские Ведомости», 1881 год, три анекдота в № 31, четыре — в № 33, три — в № 34).

57. *Сокольский В.* «Архаические формы семейной организации у кавказских горцев». («Журнал Министерства народного просвещения», 1881 год, XI).

Предание об орштохойцах (40—41).[132]

58. *Томашевский К.* «Кавказские сказки». (Собрали Н. Пихтов и К. Томашевский, литературная обработка К. Томашевского). Ростов-на-Дону — Краснодар. 1926 год.

«Мулла Нассыр-Эддин» (цикл чеченских сказок, 39—53 стр.); «Соловей и комар» (чеченская сказка, 57—61); «Сказка о бедном человеке» (чеченская сказка, 90—93); «Орхустойцы и Ботоко-Ширтга» (ингушская сказка, 99—104); «Мудрый судья» (ингушская сказка, 120—123); «Осленок и свинья» (чеченская сказка, 127); «Осел и бык» (чеченская сказка, 129—130); «Скорлупа, толокно и муха» (чеченская сказка, 130), «Неудачный набег» (чеченская сказка, 131).

59. *Тусиков М.Л.* «Ингушетия». Владикавказ. 1926 год.

Ингушские предания: Соска-Солса (9)[133], происхождение кистин (9)[134], Джерахмет, родоначальник Джераховского общества (10)[135], поселенцы близ озера Галанчодж (11—12)[136], песня о кровомщении (23)[137].

60. *Услар П.* «Народные сказания кавказских горцев». («Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис. 1868 год. I).

Чеченские приветствия (6), описание женской красоты (7), чеченские пословицы (17), отрывок из чеченской песни (38)[138].

61. *Услар П.К.* «Чеченский язык». (Этнография Кавказа. Языковедение. II. Тифлис. 1888 год).

Пословицы (111—115), рассказы — мулла Несират (116—122), вор Зураб (122—128), лирическая песня (128—130), песня о храбром Умахане (130—146), песня о Турпале (146—149).

(Чеченский текст, русский перевод и комментарии).

62. *Федоров.* «Кто он?» (Из преданий Чечни). («Терские ведомости». 1911 год. № 246).

63. *Цискаров И.* «Лозы любви». (Кистинское предание). («Зурна». Закавказский альманах. Издание Е.А. Вердеревского. Тифлис. 1855 год. Стр. 155—174).

64. «*Чеченская сказка*». («Кавказ». 1849 год. № 17).

65. «*Чеченские песни*». («Терский сборник». Владикавказ. 1890 год. I).

Песня о генерале Граббе (151—152), две песни о генерале Слепцове (153).

66. *Chantre E.* «Recherches antropologiques dans le Caucase. Paris-Lyon». 1887. IV.

Предание о происхождении чеченцев (184—185), второй вариант (185—186)[139], чеченская песня (189)[140].

67. *Шифнер А.* «Чеченский язык». Перевод с немецкого. (Услар, «Чеченский язык», приложение 1-е)[141].

Рассказ о человеке и змее (44—45), пословицы (45—46).

(Чеченский и русский тексты).

68. *Эльдарханов Т.* «Чеченские тексты». («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». 1900 год. XXVIII, отд. III, 1—40).

Сказки: от баб в доме разлад (1—5), завет отца (5—22), как Наср-Эддин одурачил всех (22—29), как Наср-Эддин наказал неверную жену (29—35), злая жена (35—40).

(Чеченский и русский тексты).

69. *Эльдарханов Т.* «Чеченские тексты». («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». 1901 год. XXIX, отд. III, 1—33).

Сказки: младший из шестидесяти сыновей (1—6), отцовское наследство (6—15), три диковинки (15—19), хитрая лисица (19—21), лиса и куропатка (21—24), старая хлеб-соль забывается (24—33).

(Чеченский и русский тексты).

70. *Яковлев Н.Ф.* «Ингуши». Москва — Ленинград. 1925 год.

Песни: Гази (15—16), Кэрцхал (25), аравитянин, родоначальник ингушского народа (39—41), свадебная песня (54—55), предания: построение башни (91—92), заселение аулов Эгикал, Таргим и Хамхи (98—99), Эги и его кровники (99—100), галгаи и феппинцы (101—102), Ивзды Газде (102—104).

71. *Яковлев Н.Ф.* «Несколько слов о чеченской и ингушской народной песне». (Газета «Сердало». 1927 год. № 63).[142]

Лирическая песня, записанная Л. Толстым; запев; две песни ссыльного; песня о восстании в Чечне в 1877 год.[143]

Примечания

1. Ингушская народная словесность очень близка к чеченской по языку и основным мотивам. Считаясь с этим, мы, следуя примеру некоторых предшествующих исследователей, соединяем в настоящей работе материалы по изучению народной словесности ингушей и чеченцев.
2. Ингушская газета «Сердало», 1927 год, № 63.
3. Перепечатано в журнале «Краеведение на Кавказе», Владикавказ, 1924 год, стр. 31.
4. То же в очерке того же автора — «Вопросы изучения чеченцев и ингушей». Грозный. 1927 год. Стр. 40—45.
5. Оттиск «Известия Горского института народного образования». Вып. I. 1923 год.
6. Оттиск «Известия Азербайджанского государственного университета. Востоковедение». I.
7. Иваненков, 131; Услар, «Чеченский язык», 128—130.
8. Головинский, 260.
9. Яковлев, «Ингуши», 54—55.
10. Ипполитов («Сборник сведений о кавказских горцах», I, 13—14).
11. Там же, 27.
12. Грен, 1—2.
13. Гатуев, 15—16; Головинский, 259; Ипполитов («Сборник сведений о кавказских горцах», II, 16—17); Н. Семенов, «Туземцы северо-восточного Кавказа», 66—70).
14. Ипполитов («Сборник сведений о кавказских горцах», I, 27—30).
15. Там же, 31—35.
16. Гатуев, 124.
17. Там же, 189—195.
18. Потто, 76.
19. Ахриев («Сбоник сведений о кавказских горцах», V, 38—46; VIII, 5—7, 27—29); Головинский, 257; Грен, 4—16; Далгат («Терский сборник», 57—58, 125, 126; «Этнографическое обозрение», 35—42); «Из чеченских сказаний» («Сборник сведений о кавказских горцах», IV, 1—7); Лаудаев, 17, 44—47; Решетин («Терские ведомости», 1911 г., № 127) и др.
20. Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII, 18—19).
21. Берже, 129.
22. Там же, 131—133.
23. Грен, 2—4.
24. Далгат («Этнографическое обозрение», 52—54).
25. Иванов М.А., 37—38.
26. Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII, 1—2); Берже, 125; Головинский, 243.
27. Ахриев, там же, 2—3.
28. Россикова, 195.
29. Ахриев, там же, 25—27; И.М. Попов («Сборник сведений о кавказских горцах», IV); Далгат («Терский сборник», 126); Решетин («Терские ведомости», 1913 г., № 87, 90); Россикова, 161.

30. Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII, 30; Миллер, 9; Яковлев, «Ингуши», 98—99.
31. Головинский, 247; Миллер, 35, 37; Вертепов («Терский сборник», 110—111); Россикова, 156—157; Яковлев, 91—92.
32. Головинский, 247—248; Дубровин, 385—386; Ипполитов («Сборник сведений о кавказских горцах», I, 48).
33. Головинский, 248—249.
34. Головинский, 247; Вертепов («Терский сборник», 107).
35. Головинский, 249; Вертепов («Терский сборник», 107).
36. Миллер, 36; Вертепов («Терский сборник», 111).
37. Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах». VIII, 6); Вертепов («Терский сборник», 107); Ч. Ахриев видит в «джелтах» греков.
38. Попов, «Ичкеринцы», 265—266.
39. Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII, 20—25); Берже, 138; Головинский, 257; Далгат («Этнографическое обозрение», 68—73); Лаудаев, 41—42.
40. Берже, 137.
41. Лаудаев, 59—61.
42. Ган, 221.
43. «Терский сборник», I, 151—153.
44. Далгат, «Первобытная религия чеченцев», 121; Головинский, 254.
45. Далгат, там же.
46. Далгат, там же, 115; Головинский, 254—255.
47. Головинский, 252.
48. Головинский, 254.
49. Далгат, там же, 118—119; Головинский, 254; Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII, 12—14).
50. Далгат, там же, 117.
51. Головинский, 254; Далгат, там же, 115—117; Грен, 18—19; Лаудаев, 53—54.
52. Далгат, там же, 117; Лаудаев, 53—54.
53. Головинский, 254.
54. Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII, 8—9); Далгат, «Первобытная религия чеченцев», 128—129.
55. Ахриев, там же, 9—12.
56. Далгат, там же, 71—72.
57. Далгат, там же, 122.
58. Грабовский, 16—17; Миллер, 17.
59. Головинский, 256—257; Лаудаев, 32—33.
60. Бывалый («Терские ведомости», 1911 год, № 252).
61. Дубровин, 409.
62. Лаудаев, 49.
63. Берже, 136—137.
64. Баранов («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXXII); Бартоломей, 53—154; Далгат, «Первобытная религия чеченцев», 60—61, 75—83, 114—117; «Сборник сведений о кавказских горцах», IV, отд. II, 1—33 («Из чеченских сказаний»); Мутушев («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXXII; «Терские ведомости», 1899 год, № 134); Россикова (151—152, 172—173, 189—190, 196—224, 226—228); Н. Семенов («Терские ведомости», 1880—1881 г.); Эльдарханов («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXVIII, XXIX) и др.
65. Головинский, 260—266; Ипполитов («Сборник сведений о кавказских горцах», I, отд. III, 42); Россикова, 224—247.
66. Бартоломей, 32—53; Н. Семенов, Туземцы северо-восточного Кавказа, 147—156; он же, «Терские ведомости», 1881 г., № 31, 33, 34.
67. Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах», IV, стр. 1); Бартоломей, 24—32; Услар, «Чеченский язык», (111—115); он же, в «Сборнике сведений о кавказских горцах», I, 17; «Из чеченских сказаний» («Сборник сведений о кавказских горцах», IV, 33); Россикова, 196.
68. Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах», V, 40—41); Россикова, 228.
69. Лопатинский, комментарии к ингушским и чеченским текстам в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XXVIII, XXIX.
70. Далгат («Этнографическое обозрение», 1901, IV).
71. Сочинения Пушкина в издательстве «Просвещение». СПб. 1909 год, III, 125, 136.
72. Пушкин, III, 602.
73. Академическое издание сочинений Лермонтова, I, 14.

74. Амфитеатров, «Новое издание сочинений Лермонтова» («Современник», 1911 год, IV, 369—370).

75. Академическое издание сочинений Лермонтова, II, 21—22.

76. II, 45—46. Горские песни встречаем у Лермонтова и в других произведениях, например, в поэме «Беглец», в «Бэле».

77. V, 195—196.

78. К. Белевич. «Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев». СПб. 1910 год, стр. 19.

79. В.И. Немирович-Данченко, Горные орлы, СПб. (изд. Сойкина), 1904 год, стр. 76—77.

80. Л. Толстой. «Полное собрание сочинений» под ред. Бирюкова. М. 1913 год, II, 138. Аналогичный эпизод упоминается в описании смерти чеченского абрека Вара, исторической личности: «Взвод драгун успел окружить дом, где Вара скрывался, и после отчаянной трехчасовой защиты, во время которой он *не переставал петь молитвы зикристов*, абрек этот, будучи уже ранен пулею Гуданата, с шашкою в руках и *с громким пением своей предсмертной молитвы* (ясына, отходной молитвы), бросился в середину наших солдат и был убит». («Сборник сведений о кавказских горцах», II, отд. II, 17). К. Гатуев, описывая смерть абрека Зелимхана, также отмечает, что абрек, отстреливаясь от русских, пел «ясын». («Зелимхан», 173—174).

81. Л. Толстой, XII, 68—69.

82. Выражаем глубокую благодарность А.А. Тахо-Годи, указавшему нам в 1914 году, по выходе в свет нашей статьи «О «Хаджи-Мурате» Л. Толстого» («Вестник Харьковского историко-филологического общества», V, источник названной песни Л. Толстого.

83. Ср. в «Сборнике сведений о кавказских горцах»: «*Но ведь я* был твоим господином. Мое тело — *достояние земли...*»

84. А.А. Фет. Полное собрание стихотворений. Изд. т-ва А.Ф. Маркс. СПб. 1912 год, II. 356. Эти две песни и последующая («Выйди, мать, наружу») озаглавлены — «Песни кавказских горцев». Написаны в 1875 году. Первоисточником третьей песни является аварская, взятая из той же книги «Сборник сведений о кавказских горцах» (1, отд. V, 34). Художественное значение песни о кровомщении, остановившей на себе внимание В.И. Немировича-Данченко, Л.Н. Толстого и А.А. Фета, было отмечено не только ими; песня эта, как яркий образец чеченской поэзии, перепечатывалась в различных изданиях; см., например, труды — Н. Дубровина («История воины и владычества русских на Кавказе», СПб., 1871 год, I. кн. I, 459), В. Зотова («История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах», СПб. — Москва, 1877 год, I, 354—355), В. Потто («Кавказская война», СПб., 1885 год, II т., 75).

85. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». XXII, отд. III, 21.

86. В основу положена легенда о мавзолее Борга-каш: автор ссылается на первоисточник — записки Головинского в «Сборнике сведений о Терской области».

87. Автор указывает, что в основу им взята чеченская песня из того же очерка Головинского (стр. 260, песня 3-я).

88. Стихотворение о Зелимхане; перепечатано в книге Гатуева «Зелимхан», 185—187.

89. Перепечатано в той же книге Гатуева, 187—188.

90. Обработка ингушской легенды.

91. Стихотворная обработка чеченской песни, помещенной профессором Н. Яковлевым в дословном переводе в газете «Сердало», 1927 год, № 63.

92. Стихотворная обработка чеченских легенд.

93. Стихотворная обработка чеченского мотива, записанного А. Шериповым.

94. Гатуев, Зелимхан, 185.

95. Ипполитов («Сборник сведений о кавказских горцах», I, отд. III, 31—32).

96. Там же, 30.

97. Головинский («Сборник сведений о Терской области», 260).

98. Там же, 258.

99. Грен («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXII, отд. III, 2).

100. К. Гатуев, 189.

101. Фет, I, 443.

102. Перепечатаны в книге: Услар, «Чеченский язык», 1888 год, приложение 2-е, стр. 67—71.

103. Перепечатаны в той же книге Услара, приложение 2-е, стр. 57—67.

104. Ср.: Услар, «Чеченский язык», 146—149; Gilles, «Lettres sur le Caucase et la Crimeé», Paris, 1859, p. 138; Потто, «Кавказская война», СПб., 1885 год, II, 69; Гатуев, «Зелимхан», Ростов-на-Дону, 1926 год, 6; Головинский («Сборник сведений о Терской области», I, 1878 год, 258—259).

105. Первоначально — в газете «Терские ведомости», 1897 год; имеются отдельные оттиски — «Терских ведомостей» (1897 год) и «Терского сборника» (1903 год).

106. Из труда Миллера («Материалы по археологии Кавказа», I, Москва, 1888 год, 23—24).

107. Из очерка Головинского, 260—261.

108. Из очерка Ч. Ахриева («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII).

109. Из очерка Головинского, 260.
110. Из очерка Головинского, 260.
111. Одна из песен (стр. 189—190, запись А. Костерина) перепечатана в альманахе «Советская страна» (Москва, 1928 год, № 2, стр. 75—76) под заглавием «Песня о храбром Зелимхане», с некоторыми изменениями и пропуском нескольких стихов.
112. Первоначально напечатано в «Терских ведомостях», 1871 год.
113. Мифическое существо (лесной дух).
114. Баба-яга; первоначальное значение — дракон.
115. По В.Ф. Миллеру («Материалы по археологии Кавказа», I, 23—24).
116. По Ч. Ахриеву («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII).
117. К текстам даны ценные комментарии.
118. «Вамполож» — великаны (мн. ч.); ед. число — «вампол».
119. По очерку Грабовского («Сборник сведений о кавказских горцах», III, 16—17).
120. Из «Сборника сведений о кавказских горцах», I, 27.
121. По Головинскому («Сборник сведений о Терской области»).
122. Запись Ч. Ахриева.
123. Запись И.М. Попова.
124. Запись Д.Д. Дмитриева.
125. Первоначально напечатано в «Терских ведомостях», 1868 год, № 3 и 5.
126. Первоначально в газете «Терские ведомости», 1870 год.
127. Первоначально в «Терских ведомостях», 1868 год.
128. Ср. Берже, «Чечня и чеченцы», 129; Услар, «Чеченский язык», 146—149.
129. Из «Сборника сведений о Терской области», I, 260.
130. Из «Сборника сведений о кавказских горцах» (I, отд. III, 27).
131. Из «Сборника сведений о Терской области», I, 260.
132. По Ахриеву («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII, 27—29).
133. По Ахриеву («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII).
134. Ахриев («Сборник сведений о кавказских горцах», VIII, 1—2).
135. То же, стр. 2—3.
136. Ипполитов («Сборник сведений о кавказских горцах», I, 48—49).
137. По Ипполитову («Сборник сведений о кавказских горцах», I, 27).
138. Перепечатано в его же книге «Чеченский язык», приложение 3-е, стр. 75—77.
139. Из «Сборника сведений о Терской области», I.
140. Из «Сборника сведений о Терской области», I, 275.
141. Из «Известий Императорской Академии наук», VII серия, т. VII, № 5, 1864 год.
142. То же в очерке Н.Ф. Яковлева — «Вопросы изучения чеченцев и ингушей». Грозный, 1927 год, стр. 42—45.
143. См. еще — *А. Субханвердиханов*. «Перечень и краткое изложение материалов по фольклору народов Азербайджана и прилегающих стран из наследия Л.Г. Лопатинского». («Известия общества обследования и изучения Азербайджана». Баку. 1927 год, IV), В бумагах *Л.Г. Лопатинского* найдены записи следующих образцов ингушского и чеченского народного творчества: ингушская сказка «300 золотых»; чеченские сказки: «Сказки о мудром Зикре», «Сказка о мыши и о воробье», «Сказка о семи братьях», «Мачеха и три ее пасынка», «Золотая рыбка и княжеская дочь»; «Младший сын хана и чудовище»; чеченские песни (стр. 228—229). Эти тексты еще не опубликованы. Сведения об ингушских преданиях и поверьях имеются также в работах Г.К. Мартиросиана «Нагорная Ингушия» и И.П. Щеблыкина «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры» («Известия Ингушского института краеведения», I, 1928 год).

Текст печатается по изданию:
Семенов Л.П. Ингушская и чеченская народная словесность. — Владикавказ: Государственная типография автономной области Ингушии, 1928.

Григорий Филиппович Чурсин

Чурсин Григорий Филиппович (1874—1930) — российский этнограф-кавказовед, профессор Ленинградского университета (1929). Окончил Тифлисский учительский институт (1894). Совершил ряд поездок по Кавказу для сбора этнографических материалов. Был секретарем Кавказского отделения Русского географического общества (1913), сотрудником ряда местных научных учреждений.

Г.Ф. Чурсин родился 10 января 1874 года в Ейске. Начальное и среднее образование получил в Ейском городском училище, в 1890 году поступил в Тифлисский учительский институт, который окончил в 1894 году. В этом же году за участие в революционном движении был выслан на три года в форт Александровский на Мангышлаке, где работал учителем.

В 1897 году он вернулся на Кавказ, работал инструктором Кавказского филоксерного комитета (сначала в Кахетии, а потом в Шушинском и Телавском уездах). С 1905 по 1916 год — редактор Закавказского статистического комитета. С 1916 по 1918 год — хранитель Отделения этнографии Кавказа в Кавказском музее в Тифлисе. С 1921 по 1924 год Г.Ф. Чурсин работал в книгохранилищах Тифлиса. В 1924 году назначен заведующим Историко-этнологического отдела Закавказской научной ассоциации при ЗакЦИКе, одновременно работал в Кавказском Историко-архитектурном институте АН СССР. С 1928 года был сотрудником Научно-исследовательского краеведческого кабинета Закавказского коммунистического университета. С 1929 года профессор Ленинградского государственного университета по кафедре этнографии, читал курс этнографии народов Северного Кавказа и Закавказья.

Работы о Г.Ф. Чурсине:

Ладыженский А.М. Памяти профессора Г.Ф. Чурсина. — ГАСК. Ф.-1260. Оп. 1. Д. 151. Л. 1—5. Машинописный экземпляр (см. с. 286—288 нашей антологии).

Исследования Г.Ф. Чурсина:

Очерки по этнологии Кавказа. — Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1913. — *Переиздание*: Очерки по этнологии Кавказа. — М.: URSS Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана: Культ железа у кавказских народов.— Оттиск из «Известий кавказского историко-археологического института», 1927. — Стр. 43—106.

Амулеты и талисманы кавказских народов. — Махачкала: Издание Ассоциации северокавказских горских краеведческих организаций, 1929.

Краткая инструкция по собиранию этнографических сведений / Азерб. науч.-исслед. ин-т. Историко-этнографич отд. — Баку: АзГНИН, 1930.

Материалы по этнографии Абхазии / Абхаз. ин-т языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Грузинской ССР. — Сухуми: Абгиз, 1956.

Авары: этнографический очерк / Науч. ред.: к. ист. н. Р.И. Сефербеков: Рос. акад. наук, Дагест. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии. — 2-е изд. — Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2008.

Г.Ф. Чурсин
Амулеты и талисманы кавказских народов

Не обладая действительными средствами для ограждения от зол и бедствий, которыми полна жизнь некультурного человека, примитивная мысль искала спасения в средствах, по существу бесполезных, но почему-либо казавшихся способными доставить человеку нужную помощь и защиту, так возникают разного рода охранительные средства, обереги, амулеты, талисманы. Слово амулет производят или от арабского hamâil (повязка, от hamala — носить), или от позднего латинского amolet = amamolimentum (от amoliri — отвращать). Слово талисман производят от арабского tilsam (чародейское изображение). Оба слова, амулет и талисман, часто употребляются в одинаковом смысле; некоторые же авторы делают между этими понятиями различие: амулетами называют предметы, магическим образом охраняющие человека от разных бед, отвращающие зло (обереги); талисманы же — это магические средства, могущие влиять на окружающее, обеспечивать, доставлять своему обладателю различные блага (богатство, счастье, удачу и проч.). Амулеты носят, таким образом, пассивный характер, талисманы — активный[1].

Классифицировать амулеты можно, исходя из различных оснований. Можно в основу классификации положить назначение амулетов и в таком случае распределить их на амулеты против дурного глаза, против укушения ядовитых животных, против той или другой болезни и проч. Классификация получится многочленная, но научно мало ценная. Можно классифицировать амулеты по способу их употребления: одни носят на шее, на груди, пришивают к платью, другие хранят в доме, третьи вешают на скотину и т.д. Такая классификация тоже мало дает для выяснения сущности веры в амулеты и талисманы. Более плодотворной следует считать такую классификацию, в основу которой положен характер предметов, служащих амулетами.

Такого рода классификация предложена В. Вундтом[2]. Он делит амулеты на 4 главные группы: 1) части человеческого тела и их изображение, 2) изображение животных, 3) амулеты, связанные, в силу ассоциации идей, с первичными мифологическими представлениями и 4) писанные чародейские формулы. Недостатком этой классификации, как уже отметил проф. Е.Г. Кагаров, является выделение в особую группу амулетов, связанных с первичными мифологическими представлениями, так как с этими представлениями могут быть связаны и амулеты, относимые В. Вундтом к другим группам. Е.Г. Кагаров предлагает[3] несколько иную классификацию амулетов (преимущественно античных): 1) объекты неорганической природы, 2) объекты органической природы, 3) магические слова и фигуры, 4) волшебные числа, 5) божественные и демонические предметы. Эта классификация имеет свои слабые стороны; последние две группы, 4-я и 5-я, без особого ущерба могли бы быть соединены с третьей, так как «волшебные числа» употребляются как «магические слова», если они произносятся, или как «магические фигуры», если пишутся; амулеты же божественного и демонического характера — это либо имена богов и духов, что относится к области магических слов, либо предметы органического и неорганического происхождения, как зуб ведьмы, коготь дьявола и проч. Остается три группы амулетов: 1) объекты неорганической природы, 2) объекты органической природы, 3) магические формулы.

К этим трем группам необходимо присоединить четвертую: объекты материальной культуры. Употребление в качестве амулетов ножа, стрелы, сети и т.п. основывается на вере в магическую силу этих орудий, независимо от материала (органического или неорганического происхождения), из которого они сделаны. Магические формулы представляют собою объект духовной культуры. Введя предлагаемые мною поправки и дополнения, получим следующую классификацию.

1. Объекты природы:

1) Объекты органической природы;

2) Объекты неорганической природы;

2. Объекты культуры:

1) Объекты материальной культуры;

2) Магические формулы.

Первая группа амулетов представляет создание примитивной веры в магическую силу природы органической и неорганической, вторая есть результат преклонения человека перед завоеваниями культуры материальной и духовной (культ слова).

Амулеты и талисманы, употребляющиеся у народов Кавказа, до сих пор остаются совершенно неизученными. Между тем, изучение их представляет большой и разносторонний научный интерес. Степень распространения и характер употребляющихся в народной среде амулетов могут служить ценным пособием при изучении различных сторон духовного и материального быта народов. Кроме того, на Кавказе, где на протяжении ряда веков встречались и взаимно переплетались культурные влияния, исходившие из различных очагов древней культуры, изучение амулетов и талисманов может содействовать более полному научному освещению некоторых вопросов из истории культурных влияний и взаимодействий народов Кавказа и Передней Азии.

В настоящем очерке я отнюдь не претендую дать сколько-нибудь полное описание употребляющихся у народов Кавказа амулетов и талисманов. Для этого в нашем распоряжении нет достаточно материалов. Существующие на Кавказе музеи до чрезвычайности бедны этого рода предметами. Более или менее значительное собрание амулетов и талисманов имеется лишь в этнографическом отделении музея Грузии, но и это собрание в научном отношении крайне неудовлетворительно. Так как этнографические сборы для музея производились в большинстве случаев не этнографами, то собранные ими талисманы и амулеты обыкновенно представляют собою голые предметы без каких бы то ни было данных для их научного описания: никаких отметок о том, кем носится амулет (мужчинами, женщинами и детьми), с какою целью (против той или иной болезни, против дурного глаза, для привлечения каких-либо благ); не отмечается способ употребления (носится на шее, на груди, пришивается к платью, вешается в доме и проч.); иногда не указывается и народность, употребляющая данный амулет, или она обозначается слишком общим и ненаучным термином, например, «лезгины». Наконец, имеется ряд амулетов, купленных на Тифлисском базаре и носящих на этикетах отметку «случайная покупка» или «неизвестного происхождения».

В других тифлисских музеях собрано лишь ограниченное число амулетов. В Музее Грузинского общества истории и этнографии имеется довольно много так называемых „авгарози», употребляющихся в качестве амулетов молитв, три амулета из агата, в том числе один с раковинами и бусами и одна крышка раковины морского моллюска. В Армянском этнографическом музее, ныне перенесенном в Эривань, имеется несколько амулетов «молитв» и несколько синих бус. Провинциальные музеи на Кавказе находятся все еще, можно сказать, в зачаточном состоянии. Самые крупные из них — в Краснодаре, Ставрополе и Владикавказе не богаты этнографическими коллекциями. В осмотренном мною летом 1917 года бывшем Владикавказском областном музее я не нашел ни одного амулета.

Ввиду этой скудости существующих этнографических собраний ограничиться при описании кавказских амулетов и талисманов теми материалами, которые имеются в музейных коллекциях, значило бы дать лишь крайне отрывочные и разрозненные сведения. Поэтому для настоящего краткого очерка я решил использовать не только коллекции музея Грузии, но и разбросанные в многочисленных статьях по этнографии Кавказа сведения, могущие до некоторой степени заполнить пробелы, оставленные музейными материалами.

Все это вместе взятое не дает, однако, возможности представить хоть сколько-нибудь полную картину распространения амулетов и талисманов среди кавказских народов. Единственно, что мне казалось возможным сделать — это собрать имеющийся в нашем распоряжении материал и, сгруппировав его по определенным признакам, набросать общий очерк, который мог бы облегчить в будущем работу всестороннего изучения этого глубоко интересного явления духовной культуры.

Объекты природы

Объекты органического мира

Части человеческого тела. Согласно примитивному воззрению, присущие человеку качества (сила, храбрость, ум и проч.) до известной степени как бы пропитывают собою отдельные части тела человека, а от них могут переходить на других людей. Отсюда получают свое начало амулеты, изготовленные из частей человеческого тела, особенно из частей тела лиц, ко-

торые считаются наделенными особою силою и могуществом, каковы колдуны, чародеи, герои, святые. Части тела, обломки костей, волосы таких людей у многих народов хранятся и носятся зашитыми в материю, скрытыми в рукоятке меча, вложенными в ладанку и проч. К этой же категории явлений может быть до известной степени отнесено ношение в медальонах волос или ногтей близкого, любимого человека, что связывается с верою в возможность установить таким путем неразрывную связь и близость с данным человеком.

Пуповина, ввиду ее тесной связи с ребенком, у многих народов считается имеющей влияние на судьбу человека. Грузины Телавского уезда прячут пуповину ребенка у стены церкви, тогда ребенок вырастает в любви к церкви, если же бросить пуповину куда попало, из ребенка выйдет бродяга. Некоторые родители сохраняют пуповину до тех пор, пока ребенок станет ходить. Тогда он сам должен подбросить ее к какому-либо ремесленному заведению, смотря потому, какое ремесло он хотел бы усвоить[4]. То же наблюдается и в других местностях Грузии, а также среди армян Кавказа и Турции. Так, армяне Ахалкалакского уезда отрезанную пуповину прячут у церкви, чтобы ребенок был богомольным, дают скотине, чтобы любил скотину, или кладут в «бахчу» мелочного разносчика (платок, в котором мелочные торговцы завязывают товар), чтобы из ребенка вышел торговец[5].

Детское место или послед («рубашка») считается, как известно, обеспечивающим счастье тому, кто в «рубашке» родился. Этого мало: иногда «рубашке» приписывается также магическая сила ограждать от болезней. Так, казаки станицы Расшеватской сушат «рубашку» и носят на шее от лихорадки[6].

У многих народов в качестве амулета часто встречаем модели или изображения человеческой руки. «Известно, что рука, эмблема силы, представляет один из наиболее распространенных амулетов», — говорит Fossey. «Арабы Алжира рисуют руку на стенах, чтобы удалить из дома злых духов; в Италии многие носят, в качестве брелков, маленькие коралловые руки, чтобы предохранить себя от дурного глаза»[7].

Этот род амулетов восходит к глубокой древности и обнаружен в стенах ассирийских жилищ. «В Нимруде, — говорит Смит, — я нашел эти грубые любопытные модели руки, которые были замурованы в стены, с кулаком, обращенным кверху; назначение их было, вероятно, ограждать место от злых духов»[8]. На Кавказе амулеты в форме человеческой руки встречаются сравнительно редко. В музее Грузии имеется амулет ахалцихских армян-католиков в форме руки, вырезанной из серебряной пластинки, с выгравированным на тыльной стороне крестом, а на ладони двумя армянскими буквами и числом 1001; другой амулет из Ахалциха представляет медную штампованную руку с еврейской надписью; амулет называется «шадай», привозится из Иерусалима и нашивается на детскую ермолку вместе с бусами и другими амулетами. В том же музее имеются четыре амулета с серебряными штампованными моделями рук, доставленные из Ардебиля. Из Ардебиля же доставлена имеющаяся в музее маленькая подвеска из кварца в форме кулака. Барон де-Бай сфотографировал в Дербенте тюркского мальчика с металлическим талисманом в форме руки, повешенным на шее[9]. Особая магическая сила приписывается руке, сложенной в виде кукиша или фиги. В Ейске (ныне Донской округ), как и в некоторых местностях РСФСР и Украины[10], при лечении «ячменя» подносят ему кукиш и говорят: «Ячмень, ячмень, на тебе кукиш, что хочешь, то купишь; купи себе топорок, руби себя поперек!». Понятно, что изображение кукиша должно иметь такую же силу, как и самый кукиш. Отсюда амулеты и подвески в виде кукиша. В коллекции музея Грузии имеется небольшая сложенная кукишем рука из розового коралла, приобретенная в Тифлисе. Заметим здесь, что рука, сложенная в виде кукиша или фиги, считается отвращающим амулетом и у некоторых, очень далеких от нас народов. Так, кукиш отвращает болезни и вредные влияния у негров Бразилии[11].

В Дагестане я наблюдал следующий обычай: после того, как вновь построенный дом обмажут глиной, одна из женщин, принимавших участие в обмазывании, отпечатывает на стене, у дверей дома, свою руку. Это изображение руки, вероятно, имело первоначально характер охранительного средства, оберега, как у арабов Алжира. Впоследствии же смысл обычая был забыт.

Оттиски человеческой руки сохранились на цементе одной из крепостных башен города Сигнаха (внизу по дороге в селение Машнаари); с какою целью сделаны эти оттиски — неизвестно.

Возможно, что до известной степени характер амулетов имели и те отрубленные у врагов (лезгин, кистин) руки, которые тушины и хевсуры прибивали к дверям своих домов в качестве трофеев. Сила убитого врага, воплощенная в его руке, становилась на стражу дома победителя.

В качестве амулета употребляются иногда человеческие зубы. Плиний упоминает об обычае римлян привешивать первый выпавший у ребенка зуб в качестве амулета, защищающего ребенка от болезни. Такой амулет считался иногда исцеляющим от зубной боли.

Части тела животных. Из диких животных более других внушали к себе уважение хищники, наводившие страх на человека, причинявшие ему чувствительное зло. Для народов Кавказа такими хищниками являются, главным образом, волк, медведь, отчасти гиена. Преклоняясь перед волком, как перед грозным существом, человек охотно наделил его сверхъестественным могуществом и приписывал магическую силу его зубам, когтям, шерсти и проч. На почве этой веры возникают соответствующие амулеты. У армян селения Чайкенд Гянджинского уезда знахарки для изгнания чертей из одержимой ими родильницы «кладут под голову ее череп волка, щетину, тупой гвоздь и сталь; тогда бесы оставляют ее в покое»[12]. Сваны во время припадка падучей перед носом больного сжигают волчью шерсть.

«По прошествии припадка больному привязывают зашитые в лоскутке кожи волчий зуб и медвежьи когти («Кисумбура»)[13]. Карачаевцы для отогнания злых духов к люльке привешивают иногда когти волка и рыси.

По старинному народному воззрению грузин, кто носит с собою волчий зуб, тому нечего бояться целого стада волков, а если привесить зуб к лошади, она сделается быстрою[14].

Курды Курдистанского уезда Азербайджана зашивают в материю волчью шерсть и вешают на шею ребенку в качестве талисмана дуа (Минкенд, 1924 год). Абхазы зашивают волчий зуб в сафьян и носят на себе в качестве талисмана (Окум, 1925 год). Пчеловоды Абхазии прибегают иногда к магической силе волчьей гортани: вырезанную у волка гортань кладут у лётного отверстия улья; это сделает пчел, пролетающих через волчью гортань, непобедимыми в войне с другими пчелами (Джгерды). Авары Дагестана пользуются в качестве талисманов различными частями волка. Волчью шкуру вешают на пасеках; волчий зуб вешают на спину ребенку в качестве талисмана; альчик из ноги волка привязывают на шею овце в качестве талисмана, ограждающего от заболевания ревматизмом. Повешенный на одну овцу, этот талисман предохраняет от ревматизма все стадо (Мачада, 1927 год). В хлеву у потолка аварские овцеводы вешают иногда кусок волчьей печени для ограждения овец от заболевания оспой. По поверью дидоев, любая волчья кость, повешенная барану на шею, предохраняет от оспы. Вырванная у волка при его издыхании шерсть, по мнению аварских знахарей, помогает в делах любви. Наконец, волчий глаз, если его носить при себе, помогает бодрствовать и легко пробуждаться от сна. Это последнее воззрение широко распространено не только среди аваров, но и между андо-дидойскими племенами — каратинцами, багулалами, тиндиями, ахвахами, хварщинами, дидоями и др.

Части тела медведя — когти, зубы, шерсть и проч. также довольно часто употребляются у народов Кавказа в качестве амулетов. Авары вешают медвежью лапу на пасеках в качестве оберега; дедои вешают медвежью лапу в хлевах и конюшнях, чтобы скот лучше размножался (Шаитль, 1928 год). Хваршины прикрепляют медвежьи когти к талисману, который вешается на лошадь для отвлечения дурного глаза (Хварши, 1928 год). Абхазы прибегают к магической силе медвежьего черепа, чтобы оградить свои земельные участки от размыва горными речками: если речка подмывает берег, абхаз берет медвежий череп, привязывает к нему веревку и, бросив его в речку, тащит от того места, куда бьет вода, к противоположному берегу, чтобы направить туда речные волны (Джгеры, 1925 год).

Осетины, найдя медвежий зуб или коготь, прибивают их к косяку дома, чтобы злые духи не могли войти в дом. Когти и зубы медведя вешаются также на люльке, чтобы оградить ребенка от злых духов и дурного глаза.

В коллекции музея Грузии имеется несколько амулетов, состоящих из зубов и костей волка, но эти кости фигурируют в них как кости сверхъестественных существ. Таковы пять амулетов из Ардебиля; один из них представляет волчий клык, перехваченный посредине серебряным кольцом, с ушком для подвешивания; считается он, однако, зубом «кулейбана» — злого духа оборотня. Два других — ложно коренные зубы волка, тоже зубы «кулейбана» с коронками в серебряной оправе. В качестве кости «кулейбана» фигурирует шейный позвонок волка (Ардебиль). Пяточная кость волка, с просверленным для подвешивания отверстием в качестве амулета, доставлена из селения Коп Мушского санджала Битлисского вилайета; носится армянами под названием «килу-чан», охраняет от испуга и страха.

Употребление амулетов из костей и зубов, приписываемых сверхъестественным существам, по-видимому, недавно еще было довольно обычным среди кавказских народов; к сожалению, этого рода амулетов в музеях собрано очень мало, в литературе же сведений о них почти

не встречается. Могу отметить только сообщение, касающееся ингилоев Закатальского уезда. Там после родов, чтобы ведьма не коснулась родильницы, навешивают ей на шею какой-то узелок, говоря, что это «гальдабани» — «пятка ведьмы»[15]. В этом обычае сказывается, по-видимому, влияние, идущее из Персии и Талыша. Из Ленкоранского уезда мною доставлен в бывший Кавказский музей талышский амулет, представляющий пяточную кость какого-то животного; амулет называется «алажени-чиг», то есть кость из щиколотки алажена, существа, нападающего на рожениц; вешается амулет на шею роженице для ограждения ее от алажена. Гурийцы, в отвращение дурного глаза, к колыбели ребенка привешивают морскую раковину, которую они называют «алис-кури», т.е. ухо али (русалки).

Гиена сравнительно редко встречается на Кавказе; редко фигурирует она и в амулетах. По словам доктора Яшвили, зуб гиены «служит амулетом против зубной боли, правый глаз — для предохранения от болезней и передняя нога талисман любви»[16]. У армян села Татев Зангезурского уезда существует такое поверье: «кто хочет иметь успех на суде или в других предприятиях, должен носить на себе шерсть гиены»[17].

Змея. Змея, вселяющая страх в человека, должна, несомненно, наводить страх и на злых духов. Отсюда широко распространенное употребление в качестве амулетов змеиной шкуры, зубов и проч. По сообщению доктора Яшвили, «язык змей способствует излечению лихорадок и горячек. Нужно вырвать язык у живой змеи, завернуть в чистый холст и повесить больному на шею»[18]. Сходного воззрения придерживаются казаки станицы Наурской. «Чтобы не страдать во всю жизнь никакими болезнями, следует только убить змею и жало ее носить в кармане. Имея при себе такой талисман, не только болезни к человеку не пристанут, и самый укус змеиный становится безвредным»[19]. По поверью армян селения Чайкенд Гянджинского уезда, «чтобы избегнуть укушения змеей, следует в шапке носить шкуру ее»[20]. Подобную же веру в магическую силу змеиной шкуры встречаем у русского населения Северного Кавказа, Европейской России и Сибири. В станице Наурской «больные хронической лихорадкой должны носить на груди в узелке куски змеиной рубашки»[21]. По мнению знахарей города Майкопа, «лихорадка пройдет, если привяжешь к кресту кусочек змеиной шкурки»[22]. Мало того: змеиная шкурка спасает и от безденежья: «чтобы в кошельке были деньги, надо положить туда кусочек змеиной шкурки»[23]. Армяне Зангезурского уезда, если ребенок в колыбели плачет, кладут ему под голову змеиную шкуру, заячьи уши или верблюжью шерсть[24]. Армяне селения Даш-Алты бывшего Шушинского уезда, если ребенок страдает бессоницей, под голову его кладут уши зайца или шкуру змеи, которую она оставляет во время линяния[25]. Так же поступают и армяне Даралагяза[26]. Шкуру змеи клали в таких случаях и армяне Зейтуна[27]. Армяне Ахалкалакского уезда зашивают змеиную шкуру в шапку, чтобы избавиться от головной боли[28]. Там же кожу змеи кладут ребенку под подушку, чтобы ребенок был умный[29]. Грузины Кахетии советовали носить при себе куски змеиной кожи, чтобы избавиться от болезни глаз[30]. В Закатальском уезде, чтобы оградить родильницу от злых духов, ее обкладывают черною веревкою, похожею на змею, и беспрерывно стреляют, так как злые духи боятся змей и выстрелов[31]. Курды Азербайджана приписывают змеиной шкуре магическую силу и вешают ее на ребенка, чтобы оградить его от нечистой силы, дурного глаза и проч. (Минкенд, 1924 г.). Армяне селения Коп Мушского санджака для ограждения от укушения змеи носили амулет «оду-хлу», состоящий из стеклянной бусы, напоминающей благодаря полосатому цвету, свернувшуюся змею (коллекция музея Грузии).

Лягушка у многих народов считается символом плодородия. Отсюда вера в то, что с помощью лягушки или ее изображения можно обеспечить плодородие, равно и всякое обилие. Так, лягушка становится талисманом против бесплодия. Жители селения Варташен Нухинского уезда в качестве средства от бесплодия рекомендуют «освободить лягушку, пойманную змеей, убить ее, высушить и пришить к плечу бесплодной»[32]. Путем естественного процесса примитивной мысли сфера благодетельного влияния лягушки раздвигалась все более и более, и за лягушкой стали признавать способность избавлять от некоторых болезней, обеспечивать счастье и т.п. Казаки станицы Наурской считают, что зеленая древесная лягушка (Rana esculenta) избавляет от лихорадки, «следует только засушить лягушечку, зашить ее в тряпочку и носить на шее вместе с крестом, на одном гайтане»[33].

В музее Грузии имеется амулет из Вана в форме жабы, выкованный из серебряной пластинки. Амулет употреблялся армянами и нашивался на шапку детям и женщинам: приносит счастье. Другой амулет, тоже, по-видимому, армянский приобретен в Тифлисе; это сделанная из низкопробного серебра жаба с двумя круглыми серебряными подвесками, на которых штампом вытиснено изображение человеческого лица.

Из других амулетов животного происхождения отметим следующие: в Западной Грузии дети в период учения носят иногда в качестве амулета косточку из костяной части уха какого-то животного, чтобы быть внимательными и понятливыми. Амулет этот называется «гулискури», что в буквальном переводе значит «ухо сердца». Доктор Яшвили рассказывает, что он сам был снабжен этим амулетом при поступлении в уездное училище[34].

У удин селения Варташен приписывалась магическая сила, между прочим, шерсти верблюда: «ребенок ночью не спит — пришей на плече его волос верблюда», советовали знающие люди[35].

В Имерии в качестве амулета носят иногда лапу крота. Жители селения Багдади Кутаисского уезда полагают, что «лапка крота помогает от глазной боли, почему страдающие глазами имеют эту лапку и всегда носят ее при себе — мужчины, например, на цепочке или шнурке от часов»[36]. В коллекции музея Грузии имеется из Имерии детский амулет «муду», употребляющийся против болезней, «происходящих от земли». Амулет состоит из нитки бус с лапою крота.

Зейтунские армяне покрывали позолотой когти орла и привешивали их к голове ребенка, чтобы предохранить его от влияния дурного глаза[37]. По мнению жителей города Ейска, «ружье приобретает удивительное свойство оставлять на месте птицу, хотя бы ее задела только слегка одна дробина, если убьешь «скопу» (большая хищная птица, питающаяся рыбой) и коготь ее положишь под скобу ружья»[38]. Там же существует поверье: «Если промышляющий воровством зашьет себе в правую руку небольшой кусочек лапки черепахи, то он никогда не будет пойман[39].

В коллекции музея Грузии имеется армянский амулет из селения Коп Битлисского вилайета, представляющий пару ящериц, составленных из разноцветного бисера и коралловых пронизок; амулет называется «могозик» и носился девочками, прикрепленным к головному украшению.

Жуки в качестве амулетов на Кавказе встречаются очень редко. В коллекции музея Грузии имеется лишь один такой амулет, доставленный из армянского селения Талыши бывшего Джеванширского уезда. Состоит он из туловища жука (thorax Procetus caucasicus), к которому привешено несколько ниток бус, большею частью голубого цвета; амулет носится девушками на груди, чтобы привлекать поклонников.

Куриное яйцо играет, как известно, видную роль в народных суевериях, выступая часто в роли охранительного средства — оберега. Из соответствующих кавказских обычаев отметим следующие. По понятиям населения Зангезурского уезда Армении, больные роженицы и дети особенно часто подвергаются влиянию дурного глаза. Чтобы предохранить их от действия дурного глаза, привешивают у кровати яйцо или кладут в чашку с водою два или три яйца и ставят чашку вблизи больного. «Сила дурного глаза притягивается яйцом, и если оно лопнет, вот лучшее доказательство, что сглаз подействовал на яйцо, минуя больного»[40]. У горских евреев Дагестана, когда перед венчанием к невесте приезжает от жениха гонец, на лбу его коня разбивают яйцо, чтобы коню не повредил дурной глаз»[41].

Перья и пух тоже считаются не лишенными магической силы. Имеры Кутаиса советуют: «лошади, страдающей желудком, нужно привязать к хвосту пух, и она будет здорова»[42]. В музее Грузии имеется доставленная из Ардебиля небольшая, шарообразной формы, подвеска из пучка пуха в серебряной оправе. Пучки перьев, окрашенных в различный цвет, имеются на нескольких амулетах музея Грузии в виде подвесок.

Лошадь и собака. Амулеты из частей тела домашних животных следует, собственно говоря, отнести к категории амулетов, выражающих преклонение перед завоеваниями материальной культуры, так как приручение и одомашнение животных составляют одно из крупных культурных завоеваний человечества. Но чтобы не расчленять амулеты животного происхождения, мы ставим в эту животную группу и амулеты из частей тела домашних животных, выделяя лишь в особую рубрику. В этой группе амулетов чаще всего фигурируют лошадь и собака. Лошадь — неразлучный товарищ наездника, помогающий ему в его предприятиях. Было естественно поэтому наделить магическою силою лошадиный череп, копыто и проч. Черепа, как средство, ограждающее от дурного глаза и проч., вешаются на кольях плетней, на особых шестах, на стенах. Армяне селения Татев Зангезурского уезда, «чтобы спасти огород, сад и хлебные стога от влияния дурного глаза, ставят на воткнутый шест в названных местах лошадиный череп»[43]. Имеры вешают лошадиные черепа на кольях заборов для ограждения от нечистой силы[44]. В качестве средства, ограждающего от действия дурного глаза, я встречал лошадиные черепа на дворовых изгородях — как в Кахетии, Карталинии, Имерии, Гурии, Мегрелии, Сва-

нии, у кабардинцев, абазин, осетин, карачаевцев, балкар, азербайджанских тюрок. Встречаются они также у казанских татар, ногаев, османов, болгар, сербов и многих других народов.

С одинаковою верою в спасительную силу, наряду с лошадиными черепами, вешают нередко на забор коровьи и бараньи черепа. Значительно реже употребляется в качестве талисмана череп осла. Зейтунские армяне в предотвращение несчастий вешают в доме луковицу или череп осла[45]. В Грузии было в обычае, чтобы унять плач ребенка, вешать на колыбель ослиное копыто[46]. Армяне Зейтуна вешали в доме череп осла, чтобы отвращать несчастья[47].

Собака, как верный страж своего хозяина и его имущества, естественно, должна была в глазах некультурного человека приобрести характер защитника не только от волков и других хищников, но и против невидимых злых сил. По мнению армян Эчмиадзинского уезда, «в дом, в котором есть черная собака, черт никогда не заходит»[48]. Осетины думают, что черт не выносит даже имени черной собаки — «саукай»[49]. У имеров Кутаиса спасительным средством против лесного духа «каджи», кроме подковы, считаются «огонь, собаки и волос из конского хвоста, — все это заставляет чудовище исчезнуть»[50]. По мнению армян Нахичеванского края, холера, которую представляют в виде ангелоподобного существа, боится черной собаки[51].

От этой веры в магическую силу собаки получают свое начало амулеты вроде собачьего уха, зуба, собачьей лопатки и проч. Так, армяне бывшего Нахичиванского уезда «при опухоли селезенки привязывают к боку больного левую лопатку собаки, отчего будто бы становится легче»[52]. Армяне селения Чайкенд Гянджинского уезда под головой детей держат череп собаки, чтобы детям не являлись домовые[53]. Грузины в колыбель младенца клали иногда собачий зуб, так как по народному поверью он ускоряет прорезывание и рост зубов младенца[54]. Равным образом в Средней Азии, у узбеков, «ухо большой степной собаки носится женщинами на шее, чтобы отгонять нечистых духов, препятствующих им забеременеть»[55]. Тот же обычай отмечен у киргизов[56].

У армян Закавказья и у хевсур в качестве амулета иногда употребляется также свиной клык и свиная щетина. Щетиной армяне Гянджинского уезда ограждают ребенка в колыбели[57]; свиной клык армяне Черноморского побережья вешают на шею красивой скотине против сглаза[58]. Хевсуры вешают свиной клык на колыбель для ограждения ребенка.

Растения. Растительный мир гораздо в меньшей степени, чем животный, мог непосредственно проявлять на человеке свою силу и потому меньше давал оснований к созданию из его объектов амулетов и оберегов. Колючие растения — шиповник, терновник, боярышник и другие, являясь в виде колючей изгороди хорошей преградой против людей и животных, должны были казаться отличным средством и для ограждения от нечистой силы и всяких невидимо проникающих бед. Основанные на этом взгляде обычаи встречаются у всех народов мира. На Малайском полуострове «племя оранг-лаут заваливает хворостом и терновником все дороги, ведущие к месту, где появилась оспа, — чтобы удержать демонов»[59]. Чехи при первом выгоне стад для предохранения скотины от порчи кладут в хлевах Терновые ветки[60] и т.п. Аналогичные обычаи наблюдаются на Кавказе. В Грузии вечер Страстной среды народ считал таким временем, когда нечистая сила особенно бесчинствует. В ограждение от нее окна, двери и трубы домов закрывались ветвями шиповника[61]. Чечены против дурного глаза носят амулеты из боярышника, растущего в глухих местах. Куски этого дерева навешивают или на человека, или на рога и хвост животного[62].

Магическою силою наделяют некоторые народы Кавказа дикую черешню, по-видимому, ввиду горького вкуса ее плодов. Имеры селения Зестафони (Квирилы) в Великий четверг «во дворе втыкают в землю ветки дикой вишни, чтобы врагу все казалось горьким, как горьки плоды этой вишни». В селении Гундаети Шорапанского уезда в Страстной четверг приносят из леса ветви дикой черешни, скрепляют накрест и втыкают в землю во дворе, в винограднике и в поле, «чтобы посторонний глаз не мог ничего испортить в этих местах»[63]. Этот обычай наблюдается также среди грузин Горийского уезда. Черешня получает и иного рода применение. В грузинском карабадине (народном лечебнике) против лихорадки рекомендуется написать кончиком ножа на коре горького черешневого дерева приводимую в карабадине молитву и повесить на шею больного[64]. Мегрелы в ограждение ребенка от дурного глаза вешали ему на шею треугольный мешочек из красной материи, наполненный известными травами, или скорлупу ореха, в которой заключен живой паук[65].

Армяне бывшего Нахичеванекого уезда, «чтобы не сглазить ребенка, вешают ему на шею вырезанную дощечку из самшитового дерева»[66]. Армяне селения Татев Зангезурского уезда «для прехранения жирных домашних животных от волшебства вешают на шею животному небольшие палочки (с большой палец величины) с насечками»[67]. Удины вешают на люльку

ребенка в качестве охранительного средства сделанные из дерева кружки наподобие пуговиц с отверстием посредине; эти деревяшки носят, как и у армян, название «дагдаган», по названию древесной породы, из которой они делаются. Кусочки дерева «дагдаган», в качестве амулетов, употребляются также у тюрок и карапапахов.

У гурийцев в селении Нигоити Озургетского уезда «во все время беременности женщина носит при себе завернутое в пояс растение под названием «какилари» (повой), чтобы не было преждевременных родов»[68].

Армяне селения Козлуджа Ленинаканского уезда в качестве талисмана, обеспечивающего плодородие и благополучие, употребляют нанизанные на нитке и особым образом сплетенные коробочки — плоды многолетнего сорного растения Peganum Harmala L., из семейства Zygophyllaceae. Талисман делается весною и вешается над камином. Экземпляр такого талисмана имеется в музее Грузии; там же имеется другой экземпляр талисмана из таких же коробочек Peganum Harmala, доставленный из Ардебиля; талисман считается ограждающим от дурного глаза; по средам и субботам с талисмана отрывается одна коробочка и сжигается.

Черкесы в старину в ограждение себя от дурного глаза носили на себе в качестве талисманов кусочки дерева, в которое ударила молния[69].

Из других амулетов растительного происхождения в коллекции музея Грузии имеется (из Ардебиля) подвеска из лесного ореха в серебряной оправе. Известное отношение к растительному миру имеют также две подвески из сероватого камня, обделанные в форме лесного ореха или дубового желудя.

Объекты неорганической природы

Раковины. Раковины, благодаря, главным образом, своеобразной форме, весьма часто употребляются в качестве амулетов. Употреблются они или особняком, или, чаще всего, в соединении с бусами, камнями и другими мелкими предметами, нанизываемыми на нитку в виде ожерелья, или нашиваемыми на материю. В качестве амулета особенно часто употребляется на Кавказе раковина каури, или Cyprea. Раковины эти попадают на Кавказ из Персии и Турции; добываются же, главным образом, на Мальдивских островах (к западу от Цейлона) и на островах Сулу (между Филиппинскими островами и Борнео). Раковину каури можно встретить в амулетах чуть ли не всех народов Кавказа. Я видел ее у аваров, где она под названием «маргал» вешается на шею ребенку, у карачаевцев, балкар, талышей; употребляются они также у грузин, армян, азербайджанских тюрок, курдов и др.

Кроме Cyprea, довольно часто встречаются в амулетах и другие раковины — как морские, так и речные. Так, в Гурии к колыбели ребенка, против влияния дурного глаза, вешается раковина Cyprea или другая, более крупная, морская раковина, известная у гурийцев под названием «алис-кури», то есть ухо (русалки). Имеры селения Гундаети Шорапанского уезда вешают детям на шею раковину Cyprea и черную стеклянную бусу с коричневым пятном; амулет этот носит название «гвринчила» и предохраняет от дурного глаза. Такие же «гвринчила» вешаются на ружье, чтобы его не сглазили. В других местностях Имерии, против дурного глаза, «матери к люльке своих детей всегда привешивают мелкие разные речные раковины, которые, по их понятиям, имеют свойство, предохраняющее детей от всего нечистого»[70]. Армяне бывшего Нахичеванского уезда, чтобы не сглазили ребенка, «привешивают к головному платку или шапочке несколько морских ракушек»[71]. В амулетах музея Грузии имеются крышки морских молюсков Natica, крышка морской раковины рода Turbo, морская раковина рода Nassa, раковины Helix lucorum и раковины семейства Cardidae.

Камни. Употребление в качестве амулетов разного рода камней представляет очень распространенное явление на Кавказе. Имеющими магическую силу считаются камни с естественными отверстиями, камни необычной формы, необычного происхождения (находимые в земле каменные орудия, бусы и пр.) и драгоценные камни. Больших размеров камни с отверстиями часто служат для протаскивания сквозь отверстия больных, для излечения от бесплодия и пр. Армяне Ванского вилайета «бесплодную женщину проводят три раза через камни с отверстиями»; там же, «если ребенок страдает обморочными припадками, то несут его к так называемым камням «талалоц» и три раза проходят через отверстие камней»[72]. В Хунзахе (Аварский округ Дагестана) на кладбище мне показали большой камень с отверстием, через которое во время Шамиля, в случае чумы, заставляли пролезать всех жителей аула.

Маленькие камни с отверстиями употребляются как амулеты. В некоторых местностях Имерии в Страстной четверг, в ограждение от дурного глаза, насаживают на колья «камни с впадинами»[73]. В Абхазии речные камни с отверстиями можно видеть на жердях изгородей, под крышею домов и хозяйственных построек. Среди амулетов музея Грузии имеется кусок известняка с естественным отверстием и темного цвета камешек из Ардебиля с углублением и сквозным отверстием; камешек носит название молочного камня («сюд-даши»).

Естественное отверстие заменяется иногда искусственным. В Кахетии, чтобы излечить детей от коклюша, на шею им вешают на шнурке просверленные плоские камешки темного цвета, взятые из русла Алазани[74]. Много просверленных камешков имеется и среди амулетов музея Грузии. Таков, например, амулет армян селения Коп Мушского санджака, помогающий при болезни глаз. Амулет называется «ачи-тюзи-хулу», пришивается к головному убору над больным глазом и состоит из просверленного камешка и двух бус. В амулете у кубинских евреев среди других предметов висит на нитке небольшой плоский голыш с просверленным для подвешивания отверстием. Круглый известняковый камешек с отверстием входит также в состав талышского амулета «ниа-ма», навешиваемого на горлышко кувшина для сбивания масла, чтобы масла получалось больше.

Наделенными особою силою считаются камни, которым почему-либо приписывается небесное или вообще необыкновенное происхождение. По мнению армян Эчмиадзинского уезда, «цагик-кар» (оспенный камень) падает с неба вместе с градом; это круглый камешек величиною с голубиное яйцо; оспенным его называют по его чудодейственной силе: если во время появления оспы на овцах его повесить на шею одному из баранов, то оспа оставляет стадо[75]. В музее Грузии имеется один амулет «небесного» происхождения; это «тиэх-таб» — плоский овальный камешек, упавший будто бы с неба вместе с градом; камешек нанизан на толстую нитку и считается защищающим от всяких болезней; приобретен от армянки беженки из селения Коп Мушского санджака.

Целебными и спасительными считаются камни, взятые из священных мест. Святой Давид Гареджийский, согласно легенде, принес из окрестностей Иерусалима в Гареджийскую пустынь поднятый с земли камень; камень этот, по словам Муравьева, «доселе хранящийся на его гробе, получил от него благодатную силу исцеления»[76]. Богомольцы, посещавшие Новый Афон, брали с собою камни из пещеры апостола Симона Кананита.

Так называемые драгоценные камни, благодаря своему блеску, твердости, красивому цвету и проч. уже у древних народов считались обладающими необыкновенными свойствами. Перечень драгоценных камней с указанием особых свойств каждого встречаем уже у Плиния. В амулетах восточного происхождения из этих камней чаще всего встречается сердолик. В армянской рукописи XVII века относительно свойств сердолика (ямани) читаем: «Говорят, что он предохраняет от опасности быть раздавленным под развалинами дома или стены, и никогда между раздавленными в подобных случаях не видали людей, носивших ямани. Его охотно покупают персияне, османцы и во всей Румелии. Обыкновенно вырезывают на нем имя и носят в перстне»[77]. В той же рукописи указывается другой вид сердолика — акик, который имеет свойство «предохранять от козней врагов и способствует при родах легкому разрешению от бремени»[78]. По грузинской рукописи X века, представляющей перевод сочинения Епифания, епископа Кипрского, сердолик (сардиони) «имеет лечебную силу: врачи им лечат опухоли, прыщи и раны, полученные от меча. Для этого растирают его в воде и потом тою водою натирают больные места, и раны излечиваются»[79]. В амулетах кавказских народов сердолик редко встречается особняком; обыкновенно он навешивается вместе с бусами и другими камнями на ожерелье, употребляющееся в качестве амулета.

Другим часто встречающимся в кавказских амулетах камнем является агат (акати), в форме пластинок или цилиндрических подвесок. Грузинская рукопись X века говорит об акати: «если его растереть в воде и тою водою обмыть раны и повреждения, полученные от зверей, то они заживают; также излечиваются раны и от укушения аспидов и ядовитых насекомых»[80]. По словам доктора Яшвили, ленточный агат служит талисманом против беременности; «пользуются им мужчины, когда представится в том надобность»[81]. В коллекции музея Грузии имеется целая серия амулетов, в которых, если не единственная, то главная роль принадлежит агату. Таковы шесть персидских амулетов из Ардебиля, два армянских и проч. В Музее Грузинского общества истории и этнографии также имеются три амулета с красивыми агатовыми камнями.

Яхонт или рубин всегда считался на Востоке наиболее драгоценным камнем и употреблялся как для украшений, так и в качестве амулета. В армянской рукописи XVII века читаем:

«говорят, что носящий на себе яхонт бывает приятен людям, и что этот камень предохраняет от последствий удара»[82]. Согласно грузинскому переводу сочинения Епифания Кипрского, яхонту (iakunmhe) приписываются следующие свойства: «если кто станет точить (его в воде) на точиле и затем выпьет эту воду, то душа его, воспрянувши, получает стремление к правде, а если кто положит его в рот, то он станет творить нелицеприятный и правый суд»[83]. Под тем же названием iakunmhe (яхонт) описывается другой драгоценный камень, лвигвириони, относительно которого сообщается: «говорят и то, что при родах женщин, если роженице преподнести этот камень, то она терпеливо выносит боли, легко рожает и обычные боли исчезают»[84]. То же читаем и о иакинфе (яхонте) в русском «Азбуковнике»: «Глаголют бо, яко рождающим женам на потребу есть»[85]. Вера эта, как видно и до сих пор живет среди кавказского простонародья, так как, по словам доктора Яшвили, яхонт при трудных родах кладут на живот роженицы[86].

Алмазу также приписывается немало магических свойств. По воззрениям армян XVII века, «иметь при себе алмаз — приносит счастье. В «Книге Свойств» говорится, что из двух воюющих сторон победительницею выйдет та, которая владеет более тяжеловесным алмазом... Женщина при тяжелых родах легко разрешается от бремени, если привязать к ее руке алмаз»[87]. Кроме того, «носящий алмаз бывает угоден царям, слова его уважаются, зла не боится, не будет страдать болью желудка» и т.д. Абхазы прибегают к чудодейственной силе алмаза при трудных родах; в таких случаях дают роженице пить «алмазную воду», для получения которой в стакан воды кладется алмаз[88].

Бирюза — один из самых распространенных камней в украшениях персидского происхождения; в амулетах она встречается в виде вставок в металлические футляры, в которых носятся молитвы. Возможно, что постоянное присутствие бирюзы в восточных украшениях, в отделке оружия, в перстнях и проч. в значительной степени объясняется верою в необыкновенные магические свойства этого камня. Армянский источник XVII века сообщает: «Говорят, кто носит на пальце бирюзу, тот не чувствует недостатка в деньгах; слова его встречают внимание. Но он не должен слишком полагаться на то, что у него бирюза, и не должен произносить неприличных речей»[89]. Кроме того, если с утра посмотреть на бирюзу, то в течение целого дня человек освобождается от забот; носящий бирюзу будет долго жить в благоденствии и не будет видеть худых снов. Бирюза помогает также против глазных болезней» (Патканов, 49).

Нефрит, жад, в виде пластинок с надписями и без них, встречается в персидских амулетах; в коллекции музея Грузии имеется четыре таких амулета. Возможно, что камень этот употреблялся с магическими целями и у кавказских народов. В армянском рукописном памятнике XVII века относительно нефрита сказано: «Ношение этого камня полезно против болезни сердцебиения. Он предохраняет от удара молнии и от опасности при землетрясениях» (Патканов, 35).

Гишер (по-армянски — ночь) или гагат, по словам арабских писателей, имеет способность укреплять зрение; это же свойство приписывается ему и армянами: «Доказано опытом, что смотрение на этот камень укрепляет зрение» (Патканов, 42). В числе амулетов музея Грузии имеются: треугольный, гладко отполированный кусок гишера, с отверстием для ношения на шее; носится армянами бывшей Эриванской губернии против дурного глаза; сердцевидной формы гишеровый амулет из Ардебиля; сердцевидной же формы гишеровая пластинка из селения Кубачи Табасаранского округа и другие гишеровые пластинки и бусы часто являются одною из составных частей амулетов, имеющих вид ожерелий.

Большое распространение в качестве амулетов имеют разного рода бусы и бисер. Армяне селения Татев Зангезурского уезда, «чтобы не сглазили ребенка, пришивают к верхнему платью его так называемые пестрые, против глаза, бусы или другие предметы, способные обратить на себя внимание ребенка, например, окрашенные в разные цвета птичьи перья и стальные бляхи и т.п.»[90]. Часто среди кавказских амулетов и талисманов можно встретить «глазные бусы», то есть бусы с темным пятном, что придает им сходство с глазом. Назначение этих бус — отвращать, отражать влияние дурного глаза. Бусы употребляются также для лечения болезней. Так, жители селения Варташен Нухинского уезда «от колотья избавляются так: кладут заколдованную бусу в воду и дают пить больному (только некоторые имеют такую целебную бусу)»[91]. В амулетах мусульманского населения Кавказа особенно часты бусы раскопочного происхождения из пасты, камня и проч. Найденная в земле буса уже своим происхождением внушает к себе особое почтение.

Наряду с бусами употребляется иногда и бисер. Армяне Ванского вилайета «для предотвращения влияния дурного глаза на детей пришивают синий бисер к шапкам или к рукавам». Такой же бисер, вместе с раковинами и косточками, вешается и на люлечной перекладине[92].

Среди амулетов камней у кавказских народов довольно видное место занимает так называемый «змеиный камень», камень, который, по одним толкованиям находится в голове змеи, по другим — служит змее для подбрасывания вверх и забавы. У дагестанских арабистов, по некоторым сведениям, имелась книга на арабском языке, под названием Харидатуль-эджаиб, то есть «сумка чудесного», в которой, между прочим, описываются целебные и магические свойства камней, деревьев, животных. Там, между прочим, указывается, что хаят — змеиный камень, находящийся в голове змеи, в форме пули, если его носить на теле, охраняет от укушения змеи, останавливает всякое ненормальное кровотечение и укрепляет мысли; если же его носить на шее, избавляет от головной боли[93]. У грузин Имерии существует поверье, будто змеи обладают особым камнем, если суметь овладеть им и держать его при себе, все ваши желания будут исполняться[94]. Поверье о волшебном змеином камне широко распространено также у абхазов, армян и других народов Кавказа. Уже Гакстгаузен отмечает существование этого поверья у армян, сообщая, что, по народному воззрению, кто схватит на лету змеиный камень, будет наслаждаться постоянным благоденствием[95]. По другим сообщениям, змеиный камень или буса, будучи положены куда-либо, делают это вместилище (кошелек, кувшин и т.п.) неистощимыми[96].

Объекты культуры

Материальная культура

Огниво. Злые силы боятся огня, и эта способность прогонять злых духов приписывается не только огню, горящей головне, углю, но также орудиям добывания огня — огниву или кресалу и кремню, из которого высекают огонь. Относительно имеров селения Сацири Кутаисского уезда читаем: «кроме кинжала, спасительным средством от чинки (лесное существо) служит огонь, которого тот боится; почему путешественник, имеющий при себе кресало и кремень, в дороге считает себя безопасным от чинки»[97]. Армяне бывшего Нахичеванского уезда «при купании ребенка кладут в воду огниво и иглу, тогда будто бы черти не смеют приблизиться к нему, так как они боятся железа»[98]. В коллекции музея Грузии имеется небольшой амулет из Персии (Ардебиль) в виде маленького железного огнива.

Древесный уголь, как имеющий ближайшее отношение к огню, тоже считается действительным средством против злых духов, чар, волшебства и проч. Армяне Зангезурского уезда советуют: «Когда выводишь ночью ребенка, дай ему уголь, так как черт боится угля»[99]. В Кутаисе, чтобы оградить ребенка от злого духа, «кладут в его люльку под подушку ножик с черной рукояткой и уголь»[100].

Железо. Железо и сталь, в качестве ограждающего и спасительного средства, употребляется у народов Кавказа с самыми различными целями. Армяне селения Чайкенд Ганджинского уезда «для отвода грома — в четырех углах дома кладут сталь»[101]. Армянские и грузинские женщины в Великую пятницу зашивают детям и взрослым в шапку, в нагрудник или в платье на спину кусок стали, называемый урптарур и предохраняющий от ударов молнии[102]. У грузин Телавского уезда, «чтобы ребенок был спокоен и не подвергался влиянию нечистой силы, должно класть ему в колыбель куски железа, ибо нечистая сила избегает железа»[103]. Армяне селения Даш-Алты в бывшем Шушинском уезде, «когда рождается ребенок, то под головой его ставят какое-нибудь оружие: кинжал, ножик, ножницы, или какой-нибудь кусок стали, с целью, чтобы дьяволы не задушили или не похитили ребенка, так как дьяволы боятся стали»[104]. Армяне Ванского вилайета «во время купания ребенка в течение 40 дней всегда в ванну погружают железный гвоздь, прут, нож, дабы злые силы не причинили ребенку несчастья»[105]. Армяне Зангезурского уезда Армении ребенку «под подушку и во время купания в воду кладут кусок стали — символ крепости»[106]. Кумыки селения Верхнее Ишкарты Буйнакского округа у порога дома, где есть больной, кладут железный топор или другой железный предмет, чтобы болезнь не усилилась от влияния человека с дурным взглядом, если он войдет в дом (записано в 1916 г.). Сваны лечат железом укушенных ядовитыми животными коров: если у коровы от такого укушения распухло вымя и вместо молока идет кровь, «окуривают вымя дымом полыни и обводят его сталью или железом»[107]. Имеры Кутаисского уезда, чтобы предохранить вино от покражи ведьмами, что, по их мнению, случается в ночь на 15 августа, днем идут в винный погреб — марани — и «к винным бочкам прикладывают железо по куску к каждой, — этим лишают ведьм силы, необходимой для того, чтобы открутить кран»[108]. Армяне

Эчмиадзинского уезда в начале марта, когда действует нечистый дух швод, кладут у дверей дома пластинку железа, чтобы швод не мог войти[109]. Карачаевцы, если в доме есть больной, кладут у порога комнаты какую-либо железную вещь, обыкновенно шампур. Осетины навешивали детям на шею мелкие кусочки железа, выкованные в среду первой недели Великого поста; эти кусочки железа охраняли детей от злых духов и другого глаза[110].

Как ясно из приведенных примеров, простой кусок железа или стали уже сам по себе обладает магическою силою; еще более действительными считаются оружие или какие-либо орудия из железа или стали. Осетины при случайных встречах с бесами «прибегают к горящей головне или кинжалу, причем последний, если наточен с обеих сторон, является самым лучшим средством к прогнанию нечистого»[111]. Этот же взгляд на кинжал встречаем у грузинских племен. По мнению имеров, «что касается оружия, пригодного против лешего, то таким может считаться лишь кинжал, так как он обоюдоостр, и чинке, желающему спастись от смерти, негде усесться на нем»[112]. Грузины Телавского уезда, чтобы оградить родильницу от злых сил, под подушку ей кладут обнаженный кинжал или саблю[113].

Подобный же взгляд на магическую силу кинжала существует у пшавов: «кинжал, по их понятиям, священный предмет, и они притом верят, что дьявол страшно боится кинжала и избегает его»[114]. Армяне Эчмиадзинского уезда вокруг больного падучей болезнью советуют втыкать в землю кинжалы, чтобы черт побоялся стали и оставил больного[115]. Айсоры селения Койласар Эриванского уезда обводят вокруг родильницы кинжалом крестообразные линии, и затем в течение семи дней кинжал и Евангелие лежат под подушкой родильницы, чтобы отгонять злых духов[116].

Будучи хорошим оружием против врагов и диких зверей, кинжал на этом же основании считается прекрасным средством и против невидимых злых сил. Поэтому ношение кинжала может до известной степени служить и магическим целям. Имея при себе кинжал, человек чувствует себя защищенным не только против реальных опасностей, но и против вредного действия сверхъестественных существ и невидимых сил. Таким образом, кинжал выступает до известной степени в роли амулета.

Те же магические свойства, но в меньшей мере, приписываются также шашке, ножу, топору и другим железным предметам. Гурийцы во время грома кладут под подушку ребенку ножницы для ограждения ребенка от удара молнии. Осетины при купании новорожденного «в посуду, где оно совершается, кладут ножницы, как средство предохранить ребенка от действия дурного глаза»[117].

Подкова. Лошадиная подкова, особенно найденная, чуть ли не во всем мире считается приносящей счастье. Вера эта объясняется тем, что, с одной стороны, подкова делается из железа, которого боятся злые силы, с другой — имеет близкое отношение к лошади, другу и товарищу человека в геройских подвигах.

У кавказских народов, как и у многих не кавказских, подкова чаще всего прибивается на пороге лавок, а иногда и жилых домов; делается это, главным образом, для того, чтобы привлекать в лавку или в дом богатство и благополучие. Это явление наблюдается в Закавказье у всех картвельских народов, у армян, у азербайджанских тюрок и др. Прибивать подкову следует, по мнению одних, устьем внутрь, «чтобы деньги заходили в дом»; если же прибить в обратном положении, «деньги будут уходить из дома»[118]. По мнению других, это не имеет значения, и подкова прибивается и той, и другой стороной.

К спасительной силе подковы прибегают и в других случаях и с иными целями. Имеры Кутаиса прибивают железную подкову к ореховому дереву для спасения от вредоносного существа каджи[119].

Кольцо, как и узел, считается оковами для духа; отсюда возникает взгляд, что ношение на руке кольца или перстня препятствует общению с духами. На этом основании воспрещалось входить в аркадское святилище богини Nycosura с перстнем на пальце. Вместе с тем кольцо служит препятствием для проникновения злых духов и, таким образом, становится амулетом, защищающим от действия злых сил. Армяне Нахичеванского края убеждены, что при ношении на каком-нибудь пальце или на шее кольца из железа, выкованного в Великую пятницу, кара (кошмар) не сдавит и не будет душить человека»[120]. В Кахетии мать, у которой мрут дети, заказывает в Страстной четверг кузнецу железное кольцо и носит его потом постоянно на руке, — дети не будут умирать[121]. В других местностях Грузии, а также среди армянского населения, на Страстной неделе кузнецы, по заказу, делают железные кольца (по-армянски «анжими», или «хордавор матани» (заколдованное кольцо), которые носятся потом мужчинами и мальчиками на большом пальце, для ограждения от злых духов и проч[122]. У кюрин в

Самурском округе вера в магическую силу железного кольца соединяется с верой в могущество святых. «Чтобы избавиться от зубной боли, стоит только вбить железный гвоздь в дерево, растущее на могиле какого-нибудь их святого. Если же зубы и тогда не перестанут болеть, то нужно сделать из гвоздя, пробывшего некоторое время в дереве, кольцо и носить его на пальце, после чего уже всякая боль прекращается»[123]. К помощи железного кольца против зубной боли прибегают и жители города Майкопа: «чтоб не болели зубы, надо сделать железное кольцо и долго носить его, не снимая с пальца»[124]. Ношению кольца на руке мусульмане приписывают даже религиозное значение. По толкованию некоторых мусульманских мудрецов, совершение одного намаза с серебряным или медным кольцом, носимым на мизинце правой руки, равняется шестидесяти намазам, совершенным без кольца»[125].

Говоря о магической роли кольца, следует вспомнить, между прочим, о легендарном перстне Соломона. Это был перстень, сделанный из меди и чугуна, ненавистного шайтанам; на нем было вырезано величайшее имя бога. Перстень был получен царем Соломоном с неба и дал ему великую власть над демонами.

Орудия обработки шерсти — гребень или чесалка, веретено и проч., также употребляются в качестве амулетов, ограждающих от бед. У осетин старуха-сиделка, приходящая к родильнице «берет чесалку для шерсти и кладет ее у изголовья рожающей, чтобы дьявол (хаіраг) не смел близко подходить к ней». Далее — «когда ребенок родится, его продевают через отверстие чесалки, с целью спасти его от черта, и чесалка остается день или два под изголовьем матери»[126].

Абхазы при трудных родах кладут около роженицы слева ножницы и веретено, справа — ножик и шило, причем повитуха, обращаясь к ожидающемуся ребенку, говорит: «если ты мальчик, иди направо, а если девочка — налево»[127]. В Гурии под тахту, на которой укладывают родильницу, кладут железный гребень, употребляющийся для очистки шерсти; делается это, чтобы не допустить к родильнице и новорожденному злых духов[128].

Так как мельница в народных воззрениях окружается обыкновенно суевериями, то неудивительно встретить эти суеверия и в области амулетов. По мнению некоторых горцев Дагестана, «женщина, которая носит на себе частичку мельничного жернова и подвержена выкидышам, может родить благополучно»[129].

Сеть. Если сетью можно успешно ловить рыбу, то отчего ею нельзя ловить злых духов? Среди русских поморов «у некоторых суеверных невест ведется обычай против лихого духа обтыкать подол сарафана булавками (в посадах и городах) или обматываться под платьем рыболовною сетью (в деревнях)»[130]. Такой же обычай, но с несколько иным толкованием записан в Орловской губернии: «Когда едешь венчаться, то опояшься рыболовной сетью и тогда поезжай себе с богом, никто тебя не испортит, колдун не подступится. Тогда враг испортит, если развяжет все узелки в сети, что невозможно»[131]. Казаки станицы Бороздинской, «чтобы не испортили жениха или невесты, насыпают им в сапоги и башмаки проса или пшеницы, втыкают целую бумажку не бывших еще в употреблении иголок и подпоясывают сеткой рыболовной»[132]. Картвельские народы к магической силе сети прибегают, главным образом, для ограждения родильницы от угрожающих ей злых сил. В Гурии, «как только родильницу уложат в постель, то под подушку ей кладут кинжал, под тахту — железный гребень, употребляемый для очистки шерсти, а над постелью развешивают «накидку» или какую-нибудь другую сеть. Делается это с той целью, чтобы нечистая сила не могла налететь, не имела доступа к родильнице и новорожденному». «Сеть, кинжал и гребень употребляются в данном случае, как предметы, которых, по понятию народа, боится нечистая сила: в сеть она может запутаться, зубья железного гребня остры и, следовательно, она может наколоться, а кинжал — орудие обоюдоострое и потому единственное верное оружие против нечистых сил»[133]. Та же вера в силу рыболовной сети наблюдается в Имерии, где «в ограждение родильницы от злого духа, протягивают вокруг ее кровати до самого потолка рыбачьи сети»[134], ибо злой дух «устрашится сетей, в которых должен запутаться». Этот обычай завешивать родильницу сетью существует в Карталинии и Кахии[135].

Мегрелы, по свидетельству Ламберти, рыболовною сетью окутывали постель больного и колыбель детей. «Этой сетью они думают очистить воздух от волшебства и от дурного глаза, который, по их мнению, очень вредит больному»[136].

У талышей Ленкоранского уезда на 6 день после родов в комнату родильницы собираются женщины, чтобы всю ночь караулить ребенка и оградить его от нападения злого духа шаша; при этом ребенок закрывается в колыбели рыболовною сетью (записано в 1916 году).

Вера в магическое могущество рыболовной сети находит себе место и в заговорах, и в заклинаниях, где, наряду с другими страшными для злых сил вещами, называется и сеть. Так, в «молитве» гурийцев против «ужмури» (простудная болезнь) говорится: «Икиркали хорош, сеть у изголовья, гребень (для шерсти) под боком» и т.д.[137]. Обычно для ограждения родильницы берется простая рыболовная сеть; обрывки такой сети иногда хранят в доме на случай подобного рода надобности. В Музее Грузинского общества истории и этнографии, однако, имеется сеть, специально сделанная для завешивания постели родильницы; она сплетена из красных шелковых ниток и усыпана блестками, доставлена из Верхней Имерии.

В доказательство того, что и другие народы приписывали сети магическую способность ловить злых духов, достаточно напомнить о существовании среди заклинательных формул особой молитвы, известной под именем «Сети Соломона». В одном из абиссинских свитков, описанных Б.А. Тураевым, эта молитва начинается так: «Во имя... Молитва Сети Соломона царя, которая ловит чертей, как сеть рыб морских, которую дал бог Соломону ради всякой силы вражией»[138]. На некоторых абиссинских магических свитках встречаются, кроме того, наряду с другими рисунками, плетенки, как предполагает академик Тураев, изображающие, вероятно, «сеть Соломона».

Красная нитка, красная материя. Спасительным средством при эпидемиях оспы и кори во многих местностях Кавказа считается красная материя и красные нитки.

В Имерии, в случае появления в деревне оспы или кори («батонеби»), соседи заболевших протягивают вокруг своих дворов красные нитки, которым приписывается способность ограждать от заразы[139].

Относительно армян селения Чайкенд Гянджинского уезда известно, что «если в селении есть оспа, то для предотвращения к столбу дома привязывают красный платок»[140].

В некоторых уголках Грузии красною ниткою обвязывают бедро роженицы во время трудных родов в качестве симпатического средства[141].

Воск. Воск, как предмет церковного употребления, также применяется с магическими целями. Мегрелы селения Цаленджиха Зугдидского уезда, «чтобы избавиться от влияния дурного глаза, к волосам приклеивают кусочек воску»[142]. В Имерии существует поверье, что в ночь под Успение «кудианеби» (буквально «хвостатые») мучат людей и мажут им глаза углем, а женщинам, кроме того, обрезывают волосы; «чтобы предохранить себя от таких позорных мучений, перед наступлением ночи налепляют на волоса головы местами частички воску»[143].

Духовная культура

Слова и молитвы. Самую обширную группу амулетов составляют волшебные слова и магические формулы, создавшиеся на почве культа слова. Слово в сознании первобытного человека обладало огромною магическою силою. По библейскому сказанию, силою слова создан мир. Герой финского эпоса Вейнемейнен силою слова создает лодку. Киргиз убеждает, что «слово человека может раздробить камень, если не камень, то голову человека»... «Если у киргиза умрет красивый ребенок, пропадет хороший конь, улетит хороший сокол, испортится ружье, — все приписывается человеческому языку»[144]. Слово может действовать на расстоянии, но еще больше шансов на успех, если тем или иным способом связать, соединить магические формулы с подлежащим их воздействию человеком или предметом. С этою целью молитвы и заклинания читаются («нашептываются») над водою или пищею и вместе с нею вводятся в организм человека. В одном из грузинских народных лечебников («карабадини») против лихорадки рекомендуется, между прочим, следующее средство: «молитву напиши на яблоке и, когда будет приступ лихорадки, дай покушать». Затем приводится самая молитва, состоящая из набора не имеющих смысла слов[145]. В городе Ейске для избавления от лихорадки на корке хлеба пишут IXИОЕITB9 и корку съедают; другое средство: написать на 9 корках хлеба слово «пишшули» и, съедая каждую корку, читать «Отче наш»[146].

Если волшебные формулы не вводятся внутрь человеческого организма, то, написанные, они навешиваются ему на шею, на платье, хранятся в доме или в ином месте. У азербайджанских тюрок и других мусульман Закавказья «доска с молитвою или словами «да поможет бог» хранится на потолке дома, иногда в углу дома или сарае, иногда закапывается в саду или во дворе»[147].

У армян селения Касапет бывшего Джеванширского уезда знахарь часто «приписывает болезнь воле злых духов и, получив несколько десятков копеек, пишет на треугольном клочке бумаги какие-то молитвы, имеющие якобы целительную силу и приказывает, например, чтобы

один из этих клочков бумаги пришили к одежде больного, другой зарыли в землю у порога дверей, третий бросили в стакан с водою и дали больному пить этой воды»[148]. Армяне Эчмиадзинского уезда думают: «Если у какой-нибудь женщины умирают дети, значит она заколдована, и та бумага, в которой записаны молитвы, заколдовавшие ее, или превращена в рыбу и содержится во рту лягушки, или превращена в лягушку и содержится во рту змеи. Если удастся поймать лягушку или змею и из ее рта достать эту бумагу, высушить и пришить к одежде женщины, то ее дети перестанут умирать»[149]. У азербайджанских тюрок селения Куткашин Нухинского уезда «к захворавшему члену семьи приглашается духовное лицо, которое тут же вполголоса прочитавши какую-нибудь арабскую молитву, продувает ртом по лицу больного, а затем пишет на длинной ленте из белой бумаги или из белой шелковой ткани нужный «талисман» и складывает его в форму треугольника. Получив за свой труд известное вознаграждение, — без него талисман, верят, теряет свою целительную силу, — лечащий приказывает родным больного завернуть означенный талисман в навощенную тряпочку и пришить его к платью больного или повесить ему на шею. Иногда этот талисман, по назначению лечащего, расстилается на дне чашки с водою, которую больной и выпивает по глоткам»[150]. В других местностях восточного Закавказья амулеты с молитвами носят название «джаду». Муллы, умеющие изготовлять джаду, называются «джадукяр». Иногда в амулетах держат землю с гробницы уважаемого святого, куски от священного дерева, вещества, почитаемые полезными от болезней, дурного глаза, испуга и пр.[151].

Способность отвращать всякие вредные влияния приписывается священным книгам в их целом составе, а равно и отдельным извлечениям из них. Христиане пользуются с этою целью преимущественно евангелием, молитвенником и проч., мусульмане — Кораном. По мнению армян Эчмиадзинского уезда, «если под голову роженицы не положить Евангелия или какой-нибудь другой святой книги, то злые духи разорвут ей сердце, и она умрет»[152]. Армяне Нахичеванского края, чтобы оградить родильницу от злых духов, «обвивают постель ее черною волосяною веревкою, под голову кладут молитвенник и кинжал»[153]. Айсоры в течение семи дней держат под подушкой родильницы Евангелие и кинжал[154]. Горцы некоторых районов Дагестана, в ограждение родильницы от злого духа, кладут около нее Коран[155]. Коран же или молитвы кладутся и под голову больного[150].

Отдельные молитвы и заклинательные формулы пишутся иногда на длинных лентах бумаги, которые сворачиваются в трубку и хранятся часто в футлярах или матерчатых кисетах. Такие бумажные свитки в употреблении у многих народов Востока. Кисет, в котором хранится молитва, у татар называется «каблух», у армян «киприанос». Для характеристики значения, которое народ приписывает таким молитвам, приведем сообщение доктора Пантюхова, помещенное в его брошюре «О народном врачевании в Закавказском крае»: «Обладатели киприаноса пользуются покровительством таинственных сил, и с передачею киприаноса другим лицам, к ним переходит и чудесное покровительство. Недавно[157] один армянин в Шуше обменял свой, почитавшийся особенно счастливым киприанос на корову, стоющую рублей 40—50. Обыкновенно киприанос, переходящий по наследству, не продается, и его держат спрятанным в сундуке».

Еще чаще молитвы зашиваются в кожу или материю, так чтобы получился треугольник, реже четырехугольник. Эти кожаные или матерчатые треугольники или четырехугольники вешаются на шею, на грудь, иногда через плечо и пришиваются к платью.

Наконец, для помещения молитвы служит металлическая цилиндрическая трубка, или треугольная, либо четырехугольная коробочка, которая носится на цепочке на груди или под мышкой. Подобный способ ношения известен еще в древнем Риме, где плитки различных форм из различного материала с загадочными знаками и изречениями по древнеиталийскому обычаю заключались в футлярики (bulla) и носились на шнурках на шее.

Какие именно письмена имеют магическую силу и пишутся в качестве оберегов и талисманов? Имена богов, духов, ангелов и проч., отрывки из священных книг, специальные молитвы, заговоры и заклинания, часто с непонятными словами, заимствованными из других языков и подвергшиеся искажению; наконец, отдельные буквы, цифры, фигуры и линии, которым почему-либо приписывается магическая сила.

Призывание или написание имени могущественных божеств или духов у всех народов считается действительным средством против различных бед, причиняемых злыми духами, чародеями и проч.

У горских евреев в Дагестане после родов прежде всего спешат «зажечь свечи и прибить к стенам бумажки, на которых написаны имена различных ангелов, предохраняющих новорожденного от злых духов и недобрых приключений»[158]. В грузинском карабадине имеется, меж-

ду прочим, следующая молитва для защиты пашен и всех плодов: «Если нивы будут неудачны в каком-нибудь отношении, напиши крестообразно следующие имена святых: Тевдоле (Тhевдоре-Федор), Тheофиле, Горгос, Горгон, Кантиос, Гаиоз, Кhурдиане, Марине, Александре, Николоо, Бабиане, Лусимахос, Клавди, Аthанасе, Арсений и имена сорока мучеников, и ниве не будет ущерба. Эта молитва хороша и для баранты»[159]. У армян хранителями и целителями от недугов считаются ангелы, имена которых часто перечисляются в молитвах и заговорах. В одном отрывке из рукописи XVII века читаем, например, следующее: «Помяни ангела Рафаила, тотчас прибудет помощь от бога. Помяни ангелов: Нила (Nêgnos) и Мелха (Mêgqos), когда пьешь воду и вступаешь в море или в речку. Помяни ангела Иойля, и не ужаснешься ни во сне, ни в бдении. Помяни ангела Асаила, и не пошлет тебе бог того, что попросишь не посылать. Помяни ангела Сухиила, и не приблизится к тебе горячка. Помяни ангела Михаила, и будь безбоязнен в суде. Помяни ангела Акима, и не попадешь в искушение. Помяни ангела Таииила, не умалится доля твоя. Помяни ангела Мануила, чтоб удачен был путь твой. Помяни ангела Телика, дабы не впасть тебе во мрак. Помяни ангела Тарциила и Сламиила, которые имеют власть над судами[160]. В другом отрывке после перечня имен ангелов добавлено: «кто имеет эти имена и хранит их свято, таковые будут помощью при печали, преследовании демонов, источником здравия души и тела»[161].

У южных славян — сербов и болгар — довольно значительным распространением пользуются списки «имен господних» и «имен богородицы», употребляющиеся в качестве оберегов и талисманов. В заголовках таких списков часто обещается избавление от всяких бед тому, кто носит их на себе: «А се имена господни числом 72, да еже имат и носит с собою честно, от всякого зла избавлен будет». В румынском «Рожданике», несомненно, переведенном со славянского, о родившейся под знаком Скорпиона девушке говорится: «Если она будет очень больна, то с юности пусть носит на себе имена Христа числом 72, чтобы не приближался к ней дух нечистый»[162].

Подобного рода русские апокрифические тексты изданы Н.С. Тихонравовым, А.И. Алмазовым и др.[163].

Так как заговоры, заклинания и магические формулы заимствовались одними народами у других и на протяжении тысячелетий передавались от одного поколения к другому, то сплошь и рядом они утрачивали всякий смысл, становились набором непонятных слов и ничего неозначающих письменных знаков. Но в глазах народных масс это нисколько не умаляло их таинственной силы. В этом сказывается глубокая вера в магическую силу слова, в силу письменности. Уже в древнем Египте «маленькие полосы папируса, исписанные варварскими, бессвязными словами, считались обладающими чудодейственной силой и были в большом ходу»[164]. Племена барса и кунама в Абиссинии ограждают себя от дурного глаза, между прочим, лоскутками исписанной бумаги, не придавая особого значения тому, что именно на них написано[165]. Таким образом, вполне понятно, почему заговоры и заклинания, входящие в состав грузинских народных лечебников «карабадини», нередко заключают в себе слова и выражения, не имеющие никакого смысла. Одно из таких бессмысленных слов «аброкадабра» избавляло, между прочим, от какой-то опасной болезни, если написанное на клочке бумаги постоянно носилось на груди[166]. Вот несколько таких заговоров из лечебника, опубликованного Е.С. Такайшвили в его «Описании рукописей библиотеки Общества распространения грамотности среди грузинского населения». «От ужмури напиши следующее и повесь на шее: (следует ряд отдельных слов)[167]. «Если боишься дурных глаз, напиши следующие буквы (слова) и пусть девушка повесит на шее: (роз, ароз, бароз, лианоз, елканоз, ай, ай, спасите раба вашего (имярек)»[168].

Образцом молитв талисманов, обращающихся среди армян, могут служить два отрывка армянских молитв, доставленных бывшему Кавказскому музею из Ванского вилайета, одна рукописная, на длинной бумажной ленте в 7 сантиметров ширины; содержание ее следующее: 1) конец какой-то молитвы, 2) молитва святому Саргису-воеводе (тут же акварельное изображение святого Саргиса, верхом на коне, с мальчиком за спиной), 3) молитва против головной боли и сглаза, 4) средство против злого духа (между словами молитвы изображен, по-видимому, Христос, делающий внушение черту, который стоит перед ним навытяжку), 5) отрывок из библейского рассказа об Аврааме и Исааке, с изображением Авраама, держащего в правой руке нож, а в левой веревку, которою связаны руки Исаака, и ангела вверху над деревом. Другая армянская молитва старопечатная, с печатными же, раскрашенными рисунками, на длинной бумажной ленте в 10 сантиметров ширины. Содержание ее: 1) конец какой-то молитвы, 2) молитва Господня, 3) трисвятое 4) против цепей дивов и чародейства, 5) молитва Богородице, 6) Иоанну Предтече, 7) первомученику Стефану, 8) Григорию Просветителю, 9) и

10) молитвы спасения, 11) молитвы ангелам-хранителям, 12) имена ангелов, 13) против головной боли и болезни глаз, 14) против злого языка, 15) молитва о путешествующих, 16) молитва против злого языка, 17) молитва о покровительстве, 18) перечень мест поклонения («сурб хач»), 19) молитва святого Григория Нарекского, 20) молитва святому Георгию Победоносцу, 21) святому Саргису воеводе, 22) отрывок из Евангелия от Матвея, 22) от Марка, 23) от Луки. На этом обрывается. М. Биттнер дает описание подобного же рода армянского талисмана в 6 $^{3}/_{4}$ метра длины и 13 сантиметров ширины[169].

В качестве молитвы талисмана, ограждающего от всевозможных бед, картвельские народы чаще всего прибегают к помощи апокрифического письма Иисуса Христа к Авгарю, правителю Эдессы; талисман, заключающий в себе это письмо, как и всякий талисман с заключенною в нем молитвою, носит название «авгарози» — книга Авгаря. «На правом плече архалука нередко нашивается талисман, имеющий свойство прогонять нечистую силу. Он состоит из сложенной в форме четырехугольника бумаги, которая называется авгарози и заключает в себе по краям рисунки святых и преимущественно Георгия Победоносца и вместе письмо, писанное, как говорит грузинское предание, Христом к Авгарю, царю Эдесскому. В этом письме, между прочим, сказано: кто его будет иметь при себе, к тому не осмелится прикоснуться дух и какие бы то ни было опасности»[170]. Предание о письме Христа Авгарю не грузинского происхождения[171] и распространено во всем христианском мире. Столь же распространенным является и употребление этого апокрифического письма в качестве талисмана. Текст этого письма пользуется значительным распространением у коптов[172].

У гурийцев написанная на бумажке молитва, зашитая в треугольной формы лоскуток материи, большею частью красного цвета, а иногда в кожу, называется «ангарози».

Кроме «авгарози» среди картвельских народов в ходу и другие заклинательные «молитвы» и писания. Грузины мусульмане, как и другие мусульманские народы, употребляют изречения Корана, а также мусульманские молитвы и заклинания. Так, среди грузин месхов Ахалцихского уезда муллы и знахари «лечат разными травами, нашептываниями, а также пишут какие-то записочки, так называемые «нусха», своего рода талисманы. Подобных записок дают обыкновенно три: одну из них должны зарыть в доме, другую нашить на платье больному, а третью для того, чтобы класть ее на минутку в воду, предназначающуюся для больного»[173]. Грузины мусульмане Ахалкалакского уезда носят мусульманские «молитвы» в особом футляре; такой амулет называется «эйкал» и носится на цепочке или на шнурке через плечо.

Имеры Кутаиса «страдающему мигренью к больной части головы привязывают посредством платка или какой-нибудь холстинки (мужчине можно подложить и под околыш шапки) лоскуток бумаги со следующими словами: «Мигрень привыкла к окраине нашей деревни и так ела железо, как бык ест сено. Святой Георгий проклинает, и она тайком убежит утром». Эту бумажку привязывают к голове утром до восхода солнца, носят три дня, а на утро четвертого дня идут к реке, снимают бумажку и бросают в воду[174].

Абхаз при заболеваниях «часто прибегает к помощи мулл, которые лечат больных клочками бумажек, исписанных стихами из Корана. Эти бумажки называются «книга», «ашвкве». Часто такими книжками-треугольниками, зашитыми в сафьян, увешаны груди больных. Они являются украшениями и для любимых лошадей, верное и испытанное средство от дурного глаза»[175]. Кроме этих, так сказать, «нательных» талисманов, муллы изготовляют еще талисманы «нуска», в виде молитв и стихов из Корана, написанных на длинной бумажной ленте или листе бумаги.

В некоторых абхазских домах я видел такие «нуска», прибитыми над входною дверью для ограждения дома.

Ближайшие к абхазам адыгские племена также широко пользуются молитвами и изречениями в качестве талисманов. По словам Л. Люлье, у черкесов, в отвращение дурного глаза, «существует обыкновение носить на себе, навешивать на детей и привязывать к уздам любимых лошадей стихи Корана, зашитые в кусочек сафьяна; а в старину стихи Корана заменялись кусочком дерева, в которое ударила молния»[176].

В шапсугской легенде об Адемиркане, между прочим, рассказывается, как Адемиркан, уезжая из дома, «вошел в дом, вынул свою **гамаиль** (молитвы из Корана, зашитые в маленькую сумочку из сафьяна) и заклял ею того из своих людей, кто оставит этот дом до его возвращения»[177]. Здесь мы видим, что на талисман смотрят, как на святыню, которою заклинают других и клянутся сами. В той же легенде «Птапца взял свою **гамаиль**, отдал ее Камболету и сказал, чтобы тот поклялся ею в том, что исполнит все то, что скажет ему он, Птапца». Камболет поклялся и, чтобы сдержать клятву, должен был погубить своего друга Адемиркана.

У чеченов талисманы с зашитою в них молитвою носят название «джайне». В коллекции музея Грузии имеется два таких талисмана, доставленных пишущим эти строки из Нагорной Чечни, из селений Борзой и Вашендерой.

Переходим к народам Дагестана. У лаков талисманы носят название «хайкал». В «Воспоминаниях муталима» А. Омаров рассказывает, как один молодой человек просил муталимов написать талисман, «чтобы невеста как можно больше его любила». «Подобных талисманов, говорит А. Омаров, очень много бывает в книгах, и каждый из нас выписывал ему разные из них: один — чтобы он носил его при себе, другой — чтобы он закопал около порога невесты, третий — чтобы он тайком положил в воду и напоил ею невесту»[178]. В другом случае, по сообщению того же автора, во время трудных родов — «для облегчения больной кадий написал талисман на бумаге и отдал, чтобы бумажку смыли водой и дали выпить больной женщине»[179]. У кюринов муллы лечат заговорами от разных болезней. «Заговоры эти или произносятся на словах, или пишутся в виде записочек, и носятся больными»... «На детях всегда можно видеть целую связку всевозможных записок, зашитых в лоскутки различных материй и носимых ими на шее, между другими талисманами. Не только детям и вообще людям, но и красивым лошадям навешиваются на шею подобные ладанки, как думают лезгины, от укушения змеи, глаза, порчи, колдовства, различных наговоров и болезней»[180]. Обычай пришивать талисманы-молитвы к платью детей отмечает у кюрин и К.Ф. Ган. Говоря о селении Эхир Самурского округа, он замечает: «Странный здесь обычай вшивать в чоху детей на спине амулеты»[181].

В музее Грузии имеется пять аварских амулетов («айкал»), доставленных автором настоящей статьи, один из селения Генечутль Аварского округа; он имеет форму четырехугольника, сшитого из материи; внутри зашивается молитва. К четырехугольному амулету подвешено два матерчатых треугольника, в которых также внутри должны быть молитвы. Амулет вешается на шею ребенку. Четыре аварских амулета из селения Чох Гунибского округа: один в виде четырехугольной подушечки длиною $7\,^1/_2$ сантиметра, шириной 6 сантиметров, обшитый парчей, с 3 петлями для подвешивания и 4-мя подвесками из позументных шнурков; три остальные имеют вид треугольников из различной материи. Имеется, кроме того, лезгинский амулет из селения Тикянлы Нухинского уезда; этот амулет с молитвой внутри привязывался к ружью охотниками по турам.

Удины, принадлежащие в лингвистическом отношении к кюринской группе народов, в ограждение от злого духа, пришивают на спине «тилисим» — треугольной формы амулет из материи с зашитою внутри молитвою; такие же «тилисимы» носят иногда на плече; кроме того, «тилисимы» вешаются и на голову хороших быков и буйволов. Написанные на длинных бумажных лентах молитвы, свернутые в трубку, хранят в домах. К помощи молитв прибегают удины и при лечении душевных болезней. Так, в селении Варташен Нухинского уезда «помешанных лечат молитвою и гаданием. Приглашают чародея, который читает какую-то молитву и потом пишет на длинной узкой бумаге или материи (по-татарски — если он татарин, по-армянски — если армянин); бумагу складывает в виде треугольника, заворачивает в навощенную тряпочку и пришивает к платью больного на спину или же опускает в чашку с водою и дает пить больному[182]. Совершенно такие же приемы практикуют и армянские знахари[183].

Еще более широким распространением пользуются амулеты-молитвы у тюркских народов Кавказа и калмыков.

У калмыков Большедербетского улуса гелюнг при наречении ребенка «назначает из какого цвета материи должен быть сшить тельник «бу» и какие молитвы в него положены. Последними тут же снабжает родителей за приличное вознаграждение»[184]. Об отношении калмыков к этому талисману Бентковский говорит: «Тельник «бу» или, лучше сказать, зашитые в нем молитвы «тарни», в великом у них почитании. Эту, по мнению их, святость, каждый калмык носит на шее»[185].

Караногаи убеждены, что «порча и человеку и скотине больше бывает от дурного человеческого глаза. Для защиты от несчастья караногаи носят разные заклинательные молитвы, выписанные из Корана, которые они зашивают у себя на спине в разноцветный четырехугольный лоскуток ситцу или другой материи. От болезней лечатся тоже молитвами, лекарств же не употребляют никаких»[186]. Ногаи прибегают к помощи таких же талисманов-молитв. Квадратный четырехугольник, в который зашивается написанная муллою или эфенди «молитва», имеет обыкновенно $2\,^1/_2$—3 дециметра длины и шьется часто из красного сукна или сафьяна, по краям обшивается галуном; талисман привешивается к бешмету[187]. Туркмены Дагестана и Ставропольской губернии на спинах бешметов иногда пришивают особые плоские подушечки с

зашитыми в них молитвами[188]. При наступлении отрочества, на 8—10 году, туркмены устраивают обряд «сажания на лошадь», причем «мальчика к этому времени одевают в рваный бешмет, чтобы народ не сглазил; вешают ему через плечо сумку с пришитыми к ней разноцветными лоскутками и молитвами»[189]. Лечением болезней у туркмен занимается духовенство; «лечение производится преимущественно молитвами: смачивая исписанную молитвами бумажку, дают пить эту воду, или просто носят на груди зашитые в разные тряпочки эти исписанные бумажки»[190]. У кумыков, балкар и карачаевцев в употреблении как рукописные молитвы, так и печатные. Образцом последнего рода молитв может служить доставленная мною в музей Грузии из селения Верхнее Ишкарты Темир-Хан-Шуринского округа; молитва состоит из листа оранжевого цвета бумаги с заключенными в круги, квадраты и другие фигуры мусульманскими молитвами и изречениями. Такой талисман носится зашитым в материю или кожу и называется «молитвой» («дуа»).

Не меньшим распространением пользуются молитвы-талисманы у тюркских народов Закавказья. Азербайджанские тюрки Шемахинского уезда «в предохранение от вредного действия дурного глаза почти все носят на себе в виде амулетов какие-то записки, зашитые в тряпки; их надевают также на шею домашним животным»[191]. То же явление повторяется повсеместно в Азербайджане. Доктор Пантюхов дает следующее описание мусульманских молитв-талисманов: «Байлама — бумажная лента, шириною вершок и два, длиною аршин и более, часто раскрашенная, вышитая цветными нитками и написанными священными изречениями и заговорами, считается предохраняющей дом от болезней и несчастий. Байлама передается по наследству, как святыня, но, кроме того, «байлама изготовляется и в настоящее время по заказу некоторыми муллами»[192]. Карапапахи в Ленинканском уезде вешают талисманы на детскую колыбель, пришивают к платью ребенка или привязывают ему к руке.

Об употреблении мусульманами в качестве амулетов молитв Н.И. Веселовский говорит следующее: «Особенно почитаются в качестве амулетов молитвы, т. к. они, врачуя тело, спасают в то же время и душу. Достаточно иметь молитву постоянно при себе, чтобы обеспечить себе в будущей жизни место в раю. Достаточно грамотному человеку прочитать некоторые молитвы известное число раз, чтобы обрести великие блага на этом свете и на будущем». Благочестивые мусульмане носят свиток с написанными молитвами, скатанный в трубочку и вложенный в кожаный футляр. Это называется «бозбенд», то есть «браслет», «запястье». Он носится на шее на шнурке[193].

Варташенские евреи для избавления от лихорадки «обращаются к именитым раввинам, муллам и чародеям, которые на узкой бумажной ленте пишут молитвы, называемые «цабу», эти молитвы, смотря по содержанию, или сжигают, или пришивают к платью, или опускают в воду, которую пьет больной, или же зарывают в землю, под могилу, в комнате, в развалинах и т.п.[194]. Среди цалкинских греков против дурного глаза и других зол «широко распространены ношение разных талисманов, вера в заклинание, особые, не всякому знакомые слова и молитвы»[195]. То же явление наблюдается и среди народов иранской группы языков — персов, талышей, татов, курдов, осетин. Несколько подобного рода талышских амулетов «дово» доставлены мною в бывший Кавказский музей; одни из них предназначаются против дурного глаза, другие против испуга и страха, третьи висели на ружье, чтобы предохранить его от сглаза.

Печати. В качестве амулетов на Востоке нередко употребляются также печати (мюгюр) с вырезанными большею частью на камне надписями и различными изображениями. Печати эти получили свое происхождение в древней Ассиро-Вавилонии и служили одновременно как печатями для скрепления писем и актов, так и амулетами, ограждающими от всяких бед[196]. В музее Грузии имеется несколько печатей, вырезанных на небольших камешках, преимущественно на сердолике; кроме того, имеется довольно много печатей, вырезанных на сердоликовых перстнях или вставках в кольца, а также на перстнях металлических. Одни печати представляют собою надписи, другие — различные изображения: животных, людей и проч. В какой мере та или другая из имеющихся в музее печатей служила одновременно и амулетом, определить не представляется возможным, так как указаний на это значение печатей в каталогах музея не имеется. Доктор И.И. Минкевич в одной из коллекций камней, употребляющихся с лечебными целями в семьях былой местной аристократии (по преимуществу, грузинской), нашел, между прочим, нанизанными в виде цепочки — медальоны, камеи и различные печатки с вырезанными изображениями. «Вот такую-то цепочку, говорит он, кладут на живот во время болезненных очищений, а также надевают на шею больной скотины»[197].

Что касается тех бед и зол, против которых, главным образом, прибегают к помощи амулетов, то здесь на первом месте нужно поставить дурной глаз, вера в который составляет общее достояние человечества.

В древней Халдее «вера в дурной глаз была сильно распространена, как и вера во вредоносные слова»[198]. Сербы страшно боятся урока (сглаза). Часто можете услышать, как старики, качая головой, говорят: «Больше людей умерло от урока, чем от всех других болезней»[199].

На Кавказе «черкесы утверждают, что есть семейства, у которых дурной глаз родовой и передается из поколения в поколение»[200]. Среди азербайджанских тюрок Шемахинского уезда «народ уверен, что есть целые семейства, у которых «дурной глаз» переходит по наследству от родителей к детям»[201] и т.д.

Амулеты ограждают от сглаза не только людей и животных, но также оружие, орудия и инструменты и тем предохраняют их от утраты ими хороших качеств. Амулеты вешаются на ружье или пистолет, чтобы сохранить меткость их стрельбы и силу удара пули.

Левантинцы, плававшие в Черном море, прикрепляли к носу своих кораблей четки из цветного стекла, считая это верным средством, спасающим от бури[202].

Повешенные на кувшины или другие сосуды, служащие для сбивания масла, амулеты обеспечивают получение большого количества масла, притом быстро и легко. Поэтому, например, армяне Зангезурского уезда, «если маслобойня не дает масла, обращаются к мулле. Он пишет какую-то молитву на клочке бумаги, которая завертывается в лисью шкуру и привязывается к маслобойне; от этого в последней бывает много масла»[203]. Такого рода амулеты мною доставлены в бывший Кавказский музей от талышей Ленкоранского уезда и от ботлихцев из селения Ботлих в Дагестане (михе́). Приобретенный мною в Ботлихе амулет, бывший на кувшине для сбивания масла, состоял из 5 раскопочных бус и двух раковин из семейства Cardidae.

Некоторым амулетам приписывается сила увеличивать количество тех или иных предметов; так, по мнению ахвахцев в Андийском округе, раковина каури, будучи положена в посуду с мукой, удваивает количество муки.

Амулеты ограждают домашнюю скотину от глаза, порчи, болезни. Персиане, например, вешают амулеты на лошадей, ослов, собак, соколов[204]. Так же охраняют любимых лошадей чечены, народы Дагестана, талыши, таты и др. Наконец, амулеты ограждают жилища, хозяйственные постройки, плодовые деревья и движимое имущество от разных бед и всяческого вреда.

В заключение сделанного нами краткого обзора амулетов и талисманов кавказских народов, остановимся на некоторых общих выводах. Возникая на почве беспомощности человека в борьбе с природой, амулеты и талисманы получают особое распространение на низших ступенях культуры; с распространением же знания, с повышением хозяйственной культуры, они постепенно утрачивают свое значение и выходят из употребления. На низших стадиях культуры, пока человек слабо вооружен приобретениями техники, он видит сверхъестественное могущество лишь в явлениях природы и в ней ищет себе магической помощи, избирая в качестве амулетов и талисманов зубы и когти зверей, растения, камни и проч. Успехи материальной культуры дают в руки человека могущественные орудия для успешной борьбы за существование в виде огня, железа, оружия и проч. Эти же предметы материальной культуры облекаются магическою силою и выступают в качестве амулетов и талисманов. Завоевание в области так называемой «духовной культуры», как изобретение письменности, изобретение цифр, со своей стороны производят переворот как в реальных условиях жизни, так и в миросозерцании человека. Отсюда широко распространенный культ писаного слова, вера в магическую силу молитв, заговоров, заклинаний, магических чисел и знаков. Пока человек не имеет в своем распоряжении достаточно реальных средств для борьбы за существование, он создает себе средства фиктивные, которым приписывает действительную силу. Этот самообман, это самовнушение делает существование малокультурного человека менее безнадежным и дает ему веру в возможность преодоления всякого рода невзгод. С повышением уровня материальной культуры и с ростом знания и просвещения, потребность в фиктивных магических средствах сама собой отпадает, народ оставляет суеверие и выбрасывает талисманы и амулеты. К этому подъему материальной и «духовной» культуры и должна быть направлена деятельность всех живых сил страны. Пока же, благодаря отсталости и малокультурности народных масс Кавказа, среди них сохраняются амулеты и талисманы, необходимо спешить собирать и описывать их, чтобы тем внести свет в одну из интереснейших областей народной психологии, магии и религии.

Примечания

1. См. Вундт, Миф и религия, 203, Катаров, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПБ, 1913, стр. 81.
2. Вундт, Миф и религия, 204—211, 144.
3. Кагаров, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, 83—85.
4. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XIX, отд. II, 95.
5. Лалаян, Е. Джавахк. «Азгаграк Андес», I, 1895, 266 (на армянском языке).
6. «Сборник материалов», III, отд. II, 100.
7. C. Fossey. La magie assyrienne. Paris, 1902, рр. 114, 115.
8. Ibid., 114.
9. Baron de Baye, Chez les tatars; de Derbent à Elizabethpol. «Revue de Geographie», 1901, avril, p. 305.
10. Попов, «Русская народно-бытовая медицина». 219, 220. СПБ, 1903.
11. Ignace, E. Le fétichisme de nègres du Bresil. «Anthropos», III (1908), 892.
12. «Сборник материалов», XXV, отд. II, 94.
13. Эристов, Заметки о Сванетии, 95. «Записки Кавказского отдела русского географического общества», XIX.
14. Н. Берзенов, в газете «Кавказ», 1858 г., № 56.
15. Фон-Плотто в «Сборнике сведений о кавказских горцах», IV, 47.
16. Яшвили, Народная медицина в Закавказском крае, 61, 62. Тифлис, 1904.
17. «Сборник материалов», XIII, отд. I, 118.
18. Яшвили, цит. соч. 61.
19. «Сборник материалов», XXXVII, отд. II, 16.
20. «Сборник материалов», XXV, отд. II, 96.
21. «Сборник материалов», XXXVII, отд. II, 16.
22. «Сборник материалов», XXXIV, отд. III, 17. 7.
23. Ibid., стр. 17.
24. «Сборник материалов», XVII, отд. II, 199; XXV, отд. И, 43. Лалаян, Зангезур (на армянском языке), 91.
25. «Сборник материалов», XXV, отд. II, 135.
26. «Journal asiatique», 1916, № 1, 162.
27. Лалаян, Е. Вайоц дзор. «Азгагр. Андес», XIV (1906, № 2), стр. 143.
28. Лалаян, Е. Джавахк. «Азгагр. Андес», I, 1895, стр. 360.
29. Ibid., 274.
30. «Сборник материалов», XIX, отд. II, 85.
31. Фон-Плотто, в «Сборнике сведений о кавказских горцах», в. IV, 46. 1870 г.
32. «Сборник материалов», XIV, отд. I, 252. Зейтунские армяне держатся того же обычая, но применяют его ко всякому животному, которое змея собиралась проглотить. Journal asiatique, 1916, № 1, 162.
33. «Сборник материалов», XXXVII, отд. II, 14.
34. Яшвили, назв. соч., 61.
35. «Сборник материалов», XIV, отд. I, 253.
36. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 240.
37. Journal asiatique, 1916, № 1, 160.
38. «Сборник материалов» XXIX, отд. III, 18.
39. Ibid., 16.
40 М. Гедеванов, Зангезурский уезд Елизаветпольской губернии в медицинском отношении за 1890—92 г.г. «Медицинский сборник» Кавказское медицинское общество, № 56, 135.
41. Черный, Горские евреи, 32. «Сборник сведений о кавказских горцах», в. III.
42. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 246.
43. «Сборник материалов», XIII, отд. I, 114.
44. «Сборник материалов», XXVI, отд. I, 29, 30. Против сглаза: XVIII, отд. III, 278.
45. Journal asiatique, 1916, № 1, 162.
46. Надеждин, Природа и люди на Кавказе и за Кавказом, 173.
47. Journal asiatique, 1916, № 1, 162.
48. «Сборник материалов», X II, отд. II, 177.
49. Миллер, В горах Осетии.
50. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 359.
51. Зелинский в «Известиях Кавказского отдела русского географического общества», т. XII, в. I, 38.
52. «Сборник материалов», II, отд. II, 53.
53. «Сборник материалов», XXV, отд. II, 93.

54. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, 1, 2, 128.
55. Шишов, Сарты, I, 380.
56. Ибрагимов, Этнографические очерки киргизского народа, Сборник «Русский Туркестан», в. II, 150.
57. Лалаян, Гянджинский уезд, «Азг. Анд.», 1900 г., стр. 351.
58.Мурадян, — Гамшенские армяне. «Азг. Анд.», 1900 г., стр. 150.
59. Тэйлор, Первобытная культура, II, 184.
60. Мандельштам, Опыт объяснения обычаев, I, 307, СПБ, 1882.
61. Берзенов, Кудианоба, «Кавказ», 1847, № 28; 1850, № 33.
62. «Сборник материалов», XXII, отд. III, 21.
63. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 278.
64. «Сборник материалов», XXXI, отд. I, 149.
65. J. Mourier, La Mingrélie, 171.
66. «Сборник материалов», II, отд. II, 53.
67. «Сборник материалов», XIII, отд. I, 114.
68. «Сборник материалов», XXII, отд. II, 245.
69. Люлье, Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес. «Записки Кавказского отдела русского географического общества» V, 137.
70. «Сборник материалов», XXVI, отд. I, 29.
71. «Сборник материалов», II, отд. II, 53.
72. Лалаянц, Ванский вилайет, «Сборник материалов», XLIV , отд. II, 50, 68.
73. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 278.
74. «Сборник материалов», XIX, отд. II, 85.
75. «Сборник материалов», XVII, отд. II, 178.
76. Муравьев, Грузия и Армения, I, 99. СПБ, 1848.
77. Патканов, Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII веке, СПБ, 1873, стр. 32.
78. Ibid., 34.
79. Джанашвили, Драгоценные камни. «Сборник материалов», XXIV, отд. I, 23.
80. Джанашвили, в «Сборнике материалов», XXIV, отд. I, 45.
81. Яшвили, цит. соч., 62.
82. Патканов, цит. соч., 9.
83. Джанашвили, цит. соч., 33.
84. Ibid., 43.
85. «Сказания русского народа», II, 162.
86. Яшвили, 62.
87. Патканов, 2.
88. Джанашия, Абхазский культ и быт. «Христианский Восток», т. V (1916) в. III, 204, прим. 2.
89. Патканов, 48.
90. «Сборник материалов», XIII, отд. I, 114.
91. «Сборник материалов», XIV, отд. I, 249.
92. Лалаянц, Ванский вилайет, 68, 64.
93. Пржецлавский, Дагестан, его нравы и обычаи. «Вестник Европы», 1878 г., т. III, стр. 191.
94. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 253.
95. Haxthausen, Transkaukasia. Lpz, 1856, I, 319.
96. Лалаян, Борчалинский уезд (на армянском языке). «Азг. Анд.», X (1903), 196.
97. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 369.
98. Ibid., II, отд. II, 52.
99. «Сборник материалов», XXXIV, отд. III, 91.
100. Ibid., XVIII отд. III, 306.
101. «Сборник материалов», XXV, отд. II, 91.
102. «Кавказ», 1887, № 81.
103. Ibid., XIX, отд. II, 81.
104. Ibid., XXV, отд. II, 135.
105. Ibid., XLIV , отд. II, 63. Лалаянц, «Ванский вилайет».
106. М. Гедеванов в «Медицинском сборнике», изданном Кавказским медицинским обществом, № 56, 136.
107. Ibid., XXII, отд. II, 175.
108. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 352.
109. Ibid., XVII, отд. II, 176.
110. Г. Шанаев, Из осетинских сказаний о нартах, стр. 41—42. «Сборник сведений о кавказских горцах», в. IX.
111. «Терскские ведомости», 1880, № 5.

112. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 369.
113. «Сборник материалов», XIX, отд. II, 95.
114. «Пшавия и пшавцы» в «Записках Кавказского отдела русского географического общества», кн. XVII. 136.
115. «Сборник материалов», XVII, отд. II, 182.
116. «Сборник материалов», IV, отд. I, 317.
117. Арчекова в «Терских ведомостях», 1879, № 20.
118. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 269.
119. Ibid., 358.
120. «Сборник материалов», II, отд. II, 55.
121. Чурсин, Народные обычаи и верования Кахетии, 32.
122. Е. Т. — А., Страстная неделя у армян и у грузин. «Кавказ» 1888, № 107.
123. Вучетич, Четыре месяца в Дагестане. «Кавказ», 1864, № 77.
124. «Сборник материалов», XXXIV, отд. III, II.
125. Пржецлавский в «Кавказе», 1862, № 93.
126. Всеволод Миллер, Осетинские этюды, II, 289.
127. Джанашия в «Христианском Востоке», т. V/1916, в. III. 204, прим. 2.
128. «Сборник материалов», XVII, отд. II, 92.
129. Дубровин, I, ч. 1, 525; Пржецлавский, Дагестан, его нравы и обычаи. «Вестник Европы», 1878 г., т. III, стр. 191.
130. Максимов, Год на Севере, 374. Изд. 1890 г.
131. Иванов в «Этнографическое обозрение», кн. XLVII, 113.
132. «Сборник материалов», VII, отд. I, 54.
133. Мамаладзе в «Сборнике материалов», XVII, отд. II, 92. См. также «Сборник материалов», XXII, отд. II, 246; газета «Кавказ», 1848, № 27.
134. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 306. Цветков в газете «Кавказ», 1851, № 11.
135. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 306.
136. Арканджело Ламберти, Описание Колхиды, перевод К. Гана, «Сборник материалов», XLIII, 168.
137. «Сборник материалов», XVII, 103, 104.
138. Тураев, Абиссинские магические свитки. «Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой», М., 1916, стр. 187.
139. «Сборник материалов», XXVI, отд. I, 14. Сагарадзе.
140. «Сборник материалов», XXV, отд. II, 95.
141. Яшвили А., Народная медицина в Закавказском крае, 63.
142. Ibid., XIX, отд. I, 153.
143. Ibid., XVIII, отд. III, 352, 353.
144. Сочинения Чокана Валиханова, стр. 23.
145. Е. Такайшвили в «Сборнике материалов», XXXI, отд. I, 151.
146. «Сборник материалов», XXIX, отд. III, 28.
147. Пантюхов, О народном врачевании в Закавказском крае, оглавление — рисунок, стр. 2. Тифлис, 1899.
148. «Сборник материалов», XIII, отд. I, 55. Относительно армян селения Саров Джевнаширского уезда V. см. «Сборник материалов», VI, отд. I, 132.
149. Ibid., XVII, отд. II, 187, 188.
150. Ibid., IX, отд. II, 142, 143.
151. Пантюхов, О народн. врачевании в Закавказском крае, оглавление — рисунок, 2.
152. «Сборник материалов», XVII, отд. I, 190.
153. Ibid., II, отд. II, 50.
154. Ibid., IV, отд. I, 317.
155. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, I, ч. I, 578.
156. Ibid., 584.
157. Писано в 1899 г.
158. Г. Черный, Горские евреи, 39. «Сборник сведений о кавказских горцах», в. III.
159. Е. Такайшвили в «Сборнике материалов», XXXI, отд. I, 177.
160. Меликсет-Беков, Ангелы хранители, «Христианский Восток», т. III, в. I, 51, 52.
161. Ibid., 54.
162. Яцимирский, К истории ложных молитв в южно-славянской письменности. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1913 г., т. XVIII, кн. 3, стр. 2.
163. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. II, Москва, 1863. Алмазов, Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры. Одесса, 1901 г.
164. Шантепи де ла Соссей, Иллюстрированная история религий, I, 167.
165. Гельвальд, Естественная история племен и народов, II, 318.

166. Берзенов, О грузинской медицине. «Кавказский календарь» на 1857 г.
167. «Сборник материалов», XXXI, отд. I, 151.
168. Ibid., 164.
169. M. Bittner, Ein armenischen Zauberstreifen. «Anthropos», IV (1909), 182—189.
170. Дм. Бакрадзе, Грузия и грузины, «Кавказ», 1851, № 31.
171. Автором этого апокрифа считают сирийца Лабубниа, жившего в I в. н. э. Со ссылкою на Лабубнию апокриф этот приводится у византийских историков Руфина и Евсевия и у армянского историка Моисея Хоренского.
172. Тураев, Коптские Ostraca, коллекции В. С. Голенищева. «Известия Академии наук», 1899, № 5.
173. Андроников, описание 3-го Уравельского полицейского участка Ахалцихск уезда Тифлийской губернии. «Записки Кавказского отдела русского географического общества», кн. XVI, 282.
174. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 316.
175. Джанашия, Абхазский культ и быт. «Христианский Восток», т. V, в. III, 177.
176. Люлье в «Записки Кавказского отдела русского географического общества», кн. V, 137.
177. «Сборник материалов», отд. II. 149.
178. Омаров, Воспоминания муталима, 36. «Сборник сведений о кавказских горцах». вып. I.
179. Ibid., 50.
180. Вучетич, Четыре месяца в Дагестане. «Кавказ», 1864, № 77.
181. К. Ган, Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области летом 1902 г. «Известия Кавказского отдела русского географического общества», т. XVI, № 4, 16.
182. «Сборник материалов», XIV, отд. I, 249.
183. «Сборник материалов», XIII, отд. I, 55.
184. Бентковский, Женщина калмычка Большедербетского улуса. «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», в. III, 103. Ставрополь, 1870 г.; также Н. Львовский, Калмыки большедербетовского улуса. «Ученые записки Казанского университета», 1893 г., № 6, стр. 20.
185. Ibid., 105.
185. Рудановский, О Караногайской степи и кочующих на ней племеах. «Кавказ», 1863, № 50.
187. Архипов в газете «Кавказ», 1855, № 31.
188. Володин в «Сборнике материалов», XXXVIII, отд. I, 39.
189. Ibid., 56, 57.
190. «Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии». «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», в. II, 197. Ставрополь, 1869.
191. «Сборник материалов», XVII, отд. II, 211.
192. Пантюхов, О народном врачевании в Закавказском крае, Тифлис. 1899. Оглавление, рис., стр. 3. Ср. Гедеванов, Зангезурский уезд в медицинском отношении. «Медицинский сборник», № 56, стр. 133, 134.
193. Н. Веселовский, Бозбенд. «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. I, в. III (1886 г.), стр. 161.
194. «Сборник материалов», XVIII, отд. III, 133.
196. Эриксон, Об условиях быта и санитарного состояния Цалкинских поселений, «Медицинский сборник», изд. Кавказского медицинского общества, № 61, 234.
196. «Les Chaldéens ont inventé la sculpture sur pierres fines et aucun peuple ne fit un plus fréquent usage de ces cylindres, de ces cônes et de ces cachets de toutes formes, sur lesquels se voient gravées en traits fins et profonds, les images mêmes que la sculpture alignait sur la paroi des temples ou des palais. Ces pierres sculptées en creux, hématites, porphyre, calcédoines, marbres, et onyx de toutes nuances, étaient portées au cou, au doigt, au poignet, attachées au vêtement; c'etaient à la fois des amulettes contre les maladies ou les maléfices et des cachets à l'aide desquels on apposait des empreintes au bas des actes publics ou privés». E. Babelot. Manuel d'Archéologie Orientale. Цит. у Chachoin — Les religions, pp. 200, 201. Alger, 1910.
197. Минкевич, Камни, как медицинское средство и как предмет обожания на Кавказе. Протокол заседания Кавказского медицинского общества, 1893 г. № 13, 374.
198. Lenormant. La magie chez les chaldéens, 36, Paris, 1874.
189. Милитевич. Живот срба сельака, 295, 296. Белград, 1894.
200. Люлье, Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов. «Записки Кавказского отдела русского географического общества», V, 137.
201. «Сборник материалов», XVII, отд. II, 211.
202. Jaubert, Voyage en Armenie et en Perse, 272.
203. «Сборник материалов», XVII, отд. II, 200; XXXIV, отд. III, 98.
204. Brugsch, Reise nach Persien. Leipzig, 1862. I, 149.

Текст печатается по изданию:
Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. — Махачкала: Издание Ассоциации северо-кавказских горских краеведческих организаций, 1929.

II. Раздел языкознания. Языки Кавказа

Краевой горский институт

Доклад о деятельности института в комиссии Государственного ученого совета 27 июня 1929 года

По предложению комиссии Государственного ученого совета, Горский научно-исследовательский институт 27 июня сего года сделал доклад о своей двухлетней работе — с момента фактического оформления, которое произошло в марте-апреле 1927 года, и до перерыва занятий на летние вакации 1929 года. Ниже приводится доклад, сделанный в заседании комиссии от 27 июня представителем института, и резолюция, принятая за основу на том же заседании комиссии.

Организационная структура института. Существующий ныне в Ростове-на-Дону Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения был переведен по распоряжению Правительства РСФСР (постановление Совнаркома № 73 от 24 ноября 1926 года) в декабре месяце 1926 года. Фактически же его организация, в связи с ликвидацией института во Владикавказе, была несколько отсрочена, и организационное оформление институт получил в марте-апреле 1927 года.

Причинами, обусловившими распоряжение правительства о переводе Института краеведения в Ростов из Владикавказа, были — слабая работа института и отсутствие в организационном охвате обслуживания культурно-исследовательских нужд национальных областей Северного Кавказа. Двухлетняя работа института в Ростове, то место, которое занял институт в ряде других исследовательских учреждений Северного Кавказа, и потенциальные возможности института определяют полную целесообразность перевода и создают уверенность, что в ближайшие годы институт сможет еще более широко развернуть свою деятельность на фронте культурной революции и упрочить свое руководящее и планирующее значение в деле краеведческой работы среди горцев.

Согласно положению института, утвержденного главнаукой, общим решающим органом института является совет института, состоящий из научных работников института, представителей научных организаций, местных национальных общественных организаций, крайнацсовета и других. Исполнительные функции несет правление института, состоящее из заведующих отделами, представителя Краевой ассоциации научно-исследовательских институтов, представителя Северо-Кавказского краевого бюро краеведения. Административно-хозяйственные функции разрешаются непосредственно директором института.

В своей производственной структуре институт состоит из 4 отделов: 1) естественно-производительных сил, 2) социально-культурного, 3) лингвистического и 4) экономических исследований. Отделы, в свою очередь, распадаются на секции. Во главе отделов стоят штатные работники института — либо профессора и доценты местного вуза, либо лица, выдающиеся в области изучения Кавказа и, в частности, горских вопросов и обладающие в этом отношении большой квалификацией. Секции возглавляются внештатными научными сотрудниками.

Штаты института. Согласно штатному расписанию института, утвержденному Главнаукой, Горский институт имеет штат в количестве 11 человек, из них научных сотрудников 8 и

технических — 3. В числе научных сотрудников значатся директор института, три заведующих отделами и четыре научных сотрудника. Кроме означенных лиц, при институте имеется 13 научных практикантов, из которых семь штатных и шесть внештатных. Практиканты распределяются между двумя отделами — социальной культуры и экономических исследований. В первом отделе состоит семь практикантов, из которых четыре штатных. По отделу экономических исследований состоит шесть практикантов, из которых три штатных. Из 13 практикантов 10 горцев, один горский еврей и двое русских. По партийной принадлежности — пять партийцев, что составляет среди практикантов около 40%. Всего среди штатных научных сотрудников и практикантов имеется семь партийцев, что по отношению к штатному составу института дает свыше 50%.

Персональный список научных сотрудников и практикантов, с указанием их национальности и партийности дается в следующей таблице.

№ п.п.	Наименование должности	Имя, отчество и фамилия	Национальность	Партийность
1.	Директор института	Алиев Умар Джашуевич	карачаец	чл. ВКП (б)
2.	Ученый секретарь, он же зав. отд. эконом. исследований	Гозулов Авдей Ильич	армянин	беспарт.
3.	Зам. директора, он же зав. отд. естественно-произв. сил	профессор Ерохин Петр Михайлович	русский	беспарт.
4.	Зав. отд. соц. культуры	Дьячков-Тарасов Александр Николаевич	русский	беспарт.
5.	Зав. лингвист. отд., он же ученый секретарь терминол. комиссии	профессор Беляев Михаил Васильевич	русский	беспарт.
6.	Научный сотрудник I-го разряда	доцент Барсов	русский	чл. ВКП (б)
7.	Научный сотрудник I-го разряда	доцент Хижняков Борис Евгеньевич	русский	беспарт.
8.	Научный сотрудник II-го разряда	Кануков Иналук Алибекович	осетин	беспарт.
9.	Лектор иностр. язык.	Котляров Иван Васильевич	русский	беспарт.
10.	Научн. практ. штатн.	Байрамкулов Ахмет Магометович	карачаец	беспарт.
11.	Научн. практ. внешт.	Батдыев	карач.	чл. ВКП (б)
12.	Научн. практ. штатн.	Дышеков Магомет Пишканович	черкес	беспарт.
13.	Научн. практ. штатн.	Жантиева Диляра Гиреевна	осетинка	беспарт.
14.	Научн. практ. штатн.	Хадарцев Эльбрус Исламович	осетин	беспарт.
15.	Научн. практ. внешт.	Хамидов Саад Батчаевич	чеченец	чл. ВКП (б)

№ п.п.	Наименование должности	Имя, отчество и фамилия	Национальность	Партийность
16.	Научн. практ. внешт.	Хубиев Ислам К.	карачаец	чл. ВКП (б)
17.	Научн. практ. штатн.	Ахриев Нур-Эддин	ингуш	чл. ВКП (б)
18.	Научн. практ. штатн.	Мустафинов Юнус Эльмурзаевич	чеченец	беспарт.
19.	Научн. практ. штатн.	Ревазов Борис Борисович	осетин	чл. ВКП (б)
20.	Научн. практ. внешт.	Жак Давид Константинович	горский еврей	беспарт.
21.	Научн. практ. внешт.	Костоглодов Владимир Федорович	русский	беспарт.
22.	Научн. практ. внешт.	Соколов Юрий Павлович	русский	беспарт.

Кроме перечисленных научных сотрудников и практикантов институт имеет в своем составе внештатных научных работников, принимающих участие в экспедиционных и камеральных исследованиях института.

Оборудование. Незначительность кредитов, отпускаемых по линии госбюджета, не дает возможности институту организовать кабинеты и лаборатории, хотя существо исследовательских работ института и прекрасное здание, занимаемое институтом, полностью позволили бы осуществить эту задачу.

Из специального оборудования институт располагает большой аудиторией на 300 человек, где происходит чтение публичных лекций и докладов, конференц-залом и библиотекой по кавказоведению, с общим количеством томов свыше 6000. Общая стоимость оборудования определяется в 9000 рублей, из них стоимость книжного фонда около 5500 рублей. Институт занимает 10 комнат, общей площадью 460 кв. м.

Финансирование института. Финансирование института характеризуется следующими данными, обнимающими как ассигнования по госбюджету, так и дотации, отпускаемые по местному бюджету. Нижеприводимый отчет по финансированию охватывает 3 операционных года — 1926—27, 1927—28 и, частично, 1928—29 год.

1926—27 год

I. **Местный бюджет** § 16 ст. 19-б «В пособие Институту» за истекший 1926—27 год было отпущено **рублей** 12233, из них израсходовано:

1. Оборудование помещения, канализации, проводка электричества; устройство сцены, инвентарь, художественные работы, приобретение вывесок и др.	6580-60
2. За напечатание «Бюллетеня»	667-00
3. Пожетонные	800-00
4. Составление карты автономных областей, оборудование библиотеки, литературные труды и пр.	535-40
Научные командировки в автономные области	3650-00
Итого: рублей	12233-00

II. **Госбюджет**. В 1926—27 год было отпущено Институту и израсходовано:

	Руб.
Зарплата, Местком и Соцстрах	7218-76
Переведено в зарплату	2157-30
Канцелярские и хозяйственные расходы	828-00
Топливо	400-00
Путевое довольствие	100-00
Научные расходы	1815-00
Итого:	12519-06
Всего по местному и госбюджету израсходовано в 1926—27 году	24752-06

III. Северо-Кавказская краевая **ассоциация** научно-исследовательских институтов — 3300 рублей (См. Отчет о деятельности Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института, «Записки Института» т. I, стр. 227—230).

1927—28 год

I. **Госбюджет.**

Гл.	§	Наименование ассигнований	Ассигнований на 1927—28 г.	Израсходовано	Остаток на 1/X—28 г.
II	1	Зарплата, Местком, Соцстрах	10350	10275-42	74-58
II	2	Канцелярские и хозяйственные расходы	1346	1346	—
II	3	Операционные расходы по научной части	2360	2360	—

II. Северо-Кавказская краевая **ассоциация** научно-исследовательских институтов — 1475-90 рублей.

Истрачено:

		Руб.
1.	На хозяйственные и канцелярские расходы	180
2.	На ремонт	525-96
3.	На экспедиции:	
	1) «Изучение обычного права горцев Северной Осетии», руководитель профессор А.М. Ладыженский	250
	2) «Обследование трахоматизации населения Кабарды», руководитель профессор К.Х. Орлов	320
	3) За архивные материалы для библиотеки И.А. Канукову	200

Кроме того, отдел естественно-производительных сил института совместно с отделом естествознания и математики при Северо-Кавказской краевой ассоциации научно-исследовательских институтов, организовал экспедицию в Северную Осетию для изучения ее климата, курортных возможностей, минеральных источников, водных ресурсов. На эту экспедицию ассоциация ассигновала 5000 рублей.

1928—29 год

I. **Госбюджет**.

Гл.	§	Наименование ассигнований	Ассигнований на 1928—29 г.	Израсходовано	Остаток на 10/VI—29 г.
II	1	Зарплата, Местком	9697	5291-18	4405-82
II	2	Хозяйственные и канцелярские расходы	850	744-72	405-28
II	6	Операционные по научной части	4150	788-31	3361-69
XXIII		Соцстрах	1032	563-75	468-25
II	4	Ремонт	600	125-52	474-48
II	5	Оборудование и инвентарь	500	—	500
II	7	Разные расходы	1000	1000	—
		Итого	17829	8513-48	9315-52

II. Северо-Кавказская краевая **ассоциация** научно-исследовательских институтов — 1750 рублей.

В означенные суммы по бюджетам 1927—28 года и 1928—29 года не включены суммы, отпускаемые Краевым национальным советом на содержание штатных научных практикантов института, — до 4000 рублей в 1927—28 году и до 8000 рублей в 1928—29 году.

Как видно из приведенных ассигнований, отпуск кредитов по местному бюджету был значителен лишь в 1926—27 академическом году, в период перевода института, а в последующие годы он значительно снизился, причем кредиты не проходят самостоятельно в бюджете, а поступают на специальные цели — подготовка кадров научных практикантов — из кредитов Краевого национального совета.

Основная целевая установка работы института. Целевая установка работы института заключается в разработке по линии научного исследования и краеведческих материалов, касающихся: 1) естественно-производительных сил горских областей Северного Кавказа, 2) морфологии и динамики этнографии горских племен Северного Кавказа, генетической и современной социологии, материальной культуры национальных областей Северного Кавказа 3) языка и письменности, 4) экономики горских народов в области сельского хозяйства, промышленности и обмена. Научный материал должен добываться камеральным и, особенно, полевым методом, что должно вести к коллективизации работы краевого и местных национальных научно-исследовательских институтов. Кроме чисто научно-исследовательской работы, Краевой горский институт ставит своей целью, в осуществление директивных органов и Краевого национального совета, подготовку молодых кадров из горцев в деле изучения культуры и хозяйства их областей.

Содержание работы института за последние 2 года. Научная работа отделов распадалась на 3 вида: 1) камеральные работы по исследованию материалов, добытых в экспедициях, 2) полевые работы на территории национальных областей, 3) работа с научными практикантами института.

Результатами работы института в 1927—28 операционном году было исполнение следующих заданий:

I. По отделу естественно-производительных сил:

1) «Обработка материалов по лекарственным и техническим растениям автономных областей» (камеральная работа) — доц. О.И. Щепкиной;

2) «Кефирные грибки Карачая» (экспедиция) — доц. Л.И. Волкова;

3) «Карта изогипс Чечни, Ингушии и Осетии» — А.Г. Жантиева.

Отдел организовал экспедицию в Осетию для изучения ее климата, курортных возможностей, минеральных источников, водных ресурсов. На эту работу было ассигновано Краевой ассоциацией научно-исследовательских институтов 5000 рублей. Отдел обработал экспедиционный материал 1926 и 1927 гг. по национальным областям, причем были привлечены работники с мест к изучению естественно-производительных сил и подготовке к экспедиции в Ингушию в 1929 году.

Кроме работ напечатанных, сданы в печать еще следующие работы:

1) П.М. Ерохин. — «Материалы по гидрологии бассейна Сунжи». — 15 п.л., 20 фото, 12 чертежей и 1 карта.

2) Он же. — «Климатический очерк Даргавской долины». — 1 п.л.

3) Д-р А.А. Сомов. — «Цейский курорт». — 1 п.л.

4) Проф. Седельщиков. — «Очерк геологии Чечни». — 2 п.л.

5) Доц. А.И. Воскресенский. — «Полезные ископаемые Чечни». — 1 л.

6) Доц. Л.И. Волков. — «Кефирные грибки Карачая». — 2 л.

Кроме этих работ, отдел составил библиографию по естественно-производительным силам национальных областей, куда направлялась экспедиция.

Одновременно научными работниками отдела делались доклады; из них важнейшие: 1) проф. Ерохин П.М. — «Курорты Чечни», 2) Он же. — «Курорты Северной Осетии», 3) Он же. — «Цей как климатическая станция», 4) Он же. — «Метеорологические факторы стока в горных районах Чечни», 5) инж. Кречмер У.У. — «Ископаемые богатства Карачая», 6) Вязовский — «О необходимости развития метеорологической сети в национальных областях», 7) инженер Клопов. — «О развитии разведочного дела в Карачае».

II. По отделу социальной культуры. — Отделом проведено 9 экспедиций как по линии социальной культуры, так и по линии изучения психофизической природы горца.

Экспедиция в Карачай социально-этнографического характера в 1927 году: 1) выявила в окончательной форме вопрос о происхождении карачайцев, как кавказцев, объединенных турецким наречием. На эту тему был сделан заведующим отделом, А.Н. Дьячковым-Тарасовым, в Туркологическом кабинете Академии наук доклад, получивший полное одобрение (исследование передано Ассоциации научно-исследовательских институтов для печатания); 2) выявлена история и взаимоотношения социальных формаций Карачая и их экономическая мощность (1-я часть исследования напечатана в «Записках» института, 2-я — сдана в печать). В том же году была проведена экспедиция в Адыгейскую и Кабардинскую области для изучения на месте обычного права горцев. Экспедицию провел профессор А.М. Ладыженский, напечатавший результаты своего исследования в «Бюллетене Института», журнале «Новый Восток» и др. Экспедиция по изучению личности правонарушителя в Карачай была организована на средства института совместно с Краевым кабинетом по изучению личности правонарушителя. Исследование произведено «д-ром» Панкратовым и будет напечатано. Заведующий музыкальной секцией института А.П. Митрофанов, совместно с научным сотрудником ГИМНа (Государственный институт музыкальных наук в Москве) Д.Р. Рогаль-Левицким, изучал на месте карачайское песнотворчество. Их совместная работа приготовлена к печати.

В 1928 году организованы были по линии культуры следующие экспедиции: 1. Директор института У.Д. Алиев провел экспедицию в Карачай (август и сентябрь) по изучению социально-бытового уклада жизни карачайцев и отражения его в словесном творчестве их — героическом эпосе, преданиях, песнях, пословицах, поговорках, загадках. Экспедиция собрала очень богатый материал, находящийся в настоящее время в стадии обработки. 2. Заведующий отделом культуры А.Н. Дьячков-Тарасов провел социально-демографическое обследование коренного населения адыгейского аула, как обоснование вопроса о вымирании, путем выборочного метода. Результаты обследования, которое является первым опытом, заканчиваются обработкой и приводят к интересным выводам, касающимся прироста населения, а также выявляют генезис угрожающих здоровью адыгов явлений и вскрывают роль в этом отношении физических, социально-бытовых и экономических факторов. Работа будет напечатана в «Трудах» Ассоциации научно-исследовательских институтов. 3. Профессор А.М. Ладыженский был командирован в Северную Осетию, где продолжал изучение горского права, начатое им

в предыдущей экспедиции в Адыгею и Кабарду. В результате этой экспедиции, давшей богатый материал, товарищем Ладыженским написана обширная монография, которая будет им напечатана. 4. Заведующий музыкальной секцией А.П. Митрофанов, совместно с научным сотрудником ГИМНа Д.Р. Рогаль-Левицким, продолжал изучение горского песнотворчества и в Осетии и Ингушии, изучал горскую песню. Материал обработан и готов к печати. 5. Институт, учитывая необходимость выявления горца как естественно-производительной силы, командировал профессора-офтальмолога К.Х. Орлова для окончания предпринятого им с несколькими научными сотрудниками офтальмологического изучения Кабардино-Балкарской области; проф. К.Х. Орлов, изучив в прошлом году Балкарию, в настоящую экспедицию исследовал Кабарду. Обработанные уже результаты работы этой экспедиции, в связи с бывшими ранее исследованиями проф. Очаповского, дают очень интересные научные достижения по линии офтальмологии и социально-бытового уклада горской жизни.

Отделом разработан план комплексной экспедиции в Чечню летом 1929 года, согласно которому члены экспедиции займутся собиранием научного материала по социологии чеченов, их этнографии, истории, материальной культуре, песнотворчеству, по языку, по антропологии и здоровью их. Экспедиция войдет в контакт с местным Краеведческим обществом с тем, чтобы в ней приняли участие и члены его. Экспедиция обратит особое внимание на дифференциацию чеченского племени по всем научным разрезам, а в частности, займется морфологией этнографии горной Чечни и Хевсурской части бассейна Чанты-Аргуна, как области, почти незатронутой научным обследованием.

Отдел за 2 года организовал 26 докладов, на которые приглашались как члены Ассоциации научно-исследовательских институтов, Северо-Кавказского бюро краеведения, Научного общества марксистов, Краевого общества истории, археологии и этнографии, так и студенты Ростовского вуза, КОММВУЗа и горцы-рабочие ростовских рабфаков, фабрик и заводов. Из общего количества докладов отмечаем следующие, наиболее значительные: 1) Митрофанова А.П. — «Осетинское песнетворчество», 2) Его же. — «Карачайское песнетворчество», 3) проф. Козловского И.П. — «Тьмутараканское княжество в связи с историей адыгов», 4) Жантиевой Д.Г. — «Героический эпос кавказских горцев», 5) Ее же. — «Исторический эпос кавказских горцев», 6) Дьячкова-Тарасова А.Н. — «Происхождение карачайцев», 7) Его же. — «Русская торговая политика в 1-й половине XIX века», 8) члена Академии материальной культуры Миллера. — «Археологические разыскания в Осетии», 9) Хадарцева Э.И. — «Кровная месть», 10) Ладыженского А.М. — «Горское семейное право», 11) Канукова И.А. — «Абречество у горцев как следствие борьбы с русскими», 12) Силина А.Д. — «Горский орнамент», 13) Григорьева. — «Первая осетинская газета 1905 года», 14) Лунина Б.В. — «Достижения за последнее десятилетие в области горской древней материальной культуры», 15) Вязигина А.А. — «Источники для изучения культурно-исторического прошлого горских народностей в архивах Северного Кавказа», 16) проф. Яковлева Н.Ф. — «О языке горских новых групп Северного Кавказа», 17) Алиева У.Д. — «О латинизации письмен горских народностей», 18) Гозулова А.И. — «Морфология горского населения».

Достижения научно-исследовательского порядка работников отдела, в общем, сводятся к следующему: 1) выявлено происхождение карачайцев, 2) освещен совершенно неразработанный отдел в истории русской колонизации в 1-ю половину XIX века, 3) выдвинут вопрос о средневековье Кавказа, своевременность и актуальность изучения которого получили одобрение академиков М.Н. Покровского, Н.Я. Марра, А.Н. Самойловича и ряда видных научных работников Центра; в этом отношении институтом разработан материал, касающийся неизвестного средневекового пути через Хумару; 4) выявлен ряд фактов по линии обычного горского права; 5) разработана история и взаимоотношения социальных формаций в Карачае; 6) собран и разработан значительный материал по фольклору; 7) произведен опыт социально-демографического обследования горского аула; 8) добыт в архивах Ленинграда ценный и неизвестный научный материал, касающийся торговой политики русских на Кавказе, горской ссылки и колонизации Кавказа. Значительное научное значение в этих отношениях занимают найденные в Ленинградском архиве заведующим отделом социальной культуры «Записки де Скасси».

III. По лингвистическому отделу. — Лингвистический отдел института образовался значительно позже других его отделов и был выдвинут самой жизнью и возложением на институт Краевым исполнительным комитетом ряда ответственных задач научно-практического порядка, в связи с мероприятиями по коренизации национальных областей. В состав лингвистического отдела вошли следующие секции: 1) горско-турецкая — руководитель У.Д. Алиев, 2) горско-иранская — руководитель проф. Б.А. Алборов, 3) ингушско-чеченская — руково-

дитель З. Мальсагов, и 4) абхазско-адыгейская — руководитель проф. Яковлев Н.Ф., под общим председательством У.Д. Алиева и при Секретаре — И.К. Хубиеве.

В январе 1929 года к отделу присоединилась образованная при Северо-Кавказском крайисполкоме Центральная терминологическая комиссия по обогащению, в связи с коренизацией края, горских языков Северного Кавказа приемлемыми для населения терминами. Комиссия образована в составе: председателя — У.Д. Алиева, ученого секретаря — проф. М.В. Беляева, членов — проф. Н.Ф. Яковлева, проф. Б.А. Алборова, А.Х. Саламова, А.Н. Дьячкова-Тарасова и Т. Хуажева.

По лингвистическому отделу работа распределилась следующим образом: взяли на себя разработку — проф. Алборов — грамматики осетинского языка и хрестоматии, У.Д. Алиев — грамматики карачаевского языка и словаря, З. Мальсагов — хрестоматии ингушско-чеченского языка, проф. Яковлев — хрестоматии адыгейского языка, словаря кабардинского языка и грамматики нижнечеркесского языка, Яндаров — грамматики чеченского языка.

На издание этих работ составлены договоры с Национальным издательством и самые работы выполняются, частью и печатаются (У.Д. Алиев — Грамматика карачаевского языка).

По Терминологической комиссии составлена инструкция для составления терминологических словарей, составлены проспекты самих словарей: а) словаря терминов делопроизводства и б) общих терминов.

Установлена, путем командирования председателя и секретаря комиссии в национальные области, связь с местными комиссиями, которые образовались в национальных областях, именно: Чеченской автономной области — председатель — М. Исламов, Ингушской — председатель — Л.В. Слиепов, Северо-Осетинской — председатель — Ш. Абаев, Кабардино-Балкарской — председатель — Камбиев, Карачаевской — председатель — Халилов, Махе, Черкесской — председатель — Мхце.

В то же время установлена связь с Чеченским научным обществом (Грозный), иранской секцией лингвистического отделения Осетинского научно-исследовательского института краеведения.

Если лингвистический отдел Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института в центре своих работ имеет разработку грамматики, хрестоматий, Терминологическая комиссия — главным образом, лексикологию, имея в виду от непосредственно необходимой, в связи с коренизацией края, разработки терминологических словарей и перевода форм деловых бумаг перейти к составлению общих словарей горских языков и сравнительного словаря их.

Далее, в т. I «Записок» института напечатаны статьи: проф. Н.Ф. Яковлева — «Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков», его же — «К вопросу об общем наименовании родственных народов», У.Д. Алиева — «О принципах составления карачаево-балкарской грамматики», проф. П.Н. Черняева — «Как изучал П.К. Услар язык убыхов».

Во II томе «Записок» сданы статьи аспирантов по истории черкесской, кабардинской и карачаевской письменности, статьи проф. М.В. Беляева — «Осетинская этимология — общий обзор системы языка», «К изучению кавказских языков». Наконец, в занятиях с аспирантами проводятся: а) беседы по общему языковедению и б) изучение иностранных языков (английского и немецкого).

IV. По отделу экономических исследований. — В 1927—29 академическом году отдел экономических исследований выдвинул и провел четыре исследовательские работы: 1) А.И. Гозулова — «Трудовые ресурсы и проблемы использования труда в крестьянских хозяйствах горцев Северного Кавказа», 2) доц. С.П. Осинского — «Емкость крестьянского рынка национальных областей», 3) доцент Б.Е. Хижнякова — «Кустарно-ремесленная промышленность национальных областей» и 4) доц. Л.И. Шишенкова — «Сырьевые ресурсы национальных областей». Из перечисленных работ две первые сейчас печатаются во II томе «Записок» института, работа же А.И. Гозулова выйдет отдельной монографией.

Летом 1928 года научные сотрудники института — Гозулов А.И., Осинский С.П. и Хижняков Б.Е., в контакте с экспедицией проф. В.П. Христиановича, провели обследование Карачаевской автономной области по изучению населения, местного бюджета, кустарно-ремесленной промышленности и кооперации. Собраны интересные материалы, позволяющие охарактеризовать особенности сельскохозяйственных занятий карачайцев, проблемы обмена и др.

В течение 1928—29 года отдел экономических исследований занят крупной работой камерального типа по описанию и анализу народного хозяйства национальных областей. Эта

работа была начата по постановлению Краевого национального совета, осуществляющего вместе с крайисполкомом директиву Союзного ЦИКа о необходимости изучения национальных областей. Наличие огромных статистических материалов, собранных по линии местных статистических органов и ведомств и дополненных многочисленными экспедициями последних лет, выдвигал на очередь вопрос о необходимости приложения синтетического анализа к этим материалам в форме глубокого народно-хозяйственного исследования. К этой работе были привлечены не только научные сотрудники и практиканты института, но и научные сотрудники местных ВУЗов. Работа должна охватить около 30—40 печатных листов и быть приготовлена к сентябрю-октябрю 1930 года.

Летом 1929 года отдел экономических исследований в порядке реализации своего перспективного плана наметил экспедицию в **Ингушию и Осетию** по изучению степени хозяйственной эффективности переселения горцев с гор на плоскость. Работа пока носит рекогносцировочный характер и с будущего года должна принять широкие размеры. Экспедиция уже выехала и приступила к работе.

Увязка деятельности института с хозяйственными, экономическими и культурными потребностями края. — В своей исследовательской работе институт исходил из принципа максимальной связи в своей работе с экономическими, хозяйственными и культурными потребностями национальных областей. Эта связь оформилась прежде всего в виде постановки перспективных производственных планов института на пленумах крайнацсовета, на сообщениях о своих экспедиционных и камеральных работах, на заседаниях местных национальных плановых комиссий, на выявлении и анализе таких проблем, которые в данный момент являются актуальными проблемами горской действительности. Кроме того, в порядке осуществления этой связи, институт привлекался Национальным советом в качестве консультанта по разрешению ряда проблем, поставленных на решение крайнацсовета. Как на пример ответственного консультирования можно указать на поручение институту особым постановлением крайисполкома выработать ряд грамматик и словарей на национальных языках для осуществления работы по коренизации национальных областей. Работа эта огромная, сложная и в научном и в практическом отношении, и вполне естественно, что она потребовала привлечения не только работников Краевого горского института, но и научных сил Москвы, Ленинграда и местных национальных институтов. В качестве другого примера можно сослаться на работу института в области изучения кустарно-ремесленной промышленности национальных областей, которая использована еще до публикации местными учреждениями с планирующими органами для перспективной наметки развития этой отрасли хозяйства.

Какие группы нацмен охвачены научно-исследовательской работой. — Горский институт, как свидетельствует само наименование, обслуживает своей исследовательской работой исключительно горцев. По переписи 1926 года, в пределах Северо-Кавказского края проживает около миллиона горских племен — адыгейцев, черкесов, кабардинцев, карачаевцев, чеченцев, балкарцев, ингушей, осетин, которые административно-территориально замкнуты в 7 автономиях. Значительность горских племен, их различное хозяйственное и культурное состояние в высокой степени осложняют научно-исследовательскую работу, создают необходимость сделать из нее очень гибкое орудие познания специфических особенностей этих областей. Поскольку такие особенности есть, постольку вполне естественно поднимается вопрос и о дифференциации научно-исследовательской работы. Эта дифференциация мыслится, прежде всего, в форме дифференциации научно-исследовательских краеведческих учреждений.

Связь и разделение труда с другими научно-исследовательскими институтами и научными обществами. В пределах национальных автономий существует два вполне окрепших научно-исследовательских института — Северо-Осетинский и Ингушский, и один недавно возникший институт — Адыгейский, преобразованный из Адыгейского краеведческого общества, затем — Краеведческое общество в Чечне и Кабарде и краеведческие ячейки в Карачайской и Черкесской областях. Наличие местных национальных институтов и обществ в свое время выдвигало перед Краевым институтом вопрос о некоторой организационной связи научно-исследовательской работы по линии изучения национальных областей и, прежде всего, размежевания работ в порядке разделения труда и устранения параллелизма. Подобный вопрос был поставлен на обсуждение майского совещания 1928 года краеведческих организаций и на заседании горской секции, причем совещание склонилось к следующему порядку разграничения работ: а) местные национальные институты и вполне окрепшие общества проводят исследовательскую работу исключительно в пределах своих национальных областей, причем ориентируются, главным образом, на проблемах культуры; б) Краевой гор-

ский институт, в первую очередь, ведет исследования в тех национальных областях, которые не имеют своих исследовательских институтов; в) местные институты и общества предметом своих исследований выдвигают местные проблемы; г) Горский краевой институт подвергает исследованию проблемы, имеющие общее значение для всех горцев. За Краевым горским институтом общее регулирование и планирование исследований, причем последнее мыслилось не в форме нарушения прав отдельных институтов, а в порядке помощи научными силами, средствами и т.д. В своей практической деятельности институт в течение 1928—29 академического года придерживался тех принципов, которые были высказаны на майском совещании, и строил свою исследовательскую работу в порядке установленных этим совещанием положений о совместном сотрудничестве.

Издательская работа Института. — Институт приступил к своей издательской деятельности в 1927 году. За период 1927—29 г вышли из печати, сданы в печать и печатаются следующие издания.

Печатные труды Северо-Кавказского краевого горского института

I. Периодические органы.

1. «Бюллетень» Института №№ 1, 2—4—9 п.л.
2. «Горский краевед» — ч. 1. — 4 п.л.
3. «Записки Института», т. 1. — 15 п.л.
4. Сданы в печать «Записки» Института, т. II-й, 20 п.л.
5. Совместно с Национальным советом издается ежемесячный журнал «Революция и горец» — вышли из печати №№ 1—5 п.л., 2—7 п.л., 3—4—6 п.л., 5—6 п.л., 6—5 п.л., и 7—5 п.л.

II. По лингвистическому отделу.

Вышла из печати «Научная грамматика кабардино-балкарского языка» — У.Д. Алиева — 8 п.л.

Подготовляются к печати:

1. «Грамматика кабардинского языка» — проф. Н.Ф. Яковлева — 7 п.л.
2. «Словарь коренных слов нижнечеркесского языка» — проф. Н.Ф. Яковлева — 10 п.л.
3. «Грамматика осетинского языка» — проф. Б.А. Алборова — 7 п.л.
4. «Грамматика карачаево-балкарского языка» — У.Д. Алиева — 7 п.л.
5. «Хрестоматия по языкам вейнахской группы горских языков» — Мальсагова Заурбека — 10 п.л.
6. «Осетинская хрестоматия» — проф. Б.А. Алборова — 10 п.л.
7. «Адыгейская хрестоматия» — проф. Н.Ф. Яковлева — 10 п.л.
8. «Словарь карачаево-балкарского языка» — У.Д. Алиева — 15 п.л.
9. «Словарь кабардинского языка» — проф. Н.Ф. Яковлева — 15 п.л.
10. «Грамматика нижнечеркесского языка» — проф. Н.Ф. Яковлева — 6 п.л.
11. «Система языка и особенности кавказских языков» — проф. М.В. Беляева — 2 п.л.

III. По отделу социальной культуры.

Напечатано научными сотрудниками Отдела:

1. У.Д. Алиев. — «Карахалк» — 7 п.л.
2. Его же. — «Адыгея» — 15 п.л.
3. Его же. — «Карачай» — 18 п.л.
4. Его же. — «Национальный вопрос и национальная культура на Северном Кавказе» — $7^1/_2$ п.л.
5. Его же. — «К латинизации письменности горских народов Северного Кавказа» — $^1/_2$ п.л.
6. Его же. — «О принципах составления карачаево-балкарской грамматики» — 1 п.л.
7. Его же. — «Книгоиздательское дело на Северном Кавказе» — $^1/_2$ п.л.

Итого $49^1/_2$ п.л.

Готовится к печати:

1. Алиев, Семякин. — «История возникновения письменности и национальной печати на Северном Кавказе» — 10 п.л.

2. Коллектив под общей редакцией Алиева У.Д. — По заданию ВОКСа, для перевода на иностранные языки — сдается в печать: «Горцы Северного Кавказа» — 5 п.л.

Напечатано:

1. Проф. А.А. Алексеев. — «Автономные национальные области как форма содружества народов Северного Кавказа» — $^1/_2$ п.л.

2. Проф. А.М. Ладыженский. — «Обычное семейное право» — $^1/_2$ п.л.

3. Он же. — «Очерки социальной эмбриологии в горских областях» — 3 п.л.

4. Проф. Яковлев Н.Ф. — «Краткий обзор черкесских наречий и языков» — 1 п.л.

5. Он же — «К вопросу об общем наименовании родственных народов Северного Кавказа» — $^3/_4$ п.л.

6. Жак Д. К. — «Грамотность в национальных автономных областях» — $^1/_2$ п.л.

7. Самарский А.Я. — «Культурная революция и кадры культурников-националов» — $^3/_4$ п.л.

8. Гиваргизов А. — «Объединенный горский архив» — $^1/_4$ п.л.

9. Вязигин А.А. — «Источники для культурно-исторического изучения горских народностей Северного Кавказа» — $^1/_4$ п.л.

10. Проф. Черняев П.Н. — «Как Услар изучал язык убыхов» — $^1/_4$ п.л.

11. Дьячков-Тарасов А.Н. — «Социальные формации в Карачае и их экономическая мощность» — 1 п.л.

12. Он же. — Вопросник «Горский краевед» — отдел этнографии — 8 п.л.

13. Он же. — «Бзиюкская битва» — 1 п.л.

14. Он же. — «Антропологические исследования в национальных областях» — $^1/_4$ п.л.

15. Он же. «Музейное дело на Северном Кавказе» — 1 п.л.

16. Он же. — «Задачи Карачайского общества краеведения» — $^1/_4$ п.л.

17 Он же. — «Результаты экспедиции в Карачай» — 1 п.л.

18. Он же. — «Учкуланское искусственное озеро» — $^1/_4$ п.л.

19. Он же. — «Карачайские кефирные грибки» — $^1/_4$ п.л.

20. Он же. — «Библиографические заметки» — $1\,^1/_2$ п.л.

21. Он же. — «Археологические разведки в Карачае» — $^1/_4$ п.л.

22. Он же. — «Высокогорные лечебные местности в Карачае» — $^1/_4$ п.л.

Печатаются:

1. Дьячков-Тарасов А. Н. — «Карачайцы» — 12 п.л.

2. Его же. — «Социальные формации в Карачае» (2 часть) — 1 п.л.

3. Его же — «Из области русской торговой политики на Северном Кавказе в XIX в.» (НОМ) — $^1/_2$ п.л.

4. Проф. А.М. Ладыженский — «Горское право» — 5 п.л.

5. Инж. И.Я. Микей. — «Кавказские фамилии у крымцев» — $^1/_4$ п.л.

6. А.П. Митрофанов. — «Песни Карачая» — 8 п.л.

7. Кокиев Г. — «Урочище Татартуп» — $^1/_2$ п.л.

8. Проф. М.В. Беляев — «Принципы составления кавказских грамматик» — 2 п.л.

9. Ашхамаф. — «Адыгейские наречия» — 1 п.л.

10. Лунин Б.В. — «Древнекаменные сооружения Северного Кавказа» — 1 п.л.

Намечены к печати:

1. А.Н. Дьячков-Тарасов. — «Чеченцы» —12 п.л.

2. Он же. — «Чеченский фольклор» — 10 п.л.

В портфеле редакции:

1. Дьячков-Тарасов А.Н. — «Опыт социально-демографического исследования адыгейского аула в связи с вопросом о вымирании» — 8 п.л.

2. Он же. — «История русской торговой политики на Западном Кавказе в 1-й половине XIX в.» — 4 п.л.

3. Он же. — «Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Маджар-Хумару-Сухум» — 4 п.л.

4. Алиев, Тарасов, Митрофанов. — «Карачайское музыкальное песнотворчество» — 12 п.л.
5. Алиев и Тарасов. — «Карачайское словесное творчество» — 14 п.л.
6. Ямпольский М.Я.— «Динамика краеведческой работы на Северном Кавказе вообще и в национальных областях в частности» — 1 п.л.

IV. По отделу естественно-производительных сил.

Вышли из печати:
1. Проф. П.М. Ерохин. — «Горные курорты Чечни» — 2 п.л.
2. Он же. — «Горный курорт Шатой» — $^1/_2$ п.л.
3. Он же. «Ведено — горный курорт» — $^1/_2$ п.л.
4. Он же. «Запасы водной энергии в горной Чечне» — $^1/_4$ п.л.
5.Он же. — «Гористая часть реки Ассы» — $^3/_4$ п.л.
6. Доц. Щепкина О.И. — «Лекарственные и технические растения национальных областей и республик Северного Кавказа» — 4 п.л.
7. Инж. Микей И.Я. — «Геологический очерк Военно-Сухумской дороги» — 1 п.л.
8. Он же. — «Полезные ископаемые Карачая, обследованные летом 1927 года» — $^3/_4$ п.л.
9. Инженер Кречмер У.У. — «Недровые богатства Карачая» — 1 п.л.

Печатаются:
1. Проф. П.М. Ерохин. — «Даргавское ущелье» (климатически очерк) — 1 п.л.
2. Он же. — «Материалы по гидрологии бассейна реки Сунжи» — 15 п.л.
3. Доц. Л.И. Волков. — «Кефирные грибки Карачая» — 2 п.л.
4. Д-р А.А. Сомов. — «Цейский курорт» — 1 п.л.
5. Проф. Седельщиков. — «Очерк геологии Чечни» — 2 п.л.
6. Доц. А.И. Воскресенский. — «Полезные ископаемые Чечни» — 1 п.л.

Готовятся к печати:
1. Проф. Ерохин П.М. — «Климатические озера Алханчуртской долины» — 3 п.л.
2. Он же. — «Материалы по гидрологии Северной Осетии» — 17 п.л.
Кроме того, по заданию ВОКСа — проф. П.М. Ерохин — «Географический очерк национальных областей Северного Кавказа» — $^1/_4$ п.л.

V. По отделу экономических исследований.
Напечатано *научными сотрудниками отдела*:
1. А.И. Гозулов. — «Экономическая география Северного Кавказа» — изд. I, 11 п.л.
2. Он же. — «Морфология населения Северного Кавказа» — 27 п.л.
3. Он же. — «Проблемы использования труда крестьянских хозяйств у горцев Северного Кавказа». — «Труд ингушей» — $^1/_2$ п.л.
4. Он же. — «Демографические основы пятилетия Северного Кавказа» — $2\,^1/_2$ п.л.

Готовится к печати:
1. А.И. Гозулов. — «Трудовые ресурсы и проблемы использования труда в крестьянском хозяйстве национальных областей Северного Кавказа» — 10 п.л.
2. А.И. Гозулов. — «Вопросы себестоимости сельскохозяйственных продуктов в русских округах и национальных областях Северного Кавказа» — 8 п.л.
3. Он же. — «Население, сельское хозяйство и промышленность национальных областей Северного Кавказа» (работа приготовлена по поучению Всесоюзного общества культурной связи с заграницей «ВОКС») — $2^1/_2$ пл. л.
4. Он же. — «Экономическая география Северного Кавказа» — изд. II, дополненное и расширенное — 15 п.л.

Печатаются:
1. Доц. Б.Е. Хижняков. — «Кустарно-ремесленная промышленность национальных областей Северного Кавказа» — 8 п.л.
2. Доц. С.П. Осинский. — «Емкость крестьянского рынка национальных областей» — 6 п.л.

Готовятся к печати:

1. Доц. Л.И. Шишенков. — «Сырьевые ресурсы национальных областей» — 6 п.л.
2. Жак Д.К. — «Население национальных областей» — 6 п.л.
3. Костоглодов В.Ф. — «Мелкие отрасли сельского хозяйства» — 4 п.л.
4. Мустафинов Ю.Э. — «Очерк по кустарно-ремесленной промышленности национальных областей» — 6 п.л.
5. Ревазов Б.Б. — «Цензовая промышленность национальных областей» — 3 п.л.

Общественная работа. — Институт всемерно старался втянуть в краеведческую работу массы: студенчество и рабочих-националов Ростова, Новочеркасска, а также и горскую периферию. Для этого институтом приглашались на доклады националы, живущие в Ростове, давались инструкции горцам, отъезжающим на родину, и они снабжались изданным институтом краеведческим вопросником «Горский краевед», а также давались специальные программы по собиранию сведений по культуре национальных областей. Кроме того, институт принимает активное участие в работе Северо-Кавказского бюро краеведения, где организован им горский сектор, и в работах Научного общества марксистов и краевого общества истории, археологии и этнографии. Общественная работа в национальных областях выразилась в активном участии института в образовании краеведческих обществ и ячеек; последних организовано до 50. Изданный вопросник «Горский краевед» разослан во все значительные аулы местным учителям с просьбой начать работу, руководствуясь вопросником. Во время экспедиции института руководители их ведут энергичную общественную, организационную краеведческую работу.

Степень подготовленности и социальный состав аспирантов. Северо-Кавказский краевой горский институт, как и местные национальные институты, не имеет в своем составе аспирантуры. Однако ряд постановлений Краевого национального совета и местных организаций о необходимости в той или иной форме Краевому институту принять участие в подготовке молодых горских сил к научной краеведческой работе в пределах своих национальных областей определил решение совета института о создании контингента научных практикантов.

По плану института, последние разделяются на штатные и внештатные. Штатные состоят исключительно из горцев, посылаемых национальными областями с санкции областных исполкомов или обкомов ВКП (б). В институте им присвоена стипендия в размере 90 рублей в месяц, выдаваемая из средств Краевого национального совета. По идее практикантства каждая национальная область должна командировать своего представителя; однако, в 1928—29 академическом году институт имел только представителей от 5 национальных областей. Наступающий 1929—30 год должен пополнить число научных практикантов, в частности, привлечь представителей Адыгейской области и Кабардинской.

Подготовка научных практикантов-националов достаточно серьезная. Ряд из них окончил вуз, ряд состоит на последнем курсе Северо-Кавказского госуниверситета. Требования ГУСа, приемлемые в отношении аспирантов в части обязательного требования окончания вуза, институт в отношении научных практикантов соблюдать не может; однако он совершенно не принимал лиц, не окончивших полного курса 9-летки, а в последнее время и студентов первых двух курсов.

Политическое значение научно-исследовательской работы среди национальностей нерусского языка. — Неизученность производительных сил, культуры и хозяйства национальных областей и коренной национальности каждой из этих областей общеизвестна. Отсюда вытекает не только производственное и чисто практическое значение исследовательской работы среди национальных областей, но и общеполитическое ее значение. Основной принцип советского строительства, выдвинутый партией и поддерживаемый всей советской общественностью, заключается в отношении горских автономий в том, чтобы в течение ближайшего пятилетия добиться поднятия хозяйственно и культурно отсталых горцев до уровня русских округов. Эти задачи огромны, и правильное решение их немыслимо без глубокой систематической работы научно-исследовательского порядка в национальных областях. Самый факт научно-исследовательских работ в национальных областях и самое внимание, оказываемое здесь горцам, имеют большое политико-воспитательное значение для горской общественности, убеждая последнюю, что партия и советская власть действительно заботятся о нуждах национальных областей и путем глубокой исследовательской работы хотят подвести фундамент под практическое строительство в области хозяйства и культуры горцев. Не меньшее политическое значение научно-исследовательская работа имеет в части исследования горского языка в связи с переводом на латинскую основу и мероприятиями местного правительства к переводу учреждений на родной язык.

Культурно-историческое и общественное значение научно-исследовательской работы среди националов. — Националы горских областей отчетливо знают свою культурную отсталость, обусловленную историческими факторами, а также их бесписьменностью, что дает основание именовать их «безысторийными» народами. Поэтому, работа как краевого, так и местных научно-исследовательских институтов, а равно и краеведческих обществ Адыгеи, Чечни и Карачая всемерно поддерживается местными советскими и общественными учреждениями и народной массой. Отсюда вытекает стремление на рабфаки, в вузы, техникумы и в научные практиканты института.

На горские массы значительное культурное, стимулирующее влияние оказывают: 1) работы научного порядка, особенно работы по унификации шрифта; 2) работа по терминологическим вопросам, составлению терминологических словарей, для чего на местах Центральной терминологической комиссией при Горском институте создан ряд рабочих ячеек. Все эти мероприятия являются деятельными факторами как по линии культурной революции в горах, так и по усилению коренизации. Особенное значение институт придает следующим мероприятиям: а) интенсивная организационная деятельность на местах как членов краевого, так и местных научно-исследовательских институтов: первых — по линии учреждения краеведческих организаций и выработки программ работы, а вторых — по линии планомерности руководства этой работой в краеведческих аульных ячейках; б) Краевым институтом выработан план издания «Сборника материалов для описания местностей и племен Северного Кавказа». Этот «Сборник», напоминающий в некоторых отношениях известный, высокооцененный ученым русским и заграничным миром «Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа», должен явиться тем коллектором сырого научного материала, главным поставщиком которой будет низовой краевед — аульный учитель, избач, рабфаковец, учащийся, советский служащий. Главным руководителем работников для этого «Сборника» будет вопросник «Горский краевед», следуя которому рядовой низовой краевед даст сырой, но первичный и поэтому ценный научный материал. По мнению института, наличность этого сборника усилит: 1. Связь между краеведческим центром и низовыми краеведами. 2. Возбудит к жизни массу краеведческих ячеек. 3. Поможет по линии народного хозяйства, фольклора, быта, истории и местных производительных сил открыть и сохранить множество ценнейших научных, огромного практически-хозяйственного и социально-культурного значения, фактов.

Являясь в крае представителем Главнауки по линии краеведения и научного исследования, Краевой горский институт должен намечать общие директивные линии краеведческой и научно-исследовательской работы для местных научно-исследовательских институтов и краеведческих организаций, для чего свои планы работ он сообщает местным институтам и учитывает их плановые предположения, оказывая им в последнем случае свое консультативное содействие, во избежание параллелизма. Институт находит, что он должен, в тех же видах, находиться в научном контакте с центральными научными учреждениями (Академией наук, Академией материальной культуры, Ассоциацией востоковедения, Коммунистической академией и др.), что институт, по мере возможности, и осуществляет, как это можно усмотреть из предыдущего.

Развивая свою камеральную, а особенно периферийную полевую работу, Краевой институт тем самым начал втягивать в орбиту своей работы научно-исследовательские и краеведческие силы из националов.

Наличие на Северном Кавказе Ассоциации научно-исследовательских институтов, куда Краевой горский научно-исследовательский институт входит, как часть в целое, участие его в деле выявления тематических заданий по линии национальных областей значительно оживляют работу по изучению национальных областей и национальных научно-исследовательских и краеведческих учреждений.

Краевой институт, в целях привлечения широкой общественности к вопросам организации научно-исследовательской работы у горцев, кроме своих изданий («Бюллетень», «Записки», «Горский краевед»), принимает участие в издании журнала «Революция и горец». Журнал этот, коего вышло уже 8 номеров, заменяет собою существовавший раньше «Бюллетень» института; в нем институт помещает, кроме информации о ходе работ научно-исследовательской и краеведческой в национальных областях, и статьи общего значения как научного, так и методического. Кроме того, институт принимает активное участие в съездах националов, где выступает по линии организации краеведческой и научно-исследовательской работы в национальных областях. Кроме этого, институт близко стоит к работе краевых учреждений — Национального совета, Краевого комитета нового тюркского алфавита, Национального издательства, Краевого совета народного хозяйства, Краевого статистического

управления, Краевого отдела народного образования, что дает институту возможность учитывать всю хозяйственно-культурную конъюнктуру национальных областей и реализовать свои научно-исследовательские и краеведческие планы по мере своих ограниченных материальных средств как для полевой, так и для издательской работы. Последнее обстоятельство несколько ослабляет темп работы подготовки высококвалифицированных научных исследователей из среды националов: нет возможности для всех научных практикантов организовать научные исследования полевого характера, увеличить число этих практикантов (в настоящее время в институте их 13 человек), приглашать надлежащее число научных консультантов. Выработав план актуальнейших хозяйственно-экономических и социально-культурных задач, институт, в силу вышеуказанной недостаточности своих бюджетных средств, не может развернуть подготовку кадра научных работников, так как этого требуют научно-исследовательские и краеведческие интересы горских областей.

Роль научно-исследовательской работы в строительстве СССР. Не затрагивая поставленного вопроса в целом по Союзу, институт считает необходимым ответить за него в конкретной форме в отношении роли научно-исследовательской работы в строительстве социализма нашего края. Тем самым будет разрешена проблема о роли научно-исследовательского порядка в строительстве СССР или, во всяком случае, учтен опыт Северо-Кавказского края. Горские народы, находившиеся до Октябрьской революции под началом общей политики, противоречащей интересам национальных меньшинств, вполне естественно, не были особенно заманчивым объектом исследования. Отдельные исследователи, преисполненные энтузиазмом, производили исследования специального порядка в области изучения горцев, но они, порою глубокие, имели узко-замкнутый круг вопросов. С организацией местных национальных институтов и обществ, с возникновением Краевого горского института исследовательские кадры объединяются, создается прочный коллектив исследовательской мысли, подчиненный не только организационной установке, но и определенным задачам исследования. Эти задачи исследования целиком совпадают с задачами исследования в области изучения реконструктивных процессов хозяйства и внедрения начатков культурной революции в массу горцев через сеть краеведческих организаций. Этим научно-исследовательские учреждения приобщаются к делу строительства социализма, которое значительно более трудно осуществить среди горских народов с их примитивными формами хозяйствования и почти полной безграмотностью.

Рациональное построение сети научно-исследовательских институтов. — Хозяйственные и культурно-экономические отличия национальных областей выдвигают на очередь вопрос о рациональном построении сети научно-исследовательских учреждений. Из семи национальных областей только две области — Северо-Осетинская и Ингушская — имеют свои самостоятельные институты. Старое Адыгейское краеведческое общество, по постановлению местных органов власти, преобразовано в Адыгейский институт. Однако это преобразование не нашло поддержки в Главнауке и вопрос об этом институте остался формально открытым, хотя Адыгейское общество по контингенту научных работников и их квалификации вполне созрело для преобразования в институт.

Не ставя себе утопических задач по созданию в ближайшее пятилетие научно-исследовательских институтов краеведения во всех национальных областях, Северо-Кавказский горский краевой институт считает, во-первых, укрепление как Краевого института, так и местных, существующих институтов, одной из важнейших задач. Это укрепление мыслится в отношении Краевого института в форме увеличения штатных контингентов научных сотрудников и увеличения средств на научно-исследовательскую и издательскую деятельность института, а в отношении местных национальных институтов — в форме закрепления за ними ежегодных дотаций из госбюджета на экспедиционные работы. Во-вторых, оформление преобразования Адыгейского общества в Адыгейский научно-исследовательский институт краеведения. В-третьих, укрепление и расширение деятельности Чеченского общества и Кабардино-Балкарского, подготовка их к возможному преобразованию к концу пятилетия в институт. В-четвертых, организация и развитие научно-исследовательских обществ в Карачае и Черкессии. В-пятых, укрепление и развитие сети краеведческих учреждений путем создания опорных и кустовых пунктов и вовлечения массового учительства в краеведческую работу. Последним совершенно конкретно будет разрешена задача по вовлечению широкой общественности по изучению особенностей своего края.

Подготовка кадров научных работников националов. Познание особенностей народно-хозяйственной деятельности, познание культуры и всего, что связано с ней, в условиях национальных областей, немыслимо без знакомства с национальным языком. Мало того, это

познание в полноте его может быть вполне доступно только тем силам, которые сами вышли из националов этих областей. Отсюда вполне естественно, что нигде так остро не стоит проблема о подготовке кадров научных работников, как именно в национальных областях.

Институт с первых дней своей работы осознал эту необходимость создания научных сил из среды националов. Результатом этого было решение создать институт аспирантов (преобразованный затем в институт научных практикантов) по трем отделам института. С помощью Краевого национального совета работа была начата: под руководством заведующих отделами выработаны были программы занятий с практикантами-националами, приглашены были научные сотрудники; по отделу социальной культуры работы шли по этнографии, истории, материальной культуре, обычному праву, по языковедению, по изучению новых языков; по отделу экономики — помимо текущих теоретических занятий, научные практиканты были заняты составлением обзора народного хозяйства национальных областей, динамики отдельных его отраслей. Работа выразилась в подборе материалов, в ознакомлении с местными источниками, в составлении библиографических списков и в некоторой части аналитических работ.

До последнего времени ГУС стоял на точке зрения, что предоставлять и краевому, и местным институтам право иметь у себя аспирантов не следует, а тем самым подготовка кадров научных работников из среды националов откладывается на довольно неопределенное время. Обстановка, в которой приходилось работать Краевому горскому институту, неоднократные постановления об обрастании института молодым национальным кадром областных органов выдвигали на очередь вопрос о создании при институте штата аспирантов, вербующегося из горцев. При постановке соответствующего вопроса перед ГУСом, последний отклонил ходатайство института. Поставленный, с одной стороны, в формальные условия невозможности иметь при институте кадра аспирантов, а с другой — вынуждаемый к этому местными требованиями, нашедшими реальное выражение в форме отпуска специальных средств по местному бюджету, институт пошел на организацию 1927—28 года при своих отделах научных практикантов, круг прав и обязанностей которых совпадает, в общем, с кругом прав и обязанностей аспирантов. По мнению института, аспирантура, если не юридически, то фактически существующая 2-й год, должна быть в дальнейшем оформлена, и так называемые практиканты института должны, в отношении прав и обязанностей, совершенно быть приравнены с аспирантами, существующими в сети ГУСа.

Резолюция по докладу представителя Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института А.И. Гозулова в комиссии Государственного ученого совета, от 27 июня 1929 года

Заслушав доклад представителя Северо-Кавказского краевого горского института о проделанной работе и ближайших перспективах, комиссия констатирует:

1. Несмотря на то, что оформление института произошло в 1927 году и, следовательно, прошло вместе с организационным периодом только два года деятельности, институт за этот срок провел большую работу как в деле объединения научных сил, интересующихся Кавказом и горцами, так и в деле постановки научного исследования национальных областей.

2. За указанный 2-летний период институт занимает руководящее значение в деле изучения автономных национальных областей Северного Кавказа, направляя и планируя научно-исследовательскую работу местных национальных институтов и краеведческих обществ и расширяя и укрепляя сеть последних.

3. Осуществляя свою производственную программу, институт не ограничился только методами пассивного исследования, но, следуя директивам местных партийных и советских организаций, перешел к активным методам работы, к созданию кадров из молодых горских сил.

4. В своей работе институт старался ориентироваться на живой и деловой контакт с краевыми и областными общественными и советскими организациями, что выразилось в том, что в числе тем, прорабатываемых институтом, есть живые и актуальные темы с точки зрения современности и потребности края.

5. При всем указанном, комиссия считает необходимым отметить:

а) Далеко не достаточную плановость в работе института, что иногда по необходимости ведет к ориентировке на индивидуальную работу отдельных научных работников, чисто организационно институтом не связанных, и тем ослабляет коллективную работу института.

б) Недостаточно развернутую издательскую деятельность института, благодаря чему литературная продукция его длительное время является недоступной широкому кругу трудящихся и местных краеведов.

В качестве предложений, направленных к реализации институтом стоящих перед ним задач, Комиссия ГУСа считает необходимым на ближайшее время отметить:

1. Значительное во всей работе института углубление идеологической направленности на основе марксистской методологии в деле изучения культуры и экономики национальных областей, что должно вести к постановке исследовательской работы в тесной связи с пятилетним перспективным планом социалистической реконструкции национальных областей Северного Кавказа.

2. Исследование религиозных предрассудков и неравноправия женщин среди горцев.

3. Установление более тесной связи с работой центральных заграничных научно-исследовательских учреждений и институтов.

4. Концентрацию научно-исследовательской мысли на небольшом количестве стержневых проблем в области культуры, языка и экономики и их углубление с полным осуществлением организационной плановости в развертывании работ.

5. Дальнейшее развертывание работ по подготовке молодых горских кадров, организуя подготовительную группу для института аспирантов.

6. Привлечение научных сил центра для укомплектования и расширения научных сотрудников института.

7. Расширение контингента штатных научных сотрудников института до 14 человек, из них по отделу естественно-производительных сил до 2, по отделу культур до 4, по лингвистическому отделу до 4 и по отделу экономических исследований до 4, при этом, в связи с работой аспирантов, отпуск особых кредитов на содержание лекторов по иностранным языкам.

8. Считать необходимым закрепление государственных стипендий в размере не менее 10 мест за аспирантами института на 1929—30 год.

9. Предложить институту обратить внимание на продвижение наиболее способных научных практикантов в научные сотрудники II разряда института.

10. Принимая во внимание, что в портфелях отделов института имеется значительное количество рукописей, подготовленных к печати, обратить внимание главнауки на отпуск для этой цели специальных средств.

11. Ввиду того, что, во-первых, доклад товарища Гозулова недостаточно вскрывает основные вопросы содержания работы института — более детальное ознакомление с работой института вообще возможно только на основе непосредственного изучения деятельности института во всех его разрядах — считать необходимым провести в 1929—30 году специальное обследование института путем выезда в Ростов.

Текст печатается по изданию:

Хроника. Краевой горский институт (Доклад о деятельности института в комиссии Государственного ученого совета 27 июня 1929 года). Отдельный оттиск.

Николай Яковлевич Марр

Николай Яковлевич Марр (1864, Кутаиси, — 1934, Ленинград) — советский востоковед, лингвист, академик АН СССР. Окончил Петербургский университет (1890). С 1901 года — ординарный профессор Петербургского университета. С 1912 года — действительный член Академии наук.

Ранний период творчества связан с армяно-грузинской филологией: изучил и опубликовал ряд древнейших памятников армянской и грузинской литератур; основал серию «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии» (выпуски 1—13, 1900—1913 годы). Успешно занимался также изучением кавказских языков (картвельских, абхазского и др.), историей, археологией и этнографией Кавказа.

Отмечаются заслуги Н.Я. Марра в деле исследования древнеармянской и древнегрузинской литератур. В конце 1890-х годов выпустил трехтомный труд по истории средневековой армянской литературы под названием «Сборник притч Вардана». За «Притчами Вардана» последовали публикации произведений древнеармянской и древнегрузинской литератур. Н.Я. Марр исследовал, издал и перевел на русский язык текст Ефрема Сирина с сирийскими отрывками, грузинские тексты «Сказания о построении первой церкви в г. Лидде» Иосифа Аримафейского (рукопись X—XI века), «Толкование песни песней» Ипполита (рукопись X века), «Древнегрузинские одописцы» (XII век), грузинский и армянский тексты «Физиолога», грузинские тексты Антиоха Стратига «Пленение Иерусалима персами в 614 году» и Георгия Мерчула «Житие св. Григория Хандзтийского». Изучал вопросы истории, литературы и языка армян и грузин в неразрывной связи, считал, что это проблемы единого яфетического культурного мира с одинаковым социальным строем. Н.Я. Марр проследил пути проникновения элементов арабской, сирийской и иранской культур в Армению и Грузию. Отмечаются труды Н.Я. Марра в деле исследования произведения Шота Руставели «Вепхис Ткаосани» («Витязь в тигровой шкуре»).

Деятельность Н.Я. Марра как археолога связана с раскопками города Ани. Произвел также археологическую разведку памятников Закавказья: остатков укреплений, городов и древних храмов в Алемане, Беш-Килисе, Верхнем Талыне, Магасаберде, Эшняке, Талыше, Коше, Мрене, Багаране, Ервандашате, Армавире, Кара-Кале, Джалал-Оглы, Дрсеге, Нахичевани, Гарни, развалин неизвестного города на восточном склоне Алагеза в Сирх-Дагирмаке и около Арихвели, Ширакавана, крепости («Берд») между деревнями Топрак-Кале и Ардашар. Археологические интересы Н.Я. Марра были чрезвычайно многообразны: памятники древней архитектуры, военной, гражданской и церковной, стенные росписи, миниатюры, эпиграфический материал, предметы бытового и культового характера и пр. Данные по изучению паматников он привлекал для освещения исторических проблем наряду с данными топонимики, фольклора, агиографии и т.д. Раскопкам в Ани посвящен посмертно изданный труд Н.Я. Марра «Ани, книжная история города и раскопки на месте городища» («Известия Государственной академии истории материальной культуры». Вып. 105. Л., 1934).

Н.Я. Марр был одним из немногих ученых, безоговорочно принявших Великую Октябрьскую социалистическую революцию, свое «новое учение о языке» (яфетическую теорию) строил в соответствии с авангардистским взглядом на развитие социального и научного прогресса (новое надклассовое общество, основанное на едином языке, культуре, всеобщем братстве народов и стран). В 1924 году в статье «Индоевропейские языки Средиземноморья» выступил против концепции генетического развития языков, «расово особых семьях языков», «расово особых праязыков». В развитии «нового учения о языке» руководствовался идеей органической связи языка и мышления, стадиального развития языков. Родство языков Н.Я. Марр объяснял как исторически сложившуюся общность, образовавшуюся в результате взаимодействия, скрещения ранее раздробленных многочисленных племенных языков. По Марру, отдельные «семьи» и языки представляют собой определенные звенья в общей цепи развития языков мира, это единый языкотворческий процесс в мировом масштабе. Явления языка тесно связаны с мышлением, образуя неразрывный комплекс «язык — мышление». Рассматривая историю языка как идеологическую надстройку, Н.Я. Марр отмечал ряд стадий в развитии мышления. Н.Я. Марр сформулировал подход, по которому язык может служить основой для изучения древшейших состояний культуры, — метод палеонтологического анализа.

Сущность этого метода состоит в том, что в современных языках последовательно вскрываются напластования и отложения различных глоттогонических эпох.

Энтузиазм Н.Я. Марра как ученого подкреплялся господствовавшими в СССР идеями мировой революции, которые провозглашали поэты, писатели, художники-авангардисты, ученые. Редкая ситуация необходимости преобразования бесписьменных языков народов СССР в письменные, создание литературы и литературных языков позволили Н.Я. Марру рассматривать дело лингвистов, филологов как этап общечеловеческого прогресса: «И еще вопрос, что должно предшествовать как этап развития человечества — мировая революция или ... или раньше, вопреки всем напастям враждебных окружений, углубленное органическое укрепление уже происшедшей революции, революции, произведенной одним классом, но не одного народа, а объединения множества народов, когда особенно это укрепление уже происходит, уже факт в пути, и в этом исторически творческом походе дошло до постановки конкретного вопроса о культурной революции как ударной задаче, увязанной с новым хозяйственным строительством. Это ведь и есть то производство новых исторических ценностей, притом общечеловеческого потребления...» («К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории», см. нашу антологию: с. 548).

Н.Я. Марр считал, что язык — это «международная ценность» и все языки Советского Союза становятся проводниками международных и собственных культурных завоеваний. Отсюда следует изучать бесписьменные языки народов СССР, литературные языки, и наличие этой «редчайшей исследовательской лаборатории» — залог процветания и языков, и самой лингвистики. В работе «Миноритарные языки в современном мире. Кавказские языки» (2002) З.М. Габуниа и Р.Г. Тирадо пишут: «Придавая исключительно важное значение исследованию бесписьменных языков в научных целях, Н.Я. Марр всегда относился к любому языку, культуре с большим уважением и интересом. <...> Кавказоведение обязано Марру своим возникновением, первыми шагами, подготовившими почву для дальнейшего развития по подготовке кадров, созданию научных учреждений, комплексных по своим задачам экспедиций» (с. 72).

Важно показать, что программа Н.Я. Марра была положена в основу дальнейшей работы Института языка и мышления. Анализируя работу Института языка и мышления им. Н.Я. Марра в 1948 году, И.И. Мещанинов так писал о деятельности ученых в решении задач, поставленных Н.Я. Марром: «Окрепшие в течение более чем десятилетней работы научные кадры Института, увеличенные к тому же включением в их состав и других специалистов высшей квалификации, смогли в первые же годы деятельности перестроенного Института приступить к выполнению предначертанной Н.Я. Марром программы. Распределенные по кабинетам, соответственно языковым группировкам, работники Института приступили к изучению ведущих свойств языковых структур по их специальности. Палеонтологический метод, ограниченный прослеживанием коренных сдвигов в языке в пределах доступного изучению языкового материала, укрепил исторический подход к исследуемому языку. В связи с этим тогда же отпал применявшийся раньше анализ по четырем элементам, то есть по первобытным корням словотворчества. Вместе с этим сократились, затем и вовсе вышли из поля зрения Института, исследовательские искания в области становления человеческой речи. Основной упор институтской работы оказался направленным на изучение живых и исторически зафиксированных языков.

Ведущие и исторически обусловленные типологические особенности, характеризующие ту или иную систему языков в их сопоставлениях, привели к постановке еще далеко не разрешенного вопроса о стадиальных сменах. Работы в этом направлении, опирающиеся на анализ языкового материала, потребовали предварительного установления имевшего место исторического хода развития грамматических форм в отдельных языках. Для этого потребовалось изучение каждого языка и затем составление сравнительных грамматик по языковым группам. В более отдаленном будущем ставится задача составления по ним общей сравнительной грамматики, охватывающей собою разные языковые системы.

Поставленное перед Институтом задание изучения каждого языка и каждого отдельного в нем явления как с формальной стороны, так и с идеологической (форма и содержание) усилило семасиологическую сторону работы. В области лексики, слабо затронутой наукою о языке, уже была проведена большая работа самим Н.Я. Марром и рядом его учеников. Такую же работу предстояло провести в части формальной и идеологической стороны грамматических построений и самой грамматической формы. Путь в этом направлении оставался открытым, но основные указания имелись в трудах Н.Я. Марра. Грамматическое оформление слова он ставил в тесную зависимую связь с грамматическим построением предложения. Отсюда — направле-

ние работ Института, идущих от синтаксиса к морфологи. На этот путь и стал Институт, продолжая свои занятия до настоящего времени. <...> Проведенный пересмотр теоретических заданий имел и свои практические результаты. Исследованный материал уже дал возможность усилить работу по изданию сводных обзоров по основным вопросам общего языкознания, по составлению и отдельных грамматик и словарей. Плановую организацию получили работы по словарям древнерусского языка и современного русского литературного, охватывающим в своей совокупности все лексическое богатство русского языка с начальных дней письменности и до настоящего времени включительно. Подготовлялись к выпуску в свет русско-национальные словари. Налаживалось систематическое издание научных грамматик по языкам СССР и т.д. В этом направлении шли интенсивные занятия Института вплоть до наступления тяжелых дней военного времени» (Мещанинов И.И. Предисловие // Язык и мышление. — М.—Л., 1948. — Вып. XI. — С. 10—11).

Деятельность Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института проходила под непосредственным руководством и влиянием Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, Н.Ф. Яковлева и других ученых, работавших над созданием алфавитов, грамматик, литератур бесписьменных языков народов Кавказа.

В библиотеке Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (фонд редкой книги СКФУ) имеются следующие работы Н.Я. Марра: «Извлечение из сванско-русского словаря». — Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922; «К изучению современного грузинского языка: Вступительная лекция в Петроградском институте живых восточных языков 18 января 1922 года. — Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922; «Кавказские племенные названия и местные параллели». — Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922; «Племенной состав населения Кавказа: Классификация народов: Рабочий проект». — Пг.: Рос. акад. наук, 1924; «Пособие для изучения живого грузинского языка». — Л.: Рос. гос. акад. тип., 1926; «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории». — М.: Изд-во Ком. Акад., 1930; «О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье». — М.—Л.: СОЦЭКГИЗ, 1934.

Работы о Н.Я. Марре:

Мещанинов И.И. Введение в яфетидологию. — Л.: Прибой, 1929.

Мещанинов И.И. Новое учение о языке. Стадиальная типология. — Л., 1936.

Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, М.—Л.: АН СССР, 1949.

Орбели И.А. Н. Я. Марр как археолог // Проблемы истории докапиталистических обществ. — М.—Л., 1935. — № 3—4.

Языки Евразии в работах Н.Я Марра. — М—Л.: АН СССР, 1937.

Габуниа З.М., Р.Г. Тирадо. Миноритарные языки в современном мире. Кавказские языки. — М., 2002.

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. — М.: Едиториал УРСС, 2004.

Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК — «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926—1937)) / Под ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. — Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2012.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Язык. Языкознание. Идеология: От социализма к российскому капитализму. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2016.

Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры: Языкознание. Кавказоведение. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017.

Работы Н.Я. Марра:

Избранные работы: В 5 т. — М.—Л.: АН СССР, 1933—1936. В первом томе «Избранных работ» дан список печатных работ Н.Я. Марра, насчитывающий более 500 названий.

Марр Н.Я. Яфетидология. — М.: Кучково поле, 2002.

Н.Я. Марр
Племенной состав населения Кавказа

Предисловие

В отделе, порученном моему ведению, требуется исследовать племенной состав населения Кавказа. Для получения жизнесоответственных результатов работа первоначально была распланирована так: с одной стороны, обследовалась литература вопроса по национальностям и вообще народам,преимущественно в Петрограде (Н.Г. Адонц по армянам, А.П. Алявдин по айсорам (сирийцам), грекам и всем православным христианам, кроме грузин, Н.Я. Марр по горцам, И.А. Орбели по курдам, П.А. Фалев по туркам); с другой, намечена была проверка старых и собирание новых материалов на Кавказе, с исследованием литературы предмета по грузинам. Организация этой части работы на месте, при Кавказском историко-археологическом институте в Тифлисе, в то же время поручена была его действительному члену Г.Н. Чубинову. Имелось в виду привлечь к работе в этой организации местные научные силы. В числе последних наметился скончавшийся в 1919 году в Тифлисе И.А. Кипшидзе, сначала работник петроградской части нашего отдела, специально по грузинскому населению и тесно связанным с ним другим яфетическим народам, а затем, по оставлении Петроградского университета, предполагавшийся сотрудник тифлисской части.

Для поверочной работы на местах имелись в виду также исследовательские поездки и петроградских работников, каждого в районы его специальных знаний и специальных поручений. Один из них, А.П. Алявдин, зимой 1917 года отправился для исполнения дополнительно порученной ему задачи. А.П. Алявдин ездил на Кавказ по другому научному делу: он был командирован факультетом восточных языков в Эчмиадзин для исследования памятников сирийской церковной литературы в подлинниках, хотя бы фрагментарных, и в их древнеармянских переводах по коллекции рукописей, вновь стекшихся за время войны в библиотеке армянского первопрестольного монастыря.

Для собирания материала выработан был, еще при участии Г.Н. Чубинова, текст вопросов для рабочих листиков. Несмотря однако на готовую схему разработки, намеченную в этом тексте, от свежих материалов с мест зависело не одно своевременное исполнение задания по определенной системе — к маю 1918 года. От них зависело восполнение дефектов системы разработки, особенно переработка самого изложения проверенного материала.

Между тем фактическое положение дела оказалось следующим:

а) работы петроградских специалистов по обследованию литературы были исполнены, но 1) материалы, подлежавшие доставке заведующему тифлисской частью, не могли быть отправлены за прекращением почтового сообщения и крайней рискованностью пути в Закавказье, 2) набранный и готовый для печати в любой момент текст рабочих листиков, предполагавшихся к отправке, был задержан печатанием в ожидании открытия почтовой связи, 3) оборвалась переписка, начатая специалистом по горцам с сотрудником из их среды — С.М. Ашхацавой, перед тем, то есть весной 1918 года, проживавшим во Владикавказе; С.М. Ашхацава имел возможность сообщить лишь о вполне сочувственном отношении общественных представителей Горского объединения к научному предприятию академической комиссии по изучению этнографического состава населения России, о возможности навербовать сотрудников среди сведущих горцев. Впоследствии неизвестно было и то, когда и что можно узнать в ответ на устный запрос через успевшого к осени 1918 года выехать в Сухум К.А. Шервашидзе о том, будут ли условия на месте для исследовательских работ специалиста в абхазской этнографической среде, 4) об имевшем решимость выехать еще в ноябре 1917 года в командировку на Кавказ А.П. Алявдине в части, касающейся нашего отдела, с места до последней минуты перед намечавшимся сроком выхода в свет настоящего рабочего проспекта, еще в мае 1918 года, мне было известно лишь то, что еще в Тифлисе он вынужден был обратиться за денежной помощью к Г.Н. Чубинову и что затем, доехав до Эчмиадзина, порывался временно вернуться в Тифлис, в виду трудных зимой на месте условий жизни, как ни смягчались они усилиями гостеприимных хозяев, вниманию которых он был рекомендован. Перед приступом к настоящей работе академик П.К. Коковцов осведомил меня на основании полученного им письма, что А.П. Алявдин успел вернуться на родину, в Пензенскую губернию, испытав лишения и потеряв все свои книги.

Лично от А.П. Алявдина, приехавшого в Петроград, я мог узнать лишь о факте оставления исполненной им работы в Тифлисе из опасения потерять и ее в пути. По моему предложению А.П. Алявдин 18 мая 1918 года представил отчет о произведенной им работе, который я воспроизвожу текстуально: «В бытность свою в Тифлисе я выполнил свою работу полностью, то есть я собрал сведения, отчасти по документальным данным Кавказского экзархата, а главным образом по изданным губернскими статистическими комитетами материалам [о населенных айсорами, русскими и греками местах] для всех губерний Закавказья и составил для каждого населенного места отдельную карточку. Должен заметить, что литературные данные для губерний Тифлисской, Кутаисской, Черноморской и Батумской области очень устарели и по принятому правилу не могут быть нами использованы, так как они воспроизводят перепись 1886 года».

б) О тифлисской части нашего отдела в моем распоряжении к моменту составления настоящей записки, 30 апреля 1918 года, было лишь письмо Г.Н. Чубинова от начала декабря 1917 года, что он приступает к ее организации при Кавказском историко-археологическом институте. В последнюю минуту, 24 мая 1918 года, когда записка была уже набрана, подоспело письмо Г.Н. Чубинова из Тифлиса от 4 апреля того же года. Из письма явствовало, что организация кавказской части нашего отдела, как она предполагалась, была задержана рядом обстоятельств. В числе их названо и неполучение им выработанных у нас в Петрограде и печатавшихся Кавказским отделом здесь бланков, а также то, что нигде не удалось разыскать копии переписных бланков 1897 года. Подлинники, как известно, были сожжены центральным статистическим бюро. Письма, посланные Г.Н. Чубиновым в Ахалцих и Темир-Хан-Шуру, остались без ответа. Из намечавшихся еще в Петрограде разведочных экспедиций Г.Н. Чубинов надумал было кое-что осуществить, но, с одной стороны, «волнения на местах не утихали, а, наоборот, росли», с другой, имевшиеся в виду сотрудники, состоя на службе, не оказались склонными к производству работ до весны, даже до лета. Г.Н. Чубинов, однако, приобрел одну ценную работу о хемшинах, армянах-мусульманах, и надеялся достать материал по грузино-мусульманскому населению, соседящему с хемшинами: 1) ассистент Томского университета по ботанике Б. Шишкин, служивший в «Турецком Лазистане», по поручению Г.Н. Чубинова излагал собранный им этнографический материал о хемшинах, 2) намечен был для привлечения к работе по нашему отделу Илья Зданевич, участник «прошлогодней» (1917) экспедиции Грузинского общества истории и этнографии; он собирал данные о населении района, граничащего с хемшинами, и выяснял, какие селения говорят еще по-грузински и т.д.

Излишне говорить о выяснившейся в то же время необходимости быть крайне экономным в расходовании сумм, следовательно, крайне сдержанным в исполнении новых настоятельно нужных справочных работ, с постановкой их на широкую ногу, наиболее скорым и наиболее исчерпывающим вопрос способом.

Естественно, руководимый мною отдел к маю 1918 года никак не мог поспеть готовой работой по своему заданию. Однако, пока жили и живем мыслью, что рано или поздно сложатся условия для исполнения задания нашему отделу, нам приходилось и мы не перестаем работать над тем, что можно и сейчас сделать. Работа понадобилась и над реорганизацией Кавказского отдела, во-первых, в связи с тем, что постепенно исполнение всего задания легло на нас, петербургскую часть сотрудников, во-вторых, мало-помалу стало воочию ясно, что или надо прекратить вовсе работу, или в центре задач поставить научные, не отказываясь, разумеется, от привходящих временных, в той или иной степени ближайшей очереди. Словом, выяснилась настоятельность обращения комиссии по изучению племенного состава населения России в постоянную и соответственно не только организовать Кавказский отдел на новых началах, но и расширить пределы его изысканий по требованию научной целесообразности, отнюдь не ограничивая себя политическими границами, имеющими преходящее значение, напротив даже выходя за пределы бывшей империи. Об этой организации, с делением работающего уже целиком в Петрограде Кавказского отдела на ряд, не менее девяти, секций по соответственным геоэтническим районам кавказского населения, речь будет особо. Окончательное ее выявление дело последних двух месяцев. Предлагаемая же работа, исполненная еще при прежней организации, прежде всего имела научные кавказоведные основы наших заданий, и ныне неизменные, и она появляется независимо от новой перестройки Кавказского отдела.

Воспользовавшись в свое время случаем — сделанным мне еще зимой 1917 года бюро комиссии предложением представить список названий народов Кавказа — я изготовил не один простой перечень номенклатуры, а два списка племенных названий, каждый в особом жизненно реальном отношении. Это, первая часть настоящего труда, в то же время рабочий проспект, впрочем отнюдь не притязающий ни на полноту, ни тем более на законченность отделки.

О законченности отделки пока можно лишь мечтать. Что же касается полноты, то мы не можем не ставить ее первой очередной задачей, причем полноту можно будет считать достигнутой по взаимном восполнении современной номенклатуры исторической. Для такой полноты не хватает не только работ на местах по исчерпывающей и технически безукоризненной регистрации сохранившихся в живой народной среде терминов, но и лингвистических опытов, устанавливающих палеонтологически степень связи современной номенклатуры с исторически известной — средневековой, древней и древнейшей. Потребность в установлении этой связи не менее ясна с точки зрения интересов нашей работы, диктуемой практическими задачами, чем в чисто теоретических научных целях, в интересах этнологии и исторической географии Кавказа. Исчерпывающая и технически безукоризненная регистрация современной этнографически наблюдаемой номенклатуры мыслима лишь при вскрытии разнообразия видов и форм названий, в зависимости не только от территории и территориально сменяющегося на ней населения, но и от времени, от смены эпох. Само разностороннее, если не всестороннее освещение, хотя бы части этнической номенклатуры Кавказа, вскрывая чрезвычайную сложность связанных с нею вопросов, не может не содействовать усилению чуткости и внимания к собираемым материалам, к улучшению техники их регистрации и повышению их значения. Эти соображения вынудили нас дать опыт сравнительно-исторического изучения морфологии этнических терминов Кавказа, некоторых его районов, на основе яфетического языкознания. И этот частичный опыт составит продолжение настоящего труда, в двух выпусках, первый — общего характера, второй — специального. Заметка о талышах, озаглавленная «К самоопределению талышей», выделена вследствие принятых ею размеров из рабочого проспекта, где на этом мало обследованном народе хотелось практически и конкретно показать разнородность материалов, в которых нуждается наука при определении каждой этнической единицы в племенном составе населения Кавказа. Выделенная в особый выпуск заметка составляет уже экскурс о талышах, пока впрочем дающий нити скорее для их определения, как своего рода опыт характеристики, чем самоопределения.

Классификация народов Кавказа (Рабочий проспект)

§ 1. Данные о племенном составе населения нужны в реальных целях использования в благоустроении жизни, какова бы ни была область такого использования и от кого бы ни исходила его форма. Требуется, следовательно, представить в цифровых данных и материально и духовно жизненную картину племенного состава, особенно сложную именно на Кавказе.

Нельзя сейчас предрешать вопроса об окончательной форме изложения. Окончательную форму изложения должен был определить, как то предполагалось и при первоначальной организации дела, прежде всего Кавказский отдел. Форма изложения может получить непререкаемое признание, когда она будет наиболее целесообразной с точки зрения особых свойств самих материалов. Для этого они предварительно должны приобрести полноту и пройти через проверку на местах и освещение специалистов. Следовательно, вопрос об окончательной форме изложения реально встанет перед нами, когда будут осуществлены работы, распределенные между входящими в состав отдела специалистами и привлеченными к делу сведущими лицами. Разумеется, окончательная форма должна быть приемлемой для Академической комиссии по соответствию с общими ее положениями. Само же исполнение порученного отделу дела потребует согласования, в пределах возможности, и с одобренными комиссиею условными знаками и техническими приемами распределения материала на карте.

В то же время и при новых условиях создавшегося положения вещей своевременно издать два списка этнических имен, один — «Племенной состав населения Кавказа по территориальной связи», другой — «Племенной состав населения Кавказа по национальностям или культурному самоопределению».

Во втором списке (стр. 531 сл.) буква А указывает на принадлежность к определенному культурному типу, национально или религиозно давно самоопределившемуся, В — на принадлежность к ныне самоопределяющемуся типу, а A_1 и B_1 — ориентацию на тот (А) или другой (В) культурно-общественный тип. Особую (С) часть этого списка составляют национальные группы, отрезанные каждая от ее ствола, — ствола иной, далекой от Кавказа, природной среды; это колониальные ответвления различных народов, этнически, предполагается, не впитавшие в себя племенного состава никакой разновидности коренного населения кавказской территории, религиозно-экономические (C_1) или национально-экономические (C_2) общины или группы.

В обоих случаях Кавказ взят со включением Лазистана. Чисто научная постановка дела потребует включения в Кавказ и юга коренной Армении. Да и осведомление в практических целях не может почитаться достаточным без горизонта, открываемого составом населения южного озерного нагория с Урмиею и Ваном и приречных районов Евфрата и Тигра.

В нашей работе, имея в виду ее задачи, мы так же не можем дать места теоретической этнографической классификации, как и чисто лингвистической.

§ 2. Территориальная связь с племенным происхождением населения, выражающимся в языке, как это представлено в I-м списке (стр. 525—527), не исчерпывает реальных условий самоопределения кавказского народа. Но не всегда достаточно и придачи к двум определителям (детерминантам) еще и указания на религию. С другой стороны, вообще с ростом духовно-культурных основ национального самоопределения, по перерождении народа из средневекового в новый европейский тип, значение и территории и племенного языка сильно колеблется, а порою вовсе теряется. При религиозной основе, характеризующей не вполне пережитое средневековое национальное самоопределение большинства народов Кавказа, территориальная связь не имеет решающего значения. Грузины-мусульмане Аджары, неразрывно связанной с населенной грузинами-христианами территориею, так же выходят из орбиты грузинского национального самоопределения, как грузины-мусульмане, образующие переселенческие (мухаджирские) села в Лазистане. Национальный отход этих грузин от своего основного племенного ствола таков же, как хемшин-армян от армянского: будучи армянами-мусульманами, хемшины уходят в свою очередь из орбиты армянского национального самоопределения. И хемшинам, не соседящим с армянами-христианами, и аджарцам, территориально примыкающим к этнически по языку единоутробным братьям-христианам — грузинам, в устранении культурного расхождения не помогает и сохранение родной речи, первыми армянской, вторыми грузинской: и армяне-мусульмане и грузины-мусульмане самоопределяются не по кавказской национальной, армянской и грузинской культуре, а по османско-турецкой, взращиваемой на суннитско-мусульманской религии. С другой стороны, говорящим лишь по-курдски или преимущественно по-курдски армянам некоторых сел Хизана и Возима, на юге от Вана, незнание армянской речи не мешает быть армянами, самоопределяться вероисповедно по армянской нации, не располагающей вообще непрерывностью территориальной связи даже в исторических пределах коренной армянской земли. Принадлежащие к армянской национальности разбросанные группы в населении Кавказа, и вне природной армянской территории, какого бы христианского исповедания оне ни были, армяно-григорианского или католического, самоопределяются по ней, несмотря на отрезанность от армянского природного племенного ствола и от его природной территориальной среды, несмотря даже на отсутствие у них в быту народной армянской речи и несмотря на лишь школьное усвоение ими армянского культурного языка. Равным образом отказывать курдам во внетерриториальности их культурного самоопределения значит отрицать за ними право на национальное развитие. Национальное единство на Кавказе сейчас далеко не у всех народов прикреплено к определенной цельной территории. Такое закрепощение национальности не может стать повсеместным даже теперь, пока развитие культуры кавказских народов совершается в национальных путях существующих на Кавказе исторически выработанных типов. А в будущем территориальное закрепощение так же немыслимо, как возвращение к крепостному праву.

За территорией остается тем не менее большое значение в национальном самоопределении. Однако, это значение не в одной непрерывности физико-географической связи одного ее района с другим, а в реально выявленном природном ее характере и естественно сложившемся на ней хозяйственно-экономическом укладе жизни, следовательно, в органической связи населения с землей, в факте его деления на геоэтнические единицы. Особенности таких геоэтнических единиц — бытовые факторы, связанные с территориальной природой. Такие особенности поддерживают национальное самоопределение коллектива северно-кавказских яфетидов независимо от их Веры — мусульманской суннитского толка, а также в иных случаях — и языка; наоборот, и сейчас в коллектив северно-кавказских яфетидов входят и христиане (абхазы: как христианская, так и мусульманская их часть), могут входить и иноплеменные по языку народы, карачайцы и балкары с уруспиями (все — турки), в дальнейшем же своем углублении национальное самоопределение этого коллектива намечает путь культурного развития в неизбежном расхождении не только с турками-адербейджанцами — шиитами, но и с единоверными турками-османцами — суннитами. И расхождение будет тем сильнее, чем больше с ростом национального самосознания северно-кавказских яфетидов будет расти значение их народных языков как культурной национальной речи в северном районе Кавказа. Я уже не говорю о дав-

но наметившемся разрыве и с теми, и другими турками говорящих на иранском языке осетин, и в мусульманской части своего состава.

§ 3. Разнообразие топографических условий края имеет чрезвычайно жизненное значение не только для занятий, промыслов и вообще материального образа жизни населения Кавказа, но и для того или иного этнического расселения составляющих его народов по определенным геотектонически характеризуемым участкам лика земли, по территориально особым районам и в связи с этим для распределения языков. Речь о районах материковом или приморском, горном (ущельями или лугами) или плоскостном, водораздельном (высокого уровня, плоскогория) или низменном (долинами рек), перевальном и выходном с воротами-проходами у моря или с гаванью для выхода в море. Коренные кавказские народы, даже коренные кавказские языки есть явление неместного происхождения: яфетическая семья, к которой принадлежит первоначальное население Кавказа, здесь пришлые люди, так же, как появившиеся затем последовательно ариоевропейцы и турки, не говоря о других не внедрявшихся целыми племенами народных массах, с тем однако различием, что яфетическая семья эмигрировала с соседящей с юга прежней территории ее расселения, если не прародины, из Месопотамии, естественно разливаясь этническими массами в близлежащие кавказские страны. Яфетиды двинулись некогда, и не в один прием, для вселения в Кавказский край под давлением ариоевропейских иммиграций, напиравших на центр их первоначальной исторической жизни, причем отходившие яфетиды в движении своем устремлялись, сгущая или уплотняя свои эмиграционные колонны, между прочим и в северные для них области Кавказа, куда они двигались вообще в составе многочисленных исторически сложившихся народов и племен. Кавказская территория была распределена между ними. В дальнейшем местные топографические условия и историческая в них жизнь с рядом передвижений сильно повлияли на картину расселения племен Кавказа.

Вопрос о расселении только ставится сейчас, да и то более в отношении той части, которая связана с великими переселениями мирового значения. Но есть длинный ряд внутренних переселений, частичных. Они еще более способствовали не только новому распределению этнических единиц, но и изменению племенного состава населения данной местности. Так, например, в XI веке князь Гагик, воевода, на армянском юге строится, именно в Васпуракане, на высотах или на начальной части ущелья Одз, «туда он перемещает села и обращает холм в город Гагкакерт». Но мы знаем, какая мешанина населения была уже в этом районе, только мы из письменных источников не осведомляемся, какие единицы сложного этнического его состава затрагивались переселением, происходившим по воле хозяина положения. И здесь выступает роль этнологических приемов исследования.

В вопросе о расселении племен и народов должны быть учтены все типы переселений, в числе их и позднейшие и даже новейшие. И когда, например, А. Хаханов по поводу происхождения тушин пишет: «У нас есть точное свидетельство о том, что следствием разорения Грузии в XVIII веке Ага-Магомет-Ханом, шахом персидским, была эмиграция жителей равнины в Кавказские горы»[1], необходимо добиться точных данных по той эмиграции лишь по проверке их этнологическими приемами решать, можно ли на их основании говорить о грузинском происхождении тушин, хотя бы отдельных их общин, в зависимости от этих переселений, и в какой мере? Особенно сильно влияли в более древние эпохи на существо картины расселения довольно частые перерождения одних народов в другие и попутно новые внутренние осложнения племенного состава, нарождения новых, гибридных, иногда сугубо гибридных, типов. В связи с этим, для кавказской этнологии, да и вообще для истории кавказской общественности и культуры имеет существенное значение разработка теории гибридизации и установление ее типов и эпох, в частности установление того, не было ли завершавшегося уже процесса гибридизации племен и народов Кавказа до вселения их на нашу территорию, и если был такой процесс гибридизации и раньше, до эмиграции их с прародины, хотя бы лишь протоисторической или даже исторической первостоянки на месопотамском или малоазийском юге, то какого типа. Но общее распределение на кавказской территории яфетических народов и племен, первоначально еще более многочисленных, чем ныне, восходит к начальному периоду иммиграций, и распределение указывает на выбор местностей по их физическому характеру. К позднейшим эпохам относится население по перевалу или у выходных участков: в такие районы население внедряется по особым военным соображениям, и, например, наличие грузин-картвелов в наше время у перевала Военно-Грузинской дороги, равно как у морского выхода с гаванью Батумской свидетельствуют о сравнительно позднейшей эпохе грузинского владычества одновременно и на Центральном и на Западном Кавказе, тогда как сосредоточение

турецких племен у каспийских ворот говорит о сравнительно еще более поздних временах господства турок, вообще мусульман, на Восточном Кавказе, а внедрение осетин в пределы двух перевальных путей, между Военно-Грузинским и Военно-Осетинским, с распространением их по обе стороны Главного хребта говорит о бывшем некогда значительном господстве осетин, точнее осетинского или северно-кавказского племенного коллектива, из народов, входивших в состав населения материковой перевальной геоэтнической единицы.

Надо именно осторожно обращаться на Кавказе со значением отдельных народов: с их культурно-исторической жизнью отнюдь нельзя отожествлять этничекую историю основных племен, населяющих страну, и, например, в выявлении поздней даты, засвидетельствованной и письменными источниками, господства грузин нельзя усматривать позднее появления грузинского племени вообще, или, тем менее, позднее появления яфетидов в пределах Кавказа. Наоборот, вклинение грузин между осетинами-иранцами и чеченами-яфетидами, северно-кавказскими яфетидами, у главного перевала и между чанами (лазами) и мегрелами у морского выхода с Батумской гаванью — яркое свидетельство того, что и первоначально господствовавшее племя — яфетическое, с той разницей, что тогда, то есть в более ранние эпохи, яфетическое племя у моря было представлено южно-кавказским яфетическим народом шипящей группы, а на главном перевале хребта чеченским ответвлением севернокавказских яфетидов, как тогда же и раньше, до появления иранцев и турок, каспийским проходом владело лезгинское ответвление северно-кавказских яфетидов, и господами положения на западном перевале, ныне именуемом Военно-Осетинским, были народы адыгейско-абхазской или черкесской группы, западного ответвления все той же северно-кавказской ветви яфетической семьи народов. Но первоначально племена с исторически сложившимся бытом долинных жителей и на новом месте занимали низменные места по равнинам в бассейнах больших рек, а племена с хозяйственно-экономическим укладом жизни горцев, или приморских, равно приозерных, обитателей, заселяли горные страны или приморские части, соответственно их наследственно развитой геоэтнической природе и ее потребностям.

В обитателях Лазистана, лазах, или чанах, мы имеем племя, говорящее на языке ближайше родственном с мегрельским: по бытовому наблюдению чанский язык почти тождественен с мегрельским, на самом деле чанский принадлежит к одной с мегрельским языком группе — шипящей. И вопрос не о возникновении чанского языка на побережье Черного моря, а о выборе на Кавказе местожительства в приморской области одной группой иммигрировавших сюда яфетических народов, связанных теснейшим родством как по крови и языку, так и по особому укладу жизни. Речь о народах, ныне называемых мегрелами и чанами. Однако будучи одинаково приморскими жителями, мегрелы своей массой раскинулись по низменности нижнего течения Риона, а чаны, или лазы, обитают в горах, в такой же топографической обстановке, как ныне, да и давно известные горцы на Большом Кавказе — сваны. И обращение внимания на геологическую тектонику занимаемой населением территории ставит перед нами в совершенно ином освещении тот лингвистический факт, что у отдаленных от сванов горцев — чанов, или лазов, — имеется с ними особая струя языковой связи, отсутствующая в языке соседящих со сванами мегрелов. Если не из гибридности чанов, скрещенности в них двух народов, то из явной насыщенности чанского языка сванизмами, ему одному сравнительно с мегрельским присущими, обнаруживается перед нами факт особой интимной связи этих двух народов, носящих разновидности одного и того же этнического названия — чан (tan) и сван (<son ‖ šon): или в них имеем один и тот же народ, с перевесом в речи чанов шипящей природы, общей с мегрелами, или иному народу, искони приморскому — лазскому или мегрельскому населению, имевшему невольно распространение в горной местности, плотно подходящей к морю, приходилось сталкиваться, раньше чем слиться с ними, с горскими народами сванской породы — чанами.

§ 4. Да и для перспектив будущего строительства общий характер занимаемой племенем территории во всяком случае представляет более существенное значение, чем наличные сейчас административные деления. Более, чем нынешние административные названия, реально народно важны прежние исторические, считавшияся с этнографическими границами, но элементов условности и в них не мало, а главное, исторические названия сейчас или — одни воспоминания давно упраздненного положения вещей, или, что еще хуже — ныне представляют новое несоответственное содержание. Все это вынуждает дать здесь особый список населенных районов Кавказа, классифицированного по физико-географическим признакам.

Чтобы пользоваться терминами физико-географического деления территории Кавказа, необходимо ознакомиться со следующим ниже перечнем их по категориям и нахождению в том или ином географическом районе.

Лик Кавказа, как известно, тектонически связан с Малой Азией: на суше эта связь находит самое яркое свое выражение в Таврских горах, поворачивающих у Ванского бассейна на север. Своими острогами, Месхийскими горами (в Малом Кавказе), Тавр входит в общение с горою Кавказом, Главным хребтом. Их соединяет то, что разделяет Рионскую долину Понтийского бассейна от среднего течения Куры. Это — Лихский перевал. Несмотря на эту связь, страна Кавказ, как площадь, населенная сродным населением, имеет свою территориальную обособленность. Замыкаясь с востока Каспийским морем, в протяжении с севера на юг, от Кавказских гор до южных окраинных высот, она обнимает территорию двух различных физико-географических разновидностей. Северная часть — речные и морские бассейны, от Главного хребта Кавказа до Малого Кавказа, южная часть — с речными бассейнами и озерные бассейны, от юго-восточного отрезка Месхийского нагория до южных пределов Ванского края. В южной части характерными являются для лика в речном бассейне, Аракском, горы Арарат и Арагац. Гора Арарат такой же мировой известности, как Кавказ, носит название, перешедшее к нему с юга, где Арарат отожествлялся с Сарарадом курдских или сирийских гор. Южная часть населенной площади так же определяется горою Араратом, как северная — горой Кавказом, и по совокупности всю площадь имеем основание называть Кавказо-Араратской, чему в архаичную пору следовало звучать Касо-Расская или Каспо-Урартская. Это название имеет оправдание и в этнической терминологии населения всей территории.

Население Кавказо-Араратской страны отнюдь не сдерживалось природными ее границами, горами и морями или омывающими ее окраинные части реками: на севере и востоке оно заходило и за Главный хребет, и за природные препятствия (горные и озерные) восточной межи, достигая южного и северного побережий Каспийского моря и, по-видимому, продвигаясь и далее, на западе и юге население озерных нагорий не только спускалось до плоскостных пространств берегов реки Евфрата, с тремя названиями — Фрат в верхнем течении, Мурадчай и Арацаний, и реки Тигра, но и переступало на противоположные стороны. И интерес физико-географического вида нашей обширной страны именно в том, что, как в стихе русского поэта, изображавшего себя стоящим в вышине над снегами у края кавказской стремниины, откуда он видел «потоков рождение» и «грозных обвалов движение», многоплеменное население, расположившись на очерченной Кавказо-Араратской или Касо-Расской территории, имело перед собою открытые горизонты, природные ворота и свободные, широкие пути для переселенческих движений на все четыре стороны. Морем или морскими побережьями, особенно на запад, оно имело еще более свободные и широкие пути, чем сушею. И уже задача археолога, не безразличная и для нас, доискаться до эпох, предшествовавших обратным этническим притокам населения, характеризующим древнейшие культурно-исторические эпохи, и те — известные порою лишь по преданиям. Исследователю же современного племенного состава населения страны необходимо знать, что не одна лишь Армения — плоскогорие, что вся Кавказская территория — возвышенность с рассеянными по ней плоскостями в углублениях, где имеются свои местные нагорные области, служившие источниками, откуда также шло грозное движение племенных потоков, совершалось переселенческое движение, но уже местного кавказского значения.

Плоскостные пространства самого низкого уровня — **приморские территории Понтийская** и **Каспийская**, и с ними в тесной связи двухбассейная территория — **Понтийско-Каспийская**. **Материковая** территория в Понтийском бассейне речная Рионская по среднему течению Риона и в Каспийском бассейне **речная** Курная по среднему течению Куры, занимающая центральное место, отделяясь от Понтийского бассейна перевальной горою Лихской, а от Каспийской приморской плоскостной территории рекой Алазанью.

На юге высоко расположенные **озерные территории** — **Ванская** (южное озерное нагорие), **Урмийская** (восточное озерное нагорие), **Севанская**, по-турецки Гокчайская (северное озерное нагорие) и западное озерное нагорие в составе Месхийской водораздельной территории с озерами Топараваном и Чалдиром. В центре речная **Эрасхская** или **Араксская**, она же Урартская (Араратская или Эрахинская, первично Расская) территория по среднему течению Аракса.

И еще повыше над уровнем моря водораздельные территории:

а) Кавказская, она же Касская или Каспийская, в цепи гор Главного хребта, распадающаяся на три части: 1) центральную, или материковую, — на верховьях Терека н Арагвы, со включением верхнего течения и Алазани, 2) Понтийскую — на верховьях Кубани и Риона и 3) Каспийскую с озерным перевальным нагорьем между бассейнами на севере Аргуна, на юге Андийского Кой-су.

б) Месхийская, водораздельная территория, важнейшая в культурно-исторической жизни народов Кавказо-Араратской территории, на верхних течениях четырех исторических рек: Евфрата, Чороха, Куры и Аракса,собственно его северного начала, так называемого притока Ахуряна, по-турецки Арпачая, и эта территория делится на западную и восточную половины, последнюю со включением Чалдиро-Топараванского озерного нагория.

Имеются особые природно выделяемые области внутри перечисленных территорий, как, например, Дагестан, заброшенный в северный каспийский отрезок, в составе Кавказской водораздельной территории, Талышия, южный каспийский отрезок, или Гурия в Понтийской приморской полосе, с заходом на межу Месхийской водораздельной территории, но эти части, впоследствии обратившиеся во вместилища или гнезда отдельных племен или их групп, не нарушают той общей картины лика земли, которая имела значение для первоначального размещения населения по главным этническим их делениям. Это лишь подробности, как и то естественное общераспространенное явление, которое отмечают как нечто специально дагестанское: «В Дагестане бассейны рек и лингвистические районы во многих случаях часто покрывают друг друга»[2].

В эту естественно приспособленную к территориальной природе отдельных районов и их физико-географической связанности систему расселения первоначальных обитателей края нарушение вносили сами связи или перевалы в горах и проходы у морей и природно созданные входы с моря или выходы в море, морские гавани, особенно понтийские, в числе их Батумская на первом месте; ибо они изменчивостью племенного состава расположенного по ним населения первые и главные свидетели и по иному способу расселения народов, получавшему свое основание и нормы не в природе территориальной среды и стихийном росте ее населения, а в политике и диктовавшейся ею стратегии.

§ 5. Ясная классификация площади Кавказского края по этническим единицам необходима как основа и для многих реальных сторон социальной культуры, так, например, для жизненной постановки народного суда. С бытом народа, какого бы он ни был племенного происхождения, в определенной топографической среде связаны интересы к особому циклу юридических норм. Отсюда соответственный подбор готовых неискоренимых народноправовых представлений. В древности государственное строительство с этими областными особенностями считалось. Есть предания, указывающие на существование такого законодательства у строителей армянского государства по отношению к горцам Кавказа, сохранились более реальные данные о деятельности грузин в этом направлении.

У грузин был особый судебник для горской части населения грузинского царства. Адаты и поныне не потеряли значения у северных яфетидов-мусульман.

Правда, удовлетворяющая моральные чувства кавказца, как и материальные его интересы, должна быть вылитой в формы, определяемые материальным бытом народа в известной природной среде. Эти формы имеют существенное жизненное значение. Без них не быть никакому народному суду. Без таких конкретных форм самая совершенная правовая отвлеченность на местах — это уходящие вдаль небеса правды, звездным небосклоном венчающие ад исконных пережиточных земных отношений. Вопрос не столько в формальной оболочке или орудии, в языке судопроизводства, сколько в жизненной юридической оформленности народной правды, в ее психологической состоятельности.

В связи с этим не только теоретически научно, но и практически важны представления народно-юридического быта, пределы их распространения и степень их живучести.

§ 6. О многочисленности и разнообразии кавказских языков, о роли их для строительства и материального, и духовного в крае, вообще о важности вопроса об языке на Кавказе не приходится распространяться. Однако, при всем громадном значении лингвистических данных для исследования племенного состава населения Кавказа, представляется излишним в настоящие таблицы ввести данные чисто лингвистической классификации, как, например, указание на говоры. Они имеют значение, конечно, не одно отвлеченно-научное: лингвистические данные пока, к сожалению, преимущественно лежат в основе нашей классификации. Использовав их для построения, мы убрали их, как леса, но необходимо, за малоизвестностью и в ученой среде, здесь привести определение хотя бы основных этнических подразделений коренного, то есть яфетического населения Кавказа по лингвистической терминологии.

Яфетическая семья языков делится на две ветви, сибилянтную и спирантную, и особую группу, или особую ветвь гибридных языков.

А. *Сибилянтная ветвь* выяснена в составе двух давно определившихся групп — свистящей и шипящей. На языках этой ветви говорят южно-кавказские яфетиды или народы месхий-

ской **водораздельной** ветви яфетидов, причем у народов материковой группы, следовательно у картвелов (грузин), природная речь — язык *свистящей группы*, а у мегрелов, как и чанов, то есть у народов **приморской** группы — язык *шипящей группы*. Сюда, в силу исторической связи, более относится один из гибридных языков, спирантно-сибилянтных, язык ныне материкового перевального народа, именно сванский язык, в составе которого один слой — сибилянтной шипящей группы.

Б. *Спирантная ветвь* до нас дошла в трех исторически образовавшихся и осложнившихся, топографически разлученных разветвлениях. Эти разветвления следующие: а) лезгинское, на многочисленных языках которого, распадающихся на группы с наречиями и говорами, говорят народы Дагестана и вообще **восточно-бассейные**, **каспийские**, яфетиды; б) чеченское, в составе собственно чеченского или нахчойского, ингушского или кистинского и цоватушинского языков, на которых говорит материковое ответвление **двухбассейной**, **понто-каспийской** ветви яфетидов — **плоскостные** чечены на чеченском, и **перевальное** ответвление **Кавказской водораздельной** ветви яфетидов — чеченцы-горцы, ингуши и кисты (южные чеченцы) на чеченском и цова-тушины на тушинском, в) адигейское или, что то же, дзихское, на наречиях которого говорят различные народности и племена **приморской** — **понтийской** группы двухбассейной ветви яфетидов. И сюда примыкают, в силу исторической связи, особенно же по генетической своей связи с адигейским языком, гибридные языки абхазский и убыхский, родные языки народов **понтийской приморской** группы **двухбассейной** ветви яфетидов.

§ 7. К гибридным, притом особо, вдвойне гибридным относятся языки Армении, прежде всего два ее языка или собственно армянские языки, именно 1) ныне церковно-армянский язык, древнелитературный, по терминологии армян — «грабар», то есть письменный, с давних пор, еще с позднего средневековья мертвый, но за время раннего средневековья и в более глубокой древности — живой сословный, в основе гайканский (хайский) и 2) родной живой, современный армянский язык в многочисленных наречиях и говорах, существовавший и в древности, но не литературно (одно из них, айраратское, лежит в основе современного литературного языка кавказских армян). Особая гибридность этих двух языков Армении состоит в том, что в каждом из них с яфетическими языками слился ариоевропейский, при этом, насколько пока выясняется, основной местный яфетический язык, слившийся с пришлым ариоевропейским в церковно-армянском (гайканском или хайском), относится к спирантной ветви яфетической семьи, а основной местный яфетический язык, слившийся с пришлым ариоевропейским в народном армянском языке, принадлежит к шипящей группе яфетической семьи. Однако, и армянский, и особенно церковно-армянский язык, проявляют в тоже время общность многих элементов с картвельским (грузинским) языком, то есть с языком свистящей группы сибилянтной ветви яфетической семьи. Едва ли эти общие с картвельским элементы армянских языков заимствованы путем внешнего воздействия, и назревает постановка вопроса о том, не были ли яфетические языки, слившиеся с ариоевропейским в двух известных нам языковых типах Армении, гибридными еще до последнего процесса слияния с инородными слоями, вообще до появление ариоевропейцев в пределах Армении. Все видимости объективных языковых данных в пользу того, что в языках Армении имеем вдвойне или перекрестно, то есть и межплеменно-гибридные, и расово-гибридные лингвистические типы.

Наличность гибридного характера языков на Кавказе, понятно, не исчерпывается перечисленными примерами, но другие случаи представляют пока еще менее доработанные или лишь открытые вопросы, как, например, открытым представляется в этом смысле вопрос о курдском, в разъясненной его части бесспорно относящийся к иранской группе ариоевропейских языков, или еще хотя бы талышский язык, также иранский, именно прямо-таки одно из наречий персидского языка (§ 12).

Вопрос о площади распространения гибридных языков Армении по известным физико-географически характеризуемым территориям сейчас представляет лишь исторический интерес. Один из этих языков — церковно-армянский — мертвый, и лишь искусственно общераспространен по всему лицу населенных армянами земель и на кавказской, и вне кавказской территории, где только имеется культурная армянская среда, хотя бы лишь армянская приходская церковь или часовня. Однако в живой народной речи этот язык, некогда также живой, отражается своей особой природой, ее многочисленными переживаниями, в ряде современных армянских наречий и говоров, но и для этой части армянских говоров нет территориального ограничения: говорящие на них армяне живут и вне кавказской территории вообще, и вне родного своего южно-армянского района в самой Армении, как то разъясняется в своем месте[3].

Нормы расселения вообще таких этнически гибридных сугубого типа народов, притом или национально или религиозно ярко самоопределившихся, как армяне и курды, не укладываются в рамки примитивного территориального разграничения Кавказа по физико-географическим границам даже внутри родных своих земель.

§ 8. Независимо от языка определителем племенной природы, притом более консервативным, а потому более показательным и надежным является народная в точном смысле этого термина религия. В связи с этим первостепенное значение представляет раскрытие племенных религиозных верований или их пережиточных элементов в бытовом проявлении культурно усвоенной определенной мировой религии.

На Кавказе первобытных племен нет, но есть весьма сильные реликтовые явления и формы первобытности, уживающиеся или сжившиеся с высшими культурными в крае достижениями племен все одной и той же местной породы. Потому подход исследовательский, реально-научный, необходим иной, двусторонний, этнологический и культурно-исторический, а в связи с этим и характер собирания материалов, и опросный лист для него требуется особо сложный. Так, при выяснении такого этнического детерминанта, как язык, надо считаться не только с природной речью населения, равно со сроднившейся бытовой, но и с культурным языком или культурными языками, когда у народа, уже нации, оказывается особый язык для той или иной стороны его культурной жизни, для гражданской и религиозной. И тогда, когда цели — отвлеченно-научные, без назначения применить собираемые данные практически в государственном строительстве, исходить приходится из известной величины, из национальности, то есть действительно наличных племенных и социальных объединений, чтобы дойти до неизвестного, до этнической первобытности, до определения действительного племенного состава, всегда скрещенного и мешаного[4]. Не только определители — физический тип, язык, религия и хозяйственный быт, но и материальные, и духовные признаки социального типа, с одной стороны — хозяйство, жилища и постройки, одеяния и убранство, пища, с другой — культ, музыка, народная словесность и т.д. должны быть прослежены посословно.

Но все это вопрос будущих изысканий, когда откроется возможность работы на местах, собирания новых или восполнения и проверки старых, доступных в литературе, данных по подготовляемому более полному опросному листу. Это не мешает однако тому, чтобы и сейчас, в стадии подготовки предварительной разработки имеющихся в печати материалов, выяснять предел распространения в крае культурного языка, религиозного или светского, и степень грамотности в нем населения.

О письменности того или другого кавказского народа в нашем списке упоминается в том случае, когда она существует или создается усилиями его просветителей, пришлых или родных, и для удовлетворения его народных потребностей в просвещении. Собрания текстов на том или другом языке, равно переводы по почину ученых и их трудами на местный народный язык в научных целях, сами по себе не могут служить материалом для внесения данных о родном письменном языке соответственного народа.

§ 9. В первом списке — классификация племен, собственно геоэтнических единиц, по территориальной связи, причем в племенном отношении определенно населенные уже площади, то есть территориальные единицы представляют деление, каждое с особой геологически характеризуемой топографической средой и с подразделением в том или ином направлении на районы по странам света, обыкновенно также отражающие соотвественные топографические условия. В теснейшей, неразрывной связи с разнообразными топографическими условиями Кавказа находится разнообразие бытового хозяйственно-экономического уклада его населения. Для характеристики этой стороны дела сейчас сильно ощущается недохват материалов и в еще большей степени недохват и в их разработке.

§ 10. Потому кочевой быт, разумеется, в пережиточных формах, мы могли бы с реальными данными отметить в списках лишь у курдов и у тушин, хозяйство которых построено исключительно или главным образом на пастушестве. Так, например, тушины, в частности цова-тушины, чеченского племени, перешли на оседлость у Алазани, но, живя пастушеством, родные кочевья имеют в кавказских горах у перевалов к лезгинам и в Чечню, а арендные в Персии и Карсской области. Но кочевников на Кавказе имеем и среди других племен. Кроме того, многие из остальных народов Кавказа, особенно в лице определенных племен, в связи с двухсистемным хозяйством, и земледельческим и пастушеским, имеют особые пастбища, иногда перешедшие во владение иных племен, но остающиеся в их пользовании, так мегрелы (мингрельцы), жители низменной Рионской долины, пользуются летними пастбищами южными — на Аджарских горах, на грани с Месхийской водораздельной территориею, а обитатели

нагорной полосы — Самурзакани — на горах по реке Ценскре, южных отрогах Большого Кавказа, равно как в Княжеской Свании.

Кроме того, и с другими занятиями и промыслами некоторых областей связан массово-бродячий образ жизни населения, его регулярные отливы и приливы в определенные районы в связи с отхожими или иными промыслами, вообще с той или иной производительностью живых народных сил.

§ 11. И при характеристике отношения живых народных производительных сил к хозяйственно-экономическому укладу недостаточно учета лишь чисто этнического состава населения. Необходимо ввести в таблицы и указания социальных слоев. Реальный, при том бесспорно первенствующий интерес, присущ данным этого порядка, когда от нас требуется дать ясное и соответствующее действительности представление о природе этнических факторов культурного самоопределения того или иного народа.

Сословия на Кавказе некогда представляли собой различные этнические единицы, каждое с своим особым племенным языком. И там, где в народной реальности сохранились сословие, доныне не утрачено и ни от какой внешней силы не может быть утрачено ими значение факторов общественной жизни. Между прочим, они способствуют распространению местного общекультурного языка, как создания определенного господствующего сословия, или, наоборот, стоят помехой на пути его полного возобладания, так, например, грузинский язык в дворянском и княжеском слоях населения имеет преимущественное распространение не только в Мегрелии, но и в Свании и отчасти даже в Абхазии, где в народных слоях нет ни малейшего представления о грузинской речи и где не умеют вовсе объясняться по-грузински, не говоря о том, чтобы в них говорили или хотя бы понимали по-грузински, как на родном абхазском.

§ 12. К коренному населению Кавказа, по этническо-лингвистическим данным, относятся яфетиды чистого и мешаного типа, то есть народы и яфетической семьи, и яфетическо-ариоевропейской.

К подобной категории коренного населения, по всей видимости, относятся и кавказские иранцы: на севере таковыми являются осы или осетины (иры), на юге — курды. Этническо-лингвистические их признаки пока не доследованы до требуемой глубины. Однако общность многих материальных языковых явлений (фонетика, лексика, особенно в образной части семасиологии) и быта северных иранцев, именно осетин, с северно-кавказскими и соседящими с юга яфетидами, а южных иранцев, то есть курдов, с яфетидо-ариоевропейцами, склоняют к положительному ответу на вопрос об этнической принадлежности обеих народностей к коренному населению Кавказа, то есть к яфетидам, несмотря на иранскую природу их родной речи. При определении племенного состава обеих народностей особого интереса заслуживает социальный состав каждой из них, притом у курдов не только сословный, но и классовый. Этнологический подход в частности для выделения определенных этнических элементов требует проверки по сословиям признаков яфетидизма и иранизма во всех областях народной жизни. Во всяком случае указанные признаки ставят вопрос о том, имеем ли в этих двух племенах в составе кавказского населения автохтонов-яфетидов, усвоивших иранский язык той или иной группы, или они чистые ариоевропейцы иранской ветви, натурализовавшиеся в крае с усвоением некоторых языковых и бытовых черт окружающей племенной среды, на севере — яфетической, на юге — яфетическо-ариоевропейской. На севере, то есть в части об осетинах мы стоим перед узловым аланским вопросом, а на юге, то есть поскольку дело касается курдов, в спорном народе намечается наличие автохтонов-яфетидов одного корня с автохтонами-яфетидами Армении. Следовательно, в таком случае курды-автохтоны, первоначально яфетиды, вместе с автохтонами-яфетидами Армении, в процессе арио-европеизации подверглись сильному влиянию языков Ирана, с той особенностью, что иранизация курдской речи, очевидно, и территориально ближе расположенной к иранскому миру, выражена в более сильной степени, и на курдскую речь влиял персидский язык в сравнительно новой, позднейшей стадии развития.

Еще большая степень иранизации выступает в татах и талышах, если правильно общее мнение об автохтонности и этих народов Каспийского бассейна.

Судя по многим явлениям, они представляют два звена одной цепи племенного состава, но из них наименее изучавшиеся даже лингвистически заслуживают особого внимания. Это — *талышинцы*, точнее *талыши*, которым посвящается опыт характеристики в особом выпуске настоящей серии.

Однородное с талышами особое положение создается для иранского населения, говорящего на наречии татского языка: таты, мусульмане по вере, расселены в уездах Бакинском, Гок-

чайском, в северной части Шемахинского и южной части Кубинского, на юге обитаемые ими селения огибают всю северную Персию, на севере отдельными поселениями доходят до Дербента.

§ 13. В смысле гибридности этнического происхождения наводят на серьезное размышление также особенности быта и горских и плоскостных турок, вкрапленных в территорию северных яфетидов. Из них горцы-карачайцы (также карачаевцы), числом 30673 человек, расположены на истоках реки Кубани на юге Баталпашинского отдела Кубанской области. Сословный уклад их строя и многие этнографические особенности склоняют к мысли об яфетическом их происхождении. Особенно интимна их связь с черкесскими племенами. Сваны их называют савярами, то есть осетинами, так как *осетины*-иранцы (ир-он, диг-ор, туал), с иранским языком, наравне с *осетинами*-карачайцами, с турецким языком, пришлецы, осевшие в стране, населенной яфетидами — савярами, то есть «сави»ями или «ос»ами (в древности — «овс»ами). **П.А. Фалев** свою заметку о карачайцах начинает определением, что это «народ, по языку, турецкого племени». Таково же положение северных плоскостных турок-кумыков из района лезгинских народов. Такого же характера вопрос о гибридности происхождения, и притом о примеси этнической природы местного еще доиранского восточного яфетического племени возбуждают южные турки, именно адербейджанцы. Но здесь замешана иранизация не соседей, как в вопросе о карачайцах с иранизованными соседями-осетинами, а их самих, адербейджанцев, притом иранизация на посредствующей ступени их этнического перерождения, в последний момент покрытая отуречением. К тому же, в наличном своем состоянии на Кавказе, в интересующих нас его пределах, адербейджанцы представляются вкладом иранской Персии, и в то же время они находятся на пути национального самоопределения во внешнем проявлении пока на основе общетурецкого языка — османского, и потому речь о них особо (§ 22).

§ 14. Перечень национальностей во II-м списке (стр. 531—544) идет не в последовательности по сродству или не сродству этнографических признаков, а в хронологическом порядке самоопределения народов, не говоря о том, что народности, связанные узами теснейшего неразрывного этнического родства, даже части одного и того же по наглядным этнографическим признакам народа бывают разлучены, попадая в различные группы по характеру их самоопределения — национальному (A) или религиозному (B), а равно по степени зрелости самоопределения — завершенной (A, B) или в процессе развития (A_1, B_1). Народы с одной религиозной культурой в процессе развития — пассивны, когда лишь в стороне от их жизни намечаются условия для приобщения к национальному просвещению на родном или родственном языке: пока, оставаясь на ступени религиозного самоопределения, они входят в коллектив объединяющихся с ними на почве общности религии, одного исповедания или хотя бы одной веры.

Естественно**,** в особую рубрику должны быть выделены части народов, государственно влиявших на этнический состав населения Кавказа, то есть наличные пережитки политически господствовавших в этом крае народов, и представители древних народов, именно первых исторически засвидетельствованных колонистов Кавказа — греков, по местной терминологии — то «ионян», то «бердзенов»[5], и мировых скитальцев — евреев, на местных языках называемых всегда **иудеями**[6].

§ 15. И евреи, и греки на Кавказ являлись прежде всего в связи с торговыми интересами. В этом отношении к ним примыкает арамейское племя, этот «великий перед Богом» торговый народ Передней Азии, отпрыск которого представляют не менее «великие перед Богом» мировые миссионеры Христова учения среди всех восточных народов — сирийцы—христиане, первоучители христианской Армении: на Кавказе они известны теперь под названием айсоров, часто по недоразумению величаемых ассирийцами.

Пока неизвестно, насколько в наличных на Кавказе сирийцах, айсорах, можно усматривать наследие каких-либо древних арамейских торговых колоний; равно не установлено и то, есть ли в них остатки сирийских древнехристианских общин, которые могли возникать на почве сирийской миссионерской деятельности в Армении в IV—V веках по Р.Х. Кавказские айсорские села в большинстве заведомо происходят из колоний сирийцев-несториан Урмии, в Персии, вселение их в Кавказ, исключительно в исторически армянские земли, находившиеся в составе Персии до русского владычества, есть вклад государственной жизни мусульманского Ирана и в то же время отложение иациональноий работы самого сирийского народа: в этом исходе из Персии сирийский народ отстаивал свое культурное самоопределение, это своего рода самооборона в условиях частью персидского управления, еще в составе населения Персии, частью в новой обстановке, создававшийся Россиею для всех восточных христиан. И тем не менее, айсоров приходится выделить из рубрики о персах в виду степени развития национального их самосознания, как народа не только особого племени, но и с двумя различными пись-

менными языками — церковным и гражданским литературным, и с особым вероисповеданием большинства — несторианством. Самоопределяются же они по воскрешаемой старой Европой средневековой общественности, то есть религиозно[7]. К тому же, их нельзя не вносить в одну с евреями и греками группу народов-колонистов Кавказа, так как они все-таки принадлежат к великому торговому племени древнего Востока — арамейскому. Появление сирийцев на севере связано с историей диаспоры вообще сирийского народа, по существу аналогичной с диаспорой другого семитического народа — еврейского. Как христиане, сирийцы более, чем греки, имеют особые культурно-исторические связи с христианством на Кавказе, прежде всего восточным, в частности с его насаждением и созданием христианской письменности, христианского искусства и вообще христианской культуры в Грузии и особенно в Армении.

Как сограждане прибрежного населения Кавказа еще задолго до Р.Х., греки находятся в интимных связях с яфетидами, недостаточно выесненных культурно-исторически и вовсе не освещенных этнологически, в частности и лингвистически, хотя особо близкие отношения яфетидов к грекам явствует прежде всего из особого положения греков к живой этнологической номенклатуре кавказских народов: греков они называют или гибридным термином ber-den (ber-zen), то есть *иверочаном* || *иверолазом*, или huyn'ом || yoyn'ом, то есть *іоном=іонянином*, причем история обоих терминов, прослеживаемая на основании яфетического языкознания, устанавливает весьма раннее появление греков на Кавказе, именно еще до возникновения ионийских колоний. Вселение части греков совершилось при последних грузинских царях в связи с разработкой рудных богатств края.

С другой стороны, в нынешних греках, всегда православных, хотя бы в некоторой части кавказских греков, могут оказаться пережитки древних греко-православных общин того или иного местного племенного происхождения, совсем не греческого.

По существу, как относительно наличных кавказских греков, так равно и евреев, не выяснено, в какой мере в них можно видеть, действительно, пережитки древних всесветных колонистов.

Есть ли основание, например, в кавказских евреях нашего времени усмотреть отложение архаичной еврейской диаспоры, заполнявшей, по армянскому историческому преданию, города древней Армении или давшей Грузии те общины, представители которой, очевидно, из иудео-христиан, по грузинским христианским легендам, играли роль в распространении Христова учения в грузинском народе? Из трех групп евреев, грузинских, горских и сейчас для нас мало интересных пришлых европейцев, горские представляют более самостоятельную группу: живя «в аулах и некоторых городах Дагестанской, Терской, Кубанской областей и губерний Бакинской и Елизаветпольской», они говорят на наречии татского языка, одного из новоиранских, объединяясь, весьма вероятно, не только лингвистически, но и общностью своей культурно-исторической судьбы с иранцами, татами и талышами.

Грузинские евреи еще более приспособились и природно к местным геоэтническим условиям. По изысканиям, пока произведенным специалистами, в антропологическом отношении кавказские евреи имеют гораздо более общего с армянами, грузинами, малоазиатскими греками и турками [османцами?], чем с другими семитами, арабами, абиссинцами и т.п.[8]

Во всяком случае и местные евреи, и местные греки на Кавказе настолько натурализовались, что они, особенно евреи, в большинстве иного языка народного кроме местного и не имеют, причем евреи, в дополнение или исключительно, говорят еще на персидском или на новоиранском — татском и греки — на турецком не только потому, что эти языки были государственными языками народов, владевших Кавказом, но и потому, что в Кавказский край они вселялись позднее из соответственных государств, евреи из Персии, греки из Турции.

При завоевании Дагестана в первой половине VIII века арабы уже застали там евреев в значительном числе. Весьма вероятна мысль В.Ф. Миллера, что эти так называемые горские евреи происходят из той части Мидии, которая называлась исконным по происхождению, местным термином, отнюдь не позднейшим, Атырпатакан, ныне Адербейджан. По словам Эльдад-ha-Дани, жившего во 2-й половине IX века, евреи здесь жили в соседстве с народами с нравами приверженцев религии Заратустры и говорили на родном еврейском языке, да еще на языках персидском и кедарском[9]. Отсюда, из Адербейджана, и принесли они с собою, предполагается, усвоенное ими там иранское наречие, татское, еще тогда, допускает В.Ф. Миллер, изобиловавшее в словаре и отчасти словообразовании турецкими элементами[10].

Подробность о наличии турецких элементов еще тогда в составе этого иранского наречия, татского, вводится на основании толкования термина «кедарский» в смысле турецкого, так как «кедар, по замечанию профессора Гаркави, у средневековых еврейских писателей оз-

начает, кроме арабских кочевников, турок и татар» (ц.с., стр. V, прим.*). И В.Ф. Миллер был склонен думать, что «в данном случае в кедарском следует предполагать тюркский», то есть турецкий язык. Вопрос о степени древности вселения турок в Адербейджан — один из важнейших в кавказской этнографии. Намечается возможность еще более раннего появления их в этом крае в переселенческом движении с севера на юг, а не обратно. Но вопрос подлежит освещению в свете северно-кавказских движений на юг, сначала яфетических, а затем лишь объединявшихся или сливавшихся и скрещивавшихся с ними турецких. В центре этого вопроса турецко-яфетические этнические отношения на Северном Кавказе. И подход к решению необходим этнологический. Ссылки на исторические свидетельства опорой могут служить лишь вспомогательной, отнюдь не решающей, когда в нашем распоряжении этнографические и лингвистические материалы, ждущие разработки. Кроме того, термин «кедарский» в применении к Кавказу подсказывает мысль, не имеем ли в нем местное слово: по-грузински kedar значит «север», «полночная сторона», и оно само северно-яфетического происхождения. Следовательно, под кедарским может подразумеваться один из северных кавказских языков, и, быть может, в данном случае будет основание говорить об одном из яфетических языков.

§ 16. Что же касается народов государственно влиявших на этнический состав населения Кавказа, то культурное самоопределение их отложения в крае не требует особого разъяснения. Менее всего надобности в этом для этнического вклада русской государственности в население Кавказа, но надо различать, поскольку дело касается русских колоний в Закавказье, особые свойства русских сектантов, а равно иметь в виду, что русская колонизационная политика ввела в состав кавказского населения немцев и других европейских и неевропейских переселенцев нерусского племени.

§ 17. Перечень различных национальных самоопределений в порядке последовательности племенного сродства народностей в составе населения Кавказа представит следующую картину:

		Национальные самоопределения
А. Коренные обитатели Кавказа		
I. Яфетиды-чистые		
южные с примыкающими к ним сванами	а. Картвелы (грузины, состав см. стр. 531) { 1. христиане; 2. мусульмане }	см. А. II см. B^1. II
	б. Мегрелы (мингрельцы)	см. А. II
	в. Чаны (лазы)	см. B^1. III
	г. Сваны	см. А. II
северные с примыкающими к ним абхазами	а. Лезгинские народы (состав см. стр. 533)	
	1. Авары	см. В. I
	2. Лаки	см. В. I
	3. Даргинцы	см. В. I
	4. Кюринцы	см. В. I
	$а^1$. Удины	см. B^1. I
	б. Чечены в лице начиев и ингушей (состав см. стр. 534)	см. В. I
	$б^1$. Цова-тушины чеченского племени	см. А. II
	в. Черкесы (состав см. стр. 534)	см. В. I
	г. Абхазы	см. $А^1$. I

		Национальные самоопределения
II. Яфетиды-мешаные		
1) Яфетидо-ариоевропейцы		
по языку	а. Армяне-христиане	см. A. I
	б. Армяне-мусульмане (хемшины)	см. A^2. VI
лишь по быту	а. Курды-езидии	см. B^1. V
	б. Курды-мусульмане	
	в. Талыши (?)	
	г. Таты (?)	
	д. Осетины (состав см. стр. 535)	см. A^1. II
2) Яфетидо-турки		
по языку	Табасараны	
лишь по быту	а. Адербейджанцы	см. B. II
	б. Горские или материковые перевальные турки (карачайцы, балкары)	
	в. Прикаспийские турки (кумыки)	
Б. Вселенные обитатели Кавказа		
I. Представители колонистов, народов древнего мира		
семитов	а. Арамейцы — сирийцы	1 см. C^1. II
	б. Евреи, в числе их говорящие по-татски	2 см. C^1. I
ариоевропейцев	Греки	см. C^2. I
II. Этнический вклад государственно господствовавших народов		
а. Персидского государства	а. Персы (иранцы)	1
	б. Евреи	2
	в. Сирийцы	3
б. Золотой орды	Кайтаки	4
в. Османского государства	а. Османцы (турки)	5
	б. Греки	6

		Национальные самоопределения
г. Русского государства	а. Русские а) православные б) сектанты	7
	б. Немцы	8
	в. Литовцы	9
	г. Латыши	10
III. Кочевники-вселенцы		
	а. Цыгане 1. Армянские бошá 2. Другие цыгане (?)	
	б. Ногайцы	
	1. Кумыкские ногайцы	
	2. Кубинские ногайцы	

§ 18. Во II-м из основных списков не выражен в цифрах эмигрантский состав в коренном населении края, притом по слоям различных эпох, и не показано количественное соотношение вообще кавказских народов к их зарубежным сородичам. Эта сторона требует тщательного доследования. Она важна в той мере, в какой желательно получить реальное представление о народах Кавказа в составе его населения, как об этнических факторах с тем или иным масштабом национально-культурной динамики. С зарубежностью расселения народов Кавказа связано с одной стороны раздвоение национального их самоопределения, а с другой — интенсивность народного брожения, сила его национального творчества и степень международного его значения. Из всех народов Кавказа у одних грузин пределы национального брожения и национального творчества не выходят за рубеж Кавказа.

§ 19. Яфетический Лазистан лишь лингвистиическим родством в степени родства поляков с русскими может быть связан с картвельским яфетическим племенем, что же касается культурной стороны, у мусульманского Лазистана с христианской картвельской культурой еще меньше точек соприкосновения. Лингвистический родственный материал даже в Аджаре, то есть в лице грузин-мусульман, выходит за круг активных сил, очерчиваемый современным масштабом грузино-кавказской христианской цивилизации. Грузинский народ за время европейского своего развития в составе русского государства выработал единство демократической культуры, на смену прежней национально двоившейся восточно-грузинской, карталинской, и западно-грузинской, имерской, христианской цивилизации.

Раздвоенность ее питалась природой вещей, геоэтническими данными, и поддерживалась другими внешними условиями, культурно-историческими факторами. К природе вещей относится разность этнического происхождения состава населения восточной и западной Грузии, с первоначальной гранью по Лихскому перевалу[11]. Природная раздвоенность получала дальнейшее развитие или поддержку в двух борющихся культурах: на востоке, в Карталинии, влияли сначала Иран с санидской языческой цивилизацией и с ней привнесенной восточно-христианской церковностью сирийского происхождения, а затем шиитская мусульманская Персия, на западе, в Имерии, шло воздействие христианской Византии с греческой цивилизациею и ставшей на ее смену мусульманской державы с суннитско-турецкой цивилизациею. За последние сто с лишним лет усиленная работа грузинской мысли, грузинской литературы и грузинской народной школы нашла помощь в деле своего национального объединения в русской государственности: восполняя нивелирующе плодотворное значение русской культуры и русской общественности, она в тождественных культурных формах сумела сгладить, если не уничтожить, историческую двойственность культурного самоопределения восточной и западной частей Грузии, именно западной части, группирующейся около Имерии (Имеретии), и восточной, сгруппированной с Картлиею (Карталиниею).

§ 20. Национальное брожение и национальное самоопределение армян не ограничено пределами Кавказа. Да и самоопределение армянское в реальности отнюдь не цельное, отнюдь не единое. Есть культурное самоопределение армян кавказское, российское, есть зарубежное, западноевропейское. И эта раздвоенность культурного самоопределения, также имеющего свои исторические корни, сглажена работою армянской национальной мысли, но отнюдь не упразднена. Природный источник происхождения культурной раздвоенности армян в племенном составе населения Армении. Население Армении делилось на **южных**, хайев (гайканов), обитателей южного озерного нагория (бассейн Вана с частью бассейна Урмии) и приречных районов Евфрата и Тигра, и на **северных**, армян, обитателей речной площади Аракса (бассейна его и его притоков) и северного озерного нагория (Севан, Топараван) с водораздельным — Месхийским районом Чороха и Куры.

По историческим судьбам южные армяне имели эмиграционную тягу на запад, одни с уклоном на юг — к Средиземному морю, другие на север — к путям Черного моря. Первые вселились в приморскую Киликию, где в XII веке образовалось Армянское царство, развивавшееся с крестовых походов в непрерывном контакте с Западной Европой, другие, залив переселенческой волной малоазийские города вплоть до прибрежных Трапезунда, Бруссы и Константинополя, с южного Черноморского побережья потянулись на северное, в Крым, некогда при генуэзцах, приморскую Армению (Armenia Maritima), и далее в Бессарабию, Трансильванию и Польшу. Здесь одно время они пользовались своим национальным уложением даже по переходе в католичество. Западная переселенческая среда образовала культурные колониальные отростки с религиозно-просветительными организациями в Морее, Риме, Марселе и Амстердаме. Сложившаяся в Морее религиозно-научная ячейка перекочевала в Венецию на остров Сан-Лазар, где процвело армянское ученое братство мыхитаристов, громадную роль в просвещении всех армян в развитии гуманитарного изучения Армении. Значение этого учреждения для всего Кавказа пока не освещено. Усилению западноевропейской культурной ориентации чрезвычайно содействовали католические миссии своей пропагандой среди армян вообще, но особенно среди армян, эмигрировавших в западную часть Малой Азии, где успехи их исчисляются сотней тысяч обращенных в католичество или униатов. И южные, и северные обитатели, оставшиеся в коренной Армении, в отличие от южан, эмигрировавших на Запад, прежде всего в отличие от киликийских армян — западныхъ, именовались восточными.

Впоследствии армяне-северяне эмигрировали в Грузию, вообще внутрь Кавказа, в Астрахань, в Предкавказье, Поволжье и в Великороссию: в XIX веке они создали центр своего культурного самоопределения сначала в Москве, где создана была армянами высшая школа изучения армянского и граждански-культурно связанных с ним восточных языков, Лазаревский институт восточных языков, а затем — в Тифлисе, в условиях новой европейской жизни Кавказа. Эти северные армяне и южные армяне, одинаково эмигранты, последние с средоточием своей новой культурной жизни в Константинополе, естественно, продолжают именоваться «восточными» и «западными» по соответствию этих наименований действительному расположению их новых культурных центров — Тифлиса и Константинополя. К внешним историческим факторам культурного раздвоения восточных и западных армян присоединились внутренние, исторические и природные. В киликийской Армении, колонии, народный (южный) язык стал отвоевывать себе право гражданства еще с XI века. Армяне-переселенцы здесь были южане с живой речью, представлявшей развитие древней гайканской или хайской речи, древнелитературного языка всей коренной феодальной Армении. Западный новоармянский язык, литературный язык так называемых турецких армян, вырабатывался эволюционно и за средние века, получил дальнейшее свое развитие в Константинополе и теплично в западноевропейских армянских монастырях братства мыхитаристов в Венеции и Вене.

Восточные армяне, так называемые русские армяне, в XIX веке выработали новоармянский народный литературный язык, «восточный», с живой простонародной речью (северной) в основе, путем революционным, совершенно порвав с нормами древнелитературного языка; он вытеснил на Кавказе и из национальной общественности и национальной школы общеармянский мертвый литературный язык, в основе гайканский или хайский. В факте существования двух современных нам новых армянских литературных языков, западного (малоазийского) и восточного (кавказского), наиболее ярко выразилось раздвоение культурного самоопределения армян в XIX веке. В то же время всеми армянами верховодит

кавказское армянство; заквашенное русской общественной жизнью, оно является великим бродилом в народных слоях современной жизни Малой Азии и отчасти Ирана; в его руках национальное верховодство в судьбе и турецкой Армении. Его литературный язык, восточный, правильнее сказать — кавказский новоармянский, пробивает себе путь в грамотные круги западных, точнее малоазийских армян. Этот литературный язык нераздельно господствует в грамотных кругах наличного на Кавказе армянского населения без отношения к тому, состоит ли оно из автохтонов, северных армян, или из вселившихся из Турции южных армян двух слоев — более древних армян-переселенцев и позднейших армян-беженцев. Точный учет этих переселенцев и беженцев, притом не в одной Карсской области, представил бы реальный интерес для оправдания того или иного культурного самоопределения армян на известной площади их расселения.

§ 21. Не хватает учета переселенцев из северно-кавказского яфетического коллектива, то есть коренных горцев-мусульман, в Турцию, где они известны под названием черкесов. Среди них попадаются и неяфетические племена, так, например, осетины (ирон, то есть иры) и карачайцы, турки с примыкающими к ним единоверцами. Масса, однако, яфетическая, не менее полумиллиона, слагающегося по частям от каждого из народов, начиная лезгинами на востоке и кончая черкесами и абхазами на западе, но наибольшее количество таких переселенцев из черноморского района. Одних подлинных черкесов не менее 100000 и абхазов 60000, считая в числе их и убыхов[12]. Стремление этих переселенцев к возврату из Турции на родные кавказские пепелища есть источник национального брожения, захватывающего и самоопределяющиеся на Кавказе части соответственных народов — черкесов и абхазов. Общение кавказских абхазов с переселенцами, особенно приезды последних к покинутым на родине сородичам в той или иной мере поддерживали турецкую культурную ориентацию, понятно, религиозного характера. Но в основе ее лежали земельные интересы и абхазов, и черкесов. Земельными интересами определяли главным образом свое отношение все северно-кавказские народы, включая и лезгин, и чеченов с ингушами, и осетин, ко всем общественным движениям, равно продолжают его определять, — безразлично, какой бы они характер ни носили, политический или социальный.

§ 22. Адербейджан входит в состав и России, и Персии. Адербейджанских турок на Кавказе по **Зейдлицу** (1885) 975700, по **Аристову** (1896) 1139659, а за рубежом, в адербейджанской провинции по **Расуль-задэ** $2\,{}^{1}/_{2}$ миллиона[13]. Персидских турок около 3 миллионов, одной трети общего населения Персии, исчисляемого приблизительно в 9 миллионов[14]. Кавказская адербейджанская среда, с руководящими кругами в Баку, есть центр национального брожения, проникающего за рубеж не только к адербейджанцам, но и к единоверным персам (шиитам). Культурное самоопределение кавказских адербейджанцев пока носит лишь религиозный характер, притом общемусульманский, поддерживаемый господствующим классом крупных землевладельцев. Сословное деление адербейджанцев в России, резкая разница между массой и имущими классами напоминает особенности старого общественного строя кавказских народов. Литературным языком служит османский, и он будет господствовать, пока нет значительной волны демократизации руководящих кругов в той степени, чтобы у них была действительно осознанная потребность доступности просвещения на местном адербейджанском языке. Дальнейшее развитие культурного самоопределения чревато такими последствиями, как создание национального адербейджанского языка и национального миросозерцания на основе мусульманско-иранских, именно шиитско-персидских культурных традиций. Переходное состояние самоопределения кавказских адербейджанцев свидетельствуется степенью развития их культурного языка, прежде всего колебанием в выборе между тремя его типами, то есть тем состоянием, которое восточные, собственно кавказские, армяне пережили в истории своего развития в пятидесятых годах XIX века.

Специалист-тюрколог так характеризует это переходное состояние: «Вполне определенного литературного языка у закавказских мусульман еще не выработалось. Одни авторы пишут по-османски, другие на смешанном османско-азербейджанском, третьи стараются писать на чистом родном языке»[15]. Вероятно также колебание между кавказской и персидской культурной ориентацией. В сторону Кавказа адербейджанцев могут тянуть кроме современных политико-экономических факторов народно-психологические данные, пережиточные элементы протоисторической культуры края, общие с коренной племенной природою — яфетической — кавказского населения. Адербейджанские турки сильно иранизованы, в их народной речи специалисты отмечают не только значительное лексическое влияние персидского языка,

но и воздействие его морфологии. Но сами иранцы Адербейджана являлись наследниками яфетидов, и желательно изыскание в этой плоскости лингвистических и этнографических особенностей адербейджанских турок в связи с теми же особенностями соседящих с ними на Кавказе иранцев, с запада и юга — рассеянных курдов, с севера и востока — татов и талышей, то есть народностей также с яфетической закваской того же геоэтнического района. По словам **А.Н. Самойловича**, адербейджанцы «не расстаются окончательно со своим этнографически-турецким бытом», и очередной работой, важной и для выясняемых нашим отделом вопросов, является сравнительное изучение «этнографически-турецкого быта» адербейджанцев с народным бытом яфетидов. Не доследовано, есть ли и в какой мере в адербейджанцах культурные переживания местного яфетического населения. А.Н. Самойлович указывает на «духовное, не только физическое влияние христианско-яфетического мира на население Северной Персии и смежной части Османской империи».

В тоже время следует учесть однако и значение мусульманско-яфетического мира Северного Кавказа, вообще особую связь и турок-адербейджанцев, на этнической основе, во всяком случае особые отношения с северно-кавказскими яфетидами, мусульманами, и отражение этих отношений на культурно-историческом облике адербейджанцев, на религиозном противоположении их, шиитов, северно-кавказским яфетидам, суннитам, на дате возникновения этого противоположения. При признании соматического влияния яфетидов на адербейджанцев был бы решен вопрос о необходимости отнести их по этническим признакам к мешаному яфетидо-турецкому или турецко-яфетическому типу. Однако адербейджанцы и в этой мере не изучены. И А.Н. Самойлович признает этот вопрос равным образом не обследованным. Хозяйственно-экономический же уклад жизни адербейджанцев тянет их к Кавказу, а через него и к России. При укреплении самостоятельной хозяйственной жизни Кавказа намечается образование кавказского турецкого коллектива — адербейджано-османского.

§ 23. Предполагая наметить в особой программе и в подготовляемом новом опросном листе разносторонние данные, необходимые для освещения стоящих перед нами вопросов в связи с заданием Кавказского отдела Комиссии по изучению племенного состава населения России, независимо от того, в каких политических пределах пребудет Кавказ, я здесь обошел молчанием такие важные в отношении не только исторической культуры, но и современной общественности элементы культуры, как древние пути, часто требующие лишь технического обновления, и месторождения руд. Особые основания имеются для умолчания о городах. Это вызывается не только разносоставностью городского населения, но часто несовпадением племенного состава большинства населения кавказских городов с населением сел и деревень окружающего района. Вообще городов на Кавказе значительно больше, чем может казаться, и они играют, особенно же играли, существенную роль в истории народов Кавказа. Кавказские города не выделялись однако многочисленностью населения.

В городе Ани были сотни церквей (по преданию тысяча и одна) и три, а может быть, и более мечети, но число населения, и христианского, и мусульманского, едва ли переходило за одну сотню тысяч. В составе кавказских городов выросли единичные большие, но потеряли значение или вовсе исчезли многочисленные, хозяйственно теснее входившие в жизнь края, особенно культурные пункты с непереводимым на русский язык названием da-ba (<da-ban) по-грузински, a-van по-армянски. Особый общественный строй в городах и особые занятия их населения имели ориентирующе творческое значение для всего края. Надо располагать сведениями о занятиях населения городов Кавказа с точным распределением их по принадлежности мастеров к тому или иному племени. Когда население города Дербента показывается в составе татар, евреев, русских, армян и других национальностей, представляется вероятным, что коренное местное население, яфетическое, скрыто в «татарах» и «других национальностях». При таком отношении к этническим вопросам интересные материалы, собранные, например, в Сборнике Материалов (XI, 1891) по «Промысловым занятиям в некоторых населенных пунктах Закавказья», оказываются малопригодными для непосредственного использования.

I. Племенной состав населения Кавказа по территориальной связи коренной его части

Список сокращений и условных знаков см. на стр. 544

I. Яфетиды и яфетидоиды				
А. Южно-кавказские яфетиды				
A_1. *Восточные: материковая группа, речная — Рионо-курная*				
1. Картвелы ‖ грузины (иверо-картцы > имеро-картцы)	а. Восточные	1. Долинные	1. Картлелы (карталинцы)	850000 (Др. 505000)
			2. Кахи (кахетинцы)	
		2. Перевальные	[1. Туши (тушины)]	
			[2. Пшавы]	
			[3. Хевцы (мохэвэ)]	
			[4. Хевсуры]	
		3.	[1. Ингилои (ingilo)]	
	б. Южные	1. Месхские водораздельные	1. *Сомхитские (somq̇ɪɵ-ar-ɪ)	?
			2. *Джавахские (q̂avaq̇-el-ɪ)	
			3. *Месхийские (mesq̇-el-ɪ)	
			4. *Кларджийские (klarq̂-el-ɪ)	
			5. *Таоские (tao-el-ɪ)	
		2. Понт. выход.	1. *Аджарские (aṭar-el-ɪ)	
			2. Гурийцы (gur-ul-ɪ) 75 тыс.	
	в. Западные (имерийские)	[1. Имеры]		(Др. 505000)
		[2. Рачинцы]		
		[3. Лечхумцы]		
A_2. *Западные: приморская группа — понтийская*				
2. Чаны ‖ йоны ‖ hоны	1. Мегрелы (мингрельцы)	а. Юго-восточные плоскостные	1. Сенакские	240000
		b. Северо-западные горцы	1. Самурзаканские	
			2. Зугдидские	
	1^1. Гурийцы, по языку грузинизованы см. I, A^1, 1, б, 2, 2.			
	2. Чаны (лазы)	а. Восточные	1. Хопцы	?
			2. Чхальцы	
		b. Западные	1. Архавцы	
			2. Виццы	
			3. Атинцы	

B. Средне-кавказские яфетиды			
B_1. Водораздельная — центральная материковая группа			
1. Кисты	1. Ингуши или кисты (чечены)		
	2. Цова-туши (бацбии)		
	2^1. Туши (тушины), по языку грузинизованы см. I, A_1, 1, a, 2		
	3. Майствеи (чечены: нахчии)		
2.	1. Пшавы, по языку грузинизованы см. I, A_1, 1, a, 2, 2		
	2. Хевцы (мохэвэ), по языку грузинизованы см. I, A_1, 1, a, 2, 3		
	3. Хевсуры, по языку грузинизованы см. I, A_1, 1, a, 2, 4		
B_2. Водораздельная — понтийская материковая группа			
3. Сваны	a. Северные (ингурские)	1. Вольные сваны	23000
		2. Княжеские сваны	
	b. Южные (цхенисцкальские)	1. Лашхцы	
		2. Чолурцы	
		3. Лентехцы	
$в^1$. Восточные: осетины, иранизированы см. IV 1, б, 3			
B^3. Приморская — понтийская группа			
4. Абхазы	a. Южные	Самурзакань	61000
	b. Срединные	Абжуи	
	c. Северные	Бзыбы	
4^1. Убыхи, не доследованы, по языку промежуточны между абхазами и черкесами (ныне выселенцы в окрестностях Измида — все?)			
4^2. Черкесские абхазы см. абазинцы, на стр. 534.			
C. Северно-кавказские яфетиды (ветвь двухбассейная — понтийско-каспийская)			
a. Восточные (юго-в.) = кюринские племена	1. Кюрины (küregüyar)	131609	
	2. Табасараны	27782	
	3. Агулы	7976	

С. *Северно-кавказские яфетиды* (ветвь двухбассейная — понтийско-каспийская)				
1. Восточные (лезгины) (ответвление восточно-бассейное — каспийское)	a. Восточные (юго-восточные) = кюринские племена	4. Арчинцы	797	213276
		5. Рутулы, они же мыхады	11907	
		6. Цахуры	4949	
		7. Хиналуги	2196	
		8. а) Джеки	7187	
		8. б) Хапутцы		
		8. в) Крысы	4765	
		9. Будухи	3410	
		10. Удины (см. стр. 541)	9668	
	b. срединные	1. Даргинцы	130000	431000
		2. Кази-кумуки (лаки)	90000	
		3. Авары (низинные и горские)	211000	
	Северо-западные (северо-западные) = андо-дидойские племена	*Андийская группа*		43477
		1. Андии	*9 сел.* 7780	
		2. Ботлихцы	*2 села.* 1363	
		3. Годоберинцы	*2 села.* 1339	
		4. Каратаи	*10 сел.* 5593	
		5. Ахвахцы	*6 сел.* 3322	
		6. Кванадийцы (багулалы)	*22 села.* 6167	
		7. Чамалалы	*5 сел.* 4923	
		8. Тиндии (тиндалы)	*6 сел.* 1753	
		Дидойская группа		
		9. Дидои (цецы)	*36 сел.* 6115	
		10. Хваршины	*5 сел.* 1561	
		11. Капучины (бешитль)	*8* (D: *3*) *сел.* 2803	
		12. Нахады (хунзалы)	D: *4 села.* 799	

С. Северно-кавказские яфетиды (ветвь двухбассейная — понтийско-каспийская)				
2. Срединные (чечены) — материковое ответвление	*а. Сев.*	1. Нахчии (чечены)		126000
		2. Ингуши (галга = ğalğa)		47000
	б. Южн.	1. Цова-туши	см. I, B	
		2. Майтсвеи		
3. Западные (адигеи) (западно-бассейное приморское — понтийское ответвление)	*а. Вост.*	1. Кабардинцы		100000
	b. Зап.	2. Черкесы		43000
	В виду сильного искажения общей картины расселения адигейских племен, особенно пострадавшей от их массового переселения, избегаю перечня их названий, как имеющих в значительной мере лишь историческое значение. Названия эти, помимо упомянутых: шапсуги, натхокуадж (натухажцы), шегеки или хеаки, абадзехи, гатюкаи, бжедухи, жанеевцы, темиргои (кемгой, кемиргои), ерерукои, бесленеевцы, махошевцы, бескесек-абаза (черкесские абхазы, абазинцы) и другие.			
II. Яфетидо-ариоевропейцы				
А. Первые метисованные наследники яфетидов				
A_1. Наследники яфетидов Месхийской водораздельной территории, центральной Араксской земли и озерных нагорий: Урмийского, Севанского, Ванского и Чалдиро-Топаравайского				
Армяне || hаи (армено-hаи) кавказские, то есть без дробного учета примыкающих к ним территориально южных (в бассейне Вана) и западных (в бассейне Евфрата)	а. Восточные	1. Адербейджанские урмийского и севанского районов с примыкающими к ним областями		1. Салмасские
				2. Хойские
				3. Акулисцы (зоки)
				4. Карабахцы
				5. Казахцы и др.
		2. Диаспорно-колониальные		1. Прикаспийские
				2. Лезгинские
				3. Чеченские
	б. Южные	Население ванского озерного района и связанных с ним областей		
	в. Северные	1. Центральные	речной аракский район (эрахинские)	1. Айраратские
				2. Ширакские
		2. Северные	месхийско-водораздельные: восточные	чалд.-топар. района: 1. *Джавахские и др.
			срединные	верхнекурн. отрезка: 3. *Месхийские
				4. *Сомхитские
			западные	верхнечорох. Высок. Арм.: 5. Басенские
				6. *Таоские
				7. *Кларджийские
		диаспорно-колониальные		1. Грузинские (имерские, карталинские, кахские)
				2. Черкесские
				3. Абхазские (плантаторы) 4500

1490000

A_2. Сонаследники метисованных наследников яфетидов в южных частях тех же районов (рассеянно), метисованные иранцы — курды, см. IV, 1, a.				
B. Вторые метисованные наследники яфетидов, восточные в прикаспийских районах, метисованные персы: талыши, см. IV, 1, c, 3, 2; таты, см. IV, 1, c, 3, 1.				
C. Третьи метисованные наследники яфетидов, юго-восточные, в восточных частях районов первых метисованных наследников, метисованные турки (татары), а именно адербейджанцы, см. V, a, 1.				
III. Семиты				
1. Евреи			1. Адербейджанские	119000
			2. Грузинские (имерские, карталинские, кахские)	
			3. Горские (даг-чуфут, dağ ɵufùɵ), 21000	
			4. Недавние вселенцы (европейские), 3500	
2. Сирийцы (айсоры)				
3. Арабы				
IV. Ариоевропейцы				
1. Иранцы	a. *Южные*	1. Курды	1. Курды езидии	100000
			2. Курды-мусульмане	
	b. *Северные*	2. Осетины	1. *Восточные* — иры (ирон) с сословием тагауров	224000
			2. *Западные* — дигоры	
			3. *Южные* — туалы	
	c. *Восточные*	3. Персы	1. Таты (мусульмане)	125000
			2. Талыши	91000
			3. Персы (?)	16000
2. Европейцы	a. Греки			103000
	b. Славяне	1. Русские	1. Великороссы	1350000
			2. Малороссы	1000000
			3. Белороссы	19000
		2. Поляки		24000
		3. Чехи		3000
		4. Болгары		350
	c. Романского племени	1. Итальянцы		900
		2. Французы		800
		3. Румыны молдаване		7000
	d. Германского племени	1. Немцы		48000
		2. Шведы		400
	e. Балты	1. Литовцы		5000
		2. Латыши		1500
	f. Англичане			30

V. Турки (татары)			
a. Южно-кавказские турки	1. Адербейджанцы (Др.: около 2000000)		1500000
	2. Османцы	1. *Ширакские	140000
		2. *Басенские	
		3. *Месхийские	
		4. *Аджарские	
b. Северно-кавказские турки	1. Этн. яфетиз.	1. Балкары ‖ таули (горцы)	25000
		2. Карачаевцы	30000
		3. Кумыки	112000
	2. Недавние и кратковременные вселенцы	1. Ногайцы	58000
		2. (Башкиры)	1000
		3. (Чуваши)	400
		4. (Сарты)	150
		5. (Киргиз-кайсаки)	80
c. Разноместные турки	1. Карапапахи		39000
	2. Туркмены		15000
VI. Монголы			
1. Калмыки			14000
2. *Кайтаки (отуречены)			
VII. Финны	1. Эсты		3000
	2. Мордовцы		4500
	3. (Черемисы)		130
VIII. Цыгане, в числе их бошá (армянские цыгане)			2500

II. Племенной состав населения Кавказа по национальностям или по историческо-культурному самоопределению

Классификация племенного состава коренного населения Кавказа производится по самоопределяющимся национальностям, по принадлежности к определенному историческо-культурному типу, национально или религиозно давно самоопределившемуся (A), или ныне самоопределяющемуся (B), а равно по ориентации на тот или другой (A_1, B_1) историческо-культурный общественный тип.

А. Самоопредилившиеся национально-культурные коллективы		
I. Армянская (армено-хайская) национальность		
а. Этнически	Яфетидо-ариоевропейцы (см. I: II, A_1)	
б. По религии		
α) *христиане*	1. Армяно-грегоряне (масса)	1000000
	2. Католики	
	3. Лютеране	
	4. Греко-православные	
β) *езидии*	см. курды-езидии (стр. 543)	
γ) *мусульмане*	см. хемшины (стр. 542)	
в. С языками		
α) *письменным*	a) церковно-армянским (древнелитературным, мертвым), общим для всех армян — могут знать учившиеся специально церковному языку или с цензом семинарии	
	b) современным литературным армянским языком образованного класса, общим для всех армян-кавказцев — знают грамотные с цензом ниже церковно-приходских школ	
β) *народным*	a) армянским наречием или говором, говорящие как на родном, только на одном из армянских говоров или наречий — 1. Казахцы 2. Араратцы 3. Ширакцы 4. Сомхитцы	
β) *народным*	b) сверх армянского наречия или говора, с одним или двумя из языков бытового общения, как-то — 1. турецким адербейджанским: карабахцы 2. турецким османским: 1. Басенские 2. Кларджийские 3. Таоские (испирские) 4. Абхазские 3. Черкесским: севернокавказские (западные) 4. Грузинским и турецким: месхийские 5. Татским: мадрасинские	
	c) одним грузинским — 1. Грузинские (имерские, карталинские, кахские) 2. Севернокавказские (восточные), см. A_1	

II. Грузинская ‖ картвельская (иверо-картская > имеро-картская) национальность		
а. Этнически яфетиды различных типов	1. Картвелы (см. I: A_1, 1)	1413300
	2. Мегрелы (см. I: I. A_2, 1)	
	3. Сваны (см. I: I. B_2, a, b)	
	4. Цова-туши (бацбии) (см. I: I. B_1, 2)	
б. По религии		
α) *христиане*	православные (масса)	
	католики	
β) *мусульмане*	см. грузины-мусульмане (стр. 541)	
в. С языками		
α) *письменным*	а) церковно-грузинским (древнелитературным, мертвым), общим для всех народов картвельского национального типа — картвелов, мегрелов, сванов и цова-тушин — знают грамотные в церковно-грузинском	
	b) современным литературным грузинским языком образованного класса, общим для тех же народов — знают грамотные в грузинском	
β) *народным*	1. Только с грузинским языком одни картвелы	
	2. Рядом с международно-обиходным грузинским и родным 1. Мегрельским — мегрелы 2. Сванским — сваны-цхенискальские (слабо) 3. Цова-тушинским — цова-туши	
	3. Только с родным сванским — сваны ингурские (масса)	
В. Самоопределившиеся религиозно-культурные коллективы		
I. Горский яфетический (лезгино-чечено-черкесский) коллектив с примыкающими к нему горскими народами в процессе самоопределения (см. A^1, B^1)		
а. Этнически	а) северно-кавказские яфетиды 1. Лезгины (см. I: I, C, 1) 2. Чечены (нахчии с ингушами) (см. I: I, C, 2) 3. Адигеи (черкесы, кабардинцы) (см. I: I, C, 3)	
б. По религии	мусульмане-сунниты	
в. С языками		
α) *письменными*	а) священным арабским (древнелитературным арабским, мертвым): 1) как религиозным, общим для всех народов, входящих в состав коллектива, 2) как гражданско-литературным, общим для народов Дагестана	
	b) лезгинским как национально-литературным: 1) аварским — пользуются грамотные авары, андо-дидои и другие соседящие лезгины, 2) кази-кумукским (лакским) для кази-кумуков — пользуются грамотные кази-кумуки	

I. Горский яфетический (лезгино-чечено-черкесский) коллектив с примыкающими к нему горскими народами в процессе самоопределения (см. A^1, B^1)		
β) *народными:* β[1]) *между-народно-обиходными*	a) в Дагестане: 1) аварским — пользуются все авары, все андо-дидои и другие сосе-дящие лезгины, 2) кази-кумукским	
	b) в Чечне положение дела не доследовано	
	c) в Кабарде положение дела не доследовано	
β) *родным бытовым*	a) в количестве 30 — по числу языков 26 народов, перечисленных в I, C, 1, a—c, и еще нескольких сел, представляющих каждое в от-дельности по языку особый народ, так — 1. Чух (с особым языком, родственным ближайше с аварским) 2. Хинух (с особым языком, занимающим место между аварским и дидойским)	
	b) в Чечне — чеченским и ингушским	
	c) в Кабарде — адигейским с его наречиями	
II. Турецкий или адербейджано-османский мусульманский коллектив с примыкающими к нему мусульманами		
a. Этнически		
1. Турки	1. Адербейджанцы (см. I: V, a, 1)	
	2. Османцы (см. I: V, a, 2)	
2. Яфетидо-ариоевропейцы	Армяне, см. хемшины (стр. 542)	
3. Яфетиды	1. Чаны, см. чаны (стр. 541)	
	2. Грузины: a) западные месхийские и приморские, см. аджарцы (стр. 541), b) восточные лезгинские, см. ингилои (стр. 541)	
б. По религии мусульмане	1. Шииты (адербейджанцы)	
	2. Сунниты (османцы, армяне, яфетиды)	
в. С языками		
α) *письменными*	1. Священным арабским (мертвым)	
	2. Современным литературным османским	
	3. Современным литературным грузинским (у грузин-мусульман)	
β) *народными*	1. Адербейджанским	
	2. Османским	
	3. И армянским (у хемшинов двуязычных)	
	4. И грузинским (у грузин-мусульман двуязычных)	

A_1. Национально самоопределяющиеся народы		
I. Абхазская национальность		
а. Этнически	средне-кавказские яфетиды приморской группы понтийской (см. I: I, B_3)	70000
б. По религии	1. В быту язычники с собственной народной яфетической религиею — культом кузницы и светил	
	2. Исторически наносно, особенно в высших сословиях: α) христиане, β) мусульмане	
в. С языками		
α) *письменными*	a) церковным — [в древности 1. Сначала греческим, 2. Затем церковно-грузинским (древнелитературным), 3. С конца XIX века церковно-славянским, 4. Ныне] абхазским у абхазов-христиан	
	b) священным арабским (мертвым) у абхазов-мусульман	
	c) литературным языком народных школ абхазским, общим для всех	
β) *народным*	абхазским в трех главных наречиях: 1. Самурзаканским 2. Абжуйским 3. Бзыбским	
г. Культурная ориентация исторически сначала на Запад — византийский (Константинополь), затем на Юг и Восток — грузинский (Артанудж, Тифлис, Кутаис), впоследствии вместе с северными сородичами черкесами опять на Запад — мусульманский турецкий (Стамбул), ныне наиболее сильна внутренняя ориентация по своей самобытности и в связи с нею тяготение к северным сородичам черкесам, с которыми абхазы вошли в объединение горского яфетического коллектива, с центром во Владикавказе. У них же взаимное тяготение с убыхами-эмигрантами, а равно племенные данные для такой более тесной связи с абазинцами.		
II. Осетины (осы, они же ирон, то есть иры)		
а. Этнически	ариоевропейцы иранской группы (метисованные яфетиды, с примесью яфетидизмов различных групп)	
б. По религии	1. Народ с бытовыми религиозными представлениями, пережитками язычества яфетического	
	2. Мусульмане-сунниты	
	3. Христиане	
в. С языками		
α) *письменными*	a) для мусульман — священным арабским (мертвым)	
	b) для христиан — церковным [раньше на юге у туалов лишь церковно-грузинским, на севере у дигоров и иров — церковно-славянским, ныне и] осетинским	
	c) школьным, отчасти литературным для всех — осетинским	
β) *народным*	a) родным осетинским	
	b) на юге (в Горийском уезде) и грузинским	
г. Культурная ориентация в общем русская, с процессом национального самоопределения (у туалов грузинизация)		

B_1. Религиозно самоопределяющиеся народности		
I. Удины		
а. Этнически	восточные яфетиды, кюринской группы восточно-бассейного — каспийского ответвления (лезгинского), отпрыск северно-кавказских яфетидов (см. I: I, C, 1, 10)	
б. По религии	христиане: 1. Армяне-грегоряне 2. Православные	
в. С языками		
α) *письменными*	a) церковно-армянским у удин-грегорян	
	b) церковно-славянским или церковно-грузинским у удин-православных	
	c) армянским литературным	
β) *народными*	a) родным бытовым удинским	
	b) обиходным и в общении с соседями армянским и адербейджанским	
г. Культурная ориентация вероисповедно по армянам, отчасти за последнее время по любому греко-православному народу, этнически по лезгинам, по языку разно — соответственно бытовому знанию двух, а иногда и трех языков наравне с родным.		
III. Грузины-мусульмане, сунниты		
а. Этнически	Аджарцы — огрузинившиеся мегрелы из южнокавказских яфетидов понтийской группы и самцхийцы — огрузинившиеся месхи в замершем процессе отуречения, ингилои — метисованные лезгины	
б. С языками		
α) *письменными*	священным арабским, литературным османским (у аджарцев и самцхийцев) и грузинским	
β) *обиходными*	грузинским и османским у аджарцев (также у месхийцев, или иногда и армянским?), грузинским, адербейджанским и ? (у ингилоев)	
а) Аджарцы и вообще самцхийские, будучи двуязычными, в 1) атмосфере государства с религиозной культурной основой, каким является Турция, самоопределяются религиозно, то есть по Турции, 2) в мировом государстве с равноправием вероисповеданий, самоопределение может быть по родному языку, то есть по братьям-грузинам, 3) в этнически-национальном на христианской культурной основе государстве тяга самоопределения будет по мусульманскому миру, то есть по Турции, см. Адербейджано-османский коллектив B. II.		
b) об ингилоях пока известно мнение грузин, но не их самих		
III. Чаны (лазы)		
а. Этнически	из южно-кавказских яфетидов западные приморской группы (см. I: I, A_2, 2)	
б. По религии	мусульмане-сунниты	
в. С языками		
α) *письменными*	a) священным арабским (мертвым)	
	b) литературным османским	

III. Чаны (лазы)		
β) *народными*	a) родным чанским или лазским в двух наречиях, западном, с двумя говорами (вице-архавским и атинским), и восточном, с говорами не менее двух (хопским, чхальским)	
	b) бытовым и международно-обиходным османским	
г. Культурная ориентация исторически сначала то на Запад (Византия, Трапезунд), то на Восток (Персия, Грузия, Месхия), опять на запад (Стамбул) до последнего дня по вере; ориентациях хозяйственно-экономической жизни по северному побережью Черного моря. Ориентация по Грузии в зависимости от языка может найти опору лишь в знании грузинского языка у немногочисленного бегского сословия и в ближайшем сродстве родного чанского языка с мегрельским, но чаны (лазы) к родному языку пока не проявляют особой любви, ни даже бытовой привязанности и интереса: им совершенно чуждо национальное самосознание, отличающее кавказские народы, жившие в пределах Российского государства и особенно прошедшие школу русской культуры, см. Адербейджано-османский коллектив (B. II, 3, 1).		
IV. Хемшины		
а. Этнически	армяне (см. стр. 526)	
б. По религии	мусульмане-сунниты	
в. С языками		
α) *письменными*	a) священным арабским (мертвым)	
	b) литературным османским	
β) *народными*	a) родным армянским (вымирающим)	
	b) обиходным османским	
г. Культурная ориентация по вере, то есть по Турции, вне влияния кавказского турецкого, именно адербейджано-османского коллектива.		
V. Курдские народности		
1. Курды мусульмане		
а. Этнически	по языку ариоевропейцы иранской группы (помесь с местными яфетическими племенами) (см. I: II, A_2)	
б. По религии	мусульмане-сунниты	
в. С языками		
α) *письменными*	a) священным арабским (мертвым)	
	b) литературным османским	
β) *народными*	a) родным курдским	
	b) обиходным османским или адербейджанским	
г. Религиозная ориентация у курдов-мусульман (суннитов) по мусульманским народам.		
2. Курды-езидии (yezıdı)		
а. Этнически	по языку ариоевропейцы иранской группы (помесь с местными яфетическими племенами) (см. I: II, A_2)	
б. По религии	езидии	

2. Курды-езидии (yezıdı)		
в. С языками		
α) *письменными*	a) священным — тайным	
	b) литературного не имеется	
β) *народными*	a) родным — курдским	
	b) обиходным — международным армянским	
г. У курдов-езидиев самостоятельная, племенная тяга по иранцам-персам и еще более по яфетидо-ариоевропейцам — армянам.		
С. Колониальные ответвления различных национальностей		
C_1. Религиозно-этнические общины невольных переселенцев		
I. Евреи, по терминологии кавказцев всегда — иудеи		
а. Этнически	семиты	
б. По религии	Моисеева закона	
в. С языками		
α) *письменными*	a) священным библейским еврейским	
	b) литературным восточным: 1) ново-еврейским (у пришлых из Европы), 2) грузинским (у грузинских евреев)	
β) *народными*	a) родным: ?	
	b) обиходным: 1) новосирийским: еврейско-айсорским (адербейджанские, не более сотни душ) 2) татским 3) одним из северно-кавказских горских 4) грузинским 5) адербейджанским 6) с тем или иным привнесенным европейским (у пришлых из Европы евреев)	
II. Сирийцы (айсоры)		
а. Этнически	семиты арамейского племени	
б. По религии	христиане: 1. Несториане 2. Яковиты 3. Православные	
в. С языками		
α) *письменными*	a) церковным: 1. Древнелитературным сирийским (мертвым), 2. Церковно-славянским у православных	
	b) литературным новосирийским у всех	
β) *народными*	a) родным — новосирийским	
	b) обиходным — одновременно, смотря по соседству, армянским, адербейджанским, курдским, персидским, иногда несколькими из названных или всеми ими	

II. Сирийцы (айсоры)	
г. Национально-религиозная ориентация (массы) по несторианской церкви, с каталикосом всех несториан в Курдистане.	
III. Русские сектанты	
а) духоборы	
б) молокане	
в) субботники	
г) скопцы	
Многие из них, особенно духоборы и молокане, рядом с русским владеют местными языками, духоборы — грузинским, молокане — армянским, как родным. Подробности требуют доследования.	
C_2. Национально-экономические группы	
I. Греки	Торговцы
	Земледельцы
	Плантаторы (табаководы) в Абхазии
	Рудокопы
II. Великороссы	
III. Малороссы	
IV. Немцы	
V. Молдоване, румыны	
VI. Литовцы	
VII. Латыши	
VIII. Эсты	
IX. Армяне-плантаторы (табаководы) в Абхазии	
C_3. Мордовцы	

Сокращения и условные знаки

(К стр. 531–536).

Цифры количества населения лишь примерные, во всяком случае нами не проверенные.

Звездочками отмечены этнические названия, в качестве географических используемые одновременно в применении к племенам различных групп, даже различной расы.

В прямые скобки поставлены названия тех племен, которые попадают ныне в ту или иную территориальную группу в силу языкового перерождения.

D = Dirr, Sprachcarte der Gebiete am Mittellauf des andischen Dagestan,

Др = Дирр, *Антропологический и этнографический состав Кавказских народов.*

Примечания

1. Тушины (этнографический очерк). Этнографическое обозрение, 1889, III, стр. 42. Назвав четыре общины тушин «цовцев», «чагмалинцев», «порикительцев» [читай: «пирикительцев»] и «гомецрельцев», А. Хаханов последние три, говорящие на грузинском языке, признал «народом бесспорно картвельского племени» (ц. с., стр. 41).

2. *Sprachenkarte der Gebiete am Mittellauf des andischen Koissu, Daghestan* (Dr. Petermanns Georg. Mitteilungen 1907, Heft, X), стр. 2—3.

3. См. ниже, стр. 528 сл.

4. С точки зрения политических интересов или взглядов момента, государственные деятели могут с искренним убеждением утверждать в своих речах, что «национальность составляет *бессмертное начало* человеческого духа». Но и им, тем более особенно выдающимся из них и более ответственным, не мешало бы знать, что национальность не *начало* ни в коем смысле и не конечная цель, а этап, переходная ступень развития человечества.

5. См. стр. 28.

6. И арм. хыреа-й (=hɵrca < hurea) и г. уриа (< huria) представляют собой фонетически видоизмененную разновидность этого именно термина в сирийской форме — ʿyaʾhūdayā.

7. Общественная жизнь Передней Азии начинает оправдывать наши на год запоздавшие появлением в свет соображения о самоопределяющихся пережиточно-культурно на Кавказе сирийцах, пытаясь создать для них соответственный центр, к которому они, естественно, способны получить наибольшее тяготение вслед за урмийскими сородичами; об этом намеченном центре осведомляет телеграмма от 19 марта из Парижа: «В Париж прибудет в ближайшее время ассиро-халдейская делегация, которая требует создания христианского государства в Верхней Месопотамии; главными городами нового государства будут Моссул и Урфа» (Северная Коммуна, 1919, № 63, стр. 3, ст. 4).

8. К тому же по существу свелось бы и мнение **И.И. Пантюхова** (*Антропологические наблюдения на Кавказе*, Тифлис, 1843, стр. 39), если бы из его формулировки изъять или, вернее, воспринять в современном кавказоведном лингвистическом направлении усвоенный от Услара термин «халдейский» в приложении к антропологическому типу «отличному от семитического, но обнимающему ныне лезгинские племена, современных армян и часть современных грузин». Правда, именно остальную часть коренного населения Кавказа **И.И. Пантюхов** сближал с семитическим типом, но он же ослаблял независимое значение этого своего антропологического определения, выдвигая вперед, как бы в его подтверждение, поддержку им «полной вероятности» и «сообщаемого Геродотом, Диодором Сицилийским и другими древними историками сведения» об египетском происхождении первоначальных поселенцев на восточных берегах Черного моря. **А.Н. Джавахов** в отношении евреев кавказских не находит данных для дифференциации, считает их соединенными в один антропологический тип (*Кавказские евреи* (по поводу статьи **С.А. Вайсенберга**), стр. 65, 75), но у него наблюдаем отклонение от антропологического изыскания в сторону опять-таки несвоевременного обращения к «историческим» свидетельствам (стр. 74), даже к историческому фактору, так, например, накладывание на чашу весов антрополога «важного исторического значения, которое имела Грузия для евреев с незапамятных времен» (стр. 73—74). Между тем, даже в части хорошо памятных времен **А.Н. Джавахов** неточно использует этнический термин «грузины» (см. у нас стр. 34, прим.), когда же дело касается незапамятных времен, сами грузины находятся под вопросом.

9. **А.Я. Гаркави.** *Сказание еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве* (стр. 279): «Разговаривают они на святом (еврейском), персидском и кедарском языках».

10. **В.Ф. Миллер**, Очерк фонетики еврейско-татского наречия, Тр. по Востоков., III, Москва 1900, стр. V, а также VI.

11. «Тесное сближение» обитателей Мегрелии, Гурии и Имерии, то есть западной залихской части населения, вскрывается ныне и антропологическими наблюдениями, но автор этих наблюдений **А.Н. Джавахов**, к сожалению, пользуется неточно видовым этническим термином «грузин» в качестве родового и называет грузинами даже обитателей Мегрелии (см. К антропологии Грузии. Грузины Мингрелии, Москва 1813, Русский антропологический журнал № 1—2, стр. 161).

12. В моих руках находится переданный мне автором доклад Султана Довлет-Гирея в Обществе любителей изучения Кубанской области от 16 ноября 1911 года, озаглавленный «Черкеские переселенцы в Турции». На экземпляре пометка: «перевод с французского». Статистические сведения доклада о переселенцах с Кавказа в Турцию в части цифровых данных настолько маловероятны, прямо-таки фантастичны, что считаю лишним делиться ими здесь. Достаточно сказать, что не только про черкесов-переселенцев поплеменно получаем такие сведения, как — «шапсугов, натходжа-натухайцев 69876 дворов, 349380 душ, абадзехов 68987 дворов, 344935 душ, кабардинцев 66987 дворов, 334935 душ» и т.п., но и из одной Гурии, где население достигает всего 75000 жителей, переселенцев в Турции оказывается в числе «119360 гурийцев при 23879 дворах». Автор указывает, что его цифровые данные добыты им в Константинополе в «Мухаджир-Комисиони, и они дают картину переселения с 1816 по 1910 год». Во всяком случае, прежде чем обнародовать эти данные из турецкого официального источника, надо основательно их проверить.

13. См. ниже, примечание.

14. По работе адербейджанца Мухаммед-Эмин Расуль-Задэ *Иранские турки*, напечатанной по-османски в стамбульском журнале «Турк-юрду» за 1912 г.; сведения беру я из специально для нашего отдела составленной записки. По мнению ее автора, **А.Н. Самойловича**, указанное исчисление «не является преувеличенным, а скорее преуменьшает действительную цифру. По **Вамбери** персидских (иранских) турок всего 2 миллиона (Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, 1885) и то же число повторяет **Аристов** (Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, 1896). У нас возникает в реальности таких исчислений, в которых разница при трех миллионах определяется в миллион. Быть может, и данные **Расуль-Задэ** добыты из турецкого официального источника такой же надежности, как использованный Султаном Довлет-Гиреем.

15. Цитованная записка **А.Н. Самойловича**.

Текст печатается по изданию:

Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (рабочий проспект). — Петроград: Российская государственная академическая типография, 1920.

Н.Я. Марр
К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории

Еще на первых порах разработки палеонтологии речи, когда вопрос о стадиальном ее развитии был в зачаточном состоянии, языковедные перспективы вглубь исторических судеб Кавказа привели к постановке вопроса о единстве исторического процесса на Кавказе. История Албании (Кавказской Албании), история Армении, история Грузии — это не национальная лишь история каждой из названных стран, а история всего Кавказа. И в то же время невозможно понять историю Кавказа в рамках отдельных национально-исторических построений (теперь не исключая и турецкого Азербайджана), нельзя без учета общего исторического процесса развертывать национальную историю каждого народа. Иначе не избежать в корне обесценивающих реальность искажений. Однако мы теперь знаем в результате более углубленного палеонтологического изучения звуковой речи, что единый исторический процесс Кавказа не означает вовсе, и с точки зрения языка, его отрыва от мировой истории, он увязан тысячами нитей со всеми странами. Эта увязка интернациональна. Мы имеем в виду не империалистические путы, а внутренние общественные факторы исторических ценностей, в том числе и язык.

В наши дни, когда все науки продвигаются к массам, вовлекаемым в социалистическое строительство для укрепления нового хозяйственного уклада, когда организация самого исследовательского дела по мало-мальски жизненным отраслям знания приближается к производству, история и языкознание попадают в беспризорные. Точно они висят в воздухе, точно их некуда прислонить, точно в нашем новом хозяйственно-общественном строительстве нет ни одного рентабельного производства, с которым можно было бы их органически увязать, если исключить такую совершенно отвлеченную, какую-то расплывчатую, в смысле материальной своей природы и материальной значимости, надстроечную ценность, как культура. Что с понятием «культура» да «культурный» без конкретного уточнения в отношении представления о ней неблагополучно, что к ней, как к стремившейся к самодовлеющему бытию, не без основания наросло недоверие, достаточно оглянуться на нашу фразеологию, — в смысле просвещения мы продолжаем использовать термин «культура», «культурный», но словно как контрабандную материю с тем или иным рекомендательным словечком или с тем или иным декоративным приложением, как, например, хозяйственно-культурное строительство, материальная культура, русская культура и т.п. Унаследованная от старины культура, естественно, капиталистическая культура, так дискредитирована, что впору культуру самую по себе трактовать так, точно это социально опасный элемент населения, точно это то, чем являются кулаки. Естественно, история и языкознание, органически не увязанные с актуальной жизнью, остаются без прочного, жизнью живущего пристанища.

Между тем труднее себе представить эпоху, которую можно было бы сравнить с протекающим на наших глазах временем по актуальности, какую представляют для жизни и язык, и история, а в связи с этим всякого рода именно увязанные с жизнью исторические и языковедные штудии. О громадных потребностях в специалистах по изучению языка говорить не приходится. Достаточно указать, какое количество языков впервые попали и продолжают попадать в орбиту серьезного и несерьезного научного исследования. Достаточно учесть, в каких, ко всякой культуре глухих, первобытных углах нашей необъятной обширной советской страны осознается небывалая потребность самостоятельного изучении своей родной речи, хотя бы, и чаще именно, бесписьменной, и с каким бесспорным неподдельным интересом и увлечением нет-нет, а все-таки открывает новый внутрирубежный вид неслыханного раньше нигде языка — кто? Специалист с классическим образованием, выдвигающийся из среды даже самых ярых и доселе сторонников обоснования науки о звуковой речи на мертвых письменных языках. И в то же время, какая возмутительная легенда, когда говорят кругом (не говорю о заграницe) в наиболее, казалось бы, компетентных кругах, точно о падении нравов гибнущего человечества, о падении интереса у нас и к письменным, даже мертвым языкам. Во-первых, это явная неправда — говорить о действительном процветании классического образования у нас в дореволюционное время. Это было в лучшем случае достояние кучки редких энтузиастов и любителей. Во-вторых, интерес и к классическим языкам, и к языкам Запада и Востока,

мертвым и даже мертвейшим, ныне наблюдается и в массах молодежи более значительный, но в постановке их изучения нет ни крупицы ориентировки по хотя бы культурным интересам новых кадров учащихся и по их свежему мировоззрению. Нет в их изучении действительной увязки с конкретным миром. А это что значит научно? Это значит, что нет метода. Наука, не увязанная с жизнью в XX столетии, — это или лицемерное утверждение, или пережиток средневековья с монастырями. Наука, не увязывающаяся с экономикой и общественностью в социалистически строящейся стране, — это наука без путей, наука без метода. Мы не говорим сейчас о том, кто виноват в беспризорности соответственных языковедных дисциплин, когда все объективные данные в стране клонят к росту массовой потребности в языках как потребности мышления самих масс, так и потребности сознательности не единиц, а масс, да еще разноязычных масс. Язык вообще как международная ценность, а все языки нашего Союза в частности и в особой степени как проводники международных, а иногда только своих культурных завоеваний в массы, во все массы, теперь именно и приходится, выражаясь идеалистически, лелеять как зеницу ока.

Дело, однако, не в слащавых словах по адресу предмета нашего научного интереса, а в материально наличном факте громадной важности, в том, что у нас по всей стране налицо огромное производство языков (не перепроизводство, как хотел бы внушить кой-кто, а именно производство языков, культурных языков), при котором, или точнее в органической увязке с которым, и мыслимо существование, самый raison d'être языковедной науки, и в то же время в этой именно увязке с изумительным по исторической значимости производством, как редчайшей исследовательской лабораторией, залог ее процветания, прежде всего жизненный стимул к самокритике и пересмотру, к сдвигу с мертвой точки там, где наука о языке, процветавшая в блестящей изоляции, старая наука о языке, часто, увы, источник исторических построений, основательно села на мель и упорно желает сидеть. Историческая наука по общему построению также переживает трудную ситуацию, но она не думала и не хотела бы сидеть на мели, она и в прошлом разрабатывалась не без учета материального мира, с невольным учетом общественного окружения и не раз поставленной задачей о происхождении, не выходя, однако, из круга миграций и влияний, заимствований как основных факторов в постановке генетических проблем. Однако в прошлом историческая наука также не располагала той исключительного значения, бесспорно мирового значения, лабораторией по кругу знаний своей компетенции, как сейчас у нас, когда революционно строится новое социалистическое хозяйство, новая социалистическая общественность, новый социалистический быт, когда идет работа по смене общего уклада жизни — и хозяйственного, и социального, и — в межнациональном направлении не за рубежом, а в пределах самого Союза.

И еще вопрос, что должно предшествовать как этап развития человечества — мировая революция или ... или раньше, вопреки всем напастям враждебных окружений, углубленное органическое укрепление уже происшедшей революции, революции, произведенной одним классом, но не одного народа, а объединения множества народов, когда особенно это укрепление уже происходит, уже факт в пути, и в этом исторически творческом походе дошло до постановки конкретного вопроса о культурной революции как ударной задаче, увязанной с новым хозяйственным строительством. Это ведь и есть то производство новых исторических ценностей, притом общечеловеческого потребления, о котором, или точнее в увязке с которым, и мыслится как настоящее оживление, так дальнейшие судьбы исторических дисциплин в путях нового марксистского учения. И развитие это мыслится все более и более в сторону углубления генетических вопросов, в сторону изучения исторического процесса или самих процессов возникновения исторических ценностей, из которых, конечно, нельзя выкинуть и звуковой речи. Но разве мыслимо, чтобы работа в непосредственной увязке с этим производством исторических ценностей мирового значения, с этой бесподобно богато обставленной лабораторией исторических наук не потребовала и уже не требовала поправок или уточнений теоретических построений или материальных обоснований? Мы не будем спорить о словах, произойдет ли у тех историков, которые более чем близко стоят к современной жизни, стоят часто в рядах ее творцов, историков-марксистов, пересмотр исторических построений или уточнение исторических положений вообще. Но в отношении положений, которые предполагаются достаточно обоснованными на языковедных данных, предстоит пересмотр, думаю, предстоит тот пересмотр, который сигнализируется новым учением о языке, так называемой яфетической теорией.

В материальной части обоснований своих положений на языке историк-марксист, естественно находился во власти индоевропеистики. Ни время, ни место не благоприятствуют тому,

чтобы останавливаться на вопросе о действительных исторических заслугах и индоевропейской лингвистике и даже на том, чем вообще историческая наука обязана, а в проработке немарксистов, увы, чересчур обязана этому, казалось бы, учению о самом языке, на деле же подмене науки об языке филологиею. В то же время никто не оспаривает, что в индоевропейской лингвистической литературе можно собрать золотые россыпи прекрасных мыслей, особенно великолепно высказанных отвлеченных положений по общему учению о языке. Это наблюдается на всех, впрочем, не особенно многих, этапах развития индоевропейской лингвистики не только у ее работников-диссидентов, бессознательно, как бы стихийно проявлявших яфетидологический уклон, но и у самых строгих представителей ортодоксальной школы старого учения о языке. У таких же исключительно крупных диссидентов индоевропейской лингвистики, как не так давно скончавшийся Hugo Schuchardt, находятся высказывания по общему учению об языке, казалось бы, до тожества совпадающие с некоторыми положениями яфетидологии. Но нас интересует не то, что говорят, или вернее, кажется, что говорят хотя бы диссиденты-индоевропеисты, а то, что они делают, что претерпевают от их конкретной исследовательской работы языковедные факты, сами материалы. Если бытием определяется мышление, то производством определяется идеология.

В этом смысле далеко не благополучно и с Нуаре. Здесь, правда, не одно словесное совпадение. В Нуаре мы действительно встречаем единомышленника, но когда дело доходит до применения наших общих с ним положений к конкретному языковому материалу и до выводов, то... Нуаре оказывается фактически также во власти индоевропеистики[1].Нам же, современным лингвистам, — хотел бы сказать советским лингвистам — общие положения важны не как отвлеченность, а как органически вытекающие из фактов в их изменчивых социальных взаимоотношениях не только в пространстве, но и во времени, ибо всякие языковые явления — прежде всего историческая ценность, то есть продукт исторического процесса. Интерес наш к фактам не завершается с установлением статики, факт-видимость для нас становится фактом-реальностью лишь по уяснении динамической его роли в историческом процессе развития речи. И малейшая искаженная трактовка самих языковедных материалов, так называемых фактов, грозит катастрофой не только учению об языке, но анализу всего исторического процесса, где язык является лишь одним из тех привходящих элементов, без учета которых анализ исторического процесса, следовательно, сооружение исторических построений всегда открыто и беззащитно перед всякими опасностями, а для некоторых эпох вовсе исключается, ибо язык не только просто один из элементов исторического процесса, но он — единственный по показательности своей сигнализации, совершенно независимо от письменности, часто к тому же вовсе отсутствующей.

Ведь беда в том, что опасения, о которых говорится, имеют в виду не только будущие изыскания, они относятся и к прошлым достижениям. Эти достижения, казалось бы, лучшие, не только мнимы, но именно катастрофичны, научно катастрофичны.

Казалось бы, что лучше изучено, чем классическая история греков и римлян?

И посмотрите, какая пропасть между двумя народами, которых нас, на подмогу классикам, индоевропеисты учили рассматривать как братские народы, происшедшие от общих предков, с одним общим тогда языком. Боюсь, что добрая часть слушателей, конечно не по своей вине, и по сей день пребывает в этом научно-систематизированном заблуждении, не под чарами знахарских наваждений, поскольку человечество как будто давно вышло из-под власти магии, а от обаяния для большинства общественно-пленительных построений. Есть ли хоть один из круга серьезных ученых, который, обратив внимание на факты, стоящие в вопиющем противоречии с навязываемым сближением греков и римлян, серьезно учел их и сделал соответственные выводы? Кто из них, зная оба языка, греческий и латинский, и будучи историком древнего классического мира, греков и римлян, ставил себе вопросы, почему ‘народ’ у греков ἔδνος[2], у римлян populous[3], ‘рука’ у греков χείρ[4], у римлян manus, ‘вода’, у греков ὕδωρ, у римлян aqua, ‘море’ у греков θάλασσα[5] у римлян mare, даже, ‘огонь’, у греков πῦρ, у римлян ignis, ‘хлеб’, у греков ἄρτος, или σῖτος[6], у римлян panis, ‘дом’, у греков οἶκος, у римлян domus[7], ‘человек’ и ‘муж’, у греков ἄνυροπος и ἀνήρ, у римлян homo и vir[8], или mas, ‘женщина’, у греков γυνή, у римлян femina, ‘брат’ и ‘сестра’, у греков ἀδελψός — брат, ἀδελφή[9] — сестра, у римлян frater и soror[10], ‘гора’, у греков ὄρος, у римлян mons[11], ‘небо’, у греков οὐρανός[12], у римлян coelum, ‘бог моря’, ‘бог вод’, у греков Posseydōn[13], у римлян Neptun[14] и так далее.

Таких примеров можно привести сотни, в них расхождение не только в звучании, в материальной части слов, но и в технике, идеологии построения, системе, то есть в том, чем у индоевропеистов определяется принадлежность к особой «семье».

Когда дело касается искусства, в частности зодчества, то так или иначе историки материальной культуры, художественных в ней достижений, хорошо замечают кричащее расхождение римлян с эллинами и даже стараются доискаться причин своеобразия римского искусства, в том числе и архитектуры. Здесь никому в голову не приходит отрицать, что эллинское искусство есть детище самих эллинов, как римская архитектура есть создание римской жизни, а не самородок, раскрывающийся, как цветок, во всей своей прелести из почки прародительницы. Но в отношении языка обращение меняется коренным образом. Даже зная прекрасно о фактах, в лучшем случае идут на разъяснение судеб отдельных терминов, не избегая порой увязать их формально, но созвучию, и с речью предшествовавших насельников римской земли; так про Neptun'а кое-кто не откажется вспомнить, что еще до римлян этруски его называли словом neϑunsl[15], но ведь это не история даже самого слова, а анекдот. Впрочем, лингвисту-индоевропеисту и до этого «анекдота» нет никакого дела, он до сего часа думает, что индоевропейский лингвистический мир счастливо изолирован от прочих «семей», и, соответственно построив сочиненную фонетическую историю на одном индоевропейском материале, с увязкой латинского с иранским и санскритом, спокойно бросает на этом свои изыскания.

Естественно, что раз нет никаких стимулов к дальнейшему исследованию, да самим наличным у исследователя методом — формальным, ни с каким жизненным явлением не увязанным, отрезаны все пути плодотворного искания, то не может же, разве мистическим наитием, возникнуть в голове у ученого мужа, как бы он ни был мудр, что Neptun действительно объединяет римлян не с греками, да и не с этрусками полностью, а с современным «родоначальником» римлян, потубережным населением Средиземноморья, переживающим своей речью ныне в языке северо-африканских обитателей берберов. Но для этого надо знать, что расхождение римлян в трактуемых терминах не только с греками, казалось бы коренное, но и с предшествовавшими им этрусками, есть не продукт формальных звуковых изменений, а продукт различия социального строя у римлян с этрусками, более того, различия социального, или, как обычно принято выражаться, «племенного» состава у римлян с греками. Кстати, я вспомнил сейчас про КИПС Всесоюзной академии наук, то есть про Комиссию племенного состава населения СССР, где имею честь заведовать кавказским отделом, и ставлю вопрос: не лучше ли было бы переименовать эту комиссию в КИСС, то есть в «Комиссию по изучению социального состава населения СССР».

В греческом термине «Поссейдон»[16], яснее в более древнем его виде Posseydāōn или Poteydāōn исключительно сложное проявление скрещения, то есть в слове имеем отложение наивысшего напряжения исторического процесса, пережитого соответственными социальными группировками, даже племенами, народами на пути к образованию чрезвычайно сложной по составу греческой нации, обязанной своим возникновением, как неизбежным результатом социально-экономических условий, хозяйственно-политическому схождению уже не первобытных племен, да не просто племен, а целых, также в путях скрещения возникших, исторических народов. Термин Posseydāōn, греками донесенный до нас в значении 'бога моря', первично же одновременно означавший 'море', 'воду', 'реку' и т.п., представляет соединение двух уже готовых скрещенных слов posey, первично — *po-ser, или *po-ter, 'вода', и dā ōn та же 'вода', не говоря о том, что входящие в их состав первичные слова, так называемые элементы, po, ser → ter, dā из dal, resp. darn и ōn, resp. don, также означали 'воду'[17], разумеется, в соответственно конструированной народности более простой по составу формации. Каждое из этих слов документируется в пользу предлагаемого сейчас разъяснения конкретными словами, наличными как реликты в живой речи и часто также в мертвых письменных языках, равно пережившими в топонимике, прежде всего в названиях рек по всей Афревразии.

Обычное греческое нарицательное имя ὑ-δωρ 'вода', имя, состоящее из двух элементов, как разновидность лат. su-dor 'пот', первично лишь 'вода' имеет в самом греческом формальную разновидность, по составу того же социального строя hu-dar || hu-dal в прилаг. ὕδαρ-ής, равно ὑ-δαρ-ος и даже ὑ-δαλ+έ-ος, одинаково означающих 'водянистый', да в отрицательном ἄν-ὕδρ-ος, 'безводный', и в ряде других производных, как, например, в греческом же ὕδρια, 'ведро', 'кувшин', собственно 'сосуд для воды' и т.п. Но в родительном падеже ὕδατος; то же греческое слово ὕδωρ представляет уже скрещение из трех элементов hu-da-t, в архетипе hu-da-tan или hu-da-ton, вклад более сложной социальной группировки, причем придаток tan || ton уже общий с лат. Nep-tun (здесь конечная его часть) и этрус. Ne-tun-sl (здесь средняя его часть). В самом названии Поссейдона есть так называемая дорийская разновидность Потειδάν, и она — не фонетическая лишь разновидность Поссейдона, собственноΠοσσειδᾶων'а, или Ποτειδάων'а, а социальная, поскольку в ней вклад народа, возникшего из скрещения меньшего количества

социальных группировок, всего трех Ро-tey-dan. Первая часть, общая у Потειδάν с Потει-δά-ων, равноΠοσσειδάων, то есть potey || posey, в архетипе *poter || *poser в усеченной форме входит в основу как греч. имени Пота+μ-ος, 'река', так различных форм глагола πίνω 'пью', кажущихся произведенными от него, как-то πότ-ος, 'напиток', πόσ-ος 'напиток', πότέ-ος bibendus и т.п.

Таким образом, полный четырехэлементный термин в названии морского богаΠοσσειδάων (имеется также) или Потειδάων документируется лишь в одном, социальном, допустим, аттическом языке при ионийском ποδδειδάων; дело однако не в той или иной территориально-этнической группировке всего греческого народа с его мнимо единой речью, а в определенном его лишь социальном слое. И этот социальный слой уже классово построенного греческого народа был не только в архитектуре и скульптуре творцом высших ценностей, но в органической связи с ними, с художественными достижениями, и в речи, здесь достижениями в созидании понятий и терминов надстроечного мира, строителем восприятия не просто воды-магии, или воды-культового предмета, а отвлеченного от стихии божества вод, даже специально 'морского бога', уже дифференцированного от 'небесного' и 'земного'[18].

Существенная важность этого, бесспорно стадиального развития в том, что с ним выявляется новая ступень не в эволюции лишь употребления слова, хотя бы его использования в зависимости от смены одного материального предмета другим в процессе развития хозяйства, а в том, что оно свидетельствует об изменении самого мышления в зависимости от 'напряженно-сложных' социальных взаимоотношений (разумеется, в результате также учета хозяйственной жизни и экономики) однако со сменой не одного предмета другими просто материального порядка, когда техника лишь совершенствуется, а появлением такого предмета общего потребления, когда сама техника производства коренным образом сменяется, когда новая техника требует иного социального строя и соответственно «напряженно-сложные взаимоотношения» диалектически разрешаются в борьбе социальных группировок, в числе их и класса, наиболее приспособленного к учету происшедшей смены технически-материальной обстановки.

Другими словами, этим сдвигом человечество обязано не тому или иному народу, не тому или иному этносу или племени, а классу, собственно классовой дифференциации общества в зависимости от производства, притом сдвиг решается силой и качеством напряженных взаимоотношений, не количеством дифференцированных социальных группировок, а встречей их противоречий, и в связи с этим, имеем ли налицо их четыре, три, или хотя бы две группировки, — все это не меняет существа, а лишь изменяет модальность. И, конечно, небезразлично, когда в самом греческом мире для понятия 'морской бог' или 'божество вод' мы имеем четырехэлементныйΠοσσειδάων или Потειδάων одновременно с трехэлементным Потειδάν не безразлично, располагали ли свидетельствуемые ими вкладчики в греческую речь, классовую речь, в одном случае языковым материалом четырех социальных группировок, как в По+τει-δά+ων или трехэлементным По+τει-δάν, — не безразлично для анализа исторического процесса так же, как не менее важен для истории учет того реального социально-экономического факта, который сигнализуется лингвистически устанавливаемой историей формального развития Ποσσειδάων, тем, что этот термин сложен не непосредственно из четырех элементов, а из двух, находившихся в обороте уже самостоятельных двухэлементных слов, но всем этим не видоизменяется сущность идеологического достижения, возникновения термина надстроечного порядка с предпосылкой соответственного видоизменения самого мышления. У кого? у всего народа? Нет, первично лишь у господствующего класса. Так приходится подходить и к термину латинскому Nep-tun, и к этрусскому Neθunsl. Они одинаково состоят из трех элементов, а не четырех, как Ποσσειδάων, или Потειδάων и, тем не менее, означая действительно 'морского бога', 'бога вод', Neptun и Neθunsl, с птичьего полета, именно с точки зрения общеупотребительного в греко-римском международном мире их осмысления, как будто ничем не отличаются от греческого эквивалента. Но если это и не так в точности было при краеведческом их бытовом использовании в зоне родной социальной среды, они все-таки свидетельствуют наравне с Ποσσειδάων о новой ступени стадиального развития, о надстроечном, отвлеченном восприятии созданного их общественностью представления или образа — персонифицированного божества вод, несмотря на переживания в мифах о нем и атрибутах материальной природы 'воды' и связанных с ней, как обычно говорим, мифологических по первобытному мышлению существ, как-то 'коней' и т.п.

Но родственны ли термины латинский Neptun и этрусский Neθunsl, несмотря на их явное созвучие, в такой мере, чтобы утверждать об унаследовании римлянами своего термина от предшествовавших им насельников родного края, этрусков, не говоря об обратном явлении? Конечно, нет. Латинский и этрусский термины различаются и составом элементов и их поряд-

ком расположения, то есть они исторически детища различных социальных образований, хотя включают в себя и общие элементы, бросающие свет на доисторию.

Латинское Neptun и этрусское Neϑunsl одинаково состоят из трех элементов, причем третий элемент латинского термина tun в этрусском занимает второе место из-за наращения звукового комплекса sl, этрусской редукции элемента sal (означавшего 'воду'). Представляемый этим элементом социальный слой выявляет громадную важность в этногонии еще доисторического для индоевропейцев населения Италии и даже Греции, где оно сохранилось в разновидности ἅλ-ς со значением 'моря', а в латинской речи целый ряд его разновидностей, sal, sor, sel, и др. не только со значением 'соли', как предполагают индоевропеисты, но со значением 'воды' и ее ближайших дериватов. И тем не менее его нет в составе латинского скрещенного термина Neptun, в то время как Netunsl представляет в своем конечном sl позднейшее наращение сравнительно с Neptun; так конечная часть tun, хотя и общий с этрусским самостоятельный элемент, показатель определенного социального слоя, в латинском термине Neptun есть позднейший придаток, так что как исторически сложившиеся первичные скрещенные образования, вошедшие в состав латинского и греческого названий 'морского бога' или 'бога вод', это ne-ρ, с одной стороны, римский, и ne-ϑun, с другой стороны, этрусский, то есть в процессе исторического развития населения в Италии, у латинского Neptun'а с этрусского Netunsl общим оказывается только один элемент ne, начальная часть каждого из этих терминов. Хотя эта часть именно этрусская и свидетельствует об общности этого одного элемента, как наследия этрусской «доистории» римлян, но нет никаких данных для усвоения ему значения надстроечного, позднее возникшего образа — самостоятельно вне единения с водой существующего божества.

Более того, первичная исторически сложившаяся часть латинского термина nep есть усеченный вид архетипа *ne+pel или *ne+pul, из которых первый сохранен нам греческим ne+φel-e 'облако', 'туча'[19], в усечении подобно nep- ,что в латинском Neptun νέφος 'облако', второй — латинским ne+bul-a 'туман', 'облако'. Как будто все хорошо разъясняется, так как 'туча', 'облако' прекрасно увязывается с 'водой' и по нашим представлениям, но это именно и нехорошо, ибо по палеонтологии речи первобытное мышление 'облако' да 'тучи' увязывало с 'небом', и мы попутно можем напомнить лишь, что в этом смысле правильно сопоставляют индоевропеисты с греческого νεφέλη и лат. nebula 'облако', 'туча', русское 'небо'[20], также усеченный вид, как νεφ в греч. νεφ-ος; 'облако'. Кроме того, если бы у нас речь была просто о 'боге', то мы не колебались бы отождествить его с 'небом', так как 'небо' → 'бог' обычное семантическое развитие, поскольку речь идет о космическом вообще 'боге', о 'боге-светиле', 'солнце' и т.п., но латинское Neptun 'небо-вода', 'небо-преисподняя', и прежде всего материально 'вода', 'море', 'река' и т.п.; следовательно и первая его часть nep, возьмем ли его архетип *ne+pel или *ne+pul должна бы означать 'воду', 'море' или 'реку', или один из ближайших дериватов этого имени, например, глагол 'наводнить', и такой глагол neφel (rumnəφəl) действительно сохранился в Средиземноморье на африканском берегу, в берберском языке, где он значит именно 'наводнить', 'выступить из берегов'.

Конечно, это слово, в конце концов, идентично с греческим νεφέλη 'небо', латинское nebula 'туча', и можно сказать, что это общее достояние всего средиземноморского мира, где бы мы его ни находили, в греческом, латинском или берберском, но в имени 'бога вод' Neptunus его первая часть nep, означавшая нарицательно 'воду', неразрывно увязывается с берб. nefel 'проливать'[21].

Нас сейчас интересует стадиальность идеологического развития слов от материального предмета 'воды' до надстроечного антропоморфизованного культового мира, то есть 'морского бога' или 'бога вод' в сопутствии формального их развития от одноэлементного их состояния, будет ли это ne, fel или tun, до двухэлементного ne-φel или ne-ϑun, в латинском ставшего трехэлементным Ne+p+tun, этрусском — трехэлементным Ne+ϑun+sl, так как это парно идущее развитие идеологии с формой сигнализирует исторический процесс общественной жизни, нарастание новой формации социальной структуры, с предпосылкой нарождения новых экономических условий, материальных и технических[22]. Мы, однако, не хотели бы быть понятыми так, точно слепо строим заманчивую картину, подкупающую своей простотой, опасным упрощенством. Мы не строим ничего от себя, а следуем в своем построении по пятам за фактами-видимостями, поддающимися обработке в факты-реальности благодаря палеонтологии речи. И потому мы нисколько не думаем скрыть и того, что наша формулировка общего положения требует поправок, вытекающих из ряда наблюдений иного порядка. Так, прежде всего и особенно возникновение двух и трехэлементных слов отнюдь не знаменует всегда и безоговорочно нарождения неизбежности в связи с ним перехода с одной материальной ступени развития

идеологического содержания на другую ступень, характеризующуюся уже наличием представлений и понятий надстроечного мира. Так, например, уже в аттическом греческом столь материальный предмет, как 'глаз', обозначается словом ὀφθαλμός, представляющим позднейшее скрещение или сложение двух синонимов — οφ и θαλμ, каждый из которых также в свою очередь уже скрещен, образчик первичного скрещения, один из 'о' и 'φ' (ср. ό-μα), другой из θαλ и μ. Однако, не говоря о том, что части тела, в числе их 'глаз', представляют позднейший инвентарь словаря с переносом на члены тела, как выяснила палеонтология речи, космических терминов, в частности на 'глаз' — названий светил 'солнца' и 'луны', — все-таки самим фактом использования такого приема уточнения, как скрещение двух уже скрещенных образований, все-таки сигнализирует исторический процесс сложных социально-экономических взаимоотношений, их напряженной работы. Ни чем иным, как таким рано наступившим процессом, нельзя объяснить того необычайно высокого развития звуковой речи, которое наблюдаем мы у греков. Имея достаточное основание и высшие уже в древности достижения греческого языка считать, наравне с непревзойденными художественными творениями той же Греции по архитектуре и скульптуре, одинаково историческими ценностями, трудно вопреки всем материалистически обоснуемым данным выводить их из какого-либо иного источника, кроме творческих сил самой греческой (прегреческой) общественности, получившейся в результате разрешения обострившихся социально-экономических взаимоотношений первонасельников родного края, их непримиримых противоречий и имевшей возможность продолжать и довершать уже новое более сложное хозяйственно-культурное строительство, в том числе и дотоле неслыханный язык, эллинский, в путях скрещения и диалектического развития.

Взаимная же связь греческого и берберского с латинским нас сейчас интересует опять-таки в целях выявления той степени стадиального развития звуковой речи, которая имеет прямое отношение к заведомо историческим эпохам, хотя бы и предшествующим образованию латинской речи.

Когда мы указывали на расхождение греков с римлянами в терминах первой необходимости, как 'хлеб', то наличие разных слов для такого понятия, как 'хлеб', свидетельствует о расхождении их исторической жизни с эпохи развитого земледельческого хозяйства, вклада определенной производственно-социальной группировки[23], но ничего не предрешает о взаимоотношениях хотя бы той же производственно-социальной группировки на более ранних ступенях стадиального развития, как латинское pānis 'хлеб' не имеет никакой связи с греческими словами для того же предмета; но 'хлеб' представляет функциональную замену предмета питания того же порядка в 'желудях', и, когда первичный вид двухэлементного слова pān-is, собственно его основа pān именно pal-an, встречается с греческого βάλαν-ος 'желудь'[24], то на той, более ранней ступени развития восстанавливается связь не всего латинского народа с греческим, а того социально-производственного его слоя, который, будучи издавна общим у обоих народов, был историческим носителем этого термина.

Местонахождение названной социальной группировки нет основания относить к Греции или иной зарубежной стране, когда дело идет о вкладчиках того же слова в латинскую речь. То же самое приходится утверждать, когда грузинское kver, 'печеный в золе хлебец', первоначально вообще 'хлеб', в латинском сохранен словом, означающим 'дуб' — quer-cu-s, quer-quer-us, 'дубовый' и т.п.

Потому же, если берб. глагол nefel 'наводнить' нам помогает восстановить имя *nepel, со значением 'воды', а слово *nepel 'вода' в усечении — nep и послужило отправной точкой для выработки такого латинского термина надстроечного мира, как Nep+tun, то это не значит вовсе, что римляне слово взяли у африканцев, а лишь то, что социальный слой с тем же словом находился в составе населения Италии, где, это главное, переход названия 'воды' в термин надстроечного обособленного мира, именно 'бог вод', совершился в процессе соответственной смены ранней социально-экономической жизни новым типом хозяйства, новой техникой и новой формацией социальной структуры, а с нею и языком новой, так называемой индоевропейской системы, латинским, разумеется, языком определенного класса.

На так называемой первобытной почве и Греции и Италии подбираются первичные одноэлементные термины со значением 'вода', сохранившиеся в основе производных от них глаголов; так первая составная часть этрус. Ne-θun-sl и лат. Ne-p-tun-us, именно элемент не с разновидностью na (← nā) со значением 'вода', откапывается одиноко, без скрещивания, в основе глаголов греч. гомер. νέ-ω 'плаваю', греч. νά-ω 'теку' и лат. na-re 'плавать'; на италийской почве находим точно так же использование первой двухэлементной части этрусского Ne-θun-sl именно ne+θun и его разновидности *na-tun в усечении со значением 'воды': 1 в основе лат.

глагола *na+t-are ‘плавать’ (на италийской почве), 2 на Кавказе, в сванском слове ni-ϑ || līeϑ ‘вода’, и 3 разновидность этого же слова lī-t со значением ‘моря’ входит в состав лат. lī+t-us, род. lī-+tor-i-s ‘морской берег’, буквально ‘моря берег’.

Ведь связи у яфетических языков Кавказа даже с латинским порой так близки, что в них находим без реконструкции праязычные формы основных социальных терминов римской речи. В отношении же этрусского термина Ne-ϑun-sl, увязывающегося по особым основаниям, как мы видели, с ‘облаком’, ‘тучей’, ‘туманом’, Кавказ дает готовый сродный материал, представляющий скрещение первого его элемента ne — с последним sl: это грузинское двухэлементное слово nı-sl, означающее ‘туман’.

Мы не имеем возможности так детально обсуждать весь тот языковый вклад вместе с сигнализуемым им бытом и порядком изживавшегося строя, который унаследован был римской жизнью, а затем классовой экспансией распространен в романизованном виде по всему латинскому миру. Тут и правовые, в частности религиозно-правовые, нормы, и fas, и jus[25], и pontifex[26], тут и письменность и книга с терминами scri-bo, li-ber, li-ttera[27], тут и такие термины социальной структуры, как populus[28] ‘народ’, plēb-s[29] ‘простонародье’, urbs ‘город’[30], oppid-um ‘город’[31], rūs(род. rūr-is) ‘деревня’, vī+c-us ‘деревня , pā+g-us[32] ‘деревня’ или ‘село’.

Это обилие слов, означающих ‘деревню’ или ‘село’, представляет само собой исключительный интерес для характеристики общего уклада в строе римского мира. Ведь каждый такой термин одновременно значит ‘население’, ‘мир’, первично тот или другой социальный, впоследствии племенной мир. Будучи так называемым племенным названием, следовательно, некогда тотемом соответственной первичной социальной группировки, слова, обозначающие ‘деревню’, как и ‘город’, осмысляются для момента возникновения не техникой селостроительства или градостроительства, а защитным магическим значением самого термина. Предупреждаю, что не иначе разъясняется и русское слово ‘город’[33] или сир.-кавказское karka qalaq[34], нами воспринимаемое анахронистически «от начала» в увязке по форме с ‘оградой’, ‘кругом’. Сравнительное изучение нарицательных имен, эллинских и латинских, для обозначения населенных пунктов, сел, городов и деревень, выявляя различные пути смены одной ступени стадиального развития другой, различную природу социального уклада, намечает, что разностью в них предопределялось колониально культурное хозяйство греков, государственная военно-культурная экспансия римлян без углубления последними своей общественности и ее идеологической проработки. Греция с Римом и в отношении термина ‘город’ оказываются независимыми друг от друга в исторической выработке названия ‘города’. Латинское urb-s ‘город’ основой ur-be↔or-be, имеющей свои разновидности ol-be через голову Греции по Средиземноморью, Черноморью и Кавказу, в архетипе *kor-be (←*kor-bel) представляет прототип греческого kō-me (χώμη —*kor-mel), оставшегося со значением все еще ‘деревни’, ‘села’. Однако греческий язык сохранил целый ряд его же разновидностей, увязывающих населенный пункт, село ли он или город, с бытовыми чертами различных ступеней стадиального развития.

Прежде всего kō-me, название села, являясь тотемом соответственной социальной группировки как предмет специального культа, некогда являлось, несомненно, божеством растительной пищи и напитка, откуда его двойник в греческом же χῶ-μος значит ‘пир’, ‘вакхическое веселие’, процессия в честь Вакха’ с пляской, пением и музыкой. Однако тот же состав элементов архетипа этого слова *kor-mer, но скрещенных в обратном порядке mer-kor, это основа имени бога торговли Mer+cur+ı-us, причем это имя признается этрусским по происхождению, тогда как оно не специально этрусское, а вообще долатинское, то есть яфетическое[35].

Словом, это не доистория, а подлинная история с градостроительством. При таком богатстве хозяйственно-культурного наследия не в одних словах, а в самом укладе общественной жизни и быта. Можно ли правильно подходить к изучению истории Рима (не в меньшей степени мы могли бы сказать то же самое и про историю Греции) без учета указанных исторических предпосылок в анализе процесса не только возникновения и развития римского народа, но и ряда последовавших вплоть до новейших времен смен стадиального порядка в истории Италии? И не был ли прав итальянский археолог Милани, видевший «этрусские», правильнее яфетические переживания родного края, в возрождении и расцвете тосканской живописи?

Однако достигший в Средиземноморье той ступени стадиального развития, на которой бог, вышедший из культа хлебных злаков и напитка, Меркурий, становится олицетворением торговли и городской жизни, греческий двойник его Her+mē-s перебрасывает наш интерес в Восточную Европу. Здесь двухэлементный его состав, сигнализующий объединение первично двух социальных группировок, объединение, конкретно выявляемое так называемым племенным названием кимеров, осложняется третьим, ионским, в усечении t. И это означает где

‘бог’, где ‘злой дух’, где ‘священное вообще место’, на полях или в лесу, это ker+e-me-t[36] приволжских народов, на Кавказе ставший совершенно отвлеченным понятием, вообще ‘богом’, в ряде разновидностей, увязывает Кавказ не только с финским севером и семитическим югом, но, разумеется, и со Средиземноморьем. Из десятка кавказских разновидностей Keremet’a, тотемно связанного с черемисами, назову лишь две — наличный по праву в грузинской речи tar-mar-ϑ и внедрившийся в сванский tar-maϑ, тотемный бог сарматов, и сванский бог ger+me-ϑ (← ger+be-ϑ), первая двухэлементная часть которого пережила в греч. Her+mē-s’e.

В то же время сохранившийся в Грузии редуцированный его вид g-mer-ϑ ‘бог’ с его сибилянтным эламским двойником smerd, во что наречен был брат ахемеиндского царя Камбиза иранца, перса, опять перебрасывает нас в Восточную Европу, в среду самых глубинных процессов исторической жизни, в частности и русских; у последних в разновидностях оформления двух ступеней стадиального развития самого термина. Более позднее трехэлементное образование греч. g-mer-d существовало и в составе еще первой своей двухэлементной части, без грузинской редукции начального гласного, в разновидности g [o]-mer↔g[u]mır с более древним произношением *ku-mır[37]. Из этих ранних двухэлементных образований *kumır социальной группировкой, изжившей аффрикатность, внесено в виде kumır ‘идол’ в самую гущу языческих верований на Руси и подлежит учету не просто слово, а им сигнализуемая общественность при выяснении не одного принесен утверждения христианской религии. На Кавказе, кроме организации того же жреческого класса, выкристаллизовавшегося своим строем в духовенство христианской церкви, с ним связана борьба исполинов; кое-что слышала о нем как об особом племени go-mer’e Библия; сами же местные кавказские яфетиды не только сохранили родное слово у себя и в значении так называемого племенного названия, и в значении ‘борца-героя’, ‘исполина’ (так армяне называют ga+mır’ами каппадокийцев, а для грузин gmir’ы (←*gu-mır) — ‘герой’, ‘богатырь’), но успели передать в тех же значениях и на север не одним иронам-осетинам, у которых gumır значит ‘исполин’[38].

С более далеким севером, финским и русским, яфетический Кавказ увязан тем же социально-культовым термином в иных оформлениях, как-то ko-ɾal↔ku-ɾal и u-φal↔yu-mal: на Кавказе — у грузин-хевсуров и рачинцев kopal-a, kopal-e, ‘бог лесов’, u-φal у древних грузин ‘бог’, ‘господь’, ‘господин’, на севере у ряда славян и неславян божества kupal-a и у финнов yumal → yumal-a — ‘бог’[39]. Попутно отметим: толкования этих терминов собственными средствами да формальным методом индоевропеистики, без палеонтологии речи упрочило скандальное недоразумение в отношении и Купалы, и особенно русского прилагательного «убогий», в начальном ‘у’ которого усмотрели русский отрицательный префикс, тогда как в основе u+bo-g, двойнике ‘бога’, трехэлементное еще дорусское яфетическое образование, и первая двухэлементная часть u+bo лишь разновидность финского yu-mal, грузинского u-φal, с усечением плавного, как в эламском u+ɾa ‘господин’; что же касается реального культового значения, оно вскрывается полной грузинской разновидностью qor-bal, означающей ‘пшеницу’, раньше ‘желудь — дуб’[40]. Дело имеем, следовательно, с богом, также вышедшим из хлебных злаков, уже земледельческим. Совершенно верно, с одной оговоркой: «на определенной ступени стадиального развития», ибо независимо от того, что само земледельческое божество — одновременно солнечное, при наличии космического мировоззрения термин, отождествляемый с 'небом', входит в круг астральных божеств. Культовый термин, надстроечное понятие, меняет свое содержание в зависимости от ступени хозяйственного развития и его природы. Будучи божеством древесно-питательным, вообще древесным, он в соответственно хозяйственной среде или на соответственной ступени стадиального развития представляет и божество охоты, уже божество хтоническое и с ночным светилом. Так Kopala или Kopale у грузин, хевсуров и рачинцев.

В связи со сказанным, культовые термины сигнализуют и социальную структуру. С земледельческим богом связан определенный классовый общественный строй.

Точно также сибилянтный двойник груз. g+mer-ϑ, именно s-merd, это уже прямо-таки название определенной социальной группы.

Племя ли эта производственная группировка? Конечно, нет. А племя ли болгары? Племя ли хазары?

Ведь палеонтологическое толкование племенных названий установило изменчивость их значения. Если племенные названия ряда народов означают действительно ‘дети неба’ или ‘солнца’, то это значит, как выясняет палеонтология речи, что на определенной ступени стадиального развития каждая социальная группировка, впоследствии племя, именовалась именно так[41]. Точно так же каждая река закономерно, а не несколько раз по случайности называлась ‘рекой-лошадью’[42].

Но в полном диахроническом разрезе значение так называемого племенного названия отнюдь не стабильно: оно меняется в зависимости от ступени стадиального развития хозяйства, техники, социальной структуры, а с ними и мышления.

То, что до сих пор вскрылось по толкованию племенных названий, достигалось и в яфетическом языкознании очной ставкой фактов и показаний без углубления диахронических исканий, без палеонтологических раскопок в звуковой речи: легко было установить, что названия этнических образований в яфетическом Кавказе астральные, перемежающиеся с звериными. Казалось, от избытка первобытной фантазии человек населил небо зверями, привычными в его обиходе на земле, но вскрылось возникновение того или иного названия в зависимости от той или иной ступени стадиального развития, то есть наблюдена смена одного значения другим, новым. У племенных названий не только эниохов, но и hай'ев (армян), на Кавказе, равно этрусков-пелазгов в Средиземноморье, рядом с астральными оказалось значение 'коня', как бы 'коня-солнца'. При полисемантизме такое накопление значений казалось естественным продуктом 'девственной', мол, фантазии. На деле же эниохи или армяне-хаи назывались 'конями' (впоследствии 'всадниками', 'возницами') по хозяйственно-магическому, позднее, далее хозяйственно-культовому значению лошадей у данной социальной группировки[42].

Так, не только ha и, армяне, но и их предшественники в той же стране Qal-dını→Qal-dı, означая 'солнце', в свое время в силу коневодной организации, именуемой им социальной группировки понимались как 'кони', и слово qal-di, действительно, и означало 'коней', будучи спирантным двойником баскского sal-di 'лошадь'[44].

'Лошади', 'конница', 'дружина' обозначались в свое время одним из древнейших так называемых племенных названий Кавказа tan, равно ten (от Батума в сторону Трапезунда по Черноморскому берегу). От ten *'лошадь' у грузин образован глагол ten-e+ba 'гнать лошадь'. Синоним этого племенного названия laz также означает 'лошадь', функционально сменившую 'собаку' (абхазск. à-laш-a 'лошадь', абх. a-là 'собака'). Разновидность того же zan, как и шun, означавшая также раньше 'собаку', впоследствии 'коня', 'конницу', 'рыцарское ополчение', 'дружину', позднее обратилась в сословное название: слово aznaur 'дворянин' восходит, означая буквально 'дитя azn' собственно zan'a,—'дети всадников' (лат. equites), 'рыцари'. Отсюда в греческих сказаниях ya-zon—эпонимный прародитель еще тогда существовавшей социальной группировки о конях, буквально 'мужчина' (ya) + лошадь (don), как и ama-don, означающая 'женская конница', буквально, 'женщина' (ama) + 'лошадь' (don).

Таково же происхождение грузинской позднейшей знати qarɘ'ской, грузинских феодалов-воинов, носивших название de+d-ar, буквально 'кони', от qe+dan (арм. he-an). Основы глагола груз. qe+dn-a 'ездить верхом'. У слова есть диалектическая разновидность: это известное так называемое племенное название, на самом деле название лишь 'конной дружины', это многострадальный термин qa+z-ar, постепенно переходящий на роль названия нового этнического образования, состав которого имел диапазон изменчивости от русского и турецкого до грузинского. Можно ли заниматься процессом образования феодального строя в Грузии или на Руси без учета того, что сигнализирует палеонтология речи?

Доистория ли названия главных рек и их притоков, которые и на юге, и на севере все яфетические? 'Дон' не только значит 'вода', как и древнее название Волги — Rha, но одинаково и 'конь', 'лошадь'. Осетинский тут, как иранский, ни причем. «Волга» оказалась по палеонтологическому разъяснению и 'водой-рекой' и 'рекой-лошадью'[45].

Доистория ли построение по этим великим водным путям городов, увязанных общей системой в наречении городов и схождением, так называемым родством в самом термине 'город'? Ведь многочисленные разновидности названия 'город', с севера на кавказский юг и далее, как-то «город», «град» (ср. rom. gard-s 'дом'), kert, karka, qalaq, karɘa и др., сводящиеся к трем архетипам *karta, *korto, *kerte, это детище трех группировок одной социальной массы, колхской или сколотской, то есть скифской. Нас учат со слов греков, что скифы были номады и земледельцы. А скифы-воины? а скифы-торговцы? а сколоты-колхи, то есть те же скифы с градостроительством и золотоискательством, греками отраженными в легенду?

Да разве земледелие исключает торговлю? Сам термин 'город', если спустимся с надстроечных небесных представлений на землю, имеет историю, увязывающую терминологически торговый пункт, 'город' с земледельческой ячейкой, 'двором'. Перечисленные разновидности названия 'города' — все двухэлементные, им предшествовал одноэлементный Kar 'город', сохраненный приволжским финским миром, но Kar значил и поныне значит у яфетидов 'дверь', 'двор' (г. kar), будет ли это земледельческий, даже усадебный 'двор', или постоялый 'двор'.

При наличии великих торговых путей с яфетической терминологией в градостроительстве по этим рекам, сохранившим нам названия подлинных исторических хозяев, все еще яфетидов, доистория ли перед нами, хотя бы это происходило лишь до арабов-семитов и иранцев-персов, когда меновая единица, скифское слово, тождественное сих национальным названием, ставшее еще до русских из обозначателя определенного животного, скота, стада — золотом, у яфетических народов сохранило значение ‘скота‘, ‘стада‘, ‘табуна‘ и тому подобное, и со значением ‘золота‘ дошло по торговым путям, издревле проторенным для позднее появившихся персов и арабов, как живое слово торговли со значением ‘золота‘ до германцев и приморских западных финнов, а до приволжских финнов и со значением ‘скота‘, — доистория ли это?

Быть может доистория не только для финнов и армян, пожалуй, для скифов, но не для нас, когда, мы, обладая палеонтологическим телескопом, видим, что северные финны-суоми и армяне с населением юга Грузии именуются suomı и someq[46], разновидностями названия месопотамского народа Сумера или Субара, причем то же наименование сохранилось вдоль Волги, в частности в чувашском отрезке, как в названиях ряда сел Субар, так в названии главного города чуваш Шubаш-kar и самих чуваш suvar, ϑəvаш[43].

Доистория ли материально-формальная связь островного изолированного зодчества в Суздали и его декоративной скульптуры со сродными памятниками яфетического Кавказа? Можно ли при выясняющихся фактах истории материальной культуры и звуковой речи подходить без их учета к решению проблемы о Суздальщине, ставившейся профессором Пресняковым?

Доистория ли легенда о градостроительстве, общая у Армении с Русью, как то разъяснено в одной из наших работ, легенда еще доскифская по источнику возникновения?[48]

Доистория ли в грузинском летописном перечне первых царей древнейшей все еще иберской или кимерской Грузии, что в их теофорных именах обнаруживаются культовые слова, общие с русскими и украинскими, уже нарицательными, как, например, имя 11-го и 17-го царей Rok (‘небо-бог’), поскольку, как устанавливает палеонтология, с их значением ‘неба’ они употребляются в русской речи в смысле ‘судьбы’, буквально ‘неба-судьбы’, а в украинской (rık, rok), как в польской (rok), в смысле ‘года’, буквально ‘неба-времени’, ‘неба-года’?

Доистория ли, что в арабском переводе древнейшей версии обращения Армении, Албании и Грузии в христианство абхазы называются ‘русскими’, причем это показание находит подтверждение в схождении русских с абхазами в речи, так называемом их родстве, разумеется, как вкладе определенного социального слоя обоих этих языков?

Да, конечно это подлинная доистория для русских, для украинцев, да и для грузин. Для грузин, так же как для армян, доистория — подлинная история Армении, история халдов или урарту, полная сказочного и в то же время наглядно-зримого строительства не только храмов, дворцов, крепостей, городов, но и путей сообщения, грандиозных водопроводов, соперничавших обилием распределявшихся вод с местными горными реками, превосходя их и количеством, и особенно качеством, подачи во своевремении. Слышу вопрос: «Использованы ли приемы этой грандиозной системы орошении нашим новым хозяйственным строительством в Армении?». Отвечаю: «А занимают ли археология и истории у нас надлежащее место? Почему не увязана история материальной культуры с хозяйственным строительством?» Однако возвращаюсь к теме. Эта так называемая доистория Армении, на деле подлинная ее история, запечатлена на скалах и камнях письменами звуковой речи, и когда эта звуковая речь увязывает творцов халдской или урартской истории с языком позднейшего населении края и о соответственной увязке говорят и памятники материальной культуры, можно ли говорить, что доармянская история есть доистория, хотя армяне, вышедшие из урартов и халдов в процессе диалектического развития, также не помнят ничего о своей подлинной прародине, как дети, малыши они или взрослые, о породившей их утробе? Можно оговориться лишь об одном, что при каждой новой исторической смене такого революционного порядка речь идет не о всем народе, а о руководящем властном классе, вожаке новотворчества, отнюдь не связанном массово со страной, и потому, соответственно движению этого вожака-класса с его хозяйственно-боевой организацией, а не только боевой и отнюдь не голой династией, звуковая речь урартцев и халдов увязана также и с грузинским, да и со всеми языками из круга в охвате того же исторического процесса.

Та же самая история, именно восприятие подлинно исторических эпох за доисторические, наблюдается и в Персии. Для персов даже история родных иранцев Ахеменидов — это доистория, мифический период. Что говорить о более древних исторических народах, в том числе тысячелетиями предшествовавших яфетидах: шумерах и эламах? О них не только персы,

но и весь ученый мир трактует в изоляции от тех, кто от них унаследовал культурное строительство, в том числе и речь, то есть иранцев, и это по стопам формального метода индоевропеистики, и это несмотря на громадный письменный мертвый и живой материал звуковой речи!

Можно ли удивляться, что о связи севера, финского и русского, с месопотамским хозяйственно-культурным строительством заикнуться нельзя при отсутствии здесь письменных памятников? Предел увязки с югом — арабы и раньше иранцы-персы. Между тем звуковой речью связь шумеров с севером выявляется в такой степени, что и здесь мы оказываемся перед задачею распределить показательный материал по ступеням стадиального развития, включив в число их и эпохи торговых сношений.

Сейчас берем Восточную Европу, отрезок исключительного интереса не только потому, что своя рубашка к телу ближе, но потому, что сейчас проблема о Восточной Европе, об ее бесспорной не только доисторической, но и исторической связи составляет наиболее актуальную часть напряженного исследовательского внимании. Археологи соревнуются с историками, накопленный громадный материал угрожает еще Польше накоплением, музеи полны памятниками материальной культуры, которые нередко сами по себе, как материалы, мировой научной ценности. Но на каком этапе находимся мы в изучении, например, истории русского народа, хотя бы в вопросе о происхождении? Решен ли вопрос о руссах? Намечена ли связь с первоначальным населением Руси, и не топчемся ли по сей день на месте по всем вопросам, и по вопросу финно-русскому, и по вопросу болгарскому, равно хазарскому, и по вопросу скифо-сарматскому, не говоря о кимерском? Ведь не ликвидирован даже норманский вопрос! Проблема о чуди как реальный момент, а не терминологический, запутывается непалеонтологическим, статическо-германским восприятием готов, тогда как 'чудь', как и'гот', плоть от плоти, кость от кости скифов, еще скифов-яфетидов.

Новое учение о языке не только дало тревожные знаки по насыщенности Восточной Европы, в частности Руси, переживаниями яфетического мира и по увязанности современного нам населения, не исключая ни русских, ни украинцев, с былыми яфетидами, а по речи и бытовым культурным переживаниям — и с настоящими яфетидами.

Однако в этом бесконечно наматываемом клубке проблем есть центральная проблема. Это — скифская проблема. Она в себе сосредоточивает весь восточный научно-исследовательский вопрос, вопрос не только о восточной Европе, но и о глубинной Азии. Монгольские древности, вклад экспедиции Козлова, посодействовали лишь подъему интереса к скифскому миру выявлением связей откопанных памятников всего лишь I столетия со Средиземноморьем и его древнейшим, именно эгейским, искусством. Повышению интереса к скифской проблеме немало посодействуют только что опубликованные археологические находки, сделанные в Венгрии в конце апреля 1928 года.

Палеонтологические разыскания в звуковой речи Запада нас вынуждают увязать и кельтскую проблему со скифской. Вот поистине, в данный момент проблема мирового исследовательского значения, притом обставленная исключительно богатым материалом. При ее постановке в полном объеме — это наступление на доселе неприступную крепость, неукоснительно охраняемую поборниками старых методов, крепость с проблемой всего Средиземноморья, афревразийского, со включением и эллинской половины и латинской ее антитезы.

Работа на Западе для подступа к романской части средиземноморской проблемы должна быть ведена краеведчески от пережиточных центров яфетической общественности как отправной точки с привлечением кельтских исторических образований. Но на Западе, в единственном подлинно яфетическом гнезде, баскском, научное дело обстоит слишком слабо, чтобы надеяться на самостоятельную трактовку обширного вопроса о творческих факторах субстрата современного европейского населения и противопоставить насилию классических централистических построений. И в Париже трудны прочные достижения, когда такие веяния находят себе почву в практической работе испытанных по истории материальной культуры исследователей, например, Focillon'а в его тезе о романском искусстве, выдвигаемой им и его учениками с концепциею независимой от римского влияния генетики.

Нам же при создавшихся условиях можно брать на разработку лишь отдельные темы по истории борьбы сломленной, но все-таки не изничтоженной баскской общественности и по доистории.

Кстати, неучет коренных расхождений даже латинского с греческим, как то было выявлено, более того, неспособность индоевропеистов их учитывать при наличном у них изолирующем, формальном методе органически увязаны с отсутствием какого бы то ни было внимания к режущим глаза своей яркостью схождениям греческого или латинского с яфетическими

языками Кавказа, Пиренеев или Памира. Так, даже при общности коренного слова, то есть, когда население Эллады, например, в слове 'нога', расходится с римлянами лишь по групповой огласовке — греч. рū-s. род. ро+d-os, лат. pes-, род. рē+d-ıs, то латинская разновидность (рē-d) ближе стоит к груз. φer-q (→ народн. φe-q) 'нога' ←ber-k (в древнелитовском kuakϑql-berk 'нога', resр. 'подножие трона'), чем к греческому, а греческая разновидность ро+d ближе к мегр. bor-k 'нога', причем на Кавказе налицо и акающая форма в составном ч. bar-kal 'лядвея', 'бедро' (ср. сем. арабск. varr^{un} 'лядвея', 'бедро'), арм. bar+d-q^{id}. Не говорим уже о случаях коренного расхождения индоевропейских языков населения Греции и римской страны, так: 1) когда греч. 'рука' χείρ, χερός и, как установлено палеонтологически, μαρ также, как в груз. mar-qel, resр. qel (из св. qer) и как палеонтологически установлено (в названии 'правой' и 'левой' руки), 2) при σιτος и ἄρτος 'хлеб' у греков, 'желудь' — скрещенный термин bal+an, успевший у римлян стать названием 'хлеба' (рān-ı+s←*рal-an+i-s), причем у грузин первая часть, элемент, без изменения налицо в скрещении из элементов АВ в термине qor-bal 'пшеница', мегр. qo-bal, 'хлеб', и также часть bal самостоятельно в виде безукоризненного закономерного его двойника по шипящей группы рur наличного у грузин в значении повседневного обычного слова для обозначения 'хлеба', и значение именно хлеба уже выявляет не только усвоенное из шипящей группы грузинское рur вместо родного по основному его слою bal, но, помимо яфетических языков Кавказа (см. выше: г. qor-bal, м. qo-bal и т.п.) с видоизменением плавного (l в r): также бретонская разновидность того же скрещения bar-a (из bar-an) 'хлеб'; 3) что же касается греческих названий 'хлеба', то если одно из них — иллюстрирующий схождение греческого языка, собственно соответственного слоя, с яфетическими языками Кавказа, именно с грузинским и мегрельским (г. ta+d 'маисовый хлеб' ‖ *tku-dv мегр. tki-d-id) — это греч. σῖτος 'хлеб', то другое, именно ar+to-s ставит греческий язык соответственного напластования в один круг с баскским, где ar+to значит 'маис', 'кукуруза', при его разновидности ar-te — еще 'дубе' (ср. ari-ϑ также 'дуб').

По доистории актуальный интерес представляют баски по переживаниям матриархата. В этом отношении речь их настолько исключительно архаична, что дает вскрыть ступень стадиального развития, когда прабаски с прагреками переживали еще состояние первобытного коммунизма без учета полового различия в общественности, что отразилось в звуковой речи, так что возглавляющий производство вожак социальной группировки у басков сохранился в значении 'женщины' an+der-e, а у греков в значении 'мужчины' an-ēr из *an-der (род. andr-os), причем термин в обоих случаях означал по первичному использованию 'руку', 'орудие производства'.

Таким образом, нам остается наша часть средиземноморского исследовательского дела, его восточная половина, эллинская, с его эгейской так называемой предысториею, доселе девственно нетронутая для разработки новым методом анализа скрещения и разрешения его противоречий в диалектических путях, и брать эту крепость мы можем лишь той краеведческой постановкой скифской проблемы с анализом исторического процесса, переживавшегося скифами в скрещении с десятком и того более различных социальных образований, в том числе и их наследников, русских и украинцев, — той, следовательно, постановкой, на которую, думаю, имеет особые основания считать себя подготовленной и идеологически и источниковедчески-материально наша советская историческая наука.

Прения

С. Быковский. Товарищи, в одной из своих работ Н.Я. Марр говорит о том, что проблема борьбы с индоевропейской школой в науке о языке является проблемой актуальной. Сейчас это было подтверждено им и в докладе. В связи с этой борьбой стоит также вопрос для нас, историков, уже не лингвистов, вопрос об изучении древнейшего периода русской истории совсем в ином направлении и не только русской истории, а истории народов СССР.

Я взял себе слово не для того, чтобы подтверждать положения, высказанные Н.Я. Марром, а для того, чтобы остановиться на политическом значении его теории, которое обусловливается приложением яфетической теории к изучению исторического процесса. Эти политические моменты станут ясны, если обратиться, прежде всего, к существу самой яфетической теории. Что она собой представляет в сравнении с прежней индоевропейской лингвистикой? Яфетическая теория, — я полагаю, не будет преувеличением, если я так скажу, — является марксизмом в лингвистике. Н.Я. Марр в самом начале своего доклада говорил о том, что

он, дескать, не имеет специальной марксистской подготовки, что ему трудно говорить среди нас, марксистов. Но я должен сказать, что яфетическая теория есть марксизм в лингвистике. Почему я так уверенно об этом говорю? Конечно, этот тезис я здесь не в состоянии в прениях в короткое время доказать, но позвольте обратить ваше внимание на тот факт, что все положения яфетической теории основываются на данных социально-экономической культуры, что такие явления, как явления морфологические, в науке о языке «посажены» на социально-экономический фундамент. Эту надстройку, знакомую нам из общих вопросов марксизма, яфетическая теория провозглашает в науке о языке, конкретно подтверждая соответствующим материалом. Яфетидологи, обращаясь к разысканию предметов своих специальных исследований, постоянно апеллируют к этому социально-экономическому материалу, постоянно апеллируют к фактам социально-экономической культуры. Это — общее положение не только в отношении морфологии, но и в отношении других отделов яфетической науки о языке. Уже в этом можно видеть марксизм. Это марксистский тезис.

Но я могу пойти еще дальше и сказать, что яфетическая теория впервые вооружает науку о языке материалистическим критерием правильности заключения. В чем состоит этот материалистический критерий? Индоевропеист, производя свой анализ, постоянно сравнивает форму с формой, суждение с суждением, заключение с заключением. Иначе поступает яфетидолог. Он сравнивает свое заключение, он проверяет свой вывод фактами социально-экономической культуры. Вот чем производится проверка. Из сказанного видно, что сама яфетическая теория, как я выразился, представляет собой марксизм в лингвистике. Благодаря этому само собой становится ясно, что яфетическая теория приобретает тем самым политическое значение. И ясно, что историк, который сотрудничает с яфетидологом, историк, который подтверждает выводы яфетидолога конкретным историческим материалом, он также конечно творит политическом дело. Но этого мало. Выводы, получаемые путем применения яфетической теории, также имеют политический характер. Для примера я приведу только два из них. Это, во-первых, вывод о происхождении языков и вывод о происхождении народов, что для нас, историков, особенно будет важно, и второй вывод — это относительно будущего языка. Позвольте остановиться по краткости времени только на первом из них, то есть на выводе о происхождении народов. В чем его сущность? Сущность его заключается в том, что, как это показывает анализ яфетидологов, не было такого процесса, как рисуют его себе индоевропеисты. Этот воображаемый индоевропеистами процесс можно было бы грубо обозначить как вычитание: что-то такое откуда-то вычиталось, каждая народность откуда-то выделялась, была какая-то индоевропейская — мифическая, как это теперь доказано яфетидологами, легендарная — раса, наряду с которой существовали иные расы. Нужно сказать, что эта индоевропеистская концепция тесно увязана с так называемой расовой теорией, которая вам всем хорошо известна. Эта индоевропеистская схема исторического возникновения народов в тесном союзе с расовой теорией давала возможность говорить о том, что существуют низшие и высшие расы, низшие и высшие народности, из которых первые не имеют права самостоятельно творить эту культуру, и творят ее только вторые.

Что представляет собою эта концепция в целом? Это не что иное, как одно из конкретных воплощений идеологии империализма. Классовая теория в союзе с индоевропеистикой лингвистикой выдавала, можно сказать, мандат на эксплуатацию «колониальных рабов», нацменьшинств, народов полуколоний империалистам. Вот чем являлась эта схема, и ею дорожили историки, дорожили в частности русские историки, касавшиеся вопроса о возникновении различных народностей в нашей стране.

Концепция яфетидологов совершенно обратна этому. Народы путем такого мифического вычитания нигде никогда не возникали, наоборот, различные народности возникали путем скрещения.

Почему я обращаю внимание на этот пункт? Потому что именно здесь, в этом пункте и заключается как раз политическое значение упомянутого вывода. Целый ряд народностей, населяющих, например, территорию нашего Союза, в числе своих разнообразных предков, оказывается, имеет и общих предков. Этой проблемой мне приходилось заниматься как историку, а не как лингвисту. Этой проблемой я занимался как русский историк и должен был прийти к выводам, которые являются не проблематическими и не гипотезой, а твердо установленным фактом. Мои выводы целиком совпали с выводами Н.Я. Марра о том, что кимеры являются одним из предков восточных славян. Это установлено мною на основании исторических данных и целиком подтверждено данными археологии и этнографии. Совокупность собранных мною данных позволяет считать доказанным факт, что в числе предков восточного славянства

были кимеры. Почему это важно? Потому что эти кимеры оказываются в то же время предками и других народов. Эти же кимеры появляются, между прочим, далеко на востоке, они появляются в таких районах, где впоследствии создалось Вавилонское царство. Эти же кимеры оказываются одними из предков финнов, одними из предков чувашей, и так далее.

Разработка этих проблем, в конце концов, приводит к мысли не только об идейном, но и кровном братстве народов. Такие вещи, как антисемитизм, как угнетение малых народностей при старом порядке в эпоху русского империализма, — говорю об этом только как о примере, — все эти вещи научно опрокидываются применением яфетической теории к исследованию исторического процесса. Очевидно, что если разные народы вообще имеют в числе разных своих предков и общих предков, то в их жилах реально течет одна и та же кровь, их духовные способности оказываются одинаковыми, они получают, конечно, и одинаковое право на самостоятельное культурное творчество. Вот вывод, который можно сделать по вопросу о приложении яфетической теории к историческому процессу, к его исследованию. Я считаю, что эта проблема является актуальной не только с научной, но и с политической точки зрения. Расовая теория, опирающаяся до настоящего времени на индоевропеистскую лингвистику, не может считаться преодоленной потому, что многие наши историки продолжают ею пользоваться. Преодолеть ее до конца позволяет историкам только яфетическая теория.

Н. Рубинштейн. Я должен оговориться — я не специалист по языкознанию. Больше того — я от языкознания довольно далек. Мои познания в этом отношении поверхностны, и я подхожу к этому вопросу исключительно как историк, с точки зрения вопроса о путях использования данных яфетидологии в истории. Первый основной вопрос, который передо мною стоит: Н.Я. Марр говорит здесь о влиянии социальных факторов на развитие языкознания как об основе яфетидологии. Влияние этих факторов на развитие языка, мне кажется, определяется, прежде всего, и, главным образом, по линии того, что называется семантикой, то есть эволюцией по значению, по смыслу, и эта семантическая эволюция стояла в центре настоящего доклада. Но рядом с семантическим развитием стоит звуковое развитие языка, звуковая база, та база, которую докладчик по недостатку времени не мог нам дать. Она имеется и в яфетической теории. Здесь для меня стоит проблема о взаимоотношении этих двух сторон языковой истории. На известной низкой стадии развития у каждого племенного образования складывается определенная звуковая база, определенный минимум языкового запаса. Это есть первый момент, с исходным значением коего должна считаться дальше идущая эволюция этой звуковой базы по линии обогащении содержания, по линии ее осложнения. Это дальнейшее развитие обусловливается социальными факторами, но при определенной звуковой базе, которая должна проходить определенной звуковой нитью и в дальнейшем развитии. Поэтому мы можем говорить, с одной стороны, об отождествлении различных ступеней в разных районах, с другой — о переплетении языков и об осложнении путем взаимного проникновения и заимствований. При этом и здесь заимствования могут носить звуковой характер с присоединением нового содержания — обогащения содержания данного языкового комплекса. Но возможны заимствования, я бы сказал, чисто семантического характера — по однородности значений. Это уже есть социально осознанная, до некоторой степени логическая эволюция языка.

А теперь перехожу к более конкретным вопросам. Мы говорим о заимствовании там, где мы имеем отождествление по семантическому значению. Я говорю, что тождественность семантического значения может осуществляться именно в силу определенных социальных условий, но это не дает нам еще права более полного отождествления языкового. Я может быть прослушал, но для меня не совсем ясно значение, которое придается структуре слова хазары, — типичности его семантического значения — «дети солнца». Совершенно ясно, что внутреннее содержание определялось исторически сложившимися отношениями: хазары господствовали над определенным населением района, над Южной Русью, и у последнего по отношению к хазарам ложился определенный комплекс представлений, которые выявляются в семантике этого термина. Определение, которое в таком же положении дается другими народами в разных однородных случаях, характеризует только внутреннее структурное развитие отдельного языка, разрешает лишь одну сторону проблемы. Случай обратный: мы имеем звучание тождественное, содержание различное. Должны ли мы идти, просто изыскивая логические пути осложнения одного содержания, перехода его в другое, для отождествления семантического генезеса этих двух звучаний, совершенно не учитывая при этом, что самые комплексы звучаний физиологически ограничены?

Далее, от этих отдельных беглых замечаний перейду к более широкой проблеме. Путь, по которому идет Н.Я. Марр, — это путь исключительно ценный для языкознания. Он дает

возможность действительно охватить всю сумму языков и дать единую закономерность эволюции. Но для нас, историков, которые должны использовать языковый материал в своих исторических изысканиях, важна также другая сторона проблемы — установление внутренних промежуточных граней в этом едином целом, затем возможность установления этапов развития звукового материала, взаимоотношения звуковых комплексов для исторических выводов. Вот товарищ Быковский приводил пример. Он указывал на роль кимеров, исторически и диалектически объединяющих различные народности, населяющие Восточную Европу. Вот у нас, значит, есть какой-то первичный комплекс, от которого идут дальнейшие разветвления. Возможность установления этих разветвлений, исторических граней между ними, несомненно, даст ценные нити историку. Меня это приводит к следующей постановке проблемы.

Теория Н.Я. Марра дает, с одной стороны, здесь не изложенную социологическую гипотезу этого первичного звукового комплекса — первого этапа в истории языка. Излагавшуюся здесь семантическую эволюцию языка я назвал бы третьим этапом. Но остается промежуточный этап объединения этих двух путей, их взаимного проникновении, врастания первого этапа в третий. Я бы сказал даже, что здесь, может быть, коренная, центральная проблема для историков. Этот вопрос я бы хотел поставить докладчику как основной; может быть, мы получим соответствующие указания в его заключительном слове.

В. Аптекарь. Я хотел бы остановиться на некоторых вопросах, которые тесно связаны с докладом Н.Я. Марра. Для историков вопросы лингвистики, конечно, не являются чуждыми. Ведь лингвистика — это одна из вспомогательных дисциплин для исторической науки, с данными которой особенно должны считаться историки, имеющие дело с древнейшими формациями в развитии человеческого общества. Историк-марксист, то есть такой историк, который хочет сознательно восстанавливать ход исторического процесса, пользуясь методом диалектического материализма, естественно, должен анализ всех фактов, в том числе и лингвистических, проводить по методу диалектического материализма. Между тем, господствующее сейчас положение рисует картину совершенно обратную. Мы можем назвать достаточное количество таких фактов, когда чрезвычайно выдержанные наши исследователи-марксисты, люди, знание которых в отношении диалектического материализма не подлежит ни малейшему сомнению, там, где им приходится иметь дело с данными лингвистики, оперируют совершенно недопустимыми, бьющими в глаза идеалистическими, если хотите, моментами. Эти идеалистические моменты кроются, прежде всего, в подходе к анализу лингвистических фактов и ведут к тому, что часто блестящие построения диалектиков-марксистов оказываются построениями невыдержанными.

Индоевропеистика, о которой говорил товарищ Быковский, в настоящее время переживает глубокий кризис, уходящий своими корнями в самое существо этой индоевропеистской лингвистики. В настоящее время правильнее было бы говорить не об индоевропеистской лингвистике, как о чем-то цельном, но о целом ряде направлений в ней. Все эти направления, из которых каждое претендует на то, чтобы быть ортодоксальным, сходятся в одном: их методология является совершенно шаткой, и наиболее характерной чертой этой методологии служит ее голый формализм. Если теперь подойти к так называемой яфетидодогии, то здесь нужно прежде всего отметить, что на нынешнем этапе своего развития, а в развитии взглядов Н.Я. Марра мы имеем целых шесть этапов, и этого не надо забывать тем, кто желает понять существо этой теории, на шестом этапе этот термин «яфетическая теория» является не чем иным, как анахронизмом. Мы по существу имеем здесь дело не с яфетической теорией. Этот термин можно было бы применять на первых этапах, но, уже начиная с четвертого, он себя изжил. Мы имеем дело, в сущности, со стихийно диалектически-материалистическим пониманием языка. Я не согласен с той постановкой вопроса, которую дал товарищ Быковский, заявляя, что мы здесь имеем дело с марксизмом в лингвистике. Нет, это не так. Н.Я. Марр совершенно правильно указал, что он не марксист. (Это в особенности должно подчеркнуть сейчас, когда чрезвычайно лестно носить это звание и когда очень многие люди, ничего общего с марксизмом не имеющие, в частности в той же области — в лингвистике, в особенности в последнее время и, в особенности у нас в Москве, чрезвычайно носятся с «марксизмом»). Он не марксист, так как подходит к этим вопросам «стихийно». Его диалектически-материалистическое понимание родилось от самих материалов. Он уже оперирует диалектическим методом, но в значительной части он его еще не осознает. Это является величайшей заслугой, если человек самостоятельно, от материалов пришел к марксизму. Но «стихийность» Н.Я. Марра особенно нужно подчеркнуть для того, чтобы те, кто идет по его стопам, не полагали, что достаточно установить «яфетическую теорию» — я употребляю это в кавычках — в таком виде, как она представлена

в работах Марра, и это будет марксизм. Марр открыл Америку в области лингвистики, он перешел на рельсы марксизма, но последователи Марра не имеют права открывать снова и снова эту Америку, не имеют права снова проделывать этот долгий путь колебаний от идеалистического объяснения к марксизму. Они должны начать прямо с марксизма и, беря метод диалектического материализма, должны не стихийно, а совершенно сознательно оперировать им в области лингвистики. Только тогда мы действительно будем иметь не стихийно, а сознательно выдержанную марксистскую теорию лингвистики. Я приведу такой факт: один из ленинградских историков, людей, близких к марксизму, товарищ Ковалев, в своем докладе в Ленинградском научно-исследовательском институте марксизма выдвинул принцип конкордата между марксизмом и яфетической теорией. Марксисты, по Ковалеву, должны признать яфетическую теорию своей марксистской теорией языка, а яфетическая теория должна признать своей теоретической базой марксизм. Это выступление дало некоторым товарищам основания, чтобы говорить о марксизме и о марризме. Они агитируют против Н.Я. Марра, против его взглядов, устраивая ложную тревогу и выбрасывая лозунг: «Товарищи, стойте твердо на почве марксизма, сталкиваясь с марризмом». Весь ход развития Н.Я. Марра характеризуется тем, что в нем все меньше остается элементов марризма, и все больше мы получаем элементов марксизма. Но если в отношении Н.Я. Марра надо считать, что главная его работа, конечно, должна быть направлена на то, чтобы вести дальше исследовательскую работу, то в отношении его молодых учеников, число которых увеличивается, надо вынести директиву, чтобы о марризме не было и словца, чтобы они начинали сразу с марксизма. Для этого надо сначала учиться марксизму, затем сознательно переносить его в область лингвистики.

А. Мухарджи. Товарищи, я не лингвист и не филолог для того, чтобы говорить относительно доклада товарища Марра, но я того мнения, что его теория имеет очень большое значение для историков, и я взял слово как историк. В XIX веке буржуазный ученый Макс Миллер и другие основали расовую теорию филологии и индогерманскую расовую теорию. Эти теории имели значение и подвинули в известной степени наши знания, доказав, что в древнем мире было лингвистическое единообразие. Причины такого единообразия они видели в происхождении индогерманской расы. Но в XX веке, когда наука истории потребовала подробной информации от индоевропейских рас и о том, почему они эмигрировали в завоеванную Индию, — буржуазно-расовая филологическая теория пришла в негодность. Однако эта буржуазная теория имела политическое значение. Она показала, что по закону природы сильная раса должна подчинить себе более слабые.

Теория товарища Марра, что происхождение языка — экономическое, а не расовое, пролила свет на основы буржуазной теории. Яфетидология заставляет нас взглянуть на древнее сходство в наименованиях вещей, служивших предметом торговли. Я снабжен хорошим словарем обычных слов, употребляемых в Индии, на Малайском архипелаге и в Японии — на Востоке и в Греции, в Ассирии и Вавилоне — на Западе, но я не могу ссылаться на них здесь вне их прямого отношения к теории Марра об экономическом происхождении языка. Подчеркну лишь историческое значение того факта, что яфетическая теория могла противостоять буржуазной теории расового происхождения. Мы можем теперь сказать, что не существовало арийской расы, о которой говорит индогерманская теория. Вместо этого были отдельные различные племена как кавказские, так и семитского происхождения. При условиях тогдашнего транспорта торговые операции были трудным делом. На всем пути встречаются отдельные группы племен, которые переносят товары от одного племени к другому. Таким путем не только язык, но и цивилизация распространялись в прежние времена. Это уже нас подвело к дверям классовой борьбы тех дней, а также к классовой войне.

Таким образом, теория Марра есть не только развитие буржуазной теории филологии и истории, она — революционная теория, и поскольку товарищ Марр выполняет дело этой теории при диктатуре пролетариата и вместе с пролетариатом (факт, доказываемый тем, что он здесь член президиума) — его теория есть пролетарское развитие буржуазной теории, так как она основана на экономическом объяснении происхождения и этапов развития языка и помогает пониманию классов и классовой борьбы прежнего времени. И более того: так как товарищ Марр признает диктатуру пролетариата, его теория есть большевистская теория филологии, и мы, революционные пролетарские историки, приветствуем ее.

И. Кусикьян. Первый вопрос, который встает перед историком, выслушавшим доклад о яфетической теории, это вопрос о том, какое же значение эта теория имеет для историка-марксиста. Я бы хотел на конкретном примере показать значение этой теории, так как иногда такие примеры имеют больше значения, чем общие рассуждения.

Ограничусь приведением следующего факта: я занимался в течение ряда лет историей феодального средневековья в Армении, а теперь после изучения яфетической теории пришел к заключению, что я занимаюсь не феодальной Арменией, а феодальным Закавказьем. Как будто бы здесь произошла замена слов: Армения входит в число закавказских государств, и, следовательно, ничего тут удивительного нет, что я перешел от занятий над феодальной Арменией к работе над феодальным Закавказьем. А между тем произошла эта перемена в связи с яфетической теорией. Как известно, армянский язык включен старыми буржуазными учеными в группу языков индоевропейских и до сих пор там остается, несмотря на то, что яфетическая теория давно занялась этим вопросом, пережила ряд этапов при рассмотрении этого языка и пришла к новым выводам. Что же яфетическая теория дала мне при изучении, казалось бы, чисто исторических вопросов? Вот что она дала: оказывается, армянский язык, который хронологически делился на две части — древний и новый язык, не является одним языком, а распадается на армянские языки. При этом древний армянский язык, согласно яфетической теории, оказался более поздним по своей системе, чем новый или те новые языки, на которых говорят крестьяне Армении, современные армяне, обыватели городов и так далее. Казалось бы, произошла перестановка, нестрашная для историка. Но это не так. Оказывается, в связи с этим в трудах историков очень многое перевернулось. Попросту все труды буржуазных историков как армян, так и европейцев, не только должны быть пересмотрены, но просто сданы в архив. Чем вызывается такое резкое суждение, спросите вы. Оно вызывается хотя бы тем, что когда историки-марксисты, и в частности я, занимаясь отдельными вопросами о классах в древней Армении, наталкиваются на отдельные термины, то объяснить эти термины с точки зрения индоевропейской теории в большинстве случаев невозможно. Старые истолкования шатки, и подчас все объяснение сводится к тому, что эти термины вкладываются в заранее установленные рамки; получается та натяжка, которая для историка-марксиста неприемлема. Сейчас в Армении занимаются таким пересмотром многих терминов, имеющих очень важное значение для историка. На помощь в этих случаях должна приходить яфетическая теория. Это один факт.

Затем возьмем другой факт, касающийся взаимоотношений армянского языка с соседними языками. Если вы раскроете все главнейшие труды индоевропеистов, вплоть до крупнейшего современного буржуазного ученого Мейе, то увидите, что в них армянский язык является счастливым исключением на Кавказе; он является единственным на Кавказе индоевропейским языком, остальные же языки — неизвестно какого происхождения, как например грузинский язык. О других же языках более маленьких народностей и говорить не приходится. Что же сделала яфетическая теория? Она совершенно до основания сломала ту стену, которая существовала, скажем, хотя бы между армянским и грузинским языками. Разве это вопрос только лингвистический? Конечно, нет! С одного бока он лингвистический, а с другой стороны — исторический. Историк теперь может знать, что по своей структуре язык армянских феодалов, тот язык, который прежде назывался древним языком, новее современного армянского языка, а язык современных армян по происхождению, по системе древнее. Оказывается, что этот древний язык армян-феодалов по своему характеру, по структуре близок к языку феодалов грузинских, что классовая близость здесь налицо и в отдельных терминах, и в отдельных представлениях. Вот то, что является достижением яфетической теории! То, чего никак не могли объяснить индоевропеисты, объяснено теперь яфетической теорией. В этом состоит ее огромное, исключительное достижение. Это обстоятельство нам, историкам, надо иметь в виду, потому что еще сегодня Н.Я. Марр говорил относительно «техники», той техники, которая и в языкознании нам особенно необходима. Но я думаю, что здесь дело касается не только одного Закавказья. Если строго проследить, то и на Украине, и в РСФСР, и в других республиках нашего Союза, а также и в Европе, на всем земном шаре мы найдем такие же вопросы, которые необходимо разрешить именно с точки зрения яфетической теории. И если в некоторых случаях конкретная работа, проделанная яфетической теорией, сломала стены, разделяющие народы, если эти стены разрушены и разрушены, я думаю, раз навсегда, то это факт, конечно, не только лингвистический, но и исторический. Над этим нужно подумать многим из тех, которые не знакомы с яфетической теорией. Повторяю, что эта теория требует большого напряжения для того, чтобы ее постичь. Но можно заранее сказать, что всякий историк-марксист, постигший ее значение, почувствует, что он не зря поработал над этой теорией.

П. Кушнер. Яфетическая теория — безусловно, теория социологическая, потому что она ставит перед нами основную проблему о направлении общественного развития. Если эта теория после детальной критической проверки с точки зрения исторического материализма

окажется правильной, то она и даст возможность разрешить такие вопросы в области генезиса различных общественных форм, которые до сих пор еще не разрешены. В частности, уже в докладе академика Марра некоторые указания дают возможность сказать, что яфетическая теория и сейчас намечает путь для разрешения вопроса о генезисе матриархата. Исследования о басках указывают на то, что у этой народности матриархат, очевидно, был явлением первичным, весьма ранним. Затем необычайно интересные моменты яфетическая теория дает в понимании распространенности тотемизма. Если действительно так широко были распространены тотемические названия всевозможных населенных пунктов, рек, а также и народов, то тотемизм был общераспространенным, всемирным явлением, а вовсе не местным, ограниченным какой-либо территорией. Эта теория может дать нам совершенно новое понимание генезиса основных производящих промыслов человечества: скотоводчества и земледелия. Она далее дает понимание тех основ, на которых произошло появление собственности. Все это проблемы неразрешенные и весьма спорные именно в смысле их хронологии.

Наконец, вопрос о происхождении классов. Здесь, пожалуй, самое главное место яфетической теории на данной стадии ее развития. В выступлении академика Марра «класс» — понятие не вполне определенное. Классовая борьба и классовая дифференциация относятся к временам слишком отдаленным, чуть ли не первобытным, и наконец, так широко трактуются, что мы, в конце концов, должны будем или несколько уточнить это понятие, или попросить у референта дополнительных каких-то доказательств, что действительно классы существовали в те времена, к которым он их относит. Я приведу небольшой пример с тем же самым греческим словом Посейдон. Из того, что это слово состоит из трех частей, причем каждая часть является названием воды, академик Марр делает вывод, что такое понятие как понятие не конкретное, а являющееся отвлеченным, символическим, могло быть только понятием господствующего класса или появиться во всяком случае в эпоху сильной социальной дифференциации. А можно это толковать и несколько иначе. Можно это толковать так, что несколько племен, несколько групп, имевших совершенно разнообразные языки, слились. Но у них могло не быть классов. Это могло быть общество бесклассовое. Мы знаем ряд примеров, где бесклассовые общества сливаются и образуется новое бесклассовое общество, в котором очевидно все языковые материалы, имеясь у каждой отдельной группы, должны были так или иначе сливаться.

Дальше. Говоря о классовых различиях у греков и римлян, академик Марр насчитал четыре-пять отдельных нарицательных названий населенных пунктов (и деревни и города). Это, по мнению академика Марра, указывает на то, что и здесь есть классовая дифференциация, и здесь есть какая-то — очевидно социальная — группировка. В этом отношении спорить с ним не приходится, потому что он берет язык эпохи письменности и говорит на основании памятников письменности. Но, судя по развитию большинства народов, письменность приходит уже тогда, когда дифференциация общества действительно достигла классовых форм. Однако переносить этот язык эпохи письменности на все вообще народы, в том числе и бесписьменные, по-моему, все же поспешно, потому что у этих народов совершенно иные если не законы, то формы развития языка, соответствующие их более низкому хозяйственному уровню. Мой вывод: поспешно так обобщенно устанавливать классовые элементы по отношению к тем обществам, где замечается уже некоторая дифференциация языка.

Яфетическая теория, — если оправдается, что действительно в ту эпоху, про которую говорит академик Марр, существовали классы, — отодвинет бесклассовое общество в далекое прошлое, но она его не уничтожит, и снова перед нами встает проблема изучения генезиса классов, хотя и совершенно в иной обстановке. Поэтому, может быть, при изучении самой проблемы возникновения класса яфетидологи, которые должны были подчеркнуть эту производственную природу класса, немножко больше займутся вопросом, в какую же именно социальную, производственную эпоху впервые появляется классовая дифференциация.

М.Н. Покровский. Я хотя и не собирался брать слова, но так как я услышал, надеюсь, к счастью, мною просто непонятые слова, — будто очень плохо, что академик Марр идет от фактов к теории, а не наоборот от теории к фактам — то я просто хотел — может быть и у других такое недоразумение возникло — я хотел сказать, что путь академика Марра — правильный путь, путь, которым всегда шли Энгельс, Маркс, Ленин. Даже когда они уже имели в руках теорию, они все время тщательнейшим образом изучали факты, всю жизнь изучали факты, на фактах проверяли теорию. Такого учения, что ежели у вас в голове есть совершенная абстрактная теория, то никаких фактов, в сущности, вам не нужно или вам достаточно притягивать факты для иллюстрации, такого учения в марксизме не существует. Это одна из наиболее ярких форм антимарксистского мышления, какую только можно придумать, почему я и надеюсь,

что я просто ослышался, что товарищ Аптекарь этого сказать, конечно, не хотел. Но так как я так понял, то я решил помочь товарищу исправить его обмолвку, это не мешает. Итак, тот стихийный путь, которым идет академик Марр, он сам по себе совершенно правилен, но, конечно, он должен освещаться теорией, поскольку у нас теория есть. Странная вещь, носить в кармане великолепную электрическую лампу и не пускать ее в ход, а идти ощупью в потемках. Это, конечно, делать не следует. Но этой самой лампой нужно что-то освещать, и вот, товарищи, я хотел обратить внимание на одну сторону дела. На это, правда, уже товарищ Кусикьян указал, позвольте еще раз подчеркнуть это. Вы видите, до какой степени то, что я назвал научной техникой, колоссально важно. Вы можете проверить утверждения нашего уважаемого докладчика? Вероятно, в этой зале найдутся 3—4 человека, которые могут проверить, но все остальные, в том числе и я, должны принимать это на веру. А между тем сознательно отнестись к этой теории, использовать ее для марксизма можно только будучи в состоянии ее проверить. Для этого нужен весь тот запас лингвистических знаний, который Н.Я. Марр накоплял в течение сорока лет, — вот что нужно. Я надеюсь, что его последователи будут накоплять не в 40 лет, а возможно в 4—5 лет. Имея теорию, идти вперед гораздо легче, потому что мы с теорией имеем перед собою не лесную чащу, где приходится прочищать себе дорогу, а прямую шоссейную дорогу. Но все-таки придется потратить огромное время на специальное изучение этого материала. Вы думаете, что это касается только лингвистики? Извините, пожалуйста. Это касается любой исторической области в такой же точно мере.

Теперь идут споры с поляками, которые претендуют на то, что нет автохтонов и белорусов, что это какие-то обрусевшие поляки. И люди, которые знают только современное состояние Белорусии, приходят в некоторое недоумение, как с этим бороться. Между тем с этим бороться очень просто. Все исторические памятники, — их огромная масса, — они не только опровергают, но и показывают колоссальное невежество, совершенную дикость и тупоумие подобной точки зрения. Надо памятники изучать, знать. Так что в любой области приходится тоже потратить массу времени и усилий на то, чтобы собрать фактический материал, без которого двигаться вперед нельзя. Конечно, никакой марксист не станет проповедовать превосходство эмпирии над теорией. Но утверждать, что человек, который считается с фактами, не марксист, это значит чудовищно перегибать палку.

Теперь, товарищи, относительно самого значения яфетической теории. Тут выступавшие указывали, — я извиняюсь перед Н.Я. Марром, но мы в значительной степени товарищи и можем быть откровенны, — на некоторую путаницу в терминологии. Это факт, не подлежащий никакому сомнению. Суть дела,— я надеюсь, что все это поняли, несмотря на несколько необычный характер доклада, — заключается в том, что развитие языка связывается с производством. До сих пор кое-какие попытки делались в этом направлении. Такие попытки были у Нуаре, но очень слабые, и только. Больше ничего. Н.Я. Марр показал, как термин «производственный» является, в сущности говоря, командующим, благодаря чему собака превращается в лошадь, потому что она играет в хозяйстве ту же роль тяговой живой силы, как это есть у северных народов, — раньше тянули на собаках, а потом стали запрягать лошадь, а зоологическая природа собаки, лошади играет второстепенную и даже третьестепенную роль. Это одно бросает чрезвычайно яркий свет на всю историю языка. К сожалению, академик Марр привел очень мало фактов в этом направлении. Он говорил относительно руки. Мне помнится, что у него и другие факты, более поразительные, — это олень и слон, которых тоже можно сближать по той же самой хозяйственной роли тяглового животного. И это можно проследить по всем линиям. Вы видели пример с хлебом и желудями — та же самая история. Римляне называли хлеб — panis, по-гречески — βάλανος;. Они перестали, есть желуди, а стали есть хлеб, — но функция была одна и та же — набить желудок, и слово пригодилось то же самое; хозяйственные функции доминируют. В истории языка — это колоссальной важности открытие, и за одно это открытие товарища Марра, хотя он стихийный марксист, марксисты нестихийные должны приветствовать. Я глубоко убежден, что если бы Энгельс был жив, то, по всей вероятности, никакого сомнения не было бы относительно того, что теория Марра есть одна из полезнейших для марксизма теорий. Это не подлежит никакому сомнению.

Затем позвольте напомнить один факт, не случайный, на свете ничего случайного не бывает! Не первый раз академик Марр встречается с нами, большевиками. Он не был активным участником революционного движения и поэтому он не вобрал в свое сознание фактов, наиболее ценных для историка-обществоведа, фактов непосредственной классовой борьбы. Я неоднократно высказывал, как для меня революционная борьба давала различные этапы развития моего социалистического мировоззрения. Но академик Марр очень близко наблюдал

революцию 1905 года на своей родине в Грузии. Он написал интересную книгу и в этой книге тогда (это вы оцените — книга вышла в 1907 году!) высказал свое полное сочувствие большевикам, а не меньшевикам и не какой-нибудь другой партии. Это чрезвычайно характерно и не случайная вещь, Н.Я. Марр стихийно вырастает в марксиста, и он действительно растет.

Заключительное слово

Товарищи! Я так много говорил, что сказанного, думаю, было достаточно. Начну с последнего замечания, потому что оно самое критическое, самое существенное. Это замечание, касающееся путаницы в терминологии. Но виноват ли я в этом — не знаю, потому что я еще нужных терминов не нахожу. Нельзя все время в кавычках ставить в новом смысле используемый термин. Мне нужна определенная социальная группировка, которая не будет ни племенем, ни случайной группой. Когда это производственно-социальная группа, как мне ее назвать? Я с удовольствием приму термин, если мне его укажут. Я понимаю, что нельзя ее назвать классом в обычном теперь смысле, но назвать этнической группой я не могу. Поэтому и происходит путаница. Эти вопросы могут быть решены только марксистами. Вот почему несколько лет тому назад я говорил, что нашей работе конец, что мы дальше продолжать не можем. Эта напечатано. Я говорил в обращении к ученикам, что если они не будут продолжать это дело в сторону социологическую и марксистскую, то нашему делу конец. Нужно дождаться, когда марксисты возьмут его в свои руки и вас с вашим учителем выгонят вон. Это напечатано. И тогда марризм погибнет, и будет марксизм. Я не хочу, чтобы сам Марр погиб (смех в зале). Но марризм пусть погибнет! Да я и не предполагал, что это марризм. Я никогда не считал это марризмом, потому что это дело определенных общественных условий, конечно, трудно мне сказать, каких именно. Я думаю, что здесь вопрос не в материале, а в некотором воспитании. Это воспитание, хотя и русское, я получил в Ленинграде в академических условиях университета с его многоязычием, в частности факультета восточных языков. Без этого не было бы и марризма.

Теперь перейду по порядку к замечаниям. Мне говорят, почему вы не сделали такую-то вещь, такую-то вещь. Но дело в том, что я не разрабатывал теории в порядке составления учебника или курса на основании готовой специальной литературы. Ведь если индоевропейская лингвистика не могла всех этих вопросов осветить, но как же вы предлагаете это сделать лицу, которое почти что находится в изоляции, поскольку большинство и моих учеников занимается изучением отдельных языков? Надо, конечно, интересоваться изучением отдельных языков, теперь более углубленным изучением, но я один не мог и не могу все эти вопросы разрешить. Настанут времена, когда в этом деле примут участие не только специалисты-лингвисты. Конечно, к ним на помощь придут обществоведы и в первую очередь — марксисты. Только тогда все это будет возможно разработать.

Первое замечание первого оратора, который здесь выступал, это указание на то, что я не коснулся кимеров, между тем им доказана общность кимерских прародителей у народов различных, как предполагалось, семей — финнов и русских. Я не знал, что это документально доказано. Если это доказано, то конечно я всецело к этому присоединяюсь. Я нарочно, когда говорил о скифах, решил не касаться вопроса о кимерах, так как не знал, что это исторически трактуемо, не говоря о том, что теперь доказано. Но, несомненно, кимеры входят в состав первоначального населения Западной Европы и Восточной Европы. В частности в России они не только входят в состав субстрата ее населения, но принимали участие в созидании социально выработанных звуковых законов, которые теперь свойственны и русскому языку по наследию. Это для меня никогда не подлежало никакому сомнению. Но я считаю, что одной лингвистикой этих вопросов решить нельзя. Мы должны их согласовать с историей всякого рода, с историей материальной культуры и просто культуры.

Следующий оратор сделал совершенно правильное замечание. Я бы выразился так: мы можем использовать яфетическую теорию в истории, но это очень трудно. Почему? Потому что, когда историк имеет дело с недавней эпохой — это одно дело, а когда он имеет дело с давно прошедшими временами — это другое. Возьмите, например слово «плебей». С этим словом связана большая проблема. Многие говорили, что плебей это — не особый класс, а племя. Я тоже стоял в его толковании на этой точке зрения. Однако выяснилось, что племя (объединение на крови), так же, как род и как семья, есть позднейшее социальное достижение. Мы сейчас ставим вопрос об использовании яфетической теории для истории. Раз мы говорим о плебее, то нужно выяснить, какая это социальная группировка. Все это кто вскрыл? Это вскрыла яфе-

тическая теория. Вместе с тем же вопросом о плебее выступает вопрос о 12 таблицах. Именно из того, что в таблицах используются языки не одного народа, а различных народов, выходит, следовательно, не народов, а классов, и это правильно, так как языки все доселе классовые. Вот это вопрос чрезвычайно важный. Яфетическая теория касается общественности, истории материальной культуры, вообще исторической науки и целого ряда других наук, в результате изучения конкретных явлений звуковой речи, увязанной со всем окружением. Но все-таки я должен сказать, что яфетическая теория в настоящий момент не может быть использована в такой мере, в какой она должна была быть использована, если бы она была проработана в мере ее возможностей.

Сейчас стал вопрос о стадиальном развитии. Когда это стадиальное развитие будет окончательно выяснено — не в том смысле, как схематически этот вопрос мы и теперь изучаем в общих недифференцированных линиях, а в смысле того, что именно собой представляет конкретно каждое стадиальное развитие, — тогда будет качественно установлено, на каких этапах, на каких основаниях и в каких условиях были выработаны первые и последующие пласты звуковой речи и последовательность соответственных напластований. Тогда, конечно, историки все это смогут использовать. Но сейчас мы чувствуем одно: мы должны отказаться от того, что есть какая-то доистория, как ее называли. Никакой доистории не существует, а есть только забытая история, по-гречески — «лефоистория». Таким образом, кое-что и для истории остается из области так называемой доистории. Это уже большое достижение. Это дает возможность подходить к целому ряду языковых явлений с большей конкретизацией выводов и утверждений. Что касается семантики, то кое-что для изучения и усвоения в докладе имелось. Я брал сегодня не звуковые переходы, а целый ряд слов, легко воспринимаемых и сближаемых со стороны звучания. Это более понятно при палеонтологическом вскрытии увязки их значений. Но это не значит, что мы только теперь ставим вопрос об этой семантике. Мы хотим вскрыть и вскрываем социальные явления в «корне» слов, именно в их значениях, как того требует и история. Это касается семантики не только слов, но и форм, окончания или суффиксов, равно префиксов и тому подобное.

Я должен сказать, что вначале женского и мужского рода не было отдельно, потому что не было разделения на мужской и женский род. Это доказывают даже такие термины, как папа, мама и целый ряд тому подобных лингвистических вещей. Я привожу пример с папой и мамой, потому что это обычный пример. Многие думают, что папа и мама это два различных слова. Ничего подобного, папа наследовал свое название от мамы с ее правами: вначале не было ни папы, ни мамы, а потом настал период, когда была мама, когда мама была известна, но папа был еще неизвестен, а затем, когда папа появился, получилось не то хуже, не то лучше. Больше порядка, меньше свободы. Но папа вступил в физические права матери? Нет. Очевидно, не в физические права, а в права социально-общественные. А потом оказалось, это не был сразу только папа, а это был и брат. Таким образом, получается совершенно иное соотношение вещей, о котором долго рассказывать, но значительная часть этого напечатана. Но, тем не менее, я хочу сказать, что в связи с этим не могло быть и женского рода. Раз язык социально возникал, и раз явления даже фонетические, даже морфологические были социального характера, как же они могли отражать то, что людским коллективом не осознавалось? Не было никакого различения — мужчина или женщина. Во главе стоит — и больше ничего. А когда впоследствии получилось такое общество, где женщины и мужчины различались, тогда появился не только мужской род, но даже и средний род. Ну, скажите, какой это род средний? Надо быть совершенно наивным человеком, чтобы признавать средний род. Ясное дело — это пережиток того, что было при концепции социальных отношений трояких родов, отразившихся в мировоззрении о трех мирах, верхнем, нижнем и преисподнем.

Это тоже более или менее разъяснено, и это — совершенно элементарная вещь. Но все-таки замечание этого оратора — «чтобы использовать, надо конкретно подойти» — совершенно верно. Мы об этом говорили. Но лингвист этого не может сделать. Нужно, чтобы марксист-историк подошел и взял это в свои руки. Многие когда-то говорили мне: «Как хорошо! Вы изучаете Кавказ». В то время у меня была национальная установка. Или когда я приезжал в Грузию и Армению: «Как хорошо, что вы изучаете армянский язык, продолжайте изучать». Покорно благодарю. Это выходило бы так, как когда теперь сочувствующие говорят: «Хороша ваша теория. Продолжайте дальше». Не будет этого. Продолжать яфетическую теорию могут только лингвисты, но только тогда, когда это изучение увязано с целым рядом различных дисциплин, которые связаны с языками всего мира. Но для этого надо быть тем, как кто-то меня называл, то есть шарлатаном, чтобы браться за такое изучение. Буду ли я марксистом

или нет, я должен признать, что без коллективной работы этого нельзя сделать. Вот почему я против всякой индивидуалистически построенной работы. Нужна масса знаний, при этом не количественная, а качественная. Без этих знаний невозможно охватить все это. Для этого нужна та система работы, о которой мы пишем и пишем во всех программах, но к которой мы никак не подходим. У нас в учреждениях все сидят по различным отделам и не поделятся друг с другом. И когда есть какой-нибудь материал, один прячет его от другого. Показывают уже только тогда друг другу, когда бывают результаты. Это даже в том учреждении, во главе которого я нахожусь (*смех*).

Теперь о матриархате и о замечаниях товарища Кушнера, Помилуйте, как же это так — класс? Как это я употребил такой термин? Можно найти другой термин. Я сказал, что были эти так называемые классы, были такие общественные деления. Но я сегодня не излагал яфетическую теорию. Я излагал только вопросы, которые характеризуют яфетическую теорию. Но есть целый ряд других указаний, что были классы, например, наличие сравнительной степени и превосходной. Я сказал, что это отражение различных так называемых племенных (собственно говоря, социальных) группировок, когда вы в греческом языке имеете различные корни, различные прилагательные в различных степенях. По-русски вы имеете две степени — положительную и сравнительную[49], а там — три: положительную, сравнительную и превосходную. Если даже историк скажет мне, что там не было таких трех слоев, я скажу: значит, у вас нет материала, значит, вы не знаете, что произошло с этим народом. У них были три дифференцированных слоя, потому что для каждого слоя были такие определенные группы слов, которые выдвинуло только что племя, собственно этот социальный слой. Было ли там притеснение, гнет? — конечно, язык не может этого сказать. Он не может сказать, что один класс бил другой. Но язык может сказать одну вещь: когда-то была племенная группировка, которая находилась на низшей ступени, которая находилась в определенном утеснении. Мы можем сказать все-таки, что на известной ступени социального развития факт утеснения одного социального слоя имел место, о чем отчетливо говорят определенные термины надстроечного или морального порядка — 'грубый', 'подлый', 'злой', 'дурной' и тому подобное, отождествляющиеся с так называемыми племенными названиями, соответственно названиям определенных социальных слоев. Дальнейшее уточнение зависит от языкового материала и так далее. Здесь не может быть никакого сомнения не только в указанной значимости степени сравнения, но и в источнике использования в указанном смысле называемых племенных слов, которые относятся к тотему определенной группы, отождествляются с этой группой. Все это имеет, предполагается, особое значение для начальной эпохи, когда создаются все эти слова. Теперь, конечно, другое дело. Не изыскивается та же техника в образовании таких слов, как «телефон», «наркомпрос» и т.д. Это слова, которые нельзя ставить для иллюстрации словотворчества ни на одной из предшествующих ступеней стадиального развития, не говоря о начальных эпохах.

Вот, говорят, английский язык — образчик скрещения. В английском языке в целом совершенно другой вид процесса скрещения, другая модальность образования и другая структура, если не система, в связи с историей. И вы говорите ведь об истории. Совершенно другое дело, когда речь идет о «классовой» дифференцированности. Самое главное: для обществоведа-марксиста яфетическая теория вполне приемлема, может быть потому, что ничего особенного не говорит. Но вызывает сомнение «классовая» дифференцированность в эпоху возникновения языка. Отчего происходит сомнение? Оттого, что предполагают, что звуковая речь началась с первого момента возникновения человечества и его общественности. Это есть глубочайшее недоразумение. Звуковая речь началась тогда, когда человечество проделало громадный путь развития не одной материальной культуры. Она появилась на высокой ступени развития, до которой дошло человечество, имея позади почти весь палеолит. Всю предшествующую ступень развития человечество прошло с линейной речью, беззвуковой. И эта линейная речь была в практике так долго, что возникает мысль об увязке с нею позднейших культурных достижений. Так долго господствовала линейная речь, что М.Н. Покровский предположил, и, думаю, основательно, возможность увязки возникновения письменности с пережитками линейной речи. Когда звуковая речь началась, и тогда еще не сразу устанавливался обыденный, или повседневный язык. Ничего подобного. Люди продолжали говорить линейной речью, жестами, только приправляя ее звуками. Вы, вероятно, думаете, что сейчас, с нарождением данных звуковой речи, люди интересовались тем, как назвать 'нос', или 'хлеб', или 'пошел домой'. Совершенно нет, обыденная речь возникла очень поздно.

Возникает вопрос о том, что сама звуковая речь была классовой. Масса оставалась еще без звуковой речи, ей было достаточно иметь линейную речь. Она была так же неграмотна

по звуковой речи, как у нас в XX веке есть неграмотные по письменности. Просто писать не умеют. Так было и тогда. Язык звуковой распространялся также или также имели интерес не распространять его, как не распространяли грамотность (*аплодисменты*).

Теперь вопрос о собственности. Само собою понятно, для того, чтобы говорить о праве собственности, должно быть лицо. Это лицо должно было быть, как сказали бы мы, юридическое. Кто же было юридическое лицо? Первого лица вовсе не было. Лингвистика вам утверждает, что первого лица не было. Началось с третьего лица. Теперь прекрасно. Кто заботится о том, чтобы у третьего лица была собственность? (*Смех*) Каждый заботится о первом лице, причем из вежливости бывает так, что заботятся о втором лице, а про третье — ничего хорошего. Это не шутка, а факт, что именно первое лицо появляется, когда общественное хозяйство становится таким, что требует этого права собственности. А между тем право собственности было иного характера. Оно принадлежало коллективу. А что же оказалось лингвистически? Вместо третьего лица оказывается название коллектива, сам коллектив с его названием, тотемом. Когда говорили: «принадлежит ему», это вовсе не значило «Ивану Ивановичу». Действительно, так называемые племенные названия, некогда тотемы, были священными, впоследствии стали Божьими. Поэтому право собственности и названо священным. Право собственности — это для старого мира Божье, святое дело. Может быть, оно действительно при известных условиях должно было быть чем-нибудь закреплено, чтобы это право было вне спора, крепко. Но так как палеонтологией тогда не занимались, то после некоторого времени подобного «совпадения» получилось, что собственность принадлежит не племени (конкретному коллективу), а Богу, абстрактному, сначала коллективу, впоследствии тем, которые Богом взысканы, захвачены (бесноватый, шаман, жрец и т.д.), иначе приходится воспринимать не только лицо, но даже самое понятие и о лице, и о собственности. Для того, чтобы понять это право собственности, как мы понимаем, надо знать, что представления единичности не было вне увязки со множеством. Не было самостоятельного представления единичности. Говоря проще, единиц не было в языке, потому что не было единственного числа.

Мы говорим так, что сначала единственное число, а потом множественное, а на самом деле этого не было. Когда стали объяснять положение, что надо единичное, индивидуальное, стали специально образовывать единственное число. Но мы так много прожили, человечество так много прожило, что кажется странным, что как это единиц не знать и не начинать с единиц не только исчисления, но и самого мироздания; отсюда, вначале был Бог, который сотворил все, и небо, и землю и так далее, и даже когда «вначале было слово», то «слово было Бога», даже сам «Бог» (равно языкотворчества на «научной» теории), сначала был праязык. Ввиду того, что родной язык мой, яфетический, имеет такие особенности, я никак не понимал, почему смеялись, когда я приходил домой и говорил: «хочу вымыть себе руку». Почему руку, а не руки? По-грузински нельзя так сказать. В этих языках нет этого понятия, что если назвал себя, то это единственное, а понимается вообще. Точно так же относительно «леса» и «дерева». «Лес» и «дерево» одно и то же слово было. Да целый ряд был таких слов. Эти особенности требуют совершенно конкретных выражений единственного числа. А, что касается вопросов классового деления, то я тоже занимался этим. Я пробовал найти выход и думал: почему классы должны быть расположены слоями один над другим? Могли рядом сожительствовать с участием в одном общественно сближающем деле, занимаясь каждый своею технически-специальной работой, а потом следует объединение иного порядка. Но все-таки без первичного производственно-общественною сближения и объединения различных групп не выходит и по другим еще соображениям чисто лингвистического характера: если не будет такого экономического, конкретно производственно-социального стимула к такого рода совместной работе, если каждый в своем углу, нет объединения, и каждый остается при своем, то нет и не было бы скрещения, без чего не было бы звуковой речи, не было бы никакого «фонемного» языка без такого скрещения, которое пережиточно проявляется и в наши дни и которое можно иллюстрировать на одном примере из вотского языка. Когда вотяки называют землю «му», они называют «музем». Ему надо сказать «му» (родное) и «зем» (усвоенное от русских в процессе непосредственного общения). Когда в древности скрещивались, то имелись иные условия и сами скрещения массово происходили соответственно особым процессам, имевшим совершенно другое массово-творческое значение.

Теперь по вопросу об Индии. Это чрезвычайно интересные наблюдения, о которых еще раньше со мной говорил устно товарищ Мухарджи. Говорили и другие лица. Здесь также нужна яфетидологическая проработка материала. Конечно насчет Индии уйма вопросов. Кардинальный — об отношении к санскриту языков населения той же Индии, со звуковой речью

более древней системы, в том числе разностадиальной (яфетической). Но вот был затронут вопрос касательно терминов ‘соха’ и ‘овин’. Имеются ли указания на их происхождение? — Да. Я обо всех терминах, которые здесь перечислялись, не могу просто ответить, я ими всеми и не занимался. Но «соха» и «плуг» выяснились, и здесь точно так же не надо к ним подходить технологически, с техническим восприятием их природы. Нам кажется, что к предмету нельзя подходить, прежде всего, таким образом — из чего сделано, как сделано, — но под углом того, какие давались предмету тогда функции. А это вовсе не вытекало из того, что сделано и как сделано. Поэтому ученые, при таком упрощенно «материалистическом» подходе говорили — «соха — деревяшка, а «плуг» — что-нибудь другое». На деле же вопрос был в том, какое назначение имели эти орудия. Оказалось, что плуг и соха, это просто скифские слова, магического порядка, впоследствии означающие ‘Бог’. Это культовый, первично магический термин. Я говорил относительно того термина, который из хлеба становится Божеством отвлеченным, и того термина, который из воды становится также Божеством отвлеченным. Теперь ясное дело, что, когда мы сравниваем палеонтологически, мы можем брать из одного языка ‘Бог’, а из другого языка ‘хлеб’. В связи с этим я остановлюсь еще на одном слове: оказывается, что в русском языке ‘Бог’ связано немецким ‘брод’, которое увязано с французским ‘блэ’.

Тут ‘Бог’, выработавшийся из земледельческих хлебных злаков. Что касается слов ‘брод’ и ‘блэ’, то есть индоевропеистское объяснение этих слов. Объяснение таково: ‘блэ’ происходит от латинского слова ‘блат’, но на этом это объяснение не останавливается и откровенно прибавляют, что корень неизвестен. Нет никакого основания строить такое объяснение, и притом незачем строить слово, которое никому ни по каким конкретным данным неизвестно.

Примечания

1. Смотрите: Н.Я. Марр. Яфетическая теория (Баку 1928), с. 77, § 29.
2. Н. Марр. Карфаген и Рим, fas и jus (сообщение ГАИМК, II), с. 385.
3. Ibid, с. 383.
4. Н. Марр. Чуваши-яфетиды (Чебоксары 1926), с. 31, его же — Иштарь (ЯС, V), с. 77.
5. Н. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры (сообщение ГАИМК, I), с. 59; его же, Первый средиземноморский дом и его яфетические названия (ИАН), 1925, с. 229.
6. Н. Марр. Скифский язык (ПЭРЯТ), с. 370; его же — Карфаген и Рим, с. 381.
7. Н. Марр. Яфетические переживания в классических языках и ‘вера’ к семантическому кругу ‘неба’ (ДАН, 1929), с. 29. Его же, Первый средиземноморский дом и его яфетические названия (ИАН), с 230.
8. Н. Марр. Русское «человек», абхазское «d-owɔ’we» (ДАН, 1926), с. 81.
9. Н. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества... с. 46—47, сравните его же. — Иберо-этрусско-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков (ДАН, 1925), с. 10.
10. Н. Марр. Яфетическая теория (М. 1925), с. 36; отд. отт. ПЭРЯТ, с. 271, сравните Иберо-этрусско-италская племенная среда (ДАН, 1925), с. 10.
11. Н. Марр. Из яфетических пережитков в русском языке. I Мяч. (ДАН, 1929), с. 65, сравните его же. — Краеведение (Ленинград, 1925), с. 13.
12. Н. Марр. Из яфетических пережитков в русском языке. I. Мяч, с. 65. Орудийный и исходный падежи в кабардинском и в абхазском (ДАН, 1928), с. 224; Готтентоты-средиземноморцы (ДАН, 1927), с. 413.
13. Н. Марр. Яфетиды (ПЭРЯТ), с. 120; ‘Смерть’ — ‘преисподняя’ в месопотамско-эгейском мире (ДАН, 1924), с. 13. Происхождение терминов ‘книга’ и ‘письмо’ в освещении яфетической теории. Сборник «Книга о книге» (издательство Института книговедения, Ленинград, 1927), с. 71; La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitans de la Gaule, Etrusques et Pelasges (1922), p. 18.
14. Н. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества, с. 60—61.
15. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества... (сообщение ГАИМК, 1), с. 60.
16. Смотрите примечание 13.
17. Н. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества (сообщение ГАИМК, I), с. 61.
18. Н. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры (сообщение ГАИМК, 1), с. 62.
19. Смотрите Н. Марр. Карфаген и Рим, fas и jus (сообщение ГАИМК, II), с. 398—399.
20. Смотрите примечание 19 и Н. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи, с. 61; его же — Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском (ДАН, 1928), с. 225.

21. Н. Марр. Карфаген и Рим, fas и jus (сообщение ГАИМК, II), с. 399.
22. Н. Марр. О числительных. — Сборник «Языковедные проблемы о числительных» (Ленинград, 1927), с. 43.
23. Н. Марр. Скифский язык (ПЭРЯТ), с. 370—371.
24. Н. Марр. Готтентоты-средиземноморцы (ИАН,1928), с. 412; его же —Карфаген и Рим, fas и jus (сообщение ГАИМК, II), с. 381.
25. Н. Марр. Карфаген и Рим, fas и jus (сообщение ГАИМК, II), с. 372—415.
26. Н. Марр. Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении. («Краевед», № 1, 1927), с. 13, отд. отт.; его же — Карфаген и Рим, fas и jus, с. 402.
27. Н. Марр. Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории («Книга о книге»).
28. Н. Марр. Карфаген и Рим, fas и jus, с. 383.
29. N. Marr. La Seine, la Saône, Lutèceet les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges (Petrograd, 1922), pp. 13 ss.; его же — Яфетическая теория (Москва, 1925), с. 14 и 28 ПЭРЯТ, с. 209, 230.
30. Н. Марр. Ольвия и Альба Лонга (ИАН, 1925), с. 665 и сл., его же — Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении, с. 14; его же — Из переживаний доисторического населения, племенных или классовых, в русской речи и топонимике (Чебоксары, 1926), с. 11; его же — Из поездки к европейским яфетидам (ЯС, III), с. ПЭРЯТ, с. 144; его же — Иштарь (ЯС, V), с. 135.
31. Н. Марр. Ольвия и Альба Лонга (ИАН, 1925), с. 670.
32. Н. Марр. Из переживаний доисторического населения Европы, с. 11.
33. Ольвия и Альба Лонга (ИАН, 1925), с. 671.
34. Ольвия и Альба Лонга (ПАН, 1925), с. 670; его же, Чуваши-яфетиды, с. 70; Иштарь, с. 131, 138.
35. Н. Марр. Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении, с. 11; его же — Из Пиренейской Гурии, с. 59.
36. О числительных, с. 8 сл.; Из Пиренейской Гурии, с. 59 и др.
37. Н. Марр. Числительные, с. 23; Скифский язык, с. 376; Чуваши-яфетиды, с. 51—52.
38. Н. Марр. Числительные, с. 23, примечание 2.
39. Н. Марр. Чуваши-яфетиды, с. 51 и 52; Скифский язык, с. 371.
40. Н. Марр. Китайский язык и палеонтология речи. III. 'Дуб' → 'Хлеб' и 'дерево' (ДАН, 1926), с. 111; Скифский язык, с. 372.
41. Н. Марр. Приволжские и соседние с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий (ИАН, 1925), с. 690; Скифский язык, с. 383.
42. Приволжские и соседние с ними народности..., с. 681.
43. Н. Марр. Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян (ЗВО, т. XXV, с. 229—256).
44. «Скифский язык», с. 385.
45. «Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий».
46. Суоми-карельские и сомех-картские языки» (ДАН).
47. Чуваши-яфетиды, с. 70.
48. «Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении» (Известие ГАИМК, т. III), с. 257—287.
49. В русском языке искусственное оформление или описательное выражение превосходной степени представляет вторичное явление.

Текст печатается по изданию:
Марр Н.Я. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. — М.: Издательство Коммунистической академии, 1930.

Иван Иванович Мещанинов

Иван Иванович Мещанинов (1883, Уфа, — 1967, Ленинград) — советский языковед, археолог, академик АН СССР (1932), Герой Социалистического труда (1945). Окончил Петербургский университет (1907) и Археологический институт (1910). Директор Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (1933—1937), Института языка и мышления (1935—1950), академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1934—1950). В 1920-х — начале 1930-х годов И.И. Мещанинов руководил археологическими раскопками в Северном Причерноморье и Закавказье. В области археологии и лингвистики является учеником Н.Я. Марра. Специалист по мертвым языкам Кавказа и Малой Азии, в частности урартскому языку (халдскому). Обобщил результаты исследований в монографиях: «Халдоведение» (1927), «Язык ванских клинообразных надписей на основе яфетического языкознания» (1932), «Язык ванской клинописи» (1935).

И.И. Мещанинов в координации с идеями Н.Я. Марра разрабатывал яфетическую теорию языка; особое внимание уделял проблемам связи языкознания с историей материальной культуры, прослеживал стадиальность в истории языка и письма, критиковал теорию миграций, генеалогическую классификацию языков. В работах «О доисторическом переселении народов» (1928), «Введение в яфетидологию» (1929), «К вопросу о стадиальности в письме и языке» (1931), «Верхний палеолит» (1931), «Проблема классификации языков в свете нового учения о языке» (1934), «Новое учение о языке. Стадиальная типология» (1936) и др. во многом прояснял, систематизировал, поставил на новую научную основу идеи Н.Я. Марра.

Говоря о своем учителе Н.Я. Марре, И.И. Мещанинов писал: «...Н.Я. Марр выступал как бы комплексным ученым, историком в широком понимании данного термина, что присуще вообще востоковеду, каковым он и был в эти творческие годы его жизни. Объект исследования освещался им со всех сторон. Он берет материальную культуру народа, письменные памятники, его собственные или чужие, говорящие о нем, и включает сюда же исследования языкового материала. Все эти данные привлекаются как исторические свидетельства, и сам язык, в связи с этим, рассматривается как исторический источник первостепенного значения» («Новое учение о языке на современном этапе развития» // Вестник ЛГУ. 1947. № 11. С. 243).

И.И. Мещанинов создал школу молодых ученых, уделял большое внимание вопросам практического языкового строительства на Кавказе, подготовки национальных кадров. Исследовал основные этапы развития языков, создал теорию понятийных категорий и теорию синтаксической типологии языков, разработал теорию предложения и др.

Значительны заслуги И.И. Мещанинова в организации изучения бесписьменных языков народов Севера и Кавказа, создании научно-исследовательских институтов на основе местных научных кадров. Так, Северо-Кавказский горский историко-лингвистический институт был создан и работал во многом по программам И.И. Мещанинова. Лауреат Государственных премий СССР (1943, 1946). Награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

В.М. Жирмунский в статье «Памяти академика И.И. Мещанинова» (1967) отмечает: «В истории советского языкознания имя И.И. Мещанинова давно уже заняло почетное место. Лингвист-теоретик, создатель научной школы, руководитель основанного при его ближайшем участии Института языка и мышления им. Н.Я. Марра и Отделения литературы и языка АН СССР, И.И. Мещанинов более пятнадцати лет стоял во главе советской лингвистической науки и со свойственной ему широтой взглядов, энергией и трудолюбием руководил работой в этой области, творческим сотрудничеством лингвистов и подготовкой молодых научных кадров. Воспитанный в научной школе академика Н.Я. Марра, сохранив до конца своих дней глубокое уважение к личности своего учителя, И.И. Мещанинов никогда не рассматривал его учение как неподвижную догму. Он проделал большой путь от доктрины «яфетического языкознания» и «нового учения о языке» к творчески самостоятельной теории языкознания, которую лучше всего, пожалуй, можно было бы обозначить как «типологическую»— термином, который он сам любил употреблять. Поэтому его научные взгляды необходимо рассматривать в их творческом развитии, учитывая весь проделанный им научный и жизненный путь» (Вопросы языкознания. 1967. №3. С. 18).

В своей статье В.М. Жирмунский определил роль наиболее значимых идей И.И. Мещанинова. Так, он говорит о роли завершающих больших работ И.И. Мещанинова в области общего языкознания, опубликованных в середине 1940-х годов: «Члены предложения и части речи»(М.—Л., 1945) и «Глагол» (М.—Л., 1949). Они свидетельствуют о новом этапе в развитии теории языка И.И. Мещанинова, посвящены сравнительно-типологическому описанию грамматических форм, которые рассматриваются как различные по своей структуре оформления общих «понятийных категорий» и отражающих эти категории «грамматических понятий»: «Как понятийные категории (например, категория субъекта), так и соответствующие им грамматические понятия (в данном случае подлежащее), носят в понимании автора характер универсалий, «весьма разнообразных в своем внешнем выявлении» по отдельным языкам: «Одно и то же задание, даваемое содержанием высказывания, получает различные пути своего выражения и в морфологии и в синтаксисе». Метод исследователя — синхронно-типологический и сравнительный; проблемы стадиального развития отступили на задний план; единство глоттогонического процесса заменяется единством человеческого сознания, которое определяет, общность системы понятийных категорий, лежащих в основе структурного разнообразия внешних форм, — пишет В.М. Жирмунский. — Части речи рассматриваются И.И. Мещаниновым как лексические группировки, характеризуемые синтактико-морфологическими показателями. Семантика слова предопределяет первоначально его синтаксическую роль в предложении. Но использование слова в роли определенного члена предложения оказывает, в свою очередь, влияние на закрепление за ним особых формальных признаков, различных для разных языков, которые выделяют его в самостоятельную группу.Таким образом, части речи представляют в своей основе морфологизованные члены предложения.

Книга о глаголе содержит специальный экскурс на ту же тему. Глагол рассматривается по своим грамматическим категориям (лицо, время и вид, наклонение, залог), различающимся по языкам в связи с различными типами синтаксической предикации. Как своего рода «универсальная грамматика» книги И.И. Мещанинова имели в свое время немалое влияние на практику описания и преподавания языков, иностранных и национальных. Они давали возможность сопоставления тождественных по своему общему понятийному и грамматическому содержанию, но различных по грамматической форме явлений в разных языках, давая как бы систему координат в виде общей терминологии, пригодной для их описания. Диахроническая типология и «стадиальность», как понимали ее Н.Я. Марр и сам И.И. Мещанинов в своих более ранних теоретических работах, в этой новой концепции неизбежно отсутствовали. <...>

И.И. Мещанинов сам почти не пользовался в своих работах... «палеонтологическим анализом по четырем элементам», хотя не выступал также с прямым опровержением своего учителя. В послевоенное время споры вокруг этого вопроса заставляют его высказать свою точку зрения. «Первоэлементы» языков недоступны для лингвистического анализа — «...они должны были в длительном ходе исторического процесса претерпеть коренные сдвиги в своем состоянии и перейти на новый тип. Таковым оказываются основы слов, выступающие в разросшемся словарном составе языков различных систем. С них и начинается палеонтологический анализ наличной лексики» (там же, с. 22—23).

В публикуемых нами работах И.И. Мещанинова содержится анализ яфетической теории Н.Я. Марра, дается попытка четкой постановки проблем «нового учения о языке» и палеонтологического метода.

В библиотеке Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имеются исследования И.И. Мещанинова: «Закавказские поясные бляхи: Опыт яфетидологического анализа памятников материальной культуры» / Издание Ассоциации Северокавказских горских краеведческих организаций. — Махачкала, 1927; «Яфетидология и марксизм: Доклад профессора И.И. Мещанинова и прения по нему на заседании НИАМа при АзГНИИ 18 окт. 1929 г. / Изд. АЗГНИИ. — Баку: Красный Восток, 1930.

Работы о И.И. Мещанинове:

Бунаков Ю.В. Список печатных работ И.И. Мещанинова (К 25-летию научно-общественной деятельности, 1912-1937). — М.—Л.: АН СССР, 1937.

Яковлев Н.Ф. Новая теория происхождения частей речи [рецензия на книгу И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи. М., 1945] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1946. — Т. 5. — Вып. 5. — С. 435—441.

Бархударов С.Г. Академик И.И. Мещанинов // Правда. — 29 января. — 1947.

Аврорин В. А., Щербак А. М. Иван Иванович Мещанинов: (К 75-летию со дня рождения) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. XVII. — Вып. 5. — С. 461—467.

Елисеев Ю. С. Иван Иванович Мещанинов: (К 80-летию со дня рождения) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1964. — Т. XXIII. Вып. 3. — С. 276—279.

Пассек Т.С. Памяти Ивана Ивановича Мещанинова // Советская археология. — 1967. — № 3. — С. 319—323.

Жирмунский В.М. Памяти академика И.И. Мещанинова // Вопросы языкознания. — 1967. — № 3. — С. 18—27.

Панфилов В.З. Иван Иванович Мещанинов: (Некролог) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1967. — Т. XXVI. — Вып. 4. — С. 394—397.

Лысенко Т.И. И.И. Мещанинов и его архивное наследие // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1977. — Т. 36. — № 5. — С. 447—451.

Исследования И.И. Мещанинова:

Эламские древности. — Пг., 1917.

Халдоведение. История древнего Вана. — Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана, 1927.

Введение в яфетидологию. — Л.: Прибой, 1929.

Язык Ванской клинописи. — Л.: АН СССР, 1935.

Новое учение о языке. Стадиальная типология. — Л.: Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1936.

Общее языкознание. — Л.: Учпедгиз, 1940.

Члены предложения и части речи. — М.—Л.: АН СССР, 1945.

Глагол. — Л.: АН СССР, 1949.

Грамматический строй урартского языка: В 2 ч. — М.—Л.: АН СССР, 1958—1962.

Структура предложения. — М.—Л.: АН СССР, 1963.

Эргативная конструкция в языках различных типов. — Л.: Наука, 1967.

И.И. Мещанинов
Яфетидология и марксизм

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей брошюра представляет собою стенографический отчет о заседании Научно-исследовательской ассоциации марксистов, состоявшемся 18 октября 1929 года в Баку. Как доклад, так и прения этого заседания ставили задачей ознакомление широких кругов товарищей с основными идеями яфетической теории. Преследуя такие популяризаторские цели, выступавшие товарищи, естественно, не выдвигали каких-либо новых точек зрения. Изложить в сжатой синтетической форме положительные достижения яфетидологии и указать связь яфетидологического метода с принципами марксизма — вот скромная цель, которую преследовала дискуссия.

Президиум НИАМ'а все же счел необходимым издать отчет об этой дискуссии. Решение это было продиктовано теми простыми соображениями, что в литературе не существует популярных работ синтетического характера, излагающих идеи Н.Я. Марра и его учеников. Это служит большим препятствием для распространения теории. Лица, интересующиеся яфетидологией, вынуждены обращаться к специальным работам, преодолевать огромные трудности, связанные с необходимостью овладеть лингвистической терминологией, знакомиться с узко техническими вопросами и т.д. При этом все же цельного представления о теории в большинстве случаев не получается.

Доклад товарища Мещанинова и прения по нему могут, как нам это кажется, до некоторой степени заменить такую общую вводную книжку. Поэтому, впредь до появления лучших работ, издаваемая стенограмма может принести некоторую пользу. Эти соображения и руководили Президиумом НИАМ'а при решении издать настоящий отчет на русском и тюркском языках.

Яфетидология и марксизм
(Заседание Научно-исследовательской ассоциации марксистов 18 октября 1929 года)

Председатель (профессор **Васильев**). Заседание объявляю открытым. Сегодняшний доклад потребует довольно много времени. Профессор Мещанинов будет говорить часа полтора.

Мещанинов. Заголовок сегодняшнего доклада «Яфетидология и марксизм». Мне лично придется сделать в значительной степени упор на первую часть. Высказав те положения, которые вызывают некоторое сомнение среди марксистов (я не знаю, — среди марксизма ли вообще), и коснувшись их, мне бы хотелось в дискуссионном порядке дальше прослушать ответы на вторую часть, обозначенную в сегодняшней повестке.

Таким образом, делая сначала упор на яфетидологию, то есть на ознакомление с этим методом исследования, мне лично было бы более удобно изложить самый ход развития яфетидологии — науки, которая связана с именем академика Марра, являющегося не только основателем этой школы, но и единственным пока ее двигателем вперед. Ученики его только следуют по его стопам и нового в яфетидологию ничего не вносят. Таким образом, мне бы надлежало изложить, каким путем Марр дошел до тех положений, которые высказываются сейчас и являются ныне действующими положениями яфетидологии. Но это слишком длинная вещь; кроме того, это напечатано, так что с этим можно ознакомиться; поэтому я изменю план немного и коснусь современного положения яфетидологии без истории самого развития этого учения.

Яфетидология есть наука о языке, разговорной речи во всех ее проявлениях до литературного языка включительно. Основным предметом исследования яфетидологии является именно язык. Дальше мне придется сказать, что некоторые яфетидологи, в том числе и я, выходят за область языка и применяют положения, выдвигаемые яфетидологиею, не только к одному языку, но и к другим родственным языку дисциплинам, в частности, и к памятникам материальной культуры. Это будет как раз один из спорных вопросов. Мы расходимся с некоторыми марксистами по вопросу, следует ли яфетидологию продолжать дальше, то есть выходить за рамки одного языка, или же яфетидологии надлежит оставаться только в пределах языковых материалов.

Марр не был знаком с марксистскими работами в первое время своей научно-исследовательской деятельности. В настоящее время он уже отпраздновал 40 лет своей ученой работы. Он дошел до определенных положений, которые он высказывает, благодаря анализу, путем разбора самого материала. Изучая язык, он выдвинул такие положения, которые заставили его отказаться от общего метода, от общей системы исследования, которая применяется другими учеными, занимающимися изучением человеческой речи. Таким образом, он резко разошелся с той школой лингвистов, главенствующей до сих пор не только на Западе, но и у нас, которая называется индоевропейской школой. И вот здесь интересна оценка тех выводов, к которым пришел Марр, как со стороны индоевропеистов, так и со стороны марксистов.

Некоторые индоевропеисты признали учение Марра, выдвигающим какие-то новые положения, с которыми нужно сильно спорить раньше, чем их принять, тогда, как марксисты признали, что это есть учение, построенное на методах, почти совпадающих с методами марксизма. Нам говорят, что мы являемся стихийными материалистами, то есть будучи незнакомы с работами материалистическими, мы выдвинули в основу изучения языка те положения, которые соответствуют методологии марксизма. Однако нужно сделать некоторую оговорку сейчас же. Основные положения яфетидологии действительно построены Марром на основании тех материалов, над которыми он работал независимо от марксистского учения, но в последние годы своих занятий — пять лет, он, конечно, работает уже с учетом марксистского метода. Что касается его учеников, то когда нам говорят, что мы должны продолжать работу по изучению языка в том же самом виде, как мы ведем ее сейчас (таково общее мнение марксистов), но имея марксистский компас в руках, такая оговорка является до некоторой степени излишней. Конечно, всякий яфетидолог, работающий в настоящее время, да и сам Марр, не только знакомится с марксистским методом, но и применяет определенные его положения. Так что отрицать то, что некоторые последние положения Марра построены уже с учетом марксистского метода, конечно, нельзя.

Тот путь, который одним из марксистов, говорившим о яфетической теории, квалифицировался как путь, приведший к стихийному материализму, заключался в следующем: Марр занялся изучением языков, которыми остальные лингвисты мало занимались. Он подошел к изучению кавказских языков, обладающих большим разнообразием. Эти языки, сосредоточенные в одном очень небольшом сравнительно районе, характеризуются колоссальной разницей в построении и в словарном запасе. Таким образом, ему представилась возможность выйти за сравнительно небольшое количество языков и охватить довольно большой материал речи. В связи с этим были выдвинуты некоторые положения, которые в корне разошлись с господствующей лингвистической школой.

Одним из таких положений явилось следующее. Для того, чтобы поставить свои вопросы, Марр не мог, конечно, ограничиться только теми языками, которые сохранили письменность, то есть которые имеют письменное литературное изложение. Ему пришлось обратиться к целому ряду языков кавказских народностей, не имевших письменности в то время, когда он над ними работал (и сейчас еще продолжают существовать языки, вовсе не имеющие письменности). Когда, сравнивая богатства разнообразного материала, ему представившегося здесь, на почве Кавказа, Марр начал анализировать, разбирать вопросы, связанные со словесным творчеством, то оказалось, что в некоторых живых языках, тех языках, на которых говорит современное население, нередко обнаруживаются формы более древние по своему внешнему виду и по своему содержанию, чем те формы, которые сохранились в письменных языках, иногда весьма отдаленных от нас по времени. В частности, один из примеров, который ему бросился в глаза, это древний грузинский язык, на котором уже население Грузии сейчас не говорит. Он отдален от нас несколькими столетиями. Когда Марр взял материал этого письменного языка, начал его сравнивать с материалами современных языков Кавказа, не имеющими письменности, то он пришел к выводу, что многие формы в живых языках оказываются древнее, чем формы в письменной речи. Таким образом, у него в этом отношении поколебался авторитет письменных источников.

Обыкновенно исследователи-языковеды, изучающие языки, прежде всего обращают внимание на дату письменного памятника. И, естественно, что в тех случаях, когда этот письменный памятник датируется, предположим, 4—5 столетиями раньше нашего времени, исследователь-лингвист считает, что там будет более древний язык, чем язык, на котором говорят сейчас. Марр в корне не согласен с этим, так как у него поколебалось доверие к письменным памятникам. Это первое и довольно существенное обстоятельство, которое дальше повело к еще большему осложнению вопроса. Когда Марр в целях большого охвата языков взял те язы-

ки, на которых говорили культурные народы, ушедшие совершенно из нашей памяти, но исторически еще известные, народы, отдаленные от нас несколькими тысячами лет (как например, народы древнего Вавилона, отдаленные от нас, примерно, пятью тысячами лет), и когда он взял их письменные памятники и начал изучать имеющуюся в них структуру речи, то он пришел к тому же выводу. Даже и 5-тысячелетний размах не уничтожил того наблюдения, которое оказалось у него сначала, когда он сравнивал древний грузинский язык с языком современным. В частности, в шумерском языке, отделенном от нас тысячами лет, он нашел более развитую речь, чем та, которую он изучал у народов Приволжья, например, у чувашей. Он признал, что чувашская речь до настоящего дня донесла более старые формы, чем та речь, на которой говорило население, совершенно другого района — в Шумере.

Тогда встает вопрос, чем может быть объяснена такая своеобразная картина, меняющая в корне методологический подход к языку. Всякий исследователь, считающийся с хронологией, должен был бы признать, что современные нам языки должны быть более развиты, чем тот язык, на котором говорило население несколько тысяч лет тому назад. Между тем, это не так. И, как одну из причин подобного явления, пришлось выдвинуть самый характер письменной речи. Письменный источник не является, в особенности в отдаленный от нас период, выразителем народной речи. Письменностью пользовалось сравнительно ограниченное число лиц, обслуживавших определенный класс, конечно, господствующий в данных условиях (по отношению к Вавилону, это класс в значительной степени и жреческий). Следовательно, это уже классовая речь, которая вовсе не всегда отражает собою параллельно с собою существующую речь народную. Если эта классовая речь могла существовать в определенное время, то она должна была отвечать интересам того класса, который на этой речи говорил, и отражать его культурный уровень. Благодаря этому, народная речь, современная этой классовой литературной речи древних источников, могла иметь уже в то время более древние формы, чем те формы, которыми выражался другой, уже выделившийся, сформировавшийся класс населения.

Народная речь в своем медленном развитии, существовала параллельно тем письменным источникам, которые до нас дошли. Эта народная речь сохраняется веками, видоизменяется в некоторой степени и доносит определенные архаизмы до настоящего дня. Вот чем объясняет Марр разницу между бесписьменной речью населения и теми древними письменными источниками, на основании которых нам приходится судить о речи населения, отдаленного от нас веками и тысячелетиями. Другими словами, то, что мы имеем в письменных источниках, вовсе не свидетельствует собою о той народной речи, на которой выражалось население, современное этим письменным источникам. Таким образом, мы можем говорить здесь не о речи такого-то народа, а можем говорить о речи такого-то класса данного народа. С этой оговоркой нам и приходится подходить к письменным источникам отдаленного от нас времени.

Следовательно, говорит Марр, в исследованиях научного характера, в исследованиях по изучению языка нужно учитывать классовый характер речи. Если индоевропеисты, в частности и глава их Мейе, иногда в своих работах и говорят о том, что классовая речь имеет свои оттенки, все же эти утверждения ограничиваются только отдельными указаниями. В научном исследовании на это никем из индоевропеистов серьезного внимания не обращалось. В этом и заключается одно из коренных расхождений нового учения о языке, марровской яфетидологии, с тем учением, которое продолжает в общей массе применяться сейчас по отношению к изучению человеческой речи и на Западе и у нас.

Дальше, если современная нам речь донесла довольно большие пережитки предыдущих эпох, сохранила какие-то древние формы, то спрашивается, что с этими древними формами может делать исследователь? Здесь вопрос значительно усложняется. Если эти формы сохраняются в живой речи, то они могут в ней сохраняться не как главенствующие, не целиком. Вся речь может и не быть целиком наполнена такими древними формами: они могут сохраняться в исследуемой речи, как отдельные слова, как отдельные обломки уже в измененном, по своему основному развитию, речевом строе. В таком случае стоит вопрос о движении развития человеческой речи. И вот здесь, когда ставится вопрос о самом жизненном процессе человеческой речи, о его видоизменениях, здесь опять произошло коренное разногласие в яфетидологии, учении Марра, с общими, применяемыми сейчас, методами изучения языков.

Обыкновенно языки связываются с отдельными расами, и считается, что определенные расы создают определенные языки, которые после развития этой расы, делящейся уже на различные этнические, племенные составы, получают определенные оформления в виде племенных языков. Так образуется то, что обыкновенно называется общим термином «семьи» языков с отдельными членами в пределах этой семьи. Исследователь-лингвист объединяет такие язы-

ки в общие группы и, объединяя их на основании расового признака, строит те предшествовавшие периоды, из которых вышли существующие языки. Таким образом, он строит праязык, на котором говорили пранароды. Эти пранароды жили в каком-то определенном месте, прародине, откуда они начали расселяться и разнесли свои языки в различные районы земного шара. И из этих праязыков вышли современные нам языки.

Следовательно, в основе лежит определение расового начала, дающего потом племенные разветвления. Марровский подход, очевидно, должен был разойтись с этим учением. Прежде всего Марр поставил в основу своего исследования вопрос о самой причине возникновения человеческой речи и о ее характере, то есть другими словами, поставил вопрос о том, зачем человек говорит. В данном случае вопрос этот должен был естественно связаться с жизнью самого человека. Язык не появился случайно, как дар, как подаренный человеку, человек не проснулся в определенный момент, имея уже возможность говорить на определенном языке; человеческое общество само выработало язык. Для чего человеческое общество выработало язык? Очевидно, для того, чтобы иметь возможность сношения друг с другом, для того, чтобы выражать свои желания определенными ясными символами, определенными языковыми знаками, выраженными человеческой речью. Таким образом, этот процесс созидания словесной речи связан с наиболее основными потребностями человека, которые должны были выдвинуть язык, как орудие общения между людьми. Такими основными потребностями явились, конечно, условия хозяйственной жизни человека. В пределах своей хозяйственной деятельности человек должен был в целях удобства труда приурочивать к определенным предметам и к определенным представлениям определенные словесные ярлыки для того, чтобы каждый член человеческого общества мог бы выразить одним словом или несколькими словами свою мысль, точно указать другому, что ему нужно для его трудового процесса и т.д. Следовательно, язык является не случайным даром, а выработан довольно мучительным и длительным путем в процессе трудовой деятельности самого человека. На этом, между прочим, придется остановиться дольше, потому что именно в таком объяснении возникновения языковой речи имеется у яфетидологии расхождение, если не с марксизмом, то с одним из марксистов.

Если, продолжает Марр, язык возникает в результате трудовой деятельности человека, то, следовательно, для того, чтобы понять все позднейшее развитие языка и его структуру, нужно поставить вопрос о происхождении языка вообще, то есть, что называется иностранным термином «генетический» вопрос, вопрос о происхождении языка. В этом опять резкое расхождение Марра со старой лингвистической школой, потому что обыкновенно языковед считает излишним затрагивать такой вопрос. Обычно предполагается, что языковед должен ограничиваться установлением праязыка, установлением определенной языковой семьи и что дальше языковеду идти нечего. На это Марру пришлось разъяснить, что расовый вопрос здесь ни причем, что самый процесс возникновения языковой речи уходит в такую глубину, когда о расах говорить вовсе не приходится. Человеческие объединения были первично связаны не общим племенным составом, они были связаны необходимостью группировок для облегчения трудового процесса, то есть объединение шло тогда не по признакам равенства рас, а по признакам трудового единства. Следовательно, если в начале, при разрешении вопроса о происхождении речи, расовый признак отстраняется вовсе, то и для следующих периодов развития человеческой речи расовый вопрос, если не отстраняется вовсе, то все же отходит на второй план. При этом на второй план он отходит уже в исторические времена, когда мы действительно сталкиваемся с образовавшимися племенными составами.

Человеческая речь в вертикальном разрезе ее развития заходит настолько далеко, что говорить о каких-либо расах совершенно не приходится. Более того, если ставить вопрос о происхождении самой человеческой речи и ставить его в связи с трудовой деятельностью человека, то мы заходим даже в тот период времени, когда человек звуковой речью говорить вовсе и не мог. Здесь приходится яфетидологам сослаться на антропологов, изучающих структуру человеческого организма, и на археологов, изучающих изделия человека в отдаленные времена. Если мы обратим внимание на то, что антропологи связывают возможность человеческой речи с развитием подбородка, то в таком случае человек, имевший возможность говорить, будет датироваться, будет иметь длительность вовсе не такую большую по отношению к длительности существования вообще человека, способного к работе. Древнейшие, изготовленные человеком орудия, при помощи которых он боролся и с врагом и с природой, защищался и нападал, относятся при самых скромных датировках примерно к эпохе 360 тысяч лет тому назад. Между тем, как человеку, который имеет уже развитой подбородок, то есть обладает возможностью говорить, дается при той же скромной хронологии 60 тысяч лет существования. Следователь-

но, из 360 тысяч лет существования человека, уже изготовлявшего орудия, только 60 тысяч лет падают на человека, который способен был говорить звуковым языком. Этот долгий срок заставляет обратить на себя внимание. Человек начал делиться своими мыслями посредством языка уже в тот период, когда он пережил около 300 тысяч лет трудовой деятельности, то есть имел уже определенные человеческие объединения, уже объединялся каким-то образом, имел какие-то хозяйственные потребности, обладал уже способностью мышления и в связи с этим, конечно, потребностью как-то друг с другом общаться.

В течение этого длительного периода, не меньше 300 тысяч лет, человек пользовался, по словам антропологов, для общения друг с другом жестами, мимикой. Период неязыковой речи должен был быть крайне длительным, так как культурное развитие шло тогда страшно медленно. Это «был еще древнекаменный век, когда человек металлом вовсе не владел, следовательно, не умел обращаться ни с железом, ни с бронзой и не мог изготовлять из них орудий. В этот период он, очевидно, очень медленно продвигался вперед в своем культурном развитии. Но в определенное время все-таки тот хозяйственный строй, в котором он жил, заставил его перейти к какому-то другому способу единения друг с другом; речь жестами и мимикой оказалась уже недостаточной. Эта неудовлетворенность прежним способом общения объясняется тем, что, во-первых, такая речь не давала возможности уточнить мысль общающихся людей, во-вторых, не давала возможности пользоваться речью в важные периоды жизни, например, ночью. Следовательно, человеку нужно было перейти на какой-то другой способ речи, и когда он постепенно, приноравливая свои органы к новым потребностям, начал переходить на звуковую речь, то переход к этой звуковой речи не мог быть моментальным. Человек переходил на звуковую речь постепенно. Был длительный период сосуществования прежней системы речи жестов с теперешней, уже новой, системой речи при помощи языка. Эта система речи жестов, которую человек практиковал не менее 300 тысяч лет, очевидно, настолько глубоко вкоренилась в человека, что даже теперь мы, в частности и я, прибегаем к этой речи в виде жестикуляции, совершенно лишних движений руки, которые, собственно говоря, не пополняют словесную речь. Руки помогают моим словам, ничуть не содействуя их произношению. Это один из пережитков того времени, когда человек еще не мог окончательно перейти на звуковую речь.

Тут можно поставить вопрос о том, каким образом протекал этот длительный период совместного существования ручной речи с уже начавшей развиваться языковой, каким образом постепенно языковая речь делается общим достоянием человечества. Здесь налицо один из пунктов, против которого возражают некоторые марксисты. Марр полагает, что в это время человеческие объединения, человеческие коллективы начали осознавать необходимость и удобство перехода на другую систему речи, на пользование языком и, следовательно, уже в достаточной мере развились для того, чтобы иметь возможность говорить. В это время развитие звуковой речи шло в общей массе населения. По данным антропологии и археологии языковая речь появилась тогда, когда человек начал изготовлять уже более совершенные орудия для борьбы и производства, хотя из того же камня. Это уже верхний палеолит, следовательно, уже эпоха, приближающаяся к земледелию. В это время миропонимание человека выдвинуло особенно сильно магию. Человек, не осознавший определенных явлений природы, не понимающий, почему падает дождь и т.д. и поэтому обоготворявший эти явления, нуждался в них для своего труда или, наоборот, нуждался в том, чтобы их не было. У него создалось определенное своеобразное, с нашей точки зрения, миропонимание, приведшее его к общению с этими явлениями, содержание и смысл которых он не понимал. Тогда появился особый класс магов, шаманов, как говорит Марр. Против этого как раз и возражают некоторые марксисты.

Появился особый слой населения, который и брал на себя эти действия по сношению с магическими числами. Это были своего рода служители магии. Назовем их в кавычках «служители культа». В своем общении с магическими силами, то есть в своих песнях и т.д., с которыми они обращались к каким-то ими представляемым существам, и в сношениях друг с другом они создавали какие-то молитвы, для которых должны были нуждаться в большем запасе словесных выражений, чем остальная масса населения. Поэтому, говорит Марр, есть основание предполагать, что население, уже развившее свои звуковые органы для пользования звуками, языковой речи, стало при своей трудовой деятельности пользоваться услугами определенных своих сочленов, которые, являясь жрецами — «служителями культа», распространяли эти звуковые слова, размножая их в большем количестве, чем нужно было остальному населению. Таким образом, получился определенный запас слов, сосредоточенный в руках ограниченного числа людей. Когда этот словарный запас разросся, он из среды ограниченного круга людей, называемых Марром тоже условно «шаманами», вошел в общую массу населения и сделался общим достоянием.

Таким образом, Марр говорит, что происхождение звуковой речи имеет классовый характер. Это не значит, что звуковая речь зародилась в определенном классе. Это значит, по словам Марра, что развитие ее шло, главным образом, в пределах определенного класса. Лишь потом она вошла в остальную массу населения, и тогда только общая масса населения начала ею пользоваться согласно своим потребностям. Когда звуковая речь вошла в общую массу населения, пошло ее дальнейшее развитие. И опять-таки дальнейшее развитие все время шло, удовлетворяя насущные потребности человеческого коллектива. Когда человеческий коллектив нуждался в каком-либо новом обозначении, такое новое обозначение им же, этим человеческим коллективом, и создавалось. Следовательно, язык являлся в это время прямым непосредственным орудием труда. В последующее время он стал уже общим орудием общения, которым пользуется человек. Следовательно, если языковая речь продолжает развиваться по мере того, как в этом начинает все больше и больше нуждаться человеческий коллектив, то и само развитие языковой речи связано с развитием человеческого коллектива.

Всякая перемена хозяйственных условий в пределах человеческого коллектива, по мере улучшения и продвижения вперед хозяйственной жизни и хозяйственной деятельности человека, должна была вызвать необходимость увеличения словесного запаса, увеличения количества слов для того, чтобы человек мог ими удовлетворять те хозяйственные потребности, которые у него в данный момент развивались. Следовательно, причем здесь раса? Раса здесь абсолютно ни причем. Ни в зарождении языковой речи, ни в дальнейшем развитии языковой речи раса не играла значения. Но по мере того, как хозяйственная и общественная структура меняется и человеческое общество переходит с одной структуры на другую, должен был меняться и языковый строй. Таким образом, язык не остается на одном месте. Он двигается все время, как и человеческий коллектив. Развитие языка связано с движением вперед самого человеческого коллектива. И если человеческий коллектив переходит из одного состояния в другое, с одного типа хозяйства на другой, из одной формации в другую, то язык тоже переходит из одной формации в другую.

Следовательно, говорит Марр, язык переходит из одной стадии в другую стадию, то есть из одного состояния в другое состояние. И опять, говорит он, здесь вопрос о племенном составе, вопрос о расе совершенно отпадает. Поэтому Марру пришлось видоизменить и некоторые термины. Он говорит, что язык изменяется по мере того, как изменяется жизнь человеческого коллектива, переходит из одного состояния в другое, из одной стадии в другую стадию, а потому и к тем языкам, которые мы сейчас изучаем, мы должны подходить с этой стадиальной стороны, то есть определить по их структуре, к какой стадии относится данный язык. А так как современное человечество вовсе не все целиком на всем земном шаре переживает в настоящее время одинаковую структуру хозяйственного строя, то, очевидно, что и языки тоже не везде находятся в едином стадиальном состоянии. Отсюда был сделан следующий вывод — мы должны отказаться и от термина «языковая семья». Причем здесь «семья» языков? Семья языков определяет собой разновидность языка, на котором говорит одна и та же раса или ответвление этой расы, который обслуживает определенный этнический, племенной состав. Марр говорит, что здесь термин «семья» совершенно неуместен. Поэтому он заменяет его термином «система».

Когда Марр с этой точки зрения подошел к своим прежним работам, а именно, к работам над кавказскими языками, ему пришлось признать, что кавказские языки, то есть не семитические и не индоевропейские, являются просто одним из стадиальных состояний общего процесса развития человеческой речи, а другие языки, на которых говорят индоевропейцы, на которых говорят семиты и т.д., являются языками другой стадии. Следовательно, здесь уже идет речь о делении всех этих языков на стадии и выдвигается вопрос о том, в каких соотношениях эти стадии находятся друг с другом. В связи с этим вопросом Марру пришлось в 1926 году выступить с небольшим докладом в Академии наук, где он высказал положение, уже в корне неприемлемое для прежнего учения о языке. Он сказал, что те индоевропейские языки, на которых говорят англичане, французы, немцы, русские и др., зародились вовсе не самостоятельно, что они сами являются дальнейшей стадией развития каких-то других языков, которые существовали до них, но, конечно, не праязыка.

В частности, Марр пришел к определенному выводу, что система речи, характеризуемая кавказскими языками и названная им «яфетическою», предшествует языкам индоевропейским: английскому, немецкому, французскому, русскому и т.д., то есть что языки, на которых говорит европейское население, вышли из тех языков, на которых сейчас говорят кавказские народы. Другими словами, Марр указал, что яфетические языки, на которых говорят кавказ-

ские народы, сохранили в себе более старую структуру речи, сохранили более старый строй ее, из которого потом вышли те языки, на которых говорят англичане, французы, немцы, русские. Следовательно, то, что сейчас сохранилось на небольшом участке земли на Кавказе и что сохранилось также, по признанию самих индоевропейцев, еще в более маленьком кусочке на Западе, в Пиренеях, на юге Франции и севере Испании, является остатком довольно широко распространенной человеческой речи по всей Европе и Азии, остатком того, что сохранилось в прежнем не измененном виде, тогда как кругом остальное продвинулось вперед, образовав те языки, которые называются индоевропейскими. Таким образом, и здесь расовый принцип оказался совершенно отвергнутым. Но в то же время, поскольку Марр признал, что кавказские языки, над которыми он занимался до того времени, являются только определенной стадией языковой речи человечества вообще, ему пришлось выйти из рамок той системы языка, которой он занимался, и коснуться вопроса о структуре других языков, то есть тех, которые вышли из яфетических, а также тех, которые могли им предшествовать. Другими словами, для дальнейшего исследования Марра оказалось недостаточным заниматься только одними кавказскими языками.

Раз вопрос был поставлен, так и выяснилось, что кавказские языки сами вовсе не являются результатом деятельности какой-либо расы и что они представляют собою только один из видов общечеловеческой речи, сохранившийся в прежнем состоянии, то Марру, очевидно, пришлось коснуться вопроса и о других языках. Другими словами, яфетидология из учения о кавказских языках превратилась в общее учение о человеческой речи. В последнее время в этом именно смысле яфетидология и понимается. И, конечно, когда Марр ставит вопрос о происхождении человеческой речи, то здесь он говорит не только о происхождении кавказских языков. Он говорит о происхождении вообще человеческой звуковой речи и, очевидно, при таком положении он является уже одним из исследователей человеческой речи вообще.

Дальше ставится вопрос уже методологического характера, то есть вопрос о том, как следует работать. И здесь Марр заявляет: если человеческая речь из одного состояния переходит в другое, то она, очевидно, не является вновь зарождающейся при каждом переходе, то есть, другими словами, мы здесь не имеем того, что обычно называется мутацией, то есть зарождением нового организма. Марр возражает сейчас против термина мутация, хотя одно время он этот термин употреблял. Отказ обоснован тем, что мутация есть биологический термин, который говорит о зарождении нового организма, тогда как здесь мы имеем не биологическое явление, а чисто социальное. В данном случае мы имеем перемену чего-то, по-видимому, в самой общественной базе, перемену хозяйственного строя, перемену общественных группировок, которые создают в результате взрыва новую устойчивость слагающихся элементов и в связи с этим новую стадию развития. Но при таких переходах в новую стадию развития сохраняется использование тех элементов, тех слагаемых, которые были в прошлой стадии. Часть этих слагаемых может отпасть, как совершенно не соответствующая новому строю, часть их может сохраниться, но иначе быть понята, получить некоторое видоизменение, часть может целиком сохраниться, как отвечающая новому строю, при этом могут появиться новые признаки и т.д. В результате вы имеете опять новое соединение из ряда слагаемых признаков, причем некоторые признаки сохраняются из прежнего состояния, сохраняются некоторые признаки, по существу и противоречащие новому строю. Они сохраняются как пережитки.

И вот эти пережитки нередко переходят ряд стадиальных состояний и оказываются и одними и теми же в нескольких стадиальных переходах. Они идут из одной стадии в другую и, в результате, когда мы берем стадиальный разрез, то есть берем определенную эпоху для исследования, нам приходится в этой эпохе улавливать, что в ней является новым, что в ней является старым, но видоизмененным, что в ней является старым, почти не видоизмененным, и т.д. То есть, мы должны провести анализ, провести сравнение того, что мы наблюдаем в исследуемом отрезке, с тем, что ему предшествовало. Это и есть одно из основных положений яфетидологического исследования.

Если вы берете для исследования определенные явления языковой речи, то вы должны задаться вопросом о том, что собою представляет исследуемая речь. Представляет ли наблюденная языковая форма порождение нового строя или же представляет собою остаток предыдущего, приноровленный к этому новому строю. В последнем случае нужно задаться вопросом о том, что именно в ней приноровлено к новому строю. Таким образом, слово, наблюдаемое в звуковой речи до сегодняшнего дня включительно, указывает на пережитые моменты в хозяйственной и общественной жизни человека. Это слово пережило их. Другими словами, вы наблюдаете в языке отражение пережитых человеком эпох, и эта необходимость наблюдения

жизни, все меняющихся состояний, положения речи и ее служебной роли в определенной стадии, ее служебной роли в предыдущие стадии называется Марром палеонтологическим анализом, то есть анализом последовательного видоизменения форм языковой речи в соответствии с новыми требованиями, создающейся стадии. И в частности, если мы наблюдаем современную нам речь, то мы наблюдаем только одну из стадий, потому что речь может идти дальше и дальше в своем дальнейшем развитии и должна идти дальше.

При этом ставится даже вопрос о том, всегда ли человек будет говорить языковой речью? Если человек раньше пользовался жестами и мимикой и признал это недостаточным в определенные моменты, когда это действительно ему оказывалось недостаточным, и перешел на языковую речь, то можем ли мы сейчас поручиться за то, что и в будущем языковая речь, та, которою мы сейчас делимся друг с другом, не окажется тоже недостаточной для человека, и что человек от языковой речи перейдет на какую-либо другую систему выражения своих мыслей путем иных средств. Следовательно, наблюдаемый нами момент есть лишь момент истории, и этот момент, для того, чтобы его уразуметь, должен быть прослежен во всех своих разновидностях и переходах из одного состояния в другое, в глубину, насколько это позволяет сам материал. И когда мы, таким образом, прослеживаем языковые явления, наблюдая их в стадиальных переходах из эпохи в эпоху, то каждый раз мы должны отмечать тот специфический характер, который приобретает наблюдаемое явление. Следовательно, в анализе состава слов сегодняшнего дня мы можем уходить гораздо глубже сегодняшнего дня. Мы можем анализировать это слово и видеть в нем отражение таких эпох, которые уходят даже глубже стадий тех вещественных памятников, которые созданы человеком и которые раскапываются археологами.

Таким образом, если слово является не самостоятельно появившимся объектом, а представляет собою создание человеческого коллектива, то в таком случае для уразумения этого слова нужно понять его семантику, то есть то его значение, которое оно получает в своей службе человеческому обществу. Марр устанавливает, что словарный запас меняется вовсе не случайно и произвольно. По мере того, как человек расширяет круг понятий и предметов, которые ему нужно называть, он не сочиняет новых слов, а видоизменяет старые так, что получается больший состав слов, который он и приурочивает к обозначению новых своих потребностей. Таким образом, из одного слова может выйти целый ряд слов, который будет приурочиваться к отдельным разновидностям этого первого слова, то есть того первого понятия, которое обозначалось этим первым словом. Семантические ряды, то есть ряды значимости, конечно, связаны с основным значением и являются выражением различных разновидностей этого основного значения, отражая потребности человеческого объединения. Например, понятие «домашнее животное», конечно, появилось тогда, когда человек стал приручать животных. Между тем, он сталкивался с животными и до этого времени еще в качестве охотника, когда ему приходилось тоже давать названия определенным животным, тем, с которыми он сталкивался, на которых он охотился и которые могли принести ему вред. Приручая животных, человеку пришлось для ручных животных давать другие названия, но он не сочинял для этого новых слов, а брал из старого словесного запаса и, видоизменяя их, создавал новые слова для обозначения этих новых понятий. Когда развилось скотоводство, получилась еще большая необходимость в увеличении числа слов, потребных для обозначения соответствующих понятий. И, таким образом, словесный запас увеличивался у него все больше и больше. При этом определенное слово приурочивалось не столько к предмету, сколько к той роли, которую этот предмет играет в человеческом хозяйстве. Марр приводит интересные примеры. Он берет в виде примера слова: собака, олень, лошадь, означавшие в языках некоторых народов одно и то же; учитывая хозяйственный строй этих народов, он устанавливает, что здесь обозначились не собака, не олень и не лошадь, а то животное, которое перевозило человека. Одно время человек пользовался собакой как средством передвижения, потом собака сменилась оленем, потом лошадью; термин же все время переходил с одного животного на другое не потому, что лошадь явилась видоизменением оленя, а потому, что лошадь стала выполнять в хозяйстве человека ту роль, которую до того выполнял олень.

Имеется еще один наглядный пример. Этот пример взят мною из семинарских занятий в Ленинградском восточном институте, где мне представился случай работать над материалами абхазского языка и некоторых приволжских языков, в частности, Мари и Коми. В процессе этих занятий выяснилось совпадение терминов, означающих руку, дерево, камень, металл и потом отдельные изделия из металла, в частности, топор, меч. На основе абхазского языка, когда абхазские студенты мне строили этот ряд, выходила довольно определенная картина, указывающая на то, что здесь назывались не рука, не дерево, не камень, не топор, а имелось в

виду то, чем человек действовал. В определенное время орудием производства человека была рука, этой рукой он действовал. Потом рука получила помощника в виде дерева и, когда человек начал переходить на пользование им, он вместо того, чтобы действовать одной рукой, стал действовать деревом, которое он держал в руке. При переходе на каменные орудия, он заменил дерево более прочным материалом — камнем — и стал изготовлять орудия из камня. При переходе на металл, он стал эти орудия делать из металла. В конце концов, получился ряд терминов, объединяющих руку, дерево, камень, металл и изделия из металла — меч и топор. Совершенно аналогичные ряды получались и при анализе языков Коми и Мари, то есть черемисского и зырянского.

В данном случае этот семантический ряд, то есть ряд значимостей, указывает на то, что язык донес до наших дней отражение смены тех орудий, которыми человек постепенно овладевал. Совершенно так же, как и собака, олень и лошадь в различные периоды существования общества служили для одной и той же цели, так и здесь рука, дерево, камень и т.д. тоже служили для одной той же цели. Поэтому и название переходило с одного предмета на другой. В данном случае, человеку незачем было сочинять новых терминов; он называл те орудия, которые им вырабатывались, игнорируя изменение материала самого орудия. Ему не к чему было менять эти названия. Марр заявляет, что язык, даже в современном его состоянии, указывает нам на те перемены, которые произошли в хозяйственной и общественной жизни человека. Прослеживание этих смен, в связи со сменой хозяйственной деятельности, является одним из основных заданий яфетидологии. Подобно тому, как в памятниках материальной культуры мы имеем определенный предмет, изготовленный человеком несколько тысяч лет тому назад и тем самым свидетельствующий о жизни человека в ту эпоху, точно также в языке мы имеем в живой речи отражение пережитых эпох; другими словами, на основе языка, мы можем судить о том, что пережило человечество.

В этом своем положении Марр, конечно, резко расходится с господствующей индоевропейской школой, которая именно на это никакого внимания не обращает. И опять-таки, я был бы совершенно не прав, если бы сказал, что тот же Мейе не считает язык за социальное явление. Это неверно, у него имеется несколько указаний подобного рода. Но анализа с использованием этих указаний, подхода к языку именно с этой целью, у него, как и у других, индоевропеистов, конечно, нет. Другими словами, обычный языковед изучает язык, как какой-то самостоятельный предмет исследования, как интересную смену существующих глагольных форм, склонения и т.д., тогда как яфетидология, учитывая все эти формы, все эти изменения в языковом материале, изучает по языку сдвиги, происшедшие в человеческой жизни. В этом заключается коренное отличие яфетидологии, как учения о языке, от другого учения о языке, которое применяется не яфетидологами.

Имеется еще следующее указание Марра, указание тоже довольно характерное, с которым, равным образом, остальные лингвисты далеко не всегда согласятся. В длительных переходах из одной системы в другую систему, язык видоизменяется и, таким образом, двигается вперед издалека, доходя до настоящего дня. В этом своем движении язык никогда не сохраняет цельности самостоятельного развития. Благодаря тому, что человечество в своей громадной массе движется вперед неравномерно, получается постепенное соприкосновение разошедшихся форм, происходит сосуществование отсталых языков в связи с языками уже продвинувшимися вперед, отсталых культур с культурами более прогрессивными. В результате таких соприкосновений происходит постепенное скрещивание, смешение различных, уже создавшихся оформлений речи. Таким образом, говорит Марр, нет ни одного чистого типа речи: ни английский, ни французский, ни тюркский и никакой другой язык не представляет собой безукоризненной чистоты.

При дальнейших исследованиях получилась целая пропасть между работами обычных лингвистов и яфетидологов. Обычный лингвист, берущий определенный язык, высматривает в нем сходство с другими языками, объединяет языки по этим сходствам в одну группу, которую он называет семьей, выискивает общие в них черты и заявляет, что эти общие черты представляют собою языковые явления такой-то языковой семьи. И если в какой-либо речи указывается наличие элементов другой речи, напр., в тюркском языке оказывается слово наличное и в персидском, то исследователь сделает непосредственный вывод о том, что слово попало в тюркский из персидского языка. Здесь яфетидолог возражает коренным образом, возражает опять-таки в целях уточнения методов исследования. Заимствований яфетидология, конечно, не отрицает, заимствования существуют, отдельные слова, конечно, берутся, но раз нет данной самостоятельно зародившейся структуры речи, раз нет внезапно появившихся определенных

оформлений речи, нельзя ссылаться на то, что при совпадении слов в одном языке и в другом, мы всегда имеем непосредственное заимствование из этого другого языка. Ведь тот другой язык, который в данном случае берется для исследования, в частности, персидское слово, попавшее в другую речь, само образовалось не случайно; сам персидский язык есть результат длительного образования из каких-то предшествовавших периодов. В результате может оказаться, что сходные слова могут иметь место в различных системах или, как обыкновенно говорят, семьях языков вовсе не потому, что они заимствованы друг у друга, а потому, что они оба являются оформлением других разошедшихся языков, в которых это слово могло оказаться в наличности и попало как в один, так и в другой.

Яфетидологии приходится применять это положение ко всем явлениям, наблюдаемым в жизни языка, а также и в отношении к другим проявлениям культуры. Для примера возьмем персидское искусство. Изучая персидское искусство, мы считаем, что оно не является специальным порождением Персии, хотя бы так обыкновенно и признавалось в научных исследованиях. Разрешение вопросов подобного рода гораздо сложнее, чем это думается. Тут в первую очередь требуется выяснение, каким образом и из чего сформировалось на месте само персидское искусство. Лишь после этого можно приступить к определению сущности самого исследуемого культурного оформления. Применение этого подхода требуется во всех исследовательских работах в различных областях культуротворчества и, конечно, при работах над языковым материалом.

В области языковых исследований яфетидология выдвинула, таким образом, несколько основных положений.

Прежде всего, язык не является порождением определенной расы. Язык, в частности, языковая речь, является вовсе не столь отдаленным по времени созданием человеческого коллектива. Последний в продолжении гораздо более длительного периода времени пользовался не языковой речью и вынужден был перейти на языковую речь, потому что его строй бытования, его хозяйственный строй и общественные потребности не могли уже удовлетворяться языком жестов. Человеческому коллективу пришлось перейти на следующую стадию. Этот переход совершался не случайно и не сразу. Языковая речь не является даром свыше и человек не проснулся, сразу заговорив языковой речью. Она является продуктом длительного человеческого труда над развитием зачатков языковой речи и, в результате длительного периода, человек получал все большую и большую возможность выражаться этой самой звуковой речью.

Вначале языковая речь, по-видимому, связана с магией, то есть собственно не происхождение языковой речи, а усиленный темп развития ее шел в тот период, когда человек еще не отличал коренным образом магических действий от своих трудовых актов, потому что миропонимание его не осознавало различия между ними. Совершая определенный акт, даже земледелец с самого начала земледельческого периода, не связывающий причину со следствием, — посеянное семя с ростом определенного растения, — не осознавал еще действительного смысла явлений и самый акт работы на земле совершал в это время, как магический акт.

К этому времени, по предположениям Марра, и относится период зарождения языковой речи, то есть это время, близкое к началу земледельческого периода, когда человек начал переходить уже к тем формам хозяйства, которые не могли удовлетворяться прежней ограниченной системой выражения мысли жестами. И в этот период жрецы, то есть определенный слой лиц, обслуживавших магические действия, получили необходимость накопления наибольшего запаса таких слов. Этот слой и создал запас словесных обозначений для того, чтобы приурочить их к этим своим магическим действиям. Отсюда словарный запас вошел в общую массу населения, и развитие языка пошло дальше путем роста словесного запаса по мере того, как в этом нуждался человек в результате своего труда. И только в последующее время язык отделяется от труда настолько, что он может служить одним из выражений мысли в момент досуга и т.д. Это уже развитая речь, когда человек может свободно выражаться и говорить. В таком длительном процессе развития речь меняет постепенно свою структуру для того, чтобы открыть возможность легче и яснее выражать все увеличивающиеся понятия и представления, которые получаются у человеческого общества в результате новых потребностей в связи с изменением строения его жизни. В дальнейшем своем расхождении эти языковые системы получают в различных местах различное оформление, и уже в исторические эпохи не приходится отрицать образование определенных национальных языков. Но это продукт уже исторического времени, вовсе не столь от нас отдаленного.

Яфетидология, выдвинув основные положения, которые я сейчас здесь изложил, остановилась перед следующим вопросом: если язык является продуктом деятельности человеческого

общества, то не он один только таков. Поэтому положения, наблюденные на основе обработки материала речи, требуют поверки не на одном только языковом материале. В частности, если на основании языка мы по наличным материалам устанавливаем при всех сделанных мною оговорках, что современные языки иногда доносят до сегодняшнего дня более древние формы, чем письменные источники, составленные хотя бы 5 тысяч лет тому назад в Месопотамии (в древнем Вавилоне), то подобного рода положения, устанавливаемые на основании языка, могли бы быть проверенными и на других проявлениях деятельности человека. В частности, мы имеем изготовленные самим человеком вещи, сделанные его рукой и хранящиеся до настоящего дня от периода уже умерших стадий, умерших эпох. Тут мы имеем тоже результаты деятельности человека.

Язык, как говорит Марр, указывает нам на пережитые человеческим обществом моменты; но для того, чтобы правильно понять эти моменты путем обработки лингвистического материала, нужно учесть и те вещи, которые изготовлены руками самого говорящего человека. Если я указал на то, что разговорная речь человека имеет длительность не больше 60 тысяч лет, а деятельность человека по изготовлению орудий имеет 300 тысяч лет, то ведь мы должны иметь памятники, сохранившиеся от 300 тысяч лет, изготовленные рукой самого человека. Следовательно, для наблюдения и окончательного уточнения выводов приходится обращать внимание на эти материалы.

В данном случае получается картина очень своеобразная, потому что методологический подход, то есть сама система разработки научного материала существующими школами археологов значительно расходится с той обработкой, какая проводится яфетидологией.

Когда мы приближаемся к археологическим материалам с яфетидологическим подходом, то мы резко расходимся с теми объяснениями этого материала, которые обыкновенно существуют. В результате получается такой же провал, такая же бездна между тем, что говорит яфетидология, и тем, что говорят другие исследователи.

Если язык переживал определенные эпохи, переходил из стадии в стадию, то ведь он переходил потому, что само человеческое общество переходило из стадии в стадию. Но ведь человеческое общество, изготовляя определенные предметы, опять-таки их изготовляло не по своей фантазии; оно изготовляло их так, чтобы они могли наиболее лучшим способом удовлетворять тем потребностям, которые у человека имелись. Следовательно, и здесь мы имеем то же движение из стадии в стадию. Археолог обыкновенно говорит, что он изучает какие-то умершие эпохи, и добавляет, что он изучает интересные, любопытные периоды, которые к нам никакого отношения не имеют, которые сохранили лишь интересные памятники, могущие дать кое-какой материал для размышлений, примерно так же, как можно в досуг заниматься чтением какого-либо романа. И археолог обыкновенно изучает начавшуюся и кончившуюся культуру. Археолог-классик изучает древний Рим или древнюю Грецию, начало их и конец, и в этих целях он разбирает то, что находится в музее. Но ведь это вещи, изготовленные человеком, они соответствовали жизни самого человека и изменялись сообразно изменениям жизни этого человека, следовательно, мы изучаем не раритеты, не какие-либо оторванные от жизни явления; по этим вещам мы изучаем определенные, пережитые человеком эпохи.

Следовательно, здесь и сам термин «археология» не совсем удачен, так как мы не имеем законченных, а имеем лишь законченные периоды жизни человека, законченные эпохи, законченные стадии, как говорит Марр, после которых идет следующая стадия. Таким образом, мы и здесь наблюдаем переход из одной стадии в другую. В результате эволюционного развития, медленного движения вперед незаметными толчками получается для постороннего наблюдателя впечатление плавного течения и потом более сильный взрыв. Взрывы происходят все время, имеются они и во время кажущегося плавного течения, но потом, время от времени, мы наблюдаем более сильные взрывы, и у нас получается, как будто бы, новая культура. Человек переходит к новому состоянию, у него появляется какое-то другое оформление деятельности в виде изготовления иных предметов его же руками. В результате взрыва может получиться выдвижение другого класса, благодаря этому изготовляемые вещи начинают удовлетворять уже иной класс, чем тот, который обслуживала масса прежних изделий. Выдвигается вперед другой класс.

Так же, как и в языке, старый исследователь стоит на принципе расы, так и здесь, в археологии, исследователь продолжает стоять тоже на принципе расы. Он обычно заявляет, что всякая смена в культуре есть результат прихода другого народа. Если вы возьмете такие периоды, как греческий мир, Средиземноморье 4—3 или 2 тысячи лет до христианкой эры, вы увидите здесь постоянные перемены, причем очень характерным является, например, центральный дворец, который то рушится, то вновь воздвигается. И исследователь неизменно заявляет, что все эти перемены являются результатом внедрения новой расы. Следовательно,

раса сама по себе оказывается как бы неспособной к дальнейшему движению, и всякий сдвиг объясняется приходом нового народа. Поэтому, собственно говоря, и получается, что археолог изучает какие-то отдельные народы: пришел народ и умер, за ним пришел другой народ и т.д. Между тем, если мы учтем все обстоятельства, то увидим, что переходы от одного состояния к другому могут происходить без всякого прихода нового населения. В частности, если исследователи будут продолжать свои работы в том же направлении, как это имело место, то даже и Октябрьскую революцию будущий ученый через какие-нибудь 500 лет, припишет внедрению нового народа. Исследователь материальной культуры и историк не учитывают того, что при происходящих взрывах на господствующую роль выдвигается другой класс, ибо в связи с этим меняется культурный облик, выдвигаются другие потребности и изменяются изделия человека.

Конечно, яфетидология не возражает против того, что переселения были, что народы передвигались. Но, учитывая те выводы, которые выдвинул язык, яфетидология категорически возражает против того, чтобы всякие сдвиги в истории материальной культуры объяснялись только внедрением новой расы. Между тем, если вы возьмете историко-археологические работы до последнего года включительно, то вы увидите, что в них дается именно такое объяснение и, что главный упор научно-исторической мысли направляется к прослеживанию переселения народов. Это, с точки зрения яфетидологии, является коренной методологической ошибкой. Совершенно так же, как коренной методологической ошибкой должно показаться яфетидологам, на основании всего того, что я только что говорил, заключение о том, что одни определенные периоды поручаются исследованиям доисторика, а другие даются для разработки уже историка.

Если жизнь идет переходами из стадии в стадию, то где грань между историей и доисторией? Грань эта чисто условная. То, что освещено, то, о чем вы можете говорить, это будет исторический период; то, что не имеет освещения, — это будет забытый, но никак не доисторический период. Забытый период постепенно может освещаться, мы можем добывать определенные материалы для того, чтобы о нем говорить. Следовательно, постепенно он будет обращаться в период исторический. Мы не имеем грани, которая резко разделяла бы один период исследования от другого периода исследования, кроме одной единственной грани. Поскольку мы прослеживаем видоизменения и переходы из эпохи в эпоху, конечной гранью нашего исследования будет сегодняшний день, то есть тот момент, который мы застигаем в своей исследовательской работе. И это тоже определенная стадия, которую мы изучаем в том стадиальном разрезе, каковой новая стадия определяет. Для того, чтобы эту стадию исследовать, мы должны, очевидно, сравнить ее с предыдущей стадией, объяснить, какие новые потребности в ней появились, что использовано из предыдущей стадии. Таким образом, современный нам момент не отрезается от моментов предыдущих. Тем более нет грани между историей и доисторией.

И если опять-таки, с другой стороны, мы в живых языках находим возможным указать такие древние формы, которые дают нам право говорить о пережитых эпохах, то, скажите, пожалуйста, разве в современном быту населения, в особенности в Азербайджане, мы не имеем возможности наблюдать такие моменты, которые нас уводят не только за пределы современного дня, но и в глубину эпохи, гораздо дальше, может быть, самих памятников, изготовленных руками человека. В нашем быту мы имеем суеверия, имеем целый ряд продолжающихся по сей день пережитков, которые не являются фантазией современного человека, а которые являются пережитками. Они созданы были в определенные, давно отошедшие стадии, как вполне соответствующие миропониманию того древнего человека. Миропонимание изменилось, а эти явления, эти пережитки упорно сохраняются. Человек начинает иначе осмыслять явления, но в то же время продолжает совершать точно такие же акты, как и раньше. Например, мы видели во время последней нашей поездки в Ганджинский округ, как около дерева 14-летним мальчиком-мусульманином зарезывался петух. Здесь вы имеете культ дерева, продолжающий совершаться по сей день, и при этом мальчиком, пришедшим без родителей за несколько километров.

Здесь вы имеете жертвоприношение, имеете поклонение дереву, в котором, по представлениям местного населения, скрыта какая-то сила. И разрешите вас спросить, кто окажется древнее, тот ли отдельный сосуд, который раскапывается нами в могильнике, когда человек жил уже в развитом бронзовом веке, когда он имел прекрасно изготовленные орудия из бронзы, когда он прекрасно владел гончарным производством, или это дерево с этим мальчиком 14-ти лет, который около него совершал упомянутый ритуал?

Таким образом, современный момент доносит до нашего дня пережитки отдаленных эпох, и если мы будем смотреть взглядом обычного этнографа, мы его запишем только, как

своеобразный оригинальный обычай населения. Если же мы будем смотреть на него взглядом яфетидолога в палеонтологическом разрезе, нам придется сказать, что это не своеобразное, а уродливое явление.

С чьей точки зрения? С нашей точки зрения уродливое, потому что оно вклинилось, врезалось как глубокий пережиток из прежнего, совершенно не соответствуя тому миропониманию, которое должно быть у того, кто совершает этот акт. Это уродливое явление, но оно уродливо для нашего миропонимания, тогда как оно не было уродливо несколько десятков тысяч лет тому назад, когда человек был настолько тесно связан с деревом, что он обоготворял его, как определенное существо, приносившее ему какую-то пользу в его трудовой деятельности. В то время человек поклонялся этому дереву, потому что оно в его миропонимании того времени должно было служить ему помощью.

Это явление не было уродливым когда-то, десяток тысяч лет тому назад; оно уродливо сейчас, потому что оно вклинилось в теперешнюю жизнь, не отвечая современному миропониманию. Следовательно, здесь задача этнографии расширяется гораздо больше, чем это думает обычно этнограф. Вы должны в современных моментах жизни улавливать те явления, которые дают вам право говорить о пережитых населением моментах; не просто улавливать оригинальные, смешные явления, а улавливать их для того, чтобы по ним характеризовать пройденные человеком эпохи. В данном случае археолог и этнограф в этом новом понимании терминов являются историками и при том историками в настоящем смысле слова, потому что они вырисовывают пережитые эпохи человеческой жизни.

Обыкновенные исторические исследования основываются на письменных документах. Принято считать, что исторический период — это тот, который освещен письменными актами. Но, прежде всего, именно письменные документы — не всегда надежный источник для правильного построения исторического хода развития. Если сейчас у нас письменность входит во всеобщее употребление, то письменность тех времен, которые мы стараемся осветить, то есть, старых пройденных исторических эпох, была достоянием очень ограниченного числа лиц. Во всяком случае, писавшие или принадлежали к высшему классу населения, или же находились у него на услужении. И в том и другом случае писавший отражал интересы своего класса и при этом отражал их, иногда преувеличивая достоинства этого класса. Что же касается освещения других классов, то здесь, конечно, он оказывался свидетелем не всегда добросовестным. Между тем, только письменные источники считаются обыкновенно историками за надежный материал для построения истории.

В этом и приходится усмотреть коренную ошибку, существенную для работы историка. К письменным источникам, которые, конечно, нужно признавать и, которые, конечно, надо сохранять и, которыми необходимо пользоваться, историк должен относиться с определенной критикой. Вы должны искать определенные или подтверждения, или опровержения их. В данном случае именно работа лингвиста, проследившего пройденные этапы жизни человека, работы этнографа, проследившего на основе этнографических материалов, сохранившиеся пережитки старых эпох, и работы археолога, изучающего вещи, изготовленные человеком, являются достаточно надежными пособниками для историка, достаточно надежными для того, чтобы он от них не отворачивался. Между тем, историк обыкновенно на этнографический и археологический материал обращает слишком мало внимания. Получается оторванность одного исследователя от другого, получается пренебрежительное отношение к одним исследователям со стороны других. Между тем, здесь в основе лежит, несомненно, одна и та же цель.

Вина наших историков в том, что они обычно смотрят не то, что отрицательно, а как-то пренебрежительно на будто бы совсем ненужный им археологический и этнографический материал. В этом виноваты не столько сами историки, сколько тот метод работы, которым работают этнографы и археологи. Теми методами, которыми они работают, они добывают обычно материал, недостаточно полезный для того, чтобы его можно было бы использовать историку. Этот материал изучается ими, во-первых, всегда с предвзятым расовым признаком, во-вторых, как материал, взятый изолированно, не имеющий связи ни с тем, что было раньше него, ни с тем, что было после него. Этнограф записывает любопытные явления, причем сейчас же начинает ссылаться на такое же явление, имеющееся, допустим, в Австралии.

Для историка такой материал не годится. Между тем, если вы к тем материалам, о которых я говорю, примените тот же подход, который яфетидология применяет к языку, то эта работа принесет огромную пользу для чисто исторического исследования.

На этом пути происходят вновь столкновения. Возбуждается сомнение, должна ли яфетидология выходить за пределы только лингвистики, вправе ли она своим методологическим

подходом приблизиться к родственным лингвистике дисциплинам, в том числе и к изучению вещевых памятников прошлого, а, может быть, и настоящего, то есть вправе ли яфетидолог быть историком материальной культуры?

Я хотел бы коснуться ряда вопросов, которые могли бы возбудить некоторую дискуссию. Прежде всего, я знаю целый ряд марксистов, которые заявляют, что яфетидологи должны продолжать свои работы над изучением языка именно в том масштабе и по тому методу, который они уже усвоили, и что они должны держать марксистский компас в руке. Против этого компаса яфетидология не возражает. Здесь разногласий с марксистами нет. Но одно возражение с нашей стороны могло бы быть сделано. Все-таки марксистов теоретиков, занимающихся языком, не имеется. Если бы такие оказались в нашей среде, то, вероятно, многие положения у нас получили бы возможность более скорого разрешения, чем тот темп, которым они иногда двигаются. В данном случае требуется совместная работа для того, чтобы уточнить отдельные положения.

Здесь вопрос не в методе. Марксистский метод мы признаем. Здесь вопрос о применении и усвоении этим методом отдельных наблюдений, отдельных объяснений. Я изложил сейчас взгляд яфетидологии на происхождение языка. Если мы возьмем отдельные марксистские работы, то встретим совершенно другие объяснения этого вопроса. Возьмите, например, работу Кушнера, рекомендованную для всех Комвузов. Я могу сослаться еще и на то, что мы безусловно не можем принять объяснение происхождения рисунка на археологических памятниках. Некоторые археологи до сегодняшнего дня объясняют происхождение рисунка развлечением охотников. Охотник после длительного дня утомленный, приходит к себе в пещеру и от нечего делать чертит эти рисунки. В работе Кушнера имеется глава о происхождении языка (к сожалению, у меня нет этой работы и поэтому я не могу точно процитировать изложенное). Там говорится, примерно, так: происхождение языка обязано желанию человека поделиться своими впечатлениями. Разве это объяснение не похоже на приведенные выше объяснения археологов? Это объяснение Кушнера для нас, безусловно, неприемлемо. (С места: и для марксизма оно тоже неприемлемо). Да, я это слышал, но все же работа эта рекомендована в Комвузах. В данное время я нахожу, что это будет расхождение не с марксизмом, а с марксистом. Но раз марксист, и при этом марксист признанный разошелся здесь не только с нами, но, по-видимому, и с большинством марксистов, то, конечно, разговор о том, что сразу приход марксиста к нам может уточнить все положения, обращается в другое пожелание — пожелание совместной работы для совместной проработки целого ряда положений.

Другие возражения, которые мне приходилось слышать, — возражения в большинстве правильные. Но некоторые из них основаны на недоразумении. Во-первых, я думаю, что те, кто будет участвовать сегодня в дискуссии, укажут мне на то, что объяснение Марра относительно классового происхождения языковой речи неверно, потому что, описывая процесс возникновения звуковой речи и говоря о том, что звуковой речью начало обладать все население, но особенно ее развивали шаманы, он все же не доказал классового происхождения языковой речи, потому что в эту эпоху еще преждевременно говорить о существовании и самого класса. Это объяснение пока все же приходится принимать, хотя и с некоторою оговоркою, тем более, что такие возражения постоянно приходится слышать. Термин «класс» здесь, конечно, неуместен и подлежит какой-то замене. Я должен сослаться здесь на два ответа, данные самим Марром. Один ответ, данный в Ленинграде в заседании, где присутствовали марксисты, сделавшие это замечание: Марр ответил, что употребляет этот термин в кавычках. Второй ответ был дан на съезде историко-марксистов в Москве, когда опять был поставлен тот же вопрос. Марр сказал тут, что термин его неудачен, и он готов его заменить каким-либо другим, прося указать соответствующий термин. И, когда на это ему ответили, что марксизм терминологию в этой части не выработал, то Марр предпочел сохранить пока прежний термин, ставя его в кавычки. Следовательно, здесь, собственно говоря, не возражение, потому что мы в основном признаем неправильность употребления этого термина и условность его характера. Это признается всеми яфетидологами.

Следующее возражение, которое мне пришлось слышать на докладе С.И. Ковалева, читанном в Ленинградском научно-исследовательском институте. Я имею в виду возражение марксиста Андреева относительно национальных языков. Он сказал, что мы будто бы отрицаем существование национальных языков, между тем как ни один марксист отрицать этого не будет. Здесь недоразумение. Это недоразумение, если бы я не оговорился, могло бы послужить возражением и в настоящем собрании, потому что, когда мы говорим о наших исследованиях, мы невольно улетаем в такую глубину, что начинаем говорить о форме языковой

речи, о стадиальных переходах и даже, может быть, не подходим окончательно к таким более близким стадиям, когда, конечно, существуют племенные образования, когда этнические составы, конечно, действуют, когда, конечно, национальные языки существуют.

За сим московские же мои сочлены по диспуту, марксисты, просили меня выступить в Коммунистической академии в секции материалистической лингвистики с докладом на тему «Мутация». По-видимому, они хотели меня поддержать. Однако доклада я не мог прочесть и потому не знал, возбуждает ли сомнения наш отказ от упомянутого термина. Мы представляем себе определенное стадиальное развитие, то есть медленное развитие в пределах от одного момента до другого момента, от одного взрыва до другого взрыва. Процесс этого движения, очевидно, проходит мелкими взрывами, незаметными для жизни человека; прогресс может быть обусловлен только таким путем. В определенные же моменты происходит нарушение равновесия: выдвигается один какой-нибудь признак, настолько резкий, что ему перестает отвечать сочетание других признаков, и происходит взрыв. Конечно, это не есть обязательно приход нового населения — тут приход нового населения часто ни при чем — приход может быть одним из факторов этого взрыва, но взрыв может произойти и без него. Результат этого взрыва, с образованием дальнейшего уже эволюционного периода, мы называем новой стадией. Но как назвать этот промежуток от одной стадии до другой? Мы называем его ступенью и говорим, что развитие идет стадиальными ступенями. Я в своих работах назвал это эволюцией при взрыве и самым категорическим образом отказался в последнее время от употребления термина мутация, именно потому, что мутация указывает на зарождение нового организма, нового органического целого. Здесь же мы имеем стадиальные ступени, взрыв, в результате которого получается следующая стадия, которая использует наличие предыдущей. Благодаря этому использованию предыдущего, благодаря тому, что это предыдущее как-то видоизменяется, приноравливается к новым потребностям, мы получаем возможность исторического исследования. Мы изучаем, анализируем это наблюдаемое явление в определенные моменты и по ним прослеживаем происшедшие сдвиги. Никакой мутации здесь нет. Не знаю, встречает ли это возражения или нет.

И, наконец, наиболее острое для нас возражение, которое, насколько я знаю, разбивает самих марксистов, с которыми нам приходится иметь дело в Ленинграде и Москве, на два противоположных лагеря. Дело в том, что марксисты в области материальной культуры прекрасно проработали только один период, период капитализма. Поэтому, когда сейчас в Ленинграде Академия истории материальной культуры переходит на новую структуру занятий, то марксисты заявляют, что в части, касающейся докапиталистических периодов, руководящих марксистских работ нет, а есть только руководящие методологические указания; в этой области марксисты еще не работают. В языке, в археологии и этнографии марксисты пока тоже не работают. В отношении яфетидологии, поскольку она касается языка, все марксисты заявляют, что здесь работа яфетидологии уместна, но уместно ли применение яфетического метода к археологии и этнографии — это еще вопрос. Одни марксисты допускают возможность таких наших работ с обязательством иметь компас в руках, другие же коренным образом возражают против них.

Дело в следующем. Яфетидология представляет собою пока учение о языке, археология же и этнография, не относясь к области языка, все же нужны для яфетидолога, как проверка его положений, выдвинутых лишь на языковых материалах. Они нужны именно потому, что язык вовсе не самостоятелен, он есть порождение человеческого коллектива. Именно поэтому требуется анализ памятников археологии и этнографии, отражающих деятельность того же коллектива. И, когда марксисты заявляют нам о желательности нашего подхода и к этим родственным дисциплинам, так как таким путем мы приближаемся к работам марксизма, то нам приходится с этим согласиться. Но далеко не все марксисты говорят именно так. Этот вопрос представляется для нас довольно острым, потому что одни лингвистические исследования, одно изучение языка, конечно, сильно нас ограничивают в материале. Язык древних насельников края поддается нашему исследованию, главным образом, через посредство письменности, которая плохо отражает народную речь, тогда как в этнографии и археологии мы имеем возможность заходить в глубину истории дальше, чем это позволяют нам письменные источники. И, если на основе анализа языка мы только доходим до тех времен, когда человек пользовался еще жестами, то через посредство археологии и этнографии мы можем зайти уже вовнутрь их, так как имеем свидетелей, изготовленных рукой самого человека.

Здесь возникает следующий вопрос: если, как говорилось на съезде историко-марксистов, яфетидология есть марксистское учение, то в таком случае, почему яфетидология не может заниматься археологией и этнографией? Если же она не может заниматься, а должна про-

должать, пока этим займутся марксисты, тогда, очевидно, яфетидология в чем-то расходится с марксистами. Если бы она не расходилась, то такое дальнейшее изучение нужно было бы приветствовать. Вот те вопросы, которые мне хотелось поставить на обсуждение собрания. Разрешите этим закончить мою речь.

Председатель. Кто желает задать вопросы докладчику?

Профессор Пчелин. Товарищ Мещанинов нарисовал нам картину последних моментов состояния яфетидологии. Однако картина эта окажется не совсем такой, если мы проследим историю происхождения яфетического мышления. В связи с этим у меня возникают некоторые вопросы. В ряде предшествовавших работ у Марра были ссылки не на материальную, а на духовную культуру. Еще в 1920 году в одной работе было нечто подобное. Теперь Марр отошел от этого. Но один вопрос прежней теории остается, именно вопрос об элементах самого языка — это слоги «рош», «бер» и т.д. Тут же встречаются мистические цифры в виде 7 и т.п. При этом ставится вопрос: всюду ли на всей территории земли существуют одновременно такие первоначальные очаги развития языка, независимые друг от друга, или можно думать, что были какие-то передвижения. В последующих теориях выдвигается мысль, что всюду, где ни возьмешь, существуют эти 7 первоначальных элементов. Тут все-таки как-то пахнет немного мистицизмом, и я хотел спросить, что это за элементы языка и как они связываются в дальнейшем с вопросом изучения культуры.

С места. У меня вопрос относительно шаманов. Докладчик говорил, что руководителями в деле развития языка и его дальнейшего распространения явились шаманы. Вы говорили, что язык сложился в процессе труда, в процессы борьбы с природой, что развитие труда обогащало язык. А тут почему-то ваши теории отрываются от живой жизни, и оказывается, что шаманы являются распространителями и развивателями языка.

Макаровский. Как яфетическая теория относится к утверждению недавно умершего А. Богданова, что только тогда начинают возникать слова, когда начинает появляться производство орудий? Богданов утверждает, что только производство орудий (по его мнению, это происходит в патриархально-родовой общине) кладет начало выделению слов. Это выделение слов связано с понятием предмета, а понятие предмета связано с возникновением производства орудий.

Дубинский. Мне кажется, что в своем докладе товарищ Мещанинов, говоря все время о марксизме и методах марксизма, предполагал, что марксизм есть только социологическая система, которая предполагает о том, что есть экономика-базис, а все остальное надстройка, что если к тому же мы говорим о классах, то этим исчерпывается марксизм. Мне думается, что в докладе совершенно не было указано, как применяется метод марксизма, метод диалектического материализма к языковым проблемам. Я бы хотел спросить вот о чем. Основным законом диалектики является закон единства и борьбы противоположностей. В чем выражается действие этого закона тогда, когда вы переходите к проблеме возникновения языка? Другой смежный вопрос. Вы говорили о взрывах; я не совсем понимаю, что это за взрывы. Являются ли они эквивалетными нашему понятию «скачков»? И, в-третьих, случайно или не случайно вы все время употребляете термин: мы яфетидологи, и они марксисты. Не лучше ли было бы употреблять так — мы, яфетидологи и марксисты.

Председатель. Слово для ответов предоставляется профессору Мещанинову.

Профессор Мещанинов. Сначала, действительно, у Марра было семь элементов или племенных терминов, как он их называл. Это объяснялось, однако, не тем, что он тогда строил изначальное словообразование в связи с племенным образованием. Нет, определенные термины выделились на основании законов звуковых переходов. Сейчас от племенных терминов, лежащих в основе словотворчества во всех периодах, он отказался и в основу берет звуки язычные, губные, потом звуки плавные и, во-вторых, исходные согласные при начальных звуках и губных.

Затем относительно «сал», «бер», «рош», «ион» и т.д. Я бы лично сказал, что это является одним из рабочих положений, выдвигаемых яфетидологией при анализе словотворчества. Для того, чтобы уловить объединение семантических рядов в связи с выявлением на основе разнообразия кавказских языков звуковыми переходами, необходимо было установление основных терминов. Они были прослежены Марром в наличном запасе слов яфетических в буквальном смысле этого слова языков, то есть в языках кавказских. На их материале установлены эти четыре элемента. Когда Марр вышел за пределы языков кавказских и начал привлекать языки и не-кавказские и не-яфетические, то он установил возможность свести и их словарный запас к этим же четырем элементам. Я бы сказал, что это рабочее положение, выдвинутое

при анализе языка на основании материала в соответствии с законом звуковых переходов. Что касается вопроса о том, улавливаются ли названные четыре элемента повсеместно, то на это Марр отвечает категорически, — да. Они улавливаются повсеместно. Они улавливаются даже в развитых формах человеческих языков. Этими элементами человек обладает повсеместно так же, как он повсеместно имеет одинаковую внешнюю структуру: голову, две руки, две ноги. Равным образом и первичный звуковой состав у него оказался однообразным везде.

Что касается шаманства и труда, то в данном случае Марр утверждает, что человеческий труд выдвинул необходимость перехода на звуковую речь. Поэтому не шаманы только могли владеть языковой речью, а имелась уже способность к переходу на языковую речь в общей массе трудящегося человечества. Но в данном случае необходимость приноравливания большего запаса слов, необходимость в большем словарном запасе оказалась в руках этих служителей культа в кавычках, которых мы называем, также, в кавычках, шаманами. Эти шаманы представляют собою не особый сорт людей; они являются сочленами того же самого трудового коллектива, который, соответственно существовавшему миропониманию того времени, нуждался при осуществлении своей трудовой деятельности в привлечении некоторых явлений природы. Последние им не осознавались, и он привлекал их через содействие посредников, общающихся с предполагаемой ими магической силой.

Что касается Богданова, то его работы подвергнуты, в свою очередь, критике, написанной Марром. Там затронутые вопросы разрешаются Марром довольно подробно. Богдановские работы со стороны Марра не встретили сочувствия. Что касается выделения производственных орудий, то и Марр одно время полагал, что выделение производственных орудий привело к возникновению языковой речи. Поэтому в некоторых работах Марра происхождение человеческой речи относится к самому первому периоду изготовления орудий, то есть даже к Шелльскому. Однако, это не соответствует ни антропологическим указаниям, ни указаниям самого Марра в последующих работах, уже относящих возникновение звуковой речи к периоду верхнего палеолита, то есть к тому периоду, когда человек стоял на грани перехода к земледельческому труду. Именно в связи с этим зарождающимся земледельческим трудом у него появилась необходимость большего разнообразия в орудиях производства и большего разнообразия в общении людей. Это и послужило импульсом к тому, чтобы человечество (вовсе не одни только шаманы в кавычках, но вообще все человечество) начало переходить на звуковую речь. В связи с этим стоит вопрос относительно первичности формы. Что было раньше: глагол или существительное, предмет или действие. Они оба являются дифференциацией, последующим развитием определенного слова, которое обозначало и предмет и действие, в зависимости от того, в каком смысле человек употреблял его. Например, термин «рука» существует для названия руки, а также и для обозначения акта, производимого этой рукой; он точно также имеет значение бить, ударять и т.д. Полное разделение понятий является позднейшим расчленением уже развившейся способности человеческой речи и связано с обогащением словарного запаса.

Что касается диалектического материализма, то язык, отражающий в себе жизнь человеческого общества, очевидно, должен был отражать в себе и моменты диалектического развития. Но я понимаю вопрос иначе. Прослеживается ли диалектика в жизни самого языка? На этот вопрос, я должен сознаться, примеров сейчас привести, пожалуй, и не смогу. Это одно из указаний, против которых мы возражать не можем. На это, может быть, мы обращали мало внимания. Что же касается взрыва — равен ли он скачку, то я именно в этом смысле его и понимаю, так что я не знаю, следует ли мне развивать дальше свою мысль.

Что касается последнего замечания: мы — яфетидологи, следовательно, марксисты, то в данном случае я должен сослаться на одну из подобных же фраз, сказанных мне одним из московских оппонентов. На съезде этнографов он указывал на то, что существует особый опасный класс людей, которые сами себя называют марксистами, не ожидая, чтобы их назвали марксистами другие. Когда после этого с другой кафедры он спросил, почему я не ставлю знака равенства между понятиями «яфетидологи» и «марксисты», я ответил, что я не считаю себя теоретически достаточно подготовленным, чтобы называть себя марксистом, и просил не требовать того, чтобы я сам причислял себя к тем лицам, которых только что с другой кафедры он охарактеризовал как опасный элемент.

Председатель. Слово для возражений предоставляется товарищу Измайлову.

Измайлов. Я заранее не готовился выступать, но в процессе доклада у меня наметилось несколько замечаний. Мне кажется, что, во-первых, очень трудно согласиться с мнением Ивана Ивановича о том, что происхождение языка теснейшим образом связано с магией и земледелием. С другой стороны, он выдвигает положение, что вообще первобытная магия была в

руках шаманов и отдельных магов, которые фактически и создавали язык, что язык создан не массой первобытных людей, а магами. Именно так я его понял. Я не согласен с этим мнением. Мне кажется, язык создан не магами, а массой. Вообще, когда мы говорим о первобытной магии, мы не можем выставлять отдельных людей вперед. Магия тогда являлась коллективной. Можно привести даже ряд примеров из современной жизни австралийцев, у которых остатки коллективной магии существуют и до сих пор. Появление отдельных личностей, профессиональных магов, относится уже к дальнейшей стадии развития магии. В первой стадии магия все-таки является массовой, коллективной, потому что труд в этот период жизни не был разделен настолько, чтобы выделились люди, которые занимаются только специально магией.

Дальше второй вопрос: мне кажется спорным указание на то, что появление языка связано с земледелием, и соответственно с этим постановка вопроса о том, что 300 тысяч лет человеческое общество имело только кинетический, то есть ручной язык. Доказательств этому до сих пор антропологией не найдено. До сих пор те находки, которые имеются, большей частью охватывают период в каких-нибудь 60 тыс. лет, а более ранние находки крайне редки и случайны. Мне кажется, этим нельзя доказать, что до этого не существовали наряду с людьми без подбородков и люди с подбородками. Возможно, что до очень многого мы еще не докопались: отсутствие находок не значит еще, что до этого не было людей с подбородками. Это мое первое возражение. И второе возражение. Я считаю, что самое появление подбородка произошло в процессе развития человеческой речи; это был длительный период развития человеческой речи, и это развитие человеческой речи связано с развитием человеческого подбородка. Значит, если 60 тысяч лет тому назад появился человек с подбородком, то человеческая речь должна была появиться раньше, а не 60 тысяч лет тому назад, и, таким образом, мы человеческую речь должны отнести к более древнему периоду. Третий вопрос — вопрос о применении яфетидологии к другим дисциплинам. Иван Иванович здесь спрашивает, почему нельзя яфетидологию применять к другим дисциплинам. Конечно, возражать ему нельзя — можно применять, но только мы не можем сказать, что яфетидология и марксизм равны. Знак равенства между яфетидологией и марксистской методологией мы поставить не можем. (Голос: почему?) Потому что яфетидология была до сих пор учением о языке, а ведь методология марксизма — это не только учение о языке. До сих пор яфетидология применялась только в отношении языка. Что же касается тех методологических приемов, которые до сих пор применялись яфетидологией, мы не можем возражать против их применения к другим дисциплинам. Наряду с этим мы, марксисты, должны требовать, чтобы применялись к освещению материальной культуры для ее изучения не только эти особые специфические, яфетидологические приемы. Мы должны также держать в руках свой компас, то есть марксистскую методологию в целом. Конечно, яфетидология не охватила до сих пор всех сторон марксистской методологии. Иван Иванович сам в своей речи сказал, что до сих пор яфетидологи не искали подтверждений диалектических законов в развитии языка. Конечно, это задача будущего яфетидолога. Если яфетидологию мы будем применять к другим дисциплинам, мы еще больше должны стремиться использовать общую методологию марксизма, то есть диалектический материализм.

Магарик. Товарищи, я не считаю себя подготовленным, чтобы вступать в полемику по таким вопросам, но несколько сомнений я хочу все-таки высказать. Мне кажется, что то, что говорил докладчик относительно Кушнера, не совсем правильно. Я не знаю, цитировал ли он дословно. Мне кажется, нет. Тут есть некоторое упрощенство. Кушнер, насколько мне помнится, говорит о том, что возникновение языка, главным образом, происходит в результате необходимости объединения в трудовой коллектив. Он говорит именно о том, что необходимость дачи тех или иных распоряжений в связи с трудовой деятельностью большого коллектива вызывает необходимость возникновения языка. Таким образом, здесь уже речь идет не о том, что нужно делиться своими впечатлениями. Это выражение вызывает некоторую улыбку, но речь идет здесь о более глубоком подходе к этому вопросу. Объединение людей в коллективы выявило необходимость в таком сообщении и передаче мыслей отдельными участниками этого трудового коллектива. Если это так, то, пожалуй, с точки зрения марксистской, этот подход вполне правильный.

Что касается роли магов, то мне кажется, что вряд ли можно сказать, что маги могли сильно обогатить язык и создать те или иные формы его. Во всяком случае, коренные источники языка, несомненно, идут из тех же трудовых взаимоотношений людей. Мы имеем, товарищи, массу таких моментов в истории, которые указывают на то, что представители культа, наоборот, являлись консерваторами в отношении языка, что язык, благодаря им долгое время оставался совершенно оторванным от дальнейшего процесса развития. Конечно, это имело

место в более поздний период, когда появилась письменность. Но это, может быть, является характерным и для периодов более ранних. Надо сказать, что вообще взаимоотношения между человеком, богом и силами природы так просты, что не вызывают необходимости создания особых языковых форм. Мы имеем, мне кажется, ряд таких указаний, которые говорят о том, что в самые первобытные времена общение человека с богом было очень просто. Поэтому положение о том, что представители культа даже в эти самые первобытные времена сыграли такую роль в создании языка, кажется мне совсем невероятным.

Васильев. Товарищи, я не лингвист и по лингвистике читал мало. Поэтому то, что я буду говорить, может показаться лингвистам довольно наивным. Я заранее приношу свои извинения, если буду говорить глупости. Постараюсь, однако, их избежать и поэтому остановлюсь, главным образом, на общих положениях методологического характера. Мне кажется, что та система идей, которая носит название яфетидологии (по-моему, очень неудачное), льет целиком и полностью воду на мельницу марксизма.

Основные исходные методологические пункты яфетидологии тождественны с методологическими общими принципами, выдвигаемыми марксизмом. Прежде всего, языковой процесс яфетидологи трактуют именно как **процесс**, и эту точку зрения они проводят чрезвычайно последовательно на всех стадиях своей работы. Выдвинув положение, что языковые явления находятся в процессе постоянного развития, яфетидологи отвергают так называемую расовую теорию, то есть старое учение, что существует три больших семьи языков, которые обязаны своим возникновением каким-то расовым особенностям. Расовые языки, с точки зрения яфетидологии, представляются ничем иным, как различными стадиями единого процесса развития языка. Это, на мой взгляд, чрезвычайно прогрессивная и плодотворная точка зрения. Индоевропеисты, которые защищали другую позицию, должны были потерпеть крах, поскольку они метафизически разрывали различные стадии языкового процесса и рассматривали их как совершенно самостоятельные, изолированные, не связанные с другими явления. Яфетидология подошла к этому процессу с гораздо более широкой точкой зрения. Она стала рассматривать тот или иной отдельный язык как часть, как стадию более общего, более широкого процесса. Идея всеобщей связи, которую выдвигает яфетидология, свойственна как раз именно марксизму; именно марксистский метод подчеркивает необходимость рассматривать все явления в их зависимости друг от друга, рассматривать их как стадию единого процесса. Так что, мне кажется, этот пункт яфетидологического учения целиком и полностью вытекает из тех принципов, которые выдвигает диалектический материализм.

Далее, если вы возьмете классическую лингвистику, то увидите, что все ее представители работают синхронистическим методом. Берется определенный разрез и все языковые явления изучаются как одновременно существующие явления или, иначе, как явления, относящиеся к одному и тому же хронологическому периоду. Берется известный период: вот язык сегодня, и это «сегодня» языка изучается без постановки вопроса о том, есть ли в этом языке какие-либо пережитки прошедшего или нет, есть в нем зародыши нового. Древние письменные языки представители классической лингвистики изучают очень просто. Они берут письменный язык на данной стадии развития и изучают его чисто формально, устанавливая законы и т.д., но не интересуются эволюцией этого языка во времени. Они не интересуются проблемой развития языка. Представьте себе, что такой метод, которым пользуются классические лингвисты, мы перенесли бы на изучение общественных явлений. Тогда мы должны были бы отнести те явления натурального хозяйства, те остаточные формы прежних общественных формаций, которые сейчас у нас имеются — остаточные формы капитализма и новые формы социализма к одному историческому типу общества и не должны были бы совершенно указывать, что вот это явление осталось от прошлой эпохи, а это зародыш будущего. Мы должны были бы считать натуральное хозяйство и социалистическую форму, существующие в нашей Советской республике, как явления совершенно одинаково правомерные. Таким методом как раз и пользуются индоевропеистика, классическая лингвистика. Яфетидология здесь радикально разрывает со старыми традициями. Она различает в языке различные стадии, различные исторические формы, подобно тому, как Ленин различает различные исторические формы, существующие в нашем советском хозяйстве. Опять-таки эта идея яфетидологии чрезвычайно понятна, чрезвычайно близка, чрезвычайно родственна марксизму, и это тоже нужно поставить в большой плюс яфетической теории.

Следующая важная идея яфетидологии заключается в утверждении, что все языковые явления — это явления социальные, что все языковые явления обусловлены общественной жизнью и зависят так или иначе от тех форм хозяйства, которые существуют в данном обще-

стве на данной стадии его развития. И здесь опять-таки яфетидология пробивает огромную брешь в старом метафизическом мировоззрении классической лингвистики.

Яфетидология рассматривает языковые явления как обусловленные всей социальной жизнью в целом, как явления, зависящие от эволюции хозяйственных форм. Здесь мы видим поистине необычайное стихийное выявление идеи, развитие которой составит сущность и содержание всей теории исторического материализма. Очень любопытно, что в связи с этим яфетидология самым резким и самым решительным образом борется с попытками биологизировать процесс развития языка. С самого начала Марр подчеркивает, что нельзя рассматривать процесс развития языка как процесс, который чем-то обусловлен биологически. Развитие языка — это процесс социальный и, как таковой, он нуждается в специфическом, именно, социологическом методе изучения. Вот, например, небольшая цитата из одной статьи Марра: «Средства передвижения и орудия самозащиты в доистории».

«Конечно, известная физическая обстановка, определенный подбор фауны, флоры и т.п. учитываться должны, но не непосредственно в языковом творчестве, а в постановке и решении хозяйственно-общественных задач. Следовательно, здесь такое же лишь посредственное влияние природы, как всегда и везде в отношении речи».

Здесь Марр идет путем, знакомым всем марксистам. Он говорит о том, что естественная среда, элементы природы, которые использует человек, оказывают влияние на человеческое общество и его мировоззрение не непосредственно, а через систему производительных сил. Элементы природы играют определяющую роль в истории, когда они сами становятся в известной мере социальным явлением. Маркс с самого начала утверждает, что нельзя говорить о непосредственных естественных условиях, определяющих развитие человеческого мышления. Вполне в духе этого яфетидология подчеркивает, что речь есть социальный процесс и что поэтому, если мы будем аппелировать к каким-нибудь явлениям природы или просто обращаться к биологической структуре человека, мы ничего не поймем в образовании речевого процесса, в развитии речи. Очень интересна с этой точки зрения полемика Марра с Богдановым. Богдановская теория представляет из себя, так сказать, приспособление к марксизму, очень близкой материализму теории одного единственного индоевропеиста, который занимался проблемой происхождения языка, именно, теории Людвига Нуаре. Богданов говорит, что когда человек трудится, когда производит известные трудовые движения, в этих движениях участвуют все мускулы человека, в том числе мускулы легких, гортани, губ и т.д. Это движения рефлекторные. Когда человек работает, он, например, крякает, ухает и т.д. Потом это кряканье становится обозначением определенного действия. Язык развивается из таких трудовых криков. Богданов берет в основу биологическую теорию. Он пытается рассматривать процесс возникновения речи с точки зрения рефлексологии, с точки зрения физиологии. Марр против этого всеми силами протестует. Он говорит, что рефлексологическая точка зрения нам ничем не может помочь в процессе анализа исторического возникновения речи. Если стать на почву рефлексологии, то совершенно непонятен будет факт, на который указывает наш докладчик, факт, что человек долгое время, примерно 300 тыс. лет, не говорил и только 60 тыс. лет начал говорить при помощи звуковой речи. Если бы богдановская теория была верна, тогда человек должен был бы говорить по крайней мере 350 тыс. лет, потому что для того, чтобы в процессе труда образовались речевые навыки, вполне достаточно небольшого срока, примерно 10 тыс. лет.

Дальше, в связи с этим стоит вопрос расовый. Яфетидология с самого начала отказывается от расовой теории языка, потому что раса — опять-таки явление биологического порядка, а яфетидология рассматривает язык, как явление социального порядка. Поскольку язык есть социальное явление, нельзя к нему подходить с биологической точки зрения, нельзя объяснять язык различными биологическими особенностями. Нужно рассматривать язык как социальный процесс. Отсюда отрицательное отношение к расовой теории языка.

У меня имеются несколько выписок из Марра, конкретно иллюстрирующих, как он объясняет те или иные языковые явления, отправляясь от социальной жизни. Эти выдержки настолько характерны, что я их оглашу:

«Касательно имен достаточно сказать, что множественное число есть первичное нормальное состояние слова: доисторический человек лишь в процессе долгой работы дошел до восприятия единичного предмета, еще позднее до восприятий себя вне стада, вне племени, как индивидуума в единственном числе. И все это имеет отображение в яфетической теории».

Очень интересно, что возникновение местоимений Марр связывает с возникновением частной собственности. Он говорит, что местоимения возникают сперва притяжательные, а потом личные. Между прочим, это положение в общей форме гипотезы было выдвинуто в свое

время Марксом. Если вы откроете первую страницу введения Маркса к критике политэкономии, вы найдете там подобное же утверждение. Дальше, еще пара цитат:

«Не с небесной номенклатуры и общих мировоззрений начинается человеческое мышление и первотворчество речи, а с обихода, общественно и в первую очередь хозяйственно осознанного и использованного окружения»...

«Единство речи предполагает уже предварительное существование единства хозяйственно-общественной жизни».

Таким образом, здесь мы видим, что Марр целиком и полностью становится на социологическую точку зрения, объясняя языковые явления общественными условиями. Мне кажется, что это тоже нужно записать в актив яфетической теории.

Дальше, вопрос о классовой природе языка. Яфетидология эту точку зрения проводит очень решительно. Правда, надо сказать, что у яфетидологов, в частности у Марра, понятие «класс» весьма и весьма неопределенное. Марр слово «класс» употребляет, по крайней мере, в 5—6 различных смыслах и при том, даже употребляя это слово заведомо неправильно, он редко ставит его в кавычки. Если всюду в работах Марра слово «класс» закавычить, это будет неплохо. По Марру получается, что классы возникли каким-то образом из отдельных племен, что тут какую-то роль играет завоевание и т.д. Одним словом, в этом вопросе он нас тащит к старому, уже превзойденному. Я не претендую на то, что я точно выражаю мысль Марра. Во всяком случае, то, что я читал, у меня вызвало крайне неопределенное впечатление. Процесс классообразования для Марра не совсем ясен. Может быть, теперь в последних работах он уточнил свои взгляды, но те работы до 22/23 гг., которые попадались мне в руки, оставили у меня впечатление, что процесс классообразования для Марра неясен: поэтому у него имеется путаница насчет шаманов и т.д. Об этом здесь уже говорили.

Это, впрочем, деталь, которую можно выправить. Самая же идея, что различные социальные слои говорят на различных языках, что язык разговорный окрашивается определенной классовой окраской, необычайно важна. Идея эта очень плодотворна. Ее следует развивать, она очень многое объясняет в процессе развития языка. В перерыве я спрашивал нашего уважаемого докладчика, осмыслили ли яфетидологи интересную книжечку, появившуюся года два тому назад, именно книжечку Селищева «Язык революционной эпохи». Селищев, как аккуратный и внимательный наблюдатель, записал все те новые выражения, которые появились после революции. Оказывается, что после революции язык наш радикально изменился. Тут много студентов; ни один из них не скажет теперь «учение», а воспользуется словом «учеба». Можно указать целый ряд других таких выражений, которые возникли недавно. Появились новые слова, частью взятые из других языков, частью созданные нами самими. Несомненно, товарищи, этот очень быстрый процесс языковой ломки, этот процесс изменения языка тесно связан с теми изменениями всей структуры нашего общества, которые вызваны революцией. Новый класс пришел к власти, он говорил на другом языке, нежели ранее господствовавшие, это отражается на разговорном языке всего народа сейчас. Все начинают говорить языком этого класса, и старые господствовавшие языковые формы сейчас видоизменяются, происходит резкая переплавка их, они отливаются в какие-то новые формы. Идея классового языка поможет нам понять очень много явлений, которые происходят на наших глазах. Таким образом, положение яфетидологии, что нет внеклассового языка, на мой взгляд, совершенно правильно. Конечно, оно совершенно материалистично.

Тут говорили насчет скачков. Признает ли теория Марра резкие, скачкообразные изменения в эволюции языка? Надо сказать, что вообще, когда мы говорим об идеологии, мы не можем с такой точностью констатировать скачки, как в случае, мы говорим о материальных условиях жизни или о каком-нибудь явлении природы, потому что в идеологии остается очень много предыдущих форм и т.д. и т.д. Во всяком случае, то, что пишет Марр о радикальных ломках всего общественного уклада, ломках, отражающихся в идеологии, в частности, в языковых формах, это целиком и полностью укладывается в учение марксизма о резких скачках, о прерывах постепенности и т.д. Вот вам несколько цитат: «Индоевропейская семья вовсе не является расово особой по языкам, а результатом нового скрещения доисторических языков последовательно в результате коренного переустройства общественности. Скрещение это последовало от переворота хозяйственной жизни, вследствие, по-видимому, открытия и особенно широкого практического использования металлов». Мне кажется, что здесь Марр определенно признает скачкообразные быстрые изменения. Он говорит: «Пределы мощи внутренней эволюции, отнюдь не исключающей и революции, значительно более обширны, чем это предполагается установившимися научными воззрениями». Опять-таки буквально точное признание скачков.

В этой связи я хотел затронуть тот вопрос о мутации, на котором остановился наш докладчик. Я понимаю несколько настороженный подход к термину «мутация» со стороны яфетидологов. Яфетидологи мыслят последовательно социологически, а термин «мутация» биологический. Яфетидологи с самого начала стремятся подчеркнуть, что они не хотят переносить биологическую закономерность на общество. Поэтому они очень осторожно относятся к этому биологическому термину. Но то обоснование, которое дал докладчик для отказа от этого термина, мне кажется недостаточным. Дело в том, что и мутационная теория не считает, что организм сразу рождается совершенно новым, принципиально отличным он того организма, от которого он произошел; и в новом организме, продукте мутации, есть целый ряд старых пережитков. Какая-либо деталь его скачкообразно резко изменилась, а целый ряд признаков сохранился, не изменяясь. Так что, с этой чисто формальной точки зрения, против мутации можно было не протестовать. Так же, как и язык, измененный в результате изменения хозяйственных форм, сохраняет целый ряд старых форм, точно также и мутирующая особь сохраняет целый ряд элементов, унаследованных от своего родителя. С этой точки зрения от термина «мутация» можно не отказываться. Но я вполне понимаю те соображения, которые заставляют отбрасывать этот термин, потому что всякое перенесение термина из одной науки в другую, из круга явлений, подчиняющихся одной закономерности, в круг явлений, подчиняющихся другой закономерности, не может быть оправдано. Тут нужен какой-либо специфический термин. Взрыв, предложенный профессором Мещаниновым, взят из физики и химии, потому против него можно привести аналогичные возражения. При взрыве вещество меняется радикально: вещество до взрыва отличается от вещества после взрыва очень сильно, так что и этот термин тоже можно подвергнуть критике. Впрочем, мне кажется, что вопрос насчет термина «мутация» не столь существенен, и особенно протестовать против его введения не следует.

Теперь, товарищи, начинаются довольно бессистемные мои возражения, вытекающие из тех положений, которые выдвинул докладчик. Прежде всего, насчет магии. Откровенно вам сказать, мне не особенно нравится этот пункт яфетической теории. В нем есть что-то такое, что для меня не совсем понятно и не совсем приемлемо. Может быть, магическая гипотеза Марра приобрела непропорционально большое значение после того, как на нее начали указывать пальцами. Она выплыла на первый план исключительно после того, как ее начали критиковать. Впрочем, и эту самую теорию происхождения и развития речи можно было бы подпереть кое-какими материалистическими основами. У меня напрашиваются, например, такие соображения. Магия явилась первой формой наукообразного мировоззрения, в котором человек попытался осмыслить закономерность окружающего его мира. Пусть воззрения его с нашей теперешней точки зрения были наивны, нелепы; пусть связи, которые устанавливал человек между различными явлениями окружающего мира, были неверны; важно то, что в магии впервые выступила идея закономерности. Поскольку человек дорос до магического мировоззрения, ему казалось необходимым в процессе труда производить известные действия для того, чтобы достигнуть удачи. Это не мольба к божеству, а вытекающие из самой логики процесса труда действия, своеобразный ритуал, подобный ритуалу, справляемому грузчиками в порту, когда они после тяжелой работы пьют водку. Это именно ритуал. Бакинские грузчики искренно верят, что если они не будут пить, то они потеряют всю свою физическую силу (мне приходилось с ними неоднократно беседовать на эту тему). Точно так же человек верхнего палеолита, который мыслил магически, считал, что если он не будет сопровождать процесс труда определенными звуками, его труд не будет эффективным. Конечно, можно сказать, что подобная магическая песня содействовала развитию речи. Тогда, может быть, неловкость, связанная с магической теорией, будет в значительной степени элиминирована. Но это только моя спекуляция. Во всяком случае, я думаю, что этот пункт яфетической теории несколько шаток, и не нужно его считать последним словом яфетидологии. Я думаю, что сами яфетидологи потом, в процессе своей работы, уточнят это место своих теоретических умозрений. Вероятно, сюда будут внесены поправки. Во всяком случае, повторяю, этот пункт теории мне кажется спорным.

Теперь перейду к вопросу, который выдвинул докладчик. Следует ли яфетидологии выходить за пределы лингвистики? Я думаю, что в самой постановке вопроса кроется недоразумение. Дело в том, что яфетидология базируется на совокупности определенных методологических приемов изучения человеческого общества. Эти методологические приемы, как я старался показать, в значительной степени тождественны с приемами, которыми пользуется марксизм. Конечно, они должны быть распространены на изучение буквально всех сторон общественной жизни. Яфетидологи спрашивают, могут ли им указать марксисты какой-нибудь отправной пункт для того, чтобы яфетидолог мог продолжать свое исследование за пределами явлений

языка. Мы отвечаем — конечно, могут, потому что все явления социальной жизни связаны друг с другом. Может ли марксист-лингвист или человек, отправившийся от данных лингвистики, заниматься археологией и переносить тот метод, который оправдал себя на лингвистике, на археологию? Конечно, может, поскольку его метод дает некоторые общие положения. Принципы, которые, вслед за марксизмом, выдвигает яфетидология, находят применение и на другом материале, кроме лингвистики. Мне кажется, что с этой точки зрения яфетидологам не нужно ограничиваться языковыми явлениями, не нужно замыкаться в узких рамках лингвистики. Ведь яфетидологи считают, что явления языка связаны со всеми сторонами социальной жизни. Следовательно, нужно изучать эти смежные области. В этом как раз сильная сторона яфетидологии. Даже больше, мне кажется, что если яфетидология будет оставаться только лингвистикой, она закостенеет.

Логика самой яфетидологической работы требует выхода за пределы явлений языка. Еще Гегель говорил: «Чтобы познать явление, нужно выйти за его пределы». Перефразируя Гегеля, я могу сказать: чтобы познать закон развития речи, нужно выйти за пределы речи. Теперь несколько слов о взаимоотношениях яфетидологии и марксизма. Я думаю, товарищи, что основные методологические положения яфетидологии представляют собою положения, которые давным-давно уже выразил марксизм, и что с этой точки зрения, яфетидологию можно действительно назвать применением методов диалектического материализма к изучению явлений языка, изучению истории языка. Поэтому и спорить о том, в каких взаимоотношениях находится яфетидология и марксизм, по моему мнению, не стоит. Но, товарищи, можно различным образом применять и методы марксизма. Применение метода марксизма не гарантирует от целого ряда ошибок. В яфетидологии, по всей вероятности, тоже есть целый ряд ошибок. Мне, как и целому ряду других товарищей, кажется спорным положение насчет роли магического мышления в образовании языка. Может быть есть и другие спорные положения, но важно то, что общая принципиальная установка яфетидологии совершенно правильна с марксистской точки зрения. Поэтому яфетидологию можно назвать применением методов диалектического материализма к изучению явлений языка.

В заключение я поставлю вопрос о самом термине яфетидология. Скажу прямо — этот термин мне очень не нравится. Сами яфетидологи, вероятно, скажут: термин «яфетидология» такой же пережиток, как обычай, о котором рассказывал нам докладчик, — мальчик режет петуха около дерева. У Ноя по библейской легенде было три сына: Сим, Хам и Яфет. Отсюда семитические и хамитские языки. В основу классификации положена, таким образом, библейская легенда, и по одному этому термин нужно отбросить. Ведь сами яфетидологи говорят: никаких яфетических языков не существует, а есть лишь более древние и более новые языки, то есть различные стадии одного и того же процесса. Но зачем же тогда термин «яфетидология»? Когда сегодня товарищи читали объявление в газете о докладе «Яфетидология и марксизм», большинство, вероятно, недоумевало, что это за штука. Термин «яфетидология» только вводит в заблуждение. Поэтому, мне кажется, что яфетидологи сделали бы очень хорошо, если бы как можно скорее от него отказались. Я понимаю, что яфетидологам это будет очень неприятно, они продолжают определенную традицию. Марр много копий поломал в пользу яфетидологии; многие за эти идеи считали его чуть ли не полоумным (больших людей консерваторы часто считают полоумными). Но во всяком случае, несмотря на то, что здесь имеются такие интимные личные моменты, привязывающие яфетидологов к этому термину, я думаю, что самое лучшее, что они могут сделать, это отбросить термин «яфетидология» и назвать свое учение материалистической лингвистикой или как-нибудь иначе, но только не яфетидологией.

Зифельдт. Я начал работать над этими вопросами, не будучи знаком с яфетической школой, и, конечно, выводы мои получались совершенно иные. В 1920 году я познакомился с яфетической теорией в старой формации, когда она была учением о кавказских языках, и лишь с 1924 г. в мое уже искривленное яфетическое сознание начал понемногу пробиваться свет яфетической теории в новой стадии. Я воспринял это учение, как говорят, всей душой, но, товарищи, может быть от того, что все-таки я родился не в яфетической школе, а принес нечто чуждое туда, или же потому, что я работаю над другими языками, не над кавказскими, а над урало-алтайскими, прилегающими к ним с другой стороны, или какие-нибудь другие обстоятельства тому виной, это уже разберет когда-либо история, но, так или иначе, у меня имеются некоторые расхождения с яфетидологической ортодоксией. В основе я стою всеми четырьмя копытами на почве яфетической теории в ее последней стадии. Мои возражения относятся больше к техническим подробностям, к мелким деталям. Но вот в отношении этой самой «магической стадии» я тоже разделяю сомнения товарища Васильева и разделял их давно. В науке

нужно быть чрезвычайно придирчивым к терминам, и если мы употребим термин, который может быть иначе понят, то лучше отказаться от этого термина, найти какой-нибудь другой, более удачный, более точный, который бы не вводил в заблуждение «малых сих», которые еще начинают учиться этой теории. Я бы предложил лучше называть ту песню, которая предшествовала языку слов, «трудовой песней», как ее когда-то называл старик Бюхер, не марксист. В процессе общественного труда ритмические действия людей сопровождались песнями, и эти песни регулировали действия. Я не хочу сказать, что люди сознательно выдумали эти песни. Это процесс подсознательный. То, что люди на определенной стадии своего развития мыслили магически, то, что трудовой процесс тоже был связан с магией, этого отрицать не приходится, но и тут я согласен с товарищем Измайловым, что процесс перехода от языка ручного, «кинетического», к языку слов через стадию магическую, это, конечно, не было делом кучки шаманов или жрецов, определенного профессионального слоя. Этого профессионального слоя тогда еще не было, магия была делом массовым. Разумеется, в этой массе не все одновременно приходили к этому, а приходили часть за частью. Маги, как профессионалы выделялись позже. Нынешние шаманы — это уже результат очень долгого развития, и можно было бы в целом докладе показать на примерах, что шаманизм является переработкой целого ряда религиозных систем более высокого развития, чем первобытное душеверие, например, сибирский нынешний шаманизм.

Как и когда возникли языки? Я изучал этот вопрос на фактах урало-алтайских языков и тоже пришел к тому выводу, что, конечно, никакого праязыка не было. Я начал свои исследования совершенно без всякого предвзятого мнения. Надо было на материале проверить это, и вот материал показывает, что одни и те же объекты имеют в одном и том же языке более чем одно название, два, три и больше. Из этого уже видно, что, если бы был праязык, то в этих, так называемых, «родственных» или, как я их называю, сблизившихся, породнившихся в процессе экономики географического сожительства и сотрудничества людей языках, слова для обозначения одного объекта имели бы один корень. В самом деле, мы знаем из палеонтологии и археологии о длительном существовании человека, то есть животного, ходившего на задних ногах и уже выделывавшего орудия, существованию же языка — словесной речи мы можем отвести гораздо более короткий промежуток; следовательно, мы должны допустить, что человечество рассеялось по всему лицу земли еще в тот период, когда оно звуковой речью не обладало, когда оно продолжало еще «говорить» жестами. На определенной стадии своего хозяйственно-технического развития каждое человеческое общество должно было прийти к необходимости выйти за пределы немого кинетического языка и прийти к языку слов, скажем, через вот этот самый промежуточный язык песни. Но так как люди попадали в различные географические условия более или менее благоприятные, то и развитие их было **неравномерно**; не в одном и том же году все эти человеческие общества, рассыпанные по всему лицу земли маленькими обществами с изолированным хозяйством, не связанные друг с другом, не в одном и том же году они пришли к необходимости выйти за пределы этого «ручного» языка и перейти к языку слов.

В одном месте раньше, в другом позже **и не зависимо друг от друга** человеческие общества переходили из одной языковой стадии в другую. Переход должен был бы совершаться в тот же период, когда руки человеку оказались достаточно занятыми орудиями, когда человеку с человеком нужно было перекликаться в интересах того же самого труда. В распоряжении человека был свободный орган — это ротовая глоточная система. Звуки, конечно, человек и раньше издавал, но это были рефлекторные и импульсивные звуки: от испуга или натуги он кричал, выл, кряхтел, пыхтел, но это были только **звуки**, а не **слова**. Слово — это символ. Звуковой аппарат **был**, но раньше он **не применялся** для выражения мысли, желания и т.п. Но тогда, когда руки оказались достаточно занятыми, они были не только орудиями обороны и нападения, но и орудиями труда — пришлось прибегнуть к тому аппарату, который у человека имелся в готовом виде, но который до сих пор для этой цели не был утилизирован: человек переходил к языку звуков. И вот величайшая революция совершилась в переходе от немого языка к звуковому. Эта революция, конечно, не совершилась в одну ночь, она могла продолжаться целыми тысячелетиями, и тем не менее, это революция. У нас в Обществе изучения Азербайджана на недавней дискуссии были высказаны взгляды, что революция это то, что совершается вдруг, внезапно, в результате, конечно, длинного ряда эволюции. Я понимаю революцию несколько иначе; революция может происходить и очень быстро, но может происходить и на протяжении долгого промежутка времени. Характерным признаком революции является то, что объект в конце процесса **качественно** отличается от себя же в начале его. Тут мы имеем переворот. При

ручном языке звуки играли **под собную роль**, а телодвижения — **главную,** и хотя звуки вырывались не произвольно, но все же невольно они являлись сигналом. В конце этого процесса мы имеем язык слов. Это основное. И вот теперь этот «линейный», «кинетический» язык уже стал играть **вспомогательную роль**; когда мы разводим руками, пожимаем плечами, этот язык стал **из главного подсобным**.

Вот вам пример, когда в развитии языка совершилась революция. Эта революция, конечно, не является самодовлеющей и происходящей внутри языка сама по себе; эта революция есть результат той хозяйственно-технической революции, которая совершилась в человеческом обществе и его хозяйстве. Н.Я. Марр указывает еще на одну языковую революцию, на переход яфетических языков Средиземноморья в стадию индоевропейских языков. Он связывает это с возникновением новой металлической культуры, с образованием классов. Значит, он видит изменения в базисе; революционные изменения в базисе вызвали также и революционные изменения в языке. Языки, которые характеризовались пассивной конструкцией фразы, теперь перешли на активную конструкцию; возник и целый ряд других новых особенностей. Это тоже языковая революция. Товарищ Васильев указывал на книгу Селищева «Язык революционной эпохи» и приводил из нее примеры. Мне приходилось иногда, сидя на рабочем или на красноармейском собрании, записывать выражения, которые все больше и больше получают права гражданства и в литературе; это язык действительно рабочего класса или, вернее, — рабочих, пришедших недавно из деревни; из деревни язык этот через фабрики проходит в литературу тогда, когда новый класс сверг старые и взял власть в свои руки. Не только новые формы: вместо «учение» — «учеба», но мы видим также перестановку смысла в старых словах. Например, возьмите слово «саботаж». В нашу революционную эпоху это слово приобрело значение бойкота, итальянской забастовки, совершенно не то значение порчи орудий, которое оно имело раньше. То же самое со словами «конфискация», «экспроприация», «реквизиция». Реквизиция — это ведь принудительная покупка. В нашу революционную эпоху реквизиция — это просто бесплатное отобрание. Значит, слова сохраняются иногда в своей форме в прежнем виде, но смысл в них вкладывается смежный или иной. Вот какие процессы происходили в языке в революционную эпоху.

Теперь относительно злосчастных «сал», «бер», «ион», «рош». Я тут несколько расхожусь с моим верховным учителем Н.Я. Марром. Я не считаю открытые слоги за архетип слова, за первоначальный тип слова, и пришел я к этому выводу в результате изучения урало-алтайских языков. Заглядывая и в языки палеазиатские и другие тихоокеанские, я пришел к выводу, что закрытые слоги являются формой последующей, что первоначальной формой слова были открытые слоги: согласная и последующая гласная. Перекликаясь на охоте, человек делал усилие своим артикуляционным аппаратом (брал, так сказать, разгон — это согласный звук), а затем это усилие выливалось в протяжный звук — гласный. Например, слово «земля» на языке зырян называется «му». Вместо того, чтобы сопоставить это слово с соответствующими словами на языках других финно-угорских народов, хотя бы западно-финских, Н.Я. Марр сводит это слово к гипотетическому архетипу «мур», говоря, что «р» пропало потом, и находит оправдание в том, что в берберском языке Северной Африки «мур» значит «земля», по-чански земляника называется «мурги», по-грузински «мартку». Стало быть, земляника имеет тот же корень, что и земля, значит, архетипом был «мур». Если возьмете финно-угорский ряд, то мы находим не только открытые слоги «м» и «ма», но и в скрещении мордовский «мода» — «земля», а в смежном смысле «грязь», также и в эстонском и финском «муда», земля и на ассирийском «мату» от шумерского «мада». Тут везде два открытых слога, можно было бы этим ограничиться. Здесь два слова и оба означают «земля»; а что второй слог в скрещенном слове «та» и «ту» имеет самостоятельное значение, тоже «земля» видим, например, из китайского, где «земля» называется «ту» и «ди», в самоедском «тю» и «тя». В скрещенных формах мы встречаем это слово в тунгузском языке «т» — «ру», «ти» — «ри». Таким образом, «му» — «да» значит «земля» плюс «земля»; это первоначально два равнозначающих, но разноязычных слова; скрещивание дало формы «мута» и «мури», и этот самый берберский «мур» есть уже результат скрещивания. Сокращая свое выступление по этому вопросу, я хочу сказать, что элементы «*сал*», «*бер*», «*ион*», «*рош*» на основе проработанного мною материала не рисуются такими, как это утверждает Н.Я. Марр. Это не первоэлементы, а результат скрещения двух открытых однозначимых, но из различных языков, слов. Потом, когда такие слова уже прочно скрестились, были возможны марровские случаи выветривания конечных гласных; таким образом, получились эти марровские закрытые слоги. Вот как я ответил бы на вопрос о «*сал*», «*бер*», «*ион*», «*рош*».

Теперь, что было раньше, глагол или существительное? Ни то, ни другое. Первоначально слова означали не только предмет, но также и действия, производимые этим предметом, и даже впечатления, которые от этого получаются, так что, например, корень «куркул», как мне удалось проанализировать и показать, означал не только «руку», но также и орудия, означал также «бить», «убивать» и «умирать». Одно слово дало начало целой кучке слов. Первоначально оно не было дифференцировано по частям речи; части речи выделились после. Совершенно правильно также, что местоимения появились позже, что притяжательные местоимения появились раньше личных местоимений. Личные местоимения появились тогда, когда индивидуум выделился из общего хозяйства, когда появились признаки собственности.

Я опускаю ряд вопросов и заканчиваю вопросом об отношении яфетидологии к марксизму и о самом названии яфетидология. Несмотря на то, что в некоторых мелочах я могу и расходиться с самим главой яфетической школы, отдельные детали не портят общей картины и, в общем и целом, я стою целиком на яфетидологической почве, оставаясь в то же время и марксистом, и мне кажется, что ни в какие разногласия с марксизмом я не входил. Солидаризируюсь целиком с тем, что говорил товарищ Васильев об отношении яфетидологии к марксизму, и добавить к этому ничего не имею.

Согласен также с тем, что слово «яфетидология» является уже устарелым термином. Это слово выросло из учения о яфетических языках Кавказа. Благодаря тому, что работа протекала над бесписьменными языками, над языками, так называемых, низших классов, эта работа дала академику Марру возможность выработать целый ряд изумительно тонких методов исследования и удачно применять, например, метод языковой палеонтологии, прослеживать семантику слов, функциональные переходы слов и т.д. Величайшим преимуществом новой яфетидологии перед старой индоевропейской лингвистикой является связное изучение языка, материальной культуры, общественности, как надстроек на хозяйственной базе производственных отношений. Отсюда яфетидология неизбежно пришла к диалектико-материалистическому пониманию вещей. И это «неожиданно» оказалось совпадающим с марксизмом. На изучении этих языков были выработаны новые методы, которые потом оказались весьма плодотворными для их применения ко всякому другому языку. Теория прорвала свои географические рамки, вышла за пределы Кавказа и даже за пределы Средиземноморья. Теперь эта теория является универсальной, касающейся всех языков человечества. Поэтому само слово «яфетидология» сплошь да рядом вводит в заблуждение тех, которые знакомы со старой яфетической теорией, и мне кажется, что даже сами яфетидологи, включая сюда и основателя школы Н.Я. Марра, очень часто страдают от смешения терминов. Бывает, что мертвый хватает живого, и старая яфетидология иногда сказывается моментами в том, что при изучении каких-либо языков, аналогия проводится чаще всего с наиболее знакомыми грузинским, чанским, мингрельским, сванским, то есть картвельскими языками, которые, по-моему, вовсе не столь примитивны. Старая яфетическая теория — это те леса, которые были необходимы для постройки огромного теоретического здания. Здание уже построено. Если эти леса убрать, мы увидим, что здание совпадает со зданием марксизма, что оно целиком входит сюда, и здесь можно поставить между ними знак равенства.

И только в виду того, что другие термины, вроде «материалистическая лингвистика» или «социология языка», выставляются всякими примазывающимися к марксизму хамелеонами в противовес теории Н.Я. Марра, придется временно еще удержать закаленный в боях термин «яфетидология». А по вопросу о том, должна ли яфетидология ограничиваться только изучением языка, я решительно стою на той точке зрения, что не только можно, но и должно подходить с марксистско-яфетидологическими методами к изучению материала и соседних дисциплин. Мы не были бы материалистами и диалектиками, если бы ограничили поле своего изучения только языком, который родился ведь не в пустом пространстве, а в хозяйствующем трудовом обществе и дальше развивался в функциональной зависимости от развития базиса и других надстроек. Мы можем изучать языки только вместе с общим потоком культуротворчества.

Макаровский. Товарищи, я коснусь вопроса о происхождении языка. Те товарищи, которые выступали, придерживались схемы палеолита и неолита. Если это деление принять и сочетать с появлением языка, то невольно мы остановимся перед рядом сомнений и противоречий. Если считать, что эпоха верхнего палеолита, по схеме Моргана, которую принял Энгельс, характеризовалась уже наличием лука и стрел, характеризовалась умением выработать копья, уменьем выдалбливать каменным топором лодку, то чрезвычайно сомнительным кажется, что в эту эпоху верхнего палеолита человек не имел еще слов. Энгельс утверждает, что лишь в

эпоху неолита возникает и утверждается земледелие. Он относит земледелие к эпохе среднего периода неолита (Дубинский: Энгельс в этом вопросе устарел).

Нет, он не устарел. Даже такой известный автор, как Кушнер, берет схему Энгельса. Но вместе с тем, при всей «устарелости» Энгельса, схема развития орудий человечества, набросанная им, остается правильной, и мне кажется весьма закономерным, что возникновение слов можно приписать уже к эпохе верхнего палеолита.

Во-вторых, по вопросу о Богданове. Мне кажется, что товарищ Васильев напрасно обрушился на теорию Богданова. Богданов, насколько я помню, — я его перечитывал в самое последнее время, — утверждал, что слова у человека возникали именно со времени расширения трудовой связи и укрепления взаимодействия трудового коллектива. И, во-вторых, Богданов говорил как раз то, что подтвердит Зифельдт своим «урало-алтайским» авторитетом, что первоначально не было дифференцированности между понятием предмета (существительного) и понятием действия (глагола). Богданов говорит, что не было слова вещи, слово больше обозначало действие, но Богданов не говорит нигде о том, что это не включало в себе вещь.

(Васильев: Нуаре говорит, что орудия получают название именно по действию, которое они производят).

Богданов не утверждает, что предмет не входил в обозначение действия, наоборот, по его учению и то и другое слито вначале в одном понятии.

Затем о том, что говорил товарищ Мещанинов. Он говорил, что дифференциация понятий происходит тогда, когда внедряется земледелие.

Богданов стоял как раз на той точке зрения, что именно с внедрением земледелия, то есть с периода, когда начинается отдифференцироваться производство орудий, в эту эпоху начинают появляться понятия, отдельные слова. Я не буду приводить всех аргументов, мне важно подчеркнуть факт параллелизма, что и Богданов стоит на этой точке зрения и утверждает то же самое. Наконец, говоря о шаманах, мы не должны забывать, что шаманы, как определенный слой могли отдифференцироваться лишь на основе известного развития производительных сил, тогда, когда известные способы производства обеспечивали постоянство прибавочного продукта, на который мог бы существовать этот слой. Следовательно, лишь с укреплением земледелия, как постоянно дающего возможность иметь этот прибавочный продукт, лишь на базе развития земледелия могло появиться шаманство. Следовательно, зарождение слов происходит несомненно **гораздо раньше**, и шаманы в известный период, может быть, только подтолкнули, усилили этот процесс. Подобно тому, как в феодальный период жреческое сословие весьма ускоряет развитие письменности.

Председатель. Теперь предоставим заключительное слово докладчику.

Мещанинов. Разрешите быть очень кратким, потому что то существенное, что мне важно было в прениях и что с моей точки зрения действительно было в прениях, являлось подтверждением возможности продолжения занятии в нашем направлении. Остальное затрагивает такие вопросы, которые являются в значительной степени рабочими положениями.

В частности, вопрос о шаманстве. Шаманами, конечно звуковая речь не создавалась. Они были лишь развивателями этой речи и потом передали ее остальной массе. Тут вопрос затрагивает одно из рабочих положений, и товарищ Васильев правильно сказал, что это не последнее слово яфетидологии. Сказать, чтобы это было последним словом яфетидологии, можно только в том смысле, что пока это является действительным словом, которое яфетидология не вычеркнула из своих работ. Насколько я слышал, и сами оппоненты высказывают сомнения, но тоже окончательно вычеркнуть «шаманов» они все-таки не решаются. Равным образом, и я не решаюсь на это. Излагая здесь яфетическую теорию в самом кратком виде, я уже оговорился, что не только созидателем, но настоящим двигателем ее является Марр, что мы все остальные не двигаем ее вперед в смысле методологического изучения, а лишь идем по тому пути, по которому работает **Марр**. В данном случае Марр не вычеркнул этого пункта. Следовательно, и я должен был его упомянуть. Я, пожалуй, соглашусь, что само объяснение роли шаманства представляет спорный вопрос, по которому может возникнуть дискуссия, но следует иметь в виду, что здесь магия принимается не в последующем ее состоянии, когда она приняла религиозную форму. Здесь, конечно, не религия; здесь определенный акт, который является своего рода диффузным расчленением. И я, кажется, упоминал о том, что первобытный земледелец, разрабатывая землю, не понимая причины и следствия, совершал просто определенные действия, совершал механический акт. В этом смысле и имеется в виду шаманство, о котором я говорил. Однако, здесь имеется и еще некоторое осложнение, которое заставляет нас пока оставить на месте наши рабочие положения. На существование в то вре-

мя «шаманов» имеется указание тех же самых памятников верхнего палеолита. Я не отрицаю спорности вопроса о самой роли «шаманов», но все-таки что-то заставляет нас не отталкивать это положение, и оно продолжает оставаться в силе.

В частности, относительно общения с богом. Я сильно сомневаюсь, чтобы оно было такое же как речь с обыденным человеком. Это указывалось одним из говоривших. Сомневаюсь я потому, что пережиток таких магических речей, как охотничий язык, сохранившийся местами и на Кавказе, настолько далек от обычной разговорной речи, что даже не допускает наименования предмета по его имени и когда человек идет на охоту, то он не называет зверя по его имени. Язык охотника является языком искусственным, он не произносит слова «олень», идя на него охотиться, иначе он спугнет его. Охотничий язык, конечно, уже не первобытный по своей структуре, но все же, судя по нему, мы едва ли имеем основание думать, что общение с магическими силами в те весьма отдаленные времена носило характер обыкновенной разговорной речи.

Что касается 4-х элементов, то я уже сказал, что они выдвинуты самим материалом и что по ним удалось произвести анализ существующих терминов. Я не буду говорить на эту тему, чтобы не затягивать заседания, хочу лишь сказать, что если признается, что одна согласная с одной гласной в определенных примерах имеется, то, может быть там вторая согласная отпала; следовательно, там могли быть эти элементы. Наличие основных элементов вовсе не понимается в том смысле, что человек, как только заговорил, сразу стал употреблять все эти 4 элемента. Первичный комплекс звуков выдвинул 4 элемента, наиболее удачно улавливаемые в определенный период развития человеческой речи.

Самое основное, что является для меня в прениях по заслушанному докладу, то, что тот метод, которым мы работаем и который, конечно, пережиточно называется яфетическим методом, следует, по мнению всех оппонентов, применить и к другим наукам по изучению культуры. Слово «яфетический», конечно, библейский термин. Здесь говорилось о том, что вот у Ноя был один бедный сын Яфет, которому не дали языка, что поэтому в старых яфетических работах эта ошибка была исправлена, и сыну Ноя дали эту третью языковую семью. Дальше был введен термин «ноетический» и было сказано, что все языки объединяются в единую языковую семью ноетическую. Конечно, теперь яфетидология обращается в общее учение о языке, и сам термин перестает отвечать своему назначению. Но здесь имеется традиция, основанная на том, что яфетидология слишком многое пережила, борясь с другими школами. Сразу отказываться от этого термина не хочется, но конечно, все возражения в отношении термина придется учесть.

Наиболее существенное значение из всего предыдущего представляется мне в следующем. Если бы даже сейчас узаконили роль шаманизма в яфетической теории, то это было бы только частичным объяснением состояния речи в одну определенную эпоху. Существенное заключается не в этом. Существенным я считаю то, что не только в области изучения языковой речи признается необходимым применять яфетический метод, но и то, что, по словам говоривших, замыкается в рамки лингвистических работ, представляется даже вредным, потому что язык не всегда осознается, когда работают только над ним. Иногда приходится выходить за его границы именно для того, чтобы проверять свои положения в другой области, уточнять эти положения. Это признается здесь, если не ошибаюсь, всеми высказавшимися. И это для меня представляет наиболее существенный интерес, потому что в данном случае я работаю здесь по применению этого метода за пределами области языка; в области археологии и этнографии, не в единственном числе. Другими словами, с меня складывается ответственность, которая в некоторой степени лежала на моих плечах, ибо ведь я этим методом совращаю ту молодежь, с которой мне приходится работать (аплодисменты).

Председатель. Я думаю, что эти аплодисменты нужно понимать как выражение благодарности докладчику за очень интересный доклад (Голос из публики: «и выражение солидарности».) Совершенно верно. Заседание объявляю закрытым.

Текст печатается по изданию:

Мещанинов И.И. Яфетидология и марксизм. — Баку: Издание Азербайджанского государственного научно-исследовательского института, 1930.

А.Н. Генко*
К вопросу о языковом скрещении (два случая с греческим языком)[1]

Одной из тех универсальных идей, которые одним приближением своим одухотворяют мертвую материю фактов, является идея скрещения. Более интимная и жизненно-реальная, но и более сложная в своем осуществлении, чем прославленная XIX веком идея эволюции, она заключает в себе ключ к пониманию всякого *подлинного* естественно-исторического и культурно-исторического становления. И хотя родная ее стихия — биология, не будет преувеличением утверждать, что ей суждено сыграть в будущем в языковедении роль, большую той, которую она играет сейчас в науке, где она впервые выработалась. Генетическая ценность этой идеи в применении к фактам языка (кстати заметить) чувствуется зачастую неспециалистами, свободными от вредного влияния романтизма индоевропейской теории живее, чем языковедами по специальности. Но именно лишь чувствуется. Ее капитальная роль, постигаемая не одним только чувством, должна быть выявлена работой специалистов в этом направлении.

Термин скрещение заимствован, как сказано, из биологии, и определяется в ней примерно так: «Скрещение есть спаривание самца и самки, принадлежащих *различным* систематическим *группам*»[2], то есть оплодотворение яйца самки проникновением в него живчика самца чужого вида. И вот, в развитие биолого-лингвистической параллели, заключенной в применении термина «скрещение» к *языковым* фактам, мы можем определить языковое скрещение следующим образом: «Скрещение языков есть контаминация в индивидуальном сознании языковых представлений, принадлежащих различным языковым системам (*безотносительно*, то есть смотря по обстоятельствам, наречиям, языкам в относительном смысле или наконец семействам), причем «женским» (если можно так выразиться) началом служит при этой контаминации язык основной, на котором данный индивид воспитан, а привходящим «мужским» — позднее усвоенный или усваиваемый». Оставляя эту формулировку пока без дальнейших разъяснений, перейдем к тому, насколько осуществимо углубление проведенной параллели, в смысле заимствования, mutatis mutandis, частностей биологического учения о скрещении лингвистикой. Для напоминания о существовании известных границ этого параллелизма достаточно привести лишь одну выдержку, заимствуемую мной из сочинения берлинского ботаника Эрвина Баура «Введение в экспериментальное изучение наследственности»[3], стр. 252—253: «Видовые гибриды (то есть скрещение генетически более разнородных элементов) встречаются в природе далеко не часто даже между видами, легко скрещивающимися искусственным путем. Это объясняется различными причинами... Какие причины обусловливают столь частую невозможность даже искусственного скрещивания видов — мы не знаем; часто, вероятно, здесь играют роль какие-нибудь мелкие отличия, которые затрудняют слияние половых клеток...» и т.д. Вытекающая из приведенных слов ограниченность возможности скрещения в сфере биологической не существует для языков. Уже один этот пример, подтверждающий попутно нашу мысль о большей приложимости понятия скрещения в лингвистике, по сравнению с биологией, показывает нам, что руководствоваться предложенной биологической аналогией приходится с большой предусмотрительностью. И все же в тех границах, в каких оно возможно, конструирование лингвистических дублетов *частных* понятий, существующих в пределах *общего* биологического учения о скрещении, чрезвычайно, на наш взгляд, плодотворно. Наметим бегло некоторые из возможностей.

Прежде всего осуществимо терминологическое уточнение в пользовании словами помесь, метис, ублюдок, гибрид и производными от них. Следуя примеру некоторых биологов, можно условиться под помесью, resp. *метисацией* понимать скрещение более близких и однородных элементов, наречий или же языков генетически (следуя обычному представлению) родственных, а под ублюдком, resp. *гибридизацией* —скрещение языков, не стоящих в отношении генетического родства.

Достоинства разъясняющего сущность дела нововведения присущи, на наш взгляд, полному устранению термина «заимствование» из обихода будущей гибридологической литера-

---

* Биографическа справка о А.Н. Генко с. 79—82 настоящего издания.

туры и отнесению обнимаемых этим термином явлений к категории скрещения *искусственного*, противополагаемого скрещению естественному, скрещению в собственном смысле слова (как он выработался, например, в работах Н. Я. Марра). С этой точки зрения, так называемое «заимствование» есть частный вид скрещения, отличаемый как таковой *преднамеренностью*, или полной сознательностью возникновения. И хотя точное уяснение значения такого искусственного скрещения в жизни языка, сравнительно с ролью, играемой *стихийным*, не преднамеренным скрещением «естественным», — дело будущего, однако уже сейчас несомненна его подчиненная, случайная и в общем более поздняя роль.

Неприменимой в языковедении кажется в первую минуту весьма существенная differentia specifica некоторых случаев биологического скрещения: имею в виду *бесплодность*, полную или частичную, наблюдаемую в этих случаях. Однако и эта биологическая категория может оказаться полезной для языковедов, именно в отношении некоторых случаев искусственного скрещения, в роде попыток создать всемирный язык, как-то эсперанто, волапюк и т.п.

Гибридологический анализ в биологии, в рамках исследования проблемы наследственности, привел, как известно, в работах августинского монаха Григория Менделя[4] установлению ряда интереснейших законов, в совокупности своей известных под названием *менделизма*. Закон расщепления признаков родителей, начиная со второго поколения полученных гибридов, проливает яркий луч света на вопрос о выработке диалектов. Такие понятия далее, как доминирующий и рецессирующий, эпистатический и гипостатический признаки и подобные им, ценны в применении к лингвистике методологически, для уяснения целого ряда аналогичных биологическим явлений языковых.

Развитие брошенных намеков возможно станет в полной мере, быть может, лишь тогда, когда упрочится и получит должное признание единственно пригодный при широком *генетическом* анализе языков взгляд на речь как на антропологический признак, принципиально равноценный таким чисто соматическим признакам, как характер лицевого угла и т.п.

Три основных категории скрещения, намеченных нами, а именно 1) скрещение искусственное, по обычному словоупотреблению «заимствование», 2) скрещение (естественное) генетически родственных величин, метисация, и 3) скрещение (естественное) не родственных величин, гибридизация, ясно различимые в теории, не всегда удается различить на практике. Нужно ли говорить, что это обстоятельство ничуть не умаляет ценности проведенных в теории разграничений?

Роль относящихся к сказанным трем категориям фактов весьма неодинакова в существующих уже скромных начатках гибридологической литературы. Что касается «заимствований», то материалы по вопросу уже достаточно обильны (быть может, *слишком* обильны за счет двух прочих категорий!), принципиальная сторона явления не возбуждает особых споров, и неразработанным остается, пожалуй, лишь вопрос о заимствованиях как одном из *факторов изменения языка*. Отмечу попутно, что понимание значения заимствований специально в пределах одной детально характеризованной группы языков, resp. наречий, другими словами, значение диалектизмов сильно подвинулось за последнее время[5].

Уже в значительно меньшей степени привлекала к себе внимание вторая категория явлений скрещения, скрещение естественное между родственными языками, по нашей терминологии *метисация*. Если оставить в стороне случайные и не ведущие ни к каким практическим последствиям замечания, разбросанные там и сям (например, во многих работах Bréal'я, затем особенно у кельтологов, как Jones'a), то придется сказать, что серьезно затрагивали этот вопрос лишь очень немногие из индоевропеистов, каковы Миклошич, Ascoli, Schuchardt, отчасти Бодуэн де Куртенэ.

Почти девственной областью остается наиболее интересная и в генетических вопросах, по-видимому, особо важная категория скрещения между языками, ни в каком родстве друг с другом не находящимися, по-нашему — гибридизация. В виду этого, те два примера, коими я позволю себе иллюстрировать предшествующие краткие замечания, принадлежат именно этой последней категории скрещения.

Свой первый пример я заимствую из греческой рукописи XI века, хранящейся в венецианской библиотеке церкви св. Марка и попавшей туда из частной библиотеки Nani. Рукопись содержит знаменитый в средние века христианский роман о Варлааме и Иоасафе[6]. Французский ориенталист Zotenberg, посвятивший в 1887 году этому роману интересное исследование под названием «Memoire sur le texte et sur les versions orientales du livre de Barlaam et Joasaph»[7] пишет об интересующей нас рукописи: «Les premières lignes du ms. de la Bibliothèque Naniane,

suivant la description de Mingarelli, sont un peu effacées, mais il est facile d'en compléter le texte (nous ajoutons les parties qui manquent entre crochets) ainsi qu'il suit: [Ἱστρία ψυχω] φελὴς ἐκ τῆς ἐνδοτέρας τῶν αἰθιόπων χώρας πρὸς [τὴν] ἱερὰν πόλιν μετενεχθεῖσ [α] διὰ ἰωάννου μοναχοῦ μονῆς τοῦ ἁγίου σάββα [ἑρμηνευθεῖσα] ἀπὸ τῆς ἰβὴρων πρὸς τὴν ἑλλάδα γλῶσσαν ὑρὲρ εὐθυμί [ου] ἀνδρὸς τιμίου καί εὐσεβοῦς τοῦ λεγομένου ἴβηρος» (Mingarelli, 1. c., p. 318)[8].

Приведенный нами заголовок венецианской рукописи устанавливает, подобно другой рукописи этого же романа, хранящейся в Парижской национальной библиотеке (№ 1771), факт крупного историко-литературного значения: «душеполезная история» переведена известным грузинским деятелем XI века Евфимием Ивиром с грузинского на греческий. Однако *это* значение заголовка нас сейчас не интересует, и мы отвлекаемся от него при рассмотрении следующего рассуждения Zotenberg'a[9]: «Il parait donc a priori invraisemblable qu'un ouvrage d'une forme si aclievée, a la fois si profond et si éloquent, comme le livre de Barlaam et Joasaph, ait été composé primitivement en un idiome encore inculte (разумеется грузинский)... En conséquence, le texte grec du livre de Barlaam et Joasapli étant certainement la rédaction originale, la phrase qui se trouve jointe au titre du manuscrit de Venise, loin d'être contemporaine du livre, ou d'avoir l'autorité d'une tradition sérieuse, doit etre considérée comme une assertion gratuite du scribe, ou plutôt comme une supercherie naive *de quelqne moine géorgien* (курсив наш) du convent d'Ivéron, d'oii le manuscrit aura été apporté». «En elfet, — говорит он в подкрепление последней мысли, — certaines locutions de cette phrase trahissent assez clairement l'etranger illettré; car me au Xe siècle, un homme de langue grecque n'aurait pas employé des expressions aussi incorrectes, comme (ἑρμηνευθεῖσα) ἀπὸ τῆς ἰβὴρων πρὸς τὴν ἑλλάδα γλῶσσαν ὑρὲρ...»

Остановимся на последнем звене аргументации Zotenberg'a. Совершенно очевидно, что правильность его не может подлежать сомнению ни для кого, сколько-нибудь знакомого с греческим языком, независимо от того, разделим мы или нет исходную мысль Zotenberg'a о невероятности перевода в XI веке с грузинского на греческий столь совершенного произведения[10]. Не только «au Xe siècle» — вплоть до сегодняшнего дня никакой «homme de langue grecque» не употребил бы ὑρὲρ τινος (что может означать лишь: «*для* кого-либо») в смысле ὑπὸ τινος, или же παρά τινος? — предлогов, единственно возможных для выражения субъекта действия при пассивной конструкции фразы. В самом крайнем случае он мог бы, следуя образцу вульгарного новогреческого языка, сказать (ἑρμηνευθεῖσα) ἀπὸ τινα.

Прочие варваризмы не столь тяжки, поскольку общий смысл сохраняется не искаженным: ἀπὸ вместо ἐκ, πρὸς вместо εἰς, наконец — общая неуклюжесть фразы. Заключать к иностранному происхождению писавшего вынуждает решительным образом лишь это невозможное ὑρὲρ. Графическое смешение ὑπὸ и ὑρὲρ трудно допустимо, и не в описках дело, когда через слово имеешь варваризм. Принципиальная правота Zotenberg'a неоспорима. Мало того, и указание его на специально грузинскую национальность писца оказывается, как мы увидим, верным, хотя и по совершенно другой причине, чем у него. Zotenberg усмотрел в приписке продукт национальной чванливости какого-то монаха. Мы же, независимо от каких-либо предпосылок, заключаем о том же на основании «характера» или же «особенностей» допущенных писавшим ошибок. В самом деле, этот характер заслуживает внимания — и в ошибках мы должны искать *закономерности* — закономерности скрещения.

Что же произошло? Грузин, плохо знающий греческий и хорошо (надо полагать) грузинский, желает выразить мысль: «ἑρμηνευθεῖσα ὑπὸ Εὐθυμίου», «переведенная Евфимием». Как грузин, он привык думать по-грузински; в его сознании появляются слова: «თარგმნილი ექვთჳმისა მიერ», где მიერ — эквивалент греческого ὑπὸ и подобно ему сочетается с родительным падежом для означения субъекта действия при страдательной форме глагола. Вот это-то наличие მიერ в его сознании и определило выбор им из двух сходно звучащих греческих предлогов — ὑπὸ и ὑρὲρ, неуместного по смыслу ὑρὲρ, в виду сходства этого последнего с грузинским მიერ по окончанию. Ὑρὲρ могло и не существовать в греческом; но к счастью для нашего грузина, оно существует и ему не пришлось создать несуществующего слова. Имевшееся в намерении ὑπὸ — ведь греческий язык наш грузин, худо ли, хорошо ли, знал — контаминировалось с выплывшим на поверхность сознания მიერ — произошло скрещение, гибридизация греческого вторжением в него элемента грузинского.

Рассматривая в той же плоскости *всю* фразу, мы легко поймем все прочие варваризмы инкриминируемых автору приписки слов (ἑρμηνευθεῖσα) ἀπὸ τῆς ἰβὴρων πρὸς τὴν ἑλλάδα γλῶσσαν ὑρὲρ Εὐθυμίου. В грузинском ей соответствуют слова თარგმნილი ქართულისა გან ბერძულად ექვთჳმისა მიერ. Грузинское გან отвечает одновременно и греческому ἀπὸ и греческому ἐκ,

окончание -ად слова ბერძულად (родственное, или лучше сказать, «свойственное», ксати заметить, греческим δε или ζε в таких выражениях как οἰκονδε, Ἀθήναζε и т.п.) одновременно и греческому πρὸς и греческому εἰς. Грузин не чувствует разницы, скрытой в ἐκ по сравнению с ἀπὸ — для него и тот и другой оттенок передается одинаково посредством გან, а πρὸς и εἰς сливаются в единое -ად. Это-то индифферентное отношение его к указанным предлогам и обусловило, на наш взгляд, неправильное их применение (ἀπὸ вместо ἐκ, πρὸς вместо εἰς).

Располагай мы текстом венецианской рукописи in extenso, материал наш не ограничивался бы сказанным. Но и того, что мы имеем, достаточно для иллюстрации следующих частностей процесса скрещения естественного, скрещения proprie dictum: этот процесс непроизволен, бессознателен и является результатом нетвердости носителя языковых норм определенной категории в другом языке, которым он, по тем или другим мотивам, пользуется. Последствием этой нетвердости должно явиться систематическое оплодотворение, иначе контаминация его иноязычной речи с языковыми представлениями природно, по рождению ему присущими. От скрещения искусственного, vulgo заимствования, данная категория скрещения должна быть отличаема как этой своей непреднамеренностью, непроизвольностью, так и практической неразрешимостью и зачастую бесцельностью вопроса, кто от кого заимствовал, в нашем случае: греческий ли от грузинского окончание -ერ, присоединенное к начальным фонемам (ὑπ-) греческого ὑπὸ, или же на основном грузинском ⌜მი⌝ერ внешним образом напечатлелось греческое начало ὑπ-[11]

Иллюстрируя одну сторону процесса скрещения, отличающую скрещение искусственное и естественное, непроизвольность, приведенный пример не может, разумеется, служить примером, показывающим значение гибридизации для выработки целых языков-гибридов. Он показывает нам эту выработку, так сказать, in statu nascendi, иначе говоря, скрещение в его индивидуальном аспекте, не продуктивном с точки зрения творчества новых языков-гибридов в процессе подобного рода. Оно и понятно. В данном случае отсутствовала та двуязычная *среда*, в сходных «ошибках» которой могло бы найти поддержку это гибридное образование. Но представьте себе целую группу грузин, пользующихся греческим языком, но в социальном отношении стоящих обособленно, и лучше всего таких, у которых отсутствуют фиксирующие графические ассоциации в отношении греческого. В такой среде ὑρὲρ в значении მეტრ, а равным образом и употребление promiscue ἀπὸ и ἐκ, πρὸς и εἰς, легко могло приобрести права гражданства, а накопление таких гибридов дало бы в результате нечто, относительно чего нельзя было бы решить, грузинская ли это речь или же греческая. За отсутствием всех сказанных сопутствующих обстоятельств, данный пример остается тем, чем он был для современников — простым lapsus'ом, не имеющим никакого особенного значения.

Второй наш пример лучше служит для разъяснения того, как возникают устойчивые, отнюдь не индивидуальные, гибридные образования. Он интересен не только в лингвистическом, но и в культурно-историческом отношении. Речь идет о привычном для древнегреческого способе образования nomina loci во множественном числе, в особенности странном, когда в основу кладется собственное имя единичного по представлению божества. Классическим примером образований подобного рода служат аттические Афины (Ἀθῆναι). В толковании отношения этого имени к имени почитавшейся в нем богини классики долгое время расходились, и лишь в самом конце прошлого века вопрос был решен убедительным образом Кречмером и независимо от него Usener'ом. Путем сопоставления материала, то есть чисто эмпирическим путем, Kretschmer устанавливает[12], что дилемма, выставленная ранее Ed. Meyer'ом — (город) Афины от (богини) Афины или же (богиня) Афина от (города) Афин — и решенная им в пользу второй возможности (название города предшествует) со ссылкой, между прочим, на то, что название «богини Афины» (именит. множ.) для города абсурдно, должна быть решена именно в этом абсурдном, по Мейеру, смысле. Usener, подвергший вопрос подробному рассмотрению в своем сочинении «Götternamen»[13], приходит подобно Kretsclimer'у к тому выводу, что Афина (точнее древняя форма ее имени Ἀθήνη) в отличие от позднейшей, производной, Ἀθηνᾶ) названа так отнюдь не по месту происхождения или же культа, как полагал Meyer, а что имя ее, во множественном числе, послужило источником для наименования города. Аргументация «от абсурдного» всегда рискована, когда дело идет о временах, значительно по умонастроению отличных от нашего. Однако точка зрения Meyer'а находит себе по-видимому поддержку в характерном колебании, какое замечается у греков в отношении, правда, не Афин, но ряда других образований nomina loci во множественном числе: наряду с Θῆβαι мы имеем Θήβη, наряду с Μυκῆναι — Μυκήνη, наряду с Ἀμύκλαι — Ἀμύκλα и пр. Греки чувствовали, быть может, некоторую неловкость в отношении этих множественных чисел[14]. И все же толкование, повторяю, чисто эмпирически обоснованное Кречмером, несомненно. Извест-

ный эпиграфист Dittenberger, присоединяясь к точке зрения Кречмера, приводит любопытную аналогию Афинам в найденной недавно эллинистической надписи, где упоминается город Ἀφροδεῖται, позднейшее возникновение которого сравнительно с именем известного божества излишне доказывать[15].

Для нас не нуждаются в пояснениях случаи, когда имя божества в единственном числе служит цели обозначения города, в котором совершается отправление его культа. От божества — культовое место, то есть чаще всего храм, от храма — окружающий его населенный пункт — семантическое развитие ясно и не нуждается в доказательствах. Как указывает Кречмер[16], археолог Studniczka (Kyrene, S. 134) «hat so Κυήνη gedeutet (имя божества и имя города) uud treffend den modernen Gebrauch von Heiligennamen als Ortsnamen verglichen: Santa Maria, San Giminiano, San Sebastian, Sankt Moritz u.a.». Но ни он, ни кто-либо другой не разъясняет причин появления множественного числа в той же роли. Это обстоятельство побудило профессора С.А. Жебелева на докладе, прочитанном в прошлом (1921) году в Академии истории материальной культуры[17] выразить пожелание, чтобы вопрос, остающийся открытым, получил наконец со стороны лингвистов разрешение, направление которого подсказывалось как неудачей индоевропейского подхода к вопросу, так, не в меньшей степени, принадлежностью названий интересующего нас типа по преимуществу (хотя далеко не исключительно) очень древним местам поселения, догреческое (в обычном смысле слова) происхождение которых в некоторых случаях бесспорно, как Μυκῆναι, Ἀμύκλαι, в других вероятно.

Для полной ясности в этом последнем пункте обратимся к примеру, географическое положение которого показательно в этом смысле, к находящимся на безусловно негреческой и вообще не индоевронейской почве малоазийским Сардам (греч. Σάρδεις), главному городу Лидии. В отношении как вообще так называемых «малоазиатов», так и в частности лидийцев, для яфетидологов не составляет ныне уже вопроса принадлежность их к непосредственно подсудной им категории языков, то есть языков яфетических. Все доступные нам, к сожалению, более чем скудные лингвистические материалы по вопросу приводят нас к этому заключению. Но даже допуская самый крайний, я бы сказал, *предвзятый* скептицизм в этом отношении не будет рискованным привлечь к толкованию малоазийского, лидийского названия города малоазийский же язык ванских клинообразных надписей, базируясь на совершенно бесспорном факте существования культурно-исторических и специально религиозных связей между Лидией и Востоком, вплоть до Месопотамии, факте, нашедшем свое выражение в мифологических сказаниях греков; даже эти последние, народ, о котором можно было бы сказать, перифразируя известное mot Катона о лигурах, что они хотя и litterati, тем не менее mendaces sunt, et vera minus meminere, помнили об этом факте первостепенного исторического значения.

Возвращаюсь к Сардам. Естественно, что греческая форма множественного числа, в каковой предлежит, в нашей традиции, это название, явилась, конечно, не случайно: туземное лидийское имя было во множественном числе. Вопрос в том, что означало это множественное число, лежало ли в основе его какое-либо нарицательное или же оно образовано было от собственного имени. Обращаясь, как сказано, к ванским надписям, мы находим теофорное имя Sardur, что означает, по всей вероятности, «сын (бога) Сарда» и отвечает таким образом греческим Θεογένης или Διογένης. Понимание первой части Sard- в смысле «бог», подтверждается между прочим и тем, что в клинообразной форме этого имени начальный слог замещается идеограммой божества. Это халдское слово не стоит изолированно н находит (не случайно) родственников в современном дагестанском (лезгинском) обозначении уже магометанского[18] бога, zaldu (← *sardu) и в древне-грузинском «кумире» ზადენ (*sard-en ‖ sard-ur), причем наличие этих родственников халдского sard'a далеко, сравнительно, на севере-востоке служит лишним подтверждением мысли, высказанной нами в другом месте, что племена, населяющие ныне север Кавказа, локализуются в древний период европейской истории на юго-западе, в районе Эгейского архипелага. Нас не касается сейчас вопрос о природе этого лидийско-халдо-лезгинского божества — замечу лишь, что греки усматривали в нем в одних случаях Гермеса «собакодушителя» (Ἑρμῆς κυνάγχης), в других же случаях— Геракла. Интересует нас другое: яфетидологический анализ разлагает слово sard на основу sar и суффикс множественного числа d. Раз так, можно было бы думать, что греки, постановкой слова Σάρδεις во множественном числе, желали выразить понимавшуюся лидийцами и передавшуюся грекам морфологическую категорию множественности, заключенную в основе Sard; соответственно этому мы могли бы предполагать, что в *αθen, *muken, *amukl и пр. заключенная в основах категория множественности вынудила греков передать ее на свой лад, приделав к ним свое окончание

множественного числа, индоевропейский суффикс i (с промежуточной стадией их индоевропейской «феминизации»).

Заключение это принципиально возможно, но необязательно, и внимательный анализ послужившего нам материалом Sardeis покажет нам в отношении этого названия другой, думается, более приемлемый путь. Дело не только в том, что в слове Sard множественность *могла* лидийцами ex hypothesi не чувствоваться, ввиду реальной (а не этимологической) единичности понятия бога, выражаемого этим словом, как она не чувствуется в груз. ღმერთი, армянск. **աստուած**, доармянск. viшар, и не чувствовалась в Ἀθήνη этрусском larθ и т.д., хотя она, эта морфологическая *множественность*, могла с другой стороны и пониматься, как она понимается, например, в абхазском anʔa (= бог), где ʔa — суффикс множественного числа, и воспринимается как таковой абхазами в составе и данного слова, несмотря на единство выражаемого им понятия. Не в этом, стало быть, решающий момент. Несуществующим в действительности, но легко восстановимым единственным числом к множественному числу Σάρδεις будет *Sardis. Исходя из этой-то основной, по нашему мнению, лидийской формы Sardis, мы без труда опознаем в ней вполне правильное (яфетическое) имя места, образованное, как это и полагается в яфетических языках, посредством постановки слова Sard resp. Sardi во множественном числе, с суффиксом множественного числа, по природе присущего так называемой сибилянтной ветви (свистящей разновидности) яфетических языков и фактически существующего в таких современных названиях, как груз. ოლნისი bold-is-i и ეგრისი Egr-is-i т.д.[19] Ближайшим, в пределах той же ветви, родственником этого s является ш, сохраненное нам греческими источниками в форме суффикса ι-σσος resp. ι-σσα, со времени классической работы Kretsclimer'a (Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Gottingen 1896 г.), считаемого характерной особенностью «малоазийской» группы языков; все такие названия на -ισσος — яфетические имена места, образованные с помощью суффикса множественного числа -ш.

Эта двоякая семантическая роль суффиксов (resp. префиксов) множественного числа — собственно множественная и топонимическая, составляет характерное явление яфетических языков, вполне разъясняющееся при палеонтологическом (по терминологии Н.Я. Марра) анализе.

Однако мы можем игнорировать в данный момент эту сторону дела, поскольку самый факт — как бы его ни объяснять — не подлежит ни малейшему сомнению, а именно (чтобы повторить еще раз): в яфетических языках имена места представляют собой нормально множественные числа, независимо от того, кладется ли в основу нарицательное или же — что нас интересует более непосредственно — собственное.

Дальнейшее ясно. Если в подробно рассмотренном нами случае с Сардами мы констатируем восприятие греками яфетического имени места, представляющего собою как таковое форму множественного числа (именно Sardis) *формально* как единственное число греческого типа на is, *семантически* же как число множественное, что и передается греческой формой Σάρδεις множественного числа, иначе говоря, если мы в состоянии установить полную яфетическую форму имени, то в случаях, подобных Ἀθῆναι, Ἀμύκλαι, Μυκῆναι и т.д. дело обстоит по-видимому несколько сложнее, ввиду быть может более полной индоевропеизации греческого материка сравнительно с малоазийскими областями. Дело в том, что как упомянутые, так и ряд других названий, заключает в себе имя божества. Как указывалось выше, и для имен божеств употребляется множественное число, *Plurale maiestatis*, как например, и в семитических (Elöhim и т.п). Основы Aθēn-, Мукēn- и т.д. (где мы имеем показатели множественности сонорного тиа -n || l) не являются поэтому *полными* формами имен места, в которых, в виду сказанного (ср. Sar- + d + is, где d — интегральная часть имени бога, s — специально суффикс имени места), при образовании их от названий божества, должно получаться удвоение показателей множественности. Утраченный суффикс имени места (какой — мы не знаем с точностью) вытеснен в этих случаях индоевропейским суффиксом i (Aθēna-ι и т.д.) при полной сохранности неиндоевропейского морфологическо-семантического принципа. Это выражение с помощью индоевропейских морфологических средств семантико-морфологической особенности, присущей коренным яфетическим насельникам позднейшей Эллады — результат языкового скрещения, именно гибридизации, при которой контаминированы уже не механически разделимые (при желании) элементы, как мы имели в случае с ὑρὲρ, но яфетическая идея с индоевропейской формой.

Этот пример, подобно первому, показывает нам явно неприложимость к подобным явлениям естественного скрещения внешнего обозначения их как «заимствование». Кто от кого заимствовал? Яфетид ли, говоря по-гречески, создал по родным образцам форму Ἀθῆναι, или

же грек-индоевропеец выразил своими средствами туземную идею? Мы этого не знаем и знание это, даже при условии его достижимости, для нас в сущности безразлично. Важен лишь факт и правильное его освещение.

В отличие от первого, этот второй пример представляет собой не случайно возникший и преходящий гибрид, но прочное, устойчивое морфологическое образование, характеризующее греческий язык как таковой. Этот и аналогичные факты служат основанием тому, чтобы называть греческий язык «гибридным», возникшим в результате скрещения по меньшей мере двух разнородных групп диалектов; фонемы, морфемы и глоссемы этих разнородных групп слиты в нем в одно единое и неделимое целое, оценить которое не хотят вивисекторы теории заимствований. Вычтите мысленно — только мысленно, ибо в действительности подобный вычет без остатка неосуществим — долю одного из ингредиентов, и вы получите все, что угодно, кроме того, что вы привыкли называть греческим языком.

Повторяю, это гибридное образование стало продуктивным, и названия подобного типа насчитываются десятками. И когда создатель македонского миродержавия, Филипп, отец Александра Великого, основал новый город (в 358 году до Р. Х.), то, давая ему название Филиппы (Φίλιπποι), он следовал все тому же гибридному индоевропейско-яфетическому прототипу, примерами которого для нас послужили лидийские Сарды и аттические Афины.

Примечания

1. Сдавая в печать предлагаемую заметку в том виде, в каком она была прочитана в заседании Яфетического Института 7 апреля 1923 года, пользуюсь случаем, в ответ на вопрос, предложенный мне с различных сторон, заявить, что различение, проводимое мной между метисацией и гибридизацией, имеет по существу лишь классификационное значение и что психологические процессы в обоих указанных категориях скрещения представляются мне принципиально однородными. Разница заключается преимущественно в сопутствующих собственно языковому процессу обстоятельствах культурных, resp. социальных соотношений между носителями скрещивающихся языков, различных в обоих из указанных случаев.

2. Гольдшмидт. Основы учения о наследственности. СПб., 1913, стр. 217.

3. СПб., 1913. Труды Бюро по прикладной ботанике. Год 6-й. Приложение 8.

4. Важнейшая — «Versuche über Pflanzen-Hybriden », Brtinn 1865.

5. В качестве характерного примера влияния духа нашего времени можно привести слова вообще крайне сдержанного и ортодоксального Sommer в предисловии ко 2-му изданию его превосходного в педагогическом отношении «Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre» (Zweite und dritte Auflage, Heidelberg 1914): «In einer Richtung, — говорит он здесь, — habe ich meinen Standpunkt prinzipiell modifiziert, in der weitergehenden Annahme dialektischer Erscheinungen im Lateinischen»; но, верный своей ортодоксии, добавляет: «Musste mich dahin in erster Linie die Betrachtung anderer Schriftsprachen und ihrer Entstehung bringen, so bin ich doch bemüht gewesen, nicht in den umgekehrten Fehler zu verfallen und alles, was sich nicht erklären lässt, mit Hilfe des Attributs «dialektisch» beiseite zu stellen; nur wo mir die Verbreitung oder die Bedeutung eines Wortes diese Möglichkeit offen zu lassen schien, habe ich es gewagt, auf sie hinzuweisen». Хотелось бы добавить, что лишь расширением своего исследования за пределы «Schriftsprachen» и обращением к подлинному объекту лингвистической науки — живым языкам, Sommer пришел бы к более полному признанию важности затронутого им явления.

6. См. о рукописи Mingarelli, Graeci codices manuscripti apud Nanianos asservati, p. 318 cod. 137 et p. 343; цит. по ниже упомянутой статье Zotenberg'a, стр. 4, прим. 8.

7. Notices et extraits des Manuscrits de la Bibliothèque Rationale etc. Tome XXVIII (1887), p. 1 suiv.

8. O. c., p. 7.

9. O. c., p. 9.

10. Неосновательность ее отмечалась уже давно, именно В.Р. Розеном в ЗВО, т. II, стр. 69 сл. в рецензии на работу Zotenberg'a.

11. Это затруднение довольно тонкого свойства, и потому неудивительно, что оно по общему правилу не существует для знатоков Schriftsprachen, тогда как исследователи, работающие над живым материалом, сталкиваются с ним на каждом шагу. Вот, для примера, слова известного специалиста по африканским языкам, в частности семейства банту, гамбургского профессора Карда Meinhof'a, заимствуемые мной из его работы «Ergebnisse der afrikanischen Sprachforschung (Archiv für Anthropologie. Neue Folge Band IX (Braunschweig, 1910), S. 179 ff.); «Selbstverständlich, — пишет он, — liegt nicht allein im Bantu und im Hottentottischen eine Mischsprache vor, sondern wir haben ausserdem eine ganze Reihe von Mischsprachen, und es wird im einzelnen Fall nicht immer leicht sein zu unterscheiden, ob die betreffende Sprache eine vernegerte Hamitensprache oder eine hamitisierte Sudansprache ist» (o. c., S. 201).

12. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Exlturs zu S. 305 на стр. 418—480.

13. Gesch. d. Alt, II, 115.

14. Bonn (1896) стр. 231 слл.

15. Hermes XLI, в статье Dittenberger'a «Ethnika und Verwandtes», стр. 216, прим. 1, со ссылкой на изданные им же Orientis Graeci inscriptiones selectae, 441, 192. 205.

16. L. c., стр. 419.

17. Появится в 26 томе ЗВО.

18. Наряду, конечно, с allah'om. У Erckert'a (Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895, I Theil, стр. 74) это слово показано как лакское, притом в форме zal. Любопытно, что этот весьма небрежный в данной своей книге работник делает, как кажется, вполне основательное примечание к данному слову, а именно: «Vergl. savia = Himmel» (ibid.).

19. С ними не следует смешивать названия типа ქმთასი Quθa -isi, пожалуй, и ბოლნისი Boln -is-i, представляющего форму род. падежа (is).

Текст печатается по изданию:

Генко А.Н. К вопросу о языковом скрещении // Яфетический сборник. — Л., 1923. — Кн. 2. — С. 120—136.

А.Н. Генко
О названиях 'плуга' в северокавказских языках
(Представлено академиком Н.Я. Марром в ОГН 3.IV.1930)

Когда последнему автору, касавшемуся вопроса о названиях плуга в кавказских языках, Р. Ачаряну, пришлось поинтересоваться названиями, существующими для обозначения важнейшего орудия сельскохозайственного производства в горских языках северного Кавказа, ему не оставалось ничего лучшего, как сослаться на сочинение R. Erckert'a «Die Sprachen des kaukasischen Stammes» (Wien, 1895).[1] На стр. 113 первой части названного сочинения, s. v. Pflug, дается сводка названиям плуга на 30 языках и наречиях Кавказа, которую привожу in extenso:

Ava. birec, puruc,[1] khothan, arm. *And*. repcu,[2] t. *Kar*. berce, t. *Did*. beruc, t. *Lak*. karas. *Var*. duradz. *Kub*. gub. *Kai*. direc, kirbit, düradz. *Aku*. duradz. *Xür*. duradz. *Udi*. khothan, arm., phenetc. *Kür*. türez, turaz, kkxüthen, arm. *Rut*. mag. *Cax*. mag. *Agu*. durudz, duruč. Tab. durudz. *Bud*. gača. *Dže*. gača. *Xin*. gača. *Arč*. ganas.[3] *Čeč*. gama, nox.[6] *Aba*. pxeaš. *Kab*. pxrra'aš(s)e. *Šap*. pxeaš, pxaašezij. *Abx*. acvma, ācvejxa, acmatva.[4] *Ing*. hačičaj. *Gru*. saxnisi, ačača, sakvethi.[5] *Min*. agafa, kinaxona. *Laz*. sapani,[7] t. Sva. gene dčüsj, ghencviš.[8]

[1] Kumuk. *purus* (Erckert), arm. *gutha* = die pflügenden Ochsen, das Ochsengespann; das Wort auch iin Kurdischen. [2] Durch Metathesis von «p» und «r», aus dem avar. *puruc*. [3] Wohl Uebergang von «r» in «n» aus dem benachbarten Lakisch. [4] atcvaxu, ans atcv = Bulle. [5] *guthani*, a. [6] Auf gruz. bedeutet *xna* = ackern, pflügen. [7] Auch «Egge», im Türk. ist *saban* = Pflug. [8] ghatcviš.

Некоторые дополнительные сведения по вопросу дает русский *оригинал* сочинения Эркерта, хранящийся в рукописи в Азиатском музее Академии наук. Здесь (под словом 'соха') для дидойского дается форма «пурус», для кайтахского вместо düradz, «дуіраqз»;[2] для грузинского прибавлено «гутһані. ар.», сообщается име(ретинское) название плуга, «парцхí» (sic!); для сванского, вместо gene dčüšj, дается «гһенцдчышї».

Не приходится распространяться о крайней неудовлетворительности материалов Эркерта, хорошо известной всем кавказоведам. Безнадежность попытки буквами европейских алфавитов передать кавказские названия чего бы то ни было[3] лишает почти всякой ценности единственную систематическую сводку интересующего нас лингвистического материала. Закавказские названия, приводимые Эркертом (имеются ввиду ингилойское ჳაჩობაჲ = haᲂiᲂay resp. აჩეჩი = aᲂeᲂı[4] грузинское საბნისი = saqnısı, აჩაჩა = aᲂaᲂa საკვეთი = sakveᲂı, გუთანი = guᲂanı[5], имеретинское = ოვარცხი = parᲂqı, мингрельское აგაოვა = agaфa, კინაძონა = kinaqona, лазское საოვანი = saфanı и сванские ოანწყობ = ğantwiш, ღწყობ = ğántwiш, ღწოშჳ = ğátiшw оставляю в стороне, хотя они и подают повод к многочисленным поправкам и дополнениям. Что же касается северокавказской терминологии, то тут сведения Эркерта способны создать ложное представление и о самом существенном — географическом распространении плуга, как орудия сельскохозяйственной обработки земли. Согласно Эркерту, у дидойцев плуг называется beruc (resp. пурус); между тем, по сообщению компетентного очевидца, в Дидо «земледелие находится в крайне плохом состоянии. Поля, — если так можно назвать полями маленькие клочки земли в 1 метр шириною и несколько метров длиною, разбросанные между скалами на крутых склонах гор, — обрабатываются исключительно женщинами посредством мотыки».[6] «Женщины устраивают искусственное орошение, очищают клочки земли от камней или кустарников, разрыхляют железной мотыкой почву, сеют семена, боронят пашню лопатой или мотыкой и проч.».[7] Названия соответствующих орудий, судя по тем же сведениям, бизо (кирка) и коц (скребок, лопатка).[8] К аналогичным замечаниям дает повод и приводимое у Эркерта кубачинское название плуга — gub. Со слов путешественников известно, что кубачинцы земледелием вообще не занимаются; Петухов (в 1861) говорит даже о невозможности его в силу местных условий. По сведениям Анучина (1882) «земледелием занимаются не более восьми хозяев; остальные хлеб покупают».

Если о равнинном земледелии Закавказья можно было недавно сказать: «Плуги и бороны живо напоминают те счастливые времена, когда Церера проводила по земле свои пер-

вые борозды»[9], то горное земледелие Дагестана в еще гораздо большей степени должно было сохранить на себе черты примитивности сельскохозяйственного инвентаря. Так, например, даргинская «местная соха весьма примитивного устройства. Это просто загнутый крючком довольно длинный сук, более толстый в своей загнутой части, на переднем конце которой укреплена небольшая железная лопаточка; к суку приделаны сзади две рукоятки, соединенные на верхнем конце перекладиной, держа которую и управляют сохой».[10]

В условиях характерного для Кавказа искусственно создаваемого, иногда наношенного руками пашенного грунта, применимо сказанное об Афганистане: «На орудиях, предназначенных для обработки почвы, прежде всего отразилось влияние преобладания в стране неглубоких и легких почв».[11] Соответственно наличию исключительного разнообразия сельскохозяйственных условий, сказанное относится, разумеется, к определенной высокогорной зоне (Карачай, Балкария, горные Осетия, Ингушия, Чечня и Дагестан). Наличная в горских языках терминология ясно отразила на себе это разнообразие и сводится к нескольким основным формам.[12]

Для северо-западного Кавказа мы имеем[13] абхазские и черкесские названия, особенностью которых является относительная этимологическая ясность их происхождения: абх. = aʔ̇maʔ̇à 'соха, плуг', нижнечеркесск. фɂ̇еɬаше 'соха, плуг' и каб. фɂ̇еɬаşе 'id.' Значение абхазского названия как будто — 'воловий инструмент', черкесских — 'деревянное оружие'; в первом случае характерна связь с волом, единственным первоначально (наряду, впрочем, с буйволом) и поныне преимущественным пахотным животным Кавказа, во втором — указание на дерево как материал орудия, первоначально — не исключая, очевидно, и самого сошника, теперь уже давно защищаемого железным острием лемеха. Связь с волом (aʔ̇) проходит, видимо, последовательно через все абхазские термины, связанные с сохой-плугом и ее частями. Так, наряду с общим названием aʔ̇maʔ̇à, выражающим совокупность частей плуга, мы имеем: aʔ̇ɐɯɂ̇à 'полоз, подошва', букв, 'воловья подошва' (ср. àɯɂ̇à resp. àɯɂ̣à в бзыбск. 'пятка' ср. груз. ქუსლი 'пятка', 'полоз плуга'), àʔ̇maa 'рукоятка плуга', — àmaa вообще всякая 'рукоятка', — àʔ̇ɂ̣a resp. àʔ̇ɂ̣ 'простейшая абхазская соха, в виде загнутого крюком сука', ср. àɂ̣a resp. àɂ̣a 'кривой, изогнутый', aʔ̇eyɂ̇à 'сошник, лемех', собств. 'воловье железо' (буквальное соответствие персидск. گاوآهن) и, наконец, aʔ̇ɸə̀za 'отрез, нож', собств. 'воловий вожак' (употребляется в усовершенствованной сохе-плуге).

Невзирая на кажущуюся логичность свази названий для сохи с названием движущего ее животного, есть основание усомниться в исконности данной звуковой формы слова и вот по каким соображениям: исходный момент в развитии земледельческой культуры — орудие, приводимое в действие руками человека, лопата или мотыка, и наличные факты языков северозападного Кавказа сохранили память об этом. Нижнечеркесское название лемеха, шᵽɬebz (значит одновременно 'режь', связанное с названием 'тяпки, мотыки' (шᵽɬane), должно закономерно в кабардинском звучать fɬebz. В значении 'резать' мы имеем, действительно, каб. fɬebzən, в значении 'мотыки' — fɬane; лемех же называется в каб. vabde[14], буквально 'пахотное долото' (ср. bdə 'долото', bde 'занимайся долблением, долби'), примыкающее, очевидно, к таким словам, как ve 'паши', в свою очередь ассоциируемое с və 'вол, бык'. В кабардинском мы имеем фонетико-семантическую группу 'вол — пахать — лемех', вторичность происхождения которой не подлежит, однако, сомнению. Каб. və 'вол' восходит к абх.-черк. ʔ̇ə (абх. aʔ̇, нижне-черк. ʔ̇ə), тогда как və 'паши' связано с черк.- убыхск. ᵽe 'id.' Как фонетические, так и в неменьшей степени культурно-исторические соображения говорят в пользу первичности нижнечеркесских фактов. Черк.- убыхск. ᵽen 'пахать' одного происхождения с абхазскими словами *ᵽara 'царапать, разрывать' (ср. aᵽᵽàħₒa 'царапая, раздирая', àᵽᵽara 'терзать, рвать', akₒᵽarà 'откалывать' и т.п.) и шᵽara 'полоть мотыгой'; в слове отражается, таким образом, древнейшая, протекавшая без участия волов, стадия земледельческой техники. В слове же шᵽɬebz, точнее в его первой части (шᵽɬe), ныне отдельно не употребляемой,[15] имеем соответствие для абх. aɬə̀ 'острие, кол, вертел' (сюда же абх. aɬə̀mğ 'гвоздь', aɬəmkà 'долото' и т.п.). Абхазский в обоих случаях лучше сохраняет первоначальное значение корней. Ввиду вышеизложенного, позволительно думать, что абх. слово àʔ̇ağₒara 'пахать', своим начальным слогом дающее повод ассоциировать его с 'волом', — результат вторичного, позднейшего восприятия процедуры пахоты с участием вола, подобно нижнечеркесскому ʔ̇abze или каб. vabde: действительно первичной придется считать форму àɬağₒara, на деле и существующую по сие время в абхазском языке в значении 'чертить, бороздить'.[16]

Обратимся к восточногорским языкам. Изолированно стоят чеченск. nuoɂ̇, инг. nuɂ̇ resp. nuoɂ̇ (основа косв. пад. naɂ̇ar-) 'соха, плуг', если не попытаться связать их с осет. niɂ̇, neɂ̇ 'ноготь, коготь' (слово иранского происхождения). Чеченское название лемеха (сошника)

φq̇aϑüedu, ингушск. φq̇ead (собств. 'отрез', а 'лемех' специально: ħoanağal): сюда же этимологически относится чеч. φq̇anara 'лопатка (кость)', инг. φq̇andar 'id.'?

Дагестанские названия сохи-плуга следующие: аварск. φurùϑ̇s, связанное с аналогичными названиями в языках андийского округа; так, в андийском мы имеем rebϑ̇u (<*berϑ̇u?); в лакск. qaràs (косв. ф. qursuᵀ), в даргинск. duràd̆, в табас. ϑ̇urùϑ̇,[17] в агульск. durùϑ̇, в лезг. ϑürəz, в рутульск. dəlàn, в арч. ganàs, в джекск. qwaϑ̇èn, в будугск. kılìnq̇, в удинск. φenèṫ, в хинал. əñgàz. Приводимые Эркертом названия рутульское и цахурское (mag) в действительности означают 'сошник (лемех)' — maǧ. Приведенные формы, за исключением неясного рутульск. dəlàn и заимствованных из других языков джекск. qwaϑ̇èn (см. ниже) и будугск. kılìnq̇ (< тур. ڤاع 'сабля', также 'острое железо, разрезывающее землю до проведения плугом', Будагов), сводятся, по-видимому, к двум основным типам: 1) северо-дагест. φurùϑ̇s (berϑ̇u) — средне-дагест. duràd̆, ϑ̇urùϑ̇ (< *duruϑ̇), *duruϑ̇ — южно-дагест. ϑürèz. Сюда же относится, может быть, лакск. qaràs, косв. ф. qurs-uᵀ[18], из qu 'пашня' + *brus (>rus + ul > -rsul)? 2) арч. ganàs — хинал. əñgàz. Среднее положение между первой (своим φ) и второй (своим n) группой занимает удинск. φenèṫ.

Слова первого типа восходят к форме b/d -uraď, с изменяющимся в начале слова классным (родовым) формантом. Самый факт такого чередования, если это предположение оправдается, свидетельствовал бы о значительной давности возникновения термина. Мнение Эркерта, возводящего аварск. φurùϑ̇s к кумыкскому, безусловно ошибочно: в тюркском по существу языке, каким является кумыкский, пуруц явно чужое слово.[19] Что касается арчинск.-хинал. ganàs (> əñgàz), для хиналугского у Эркерта в искаженной форме gača (с распространением на джекский и будугский), то следует отметить и другой, в высшей степени любопытный параллелизм, существующий в сельскохозяйственной терминологии этих двух изолированных, высокогорных языков, в названии 'вола': арч. q̇q̇ılı, хин. lıl (resp. lıꞱız).

Итак, дагестанских названий 'сохи-плуга' имеем два, из них одно ограничено территориально двумя глухими аулами наивысшей зоны — Арчи и Хиналугом, другое проходит широкой полосой через весь нагорный Дагестан, от Аварии и Андии до южнодагестанского Лезгистана. Несколько в стороне, соответственно своему географическому и культурно-историческому положению, стоят удины со своим φenèṫ.

Название лемеха в аварск. φurϑ̇sìl maq̇q̇, букв. 'железо сохи', в лакск. qursul maq̇ 'id.', в табасар. mukù, в лезг. maǧ (также в цахурском и рутульском), в хинал. ku. Мне неизвестны, к сожалению, названия андийское, даргинское, агульское, арчинское и удинское этого предмета. Здесь обращает па себя внимание следующее обстоятельство: название лемеха в аварском и лакском совершенно понятное ('железо'), в южнодагестанских (и табасаранском) специализировалось и, будучи одного с аварским словом происхождения, ничего кроме лемеха не означает. В значении 'железа' мы имеем в табасар. ruk̆, в лезг. rak̆, в цахурск. yuwà (< *yulak̆), в рутульск. yılàg, в хинал. urà (< *uràk̆). Все эти слова (наряду с агульск. ruk̆, джекск. ilañg, будугск. yıleg и ахвакск. ratıñq̇e) восходят к общему *yurak̆. Аварское же maq̇q̇ ('железо > лемех') представлено в значении 'железа' в языках среднего Дагестана — лакском (maq̇) и даргинском (mırh). Как понимать такое соотношение? Наиболее вероятным объяснением кажется предположение северодагестанского центра распространения железных лемехов (из аварского или скорее лакского источника) в южном Дагестане.

Наряду с вышеуказанными, существует во многих языках Северного Кавказа, а также и за пределами его, другое название для плуга: это — хорошо известное груз. გუთანი, армянск. *գութան*. В абхазском слово звучит aḳaϑàn (бзыбск. aq̇aϑàn),[20] в чеченск. и ингушск. guoϑa[21] (в значении 'плуг', но также и 'полный комплект всего, что нужно для пахоты: плуг, лошади и т.д.'), в цова-тушинск. guoϑan (множ. guoϑni), в аварском quϑan ('grosser Pflug für 6—7 Paar Ochsen' Schiefner), в лезг. qütèn, в удинск. qoϑan ('Hackenpflug' Schiefner). Вне интересующих нас специально языков термин представлен в языках осетинском (gūϑon, дигорск. goϑon), балкарск. (ǧoϑon),[22] грузинском (guϑanı), армянском (guϑan, не guϑay, как читаем у Ачарана, соответственно Академическому словарю армянского языка)[23], курдском (qoϑan), азербайджанском турецком (qoϑan, گوئان Будагов), татском (qüϑun), урмийско-сирийском (quϑan, ܓܘܓܢ Socin). В большинстве случаев этим термином обозначается тяжелый плуг, в который впрягается большое количество волов.

Для абхазского это 'плуг грузинского типа' (ср. рис. 139 на стр. 187 в книге Вавилова-Букинича), для чеченских наречий — собирательный термин или 'грузинский плуг' (у цова-тушин, для ингушей ср. рис. 18 в книге Христиановича. Горная Ингушия. Ростов, 1928), для осетинского — усовершенствованный плуг, в отличие от национальной сохи (dubùr, dəbər),

для аварского — тяжелый плуг (ср. рис. у Zichy. Voyages au Gaucase, табл. 91, рис. 3?),[24] для лезгинского — усовершенствованный плуг, которым пашут на равнинных местах,[25] для грузинского — тяжелый передковый плуг (ср. рисунок у Читая, l. infra c., стр. 211), для армянского — *յեճ արօր*' (определение Ачаряна, l. c.), для азербайджанского — плуг, в отличие от сохи (saban, ġeш, ġıш), для курдского — также плуг ('соха' — ḏoϑ, دوت, откуда ر ەدۆد 'пахарь', بژەدۆ 'пахание'; термин известен и в армянских диалектах, и в грузинск. ჩუთი, и в тюркск. يغنّ происходит от перс. بغنْ ḏüfϑ 'пара', откуда 'ярмо' > 'плуг'). Для удинского Шифнер дает значение 'соха', для урмийско-сирийского Социн — 'маленький плуг'.

Вопрос о происхождении столь широко распространенного названия плуга кажется средствами исторического языкознания не разрешимым. В самом деле: ни в одном из тех языков, которые названы выше, оно не является коренным. Для всех горских языков это очевидно: попытка Ачаряна возвести этимологически армянск. *գութան* guϑan к аварскому не состоятельна, так как покоится на ошибочном основании. Именно он утверждает, будто бы слово это — «*Հարաւային կովկասեան լեզուներից փոխառեալ բառ է ... փոխարեալ լինելը հաստատում է խունսագ*. Kutan «*ցանել*» *որ ցոյց է տալիս թէ բառը բնիկ է հիւսիսային կովկասեան լեզուներից*». Недоумение, вызываемое хунзахским (то есть аварским) kutan, значащим будто бы 'сеять', разъясняется лишь при обращении к Клапроту, 1. c., стр. 116, где действительно дается эта фантастическая справка. 'Сеять' по-аварски -etize (resp. Ғaze). Конечным основанием этимологической попытки Ачаряна служит справедливое убеждение его в неармянском происхождении слова: коренным для армянского является старое слово — *արօր*.

Относительно грузинского вопрос сложнее; показательно заявление грузинского лексикографа XVIII века, Орбелиани, 1. c.: «გუთანი – სომხურია,ქართულად ერქუანი ჰქვიან», и «ერქუანი – არს, რომელსა სომეხნი გუთანს უწოდენ საკნველსა კნულთასა»[26]. По справке, приводимой автором новейшей обстоятельной работы о грузинском плуге, Г. Читая, слово გუთანი guϑani в грузинской литературе появляется сравнительно поздно, не ранее X века.[27] Не иранское (для курдского и татского) и не турецкое (для азербайджанского) происхождение слова едва ли нуждается в подтверждении. Попытка академика Н.Я. Марра связать guTani с арабск. وزان (о значениях ср. Lane. An arabic-english lexicon, s. v.: «bull, bull with which one ploughs... plough etc.») и арамейск. ܥܕܐ 'jugum, aratrum', помимо фонетических препятствий (мы ожидали бы و в начале семитического корня, откуда, через посредство персидского (?), где vi > gu, *gudan), едва ли решает недоумение: арабское слово считается, по наиболее вероятному мнению Fränkel'я, арамейским заимствованием, а арамейское слово стоит изолированно и само нуждается в объяснении.[28] Сам академик Н.Я. Марр очевидно отказался от своего старого объяснения (в «Текстах и разысканиях по армяно-грузинской филологии», V, СПб. 1903, стр. 3)[29] и ищет объяснения методом палеонтологии (см. Сборник ПЭРЯТ, М.—Лгр., 1926, стр. 352 и 363).

Не касаюсь здесь интересного вопроса о связи терминов 'плуг-соха' с ярмом и быками, равно как и специальной терминологии частей плуга в северокавказских языках: вопросы эти заслуживают особого рассмотрения.

Март 1930 года

Примечания

1. См. *Հ. Սճարեան. Հայերէն արմատական բառարան. Բ. Հատոր* (*Յերեվան* 1928), *եր.* 295.

2. В оригинальной рукописи расположение материала несколько отличается от изданной немецкой переработки, в частности сведения по кайтахскому, агульскому и табасаранскому языкам даются по двум наречиям для каждого. Форма «дуіраqз» относится к «Кай. 2», форма «дуруч» к «Агу. 2».

3. Не касаюсь поэтому таких коллекций терминов 'плуга' в языках Кавказа, как известные словари Палласа, Янкевича де Мириево, Старчевского, равно как латинизированных словарей Гюльденштедта, Клапрота, и т.п.

4. Согласно ჯანეშვილი в მველი საქართველო, II, 3, 274.

5. Ср. ორბელიანი, ქართული ლექსიკონი s. v. ერქვანი, и ჩიცაია l. infra cit.

6. См. Жив. стар., т. 25, Пгр. 1916, стр. 281 (отчет А.К. Сержпутовского о поездке в Нагорный Дагестан).

7. Ibid.

8. Ibid., стр. 299. Справедливость требует отметить, что «дидойское» название плуга приводится уже у Гюльденштедта в форме bürus. См. его Reisen durch Russland, etc. II, стр. 516.

9. Е. Марков. Очерки Кавказа. СПб. 1887, стр. 308.

10. Д.Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Известия РГО, т. XX (1884), стр. 36.

11. Н.И. Вавилов и Д.Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Лгр. 1929, стр. 179.

12. Транскрипция унифицирована на основе аналитического алфавита акад. Марра.

13. Материал заимствуется частично из доступных печатных источников, главным же образом из неопубликованных личных записей автора.

14. Встречается, впрочем, и vabdə-fɬebd̆ 'id.', как и в нижнечеркесском имеем ʒ̊abze 'лемех', наряду с шьɬebz.

15. Вторая часть (bzə) имеет значение 'резать, кроить' (ср. нижнечеркесск. bze 'режь, крои', кабард. bze 'крои').

16. При таком толковании абх. aʒ̊eyʁà получит аналогию не столько в перс. گاوآض, сколько в мингр. კინოხონა ('лемех', собств. 'пашущее железо') или карач. saban ʒemir ('id.', собств. 'железо плуга').

17. Также muṭùr.

18. Здесь ul resp. l — формант род. пад.

19. Самый факт существования этого слова в кумыкском сомнителен, и известен мне лишь из Эркерта. Кумыкское название 'плуга' — известное, широко распространенное (вплоть до украинского) saban. К.К. Юдахин сообщил мне кара-киргизское название 'сохи' бӯрсун, напоминающее пуруц. Слово производит в кара-кирг. впечатление монгольского заимствования.

20. Интересное производное от этого слова у Клапрота (см. ниже), стр. 253; Pflugschaar (лемех) — kotanicha, то есть akₒaʒ̊àneyʁa, что при сравнении с aʒ̊eyʁà, дает уравнение aʒ̊ = akₒaʒ̊an, подтверждающее данное выше толкование.

21. У Ачаряна, 1. e., для ингушского дается несуществующая форма gotanger, хорошо иллюстрирующая безотрадное состояние литературы по вопросу в части, касающейся горских языков. Первоисточник недоразумения Гюльденштедт, у него (П, стр. 500) gotangersersch (< из инг. guoʒ̊añ gierzəш, что значит 'оружие пахотьбы', ср. кабард. фӀеɬaṣe!) 'Pflug '. У Клапрота слово превратилось в gotanger, ssersch (Kaukasische Sprachen, стр. 154). От него слово перешло в виде gotanger к Jaba. Dictionnaire kurde-français s. v. kotan (p. 345), откуда оно и заимствуется Ачаряном, без указания источника заимствования.

22. В карачаевском имеем интересную терминологию не турецкого, по-видимому, происхождения, связанную с понятием 'плуг', qalaḍüq. См. Иваненков, Изв. общ. люб. из. Куб. обл., т. V, стр. 64—65, с рисунком; W. Pröhle. Karatschaishes Wörterverzeichnis. Keleti Szemle, X (Budapest, 1909), s. vv. qʿalažük, etc.

23. См. Марр, цит. ниже статья, стр. 12.

24. В Дагестане «в ходу лезгинская соха (пруц) и гётен — плуг, напоминающий малороссийский сабан ... Туземный гётен требует не меньше 4—5 пар буйволов, или быков, а в низменной части области в него впрягают 7—8 пар... Местная соха (пруц) требует лишь одной пары быков, очень легка и состоит из двух-трех кусков дерева и сошника из железа», Вартанянц в сборнике «Доклады губернских и областных земских агрономов Закавказья», изданном канцелярией наместника в Тифлисе, 1913 год, стр. 181—182. Здесь интересные подробности о технике пахотьбы плугом и сохой.

25. По словам автора арифметического задачника на лезгинском языке, А. Алкадарского (Махачкала, 1928) «gıla ʒürez hanḍaq dağluq ʒxayra ama; düzenra ṭiler qüʒendal, la ʒraqʒurdal ṫazawa» (стр. 91), то есть «теперь соха остается только в гористых местах; на равнине землю обрабатывают или «кютен'ом» (плугом) или трактором». Здесь (стр. 92) рисунок ʒürez'a.

26. В древнем переводе Евангелия (Лука, 9, 62) читаем საკნველი saqnveli для передачи греческ. *ἀραθρον*, это единственное место, где слово встречается в одном из древнейших памятников грузинской письменности.

27. См.: საქართველოს მუზეუმის მოამბე, ც. IV (1928). გვ. 221, შ. 2.

28. У Pain Smith. Thesaurus linguae syriacae s. v. ܚܪܫ дано и еврейское חרנפ, вызывающее различные толкования. См. Gesenius. Handwörterbuch über das alte Testament, s. v.

29. Здесь (стр. 12) объяснена форма *գուբայ*, неправильно приводимая в словаре Ачаряна; она возникла в сочетании *գուբա մի* < *գուբան մի*.

Текст печатается по изданию:

Генко А.Н. О названиях 'плуга' в северокавказских языках // Доклады Академии наук СССР. — 1930. — С. 128—135.

А.Н. Генко
Из области чеченской диалектологии[1]

Когда после Октябрьской революции развитие письменности на неимевших ее до той поры горских языках Северного Кавказа потребовало от работающих в этой малопопулярной отрасли языкознания углубления в различные вопросы грамматики и словаря горских языков, прежде всего надо было сосредоточить внимание на непосредственно нужной, чисто практической стороне этого большого и сложного дела. Более отвлеченные, теоретические вопросы (всплывавшие при обсуждении злободневных задач составления алфавитов, элементарных учебников и пособий, перевода необходимой популярной литературы и т.п.) заслонялись этими практическими задачами и отступали неизбежно на второй план. Отсрочка в разрешении многих научно-лингвистических вопросов могла быть допущена, однако, лишь на самое короткое время. И едва миновали начальные этапы в развитии национальной письменности на языках Северного Кавказа, потребность в теоретическом обосновании состоявшихся практических решений и в углублении проработки отдельных проблем горского языкознания дала себя почувствовать с полной силой и категоричностью. Если несколько лет назад можно было довольствоваться изучением тех наречий отдельных горских языков, которые легли в основание вновь создававшихся литературных языков, то пришла пора для расширения рамок исследования, включения в круг очередных задач задачи изучения и разработки диалектологических материалов горских языков.

Что причиной, вызвавшей появление в свет в конце 1932 года брошюры А.Г. Мациева[2], послужило убеждение работников Института чеченской культуры в «чрезвычайно большой ценности» подобных диалектологических исследований, в данном конкретном случае — «в деле построения научно обоснованной грамматики чеченского языка», сказано в предисловии к брошюре, написанном М. Мамакаевым (см. стр. 11 и 18)[3]. Автор предисловия дает сначала характеристику некоторых предшествовавших появлению работы Мациева трудов в области чеченской диалектологии, а затем обращается к современному положению цова-тушин, а также к вопросу об их происхождении. Он часто пользуется при этом (по не заслуживающему подражания примеру академика Шифнера) неточной терминологией: тушское племя (стр. 9: «тушское племя принадлежит к чеченской группе народностей»; в действительности, как мы знаем, тушское племя принадлежит *грузинской* народности), тушский язык (в чеченском тексте предисловия лучше: bacojn qham, bacojn mot).

Нельзя признать вместе с М. Мамакаевым наиболее правдоподобной версией происхождения цова-тушин приводимую им (стр. 9 и 16—17) версию о столкновении между аулами (какими?, когда?) в **Чечне**. Пишущий эти строки позволяет себе думать, что факты и соображения, приведенные им в печати в 1929 году в труде, посвященном культурно-историческому анализу словаря заимствований в ингушском языке, достаточно убедительно доказали, что цова-тушины — выходцы из Мецхальского общества горной **Ингушии** (а не Чечни), из селения Эрзий, и что хронологически это событие можно приурочить примерно к рубежу XVI и XVII веков. Ссылок на указанный труд (см. издававшиеся Академией Наук «Записки коллегии востоковедов», т. V, стр. 681—762) в тексте предисловия, впрочем, не имеется; некоторое знакомство с ним составителя словаря явствует[4], между прочим, из особого внимания, уделенного им устарелому и почти не употребительному сейчас термину vavba и связанным с ним vabo (читай vabbov) и vabbi, тогда как обычное наименование горной части района жительства цова-тушин, bacaj, не упоминается вовсе, и из предложенного им правильного сопоставления этих терминов с племенным названием färpij (verpij)[5], решающего вопрос о происхождении цова-тушин иначе, чем сказано об этом в предисловии.

Ближайшее обоснование автором предисловия мотивов исследования цова-тушинского языка оставляет нас в некоторой неясности относительно непосредственных задач первой экспедиции Чеченского института летом 1931 года, результатом которой является обсуждаемое нами издание. С одной стороны, указывается, что цова-тушинский язык сохранил «древнечеченские обороты речи», подвергшись «только одностороннему влиянию грузинского языка» (см. стр. 9 и ср. стр. 17, где приведенные фразы отсутствуют). Вслед за этим отмечается, что в «лингвистической литературе нет работы, кроме словаря Шифнера, являющейся (sic) библиографической редкостью, где более полно были бы собраны слова тушского языка» (см. там же). Возникают вопросы: в какой связи с намечаемым научным использованием

древнечеченских оборотов речи (то есть фактов грамматических) стоит собранный словарный материал? Что понимается под «односторонностью» грузинского влияния на цова-тушинский язык? Вызвано ли опубликование словаря Мациева желанием восполнить пробел — отсутствие на книжном рынке цова-тушинского словаря (ввиду библиографической редкости словаря Шифнера), имелось ли более ввиду пополнение и исправление труда Шифнера, или же, наконец, предполагалось осуществить и то, и другое одновременно? Ответа на поставленные вопросы нам приходится искать в самом изданном материале; отметим лишь, что работа над изучением цова-тушинского языка, признается автором предисловия отнюдь не законченной изданием словаря Мациева, а лишь начатой и нуждающейся в продолжении.

К сожалению, оставлены без выяснения и важные для должной оценки всей работы ближайшие обстоятельства экспедиции Чеченского института: где именно (в Алвани, в Тбатани?), сколько времени, с какими лицами производилось собирание материалов словаря? Ничего не говорит по этому поводу и сам автор, ограничивший свои обязательства по отношению к читателям кратким пояснением, dovzijtar (стр. 19 и 21), едва ли (в особенности, в части абзацев второго и третьего) необходимым для лиц, сколько-нибудь знакомых с принципами составления словаря любого чеченского наречия, — а только таковых и мог иметь в виду Институт чеченской культуры, издавая брошюру Мациева. Вместе с тем, пояснение находится в ряде случаев в прямом противоречии с последующим текстом: «слова, изменяющиеся по классам, как, например, ju, vu, du, bu «есть», в словаре указаны в первой по порядку форме», гласит пояснение. В словаре же мы находим: ba (наряду с ja), bani (в цова-туш. есть и dani, jani, которые в словаре отсутствуют), bist «конец, край, кончик» (существуют и dist «рот» и jist, dist, приведено Шифнером), buqh «спина» (? переводят «подпруга», по сведениям, собранным мною в 1926 году; наряду с этим juqh, duqh), dagar (d подвижное, возможно, vagar и т.д.), darxeɳ (возможны barxeaɳ, jarxeɳ), darchar (d подвижное; значение «узнавать», а не «рассказывать, беседовать», что было бы (d)-arcar), datxar (jatxar и т.д.), daqhar (d в значении «кушать» подвижное, ср. ниже jaqhar), debchar (чит. derchar, d изменяемое), dyiv^{c} (наряду с jyiv^{c}), jaar (не указаны др. формы, хотя далее в словаре vaar), jatxar (ср. выше), jaqhar (ср. выше), vaar (ср. выше) и vaʹxar (нет jaʹxar и пр.)[6].

Соответственно сказанному выше постараемся выяснить: 1) насколько материал Мациева пополняет существовавший доселе в печати материал по цова-тушинскому словарю; 2) как учитывается грузинское (квалифицированное как «одностороннее») влияние на цова-тушин; 3) какое место занимают факты морфологии и синтаксиса как материал для подтверждения тезиса о сохранности в цова-тушинском «древне-чеченских оборотов речи»; 4) каковы общие диалектологические приемы автора, иначе говоря, каково научное значение его работы.

При ответе на первый из перечисленных вопросов следует учитывать, что при издании Шифнером труда Услара о чеченском языке издателем были сделаны добавления к своему основному труду о цова-тушинах и что в приложение ко 2-му тому «Этнографии Кавказа», изданному Кавказским учебным округом (см. *Услар*, Этнография Кавказа, II — «Чеченский язык», Тифлис, 1888. Приложение 1-е. Здесь на стр.47—54 «Сборник слов»), попали материалы как из первого труда Шифнера, так и из второго.

Новыми, незарегистрированными до сих пор в печати словами (или значениями) являются следующие: ajldit сплетня, кляузы, alhnav алванец, alhvina Алван (село), alza Алазань, arhlar молотить, aqan$_{r}$ дикий, akhar расщипать (о шерсти), ašhad молитва, bajrax знамя, флаг, barhi низменность, barkal (da ʹxo) спасибо (тебе), barč почетный, bachar веревка, byakhan$_{r}$ кожаный мешок для сыра, byast названии горной травы, boghur деревянная рогатка, bunag посуда, bungal пыль, bghadž еж, böʹx козленок, ca небо, circirao цесарка, cʹannejren$_{r}$ одинаковый, cʹagh вместе, cʹakhon$_{r}$ одинокий, daku особая порода дерева, datxu кушание (из масла и творога), daxao горная индейка, dakhlin$_{r}$ храбрый, daqh труп покойника, daqhar (в значении «сочувствовать»), debchar привязать, demchrik загадка, dya^{c} язва, duma^{c} курдюк, dzab струна, džažghar грабли, e этот (ese, eseren$_{r}$, esev), gang упряжная, рабочая лошадь, gakhu пряжка от пояса, gorč ступка, ha^{c} да, hapthin$_{r}$ свежий, haramin$_{r}$ нечестный, yavmbarč пастбище, yaphar насытиться, удовлетвориться, yažirgh жеребец, yin овраг, пропасть, imer-lav имеретинец, indur индюк, ithur eqqinčö название местности, jajalhar происходить, появляться, jaqar сосаться (sic), сосать грудь, кормить грудью, jechar любовница, jyiv^{c} четверг, jeqar отплачивать, отомстить, jožar запрягать, juchar насытиться, kit бурдюк, kičil особая повязка на голове (у женщин), kodžu веник, kolt рукоятка или ручка, kortlin$_{r}$ головной, korx моток ниток, kot шум, kokhdurx обувь, la^{c} перевал горный, lamlin$_{r}$ горный, ličhar облупить, снять кору, mamalin$_{r}$ raš желток, mardlakh брякунья (?sic), machru сырная сыворотка, megrav мингрелец, moq плуг, mot постель, maxk прибор для толчения, moʹx груз, ноша, naxin$_{r}$ чужой, людской, niʹx кожа (подошвенная),

osiv туда, ρezukh весло, ρeč печь, ρxaner (значение по-русски не приводится, что имеет место в ряде случаев; из чеченской параллели явствует, что слово значит «лопаточная кость»), ρxev хевсур, ρ'exav сельчанин, крестьянин, ragh очередь, qarchar жарить, qachar висеть, qebukh скала, qegar ломать, крошить, qotxu тройной, sango двор, som рубль, tat особая порода дерева, taqhar латать, telvobi телавцы, tivar (не переведено; по смыслу чечен. сопоставления «повиноваться, слушаться»), toρ toxar стрелять, tovb баран, txir иней, ull на третий день, vabo название местности, vavba житель местности vabo (к этим словам ср. выше), xammaxi самый, xačang брюки, xkho лето, zikh шов, zurtha название села и горы, chin овца-годовик, chod шашлык, мякоти (sic) мяса, chur стрела, čhalkhu копыто (лошади), ghajr банда, ghalghav ингуш, ghozull доброта, khalth творог, khalthdätti кушанье из масла и творога, kharkhari борода, khav пшеница, khech особый камень для подогревания блинов, kheč шерсть, khorthar надоесть, khochal коса (о полосах), khupra^{c} balinčö название местности, qhajth ножницы для стрижки овец, qhaurban$_{r}$ особое кушание из мяса и картофеля, qhagh сушеной мясо, qhagh название сорной травы, qhunc (не объяснено), qhurthul палас, ковер, thar ладонь растянутый (sic), thav ветка, thakh грязь, thathu сырость, thathna сыро, thbathanav тибатановец (sic), thbathani название поселения цовских тушин в горах, thiv мост, thuh названии съедобной травы, thum война, čam вкус, čachar вооруженный слуга, čaghmartav чагмельский тушин, čačnav чеченец, čer водянка, čečil небольшой стог сена, čyog выдавленный свежий сыр, čuxon$_{r}$ ghajr Малая Медведица, šar сыворотка, šariɳ ρовный, гладкий, šatx двойной, širin$_{r}$ старый, ветхий, старинный, šov пшав, x̣abrun$_{r}$ скупой, x̣a a, x̣aqar плавать, x̣as нитки шерстяные, x̣ax тур, x̣ex пещера, x̣eth x̣ājtqh лавина, моча, x̣ā̈l toxar сыграть (sic) на музыкальном инструменте, x̣ōjru мука, žan обувь (из кожи крупного рогатого скота.), žin$_{r}$ почка (животного), žum маленький, žuomnin$_{r}$ маленькие.

Итого мы получаем свыше 150 новых слов и значений. К сожалению, нельзя сказать, что весь новый запас, слов может быть включен безоговорочно в будущий полный словарь цова-тушинского языка. Оставляя в стороне те немногие слова, которые не могут быть оценены пишущим эти строки по недостаточности имеющегося в его распоряжении цова-тушинского материала, обратимся к приведенному списку слов и посмотрим, в какой мере точны формы и значения, сообщаемые нам А. Мациевым. Первое новое слово ajldit (ср. кроме приведенного чеч. elidita, ингуш. älădităˇ) оставлено без указания класса (относится к классу d), что имеет место по отношению к множеству других слов (ср. ajx̣kh, alxadzur, alza, angloz, aze и т.д.). Многие из таких слов содержатся в словаре Шифнера, где они снабжены соответствующими показателями. Важная задача проверки и исправления неточностей, допущенных у Шифнера (ср. его собственные слова по этому поводу, стр. 4 вверху, Versuch über die Thusch-Sprache etc.), осталась, таким образом, не решенной.

Alhnav, alhvina читай alnov, alujna (j); второе из них уже приводилось в печати в фонетически правильной форме в вышеупомянутых «Записках коллегии востоковедов» (V, стр. 698). Заметно, что автор словаря затруднялся при передаче непривычного ему, как чеченцу, специфического цова-тушинского звука (глухого l, у Мациева означено lh) и потому сплошь и рядом ставил его там, где не следовало; ср. alhnav — alnobi (может быть опечатка, имелось в виду alhnobi?); alhe — читай ale, arhlar — читай arlhar (или arhlhar), arhlivx — arlhivx, barhi — bari, barhe — barlh (также barlhejtth, barlhghen$_{r}$ вместо barhlajth, barhlghin$_{r}$), jalhar умирать — jalar, lelhar ходить — lelar (что значит стоящее в словаре и скобках «m. lerhlar»? тушинское lerlhar означает «ценить» и никакого отношения к lelar не имеет), marhl нос — marlhu, mel сколько — melh, melxu который — melhxu (значение: «несколько больше», რამდენიმე უფრო), tarhleno похожий — tarlheno, tilvar заблудиться — tilhvar пройти мимо, заблудиться, vorhl — vorlh (также vorlhejtth, vorlhghen$_{r}$ вместо vorhlajth, vorhlghin$_{r}$).

Alza — читай alzan$_{r}$. Эта неточность также характерна и проходит через весь словарь (напр., barkal da x̣o, след. x̣on$_{r}$ и ρassim). Поправляя во многих случаях данные Шифнера (и основательно поправляя), автор в других забывает означить n$_{r}$ даже там, где оно показано у Шифнера; иногда n$_{r}$ появляется без достаточных оснований. Так, например: правильно обозначено n$_{r}$ в следующих словах: aρen$_{r}$ (Шиф. aρe) зеленый, attan$_{r}$ (чит. atthan$_{r}$, Шиф. attha) легкий, bathan$_{r}$ (Ш. batha) полок, ben$_{r}$ (Ш. be^{c}) гнездо, byärchen$_{r}$ (чит. byarchen$_{r}$, Ш. bx̣arche) слепой, cqhe macmin$_{r}$ (Ш. macmi) когда-либо, когда-нибудь, dakin$_{r}$ (Ш. daki) хороший, daρxen$_{r}$ (Ш. daρxe) горячий, datten$_{r}$ (Ш. date) масло, don$_{r}$ (Ш. do) лошадь, конь, duxkhan$_{r}$ (Ш. duxkha) пояс, en$_{r}$ (Ш. en) тень, gagan$_{r}$ (Ш. gaga) яйцо, gamon$_{r}$ (Ш. gamo) кривой, враждебный, gazan$_{r}$ (Ш. gaza) коза, gutan$_{r}$ (Ш. guta) плуг, yärčhin$_{r}$ (чит. yarčhin$_{r}$; Ш. yarčhi) черный, yirin$_{r}$ (Ш. iri) острый, jaqqun$_{r}$ чит. jaqqon$_{r}$ (Ш. joqo), большой, круглый (?второе значение указано ошибочно), javin$_{r}$ (Ш. davi) легкий, jaxen$_{r}$ (Ш. daxe) длинный, jachin$_{r}$ (Ш. jachi) дорогой, тяжелый

(второе значение «дорогой, ценный» — ново), karsan$_r$ (Ш. karsa) веревка, kasthen$_r$ (Ш. kasthe) скоро (чит. скорый), kristan$_r$ (след. kristhen$_r$; Ш. kristha Христос) православный (чит. «христианский»), kʻekkin$_r$ (чит. kʻekin$_r$; Ш. khʻ eki) готовый, laqen$_r$ (Ш. laqe) высокий, laxun$_r$ (Ш. laxu) низкий, macin$_r$ (Ш. maci) голодный, malin$_r$ (Ш. mali усталый, ленивый (?)) теплый, macharin$_r$ (чит. machrin$_r$; Ш. machri) сладкий, men$_r$ (Ш. me) кто, musthin$_r$ (Ш. musthi) кислый, niρsin$_r$ (Ш. nibsi) ровный, qaqan$_r$ (Ш. qaqa) овчина, qen (Ш. qe) потом, тогда, после, sajn$_r$ (Ш. saj) свой (след. «мой собственный»), tišin$_r$ (Ш. tiši) старый, изношенный, vajn$_r$ (Ш. vaj) наш, ven$_r$ (Ш. ve) вино, vun$_r$ (Ш. u) для чего, почему, xalan$_r$ (Ш. xala) трудный, тяжелый, xan$_r$ (Ш. xa) время, xen$_r$ (Ш. xe) дерево, zoran$_r$ (Ш. zora) храбрый (Ш. ошибочно переводит «страшный, ужасный»), chegen$_r$ (Ш. chege) красный, čhaghon$_r$ (точнее čhyaghon, Ш. čhagho) сильный, ghazen$_r$ (Ш. ghaze) хороший, ghan$_r$ (Ш. ghan) сон, сновидение, khökhrun$_r$ (читай: khyokhrun$_r$; Ш. khʻokhru) глубокий, khujn$_r$ (Ш. khuj) белый, qharchen$_r$ (Ш. qharche) пестрый, qhen$_r$ (Ш. qhee!) бедный, qhurun$_r$ (Ш. qhuru) глухой, ρhyän$_r$ (чит. ρhyan$_r$; Ш. ρhʻan) крыло, čulin$_r$ (Ш. čulin) беременная, čuren$_r$ (Ш. cure) изнутри. В таких же случаях, как: dakin хороший (след. dakin$_r$), dalin мертвец (чит. dalinu, dajlno), gargen$_r$ близко, близкий (след. garge(ʻ) близко, garglen$_r$ близкий), byärchenkhan$_r$ слеповатый (след. byarchenkha^c, ср. у самого автора sijnkha^c синеватый, cheginkha^c красноватый), lachin$_r$ больной (см. под lachar; след. lachinu), qan$_r$ завтра (след. qanu), tittin я ухаживал (см. под tittar; след. titten$_r$), sejnin$_r$ синий (след. sijni), vašban друг друга (след. vašban$_r$), chegnin$_r$ красные (след. chegni), chinin$_r$ новый (след. chijni), ʻajnin$_r$ чей (след. ʻajni), žuomnin$_r$ маленькие (след. žumni?) — n$_r$ обозначено неправильно. Пропуск n$_r$ можно отметить в таких словах, как cʻakho одинокий (чит. cʻakhon$_r$), mičre откуда (чит. mičren$_r$; ошибочное написание под словом jajalhar, lam, mičre), vavi пропал (чит, vavin$_r$, под словом javar), lomre с гор (чит. lavmren$_r$, под сл. lam), letxa ixar танцевать (чит. letxan$_r$ ixar), ρstarin$_r$ qaqa бычачья шкура (чит. ρstharin$_r$ qaqan$_r$, под сл. ρstarin$_r$), sa как, каким образом, подобно (чит. san$_r$), šavarda сокол (чит. šavardan$_r$), ʻa кем (чит. ʻan$_r$).

Возвращаемся к оценке новых слов.

Bakh не значит «рот, » а «наружная часть рта, отверстие, устье» (ср. значение груз. ბაგე «уста»), а «рот», точнее: «внутренняя полость рта» — čhoč̌h.

Barč̌ значит собственно не «почетный», а «особый» (ср. bedbarč̌ особо, специально; barčol спокойствие, довольство; ср. еще инг. barč̌ особый подарок при соглашении).

Byakhan$_r$ имеет во множественном числе byakhni (а не byakhani); о неточностях при означении форм множественного числа смотрите, впрочем, ниже.

Byast — название травы, след. читать byasth, значение соответствует груз. ღიჟა, что в словарях толкуется: «гладыш, дикий копер, борец».

Böʻ читай boʻ: о появляющемся изредка в записях Мациева знаке ö смотрите ниже.

Circirao читай circira^{c}o.

Cʻannejren$_r$ чит. cʻajnneren$_r$ одинаковый, ერთგვარი (ср. cʻanaren$_r$ ერთი).

Daku соответствуют груз. ღვნალი (род. ивы), в чеч. dak бредина, salix caprea L.

Datxu, читай datxur, творог, поджаренный на масле (множ. число dajtxvri). Daxao чит. daxa^{c}o.

Daqh труп, чит. daqh(o), множ. число daqhuj (а не daqhi, что значит «части, доли»).

Demchrikh, чит. dajmchrikh (rsρ, dejmchrikh); неточность, довольно характерная для словаря, ср. еще: aserč̌ ремни (чит. asejrč̌), byärchelš волки (чит. byarchajlč̌), buerč̌ кулаки (чит. bu^{c}ajrč̌, от слова bu^{c}i; в словаре неточно buj); buherč̌ совы (мн. ч. от bujh; чит. bahajrč̌), daxkherči мыши (чит. daxkhajrč̌), gogerč̌ кольца (чит. gogajrč̌), as delhna я дал (чит. as dajlhnas, rsρ. as dejlhnas, под сл. jalhar), kodžerč̌ веники (чит. kodžajrč̌), korelč̌ ястребы (множ. ч. от kujr; чит. korejlč̌), myarllč̌ ногти (чит. myarajlč̌), qaqerč̌ голуби (чит. qaqajrč̌), čhenkhi подбородки (чит. čhajnkhi, множ. ч от čhanikh), qherphsi арбузы (чит. qhajrρzi, множ. число от qharpuz, у Мациева ошибочно qharphus), ρhentheri ребра (чит. phyenthajr, множ. ч. от ρhyenthu, у Ш. ошибочно: ρejndri ребра), thyirelč̌ звезды (чит. tiyerajlč̌, множ. число от thyijr, у Мациева неточно thyir), ʻaserč̌ нитки шерстяные (чит. ʻasajrč̌).

E (точнее eh) значит не совсем «этот», а скорее «тот», поскольку выражает указание на 2-е лицо: «этот rsρ. тот у тебя (находящийся)», тогда как «этот rsρ. тот у меня (находящийся)» выражается посредством i (is); к этому различению ср., напр., грузинские ეს и ეგ.

Gang понимается в смысле «скверная лошадь, кляча».

Gorč̌ значит «пестик» (а «ступа» — moxk, в словаре по корректурному недосмотру — maxk, толкуемое неопределенно: «прибор (?) для толчения чего-нибудь, напр., перца и т.д.»).

Haramin$_r$ признается почему-то грузинским словом, тогда как в действительности это арабское حرام «запрещенный, незаконный», лишь при посредстве грузинского (что явствует из начального h, — ср. груз. ჰარამი rsp არამი) попавшее к цова-тушинам. Грузинского языка составитель словаря не знает, что очевидно из ряда допущенных им ошибок и неточностей (см. об этом ниже).

Yavmbarč переведено ошибочно «пастбище»; так называется лишь *определенное* пастбище в верховьях Гомецарской Алазани (груз. ალაზნისთავი)[7], и потому yavmbarč должно считаться *собственным именем*, а не нарицательным.

Yažirgh (чит. yadžirghu); неточность в передаче звука dž — результат индиферентного отношения некоторых чеченских наречий и современной графики их к различию z — dz rsp. ž— dž (ср. *Услар*, Чеченский язык, стр. 5: «*з* в некоторых местах Чечни произносится, как грузинское ძ, почти как *дз*»; *Мальсагов*, Ингушская грамматика, стр. 9: «Буква *z* имеет двоякое произношение, во-первых, как чистое русское *з*... и, во-вторых, как *дз*... Такой же характер имеет и произношение буквы ž, которая выговаривается и как *ж* и как *дж*»). Поэтому, сопоставляя, например, цова-тушинские žagn, že, žero с соответственными словами в чеченском и ингушском, мы видим žajna (чит. džajna), ža (чит. dža), žero (чит. džero) в чеченском, žej (чит. džej), žae (чит. džae), žero (чит. džero) в ингушском; все слова на dz и dž в начале слова, зарегистрированные у Шифнера, грузинского происхождения. Что касается конечного беглого звука *й* (<o), то в словаре замечается довольно непоследовательное означение его в одних случаях и игнорирование в других. Ср., напр., кроме yadžirgh(u), duрx (под словом abar) одежда (чит. dūрxu), bad сирота (след. badu), dalin труп (чит. dalino), gavg локоть, колено (чит. gavgu, множ. ч. gaguj rsp. gagujrč, а не gavgi, как указано в словаре), jaš сестра (чит, jašu, jašo)[8], korx моток ниток (чит. korxu, множ. ч, korxuj, а не korxi; значение точнее: клубок ниток, висящий на незаконченном носке, ბაწრის კონა); gog круг (чит. gogu, ср. в словаре gogu — «кольцо», то же самое слово), marhl нос (чит. marlhu), načx сыр (чит. načxu, множ. ч. načxuj, а не načxi), ρejndri гармошки (множ. число от ρandur, чит. ρejndvri, значение под влиянием чеченского словоупотребления указано неверно: ρandur значит «балалайка», а «гармошка» — buzkhanth), ρizkhi весла (здесь ряд недоразумений: 1) ρezukh не равнозначно чеч. ρijsak, а имеет смысл «голенище»; 2) в форме множ. числа i долгое и сохраняется v(<u), чит. ρijzvkhi rsp. ρejzvkhi), ragh очередь (чит. raghu, множ. число raghuj), qebukh скала (чит qebavkhu; значение «очаг კერა, собств. очаг с камнями и огнем», множ. число qebakhni, лучше qebakhajrč); chijbrujga (в фразе, teqhna as chijbrujga)[9] идолу (я поклонился) (чит. teqhnas chijbrujgu я поклонился святыням, ხატებს, в смысле «святыне» или, по несколько неожиданному ортодоксально-мусульманскому выражению составителя словаря, «идолу» было бы chabogu); tovb баран (чит. tavbu, значение: баран, холощеный, ჭედილა), maqach кремень (чит. maqachu, множ. число maqchuj, а не maqachi), vaš брат (чит. vašo, vašu); xavx лук (чит. скорее, xaxu или xavxu, ср. груз. ხახვი), xilhus буду (чит. xilhusu, xilhuso), xkhor пузырь, волдырь (чит. xkhoru, множ. ч. xkh oruj, а не xkhori), chin овца до случки, овца-годовик (чит. chinu овца после второй стрижки შიშაქი; классовый показатель *d*, а не *b*, как указано в словаре), qhajth ножницы для стрижки овец (чит. qhajthu), qholo воровство (ошибка в том, что qholo, qholu «род похлебки», а «воровство» qhol); šilghin$_r$ второй (чит. šilvghen$_r$), x̣as нитки шерстяные (чит. x̣asu), žaba табун (чит. žabo; значение: стадо крупного рогатого скота, а «табун (лошадей)» — džog).

Imerlav имеретинец; автор систематически пишет av в окончаниях слов, где следовало бы, по нашему мнению, писать ov. Сюда относятся следующие слова: alhnav, donlav, megrav, mastxav, ρx̣exav, tqhavztqha (наряду с tqhovztqhaj ρxavztqha), ghalghav, thbathanav, čaghmartav, čačbav; правильно дано šov (а не šav!).

Ithur eqqinčö — название, неизвестное автору этих строк; неточность фонетической передачи явствует, тем не менее, из конечного ö (ср. ниже).

Jajalhar обязано своим появлением в словаре какому-то недоразумению: «происходить, появляться» может быть передано просто jalhar, а удвоение первого слога (dadalhen$_r$, babalhen$_r$) — результат неправильного восприятия слова dan$_r$ (ban$_r$, jan$_r$), формы неопределенного наклонения от глагола ja(r) «быть, существовать», как относящейся к корню, что, разумеется, неверно.

Kodžu, неверно указание классового показателя (jj), следует bd. О форме множественного числа см. выше.

Kokhdurx слово сомнительное и едва ли существующее как таковое (чит. kokhen$_r$ durxu?).

Lamlin$_r$ также вызывает сомнения (лучше lavmren$_r$).

Moq «плуг» — результат недоразумения. «Плуг» называется gutan$_r$ (слово, известное составителю словаря), а moq относится, быть может, к соответственным словам других языков со значением: «(перочинный) нож», чеч. moqu, ингуш. muq «ножик, бритва

Mot «постель», запись неточна, след. читать mott. В означении долгих (rsp. удвоенных) согласных записи не дают должной последовательности. То же слово в другом значении («место») записано правильно (mott). Множественное число не mottiš («постели»), а mattiš (одинаково и «постели» и «места»). Записи Шифнера, представляющие собою, по существу, транслитерацию текстов и словаря, составленных при помощи грузинского алфавита Иовом Цискаровым, очень неудовлетворительны именно в отношении различения простых и долгих согласных, и в этом вопросе исследование цова-тушинского языка особо нуждается в уточнении известного доселе материала. Работа Мациева в ряде случаев дает желательный результат: ср. напр. attin$_r$ datten$_r$ (у Ш. ati(n) date) коровье масло, eqqar (Ш. eqar) перепрыгивать (вообще прыгать), jaqqun (Ш. joqo) большой (ср. наши замечания по поводу этого слова выше), jattar (у Ш. datar) печь (глагол), jettar (Ш. jetar бросать) бить, jittar (Ш. ditar) мыть, стирать (собственно «полоскать»), jottar (Ш. dotar) налить, lattar (Ш. latar) становиться, стоять, mossul (чит. mossol; Ш. mosol) зло, ottajar (чит. ottjar, Ш. ottdar) становить (sic!), qottar (Ш. qotar) лить (на что-либо), поливать, tittar (Ш. titar) ухаживать, vyälli (Ш. v ẋala) употребляется в смысле утверждения чего-либо (след. vyalla^c совершенно, вполне), xetthar (Ш. xethar) читать. С другой стороны, мы видим ряд неточностей, как то: moth язык (под словами bacav, yamjar, kikhlun$_r$; след. motth), is девять (чит. iss), ith десять (ср. cẋajth, šijth и т.д.; след. itth), jaxen$_r$ длинный (чаще jaxxen$_r$), jet корова (след. jett), juqhmoth середина (чит. juqhmott; второе, приводимое в словаре значение «взаимоотношение, посредничество», вырвано из какого-то контекста и, взятое вне его, не соответствует действительности), dü'x'iri начальный, первый (чит. dujẋren$_r$), kʼekkin$_r$ готовый (след. kʼekin$_r$, по ошибке это же самое слово приводится вторично, на стр. 53, и форме khʼekhin$_r$), kotdar сузить, укоротить, kotol узость (след. kottdar, kottol; неравильная форма первого слова, kothdar, приводится на стр. 53), oqqus им (чит. oqus), qetar встать (след. qettar), ghozull доброта (чит. ghazol), chinus невеста (след. chijnnus невестка პაგარძალი), tat порода дерева (след. tatt), qallughin$_r$ daqh третья часть (след. qal(v)ghen$_r$ daqh, ср. след. за этим qalghin$_r$ третий), ẋeth лавина (чит. ẋetth завал снежный, масса, снега, остающаяся летом в глубоких ложбинах), žožxith ад (читай džodžxitta ад; džodžxijtt(i) в ад).

Osiv туда; следующее за этим пояснение: «частица, указывающая на предмет, находящийся не на очень далеком (на близком) расстоянии», неловко формулирует мысль: «указательное наречие, относящееся к 3-му лицу».

Pxaner не переведено; отсутствие перевода — в некоторых случаях результат простого недосмотра, так как соответствующие слова известны давно из работы Шифнера. Сюда же относятся: dalin (чеч. daqha) труп (ср. выше), ešma (читай ešma^c) черт (груз. ეშმა, как правильно уже у Шифнера), san$_r$ jazzar da (=чеч. san$_r$ jižiribu, приведено под сл. jaš) следует чит. sen$_r$ jažar da мои сестры (суть), nažthar (есть у Шифнера, значит «кочевье пастухов»), oqar (косв. форма от obi они), qeth (знач. «лопата для веяния зерна», ნიჩაბი; кочерга სამჭალე), tivar (?истолковано посредством чеч. tigar, что значит «повиноваться»; в последнем значении употребительно скорее jachar, а с чеч. tigar ср. цова-туш. tegar примириться), virqhanč стрекоза (чит. virqanč), čhamagh щека, čhoč h полость рта, qhunc (?есть qhunch, qhunchi ушко игольное), čo волос, ẋarčar обнимать, ẋarčum чих (чит. ẋarčom).

Pʼexav, pʼexbi, след. pʼexov (ср. выше), pʼexobi или pʼexuj. Формы множественного числа относятся к области морфологии и о них см. ниже.

Qegar следует qhegar (ср. в словаре правильную форму čakhu qhegla стул ломается, на стр. 56).

Som рубль — сомнительно; «рубль» называется грузинским словом manat. Taqhar приходилось слышать takhar, tekhar (чинить иголкой, шилом).

Xkho, xkholivx летом — чит. xkholix и ср. yalix зимой (есть в словаре под словом yä, где след. ya).

Zikh, zakhabi — форма множ. числа подлежит исправлению (zakhbi, чаще zikhi); значении — «нашивка».

Chur, значение «стрела» приведено в словаре ошибочно (ср. там же chakh стрела); chur значит: 1) пронизь бус, ряд, вереница; 2) коровья моча.

Ghajr, выражение gharox (rsp. gharix) vaxar означает «вступить в шайку» (в словаре: идти на грабеж).

Khalthdätti подлежит исправлению в khalthdatten$_r$ (ср. в словаре под словом datten$_r$).

Kharkhari форма, кажется, не существующая, след. kharkhara^{c}o «нижняя челюсть», множ. ч. kharkharuj «борода».

Khav значение точнее «пшеница в зерне» (а «пшеница» xorbal или majq); ḱhech толкуется неточно, это грузинское слово კეცი, что значит попросту «глиняная сковородка».

Kheč̌h, форма множ. ч. khač̌har относится, разумеется, только ко второму из двух приводимых значений: 1) кипение, 2) шерсть.

Khochal, чит. khochol, значение: прядь волос.

Khupra^{c} balinčö: ср. выше замечание, сделанное по поводу аналогичного ithur eqqinčö. Qhurthul, правильнее, как кажется, khurthul.

Thav, форма множ. числа thajvni (а не thavi).

Thathu и thathna подлежат поправлению соответственно на thathol и thathna(j), оба означают «сырость, мокрота», с некоторым различием в оттенках.

Thbathanav, thbathani, и форма слов и значение не соответствуют действительности. Существует груз. ტბათანა, название летнего местопребывания алванских жителей, расположенного в верховьях Кахетинской Алазани; по цова-тушински thbatijna(j)[10], thbatniḱ «в Тбатане». Что же касается thbathanav, как имени лица, производного от названия местности (ср. bacaj~ bacav), то оно у цова-тушин совсем не употребительно и создано ad hoc.

Čachar, вероятно, опечатка, чит. čakhar, слово в основе персидское چاکر и значит «военнопленный, *вообще* раб, слуга». Источник заимствования в цова-тушинский не ясен.

Čuxon$_{r}$ ghajr, собственно «банда овец (ягнят)» значит «Большая Медведица», как и соответствующее ингуш. ču (хае) ghär. В чеченском языке ясное по первоначальному смыслу сочетание превратилось в čuxčuḱer. Для характеристики непоследовательности составителя словаря в транскрипции и переводе можно добавить, что в изданном им же самим в 1927 году Чеченско-русском словаре слово это пишется čuxčaḱier и переводится «Плеяды», в разбираемом же нами труде читаем čuxčuḱer Малая Медведица.

ẋabrun$_{r}$: приходилось слышать вместо этого xabron$_{r}$.

ẋaqar в значении «плавать» не употребляется, следовало указать точнее, что оно входит в состав сложного curiḱaqar, curiḱeqar (как и в чеченском «плавать» лишь в составе neki ẋaqar).

ẋas (чит. ẋasu) имеет собственно значение «обрезки нитей после снятой с ткацкого станка готовой шали, употребляются как материал для штопки порванной шали»; xäjtqh, след. писать ẋajtqh.

ẋöjru, форма слова несуществующая, правильная — ẋajr(i), как и указано под этим последним словом; необходимо лишь отметить, что ẋajr, xaralč jj по недоразумению переводится и как «мельница», и как «мука», след. ẋajri, ẋarajlč: 1) jj мельница, 2) dd мука.

Žum, след. читать žumon$_{r}$ʔ; форма žuomnin$_{r}$ невозможна уже в силу одного только звукосочетания uo, след. žumniʔ

Грузинское происхождение приводимых в словаре слов отмечено при bakh рот, haramin$_{r}$ грешный, нечестный (ср. выше), kotam курица, lamzür красивый, löm лев, mamal петух, saqhdar церковь, urmu арба, двуколка, khakhal орех, khedel стена, qharphus арбуз, qhač̌h нитки, qhut коробка. Как формы слов, так и значения изобилуют неточностями. Bakh (о значении см. выше) объяснено несуществующим грузинским словом bagi (след. bage ბაგე уста). О haramin$_{r}$ мы говорили выше. «Курица» по-грузински не kathami, а katami (ქათამი). Lamzür (чит. lamzur) употребляется больше всего в разговоре женщин между собой и значит здесь не столько «красивая» (как груз. ლამაზი), а «милая» (как обращение); löm след. lom; mamali (а не mamal) имеет в грузинском основное значение «самец» и лишь вторично «петух»; urmu след. urum; «орех» по-грузински khakhali; qharphus, чит. qharpuz, не грузинское» слово, а турецкое قارپوز, лишь на правах заимствования представленное в грузинском, притом в иной форме (ხაბურგაკი, ხარბუგაკი; коренное грузинское слово — საგამთრო); правильная этимология была дана уже Шифнером (как и во всех других вышеприведенных словах); qhač̌h: значение цоиа-тушинского слова отличается от значения груз. ყაჭი, с которым его сближал уже Шифиер (ყაჭი шелк-сырец), что необходимо было учесть и составителю словаря. Грузинского ghuti, от которого происходит будто бы цовское qhut, не существует, а есть qhuti (ყუთი), в свою очередь зависящее от турецкого, قوتو, как правильно отмечено в свое время Шифнером. Небольшому списку слов, при которых отмечено грузинское, по мнению составителя словаря, происхождение их, противостоит значительное количество других, относительно которых подобное указание могло бы быть дано с неменьшим основанием. Те из этих слов, которые имеются в словаре Шифнера, все без исключения снабжены правильными указаниями на этот счет. Сюда относятся amkel, (приходилось слышать: aklam, из груз. აქლემი), angloz

(груз. ანგელოზი), ardz (груз. არხა), archiv (груз. არწივი), bad сеть (груз. ბადე), bajrax (груз. ბარაღი, из тур.; в значении «знамя, флаг» уместнее было привести другое, весьма интересное в культурно-историческом отношении цова-тушинско-грузинское слово droša^{c}, груз. დროშა), barhi (чит. bari, груз. ბარი равнина), bachar (груз. ბაწარი), bedž (ср. груз. ბეწვი волосок), byad (чит. bath, груз. ბატი), bungal (груз, диалект. ბუნგალი пыль), ca (груз. ცა), cer (ср. груз. ცერი палец ноги, руки, scil. оконечность), ešma (груз. ეშმა), gutan$_{r}$ (груз. გუთანი), indur (груз. ინდოური), ivseb (иосеб), kajdžberay (чит. kajdžbera^{c}, ср. груз. ქაჯი პეტრე неугомонный и т.п.), kičil (груз. диал. ქიჩილა rsp. ჩიქილა), kristan$_{r}$ (чит. kristhen$_{r}$, груз. ქრისტე), kujr (груз. ქორი), lejb (груз. ლეიბი), mačkhad (хевсурск. მაჭკატი), okro (груз. ოქრო), palaz (груз. ფალასი, из перс), pandur (груз. ფანდური), pharask (чит. pharaskh, груз. პარასკევი), potol (груз. ფოთოლი), qadal (ср. груз. კრდალი), sayat (чит. sa^{c}at, груз. სათი из арабск.), sakher (ср. груз. კისერი), sthiur (груз. სტვირი), varang (ср. гр. ვარაგი обух), vir (груз. ვირი), xalx (гр. ხალხი), xavx (груз. ხახვი), xan$_{r}$ (груз. ხანი), xorša (чит. xorša^{c}, груз. ხორშა зной), zol (чит. dzol, груз. ძვალი), chivčh (чит. čhivčh, груз. ჭივჭავი), chichil (груз. წიწილა), chod (груз. მწვადი), čhir (груз. ჭირი), khujra (груз. ევირა), qho (груз. ყვავი), phephel (груз. პეპელა бабочка), thbathani (чит. thbatajnaj, груз. ტგათანა), čaghmartav (ср. груз. ჩალმართი), čxindur (ср. груз. წინდა), šabat (груз. შაგათი), šavarda (след. šavardan$_{r}$, груз. შავარდენი), žožxith (чит. džodžxittaj, груз. ჯოჯოხეთი). Не касаемся здесь ряда слов, сближение коих с соответствующими фактами грузинского языка потребовало бы более специального и подробного рассмотрения и вывело бы нас за рамки настоящей статьи.

Рассмотрим теперь те материалы по морфологии (и синтаксису), которые отчасти приводятся в словаре попутно, при иллюстрации конкретными примерами значений отдельных слов, расположенных в алфавитном (впрочем, нередко нарушаемом) порядке. Особенное наше внимание должны будут привлечь классовые показатели по двум причинам. Во-первых, проблема классовых показателей является едва ли не самой интересной и вместе с тем самой сложной проблемой горского языкознания, причем в решении ее роль вообще чеченского, в особенности же цова-тушинского, материала будет, без сомнения, весьма значительной. Количество категорий (классов) слов, различаемых в горских языках достигает в цова-тушинском своего максимума: именно семи (vb, jd, jj, dd, bb, bd, и bj[11]), тогда как, например, в чеченском и ингушском мы имеем шесть (именно: vb, jb, jj, dd, bb и bd), и арчинском, лакском, андийском — четыре, в аварском и хюркилинском — три, в табасаранском и хиналугском — два и т.д. Помимо количественной и качественная сторона цова-тушинского материала весьма замечательна: невзирая на насыщенность цова-тушинского словаря грузинскими заимствованиями, все эти инородные элементы распределены по классам, чисто семасиологическая (смысловая) значимость которых выступает тем отчетливее, что звуковая сторона отступает при заимствовании на второй план. В этом отношении чеченский и ингушский языки, также изобилующие заимствованиями из разных источников, значительно уступают цова-тушинскому по количеству соответствующего словарного материала. Во-вторых, по собственному заявлению Шифнера, неблагоприятные условия его работы над цова-тушинским особенно сказались в вопросе о классовых показателях. Говоря о недостатках своего единственного непосредственного осведомителя по языку, Георгия Цискарова, в частности, о влиянии, оказанном на него русским языком, Шифнер продолжает: «Особенно отрицательно сказалось преобладание чужого языка, когда я поставил своей задачей выяснить род отдельных имен; слишком часто тушинское слово получало тот род, который мог относиться только к соответствующему русскому слову» (см. Versuch и т.д., стр. 4 предисловия). Это обстоятельство должно бы было быть учитываемо всеми последующими за Шифнером исследователями цова-тушинского языка. Многие слова остались у Шифнера совсем не аттестованными классовыми показателями. К сожалению, и словарь Мациева далеко не отвечает в этом вопросе ожиданиям. Как нами уже указывалось, значительное количество слов лишено соответствующих указаний класса. Таковы, сверх названных выше, bey[12], bsikh (чит. psikh, что и находим у самого автора на стр. 42), bö̀x, ca, cer, cx̀anaj, de, dib, dikh, dopx, gamol, yatqh, yavmbarč, kot, kotol, kokh dupx, lejb, mard, maxkh (слово сомнительное), maždar, mejq, moq (слово сомнительное, ср. выше), mossul, mott, movq, nažthar, nix̀, put, pša, px̀atuj, sag, sart, sem, som(bis), teb, tešom, txe, vox̀, xavx, chakh, chegov (слово не существующее, ср. chijg), čhamagh, ghozull, khalthdätti (см. выше), khach, khedel, khochal, khujra, khx̀akh, qharchol, qhaxejtlob, qholo (см. выше), čachar (см. выше), čo, šabat, šar, šat, šinaj, x̀agh, x̀u, x̀öjru (см. выше), x̀ürg (слово не существующее, ср. yür), žožxith (см. выше). Может ввести в заблуждение и другой недосмотр составителя словаря — в словах типа čačnav, где вместо jv, b следует читать jd, vb; здесь автор, несомненно, находится под влиянием

чеченских норм. Не соответствуют нашим наблюдениям и показания классов седьмого (bj) и восьмого (dj) в словах: bakh, bakhi, bj (след. bak, baki, bd), buj, buerč, bj (след. buᶜi, buᶜajrč, bd), gavg, gavgi, bd (след. gavgu, gaguj, bj rsρ. bd), kokh, kokhi, bd (след. kokh, kokhi, bj), myajr, myarelč, bj (след. myajri, myarajlč, bd), ρhenthu, ρhentheri, bj (след. ρhyenthu, ρhyenthajri rsρ. ρhyenthuj, bd), ρhyänr, ρhyani, bj (след. ρhyanr, ρhyani, bd rsρ. bj)[13].

Справедливость требует, однако, отметить значительное количество поправок и дополнений, вполне согласующихся с нашими наблюдениями, сделанных автором к известному по Шифнеру цова-тушинскому материалу. Отметим: gaganr, j (у Шифнера: b), jeg, d (у Ш. b), jub, j (у Ш. классовый показатель отсутствует), kajdžberay, d (у Ш. и значение неверно, и класс не означен), löm, d (чит. lom, d; у Ш. класс не означен), nicqh, nicqhi, bd (у Ш. j), tant, d (у Ш. b). Следует заметить, что материал словаря Мациева, независимо от тех погрешностей, которые в нем замечаются по части указаний на классы (отметим: amkal, bd, а не j; bexk, bb, а не bd; hemur, bd, а не emar, dd; moq, bd, а не dd; qor. bd, а не dd; chinu, dd, а не bd; qač, b, а не j), ценен по тому главному выводу, который вытекает из данного им сопоставления цова-тушинского и чеченского словаря: известное утверждение Услара, что «каждый чеченец обладает непогрешительной способностью угадывать, где должно употребить jy, где ду, где бу. Чеченский язык дробится... на наречия, но, как меня уверяли, столь темный для меня вопрос jy, ду, бу всеми чеченцами разрешается одинаково, не подавая повода ни к каким недоумениям»[14], несостоятельно в данной категорической формулировке. Колебания есть (в частности, между классами d и j), и колебания эти облегчают задачу вскрытия корней этого деления, представляющего немалый интерес.

Обращаясь к формам множественного числа, довольно последовательно указываемым Мациевым (что составляет несомненный шаг вперед сравнительно с Шифнером), мы видим в ряде случаев повод к критическим замечаниям. Если в словах apuš (ajρši), archiv (ajrchvi), jexkh (axkhajri), jol (ališ), joρqh (aρqhajri), kajdžberay (kajdžberuj), mugh (maghujri), ρxa (ρxajvni), qaqanr (qaqi), vir (varbi), kocx̣iv (kujx), qhut (qhatbi), x̣aghar (x̣aghri), x̣akh (x̣akhi) указываемые формы множественного числа представляют собой бесспорное дополнение к известному ранее материалу, то во многих других случаях мы сталкиваемся, к сожалению, с ошибками и неточностями. Следует, впрочем, оговорить, что в некоторых случаях упрек в неточности, возможно, не вполне справедлив: расхождение между нашими наблюдениями и наблюдениями А. Мациева может быть относимо за счет неустойчивости и противоречивости показании самих цова-тушинских осведомителей. Как бы то ни было, возражения вызывают следующие формы множ. числа: bazari (чит. bazajr, от bazar), bathani (чит. bathni, от bathanr; значение слова: грунт; земляной пол; потолок; крыша, усыпанная землей), bedži (неупотребит.; bedž само по себе значит «волосы»), byakhani (чит. byakhni от byakhanr), byijš (чит. byujš от byo), bathaš (чит. bathmi, мало употреб. множ. ч. от both), bubukhi (чит. bubkhi, от bubukh), bujsaš (чит. bujs(v)ajš от bujsa), dažari (чит. dažri, от dažar), doxkhiž (чит. daxkhiš, от doxkh), dokhi (чит. dakhmi, от dokh), duxkhani (чит. duxkhni, от duxkhanr), gagani (чит. gagni, от gaganr), gutani (чит. gutni, от gutanr), yeρi (чит. yeρi или yaρar, от yeρ), yuj (чит. yuvi, от yuv), yüri (чит. yarbi; от yür, чит. yur; значение: зад), atti (attiš, от jet), maxkar (чит. maxkhar, от jöx̣, чит. jox̣), kotami (чит. kotmi, от kotam), lami (чит. lamni, от lam), lachari (чит. lachri, от lachar), mamali (чит. mamli, от mamal), mačkhadi (чит. mačkhthi, от mačkhad, чит. mačkhath), mottiš (чит. mattiš, от mot, чит. mott), nyaρi (чит. nyaρhajri; от nyaρ, чит. nyaρh), ρstuj (чит. ρsthei, ρsthij; от ρstu, чит. ρsthu), ρxakhali (чит. ρxakhli, от ρxakhal), ρxij (чит. ρxei, от ρxev), ρx̣ijš (чит. ρx̣ejni, ρx̣ejniš, от ρx̣e); ρx̣exbi (чит. ρx̣exobi[15]; от ρx̣exav), qadali (чит. qadli, от qadal), sijš (чит. simnuj, sinmuj, от sa), talzi (чит. tajlzi, от taliz), tathir (чит. tatajr, от tathriv, чит. tatriv), taρajr (чит. toρi, от toρ), ujstxarč (чит. ustxuj или ustxajrč; от ujstx; значение «овца», а не «баран»), urumi (чит. urmi; от urmu, чит. urum), xkhori (чит. xkhoruj, от xkhor, чит. xkhoru), ghočhbi (чит. ghačhbi, от ghoč), khakhali, (чит. khakhli, от khakhal), khedli (чит. khedluj, от khedel), khotharči (чит. khothajrč, от khujth), qhonvi (чит. qhonvni, от qlionon, вместо показанного qhono), thavi (чит. thajvni, от thav), thyirelč (чит. thyerajlč; от thyir, чит. thyijr), thumi (чит. thamujri, от thum), x̣ünis (чаще x̣uni, x̣uniš, от x̣unr), x̣äjchiklii (чит. x̣ajchkhi, от xächukh, чит. x̣achukh).

Морфологический материал (по глаголу, словообразованию и пр.) незначителен и едва ли может быть причислен к лучшей части работы. Указано несколько интересных форм отрицательного причастия (abchinr нешитый, tagdachinr неисправившийся), с которыми можно сопоставить, например, marchinr без мужа, batxachinr (след. bajtxchinr!) без работы; отмечено образование типа: šatx «двойной»; приведены формы сравнительной степени прилагательных (почему-то систематически переводимые превосходной степенью, ср. apivx, yärčhivx, sejnivx,

правильный перевод дан в фразе lam laqivx ba chenix гора выше дома). Попадаются формы глагола настоящего (напр., vagho x̣o, vagho so, под словом laar, следует vaghox̣(o), vaghos(o); lachin$_r$ va so, под слов. lachar, следует lachiš vas(o), cuj ec makh son$_r$ и ec makhuj x̣on$_r$ под словом makhar, последняя фраза ошибочно переведена: «сможешь купить», следует читать ec makhej (?) x̣on$_r$ «ты сможешь купить»?), будущего (например xilhns буду, след. xilhusu) и прошедшего (например, vara, под сл. co, след. var; leara, под сл. laar, след. le^{c}er; delhna под сл. jalhar, след. dajlhnas, jaxna as, jajxna as, под сл. jaxar, след. jaxnas, jajxnas; jaxara (там же), читай jaxer[16], ochir переведено неточно, след. «подоил, потянул»; veara, под сл. vaar, след. ve^{c}eras(o), teqhna as, под сл. teqhar, след. teqhnas; tivna, под слов. tijjar, след. tiven$_r$ или же tivnas) времен. Формы повелительного наклонения не всегда правильны (alh «скажи»; alhegara переводится «скажика», имеется в виду, по-видимому, alhgera «чуть было не сказал»; vercha чит. verch, под слов. jerchar; sovola esev, чит. sovol isev; под слов. sovaar)[17].

Но мы тщетно стали бы искать полноты и последовательности в указаниях по части основных глагольных форм, необходимых для спряжения цова-тушинского глагола: это основной, пожалуй, недостаток всей работы, недостаток, присущий и предшествующему разбираемому лексикографическому опыту автора, его упомянутому уже «Чеченско-русскому словарю». Капитальный вопрос цова-тушинской и чеченской грамматик, в освещении коего специально цова-тушинскому придется сыграть решающую в некоторых деталях роль, — вопрос о системе спряжения, построенной на чередовании основ однократного и многократного видов, не нашел в словаре почти никакого отражения. Два-три случайных замечания (ср. jatxar и отдельно jetxar, взаимоотношение между которыми никак не разъяснено; или x̣aqar, x̣eqar; x̣ačhar, x̣iechar — последнее неверно, следует x̣ečhar; и т.п.) исчерпывают эту важнейшую сторону дела. Не лучше обстоит дело с рядом других грамматических фактов, так, например, с местоимениями: comena переведено «никем» по ошибке; icxarna след. чит. icxarn; дважды встречаем x̣an «кому» вместо x̣ann, x̣anina^c вм. x̣amina^c. В числительных ошибочно указано jyijyiv «по четыре», где следует jyivjyiv (б. м. опечатка); неправильно анализировано ichatqh «двести». В прилагательных смешаны существительное ρsthun$_r$ (род. ρsthunin$_r$) и прилагательное ρsthujno (род. ρsthujnčon$_r$), читай ρsthujnčon$_r$ «относящийся к самке», и ρsthunin$_r$ che «имя жены» (вм. ρstujnin$_r$ и ρstunču che); attan$_r$ переведено: «легко, легкий», след. atthajš «легко» (наречие), atthan$_r$ «легкий» (прилагательное). Mak названо по вредному влиянию норм русской грамматики «предлогом», хотя из приводимых самим автором примеров видно, что это «послелог». Полагаю, приведенного достаточно для подтверждения той мысли, что грамматический материал не может считаться сильной стороной работы Мациева[18].

Прежде чем перейти к последнему из поставленных выше вопросов, а именно: «каковы общие диалектологические приемы автора, иначе говоря, каково научное значение его работы?», необходимо задержаться на минуту на основном требовании, предъявляемом современным уровнем научных исследований по языкознанию к любой диалектологической работе. Лишь при условии улучшения, то есть углубления и уточнения приемов исследований (в частности, как точности фонетической, так и смысловой верности сообщаемых словарных фактов), может какая-либо, подобная разбираемой нами, общая или специальная словарная работа претендовать на значение научно-прогрессивное, значение фактора, обеспечивающего подлинное движение вперед. Предшествующая, чисто практическая работа над чеченским языком не обеспечивала, да и не могла обеспечить, оставаясь таковой, выполнение строгих требований лингвистического метода, в особенности, по частному вопросу фонемологического (звукового) анализа чеченской речи. Несоблюдение в практике школьной и издательской работы над чеченским языком основного условия — полноты этого анализа, недооценка или игнорирование (в отношении гласных) фонематической системы языка, оправдываемое, может быть, интересами повседневной, не терпящей отлагательств, работы[19], обесценивает результаты предшествующей работы с точки зрения чисто научной. Здесь не место останавливаться подробно на всех недостатках этого рода, наблюдаемых в изданной за последние годы литературе на чеченском и ингушском языках. Достаточно сказать, что даже при поверхностном сравнении двух работ одного и того же автора, А. Мациева, его словарей — чеченского и цова-тушинского, — самый невнимательный читатель сразу же натолкнется на то, что одно и то же слово пишется по-разному, *ie* и *e*, *a* и *u*, *o* и *a* чередуются без видимой причины. Как мы увидим сейчас, привычка к небрежному означению гласных нашла свое отражение и в рассматриваемой нами работе; невнимание к системе гласных в чеченском языке притупило наблюдательность исследователя и по отношению к соответствующей системе цова-тушинского.

Таким образом, самое основное, а потому и самое элементарное условие, предъявляемое сейчас к научной работе в этой области, — требование фонетической точности, осталось невыполненным, а это решает в значительной мере поставленный вопрос о научном значении данной работы. Приведем факты, оправдывающие наше суждение.

Автор систематически игнорирует звук ᶜ, вообще учитываемый им как таковой (он существует и в чеченском) и непоследовательно применяемый в написании цова-тушинских слов. Мы недосчитываемся его в следующих словах: khujra (чит. khviraᶜ), qho, qhoi (чит. qhoᶜ, qhoᶜi), enᵣ (чит. ᶜenᵣ), ešma (чит. ešmaᶜ), circirao (чит. circiraᶜo), daxao (чит. daxaᶜo), e, aiš (чит. ᶜeᶜ, ᶜaᶜiš), miče (чит. mičeᶜ; значение точнее: «куда именно»), myäu (чит. myaᶜu), moxie (чит. moxeᶜ), xorša (чит. xoršaᶜ), vaar (чит. vaᶜar), laar (чит. laᶜar), vyälli (чит. vyallaᶜ), vuma a (чит. vumaᶜ), ču xaar, ču xa (чит. ču xaᶜar, ču xaᶜ), lea (под. словом čua, чит. xaqanᵣ leᶜ вм. xaqonᵣ lea), veara (под. сл. vaar, чит. veᶜer) и др. В нескольких случаях мы имеем *у* там, где ожидали бы ᶜ. Таковы: yaxrob (ᶜaxrob; значение: «ягненок после первой стрижки, თოხლი»), kajdžberay (kajdžberaᶜ), sayat (чит. saᶜat, ср. სასთი), yatqh (ᶜatqh). Здесь же отметим отсутствие ожидаемого x̌ в словах, deni (denix̌, под словом de), ese (esex̌ «здесь (у 2-го лица)», соответственно eserenᵣ «отсюда» (ср. esev, переведенное правильно), mettie (след. matt(ix̌), под слов. mott), psare (чит. psarex̌, сравнивать след. не чечен. sijsara, а sarax̌ «вечером»). Вместо khx̌akh приходилось слышать khyakh. Исправляя Шифнера, Мациев дает правильно psare, pšelinᵣ и т.д.; тем не менее комбинаторное изменение согласных учтено не везде, так например: x̌absar (чит. x̌apsar, x̌epsar), ibsi (чит. ipsi, от is), jebcar (чит. jepcar), qebsar (чит. qepssar), ebchar (чит. epchar). Из отдельных погрешностей, некоторая часть которых быть может результат корректурного недосмотра, ср. mičux (след. mičux̌), chak (след. chakh), zurajš (след. zorajš), tathriv (след. tatriv), jovi (след. javinᵣ, под сл. javar), kikhlunᵣ (след. kiklunᵣ, ср. kikoᶜ), lieqhar (чит. leqar, под слов. thap lieqhar; выражение thap lequ нам переводили, впрочем, «жила дергает», а не «молния сверкает», может быть по недоразумению), chupdar (чит. chuphdar), khatoš (чит. khathoš), khökhrunᵣ (чит. khyokhrunᵣ, связано этимологически с khyökh, чит. khyokn), qhepkar (чит. qhepqhar), thbathanav (чит. thbatanav, ср. выше), čaqarenᵣ (след. čaqrenᵣ). macharinᵣ (след. machrinᵣ), x̌arčum (след. x̌arčom), x̌u (след. x̌uv), khochal (след. khochol), mathar (след. mathr), maša (след. mašaj), pstu (след. psthu, в обоих значениях: «бык, жена»). Очевидно, опечатка в aze, читай ase. Непонятно t в nipst, под словом nipsinᵣ. Если таковы погрешности в сфере согласных, точность в обозначении которых обязательна даже в глазах практиков этого дела в Чечне и Ингушии, тем более неблагополучно обстоит дело с гласными. Не говорим уже о том, что капитальнейший вопрос звуковой системы чеченского и цова-тушинского языков — различение долгих и кратких гласных — неразрешим при той системе письма, которой держится автор.

В научной литературе имеется уже указание на сохранение различения долготы гласного *а* в цова-тушинском языке[20]; между тем, различие jālhar происходить, появляться, и jăl̆nar давать, jaxar идти, пьянеть, и jāxar жить, утопать, отнимать (много раз), и т.п. не учитывается автором, так же как не учитывается соответствующее различие в графике чеченского (а с недавнего времени, и ингушского) языка. Однако если по причинам практически-педагогического порядка можно еще дискутировать на тему о предпочтительности той или иной системы обозначения гласных в литературе, не имеющей специального научного назначения, то не может быть двух мнений относительно безусловной обязательности различения долгот в специальном диалектологическом исследовании, подобном тому, о котором у нас идет речь. Не может быть речи о действительной научной значимости работ, игнорирующих это элементарное требование метода. Можно было бы, пожалуй, возразить, что к цова-тушинскому это требование применимо менее, чем к другим языкам той же чеченской системы языков, в силу постепенной утраты в понимании самими говорящими этих различений. Не подлежит, тем не менее, никакому сомнению, что в настоящее время понимание этого различия (в части ā и ă) безусловно сохраняется еще в живой речи цова-тушин и обязательно должно регистрироваться при записи. Не менее обязательно учитывать и другое обстоятельство — отсутствие в цова-тушинском самостоятельных звуков (фонем) ä, ü, ö, существующих, как известно, в чеченском и ингушском[21]. И если мы видим появление и того и другого в записях Мациева, то появление их приходится приписать исключительно чеченским графическим навыкам автора и несоблюдению им требования фонематической выдержанности при графической фиксации языковых фактов. Легко заметить, что появление того и другого знака стоит в связи с комбинаторным влиянием звуков у и x̌. Ср. для ä: byärchenᵣ, byäst, byänᵣ, yä, yärčhin, nyäinᵣ (под сл. maša), myäu, vyälli, phyänᵣ, x̌äjtqh, x̌äl, x̌ächukh (лишь по недосмотру стоит, очевидно nyan, nyap, phyani и т.п. вм. nyän и т.д.). Для ö ср.: byö, byörch, böx̌, jöx̌, px̌ör, khyökh (при khyokhni),

khökhrun$_r$ (вместо: khyökhrun$_r$, ср. выше); неясно, откуда взял автор ö в löm, töx (под. слов. thar; ср. у него же та же форма в виде toxa, под словом ẋäl toxar), ithur eqqinčö, khupra^c balinčö. Для ü ср.: düẋ̇ẋiri, jüẋthar, lamzür (опечатка?), tüjx (под влиянием чеч. tüxi!), ẋüniš; соответственно упущено означение ü в таких словах, как ρẋu, ẋu, ẋun$_r$ (ед. число от ẋüniš). Ясно, что автор постарался передать доступными ему средствами легко замечаемую наслух палатализованность (смягченность) *o*, *u*, *a* и соседстве с гортанными *y* и *x̣*, но непоследовательно, ибо *o* в xon$_r$, *a* в xan$_r$, *u* в buẋ ничем *акустически* не отличаются от ρẋör, ẋäl, jüẋthar, и своей непоследовательностью лишь подчеркнул свою зависимость от чеченских ассоциаций (где соответственно принято писать: ẋo, ẋan$_r$, buẋ), где ü, ö и ä, имеют совсем другой и фонетический и морфологический смысл и полное право на существование. В связи с только что рассмотренными погрешностями стоит еще появление спорадически начертания ie вместо e[22] опять совершенно и духе современной чеченской графики. Мы видим, с одной стороны, правильное jechar, но, с другой стороны, jiech (под слов. maša), viech (под слов. sajn$_r$), diech (под сл. vux vun$_r$) и правильное jech (под словом ẋan); мы имеем в своем месте верное ghazen$_r$, но ghazien$_r$ (под словом moẋie, zurajš); правильному qetar противостоит ошибочное qieth (чит. qet, под слов. bacav); правильному qetar (чит. qettar) «встать» противостоит ẋäl qietar (чит. ẋal qettar) «вставать»; наряду с верным teqhar имеем tieqhar (в chibrujga tieqhar), и т.д. Во всех случаях, где мы встречаем *ie*, оно подлежит исправлению на *e* (таковы еще: qieču, под слов. jalhar; macanie, чит. macne; mettie, moẋie, lieqhar, ẋiečhar, xietar, под словом ẋagh). Мы видим далее, как *o* смешивается с *av* (lav «снег», но lo datx, под слов. datxar; lomre, чит. lavmren$_r$, под словом lam), *a* с *e* (san$_r$, под слов. jaš, чит. sen$_r$; yürdan$_r$, под сл. yürdna, чит. yürdnaj, след. yürden$_r$; ср. xalir, чит. xalar), *i* и *ij* (сопоставить: chijbrujga teqhna as, под словом teqhar, с chibrujga tieqhar; chinus, след. chijnnus; thyir, чит. thijijr), *i* и *e* (ср. thatib, чит. thateb; inaždarin$_r$ ẋajr, чит. maždren$_r$; isslghin$_r$, чит. isslghen$_r$; jetxlghin$_r$, чит. jetxlghen$_r$; ẋašin, под сл. tittar, чит. ẋašen; tqhalghin$_r$, чит. tqhalghen$_r$; ρxilghin$_r$, чит. ρxilghen$_r$; dakhlen$_r$, чит. dakhlin$_r$ (под сл. zurajš); gogren$_r$, чит. gogrin$_r$; gargalin$_r$, чит. garglen$_r$; dalin$_r$, чит. dalen$_r$, düẋ̇ẋiri, чит. dujẋ̇ren$_r$; barhlghin$_r$, чит. barlhghen$_r$; dyivlghin$_r$, чит. dyivlghen$_r$).

Особой трудности задачу представляет в цова-тушинском учет беглых гласных в конце и середине слов, то появляющихся, то исчезающих при различных темпах речи и в разных контекстах. В этом отношении лишь этимологический и морфологический анализ слов позволяет иногда установить действительно нормальное, «правильное» написание. Из замеченных нами в этом отношении дефектов словаря отметим: aẋo значит (в этой именно форме) только «внизу», aẋ(u) с беглым u(<o) «вниз»; читателю неясно, как понимать aso (asu); bujs, чит. bujsu (под. сл. bujsa); xilhus(u) под словом co, *u* неучтено; dalin, чит. dalinu (или. dajlno, ср. abinu, под abar); ecin, под сл. ecar, чит. ecinu; daqh, чит. daqh(e) «часть, доля», daqh(o) «труп»; xilhus, чит. xilhus(u); malhus, чит. malhosu, под сл. malhar; chijb, чит. chejbi, chijbi; žaba, чит. žabo; ẋatxa, чит. ẋatx; cẋakhuni, чит. cẋakhvni, cẋakhni; emar, чит. hemur[23].

Мы имели уже повод касаться того, насколько точны значения слов, сообщаемые нам автором словаря. Помимо отмеченных уже неточностей, можно отметить ряд случаев, где перевод нас не вполне удовлетворяет. Сюда относятся следующие слова: выражение arhlivx ko предпочтительно заменить посредством arlhivx thoth; ax не значит «половина (сущ.)», а «половина, половинный (прилагат.)», в первом значении следует axaj; son$_r$ qieth (чит. qet, под словом bacav) значит «я понимаю», а не «я знаю», что было бы son$_r$ xe^c; baqhe^c «правда» (наречие, а не существительное), соответственно baqhe^c co da значит не «неправда», а «действительно, правда, не имеется, нет» (также исправить baqhe^c do, чит. da); byan$_r$ «острие (вообще)»; buẋ «война», а не «войско» (см. byö); cer «край (вообще)», а «берег» — xicer; dagar «видеть», а не смотреть (ср. ẋačhar); daẋ не значит «там, туда»; daẋjalar «уводить», а не «уходить» daẋ vol (а не daẋvala) «уйди»; durjalar «становиться соленым», а «солить» — durjar, в смысле «доить» обычно jett bettar, а не jeth ebchar (под слов. ebchar); eqqar «прыгать (вообще)», а не только «перепрыгивать»; ešar: основное значение «быть недостаточным»; yamur не «ночь», а «ночью», одна из форм приводимого далее yuv «ночь»; ixar «ходить», а не только «течь»; iš вообще «голос, звук»; jaar значит «приходить»; jaρxjar основное значение «раздеть» (значение «разбить» кажется вырванным из какой-то специальной связи); jaxar (понимаемое в обоих фонетических смыслах, то есть jāxar и jaxar) имеет еще целый ряд значений (ср. выше); jachar: основное значение «следовать за кем-либо, преследовать»; jažar не «пасти», а «пастись»; jebcar основное значение «плести»; jexkhar «класть (вообще); привязывать», а не только «нести яйца, завязывать»; jittar собственно «полоскать», а не вообще «мыть, стирать»; joghar «ставить» и «сажать», jüẋthar (чит. jnẋthar) «лицом книзу, პირქვე», а «лицо» — juẋ; laqna(j) «высота», а не «высоко» (что было бы laqijš); lovxna (чит. lavxnaj) «низкость, низина», а не

«низко»; le значит «ни» лишь в сочетании с отрицательным глаголом, что следовало бы оговорить; sajn$_r$ «мой собственный», а не «свой» («свой» непереводимо одним словом ни в цова-тушинском, ни в чеченском); sart следует, по-видимому, исправить, для получения требуемого смысла «проклятие», на sarth(ar); toqhal (чит. toqhol) значит «достаточность», а «вдоволь» — tuvqh; ujs «туда», а «там» — osix̣; vum«что-либо» (а не «вещь»); thathna (чит. thathnaj) значит: «сырость, мокрота, влажность».

Следовало бы, может быть, отметить еще в числе дефектов словаря отсутствие какой-либо последовательности и порядка в расположении слов, как, например, нет оснований ставить в словаре отдельно от *o* oqus, oqar; ochir — отдельно от ochar и т.п. Много поводов для замечании может дать и система сопоставления чеченских и цова-тушинских слов, не всегда выдерживающая критику. Но мы и так, на взгляд некоторых читателей, быть может, чрезмерно и с излишним педантизмом выискивали и отмечали замеченные нами при просмотре работы А. Мациева погрешности. Подробность и обстоятельность, с которой мы остановились на разборе дефектов словаря, изданного Чеченским институтом, имели своей главной целью способствовать, по мере наших возможностей, скорейшему устранению недостатков в изучении чеченских языков, приблизить момент, когда о горских языках Кавказа можно будет сказать по праву, что они исследованы и изучены не хуже, чем языки крупнейших народностей Европы.

Институт чеченской культуры справедливо полагает, что для составления полной научной грамматики чеченского языка требуется основательное знакомство со всеми языками и наречиями чеченской группы. Цова-тушинский представляет собою крайнее звено в цепи тех фактов, которые подлежат изучению. И нам представляется необходимым направить исследовательские интересы научных работников именно в сторону изучения менее далеких, требующих менее специальных предварительных познаний наречий и говоров собственно Чечни. Если о цова-тушинском наречии можно сказать, что оно изучено неполно и недостаточно, с неменьшим, если не с большим правом приходится утверждать то же самое о чеченских наречиях горной части Чечни. Богатейшие возможности скрыты в недрах гор для языковедов. Мы не сомневаемся, что наступит скоро момент, когда и они станут объектом изучения лингвистики.

Примечания

1. По поводу тушско-чеченского словаря А. Мациева отзыв на данный словарь с детальным разбором предисловия к нему и указанием политических ошибок, допущенных автором предисловия т. М. Мамакаевым, дан в статье Сердюченко Г. П. Тушско-чечено-русский словарь А. Мациева — журнал «Революция и горец», 1932 г., № 10—12, Ростов н/Д. — *Ред.*
2. A. Macijev. Bacojn-noxčijn örsijn dešnižajna M. Mamakajavan, x̣alxarču dašca. Sölžan$_r$. Ghala 1932 г., стр. 59.
3. Предисловие дано по-русски (стр. 3—10) и по-чеченски (стр 11—18). Редакция русского текста невполне исправна; попадаются места, смысл которых неясен. Напр., 1-й абзац на стр. 4 следует читать: «*и* приобретает»; ср. чеч. текст, стр. 12.
4. Я говорю о некотором знакомстве с указанным трудом потому, что объяснения, даваемые Мациевым приводимым им собственным именам, могли бы быть, на основании ближайшего знакомства, в ряде случаев и полнее и точнее (под словом vavba, попавшем на место vabo, в свою очередь стоящего на месте vavba, может быть, по корректурному недосмотру, следовало назвать не три, а пять аулов, с исправлением ошибки в «Этильта», читай «Этельта». «Тбатана», s. v. thbathana, читай thbatinaj, могла быть локализована точнее в верховьях Кахетинской Алазани. Zurtha стоит, по-видимому, вместо Mozartha).
5. Ср. Записки коллегии востоковедов, т. V, стр. 698.
6. Еще: sovaar (sojaar и т.д.); tagdar (tagjar и т.д.)
7. Ср. Записки коллегии востоковедов, V, стр. 700, примеч. 1.
8. Ср. также nanjaš (след. nanjašo), dadjaš (след. dadjašo), nanvaš (след. nanvašo), dadvaš (след. dadvašo).
9. Ср. в своем месте (стр. 50) chibrujga tieqhar поклоняться идолу (святилищу) (чит. chijbruijgo teqhar).
10. Или thbatajna(j).
11. Восьмой класс, dj представлен словом larkh «ухо».
12. Слово, впрочем, не существующее в цова-тушинском, а заимствованное автором из ошибочного указания Шифнера.
13. bathr, bathri требует, по нашим наблюдениям, не dj, а dd. К седьмому классу относится byarkh, пропущенное Мациевым.

14. Услар, Чеченский язык, стр. 11.
15. или ρхехuj.
16. jaxara, jajxara названы почему-то давно прошедшим временем, хотя это и не так.
17. Большие недоразумения со словом marš: maršixvalox̌ значит «здравствуй, иди с удачей გაგიმარჯოს, а не «да здравствует», maršix daluj šu, чит. marš ixdalujš(u).
18. Под словом don$_r$ читай: donenmak, а не dannamak на лошади.
19. Пишущему эти строки представляется спорной принятая система неточного обозначения качественных и количественных различий гласных в письме, даже с точки зрения элементарно педагогической, хотя именно эта точка зрения выдвигается часто в защиту существующей практики. Опыт преподавания чеченского языка в университете лицам не чеченского происхождения говорит нам определенно против этой практики.
20. См. «Известия Академии наук СССР» за 1928 год, стр. 47.
21. В ингушском различение ö (от ie) необязательно в некоторой части говоров.
22. Вместо lachden$_r$ (под словом x̌a) следует читать lachdien$_r$.
23. Колебание между ov и av (ср. у нас выше) в tqhavztqha и tqhovztqhaj ρxavztqha мы предпочли бы mavq (вместо movq), qavq (вместо qovq).

Текст печатается по изданию:
Генко А.Н. Из области чеченской диалектологии // Языки Северного Кавказа и Дагестана. — М.—Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — Т. 1. — С. 118—133.

Работу А.Н. Генко «Из культурного прошлого ингушей» (1929—1930) см. в Приложении настоящего издания, с. 1103—1143.

М.Я. Немировский*
К сорокалетию научной деятельности академика Н.Я. Марра[1]

В мае 1928 года исполнилось сорок лет научной деятельности одного из крупнейших представителей современной науки академика *Н.Я. Марра*.

Вся советская наука и общественность отметила этот юбилей, подчеркнув выдающиеся заслуги *Н.Я. Марра* не только как замечательного ученого, но и как энергичнейшего общественника и организатора научно-исследовательской работы.

Для Кавказа, где написаны нижеследующие строки, юбилей *Н.Я. Марра* имеет особенное значение, так как юбиляр сам по происхождению кавказец и изучению Кавказа он посвятил большую часть своих чрезвычайно многочисленных трудов и отдал большую часть своих исследовательских и творческих талантов.

Свою научную деятельность Николай Яковлевич начал еще на студенческой скамье в стенах бывшего восточного факультета Петербургского университета, где он получил глубокую и необыкновенно разностороннюю научную подготовку.

Сорок лет тому назад юный ученый, студент второго курса, наметил в первой же своей работе контуры той теории, *так называемой яфической*, которая стала делом его жизни, основным стержнем всей дальнейшей научной деятельности и принесла ему громкую славу. Эта работа, представлявшая собой небольшую статейку, напечатанную в грузинской газете «Иверия» (1888, № 86) под заглавием «Природа и особенности грузинского языка», подчеркивала идею родства грузинского языка с семитическими языками и открывала путь для дальнейших более углубленных изысканий.

Прошло, однако, двадцать лет, пока Николай Яковлевич дал серьезное научное обоснование своему юношескому домыслу. В течение этого времени Николай Яковлевич накоплял материал, усиленно работая по армяно-грузинской филологии, по лингвистике и археологии одновременно. Как ни ценны и значительны исследования этого периода, доставившие Николаю Яковлевичу место в Академии наук, однако самые блестящие страницы творческой жизни Николая Яковлевича начинаются с опубликования первой четкой формулировки его яфетической теории в «Предварительном сообщении о родстве грузинского языка с семитическим» в вводной главе к грамматике «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка» (СПб., 1908). Здесь Николай Яковлевич стоит на той точке зрения, что семитические языки и южнокавказские, или картвельские, представляют собою две обособившиеся ветви одной семьи. Семью эту Н.Я. предлагает назвать «*ноэтической*», а новооткрытую ветвь ее — «*яфетической*».

Через два года появляется генеалогическая таблица «ноэтической» семьи, включающей в себя три ветви: 1) яфетическую, 2) семитическую и 3) хамитическую. Яфетическая ветвь представлена здесь в виде четырех групп: 1) тубалкайнской с языками — мегрельским (иверским), чанским (лазским) и доарийским (хайским), 2) сон-сомехской с языками — сванским и доарийским армянским, 3) кашд-мосохской — грузинский и слившийся с ним месхский и 4) неопознанных языков[2].

Исследования армянского языка и целого ряда бесписьменных языков горских народностей Кавказа составляют уже следующий, второй этап развития яфетической теории. На этом этапе выявляется значение процесса скрещения языков и выдвигается новая классификация яфетических языков, основанная на фонетическом принципе: яфетические языки делятся на две ветви: 1) спирантную и 2) сибилянтную со свистящей и шипящей группами[3].

Третий этап разработки яфетической теории характеризуется привлечением богатого материала клинописных языков Передней Азии, причем Николай Яковлевич устанавливает тот интересный факт, что в живых кавказских языках нередко сохраняется больше архаичных черт, чем в указанных древнейших мертвых языках клинописи.

Четвертый этап выдвигает новые проблемы и придает новый уклон развитию яфетической теории. Открытие яфетических языков на Памире — вершикского и на Западе — этрусского

---

* Биографическая справка о М.Я. Немировском с. 212—213 настоящего издания.

и баскского приводит Николая Яковлевича к мысли о доиндоевропейском субстрате и о роли этого яфетического подслоя в деле созидания средиземноморской культуры. С другой стороны, вовлечение баскского языка в круг исследования имело своим последствием поворот Николая Яковлевича от сравнительной грамматики к *палеонтологии* речи, а вместе с тем к более тесной увязке лингвистики с историей материальной культуры и общественно-хозяйственных форм.

Пятый и новейший этап яфетической теории — это превращение яфетидологии в *общее учение о языке*. Яфетическое языкознание в собственном смысле отходит на задний план, а в центре внимания становится учение о языке в мировом масштабе, общее учение о языке («яфетическая теория»). В круг исследования входят все новые и новые языки: угро-финские, тюркские (чувашский в особенности), палеоазиатские, китайский, берберский, готтентотский и так далее, возникает учение о стадиальности и типологической трансформации речи, о едином глоттоническом процессе, идущем «в путях мутационного порядка, в путях развития взрывами, в зависимости от смен материальной культуры, ее техники и общественного строя, созидаемых систем (не семей, как утверждала лингвистика) в направлении к единству человеческой речи, рядом с эволюционными путями обособленного развития каждой народившейся системы, каждого языка» (*Яфетическая теория*. Программа общего курса учения о языке. Баку, 1928, с. 21).

Вопрос о происхождении языка становится важнейшей проблемой языковедения, и яфетическая теория вплотную подходит к ее разрешению. «Древнейший язык, — так учит яфетическая теория, — был первоначально беззвучным, языком жестов, к которому охотно прибегают «дикари». Линейная, ручная, кинетическая речь предшествовала звуковой. Последняя возникла и развилась гораздо позже в тесной связи с трудовой деятельностью человека, прежде всего в магических действиях, необходимых для успеха производства «и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс» (Яфетическая теория, с. 101). Человек создает речь как вспомогательное орудие своей хозяйственной деятельности. Ярким доказательством этого утверждения является то огромное значение, какое во всех языках имеет корень, обозначающий «*руку*», от которого произошло множество слов: «водить, носить, указывать, говорить». Рука и речь родственны, как то вскрывается лингвистической палеонтологией. Язык есть создание общественности и в своем дальнейшем развитии определяется эволюцией хозяйственно-общественных форм.

Проследить невероятно длинный путь пережитых этапов типологических трансформаций человеческого языка в увязке со сменой одних социально-экономических форм другими за пределы семьи через матриархат к тотемическому строю и даже далее, при чем выявляется в составе всего словесного материала языков наличие четырех основных элементов тотемно-этнического происхождения: *Sal, Ber, Ion, Rош* (или *A, B, C, D*) — такова основная задача яфетической теории. Вся ее методологическая установка не только «социологическая», но и «общественно-материалистическая», как определяет ее Н.Я. Марр, а в этом и заключается особая ценность его общего учения о языке, которое превращается, таким образом, в марксистскую, диалектико-материалистическую лингвистику.

Таковы основные моменты развития яфетической теории и ее важнейшие теоретические положения.

Уже этот по необходимости беглый за недостатком места обзор научного пути, пройденного Н.Я. Марром за последние двадцать лет (1908—1928) позволяет представить себе колоссальный масштаб его научной деятельности, изумительную творческую энергию, которую он вкладывает в свою работу, и те достижения, которые получены им в результате его неустанных изысканий и исканий. Для Николая Яковлевича, как истинного ученого, характерна именно эта черта — вечное искание, которое не дает ему удовлетвориться достигнутыми результатами и всегда стимулирует к дальнейшей работе к поискам нового материала и новых путей, к расширению масштаба и к усовершенствованию методов работы.

Если мы к этому прибавим, что Николай Яковлевич отличается исключительным даром анализирования, комбинирования и синтезирования имеющегося в его распоряжении фактического материала, то научный облик Николая Яковлевича выступит пред нами во всем своем величии, с полной четкостью и яркостью.

Остается пожелать глубокоуважаемому Н.Я. Марру еще многих лет научной работы на пользу науки первого в мире социалистического государства. С прежней юношеской энергией и энтузиазмом к новым победам на фронте науки, в деле дальнейшего созидания марксистской, диалектико-материалистической лингвистики, — вот лозунг, под которым мы желаем юбиляру неустанно двигаться вперед.

Примечания

1. Настоящая статья представляет собой в извлечении переработку двух докладов автора, из которых первый был прочитан 25 июня 1928 г. в Ингушском научно-исследовательском институте краеведения, а второй 27 ноября 1928 г. в Обществе этнографии языка и литературы при Горском педагогическом институте на торжественных заседаниях, посвященных сорокалетнему юбилею академика Н.Я. Марра.

Николай Яковлевич состоит почетным членом Ингушского института краеведения.

2. См. Н.Я. Марр «Грамматика чанского (лазского) языка». СПб, 1910. (Материалы по яфетическому языкознанию. Выпуск 2).

3. Подробнее смотрите в своей книжке «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики», Владикавказ, 1928, стр. 23.

Текст печатается по изданию:

Немировский М.Я. К сорокалетию научной деятельности академика Н.Я. Марра. — Владикавказ, 1930.

М.Я. Немировский
К современному состоянию кавказской лингвистики

Вводные замечания

Литература по *кавказской лингвистике*, вышедшая за последние два-три года в СССР и за рубежом, количественно небогата, но заключает в себе произведения весьма разнообразные по содержанию, объему и методологической установке и уже поэтому заслуживает серьезного внимания.

Важное значение приобретает эта литература и как показатель неослабевающего интереса науки к кавказским языкам.

Подчеркнутые моменты делают весьма своевременным и необходимым хотя бы краткий очерк современного состояния кавказской лингвистики в виде обзора научной продукции за последние годы, тем более, что подобного обзора не существует ни у нас, в СССР, ни даже на Западе.

Но у нас составление такого очерка становится особенно актуальной задачей в связи с проблемой подготовки кадров новых специалистов.

Наши выдвиженцы и аспиранты должны быть в курсе современной науки, должны следить за текущей специальной литературой. Однако это оказывается часто невыполнимой или трудно выполнимой задачей, так как даже в наших столицах и других крупных центрах не всегда эта литература имеется, ввиду того, что сплошь и рядом она рассеяна по различным редким и малодоступным изданиям.

Нечего и говорить, что в провинции, в частности, на далеком Кавказе, знакомиться с текущей научной продукцией становится часто делом совершенно невыполнимым, а между тем для нацменовских кадров особенно важно это знакомство с новейшей литературой, в частности, по кавказской лингвистике.

Второе серьезное препятствие в этом деле — слабое знание иностранных языков, лишающее молодых научных работников возможности читать в подлинниках иностранные научные сочинения.

В совокупности с прежде изложенными соображениями это стремление прийти на помощь новым кадрам лингвистов-кавказоведов в достаточной мере оправдывает опубликование предлагаемого очерка современного состояния кавказской лингвистики, не претендующего по условиям места и времени на исчерпывающую полноту, но, во всяком случае, отмечающего все наиболее интересные и важные работы, появившиеся в печати приблизительно за 1928 — июнь 1930 года[1], а иногда и несколько ранее, если о них еще нет в печати отзывов, особенно на русском языке.

Для удобства изложения мы сгруппируем подлежащий нашему рассмотрению материал в две основные категории:

1) работы *описательного* (и классифицирующего) характера и

2) исследования, посвященные *сравнительному* изучению кавказских языков.

Сообразно такой группировке и наш очерк распадается на две соответствующие главы, замыкающиеся небольшим преимущественно резюмирующего характера заключением, в котором дана общая характеристика современного состояния кавказской лингвистики.

I. Работы по кавказским языкам описательного характера

Работы академика *Н.Я. Марра, А.Н. Генко, К. Дондуа и Густава Шмидта* по абхазскому языку. Работы проф. *Н.Ф. Яковлева* по черкесским языкам. Работы *А.М. Дирра и А.Н. Генко* по убыхскому языку. Работы проф. *Л.И. Жиркова, А.Н. Генко и Р.О. Шор* по дагестанским языкам.

Особенно посчастливилось *северо-западной (абхазско-черкесской)* группе кавказских языков, которой посвящен целый ряд важных работ.

Прежде всего, мы должны отметить *Абхазско-русский словарь*[2] акад. *Н.Я. Марра*. Занимаясь исследованием абхазского языка в течение ряда лет[3], академик *Н.Я. Марр* как никто другой подготовлен был к составлению указанного словаря.

И действительно, словарь дает обильный языковый материал, включающий и многочисленные диалектические разновидности, и богатый выбор фразеологических образцов. Ценность словаря увеличивает наличие в нем целого ряда объяснений грамматических, этимологических, семантических, реальных, иногда фонетических. Внимательно перечитывая этот словарь, можно уяснить себе природу абхазского языка, его морфологическую структуру, а также культурно-социальную обстановку его носителей.

Предпосланное словарю введение разъясняет положение абхазского языка в кругу яфетических, подчеркивая близость его к грузинскому. Яфетические переживания, открываемые в финских языках, помогают установлению этого факта.

Прекрасным дополнением и справочно-ориентировочным пособием к рассмотренному словарю является Русско-абхазский обратный словарь под ред. *К. Дондуа*[4].

О вокализме абхазского языка трактует небольшая, но содержащая ценные наблюдения статья *А.Н. Генко* «Абхазский вокализм»[5].

Автор делает попытку определить число гласных *фонем* абхазского языка, что весьма важно для фонетически точной записи живой абхазской речи. Если школа *Бодуэна де Куртенэ* подчеркивает то положение, что «при диалектологических исследованиях самым трудным (и едва ли не самым важным) является не записывание разных тонких отличий, а констатирование того, какие отличия в данном языке важны, а какие не важны, с точки зрения смысла»[6], то в абхазоведной литературе это методологическое требование игнорируется. Автор считает поэтому необходимым выяснить число самостоятельных гласных *фонем* абхазского языка. Чрезвычайно богатый консонантизм этого языка (68 согласных фонем) заставляет автора предположить a priori слабое развитие вокализма. Если П.К. Услар[7] считал важнейшими для абхазского языка три гласные: а, і, у, — подчеркивая редкое употребление *е* и в особенности *о*, то А.Н. Генко, основательно анализируя целый ряд слов, приходит к выводу, что в абхазском языке *самостоятельными фонемами можно признать лишь две*: *а* и *е*, «изменения которых под влиянием соседних звуков, при нередко сопутствующей редукции соответственного гласного, дает ту картину разнообразия звуковых оттенков, которые мы находим выраженными в доступных нам печатных материалах».[8]

Нам кажется, что сделанный А.Н. Генко вывод следовало бы для большей убедительности еще проверить путем более многочисленных наблюдений над живой абхазской речью.

Некоторые вопросы морфологии абхазского глагола послужили темой статьи Густава Шмидта «*К системе спряжения абхазского языка*».[9]

Автора не удовлетворяет попытка Фердинанда Борка[10] внести известные поправки в выдвинутую А.А. Шифнером[11] схему некоторых абхазских глагольных форм. Он ставит своей задачей дать новый анализ этих форм, исходя только из абхазского и не привлекая для сравнения даже близкородственный черкесский язык, а тем более другие кавказские языки. Решению этой задачи посвящена большая часть статьи. На основании ряда соображений, перечисление которых здесь невозможно, автор изменяет и упрощает схему Борка.

В связи со своей основной темой Г. Шмидт касается в конце статьи вопроса о глагольных залогах и о концепции переходности и непереходности в абхазском языке. Если Услар[12] и Шифнер «считали, что в абхазском не существует пассива (страдательного залога), то Гуго Шухардт[13], напротив, не сомневался в пассивном характере транзитива (переходного глаголов) и в абхазском.

Г. Шмидт полагает, что начальные личные префиксы глаголов представляют собой собственно глагольные личные префиксы, то есть означают субъектов глагольных представлений, а так как эти префиксы одинаково применяются в переходных и непереходных глаголах, то, следовательно, в абхазском существует лишь концепция непереходности, и категории актива-пассива оказываются излишними.

Интересная своим анализом, статья Г. Шмидта заслуживает внимания; и остается пожалеть, что, напечатанная в специальном издании, она осталась незамеченной кавказоведами.

По черкесским (адыгейским) языкам мы имеем ценные труды московского проф. Н.Ф. Яковлева. В результате настойчивой многолетней работы в неоднократных поездках на места Н.Ф. Яковлев подготовил и опубликовал «*Материалы для кабардинского словаря. Вып. I.* Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога». Москва, 1927 (Центральное издательство народов СССР)[14], а в своей небольшой статье «Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков» (Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института, Том I, стр. 117—128, Ростов-на-Дону, 1928) дал новую классификацию названных языков и наметил основные моменты истории их образования.

«Материалы» открываются очень интересным введением, в котором разъясняются особенности кабардинской лексики и семантики, дается понятие о морфологической структуре языка и разбирается вопрос о создании для возникшей национальной письменности алфавита на латинской основе, но приспособленного к звуковому составу кабардинского языка.

Изучая природу кабардинской лексики, Н.Ф. Яковлев приходит к заключению, что очень важную роль в кабардинском словаре играет ряд моносиллабических (односложных) слов типа открытого слога, то есть оканчивающего гласным (и притом одним из двух кратких гласных) с предшествующим одним согласным или сочетанием двух гласных. Перечень этих слов вместе с иллюстрирующим их употребление подбором фразеологических образцов и составляет основную часть книги. Реальные значения этих слов обнаруживают отражение в кабардинском словаре культурного развития его носителей (См. введение, стр. XI—XXII). Интересно, что большинство слов первичного звукового типа относится к скотоводческо-земледельческому хозяйству. Очень многочислен выбор слов, обозначающих части тела человека и животных, и замечательно, что эти именно слова во многих случаях представляют собой отправной пункт развития абстрактных и отчасти формальных значений.

Ценное по своим результатам исследование *Н.Ф. Яковлева* пролагает путь для дальнейших изысканий и более углубленного изучения кабардинского языка.

Вторая работа *Н.Ф. Яковлева* взамен «устаревшей и несоответствующей действительности» классификации, предложенной в свое время *Л. Лопатинским* (Сборник по описанию местностей и племен Кавказа, вып. 11), устанавливает на основании тщательного изучения звуковых систем черкесских языков[15] новую группировку этих языков и наречий.

Если *Л. Лопатинский* различал три основных группы черкесских наречий: верхнечеркесскую, среднечеркесскую и нижнечеркесскую, то *Н.Ф. Яковлев* усматривает только два главных близкородственных между собою языка: верхнечеркесский, или кабардинский, и нижнечеркесский, или кяхский. Между ними существуют определенные, точно устанавливаемые фонетические различия[16]. В кабардинским языке *Яковлев* пока считает возможным различать два наречия: *терско-кабардинское* и *кубанско-кабардинское*. Бесленеевское наречие, в котором *Лопатинский* усматривал среднечеркесское, Яковлев признает переходным наречием, совмещающим некоторые черты обоих главных языков, но более близким к кабардинскому.

В противоположность единству кабардинского языка нижнечеркесский, или кяхский, язык отличается значительной диалектической дифференциацией. Кяхский язык делится прежде всего на две главные группы наречий: западно-кяхскую и восточно-кяхскую, из которых вторая отличается от первой «большей фонетической простотой, сближающей ее с звуковой системой кабардинского языка»[17].

Важнейшим же отличием восточной группы является наличие в ней одного только типа глухих придыхательных мгновенных и аффрикатных фонем. В эту группу входят наречия: старо-абадзехское, ново-абадзехское, а также смешанное абадзехо-темиргоевское, составляющее основу зарождающего литературного кяхского языка.

Западно-кяхская группа заключает в себе два наречия: бжедухо-темиргоевское и шапсугское, в котором еще имеется особый хакучинский говор.

Отметив затем главные фонетические черты всех перечисленных наречий, автор останавливается на нынешнем их территориальном распространении и численности их носителей, а в заключение намечает предполагаемый процесс образования черкесских наречий, опираясь при этом на языковые данные и на факты культурно-исторические. В общем кяхский язык по целому ряду признаков (напр., по сохранению двух категорий местоименных притяжательных префиксов, по сохранению более простой и первичной системы префиксов-показателей лица в глаголе, по богатству консонантизма и т.д.) обнаруживает, по мнению *Н.Ф. Яковлева*, большую примитивность, представляющую пережитки эпохи родового строя. Напротив, кабардинский язык, отличающийся большим единством и представляющий собой более позднюю стадию языкового развития, в основе своей восходит к классовому языку феодалов.

Таким образом, рассмотренная нами статья не носит исключительно описательного характера, но предлагаемый в ней обзор черкесской языковой группы, с одной стороны, основывается на сравнительном изучении фонетических особенностей соответствующих наречий и говоров, а с другой — дает материал для некоторых выводов о процессе образования этих наречий и говоров. Эта историческая часть работы Н.Ф. Яковлева ценна своим марксистским освещением языковой динамики[18].

Третьему языку северозападной группы кавказских, языков, *убыхскому* языку, посвящена специальная монография известного немецкого кавказоведа Адольфа Дирра[19] «Убыхский язык»[20].

Этот труд имеет тем большее значение, что до его появления все наши сведения по языку убыхов, в 1864 г. переселившихся целиком в Турцию (главным образом Анатолию), были крайне скудны, ограничиваясь сотней слов и немногими грамматическими фактами[21], и что язык этот близок к полному исчезновению.

Новый труд *А.М. Дирра*, основывающийся на материалах, собранных им во время поездки[22] летом 1913 года в Турцию, и места нынешнего поселения убыхов, дает нам ясное и точное описание фонетической системы убыхского языка, довольно подробный, особенное внимание уделяющий глаголу как важнейшему элементу фразы, очерк его грамматического строя, ряд связных текстов с немецким переводом, наконец, убыхско-немецкий глоссарий довольно значительного объема, снабженный удобным немецким указателем.

Глубокий знаток кавказских языков *А.М. Дирр* сумел в небольшой сравнительно монографии дать образцовое описание убыхского языка, в котором четко вырисовываются основные черты его фонетической системы, морфологической структуры и лексического состава. Если мы теперь можем составить себе довольно ясное представление об этом языке, то этим мы обязаны только *А.М. Дирру*.

Небольшая статья *А.Н. Генко «О языке убыхов»*[23] анализирует существующую об этой народности литературу и вскрывает в ней некоторые интересные данные из истории убыхского языка, относящиеся к XVII столетию.

По *дагестанским языкам* опубликовано несколько новых работ, из которых прежде всего назовем две монографии московского лингвиста профессора *Л.И. Жиркова: «Грамматика аварского языка»*[24] и *«Грамматика даргинского языка»*[25].

Обе работы посвящены языкам, которые в свое время были описаны *П.К. Усларом* и, следует сказать, описаны очень детально в его *«Аварском языке»* и *«Хюркилинском языке»*. Задачей нового исследователя было дополнить труды *Услара* новым лингвистическим материалом, внести необходимые поправки в изложение морфологии, которое, как мы уже упоминали, страдает у *Услара* чрезмерной сложностью и запутанностью, уточнить транскрипцию и описание звуков в фонетической части названных трудов.

Это трудная и сложная задача блестяще выполнена *Л.И. Жирковым*.

Хотя описание звуковой стороны названных языков сводится в монографиях *Л.И. Жиркова* к краткому и схематическому обзору фонетической системы, однако и эта часть работ Л.И. Жиркова представляет несомненное научное достижение, внося важные коррективы в неудовлетворительное описание фонем и их часто неправильную транскрипцию у *П.К. Услара*, внося стройность, систематичность и научную точность на место дилетантских определений и описаний[26].

Еще более важным достижением является то, что *Л.И. Жиркову* удалось внести ясность, стройность и систематичность в изложение морфологии, где у *П.К. Услара* господствует хаотичность и бессистемность. В особенности формы глагола, которых *Услар* насчитывал необычайное множество, сведены у *Л.И. Жиркова* в несравненно более простую и ясную систему. Значительно проще выглядит в монографии *Л.И. Жиркова* и система склонения.

Морфологическая система аварского и даргинского языков представляется, таким образом, в новом виде, и получающаяся при этом картина четко и ярко изображает наиболее характерные особенности этих языков, оттеняя их морфологическое своеобразие и в то же время разрушая старое, но крепко державшееся представление о необыкновенной сложности морфологии дагестанских и вообще кавказских языков. В этом отношении рассмотренные работы *Л.И. Жиркова* особенно ценны.

Только что вышла третья работа *Л.И. Жиркова* «Язык аула Кубачи»[27], дающая свежий материал для описания названного «одноаульного» языка, который до сих пор причислялся к даргинской языковой группе. Оказывается, что язык этот вовсе не даргинский, а окружающие аул даргинцы кубачинского языка не знают и считают его трудным и непонятным.

Л.И. Жирков излагает в своей работе результаты, добытые им во время обследования на месте. Автор дает краткий обзор фонетической системы языка Кубачи (консонантизма и вокализма), некоторые парадигмы его грамматики, «которые представляют явления уже более или менее выяснившиеся» (систему родовых или классных показателей, некоторые формы местоименные, именного склонения и спряжения), тексты фольклорного характера и отдельные

фразы разговорного языка, послужившие материалом для грамматического анализа, наконец, наблюдения над топонимикой и этнонимикой на языке Кубачи.

Если принять во внимание, что до сих пор наши сведения об этом языке были крайне ограниченны[28], а тексты на языке Кубачи еще ни разу не записывались, то работа *Л.И. Жиркова* приобретает исключительную ценность, несмотря на то, что опубликована лишь часть собранного материала и исследование еще не доведено до конца.

Таковы в общих чертах работы *Л.И. Жиркова* по отдельным горским языкам Дагестана[29].

В числе монографий *П.К. Услара*, посвященных дагестанским языкам, имеется труд, озаглавленный «*Кюринский язык*»[30].

Подчеркивая условность этого названия, П.К. Услар сообщает, что носители этого языка сами называют себя лезгинами и что главных наречий этого языка только два, и притом мало отличающихся друг от друга: кюринское и ахтинское[31].

А.Н. Генко удалось недавно обнаружить существование еще третьего наречия, *кубинского*, распространенного по правому берегу нижнего течения реки Самура и являющегося переходным между двумя вышеназванными.

Результаты своего открытия *А.Н. Генко* изложил в статье под заглавием «Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие».[32]

Работа *А.Н. Генко* распадается на две, почти равные, части, из которых в первой приводится длинный список слов кубинского наречия, отличающихся от соответствующих слов кюринского, а вторая представляет собой попытку на основании собранного лексического материала установить ряд закономерных звуковых соответствий между указанными наречиями.

Из новейших работ, посвященных исследованию некоторых общедагестанских языковых проблем, отметим две небольшие, но заслуживающие внимания статьи: 1) московской лингвистки *Р.О. Шор* «К вопросу о консонантизме яфетических языков Северного Кавказа»[33] и 2) только что упомянутого московского профессора *Л.И. Жиркова* «О строе глагола в яфетических языках Дагестана».[34]

Первая статья излагает некоторые результаты по инструментально-фонетическому обследованию смычных гортанных согласных дагестанских языков, особенно аварского. Несмотря на предварительный, «пока чисто разведывательный характер» наблюдений над фонетикой яфетических языков Кавказа, автор ставит вопрос о недостаточности существующих классификаций смычных согласных в общей фонетике[35] и о необходимости тщательного обследования вариантов «смычно-гортанности», какие представляют кавказские языки.

Статья *Л.И. Жиркова* также носит характер предварительного сообщения. Отмечая основные черты структуры глагола в дагестанских языках, автор основывается на своих многолетних изысканиях, отчасти опубликованных[36], отчасти ожидающих еще своего опубликования.[37] Особенно подробно рассматривает *Л.И. Жирков* глагольные формативы. Подобно Н. Трубецкому,[38] он различает две категории формантов личных окончаний: 1) формативы местоименного происхождения и 2) формативы глагольной семантики.

К формативам первой категории относятся формативы удинского, табасаранского и отчасти даргинского языков, к формативам второй категории — формативы лакского, кубачинского и отчасти даргинского языков.

Формативы глагольной семантики в лакском, кубачинском и частично даргинском языках представляют собой глагол «быть».

В других формативах, которые образуют временные и модальные формы, можно установить связь этих формативов с формативами падежных форм имени.

Первоначальная природа всех формантов, позднее ставших глагольными, неглагольная.

II. Сравнительное изучение кавказских языков

Вводные замечания. Работы *Н. Трубецкого* по северокавказским языкам. Работы *Рене Лафона* по сравнительному изучению картвельских и северокавказских языков.

Сравнение кавказских языков между собой и с другими языками производили еще *Клапрот* и *Эркерт*, отчасти *Шифнер* и *Услар*. В своей статье «Об исследовании кавказских языков» Услар[39] подчеркивал важность сравнительного изучения языков и мечтал о создании сравнительного словаря всех кавказских языков и наречий. Через тридцать с лишним лет *Эр-*

керт[40] сделал попытку осуществить мечту *Услара*, но громадный труд *Эркерта*, вскрывший необыкновенное богатство кавказского языкового мира, был обесценен недоброкачественностью собранного в нем материала.

А.М. Дирр редко[41] прибегал к сравнительному изложению, и даже в своем новом капитальном труде «Введение в изучение кавказских языков»[42] он всячески воздерживается от каких-либо сопоставлений и сближений, отсылая к index'у желающих заняться ими.

Однако в последние годы, особенно под влиянием трудов *Альфреда Тромбетти*[43] и акад. *Н.Я. Марра*[44], сравнительное изучение кавказских языков оживилось и обнаруживает явную тенденцию к развитию. Даже *А. Мейе* выдвигает в качестве одной из очередных задач кавказской лингвистики сравнительное изучение кавказских языков, пока, правда, ограниченное лишь взаимным сравнением этих языков между собой[45], и как раз в новейших тетрадях редактируемого этим ученым «*Бюллетеня Парижского лингвистического общества*» мы находим по кавказским языкам три статьи, весьма показательные для указанной методологической установки французской школы лингвистов.

Первая статья известного лингвиста-кавказоведа *Н. Трубецкого* озаглавлена: «Заметки о глагольных окончаниях в чеченско-лезгинских языках».[46] Чеченско-лезгинские первичные глагольные корни обычно состоят из одной только согласной. В глагольных же формах находятся еще другие элементы, находящиеся впереди и позади коренной согласной: 1) элементы, которые можно назвать *предрадикальными* (preradicaux) как префиксы, обозначающие вид, префиксы и инфиксы, обозначающие грамматический род или класс предмета, на который направлено действие глагола и т.д., 2) элементы *зарадикальные* (postradicaux), которые в формах verbum finitum выражают время, наклонение и лицо (например, в даргинском as-adi «ты купил» adi является показателем 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения прошедшего времени). За коренной согласной всегда непосредственно следует гласный этого зарадикального элемента, представляя собой как бы *тематический гласный*, который может быть различным, смотря по типу спряжения и глагольной форме. Та часть зарадикального элемента, которая стоит за этим тематическим гласным, может быть названа «окончанием». Ныне эти окончания первичных глагольных форм представляют собой простые согласные или согласный в сопровождении гласного (арчинское akku-r «он видит», аварское vat-ula «он находится»). Эти очень разнообразные окончания, встречающиеся в чеченско-лезгинских языках, можно свести к нескольким типам. Прежде всего нужно различать окончания *безличные* и *личные*. Первые свойственны большей части чеченско-лезгинских языков, вторые существуют сейчас только в лакском, удинском, табасаранском и даргинском.

Безличные окончания сводятся к восьми типам: 1) окончания, содержащие d, 2) окончания, содержащие l, 3) окончания, содержащие n, 4) окончания, содержащие s, 5) нулевое окончание (например, в настоящем времени чеченско-ингушского языка), 6) окончания, содержащие r, 7) кюринское — ja, копучинское — jo, 8) арчинское — qqi. Автор анализирует их и старается определить их происхождение.

Личные окончания можно разделить на 2 группы: 1) личные окончания прономинального происхождения и 2) личные окончания, *не происходящие от личных местоимений*.[47]

Как раз единственные окончания безличные, которые «ничем не выдают своего неглагольного происхождения», — это окончания на -r и на -j. Среди личных окончаний также имеются аффиксы на -r и на — -j, которые непрономинального происхождения.

Отсюда *Н. Трубецкой* заключает, что окончания на -r, теперь безличные, были когда-то личными. Далее он полагает, что некоторые формы с нулевым окончанием безличным представляют собой не что иное, как древние формы 3-го лица без -r.

Картина образования «времен» в общечеченско-лезгинском (или скорее в древнечеченско-лезгинском) представляется *Н. Трубецкому* на основании вышеизложенных фактов и некоторых других соображений в таком виде. «Глагольные основы» в эту эпоху состояли из:

1) родовых (классных) префиксов, 2) префиксов вида и 3) корня, вокализм которого (— теперь тематический гласный) обозначал нюансы времени и вида. Эти основы могли представляться то как *nomina actionis* (noms d'action), то как *nomina agentis* (noms d'agent) и служили то атрибутами, то предикатами, в зависимости от известных аффиксов. Аффиксы -d, -n, -l, -ss (+ гласный), которые вообще употреблялись для обозначения качества (аффиксы прилагательных), могли придать глагольной основе качественный оттенок, и последняя могла употребляться как атрибут и как предикат.

Присоединение к глагольной основе известных падежных аффиксов могло сделать эту основу по значению инфинитивом (noms d'action).

В заключение, подчеркивая «*пассивный*» характер *чеченско-лезгинского* глагола, автор обращает внимание на тот факт, что *причастия* имеют здесь суффиксы -d и -n (+ гласный), а *личные окончания* содержат в себе r.

Так как в индоевропейских языках отглагольные прилагательные, имеющие значение *причастий пассивных*, имеют также *суффиксы* -to и -no, а единственные индоевропейские *пассивные* формы, которые могут быть признаны древними, обладают *личными окончаниями*, обнаруживающими характерный для них -r, *Н. Трубецкой* заканчивает свою статью вопросом, случайно ли это совпадение, и склоняется к мысли, что неслучайно.

Такова в общих чертах очень содержательная и интересная статья *Н. Трубецкого*. Отличаясь тщательностью и глубиной анализа рассматриваемых языковых фактов, обнаруживая даже некоторую смелость в гипотетических построениях, статья, однако, остается исключительно на почве сравнительного исследования чеченско-лезгинских языков, как того требует методология французской школы, возглавляемой *А. Мейе*.

Только несколько последних абзацев выходят за рамки, в которые заключена статья, но здесь автор, смело поставив вопрос, не решается на иной ответ, как робко звучащее предположение: «Быть может, нет...».

Две другие упомянутые статьи принадлежат французскому лингвисту *Рене Лафону* (Rene Lafon).

Первая, озаглавленная «*Несколько сближений между северо-кавказскими и картвельскими языками*»[48], посвящена доказательству нескольких случаев соответствий, преимущественно звуковых, между указанными языковыми группами. Автор устанавливает, что несколько числительных («три» и «пять», общие во всех картвельских и в большой части северо-кавказских языков), морфологический элемент, обозначающий «под» и личное местоимение 1 лица множественного числа (инклусивное) принадлежат обеим упомянутым языковым группам.

«Эти соответствия (correspondances) основаны на фонемах особого и редкого типа и подкрепляются другими точными словарными корреспонденциями», — подчеркивает автор,[49] рассматривающий свою работу как подготовительную к созданию сравнительной грамматики.

Такой же характер носит и другая статья *Рене Лафона «О личных местоимениях 1 и 2 лица* в картвельских языках»[50]. Основная часть работы[51] представляет собой тщательный анализ названных прономинальных форм в картвельских языках. Автор устанавливает в последних путем сравнения несколько важных черт прономинального склонения личных местоимений 1 и 2 лица в «общекартвельском» и реконструирует несколько форм. Попутно вскрывается существование в «общекартвельском» двух типов чередования согласных (alternances consonantiques).

Затем автор пересматривает соответствующие местоимения в северокавказских языках и среди господствующего здесь разнообразия основ обнаруживает одну только основу инклусивной формы личного местоимения 1 лица множественного числа, которая имеет в квартвельских языках точную корреспонденцию (соответствие) в сванском и грузинском: св. и груз. gv — соответствуют аварскому и андийскому аффрикату глухому латеральному геминированному с инфра-глоттальной экспирацией, агульскому, табасаранскому и рутульскому (отчасти) x.

С другой стороны, этот же обзор дает возможность «найти в области северокавказского следы морфологического явления, два примера которого представляет сванский язык, явления, которое должно быть очень древним: употребление в качестве префикса элемента -i, который служит, обычно в качестве окончания для образования личных местоимений 1 и 2 лица в большей части языков обоих склонов Западного Кавказа»[52].

Установление фонетических соответствий и реконструкция праязыков — таковы основные задачи, которые ставит себе исследователь-компаративист согласно методологическим требованиям индоевропеистики, и *Рене Лафон* в своих работах строго соблюдает эти требования.

Н. Трубецкому принадлежит еще одна статья «Nordkaukasische Wortgleichungen»[53], в которой, как подчеркивает сам автор (стр. 92), сделана первая попытка систематического сравнения между собой двух групп северокавказских языков — восточной и западной. *Н. Трубецкой* начинает свою работу перечислением тех пунктов, в которых названные две группы северокавказских языков обнаруживают значительные расхождения. Полагая, что, при наличии такого расхождения, исконное родство этих языковых групп не может быть признано установленным без дальнейшего доказательства, автор предлагает для этой цели материал в виде 100 сопоставлений, расположенных по частям речи и семантическим группам (частицы и союзы, местоименные корни и классные элементы или родовые показатели, числительные, прилагательные, существительные и глаголы).

Особую доказательную силу приписывает автор своим сопоставлениям потому, что приведенные им слова «принадлежат к таким семантическим категориям, в которых заимствованные слова вообще попадаются очень редко»[54].

Если таким образом приведенные сравнения дают право предположить исконное родство северо-кавказских языков, то при необыкновенном разнообразии звуковой системы этих языков материал этот представляется недостаточным для установления точных звуковых соответствий между западно-кавказскими и восточно-кавказскими языками.

«Все же, — продолжает *Н. Трубецкой*, — можно уже теперь установить общие контуры этих соответствий»[55]. Так, напр., правосточно-кавказским глухим спирантам в западнокавказских языках всегда соответствуют такие же спиранты, а звонким аффрикатам первой группы языков большей частью — звонкие же звуки во второй группе. Подобных соответствий автору удается найти целый ряд. Такова в общих чертах эта ценная работа, пролагающая путь к созданию сравнительной грамматики северокавказских языков.

III. Общая характеристика современного состояния кавказской лингвистики

Мы исчерпали, кажется, всю новейшую литературу по кавказской лингвистике, по крайней мере, всю, нам доступную.

Первое впечатление, которое получается от предложенного нами обзора, таково, будто советская лингвистика и западная в разработке кавказских языков не обнаруживают между собой существенных различий.

В самом деле, и в СССР, и на Западе кавказские языки одинаково привлекают к себе глубокое внимание науки, и здесь, и там изучение этих языков происходит отчасти в описательном плане, отчасти сравнительным методом, и имеет своей конечной целью определение взаимоотношений кавказских языков между собой и с другими языковыми группами. Если у нас преобладают работы описательного характера, а на Западе — сравнительное изучение кавказских языков, то это прежде всего объясняется тем обстоятельством, что для западных ученых изучение живых кавказских языков на месте представляется делом весьма затруднительным в современных условиях, но вовсе не является свидетельством недооценки значения работ описательного характера. Напротив, сам *А. Мейе*, как мы уже указали,[56] считает описание кавказских языков и наречий первоочередной задачей.

Более существенно, что сравнительное изучение кавказских языков на Западе сводится к формалистической компаративистике, оперирующей понятием праязыков различных степеней и занимающейся реконструкцией праязыковых фактов.

Важно и то, что западная лингвистика и в плане описательном не выходит из рамок формального анализа кавказских языков.

В СССР новое учение о языке на марксистско-ленинской, диалектико-материалистической основе рассматривает языковые факты не изолированно и не формалистически, а в тесной увязке их с историей материальной культуры, историей общественно-хозяйственных форм (академик *Н.Я. Марр* с его яфетической теорией,[57] *Н.Ф. Яковлев*[58]. Здесь имеется уже глубокое, принципиальное различие между советской и западной наукой в области как общей лингвистики, так и кавказского языкознания.

Но не только методологическая установка представляет такие коренные различия.

И самый интерес к кавказским языкам у нас и на Западе различен по своему характеру.

Там он вызывается исключительно теоретическими соображениями, надобностями так называемой «чистой» науки.

Вот для примера мысли *А. Мейе* по этому вопросу[59].

Значение кавказских языков для науки определяется, по его мнению, во-первых, тем, что эти языки, за исключением грузинского, бесписьменные, употребляются народностями, которых почти не коснулась цивилизация, а во-вторых, тем, что языки эти, как пережитки, должны сыграть важную роль для целей сравнительного языкознания. Возникновение литературных (письменных) языков горских национальностей должно, по мнению *А. Мейе*, ускорить языковую эволюцию и грозит вызвать быстрое исчезновение многих ценных для лингвиста особенностей этих языков (например, классных элементов).

В целях науки необходимо поэтому ускоренным темпом, путем быстрой анкеты (вопросников — questionnaires[60]) собрать фактический языковый материал, хотя бы ограниченный, но легко сравнимый благодаря единообразию. Затем уже можно будет, обладая этим материалом,

перейти к сравнению кавказских языков и наречий между собой и к созданию лингвистического атласа Кавказа.

Разрешение вопроса о взаимоотношениях кавказских языков между собой сделает своевременной постановку проблемы о родстве кавказских языков с другими языками.

В такой последовательности представляется *А. Мейе* ход работ по исследованию кавказских языков.

Если, таким образом, на Западе придают цену кавказским языкам, то с теоретической исключительно точки зрения так называемой «чистой» науки.

У нас в СССР иной подход к кавказским языкам. Если и у нас интерес к этим языкам отчасти теоретический, то интерес этот иного характера. Эти языки представляют собой чрезвычайно ценный материал для обоснования яфетической теории, марксистской, материалистической лингвистики. Это во-первых.

А во-вторых, наш интерес не только теоретический, но и в значительной мере практический, так как наши лингвисты-кавказоведы изучают кавказские языки с целью разрешения ряда важных практических задач актуального значения, задач, выдвигаемых эпохой великого социалистического строительства и созидания культуры малых народностей Кавказа в частности. Для того, чтобы создавать национальную письменность этих народностей, чтобы устанавливать их алфавиты, орфографию, создавать литературный язык, прежде всего нужно эти языки изучить со всей возможной тщательностью и научностью.

Для характеристики современного состояния кавказской лингвистики эти выяснившиеся принципиальные различия между советской и западной наукой о языке гораздо более показательны и важны, чем наличие некоторых точек соприкосновения.

Известное положение марксизма о взаимоотношениях «основания» и «надстроек» лишний раз получает свое подтверждение.

Inhaltsangabe

Der Aufsatz gibt eine Uebersicht der neuesten (1928 — Juni 1930 mit Berücksichtigung einiger früheren Arbeiten) Ergebnisse der Erforschung der kaukasischen Sprachen in USSR und in Westeuropa.

Nach einigen einleitenden Bemerkungen über das Ziel und den Plan des Aufsatzes berichtet der Verfasser im *ersten Kapitel* über die Arbeiten, die die Erforschung der nord-kaukasischen Sprachen zu ihrem Gegenstand haben und vorzugsweise beschreibenden Charakters sind.

Das zweite *Kapitel* gibt einen Ueberblick über die vergleichende kaukasische Sprachforschung (Aufsätze v. N. Trubetzkoy und Rene Lafon).

Das *dritte Kapitel* ist ein Versuch einer allgemeinen Charakteristik des heutigen Standes der kaukasischen Sprachwissenschaft. Der Verfasser konstatiert *eine principiel verschiedene Einstellung* der Sprachwissenschaft in USSR und in Westeuropa und bringt dieselbe mit dem Gegensatz der social-oekohomischen Systeme d. USSR und des Westens in Zusammenhang.

Примечания

1. Обзор русской и иностранной литературы по кавказской лингвистике за предыдущее время читатель найдет в моей книжке «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики», Владикавказ, 1928 (и в «Известиях Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Том I).

2. Ленинград 1926. Издание Академии абхазского языка и литературы.

3. См. перечень работ Н.Я. Марра специально по абхазскому языку и так или иначе касающихся этого языка в «Классифицированном перечне печатных работ по яфетидологии». 2-е издание, Ленинград, 1926, стр. 17 сл. и 24 и в новой книжке Н. Я. Марра «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык», Ленинград, 1928, стр. 56—58.

4. Труды яфетического семинария, III, Ленинград, 1928 (Издание Ленинградского восточного института имени А.С. Енукидзе).

5. Известия Академии наук СССР, УП серия, отдел гуманитарных наук, 1928, № 1, Ленинград, 1928, стр. 45—54.

6. См. А.В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб, 1912, стр. 19.

7. П.К. Услар, Абхазский язык (Этнография Кавказа. Языкознание, Тифлис, 1887, стр. 8).

8. А.Н. Генко, ук. соч. стр. 52.

9. Gustav Schmidt, Zum Konjugationssystem des Abchasischen (Studia Orientalia. I. Festschrift fur Knut Tallqvist. Helsingforsiae, 1925, стр. 242—252).

10. Ferdinand Bork, Beitraege zur Sprachvissenschaft III Konigsberg i. Pr., 1909 (Visscnschaftliche Beilage zum Programm der Stadtischen Steindammer Realschule zu Konigsberg i. Pr.) глава 2: zum abchasischen Verbum, стр. 6—13.

11. A.A. Schifner. Ausfuhrlicher Bericht ueber Baron P. Uslars abchasische Studien, Saint Petersbourg 1863. Memoires de l'Akademie Jmp. des Sciences de St. Petersbourg. VII serie Tome VI, № 12.

12. П.К. Услар, абхазский язык, стр. 61.

13. Hugo Schuchardt, Ueber den passiven Charakter des Transitivs in den Kaukasischen Sprachen (Sitz. — Ber. d. Academie d. V in Vien, Philos. Hist. CI. Band I, 1895, CXXIII, стр. 4—6.

14. Чтобы сделать результаты этого труда достоянием западной науки, весь русский текст книги сопровождается английским переводом, начиная с заглавия «Materials for the Kabarbey dictionary. Fasc. I. Dictionary o monosyllabic rootvords and roots of the open Syllabe type».

15. Путь к решению этой трудной задачи проложен Н.Ф. Яковлевым его работами: «*Таблицы фонетики кабардинского языка*» и «*Словарь примеров к таблицам*», Москва, 1923. Особенно важна первая работа, в которой дано тщательное описание фонетической системы кабардинского языка, представляющее интерес и для общей фонетики.

16. Краткий обзор... стр. 118 сл.

17. Ук. соч. стр. 120.

18. Палеонтологическое освещение некоторых фактов кабардинского и чеченского языков сравнительно с абхазским дает статья академика Н.Я. Марра «Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском». Доклады Академии Наук СССР, 1928 г., № 11, стр. 219—226.

19. А.М. Дирр принадлежит и русской науке, так как целый ряд его трудов написан по-русски и издан в России. См. об этом мою книгу «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики», стр. 16—21.

20. A. Dirr, Die Sprache der Ubychen, Leipzig, 1928 (Asia Major) и в журнале Caucasica, Fasc. IV и V, Leipzig, 1927, 1928.

21. Наиболее подробные сведения содержала небольшая статья П.К. Услара. «О языке убыхов» (Этнография Кавказа, Языкознание. Абхазский язык. Отдел второй. Статьи стр. 75—102).

22. Краткая заметка об этой поездке в статье Дирра «Die Stellung des Ubychischen in den nordvestkaukasischen Sprachen» Aufsaetze zur Kulturund Sprachgeschichte vornehmlich des Orients, Ernst Kuhn..... gevidmet Mnenchen 1916, стр. 413—419).

23. Известия Академии наук, VII серия, Отдел гуманитарных наук, Ленинград, 1928, № 1, стр. 227—242.

24. Труды подразряда исследования севернокавказских языков при Институте востоковедения в Москве, вып. 3. М., 1924.

25. Москва, 1926. Центральное издательство народов СССР.

26. Под влиянием работы Л.И. Жиркова об аварском языке Н. Трубецкой внес некоторые поправки в свое понимание некоторых аварских фонем. Ср. его статьи «Les consonnes laterales des Iangues caucasiques septentrionales», помещенную в Bulletin de la Societe de Linguistique de Paris, XXIII (№ 70), 1922, p. 189—209 и Studien auf dem Gebiete d. vergl. Lautlehre der Nordkaukasischen Sprachen. I в журнале Caucasica, III, Leipzig 1926, p. 7—36 и замечания в Bulletin de fla Soc. d. Lingu. de Paris XXVII (№ 80) 1925, p. 283 и п. I.

27. Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока, Том I (Ранион), Москва, 1930, стр. 255—281.

28. В новейшем труде А. Дирра «Einfuehrung in das Studium der Kaukasischen Sprachen», Leipzig, 1928, этому языку отведено всего две страницы, на которых дан крайне суммарный очерк некоторых грамматических фактов.

29. Общую характеристику дагестанских языков и краткий очерк их научной разработки Л.И. Жирков дал в своей небольшой статье «Языки Дагестана и их изучение» (напечатанной в «Известиях Общества обследования изучения Азербайджана», I, Баку, 1926, стр. 41—48).

30. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896.

31. Несколько новых текстов, образцов этого наречия, опубликовал А. Н. Генко в Докладах Академии наук, 1926, март — апрель, стр. 17—1 и в статье «Несколько образцов южно-дагестанского словесного творчества», напечатанной в «Восточных записках», Том 1, Ленинград, 1927, стр. 182—189.

32. Известия Академии наук ССС, VII серия, О. Г. Н., 1929, № 4, стр. 317—342.

33. Напечатана в сборнике «Культура и письменность Востока», № 5.

По фонетике кавказских языков см. еще Н.Я. Марр, Абхазский аналитический алфавит. Ленинград, 1926 (Ленинградский институт живых восточных языков. 12. Труды яфетического семинария); Н.Я. Марр, Грамматика древнелитературного грузинского языка. Ленинград, 1925 (Материалы по яфетическому языкознанию XII); Е.Д. Поливанов, Краткая классификация грузинских согласных (Бюллетень Средне-Двиатского государственного университета, № 8, 113—118 стр.); Е.Д. Поли-

ванов, Введение в языкознание для востоковедных вузов. Ленинград, 1928 (Ленинградский восточный институт, 31); N. Trubetzkoy, Zur allgemeinen Theorie der Phonologischen Vokalsysteme, Travaux du Cercle Lingu. de Prague. I. Melanges linguistiques dedles au Premier Congres des Philologues Slaves, Prague 1926, p. 39—67.

34. Доклады Академии Наук —B. 1930, № 5, стр. 79—84.

35. В трудах. Roudet, Jespersen'a Siever'a u Forchhammer'a

36. Более подробно разработан этот вопрос в отношении южнокавказских языков в статье Р.О. Шор «К вопросу о консонантизме яфетических языков Южного Кавказа» (Ученые записки института этнических и национальных культур народов Востока, Москва (Ранион), 1930; том I, стр. 174—198).

37. См. рассмотренные труды.

38. Например, Лезгинская грамматика.

39. См. дальше, стр.

40. В газете «Кавказ», 1862 г., № 49 и 50, перепечатано в Этнографии Кавказа, Языкознание. II. Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 9—18.

41. R. von-Erckert, Die Sprachen bes Kaukasischen Stammes Viem 1895.

42. См. например, сравнительный словарик андодидойских наречий в его «Материалах для изучения языков и наречий андо-дидойской группы», стр. 86—114 (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 40, Тифлис). См. также введения к «Агульскому языку», стр. II сл., к «Рутульскому языку», стр. II сл. и к «Цахурскому языку», стр. III сл.

43. Einfuhrung in das Studium der Kaukasischen Sprachen Leipzig, 1928 (Asia Major).

44. Alfredo Trombetti (род. 1866 г., умер 1929 г.) в целом ряде своих работ освещал при помощи сравнительного метода различные факты кавказских языков, а в своем последнем обобщающем труде «Elementi di Glottoo logia» (Bologna, 1923) он дал первый опыт сравнительной фонетики кавказских языков. Подробное о Тромбетти см. в моей работе «Альфред Тромбетти. Его жизнь, и научные труды по сравнительному языковедению по общей и кавказской лингвистике». Владикавказ, 1930 (Известия Горского педагогического института, Том VII), а также в моей книжке «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики», стр. 32—35 и passim.

45. См. библиографические указания в Классифицированном перечне печатных работ по яфетидологии», по существу вопроса см. Н.Я. Марр «Яфетическая теория», Баку, 1928 и Мещанинов «Введения в яфетидологию», Ленинград, 1929 и мою книжку «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики», стр. 22—26.

46. См. Bulletin de la Societe de Linguistique de Paris, Tome XXIX, Fasc. 2 (87), Paris 1929, 242. «Актуальной задачей, говорит здесь А. Мейе, является полно и основательно описать кавказские наречия и сравнивать их между собой по мере возможности».

47. N. Troubetzkoy, Notes sur les desinences du verbe dans les Iangues tchetchenolesghiennes (caucasiques-orientales), Bulletin de la Soc. de Lingu de Paris, Tome XXIX. fasc 3 (№ 88), Paris, 1929, p. 154—171. О прежних работах Н. Трубецкого по кавказской лингвистике см. мою книжку «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики», стр. 27—30.

48. Перечисление их автор дает на стр. 162—167, где попутно выясняется их происхождение.

49. Quelques rapprochements entre les langues caucasiques septentrionales et les langues kartveles. Bulletin de la Soc. de Lungu de Paris XXIX, Fasc. 3 (№ 87) p. 138—152.

50. Указ. соч., стр. 152.

51. Sur les pronomes personnels de 1 et 2 Personnes dans les langues kartveles. Bullet. de la Soc. de Lingu. de Paris XXX, Fasc. 2 (№ 90) Paris, 1930, стр. 153—169.

52. Указ. соч., стр. 153—164.

53. Указ. соч., стр. 169.

54. Указ. соч. стр. 169.

55. Viener Zeitschrift fur die Kunde des Morgenlandes, XXXVII, $^{1}/_{2}$ Heft, стр. 76—92.

56. Ук. соч., стр. 89.

57. Указ. м.

58. Bulletin de la Soc. da Lingu. de Paris, XXIX. fasc. 2 (№87) стр. 242.

59. См. мою работу «Язык и культура», Владикавказ, 1928, стр. 110 сл. и 152 сл. (и в «Известиях Горского педагогического института, V том).

60. См. рассмотренные выше работы.

61. Bulletin de la Soc. de Lingu. de Paris XXIX, fasc. 2 (№ 87) стр. 241 сл.

62. Такие вопросники «Questionnaire Linguistique» I, II и соответствующие инструкции Instructions pour voyageurs Instructions d'enquete linguistique изданы Этнологическим институтом Парижского университета под редакцией Марселя Коэна (Marcel Cohen). — Paris, 1928.

Текст печатается по изданию:

Немировский М.Я. К современному состоянию кавказской лингвистики. — Владикавказ, 1930.

М.Я. Немировский
К научной постановке исследования чеченской группы северокавказских языков

I. Краткий очерк истории и современного состояния чеченского языкознания

Основоположники чеченского языкознания — академик *А.А. Шифнер* и *П.К. Услар*. Характеристика их трудов. Что сделано по изучению языков чеченской группы после *Шифнера* и Услара в русской и западно-европейской науке. *Фридрих Мюллер*, *Н. Трубецкой*, *Р. фон Экрерт*, *Адольф Дирр*, *Гуго Шухардт*, *Альфред Тромбетти* и *Бернарт Мункачи*.

Основополождниками научного изучения северокавказских языков являются, как известно, два исследователя — академик А.А. Шифнер и П.К. Услар[1].

Они же положили начало исследованию так называемой *чеченской*[2] группы названных языков, в состав которой входят чеченский, ингушский и бацбийский (иначе тушинский)[3].

В 1856 году академик А.А. Шифнер опубликовал свой «Опыт о тушинском языке или кистинском наречии в Тушетии» «Versuch über die Tusch-Sprache oder die kistinische Mundart in Tuschetien». В 1862 году появился капитальный труд П.К. Услара «Чеченский язык»[4], а год спустя в своих «Чеченских этюдах» («Tschetschenzische Studien»)[5] академик А.А. Шифнер мог подвести итоги результатам, добытым в двух первых исследованиях.

В работах Шифнера и Услара центральное место занимает описание грамматического строя названных языков, но вместе с тем собран также довольно значительный лексический и фразеологический материал.

Меньше внимания уделено здесь отделу фонетики, и разработка ее не стоит на должной высоте: описание звуков не всегда точно и полно, транскрипция часто ошибочна.

Впрочем, если принять во внимание, когда написаны труды Шифнера и Услара, критика наша должна была бы быть значительно мягче.

Наиболее ценная часть этих трудов — грамматика, изложенная, особенно Усларом, с редкой полнотой и тщательностью, с тонким анализом отдельных грамматических фактов, с учетом разнообразных оттенков мысли.

Поставить в упрек Услару можно было бы то, что благодаря указанным свойствам изложения создается преувеличенное представление о сложности грамматической системы чеченского языка и что не всегда возможно выяснить, где мы имеем дело с фактами морфологии, а где с синтаксическими и стилистическими по их природе.

Особенностью «Чеченских этюдов» А.А. Шифнера является сравнительный обзор соответствующих фактов чеченского и тушинского языков.

Таковы основополагающие труды Шифнера и Услара. Со времени их появления прошло около семидесяти лет, языковедение с тех пор сделало гигантский шаг вперед, достигло огромных успехов как с количественной стороны, накопив необъятный фактический материал, так и с качественной, уточнив и усовершенствовав методы исследования.

Отразился ли этот прогресс в области изучения интересующей нас группы языков? Имеются ли и здесь какие-либо достижения?

Ответ наш, к сожалению, должен быть отрицательным. Действительно, в русской науке мы не можем указать по чеченскому языкознанию ни одного труда, ни одного исследования, кроме вышеупомянутых монографий Шифнера и Услара.

Очень мало сделано по изучению языков чеченской группы и на Западе.

Ни в западноевропейской, ни в американской лингвистической литературе нет ни одной специальной монографии, посвященной названным языкам.

Все, что имеется о них в западноевропейской науке, сводится: 1) к нескольким кратким очеркам и беглым суммарным характеристикам, которые можно найти в общих вопросах языков всего мира или специально кавказских языков, а также 2) некоторому числу высказываний и замечаний, рассеянных в трудах, которые касаются отдельных вопросов чеченского языкознания.

Из обзоров, охватывающих языки всего мира, громадный «Grundris der Sprachwissenschaft» Фридриха Мюллера[6] содержит краткий очерк фонетики и грамматики чеченского языка[7], и при этом в сравнении с тушинским, как это сделано в «Чеченских этюдах» Шифнера, а в новейшем коллективном труде французских лингвистов «Les Langues du Monde»[8] Н. Трубецкой дает лишь самую общую характеристику языков чеченской группы[9].

Из трудов, специально посвященных обзору кавказских языков, заслуживают внимания «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» Р. фон-Эркерта (R. von Erckert[10]) «Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen» Адольфа Дирра (Adolf Dirr[11]).

В первом из названных сочинений даны краткие сведения по грамматике чеченского[12] и ингушского языков[13], а также собрание фразеологических образцов[14] и значительный глоссарий[15].

Во «Введении» А. Дирра каждому из языков группы: чеченскому, ингушскому и тушинскому — посвящены отдельные сжатые грамматические очерки, причем большей полнотой отличаются первый[16] и последний[17], а ингушский язык как диалект чеченского, охарактеризован более суммарно[18].

Перечисленные очерки Фр. Мюллера, Н. Трубецкого, Р. фон Эркерта и А. Дирра не являются, однако, самостоятельными исследованиями, но в большей или меньшей степени основаны на рассмотренных нами трудах Шифнера и Услара.

Эти последние использованы также и некоторыми другими учеными, которым приходилось касаться тех или иных вопросов чеченского языкознания.

Тут следует упомянуть имена Гуго Шухардта, Альфреда Тромбетти и Берната Мункачи.

Первый из названных ученых исследовал чеченский глагол, поскольку в нем обнаруживается тот же «пассивный характер», который присущ вообще кавказскому глаголу[19].

В капитальном труде А. Тромбетти «Элементы языковедения» («Elementi di Glottologia»[20]) затронут целый ряд фактов фонетики и морфологии чеченского, ингушского и тушинского языков[21].

Наконец, Б. Мункачи в своем большом исследовании об арийских и кавказских элементах в мадьярском языке, (точнее говоря, в мадьярском словаре[22]), касается лексики и чеченской группы языков[23].

Таким образом, и на Западе научное изучение языков чеченской группы немного подвинулось вперед по сравнению с теми результатами, которые были достигнуты первыми русскими исследователями Шифнером и Усларом еще в начале второй половины XIX столетия.

II. Причины застоя в научном изучении языков чеченской группы

Специфические особенности кавказских языков как причины отсталости кавказской лингвистики и застоя в изучении языков чеченской группы.

Изображенное нами состояние чеченского языкознания естественно вызывает два вопроса: во-первых, чем объясняется застой в изучении интересующей нас группы языков, во-вторых, имеются ли возможности для дальнейшей научно-исследовательской работы, для дальнейших изысканий в области чеченского языкознания.

Отвечая на первый из этих вопросов, необходимо прежде всего подчеркнуть тот факт, что вообще в научной разработке кавказских языков имеются еще существенные пробелы и в материальной части, и в методологическом отношении, что, следовательно, кавказская лингвистика вообще несколько отстала в своем развитии.

Что касается причин такого положения кавказской лингвистики, то искать их следует в специфических особенностях самих кавказских языков.

Во-первых, языки эти все бесписьменные, за исключением одного только грузинского. Из всех горских народностей Кавказа одни только грузины имеют сравнительно древнюю национальную письменность[24], остальные же горцы не имели до нашего времени ни национального алфавита, ни национальной письменности.

Этот факт имеет решающее значение для установки научного изучения кавказских языков, исключая возможность применения метода исторического в собственном смысле этого слова.

Лингвистическое исследование должно, следовательно, ограничиваться горизонтальной плоскостью современности и протекать преимущественно в описательном плане.

Не исключается, правда, возможность применения сравнительного метода, но все в той же горизонтальной плоскости современного состояния[25].

Если в результате такого сравнения можно открыть некоторые черты предшествующей языковой эволюции, то ход конкретного исторического развития кавказских языков за отсутствием письменных памятников, дающих для этого необходимые сведения, остается для нас неизвестным и кавказские языки оказываются, таким образом, лишенными истории в собственном смысле этого слова.

Отсутствие письменности имеет и другое важное следствие — необходимость изучать кавказские языки путем обследования на месте, путем наблюдения живой речи, а такое собирание материала представляет даже и в настоящее время известные затруднения, вызываемые природными условиями и малокультурностью населения.

Эта трудность собирания фактического материала всегда вредно отзывалась на полноте изучения многочисленных языков и наречий горских народностей Кавказа и является одной из главных причин того, что многие из этих языков исследованы недостаточно еще и в наше время.

Во-вторых, кавказские языки представляют для исследователя ряд трудностей, вытекающих из самой природы этих языков. Обилие своеобразных и редких фонем, особенно согласных, необыкновенное богатство грамматических форм (в склонении, спряжении и т.д.) и особенности грамматического строя создают впечатление чего-то «экзотического», непривычного для европейского слуха, и действительно представляют и для усвоения, и для анализа серьезные трудности.

Сказанное о кавказской лингвистике и кавказских языках в значительной степени объясняет и то состояние, в котором находится изучение языков чеченской группы.

Действительно, историческое исследование здесь неприменимо, остаются две возможности: 1) изучать эти языки в чисто описательном плане или 2) сравнивать их между собой и с другими кавказскими языками.

Образцом чисто описательной монографии может служить «Чеченский язык» Услара, сравнительное изучение двух близко родственных идиом имеет место в «Чеченских этюдах» Шифнера, наконец, попытки сравнения языков чеченской группы с другими кавказскими и некавказскими языками сделаны в трудах фон Эркерта[26], Дирра[27], Тромбетти[28] и Мункачи[29].

Эволюция языков чеченской группы, как и вообще кавказских языков, их динамика, ускользает большей частью от наших взоров[30], и только их статику мы можем исследовать более или менее детально.

Остаются в силе по отношению к языкам чеченской группы и остальные подчеркнутые нами моменты, обусловливающие пробелы научной разработки кавказских языков: затруднения, связанные с необходимостью собирания фактического языкового материала на месте, и трудности, коренящиеся в своеобразии и в особенностях горской речи.

III. Важнейшие задачи чеченского языкознания и научные пути к их решению

Основные задачи фонетики. Проблемы морфологии (система спряжения, склонения, их типы, падежи). Методологическая установка в разработке указанных вопросов.

Остается высказаться по второму из поставленных выше вопросов.

Если под влиянием указанных нами причин получился известный застой в научной разработке языков чеченской группы, то из этого никоим образом не следует делать вывода, что для дальнейшего развития чеченского языкознания путь отрезан и что дальнейшая научно-исследовательская работа невозможна.

Напротив, для такой работы открываются широкие перспективы.

Мы не взялись бы начертить подробный план всех тех научных изысканий, которые возможны в интересующей нас области, но указать несколько наиболее важных, на наш взгляд, задач чеченского языкознания и наметить научные пути к их решению кажется нам своевременным и необходимым.

Два ряда задач стоят перед исследователем языков чеченской группы: первый ряд задач выдвигается необходимостью переработки старого материала, задачи второго ряда заключаются в собирании и обработке нового.

Так как между теми и другими задачами и способами их решения существует тесная связь, рассмотрим их совместно, сгруппировав соответственно отделам языковедения.

Мы уже указывали в начале нашего изложения, что слабое место работ Шифнера и Услара, а также большинства ученых[31], которые пользовались их материалами, — это описание фонем и их транскрипция.

Первоочередной задачей становится, таким образом, коренная переработка отдела фонетики чеченского языкознания.

Эта переработка должна, понятно, начаться с самого тщательного изучения и самого точного описания каждой отдельной фонемы чеченского языка во всех его диалектических разновидностях.

Артикуляция каждого звука должна быть выяснена при помощи точных наблюдений. Весьма важные результаты могут здесь быть получены с помощью приемов и приборов[32], какими пользуется современная экспериментальная фонетика.

Особенно следовало бы рекомендовать определение артикуляций отдельных фонем при посредстве рентгеновских лучей, как это ныне делается на Западе.[33]

Подобное исследование, которое должно выявить сущность и природу отдельных фонем, приобретает исключительно важное значение для такого языка, как чеченский с его диалектами, где, как известно, встречаются некоторые своеобразные звуки, определение которых на слух и на глаз вызывает затруднения.

Таков, например, ингушский гласный æ, из согласных чеченско-ингушский η и другие.

Когда таким образом каждая отдельная фонема будет определена, явится возможность установить точно звуковой состав языка и произвести ту или иную классификацию его звуков, словом, заложить основы описательной фонетики, стоящей на уровне современной науки.

Дальнейшую задачу чеченского языкознания должно составить создание сравнительной фонетики соответствующих языков.[34]

Чеченская грамматика ставит свои проблемы. Не входя в подробности, мы обратим внимание на необходимость перестройки того чрезвычайно сложного и громоздкого здания чеченской грамматики, которое создано П.К. Усларом. Он сам чувствовал потребность в упрощении некоторых частей созданной им чеченской грамматики. Так, по поводу системы спряжений чеченского языка он писал: «Изложенная мною система спряжений чеченских глаголов довольно сложна; нет сомнения, что будущие исследователи успеют значительно упростить ее. Для таковых граматических усовершенствований требуется время».[35]

Предположение Услара оправдалось в отношении аварского и даргинского языков,[36] но система чеченского глагола ждет еще своего упрощения. Эта проблема могла бы составить тему специальной работы, здесь же можно ограничиться лишь одним общим замечанием, что материал, который в изобилии имеется у Услара, требует переработки в том направлении, чтобы разграничить явления морфологического характера от таких, которые по своей природе должны быть признаны синтаксическими или, может быть, стилистическими и отнесены к соответствующим отделам чеченского языкознания.

Нуждается в упрощении и система склонения, подавляющая числом падежей и количеством «неправильностей» и «исключений». Выделить из шестнадцати установленных Усларом падежей «настоящие» падежи[37] и определить типы склонений[38] — вот основные задачи, настоятельно требующие решения.[39]

IV. Важнейшие задачи чеченского языкознания и научные пути к их решению
(Продолжение)

Изучение лексико-семантической стороны языка. Работы в этой области чеченского языкознания (Клапрот, Услар, Эркерт). Культурно-историческое и социологическое изучение словаря вообще и языков чеченской группы в частности.

Переходим к лексико-семантической стороне языка. До сих пор вся работа в этой области изучения языков чеченского и других сводилась к собиранию материала и расположению слов в алфавитном порядке.

Единственная попытка определить в составе чеченского словаря его исконный фонд и заимствованные чужеземные элементы была сделана Клапротом[40] и не может быть признана удовлетворительной с точки зрения современной науки.

В труде Услара[41] имеются лишь кое-какие замечания по вопросу об иноязычных влияниях на чеченский язык и указания отдельных заимствований[42].

По вопросу о лексикальных отношениях языков чеченской группы и прочих кавказских только сравнительный глоссарий Эркерта, охватывающий тридцать языков и наречий кавказских горцев[43], может дать некоторое представление. Но материалы Эркерта нуждаются в проверке, исправлениях и дополнениях[44].

Научная разработка словаря языков чеченской группы находится, таким образом, в зачаточном состоянии, а между тем она представляет большой интерес с различных точек зрения и открывает пред исследователем заманчивые перспективы.

Действительно, уже первый вопрос об исконном фонде и заимствованных элементах словаря чрезвычайно важен не только с чисто лингвистической точки зрения, но и с культурно-исторической, так как заимствованные слова — лучший показатель тех культурных влияний, которым подвергались носители заимствовавшего языка[45].

Проследить в языках чеченской группы лексикальные элементы, внесенные извне, из языков русского[46], арабского[47], грузинского[48], тюркских[49] и т.д. составило бы, следовательно, благодарную задачу. Ее решение способствовало бы не только выяснению иноязычного фонда в словаре языков чеченской группы, но могло бы также осветить еще недостаточно вскрытую историю культурных взаимоотношений чеченской нации с другими народами[50].

Если иноязычные элементы словаря являются отражением иноземных влияний, то исконный туземный фонд его представляет собой более или менее правильное зеркало всего социально-экономического бытия народа, носителя данного языка[51]. Отсюда новая задача для исследователя лексической стороны языка — проследить в языке отражение всей материальной и «духовной» культуры его носителей, отражение хозяйственных и общественных условий их существования. Такое «социологическое» исследование словаря языков чеченской группы было бы очень ценно.

Возьмем для примера такой факт, как названия родства в ингушском языке. Употребляемые в русском языке слова, обозначающие ту или иную степень родства, не годятся большей частью для соответствующего названия ингушского, например, «брат» или «сестра», которые в русском языке обозначают родного брата или сестру родную («или не добавляется определения «двоюродный», «двоюродная» и т.п.), в ингушском являются названиями не родных «брата» или «сестры», а так называемых «фамильных» (принадлежащих к одной фамилии, то есть роду), понятия же «родной брат» или «родная сестра» выражаются описательно: «отцу рожденный матерью брат», «отцу рожденная матерью сестра».

Эти длинные и, на наш взгляд, слишком подробные названия представляют собою отражения явных пережитков родового быта и строя, сохраняющихся в языке, хотя в жизни семейный строй уже отодвинул в прошлое предшествующую родовую организацию[52].

Возможны и другие пути исследования лексико-семантической стороны языка. Таковы «методы»: лингвистико-географический (Gèographie linguistique, Wortgeogräphie),[53] «реальный» Sachwortgeschichte Гуго Шухардта, Wörter und Sachen)[54], палеонтологический или семантико-палеонтологический академика Н.Я. Марра[55] и т.д., но останавливаться на них мы не будем, так как это завело бы нас слишком далеко, и так как по своей увязке с общественными науками[56] названные направления лингвистики близко подходят к рассмотренным выше.

V. Заключительные замечания

Необходимость для науки использования более обширного фактического материала. Источники его. Исследование диалектов. Послесловие — об актуальном значении вопроса о научной постановке изучения языков чеченской группы.

Последний пункт, на котором еще следует остановиться, — необходимость привлечь к лингвистическому исследованию более обширный фактический материал, чем тот, который до сих пор служил объектом науки.

Не следует забывать, что ни Шифнер, ни Услар не могли исчерпывающим образом собрать языковые факты, а последующие работы по чеченскому языкознанию почти не выходили из пределов того материала, которым оперировали названные исследователи.

Между тем новый языковый материал накоплялся и накопляется. Он имеется в чеченских и ингушских произведениях народной словесности, отчасти изданных[57], отчасти ожидающих записи и издания. Он особенно обогатился за последние годы как результат создания в Чечне и Ингушии национальной письменности и литературы.

Разработка языка для практических целей, для удовлетворения потребностей школы, литературы, прессы, административно-государственного аппарата, партийной и просветительной работы и т.д., то есть всех тех запросов, которые возникли и возникают в процессе великого

социалистического строительства, охватившего и чеченский народ, как и прочие большие и малые народности СССР, послужила на пользу и научному языкознанию.

Целый ряд изданий в виде букварей, грамматик, практических словарей, школьных пособий, книг, газет и т.п. содержит в себе неисчерпаемый источник языковых фактов, представляющих несомненный интерес для науки, в частности, для чеченского языкознания[58].

Ещё один многообещающий источник для накопления фактического языкового материала — это диалекты, детальное обследование которых, еще не начинавшееся[59], могло бы дать в указанном отношении ценные результаты.

Использовать перечисленные источники как основу для подкрепления или опровержения уже сделанных наукой выводов и для получения новых — задача неотложная и очень благодарная.

Заканчивая свой очерк, мы хотели бы подчеркнуть еще один важный момент, который, быть может, ускользнул из внимания читателя (если только он оказался не лингвистом-теоретиком) — актуальность выдвинутых в предшествующем изложении задач чеченского языкознания.

Выше очерченный круг проблем мог показаться непосвященному читателю оторванным от жизни, от выдвигаемых ею запросов и отвечающим только чисто теоретическим, отвлеченно-методологическим интересам «чистой» науки.

Такое заключение представляло бы, однако, явное заблуждение, и вот по каким соображениям, поделиться которыми обязывает нас стремление прийти на помощь именно читателю-неспециалисту.

Вообще, наука теоретического характера призвана служить базой для науки практического значения, науки прикладной. Так и в данном случае научное языковедение должно создать тот теоретический фонд и те теоретические устои, на которых только и возможно воздвигать практическое языкознание.

Осуществимо ли создание национального чеченского унифицированного (то есть предназначенного для удовлетворения потребностей двух диалектов — чеченского и ингушского) алфавита, осуществимо ли установление орфографии и орфоэпии чеченско-ингушского языка, если научное языкознание не подготовит для этого соответствующих научных основ, предварительно исследовав отдельные фонемы названного языка, определив его звуковой состав, фонетические законы, грамматические особенности и т.д.

Постановка столь трудного, ответственного и необходимого дела, как созидание родного литературного языка, разработка школьного обучения языку, перевод на родной язык научных и беллетристических шедевров мирового значения для обогащения национальной культуры и прочие многочисленные задачи культурного строительства, — все это может быть проведено с успехом лишь при помощи теоретической науки, все это зависит от той научной базы, на которой будут покоиться указанные начинания. Научная постановка чеченского языкознания — залог их успеха. Поставить на уровень современной лингвистики изучение языков чеченской группы, это значит — создать благоприятные условия для процветания этих языков, а язык — драгоценнейшее и сильнейшее орудие культуры.

Inhaltsangabe

I. Im ersten Kapitel ist ein kurzer Ueberlich über die Geschichte und den gegenwärtigen Stand der Erforschung der tschetschenischen Sprachgruppe gegeben.

Zuerst charakterisiert der Verfasser die grundlegende Werke von A.A. Schiefner und P.K. Uslar. Der beste und wertvollste Teil dieser Werke ist die Grammatik, obgleich das grammatisches System der tschetschenischen Sprache zu compliciert dargestellt ist.

Nach Schiefner und Uslar ist kein wesentlicher Fortschritt in der Erforschung der tschetschenischen Sprachgruppe zu bemerken.

Kurse und gedrängte Skizzen dieser Sprachen von Fridrich Müller, R. v-Erckert, A. Dirr und N.Trubetzkoy stellen die Ergebnisse nich eigenen Forschungen dar, sondern derer von Schiefner und Uslar, nur mit einigen Berichungen und Nachträge.

In den Abhandlungen von H. Schuchardt, A. Trombetti und B. Munkacsi sind einige Fragen der tschetschenischen Sprachforschung nur gestreift.

II. Die Ursachen dieses Standes der Erforschung der tschetschenischen Sprachgruppe ist in den spezifischen Eigentümlichkeiten der betreffen hen Sprachen zu suchen: einerseits kann man diese Sprachen als schriftlose meistens nur zu beschreiben oder miteinander und mit anderen Kaukasischen

Schwierigkeiten sprachen zu vergleichen, die geschichtliche Efrorschung im eigenen Sinne ist hier unmöglich; andererseits bieten das ungewöhnlich reiche Konsonantensystem und Kompliziertheit der Morphologie grosse Schwiertheiten für das Erlerhen und die Analyse dieser Sprachen.

III. Die nächste Aufgaben der tschetschenischen Sprachforschung sind nach gesagtem folgende: 1) die Durcharbeitung der Phonetik, 2) die Vereinfachung der Grammatik, 3) die Erforschung des Wortschatzes. Die Wege diese Aufgaben zu lösen öffnet die Anwendung der modernen Methoden der Sprachwissenschaft, welche dabei kurz charakterisiert sind.

IV. Am Schluss fordert d. V. Sprachmaterial zu vermehren und betont die Wichtigkeit der wissenschaftlichen Sprachforschung für die praktische Ziele der Gegenwart, wie nationale Schrifttum und Kultur der tschetschenischen Volkes zu schaffen.

Примечания

1. Пионеры лингвистического изучения Кавказа академик Гюльденштедт и академик Паллас ограничивались изучением преимущественно словаря. Клопрот также уделял словарю главное внимание. См. подробнее об этом в моей работе «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики», Владикавказ, 1928, стр. 8, слл. (и в I томе «Известий Ингушского научно-исследовательского института краеведения», там же, ст. 303 слл.). О кавказоведческих изысканиях Шифнера и Услара см. П.Н. Черняев «Из истории кавказоведения», стр. 5—20 (Сборник статей по вопросам культуры, Ростов-на-Дону. Издательство Института местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете.).

2. Группу языков, обычно именуемую по главному из входящих в нее языков чеченской, З.К. Мальсагов (См. его брошюру «Культурная работа в Чечне и Ингушии в связи с унификацией алфавитов», Владикавказ, 1928, Издательство Ингушского научно-исследовательского института краеведения, стр. 3) предлагает назвать «нахским языком», а профессор Н.Ф. Яковлев (см. его статьи: 1) «Проблемы (Вопросы) изучения чеченцев и ингушей», Грозный, 1927, Чечнаробраз, стр. 7; 2) «К вопросу об общем наименовании родственных народов», Ростов-на-Дону, 1928, Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института. Стр. 195 сл.) «вейнахской» группой, основываясь на том, что чеченцы и ингуши называют свою национальность «наш народ» vajn naxa (ингушское væjn nax), а свой язык «vajn nexin mott» (ингушское væjn naxæ mott), то есть «нашего народа язык».

3. Название «тушинский», введенное Гюльденштедтом и принятое А.А. Шифнером, стало в науке обычным и лишь в недавнее время вспомнили о том имени, которое мы здесь приводим. По вопросу о национальных и этнических названиях кавказских горцев см. А. Дирр «Современные названия кавказских племен» (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 40, отд, III, стр. 1—28, Тифлис, 1909), Н.Я. Марр «Племенной состав населения Кавказа» (Российская Академия наук. Труды КИПС. 3), Петроград, 1920 и «Список народностей СССР» (Академия наук СССР. Труды КИПС.13), Ленинград, 1927.

4. Сперва изданный в литографическом виде, труд этот был опубликован в печатной форме уже после смерти автора Управлением бывшего Кавказского учебного округа (Этнография Кавказа, Языкознание. II. Чеченский язык, Тифлис, 1988 год)

5. Mémoires de l'Academie Imp. des St. Péterburg, VII série, Tome VII, №5, 1864 (доложено Третьему Отделению Академии Наук 16 октября 1863 года).

6. Friedrich Mülier, «Grundris der Sprachwissenschaft» (в 4-х томах, Wien, 1876—77, 1882, 1884—1887, 1888 год)

7. Band III, Abt. II, 1 Hälfte, Wien 1885, стр. 158—185.

8. Paris, 1924.

9. См. главу «Langues Caucasiques Septentrionales», стр. 330—332.

10. Wien, 1892.

11. Leipzig, 1928

12. Стр. 237—241.

13. Стр. 242—243. См. также таблицу склонений и спряжений на стр. 247, где сопоставлены окончания чеченского, ингушского и тушинского языков.

14. Стр. 229—237.

15. См. I Theil. Wörterverzuchniss (545 слов на 30 языках).

16. Стр. 131—143.

17. Стр. 148—161.

18. Стр. 143—148.

19. См. Hugo Schuchardt, Ueber den passiven Charakter des Transitivs in den Kaukasischen Sprachen, Wien, 1895 (Sitz.-Ber. d. Akademie d. W. in Wien, Philos.-hist, Cl. Bd., 133) стр. 10—14 (особенно по тушинскому языку, но также по ингушскому и чеченскому).

20. Bologna, 1923.

21. Стр. 103—138 и 354—354—371 (специально по сравнительной фонетике).

22. Bernart Munkacsi, Árja és Kaukazusi elemeka Finn-Magyarnyelvekben. I Kötet. Magyar Szöjegyzek, Budapest, 1901.

23. См. например, стр. 132, 168, 176 и passim.

24. Восходящую, быть может, к V веку христианской эры. (См. Franz N. Finck, Die Sprachtämme des Erdkreises, 2 Aufl. Leipzig-Berlin, 1915, стр. 37). Христианская литература на грузинском языке известна, вероятно, с X века н.э. (См. зметку A. Мейе «Langues Caucasiques Mèridionales» в «Les Langues du Monde», стр. 343) См. также Н. Марр, «К изучению современного грузинского языка», Петроград, 1922 год.

25. «Состояние, в котором находятся эти языки (то есть кавказские), говорит Л. Мейе (См. его отзыв о «Введении» Дирра в Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. Tome XXIX, fasc. 2, № 87, Paris, 1929, p. 243), во всяком случае, столь поврежденное, что лингвистическое сравнение сделалось очень трудным. Корни кавказских языков, особенно грузинские корни, состоят часто из одной только согласной, что имеет мало шансов быть первоначальным и делает большую часть этимологических сближений почти невозможной, потому что не может быть дано доказательство». Ср. также статью Н. Трубецкого «Notes sur les désinces du verbe dans les langues Tchétchenolesghiennes» (там же, № 88, p. 153 sqq).

26. Указанное сочинение, стр. 244 слл, где определяется отношение чеченского языка к другим языкам. Лексические сопоставления в I части указанного сочинения.

27. См. его «Einführung», стр. 342 слл, таблицу числительных (стр. 358—361) и Index.

28. Указанное сочинение, стр. 103—138 и особенно 354—371.

29. Указанное сочинение passim, где имеется ряд лексических параллелей, основанных на материалах Шифнера, Услара и главным образом фон-Эркерта, в части, касающейся кавказских языков.

30. Это осознавал еще Услар, говоря: «Мы можем теперь лишь догадываться о существовании первообразных древних форм, которые в современном языке являются усеченными, обрубленным...» («Чеченский язык», стр. 23, Ср. также стр. 151).

31. Из перечисленных выше ученых только Дирр и Трубецкой постарались исправить этот недостаток.

32. См. по этому вопросу: труды директора Фонетической лаборатории Гамбургского университета профессора G. Panconcelli-Calzia: 1) «Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft», 2 Aufl, Berlin, 1924, 2) «Experimentelle Phonetik» Berlin-Leipzig, 1921 (Sammlung Göschen); E.W. Scripture, Anwendung der graphischen Methode auf Sprache und Gesang, Gesang, Leipzig, 1927; A.W. de Groot, Instrumental phonetics, Its value for linguists. Amsterdam, 1928 (Mededed d. Akademie v. Wettensch. Afd Letterkunde, 65, A, 2). На русском языке см. В.А. Богородицкий «Курс экспериментальной фонетики» Вып. I, II, III, Казань, 1917, 1922, 1922.

33. См. например, специальную монографию B. Pollond'a и B. Hala, Artikulace českych zvuku v roentgenovych obrazech, Praha, 1926. Хорошую серию рентгеновских снимков содержит «Kurze Einführung in die deutsche und allgemeine Sprachlautlehre (Phonetik)» Jörgen'a Forchhammer'a Heidelberg, 1928, стр. 38—39.

34. Кое-какие звуковые соответствия отмечены еще Шифнером в его «Чеченских этюдах» между чеченским и тушинским языками. Его материал использован Фридрихом Мюллером (Fr. Müller, Grundriss d. Sprachwissenschaft, Bd III, Abt II, I Halfte, Wien, 1885, стр. 158—161).

См. также. Профессор Н. Яковлев «Вопросы изучения чеченцев и ингушей», Грозный, 1927, стр. 37 сл.

35. Чеченский язык (Этнография Кавказа. Языкознание. II .Тифлис, 1888) стр. 101.

36. См. Л. Жирков «Грамматика аварского языка», Москва, 1924 (стеклографическое издание) и его же «Грамматика даргинского языка», Москва, 1926.

37. Так, падежи: направляющий, удаляющий, извлекающий, усваивающий и предельный, образующиеся из падежа обращающего через присоединение слогов x́, ri(rin), ru(ran), x́, c, в которых можно усматривать так называемые«послеслоги» или «прилоги» (postpositiones), следует исключить из числа «настоящих» падежей.

См. по этому вопросу замечания профессора Н.Ф. Яковлева (Вопросы изучения чеченцев и ингушей, стр. 38—40).

38. См. Услар «Чеченский язык», стр. 28: «Не принимая на себя решения вопроса, сколько склонений следует допустить в чеченской грамматике, ограничусь группированием существительных, согласно изменениям, которые они претерпевают».

39. Следует обратить серьезное внимание также на установление единообразной и точной терминологии, особенно в отделах склонений и спряжений. Сравните различия в терминологии Услара, Шифнера, Эркерта и других.

40. Reisen in den Kaukasus und nach Georgien. Anhang. Kaukasische Sprachen, Halle und Berlin, 1814, стр. 145—168.

41. Чеченский язык, стр. 30, 31, 110.

42. Чеченский язык, стр. 110, 155, 168.

43. R. von-Erckert. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes, Wien, 1892, Theil I. Wörterverzeichniss.

44. См. об этом мою работу «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики», стр. 13 и прим. 1.

45. По этому вопросу существует богатая литература, из которой заслуживает особого внимания капитальный труд Franz'a Seiler'a «Entwicklung der deutshen Lehnwortes» (Halle 1921—1925, в восьми частях). См. также Elise Richter «Fremdworkunde», Leipzig-Berlin, 1919, по теории вопроса и библиографическими указаниям (стр. 137 сл.)

46. Влияние русского языка на словарь языков чеченской группы настолько очевидно, что доказывать его нет нужды: любая страница любого практического словаря соответствующих языков может служить для этого прекрасной иллюстрацией. См. например, на стр. 3—5 «Русско-ингушского словаря» И. Мальсагова (Malsaga n. I., Ersiji Ghalghaji Dešaj Lughat), Владикавказ, 1929, следующие слова: abort, avans, žulik (авантюрист), avgust, aviator, ajraplan i dešar (авиация), avtomobil, avtonomi, agint (агент), agitator, agitaci (агитация), agitaci lelajar (агитировать), agronom, agronomi (агрономический), žasčitnik (адвокат, защитник), žasčitnikij (адвокатский), adris (адрес), adrisni (адресный), akt, aktivni (активный), akušerka, akcіž (акциз), spirt (алкоголь, спирт) и т.д. или на стр. 16 «Ингушско-русского словарика» М.Г. Ужахова (M.G. Užaх́ n., Ghalgh-Ghazæqi Lughæt, Владикавказ, 1927): Bagaž, Bankæ, Bani (баня), Bantæ (бант), Barin, Barxat (бархат)... Сравни в «Чеченско-русском словаре» А.Г. Мациева (A.G. Maciev, Noxčiŋ-Örsiŋ Dešniŋ Zajna), Грозный, 1927. Atlas, атлас (ткань), Avgust, Avtonomi, Bani (баня), Banka (банка), Baqqal (бакалея), Bumzi (бумазея), Bumäštik (кошелек, бумажник) и другие. Дело здесь, понятно, не в простой регистрации фактов заимствования и не в их подсчете. Здесь нужен иной подход. Нужна, прежде всего, сортировка заимствованных слов по известным группам обозначаемых ими понятий [например, слова, обозначающие известные материалы и ткани, занятия, должности, общественные классы и сословия, названия растений, зверей, цветов или красок, ср. чеченское (по Услару) sini, (по Мациеву) sinanig, ингушское sijna (sinaæ), русское синий и чеченское (по Услару) siri (по Мациеву) sirinig, ингушское sira (siræ) — русское серый].

Далее необходимо отделить среди заимствований слова русские и иностранные, взятые из русского (см. вышеприведенные примеры). Только такая работа имела бы научную ценность, так как она определила бы сферы влияния русской, а через нее и западноевропейской культуры. Наконец, интересно фонетическое и морфологическое приспособление заимствованных слов к законам фонетики и словообразования родного языка: так, напр., русские существительные на -ия теряют конечное «я» (avtonomi, agitaci), оканчивающиеся на -я (после согласной) переменяют «я» на «i» (bani, баня), окончание прилагательных -ый заменяется одним «i» (adrisni, адресный, aktivni — активный), русское «а» в конечном слоге передается в ингушском через «æ» (bankæ — банка, barxæt — бархат), русское «е» через «i» (agint — агент, adris — адрес); иногда звуковая оболочка изменяется почти до неузнаваемости (bumäštik из бумажник, baqqal из бакалея).

47. Арабский язык оказывал влияние главным образом как язык религии.

48. Грузинский язык сильно повлиял на словарь тушинского языка, носители которого (цова-тушины, бацбии) живут в окружении грузин. См. указанное сочинение Клапрота, стр. 145—168. Имеются грузинские слова и в чеченском, и в ингушском: ср. например чеченское Qholum, перо, карандаш (?), ингушское qhoalam (qhoalæm), грузинское Khalami, в свою очередь заимствованное из греческого kalamos; чеченское Kotam, курица, ингушское Kotam (Kotæm) и грузинское Khathami.

49. Кумыкского и азербайджанского.

50. См. об этом Н.Ф. Яковлев «Вопросы изучения чеченцев и ингушей».

51. См. мою книгу «Язык и культура», Владикавказ, 1928 (и в «Известиях Горского педагогического института», Том V, стр. 109—154), passim, особ. стр. 150 сл. и мою же статью «Современное языкознание и его очередная задача», Владикавказ, 1926 (и в «Известиях Горского педагогического института, Том. III, стр. 188 сл.).

51. См. проф. Н. Яковлев, «Ингуши», Москва — Ленинград, 1925, стр. 43—46.

См. также его. «Вопросы изучения чеченцев и ингушей», стр. 16—17.

52. О лингвистической географии и ее методологических приемах. См. Albert Dauzat, «La Géographie linguistique», Paris, 1922, его же Les Patois, Paris, 1927; на русском языке см. мои работы «Лингвистическая география и ее значение», Владикавказ, 1926 (и в «Известиях Горского педагогического института», том III, стр. 235 слл) и «Современное языкознание и его очередная задача», стр. 178 слл. В перечисленных работах охарактеризована французская школа лингвистической географии (Gillierion'a и его последователей и учеников). О немецкой школе (Wrede, Theodor Frings и другие) лингвистической географии см. прекрасную статью В.М. Жирмунского «Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением» (в журнале «Этнография», 1927, №1, стр. 139 слл.), а также интересную работу И.Г. Голанова «Марбургская школа немецких диалектологов» (Труды Ярославского педагогического института, Том III, выпуск 1. Литературно-лингвистический сборник, Ярославль, 1929, стр. 5 слл.). Как образец исследования этой школы см. Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden, Geschite, Sprache, Volkskunde von Hermann Aubin, Theodor Frings, Josef Müller, Bonn, 1926, стр. 90—185.

53. См. об этих «реальных» уклонах лингвистики в моих работах «Язык и культура», стр. 121 сл. и «Гуго Шухардт. Творческий путь. Г. Шухардта и его работы по кавказской лингвистике», Владикавказ, 1929, стр. 27 (и в «Сборнике Научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте).

54. См. Н.Я. Марр «Яфетическая теория, Программа общего курса учения об языке», Баку, 1928. И. Мещанинов «Введение в яфетидологию», Ленинград 1929. Р. Шор «Основные, проблемы яфетической теории» (Общественные науки СССР. 1917–1927. М, 1928) мои работы «Современное языкознание и его очередная задача», стр. 181 слл. и «Язык и Культуре», стр. 110 слл.

55. См. об этом мою работу «Язык и Культура. К увязке лингвистики с общественными науками».

56. Библиографические указания см. у Леонида Семенова «Ингушская и чеченская народная словесность», Владикавказ, 1928. стр. 21–30.

57. Следовало бы составить библиографический указатель всех изданий на чеченском и ингушских языках.

58. Еще Услар высказывался о необходимости изучения наречий чеченского языка, особенно тех, которые сохранились в наиболее глухих и малодоступных частях Нагорной Чечни, так как здесь язык обладает наиболее архаическими чертами и наибольшей чистотой. (См. «Чеченский язык», стр. 23). Замечательно, однако, что при наличии наречий, на которые дробится чеченский язык, единство его столь велико, что «уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднений могут разговаривать друг с другом» (Услар, указанное сочинение, стр. 2).

Текст печатается по изданию:

Немировский М.Я. К научной постановке исследования чеченской группы северо-кавказских языков. – Владикавказ: Типография издательства «Сердало», 1930. – Отдельный оттиск из выпуска II–III «Известий Ингушского научно-исследовательского института краеведения».

Лев Иванович Жирков

Лев Иванович Жирков (7(19).3.1885, Москва – 4.12.1963, там же) – российский языковед, доктор филологических наук (1943), профессор (1946). Окончил юридический факультет Московского университета (1909), Институт живых восточных языков (1914) и восточный факультет Петроградского университета (1917), совершенствовался в Германии (1903, 1909). Преподавал в Институте народного образования (Рязань, 1918–21), Московском институте востоковедения (1921–32, 1945–50), Коммунистическом университете трудящихся Востока (1931–1934), Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (с 1939), Военном институте иностранных языков (с 1943) и МГУ (1926–1930, середина 1940-х – 1950-е годы). Заведовал отделом в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина (1934–40). Также работал в Институте народов Советского Востока (1925–31), Институте национальностей при ЦИК СССР (1925–1933), Институте языка и мышления (1935–1938), Институте языкознания Академии Наук СССР (с 1939).

Будучи членом Всесоюзного центрального комитета нового алфавита, Л.И. Жирков в конце 1920-х – 1930-е годы принимал участие в разработке национальных письменностей для многих бесписьменных языков народов Северного Кавказа, тюркских языков народов СССР. Исследовал кавказские (главным образом дагестанские) и иранские языки, занимался вопросами общего и прикладного языкознания (создание алфавитов, орфографий, грамматик и словарей для языков народов СССР, интерлингвистика).

Л.И. Жирков сотрудничал с Северо-Кавказским горским историко-лингвистическим научно-исследовательским институтом практически в течение всего времени его деятельности. В фонде Р-1260 Государственного архива Ставропольского края находятся следующие рукописи работ Л.И. Жиркова: «Введение в изучение языков Кавказа» (дело № 257), «Карты языковых территорий Северного Кавказа и Дагестана» (дело № 133), «Развитие частей речи в горских языках Дагестана» (дело № 250), «Словообразование в аварском языке» (дело № 243),

Л.И. Жирков участвовал в проектах реорганизации научно-исследовательского института, в составлении планов его работы (дело № 63). Его имя значится в протоколах заседаний президиума Всесоюзного центрального комитета нового алфавита, постановлений президиума Северо-Кавказского краевого исполкома, переписке с учреждениями об организации краевого комитета нового алфавита, проведении пленума и др. (дело № 97). Он участвовал в составлении календарно-производственных планов и программ занятий лингвистического отделения научно-исследовательского института, в том числе и на 1936–1937 учебный год (год закрытия института).

В библиотеке Горского института (находится в фонде редкой книги научной библиотеки СКФУ) имеются исследования Л.И. Жиркова: «Аварско-русский словарь» / Сост. проф. Л.И. Жирков. – М.: Советская энциклопедия, 1936; «Грамматика даргинского языка». – М.: Центральное издательство народов СССР, 1926; «Языки Дагестана и их изучение (Доклад, читанный на заседании историко-этнографической секции общества 4-IX 1926 г.)».

М.Я. Немировский в рецензии на книгу Л.И. Жиркова «Лакский язык. Фонетика и морфология» (1955) пишет: «Л.И. Жирков уже много лет работает над исследованием горских языков Дагестана, к которым принадлежит и лакский язык, и приобрел имя крупного специалиста в этой области кавказской лингвистики как автор ряда ценных работ. <...> И не только в разделе о глаголе, но и во всем труде видна рука мастера, сумевшего дать основательное и научное описание этого своеобразного языка. Нет сомнения, что и русские читатели, в том числе языковеды, не владеющие лакской речью, получат очень доходчивое и ясное изложение грамматики этого трудного для недагестанцев языка» (Вопросы языкознания. 1956. № 4. С. 138, 141).

Л.И. Жирков интересовался проблемой создания международного языка эсперанто, написал работу «Почему победил язык эсперанто?» (М.: ЦК СЭСР, 1930).

Работы о Л.И. Жиркове:

Немировский М.Я. Рецензия на книгу: Жирков Л.И. Лакский язык. Фонетика и морфология // Вопросы языкознания. – 1956. – № 4. – С. 138–141.

Халилов М.Ш., Абдуллаев И.Х. Л.И. Жирков – первый доктор наук по дагестанским языкам // Народы Дагестана. – 2001. – № 3. – С. 36–37.

Жирков Л.И. Curriculum vitae (составитель В.М. Алпатов) // Ирано-славика. — 2014. — № 1–2. — С. 44–45.
Алпатов В.М. Послесловие к публикации: Жирков Л.И. Curriculum vitae // Ирано-славика. — 2014. — № 1–2. — С. 45.

Исследования Л.И. Жиркова:

Грамматика аварского языка. — М., 1924.
Грамматика даргинского языка. — М.: Центральное издательство народов СССР, 1926.
Персидский язык. Элементарная грамматика. — М.: Издательство института востоковедения при ЦИК СССР, 1927.
Почему победил язык эсперанто? — М.: ЦК СЭСР, 1930.
Аварско-русский словарь. — М.: ОГИЗ РСФСР, 1936.
Грамматика лезгинского языка. — Махачкала: Даггосиздат, 1941.
Лингвистический словарь. — М.: Издательство Московского института востоковедения, 1945.
Табасаранский язык. Грамматика и тексты. — М.: АН СССР, 1948.
Лакский язык. Фонетика и морфология. — М.: АН СССР, 1955.

Л.И. Жирков
Языки Дагестана и их изучение

(Доклад, читанный на заседании историко-этнографической секции общества 4/IX 1926 года)

Дагестан и крайний север Азербайджана по пестроте своей языковой карты представляют исключительное, единственное в мире место. Скопление разнородных языковых территорий само по себе встречается нередко (Балканы, Индия, Индокитай, Центральная Америка, весь Кавказ в целом), но нигде эти языковые территории не достигают такой степени измельчания, такой распыленности, как в Дагестане. Здесь мы находим немало примеров «одноаульных» языков, языков совершенно обособленных от всех окружающих, непонятных за пределами своей миниатюрной, микроскопической территории. Число семейств, говорящих на каком-либо из таких мелких языков, подчас не превышает 200—300, то есть языком пользуются не более 800—1000 индивидуумов обоего пола, для которых он является языком родным. Представители иноязычных племен такой мелкий язык не изучают, — в междуплеменных сношениях каждый район пользуется языком какого-либо главенствующего племени. На севере Дагестана роль международного языка весьма счастливо выпала на долю языка аварского, на самый морфологический строй которого эта его функция оказала влияние. Южнее до некоторой степени междуплеменными являются языки даргинский, лакский, кюринский. Последний встречает в качестве междуплеменного языка конкурента, гораздо более сильного, чем он сам, — тюркский азербайджанский язык. Лезгины, живущие на территории северного Азербайджана, также пользуются для сношения друг с другом государственным языком этой республики.

Оригинальность дагестанской территории в языковом отношении не исчерпывается только пестротой его лингвистической карты. Грамматический тип этих языков, являясь до некоторой степени общим для всех их, поражает своей необычайностью того, кто приступает к их изучению после занятия языками индоевропейской, тюркской или семитической групп. Весь строй речи здесь совершенно иной... Суждение, для его словесного выражения, расчленяется на совершенно другие части, в мышлении подчеркиваются и ярко выступают не те пункты, которые выступают в речи европейца, тюрка или семита. Многое из того, что в нашей речи выражается, в речи кавказского горца остается не выраженным никак. Зато какое богатство и обилие, какое уточнение мы видим у них в выражении многих оттенков речи, из которых некоторые мы можем поставить в связь непосредственно с горной природой их страны (сюда относятся: обилие указательных местоимений, различаемых по уровню местности, выражение в глаголах движения подъема или спуска и проч.). Наконец, совершенно оригинальной является проводимая в большинстве из этих языков классификация имен, предметов внешнего мира, которая в принципе, может быть, и не отличается от известной всем классификации по грамматическому роду.

Если мы взглянем на звуковой состав этих языков, мы должны будем признать, что и в этом отношении наш район представляет чрезвычайный интерес. Хотя мы находим и в других местах Северного Кавказа, например, звуки латериального образования[1] нескольких типов, но только в Дагестане мы имеем группу языков, в которой эти звуки достигают особенно сильного развития (аварский, дидойский, все андийские, арчи). Согласные звуки, образующиеся сближением языка с задним небом, здесь развиты гораздо сильнее, чем в языках семитских, и представлены исключительно многочисленными типами. Наконец, звуки гортанного образования развиты также сильнее, чем в индоевропейских и семитских языках. К этому следует добавить наличие весьма своеобразных различений между долгими и краткими согласными, осложненных многими побочными отличиями.

Казалось бы, если этот уголок земного шара так интересен в языковом отношении, то и на изучение его могло бы быть уделено надлежащее внимание. К несчастью, придется сказать, что в интересующей нас области языковедных работ исполнено пропорционально гораздо меньше, чем в сфере тюркологии, семитологии, не говоря уже об индо-германистике. Лишь по немногим из этих языков мы имеем грамматические труды описательного характера, и мы совсем не имеем ни исторических грамматик, ни сравнительных грамматик. Успехам индо-герма-

нистики помогали поиски гипотетической «прародины» и попытки прозрения в стадию «праязыка». Семитология работала вокруг интересов библейской критики и арабской филологии. Угрологии пошел на пользу до некоторой степени подъем национального чувства в Финляндии и Венгрии. Венгерцы немало помогли и разработке тюркских языков, надеясь определить степень их связанности с финскими. В области кавказских языков, в частности, в области языков Дагестана, не было ничего подобного. Никакие посторонние интересы не влекли к изучению этих языков, огромное большинство которых относится к так называемым «бесписьменным» языкам. Не было материала для филологического изучения, исключалась, как казалось, всякая мысль о какой бы то ни было связи этих языков с окружающими языковыми группами. Языки эти признавались «изолированными» фактически же, в смысле изучения, мы могли бы назвать их «заброшенными».

Напечатанная в Вене работа Эркерта[2] являлась сводкой, обзором, каталогом этих языков, но являлась во всяком случае весьма неудовлетворительной работой. Как каталог языков она давала не везде верную классификацию (например, признание языка ахвак аварским наречием). Как описательный обзор книга эта давала материал неверный и относилась к нему некритично. Первородный грех Эркерта состоял в том, что материал собирался при посредстве русского административного аппарата, то есть людей весьма далеких от языковедения. Языковые показания туземцев они записывали кустарным способом — просто русскими буквами. Эркерт переписывал эти материалы своей приблизительной транскрипцией, нагромождая ошибки на ошибки. Самая программа опроса туземцев была им составлена без всякого внимания к лексическим и синтаксическим особенностям кавказских языков. Сейчас положение дел таково, что книгой Эркерта как материалом рекомендуется не пользоваться. В значительной мере то же самое надо сказать и про обзоры отдельных кавказских языков, которые вошли в Grundriss der Sprachwissenschaft Фридриха Мюллера (изданный тоже в Вене).

Совершенно другой характер имеют работы незабвенного П.К. Услара; основанные всегда на самостоятельном изучении, его грамматики поражают нас безупречной, изумительной точностью зарегистрированных в них языковых фактов. Пусть Услар был во многом сыном своей эпохи, пусть его взгляды на природу и структуру языков кажутся нам теперь несовременными — во всем, что им записано, мы имеем твердую базу: такие факты есть или такие факты были. Здесь, на этой базе, будет отправной пункт всех новых изысканий, и в области языков аварского, даргинского (хюркилинского), лакского и кюринского нельзя будет ступить ни шагу вперед, не повторив пути Услара.

Весьма велики заслуги А. Дирра в изучении этих языков. Помимо того, что он попытался достигнуть некоторых обобщений в этой сфере (например, по вопросу о родовых или классных категориях), он, по-видимому, поставил себе целью доделать или продолжить работу Услара по языкам, которые последний не успел обследовать. Отсюда его работы по удинскому, табасаранскому, агульскому, рутульскому, цахурскому, арчинскому и андийским языкам.[3] Работы эти чрезвычайно ценны. Они дают сознательно проверенный материал, но они не дают той полноты материала, на какую был способен только гениальный Услар. Услара придется только дополнять, — Дирра придется пересмотреть и дополнить. Как бы то ни было, и на эти работы приходится смотреть как на базу. Упомянув о некоторых работах академика Шифнера, большею частью состоявших в немецком изложении добытых Усларом данных, мы исчерпаем почти все, что сделали ученые в интересующей нас области. Услар и Дирр составили эпоху, они же эту эпоху и завершили. Языки Дагестана в целом, вместе с языком чеченским оказались классифицированными предварительно как восточная группа северокавказских языков. Западную группу этих языков составляли кабардинский язык, языки других черкесских племен и язык абхазский, близко связанный уже с языками Южного Кавказа. На эти последние (южнокавказские) языки наука смотрела с разных точек зрения. Армянский язык изучался под углом зрения индо-германистики. Грузинский язык и языки связанные с ним считались «изолированной» группой. Дело представлялось в таком виде, что связи существуют внутри грузинской группы, внутри черкесской и внутри чечено-дагестанской. Сомнительной представлялась связь между обеими северными группами и почти невозможным казалось перекинуть мост от севера к югу.

Поворотом в деле изучения кавказских языков вообще послужило зарождение нового взгляда на природу «изолированного» грузинского языка. Этот пункт связан с именем акад. Н.Я. Марра. Углубленное филологическое изучение литературного грузинского языка в исторической перспективе привело его к выяснению формальных элементов этого языка и к выделению его корневого состава. После этого стали, конечно, невозможны попытки сопоставлять

неанализированные грузинские слова с неанализированными же, слегка созвучными, словами каких-либо других языков (была между прочим даже курьезная попытка сопоставлений грузинско-церковнославянских). Для формальных элементов языка пришлось искать аналогий в морфологическом строе других групп, для корней — в каком-либо чужом корневом запасе. Сопоставления как формальных, так и корневых элементов вели к одной точке — к группе семитских языков. Здесь нашлись целые ряды самых обычных семитских корней, повторенных в грузинском в регулярно измененном фонетическом виде. Внешние звуковые расхождения между корнями семитским и грузинским обычно бывали очень значительны, но нельзя было забывать того факта, что все известные нам представители семитской группы языков крайне близки друг к другу, так же близки, как, например, все языки славянские или все языки германские. Связи семитско-грузинские представлялись несколько более далекого типа, вроде, например, связей славяно-германских. Приблизительно в то же время выяснилось, что имеются связи и между семитскими языками, с одной стороны, и языком древнего Египта (хамитской группой), с другой стороны, и что эти связи такого же довольно отдаленного порядка. Наличие двух библейских эпонимов, давших название языковым группам, братьев Сима и Хама подсказало привлечение в качестве эпонима и третьего брата Яфета. Так укрепилось название яфетического языка за языком грузинским и за теснейшим образом связанными с ним языками мегрельскими, сванским и чанским (лазским).

Параллельно с грузинской работой Н.Я. Марр все время вел работу армянскую. Он стоял по отношению к этому языку в счастливых условиях. Ему был известен материал не только индоевропейский, но и грузинский (яфетический). С полной определенностью обнаружилось, что армянский язык имеет два лица, что он язык смешанного типа, его строй одинаково пронизан элементами яфетическими и индоевропейскими. Своей яфетической долей он входил, стало быть, в одну группу с «изолированным» языком грузинским. Этот успех и эти определенные результаты в арменистике были добыты Н.Я. Марром тоже на пути филологического, исторического изучения языка. Теории Н.Я. Марра получили, как мы знаем, дальнейшее развитие.

По иному пути пошла начавшаяся гораздо позднее работа Н.Ф. Яковлева в Москве. Являясь искусным «натренированным» фонетиком, он мог дать то, что никогда еще не давалось в сфере кавказских языков: точное, стоящее на уровне современного знания описание их звуковых систем и выяснение своеобразных артикуляций. Он счастливо начал свою работу с языков Северного Кавказа, наименее изученных. Самый характер фонетического изучения требовал от него стать на базу статического изучения современного живого языка, регистрации языковых фактов сначала вне всякой исторической перспективы, выяснения языковой системы, наличной на текущий день. Только такое изучение и было возможно в области, например, ингушского или чеченского языков, где не существовало никакой письменной традиции, никакой истории языка. Как мы видим, Ленинград и Москва в этой области дополняют друг друга. Там — прослеживание языковой истории и выяснение подсказываемых ею выводов, здесь, в Москве, — статическое изучение живых языков, накопление материала для будущих выводов.

Возвращаясь ближе к предмету этой статьи — языкам Дагестана, — надо сказать, что, в частности, и в этой области как теории Н.Я. Марра, так и работа московских работников дали некоторые плоды. Дагестанских языковых фактов Н.Я. Марр касался во многих своих статьях, особенно же в статье «Непочатый источник истории Кавказского мира»[4]. Факты этого непочатого источника проливали для автора свет на факты общекавказские и даже более широкого порядка.

Московские научные работники уже несколько лет вели и ведут работу по описанию живых языков Дагестана, которые считались «бесписьменными», но в некоторых из них теперь вскрывается литература во всяком случае не бедная. Языковое обследование Дагестана соединяется с этнологическим и археологическим изучением местности. Планомерно идя с севера на юг, работа эта теперь подошла к северной границе Азербайджана — к реке Самуру — и переходит на южную сторону этой реки, где имеется население лезгин-кюринцев, а также группа в пять или шесть «одноаульных» языков у подножия Шах-Дага (хиналуг, крыз, джек, апут, будуг).

Мы указывали выше, что на известном этапе изучения Н.Я. Марр осознал связь грузинского языка с семитским. Мы указывали также, что теория Н.Я. Марра получила дальнейшее развитие. Это развитие шло под напором фактов, вполне независимо от автора теории. Такая упрямая вещь, как факты, просто не позволяла, по мере их накопления, оставаться при старых теоретических воззрениях. Приходилось волей-неволей высказывать новые предположения, как бы эти предположения ни казались смелы, как бы ни перевертывали они весь привычный

уклад мысли людей, посвятивших себя изучению языков. Н.Я. Марр, к глубокому сожалению всех языковедов, не дал нигде законченного, связного изложения своей теории ни на одном из этапов ее развития. Если не оправданием этому, то объяснением может послужить то, что новый материал для выводов прибывал ежегодно и ежедневно, и в соответствии с этим теоретические взгляды изменялись и ширились. Законченное изложение можно было бы дать, только искусственно оборвав на каком-нибудь моменте приток новых фактов. Для этого требовалось бы психологическое усилие: закрыть глаза, когда кругом так интересно. Этого Н.Я. Марр не сделал ни разу.

Для нас, однако, будет полезно, хотя бы, может быть, и в не совсем точном изложении, вспомнить и перечислить те этапы развития, через которые проходили его теоретические взгляды.

1. Как мы уже говорили, осознана связь грузинского языка с семитским.

2. Осознаны связи, существующие между грузинской группой, армянским языком (с элементами яфетическими и индоевропейскими) и языками Северного Кавказа — общекавказская языковая группа яфетических языков.

3. Подмечена связь этой яфетической группы с языками древнейших культур Передней Азии — сумерийским (культурным языком досемитской Месопотамии), эламским (языком древней Сузианы и Персиды) и древними малоазийскими языками. Таким образом, вскрылись связи между языками наших дней и зарей нашей культуры.

4. Привлечение в круг яфетидологических исследований языка этрусков в Италии, умиравшего в начальную римскую эпоху. В связи с этим поставлены вопросы о миграционных движениях народов древности в бассейне Средиземного моря. Работы Н.Я. Марра по баскскому языку (в Пиренеях), языку типично яфетическому, отнесли границу яфетических изучений далеко на запад. В то же время привлечение языка буришков (горное племя в западных Гималаях) отодвинуло границу на восток.

5. Поставлен вопрос о доиндоевропейском населении Средиземного моря, вопрос о том, действительно ли были миграции народов с Кавказа в Испанию или из Испании на Кавказ, или миграции не было, а просто мы имеем там и тут обнажения древних «геологических» слоев, в иных местах размытых и уничтоженных историей.

6. Даны попытки объяснения неразъясняющихся (или разъясняющихся с натяжкой) на основе индоевропейских материалов языковых слоев на севере Европы в языках германских и славянских. В самое последнее время Н.Я. Марр подошел под этим углом зрения к изучению финских и тюркских языков.

7. Наличие яфетических элементов в столь многих и столь разнообразных языках заставило поставить вопрос о природе наблюденной связи. Откуда эти, пусть гипотетически признаваемые за яфетические, элементы? Наследие ли это одного древнего языка? Объяснимо ли это, в какой-либо мере, сравнением с ветвями родословного древа, идущими от одного корня? Или удачнее будет сравнение с полем и колосьями на нем, причем во многих случаях колосья эти, как лианы, скрещиваются и вновь расходятся? То есть в начале процесса языков много, в течение процесса они испытывают всевозможные влияния друг на друга, в конце процесса языков так же много, а может быть, несколько меньше, чем в начале. Таким образом, отправляясь от одного только кавказского языкового уголка, исследователь принужден спросить себя о характере понимания процессов языкового развития в общем масштабе.

8. Постановка вопроса о характере языкового развития в истории влечет за собой постановку другого вопроса: о начальных стадиях развития языка. Намечается, что определенные типы языка (социального орудия) отвечают определенным социальным типам человеческих обществ. Однако эта стадия только намечается и говорить о ней что-либо — преждевременно.

Читатель видит из обзора этих этапов, в какую глубину и к каким серьезным вопросам ведут нас языковые факты, наблюдаемые нами на территории Кавказа и, в частности, Дагестана. Яфетическая теория перестала быть кавказской теорией, она затронула самые принципиальные вопросы науки о языке. На эти вопросы она дает предварительные, посильные, сообразные с имеющимся материалом ответы. Эти ответы могут оказаться со временем неверными, новые данные подскажут новые выводы. Теорию Н.Я. Марра поэтому лучше считать пока за гипотезу или за систему гипотез. Проверка этих гипотез будет дана их соответствием с новыми, пока еще неизвестными фактами. Вот почему мы больше всего сейчас заинтересованы в накоплении фактов из области в первую очередь кавказских языков — языков, на которых родилась яфетическая теория и которые, как мы сказали, изучены еще так мало и неполно.

Итак, яфетическая теория может устоять в целом виде, может пасть. Может, наконец, подвергнуться превращениям. Мы заинтересованы в том, чтобы работать над ее проверкой. Теоретики-языковеды и краеведы Дагестана и вообще Кавказа должны поднять на свои плечи планомерную работу по накоплению фактов.

Зачем? Какая польза в достижении определенности наших знаний о прошлом ходе развития языков? Какая в этом непосредственная польза?

Непосредственной пользы от этого мы предсказать не можем. Мы руководимся чистой любознательностью. Мы работаем в убеждении, что от науки человечество еще никогда не получило вреда, а всегда из научного изучения возникала какая-нибудь польза. Уже указывалось, что гениальный Пастер начинал свою работу, руководствуясь чистой любознательностью. Что же вышло из его работ? Прививка против бешенства, целое учение об иммунитете, и т.д. и т.д., — то есть самая непосредственная, воочию ощутимая польза.

Язык — инструмент человеческого мышления. Мыслимо ли не стремиться к углубленному познанию природы и истории языка?

Примечания

1. То есть звуки типа «Л», образованные протоком воздуха через отверстие сбоку между языком и зубами.
2. R. von Erkert. Die Sprachen des kaukasishen Stammes (Wien, 1895).
3. Помещались в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», выходили и отдельными оттисками.
4. Известия Академии наук, 1917 год.

Текст печатается по изданию:
Жирков Л.И. Языки Дагестана и их изучение (Доклад, читанный на заседании историко-этнографической секции общества 4/IX 1926 года). — 1926.

Л.И. Жирков
Развитие частей речи в горских языках Дагестана[1]

Лингвистическая группа горских языков Дагестана, объединенная единством грамматического типа и отчасти общностью словарного состава, включает в себя 31 язык. В это число входят и такие крупные по численности говорящих языки, как аварский, и такие мелкие «одноаульные» языки, как токита́, арчи́ и кубачи́. В то же число мы включаем и несколько языков, имеющих свою территорию вне государственных границ Дагестана, именно языки так называемой самурской группы (хиналу́г, крыз, джек, буду́г, гапу́т) и язык уди́нский (в селениях Варташене и Ниже).

К группе горских языков Дагестана в лингвистическом отношении близка чеченская языковая группа[2], главным представителем которой является чеченский язык. Типологическое сходство грамматического строя между дагестанскими и чеченскими языками так велико, что многие выводы настоящей работы о развитии в этих языках частей речи могли бы быть подкреплены одинаково дагестанскими и чеченскими языковыми фактами. Дагестанские и чеченские языки в общей линии языкового развития находятся в основном на одинаковом этапе. Пережитки глубокого прошлого в них сохраняются весьма явственно и делают их тип в общем весьма архаичным языковым типом. В условиях же современного развития и обогащения этих языков (из которых целый ряд стал уже языками литературными) особенно интересно для лингвиста следить за тем, как языковое творчество на наших глазах накладывает на слои глубочайшей языковой архаики все то новое, без чего не может обойтись язык современной газеты и книги, как возвышаются до абстракции примитивно-конкретные выражения и как архаическая грамматика приобретает способы выражения новых понятий, нового смысла.

В настоящей небольшой работе мы рассмотрим только один вопрос, касающийся языков Дагестана в связи с архаичностью их грамматической структуры, а именно вопрос о том, какие части речи уже развились в этих языках. Есть ли в них, в частности, глагол как особая часть речи? Если есть, то насколько он развился и не представляет ли он собою чего-либо крайне своеобразного и совершенно специфического? Поставленный здесь вопрос важен с двух сторон: во-первых, развитая фактическая аргументация по этому вопросу способна пролить много света на историю развития частей речи в языке вообще; во-вторых, школьная грамматика языков этого типа может правильно построить учение о частях речи только при ясном сознании и учете специфики их грамматического строя. Мы попытаемся ответить на поставленный вопрос, хотя дагестанские горские языки далеко еще не изучены в нужной степени. Только по *четырем* языкам имеются полные грамматики, в виде работ П. Услара по языкам аварскому, даргинскому (хюркилинскому), лакскому и лезгинскому (кюринскому) и двух напечатанных уже грамматик Л. Жиркова (аварской и даргинской), основанных в конечном счете, главным образом, на тех же материалах П. Услара. Только по *восьми* языкам мы имеем не столь обстоятельные, но все же обильные языковые материалы (семь грамматик А. Дирра и грамматический очерк кубачинского языка Л. Жиркова). По остальным *девятнадцати* языкам материалов настолько мало, что можно просто сказать: их еще нет; кое-какие грамматические намеки (объемом каждый в одну-две странички), конечно, не идут в счет. И, однако, материалов у нас уже настолько достаточно, и они, несмотря на пробелы, уже настолько показательны, что настоятельно зовут нас подвести по данному вопросу хотя бы предварительные итоги.

Когда в 60-х и 70-х годах прошлого века П. Услар описывал ряд дагестанских языков, он не сомневался и не мог сомневаться в том, что в этих языках есть все те части речи, какие есть в русских и латинских грамматиках. Поэтому те слова описываемого им языка, которые по-русски переводились глаголом, он считал глаголами; слова, соответствующие русским союзам — союзами, и т.п. Этот простой и наивный взгляд не повредил его грамматическим работам с точки зрения полноты включенного в них материала, но заставил его представить свои описания фактов в таком запутанном виде, который явно преувеличивает грамматическую сложность этих языков и который никак нельзя себе представить перенесенным в какую бы то ни было школьную или учебную грамматику. Только радикальное переизложение материала двух из этих грамматик, выполненное Л. Жирковым в недавнее время[3], позволяет теперь оперировать фактами этих языков более широкому кругу лингвистов.

Когда в 90-х годах А. Дирр вел работу по описанию дагестанских языков, не описанных в свое время П. Усларом, он тоже находил в них все части речи, с которыми имела дело компаративная грамматика индоевропейских языков. Эта ориентация А. Дирра оказалась гораздо более вредной для дела, чем наивные взгляды П. Услара. Фонетическая сторона работ А. Дирра не особенно точна, а изучая приводимые им парадигмы словоизменения, никогда нельзя быть уверенным, что они достаточно полны, что в них не пропущены факты, которые лежат вне горизонта современной автору компаративной лингвистики. Поэтому задача радикальной переработки грамматик, оставленных А. Дирром, является сейчас актуальной и благодарной задачей для нарождающихся кадров молодых кавказоведов нового направления. В ненапечатанных пока работах В. Михайлова и П. Мурашкина выполнению этой задачи уже положено начало.

Работа по языкам Дагестана после П. Услара и А. Дирра возобновилась в послевоенную эпоху и велась уже по утверждении в Дагестане советской власти, когда началось языковое и алфавитное строительство. Эти условия работы направляли и ее содержание. В то время как А. Дирр описывал языки в надежде, что придет пора и по его описаниям компаративисты возведут все эти языки к тому или другому «праязыку», причислят их к какой-либо языковой или этнической группе, работники советского времени должны были дать такую грамматику, которая заключала бы в себе те фонемологические данные, без которых нельзя было начинать создавать алфавиты. Благоприятным для работы явилось также и то обстоятельство, что научное изучение языков Северного Кавказа приобрело организационную базу в деятельности Комитета (позднее — Института) по изучению языков и этнических культур народов Северного Кавказа (позднее — Востока, затем — Института национальностей), деятельность которого в указанном направлении активно развивалась до 1929/30 г. При этих грамматических работах уже с первых шагов постепенно выяснилось, что грамматические категории в этих языках настолько специфичны по своей природе, что лишь с оговорками, или, так сказать, в «кавычках», можно употреблять привычные для нас термины: имя, глагол, прилагательное, наречие, предлог и т.п. Вопрос о своеобразии в этих языках глагола ставился и известным образом решался в даргинской грамматике Л. Жиркова, а затем в его же статье «О строе глагола в яфетических языках Дагестана» (ДАН, 1930, стр. 79 сл.). Но до сих пор этот вопрос не ставился в той достаточно широкой постановке, которая диктуется потребностями школьной грамматики, где важна не только специфичность глагола или имени, но весь вопрос о наличных категориях частей речи в полном объеме.

Однако поставить вопрос о частях речи в дагестанских горских языках в полном объеме означало бы, что мы обязуемся дать о них целую монографию, целую книгу. В дальнейшем к этой работе и придется приступить, но сейчас, в порядке подготовки вопроса, полезно будет дать хотя бы некоторые предварительные данные и выводы, что мы и надеемся сделать в предлагаемой статье. Следовательно, в настоящей статье мы должны ограничить тему, и мы можем ее ограничить в двух отношениях. Во-первых, мы можем остановиться только на главнейших частях речи, играющих наиболее важную роль в предложении, — и даже из этих главнейших взять для начала самое главное: вопрос о глаголе и его специфичности в языках разбираемого типа. Во-вторых, мы можем предложить читателю фактический материал, обосновывающий наши выводы не по всем до сих пор изученным горским языкам Дагестана, а в виде подробно разобранных примеров по одному языку, именно по тому из языков, изучение которого наиболее продвинулось вперед. Таким, без сомнения, является аварский язык, имеющий уже изложенную по-новому грамматику и полный словарь (последний только в виде рукописи, готовой к печати). Если бы неизбежно было приводить фактический материал хотя бы по четырем языкам, статья выросла бы в четыре или во всяком случае не менее чем в три раза. Мы предполагаем поэтому дать подробные данные, изложенные так, чтобы они были доступны лингвисту — и не специально кавказоведу, — лишь по аварскому языку. Относительно же других языков мы по необходимости ограничимся лишь указанием фактов схождения и расхождения с приведенными аварскими фактами, что для основной цели работы будет вполне достаточно. Мы думаем, что для широкого круга читателей факты своеобразного грамматического строя описываемых языков в нашем изложении будут и понятны и глубоко интересны. Читатель будет видеть, как по-разному язык — это «практическое действительное сознание» (К. Маркс) — реализует в своих формах факты сознания и жизни.

Все наши примеры мы будем приводить Новым алфавитом, точнее, НДА (новый дагестанский алфавит), то есть тем алфавитом, каким сейчас пишут и печатают горцы Дагестана. Читатель — не специалист, если только он не дагестанец, по необходимости будет восприни-

мать написанные языковые примеры только зрительно, так как артикуляция многих звуков в этих языках для европейца трудна, а объем статьи не позволяет нам дать все необходимым фактические сведения в помощь читателю.

Мы начнем с разбора аварской фразы: cijas zzalula ţeχ — человек читает книгу.

Cijas — Act. от слова ci человек.

zzalula — наст. вр. от zzalize читать.

ţeχ – книга, Nom.

В русском переводе этой фразы подлежащим является «человек», прямым дополнением является «книгу», сказуемым — «читает». Грамматический разбор аварской фразы покажет, однако, совершенно иные отношения между отдельными словами разбираемой фразы.

В Nom. стоит слово ţeχ (книга), наоборот, cijas стоит в Act. — в падеже, выражающем иногда орудие, которым что-нибудь делается, но чаще всего то действующее лицо, того «агента», который что-нибудь делает. Действующее лицо ставится в этом падеже *всегда* при глаголах, выражающих по своему значению действие «переходное». Указанный факт повел к тому, что не раз лингвисты пытались объяснить в аварском и в других языках аналогичного строя разбираемую конструкцию как пассивную конструкцию, как «страдательный оборот». Считая Act. вполне равным по значению творительному падежу индоевропейских языков, они находили, что данная аварская фраза не отличается ничем существенным от возможного, например, в русском обороте: «человеком читается книга». Но это объяснение неверно и не объясняет специфики аварской конструкции. В то время как в русском языке мы имеем противопоставленными два языковых выражения одного и того же реального факта: «Человек читает книгу» — «человеком читается книга», в аварском языке мы не можем противопоставить фразе: cijas zzalula ţeχ никакого другого оборота речи. Поскольку в данном случае нет противопоставления друг другу двух различных глагольных форм («читает» — «читается»), постольку мы не можем говорить об активном и пассивном (действительном и страдательном) глаголе, ибо эти конструкции возможны только в сосуществовании и в противопоставлении друг другу. Наоборот, несомненно, что аварская фраза тоже выражает активность действии «чтения». Но эта активность выражена здесь не в специальной предикатной форме активного глагола, а в специальной падежной форме имени, которая обозначает активно действующее лицо — в форме падежа Act. Поэтому ввести в аварскую грамматическую терминологию название «активного падежа» мы считаем вполне закономерным, говорить же в аварской грамматике о «пассивном глаголе» мы считаем невозможным.

Разбираемая фраза позволяет нам вскрыть и более глубокие языковые пережиточные факты, которые позволяют нам обрисовать в общих чертах исторический ход развития входящих в эту фразу грамматических форм.

Слово cijas морфологически делится следующим образом: ci|j|a|s. Корень этого слова ci является в то же время Nom. (именит. падежом). Две последних морфемы a|s представляют собою падежное окончание. Стоящий между корнем и окончанием звук j появляется только на стыке гласного исхода корня с гласным началом формператива. При согласном исходе корня этого звука не будет, напр. vass|a|s < vass брат.

Разберем ближайшим образом, что представляет собою указанное нами падежное окончание a|s. Данное написание является принятым сейчас орфографически правильным написанием, согласно существующему в современной аварской орфографии правилу: в составе формативов не пишутся двойные (геминированные) согласные, так как недвойные (негеминированные) согласные вообще в составе формативов не встречаются. Таким образом, данное грамматическое окончание в орфографии, принятой до 1931 года и отражавшей механически полно фонемный состав аварского слова, писалось с двойным ss, то есть cijass. Само по себе окончание a|s существует и как отдельное слово; это будет активный падеж муж. рода от указательного местоимения a|v, с переменным родовым (классным) признаком в конце v. То же местоимение в среднем роде (все имена единственного числа не мужчины и не женщины) будет a|b, в женском роде a|j, во множественном числе всех родов a|l. Это местоимение в ряде говоров является сейчас самым обычным указательным местоимением со значением «этот». Существует, и в ряде других говоров преобладает, эмфатическая форма того же местоимения: hav, hab, haj, hal («вот этот»>«этот»). Ряд эмфатических местоименных форм с начальным h вообще существует наряду с рядом таких же местоимений без этого начального звука.

То, что падежное окончание a|s действительно является лишь прибавленным к имени указательным местоимением, станет очевидным, если мы примем во внимание, что и в среднем и женском роде в окончании Act. в склонении имен выступает именно Act. указанного местои-

мения среднего и женского рода a|l (по фонемному составу и по орфографическому написанию до 1931 года — a|l). Примеры: zzad|a|l = Act.< zzad дождь; ççuzuja|l = Act. < ççuzu женщина. Также и во множ. числе: vass|a|z = Act.< vass брат, при соответствующем Act. указательного местоимения: a|z.

Таким образом, мы видим, что как в указательном местоимении, так и в падежном окончании родовым признакам в Nom. соответствует иной ряд признаков в Act. (и, следовательно, во всех иных падежах, производных от Act.). Эти два ряда родовых признаков следующие:

	Муж.	Средн.	Жен.	Множ. число
Nom.	v	b	j	l
Act.	ss	ll		z

Как мы видим, в ряду родовых признаков Act. совпадают родовые признаки сред. и жен. рода. Родовые признаки множ. числа являются общими для всех имен, в единственном числе относящихся к различным родам (классам).

Следовательно, аварское склонение, и в том числе образование форм Act. в этом (самом распространенном типе «живого» склонения, по которому могут склоняться все имена без исключения), является не чем иным, как соединением именного корня с местоименным указательным корнем «а» и следующим за ним родовым признаком соответствующего рода (класса) и падежа.

Слово ţex̣ (книга) в нашей фразе является Nom. В склонении оно также подчиняетя всему сказанному выше, и форма ţex̣|a|i¸ (Act. средн. рода) возможна.

Перейдем к тому слову, которое в данной аварской фразе соответствует русскому глаголу «читает». Форма zzalula морфологически делится: zzal|u|l|a. Корнем является zzal; этот корень мы встречаем в так называемой «долженствовательной» форме: zzal|ize (чтобы читать), в так называемом отглагольном имени: zzal|i (чтение), и в различных других формах: zzal|i|la (будет читать), zzal|un (прочитав, прочтя), zzal|u|la|ro (не читает), zzal|i|ço (не прочел, не читал) и т.д.

Окончание разбираемой формы u|l|a заключает в себе как форматив времени u|l. Сопоставляя данный форматив настоящего времени с формативом будущего времени i|l, мы видим, что они различаются гласными элементами, (u, i), сохранив общий согласный здемент.

Если мы хотим бросить взгляд на существо этих временных формативов, мы не можем обойти молчанием того факта, что такие же формативы имеются в аварском языке и именном склонении. Они являются там формативами Poss. («поссессивного» падежа, обычно называемого «родительным» падежом), но только не в том типе склонения, которое мы наблюдаем, разбирая слово cijas, а в так наз. «архаичном» типе склонения. Это архаичное склонение в большинстве говоров еще очень распространено, в некоторых говорах для ряда имен оно является даже обязательным и единственно возможным; в других же (более прогрессивных) говорах огромное большинство тех имен, которые склоняются по «архаичному» склонению, факультативно могут склоняться и по типу «живого» склонения (по типу: ci|j|as, zzad|a|l). Живое склонение сейчас вообще побеждает архаичное, и в той форме аварской речи, которая сделалась международным языком для андо-дидойских и других народов северо-западного Дагестана, этот живой тип склонения является, безусловно, преобладающим. Во всяком случае, сейчас в аварском языке не осталось ни одного имени, относительно которого не была бы констатирована в том или ином из говоров возможность его факультативного склонения по живому склонению. Последнее из слов, о которых в этом отношении еще оставалось сомнение, emen (отец), как было констатировано наблюдениями Д. Мурашкина, склоняется по живому склонению в говоре аула Чиркей (Act.: emen|as).

Архаичное склонение характеризуется тем, что оно вообще возможно только у имен среднего рода. Падежным окончанием Act. служит окончание sa (в написании до 1931 года ssa), которому предшествует тот или иной гласный, причем из гласных здесь мы встречаем чаще всего u или i, то есть в целом мы имеем окончания: u|sa, i|sa. Примеры: roq̣|u|sa=Act. от roq̣|i любовь, baz̧|i|sa=Act. от baz̧ волк. В Poss. окончание sa сменяется окончанием l, то есть мы имеем формы Poss.: roq̣|u|l — любви, baz̧|i|l волка.

Если мы к формам Poss. прибавим знакомое нам указательное местоимение с изменяемым родовым признаком на конце (a|b), то мы получим производные от Poss. имена со значением определений прилагательных: roq̣|u|l|a|b любовный, baz̧|i|l|a|b волчий. Эти формы

прилагательных, однако, в современном языке возможны и с отпадением конечных родовых признаков (что мы часто встречаем хотя бы в аварских газетах), то есть получаются формы: roq|u|l|a, baz|i|l|a. Иными словами, от прибавленного в форме Poss. указательного местоимения a|b остается только его корень (a) без родовых признаков. Сравним теперь форму zzal|u|l|a (читает) с падежной формой roq|u|l|a, и мы увидим, что все формативы в них совпадают. Больше того, само отглагольное имя zzal|i дает в Poss. форму zzal|u|l (производную от Act. zzal|u|sa. Следовательно, форма наст. времени zzal|u|l|a является по существу формой склонения, именно формой Poss. от отглагольного имени zzal|i (чтение) с прибавленным окончанием определения-прилагательного и с последующим отпадением конечного родового признака; все эти явления, как мы видели, вполне закономерны.

Выше мы привели форму буд. времени zzal|i|l|a; от отглагольного имени zzal|i Poss. по этому типу невозможен, но, как мы видели, Poss. на i|l и производные отсюда формы определения-прилагательного вообще возможны, и они существуют в склонении большого количества имен. Таким образом, в форме zzal|i|l|a мы как бы имеем использование во временном значении падежного формператива определенной категории имен.

Прежде чем двигаться в нашем разборе дальше, приведем два примера фраз с именным сказуемым и так называемой связкой. Мы дадим параллельно две сходные друг с другом фразы, из сопоставления которых будет ясно применение в аварском языке грамматического согласования. Входящие в состав этих фраз слова мы делим на семы:

a|b ṭex ɬiḳ|a|b b|u|go: эта книга хороша (есть)
a|j ççuzu ɬiḳ|a|j j|i|go: эта женщина хороша (есть)

Из этих фраз мы видим, что фразы с именным сказуемым в аварском языке имеют (обычно в конце) глагол-связку со значением: быть, есть.

В этих фразах мы видим в качестве именной части сказуемого слова с изменяемыми родовыми признаками в окончании, то есть то, что мы обычно называем прилагательными. Такие прилагательные в аварском языке могут не только входить в состав сказуемого, но могут также являться в функции определении другого имени (обычно перед определяемым).

Приведенные три фразы, из которых первую мы разобрали очень подробно, а две последние достаточно кратко, являются тем грамматическим минимумом, без которого читатель был бы не в состоянии следить в дальнейшем за ходом нашего рассуждения и не смог бы отнестись критически сознательно к выставляемым нами положениям о специфическом характере частей речи в аварском языке.

При грамматическом разборе первой фразы мы довольно подробно останавливались на особенностях аварской глагольной конструкции, ибо без этого объяснить аварскую фразу сколько-нибудь правильно и адекватно действительности было бы невозможно. Теперь мы остановимся на трех грамматических вопросах, опять-таки связанных с глагольной конструкцией. Эти три вопроса следующие: 1) что представляют собою глагольные окончания в аварском языке? 2) что представляет собою глагольная связка? 3) что представляет собою падежное окончание Act.?

Аварские глагольные окончания прежде всего любопытны и замечательны тем, что если мы их обособим от глагольного корня, то они сами по себе будут являться глаголом определенного конкретного значения, и притом таким глаголом, который и сейчас самым широким образом употребляется в обыденной речи. Как мы видим в нашей первой фразе, слово zzal|u|l|a состоит из корня с глагольным значением zzal (читать) и окончания наст. времени ula (которое мы в свою очередь разлагали на более мелкие формальные части). Но в языке существует и слово ula, что значит «идет», «ходит». То же самое касается и всех других форм глагола zzal/ize. Какое бы из окончаний мы ни отделили от корня zzal, мы всегда получим соответствующую форму от глагола ize: так, ila будет буд. временем, ana — прош. временем, arab — прош. причастием, un — деепричастием, ularo — отриц. настоящего времени, iço — отриц. прошед. времени, и т.д. — все от того же глагола ize. Таким образом, мы видим, что вся парадигма словоизменения глагола zzal|ize сводится не к чему иному, как к соединению корня zzal с полной парадигмой словоизменения глагола ize (идти, ходить). По типу zzalize изменяется огромное большинство аварских глаголов. Сравнительно немного глаголов имеют другую парадигму словоизменения. Таков глагол v|aç|ine приходить: vaç|una приходит, vaç|ina придет, vaç|unaro не приходит, vaç|ana (одинаково с типом на ize) пришел, и т.д. Замечательно, что и в этом типе ряд окончаний, отделенных от корня, является сам по себе формами глагола ine с тем же значением: идти, ходить. Таким образом, форма una синонимична форме ula, ina — ila, unaro — ularo; в форме прош. вре-

мени оба глагола совпадают: ana. Во многих говорах Аварии глаголы ize и ine употребляются факультативно на равных правах (напр., в аварском языке, которым говорят андо-дидойцы). Для других говоров есть основание говорить о преобладании глагола ize (говор Караха). Наконец есть говоры, где безусловно преобладает глагол ine, например говоры Гумбета). Тем не менее остается фактом то, что оба глагола (ize, ine) на всей территории аварского языка понятны и существуют.

Если взять всю массу аварских глаголов, то мы увидим, что они могут оканчиваться на ize, eze, oze, uze, aze — по типу ize и на ine, ene — по типу ine. Но последние глаголы (по типу ine), как теперь установлено, всегда факультативно могут переходить в парадигму глагольного словоизменения ize, то есть наряду с глаголом vaçine мы факультативно можем употреблять глагол vaçize. Эти параллельные глаголы будут понятны во всех говорах, хотя не во всех говорах они употребительны (например, не употребительны в Гумбете). Из перечисленных глагольных окончаний eze восходит к ize, и появление его объясняется, по-видимому, условиями ударения (именно ударного положения первого гласного в окончании). Окончания oze, aze восходят к ojze, ujze, то есть к первоначальным o|ize, u|ize. Окончание же aze мы не будем сводить к ize, т.к. существует как самостоятельное слово глагол aze, но только этот глагол постоянно сопровождается родовым признаком вначале, то есть мы имеем b|aze сыпать, лить. Таким образом, глагол, например, ḳal|aze (разговаривать), подобно ранее разобранным, разлагается на корень глагольного значения ḳal и глагол aze, то есть мы видим, что установленное нами положение о делимости аварских глаголов на корень глагольного значения и глагольное окончание, которое само есть самостоятельный глагол, действительно по отношению ко всем аварским глаголам без исключения. Глаголы ize, ine, aze являются, таким образом, универсальными (если хотите, вспомогательными) глаголами, оформляющими в аварском языке корень слова, как именно *глагол*. В этом своеобразие аварского глагола: наличие трех универсальных глаголов, изменяемых по временам, но не изменяемых по лицам; и притом, как мы увидим в дальнейшем, даже и эти три глагола носят следы весьма недавнего обособления от имен или — что в сущности одно и то же — от той первичной «общей» части речи, которая существовала в языке до эпохи наметившейся диференциации имени и глагола.

Но две последние приведенные нами фразы показывают, как будто, что помимо трех «универсальных» глаголов в аварском языке есть еще глагольная связка при именном сказуемом (ugo, igo). Да, это так. Неоспоримо, что сейчас это слово является глагольной связкой, неоспоримо и то, что имеется глагольный корень ug, дающий после родового признака женского рода вариант корня ig. Правда, этот глагол bugize встречается сравнительно редко и не во всех диалектах. Его значение: быть, бывать; обычнее в этом значении употребляется глагол buḳine (с корнем uḳ, iḳ), но и последний глагол очевидно является фонетической разновидностью глагола bugize и связки bugo (чередование ḳ||g обычно в аварском языке). Таким образом, мы видим, что аварский глагол-связка действительно стоит внутри такой группы словообразования, в которой имеются и производные от этой связки глаголы.

Гораздо замечательнее, однако, то, что в этой же группе словообразования мы находим несколько слов (близких к состоянию формативов), которые соответствуют по значению или нашим предлогам или нашим союзам. Эти слова следующие:

1) go=же, даже, тоже > и 2) gi=и; 3) gun=с.

Приступая к разбору этих слов, надо вспомнить, что в аварском языке в отношении гласных фонемологическое различие *для огромного большинства слов* мы можем признавать только за тремя гласными: a, e||i, o||u, то есть пары отмеченных здесь чередующихся гласных связаны возможностью факультативного чередования (*е* вместо *і* и наоборот, *о* вместо *и* и наоборот). В аварской печати, даже в учебных книгах, это сказывается в ужасающем разнобое написания гласных в одном и том же слове, которое пишется по-разному подчас на двух соседних строчках. Однако в некоторых очень немногочисленных словах существует фонемологическое различие между e—i, o—u, например beqi посев, biqi раздел; son год, sun солома. Такое же факультативное для большинства диалектов чередование гласных мы наблюдаем и в приведенных нами словах: go||gu. Но кроме того мы имеем чередование иного типа, дающее ряд: go(n)||gun||gi(n). В языке аварских песен все варианты этого ряда могут иметь значение, с одной стороны, «с>и», с другой стороны — «же, тоже». Кроме того, и go и gon (а следовательно, и gin) являются формативами, оформляющими корни-прилагательные как наречия и глагольные формы как деепричастия. Примеры: ḽiḳ-go хорошо, zzalula-go читая. Обычны наречия и деепричастия на go, варианты же их на gon||gun встречаются в поэтическом языке и являются архаизмами. Еще большим и сравнительно редким архаизмом приходится считать форму gin.

Все сказанное по поводу глагольной связки и сопоставленных с нею слов позволяет прийти к ряду очень интересных заключений. Прежде всего отметим, что основная семантика ряда go||gon||gun||gin||gi без всякого сомнения является локальной семантикой, точнее эти слова обозначают нахождение *около* чего-нибудь, *у* чего-нибудь, *при* чем-нибудь, *с* чем-нибудь, то есть соприсутствие двух предметов. Это именно и есть значение предлога «с», союза «и» (ср.: брат и сестра=брат с сестрой). Отсюда же выводится значение: тоже, также, же (ср.: он тоже — он же). Наконец, отсюда же выводится значение форматива наречий и деепричастий: «с хорошим качеством»>«хорошо», «с чтением»>«читая». Если мы теперь вернемся к разбираемой глагольной связке, то увидим, что она морфологически делится следующим образом: b|u|go, j|i|go. Первые элементы представляют собою, как мы знаем, изменяемые по согласованию родовые признаки. За ними следуют гласные элементы (u, i), характер которых определяется следованием за определенным согласным род. признака. Из этого следует, что основную, корневую часть связки мы можем видеть только в последнем элементе go, то есть мы имеем право интерпретировать аварскую глагольную связку как непосредственно восходящую к слову конкретно-локальной семантики (=около). В этой интерпретации не будет ничего чересчур смелого. В очень многих языках связка восходит к словам конкретно-локальной семантики. Мы приведем здесь только один пример такого явления — пример, может быть, наиболее ясный. В языке свахӀли (Восточная Африка, побережье около Занзибара), относящимся к группе языков банту, мы наблюдаем полное звуковое совпадение связки именного сказуемого и суффикса падежной формы универсально-локального значения. Различие между связкой и упомянутым суффиксом в контексте фразы обнаруживается только тем, что суффикс, присоединяясь к имени, составляет с ним одно слово и смещает ударение (ударным слогом всегда является предпоследний слог слова). Примеры: nyumba ni nzuri дом (есть) хорош; nyumba | ni mtu в доме человек. Из сопоставления только что приведенных двух примеров ясно, что в языке свахӀли основной семантикой связки является локальная семантика: *у* дома (есть) хорошее качество >дом хорош. Разумеется, приведенное структурное совпадение кавказского и африканского языка говорит нам только о типологическом сходстве двух столь далеких друг от друга языков.

Последний вопрос, который интересно рассмотреть в связи с вопросом об аварском глаголе, есть вопрос о том, что собою представляет падежная форма Act.

Как известно, в аварском языке существуют два главных типа склонений: «живое» и «архаическое». По живому склонению могут склоняться все без исключения имена. Оно разделяется на подтипы: 1) склонение мужск. рода, 2) склонение сред. и женск. рода. По архаическому склонению факультативно могут склоняться многие имена сред. рода, некоторые единичные имена мужского рода и одно слово женского рода: (bika — бекша, жена бека). Фактически в ряде говоров архаическое склонение имен среднего рода даже преобладает.

По системе падежных форм аварское склонение обоих типов образует стройную парадигму, в которой исходной формой является Nom.>Act.>Dat.>Poss. и несколько *серий* местных падежей с различными конкретными значениями (*около* предмета, *внутри* предмета, *на* предмете, *под* предметом). В каждую серию местных падежей входят падежи, отвечающие на вопросы: где? (Locativ, например, «в лесу»), куда? (Allativ, например, «в лес»), откуда? (Elativ, например, «из лесу»). Act. всегда является в парадигме склонения формой, дающей основу всем остальным падежам.

В «живом и «архаическом» типе склонения отношение между Act. и производными от него падежами неодинаково. В живом склонении к Act. прибавляются формативы Dat. и Poss., все местные падежи образуются сменой окончаний Poss. на окончание соответствующего Loc.; в архаическом склонении окончание Act. непосредственно сменяется окончаниями Dat., Poss. и всех Loc. Любопытно теперь посмотреть: нет ли формального сходства в этом архаическом типе склонения между окончанием Act. и окончаниями остальных падежей?

Такое сходство, несомненно, есть, и странно, что оно раньше не бросалось в глаза исследователям. Окончанием Act. здесь служит sa (в орфографии до 1931 года — ssa). В этом окончании мы видим гласный элемент (a). Прежде всего обратим внимание на то, что *а* является неизменным конечным элементом во всех падежах Elat. (отвечающих на вопрос откуда?). Так например: ҳag|i||sa из котла, ҳag|iqa из-под котла, ҳag|iła котлом (Act.< Nom. ҳag котел). Доискиваясь до подлинной исходной и первичной семантики Act., мы можем и должны считать очень показательным это формальное совпадение с «исходными» местными падежами: Act. обозначает тот предмет или то лицо, от которых *исходит* действие или которые *порождают*

действие. То есть перенос конкретно-локальной семантики в сферу большей абстракции по указанному направлению является не только возможным, но естественным.

Переходим к рассмотрению согласного элемента разбираемого падежного окончания (-ss). Этот согласный является аналогом всем тем весьма разнообразным согласным, которые характеризуют различные серии местных падежей. В аварском склонении: d||t, характеризует Loc. «на поверхности предмета», ɬ характеризует Loc. «внутри предмета», x̄ — Loc. «около предмета», l̦ — Loc. «под предметом». В других языках Дагестана есть и другие местные падежи с иными согласными, для них характерными. Характерный согласный каждой серии местных падежей присутствует во всех падежах данной серии. В Loc. он находится на конце (заменив собой окончание Poss.), в Elat. за ним следует гласный элемент *a*, в All. — гласный элемент *e*, например, ҳag|iɬ в котле, ҳag|i|ɬa из котла, ҳag|iɬ|e в котел.

Согласным элементом в окончании Act. является SS по положению полный аналог иных согласных в формах Elat. разных серий. Следовательно, мы вправе сказать, что основная семантика теперешнего Act. вскрывается как бывшая *конкретно-локальная семантика* Elat. особой специфической серии местных падежей (с какой-либо специфически-конкретной локализацией), от которой сейчас Act. является единственным остатком. Наше утверждение косвенно подкрепляется и тем, что форма Poss. в архаическом типе склонений тоже является формальным аналогом местных падежей, но уже не Elat., а Loc. (без последующего гласного). Характерным согласным в окончании Poss. является l. Семантическое развитие: Loc.>Poss. тоже вполне естественно и широко распространено в мире языков (ср. хотя бы турецкий и русский обороты: bende var у меня есть). Больше того, последняя из падежных форм сколько-нибудь абстрактного значения — Dat. — тоже аналогична по своему гласному элементу *e* местным падежам All. (отвечающим на вопрос «куда?») Но в последнем случае нельзя найти с уверенностью того согласного элемента, который характеризовал бы локальную специфику Dat. как местного падежа. В архаическом склонении такой элемент как будто находится в лице согласного *j*, предшествующего конечному *e* (например, ҳag|ij|e котлу). Однако появление *j* в интервокальном положении может объясняться и иными (фонетическими) причинами, тем более что в живом склонении мы никакого согласного элемента, специального для формы Dat., не находим. Примеры: ci|j|as|e человеку (Act. ci|j|as), ççuzu|j|al|e женщине (Act. ççuzu|j|al|e).

Таким образом, путем несколько утомительного для читателя грамматического анализа ряда фраз и примеров мы установили, что: 1) формы аварского глагола прозрачно разъясняются как именные падежные формы, образованные от корня глагольной семантики; 2) формы глагольной связки легко сопоставляются со словами, имеющими характер послелогов или союзов конкретно-локальной семантики (первично наречиями места); 3) все падежи аварского склонения, имеющие абстрактное значение (в том числе и Act.) прозрачно разъясняются как местные падежи, сохранившиеся в виде неполных серий.

Придя к указанным выводам на основании материалов аварского языка, зададим себе вопрос: какие факты из материалов по другим языкам Дагестана подтверждают наши выводы, и, с другой стороны, нет ли таких фактов, которые бы их опровергали?

Не вдаваясь в этом отделе нашей работы ни в какие подробности, наметим несколько основных фактов по тем же трем линиям, по которым мы шли в рассмотрении аварских данных: 1) формы глагольного словоизменения; 2) глагол-связка; 3) сущность падежных форм, и в частности, Act.

Говоря о глаголе в масштабе всех горских языков Дагестана, взятых в целом, надо отметить, что, в то время как аварский глагол и глагол во многих других языках Дагестана не имеет изменений по лицам, в ряде языков мы встречаем такое положение, когда уже развились личные формы глагола, развилось спряжение по лицам. Однако только в одном языке (удинском) мы встречаемся с известным законченным этапом этого развития — с наличием спряжения глагола по шести лицам (три лица в един. числе и три — во множеств. числе). В четырех же других языках, которые имеют спряжение по лицам, мы можем констатировать лишь четыре лица (*я*, *ты* — в един. числе, *мы*, вы — во множ. числе). Третье и шестое лица в этих языках могут выражать глагольную семантику только в виде причастий и деепричастий. Если мы взглянем пристальнее на природу формативов, образующих личные окончания глагольных форм в этих языках, то мы во многих из них можем вскрыть связь с местоимениями, и притом (в удинском и табассаранском языках) не только вообще с местоимениями, но именно с определенными падежными формами местоимений. Детали этих падежных отношений довольно сложны и заслуживают подробного описания. Некоторые основные пункты по этому вопросу намечены в нашей работе «О строе глагола в яфетических языках Дагестана»[4]. В языках же

лакском, кубачинском и (за некоторыми исключениями) в даргинском личные окончания глагольных форм представляются нам уже развившимся спряжением глагольной связки со значением «быть». Как мы указали, однако, это спряжение обнимает только четыре лица (без третьего и шестого — он, они). В наличных четырех лицах эти формы связки используются и при именном сказуемом, в глагольном же спряжении перед ними находится причастие или деепричастие соответственной временной или модальной формы. Таким образом, мы видим, что во всех этих языках глагол находится на различных последовательных этапах развития, недалеко отошедших от того аварского глагола, строй которого выше мы разъяснили достаточно полно.

Но в аварском глаголе мы обнаружили возможность отделять от глагольного корня глагольное окончание, причем это отделенное окончание оказывалось самостоятельно существующим в языке глаголом. Вскрыть эти факты в аварском, вследствие их необычайности, в свое время было довольно трудно. В сущности только долгая работа над полным аварским словарем[5] твердо убедила нас в том, что мы правильно смотрим на вещи и верно излагаем факты в том виде, в каком мы изложили их выше. По другим языкам предварительная работа не углубилась еще настолько, чтобы мы могли чувствовать себя на почве этих языков вполне уверенно. Однако кое-что твердо нащупывается и в этом направлении. В даргинском и лакском языках мы в системе глагольного словоизменения — точнее, в системе образования глаголов длительного и недлительного вида — имеем как раз такое положение, когда отдельный форматив является самостоятельно существующим в языке глаголом. Любопытнее всего, что, в то время как в аварском языке семантика этих глаголов-формативов была: *ходить*, *сыпать*, в даргинском и лакском языках мы имеем иную семантику: *сказать*, *говорить*. Формативы с этой семантикой входят в состав таких глаголов, которые на первый взгляд очень далеки от семантики: *сказать*. Нами, однако, уже указано в другом месте на то, что *сказать* увязывается с глаголом *делать*, *идти* и с рядом других глаголов также и в аварском языке, и в чеченском, и в удинском. Добавим к этому, что позднейшие наши наблюдения указывают на наличие аналогичных семантических связей во многих языках народов, главным образом, примитивной культуры, живущих на далеких друг от друга континентах и морях. Таким образом, и в этом пункте мы не видим никаких даных, которые опровергали бы то толкование аварских глагольных отношений, которое мы дали выше.

В области связки в других языках Дагестана мы тоже видим явления большого своеобразия. В некоторых языках (даргинский, кубачи) связка является не чем иным, как местоимением, означающим «он», «сам». Это местоимение, согласуемое по роду, играет роль связки при третьем лице подлежащего, при первом же и втором лице, как мы видели, связка уже обособляется, и ее формы используются в то же время как личные окончания развивающегося глагола. Что своеобразный глагол дагестанских языков здесь развивается именно в форме спряжения по четырем личным формам (1, 2, 4, 5 лица), не захватывая третьего лица (3, 6 лица), видно из своеобразного согласования родовых признаков глагольных форм, какое мы наблюдаем в даргинском и лакском языках. По закону этого согласования в фразе родовые признаки согласуются с именем, стоящим в Nom., то есть с тем, что является в смысле индоевропейских языков объектом, прямым дополнением, *во всех случаях, если подлежащим является третье лицо*; таким образом, закон согласования и здесь совпадает с аварскими нормами. Но в случаях, когда *подлежащее является местоимением первого или второго лица*, родовые признаки глагольной фирмы сказуемого согласуются *именно с этим подлежащим*. Это различие в области согласования указывает на различную природу глагольных форм в первых двух лицах и в третьем лице; именно на бóльшую близость дагестанского глагола в первом и втором лице к тому, что мы привыкли считать глаголом в индоевропейских языках, и на бóльшую близость к имени дагестанского глагола в третьем лице.

Наконец, по поводу наших сближений окончания аварского Act. с согласными, входящими в состав окончаний местных падежей, надо сказать, что в различных горских языках Дагестана звуки типа *ц* встречаются в окончаниях местных падежей, так что и с этой стороны факты иных языков не противоречат выводам, сделанным, главным образом, на основе аварских материалов. Добавим тут же, что и наши сближения звуков *l* в формах глагола и Poss. находят себе косвенное подтверждение. Как мы указали, в аварском языке мы встречаем в составе глагольных окончаний также согласный *n*. На аварской почве это *n* могло бы остаться неразъясненным, и неразъясненность его могла бы подвергнуть сомнению и все соображения относительно *l*, функция которого совершенно параллельна в другом типе глаголов. На самом деле факты других дагестанских языков побуждают нас сближать и это *n* с той же формой именного склонения Poss. Именно Poss. с наличием в окончаниях звука *n* мы имеем в языках:

лезгинском, табассаранском, агульском, цахурском; причем мы видим, что те согласные, которые в одном дагестанском языке используются в окончаниях местных падежей, в других языках зачастую образуют формативы падежей более абстрактной семантики (Poss., Dat.) и наоборот.

Какие же выводы из всего сказанного мы можем сделать по вопросу о правильном построении и изложении грамматики горских языков Дагестана?

Прежде всего заметим, что мы будем говорить как о так называемой *научной* грамматике, так и о грамматике *школьной*. Школьная грамматика не может не быть научной, и противопоставлять одну другой можно только в смысле большей или меньшей популярности изложения. Мы считаем, что все те специфические особенности грамматического строя, которые мы разбирали выше, являются подлинной реальностью, реальным сознанием настоящего или исторически прошедшего моментов, отраженных в этих языках. Как реальное сознание, как подлинная реальность весь этот грамматический материал должен быть разъяснен в школьной грамматике, ибо иначе в этой грамматике мы давали бы искаженное понятие о реально существующих фактах.

Первый вопрос, касающийся школьной практики, — вопрос о том, как вести грамматический разбор фразы в тех языках, в которых выражение активности действия перенесено в область имени, в частности, в область падежных отношений. Мы имеем в виду постановку имени, выражающего лицо действующее, в специальном падеже Act. или вообще постановку его не в форме Nom. Наряду с этим предмет, подвергшимися действию, выраженому в фразе, стоит в форме Nom. При наличии такого положения (а оно таково во всех горских языках Дагестана) единственно правильным будет считать, что подлежащим в фразе является не лицо действующее, а тот предмет (продукт), на который действие направляется, который подвергается обработке, воздействию. Это отвечает тому, что сознание говорящих централизовано на результате (продукте) действия, что для известной исторической эпохи вполне понятно и социально не менее важно, чем наша устремленность в направлении действующего лица как субъекта действия. Грамматический разбор фразы в этих языках должен, наоборот, выявить продуктивный результат действия как *подлежащее*, как то, «о чем говорится». В соответствии с этим своеобразная глагольная форма этих языков явится при результате действия *сказуемым*, тем, «что говорится», что объясняет нам, каким путем интересующий нас результат получается. При этом сказуемом в качестве *обстоятельственного слова* в числе других обстоятельственных слов мы встречаем и указание на действующее лицо, стоящее в специальном падежи Act.

Нет сомнения, что такое строение фразы в языке — в реальном сознании — отражает определенную, более раннюю стадию общественного развития. С бо́льши́м основанием можно здесь видеть бо́льшую подчиненность человека природным процессам, чем это имеет место сейчас, в современную нам эпоху. Можно здесь видеть также и бо́льшую подчиненность отдельного человека, индивида, всему коллективу, обществу. В фразе разбираемого типа более важным, более центральным представляется результат процесса или действия, и отходит сравнительно на задний план индивидуальная личность исполнителя действия. Наличие, таким образом, отраженных фактов сознания нисколько не деградирует, не унижает тот язык, в котором эти факты реализовались в отдаленную от нас прошлую эпоху и пережиточно существуют до наших дней. Пережитками реализации прошлых фактов сознания богаты все языки. Грамматический род индоевропейских языков, в том числе и русского, является не менее древним реликтом, однако язык, в котором «лес» и «ручей» понимаются грамматически как мужчины, а «березка и «речка» как женщины, даже продолжая носить в себе остатки анимистических воззрений на природу, может служить и служит орудием коммуникации и культурной работы и в эпоху диктатуры пролетариата. Так и аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табассаранский и другие языки, несмотря на то, что субъектом в их фразе является не исполнитель действия, а результат его, могут двигаться вперед по пути литературного развития ничуть не хуже русского языка. Они могут расширять свой терминологический сектор, обогащать синонимику и уточнять оттенки выражения, дифференцировать до нужной степени стиль литературного выражения и т.д.

Мы считаем, что в школе и в школьной грамматике учение о грамматическом разборе фразы должно быть построено адекватно реальным фактам и, кроме того, в этом учении должно быть отмечено то специфическое, качественно отличное, но отнюдь не низшее по качеству, что действительно имеется в строе фразы этих языков.

Переходя к вопросу о том, какие же части речи обнаруживаются в горских языках Дагестана, мы должны будем сказать, что вопреки отмеченной нами связи глагола и имени мы в

современной грамматике можем различить почти все те же части речи, что и в русском языке. Этот факт на первый взгляд может показаться удивительным, на самом же деле он служит лучшим доказательством того, что сохранение языком древних, реликтовых фактов сознания ничуть не мешает этому языку развиваться. Как ни изолированы горские народы в своих ущельях (благодаря чему на Кавказе и сохранились реликтовые языки), все же, особенно в нашу эпоху, они не могут жить в полной изоляции. Языковое смешение и в них имеет место, тем более что хозяйственные и культурные отношения связывают их с другими народами, говорящими на языках иной стадии развития. В этих условиях никакой язык не имеет возможности своевременно и достаточно быстро создать все те формы речи, какие нужны на данной стадии развития общества. Недостающие для новых понятий термины вечно вливаются в него из других языков и образуют потребный на данный момент терминологический сектор языка. Необходимая степень абстракции и необходимое количество слов абстрактного значения постоянно бывают обеспечены тем, что каждое слово, даже самой грубо-конкретной семантики, может быть поднято языком до степени настолько абстрактного значения, насколько абстрактны предлоги или союзы в наших языках. Поэтому говорить о «богатстве» или «бедности» языка можно только с учетом тех реальных условий, в которых живет данное общество в данную эпоху. Язык общества австралийцев, конечно, «беднее» языка английского, но только потому, что язык австралийцев «богат» в меру «богатства» тотемистической общественности, а язык английский «богат» в меру «богатства» капиталистической Англии. Сами же по себе они имеют в себе все, что нужно, с одной стороны, австралийцам, с другой — борющимся классам капиталистического общества. При этом в ряде областей австралийский язык окажется богаче английского. Так, например, терминология пустыни, охоты, тотемизма у австралийцев естественно будет точнее и богаче.

Исходя из этих соображений, мы поймем без труда, что в горских языках Дагестана, в нашу эпоху вовлеченных в процесс культурной революции, должно быть что-то по функции вполне адекватное глаголу, наречию, прилагательному, союзу в других языках. Особенно за последние годы, в процессе широкой переводческой работы, эти языки разработали довольно точные соответствия всем нашим частям речи. Вот почему, настаивая на необходимости ввести в школу практику грамматического разбора фразы по нормам, специфическим для этих языков, мы признаем правильным говорить в грамматике этих языков на их современной стадии развития о большом количестве частей речи, формально дифференцированных одна от другой. В них есть, как мы видели, имя, обладающее богатой парадигмой склонения, в достаточной уже мере выделилось имя-определение (прилагательное), имеется наречие (определение характера действия). Что касается глагола, то следы доглагольного строя, как мы старались показать, бросаются в глаза. И тем не менее для современной стадии развития мы можем говорить и в этих языках о глаголе, морфологически уже противопоставленном имени, при условии, если мы будем трактовать все члены предложения, которые соотносятся с предикатом (глаголом) так, как это мы выше показали, то есть если мы будем видеть субъект этого предиката в создающемся результате (продукте) действия.

Что касается, наконец, так называемых «малых» частей речи, то в дагестанских языках, бесспорно, мы имеем лишь одну такую часть речи: союз-предлог (можно было бы ее назвать термином арабской грамматики — ħarf — «частица»). Относящиеся сюда слова, краткие по своему звуковому оформлению, первоначально выполняли функцию локальных указаний, были как бы предлогами или послелогами. Затем их локальная семантика переработалась в семантику более абстрактную: они стали выражать временные и логические отношения, то есть стали как бы союзами. Выше мы видели, что в аварском языке с такими союзами связана также и связка, имеющая значение «быть». Запас таких слов в языках Дагестана обычно невелик, и для их восполнения в языке было создано то, что П.К. Услар считал в своих грамматиках «послелогами», но что в сущности таковыми не является, а является обычными именами, поставленными в том или ином из местных падежей.

Так, по нашему мнению, нужно разрешить вопрос о специфических особенностях грамматического строя горских языков Дагестана. Специфика этих языков, все своеобразие их глаголов не должно затушевываться. Грамматический разбор фразы должен давать факты, адекватные фактам сознания, реликтово отложившимся в этих языках. Но в то же время должно быть показано, что эти языки движутся по общему пути развития и в современную нам эпоху в области наличия всех необходимых частей речи и богатства речевого выражения не представляются более бедными, чем языки наиболее развитых обществ.

Примечания

1. Настоящая работа является обработкой части доклада, сделанного автором в бригаде по грамматике и типологии языков Научно-исследовательского института языковедения в Москве в 1932 году. Излагаемая здесь концепция во многом отражает то, что дала автору коллективная работа — прения по докладу.

2. «Вейнахские» языки — по терминологии, предложенной Н.Ф. Яковлевым.

3. Л. Жирков, Грамматика аварского языка, Москва, 1924; его же — Грамматика даргинского языка, Москва, 1926.

4. ДАН, 1930, стр. 79 сл.

5. Печатается.

Текст печатается по изданию:
Жирков Л.И. Развитие частей речи в горских языках Дагестана // Языки Северного Кавказа и Дагестана. — М.—Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — Т. 1. — С. 155—167.

Павел Николаевич Черняев

Павел Николаевич Черняев (1863–1931) – филолог, специалист по классическим языкам и античной литературе, археолог, кавказовед.

Родился в 1863 году в Вологде. Окончил Вторую Казанскую гимназию в 1882 году, в 1886 году – историко-филологический факультет Казанского университета с золотой медалью (выпускная работа – сочинение «Седьмая сатира Ювенала» с комментариями и переводом). Был привлечен к работе в университете, готовился к получению профессорского звания.

В 1886–1909 годах работал учителем, воспитателем Первой Казанской гимназии, а позже исполнял обязанности директора Первой Саратовской гимназии. В 1909 году был приглашен на должность приват-доцента в Варшавский (Донской) университет (с 1915 года в Ростове-на-Дону, с 1917 года получил название Донского университета). В этом университете П.Н. Черняев получил звание профессора и проработал до середины 1920-х годов.

П.Н. Черняев был специалистом по классическим древностям (докторская диссертация посвящена римскому комедиографу Теренцию). Участвовал в Третьем международном конгрессе классической археологии в Риме (1912). Автор учебников по латинскому языку.

Биографы П.Н. Черняева С.С. Казаров и Н.В. Оболонко так пишут о деятельности ученого, отстраненного от работы с начала 1920-х годов: «Советская власть, утвердившаяся на Дону с начала 20-х годов, с подозрением относилась к ученым старой школы. Начинается постепенное выживание дореволюционной профессуры Варшавского (Донского) университета. При этом никто не брал в расчет, что большинство ее представителей, уже достигших пенсионного возраста, сохраняли высокий научный и творческий потенциал. Новой власти было не до исследования античной культуры. «В настоящее время за отсутствием кафедры я не состою профессором, однако не оставляю своих научных занятий», – писал в своей автобиографии Павел Николаевич 25 марта 1926 года.

Отстраненные от активной преподавательской деятельности, некоторые профессора стали участвовать в различных общественных организациях, в особенности краеведческих. В 1920-е годы на базе Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ) была создана Танаидская комиссия для разработки вопросов, связанных с изучением Танаиса; наряду с известными профессорами Северо-Кавказского университета, в ее состав в конце 20-х годов вошел и Павел Николаевич. Параллельно продолжались заседания СКОАИЭ; с 1927 по 1929 год Черняев выступал на них с докладами «К вопросу о чтении фрагмента танаидской надписи, хранящейся в СКОАИЭ (13.05.1927), «Жизнь и деятельность П. М. Леонтьева» (11.11. И 25.11.1928), «А.А. Мартынов и его археологические записки» (24.03.1929), «Амфора с оригинальным клеймом из Елизаветовского городища» (23.06.1929). <...>

Новая власть в подобных собраниях усматривала заговоры контрреволюционной интеллигенции. Наиболее активные члены Общества в феврале 1931-го были арестованы. С Черняева взяли подписку о невыезде, а 3 февраля пришли на квартиру (улица Дмитриевская, 16) с обыском, однако произвести его не смогли: Павел Николаевич лежал при смерти. Б.В. Лунин (коллега П.Н. Черняева по археологическим работам. – *К.Ш., Д.П.*) – в своих показаниях «признавался», что «профессор Черняев являлся представителем правой реакционной профессуры. Характерный представитель классической школы в худшем смысле этого слова. Отсюда – односторонность, узость, консерватизм. В полном смысле – человек «прошлого». Новое было чуждо органически, почему не только марксистская литература, но и вообще советская литература избегалась им, отвергалась». <...> Место захоронения Павла Николаевича Черняева не сохранилось» (Казаров С.С., Оболонко Н.В. Судьба профессора Черняева // Донской временник. 2013. № 21).

Сохранившиеся работы П.Н. Черняева до сих пор представляют интерес в области изучения античной культуры, культуры Северного Кавказа.

Работы о П.Н. Черняеве:

Кутилин В. Памяти профессора П.Н. Черняева // Северо-Кавказский коллекционер. – 1931. – № 3. – С. 2.

Бойко А.Л. Танаидская комиссия СКОАИЭ: Предпосылки образования и деятельность // IX Донские археологические чтения. 26 дек. 2006 года. — Ростов-на-Дону, 2007. — С. 19—32.

Казаров С.С., Оболонко Н.В. Судьба профессора Черняева // Донской временник. — 2013. — № 21.

Исследования П.Н. Черняева:

Материалы для истории Саратовской I-й гимназии: Биографические очерки директоров. 1820—1851 // Труды Саратовской учёной археологической комиссии. 1909. — Вып. 25. — С. 1—29.

Быт нравы в комедиях Теренция. — Варшава, 1912.

Картины из культурной жизни Древнего Рима. — Харьков, 1914.

Краткий очерк топографии античного Рима. — Варшава, 1913.

Голод в классическом мире. — Казань, 1899.

Роль и характер гимнастики в древней Греции // Сокол: популярный научно-педагогический журнал, 1911. — № 10. — С. 239—243; № 11. — С. 277—282.

Обречённый на забвение труд по истории всеобщей литературы // Филологические записки, 1906. — № 1. — С. 1—28; № 2. — С. 29—60.

Краткий систематический курс латинского синтаксиса. — Казань, 1894.

Опыт методики преподавания латинского языка. — Ростов-на-Дону, 1916.

Как изучал П.К. Услар язык убыхов. — Ростов-на-Дону, 1929.

А.А. Мартынов и его археологические записки // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. — Ростов-на-Дону, 1929—30. — Кн. 1 (Т. 3). — Вып. 5—6. — С. 42—46.

П.Н. Черняев
Как изучал П.К. Услар язык убыхов[1]

При изучении кавказских языков Услар, как известно, придерживался такой системы: сначала он отыскивал туземцев, знающих русскую грамоту, просил их самих записывать по-русски произносимые ими туземные слова, и если при этом встречались звуки, соответствующих которым не оказывалось в русском алфавите, то для таковых выбирались буквы из других алфавитов (грузинского, латинского). Приискивать туземцев не представляло для Услара особых затруднений, тем более, что в этом деле ему на помощь приходили власти на местах. Туземцы, в большинстве случаев, быстро осваивались с теми требованиями, какие предъявлял им Услар; однако при изучении табасаранского языка дело обстояло хуже: Услару пришлось менять своих помощников несколько раз, и это, до некоторой степени, было причиной того, что изучение табасаранского языка Усларом не было закончено.

При несколько необычных условиях Услар изучал язык убыхов, которые занимали полосу земли вдоль берега Черного моря между устьями речек Хамыш и Бу протяжением до 35 верст. Это племя было самое воинственное и по отношению к русским, и самое враждебное на всем Западном Кавказе. В литературе кавказской этнологии убыхи играют весьма загадочную роль: то их причисляют к адыгам (черкесам), то к абхазцам, а некоторые даже выделяли их в особое, отличное от тех и других племя. Многие классические, а также византийские и средневековые итальянские писатели, указывают на то, что между зихами (черкесами) и абасками (абхазцами) живет особый народ, который известен под различными названиями; одно из этих наименований особенно достопримечательно — это алапе, следы языка которых могли бы быть обнаружены изучением языка убыхов. Граф Потоцкий первый обратил внимание ученых на это обстоятельство, однако самому ему не удалось узнать ни одного убыхского слова. Далее англичанин Бель, проживавший среди приморских черкесов почти три года (1837—1839), старательно вел драгоценный для науки кавказской этнологии журнал, в котором всесторонне описаны быт и нравы черкесов. Бель вращался и среди убыхов, но, по-видимому, за недостатком времени, он не успел заняться их языком. В своем дневнике Бель отмечает, что на берегу Черного моря, от Анапы до пределов Мингрелии, жители говорят тремя различными языками: адыге — до Бу, абаза — между Бу и Дгамышом, а азра — от Дгамыша до границы Мингрелии. По замечанию Услара, Бель, вообще осторожный и аккуратный исследователь, в данном случае впадает в некоторое заблуждение, которое Услар и старается исправить. Признавая адыге, обитавших в Кабарде, за аристократический элемент, а абаза — за плебеев, Услар видит в них два племени, различных по языку и по происхождению. Белевских адыге, абаза и азра Услар рекомендует изменить в адыге, убых и абхаз.

Бель мимоходом, а за ним Люлье специально изучали язык черкесов и убыхов на местах при исключительно благоприятных обстоятельствах. После названных исследователей убыхский язык стал изучать Услар сначала во время своего пребывания в Абхазии, откуда он специально ездил в Гагры, где познакомился с одним джигетским князем, уверявшим Услара, что он в совершенстве знает убыхский язык, так как всю жизнь провел среди убыхов. Князь продиктовал Услару с полсотни слов и несколько фраз, которые переводчик-абхазец признал совершенно чуждыми абхазскому языку. По сличении переданного материала с некоторыми имевшимися у Услара образчиками адыгского языка обнаружилось, что все сообщенные слова и фразы принадлежат адыгскому языку. Таким образом, Услар потерпел в данном случае неудачу. Затем, находясь в Ставрополе, Услар возобновил свое изучение языка убыхов; кстати, здесь попался ему адыг, сообщивший, что в убыхском языке имеется много адыгских слов, однако большая часть этих слов ему совершенно непонятна; несколько таких слов были сообщены Услару, причем оказалось, что это были абхазские слова. И на этот раз Услару тоже не повезло. Далее, в том же Ставрополе, Услар узнал, что в местной тюрьме содержался в ожидании решения своей участи какой-то убыхский бродяга; к нему-то Услар и обратился с расспросами, но тут обнаружилось, что названный арестант, в продолжение своей долгой бродяжнической жизни, успел составить для собственного потребления особый язык из множества исковерканных слов, представляющих собою причудливый конгломерат, в который входили даже слова русские, турецкие и грузинские. Этот-то хаотический лексикон и выдан был Услару под наименованием языка убыхов — это уже третье фиаско, потерпенное Усларом в деле

изучения названного языка. Наконец выдался Услару благоприятный случай: находясь осенью 1861 года в нижнеабадзехском отряде, расположенном на реке Белой, верстах в 12 выше Майкопского укрепления, Услар, благодаря содействию отрядного начальника, полковника Горшкова, сблизился с одним абхазским уорком (дворянином) Сулейман Жаджимуковым, у которого воспитывался 14-летний мальчик, сын знатного убыха Хаджи-Дегунок-Берзека, о котором не раз упоминает Бель в своем журнале. В продолжение недели юный Берзек терпеливо, по несколько часов каждый день, посвящал прилежным занятиям с Усларом, который подолгу расспрашивал его о языке убыхов через адыгского переводчика. Однако мирные научные занятия юного педагога с пожилым учеником вскоре были прерваны вследствие появления по близости скопища абадзехов и убыхов; Берзек исчез тогда из лагеря, без сомнения, затем, чтобы принять участие в перестрелке своих с русскими; по наведенным позже справкам отважный мальчик был тяжело ранен картечью в плечо и, вероятно, вскоре умер от этой раны. Таким образом, труд Услара остался неоконченным; однако и в настоящем своем виде он все же был бы небесполезен для будущих исследователей.

В заключение своего повествования об изучении языка убыхов Услар пишет: «В конце XVIII века граф Потоцкий задал вопрос об убыхском языке; во второй половине XIX века мне удалось взяться за него; около тридцатых годов XX века можно ожидать разрешения вопроса, но не знаю, отыщется ли тогда кто-нибудь, знающий по-убыхски». Осуществление пророческих слов Услара надо бы ожидать как раз в наше время, но, по-видимому, за изучение языка убыхов до сих пор никто не принимался после того, как столько труда и времени потрачено было Усларом на поиски лингвистической правды.

Ходом исторических событий убыхский язык был обречен на исчезновение: сначала под влиянием неудержимого напора языков абхазского, адыгского и турецкого, убыхский язык еще задолго до Услара находился в состоянии агонии; затем, события, последовавшие за войной с Турцией в конце 50-х годов XIX века, нанесли существованию убыхов смертельный удар, и теперь едва ли встретится на Кавказе хоть один настоящий убых; дети тех, которые ушли в Турцию, уже не в состоянии понимать языка своих предков. Хотя по последним довольно сомнительным статистическим данным и выяснилось, что в настоящее время насчитывается до тысячи убыхов, но ведь нет никакой уверенности в том, что эти остатки убыхов говорят чистым беспримесным языком своих праотцов.

В изучении языка убыхов Услар остановился на деепричастии, и лингвисты, по его справедливому замечанию, будут горько сожалеть о том, что убыхский язык исчез, не оставив по себе другого следа кроме его хилого, шестидневного грамматического очерка, до сих пор не нашедшего своего продолжателя[2].

Примечания

1. Сравнительная этнография Кавказа. — Языкознание. I. Абхазский язык. П.К. Услара. Тифлис. 1887, стр. 75 сл. и в газете «Кавказ», 1868, № 113.

2. Л.Г. Лопатинский получил перед европейской войной значительный лексический и грамматический материал непосредственно из Турции и частично подверг его обработке. Рукопись этого не вполне обработанного труда кавказского лингвиста хранится в Баку у его вдовы.

Текст печатается по изданию:
Черняев П. Как изучал П.К. Услар язык убыхов. — Ростов-на-Дону, 1929.

Михаил Васильевич Беляев

Михаил Васильевич Беляев (1885 — 29 октября 1948) — лингвист, педагог, специалист в области сравнительно-исторического языкознания, славянских языков.

С 1937 по 1943 год возглавлял кафедру русского языка Сталинградского индустриально-педагогического института (в настоящее время Волгоградский государственый социально-педагогический университет), читал в институте основные лингвистические курсы.

Преподавал в вузах Гомеля, Баку, Волгограда, Одессы.

Работы М.В. Беляева:

О сравнительном изучении кавказских языков. — Владикавказ, 1930.

Осетинские этимологии. — Ростов-на-Дону, 1930.

М.В. Беляев
Осетинские этимологии

Осетинский язык, язык потомков скифов, алан, игравших такую громадную роль в индоевропейской до-истории, относится к индоевропейской семье языков, в частности, к ее иранской группе, и к этой группе он действительно принадлежит по своим формальным особенностям, хотя и не всецело. Более или менее подробные сравнительно-грамматические изучения его в этих пределах уже производились Гюбшманном, В. Миллером (Осетинские этюды, ч. II) и другие. Однако в настоящее время под влиянием новых сравнительно-лингвистических изучений и на Западе, и у нас, у нас особенно под влиянием яфетической теории Н.Я. Марра, значительно изменяются прежние прямолинейные и схематические представления индоевропейской сравнительной грамматики. Приходится говорить уже не об индоевропейской «семье» языков, вышедшей из одного языка-предка, разнесенного от океана до океана одним народом какой-то высокоодаренной благородной белокурой расы и разделившимся, как делится дерево на ветви или семья на детей, — а об индоевропейской языковой системе первоначально различных, потом смешавшихся и соединившихся языков, оставивших следы своего прежнего различия и в разнообразии звуковых вариаций, и в многообразии форм, и в перекрещивающихся лексических связях. За этой системой стоит не народ или раса, а общество и многообразие общественных отношений.

Индоевропейская языковая система, несомненно, есть результат экономического и культурного сближения, соединения и смешения народов и племен, только во многом нам еще не ясного. Выясняемый сравнительно-грамматическим путем индоевропейский праязык, который Бопп, Шлейхер и другие считали реальностью, сейчас получает характер только отвлеченной схемы, только идеальной нормы индоевропейских языковых взаимоотношений, не обнимающей их всецело и намечающей только основные ее контуры по данным, главным образом, древнейших письменных языков, — идеальной нормы, помогающей разбираться в реальных языковых взаимоотношениях и именно вызывающей особое изучение этих реальных языковых и стоящих за ними общественных и культурных взаимоотношений. За отвлеченными формулами индоевропейской сравнительной грамматики, за устанавливаемыми таким путем звуковыми соответствиями, праформами, звуковыми законами необходимо видеть и изучать иные, реальные и исторические языковые отношения, только условными символами и схематическими представлениями которых являются эти соответствия, праформы и звуковые законы. Однако они сохраняют свое значение, такое же, как идеальные геометрические фигуры или алгебраические формулы по отношению к реальному измерению и исчислению. Ясно при этом, что в выяснении этих норм индоевропейская сравнительная грамматика почти исчерпала себя, закончила некоторый круг своего исторического развития за сто лет своего существования. Круг индоевропейских языков, известных нам, вполне определен, состав праязыка в его звуках и формах, по крайней мере, выяснен, и сравнительные изучения раздвигаются на языки соседние, неиндоевропейские. И вот здесь сопоставления индоевропейских языков с языками семитическими, угро-финскими, тюркскими, кавказскими открывают иные языковые соотношения и соответствия, и за индоевропейской языковой системой мало-помалу выясняется иная система, или иные системы, в своем соединении, скрещении и смещении давшие ее.

Вскрывается более древний, почти первобытный пласт языковых соотношений и зависимостей, создавшийся также на почве социального взаимоотношения племен и народов. В этой работе яфетическая теория Н.Я. Марра имеет преимущественное значение и в своей теоретической, и в своей специальной лингвистической стороне. Но при этом, по нашему мнению, не утрачиваются результаты столетнего развития индоевропеистики. Ее методологические достижения: а) требование при сравнениях и сопоставлениях установления постоянных, «закономерных» и оправдываемых неограниченным числом случаев звуковых соответствий; б) предложение на этом основании некоторых идеальных, по крайней мере, и условно-символических исходных или посредствующих праформ; в) выяснение относительной последовательности языковых явлений и процессов в определенном кругу условий и зависимостей, — сохраняют свое полное значение для всякой иной теории, без которых эта теория будет лишена научной убедительности. Лингвистическая проблема не стоит так альтернативно: индоевропеистика или яфетика, как это часто теперь представляют. По мере того, как развиваются

яфетидологические изучения, вскрывающие, так сказать, подпочвенный языковой слой, все более усваиваются этой теорией технические требования индоевропеистики: создается сравнительная грамматика яфетических языков, устанавливаются длительные закономерные звуковые и формальные соотношения в группах этих языков (сибилянтных, спирантных, сонорных в их подразделениях), определяется соотносительная последовательность языковых явлений (например, развития грамматических систем и форм), лингвистические факты ставятся в связь с изучением бытовых и материальных культурных древностей (лингвистическая палеонтология). В диалектическом перебое направлений лингвистических изучений определяется или намечается, по крайней мере, с нашей точки зрения, некоторая возможность синтеза, в котором и индоевропеистика лишается известных прежних прямолинейных предпосылок, переходя к социологической точке зрения, и яфетика со своей стороны, расширяя круг своего изучения и уточняя его метод, получает новую поддержку и область исследования. Неслучайным представляется нам, что в последнем по времени изложении своей теории Н.Я. Марр внес параграф «О связи теории яфетического языкознания с индоевропейской лингвистикой и зависимости от нее как дальнейшего этапа развития учения о языке». «Дождемся мы лично (этого) или нет, — говорит Н.Я. Марр, — это вопрос иной, но яфетидология дождется, когда индоевропеисты сами с большой пользой для дела и для себя возьмутся за эту благодарную тему, понятно, постаравшись предварительно получить действительное представление и о фактических, и о теоретических утверждениях яфетической теории до степени различия бесспорных, окончательно обоснованных положений и гипотез по реально выяснившимся новым проблемам» (Яфетическая теория, Баку, стр. 148, 1828 год).

Эти общие вопросы современного языковедения необходимо представляются при изучении индоевропейских языков, так сказать, окраинных по отношению к основной территории их распространения, языков более удаленных, как армянский и как осетинский, и языков более смешанных, представляющих и наличие соотношений индоевропейского характера, и соотношений еще иных, позднейших или предшествующих, ставящих эти языки в связь с языками неиндоевропейскими, — кавказскими, в частности. Эти соотношения до известной степени вскрыты в армянском языке, осетинский язык таким путем почти не изучен, и нам представляется это задачей ближайшего времени. Этот язык, наряду с определенными явлениями индоевропейского характера, во всех элементах представляет «отклонения» от индоевропейской и, в частности, иранской нормы (переход согласных d—t, b—ρ, ρ—f, k—x, и в некоторых случаях обратно: t—b, m—b, v—b, ρ—b, наличие кавказских звуков g h , q, t h, переход сочетаний xr, dr, dr, wr, sρ, zg, в хорошо известные кавказские звуки и сочетания: rx, lx, rt, ρv, fs, br, ghr, утрата флексий в склонениях и спряжениях, суффикс мн. ч., прош. вр. и другие (см. В. Миллер, Осетинские этимологии II, 91 и следующие). Характер этих отклонений ставит осетинский язык в интересную аналогию германским языкам, где мы имеем в так называемом первом перебое (ρ—f, t—dź, k—x, b—ρ, d—t, g—k) ряды аналогичных и близких, хотя и не совпадающих явлений. Наличие в германских языках неиндоевропейских явлений, и именно яфетических, уже отмечено в лингвистической литературе (Braun, Die Urbefölkerung Europas und die Herkunft der Germanen, Brl., 1922). Близость тех и других явлений в фонетике вызывает вопрос об изучении исторических взаимоотношений этих народов или о влиянии однородной подпочвы индоевропейского сближения в том конгломерате племен и народов, который у древних писателей носит имена скифов, сарматов, алан и других, среди которых были и осетины, и германцы, и славяне. В частности, например, аланы одновременно указываются и на Западе, и на Востоке, и среди скифо-сарматских, и среди германских племен, вызывая вопрос об их отношениях, то есть был ли это один народ или два близких между собой народа (см. В. Миллер, Осетинские этимологии II, 47, 77 и другие). В таком случае осетинско-германские, осетинско-славянские и русские, в частности, соответствия приобретают особый интерес, хотя изучение их в настоящее время затрудняется отсутствием более или менее полных осетинских словарей. Тем не менее считаем возможным предложить несколько этимологий в этой области.

Aevzag — язык, имеет вообще два значения: а) органа речи, б) речи самой. Обычное индоевр. сопоставление: скр. jenguà, ab. hizvá, hizù, арм. lezu, литов. liezúvis, ирл. ligur, лат. lingua, dingua, гот. tuggo, слав. jezykъ (русский язык) — представляется сомнительным. «Может быть, все эти 4 группы родственные, но не непосредственно», — замечает О. Шрадер (Reallex, 465). По нашему мнению, осет. aevzag должно быть выделено и сопоставлено со слав. jezykъ, с одной стороны, и нем. Zunge, с другой, через посредство осет. zaeghun, zaeghun — сказать, нем. sagen (англосакс. seggisn, нидерл. zeggen — Kluge, 382) как название речи самой. В таком случае осет. aevzag получает значение высказывания из *ab — zag (ср. осет. a — вы,

из, от — acaun выходить, alijdzyn убежать, — дрин. apa, гр. apo, лат. ab, гот. af. Brugm., 77, Шегр., 183), ср. индоевр. *seq, sakey, лит. sakyti — сказать, др. лат. in — sece (insectiones — рассказы).

Ambal — товарищ, арм. elbar может быть сопоставлено с эст. sóbr, лит. sebras, русск. сябр, шабер — сосед, индоевр. Sebha — семья, род, первоначальный семейный, родовой (Rl., 225); но вероятнее иные этимологии: осет. ambal из соединения предл. ama (ср. немец. zu-s-amm-en) + balun сходить (ср. bal — шайка, balc — путешествие) — спутник или принадлежащий к одному обществу; в русских летописях — собственное имя, ср. лат. ambulo.

Aevsist, — g. avźeste — серебро — сопоставляется с русск. жесть, угро-фин. azves, зыр. ezis, венг. ezüst (В. Миллер, III, 12), не имеет соответствий индоевропейских; у славян и германцев имеется иное, но также не индоевропейское название русск. сребро, нем. Silber (Kluge, 427), у иранцев также иное: дрин. rajatam, ав. erezata, тохар. arkuant, арм. arcath, гр. argiros, лат. argentum, ср. дрин. arjunas, гр. argès, латин. argutos, гот. airkns — осет. ruxs, roxs (иначе Brugm., 86 — *) leuqos, гр. leukos), ср. осет. arthivun, artevun — сверкать; иную этимологию можно предложить по Faist'y (Kult. Jndogerm., 206) из *) ajos — руда, металл (двн. er, гот. air, лат. aes, н. Eizen — железо — Kluge III), осет. aev — ; вторая часть тогда сопоставляется: дрин. hiranum, ab. zaranya, лет. zelts, сл. zlato, гот. guldt, двн. gold из *) ghel — желтый, зеленый — дрин. háris, ab. zairis, гр. xlorus, лат. helvus, двн. gelo, сл. zelen, осет. zist, zest из *) ghel-t — светлая руда, светлый металл, или — зеленый металл (в необделанном виде), ранее — медь, бронза; название — из старого названия металла еще без ясного различия между медью, серебром и золотом. Ср.: название золота; argentum тогда из *) aj-giran-um (гр. argiros).

Abadyn — присесть (a-badyn), d. rabadun, ср. нем. Boden — почва, основа, низ, сл. pod (р. под — низ, ср. падать), осет. abynaei kaenyn— повалить, также Boath — место.

Az, afaedzi — год, q. anz, afej — из двух источников: а) az, anz — ср. гот. jer, ав. yare, слав. jar — весна (Rl., 390; Feist, 265), б) afej, afoedzi — ср. гр. fetos, etos — год, дринд. tri-vatsas — трехлетний, лат. vetos, сл. bětъxъ (Rl., 389).

Arghoan — церковь, храм: гот. ellis, др. англ. ealh, alah — храм, лит. alkes, elkas, древнеслав. под, др. англ. hearg — святилище в лесу, священная роща (ср. греч. alsos, сл. lěsъ, русск. лес, — др. англ. gearg — лес, — Feist, 195, 353). Культ священных рощ и деревьев известен и у германцев, и у славян, и у осетин. Германцы (по Тациту) nec cohibere parientibus deos neque in ullam humani oris speciem assimulare… arbitrantur; lucos ac nemora consecrant (Germania, IX — Feist, 353); о славянском культе — в нашей статье: Дуб — dendron в сл.-р. письм. (Известия Тифлисских высших женских курсов, 1914).

Adoeg — барона, нем. Egge, двн. egjan, egida, лит. aketi (Rl., 8, 153; *) индоевр. ag-eg, agjan, лат. occare (Kluge, 106).

Aervad — родственник, ср. нем. Verwandter, ср. гот. arbi — наследство, лат. orbus, гр. arfanos, н. Erbe (Schr., 185); сомнительно сопоставление В. Мюллера (Осетинские этимологии II, 49) с гр. brātar; первоначально — наследник.

Afidaun — помириться, из *) a-fidaun — перестать быть неприятелем, также — извинить, оправдать, ср. осет. fyd, fydt — d. fud (вина) и нем. feind — неприятель, двн. fahida, др. англ. foend (Feist, 291).

Aefscaejnag — железо — из*) ajos-sajnag: *) ajos — др. ин. ayas, ав. ayo, лат. aes, гот. aiz — руда, нем. Eizen; *) saej — ср. ост. sau — темный = темная руда, темный металл, ср. ав. syaman ayas (Feist, 198; Kluge, 111); у В. Миллера — неясно, мб. ав. haosafna (Осетинские этимологии III, 12).

Addžyn — сладкий, лит. alumen, ср. гр. ali-dimon, лит. alus, дрир. alumeϑ, англ. ealu (Feist, 257).

Aeghdav — q. azhdav — закон, из *) aegh-dav: agh — ср. дрир. agas — ошибка, грех, гр. agos; *) dav — ср. дрин. dhamen — положение, суждение, гр. thesis положение об ошибках, ср. осет. axas — вина, ошибка (F. 285).

Axsev — g. axsava — ночь, дрин. nak, гр. nix (niks), л. nox (noks), гот. nahts, лит. naktis, сл. *) notjь, русск. ночь, др. перс. xšapava; сохранение индоевропейского слова Kluge (325 страниц) объясняет счетом времени по ночам.

Ars — медведь, дрин. rkshas, ав. arsa͡, арм. ar͡j, гр. arktos, алб. ari, лат. ursus — основное название медведя, потом утраченное вследствие tabu — запрещения и замененное описательными названиями; ср. нем. Bär (бурый), ср. осет. biraegh — beroegh — волк, русск. бирюк; В.Ф. Миллер считал сомнительным сопоставление с ав. vehrka (Осетинские этимологии II, 56; Schrader, 60).

Axsyr — q. axšir — молоко, ср. лат. serum, дрин. saras, ср. осет. сухт — сыр.

Byndz — q. bindze — муха, гр. mnia, алб. mize, лат. musca, сл. муха — из *) mindz (мена m > b, ср. осет. biegre много — нем. mehr, также сл. мерять — осет. baryn).

Baex — bax — лошадь, ср. дрин. ašva, ав. aspa, лит. aszva, лат. equa, греч. hippos, — ech, гал. epo, гот. aihwa — ср. осет. jefs — d. afse — кобыла (F. 156-7); в нем. яз. (нижненемец.) gaul, первоначально название животного муж. пола (Kluge, 161), ср. осет. nal baex (мерин); может быть небезинтересно сопоставление с чечен. gaur.

Balas — дерево — ср. рус. балясина, балясник.

Dandag — doendag — зуб, дрин. dan, dantas, арм. atamn, гр. odus, лат. dens — первоначально «грызущий»; гот. tunp; ср. осет. aerti — sygon трезубец (arti-gygon) — нем. Zacken, Zange (Br., 115; Kluge, 501-2).

Dzyrd — слово, ср., например, Wort, ср. также ard — клятва (сл. рота) — арм. erdnum, гот. arps; гот. swaran, например, schwören (клясться), скр. svara-голос — первоначально: вещее, клятвенное слово, заклятие из *) werdho-wrdho — ср. лит. vardas (имя), гр. eiro (говорю), лат. orator (Kluge, 499); dzyryn — говорить.

Don — вода, река, лат. unda (волна), лит. van-dü, дрир. wundan; названия рек: Днестр — осет. don-styr (большая вода), у старых географов иногда отдельно: Türos (Днестр), Днепр — don-pyr (прыгающая вода, пороги) (ср. Niedirle, Slovanské Starožitnosti, I, 20).

Dudcoeg — вторник, ср. немец. Dienstag, двн. dzinstag - сопоставление, указывающее древнейшие скифско-немецкие связи; нем. Dienstag объясняют из др. нем. названия божества: Tîwa-z, сближаемого с Марсом, англос. Tiwesdaeg, англ. Tuesday — божий день (двн. Zio — arc. Tiw) — лат. deus, лит. dëvas — *) deiw-os, гр. Zeus (Kluge, 93); осет. — coeg. иногда сопоставляются с нем. Tag — день (двн. tac, гот. dags, ara, daeg, англ. day — ср. рус. давно) (Kluge, 453); осет. boŋ — день, теперь, по ср. dunie — свет, вселенная (g. — dunje) — дрин. diva, арм. tiv, лат. dies, сл. дьнь, лит. dëna, ср. также осет. ažine — вчера (* a-dine) (Feist, 260); звуковые соответствия указывают не параллельные образования, а связь.

Drasxa — ручка плуга, ср. русск. соха, дрин. sakha, лит. szaka.

Daeg — крыша (* dheigh — ставить, покрывать), гр. teixos, дрин. dehi, ав. daeza — гот. daigs, древнерус. дѣжа (одежда), нем. Dach (F., 137; Schr., 124) (Kluge, 88).

Zimaeg — q. zymak — зима — *) dhejm — дрин. nēman-tas, ав. zayam, арм. jmeru, гр. xeimon, алб. dimen, лат. heims, лит. žema, сл. зима.

Zax — sydith — g. zanxa, šidith — земля — *) ghem: дрин. kšama, ав. zå, греч. xthon, лат. humus, сл. земля, лит. žeme (F., 98), ср. осет. xum — q. xume — нива (F., 143, Schr., 199).

Zoerdoe — сердце, ср. нем. Herz — *) zerd — krd, лат. cor, гр. kordia, др. сл. срьдьце (Kluge, 206), дрин. hrd, ав. zered, арм. sirt (F., 102).

Zond — q. zund — ум, знание, —*) ḡhn-, a-jn̄aatos, гр. agnotos, лит. ignotus (незнающий), ср. осет. zonoeg, zonyn — знать, гр. gignoskō, лат. gnosko, сл. знати (Br., 76).

Jnaje — kanun — молотить (делать зерно): лат. granum, дрир. gran, гот. kaurn, зръно, дрир. surna, дрин jīrnas; осет. namyg-namug — зерно, mukkag-mykkag — семя, вероятно, из кавк. mukh — ячмень (чеченск. mukh); namug тогда из na-mug = зерно ячменя, пример скрещения индоевр. и кавк. слова.

Izoer — q. izoere — вечер, ср. zoerej; zoergon — вечером, ср. лат. Vesper, сл. вечер, гр. Espera, арм. gišer, лит. vakaras; - скр. rajas, арм. erek (Schr. 2) — ср. ю-р. зоревать = спать (Донск. Обл.).

Fys — q. fus, fuss — овца; у В. Миллера сопоставляется: ав. pasu, л. pecus, двн. tihu, гр. pekos (III, 13), — вернее: дрин. aviš, лат. ovis, лит. avis, сл. овьца, - ср. осет. alvijsyn — q. alviėsun — прясть (овечью шерсть): al — р. волна, шерсть (ср. Feist, 150, как у Миллера).

Fyd — q. fide — отец — *) peter, дрин. pitar, арм. hair, гр. pater, л. pater, гот. fadar; ср. осет. fudaeltae — родители, нем. Eltern, — гот. fadrem, fadreins — отцовство (F., 105, Schr., 182; — aeltae, нем. Eltern возводится к нем. alt — старый, старик, соб. старшина; ср. осет. aldar — старшина, н. Aelter (Kluge, 113).

Fars — бок, сторона, край, — лит. pars (часть), ср. осет. alyfars — повсеместно, ср. нем. allerseits (всесторонне).

Fondz — пять, — *) penkwe, — гот. figgrs, ср. греч. pempazomani (считаю), — счет по пальцам (гот. figgr — палец), сл. пядь — (кисть руки > ноги) и petь (числительное «пять»); небезынтересно сопоставить рус. палец и чечен. phelig, осет. angildze.

Gaers, — dares — платье. В. Миллер сопоставлял с ав. dareza — оковы, и перс. darz — шитье (Осетинские этимологии, III, 154), — вернее: дрин. Vazanam, Vastram, ав. Vostrem,

арм. z — gest, гр. eima (* wesmn), gestra, лат. vestis, гот. vasti, греч. esthis (F., 234, Schr., 431), ср. англ. dress; ср. осет. koerz — шуба и древнеслав. кързьно, корзно; в Лавр. лет. (Святополк): созвав люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другимъ кунами (Лавр. 137, 301), Ипат. лет. под 1175 год: сверже Амбал ковер и корзно (Срезневский, Мат. I, 1404; Niederle, Zivot starych slovanů, I, 471).

Ghalas — рот, — g. ghales — голос, двн. gala, galan, нем. Gals — шея; рус. голдить (Даль), галдеть.

Kênaf — конопля, гр. kannavis, лат. cannabis, дрин. sanas — ср. осет. San — вино из конопляного семени, лит. kanapes, дрир. knapios, — ср. нем. Hanf — лен, осет. goen (F., 165, Schr., 330), срв. hanf, hanef, двн. hanaf, по Kluge — заимствование, но не из латинского, а от некоторого народа, который на юге России передал и германцам, и грекам культуру конопли и ее название (Kluge, 123). Скифы знали эту культуру, шедшую, как предполагают, из Бактерии и Согдианы.

Kydz — g. kyj — собака, гр. küon, лат. canis, дрир. cū, гот. hunds, лит. szù, дрин. sva, ав. spa, арм. sun, сл. сука, ср. осет. sul-kydz — q. šilekyi (Feist, 160, Br. 76, ср. В. Миллер, Осетинские этимологии, II, 67; Kluge, 216); осет. мб. Из ky-dz ср. чеченск. džheli — собака в виду разделения этих элементов в соответствиях.

Qad, ghad — лес, ср. лат. hasta, пр. gas, gat (лоза, кол, палка), гот. gasas (Feist, 217), н.-нем. hout, двн. holz, из прагерм. kəldos, древнесл. клада (дрова, костер) (Kluge, 212).

Qug — q. ghog, ghok — корова, дрин. gāus, ав. geuš, арм. kov, нем. Kuh, скр. gô, ав. gâo, гр. bous, л. bos, двн. chuo (Schr., 689), ср. летт. gůws; ср. ю-рус. худоба — скотина (с кавк. судг-оба).

Qaz, ghaz — гусь: двн. gans, лит. žą̆sis, дрир. sansg, дрин. ḫ̆asis, гр. xēn, скр. hasma, лат. anser, ав. gosь (Schr., 261).

Qarral — платье из семитич.: евр. tətholet, арм. kiththama, ассир. kitunu, — р. хитон, кафтан (F., 263).

Qoeed — q. ghoede — нрав, — *) swedho: дрин. sadhā (обыкновение), гр. ethos, гот. sidus, ав. xvadato, лит. sodalis (F., 297).

Qau, ghau — село, qavan — ghavan — сельский; ср. греч. kōmē, гот. haims, двн. heim, н. Heim — дом, родина (Heimat), англ. home, прус. caymis, лит. kėmas, kaimas, дрин. kema от корня ksi — жить (сл. по-чити, по-кой) (Kluge, 200—201), ср. осет. caeryn — q.carun жить (* ksar-) (ср. В. Миллер, Осетинские этимологии, III, 13) (Feist, 142, Schr., 143).

Loeg — человек, мн. ч. lœg-tœ, ср. нем. Leute (plur. tant.), свн. liute, liut — народ, — мн. leode (англ.) — *) liudus, сл. людъ, лет, laudis — народ; в кругу индоевр. соответствий неясна; по Шрадеру — ср. греч. elevtheros — свободный (не раб) (Kluge, 289).

Syzhœrin — золото, q. suzghzarine, из *) sughd — светлый и giranum, ав. zaranya — руда, металл, ср. лет zelts, сл. злато, др. англ. gold — *) ghlto, скр. hiranya (Kluge, 177, Feist, 206, ср. В. Миллер, Осетинские этимологии, II, 47).

Saxar — город (перс. šexr) — q. gzaxara — сад, ср. греч. gortos, л. hortus, сл. градъ, город, загород-ка (F., 143).

Styrtœ — g. firthon — скот, ср. гр. tauros, лат. taurus, гот. stiur, arc. stéor, дат. tyr, прагерм. teuro, сл. туръ (бык), нем. Stier, ср. чеченск. stu — бык.

Soerd — q. soerde — лето; ав. ham, арм. amarn, дрир. sam, samrad, дрнсл. sumarr, н. Sommer, скр. sámā — год (Kluge, 429; Feist, 265, Schr., 394).

Sagh — g. saghe — коза, н. Ziege, Zicke, — ср. дрин. ajas, лит. ožys, арм. aic, гр. aix, лат. haedus, гот. gaits (Feist, 153—4).

Cah — голубой, синий, — скр. ketu (* kä t-tu-s), дрвн. heir, лат. caesus, caesius, лит. skaistas, сл. чистъ (Schr., 94).

Us, osse — жена, ср. лат. uxor, лит. uszwis (* aksv, Schr. 155), ср. осет. afsin aefsin — хозяйка — ср. дрин. ratiš, ав. raitiš, гр. posis.

Cuqqa — q. dzuqqa, coda, dzoga — черкеска, герм. cagum, лат. toga (Faist., 237), др. слав. (Савв. кн.) чюга (Niederle, Živ. st. Slov. II, 461).

Xarinag — g. xorijnage — пища, — *) ghrzda — лат. hordeum (ячмень), двн. gersta, арм. gari, ав. hvarena — пища, ср. осет. xarun — xaryn есть (F., 166).

Und — q. wind — явление, сл. видъ, ср. ud — душа; осет. äne-ud-gojmag — безличный (Шегр., 14).

Uatyn —ткать, нем. weben, ав. ubdana, гр. ifaino, сл. тъкати (Schr., 938).

Cуррär — g. cuppar — четыре, гр. tettares (tessares), лат. quattuor, дрин. catvaras, лит. keturi (F., 269).

Cуqqa — d. dzuqqa, coga, dzoqa — черкеска, герм. cagum, лат. toga (F. 237), в Сав. кн. чюга (L. Niederle, Ziv. st. sl. I, II, 461).

Cухt — q. čext — сыр, ср. скр. sâra, гр. oros, л. serum, — ср. ав. tûirinam, гр. tiros, тюрк. torak, сл. творогъ (Schr., 409).

Caryn — q. carun — живу, гр. zōō (* dōō), — gu̯jo, гр. zēei > zē, осет. dz > c.

Carv — масло, дрин. sarpiš, тох. B. šalype, šalywe, гр. elfa, алб. galpe, golf, двн. salba, н. salbe (мазь) (F., 156).

Cyd — ход, caun — ходить, — *) sьd, шьдъ, осет. *) cyd.

Cу — či — что, ср. греч. tis, дрин. cid, ав. čiš, лат. quis, сл. чь-то.

Cäst — глаз, — *) ok, okes, дрин. akši, ав. aši, арм. akn, сл. око и очесе, гот. augo, лит. akis, гр. osse (Дв. ч.), л. oculus (F., 101, Br., 76).

Xarinag — g. xorijnage — пища, — *) ghrzdā, лат. hordeum (ячмень), двн. gersta, арм. gari — пища, рус. харч, ср. осет. xarun, xaryn — есть (F., 166, Schr. 289), ср. hvarena — пища (Мил. III, 13 — едва ли правилен вывод о позднем знакомстве с ячменем).

Xadzar — дом, дрин. grhas, ав. gereta (пещера), гр. gipē, дрнсл. kofe, дрангл. cofa, двн. chubisi, сл. хызъ, н. Haus (F., 124, ср. Шегр. II, 168), рус. хижина, ср. рус. изба мб. не из нем. stuba > istъba, a *) xyz-ba (см. Niederle, Ziv. st. sl. II, 791, 793 и др.).

Xyj — свинья, дрин. sū-karas (дикий кабан), ав. hū, гр. his, лит. sus, двн. sū, сл. свинья, лит. kiaùle, лет. zuka.

Xur — солнце, сл. slnce, — *) sāwel, гр. hēlios, лат. sol, гот. sauil, лит. saule, ав. hvare, ср. «хорс» — «Слово о полку Игореве» «великому хорсови путь перерыскашеть» Мил. II, 73.

Xalon — ворона, гр. korōnē, алб. sōre, лат. cornix, двн. hruor, дрнм. hrōkr, дрин. kāravas, ос. *) kor > xal.

Xyjn — q. xojun — шить, шью, —*) snei, гр. neō, лат. neo, дрин. najan (F., 232), дрин. sivyami, лат. suo, лит. siuvu, гот. suija (F., 242, Br., 96), Милл. II, 58.

Xo — q. xore — сестра, лат. soror, дрин. svasa, ав. xvąhar, арм. xhoir, гот. swistar, сл. сестра (F., 105, 280).

Xud — q. xode — шапка, ав. kaodō, двн. xauda, н. cudo (кожаная шапка), лат. cassis, дрисл. hǫttr, дрангл. hat, двн. hoot, (F., 242); ср. сарра, сл. чеш. kapě, с франц. chape, рус. шапка (Niederle II, 564).

Xusnäg — вор, q. karnail, дрин. (s) tayns, ав. taya, гр. tetaō (F. 293).

Kalm — змея, лат. anguis, лит. angis, слав. ongjь, ǫnžь — уж, ир. escung, двн. slango, slange, нов. Schlange, гр. egxelis; ср. осет. kalm — *) ela, — ala, двн. alant, арм. sili, нов. нем. Aal (Schr., 1; Kluge, 1).

Xucau — g. xocau — бог, xu-xo — cau; вторая часть, cau —*) deiwos, djeū, дрин. devas, ав. doevō, лат. dueues, лит. dėvac, гр. Zeus (род. Dioc,* Dzios), осет. *) dzeu > dzau > cau; первая часть, xo-xu неясно: a) мб. xur — солнце, то есть солнечный бог; б) мб. hox — высокий; в) ср. дрисл. āss, дрангл. ās, дрин. anas —дух — *ŋsas, дрисл. ande, ǫnd — дух (F, 329); несомненно, родственна нем. Gott — бог — ср. дрангл. god, двн. got — *gheu — звать, дринд. hávate, ав. zavaiti,сл. зову (F., 347), ср. осет. xonun — звать; в согдианских текстах xutau — господь (F. 425), ср. Kluge, 178, s. v. Gott. 2 часть считал неясной В. Мюллер (II, 74); 1 часть предположительно: скр. svag — обнимать, ав. hvay, — осет. хасуn d. хuäcun — обнимать, держать.

Литература

F. Kluge. — Etymologisches Wörterbuch d. deutschen Sprache, Str. 1910.
O. Schrader. — Reallexicon der Indogermanischen Altertumskunde, Str. 1901.
K. Brugman. — Kurze vergleichende Grammatik d. indogerm. Sprächen, Berl. 1922.
S. Feist. — Kultnr, Ausbreitung und Gerkunft d. Indogermanen, Berl. 1922.
А. Шёгрен. — Осетинская грамматика, СПб. 1844.
В.Ф. Миллер. — Осетино-русско-немецкий словарь, Л. 1927, т. I.
Ch. Bartolomae. — Altiranisches Wörterbuch, Str. 1904.
В.Ф. Миллер. — Осетинские этюды, ч. I — III.

Текст печатается по изданию:
Беляев М.В. Осетинские этимологии. — Ростов-на-Дону, 1930. — Оттиск из «Записок Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института». Т. II.

Георгий Петрович Сердюченко

Георгий Петрович Сердюченко (09(22).04.1904 — 04.07.1965) — лингвист, филолог, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР (с 1947 года). В 1923 году окончил Донской педагогический институт. С 1924 года преподавал в высших учебных заведениях: Новочеркасском практическом институте народного образования, Северо-Кавказском государственном университете в Ростове-на-Дону, Ростовском государственном педагогическом институте. Сотрудничал с Северо-Кавказским горским научно-исследовательским историко-лингвистическим институтом им. С.М. Кирова, был заведующим отделом языка и литературы института. С 1950 года работал старшим научным сотрудником Института народов Азии Академии наук СССР. Основатель серии книг «Языки народов Азии и Африки» (выходят с 1959 года), редактор всех изданий с 1959 по 1964 год.

Научные труды Г.П. Сердюченко посвящены вопросам изучения языков Северного Кавказа, теории и методики перевода, созданию национальной письменности и орфографии. Особое внимание Г.П. Сердюченко уделял изучению языка абазин. Г.П. Сердюченко — автор букварей и учебников для народностей Северного Кавказа; большое внимание уделял вопросам методики преподавания родного и русского языков в нерусских школах, написал несколько пособий для учителей.

В архиве Горского института (ГАСК, фонд Р-1260) находятся рукописи работ Г.П. Сердюченко «Вопросы методики перевода» (дело № 222), «Об абазинской письменности» (дело № 242). Он участвовал в составлении планов работы института (дело № 63), вел переписку с Пятигорским краевым отделом народного образования, институтом Востоковедения, Черкесским областным отделом народного образования по научной работе института, участвовал в совещаниях членов лингвистического отдела института, занимался вопросами подготовки научных докладов молодыми учеными, руководил научной деятельностью аспирантов (дела № 81, 84, 85).

В библиотеке Горского института (фонд редкой книги научной библиотеки СКФУ) находится сборник статей «Языки Северного Кавказа и Дагестана: Сборник лингвистических исследований (Вып. I. Под ред. Г.П. Сердюченко. — М.—Л.: СОЦЭКГИЗ, 1935), в котором есть его статья «О чечено-ингушском консонантизме» (с. 98—109). Был редактором изданий ученых Горского института, в частности: Милых М.К. Вопросы орфографии тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана / Под ред. проф. Г.П. Сердюченко. — Кисловодск: Тип. Кароблнациздата, 1937.

Работы о Г.П. Сердюченко:

Георгий Петрович Сердюченко (1904—1965. Некролог) // Народы Азии и Африки. — 1965. — № 5. — С. 251—252.

Брагинский И.С. Георгий Петрович Сердюченко — просветитель, учёный, человек (1904—1965) // Языки Юго-Восточной Азии. — М.: Наука (ГРВЛ), 1967. — С. 6—19.

Габуниа З.М. Научные портреты кавказоведов-лингвистов (к истории языкознания). — Нальчик, 1991.

Яковлев Н.Ф. Изучение яфетических языков Северного Кавказа за советский период // Языки Северного Кавказа и Дагестана, 1949. — С. 296—315.

Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК — «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926—1937)) / Под ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. — Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2012.

Исследования Г.П. Сердюченко:

Абазинский алфавит и орфография на русской графической основе. — Ежово-Черкесск Чернациздательство, 1938.

О переводах на кабардинский и другие языки Северного Кавказа. — Нальчик: Кабгосиздат, 1946. — Оттиск из «Ученых записок», том I.

Очерки по вопросам перевода. — Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1948.

Русско-абазинский словарь. — Ставрополь. Краевое книжное издательство. 1950.

Обучение грамоте в школах западного Кавказа. — М. Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1955.

Язык абазин: Общие сведения об абазинах, их диалекты, фонетика, морфология, тексты и словарь. — М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1955.

Русская транскрипция для языков зарубежного Востока. — М. Издательство Восточной литературы 1967.

Г.П. Сердюченко
О чечено-ингушском консонантизме

В связи с вопросом об унификации чечено-ингушского алфавита, с установлением норм литературной речи и разработкой единых основ чечено-ингушской орфографии серьезнейшее внимание должно быть уделено тщательному изучению фонетического строя чеченского (naq̣̆wo) и ингушского (ğalğa) диалектов, входящих по классификации академика Н.Я. Марра в состав срединной ветви яфетических языков Северного Кавказа[1].

Именно в области исследования и описания фонетических систем яфетических языков до последнего времени сделано еще очень мало. Этот большой пробел в лингвистических кавказоведческих работах очень остро дает себя чувствовать как раз при разрешении практических вопросов национально-языкового строительства в горских областях Северного Кавказа и Дагестана.

В издающейся на местах литературе при изложении звукового строя чеченской и ингушской речи до сих пор, иногда совершенно некритически, используются фонетические характеристики П.К. Услара. Между тем, как известно, фонетика является наиболее слабым местом в трудах Услара. И если, быть может, нельзя согласиться с высказывавшимся в литературе мнением, что Услар в *каждой своей работе* менял фонетическую транскрипцию, то во всяком случае непоследовательность Услара в применении к фонетическим данным используемой им транскрипции, а также сравнительно небольшая ценность для современного этапа развития лингвистической, кавказоведческой науки его фонетических работ для нас совершенно ясны. В своих работах, в частности по чеченской фонетике[2], Услар допустил целый ряд неточностей и ошибок. Аспирированные взрывные глухие в чеченском и других кавказских языках приравниваются Усларом к обычным русским выдыхательным и получают соответственное последним обозначение (в транскрипции Услара обычные русские — т, п, к); с другой стороны, специфические «кавказские» звуки («смычно-гортанные») характеризуются Усларом как «придыхательные», как «к, п, т, сопровождаемые легким придыханием. Эти буквы обнаруживаются во всех кавказских языках, которые сколько-нибудь исследованы; для непривычного слуха различие [их] от к, п, т мало ощутительно»[3]. Услар действительно не уловил всех тех «тонкостей», которые «разъединяют произношение двух разноязычных народов», в частности чеченцев и русских. Две странички (5—7), посвященные в «Чеченском ядыке» системе согласных, дают слишком общие и нередко просто неверные характеристики.

Но несмотря на это, как мы уже отметили, в литературе по чеченскому и ингушскому языкам до последнего времени фонетические характеристики Услара имеют широкое распространение. Для примера приведем несколько цитат из двух довольно распространенных и Чечне и Ингушии учебных руководств. В 1932 году в городе Грозном вышел вторым изданием «Самоучитель чеченского языка», составленный А. Мациевым[4]. В «Сведениях о фонетике»[5], данных в этом учебнике, мы находим подчас дословное повторение фонетических определений Услара. Не давая научного определения чеченских фонем, описание так называемого «чеченского айна» Мациев, вслед за Усларом, связывает с «блеянием овцы», характеристика специфических «кавказских» (смычно-гортанных) звуков соединяется им только с представлением о «звуках щелкания» и т.д. В вводных замечаниях к изложению сведений по чеченской фонетике А. Мациев пишет: «Несомненно, большинство чеченских гласных и согласных звуков сходны с такими же звуками русской речи, то есть произношение их в полной мере соответствует русским звукам». И вслед за этим автор «Самоучителя» приводит таблицу с чечено-русскими звуковыми соответствиями, без всяких оговорок помещая в ней как адекватные русским следующие чеченские звуки с, k, ρ, t, č, то есть чеченские аспирированные взрывные глухие и аффрикаты он, как и Услар, уравнивает с соответствующими русскими выдыхательными звуками. Слепо следуя Услару, автор «Самоучителя» допускает в изложении чеченской фонетики те же ошибки, что и Услар[6]. Новым по сравнению с Усларом является у Мациева попытка классифицировать согласные чеченского языка по месту их образования[7]. Но при отсутствии у автора четких представлений о специфике основных чеченских фонем классификационная таблица его теряет всякую ценность.

Работа З.К. Мальсагова «Ингушская грамматика»[8] дает вообще значительно более самостоятельный, продуманный и отработанный материал. Но при изложении ингушской фоне-

тики и этот автор допустил ряд неточностей и отчасти ошибок, что опять-таки, как нам кажется, объясняется в основном влиянием на установки автора неверных положений Услара. Последнее особенно бросается в глаза при описании З. Мальсаговым ингушского консонантизма. Задненебный глухой q З. Мальсагов так же, как и Услар, определяет как звук гортанный: «q — гортанное к: qačæ — пища, qæqæ — овчина, muq — ячмень» (стр. 10). В определении смычно-гортанных опять чувствуется сильное влияние Услара. «Это, — пишет З. Мальсагов, — так называемые кавказские звуки, составляющие характерную особенность всех горских языков. Они представляют собой звуки: c(ц), k(к), ρ(п), t(т), č(ч), q, отрывистое произношение которых напоминает звук щелкания. Впрочем, никакие описания не помогут их усвоить. Овладеть ими можно, только прислушиваясь к живой горской речи»[9].

Не вносят никаких уточнений и исправлений в фонетические замечания Услара и авторы других учебных руководств по чеченскому и ингушскому языкам, — см. хотя бы брошюры «Noxčin$_r$ Mot» J. Čulikov'a[10] и «Noxčin$_r$ mettin$_r$ grammatika» M. Orcujev'a и X. Jandarov'a[11].

Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что и латинизированные алфавиты, принятые в настоящее время в Чечне и Ингушии, были созданы не без влияния фонетических конструкций Услара. В подтверждение этого укажем хотя бы на тот факт, что и сейчас для обозначения смычно-гортанных в чеченском и ингушском алфавитах используются лигатуры — ch, čh, ρh, kh, th, qh, причем h употреблен первоначально здесь именно для обозначения придыхательности; для обозначения же гортанного взрыва естественно казалось бы использовать не h, знак придыхания, а — у — , равный арабскому ع и служащий в чеченском и ингушском алфавитах для передачи гортанного взрыва[12].

Что h в лигатурах ch, čh, ρh и т.д. использован был с целью обозначения *придыхательных* звуков, свидетельствует между прочим и следующее замечание профессора М.В. Беляева, принимавшего одно время непосредственное участие в построении алфавитной работы на Северном Кавказе. В своей статье «Грамматическая система кавказских (яфетических) языков»[13], касаясь вопросов фонетики и транскрипции северо-кавказских языков, профессор Беляев прямо заявляет: «различие «надгортанности» и «подгортанности» в фонемах глухих взрывных (ρ, t, к) и глухих аффрикатах (с, č) обозначается то лигатурами (соединением букв) *для выражения придыхательности* (ρh, th, kh, ch, čh) (здесь автор, видимо, путает понятия «надгортанности», «надгортанной экспирации» и «придыхательности». — *Г.С.*), то видоизменением букв со значком внизу...»[14] (курсив наш. — *Г.С.*). Замечание М.В. Беляева несомненно является лишним доказательством правильности наших предположений.

Таким образом ни в разработке учебных руководств по чеченскому и ингушскому языкам, ни в практике алфавитной работы для этих же языков мы не наблюдаем необходимого использования тех новых материалов в работах академика Н.Я. Марра и ряда других русских и иностранных ученых, которые дают нам уже достаточную возможность уточнить и исправить целый ряд фонетических положений, данных Усларом, в частности в его монографии о чеченском языке.

В дальнейшем мы и хотим на основании ряда не учтенных в разобранных нами руководствах литературно-лингвистических материалов и экспедиционной работы (1932 год) Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института (Ростов-на-Дону) внести ряд уточнений в принятую характеристику чечено-ингушского консонантизма.

Чечено-ингушский консонантизм

Взрывные глухие ρ, t, к и аффрикаты с и č в чеченском и ингушском диалектах являются всегда придыхательными (в транскрипции академика Н.Я. Марра — φ, ϑ, q, ϱ, ϱ, у Дирра — ρ^c, t^c, k^c, c^c, č^c). Примеры[15]:

ρ^{c}æjdæ,	b	выгода, польза
ρ^{c}xæ,	bd	жила
t^{c}ur,	d	сабля, меч
t^{c}ouρ^c,	j	ружье
jæt^c,	bd	корова
k^{c}æ,	bd	баран
k^{c}æg,	d	саман

cᶜæ, cᶜærg,	j	зуб
cᶜæn,	j	покос
cᶜæcᶜæ,	bd	сито
čᶜabæq,	j	рыба
čᶜam,	bd	вкус
čᶜæ,	j	медведь
cᶜov,	j	рана

Элемент аспирации при взрывных глухих (р, t, к) и аффрикатам (с, č) несомненно физически более значителен в горных чеченских и ингушских говорах, чем в плоскостных. Наши наблюдения акустико-артикуляционного порядка, произведенные над произношением ингушей, давнишних жителей плоскости, показывают, что аспирация взрывных глухих и аффрикат у них очень слабая. Но все же хотя и незначительное наличие ее дает нам право эти аспирированные звуки принципиально противопоставлять, с одной стороны, глухим выдыхательным типа русских «п, т, к» и, с другой — особому типу взрывных согласных, так называемым «смычно-гортанным» (см. ниже).

А. Дирр, отмечая для всех кавказских языков наличие придыхательных глухих и придыхательных аффрикат, в лексических материалах, приложенных к грамматическим очеркам чеченского и ингушского диалектов, дает ряд примеров с обычными в европейских языках выдыхательными глухими и аффрикатами; большее количество подобных записей относится у Дирра к ингушскому языку, например: jurt — деревня; mleiḳ — ангел; bat — морда, рыло; ku — раб; ust — бык; dika — хороший; tiša — старый и др. в падежных формах — ablat. auf — ga (-vga): nouquostaga (друг), jurtaga (деревня); ablat. II auf — cara: sagacara, nanacara[16] и ряд других.

Таким образом А. Дирр, хотя и косвенным путем, но как бы отмечает наличие в чеченском и ингушском диалектах, кроме аспирированных глухих и аффрикат, обычные европейские глухие и аффрикаты без аспирации. Проведенные нами записи говорят как будто бы об обратном; ясно аспирированное произношение мы наблюдали даже в таких случаях, как: tᶜexnikᶜum, tᶜiraž, tᶜovar, kᶜapitᶜal, ρᶜartᶜizan. Во всяком случае записи Дирра должны быть приняты во внимание и дополнительно проверены; вопрос о наличии в чеченском и ингушском языках взрывных глухих и аффрикат непридыхательных может быть окончательно разрешен лишь после проведения исследований инструментально-фонетическим путем.

Охарактеризованные Усларом как придыхательные (в его транскрипции п, т, к с седиль) звуки являются в действительности особым типом взрывных согласных: у академика Н.Я. Марра — р, t, k, ṭ, ṭ[17]; в определении А. Дирра «die Tenues und Affricata mit Kehlkopfverschluss» (транскрипция по Дирру — р’, t’, k’, c’, č’)[18]; в грамматиках Л. Жиркова — «смычно-гортанные» (по Жиркову — р̲, t̲, k̲)[19]; Поливанов использует для них еще термин «гамзированные» (в транскрипции рʿ, tʿ, kʿ и т.д.)[20]; в современном чеченском и ингушском алфавитах передаются через двойные написания — рh, th, kh, qh, ch, čh.

В точном установлении характера так называемых «смычно-гортанных» специалисты-фонетики и исследователи яфетических языков еще несколько колеблются.

Профессор Е. Поливанов, принимая в основном положения Сиверса, в своем курсе «Введение в языкознание» дает следующую характеристику смычно-гортанных («гамзированных»): «Характерный момент этой категории глухих смычных («гамзированных»), — пишет он, — состоит в том, что ртовая (губная, передне-язычная и т.д.) смычка сопровождается также смычкой (затвором) гортанной щели: и, следовательно, взрыв ртовой смычки осуществляется не посредством воздуха, прогоняемого через гортань из легких (ибо гортань-то как раз и оказывается закрытой), а посредством воздуха, имеющегося в ртовой камере — над гортанью (в этом и состоит «надгортанная экспирация»). Сама же гортанная смычка (coup de glotte, Stimmbänderverschluss, «гамза» = [ʿ]) взрывается уже потом, то есть в слогах, начинающихся с «смычно-гортанного» согласного — при переходе к следующему за данным согласным гласному: (ра) состоит, таким образом, из следующих моментов: 1) момент двух смычек: ртовой и гортанной, 2) раствор (губной) смычки и выход (через губы) воздуха, имевшегося в ртовой камере над гортанью, 3) раствор гортанной смычки, 4) гласный «а», с которым начинается и голосовой тон данного слога»[21].

Несколько иных положений в разрешении вопроса о «смычно-гортанных» придерживаются академик Н.Я. Марр, немецкий ученый Форхгаммер и ряд других исследователей, допускающих возможность образования интересующих нас звуков без гортанной смычки[22].

Считая необходимым тщательное инструментально-фонетическое исследование характера специфичных для языков Кавказа так называемых смычно-гортанных звуков и отмечая присущий им, как отличительный для них при произношении момент, разрыв плотно сомкнутых голосовых связок, создающий впечатление шума, мы должны подчеркнуть наличие как в чеченском, так и в ингушском диалектах не только смычно-гортанных глухих, обозначаемых сейчас и в чеченском и в ингушском алфавитах через лигатуры — ch, čh, ph, th, kh и qh, но и смычно-гортанных звонких, передаваемых обычно в чеченском алфавите через by, dy, zy, žy, jy и т.д., а в ингушском через bh, dh, jh, zh, žh и т.д. Наличие смычно-гортанных звонких мы находим в следующих лексических материалах.

Примеры[23] смычно-гортанных звонких

Чеченские материалы		**Ингушские материалы**	
byästi	весной	bhästi	весной
byolva, -jj	башни	bhijg, -j	козленок
dyajx́ar	отнести	dha	там, туда
dyajalar	отойти, уйти	dhoaghæ, -d	ключ
dyaqačar	доставить	mhæd, -j	грязь
zyänir, -j	луч	mharæ, -bd	вилка
zyuga	куча, сборище	nhænæ,-bd	червь
nyani, bd	червь	zhak,-d	удочка
dya	туда	zhijrg,-d	былинка
		žheli,-d	собака
		žhov,-j	молоток
		vhaš	взаимно
		vhov,-j	боевая башня

В связи с характеристикой звонких и глухих смычно-гортанных естественно возникает вопрос и о необходимости уточнения в определении гортанного взрывного, так называемого «чеченского айна» (в транскрипции Н.Я. Марра — Σ; у Дирра — ɛ, у Жиркова — ɛ). Профессор Поливанов, считая «наиболее типичным видом» смычно-гортанных в кавказских языках (в том числе в чеченском и ингушском) смычно-гортанные глухие, в то же время подчеркивает, что консонантическим системам ряда (хотя далеко не всех) кавказских языков (в числе последних даргинскому и чеченскому) присущи два варианта гортанного взрывного — «два особых звукопредставления (фонемы)[24], являющихся вариантами ʿ: 1) нормальное глухое ʿ, 2) соответствующий звонкий гортанный смычный, который обыкновенно изображают в передаче чеченских слов через арабский ɛ — «айн» (в «Грамматике даргинского языка» Л. Жиркова через ɛ)».

Приведенные уже нами примеры, как кажется, вполне подтверждают наличие в чеченском и ингушском двух гортанных взрывных звонкого и глухого (в принятых алфавитах для гортанного взрывного имеется только одно обозначение — у. О непоследовательности в передаче на письме смычно-гортанных через ch, čh, ph и т.д. мы говорили выше).

Не случайно, видимо, и в ингушский букварь, изданный в 1932 году[25], наравне с обозначениями глухих смычно-гортанных — ch, čh, ph, th, kh, qh, внесены в алфавит как самостоятельные и обозначения смычно-гортанных звонких — bh, jh, vh, zh, žh, nh[26] (видимо, случайно не внесены — dh и mh). Очевидно, авторами букваря осознано наличие в ингушском, как и в чеченском, диалекте соответствующих фонем. К тому же авторов на введение в букваре специальных упражнений на усвоение звонких смычно-гортанных, по всей вероятности, наталкивала и педагогическая практика.

Приводим из букваря несколько примеров:

Jhajxača, sijrdača lelo beza jett. Molla oaraš, bharalovcaš, kilovzalaš, gučadäxar yilmo. Oalxazaraš jhajxačax dhauxaš latt. Madinat jagha šij zhamax volča vešijna urok yomadeš. Šabar, novqhosti! Kijnaš dhajaxa. Cheča eskarxoj khanat vennav. Bhargišču qeram boacaš, birsa vodar iz themtha. Be čhoaghača joallaješ, toр jar cun novqhost и др.[27]

Переходя к характеристике гортанных спирантов, обозначаемых в чеченском алфавите через h и x́, а в ингушском соответственно через h и ḫ (в транскрипции Н.Я. Марра — h и ħ,

у Дирра — h и ḥ), нужно подчеркнуть, что в чеченском и ингушском диалектах эти спиранты являются совершенно самостоятельными фонемами. ḫ(ẋ) = арабск. ح и является обозначением глухого гортанного спиранта; чеч.-инг. h является звонким гортанным спирантом. Подчеркивая, что обе фонемы, передаваемые в алфавитах через h и ḫ (ẋ), являются в чеч.-инг. диалектах совершенно самостоятельными фонемами, принципиально отличными от франц. h aspirée[28], мы считаем необходимым внести уточнения и в такие определения их, как определение h как «звонкого придыхания», а ḫ (ẋ) как «глухого гортанного придыхания»[29].

Примеры гортанных спирантов[30]

Чеченские материалы	**Ингушские материалы**
hæjttærxuo ударник	hængi миска для молока
ho' пуля	hæræ всякий, каждый
huord море	hænz теперь
husum жилище	ḫæžæ хаджи
ḫælxuo богач	ḫæst нужда
ḫæst нужда,потребность	ḫæzælg воробей
ḫæjr мельница	

Заднеязычный глухой спирант, передаваемый в чечено-ингушском алфавите через x (в транскрипции Н.Я. Марра — q̇, у Дирра — x), является звуком, подобным арабскому ح. Ни в коем случае нельзя отожествлять его с русским x.

Лигатура gh (у Марра — ğ, у Дирра — γ) в чеченском и ингушском алфавитах является обозначением заднеязычного звонкого (велярного) спиранта, напоминающего, по определению З. Мальсагова[31], «картавое произношение» русского р.

Примеры: ghalghajnr mott — ингушский язык, ghalæ,-j — жилая башня; ghæd,-d — кукурузный стебель.

О взрывных ряда k после характеристики глухих аспирированных и смычно-гортанных остается сказать немного. Фонема q (у Марра — q̧, у Дирра — k̦) является заднеязычным (мягконебным) глухим спирантом. Нужно отметить, что Дирр характеризует данный спирант как «задневелярный аффрикат с сильным придыханием (акустический эффект, как кх)»[32].

Вопрос о звонких z и ž и соответствующих им аффрикатах dz и dž требует особого внимания. Еще Услар отмечал, что в чеченских диалектах звук «ж никогда не встречается в начале слов, а в некоторых местах Чечни произносится, как грузинское ჲ почти как дз»[33]. В письме к Шифнеру о тех же звуках, как бы в дополнение к сказанному, Услар пишет: «Буква ʒ, то есть грузинское ძ, по моему мнению, не может быть допущена в алфавит, потому что в значении слов она не играет никакой роли; з в начале слов во многих местах Чечни произносится как ʒ, но я *почти* могу поручиться в том, что в призношении таковых чеченцев не встретится ни одного слова, в начале которого слышалось бы з, а не ʒ, следовательно з и ʒ не могут стоять рядом в чеченском алфавите: одна из этих букв непременно исключает другую... Замечательно, что чеченцы в начале слов не терпят звука ж и заменяют его постоянно через ц; в словаре, составленном мною на основании выговора Большой Чечни, не встречается ни одного слова, начинающегося с ж...»[34]

Услар совершенно правильно отметил повсеместное употребление среди чеченцев (и ингушей) в начале слов аффрикат dz и dž вместо длительных звонких z и ž. То же подтверждает и З. Мальсагов в «Ингушской грамматике». Это подтверждается и нашими наблюдениями. Из чисто практических соображений Услар считает излишним вводить в алфавит рядом с буквой з — специальное обозначение для аффриката dz. Что же касается обозначений звонкой ž и аффриката dž, то здесь Услар делает уже отступление и вводит две буквы ж и ц. Дирр также вводит для аффриката dž специальный знак ǰ, (ǰʒeli — собака, ǰajna — книга, ǰi — овца и другие)[35], аффрикат же dz передается у него обычным z. В принятых сейчас в Чечне и Ингушии алфавитах нет специальных обозначений ни для одного аффриката. Здесь, очевидно, сыграла роль боязнь слишком увеличивать количество знаков в алфавите.

Рассматривая вопрос не с позиций узко-алфавитного порядка, мы считаем необходимым отметить наличие в чеченском и ингушском диалектах как самостоятельных двух звонких аф-

фрикат dz и dž. Практическая необходимость отражения этих аффрикат и в чечено-ингушском алфавите ясна хотя бы из следующего замечания З. Мальсагова в «Ингушской грамматике». «В тех случаях, — пишет он, — когда необходимо избежать двусмыслия, перед этими буквами (z и ž. — *Г.С.*) вставляется буква d: moz муха, modz мед»[36]. Подобные случаи, несомненно, не единичны.

В отношении фонемы f следует отметить, что она до последнего времени являлась, собственно, исключительной принадлежностью ингушского диалекта. Еще Услар писал, что «буквы ф вовсе нет в чеченском языке, но ингуши иногда употребляют ее вместо в, так как наречие их образовалось под сильным влиянием осетинского языка. Чеченцы, живущие в ущельи Макалдона, называются fennij вместо bennij[37]. Действительно, в лексике ингушей мы находим целый ряд слов-обозначений предметов бытового обиходного порядка с фонемой f, например, fæškæl-j пустой сот; fæškærg-j род насекомого; færæst-b бараний помет; fälg-bd сказка; fiertæ-j бурка, войлок; fijg-bd зерно (хлебное); fuo-d воздух; foart-j шея; fos-j добыча; fost-d клеймо, тавро; futtæ-j рубанок; fui-d яйцо; fusum-j пристанище, приют и др.

Уточняя Услара, нужно сказать, что ингушскому f в чеченеком обычно соответствует v или h.

Примеры:

Ингушский	**Чеченский**	
fiertæ	vierti	бурка
fætænčæ	votunčæ	барабанщик
fætæ	votu	барабан
fieting	vieti	пуговка
foart	vuortu	шея
futtæ	votun	рубанок
fuo	huo	воздух
fos	hon$_r$s	добыча
fuord	huord	море
fui	hoa	яйцо
fun$_r$	hun$_r$	семя
fusum	husum	жилище
fun$_r$	hun$_r$	что

В эпоху развернутой социалистической стройки под влиянием глубоких сдвигов в общественно-политической и культурно-экономической жизни чеченцев и ингушей мы наблюдаем богатое развитие чеченского и ингушского словаря, сильный рост терминологии, в частности ее интернационального фонда, а в связи с этим буквально на наших глазах и в чеченском диалекте находит себе распространение фонема f. Правда, применение ее пока строго ограничено определенным составом лексического материала, по-преимуществу общественно-политической терминологией. В терминологическом бюллетене № 1 Чеченского научно-исследовательского института под буквой f мы находим следующие термины: fabrika, fašist, fašism, factura, federaci, federalism, feodal, feodalism, ferma, filosof, filosofi, firma, flot, fonetika, fraza, frakci, front.

Особо следует остановиться на характеристике выделяемого в некоторых работах в качестве самостоятельной фонемы созвучия rh. Х.Я. и А.Г., авторы статьи об ингушском языке в «Литературной энциклопедии» (т. 4)[38] рядом с обычным сонорным r ставят rh, видимо как обозначение глухого r.

Можно ли созвучие rh (barh, vuorh) считать самостоятельной фонемой? Существует ли глухой латеральный спирант, подобный бацойскому λ (у Шифнера l/x), и в чечено-ингушском? Еще Шифнер совершенно правильно отметил, что «вместо тушского l/x мы находим в чеченском иногда после ρ одно h: вуorh (туш. вар l/x), барh (туш. бар l/x), иногда одно л: ālар (туш. a l/x ar), иногда же выпадает: kiēраρ (туш. kep l/x ar), мара (туш. мар l/x), терin$_r$ (туш. тар l/x)»[39].

В литературе можно найти еще следующие сопоставления:

а) бацойскому λ[40] в чеченском соответствует l:

бацойский	чеченский	
aλar	alar	давать
aλar	alar	говорить

maλar	malar	пить
meλ	mel	сколько
tᶜiλar	tᶜilar	одевать
xiλar	xilar	останавливаться

б) бацойскому λ в чеченском соответствует h:

бацойский	чеченский	
vorλ	vuorh	семь
barl	barh	восемь

в) бацойскому λ в чеченском соответствует выпадение:

бацойский	чеченский	
marλo	mara	нос
qχerλar	qχiērar	пугаться

Можно было бы привести еще ряд примеров, характеризующих звуковые соотношения бацойского языка и чечено-ингушских диалектов. Но, как нам представляется, и приведенные примеры с достаточной убедительностью говорят о том, что, с одной стороны, вряд ли возможно чечено-ингушское rh рассматривать как самостоятельную фонему (глухое r)[41], и, с другой, предполагать в чечено-ингушском наличие глухого латерального спиранта, подобного бацойскому λ (l/x). Нам представляется более правильным взгляд Л. Тромбетти, который отрицает наличие латерального спиранта в чеченских диалектах и звуковой элемент h (в barh, vuorh) рассматривает независимо от элемента r[42]. Конечно, анализ бацойско-чеченских звуковых корреспонденций открывает интересные горизонты в разрешении вопроса о прошлом латеральных звуков. Но останавливаться сейчас на этом вопросе не наша задача.

Касаясь характеристики сонорных носовых, следует отметить специфическую для чеченской языковой группы назализацию чечено-ингушских гласных, обозначаемую или через постановку над гласной [~] (ã, ẽ, ĩ) или через присоединение к назализованной гласной особого знака n_r (в чечено-ингушских алфавитах) или ŋ (см. у Дирра). Дирр прав, когда говорит, что чеченские ã, ẽ, ĩ, местами являются как aŋ, eŋ, iŋ и т.д.[43] Здесь мы, собственно, переходим уже к характеристике чечено-ингушского вокализма.

Вся система согласных чечено-ингушских диалектов, при условии учета сделанных выше замечаний, как нам кажется, может быть представлена в следующей таблице:

	Губные		Передне-язычные		Средне-язычные		Заднеязычные				Гортанные	
							Твердо-небные		Мягко-небные			
	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие
Взрывные	b	ρ	d	t				k	g	q	y(ɛ)	y(ɔ)
Длительные	v	f	z ž	s š	j				gh	x	h	ɧ
Аффрикаты			dz dž	c č								
Смычно-гортанные	vh bh	ρh	dh zh žh	th ch čh				kh		qh		
Плавные			r l									
Носовые	m		n [~]									

Примечания

1. Академик Н.Я. Марр, Яфетические языки, БСЭ, т. 65, ст. 840—841.
2. П.К. Услар, Этнография Кавказа, Языкознание, II — Чеченский язык. Тифлис 1888, стр. 1—8.
3. П.К. Услар, цит. соч., стр. 6.
4. Изд. Чечнаиздата, стр. 1—183; первое издание вышло в 1928 г.
5. «Самоучитель чеченского языка», стр. 12—25.
6. Насколько несамостоятелен автор в даваемых им фонетических характеристиках, можно судить по следующему месту из его «Самоучителя»—2 изд., стр. 20—21. Здесь автор приводит такое определение чеченских взрывных типа k, относя к ним и смычно-гортанные, в чеченском и ингушском алфавитах обозначаемые через «kh» и «qh»:

«Вообще всякое «к» произносится путем прикосновения языка к нёбу; но в зависимости от того, какая часть языка с какой частью нёба или глотки соприкасается, может образоваться бесконечно длинный ряд разнообразных «k».

В русском наречии существует только одно «к». В чеченском языке их четыре, и, начиная от соприкосновения передней части нёба и языка до глотки и корня языка, образуются они в следующем порядке: k, q, kh, qh». Сравни с этой цитатой определение взрывных заднеязычных в «Чеченском языке» Услара, стр. 6.

7. «Самоучитель», стр. 24.
8. З.К. Мальсагов, Ингушская грамматика со сборником ингушских слов, Владикавказ 1925; его же «Ghalghaj grammatik. Ghalghaj ghazqi lughæt theẋæ», Malxboaleẋærčæ Qhæmi «Našriat», 1926.
9. Ibid., стр. 10.
10. Грозный 1927, Крайнаиздат.
11. Sölžan-Ghala, 1930, Крайнаиздат.
12. Нужно отметить, что З. Мальсагов в принятой им транскрипции более правильно обозначает смычно-гортанные. В транскрипции З. Мальсагова «h» используется для обозначения именно «айна» (арабск .ع), для передачи же гортанного спиранта (нем. h) он употребляет знак ḥ. Таким образом, у Мальсагова h в лигатурах ph, th, kh, qh, ch и čh не знак придыхания, а знак гортанного взрыва.
13. Сборник «Культура и письменность горских народов Северного Кавказа» — А. Хаджиева, профессор Н.Ф. Яковлева, профессор М.В. Беляева, Владикавказ 1930.
14. «Культура и письменность горских народов Северного Кавказа», стр. 68.
15. Здесь и ниже транскрипция дается на основе ингушского алфавита (Литературная энциклопедия, т. IV, ст. «Ингушский язык») с изменениями: h = нем. h; ḫ (x̣) = араб. خ; y = араб. غ (подробнее об этом дальше). Аспирация передается через [ʿ] только в этих примерах.
16. A. Dirr, Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen, Leipzig 1928.
17. Н.Я. Марр, Абхазский аналитический алфавит, Ленинград 1926.
18. А. Дирр, «Einführung», гл. «Das Lautsystem d. Kaukas. Sprachen» стр. 29.
19. Л. Жирков, Грамматика даргинского языка, стр. 8.
20. Е. Поливанов, Введение в языковедение для востоковедных вузов, Ленинград 1928, стр. 107—108 и др.
21. Ibid., стр. 108.
22. Подробнее об этом см. статью Р. Шор, К вопросу о консонантизме яфетических языков Южного Кавказа, «Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока», Москва 1930; там же указана литература по вопросу.
23. В данных примерах сохраняем принятую сейчас чеченскую и ингушскую орфографию».
24. Профессор Поливанов является представителем субъективно-идеалистического направления в языковедении, и поэтому даваемое им определении фонемы, также как и другие его методологические высказывания, должны вызвать самый резкий отпор со стороны всех лингвистов-марксистов.
25. S. Xamatxana-n., M. Oza-qh., «Udarnik» (J šera dešara abat), Ghalghaj izdatelstvo «Serdəlo», 1932 šu.
26. Ibid., стр. 60.
27. Ibid., стр. 38—50.
28. У Услара: «h имеет звук французского h aspirée в слове hareng», «Чеченский язык», стр. 6.
29. См. «Ингушскую грамматику» З. Мальсагова, стр. 10.
30. h=h; ḫ=x̣
31. «Ингушская грамматика», стр. 10.
32. Dirr, «Einführung», стр. 31.
33. Услар, «Чеченский язык», стр. 5.
34. П.К. Услар, Этнография Кавказа. Языкознание. IV—Лакский язык. Тифлис 1890. «Письма П.К. Услара к А.А. Шифнеру», от 24-IV-1864 г., стр. 22—23.
35. «Einführung», «Очерки чеченской и ингушской грамматики», стр. 131—148.

36. «Ингушская грамматика», стр. 9.
37. «Чеченский язык», стр. 5—6.
38. Изд-во Комакадемии, 1930, ст. 498—500.
39. А. Шифнер, Tschetschenische Studien, St. Petersburg 1864. Цитируем по переводу с немецкого. Приложение 1-е к «Чеченскому языку» П.К. Услара, стр. 10.
40. λ — глухой латеральный.
41. В наблюдавшемся нами произношении чеченцев и ингушей (barh, vuorh) h всегда звучало довольно ясно и независимо от произношения r.
42. А. Тромбетти, Elementi bi Glottologia. Bologna 1923
43. «Einführung», стр. 36.

Текст печатается по изданию:
Сердюченко Г.П. О чечено-ингушском консонантизме // Языки Северного Кавказа и Дагестана. — М.—Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — Т. 1. — С. 98—107.

О. Егоров

Достоверные сведения об О. Егорове отсутствуют. В архиве Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имеется его рукопись «О сложных словах в осетинском языке» (дело № 225), имя ученого упоминается в связи с его участием в составлении планов и отчетов о работе института (дело № 63), получением ценных исторических документов о культуре Северного Кавказа (дело № 192).

Мы публикуем работу О. Егорова «Чечено-ингушская лексика (К вопросу о схождениях и расхождениях в словарном составе чеченского и ингушского языков)» // Языки Северного Кавказа и Дагестана: Сборник лингвистических исследований. — М.—Л.: ОГИЗ; СОЦЭКГИЗ, 1935. — Т. 1. — С. 110—117.

О. Егоров
Чечено-ингушская лексика

(К вопросу о схождениях и расхождениях в словарном составе чеченского и ингушского языков)

Вопрос о том, насколько близки между собой чеченский и ингушский языки, сейчас требует точного ответа.

Чеченцы и ингуши, поднимавшие на ряде конференций — в 1928, 1930, 1932 годах — вопрос о создании единых норм чечено-ингушской литературной речи и принимавшие решения о проведении подготовительных мероприятий по установлению единого письменного языка для чеченцев и ингушей, вплотную подходят к реализации этих постановлений.

Что чеченский и ингушский языки близки друг к другу, известно давно. Еще П. Услар, считавший ингушский язык наречием чеченского языка, говорит, что «различие наречий преимущественно обозначается употреблением тех или других гласных и также полных или усеченных форм»[1]. Этим высказыванием и отрывочными замечаниями о сходстве и различии некоторых отдельных фактов чеченского и ингушского языков и ограничивается до сих пор все, на чем основывается утверждение близости этих языков.

Действительно, как в фонетическом составе, так и в лексике, морфологии и синтаксисе этих языков есть схождения и расхождения, определяемые и взаимоотношениями чеченцев и ингушей и их связями с соседними разнородными в языковом отношении народами. И когда ставится вопрос о создании единых норм чечено-ингушской литературной речи, нельзя уже ограничиваться замечаниями общего характера и пройти мимо сходства и различия в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике чеченского и ингушского языков. В настоящей статье и имеется в виду впервые наметить то общее и различное, что существует в словарном составе чеченского и ингушского языков.

В работе были использованы материалы, собранные экспедицией Северо-Кавказского Краевого Горского научно-исследовательского института в 1932 году и лексический материал в работах П. Услара[1], А. Шифнера[2], А. Мациева[3], З. Шерипова[4], А. Мациева и М. Исламова[5], З. Мальсагова[6], М. Ужахова[7], И. Мальсагова[8] и М. Мальсагова[9].

Наиболее надежные материалы дают словари при грамматиках П. Услара и З. Мальсагова; но работа П. Услара относится к 1862 г., а за 70 лет в фактах чеченского языка, в частности в его лексике, произошли изменения, словари же А. Мациева, З. Шерипова, А. Мациева и М. Исламова далеко не всегда дают надежный материал, совершенно игнорируя фразеологию. То же самое нужно сказать и о словарях ингушского языка И. Мальсагова, М. Ужахова и М. Мальсагова.

Все богатство слов чеченского и ингушского языков, которое мы рассматриваем, имея в виду выяснить сходство их и расхождение, можно разделить на три группы.

I. Первую группу составляют слова, сходные между собой по значению и звуковому оформлению.

Количество таких слов в словарном составе чеченского и ингушского языков велико — около 40%; здесь мы, как и в дальнейшем, ограничиваемся немногими примерами[10]:

Чеченский язык	*Ингушский язык*
txaæ — шерсть	txæ
šuræ — молоко	šuræ
duqh — ярмо	duqh
diešær — ученье, чтение	diešær
-ar — приходить	-ar
-ælær — умереть	-ælær
bašxæ — различный, особый	bašxæ
cha — дом	cha
gætæ — полотенце	gætæ
ghulluq — дело	ghuluq

hæž — яблоко, яблоня	hæž
hexær — кричать	hexær
ijs — девять	ijs
jælx—шесть	jælx
kha — пшеница	kha
lacær — ловить	lacær
mangæl — коса	mangæl
nax — люди, народ	nax
-uolær —двигаться, наступать	-uolær
ρχ́ægæl — заяц	ρχ́ægæl
qærzær — жарить	qærzær

II. Вторая группа — это группа слов, сходных по значению, но различающихся звуковым оформлением или корня или суффиксов и окончаний.

1) Соответствия гласных звуков при тождественности согласных в корнях чеченских и ингушских слов, сходных по значению, разнообразны:

Чеченский	*Ингушский*
gavr — лошадь	govr
kiert — забор, плетень	kært
khæzæ — каблук	khoazu
lulæxuo — сосед	loalæxuo
milæ — кто	mælæ
ρxæræ — беременная	ρxoaræ
qhilbie — юг	qhulbæ
vaša — брат	voša
tüki — лавка	tikæ
thæj — мост	thij
šæd — узел	šuod
nuc — жених	niejc
mieqi — борона	mæqæ

По нашим наблюдениям, взаимное понимание этих и подобных им слов чеченцами и ингушами обусловливается составом согласных этих слов и контекстом речи; пониманию не препятствуют те отличия, подчас тонкие, гласных звуков, которые не привносят изменения в значение слова. В данном вопросе приходится ограничиваться только этим наблюдением, так как выяснение количества гласных и согласных фонем и их различных качественных оттенков в чеченском и ингушском языках является задачей специальной работы.

2) Менее многочисленны расхождения согласных звуков в корнях ингушских и чеченских слов, сходных по значению. Так:

Чеченскому st в начале слов соответствует ингушское s в таком же положении:

Чеченский	*Ингушский*
stim — желчь	sim
stigæl — небо	sigælie
stæg — человек	sæg
stuom — плод	suom

Ингушскому f соответствуют чеченские h, v:

Ингушский	*Чеченский*
fu — что	hun_r
fuord — море	huord
fuos — добыча	$huon_rs$
fu — порода, род, семя	hu
fiertæ — бурка	vierti

Ингушский	*Чеченский*
fieting — пуговица	vieti
fuo — свежий воздух	huo
fusum — пристанище, приют, дом хозяина	husum
foart — шея	vuortu

3) В словообразовании имен существительных можно указать следующие соответствия между суффиксами со сходным значением и звуковым оформлением:

а) Суффикс rg

Чеченский	*Ингушский*
axkærg — волдырь	axkærg
bherg — глаз	bhærg
lierg — ухо	lærg
-iezærg — любовник	-iezærg
bierg — копыто	bærg

Суффикс ær

Чеченский	*Ингушский*
ittær — стирка, мойка	ittær
buolær — походка	buolær
lovzær — игра	lovzær
alær — сказание, слово	alær
mælær — питье	mælær
læzær — боль, болезнь	læzær

Суффикс æm

Чеченский	*Ингушский*
qieræm—страх, боязнь	qieræm
sardæm — проклятие	suordæm
tiešæm — вера	tiešæm
baxæm — хозяйство	boaxæm
dieginbææm — подозрение	diegæbuæm

Суффикс uo, luo, xuo:

Чеченский	*Ингушский*
axærxuo — пахарь	axærxuo
ẋiexærxuo — учитель	ẋiexærxuo
diešærxuo — ученик	diešærxuo
žieruo — вдовец	žieruo
xiexuo — сторож	xäxuo
lulæxuo — сосед	loalæxuo
bielxiluo — рабочий	bielxluo
thiemeluo — воин	thiemxuo
südxuo — судья	sudæxuo

Суффикс čæ

Чеченский	*Ингушский*
ghulluqčæ — служащий	ghuluqčæ
govzunčæ — мастер	ghuončæ — помощник
	joazuončæ — писец
votunčæ — барабанщик	fætänčæ
xæzænčæ — казначей	xæzncæ

Суффикс zæ («без»):

Чеченский	*Ингушский*
bharz(æ) — мул	bharzæ — (bhar — орех) čamæ-zæ-l — безвкусность

Префикс cæ («без», «не»):

Чеченский	*Ингушский*
cæmgær — нездоровье, болезнь	cæmægær cætiešær — недоверие

Многие имена существительные, проникшие в чеченский и ингушский языки из других языков, иногда сохраняют иноязычные окончания:

Чеченский	*Ингушский*
tæhæzær — наказание	tæhæzær
amæl — характер, нрав	oamæl
ρal — гадание	ρoal
imam — имам	imam
izdatelstvo — издательство	izdatelstvo
zavod — завод	zavod
arxiv — архив	arxiv
zamiestitel — заместитель	zamiestitel
ρromišliennost — промышленность	ρromyšliennost

или же изменяют иноязычные окончания согласно своим нормам:

Чеченский	*Ингушский*
industrij — индустрия	industrij
teorij — теория	teorij
bani — баня	bani
likvidacij — ликвидация	likvidacij

б) Наряду с этими сходными по значению и по звуковому оформлению суффиксами и префиксами есть в ингушском языке такие суффиксы, которые или отсутствуют в чеченском языке или сходны по значению, но отличаются звуковой формой.

Так, в ингушском языке есть так называемые уменьшительные суффиксы g, lg, которых нет в чеченском языке:

Ингушский	*Чеченский*
cuogælg — лисичка	cuogæl — лисица
arqælg — блюдце	arqu — блюдо
thælg — палец	thæ — лапа
čhegælg — кусочек	čhegæ — кусок
bijrg — ребеночек	bier — дитя

В чеченском языке отсутствие уменьшительного суффикса замещается употреблением имени прилагательного $\check{z}imin_{г}$ — малый, маленький.

Чеченскому суффиксу llæ в ингушском соответствует l, luo, uo с тем же значением:

Чеченский	*Ингушский*
dikællæ — доброта	dikæl
chiellæ — краснота	chiel
duottæghællæ — дружба	duottæghæl
attullæ — легкость	attæl, attuo
astæghullæ — хромота	astæghæl
majrællæ — храбрость	majræl
durællæ — соленость	diræl
bærækællæ — благодарность	bærkæl

4) а) В словообразовании имен прилагательных нужно указать общий суффикс n_r, являющийся в ингушском языке только у прилагательных, представляющих собственно родительный падеж единственного числа имен существительных:

Чеченский	*Ингушский*
lättin$_r$ — земельный	lättæn$_r$
iexkien$_r$ — летний	æxkæn$_r$

Суффикс — on$_r$ (русск. -оват-, -еват-):

Чеченский	*Ингушский*
muožuon$_r$ — желтоватый	moažuon$_r$ — коричневатый
häržuon$_r$ — черноватый	haržuon$_r$

Чеченским суффиксам ri, i в ингушском языке соответствуют ræ, æ, в которых звуки i и æ, как исходные и безударные, утрачивают полноту образования и потому делаются фонетически близкими:

Чеченский	*Ингушский*
thiexari — задний	thiexaræ
gieni — далекий	gänæ
süpi — набожный	suvpæ
xeni — жирный, питательный	xänæ

Прилагательные, проникшие в чеченский и ингушский языки из других языков, большею частью сохраняют иноязычные окончания:

Чеченский	*Ингушский*
hovdæl — глупый, неразумный	hovdæl
müthæx — преданный	muthæx
bašxæ — особый, различный	bašxæ
xarc — ложный, неправильный	xarc
xaræm — греховный	xaræm
počtin$_r$ — почтовый	počtovij
gerbin$_r$ — гербовый	gerbovij
naturin$_r$ — натуральный	naturalnij

б) Расходятся чеченские и ингушские языки в наиболее часто встречающихся суффиксах имен прилагательных: чеченскому — n_r в ингушском соответствует æ:

Чеченский	*Ингушский*
attæn$_r$ — удобный	attæ
buoršæn$_r$ — мужской	buoršæ
dürin$_r$ — соленый	diræ
qhäxin$_r$ — горький	qhæxæ
čhoghun$_r$ — крепкий, твердый	čhoaghæ
luoxun$_r$ — низкий	luoxæ
miskin$_r$ — бедный, нечистый	miskæ
sirin$_r$ — серый	siræ
šierin$_r$ — гладкий, ровный	šäræ

Чеченский суффикс zin$_r$ соответствует ингушскому суффиксу zæ с тем же значением «без» — «нет».

Чеченский	*Ингушский*
čemzin$_r$ — безвкусный	čamæzæ
mäxzin$_r$ — бесплатный	mättæzæ — немой

Обычно имена прилагательные с таким значением «отсутствия» образуются в ингушском языке при посредстве отрицательной формы деепричастия настоящего времени глаголом «быть» — оасуš, а в чеченском языке — отрицательной формы причастия настоящего времени того же глагола «быть» — uocurg:

Чеченский	*Ингушский*
pæjdæ buocurg — бесполезный	pæjdæ boacyš
mieqæš duocurg — безусый	mieq doacyš
gierz duocurg — безоружный	qietæm boacyš — неразумный
cergiš juocurg — беззубый	rävæ voacyš — недовольный

Чеченский суффикс iræ соответствует в ингушском ær; чеченский — bäcciræ зеленый — ингушскому bäccær.

Чеченский суффикс ler(i)nig соответствует ингушскому ræ: чеченск. tæxænler(i)nig сегодняшний — ингушскому tæxænæræ; чеченск. hinciler(i)nig нынешний — ингушскому hænzæræ; чеченск. qanæler(i)nig завтрашний — ингушскому qoanæræ.

Чеченскому суффиксу ig имен прилагательных, употребленных без определяемого слова, нет соответствия в ингушском языке, где в таком положении к именам прилательным присоединяется причастие настоящего времени глагола «быть» — ær:

Чеченский	*Ингушский*
mæjrinig — храбрый, мужественный	mæjræ vær
xæzænig — красивый	xuozæ vær

5) В именах числительных отметим расхождение в окончании числительных: 19 — чеч. tqhajessinæ, ингуш. tqhiestæ; 20 — чеч. tqhæ, ингуш. tqho, последнее также в числительных 40, 60, 80 вследствие двадцатиричного счета в чеченском и ингушских языках: чеч. šovztqhæ, quztqhæ, diezatqhæ, ингушск. šovztqho, qovztqho, dieztqho. Чеченскому суффиксу имен числительных порядковых — lughun$_r$ соответствует ингушский — lægh æ: чечен. cʼallughun$_r$ — первый, ингушск. cʼolæghæ.

6) В области словообразования глаголов, кроме того, что огласовка корня может быть сходна или различна, нужно еще отметить, что как в чеченском, так и в ингушском языках широко применяется образование глаголов: а) посредством сочетания глаголов, особенно ær — делать(ся), ælær — дать(ся), с другими частями речи и б) посредством приставок.

Значение таких сложных глаголов — действие или состояние, признак которого указан первым членом сложения:

Чеченский	*Ингушский*
nab-ær — спать	nab-ær
nijs-ær — выпрямить	nijs-ær
-uožæ-ær — уронить	-uožæ-ær
kieč-ær — готовить, приготовить	kijč-ær
zien$_r$-ær — вредить	zie-ær
jaz-ær — писать	jaz-ær
gul-ælær — собираться	gul-ælær
gul-ær — собирать, копить	gul-ær
irči-aqqær — обезобразить	ijrčæ-aqqær
irči-alær — подурнеть	ijrčæ-alær
gerge-ar — приблизиться	gærgæ-ar
čherij lacær — ловить рыбу	chäri lucær
mars xʼæqær — косить	mars xʼæqær
pal tæsær — гадать	poal tæssær
chie tillær — назвать, дать имя	chy tyllær

б) Очень многочисленны в чеченском и ингушском языках глаголы, образованные посредством приставок: dha — dhæ, thie — thæ, ču — ču, xʼæl — xʼæl, khel — khæl, thieræ — thieræ, ulau — ulu, thieʼxæ — thieʼxæ, čæq — čæq, araæ — araæ и других, уточняющих основное значение глагола в смысле указания направленности действия:

Чеченский	*Ингушский*
dha-aqqær — удаляться	dhæ-aqqær
thie-xaar — садиться на ч.-л.	thæ-alær — взобраться
ču-xaar — садиться во ч.-л.	ču-alær — войти
khel-xaar — садиться под	khæl-alær — спуститься
ulau-xaar — садиться подле	ulu-alær — стать рядом
thieẋæ-qier — догонять	thieẋæ-qær — догонять
čæq-alaer — проходить сквозь	čæq-alær — пройти через, сквозь
aræ-alær — выходить	aræ-alær — выходить

III. Третью группу слов составляют слова, различные в ингушском и чеченском языках. Так:

Чеченский	*Ингушский*
ruollu — бабочка	khormæc
dama — мука	ẋoar
čermæ — бочка	bieškæ
ängæli — стекло	hoaqhæ
böræ — овраг	älij
vaj — рой	niq
buošxær — блюдо	arqu
raghu — сарай	otær
duoghu — замóк	čhegæ
æẋær, siskælghæ — мука (кукурузная)	žhur

Количество слов, входящих в эту третью группу, в сравнении с первой и второй группами, незначительно — около 15% всего количества чеченских и ингушских слов, привлеченных к сравнению и имеющихся в указанных выше материалах. В этих материалах представлена лексика плоскостных наречий Чечни и Ингушии.

При использовании же словарного состава говоров чеченцев и ингушей горных аулов, — если бы лексический состав этих говоров был выявлен, — процент расхождений, наверное, уменьшился бы, так как, судя по немногочисленным записям и наблюдениям речи горных чеченцев и ингушей, последняя имеет гораздо меньше расхождений, чем речь плоскостных.

Примечания

1. П.К. Услар, Этнография Кавказа. II — Чеченский язык. Тифлис 1888, стр. 2.
2. «Mémoires de l'Akadémie imperiale des sciences de St. Petersbourg», VII série, T. VII, № 5.
3. А.Г. Мациев, Чеченско-русский словарь, Грозный 1927.
4. З.Д. Шерипов, Русско-чеченский словарь, 1928.
5. А.Г. Мациев и М.Д. Исламов, Терминологический словарь чеченского языка, ч. I — Общественно-политическая, Грозный 1930. Анализ данного словаря см. журнал «Революция и горец», 1932, № 6—7, «О словарно-терминологической работе на Северном Кавказе».
6. З.К. Мальсагов, Ингушская грамматика, Владикавказ 1925. Malsægæ n. Z. Ghalghaj grammatik, 1926.
7. M.G. Užaẋn, Ghalgh-ghazæqi lughæt. Ингушско-русский словарь, 1927.
8. Malsagan. I. Ersij i ghalghaj i dešaj lughæt. Русско-ингушский словарь, 1929.
9. Malsagan. M., Lughat. G. Buru, 1930.
10. Чеченские и ингушские слова транскрибируются на основе алфавита ингушского языка, см. Литературную Энциклопедию, т. IV, ст. «Ингушский язык».

Текст печатается по изданию:

Егоров О. Чечено-ингушская лексика // Языки Северного Кавказа и Дагестана. — М.—Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — Т. 1. — С. 110—116.

III. Раздел истории письменности народов Кавказа

Петр Карлович Услар

Здесь мы полностью прилагаем написанную и опубликованную М.Я. Немировским в «Большой советской энциклопедии» (1926—1947), том 56 (1936), стб. 319, статью о П.К. Услере, так как работы этого ученого были в русле научных интересов М.Я. Немировского.

«Услар Петр Карлович (1816—1875), барон, один из основоположников кавказоведения. Изучение Кавказа, где он служил офицером генерального штаба, Услар начал с военно-статистического описания Эриванской губернии (1850). Уже в этом труде обнаруживается этнографическо-исторический уклон Услара, побудивший его в дальнейшем взяться за изучение многочисленных языков горских народностей, так как в языке он усматривал ключ к историческому познанию Кавказа. Между 1861 и 1871 годами Услар пишет шесть монографий по абхазскому, чеченскому, аварскому, лакскому, хюркилинскому (даргинскому) и кюринскому (лезгинскому) языкам. Небольшие этюды Услара посвящены черкесскому, убыхскому и сванскому языкам. Большое внимание Услар уделял также изучению горского фольклора, произведения которого считал важнейшим источником для языковеда. Пословицы, сказки, песни — вот главные образцы, на грамматическом анализе которых Услар вскрывает характер структуры горских языков. Специально горскому фольклору посвящен этюд Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев» (1888). Большой интерес для кавказоведа представляет этнолого-лингвистическое и историческое сочинение Услара «Древнейшие сказания о Кавказе» (сборник X). За свои лингвистические труды Услар был избран членом-корреспондентом Академии наук. Высокую оценку Услару как лингвисту дает и академик Н.Я. Марр (Марр Н.Я. Непочатый источник истории кавказского мира, «Известия Академии наук», 1917, стр. 307).

Необходимо однако учитывать роль Услара, генерала царской службы, как проводника руссификаторской колониальной политики русского царизма; это отразилось и на его исследовательской работе и в особенности на его практической деятельности по «просвещению горцев» (см. статьи Услара «О распространении грамотности между горцами»; «Предположение об устройстве горских школ»; «О составлении азбук кавказских языков» — все три напечатаны в книге: Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык (вып. 1), Тифлис, 1887).

Важнейшие труды Услара и некоторые мелкие работы изданы после смерти автора под заглавием: Этнография Кавказа. Языкознание, вып. 1—6, Тифлис, 1887—1898. Другие труды печатались в «Сборнике сведений о кавказских горцах», «Записках кавказского отдела Русского географического общества» и в других изданиях. Биографические сведении см.: Загурский Л. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе, в книге: Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 10, Тифлис, 1881».

Как видим, идеология 1930-х годов отображается в этом тексте.

З.М. Габуниа отмечает, что «еще в XIX веке П.К. Услар писал о том, что в результате усилий историков, этнографов, фольклористов, археологов и языковедов, направленных на комплексное изучение древнейшей истории Кавказа, станет возможным проникновение в ее глубины, но при этом главным он считал язык» (Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания: на материале западнокавказских язы-

ков. — Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, 2011. — С. 66).

В библиотеке Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института имеются работы П.К. Услара (фонд редкой книги научной библиотеки СКФУ): «Этнография Кавказа. Языкознание» / Издание Управления Кавказкого учебного округа. — Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. — Вып. III. Аварский язык; «Этнография Кавказа. Языкознание» / Издание Управления Кавказкого учебного округа. — Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1896. — Вып. VI. Кюринский язык.

В данной антологии мы публикуем статью П.Н. Черняева «Как изучал П.К. Услар язык убыхов» (1929).

О П.К. Усларе написаны **монографии**:

Магометов А.А. П.К. Услар — исследователь дагестанских языков. — Махачкала: Дагучпедгиз, 1979.

Бекоева Т.А. Видный просветитель Северного Кавказа второй половины XIX века П.К. Услар. — Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2008.

Габуниа З.М. П.К. Услар — исследователь западнокавказских языков (1816—1873) // Габуниа З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания: на материале западнокавказских языков. — Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, 2011. — С. 33—100.

В последнее время обострился интерес к изучению дяетельности П.К. Услара, опубликованы многочисленные **работы о нем**:

Габуниа З.М., Тирадо Р.Г. Немного истории. П.К. Услар и исследование языков малочисленных народов // Габуниа З.М., Тирадо Р.Г. Миноритарные языки в современном мире. Кавказские языки. — М., 2002. — С. 25—54.

Бекоева Т.А. П.К. Услар и горские просветители // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2009. — № 1. — С. 34—39.

Каймаразов Г.Ш. П.К. Услар об образовании и воспитании дагестанских горцев (к 190-летию со дня рождения кавказоведа) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. — 2006. — № 8. — С. 143—151.

Гутнов Ф.Х. П.К. Услар и адаты западных осетин // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. — 2014. — № 12 (51). — С. 97—117.

Бекоева Т.А., Цораева Ф.Н. П.К. Услар о просвещении кавказских горцев // Всероссийские Миллеровские чтения. — 2008. — № 1. — С. 74—76.

Халидов А.И. П.К. Услар и нахское языкознание // Чеченский язык: проблемы и перспективы развития: Материалы региональной научно-практической конференции / Правительство Чеченской Республики; Академия наук ЧР. — 2012. — С. 15—36.

Бекоева Т.А., Бекоева Е.Д. П.К. Услар о Нартском эпосе народов Кавказа // Нартоведение на рубеже XX—XXI веков. — 2015. — № 3. — С. 3—7.

Бекоева Т.А. Академик П.К. Услар — видный просветитель Северного Кавказа второй половины XIX столетия // Сибирский педагогический журнал. — 2009. — № 6. — С. 208—220.

Рашидова Г.Р. Дагестан в публицистике П.К. Услара // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2007. — Т. 11. — № 32. — С. 183—185.

Чалаева П.Ш. Роль П.К. Услара и его учеников в развитии лакско-русских языковых контактов // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 2 (33). — С. 307—309.

П.К. Услар
О распространении грамотности между горцами

Моральное сближение с чуждым народом, покоренным силою оружия или дипломатическими трактатами, — обыкновенно заключаемыми без ведома и согласия народного, — представляет большие затруднения, которые могут проистекать из различных причин. Бывает иногда, что все классы народонаселения, при новом порядке вещей, чувствуют себя в худшем материальном положении, чем прежде. Являются новые повинности, налоги, пресекаются прежние выгодные сношения с соседями. Это и есть, без сомнения, самый естественный повод к неудовольствию.

В этом отношении горцы не могут на нас пожаловаться. Чеченцы и закубанцы, оставшиеся на Кавказе, подвергались по необходимости переселениям, на первых порах весьма стеснительным для хозяйства. Дагестанские горцы, почти целиком, остались там, где застало их окончание войны. Главнейшее условие для благоуспешности хозяйства заключается в мире и безопасности. На Кавказе, как всюду и всегда, масса народонаселения состоит из людей, дорожащих домашним кровом, домашнею мирною деятельностью. Если в прежние годы горцы находили выгодным грабить соседей, то теперь сознали, что это ремесло сделалось теперь невозможным, и свыкаются с этим убеждением. Не думаю, чтобы в настоящее время, — по крайней мере, в Дагестане, — случаи грабежа повторялись чаще, чем, например, в Московской губернии. Горцы не питают к нам ненависти за то, что мы отняли у них возможность грабить. Чего-чего не вытерпели они при Шамиле! Менее от нашей картечи, чем от хищничества мюридов! Настоящее время должно представляться горцам в виде пробуждения от страшного сна, в виде излечения от тяжкой болезни…

Deus nobis hæc otia fecit.

Конечно, спокойствия их не нарушают уж более опасения, что мы намереваемся всех их забрать в солдаты, женщин разобрать по рукам, а детей отправить в Россию, чтобы окрестить там. Было время, когда в глухих аулах жители, увидев в первый раз русского пленника или беглого, всего более дивились тому, что в нем нет ничего удивительного, что он совершенно похож на человека. Из этой сферы понятий горцы уже высвободились.

Каково бы ни было минувшее в сравнении с настоящим, но в покоренном народе тлеет, более или менее долго, искра привычки к историческому прошедшему, к прежнему правительству. В продолжение прошлого целого века Шотландия волновалась при одном имени изгнанных Стюартов, хотя и крамольничала против них во все время их правления. Лет за пятьдесят тому назад Александр-царевич волновал Грузию, — конечно, не какою-либо политическою идеей, а единственно происхождением своим от прежней царственной династии. Кто же теперь в Шотландии или Грузии думает о чем-нибудь подобном! Таковые примеры и теперь уже нисколько не применимы к горцам. У них были правительства, которые тянулись в продолжение длинного ряда веков. Существование нуцалов и шамхалов засвидетельствовано историей за целое тысячелетие. Но решительную несвоевременность этих правительств горцы осознали еще прежде, чем мы. Все реставрации, сделанные нами, оказались несостоятельными. Везде, где только самоуправление представляло какой-либо задаток жизни и порядка, мы оставили его неприкосновенным.

В покоренном народе естественным образом, хотя бы даже и бессознательно, возникает опасение за сохранение своей индивидуальности. Утрата индивидуальности как для отдельного человека, так и для целого народа, равномерна смерти. Иначе даже и определить нельзя, что такое смерть. Отвращение к смерти составляет основное условие жизни. Индивидуальность народа обусловливается особенностью его языка и особенностью его склада понятий, его цивилизации. Язык и цивилизация подчинены весьма неравномерным жизненным законам. Язык живет целые тысячелетия при самых даже неблагоприятных условиях для его жизни. Приведем один пример из множества других. Баски живут уже длинный ряд веков вместе с народами, говорящими романскими языками; они такие же католики, как французы и испанцы; ни политической самостоятельности, ни стремления к сепаратизму они не имеют; это народ промышленный, хорошие мореходцы, что поставляет их в повседневные сношения с соседями. Несмотря на все это, язык басков уцелел до нашего времени и, вероятно, проживет еще много веков.

Склад понятий народных, цивилизация, подлежат несравненно более быстрым изменениям. Самостоятельных центров цивилизации немного; к тому или другому все небольшие народы тяготеют волею или неволею, лишь только попадают в их сферу. Эти народы в известных пределах и усваивают себе чуждую цивилизацию, внося в нее кое-какие оттенки. Если проводником ее служит язык народный, то она более или менее проникает во все классы народонаселения. Если она проводится посредством чуждого языка, то делается достоянием только одного класса, который приобретает через то большое влияние на массу народную, profanum vulgus. Вследствие политических переворотов возникает задача изменить центр цивилизирующего тяготения, устранить влияние цивилизации враждебной. Задача, как мы сказали уже выше, вообще весьма трудная, но затруднения представляются не всегда в одинаковом размере. Наибольшие встречаются там, где цивилизация успела проникнуть в народ посредством языка народного. Если проводником для чуждой цивилизации послужил чуждый язык, то языком народным всего удобнее противодействовать ей. Наконец, нетрудно управлять умами там, где народ только слегка подвергся какой-либо, самой по себе слабой цивилизации или цивилизации, нам невраждебной.

Если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массою народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации. Учение доступно каждому горскому мальчику. В каждом ауле найдется один, два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба; при каждой мечети находятся школы, где желающие учиться могут продолжать свое учение. Но во всех этих школах учат исключительно арабскому языку, с исключительною целью читать Коран и понимать его, — понимать не самостоятельно, а так, как понимали его за тысячу лет первые последователи Магомеда. В способе понимания Корана не допускается никакого усовершенствования.

Арабский язык объединяет собою все враждебные нам элементы в Дагестане. Число людей, действительно знающих по-арабски, конечно, составляет незначительный процент народонаселения, но тлетворное влияние изучения этого языка отзывается в целой домашней жизни горцев, опутывает их от колыбели до могилы. Длинный ряд детских и юношеских годов проводят они в мусульманской школе — гнездилище мрачного изуверства, — где, по методе, придуманной с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на непонятном для них языке читать Коран, упражняются в начертании непонятных для них письмен. Немногие, особенно даровитые, пройдя в продолжение двух десятилетий длинный ряд таковых школ, образующих ученую лествицу, соразмеренную с знаменитостью преподавателей, — приобретают положительное знание арабского языка и арабской литературы. Много даровитости требуется на то, чтобы вынести какое-либо положительное знание из подобных школ! Таковые даровитые лица в свою очередь являются воспитателями последующего поколения.

Но, как мы сказали, число выучившихся чему-нибудь незначительно. Во всяком случае, юноши, ничему не выучившиеся, — в детском впечатлительном возрасте долго обращались с *мертвой буквой*, облеченной в мистическую форму, что сделало их недоступными к внушениям здравого смысла, тупыми, ожесточенными фанатиками. В этом вина не Корана, а методы изучения его. В Коране встречаются восторженные призывы к непримиримой войне против неверных. Магомед сам вел войны; мог ли он иначе говорить со своими сподвижниками? Не мы, христиане, служим мусульманам образцами миролюбия… За много веков тому назад, в то время, когда в христианской Европе жгли еретиков, евреев и язычников, калифы устроили в самом дворце своем странноприимное помещение, открытое для всех пришельцев, *без различия вероисповеданий*; калифы с торжеством, почетом и сочувствием принимали у себя ученого еврея, главу багдадской еврейской общины, *князя изгнания*. К этим примерам веротерпимости присоединим пример, хотя и в другом роде, но нам современный. Преемник калифов, повелитель правоверных, грозный хункяр, султан турецкий, ставит свою столицу вверх дном и последнюю копейку ребром, чтобы угостить и возвеличить проезжую неверную гостью! Мусульманское духовенство рядом с католическим освящает молитвами своими открытие Суэцкого канала! И это происходит вблизи могилы пророка! Вот на что сводится мусульманский фанатизм, непримиримая война с неверными! Против этих примеров можно возразить, что они относятся к эпохам упадка могущества калифов и султанов, когда повелители правоверных поневоле научились миролюбию. Но в христианской Европе, как известно, не перевес сил над силами соседей научает миролюбию. Непримиримую войну вести до́лжно против невежества, против преднамеренного отуманения понятий. И у нас появляются отшельники, которые проповедуют не сеять, не жать, не прясть, не ткать, не думать о завтрашнем дне. Так превратно толкуются слова Спасителя, возложившего на апостолов своих дело проповеди евангельской, которое должны они были

запечатлеть кровью своею и которое не должно было быть смущаемо никакими другими помышлениями. Но не все христиане — апостолы. Мы сеем и жнем, прядем и ткем, помышляем о завтрашнем дне. Страховые общества не ложатся тяжким грехом на душу нашу. С чего же смотреть на мусульман, как на диких зверей, потому только, что за 12 веков тому назад Магомед призывал их на войну против неверных? Горе не в Коране, горе в невежестве!

Едва ли кто усомнится в том, что училищ, устроенных с исключительною целью подготовлять людей в духовное сословие, недостаточно для полного умственного развития народа. У мусульман существуют одни лишь духовные училища. В наших разностепенных духовных училищах учат латинскому, греческому, еврейскому языкам. Что бы сказать о том, если бы у нас семилетнего безграмотного мальчика засадили прямо за еврейскую азбуку и еврейскую письменность, — с целью понимания Библии, — удалив от него понимание, что читать и писать может он и на родном языке? Предположите для нашего еврейско-христианского юношества подобную школу. В каком бы виде оно вышло из нее? Ответ не может быть разноречив. Но наше нелепое предположение вполне осуществляется в школах мусульманских.

Кроме морального влияния и монополии воспитания, в руках у знатоков арабского языка и другие весьма могучие средства. Уже много веков тому назад горцы сознали необходимость письменности для скрепления разного рода гражданских договоров. Но письменность в горах одна лишь арабская, — нотариусами одни лишь знатоки арабского языка. Без таковых ученых горцы обойтись не могут. Для наших административных распоряжений в горах необходима письменность; русская чужда горцам, туземной не существует; существует одна лишь арабская. В Дагестане встречаются горцы, воспитанники бывших кадетских корпусов, знающие свой родной язык и язык русский, но не знающие арабский. Они могут занять лишь второстепенные места словесных переводчиков. Волей или неволей мы сами поощряем изучение нам враждебного арабского языка. Таким образом, письменность, относящаяся даже до самых обыденных потребностей жизни, производится не иначе, как на языке мертвом, весьма трудно изучаемом и в лингвистическом отношении совершенно несходном с языками туземцев. Это то же, как если бы внутри России, где-нибудь в Костромской губернии, переписка, административная и частная, производилась не иначе, как на языке еврейском или древнегреческом! Языком книги Бытия или языком Гомера волостное правление предписывало бы выставить подводу или починить мост! Нелепый корень разросся нелепыми разветвлениями. Станете ли винить во всем этом Коран?

Горцы весьма любопытны, весьма жадны до новостей. В каждом ауле проезжего человека приютят, накормят и обогреют. За это даровое гостеприимство расплачивается он новостями. Легко представить себе, какие новости, какие мнения может этот проезжий пустить в ход посреди народонаселения легковерного и невежественного. Горцы готовы верить всяким чудесам и откровениям свыше; готовы верить и тому, что на днях явится хункяр с несметным ополчением правоверных и прогонит гяуров-русских с Кавказа. Все распоряжения правительства доходят до горцев через несколько лингвистических инстанций и, конечно, подвергаются превратным толкованиям. Как объясняться с горцами непосредственно? Одно средство — это говорить с ними на площади через словесных переводчиков. Средство не совсем удобное! В полном и исключительном распоряжении правительства находится *книгопечатание* — самое могучее орудие для управления умами, для распространения в массе народной известного рода понятий. Этим орудием покуда мы не можем еще пользоваться. Печатать что-нибудь для горцев по-русски то же, что печатать для них по-китайски; печатать по-арабски — значит подчинять печатаемое цензуре и лжетолкованию мусульманского духовенства.

В лингвистическом отношении Дагестан уже у классических писателей приобрел громкую знаменитость разрозненности. Встречаются селения, жители которых говорят особым языком, непонятным для соседей. У нас принято называть лезгинами обитателей Нагорного Дагестана, и этим названием мы придаем им как бы единство, которое исчезает при ближайшем ознакомлении. Так называемые лезгины состоят из множества народцев, говорящих не на различных наречиях одного и того же языка, но на совершенно различных языках, которые имеют между собою менее общего, чем главнейшие языки Европы. При таковых местных условиях является необходимость в международном языке и в международной письменности. Первое требование удовлетворяется в обществах, ближайших к окраине гор, изучением которого-либо из тюркских наречий, вообще весьма доступных для изучения; второе, как мы объяснили выше, — изучением арабского языка. Ни то, ни другое не соответствуют целям правительства в отношении народного образования. Международным языком должен быть *русский*, международной письменностью — *русская*.

В этом никто не усомнится, это должно быть достигнуто, хотя бы и в отдаленном времени. Спорить можно только о средствах, которые следует избрать для достижения.

Теперь языки арабский и русский сошлись лицом к лицу. Которому из них суждено владеть Дагестаном? Оба — пришлецы в крае, оба — языки завоевателей. Лет за тысячу тому назад арабы встретили в Дагестане ожесточенное сопротивление, которое видоизменялось в проявлениях, тянулось в продолжение целых веков. В Дагестане окончательное торжество исламизма совпало с окончательным торжеством нашего оружия. За тысячу лет тому назад, когда арабские завоеватели, покорив Дагестан оружием, озаботились покорить его и арабским языком, встретили они менее затруднений, чем мы теперь. Они имели дело с народами неписьменными; мы имеем дело с народами, к которым враждебная нам письменность привита прочно тысячелетними непрерывными усилиями мусульманского духовенства. Как видно, оно было настойчиво. Дай Бог нам обладать хотя бы десятою долею такового запаса настойчивости!

Нынешнее поколение горцев может учиться русскому языку не иначе, как в русских школах, которые устроиваются исключительно там, где живут русские люди; живут же они более или менее особняком от туземцев. Уже одно это условие поставляет в необходимость устроивать школы *закрытые*, принимать учащихся на полное содержание правительства. Устройство таковых школ в недрах Дагестана, с целым необходимым для них хозяйством и помещением, вовлечет в столь значительные издержки и представит столько непредвиденных затруднений, что, без сомнения, найдено будет более удобным устроить на плоскости одну большую школу взамен нескольких малых в горах. Этот результат уже обозначился пожертвованием хунзахской, гунибской и кумухской школ в пользу темир-хан-шуринской. Иначе и быть не могло. Все это естественным порядком сводится на прежние кадетские корпуса, в которых в значительном числе помещались в былое время горцы. Немногие из них учились успешно; другие пользовались льготами для получения офицерских эполет и увеличивали собою число кавалерийских офицеров в России. В общей сложности польза, принесенная этими лицами Кавказу, далеко не соответствовала издержкам, употребленным на их воспитание. Правда, что они большею частью выучились по-русски, но не оказали никакого влияния на распространение русского языка между своими земляками.

Школа не только подготовляет одиноких деятелей, — она и влияет на весь народ, если только находится с ним в тесной и непрерывной связи. Таковы мусульманские школы в Дагестане. Таковые школы, хотя и с противоположным направлением мы должны создать. Тогда только можно надеяться на постепенное осуществление наших намерений, и русский язык может вступить в соперничество с арабским. В самом небольшом глухом ауле человек, знающий кое-как читать-писать по-арабски, открывает в своей сакле школу для приходящих учеников, довольствуясь самой ничтожной платой. Существуют ли такие условия для русского, который бы задумал в Дагестане открыть школу для обучения детей русскому языку и грамоте? Одинокому христианину жить в горах между мусульманами покуда еще нельзя. Посреди других условий, конечно, находился бы туземец, знающий русский язык. Темир-хан-шуринское горское училище ежегодно подготовляет несколько таковых туземцев. Но всегда и везде звание сельского учителя материально есть самое неблагодарное. Этому званию могут посвятить себя люди, отказавшиеся от честолюбия, от надежды *повыситься*, люди, дорожащие скудным куском хлеба и уверенностью, что *завтра* пройдет для них также безмятежно, как и *сегодня*. Туземцы, выучившиеся русскому языку, или действительно увлекаются жаждою знания, — чему уже были примеры, — и поступают в гимназии, в университеты, что окончательно отрывает их от родины, или всего чаще пользуются приобретенным знанием для получения административных мест, что удовлетворяет их честолюбивым стремлениям. На туземцев, хотя бы и весьма хорошо подготовленных, покуда еще нельзя рассчитывать как на распространителей русской грамотности.

Как ни велико желание наше распространить в массе горцев знание русского языка, как ни велико даже желание многих горцев выучиться по-русски, но на это не достает средств. Мы и горцы как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы. К чести горцев должно сказать, что они не лишены любознательности. Учиться даже в зрелых летах не считается предосудительным. Каждый горец может, не прерывая семейных связей, не удаляясь от родной сакли, учиться арабскому языку. Сколько трудностей должен он преодолеть, пока удастся ему приобрести возможность учиться языку русскому! Наши училища становятся для него недоступными по достижении им известных лет. Число учащихся в Темир-хан-шуринском горском училище ничтожно в сравнении с числом учащихся в арабских школах. Скажут, что сто́ит лишь увеличить размеры русских училищ в Дагестане. Но и внутри России, по ограниченности средств, мы терпим крайний недостаток в народных

школах. Откуда же взять средства на размножение их в Дагестане в таком размере, чтобы они могли соперничать с арабскими.

В арабской школе ученики имеют дело с преподавателем, который объясняется с ними на их родном языке. Русских, знающих который-либо из горских языков, почти еще не существует: таковых можно в целом Дагестане перечесть по пальцам. Каким способом русские преподаватели будут объясняться со своими учениками? Мы лично имели случай убедиться в отличных успехах, сделанных горскими воспитанниками Темир-хан-шуринского училища. Отдавая должную справедливость даровитости и усердию преподавателей, не можем не заметить, что эти дети оторваны от родины, перенесены, так сказать, в Россию, окружены учениками русскими. Перенесите ребенка-горца хотя бы в Лиссабон: через год он выучится по-португальски. Это не то, чего мы желаем, о чем мы думаем. Мы заботимся не о немногих горцах, перевезенных в Россию, а о тех многих, которые остались у себя дома в горах, которые отданы на жертву арабскому языку, отравляющему их фанатическим дурманом, потемняющему их способность судить здраво...

Допустим осуществление того, что нам кажется невозможным. Положим, что рядом с арабскими школами мы, не жалея издержек, везде устроим русские с преподавателями из туземцев, знающих как русский язык, так и местный туземный. Для учащихся трудность представится та же самая, что и в арабских школах, то есть трудность первоначального обучения на неизвестном языке, без практического ознакомления с ним. Мнение, будто бы безграмотного человека все равно учить грамоте на родном или на неизвестном ему языке, до того странно, что мы оставим его без опровержения. Оно справедливо в отношении к глухонемому или к какому-либо Каспер-Гаузеру[1]. Но таковые личности, славу Богу, исключительные. Предположим, что где-нибудь, внутри России, русский учитель, кое-как выучившийся французскому языку, устроит для русских *безграмотных* детей сельскую школу, в которой будет учить их французскому чтению и письму и, пожалуй, еще кое-чему другому, но не иначе, как по-французски. Каких успехов ожидать от подобной школы? Некоторые выучатся с величайшим трудом плохо читать, плохо писать, плохо понимать и плохо объясняться по-французски, но все эти чахлые сведения, не имея корней в родной почве, испарятся без всякаго следа, лишь только ученики, покинув школу, возвратятся к обычной сельской жизни своей. Результат учения будет тот, что учившиеся окажутся глупее и физически слабее сверстников своих, не посещавших школы[2]. Разве сказанное нами не вполне применяется к исключительно русской школе, устроенной в недрах Дагестана туземцем, знающим русский язык?

Станем ли надеяться, что, даже без особых усилий с нашей стороны, само *время* нам поможет? Но опыт показывает, что время, предоставленное самому себе, плохой помощник там, где уже успела привиться враждебная цивилизация. Слишком за триста лет тому назад совершилось окончательное покорение Казанского царства. Приволжские татары находятся в географическом положении, несравненно более благоприятном для сближения с нами, чем дагестанские горцы. И городское, и даже сельское народонаселение живет перемешанно с русским. Большая часть русского дворянства в Казанской и Симбирской губерниях — татарского происхождения, как, например, Державины, Карамзины, Ермоловы. Это доказывает, что, как ни слабы были в крае элементы русско-христианской цивилизации, но она в скором времени привлекла к себе людей, передовых по происхождению, по богатству или по уму. Эти люди, даже оставшись на родине, совершенно обрусели и оторвались от своих единоплеменников. Дело дальнейшего обрусения массы народной не только не пошло вперед, но теперь раскрываются совершенно противоположные явления.

За 120 лет тому назад, в 1749-м году, Ломоносов в похвальной речи своей императрице Елисавете Петровне восхищался тем, что «разные обитатели разными образы, разные чины разным великолепием, разные племена разными языками, едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею Самодержицею хвалятся». Далее пишет он: «инде по пространным полям азийским разъезжая степные обитатели, хитрым искусством стрелы свои весело пускают, и показуют, коль они готовы устремить их на врагов своея Повелительницы». Во времена Ломоносова и даже гораздо позже, литература у нас считалась средством представить дело не так, как оно есть, а так, как желательно, чтобы оно было. От этого извращения печатного слова мы уже освобождаемся. Вот что читаем в современном официальном журнале (Журнал Министерства народного просвещения. Апрель 1867 года).

«В последнюю Восточную войну, татары, даже Казанской губернии, выказывали много холодности к делу России, и в одном Мамадышском уезде из числа взятых там рекрут бежало до 200 человек татар, при помощи своих богатых единоплеменников. Вообще татары

говорили тогда, что сражаться против единоверных турок запрещает им совесть; когда же был заключен мир и когда крымские татары стали переселяться в Турцию, то то же желание выселиться из России изъявили и несколько семейств татар казанских». Далее приводятся слова известного статистика, господина Артемьева, об уверенности казанских татар, что пора уже Казанскому царству восстановить свою самостоятельность. Редакция присовокупляет к тому, что, хотя бы дело и не зашло еще так далеко, но во всяком случае отчуждение татар от России не подлежит никакому сомнению и никоим образом не может быть оставляемо без внимания и без противодействия.

Из этой статьи, в высшей степени поучительной для нас, кавказцев, представим несколько выписок. «Еще с конца прошедшего столетия, магометанство видимо оживилось и принялось деятельно водворять свою грамотность в стране. Оно искало себе опоры в просвещении и успело достигнуть в этом отношении замечательных результатов, до такой степени, что татарин или татарка, не умеющие читать-писать, составляют в Казанской губернии исключение из общего правила, и Алкоран, хотя и писанный по-арабски, сделался самою читаемою книгой между всеми татарами.»

Обратим внимание на эпоху оживления арабской грамотности в крае, — *конец прошлого века*. Известно, что в продолжение целых двух веков после покорения Казанского и Астраханского царств, Приволжский край был театром страшной неурядицы. Разбои и бунты в колоссальных размерах не прекращались. Эти явления заключились пугачевщиной. В конце прошлого века начала водворяться тишина, которая составляет необходимое условие для успешного распространения какой бы то ни было грамотности. Тишиной удачно воспользовалось мусульманское духовенство. Мы не раз слыхали от дагестанских ученых признание, что уровень их науки понизился, что таких ученых, какие были лет за пятьдесят тому назад, теперь уже нет. За пятьдесят лет тому назад в Дагестане было тихо. Потом произошел фанатический взрыв. Учиться, когда надобно сражаться, нельзя. Весьма понятен упадок уровня мусульманской науки в Дагестане, но теперь снова наступила тишина...

«Эти успехи магометанского просвещения, которым, к сожалению, нисколько не соответствовали и не противодействовали успехи просвещения христианского, имели самые печальные последствия: в 30-х годах нынешнего столетия целые селения татар-новокрещенов, то есть крещенных после 1740 года, начали отпадать от православия, и такое отступничество охватило не только Казанскую губернию, но и соседние с нею Симбирскую, Самарскую, Уфимскую и Вятскую. Движение это продолжалось до самого последнего времени... Успехи магометанства в восточных пределах Европейской России не ограничиваются одними татарами, но простираются и на инородцев финского племени...»

Много раз было писано о том, что исламизм особенно быстро распространяется между народами пылкими, легко увлекающимися, чувственными. Таковы арабы, таковы негры, между которыми исламизм в последнее время сделал значительные успехи. Говорят, что исламизм есть учение поджигательное и тем легче обхватывающее народ, чем более в характере народном горючих материалов. Мы совершенно не понимаем, до каких горючих материалов добрался исламизм у апатических чувашей, которых в рай Магомедов скорее можно заманить пряниками, чем гуриями. Говорят, что исламизм распространяется огнем и мечом. Но ведь не огнем же и мечом татары увлекают чувашей в мусульманство. Против огня и меча буинский исправник принял бы своевременно самые действительные меры. А между тем, обнаруживается, что даже и крещенные чуваши отступают от православия в мусульманство.

В статье, которою мы занимаемся, ничего не говорится о методе учения в приволжских мусульманских училищах, что, впрочем, было бы и излишне, потому что метода эта одинакова в целом мусульманском мире. Мы о ней говорили выше. Но вот, каково мнение автора статьи об ученье в русско-христианских школах, обязанных противодействовать мусульманским.

«Учение ведется голословно на русском языке, но не соединяясь с действительным изучением инородческими мальчиками русского языка. Печальнее и вместе несообразнее такого обучения инородческих детей ничего нельзя себе представить. Засаживать инородческих детей прямо, по поступлении их в школу, за русский букварь, когда они не знают ни слова по-русски.., не прибегать во всем преподавании к помощи их родных наречий, это значит не сообразоваться не только с какими-либо правилами педагогии, но и вообще *с здравым человеческим смыслом*. Как ни странно покажется, однако же такого рода обучение инородцев было, по-видимому, в большом ходу. Следствия его были, разумеется, самые печальные: даже те из инородцев, которые наиболее успевали при такой системе обучения, оказывались впоследствии какими-то полуидиотами, так что еще недавно пришлось уволить из вятской духовной

семинарии всех воспитанников из черемис, за совершенною их неспособностью, бывшею следствием такого неразумного первоначального их обучения; вообще же инородцы должны были почувствовать сильнейшее отвращение к такого рода школам, находя учение в них чрезмерно для себя трудным, и вследствие того русская грамотность весьма плохо к ним прививалась».

В том же номере «Журнала Министерства народного просвещения» находим мы добросовестную и с теплым участием к делу написанную статью г. Шестакова о школах Буинского уезда Симбирской губернии. В них наибольшая часть учащихся состоит из инородческих детей. Буинский училищный совет положил в основание улучшения этих школ точное ознакомление с настоящим их положением. Обнаружились самые грустные факты. «В учении большею частию — мертвящий механизм; общее развитие учеников слабое, ученики очень часто пропускают уроки частию по своеволию, частию с согласия невежественных родителей». Члены буинского земского собрания пришли к заключению, что обучение должно быть *принудительное*, так как население уезда не сознало еще пользы образования. Но господин Шестаков задал вопрос: от одной ли грубости и малоразвитости родителей происходит действительно выражающееся на деле отвращение от школ, или самая организация школ, где учатся дети инородцев, тому причиною?

«Кто же обучает в этих инородческих школах? Конечно, ожидается в ответ, — люди, хорошо знающие родной язык тех детей, которых они учат; ибо только начальным обучением на природном языке можно пробудить мыслящие силы детей, развить их понятия, облегчить им сознательное приобретение познаний, дать им правильное умственное и религиозно-нравственное образование. К сожалению, мы не можем дать такого ответа, какой желателен».

Опыт вполне подтвердил мнение г. Шестакова о неуместности *принудительного* обучения и о том, что причину зла должно искать в самой организации инородческих школ. Зло вызвало противодействие со стороны людей, благонамеренных и энергических. Господин Ильминский, профессор Казанского университета, составил азбуку для народного татарского языка, — господин Золотницкий — для языка чувашского. Обе составлены были на основании русского алфавита, с целию облегчения для инородческих детей перехода от чтения на родном языке к чтению на русском. Польза оказалась тот час же на деле. В школе, устроенной господином Ильминским в 1864-м году для детей старокрещенных татар, успехи учащихся уже в 1866-м году оказались столь замечательны, что привлекли на себя внимание не только Казани, но и Петербурга. Теперь подобные школы размножаются далеко за пределами Казани. Обучение на родном языке привлекает к чувашским школам как детей, так и родителей. В таковых школах нет надобности прибегать к принудительному обучению. Сведения мальчиков *разумны* и *хорошо усвоены*. В русском языке инородческие дети оказывают наиболее успехов там, где первоначальное учение ведется на туземном.

Во всем этом мы совершенно устраняем вопрос религиозный. Прозелитизм не наше дело. Не христианские школы противопоставляем мы мусульманским, а русские арабским, русский язык арабскому. В отношении к обучению приволжских инородцев или кавказских горцев оба языка в одинаковом положении, то есть на обоих первоначальное народное образование должно идти плохо. Но, как мы видели, влияние арабских школ на туземцев, — даже немусульман, — гораздо сильнее, чем влияние школ русских. Объяснить это немудрено. Арабские сельские школы имеют на своей стороне сильный численный перевес над русскими. Первые создаются весьма легко, последние крайне туго. Мы даже не говорим о Нагорном Дагестане, где устройство русских сельских школ покуда еще невозможно. Выше привели мы официальное показание, что в Казанской губернии татарин или татарка, не умеющие читать-писать (по-арабски), составляют редкое исключение[3]. Грустно даже подумать о том, какая соразмерность между грамотными и неграмотными людьми в русском сельском народонаселении Казанской губернии! Местное начальство много должно хлопотать, чтобы устроить и поддержать школу в русском селении. Баня, мельница устраиваются без хлопот административных, сами собою. У татар в каждом селении школа устроивается без хлопот административных, сама собою, так же легко, как баня и мельница. В арабских школах учитель объясняется с учащимися туземцами, приволжскими или кавказскими, на их природном языке. Первоначальных учителей из природных арабов в этих школах не встречается. В русских школах учитель вовсе не знает туземных языков, а объясняется с учащимися на непонятном для них русском языке. Мы видели, к каким печальным результатам приводит эта метода. И в этом отношении арабские школы имеют перевес над русскими. Присоединим к тому, что родители мальчика-мусульманина проникнуты убеждением, что в каждом арабском слове кроется бездна святости; как ни тяжело сыну их это учение, но родителей поддерживает мысль, что трудится он для блага сво-

его. Пользу учения сознают они. Русский язык для инородцев (приволжских или кавказских) точно так же труден, как и арабский, и, притом, это язык гяуров. Из-за чего будут родители понуждать сына своего учиться?

Все это проводит нас к рассмотрению роли, которую должны играть туземные языки в деле просвещения кавказских туземцев. Нельзя выпустить этих языков из виду, уже по одной той причине, что им суждено прожить еще длинный ряд веков. Целое тысячелетие арабского давления не задавило их. Скольким бы языкам мы ни выучились, ни один не запечатлеется в целом духовном мире нашем так глубоко, как язык *родной*, — язык, которым непосредственно выражается своеобразный склад наших понятий. Это относится до всех народов и до всех языков в мире. Нельзя же смотреть на горцев, как на безъязычных; нельзя же оставить без внимания, что Бог одарил их языками самостоятельными, чуждыми как арабскому, так и русскому. Эти родные языки составляют самые надежные проводники для распространения между горцами нового рода понятий. Забрать эти проводники в свои руки, суметь распорядиться ими... Дело трудное, но и заслуживающее того, чтобы подумать о нем.

Горцы не сознают необходимости изучения своего языка, по той весьма простой причине, что объективное изучение своего языка немыслимо, покуда не создана для него письменность. Это то же, как бы рассматривать черты лица своего при отсутствии зеркал и даже *зеркальных вод*. Но необходимость письменности на родном языке уже давно сознана горцами. «Если аллах создал для нас особый язык и говорить на нем не грешно, то и писать не грешно». Дело не остановилось на одном сознании необходимости; издавна уже делаются горцами попытки к ее разрешению. Лет за 35 тому назад, во времена предшественника Шамиля, Гамзат-бека, на пути в Мекку, умер известный в Дагестане ученый Али-Кузеи Тлейсерухский. Память его высоко чтится в горах до сих пор. Горцы уверяют, будто бы жил он долее ста лет. Можно полагать, что ученая деятельность его относится преимущественно к прошлому веку. Али-Кузеи на аварском языке писал пояснения на разные темные места Корана и других духовных книг в пользу тех, которые не совсем тверды в знании арабского языка. Эти пояснения до сих пор еще в ходу в горах. Другой ученый, Магомед-Кади Сугратлинский, перевел на аварский язык несколько духовных книг. Еще более горячо за дело создания аварской письменности взялся знаменитый некогда по учености своей Лачинилау, под руководством которого Шамиль довершил свое изучение арабского языка. Поэтому легко сообразить, как стар уже должен быть Лачинилау! Сколько мне известно, он и до сих пор жив, хотя уже давно потерял зрение.

У меня в руках письмо его, которое служит доказательством истины, покуда еще малосознанной, что малый прием Корана возбуждает фанатизм, а сильный располагает к веротерпимости, если только не примешиваются себялюбивые расчеты. Где же религия не делается орудием себялюбивых расчетов? В особенности там, где общественная мгла прикрывает эти расчеты. Лачинилау составил аварскую азбуку и много писал по-аварски. Джемалэддин, старший сын Шамиля, оставивший по себе всюду добрую память, — возвратясь в горы, сильно скорбел о невежестве и дикости своих земляков. Чтобы вывести их из этого состояния, он счел за самое действительное средство распространить между ними грамотность на родных языках. С этою целию упросил он Гаджи-Али, одного из приближенных Шамиля, перевести Коран на аварский язык. Гаджи-Али успел перевести только половину. Шамиль не препятствовал этому занятию, но, по-видимому, не сочувствовал ему. Он представил Гаджи-Али, что самое богоугодное дело — сражаться против неверных, перевод же можно докончить и в другое время. Труд Гаджи-Али так и остался недоконченным. В середине пятидесятых годов азбуку для аварского языка составил Хандиев, бывший преподаватель аварского языка в Новочеркасском отделении восточных языков[4]. Быть может, сделано было в разных местах Дагестана и несколько других попыток, оставшихся нам неизвестными. В числе арабских рукописей, писем, документов и т.п., посылавшихся в разное время с Кавказа в нашу Академию наук, отыскалось письмо, писанное арабскими буквами на непонятном языке. Оказалось, что писано оно по-лакски, хотя и с величайшими недостатками.

Лет за сорок тому назад кабардинец Шора Бекмурзин Ногмов составил для кабардинского языка азбуку и грамматику. Вот что пишет он в предисловии к своему труду: «При начатии труда моего, сердечное убеждение говорило мне, что придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство, светильник жизни, любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги и письмо. Для этого-то времени составлен этот труд, — труд многих лет, который предастся забвению, быть может, пренебрежению, но некогда пробудит благодарное воспоминание потомства учащегося... Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей

просвещенных, когда обратится она к добру и познанию. О, тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений!» Этот достопочтенный поборник просвещения верно предугадал будущее, по крайней мере, в отношении к самому себе. Он скончался лет двадцать пять тому назад; память о нем и о трудах его постепенно погружалась в забвение. Честь оживления таковой памяти принадлежит г. Берже. Скромное имя Шора-Бекмурзина теперь не будет забыто на Кавказе. Около пятидесятых годов азбуку для адыгских наречий составил господин Омар Берсеев, — человек, усвоивший себе европейское образование. Азбука его была литографирована, и по ней господин Берсеев учил черкесскому языку в Ставропольской гимназии. Занятиям его покровительствовал князь Воронцов, который живо сочувствовал распространению письменности на туземных языках. В 1861-м году господин Берсеев составил азбуку на новом основании, но она до сих пор еще не была применена к делу.

Все эти попытки заглохли в зародыше. Причины неудач отыскать нетрудно. Главнейшая, из которой проистекают все прочие, заключается в том, что *в основание всех этих азбук принята была азбука арабская*. Звуки арабского языка совершенно расходятся с звуками языков горских: без добавлений и сокращений арабский алфавит столь же малопригоден для горского письма, как русский, латинский и т.п. Сокращений в арабском алфавите сделать было невозможно, так как не только множество арабских слов, но даже множество арабских фраз приобрели уже полное право гражданства во всех горских языках. Конечно, большинство горцев усвоили себе эти слова и фразы, не усвоив чистого арабского произношения. Но писать неправильно, применяясь к неправильному произношению, весьма естественным образом показалось неприличным для составителей азбук, которые все были большие знатоки арабского языка. Таким образом, арабский алфавит вошел целиком в азбуки, составленные для горских языков. Для означения звуков, чуждых арабскому языку, придумали начертания, близко подходящие, впрочем, к арабским; кроме того, ставили точки при тех буквах, который вовсе их не имеют, или надбавляли число их для тех, которые уже снабжены ими. И в арабском письме точки представляют большие затруднения, вводя в беспрестанные ошибки; в горском эти затруднения усугубляются. Так, например, аварские слова, написанные по системе покойного Хандиева, буквально осыпаны точками, который необходимо пересчитать и распределить по буквам, чтобы разобрать написанное. Очевидно, для каждого, кто, хотя бы даже весьма поверхностно, занимался восточными языками, что для того, чтобы писать арабскими письменами на каком бы то ни было языке, необходимо предварительно изучить арабский язык. Это обстоятельство тормозит письменность персидскую и турецкую и обусловливает одну из главнейших причин, почему просвещение не двигается в перед ни в Персии, ни в Турции. Грамотность на родном языке составляет первый шаг к просвещению, и этот первый шаг европейские ученики делают весьма легко, почти без всякого усилия, — если только учитель не какой-нибудь Кутейкин с *азами* и *буками*. Но, благодаря Богу, поколение учителей Кутейкиных уже вымерло почти повсеместно. Этот первый шаг превращается в истязание умственных способностей для ученика-мусульманина. Прежде, чем дойти до родной грамотности, созданной на арабском основании, ученик-горец должен пройти сквозь иго непостижимых для него арабских *солнечных*, *лунных*, *хворых* букв, *тешдида*, *дж езмы* и пр. и пр. В таковом виде горская письменность доступна лишь для тех, которые предварительно изучили арабский язык, то есть для тех, которым она наименее нужна.

Всего замечательнее то обстоятельство, что, за исключением трудов Хандиева и Берсеева, попытки создать у себя письменность сделаны были горцами без всякого участия со стороны русского правительства. Шора Бекмурзин находился в русской службе и хорошо знал русский язык, но трудился по собственному влечению. Дагестанские начинатели были люди нам враждебные, частию приверженцы мюридизма. Отсюда видно, что туземная письменность не есть искусственная потребность, которую мы силимся создать: эту потребность, совершенно независимо от наших внушений и стараний, сознали уже сами горцы или, по крайней мере, передовые люди из числа их. С наступлением спокойствия в горах беснующиеся головорезы, вроде Гаджи-Мурата, или юродствующие фанатики, вроде Кунты, должны постепенно сходить со сцены. Их место в качестве руководителей народных будут постепенно занимать люди относительно просвещенные и которые, по мере сил своих, озаботятся просвещением своих соотчичей. С чего же предположить, что попытки создать туземную грамотность, сделанные уже горцами при самых неблагоприятных для просвещения обстоятельствах, — прекратятся теперь? Шора-Бекмурзины и Хандиевы будут появляться все чаще и чаще. Но, вероятно, труды их по-прежнему не будут удовлетворять требованиям вопроса так, как мы их понимаем. Грамотность на родном языке должна доставаться горцам весьма легко, — также легко,

как достается она учащимся в целой просвещенной Европе, при разумной системе обучения[5]. Сверх того, должна она подготовлять и располагать горцев к изучению русского языка и к ознакомлению с русским образованием. Очевидно, что оба условия в совокупности могут быть достигнуты лишь тогда, когда в основание горских алфавитов принят будет алфавит русский. Без добавлений и сокращений он также непригоден для горского письма, как и арабский, но азбуке, составленной на русском основании, горцы могут учиться весьма легко, хотя бы даже в жизнь свою не видали русской книги и даже в жизнь свою не слыхали русского слова. Это обстоятельство уже дает огромный перевес горско-русской азбуке над гороко-арабской. При первой системе учатся сначала своей азбуке, чтобы перейти к *чужой*; при второй учатся сначала *чужой*, чтобы перейти к *своей*. Дайте простор здравому смыслу, и окончательная победа останется на его стороне. Во всяком случае, от выбора той или другой системы зависит поворот безграмотных горских языков на русскую или арабскую сторону. Мы теперь на перепутье.

Начинания в казанском крае, о которых мы говорили выше, почти совпали с подобными же начинаниями на Кавказе. Последние несколько предшествовали первым, но, во всяком случае, те и другие возникли самостоятельно. Между Тифлисом и Казанью не было переговоров; сошлись они на почве здравого смысла. В начале шестидесятых годов приступлено было на Кавказе к исследованию горских языков собственно с научною целию, но при этом сами собою составились для каждого из них алфавиты. Оставалось только приделать к этим алфавитам буквари, что уже не представляло никаких затруднений[6]. Чтобы отнять у невежественных учителей всякую возможность затруднять учение, — к чему они вообще весьма склонны, — букварям придана самая упрощенная форма. Дагестанские языки представили к тому замечательные удобства, изобилуя односложными словами, которые дозволяют изучение чтения начать прямо с чтения, избегнув складов, столь утомительных и столь парализирующих прилежание учащихся. Обучение туземцев грамоте началось одновременно в разных местах Кавказа[7]. Сообщу здесь только то, чему сам был свидетелем.

Летом 1862-го года, по распоряжению тогдашнего начальника Терской области, вызван был в Грозную мулла Янгулбай с муталимами, которые учились у него арабскому языку. Из числа последних ни один не знал ни слова по-русски. В Грозной мулла Янгулбай учил их читать по-чеченски; два русских писаря учили писать. Занятия продолжались около шести недель. По прошествии этого времени все без исключения выучились читать на своем языке совершенно свободно. Особенное удовольствие доставило им то, что и в русских книгах им только изредка встречались неизвестные буквы (и, щ, ъ, ы, ь, ѣ, э, ю, я). Но с этими буквами, русскими паразитами (за исключением ы), ознакомиться было недолго. В продолжение учения составлялась чеченская грамматика[8], при пособии муллы Янгулбая, Кеди Досова, — порядочно знавшего русский язык и составившего потом букварь, — и всех муталимов. Все эти чеченские сотрудники более или менее хорошо знакомы были с арабской грамматикой, но никогда не применяли своих грамматических познаний к родному языку. Известно, что у арабских грамматиков считается только три части речи: имя, глагол и частица. Сотрудничество в составлении грамматики родного языка переставило чеченских грамматиков на европейскую точку зрения в отношении к частям речи. Значение русских грамматических подразделений уже не затруднит их, когда придется им изучать русскую грамматику.

Каллиграфии выучились они настолько, насколько можно выучиться в течение шести недель, при большом прилежании, то есть писали по линейкам прописи довольно изящно. О скорописи, конечно, еще нельзя было и думать. Между муталимами было несколько отличных арабских каллиграфов. Это искусство, высоко ценимое в целом мусульманском мире, усвоили они многолетними трудами. Но для того, чтобы писать русскими буквами, им пришлось учиться вновь или, вернее сказать, переучиваться, что еще труднее. Арабское учение ни в каком отношении не подготовляет учащегося к ученью русскому. Напротив, изучение родной грамоты на русском основании служит наилучшим подготовительным пособием к изучению грамоты русской. Выучите сначала ученика-горца грамоте на его родном языке и от нее перейдите к русской. Начните учить другого ученика-горца прямо грамоте русской. Сложность времени, употребленного на изучение туземной и русской грамоты, окажется менее того времени, которое должно употребить на изучение *прямо* грамоты русской. Опыт уже доказал это вполне и может быть повторен, сколько угодно. После шестинедельного существования грозненская временная школа была распущена, как то и было предположено в самом начале. Муталимы были в восторге от своих шестинедельных занятий, в продолжение которых выучились читать-писать на своем языке, и впридачу почти выучились читать-писать и по-русски. Эти успехи

сравнивали они с медленностию своего арабского учения. Не знаю, помнят ли еще теперь они что-либо из того, чему выучились так скоро. Ни с одним из них мне не удалось встретиться впоследствии.

Зимою 1866—1867 года я был личным свидетелем успехов, достигнутых в Темир-Хан-Шуре, при самом начале распространения аварской грамотности. Так как оказалось, что устройство даже временного училища в недрах Дагестана сопряжено с величайшими затруднениями, то для учения вызываемо было последовательно несколько смен учащихся в Шуру. Одни из них предназначались собственно для того, чтобы в свою очередь распространять грамотность между своими односельцами. Само собою разумеется, что они должны устроивать школы свои и привлекать к себе учащихся так, как сами знают. Дальнейшее вмешательство правительства в это дело решительно повредило бы его ходу. Устройство таковых школ должно постепенно войти в обычаи народные; они должны возникать так же легко, так же сами собою, как и сельские арабские школы. Тогда только доброе семя падет не на камень, на котором мало земли. В противном случае, хотя бы и взошло оно скоро, потому что земля не глубока, но и увяло бы скоро, потому что корни не глубоки. Поддержка правительства заключается в том, что буквари и книги, напечатанные по-аварски, раздаются безденежно. Сверх того, Его Высочество Главнокомандующий назначил учащим за каждого обученного денежное вознаграждение. Поощрение весьма действительное на первых порах, но, конечно, временное. Этим путем грамотность начала уже распространяться между аварцами; успешно ли или нет, — мы покуда еще не знаем.

В Шуру вызываемы были также письмоводители наибов и окружных судов, — природные аварцы, не знающие ни слова по-русски и ведущие всю официальную переписку по-арабски. Русско-аварскую грамотность усвоили они весьма скоро; через несколько недель могли уже выдержать весьма практичный экзамен в письменности на своем языке. Из числа их одному, через переводчика, задавали какую-нибудь обыкновенную тему для написания официальной бумаги; потом вызывали другого, которому подавали написанное затем, чтобы он прочитал; после чего сказывали ему, что написать в ответ. Темы были весьма разнообразные, но не выходившие из пределов обыкновенной горской официальной переписки. Таким образом, горцы экзаменовали друг друга. Экзамен веден был в присутствии начальника Дагестанской области. Горцы весьма самолюбивы, и опасение показать себя в глазах его с невыгодной стороны могло парализировать на экзамене их умственную деятельность. Ни один из них, само собою разумеется, не успел в продолжение шести недель усвоить себе твердый русский почерк; некоторые писали неразборчиво. Несмотря на все это, таковая примерная официальная переписка, в продолжение нескольких часов экзамена шла быстро и безостановочно, — словом сказать, так, как дай Бог, чтобы она всегда шла на самом деле. Возможность постепенно заменить письмоводство арабское письмоводством туземно-русским очевидна. Конечно, этим письмоводителям, по привычке, легче было писать по-арабски, чем по-аварски, но эта привычка досталась им многолетним тяжким трудом, что они сами сознавали.

Этот замечательный экзамен указывает на весьма надежное средство к ослаблению необходимости для горцев учиться по-арабски. Не только в горах, но и всюду невежественные люди побуждаются к учению исключительно ожиданием приобрести через то материальные выгоды, обеспечить свою будущность. Позже уже возникает бескорыстное стремление, к учению, к самообразованию. Если гидатлинец Хандиев на смертном одре учился так усердно по-французски, то, конечно, не из материальных расчетов, а из желания расширить круг своих знаний, — пожалуй даже, из ученого тщеславия. Для людей, выучившихся русско-туземной грамотности, будут доступны должности в русской администрации. Конечно, *много званных, но мало избранных*. Во всяком случае, всякий надеется попасть в число *избранных*. Если в горскую административную переписку введена будет переписка на туземных языках русскими буквами, — хотя и не вдруг, а постепенно, — то значительное число учащихся арабскому языку предпочтут этому учению изучение грамотности родных языков, тем более, что последняя дается весьма легко. Когда лишь возникнет потребность, то горцы сами создадут у себя школы или преобразуют прежние — арабские. Все это, как мы сказали, делается у них весьма легко, без опеки правительственной. Этим школам грамотности следует, однако, помочь в отношении к каллиграфии. Письменные принадлежности у горцев приноровлены исключительно к арабскому письму. Они пишут тростником, сидя на полу; колено служит вместо письменного стола. Горцы, не успевшие усвоить себе под нашим руководством хорошего русского почерка, впоследствии времени до того изменят его, что письмо их сделается непонятным. Учиться читать они уже могут у себя дома; учиться писать покуда не могут. Горских учителей чистописания

еще следует подготовить. Эти подробности могут показаться теперь мелочными, но из них вырастут затруднения, которые лучше устранить заранее.

Чтение и составление официальных бумаг доставит занятие незначительному числу грамотных людей; остальным нечего будет читать, кроме букваря, по которому, конечно, нельзя выучиться ничему другому, кроме чтения. Для удовлетворения потребности чтения горцам придется снова обратиться к арабским книгам. Самостоятельной литературы они, по самому положению своему, иметь не могут и никогда иметь не будут. Пока они не в состоянии будут читать русских книг, им нечего читать, кроме переводов с русского. Выбор книг для переводов должен быть сделан с осмотрительностию. Каждая книга непременно должна заключать в себе новые полезные сведения. Легкого чтения, с целию приятного препровождения времени, горцы не понимают. Чтобы убить время, они предпочитают строгать палочки, наподобие североамериканцев. Для того, чтобы доставить аварцам на первое время практику в чтении, не утруждая их мышления, напечатан был в Шуре сборник аварских сказок и песен. Книга эта показалась аварцам слишком легкого содержания, и они с недоумением говорили: «*Читать мы выучились, а читать нечего*». Подобным образом у нас грамотные простолюдины питают особое расположение к книгам аскетического или мистического содержания. Творения Бема, Юнга-Штиллинга, Эккартсгаузена были у нас в большом ходу между мещанами, дворовыми людьми и т.п. Они исчезли из обращения, потому что уже зачитаны дотла и вновь не печатаются. Как оказывается из опыта, книге необходима известная степень мудрености для того, чтобы она привлекла внимание грамотного простолюдина. Таковым обаянием мудрености должно пользоваться, чтобы приноровить чтение к самообразованию.

Горцы не высвободятся из фанатического оцепенения своего, пока не возбудится в них любопытство и склонность к естествознанию. Они теперь точно в таком положении, в каком была вся Европа до конца XV столетия. Рассуждение, что все идет *так*, потому что *так* Богу угодно, а воля Божия непроницаема для смертного, — не составляет исключительной принадлежности мусульман. Фанатики опровергают Кораном опытную науку точно так же, как инквизиция опровергала книгами Священного Писания доводы Галилея. Достаточно перевести на горские языки несколько популярных брошюр о космографии[9], чтобы дать толчок понятиям. На десять читателей едва ли один поймет все это, но этот счастливец не скроет приобретенных им познаний под спудом. Конечно, большой выгоды еще не будет от того, что в горах несколько людей поверят, что земля кругла и ходит вокруг солнца. Выгода та, что постепенно будет распространяться убеждение, что существует наука и вне Корана и что для нее необходимо учиться русскому языку. Переводы русских брошюр на туземные языки могут быть выполнены с полным успехом, как то уже доказано на самом опыте. Мнение о крайней бедности этих языков совершенно ошибочно и проповедуется людьми, которые не имеют о них никакого понятия. Эти языки, напротив, неимоверно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие оттенки мысли. Правда, что горцы усвоили себе множество слов тюркских и арабских, как теперь усвоивают слова русские, но это ничего не доказывает. Подобным образом и русский язык времен Петра Великого наполнился иностранными словами, что нисколько не свидетельствует о его бедности.

Впрочем, нам нет дела до *пуризма* горского слога. Туземная грамотность должна служить только к тому, чтобы отвлечь горцев от арабского языка и облегчить для них изучение русского. Все, что утратит первый язык, обратится прямо в пользу второго. Туземная грамотность доставит нам возможность составлять для горцев практические руководства для изучения русского языка, то есть сборники слов и фраз, расположенных в систематическом порядке. Мы очень хорошо понимаем, что посредством так называемых *самоучителей* нельзя выучиться свободно говорить ни на каком языке в мире. Но эти самоучители, разумно составленные, служат весьма действительным пособием. Заметим, притом, важное обстоятельство. Русский выговор не представляет почти никаких затруднений для горцев. Всякое русское слово, которое удалось горцу заспомнить, выговаривает он так хорошо, что каждый русский поймет его. При пособии книг, не слышав никогда англичанина, можно выучиться английскому языку как языку мертвому, но нельзя ни слова произнести понятно, ни слова понять из того, что говорят англичане. Итальянский язык далеко не представляет таких затруднений. Можно по одним книгам выучиться говорить понятно и понимать итальянцев. Дело не в хорошем выговоре. Таков и русский язык для горцев. При пособии руководств каждый грамотный русский, писарь или солдат, может мимоходом помочь горцу в его учении. Не говорю уже о том, что горцы, выучившиеся русскому языку, могут, при пособии этих руководств, распространять его успешно между своими земляками. Иначе как бы стали они распространять его? Не довольно

знать какой-нибудь язык, чтобы уметь учить ему. Мы совершенно согласны в том, что это самоучение и учение урывками представляют *величайшие затруднения*, но убеждены и в том, что эти затруднения ослабевать будут с каждым годом. Что бы дал за подобное руководство покойный Хандиев, преодолевший сам собою русский букварь, или Абдулла Омаров[10], который самоучкой учился писать по-русски! Оба они выучились по-русски превосходно. Люди энергетические найдутся и теперь между горцами. Наше дело помочь им.

В предисловии к изданию «Сборника»[11] говорится о существовании совершенно противоречивых взглядов на дело распространения между горцами грамотности на их родных языках. Если бы эти противоречивые взгляды высказались в печати, то, конечно, принесли бы пользу вопросу, разъяснив его со всех сторон. Но, вероятно, высказываются они в частных беседах и затем исчезают без следа. В газете «Кавказ» мы изредка встречали отзывы, не благоприятные делу, но они высказывались чисто голословно. Полагаем, что не на эти голословные отзывы намекает редакция «Сборника». Борьба с ними сводится на борьбу Дон-Кихота с мельницами, на рубку шашкой тумана…

В заключение приведем резолюцию покойного гр. Блудова, надписанную им на одном проекте, тоже относившемся до Кавказа: *бесспорно, хорошо, — но дай Бог, чтобы мы еще раз не навлекли на себя упрека в том, что не умеем ждать терпеливо отдаленных результатов*. Эта резолюция у нас не под рукой; быть может, переписали мы ее не буквально, но смысл передали верно.

Петр Услар
Темир-Хан-Шура.
Декабрь 1869 года

Примечания

1. Эта личность лет сорок тому назад привлекла на себя внимание целой Европы. В Нюренберге, среди белого дня, появился дикий молодой человек, которого до тех пор держали где-то в подвале, не вступая с ним никогда в разговор. Лет через пять он погиб от кинжала неизвестного убийцы. Это происшествие осталось до сих пор необъясненным.

2. Мы позволим себе замечания на мнение, изложенное в № 44 газеты «Кавказ» 1869 года. Господин Т.М. объявляет, что он вполне разделяет мнение французов (!!) относительно способа обучения грамоте мальчиков и девочек в Алжире. «Давно, — пишет он, — видел я в иллюстрации (французской?) картину: на полу сидят несколько детей в фесках, перед ними черная доска, около которой стоит учитель и указывает на написанное на доске: mes enfants (sic) aimez la Françe (sic) votre nouvelle patrie.» Эта картина произвела какое-то непонятное, умиляющее впечатление на господина Т.М. Мы уже давно перебираем иллюстрацию французскую, но не помним этой картины; впрочем, забыть ее немудрено, — и мы не сомневаемся в ее существовании, так как ее видел и долгие лета помнит господина Т.М. Если бы господин Т.М. сколько-нибудь знаком был с французско-алжирской литературой, то, конечно, убедился бы в том, что большинство *французов* отзывается крайне неблагоприятно о всем том, что делается в Алжире, — между прочим и о том, что делается в отношении к образованию арабов. Фраза, приводимая господином Т.М., написана учителем, не знающим ни пунктуации, ни даже как правильно написать *France*. Пусть господин Т.М. расспросит о том любого грамотного француза. Предположим, что у нас в Дагестане, хотя бы на всех училищных досках, написано было: «Дети: (sic) любите Рассею (sic), ваше новое отечество». Что бы путного вышло из этого? В старину подобные голословные нравоучения, передаваемые посредством азбуки и прописей, считались полезными. Теперь пошлость их уже сознана. Удивительно, как еще успели они приобрести себе анахронического почитателя в лице господина Т.М. По безграмотности надписи мы готовы принять картину за злую и тонкую карикатуру Хама, направленную против алжирского училищного начальства. Безвинной жертвой ее сделался господин Т.М. Не понимаем, с чего вообразил он, будто бы в Алжире арабские дети не учатся арабской грамоте.

3. Само собою разумеется, что наибольшая часть из них читает, ничего не понимая, а только услаждая себя священными звуками арабского языка. Подобным образом и у нас, например, настоящее значение слова *аллилуйя* немногим известно, а из-за него образовались секты.

4. Пользуемся случаем, чтобы передать некоторые биографические данные об этой замечательной личности. Магомед Хандиев родился около 1818-го года в селении Тиди, Гидатлинского общества. Отец его, Мусса, умер в то время, когда Магомед был еще ребенком. Для отличия от множества других Магомедов, Хандиев прозван был в своем ауле Кудатлуль-Магомед, то есть Магомед рослой женщины, так как мать его была весьма высокого роста. С этим прозвищем до сих пор помнят его в Гидатле. В детстве еще прославился он необыкновенным прилежанием, так что в этом отношении имя его обратилось в пословицу между учениками. Сделавшись муталимом, Хандиев переходил от одного кадия к другому, все более и более совершенствуясь в арабском языке. Это могло бы ему доставить

выгодное положение при Шамиле, но, увлекаясь учением, Хандиев не слишком усердно наблюдал внешние обряды мусульманства, и невежественные шамилевские мюриды поглядывали на него косо. В то время учение беспрестанно прерывалось военными действиями; муталимы то учились, то сражались. Хандиев участвовал в деле под Кутиши, 15-го октября 1846-года, и это первое знакомство с нами обошлось ему дорого. Ему прострелили руку, которою он уже никогда более не мог владеть свободно; в этом беззащитном виде он попался к нам в плен; тут отморозил себе пальцы на ноге, которые пришлось отнять. Хандиев около полугода провел в плену, пока его не разменяли. Конечно, все это время просидел он в остроге. Не знаю, как догадался он, что русская цивилизация может доставить что-нибудь получше простреленной руки, изувеченной ноги и острога. Возвратясь домой, он переехал в Гимры и продолжал там свое арабское учение, но подумывал, как бы поучиться и в России. С этою целию пристал он к партии абреков, отстал от нее на пути и явился к своему кунаку, в *мирный* аул Джен-гутай. Через несколько времени он сделался муллою в одном из кварталов Казанищ. Хандиев не мог приискать никого, кто бы учил его русскому языку; он добыл букварь и урывками, пользуясь каждым представлявшимся случаем, выучился кое-как разбирать слова и писать их. В 1854-м году он принял приглашение преподавать аварский язык в новочеркасском отделении восточных языков.

Можно представить себе, сколько труда было ему на первое время на чужой стороне! Ученики не понимали его, он не понимал учеников. Кое-как установились между ними объяснения через посредство кумыкского языка, который был известен некоторым из учеников. Хандиев, в одно и тоже время, учился неутомимо русскому языку, составлял на русском языке аварские руководства и учил по ним учеников своих. В покойном Крашенинникове, своем ближайшем начальнике, нашел он доброго советчика и друга. Железное трудодюбие Хандиева восторжествовало над всеми препятствиями. По-русски выучился он говорить и писать свободно и правильно, изучил русскую грамматику, составил для аварского языка азбуку, грамматику и хрестоматию. Прожив пять лет в Новочеркасске, собрался он воспользоваться вакационным временем, чтобы взглянуть на родные горы. Это было в 1859-м году, столь знаменательном для Дагестана. В то самое время, как Хандиев прибыл в Гидатль, гидатлинцы отправляли депутацию к главнокомандующему с изъявлением покорности. Хандиев примкнул к депутатам. Появление между горцами человека в учительском мундире, в треугольной шляпе и с мирной шпагою, возбудило общее любопытство в нашем лагере. Князь Барятинский почтил его приветом, вниманием и подарком. Это доставило Хандиеву отрадное воспоминание на остальные два года его жизни; на смертном одре любил он рассказывать об этом. Возвращаясь в Новочеркасск, он сильно простудился и впал в чахотку. Я с ним познакомился летом 1861-го года, когда уже дни его были сочтены. Как и все чахотные, он не сознавал опасности своего положения и, умирая, усердно учился французскому языку, в котором оказывал большие успехи. Он умер вскоре после моего отъезда из Новочеркасска, имея около 43-х лет от роду. Детей после себя не оставил и даже никогда не был женат.

Все труды Хандиева относятся к гидатлинскому наречию, которое значительно отличается от аварского. Азбука его неудобна по причине, которую мы объясним далее; грамматика составлена по образцу русской, что вовлекло автора в весьма превратные толкования. Так, например, он не понял, что в аварском языке вовсе нет действительных глаголов. Впрочем, в подобные промахи впадают все те, которые за образец берут грамматику чуждого языка. Хрестоматия весьма полезна для изучения гидатлинского наречия. В ней много переведено с русского, между прочим, весьма удачно сказка Пушкина о *золотой рыбке*.

5. И даже гораздо легче, потому что в целой Европе современный язык сильно разошелся уже с грамотностию. Для горцев грамотность создается согласно современному состоянию языка.

6. Мы говорим собственно о букварях языков Восточного Кавказа; о букварях Западного мы не имеем сведений.

7. См. «Сборник», выпуск 1-й, Библиографическая заметка, 67—72.

8. Напечатанная впоследствии сокращенно на немецком языке в Записках Академии Наук и удостоенная Демидовской премии.

9. Например, господина Золотова, если нет лучших.

10. Воспоминания муталима, «Сборник», выпуск 2-й, стр. 44.

11. Выпуск 1-й, стр. VI.

Текст печатается по изданию:

Услар П.К. О распространении грамотности между горцами. — 1869.

Леонард Петрович Загурский

Леонард Петрович Загурский (1827–1891) – этнограф, лингвист, географ.

Учился в Первой Киевской гимназии, окончил ее 1844 году, в этом же году поступил на Первое отделение философского факультета Киевского университета. Окончил университет в 1849 году.

С 1850 работал учителем истории и географии в Тифлисской гимназии и Закавказском институте благородных девиц. Проработал учителем до 1888 года. В этом же году был назначен чиновником особых поручений при главнокомандующем гражданской частью на Кавказе. Отмечается, что с приездом в Тифлис Л.П. Загурский вошел в круг ученых, занимавшихся кавказоведением. С открытием в 1851 году Кавказского отдела Императорского географического общества стал его членом и трудился там около сорока лет.

«Не получив специального лингвистического образования, Загурский под влиянием отчасти барона Услара, в особенности же благодаря профессору В.Ф. Миллеру, принялся за изучение лингвистики для того, чтобы применить результаты этого изучения к исследованию кавказских языков» («Русский биографический словарь» А.А. Половцова). СПб., 1916. Т. VII. С. 171). Совершал поездки по Кавказу с целью изучения языков и культуры горских народов. Редактировал V книгу «Записок отдела» (1862). Первый самостоятельный труд «Поездка в Ахалцихский уезд» помещен в VIII книге «Записок отдела» (1873). Отмечают основательность и подробность «Краткого обзора 25-летней деятельности Кавказского отдела Географического общества по этнографии» (1876). В этом же году Л.П. Загурский был избран на должность начальника Кавказского отдела Географического общества по этнографии и под своей редакцией издал седьмой том «Записок отдела» и пять томов «Известий». «Будучи душою этого отдела, Загурский не жалел ни времени, ни сил для дорогой ему науки. Интересы последней он ставил выше всего, забывая собственные выгоды. Подтверждением этого служит борьба его по поводу издания Кавказским учебным округом трудов барона Услара «О кавказских языках». В ряде статей Загурский доказывает, что округ неправильно издает труды Услара, изменяя их текст. Его мнение поддержано было восточным факультетом Петроградского университета. Тем не менее эта литературная борьба стоила ему учительского места: при создавшихся обостренных отношениях с округом он добровольно вышел в отставку» (там же).

Будучи за пределами преподавательской деятельности, Л.П. Загурский занимался просвещением, изучением языков кавказских народов, исследованием деятельности ученых: И.И. Стебницкого, Г.В. Абиха, П.К. Услара, Н.И. Воронова, А.А. Шифнера, В.Ф. Миллера и др.

Работы о Л.П. Загурском:

Загурский Леонард Петрович // Русский биографический словарь: Издан под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцова: В 25 т. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896–1916. – Т. VII. – С. 171–172.

Исследования Л.П. Загурского:

Поездка в Ахалцыхский уезд // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. – Кн. VIII. – 1873.

Этнологическая классификация кавказских народов // Кавказский календарь на 1888. – Тифлис, 1887.

Кавказские алфавиты // Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества. – Т. IX. – 1887. – № 2. – Приложение.

Записка об исследовании дагестанских языков // Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества. – Т. V. – 1878.

Предисловие к курманджийским текстам // Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества. – Т. XIII. – 1900.

Историко-этнографические заметки о сирохалдеях // Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества. – Т. VIII. – 1884.

Очерк деятельности И.И. Стебницкого // Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества. – Т. VIII. – 1884.

Этнографические карты Кавказского края // Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества. — Т. VII. — 1882.

Курманджийско-русский и русско-курманджийский словари (совместно с С.А. Егиазаровым) // Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества. — Т. XII. — Вып. 2. — 1898.

Кавказско-горские письмена // Сборник сведений о Кавказе. — 1871. — Вып. V.

Заметка о кюринском языке // Сборник сведений о Кавказе. — 1875. — Вып. VIII.

Следует ли белую расу считать кавказской // Сборник сведений о Кавказе. — 1875. — Вып. VIII.

Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. — 1881. — Вып. X.

Лингвистическая классификация кавказских народов // Кавказский календарь на 1889 год. — Тифлис, 1888.

Л.П. Загурский
Кавказские алфавиты[1]

Старинные алфавиты на Кавказе: месроповский, грузинский и арабский. — Применение академиком Шегреном русской азбуки с видоизменениями к осетинскому языку. — Кавказско-горские алфавиты на русском основании, составленные Усларом. — Русско-горская письменность. — Латино-горская азбука академика Шифнера и международные алфавиты. — Попытка изменения осетинской шегреновской азбуки. — Попытка изменения усларовских горских алфавитов. — Новейшие алфавиты и их варианты. — Оценка их. — Какой алфавит следует применить к посмертному труду Услара о табасаранском языке?

Весьма важную эпоху в жизни народа, вступающего на путь гражданственного развития, составляет введение среди его письменности. Народ чтит память изобретателей письмен, приписывая последним нередко сверхъестественное происхождение. Подобное сказание сохранилось и об армянском алфавите, изобретенном святым Месропом: вникнув в фонетические свойства родного языка, последний долго, но безуспешно, занимался вычерчиванием на каменной плите изображений некоторых звуков. Вдруг ему видится, что какая-то таинственная рука, окруженная сверхъестественным сиянием, начертала на плите искомые изображения. Изобретение месроповского алфавита, одного из древнейших в нашем крае, относится к V веку. Но историк Моисей Хоренский повествует, что в Армении, во время Месропа, учителя его, найдены были у одного епископа письмена, изобретенные в более древние времена, и что святой Месроп, дополнив эти письмена, предоставил возможность применить их к делу.

Месропу приписывают тоже изобретение и грузинского церковного алфавита. Нужно заметить, что у грузин существуют двоякого рода письмена, отличные друг от друга по своему очертанию, а именно: церковные (хуцури) и гражданские (мхедрули). Изобретение первых, похожих вообще по своему прямолинейному очертанию на армянские письмена, и приписывают святому Месропу. Что же касается вторых, отличающихся от первых округленным очертанием, то начало их грузинские летописи (Картлис-Цховреба) относят к весьма отдаленным временам. Автор монографии «Кавказско-горские письмена», помещенной в V выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах», высказался в пользу того мнения, что, в частности, грузинские церковные письмена представляют мало сходства с армянскими, что из них развился впоследствии более изящный почерк — мхедрули и что поэтому вряд ли можно предположить, чтобы святой Месроп изобрел два резко отличающиеся друг от друга алфавита. Как бы то ни было, но здесь не место разъяснять вопрос, в чем именно заключалась деятельность святого Месропа по отношению к грузинскому алфавиту, — скажем только, что в обоих этих алфавитах, не представляющих сходства с другими письменами, каждый звук выражается почти всегда одним простым знаком. Это свойство сильнее проявляется в грузинских письменах. Вот что говорит по этому поводу Услар: «Если смотреть на грузинский алфавит в отношении к самому грузинскому языку, то нельзя не согласиться, что он удовлетворяет всем условиям: едва ли это не есть совершеннейший из всех существующих алфавитов. *Каждый звук выражается особым знаком, и каждый знак постоянно выражает один и тот же звук*. Во всех европейских языках есть камень преткновения, — это орфография; для грузин, благодаря совершенству их алфавита, этой трудности почти не существует». Система грузинского алфавита, — как увидим дальше, — оказала большую услугу при составлении русско-горских алфавитов.

Оба означенные алфавита не получили большого распространения. Алфавит Месропа был применен только к армянскому языку. Представлялась возможность применить его к удинскому языку. На нем говорили агванцы (албанцы), среди которых армяне довольно рано распространили христианство, но этим и ограничилась их деятельность: тогдашнее армянское духовенство не постаралось вникнуть в особенности языка означенного лезгинского народа (переселившегося еще в отдаленные времена в Закавказье), составить для него алфавит и внедрить истины христианства среди населения Албании проповедью на его родном языке. Неудивительно поэтому, что христианское учение не пустило глубоких корней в удинском народе, который не слишком-то усердно отстаивал свою веру от завоевателей-татар и с отступлением

от своей веры утратил также и свой язык. Теперь сохранились только жалкие остатки этого некогда довольно многочисленного народа. В последнее время армяне сделали попытку применения своего алфавита к курдскому языку: отпечатано было этим алфавитом несколько книг на курдском языке, в том числе и перевод Нового Завета: но эти попытки не принесли практических результатов, несмотря на то, что армянский алфавит с незначительными дополнениями весьма удобно мог бы быть применен к курдскому языку. Что же касается грузинского алфавита, то он, вместе с верою, быстро распространился как среди грузин, так и весьма сродных с ними по языку мингрельцев; проник он и к другому народу иверской группы, а именно, к сванетам. Таким образом, грузинский алфавит сделался общим для народов иверской группы. Но этим и ограничилось его распространение, несмотря на то, что он, по отзыву ученых, мог бы быть применен и к некоторым горским языкам, а именно: к осетинскому, цовскому, сродному с чеченским, и ко всем кистинским и чеченским наречиям. Правда, в текущем столетии (около 1820 года) осетин Ялгузидзе сделал попытку применения грузинского алфавита к южно-осетинскому наречию, но она не привела к практическим результатам.

Гораздо большее распространение получил арабский алфавит, далеко не обладающий достоинствами ни месроповского, ни грузинского алфавита. Приняли его, вместе с исламом, все тюркские народы, живущие на Кавказе, а также весьма сродные по языку с персиянами талышинцы и таты. Проник он и к кавказским горцам, но не успел у них войти в народное употребление. Это обстоятельство обусловилось в значительной степени свойствами арабского алфавита. Ни один из распространенных на земном шаре алфавитов не представляет столько простоты в изображении букв, сколько арабский: при первом ознакомлении с ним невольно поражаешься незначительным количеством буквенных начертаний; притом, последние самые простые, самые незамысловатые. Подбавивши к ним точки (так называемые нокты), получим целый ряд новых букв. Упрощение алфавита, бесспорно, весьма важная вещь; но слишком большое упрощение имеет тоже свои неудобства. Во-первых, неудобство представляет обилие точек, расставляемых сверху, снизу и сбоку. К этому нужно присоединить и изрядное количество надбуквенных и подбуквенных значков, носящих различные названия, а также видоизменения букв. Многие из них, при соединении с другими буквами, подвергаются сокращению: от них обыкновенно остается верхняя частичка, а нижняя отсекается; для связи же букв, сохранивших или полный свой вид, или же подвергшихся сокращению, прибавляется значок, обыкновенно с правой стороны (арабские письмена пишутся от правой руки к левой). Эти видоизменения, хотя и придают более красивый вид письменам, но затрудняют изучение грамоты, которое нелегко дается. Особенное затруднение представляет применение арабского алфавита, бедного буквенными знаками, к языкам, изобилующих звуками. По просьбе покойного Берже, Лачинилау, престарелый учитель знаменитого Шамиля, записал несколько текстов на аварском языке арабскими буквами. На основании этих текстов был составлен арабско-аварский алфавит, помещенный в вышепоименованной монографии о кавказско-горских письменах. Вот несколько образчиков арабско-аварских письмен. Звук *ц* изображается посредством усиленного с (ص), над которым стоит ташдид (знак удвоения согласного); сверх того, внизу помещены три точки. Усиленное *ш* изображается посредством ش с ташдидом наверху; при изображении усиленного *ч* к последнему начертанию надо еще прибавить внизу три точки. Из изложенного видно, сколько затруднений представило бы применение арабского алфавита к кавказско-горским языкам. Он, можно сказать, и не применялся к последним. Далее, несмотря на то, что арабский язык сделался в прежнее время официальным и международным для всего Дагестана, несмотря на множество школ, существующих при мечетях, и обучение в них Корану, он усваивался весьма ограниченным числом горцев. Мог ли, при таких условиях, арабский алфавит быть применен к языкам кавказско-горского населения? Неудивительно поэтому, что масса его была совершенно безграмотна.

Была безграмотна и масса осетин, среди которых в отдаленное время шла слабо магометанская пропаганда: у полудиких тогда осетин, живших в горных трущобах, даже заключенные договоры отмечались на бирках; место же летописей занимали звериные головы и рога, привешиваемые обыкновенно к домам и молельням. Только в Южной Осетии, поддерживавшей сношения с Грузиею, попадались грамотные люди; там же сохранились и следы православия, насажденного грузинами. Пропаганда православия пошла деятельнее после водворения русских на Кавказе. Нужно было позаботиться о переводе на осетинский язык самых необходимых христианских правил, молитв, а также богослужебных книг. А для этого нужно было предварительно решить вопрос: какой алфавит применить к тем книгам, которые

православное духовенство намеревалось издать на осетинском языке? Одни старались применить к делу церковнославянский алфавит, другие — грузинский, а именно хуцури. Попытки эти были неудачны.

В 1835 году прибыл на Кавказ Андрей Шегрен, член Императорской Академии наук, сильно заинтересованный исследованием осетинского языка. Ознакомившись предварительно в Тифлисе со звуковою системою грузинского языка, который в фонетическом отношении имеет много общего с осетинским, он принялся за изучение последнего на месте в Осетии. Вникнув в звуковую систему осетинского языка, он должен был придумать и алфавит для него. Имея в виду будущую судьбу осетин и не упуская из виду системы обозначения звуков в грузинском алфавите, Шегрен решился принять в основание осетинской азбуки русский алфавит, «несмотря на то, что грузинский алфавит», по его словам, «кроме общего внутреннего достоинства, несравненно способнее к выражению звуков, свойственных осетинскому языку». Приняв в основание осетинской азбуки русский алфавит, Шегрен должен был, при применении к осетинскому языку этого алфавита, сделать в нем некоторые видоизменения. Подобное дело не было совершенной новизною: еще и прежде делались в кириллице видоизменения, при применении ее к инородческим языкам. Но эти попытки навряд ли можно назвать удачными. Шегрен принялся за дело весьма обдуманно: он подвергнул предварительно тщательному разбору кириллицу.

Разбирая русский алфавит, Шегрен отдает полную справедливость системе обозначения в нем согласных: «*Обилием согласных*, — говорит Шегрен, — *русский алфавит превосходит все алфавиты главных европейских языков, потому что имеет для всех русскому языку свойственных звуков простые, точные и во всех случаях постоянные знаки*, тогда как другие европейцы выражают (иногда) один и тот же звук многими и не всегда одинаковыми буквами». Сделаем пояснение к этому. Святой Кирилл, приняв в основание славянской азбуки греческий алфавит, решился дать в ней место начертаниям, заимствованным из еврейского и других алфавитов, лишь бы только не вводить в нее надбуквенных знаков и не выражать данных звуков несколькими буквами. В европейских азбуках, в основу которых лег латинский алфавит, нередко один и тот же звук выражается несколькими буквами (немцы для выражения звука *ч* нуждаются в 4 буквах), или же употребляются надбуквенные значки. При применении последней транскрипции к языкам, изобилующим согласными, приходится прибегать к весьма частой расстановке надбуквенных знаков, что крайне пестрит шрифт, а также затрудняет чтение и письмо. Обратим внимание еще на букву *щ*: она образована из буквы *ш* и подбуквенного значка, соединенного с ней непосредственно. Подобным способом образованные буквенные начертания представляют гораздо более удобства при изучении грамотности, нежели буквы с отделенными от них значками.

На основании изложенного Шегрен дал место в своей азбуке всем согласным русского алфавита (за исключением букв: ѳ и щ, несвойственных осетинскому языку). Далее он ввел подбуквенный значок, соединенный непосредственно с буквою в начертаниях: Ӡ, Ӄ, Ԥ, Ҭ, выражающих звуки, не свойственные русскому языку. Из европейских алфавитов он ввел Ҕ (замененную Усларом буквой h) и q для выражения глубоко-гортанного звука. Шегрен, избегая, по примеру св. Кирилла, сложных начертаний, сделал в одном случае отступление от системы обозначения согласных, а именно при изображении тех аффрикат, которые чужды европейским языкам и свойственны кавказским. Это звуки цельные, но подходят к сочетанию *д* и *з*, *д* и *ж*, *т* и *ц*, *т* и *ч*. Для них он придумал следующие начертания: Дз, ДЖ, Ц, Ч. О них он выражается следующим образом: «Смотря на органическое или аналогическое их сходство между собою, они так устроены, что и в отношении значения удобоузнаваемы уже по самой наружной форме, и вместе с тем своею соразмерностию для вида непротивны». Совершенно верно, но не подлежит сомнению, что эти начертания уже сложные. Мы обращаем внимание на них потому, что у позднейших составителей алфавитов обнаружилось, главным образом, несогласие именно по поводу их.

Возвращаемся к Шегрену. Исходя из того положения, что каждый звук должен иметь известный, определенный и постоянный знак, и отозвавшись поэтому с похвалою о системе обозначения согласных в русском алфавите, Шегрен считает последний, в отношении начертания двугласных, гласных и полугласных, ниже других европейских алфавитов. Подвергши критической оценке эту часть русского алфавита и, следуя наставлению апостола Павла (1-е послание к солунянам, V, 21): «Вся же искушающе, добрая держите», Шегрен не допустил в свой осетинский алфавит: *ѣ*, *ю*, *я*, *э*, *и*, *й*, *ы*, *ъ* и *ь*. Из гласных букв русского алфавита остались в осетинской азбуке только: *а*, *і*, *о*, *у* и *е* (в настоящем ее значении, как чистая гласная, соответствующая той же букве европейских алфавитов). Кроме того, вследствие упразднения

поименованных выше двугласных и *й*, понадобилось ввести в осетинскую азбуку j (она вошла и в прочие горские азбуки). Ввел Шегрен также буквы v и æ для обозначения оригинальных звуков, свойственных осетинскому языку.

Стремясь к обозначению в своем алфавите различных оттенков произношения, Шегрен ввел несколько начертаний, упраздненных впоследствии. Почтенный академик долго приводил в порядок собранные им лингвистические материалы, и только в 1844 году явилась в свет тщательно им обработанная осетинская грамматика со словарем. Солидный труд Шегрена послужил превосходным руководством для лиц, желавших ознакомиться с осетинским языком. Из Тифлисской православной семинарии, в которой в былые годы преподавался осетинский язык, вышло несколько отличных знатоков этого языка. Его Преосвященство, Владикавказский епископ Иосиф, прибыв в Тифлис по окончании им курса наук в Киевской духовной академии, принялся за изучение осетинского языка. По отзыву знатоков, он говорит на нем как природный осетин. Достоуважаемый пастырь, заботясь усердно об утверждении в душах вверенной ему паствы учения нашего Спасителя, уже более 20-ти лет занимается изданием книг, полезных, как для народа, так и для осетинского духовенства. На осетинском языке отпечатано уже изрядное количество книг, по преимуществу религиозного и педагогического содержания[2]; переведены на этот язык богослужебные книги, псалтырь и Евангелие. Общество восстановления православного христианства еще в начале 60-х годов ввело повсеместно в осетинских церквах богослужение на родном языке прихожан и преподавание этого языка в первоначальных училищах. Не подлежит сомнению, что в этом отношении принес много пользы толково составленный алфавит Шегрена. Вот что пишет о нем преосвященный епископ Иосиф: «Тысячи мальчиков и девочек читают, пишут и понимают прочитанное по осетинской азбуке совершенно свободно. Напечатанное вновь Евангелие читается и в церквах, и в школах, и по домам, и все, даже и женщины, понимают прочитанное; читающих не затрудняют никакие значки надбуквенные и подбуквенные, каковых и нет в алфавите».

Труд Шегрена имеет огромное значение не только для осетин, но и для других горцев, так как его азбука послужила краеугольным камнем для всех впоследствии составленных горских алфавитов.

Вопрос о составлении их был поднят в начале 60-х годов. По умиротворении Восточного Кавказа русское правительство приступило к улучшению быта и цивилизированию этого края: оно старалось о поднятии материального благосостояния и о более целесообразном устройстве его, а также о сближении его с Россиею путем насаждения в нем образования. В это-то многознаменательное для Кавказа время был поднят кавказским военным ведомством вопрос о введении туземной грамотности на русском основании среди мусульманского горского населения восточной части края. Почти в тоже время Общество восстановления православного христианства хлопотало о распространении означенной грамотности среди горцев западной части Закавказья. Нужно было составить алфавиты. Явились лица, пожелавшие приняться за это дело. Но оказалось, что многие из них вовсе не были ознакомлены не только с горскими языками, но даже с алфавитом Шегрена. Тут нет ничего странного: браться за совершенно чуждое себе дело — это вовсе не было диковинкою на Кавказе. Если бы дело ведено было втайне, келейно, то могло бы статься, что какой-нибудь из предлагавшихся алфавитов, составленных несведущими людьми, получил бы санкцию. Но дело поступило в наш отдел: оно было препровождено туда просвещенным военным ведомством, которое отклонило от себя решение вопроса об алфавитах, несмотря на то, что в среде его были высокоинтеллигентные лица. Распорядительный Комитет подвергнул означенные алфавиты публичному обсуждению. В собрание допускались интеллигентные лица, и не входившие в состав отдела. Представленные алфавиты были отвергнуты. Тогда Услар, один из учредителей нашего отдела, после продолжительных совещаний с компетентными лицами, решился представить свою записку о составлении кавказско-горских алфавитов. Оказалось, что Услар был ознакомлен обстоятельно не только с трудом Шегрена, но и со всею литературою, касающеюся кавказской лингвистики. Мало того, во время своих командировок в разные места края он ознакомился со многими кавказскими языками, еще не исследованными. Взгляд Услара на составление горских алфавитов был одобрен академиком Шифнером и другими компетентными лицами. Тогда-то отдел дело Услара сделал своим собственным: он обратился с просьбою к своему председательствующему А.П. Карцеву начальнику штаба Кавказской армии, о предоставлении Услару возможности обстоятельного исследования кавказских языков и составления для них алфавитов. Тогда-то и началась его деятельность, посвященная исследованию кавказско-горских языков.

В основание своих алфавитов Услар принял азбуку Шегрена, упростил ее, придал ей более изящный вид и сделал ее более доступною для изучения. Разошелся он с Шегреном главным образом по поводу обозначения кавказских аффрикат. Шегрен, как мы сказали, придумал для них сложные начертания. Действуя более последовательно, Услар обозначил эти аффрикаты простыми буквами: *ʒ*, *ƒ*, *ƀ*, и *ƕ*. Последние три начертания напоминают грузинские буквы. Некоторые ставят это в упрек Услару. Странно! Это все равно, как если бы ставили в упрек изобретателю кириллицы, принявшему в основу своего алфавита греческую азбуку, то обстоятельство, что он начертания некоторых букв заимствовал из еврейского и других алфавитов. Услару пришлось значительно пополнить алфавит Шегрена, так как западно- и восточно-горские языки гораздо богаче осетинского языка в фонетическом отношении (в некоторых из них число звуков простирается до 56). Услар при составлении своих алфавитов тщательно избегал надбуквенных знаков, не соединенных с буквами (в его алфавитах наберется весьма немного букв, имеющих подобные значки); этим начертаниям он предпочитал условные буквы, а чаще всего или видоизменял немного начертания данных букв, или же прибавочные знаки соединял с буквами. Вот, например, несколько начертаний: *ц* — *ц̱*; *к* — *k*; *h* — *ĥ*, *h*; *ƀ*– *ƀ*.

Услар составил алфавиты для более распространенных языков, как то: для абхазского, чеченского, аварского, даргинского, казикумухского (лакского), кюринского и табасаранского. Составлен был при содействии его и алфавит для кабардинского языка; полковник Каменев в своих заметках о черкесском языке принял тоже алфавит Услара. В Дагестане остались неисследованными наречия $^{1}/_{3}$ горского населения этой страны. Но даже при поверхностном ознакомлении с некоторыми из этих наречий оказывается, что они подчиняются вообще тем же основным фонетическим законам, каким подчиняются и обстоятельно исследованные языки. Поэтому алфавит Услара мог бы быть применен и к остальным горским наречиям.

Одно из главных достоинств алфавитов Услара — это практичность их: они чужды пестроты и легко усваиваются. Это подтвердилось опытами, производившимися каждый раз предварительно в той стране, в которой вводилась русско-горская грамотность. В Грозном, по изучении П.К. Усларом чеченского языка, устроена была временная школа, куда вызваны были из разных местностей Чечни муталимы для изучения новой грамотности. Учение продолжалось всего 6 недель. Вот что пишет Услар о результатах занятий муталимов: «Муталимы были в восторге от своих шестинедельных занятий, в продолжение которых выучились читать-писать на своем языке, и в придачу почти выучились читать-писать и по-русски». С переходом Услара в Дагестан и там устроены были временные горские школы. В Темир-Хан-Шуре, в присутствии нашего достоуважаемого сочлена князя Л.И. Меликова, управлявшего тогда Дагестанской областью, производилось испытание обучавшихся аварско-горской письменности. «Результаты, — сказано в отчете, — превзошли всякие ожидания». Новая грамотность приобрела популярность в Дагестане: ее стали изучать даже муллы пожилых лет; в числе учащихся были и женщины. Распространилась новая грамотность и в Кабарде: там состоятельные кабардинцы открыли в аулах по собственному почину и на свои средства школы новой грамотности.

По составлении алфавитов нужно было приняться за издание букварей, книг для чтения и руководств. В виду этого, еще в 1862 году заказана была, по рисункам Услара, в гравировальном заведении Ревильона и у тифлисских граверов вырезка матриц для разных шрифтов. Шрифты отливались в Тифлисской военной типографии. Затем были отпечатаны буквари, составленные под руководством Услара, и книги для первоначального чтения: печатались сборники туземных сказок, пословиц, песен и т.п. Переводились с русского статьи, популярно изложенные (как, например, «Вода, воздух и их видоизменения»), басни Крылова, отрывки из русской истории; явились и руководства (например, арифметика)[3]. Больше всего кипела деятельность в Дагестане, где жил тогда Услар. Чтобы не было остановки в печатании книг на туземных языках, высланы были шрифты из типографии тифлисского окружного штаба в Темир-Хан-Шуру. После этого основаны были в разных пунктах Дагестана школы, в которых туземцы обучались не только своему, но и русскому языку, а также арифметике и т.д. Но, в виду скудости денежных средств, Кавказское военное ведомство вынуждено было передать эти школы другому ведомству. Вскоре они прекратили свое существование. Распространение русско-горской грамотности приостановилось. Но дело все-таки не погибло: в 1881—1882 годах Л.П. Загурский встретил в Дагестане немало знатоков русско-горской грамотности; книги, отпечатанные в Темир-Хан-Шуре, усердно читались, — наружный их вид ясно доказывал, что они прошли чрез множество рук. В 1877 году в котомках некоторых инсургентов, взятых в плен, находили, вместе с Кораном, книги для чтения, отпечатанные русско-горским алфавитом Услара. Более интеллигентные горцы, с которыми Л.П. Загурскому пришлось беседовать,

отзывались с величайшею похвалою об алфавите Услара и выражали крайнее сожаление о том, что обучение русско-горской грамотности прекратилось.

Упомянем теперь о латино-горских алфавитах, составленных покойным академиком Шифнером, занимавшимся в одно время с Усларом исследованием кавказско-горских языков.

В ученой литературе не было однообразия в изображении звуков, чуждых европейским языкам. В 1852 году берлинский академик Лепсиус, с целью оказать противодействие путанице, существовавшей до того времени в изображении, посредством латинских письмен, звуков, свойственных азиятским и африканским языкам, установил, на основании физиологических и лингвистических начал и при содействии многих английских и немецких филологов, миссионеров-лингвистов, всеобщий лингвистический алфавит, известный под названием «Standard alphabet» (образцовый алфавит). Standard alphabet не допускает сложных начертаний изображения простых звуков. Но зато в нем находится обилие точек и отдельных буквенных значков. Странный вид имеют колечки, двоеточия и горизонтальные черточки, помещаемые под буквами, а также горизонтальные черточки, расставленные как выше их, так и ниже. В расстановке различных значков нет последовательности. Не понятно, почему *t с* подбуквенным колечком должно читаться как *ч*, а *д* с таким же колечком как *дж*. Далее в латинском алфавите Лепсиуса нашли место и греческие буквы. В России первое применение этого алфавита сделал, по предложению Императорской Академии наук, почти в средине 50-х годов г. Лерх, при записывании им курдских текстов. Мы коснулись только внешней стороны алфавита Лепсиуса. Поговорим теперь о сути дела. Ученые, собравшиеся в Берлине в 1852 году, имели в виду составить всеобщий алфавит для азиятских и африканских языков. Могли ли они составить подобный алфавит, когда далеко не все эти языки были тогда исследованы? Далее мы относимся с полным уважением к так называемой антропофонике (физиологии звуков). Но неужели она в состоянии определить a priori все звуки? В данном случае составители алфавита — немцы и англичане — определили, главным образом, точнее звуки, свойственные немецкому и английскому языкам. Это-то более всего ввело в заблуждение г. Лерха, который, отыскав в курдском языке много немецких и английских гласных звуков, не заметил в нем, однако, собственно курдских.

В виду этого, нельзя было не одобрить поступка покойного Шифнера, который, несмотря на то, что состоял членом Императорской Академии наук, предпочел искусственному и отличающемуся непоследовательностью алфавиту Лепсиуса небогатую буквенными знаками, но разумно составленную азбуку Кастрена. В последней нет тоже сложных начертаний для изображения простых звуков; но в ней находятся только латинские буквы, или же начертания, подходящие близко к последним. Кроме того, в ней мало буквенных точек, а значки (которых менее, чем у Лепсиуса) соединены непосредственно с данными буквами. Шифнер, приняв в основание своих кавказско-горских алфавитов азбуку Кастрена, должен был сделать в ней видоизменения: обилие звуков, свойственных кавказско-горским языкам, заставило кавказского лингвиста прибегнуть в некоторых случаях к подбуквенным точкам и к отдельным надбуквенным значкам (последние реже встречаются). Главное достоинство кавказско-горских алфавитов Шифнера — это необыкновенная последовательность. Далее в пользу этих алфавитов нужно сказать и то, что, как мы заметили, в большинстве случаев надбуквенные значки соединены непосредственно с данными буквами (*ш* в других алфавитах обозначается посредством *š*, у Шифнера оно выражено посредством *ś*; *ж (ž)* обозначается посредством *ź*, *ч (č)* посредством *ć*; у него находятся изображения: *k̓*, *ṕ*, *t̓* и т.д.). Осмеливаемся рекомендовать эту транскрипцию вниманию европейских ученых-исследователей, как логичную и практическую[4].

Мы не станем вдаваться здесь в разбор тех алфавитов, которых придерживаются разные ученые, — заметим только, что до сих пор между лингвистами не установилось согласие относительно однообразия в обозначении звуков. В последнее время в деле исследования физиологии звуков потрудились немало: Сиверс, Шерцль, Аппель, Бодуэн-де-Куртенэ и Вс.Ф. Миллер.

Последний потрудился немало для исследования осетинского языка. Появившиеся в начале 80-х годов его «Осетинские этюды» составляют эпоху в кавказской лингвистике: многоуважаемый профессор указал, между прочим, какое место занимает осетинский язык в иранской группе языков, исследовал обстоятельно наречия его и издал, с пояснениями, весьма ценные для науки тексты. Вс.Ф. Миллер вникнул глубже в фонетическую систему означенного языка и указал на особенности ее, ускользнувшие от внимания Шегрена. Скажем несколько слов о способе обозначения им осетинских звуков посредством русской транскрипции. В этом деле он не последовал за Шегреном, а старался приблизить по возможности свою транскрипцию к новейшей системе обозначения звуков, принятой некоторыми европейскими учеными. Поэто-

му у него явились в изобилии надбуквенные значки. Один из них имеет вид скобки, над некоторыми буквами находится по два знака. Это пестрит алфавит. Но не надо забывать того, что Вс.Ф. Миллер писал свои этюды не для народного употребления, а для ученых. А в ученых трудах попадается еще не такая пестрота в обозначении звуков. Чтобы убедиться в этом, довольно взглянуть на таблицу согласных, помещенную в известном труде Сиверса «Grundzüge der Phonetik»: там буквы усеяны точками и являются в сопровождении разнообразных надбуквенных и подбуквенных значков. Да, сверх того, буквы являются с экспонентами (d^1, d^2, d^3, d^4, t^1, t^2, t^3, t^4 и т.д.). Конечно, подобные алфавиты не пригодны ни для народного употребления, ни для школ. Как бы то ни было, но в алфавите Вс.Ф. Миллера заметна последовательность. Исключение составляет транскрипция кавказских аффрикат. Звук, изображенный Шегреном чрез Ц, у Услара чрез ʦ, обозначен Вс.Ф. Миллером посредством ц̓; звук, изображенный Шегреном посредством ч, а Усларом посредством *f*, обозначен им чрез ч̓. Но затем буква дж (ʤ) обозначена посредством буквы ц, введенной Вуком Стефановичем в 1818 году в сербский алфавит, а для изображения дз (ʒ) Вс.Ф. Миллер принял сложное — шегреновское — начертание (дз). Итак, в обозначении аффрикат нет у Вс.Ф. Миллера определенной системы.

Думал ли достоуважаемый Всеволод Федорович, что его алфавит послужит поводом к упразднению уже давно распространенных шегрено-усларовских алфавитов, составленных образцово и оказавшихся весьма практическими и, вместе с этим, к уничтожению всей пустившей уже корни русско-горской письменности, существующей от 26 до 43 лет?

Недавно вышла в свет книга, изданная господином Завадским, под заглавием: «Барон П.К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык с приложениями». Издатель этой книги и ввел в ней свой новый алфавит. Там принята система обозначения надбуквенных знаков такая же, какая существует в «Осетинских этюдах»[5]. Аффрикаты обозначены так же, как у Вс.Ф. Миллера. Притом соблюдены и надбуквенные знаки, встречаемые в труде Услара об абхазском языке. Вследствие всего этого получилась необыкновенная пестрота. Вот образчики: цӷхәацқоуп, јащѵӡӡан. Далее осетинский язык, в сравнении с абхазским, беден звуками, и в алфавите Вс.Ф. Миллера составитель новейшего алфавита не мог приискать начертаний для многих звуков. Тогда он прибегнул к противуположной транскрипции — транскрипции Услара, сохранив совершенно условные начертания. Для того чтобы быть последовательным нужно было бы в данном случае поступить по примеру Шифнера: означить простым знаком основной звук и присоединить к нему надбуквенный значок. С транскрипциею Шифнера можно было бы познакомиться из монографий последнего, помещенных в Мемуарах Императорской Академии наук, или, наконец, из упомянутой уже монографии «Кавказско-горские письмена», помещенной в V-м выпуске Сборника сведений о кавказских горцах. Как бы то ни было, но у составителя новейшей русско-горской азбуки, мы встречаемся с совершенно различными системами алфавитов.

Следуют начертания, придуманные самим составителем алфавита. Здесь тоже нет системы, нет и основания в способе изображения данных звуков. В абхазском алфавите Услара находим: ц̱, ц̓, ʧ и ʧ̓ (усиленное ʧ). Издатель обозначил их посредством ц, ц́, ц̓ и ҭ. Заметим, что ц́ господина Завадского, соответствующее усларовскому ц̓, заимствовано им из «Осетинских этюдов», где оно выражает не тот звук (им там обозначается звук средний между ц̱ и ч). Далее совершенно непонятно, почему издатель ʧ̓ (усиленное ʧ̓ = ц̓) изобразил посредством ҭ. Неужто ц̱ и *т* обозначают однородные звуки?! Подобная транскрипция, страдающая отсутствием логичности, производит путаницу в алфавите и затрудняет усвоение грамотности. Далее в абхазском языке есть звук, подходящий к сочетанию *ш* и *в*. Составитель алфавита изображает его посредством щ (!!). Не надо забывать того, что рассматриваемый алфавит должен облегчить юным абхазцам изучение русской грамоты. Есть звук в абхазском языке, подходящий к сочетанию *тц* и *в*. Издатель этот звук изображает посредством ц̱, слишком мудрено вычерченного: нижняя часть буквы укорочена, а хвостик подогнут. Надо всмотреться очень и очень пристально, чтобы не принять это своеобразное начертание (ц̱) за обыкновенное ц̱. А вот еще буква щ. Что это за буква? Это усиленное *ч*. В аварском языке есть еще более усиленное *ч*. Чтобы быть последовательным, придется верхнюю частичку буквы утроить. Некоторые буквы, придуманные составителем алфавита, имеют странный вид (д́, ʃ). Издатель старается всячески вогнать данные начертания в строку, для этого он укорачивает их или внизу (ацӕ), или наверху (аѣѵ). В алфавите принято изображение букв печатным шрифтом, но попадаются и скорописные начертания (τ, ѣ).

Рассмотрим составные части алфавита. Издатель распределяет буквы своего алфавита на 3 категории. К 1-й относятся русские начертания; ко 2-й — 12 букв, заимствованных у

Вс.Ф. Миллера (в числе их находится три шегреновские буквы); к 3-ей категории принадлежит 18 букв. В числе их находится: а) 4 усларовские буквы; б) 5 букв, взятых у Услара, но измененных и в) 9 букв, принадлежащих самому издателю. Несмотря на такой разнородный состав, алфавит носит один и тот же характер и составляет собственность издателя, и нам кажется, что он напрасно (см. стр. IX) утверждает, что алфавит его навеян был Вс.Ф. Миллером. Мы сильно сомневаемся, чтобы последний пожелал усыновить «новейший кавказский алфавит».

Не станем вдаваться в детальный разбор нового алфавита, так как мы не пишем критики; но полагаем, что и сказанного довольно для того, чтобы составить понятие о нем. Этому алфавиту суждено вытеснить сперва усларовские алфавиты, а потом и осетинский, легший в основу последних. Дело не обойдется без препятствий, в особенности в Осетии, где богослужение совершается по книгам, к которым несколько десятков лет применен алфавит Шегрена. Примем во внимание и то обстоятельство, что с уничтожением существующих алфавитов придется упразднить всю прежнюю русско-горскую письменность и литературу. И что же предлагают взамен этого? Взамен всего этого предлагают алфавит, составленный без всякой системы и представляющий выхваченные из разных алфавитов буквы и в высшей степени своеобразные начертания, алфавит, испещренный надбуквенными значками и не пригодный ни для науки, ни для школы.

Что же заставило издателя трудов Услара устранить алфавит последнего и заменить его своим собственным? В ответ на этот вопрос издатель говорит (см. предисловие стр. VIII—IX), что книги для школьного употребления, изданные во время Услара, отпечатаны скорописным шрифтом, который неудобен потому, что он почти вдвое увеличивает стоимость издания и пестрит книгу. Первое положение неверно. По рассмотрении монографии «Заметки о кюринском языке в связи с исследованными кавказско-восточно-горскими языками» оказывается, что 31 строка сплошного русско-горского набора соответствует 40 строкам чисто русского текста. Так как далеко не во всех строках попадается русско-горский текст и приходится, средним числом, по 34—35 строк на страницу (вместо 40), то получится самое незначительное сбережение в том случае, если русско-горский текст будет отпечатан тем же шрифтом, каким печатается русский. Заметим при этом, что означенный скорописный шрифт (курсив) весьма близко подходит к печатному[6]. Далее он нисколько не пестрит книги, а лучше (что чрезвычайно важно) оттеняет русско-горский текст от русского. Между тем чтение книги, в которой русско-горский шрифт вполне подходит к русскому, — как, например, в труде, изданном составителем новейшей азбуки, — до того затруднительно, что последний невольно принужден был отпечатать значительную часть русского текста курсивом, чтобы только оттенить сколько-нибудь от него русско-горский текст. Не лучше ли было бы в таком случае отпечатать горский текст курсивом, а русский обыкновенным печатным шрифтом? Но если издателю так не нравился шрифт, оказавшийся целесообразным при первоначальном обучении горцев грамоте, то не стоило никакого труда заменить его печатным, который был отлит и в Вене, и на Кавказе еще в 1-й половине 60-х годов. Г. Завадский говорит, что он только недавно узнал о том, что в Темир-Хан-Шуринской военной типографии имеется этот шрифт. Можем его уверить, что усларовский печатный шрифт находится уже давно и в тифлисских типографиях.

Как бы то ни было, но издатель решился отлить новый шрифт. При этом, однако, отлил он не усларовский алфавит, а свой собственный. Ссылаясь на труд Услара об абхазском языке, он уверяет, будто бы Услар вовсе не желал, чтобы его алфавит был сохранен. Для разъяснения этого заметим следующее.

В числе забракованных в начале 60-х годов составителей алфавитов был один, который упрекал Услара в том, что начертания, им придуманные, не отличаются изящностью. Услар на это в начале своего литографированного труда об абхазском языке заметил следующее: «Так как ни одна книга еще не напечатана на абхазском языке, *то люди, специально занимающиеся каллиграфией*, могут заменить предлагаемые мною начертания другими, более удобными». Это замечание, высказанное иронически, могло ввести в заблуждение составителя новейшего алфавита. Бесспорно, что каллиграф может оказать услугу составителю алфавита: он может сообщить более изящное очертание буквам, вывести лучше палочки, крючки и так далее, но это вовсе не дает ему права заменять одни буквы другими. Это, во-первых. Во-вторых, вышеприведенные слова Услара относятся к 1862 году, когда еще не была напечатана ни одна книга, ни на одном из тех горских языков, которыми занимался Услар. Но с этих пор много прошло времени; в течение его напечатаны были алфавитом Услара для абхазцев букварь и книга для

чтения, напечатана масса книг на других горских языках, а поэтому лицо, задавшееся целью изменить существующие русско-горские алфавиты, едва ли может ссылаться на вышеприведенные слова.

Далее в течение последних 25 лет, то есть со времени появления труда Услара об абхазском языке, антропофоника сделала прогресс относительно более точного определения характера некоторых звуков. При печатании труда Услара следовало бы в выноске указать на это: ведь труд Услара предназначен для школьных учителей и учеников, которым, конечно, неизвестно настоящее состояние антропофоники. Ничего подобного не сделал составитель новейшего алфавита. Оставил он неисправленными и описки в труде Услара, что представит неудобство при обучении грамотности.

Возвращаясь к новейшему горскому алфавиту, мы позволим себе напомнить сказанное нами выше о том, что Услар, прежде составления им горского алфавита, ознакомился со звуковою системою труднейших в фонетическом отношении западно- и восточно-горских языков. Это обстоятельство и предоставило возможность нашему незабвенному исследователю составить горский алфавит, удовлетворяющий своей цели. Составитель новейшего алфавита, как видно из отпечатанной им монографии, не только не ознакомился с трудами Услара и других кавказских лингвистов, но даже с существующими горскими алфавитами. Теперь пока искажен абхазский алфавит. При печатании трудов Услара, относящихся к другим горским языкам, представляющим обилие кавказских аффрикат и совершенно оригинальные звуки, составителю новейшего алфавита придется прибегать к новым надбуквенным и подбуквенным знакам, или же к созиданию своеобразных начертаний, с образчиками которых мы уже познакомились. Выйдет страшная путаница. Таким образом, отпечатанные труды Услара сделаются непригодными не только для школ, но и для сравнительного изучения кавказско-горских языков.

Не можем высказаться одобрительно и относительно способа составления новейшего алфавита. Мы выше видели, как обдуманно действовал академик Шегрен при составлении им осетинского алфавита; мы видели также и то, что Услар решился только тогда применить к делу составленный им алфавит, когда последний был одобрен ученым обществом и людьми, компетентными в деле исследования кавказских языков. Мало того, прежде введения в данной стране новой грамотности делались, — как мы уже сказали, — опыты относительно того, легко ли последняя усваивается горцами. Еще осторожнее следовало бы действовать тем, которые пытаются вытеснить алфавиты, пустившие уже корни среди горцев, и, вместе с тем, упразднить всю русско-горскую литературу. Как же действовал составитель новейшего алфавита? Сделал ли он предварительно опыт, какой алфавит легче усваивается: усларовский или же его? Подверг ли он свой алфавит обсуждению ученого общества и людей, компетентных в деле исследования кавказско-горских языков? Мы полагаем, что даже в интересе нового алфавита следовало бы подвергнуть его обсуждению в ученом собрании. Подобное обсуждение послужило бы вернейшим залогом прочности нового алфавита в том, разумеется, случае, если бы он действительно обладал преимуществами пред существующими русско-горскими алфавитами.

Вопрос об алфавитах и тесно связанный с ним вопрос о распространении образования среди горского миллионного населения живо интересуют благомыслящих людей. Преосвященнейший Иосиф, епископ Владикавказский, первый просил отдел «всячески протестовать против искажения осетинского алфавита». Поступили протесты против искажения горских алфавитов и от других лиц[7]. Мы уверены, что этих протестов было бы очень много, если бы только факт изменения горских алфавитов сделался известным, если бы изданная книжка была сколько-нибудь распространена и не составляла библиографической редкости.

Особенно сильно заинтересовано вопросом об алфавитах Кавказское военное ведомство, которому принадлежит инициатива в деле распространения грамотности между горцами. Оно-то предоставило Услару возможность исследования горских языков и не пожалело денег ни на издание элементарных книг для горцев, ни на открытие школ. Продолжение этого дела оно передало другому ведомству, не переставая им интересоваться, так как с ним в значительной степени связано более тесное сближение горцев с русскими, составляющее действительное средство окончательного умиротворения края.

Сильно заинтересован в продолжении дела, начатого Усларом, и Кавказский *Отдел Императорского* русского географического общества. Преследуя научные цели, он усердно хлопотал о предоставлении Услару возможности производства лингвистических исследований, так как последние могли, главным образом, содействовать разъяснению запутанной этнологии кавказских народов. С этою целью он с редким постоянством добивался издания и продолжения исследований Услара. В этом деле однообразие горских алфавитов, облегчающее про-

должение исследований и содействующее успехам сравнительного кавказского языкознания, а следовательно, и этнологии, играет немаловажную роль. Да позволено будет нам указать на услуги, оказанные в этом отношении отделом. Когда покойный Услар впервые представил план составления горских азбук, то оказалось, что последние значительно разнились от Шегреновского алфавита. Компетентные в отделе лица высказались в пользу необходимости согласования составляемых тогда горских азбук с старейшим, образцовым русско-осетинским алфавитом. Услар уступил. Благодаря этой уступке, можно было рассчитывать на более продолжительное существование русско-горских азбук. Академик Шифнер старался, по возможности, согласовать с последними свои латино-горские алфавиты. От этого могло только выиграть кавказское сравнительное языкознание. Один из членов отдела отпечатал, в интересах последнего, свою монографию «Кавказско-горские письмена» с приложением к ней сравнительных таблиц всех тех алфавитов, которые применялись к горским языкам. Эта монография значительно облегчила труд автору «Заметок о кюринском языке в связи с исследованными кавказскими восточно-горскими языками», представляющих первую попытку сравнения между собою кавказско-горских языков. Не мог не радоваться отдел тому, что составленные, при его содействии, алфавиты, облегчая горцам усвоение ими грамоты на русском основании, дали в течение непродолжительного времени столь блистательные результаты. Новейший алфавит, оценку которого мы уже сделали, должен нанести всему этому удар. Он уже применен к труду Услара об абхазском языке (а также к черкесскому и сванетскому языкам). Есть надежда, что он будет применен и к остальным трудам Услара: хотя издатель и дал обещание (см. выноску на IX с.) держаться алфавита последнего при издании других его трудов; но в печатаемом теперь труде Услара о чеченском языке сохранен новейший алфавит. Сохранен этот алфавит и в вышедшем недавно в свет VI выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». В приложении к нему помещены две сказки, записанные новейшей транскрипциею, названною издателем (см. стр. 4) *Усларовскою* (!!). Странно! Неужто он думает, что это останется не замеченным?! Но, тем не менее, надо полагать, что в силу сложившихся обстоятельств, все труды нашего, кавказского, незабвенного исследователя будут отпечатаны новейшим, весьма странным алфавитом, который, по совершенно непонятной причине, переименован будет в «Усларовский алфавит»!

Дело понятное, что на изложенное обстоятельство не мог не обратить внимание Кавказский Отдел *Императорского* русского географического общества, принимавший столь деятельное участие в составлении прежних кавказских алфавитов, тем более, что на него возложено издание труда покойного Услара о табасаранском языке, с приложением лексических и других сличений этого языка с прочими восточно-горскими языками. Лицо, которому поручено издание этого труда, находилось в недоумении относительно того, какой алфавит принять при издании посмертного труда знаменитого кавказского исследователя.

Это недоумение еще более усилилось в последнее время, когда лица, принимавшие участие в составлении предлагаемой теперь заметки, познакомились еще с одним новым алфавитом. Мы говорим о «Мингрельской азбуке, составленной академиком В.В. Радловым и адъюнктом *Императорской* Академии наук К.Г. Залеманом». Эта азбука, резко отличающаяся как от осетинского алфавита Вс.Ф. Миллера, так и от алфавитов Завадского, составлена была раньше последних; но только недавно могли познакомиться с нею составители заметки. Просматривая азбуку, они заметили в ней отсутствие начертания для некоторых звуков, свойственных мингрельскому языку: нет в ней, например, начертания для звука, обозначенного исследователем мингрельского языка, А.А. Цагарели, посредством *q* с вертикальною черточкою над ним, звука, который слабее и в количественном и качественном отношении грузинского ყ и арабского ق; нет в упомянутой азбуке и начертания для звука, изображенного А.А. Цагарели посредством грузинского ჳ (v); нет и начертания для мягкого *н*, резко отличающегося от обыкновенного *н*; звуки, изображенные А.А. Цагарели посредством *y* и *j*, имеют одно начертание, между тем как это звуки различные. Неверно показано, что первый из них похож на русское *ы*.

Далее в азбуке долгота гласных выражена повторением их (аа, ее, ii, оо, уу), между тем как в «Мингрельских этюдах» А.А. Цагарели определенно сказано (см. 2-й выпуск этюдов, стр. 4): «Удвоения, то есть простого повторения одного и того же звука, конечно, не следует смешивать с природной долготой звука. В последнем случае, как известно, звук является цельным...». Вышеозначенная азбука, составленная лицами, не занимавшимися, — сколько известно, — ни мингрельским, ни вообще какими бы то ни было собственно кавказскими язы-

ками, может показаться загадочным явлением, если не примется во внимание одно обстоятельство. В 1886 году разъезжал по Мингрелии бывший студент факультета восточных языков и записывал мингрельские тексты. Об этом он сообщил своевременно в газетах: «Кавказ» и «Кавказское обозрение». Многоуважаемые члены Академии, на основании показаний этой, рекомендованной им, личности и составили мингрельскую азбуку. Можно ли ставить им в вину погрешности, встречаемые в азбуке?

Теперь познакомимся с начертаниями, придуманными В.В. Радловым и К.Г. Залеманом. Во-первых, они изгнали из своей азбуки все надбуквенные значки, сделав исключение только для звука, подходящего к сочетанию *д* и *з*, который они изобразили посредством *з* со скобкою над ним. Надбуквенные значки они заменили, по примеру Шегрена и Услара, подбуквенным значком, соединенным непосредственно с данными буквами. Но они в этом случае довели дело до крайности: так, например, они обозначили даже глубоко-гортанное *к*, соответствующее грузинскому ყ, посредством *к* с означенным подбуквенным значком (қ), между тем как этот звук во всех решительно кавказско-русских алфавитах обозначается посредством *q*; қ же и в алфавите Шегрена, и в алфавитах Услара обозначает совершенно другой звук. Звук этот академики изобразили посредством обыкновенного *к*, удлинив только немного палочку вверх (Вс.Ф. Миллер выражает его посредством *к* со скобкою наверху). В изображении аффрикат в мингрельской азбуке нет определенной системы: шегреновское дз обозначено, как мы заметили, посредством *з* со скобкою над ним, дж — посредством џ, начертания, введенного Вуком Стефановичем в сербскую азбуку[8]; далее, ч изображено посредством *ч* с подбуквенным значком, а ц — посредством буквы, почти не отличающейся по своему начертанию от обыкновенного *џ*.

Несмотря на все свои недостатки, «Мингрельская азбука» все-таки имеет преимущество перед алфавитом господина Завадского. Но вот что странно: она введена в употребление в 1887 году раньше выхода из печати абхазского алфавита, составленного господином Завадским. Последний знал о существовании ее, и он отзывается (см. Приложения к VI-му выпуску «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа») о мингрельском алфавите как о «практической азбуке». Тем не менее, он составил свою собственную азбуку. Неужто в этом факте нужно усматривать браковку алфавита, составленного академиками? Но этого предположения нельзя допустить ввиду следующего соображения. Господин Грен, помогавший В.В. Радлову и К.Г. Залеману в составлении мингрельской азбуки, записывал в Мингрелии в 1886 году тексты, которые, может быть, составят книгу для первоначального обучения мингрельцев. В газете «Кавказ», а также в одном официальном издании было сообщено в прошлом году, что труд господина Грена будет издан Академиею наук. Конечно, к нему будет применен новый мингрельский алфавит. Итак, 1887 год ознаменован появлением на Кавказе двух алфавитов, резко отличающихся друг от друга: новой мингрельской азбуки[9] и алфавита господина Завадского.

Как видно из хода дел, не первый, но последний алфавит должен вытиснить азбуки Услара и Шегрена. Беда, однако, в том, что он представляет несколько вариантов. С абхазским вариантом мы уже познакомились. За ним идет черкесский вариант. Услар в конце 50-х годов, состоя на службе в западной части Закавказья, старался ознакомиться наскоро с языками этой страны. Он составлял беглые о них заметки. В числе бумаг, оставшихся после Услара, нашлась неоконченная черкесская азбука. Впоследствии Услар ее пополнил и переделал. Не зная о существовании этого алфавита, который был применен к множеству изданий, напечатанных на черкесском языке, господин Завадский, принявший неполную азбуку за «последовательно составленный алфавит», рекомендует в VI выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» записывать ею черкесские тексты. Она разнится от горских алфавитов Услара, составленных им впоследствии (абхазского и других). Азбука эта, в которой не достает начертаний для выражения почти 10-ти звуков, должна будет заменить алфавит, соответствующий своей цели, в силу только того обстоятельства, что издатель не знал о существовании его. Имеется еще 3-й вариант новейшего горского алфавита, а именно, удинский. Он заимствован из труда академика Шифнера «Versuch über die Sprache der Uden» и помещен в приложениях к означенному сборнику (см. стр. 5—6). В переделанном алфавите обозначены не все удинские звуки, описание произношения многих из них искажено. Далее некоторые начертания, взятые из латино-горского алфавита, не приведены в соответствие с русско-горскими алфавитами Услара и оставлены в том же виде, в каком они находятся в латино-горском алфавите. Вот три варианта, появившиеся в течение только

одного полугодия. Надо полагать, что, при дальнейшем печатании трудов Услара число этих вариантов у издателя, не ознакомившегося предварительно, — как мы уже видели, — с русско-горскими алфавитами, еще более увеличится.

Наш отдел, хлопотавший столь долго и столь усердно об издании трудов Услара, сильно интересует судьба алфавитов последнего, которые стараются подменить азбуками, составленными не последовательно и, во всяком случае, без надлежащего внимания. Тем, которые пожелают заняться сравнительным изучением кавказско-горских языков, придется разбираться с большим трудом посреди различных вариантов новейшего алфавита; понадобится приложение к ним глосс и комментариев. Мы не говорим уже о тех затруднениях, которые встретит юное горское поколение при изучении ими странных азбук, перед которыми имеют неоспоримое преимущество даже арабско-горские алфавиты. Но эти азбуки, благодаря стечению обстоятельств, могут, — как мы уже сказали, — вытеснить образцовый усларовский алфавит. Ввиду этого соображения, лицо, на которое возложено издание посмертного труда Услара о табасаранском языке, обратилось к распорядительному комитету Кавказского Отдела *Императорского* русского географического общества с запросом: какой алфавит применить к означенному труду?

Комитет, не одобряя вообще попыток замены давно существующих и давших блистательные результаты русско-горских алфавитов новыми азбуками, не соответствующими своей цели, нашелся вынужденным, в силу необходимости, вопрос о том, какой алфавит применить к посмертному труду Услара о табасаранском языке, подвергнуть сперва обсуждению в общем собрании отдела; он и постановил: созвать общее собрание отдела, представить ему записку о кавказских алфавитах и допустить к участию в прениях и тех защитников новейшего алфавита, которые не состоят членами отдела. Затем предлагаемая записка и прения об алфавитах будут отпечатаны в «известиях отдела», дабы по этому предмету могли высказаться компетентные лица в разных местах империи. Надо полагать, что они не откажутся от этого, ввиду важного значения означенного вопроса не только для науки, но и для образования миллионного кавказско-горского населения, коснеющего до сих пор в невежестве.

Примечания

1. Предлагаемая записка составлена по поручению распорядительного комитета кавказского отдела *Императорского* русского географического общества.

2. Упомянем еще о собранных господами Чонкадзе и Цораевым осетинских текстах, представляющих осетинские предания, сказки и т.д. В этом отношении в последние годы весьма много потрудился профессор Московского университета Вс.Ф. Миллер.

3. Некоторые руководства не были отпечатаны, — они до сих пор сохранились в рукописях.

4. Во всяком случае, составители так называемых международных алфавитов не могут не принять во внимание кавказско-горских алфавитов Шифнера.

5. В некоторых, однако, случаях издатель сделал, без всякого основания, отступление от этой системы.

6. Заменяя скорописный шрифт печатным, издатель не позаботился приложить к своей азбуке скорописные буквы (а обучение грамотности без скорописных букв не мыслимо). Впрочем, это трудно было сделать, так как для некоторых печатных начертаний составителя алфавита навряд ли можно придумать такие скорописные буквы, которые бы им соответствовали.

7. Не приводя здесь этих протестов, не можем пройти молчанием один факт, заставляющий призадуматься: в одном значительном городе Северного Кавказа почитатели нашего незабвенного кавказского исследователя, руководимые желанием сохранения его трудов в надлежащем виде, решились собрать по подписке деньги для издания их.

8. Это начертание принято всеми составителями новых алфавитов; но звук, изображенный Вуком Стефановичем посредством ц, не есть звук кавказский, не есть дж, точно так же как и польское *dz* не есть кавказское дз. К этому прибавим, что ц, введенное в сербскую азбуку, чуждо русскому алфавиту. Если почтенные составители азбуки обозначили дз посредством *з* со скобкой наверху, то они могли бы обозначить дж посредством *ж* тоже со скобкою, — это было бы, по крайней мере, последовательно. Заметим при этом, что некоторые составители новых алфавитов, допустив в последние сложное шегреновское дз, не хотели дать в них место сложному шегреновскому начертанию дж, а решились ввести странную букву ц. Опять непоследовательность.

9. Прежде в Мингрелии введена была русско-мингрельская азбука, составленная наскоро и, так сказать, домашним образом; в ней мингрельские звуки, чуждые русскому языку, обозначены были по преимуществу посредством: *ѳ*, *г*, *щ*, *ъ*, *ы*, *я*, *ѣ*, *ю*. Пояснения к этой азбуке изложены были таким образом: «Звук, подходящий к сочетанию *д* и *з*, читается как грузинское ძ, а пишется как русское *я*; звук, произносимый как грузинское ჰ *(h)*, пишется как русское *ѣ*, и т.д.». Эта азбука, бывшая в употреблении в течение нескольких лет, должна была облегчить мингрельцам изучение русской грамоты. Прибавим, что мингрельцы пользуются еще грузинским алфавитом. По соседству с мингрельцами живут сванеты, народ сродный с мингрельцами и грузинами. Из Приложений к VI-му выпуску «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (с. 1) видно, что для этого народа предназначен уже другой алфавит, совершенно отличный от двух вышеупомянутых азбук. Он помещен на 103 странице издания, озаглавленного: «Барон П.К. Услар. Абхазский язык с приложениями».

Текст печатается по изданию:

Загурский Л.П. Кавказские алфавиты // Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества. — Т. IX. — 1887. — № 2. — Приложение.

Умар Джашуевич Алиев

Умар Джашуевич Алиев (1895—1937) — известный карачаевский ученый, педагог, общественный деятель. В 1902—1914 годах обучался в различных учебных заведениях Карачая, Кабарды, Балкарии и Дагестана (в Аксайском медресе), получил высшее мусульманское религиозное образование (высшее мусульманское училище «Медресе-и Алийе» в Уфе). В 1915—1916 годах преподавал в Дагестане. В 1915 году он открыл первую новометодную школу в селе Кумторкала, в 1916 году в Тифлисе (Грузия), в 1916—1918 годах в Башкирии. Стал одним из организаторов профсоюзного движения Башкирии и Татарстана. После Февральской революции 1917 года организовал профсоюз мусульманских учителей, избирался председателем Уфимского городского, а затем губернского совета профсоюзов.

С 1917 года в Казани: заместитель председателя, председатель Центрального бюро Всероссийского союза учащихся-мусульман. С января 1918 года председатель Центрального бюро Всероссийского союза учителей-мусульман-интернационалистов. С апреля 1918 года заведующий отделом Центрального мусульманского комиссариата при Наркомнаце РСФСР по делам мусульманского пролетариата Крыма, Кавказа, Туркестана, Киргизстана, с июля того же года заведующий отделом горцев Кавказа при Наркомнаце РСФСР. В октябре 1919 — марте 1920 года один из руководителей повстанческого движения в Дагестане. С января 1922 года председатель Ревкома Карачаево-Черкесской автономной области.

В разные годы занимал ответственные посты: заместитель заведующего Северо-Кавказского крайоно, председатель крайнацсовета, директор Северо-Кавказского горского научно-исследовательского историко-лингвистического института им. С.М. Кирова, директор Музея горских народов, председатель Северо-Кавказского комитета нового алфавита.

Позднее жил и работал в Москве. Окончил Институт красной профессуры (1935), был ученым секретарем кафедры ленинизма Всесоюзного заочного института права, преподавал карачаево-балкарский язык в Государственном институте театрального искусства имени Луначарского, арабский язык в МГУ.

Алиев Умар Джашуевич известен как автор «Нового карачаевского букваря» (1923), «Русско-карачаево-балкарского словаря» (не издан), «Карачаево-балкарско-русского словаря», учебников «В единении — сила» (1929), «Карачаево-балкарская грамматика» (1930), очерков «Карачай» (1927), «Кара-Халкъ» («Черный люд») (1927) и др. В 1921 году первым в стране составил алфавит на основе латиницы применительно к карачаево-балкарскому языку.

О. Михайлова в статье «Имени Умара Алиева» (2015) пишет: «Свободное знание арабского, персидского, английского, немецкого, русского, татарского, узбекского и других языков позволило Алиеву познакомиться с творениями мыслителей различных эпох в оригинале, оформить под их влиянием гуманистические взгляды, перешагнуть национальные предубеждения. Умар Алиев был и творчески работающим педагогом, обосновавшим идеи обучения горцев на родном языке в выступлениях на пленумах Научного совета Всесоюзного Центрального комитета нового тюркского алфавита (ВЦК НТА), на расширенных заседаниях Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (Москва, Баку, Ташкент, Казань, Алма-Ата), в монографическом исследовании «Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае», в многочисленных статьях, помещенных в различных журналах.

У. Алиев всегда подчеркивал, что родной язык ускоряет развитие культуры и просвещения народа, облегчает работу по обучению детей, оказывает огромное влияние на развитие их нравственных качеств. Дидактический материал «Букваря» У. Алиева включает в себя сказки, небольшие рассказы, пословицы, поговорки, песни, загадки и стихи — памятники народной педагогики. Увлекательность сюжета, образность и забавность являются особенностями сказок, которые усиливают эффективность их эстетического воздействия. Обилие пословиц и поговорок тоже не случайно, ведь работа с пословицами активизирует мысль, воображение детей, затрагивает их чувства. Народные пословицы учат понимать выразительность и образность родного языка» (Михайлова О. Имени Умара Алиева // День республики. — 25.08.2015).

В июне 1937 года У.Д. Алиев был арестован по клеветническому обвинению и расстрелян. Реабилитирован посмертно. Его имя присвоено Карачаево-Черкесскому государственному университету (2006), улицам в городах Кисловодске, Черкесске, Карачаевске. В школе аула Карт-Джурт открыт музей его имени.

Работы об У.Д. Алиеве:

У.Д. Алиев (К 70-летию со дня рождения) // Календарь памятных дат по Ставропольскому краю на 1965 год. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1965.

Невская В.П. Умар Алиев и Ислам Тамбиев — первые историки-марксисты Карачая // Вопросы истории, исторической науки Северного Кавказа и Дона. — Грозный, 1978. — Вып. 1.

Лайпанов К., Батчаев М. Умар Алиев. — Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1986.

Абаева Ф.В. Умар Алиев: просветительская, педагогическая и общественная деятельность: очерк и материалы из его сочинений и выступлений. — Майкоп, 1995.

Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии. — Нальчик, 2005.

Михайлова О. Имени Умара Алиева // День республики. — 25.08.2015.

Алиев К.К. Умар Джашуевич Алиев — великий сын Кавказа // Умар Джашуевич Алиев — выдающийся сын Кавказа: Материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения У.Д. Алиева. — Карачаевск: Издательство КЧГУ, 2016. — С. 4—18.

Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры: Языкознание. Кавказоведение. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017.

Исследования У.Д. Алиева:

Джангъы алибле (Новая азбука). — М., 1924—1926.

Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае: Итоги и перспективы. К предстоящему съезду горских народов / Вместо предисл. речь А. Микояна. — Ростов-на-Дону: Севкавкнига; Крайнациздат, 1926.

Kara-xalk («Карахалк» — черный народ). — Ростов-на-Дону: Севкавкнига; Крайнациздат, 1927.

Карачай. (Карачаевская автономная область). — Ростов-на-Дону: Крайнациздат, 1927.

Очерки революционного движения в Карачае. — Ростов н/Д: Крайнациздат, 1927.

К вопросу латинизации письменности горских народов Северного Кавказа и унификации ее // Бюллетень Северо-Кавказского краевого горского НИИ краеведения. — Ростов-на-Дону, 1927. — № 2—4.

О принципах составления карачаево-балкарской грамматики // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института: В 3-х т. — Ростов-на-Дону, 1928. — Т. 1. — С. 129—137.

Бирликде-тирилик («В единении — сила»). Учебник-хрестоматия, Ростов-на-Дону, Кисловодск, 1929.

Адыгея. (Адыгейская автономная область). — Ростов-на-Дону: Севкавкнига, 1927.

Карачаево-Балкарская грамматика. — (Кисловодск): Крайнациздат, типография Карачаевского облиздата, 1930.

Проект карачаево-балкарской орфографии // Просвещение национальностей. — М., 1935. — № 4. — С. 78—82.

Среди **неопубликованных работ** в переиздании книги У.Д. Алиева «Карачай» (Черкесск, 1991) названы:

Русско-карачаево-балкарский терминологический словарь.

Карачаево-балкаро-русский словарь

Полный русско-горский (карачаевский, балкарский, ногайский) словарь (совместно с М. Коркмазовым)

Современная экономика Соединенных Штатов Америки.

У.Д. Алиев
Латинизация горских письмен

(К истории просвещения горских народов)

Молодая по возрасту горская письменность, возникшая (за исключением письменности осетинской) с началом великой революции, в обстановке, исключающей какое-либо давление, а тем более принуждение со стороны, кроме тех импульсов, которые вызывались революционно-освободительным настроением общества, — не испытывала особо острых шатаний при выборе своей графики.

В условиях дореволюционного периода на эту сторону вопроса могли бы влиять только две развитые, с большим культурным содержанием, письменности: русская и арабская, в окружении которых находились горские народы Северного Кавказа.

Попытки к применению русской графики на Северном Кавказе действительно имелись в формах появляющихся время от времени примерных алфавитов для горских языков (Услара, академика Шегрена, Шифнера, Лопатинского и друг.). Они создавались с широкими задачами чуть ли не универсального применения их не только к языкам горским, но и ко всяким другим бесписьменным языкам инородческого, по старой терминологии, населения восточных окраин Империи. В Осетии, как известно, этот русифицированный алфавит даже привился и стал основой для довольно развитой национальной письменности еще в дореволюционный период. Но в отношении других горских языков русские попытки не имели успеха. Именно эта универсальность примерных русских алфавитов, скрывавшая под их скромным обличием политические корыстные задачи; воздействие, идущее сверху, так сказать, в порядке администрирования, без участия в этом деле заинтересованности самого общества; отсутствие в этих графических схемах живого отражения природы и особенностей местного языка, — делали все названные попытки абстрактными, нежизненными. Они являют лишь интерес в истории горской письменности. К тому же, у русских политиков и государственных людей не было, с одной стороны, надлежащего такта в отношении «инородцев», чтобы осуществлять свои идеи в более или менее деликатной форме, а с другой, — им не хватало той выдержанности и настойчивости, с какой, например, производили онемечение славян немцы. «Высокая культурная миссия» просвещения отсталых народов в грубых руках царского правительства превращалась в открытое, циничное обрусение, которое в конечном итоге не достигло своей прямой цели, но зато совершенно оттолкнуло «инородцев» не от одного царизма, но, к сожалению, часто и от всего русского, в котором видели постоянную шовинистическую угрозу.

Арабская письменность, казалось бы, могла иметь большее влияние на зарождение письменности у горцев уже в силу исторических традиций: старого воздействия ислама на психологию и быт горцев, его националистический характер в вековой борьбе с русским империализмом. Но дело в том, что арабская грамота таила в себе ряд органических недостатков, чтобы привиться и сделаться близкой для горских и вообще всех других народов не арабского корня. Горцы, как и другие восточные народы, принявшие Коран, написанный на арабском языке, свое уважение к священной книге перенесли на ее внешнюю словесную оболочку — арабский язык, арабские письмена. Проповедники ислама внушили им, как догму, неприкосновенность Корана и неприкосновенность языка, на котором он был написан. Поэтому арабский язык, арабская грамота в глазах простодушных народных масс, на которых распространялось влияние ислама, превратились в своего рода фетиш, окруженный суеверным уважением и страхом. Для руководителей мусульманского общества, правящего класса и могущественного духовенства, которые чужды были наивного простодушия масс, этот навязанный арабскому языку мистико-священный характер был на руку, как удобное орудие для эксплуатации общественных низов, и не в их интересах было разрушать такую легенду.

Ислам и арабская грамота для народов Востока были тем же, что для народов Запада в Средние века папство и латынь, с тем, однако, существенным отличием, что, хотя латынь в средние века нашей эры уже превращалась в мертвый язык, но его формы были близки и родственны новым национальным языкам Западной Европы. Такое положение арабского языка, насильственно притянутого в обращение других народов как форма обязательного употребления в делах религии и связанных с нею общественных отношений, при органических особен-

ностях арабского языка и арабских письмен в сравнении с языками других народов, сразу определило его культурную роль. Арабская грамота не могла иметь массового распространения; она была грамотой избранных кругов мусульманского общества, грамотой, так сказать, аристократического характера. Всякие культурные ценности, принесенные арабами в общую сокровищницу человеческой культуры, были плодом небольших арабских кругов и отдельных лиц, но не всего народа в совокупности; арабские народные массы, даже в эпоху расцвета арабского могущества, были так же невежественны, как и те народы, которые они завоевали.

В эпоху расцвета ислама арабы сыграли огромную и культурную роль в жизни целого ряда народов Востока. Своего рода восточный «интернационализм», созданный арабами, их алфавитом, несомненно имел большое значение. Но по мере того, как задерживалось экономическое и культурное развитие Востока; по мере того, как рос европейский капитализм и порабощал народы Востока, арабская исламская культура и созданный ею алфавит все более и более становились тормозом, балластом, орудием и средством держать массы в поголовной неграмотности и невежестве, воспитывая их на мертвой и бесполезной схоластике. Арабский алфавит сделался «аристократическим», доступным только немногим: грамота сделалась привилегией верхушки народа. Арабская культура стала религиозно-схоластической, застывшей в рамках докапиталистического общества[1].

Причиной этому в значительной степени является характер арабского языка и его графики, делающий их негибкими, неподвижными, малопригодными для универсального применения.

Уже в прошедшем арабы были связаны недостатками своих письмен и строем своего языка. Их культурные замыслы, их духовные ценности не укладывались в рамки языковых возможностей. Дело в том, что арабский алфавит, до появления ислама, имел самое скромное распространение, и только ислам придал ему несвойственное его природе великодержавное значение среди народов Востока и необходимость принимать все усилия, чтобы иметь равнение по новым широким масштабам. Первоначальный арабский алфавит состоял из 22 букв; потом арабы дополнили его для передачи всех звуков арабской речи шестью новыми буквами, причем не ввели ни одного нового изображения, а варьировали лишь ранее принятыми начертаниями. Вследствие этого имелось много сходных букв, которые делали чтение арабского текста неимоверно трудным даже для арабов. Поэтому явилась необходимость введения подстрочных и надстрочных знаков в виде комбинирования отдельных точек. Они несколько облегчили чтение арабских текстов, но только опять для природных арабов. Что же касается других народов, принявших ислам и нуждающихся в чтении Корана и арабских молитв, то и такое введение диакритических знаков мало облегчило им трудность чтения арабских текстов. Арабский алфавит не имел первоначально гласных букв, которые имеются во всех развитых культурных алфавитах; если позже арабы и перевели некоторые согласные на положение гласных, то все же не избегли путаницы, так как эти гласные буквы одновременно исполняли обязанность и согласных. Также неудовлетворительно стояло дело и в отношении согласных букв вообще в применении к языкам других народов, так как в звуках этих языков не было полного соответствия с звуковым составом арабского языка. Эти основные принципы арабской азбуки: отсутствие основного фокуса всякой азбуки — гласных букв — и наличие в них таких букв, которые не подходят для произношения, — явились причиной тормоза, который всегда сопутствовал арабскому алфавиту в его стремлениях к мировой роли.

Арабские письмена были узки для развитой общественности, требующей массового и светского образования. Арабская школа поэтому должна была превратиться в школу специфически схоластическую, у которой формальные стороны поглощали содержание. Трудность учебы в ней заключалась не в широте курсов, не в замысловатости программ, а в прямом смысле — от буквоедства: форма передачи знаний была более громоздкой и сложной, чем сами знания, добываемые при посредстве этой формы. Научиться читать тексты и понимать их содержание было конечной целью арабской учебы, и она требовала многих годов мучительного напряжения памяти ученика без соответствующего развития других сил и способностей души учащегося. Установление, где пишется та или другая буква из числа одинаково произносимых без существования грамматического закона, определяющего место их употребления, долго запутывало самого даровитого и трудолюбивого ученика арабской школы. Силлабический метод изучения арабского письма — чтения отодвигал усвоение его на долгие годы. Учащийся в арабской школе терял время и силы над тем, что так легко дается в современной европейской школе, в которой время для изучения формальных навыков доведено до минимума.

Арабская графика с трудом поддалась печатному станку, и во всяком случае великое изобретение книгопечатания, необычайно расширившее рамки и пути европейской культуры,

коснулось арабского языка с значительным опозданием на целые столетия. И это зависело не от одной застывшей косности арабизма и консерватизма. «Арабский алфавит имел до 30-ти разновидных почерков, из коих ни один не поддавался типографской технике полностью, потому что буквы этого алфавита шли не рядом: то одна буква занимала место над или под другою, или пряталась в овальной ее части. Особенной путаницей отличались в этом отношении разновидности, называемые «дивани» и «рейханш». Эти письмена никаким знакам графики не подчинялись. Поэтому отливать буквы по образцу одной из этих разновидностей представлялось делом трудным»[2].

Набор арабского текста в типографии весьма сложен в сравнении с набором текстов на других графиках. Здесь требуется отдельно набирать буквы, отдельно надстрочные и отдельно подстрочные знаки, и процесс набора сопряжен с большими техническими трудностями. Поэтому такой тройной набор стал применяться лишь при печатании Корана и религиозных книг. При печатании произведений светского характера, где меньше опасались возможного двусмыслия в понимании текста, набор упрощался игнорированием диакритических знаков, что было возвратом к старине, когда слова писались без гласных букв. «Таким образом, диакритические знаки, введенные арабами с целью облегчения процесса чтения, не могли соответствовать техническим требованиям печатного дела. Такие условия препятствовали на долгое время применению арабского алфавита к печатному делу, которое, например, в тюрко-татарских странах опоздало больше, чем на два столетия»[3].

Непластичность арабской азбуки, не поддававшейся печатному станку, была причиной, что многие книги для школьного употребления, в частности, детские буквари, в которых должна наблюдаться особая отчетливость в оформлении звуков языка, какие (гласные звуки) в арабском алфавите выражены диакритическими знаками, — неудобными для печатного станка, — изготовлялись не типографским путем, а при помощи литографии и цинкографии, что, конечно, и удорожало книгу и уменьшало ее тираж, а стало быть, и распространение.

Отставание арабских письмен от потребностей жизни сознавалось уже давно в культурном мире ислама и не одними лишь прогрессистами. Даже в реакционных сферах чувствовалось неудобство этой неподвижности. Но к радикальной реформе подойти боялись, а с другой стороны, и сама структура арабского языка не поддавалась коренной реформе. Первые реформы поэтому были очень осторожными[4] и встречали тем не менее сильный отпор в мусульманских правящих и клерикальных кругах. Мирза-Фатал Ахундов, которому советский Азербайджан поставил памятник в Баку, за попытку к реформе алфавита в свое время был объявлен еретиком, а после смерти ему отказали в погребении.

Живая жизнь, разрешающая всякие путы, таким образом добралась и до арабских письмен и в конце концов приблизила и их, хотя бы в возможной степени, несколько к запросам современности, но вдунуть свежее дыхание в отживающую старину не могла никакая жизнь. Знатоки арабского языка, не сходящие с пути объективности и беспристрастия, в настоящее время единогласно выносят решение, что никакая реформа не спасет арабской графики, что ей не воскресить ее былого значения. «Реформа арабского письма показала нам с величайшей убедительностью невозможность вырваться из заколдованного круга. Разорвать его путы можно, только целиком от него отказавшись и перейдя к системе, объединяющей собой почти все европейские народы — алфавиту латинскому[5]. «Никакие реформы, — говорит известный борец за новый латинизированный алфавит для тюркских народов С. Агамали-Оглы[6], — которые, кстати сказать, давно уже проделываются над арабским алфавитом, уничтожить его недостатки не могут, — такова его природа, — «горбатого могила исправит». А для арабского алфавита могила не совсем уже за далекими горами, если только колесо прогрессивного развития тюрко-татарских народностей или внешней силой или каким-либо чудом не будет повернуто обратно». «Чтобы убедиться в непригодности арабского алфавита даже для арабского языка, достаточно заметить, что редко кто из природных арабов, даже получивших высшее специальное образование, может без ошибки прочесть ту или иную научную книгу. Многие студенты духовной академиии в Каире проводят десять и даже пятнадцать лет в стенах названного заведения и все же по окончании делают ошибки при чтении древних поэтов и писателей. Когда подумаешь, как много непроизводительного труда и времени тратится на усвоение только техники чтения арабской и вообще мусульманской учащейся молодежью, тогда начинаешь понимать одну из главных причин культурной отсталости этих народов»[7].

Изложенное выше является достаточной предпосылкой к суждению о том, насколько могло быть велико влияние арабских письмен на зарождение письменности горских народностей Северного Кавказа. Ислам, проникший к горцам, нашел в них восприимчивую среду

первобытного общества, слегка тронутого культурой, прошедшей со вне, и, при том суеверном уважении, которое он приобрел в этой среде, — по-видимому, мог широко распространять свою собственную культуру. Но, как мы знаем, средства, которыми пользовался ислам для распространения среди масс, в форме арабского языка и арабских письмен, были для этого малопригодны, столкнувшись с языками чуждой конструкции. Арабская школа в условиях горской действительности меньше всего могла быть массовой школой; для этого язык преподавания, арабский, арабские письмена были слишком чужды, чтобы сделать учение охотным. Специфически религиозное содержание арабской школы не давало массам стимулов практической, жизненной полезности этой школы. Арабская школа сделалась местом учебы для церковников и для того небольшого кружка лиц, которые готовили себя к занятию должностей, требующих знания Корана и шариата. Арабского языка горские массы не понимали, кое-как научились арабскому письму только немногие. Знающие хорошо это письмо считались в горском обществе людьми учеными. Особенно понизилось практическое значение арабской школы с проникновением в горы русского влияния. И хотя русский язык также был чужд и непонятен горцу, как и арабский, но знание его сулило больше практической пользы и выгоды. Арабское письмо, в период натиска российского империализма, могло быть лишь символом национального самосохранения горцев против насильственной русификации, влекущей за собой культурное и экономическое их порабощение, переход на положение полуколониальных народов. Это, в связи с фанатизмом духовенства и его влиянием на массы, сохранило устойчивость арабской школы, но не культурное ее значение. Культура могла внедряться в массы только при посредстве родных языков, при посредстве школы, где бы преподавание велось на своем материнском языке. Но горские языки были бесписьменными. Это понимали как русские завоеватели, так и руководители исламской культуры. Но и у тех и других не было желания помочь горцам выйти на путь самоопределения. Для тех и других это было равносильно пресечению своего влияния. Отсюда паллиативные попытки русского правительства перевести горскую письменность на русифицированный алфавит, как мы знаем, не давшие положительных результатов. Отсюда прямолинейное упорство духовенства к оформлению горских языков графикой и хотя бы той же арабской основы. Этому способствовало также и то, что у горцев не было людей с достаточной научной подготовкой, которые могли бы преодолеть все трудности выработки графики, соответствующей духу и природе горских языков. Представляет интерес случай, рассказанный И. Попко в его очерке «Черноморские казаки»[8], с шапсугом Хаджи Нотаук Шеретлуком, долго проживавшим в Мекке, обучавшимся в тамошнем медресе и попытавшимся на старости лет перевести арабские книги на адыгейский язык, приспособив предварительно этот язык к письменной форме. Многолетняя трудная работа его над азбукой языка закончилась трагически. В порыве религиозного представления, что всякий перевод Корана есть святотатство, он в один прекрасный день сжег все свои разработанные материалы.

Арабская письменность в среде горских отсталых народов не могла укрепиться, как следует, даже в высших, избранных кругах горского общества. Горцы не дали ученых арабистов, крупных писателей на арабском языке. Они не внесли таких ценностей в литературу, как арабисты в Турции, Персии, в других тюрко-татарских народностях, — к примеру сказать, хотя бы у казанских татар; они не создали определенного арабского наречия, которое бы влияло культурно на горскую общественность.

Защитники арабизма в среде горских народов были малообразованные духовные лица, сила влияния которых заключалась не в их культурной значимости для общества, а в темноте и невежестве народных масс, которые букву готовы считать выше духа. Русское же правительство только поддерживало такое состояние исламской культуры в горах, не допуская никаких новшеств, никакого ревизионизма, пресекая в корне всякие попытки к какому бы то ни было прогрессу в этом направлении.

Отсюда становится ясным, что культурных традиций арабизма в горской общественности образоваться не могло. Освобожденные от гнета народные массы легко могли подойти к новому просвещению, не связанные глубокими и прочными узами со стариной. Арабская грамота не имела многочисленных и упорных сторонников, когда с проникновением революции в горы выдвинут был острый и кардинальный вопрос о новой культуре и ее главнейшем и мощнейшем оружии — родном языке, который в первую очередь должен перейти на письменные формы. Ни русская, ни арабская графика, таким образом, исторически не могла упрочиться среди горских народов. Передовые революционные круги без колебаний остановились на латинской основе как единственной форме, в которой могут быть выражены разнообразные горские языки.

Первые шаги латинизации письмен горских народов

Октябрьская революция в горах, передавшая власть самим трудящимся горцам, развязала им руки в отношении национальных языков и освободила от назойливой опеки и принудительного гнета сторонних влияний и традиций, откуда бы они ни шли: из России или из арабизированного ислама. Вопрос о письменности для горских языков, как и другие кардинальные вопросы горской общественности, разрешались революционно. Во-первых, в этом деле было признано, что в дальнейшем существование бесписьменных языков несовместимо с новыми культурными задачами горских народов, из коих широкое просвещение масс явилось главнейшей, а арабская школа своими медлительными процессами обслужить этой задачи не может. Во-вторых, явилось очевидным, что при выборе графики для языка нужно взять такую, которая бы отличалась условиями простоты, практичности и близости к графике языков европейских, потому что революция требовала высоких перспектив. Таковой графикой, по убеждению передовых революционных горских групп, поддерживаемому авторитетами ученого мира и практикой европейской культуры, могла быть только латинская графика. Это убеждение, подкрепленное рядом практических соображений, стало претворяться в жизнь в первые же годы революции и в этот нарождающийся процесс латинизации выступили все горские народности, хотя и не с одинаковым темпом в отношении скорости.

Так, в конце 1920 года такую попытку создания письменности на латинской основе мы видим у карачаевцев. Карачаевская делегация на IX Съезде Советов РСФСР (Алиев У., Хубиев И. и другие) провела ряд частных совещаний с учеными востоковедами в Москве по поводу составленного (Алиевым У.Д.) проекта алфавита карачаевского языка на латинской основе (получившего по внесении некоторых коррективов одобрение в специальных лингвистических кругах). В 1922 году (в июне-месяце) при Наркомнаце была организована специальная комиссия (под председательством члена комиссии Гуссейнова и куда входили специалисты), для разработки и создания письменности на латинской основе для народов Советского Союза, имевших ранее письменность на арабской основе. В 1923 году в Карачае были уже организованы курсы по подготовке к латинской графике.

На 1-й конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северного Кавказа (город Пятигорск, 11—15 июня 1923 года) принято было осторожное решение — не стеснять отдельных народностей в выборе графики, что установление ими той или иной графики — личное дело каждого народа. Но «латинский дух» так был силен в горской общественности, что уже очень рано определилось направление графических процессов.

Осетины одни из первых показали пример в деле латинизации, несмотря на то, что у них уже более столетия до того существовала довольно развитая письменность на русской основе. Они не остановились перед сложной ломкой установившейся традиции и пришли к решению заменить свой неудобный алфавит более современным и в большей степени удовлетворяющим потребности их языка латинизированным алфавитом, несмотря на то, что были и сторонники создания особой, ни с каким алфавитом не сходной, самостоятельной осетинской графики и сторонники (довольно многочисленные и упрямые) уже действующего русифицированного алфавита. Уже с конца 20-го и в следующем 1921 году Осетия, в лице своих историко-литературных обществ (Северо-Осетинского и Южно-Осетинского) оживленно начала муссировать этот вопрос. В следующем 1922 году вопрос о латинском шрифте принял окончательное решение. Графика новая, с последующими дополнениями и изменениями, идущими из Южной Осетии, была в конце-концов санкционирована высшими областными органами Северной и Южной Осетии. На этой графике стали выпускаться литература и национальная газета, хотя окончательного разрыва со старой, русифицированной графикой еще не последовало.

В резолюции по докладу о горской графике, принятой 2-й Краевой конференцией по вопросам культуры и просвещения горских народов Северо-Кавказского края (16 — 23/VI 1925 год) в отношении осетинского языка сказано: «Опыт применения латинской графики показал: а) более быстрое восприятие учащимися, сочувственное отношение к реформе широких масс; б) расширение круга читателей на новой графике (увеличение тиража газет); г) оживление издательской деятельности в связи с быстрым распространением изданий. Основываясь на этом, Конференция выражает пожелание о введении единообразной латинской графики с одинаковым обозначением идентичных звуков для всех горских народностей — по возможности»[9].

У осетин, таким образом, в отличие от других народов Северного Кавказа, дело перехода на новую графику состояло в выборе не из трех возможностей: латынь, арабские письмена и русские письмена, а в решении вопроса: русские письмена или латинские письмена. Отстаива-

ние некоторыми осетинскими группами русского письма коренилось, главным образом, на желании сохранить значение старой печатной литературы, на которой учились многие поколения.

У других горских народностей, как сказано выше, запасов письменности не имелось, жалеть об утрате каких-либо литературных ценностей не приходилось, ибо эти народности были бесписьменными и вопрос об установлении той или другой графики для местных языков мог испытывать известные трения лишь со стороны, так сказать, идеологического характера, в данном случае — со стороны мусульманско-арабских традиций, которые у одних групп горских народов были сильнее, у других слабее. Так, в ингушско-чеченской группе (называемой в последнее время — вейнахской), говорящей на одном и том же языке, только на двух наречиях, мусульманско-арабские традиции привились далеко не в одинаковой степени. В Ингушии, где арабская культура не насчитывает и сотни лет существования, где эта культура просачивалась слабыми струйками из Чечни, где религиозное просвещение являлось лишь отражением того процесса, который более интенсивно развивался в соседней Чечне, — там, можно сказать, и выбора графики не могло быть. Ни арабизм, ни русицизм исторических прецедентов здесь не имели, и латинская графика сразу же оформила дотоле бесписьменный ингушский язык. Попытки противодействия со стороны мулл не могли быть здесь значительны, так как и само духовенство было малограмотно и малокультурно и ничего не могло предложить в замену от себя.

В 1922 году у ингушей уже сложился алфавит на латинской основе, а в следующем году он получил практическое употребление в школе, газете и издательстве.

В Чечне идеология старой общественности была выражена ярче и определеннее, и она уступала место новым настроениям не без противодействия.

Мусульманско-арабские традиции в Чечне шли из соседнего Дагестана, в котором клерикализм давно свил прочное гнездо, в котором духовная школа и в сетевом отношении, и в смысле влияния имела значительный удельный вес, имелись налицо значительные кадры сплоченного духовенства, среди которого встречались ученые арабисты. В Чечне стабилизация ислама сложилась поэтому уже в XVII веке, хотя арабская письменность стала внедряться незадолго до Шамиля (XIX век) и, главным образом, во время его имаматства. Благодаря влиянию Шамиля и созданной им теократической организации, в которой главенствующую роль играло духовенство, арабские письмена получают характер общественно-государственный. На арабском языке велись международные сношения с Востоком, им пользуются в деловой переписке наибы; арабское письмо пытается войти в употребление в деловую практику населения. Но арабское письмо было монополией духовенства, к которой оно относилось ревниво, и потому народные массы затронуть более или менее значительно оно не могло. Оно являлось аристократической привилегией правящих верхушек. Демократизации письма в форме родного языка, хотя бы на той же арабской основе, эти верхушки не допускали. Шамиль не желал допускать родную письменность даже в применении ее к текстам Корана,[10] и в этом он находил искренних сторонников в духовенстве. Если мусульманскому духовенству в Чечне выгодно было пустить в обращение родной язык и родное письмо для укрепления ислама в народных массах, то ему еще выгоднее было, как эксплуатирующему классу, держать эти массы в слепоте и невежестве; поэтому редкие попытки к приспособлению арабских начертаний к звукам чеченского языка, имевшие место до Шамиля и позднее в школьной практике для занятий с учениками, которые не усвоили арабских текстов, в широкое употребление не пускались. Позднейшие реформы в этом направлении встречались чеченским духовенством неблагожелательно, хотя сами реформисты происходили из видных арабистов. Все такого рода попытки квалифицировались как отрыв от Корана[11].

Понятно, что переход чеченского языка на латинскую основу должен был встретить большее противодействие, чем в соседней Ингушии. Отражение этого мы видим в резолюциях и дискуссии на культурных горских конференциях в первой половине 20-х годов.

На 1-й Краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов в 1923 году, констатировавшей, что уже в этом году перешли на латинскую основу Ингушия, Северная Осетия и Кабарда, что для остальных национальностей действующей остается пока арабская основа по особой популярности этой основы в массах, объясняющейся тем, что Коран и другие религиозные книги изложены на арабском языке, считали необходимым установить осторожный подход к переводу письменности этих национальностей на латинскую основу: «Для некоторых народностей отход от арабской основы может быть истолкован как отход от религии. Для таких народностей намеченное введение латинской основы является несвоевременным. Отказ от немедленного перехода на латинскую основу не должен однако обозначать полное и окончательное признание арабской основы. Работа по пропаганде новой,

более четкой основы, выработка таковой, обучение ей на учительских курсах и т.п., все это может вестись параллельно с основной педагогической работой на арабской основе. Та или иная политическая обстановка и культурное развитие определяет размер и размах вышеуказанной пропаганды». На 2-й Краевой конференции в 1925 году «чеченский вопрос» все еще вызывал дискуссию. Если на этой конференции не было принципиальных противников перевода чеченской письменности на латинскую основу, то чрезвычайно осторожные постепеновцы в деле такого перехода имелись. Они указывали, между прочим, что с принятием реформированного арабского алфавита, в котором находится меньше звуков, чем даже в латинском алфавите, даже при принятии добавочных букв, какие вызываются особенностями языков горцев, отпадает даже главный мотив, который выставляется против арабского алфавита; и раз в смысле упрощения, в смысле экономии времени и средств больших преимуществ у латинского шрифта по сравнению с арабским не имеется, то не стоит и ставить вопрос о немедленном распространении латинской основы на все горские языки, — что в отношении поэтому Дагестана и Чечни, принимая во внимание там большой религиозный фанатизм, который может перейти в открытое наступление при насильственном проведении реформы, такой нужно избегать. Но большинство на конференции принадлежало убежденным латинистам, которые утверждали, что особой разницы в общественно-политическом отношении и в отношении исторического развития между Чечней и Ингушией нет; что в Ингушии обучение и выпуск газеты производится на латинской основе и никаких возражений со стороны масс, никаких недоразумений и отрывов от масс не замечается; что когда в соседнем Азербайджане с 1920 года начали проводить латинизацию, арабисты пророчили, что «взбунтуется Аллах на небесах»; но никаких отрывов от масс, никаких пропастей между массой и проводниками латинизации не произошло. Возврата к старому уже не будет[12]. В частности, они повторяли известные доводы о непригодности для современной культуры арабского, хотя бы и реформированного алфавита.

Резолюция конференций по ингушско-чеченской группе была вынесена следующая: «Устанавливается в качестве графической основы чеченско-ингушского языка латинский алфавит. В силу того, что в языковом, социально-экономическом, бытовом, историческом отношениях ингуши и чеченцы представляют так много сходства, что справедливее было бы говорить о них, как о едином народе, совещание считает, что объединение их на почве культурной работы является безусловно необходимым и что объединение это в первую очередь должно быть проведено в области письменности, язык письменности должен быть единым как для Ингушии, так и для Чечни. Работа по установлению единого алфавита на латинской основе и порядки перехода на такой в Чечне должны быть возложены на объединительную комиссию, избираемую ЦИКами обоих автономных областей[13].

Из сообщений чеченских работников на той же конференции устанавливается картина положения с письменностью в Чечне к средине 1925 года и положения вопроса с латинизацией. Чеченский язык стал преподаваться в школе с 1923 года и уже охватил первые две группы. Азбука для первого года обучения, книга для второго года обучения составлены на арабской основе. Печатались задачники 1-го и 2-го года обучения на той же основе; для третьего года переводились и печатались учебники и по арифметике, и географии. Взрослое население в превышающем проценте грамотно по-арабски. Под конец царского времени преподавание в школах шло на русском языке, но особых успехов не имело и со времени революции сохранилось в немногих школах. Наблюдались частые факты, что в школах, где шло преподавание на арабской основе, одолевши букварь, дети прекращали дальнейшее учение. Национальная газета выходила с параллельными текстами на русском языке и чеченском на арабской основе; ввиду последнего она писалась от руки и печаталась литографским способом; это сокращало тираж газеты и увеличивало ее стоимость. Учителями в чеченской школе являлись по преимуществу муталимы и сообщали руководимой ими школе духовный налет. Чеченская светская интеллигенция, живущая в городе, арабской грамоты не проходила и потому в общем равнодушна была к переходу родного языка на арабскую основу. В отношении латинизации было сделано еще очень мало. Она получает злободневный характер с 1922 года. Во Владикавказе в это время организованы были курсы по латграфике, на которых подготовлялись небольшие группы чеченцев и ингушей. В том же году закончен был чеченский букварь на латинской основе — Т. Эльдарханова. В 1922 году составлен был алфавит чеченского языка на основе латинской Т. Эльдархановым и З. Мальсаговым и практически проводился на названных подготовительных курсах Э. Яндаровым и И. Эльдархановым. Так как кроме изданного в 1922 году на латинской основе учебника других учебников не было, то чеченская школа медленно латинизировалась. У руководителей к тому же возникало опасение, что при усиленном темпе

латинизации пришлось бы смахнуть со счетов грамотности те два года обучения, которые были проведены на арабской основе. Представители областного ОНО предлагали проложить систематический путь к латинизации через совпартшколу, педтехникум и детский учебный городок.

Народы группы черкесских языков (верхние и нижние черкесы), с сравнительно слабой мусульманской культурой, в общей массе своей бесписьменные, у которых знание арабской грамоты носило узкокастовый характер, охватывая исключительно духовенство и привилегированные круги общества, еще меньше, чем народы вейнахской группы, могли противодействовать переводу своих письмен на графику европейских народов, в частности — на графику латинскую. Еще во времена, предшествовавшие революции, начиная с половины XIX века, у этих народов начинаются попытки к переводу на письменность под сильным влиянием, с одной стороны, культуры русской, с другой, со стороны арабско-мусульманской, идущей из Турции, куда, как известно, при «замирении Кавказа» и независимо от этого «замирения» переселялись многочисленные группы наиболее деятельных и энергичных черкесских народов. На этой почве влияний, еще задолго до революции, среди черкесской общественности (передовой) шла борьба за письмена, сказавшаяся в появлении ряда проектов алфавитов и смены их одного другим.

Достаточно отметить, что за небольшой сравнительно отрезок времени (для нижнечеркесских языков с 1840 года и для верхнечеркесских — 1860 год) в кабардинском языке сменялось пять алфавитов (2 — на русской основе, 2 — на латинской и 1 — на арабской), а в нижнечеркесском — два (1 — на русской и 1 — на арабской основе)[14].

С начала XX века замечается интенсивная работа над разработкой азбуки и у зарубежных черкесов в Турции; здесь эта разработка идет по двум линиям: арабской и латинской основ (таковы: алфавит на арабской основе Кемаля Хуажева — 1910 год; алфавит на арабской основе группы черкесов без обозначения фамилий — 1908 год; алфавит на арабской основе доктора Мухамеда Пчеготлука 1909 год; алфавит на латинской основе его же — 1910 год, алфавит на латинской основе Бленауко Ботока — 1918 год и алфавит на латинской основе Тым-Хаджи-Едычко-Сеина — 1918 год).

Эти попытки к составлению азбуки черкесских языков, говорящие о назревшей потребности черкесских народов в письменности, и беспрерывная смена проектов на разных основах, свидетельствующая о соответствующих влияниях, — в общем итоге, до годов революции, не дали сколько-нибудь заметных результатов и во всяком случае письменности в широком значении слова не создали (выпуск букваря, нескольких книжек для ограниченного числа читателей — и все). Для народных масс это были кабинетные, любительские затеи, иногда непонятные, а иногда и враждебные. Например, русские попытки создать письмена для черкесских народов, по выполнению весьма солидные (лингвистические труды Д.Г. Лопатинского — Кабардинская азбука, Кабардинская грамматика, Кабардино-русский словарь, или еще раньше работы по нижнечеркесскому языку известного Услара), на практике не прививались как проводимые с обрусительным душком, столь ненавистным горской общественности, особенно такой чуткой, как черкесская, имевшая свои кровавые счеты с русским империализмом. Арабизованные проекты встречали явное неодобрение со стороны правоверных духовных сфер. Латинские попытки были одинаково неприемлемы как для русского официального мира, так и для мусульманского духовенства. Поэтому все перечисленные попытки так и остались на положении проектов и общественного значения не имели. Черкесы вошли в революцию таким же бесписьменным народом, каким были и до революции. Но достойно внимания, что уже до революции и особенно у закордонных черкесов проскальзывает определенная мысль использования для черкесского языка латинских начертаний.

Новая советская общественность черкесов повела дела перевода своих языков на письменность и более быстрым темпом, и с целевой установкой на массы, и с решительным направлением в сторону латинской графики. В Кабарде кабардино-латинский алфавит был уже опубликован в 1923 году, в том же году был разработан проект практического алфавита кабардинского языка на латинской основе профессора Н. Яковлева, приступившего к этой работе еще в 1921 году. «Хурановский» проект, опубликованный первоначально в виде листовки, позднее был переработан и издан в форме букваря в 1924 году, а в 1925 году он был вновь переработан в букваре Борукаева[15]. На 1-й Краевой горской конференции (в июле 1923 года) было отмечено, что Кабарда уже «перешла на латинскую основу». В Адыгее дело с латинизацией письмен пошло медленнее. Это объясняется как тем, что там уже несколько привилась письменность на арабской основе и имела своих сторонников среди некоторых групп передовой интеллигенции, так и тем, что руководители дела хотели подойти к латинизации письмен с научным приемом, не торопясь[16]. В Адыгее уже в 1918 году был издан составленный на

арабской основе букварь С. Сиюхова и Хитзеила. Этот букварь привился в начальной школе, что видно из повторения его выпусков; он выдержал три издания: 2-е издание с улучшением и расширением материала в 1921 году с тиражом 3000 экземпляров и 3-е издание на той же основе (Центриздат) уже в 1927 году. На этой основе был напечатан ряд книг (свыше десяти названий) по разным вопросам знания[17]. На совещании в Москве 30 декабря 1922 года[18] представителей автономных (черкесских) областей с представителями Центрального восточного издательства и подразряда северо-кавказских языков Института Востоковедения в числе пожеланий имеется — о нецелесообразности печатания на нижнечеркесских языках, пока они не изучены лингвистически, массовой литературы на арабской основе и, наоборот, о целесообразности издания в виде опыта ряда брошюр на латинской основе; о необходимости повести научное изучение группы черкесских языков; вынесено было по вопросу о создании единого шрифта для адыгейского языка и такое решение: «Приступить к напечатанию, пользуясь имеющимся в распоряжении Центрального восточного издательства шрифтом. Поручить товарищу Сиюхову совместно с Центральным восточным издательством разработать положение арабского шрифта недостающими письменными знаками». В 1923 году Адыгейский областной ОНО поручил профессору Яковлеву, имевшему уже опыт по работам над кабардинским языком и в связи с его самостоятельными работами по изучению черкесского языка, составить алфавит черкесского языка на латинской основе, и им был составлен проект практического алфавита для этого языка в 1924 году.

На 2-й Краевой горской конференции (июнь 1925 года) в отношении кабардино-черкесской языковой группы вынесено было решение: 1) считать необходимым принятие единого для всех черкесов Союза алфавита на латинской основе; 2) для выработки единого алфавита создать комиссию из соответствующих представителей; 3) признать необходимым научное обследование черкесского языка для получения практических выводов, которые должны лечь в основу единого для всех черкесов алфавита[19].

20—24 июля того же 1925 года в Кисловодске[20] работала выделенная на вышеназванной Краевой горской конференции адыгейско-кабардинская комиссия, которая по вопросу общечеркесской письменности пришла к следующим решениям: 1) по общим принципиальным положениям о национальном языке: а) вводимые в адыгейский алфавит буквы должны быть латинскими или произведенными от них и иметь простые начертания; б) использование русских букв нежелательно по мотивам политического порядка; в) не допускать тройных букв и подбуквенных и надбуквенных знаков; г) за заимствованными из латинского алфавита буквами по возможности оставить их значение; д) вырабатываемый комиссией латинизированный алфавит должен отражать в себе все звуки наречий адыгейского алфавита и должен называться «общеадыгейским алфавитом, составленным адыгейско-кабардинской комиссией». Новый алфавит был принят в составе 48 букв. Заглавные буквы имели то же начертание, что и простые, но в увеличенном против последних виде. 2) По вопросам культурной связи адыго-черкесов: а) изучение языка черкесов, живущих за пределами своих областей, чтобы на этой основе разработать грамматику черкесского языка; б) собирание памятников материального и социального творчества черкесских народов; в) издание общеадыгейского журнала, в котором бы отражались вопросы национальной письменности, разработки языка и прочее.

В частности, на совещании был поднят вопрос о целесообразности научной экспедиции для изучения языков и культуры черкесов, живущих за пределами СССР.

Как явствует из передачи содержания протокола Кисловодского совещания, а равно из постановления 2-й Краевой горской конференции по вопросам графики черкесских народов, первичный вопрос о графике для каждого горского языка в отдельности осложнялся соображениями о графическом объединении нескольких родственных языков, в данном случае — языков черкесской группы. На 2-й Краевой конференции этот вопрос ставился и в отношении группы вейнахских языков, и в отношении группы горско-турецких языков. Одна реформа неминуемо притягивала другую, как естественное последствие; латинизация горских письмен логически ставила вопрос об их унификации. На Кисловодском совещании на этой почве произошло между делегатами некоторое расхождение. Именно: представители Кабарды, ссылаясь на формальный мотив (наказ не изменять принятого в Кабарде латинизированного алфавита), отказались принять решение совещания о едином общеадыгейском языке. Но это вовсе не означало, что кабардинцы и по существу дела отказываются от возможности унификации.

Латинизация в общем на первых порах успешнее проходила у верхних черкесов. К концу 1926 года на кабардино-черкесском языке на латинской основе издано уже 10 названий по разным разделам литературы, в том числе 7 названий учебной литературы. Старейшая из

национальных газет «Карахалк», начавшая свое существование в конце 1926 года, стала издаваться на трех языках и на двух графиках. Русские и балкарцы пользовались русской основой, а кабардинцы — латинской[21].

Адыгея пока продолжала печатать свои издания на арабской основе. На этой основе издано было к 1927 году 28 названий. На смену издававшейся на русском языке «Адыгейской правде» с 3 февраля 1926 года стала выходить на местном языке на арабской основе «Адыгейская жизнь» — «Адыге-Псаукья». Первый учебник на черкесском языке на новой латинской основе вышел в 1927 году (черкесский букварь «Первая тропа», составленный С. Сиюховым и Шабаном Кубовым). Адыгея уходила в подготовку к систематическому принятию латинской основы, и она эту подготовку начала довольно рано.

Например, летом 1925 года профессором Н. Яковлевым на курсах по переподготовке учителей черкесского языка в городе Анапе прочитан ряд лекций по грамматике адыгейского языка.

Группа горско-турецких народов (карачаевцы, балкарцы, ногайцы, туркмены) Северного Кавказа в отношении культуры их языков находились в наиболее выгодных условиях. Письменности у них до утверждения советской власти не было. Школьное обучение (весьма ничтожное по сути) шло на русском и арабском языках, одинаково непонятных для народных масс. Духовенство, здесь менее влиятельное и образованное, чем у народов чеченской и черкесской групп, все же крепко держалось за неприкосновенность арабского языка. С самоопределением этих народов, последовавшим вслед за революцией, они легко могли в своей языковой культуре пойти по линии наибольшего притяжения к группе тюрко-татарских народов наших восточных окраин, у которых арабская основа укрепилась прочно в значительной развитой литературе. На 2-й Краевой горской конференции в 1925 году на такой точке зрения стоял убежденный арабист Мухитддинов, когда по вопросу о введении латинской графики среди северо-кавказских горцев заявил, что у тюркских народностей (карачаевцы и другие) с прочной арабской культурой, могущих использовать язык и литературу тюркских народов (татар), хотя бы они были бесписьменными, введение латинского шрифта недопустимо[22]. Он находил далее непоследовательность со стороны карачаевских практических работников, проводивших латинизацию, выразившуюся в том, что они первую книжку-букварь для школ напечатали на двух языках, а книгу для чтения — исключительно на латинской основе[23]. Ему основательно возражали, что вопрос о кавказских тюрках не может быть разрешен так прямолинейно, без учета общественно-политических и социальных условий прошлой и современной жизни этих народов, — соображение, которое единственно может толкнуть эти народы либо по линии тюркской культуры, либо по линии европейской. В резолюции конференции по тюрко-языковой группе вопрос о направлении ее письменности разрешался так: «Признать необходимым принятие единого для всех тюркских народностей Северного Кавказа алфавита на латинской основе, с немедленным введением преподавания родной грамоты на латинской основе в школах I ступени. Одновременно издание популярных брошюр, книжек общественно-политического и сельскохозяйственного характера, продолжать на арабской основе, для взрослого населения. Для выработки единого алфавита и практического осуществления задач, связанных с этим обстоятельством, считать необходимым созыв специального совещания из представителей этих народов»[24]. Карачаевский алфавит на латинской основе (составленный У. Алиевым) начал входить в употребление школы и издательства, хотя и с некоторым запозданием, но зато интенсивно. На 1 января 1927 года на карачаево-балкарском языке вышло уже 16 названий разной литературы на латинской основе.

Примечания

1. Новая письменность Востока. Культура и письменность Востока, книга 1-я. Москва, 1928 год, стр. 4.

2. Ф. Агазадзе, К. Каракашлы. — «Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения». Казань, 1928 год, стр. 10.

3. Ф. Агазадзе, К. Каракашлы. — Очерк по истории развития движения нового алфавита, стр. 11. Даже реформированный арабский алфавит не избавился от своих полиграфических недостатков: а) не дает возможности разнообразить рисунок шрифтов; б) быстрое изнашивание шрифта, благодаря точкам и мелким значкам; в) низкая производительность наборщика на арабском языке — на 35% ниже латинского набора; г) неспособность к механизации арабского набора, благодаря большим конструктивным несоответствиям печатных машин духу арабского алфавита; д) большой расход на бумагу при наборе арабского шрифта в сравнении с латинизированным, и прочее.

4. Реформа старых времен, когда арабский алфавит при распространении ислама подвергался влияниям местных алфавитов: куфическая реформа; персидские «талик» и «шикаста»; туркестанский «дивани». Уже в старое время арабский алфавит имел до 30 почерков. Большинство этих «почерков» было выработано тюркскими народами. Но и сами арабы вносили дополнения в свой алфавит и первая их реформа состояла в этих дополнениях новыми буквами; затем внесение надстрочных и подстрочных знаков, затем изменение старого места расположения букв алфавита. Эти первоначальные изменения послужили причиной обособления арабского алфавита от системы других семитических языков. К новейшим попыткам реформ нужно отнести соображения: азербайджанского писателя драматурга Мирза-Фатали Ахундова во 2-й половине XIX века, его современника — персидского политдеятеля и литератора Мирза Мелькум-Хана (не отвергавшего начертаний арабского алфавита, но предлагавшего рационализацию их, заключающуюся в неслитном начертании каждой буквы и в создании особых букв для всех имеющихся в языке гласных); затем последователя Ахундова — персидского генерального консула в Тифлисе Мирза Риза-Хана; Мамед Аги Шахтинского и другие (см. «Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения» Ф. Агазадзе, К. Каракашлы. Казань, 1928 год).

5. Е.Э. Бертельс. Из истории попыток реформы арабского алфавита // Культура и письменность Востока. Книга III. Баку 1928 год, стр. 17.

6. В защиту нового Тюркского алфавита. Азгиз, 1927 год, стр. 19.

7. Профессор П. Жузе. К истории арабского шрифта. Цитировано по книге Р. Агазаде, К. Каракашлы. Очерк по истории развития движения нового алфавита.

8. И. Попко. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Санкт-Петербург, 1858 год.

9. Стенографический отчет II Краевой конференции. Изд. КрайОНО, 1926 год, стр. 296.

10. У Услара передается, что сын Шамиля Джимал-Еддин поручил ученому арабисту Хаджи-Али-Чокскому перевести Коран на аварский язык. Он перевел часть, и переводы представлены были Шамилю. Шамиль похвалил перевод, назвал его богоугодным делом, но прибавил, что война с неверными еще более богоугодное дело, и под предлогом всякого рода поручений отвлек Хаджи-Али от окончания перевода.

11. Например, алфавит Лачиникау (видное духовное лицо, наиб в Чабирхое-Чечня, современник Услара), старинный алфавит еще до Шамиля, временный алфавит послереволюционного времени Ш. Сугаипова, Т. Эльдарханова.

12. Стенографический отчет 2-й Краевой конференции, стр. 143—146.

13. Там же, стр. 295.

14. Г.Я. Крыжановский. Адыгейская национальная письменность. Краснодар, Советская Адыгея, 1925 год, стр. 70.

15. Н. Яковлев. Материалы для Кабардинского словаря. Выпуск I, стр.XXXII, Москва, 1927 год.

16. Стенографический отчет 2-й Краевой конференции по вопросам культуры, город Ростов-Дон, 1926, стр. 161.

17. Г.Я. Крыжановский. Адыгейская национальная письменность, стр. 71.

18. Присутствовали: от Адыгейской области Мамсуров, Сиюхов и Хакурате, от Кабардинской области — Энеев, от Карачаево-Черкесской — Калмыков, от Института востоковедения — профессор Яковлев, от Центрального восточного издательства — Алиев (он же председатель совещания).

19. Стенографический отчет, стр. 296.

20. Присутствовали: от Адыгеи: Сиюхов (председатель Комиссии), Ашхамаф-Дауд, Кубов Шабан, от Кабарды — Борукаев, Кашежев Тамб.; от Карачаево-Черкесской: Шовгенов Аслан, Алтудоков; от Северо-Кавказского комитета по изучению этнических культур — профессор Яковлев, от КрайОНО — Алиев. (Постановления комиссии перепечатаны с протокола и с цитированной нами статьи Г.Я. Крыжановского).

21. Газету эту остроумно назвали трехъязычной при однолошадной системе. Стенографический отчет 2-й Краевой конференции, стр. 234.

22. Г.Я. Крыжановский. Адыгейская национальная письменность, стр. 77.

23. Стенографический отчет 2-й Конференции, стр. 142.

24. Стенографический отчет 2-й Горской конференции, стр. 296.

Текст печатается по изданию:
Алиев У.Д. Латинизация горских письмен. — Ростов-на-Дону, 1928.

Борис Андреевич Алборов

Борис Андреевич Алборов (1886–1968) – первый советский профессор на Северном Кавказе, осетиновед, поэт, драматург, фольклорист, общественный деятель, организатор и первый директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, ректор Горского педагогического института (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова).

В 1914 году окончил филологический факультет Киевского университета. Работал преподавателем русского языка в Винницком реальном училище Каменец-Подольской области. После революции вернулся в Осетию, участвовал в становлении системы образования в республике. В начале 1920-х годов был народным комиссаром просвещения Горской республики.

В 1934–1935 годах находился в научной командировке в Сталинабаде Таджикской ССР для изучения ягнобского языка. В ходе почти двухгодовой работы собрал материалы по ягнобскому, шугнанскому, язгулемскому, ваханскому, ишкашимскому, сарыкольскому и языкам фарси. Во время научной командировки в Сталинабаде исполнял обязанности заведующего учебной частью, а также ректора Таджикского педагогического университета.

Профессор Б.А. Алборов был штатным сотрудником Горского историко-лингвистического института, по-видимому, на протяжении всей деятельности НИИ. Это отмечается в различных документах архива (ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 66. Л. 6–9; Оп. 1. Д. 14. Л. 10). Он также был заведующим кафедрой общего и русского языкознания Северо-Осетинского педагогического института в 1946 году. В 1925–1926 годах Б.А. Алборов возглавлял Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. В тридцатые годы ученый заведовал кафедрой общего и осетинского языкознания и отделением осетинского языка и литературы Горского педагогического института, являлся одновременно членом ученой коллегии и заведующим этнографическим отделом Северо-Осетинского республиканского историко-археологического музея в столице Северной Осетии Владикавказе (Орджоникидзе).

Биография Б.А. Алборова показательна для истории науки и научной жизни в СССР, особенно в сталинский период. Ольга Резник в статье «Жизнь и судьба первого советского профессора на Северном Кавказе», основанной на документах и воспоминаниях родственников Б.А. Алборова, пишет: «В 1938 году сталинский молох прошелся и по нему: Борис Алборов был арестован. Как писал он позднее в автобиографии, «по оговору двух лжесвидетелей за принадлежность в 1924 году к якобы контрреволюционной националистической организации». По статье 58-2 УК РСФСР Б.А. Алборов был подвергнут лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 8 лет с поражением в правах сроком на 4 года, с конфискацией всего личного принадлежащего ему имущества. Вины за собой он никогда не признавал, ни на кого не возводил напраслину. Сидел в тюрьме с 13 августа 1938 года по 13 августа 1946 года. Вернувшись из лагеря, добивался реабилитации, однако был оправдан только в 1956 году, когда в стране изменился политический режим. <…>

В лагерях в Свердловской области заключенный Борис Алборов отбывал наказание в нечеловеческих условиях. Поэтому сегодня не перестаешь поражаться его мужеству и выносливости. Борис Алборов даже в экстремальных условиях остался верен себе. В это трудно поверить, но научно-исследовательскую работу он не прекращал, даже находясь в изоляции. Писал работы по русской филологии: «Песни лесорубов», «Ругательные и ласковые слова русского языка», «Происхождение восточнославянских фамильных названий и суффиксов»… Всего, пребывая в местах заключения, Борис Алборов написал около 40 работ по специальности» (см.: Резник О. Жизнь и судьба первого профессора на Северном Кавказе // Архив сайта Средней общеобразовательной школы имени Героя Советского Союза Хаджи Умара Мамсурова, село Ольгинское: http://olginskoe.ru/ archive/438).

Среди документов, представленных сейчас в Интернете Ольгой Резник, есть и воспоминания директора Северо-Осетинского педагогического института: «…в 1947 году на Б.А. Алборова поступила ко мне письменная жалоба от преподавателя вверенного мне института на то, что якобы профессор Б.А. Алборов, состоявший тогда завкафедрой общего и русского языкознания, на отрытом заседании лингвистического кружка в прениях допустил выступление, высказав мысль, что художественному русскому языку следует учиться у актеров, а не у И.В. Сталина по радио, которое может передавать характерную грузинскую дикцию.

Несмотря на все мое старание удержать в Институте Алборова, я под давлением извне был вынужден освободить его по собственному желанию» (там же). Увольнение Б.А. Алборова послужило причиной скорейшего отъезда ученого из Осетии во избежание повторного ареста.

До конца жизни ученому пришлось бороться с трудностями, связанными с клеймом «враг народа». Титаническая деятельность первого советского профессора на Северном Кавказе, лингвиста, поэта, драматурга, общественного деятеля стала причиной преследований со стороны властей, которые инициировались доносами, жалобами его «коллег», явно завидовавших талантливому профессору, творческое наследие которого необычайно многогранно: научные труды по языкознанию, фольклору, этнографии, топонимике, истории культуры Осетии, пьесы, стихи и др.

Работы о Б.А. Алборове:

Хамицаева Т.А. Б.А. Алборов — собиратель и исследователь осетинского фольклора // Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. Том 27. Языкознание. — Орджоникидзе, 1968. — С. 187—192.

Гостиева Л.К. Б.А. Алборов — исследователь творческого наследия и деятельности протоирея Алексия Колиева // Б.А. Алборов и проблемы кавказоведения: материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Б.А. Алборова. — Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, 2006. — С. 58—68.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Язык. Языкознание. Идеология: От социализма к российскому капитализму. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2016.

Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры: Языкознание. Кавказоведение. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017.

Работы Б.А. Алборова:

Краткая грамматика осетинского языка. — М.: Центральное издательство народов СССР, 1925.

Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды»: К вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях / Ингушский НИИ краеведения. — Владикавказ: Государственная типография автономной области, 1928.

Термин «xatiagau» осетинских нартских сказаний. — Владикавказ, 1929. — Отдельный оттиск из I-го «Сборника научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте». — С. 109—123.

История осетинских письмен / Осетинский НИИ краеведения. — Владикавказ: Осетинская типо-фото-цинкография издательства «Растдзинад», 1929.

Осетинские названия местностей к востоку от Осетии. — Владикавказ, 1929. — Отдельный оттиск из I-го «Сборника научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте».

Осетинские «абречьи» песни. — Владикавказ, 1930. — Отдельный оттиск из VIII тома «Известий Горского педагогического института». С. 329—399.

Осетинские нартские сказания о Созрыко и Гумском человеке (К вопросу о происхождении слова «Гумаг») // Северо-Осетинский педагогический институт. Ученые записки. Т. 23. — Орджоникидзе, 1959. — Вып. 3. — С. 99—124.

Лакский песенный фольклор // Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. Известия. Т. 22. Вып. 2. — Орджоникидзе, 1960. — С. 205—208.

Новое в истории изучения первой печатной осетинской книги 1798 года // Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. Известия. Т. 24. Вып. 1. Языкознание. — Орджоникидзе, 1964. — С. 131—142.

Шапка-невидимка (Сæлф-ходæ, Гам-худ) осетинских народных сказаний // Юго-Осетинский педагогический инстиут. Ученые записки. Т. II. — Цхинвали, 1967. — С. 254—261.

Легендарное колесо нартских сказок // Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. Т. 27. Языкознание. — Орджоникидзе, 1968. — С. 142—180.

Некоторые вопросы осетинской филологии: Статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре. — Орджоникидзе: Ир, 1979.

Термин «Нарт»: К вопросу о происхождении нартского эпоса. — Владикавказ: Издательско- полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева (РИПП), 2008.

Б.А. Алборов
История осетинских письмен

1. Начало осетинской письменности

Как и у многих других народов, у осетин знаками письма в старину были резы (uygærdtæ) и узлы (ælxynchytæ). Эти резы еще и в настоящее время употребляются в горах у пастухов, а узлы употреблялись недавно еще старухами осетинками для счета времени, особенно, когда нужно было определить время снятия траура; ежемесячно, или еженедельно, завязывался один узел, и когда этих узлов накапливалось 52 — по числу недель, или двенадцать — по числу месяцев, то наступал год, и траур снимался. На две половины рассчепленной палочки, бирки, наносились одинаковые резы, — знаки числа баранов, овечек и прочих, и одна половина отдавалась хозяину скота, а другая оставалась у пастуха; по истечении определенного, условленного срока, пастух возвращал владельцу его скот, числом, согласно условным знакам оставленной у него палочки.

Однако наряду с таким примитивным способом письма и счета должно было быть у осетин письмо буквенное. Сохранилось у осетин предание, что когда-то осетины имели свое, чисто осетинское, письмо, или, вернее, осетинскую книгу, а может быть, просто книгу, в которой излагались события из истории осетинского народа. Книга эта, по преданию, хранилась в Нузальской церкви по Алагирскому ущелью, но ввиду того, якобы, что в ней излагались факты, оскорблявшие национальное самолюбие грузин, один священник, грузин по своему происхождению, не то Миколо Самарганов,[1] не то Русишвили, выкрал ее из Нузальской церкви, и она или уже окончательно потеряна для науки, или же, быть может, где-нибудь хранится и до сих пор в частных руках или в Госархиве.

Трудно согласиться с мнением, что этой книгой могла быть рукопись Алгузиани. взятая из той же Нузальской церкви. Трудно, потому что в предании говорится о книге (činyg), а не о рукописи (khuxfyst).

Трудно также сказать, какая графика была положена в основу этой книги. Но, судя по культурным влияниям последнего времени, книга или рукопись могла быть напечатана или написана при помощи грузинских букв церковного письма (хуцури) или же при помощи греческих букв. Грузины в отношении религиозно-политическом оказывали влияние на Осетию еще со времени царицы Тамары, с 12 века Царица Тамара настроила огромное количество церковенок как в Северной, так и в Южной Осетии. Надо полагать, что осетины еще с 12 века знали грузинскую грамоту, иначе бы мы не имели надписей на грузинском языке на колоколах, преподнесенных в дар осетинским церквам грузинскими владетелями.

Одной из таких древнейших надписей является надпись на колоколе Рекомской церкви в Алагирском ущелье. В Цее же до последнего времени (1897 год) хранилась грамота у некоего Каурбека Дзалаева о пожертвовании этого или другого колокола. Грамота эта относится одними ко времени 1027 года, другими — к 1663 году.

Другой древней надписью является надпись на стене той же Нузальской церкви об истории Оси-багатара с братьями 12—14 века, которую тот же Николай Самарганов[2] или Русишвили, по указанным выше соображениям, выскоблил топором; следы работы топора видны на стенах Нузальской церкви и теперь. Совершив такое варварство, он, а вслед за ним и другие священники из грузин, и по примеру их и светские грузины, до настоящего времени, когда хотели подразнить осетин, то говорили им: «Uæ činyg uyn sæh baxordta», — Вашу книгу, (письмо) коза съела», — что по-грузински звучало так: «tkveni chigni txam šečama». И, действительно, осетины, даже и теперь, когда заговаривают о начале у них письменности, как бы веря поговорке, говорят: «næ činyg nyn sæh baxordta».

Еще в начале появления русских на Кавказе, а по всей вероятности и раньше, среди южных осетин, находящихся под культурным влиянием грузин, было больше грамотных и умеющих говорить и по-русски, и по-грузински. Таковы Иван Ялгузидзе и др. Они же и Карадзау Мамиев являются посредниками между северными осетинами и русскими: первый, во время военных столкновений осетин с русскими, а второй в то же время, когда куртатинцы отправили посольство к «великому царю русскому», как об этом говорится в народной песне про куртатинцев (Kurttaty zarag).

Следует допустить также, что у северных осетин, подпавших под влияние кабардинцев и омусульманившихся, могла быть письменность арабская. По крайней мере, сравнительно еще недавно осетины-мусульмане ревностно зубрили Коран на арабском языке. Но применялись ли знаки арабского письма к передаче звуков родного языка или нет, неизвестно. На могильных камнях, так называемых cyrtdzævæn (иронское cyrt), однако, сохранились арабские надписи с упоминанием имени и фамилии покойника. И эти надписи ведут свое начало с самого появления на плоскости кабардинцев. Но возможно, что они относятся к эпохе ногайского владычества в предгорьях Северного Кавказа. Об одной из таких надписей, из района Владикавказа, мы имеем сведения у Клапрота в его «Путешествии на Кавказ».

Более древними следует признать надписи скифо-сарматской эпохи из района Причерноморья, собранные В. Латышевым и объясненные частью В.Ф. Миллером на основании данных осетинского языка. Надписи эти, произведенные в большинстве случаев при помощи греческих букв, свидетельствуют о сильнейшем культурном влиянии греков на берегах Черного моря. Их влияние заходило, очевидно, и дальше вглубь территории Северного Кавказа. Влиянию этому способствовали как торговые сношения греков с горцами Северного Кавказа, так и общность религии. Горцы Северного Кавказа были, до прихода кабардинцев в 14 веке на Северный Кавказ, христианами. Об этом свидетельствуют развалины церквей по Северному Кавказу. Об этом же говорят и надмогильные камни с крестами и т.п.

Осетины тоже находились в числе тех горцев, которые были втянуты в орбиту экономического и религиозного влияния греков. Об этом свидетельствует и надгробная каменная плита из района ущелья реки Зеленчук (приток реки Кубани) в теперешней Карачаевской автономной области; местность эта раньше заселена была осетинами, которые вытеснены были затем тюркскими племенами: ногайцами, карачаевцами и балкарами. Когда проникло христианство к осетинам на севере, неизвестно, но уже в 6 веке новой эры, во времена Юстиниана (в VI веке), по свидетельству Прокопия (De bello persico II, 29), аланы и их соседи были христиане и имели свою Аланскую епархию и митрополию. Богослужение совершалось, очевидно, на греческом языке. При таком положении вещей осетины не могли не знать греческого языка и письма, но, ввиду высокого культурного уровня осетин, следует допустить у них и письмо на родном языке; что это было так, об этом свидетельствует вышеупомянутая Зеленчукская надгробная плита, на которой имеется надпись греческими буквами на дигорском наречии осетинского языка. Мы приводим здесь снимок с этой надписи, представляющий из себя первый известный нам письменный памятник осетинского языка. Некоторые места памятника еще до сих пор не прочитаны вследствие неясностей в начертании букв. Поддающееся чтению В.Ф. Миллер восстанавливает так: I (eso)s X(risto)s. Oac (= syhdæg) Nikolaos; Saxiri furt. X...ra furt. Bakatar Bakatai furt. Anbal Anabalani furt. Lakante irte (или: Lakante cirte) ΟΘCA. Перевод: Иисус Христос. Святой? Николай. Сахира сын. Х.. ра сын. Бакатар Бакатая сын. Анбал Анабалана сын. Юношей? памятник (юноши иры?) ΟΘCA; последние буквы — это дата; по В. Миллеру, она предположительно обозначает 6200 от сотворения мира, то есть 692 год нашей эры. По палеографическим данным памятник можно отнести к XI—XII векам нашей эры.

Рисунок 1. Зеленчукский надгробный камень

2. Первая печатная осетинская книга, ее алфавит и графика

Пришли русские на Кавказ. Стали распространять среди осетин просвещение при помощи православия, чтобы через это православие лучше взять в руки осетин и других горцев.

Основы православного христианства, как мы видели, были у осетин издревле, но под влиянием различных условий, а главным образом, под влиянием магометанства, христианство среди них глохло. Кое-как поддерживали его грузинские миссионеры. Уже при Елизавете Петровне возникает необходимость послать к осетинам «для проповеди и крещения в православную веру, грузинских (миссионеров?), проживающих в Москве и знающих осетинский язык,

которые бы могли привести осетин «в святое крещение и в подданство Российской Империи.[3] Для миссионерских целей возникает в Кизляре «Осетинское подворье» в 1744 году. Около 1752 года «Осетинское подворье» переименовывается в «Осетинскую духовную комиссию»[4] с перенесением резиденции в город Моздок. Однако миссионерское дело большого успеха среди осетин не имело, и решено было 27 сентября 1764 года завести в Моздоке особую школу для преподавания новокрещенным осетинским детям закона христианского и русской грамоты. Но и обучение на русском языке не давало большого эффекта. Возникает мысль дать осетинам начатки христианского учения на их родном языке. Выполнение этой задачи пало на архиерея Моздокского и Мажарского Гая Бараташвили, главного члена Осетинской духовной комиссии. При активном участии священника-осетина Павла Генцаурова он составил первую осетинскую азбуку при помощи древнецерковнославянских букв кирилловского письма, перевел на осетинский язык известную книгу «Начальное учение человеком, хотящим учитися книг божественного писания» и отпечатал ее в Московской синодальной типографии в 1798 году на 56 листах в 16° л. с параллельным древнеславянским и русским текстом. Конечная цель издания книги была, чтобы ученики-осетины моздокской школы, учась по ней, никогда языка своего не забывали, и чтобы таких со временем посвящать в священники и посылать для проповеди[5].

Графика Гая. В обозначении звуков, идентичных с звуками русского языка, нет путаницы в начертаниях, за исключением тех, в обозначение которых внесли впоследствии путаницу И. Ялгузидзе и Шегрен, принимавшие осетино-европейские К, Р, Т за аспирированные, а осетино-кавказские с «крепким отрезом» без этой аспирации, то есть более близкими к европейским К, Р, Т.

Гласные. 1. Среднерядный гласный звук, обозначаемый со времени Шегрена через «æ», у Гая обозначается знаком обычного заднерядного гласного «а» там, где он слышится, по моим наблюдениям, и в дигорском диалекте ближе к заднерядному гласному, например: farsin — спрашиваю, вопрос (с. 8), ama, man (с. 8) — меня. Там же, где, по мнению автора, этот звук слышится ближе к переднерядному гласному «е» — знаком этого последнего звука, например: cibirej — краткий (с. 8), cejtыхej — почему (с. 8), uj tыхej (с. 8).

В последнем случае имеем, хотя и редко, обозначение «æ» при помощи знака для «е» долгого, а именно Ѣ, например: udzinѢ — будешь (с. 48), ninillegkandzenѢ (с. 53). Установить твердое правило, когда в текстах употребляется «е», «Ѣ», когда «а», нет возможности, так как твердой выдержанности нет в графике.

2. Переднерядный гласный «е» во всех положениях передается через є, причем нигде нет обозначения его йотированного произношения, даже в начале слова, где в современном осетинском языке мы имеем обычно йотацию, например: esihdag, равный современному jæ syhdæg — его святой; таким образом, на месте современного jæ мы имеем всегда «е».

3. Для обозначения переднерядного гласного слогового і всюду употреблен знак для «і» восьмеричного, а именно «и». Знак для «і» десятеричного употребляется редко. Буква «и» без особого диакритического знака наверху часто употребляется для обозначения неслогового «і», например: сеитыхеи — почему (стр. 8); «і» десятеричное встречается только в двух случаях, в словах Ieso — Иисус (с. 8), Ierusalimti (с. 54), но, по-видимому, здесь он обозначает, как и в русском, слоговой звук, хотя в живом произношении мог быть и неслоговым, и в словах: ziaroba (с. 15) kusgiti (с. 24), kaciafon (с. 45);. Sion (с. 53) и др.

4. За вышеуказанными исключениями, неслоговое і передается через знак слогового і, но только со знаком краткости над буквой, а именно «й», например: uи тыхей — потому (с. 8). Здесь в начальном слоге і неслоговое без диакритического знака, а в конечном слоге с диакритическим знаком. Другие примеры: cibireй (с. 8), сейтыхей (с. 8). В одном случае йотованный заднерядный гласный «а» = русскому «я», передан через знак юса малого: voѧgme — при продаже (с. 36).

5. Переднерядный «беглый» звук «у» передается обычно через знак переднерядного же «и», например: cibirej, farsin (с. 8). По всей вероятности, этим знаком автор хотел обозначить і краткое, близкое к дигорскому і краткому, который не ощущается теперь иронцами. Что это так, может быть видно из того, что наряду с этим знаком для обозначения «у» употребляется и «ы», более ярко выражающий характер осетинского беглого звука, например: cejtыхej (с. 8), dы — ты (с. 8). Об этом же свидетельствует, с одной стороны, и то, что такое слово, как «христианин», передающееся в осетинском обычно через «čyryston» с интересующими нас знаками «у», здесь передается через «xriston» (с. 8) с переднерядным чистым «і», с другой стороны и то, что в таком слове, как «xuycauy» (родительный падеж) здесь передается дифтонг uy

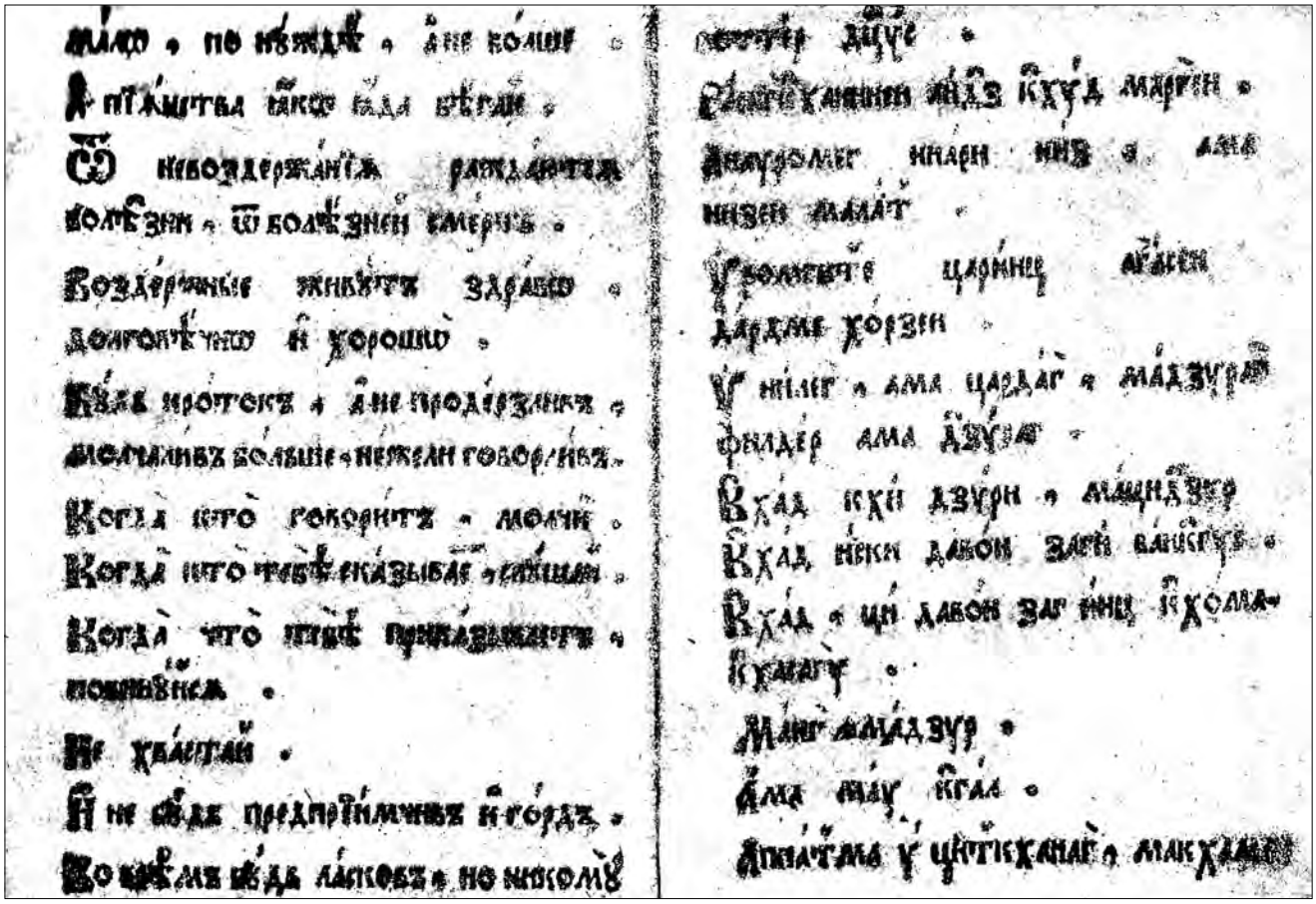

Рисунок 2. Первая печатная осетинская книга. Катехизис. 1798 год

через u, очевидно, тоже краткое, как и в дигорском диалекте, например: xucavutыхеи (с. 9). Но можно допустить и другое: передачу «у» через «i» объяснить особенностью произношения Гая, грузина по своему происхождению: известно, что священники из грузин, служившие в осетинских приходах, до последних дней их жизни не усваивали правильного осетинского произношения.

6. Непоследовательность в обозначении замечаем и в отношении лабиализованного заднерядного звука u. Надо полагать, что это происходит в силу той же причины, что и в отношении обозначения звука i, а именно: в силу ощущения автором долготы, краткости и неслогового характера этого звука.

Так, очевидно, мы имеем «u» краткое в следующих примерах, где и в настоящее время в дигорском этот краткий сохранился, а в иронском местами стал переходить в дифтонг uy, например: uj тыхej (с. 8), urnin (с. 8) caulde (с. 8), где над u стоит обратный знак краткости, xucav (с. 8).

Этот же краткий u, по-видимому, слышался в тех случаях, где в настоящее время слышится дифтонг uy, а именно, в большинстве случаев после задненебных и гортанных звуков, например: xucav (с. 8), kud (с. 9), axurkani (с. 8) qutagul (с. 8); последний пример особенно нагляден из краткого u в окончании ближайшего местного падежа (adessiv) получился с течением времени переднерядный звук «у».

7. Неслоговое u в начале, средине и конце слова обозначается через v в то время, когда слоговой u обозначается в начале и середине через y, а не «оу» и в конце через «у», а не 8, как в церковно-славянском, например: xucav, qavi (с. 9), iv — один (с. 9), varzon — любимый, любить (с. 10).

При этом следует заметить, что после неслогового u слышится ясно — заднерядный «а» только под ударением, как, например, в слове «uarzon», в остальных же случаях за неслоговым следует «о», например.: volarvi (с. 50), volgme (с. 36) и другие (с. 169).

8. Различные диакритические знаки над гласными, за исключением знака краткости и знака для ударения, не имеют существенного значения для обозначения характера гласного и употребляются по аналогии с церковнославянским письмом.

Согласные. 8. На лицевой странице 7 листа даются знаки тех звуков осетинского языка, которых, по мнению автора-издателя, нет в церковнославянском языке. Так, например, относительно звука Г замечено: «Над глаголом сим поставленная вариа, произносится, как латинское «g». Относительно звука Т̑ (зубной со знаком краткости наверху) замечено: «Над твердым сим поставленная краткая произносится, как греческая «th», то есть с аспирацией».

Наконец, дается общее замечание к следующим буквам, или скорее, сочетаниям букв:

К͡Х
К͡Г
Д͡З
Д͡Ц
Д͡Ч
Д͡Ж

«Сии двухлитерные знаки с каморою означают собственное произношение осетинского языка». Судя по начертанию первой буквы, она так же, как и вышеупомянутый Т, передает задненебный К с аспирацией. Очевидно, как это видно из текста, таково же понимание и природы губного Р.

И, таким образом, уже у первого переводчика и издателя осетинской книги мы видим толкование осетино-европейских t, k, ρ, как аспирированных, а осетино-кавказских t, k, ρ, с «крепким отрезом, как не аспирированных; такое же понимание позже имеем у И. Ялгузидзе и Шегрена.

Каморой показывается, что аффрикаты и аспираты произносятся в один прием, но она употребляется не всегда, например, в слове dzinadil (с. 8) каморы нет. Два раза вместо аффриката dz встречается z: zurai (с. 43), delzaxti (с. 20). Возможно, что z вместо dz является южноосетинской или нарской особенностью, а не опечаткой.

Dž, č совсем не встречаются, так как на их месте мы имеем k и g: ki (с. 48), lagi (с. 33) и только одно слово с dž: dženeti ruxs (с. 18), как у южных осетин.

9. Слабое придыхание ɧ в текстах не встречается. Что касается гортанного придыхательного длительного звука h, то он передается через знак задненебного звонкого г (g) без какого бы то ни было диакритического знака, и наоборот — задненебный взрывной передается тем же самым знаком, но с тупым (gravis) ударением над ним, хотя и не всегда, например, qutagul (с. 8); над г (g) здесь нет никакого знака.

Знаком gravis Гай обозначает звук, равный латинскому g взрывному (с. 7).

10. Глубокогортанный звук, обозначаемый со времен Шегрена через латинское Q, передается у Гая через двойной знак: задненебные — глухой К и звонкий Г с каморой над первым, иногда и над вторым. Так, в текстах мы имеем такие начертания: krutarul (с. 8), ma͡krudi в моей мысли (с. 9) ͡kravi (с. 9). Камора, однако, чаще стоит над К[6].

Для представления о характере начертаний букв. см. Рис. № 2. Первая печатная осетинская книга. Катехизис 1798 г.

3. Вторая печатная осетинская книга. Графика И. Ялгузидзе

И. Ялгузидзе, осетин из района Джавы в Южной Осетии, принадлежавший к грузинскому дворянскому сословию, является вторым пионером в области изобретения осетинской азбуки и составления осетинских книг. Он хорошо был знаком не только со своим родным языком, но и с грузинским и русским, на котором даже обслуживал русскую администрацию при вторжении русских войск в Южную Осетию, и был награжден ею золотой медалью. Однако в основу осетинского письма он положил не русскую, а грузинскую графику — мхедрули и хуцури. Уже в 1802 году во время военных столкновений южных осетин с русскими войсками он переводит судебные приговоры на осетинский язык при помощи указанного письма мхедрули (Акты I, с. 587)[7]. С 1819 года, по предложению экзарха Грузии Феофилакта он переводит и издает с параллельным грузинским текстом (с левой стороны печатается грузинский текст, с правой — осетинский перевод) при помощи хуцури следующие книги:

1. «Утренние молитвы, вечерние молитвы, катехизис, или краткий очерк христианского учения, краткий очерк этики и малый молитвенник». Все это в одной книге напечатано в Тифлисе в 1820 году на 169 с. (сокращенный «Молитвенник») (см. рис. № 3.)

2. «Служебник» на 95 с., напечатан в Москве в 1821 году.

3. «Последование св. крещения, обручения, венчания и погребения» напечатано на 125 с. в Москве в 1824 году в Синодальной типографии (сокращенный «Требник»).

4. «Осетинская азбука» (сокращенный «Букварь»), не перевод, а оригинал, напечатана не раньше 1821 года на 19 с.[8].

5. «Евангелие», оставшееся в рукописи и хранящееся в Кавказском отделе Азиатского музея СССР.

Уже Шегрен привлек к рассмотрению звукового состава осетинского языка книги и рукописное Евангелие И. Ялгузидзе, отзывается о нем весьма похвально, но некоторых звуков его не понял. Между прочим, по Шегрену, Ялгузидзе понадобилось для выражения звуков осетинского языка изобрести только три новых знака сравнительно с грузинским алфавитом. В действительности же Ялгузидзе в двух первых сочинениях («Молитвенник» 1820 года и «Служебник» 1921 г.) не ввел ни одного нового знака; *ф* и *г* были употребляемы уже и раньше у католикоса Антония в XVIII веке и в рукописи 1802 года. В текстах же: 1) «Последование крещения, венчания и погребения» 1824 года, 2) в «Осетинской азбуке» 1821 года и в рукописном «Евангелии» он ввел действительно новых два знака, Z, равный среднерядному æ, и J, равный современному j неслоговому[9] (см. рис. № 4). Ялгузидзе чувствует палатализацию G, K, Kh перед переднерядными e, i и y, но не обозначает ее особыми буквами. Звук *г* И. Ялгузидзе, с одной стороны, объясняет по-грузински, как произносящийся средне между и u i, но более глухо, но об этом же дальше по-русски говорит: «Выговаривается посредством *(sic)* букв u и «i», y (й), но гораздо тверже». («Букварь» 4, 1—4). Привлечением русского й (j) Ялгузидзе, полагает Ахведиани, думал подчеркнуть краткость звука *г*, не подозревая, что в грузинском имеется краткое i.

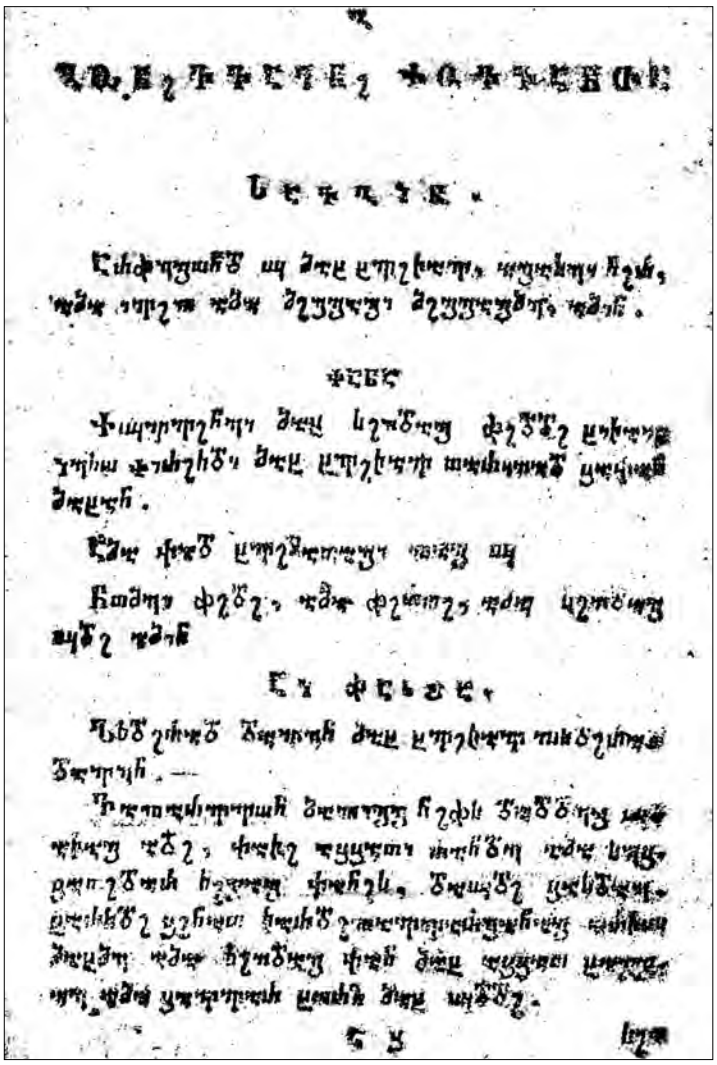

Рисунок 3. Вторая печатная осетинская книга. Молитвенник. 1820 год

j, по Ялгузидзе, произносится как русское краткое й (Алфавит, 4—11). Очевидно, Ялгузидзе *г* (= y) сближает с переднерядным гласным i, ставя его рядом с грузинским. 8. Сближение *г* и u могло произойти не только в силу понимания его Ялгузидзе «велярным», как полагает Ахведиани[10], а потому что *г* часто стоит на месте u идифтонгического сочетания uy: ср. kuydz, kydz.

Характер Z определяется Ялгузидзе правильно: «Он произносится посредством *а* и *е*. но много глуше» («Алфавит» 3, 8—13), — говорит он, где термином «посредством» очевидно указывает на то, что *z* является звуком средним между а и е.

Вместо æ среднерядного Ялгузидзе в первых двух работах пишет, как и Гай, то *а:* например: ama, bakan, lag, то *е*, особенно в окончаниях отложительного и дательного падежей, например: nomei, fiden, syhdag uden; myggagme, maxme, mideg, de daddeg, хотя параллельно встречаются и формы с *а:* manai, axsavai, furtai, davan, zarynan, davma, valarvma zarynte и zarynta[11].

Краткое u (дигорское), uy (иронское) передается через vy: kvyd, xvycau, xvyzdar, gvyrdži,

Это начертание для обозначения краткого (вернее, дифтонгического сочетания uy), для долгого же «и» он употребляет знак грузинского звука ŋ (u).

Иногда же соединением vy он передает и долгое u: vydžyne и, наоборот, краткое и иногда передается через ŋ: udaid (Ахвелиади, с. 345). Неизвестно, что передают сочетания zsd или zst, встречающиеся у Ялгузидзе. По современным данным языка нельзя установить, что ими он хотел обозначить; «в» между двумя гласными или плавным и гласным выражается через uu: ualaruuon.

Геминация выражается через два звонких gg, dd, bb. Часто встречающийся у Ялгузидзе согласный взрывной 4-го ряда — полузвонкий, полуглухой — передается через знак звонкого зубного d.

4. Звуки осетинского языка и их обозначение у Шегрена

Когда русские войска стали твердой ногой в Осетии, а русские и иностранные ученые начали чаще соприкасаться с осетинами, тогда-то стали появляться как собрания слов, так и грамматики осетинского языка. Так, еще в последней четверти 18 столетия Паллас в составленный им по поручению Екатерины II сравнительный словарь включает и слова осетинского языка. Небольшой список слов имеем мы от того времени и в сочинении путешественника Рейнегса. Около 800 осетинских слов сохранено нам в сочинении другого путешественника по Кавказу, Клапрота.

Клапрот, побывавший на Кавказе в начале 19 столетия, несколько раз посетил Осетию и выпустил в 1814 году на немецком языке первую «Краткую грамматику осетинского языка».

Во всех этих изданиях передача звуков осетинского языка при помощи латинских и готических букв весьма несовершенна.

Благодаря работам Клапрота русские и иностранные ученые больше заинтересовались осетинами и их языком.

Особый интерес проявил к осетинскому языку русский академик Шегрен, лечившийся на Кавказских минеральных водах: он прибыл на Кавказ в 1835 году и пробыл здесь с перерывами по 1838 год. Несмотря на болезнь глаза, Шегрен побывал в горах Дигории, Западной Осетии, в осетинской деревне на линии между городами Екатериноградом и Моздоком, населенной выходцами из Дигории (Шегрен, XII), жил во Владикавказе, где ему помогали в практическом изучении осетинского языка бывший переводчик с осетинского же языка прапорщик Петр Жукаев (иронец) и Владикавказский протоиерей, природный грузин Шио Двалишвили, знавший осетинский язык (Шегрен, XXXII).

Результатом поездок Шегрена по Осетии явилась его «Грамматика осетинского языка», изданная в 1844 году на русском[12] и немецком[13] языках «для служащих русских на Кавказе и для школьников-осетин», как заявляет автор в предисловии к русскому изданию своего труда (шегреновская грамматика, XIV — XV). Предварительно он ознакомился и с трудами Гая и Ялгузидзе.

Принимая во внимание будущую судьбу осетин и «предпочтительную склонность тех из них к русскому письму, которые знали то и другое» (грузинское и русское), он решился принять в основание осетинской азбуки русский алфавит («гражданку»), несмотря даже на то, как говорит Шегрен, что «грузинский несравненно способнее к выражению звуков, осетинскому языку свойственных» (шегреновская грамматика, XVI).

Из согласных звуков русского алфавита Шегрен признал существующими в осетинском языке и обозначил соответствующими буквами следующие: б, в, г, д, з, ж, к, л, м, н, п, р, с, т, ш, ф, х, ц, ч. (Шегрен, XXI) Всего 19.

Для звуков, не свойственных русскому языку, Шегрен одни буквы заимствовал из других языков, другие же составил сам; так, например, заимствованы j (= русское И), q — для выражения глубоко гортанного звука, ḫ для выражения придыхательного звука (= латинскому h); первые 2 буквы заимствованы из латинского алфавита, последняя из готического. «Заимствованная из готической азбуки буква «ḫ», — говорит Шегрен, — означает простой дыхательный звук, который всеми европейскими народами, принявшими латинские письмена, выражается латинской h.»

«Ɔ» встречается по большей части в одних только частицах, например, aḫ, æḫḫa, ajḫaj, ḫa! ḫej!

Для других звуков, несвойственных русскому языку, а именно, кавказских ch, čh, kh, ph, th и аффрикатов dz dž, Шегрен придумал следующие начертания Ц. Ч, П), К), Т), Дз, ДЖ (Шегрен, XXI)[14].

При изображении этих звуков означенными начертаниями Шегрен руководился следующими соображениями: а) он полагал, что русские К, П, Т звучат в осетинском языке с придыханием, а потому и буквы для них он составил из простых русских К, П, Т с присоединением придыхательного значка «)», взятого из готического Ɔ; получились, таким образом, у Шегрена буквы К), П), Т).

Звуки же на самом деле отличающиеся по своей природе от русских К, П, Т он обозначил знаками этих последних.

б) для аффрикатов с крепким отрезом в отличие от аффрикатов без этих отрезов, равных русским Ц, Ч, он дает начертание Ц, Ч, принимая во внимание их происхождение.

в) для обозначения шипящих аффрикатов dz, dž придумал сочетания Дз, ДЖ, имея в виду также происхождение этих звуков.

Шегрен различал в осетинском языке и смягченные согласные звуки и обозначал эту мягкость сначала через j (например, ГЈ вместо ГЬ), но нашел это впоследствии неудобным и стал ставить знак мягкости (ˈ), только в обратном виде (ˋ) над согласными г, д, к, н, т ; получились, таким образом смягченные г̀, д̀, к̀, н̀, т̀; (Шегрен, XXI). Для носового n дигорского Шегрен взял н русское и носовой характер его обозначил знаком (,взятым из польского алфавита, и получился у него знак ȵ(Н носовое).

Шегрен о буквах, им придуманных, выражается следующим образом: «Смотря на органическое или аналогическое их сходство между собою, они так устроены, что и в отношении значения удобоузнаваемы уже по самой наружной форме, и вместе своею соразмерностью для вида не противны» (Шегрен, XX). Последующие издатели осетинских текстов, несмотря на такую аргументацию Шегрена не вполне согласились с ним в понимании им природы некоторых осетинских звуков и их начертаний.

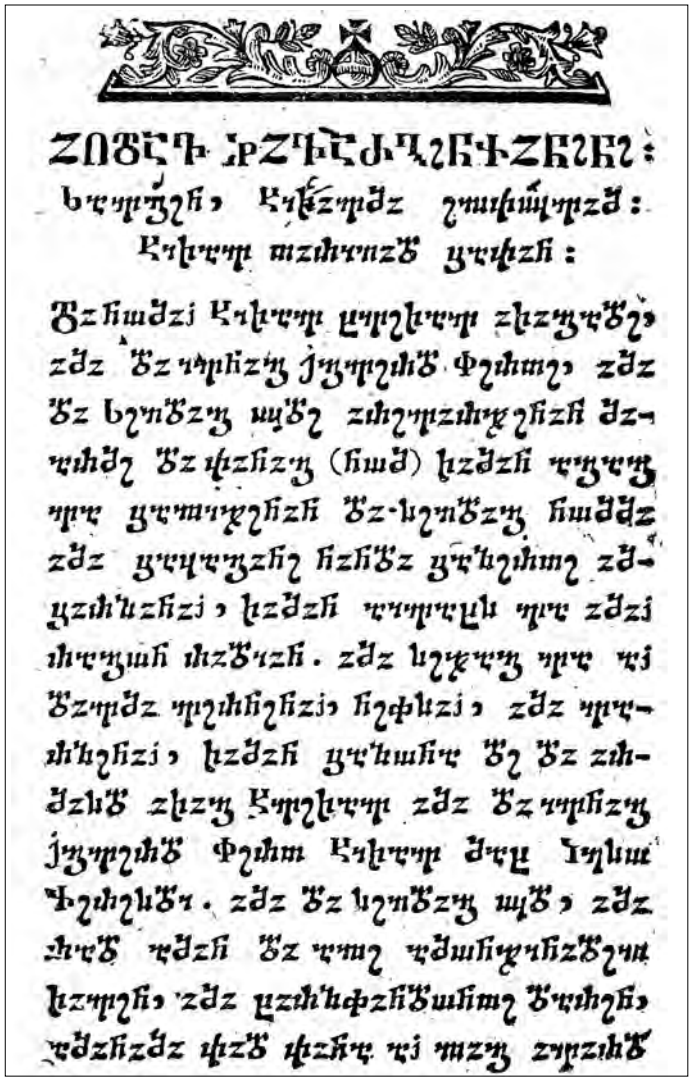

Рисунок 4. Требник. 1824 год

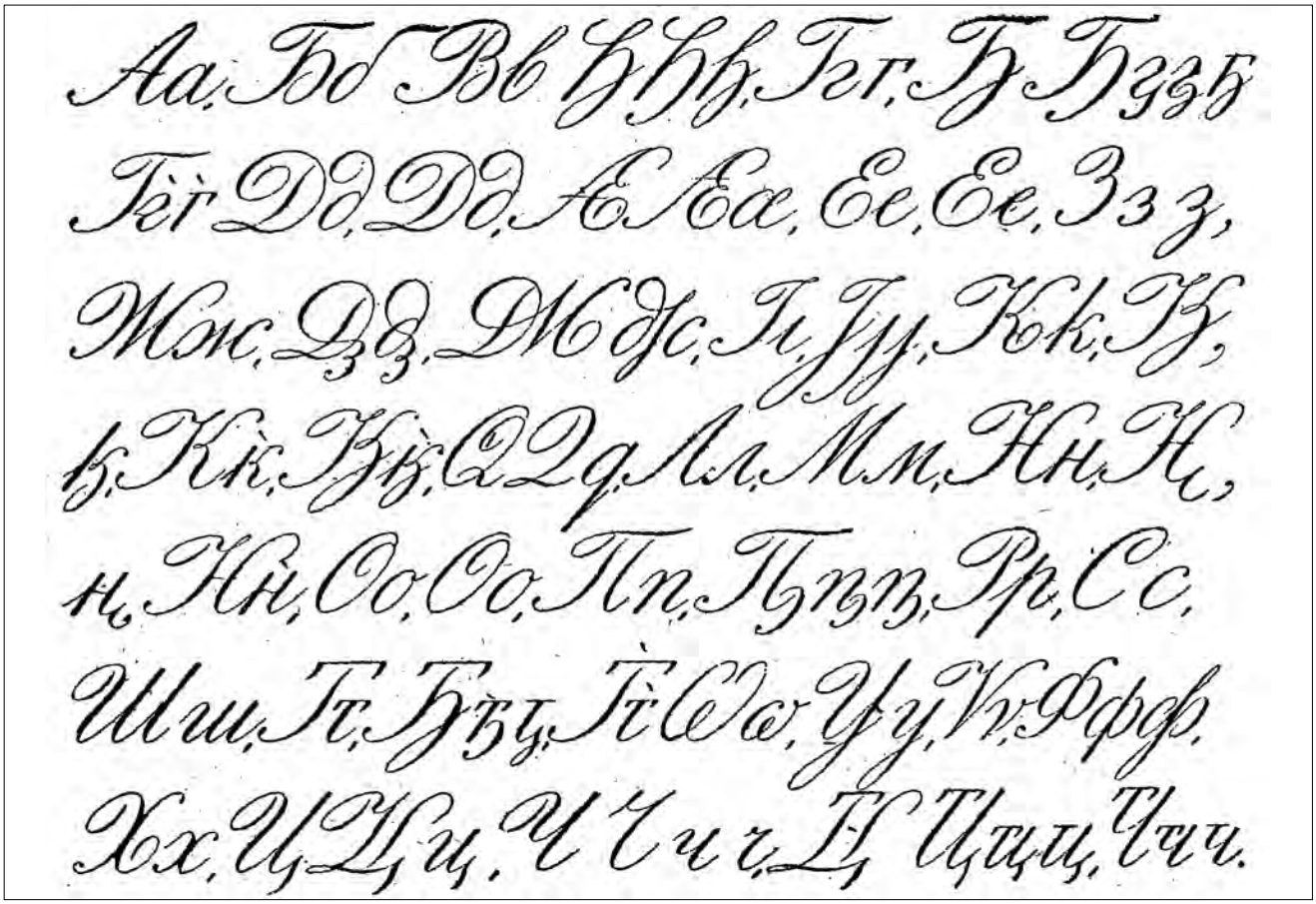
При установлении состава гласных осетинского алфавита Шегрен находит, что из знаков русских гласных, нужно выбрать только те из них для обозначения осетинских звуков, которые точностью и постоянною простотою совершенно способны для надлежащих звуков (Шегрен, XXV), остальные же выключил из осетинской азбуки и заменил другими новоизобретенными и заимствованными из других азбук, более точных, по мнению Шегрена, в передаче осетинских звуков. Исходя из положения, что «каждый звук должен иметь известный определенный и постоянный знак[15] и что «буква должна быть простой знак простого, иначе главного звука» (Шегрен, XXII). Шегрен исключает для осетинского алфавита дифтонги Я, Ѣ, Ю, удерживает из двух гласных Э и Е только Е, «утвердив ее в настоящей ее должности, то есть в коренной ее силе как чистую гласную, соответствующую той же букве европейских алфавитов» (без j).[16]

Для выражения же дифтонгов Я, Ѣ, Ю, он вводит начертания ja, je, ju, где j заменяет й русское.

Взамен двух И и І русских Шегрен употребляет только І во всех положениях, «простейшую и для письма удобнейшую», как выражается Шегрен (Шегрен, XXVI).

Таким образом, из гласных букв русского алфавита остались в осетинской азбуке только: a, i, o, y, e.

Стремясь к обозначению всевозможных оттенков произношения гласных, Шегрен ввел несколько гласных букв, не встречаемых в букварях Услара, например Ö — из шведского алфавита, для обозначения О открытого, ω — из греческого алфавита, для обозначения звука «глубокого и среднего» между О и У, французское é («сжатый»), — для выражения «глубокого закрытого» звука (шегреновское «е» произносится открыто), Æ, имеющее, по Шегрену, самое открытое произношение (вроде французского ä), наконец, для звука, соответствующего, по Шегрену, греческому υ (латинскому У, немецкому ü «французскому U») — знак V (ижица) церковно-славянского письма. Звук, обозначенный Шегреном через V, казался ему то беглым «Е», то «І», то русским «Ы», то звуком средним между У и И.

Осетинская азбука для письма (приложение к первой части грамматики Шегрена)

Взамен русских Ӣ, Ь Шегрен вводит одну букву j «полугласную, простую и удобную», по мнению Шегрена, общую европейским языкам, сродную гласной «I» (Шегрен, XXVI) и в том же значении введенную еще И. Ялгузидзе.

Таким образом, природа звуков осетинского языка и их обозначение у Шегрена следующее:[17]

1. а, б, в, г, д, з, ж, і, к, л, м, н, о, п, р, с, ш, т, у, ф, х, ц, ч означают те же самые звуки, что и в русском алфавите.
2. Л — осетинское тверже русского Л.
3. h — «простой дыхательный звук»= греческому ʽ (spiritus asper), лат. h.
4. Г — твердое, как латинское или немецкое «g»: губить, губын.
5. Г) — «с придуванием»: дæг)æл, г)іранка в последнем слове Г мягкое, Г. На с. 17 сказано, что «К относится к К), как Г к Г)». Взгляд этот неправилен: К) не есть придыхательный звук, подобно Г).
6. Д — мягкое (у иронцев): д̇іранка; д>дж.
7. Æ — самое открытое.
8. é — закрытое.
9. і — открытое.
10. Дз, Дж — аффрикаты из Д+з, Д+ж.
11. J — произносится, как И в сочетании Йе.
12. К) — «к» с придыханием — Кh: к)урд-кузнец, обрученная дева, прошенная. («К с присоединенным к ней дыханием» — с. 17).
13. Ќ — дигорское перед гласными Е, І: ќемá.
14. К) — К)рісді.
15. Q — Глубоко-гортанное.
16. Н(— носовое — ун(æг.
17. Н́ — редко, напр., в дигор. — нуàзун., ср. русск. небо, грань.
18. Ö — открытое, например, в дигорском бöл на (частица); в русском заимствовано слово берёза.

19. П) — «с придуванием», как Пh: П)ехумпар, т)оп).
20. Ж, — Ш у дигорцев.
21. Т) — «с придуванием», как Тh: Т)уг.
22. Ť — мягкое (перед переднерядными).
23. ω — [18] «глубокий и средний между О и У» ωat$_s$ — постеля, бωар, — тело, нωар, — жила, (шегреновская грамматика, с. 26).
24. V — «беглейший и темнейший» средний между У и И; напоминает Шегрену русские Ъ, Ы. «Связательная гласная»: удvстам. (Грамматика, с. 27).
25. Ц, — «усиленная» Ц, из выговариваемых вместе Т и Ц.
26. Ч, — «усиленная» Ч из Т или Д вместе с Ч.
27. «в» краткое из У или из ω краткого при быстром произношении: ωарзон, дигорское варзон (в>у); полугласная (с 41).
28. J кр. из І заменяет «і» перед и после гласных (с. 41). По Шегрену, «ни в одном наречии не встречаются все эти звуки». Дигорский язык, например, не имеет д́, ќ ť, ѵ́, имеет, следовательно, по Шегрену, 43 буквы. *Рукописные буквы* см. рис. № 5.

5. Графики Розена и Услара

Одновременно с Шегреном над изучением южно-осетинских говоров в городе Гори занимался барон Розен.

«Так как народ осетинский не поднялся на такую ступень культуры, — пишет он, — чтобы создать себе литературу или хотя бы письмена, то приходится искать для выражения звуков языка алфавита другого народа, живущего в таких же условиях. Выбор здесь нетруден, так как следующие 34 буквы грузинского алфавита вполне согласуются с осетинским языком» (Rosen G. Uber die Ossetische Sprache. Abhandl, der Königlichen Akademie der Wissenschaften Berl. 1847 год, с 363).

Алфавит Розена:

a, b, g, d, é, w (английское), z мягкое, s, tʿ, i, ķ, l, m, n, o, ρ, s’ (j французское), t, r, s твердое ţ, u, ρʿ, kʿ, gh, q, sʿ (sch), cʿ, tz, dz, ts, dsʿ, ch тверд. g (dj французское), h, f.

Алфавит Розена приводится здесь в передаче латинскими буквами. Соответственные им грузинские знаки см. рис. № 6.

К характеру звуков он делает следующие замечания:

1) «А» часто уклоняется немного к «е», особенно в окончаниях, но не так, чтобы туземец мог его смешать с франц. é закрытым (fermé) (с. 364); это в тех случаях, когда налицо имеем среднерядный æ, но особого знака для него нет.

2) і часто очень глухое, как у;

3) з есть английское W, отличное по произношению от u.

4) z наше жужжащее З.

5) tʿ, ρʿ, кʿ, по Розену, аспираты, соответственные греч. Th, Ф, Х, равные санскритским аспиратам. Однако, по Розену, сопровождающее их придыхание незначительно.

6) ķ, ρ и ţ чрезвычайно тверды и настолько лишены придыхания, что при осторожном произношении можно слушать следующую за ним гласную совсем отдельной.

7) q вполне гутуральное «К».

8) gh — придыхательный, равный современному h.

9) Шипящие — мягкие, сопровождающиеся твердым звуком Т, или твердые, сопровождающиеся мягким звуком Т, например: tz, ts; dsʿ = dc, sch (отличное от ģ), dz и ģ часто смешиваются (с. 364).

Эта графика Розена на латинской основе является первой, более или менее продуманной. Что же касается графики Рейнеггса, примененной к передаче нескольких осетинских слов, и Клапрота, давшего первую «Осетинскую краткую грамматику» по поручению нашей Академии Наук («Путешествие на Кавказ и Грузию» еще 1808 г.), то графики их, как уже было сказано, мало совершенны.

В 60-х годах в Тифлисе поднимается вопрос о распространении грамотности среди горцев Кавказа и о составлении для этой цели для горцев азбук на их родных языках. Неутомимый исследователь кавказско-горских языков Петр Карлович Услар пишет статью «О составлении азбук кавказских языков» (в Записках Кавказкого отдела Императорского русского географического общества 1861 года); принимая во внимание, что почти все кавказско-горские языки

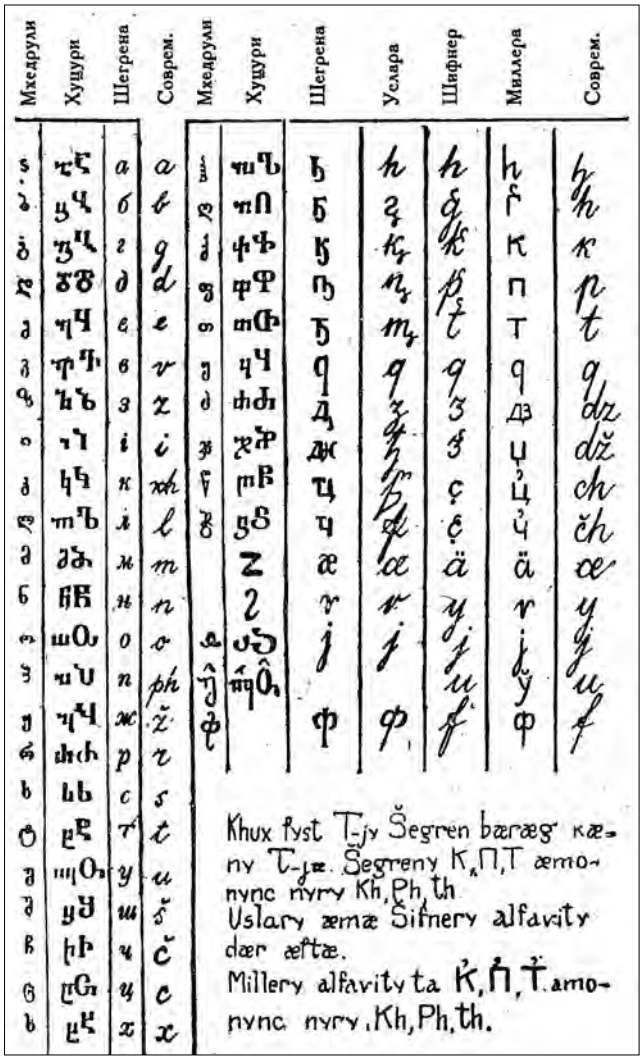

Рисунок 6. Осетинские знаки письма с начала появления осетинской печати до наших дней

в звуковом составе похожи в основном на звуковой состав грузинского языка, он и для этих языков в отношении звукового состава принимает алфавит грузинского языка, в котором «каждый звук выражается особенным знаком, и каждый знак постоянно выражает один и тот же звук». К этому он приходит с помощью таких рассуждений. На вопрос, какую азбуку удобнее принять для всех существующих на Кавказе языков, Услар отвечает: «Самая удобная азбука будет та, которая заключает в себе если не все, то, по крайней мере, наибольшую часть звуков, однородных с встречающимися в кавказских языках». (Услар «О составлении азбук кавказских языков», с. 47). «Ни латинский, ни немецкий алфавиты, — говорит он далее, — для него неудобны, потому что в них нет особых постоянных знаков для З, Ж, Ш, Ц. Ч, отсюда видно первенство над ними русского алфавита»; он чувствует и недостатки последнего: в нем нет «знаков для выражения придыхаемых, зубных и гортанных согласных, свойственных кавказским языкам». «В последнем отношении удобнее армянский алфавит, — говорит он, — но однообразие начертаний этого алфавита утомительно для зрения» в то время, когда грузинский алфавит «едва ли... не есть совершенный из всех существующих алфавитов, в котором каждый звук выражается особым знаком, и каждый знак постоянно выражает один и тот же звук».

Однако, как и Шегрен, «имея в виду пользу общности алфавитов», П.К. Услар вместо грузинских букв применяет преимущественно русские начертания букв, как у Шегрена, «Азбуки» составлены на основе русского алфавита, чтобы облегчить для горцев усвоение русской грамотности. (Завадский М.Р. Об издании трудов П.К. Услара. Введение к работе П.К. Услара «Этнография Кавказа. Абхазский язык» 1887 год, с. 12).

Система звуков грузинских и прочих горских языков почти одна и та же, поэтому «грузинский алфавит для них совершенно удобен, при помощи нескольких дополнений». «Если мы позаимствуем у грузин не только систему азбуки, но и начертание букв, то совершенно произвольно создадим затруднения, так как грузинский алфавит употребляется только у грузин» (с. 50). Добавления необходимы, потому что чрезмерное употребление значков (точек или черточек над буквой), равно как и совокупление двух букв для выражения одного звука, составляет явное несовершенство» (Услар «О составлении азбук», с. 49).

В этот алфавит вошли: 1) 24 русские буквы шегреновской азбуки; 2) введены буквы j, q, h (латинское, а не готическое) и 3) буквы, придуманные Шегреном для выражения Г, К, П, Т с придыханием (Sic!).

Придыхание у Услара обозначается через h.

В своей реформе шегреновской азбуки Услар исходил из следующей установки: «Обозначение всех тонкостей произношения, конечно, важно для филолога, но для народного употребления подобные азбуки становятся невозможными, что случилось с осетинской азбукой Шегрена, несмотря на великие достоинства ее. В английском языке гласные a, e, i, o, и — представляют 15 весьма ощутительных различных звуков; следует ли ввести для них 15 различных знаков?» — спрашивает он («Записка о составлении азбук кавказских языков», с. 41, 42) и отвечает, что для практических целей в этом нет надобности. Поэтому он значительно упрощает систему гласных звуков шегреновской азбуки и из всех знаков оставляет только 5: a, e, i, o, y. Нет у него и согласных смягченных и сложенных знаков (дж, Ч, Ц, дз), так как, по мнению П.К. Услара, «чрез-

мерное употребление значков, равно как и совокупление двух букв для выражения одного звука составляет явное несовершенство алфавита (Записка о составлении кавказской азбуки, с. 44).

Сложные шегреновские начертания дж, Ч он заменяет простыми (см. рис. 6); буква «в» в осетинском должна означать звук, близкий к английскому w, то есть, как бы «уо». Среднерядный гласный æ у Услара не обозначен. Для и слогового и неслогового дает одно у; ф, которого нет в грузинском, в осетинский алфавит введен; всего 32 буквы. У Услара взамен больших, малых и скорописных букв, в целях облегчения грамотности для туземцев, имеются только малые скорописные буквы.

Употребляются диакритические значки в минимальном количестве: точек у него нет совсем, кроме i, j.

Таким образом, достоинствами графики у Услара являются:

1. Упрощение состава звуков сравнительно с алфавитом Шегрена.
2. Устранение сложных начертаний букв; замена их Ɜ грузинскими видоизменными буквами.
3. Письменные знаки.
4. Избегает чрезмерного употребления диакритических знаков.
5. Отдает предпочтение таким буквенным значкам, которые соединены непосредственно с данными буквами, будучи как бы составной частью их. Иногда даже изменяет часть начертания буквы, лишь бы только в азбуке было поменьше буквенных значков.
6. Дает только скорописные буквы и выбрасывает заглавные.

6. Влияние труда Шегрена на последующие печатные издания

(Буквари епископа Иосифа Канукова, 1-е издание, богослужебные книги и др.)

В 1862 году архимандрит Иосиф составил «Осетинский букварь»[19] с русским параллельным текстом. В его алфавите те же самые знаки, что и у Услара; начертание и понимание природы ӈ такое же, как у Услара, начертание и понимание природы остальных звуков его алфавита, очевидно, такое, как у Шегрена;[20] только ω заменяется у и ⅴ — Ⅴ (ижица).

Таким образом, понимание природы звуков осетинского языка и их начертание у архимандрита Иосифа следующее:[21]

1. Æ — произносится как древнелатинское æ (терминология здесь и далее Иосифа) или как русское Э/Аз/год /æз,/я/.
2. Г — выговаривается твердо: галл, гарз.
3. Г) — произносится мягко: Сvг)дæræj, ср. Господь.
4. ДӀК — выговаривается как Д и Ж: дже, Джvбп (Льяло).
5. Дз — выговаривается как Д и З: дзе: Дзvп.
6. j — выговаривается как русское И: jў, jўўл.
7. К[22] — выговаривается твердо: ках, кух (5).
8. К) — выговаривается мягко: КГЂ: к)ад, к)ўдз.
9. Q — глубоко-гортанное, выговаривается, как «кк»: qælæc (6).
10. П — выговаривается твердо: па — поцелуй (5).
11. П) — мягко: пхе: пvл — слон.
12. Т — выговаривается твердо (Ρаст, стvр) Неправильные примеры, с. 5).
13. Т) — выговаривается мягко: Т)хе, Т)ерк), Т)уг (5).
14. Ӯ — долгое (открытое) Ӯ: ӯд — дух, душа, ӯс — жена, ӯрс — белый.
15. Ў — короткое (глухое), почти, как В: Хўцаў (6), Ўрс — жеребец (5).
16. Ц͡[23] — выговаривается как тца: Ц͡арм, Ц͡æст (5).
17. Ц͡ — выговаривается как тце: Ц͡иу, Ц͡vф (5).
18. Ч[24] — выговаривается как тча: чі?ʔ чідар.
19. Ч — выговаривается как тче.
20. Ⅴ — почти так же, как ы: Ц͡Ⅴ (что) (5).
21. Ӈ — не ясно отличается от Г): hа, ӈaj-ӈaj (5).[25]

(Примеры на ӈ, хотя и правильные, даются в том месте, где нужно было дать примеры на Г)).

Нет рукописных букв. Такое же понимание природы звуков осетинского языка и начертание наблюдаем как в собственном труде епископа Иосифа, русско-осетинском словаре с

краткой грамматикой (Владикавказ, 1884 год), так и в других изданиях времен букваря Иосифа и последующего времени, главным образом, в изданиях священно-богослужебных книг (ср. перевод из «Требника» Колиева А. Тифлис, 1862 год, «Служба в 1-й день св. Пасхи на осетинском языке», Тифлис, 1867 год, «Молебные пения на осетинском языке», Тифлис, 1869 год, «Божественная литургия преждеосвященных даров», Тифлис, 1869 год, «Требник 1870 год», Тифлис. Общество восстановления христианства на Кавказе и др. вплоть до последнего издания Евангелия на осетинском языке и журнале «Чырстон Цард»).

Состав звуков и начертание их в букваре Иосифа был усвоен издателями и авторами книг несвященно-богослужебного характера. Так, такое же понимание звуков осетинского языка и начертание их мы наблюдаем в 1-м издании букваря А. Канукова, в изд. Б. Гуржибекова, и «jў», к)ордн vхæстæ халерæj qaqqænvnv tvххæj» и др., переводы М. Коцоева 1905 года и др.; такое же понимание, но с иным начертанием в газете «Ног Цард» и журнале «Авсiр» и некоторых др. То же начертание, но иное понимание только К), П), Т) в следующих изданиях «Æвхæрдtv Хæсанæ» — 1-е издание, «Iрон Фæндыр» — 1-е издание, «Гæлæбу», «Фарн» — 1-е издание, «Iрон Æмбiсондта» 1897 года, «Iрон arhæutæ» и др. до 1907 года.

Достойна внимания попытка епископа Иосифа применить целиком русский алфавит для обозначения всех звуков осетинского языка, зафиксированных в его букваре. Исходя из тех сближений звуков осетинского языка с русскими, которые он делает в своем букваре, епископ Иосиф издает в 1878 году во Владикавказе сборник собственных произведений под названием «Хуцауы бонтыл катiхiзаг таурэхтэ, iрон эвзагул».

Алфавит епископа Иосифа 1878 года

1. Э (Æ)
2. г (=h), Г рукописное, но ниже остальных букв (короче высоты строки).
3. ДЖ
4. Дз
5. Й (=j)
6. I
7. К русское
8. К
9. КК = q
10. П —русское
11. П
12. Т русское
13. Т
14. У только одно
15. Ц русское
16. Ц
17. Ч русское
18. Ч
19. Ы — V

7. Алфавит Шифнера 1868 года

Мы видели, что многие буквы Шегрена были частью выброшены совсем из осетинского алфавита, частью заменены новыми. Это явление наблюдается еще вскоре по выходе в свет грамматики Шегрена. Так, например, уже в печатавшемся в 1848 году под наблюдением самого Шегрена Псалтыре: «Стvдij т́iнег кæнæ Псалтiр» (Книга хвалений, или Псалтырь на осетинском языке. СПБ, 1848 год) вводятся новые знаки: Т' для Ч, но сохраняются старые — æ, vj для у; н(, ā передает аа (стр. 2), ī; из ij; у неслог. передается через ω; д’ обозначает д.

Процесс замены старых букв новыми (очевидно, и осмысливание природы звуков) не останавливался, и помимо начертаний, указанных выше, встречаемся еще с начертаниями: Д’ — ДЖ (Литургия И. Златоуста 1861 года)

Ц для того же звука (1867 год), а в изданных академиком Шифнером в 1868 году осетинских текстах встречаемся со следующими буквами:

1. Ӑ долгое под ударением
2. Ӓ, ӓ
3. Г)
4. д´:дімад´vj
5. Дз (з subscriptum)
6. Ӗ — дигорское ё
7. К русское К
8. К нерусское К
9. Q
10. П) — русское П
11. П не русское П
12. Т) русское Т
13. Т не русское Т
14. Ӯ = д. О
15. Ӱ или в
16. Ҷ русское Ҷ
17. Ҷ не русское Ҷ
18. Ҵ русское Ҵ — ҵідæр и Т´
19.Vj — долгое V (V̄)
20. Ō — под ударением Зо̄ну

Число знаков в этих записях увеличено. Но мы уже видели, что еще до издания текстов Шифнера число их, сравнительно с числом знаков Шегрена, значительно меньше.

Еще раньше Шифнер попытался составить общегорскую графику на латинской основе. Основные начертания его алфавита сравнительно с усларовскими начертаниями следующие:

Услар	Шифнер	Услар	Шифнер
1. a, e, i, o	a, e, i, o	15. в	w
2. и (v)	u (y)	16. з	z
3. j. h, q ,k, x	j, h, q, k, x	17. ч	c^c
4. г	g	18. ш	s^c
5. ц	c	19. ж	z^c
6. с	s	20. г)	g^c
7. m	t	21. к)	k^c
8. д	d	22. п)	$ρ^c$
9. н	n	23. т)	t^c
10. б	b	24. З	См. рис. № 6
11. (ф)	(f)	25. $З^c$	
12. м	m	26. ç	
13. р	r	27. c^c	
14. л	l	28. —	

Эту графику он пытается провести, хотя и неполностью, в своих немецких изданиях осетинских текстов народной словесности. Так, например, в работе «Zwei osssetische Thiermärchen»[26] мы имеем следующие обозначения звуков осетинского языка: «y» через ü, æ через ä, «a» под ударением через â, dž через d', ¸«u» краткое не различается, «i» нeслоговое обозначается знаком слогового, u̯ — обозначает нeслоговое u и дифтонгическое сочетание uy, ρ‘, t‘, k‘ обозначают ρ, t, k с придыханием, а не кавказско-осетинские с крепким отрезом, которые обозначаются теми же знаками без диакритических знаков, g^c обозначает h. З) обозначает аффрикат dz, ç передает ch, ĉ — c^c и т.д.

Таким образом, алфавит Шифнера представляет, в сравнении с азбукой Услара, меньшее количество основных начертаний, однако он гораздо чаще прибегает к надбуквенным значкам и даже точкам, расставленным по одной под буквами и по две над буквами: прием этот был неизбежен, так как сравнительно небольшим числом знаков латинского алфавита никак нельзя было обозначить всех звуков горских языков без диакритических знаков. Шифнер допустил в латинский горский алфавит только три начертания, совершенно чуждых латинской графике. Это усларовские З), З)^{c} и ђ. Но все эти неудобства кажутся малоощутимы, так как графика его предназначалась для научных целей, а в научных алфавитах встречается гораздо больше знаков.

Несмотря на целевую установку графики Шифнера, как она, так и графика Услара, которой, кстати сказать, не была напечатана ни одна осетинская книга, оказали влияние на последующие осетинские печатные издания в смысле сокращения числа знаков осетинского языка при применении не в научных, а в прикладно-практических целях. К таким изданиям, например, где мы видим значительное сокращение знаков шегреновского алфавита, относятся:

1. «Svhdæg Evangelie», «Св. Евангелие на осетинском языке», переведенное коллежским асессором гражданином Мжедловым, Тифлис, 1861 год.
2. «Svhdæg Evangelie», «Св. Евангелие», Тифлис, 1864 год.
3. «Svhdæg syzhærin dzyxdžvn Ioanei Liturgia», «Литургия Иоанна Златоустого на осетинском языке», Тифлис, 1861 год.
4. «Rajsomygon arhauny æhdau», «Последование утренни на осетинском языке», Тифлис, 1861 год.
5. «Последования св. крещения и миропомазания на осетинском языке», переведенное Колиевым, Тифлис, 1862 год.
6. «Соборные послания святых апостолов Иакова, Петра, Ионна Богослова и Иуды на осетинском языке», перевод учителя Тифлисской духовной семинарии В. Цораева, Тифлис, 1862 год и т.д.

8. Звуки осетинского языка и способ их обозначения у профессора В.Ф. Миллера

Подобно Шегрену, и В. Миллер в собранных и изданных им осетинских текстах применил русскую азбуку к выражению осетинских звуков.

При этом он руководился соображениями научными и практическими (Этюды в. II, с. 2).

Способ обозначения им осетинских звуков, по его собственному признанию, не может быть вполне научным. Но за ним некоторые преимущества практического характера: 1) азбука, составленная из русской, уже существует у осетин около 4-х столетий, 2) этой азбукой напечатан ряд осетинских книг (духовных и учебных), 3) в типографском отношении она представляет большие удобства. (Этюды в. II, с. 3).

Поправки Миллера к системе Шегрена: 1) правильно понимает природу kh, ph, th; по его мнению, последние свойственны исключительно некоторым кавказским языкам. В. Миллер отвергает их придыхательность: они только с более сухим, энергичным и крепким отрезом, чем обыкновенные К, П, Т, которые тоже лишены придыхательности;

2) отвергает шегреновское открытое Е; на его месте он находит Ä и признает в осетинском языке только Е закрытое (Шегрен не отличает осетинское О от русского, Миллер же находит осетинское О более закрытым, чем русское О), 3) Ö — Шегрена отвергается; 4) по Шегрену, мы видели, Е, О, ω всегда краткие, Е́ всегда долгое, — А, ä, i, у, v — могут быть и долгие и краткие; по Миллеру же, все гласные, за исключением I и У = дигорские О, Е — краткие. Примеры: Хӯр — солнце; хур — щебень; хӯд — шапка: хӯд — смейся; хӯд — шитье; 5) Х не совпадает с русским Х, например, в словах: хохот, хата; 6) Шегрен находил Ж и Ш у всех дигорцев, Миллер же только у новоосетинцев, черноярцев, туальцев и у некоторых горных дигорцев. В Стур-Дигоре и Христианском селе он находил звуки, средние между З и Ж (З̌), Ш и С̌ (С̣); 7) Миллер констатирует наличие мягких согласных, но не обозначает их особыми знаками в тексте; знаки эти: Ц̑, Дз̑, ц̑, Ч̑, ч̑, Ц̑́ (дж); он признает в осетинском языке глухие звуки, исчезающие при быстром произношении, например: царм, цар — пример сомнителен (цума, цма). У Шегрена же V связательная: удустам; 8) для дигорского диалекта признает носовые, но не обозначает их особыми буквами.

Рассмотрим в отдельности природу каждого звука и его начертание у В. Миллера, но только тех из них, которые, по его мнению, отличаются от звуков русского алфавита.

1. Ӓ, ӓ — звук средний между «а» и «е», но ближе к А.
2. Г̒ — спирант — глубоко гортанный, неравный латинскому h и русскому Г в словах Бог, Господь.
3. Ӂ, Ӌ (g͡) переднебный аффрикат, разделяющ. физиолог, на Д+Ж.
4. Дз — небно-зубной аффрикат, разделяющий физиологически на Д+З.
5. Ј — спирант, а не полугласный, параллельный Ў; І неслог. І — Јесо, Јеў.
6. І, і — закрытое І (фр. fini).
7. К — равный русскому К.
8. к̒ — без придыхания и не равно грузинскому придыхательному к̒, как у Шегрена.
9. Q — крайний задненебный (соответствующий дигорскому г̒).
10. П — губной мгновенный, равный русскому П.
11. п̒ — губной мгновенный с крепким отрезом, отличается от русского П.
12. Т — небно-зубной мгновенный, равный русскому Т.
13. т̒ — небно-зубной с крепким отрезом, не равный русскому Т.
14. У — равное русскому У.
15. Ў — неслоговое, звук средний между О и У.
16. Ц — небно-зубной аффрикат, физиолог. = Т+С.
17. ц̒ — небно-зубной аффрикат с крепким отрезом.
18. Ч — передне-небный аффрикат, физиолог. = Т+ Ш.
19. Ч̒ — передне-небный аффрикат с крепким отрезом.
20. V — средний между У и І (Муд, бiндæ).
21. h — глухой чисто гортанный спирант.

Такое же определение звуков осетинского языка дает В. Миллер и в переработанной грамматической части этюдов, изданной в 1903 году на немецком языке в Страсбурге[27] Здесь он применяет к передаче звуков осетинского языка латинскую азбуку с разными диакритическими знаками, как у Штакельберга[28] и Гюбшманна[29].

9. Влияние труда В.Ф. Миллера на последующие печатные издания

Миллеровская графика выдержана целиком[30] в издании издательского общества «Ір» и Г. Баева[31] — Фарн 2-ое изд., 1907 год , «Проф. Миллер», «Авхартv Хæсанæ», 1907 год, «Ност марг у», «Тамако ма dvмут», 1908 год, «Ірон Фæндvр», Изд. 3-е, 1911 год, «Хабар»,[32] Чvрvстон Цард[33], «Ірон календар», 1911 год; не целиком в следующем издании: «Фvд унд бабvзv цiу», 1907 год, где вместе Г — h, Сталv, тоже «Фvн», «Ірон Фандр» 2-ое издание.

Но миллеровские начертания Ч̒, Ч̒ появляются еще с 1-го издания 1897 года «Авхартv Хæсанæ» А. Кубалова и проводятся последовательно до реформы графики, не считая «Ног Цард», 1907 год, «Авсiр», «Хурv Тvн» и др. (Мамитова). Правда, У, Ў в этих изданиях правильно, как у Миллера, нигде почти последовательно не различаются.

Как видно из дальнейших изданий, миллеровская графика не удержалась: с 1912 года опять появляются шегреновские начертания вместо Г̒ — Г̒), вместо К̒ — К̒), вместо П̒ — П̒), вместо Т̒ — Т̒) (сохранились только миллеровские Ц̒, Ч̒, как сказано выше); у Миллера К̒), П̒), Т̒) — не шегреновские К, П, Т, а кавказские К̒, П̒, Т̒.

Эти же начертания в следующих изданиях: «Ірон Календар», 1912 г., «Аз на удтан, Гаді уді», «Чехоткај тvххај», Ірv історіа. Цас æмæ куд фiдæм қалон, Енцег, Чvрvстон Цард, 1915—16 г. Катехизис, «Из-за прошлого» Корецкого, перевод Доцоева, «Ірон газет», 1917 год.

Любопытно, что и издатательское общество «Ір» внесло изменения в раз принятую графику.

Алфавит А. Канукова

Все означенные изменения в графике до 1906 года, времени появления букваря Канукова (2-ое издание), сводились, значит, к следующему: 1) употребление шегреновских К, П, Т, но уже в значении миллеровских К̒,П̒,Т̒; 2) устанавливаются 3 типа У: У, Ў, Ў; 3) шегреновские Ц, Ч обозначаются ц̒, ч̒, (извилистая запятая); 4) под влиянием Миллера введен опять h.

Букварь Канукова упрочил только то, что подсказано было изданиями Миллера и др. Его знаки: Æ, h, ӈ, Дж. Дз. І, Ј, Q, У и (Ў) — у Шегрена. У Иосифа V, у Услара h, у Миллера Ч̒,Ц̒ (с иным надстрочным знаком). Под влиянием работы Миллера К̒), П̒), Т̒) шегреновские означают К̒, П̒,Т̒ Миллера. Помимо этого, у него наряду с Г̒) является и h в том же значении.

Алфавит Б. Кочиева и журнала «Хурv Тvн»

Кочиев упрощает начертания сложных звуков: дз, дж, обозначая — дз через латинские z, и дж через латинские же G, g.

К с крепким отрезом у него обозначается через русское К: Ках (с. 14).

К простое, без крепкого отреза, наоборот, — отличительный знак (—) К̄ — К̄æсаг, К̄арк̄ (с. 12.).

П̄(п с отрезом М) — обозначается через русское П: Па, П̄æнæз. (с. 22).

П без отреза — обознается через отличительный знак П̄: П̄ici.

Т (Т с отрезом) — через русское Т — Сталv, таНг (20).

Т без отреза — не через Т, как следовало бы при последовательном проведении системы, а через t (французское).

ц̣ Миллера обозначается черточкой Ц̄.

ч̣ Миллера обозначается черточкой Ч̄.

Различаются 2 типа У: ср. Хур и др. (с. 11) и Ӯ краткое: Ӯгаӯ (с. 5)

h̨ — h̨aj, Aih̨ai, h̨ajdt!

Таким образом, К̄, П̄, Т̄ (t) Кочиева соответствуют К, П, Т, Шегрена и ќ, ń, ť Миллера и наоборот: К̄, П̄, Т̄ (t) Кочиева — К), П), Т) Шегрена и К, П, Т Миллера.

В журнале «Хурv Тvн» принимаются упрощения Б. Кочиева относительно Дз. Дж. (Ц̄ и Ч̄, а именно Z, G (Ч̄, Ц̄), но в понимании характера осетинских К, П, Т журнала верно следует В. Миллеру, хотя и не принимает его начертаний ќ, ń, ť, а др. Шегрен. К), П), Т). Журнал признает правильно только два типа у: у и Ӯ и отличает Ӯ от сочетания Ӯv. В этом отношении графика журнала заслуживает внимания.

Алфавит и графика Мамитова

Ст. Мамитов в своем букваре и др. учебных пособиях на осетинском языке ввел опять новые начертания для осетинских К, П, Т с крепким отрезом, а именно:

К̄ = ќ Миллера: Дæрк̄, к̄ух (7).

П̄ = ń Миллера: П̄æззv (13). Под влиянием, может быть, Б. Кочиева и «Хурv Тvн», но с иным пониманием природы звука.

Т) = ť Миллера: Тæпænæг (7).

Под влиянием шегреновской графики, но с иным пониманием природы звуков Ӯ краткое вслед за Б. Кочиевым: Ӯаллон, іӯ (4), У — ус (4), Ц̄, Ч̄ кавказ, h и Г) Дж и G, Z, Дз.

10. Проекты реформ осетинской графики до 1920 года

Не отдавая себе достаточно ясного отчета в том, где истинная причина плохого развития механизма чтения и письма у интеллигентных осетин, общественно-культурные работники Южной и Северной Осетии не раз поговаривали об изменении существующей графики, «хвосты» которой якобы тормозят дело развития народного просвещения на родном языке.

Особенно осетинская общественность стала интересоваться вопросами графики после революции 1905 г., когда появилась возможность печатать кое-какие брошюрки и газетку на осетинском языке.

Так, вопросами осетинской графики интересуются осетины, члены «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Северного Кавказа», правление Осетинского издательского общества в Тифлисе, которое выделило из своего состава даже специальную комиссию по упрощению осетинского алфавита в лице И. Собиева, Б. Кочиева и Рамонова[34].

Последний раз перед Февральской революцией этот вопрос стоял на общем собрании членов Осетинского издательского общества «Ір» во Владикавказе, на котором приняты некоторые изменения, отразившиеся в изданиях того же общества, как об этом уже говорилось выше[35]. Отражением этих реформаторских настроений является и доклад пишущего эти строки, сделанный на общем собрании Киевского студенческого кружка осетиноведения в 1914 году на тему «Эволюция осетинских письмен и примерная осетинская практическая графика», легший в основу всех дальнейших высказываний его по данному вопросу.

Но особенно остро вопрос о реформе графики стал в 1917 году, когда в Осетию, благодаря происшедшей Великой русской революции, стали со всех концов России стягиваться те

культурные силы, которые раньше, при царском строе, не допускались близко к Осетии. Созывается знаменитый в истории осетинского просвещения I Всеосетинский учительский съезд в г. Владикавказе в период времени 10—16 июля 1917 года, на котором подвергаются обсуждению все важнейшие вопросы дела народного просвещения в Осетии.

Одним из боевых вопросов съезда был и вопрос «Об установлении единообразной графики», докладчиком по которому пришлось выступить пишущему эти строки. Основные положения доклада сводились к следующему:

1. С начала возникновения осетинской письменности по настоящее время в основу осетинского алфавита клались алфавиты церковно-славянский (архимандрит Гай), грузинский (И. Ялгузидзе) и русский (Шегрен и др.), из которых благодаря трудам Шегрена и В. Миллера привился только последний.

2. Система начертаний, положенная в основу осетинской графики, пополнялась новыми знаками, заимствованными и вновь образованными при помощи: а) сочетания букв; б) диакритических знаков и в) изменения формы букв основного алфавита прибавлением какой-либо частицы других букв.

3. Ни один из указанных принципов пополнения знаками основного алфавита не выдержан последовательно до конца в существующих системах осетинской графики.

4. Ввиду неправильного представления о природе некоторых звуков осетинского языка, у разных издателей и теоретиков одни и те же звуки обозначаются разными знаками, неблагоприятно влияющими на механизм чтения и письма.

5. Для практических целей нет надобности отмечать все возможные оттенки звуков осетинского языка особыми знаками, для практического алфавита следует обозначить только основные звуки, а именно:

А, Æ, Б, В, Г, Г), Д, Ж, Дж, З, ДЗ, И, (i), Е, К, К), Q, Л, М, Н, О, П, П), Р, С, Т, Т), У, Ӯ[36], Ф, Х, Ц, Ҵ, Ч, Ҷ, Ш, V, ӈ. Всего тридцать восемь букв.

6. Из всех алфавитов, легших в основу осетинского в целях практических, самый удобный — русский как алфавит культурного народа, на языке и письменности которого воспитываются осетины в силу исторически сложившихся обстоятельств.

7. В изобретении добавочных к русской графике знаков в целях педагогических нужно принципы: а) заимствования из других алфавитов и б) образования новых знаков путем сочетания букв и диакритизации отбросить и признать принцип изменения формы букв, принятого в основу алфавита.

8. На основании этого звуки осетинского языка, отличные от звуков русского, можно обозначить следующими начертаниями, а именно: а) сложные начертания Æ, ДЗ, ДЖ, Ц, Ч — начертаниями Ӕ, З, Ж[37], Ҵ, Ҷ[38], потому что по акустическому впечатлению в них больше элемента А, З, Ж, Ц, Ч, а не Е, Д и Т; б) К, П, Т осетинские, с крепким сухим отрезом, гораздо больше разнятся от русских К, П, Т, чем К, П, Т осетинские без этих отрезов, а потому первые нужно обозначить каким-нибудь отличительным знаком от русско-осетинских К, П, Т, а последние оставить без изменения. Применив к знакам К, П, Т с крепким отрезом принцип изменения формы букв, получим для них знаки: В[39], П, Т[40] ; в) звук глубоко-гортанный, обозначаемый через латинское Q, по природе родственный К, В, обозначить начертанием оных, но с изменением формы, а именно через ◦К[41] (или R); г) придыхательные Г) и ӈ обозначить: первую через Г[42] в силу близости к Г, а вторую через ӈ, напоминающий латинское h, но с загнутым назад передним вертикальным прямым; д) неслоговые У и J обозначить, в противоположность слоговым У и I, или так: Ү[43], J (без надстрочных знаков) или положением по отношению к строке так: у, j[44]; е) если бы пришлось обозначить звуки средние между З и Ж, С и Ш, то их удобно было бы обозначить следующими знаками: Ʒ[45], ◦Є[46].

(М.Ю. Гадиев и Г.А. Дзагуров. Труды I Всеосетинского учительского съезда, состоявшегося в г. Владикавказе с 10 по 16 июля 1917 г. с. 4—5)[47].

Эти положения изданы в протоколах съезда, но весьма небрежно, со многими опечатками, в виду того, что автор не держал сам корректуры и в типографии не оказалось всех необходимых знаков для передачи особых начертаний проекта. Многие участники съезда оспаривали выдержанность принципов красоты, научности и легкой усвояемости начертаний. Вопрос для детального рассмотрения был передан в особую комиссию, которая рассмотрела проект и вынесла приводимую ниже резолюцию, утвержденную съездом:

1. В основу осетинской графики кладется русский алфавит.

2. Написание букв должно удовлетворять требованиям красоты, усвояемости и легкости письма.

Новые написания, предложенные Б. Алборовым, основанные на углублении черты, отвергаются впредь до проверки их на практике; необходимо выяснить, не будут ли дети при письме волосных линий сливать их в кляксы. Вот возражение, которое приводилось противниками проекта новой графики.

На Съезде принимается следующий алфавит:

А а, Æ æ, Б б, В в, Г г, Н h, Д д, Ԍ g, Ӡ з, Z z, І і, Ј ј, К к, Қ қ, Ԛ q, Л л, М м, Н н, О о, П п, Пӏ пӏ, Ҏ ҏ, С с, Т т, Тӏ тӏ, У у, Ў ў, Ф ф, Х х, Ҷ ҷ, Ҭ ҭ, Ч ч, Ҵ ҵ, V v, Ҕ ҕ.

Остается Æ æ, рукописное *æ*. Вместо старого Гӏ вводится h.

Вместо старых Ӄ и Дз вводятся g и z.

Для звуков средних между Ӡ и Ж, С и Ш остаются Ӡ и С.

Остаются два написания І и Ј (краткое Sic) У и Ў (краткое Sic).

Остаются буквы Қ қ, П п, Т т, Ц ц, Ч ч с. 34, обозначающие «твердые отрывные» звуки.

Придыхание обозначается Ҕ (ҕæјт!).

Популяризация идей новой графики продолжалась. В трех номерах «Горской жизни» в 1917 году началась печатанием доклада Б. Алборова «К вопросу об установлении единообразной осетинской графики»[48], но не мог кончиться печатанием, опять из-за отсутствия необходимых типографических знаков. Да и то, что напечатано, набрано с целым рядом искажений начертаний букв.

Кроме того, сейчас же вслед за окончанием съезда появляется в газете «Терек» от 18 июля статья студента Владивостокского Восточного института, Тогузова, датированная от 27 июля 1917 года под заглавием «К реформе осетинского алфавита»[49]. Статья, очевидно, является ответом на воззвание организационного бюро 1-го Всеосетинского учительского съезда и рассчитана была на определенное впечатление на съезд, но этого не случилось, так как съезд закрылся до появления статьи в газете.

Ввиду того, что данная статья отражает ярко настроения тогдашней осетинской интеллигенции к вопросу о реформе графики, о недостатках старой и доводах о переходе на новую графику, притом латинскую, я позволю привести целиком.

«Наступает учебный год, когда изучению родного языка в школах Осетии впервые будет отведено подобающее место, поэтому «ветхий деньми» вопрос о реформе осетинского алфавита должен быть наконец сдвинут с мертвой точки».

Несовершенства существующей азбуки настолько очевидны для всех, кто сколько-нибудь знаком с осетинской письменностью, что по вопросу о необходимости выработки более совершенных буквенных знаков не может быть двух мнений. Целая вереница сложенных знаков с бесконечными хвостами и другими придатками и обилие в языке сочетаний дд, ддз, дздз, ддж, дждж, дт, тт наглядно свидетельствуют о полной непригодности для письма азбуки Андрея Шегрена и убеждают в необходимости реформировать ее. При составлении своей «Осетинской грамматики» (издание 1844 года) Андрей Шегрен руководствовался тем соображением, что осетинам, входящим в состав русского государства, нет надобности иметь азбуку, отличную от русской, и это соображение заставило его при выработке буквенных знаков отказаться от мысли взять за образец более совершенный латинский алфавит, и вот причина, почему мы имеем такую смехотворную азбуку с буквами, непригодными для письма. Всеми дефектами нашей азбуки мы обязаны исключительно досадной настойчивости гражданина Шегрена ввести у нас во что бы то ни стало русскую азбуку. Буквы русского алфавита, образцом для которого послужили также латинские буквы, не отличаются ни легкостью написания, ни изяществом стиля, а с такими хвостами, которые приделал к ним Шегрен, они по своей неуклюжести мало чем уступают китайским иероглифам. У всех народов Европы (Германия приняла его на наших глазах) принят латинский алфавит как самый совершенный из всех существующих в мире.

При выработке нового осетинского шрифта нам надлежит стремиться к тому, чтобы новые буквы с легкостью написания соединяли красоту и изящество стиля и этим требованиям в полной мере удовлетворяет латинский алфавит, поэтому необходимо отбросить целиком (кроме нескольких букв) азбуку Шегрена и принять латинские буквы с неизбежными изменениями и дополнениями. Противникам коренной реформы алфавита могу сказать, что литературы у нас почти нет, что интеллигентный осетин знает одинаково как русские, так и латинские буквы, что грамотный осетин не знает ни одной осетинской буквы, если она в то же время и не русская, что для неграмотного осетина нет разницы между азбукой Шегрена и латинским алфавитом; что для усвоения 36 букв алфавита для самого неразвитого ребенка вполне достаточно 10 дней,

что пользоваться буквами грамотному человеку приходится всю жизнь, и что, стало быть, никакая реформа алфавита не страшна. Не лишне будет указать также, на пример Китая, где человеку приходится изучить не 36 букв алфавита, а десятки тысяч иероглифов самой сложной конструкции и где в то же время грамотность поголовная.

Предлагаю вниманию осетинской интеллигенции выработанный мною проект новых буквенных знаков, который сводится к следующему:

1) остаются без изменения: а, б, в, е, з, і, к (для строчной «к» принять начертание латинской «k» с уходящей вверх палочкой), х, о, латинские буквы «ку» (Q,q) и «в» (v) и буква, изображающая звук й (j);

2) буквы: у, д, л, м, н, п, р, с, т, ф, ц — заменяются соответствующими буквами латинского алфавита;

3) печатная буква (а), изображающая звук средний между «а» и «е», заменяется буквой с точкой над ней, от руки же пишется по-старому;

4) буква Г г пишется и печатается, как старая рукописная, которая принимает форму обратной латинской буквы «ес» (s);

5) буква Г г с хвостиком заменяется латинской строчной буквой Н (h), как уже многие и пишут;

6) буква «у» с запятой (полугласный звук) заменяется буквою «у» (u) нового алфавита, причем запятая над ней остается;

7) буква «дз» заменяется латинской буквой «зет» (z);

8) буква «дж» заменяется латинской Г г (g). Эта буква у англичан изображает именно звук «дж»;

9) печатная буква «К» с хвостиком заменяется буквою «R» с точкой над ней, от руки пишется по-старому;

10) буква «ч» заменяется знаком, несколько напоминающим цифру 3 со свободно уходящей вперед нижней конечностью;

11) все остальные буквы с хвостиками и другими придатками, встречающиеся довольно редко, заменяются соответствующими буквами нового алфавита с принятием для них системы точек.

Для характеристики исканий того времени не лишне привести и графику с объяснениями Б. Тускаева, принятую на общем собрании жителей Ерашти.

Графика Б. Тускаева.

А а, Æ æ, В в, Б б, Г г, Г) г), Д д, Е е, Дз дз, ДЖ дж, З з, З з, І і, (J j), К к, (К (к, К) к), Q q, Л л, М м, Н н, Нˌ нˌ, П п, (П (п, П) п), О о, Р р, С с, С с, Т т, (Т (т, Т) т), У у, (У ў), Ф ф, Ч ч, Чˌ чˌ, Ч ч, Х х, Х х (с пояском), Ц ц, Тц тц, *h h* (V v).

Проект графики был направлен в июне 1917 г. на рассмотрение I Всеосетинского учительского съезда, но запоздал получением.

Из сопроводительного письма видно, что некоторые новшества Шергена еще имеют своих защитников. Письмо адресовано автору осетинского букваря А. Канукову.

Тускаев предлагает «возобновить отчасти прежние буквы, «дыхательные» к) п) т) ц, из которых п), ц, ч хотя встречаются редко, но фактически они есть и обойти их хоть бы и некоторых, большой пробел в фонетике нашего языка».

Далее, по мнению Б. Тускаева, «в дигорском наречии (только не христиановского жаргона) всенепременнейше нужны буквы в роде русских ж (средне между з и ж) и ш (среднее между с и ш), но эти буквы ни в коем случае нельзя выражать буквами русского алфавита Ж и Ш, а нужны просто видоизменения тех же З и С» (вроде з и с).

Итого набирается 5 букв дыхательных и 2 буквы з и с (для дигорцев), всего семь, и с носовым нˌ дигорским, слышимым, например, в словах хонх, зæнхæ, фунх — 8.

Вопрос о реформе графики уже в связи с реформой графики других горских народностей возникает еще в 1918 году при Терском отделе народного образования бывшей Терской Советской Республики.

Проект графики на русской основе был предложен ингушом Альтемировым, только что пробравшимся из Москвы, минуя белогвардейский фронт, во Владикавказ. Проект был настолько несовершенен, что не остановил на себе ничьего серьезного внимания, к тому же, скоро наступила деникинщина, и вопросы народного просвещения, и в частности графики, заглохли на время.

С новой силой во весь рост стал вопрос о реформе осетинской графики, с 1920 года, с установлением советской власти в крае, с получением возможности широко поставить печатание книг, листовок и газет на родном языке.

11. Проекты реформы осетинской графики 1920 года

Как только установилась связь с центром, заведующий осетинским национальным отделом Народного комиссариата по делам национальностей товарищ Т. Созаев, обращается в Осетинский окружной исполком и в Осетинское историко-филологическое общество с просьбой обсудить срочно вопрос, на какой основе — русской или латинской — ему заказать шрифт в Москве для осетинских изданий, и прислать проект графики на принятой основе. С вопросом нужно было торопиться, во-первых, потому, чтобы осетинский отдел Наркомнаца мог своевременно включить в смету ВСНХ расходы на приобретение нужных шрифтов, если основа будет новая, во-вторых, потому, что предоставлялась возможность получить готовые шрифты на латинской основе, следовало только указать, какие дополнительные знаки следует заказать для осетинского алфавита.

На спешном разрешении вопроса о графике, как теперь, так вплоть до окончательного разрешения вопроса о ней, настаивал официально и неофициально, в частных письмах к деятелям Осетинского историко-филологического общества, товарищ Багдаев, тоже имевший отношение к осетинскому отделу Наркомнаца и представивший на рассмотрение общества свой проект осетинской графики на латинской основе.

Осетинский окружной исполком решение вопроса об основе графики и характере необходимых дополнительных знаков предоставил всецело компетенции Осетинского историко-филологического общества.

24-го августа 1920 года на повестке заседания правления этого общества стоит впервые специальный пункт № 2 — «Переход с русской графики на латинскую». Председатель общества Б. Алборов ознакомил правление с сущностью вопроса и теми мотивами, в силу которых нужно было разрешить вопрос в спешном порядке.

После обсуждения данного вопроса правление постановило:

а) «предварительно вопрос подвергнуть детальному рассмотрению в правлении и вынести принципиальное решение;

б) после этого поставить вопрос на обсуждение общего собрания, так как вопрос этот имеет огромное принципиальное значение и в решении его должно принять (участие) побольше лиц». (См. Протокол № 12 от 24/VIII 1920 года правления Осетинского историко-филологического общества II. 2).

Вслед за этим в местной газете началось освещение вопросов истории единообразной осетинской графики[50], но, к сожалению, оно оборвалось на одном номере.

Однако статья не осталась без последствий. Кроме указанного выше проекта Багдаева, в правление общества поступают еще проекты графики товарища Цебоева и др.

Правление общества поручает Б. Алборову произвести сравнительную оценку представленных проектов и результаты доложить на ближайшем заседании правления (См. Протокол № 13 от 7/IX 1920 г. заседания правления Осетинского историко-филологического общества П. № 3).

На очередном заседании правления 24 сентября 1920 года ставится доклад Б. Алборова о графике.

Докладчик подробно познакомил собрание с вопросом о единообразной горской графике и с его историей, а также с вопросом о переходе с русской графики на латинскую. По его мнению, ни один из представленных проектов на латинской основе не выдерживает критики, так как все они составлены слабо, без соблюдения тех требований, которые были выставлены еще на I Всеосетинском съезде учителей, и он высказался против введения латинской графики по следующим соображениям.

1) В русском языке больше букв, чем в латинском, и этими знаками легче выразить звуки осетинского языка.

2) Введением латинской графики мы не избавляемся от необходимости надстрочных и подстрочных знаков.

3) Против введения латинской графики говорят и соображения педагогического характера, а именно: русские отказались от введения латинской графики[51], а потому осетинам, находящимся в сфере влияния русской культуры, тоже не стоит переходить к латинской графике, так как в таком случае детям труднее будет переходить с осетинского языка к русскому.

4) Наконец, неизвестно, как смотрят на этот вопрос другие горцы, у которых этот вопрос стоит на очереди.

В прениях принял участие весь актив общества. На вопрос М. Авсарагова, не приняли ли латинскую графику другие горцы, получился ответ, что ингуши, азербайджанцы и другие горцы вплоть до турецких осетин уже перешли на эту графику.

Доктор Л. Газданов доказывал, что латинскую графику необходимо, по мотивам неизбежности, принять, так как к этому, во-первых, идет все человечество, к этому же рано или поздно придем и мы. Во-вторых, раз это неизбежно, то чем скорее это сделаем, тем лучше. Политические соображения не могут быть игнорируемы: осетины связаны с русскими, но, несмотря на это, должны принять латинскую графику, если это не отразится на развитии осетинской литературы.

А. Кубалов возражал против такой радикальной меры. «Мы так срослись с русской культурой, — говорил он, — что трудно решить этот вопрос сразу». Он рекомендовал принять нечто среднее между арабской и латинской графикой, чтобы этим привлечь на свою сторону и других горцев. Доктора Л. Газданова поддержали автор одного из проектов Г. Цебоев и Г. Дзагуров.

Бидзина Кочиев предложил оставить русскую основу на том основании, что «звуки русского языка ближе к звукам осетинского, а потому русской графикой легче выразить осетинские звуки».

Остальные участники собрания признали, что вопрос нельзя форсировать даже с принципиальной стороны.

Приняты следующие предложения: 1. «Правление Осетинского историко-филологического общества признает необходимым и целесообразным положить в основу осетинской графики латинский шрифт (принято единогласно против одного Кочиева).

2. Для разработки технической стороны правление выделяет из своего состава особую комиссию, которой предоставляется право кооптации сведующих лиц (единогласно).

3. Предоставить отдельным личностям свободу в разработке проектов графики осетинской с латинской основой (единогласно).

4. Объявить конкурс на представление проектов (единогласно).

5. Широко пропагандировать идею перехода к латинской графике (единогласно). (См. Протокол № 16 от 24/IX 1920 г. Заседания правления Осетинского историко-филологического общества П. 2).

22 октября 1920 г. правление общества переходит к предварительному обсуждению вопроса о возможных заменах русских букв старой графики соответствующими латинскими и принципах изобретения знаков для тех кавказско-осетинских звуков, которым нет знаков ни в русском, ни в латинском алфавите.

Во время обсуждения вопроса о дополнительных знаках выяснилось, что Б. Алборов стоит за изменение формы букв и против надстрочных и подстрочных знаков, Н.З. Джиоев, А.А. Тибилов и Г.А. Дзагуров — за комбинирование букв, чтобы избежать опять-таки надстрочных и подстрочных знаков. Приняты следующие буквы латинской графики: a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l m, n, o, ρ, q, r. s, t, u, v, x, y, z, j.

Вопрос о дополнительных знаках поручено осветить перед общим собранием Б.А. Алборову (с точки зрения изменения букв) и А.А. Тибилову и Г.А. Дзагурову (с точки зрения комбинирования букв).

24 октября 1920 года вопрос о переходе на новую графику стоит уже, согласно постановлению правления, на общем собрании Осетинского историко-филологического общества. Ввиду того, что вопрос еще и теперь не потерял актуального значения, небезынтересно возможно подробнее привести различные мнения по данному вопросу:

После того, как председатель Б. Алборов познакомил собрание с суждением по данному вопросу правления общества, Казбек Бутаев предложил вопрос рассмотреть в спешном порядке по политическим и культурным соображениям, так как нельзя дальше осетинскую деревню оставлять в неведении и темноте.

Г. Дзагуров просит сначала утвердить постановление правления о переходе на латинскую графику, а потом решать вопрос о спешности.

Д-р Газданов указывает на две стороны вопроса о спешности: 1) «Кто-то нас торопит из Москвы, — говорит он, — имеем возможность отлить шрифт, не поторопимся, потеряем эту возможность», — поэтому он предложил принципиально принять латинскую графику.

Казбек Бутаев просит не обращать внимания на спешку со стороны товарища Созаева из Москвы, так как вопрос терпит, и забросить деревню книгами на существующей русской основе, но в то же время заказать новый осетинский шрифт.

А.Д. Джатиев заметил, что вопрос о реформе графики назрел с 1905 года. Буквы латинской графики и не легче писать и не скорее нас приблизят к Западной Европе. Нас трудно оторвать от России и русской культуры и поэтому нужно оставить русскую графику. Плохо читают потому, что мало читают и пишут. Существенной разницы между латинской и русской нет. Следует внести поправки в существующую графику и устранить обилие знаков и дефекты.

Бритаев Е. просит не спешить и в основу положить русскую графику, в противном случае осетинская книга окончательно исчезнет; читающие сейчас газету перестанут ее читать, так как не у кого будет учиться. Бритаев Е. — и сторонник, и противник латинской графики: 1) она проще и красивее и скоро приблизит нас к Западной Европе, но принятие латинской основы повлечет за собой смерть осетинской газеты и остановит развитие осетинской литературы: книга останется для интеллигенции, а народ останется без книги. По опыту немцев он предлагает два шрифта и настаивает реформировать старую графику путем заимствования из других языков.

Слабое чтение на русской основе объясняется отсутствием практики чтения на осетинском языке; «он не верит в успех реформы».

Кубалов А. предлагает принять постановление правления и объявить конкурс. Кроме того А. Кубалов против надстрочных знаков и не видит разницы между латинской и русской графикой; в этом отношении он за проект без всяких дополнительных знаков.

Цоцко Амбалов высказался за оставление русской графики.

Доктор Гарданов, ярый противник латинской графики, высказал следующее: 1) «сторонники латинской основы не привели ни одного веского довода за латинскую графику; 2) латинская графика не будет способствовать развитию осетинского языка; 3) он только за русскую графику, так как осетины тесно связаны с Россией и русской культурой; 4) дело не в совершенстве графики, а в том, что мы плохо читаем по-осетински, не учились читать по-осетински». При этом Гарданов указывает: «Не все ли равно писать Г русское или Т латинское, Р, ч русские, или р, г латинские. Нигде нет и не было столько реформаторов, как в Осетии, — говорит Гарданов, — но они все провалились». Графика существующая совершенна. Она не нуждается в реформе.

Плохо читают потому, что слаба постановка преподавания осетинского языка в осетинской школе. Ни одно поколение осетинской интеллигенции с самого начала до конца не прошло осетинской грамоты.

Ахмет Дударов заявляет, что «печатные буквы старой шегреновской графики приемлемы, а рукописные нет». Он находит, что плохо читаем из-за несовершенства старой графики. Латинская графика приблизит нас к Западной Европе. Латинская графика проще и красивее, легче разбирать исторические документы (?), благодаря красивой внешней форме всякий охотнее изучает французский, итальянский, английский языки с латинской графикой, но никто не думает изучать грузинский, армянский, арабский языки.

А. А. Тибилов: «Знаков латинского языка не хватит, а потому для дополнительных знаков придется заимствовать из других языков».

Мамсуров С.: «От того, что мы перейдем на латинскую основу, не отказываемся от русской культуры». Слабое чтение на осетинском языке нужно признать результатом встречи двух психологических влияний при чтении на осетинском и русском языках, где графики одинаковы. Нужны цельные впечатления, а для этого нужно отказаться от русского шрифта и принять что-то новое. Это новое — латинский шрифт.

Б. Алборов в обстоятельной речи останавливается на системах образования и изобретения графики. Вопрос нужно рассматривать и решить не спеша, приняв во внимание эстетические, научные и педагогические соображения, говорящие в пользу той или иной графики, и приходить к таким выводам:

1. Латинскую графику как графику культурных народов необходимо принять.

2. Разрабатывается вопрос о латинской графике не спеша, но параллельно, по примеру Германии, продолжается издание старым шрифтом.

3. В Москву для отлива послать графику, принятую I Всеосетинским учительским съездом 1917 года.

По окончании прений общим собранием принято:

1. В Москву послать проект шрифта, принятый I Всеосетинским учительским съездом.

2. Принять латинскую графику (8 голосов против 4).

3. Объявить конкурс на представление проектов графики только с латинской основой.

4. Срок представления проектов графики признать Джеоргуба.

5. Условия конкурса разработать правлению общества. (См. протокол № 9 от 24/X 1920 г. общего собрания Осетинского историко-филологического общества П. 2. Переход с русской графики на латинскую).

На заседании правления Осетинского историко-филологического общества 12 ноября 1920 г., на котором присутствовали Б.А. Алборов, А.А. Тибилов. Г.А. Дзагуров, А.З. Кубалов и И.М. Абаев, принимаются следующие правила конкурса по представлению проекта осетинской графики:

1. Осетинская графика должна быть с латинской основой.

2. Не допускаются подстрочные и надстрочные знаки.

3. Не допускается начертание звуков двумя или более буквами.

4.Допускается комбинирование или же изменение формы букв.

5. Печатные и рукописные буквы, по возможности, должны совпадать.

б) Для избежания положения, что не окажется ни одного проекта, проект осетинской графики с латинской основой поручается выработать А.А. Тибилову и Г.А. Дзагурову.

с) Срок представления проекта признать 1 декабря 1920 г.

д) Вознаграждение за проект, принятый без существенных изменений, признать 50000 руб., 30000 руб. и 20000 руб.; вознаграждение выдать в зависимости от совершенства и разработки проекта.

(См. Протокол заседания правления Осетинского историко-филологического общества № 19 от 12 ноября 1920 г. П. III. Правила конкурса по представлению проекта осетинской графики с латинской основой).

21 ноября 1920 г. на общем собрании Осетинского историко-филологического общества только что приведенные условия конкурса на представление проекта осетинской графики, выработанные правлением, были приняты без всяких изменений. (См. протокол общего собрания Осетинского историко-филологического общества от 24/X1 1920 г. № 10). Однако впоследствии нашлись лица, из бывших на данном заседании, утверждавшие, что правила конкурса не были утверждены общим собранием общества.

На конкурс было представлено 10 проектов, для рассмотрения которых была выбрана специальная комиссия.

Ниже мы приводим как эти проекты, так и содержание объяснительных записок к ним, и оценку их специальной комиссией, чтобы легче было уяснить, каковы достоинства и недостатки их.

Савва Тибилов представляет «многолетний» труд свой над «ассоциацией» письменных знаков, отвечающих требованиям простоты и красоты начертаний. «Изящны, отчетливы» его начертания, — с отсутствием витиеватых штрихов. Заглавными буквами могут быть те же строчные.

H h=Ḥ a, м. б., Г), Гс гс заглавные е, З — нашему Z, a z = нашему), R R = q; Ƃ = П), наше Ρh; Ɉ t̄ = Т); U u = ў; Ш ш = ў , С с = ц; Ç ç = ć, Q q = ч; q q (с пояс.) = Ч, N n = ӈ. Др. вар.: æ передается через v, «в» через w, v ижица перед. через е, различает К, к, R = q, *p* (русск. ρ), Ρ; t, t̄ = Т),; u, ш =Ў; с с.; q = ч, q (с пояс.) = ч́.

Дает заглавные такие же, как строчные, только размером больше.

Дзанагов Х. Осетинским звукам: а, б, в, г, д, е, i, j, k, л, м, н, о, п, ρ, с, т, у, ф, х, ц, соответствуют: a, b, v, g, d, e, i, j, k, l, m, n, o, ρ, r, s, t, u, f, h, c.

Характерные звуки осет. яз. æ, дз, ц́, q, v, выражаются латинскими буквами æ, z, x, q, y; звук ч выраж. w; г), Дк, к), n), т), ч́, ӈ выраж. русскими буквами Ъ, Э, Ь, Ю, Ѳ, Я, Ѣ; З выражается русским ж: зв. Ў соответствует русскому й (краткому).

Таким образом, проект графики состоит из 27 латинских букв (включая и æ) и из 9 русских.

Проект осетинской графики Георгия Хетагурова из селения Алагир.

В основу положена латинская графика.

А — A a, Æ — α греческое — *a*, Б — B Ь, В — W — Дубль-вэ w, Г — H h, Г) h — немецк. ӈ, Д — D d, Дж — g, английское джи — g, Е — E e, З — Z z, Дз греческое ζ, I — I i, J — J j, К — K k, Кʿ — kʿ k), Q — Q q, Л — L l, М — M m, Н — N n, О — O o, П — Ρ ρ, П) — ψ, ϕ (греческое), Р — R r, (немецкое), С — S s, Т — T t, Т) — m m, Ў — U u, Ў — Y y, Ф — F f, Х — X x, Ԍ — G (латинское *г*) g, Ц — C c, Ч — Ч (русское «ч») ч, Ӡ — З ʒ, V — V v.

По второму проекту в основе остается та же латинская графика (по проекту № 1) со следующими изменениями: звук Ч имеет начертание «с» (латинское k), звуки К), П), tˁ , Ԍ, Ӡ производятся при помощи придыхательного «h» (Г по первому проекту) = «Кh, nӈ, tӈ, ch

и 3h». Хотя по условиям конкурса § 3 не допускается начертание звуков двумя знаками, но проект № 2 ему кажется более единообразным и приближающим к единой графике точнее, сохраняя цельность; к тому же и эти пять звуков не так часто употребляются.

Осетинский алфавит Г. Хетагурова (2-й проект). Iron alfavit.

A a – A a Æ æ, B Ь – B б, C c – Ц ц, D d – Д д, E e – E e, F f – Ф ф, G g – Г г, H h – X x, I i – И и, J j – Й й, J j – Ж ж, K k – K к, L l– Л л, M m – M м, N n – H н, O o – O o, Ρ ρ – П п, R r – Ρ ρ, S s – C c, T t – T т, U u – У у, V v – B в, X x – h, V v – Ы ы, Z z – З з, Ch – ч, Dj – Дж, Dz – Дз, Sh – Ш.

Георгия Цебоева: 1) неизящность и неразборчивость шрифта Шегрена тормозит в значительной мере развитие осетинской литературы и способствует культурному застою народа.

При составлении новой осетинской азбуки автор имел в виду наиболее усовершенствованную международную графику, в основание которой положил латинский алфавит. Буквы старые соответственно заменяются новыми латинскими; при этом для однообразия международного шрифта сохраняется сочетание некоторых букв латинской азбуки (Ch — Ч русское Sh — Ш). Все же особо горловые звуки, свойственные осетинскому и вообще языкам горцев Кавказа г), к), n), m), ӏ, ч̣ обозначаются соответствующими буквенными знаками латинской азбуки с обратной кавычкой наверху или с некоторыми отличительными знаками на них. Буква æ обозначается печатно и рукописно как A à — A á; с вертикальной кавычкой посредине на заглавной, и с обратной кавычкой над строчной буквой (малая или строчная буква может быть обозначена по-старому æ). Буква Г) обозначается печатно и рукописно как H ɦ с вертикальной кавычкой посредине на заглавной и с запятаяобразным хвостиком на строчной букве. Буква К) к) обозначается по-прежнему с запятаяобразным хвостиком вниз. Остальные буквы п), m), ӏ, ч) как печатно, так и рукописно, обозначаются с обратной кавычкой наверху.

E è = Э. H h = X, H̀ h̀ (b ь) = Г), J j = ж; I i = i; U u = U u; Ü ü = ю.

«Неалфавитные буквы». A à, æ æ A; C c̀ = ц (очевидно ӏ, так как выше C) = Ц). Ch = ч: c̀h = ч̣ (очевидно), Dj = dž, Dz = dz; J = й, K k̀ K) к) = K; Sh = ш.

Для рукописных сохранены и хвостики, в другом случае аксанграф и аксантегю. Первая показывает на «усиление» звука, а последнее на «понижение» звука данной буквы (см. его отношение в ОНО Осетии от 20 сентября 1920 года).

Игнат Алдатов: 1) Латинская графика принята всеми культурными государствами Западной Европы. С помощью ее мы можем воспользоваться культурными плодами этих народов, легко изучим языки: немецкий, английский, французский и др. яз. Для нас открываются огромные возможности непосредственно изучить науки и искусства, сблизимся культурно с Западом. Знания будем черпать из первоисточника. Начертание звуков предлагаемой им графики: простое, удобовоспринимаемое, легко их писать и удовлетворяет художественному вкусу нашего народа. Формы округлены, изъяты по возможности угловатые формы — все то, что не терпимо и не удовлетворяет духу народа. При составлении графики он обратил внимание на тавры, которые так интересуют и принято их накладывать на лошадей. Для легкости изучения и восприятия звуков детьми, прежде всего, и взрослыми; вся графика расположена по сродству произношения семействами.

а	б	в	г	д	t’	е	з	с	и	к	л
a, æ	ь	b	h	d		e	s	c	i	к	l
v	ρ Ь	θ	x	t			z	ç	j	k q	

м	н	о	п	у	ч	дж
m	n	o	ρ	u	ч	d (с пояс.)
				y	чс	

Здесь смешение русского и латинского шрифта C = s; dz перед. через z (с пояс.); «u» неслоговое и слоговое — через y, z передается через s. По Игнату Алдатову: «начертание звуков так должно быть, чтобы дитя не мог смущаться различием начертания от произношения тех сродных звуков, находящихся в одном семействе: сродство звукопроизношения должно соответствовать схожести их начертания по семействам». Начертание заглавных и строчных букв у него одно и то же. Печатные и рукописные также одно и то же.

Проект **Гино Баракова.** Объяснительная записка к проекту № 21?

Основан всецело на латинской основе. Преимущества латинской графики: 1) легкость письма-чтения; 2) употребление латинских букв при изложении всех математических и есте-

ственных наук, каковые даже при наличности сильного желания их уничтожить, нескоро или вовсе не могут быть заменены; 3) вся медицина изложена на этом языке. 4) близость к печати культурных европейских народов и прочее; 5) в проекте все латинские знаки обозначают те же самые звуки, следовательно, читающие по-осетински могут читать и по-латыни.

Для специфических осетинских звуков Бараков создал простые «разновидности» знаков, причем, по наведенным справкам, никаких типографских неудобств разновидности не представляют.

Для наиболее часто встречающихся звуков в осетинском языке ўv, v, j, æ он старался выдумать наипростейшие начертания, за исключением ў (из-за упомянутого соображения).

По мнению автора, в осетинском языке три У. Строчное «l» взято для обозначения «v», так как «у» значительно труднее, и, кроме, того в латинской графике обозначает не такой звук.

Осетинская азбука в такой форме легко может быть применена и к конструкции теперешних пишущих машин, ибо буквы Ь, I, З, а при натяжке 7 (с пояс.) могут служить и вместо цифр, и, следовательно, можно иметь на машинке все знаки препинания.

A a, Ь ь (=æ), B b, V v, G g, H h, D d, З з, I i, J j, К k, L l, M m, N n, O o, Р ρ, R r (r), S s, T t, U u, F f, X x, C c, 7 7, Z z, рус. дз, Y y, E e, H h, Z z (с пояс.),= дж, Г г, Р ρ, (с пояс.) = п) Ъ ъ — т, Э э и — ӭ, 7 7 (с пояс.) = ҷ, Q q, U u (лат. U с шапкой), Э э = Ў v.

Проект Багдаева (от 27 августа 1920 года). «Наш нынешний алфавит, благодаря своему несовершенству, своему случайному построению и своей необоснованности на научных законах, в высшей степени неудобен, и для печатания и для письма. Он не дает возможности пользоваться техническими удобствами других народов: типографиями, пишущими машинками и проч. Он вызывает необходимость оборудования собственных, специальных типографий, отливку особых и дорогостоящих шрифтов. Он лишает нас возможности иметь хорошо и чисто изданные книги, журналы и прочее и заставляет нас довольствоваться тем немногим, что имеем сами, в то время как другие малые народности стремятся к широкому использованию технических удобств, которыми располагают более сильные в этом отношении народы.

Нам ли осетинам, с нашими слабыми техническими, научными и литературными силами уклоняться в сторону создания собств. типографии и прочих средств книгопечатания? Конечно, нет. И нет потому, что это нам не под силу. А если бы и было, ничего дельного из этого не вышло бы.

Не вышло бы, потому что своими силами и средствами мы вряд ли можем создать что-нибудь более серьезное, чем типографии Шувалова, Габисовых и т.д. Между тем лучшие типографии, книгопечатни, цинкографии, переплетные всех народов Европы и России были бы к нашим услугам, если бы мы пользовались не тем шрифтом, который ни с какой стороны не отвечает требованиям нашего языка, а латинским, созданным, если так можно выразиться, специально для осетинского языка.

Латинским шрифтом, которым успешно пользуются все европейцы, должны прежде всего пользоваться и народы романского происхождения: итальянцы и французы, а наряду с ними, как ни странно, и осетины. И вот почему:

1. Если языки романского происхождения знают знаки и условия перехода буквы «С» из звука К в Ч — в итальянском языке, и из звука К в Це — во французском; буквы «Ge» из звука Г в Дж — в итальянском языке и из звука Г в Же — во французском, то и осетинский язык знает эти же безусловно научные законы и условия перехода своей будущей (по проекту) буквы «С» из К в Ч (см. примеры: приложение № 1),«К» из К) в Ч) (см. примеры: приложение № 2), «G» из Г в Дж (см. примеры: приложение № 3).

2. Если латинский, кроме вышеуказанных звуков, содержит еще буквы: A. B, Д, E, F, I, J, L, M, N, O, Р, Q, R, S, T, U, V, Z и Y, то и осетинский язык может их содержать в себе в том же виде и с тем же значением, за исключением, разумеется, Q и У, которые по-осетински произносятся несколько иначе.

3. Если осетинский язык, помимо приведенных в двух группах букв, знает еще: Г) , Ц, Ч), Х, П), Т), Ў и Дз, то это еще не значит, что для изображения их непременно следует создавать специальные буквы. ибо большинство из них в осетинский язык входят совершенно случайно в словах, заимствованных из других языков, а потому легко могут передаваться и переизображаться условно при помощи основных латинских букв (см. проект).

Не будут же, например, французы вводить в свой алфавит букву К) потому только, что грузинское слово «К) озо» пишется через К). Они в этом случае просто напросто напишут и будут произносить «Козо»; так должны поступить и мы, осетины, ибо язык наш совершенно не знал

и не должен знать ни ӏ, ни К), ни П), ни Т и т.п. твердых знаков, которыми мы пользуемся исключительно для произношения не осетинских слов: П)алет, К)озо, К)абуска, К)алати, щіти и т.п.

А раз это так, то мы должны признать, что языку нашему навязан чуждый ему алфавит, да еще технически несовершенный, и сделать из этого соответствующий вывод: перейти немедленно к латинскому алфавиту, дабы мы могли пользоваться теми благами и удобствами, который он предоставляет народам, его применяющим.

Приложение № 1

I. C c = К и Ч			
Как в языках романского происхождения, C и в осетинском языке — перед гласными a / æ, o и u / ū перед гласной и в конце слова произносится как К, примеры:			
	в осетинском	в итальянском	во французском
A /Æ:	Cacon, cafæg, cæfoj канон, кафæг, кæфоj	Casa (дом) Каса	Cabine, Cacao Кабин, какао
O:	Com, combos, cosalæg ком, комбос, косалæг	Corte (двор) корте	Cordon, Col кордон, кол
U / Ū:	Cucæg, cuvæg, cūrd кусæг, кувæг, курд	Curbatura курбатура	Curé, cube кюре, кюб
согл.		Clamore кламоре	Cloche, Crayon клош, крайон
конец.	Carc, færac карк, фæрак	Tic-tac Тик-так	Hamac, Cognac hамак, коніак
II. a перед e, i и y (v)			
	как Ч:	как Ч:	как С:
E:	Cermen, Cenže Чермен, Ченze	Cesare Чезаре	Cerise, Cerf Сериз, серф
i:	Cinyg, Cidær, alci чінvг, чідæр, алчі	Чичероне Cicerone	Ciment, Cire Симан, сир
У (v):	Cynž, Cyryn, Becyr Чунz, чvрvн, Бечvр		Cylindre, Cytoyen сілендр, citojен
III. Когда нужно устранить сочетание: ki, ke, и ky, вставлять h: Hæræg cochi, cochi kodta, (Хæрæг koki, koki kодta), как это принято в итальянском; che (французское que), chi (французское qui).			

Приложение № 2.

К (прежний Ќ, К))			
В новом алфавите К будет передавать звук К) в осетинских словах и звук К); или просто К в словах не осетинского происхождения. Так, например, через К мы писали бы: Kah, Kus, Kærnyh, Kona, Kambec, Kabaz, Kutu, Kupinski, Kistinski, К)ах, К)uc, К)æрнvх, К)она, К)амбец, К)абаз, К)уту, К)упински, К)ic-Kiev, Kipr, Kerci, Kipiani. тински, К)иев, К)ипр, К)ерч, К)іпіані.			
К (прежний К)) = К, К) и ќ			
Точно так же, как С перед e, i и y переходит в Ч, К или прежний К) перед теми же мягкими гласными переходит в Ч), примеры:			
	перед e	перед i	перед y (v)
	Kebojtæ, Zake ќебојæ, Zaќе	Kiri, Kizi ќірі, ќізі	Kyr, Kymbys ќvр, ќvмбvс
Во всех остальных случаях в осетинском языке К произносится как К) или К.			

G = Г и Дж			
Перед гласными A / Æ, O и U / Ŭ перед согласной и в конце слова G произносится 1) как Г:			
	В осетинском	в итальянском	во французском
A / Æ:	Galuan, Gabo Галуан, Габо	Gamba, Gabriele Гамба, Габриеле	Qare, Gardien Гар, Гардиен
O:	Goban, Goghyz Гобан, Гогvз	Golfo, Agosto Голфо, Агосто	Golfe, Gorge Голф, Горж
U/Ŭ:	Gubat, Ænguz Губат, Ænгуз	Gusto, Sciaguro Густо, Сціагуро	Guide Гюид
2) перед e, i и y (v)			
	как Дж	как Дж	как же
E:	Geboh, Goerguba Джебоh, Джеоргуба	Gentile, Gelato Джентиле, Джелато	Gerome, Georges Жероме, Жеорж
i:	Gitrj, Giр Джитри, Джип	Girolamo, Oggi Джироламо, Оджжі	Gibien, Girard Жибиен, Жирар
У (v):	Gyzæl, żæsugvqæsu Джузæл, Дзауджvqay		Gumnase, Gypse Жиманаз, жипс
При сочетаниях Ге и Ги следует вставлять h: Gaghi, Ghiso, Ghina, Ghino, Ghino ghis, Hæsræghyl, Carchyl. Гагі, Гисо, Гина, Гино, Гино гис, Хæрæгvл, каркvл.			
Как это принято в итальянском:			Quadriga — quadrighe куадріга — куадріге
Если перед A / Æ, O и U / Ŭ понадобится Дж, то вставить i: Giambot, Giafar, Lloid-Giorgi, чтобы не вышло Гамбот и т.д. Джамбот, Джіафар, Ллойд-Джіордж.			

Проект **Г. Дзагурова.** Проекта, представленного в конкурсную комиссию, не оказалось. Проект разработан позднее.

«Вопрос о реформе осетинской графики имеет длинную историю. Им занимаются специалисты и не специалисты. Ему уделено очень много внимания и Осетинским историко-филологическим обществом, общее собрание которого после детального обсуждения данного вопроса постановило в основу осетинской графики положить латинский шрифт. Проект осетинской графики с латинской основой должен был представить тот, кто занимался разработкой и разрешением этого вопроса. Так как было опасение, что такой проект может и не поступить в правление Осетинского историко-филологического общества, то для избежания такого положения поручено выработать проект графики мне и А.А. Тибилову. Проект был выработан, но мы, во-первых, встретились с большими затруднениями при осуществлении всех требований, какие были приняты правлением Осетинского историко-филологического общества; ввиду таких требований для родного звука (ч, ӌ) не было найдено начертаний. Для остальных звуков начертания были взяты из трех языков: латинского, греческого и русского. Проект этот был составлен (мной), так как А.А. Тибилов был отвлечен работой в Южно-Осетинском ревкоме и не мог более принять участие в выработке графики. Ввиду этого проект графики пришлось, в силу необходимости, выработать мне одному. Считаю нужным сказать прямо, что не считаю свой проект совершенным и непогрешимым; в нем, может быть, много недостатков, но с другой стороны, и то нужно сказать, что если проект осетинской графики с латинской основой не будет принят теперь, то нужно будет отказаться раз и навсегда от мысли о переходе на латинскую графику.

В основу своего проекта я положил латинский шрифт в его чистом виде. Латинскими знаками покрываются следующие звуки осетинского языка: a, i, e, o, y (для v); k, q, h, x, t, р, c, b (для б); v (для в); g (для г); m, n, r, l. d, f, s, z, j (для йот); w (для У неслогового).

Для остальных звуков осетинского языка приходится комбинировать знаки латинского языка, чтобы таким образом избежать заимствования из других языков. В этом случае, для последовательности и в целях сохранения международности шрифта, я намеренно не выполнил одного требования Осетинского историко-филологического общества, а именно: пришлось прибегнуть к надстрочным знакам, которые в большом ходу в других языках культурных народов.

Для кавказских звуков мною приняты следующие начертания: kh (для К)); ρh (п)); th (т)); ċh (ч)); dz (дз); ġ (или же dž (дж); н (носовой н в дигорском зыке); ċ (ч); ṡ (ш); ż (ж) и А (или Æ или же ä).

В одном случае мной оставлено старое начертание для обозначения придыхания: h. Его можно при желании заменить с (греческим знаком). Совершенно выбросить его нельзя. Остались совершенно без обозначения так называемые средние: s, z; это сделано намеренно, так как, по моему мнению, развитие всех наречий осетинского языка идет в том направлении, что со временем в языке останутся только чистые s, z или ṡ, ż

В пяти случаях пришлось прибегнуть к надстрочному знаку (в виде точки над буквой): Ṡ, Ż, Ċ, Ċh, ġ.

В одном случае пришлось оставить сочетание двух букв для обозначения одного звука: dz.

Особенно много затруднений было со звуком æ. Сначала я предполагал взять начертание из греческого языка α но потом, по некоторым соображениям, я отказался от него и остановился на начертании А. Если оно почему-либо неудобно, то можно оставить старое начертание æ.

Всех знаков в осетинском языке, по моему мнению, оказалось 39.

Повторяю, что не претендую на совершенство своей графики; если найдется более совершенный проект, то следует его принять, чтобы покончить раз навсегда с вопросом об осетинской графике.

(26 апреля 1921 года, город Владикавказ).

Проект **Б. Алборова.** Основные положения взгляда Б. Алборова на реформу осетинской графики были известны еще с 1917 года. В заседании общего собрания Осетинского историко-филологического общества 15/X 1921 года при разборе проектов он их изложил несколько полнее. Основные положения его появились и в местной газете (см. «Горская правда» № 5, от 24/V 1921 года) под следующим заглавием: «Эволюция осетинских письмен и примерная осетинская графика. К вопросу об установлении единообразного осетинского алфавита и графики».

Основные положения доклада Б. Алборова, читанного на общем собрании членов Осетинского историко-филологического общества 15-го мая сего года).

1) С начала возникновения осетинской письменности по настоящее время в основу осетинского алфавита клались алфавиты: церковнославянский (архимандрит Гай), грузинский (И. Ялгузидзе), латинский (Розен и др.), русский (академик Шегрен и др.), из которых благодаря труду Шегрена и Всев. Миллера привился только последний.

2) Система начертаний, положенная в основу осетинской графики, пополнялась знаками, заимствованными и вновь образованными при помощи: а) сочетания букв, б) диакритических знаков, и в) изменения формы букв основного алфавита прибавлением какой-либо частицы или какого-нибудь элемента других букв.

3) Ни один из указанных принципов пополнения знаками основного алфавита не выдержан последовательно до конца в существующих системах осетинской графики вследствие того, что составители их принимали во внимание, главным образом, цели научно-теоретические, а не педагогические, прикладные — «быстрое обучение чтению-письму на родном языке».

4) Ввиду неправильного представления о природе некоторых звуков осетинского языка и составе его алфавита у разных издателей осетинских текстов и исследователей осетинского языка одни и те же звуки обозначаются до последнего времени разными знаками, неблагоприятно влияющими на механизм чтения и письма.

5) Для практических целей нет надобности отмечать всевозможные оттенки звуков (например: смягченные согласные и прочее), как это принято при научной записи текста, а потому во всех трех диалектах осетинского языка особыми знаками для практического алфавита следует обозначить только следующие 41 основных звука:

А, А — среднерядное. Б, В, Г, Г — придыхательное, Х, Х — слабое придыхательное, Д, Е, Ж — диалектически в южноосетинском наречии, Дж — слитный из Д и Ж, «З», ДЗ, З — среднее между Ж и З (в иронском диалекте), И слоговое, И несложговое (полугласное), I — звук средний между А среднерядным и И слоговым, обозначаемый знаком русской «ижицы»,

К, К с крепким отрезом, Л, М, Н, Н — носовое (дигорский диалект), О, П, П — с крепким отрезом, Р, С, С — звук средний между С и Ш (иронский диалект), Ш, (южноосетинский диалект), Т, Т с крепким отрезом, У слоговое, У неслоговое, Ф, Ц, Ц — слитный знак из Ц и верхушки Т (по Шегрену) Ч, Ч — слитный знак из Ч и верхушки Т (по Шегрену), К — глубоко-гортанный, обозначаемый в осетинской графике со времени Шегрена через латинское Q.

6) Из всех алфавитов, легших в основу осетинского, в целях практических самый удобный русский, во-первых, как алфавит культурного народа, на языке и письменности которого воспитывались и будут воспитываться еще долгое время осетины в силу исторически сложившихся обстоятельств, во-вторых, потому что для изобретения добавочных знаков он представляет больше преимуществ перед другими алфавитами и особенно латинским.

7) В изобретении добавочных к русской графике знаков в целях педагогических нужны принципы: а) заимствования из других алфавитов; б) образования новых знаков путем сочетания букв и в) диакритизации надстрочных и подстрочных знаков отставить и принять принцип изменения формы букв принятого в основу алфавита путем упрощения или усложнения формы буквы.

8) Ввиду того, что ребенок (и начинающий писать взрослый) затрудняется в изображении почти каждой линии букв, последние должны быть, по возможности, простыми, четкими и удобными для установления связи с последующими элементами букв или целыми буквами.

9) Исходя из педагогических соображений, «возможно в кратчайший срок с наименьшей затратой энергии научить читать и писать», в практической графике рукописные и печатные буквы, с одной стороны, заглавные и строчные с другой, по своим очертаниям по возможности должны совпадать друг с другом и там, где они не совпадают, заглавные отбросить и заменить их строчными, отличающимися только по своей высоте.

10) Имея в виду, что письмо должно идти «генетически», то есть, что каждая последующая буква должна быть по возможности основана на изменении предыдущей с прибавлением нового элемента, все эти звуки осетинского языка, «парные» русским, то есть не «идентичные», но близкие по акустическому впечатлению русским, следует обозначить знаками этих последних с привнесением к ним отличительного элемента, наиболее приемлемого с точки зрения теории письма.

11) Руководясь вышеизложенными положениями, для всех трех диалектов осетинского языка можно предложить следующую примерную практическую графику (за неимением в типографии рукописных букв даются печатные строчные буквы):

«а», «а» с загнутой волосной нижней линией налево, потому что по акустическому впечатлению в нем больше элемента «а», чем «е», «б», «в», «г», «г» — с загибом нижней волосной линии налево: «х», «х» слабое придыхательное с загибом правой нижней волосной линии налево; «д», «ж», «з» — среднее между «ж» и «з», с нижней частью, не загибающейся вперед: «з» — для выражения «з», общего русскому и осетинскому языкам; «ж» для выражения слитного «дж» с загибом правой нижней волосной линии налево, потому что по акустическому впечатлению в нем больше элемента «ж», чем «д»; «з» с углублением в верхней части, для выражения слитного «дз», потому что в нем больше элемента «з», чем «д»; «е», «і» — (без точки) — для выражения слогового «и»; I для выражения звука среднего между «а» среднерядным и «и» слоговым; и (без точки) для выражения «и» неслогового, с правой нижней волосной, загнутой налево; «к», «к» с загнутой правой нижней волосной налево, над строкой, «к» — с загнутым концом прямой вертикальной налево, знак для выражения глубоко-гортанного звука; «л», «м», «н», «н» — носовое с загнутой нижней волосной налево; «о», «п», «п» с загнутой нижней волосной линией налево для выражения «п» с крепким отрезом, «р», «с» для выражения русско-осетинского «с»; «с» — с загнутой нижней частью налево для выражения звука среднего между «с» и «ш»; «т», «т» — с крепким отрезом с загнутой нижней волосной линией налево над строкой; «у» — слоговое, «у» неслоговое, изображаемое знаком «у» слогового без загиба налево в нижней части: «ф», «ц», «ц» — с пламеневидным углублением в нижней кривой; для изображения слитного осетино-кавказского «ц» «ч», «ч» — с пламеневидным углублением в левой верхней части для передачи изображения слитного знака «ч» осетино-кавказского, потому что при изображении осетино-кавказских «ц», «ч» исходим не из их происхождения, а из акустического впечатления, производимого ими.

12) Принимая во внимание, что звуки «ж», «ш», «н» — носовое «з» и «с» средние, встречающиеся только диалектически, с развитием осетинской литературы и распространением русского языка и литературного русского произношения совпадут с «з», «с», «н» — основными, можно эти звуки в общеосетинском литературном языке не обозначать особыми знака-

ми, и в таком случае примерная осетинская практическая графика литературного языка может быть представлена при помощи остальных вышеозначенных знаков.

15 мая 1921 г. в заседании общего собрания Осетинского историко-филогического общества комиссия по рассмотрению проектов осетинской графики доложила общему собранию результаты своей работы. Докладчиком комиссии выступил А. Тибилов.

Он огласил следующий отзыв о представленных проектах.

а) Проект **С.К. Тибилова.** При внимательном изучении проекта выясняется, что он страдает рядом существенных недостатков. Хотя, по-видимому, автор берет для своего проекта латинскую основу, тем не менее, он не проводит ее последовательно даже в тех случаях, где предоставляется для этого полная возможность; для выражения звука «е» он пользуется готическим начертанием, а латинский письменный знак «е» он оставляет для обозначения нашего звука, среднего между закрытым «а» и слоговым і. Помимо этого в проекте С.К. Тибилова многим буквенным знакам усваивается не то звуковое содержание, которое они имеют в алфавите, из которого они извлекаются автором кроме отмеченною уже «е», Тибилов предлагает обозначать наш закрытый *а* латинской буквой «*υ*», наше «*у*»-неслоговое — русской буквой ш, наше ч — латинской буквой *q*. Не менее существенными дефектами проекта Тибилова является и тот момент, что в нем наблюдается несколько странное смешение элементов готического стиля с округленными формами латинского.

Исходя из этих органических недостатков проекта Тибилова, комиссия признала его неудовлетворительным.

б) Проект **Дзангова.** Проект Дзангова отвергается комиссией, так как в нем не меньше принципиальных ложных положений, чем в проекте Тибилова. Дзангов, как и автор первого проекта, для специфических звуков осетинского языка привлекает буквенные начертания других алфавитов, главным образом русского, но коренным образом меняет звуковое содержание этих начертаний: осетинскую звуковую единицу З он выражает русским *ж*, осетинское г — русским ъ и т.д., осетинское *ч* — w, а ӌ — русским *я*. Наконец, у Дзангова нет ясного представления о природе не только латинских, но и наших звуков, в противном случае он для нашего звука *х* не считал бы эквивалентным знаком букву латинское *h*.

в) Проект **Хетагурова.** Очень много уязвимых мест и в проекте Хетагурова. Хотя историческое происхождение и греческого, и латинского письма идет из одного источника, однако структура греческих букв и латинских резко отлична в отношении стиля. Хетагуров упускает из виду это и, пользуясь латинской основой, злоупотребляет элементами греческого алфавита, отсюда необычайная пестрота и нарушение элементарных требований эстетического вкуса во всем проекте Хетагурова. Этим, однако, не исчерпываются отрицательные стороны этого проекта. Автор произвольно усваивает латинскому *g* значение осетинского *дж*, причем это же *g* в английской вариации употребляется им для обозначения осетинского дж.

Принимая во внимания эти соображения, проект Хетагурова комиссия считает неудовлетворительным.

г) Проект **Цебоева.** В основу своего проекта Цебоев кладет международный шрифт, построенный на латинском алфавите. Имея некоторые неоспоримые достоинства вроде последовательного проведения основного принципа, проект Цебоева в корне противоречит главным условиям конкурса. Цебоев широко пользуется для характерных звуков осетинского языка методом двойных букв и диакритических знаков. Помимо этого, у Цебоева печатные буквенные знаки отличаются от рукописных, заглавные от строчных.

Комиссия не считает возможным принять и этот проект.

д) Проект **Алдатова.** Проект Алдатова отличается некоторою оригинальностью в задании. Алдатов делает попытку учесть психологические законы народного творчества, поскольку оно проявилось в тавровых знаках. Очевидно, исходя из этого, если можно выразиться «таврового» принципа, автор проекта, базирующийся, по его собственному утверждению, на латинской основе, часто пользуется русскими буквенными обозначениями даже там, где можно употреблять латинские знаки; так, вместо латинского Алдатов предпочитает пользоваться русской или правильнее греческой ѳ. Весьма случайный характер носит и метод объединения Алдатовым звуков нашего языка в родственные семейства. Неудовлетворителен проект Алдатова и с точки зрения полноты выражения главных звуковых единиц осетинского языка: в алфавите Алдатова 34 буквенных знака осетинского языка, тогда как у нас не менее 39 основных звуковых оттенков. Наконец, в проекте Алдатова большое сходство между буквен-

ными знаками, выражающими наше среднее между закрытым «а» и слоговым і и ρ в латинской транскрипции.

Принимая во внимание эти недостатки проекта Алдатова, комиссия не признала возможным остановиться и на этом проекте.

е) Проект **Баракова.** Более удачной надо признать попытку Баракова построить осетинскую графику на международном алфавите. Но и проект Баранова не чужд тех существенных недостатков, которыми отличаются и другие проекты. По примеру других и Бараков усваивает своим буквам не тот звуковой эквивалент, который они имеют в алфавитах, из которых они привлекаются: осетинское «з» изображается автором через *з*, осетинское *k* (с твердым отрезом) обозначается русским г, осетинское ӷ через русское э, осетинское закрытое «а» выражается через ь и т.д. Кроме того, у Баракова печатные буквы резко отличаются от рукописных, строчные от заглавных. На этом основании проект Баракова отвергается комиссией.

ж) Проект **Багдаева.** В проекте Багдаева одна положительная сторона — это стремление базироваться на данных знакомства с другими языками. Но эта положительная сторона не искупает тех органических пороков, которыми страдает проект. Багдаев делает ненаучное предположение о возможности изгнания из осетинского языка чуждых ему звуков с твердым отрезом и считает лишним изобразить их особыми письменными знаками. Не совсем ясно у Багдаева и представление о существе наших звуков, поэтому он и передает осетинский звук «х» через латинское «h», наше «у» — неслоговое чер. «u», как «у» слоговое. Помимо этого Багдаев упускает из виду, что осетинское письмо вырабатывалось не исторически, а строится на звуковом принципе и нельзя создавать такую сложную систему значений буквенных знаков, подобно романским народам. Введением диакритических знаков (варианты изображения нашего закрытого а, изображение нашего Ц через С, Ц̓ через С̓, К через С, Г, дж через G, х, h через h, з, Дз, через Z, П, П̓ через Ρ, Т, Т̓ через Т, К̓, Ч̓ через К различением печатных букв от рукописных, строчных от заглавных, смешением стилей готического с овальным латинским. Багдаев окончательно скомпрометировал свой проект, а потому Комиссия вынуждена была признать и его неудовлетворительным.

з) Проект **Г.А. Дзагурова.** Комиссия отвергла и проект Г.А. Дзагурова, так как он, по его собственному признанию, не выполнил требования историко-филологического общества, не прибегать к надстрочным знакам и сочетанием нескольких букв для выражения одного звука. В проекте Дзагурова любопытна пояснительная записка, в которой автор останавливается на тех затруднениях, на которые он наталкивается и которые неизбежны при составлении осетинской графики на латинской основе.

и) Проект **Б.А. Алборова.** Проект Б.А. Алборова представлен в двух вариантах — на русской и латинской основе. Комиссия в этом обстоятельстве усматривает, что у автора нет твердого убеждения в преимуществе той или другой из этих основ. Несмотря на попытку автора создать два параллельных проекта на разных основах, методы и принципы его работы в обоих случаях не разнятся друг от друга. К этому надо прибавить, что только проект Алборова удовлетворяет всем формальным требованиям условий конкурса: в нем нет двойных буквенных начертаний для одного звука, нет диакритических знаков (подстрочных и надстрочных), он последовательно проводит метод изменения формы букв. К сожалению, самое выполнение Алборовым его задания нельзя признать удачным. Основной прием Алборова при подборе письменных знаков для специфических звуков осетинского языка сводится к изменению формы букв введением «пламевидных», по терминологии автора, элементов или к загибу волосной нити соответствующей буквы. И тот и другой прием создают ряд практических неудобств, осложняя и без того хаотическое состояние, в котором находится до сих пор осетинская графика. В самом деле «пламевидный» элемент, помимо нарушения своим остроконечным, готическим характером округленного латинского стиля, будет вызывать для своего начертания большую затрату психологической и мускульной энергии, особенно у детей. Что же касается загиба волосной нити, то он в большинстве случаев представляет из себя поднятие под строку знаменитой ножки Шегрена, с которой ведет борьбу с самого начала художественный вкус осетинского народа. В рукописи эта подобранная под строку ножка неизбежно будет расплываться в пятно.

Исходя из этих существенных недочетов проекта Алборова, комиссия признала его неудовлетворительным, заключение. Отвергнув все проекты, комиссия тем не менее полагает необходимым внести на обсуждение общего собрания Осетинского историко-филологического общества следующие предложения

1. Создать научную комиссию, которая использует все проекты как сырой материал и создаст относительно совершенную осетинскую графику на латинской основе.

2. Изменить условия конкурса ввиду того, что они по своей суровости невыполнимы.

По оглашении отзыва комиссией была дана возможность высказаться каждому из авторов проектов.

Высказались только следующие лица:

1. Г. Бараков, который еще раз подчеркнул свою приверженность латинской графике и совершенство своей графики, указывая при этом, что его проект комиссией не понят.

2. Б. Алборов, который заявил тоже самое в защиту своего проекта в приводимой ниже форме (приложение № 2).

3. Дзагуров, не высказываясь в защиту своего проекта, заявил, что условия конкурса, выработанные правлением и не утвержденные общим собранием, невыполнимы, и предлагает отвергнуть их и 1) раз и навсегда решить вопрос о графике, так как вопрос не терпит отлагательства; 2) создать комбинированный проект графики и для этого принять предложения комиссии.

После жарких прений были приняты предложения докладчика А.А. Тибилова:

1. Избрать научную комиссию для создания относительно совершенной осетинской графики.

2. Изменить условия конкурса.

(См. протокол общего собрания Осетинского историко-филологического общества от 15 мая 1921 года № 14, п. 1).

Вопрос о графике вновь стоял на общем собрании Осетинского историко-филологического общества 22-го мая 1921 года.

Предложено было заняться рассмотрением предложения комиссии, а не заниматься вновь рассмотрением проектов. Алборов в подходе к вопросу о его графике усмотрел недостаточно объективное отношение и отказался от участия в дальнейшем разрешении этого вопроса, сделав нижеследующее заявление:

«Выслушав объяснения А.А. Тибилова, докладчика комиссии по рассмотрению проектов осетинской графики, считаю долгом своей научной и педагогической совести заявить нижеследующее:

1. К рассмотрению моего проекта комиссия отнеслась недостаточно внимательно: она не потрудилась даже, как это принято при всякой научной критике, подвергнуть предварительно оценке мои основные положения и, исходя из их приемлемости или неприемлемости, судить о том, насколько удачно разрешен на практике вопрос о добавочных знаках.

2. Замечание докладчика комиссии о том, «что у автора, по-видимому, нет определенного устойчивого взгляда, чему больше сочувствует, латинской или русской основе», как раз подтверждает невнимательное отношение к основным положениям проекта, где в п. 6 автор определенно выступает защитником русской основы; если же он в таблице приводит параллельно и латинскую основу, то это не для того, чтобы защищать ее, а чтобы нагляднее показать, как трудно при помощи 24 латинских знаков обозначить 36 осетинских звуков.

3. Комиссия недостаточно разобралась и в том, что новых элементов букв, трудных якобы для письма, я не вношу совсем: пламеневидный элемент, употребляемый мною для отличия осетино-кавказских Ц и Ч, встречающихся, кстати сказать, в осетинском языке, редко употребляется для соединения двух прямых вертикальных палочек русской буквы «Н», что же касается волосного загиба налево, то он имеется в букве «у» и многих других заглавных буквах.

4. Ссылка докладчика комиссии, что рука его при изображении буквы для «А» закрытого, стараясь делать привычные движения, не в состоянии правильно передать предлагаемый мною знак, не может, конечно, служить научным аргументом, во-первых, потому что у докладчика нет твердого и ясного почерка, а во-вторых, потому что у него действительно доминируют привычные движения, как у всякого научившегося писать, которых нет у ребенка и начинающего писать взрослого, следовательно, для них не может быть и затруднений, указываемых комиссией.

5. Указание докладчика, «что загибы автора напоминают загибы Шегрена», не соответствует действительности ни с точки зрения научно-теоретической, ни прикладно-педагогической: автор отнюдь не придает шегреновским К, П, Т (с придатком придыхательного знака значение русско-осетинских К, П, Т, и отличительный знак-загиб налево не является у него механическим и неуклюжим придатком, как у Шегрена, а естественным продолжением линии над строкой.

6. Допуская в практическом разрешении вопроса кое-какие пробелы в начертании тех и или иных букв, которые могли бы яснее выступить и быть исправленными после ряда опытов письма с детьми к начинающими взрослыми, я полагаю (вновь подтверждаю и во всеуслышание заявляю), что только русская основа с применением принципа изменения формы букв может удовлетворительно разрешить, с точки зрения прикладно-педагогической, вопрос о графике осетинской.

К этому заключению неизбежно приводят нас статистические данные о достоинствах и недостатках латинской графики, которые суть следующие:

а) достоинства: 1) принята у западноевропейских народностей и может облегчить усвоение их график; 2) формы букв, за небольшим исключением, более просты по своему очертанию, чем русские.

б) недостатки: по значению звуков: 1) всех знаков 24 и ими нельзя выразить 36 осетинских звуков, не уклоняясь от округлости и простоты латинских букв; 2) из этих знаков только 20 передают звуки осетинского алфавита, остальные же 4, как, например q, x, h, не совпадают по своему произношению с осетинскими (звучат, как «К», «КС», придыхание, «Л» мягкое; 3) некоторые из этих знаков в разных положениях имеют разное значение, например, «с» равняется русскому «Ц» и русскому «К», «Т» и др. По форме: 4) строчные и заглавные, с одной стороны, печатные и рукописные, с другой, не всегда совпадают друг с другом, например, Gg; Ra.

1. Из 24 букв полное совпадение наблюдаем в 8-ми случаях в отношении заглавных и строчных печатных букв, например, C, K, O, P, S, V, X, Z.

2. Не совпадают совсем рукописные знаки в 15-ти случаях, например: Aa, Bb, Дd, Ee, Ff, Gg, Hh, Ii, Ll, Mm, Nn, Pp, Rr, Tt.

3. Частичное совпадение наблюдаем в 7 случаях, например: Ee, Ff, Ii, LI, Tt, Uu, Уу.

4. И полное несовпадение в 9-ти остальных случаях.

5. Некоторые из букв латинской графики по своему начертанию не менее сложны, чем русские, например: g, R.

6. Многие из букв по своему начертанию совпадают с буквами русского алфавита, следовательно, если последние страдают недочетами, то страдают этими недочетами и первые (сравнить, например: русско-латинские буквы: Aa, Bв, в значении «б» русского. Cc — в значении «с» русского; Д — рукописное (D), Oo, T — заглавное печатное; Д — рукописное, опущенное вниз за строку в значении латинского Г(g); «H» — совпадающее в начертании с русским «Н», K, i, в том же значении, что и в русском.

7. Элементы печатных и рукописных букв русских входят в состав следующих латинских букв: F, T, U = «и» русскому.

8. Так как непосредственного сношения с западноевропейцами не имеем и не находимся под их непосредственным культурным воздействием, не пользуемся в такой мере их письменностью, в какой русской, первое из отмеченных преимуществ графики латинской не может иметь решающего значения в принятии за основу осетинской графики латинских начертаний.

9. Второе кажущееся преимущество имело бы относительное значение только в том случае, если бы знаками латинского алфавита можно было обозначить все звуки осетинского языка, не нарушая округлости и четкости латинских букв, чего, исходя из педагогических соображений, труднее добиться, чем при помощи русской графики.

10. На основании всего вышеизложенного я предлагаю вновь продлить конкурс без изменений условий его, а до окончательного утверждения той или иной системы графики отлить шрифт по образцам, предложенным первым Всеосетинским учительским съездом». (См. архив общества).

Г.А. Дзагуров в ответ на выступление Б. Алборова заявляет, что с Б. Алборовым нельзя согласиться по следующим соображениям:

1. Для рассмотрения проектов была избрана особая комиссия, которая, рассмотрев все проекты, забраковала все и не остановилась ни на одном.

2. Комиссия внесла два предложения:

1) Избрать научную комиссию для выработки относительно совершенной графики на латинской основе.

2) Изменить условия конкурса, так как они слишком суровы.

3) Данное его выступление нужно рассматривать как желание навязать во что бы то ни стало русскую основу осетинской графики.

4) В основу осетинской графики должен лечь латинский шрифт, как это было принято на общем собрании общества против одного (!).

5) Русская основа осетинской графики была разрешена только с той целью, чтобы не стеснять свободы творчества в том предположении, что может найтись такой автор, который на русской основе смог бы представить такой проект осетинской графики, что убедит всех в нецелесообразности принятия латинской основы.

6) Условия конкурса могут быть изменены, как это предлагает комиссия, так как формально они не были проведены через общее собрание (sic!). Они были выработаны по предложению общего собрания Правлением, но по оплошности или простому недосмотру не были проведены через общее собрание (sic!) Он предлагает принять оба условия комиссии.

А. Коцоев «пояснил», что графика западноевропейских государств надстрочные и подстрочные знаки допускает, и поэтому он предложил условия конкурса отменить и допустить и сочетание двух букв. Проект же Алборова отвергнуть, так как он изменил форму почти всех букв, и заказ шрифта обойдется в миллиард рублей, каковых средств нет. Он предлагает: 1) признать только латинскую основу, 2) допустить надстрочные и подстрочные знаки, 3) допустить сочетание букв для выражения одного звука.

А. Тибилов, как и раньше, занял нейтральную позицию и предложил «или выработать свою национальную графику, не похожую ни на какую, считаясь с двумя требованиями: с удобством и изяществом письма, или же выработать графику на латинской основе, так как латинская графика всемирно известная и отличается большими преимуществами, чем русская»; затем он высказал общие соображения относительно требований к графике; сохраняя свободу творчества, соблюдать научность, педагогическую практичность и выдержанность принципа.

Г. Бекоев предложил условия конкурса изменить и объявить новый конкурс без всяких определенных условий.

Г. Бараков тоже поддержал его, заявив, что в «вопросе о графике никакой научности не надо».

Принято: 1) Условия, выработанные правлением, считать невыполнимыми и подлежащими изменению.

2) Окончательное утверждение проекта предоставить Осетинскому историко-филологическому обществу, но до этого вопрос обсудить по возможности на учительском съезде и запросить мнение опытных учителей.

3) Авторам проектов на латинской основе предоставить полную свободу. Алборов, согласно его заявлению, не принимал участие в голосовании, была избрана комиссия в составе: А. Тибилова, А.М. Абаева, А. Г. Карсанова с заданием 1) составить комбинированный проект на основе представленных проектов; 2) допускается подача новых проектов на латинской основе.

В связи с постановлением комиссии страсти разгорелись до того, что нашлись люди, которые обвинили председателя общества Б. Алборова в том, что он конкурсные требования приспособил к характеру своего проекта. Алборов подал заявление об уходе с поста председателя общества, по поводу чего Г. Дзагуров выступил со следующим заявлением: «Не могу не протестовать против выражения Алборова, что я прибег к демагогическим приемам при рассмотрении вопроса о графике». П. 4. «В своих выступлениях я поддерживал предложения комиссии и находил, что условия конкурса подлежат изменению, так как они формально не были проведены через общее собрание.

4) Условия конкурса были выработаны правлением по предложению общего собрания, но «по оплошности ли правления, по простому недосмотру или по какой-либо другой причине» они не были проведены через общее собрание.

5) На непроведение условий конкурса через общее собрание я указывал как на формальное основание, которое дает общему собранию право их отвергнуть, не говоря уже о том, что комиссией эти условия признаны суровыми.

6) В реплике Г. Баракова (я ее не слышал), что проекты выработаны были раньше условий, не считаю себя нисколько виновным, так как я с ним не говорил на эту тему и вообще между нами огромное расстояние.

7) Я считал и считаю выступление Б.А. Алборова в защиту своего проекта на общем собрании лишним, так как общему собранию, состоящему из людей некомпетентных, неинтересны тонкости филологических споров; такое выступление уместно, по моему мнению, на заседании специальной комиссии.

8) Не выступил с критикой других проектов потому, что я сам являюсь автором проекта.

Алборов удовлетворился объяснением и остался на посту председателя общества.

(Протокол № 25 заседания правления Осетинского историко-филологического общества 23-го мая 1921 г).

Между тем на спешку в составлении проекта графики опять начал оказывать действие Багдаев. Так мы имеем в делах общества письмо Багдаева о необходимости латинск. графики и о том, что и русские обсуждали вопрос о характере своей графики (письмо от 26 июня 1921 г).

Другое письмо его в Осетинское историко-филологическое общество от 14 июля 1921 г. № 808, о заказе шрифта и, наконец, третье на имя Губади Дзагурова от 30 августа 1921 г., что латинские шрифты можно получить до 40—50 п.

Проект доктора **Туганова**. Проект свой доктор Туганов представил в Народной комиссии просвещения Горской республики[52] полагая, что осетинские организации его провалят. Наркомпрос, однако, направил этот проект на рассмотрение осетинского ОНО[53]. В отношении на имя завОНО Осетии автор проекта свои задачи определяет так: «Цель моей работы — создать интернациональный алфавит — работа трудная, а между тем для чисто медицинских целей — распространения сведений по предупреждению болезней среди всех народностей, необходимо прийти к определенному результату».

Проект доктора **Туганова** заключается в следующем:

Internacional'nyi alfavit

A a	*A a*	а	I i	*I i*	и	S s	*S s*	с
B b	*B b*	б	K k	*K k*	к	T t	*T t*	т
V v	*V v*	в	L l	*L l*	л	U u	*U u*	у
G g	*G g*	г	M m	*M m*	м	F f	*F f*	ф
D d	*D d*	д	N n	*N n*	н	Y y	*Y y*	ы
E e	*E e*	е	O o	*O o*	о	Q q	*Q q*	—
J j	*J j*	ж	Ρ ρ	*P p*	п	H h	*H h*	—
Z z	*Z z*	з	R r	*R r*	ρ	C c	*C c*	ц

К своей таблице он дает следующие объяснения[54].

Переход от гортанного х — к придыхательному.

Gh — Ghabar на многих языках хабар.
Ghorz — осетинское — хороший.
Gholty — ингушское — сыр и т.д.

Kh — русское холод по-русски х.
Khuabe — тепло по-кабардински.
Qunokhussa — честный — по-каз.-кумыкски.

H — Behneg — голый по-осетински — мягкое х.
Helha — ингушское — по-ингушски.
Hancu — родня — каз.-кумыкское.
Huriet — свобода — кумыкское.

H' — придыхательное х.
H'oma — осетинское де (говорят — де).
Gyh'ol — небо — кумыкское.

G' — говорить по-малороссийски смягченное придыхательное г.
Adyg'e — кабардинец — по-кабардински.

Q — Ближе к русскому к.
Qitab — книга — по-кумыкски
Qarm — теплый — осетинское
Qui — баран — кумыкское.

Q’ — предыдущая с внезапным прекращением дыхания.
Naq’ — нет — осетинское.
Fuq’ — яйцо — ингушское.
Siaq’m — нет — кабардинское.

Е — Э.

Ie — Iete — пить — по-кабардински.
Diendjyz — море — по-осетински.

Е — День по-русски.
Dendag — зуб — по-осетински.

Ae — Э. — Aeto — это — по-русски.

G перед **К**; **D** перед **С**, **GZ** и **Т**; **В** перед **Р** произносится в местных наречиях слитно, растворяясь в них, причем последующие буквы делаются жесткими (или реже происходит ассимиляция).

Gk — Gkugh — рука — по-осетински.
Gkua — он — каз.-кумыкское.

Dc — Dciu — птица по-осетински.
Dcibur — болит — каз.-кумыкское.

Dcz — Dczyr — известь — по-осетински.

Dt — Dtebertt — бег — по-осетински.

Bр — Byrybруf — дикий помидор — по-осетински.

Zch — ш.

Cz — ч — czai — чай.

Scz — щ — sczavel' — щавель.

Ia — я; ü, oe, ou, oy, ouy, ë, ö — понятны.

Iu — ю; ’ — знак временной задержки дыхания (naq’ — осетинское).

Ia — иа; **‘** = знак смягчающий согласные буквы (den’ — день).

Iu — иу.

Ie — (Ѣ) — е.

Ie — ие.

Осетинский язык иронское наречие: **s, z.**

S — произносится — ssch — сш.

Z — произносится — zj — зж.

После d буква z, в виде исключения, произносится как и в других языках за «з». Здесь после d звук «зж» заменяется буквой j.

Оценка проекта доктора Туганова поручена была правлением А.А. Тибилову. Доклад последнего о проекте Туганова заслушан в заседании правления 14 мая 1922 г. (см. протокол № 6 от 14/V 1922 г. П. I.). А.А. Тибилов дал следующую оценку его:

«Проект доктора Туганова лишний раз подтверждает, какую сложную задачу представляет из себя построение осетинской графики на латинской основе и вообще на европейской основе. Несмотря на применение им экспериментального метода, при выяснении и определении природы осетинских звуков, их артикуляционных баз, ему не удалось преодолеть тех затруднений, с которыми неизбежно сталкивались авторы всех проектов осетинской графики и комиссии историко-филологического общества.

1. Заимствование начертаний латинских, греческих и готических недопустимы с точки зрения элементарного эстетического вкуса.

2. Осетинские звуки обозначают неэквивалентные знакам латинской графики: *r* обозначает французское r, *æ* через e и т.д.

3. Слоговое и неслоговое У обозначается через u.

4. Звуки с крепким отрезом обозначаются двойным начертанием: К через *gk*, *Т* через *dt* и т.д.

5. Двойные начертания произвольно обозначают звуки осетинского языка; осетинское d + греческое ʒ = осетинское дз, осетинское d + cz = осетинское ч.

6. Неудачное обозначение осетинского *h* при помощи латино-греческого двойного буквенного знака.

Тибилов предупреждает общество, но общество остается при старой графике (см. приложение к протоколу № 6 от 14/V 1922 года).

Для полноты материала не лишне ознакомиться и с проектом осетинской графики школьного работника **Лоренца Зейдльмайра** из города Нальчика.

Проект датирован от 28/V 1921 года, но почему-то не попал ни в одну из комиссий по рассмотрению осетинской графики. Не видно в архивах общества и следов того, чтобы проект этот был рассмотрен в заседании правления. Гражданин Лоренц Зедельмайр, как он сообщает в предисловии к своему проекту, при составлении и представлении его на конкурс, руководился следующими соображениями: 1) научность, 2) систематичность, 3) практичность системы не только для осетинского языка, но и для всех языков вообще.

Буквы свои он получает следующим образом. Берет он знак l; его видоизменения дают:

1) закругление нижнего конца направо — *ı* (и), 2) закругление верхнего конца налево *ɣ* (у), закругление обоих концов *ɾ* (м), 4) искривление прямой s (з).

Из этих четырех знаков он образует все остальные знаки через изменение величины:

l (д), *t* (в), *ɣ* (г), Λ (зв. сред. между k и h), ▷ (дз), — (н), *ɾ* криволежащая (ρ), б — через образование петли, *в* — через образование соединенной петли, г) — из сложения знаков.

Алфавит свой он называет «*Universal*». Ввиду неимения в типографии соответствующих знаков мы лишены возможности привести остальные начертания знаков этого проекта.

На одном из очередных заседаний общества заслушан был новый доклад А.А. Тибилова о графике. После прений принят следующий проект осетинской графики.

	Старый	Новый		Старый	Новый
1	а	a	20	у	u
2	б	b	21	в	v
3	ц	c	22	з	z
4	д	d	23	æ	æ
5	е	e	24	v	y
6	ф	f	25	ў	ӣ (w)
7	г	g	26	q	q
8	h	h	27	х	x
9	і	i	28	ш	ṡ
10	j	j	29	ж	ż
11	k	k	30	m,	t’
12	л	l	31	n,	ρ’
13	м	m	32	k,	k’
14	н	n	33	ц	c
15	о	o	34	ҷ	c’
16	п	ρ	35	ч	c)
17	ρ	r	36	ҳ	ç’
18	с	s	37	дз	dz
19	т	t	38	дж	ġ
			39	ӆ	ӆ

Таким образом, в графике приняты следующие знаки отличия:

1) крепкий отрез оттеняется через ˙ или ʼ;

2) неслоговой характер звука *и* обозначается через дубль-*ве* (w);

3) смягчение (выражение комиссии) оттеняется точкой над буквой: Ṡ, Ż;

4) закрытость (выражение комиссии, чего?) не обозначается.

На том же заседании правления оглашено отношение Юго-Осетинского научного общества к проекту осетинской графики от 26 марта 1927 г. за № 4, не подписанное председателем общества Тибиловым, как он заявлял на заседании правления, ввиду того, что протокол составлен помимо его желания. Для выяснения точки зрения Юго-Осетии по данному вопросу, приводим его полностью.

Выписка из протоколов заседаний комиссии, образованной при Наробразе Южно-Осетинокого ревкома, для решения вопроса о переходе на латинскую графику.

Выслушав доклад А.А. Тибилова о работах в Северной Осетии в направлении перехода на латинскую графику и считаясь с существующим в Южной Осетии настроением, Комиссия единогласно высказалась в пользу перехода на латинскую графику.

1) Комиссия признала выставленные Осетинским историко-филологическим обществом конкурсные условия идеальными, но трудновыполнимыми.

2) Комиссия признала допустимым и надстрочные знаки и сочетания букв, но возможно в редких случаях.

3) Считая нежелательным печатание в дальнейшем каких-либо изданий старым шрифтом, недостатки и неудобства коего общеизвестны и принимая во внимание повсеместную тенденцию перехода на латинскую графику, комиссия находит возможным теперь же осуществить этот переход.

4) При этом комиссия не упускает из виду, что в будущем возможны будут в графике частичные изменения.

5) В распоряжении комиссии были материалы, доставленные из Северной Осетии А.А. Тибиловым и материалы, находившиеся в Южной Осетии. Комиссия старалась обойтись только инвентарем латинской азбуки, что избавило бы деятелей по осетинскому издательству от необходимости каждый раз при заказе шрифта изготовлять новые матрицы и, что дало бы возможность в любой европейской типографии печатать осетинские издания. Осуществить эту цель полностью не удалось: для звука, выражаемого русским знаком *ч*, комиссия приняла č, для чего и придется изготовлять новую матрицу. Для выражения осетинских акцентных звуков взято сочетание основных букв с *h*, для *дз* взято польское изображение *dz* — для ж и ш — *zh* и *sh*, для дж условно принято *dj*. Перечисленные сложные комбинации встречаются в осетинской речи сравнительно редко, почему больших затруднений при чтении и письме они не составят. Знак æ, встречающийся в осетинском письме чрезвычайно часто, желательно было бы заменить другим знаком, более легким и удобным для чтения и письма, но комиссия считает возможным примириться до поры до времени и с æ; знак известен и в латыни, и для него имеются готовые матрицы. Знак *X* выражает то же самое, что и в русской азбуке — это единственный знак, которому комиссия нашла возможным условно придать не то значение, какое он имеет в латыни. Во всех же остальных случаях основные знаки сохраняют принадлежащее им значение. Латинское *U* как более легкий и удобный знак взято для У, что встречается в осетинской речи чаще, чем *y*. Для последнего же взято французское комбинированное *ou*.

6) Далее, необходимо расположить новую осетинскую графику в определенном порядке. В учебниках математики и естествознания всех народов, принявших латинскую графику, последняя сохраняет один порядок — алфавит — в таком же порядке, полагает комиссия, придется оставить ее осетинам, то есть акцентные знаки отнести на конец.

Осетинская азбука в алфавитном порядке					
Новая	Старая	Новая	Старая	Новая	Старая
a	*а*	*e*	*е*	*h*	*h*
b	*б*	*f*	*ф*	*i*	*i*
c	*ц*	*g*	*г*	*j*	*j*

Осетинская азбука в алфавитном порядке					
Новая	Старая	Новая	Старая	Новая	Старая
k	*к*	*t*	*т, t*	*æ*	*æ*
l	*л*	*и*	*ӣ*	*ž*	*ж*
m	*м*	*v*	*в*	*kh*	*к,*
n	*н*	*x*	*х*	*ρh*	*п,*
o	*о*	*y*	*ѵ*	*ch*	*ц,*
ρ	*п*	*z*	*з*	*th*	*т, т,*
q	*q*	*æ*	*æ*	*ou*	*у*
r	*ρ*	*dz*	*дз*	*č*	*ч*
s	*с*	*dj*	*дж*	*čh*	*ӵ*
				š	*ш*

Председатель Комиссии (*Тибилов А.А.* по каким-то соображениям отказался подписать бумагу).

Члены
1. *М. Хетагуров*
2. П. *Тедеев*
3. А. Коцоев
4. *Джиоти Пора.*

Несмотря на явное несовершенство некоторых знаков южноосетинского проекта, как-то: *dj (dž), kh, ρh, ch, th, čh* для характерных осетино-кавказских звуков, Осетинское историко-филологическое общество в проекте остановилось только на обозначении звуков для разного типа «*и*»*:* вместо северо-осетинских «*и*» слогового, «w» неслогового было предложено: *и* для *у* неслогового, на том основании, что этот знак встречается гораздо чаще, а для «*и*» слогового, встречающегося реже, двойной знак «*оu*» — и это называлось упрощением. Не считаясь с постановлением Северной Осетии относительно дубль-вэ, Юго-Осетия изгнала этот знак из своих изданий.

Правление, обсудив данный вопрос в продолжительных прениях, в которых приняли участие Б. Алборов, Г.А. Дзагуров, Ц. Гадиев, Г. Гуриев и др. и, рассмотрев его со всех сторон, постановило:

1. Оставить принятую графику без изменений, то есть все три начертания *й (и* долгое), *й (и* краткое) и w для *и* неслогового.

2. Вопрос для окончательного решения перенести на общее собрание.

Правление осталось при своем старом мнении, отвергло новшество Юго-Осетии, и в этом смысле поручено составить ответ тому же А.А. Тибилову. (См. протокол № 6 заседания правления от 14 мая 1922 года, п. 2).

12. Новая латинская графика

Итак, осетины решили для себя, какой графики они будут держаться в дальнейшем, но так как Осетия входила в момент принятия графики в состав Горской республики, то нужно было согласовать эту графику с графикой других горцев, входивших в состав той же республики, иначе сказать, возник вопрос о создании общегорской графики. Вопрос для согласования был перенесен в заседания научно-методического Совета Наркомпроса Горской республики, под председательством профессора общего и сравнительного языкознания В.Б. Томашевского.

4-го августа 1922 года состоялось расширенное заседание научно-методического Совета Наркомпроса Горской республики с участием представителей: Чеченского Наробраза товарища Эльдерханова, Ингушского Наробраза товарища З. Мальсагова, Осетинского Наробраза Г. Дзагурова и от Осетинского историко-филологического общества Г. Бекоева.

На повестке стоял вопрос о соглашении горских алфавитов, докладчиком по которому выступил сам профессор Томашевский. В основу своего проекта он положил четыре принципа:

а) обозначение сходных звуков горцев общими знаками;

б) сохранение для букв латинского произношения;

в) избегание двойных начертаний;

г) введение диакритических знаков, но там, где это принято в европейских языках.

После прений собрание, согласившись с предложением Н.М. Совета, подвергло обсуждению этот вопрос, разбив его на ряд положений, касающихся главным образом различий в алфавите, по которым и вынесло определенное постановление.

Постановили:

а) кавказские звуки с крепким отрезом (п, т, к, ц, ч, и) ингуше-чеченское «Ќ» обозначать двойным начертанием с помощью h;

б) принять для шипящих ч, ш, ж обозначение *č, š, ž;*

в) аффрикаты дз, дж обозначить через *dz, dž;*

г) для иррационального ъ принять обозначение *y;*

д) принять для осетин, для обозначения придыхательного знака «h», для ингушей и чеченцев шегреновское начертание «ɧ» для одного придыхания и «Х» для другого,

е) принять обозначение «айн» через «h»;

ж) для заднеязычного звонкого спиранта принять обозначение его для осетин через «h», для ингушей и чеченцев через «gh».

При голосовании принятых предложений товарищ Алборов остался несогласным с постановлениями собрания по следующим пунктам:

а) звуки «ц» и «ч», по мнению Алборова, не есть звуки с крепким отрезом, как «заднеязычные», двойные начертания с «h» вызывают ложное представление о наличии здесь придыхания; двойное начертание вообще неудобно с педагогической стороны;

б) обозначения «*dz*» и «*dž*» неприемлемо на основании указанных выше двух пунктов положений *в* и *г*;

в) для обозначения иррационального гласного лучше взять принятый уже в науке знак «ə»;

г) для обозначения придыхания лучше, в целях педагогических, изменить шегреновское начертание «ɧ» в начертание «ɦ» (с подтянутой ножкой);

д) для обозначения айн ввиду того, что здесь нет согласного звука, а только особое произношение гласного, взять гласную со знаком ᶜ;

е) неудобно для осетин, с одной стороны, для ингуше-чеченцев, с другой стороны, брать при обозначении звонкого спиранта «г)» разные значки.

Окончательный вид принятой осетино-ингушско-чеченской графики, имеющей в своем составе 37 различных знаков, следующий:

a, b, c, d, e, f, g, h, i, j, к, l, m, n, o, ρ, r, s, t, u, υ, w, *z, y, q, x, č, š, ž, ɧ, x̓, æ;*

а, б, ц, д, е, ф, г, прид., *и,* йот, *к, л, м, н, о, п, р,* с, *т, у, в, ў* несл., *з,* v, *q, х, ч, ш, ж, ɧ, x̓;* специально для чеченц. и ингуш. *а̓, е̓, і̓, о̓, и̓.*

Двойные:

ch, kh, ρh, th, q'h, gh, čh, dz, dž

ц̓, к̓, п̓, т̓, *q,* г), *ч̓, дз, дж*

Однако принятием проекта общегородской графики на заседании научно-методического Совета вопрос не считался еще исчерпанным. Надо было провести этот проект через высший законодательный орган Горской республики. Проведение его, вопреки его желанию, поручено было Замнаркомпросу Горской республики Б. Алборову. Научно-методический Совет обязал его провести проект во ВЦКе и на Сессии ЦИКа Горской республики, положив в основание своего выступления в пользу новой графики следующие положения:

А. Всякая впервые проводимая графика для того или иного языка должна возможно в большей степени отвечать звуковому принципу, основанному на соответствии букв и звуков. Требование соблюдения звукового принципа диктуется рядом соображений, но, главным образом, легкостью усвоения чисто звукового алфавита, что имеет особенное значение при изучении языка в школе.

Б. Наиболее целесообразным при создании новой графики является применение в возможных размерах для обозначения звуков данного языка буквенных начертаний какой-нибудь уже существующей графики. История возникновения граф ик различных языков (греческого, латинского, славянского и т.д.) именно такова.

1. Ввиду того, что письменность культурных народов представляет собою приспособление к звукам родного языка латинской графики;

2. Научная траскрипция при обозначении звукового состава различных языков земного шара также основана на латинской графике;

3. Применение латинской графики к языкам горских народностей служит как бы символом приобщения их к мировой интернациональной европейской культуре, наиболее удобной для языков горских народностей является введение графики на основе графики латинской. Введение арабской графики, предлагаемое многими, неприемлемо: 1) в силу ее несоответствия звуковому принципу; 2) в силу противоречия существующим прогрессивным течениям в мусульманском мире в пользу введения для языков мусульманского Востока латинской графики.

В. Вводимая на латинской основе графика должна удовлетворить следующим условиям: 1) единообразное обозначение одних и тех же (или очень близких друг к другу) звуков различных языков горских народностей; 2) употребление букв латинской графики по возможности в их исконном значении; 3) обозначение отдельных звуков единичными буквенными начертаниями, прибегая к двойным начертаниям лишь в крайнем случае, там, где соблюдение единичного обозначения по тем или иным соображениям неудобно, например, в случае необходимости изобретения новых буквенных обозначений.

ЦИК Горской республики утвердил проект научно-методического совета в следующей редакции:

«В целях приближения школы к горским народностям, не совсем еще изжившим недоверие к русской школе и создания для них единообразной графики, отвечающей научным педагогическим требованиям:

1. Ввести во все школы, обслуживающие горские народности (чеченцев, ингушей, осетин) азбуку родного языка.

2. В основу (алфавита) взять графику, построенную на латинской основе, согласно проекту научно-методического Совета Наркомпроса ГССР.

3. Возложить на Наркомпрос ГССР организацию типографии с литографией и цинкографией».

Затем вопрос ставился по докладу замнаркомпроса Б. Алборова в сессии Центрального исполнительного комитета Горской Советской Социалистической Республики, где докладчику пришлось выступать в пользу латинской графики против сторонников арабской графики (Шерипов); «Что касается графики, — заявил в заключительном слове докладчик Б. Алборов, — то вопрос этот разбирался несколько лет и комиссия пришла к заключению, что нет совершенно никаких оснований принять какую-либо другую графику, кроме латинской». 3-я Сессия Горцика постановила «утвердить декрет Горцика о введении горской графики на латинской основе» (см. стенографический отчет 3-й сессии Центрального Исполнительного Комитета Горской Социалистической Советской Республики, с. 11, п. 2).

После означенного решения Осетинский отдел народного образования официально вводит уже новую графику на латинской основе во всеобщее употребление.

Проект новой графики дается в каждом номере Северо-Осетинской и Южно-Осетинской газет. Затем отделом Народного образования Северной Осетии выпускается отдельная брошюрка с целью пропагандировать практическое проведение в жизнь новой графики. Небезынтересно, как в этой брошюрке автор ее, ЗавОНО Г.А. Дзагуров, остановившись в ней кратко на истории возникновения шегреневской графики, формулирует доводы, которые высказывали «за» и «против» латинской основы. За старую основу:

1) в русском языке имеется больше звуков и ими легче выразить звуки осетинского языка;

2) введением латинской графики мы не избавляемся от подстрочных и надстрочных знаков;

3) против введения латинской графики говорят и соображения педагогического характера, а именно: русские отказались от введения латинской графики, а потому осетинам, находящимся в сфере влияния русской культуры, тоже не стоит переходить к латинской графике, так как в таком случае детям труднее будет переходить с осетинского языка к русскому;

4) неизвестно, как этот вопрос разрешится у других горцев;

5) принятие латинской графики не означает собой приближения осетин к западноевропейской культуре.

За латинскую основу, в свою очередь, выставляли следующие доводы, говорящие за необходимость введения латинской графики:

1) латинскую графику необходимо принять по мотивам неизбежности, так как к этому, во-первых, идет все человечество, а, во-вторых, к этому же придем рано или поздно и мы;

2) положение осетин в этом вопросе нельзя сравнивать с положением русских, так как нет худа без добра — наша литература не так богата, как русская;

3) раз введение латинской графики неизбежно, то чем скорее это будет сделано, тем лучше;

4) осетины политически связаны с русской культурой, но принятие латинской основы отнюдь не означает отказ от русской культуры;

5) необходимо мириться с тем, что развитие осетинской литературы на первых порах при переходе на новую основу может затормозиться, но зато дальше оно пойдет быстрым темпом;

6) если при переходе на латинскую основу не окажется читателей, как уверяют противники латинской основы, то то же самое можно сказать и относительно данного момента, когда осетины отказываются или не умеют читать ввиду неуклюжести осетинской графики на русской основе;

7) сравнение всегда и всюду нужно держать не по худшим, а по лучшим образцам;

8) латинская графика совершеннее и красивее русской;

9) принятие латинской графики не избавляет нас от надстрочных знаков, но с этим не следует считаться, так как в мире нет ни одного языка, который бы не пользовался какими-нибудь вспомогательными знаками;

10) не выдерживает никакой научной критики то положение, будто бы звуки русского языка ближе по своей природе к звукам осетинского языка, чем звуки латинского языка к осетинским;

11) принятие латинской графики сближает нас с Западной Европой и объединяет с теми горцами, которые нас окружают и с которыми наша жизнь тесно связана[53].

Насколько эта характеристика вытекает из изложенного выше материала, предоставляется судить самому объективному читателю.

В брошюрке приводится и образец нового алфавита сравнительно со старым шегреновским, а также два текста на иронском и дигорском диалекте как по старой, так и по новой графике. В брошюрке для обозначения «*и*» неслогового еще фигурирует w (дубль-ве)[54], который еще долгое время употребляется в дигорских изданиях в то время, когда южные осетины и иронцы изъяли его явочным порядком из своего обихода и из своих печатных изданий, и таким образом осетинская графика приняла следующий вид:

Iron nog damhætæ					
Zærond	Nog		Zærond	Nog	
А а	A a	*A a*	П п	P ρ	*P p*
Б б	B b	*B в*	Q q	Q q	*Q q*
Ц ц	C c	*C c*	Р ρ	R r	*R r*
Д д	D d	*D d*	С с	S s	*S s*
Е е	E e	*E e*	Т т	T t	*T t*
Ф ф	F f	*F f*	Ў ў / У у	U u	*U u*
Г г	G g	*G g*			
Ӈ ӈ	H h	*H h*	В в	V v	*V v*
I i	I i	*I i*	Х х	X x	*X x*
J j	J j	*J j*	V v	Y y	*Y y*
К к	K k	*K k*	З з	Z z	*Z z*
Л л	L l	*L l*	Æ æ	Æ æ	*Æ æ*
М м	M m	*M m*	Ч ч	Č č	*Č č*
Н н	N n	*N n*	Ц' ц'	Ch	*Ch*
О о	O o	*O o*	Дз дз	Dz	*Dz*

Iron nog damhætæ					
Zærond	Nog		Zærond	Nog	
Ӂ Ӄ Ҕ ҕ Ҥ ҥ	Dž Kh Ρh	*Ɗž dž* *Ƙh ƙh* *Ρh ρh*	Ҳ ҳ Ҷ ҷ Ҕ ҕ	Th Čh Ҕ ҕ	*Ҳh ҳh* *Čh čh* *Ҕ ҕ*

Эта графика в употреблении и в настоящее время. Достоинство и недостатки ее еще не учтены. Но уже в начале введения ее она вызвала нижеследующие возражения со стороны Казбека Тугузова в письме на имя Г. Дзагурова.

Вот что говорит К. Тогузов о букве Æ:

«Главным образом, мое внимание всегда и в старой графике останавливалось на букве ***æ***. Звук этот самый распространенный у осетин, почти в каждом слове. В твоем примерном стихотворении *Khosta «Zonyn»* всего 48 слов и в них этот звук участвует в 33 случаях, а твердое (!) «*а*» значительно реже, только в 10. Если проследить эти звуки на других примерах, получается то же самое. Между тем начертание звука «*æ*» крайне неудобное и при быстром писании чрезвычайно затруднительное, требующее особой тщательности начертания второй половины звука *е*, в противном случае эта вторая половина совершенно как бы исчезает, превращая таким образом все начертание в обыкновенную букву *а*. А если принять еще во внимание особенности почерков отдельных субъектов, то получение звука «*æ*» с его изображением очень скверное. Проследи по почеркам и ты увидишь, что очень многие пишут обыкновенное *а*, как раз — *æ*, есть многие, которые при написании буквы «*о*» и при соединении с другой буквой пишут так *æр* и т.д. Все эти обстоятельства, а главным образом, чистота употребления звука ***æ*** требуют, по моему мнению, упрощения и ясности начертания его. Может быть, я не посвящен во все обстоятельства дела, но, подходя к вопросу практически, считал бы со своей стороны целесообразным выбросить это уродливое начертание и заменить его обыкновенной буквой *а*. Что же касается твердого *а*, то полагал бы возможным воспользоваться надстрочным знаком по примеру š, ž и др.

2) Неудачны, по-моему, также применения букв w и *ѵ*, правильнее было бы мягкое (!) «*у*» изобразить именно *ѵ*, а w оставить для звука «*в*».

3/IV 24 года. *Казбек Тугузов.*

Казалось, вопрос о графике исчерпан окончательно, но не так-то было; среди горцев, принявших постановление о переходе на латинскую графику, возникли сомнения о целесообразности ее; первые усомнились в этом чеченцы; их склонны были поддерживать карачаевцы и адыгейцы, тянувшие еще в сторону арабской графики; появились сомнения и у некоторых ответственных работников из Юго-Восточного Краевого партийного бюро, склонных сохранить старую русскую графику.

При таких неблагоприятных условиях для новой графики, в силу особых исключительных побудительных причин, пишущий эти строки вновь вынужден был защищать латинскую графику на совещании по вопросам просвещения горских народов Северного Кавказа, состоявшегося в городе Пятигорске 11, 12, 13 мая 1923 года. По-моему докладу об единообразной горской графике на этом совещании была вынесена следующая резолюция:

1. Совещание констатирует, что право выбора той или иной графики для национальной письменности всецело принадлежит данной национальности. Всякое воздействие свыше в данном вопросе является совершенно недопустимым.

2. Вместе с тем совещание отмечает, что по целому ряду соображений политического, педагогического и культурного характера является крайне желательным принятие одной общей основы всеми горскими народами. Изучение горских (яфетических) языков, взаимные сношения горских народов друг с другом, наконец, упрощение и возможность централизации издательской работы — все это заставляет совещание высказаться в пользу единой графики для всех горских народов.

3. Из трех основ — арабской, русской и латинской, принятых той или другой горской народностью, совещание высказывается в пользу латинской основы как наиболее красивой, четкой, достаточно отмеченной, чтобы не быть элементом русификации, охватывающей при помощи некоторых объединений и надстрочных знаков все фонетические особенности яфетических языков, приближающей и горские народности к общечеловеческой культуре.

4. Однако совещание считает необходимым отметить особую популярность арабской основы в массах, объясняющуюся тем, что Коран и другие религиозные книги изложены на арабском языке. Для некоторых народностей отход от арабской основы может быть истолкован как отвод от религии. Для таких народностей немедленное введение латинской основы является несвоевременным.

5. Отказ от немедленного перехода на латинскую основу не должен, однако, означать полного и окончательного признания арабской основы. Работа по пропаганде новой, более четкой основы, выработка таковой, обучение ей на учительских курсах и т.п. — все это может вестись параллельно с основной педагогической работой на арабской основе. Та или иная политическая обстановка и культурное развитие определяют размер и размах вышеуказанной пропаганды.

6. Совещание констатирует, что в настоящее время на латинскую основу перешли: Ингушетия, Осетия, Кабарда. Для остальных национальностей действующей остается основа арабская. Совещание констатирует переход на латинскую основу турецких черкесов, кабардинцев, осетин и абхазцев, полагая, что этот факт подчеркивает жизненность латинской основы.

И после этих моих выступлений в пользу новой латинской графики нашлись все-таки люди, вроде Арсения Коцоева, которые печатно стали обвинять меня во враждебных отношениях к новой осетинской графике на латинской основе и даже в особом пристрастии к букве дубль-ве, к введению которого в осетинский алфавит я не имел решительно никакого отношения.

По существу возводимого против меня Арсением Коцоевым обвинения об особом пристрастии к дубль-вэ и вообще к латинской графике (см. газету «Растдзинад» № 12, за 1923 год, статью «Ирон ног дамгыты тхай» Габойты Габо (псевдоним Арсения Коцоева), № 14 того же года, статью «Дубль-ве æмæ æртæ филолоджи» Гауарда (псевдоним Арсения Коцоева), газету «Хурзарин» № 2 за 1924 год, «Дубль-вэ» Иунаг (псевдоним того же Коцоева) и «Хурзарин» № 4 того же 1924 год, ответы Алборова[55], редакции газеты «Хурзарин» и Коцоева), а также его других намеков, связанных с введением новой графики и сильно прикрашенных его личными отношениями ко мне[56], должен еще раз заявить следующее:

1) Как научный работник, близко знакомый с вопросами эволюции не только осетинской графики, но вообще с эволюцией граф ик других народов, неоднократно на заседаниях Осетинского историко-филологического общества заявлял и теперь исповедую, что латинская графика, особенно в том виде, в каком она принята сторониками ее, не имеет за собой будущего.

Несмотря на это, не желая мешать опытам сторонников введения латинской графики, которых оказалось в обществе большинство (но ведь научные положения не решаются большинством голосов), я по мотивам исключительно политическим (боязнь ассимиляции, желание ввести общегорскую графику), а не научно-педагогического характера, дважды защитил от провала латинскую графику: первый раз в Сессии Горцика, перед принятием проекта о введении латинской графики против сторонников арабской графики, а именно представителей Чечни, и второй раз, летом 1923 г. на Краевой конференции по народному просвещению среди горцев Северного Кавказа, созванной по инициативе Юго-Восточного бюро в городе Пятигорске, на этот раз против сторонников арабской графики (Чечня, Дагестан и др.), с одной стороны, и сторонников русской графики (представители Юго-Восточного бюро и Упол-Наркомпроса), с другой стороны.

На обоих совещаниях я был самым ярым поборником латинской графики. Но одно дело — научно-педагогическое убеждение, которое остается непоколебимым в отношении «спасительной роли латинской графики», и другое — тактические соображения для данного момента. Что касается утверждения в латинской графике дубль-вэ, то в этом я не повинен.

При обсуждении вопроса о введении латинской графики в заседании научно-методического совета Горнаркомпроса, под председательством профессора Томашевского, один я оставался при особом мнении при обсуждении целесообразности введения тех или иных латинских букв, не исключая и дубль-вэ, недостатки которых мной были указаны все. На 2-й Краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северо-Кавказского края (16—23 мая 1925 года) подчеркнуто успешное распространение новой осетинской латинской графики (см. Стенографический отчет II конференции, изданный КрайОНО, 1926 год, с. 296).

Вновь в последний раз вопрос об осетинской графике возник в связи с вопросом об единообразной орфографии для всех ветвей осетинского народа, в январе 1928 года, в специаль-

ной комиссии по разработке вопросов орфографии, работавшей при Осетинском научно-исследовательском институте краеведения, согласно постановлению 2-го объединенного съезда Северной и Южной Осетии по вопросам культуры и просвещения, состоявшемся в городе Владикавказе 2—3 сентября 1927 года.

Освещение данного вопроса выпало опять на долю пишущего эти строки (См. протокол № 1 заседания комиссии по разработке единой орфографии от 6/I 1928 г. п. 4); постановлено было напечатать доклад об орфографии в очередном номере Известий Горского института краеведения, чтобы широко ознакомить с проектом широкие массы трудящихся Осетии (См. там же п. 5).

На заседании комиссии от 11/II 1928 года Б. Кочиев предложил пересмотреть попутно с орфографией и вопросы графики с целью ее упрощения. Предложение было принято, и пересмотр графики был поручен Коссирати С., Баракову Г. и Кочиеву Б. (см. протокол № 2 от 11/II 1928 года, п. 3), несмотря на особое мнение Г.А. Дзагурова: «Не пересматривать вопроса о графике, так как данная комиссия не имеет полномочий по пересмотру графики, и в этом нет никакой надобности».

В заседании комиссии от 17/ II 1928 года был рассмотрен проект Г. Баракова об изменениях в осетинской графике с приложением тезисов его. На этом заседании постановлено было упразднить в осетинской графике, исходя из педагогических соображений, начальные буквы (см. протокол комиссии № 3 от 18/ II 1928 года, п. 2).

В заседании комиссии от 10 марта 1928 года для обозначении *и* слогового принят знак *и*, и этот же знак для *й* неслогового (См. протокол № 4 от 10 марта 1828 года, п. 2).

В заседании комиссии от 13 марта 1928 года был заслушан доклад Баракова о его проекте осетинской графики: он предложил следующие изменения: *æ* обозначать через *ə*, *ch* чер. *ɔ*, *dz* чер. *z* (с пояск.), *kh* чер. *ӄ*, *ρh* чер. *d* (с пояск.), *th* чер. *f*, *ch* через *ҫ*. При введении таких знаков Г. Бараков исходил из следующих оснований: 1) не вводить дополнительных типографских знаков, 2) не заставлять грамотную часть населения переучиваться. Но для последовательности тогда и аффрикаты нужно было бы обозначить через перевернутые знаки: *th* через *ɟ* и *ρh* через *ɖ*.

Со своим проектом выступил и товарищ Кочиев: он предложил обозначить: *ch* через *tc*, *dz* чер. z, *kh* чер. *k* (с петлей), *ρh* через *b*, а «*b̄*» через «ь», *th* через *T*, čh через *tč* и исключить из графики ӈ.

Принято постановление:

1. Исключить из осетинской графики *j* и обозначить его через *i*.

2. Обозначить звуки осетинского языка: 1) *æ* через *ə*, 2) *ch* через *ɔ*, 3) *dž* через j, 4) *dz* через z (с пояск.), 5) *kh* через *ӄ*, 6) *ρh* через *d* (с пояск.), 7) *th* через *ɟ*, 8) čh через *ҫ*, 9) оставить в графике ӈ.

3. Для всех типов *и (и, й, йу)* писать *и*.

Работы комиссии не были закончены, так как они приняли нежелательное ОсОНО направление. Комиссия была распущена, не сделав ничего ни по графике, ни по орфографии: Алборов сделал свой доклад по орфографии, но ввиду поступления контрпроекта по орфографии со стороны Г. Баракова, он вынужден был снять свой проект с обсуждения, предложив в основу проекта принять проект Г. Баракова.

ОсОНО решило, что в Северной Осетии не в состоянии будут решить этого вопроса в силу невозможности договориться между членами комиссии, и, уведомив об этом Юго-Осетинское научное общество и Наркомпрос Юго-Осетии, просило их прийти на помощь, но помощь до сих пор еще дожидается, а вместе с вопросом графики, случайно выплывшей, похоронен вопрос об орфографии.

В дальнейшем вопрос об осетинской графике разрешался в связи с вопросом об установлении единообразной, унифицированной графики для всех тюрко-татар СССР и горцев Кавказа. Эта работа пошла мимо осетинской общественности.

Только в 1928 года в ноябре-месяце (13 дня) пишущий эти строки получил персональное приглашение в Ростов для принятия участия в разработке вопросов общегорской графики и для согласования ее потом на Всесоюзном Пленуме нового тюркского алфавита в Казани.

В Ростове осетины на этом совещании были представлены двумя представителями; к голосу их прислушивались мало, и большинством голосов для осетин, вместе с другими горцами, были приняты следующие знаки:

ОСЕТ.	НГА	НТА	ОСЕТ.	НГА	НТА
m	*m*	*m*	*kh*	*k)*	—
n	*n*	*n*	*g*	*g*	*g*
l	*l*	*l*	*k*	*k*	*k*
h	*oj (нем. g)*	*oj (нем. g)*	*q*	q^{v}	*q*
x	*x*	*x*	*ch*	*c)*	—
r	*r*	*r*	*dz*	ʒ	—
u	v	*v*	*c*	*c)*	—
v	w		*čh*	*č)*	—
f	*f*	*t*	*dž*	*g*	*c*
z	*z)*	—	*č*	*č*	*c)*
h	*h*	*h*	*æ*	*ə*	*a*
j	*j*	*j*	*a*	*a*	—
ρh	*ρ (рукоп.)*	—	*e*	*e*	*e*
b	*b*	*b*	*je*	—	—
ρ	*ρ*	*ρ*	*i*	*i*	*i*
th	*t)*	—	*y*	*ь*	*ь*
d	*d*	*d*	*o*	*o*	*o*
t	*t*	*t*	*u*	*u*	*u*

В Казань Осетия своего представителя не послала. Однако на заседании правления Осетинского института краеведения, по моему докладу о совещании в городе Ростове по вопросам графики, вынесено было постановление, — послать телеграмму в Казань о том, что окончательное утверждение проекта унифицированного алфавита для осетин принадлежит осетинским директивным органам. Пленум Нового тюркского алфавита унифицированного алфавита не дал. (См. стенографический отчет Третьего Пленума Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Казани от 18 по 23 декабря 1928 года).

Перед нами прошло около двух десятков предложений в пользу той или иной основы осетинской графики. Особенно яростно защищалась латинская основа этой графики, причем для обозначения одних и тех же осетинских звуков часто предлагаются в этих проектах совершенно различные знаки латинской графики; часто знаки латинского алфавита берутся не с тем значением, которые они имеют в латыни, а с иным содержанием, как, наприм, q, x и т.д., часто к латинской графике добавляются знаки из других алфавитов, а самый существенный недостаток этих проектов тот, что в них употребляются обильно сочетания букв, да еще с диакритическими знаками; таким образом, для одного звука употребляется не один знак, а три знака, как, например; для čh; нельзя признать удачным и обозначение кавказских с крепким отрезом через отличительный знак h; особенное затруднение это представляет при прохождении научного курса языкознания и истории осетинского языка, где этим знаком обозначается не «крепкий отрез», а придыхательность звуков; а такие придыхательные звуки констатируются и в осетинском языке, по крайней мере, в прошлом. Обозначение трех типов «u» (*ŭ*, *u̯*, *u̯u*) одним знаком тоже нельзя считать совершенством. Все эти обстоятельства делают проект с означенными знаками педагогически неприемлемым, так как эти дефекты намного затрудняют детям усвоение азбуки. Но помимо этого из этих несовершенств вытекает целый ряд практических неудобств: больше уходит времени на набор дополнительных знаков, на их печатание на машинке, на их письмо от руки. Экономически тоже это весьма невыгодно — больше денег ухо-

дит на зарплату наборщикам, писарям и машинисткам, больше денег уходит на приготовление этих дополнительных знаков, на приобретение необходимого материала для них, больше они занимают бумаги при письме и печатании, больше уходит при печатании красок и т.д. и т.д.

Оправдались ли доводы, которые приводились защитниками латинской основы?

1. Охотнее ли читают и скорее ли усваивается латинская графика? Нет: тому доказательство, что до сих пор в осетинских учреждениях не перешли на родной язык.

2. Развилась ли осетинская литература благодаря латинской графике? Нет: она, если и развивается, то в силу культурно-экономического подъема осетин и общего развития общественно-политической жизни в СССР.

3. Приблизила ли нас латинская графика к западноевропейским народностям? Нет, потому что осетины непосредственной связи с культурой западноевропейских народностей не имеют и новыми языками пользуются в минимальных размерах во время пребывания в школе.

4. Останавливается ли советская власть перед затратами на культурную работу среди горцев, следовательно, и на отливку нужных знаков? Нет, — а между тем защитники латинской графики боялись, что у осетин не окажется средств на отлитие новых, не похожих на отлитые уже латинские знаки.

5. Стали ли осетины лучше разбираться в исторических документах и охотнее изучать новые и латинский языки благодаря введению латинской графики? Нет: для этого нужны специальные знания и словарный запас на соответствующем языке, а не только знание графики.

6. Знакомимся ли мы с введением латинской графики, с западноевропейской наукой и искусством по первоисточникам? Нет: для этого нужно знание языков и понимание вообще вопросов искусства.

7. Стали ли осетины лучше изучать естественно-исторические и математические науки, благодаря наличию и у них, и у нас латинских знаков? Нет, потому что дошедшему в этих науках до этих знаков нетрудно усвоить и дополнительные знаки.

В современной латинской графике осетинского языка не все благополучно. Пора устранить ее дефекты.

Осетинская практическая графика[59]

1. *Настоятельная необходимость в скорейшем урегулировании осетинской графики*. Знаки осетинского алфавита менялись чуть ли не с каждым новым изданием, а иногда даже в одном и том же издании. Это обстоятельство, помимо других, неблагоприятно отражается на механизме чтения осетинских текстов: новые начертания звуков влияют задерживающе на читателя, играют роль тормозов до тех пор, пока читатель не освоится с ними и не поймет их назначения; неудивительно поэтому, что большинство осетин не может бегло читать осетинские тексты.

Конечно, это не единственная причина: беглость чтения достигается практикой, упражнением в чтении, а многие ли из осетин могут сказать, что они уделили достаточно внимания на практическое изучение родного языка, а в данном случае на беглость чтения. Ответ получится, безусловно, отрицательный.

Индифферентное отношение к родному языку часто многие интеллигентные осетины оправдывают своими космополитическими симпатиями, а иные тем, что, мол, на осетинском языке нельзя сказать многого.

Надо полагать, что и у тех и у других нет ясного представления о том, какую громадную роль может сыграть родной язык, несмотря даже на его незначительное развитие, богатство, в деле приобщения своего народа к интернациональным благам, к мировой культуре.

Те из осетин, которые желают вывести свой народ из тьмы невежества и первобытной дикости, на мой взгляд, должны обратиться к помощи родного языка: только он им окажет могучую услугу в пробуждении дремлющих сил народа.

Неправда, что на осетинском языке нельзя выразить всех своих мыслей, всех своих переживаний. Мнение это красноречиво опровергается очень ценными, в отношении языка, переводами церковно-богослужебных книг, бессмертными произведениями Коста Хетагурова и дальнейшим, после Коста, развитием и процветанием осетинской письменности и литературы. Всевозможные съезды по народному просвещению не есть ли предвестник развития и просвещения массы народной на родном языке.

Осетины счастливы тем, что имеют письменность на родном языке; велико ее значение: «Телом и словом письмо облекает безгласные мысли, говорящий листок относит их векам», — как говорит Шиллер.

Мы знаем, что письменность — могучее орудие в деле просвещения, в деле развития народа. Но, по справедливому замечанию Шницера, «степень развития каждого народа всегда находилась и находится в известной зависимости от степени усовершенствования и упрощения его письма, и низкое состояние многих племен несомненно зависит от отсутствия у них письменности»[60].

Мнение Шницера находит яркое подтверждение в применении к кавказским горцам: благодаря существованию письменности на родном языке у осетин последние в своем развитии значительно опередили остальных кавказских горцев. Несовершенство осетинского письма, выражающееся в различных начертаниях одного и того же звука, как сказано было выше, неблагоприятно отражается на механизме чтения и тем самым много тормозит дело народного развития. О последнем в настоящее время особенно приходится думать.

Грустно слышать, что подавляющее большинство осетинского сельского населения почти никакого представления не имеет о событиях последнего времени, о чаяниях и надеждах различных народностей, силою вещей поставленных в необходимость культурно-политического самоопределения.

Грустно слышать, что большинство осетинской интеллигенции затрудняется разъяснять события и чаяния нового времени на доступном осетину родном языке, потому что не знает этого языка в достаточной степени. Поэтому неотложная задача момента — облегчить изучение родного языка, устранив недостатки в осетинской графике.

2. *Установление простейшей системы звуков осетинского алфавита*. «При составлении всякого алфавита самое важное и самое трудное, — как говорит Шницер, — это найти простейшую систему звуков, из которых слагается данная речь, все же остальное, как составление знаков для обозначения этих звуков и прочее, представляется уже делом второстепенной трудности, так как в большинстве случаев изобретатели заимствуют себе знаки из других алфавитов»[61]. Положение совершенно правильное; это подтверждается историей алфавитов и письмен.

Поэтому, прежде чем говорить о начертаниях осетинских звуков, установим полную систему звуков осетинского языка всех трех диалектов с точки зрения теоретической, научной, а затем, исключив из этой системы те звуки, которые с точки зрения практической, педагогической окажутся излишними, найдем простейшую систему звуков осетинского алфавита.

Из истории осетинского алфавита мы знаем, что Шегрен признавал в осетинском языке гораздо больше звуков, чем последующие исследователи. В одном дигорском наречии у него различалось 43 звука, причем знаком Ö он обозначил тот звук, который слышался, по его мнению, только в одном слове «бöл» — на; Миллер отвергает существование этого звука; он отвергает *е* открытое и долготу шегреновских гласных: по Миллеру, только і и у = диг. *о*, *е* — долгие, остальные же краткие.

Шегрен не отличает осетинского *О* от русского. Миллер находит осетинское *О* более закрытым, чем русское *О*, хотя не обозначает его особым знаком. Мне кажется, что это положение приемлемо только для *О* начального, перед которым, обыкновенно, слышится неслоговое ў. Сказанное применимо и к начальному *е*. И здесь Миллер видит везде *е* закрытое; по нашему мнению, е закрытое — только в начале слов, когда происходит йотация «*е*». Нет разницы в произношении *О* в словах «бог» и «богал», есть в словах «бог» и «онг» (наречие «доселе»).

Равным образом мне кажется сомнительным утверждение Миллера, что только і и *у* могут быть долгие, а остальные краткие. По моему мнению, в осетинском языке, по крайней мере, в иронском диалекте, есть звуки *у* и *і*, соответствующие русским *у* и *і*, если же в русском языке они не считаются долгими, потому что эта долгота не различается там, то нет оснований считать их долгими и в осетинском языке. Примеры на *і* и *у:* примеры Миллера: *Хӯр* (солнце), *хур* (щебень). Мы бы написали: *Хур* (солнце) *хўур* (щебень), п. ч. между «*х*» и «*р*» я слышу дифтонг уv, а не кр. *ў*. *Хӯд* (шапка), *худ* (шитье). Мы бы написали: *худ* (шапка) и *хуvд* (шитье), на основании тех же соображений, а не потому что надо принять во внимание дигорские соответствия «Ходæ» и др. Миллер указывает на то, что *х* осетинское не совпадает с русским *х*, например, в словах: хохот, хата; нам кажется, что у осетин есть и русское *х* и *х*, отличное от русского в слове «хох» (гора): первое *х* слышится как будто более мягко, а второе более твердо, гортаннее, резче; первое не так — резко и стоит между *h* и русским *х*. Миллер

находит звуки средние между *з* и *ж* (з), *ш* и *с (ć)* только в Стур-Дигоре и Христиановском селе; надо дополнить, что эти средние звуки и только эти, а не русские *з*, *с* существуют и у иронцев, чего Миллер, по-видимому, не заметил.

После всевозможных поправок Миллера к системе звуков осетинского языка Шегрена, звуки осетинского языка у В.Ф. Миллера представляются в следующем виде. А, Æ, Б, В, Г, Ѓ, Г̌, Д, Д́, Дж, (Д́ж), Ж, З, З́, Ӏ, J-неслоговое Е, К, К̓, Ќ, Q, Л, М, Н, Н́, Нс, О, П, П̓, Р, С, С́, Т, Т́, Т̓, Ў, Ў (несл.), Ф, Х, (Х́), Ц, Ц́, Ц̓, Ч, (Ч́), Ч̓, Ш, Ъ, h.

Разумеется, для практических целей нет надобности отмечать всевозможные оттенки звуков; нет, например, надобности в обозначении всевозможных смягченных согласных (в положении перед переднерядными гласными), а также носовой характер дигорского Н; затем, если даже допустить существование долгих У, І — и то нет надобности обозначать их особыми буквами или значками; достаточно будет обозначить особыми знаками соответствующие им краткие звуки.

Таким образом, практический алфавит осетинского языка всех трех диалектов будет составлен из знаков следующих основных звуков: А, Æ, Б, В, Г, Г̌, Д, Е, Ж, Дж, З, Дз, І, J, К, К), Q, Л, М, Н, О, П, П), Р, С, Т, Т), У, Ў, Ф, Х, Ц, Ц̓, Ч, Ч̓, Ш, Ъ, h.

Всего 38, а если обозначать особым знаком *Н* носовое, «*Н)*»,то 39.

Теперь вопрос о том, какими знаками обозначить звуки, установленные в осетинской практической графике.

В разрешении этого вопроса поможет нам история происхождения письмен. Мы уже приводили мнение Шнитцера о том, что письменные знаки в большинстве случаев заимствовались изобретателями из существующих систем.

До появления письменности передача мыслей происходила при помощи различных предметов, узлов *(у* осетин), раковин и нарезных палочек (у осетин) и др., пока не появилось так называемое «картинное», а вслед затем «слоговое» и «звуковое» письмо. Знаки «звукового» письма постепенно эволюционировались, подвергались изменению заимствователями. Таким образом выработались различные системы алфавитов, в большинстве случаев, конечно, не самобытных. К числу их относятся и алфавиты греческий и латинский, легшие в основу многих других алфавитов.

Заимствование происходило следующим образом:

Из чужого алфавита заимствовались знаки тех звуков, которые казались идентичными (тожественными) звукам изобретаемого алфавита; если знаки чужого алфавита оказывались недостаточными для выражения звуков изобретаемого алфавита, то для выражения различных недостающих звуков последнего прибегали или к сочетанию двух или нескольких букв чужого алфавита (например, польское CZ — русское Ч, SZCZ — русское Щ), или к разным диакритическим подстрочным и надстрочным знакам, ср. польское *a)* = *an*, *e)* = *en; чешское* ž, č, š, ř, ě = *ж*, *ч*, *ш*, *рж*, *ѣ*, или, наконец, заимствованными из других алфавитов и новопридуманными.

Кто внимательно следил за историей осетинских письмен, тот, вероятно, заметил, что эволюция их происходила таким же образом, как и у многих других народов, а именно, в основу клались различные системы графики (славянская, греческая, датинская, русская); некоторые звуки обозначаются сочетанием букв, некоторые — диакритическими знаками, некоторые — заимствованными из другого алфавита, не легшего в основу, а некоторые звуки обозначены новопридуманными знаками.

3. *Эволюция осетинских дополнительных письмен с появлением грамматики Шегрена*. 1. Æ, *æ* (печатное) почти во всех текстах, за исключением текстов Вс. Миллера, Шифнера и некоторых др., где имеем Ä, ä, и епископа Иосифа, где имеем Э.

2. Г̌. Ввиду смешения природы звуков h и h — путаница в употреблении знаков для обозначения этих звуков на всем протяжении истории осетинской письменности.

Г) печатное имеем, начиная с издания Шегрена и во всех церковно-богослужебных книгах; из небогослужебных книг Г) печатная имеется, начиная с «Æвхæрдтъ Хæсанæ», 1-ое издание 1897 года, в последующих осетинских изданиях: букварь А. Канукова 1-ое и 3-ое издания: 1890—1906 годы, букварь Мамитова 1908 года, «Ирон Фандыр», «Гæлæбу», «Фарн», «Ирон Æмбисæндтæ», «Ирон Арг)æеута», в текстах произведений Гуржибекова «Гигиена школьника», «Æвхæрдтъ Хæсанæ» 2-е издание, «Іу k)орд нухæстæ халеръ туххæj», «Нартъ таурæхтæ», «Худінаджъ бæстъ» мæлæт, «Зонд», 1907 г.

Но уже с «Ирон газет» 1906 года появляется на месте Г) (Г̌) — h (непоследов.), а в журнале «Ног Цард», «Зонд» встречаемся и с h в значении Г).

С 1907 года, именно с изданием «Фарн» (2-е изд.), появляется под влиянием графики Миллера знак Ҕ. для Г) и проводится в издании Издательского общества «Ирон» и в некоторых др., например, в издании «Проф. Вс. Миллер», «Хабар», хотя рядом здесь же и h, в «Æвхæрдтv Хæсанæ» 3-е издание «Ностмарг у», «Тамако ма дvмут», «Ирон Фæндvр» 3-е издание «Чvрvстон Цард», хотя здесь рядом и h, «Ирон Календар», 1911 г.

Но с того же 1907 года существует для Г) и начертание h, что отчасти уже указывалось, например, в текстах произведений «Фvдунд бабvзv цiу», 1907 год, «Сталv», «Не лишай себя», «Æвсiр», 1910 год, «Фvн», «Ирон Фандvр» 2-е издание, «Булæмарг)», «Хурv Тvн», «Букварь Канукова» издание 1906 года, «Ног Цард», букварь Кочиева и некоторые др. до текста произведения «Æз нæ удтæн, гæдv удi» Короева, 1912 год, где еще h.

Однако h в значении Г) (Ҕ) право гражданства не приобрело, и, начиная еще с 1908 года, появляется вновь шегреновское начертание Г и употребляется в некоторых текстах, например, Лены Коцоевой и др., а с 1912 года видим в текстах исключительно начертание Г), например, в текстах «Ирон Календар», 1912 год, «Чехоткajv тvххкæj», «Iрv Iсторiа», «Цас æмæ куд фiдæм қалон», «Ирон Календар», 1914 год, «Енцег», «Чvрvстон Цард» 1915—1916 годы, «Катехизис» и др., вплоть до настоящего времени. У Иосифа «ɣ» опускается ниже строки.

3. Дк[62] — Означенное начертание встречается в подавляющем большинстве памятников письменности; в незначительной части памятников встречаемся с начертанием дж (д и ж полное), например, «Ирон Фандvр» 1-е издание, «Гæлæбу», «Нартv Таурæхта», «Ирон Газет», но рядом и Дк («Ног Цард», «Зонд» (рядом и дк) «Фvд унд бабvзv Цiу», «Сталv» и некоторые другие.

Начертание с полным *Ж — Дж* встречается чаще всего при обозначении прописных букв, строчная же буква обозначается чаще всего через дк.

В одной части памятников письменности оба составных элемента начертаний ДЖ и ДК (д и ж) находятся на одной высоте у печатных и письменных букв (Шегрен, Иосиф, Миллер и др.), а в другой последний элемент (ж) ниже первого (д) (Кануков 1-ое изд., букварь Мамитова).

Кроме означенных сложных начертаний ДЖ, ДК имеем ǯ у Услара, ӈ, Д, если это не смягченное д Шифнера, Ц (g) Миллера, Gg Кочиева, «Авсiр» и «Хурv Тvн».

4. Дз — Такое начертание Дз с «з» subscriptum, «подписным», начиная с Шегрена в большинстве памятников; особенно последовательно проводится в последнее время. В начальных памятниках художественной литературы («æвхæрдтv Хæсанæ», «Гæлæбу» и др.) и периодически и по настоящее время встречается и начертание Дз (З рядом Д). Иногда в одном и том же памятнике встречаются и Дз и Дз, например, в некоторых текстах произведений Гуржибекова.

Помимо сложных начертаний Дз, встречаемся с начертаниями простыми ʒ (Услара), Z (Б. Кочиева), «Хурv Тvн» у Мамитова.

5. J — начертание для полугласного i — j самое употребительное; встречаются еще ȷ (без точки), i, й у Иосифа.

7. «К» русско-осетинское. До появления труда Вс. Миллера («Осетинские этюды») обозначается отличительным знаком), а именно так: К) — у Шегрена и в церковно-богослужебных книгах, не равно русскому. «К»; с появлением «Осетинских этюдов» Миллера обозначается через К и соответствующее русское К; но и после появления «Осетинских этюдов» К без крепкого отреза обозначается через К) в текстах церковного характера, например: «Не лишай меня», «Падзах æмæ знаджv басæдтvнv тvххæj» и в текстах Гуржибекова, и знаком Ҟ в букваре Б. Кочиева.

8. «Ҟ» осетино-кавказское, с крепким отрезом у Шегрена и его последователей обозначается через русское К.

Начиная с Миллера, выяснившего правильно природу этого звука и отметившего его через отличительный знак (’) сверху: «Ҟ»; через этот знак передается осетинское К с крепким отрезом последовательно в издании с 1907 года по 1911 год (с появлением «Фарн» до появления «Ирон Календар»).

Однако с издания «Осетинских Этюдов» до 1907 года и после 1911 года для обозначения К с крепким отрезом употребляется не «Ҟ» Миллера, а К), которым у Шегрена и его последователей обозначается «К» русским. Кроме того, Ҟ обозначается через К̄ в журнале «Хурv Тvн» и букваре Мамитова.

9. Qq — одинаковое начертание во всех памятниках осетинской письменности, за исключением «Таурæхта» епископа Иосифа, где имеем Kk.

10. «П» русско-осетинское. До появления «Осетинских этюдов» Миллера обозначалось знаком «ɔ»: (шегреновские и церковно-богослужебные книги), неравно русскому П. У Миллера этот звук соответствует русскому П и знаком этого звука и обозначается. Однако и после открытия Миллера русско-осетинское П обозначается П) в тех же текстах, в которых находим для русско-осетинского К начертание К) и знаком П̄ букваря Бидзины Кочиева и в некоторых других текстах дигорских и южно-осетинских.

11. «П̇» осетино-кавказское с крепким отрезом у Шегрена и его ранних последователей обозначается через русское «П». С Вс. Миллера новый знак П̇; этот знак последовательно проводится в изданиях 1907—1911 г. До появления «Осетинских этюдов» и после этого времени для обозначения П̇ употребляется П) Шегрена, но значение его уже иное, чем у Шегрена, то есть П) не обозначает русское П, а П — кавказское с крепким отрезом. У Бидзина Кочиева здесь П — русское.

12. «Т» русско-осетинское. У Шегрена и его последователей обозначает через Т). У В. Миллера через русское Т. То же начертание во всех светских изданиях, за исключением произведений Гуржибекова. В духовных изданиях имеем повсюду на месте Т — Т) за исключением журнала «Чурстон Цард», где правильно Т.

У Бидзина Кочиева «Т̇» русско-осетинское обозначается особым, отличным от шегреновского Т) знаком, а именно: латинно-французским «t».

13. «Т» — осетино-кавказское. Во всех изданиях, начиная с грамматики Шегрена до появления «Осетинских этюдов» Миллера, для обозначения Т с крепким отрезом употреблялся знак русского «Т». Миллер вводит для его обозначения Т̇, но это начертание не прививается до 1907 года. Взамен его для обозначения Т с крепким отрезом употребляется Т, но с иным, чем у Шегрена, значением. С 1907 года по 1911 год Т с крепким отрезом обозначается исключительно знаком Т̇. С 1912 года Т̇ вытесняется опять Т) (для обозначения Т с крепким отрезом), Т в значении Т̇ употребляется за это время лишь спорадически.

14. У — знак У для обозначения звука, равного русскому У, употребляется почти во всех памятниках письменности, хотя не всегда правильно В некоторых памятниках употребляется У для обозначения даже У краткого и УV.

Иногда У передается через Ў.

15. Ў. В подавляющем большинстве памятников для обозначения У краткого употребляется знак Ў, там, где обозначается этот звук, и только у Шегрена и в текстах Шифнера встречаемся с особыми знаками для У, а именно: ω, В, Ӯ; у Б. Кочиева и Мамитова, кроме того, ў часто обозначает сочетание УV.

16. «Ц» русско-осетинское. Во всех текстах до появления «Осетинских этюдов» Вс. Миллера «Ц».

17. «Ц̇» у Шегрена и его последователей Ц̄; это начертание вытесняется со времени появления «Осетинских этюдов» Вс. Миллера знаком Ц̇ и последовательно проводится с 1897 года, с появлением 1-го издания «Æвхæртv Хæсанæ» по настоящее время в некоторых изданиях со знаком s над Ц, только у Б. Кочиева, Мамитова «Ног Цард», «Авсір» и «Хурv Тvн» встречается с иным знаком, а именно: Ц̄.

18. «Ч» русско-осетинское. Во всех текстах обозначается правильно русским «Ч», так как по произношение совпадает с этим последним.

19. Ч̇ осетино-кавказское. У Шегрена и его последователей обозначается через Ч̄. Вс. Миллер устанавливает для этого звука знак Ч̇, который вытеснил собой сложное начертание Ч и проводится последовательно во всех текстах, начиная с 1-го издания «Æвхæртv Хæсанæ» 1897 года по сие время. У Б. Кочиева, Мамитова в журнале «Хурv Тvн», «Æвсір» и газете «Ног Цард» имеем вместо Ч̇ знак Ч.

20. V. Обозначение этого звука со времени появления грамматики Шегрена осталось неизменным, а именно: V, которое употреблялось только Шегреном, и V, которое употребляли все издательства осетинских текстов, за исключением епископа Иосифа, который обозначал V через Ы русское.

21. ҕ. Знак этот во всех текстах употребляется с собственным значением: во многих текстах заменяется латинским h. Чаще ҕ встречается в таких текстах, где Г̊(Г)) обозначено через латинское h; если же Г̊ (Г)) употребляется, то h стоит вместо ҕ.

Обратим теперь внимание на достоинства и недостатки существующих осетинских алфавитов, установив предварительно, каким требованиям должна удовлетворять хорошая практическая графика.

4. *Каким требованиям должна удовлетворять хорошая практическая графика.* 1. В основу осетинской графики должна быть положена графика наиболее распространенная у культурных народов или, по крайней мере, одного, культурного, передового народа. Означенное условие облегчает нам усвоение алфавита того народа, у которого берется основа, следовательно, ускоряет приобщение к его культуре.

2. В осетинской графике определенная система начертаний должна быть строго выдержана от начала до конца, иначе сказать, знаки, сверх положенных в основу, должны следовать определенному принципу начертаний: 1) сочетанию букв, или 2) заимствованию букв, или 3) диакритизации только надстрочных или только подстрочных знаков, 4) изменению букв.

В таком случае, благодаря аналогии между буквами, скорее происходит их запоминание и меньше времени будет идти на их писание.

3. Осетинская практическая графика не должна противоречить требованиям: а) *эстетическим:* знаки должны быть отчетливыми и приятными на вид;

б) *теоретическим*, или научным: знаки, по возможности, не должны уклоняться от знаков, принятых в науке языкознания; и, наконец, что самое главное —

в) *практическим*, педагогическим: знаки должны быть простыми по форме, невычурными, легко усвояемыми зрительными и двигательными органами при запоминании и письме, причем рукописные буквы по возможности должны быть похожи на печатные или наоборот.

5. *Какая система начертаний может быть положена в основу осетинской графики.* История осетинских письмен указывает, что в основу осетинского алфавита клались алфавиты: 1) церковнославянский, 2) грузинский, 3) латинский, особенно при научной транскрипции и 4) русский («гражданка»[63]).

Рассмотрим, какие из этих систем графики больше всего удовлетворяют требованиям, предъявляемым к хорошим графикам, выставленным выше.

1. Алфавит и графика церковнославянские. 1. Церковнославянский алфавит и графика не могут быть положены в основу осетинского алфавита, потому что знаки этого алфавита употребляются только при церковном письме, в церковно-богослужебных и религиозно-нравственного содержания текстах и в науке.

2. Трудно провести стройную систему знаков добавочных.

3. Противоречит требованиям эстетическим и педагогическим, так как при вычурности только некоторых букв система не является простой по начертаниям букв. Научным требованиям отчасти удовлетворяет: кладется в основу русской лингвистической азбуки.

4. Достоинство: S (зело) может обозначить осетинское дз; наличие Ч, Ш, Ж,

5. Не может передать без диакритических знаков Æ, Г̆, Дж, J, Q, К̆, П̆, Т̆, Ў, Ц̆, Ч̆, ӈ.

2. Грузинский алфавит. 1. Грузинская графика не могла быть положена в основу осетинской графики, потому что она принята только у грузин, и письменность на ней не такая богатая, как у передовых народов Западной Европы и у русских.

2. Трудно провести стройную систему добавочных знаков, — не потому, что у грузин нет или мало соответствующих осетинских языковых звуков, наоборот: в их алфавите имеются почти все отличные от церковнославянских или русских звуки, так называемые кавказские Q, К̆, Т̆, П̆, Ц̆, Ч̆.

Значит, звуки грузинского алфавита больше соответствуют звукам осетинского. Расхождение грузинского и осетинского языков только в понимании характера произношения осетино-европейских К, П, Т.

В то время, когда осетинам-северянам кажется, что русские К, П, Т произносятся так же, как и осетинские К, П, Т без крепкого отреза, грузинам, а под их влиянием и южным осетинам кажется, что русские К, П, Т произносятся придыхательнее кавказских К̆, П̆, Т̆, и эту придыхательность южане отмечают разными диакритическими знаками.

Звуки же на самом деле отличающиеся от русских К, П, Т, а именно кавказские К, П, Т с крепким отрезом, обозначаются русскими К, П и Т без диакритических знаков. Такое явление наблюдалось до Миллера, но и после Миллера южане под влиянием произношения грузин считают осетинские К, П, Т более придыхательными и отмечают диакритическими знаками.

Противоречия требованиям: а) эстетическим: буквы вычурны, но не красивы, б) научным: не принята в основу научного алфавита, в) педагогическим: буквы скорее скорописные, чем печатные, и, не отличаясь простотой форм, трудны будут для усвоения глазу и руке. Достоинство: печатные знаки совпадают с рукоп., строчные с заглавными.

Недостает знаков для *æ*, v, *j*.

3. Латинский алфавит.

1. Латинская графика, графика большинства культурных народов. В этом отношении удовлетворяет нас вполне.

2. Стройная система начертаний добавочных знаков может быть проведена от начала до конца при помощи диакритических знаков, как, например, в научной транскрипции Миллера и др., но этих добавочных знаков выходит больше, чем тогда, если бы в основу был положен даже церковнославянский алфавит, не говоря уже о грузинском.

3. Благодаря обилию отличительных знаков, графика латинская не удовлетворяет требованиям эстетическим и педагогическим, так как при диакритических надстрочных, как у Миллера, или подстрочных, как у Розена и отчасти Гюбшмана, знаках придется при письме отрывать руку. Q — приобрело право гражданства в осетинском алфавите, но далеко не соответствует своему значению, именно, обозначает осетинский глубоко-гортанный Q условно: в действительности в латинском языке соответствует *К* русскому, например, в слове *Aqua* и др.

4. Русский алфавит. 1. В основу осетинского алфавита может быть положен русский алфавит как алфавит культурного народа, на языке которого мы получаем просвещение. Это соображение руководило Шегреном и Миллером при составлении ими осетинского алфавита. Вспомним, как получился этот алфавит.

В основу его легла «кириллица». Петр Великий решил создать новое письмо для светских изданий, сблизив «кириллицу» и «латиницу». Буквы вначале походили на кирилловские их начертания; образец новой азбуки, названной «гражданской», или гражданским шрифтом, отлит в 1707 году, введен же в употребление указом Петра Великого в 1710 году. Последние изменения в русской азбуке произошли в 1758 году. «Российским Собранием», учрежденным при Академии Наук, издано обязательное руководство для всех типографий относительно употребления новых знаков[64].

2) Определенная система начертаний добавочных знаков, не имеющихся для выражения осетинских звуков в русском алфавите, может быть создана легко при помощи отличительных знаков или изменением формы букв.

3) Если из существующих осетинских алфавитов, в основу которых лег русский алфавит, устранить бессистемность, то полученный таким образом практический осетинский алфавит, не противореча требованиям научности, не будет противоречить требованиям эстетическим и педагогическим.

6. *Недостатки и достоинства осетинских алфавитов, в основу которых лег русский алфавит.*

Алфавит Шегрена. 1. Принимая во внимание только те звуки, которые установлены мною для практического осетинского алфавита, а из последних только те, которые отличаются от русских звуков, в начертаниях шегреновской системы будут следующие достоинства и недостатки:

а) недостатки: 1) применяются 4 различных принципа в обозначении недостающих в русском алфавите букв; 2) сочетание знаков, руководствуясь природой звуков: Æ, Дз, Дж, Ц, Ч, 3) заимствование: Q, J, ḫ;, 4) диакритизация надстрочными знаками: Ӳ, Ӱ; 5) изменение формы букв путем добавления к ним: Г), К), П), Т); достоинство: письменные начертания всегда совпадают с печатными, хотя разнообразны и вычурны, и можно их писать, за исключением Ӳ и Ӱ, не отрывая руки.

Алфавит Всеволода Миллера. Недостатки: система, хотя более выдержанная, чем у Шегрена, но не последовательно проведенная до конца: применяются в обозначении отличительных звуков 3 различных принципа: 1) исходя из природы: Ää (с иным отличительным знаком, чем у Шегрена), Дз, Дж; 2) заимствование: Q, J, h; 3) диакритизация надстрочных знаков: Ґ, Ķ, Ԥ, Ţ, Ў, Ц̌, Ч̌, причем эти диакритические знаки не одинаковы (в Ґ — указание на придыхательность, в Ў на краткость, в остальных не указывает на природу звука, а просто служит отличительным от русской буквы знаком). Означенные отличительные знаки удобны с точки зрения научной, но не педагогической: детям непонятна роль этих знаков. При письме придется часто отрывать руку.

2. Достоинства: большая или меньшая выдержанность системы: обозначает знаком (’) не только К), П), Т), но Г), Ц̄, Ч̄.

Алфавит Канукова. 1. К тем недостаткам, которые наблюдаем у Шегрена, прибавляются новые: рукописные начертания букв расходятся с печатными и подчас даже очень сложны и вычурны.

Алфавит Б. Кочиева. 1. Недостатки: неправильное понимание и обозначение природы кавказского или чистоосетинского К, П, Т с крепким отрезом через К, П русского алфавита и t французско-латинского алфавита и неправильное понимание и обозначение звуков осетино-русских К, П, Т без крепкого отреза через К, П русского алфавита с отличительным надстрочным знаком (—) и t русского алфавита без отличительного знака.

Таким образом, если даже допустить, что южане правильно понимают характер русско-осетинских К, П, Т, никак нельзя согласиться с их бессистемным обозначением у Б. Кочиева. Нужно было обозначить для последовательности русско-осетинские К, П, Т или, как у Шегрена — К), П), Т), или как у Миллера — К̓, П̓, Т̓, или, если вводить отличительный надстрочный знак (—), то, как К̄, П̄, Т̄ а отличные от них звуки — К, П, Т.

Исходя, очевидно, из желания, чтобы рука не отрывалась при письме, Бидзина К̄, П̄ обозначает через шегреновское К), П), а для t оставляет тоже начертание t; ясно, что здесь нет последовательности в системе.

Мало того, для обозначения звука Т употребляет не шегреновское t рукописное, а *Т́* m русское, что опять нарушает стройность системы его графики. Такая же непоследовательность в начертании П̄, Ч̄; печатные буквы обозначаются надстрочными знаками, а рукописные Ц̲, Ч) откуда видн, что даже меду рукописными буквами Ц̲, Ч) нет аналогий, как между печатными изображениями их.

Ӳ краткое неудачно изображается через Ӯ знаком (—), который в науке языкознания над гласными обозначает долготу, а не краткость тех гласных, над которыми стоит. Q q передает рукописью через Q g — неточно.

2. Æ передается через *æ* правильно; будучи последовательным, надо было бы писать и строчную не «*œ*», а «ае». Желая упростить начертания Дж, Дз, Кочиев в своем букваре вводит взамен первого латинского или итальянского g или G, а для второго Z. То и другое начертание я нахожу весьма неудачным, сложным.

Если Б. Кочиев исходил из природы звуков, которые обозначал латинско-итальянские g, Z, то он только отчасти подошел к правильному разрешению задачи: исходя из научных соображений, нельзя через *а* обозначать осетинское Дж, потому что только в итальянском и английском языке g звучит, как осетинское Дж, а в латинском языке, как осетинское Г взрывное. «Z» же и в том и другом языке звучит, как «З» осетинское, хотя надо заметить что в древнелатинском языке оно звучало как «Дз» осетинское. Не говорит, например, в пользу этих начертаний и то обстоятельство, что прописное G и строчное g очень расходятся в своем начертании, а второе, слишком даже кудреватое и некрасивое начертание, и то обстоятельство, что они не приняты в научной транскрипции в том значении, которые им придают в осетинском алфавите.

Рукописное начертание буквы Z совпадает с печатным. Нельзя того же сказать относительно G; разница в начертании печатных и рукописных большая; рукописная прописная буква сложна и трудна для письма, а строчная по своей форме напоминает начертание для строчного g, что то же, вместе взятое, не говорит в пользу означенных начертаний.

Таким образом, заслуга Б. Кочиева только в попытке упростить сложные начертания Дж, Дз, не увенчавшаяся успехом.

Алфавит журнала «Хурv Тvн». Журнал «Хvрv Тvн» принимает «упрощения» Б. Кочиева в отношении букв: Дз, Дж, Ц̓, Ч̓, обозначая их через G, Z, Ц̄, Ч̄, но не следует ему в начертании К̓, П̓, Т̓ с крепким отрезом и обозначает последние через шегреновские знаки К), П), Т). Достоинство: долгота «у» не обозначается.

Алфавит Мамитова. 1. Недостатки: понимая правильно характер кавказско-осетинских К̓, П̓, Т̓, он вводит для их начертаний — для первых двух К̄, П̄ (ср. «Хурv Тvн», Бидзина К., но с иным значением) и Т) для третьего, а именно Т̓.

Отсюда ясна непоследовательность Мамитова в употреблении отличительных знаков, а именно, в 1-м случае употребление (—) надстрочного знака, а в последующем (ـ) подстрочного.

Рукописные начертания для тех же букв: К), к), П), п), Т), т); система выдержана, но отличается от системы печатных букв: отличительные знаки не одни и те же; кроме того, Мамитов допускает для Т) и начертание французского t, а для русско-осетинского Т начертание *Т́ т*, откуда мы усматриваем опять непоследовательность в изображении звуков.

Ӳ краткое обозначено неправильно, как у Бидзина, через (—): Ӯ, Ц̓ и Ч̓ с отрезом обозначаются, как у Бидзины и в журнале «Хурv Тvн», через П̄, Ч̄, (печатные), и через Ц̲, Ч),

ч) рукописные, откуда видно, что начертание печатных и рукописных букв несходно и что в графике Ҷ и Ч) нет последовательности в употреблении отличительного знака.

Мамитов, помещая в букваре в скобках кочиевские G, Z, сам употребляет опять сложные начертания Дж, Дз, и в этом отношении делает опять шаг назад.

Для Ґ, как у Бидзины, так и у Мамитова, употребляется «h», но, кроме этого, у последнего есть еще и ɾ), что опять непоследовательно. У того и другого — ɧ.

Достоинства: Мамитов упрощает бидзинаевские Æ, вводя начертание Ӕ, хотя рядом у него стоит Æ.

7. *Примерный практический алфавит всех 3-х диалектов осетинского языка*. Для установления примерного практического алфавита осетинского языка подвергнем критике с точки зрения научной, эстетической и педагогической все существующие начертания для каждого звука в отдельности и выберем из них наиболее для нас подходящие.

1) Буква Æ не совсем точно передает осетинское А краткое, закрытое. Осетинское Æ есть скорее звук средний не между «а» и «е», а между открытым русским А и закрытым осетинским Y; на это указывают такие примеры, как: äз, vз и др. Мне кажется, что начертание Æ ни людям науки, ни просто образованным, а тем более детям, ничего не говорит о произношении этого звука. Если бы мы задали вопрос кому-либо: «произносите мне звук средний между А и Е, но ближе к А», то уверен, что никто не дал бы мне даже приблизительно верного ответа. А раз это так, то не к чему прибегать к сложному начертанию. О природе и происхождении этого звука предоставим судить людям науки, специалистам; нам же для педагогических целей в данном случае достаточно знать, что этот звук произносится более закрыто, чем нормальное А, и более открыто, чем осетинское Y, иначе сказать, этот звук не А открытое, нормальное, а отличающееся от него, а потому обозначим его отличительным знаком (˙), то есть А; таким образом, имеем А̇ ȧ. При принятии такого начертания отпадает и знак, введенный Шифнером и Миллером: à; последний знак хотя и проще шегреновского Æ, но имеет свои недостатки: 1) Неточно передает звук ȧ, так как сильно подчеркивает наличность в нем звука «е»; 2) Приходится отрывать руку при письме при проставлении двух точек два раза; 3) Отпадают неудобные сложные рукописные начертания æ, Ӕ или еще сложнее Æ. Достоинство предлагаемых начертаний — простота, но не красота и практичность, так как отличительные знаки безобразят их и лишают возможности писать, не отрывая руки. Какие отличительные знаки применить, поговорим после, а пока примем отличительный знак (˙).

Из всевозможных знаков для придыхательного Г устанавливаем Г печатное и Ґ ґ рукописное, а не h латинское и готическое ɧ, так как они чужды русской системе.

За обозначение Ґ говорит и то, что в части наречий русского (и украинского, например) «Г русского» произносится как Ґ осетинское.

3. Из всевозможных начертаний для Дж не беру ни одного, и вот почему: 1) G (g) по соображениям, изложенным выше; 2) Дж или Дз потому, что оно занимает больше места и отнимает лишнее время при письме; 3) При произнесении звука Дж, слышим один слитый звук, ближе к Ж, чем к Д. В самом деле, если бы написать рядом слова жін и дін, жебог), дебог) или другие, то к истинному произношению слова было бы ближе первое начертание; а потому для слитного Дж — устанавливаем знак Ж тем более, что рукописный Ж напоминает осетинское сочетание (дж), но чтобы отличить его от Ж чистого, которое встречается по говорам, обозначить его отличительным знаком Ӝ.

4. Звук Дз, где больше элемента З, чем Д, — через З̇: З̇абах, Дабах.

5. J полугласный обозначим через і.

6. Ќ кавказское.

7. Ќ глубоко-гортанное.

8. Ҧ кавказское.

9. Ҭ кавказское.

10. Ў краткое.

11. Ҷ кавказское

12. Ҵ кавказское.

13. V через ї.

14. Х̇ слабое придыхание.

Такое начертание, если не принять во внимание то обстоятельство, что надстрочные знаки безобразят письмо, испещряя его, и нельзя писать эти буквы, не отрывая руки, будут стройными по системе и легки для заучивания. Можно применить и надстрочный диакритический

знак (’); нельзя принять (') знак ударения (над гласными) и смягчения над согласными, и знак (˘) краткости над гласными.

Ввиду означенных соображений принцип диакритизации, удобный в науке языкознания, не приемлем для практических целей даже в том случае, если бы рукописные писались, не отрывая руки, при помощи изменения букв (как у Шегрена и Б. Кочиева).

Наше требование: печатные и рукописные буквы по возможности не должны разниться в начертаниях, не быть сложными, безобразными и трудными для запоминания и воспроизведения.

Попытаемся обозначить звуки осетинского языка изменением формы существующих букв, а не прибавлением к ним особых отличительных частиц, указывающих якобы на природу звука (например, К), П), Т), Ч, Ц Шегрена и др.). При этом постараемся ответить по возможности на все требования, которые предъявляются к хорошей графике. (Смотри выводы п. 13). Дополнительные знаки к латинской основе могут быть представлены в следующем виде:

æ — а, г) — h, ӈ — ь, ж — *z* (z без верхнего элемента), дж — *z* (z без нижнего элемента), з — z, дз — ʒ, ш — s, к — к, q — q, і — ı, j — J, ѵ — ə, п) — Ꝑ, т) — т, у — ия, ц — с, ӌ — с, ч — ç, ӵ — е.

8. *Выводы:* 1. С начала возникновения письменности на осетинских диалектах по настоящее время в основу осетинских алфавитов клались алфавиты: а) арабский в рукописях; б) древнецерковно-славянский (архимандрит Гай); в) грузинский (Ялгузидзе); г) латинский (Розен, Шифнер и др.); д) русский (академик Шегрен, барон Услар, профессор Миллер и другие), из которых благодаря трудам Шегрена и Всеволода Миллера привился только последний.

2. Система начертаний, положенная в основу той или иной осетинской графики, пополнялась знаками, заимствованными и вновь образованными при помощи: а) сочетания букв; б) диакритических знаков и в) изменения формы букв основного алфавита прибавлением какой-либо частицы или какого-нибудь элемента других букв.

3. Ни один из указанных принципов пополнения знаками основного алфавита не выдержан последовательно до конца в существующих системах осетинских график вследствие того, что составители их принимали во внимание, главным образом, цели научно-теоретические, а не педагогические, прикладные — «быстрое обучение чтению-письму на родном языке».

4. Ввиду неправильного представления о природе некоторых звуков, главным образом, так называемых «кавказских», а также ввиду неоднородности состава алфавитов одного и того же языка у разных исследователей и издателей текстов, одни и те же звуки обозначаются до последнего времени разными знаками, неблагоприятно влияющими на механизм чтения и письма.

5. Для практических целей нет надобности отмечать всевозможные оттенки звуков (например, смягченные согласные и прочие), как это принято при научной записи текста, а потому во всех трех диалектах: иронском, дигорском, туальском особыми знаками для практического алфавита следует обозначать только следующие 38.

А, А — среднерядное, Б, В, Г, Г — придыхательное Х (h), Х — слабое придыхательное (ӈ), Д, Е, Ж, Дж — слитный из Д и Ж, З, Дз — слитный из Д и З, И — слоговое, И — неслоговое (J), Ѵ — звук средний между А средне-рядным и И — слоговым, К, К — с крепким отрезом, Л, М, Н, О, П, П с крепким отрезом, Р, С, Ш, Т, Т с крепким отрезом, У — слоговое, У — неслоговое, Ф, Ц, Ц — кавказский, Ч, Ч — кавказский, К — глубокогортанный (q).

6. Из всех алфавитов, легших в основу осетинских в целях практических, самый удобный — русский, во-первых, как алфавит передового народа, на языке и письменности которого воспитывались и будут легче воспитываться и развиваться осетины в силу исторически сложившихся обстоятельств, во-вторых, потому что для изобретения добавочных знаков он представляет больше преимуществ перед другими алфавитами, а особенно перед арабским и латинским.

7. Арабское письмо, сделавшееся священным в глазах мусульман, отличаясь относительной простотой основных начертаний букв, не может быть принято в основу осетинского алфавита, потому что обладает недостаточным количеством знаков для изображения всех осетинских звуков, и добавочные знаки, а также некоторые из основных, например, гласные, приходится изображать при помощи подбуквенных и надбуквенных точек и разных других знаков — ташдидов, гамзы, джезмы и др., усвоение значений которых затрудняет учеников.

8. Не может быть положена в основу осетинского алфавита и латинская графика, минуя надстрочные, подстрочные знаки и сочетание букв, как это видно из графики, предложенной Шифнером и некоторыми другими, потому что латинский алфавит содержит в себе еще менее знаков (25), чем арабский (28), и тех недостатков, которыми якобы изобилует русская графика, не лишена и латинская графика, легшая в основу русской.

9. В изобретении добавочных к русской графике знаков в целях педагогических нужны

принципы: а) заимствования из других алфавитов; б) образования новых знаков путем сочетания букв, и в) диакритизации подстрочными или надстрочными знаками — отставить и принять принцип изменения формы букв принятого в основу алфавита, путем упрощения или, в необходимых случаях, усложнения формы букв.

10. Ввиду того, что ребенок и начинающий писать взрослый затрудняются при изображении почти каждой линии букв, последние должны быть по возможности простыми, четкими и удобными для установления связи с последующими элементами букв или целыми буквами.

11. Исходя из педагогических соображений — в возможно кратчайший срок с наименьшей затратой энергии научить читать и писать — в практической графике рукописные и печатные буквы, с одной стороны, заглавные и строчные, с другой — по своим очертаниям по возможности должны совпадать друг с другом, и там, где они не совпадают, заглавные отбросить и заменить их строчными, отличающимися только по своей высоте.

12. Имея ввиду, что письмо должно идти генетически, то есть, что каждая последующая буква должна быть, по возможности, основана на изменении предыдущей с прибавлением нового элемента или отпадением старого, — все звуки трех осетинских диалектов «парные» русским, то есть, не идентичные, но близкие по акустическому впечатлению, — следует обозначить знаками этих последних с привнесением к ним отличительного элемента, наиболее приемлемого с точки зрения теории письма.

13. Руководствуясь вышеизложенными положениями для всех трех диалектов осетинского языка, можно предложить следующую примерную практическую графику.

а, ӕ — среднерядное (æ), б, в, г, т (придыхательное h), х, х — (слабое придыхательное ḫ), д, ж, ж (слитный из д и ж), з, ʒ (слитный из д и з), е, и — слоговое, ј неслоговое, к, в — с крепким отрезом, R — глубоко-гортанный, л, м, н, о, п, *п* — с крепким отрезом, р, с, т, τ — с крепким отрезом, у — слоговое, у — неслоговое, ф, ц, ц — кавказский, ч, *ч* — кавказский, ш, v (шегреновское V). — Всех 38, а без диалектических ж, ш — 36. (Точные изображения см. в архиве Осетинского института краеведения).

14. Означенные начертания из всех существующих наиболее целесообразны и по экономическим соображениям: пользуясь ими, уходит меньше материала на изготовление букв, меньше идет бумаги для набора одного и того же текста, меньше идет и красок, но что еще важнее — меньше уходит времени для набора, как при печатании типографским способом или на пишущей машинке, так и при письме от руки.

Примечания

1. Пфаф. Материалы для древней истории осетин. Сб. св. о кавк. гор. В. II. Т. 1871, с. 34.
2. Самарганов Н. был в Осетии в 20—30 годы, 19 ст. (Пфаф. Материалы для древней истории осетин. Сб. Св. о кав. горцах, В. VI, с. 59).
3. История грузинской иерархии. М., 1826 г., с. 73.
4. Беляев. Русские миссии на окраинах, «Русский паломник», Май, 1900 год, с. 37.
5. Бутков. Матер. для новой ист. Кавказа, ч. II, с. 272.
6. Б. Алборов. Первая печатная осетинская книга (Известия Горского педагогического института Т. V, 1928 год, с. 167—168).
7. G. Achwlediani Zur Geschichte des Ossetischen (Bulletin de l'Universite de Tiflis VI Tiflis 1926 год, стр. 339) и его же «Рукопись А осетинского языка 1802 г.» (Bulletin VII, с. 91).
8. G. Achwlediani, ibid, с. 341.
9. G. Achwlediani, ibid, с. 341.
10. Achwlediani, с. 342.
11. Achwlediani, с. 344.
12. Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-российским и российско-осетинским, сочинение Андрея Шегрена, часть I и II СПб. 1844 г.
13. Ирон Äвзагахур, das ist Ossetische Sprachlehre, nebst kurzem Ossetisch-deutschen und Deutsch-ossetischen Wörterbuche von D-r A.J. Sjögren. St. Peterbsurg, 1844.
14. Точные изображения знаков см. рис. № 6.
15. Загурский Л.Н. Кавказско-горские письмена. (Сборн. свед. о кавказских горцах. В V т. 1871, с. 23).
16. Загурский ibid 24.
17. Шегреновская грамматика, стр. 9 и далее.
18. См. стр. 22.
19. е, ӧ, ѡ — всегда краткие; е́ всегда долог; прочие гласные могут быть и краткие и долгие. I обозначает не «I», а «Ij», стр. 40.

20. Осетинский букварь с русским переводом, составитель архимандрит Иосиф. Т. 1862 год, 2-е сокращ. изд. Т. 1864 г. Примеры из 5 издания 1895 г.

21. Природа кавказских звуков определена неправильно.

22. Азбука дается на 3 стр., а примеры взяты из 5 стр.

23. Ц, Ч не объясняются в азбуке; об их природе судим по аналогии с П, Т, Ц, Ч.

24. Ъ — не обозначается в числе прописных букв, на с. 3, а приводится при обозначении прописных букв враздробь и прописных букв со строчными на с. 4.

25. См. Süst ämä äxsänk A. Schiefner. Zwei ossetische Thiermärchen (Bulletin de l'Academie Imperiall des Sciences de St.-Pétersbourg T. VIII. 1865 год, с. 35).

26. Grundriss der iranischen Philologie. Die Sprache der Osseten von Wsewolod Miller. Strassburg, 1903.

27. Beiträge zur Syntax des Ossetischen von D-r Reinhold von Stackelberg. Strassburg, 1886.

28. Etymologie und Lautehre der Ossetischen Sprache von H. Hübschmann. Strassburg, 1887.

29. Не считая других изданий Миллера, как-то: 1) Дигорские сказания, 2) Осетинские сказки, 3) Ossetica.

30. В них только вместо Ä миллеровского употребляется Æ.

31. Если не считать употребление ӯ, у, ў.

32. Где h вместо ҳ.

33. Терек 1907 год, № 94.

34. Терек 1914 год, № 4888.

35. У слоговое и неслоговое, а для дигорского языка еще У краткое.

36. С углублением в верхней части буквы.

37. С углублением в нижней части буквы.

38. С загнутой нижней передней частью.

39. С вогнутой горизонтальной линией.

40. На прямой вертикальной с петлей.

41. С вогнутой верхней горизонтальной прямой.

42. Церковнославянская; латинская j, но буква не опускается ниже за строку.

43. Русское У и латинское j, но обе буквы опускаются ниже строки.

44. Посредине петля.

45. Посредине петля.

46. Точные начертания всех печатных и рукописных букв смотри сравнительную таблицу знаков осетинского языка. Приложение № 1.

47. «Горская жизнь» за 1917 год, № 2 от 9/VIII, № 3 от 12/VIII, № 4 от 17/VIII за август месяц.

48. «Терек» 18 июля 1917 года, Тогузов «К реформе осетинского алфавита».

49. См. Б. Алборов. Народное образование в Осетии. Эволюция осетинских письмен (к вопросу об установлении единообразной осетинской графики). Газета «Коммунист», Владикавказ № 116 от 25/VIII 1920 года.

50. Сообщение товарища Багдаева о комиссии по пересмотру русской графики с участием профессора Сакулина и др.

51. См. отношение доктора Туганова «Комиссии ликвидации неграмотности» от 14 и 15 марта 1924 года.

52. Отношение Замнаркомпроса Гадиева от 15/III 1924 года.

53. См. доктор Э.Г. Туганов «Интернациональный алфавит», г. Владикавказ, 1924 года.

54. Таким образом, в проекте Научно-методического совета Горнаркомпроса вновь всплыли двойные начертания, отвергнутые Осетинским историко-филологическим обществом и взамен надстрочного знака (точки) — надстрочный знак v («птичка») (см. протокол общего собрания Осетинского историко-филологического общества от 25/II 1923 года).

55. Дзагуров Г.А. Новая осетинская графика на латинской основе. Владикавказ, 1923 год, с. 4.

56. Дзагуров Г.А. Новая осетинская графика на латинской основе. Владикавказ, 1923 год, с. 6.

57. См. «Ræstdsinad» № 19, 27/III 1927 год, № 4, «Xurzærin», 14/IV 1927 год, № 26, 23/VII 1927 год.

58. См. газету «Ræstdzinad» за 1927 год.

59. Приложение к работе «История осетинских письмен».

60. Шницер Я.Б. «Иллюстрированная всеобщая история письмен», СПб, 1903 год, изд. Маркса, с. 206.

61. Шницер, ibid, с. 209.

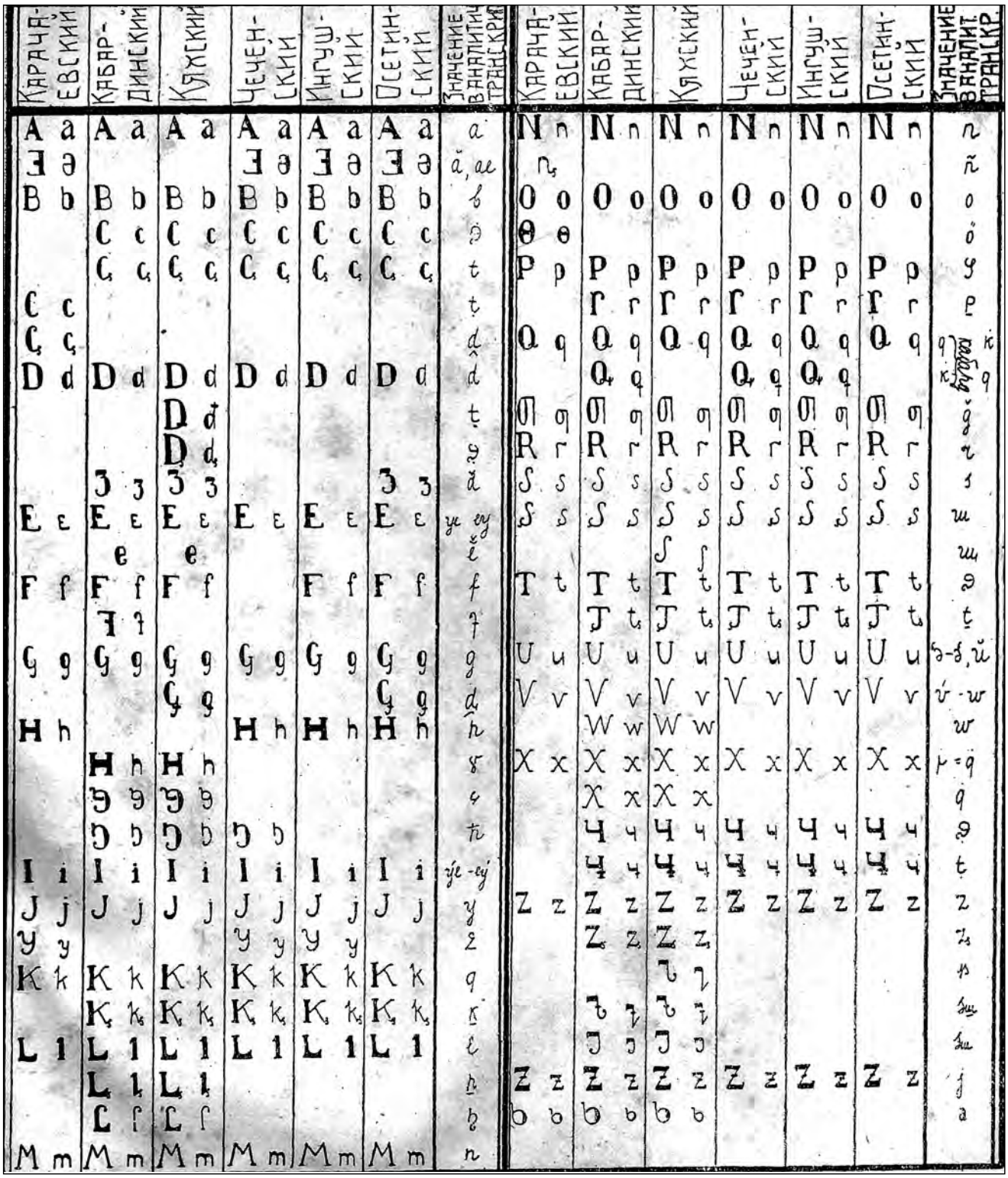
62. К вместо правой половины ж.

63. Под влиянием мусульманства были попытки передать звуки осетинского языка арабскими буквами, но безуспешно: в печати ничего не появилось, отдельные рукописи встречались.

64. Шницер. Цит. соч., с. 243.

Текст печатается по изданию:

Алборов Б.А. История осетинских письмен. — Владикавказ: Растдзинад, 1929.

Сравнительная таблица алфавитов языков кавказских народов.
Приложение в тексте работы Б.А. Алборова

Б.А. Чамозоков*
История кабардинской письменности

Первая попытка кабардинской письменности относится к 30-м годам XIX века и связана с именем известного Шора Беклуризин Ногмова, автора «Истории кабардинского народа». Шор Бек. Ногмов интересовался как вопросами изучения своего языка, так и вопросами истории своего народа. В 1841 году он составил грамматику для кабардинского языка. Между прочим, в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», XII том («Предисловие Лопатинского к кабардинской грамматике»), есть указание, что кабардинская грамматика Ногмова утеряна в рукописи. В действительности рукопись этой грамматики не утеряна, а она в настоящее время хранится в Азиатском музее Академии наук в Ленинграде.

Сын небогатого отца, Ногмов с ранних лет выказывал влечение к книгам. На восемнадцатом году он изучил арабский язык на земле кумыков, то есть теперешнего Дагестана (в деревне Андреевой), где он жил несколько лет. Кроме арабского и своего родного языка, он хорошо знал турецкий и персидский языки. По возвращении от кумыков Ногмов сделался муллой в своем ауле. Но так как это звание не соответствовало врожденным его наклонностям, то он вскоре от него отказался. На двадцать пятом году Ногмов изучил русский язык и после этого работал в Нальчике, обучая «аманатов» (заложников) русскому и турецкому языкам (1828–1829 годы).

В 1830 году он уехал в Петербург и поступил на военную службу, участвовал в походах, произведен в офицеры, затем переведен в Кавказский корпус в Тифлис, а с 1838 года состоял секретарем Кабардинского суда. К этому же времени относится его работа по истории кабардинского народа. И когда эта работа была закончена, он повез ее в Петербург в Академию наук. Но по приезде в Петербург, он был разбит параличом, отчего и умер в 1844 году.

Ранее Ногмова следует еще упомянуть некоторых ученых иностранцев, которые занимались вопросами изучения кабардинского языка: это известный голландский ученый Витзен, который дал нам первые сведения о кабардинском языке, относящиеся еще к началу XVII века, записанные на голландском языке, затем Гюльденштент и Клапрот.

После Ш.Б. Ногмова по инициативе известного барона Услара его сотрудник по филологическим работам Кази Атажукин сделал попытку создать кабардинскую письменность. Для этого он пользовался черкесским и абхазским алфавитами, разработанными Усларом, и на основе их составил кабардинскую азбуку. В 1864 году К. Атажукин выпустил отрывки из поэмы «Сосруко», в 1865 году – кабардинскую азбуку и в 1867 году – популярную статью о воздухе и воде. Примеру К. Атажукина последовал Шарданов, который в 1864 году напечатал правила мусульманской веры. Самого алфавита, который составил К. Атажукин, мы не имеем, но по его брошюре – о воздухе и воде – можем восстановить и алфавит. В общем, письменность, созданная К. Атажукиным, как и попытка [создания] письменности у Ногмова, практического значения не имели.

В 1890 году Л.Г. Лопатинским был написан кабардинский букварь на русской основе. Его букварь уже выходит из области теоретических работ на путь практический, для использования в школе для учащихся кабардинцев. Лопатинский, занимавший видное место в учебном мире русского управления на Кавказе, имел все возможности широкого проведения своего алфавита. Его букварь вводится в горской школе, а впоследствии и в Реальном училище в Нальчике как пособие, по которому обучали учеников кабардинскому языку. По качественности букваря Лопатинского и вследствие его принятия Учебным округом обучение кабардинскому языку по его букварю продолжалось до самой революции, до 1917 года. Его букварь, таким образом, был первым, по которому кабардинцы стали изучать свой язык в школе. Правда, это обучение не носило тогда массового характера, а ограничивалось узким кругом немногих учебных заведений (Горская школа и Реальное училище). Кроме этого букваря у Лопатинского имеется ряд и других работ по кабардинскому языку, помещенных в XII выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», вышедшем в 1890 году на 595 стра-

---

* Чамозоков Бетал Аюбович – лингвист, ученик Н.Ф. Яковлева. Сведений о его жизни и творчестве обнаружить не удалось.

ницах. Здесь имеется: 114 страниц этнографического материала (кабардинские предания, сказания и сказки, записанные по-русски) с этнографической картой, 116 страниц кабардинских текстов, 41 страница краткой кабардинской грамматики и 229 страниц русско-кабардинского словаря. Работы Лопатинского представляют большой и ценный материал. Основным недостатком его работ нужно считать фонетическую неточность в записях кабардинских слов.

Затем укажем на работы венского профессора Балинта. В 1904 году вышла его книга — кабардинский словарь на латинском языке. Данный словарь представляет собой объемистую книгу в 631 страницу. Каждое кабардинское слово переводится на латинский язык, причем если слово сложное (составное), то составитель делит его по корням и затем уже дает перевод. На каждое кабардинское слово Балинт дает пример как в отдельных словах, так и в целых предложениях. Большею частью, в качестве примеров он приводит кабардинские поговорки и пословицы. Другая его работа — кабардинская грамматика, написанная на венгерском языке. Всю свою работу в области изучения кабардинского языка профессор Балинт проделал на основании материалов Лопатинского и П. Тамбиева, помещенных в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа», не будучи совершенно знакомым ни с кабардинцами, ни с кабардинским языком.

Довольно много внимания было уделено вопросам изучения кабардинского языка и письменности кабардинцем П. Тамбиевым. Результатом его работ в этой области является: во-первых, его кабардинская азбука, изданная в 1906 году в Тифлисе, во-вторых, им собрано много адыгейских текстов, помещенных в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (выпуск XXI, отдел второй, выпуск XXV, отдел третий, выпуск XXVI, отдел третий, выпуск XXVII, отдел четвертый и в других).

Приблизительно в 1916 году, за год до революции, в одном из участков Кабарды (в бывшем первом участке, на Баксане, в медресе) стали изучать свой родной язык по алфавиту, предложенному неким Догмовым на арабской основе. Правда, это было не официально, и только с первых дней революции сторонники этого нового алфавита на арабской основе настаивали на применении его для обучения детей в сельских школах. К тому же времени (1916 год) относится появление и другого алфавита — Т. Шеретлокова на русской основе. Таким образом, в одно и то же время появились два кабардинских алфавита: один на арабской основе (Догмова) и другой — на русской основе (Шеретлокова). Сначала в 1917 году был принят алфавит Шеретлокова. Но в скором времени выступили сторонники Догмова, и в конце концов образовалось два лагеря: с одной стороны, сторонники арабских письмен (духовенство и вообще люди, получившие арабское образование), с другой — противники арабских основ, стоявшие за русский алфавит, предложенный Шеретлоковым. Несмотря на энергичные протесты противной стороны, арабистам удалось провести свой алфавит на арабской основе. В 1918 году руководителям этого направления удалось открыть школу (учительская семинария) в городе Нальчике, в которой и готовили учителей для преподавания родного языка в кабардинских школах. Это была тогда первая попытка перенести обучение родному языку в аулы. За короткий промежуток времени с 1917 года по 1923 год, то есть за каких-нибудь четыре-пять лет, названные два алфавита боролись за главенство в зависимости от тех или иных обстоятельств.

В 1920 году, когда окончательно утвердилась в Кабарде советская власть, стал на очередь вопрос о необходимости создания кабардинского алфавита, который отвечал бы и требованиям данного языка, и условиям времени, вопрос о создании кабардинской письменности. И если до 1923 года могли просуществовать два названные ранее алфавита, то это было просто потому, что другого лучшего алфавита, более совершенного и отвечающего всем особенностям языка, не было.

В 1923 году Хурановым опубликован новый кабардинский алфавит на латинской основе (в виде листовки), который был утвержден областью и принят как официальный учебник. Дата 1923 года является весьма важным моментом в истории развития кабардинской письменности, так как в этом году совершился переход на новый латинский шрифт, отказ от старых алфавитов на других основах, существовавших до этого времени. С этого же года начинается систематическое преподавание кабардинского языка в школах Кабарды. В следующем году (1924 году) указанный алфавит был снова переработан автором и уже издан в виде букваря. В 1925 году алфавит Хуранова был реформирован, правда уже не самими автором, а особой комиссией, которая была организована Отделом народного образования Кабардино-Балкарской автономной области. Проект нового алфавита был предложен товарищем Борукаевым, и официально был принят областью. Этим новым шрифтом печатается кабардинская газета «Qerehegq» и вообще всякая другая литература, издаваемая для нужд кабардинцев.

Новый кабардинский алфавит на латинской основе в 1924 году был подвергнут научной разработке профессором Н.Ф. Яковлевым и явился одним из звеньев целого ряда лингвистических работ его по кабардинскому языку.

Значение работ профессора Яковлева заключается в том, что он оперирует громадным языковым материалом и освещает вопросы в духе нового направления в языкознании.

Переходя подробнее к его работам, укажем на его первую работу по кабардинской фонетике. Это первая работа, которая специально освещает фонетические особенности данного языка: в ней дается подробный анализ каждого отдельного звука и способа его произношения, устанавливаются артикуляционно-акустические и фонетические данные и приводится подробная классификация гласных и согласных звуков.

Вторая работа профессора Яковлева — «Материалы для кабардинского словаря» (словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога), Москва, 1927 год.

Третья его работа, подготовленная к печати, — «Научная грамматика кабардинского языка».

Имеется еще один образец алфавита кабардинского языка: алфавит Таболова, составленный для кубанских кабардинцев на арабской основе (1924, город Баталпашинск). Автор этого алфавита использовал письмена, разработанные местным учителем Шекеровым для кубанских кабардинцев.

В то время, как в Кабарде был новый латинский алфавит, кубанские кабардинцы все еще продолжали пользоваться старым алфавитом Таболова и совсем недавно отказались от арабского шрифта, и перешли на новый латинский шрифт.

Все время, ушедшее на попытки кабардинцев к созданию их письменности и до окончательного утверждения письмен, можно подразделить на два периода: период до революции и период после революции.

Прежде чем создавать алфавит для кабардинского языка на какой бы то ни было основе — русской, арабской или латинской, необходимо сначала установить: сколько фонем в этом языке, которые нужно обозначать в научной транскрипции, а не в практическом письме. Затем следует выяснить, какие из звуков кабардинского языка наиболее употребительны и какие менее употребительны, то есть для каких звуков необходимо особое графическое изображение. В этом отношении, в силу своеобразных особенностей кабардинского языка, еще далеко не все сделано, но, несомненно, положено прочное основание кабардинской письменности.

Для каких звуков создали их письменности до окончательного утверждения письмен, [для каких] знаки должны быть менее сложными и для каких более сложными. Важным вопросом является также выбор определенной системы восполнения недостающих знаков, то есть будем ли восполнять алфавит с помощью двойных букв — сочетания двух букв, или вводить новые знаки, или же с помощью диакритических знаков, и какая из этих систем является наиболее целесообразной в применении к данному языку. Рассматривая данный вопрос, необходимо делать классификацию тех звуков, которые встречаются в кабардинском языке и которые требуют особых знаков для их выражения.

Фонемы кабардинского языка, требующие особых знаков (букв):

I. Сонорные	
1. Губные	m — губно-губной, звонкий, с подгортанной экспирацией
2. Зубные	n — зубной, звонкий с подгортанной экспирацией
II. Вибранты	
1. Заднее-мягко-небные	r — звонкий (альвеолярный) q̇ — придыхательный q̇$_{\circ}$ — глухой лабиализованный
III. Спиранты	
1. Заднее-мягко-небные	ğ — звонкий, с подгортанной экспирацией g$_{\circ}$ — звонкий, с подгортанной экспирацией, лабиализованный
2. Губно-зубные	f — глухой, с подгортанной экспирацией v — звонкий, с подгортанной экспирацией f — глухой долгий усиленный, с подгортанной экспирацией

III. Спиранты	
3. Дарсально-зубные	z — звонкий, с подгортанной экспирацией s — глухой, с подгортанной экспирацией
4. Латеральные	ɳ — глухой, с надгортанной экспирацией l — звонкий, с подгортанной экспирацией ɳ — глухой, с подгортанной экспирацией
5. Передне-твердо-небные	s̲ш — глухой, с надгортанной экспирацией z̲ — звонкий, с подгортанной экспирацией s̲ш— глухой, с подгортанной экспирацией
6. Средне-твердо-небные	j — звонкий ш — глухой, с подгортанной экспирацией γ — звонкий ρ — глухой
7. Задне-твердо-небные	ρ◦ — глухой лабиализованный, с подгортанной экспирацией
8. Сложный гортанный	c◦ — звонкий
9. Надгортанниковый (шопотная)	ħ — глухой
IV. Мгновенные	
1. Губно-зубные	ρ — глухой, с надгортанной экспирацией b̄ — звонкий, с подгортанной экспирацией λ — краткий придыхательный, с подгортанной экспирацией
2. Дарсально-зубные	t — глухой, с надгортанной экспирацией d̄ — звонкий, с подгортанной экспирацией ϑ — придыхательный, с подгортанной экспирацией
3. Средне-твердо-небные (мягкие)	g̣ — звонкий, с подгортанной экспирацией q̣ — придыхательный, с подгортанной экспирацией
4. Задне-твердо-небные	k◦ — глухой, с надгортанной экспирацией, лабиализованный ġ◦ — звонкий, лабиализованный q◦ — глухой придыхательный, лабиализованный
5. Задне-мягко-небные	ḳ — глухие, с надгортанной экспирацией ḳ◦ — лабиализованный q̣ — неусиленный придыхательный, с подгортанной экспирацией q̣◦ — лабиализованный, с подгортанной экспирацией
6. Междусвязочные	q◦ — мгновенный лабиализованный
V. Аффрикаты	
1. Дарсально-зубные	ṫ — глухой, с надгортанной экспирацией ď — звонкий, с подгортанной экспирацией ϑ̇ — глухой придыхательный, с подгортанной экспирацией
2. Средне-твердо-небные	ṭ — глухой, с надгортанной экспирацией ḍ — звонкий, с подгортанной экспирацией ϑ̣ — краткий придыхательный, с подгортанной экспирацией
VI. Гласные	
	Краткие «е», «ə» Долгая «а»

Кроме указанных фонем, в кабардинском языке встречаются следующие слого-фонемы, для которых необходимо ввести в алфавит особые знаки; так, например:

«qa» — «А»
«qe» — «Е»
«qə» — «Э»

Алфавит Атажукина

Атажукин больше всего букв заимствовал из нижнечеркесского алфавита: м, п, ρ, х́, в, ф, з, с, л, η, ç, ж, ш, ҵ, х, r̆, о, у, б, ϑ, h, m, q, y, z, ц, к, j, a, v, i, e, z.

Незначительную часть букв своего алфавита он взял из абхазского алфавита: m_1, n_1, ц̇, φ, $к_1$, всего пять букв. И, наконец, он взял одну букву из латинского алфавита k ($s_ш$) и одну из греческого β — (f).

Указанные буквы в этом кабардинском алфавите употребляются частью без всяких значков, а часть со значками, и значки эти различны по своему начертанию — «w», «ʼ» — 1) арабский шаддат, 2) апостроф — пишутся они над буквами, то есть сверху.

Для выражения звуков с надгортанной экспирацией взяты простые одинарные буквы без знаков.

Систему двойных букв мы наблюдаем только для выражения лабиализованных фонем, то есть лабиализованные фонемы выражены с помощью сочетаний из двух букв, так, например: ρо — хо, ху; хў; ğ$_о$ — r̆ о, r̆ у, r̆ ў; g$_о$ — го, гу, гў; k$_о$ — ко, ку, кў; k̇$_о$ — ко, кў, ку; q$_о$ — q̆о, q̆о, q̆у. Некоторые долгие гласные выражены через одинарные буквы, часть же двойными буквами, например:

ō — о
ū^{u} — у
i^{i} — i, ji
ē — ej, je

Алфавит Лопатинского

Кабардинский алфавит Лопатинского построен на русской основе. Но так как русских букв не хватает для передачи всех фонем, имеющихся в кабардинском языке, то для восполнения недостающих звуков он берет буквы из латинского алфавита, например, h, k̇, j, затем вводит особые надстрочные знаки, которыми так богат его алфавит (апостроф ʼ, знак акцент ʼ, затем подстрочный соединенный с буквой внизу, седиль и затем ʻ, тот же апостроф, но обратное начертание).

Надстрочный знак апостроф Лопатинский употребляет для выражения надгортанных фонем ρ̲ — ṅ, f — ḟ, t̲ — ṫ, ṫ — ц̇, η — π̇, $s_ш$ — ç̇, ţ — Ḳ.

Другой знак, обратный апострофу «ʻ», он употребляет для выражения задне-мягко-небных фонем q̇ — х́, q — ќ, и для выражения (мгновенных) гортанных ç̧e — ʼа, ç̧. — у ʼ и qə — ʼы, но уже ставится не над буквой, а спереди.

Знак апостроф для средне-твердо-небного gı — ṙ, звонкий аффриката и для мгновенного Ḳ$_о$ — Ḱ.

Подстрочный, соединенный с буквой внизу, знак «седиль» употребляет в двух случаях: 1) для выражения передне-твердо-небных спирант $s_ш$ — ç̇, z_z — з$_у$, $s_ш$ — ç и для глухого аффриката ϑ — ц̲.

Для выражения звуков с подгортанной экспирацией им взяты простые одинарные буквы без значков. Лабиализованные фонемы выражены с помощью двойных букв.

Долгие гласные ā, ō, и^{и}, ī^{i}, еу, əу обозначены через ā, о, ȳ, ji, ij.

Слогофонемы qe — ʼа, qə — ʼы, qa — ʼа.

Алфавит Шеретлокова

Очень близким к алфавиту Лопатинского по основе и принципам построения является алфавит Шеретлокова. Алфавит Шеретлокова отличается от алфавита Лопатинского тем,

что для выражения фонем ḳ, q̣ и t_1 он ввел особые буквы без надстрочных значков R, Lzu, K_1. Затем для выражения надгортанных фонем он вводит особый надстрочный значок «˘», полукружочек, тот же значок он употребляет для выражения звонкого аффика $\breve{d}$ — ĭг. и для задне-мягко-небного вибранта q̇ — x̆. Вот собственно вся разница алфавита Шеретлокова от алфавита Лопатинского.

Алфавит Хуранова

Первый кабардинский алфавит Хуранова, опубликованный в 1923 году, был построен на латинской основе. Но, так как и латинских букв не хватает для передачи всех имеющихся в кабардинском языке звуков, то для восполнения недостающих звуков он применил систему надстрочных знаков и системы сочетания двух букв для выражения фонем.

Надстрочный знак «ˇ» он употребляет для выражения средне-твердо-небных спирант j — ž и ш — š, затем для глухого гортанного спиранта ħ — x̌. Подстрочный, соединенный с буквой внизу, знак «седиль» в первом своем алфавите совершенно не употребляет.

Знак «h» он употребляет в следующих случаях: для выражения надгортанных фонем. Например, f̲ — fh, ŋ̲ — lh, $s_{\underline{ш}}$ — sh, ρ̲ — ρh, t̲ — th, t — kh — в этом случае «h» является знаком надгортанности. Этот же знак употребляется для выражения задне-мягко-небных фонем q̌ — xh, ğ — gh, q — qh.

Систему двойных букв он употребляет для выражения передне-твердо-небных шипящих спирант z_z — zz, $s_ш$ — ss, затем для латерального спиранта ŋ — ll и для выражения лабиализованных фонем.

Этот первый свой алфавит Хуранов переработал и в 1924 году издал в виде букваря. Основу первого алфавита он сохраняет и для второго (алфавита), то есть и второй алфавит у него построен также на латинской основе. Но, сравнивая второй его алфавит с первым, мы видим, что в систему построения второго алфавита внесены весьма существенные изменения.

Так, в новой переделке Хурановского алфавита задне-мягко-небный спирант ğ — hg, выраженный в первом образце через gh, то есть двумя буквами, во втором алфавите обозначается одинарной буквой без надстрочного знака «lə». Гортанный спирант «ħ» в первом алфавите изображен через «x̌», то есть с надстрочным знаком, во втором та же фонема изображается с помощью одной буквы и без надстрочного знака «ɓ». И, наконец, во второй алфавит Хуранов вводит особый знак, соединенный с буквой внизу, то есть «седиль», который совершенно отсутствовал в первом его алфавите, и с помощью этого знака он изображает передне-твердо-небные спиранты шипящих z_s — z_y, $s_ш$ — s_y. Затем латеральный спирант ŋ — l_y и краткий, с надгортанной эксприрацией ṫ — ç (аффрикат), то есть с помощью этого знака он изображает то, что в первом изображал двумя буквами (zz, ss, ll, ch).

Лабиализованные фонемы у Хуранова выражены двумя буквами, а в одном случае даже тремя буквами. В тех случаях, когда в конце слова после лабиализованного согласного нет гласного, то лабиализацию он изображает через «u», например, meq̇o — meх̌u, narϑə — nartyxu vəgorygu. Когда же в начале или в середине слова после лабиализованного согласного следует другой согласный, то лабиализацию он обозначает целым слогом, например, q̇ðərme — х̌uyrme, q̇ₒas$_ш$ — х̌uas$_y$, gðəγ — guyp ə poəgo — xuygu, то есть в конце слова лабиализацию одним знаком «и», а в середине целым слогом ^{Co}l — ие или ^{Co}ə — иу.

Долгие гласные:	Слогофонемы:	Краткие гласные:
ā — a	qe — à	«е» — «е», «а»
ō — o	qə — ẏ	«у»
$ū_u$ — u	qa — à	
$ī^i$ — ij		
ey — ej		

Алфавит Борукаева

Последний алфавит Хуранова (1925 год) переиздан Борукаевым с некоторыми дополнениями. Борукаев в существе дела не изменил хурановской основы и принципа построения. Принципы, которые применял Хуранов при построении своего алфавита, сохраняет и Борука-

ев. Разница между этими двумя алфавитами заключается в том, что для обозначения одних и тех же фонем они берут разные знаки, так например, фонему «v» (яфетической транскрипции) Хуранов обозначает в первом своем алфавите через «v», а во втором через «w», Борукаев для обозначения той же фонемы применяет «v», то есть ту букву, которую Хуранов применял в первом алфавите; затем для выражения междусвязочного лабиализованного спиранта «δ» Хуранов применяет во втором «v», а Борукаев обозначает через «u». Вот собственно вся разница между этими двумя алфавитами.

Алфавит профессора Яковлева

И, наконец, проект практического алфавита профессора Н.Ф. Яковлева, который им разработан для кабардинского языка на латинской основе. По времени алфавит Яковлева относится к 1923 году, то есть к промежутку времени между первым и вторым алфавитом Хуранова. И Хуранов переработал свой первый алфавит на основе ознакомления с алфавитом Яковлева. Профессор Яковлев выражает все 52 фонемы кабардинского языка минимальным количеством букв, всего 43. Необходимо отметить в его алфавите, в отличие от всех предыдущих кабардинских алфавитов, отсутствие в нем надстрочных знаков. Любое кабардинское слово можно написать с помощью этого алфавита, не отрывая руки от бумаги.

Соединенный с буквой внизу, подстрочный знак «седиль» он употребляет только для четырех фонем z_s — z_v, s_m — c_v (перед з, е, а, у), то есть для выражения передне-твердо-небных шипящих спирант и для латерального спиранта ɳ — l_v.

Лабиализованные и надгортанные фонемы пишутся им одинарными буквами, или так, что число букв, необходимых для изображения слога, не превышает числа звуков в нем. Так, лабиализованные фонемы кабардинского языка он обозначает одинарными буквами с помощью связанно написанного кружочка с буквой внизу, как, например, ρ̥ — xδ, g̥ — gδ, k̥ —kδ (перед з, е, а), q̥ —kδ, ‘k̥ — qδ (перед з, е, а).

Для обозначения надгортанных согласных фонем он применяет особую систему, то есть там, где после надгортанной фонемы следовало бы «е», он пишет «є», затем «з» вместо «ə» и «А» вместо «а».

Те же буквы Е, З, А служат и для обозначения трех гласных слого-фонем ql — Е, qə — З, qa — А.

В том же случае, когда согласная попадает в положение не перед гласной (в исходе слога, перед согласной), то в этом случае после соответственной согласной буквы пишется особый знак надгортанности «у». Например, $t_1es_ш$ — kєc у, $gost_1$ — vəky, sшət — c_vəty.

В средине же слова, когда после надгортанной согласной следуют гласные Е, З, К, то предшествующая согласная обозначена как надгортанная через «у».

Например, ρqəğ$s_ш$ — рузjc$_v$, jətqene $^{co}s_ш$ — jətyєnəuc_v.

Для фонем «j» и «ш» им введены особые одинарные буквы без диакритических значков «v» и «ʃ».

Таким образом, практический алфавит Яковлева построен так, что он, во-первых, минимальным количеством знаков выражает все фонемы, во-вторых, он не применяет надстрочных знаков, в-третьих, лабиализованные фонемы выражены одинарными буквами с соединительным кружком внизу, и, в-четвертых, число двойных букв у него сведено к минимуму. Долгие дифтонгообразные гласные: $\hat{o}$, $\hat{u}^{u}$, $\hat{e}^{i}$, $\hat{i}^{i}$ изображаются последовательно через двухбуквенные начертания: eu (e^{co}), əu ($ə^{co}$), ei (ey), əi (əy). Такой способ принят потому, что в кабардинских словах эти звуки почти во всех случаях являются результатом слияния гласной и «δ» или «у» одного с ними слога. Те же долгие гласные могут изображаться и єu (e^{co}), зu ($ə^{co}$), зi (əy), єi (ey), если им предшествует одна из надгортанных согласных.

В тех случаях, когда после надгортанной согласной следует гортанная, то после первой знак гортанности не ставится, а ставится после второй надгортанной ρ$s_ш$ə — ρc_vз и т.д.

Хотя в настоящее время у кабардинцев установилась письменность, но окончательной выработки системы письма еще нет. То, что есть, это лишь начало, которое необходимо углубить, и это, я полагаю, возможно достигнуть при совместной и дружной работе.

Текст печатается по изданию:

Чамозоков Б.А. История кабардинской письменности. — Без указания места и даты издания. — 9 с.

А.Н. Генко
Цахурский (цахский) алфавит

Предисловие

Великая Октябрьская революция освободила из-под гнета бывшей царской России, являвшейся «тюрьмой народов», все крупные, мелкие угнетенные народности. Великий Октябрь дал полное право на самоопределение всем национальностям. Под руководством ленинской партии в бывшей Российской империи созданы независимые и автономные советские национальные республики. Эти государства, состоящие из семи союзных республик, образовали Великий Союз Советских Социалистических Республик.

Все народности ранее, в результате русификационной политики царского правительства, находились в угнетенном положении.

Вследствие невнимательного и безразличного отношения царского правительства к этим народностям, составлявшим 57 % всего населения бывшей царской России, некоторым из них были даны совершенно иные наименования. Азербайджанских тюрок называли татарами, узбеков — сартами, казакцев — киргизами, проживающих в Дагестане аварцев, кумуков, лаков и другие дагестанские народы — лезгинами, так как абсолютно не обращалось внимания ни на язык, ни на особенности всех этих народов.

Цахи (цахуры), живущие в Азербайджане и Дагестане в количестве около 20—25 тысяч человек и имеющие самостоятельный язык, даже после социалистической революции причислялись то к лезгинам, то к аварцам.

Социалистическая революция, выдвинув лозунг национальной культуры, создала огромный решительный сдвиг во всем Советском Союзе и, в особенности, среди нерусских народностей. Лозунг ленинской культурной революции широко охватил трудящиеся массы. Лозунг партии о культуре — по форме национальной, по содержанию пролетарской — вошел в число самых актуальных задач. Эта задача поставлена перед всеми народами, принимающими участие в строительстве социализма. Поэтому проведение культурно-воспитательной работы на национальном языке является одной из главных задач, вытекающих из требований соцстроительства и национальной политики партии.

Сталин говорит: «Социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных». (Беседа со студентами Института народов востока).

В Азербайджане национальностями малоизвестными до Апрельской революции являются талыши, лезгины, аварцы, курды, таты и другие, которые хотя поздно, но уже составили соответствующий для себя алфавит и приступили к учебно-воспитательной работе. Всеобщее обязательное начальное обучение в Азербайджане в настоящий момент проводится на 16 языках.

Самой малоизвестной, а может быть совершенно неизвестной народностью, являются цахи (цахуры). Хотя цахи в настоящее время и входят в число малоизвестных народов, однако, они являются одними из самых древних жителей Кавказа.

Цахи известны своими переселениями на юг в древние времена. Они своей стойкостью и борьбой против персидского Надиршаха (в XVIII веке)* и русских военных феодалов (в начале XIX века), а также последующими грозными восстаниями сделали популярной свою историю. Управление бывшего Закатальского округа в царское время специальным военным губернатором подтверждает их борьбу против самодержавия и деспотизма и роль, которую играли они в истории.

В топонимике Кавказа многие названия связаны с цахскими наименованиями. Слова, употребляемые в настоящее время в Нухе и Закаталах, несомненно, являются словами цахского наречия, связанными с названиями и историей последних.

История цахов, несомненно, подлежит особому исследованию и изучению не только в части, касающейся их роли на Кавказе, но и, в особенности, в Персии, где Секстан-Седжистан

---

* Об этом см. книгу «Хроника войн Джары и Талы» (примечание В. Хулуфу).

(Сакстан) играл довольно значительную роль. Эта обязанность по изучению ложится на молодую цахскую интеллигенцию и ее научные силы, кадры, для которых изучение своей истории должно являться одним из первостепенных научных вопросов, стоящих перед ними.

Однако, в настоящее время основным вопросом в деле полной ликвидации безграмотности и окончательного проведения в жизнь всеобщего начального обучения является вопрос перевода цахских школ и всех учебно-воспитательных работ на родной язык, как реализация постановления ЦК ВКП(б) от октября 1931 года.

Цахи, как и другие народности Азербайджана, владеют двумя языками. Хотя они, в основном, и говорят на своем родном языке, но взрослые мужчины владеют также и тюркским языком наравне с цахским. Женщины же и дети тюркского языка не знают. Поэтому перевод учебно-воспитательной работы цахов на родной язык является актуальным вопросом, стоящим перед Народным комиссариатом просвещения АССР.

Составленный, по поручению Наркомпроса АССР, профессором А. Генко настоящий проект алфавита является первоначальным шагом для создания цахской пролетарской культуры. Настоящий алфавит печатается как проект, который должен явиться объектом обсуждения для кадров цахской интеллигенции, специалистов и неспециалистов, интересующихся вопросами языка и алфавита. Печатание означенной книги типографским образом, при отсутствии соответствующих шрифтов цахского алфавита, было крайне затруднительно, что и отразилось на сроке выпуска. С этого года в отношении шрифта и прочего принимаются соответствующие меры. Одновременно приступлено к составлению цахского букваря.

В. Хулуфлу

Цахурский алфавит

Цахурский язык принадлежит по своему происхождению к числу тех многочисленных языков Дагестана, которые с древнейших, доступных современной науке времен были распространены среди населения дагестанских гор. Цахурским языком говорят в настоящее время жители следующих селений Дагестана и Азербайджана: Курдул, Гельмец, Михик, Хиях, Цахур, Сюгют, Мислах, Мишлеш, Корш, Джиних, Аттал, Баш-Калял, Баш-Мухах, Калял, Чинчар, Сувагиль, Кас, Карквай, Калалу, Сапунчи, Аласкар, Мухах (частично), Лякит-Кетуклу, Мамрух, Гезбарах, Зарна (частично), Кум. Итого 28 селений. Кроме того, цахуры имеются в целом ряде селений Азербайджана, как, например: Закатала, Тала, Чобанкол и многих других. Прежде говорили на цахурском языке жители селений: Джим-джимах, Азгилы, Сарыбаш, Елису, Ахчай, Лякит, Гюллюк и других.

Живя в среде тюрок Азербайджана, будучи связаны с тюрками разнообразными связями (экономическими, политическими, культурными, религиозными), цахуры с давних пор, с момента утраты политической и национальной независимости, стали постепенно подпадать под тюркское влияние и в известной части утрачивали родной язык. Существовавшая в прежнее время национальная цахурская письменность оказалась забытой и до настоящего времени цахуры пользовались в случае надобности письма, тюркским языком и алфавитом.

Национальная политика Советской власти, провозгласившей лозунг национального самоопределения малых народностей, ставит вопрос о создании цахурской письменности и школы, основанной на изучении родного языка.

Большинство современных народов, имеющих свою письменность, пользуется для передачи в письме слов своего языка алфавитной системой, то есть таким способом письма, при котором каждый самостоятельный звук речи следует передавать отдельной специальной буквой. Следовательно, при составлении нового цахурского алфавита необходимо исходить из звуковой системы цахурского языка и позаботиться о самостоятельном выражении каждого из существующих в языке звуков речи. Цахурский язык имеет свыше ста самостоятельных звуков, так называемых фонем. Совершенно очевидно, что стремление создать для каждого цахурского звука — фонемы, особый знак — букву привело бы нас к выработке малопрактичного, очень сложного алфавита.

Поэтому в интересах экономии знаков и для создания практичного алфавита, мы должны прибегнуть к тому приему, который с успехом применяется в алфавитах очень многих языков, в том числе и языков Дагестана. Состоит этот прием в том, что для выражения известной части звуков языка пользуются не особыми буквами, а определенными *сочетаниями букв*.

В результате получается, что буква, в одном сочетании имеющая одно значение, в другом положении приобретает другое (второе) значение и, таким образом, с помощью *одной* буквы мы можем совершенно точно передать в письме *два* звука речи. Этим достигается большая

экономия знаков алфавита. Например: буква h в положении перед a, e, i, o, u имеет значение латинского и тюркского h, а поставленная перед гласными: ə, ө, y, ш получает значение звука, сходного с арабским «ع».

Другим вспомогательным приемом служит обозначение одного *цельного* звука *двумя* рядом поставленными буквами, каждая из которых, будучи поставлена отдельно, имеет свое самостоятельное значение. Так, например: для выражения мягких звуков n, l и т.п. мы принимаем сочетания nj, lj и т.п. Сравни: mani vaxtalj «в то время», njak, «сон» и т.п.

Не следует смешивать такое сочетание букв, передающее *один* звук, с возможным (очень редким!) сочетанием этих букв, когда каждая из них имеет свое обыкновенное, самостоятельное значение, иначе говоря, когда данное сочетание выражает *два* звука. Поэтому, в таком заимствованном цахурами арабском слове как «dunjja», следует писать два j, первое j составляет вместе с n мягкое nj, а второе j имеет обыкновенное значение буквы j, читай по слогам: «dunj-ja», написав же просто «dunja», мы исказили бы действительное произношение этого слова, так как должны были бы читать: «dun-ja». Другим примером может служить слово «madjjan», читай «madj-jan» (а не «madjan»).

В основу нового цахурского алфавита положен, разумеется, латинский алфавит, и, притом, со всеми теми добавлениями и значениями, которые приняты в настоящее время для тюркской письменности Азербайджана. Хотя цахурский язык и принадлежит по происхождению к числу дагестанских языков, предпочтение, оказываемое тюркскому алфавиту перед дагестанским унифицированным алфавитом (например, в значении буквы Ç, имеющей один смысл в тюркском алфавите и совершенно иной в дагестанском), диктуется практическими потребностями цахур, живущих частью постоянно, частью временно на территории Азербайджана, большинство цахур Дагестана живет в горах только летом, всего лишь три месяца в году.

За всеми буквами тюркского алфавита сохраняется принятое для них в тюркской письменности значение, за исключением трех букв: ə, ө, y. Эти три буквы выражают в тюркском алфавите гласные звуки, в цахурском языке почти не существующие, заимствуя тюркские слова, имеющие эти звуки в середине или в конце слов, цахуры заменяют звук ə звуком a (или e), звук ө произносят как «o», звук y произносят как «u». Сравни, например: agar — если, hajat — двор, daftar — тетрадь, masala — анекдот, kursi — табуретка, olumcak — паук, kumag — помощь, duşag — тюфяк, gora — смотря по, kopag — собака, xorag — пища.

Такие слова, как Bytyn, sytyn и т.п., произносимые одинаково в тюркском и цахурском, составляют редкое исключение.

В тех случаях, когда один из трех вышеназванных звуков (ə, ө, y) находится в тюркском языке в начале слова (как, например, в словах, пишущихся в тюркском ölkə, ömr и т.п.), цахуры произносят эти звуки иначе, с особым гортанным оттенком.

Это отличие *гортанных* гласных, как и соответствующее различие гортанных согласных, от *негортанных* состоит в том, что они произносятся при суженных голосовых связках, причем и гортань и связанная с ней масса языка поднимается кверху, что придает произносимым в этом положении звукам особый оттенок гортанности, с одной, и смягченности, с другой стороны.

Поэтому, включая в состав нового цахурского алфавита буквы ə, ө, y, можно без всякого нарушения единства тюркского и цахурского алфавитов принять эти буквы в значении близких тюркским ə, ө, y по значению цахурских гортанных гласных.

Примечание. Известным отступлением от единства тюркского и цахурского алфавитов служит также буква q, выражающая в тюркском палатализованное «к», а в цахурском, соответственно, ближе к основному значению этой латинской буквы, так же, как и в унифицированном дагестанском алфавите, велярный не придыхательный согласный.

Наряду с тремя гортанными гласными ə, ө, y, соответствующими также существующим в цахурском языке простым гласным a, o, u, имеется в цахурском языке особый гортанный гласный, соответствующий простому гласному «ь». Так как для выражения этого гласного звука в тюркском алфавите подходящей буквы не имеется, приходится ввести в новый цахурский алфавит особую букву «ш», заимствованную из других, ныне существующих в Советском Союзе новых алфавитов, где она также выражает особый гласный, хотя и имеет там несколько иное значение. Ввести вместо ш какой-нибудь из знаков, выражающих гортанный согласный (как например ḥ), означало бы нарушить принцип использования согласных букв для передачи только согласных звуков и расстроить, вместе с тем, всю систему вновь созданного цахурского алфавита.

Для выражения специфических кавказских звуков цахурского языка использован дагестанский унифицированный алфавит, за исключением буквы ç, имеющей, как выше упомянуто, разное значение в тюркском и дагестанском алфавитах.

Сюда относятся буквы: ӽ, ҡ, ӿ, q (о ней смотри примечание выше), ρ, ɲ, ɋ, ţ, x‘, s, ẓ, имеющие те же значения, какие они имеют, например, в новом лезгинском алфавите. Для выражения особого звука, передаваемого в дагестанском алфавите знаком ç (в цахурском и тюркском имеющем другое значение), необходимо добавить новую букву ʑ, образованную из ненужной цахурам, по отсутствию у них соответствующего звука, буквы z, по аналогии с тем, как образовано ƶ из z.

Примечание. При желании избежать введения несуществующего в других алфавитах знака можно рекомендовать вместо ʑ знак đ, существующий, например, в адыгейском и абхазском алфавитах в разных значениях, в адыгейском для передачи звука, близкого к цахурскому ʑ.

Из лакского и некоторых других алфавитов заимствован знак апострофа (’), выражающий в цахурском перерыв голоса между двумя гласными (арабская гамза). Наконец, для передачи существующих в цахурском языке долгих гласных (a, e, ə, i, o, ɵ, u) необходимо ввести особые обозначения. Во избежание неудобных во многих отношениях надстрочных знаков (в роде à или â) рекомендуется писать двойные буквы (то есть aa, ee и т.д.), что не представляет особого неудобства в виду сравнительной редкости соответствующих долгих звуков.

Таким образом, цахурский алфавит состоит из следующих 43 основных букв, из которых одна f употребительна в словах тюркского происхождения:

a, в, c, ç, d, e, ə, f, g, q, ɑ, ɑ̨, h, i, j, k, ҡ, l, m, n, o, ɵ, ρ, ɲ, q, ɋ, r, s, ƽ, ş, t, ţ, u, y, v, x, ӽ, ӿ, z, ẓ, ʑ, ь, ш, ’.

Примеры употребления

A. adamij — человек, mana — он, bada — штаны, aӿa — внутрь, zaҡle najna aẓana — я этого знаю, arьna — пришел.

B. balag — мешок, bəçe — дыра, bьzbьzaj — муха, biẓ — род ковра, aвle — принеси, bəvəj — хлеб (на языке детей), bənekj — ящерица.

C. coç — брат, culj — попона, caɋal — шакал, хосе — змея, cepic — козленок, cavra — крупный рогатый скот, sacaxaras — драться.

Ç. çagvarana — белый, çeçin — стенной ковер, çiв — карман, çiga — место, çil — пол, garç — лучина, saç — сковородка, gьçaa — сливки.

D. dama — река, dal — палка, dadal — петух, dan — щека, darьn — узкий, dekj — отец, deş — нет, vьdra — козленок, zod — кусок железа.

E. eke — буса, ев — кровь, eva — запах, zer — корова, ena — нитка шерстяная, emij — дядя (по отцу), adese — ножницы, helen — дает, aleţe — бери, xev — вьюк.

Ə. əmələ — осел, əгава — арба, əгəq — орех (мелкий), əгх — шерсть (весенняя), əвшn — кот, əгвə’ən — среда, вəmвək — хлопок, vəş — сто, ərdava — сказочное животное, vəɋə — баран, əӿ — тень.

F. fener — фонарь, astafa — кувшин, suluf — пузырь, fьkьr — мысль, tifang — ружье, dəf — бубен, naft — нефть, fuɑlan — фуганок, uf — вздох, выдох.

G. gardan — шея, gindarang — таган, gurt — рубашка, mьga — плечо, gьrs — род хинкала, gev — ягненок, gьnej — хлеб, hivage — играй.

Ɑ̨. ɑ̨u — ты, jьɑ — день, maɑaa — крапива, вiɑ — ус, ɑuẓaa — щепка, saɑvalla — благополучие, əɑə — гребень, şuloaj — лодырь.

Ɑ̨. ɑ̨ali — рот, ɑ̨adьr — уголь (черный), vijɑ̨ьrij — рожать (о животных), ɑ̨arɑ̨ar — овес, ɑ̨adj — отверстие в крыше, ɑ̨am — усик (колоса), ӽidɑ̨ьρ — вопрос, ziroadj — кухня, ɑ̨ьniş — бог, jьɑ̨ьd — семь, vuɑ̨ьlj — самец.

H. hь’ьj — делать, həcə — желоб, lahar — домашняя работа, ejhi — говорит, hişşuna — кто, hajna — этот, hiçona — что, ahaxij — рутулец, horвь — ложь.

I. itv — мед; icij — девочка, istaɑ — невеста, ʑiva — ремень, ҡira — серп, ρitirganij — кубарь, çiţan — короткий, ҡir — крюк.

J. jici — сестра, juţelj — узел, jamalьx — заплата, jikj — сердце, jaẓ — плоский камень, juşe — слово, majit — покойник.

K. kar — вещь, suk — пшеница, kuklak — замок, dakruk — каток (для укатывания крыши), kuma — дым, akaran — похожий.

Қ. қarna — черный, қьгь — ухо, қunқum — котел, қьlқam — печень, қurқur — кувшин, қan — дно, ақ — траур, екьn — острый.

L. lalna — немой, laşag — туша, dalk — род кушанья, lanz — отверстие в полу (для лестницы), luқun — береста, lagarna — синий, xalbьr — решето, laç — совесть.

M. maoɉara — катушка, mьsvalla — голод, mьқej — ключ, manut — рубль, simamraj — брат мужа, lezimra — нужный, miţ — сосок.

N. naş — стыд, nabag — баран для убоя, jugna — хорошо, goona — откормленный, naxxvari — зеркало, qьna — козел.

O. osbь — дрова, sos — невестка, otxьnij — кушать, vorna — существует, vok — свинья, ẓom — мозг костный, ẓovana — толстый.

Ө. өgijl — впереди, jөxxə — мельница, өvka — легкое, vөx — береза, өqqəsda — пойдет, өran — пастбище, өljoqjj — мазать, tө’ — веревка, өөrxij — терпеть, өqьij — смешивать.

Ꝑ. ꝑьşni — губа, ꝑeşekar — пастух, ꝑьгẓanij — кочерга, coꝑuz — войлочная одежда пастуха, qapaoɉ — крышка, pərəxxəj — мочевой пузырь.

Ɲ. ţaɲan — улей, teljamɲьr — род инструмента, şaɲьncijna xiv — селение Сапунджи, siɲrij — вдовий, ɲilɲili — маленькая лампа.

Q. qel — нога, qorana — пастух, qijxa — завтра, qarg — барашек, qekva — овечья шкура, qumna xiv — селение Ким, qьk — чурек из проса.

Q. qarəsa — колено, qasna-xiv — селение Кас, qov — бочка, quva-quva — доска, qom — вершина, aţiţqьnij — прилипать, amqalj — поровну.

R. rastьn — правильный, raẓ — род ковра, riх — слюна, arxaç — летняя стоянка овец, kasrь — мера, 50 фунтов, arra — пришел.

S. sa — один, sill — зуб, ses — голос, sьva — гора, sura — половина, sьvagьlj — Сувагиль, sarvag — Сарыбаш, saţbl — огниво, nəsxyr — муравей.

S. sisij — кукла, suma — жених, jas — бык, mьs — ветер, qorsani — волчок, xersag — род ковра, soraj — подвал.

Ş. şi — мы, şu — вы, şьţ — воробей, jeş – дочь, şadara — решето, şena — тот, jişda — наш, şasa — в прошлом году, şiş — вертел.

T. tast — ведро, tavasar — сковорода, davat — свадьба, lit — войлок, qut — гладкий камень, taj — вьюк, пара, etaқj — пола (одежды).

Ţ. ţeţ — цветок, ţoţ — пчела, ţьv — палец, ţams — род ковра, xьţa — ячмень, ţub — арка, ţaţa — палка, xшniţaj – муха.

U. urq — ягненок, uxvara — веревка, curu — мясо, qunu — альчик, vuxunj — живот, uxur — ячменная каша, vuhur — узкая улица.

У. yljçum — неделя, syр — рассвет, уẓyrna — живой, jyẓyd — девять, cymkj — плеть, myх — червь, myqvli — пятка, xymə — прошлой ночью.

V. vara — молотьба, vaz — луна, viriq — солнце, vaxt — время, jiva — железо, vьr — кишка, kurkjava — дышло плуга, xov — воротник.

X. xiv — селение, dix — сын, xidva — шкаф, xaxra — ниша, daxa — крыша, ajxaa — пила, miẓaxna-xəm — темная ночь, xor — яма, xө — вымя.

Х. ха — шерсть осенняя, хane — основание, хьшta — ноготь, ьхaj — быть, хura — малина, хах — ладонь, хьгьs — веник.

Ҳ. ҳale — позови, ҳiҳe — будь, ҳuş — нос, jҳbь — цахуры, ҳurikj — потолок, qaҳa — наружу, ҳarьna — пришел, ҳekana — умирает.

Z. zь — я, jizьn — мой, zьlzam — селезенка, miz — язык, ezas — пахать, zisxax — брусника, zim — род растения, doqqaz — улица.

Ẓ. ẓa — огонь, jiẓa — хлеб, ẓьt — стрекоза, ẓəxij — цахур, ẓedьn — новый, gjaẓe — наполняй, қaẓaj — род сосуда, gьljmeẓ — Гельмец.

Ӡ. ӡər — волос, ӡin — блоха, ӡiӡərna-xiv — селение Чинчар, ӡirӡimana — кислый, vaӡe — каша, muӡru — борода, ӡov — ива (сюгют).

Ь. ьха — стал, ьқar — болезнь, gьrgьn — все, хьdьl — внук, ţьçva — кольцо, mьқ — танец, хьli — рука, mьssьra — голодный, gьzgole — помет овечий.

Ш. шхna — ρана, шm — кольцо, вшlхədar — аварец, sшvə — лисица, mшol — колышек, jшol — мост, jшq — спина, jшх — зола.

ʾ. maʾ — сало, ʒeʾ — коза, heʾe — делай, səʾət — час, meçməʾi — блюдо, jəʾsuв — пчелиная матка.

Наряду с простыми согласными х, ol, ӽ, q, ɋ, h и т.д., в цахурском языке существуют, как указывалось выше, соответствующие простые гортанные согласные, произносимые в положении поднятых гортани и языка, что придает соответствующим звукам особый характер, хотя гортанные согласные представляют собою самостоятельные звуки — фонемы цахурского языка, для передачи их в письме нет надобности вводить особые обозначения, по той причине, что находящиеся в соседстве с этими гортанными согласными гласные звуки также приобретают гортанный оттенок, поэтому достаточно поставить в соседстве (непосредственно впереди или сзади) одну из букв, означающих гортанный гласный, чтобы выразить гортанный характер и стоящего рядом с ней согласного.

Так, например, для выражения гортанного «х» в слове, означающем «небо», достаточно написать хəv (сравни хav — дом, хev — вьюк), для выражения гортанного «ɋ» в словах «старый», «мышь», «два» можно написать соответствующие слова: ɋəsda (сравни: ɋasna xiv — селение Кас) — старый ɋəv (сравни ɋov — бочка) — мышь, ɋəlje — два, для выражения гортанного ӽ в слове «зола» можно написать jшӽ (сравни jьӽвь — цахуры), для выражения гортанного ol в слове «мост» достаточно написать jшol (сравни jьol — день), для выражения гортанного ʾ в слове «песня» можно написать məʾniʾ (сравни maʾав — там находящийся), для выражения гортанного h в слове «теперь» достаточно написать həşde (сравни hasre — пусти) и т.п.

Наряду с простыми согласными d, t, ţ, s, z, x, k, ş, g, n, l, r, қ в цахурском языке существуют соответствующие смягченные согласные, для передачи которых в письме можно применить, как указывалось выше, сочетание простой буквы с буквой «j». Так, например, jedjaar — матери (сравни jedar — женщины), xjan — вода, (сравни xan — род посуды), sjo — медведь (сравни sos — невестка), kjatxaʾas — тушить (сравни қatj — курица), xьnalj — масло (сравни attal — Аттал) и т.п. Принимая во внимание, что в положении перед гласными е, ə, і каждый из способных смягчаться вышеперечисленных согласных обязательно произносится смягченно, нет надобности писать в этих случаях j. Так, например, ненужно писать: ljiga — лоб, а следует писать liga, не iljekkje — смотри, а ilekke, не njissje — сыр, а nisse, не xijnjena — водяной, а xinena, не gjev — ягненок, а gev, не sjen — год, а sen, не manjkje — тогда, а manjke, не heljesda — даст, а helesda, не gjioьlij — начинать, а giвoьlij и т.п.

Как выше указывалось, в цахурском языке встречаются наряду с обыкновенными гласными также и долгие. Эти гласные рекомендуется писать двойными буквами. Примеры: қaana — хромой, veəsa — плуг, xьnaalj — масло, veeва — иголка, xivee — в ауле, jisseen — старый, meexv — сказка, əəna — уходящий, əərd — курдюк, goone — потом, hoora — иди, roos — люлька, ӽөөna — приходящий, uvhojn — сказал (uv — удобнее писать вместо uu), jьӽij — цахурец, gebcij — стлать, mamrijna-xiv — селение Мамрух, и т.п. (ij удобнее, чем ii).

Наряду с долгими гласными имеются в цахурском языке и долгие согласные (kk, ll, mm, nn, ρρ, rr, ss, tt, şş, qq, xx, xx, cc), которые следует передавать в письме двойными буквами: akka — дверь, ьkkij — уносить, ьkkekkana — уносящий, dəkkaar — отцы, alla — для, alle — принеси, ɋəlle — два, amma — но, hammaşe — всегда, xinnəa — подобный, arkьnna — пошел, ulerρь — глаза, хьlerρь — руки, хəρρa — много, ӽarra — пришел, xarrang — стропило, bissij — кошка, mьssьra — голодный, atta — гумно, attalna-xiv — селение Аттал, хətta — много, ʒetta — в первый раз, xunaşşe — жена, ķьşşen — темный, өqqəna — идет, aqqaqqana — держащий, veхxa — сито, giхxe — положи, jiʒьхxvaв — пятнадцать, laxxa — печь, giххьj — упасть, qaccij — шапка, hiccud — ничего.

Кроме вышеперечисленных категорий звуков, в цахурском языке имеются лабиализованные звуки, которые следует в письме передавать сочетанием простой буквы с буквой v. Пример: oķv — трава, ʒaxv — веник, ɋarɋv — шуба, ɋuvɋ — яйцо, қикv — ложка, вarкv — кость, mexv — сказка, ijxxve — шей, nerdigvan — лестница, uxvaxa — нитка, haɋvre — ломай, kjodolvшj — глотать (сравни: равнозначащую форму kjoвolшaleţvijn — взял и т.п.).

Применяя все вышеприведенные буквы и сочетания букв, можно совершенно точно выразить все звуки и звукосочетания цахурского языка.

Однако пользуясь новым цахурским алфавитом для практических целей, не следует забывать, что цахурский язык, не имея в течение долгого времени своей письменности, а потому и признанной литературной (орфоэпической и орфографической) нормы, имеет ряд диалектических разновидностей, что неизбежно должно будет отражаться на записях, производимых представителями различных цахурских диалектов.

Главным последствием отсутствия литературной традиции служат постоянные незначительные колебания в произношении, зачастую наиболее употребительных слов и форм. Из числа этих явлений следует особо отметить явление звуковой ассимиляции, то есть случаи, когда одни звуки, попадая в соседство других звуков, уподобляются им в произношении одних лиц и сохраняют первоначальную форму в произношении других.

Характерным примером служит частица «вi», являющаяся формантом множественного числа в именах и глаголах: произношение ее, как «вi», сохраняется только в селениях: Лек (Курдул), Гельмец, Баш-Мухах, Баш-Калял, Мухах, Аласкар и Калял. В остальных селениях, пользующихся цахурским языком, нормальной формой является «вь». И вот, наблюдается стремление произносить это «вь» как «mь» и даже «mu», в тех случаях, когда этому «вь» предшествует согласная «n».

Например: vodьn+вь — они суть звучит как правило vodьmmь, то есть в слове происходит двойная ассимиляция, сначала n уподобляется следующему за ним губному «в», перейдя в «m», а затем, это «m», в свою очередь, уподобило себе «в», дав в результате двойное «mm». Учитывая грамматическое значение формы, понятное каждому говорящему на цахурском языке, придется, при установлении в будущем подробных правил цахурской орфографии, рекомендовать форму, оканчивающуюся на «mвь» и писать vodьmвь, aавijmвь — приехали и т.п.

Сравни еще himвь (произносят часто himmь) «эти», şembь — те, mamвь — те, далее vomna вместо vobna и т.п.

Также часто наблюдается колебание в произношении гласного «ь», находящегося в соседстве с звуками v, j, u, i. Например: трудно различить в нормальном цахурском произношении jьoɭ и jioɭ — день, sьva и suva — гора, vodьn и vadun — есть, vьxa и vuxa — стал, jьxa и jixa — стала и т.п.

Учитывая все эти и подобные им незначительные колебания в произношении, можно установить пока лишь одно основное положение: пишущему на цахурском языке следует, по отсутствию в настоящий момент грамматики родного языка, стараться по возможности точно воспроизвести цахурскую речь в таком виде, как он сам ее слышит и произносит.

Ввиду преобладания в большинстве цахурских селений одного основного наречия (наречия селения Цахур), сумма расхождений в результате точного следования рекомендуемому нами правилу будет весьма незначительна и коснется, главным образом, тех явлений ассимиляции звуков, о которых мы только что говорили, и к числу примеров для которых следует прибавить случай типа: aleɳţe — бери, где звук ɳ возник из звука «в» под влиянием следующего звука ţ, aɳķьnna — ушел, (вместо авķьnna), aţķьnin — ушел (вместо adķьnin, сравни третью параллельную двум вышеприведенным форму arķьnna — ушел) и т.п. В основу будущего литературного цахурского языка ляжет, конечно, наречие селения Цахур (на нем говорят, с ничтожными отклонениями, все цахурские селения, за исключением тех, о которых упомянуто выше, в связи с частицей вi), и не представит никаких затруднений установить на основе научной грамматики цахурского языка общеобязательные для всех, вполне доступные правила орфографии.

В заключение приводится образец связного цахурского текста, записанного в селении Цахур, с точным соблюдением произношения рассказчика во время работ цахурской экспедиции Академии Наук СССР в августе 1933 года.

Masala

Sa jьoɭьlj sa adameeji xunaşşe qaz exвij xooxxar himвişənqe arojlena sa mihman.

Xani ijessee xunaşşeni məsləhətukva qaznana ķunķum dugulj haa'ana va mihmanьs xojxaran medьn xoraq.

Xəmde nike hавķьninqə mihmanee dugulj hav'ini cigeence qaz alebţь, çuni qoẓeexa kerсь, miẓed ьxa mihman əəni vaxtalj xaani ijessilxa azar alja'asdimee uvhuvod mihman qaz bəg ķunķum qaleence qoẓe qaleexa kocmiş eexena vaxt vaķle vaaẓanane?

Xaana ijessi matxa uvhojn: «Vaxad nimeen jeş sxdij vodьn. Zaķle mana xavar qavuxxnaçав deş, jiç mani vaxtalj oɭu nimeenani vorna?»

Mihmanee uvhojn «zь хаҳвь ha'ana uşaxni vorna» manjce mihman salamatlamiş, ьха ajķan.
Adamee ejhi «хunaşşe nəhyd şj mihmanьkin hь'ijn, jeera qaz ҳavale ooҳanas».
Ҳunaşşe harķьnj ileekkana ķunķumee qaz mideşов, ejhen; «damij qaz авķьnjов»
Hamanjke adamij alirҳьlj ejhi «vaj qurumsax, nəhdunj şakj hь'in! Şanqvee авlja'ana masala manjcina eҳвij voвna, qaz вeg ķunķum qala qoẓe qalava uvhu qaz eҳвij ҳөөху».

Печатный цахурский алфавит

Aa, Bв, Cc, Çç, Dd, Ee, Əə, Ff, Gg, Ꞡꞡ, Ꞡꞡ, Hh, Ii, Jj, Kk, Ķķ, Ll, Mm, Nn, Oo, Өө, Ρρ, Ꞑꞑ, Qq, Qq̧, Rr, Ss,Ƨƨ Şş, Tt, Ţţ, Uu, Yv, Xx, Ҳҳ, Ӿӿ, Уу, Zz, ẓẓ, Ẓẓ, Ьь, Шш, '.

Текст печатается по изданию:
Генко А.Н. Цахурский (цахский) алфавит / С предисловием В. Хулуфлу — Баку: АЗЕРНЕШР, Учебно-педагогический отдел, 1934.

М.К. Милых
Вопросы орфографии тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана

I. Задача и содержание работы

Вопросам орфографии тюркских языков Советского Союза до последнего времени не уделялось достаточного внимания. Правда, обсуждение этих вопросов было начато еще на Первом тюркологическом съезде в 1926 году.[1]

Орфографические проблемы затрагивались затем на всех пленумах Всесоюзного Центрального Комитета НТА,[2] им же было посвящено несколько заседаний на первом пленуме Научного Совета ВЦК НА в 1933 году.[3] На всех указанных совещаниях разрешался лишь вопрос об общих принципах построения орфографии, но ни разу не была рассмотрена во всех своих деталях ни одна из конкретных систем орфографии какого-либо тюркского языка.

На Первом тюркологическом съезде лучшим и основным принципом, на котором считалось необходимым строить новые национальные орфографии, был признан фонетический принцип. Проведенный через несколько лет пленум Научного Совета ВЦК НА отверг орфографические установки тюркологического съезда и указал на необходимость построения национальных орфографий на основе фонетико-морфологического принципа с учетом развития грамматического строя языка и его отношения к диалектам и другим языкам Союза.[4]

В настоящее время споров о выборе принципов построения орфографии, собственно, уже нет. И в предисловиях почти ко всем орфографическим руководствам обычно указывается, что в основу построения данной орфографии кладется фонетико-морфологический принцип. Но если обратить внимание на то, как в практике разработки орфографических правил конкретизируется этот фонетико-морфологический принцип, то мы увидим, что каждым автором он понимается по-своему. Учитывая при этом, что на местах часто орфографические вопросы разрабатываются лицами, недостаточно лингвистически квалифицированными, что орфография, как правило, в отдельных нацреспубликах и областях разрабатывается без учета опыта работы, проведенной по орфографии других тюркских языков, мы легко поймем, почему одни и те же орфографические вопросы у различных тюркских народностей в принятых уже сейчас и вновь разрабатываемых системах орфографии разрешаются самыми разнообразными способами, а ряд весьма ответственных и спорных орфографических вопросов иногда даже и не ставится.

Изолированность в работе, нередкое отсутствие научного подхода к разработке орфографических вопросов, орфографический разнобой — все это находит свое полное отражение и в практике орфографической работы по тюркским языкам Северного Кавказа. Орфография кумыкского, ногайского и карачаево-балкарского языков до настоящего времени в полном объеме и системе еще не установлена. Имеющиеся сейчас и используемые в работе орфографические руководства сводятся обычно к подбору некоторых орфографических правил и примеров, данных без всякой системы и последовательности. Помещенные в них правила не охватывают даже основных вопросов, что на практике и приводит к разнобою в передаче одинаковых грамматических явлений различными авторами даже в пределах одного и того же языка.

Нет еще и орфографических словарей, которые должны являться одним из основных пособий для школ и печати. Просмотренные нами учебники по языку для начальной школы[5] не выдерживают единообразия не только в написании однотипных слов, но даже в написании одних и тех же слов. Вообще, учебники уделяют слишком незначительное место орфографическим задачам и упражнениям. Учащиеся фактически орфографии не обучаются и выходят из школы, не имея твердых орфографических навыков. Таким образом, национальная школа не в полной мере выполняет постановление ЦК ВКП(б) о школе, в котором указывается коренной недостаток школы, заключающийся в данный момент в том, что «обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы **вполне грамотных людей**, хорошо владеющих основами науки (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)».

---

* Биографическая справка о М.К. Милых с. 252 настоящего издания.

Указанный ЦК ВКП(б) коренной недостаток школы в области обучения родному языку национальной школой еще не изжит и сейчас.

Необходимо внимательно изучить современное состояние орфографической работы на местах и дать научно-обоснованные конкретно и детально разработанные системы национальных орфографий.

В данной работе мы ставим перед собой задачу — охарактеризовать современное разрешение орфографических вопросов в карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках и наметить возможные пути упорядочения орфографии этих близких друг к другу по своей грамматической структуре языков. При этом мы учитываем опыт орфографической работы и по некоторым другим тюркским языкам Советского Союза (узбекскому, казанско-татарскому, крымско-татарскому, башкирскому и азербайджанскому).

Кроме учебников по языку, нами использованы следующие материалы:

1. Карачаево-балкарская орфография. Издание Северо-Кавказского Крайкома Н.А. и Северо-Кавказского историко-лингвистического института. Подготовлено к печати М. Милых, под редакцией Г.П. Сердюченко. Кисловодск, 1934 г., стр. 24.
2. Batьrmurzaef A.N. Qumuq tilni arfagrafijasь. Daoqьstan devlet naşrijatь. Mahac-Qala 1932 j. стр. 64.
3. Çənibek X. Nooqajşa durus jazьv. SSSR Xalьqlarьnьn өzək basрasь. Maskva. 1931 jьl. Стр. 92.
4. Резолюции 2-й Дагестанской орфографической конференции, проходившей с 28-VI по 4-VII — 1933 года («Об общих вопросах орфографии дагестанских языков» — $3\,^{1}/_{2}$ страницы. По кумыкскому языку — 1 страница, по ногайскому — 3 страницы — отпечатаны на машинке).
5. Резолюция ногайского совещания при Дагестанском Комитете Нового алфавита от 13-II — 1935 года по вопросам ногайской орфографии (2 страницы, отпечатаны на машинке).

По казанско-татарскому, башкирскому, крымско-татарскому, азербайджанскому и узбекскому языкам мы использовали следующие орфографические руководства.

1. Tatar ədəbi telenen orfografiə qaoqidələre. Tatgosizdat. Uqьtu-pedagogik ədəbiat sektorь. Qazan. 1933. стр. 20.
2. Baskortьstan Milli kultura oqilmi-tikşerenev instituть. Başkort tele orfografijahь. Başkortostan dəvlət nəşriəte. Өfө. 1934. стр. 44.
3. Ozbek tilnin вirlaşgan imlasi tooqrisida Imla va terminologija gurultajinin rezolutsijasi va OzSSÇ MIQ qarari. Qzil Ozвekistan naşri. Taşkent. 1934. Стр. 27.
4. S. Iвahim, M. Rahman, A.T. Xoçaxanov va Ş. Rahimij. Ozbek tilinin imla luoqati. OzSSR. Davnaşr. 1935.
5. Qrьm Milli Medenijet Ilmi Tetqiqat Iustituть. Qrьm tatar edebi orfografijasь. Qrьm ASSR Devlet Neşrijatь. Akmescit. 1934.
6. Qrьm ASSR Maarif Xalq Komissarlьoqь. — Qrьm tatar edeвij tili вytyn Qrьm III ilmij konferensijasьnьn qararlarь. Qrьm ASSR Devlet Neşrijatь. 1935 j.
7. I. Rəmi. — Tatar ədəbi telendəge internatsional syzlərnen orfografiə syzləge. Tatgosizdat, Qazan. 1935.
8. Ymum Ittifaq Elimlər Aqademijasьnьn Azərвajçan Filialь Dil və Ədəвijiat Institutu. Azərвajçan Xalq Maarif Qomissarlьoqь. Az. MIQ janьnda Jeni Əlifвa Qomitəsi. Azərвajçan tyrk ədəbi dilinin orfooqrafijasь. Azərnəşr. Tədris — Pedaoqozi şө'вəsi. Bakь — 1936. Стр. 32.

В дальнейшем изложении мы рассмотрим следующие вопросы:

1. Вопросы алфавита.
2. Правописание глухих и звонких согласных.
3. Правописание в связи с явлениями ассимиляции согласных.
4. Слитное и раздельное написание слов.
5. Особые случаи правописания интернациональных и иноязычных слов.

а) Передача отдельных букв русского алфавита и вопрос об обозначении палатализованных согласных.

б) Правописание сочетаний гласных и согласных.

в) Оформление суффиксов и окончаний в иноязычных словах и советизмах.

II. Вопросы алфавита

Рассмотрению вопросов орфографии предпосылаем анализ существующих в северо-кавказских тюркских языках алфавитов.

Ныне действующий карачаево-балкарский алфавит состоит из 33 знаков.

До 1934 года в карачаево-балкарском алфавите не было знаков s и w, но зато существовал -h.

Действующий сейчас алфавит был окончательно установлен на карачаево-балкарской конференции по языковому строительству в 1934 году в Микоян-Шахаре.

На конференции стоял вопрос о рационализации алфавита.

При помощи буквы -h обозначался звук, встречающийся в карачаево-балкарском языке всего в нескольких словах и чередующийся в произношении с х. Это находило свое отражение и в двояком написании одних и тех же слов — «ṣaxar» и «ṣahar»; «xota» и «hota».

В целях рационализации алфавита и упрощения правописания решено было h из алфавита исключить.

Наряду с этим в алфавит были введены два новых знака. Для передачи звонкого зубного аффриката -ц-, вошедшего в современный литературный язык вместе со многими интернациональными терминами и советизмами и не имевшего специального обозначения на письме, а передававшегося обычным s, введен был знак s перечеркнутый посредине. Этот знак использовался в том же значении в дагестанских алфавитах, в том числе в кумыкском и ногайском.

Для обозначения согласного губно-зубного в (русский шрифт), также вошедшего в литературный карачаево-балкарский язык, конференцией был принят знак w, используемый в том же значении в кабардино-черкесском латинизированном алфавите.

Кроме этих знаков в настоящее время в печати употребляется апостроф (’) для обозначения палатализации согласных. Но этот знак введен стихийно и не был утвержден ни местными, ни центральными организациями.

Но и сейчас нельзя все же признать карачаево-балкарский алфавит твердо установленным, так как в учебниках по родному языку для начальной школы, изданных в 1935 и 1936 годах, опять в алфавит введен знак -h-, который употребляется также и в тексте учебников в словах «Ṣahidat» и «hajdaɑlьz» и фигурирует всюду в таблицах звуков карачаево-балкарского языка.

В учебниках для школ взрослых, изданных в 1936 году, знак этот не употребляется.

Кумыкский и ногайский алфавиты на латинизированной основе существуют с 1928 года.

С этого времени более значительные изменения были внесены в ногайский алфавит.

В 1931 году на 1-й Дагестанской орфографической конференции в ногайский алфавит был введен знак — Ɩ для обозначения гласного, являющегося звуком средним между ногайским -ь- и русским -и-, в отличие от -i- в интернациональных и советских терминах.

В 1933 году на второй Дагестанской орфографической конференции в ногайский алфавит был введен новый знак -s- для аффриката -ц-.

На той же конференции был окончательно принят знак -s- и в кумыкский алфавит. В практике этот знак уже употреблялся раньше.

Ногайский алфавит еще раз пересматривался в 1935 году на специальном ногайском совещании по вопросам алфавита и орфографии.

На этом совещании из ногайского алфавита были исключены буквы Ɩ, ə, h, ç.

Знак -Ɩ- исключен из алфавита и в орфографии заменен -i-, т.к. эти знаки употреблялись параллельно: один исключительно в ногайских словах, другой в словах интернациональных и советских; здесь безболезненно можно использовать один знак, что и практиковалось с самого начала введения письменности на ногайском языке. Одновременно с этим учитывалось сближение письменной формы однородных слов ногайского и других языков тюркских народов Советского Союза, в частности, карачаевцев и кумыков, с которыми ногайцы имеют культурную связь.

Знак -ə- исключен из алфавита по тем соображениям, что звук, изображаемый этим знаком, встречается почти исключительно в словах арабского и персидского происхождения, причем у черкесских ногайцев он встречается еще реже. На письме знак -ə- решено было заменить через -a-, за исключением слова ər. Для последнего установлена форма -er- во избежание смешения со словом ar.

Звук -h-, как встречающийся только в собственных именах арабского происхождения, решено было передавать знаком -х-, а -h- из алфавита исключить.

Знак -ç- исключен из алфавита тоже, как изображающий звук, встречающийся якобы исключительно в немногочисленных словах арабского происхождения. Установлена замена -ç- во всех случаях с помощью z, а начального -ç- с помощью -j-.

О замене в орфографии начального -ç- через -j- было также решение 2-й Дагестанской орфографической конференции, т.к. в ногайском языке в начале слов -ç- чередуется с -j- и, как фонема, не осознается.

Ногайский алфавит в настоящее время состоит из 32 знаков, кумыкский — из 34.

Приводим таблицы алфавитов

Современный карачаево-балкарский алфавит					
A a	B в	C c	Ç ç	D d	E e
F f	G g	Ƣ ƣ	I i	J j	K k
L l	M m	N n	Ԉ ԉ	O o	Ө ө
Ρ ρ	Q q	R r	S s	Ş ş	Ƽ ƽ
T t	Ь ь	U u	V v	W w	У у
X x	Z z	Ƶ ƶ	’		

Современный ногайский алфавит					
A a	B в	C c	D d	E e	F f
G g	Ƣ ƣ	I i	J j	K k	L l
M m	N n	Ԉ ԉ	O o	Ө ө	Ρ ρ
Q q	R r	S s	Ş ş	Ƽ ƽ	T t
U u	V v	X x	У у	Z z	Ƶ ƶ
Ь ь	’				

Современный кумыкский алфавит					
A a	B в	C c	Ç ç	D d	E e
F f	G g	Ƣ ƣ	H h	I i	J j
K k	L l	M m	N n	Ԉ ԉ	O o
Ө ө	Ρ ρ	Q q	R r	S s	Ş ş
Ƽ ƽ	T t	U u	V v	X x	У у
Z z	Ƶ ƶ	Ь ь	’		

В итоге всех изменений, которые вносились в алфавиты северо-кавказских тюркских языков, в настоящее время карачаево-балкарский алфавит отличается от ногайского и кумыкского наличием буквы -w-.

Кумыкский алфавит имеет знак -h-, отсутствующий в ногайском и карачаево-балкарском алфавитах.

Остальные знаки являются общими для всех трех алфавитов.

Те изменения, которые вносились в каждый из алфавитов, находили свое отражение и в орфографии, соответственно менялись отдельные моменты орфографии.

Одним из условий установления в северо-кавказских тюркских языках твердой орфографии должно послужить окончательное утверждение и стабилизация алфавитов.

III. Правописание глухих и звонких согласных

В карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках на конце слов в произношении из звонких согласных сохраняется лишь -z. Кроме -z-, на конце слов в карачаево-балкарском языке встречается еще звонкий -в-, который в произношении все же чередуется иногда с -р-.

Произношение внесенных в язык в последнее время иноязычных слов подчиняется, в общем, основным фонетическим законам языка. Что же касается правописания заимствованных слов, получивших в языке широкое распространение и часто уже не воспринимаемых, как заимствованные слова, то даже внутри орфографической системы одного и того же языка существует большой разнобой. Одни и те же слова пишутся иногда с сохранением на конце звонкого согласного, иногда же с соответствующим звонкому согласному глухим.[6]

Для установления единства в правописании конечных согласных корня в проекте карачаево-балкарской орфографии дано правило, по которому слова, оканчивающиеся на звонкие согласные — в, ç, d, g, ɳ, z — должны сохранять их на письме без изменения:

tuz	ştaв
kolxoz	zawod
lozung	tetrad (п. 9, стр. 9)

Как видно из приводимых к правилу примеров, это правило не разграничивает правописания заимствованных и коренных слов родного языка. Не дается и примеров на правописание конечного -в- в коренных словах, в произношении чередующегося с -р-. В просмотренных нами материалах твердо и последовательно в интересующих нас случаях проводится написание -в-, например: «toв, qав, kөв, сав, тав», то же в окончании — деепричастия прошедшего времени «alьnьв, ajtьв, bolув» и др.

В орфографическом руководстве кумыкского языка указано, что «корень и окончание слов пишутся так, как слышатся». В качестве примеров приводятся только коренные слова родного языка и лишь одно, вошедшее из арабского — «kitaр». Слов из интернационального фонда здесь не приведено.

«al	qoltuq	kitав	qaр
ber	savut	ajaq	etmek»
get	eр	gөk	(стр. 51).

Следовательно, в кумыкском языке правописание дается исключительно по фонетическому принципу: на конце слов всюду дается обозначение глухих, за исключением -z-. Хотя в приведенных примерах слов с окончанием -z- и нет, но в школьных учебниках и в том же орфографическом руководстве мы находим написания типа «qьz», «qaz», «өgyz», «kolxoz» и др.

В орфографических материалах ногайского языка правила письма конечных согласных нет, и в орфографической практике мы не наблюдаем единства. В орфографическом словаре Джанибекова мы находим примеры различной передачи конечных согласных. В словах «kolxoz», «lekвez», «Narkomtrud», «Narkomsnaв»[7] на конце сохраняется обозначение звонкого согласного, в других же словах, например: «Leningrat», «kapijratijр», «arxijf», и др. на письме отражается переход в произношении конечного звонкого в глухой. При этом нередко один и тот же конечный согласный передается различными способами: 4 словах — «кооператив» через -р-, «архив» — через -f-. Конечный согласный в словах «Наркомтруд» и «Ленинград» в одном случае передается через -d-, в другом через -t-, так что установить определенную закономерность в передаче звонких согласных на основании ногайского орфографического словаря совершенно невозможно.

Последовательным представляется только сохранение конечного -z-, так как -z- сохраняется в конце корня незаимствованных слов.

Если теперь мы обратимся к орфографии других тюркских языков Советского Союза, то и здесь мы не найдем последовательного и исчерпывающего разрешения этого вопроса.

В «Орфографии татарского языка» обозначение конечных согласных дается по фонетическому принципу

kitaр	syz
məktəр	kirək
aq	ustaf
alьр	aktif

В отношении орфографии международных наименований и интернациональных слов оговорено, что в конце их согласные -в-, -g-, -d- пишутся без изменения

Leningrad	raвfak
Aşxavad	miting
Gamвuroɳ	lozung
Ştaв	zawod

Как видно из приведенных правил и примеров к ним, и в татарской орфографии нет единого подхода к передаче конечных согласных. Согласные -в-, -g-, -d- сохраняются на письме без изменения, а -v- передается через -f-.

В азербайджанской орфографии деепричастная форма пишется с конечным -в-.

jazьв	qurув
gelив	gөгув (§ 35, стр. 16).

В словах «mektев, kitав» также сохраняется на конце -в- (см. примеры и § 41 и 42).

Конечные звонкие согласные в азербайджанской орфографии сохраняются в ряде случаев. Утверждается написание «kənd, qənd, jurd, qurd, Kafkaz, ралaz, aoɳaç, cəkiç» и т.п. (См. §§ 21, 22 свода правил).

На конце интернациональных слов тоже пишутся звонкие согласные: «oɳaraz, Aztoroɳ, aeroklub» и др. (См. примеры к правилам правописания заимствованных слов, стр. 24—25).

В орфографии башкирского языка находим только правило письма конечных -в- и -р-. Правило требует в конце коренных башкирских слов писать -р-, а в конце советизмов -в-.

taр	klув
tuр	kув
kileр	garderов
qaр	ştaв (стр. 17).

В крымско-татарских орфографических руководствах особого правила на правописание конечных согласных в словах коренного фонда родного языка нет. В этих словах последовательно передаются на письме глухие согласные «alьр», «вiliр», «oquр», «kөrmejiр».

Такое же правописание распространяется на слова, вносимые сейчас в крымско-татарский литературный язык. В заимствуемых словах конечные -в, -d передаются через -р, -t (правило это не распространяется на слова, заимствуемые из русского и через русский язык).

Примеры:

не maqsad,	a maqsat;	не coгав,	a coгар;
не azad,	a azat;	не sed,	a set;
не çelb,	a çelр;	не derd,	a dert;
не mektув,	a mektур;	не kecid,	a kecit.

Исключением является правописание слов «had», «qajd», «ad», «ald» и имен собственных и географических названий:

Sen Gotartd, Akmesçid, Samarqand.

В корнях слов, вошедших из арабского — в, ç, d — перед глухими согласными также передаются через глухие — р, c, t:

не iвtidaij,	a iрtidaij;
не tedqiq,	a tetqiq;
не içtimaij,	a ictimaij (Орфография, § 4, с, стр. 9; Резолюция § 3, стр. 17).

Таким образом, при аналогичных фонетических явлениях мы не видим единства в орфографии, хотя здесь вполне возможно было бы установить одинаковые нормы правописания.

Орфографические правила должны быть разработаны более детально и охватывать правописание всех согласных, которые могут встречаться на конце слов. На основе практики орфографической работы можно заключить, что в орфографических руководствах в особый раздел необходимо выделить правописание конечных согласных во вносимых в язык интер-

национальных терминах и советизмах, так как здесь вне всякого сомнения следует придерживаться установок, данных на последнем пленуме научного совета ВЦК НА о сохранении основы слова без изменения при передаче интернациональных терминов и советизмов.

Следующий вопрос правописания в тюркских языках — передача на письме перехода конечных глухих корня в звонкие при соединении со следующими за ними гласными суффикса.

Во всех разбираемых нами орфографиях в отношении коренных слов родного языка этот вопрос разрешается согласно фонетическому принципу. Но не во всех орфографических руководствах указано, — распространяется ли это правило и на интернациональные термины и советизмы; кроме того, в некоторых руководствах указан переход не всех глухих согласных в звонкие.

В кумыкской орфографии берется чередование трех пар глухих и звонких: «q — ɑ», «k — g», «р — в».

Перед гласными суффикса:

ер — ебі
ajaq — ajaɑь
etmek — etmegi (стр. 51).

В проекте карачаево-балкарской орфографии дается правило только на переход конечных -q- и -k- в парные им звонкие -ɑ- и -g-.

celek — celegi eşik — eşigi
quluq — quluɑь qalaq — qalaɑь (п. 15, стр. 11—12)[8]

В ногайской же орфографии о парных -q- и -k- совершенно не упоминается и дается правило на переход конечного -р- в -в- перед гласным суффикса:

qaрlь — qавь
tyрlL — tyвL (Резолюция II-й орфографической конференции, п. 18).

На ногайском совещании при Дагкоме НА, проведенном в феврале 1935 года, к этому правилу добавлена оговорка: «Данный пункт не распространяется на заимствованные слова — интернациональные или советские слова (рrinsiр — рrinsiрinde)».

Таким образом, согласно приведенной оговорке, в ногайском языке правописание интернациональных и советских терминов не подчиняется общему фонетическому закону языка и является исключением из общего правила.

Интересный момент мы наблюдаем в татарской орфографии. Там исключений при передаче звонких согласных интернационализмов и советизмов не делается.

Правописание их также подчинено фонетическому закону:

batrak — batragь
udarnik — udarnigь (§ 21, стр. 16).

В примерах на чередование глухих и звонких приведены все три пары: р—в; q—ɑ; k—g —

kitав — kitавь
aq — aɑь
Kirək — kirəge (§11, стр. 11).

В башкирской орфографии также устанавливается в правописании чередование р, q, k, c, в, ɑ, g.[9] В узбекской только q, k, c, ɑ, g.[10] Но ни в той, ни в другой орфографии не указано, распространяется ли эго правило на заимствуемые интернациональные слова и советизмы или же оно касается только коренных слов родного языка.

В крымско-татарской орфографии отмечено чередование всех трех пар согласных: «р—в», «q—ɑ», и «k—g».

kitaр kitавь
qalьр qalьвь
ajaq ajaɑь
elek elegi

Но на односложные слова в крымско-татарской орфографии это правило не распространяется. В словах односложных перед гласным суффикса сохраняется глухой корня: aq — aqь, toр — toрь, вek — вeki, tek — teki. (Резолюция § 2, стр. 17).

В этом случае, как и в вопросе о конечных согласных, мы имеем во всех рассматриваемых языках одинаковые фонетические явления, которые в разделе коренных слов родного языка находят аналогичное разрешение в этих языках, за исключением правописания в крымско-та-

тарском языке односложных корней, оканчивающихся на глухие согласные ρ, q, k, в случаях сочетания их с начальными гласными суффиксов.

Отражение на письме озвончения согласных корня перед гласными суффикса утвердилось в правописании ряда тюркских языков Советского Союза. Такое написание следует признать правильным, но в орфографических руководствах отдельных языков необходимо детализировать правила, указав в них правописание всех трех чередующихся пар «ρ — в», «q — ɑl», и «k — g».

Необходимо также оговорить в правилах правописание в подобных случаях интернациональных терминов, одинаково разрешив этот вопрос в орфографии всех тюркских языков.

Нам представляется наиболее целесообразным в этом вопросе пойти по примеру татарской орфографии, то есть подчинить правописание интернациональных терминов и советизмов закону фонетики тюркских языков и писать соответственно произношению «udarnik — udarnigi, ρrinsiρ — ρrinsibi» — во избежание излишнего количества исключений из правил.

IV. Правописание суффиксов

а) Суффиксы -ɑla-, -ge-, -ɑlan-, -gen-.

-ɑl- и -g- суффикса причастия прошедшего времени -ɑlan- — -gen- и суффикса дательно-направительного падежа -ɑla- — -ge- при присоединении к корню слова ассимилируются с конечным согласным корня. При этом мы наблюдаем различные фонетические явления и соответственно этому различные правила находим в орфографических руководствах.

В карачаево-балкарском языке -ɑl- суффиксов -ɑlan-, -ɑla- после конечных глухих корня ρ, t, s, ş, c, f, x, а также -в- и -d-, чередующихся в произношении с -ρ- и -t-, переходит в -x-. Если же суффикс -ɑlan-, -ɑla- присоединяется к корню с конечным глухим -q-, то при слиянии -q- и -ɑl- образуется звук, средний между ними.

В ногайском и кумыкском языках -ɑl- после всех глухих согласных оглушается. В орфографии после глухих согласных принято -ɑl- передавать через -q-.

В практике карачаево-балкарской орфографии выработаны следующие правила правописания суффиксов «ɑlan — ɑla»:

1) -ɑl- суффиксов -ɑlan-, -ɑla- после глухих ρ, t, s, c, f, x, и -в- чередующимся в произношении с -ρ-, писать согласно произношению -xan-, -xa-.

klubxa	klassxa
şkafxa	aɑlacxa
atxa	carxxa

taşxa (§ 10, стр. 10).

2) -ɑl- суффиксов -ɑla-, -ɑlan- после глухого -q- писать без изменения согласно морфологической структуре слова:

qulluqɑla	cьqɑlan
tabaqɑla	aqɑlan (п. 11, стр. 10).

Последнее правило мотивируется тем, что написание рядом двух -q- — cьqqan, tabaqqa, aqqa — препятствует беглому чтению. На письме поэтому и рекомендуется придерживаться морфологической структуры слова.

На основе фонетического принципа выработано правило правописания суффиксов -ɑlan-, -gen-, -ɑla-, -ge- после -n- корня. В произношении -ɑl- и -g- после -n- и -ŋ- переходят в -ŋ- и писать предлагается согласно произношению -ŋan-, -ŋen-, -ŋa-, -ŋe-.

tonŋa	salьnŋan
kennŋe	kөrynŋen (§ 13, стр. 11).

Переход в произношении суффиксов -gen-, -ge- в -ken-, -ke- после глухих согласных на письме не отражается: -g- суффиксов -gen-, -ge- после глухих ρ, t, s, ş, c, f, k и -в-, чередующимся в произношении с -ρ-, предлагается писать без изменения, согласно морфологической структуре слова:

ketgen	işge
icgen	terekge
cegetgen	kөbge (§ 12, стр. 10).

В ногайской орфографии правило о правописании суффиксов -ɔlan-, -gen-, -ɔla-, -ge- — формулируется иначе: после a, j, m, n, ŋ, r, u, v, z пишется -ɔla-, -ge-, после q, t, ρ, s, ş пишется -qa-, -ke-:

qalaɔla	aşaqqa
amamɔla	otqa
anɔla	qaρqa
qazɔla	şetke
tajɔla	typke
typkөnge	вeske
ərtelge	ρeşke (стр. 13).

Таким образом, в ногайской орфографии различается правописание суффиксов -ɔlan-, -gen-, -ɔla-, -ge- после гласных, сонорных согласных и -z- от написания их после глухих.

Обращаясь к орфографии кумыкского языка, мы находим в ней суффиксы -ɔla-, -ge- и -ɔlan-, -gen- только в указанных двух вариантах:

atɔla	atɔlan
alɔla	utɔlan
eşekge	вitgen
yjge	kylegen
(стр. 59)	(стр. 60).

Таким образом оказывается, что правописание суффиксов -ɔlan-, -gen-, -ɔla-, -ge- наиболее детально и расчлененно разработано в карачаево-балкарской орфографии. При выработке орфографических норм были учтены условия, обеспечивающие беглость чтения, что является важным педагогическим моментом.

Вопрос разрешился путем сочетания двух принципов — фонетического и морфологического. В ногайской орфографии строго выдерживается фонетическое начало, а в кумыкской — последовательно проводится морфологический принцип.

Ставя вопрос о возможном сближении орфографии, наиболее удобным следует считать проведение последовательно морфологического принципа правописания. В таком случае суффиксы причастия прошедшего и дательно-направительного падежа нужно сохранять в форме -ɔlan, -gen- и -ɔla, -ge- в орфографии всех тюркских языков Северного Кавказа.

В крымско-татарской орфографии эти суффиксы пишутся в форме -ɔla, -ge-,-ɔlan-, -gen- после гласных и звонких согласных и -qa-, -ke-, -qan-, -ken- после глухих согласных.

atqa	torunɔla
otluqqa	tytynge
kytykke	taxtaɔla
etke	tikenge
tatuşqan	oquɔlan
qacqan	solgan
tyrtken	ysygen
kesken	өlgen

(Орфография, § 40, стр. 20. § 45, стр. 23; Резолюция § 40, стр. 28—29; § 44, стр. 31—32).

Интересно отметить, что в орфографии узбекского языка суффиксы эти пишутся только в форме -ga-,-ɔlan-.

atga	jazɔlan
tilga	jatgan (§ 5 а, в, стр. 13).

Следовательно, здесь выдерживается морфологический принцип. К тому же узбекская орфография опирается на тенденцию изживания сингармонизма в современном узбекском языке.

в) Суффиксы -da-, -de-, -dan-, -den-.

Во всех тюркских языках Северного Кавказа — карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском — мы наблюдаем одинаковые фонетические явления при сочетании согласных основы с суффиксами местного падежа -da-, -de- и исходного -dan-, -den-. После глухих основы они произносятся как -ta-, -te-, -tan-, -ten-. Если же суффиксы -dan-, -den- присоединяются к основе, оканчивающейся на m, n, ŋ, то под влиянием конечного —n, они произносятся как -nan, -nen-. В проекте карачаево-балкарской орфографии сказано, что эта мена звуков начинает в языке изживаться.

Очевидно, учитывая перспективы развития языка, проект предлагает суффиксы -dan-, -den- — после -m-, -n-, -ŋ- писать без изменения.

mende	oramdan
andan	kimden (§ 24, стр. 13).

Специального правила правописания суффиксов -dan-, -den-, -da-, -de- после глухих согласных в проекте орфографии нет, но в примерах к другим правилам мы находим единообразное написание без отражения на письме ассимиляции с глухими согласными.

işcide	işciden
yjden	yjden
atda	atdan
tonda	tondan (См. примечание к п. «в» стр. 8).

Такое единообразное написание строго проводится и в учебниках по языку.

Подобное же правописание принято и в кумыкской орфографии.

хьjlьdan	qolumdan
вaşdan	jazda
atdan	atda
ondan	вicenden (стр. 59).

Переходя к ногайской орфографии, мы находим совсем иную картину. Здесь указано, что после a, e, j, r, v, l, z, u пишутся суффиксы -da-, -de-, -dan-, -den-, а после q, t, ρ, s, ş — -tan-, -ten-.

tilde	ilgişte	qardan
qarda	atadan	taqdan
ərtelde	anadan	attan
atta	erteden	qaptan
qapta	keşten (стр. 14—15).	

Нужно отметить, что в тексте учебников по языку встречаем еще одно написание -dan, -den- через -nan, -nen- после конечного -n- корня «askerinnen», «sonnan», «ьzьnnan», «sөzinnen», «terisinnen», «jyninnen», «işinnen» и др., хотя такое написание в орфографических правилах не предусмотрено.

Таким образом, в вопросе о правописании суффиксов местного и исходного падежей в орфографии карачаево-балкарского, кумыкского и ногайского языков при одинаковых фонетических явлениях существует разнобой.

Правописание в первых двух языках основано на морфологическом начале, в ногайской же орфографии, наоборот, правописание строится на основе фонетического принципа, поэтому суффикс местного падежа пишется в двух вариантах -da, -de- и -ta, -te- , а суффикс исходного падежа даже в трех вариантах -dan-, -den-, -tan-, -ten-, -nan-, -nen-.

В орфографии крымско-татарского языка суффиксы местного и исходного падежей пишутся в двух вариантах: после гласных и звонких согласных «dan — den»; после глухих согласных «tan — ten»:

torunda	oltukta
torundan	oltuktan
taxtada	ette
taxtadan	etten (Орфография, § 40, стр 20—21; Резолюция § 40, стр. 28—29).

Очевидно, принятое в карачаево-балкарской и кумыкской орфографии и проверенное на опыте ряда лет правописание суффиксов -dan-, -den-, -da-, -de- без отражения на письме ассимиляции с конечными согласными корня наиболее удобно; оно не вызывает затруднений при обучении чтению и письму и, следовательно, может быть перенесено и в ногайскую орфографию, в результате чего в данном пункте будет достигнуто единообразие орфографии северокавказских тюркских языков.

Установление единообразного написания суффиксов -da-, -de-, -dan-, -den-, -ɑa-, -ge, -ɑan-, -gen- является наиболее целесообразным еще и потому, что такое написание последовательно строится по морфологическому принципу и устраняет затруднения в правописании сочетания этих суффиксов с интернациональными и иноязычными словами, в конце которых принято писать -v-, -d-, -g- (klub, zavod, demping).

Если же строить правописание суффиксов -da-, -de-, -dan-, -den-, -ɑ̧a-, -ge-, -ɑ̧an-, -gen- по фонетическому принципу, то для правописания иноязычных слов неизбежно нужно делать исключения из правил.

с) Сочетание «n» и «l».

Во всех орфографических руководствах выделяется пункт о правописании основ, оканчивающихся на -n- в случаях сочетания с суффиксами с начальным -l-. Здесь мы опять сталкиваемся с различными фонетическими явлениями в карачаево-балкарском и кумыкском языках, с одной стороны, и в ногайском, с другой.

В карачаево-балкарском и кумыкском языках -n- перед непосредственно следующим за ним -l- в произношении в результате ассимиляции изменяется в -l-.

На письме в обоих языках в этих случаях сохраняется морфологическая структура слова:

qanlь	alɑ̧anla	gelgenler
çanla	tавxanla	qanlь
tonlu	kelgenlej	sanlьq
kynlyk	alɑ̧anlaj	варɑ̧anlar
		getgenler

(Карачаево-балкарская орфография, § 26, стр. 14; Кумыкская орфография, § 3, стр. 51—52).

В ногайском языке явление ассимиляции в случае сочетания -n- и -l- не носит постоянного характера. Наблюдается, как действие регрессивной ассимиляции, произношение -qallь-, -tollь-, так и действие прогрессивной ассимиляции, произношение -qannь-, -tonnь-.

На второй Дагестанской орфографической конференции было постановлено передавать сочетание -nl- через -nn- tonnь, qannь (Резолюция по ногайскому языку, п. 23).

На проведенном в феврале 1935 года при Дагкоме НА совещании это правило было изменено в пользу сохранения морфологической структуры слова (п. 10 резолюции совещания). Принятие этого решения сближает орфографию ногайского языка с орфографией кумыкского и карачаево-балкарского языков.

С явлением ассимиляции согласных мы сталкиваемся не только при сочетании основы слова с суффиксами, но и при сочетании конечного согласного первого слова с начальным согласным непосредственно следующего за ним второго слова.

В этом случае мы находим во всех просмотренных нами орфографиях единообразное разрешение — сохранение морфологической структуры слова. Так, -n- перед -в, р, n- во всех рассматриваемых нами языках в произношении переходят в -m-.

В карачаево-балкарской орфографии в мотивировке к правилу указано, что эта замена в языке начинает утрачиваться. Очевидно, учитывая перспективы развития языка, правило указывает, что -n- не только перед -в-, -р-, -m- следующего слова, но также и следующего слога следует писать без изменения.

kelgen-me	algan-ma
çan-madь	on-вir

men-me (§ 25, стр. 14).

В орфографическом руководстве кумыкского языка также отводится специальное место подобным случаям ассимиляции, в том числе и переходу -n- в -m-, но правописание не отражает ассимиляции:

on вir
on веş
sьnmaj (стр. 52).

Что касается ногайской орфографии, то ни в одном из ногайских орфографических руководств не предусматривается правописание указанных случаев. В учебниках по языку встречаем такое же написание, как и в других языках:

on вir
on веş (Грамматика, ч. II, стр. 85).

Обращаясь с целью сопоставления к башкирской орфографии, мы и там находим аналогичный способ написания, причем в башкирской орфографии предусматривается не только написание конечных согласных слова, но и слога:

un вer	kөnвaɑ̧ьş
варɑ̧anmьn	kyrgənmen (§ 17, а, стр. 19).

V. Слитное и раздельное написание слов

Вопрос о слитном и раздельном написании слов в тюркских языках является наиболее сложным и наименее разработанным.

Правописание -da-, -va-.

Частицы -da-, -va- в значении союзов во всех тюркских языках пишутся отдельно от предшествующего слова.

В проекте карачаево-балкарской орфографии читаем: «Частицы-союзы -da-, -va- (а) — писать отдельно от предшествующего слова. После конечной согласной -v- частица -va- исчезает и заменяется апострофом».[11]

Malqarda da	endi va
ekinci da	meni va
qojcula da	vaşxa va
men da	sora va
al da	men'a
viri da	tuar'a (§ 41, стр. 17).

Как пишущиеся отдельно от предшествующего слова даны частицы-союзы -da-, -de- и в кумыкской орфографии:

Qaz da quv da gørmedim.
Ahmat da tupaq da geldiler.
Send da men de virleşejik (Разд. 1, § 1, 62).

Правило о правописании частиц — союзов в ногайском языке было установлено только на II-й Дагестанской орфографической конференции, на которой была принята следующая формулировка: «Суффиксы -da -de, ta—te в значении союзов пишутся отдельно», например: At ta aman arva da sav (Резолюция § 31).

Таким образом, в орфографии карачаево-балкарского, кумыкского и ногайского языков мы наблюдаем один принцип в подходе к разрешению вопроса о правописании слов с частицами-союзами. Во всех трех языках они пишутся отдельно. Но в орфографии их мы наблюдаем большой разнобой. В карачаево-балкарском языке частицы-союзы являются асингармонистичными и пишутся всегда в одной форме. При сочетании -da- с предшествующим словом, оканчивающимся на глухой согласный, ассимиляция -d- с предшествующим согласным и переход в произношении союза -da- в -ta- на письме не отражается. В кумыкской орфографии ассимиляция также не отражается. Но союз -da- в кумыкском языке подчиняется гармонии слова, к которому он относится, и это явление находит свое отражение на письме. В ногайской же орфографии проведен фонетический принцип правописания, и тот же союз пишется в четырех вариантах: -da-, -de-; -ta-, -te-, — так как в ногайской орфографии отражается на письме и сингармонизм и ассимиляция согласных.

Таким образом, для всех языков приемлемо раздельное написание частиц-союзов. Затруднения вызывает вопрос о едином оформлении их, так как в кумыкском и ногайском языке они сохраняют сингармонизм, а в карачаево-балкарском — нет.

Очевидно, в карачаево-балкарском языке должна остаться одна форма -da-, а в кумыкском и ногайском — «da — de». Отражать на письме ассимиляцию согласных не имеет смысла, так как это идет в разрез с изложенными выше, принятыми во всех языках, положениями о письме без изменения основных согласных в случаях, когда эта ассимиляция наблюдается при сочетании двух отдельных слов.

На необходимость раздельного написания «da» в значении союза указывается и в руководстве по азербайджанской орфографии. В азербайджанском языке частица-союз также подчиняется сингармонизму и пишется в двух формах — «da; də». В качестве примера раздельного написания приведена фраза: «Məndə bir kitab var, mən də gətirmişdim».

Правописание сложных слов

В карачаево-балкарской орфографии предлагается писать раздельно сочетания существительных, из которых одно является приложением или определением, а в целом сочетание составляет название одного предмета или признака предмета.

ajrь qujruq	at orun
çьlqь qulaq	qol qав (п. 43, стр. 18).

Что касается сочетаний существительных в географических наименованиях, сохраняющих свой вокализм и ударение, то их предлагается писать слитно:

Qartçurt	Minitav[12]
Taşkөpyr	Beştav (п. 44. стр. 18).

В кумыкской же орфографии принято прямо противоположное правописание. В резолюции II-й Дагестанской орфографической конференции по кумыкской орфографии читаем: «Слова, имеющие одно значение, но состоящие из двух самостоятельных слов, писать слитно, за исключением имен собственных» (п. 6). Примеров слитного написания слов не приведено, даны только образцы письма имен собственных:

Xasav-jurt
Mahac-qala
Temir-вulat

Следовательно, имена собственные предлагается писать через дефис.

Иллюстрации к первой части правила можно найти в грамматике кумыкского языка для начальной школы, ч. 1, изданной в 1934 году. В этом учебнике введен специальный раздел о сложных словах:

qolqaв	boşqaв
вelвav	gylajlan (стр.49).

Такое же написание выдерживается и во 2-й части учебника по языку (издание 1936 года), где встречаем: boşoıaр (boşqaр), qaraquş, syjryçibin, balçibin, xurtxomursxa.

Слитное же написание принято и в ногайской орфографии. При этом сюда же включаются имена собственные и сложно-сокращенные слова. Приводим формулировку правила, как она дана в решениях орфографической конференции: «Слова, образуемые из двух коренных слов и означающие одно понятие, а также сокращенные слова пишутся слитно:

вetjavlьq	Lsxaр
Bektemir	kolxoz
Bestav	Dagsojuz (II-я орфогр. конфр. п. 26).

Однако и здесь нашлось исключение для правописания собственных имен. «Если в именах собственных во втором слове имеются звуки o, ө, u, y, то оба слова пишутся через тире, например:

Aj-tuvoıan
Aşь-qulaq (п. 26).

Таким образом, в вопросе о слитном и раздельном написании слов мы наблюдаем большой разнобой. Сложные слова в ногайском и кумыкском языке пишутся слитно, в карачаево-балкарском — раздельно. Географические названия, наоборот, в карачаево-балкарском пишутся слитно, в кумыкском — через дефис, в ногайском — или слитно или через дефис в зависимости от вокализма второго корня.

Наиболее последовательно проводится принцип слитного написания сложных слов в татарской орфографии. В татарской орфографии слитно пишутся и сложные слова, и двукоренные собственные имена и географические названия.

Например:

вilвav	bişвarmaq
ojьqвaş	Biktimer
janвaş	Stalinaвad
jarqanat	Amudarja (§ 7, а, в, стр. 13).

В изданном руководстве по орфографии азербайджанского языка вопрос о правописании географических названий не поднимается совсем. В качестве сложных слов, образованных из нескольких слов и получивших новое значение, рассматриваются слова:

beşillik	dəvəquşu
gynəвaqan	əlyzjujan

Писать их не рекомендуется слитно (§ 51, стр. 18).

Та же последовательность проводится и в крымско-татарской орфографии. В качестве примеров слитного написания слов, образованных от двух корней, в резолюции III-й общекрымской конференции по разделу орфографии приведены следующие слова и географические названия:

а) Baoɣcasaraj — beşjьllьq
Kokkoz — koktaş
Qarasuvbazar — qarasaban
Tevirqaja — jaoɣbez
ρamuqalma — qartвава (дедушка)
eki jyzlyk (eki jyzly ρьcaq) — ystqurum

в) Qrьmneşr, dramtogerek, qojхав, ρedtexnikum (§ 30, стр. 24, 25).

В узбекской орфографии географические названия пишутся слитно независимо от того, образуются ли они из двух существительных или же сочетания прилагательного с существительным или существительного с глаголом, или же из трех корней, например:

а) Taşkent, Sirdarja, Almata, Avlijata, Zanata.
в) Aqqoroɣan, aqsaqal, Ortaasija.
с) Qarjaoɣdi, Sajkeldi.
ç) Gultaçixoraz, Haqqulabad
(Ρезолюция §11, стр. 18—19; Орфографический словарь, § 24, стр. 14).

В правописании географических названий особенно необходимо проводить единство. В большинстве тех орфографий, которые мы рассматривали, принято слитное написание сложных имен собственных и географических наименований. Следует распространить этот принцип на орфографию всех тюрко-татарских языков, но в каждом отдельном случае надо также учитывать, как передается то же наименование в русской орфографии, чтобы не вводить разнобоя между русской орфографией и орфографией тех же слов на родном языке.

В настоящее же время по-русски пишется:
Кара-Кум, Кызыл-Кум, Кара-Бугаз, Аму-Дарья;
по-татарски: Qara qom, Qьzьl qom, Qara вuoɣaz, Amudərja и Qaraqom, Qьzьlqom.[13]
по-узбекски: Qaraqum, Qaravooɣaz, Qzilqum, Amudarja[14].

Правописание существительных собирательных

Существительные, выражающие собирательность или неопределенную множественность, во всех анализируемых нами орфографических руководствах передаются через дефис. Для иллюстрации приведем формулировку правила из проекта карачаево-балкарской орфографии и примеры из всех орфографических руководств. «Существительные, выражающие собирательность или неопределенную множественность, равно как и сочетания существительных, выражающих собирательность или неопределенную множественность, пишутся через дефис:

uaq-uaq — taş-tav
tyrly-tyrly — satьv-alьv
sav-sav — at-tuar
вir-вir — qoj-ecki
kece-kyn (§45, стр. 18).

В руководстве по кумыкской орфографии дается общее положение о том, что сложные слова, состоящие из двух частей, пишутся через дефис. Здесь же указывается, что эти сочетания слов бывают различными, примеры приводятся по группам. Для удобства сравнения мы будем приводить примеры в соответствии правилам, сформулированным в карачаево-балкарской орфографии:

tyrly-tyrly — ata-ana
ajrь-ajrь — ana-вala
qat-qat — aoɣa-ini
ullu-ullu — tav-taş
qaldь-quldu — allь-gylly
uaq-tyjek — qatьn-qьz
esgi-ρusoɣu — jer-suv (стр. 38—39).

В решении о ногайской орфографии дана следующая формулировка: собирательные слова пишутся через тире:

azьq-tylLk
вala-şaoɣa (II-я Орфографическая конференция, § 30).

Те же правила написания приняты и в татарской орфографии:

xatьn-qьz	bala-caoɣa
çir-su	baş-kyz (§ 18, а, стр. 14).

То же в крымско-татарской орфографии:

işçi-kojly	burzua-dvorjan
ana-вава	işli-işsiz
aqa-qardaş	ufaq-tyfek
dost-duşman	bala-caoɣa и др. примеры.

(Орфографическая конференция § 30, стр. 17; Резолюция § 30, стр. 25).

В азербайджанской орфографии правописание собирательных установлено также через дефис. В руководстве дано общее правило без разбивки слов на категории. Приведем следующие примеры:

ata-ana	javaş-javaş
əl-ajaq	jaqşь-jaman
bir-bir	baqa-baqa
baş-başa	hədsiz-hesabsьz
jan-jana	(§ 54, стр. 18).

Учитывая, что написание собирательных существительных через дефис принято не только в тюркских языках Северного Кавказа, но и в других тюрко-татарских языках Союза, этот способ написания следует закрепить и во всех северо-кавказских тюркских языках, изложив правила более детально в руководствах по орфографии.

Правописание удвоенных наречий и деепричастий

Наречия и деепричастия, выражающие посредством удвоения неопределенную длительность действия или неопределенность обстоятельства действия, в карачаево-балкарской орфографии пишутся через дефис:

arь-beri	bara-bara
aqьrьn-aqьrьn	uruşmajьn-tyjyşmejin
asxaj-asxaj	(§ 46, стр. 18).

Написание их через дефис принято также и в ногайской орфографии:

bara-bara
ajta-ajta (Орфографическая конференция § 22).

Примеров на правописание удвоенных наречий и деепричастий в руководстве по кумыкской орфографии не приводится. Обращаясь к орфографии татарского языка, мы находим там те же формулировки, что и в карачаево-балкарском и кумыкском руководствах:

bara-bara
torьp-torьp (стр. 14, § 18).

То же находим и в крымско-татарской орфографии:

capa-capa
ajtьp-ajtьp
ajtьr-ajtьr (§ 30).

Таким образом, и в этом вопросе мы находим полное единообразие в орфографии всех рассматриваемых нами языков.

Правописание интенсивной формы прилагательных

Правописание интенсивных форм прилагательных так же не вызывает разногласий в орфографической практике отдельных языков. В проекте карачаево-балкарской орфографии указано, что прилагательные в так называемой интенсивной форме (степени), образующиеся посредством удвоения первого слога прилагательного и разделительного согласного -p- или -m-, пишутся через дефис:

sab-sarь	kев-kerti
qab-qara	tyв-tyz
qьb-qьzьl	tөв-tөgerek
tob- tolu	(§ 47, стр. 18).

В ногайской орфографии интенсивная форма прилагательных определяется как «удвоенные определительные» слова; писать их также предлагается через дефис:

qaр-qara
qьр-qьzьl (Орфографическая конференция § 20).

В кумыкской орфографии образцы интенсивной формы имен прилагательных помещены в общем разделе сложных слов, писать их рекомендуется через дефис. Приводятся следующие примеры:

qьр-qьzьl	jaр-jaşьl
aр-aр	saр-sari
haр-hazir	ala-qula (стр. 30).

Однако, в 1-й части учебника грамматики кумыкского языка интенсивная форма имен прилагательных рассматривается наряду с «qolqaв» и «belbav», как сложные слова; поэтому в учебнике они и пишутся слитно:

apaq	saрsarъ
qьрqьzьl	jaрjaşьl (стр. 49).

Таким образом, здесь мы сталкиваемся с разнобоем внутри орфографической системы одного и того же языка.

Во второй части учебника грамматики кумыкского языка тех же авторов, выпущенной 3 изданием в 1936 году в специальном разделе об именах прилагательных строго выдерживается написание интенсивной формы имен прилагательных через дефис:

qьр-qьzьl	tyр-tyz
jaр-jaşьl	taр-taza
saр-sari	dөm-dөgerek
qaр-qara	toр-tolu
aр-aр	вов-воş (стр. 36—40).

Очевидно, в практике правописания в кумыкском языке укрепилось написание через дефис интенсивной формы имен прилагательных.

В татарской орфографии так же, как и в орфографии тюркских языков Северного Кавказа, прилагательные усилительные пишутся через черточку (дефис):

qaр-qara	jəm — jəşel
qьр-qьzьl	aр-aq (§ 19, стр. 15).

То же в крымско-татарской орфографии:

qьр-qьrъmьzъ	вys-вytyn
saр-sarъ	вes-вelli
mos-mor	alel-açele

kuре-kundyz (§30).

В узбекской же орфографии принято слитное написание прилагательных усилительных:

komkok
aррaq
saрsariр
kaрkatta
вusвtun (Орфографический словарь, § 31, стр. 15).

Слитное написание принято и в азербайджанской орфографии:

apaq	gөmgөj
qaрqara	dymdyz
qьрqьrmьzъ	qəрqəşəng
saрsarъ	вomвoz
jamjaşьl	(§ 52, стр. 18).

Наблюдающийся орфографический разнобой в правописании прилагательных усилительных в карачаево-балкарском, ногайском и кумыкском языках должен быть устранен при выработке сводов орфографических правил всех этих языков. Так как прилагательные с усилительной частицей -qaв- (qaр) имеют два ударения, то написание усилительных прилагательных через дефис удобнее, чем их слитное написание.

Кроме указанных случаев, в проекте карачаево-балкарской орфографии предлагается писать через дефис сочетания существительных, выражающих удвоением неопределенность, или наречия из косвенных падежей существительных, а также сочетание существительных, обозначающих связь одного предмета с другим:

el-elge — kөbden-kөb
bir-birine — bir-birlerinden
azdan-az — kertiden-kerti (§ 48, стр. 19).

Аналогичные примеры находим и в кумыкском орфографическом руководстве:

qol-qolǫa
bas-basdьrьq
qьr-qьran (стр. 38).

То же в орфографических руководствах крымско-татарского языка:

qapma-qarşь
qolma-qol
tьpqь-tьpqьna
doǫrudan-doǫru (§ 30).

Вопрос о слитном и раздельном написании слов должен быть детально пересмотрен в орфографии всех северо-кавказских тюркских языков, в орфографических руководствах кумыкского и ногайского языков необходимо полнее охватить все рассмотренные нами случаи. Отдельные правила нуждаются в детализации. Кроме того, в вопросе о слитном и раздельном написании слов также возможно и необходимо проведение унификации. Для всех северо-кавказских тюркских языков вполне возможно принять слитное написание для существительных, сочетание которых обозначает название одного предмета или признака предмета, так как в таких случаях сочетание существительных воспринимается, как одно слово. Это же правило можно распространить на правописание географических названий.

Необходимо сохранить во всех тюркских языках написание через дефис собирательных существительных, удвоенных наречий и деепричастий, интенсивной формы прилагательных и удвоенных существительных, выражающих удвоением неопределенность.

VI. Правописание иноязычных и интернациональных слов

Передача -я-, -е-, -ё-, -ю-.

По вопросу передачи в тюркских языках русских -я-, -ё-, -е-, -ю- мы находим указания лишь в карачаево-балкарском проекте орфографии и в работах по ногайской орфографии. В карачаево-балкарской орфографии русское -я- передается через -ja-.

Jaroslawl
Japonija и др. (§ 49, стр 19).

Таким же образом передается -я- и в середине слова после согласных, например: «oktjabr» (пример на стр. 22-й, п. 63).

В кумыкской орфографии -я- тоже во всех случаях передается через -ja-: demokratija, burzuazija, filologija, oktjabr.

Такое же правописание слов с -я- принято и в крымско-татарской орфографии, как указано в §26 резолюции конференции по разделу орфографии. Для примера приведено только одно слово Jalta.

В ногайской орфографии для обозначения -я- после согласных до последнего времени употреблялась буква ə.

polər
Volodə (II-я Орфографическая конференция п. 12).

На ногайском совещании в феврале 1935 года по вопросу о рационализации ногайского алфавита было принято решение букву -ə- из алфавита исключить, так как -ə- пишется только в словах преимущественно арабских, причем у черкесских ногайцев звук, изображаемый буквой -ə- встречается еще реже, чем у ногайцев Дагестана. Исключение знака -ə- из алфавита, по мнению совещания, должно способствовать сближению литературного языка дагестанских и черкесских ногайцев. Знаки -ə- во всех случаях решено было заменять буквой -a-, кроме слова -ər-, где -ə- заменяется буквой -e- во избежание смешения со словом -ar-.

Таким образом, при изъятии из алфавита буквы -ə- русская буква -я- будет во всех случаях передаваться через -ja-.

В азербайджанской орфографии нет специального правила передачи русского -я-, но из примеров к другим правилам видно, что -я- передается в именах существительных через -ja-, а в прилагательных, оканчивающихся на «ярный», через -a-:

burzuazija (§ 97, стр. 28).
ideologija (§ 98, стр. 28).
oqtjabr (§ 110, стр. 31).
ропular
molekular (§ 104, стр. 29).

Более сложно формулируются орфографические правила о передаче -я- в татарском, узбекском и башкирском языках.

В татарском языке в начале слова и слогов -я- передается через -ja- и -jə- :

Jalta jəcejka
Jakof jəslə
Ilja idejə
Zoja (§7, в, стр. 9).

А в средине и в конце слова -я- передается через -ə-

Lədof Aləska
Ləxof nənə (§ 7, стр. 9).

Следовательно, в татарской орфографии -я- передается тремя способами: «ja», «jə» и «ə».

В башкирской орфографии во всех случаях в начале слов и слогов -я- передается через -ja-, после согласных через -ə-:

Jalta Rəzan
Jaxta rədovoj
soja ропlə
Zoja Valə
Ul'janov (§ 12, стр. 16—17).

В узбекском языке мы наблюдаем совсем иную картину. Здесь в начале и в конце слов -я- передается через -ja-, а в средине слова через -a-:

jaşik Galja
knaz (§ 24, стр. 23).

В орфографическом словаре встречаем примеры:

nojabr oktabr
Albanija Alaska (Аляска)
spekulant spekulatsija

Как видно, при установлении правил передачи русского -я- в тюркских языках везде в основу был положен фонетический принцип. Но несмотря на это, практическое разрешение вопроса оказалось весьма различным.

Если в карачаево-балкарском, кумыкском, ногайском и крымско-татарском языках русское -я- передается только через -ja-, то в татарском языке применяется три способа передачи -я-, в башкирском и узбекском — два.

Для практического усвоения орфографии способ единообразной передачи -я-, независимо от его положения в слове, как это принято в орфографии тюркских языков Северного Кавказа и в крымско-татарском правописании, гораздо проще. Передача -я-, принятая в башкирской орфографии, через -ja- в начале слов и слогов, через -ə- в средине слов после согласного тоже удобна, так как такое написание соответствует произношению и поэтому на практике затруднений не вызывает. Но способ передачи -я- через -ja- и -jə-, как это установлено в татарском орфографии, значительно затрудняет правописание, так как не всегда легко бывает определить, какой вариант нужно применить: -ja- или -jə-. Сам автор помещает рядом слова -alleja-, jafetidologiə и -Zojə-. Такой способ написания указанных слов из установок орфография не вытекает. Способ передачи -я-, принятый в татарской орфографии, практикой правописания не оправдывается.

Подобный же разнобой наблюдается в передаче йотованных гласных -е- и -ю-.

Передача -е- и -э-.

В усваиваемых русских и интернациональных терминах в карачаево-балкарском языке -э- и -е- во всея случаях передается через -е-

Engels elektrik
proekt metod
telefon (§ 57, стр. 21).

В орфографических руководствах кумыкского и ногайского языков вопрос о передаче -е- и -э- вообще не рассматривается. Принципиально одинаково разрешается он в башкирской и узбекской орфографии.

-Э- и -е-, находящиеся в середине слова, передаются через -е-, начальное -е- через -je-. В качестве примеров в башкирской орфографии приведены слова:

Engels Lenin
ekonomika Jevropa
poema jevrej
texnika (стр. 8, 9).

В узбекской орфографии правило иллюстрируется примерами:

ekonom
Engels Jevgenij (§ 24, в, стр. 23).
telefon

В татарской орфографии -е- в начале слов и слогов тоже передается через -je-

Jevropa objekt
Jelena subjekt (§ 7, с, стр. 9).

То же в крымско-татарской орфографии:

Jemeljanov
Jenisej (Резолюция § 27, стр. 24).

Следовательно, наиболее широко распространен способ передачи начального -е- через -je-. Этот способ следует признать наиболее удобным, так как и в целом ряде коренных слов тюрко-татарских языков в начале встречается звукосочетание -je-. Например: «jel, jer» и другие.

В карачаево-балкарском языке сочетание -je- в начале слов не встречается, поэтому, несмотря на то, что наиболее широко распространен способ передачи начального -е- через -je-, следует заметить, что этот способ является отражением в орфографии сугубого фонетизма. Передача начального -е- через -е- значительно упрощает орфографию тюрко-татарских языков и сближает ее с русской системой орфографии. Поэтому в карачаево-балкарской орфографии следует отдать предпочтение написанию слов с начальным -е- в форме «Evropa», «Ewgenij», «Egipet», «Enisej» и т.д.

Передача -ю-.

-Ю- в карачаево-балкарской орфографии во всех случаях передается через -ju-:

jurist poljus
jum waljuta[15]
prijut ljuk
kajuta bjuro (§ 58, стр. 21).

В кумыкских и ногайских орфографических руководствах вопрос о передаче -ю- остался не разрешенным.[16] На практике поэтому встречаем разнобой в передаче -ю- в середине слова после согласных.

В орфографии татарского и башкирского языков -ю- в начале слов и слогов передается через -ju- или -jy-, а в середине слов после согласных через -у-:

jubilej jumor bydzet
sojuz ijyn salyt
jurist ijyl syzet (Татарская орфография § 7а, стр. 9).

Исключением являются слова «bjuro» и «bjurokrat», которые пишутся с -ju- (см. там же, стр. 9).

junker syzet
jybilej bylleten
jystitsiə bydzet (башкирская орфография §11, стр. 15).

В азербайджанском орфографическом руководстве указано, что -u- европейских языков, передаваемое по-русски через -ю-, по тюркски передается через -y-.

Примеры даны только на -ю- в середине слога:

debyt	дебют
byro	бюро (§ 83, стр. 25).

При объединении орфографической работы тюркских языков Советского Союза вполне возможно было бы установить единые правила передачи русских -я-, -е-, ю-.

Прежде всего здесь необходимо решить — передавать ли -я-, -е-, -ю- одинаково в начале слов и слогов и после согласных через -ja-, -ju-, -e-, как это принято в карачаево-балкарской орфографии, или, как в татарской, башкирской и узбекской, — различать на письме начальные -я-, -е-, -ю- от их положения после согласных.

При принятии второго решения разница будет только в передаче -я- после согласных, так как не во всех тюркских алфавитах есть -ə-. Необходима также проверка на практике, насколько целесообразно передавать -я- через -ja- и -jə-; -ю- через -ju- и -jy-, как это принято в татарской орфографии (в башкирской только -ju- и -jy), так как это создает излишние затруднения в орфографии.

Сам автор татарского орфографического словаря не выдерживает установленных орфографических норм. Мы встречаем противоречивые написания: в примерах, приводимых к правилам,— одни, а в тексте словаря — другие.

В вводной части даны слова «юбилей», «юрист» и «юмор» в форме —jubilej, jurist, jumor, а в самом словаре — jyrist, jymor, jybilej. Далее встречаем —Jygoslawie, Jytlandiə, jybka, jyngfrau, в то время, как согласно установке орфографии, следовало бы писать — «Jugoslaviə, Jytlandiə» и т.п. Очевидно, для того, чтобы орфография была более легкой для усвоения и использования на практике, нужно -ю- в начале слов и слогов передавать одинаково или через -ju- или через -jy-, не допуская параллельного использования обоих форм.

Передача -ц- и -щ-.

Аффриката -ц- в тюркских языках раньше не было. Но в последнее время в эти языки вошло много интернациональных терминов, в которых встречается звук -ц-: «центр», «интернационал», «социализм», «революция» и др. Все эти термины в тюркских языках уже произносятся со звуком -ц-. Поэтому с самого начала введения письменности на новом алфавите и при разработке орфографических правил встал вопрос о том, как передавать на письме в тюркских языках звук -ц-. На практике мы до настоящего времени встречаем передачу -ц- двумя способами: 1) через -s-, мотивируется эта тем, что в коренных словах родного языка -ц- не встречается и 2) через -ts- с учетом природы звука -ц-, как слитного, состоящего из -t- и -s-.

В северо-кавказских тюркских языках не было твердых орфографических правил на правописание слов с -ц-; поэтому в орфографии существовал разнобой.

В целях устранения орфографического разнобоя и более точного отражения на письме слов с вновь вошедшим в тюркские языки звуком -ц- на II-й Дагестанской орфографической конференции было принято решение о введении в кумыкский и ногайский алфавиты для обозначения -ц- специального знака -s-.

Проходившая в июне месяце 1933 года карачаево-балкарская конференция по языковому строительству также пришла к заключению о необходимости обозначения -ц- специальным знаком. В целях сохранения унификации алфавитов был принят знак -s-, уже используемый в кумыкском и ногайском алфавитах. Но одновременно с этим было отмечено графическое неудобство этого знака.

Таким образом, во всех северо-кавказских тюркских языках -ц- решено передавать через -s-.

В азербайджанской орфографии -ц- передается через -s-.

акцент — aqsent доцент — dosent
акционер —aqsioner рецепт — resept

Только в фамилиях -ц- передается сочетанием букв Клара Цеткин — Qlara Tsetkin (§ 84, стр. 25).

Совершенно иная картина в орфографиях казанско-татарского, башкирского и узбекского языков. Там -ц- передается через -s- или -ts- в зависимости от положения в слове.

Более подробно правила правописания -ц- разработаны в орфографии башкирского языка. Здесь -ц- в середине слова между гласными передается через -ts-:

kooperatsia revolytsia
ekspeditsia emigratsia
mobilizatsia emotsia

В середине слова после согласного, а также в начале и в конце слова -ц- передается через -s-.

sement komsomoles aksia
sink cervones aksiz (§ 22, стр. 23).

То же самое в узбекской орфографии: -ц- в середине слова между гласными передается через -ts-.

sotsial
ρrosent

в начале слова и после гласных -ц- заменяется обычным -s-.

intervensija
konferensija
silindr (§ 24, стр. 24).

Обозначение -ц- в конце слова не предусматривается.

В татарской орфографии звук -ц- в середине слова между гласными обозначается через -ts-, в начале слова через -s-:

sotsializm sirk
ρrotses sitat
sentner Setkin
sentr sirkylər (§ 13, стр. 12).

Примеров на правописание -ц- в середине слов после согласных и в конце слов не приведено. Само правило сформулировано недостаточно четко. Указывается, что когда слышится два звука, то пишется две буквы, а когда слышится один звук — пишется одна буква.

Нам представляется гораздо более удобным обозначение -ц- специальным знаком, который и надо употреблять при передаче -ц-, независимо от его положения в слове. Создание же четырех правил правописания с -ц-, как в башкирской и др. орфографиях, совершенно излишне загромождает орфографию. Такое правописание, несомненно, нужно упростить, дав одно правило на правописание слов с звуком -ц- в различных положениях в слове.

К такому же решению пришла III-я всекрымская научная конференция по крымско-татарскому литературному языку.

На этой конференции были отменены принятые прежде правила правописания с двумя обозначениям: ц — через -ts- и -s- и установлено единообразное обозначение -ц- через -ts-:

циркуль — tsirkul' концерт — kontsert
цемент — tsement социализм — sotsializm
цирк — tsirk милиционер — militsioner
конференция — konferentsija революция — revolytsija
редакция — redaktsija репетиция — repetitsija
дисциплина — distsiplina активизация — aktivizatsija
инъекция — injektsija (Резолюция § 20, стр. 22).

Установлением единообразной передачи -ц- этот пункт крымско-татарской орфографии значительно упрощен, но неудобство заключается в обозначении -ц- двойным знаком.

Желательно было бы иметь для всех тюркских языков Советского Союза один общий знак для -ц-, графически более удобный, чем знак -s-, принятый в алфавитах тюркских языков Северного Кавказа.

Этот общий для всех тюрко-татарских языков Союза вопрос должен разрешить ВЦК НА, утвердив для обозначения аффриката -ц- особый, общий для всех тюрко-татарских языков знак.

При разработке орфографических правил возникает также вопрос о передаче русского -щ-. В проекте карачаево-балкарской орфографии -щ- предлагается передавать через -şc-. В качестве примеров приводятся слова:

towarişcestwo
obşcestwo (§ 60, стр. 21).

В азербайджанской орфографии тоже предлагается передавать -щ- в русских словах и фамилиях сочетанием -şc-.

мещанин — meşcanin
Щедрин — Şcedrin (§ 85, стр. 25).

В узбекском языке такое единообразие не выдерживается. Вместо -щ- предлагается писать -ş- или -c-, как слышится в узбекском языке, и только в фамилиях и некоторых заимствованных словах писать -şc-:

jaşik	meşcan
cotka	Meşcaninov (§ 24, стр. 23).

Таким образом, слова бытовые, вошедшие из русского и подчинившиеся фонетической структуре узбекского языка, пишутся так, как они произносятся в узбекском языке. При передаче терминов и собственных имен узбекская орфография требует большей точности и потому устанавливается в этих случаях написание -щ- через -şc-. В татарской орфографии, как и в отношении -ц-, указано, что буква -щ- обозначается двумя буквами -şc-, «когда слышится два звука, и одной буквой -ş-, когда слышится один звук». Для примера приводятся слова — «şci» и «borş» (?!). Даны слова бытовые, не требующие точной передачи в соответствии с русской орфографией. Важно установить единый способ передачи -щ- в общественно-политических терминах.

Учитывая, что в тюрко-татарских языках -ş- бывает не только твердым, но и мягким, в зависимости от состава гласных в слове, вполне возможно передавать -щ- через -ş-: towariş, towarişestwo, obşestwo и др. Это упростило бы орфографию и сохранило бы близкое к русскому произношение.

Передача -в-.

В последнее время отдельными тюркскими народностями настойчиво выдвигается вопрос о введении в алфавит специального знака для передачи губно-зубного -в-.

Так как -v- в тюркских языках звук губно-губной, произносящийся как краткое -у- (у— русский шрифт), то при его употреблении в интернациональных терминах и советизмах создается препятствие в беглом чтении. Знак -v- приобрел двоякое значение. В одних случаях он употребляется как губно-зубной -в- (vozd, vlast, sovet), в других случаях как губно-губной -v- (tav, sav, bav). Технику письма и чтения это, конечно, затрудняет. В учебнике по кумыкскому языку, ч. II-я, в интернациональных словах и советизмах -в- перед глухими согласными и на конце слов передается в большинстве случаев через -f- «автомобиль» — «aftomobil», «автобус» — «aftobus», «кооператив» — «kooperatif», «стахановец» —«staxanofcu».

В целях правильного начертания и произношения вошедших в тюркские языки интернациональных терминов и советизмов, с одной стороны, и ликвидации двоякой значимости -v-, с другой стороны, карачаево-балкарской конференцией по языковому строительству в 1934 году было принято решение о введении в карачаево-балкарский алфавит знака — «w», использованного в том же значении в латинизированном кабардино-черкесском алфавите.

В изданных после 1935 года учебниках по карачаево-балкарскому языку уже используется -w- в словах «Moskwa», «wlast», «staxanowcu» и др.

К такому же решению пришло совещание по вопросам рационализации ногайского алфавита, проведенное в Черкесии в марте 1935 года.

Особенно настойчиво выдвигают требование о введении -w- учителя начальной школы, но вопрос о целесообразности обозначения на письме фонетической дифференциации -v- и -w- требует дальнейшей проверки на практике.

Обозначение палатализованных согласных

Вопрос об обозначении в тюркских языках палатализованных согласных в интернациональных и иноязычных словах еще совершенно не разработан. В языках тюркской системы, благодаря сингармонизму, не требуется специального обозначения для палатализованных согласных. Произношение согласных зависит от сочетания их с гласными, каждое слово имеет только палатальные или только непалатальные согласные. В словах же, вошедших в тюркские языки из других языков, требуется специальное обозначение палатализованных согласных в тех случаях, когда без такого обозначения по закону сингармонизма было бы твердое произношение, например: «культура», «асфальт», «пальма» и ряд других.

Разрешение этого вопроса мы находим в орфографическом справочнике ногайского языка. Там в разделе о письме согласных звуков указывается, что для обозначения мягкости согласного звука нужно ставить апостроф. Здесь же приведены два примера «maral'» и «aktual» (стр. 8). (В слове —«actual» апостроф не поставлен: очевидно допущена опечатка). В примерах к другим правилам и в орфографическом словаре палатализация не обозначается. Но в учебнике ногайского языка для 1-го и 2 го годов обучения, издания 1933 г., дается следующее правило: «апостроф показывает, что согласные звуки надо произносить мягко». В качестве примеров даются фразы со словами:

kontrol' spektakl'
rol' asfal't (стр. 55).

В издании 1935 года в учебнике этого правила нет, и в тексте апостроф не употребляется.

В карачаево-балкарской орфографии дано специальное правило, указывающее, что твердый и мягкий -l- нужно передавать одинаково через -l-:

klass (класс) alfa (альфа)
wulkan (вулкан) asphalt (асфальт)
plan (план) detal (деталь) (§ 59, стр. 21).

В самое последнее время в издаваемой в Карачае литературе на карачаево-балкарском языке начинает употребляться апостроф в значении показателя мягкости согласного. (Например: «Al'manax», изданный в 1936 году Союзом советских писателей Карачая).

В учебниках по языку, изданных в 1935—1936 годах, тоже употребляется апостроф для обозначения мягкости согласных, правила на его употребление нет. В тексте апостроф встречается во всех тех случаях, когда в русской орфографии ставится мягкий знак. Например: «tetrad', Engel's, bol'şewik, predsedatel'» — и др. Встречается и разнобой в его употреблении. Так, на обложке букваря для взрослых написано «Bukwar» (без апострофа), а на титульном листе «Bukwar'» (с апострофом).

В орфографических руководствах кумыкского языка совсем нет правила на правописание слов с палатализованными согласным. В приводимых к другим правилам примерах и в учебниках по языку палатализация не обозначается. Та же картина в узбекском языке.

В татарской же орфографии выработано правило на употребление апострофа, в частности, на обозначение апострофом мягкости согласных. При этом апостроф употребляется только в тех случаях, когда мягкий согласный входит в состав твердого слога:

vol't	kul'tura	Il'ic
rol'	bol'şevik	Xar'kov
moral'	al'bom	Gor'kij
normal'	asfal't	(§ 1, стр. 6).

В примечании указано, что апостроф не нужно ставить там, где и без него будет мягкое произношение:

Gegel	lljas
Engels	Vasiljef
Ruzvelt	aprel
Zifeld	oktəbr

Такое же разрешение вопроса находим и в орфографии крымско-татарского языка. По крымско-татарски принято писать:

aktual'	Stalin
moral'	Engel's
bol'şevik	Ali
rol'	poctaljon (Резолюция § 19, стр. 22).

Апостроф для обозначения мягкости согласных употреблялся и раньше. Специальное правило на его употребление имеется и в руководстве по орфографии крымско-татарского языка, изданном в 1934 году. Там даны примеры: agrokul'tur, rul', regul'ator, meçhul', meşul' (§ 24, стр. 15).

В башкирском языке палатальные согласные также обозначаются при помощи апострофа. Специального правила нет, но мы находим примеры использования апострофа в иллюстративном материале к другим правилам:

bol'şevik (стр. 8)	Engel's (стр. 9)
stabil' (стр. 14)	Gor'ki (стр. 10)
Ul'janov (стр. 16)	Rafael' (стр. 9)

Как видно из приведенных примеров, одно и то же слово «Энгельс» в татарском и крымско-татарском языке пишется без апострофа после -l-, в башкирском — с апострофом.

Вывод из всего разобранного нами материала можно сделать только один — палатализованные согласные в тюркских языках обозначать необходимо. В настоящее время палатализация согласных или не обозначается вовсе, или обозначается апострофом, но достаточно детально разработанных орфографических правил на обозначение палатализации согласных нет. Следовательно, для всех тюркских языков необходимо принять единый знак для обозначения палатализации согласных, хотя бы апостроф,[17] и уточнить правила его употребления. Апостроф необходим только в тех случаях, когда без него согласный произносится в тюркских языках твердо, но он совершенно излишен в словах типа «Gegel», где и без апострофа, конечное -l- по закону сингармонизма должно быть произнесено мягко. Принципиально правильный путь намечен в этом отношении в татарской и крымско-татарской орфографии.

Правописание сочетаний согласных

В первые годы после введения письменности на латинизированном алфавите орфография в тюркских языках строилась на фонетической основе; фонетизм проводился также и при передаче интернациональных терминов и советизмов. Для более легкого произношения в случаях сочетаний согласных, не встречавшихся в коренных словах тюркских языков, между ними вставлялись гласные.

Отражение этого способа письма мы находим в орфографическом справочнике по ногайскому языку. Там нет специального правила передачи сочетания согласных в заимствуемых из других языков словах, но в примерах к другим правилам и в орфографическом словаре твердо проводится принцип фонетического письма:

komunijs (коммунист; стр. 10)	ƿarafesьr (профессор)
faşijs (фашист; стр. 10)	ƿьrkaror (прокурор)
Maskiva (Москва; стр. 19)	ƿьraletarijat (пролетариат)
Ьstalijn (Сталин; стр. 19)	Leningьrat (Ленинград)
vьlas (власть; стр. 92)	ƿьrasent (процент)

Благодаря такому способу написания, широко распространенные интернациональные термины и советизмы становились на письме иногда просто неузнаваемыми и непонятными. Поэтому, в целях сохранения на письме основы интернациональных терминов, в настоящее время в орфографии тюркских языков сочетания согласных на письме гласными не разделяются. Таким образом, унифицируется орфография общего словарного фонда различных языков.

На II Дагестанской орфографической конференции было вынесено специальное решение о правописании интернациональных и иноязычных слов. В этом решении было указано на необходимость «вести борьбу с местным национализмом, выражающимся в стремлении подчинить в правописании интернациональные слова, советизмы и слова иноязычные, выражающие социально экономические, политические и технические понятия, законам фонетики своих языков».

Дальше в резолюции конференции указывалось, что при сочетании согласных в словах указанных категорий ни в коем случае нельзя допускать введения так называемой облегчающей гласной. Но этим общим декларативным пунктом в применении ко всем дагестанским языкам конференция и ограничилась. Конкретных орфографических правил применительно к ногайскому и другим языкам на основе их не было разработано. А конкретная разработка этих правил особенно необходима, так как до настоящего времени еще имеют распространение старые орфографические словари и руководства, построенные на совершенно иных установках правописания.

В проекте карачаево-балкарской орфографии есть специальное правило: «Интернациональные термины, имеющие в начале и в конце слова сочетание согласных, писать без изменения»:

ştab	ƿlaşdarm
ƿroekt	temƿ
Kronştadt	romв (§ 54, стр. 20).

В кумыкской орфографии также в особое правило выделен пункт о правописании стечения согласных в начале и в конце иноязычных слов без изменения:

Stalin ρrablem
ρlan teatr (стр. 53).

В орфографии азербайджанского тюркского языка по вопросу передачи сочетаний согласных специальных правил не выделяется. Из примеров к другим правилам видно, что сочетания согласных передаются без изменений. Однако выделено правило на правописание слов, в конце которых встречается сочетание согласных -три-, -др-. Эти сочетания рекомендуются передавать через -тро- и -дро-.

метр — metro кадр — qadro
театр — teatro диаметр — diametro (§ 102, стр. 29).

Этот способ едва ли следует признать целесообразным.

В орфографических руководствах казанско-татарского, крымско-татарского, башкирского и узбекского языков этому вопросу уделяется большое внимание, даются отдельные правила на правописание сочетаний согласных в иноязычных словах, приводится много примеров. Во всех руководствах подчеркивается необходимость написания сочетаний согласных, не разделяя их гласными.

Приводим образцы письма, данные в различных орфографических руководствах:

Stalin transport
Karl ştav
standart ştraf
Marks sklad («Правила орфографии татарского языка», стр. 8).

В орфографии башкирского языка:

Stalin ştraf
standart sklad (§8, а, стр, 13).
ρlan bank
traktor tank
front filtr
grunt Marks
flang ρrofsojuz (§ 25, стр. 25).

В резолюции о единой орфографии узбекского языка:

Stalin traktor ρroletar
Kronberg Marks gvardija (стр. 16—17).
Sverdlov Strelkov

Таким образом, вопрос о правописании сочетаний согласных в интернациональных терминах и советизмах в тюркских языках разрешен правильно. В отдельных орфографических руководствах необходима разработка конкретных правил на все возможные случаи правописания сочетаний согласных.

Передача удвоенных согласных

В рассматриваемых нами орфографиях вопрос о передаче на письме удвоенных согласных разрешается по-разному. В проекте карачаево-балкарской орфографии предлагается в усваиваемых интернациональных терминах сохранять на письме удвоенные согласные:

ρrogramma ρrofessor
kommuna klass
kolleksija kongress
correspondent gramm
oppozisija (§ 55, стр. 20).

В кумыкской орфографии, наоборот, удвоенные согласные предлагается передавать одной буквой:

ρrogram
diagram
klas (стр. 54).

То же находим и в ногайской орфографии:

komunijs
aparat
kolektif (стр. 17).

В учебниках по ногайскому и кумыкскому языку, изданных в 1933 году, мы находим термин: «грамматика» уже в форме «grammatika».

Затем в разделе удвоенных согласных приводятся примеры слов с удвоенными согласными, среди которых мы встречаем и интернациональные термины:

kommunizm kassa
kommunist klass
kommuna

(Грамматика ногайского языка, ч.1, стр. 58—59, изд. 1933 года).

kassa gruppa
kommuna kollektif
kommunist

(Грамматика кумыкского языка, ч. 1, стр. 63, изд. 1934 года).

В дальнейших издания учебников по кумыкскому и ногайскому языкам удвоенные согласные и на конце слова и в середине последовательно передаются без изменения.

Очевидно, такое правописание явилось результатом постановления II Дагестанской орфографической конференции, в котором говорится буквально следующее: «Заимствованные и впредь заимствуемые дагестанскими языками интернациональные слова и слова иноязычные, выражающие социально-экономические и технические понятия, должны писаться согласно правописанию их корней в тех языках, из которых они проникают в дагестанские языки».

Эта недостаточно четкая формулировка конкретными правилами не иллюстрируется. На правописание слов с удвоенными согласными необходимо разработать специальные правила.

Если мы обратимся к другим тюркским языкам Советского Союза, то увидим различное разрешение вопроса о правописании слов с удвоенными согласными.

В башкирской орфографии последовательно проводится написание двойных согласных:

klassik gripp
professor metall
million kilovatt
gramm Marr (§ 23, стр 24).

То же в азербайджанской орфографии:

bylleten sessija
grammatiqa qommunist
parallel qassa
opportunizm (§ 95, стр. 27).

Только нет примеров на двойные согласные в конце слова.

В татарской же орфографии единства в передаче удвоенных согласных нет. Правило указывает на то, что в международных словах пишутся рядом два согласных в том случае, если они разделяются на два слога; если же они входят в один слог, то пишется один гласный:

gram kassa
profesiə tonna
metal massa
miliard klassik
profesor bassejn
milion apparat
grammofon grammatika (§ 12, стр. 11).

Исключением являются имена собственные, в которых удвоенные согласные всегда сохраняются:

N.J. Marr Jakof Grimm
Tomm Mann Frans Bopp (стр. 12).

Самая установка, на основе которой дается правило, недостаточно четкая; поэтому даже относительно приведенных примеров возникает сомнение. Почему надо делить на слоги -ap-pa-rat, а не -a-pa-rat; почему -mi-li-on, а не -mil-li-on. Очевидно, такие сомнения неизбежны в случаях написания любого слава, имеющего удвоенные согласные.

В правилах правописания, приложенных к орфографическому словарю Рамеева (изд. 1935 года), формулировка правила на правописание слов с удвоенными согласными несколько изменена.

Автором рекомендуется сохранять удвоенные согласные в том случае, если произносится два звука; если же произносится один звук, то и писать следует одну букву. Из приведенных к правилу примеров можно сделать вывод, что удвоенные согласные пишутся в середине слова, на конце слов удвоенные согласные сохраняются только в именах собственных, о чем к правилу дано специальное примечание. В виде примеров даны слова:

ρres	ρerron	Marr
gram	ρassif	Skott
metal	metallurgiə	Odessa и др. (§ 4, стр. 8—9).

В словах производных, в которых удвоенные согласные оказываются в середине слова, они сохраняются без изменения.

В словаре рядом стоят слова:

klas	metal
klassik	metallist
klassifikator	metallografiə
klassifikatsiə	metallurgiə и др.

Такое написание ничем не обосновано и затрудняет усвоение орфографии, так как трудно понять почему «metallist» пишется с двумя -l-, если «metal» с одним -l- и т.п.

В крымско-татарской орфографии принято такое же правописание слов с удвоенными согласными, но правило сформулировано значительно проще, с указанием, что удвоенные согласные не пишутся только на конце корней, не включая сюда имен собственных.

Для примера приведены следующие слова:

kommuna	kommunist	grammatika
diskussija	klassifikatsija	aρparat
gruρρa	ρassiv	akkord
massa	massiv	

klas, gram, metal, ρres.

Marr, Boρρ, Tomm (§ 29, стр. 24 резолюции).

Как пишутся производные от слов «класс», «металл» и т.п., в орфографических материалах по крымско-татарскому языку, ничего не сказано. Судя по слову «klassifikatsija» и по формулировке правила, правописание в этом случае совпадает с правописанием, принятым в татарском языке.

В узбекской орфографии нет специального правила по этому вопросу, но в словах, приводимых в качестве примеров к другим правилам, находим слова с передачей на письме удвоенных согласных:

kommunist (стр. 25).

Marr (стр. 26).

ρrofessor

В узбекском орфографическом словаре совершенно нет последовательности в передаче удвоенных согласных. Там мы встречаем слова:

metal	komisar	aρparat
griρ	komisariat	klassik
kongres	komisija	kommuna
ρrogress	komentarij	kommunist
gram	koridor	kommutator
kilogram	diskusija	korrektor
komρromis	dissonans	dissertatsija

В общем, в практике орфографии все больше укрепляется последовательное отражение удвоенных согласных в иноязычных словах, что совершенно правильно, так как приводит к однообразию в орфографической передаче интернациональных общественно-политических и научно-технических слов и терминов.

Передача сочетаний гласных

Вопрос о передаче сочетаний гласных в интернациональной терминологии долго оставался спорным в связи с тем, что в коренных словах тюркских языков рядом стоящие гласные не встречаются. В орфографии наблюдалось стремление разделить рядом стоящие гласные со-

гласными, или же, если гласные одинаковые, сохранить один из них. Например, в ногайском орфографическом словаре Джанибекова «кооператив» передается через «kapijratijp», «проект» — «pьrajekt», «радио» — «radijo», «аэроплан» — «ajrapьlan».

В последние годы в целях сохранения корня заимствуемого слова принято сочетания гласных согласными не разделять, передавать их без изменений. В проекте карачаево-балкарской орфографии перечислены возможные случаи сочетаний гласных — «ia, io, ie, iu, uo, ua, oo, uu, ae» — и приводятся примеры:

sosial	proletariat
gigiena	kooperativ
period	aeroplan
presidium	individuum
burzuazija	Şopengauer (§ 50—52, стр. 19).

Подобным образом разрешается вопрос и в кумыкской орфографии. В руководстве указывается, что между гласными -j- не пишется:

sosialist
proletariat
dialektika (§ 9, стр. 55).

В ногайской орфографии нет специального правила по этому вопросу, хотя есть уже упоминавшийся общий пункт о необходимости сохранения на письме корней заимствуемых интернациональных общественно-политических и научно-технических терминов. В букваре и учебнике грамматики, изданных в 1934 году, слово «пионер» передается уже как «pioner», «аэроплан» — «aeroplan». В орфографии других рассматриваемых нами тюркских языков сочетания гласных в иноязычных словах тоже пишутся без изменения.

В орфографии татарского языка приводятся следующие примеры:

Bauer	radio
Bauman	realism (стр. 7).
Şauman	egoizm (стр. 8).
Dauesz	poeziə (стр. 9).

В резолюции по орфографии крымско-татарского языка:

pioner	grandioz
radio	presidium
pion	(§ 24, стр. 23).

В башкирской орфографии:

aeroplan	real’
ion	okean
radio	proletariat (§ 13, стр. 16—17).

В узбекской орфографии:

aktual
sotsial
fiziolog (§ 24, п. «е», стр. 23).

Наиболее детально разработаны правила правописания сочетаний гласных в азербайджанском орфографическом руководстве. Приведем часть примеров:

auditorija	dialeqtiqa
aeroplan	radio
idealizm	proletariat
feodalizm	aqvarium (§§ 86—93, стр. 25—26).

Таким образом, в орфографии тюркских языков признается уже бесспорным положение о необходимости сохранения на письме сочетаний гласных в интернациональных терминах. Это общепризнанное положение необходимо конкретизировать, то есть выработать точные правила правописания, особенно в кумыкской и ногайской орфографии.

Обозначение звукораздела

Вопрос о передаче на письме звукораздела в большинстве орфографий не разработан. Лишь в карачаево-балкарской орфографии мы находим следующее правило:

«В усваиваемых через русский язык иноязычных и интернациональных терминах, которые пишутся с апострофом или мягким знаком, как знаком разделительным, писать вместо мягкого знака и апострофа -j-».

sjezd овjekt
subjekt pjesa (§ 56, стр. 20).

В ногайском языке только на специальном совещании по вопросам орфографии в феврале 1935 года вынесено решение о передаче слова «съезд» через -sijezd-.

Таким образом, вопрос решен только о правописании одного слова.

Как писать слова однотипные, в которых нужно обозначать звукораздел, правило не устанавливает. Не разрешен этот вопрос и в кумыкской орфографии.

В правилах орфографии казанско-татарского языка этот вопрос разрешается одновременно с вопросом о передаче -е- в начале слов и слогов. Принято -е- в начале слов и слогов передавать одинаково через -je- (§ 7, стр. 9).

Более полно вопрос об обозначении звукораздела представлен в татарском орфографическом словаре интернациональных слов. Для обозначения звукораздела между согласными и гласными -е-, -я-, -ю- очень удачно используется -j-/-ю-, -я- в середине слов после согласных передается через -у-, -ә-:

konjunktura вiljard
intervjy pjesa
adjunkt kurjer
adjutant sjezd
konjak podjezd

В тех же случаях, когда звукораздел находится между согласными и -о-, для обозначения звукораздела употребляется не -j-, а -i- (так как -j- используется для передачи -е- и в начале, и в середине слова «Semjon, pulemjot» и др.):

batalion
poctalion

Такое написание нельзя признать правильным, потому что сочетание -io- иначе произносится в словах — biografiə, biologiə, bibliografiə, biblioteka, Lion и других. В орфографии крымско-татарского языка обозначение звукораздела через -j- проведено последовательно:

konjunktura poctaljon
kurjoz bataljon
вiljard buljon
pjesa pjedestal
sjezd (Резолюция § 18, стр. 21—22; Орфография § 10, стр. 10).

В башкирском руководстве по орфографии специального правила на обозначение звукораздела нет, но в качестве примеров к другому правилу мы встречаем слова:

sjezd
razjezd (стр. 23).

Очевидно, в качестве звукораздела для всех тюркских языков наиболее удобно принять -j- и последовательно провести в орфографии обозначение звукораздела через -j-.

Оформление суффиксов и окончаний

Интернациональные суффиксы в орфографиях всех рассматриваемых нами тюркских языков принято писать без изменения. Однако не во всех орфографических руководствах достаточно разработаны правила правописания слов с интернациональными суффиксами. Принятое совершенно правильное решение необходимо конкретизировать.

Наиболее полно представлен самый перечень интернациональных суффиксов в проекте карачаево-балкарской орфографии.

Там перечислены суффиксы: -izm, -ist, -al, -ar, -or, -er- и даны примеры слов с употреблением этих суффиксов:

materializm liberal
kommunizm professional
socialist radikal
marksist redaktor (§ 61, стр. 21).

В кумыкской и ногайской орфографии применяется общее решение, вынесенное II-й Дагестанской орфографической конференцией в отношении всех дагестанских языков, что «интернациональные суффиксы -izm-, -ist- должны писаться согласно их интернациональной форме без прибавления -a- в именительном падеже».

Правописание других интернациональных суффиксов не указано.

В орфографии узбекского языка из интернациональных суффиксов тоже указываются только «-izm» и «-ist»:

sotsializm	sotsialist
kommunizm	kommunist
leninizm	(§ 25, стр. 24; § 26, стр. 24—25).

В азербайджанской орфографии рассматривается правописание слов с суффиксом -изм, который передается без изменения:

leninizm	marqsizm
sosializm	(§ 100, стр. 28).

Затем даны суффиксы -ик, -ист, -ир (-ор, -ер,), корень -лог-, которые также приняты без изменений. Приводятся следующие примеры:

fiziq	texniq
botaniq	briqadir
direqtor	psixoloq
biloq	texnoloq
dirizor	aqtjor
montjor	sufljor (§ 103, стр. 29).

-логия

ideologija	analogija
psixologija	biologija (§ 98, стр. 28).

-изация, -ификация:

-sosializasija
-industrializasija
-eleqtrifiqasija
-qoleqtivizasija.

Следовательно, вопрос о правописании интернациональных суффиксов разрешен принципиально правильно, но в отдельных орфографических руководствах необходимо детализировать правила правописания слов с интернациональными суффиксами, дать более полный перечень интернациональных суффиксов и их правописание в национальных языках.

В татарском орфографическом словаре интернациональных слов сделана попытка представить достаточно полно интернациональные суффиксы, принимаемые без изменения в татарской орфографии. Там мы находим следующие примеры:

-ant — aspirant, fabrikant
-at — fabrikat, gidrat
-ema — sxema, grafema
-ist — sotsialist, kommunist
-izm — marksizm, leninizm
-tor — agitator, akkompaniator
-ura — komendatura, prokuratura
-ika — texnika, taktika
-ifikatsiə — unifikatsiə, elektrifikatsiə
-izatsiə — sotsializatsiə, munitsipalizatsiə

Кроме интернациональных суффиксов, в тот же перечень внесены и части сложных слов типа — «граф» в словах «телеграф», «биограф», -метр — в словах «сантиметр, диаметр» и других.

В резолюциях III-й Всекрымской научной конференции по крымско-татарскому литературному языку в разделе грамматики крымско-татарского языка приводятся примеры правописания интернациональных суффиксов -izm-, -ist- , -er-, -at-:

sotsializm
kommunist, marksist
revolytsioner, militsioner
komissariat, sekretariat
(Резолюция, стр. 44).

В орфографические материалы эти суффиксы не включены.

В узбекском орфографическом словаре тоже, кроме указанных выше, намечена передача некоторых интернациональных и русских суффиксов в узбекском языке.

Суффикс -oner- сохраняется без изменения или заменяется суффиксом -ci-.

reaksioner
teskarici
aksioner
pensioner (Орфографический словарь, п. 20, стр. 18).

Суффикс -ец- не сохраняется:

комсомолец — komsomol
красноармеец — qzil askar (п. 21, стр. 18).

«-щина-» заменяется — «ciliq — cilik»:

Qasimovciliq (п. 22, стр. 18).

Особо следует остановиться на оформлении русских окончаний в интернациональных терминах и советизмах, в частности, на окончании -ия-.

В орфографии карачаево-балкарского языка это окончание обычно передается через -ija-:

rewoljusija
burzuazija
rewizija (§ 51, стр. 19).

В кумыкской орфографии указано, что слова, имеющие суффикс -logija-, должны писаться без изменения. В качестве же примеров приведены слова.

sosiologija	filologija
demokratija	anarxija
burzuazija	(стр. 63).

Следовательно, окончание -ия- и в кумыкской орфографии должно оформляться через -ija-. Но в первом пункте постановления II-й Орфографической конференции по кумыкской орфографии мы читаем: «Русские грамматические окончания во всех случаях заменять кумыкскими».

Таким образом, в кумыкской орфографии существует два различных правила, противоречащих друг другу. Точных указаний о том, какие кумыкские окончания соответствуют определенным русским грамматическим окончаниям, в постановлении не дается. Поэтому, при наличии таких разноречивых правил в каждом отдельном случае возможны различные варианты оформления русских грамматических окончаний по усмотрению каждого отдельного автора.

Более четко дано правило в орфографии ногайского языка, принятое на той же самой II-й Орфографической конференции: «Русские родовые окончания -я- и -а- в интернациональных и иноязычных словах сохраняются».

tonna	revolysija
apteka	rezolysija
massa	(п. 11).

Обратим внимание на разрешение этого же вопроса в других тюркских языках.

В узбекском языке пишется:

biologija	psixologija
delegatsija	komisija (п. 29б. стр. 25).

Так же в азербайджанской орфографии:

ambulatorija
auditorija
burzuazija (§ 97, стр. 28).

Так же в крымско-татарской орфографии:

konferentsija	trigonometrija
redaktsija	revolytsija
Gollandija	repetitsija (Резолюция, стр. 22—23).

Здесь сохраняется и конечное -a- в интернациональных и иноязычных словах:

apteka	gazeta
fabrika	sistema
grupa	(Резолюция § 28, стр. 24; Орфография, § 26, стр. 15).

В орфографии башкирского языка указывается, что и интернациональных терминах, советизмах и географических названиях, если в конце слова есть -i- или -e-, то после них -ja- не пишется, а пишется -a-:

partia	idea
kolonia	Korea
kooperatsia	batarea
Dania	Gvinea (Примечание к § 12, стр. 16).

В татарском орфографическом руководстве правил нет, но в примерах, приводимых к другим правилам, находим слова, оканчивающиеся на «ия». Оформляются они через -iə-:

evolytsiə
revolytsiə (§ 7, стр. 9).
biologiə (§ 8, стр. 10).
administratsiə (§ 11, стр. 11).

Таким образом, из орфографии восьми анализируемых нами языков, в шести окончание -ия- оформляется через -ija-. Это является наиболее удобной и приемлемой формой для всех тюрко-татарских языков.

Интересно отметить, что в азербайджанской орфографии отбрасывается окончание -ий-, чего мы не наблюдаем в орфографии других тюрко-татарских языков, рассматриваемых нами.

Для примера приводятся слова:

пролетарий — proletar
семинарий — seminar

В химических же терминах -ий- заменяется через -ium

натрий — natrium
кальций — qalsium
алюминий — allyminium
радий — radium (§ 101, стр. 29).

Оформление имен прилагательных

Особенно остро ощущается необходимость точных установок и твердых орфографических правил при передаче с русского на тюркские языки имен прилагательных, входящих в состав общественно-политической и научно-технической терминологии. Поэтому во всех тюркских языках при разработке руководств по орфографии обязательно ставится вопрос об именах прилагательных.

В проекте карачаево-балкарской орфографии дано два правила. В первом из них предлагается усваиваемые из русского языка прилагательные писать без окончания -ный-:

liberal	kolonial
detal	sentral

Примеры: sentral oblastlarь, liberal burzuazija, kolonial rewoljusija.

Или же с суффиксами -lь-, -li-; или -lik-, -lьq-, -lyk-, -luq-:

awtonomlu	literaturalь
federatiwli	agrarlьq
waljutalь	kwadratlьq (п. 62, стр. 22).

Второе правило касается прилагательных, оканчивающихся на -ский- (-ая, -ое), -ический- (-ая, -ое). Их предлагается писать тоже без окончаний -ский, -ический:

sowet
oktjabr
sosialist
kapitalist
kommunist (п. 63, стр. 22).

Там же указано, что вообще вопрос об орфографии суффиксов имен прилагательных является чрезвычайно сложным, что в карачаево-балкарском языке прилагательные могут быть выражены синтаксическими существительными «sowet wlast» и родительным падежом существительного — «pionerleni zakonlarь, tьşьrьvlanь bajramь», второобразные с суффиксами -lь-, -lьq- — agrarlьq krizis, awtonomlu oblast. Возможна, наконец, замена русских суффиксов прилагательных -ическ- окончанием -ik-, например: «elektrik», «sosialistik» или в полной форме -lik- «elektriklik», «sosialistlik» и т.д.

Ниже дано указание о том, что русские суффиксы и окончания прилагательных -ный-, -ский-, -ический — сохраняются лишь в целях избежания двусмысленности, например: «generalnьj», «generalskij».

Здесь мы видим наметку возможных путей образования формы имен прилагательных с различными оттенками значений. Но до окончательного утверждения орфографических правил необходимо тщательное, детальное изучение вопроса, в частности, изучение оттенка значения, которое вносит суффикс -lь-, -li-, -lu-, -ly-.

Обычно суффикс этот обозначает наличие части данного качества в определенном предмете, например: «taş tyz» — «каменная равнина», «taşlь tyz» — «каменистая равнина». В силу указанного оттенка значения выражение «awtonomlu oblast» в смысле «автономная область» оказывается неправильным.

В ногайском языке на II-й Дагестанской орфографической конференции предложено русские суффиксы и окончания прилагательных — «ический», «ский», «кий», «ий», «ный» — отбрасывать по типу:

sosialist
kommunist
proletar

Здесь же указано, что исключением являются названия «Bojnaksk rajon» во избежание смешения с названием селения — Bojnaq и русские слова, принимаемые целиком, как термины. В скобках дан термин «socuwstwujuşcij».

Указание на возможность допущения принятия прилагательных целиком, как терминов, является очень ценным, но оно требует более детальной разработки и возможно точного указания тех терминов, которые должны быть приняты целиком. В противном случае может вызвать в практической работе затруднения при оформлении отдельных имен прилагательных.

В орфографических руководствах кумыкского языка вопрос об орфографии имен прилагательных не разработан совершенно. Почему-то II-я Дагестанская орфографическая конференция, установившая определенные нормы оформления имен прилагательных для ногайского языка, не коснулась этого вопроса в отношении кумыкского языка.

При практической работе руководством, очевидно, должен служить общий пункт о замене во всех случаях русских грамматических окончаний кумыкскими. Руководствоваться этим правилом, конечно, трудно; поэтому детальная разработка данного вопроса крайне необходима.

В орфографии башкирского языка указывается, что от интернационализмов и советизмов имен прилагательных «берется корень»:

революционный — revolytsion
реакционный — reaksion
социальный — sotsial'
профессиональный — professional'
культурный — kul'tur
ударный — udar (§ 37, стр. 31).

От советизмов — имен прилагательных, оканчивающихся в русской орфографии на -ический — образуется форма на -ik-, от оканчивающихся на -ический — форма на «tik».

механический — mexanik
механистический — mexanistik
идеалистический — idealistik (§ 38, стр. 31).

В узбекской орфографии в прилагательных на «ный», — «ный» также отбрасывается, «ический» заменяется -ik-.

актуальный — aktual
механический — mexanik
социалистический — sotsialistik (§ 27—28, стр. 25).

В татарском руководстве по орфографии этот вопрос совершенно не поднимается.

В орфографическом словаре в табличку интернациональных суффиксов включен и суффикс -ik- для имен прилагательных по типу: «kommunistik», «grafik».

В орфографических материалах крымско-татарского языка интернациональные прилагательные, как и в других тюрко-татарских языках, предлагается принимать без русских суффиксов и окончаний. Для прилагательных на «-ический» используется аффикс -ik-.

-ik (sotsialistik)
-al' (formal', aktual', industrial')
-iv (obʼektiv, progressiv)
-on (revolytsion) (Резолюция § 36, пункты g, gl, h, i, стр. 27—28).

В азербайджанской орфографии вопросы оформления имен прилагательных разрешаются следующим образом:

а) Прилагательные на -ный пишутся без -ный:
актуальный — aqtual
идеальный — ideal
популярный — popular
молекулярный — moleqular

б) -ический заменяется аффиксом -ik:
технический — texnik
физический — fizik
ботанический — botanik

в) -истический — ist
коммунистический — qommunist
социалистический — sosialist (§ 104, стр. 29—30).

Прилагательные от слов «проблема, драма, система», которые по азербайджански пишутся в форме «problem, dram, sistem», берутся в форме «problematik, dramatik, sistematik» (Примеч. 2 к § 96, стр. 27).

Прилагательные от слов на -логия оформляются через -lozi:

аналогический — analozi
биологический — biolozi
идеологический — ideolozi (Примечание к § 98, стр. 28).

Все рассматриваемые нами материалы, за исключением некоторых азербайджанских, дают, примерно, одинаковое разрешение вопроса об оформлении имен прилагательных с русскими суффиксами и окончаниями. Но необходимо учесть, что при отбрасывании суффиксов окончаний имена прилагательные в переводе иногда теряют оттенок значения, который придает им суффикс. Этим и объясняются те исключения, которые допускаются орфографическими руководствами по карачаево-балкарской орфографии. В общем, вопрос об орфографии прилагательных в тюркских языках не разработан.

Различные способы передачи имен прилагательных выходят за рамки орфографии, по существу это вопросы терминологии, вопросы словообразования, методики перевода. Они и должны быть разрешены в связи с терминологической работой. Однако и в орфографии нельзя пройти мимо них.

Вопрос этот необходимо тщательно разработать в отношении и всех тюркских языков с учетом уже имеющегося опыта в практике переводной работы.

Существующий в орфографии тюркских языков разнобой в большой степени является следствием изолированности в орфографической работе научно-исследовательских организаций и отдельных работников национальных республик и областей.

Орфографический разнобой искусственно затрудняет понимание одним народом печатной продукции близкого по языку другого народа. Эту искусственную преграду можно и сле-

дует сломать путем вполне возможного сближения орфографии тюркских языков Советского Союза.

Конечно, ставя этот вопрос, нужно тщательно проверить факты, учесть все языковые особенности анализируемых языков и только после такой проверки проводить в жизнь перестройку орфографии.

К разрешению этого вопроса нужно привлечь наших лучших специалистов-тюркологов.

Ряд орфографических вопросов остается еще неразрешенным. Их необходимо немедленно же разрешить и тем самым устранить существующий разнобой внутри орфографической системы иногда одного и того же тюркского языка.

В дополнение к полному своду орфографических правил должны быть созданы орфографические словари, которые сыграют большую роль в укреплении твердой орфографической системы.

Только при установлении твердой орфографии национальная школа сможет привить детям определенную систему знаний и навыков по родному языку.

Примечания

1. См. Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля — 6 марта. Стенографический отчет. Баку. 1926 г. 6 и 7 заседание. стр. 155—181.

2. а) Стенографический отчет первого пленума ВЦК НТА, заседавшего в Баку с 3 по 7 июня 1927 года.

Издание ВЦК НТА. Москва. 1927 года.

в) Стенографический отчет второго пленума ВЦК НТА, заседавшего в Ташкенте от 7 по 12 января 1928 года.

Издание ВЦК НТА. Баку. 1929 года.

с) Стенографический отчет третьего пленума ВЦК НТА, заседавшего в Казани от 18 до 23 декабря 1928 года.

Издание ВЦК НТА. Казань. 1928 года.

д) Стенографический отчет IV пленума ВЦК НТА, происходившего в г. Алма-Ата. ВЦК НТА. 1931 года.

3. Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет 1 пленума НС ВЦК НА. Москва. 1933 год, стр. 213—257.

4. Резолюция 1 пленума НС ВЦК НА к докладам об орфографии. Стенографический отчет. стр. 280.

5. См., например, учебник ногайского языка по грамматике и правописанию для 3 и 4 класса начальной школы Джанибекова, изданный Даггосиздатом в Махач-Кале в 1934 г. В этом учебнике фамилия автора на обложке написана в виде «Çanibek», а на титульном листе «Çanьbek», слово «миллион» в тексте учебника встречается в форме «million», «milion» и «mLllLon». Примеры подобного орфографического разнобоя встречаем в учебниках по языку и других тюркских языков Северного Кавказа.

6. В изданных до 1935 года учебниках карачаево-балкарского языка встречаем «tetrad» и «tetrat», «zavod» и «zavot».

В учебниках по ногайскому языку «doklad» и «doklat», «dekad» и «dekat», «Stalingrad» и «Stalingrat» и др.

В учебнике кумыкского языка издания 1936 года встречаем «aftomobil» и «avtomobil», «klup» и «klub».

Заимствованные из арабского языка термины в карачаево-балкарском языке передаются по типу «miktab» и «kitab».

В ногайском языке «mektep», «kitap».

В кумыкском «maktap», «kitap».

7. Сохраняем орфографию подлинника.

8. Переход -р- в -в- не указывается, т.к. в карачаево-балкарской орфографии на конце корней -р- не пишется, а пишется -в-: «qав», «kөв», «тов» и т.п., о чем см. выше.

9. aq — aɔlь, aɔlьnьn, aɔlьnьqь; kyk—kygy, kygərde, kygərməgen; tөp—tөвө, tөвөnөke (§ 15, стр. 17—18).

10. qişlaq—qişlaɔi, blak—blagi (§ 15, стр. 20).

11. На орфографическом совещании, организованном в Микоян-Шахаре Культпропом Карачаевского Обкома ВКП(б) в марте месяце 1935 года, было принято решение писать частицу-союз -а- без апострофа men a, tuar a; однако в последних изданиях учебников по языку апостроф перед -а- продолжает сохраняться.

12. На орфографическом совещании, проведенном в Карачае в марте 1935 года было вынесено решение — слова типа «ajrʰqujruq», «çʰlqʰqulaq» писать слитно, как сложные, состоящие из двух корней, а все сочетания слов с «qав» и «orun» писать раздельно.

13. Орфографический словарь, стр. 10 и стр. 124—125.

14. Орфографический словарь.

15. Правило это было принято на межобластной карачаево-балкарской конференции. В проекте Крайкома НА, представленном на обсуждение конференции, предполагалось -ю- после согласных передавать через -у: polys, valyta, lyk, вуго, что полностью соответствует произношению. Однако участники конференции, карачаевцы и балкарцы, единодушно высказали ту мысль, что единообразное написание -ю- через -ju- упрощает орфографию.

16. В ногайском орфографическом словаре Джанибекова находим примеры: «бюро» — «вего», «бюрократ» — «вегокrat» — (стр. 31), «революция» — «revalθtsi», резолюция — rezalθtsi (стр. 70). Чем руководствовался здесь автор — неизвестно. Какие-либо правила на основании этих примеров сформулировать трудно.

17. Апостроф неудобен графически.

Текст печатается по изданию:

Милых М.К. Вопросы орфографии тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана /Орджоникидзевский краевой комитет нового алфавита; Орджоникидзевский историко-лингвистический институт им. С.М. Кирова. — Кисловодск: Типография Кароблнациздата, 1937.

Библиография

Публикации об архивном фонде Р-1260 Государственного архива Ставропольского края «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова» (1926–1937)

Белоконь В.М. К истории кавказоведения 1920–1930-х годов // Принципы и методы исследования в филологии XX века: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – Вып. 6. – С. 622–631.

Буркин Н.Г. Краевой горский НИИ на переломе // Революция и горец. – 1928. – № 1. – С. 48–50.

Буркин Н.Г. По историческим учреждениям. Северо-Кавказский горский НИИ // Борьба классов. – № 12. – 1933. – С. 95.

«Бюллетень» Северо-Кавказского Краевого Горского НИИ краеведения // Бюллетень С.-К. Бюро краеведения. – 1927. – № 1–6 (8–12). – С. 104–105.

Калиниченко С.Б. Роль Горского института краеведения в становлении научно-образовательного пространства Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 3. – С. 100–104.

Ерохин П.Н. Отчет о деятельности СКНИИ // Революция и горец. – 1928. – № 1. – С. 48–50.

Калиниченко С.Б. Роль Горского института краеведения в становлении научно-образовательного пространства Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 3. – С. 100–104.

Калинченко С.Б. Из истории науки на Северном Кавказе. Научно-исследовательские институты: становление и деятельность (1920-1941): Монография. – Ставрополь: РИО филиала МГОПУ имени М.А. Шолохова в городе Ставрополе, 2006.

Караева А.И. Становление карачаевской литературы. – Черкесск, 1963. – С. 7–8. В том числе о работе СККГНИИ. Упоминается «ценная библиотека Шервашидзе».

Комаровский А.К. Библиотека ВУЗА // Орджоникидзевская правда. – 1940. – 13 ноября. – С. 2. В том числе об одном из списков на арабском языке утерянной книги Тахира из Карсиха «Блеск горских сабель некоторых наибствах имама Шамиля» (из библиотеки СККГНИИ).

Комаровский А.К. [История библиотеки Ставропольского государственного педагогического института. – 1966. – 6 с.] – Рукописные записки А.К. Комаровского (хранятся в отделе редких книг НБ СГУ). В том числе о СККГНИИ.

Кононирова Н.А. Библиотека Северокавказского научно-исследовательского института в фонде отдела редкой книги библиотеки Ставропольского государственного университета // Принципы и методы исследования в филологии XX века: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – Вып. 6. – С. 646–665.

Краевой горский институт: доклад о деятельности института в комиссии Государственного ученого совета 27 июня 1929 года // Записки СККГНИИ. – 1929. – Т. II. – С. 314.

Крачковский И.Ю. Новые рукописи истории Шамиля // Исторический архив. – М., 1939. – №. 2. – С. 708.

Прайсман Л.Б. Прерванный полет, или назад, в будущее // «Ставропольская правда». — 26 мая 1999. — С. 2.

Сакиев М.М. Против неверных толкований в изучении языков народов Черкессии // В родной семье: Сборник произведений писателей и поэтов Черкессии. — Черкесск, 1953. — С. 179—195. — О «разоблачении антимарксистского и вульгаризаторского характера «нового учения о языке Н.Я. Марра» и работах его учеников «видных марровцев», сотрудников СККГНИИ Н.Ф. Яковлева, Г.П. Сердюченко и Г.Ф. Турчанинова.

СКБК (Северо-Кавказское Бюро Краеведения) и Горский Н.-И. Институт // Бюллетень СКБК. — 1927. — № 1—6 (8—12). — С. 91.

Список не местных учреждений и организаций, содействовавших изучению Дагестана после революции // 10 лет научных работ в Дагестане. — Махачкала, 1928. — С. 3 (2-й ряд). В том числе о СККГНИИ.

Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК — «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926—1937)) / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн, канд. филол. наук Д.И. Петренко. — Ставрополь: СГУ, 2012. — 314 с.

Темирболатова А.И. Страницы кавказоведения первой половины XX века (по материалам редкого архивного фонда 1260 ГАСК) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — СПб., 2011. — № 132.— С. 118—123.

Темирболатова А.И. Научная деятельность Н.Ф. Яковлева по изучению языков и культур Северного Кавказа // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — Пятигорск: ПГЛУ, 2011. — № 2— С. 114—117.

Темирболатова А.И. Деятельность Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1926—1927) в контексте языковой политики на Северном Кавказе в 20—30-е гг. XX века // Вестник Ставропольского государственного университета. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — Вып. 72 (1). — С. 164—170.

Темирболатова А.И. Из истории кавказоведения: Адольф Дирр и его вклад в изучение языков Северного Кавказа // Метапоэтика: Сб. статей научно-методического семинара «Textus»: В 2 ч. Ч. 1. / Под редакцией д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн, канд. филол. наук Д.И. Петренко. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. — Вып. 2. — С. 379—378.

Темирболатова А.И. Н.Я. Марр и проблема изучения языков Северного Кавказа // Русский язык. Лингводидактика: Материалы регион. научной конф. — Карачаевск: КЧГУ, 2010. — С. 232—239.

Темирболатова А.И. Из истории Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1927—1937) (по материалам редкого архивного фонда 1260 Ставропольского государственного краевого архива и отдела редкой книги Ставропольского государственного университета) // ЛОМОНОСОВ — 2010: Материалы Междунар. молодежного научного форума / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. — М.: МАКС Пресс, 2010. — С. 271—272.

Темирболатова А.И. Фонд рукописей Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова: Деятельность института по изучению языков Северного Кавказа // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: Материалы Междунар. конф.-семинара / Под ред. В.М. Грязновой. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. — С. 133—142.

Темирболатова А.И. Проблема изучения редкого архивного фонда 1260 Ставропольского государственного краевого архива // Филология, журналистика и культурология в парадигме социогуманитарного знания: Материалы 55-й научно-метод. конф. преподавателей и студентов «Университетская наука — региону». — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. — Ч. 1. — С. 190—195.

Темирболатова А.И. Из архивных находок: А.Н. Дьячков-Тарасов «Экскурсы в область культуры Чечни» // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Междунар. конф. — Нальчик: КБГУ, 2010. — С. 106—110.

Темирболатова А.И. Вклад Н.Ф. Яковлева в региональную лингвистику Северного Кавказа // Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия: Сб. материалов Всеросс. научно-практ. конф.: В 2 ч. / Под ред. Р. Бибиловой. — Владикавказ: СОГУ, 2011. — С. 268—275. — Ч. 1.

Темирболатова А.И. Адольф Дирр и его деятельность по изучению языков и культур народов Северного Кавказа // Язык, культура, текст: Контрастивный анализ: материалы Всеросс. заочной научно-практ. конф. / Отв. ред. Е.П. Кузнецова, И.А. Сухопарова, А.А. Шевердина. — Славянск-на-Кубани: СГПИ, 2011. — С. 81—83.

Темирболатова А.И. Приоритеты языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе в 1920—1930-е годы // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: Материалы III Междунар. научно-практ. конф. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. — С. 268—269.

Темирболатова А.И. Деятельность Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1926—1937) по изучению языков малочисленных народов Северного Кавказа // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: Сб. материалов междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. А.Л. Фатыхова. — Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Биишевой, 2011. — С. 283—286.

Темирболатова А.И. Деятельность лингвистического отдела Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С.М. Кирова (1926—1937) по данным архивных материалов // Филология, журналистика и культурология в парадигме социогуманитарного знания: Материалы 56-й научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука — региону». — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — С. 208—212.

Темирболатова А.И. Языковая ситуация на Северном Кавказе и проблема сохранения языков малочисленных народов // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа: Материалы Всеросс. научной конф.: В 2 ч. — Карачаевск: КЧГУ, 2011. — Ч. 2. — С. 205—212.

Темирболатова А.И. Проблемы тюркологии в исследованиях ученых Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С.М. Кирова (1926—1937) (по материалам редкого архивного фонда 1260 ГАСК) // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков: Материалы Международной тюркологической конференции. — Казань: ПФУ, 2011. — С. 339—341.

Темирболатова А.И. Актуальные проблемы сохранения и развития языков народов Северного Кавказа // Актуальные проблемы языкового образования: Материалы Междунар. научно-практ. конф. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. — 284—289.

Темирболатова А.И. Издательская деятельность Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1926—1937) // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований / История книжного дела Юга России: методы, источники, опыт исследований: Материалы третьего межрегионального обучающего семинара. — Краснодар: КУКИ, 2011. С. 30—35.— Вып. 7.

Темирболатова А.И. О состоянии языков Северного Кавказа в контексте современной глобализации // ЛОМОНОСОВ — 2012: Материалы Междунар. молодежного научного форума. — М.: МАКС Пресс, 2012. — С. 261—262.

Темирболатова А.И. Роль СКГИЛНИИ им. С.М. Кирова в формировании кавказского языкознания // Филология, журналистика и культурология в парадигме социогуманитарного знания: Материалы 57-й научно-метод. конф. преподавателей и студентов «Университетская наука — региону». — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. — С. 212—214.

Ушакова Н.В. Предметный указатель к описи документов №1 фонда Р-1260 «Северокавказский Горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова (1927—1937)» // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: Сборник статей научно-методического семинара «Textus». — М. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. — Вып. 7. — С. 461—469.

Чеснокова Г.Д. Tabula Rasa для искателей жемчужин // Университетская газета. — Ставрополь, 1999. — № 41. — С. 6—7.

Чеснокова Г.Д. Архивные материалы об истории Северокавказского историко-лингвистического института (1926—1927) // Текст: Узоры ковра. Общие проблемы исследования текста: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». — СПб. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. — Вып. 4. — Ч. 1. — С. 150—165; переиздание: «TEXTUS»: Избранное. 1994—2004: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. — Вып. 11. — Ч. 1. — С. 227—232.

Чеснокова Г.Д. Еще раз о редком архивном фонде Р-1260 Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) // Язык и текст в пространстве культуры: Сборник статей

научно-методического семинара «TEXTUS». — СПб. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. — Вып. 9. — С. 306—313.

Чеснокова Г.Д. Научность, нравственность и правда, или некоторые тонкости языка и стиля исторических документов Северного Кавказа // «Textus»: Избранное. 1994—2004: Сборник статей научно-методического семинара «Textus». — СПб. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. — Вып. 11. — Ч. 2. — С. 306—314.

Чеснокова Г.Д. Особенности технологии исследования истории текста в современной текстологии// Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века. Сборник статей научно-методического семинара «Textus». — СПб. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. — Вып. 6. — С. 61—68.

Чеснокова Г.Д. Проблемы этики художественного текста // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: Сборник статей межрегионального научно-методического семинара «Textus». — М. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. — Вып. 7. — С. 446—449.

Чеснокова Г.Д. Редкие архивные документы об истории и лингвистике на Северном Кавказе в 30-е годы XX века // Алиевские чтения: научная сессия преподавателей и аспирантов университета. — Карачаевск: КЧПУ, 2000. — С. 231—232.

Чеснокова Г.Д. Текстологический аспект комплексного анализа литературного произведения: проблемы взаимодействия наук // Текст как объект многоаспектного исследования: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». — СПб. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. — Вып. 3. — Ч. 1. — С. 172—187.

Чеснокова Г.Д. Труд ученого и память потомков: полузабытые имена на страницах фонда ГАСК // Язык и текст в пространстве культуры: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». — СПб. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. — Вып. 9. — С. 316—328.

Чеснокова Г.Д., Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк. СПб., 1889. Репринтное издание, 1991: [Рецензия] // Текст: Узоры ковра: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». — СПб. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. — Вып. 4. — Ч. 2. — С. 173—174.

Штайн К.Э. Эпизоды деятельности этнографа и лингвиста А.М. Дирра на Северном Кавказе // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: Материалы междунар. конференции-семинара (Ставрополь, 21—25 сентября 2010 года). — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. — С. 28—32.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. А.М. Дирр — этнограф, антрополог, лингвист, кавказовед // Метапоэтика: Сборник статей научно-методического семинара «Textus»: В 2 ч. / Под редакцией К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. — Вып. 2. — Ч. 1. — С. 375—378.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Язык. Языкознание. Идеология: От социализма к российскому капитализму. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2016 [о Северо-Кавказском горском историко-лингвистическом научно-исследовательском институте: с. 255—268].

Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры. — Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017 [о Северо-Кавказском горском историко-лингвистическом научно-исследовательском институте: с. 162—337].

Предметный указатель к описи документов № 1 фонда Р-1260 Государственного архива Ставропольского края «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова» (1926–1937)*

Вид документа	Год	№ дела
Анкеты:		
аспирантов	1930	266
научных работников	1937	267
Аспиранты:	1930	22, 24, 25
	1932	39, 40, 41, 42, 45
	1933	46, 48, 49, 59
	1934	65, 66, 67, 71, 72
	1934–1937	85
	1936	99, 108
	1937	124, 125
Библиотека:		
инвентарные книги	1927	2, 3
	1930–1933	27
	1934–1937	83
	1934	78
комплектование	1935	82
Ведомости:		
на выдачу стипендии	1935	92, 93
аспирантам	1936	117, 118, 119
на выдачу зарплаты	1935	95
сотрудникам	1937	143–146, 326–328
на удержание квартплаты с учащихся и сотрудников	1935	325
Договоры:		
с издательствами	1933–1934	52
и авторами	1937	149
на выполнение научных работ		
Доклады:		
аспирантов	1931–1932	33
	1933	51, 59
о работе института	1930	21, 23, 26
о состоянии и работе Марийского НИИ	1932	40

* Составлен Н.Д. Ушаковой, впервые опубликован в издании: «Языковая деятельность: Переходность и синкретизм»: Сборник статей научно-методического семинара «Textus» / Под ред. К.Э. Штайн. – Москва – Ставрополь, 2001. – Вып. 7. – С. 461–469.

Вид документа	Год	№ дела
Издание сборников:		
«Записки института»	1936	106
«История художественной литературы горских и тюркских народов»	1933–1934	60
«Языки Северного Кавказа и Дагестана»	1933–1934	57, 60
История института	1934 1935 1936–1937 1937	63, 66 87 96 121
Копии документов:		
о предоставлении личных поземельных прав жителям Военно-Осетинского округа во владении Тарковском, ханстве Михтулинском и наибстве Присуланском (1701, 1781, 1845–1860)		126, 214
об освобождении от крепостной зависимости кубанских горцев (1867), в Кумыкском округе (1866), в среднем военном отделе Терской области (1866–1868)		127, 186 194, 200, 202
о высылке во внутренние губернии или в Сибирь горцев-мятежников Дагестана и Терской области с семьями (1877–1878)		128
об учреждении торговых сношений с горцами (1838–1840, 1844)		132, 210, 215
выписка из инструкции о разборе дел между кабардинцами в Шамахинском уезде Бакинской губернии (1842)		181
о прошениях и жалобах, представленных генералу от инфантерии Дибичу кабардинскими князьями (1842)		182
о сословных отношениях горских племен (1846–1867)		129, 130, 183, 185
выписки из дополнений к кабарданским адатам, опубликованным в 1844 году		184
выписки из адатов об отношениях терекеймейских раятов к своим бекам (выписка 1867 года)		185
выписка из следственного дела о подготовке восстания против русских властей в Западном Дагестане (1874–1877)		190
о состоянии военно-народных управлений Кубанской области с 1863 по 1869 год		189
переписка о гибели А.С. Грибоедова (1829)		192

Вид документа		№ дела
переписка о доставке культурных ценностей из покоряемых Россией городов (1829)		192
о постройке города Пятигорска (1830)		192
об учреждении в городе Ставрополе училища для молодых аманатов (1830)		192
о Шамиле и его сторонниках		111
о переговорах Шамиля с Турецким правительством (1843–1845)		195
копия записи рассказа русского солдата о пребывании в горском плену (1834)		195
перевод «Отзыва табасаранских беков о повинностях раятских жителей своим бекам» (1866)		196
о действиях Гаджи Магомета в Константинополе (1835–1836)		197
о добровольной сдаче оружия закубанцами (1868)		198
о положении дел на левом фланге Кавказской линии (по донесениям генерал-майора Пулло) (1834–1849)		199
о высылке в Курск под надзор полиции поручика Давлет Гирея Кудинова как неблагонадежного (1867–1870)		201, 206
о принятии мер к поимке лиц, посланных с письмом от Магомет Амина к Шамилю (1885)		203
о наложении взысканий на кабардинцев, оказавших неповиновение своему местному начальству в феврале 1867 года		207
о ясырях, находящихся в пределах Северного Кавказа (записка Д.С. Сахарова от 8 июня 1861 года)		209
Краевой комитет научной ассоциации по изучению чечено-ингушского языка	1928–1932	211
Краевой комитет Нового алфавита	1935	97
Краевой национальный совет	1932	42, 43
Краевые национальные весенние колхозные школы	1932	43
Курсы национальных переводчиков	1934	68

Вид документа	Год	№ дела
Лекции (стенограммы):		
доцента Иванова по курсу «История средних веков на Западе»	1934	176
профессора Генко по источниковедению	1937	136
Лингвистическая работа	1936	105
Личный состав:		
документы к приказам (заявления, справки, удостоверения), приказы	1927—1937	277—290, 329
	1928—1932	9
	1932—1933	38
	1934—1935	69
	1936	265
	1937	264
личные дела		291—324
лицевые счета сотрудников	1937	330
Материалы:		
по изучению населения и сельского хозяйства Чечни	1928—1930	10
Материалы:		
Народное творчество горцев	1934	79
Переселение горцев	1930	23
Описи:		
рукописей и наглядных пособий	1937	331
Отчеты:		
о выполнении плана изданий	1937	120
о выполнении плана научно-исследовательской работы	1937	123
о деятельности отделов института	1930	24, 25
	1931	40
	1934—1936	63
о командировке в национальные области	1928—1930	13
о работе общества краеведения Чечни	1927—1930	11
о финансово-хозяйственной деятельности	1935	90
	1936	116
руководителей семинаров	1932	45
секции музыкальной этнографии	1927—1930	5

Вид документа	Год	№ дела
Переписка:		
об издании трудов	1928—1930	13, 16
	1931	30
	1933	56
	1934	80
о научной работе	1934	81, 86
об обеспечении литературой	1933	54
об организации экспедиции	1929—1930	18
о подготовке материалов к печати	1933	56а
о работе с научными учреждениями	1931	35
о работе с научным советом	1930	20, 21
о сборе документов	1933	56
	1934	57
Подготовка монографий:		
по экономике национальных областей	1933	62
Планы:		
научно-исследовательской работы	1928	10
	1929—1930	16, 17, 24
	1931—1935	31
	1932—1933	46
	1934—1936	63
	1937	123
областного НИИ	1934	73
работа лингвистического отдела	1936—1937	113
работы экономического отдела	1934	74
проведение научных докладов	1934—1935	147
по отысканию каучуконосовых растений	1931	36
работы Северо-Кавказской терминологической комиссии	1931	35
учебный исторического отделения	1936—1937	109
Положения:		
об аспирантах	1930	25
об институте	1927	1
	1928	8
о реорганизации института	1934—1936	63
Приказы:		
директора об основной деятельности	1932—1933	38

Вид документа	Год	№ дела
Протоколы заседаний:		
исторического отдела	1936	108
лингвистического отдела	1934 1936	84 112
Протоколы заседаний:		
комиссии по изучению каучука	1931	36
правления института	1928–1930	13, 14, 21
президиума национального совета	1930–1931 1931	20 40
приемной комиссии института	1932	44
научных работников	1932	45
Ученого совета общих собраний сотрудников	1937 1928–1929 1930 1936–1937	122 14 23 98, 100
Рецензии:		
на сборник «Языки Северного Кавказа и Дагестана»	1936	114
на учебник русского языка (на осетинском языке)	1934	77
проф. Кошева на статью «Кабардино-осетинские феодально-вассальные отношения в XIII веке»	1937	141
Д. Мальсагова на роман Л. Пасынкова «Тайпа»	1937	142
неустановленного автора на работу А.М. Дирра «К вопросу о сравнительном изучении кавказских языков»		119
Рукописи:		
Абаев И. Трансформация согласных в осетинском языке		226
Бобров Е. Балкарская грамматика. Перевод Преле Вильмос		212
Кавказские нарты в глазах европейской науки		116
Карачаевская грамматика. Перевод Преле Вильмос		138, 140
Богодков А. Грамматика карачаево-балкарского языка		256
Бокаревы А. и Е. О карте индроевропейских языков		255

Вид документа	Год	№ дела
Боголюбов А.Н. Близость кабардинского языка к языку древнего Египта и корневое сходство этого языка со многими другими языками		224
Волынский А.С. О лечебных свойствах источника Ачалуки № 8		159
Волынский А.С. и Рискин С.Л. О лечебных свойствах источника Ачалуки № 12		157
Генко А. Об одном забытом источнике (по истории горцев)		137
Генко А. Абазинский язык (материал для характеристики) Гл. 1. Грамматический очерк языка тапанта		258
Гозулов А.И. Перечень содержания и оценки источников по изучению населения и сельского хозяйства Северной Чечни		239
Дирр А. М. Северо-западные языки (абхазский, убыхский и черкесский)		218
Юго-восточные языки (грузинский)		215
Ингушский язык		233
Табасаранский язык. Грамматика		237, 248
Цахурский язык		241
Звуковая система кавказских языков		223
Рутульский язык. Грамматика		61
Андийский и ботлихский язык		227
Дмитриев Н.К. Отчет о научной командировке к кумыкам		178
Отчет о ногайской экспедиции 1936 года		177
Очерк по кумыкскому синтаксису		216
Донецкая А.Т. Словообразование имен в осетинском языке (По материалам русско-осетинского терминологического словаря по делопроизводству)		89
Дьячков-Тарасов А. Экскурсы в область культуры Чечни		172, 174
Записка Р. Скасси — попечителя по торговым отношениям с черкесами (1810—1829)		165
Егоров О. О сложных словах в осетинском языке		225
Ерохин П.М. Климат села Средний Ачалук		4
Ерохин П.М. Географический очерк областей Северо-Кавказского края		154
Ефанов Г.В.Месторождение серы на горе Сенгель-Корт в Чеченской автономной области		156

Вид документа	Год	№ дела
Жалгиев Д.Г. Мотивы героического эпоса горцев Северного Кавказа (нартовские сказания)		236
Жирков Л.И. Карты языковых территорий Северного Кавказа и Дагестана		133
Жирков Л.И. Словообразование в аварском языке		243
Жирков Л.И. Развитие частей речи в горских языках Дагестана		250
Жирков Л.И. Введение в изучение языков Кавказа		257
Иванов А.И. Социально-экономический строй Чечни во второй половине XIX века (к моменту восстания 1887 года)		150
Кожевников П.В. К вопросу о возможности грязелечения в Ачелуках		162
Ладыженский А.М. Памяти проф. Чурсина		152
Ладыженский А.М. Памяти Адольфа Михайловича Дирра		152
Лапинский Теофил (Тефик-Бей). Горцы Кавказа и их борьба за свободу		164, 170, 187, 208, 240
Левитский О.В. Отступают болота, отступают пески		131
Магомет Тагир из Караха. Сверкание горских сабель в некоторых газаватах имама Шамиля (со слов Шамиля)		191
Милых М.К. О ногайской терминологии		247
Милых М.К. Об орфографии советизмов и интернациональных слов в тюрско-татарском языке		230
Мальсагов Д.Д. О чечено-ингушском литературном языке		221
Митрофанов А.П. Музыкально-песенное творчество горцев Северного Кавказа		249
Митрофанов А.П. Песнотворчество горцев Северного Кавказа		252
Митрофанов А.П. Народное музыкальное творчество горцев Чечни		235
Москалев В. К вопросу о происхождении ногайского языка		246
Муркелинский Гаджи. Вихлинские тексты		254
Немировский М.Я. Лексикологические записки по горским яфетическим языкам Северного Кавказа		134
Онищуков В. Экспедиция в национальные области Северного Кавказа		171
Покровский Н.И. Кавказские войны		168

Вид документа	Год	№ дела
Покровский Н.И. Борьба Чечни и Дагестана за независимость в 1830—1859 годах		169
Покровский Н.И. Имамат		204
Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года		12
Семенов Л.П. Аварская песня о Хаджи Мурате		253
Семенов Л.П. Мировые мотивы в фольклоре горцев Северного Кавказа		115
Сердюченко Г.П. По вопросам методики перевода		222
Сердюченко Г.П. Об абазинской письменности		242
Сомов А. О горно-климатических ресурсах Северной Осетии		176
Трубецкой Н.С. Латеральные согласные в кавказских языках		235
Фискин С. Слабительные воды Ачалук		160
Цитович И.С. Первые материалы к бальнеологии Ачалукских вод и грязей		163
Цитович И.С. Общий план и результаты работ Ачалукской экспедиции 1928 года		19
Шаумян Р. Балкарская лексика (материалы для балкарско-русского словаря)		228
Шор Р. К вопросу о так называемых геминатах в яфетических языках Дагестана		251
Штебер Э.А. Старые и новые анализы Ачалукских минеральных вод в Ингушетии		161
Яковлев В.В. Исследование радиоактивности Ачалукских минеральных источников		158
Яковлев В.В. Зависимость урожаев кукурузы в горных автономных областях Северо-Кавказского края от метеорологических условий		180
Яковлев Н.Ф. Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем		135
Неустановленные авторы:		
Лакский язык		238
Андийский язык		244
О языке южных осетин		245
Русские слова в карачаевском языке		213
Гирканский язык		27, 232
Возрастной состав фабрично-заводской промышленности национальных областей		173

Вид документа	Год	№ дела
Жилые постройки в Черногорской зоне Чечни («Шото»)		175
Заметки о некоторых иранских словах, заимствованных языками Кавказа (из журнала лингвистического Пушкинского общества)		219
Об изучении грамматики кавказских языков		220
О правилах грамматики балкарского языка		231
Донометрия		150
Рукописи на неустановленном языке:		259–262
Сметы расходов:		
на содержание института	1927 1931 1933 1934 1935	7 37 62а 86 91
на экспедицию	1931	30
Списки:		
аспирантов	1928–1930 1930–1931 1933	10 20, 26, 266 51, 55
сотрудников	1928 1930 1933 1934	8 20 55 269, 270
Списки:		
сотрудников	1935 1936	272 273
студентов	1932	44, 58
Статистика:		
населения, сельского хозяйства, промыслов по областям и округам Северного Кавказа	1937	148
Учебный процесс:		
организация	1931 1932 1933	34 39 58
посещаемость	1935 1936	88 107
программы	1936	103, 110

Вид документа	Год	№ дела
Учебный процесс:		
учебные планы	1931	153
	1934	75
	1936	102, 103
экзамены	1934	70
Физкультурно-оздоровительная работа	1936	104
Штатные расписания:	1927	1
	1931	37
	1933	62а
	1935	91
	1936	116
	1937	142
Экспедиции:		
в Чечню и Ингушетию	1932	47
в Черкесскую автономную область	1933	50

Н.А. Кононирова
Каталог библиотеки Северо-Кавказского краевого горского историко-лингвистического научно-исследовательского института

Настоящий каталог — результат работы отдела редких книг Научной библиотеки Ставропольского государственного университета. У каждого книжного собрания существует своя история, и библиотека Северо-Кавказского краевого горского историко-лингвистического научно-исследовательского института не исключение.

В 1999 году доктор наук, профессор Клара Эрновна Штайн и руководимый ею научно-методический семинар «Textus» проводил свое очередное заседание в Государственном архиве Ставропольского края. Учитывая научные интересы семинара, сотрудники архива предложили ученым познакомиться с архивным фондом названного института — ГАСК. Ф. Р-1260.

Участники семинара были поражены глубиной и масштабом исследований ученых института. Заместитель директора архива В.В. Белоконь рассказала о том, что «руководство института ставило вопрос о создании на базе учреждения единого кавказоведческого центра. Предлагалась разработка идеи «Кавказ как мир» (19, с. 1). Доцент Г.Д. Чеснокова отметила, что «архив представляет Вавилон, восставший из руин...» (там же, с. 2). Профессор К.Э. Штайн, отмечая колоссальный потенциал института, подчеркнула, что он мог бы стать своеобразным координатором многих национальных проблем: «Появление института было вызвано временем. Он появился именно там, где среда исключительно многоязычна. Институт сам по себе был многонациональным. Было удачное взаимодействие между учеными, представлявшими наиболее авторитетные лингвистические школы, шло взаимообогащение культур, взаимопроникновение — ментальное, психологическое, которое могло дать иную ситуацию на Северном Кавказе» (там же).

Одному из внештатных сотрудников института, анатому-антропологу, профессору Я.З. Яцуте принадлежат такие слова: «Кавказ — это своего рода загадочный сфинкс. Изучить загадочное этого сфинкса есть задача целого ряда наук». Задача института и состояла во всестороннем и комплексном изучении Северного Кавказа: его истории, этнографии, природных ресурсов и производительных сил, языков и культур горских народов. Институт собрал уникальную библиотеку.

За время своего существования — 1926—1937 годы — институт несколько раз переезжал: в 1926 году из Владикавказа в Ростов-на-Дону, в 1935 году в Пятигорск, и менял свое название. В сентябре 1937 года институт ликвидировали «в связи с организацией национальных республик на основании Сталинской Конституции» (96, л. 426), а библиотеку передали в Ворошиловский педагогический институт (ныне СГУ). Вот эту библиотеку или книги из нее необходимо было выявить.

Главной задачей для составителя было правильно определить принадлежность того или иного издания библиотеке института. На основании определенного рода исследований, сличения почерков и пометок библиотекаря, наличия одинаковой технической обработки экземпляров и т.д., составитель выделил группы книг, которые можно с полной уверенностью отнести к экземплярам из библиотеки института:

Первая группа — экземпляры книг с печатями института. Первая печать встречается редко, этой печатью пользовались в самом начале организации библиотеки. Потом была изготовлена печать специально для библиотеки.

Вторая группа — экземпляры с дарственными записями институту или библиотеке, например, статьи профессора А. Генко «Цахурский алфавит» и «Из области чеченской диалектологии»; авторский конволют статей профессора М.В. Беляева из сборника «Культура и письменность горских народов Северного Кавказа» (Владикавказ, 1930); Обзоры Ставропольской губернии за 1905, 1907 и 1912 гг., подаренные членом Ставропольского губернского статистического комитета С. Мелик-Саркисова; статья профессора Екатеринославского (Днепропетровского) горного института И.И. Танатара «О месторождении меди по рекам Заманлу и Сиси-су»; четыре работы профессора М.Я. Немировского и др.

Третья группа — на этой группе книг остановимся более подробно. В первый раз, просматривая фонд и отбирая книги с печатями библиотеки и дарственными записями, составитель

обратил внимание на часто встречающуюся литеру «М» и порядковый номер, поставленный рядом. Местоположение этой пометы на всех книгах всегда одинаковое — нижней левый угол титульного листа или обложки. На многих книгах литера «М» встречается без сопровождения печати библиотеки; составитель взял это на заметку и обратил внимание на то, что иногда инвентарные номера на печати и номера у литеры «М» одинаковые, на некоторых экземплярах эти номера повторены трижды: П. Бутков «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год», «Всеподданнейшая записка главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1802—1890 годы», Абдуррахман «Выписки из записок», H. Abich «Geologie des armenishen Hochlands» и др.

Четвертая группа — отдельные оттиски статей из Записок и Бюллетеней института без печати и других помет библиотекаря: «Краевой горский институт», А.Н. Дьячков-Тарасов «Карачаевские кефирные зерна», П.Е. Ерохин «Климатический очерк Даргавской долины в Осетии», «Горная часть р. Ассы», Д.Г. Жантиева «Мотивы исторического эпоса Северо-Кавказских горцев», Чамозоков «История кабардинской письменности» и др.

Пятая группа — книги с соседними инвентарными номерами.

Шестая группа — книги с печатью библиотеки Северо-Кавказской Ассоциации научно-исследовательских институтов. Эта специальная печать, которую ставили на экземпляры, отправляемые по книгообмену. Наш институт входил в эту Ассоциацию и регулярно получал книги.

Институт уделял своей библиотеке большое внимание, ее работа отражалась в производственных планах и отчетах, актах и договорах по соцсоревнованию. О главном назначении библиотеки говорится в утвержденном Положении: «Библиотека Института является одним из необходимейших подсобных научных аппаратов Института, имеет основной своей задачей всемерное содействие научно-исследовательской и ученой деятельности Института» (13, л. 236).

Ответственным или наблюдателем по библиотеке был назначен действительный член института, заведующий социально-культурным отделом А.Н. Дьячков-Тарасов. В мае 1929 года А.Н. Дьячкова-Тарасова направляют в книжный фонд Главнауки для отбора необходимой для института литературы. Подпись А.Н. Дьячкова-Тарасова стоит под всеми напоминаниями должникам.

Организация библиотеки начиналась с «заявления библиотекаря т. Сироты об устройстве ставень для окон библиотеки, покупке висячего замка к дверям, заказа штампа для библиотеки и приобретения спецодежды» (14, л. 75 об.).

Большое внимание уделялось книжному фонду библиотеки. Так, в производственный план института на 1930 год был включен отдельный пункт по комплектованию. Приведем его полностью:

«1. Укомплектовать библиотеку в пределах утвержденной сметы, по следующим разделам:

а) основными дореволюционными кавказоведческими и востоковедческими изданиями;

б) советскими монографическими и периодическими изданиями по кавказоведению и востоковедению;

в) сочинениями классиков марксизма-ленинизма, основной теоретической литературой по вопросам политики, экономики, права, философии, а также по вопросам социалистического строительства;

г) иностранной литературой по кавказоведению.

2. Начать работу по укомплектованию библиотеки литературой на национальных языках горских народов Северного Кавказа, для чего связаться с Центриздатом, Крайиздатом и Нац. изд. авт. обл. края.

3. Развить интенсивнее книгообмен изданиями Института (используя для этого не только «Записки» в целом, а и отдельные оттиски) как с центральными научно-исследовательскими организациями, так и местными научно-исследовательскими и краевыми организациями других областей и республик, входящими в СССР (институтами, музеями, библиотеками, обществами и кружками).

4. Войти с ходатайством в соответствующие инстанции (Крайисполком, Крайлит, Крайархбюро) о получении если не полного, то хотя бы частичного комплекта местного обязательного экземпляра произведенной печати.

5. Установить регулярную связь с местными партийными, советскими, профсоюзными НИИ и другими организациями национальных областей Северного Кавказа с целью получить в бесплатном порядке выпускаемые ими издания.

6. Добиться реализации (помимо сметы) всей выручки от продажи изданий Института суммы в пользу библиотеки на ее комплектование.

7. В целях наиболее целесообразного осуществления всех вышеуказанных пунктов по комплектованию библиотеки провести регулярный и систематический просмотр «Книжной летописи» РСФСР, а по возможности — книжных летописей и других Республик, беря на учет все более или менее интересные с точки зрения Института издания и своевременно информируя о них Директора института на предмет приобретения для библиотеки, после предварительного согласования с руководством соответствующих отделов института» (10, л. 81–82).

К этому документу приложена «Смета на приобретение кавказоведческой литературы для законченного пополнения библиотеки СКГНИИ на 1929–1933 годы (пятилетний план)»:

1. Записки Кавказского отдела Русского географического о-ва — 26 тт.
2. Известия Кавказского отдела Русского технического о-ва — 25 тт.
3. СМОМПК — 12 тт.
4. Кавказский календарь за 14 лет
5. Материалы по археологии Кавказа — 11 т.
6. Материалы по геологии Кавказа — 17 т.
7. Кавказский сборник — 6 т.
8. АКАКИ — 7 т.
9. Кубанские сборники, календари и памятные книжки — 50 т.
10. Терские сборники. Календари и памятные книжки — 50 т.
11. Отчеты начальников обл.: Кубанской, Терской, Дагестанской и отчеты наместников на Кавказе — 150 т.
12. Труды «Вестник Тифлисского бот. Сада» — полностью.
13. Известия Кавказского музея.
14. Материалы для флоры Кавказа — Н. Кузнецова, Н. Буша, Фомина — 40 т.
15. Труды, сборники, записки, отчеты Кавказского общества с.-х.
16. Труды Кавказского медицинского общества.
17. Труды Сочинской и Сухумской опытных станций.
18. Иностранная литература о высокогорном Кавказе (Деши, Мерубахр, Фрешфильд, Фишер и др.)
19. Русская литература о высокогорном Кавказе — Ежегодники Русского и Кавказского горного общества
20. Иностранная этнографическая и историческая литература о горских народах (Труды Белля, Боденштедта, Лапинского, Зичи, Гагарина (альбом))
21. Военно-историческая литература: Труды Дубровина, Потто,

Истории полков: Эриванского, 44 Нижегородского, Драгунского, Куринского, Кабардинского, Тенгинского, Дагестанского, Самурского и др.

23. Отдельные труды и монографии о природе, производительных силах Кавказа и по вопросам горских культур дореволюционного и послереволюционного периода по особому списку.

Периодика (газетная и журнальная):

Газета «Кавказ» за 70 лет (с 1846 г.)

Газета «Кубанские областные ведомости» (с 1863 года)

Газета «Терские областные ведомости» (с 1868 года)

Все газеты Северного Кавказа за советский период (краевая и ауловая)

Кавказский вестник (1900–1903 годы)

Известия ОЛИКО

Все журналы за советский период.

Всего на 15 тыс. руб.» (11, л. 122).

Большинство названных изданий сохранилось и представлено в нашем каталоге.

Руководство института направило письмо и в валютное управление Наркомфина СССР, и в Главнауку: «За время своего существования ГНИИ доказал свои способности и оправдал призвание свое к научно-исследовательской работе. В настоящее время ГНИИ встречает необходимость приобрести ряд заграничных научных трудов, касающихся исключительно кавказоведения, в частности горских народов Северного Кавказа. Составляя впервые историю горских народов, Северо-Кавказский Краевой Горский НИИ не может обойтись без приобретения ряда произведений, вышедших заграницей и касающихся истории, языка и прочей жизни горских народов» (12, л. 152).

Библиотека вела обширную переписку. Список адресатов библиотеки говорит о том, что изыскивалась любая возможность для формирования и расширения фонда. Письма с предложениями книгообмена, просьбой выслать то или иное издание, труды по библиографии, письма

с «горячими благодарностями» за высланные книги рассылались по всей стране. Была установлена связь почти с двумястами научно-исследовательскими и краеведческими организациями, областными, краевыми и центральными вузами.

Результаты этой работы не замедлили сказаться, за период с 1929 по 1936 гг. книжный фонд библиотеки вырос с 3004 до 16384 экземпляров.

Читатели библиотеки имели возможность пользоваться межбиблиотечным абонементом. Зачастую просили редкие издания, например, книги С. Джима, изданные в Лондоне в 1801 году и «Исследования» Д. Андерсена (Эдинбург, 1777) , так как «на эти книги ссылался Карл Маркс в «Капитале» (16, л. 80).

При библиотеке была создана библиографическая комиссия. Комиссия разрабатывала инструкции для стандартного библиографического описания, аннотирования и реферирования книг и статей, составляла списки и картотеки, готовила материалы для журнала «Горский библиограф».

Руководствуясь постановлением СНК РСФСР «Об ответственности за сохранность библиотечных фондов» и инструкцией Наркомпроса и Наркомюста, библиотека проводила работу по сохранности книжного фонда и вела борьбу с должниками. На основании этих документов задержка книг рассматривалась как присвоение социалистической собственности с вытекающими отсюда последствиями.

Кроме названных документов, в архивном фонде института хранятся три инвентарные книги библиотеки, в которых и находятся записи литеры «М» возле инвентарного номера и папка «Описи рукописей и наглядных пособий, переданных Ворошиловскому пединституту». Каждая опись собственноручно составлена заместителем директора библиотеки Ворошиловского пединститута Аркадием Кирилловичем Комаровским, в конце каждой описи стоит дата — 4 октября 1937 года.

Ни в одном документе фонда Р—1260 не сказано, каким образом в институт попали ценнейшие издания по истории Кавказа (за исключением томов АКАК, полученных в 1929 году из Института Дагестанской культуры). Ответ на этот вопрос и интересные документы по истории библиотеки составитель нашел в фонде Северо-Кавказского краевого музея горских народов им. большевика Муссы Кундухова (ГАСК. Ф.Р—1077).

Как оказалась, институт и музей находились в одном здании, и все годы соседства между ними велась борьба за обладание библиотекой.

Восстановим хронологию событий:

1926 — Библиотека музея пополнилась книгами (1679 шт.) из Государственного книжного фонда и из Гатчинского дворца (653 книги из библиотеки князя Шервашидзе).

1927 — Музей «получил дотацию музейных экспонатов из Центрального хранилища Государственного музейного фонда (картины, коллекцию ценного кавказского оружия и богатую библиотеку до 2000 с лишним книг)» (2, л. 5);

• «При Музее имеется библиотека (бывш. Донского музея), содержащая в себе до 2 500 книг по вопросам истории, этнографии, археологии, краеведения, искусства и музейного дела» (2, л. 7 об.);

• «*О слиянии библиотеки б. Донского Музея с библиотекой Горского научно-исследовательского Института*. Считая в принципе, в виду тесной связи Института с Музеем, такое слияние целесообразным и необходимым, провести его в жизнь после окончательного оформления ликвидации Донского Музея и предварительного согласования вопроса с Крайнацсоветом» (15, л. 110 об.);

• в отчете Института дана характеристика и оценка библиотеки: «Библиотека института состоит из библиотеки князя Шервашидзе и библиотеки Краевого музея:

1. Библиотека, принадлежащая князю Шервашидзе и составляющая в настоящее время основной книжный фонд Института применительно к интересам общего Кавказоведения: Здесь имеются ценные «Акты Кавказской Археографической комиссии», «Кавказский Сборник», сочинения по горскому праву Леонтовича, Ковалевского и др., иностранные сочинения о Кавказе, например: «Dubois de Montpereum» и др.

2. Библиотека Краевого музея — в ней собраны ценные издания по Северному Кавказу, преимущественно по бывшей Кубанской области и Ставропольской губернии: кроме того, в этой библиотеке имеются «Труды Археологической Комиссии», «Труды Московского Археологического Общества» и др. Для начинающего ученого, аспиранта в этой библиотеке найдем новейшее сочинение по истории культуры, искусству, по истории Кавказа и южной России. Таким образом, соединенные, эти библиотеки настолько дополняют друг друга, что представ-

ляют цельный научно-вспомогательный момент в работах научных сотрудников Института и его аспирантов» (1, л. 25).

1928 — в Крайнацсовет направлено заявление о том, «что 27 января 1928 г. из запертого шкафа, находящегося в кабинете Зав. Социально-Культурным Отделом Горского Научно-исследовательского Института обнаружена пропажа «Энциклопедического Словаря» в количестве 79 томов, о чем доводится до сведения Нацсовета. Одновременно поставлены в известность органы милиции и розыска — о принятии срочных мер к розыску означенных книг» (3, л. 11). Примечательно, что заявление подписано не заведующим библиотекой института, а директором музея И.А. Кануковым.

1933 — в план работы музея внесен пункт: «Проверка и перенесение библиотеки Музея б. госуд. донск. из краевого горского научно-исследовательского института в помещение Музея, а так же изъятия помещения того же института и возвращение Музею книг по истории Кавказа (фонд библиотеки князя Шервашидзе), в свое время переданных наркомпросом Кр. Горскому Музею» (7, л. 127).

1934 — в отчете музея отмечалось, что «В инвентарную опись не вошла ценнейшая библиотека Краевого горского Музея, полученная им из государственных фондов в 1926 года, представляющая собрание материалов по Истории Кавказа и составляющая часть известной библиотеки князя Шервашидзе. Не вошла она в опись потому, что ею пользуется Краевой Горский НИИ. Сейчас поднят вопрос о передаче этой библиотеки снова Музею как своему основному владельцу» (4, л. 67).

1935 — музеем было продолжено «дело о возвращении музею его имущества, находящегося во временном владении других научных учреждений, например, ценная историческая библиотека (по преимуществу «Caucasica») из известных книжных фондов князя Шервашидзе, которая по актам передана Главнаукой Музею, но которой фактически пользуется Краевой Горский историко-лингвистический Институт…» (5, л. 80—81);

- из плана музея: «Добиться возвращения музею его исторической библиотеки и др. имуществ, находящихся в Краевой Горском Институте» (6, л. 138—138 об.).

1936 — музей еще надеялся на «продвижение вопроса о возвращении принадлежащей Краевому Горскому музею библиотеки (из фондов кн. Шервашидзе), находящейся в пользовании Краевого Горского историко-лингвистического института» (9 , л. 146 и об.).

И, наконец, развязка. Вот сведения из отчета музея:

«Библиотека:

а) маленькая библиотека (организована с конца 1934 г.): назван. 259, т. 512.

б) ценная историческая библиотека (из фондов кн. Шервашидзе) свыше 2500 т. **захвачена** Краевым Горским Историко-Лингвистическим Институтом и **увезена** им в Пятигорск» (3, л. 11).

После знакомства с документами из фонда Р-1077 составителю стало понятно, что литера «М» — это знак принадлежности библиотеке музея. Но появились другие вопросы: о библиотеки Гатчинского дворца и личности князя Шервашидзе.

В книге В.А. Семенова «Книжные собрания Гатчинского дворца» говорится, что библиотека музея формировалась из личных собраний Павла I, императрицы Марии Федоровны, Александра III, Николая I и членов их семей. В 1920-е годы в библиотеку поступили книги из библиотеки князя Г.Д. Шервашидзе. Кто же такой Шервашидзе и почему книги из его библиотеки попали в собрание семьи Романовых?

Первые сведения о Шервашидзе нашлись в «Кавказском календаре» за 1893 год: «Губернатор города Тифлиса в звании камергера двора его величества, действительный статский советник, князь». Из «Альманаха современных русских государственных деятелей» (СПб., 1897) мы узнали, что Георгий Дмитриевич Шервашидзе (1846—1918) окончил юридический факультет Московского университета, служил при кавказском наместнике в Тифлисе, с 1888 года — губернатор Тифлиса, имеет ордена св. Станислава 1 и 2 степени с мечами и большой офицерский крест ордена Итальянской Короны. Шервашидзе принадлежал к династии князей Абхазии, был известным государственным и военным деятелем, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1888 годов. Шервашидзе был женат на Марии Александровне Николаи (1859—1879). С 1899 года состоял при особе вдовствующей императрицы Марии Федоровне (матери Николая II), обергофмейстер ее двора. Существуют сведения, что в 1907 году Мария Федоровна и Шервашидзе поженились (18). В 1918 году Мария Федоровна и Шервашидзе находились в Ялте. Шервашидзе был арестован большевиками и вскоре скончался. Похоронив Георгия Дмитриевича, Мария Федоровна на борту британского эсминца покинула Россию.

В библиотеке института были обнаружены книги с авторскими дарственными записями, подносные фотоальбомы, подаренные князю Шервашидзе: Д. Бакрадзе «Статьи по истории и древностям Грузии» (СПб., 1887), С. Кишмишев «Тифлис 40-х годов» (Тифлис, 1894), И. Пантюхов «Влияние малярии на колонизацию Кавказа»(1899), один из томов «Материалов по археологии Кавказа» (М., 1894) подписан председателем Археологического общества графиней Уваровой и др.

Часть книг из библиотеки института принадлежала Александру Павловичу Николаи (1821—1899) — известному государственному деятелю Российской империи, барону, камергеру, статс-секретарю, действительному тайному советнику, члену Государственного Совета, министру народного просвещения. Барон Николаи был тесно связан с Кавказом: в разные годы он был директором походной канцелярии М. Воронцова, членом совета Главного управления Закавказского края, попечителем Кавказского учебного округа, начальником управления сельского хозяйства и промышленности, председателем закавказского центрального комитета об устройстве быта помещичьих крестьян, начальником Главного управления кавказского наместника и, наконец, тестем Шервашидзе.

Как мы видим, книги из разных библиотек оказались в одном месте. Объяснение этому может быть такое: в 1899 году в Тифлисе скончался Николаи, в этом же году Шервашидзе уезжает в Санкт-Петербург, уезжает с сыном и одновременно внуком Александра Павловича. Можно допустить, что часть библиотеки тестя Шервашидзе взял с собой.

У составителя сложилось твердое убеждение, что эти богатейшие книжные собрания находились под постоянным вниманием личного библиотекаря. Многие из книг одинаково обработаны, на верхнюю часть корешка наклеены одинаковые библиотечные марки с зазубренными краями и синими линейными рамками. В эти рамки записывались порядковые номера книг, а если марок по каким-то причинам не было, то номера записывались на длинных полосках бумаги и вкладывались в книгу. У этого библиотекаря были безграничные возможности. Он собирал из газет, журналов, сборников, календарей и энциклопедий материалы по истории Кавказа, аккуратно вырезал страницы и одевал их в цветные обложки, из статей газеты «Кавказ» и «Энциклопедического лексикона» Плюшара сделал маленькие книжечки и переплел их в красивую декоративную бумагу. Хронологические рамки этих вырезок — 1790—1897 годы, более ста лет! Вот перечень изданий, с которыми он работал: «Атеней» (1859), «Библиотека для чтения» (1835, 1838, 1849), «Вестник Европы» (1866, 1888), «Военный сборник» (1860, 1863, 1869), «Журнал для чтения воспитанников высших учебных заведений» (1862), «Журнал Министерства внутренних дел» (1844), «Журнал Министерства народного просвещения» (1884, 1894), «Записки Кавказского отделения имп. Русского географического общества» (1883, 1884), «Исторический вестник» (1886), «Кавказ» (1866, 1869, 1870), «Кавказский календарь» (1848—1876), «Кубанский сборник» (1891), «Морской сборник» (1854), «Москвитянин» (1851), «Московский телеграф» (1835), «Наблюдатель» (1891), «Отечественные записки» (1853,1883), «Пантеон» (1855), «Рассвет» (1859), «Русская мысль», «Русская старина» (1879), «Русский вестник» (1841—1892), «Русское слово» (1867), «Сборник сведений о Кавказе», «Сборник сведений о кавказских горцах» (1870), «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов» (1790), «Современник» (1851, 1857), «Терский сборник» (1892), «Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом» (1895, 1897), «Энциклопедический лексикон» Плюшара (1835).

Сотрудники музея и института характеризовали библиотеку Шервашидзе как богатую, прекрасную, ценнейшую, известную, библиотека была необходима им для научной и исследовательской работы. Но существует еще одна интересная особенность у этих книг. Как известно, многие русские писатели XIX века интересовались событиями на Кавказе, и некоторые издания, представленные в каталоге, были им известны.

Так, А.С. Пушкин во время создания «Путешествия в Арзрум» пользовался книгой И.А. Гильденштедта «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» (СПб., 1809). В ней на странице 181 есть опечатка в названии города Тбилис-калок (Тбилискалор), которая и перешла в сочинение поэта. Другая книга — «Итальянская грамматика» (СПб., 1822) Феликса Валерио — была куплена поэтом для своей библиотеки. Описание её можно найти в каталоге Б.Л. Модзалевского «Библиотека А.С. Пушкина» под № 1472.

В 1846 году В.Г. Белинский написал аннотацию на «Сборник газеты «Кавказ», в которой сетовал на малый тираж издания «только в числе 50-ти экземпляров, и то не для продажи».

При написании рассказа «Кавказский пленник» и повести «Хаджи Мурат» Л.Н. Толстой вел переписку с литераторами Е. Вердеревским и Е. Вейденбаумом, военными историка-

ми С. Эсадзе и В. Потто (а ведь это наши авторы). В 1896 году недалеко от Ясной Поляны поселился вернувшийся с Кавказа А. Зиссереман. Толстой ездил к соседу за недостающими книгами и получил в подарок томик «25 лет на Кавказе» с автографом автора. В это же время Толстой познакомился и со «Сборником сведений о кавказских горцах». В одном из писем к А.А. Фету он сообщает: «Читал я в это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о кавказских горцах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные. Хотелось бы Вам послать. Мне, читая, беспрестанно вспоминались Вы…» (соб. соч. в 22 т. 1984, т. 18. с. 774).

В 1937 году библиотека нашего вуза пополнилась уникальными книгами. В настоящее время библиотека Северо-Кавказского краевого горского историко-лингвистического научно-исследовательского института выделена в отдельное коллекционное хранение. Экземпляры из библиотеки института — это экземпляры уровня: «библиографическая редкость», «библиофильский экземпляр», «памятник полиграфического искусства», «экземпляр, имеющий историческое значение», «подносной, малотиражный экземпляр», «экземпляр, поставленный на вечное хранение», «самая дорогая книга России», «издание, запрещенное вывозу с территории Российской Федерации». Некоторые книги одновременно сочетают в себе несколько вышеназванных характеристик. Наблюдается постоянный рост культурно-исторического значения и уникальности этих изданий. Библиотека института составляет основу раздела «Кавказоведение и Краеведение». Книги из этих разделов постоянно востребованы нашими читателями.

Библиографический список

1. ГАСК. Ф. Р — 1077. Д. 13. Л. 25.
2. Там же. Д. 15. Л. 5.
3. Там же. Д. 18. Л. 11.
4. Там же. Д. 18. Л. 67.
5. Там же. Д. 18. Л. 80-81.
6. Там же. Д. 18. Л. 138 об.
7. Там же. Д. 32. Л. 127.
8. Там же. Д. 62. Л. 11.
9. Там же. Д. 62. Л. 146.
10. ГАСК. Ф. Р — 1260. Д. 8. Л. 81-82.
11. Там же. Д. 8. Л. 122.
12. Там же. Д. 8. Л. 152.
13. Там же. Д. 8. Л. 236.
14. Там же. Д. 14. Л. 75.
15. Там же. Д. 14. Л. 110 об.
16. Там же. Д. 78. Л. 78.
17. Там же. Д. 96. Л. 426.
18. Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
19. Прайсман Л. Прерванный полет, или, назад, в будущее // Ставропольская правда. — 1999. — 26 мая.

Каталог библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института в фонде редкой книги Научной библиотеки Ставропольского государственного университета (СКФУ)

Раздел первый

Философия. Психология. Логика

Бебель, Август (1840–1913)

Шарль Фурье: его жизнь и учение / пер. с нем. В. Лаврова. — СПб.: книгоиздат. т-во и тип. «Просвещение», [1906?] — 222, 16, 56, 30 с. — (Библиотека «Просвещения»).

Владельческий конволют из произведений А. Бебеля. В кн. также: Академики и социализм: речь, произнесенная на студенческом собрании в Берлине 17 дек. 1897 г. [Б.м., б.г.]; Всеобщая политическая забастовка: доклад, прочитанный на съезде в Иене в авг. 1905 г. (СПб., 1906); Покушения и социал-демократия: речь, произнесенная в среду 2 нояб. 1898 г. в Берлине (Одесса, 1905).

В тексте читательские подчеркивания.

На тит. л. «Шарль Фурье…» и «Покушения и социал-демократия» — владельческая запись: «М. Коренецкаго. Лубны 1921/V 06».

На тит. л., с. 222 (ряд 1-й) — вензель «МК».

На тит. л., с. 1, 27 (ряд 1-й), с. 30 (ряд 4-й) — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека», здесь же — штамп «Библиотека С.–К. Горск. Науч. Исслед. Института, г. Ростов на/Д. 6 738».

Экз. во владельческом пер., корешок — кожа, в нижней части корешка — тисн. «М.К.», на форзаце в начале книги кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книги!» (ОГИЗ), обрез с рис.

В книге найден букет из засушенных ландышей.

Виндельбанд, Вильгельм (1848–1915)

История древней философии / В. Виндельбанд, проф. Гейдельбергского ун-та; авторизиров. пер. со 2-го нем. изд. (с указ. лит. на рус. яз.) М.М. Рубенштейна. — М.: тип. Рус. т-ва, 1911. — XVI, 397, [2] с.

В тексте читательские пометы и подчеркивания.

На тит. л., с. 1, 397 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 8 650».

Экз. во владельческом переплете — пер. с потертостями и утратами, корешок — кожа, в нижней части корешка — тисн. «А. М. Г.», на форзаце в начале книги кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книги!» (ОГИЗ).

Виндельбанд, Вильгельм (1848–1915).

О свободе воли / пер. с нем. М.Я. Фитермана. — М.: изд. Д. Ефимова, 1905 (т-во типолитогр. «Владимир Чичерин в Москве»). — 130 с.

Ценз.: Моск. ценз., 11 дек. 1904 г.

На тит. л. — штамп «Библіотека Ростово-Нахичеванского н/Д. Студенческаго Общества. Отд-л Филологіческий. Под'отдел философіи № 88. ц-на 10 р. 2 к. по инвент. книге. № 770».

На тит. л., с. 5, 9, 25, 41,57, 73, 97, 121, 130 — круглая печать «Ростово-Нахичеван. н/Д. Студенческое Общество РОСНО».

На тит. л., с. 3, 9, 13, 25, 45, 71, 103, 130–132, на форзаце в начале и конце книги — треуголный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Иссслед. Института. г. Ростов н/Д. 8 651».

Экз. в переплете, на форзаце в начале книги кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книгу».

Гуго, Л. (?–?), Штегман (?–?)

Справочная книга социалиста: в 2 т. / пер. с нем. под ред. В.Я. Богучарского и Л.З. Марковича. — СПб.: кн. изд-во «Голос», 1906 (Тип. т-ва «Общественная польза»).

Т. 1: Вып. I, II, III. — VIII, 462 с.

Т. 2: Вып. IV, V, VI. — 463–971, III с.

На тит. л. т. 1 и 2 владельческая запись «1 р. Г.Т.»

На с. 583–585 (т. 2) читательские пометы.

На тит. л., с. VI, 27, 462 (т. 1), на тит. л., с. 43, 535, 971 (т. 2) — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. (т. 1 и 2) штамп — «Библиотека С.-К. Горск. Науч. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 657 [т. 1], 6 656 [т. 2]».

Переплет — картон, декор. бум., корешок и уголки — кожа (т. 1); лидерин, корешок и уголки — кожа (т. 2), в нижн. части корешка т. 1 и 2 — тисн. «Г.Т.», на форзаце в начале книги (т. 1 и 2) — кармашек для формуляра с обращением к читателю: «Берегите книги!» (ОГИЗ). Оба тома отпечатаны на бум. верже.

Зивельчинская, Лия Яковлевна (1895–1985)

Опыт марксистского анализа истории эстетики. — М.: изд-во Ком. Акад., 1928 (14-я тип. «Мосполиграф»). — 364 с. — В надзаг.: Коммунистическая Академия. Секция лит. и иск-ва. — 4 000 экз.

Посвящение автора В.М. Фриче на с. 5.

На тит. л. штамп — «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 544».

Экз. в изд. пер.

Кондорсэ, Жан Антуан (1743–1794)

Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. И.А. Шапиро; худож. И. Литвишко. — М.: СОЦЭКГИЗ, 1936 (16-я тип. треста «Полиграфкнига»). — XII, 264 с., [1] л. портр.

Тит. л. парал. фр. В изд. пер.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. 15 398».

Лосев, Алексей Федорович (1893–1988)

Философия имени: изд. автора. — М.; Сергиев: тип. Иванова, 1927. — 254 с.

Посвящение автора В. М. Лосевой на с. 3

На с. 5, 254 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Иссслед. Института. г. Ростов н/Д. 8 707».

Изд. обл. наклеена на крышку переплета, обрез с рис.

Прудон, Пьер-Жозеф (1809–1865)

Что такое собственность? 1-й мемуар: Исследование принципа права и правительства. 2-й мемуар: Письмо к Бланки о собственности / пер. с новейшего фр. изд. Ф. Капелюша; с портр. авт. — СПб.: кн. изд-во «Мысль»; Лейпциг: А. Миллер, 1907 (СПб.: электропеч. Я. Левенштейн). — II, 253, [3] с., 1 л., портр.

На тит. л., с. 1, 253 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 389».

Сорель, Альбер (1842–1906)

Монтескье / пер. М.Г. Васильевского; под. ред. и с предисл. Н.И. Кареева. — СПБ.: изд. СПб. акц. о-ва печат. дела «Издатель», 1898 (тип. М.М. Стасюлевича). — VII, 210 с.

Ценз.: СПб. Ценз., 1 окт. 1897 г.

На с. V — владельческая печать «Изъ Книгъ присяжнаго повѣреннаго Аполлона Петровича Петрова. Пушкинская, 137. Ростов н/Д».

На тит. л. — треуголный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Иссслед. Института. г. Ростов н/Д. 8 742».

Спенсер, Георг (1820–1903)

Сочинения: [в 7 т.] / полн. пер., проверенный по последним англ. изд.; под общ. ред. Н.А. Рубакина. — СПб., 1899–1900.

Т. [I]: Основания биологии: т. I: с. 1–128; Опыты научные, филологические и политические: т. I: с. 129–310; т. II: с. 1–42 / пер. с англ. изд. 1898 г. В.А. Герд. — СПб.: изд. и тип. СПб. акц. о-ва печат. дела «Издатель», 1899. — 128, [2], 129–310, 42 с.

Т. [II]: Опыты научные, политические и философские: т. II: (Окончание): т. III: (от 1 до 96 с.). — 1900; Основания биологии: т. I: с. 129–288 / пер. В. А. Герда. — 1900; Основные начала: с. 1 — 160 / пер. Н. Тютчева под. ред. С. Матвеева. — 1899. — Спб.: изд. СПб. акц. о-ва печат. дела «Издатель», 1899–1900. — [2], 43–265, 95, [2], 129–288, [2], 160 с.

Т. [III]: Основания этики: т. I, ч. II и III; т. II, ч. IV — VI. — СПб.: изд. СПб. акц. о-ва печат. дела «Издатель», 1899 (Текст отпечат. в тип. А. А. Пороховщикова, титул и обл. в тип. «Издатель»). — 264, [4] с.

Т. [IV]: Изучение социологии. Воспитание умственное, нравственное и физическое. — СПб.: изд. СПб. акц. о-ва печат. дела «Издатель», 1898–1899. — 254, [2], 114, [2] с.

Т. VII, ч. 1: Разные статьи. Основные начала: с. 161–337. — СПб.; Киев; Харьков: Южно-рус. кн. изд-во Ф.А. Иогансона, [Б.г.] (СПб.: «Центральная» типолитогр. М.Я. Минкова). — 176, 161–337 с.

Т. VII, ч. 2: Основания биологии: т. II / пер. под ред. Н.Н. Страховского. — СПб.; Киев; Харьков: Южно-рус. книгоизд-во Ф. А. Иогансона, [Б.г.] (СПб.: «Центральная» типолитогр. М.Я. Минкова). — [2], VI, [2], 380 с., 8 л. табл., [1] л. вкл.

Перед тит. л. (Т. VII. Ч. 2) вклеен лист с обращением «От издателя».

На всех экз. — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. т. [III], на тит. л., с. 73 (ряд 1-й), 114 (ряд 4-й) т. [IV] — круглая печать «Р. С. Ф. С. Р. Донобнаробраз Ростов н/Д Библиотечный коллектор».

На тит. л. [I], [II], [III], [IV], VII, ч. 1–2 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Науч. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Все тома в одинаковых переплетах, на крышку переплета наклеена изд. обл., обрез с рис., на форзаце в начале книги — кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книгу».

Спенсер, Герберт (1820–1903)

Сочинения. Разные мелкие статьи / пер. О.Ю. Гофман, В. Лачинова и др.; полн. пер., проверен по последним англ. изд.; под общ. ред. Н.А. Рубакина. — СПб.; Киев; Харьков: Южно-рус. книгоизд-во Ф.А. Иогансона; СПб.: «Центральная» типо-лит. М.Я. Минкова, [б.г.] — [2], 174, [2] с., [1] л. табл. на разверн. л.

На тит. л. — штамп «Ревизія 1919 г.».

На тит. л., с. 1, 174 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 8 744».

В нижн. части корешка — фрагмент ярлыка «Ростовск. н/Д. Библиотека — читальня им. поэта С.Г. Фруга», на форзаце в начале книги — кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книгу».

Спенсер, Герберт (1820–1903)

Основания науки о нравственности / пер. с англ. — СПб.: изд. И.И. Билибина, 1880 (тип. В. Демакова), 1880. — [4], 361 с.

На тит. л. — овальная печать «Библіотека Петровскаго Реальнаго Училища въ Ростове н/Д», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.

На тит. листе, с. 1 (ряд 1-й), 361 — треугольный штамп «Краевой Партийный клуб. Библиотека».

На тит. листе — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 8 746».

Экз. в переплете, корешок-кожа, в нижней части корешка — тисн. «П.Р.У», на форзаце в начале книги — кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книгу».

Спенсер, Герберт (1820–1903)

Основания этики. В 6 ч.: I. Данные этики; II. Индукция этики; III. Этика индивидуальной жизни; IV. Этика общественной жизни; Справедливость; V. Этика жизни, отрицательная благотворительность; VI. Этика жизни, положительная благотворительность: т. 4, ч. I–III / полн. перевод проверен. по последнему анг. изд.; под ред. Н.А. Рубакина. — Пг.: тип. М.Я. Минькова, [Б.г.] — XIV, 209, 156, [4], 264, II, [4] с.

Изд. конволют. Припл. к.: Г. Спенсер. Сочинения. Основания этики. Т. II. СПб., 1899.

На тит. л., с. III (паг. 1-я), с. [4] (паг. 7-я) — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л., с. 209 (паг. 2-я) — круглая печать «Ростовская н/Д. Библиотека-читальня имени поэта С.Г. Фруга».

На тит. л. — штамп «Ревізия 1919 г.», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. Г. Ростов н/Д. 8 745».

Экз. в пер., в нижн. части корешка — ярлык «Ростовская н/Д. Библиотека-читальня имени поэта С.Г. Фруга», на форзаце в начале книги — кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книгу», обрез крапчат.

Спенсер, Герберт (1820–1903)

Справедливость / пер. с англ. под ред. д-ра философии М. Филиппова. — СПб.: тип. А.А. Пороховщикова, 1897. — 242, [2] с.

Ценз.: СПб. ценз., 13 янв. 1897 г.

На тит. л., с. 3, 242 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. Г. Ростов н/Д. 8 743».

Изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку переплета, на форзаце в начале книги — кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книгу», обрез с рис.

Толанд, Джон (1670–1722)

Избранные сочинения / пер. с англ. и латин.; с предисл. А. Деборина. — М.; Л.: Госиздат, 1927 (М.: тип. «Красный пролетарий»). — LXVI, 192 с., [1] л. портр.; — (Библиотека материализма / под общ. ред А. Доборина и Д. Рязанова). — В надзаг.: Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Начн. Исслед. Института. Г. Россов н/Д. 4 231».

Экз. деф.: утрачена нижняя изд. обл.

Атеизм. Религия

Герье, Владимир Иванович (1837–1919)

Западное монашество и папство. — М.: т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1913 — III, 334 с. — (Зодчие и подвижники Божьего Царства; ч. II).

Содерж.: Монах св. Бернард; Папа Иннокентий III.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. — помета: «М — 1 313».

Экз. деф.: утрачена верхн. часть изд. обл.

Гаклюй, Фредрик Бланка (?–?)

История исламизма и происшедших от него сект / пер. и изд. Петра Моренца. — Тифлис: в тип. А. Энфиаджианца и К°, 1865. — III, 92 с.

Ценз.: Тифлис, 10 окт. 1865 г.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. — помета: «М — 21».

Экз. в переплете, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвет г. Ростов н/Д.

Экз. деф.: нижн. край кн. блока со следами затеков.

Галуа, Леонард (?–?)

История инквизиции / пер. с фр. В. Модестов. — 2-е изд. М.Л. Свешникова. — СПб.: тип. Скарятина, 1873. — 294, [1], III с.

Ценз.: СПб. ценз., 27 февр. 1873 г.

В введении В. Модестов называет имя настоящего автора — Иоанн Антоний Лоран (1756–1823). Труд Лорана был издан в 1817 году под названием «Критическая история испанской инквизиции» в 4 томах. Л. Галуа существенно сократил огромное сочинение Лорана и издала под своим именем.

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Коран Магомета / пер. с араб. на фр. переводчиком фр. посольства в Персии Казимирским с примеч. и жизнеописанием Магомета; с фр. пер. К. Николаев; [предисл. Казимирского «Заметки о жизни Магомета и Коран»]. — 3-е изд. — М.: изд. книгопродавца К. Шамова, 1876 (тип. В. Исленьева). — XXXVI, 450, XIII с.

Ценз.: СПб. ценз., 26 марта 1875 г.

Неправильная брошюровка с. IV–XIII (паг. 1-я).

Подстроч. примеч. пер.

На тит. л. и авантит. — помета: «М — 56».

Переплет — коленкор, на сторонках пер. — конгрев. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., нижняя часть корешка утрачена форзац — цв. декор бум.

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и «Еврейской энциклопедии» настоящий перевод Корана отмечен как наиболее популярный в России.

Торнау, Николай Егорович (1812–1882)

Изложение начал мусульманского законоведения / предисл. авт. — СПб.: тип. II-го отд-ния собст. е.и. вел. канцелярии, 1850]. — III–XVI, 475, XLIX, 87 с.

Сведения для описания взяты из авторского предисловия и «Энцикл. Словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

Напечатано по ходатайству Д.Н. Блудова, главноуправляющего канцелярии, на счет казны.

Помимо традиционного оглавления имеется «Подробное оглавление» на с. VII–XLIX (паг. 3-я).

Экз. деф.: утрачена изд. обл. и тит. л. Имя автора и назв. книги написано А.К. Комаровским на с. III. Запись сделана простым карандашом.

Общественно-политическая литература

Блиох, Иван Станиславович (1836–1901)

Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях: [в 7 т.]. — СПб., 1898.

Т. I. — Тип. И. А. Ефрона. — [1], VII, VII, VI, IV, 628 с.: ил., [125] л. ил.

На авантит. — помета: «М — 35».

Т. II. — Тип. И. А. Ефрона. — XIV, VII, II, 828 с.: ил., [70] л. пл. и схем, [13] л. ил, 12 к.

На тит. л. — помета: «М — 352».

Т. III. — Тип. акц. о-ва «Гуттенберг». — X, V, III, IX, 521 с.: ил., [71] л. ил.: черт., табл., схем.

На тит. л. — помета: «М — 353».

Т. IV. — Тип. И. А. Ефрона. — X, VI, V, VII, 686 с., [24] л. ил.: ил.

На тит. л. — помета: «М — 354».

Т. V. — Тип. И. А. Ефрон. — X, II, [1], XII, 634 с., [31] л. ил.: ил.

На тит. л. — помета: «М — 355».

Перед тит. л. т. I вклеено письмо И.С. Блиоха барону Д.Г. Гинцбургу.

Тома I—III в одинаковых роскошных владельческих переплетах — картон, бум. павлиний глаз, корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., тканевый фальчик, форзац — мрамор. бум., обрез торшонирован, имеется шёлк. лассе. На об. форзаца в начале томов гербовый экслибрис Д.Г. Гинцбурга.

Тома IV—V в одинаковых переплетах — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., тканевый фальчик.

На верхних сторонках пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г Ростов н/Д.

И.С. Блиох — крупный финансист. Автор показывает пагубность войн для экономического развития страны и обосновывает необходимость мирного разрешения конфликтов. Сочинение Блиоха сразу же было переведено на французский, немецкий и английский языки. В 1972—1973 годах переиздано в Нью-Йорке на английском и французском. Имеется издание и в Израиле. Идеи Блиоха нашли отклик во многих странах, и в 1901 году в швейцарском городе Люцерне был организован Музей войны и мира.

Блиох, Иван Станиславович (1836—1901)

Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях». — Спб.: тип. И. Ефрона, 1898. — [4], XI, 426, XXVII с.

Библиогр. рус., нем., фр.

На тит. л. — помета: «М — 1 437».

Экз. во владельческом переплете — картон, ткань, корешок темно-зел. кожи, на корешке — зол. тисн., в нижней части кореша — тисн. «К. К», тканевый фальчик, на форзаце в конце книги — ярлык «Антикварная книжная торговля В.И. Клочкова. СПб. Литейный пр. 55».

Бутовский, Александр Иванович (1814—1890)

Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. Т. I. — СПб.: в тип. 2-го отд-ния собст. е. и. вел. канцелярии, 1847. — 6, XXXIX, 518, 2 с.

Ценз.: А. Никитенко, 15 нояб. 1846 г.

На тит. л. — помета: «М — 1390».

На форзаце в начале книги — экслибрис «Библіотека Гр. Н.В. Левашова. Шкафъ I Полка 8 № 29».

Экз. в роскошном владельческом цельно-кожаном пер. темно-зеленого цвета с зол. тисн., в верх. части — корешка библ. марка с номером: «29», дублюра, форзац — белая муар. бум.

Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1885 — 1877 гг. Вып. III. — СПб.: тип. штаба войск Гвардии и Петерб. воен. ок., 1887. — [4], 320 с., 3 к., 2 черт.

Карты и чертежи на разверн. л.

На тит. л. — помета: «М — 1462».

Переплет — картон, ткань, на сторонках пер. — зол. тисн.

Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, 1769 — 1869. — СПб.: печ. в воен. тип. (в зд. Гл. штаба), 1869. — [3], 128, [1] с.

На тит. л. — владельческая гербовая печатка и штемпель «Князь М.А. Кантакузинъ», здесь же — помета: «М — 1920».

На форзаце в начале книги экслибрис (автор Provo) «М.М. Кантакузенъ гр. Сперанскій».

Экз. в изд. пер.

Журналы Комитета Министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. — [СПб.]: изд. канцелярии Ком-та министров, 1905 (гос. тип). — 522 с.

На тит. л. — помета: «М — 1428».

Экз. в изд. обл.

В кн. вложена «Справка об узаконениях, определяющих особые права и обязанности…» (СПб., 1906). — 26 с.

Землеустройство (1907—1910 гг.): Обзор деятельности землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 янв. 1911 г. / гл. упр. землеустройства и земледелия; деп. гос. земельных имуществ. — СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума (отд-ние), 1911. — IV, 81, 120 с., 4 цв. пл.

На тит. л. — запись: «В библиотеку Г.Н.И.И. от С. Мелик-Саркисова», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Науч. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 849».

Экз. в изд. пер.

Экз. напечатан на бум. верже.

Экз. деф.: утрачено значительное кол-во планов и снимков.

Зибер, Николай Иванович (1844—1888)

Собрание сочинений. Т. I. Вопросы землеведения и промышленности. — СПб.: изд. СПб. акц. о-ва печат. дела «Издатель», 1900 (текст отпеч. в тип. Х. Брауде). — 708 с.

На тит. л. запись пр. кар.: «За 2 т. 11 р. / къ%».

На тит. л., с. 27, 706 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 985».

Экз. во владельческом переплете, обрез с рис.

Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, 1823 — 1898. — СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1898. — VIII, 133, IV, 120 с., 11 л. портр., 13 л. ил.

Ценз.: СПб. ценз., 10 апр. 1898 г.

Портр. и ил. выполнены в фототипии А.И. Вильборга.

На тит. л. — помета: «М — 149».

Экз. в изд. обл.

История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Т. I. 1824—1865 / сост. того же полка штабс — ротмистр Ю.Л. Елец. — СПб.: тип В.С. Балаева, 1890. — VIII, 444 с., 26 портр., 3 цв. ил., 4 ч.-б. ил., 2 к., 3 пл.

Посвящение составителя е. и. выс. вел. кн. Павлу Александровичу на с. I.

Портр. и ил. выполнены в фототипии Гофферса и А.И. Вильборга. Цв. ил., карты и планы — в картографическом завдении А. Ильина. Весь текст помещен в рамку из растительного орнамента с вензелями шефов полка.

На тит. л. — помета: «М — 1319».

Переплет — картон, цв. бум., на верхней сторонке пер. — цв. ил. обл. (худож. М. Зволянская), форзац — белая муар. бум., тканевый фальчик, тройной серебряный обрез.

История лейб-гвардии Кирасирского его величества полка, 1701—1901. Т. 1 [и единственный: в 2 кн.] / сост. поручик Николай Волынский. — СПб.: Столичная типография, 1902.

Кн. I: (1701–1733): Период I. Драгунский полк кн. Н.Ф. Мещерского, кн. Г.И. Волконского и Ярославский. — [6], XXXIX, 272 с., 2 портр., 15 ил., 5 цв. ил., 9 пл., 1 цв. пл.

Кн. II: (1701–1733): Приложения. — [2], VIII, 22 с., 2 пл.

Общ. ценз. при сост. настоящего труда принял на себя командир полка ген.-майор Я.Б. Преженцов.

Посвящается державному шефу государю имп. Николаю Александровичу.

Авторский экз.

Портр. и ил. выполнены в типо-литогр. А.И. Вильборг.

На с. [5] (паг. 1-я) кн. I — помета: «М — 144», на авантит. кн. II — помета: «М — 1442».

Переплет кн. II — картон, ткань с серебряным тисн., форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, тройной серебряный обрез, имеется шёлк. ляссе.

Кн. I — деф.: утрачен пер., кн. блок рассыпается.

История лейб-гвардии Павловского полка, 1790–1890 / сост. ч. I П. Вороновым и В. Бутовским, ч. II И. Вальбергом и Н. Кареповым. — СПб., 1890. — VIII, 424, 66, [6], V, IV с., 9 портр., 16 ч.-б. ил., 16 цв. ил.

Ценз.: СПб. ценз.; 11 нояб. 1889 г.

Посвящается державному шефу.

Ч. I удостоена полной премии воен.-учеб. ком-та Гл. штаба.

Часть портретов и ч.-б. ил. худож. А. Шарлемань.

Портр. и ч.-б. ил. выполнены в Экспедиции заготовления гос. бумаг, цв. ил. — в картографич. заведении А. Ильина.

На тит. л. — помета: «М — 1318».

Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке пер. и корешке — зол. тисн., форзац — цв. декор. бум., тканевый фальчик, обрез с рис. павлиний глаз, имеются два шёлк. ляссе красного и синего цв.

Ланге, Фридрих Альберт (1828–1875)

Рабочий вопрос. Его значение в настоящем и будущем / пер. с 4-го нем. изд. А.Б. Блека; с предисл. Р.И. Сементковского; — 3-е изд. Ф. Павленкова. — СПб.: «Центральная» типо-литогр. М.Я. Минкова, 1899. — [4], 326, [2] с.

В тексте читательские подчеркивания.

На тит. л., с. 3, 27, 326 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — владельческая запись: «М. Коренецкого» и вензель «МК», здесь же — штамп «Книжные магазины И.А. Розова в Кіевѣ и Одессѣ», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 384».

Корешок — кожа, в нижней части корешка — тиснение «МК», на форзаце в начале книги — кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книги!» (ОГИЗ).

Ланге, Фридрих Альберт (1828–1875)

Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем / пер. с 4-го нем. изд. А.Л. Блека; с предисл. А. Озимова. — 4-е изд. Ф. Павленкова. — СПб.: тип. Ю.Н. Эрлиха, 1907. — XVI, 314 с. — Примеч.: с. 250–315.

На тит. л., с. 27, 314 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9385».

Леруа-Болье, Анатоль (1842–1912)

Власть денег (La reque de l'arqenx) / пер. Р.И. Сементковского. — СПб.: типо-литогр. А.Е. Ландау, 1900. — 366, [2] с.

На тит. л., с. 3, 27, 366 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6919».

Лескюр, Жан (?–?)

Общие и периодические промышленные кризисы / пер. с фр. Н.И. Сувирова. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1908. — IX, 557 с. — Прил.: с. 540–557.

На тит. л., с. 1, 557 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6918».

Лолм, Жан Луи де (?–?)

Конституция Англии, или Состояние английского правления сравненного с республиканскою формою и с другими Европейскими Монархиями. Т. 1–2 / соч. г. де-Лолма, члена двух-сотного Совета Женевской республики; пер. с фр. к. ас. Иван Татищев. — М.: В Унив. тип., 1806. — [10], 226, [4], 291, [1] с.

Напеч. по высоч. повелению.

Посвящение пер. имп. Александру I на с. [3–8] (паг. 1-я).

На тит. л. — помета: «М — 1 409».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижней части корешка бум. форматка с номером: «418», корешок с потертостями, на форзаце в конце кн. — ярлык «Антикварная книжная торговля В.И. Клочкова. СПб., Литейный 55», тройной зол. обрез.

Редкость.

Книга не подлежит вывозу за пределы Российской Федерации.

Очерк истории Министерств иностранных дел, 1802–1902. — СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902. — [2], 205, 33 с., 21 портр., 3 л. ил. — 800 экз.

Заставки и концовки худож. А. Лео.

На авантит. — помета: «М — 1 328».

Экз. деф.: утрачен переплет.

Панчулидзев, Сергей Алексеевич (1855–1917)

История кавалергардов, 1724–1799–1899: по случаю столетнего юбилея кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка: [в 4 т.] — СПб.: Экспедиция загот. гос. бумаг, 1899–1903.

Т. I. — 1899. — XXI, 402 с., 8 портр., 8 ч.-б., 1 цв. ил.: ил.

Т. II. — 1901. — XX, 246, [4], 247–298 с., 6 портр., 2 ч.-б. ил., 3 цв. ил.: ил.

Т. III. — 1903. — XVI, 434 с., 5 портр., 6 ч.-б. ил., 1 цв. ил.: ил.

На об. тит. л. т. I — факсимиле «съ Высочайшего соизволенія Генералъ-Адьютантъ Владиміров».

В кн. портр. и ил. худож. М. Зичи, В. Тима, В. Поленова, В. Верещагина, И. Крамского, К. Маковского, И. Зубова, В. Клодта, Н. Самокиша, Е. Самокиш-Судковской, Г. Франка, И. Клюквина, А. Чикина и др.

На с. I (т. II) — экслибрис «Экземпляръ Сергѣя Николаевича Шубинскаго».

На тит. л. — пометы: «М — 1 315» (т. I), «М — 1 316» (т. II), «М — 1 317» (т. III).

Переплет — картон, белая ткань, на сторонках пер. — тисн., на нижней сторонке пер. — тисн. «А. Шнель, Б. Морская, 28», форзац — цв. декор. бум. с изображением мальтийского креста, тканевый фальчик, обрез окрашен.

Переплет т. II — сохранилась изд. обл., рис обл. полностью повторяет оформление переплета, обрез торшонирован.

Первый конгресс Коминтерна, март 1919 г.: протоколы конгрессов Коминтерна / под ред. Е. Короткого, Б. Куна и О. Пятницкого; Ин-т Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП (б). — М.: Партиздат; Л.: 2-я тип. «Печатный Двор» тр. «Полиграфкнига», 1933. — VI, 275 с., [1] л. ил. — Указ.: с. 261—271.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 867.»

В изд. пер.

Риккардо, Давид (1772—1823)

Собрание сочинений. Т. 1. Начала политической экономии и податного обложения / пер. с англ. под ред. Н. Рязанова. — СПб.: кн. изд-во «Зерно», 1908 (тип. Н.Н. Клобукова). — VII, 302, [2] с.

В тексте читательские пометы.

На тит. л., с. 89, 201, [2], — круглая печать «Р.С.Ф.С.Р. Библиотечный коллектор Донобнаробраз Ростов н/Д».

На тит. л., с. 5, 33, 302 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — «М — 4819».

Здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Иссслед. Института. г. Ростов н/Д 7079».

Руссо, Жан Жак (1712—1778)

Об общественном договоре или начала политического права / пер. Френкеля; под. ред. и с предисл. А.К. Дживелегова. — М.: кн. изд-во «Труд и воля»: кн. маг. Д.П. Ефимова, 1906 (тип. Вильде), 1906. — 208 с.

Ценз.: Киев. ценз., 22 дек. 1905 г.

На тит. л. — помета: «3 670».

Книга относится к числу самых влиятельных социально-политических сочинений Нового времени. Издание ее стало возможным лишь после принятия манифеста 17 октября 1905 г., отменившего, в частности, цензуру, и было связано с начавшейся первой русской революцией 1905—1907 гг., в ходе которой в России зародился парламентаризм.

Издание имеет историческое значение.

Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях / по поруч. министерства имп. двора и уделов сост. В. С. Кривенко. — СПб.: тип. деп. уделов, 1888. — [3], 220, 47 с.

На тит. л. — круглая печать «Р.С.Ф.С.Р. Центральная Педагогическая Библиотека».

На тит. л. — помета: «М — 1 424».

Переплет — картон, ткань темно-зел. цв., на корешке — с зол. тисн., форзац — белая муар. бум., на форзаце в начале книги — ярлык «Р.С.Ф.С.Р. Библиотека Центр. Педагог. Музея № 1847», здесь же — помета «Doube».

В книге широкие поля и вокаты, предназначенные для внесения изменений, исправлений и т.д.

Свод учреждений государственных. Кн. 6. Учреждение орденов и других знаков отличия. — Изд. 1855 г. — СПб.: в тип. 2-го отд-ния собст. е. и. вел. канцелярии, 1855. — 220 с. — Хронолог. указ.: с. 195 — 205; Сравнит. табл. ст.: с. 207—220.

На тит. л. — помета: «М — 1 436».

Переплет — картон, кожа, форзац — белая муар. бум.

Экз. деф.: утрачена верхняя сторонка пер. и форзац.

Спасович, Владимир Данилович (1829 — 1906)

Сочинения: [в 10 т.]: с портр. авт. — СПб. — 1889—1894.

Т. I: Литературные очерки и портреты: Предисловие; Владислав Сырокомля; Шекспировский Гамлет; Мартин Матушевич и его мемуары; Несколько слов о Кавелине; Речь о Пушкине; Винцентий Поль и его поэзия. — Кн. маг. бр. Рымович, 1889 (тип. Ф. Сущинского). — [4], 286 с., [1] л. портр.

Т. III: Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. — Кн. маг. бр. Рымович, 1890 (тип. Ф. Сущинского). — [6], 544 с.

Т. VII: Судебные речи (1883 — 1892). — Кн. маг. К. Грендышинского, 1894 (тип. С. Корнатовского). — [4], 318, [2] с.

Ценз.: СПб. ценз., 16 июня 1889 г.

Портр. отпечатан в тип. Э. Гоппе.

На тит. л. — пометы: «М — 1 172» (т. I), «М — 1 174» (т. III).

Сохранились изд. обл. т. I, III.

Сухомлинов, Владимир Александрович (1848—1926)

Сборник статей по 1896 год. — СПб.: тип. А. Бенке, 1896. — IV, 423 с.

На тит. л. — помета: «М — 1540».

Экз. в. изд. обл.

Хабалов, Сергей Семенович (1858—1924)

Военные действия под Бельфором 1870—1871 годах: военная беседа в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа: (с двумя карт. и двумя пл.) / сост. капитан ген. штаба С. Хабалов. — СПб.: тип. штаба войск гвардии и Пб. воен. ок., 1889. — [4], 106, III с., 2 к., 2 п.л.

На тит. л. — помета: «М — 1 479».

Экз. в цельнокож. переплете темно-зел. цв., на сторонках пер. — зол. тисн., форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик.

Эшли, Уильям Джемс (1860—1927)

Экономическая история Англии в связи с экономической теорией / У. Дж. Эшли, проф. эконом. истории в Гарвардском ун-те; изд. М.И. Водовозовой; пер. Н. Муравьева; под. ред. Д.М. Петрушевского, приват.—доц. Моск. Ун-та. — М.: тип. А.Г. Кольчугина, 1897. — XVI, 814 с. — Алф. указ.: с. 797 — 814. — Примеч. в конце глав.

Посвящение автора А. Тойнби на с. II.

На тит. л., с. 3, 736 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 151».

Языкознание

Агазаде, Фархад Рагим оглы (1882—1931), Каракашлы, К. Т. (?—?)

Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения. — Казань: изд. ВЦК НТА, 1928. — V, 133 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. № 2 394».

Экз. в изд. обл.

Алиев, А. (?—?), Бориев, К. (?—?)

Русско-туркменский словарь. — 1-е изд. — Ашхабад: изд. и тип. Туркменгосиздата, 1929. — [2], 452, [12] с. — 2 000 экз.

Тит. л. и предисл. рус., туркмен.
На авантит. штамп — «Библиотека С.—К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 5 362».
Экз. в изд. ледериновом переплете с зол. тисн., обрез окрашен.

Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М. Фрейденберг. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1936 (Л.: тип. «Печатный Двор»). — 341 с.
Издание посвящено памяти академика Н.Я. Марра.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 604».
Экз. в изд. пер.

Арендс, Альфред Карлович (1893—1977)

Персидско-русский словарь физических терминов / ред. ст. С.Ф. Ольденбурга; ввод. ст. Ю.Н. Марра; предисл. А.К. Арендса. — Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1928. — [2], 35 с. — (Материалы для словаря живого персидского языка, [вып.] 1). — 1 000 экз.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 775».
Экз. в изд. обл. Экз. не разрезан.

— То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горк. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 0332».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «Получено Акад. С.Ф. Ольденбурга. 26 дек. 28 Ленинград».

Ашмарин, Николай Иванович (1870—1933)

Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2 / изд. Союза потребит. обществ Чуваш. авт. обл. — Симбирск: тип. Полиграфсекции С.Н.Х., 1923. — 276, IV с. — 1 000 экз.
На тит. л. — штамп «Р. С. Ф. С. Р. Общество изучения местного края. А.Ч.С.С.С.Р. августа 1930 г. № 74. г. Чебоксары» (штамп на рус. и чуваш.); здесь же — запись: «В обмен»; ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 2 864».
Экз. в изд. обл.

Ашури, Гасан Абдул Гасим (1903—1938)

Русско-персидский словарь / сост. Г. Ашури при участии и под ред. А. Касаева; Ин-т востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР. — М.: МИВ, 1934. — [1], 449 с.
Тит. л. персид.
Литогр. изд.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 406».
Экз. в изд. обл., обл. из оберточной бум.

Бертельс, Евгений Эдуардович (1890—1957)

Грамматика персидского языка / изд. Ин-та живых восточных языков им. А. С. Енукидзе. — Л.: гос. акад. тип., 1926. — 126, [1] с. — 1 000 экз.
На тит. л. штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 977».
На тит. л. вымарана фамилия А.С. Енукидзе.

Бертельс, Евгений Эдуардович (1890—1957)

Учебник персидского языка / изд. Ленинград. Вост. ин-та им. А.С. Енукидзе. — Л.: тип. АН СССР, 1932. — [1], 402 с. — (ЦИК СССР. Ленинград. Вост. ин-т им. А.С. Енукидзе, [вып.] 45). — 2 000 экз.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 877».
На тит. л. вымарана фамилия А.С. Енукидзе.

Богородицкий, Василий Алексеевич (1857—1941)

Лекции по общему языковедению / В.А. Богородицкого, засл. проф. Казан. ун-та. — Казань: типо-литогр. имп. Казан. ун-та, 1915. — II, 332 с., 1 л. табл.
На тит. л. — владельческая печать «Н.П. Балагуровъ»; ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 980».

Богородицкий, Василий Алексеевич (1857—1941)

Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию / проф. В.А. Богородицкий, чл.-кор. АН СССР; отв. ред. П. Кузнецов. — Казань: Татиздат, 1933. — X, [1], 156 с., 1 табл. — 3 000 экз.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 905».
Экз. в изд. обл.

— То же.
На тит. л. — штамп Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 747».

Брант, Роман Федорович (1853—1920)

Лекции по истории русского языка, читанные в императорском Московском археологическом институте им. императора Николая II / проф. Р. Брант. — М.: печ. А.И. Снегиревой, 1913. — 121 с.
На тит. л. — влад. печать «П.И. Евграфов»; здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 701».

Бюлер, Иоганн Георг (1837—1898)

Руководство к элементарному курсу санскритского языка / пер. П.В. Эрнштедта и А.А. Сталь-Гольштейна; под ред. проф. Ф.И. Щербатского. — Стокгольм: типо-литогр. Акад. о-во Хассе В. Тульбер, 1923. — VII, 157 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 2 847».
Экз. в изд. тканевом пер. красного цв.

— То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 929».
Экз. в изд. тканевом пер. желтого цв.

Бялковский, С.Н. (?—?)

Персидско-русский и русско-персидский словарь важнейших военных и политических терминов: рекомендован для издания штабом Среднеазиатского воен. окр. — М.; Ташкент: ОГИЗ; Среднеазиат. отд-ние, 1932. — 94 с. — 5 150 экз.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 3152».
Экз. в изд. обл.

В борьбе за новый тюркский алфавит: (К I Всесоюзному Тюркологическому съезду): сборник статей С. Агамалы-Оглы, Г. Бройдо, Л. Жиркова, З. Навширванова, М. Павловича, Н. Тюрякулова, Н. Яковлева / под общ. ред. М. Павловича. — М.: изд. Научн. Ассоц. востоковедения при ЦИК СССР, 1926. — 69, [2] с. — 1 000 экз.
На с. [1—2], 3 изд. обл. — реклама изд. Научной Ассоциации востоковедения.
На тит. л. — помета: «М—1 587».
Экз. в изд. обл.

Гордлевский, Владимир Александрович (1876–1956)

Грамматика турецкого языка: (морфология и синтаксис) / изд. Ин-та востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР. – М.: кн. ф-ка Центр. изд-ва народов СССР, 1928. – IV, 159, V с. – (Труды / Моск. ин-та востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР, [вып.] X). – 1 200 экз.

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Григорьев, А. (?–?)

Учебная книга латинского языка для употребления в I и II классах гимназий и прогимназий. Ч. I. Курс первого класса / сост. А. Григорьев, преп. одесской четверт. гимназии; изд. акц. Южно-Рус. О-ва Печат. Дела. – Одесса: тип. Южно-Рус. о-ва Печат. Дела, 1900. – X, 147 с.

Ценз.: Одес. ценз., 28 дек. 1899 г.

Одобрено Ученым Комитетом М-ва Народного Просвещения в качестве учебного руководства для младших классов мужских гимназий и прогимназий.

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 984».

Экз. в изд. обл.

Гумбольт, Вильгельм фон (1767–1835)

О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / пер. П. Билярского. – СПб., 1859]. – 3–366 с.

В тексте читательские пометы и подчеркивания.

На с. 3 и 366 – запись: «В. Гумбовтов».

На с. 3 – дарственная запись: «Николаю Павловичу Балагурову отъ Р. П. Куз…»; здесь же – владельческая печать «Н.П. Балагуровъ», запись: «Гумбовтов, В. О различии организмов человеческого языка»; ниже – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 933».

Переплет – картон, цв. тисн. бум., корешок – кожа, на корешке – зол. тисн.

Экз. деф.: утрачен тит. л. и огл.

Это первое в России издание основного труда В. Гумбольдта, последующий полный перевод вышел в 1984 г.

Даль, Владимир Иванович (1801–1872)

Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / Владимир Даль. – 2-е изд., испр. и знач. умноженное по рукописи авт. – СПб.; М.: изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882. – (К 25-летию издательской деятельности М.О. Вольфа).

Т. 1: А–З. – 1880. – LXXXIV, 723 с.

Т. 2: П. – 1882. – 576 с.

Т. 4: Р – V. – 1882. – 704 с.

На тит. л. – штамп «Книжный Магазинъ Ф.С. Романовича Ростовъ-Донъ», здесь же – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 028 [т. 1], 12 029 [т. 2], 12 030 [т. 4]».

Экз. в пер., уголки и корешок – кожа зел. цв., на корешке – зол. тисн., форзац – цв. декор. бум., обрез окрашен.

Дзеруньян, С.Г. (?–?)

Турецко-русские разговоры / предисл. Вл. Гордлевского. – М.: [изд. Лазаревского ин-та вост. яз], 1909. – 78 с. Литогр. изд.

В тексте чит. пометы, записи, доп.

На тит. л. – влад. печать «Н.П. Балагуровъ», здесь же – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 948».

Евстифеев, Н.П. (?–?)

К вопросу о международном языке / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртене. – СПб.: типо-литогр. «Герольда», 1903. – 134 с.

Отд. отт. из кн.: Труды Троикосавско-Кяхтинского отд-ния имп. Рус. географ. о-ва. – Т. V, вып. 2. – С. 55–186.

На тит. л. – влад. печать «Н.П. Балагуровъ», здесь же – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 944».

Экз. деф.: утрачена верхняя часть изд обл.

Егличка, Г. (?–?)

Практическое руководство для изучения турецкого языка / с прил. введ., сост. В. Гордлевским; [пер. с нем.; ред. С.Г. Дзеруньян; изд. Лазаревского Ин-та вост. языков]. – М.: [литогр. Ю. Венер], 1908. – XXXII, 172, [65] с.

Литогр. изд.

Изд. на счет Лазаревского ин-та восточных языков.

Перевод выполнили студенты Лазаревского института восточных языков.

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 949».

Экз. в пер., на форзаце в начале книги – влад. печать «Н.П. Балагуровъ».

В переводе настоящего издания участвовал студент Милий Федорович Достоевский (1884 –1937), внучатый племянник писателя.

Жирков, Лев Иванович (1885–1963)

Персидский язык: элементарная грамматика / изд. Моск. ин-та востоковед. им. Н. Нариманова при ЦИК СССР. – М.: кн. ф-ка Центр. изд-ва народов СССР, 1927. – 207 с. – (Труды Моск. ин-та востоковед. им. Н. Нариманова при ЦИК СССР; [вып.] V). – 3 000 экз.

Посвящение авт. А. Цявловскому на с. 3.

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 997».

Экз. в изд. обл.

Зарубин, Иван Иванович (1887–1964)

Вершикское наречие канджутского языка: очерк по диалектографии Гиндукуша / ред. В.В. Бартольд. – Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1927. – 364 с., 1 к. – (Записки Коллегии востоковед.; [Т.] II, вып. 2).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 982».

Зеленин, Дмитрий Константинович (1878–1954)

Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Ч. I. Запреты на охоте и иных промыслах. – Л.: изд-во АН СССР. 1929. – 151 с.; (Сб. научных трудов / Музей антропологии и этнографии; т. VIII).

Рез. нем.

На с. 1 – помета: «№ 2».

Экз. в изд. обл.

Экз. деф.: книжный блок распадается.

Иннокентий, (Попов-Вениаминов, Иван Евсеевич; 1797—1867)

Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка / священник И. Вениаминов, в Уналашке. — СПб.: в тип. имп. Акад. Наук, 1846. — [1], XV, [1], 120, VI с., 2 табл. на разверн. л.

Посвящение авт. имп. Академии Наук на с. [1] (паг. 1-я).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 056».

Экз. в изд. обл.

«Значение трудов Вениаминова заключается в том, что он помогал ученым выйти за круг привычных представлений, основанных на изучении норм и законов европейских языков. Его исследования открыли дверь в огромный непознанный мир языков Американского континента».

А.П. Окладников

Карманный румынско-русский словарь: 30 000 слов, наиболее употребительных в разговорной речи, общественно-политической и научно-популярной литературе / сост. Л.Я. Шпаниер; под ред. проф. М.В. Сергиевского; с прил. кр. грамматики рум. яз. — М.: Сов. энцикл., 1931. — 1402 стб., [2]. — (Иностранные словари / под общ. ред. О.Ю. Шмидта; Серия карманных словарей; вып. IV). — 10 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 835».

Экз. в изд. обл.

Карманный финско-русский словарь: 25 000 слов, наиболее употребительных в разговорной речи, общественно-политической и научно-популярной литературе / сост. Н.Ф. Рождественский; с прил. кр. сведений из грамматики фин. яз. — М.: Сов. энцикл., 1931. — [896] стб. — (Иностранные словари / под общ. ред. О.Ю. Шмидта; Серия карманных словарей; вып. II). — 5 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 834».

Экз. в изд. обл.

Кудрявский, Дмитрий Николаевич (1867—1920)

Психология и языкознание (по поводу новейших работ Вундта и Дельбрюка). — Юрьев: тип. К. Маттисена, 1905. — 82 с.

На тит. л. — владельческая печать «Н.П. Балагуровъ», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 969».

Лазарев, Лазарь Эммануилович (1822—1884)

Сравнительная хрестоматия турецкого языка наречий османлы и адербиджана: с прил. тюркских разговоров и пословиц и с переводом их на русский язык для практических упражнений / сост. проф. тур.-татар. яз. при Лазаревском инте вост. яз. магистром вост. словесности А.М. Лазаревым. — М.: В Унив. тип. (Катков и Ко), 1886. — [1], XII, 52, 296 с.

Ценз.: СПб. Ценз., 23 авг. 1865 г.

Встреч. паг.

Текст рус., тур. В книге два тит. л.: на рус. и тур. яз.

Тит. л. на тур. яз. украшен орнаментальной рамкой.

На с. [1] посвящение автора вел. кн. Михаилу Николаевичу.

На авантит. — авт. запись: «Его Превосходительству Александру Павловичу Баронъ Никалаю въ знакъ глубочайшаго уваженія отъ автора 1866 годъ іюля 27».

На тит. л. — помета: «М — 482», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Переплет — картон, кожа темно-зел. цв., на верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Латышев, Василий Васильевич (1855—1921)

Византийская «Царская» минея: (Доложено в заседании ист.-филолог. отд-ния 12 марта 1914 г.) / исследование В.В. Латышева. — Пг.: тип. имп. Акад. Наук, 1915. — [1], 326 с. — (Зап. имп. Акад. Наук по ист. — филолог. отд-нию; т. XII, № 7).

Текст рус., греч.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 382».

Экз. в изд. обл.

Экз. деф.: кн. блок распадается.

Манжигеев, И.М. (?—?)

Русско-монгольский словарь: [ок. 6 000 слов] / под. ред. и с предисл. Г.Д. Санжеева. — М., 1934. — IV, 195 с. — В надзаг.: Ин-т востоковед. им. Н.Н. Нариманова при ЦИК СССР.

Литогр. изд.

На тит. л. — штамп «Бибилиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 414».

Экз. в изд. обл.

Марр, Николай Яковлевич (1865—1932)

О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье. — М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1934. — 129, [2] с. — (Известия Гос. Акад. материальной культуры; вып. 89). — 2 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 277».

Экз. в изд. обл.

Овсянико-Куликовский, Дмитрий Николаевич (1853—1920)

Синтаксические наблюдения. Вып. 1. — СПб.: тип. «В. С. Балашев и Ко», 1899. — 127 с.

На тит. л. — владельческая печать «Н.П. Балагуровъ».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 986».

Опыт сравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением имп. Академии Наук / предисл. И. Давыдова. — СПб.: в имп. Акад. Наук, 1854. — LXI, 512 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 082».

Экз. в изд. обл.

Пекарский, Эдуард Карлович (1858—1934)

Краткий русско-якутский словарь / с предисл. приват-доц. А.Н. Самойловича. — 2-е изд., доп. и испр. — Пг.: тип. имп. Акад. Наук, 1916. — XVI, 242 с.

Ценз.: Пг. воен. ценз., март 1916 г.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 695».

Экз. в изд. обл.

Погодин, Александр Львович (1872–1947)
Язык как творчество: (Психологические и социальные основы творчества речи): Происхождение языка / проф. А.Л. Погодин; изд.-ред. Б.А. Лезин. — Харьков, 1913. — (Вопросы теории и психологии творчества; т. IV).
В тексте читательские пометы.
Бум. верже.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 700».
Поливанов, Евгений Дмитриевич (1891–1938)
Введение в языкознание: для востоковедных курсов. Т. 1. — Л.: изд. Ленингр. Вост. ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928. — VI, 220 с. — (ЦИК СССР. Ленингр. Вост. ин-т им. А.С. Енукидзе; № 31).
На тит. л. вымарана фамилия А.С. Енукидзе.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 118».
— То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.- К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».
Поливанов, Евгений Викторович (1891–1938)
Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. — [М.]: Госиздат; Берлин, 1923. — 95 с.
Напеч. Госиздатом по договору с изд-вом З.И. Гржебина.
На тит. л. — владельческая печать «Н.П. Балагуровъ».
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 991».
Поливанов, Евгений Дмитриевич (1891–1938)
Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. — Ташкент: госиздат УзССР, 1933. — 182 с.
В тексте читательские пометы.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 212».
Полный русско-таджикский словарь. Т. I. А-О / сост. Али-Заде С.Р., Измаил-Заде А., Хашимов Р., Юсупов М.; редкол.: Айни С. и др.; полит. ред.: Али Исмаил-Заде. — Сталинабад: Тадж. госиздат, 1933. — 325 с. — 10 000 экз.
Тит. л., вступ. ст., список источников и переплет парал. рус., тадж.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 756».
Экз. в изд. пер., на верхней сторонке и корешке — зол. тисн., форзац — декор. бум.
Пономарев, И. (?–?)
Рабочая книга по изучению узбекского языка для взрослых. — Самарканд; Ташкент: Узбек. гос. изд-во, 1929. — 144 с. — (Центр. ком. Нового узбекского алфавита).
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 870» (номер повторен на изд. обл.).
Экз. в изд. обл.
Попов, А.В. (?–1880)
Синтаксические исследования. I. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях. — Воронеж: в тип. В.И. Исаева, 1881. — 302 с.
Посмертное изд.
Отд. отт. из журн.: Филологические записки.
На тит. л. — владельческая печать «Н.П. Балагуровъ».
На тит. л., с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 973».
Потебня, Александр Афанасьевич (1835–1891)
Мысль и язык / предисл. М. Дринов. — 2-е изд. — Харьков: тип. А. Даре, 1892. — VI, 228 с.
В тексте читательские пометы.
На тит. л. — владельческая печать «Н.П. Балагуровъ», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 971».
Потт, Август Фридрих (1802–1887)
Введение в общее языкознание / пер. с последнего нем. изд. Г. Генкель и А. Васильева. — СПб.: В. Эриксон и Ко, 1885. — 97 с.
На тит. л. — владельческая печать «Н.П. Балагуровъ», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 001».
Путуридзе, В. С. (?–?)
Начальная хрестоматия персидского языка: (Тексты и персидско-грузинско-русский словарь). — М.; Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1935. — 137 с. — В надзаг.: АН СССР. Закавказский филиал. Ин-т Кавказоведения; Сектор языка и мышления. — 2 000 экз.
Название парал. рус., персид.
Предисл. парал. рус., груз.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 421» (номер повторен на обл.).
Экз. в изд. обл.
Радлов, Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм; 1837–1918)
Опыт словаря тюркских наречий. — СПб.: изд. и тип. имп. Акад. Наук. — 1902–1911.
Вып. 15. — 1902. — 642–960 стб.
Вып. 16. — 1903. — 961–1280 стб.
Вып. 17. — 1903. — 1281–1600 стб.
Вып. 18. — 1905. — 1601–2204 стб., 98 с.
Вып. 19. — 1905. — 320 стб.
Вып. 20. — 1906. — 321–640 стб.
Вып. 21. — 1907. — 641–960 стб.
Вып. 22. — 1908. — 961–1280 стб.
Вып. 23. — 1909. — 1281–1600 стб.
Вып. 24. — 1911. — 1601–2230 стб.
Обл. парал. рус., нем.
Все экз. со штампом «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н-
Все экз. в изд. обл.
В вып. 24 вложена копия счета книжного магазина издательства АН СССР от 21.VI.1936 г. на книги, заказанные Библиотекой СКГНИИ.

Словарь издавался с 1888 по 1911 год, выходил в свет отдельными выпусками, составившими четыре тома. Словарь — итог полувековой работы основателя отечественной школы тюркологии академика В.В. Радлова — пользуется всеобщим признанием как единственное в своем роде богатейшее собрание лексики и фразеологии многочисленных живых и древних тюркских языков. Ценность Словаря сохранилась и в наши дни, он до сих пор является единственным тюркоязычным словарем сравнительного типа, а материалы по многим тюркским языкам и диалектам можно найти только в этом словаре.

Рихтер, Элизе (1865—1944)

Как мы говорим? / д-р Элизе Рихтер приват-доц. Венского ун-та; пер с нем. г-жи Е.В. под ред. и с доп. для рус. читателей Л.В. Щерба, приват-доц. СПб. ун-та; с 20 рис. — СПб.: изд. и тип. П.П. Сойкина, 1913. — X, 124 с. — (Б-ка знания).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 966».

Ромаскевич, Александр Александрович (1885—1942)

Персидско-русский словарь к современной персидской прессе в обращениях. Вып. 1—2 / изд. Ленинград. восточн. ин-та им. А.С. Енукидзе. — Л.: тип. АН СССР, 1931. — [4], 259 с. — (ЦИК СССР; Ленинград. вост. ин-т им. А.С. Енукидзе; № 40).

На тит. л. вымарана фамилия А.С. Енукидзе.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Наун. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 316».

Руднев, А.Д. (?—?)

Хори-бурятский говор: (Опыт исследования, тексты и перевод). Вып. 2. Тексты. — СПб.: тип. В. Киршбаума (отд-ние), 1913. — 128 с.

Текст монгол.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 995».

Экз. в изд. обл.

Рыт, Е.М. (?—?)

Ленин о языке и язык Ленина / худож. Н. Жуков. — М.: ГИХЛ, 1936. — [2], 134 с. — 10 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 867».

Экз. в изд. обл.

Самойлович, Александр Николаевич (1880—1938)

Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. — Л.: Рос. гос. акад. тип., 1925 с. — 154 с. — (Ленинград. ин-т живых вост. языков; № 10). — 1 075 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 946».

Самойлович, Александр Николаевич (1880—1938)

Некоторые дополнения к классификации турецких языков. — Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922. — 15 с. — (Наркомат по делам национальностей. Ин-т живых вост. языков; № 4). — 1 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 966».

Экз. в изд. обл.

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 952».

Самойлович, Александр Николаевич (1880—1938)

Персидский турколог XVIII века Мирза Мехди-Хан / изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку, [2-я тип. АЗГИЗА], 1927. — 15 с.

Надзаг. азерб., иран.

Рез. фр.

Экз. в изд. обл.

Санжеев, Гарма Данцаранович (1902—?)

Синтаксис монгольских языков: практическое пособие для переводчиков, востоковедческих школ и самостоятельного изучения монгольских языков. Вып. XIV. — [М.]: Серпухов. тип. тр. «Мосполиграф», 1934. — 148 с. — В надзаг.: Научн.-исслед. ассоц. по изуч. национальных и колониальных проблем. Лингвистич. комис. — 1 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 650».

Экз. в изд. обл.

Сепир, Эдуард (1884—1939)

Язык. Введение в изучение речи / пер. с англ., примеч. и ввод. ст. А.М. Сухотина; предисл. С.Л. Белевицкого. — М.; Л.: ОГИЗ: СОЦЭКГИЗ, 1934. — XIX, 222 с. — (Языковеды Запада / под общ. ред. Р.О. Шор). — 7 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 983».

— То же.

Парал. тит. л. англ.

В тексте читательские подчеркивания.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 982».

Семенов, Д.В. (?—?)

Хрестоматия разговорного арабского языка (сирийское наречие) / под ред. и с предисл. И.Ю. Крачковского. — Л.: изд. Ленинград. Вост. ин-та им. А.С. Енукидзе, 1929. — XVIII, 157 с. — (ЦИК СССР. Ленинград. Вост. ин-т; № 32). — 1 000 экз.

Текст. араб.

На тит. л. вымарана фамилия А.С. Енукидзе, здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 534».

Сидоров, Алексей Семенович (?—?)

Проблемы отдельного слова в языкознании. — Сыктывкар: Коми госиздат, 1933. —(Труды / Коми пед. ин-т; № 1).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 753».

Словарь русского языка. Т. 1, вып. 1. А-Ажно / сост. Комис. по рус. яз. АН СССР. — новое изд., перераб. и доп. — Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1932. — [2], 224 стб. — 2 000 экз.

На тит. л — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 868».

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 533».

Экз. в изд. обл.

Словарь русского языка. Т. 13, вып. 3. Недовернуться-Нежунька. — 7-е изд. — Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1935. — [1], 321-480 стб. — В надзаг.: АН СССР. Ин-т языка и мышления. — 2 175 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 177».

Экз. в изд. обл.

Соссюр, Фердинанд де (1857–1913)

Курс общей лингвистики / изд. Ш. Бальи и А. Сешеэ при участ. А. Ридлингер; пер. со 2-го фр. изд. А. М. Сухотина под ред. и с примеч. Р.И. Шор; ввод. ст. Д.Н. Введенского. — М.: СОЦЭКГИЗ. 1933. — 270, [2] с. — (Языковеды Запада / под общ. ред. Р.И. Шор). — 3 000 экз.

Первый пер. на рус. яз.

Парал. тит. л. фр.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 276».

Экз. в изд. картонаже.

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ротов н/Д. 11 275».

Томсон, Александр Иванович (1860–1935)

Общее языковедение / А.И. Томсона, ординар. проф. сравнительного языковедения и санскрита имп. Новороссийского Ун-та. — 2-е изд., перераб. и доп. со многими рис. в тексте. — Одесса: тип. «Техник», 1910. — XVI, 448 с.: ил.

На тит. л. — влад. печать «Н.П. Балагуровъ», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 972».

Турецко-русский словарь: 40 000 слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе, технике и военном деле / сост. Д.А. Магазаник; при участ. А.Б. Абдурахманова и И.В. Левина; под ред. проф. В.А. Гордлевского. — М.: Сов. энцикл., 1931. — 1 174 стб. (Иностранные словари / под общ. ред. О.Ю. Шмидта; при участ. К.С. Кузьминского и М.И. Каушанского, серия вост. словарей; вып. I). — В надзаг.: Ин-т Востоковедения им. Н.Н. Нариманова — 10 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 504».

Экз. в изд. пер.

Туров, Т. (?–?)

Хрестоматия по языковедению. Вып. I. Высказывания классиков марксизма-ленинизма о языке. — Благовещенск: типо-литогр. № 3 Дальполиграфтреста, 1932. — 50 с. — В надзаг.: Каб. языковедения Благовещенского агро-пед. ин-та. — 500 экз.

На правах рукописи.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 855».

Экз. в изд. обл.

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 857».

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 858».

Фортунатов, Филипп Федорович (1848–1914)

Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейких языков / изд. отд-ния рус. яз. и словесности Рос. Акад. наук. — Посмертное изд. — ПБг.: Рос. гос. акад. тип., 1922. — VI, 281 с.

В изд. принимали участие А.А. Шахматов и В.М. Истрин.

На тит. л. — помета: «М–1 493».

Изд. обл. наклеена на переплет.

Фортунатов, Филипп Федорович (1848–1914)

Сравнительное языкознание: (общий курс) / лекции з. п. Филиппа Федоровича Фортунатова, чит. в 1901–1902 ак. г. — М.: типо-литогр. В. Рихтер, 1901. — 256 с.

Литогр. изд.

На тит. л. — влад. печать «Н.П. Балагуровъ».

На тит. л. и с. 3 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 985».

Чистяков, В.Ф. (?–?), Крамаренко, Б.К. (?–?)

Опыт приложения статистического метода к языкознанию. Вып. 1. — Краснодар: тип. Кубполиграфа, 1929. — 59 с., 4 л. диагр.: табл.

На с. 5, 17 — печать «Библиотека С.-К. Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № 3 587 Рег. № 804 Зак. Обм.», здесь же — помета: « 3 174».

Экз. в изд. обл.

Шерцль, Викентий Иванович (1843–1906)

Личные местоимения в санскритском языке и сродные им формы. — СПб.: печ. В. Головина, 1869. — II, 64 с.

Ценз.: СПб. ценз., 14 февр. 1869 г.

На тит. л. — авт. запись: «М. Хныпину отъ Автора», здесь же — влад. печать «Н.П. Балагуровъ», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 020».

Шерцль, Викентий Иванович (1843–1906)

Синтаксис древнеиндийского языка. I. О согласовании частей речи, об употреблении чисел и падежей. — Харьков: в Унив. тип., 1883. — XXI, 369 с.

Ценз.: Киев. ценз., 12 дек., 1883 г.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 937».

Язык и литература. Т. IV / РАНИОН НИИ сравнительной истории лит. и языков Запада и Востока. — Изд. Ин-та. — Л.: гос. акад. тип., 1929. — [1], 170 с., 1 л. портр. — 775 экз.

Посвящение Н.Я. Марру на с. [1].

Содерж. авт.: В. Богаевский, И. Мещанинов, М. Альтман, О. Фрейденберг, Н. Баранов, Р. Шмидт, В. Струве, И. Франк — Каменецкий.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 521».

Экз. в изд. обл.

Язык и литература. Т. VI. — Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1930. — 120 с. — В надзаг.: РАНИМХИРК; НИИ речевой культуры.

Содерж. парал. фр.

Содерж. авт.: Н.С. Державин, И.И. Соколов, Д.Д. Димитров, С.С. Советов.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 523».

Экз. деф.: утрачена нижняя изд. обл.

Язык и мышление. [Вып.] II / АН СССР. Ин-т языка и мышления. — Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1934. — 179 с., [1] л. ил. — 3 175 экз.

Посвящение Н.Я. Марру на с. 1.

Тит. л. и содерж. парал. фр.

Из содерж.: Черкесская культура по данным языка в интерпретации проф. Н.Ф. Яковлева / Г. Турчанинов. А. Генко «Из культурного прошлого ингушей» / В. Дондуа и В. Абаев. Всеволод Ф. Миллер «Осетино-русско-немецкий словарь» / В. Абаев.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 279».

Экз. в изд. пер.

Язык и мышление. [Вып.] III-IV / АН СССР. Ин-т языка и мышления им. Н.Я. Марра. — М.; Л.: изд-во АН СССР, 1935. — 343 с.

Огл. парал. фр.

Содерж. авт.: Н.Я. Марр, И.Г. Франк-Каменецкий, Д.С. Лихачев, В.В. Струве, Д.В. Бубрих, Ф.П. Филин, С.П. Обнорский, В.И. Чернышев, Д.Д. Димитров, Л.В. Матвеева-Исаева, Р.М. Шаумян, К.Д. Дондуа, Д.П. Карбелашвили, И.Г. Лившиц, И.Л. Снегирев, Г. Виноградов, Ш.В. Дзидзигури, С.Л. Быховская, В.И. Абаев и Б. Руденко.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 731».

Berneker, Erich (1874—1937)

Slavisches etymologisches Wortebuch. Lfg. [1—6. A—L] / von Dr. Erich Berneker a. o. prof. an der Deutschen universitat in Prag. — Heidelberg: Carl Winter s universitats buchhandlung, 1908—1913. — 720, [4], 721—760 с. — (Indogermanische bibliotek / herausgegebeb von Dr. H. Hirt und Dr. W. Streitberg; Erste abteilung; II/ Reine: Worterbucher).

На нем.

На с. 1 — штамп: «Бибилотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 954».

Перед с. 1 вклеена подписная квитанция на словарь.

Экз. в изд. пер., на верхней сторонке пер. — влад. печать «Н.П. Балагуровъ».

Carolsfeld, Hans Schorr von (?—1933)

Transitivum und intransitivum. — [Б.г., б.и.] — [16] л. фот.

На нем.

Фотокопии из журн.: Indogermanische Forschungen. — 1934. — T. LII. — С. 1—13.

На об. л. 16 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 2».

Trombetti, Alfredo (1866—1929)

Elementi di glottologia. — Bologna: Nicola Zanicelli, 1923. — V, 751 с. — В надзаг.: R. Academia delle scinze dell instituto di Bologna: Classe di scienze morali.

На итал.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 979».

Valerio, M.F. (?—?)

Grammaire italienne, simplifiee et reduite a vingt-quatre lecons, avec des themes, des dialogues, un petit recueile de thaits d histoire, et traite de la poesie italienne; A lusage des gens du monde. — Moscou: d limprimerie d Auguste Semen, imprimeur de l academie imperiale medico-chirurgicale, 1822. — 278 с.

Ценз.: М. Каченовский, 13 февр. 1822 г.

На итал.

На тит. л. — влад. печать «Н.П. Балагуровъ», здесь же — плохочитаемый штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 130».

Экз. деф.: утрачен переплет.

Это издание было известно А.С. Пушкину, поэт приобрел его для своей библиотеки (№ 1 472).

Естествознание

Кашкаров, Даниил Николаевич (1878—1941)

К познанию фауны позвоночных Туркестана: заметки о грызунах Туркестана / каб. зоологии позвоночных ТГУ. — Ташкент: Туркестан. гос. изд-во, 1922. — 40 с. — (Труды / Туркестан. гос. ун-т; вып. 3). — 1 000 экз.

На тит. л. — помета: «3 268».

Экз. в изд. обл.

Насонов, Николай Викторович (1855—1939)

Географическое распространение диких баранов старого света / акад. Н.В. Насонова, дир. особ. зоолог. лаборатории и Севастопольской биол. станции. — Пг.: изд. и тип. Рос. Акад. наук, 1923. — [2], 252 с., [18] л. цв. ил. и ч.-б. ил., 1 к.

На тит. л. — штамп «Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 г.».

Обл., тит. л., огл. и штамп парал. фр. На тит. л. уничтожена помета библиотекаря СКГНИИ.

Экз. деф.: следы затеков.

Православлев, Павел Александрович (1873—1941)

Горгонопсид из Северо-Двинских раскопок 1924 г. (Amalitzkia Anne gen. et sp. nov) / ред. А.П. Карпинский. — Л.: изд-во и тип. АН СССР. 1927. — 20, [2] с.: 3 табл. — (АН СССР. Северо-Двинские раскопки проф. В.П. Амалицкого; IV). — 900 экз.

На тит. л. — помета: «2 366». Экз. в изд. обл.

Сборник антропологии и этнографии. — Л.: тип. и изд-во АН СССР, 1928—1929. — 850 экз.

Т. VII. — 1928. — [1], 325 с.: рис., 1 портр., 11 табл. Т. VIII. — 1929. — [2], 374 с.: рис., 21 табл.

На тит. л. — пометы: «№ 2 582» (т. VII), «№ 2 609» (т. VIII).

Статковский, Болеслав Игнатьевич (1825—1898)

Микроскопические организмы и наблюдения над ними в Парижской обсерватории Монсури: читано в заседаниях О-ва любителей естествознания и Альпийского клуба. — Тифлис: тип. А.А. Михельсона, 1882. — III, 134 с., [3] л. рис.

На тит. л. — помета: «М — 291».

На изд. обл. — автор. запись: «Князю Георгію Дмитріевичу Шервашидзе отъ автора».

Переплет — картон, декор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Труды 1-го Всероссийского съезда по охране природы / изд. Всерос. о-ва охраны природы; под ред. М.П. Потемкина, Б.П. Дитмара и С.А. Северцова. — М.: типо-литогр. им. тов. Воровского, 1930. — 222 с. — В надзаг.: Всерос. о-во охраны природы. Главнаука.

На тит. л. — помета: «№ 2 608».

Экз. деф.: утрачена изд. обл.

Федченко, Александр Павлович (1844–1873)

Путешествие в Туркестан А.П. Федченко, совершенное от имп. О-ва любителей естествознания: по поручению Туркестан. ген.-губернатора К.П. фон-Кауфмана: изд., предпринятое на высочайше дарованные средства. Вып. 9. Т. II. Зоогеографические исследования; ч. V, отд. 7 / предисл. и обработ. Ф. Моравиц. — СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1875. — II, 160 с. — (Известия / имп. О-во любителей естествознания; т. XIX, вып. 2).

Печ. по высоч. повелению.

На тит. л. — помета: «М — 1 670»

Фельдман, Г.К. (?—?)

Материалы по петрографии Криворожского железнорудного района. — [Днепропетровск, 1928]. — 289–306 с.

Назв. и рез. парал. нем. Отд. отт. из. журн.: Науч. зап. Днепропетровского горного ин-та. — 1928. — № 19. — С. 289–306. На с. 289 — авт. запись: «В библиотеку Сев.-Кавказского Горского Научно-исследовательского Института от автора», здесь же — штамп «С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт г. Ростов н/Д. Вход. № 478 «15/ III 1928 г.», ниже — помета: «М — 2 068» (номер повторен вверху страницы).

На с. 306 наклеена почтовая марка со штемпелем «Дніпропетровськ. УКР. 13.3.28».

Охота

Парфосная охота офицерской кавалерийской школы 1901 г. в имении «Поставы» Виленской губ. / снимал и сост. 41-го драгунского ямбургского полка поручик А. Далматов. — [СПб.]: фототипия А.И. Вильборга, [1901]. — [3] с., 30 л. фот.

Оформление худож. Г. Эйдригевича и Г. Пашкевича.

Экз. в изд. папке.

Парфосные охоты офицерской школы 1902, 1903 и 1904 г. в имении «Поставы» Виленской губ. / снимал и сост. 41-го драгунского ямбургского полка штабс-ротмистр А. Далматов. — СПб.: Т-во худож. печати, 1905 (обл. в литогр. и нотопеч. Г. Шмидта). — [1] с., 15 л. фот.

Ценз.: СПб. ценз., 20 авг. 1905 г.

Оформление худож. Г. Эйдригевича и Г. Пашкевича.

На обл. — помета: «М — 7 711».

Экз. в изд. папке.

Искусство

Бельгия, 1906: [Oostende 1907: альбом фотографий]. — [Б. м.,], [1907?] — [13] л., 84 фот.

На с. [1] — запись: «Ostende 1907».

На форзаце в начале книги — помета: «М — 1 731».

Переплет — картон, ткань (рогожка), на верхней сторонке переплета и корешке — кожан. форматка син. цв. с зол. тисн. «Бельгія 1907», форзац — бел. муар. бум.

Останде — город в Бельгии на берегу Северного моря, климатический курорт.

Будкевич, J.K. (?—?)

Булгария, 1877–1878. Вып. 1 (25 л.) / Эскизы J.K. Будкевича «50 факсимили». — Париж: imp. Bugniot, [б. г.] — [3] л. ил.

На пер. — помета: «М — 1 697».

Экз. в изд. картон. папке, на внутренней стороне нижней крышки — ярлык «Антикварная книжная торговля В.И. Клочкова. С.П.Б. Литейный пр. 55».

Экз. деф.: корешок надорван, утрачено 22 л. ил.

Верещагин, Василий Васильевич (1842–1904)

«Туркестанская» серия картин и этюдов. — [Б. м., б. г.] — 8 л. ил.

На об. л. 8 — запись пр. кар.: «№ 2 Верещагина фотографіи 12 штукъ».

Гверстянка, 1908–1912 гг.: альбом фотографий. — [Б. м., б. г.] — [11] л., 66 фот.

На л. [1] — помета: «М — 1 732»

Гверстянка — имение близ г. Боровичи Новгородской обл. До 1917 года принадлежало Константину Логиновичу Вахеру, основателю огнеупорного производства.

Зуммер, В.М. (1885–1970)

Живописная традиция Востока по данным миниатюры. — Баку: изд-во АзГНИИ, 1930. — 7 с., [3] л. ил. — (Известия АзГНИИ. Отд-ние языка, лит. и ис-ва; т. I, вып. 4).

На тит. л. — помета: «М — 3 216»(номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Колокольцов, Константин В. (?—?)

Хор любителей духовной музыки, состоящий под августейшим государя императора покровительством: очерк 1858–1897. — СПб.: скоропеч. «Надежда», 1897. — [1], XI, 170, 16, LXXII с.: ил., 4 л. портр.

Ценз.: СПб. ценз., 30 дек. 1897 г.

Имеется также ил. тит. л.

Портр. напеч. в фототипии В. Класен, преемник Н. Каминский (СПб.).

Изд. украшено виньетками, заставками, концовками (худож. В.А. Табурин) и книжными украшениями.

На тит. л. — помета: «М — 1 327».

Экз. в изд. пер., форзац — тисн. бум. с орнаментом и зол. тисн., тканевый фальчик, обрез окрашен.

Леонардо да Винчи (1452–1519)

Избранные произведения. В 2 т. Т. 2 / пер., ст., коммент. А.А. Губара, А.К. Дживилегова, В.П. Зубова, В.К. Шилейко и А.М. Эфроса; ред. А.К. Дживилегова и А.М. Эфроса; суперобл. и пер. И.Ф. Рерберга. — М.; Л.: Academia, 1935. — 489 с. [23] л. ил. — (Искусствоведение / под общ. ред. Б.В. Леграна и А.М. Эфроса).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горк. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 084».

Экз. в изд. пер. и суперобл., верхний край обреза окрашен. Имеется шелк. ляссе.

Полное собрание гравюр Рембрандта со всеми разницами в отпечатках: 1 000 фототипий без ретуши: атлас. Т. II / собрал и привел в порядок Д. Ровинский. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1890. — [16] л. ил.

Обл. рус., фр.

На тит. л. — помета: «М — 1 686».

Издание представляет собой 16 отдельных листов плотной бумаги с наклеенными вариантами гравюр, некоторые из которых утрачены.

Ростовцев, Михаил Иванович (1870—1952)

Античная декоративная живопись на юге России. Текст. Т. I. Описание и исследование памятников. — СПб.: изд. имп. Археолог. Комис., 1914 (Т-во Р. Голике и А. Вильборг). — XVIII, 537 с., [2] л. ил.

Посвящение автора Н.П. Кондакову на с. V.

На тит. л. — помета: «М — 670».

Экз. в изд. комбинированном переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Самокиш, Николай Семенович (1860—1944)

Наброски Н. Самокиша из жизни Гвардейской Кавалерии. Вып. I. — СПб.: изд. картограф. завед. А. Ильина, 1889. — [6] л. цв. ил.

Ценз.: СПб. ценз., 19 июня 1889 г.

На обл. помета: «М — 1 696».

Экз. в изд. цв. ил. обл.

Издание не подлежит вывозу за пределы Российской Федерации.

Смирнов, Василий (?—?), Калиткин, Н.А. (?—?)

Орнамент шитья костромского полушубка. — Кострома: тип. «Северная Правда», 1926. — 11 с., [49] с. ил.

На с. 1 — помета: «М — 1 665».

В книгу вложена листовка Костромского научного общества по изучению местного края с предложением обмена изданиями.

История

Адамов, Александр Алексеевич (1870—?)

Ирак Арабский: Бассорский вилайэт в его прошлом и настоящем. — СПб.: тип. Гл. Упр. Уделов, 1912. — IV, 596 с., 10 л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 13».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Ататюрк Мустафа Кемаль (1881—1938)

Путь новой Турции, 1919—1927: [в 3 т.] — М., 1929—1934.

Т. 1: Первые шаги национально-освободительного движения, 1919. — Лит. изд-во НКИД, 1929. — LXIV, 479 с., 6 л. ил., 4 к.

Т. 2: Подготовка ангорской базы, 1919—1920. — Соцэкгиз, 1932. — V, 416 с., 5. л. ил., 1 к.

Т. 3: Интервенция союзников. Греко-турецкая война и консолидации национального фронта, 1920—1921. — Соцэкгиз, 1934. — VII, 459 с., 12 л. ил., 1 к.

На тит. л. т. 1 — треугольный штамп: «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. т. 1—3 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Изд. обл. т. 1 наклеена на пер., т. 2 и 3 в изд. обл.

Барт, Пауль (1858—1922)

Философия истории как социология / д-р П. Барт, проф. Лейпцигского ун-та; пер. с нем. М.С. Моделя. — СПб.: С.-Петербург. электропечатня, 1902. — XVII, 348 с.

Ценз.: СПб. ценз., 21 сент. 1902.

На тит. л. — владельческая печать «Василій Максимовичъ Однораловъ», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 476».

На тит. л., с. 1, 348 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

Бартольд, Василий Владимирович (1869—1930)

История изучения Востока в Европе и России: лекции, читанные в Университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. — 2-е изд. — Л.: гос. учеб — практ. шк.-тип. т. Алексеева, 1925. — VIII, 318 с.

На тит. л. — помета: «2 846».

Экз. в изд. обл.

Бартольд, Василий Владимирович (1869—1930)

Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей: доклад, читанный 27 февр. 1926 г. на 2-м засед. 1-го Всесоюзного тюркологического съезда / изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку: кооп. изд-во при БК АКП(б) «Бакинский рабочий», 1926. — 14 с.

На тит. л. — помета: «3 224».

Экз. в изд. обл.

Берд, Р. (?—?)

История общества воздержания в Северо-Американских Соединенных Штатах. — СПб.: [печ. в тип. Иверсена], 1843. — [1], VIII, 366 с.

Ценз.: А. Крылов, 2 сент. 1842 г.

Объявл. о продаже «духовно-нравственных книг в лавке К. Майера» на тит. л.

На тит. л. — владельческая запись: «Ивана Михайловича Лукьянова», здесь же — помета: «М — 1 504».

На тит. л., обл., с. I (паг. 2-я) — печать «Общество для пособія бывшимъ воспитанникамъ Московскаго Коммерческаго Училища».

Экз. в изд. обл.

Бокль, Генри Томас (1822—1862)

Этюды Г.Т. Бокля, автора «Истории цивилизации в Англии»: с биогр. им фотографич. изящным портр. автора / пер. с англ. под ред. П.Н. Ткачева. — СПб.: изд. Ю. Луканина и Ко, 1867. — [2], 239 с., 1 л. портр.

Ценз.: СПб. ценз., 21 янв. 1867 г.

На тит. л. — помета: «М — 1 930».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, в нижн. части корешка — тисн. «П.К.», на форзаце в начале книги — владельческая запись: «П. Кондырев», обрез крапчат.

Бурбулон (?—?)

Записки о Китае / г-жи Бурбулон. — СПб.: типо-литогр. П.И. Шмидта, 1885. — 317 с.

Ценз.: СПб. ценз., 10 янв. 1885 г.
На с. 3 — печать «Библіотеки Рижской <нрзб> пограничной стражи».
На тит. л. — помета: «М — 35».
Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Валлон, Анри Александр (1812—1904)

История рабства в античном мире. Греция / пер. с фр. С.П. Кондратьева; под ред. А.В. Мишулина; вступ. ст. «Валлон и его «История рабства» проф. П. Преображенского». — М.: Соцэкгиз, 1936. — XII, 311 с.
Парал. тит. л. фр.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 313».
Экз. в изд. пер.

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 359».

Вамбери, Арминий Герман (1832—1913)

Очерки жизни и нравов Востока / соч. Германа Вамбери (автора Путешествия в Среднюю Азию); пер. с нем. — СПб.: изд. В. Ковалевского, 1877 (тип. А.Е. Ландау). — 11, 546, [2], 95 с.
Приплетено к: Г. Мольтке. Письма о событиях… СПб., 1877.
На тит. л., с. 1 (паг. 4-я) — овальная печать «Библіотеки Импер: Гатчинс: Никол: Сир: Инст: 2 248».
На тит. л. — помета: «М — 41».
Переплет — картон, бум., корешок — кожа, в верхней части корешка — библ. марка: «Шк. XVI. Пол. 8. №1», в нижней части корешка — тисн. «И.Г.Н.С.И.», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института Шкапъ XVI Полка 8 № 1».

Васильев, Василий Павлович (1818—1900)

Открытие Китая и др. ст. акад. В.П. Васильева: с портр. авт. / изд. журн. «Вестник всемирной истории». — СПб.: Столичная тип., 1900. — VIII, 164 с., 1 л. портр.
Ценз.: СПб. ценз., 7 сент. 1900 г.
На тит. л. — помета: «М — 1 351».
Экз. в изд. обл.

Венелин, Юрий Иванович (1802—1839)

Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: историко-критич. изыскания. Т. I. — М.: В Унив. тип., 1829. — [3], VIII, 256 с.
Ценз.: Л. Цветаев, 22 марта 1829 г.
Посвящение автора А.С. Шишкову на с. [1] (паг. 1-я).
В тексте чит. подчеркивания.
На тит. л. — помета: «М — 12».
Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., обрез крапчат.

Витковская, Софья Васильевна (1871—1906)

Кругом Земли: путевые воспоминания. — СПб.: А.Э. Коллинс (б. Ю.Н. Эрлих), 1915. — XV, 680 с.: ил., 1 л. портр., 1 к.
На тит. л. — помета: «М — 180».

Витковский, Василий Васильевич (1856—1924)

За океан: путевые записки: с прил. карты. — 2-е изд. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1901. — VIII, 590, [1] с.: ил., 1 к.
Ценз.: СПб. ценз., 26 авг. 1900 г.
На тит. л. — помета: «М — 15».

Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ де (1694—1778)

История царствования Людовика XIV и Людовика XV, королей французских: с присовокуплением словаря всех знаменитых французских мужей: министров, полководцев, писателей и художников, прославивших царствование сих государей. Ч. 4. — М.: В тип. С. Селивановского, 1809. — [3], 440 с.
С одобрения Ценз. ком-та, учрежден. для округа имп. Моск. Ун-та.
На тит. л. — помета: «М — 20».
Экз. в цельнокожан. пер., на сторонках пер. — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — мрамор. бум., на форзаце в конце книги — ярлык «Антикварная книжная торговля В.И. Клочкова. СПб., Литейный, 55», имеется шелк. лассе.

Вронченко, Михаил Павлович (1801—1855)

Обозрение Малой Азии в нынешнем её состоянии. Ч. I-II / сост. рус. путешественником М. В. — СПб.: печ. в тип. Карла Крайя, 1839—1840. — XVII, 286, 315 с.
Печ. по высоч. повелению.
На тит. л. — помета: «М — 49».
Переплет — картон, бум., на верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Гайдукевич, Виктор Францевич (1904—1966)

Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг. — М.; Л.: ОГИЗ, 1934. — 115 с.: ил. — (Известия ГАИМК; вып. 80).
Рез. нем.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 357».
Экз. в изд. обл.

Галеви, Даниэль (1872—1962)

Очерки по истории рабочего движения во Франции / пер. с фр.; под. ред. Я.А. Галяшкина. — М.: изд. т-ва «Бр. А. и И. Гранат и Ко», 1906 (типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко). — 328 с.
На тит. л. — штамп «Книжный магазинъ «Трудъ». Одесса, Дерибасовская, 25»; здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 352».
На тит. л., с. 3 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».
Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке пер. — тисн. «Галилеви»(!), корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижней части корешка — тисн. «Г. Т.», на нижней сторонке пер. — тисн. «Книжный магазинъ «Трудъ». Одесса, Дерибасовская, 25», на форзаце в начале книги наклеен кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книги!» (ОГИЗ), тканевый фальчик.

Гарнье-Паже, Луи Антуан (1803–1878)

История революции 1848 г.: [в 3 т.] — СПб.: изд. О.И. Бакста, 1862–1864.

Т. II: Франция. Февральская революция: [ч.] I. — 1862. — 360 с.

Т. III: Франция. Февральская революция: [ч.] II: 24 февраля. — 1864. — 351 с.

Ценз.: В. Бекетов, 6 июля 1862 г. (т. I); СПб. ценз., 10 дек. 1864 г. (т. II).

На тит. л. — пометы: «М — 133» (т. II), «М — 131» (т. III).

Оба тома в одинаковых переплетах — картон, бум., уголки и корешок — кожа, на форзаце в начале книги владельческая запись: «Петра Дементьева 18/V 67», часть записи заклеена ярлыком «Изъ Библіотеки П.А. Дементьева. № 56–87 [т. II], № 56–88 [т. III]», обрез крапчат.

Георгиевский, Александр Иванович (1830–1911)

Галлы в эпоху Гайя Юлия Цезаря. — М.: в Унив. тип. (Каткова и Ко), 1865. — X, 525 с.

На тит. л. — помета: «М — 134».

Гиббон, Эдуард (1737–1794)

История упадка и разрушения Римской империи / соч. Гиббона, сокращенное г. Адамом. — М.: в тип. Решетникова, 1824. — VIII, 264, XIII с.

Ценз.: Л. Цветаев, 19 мая 1824 г.

На тит. л. — помета: «М — 161».

Перепелет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, в нижней части корешка — тисн. «Т.К.», на верхней сторонке перепелета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — овальный штамп «Книжная торговля П.Ф. Яковлева въ Москве, Косьмо-Дамианск. пер. прот. Твер. Ч.», на форзаце в конце книги — ярлык «Антикварная книжная торговля В.И. Клочкова. СПб., Литейная, 55».

Голицын, Николай Сергеевич (1809–1892)

Всеобщая военная история древних времен: [в 5 ч.] / сост. кн. Н.С. Голицын, ген. шт. ген.-лейт., чл. воен.-учен. ком-та Гл. шт. — СПб.: 1872–1875.

Ч. 1: От древнейших времен до смерти Александра Великого (323 г. до Р. Х.). — Тип. А. Траншеля, 1872. — VIII, 481 с.

Ч. 2: От смерти Александра Великого до 2-й Пунической войны (323-218 г. до Р. Х.). — В тип. А. Траншеля, 1873. — [1], III, III, [1], 234, 14 с.

Ч. 3: От начала 2-й Пунической войны до начала войны Юлия Цезаря в Галии (218–58 гг. до Р. Х.). — Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. — [1], IV, IV, [1], 408 с.

Ч. 4: От начала войн Юлия Цезаря до Августа (58–30 г. до Р. Х.). — Тип. П.П. Меркульева, 1875. — [1], 423, [1] с.

Ч. 5: От Августа до падения Западной Римской империи (30 г. до Р. Х. — 476 г. по Р. Х.). — Тип. т-ва «Общественная польза», 1876. — 15, [1], 170, 10, II, 171–544 с.

Ч. 2–3 и 4–5 в одном перепелете.

На тит. л. — пометы: «М — 368» (ч. 1), «М — 369» (ч. 2–3), «М — 370» (ч. 4–5).

Все тома в одинаковом переплете — картон, бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке переплета — ярлык библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Книжный магазинъ Н.В. Базыкина. Петроградъ Литейный, 51. Тел. 113–22», тканевый фальчик, имеется шёлк. ляссе.

Голицын, Николай Сергеевич (1809–1892)

Всеобщая военная история новейших времен. Ч. I–II. Войны 1-й Французской революции и республики, 1792–1801. Отд-ние 1–2. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1874–1875. — [1], 51, [4], 380, [1], [2], 39, 898, II, III с.

На тит. л. — помета: «М — 1 489».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., на форзаце в начале книги — ярлык «Книжный магазинъ Н.В. Базыкина. Петроградъ Литейный, 51. Тел. 113–22», имеется шёлк. ляссе.

Голицын, Николай Сергеевич (1809–1892)

Всеобщая военная история средних веков. Ч. 1–2. От падения западной Римской империи до введения огнестрельного оружия (476–1350). — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1876. — XLVIII, 278 с., 5 к., 4 черт.

На тит. л. — помета: «М — 539».

Переплет — картон, мрамор., бум., корешок — кожа, в нижней части корешка — тисн. «2 С.В.П.», на верхней сторонке перепелета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Грубе, Август Вильгельм (1816–1884)

Очерки из истории и народных сказаний: (Древняя история) / пер. с нем. [С.Т. Славутинский и Криницкий]. — 9-е изд. — М.: изд. наследников бр. Салаевых, 1882 (тип. Малюкова и Ко), 1882. — 280 с.

Ценз.: Моск. ценз., 29 янв., 1882 г.

На тит. л. — штамп «Книжный Магазинъ Товарищества М.О. Вольфъ. С.-Петербургъ. Гостиный дворъ № 10», здесь же — помета: «М — 29».

На тит. л., с. 17, 161, 280 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Дармштеттер, Пауль (?–?)

История раздела Африки, (1870–1919) / пер. с нем. Н. Качкаева. — М.; Л.: ГИЗ, [1925]. — (Ком. Академия. Б-ка международной политики / под общ. ред. Ф. Ротштейна).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 562».

Изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку переплета.

Джамал паша Ахмед (1872–1922)

Записки Джемал-паши, 1913–1919 гг. / пер. с англ. Б.Т. Руденко; с предисл. Сим. Такоева. — Тифлис: изд. Закрайкома РКП(б); кн. изд-во «Красная книга», 1923. — 239 с.

На тит. л., с. 1, 17, 239 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

Изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку переплета.

Диксон, Вильям Гепворт (1821–1879)

Государственные преступники Англии: Исторический очерк Лондонской башни. Ч. 3–4. — СПб.: в тип. М. Хана, 1871. — 418, II с.

На с. 7, 163, 418 — круглая печать «Библіотека Лейбъ-Гвардіи 1-й Артиллерійской Бригады».

На тит. л., с. 17, 418 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

На тит. л. — помета: «М — 30».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Дневник Люблинского сейма 1569 года: Соединение великого княжества Литовского с королевством Польским. — СПб.: печатня В. Головина, 1869. — XVII, 784 с., 1 л. ил.

Текст парал. рус., нем.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 399».

Древние германцы: сборник документов / сост. Б.Н. Граковым, С.П. Моравским, А.И. Неусыхиным; ввод. ст. и ред. А.Д. Удальцова. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 222, [1] с. — (Исторический факультет МГУ. Средние века: документы и материалы по всеобщей истории).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 504».

Экз. в изд. обл.

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 502».

Древний мир в памятниках его письменности. Ч. II. Греция: с. 77 рис. на меловой бум. и 7 к. и пл. / сост. Д.А. Жаринов, Н.М. Никольский, С.И. Радциг, В.Н. Стерлигов. — 3-е изд., стереотип. — М.: гос. изд-во, 1921. — X, 522 с., 10 л. ил.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 727».

Древности восточные: Труды Восточной комиссии имп. Московского археологического общества. Т. 1 [вып. I—III] / изд. под ред. М.В. Никольского. — М.: тип. и словолитня О.О. Гербека, 1889—1893. — [4], 478 с., 14 л. ил.

На тит. л. — помета: «1 893»; здесь же — запись: «Его Сіятельству Господину Тифлисскому Губернатору Князю Георгію Дмитріевичу Шервашидзе съ глубочайшимъ почтеніемъ подноситъ редакторъ и авторъ некоторыхъ статей М. Никольскій. 29 іюня 1893»; здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. со следами затеков.

Дювернуа, Александр Львович (1840—1886)

Станислав Зноемский и Ян Гус: (две главы об истории Пражского университета) / изд. имп. Моск. ун-та. — М.: в Унив. тип., 1871. — 213 с.

На с. 1, 213 — штамп «Р.С.Ф.С.Р. 1-е Бесплатное Отделение <нрзб> Библиотеки 1-го городского района Моховая, 26 тел. 457-55».

На тит. л. — помета: «М — 272».

На верхней сторонке преплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека А. Пестовской. Отд.____ № ____».

Ефименко, Петр Петрович (1884—1969)

Дородовое общество: Очерки по истории первобытно-коммунистического общества. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — 255 с.: рис., 1 л. ил.

В тексте читательские подчеркивания.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 355».

Записки Восточного отделения Русского археологического общества: основано бароном В.Р. Розеном. Т. 24. 1916. — Пг.: тип. Акад. наук, 1917. — [4], XVI с.

На изд. обл. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 362».

Зуев, Василий Федорович (1754—1794)

Об остатках древних мест в Малой Азии. — [СПб., 1790]. — 353—374 с.

На с. 374 — запись: «Собр. Сочиненій, выбранныхъ изъ месяцослововъ на разные годы. Ч. VI. СПб. 1790».

На с. 353 — помета: «М — 136».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Иакинф (Бичурин, Никита Яковлевич; 1777—1853)

История Тибета и Хухунора с 2 282 г. до 1 227 г. по Р.Х.: с картой на разные периоды сей истории. Ч. II / пер. с кит. монахом Иакинфом Бичуриным. — СПб.: при имп. Акад. Наук, 1833. — IX, 259 с.

Ценз.: П. Фус, 3 февр. 1830 г.

Имеется также грав. тит. л.

На тит. л., с. 17, 171, 258 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

На тит. л. — помета: «М — 27».

На грав. тит. л. — владельческая запись: «М. Левицкій».

Экз. в цельнокож. переплете, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — мрамор. бум.

Исторические письма о Франции в 1805 и в 1806 году, или Тайная история нового французского Двора, содержащая в себе любопытные анекдоты о сем Дворе с верным описанием характеров не только всей фамилии г. Бонапарта и особ, ныне его окружающих, но и самих посланников и иностранных министров, при Дворе его находящихся. Т. 2. — М.: в Сенат. тип., 1807. — 31, 399 с.

Ценз.: Моск. ценз.

На тит. л., с. 17 (паг. 1-я), 160, 399 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

На тит. л. — помета: «М — 32».

Экз. в цельнокож. преплете, на корешке — кож. форматка кр. цв., на форматке — зол. тисн., на верхней сторнке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кампфмейер, Пауль (1864—1945)

История общественных классов в Германии / пер. с нем. И. Вилька; под ред. В. Базарова. — СПб.: тип. т-ва «Народная польза», 1906. — 200 с. — (Социально — историческая и экономическая библиотека).

На тит. л., с. 7 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 969».

Изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку пер.

Кареев, Николай Иванович (1850—1931)

Изучение французской революции вне Франции. — Л.: Колос, 1925. — 306, [2] с. — (Кареев Н.И. Историки французской революции; т. III).

На тит. л., с. 5, 15, 17, [2],(паг. 2-я) — штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горс. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку пер.

Кареев, Николай Иванович (1850—1931)

Собрание сочинений. [В 3 т.] Т. I. История с философской точки зрения. — [Пб.]: кн. изд-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, [1911]. — IV, 199 с., 1 портр.

На тит. л., с. 1, 199 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 646».
Переплет — картон, муар. ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на форзаце в начале книги наклеен кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книги!» (ОГИЗ).

Карлов, И. (?—?)

Краткое руководство к всеобщей истории. Ч. I. Древняя история. — СПб.: в тип. Jornal de S.-Petersburg, 1854. — [1], III, 174, [2] с.
Ценз.: Ю. Шидловский, 9 июня 1854 г.
На тит. л. — помета: «М — 98».
Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижней части корешка — тисн. «А.Ш.», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Изъ книгъ Александра Венедиктовича Шакеева. Отд.__ № 974. IV шк. 5. П.», обрез крапчат.; имеется шёлк. ляссе.

Кинетти, И. (?—?)

История средних веков в монографических очерках. — СПб.: тип. К.В. Трубникова и В.А. Полетики, 1874. — XV, 488 с.
На тит. л. — помета: «М — 95».

Ковалевский, Максим Максимович (1851—1916)

Происхождение современной демократии. Т. 1. Общественный и политический строй Франции накануне революции. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: т-во «Просвещение», 1912. — XI, [1], 664 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К.Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 660».

Куланж, Фюстель де (1830—1889)

Гражданская община античного мира: Исследование о богослужении, праве, учреждениях Греции и Рима / соч. Фюстель де Куланжа, проф. истории в Страсбургском филолог. фак-те, увенченное Французской Академией; пер. Е. Корша, дозволенный автором; изд. К. Солдатенкова. — М.: тип. Грачева и комп., 1867. — VIII, 536 с.
В тексте чит. пометы, нотабене.
На тит. л. — владельческая запись: «А. Студицкій» (запись повторена на форзаце в начале книги); ниже — помета: «М — 1 536».

Кулишер, Иосиф Михайлович (1878—1934)

Очерк экономической истории Древней Греции. — Л.: книгоизд-во «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1925. — 239 с.
На тит. л., с. 5, 17, 239 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 760».

Курций Руф Квинт (I в. н.э.)

История о Александре Великом царе Македонском. Т. II / с доп. Фрейнсгейма и с примеч.; пер. с лат. яз. вторично, С. Крашенинниковым, Акад. Наук проф. — Пятым тисн. — В СПб.: при имп. Акад. Наук, 1809. — 468, IX с.
На тит. л. — помета: «М — 181».
Экз. в цельнокож. переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез окрашен.

Куторга, Михаил Семенович (1809—1886)

История афинской республики от убиения Иппарха до смерти Мильтиада. — СПб.: в тип. Е. Фишера, 1848. — [2], 172 с., 3 табл., 1 к.
На тит. л. — помета: «М — 1 582».

Лавелэ, Эмиль де (1822—1892)

Современная Пруссия в политическом и экономическом отношениях: с прил.: ст. Е. Ренана «Война между Францией и Германией»; Переписка между Е. Ренаном и Д. Штраусом / пер. с фр. — СПб.: в тип. М. Хана, 1870. — [1], 266, 68 с.
На тит. л. — помета: «М — 1 353».

Лерх, Петр Иванович (1828—1884)

Исследования об иранских курдах и их предках, северных халдеях. [Кн. 1—3]. — СПб.: в тип. имп. Акад. наук, 1856. — VII, 121, VI, 139, [3], XXXVII, 113 с.
Часть текста парал. курд.
На тит. л. — овальная печать «Библіотеки Импер: Гатчинс: Никол: Сир: Инст:»; здесь же — помета: «М — 480».
Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой «Шк. XII. Пол. 4. № 66», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института. Шкапъ XII. Полка 4. № 66».

Липперт, Юлиус (1839—1909)

История культуры: с 98 рис. в тексте / в излож. с доп. и примеч. Н.Н. Андреева и Л.В. Щегло. — Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1925. — 259, [5] с.: рис.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 561».

Локтюшев, Сергей Александрович (1878—1943)

Доисторический очерк средней Донеччины: (попытка построения краевой доистории) / изд. науч. о-ва Донбасса. — Луганск: Луганская Правда, 1930. — 36 с., 19 л. ил.
На с. 3 — авторская запись: «Север. Кавказ. — Ростов. Донскому Областному Музею от автора. 24/VII — 31».
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 707».

Лучицкий, Иван Васильевич (1845—1918)

Католическая лига и кальвинисты во Франции: Опыт истории демократического движения во Франции во второй половине XVI века: (по неизданным источникам). Т. I. — Киев: в Унив. тип., 1877. — IV, 560, 60, II с.
На тит. л. — помета: «М — 1 314».
На шмуцтитл. и верхней обл. — овальная печать «Библіотека А. Пестовской. № 7 218. Цена 2р. 50».

Марсильи, Луиджи Фернандо (1658—1730)

Военное состояние Оттоманской империи с ея прирощением и упадком. Ч. 1 / Сочинено чрез графа де Марсильли члена Парижской королевской Академии наук и Монпельерской также Лондонского королевского социэтета и основателя Болонского института: Все украшено грыдорованными листами. — Печ. в СПБ.: при имп. Акад. наук, 1737. — [2], 110, [2], 115, 38, [3] с.
В кн. также: Известие о двух возмущениях… СПб., 1738.
На тит. л. — помета: «М — 209».

Экз. в цельнокож. переплете, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — мрамор. бум., обрез окрашен.

Мацулевич, Леонид Антонович (1886—1959)

Погребение варварского князя в Восточной Европе: Новые находки в верховьях р. Суджи. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — 131 с., 10 л. табл. — (Известия / ГАИМК; вып. 12).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 570».

Мельгунов, Г. (?—?)

О Южном береге Каспийского моря: с маршрутной картой / замечания Г. Мельгунова, чл.-сотр. имп. Рус. геогр. о-ва. — СПб.: в тип. имп. Акад. Наук, 1863. — XXXII, [1], 373 с.

На верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Мерварт, Александр Михайлович (1884—1932)

Отдел Индии: Краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. — Л.: изд-во АН СССР, 1927. — [2], 96 с. 6 ил. 1 к.

На тит. л. — помета: «М — 2 035» (номер дважды повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — штамп «С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. Вход. № 378. 13/II—1928 г.».

Мижуев, Павел Григорьевич (1861—1932(?)

История великой американской демократии (С. Амер. Соед. Штатов) / изд. акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон». — СПб.: тип. акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1906. — [2], 276, [3] с. — (История Европы по эпохам и странам в средние века и Новое время / изд. под ред. Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого).

На тит. л. — помета: «М — 158».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 2 803».

Мишулин, Александр Васильевич (1901—1948)

Революция рабов и падение Римской республики. — М.: изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1936. — 108 с.: ил., 2 к. — (Историческая библиотека журнала «Борьба классов»).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 206».

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 208».

Моммзен, Теодор (1817—1903)

Римская история. Ч. I / пер. с нем. С.Д. Шестакова. — М.: в Унив. тип., 1861. — 366, [3], 476, [4] с., 1 к. — (Библиотека исторических писателей / изд. А. Станкевичем).

Ценз.: Н. П. Гиляров-Платонов, 28 нояб. 1861 г.

На тит. л. — помета: «М — 165».

Переплет — картон, бум., корешок и уголки — кожа, на корешке тисн. «Н.Ц.», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — владельческая запись: «№ 31. Отд. всеобщ. ист. Н. Цветкова».

Мэхэн, Альфред Тайер (1840—1914)

Влияние морской силы на французскую революцию и империю, 1793—1812. В 2 т. Т. I / исслед. кап. А.Т. Мэхэна, президента воен.-морской коллегии Соединеннх Штатов; изд. е. имп. выс. наследника цесаревича вел. кн. Георгия Александровича; пер. с англ. под ред. Н.П. Азбелева. — СПб.: тип. Морского м-ва, в Гл. Адмиралтействе, 1897. — XXIV, 431, [4], с., 5 к., 2 л. портр., 7 л. пл.

На тит. л. — помета: «М — 1 539».

Переплет — картон, ткань, на пер. — зол. тисн., в нижней части корешка — тисн. «Изданіе Е.И.В. Наследн. Цесарев. Великого Князя Георгія Александровича», на нижней сторонке пер. — тисн. «Переплетная В. Энгардтъ. СПб.», тканевый фальчик, обрез с рис. павлиний глаз.

Мюнстерберг, Гуго (1863—1916)

Американцы. [В 2 т.] Т.1. Политическая и экономическая жизнь / пер. с нем. А.А. Громбаха. — М.: тип. А.П. Поплавского, 1906. — XV, 423 с.

На тит. л. — овальная печать «Ростов н/Д Общество потребителей <нрзб> Библиотека»; здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 863».

На тит. л., с. XI (паг. 1-я), 27, 423 (паг. 2-я) — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

Новак, Карл Фридрих (1882—1939)

Версаль / пер. с нем. А.В. Юдиной; предисл. Б.Е. Штейна; [обл. худож. Н.И. Пискарева]. — М.: Госиздат, 1930. — 204, [3] с.

На тит. л., с. 3, 273 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 099».

Очерки из экономической и социальной истории Древнего мира и средних веков: Ст. из «Handworterbuch der Sfaatswissenschaften» / изд. М.И. Водовозовой; пер. с нем. под ред. В.Э. Дена. — СПб.: тип. и литогр. В.А. Тиханова, 1899. — II, 442 с., 7 л. ил.

В тексте читательские подчеркивания.

На тит. л., с. 2, 442 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — владельческая запись: «Из книг М. Коренецкого», здесь же владельческая печать «М. К.», ниже — печать «Книжный магазинъ В.А. Просяниченко въ Кіеве»; здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 050».

Пашино, Петр Иванович (1838—1891)

Полгода в стране баядерок и кудесников: Путевые впечатления. — [Б. м., 1876]. — 64 с.

На с. 1 — помета «М — 241» (номер повторен на ярлыке).

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году: речь Гладстона; ст. Ролен-Жекмена, Мак-Коля, Грина, Диллона, Диева и др.: с портр. В. Гладстона и католикоса Мкртича I / предисл. Л.А. Камаровского. — М.: типо-литогр. выс. утвержд. т-ва Кушнерева, 1896. — XXIII, 443 с., 2 л. портр.

На тит. л. — помета: «М — 13».

Экз. в изд. обл., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 507», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Прокопий Кесарийский (ок. 500)

Истоия войн римлян с персами, вандалами и готами. Кн. 1 / пер. с греч. С. Дестуниса; коммент. Г. Дестуниса. — СПб.: тип. имп. Акад. Наук., 1876. — VI, [1], 365, II, 316, [2] с.

На тит. л. — овал. Печать «Библіотека Второй С.-Петерб. Прогимназіи»; здесь же — помета: «М — 136».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, в нижней части корешка — тисн. « VI ПР», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — штамп «Библіотека СПБ. 12 гимназіи. Шкафъ__ Полка №__ № по инвентарю__», здесь же — библ. марка «С. П. 2П. Шкафъ В полка 3(2 рядъ) № 711 (Лит. А. Калашникова)», на форзаце в конце книги — овал. печать «Переплетное и Линовальное Заведеніе И. Датскаго По Казанской ул. д. № 14, по Екатерининн. кан. № 37, кв. № 11. С.П.Б.».

Раздел Азиатской Турции: По секретным документам б. Министерства иностранных дел / под ред. Е.А. Адамова. — М.: изд. литиздата НКИД, 1924. — 383 с., 1 к. — (Европейские державы и Турция во время мировой войны).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 431».

Рауш фон Траубенберг, Павел Александрович (1858—1923)

Персия: География и статистика. — СПб.: типо-литогр. Р. Голике, 1898. — 32 с., 1 к.

Ценз.: СПб. ценз., 22 мая 1898 г.

Отд. отт. из: Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона. — 1898. — Т. XXIII (45). — С. 380—397.

На тит. л. — авторская запись: «Княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой Графине Сумароковой на добрую память отъ искренне ей преданнаго автора»; здесь же — помета: «М — 74».

Юсупова Зинаида Николаевна (1861—1939) — княгиня, по мужу графиня Сумарокова-Эльстон, одна из самых красивых женщин рубежа XIX—XX вв., мать князя Феликса Юсупова, убийцы Распутина.

Рейх, Эмиль (1864-?)

Современная Германия (Germany's swelled head) / пер. с англ. А. Вандама. — СПб.: тип. А. Суворина, 1908. — XXIV, 192 с.

На тит. л. — владельческая запись: «Т.Н. Ройшфъ»; ниже — помета: «М — 1 349».

Речение Ипувера: Лейденский папирус № 344 / ввод. ст. акад. В.В. Струве «Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (ок. 1750 г. до н.э.)» — М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. — 55 с. — (Всеобщая история в материалах и документах).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 942».

Экз. в изд. обл.

Сальвиоли, Джузеппе (1857—1928)

Капитализм в античном мире: этюд по истории хозяйственного быта / пер. с фр. Р. Гальперина; предисл. К. Каутского. — 2-е изд. — Харьков: Всеукр. гос. изд-во, 1923. — 187 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 5 498».

Экз. в изд. обл.

Сборник географо-экономического исследовательского института / изд. ГЭИИ; под ред. Н.И. Кузнецова и проф. С.А. Советова. — Л.: отд-ние тип. «Профинтерна», 1930. — 109 с., 1 к.

На тит. л. — помета: «3 385».

Экз. в изд. обл.

Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке, 1899—1900 гг. Вып. I / изд. воен.-учеб. ком. Гл. штаба; под ред. полк. Артамонова. — СПб.: Экон. типо-литогр., 1900. — [1], 67 с.

На тит. л. — помета: «М — 1 647».

Скотт, Вальтер (1771—1832)

Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов. [В 14 т. Ч. 13—14] / соч. сира Вальтер Скотта; пер. с англ. С. де Шаплет. — СПб.: в тип. А. Смирдина, 1832. — 326, [1], 181, XCVI с.

Ценз.: П. Гаевский, 5 и 7 июля 1832 г.

На тит. л. — помета: «М — 235».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на верхней сторонке пер. — ярлык библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Скотт, Вальтер (1771—1832)

История Шотландии. Ч. 3 / соч. сира Вальтер Скотта; пер. с англ. М.М. — СПб.: в тип. деп. нар. просвещения, 1831. — 295, VIII с.

Ценз.: Н. Бутырский, 2 июня 1831 г.

На тит. л. — помета: «М — 5».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижней части корешка — тисн. «С.Б.», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат., имеется шёлк. ляссе.

Снегирев, В. (?—?)

Конкистадоры (испанские завоеватели): историческая хроника XVI ст. / общ. ред. В.Ф. Семенова; подбор ил. автора; пер., тит. л. и шмуцтит. худож. Л. Эппле. — М.: Молодая гвардия, 1936. — 226 с.: ил.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 959».

Экз. в изд. пер.

Соколов, Ал. (?—?)

Очерк истории путешествий по Каспийскому морю до начала на нем гидрографических работ. — [СПб., 1854]. — 135—182 с.

Страницы вырезаны из журн.: Морской сборник. — 1854. — № II. — с. 135—182.

На с. 135 — помета: «М — 307».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Сравнительный календарь древних и новых народов с изложением времяисчисления и календарей: китайского, японского, халдейского, египетского, древнегреческого, македонского, сирийского, еврейского, римского, древнегреческого, магометанского, юлианского и григорианского, и с особенно подробным объяснением русского летоисчисления: с прил. табл. и с показанием применения их к поверке русских летописей / сост. М. Лалош. — 3-е изд. — СПб.: тип. А.М. Котомина, 1869. — [8], XVI, 320 с.

На тит. л. и с. 87 — штамп «Библіотека Второй С.-Петерб. прогимназіи».

На тит. л . — помета: «М — 1500».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на форзаце в начале книги — библ. марка с пометой: «С.П. 2П. Шкафъ Д. Полка 3 (1 рядъ). № 896», здесь же — штамп «Библіотека СПБ. 12 гимназіи. Шкафъ Н. Полка № 110. № по инвентарю 896», обрез крапчат.

Стасюлевич, Михаил Матвеевич (1826—1911)

Афинская игемония: Рассуждение Михаила Стасюлевича, канд. филос., представленное в I-е отд-ние философского факультета СПб. ун-та для получения степени магистра всеоб. истории. — СПб.: В тип. имп. Акад. наук, 1849. — [1], 990, [3] с.

Ценз.: Н. Устрялов, 22 дек. 1848 г.

В тексте читательские пометы.

На верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Тацит (ок. 58—ок. 117)

Летопись Кая Корнелия Тацита. Ч. 1 / пер. А. Кронеберга; изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина. — М.: в тип. А. Семена, 1858. — XXVI, 298 с.

Ценз.: Н. Гиляров-Платонов, 15 окт. 1857 г.

На тит. л. — помета: «М — 142».

Токвиль, Алексис (1805—1859)

О демократии в Америке / пер. с 14-го фр. изд. В.Н. Линд. — М.: изд. маг. «Книжное дело». 1897. — XV, 620 с.

Ценз .: Моск. ценз., 26 янв. 1897 г.

На тит. л., с. 1, 27, 620 (паг. 2-я) — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 5 085».

Трачевский, Александр Семенович (1838—1906)

Польское безкоролевье по прекращении династии Ягеллонов: ист. исслед. / изд. К. Солдатенкова. — М.: тип. Грачева и Ко, 1869. — VI, 511, 112, [2] с.

Часть текста пол.

На тит. л. — помета: «М — 199».

Труды первой сессии арабистов, 14—17 июня 1935 г. — М.; Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1937. — 134, [2] с. — (Труды / Институт востоковедения; т. XXIV).

На тит. л. — штамп «Библиотека С-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 511».

Экз. в изд. обл.

Тураев, Борис Александрович (1868—1920)

История Древнего Востока. Т. 2 / под ред. В.В. Струве и И.Л. Снегирева. — Л.: ОГИЗ, 1935. — 341 с.: ил., 4 л. ил., 1 цв. ил., 1 к.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 962».

Экз. в изд. пер.

Тураев, Борис Александрович (1868—1920)

Классический Восток. Ч. I. Введение. Вавилон / под ред. и с примеч. В.В. Струве и Н.Д. Флиттнера. — Посмертный труд. — Л.: изд-во и тип. Брокгауз-Ефрон, 1924. — 292, [2] с.: ил.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 028».

Тураев, Борис Александрович (1868—1920)

Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года / предисл. акад. И.Ю. Крачковского; ред. изд. акад. В.И. Вернадского. — Посмертное изд. — Л.: изд-во АН СССР, 1927 . — 19 с., 1 портр. — (АН СССР. Труды / Комиссии по истории знаний; [вып.] 3).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 926».

Экз. в изд. обл.

Тэйлор, Д. (?—?)

Дневник путешествия по Армении, Курдистану и Верхней Месопотамии в 1866 году / Д. Тэйлора, консула е. вел. в Курдистане; пер. Н. Астафьева. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1873. — 79 с. — (материалы для географии Азиатской Турции).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Тюменев, Александр Ильич (1880—1959)

История античных рабовладельческих обществ. — М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1935. — 288 с., 4 к. — (Известия ГАИМК им. Н.Я. Марра; вып. 111).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 436».

Экз. в изд. обл.

— То же.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Инсттута. г. Ростов н/Д. 14 437».

Фюстель де Куланж, Нюма Дени (1830—1889)

Древнее общество: Обзор культа, права и учреждении Греции и Рима. I. Древние верования. II. Семья. — СПб.: изд. Н.И. Ламанского, 1867. — IV, 166, [1], XIX с.

Ценз.: СПб. ценз., 20 февр. 1867 г.

На тит. л. — помета «М — 197».

Переплет — картон, бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижней части корешка — тисн. «П. Д.», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Изъ библіотеки П.А. Дементьева. № 271-394», фамилия П.А. Дементьева зачеркнута и сверху запись: «Ф.И. Хрущова».

Хвостов, Вениамин Михайлович (1868—1920)

История римского права. — 7-е изд. — М.: Москов. научн. изд-во, 1919. — XVI, 478 с.

На тит. л. — помета: «М — 1 402», поверх пометы поставлен штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 1 402».

Изд. обл. наклеена на пер.

Хвостов, Михаил Михайлович (1872—1920)

История Греции: лекции, читанные в Казанском ун-те и на Казанских высш. женск. курсах / под ред. Г. Пригоровского. — 2-е изд., доп. — М.: Госиздат, 1924. — 262, [2[с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 779», ниже — такой же штамп с номером «5 838».

Шафарик, Павел Йозеф (1795—1861)

Славянские древности: Часть историческая. Т. I, кн. II / пер. с чеш. И. Бодянского; изд. М. Погодиным. — М.: в Унив. тип., 1837. — 331 с.

Ценз.: Д. Перевощиков, 11 июня 1837 г.

На тит. л. — помета: «М — 151».

Переплет — картон бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат., имеется шёлк. ляссе.

Шерэ, Эмэ (?—?)

Падение старого режима (1787—1789). Т. 1 / пер. с фр. Т. Богданович и Э. Пименовой; под ред. Е.В. Тарле. — СПб.: акц. о-во «Брокгауз-Ефрон», 1907. — 208 с. — (История Европы по эпохам и странам в ср. века и Новое время / изд. под ред. Н.И. Кареева и И.Э. Лучицкого).

На тит. л., с. 1, 17, 208 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 5 817».

Изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку переплета.

Шитов, Г.В. (?—?)

Персия под властью последних каджаров / ред. акад. С.Ф. Ольденбурга. — Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1933. — 229 с., 1 к. — (АН СССР. Институт Востоковедения).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 278».

Яворский, Иван Лаврович (1853 — после 1908)

Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.: Из дневников члена посольства, д-ра И.Л. Яворского: с прил.: портр. эмира Афганского Шир-Али хана и эмира Бухарского Сеид-Мозафар-ед-Дин-Хана, изображения Бамьянских каменных истуканов, карты верховьев Аму-Дарьи и маршрута посольства, сост. топографом посольства Н.А. Бендерским: в 2 т. — СПб.: тип. д-ра М.А. Хана, 1882—1883.

Т. I. — 1882. — VII, 383 с., 1 л. портр., 1 л. ил., 1 к.

Т. II. — 1883. — VIII, 387 с., 1 л. портр.

На тит. л. — пометы: «М — 462» (т. I), «М — 463» (т. II).

Оба тома в одинаковых переплетах — картон, ткань, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.; имеется шёлк. ляссе.

— То же.

Т. II.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 947».

Dayot, Armand (?—?)

Napoleon: Raconte par l'image d'apres les sculpteurs, les graveures et peintres. — Paris, 1895. — IV, 498, [1] с.: ил., 11 л. портр., 25 л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 1 666».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — две кожан. наклейки кр. и зел. цв., зол. тисн., обрез крашен.

Potocki, Jozef (?—?)

Notatki mysliwskie z Afryri. Somali / jllustrowal Piotr Stachiewicz. — Warszawa: Gebethner I Wolff, 1897 (Krakow: Z drukarni W. L. Anezyca i Spolki). — 134 с.: ил., [13] л. ил., 1 фот., [1] л. цв. портр., 1 к.

Портр. И. Потоцкого выполнен в «Photogr. Farben-facsimeli V.J. Lowy (Wien).

На н/н с. в начале книги — помета: «М — 1 699».

Экз. в изд. пер. — картон, бел. ткань с зол. тисн. и рис., форзац — декор. тисн. бум. с рис. шкуры зебры.

История России

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [В 15 т.] — СПб., 1853—1878.

Т. 5: 1663—1699 / напеч. под наблюдением гл. ред. отца протоиерея Иоанна Григоровича (до с. 200) и с. с. И.П. Торнава-Боричевского. — В тип. Эд. Праца, 1853. — VII с., 288 с., 21 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 406».

Экз. в изд. обл.

— То же.

На тит. л., с. 17 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 407».

Экз. в изд. обл.

Экз. деф.: обл. отстала от книжного блока, корешок надорван, книжный блок распадается.

Т. 7: 1657—1663. 1668—1669 / ред. Н.И. Костомаров. — Тип. В.В. Праца, 1872. — VI, 10, 398 с. — Алф. указ.: с. 381—398.

Имеются ошибки в паг. на с. 393—394.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 403».

Экз. в изд. обл.

— То же.

На тит. л., с. 17 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 402».

Экз. в изд. обл.

Экз. деф.: верхняя обл. оторвана, книжный блок распадается.

Т. 9: 1668—1672 / ред. Н.И. Костомаров. — Тип. М. Эттингера, 1877. — [2] с., 988 стб., 24 с. — Алф. указ.: с. 1—24.

На тит. л., стб. 17—18 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 401».

Экз. в изд. обл.

Экз. деф.

— То же.

На тит. л., стб. 17—18 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 404».

Экз. деф.

Т. 10: (Доп. к т. III) / ред. Г.Ф. Карпов. — Тип. бр. Пантелеевых, 1878. — 8 с., 838 стб., 24 с. — Алф. указ.: с. 1—24.

На тит. л., стб. 17—18 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 401».

Экз. в изд. обл.

Экз. деф.

— То же.

На тит. л., стб. 17—18 — штамп: «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. 15 409».

Экз. в изд. обл.

Экз. деф.

Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого / текст П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского; рис. исполнены худож. «Всемирной иллюстрации». — СПб.: изд. Г. Гоппе, 1872 (тип. Эд. Гоппе). — [8], 291 с.: ил.

Ценз.: СПб. ценз., 24 сент. 1872 г.

Посвящение издателя Александру I на с. [1] (паг. 1-я).

На об. тит. л. — марка тип. Эд. Гоппе.

На авантит. — помета: «М—1 692».

Экз. в изд. пер. — картон, ткань темно-зел. цв., на верхней сторонке пер. — зол. тисн., форзац — бел. муар. бум., на форзаце в начале книги — ярлык «Антикварная книжная торговля В.И. Клочкова. СПб., Литейный пр., 55», тройной зол. обрез.

Арсеньев, Василий Сергеевич (1883—1947), Картавцов, Илья Михайлович (1895—1971)

Декабристы-туляки. — Тула: Тулпечать, 1926. — 50, [2] с.: портр.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов № 3 291 Рег. № 367. Зак. ____»; здесь же — помета «3 181».

На тит. л., с. 17, [2] (паг. 2-я) — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876)

Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву / с биогр. введ. и объяснит. примеч. М.П. Драгоманова. — СПб.: изд. В. Врублевского, 1906 (Коммерч. скоропеч.) — 456 с.

На тит. л. — владельческая печать «Докторъ Георгій Михайловичъ Гречишкинъ»; здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 735».

На тит. л., с. 3, 456 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На форзаце в начале книги наклеен кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книги!» (ГИЗ).

Бартольд, Василий Владимирович (1869—1930)

История Туркестана / акад. проф. В.В. Бартольд. — Ташкент: Туркестан. гос. изд-во, 1922 (тип. № 6). — 50, [2] с. — (Труды/Туркестанского гос. ун-т; вып. 2). — 5 000 экз.

На тит. л. — помета: «3 271».

Экз. в изд. обл.

Берг, Лев Семенович (1876—1950)

Население Бессарабии: этнографический состав и численность: (с 10-верстной этнограф. картой). — Пг.: изд-во и тип. Рос. Акад. наук, 1923. — 59 с., 1 к. — (Рос. Акад. наук; Труды / Комиссия по изучению племенного состава населения; [вып.] 6).

На тит. л. — помета: «М — 1 501» (номер повторен на обл.).

Этнографическая карта сельского населения Бессарабии: по данным В.Н. Бутовича 1907 г. и др. источникам / сост. Л.С. Берг; (135х75,5 см).

Экз. в изд. обл.

Боданинский, Усеин Абдрефиевич(1877—1938)

Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму / Гос. Дворец-музей татарской культуры в Бахчисарае. — Симферополь: 1-я гостиполитогр. «Крымполиграфтрест», 1930. — 31 с.: ил.

Отд. отт. из сб. Крымплана: Реконструкция нар. хоз-ва в Крыму; вып. II.

На тит. л. — помета: «3 628» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси: Сборник материалов и исследований, сообщенных О. Гонсиоровским, А.А. Куником, А.С. Лаппо-Данилевским, И.А. Линниченко, С.Л. Пташицким и И. Режабеком / изд. имп. Акад. наук, 1907. — OV, IV, 334, [1] с., 10 л. ил.

Имеются разночтения в написании фамилии: И. Ржежабек — в колонтит. и ст. С.Л. Пташицкого; И. Режабек — на тит. л. и в огл.

Снимки с подлинных грамот 1316—1341 гг. изготовлены в фототипии А.И. Вильборга.

На тит. л., с. 17 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 385».

Бороздин, Илья Николаевич (1883—1959)

Новейшие археологические открытия в Крыму: (Раскопки на Гераклейском полуострове). — М.: Науч. ассоц. востоковед. при ЦИК СССР,1925. — 30, [1] с.: ил. — 750 экз.

На тит. л. — помета: «3 054».

Экз. в изд. обл.

Венчание русских государей на царство, начиная с царя Михаила Федоровича до императора Александра III: с 217 рис. — СПб.: изд. Германа Гоппе, 1883 (тип. Эд. Гоппе). — [4], 283 с.: ил.

Ценз.: СПб. ценз., 2 авг. 1883 г.

Тит. л. и текст парал. рус., фр.

На с. [1—4] (паг. 1-я) посвящение издателя Александру III.

Прил. к журн. «Всемирная иллюстрация».

Двойной парадный портрет Александра III и имп. Марии Федоровны в порфире на с. 107—108.

Портрет Александра III по картине Н.Е. Сверчкова на с. 156—157.

Портрет имп. Марии Федоровны по картине И.Н. Крамского на с. 164—165.

В художественном оформлении использованы произведения П.М. Шамшина, К. Броже, В.В. Васнецова, П.И. Балашова и др.

На тит. л. — помета: «М — 1 618».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн.

Верещагин, Василий Васильевич (1842—1904)

Очерки, наброски, воспоминания: с рис. — СПб.: тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1883. — [1], 155 с.: ил., 4 л. ил.

Ценз.: СПб. ценз., 26 нояб. 1883 г.

На тит. л. — помета: «М — 1 182».

Веселовский, Николай Иванович (1848–1918)

Хан из темников Золотой орды Ногай и его время: (Представлено в заседании отд-ния ист. наук и филологии 20 апреля 1916 г.). — Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922. — 58, [2] с. — (Записки Рос. Акад. наук по отд-нию ист. наук и филологии; серия VIII; т. XIII, № 6 и последний). — 600 экз.

Надзаг., тит. л. и содерж. рус., фр.

Тит. л. сер. VIII в конце книги.

На тит. л. — помета: «М — 530» (номер повторен на обл).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Вестник Научного общества татароведения. № 8. — Казань: изд. Дома татар. культуры. 1928. — 268 с., 15 л. ил.

На тит. л. — помета: «№ 945».

Вестник Научного общества татароведения. № 9–10. — Казань: изд. Дома татар. культуры, 1930. — 218, [2] с., 2 портр., 6 л. ил., 1 цв. ил. — 750 экз.

На тит. л. — помета: «3 380» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Вигель, Филипп Филиппович (1786–1856)

Замечания на нынешнее состояние Бессарабии: писано в октябре 1823 г. — М.: Унив. тип., 1892. — 256, 107 с., 1 л. портр.

В кн. также: Ф.Ф. Вигель. Записки. Ч. 7.

На тит. л. — помета: «М — 16».

На форзац наклеен ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, имеется ляссе.

Экз. деф.: утрачен пер.

Всероссийская художественно-промышленная выставка в Нижнем Новгороде: со множеством художественных иллюстраций зданий, павильонов, витрин, портретов и пр. и пр. — СПб.: кн. изд-во Г. Гоппе, 1896 (тип. Эд. Гоппе). — 202, [2] с.: ил., 1 пл.

Ценз.: СПб. ценз., 20 дек. 1896 г.

Книга украшена тематической виньеткой и множеством инициалов.

На тит. л. — помета: «М — 1 617».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., на форзаце в начале книги экслибрис I. Iversen, тканевый фальчик.

Гаврилов, Михаил Филиппович (1884–1938)

Материалы к этнографии «тюрок» Ура-Тюбинского района / отв. ред. П.А. Баранов. — Ташкент: изд-во Ср.-Азиат. гос. ун-та, 1929. — 23, [2] с.: фот. — (Труды / Ср.-Азиат. гос. ун-т. Серия «II. Orientalia»; вып. 2). —1 053 экз.

Тит. л. и обл. парал. нем.

Рез. нем.

На тит. л. — помета « 3 270».

Экз. в изд. обл.

Гаркави, Авраам Яковлевич (1835 или 1839–1919)

Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». — СПб.: в тип. А.О. Цедербаума, 1871. — 41 с.

Ценз.: СПб. ценз., 24 марта 1871 г.

Посвящение автора проф. В.В. Григорьеву на с. 3.

На тит. л. — помета «М — 612».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на с. 2 обл. — экслибрис Д.Г. Гинцбурга.

Государственная Дума. Третий созыв: стенографические отчеты 1908 года. Сессия 2. Ч. I. Заседания 1–15 (с 15 окт. по 20 дек. 1908 г.). — СПб.: Гос. тип., 1908. — XIV, 34 стб., 35–51 с., 53–3152 стб.

Печ. по распоряжению Председателя Гос. Думы.

На изд. обл. — помета «М — 1 377».

Переплет — картон. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижней части корешка — зол. тисн.: «Аф. В.». Сохранилась верхняя изд. обл.

[Государственный совет, 1801–1901: Краткий очерк деятельности за сто лет существования / сост. в государственной канцелярии. — СПб.: гос. тип., 1901.]- 215, [30], 42 с., 42 л. портр., 43 л. факс., 10 л. ил.

Издано с выс. разрешения.

Экз. деф.: утрачен пер. и тит. л.

В настоящем издании представлены важнейшие вехи истории Государственного совета за 100 лет. В издании помещено факсимиле важного документа — Присяги членов Государственного совета. В приложении приведен полный список председателей и членов Государственного совета и высших чиновников Государственной канцелярии за 100 лет. Книга стала одним из первых научных изданий, посвященных истории государственного совета, и первым, охватывающим весь период его существования на то время. Книга отпечатана на высококачественной слоновой бумаге, большинство факсимиле — на бумаге верже ручной выделки. Издание вышло с высочайшего соизволения представителей императорского дома, о чем свидетельствует факсимиле автографа вел. кн. Михаила Романова на обороте титула (в нашем экземпляре титул вырезан).

Граббе, Павел Христофорович (1787–1875)

Записная книжка графа П.Х. Граббе. — М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1888. — 750 с.

На тит. л. — помета: «М — 256».

На форзаце в начале книги — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Экз. деф.: утрачен пер.

XIX век: Иллюстрированный обзор минувшего столетия: с 470 портр., рис. и картами / общ. ред. Р.И. Сементковского. — СПб.: изд. А.Ф. Маркса, 1901. — 408 с.: ил.

Прил. к журн. «Нива» за 1901 г.

На тит. л. — помета: «М — 109».

Экз. в изд. ил. обл. (худож. Табурин В.А.), в изд. пер., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Издание не подлежит вывозу за пределы Российской Федерации.

Доклады и приговоры состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. IV. Год 1714. Кн. I (янв. — июль) / изд. имп. Акад наук; под ред. Н.Ф. Дубровина, адъюнкта Академии. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1888. — 600 с.

На об. тит. л. — ярлык кр. цв.: «Антикварная книжная торговля В. Клочкова. СПб. Литейный, 55».

На тит. л. — помета: «М — 1 419».

Экз. во владельческом пер. — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижней части корешка — тисн. «Г. В.»; на форзаце в начале книги — печать «Библіотека изъ кн. Г.А. Власьева. № 714 Шк. А. Пол. О.»; здесь же — ярлык «Библіотека Русскаго Генеалогическаго Общества. Шкафъ III. Полка 6. № 1 689».

Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 6 / ред. А. С. Норов и М. Коркунов. — СПб.: в тип. Эд. Праца, 1857. — VIII, 477, 15, 8 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 399».

Экз. в изд. обл.

Дорн, Борис (Бернгард) Андреевич (1805–1881)

Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря: с двумя литогр. картами и восьмью политипажами: прил. к XXVI т. Записок имп. Академии наук № 1. — СПб.: тип. имп. Акад. наук. 1875. — LVI, 718 с.: ил., 2 к. — Указ. предметов: с. 100–224; Указ. библиогр.: с. 225–294; Общ. указ.: с. 534–618; Указ. словарный: с. 619–628; Указ. к ст. А. Куника: с. 629–715.

На тит. л. — помета: «М — 116».

Переплет — картон, шёлк. ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «481», на верхней сторонке пер. — ярлык Бил. Коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д; обрез с рис.

Дубровин, Николай Федорович (1837–1904)

Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807–1829 г.) / Н.Ф. Дубровин, чл.-кор. имп. Акад. наук. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1883. — XXIV, 533 с., 1 черт.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 368».

Изд. обл. утрачена.

Среди авторов и адресатов писем императоры Александр I и Николай I, А.А. Аракчеев, П.И. Багратион, А.Х. Бенкендорф, герцог Веллингтон, А.Н. Голицын, Е.Ф. Канкрин, П.А. Румянцев, М.М. Сперанский и др. В книгу включено 468 писем, являющихся ценнейшими источниками по истории дореволюционной России.

Дубровин, Николай Федорович (1837–1904)

Присоединение Крыма к России: Рискрипты, письма, реляции и донесения: [в 4 т.] / Н.Ф. Дубровин, чл.-кор. — СПб.: имп. Акад. наук, 1885–[1889].

Т. I: 1775–1777 гг. — 1885. — XXVI, 872 с.

Т. II: [1778]. — [Б. г.] — XX, 924 с.

Т. III: [1779–1780 гг.]. — [Б. г.] — XXII, 739 с.

На тит. л. т. I — помета: «М — 115».

Все экз. без изд. обл., т. II–III без тит. л.

Евреинов, Владимир Александрович (?–?)

Гражданское чинопроизводство в России: ист. очерк. — СПб.: тип. А.С. Суворина, 1887. — 87 с.

На тит. л. — помета: «М — 1 608».

Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., форзац — бел. муар. бум.

Жихарев, Степан Петрович (1787–1860)

Записки Степана Петровича Жихарева / изд. «Русского архива». — М.: Унив. тип., 1890. — 464 с.

Текст известен под заглавием «Записки современника».

На тит. л. — помета: «М — 247».

На форзаце в начале книги — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Журналы Комитета министров: Царствование императора Александра I: 1802–1826 гг.: [в 2 т.] — СПб.: тип. В. Безобразова и Ко, 1888–1891.

Т. I: 1802–1810 гг. — 1888. — II, 87, IV, 503 с.

Т. II: 1810–1812 гг. — 1891. — [6], 132, XXXII, 756 с.

Напеч. по высоч. повелению.

На тит. л. — пометы: «М — 1 426» (т. I), «М — 1 427» (т. II).

На форзац в начале т. I — экслибрис вел. кн. Николая Николаевича.

Переплет т. II — картон, кожа темно-зел. цв., на верхней сторонке пер. — зол. тисн., — бел. муар. бум., на форзаце в конце книги — зол. тисн. «М. Ломковскій», имеется шёлк. ляссе.

Экз. деф.: утрачен пер. т. I; с нижней сторонки переплета т. II срезана кожа.

Записки императорского Одесского Общества истории и древностей. Т. XXII. — Одесса: «Экономическая» тип. и литогр., 1900. — V, 221, 43, 44, 81, 153, [2] с., 2 л. портр., 3л ил.

На тит. л. — помета: «М — 1 202».

Переплет — картон, муар. ткань зел. цв., форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, тройной зол. обрез.

Зарубин, Иван Иванович (1887–1964)

Список народностей Туркестанского края. — Л.: изд-во Рос. Акад. наук, 1925 (гос. тип. Ивана Федорова). — 23 с. — (АН СССР. Труды / Комиссии по изуч. племенного состава населения России и сопредельных стран; вып. 9). — 2 000 экз.

На тит. л. — помета: «М — 1 508» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (б. Таврической ученой архивной комиссии). Т. II (59-й) / под ред. секретаря о-ва Н.Л. Эрнста. — Симферополь, 1928. — [1], 123 с., 2 л. фот.

Без. тит. л. Описание сост. по обл.

На верхней обл. — помета: «№ 194…».

Экз. в изд. обл.

Иллюстрированная хроника войны 1877–1878 гг. [В 2 т.] Т. II. № 51–105 / ред. — изд. Г. Гоппе. — СПб.: изд. кн. изд-ва Г. Гоппе, 1878 (тип. Эд. Гоппе). — [4], 440 с.: ил., 2 к. — Прил. к журн. «Всемирная иллюстрация» за 1877 и 1878 гг.

Ценз.: СПб. ценз., 26 мая 1878 г.

Имеется также ил. тит. л. худож. К. Броже.

На верхней изд. обл. — помета: «М — 1 654».

Экз. во владельческом переплете — корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижней части корешка — тисн. «А. А.», форзац — декор. бум., обрез крашен.

Иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 г.: Альбом 179 рисунков и 16 портретов, исполненных лучшими художниками журн. «Всемирная иллюстрация», с подробным изображением и описанием главнейших видов выставки, её павильонов, более выдающихся витрин, выставлявшихся пред-

метов всех групп, с описанием разного рода промышленности и производств, с полным указателем экспонентов, со списком экспонентов, удостоенных наград и проч. — СПб.; М.: изд-во Г. Гоппе, 1882 (СПб.: тип. Эд. Гоппе). — [3], 256 с.: ил.

На тит. л. — помета: «М — 1 616».

Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., пер. именной — Perens (Hamburg), на форзаце в начале книги — экслибрис А. Kapnist, на форзаце в конце книги — овальная печать «Мастерская Ф.А. Бородина. Брошюровка. Переплеты. Шитьё проволокою».

Книга не подлежит вывозу за пределы Российской Федерации.

Иловайский, Дмитрий Иванович (1832—1920)

Мелкие сочинения, статьи и письма, 1857 — 1887 гг. — М.: тип. М.Г. Волчанинова (б. М.Н. Лаврова), 1888. — [1], 416 с.

Переплет — картон, ткань с тисн., корешок — кожа с тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Допполитпросвета г. Ростов н/Д.

Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1814, 1815 гг.: Военная галерея Зимнего дворца / изд. с высоч. соизволения и посвященная е. и. вел. государю императору: [в 6 т.] — СПб.: в тип. Карла Крайя, 1845—1849.

Т. 1: Жизнеописания: Портр. с подлинников Доу рисованы париж. худож. Гюо и Долле / соч. А.И. Михайловского-Данилевского; изд. В. Межевича и И. Песоцкого. — 1845. — [8], VI, 231 с. разд. паг., 25 л. портр., 1 л. ил.

Т. 2: Жизнеописания / соч. А.И. Михайловского-Данилевского; изд. И. Песоцкого. — 1846. — 178 с. разд. паг., 25 портр.

Т. 3: Жизнеописания / соч. А.И. Михайловского-Данилевского; изд. И. Песоцкого. — 1846. — 219 с. разд. паг., 24 портр.

Т. 4: Жизнеописания / соч. А.И. Михайловского-Данилевского; изд. И. Песоцкого. — 1846. — 190 с. разд. паг., 26 портр.

Т. 6: Жизнеописания / соч. под ред. А.И. Михайловского-Данилевского и А.В. Висковатова; изд. П.А. Печаткина. — 1848—1849. — 290 с. разд. паг., 25 портр.

Ценз.: Военно-ценз. ком-т.

Имеется ил. тит. л.

Посвящение изд. Николаю I на с. [3—5] (паг. 1-я) (т. 1).

На тит. л. — пометы: «М — 1 625» (т. 1), «М — 1 626» (т. 2), «М — 1 627» (т. 3), «М — 1 628» (т. 4), «М — 1 659» (т. 6).

Т. 1—4 в изд. ил. переплете, на форзаце в конце книги — ярлык «Антикварная книжная торговля В. Клочкова. СПб., Литейный, 55».

Т. 6 во владельческом переплете, на форзаце в начале книги — владельческая запись: «Бурдинъ 1896», здесь же экслибрис Д.Г. Гинцбурга.

Инструкция для регистрации коллекций в Музее антропологии и этнографии АН СССР / АН СССР. — Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1928. — 7 с. — 500 экз.

1-е изд. — 1916 г.

На верхней обл. — помета: « 2 364».

Экз. в изд. обл.

Искерский, Карл Карлович (1829—1894)

Война 1877—78 гг. Причины развития тифозных эпидемий, от которых таяли наши войска во время войны 1877—78 гг. Меры против этого зла в будущем / изд. вдовой покойного. — СПб.: тип. Н.В. Васильева, 1897. — III, 122 с., 4 табл., 1 л. портр.

Ценз.: СПб. ценз., 26 марта 1897 г.

На тит. л. — помета: «М — 94».

Исторический обзор деятельности Комитета министров: Комитет министров в первые восемь лет царствования государя императора Николая Александровича (1894 г. 21 окт. — 1902 г. 8 сент.) / сост. пом. упр. делами Комитета министров Н.И. Вуичем; под гл. ред. статс-секретаря Куломзина; изд. канцелярии Комитета министров. — СПб.: гос. тип., 1902. — II, 127 с., 2 л. портр. — К столетию Комитета министров (1802—1902).

Портреты и факсимиле Николая II и предс. Ком-та И.Н. Дурново напечатаны в Экспедиции загот. гос. бумаг.

На тит. л. — помета: «М — 1 418».

Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., форзац — декор. бум., тканевый фальчик.

История правительствующего Сената за двести лет, 1711—1911 г.: [в 5 т.] / под ред. С.Ф. Платонова, А.Н. Филиппова, Н.Д. Чечулина, Н. Берендтса. — СПб.: Сенат. тип., 1911.

Т. 2: Правительствующий Сенат в царствование Елизаветы Петровны и Петра Федоровича. — 336 с.: ил, 3 портр., 9 л. факс.

Т. 3: Правительствующий Сенат в XIX столетии до реформ 60-х годов. — 712 с.: ил., 2 портр., 7 л. факс., 2л. ил.

Т. 4: Правительствующий Сенат в XIX веке после реформ 60-х годов. — 529 с.: ил., 2 портр., 8 л. факс., 5 л. ил.

Т. 5: (дополнительный). — 224 с.: ил., портр., 6 л. ил., 2 л. ил.

Ил., портр. и факсимиле напечатаны в Т-ве Р. Голике и А. Вильборг.

На тит. л. — пометы: «М — 1 420» (т.2), «М — 1 421» (т. 3), «М — 1422» (т. 4), «М — 1 423» (т. 5).

Книга посвящена истории Сената — высшего после монарха контрольно-надзорного органа в российском государстве. Его создание являлось важнейшим шагом в ходе административных реформ Петра I. Со времени создания института прокуратуры в 1722 году Сенат осуществлял гласный и негласный надзор за работой государственных учреждений на всех уровнях. Знаменитая комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» связана с одной из важнейших функций Сената — проведением регулярных сенатских ревизий, одно упоминание о которых вызывало священный трепет у российских чиновников.

В процессе работы над составлением этого издания использовались документы практически всех центральных архивов и библиотек, в том числе и закрытого архива собственной его величества канцелярии. Издание отличается исторической полнотой и новизной, на его страницах появилось колоссальное число ранее неопубликованных документов. Составление многотомного труда было возложено на специальную комиссию, состоявшую из членов Сената, крупнейших российских правоведов, историков и архивистов. Именно им принадлежит редакция отдельных томов, для написания которых они могли приглашать тех или иных исследователей. Издание иллюстрировано портретами русских монархов от Петра I до Николая II, выполненными на отдельных листах в технике гелиогравюры и фототипии в типографии Товарищества Р. Голике и А. Вильборг, портретами сенаторов, видами зданий Сената и интерьеров, факсимиле важнейших документов. Для издания были отлиты специальные шрифты. Концовки заимствованы из дела канцелярии генерал-прокурора 1797 года о приобретении в состав Сенатской типографии частной типографии А.И. Мусина-Пушкина.

Редкость. Издание имеет историческую ценность.

История Русско-Японской войны. [В 6 т.] Т. II / ред. — изд. М.Е. Бархатов и В.В. Функе; [рис. пер. худож. А. Холенкова]. — СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. — [2], 263—501 с.: ил., 1 к.

Ред. и склад изд.: СПб., Пушкинская, 3.

На тит. л. — помета: «М — 1 448».

Экз. в изд. ил. пер., на верхней сторонке пер. — зол. и цв. тисн., форзац — декор. бум., на нижней сторонке пер. — тисн. «Переплетная М.Л. Уленанъ. С.П.Б.».

На страницах «Истории» впервые появляется систематизация данных о войне. Цифры потерь, сообщения очевидцев, судьбы участников — все это вместе явилось новым этапом в развитии историографии русско-японской войны.

Кавелин, Константин Дмитриевич (1818—1885)

Собрание сочинений: [в 4 т.] / ред. Л.З. Слонимский и Д.А. Корсаков. — СПб.: изд. Н. Глаголева, [1904] (текст напеч. в тип. М.М. Стасюлевича; тит. л. и обл. в тип. Н.П. Собко).

Т. 1: Монографии по русской истории / с портр. авт., биогр. очерком и примеч. проф. Д.А. Корсакова; предисл. авт. к «Собр. соч.», изд. в 1859 г. — XXXII с., 1052 стб., III с., 1 л. портр.

Т. 2: Публицистика: I. Крестьянский вопрос, дворянство и землевладение. II. Сельский быт и самоуправление. III. Общественные направления и политические вопросы. IV. Воспоминания и разные статьи / с портр. авт., вступ. ст. В.Д. Спасовича и примеч. проф. Д.А. Корсакова. — XXXI с., 1218 стб., 1 л. портр.

Т. 3: Наука, философия и литература. I. Наука и университеты. II. Общие научно-философские вопросы. III. Психология. IV. Этика. V. Литература и искусство / с портр. авт., вступ. ст. А.Ф. Кони и примеч. проф. Д.А. Корсакова. — XX с., 1256 стб., 1 л. портр.

Ценз.: СПб. ценз., 11 февр. 1904 г. (т. III).

На тит. л. — пометы: «М — 1 192» (т. 1), «М — 1 193» (т. 2), «М — 1 194» (т. 3).

Т. 3 в изд. обл.

Карелин, Григорий Силыч (1801—1872)

Путешествие Г.С. Карелина по Каспийскому морю / ред. М. Богданов. — [Б. м., б. г.] — VI, 497 с., 6 к.

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кенан, Джорж (1845—1924)

Сибирь и ссылка: (Очерки из жизни политических ссыльных). Ч. II. — СПб.: типо-литогр. И. Люндорф и Ко, 1906. — 168 с.

На тит. л. — помета: «М — 1 410».

Экз. в изд. обл.

Книга об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича / изд. Комис. печатания гос. грамот и договоров, сост. при Москов. гл. архиве М-ва иностранных дел. — М.: в Синод. тип., 1856 (хромолитогр. А. Шелковникова) . — [6], XL, [119] с., 1 л. портр., 1 цв. ил.

Печ. по высоч. повелению.

Посвящение К.М. Оболенского и С. Иванова Николаю I на с. [7—8] (паг. 1-я).

Кириллич. букв. паг. с. [1—119].

Портр. царя Михаила Федоровича.

Весь текст помещен в литографированные орнамент. цв. рамки.

На тит. л. — помета: «М — 1 619».

Экз. в изд. обл. — картон, цв. бум., корешок — кожа, на сторонках пер. двойная рамка — линейная и орнамент.

Издание посвящено церемонии коронации первого царя из Дома Романовых. Подготовка издания началась по воле императора Николая I, но вышло оно уже после его смерти ограниченным тиражом и было приурочено к торжествам восшествия на престол Александра II. В книге был напечатан исторический документ — «Описание избрания и венчания на царство Михаила Федоровича Романова» — составленный в XVIII веке по актовым материалам. Документ весьма важен с исторической и археологической точек зрения. Перед текстом документа помещена историческая справка о возникновении обряда венчания, о ходе самой церемонии; описание и история создания рукописей, по которым печатался текст. Автор текста был установлен на основе приказных документов и челобитных, им назван руководитель Посольского приказа знаменитый боярин А.С. Матвеев.

Кондараки, Василий Христофорович (1834—1886)

В память столетия Крыма. Содержание: 1. Лучший хан Крыма Керим-гирей; 2. Последний хан Крыма Шагин-гирей. — М.: тип. В.В. Чичерина, 1883. — 241, 196 с.

На тит. л. — помета: «М — 143».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на верхней сторонке пер. ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Коронационный сборник Т. 2 / с соизволения его императорского величества государя императора издано Министерством императорского двора; сост. под ред. В.С. Кривенко; ил. Н.С. Самокишем, Е.П. Самокиш-Судковской и С.И. Васильковским; с прил. воспроизведений с оригиналов: А.Н. Бенуа, В.В. Васнецова, К.В. Лебедева, В.Е. Маковского, И.Е. Репина, А. Рябушкина и В.А. Серова; в сост. принимали участие: Н. Оприц, Е. Барсов, Г. Франк, А. Аршеневский, В. Нувель, Ф. Шауне, К. Линден и С. Белокуров. — СПб.: Экспедиция загот. гос. бум., 1899. — XXVI, 335 с., 60 л. фот., 13 л. цв. ил., 7 л. ч.-б. ил., 7 ил. шмуцтит.

Литогр. и хромолитогр. напеч. в скоропечатне А.А. Левенсона.

На об. тит. л. — марка Экспедиции загот. гос. бумаг (худож. Н.С. Самокиш).

На авантит. — типографский экслибрис «Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской».

В книге помещены цветные меню, пригласительные билеты и программы увеселительных мероприятий. Меню коронационного обеда художника В.В. Васнецова представлено в размере оригинала 92,0х29,5 см.

На с. I (паг. 1-я) — помета: «М — 1 554».

Экз. в роскошном изд. составном переплете, на верхней сторонке пер. — зол. и цв. тисн., автор рисунка — худож. Н.С. Самокиш, форзац — цв. декор. бум., на об. форзаца в начале книги — ярлык «Р.С.Ф.С.Р. Библиотека Центр. Педагог. Музея»; тройной зол. обрез.

Большая библиографическая редкость. Одно из лучших русских изданий, подлинное произведение полиграфического и переплетного искусства. Это издание представляло Россию в Лейпциге в 1914 году на Международной выставке печатного дела и графики. «Коронационный сборник» признан самой дорогой книгой России.

Костомаров, Николай Иванович (1817—1885)

Исторические монографии и исследования. Т. 13 / изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. — СПб.; М., 1881 (СПб.: тип. М.О. Вольф). — 516 с.

На тит. л. — помета: «М — 1 933».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на форзаце в начале книги — ярлык «Изъ книгъ И.И. Дитятина. № 205», обрез крапчат.

Котошихин, Григорий Карпович (ок. 1630—1667)

О России в царствование Алексея Михайловича / совр. соч. Григория Котошихина; изд. Археограф. комис.; под ред. Коркунова. — 2-е изд. — СПб.: в тип. Эд. Праца, 1859. — XVI, 164, [4] с., 2 л. факс.

Факсимиле напеч. в литогр. Бермелева при Археограф. комис.

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на форзаце в начале книги — штамп «Государственный книжный фонд. 1 281», здесь же экслибрис Д.Г. Гинцбурга.

Крепостная мануфактура в России. Ч. V. Московский Суконный Двор / вступ. ст. «К вопросу истории крепостной мануфактуры» М.П. Вяткина; ред. изд. С.Г. Томсинский. — Л.: изд-во и тип. АН СССР, 1934. — LI, 255 с., 3 л. ил. — (АН СССР. Труды / Ист.- археограф. ин-т; т. XIII). — 2 675 экз.

На тит. л. — помета: «12 103».

Экз. в изд. пер.

Латышев, Василий Васильевич (1855—1921)

Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. Вып. 2 / собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышев. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1896. — 299—600 с. — (Прил. к «Зап. имп. Рус. археолог. о-ва»).

Текст парал. греч., латин.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. — помета: «М — 217».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Лопатин, Иннокентий Александрович (1839—1909)

Дневник Туруханской экспедиции 1866 г.: с картой, рис. и черт. / обраб. М.Н. Миклухо-Маклая. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1897. — IX, 191 с., 1 цв. к., 2 черт. — (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по общ. географии; т. XXVIII , № 2 / изд. под ред. И.В. Мушкетова).

Подстроч. примеч. М.Н. Миклухо-Маклая.

Карта Туруханской экспедиции составлена М.Н. Миклухо-Маклаем.

Карта и чертеж напеч. в картографич. завед. Д.М. Руднева.

На тит. л. — помета: «М — 477».

Межов, Владимир Измайлович (1830—1894)

Туркестанский сборник сочинений и статей относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Томы 151—300. Систематический и азбучный указатели сочинений и статей на русском и иностранном языках / сост. по поручению г. туркестан. воен. ген.-губ. М.Г. Черняева В.И. Межовым. — СПб.: тип. Глазунова, 1884. — VIII, 166, [2] с.

Текст рус., англ., нем., фр.

На с. IV (паг. 1-я) — ярлык «Тип. Глазунова, Казанская ул., № 8».

На тит. л., с. III (паг. 1-я), форзаце в начале книги — штамп «1908 г. Центральная библіотека Комиссіи по народному образованію въ С.П.Б. № 1 067».

На тит. л. — помета: «М — 1 588».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на форзаце в начале книги — ярлык «Ц. Б. при Ком. по Нар. Обр. № 1 067. Шкафъ 7 Полка I Место 27».

Мельников, Андрей Павлович (1855—1930)

Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки, 1817—1917 / изд. нижегородского ярмарского купечества. — [Н. Новгород, 1917]. — XV, 280 с., 5 л. портр., 5 л. ил.

Тит. л., заставки, концовки и инициалы худож. С. Я.

На тит. л. — владельческая печать «Библіотека П.А. Остроухова», здесь же — помета: «М — 1 577».

Министерство внутренних дел, 1802—1902: ист. очерк: [в 3 т.] — СПб.: тип. М-ва внутренних дел, [1902].

[Т. 1]: Исторический очерк / сост. сотр. Археогр. комис. С.А. Адрианов. — [1], 225, [6] с.: ил., 44 л. портр., 1 фот.

[Т. 2]: Исторический очерк: Приложение первое: Автографы, грамоты, виды сооружений и проч. — [1], XXXI, 160, [1] с.: ил.

[Т. 3]: Исторический очерк: Приложение второе: Почта и телеграф в XIX ст. / сост. сотр. М-ва внутренних дел Н.И. Соколов и Н.Е. Славинский. — 248, VIII с: ил.., 10 л. портр.

На об. тит. л. — факсимиле «Печатать. Министр Внутренних Дел Плеве, 8 сент. 1902 г.»

Изд. украшено виньетками, заставками, концовками худож. А.М. Лейцингера, В. Овсянникова, Потемкина, I.M. Гелиогравюры изготовлены в Берлине в заведении Г. Бюксенштейна. Цинкографические клише в СПб. в заведении С.М. Прокудина-Горского.

На тит. л. — пометы: «М — 1 633» (т. 1), «М — 1 634» (т. 2), « М — 1 635» (т. 3).

Министерство финансов, 1802—1902: [в 2 ч.] — СПб.: Экспедиция загот. гос. бумаг, 1902.

Ч. 1. — IX, 639 с., 5 л. портр., 4 л. факс.

Ч. 2. — VII, 692 с., 5 л. портр., 2 факс.

Список высшим чинам Министерства финансов с 1802 г. по 8 сент. 1902 г.: с. 651-692.

Изд. оформил худож. Р.Г. Зарин.

На авантит. — помет: «М — 1 431» (ч. 1), «М — 1432» (ч. 2).

Экз. в изд. обл., на с. 4 обл. — марка Экспедиции заготовления гос. бумаг (худож. Р.Г. Зарин).

Большая редкость.

Михайловский-Данилевский, Александр Иванович (1790—1848)

Полное собрание сочинений А.И. Михайловского-Данилевского, ген. — лейт., чл. Воен. совета, сенатора, пред. Воен.-ценз. ком-та и ординарного акад. имп. Акад. наук: с портр. и биографией автора, сост. Л. Брантом: [в 7 т.] — СПб.: в тип. Штаба отд. корпуса внутренней стражи, 1849—1850.

Т. I: Описание первой мировой войны имп. Александра с Наполеоном, в 1805 г. Описание второй войны имп. Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 гг.: с 32 пл. и картами. — 1849. — 496 с., 32 пл. и к.

Т. II: Описание Финляндской войны, в 1808 и 1809 гг.: с 20 пл. и картами. — 1849. — 338, [1] с., 19 пл., 1 к.

Т. III: Описание Турецкой войны, с 1806 до 1812 г.: с картою театра войны и 30 пл. — 1849. — 366, [2] с., 1 к., 30 пл.

Т. V: Описание Отечественной войны 1812 г. (гл. I—XXXII): с 51 пл. — 1850. — 504 с.. 48 пл., 1 к.

Ценз.: Барон Медем, 11 дек. 1848 г.

На тит. л. — пометы: «М — 1 167» (т. I), «М — 1 168» (т. II), «М — 1 169» (т. III), «М — 1 170» (т. V).

Все тома в одинаковых пер. — картон, бум., уголки и корешок — кожа, на корешке — зол. тисн.

Ножин, Евгений Константинович (?—?)

Правда о Порт-Артуре. Ч. I / изд. П.А. Артемьева. — СПб.: типо-литогр. «Герольд», 1906. — 444 с.: ил.

На тит. л. — помета: «М — 1 471».

Описание русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Балканском полуострове: [в 9 т.] / изд. воен.-ист. комис. Гл. штаба. — СПб.: воен. тип. (в здании Гл. штаба), 1901—1916.

Т. V: Действия на западном фронте с 18 авг. по 1 сент. 1877 г. (Сражение под Плевной). — 1903. — VII, 272 с.

Т. VII: Военные действия с 22 окт. до 1 дек. 1877 г.: ч. II. Действия на юж. и вост. фронте / изд. воен.-ист. комис. гл. упр. Ген. штаба; под ред. ген. штаба полк. Геруа I. — 1911. — VI, 388 с.

В тексте заставки, концовки и инициалы худож. П. Григорьева.

На тит. л., с. III, 1 (т. V) — овальная печать «Библіотека СПб. креп. артил. и артиллерійскаго склада».

На тит. л. (т. VII) — печать «Управленіе С.-Петербургской Крепостной Артиллеріи», здесь же — пометы: «М — 1 452» (т. V), «М — 1 453» (т. VII).

Переплет — картон, бум., корешок — кожа с зол. тисн., в нижней части корешка — тисн. «Б. О. С.» (т. V), «Б. А. С. П. К.» (т. VII, ч. II), тканевый фальчик.

Очерк деятельности Министерства императорского Двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования их императорских величеств в 1896 г.: [в 6 т.] / по поручению М-ва имп. двора ген.-адъютанта гр. И.И. Воронцова-Дашкова и при участии чинов коронационной канцелярии, сост. зав. коронационной канцелярии д. с. с. В.П. Погожев. — СПб.: изд. коронацион. канцелярии, 1896 (тип. гл. упр. уделов).

Т. 1: I. Общая часть. II. Отчеты о расходах. — 389, V с.

Т. 2: III. Приглашение и прием российских и иностранных высочайших особ, посольств и сословных и местных представителей. IV. Церемониальная часть. — 338, IV с.

Т. 3: V. Хозяйственная часть. — 420, IV с.

Т. 4: VI. Увеселения, зрелища и угощение. VII. Вспомогательная часть. VIII. Заключение. — 354, IV с.: черт., пл., графики.

Т. 5: Приложения: А-Е. — 263, VI с., 5 л. ведомостей и бланков.

Т. 6: Приложения: Ж-К. — [1], 378, VIII, [2] с., 18 л. ведомостей, бланков и билетов.

Печатано по распоряжению министра имп. двора.

Текст помещен в рамку.

В т. 3, 4 и 6 вложена листовка «От составителя».

На тит. л. — пометы: «М — 345» (т. 1), «М — 346» (т. 2), «М — 347» (т. 3), «М — 348» (т. 4), «М — 349» (т. 5), «М — 350» (т. 6).

На тит. л. т. 3, 4 и 6 — печать «Р.С.Ф.С.Р. Центральная Педагогическая Библиотека».

Переплет т. 1, 2 и 5 — картон, желтая бум., корешок — голубая ткань, на корешке — форматка из светлой кожи с зол. тисн. (художник переплета И.П. Петров (Ропет), на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Переплет т. 3, 4 и 6 с голубыми тканевыми уголками, на форзаце в начале книги — ярлык «Р.С.Ф.С.Р. Библиотека Центр. Педагог. Музея.» № 1 732 (т. 3), № 1 733 (т. 4), № 1 735 (т. 6).

Паллас, Петр Симон (1741—1811)

П.С. Паласа, доктора медицины, проф. натуральной истории и чл. Рос. имп. Академии наук, и СПб. Вольного Экономического о-ва, также Римской имп. Академии испытателей естества и Королевского Аглинского учен. собрания, Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. — Вторым тисн. — СПб.: при имп. Акад наук, 1809. — [10], 657, 116 с.

Посвящение автора Екатерине II на с. [1—5] (паг. 1-я).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 860».

Экз. не обрезан.

Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов, высочайше утвержденной при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. [Т. 1]. — Киев: в тип. Ун-та св. Владимира, 1845. — IX, 274, [2], 112, [1], 473 с., 9 л. ил..

Ценз.: А. Федотов-Чеховский, 13 янв. 1845 г.

Имеется также ил. тит. л. (худож. Ф.Г. Солнцев).

Текст парал. церковно-слав., пол.

На тит. л. — помета: «М — 1 656».

Экз. в цельнокожан. пер. темно-зел. цв., на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «II», на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека Гр. Н.В. Левашова. Шкафъ IV Полка 4 № II»; тройной зол. обрез.

Петров, Андрей Николаевич (1837—1900)

Война России с Турцией и польскими конфедератами: с 1769—1774 год. Т. I. Год 1769 / сост., преимущественно, из неизвестных по сиё время, рукописных материалов Ген. штаба кап. А. Петровым. — СПб.: в тип. Эд. Веймера, 1866. — [5], III, 332 с., [14] с. ведомостей, 5 пл., 1 к.

Изд. на счет правительства.

На тит. л. — помета: «М — 364».

Переплет — картон, бум., корешок — зел. кожа с зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Погодин, Михаил Петрович (1800—1875)

Исторические афоризмы. — М.: в Унив. тип., 1836. — VIII, 128 с.

Ценз.: В. Семенов, 12 июля 1835 г.

На тит. л. — помета: «М — 163».

Переплет — картон, мрамор. бум., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Полное собрание русских летописей / изд. ист.-археограф. комис. АН СССР, 1923—1928.

Т. 1: Лаврентьевская летопись, вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. — 2-е изд. — 1927. — 289—488 стб. — 1 500 экз.

Т. 1: Лаврентьевская летопись, вып. 3: Приложения: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. — 2-е изд. — 1928. — 490—577 стб.

Т. 2: Ипатьевская летопись, вып. 1 / подгот. к печати А.А. Шахматов. — 3-е изд. — Пг.: Первая петроград. трудовая артель печатников, 1923. — II, 320 стб.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 415 [т. 1, вып. 2], 15 416 [т. 1, вып. 3], 15 440 [т. 2]».

Празднование двадцатипятилетия Товарищества нефтяного производства братьев Нобель, 1879—1904. — СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. — [1], 141 с.: ил., 14 л. ил.

Ценз.: СПб. ценз., 30 июня 1905 г.

Имеется ил. тит. л. (худож. А. Чикин).

На об. ил. тит. л. — изд. марка т-ва Р. Голике и А. Вильборг.

Худож. оформление А.Н. Лео и А.Н. Шильдера.

На тит. л. — помета: «М — 1 663».

Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке пер. — зол. и цв. тисн., тканевый фальчик; обрез торшонирован.

Рыков, Павел Сергеевич (1884—1942)

Очерк истории Мордвы: по археологическим материалам. — М.: Учпедгиз, 1935. — 111 с.: ил.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. 11 493».

Экз. в изд. ил. обл.

Савинов, В. (?—?)

Русский солдат / худож. А.А. Васильев. — СПб.: в тип. Карла Раттена, 1853. — 30 с., 11 л. ил.

Ценз.: А. Фрейганг, 12 авг. 1853 г.

На тит. л. — помета: «М — 1 722».

Экз. в изд. пер. — картон, ткань, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., зол. обрез.

Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство: краткий исторический очерк / [текст сост. И.П. Высоцкий]. — СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. — [2], 325, XVI с.: ил., 71 л. портр., 36 л. ил., 1 факс., 1 к., 1 пл.

На об. тит. л. — факсимиле «Печатать. СПб. Градоначальник Генералъ-Лейтенантъ Клейгельсъ».

На тит. л., с. 1, 13, 53, 71, 79, 95, 161, 227, XVI (паг. 3-я) — штамп «Библіотека музея С. П. Б. Столичной полиціи».

На тит. л. — помета: «М — 1 649».

Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке пер. — зол. и цв. тисн. (худож. Н.С. Самокиш), форзац — декор. бум., на форзаце в начале книги — ярлык «Переплетная М. Улеманъ, Мещанская, 4».

Настоящее издание подготовлено к 200-летию Санкт-Петербурга и столичной полиции по инициативе градоначальника, генерал-лейтенанта Н.В. Клейгельса. Издание содержит ранее не публиковавшиеся тексты подлинных документов из архивов Сената, Государственного Совета и Министерства внутренних дел. Текст книги написан чиновником особых поручений, надворным советником И.П. Высоцким. Издание великолепно иллюстрировано. Подбор материала осуществлен создателем музея петербургской полиции В.Ф. Галле. После 1917 г. музей был уничтожен и большинство экспонатов безвозвратно утрачены.

Издание представляет историческую ценность.

Сборник императорского Русского Исторического общества. Т. 86. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1893. — XXV, 611, VI с.

На тит. л. — помета: «М — 1 187», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 1 187».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, в нижней части корешка — тисн. «Б.І.В.П.У.», на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека П.В.У. Отделъ № V. Книга № 292».

Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 2 / изд. под ред. Н. Дубровина. — СПб.: в гос. тип., 1889. — XXIV, 551 с.

Печ. с высоч. соизволения.

На тит. л. — владельческая печать «Изъ Библіотеки графа И.Д. Делянова», ниже — помета: «М — 186».

Переплет — картон, ткань с тисн., на корешке — зол. тисн., форзац — бел. муар. бум.

Середонин, Сергей Михайлович (1860—1914)

Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2, ч. I. Комитет министров в царствование императора Николая I (1825 г. ноября 20 — 1855 г. февраля 18) / сост. С.М. Середонин; изд. канцелярии Ком-та министров. — СПб.: гос. тип., 1902. — IX, 373 с., 6 л. портр.

На тит. л. — помета: «М — 1 430».

Портр. и факс. напечатаны в Экспедиции загот. гос. бум.

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижн. части корешка — зол. тисн. «С.С.», форзац — цв. декор. бум., тканевый фальчик.

Соболевский, Алексей Иванович (1857—1929)

Русско-скифские этюды. — Л.: рос. гос. акад. тип., 1924. — [1], 44, 252—332 с.

Отт. из.: Известия Отд-ния рус. яз. и словестности РАН. — 1921. — Т. XXVI — XXVII.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 861».

Экз. в изд. обл.

Список народностей Союза Советских социалистических республик / АН СССР; сост.под. ред. И.И. Зарубина. — Л.: изд-во АН СССР, 1927. — 50 с. — 2 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 840».

Экз. в изд. обл.

Столетие Военного Министерства, 1802—1902: [в 13 т.] / [худож. оформление Н.С. Самокиша]. — СПб., 1902—1904.

Т. II, кн. 1, гл. I—V: Императорская главная квартира; История государевой свиты; Восемнадцатый век / гл. ред. ген.-лейт. Д.А. Скалон; сост. полк. В.В. Квадри, имп. гл. квартиры штаб-офицер для поручений. — СПб.: тип. Н.П. Собко, 1902 (клише А.И. Вильборга; набор тип. «Т-во худож. печати»; печать тип. Н.П. Собко (с 6 л.). — [1], 506, 315, VI с.: ил., 8 портр., 3 л. цв. ил., 8 л. ч.-б. ил., 2 фот., 23 л. факс., 2 табл.

Имеется также ил. тит. л.

На тит. л. — помета: «М — 1 323».

Экз. в роскошном комбинированном переплете, корешок — кожа, на верхней сторонке пер. и корешке — зол. тисн., на нижней сторонке — тисн. «Перепл. В. Эрлингъ. Невскій пр., 73», форзац — бел. муар. бум.; тройной зол. обрез.

Печатано по распоряжению Военного министерства в количестве 2 210 экз., из коих 10 — для вечного хранения.

— То же. — Гл. I-IV. — [2], 258, 79 с.: ил., 4 л. портр., 21 л. ил.

На тит. л. — помета:«М — 1 322».

Утрачена верхняя и нижняя сторонка переплета, корешок — бел. кожа, на корешке — зол. тисн., имеется бел. шелк. ляссе, тройной зол. обрез.

Т. II, кн. 4: Гл. I—V: Императорская главная квартира; История государевой свиты; Царствование императора Александра II / гл. ред. ген.-адъютант Д.А. Скалон; ред. и сост. полк. В.К. Шенк; пом. ред. Н.Н. Мерлин. — СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. — 949 с.: ил., 2 л. цв. портр., 20 л. портр., 2 л. цв. ил., 12 л. ч.-б. ил., 13 л. факс.

На тит. л. — помета: «М — 1 326».

Экз. в роскошном комбинированном переплете — картон, ткань кр. и зел. цв., на верхней сторонке пер. — зол. и цв. тисн., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на нижней сторонке пер. — тисн. «Переп. Г. Эрлингъ. Кузнецкий пер., 8», форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, на об. форзаца в начале книги — экслибрис «Библіотека графа А.Д. Шереметева», тройной зол. обр.

Печатано по распоряжению Военного министерства в количестве 2 510 экз., из коих 10 — для вечного хранения.

— То же. — Гл. III—V. — [1], 645—949, [1] с.: ил., 14 л. портр., 1 л. цв. ил., 2 л. ил.

На верхней сторонке пер. и корешке указано: Ч. 2.

На с. [1] (паг. 1-я) — экслибрис «Экземпляръ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича» (художник Н.С. Самокиш).

На тит. л. — помета: «М — 1 324».

Переплет см.: т. II.

Т. IV, ч. I, кн. I: Главный штаб; Исторический очерк «Комплектование вооруженных сил России до 1802 г.» / гл. ред. ген.-лейт. Д.А. Скалон; ред. ист. очерка Гл. штаба ген.-майор Н.П. Михневича; сост. кап. А.К. Ильенко. — СПб.: тип. «Бережливость», 1902. — 159, 317, VI с.

Имеется также ил. тит. л.

На тит. л. — помета: «М — 1 335».

Утрачена верхняя изд. обл.

Печатано по распоряжению Военного министерства в количестве 300 экз., из коих 200 — для вечного хранения.

Т. VII, ч. I, кн. 1—3: Главное инженерное управление; Царствование императора Александра I; Очерк первый. Инженерное управление и его средства / гл. ред. ген.-лейт. Д.А. Скалон; сост. воен. инж. ген.-майор И.Г. Фабрициус; пом. сост.: воен. инж. подполк. Е.О. Попов и л.-гв. саперного батальона поруч. Г.С. Габаев; сотр.: нач. чертежной гл. инж. упр. ген.-майор А.К. Семчевский и зав. фотогр. павильоном гл. инж. упр. полк. В.А. Николаев. — СПб.: шрифты и печать тип. СПб. акц. О-ва печ. и писчебум. дела в России «Слово»; фототипии А.И. Вильборга; литогр. И. Юдилевича, 1902 (Франкфурт-на Майне: клише автотипии В. Кребса). — 4, LXXXIV, 314, III—XVI, 163, 6, II с., 17 л. ил., 7 л. портр., 6 пл., 7 черт.

Имеется также ил. тит. л.

На обл. помета: «М — 1 333».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн.

Сохранилась изд. обл.

Печатано по распоряжению Военного министерства в количестве 2 100 экз., из коих 200 — для вечного хранения.

Т. VII, ч. I, кн. 4—5: Главное инженерное управление; Царствование императора Александра I; Очерк второй: Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска / гл. ред. ген.-лейт. Д.А. Скалон; сост. воен. инж. ген.-майор И.Г. Фабрициус; пом. сост.: воен. инж. подполк. Е.О. Попов и л.-гв. саперного батальона поруч. Г.С. Габаев; сотр.: нач. чертежной гл. инж. упр. ген.-майор А.К. Семчевский и зав. фотогр. павильоном гл. инж. упр. полк. В.А. Николаев. — СПб.: шрифты и печать тип. СПб. акц. О-ва печ. и писчебум. дела в России «Слово»; фототипии А.И. Вильборга; литогр. И. Юдилевича, 1902 (Франкфурт-на Майне: клише автотипии В. Кребса). — [3], 317—788, 163—270, [4], 271—318, 8, [2] с., 32л., 18 л. ил., 1 цв. ил., 5 к., 3 табл., 4 л. факс.

Имеется также ил. тит. л.

На обл. — помета «М — 1 330».

Сохранилась изд. обл., тройной зол. обрез.

Утрачен пер.

Т. X: Главное управление военно-учебных заведений: исторический очерк / гл. ред. ген.-лейт. Д.А. Скалон; сост. с. с. П.В. Петров. — СПб.: тип. поставщика двора е. и. вел. Т-ва М.О. Вольфа, 1902. — [2], 153 с., 2 л. портр., 2 л. ил.

На с. [1] (паг. 1-я) — запись: «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Дмитрію Павловичу на добрую память отъ преданнаго составителя этой книги П. Петрова. СПБург 17 апреля 1903 г.»

На обл. — помета: «М — 1 332».

Переплет — картон, кожа, на корешке — зол. тисн., форзац — декор. бум., имеется шелк. ляссе.

Экз. для вечного хранения № 15. Печатано по распоряжению Военного Министерства в количестве 2 000 экз., из коих 200 — для вечного хранения.

Указатели к «Историческому обзору деятельности Комитета министров» и Дополнение к I и II томам, сост. С.М. Середониным / сост. П.Ю. Левинсон-Лессинг, С.В. Юрьев и А.М. Ону; изд. канцелярии Ком-та министров. — СПб.: Гос. тип.. 1903. — 107 с. — (К столетию Комитета министров. 1802—1902).

На тит. л. — печать «Р.С.Ф.С.Р. Центральная Педагогическая библиотека».

На тит. л. — помета: «М — 1 414».

Переплет — картон, кожа, на верхней сторонке пер. — зол. тисн.. форзац — бел. муар. бум., на форзаце в начале книги — ярлык «Р.С.Ф.С.Р. Библиотека Центр. Педагогич. Музея. № 1 772».

Указатели к I и II томам описи высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII в., 1704 — 1740 / сост. П. Баранов. — СПб.: печ. в тип. правительствующего Сената, 1875. — II, 709—1 002, [2] с.

На тит. л. — помета: «М — 1 334».

Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Устрялов, Николай Герасимович (1805—1870)

История царствования Петра Великого. Т. 3. Путешествие и разрыв с Швецией. — СПб.: тип. II-го отд-ния собст. е. и. вел. канцелярии, 1858. — 652, [8] с.

Ценз.: В. Бекетов, 22 сент. 1856 г.

На тит. л. — помета: «М — 333».

Перепелет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, имеется шелк. ляссе.

Устрялов, Николай Герасимович (1805–1870)

Карты, планы и снимки к первым трем томам Истории царствования Петра Великого. — СПб.: тип. II-го отд-ния собст. е. и. вел. канцелярии, 1858. — 7 с., [30] л. ил., 23 с., 26 л. ил.

Ценз.: В. Бекетов, 25 окт. 1857 г.

Приплетено к: Н. Устрялов. Карты, планы и снимки.., 1863.

На тит. л. — помета: «М — 1 653».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн.

Ухтомский, Эспер Эсперович (1861–1921)

От калмыцкой степи до Бухары. — СПб.: тип. князя В.П. Мещерского, 1891. — [1], 211, [1] с.

Весь текст помещен в двойную линейную рамку.

На тит. л. — помета: «М — 428».

Переплет — картон, бум., на изд. обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпрсвета г. Ростов н/Д, изд. обл. наклеена на пер.

Учреждение Государственного совета и Государственной канцелярии. — СПб.: в тип. II-го отд-ния собст. е. и. вел. канцелярии, 1856. — [II], 56, [10] с.

На тит. л. — помета: «М — 1 435».

Форзац — бел. муар. бум.

Экз. деф.: утрачен пер.

Филиппов, Александр Никитич (1853-?)

История Сената в правление Верховного тайного совета и кабинета. Ч. I. Сенат в правление Верховного тайного совета / исслед. Александра Филиппова проф. Юрьев. Ун-та. — Юрьев: печ. в тип. К. Матисена, 1895. — XII, 486, [1] с.

На тит. л. — помета «М — 1 609».

Переплет — картон, ткань, на корешке — зол. тисн.

Ханыков, Николай Владимирович (1819–1879)

Описание Бухарского ханства. — СПб.: в тип. имп. Акад. наук, 1843. — VI, [1], 279, IV с., 1 портр., 1 к., 2 пл.

Ценз.: А. Никитенко, 5 янв. 1843 г.

Карта и планы — грав. на камне Г. Дехтерев.

На тит. л. — овал. печать «Библіотеки Импер: Гатчинск: Никол: Сир: Инст:»; здесь же — помета: «М — 434».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в вехней части корешка — библ. марка с пометой: «Шк. VII. Пол. 5. № 13», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотеки Императорскаго Гатчинс. Николаевск. Сиротск. Института Шкапъ VII. Полка 5. № 13», обрез крапчат.

Четвертый этнографический сборник. — Кострома: типо-литогр. «Красный печатник», 1927. — 154 с., 15 табл. — (Труды / Костромское науч. о-во по изуч. местного края; вып. 41). — 8 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов № б 238 Рег.№ _____ Зак. Обм.».

На тит. л.. с. 3, 17, 154, об. табл. I–XI, XIII–XV — круглая печать «Б-ка С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исслед. Институтов».

На тит. л. — помета: «3 150».

Экз. в изд. обл.

Шахматов, Александр Александрович (1864–1920)

Сказание о призвании варягов. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1904. — [1], 82 с.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 172»; здесь же — ярлык Библ. коллектора донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Экз. без. обл.

Шлецер, Август Людвиг (1735–1809)

Объяснительные примечания к историческим картам, хронологическим и генеалогическим таблицам. Тетрадь первая / проф. Шлецера; пер. с нем. к. ас. Михаил Пареного. — М.: в Унив. тип., 1809. — 68, [2], 40 с., 1 к.

С одобрения Центр. Ком-та учрежден. для округа имп. Моск. ун-та.

Приплетено к кн.: А.Л. Шлецер. Объяснительные примечания.., М., 1810.

На тит. л. — помета: «М — 1 672».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок —, обрез крапчат, на форзаце в конце книги — ярлык «Антикварная книжная торговля В.И. Клочкова. СПб. Литейный, 55». Кожа.

Щепкин, Евгений Николаевич (1860–1920)

Русско-австрийский союз во время Семилетней войны 1746–1758 гг.: исслед. по данным Венского и Копенгагенского архивов. — СПб.: тип. «В.С. Балашев и Ко», 1902. — IX, 852 с., 1 пл.

На тит. л. — помета: «М — 1 607».

Экз. в изд. обл.

Эварницкий (Яворницкий), Дмитрий Иванович (1855–1940)

История запорожских казаков. Т. 1: с. 22 рис. — СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1892. — VII, 542 с., 20 л. рис.

Рис. дозволены ценз.

Посвящение авт. вел. кн. Николаю Александровичу на с. I (паг. 1-я).

На тит. л. — помета: «М — 1 637».

Экз. в изд. обл.

Энгельгардт, Николай Александрович (1867–1942)

Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати, (1703–1903). — СПб.: изд. А.С. Суворина, 1904. — 388 с.

На тит. л. — помета: «М — 1 413».

Экз. в изд. обл.

Переплет — картон, мрамор. бум., шелк. ткань, на корешке — кожан. форматка с зол. тисн.

Ярилов, Арсений Арсеньевич (1868–1948)

В защиту науки и приговоренных к смерти. — Юрьев: тип. К. Маттисена, 1900. — 100 с.

Ценз.: Юрьев. ценз., 2 марта 1900 г.

На с. 100 — овал. штамп «Библиотека Клуба «Красная [табачница]. Книга № ».

На тит. л. — круглая печать «4-я Государственная [фабрика] Библиотека»; здесь же — помета: «М — 1 310».

Экз. в изд. пер. — картон, бум., корешок — кожа.

Фольклор

Андреев, Николай Петрович (1892–1942)

Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / изд. Гос. рус. геогр. о-ва. — Л.: тип. Первой артели печатников, 1929. — 118, [2] с. — В надзаг.: Гос. рус. геогр. о-во, Отд-ние этнографии, Сказочная комиссия.

Посвящение Antti Aarne на с. 5.

На с. 3, 17, [2] (паг. 2-я) — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов № 3 935 Рег. № 1 266 Зак. Обм.», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. в изд. обл.

Барсов, Елпифадор Васильевич (1836–1917)

Причитания Северного края. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные / изд. при содействии О-ва любителей рос. словесности. — М.: тип. «Современные Известия», 1872. — [4], 327, XXXIII с.

Посвящение авт. Обществу любителей российской словесности на с. [1] (паг. 1-я).

Северно-русский словарь: с. I–XXXIII (паг. 3-я).

На тит. л. — помета: «М — 1 545».

Издание отмечено золотой медалью Русского географического общества и дважды удостоено Уваровской премии.

Гесериада: сказание о милостивом Гессер Мерген — хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света / АН СССР; пер., вступ. ст. и коммент. С.А. Козина; [ред. изд. акад. И.И. Мещанинов]. — М.; Л.: изд-во АН СССР, 1935. — 245, [2] с., 1 пл. — (АН СССР. Труды / Ин-т антропологии, этнографии и археологии, т. VIII. Фольклорная серия, № 3).

На обл. год изд.: 1936.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. 14 568».

Экз. в изд. картонаже.

Калевала: финский народный эпос / пер. Л.П. Бельского под ред. Д.В. Бубриха; предисл. И. Майского; работа по оформ. книги коллектива мастеров аналитического ис-ва (шк. Филонова); под ред. П.Н. Филонова. — М.; Л.: Academia, 1933. — XX, 329 с., 11 л. ил.: ил. — (Сокровища мировой литературы).

На авантит. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 570».

Экз. в изд. пер.

Татарская легенда об Искандере. — [М., 1835]. — 513–540 с.

Страницы вырезаны из журн.: Московский телеграф. — 1835. — № VIII. — С. 513–540.

На с. 513 — помета: «М — 595».

Экз. во владельческой обл., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 706», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвет г. Ростов н/Д.

Раздел II. Кавказоведение

Общий отдел

Брошюры газеты «Кавказ» 1866 года: [в 2 ч.] / изд. ред. газ. «Кавказ». — Тифлис: втип. гл. упр. наместника Кавказ., [1867].

Ч. I. — [909] с. разд. паг.

Ч. II. — [909] с. разд. паг.

Ценз: Тифлис. ценз., 28 июля 1867 г.

На тит. л. ч. I — помета: «605».

— То же.

Ч. I.

На с. 1 — запись: «За 1866 г. 1-ое полуг. Сборник газеты «Кавказ».

Переплет — картон, мрамор. бум., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 758», на верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — помета: «М — 603».

Десять лет научных работ в Дагестане: сборник / ДагНИИ; под ред. Д.М. Павлова и А.А. Тахо-Годи. — Махачкала, 1928 (Пятигорск: типо-литогр. изд-ва «Терек»). — 72, 22, [1] с. — Библиогр. по Дагестану с 1917 по 1928 г.: с. 1–22 (паг. 2-я).

Заглавие и надзаг. парал. фр.

Экз. в изд. обл.

Кавказский календарь на 1846 год / изд. от канцелярии Кавказ. наместника. — Тифлис: в тип. гл. упр. Закавказ. краем, 1845. — 122, 127–246, [24] с.

Печ. с высоч. е. и. вел. соизволения.

На н/н чистых листах в начале книги в «Месяцеслове» — овальная печать конгрев. тисн. — под дворянской короной буквы «F. ъ. П.», ниже «В.Г.П.У.Ф. Сергіевской»; здесь же владельческие записи, которые были ошибочно внесены в «Февраль», затем перечеркнуты и записаны в «Апрель»:

«14: Отъездъ Кн. В[оронцова] в Каспийскую область

15: Шамиль съ партиею въ 10 <нрзб> и 5 орудиями переплается черезъ Сунжу не далеко от В<нрзб> и идетъ въ Кабарду

18: онъ переходитъ Терекъ не далеко отъ Уруха. Ген. Л. Фрейтаг идетъ за нимъ

25: Шамиль ночью проходитъ мимо Ген. Л. Фрейтага, изъ Черкесскаго ущелья и переправляется обратно черезъ Терекъ около Уруха. Поездка моя въ Т<нрзб> къ Кн. А. Сумбатову

Приезд Кн. Вор[онцова] въ Тифлисъ

27: въ 6 ч. утра Кн. Вор[онцов] отправился въ Владикавказъ

19: Побывалъ въ ботаническом Саду».

Запись за «Май»: «получилъ отпускъ на 4 месяца во Францію».

На тит. л. — помета: «М — 142» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в изд. обл., текст помещен в орнаментальную рамку, на верхней обл. — владельческая запись неустановленного лица; здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — государственный деятель, генерал-фельдмаршал, светлейший князь. В 1844–1854 гг. наместник на Кавказе.

Фрейтаг Роберт Карлович (1802–1851) — генерал-лейтенант, участник Кавказских войн. В 1846 г. начальник левого фланга Кавказской линии.

Шамиль (1799–1871) — третий имам Дагестана и Чечни, руководитель борьбы кавказских горцев против русских войск и местных князей.

Кавказский календарь на 1847 год / изд. от канцелярии Кавказ. наместника. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ., 1846. — 314 с., 1 л. ил.

Печ. с высоч. е. и. вел. соизволения.

На тит. л. — помета «М — 143» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., текст помещен в наборную рамку, на верхней обл. — владельческая запись неустановленного лица, в верхней части корешка фрагменты библ. марки, на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д; верхняя часть корешка обгорела.

Кавказский календарь на 1850 год / изд. от канцелярии наместника Кавказ. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ, 1849. — 48, 95, [6], 100, 109–119, 138, III с., 1 л. ил., 3 табл. на разверн. л.

Печ. с высоч. е. и. вел. соизволения.

Ил. напеч. в литогр. Брауна и Ко (Одесса).

На тит. л. — помета «М — 144» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон. мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — фрагменты библ. марки, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на об. форзаца в начале книги — запись: «Его Высокородію Барону Александру Павловичу Николаи».

Николаи Александр Павлович (1821–1899) — барон, государственный деятель, член Государственного совета, министр народного просвещения. С 1845 г. служил на Кавказе. В 1848 г. назначен директором походной канцелярии наместника Кавказского, в 1852 г. — членом совета главного управления Закавказского края и попечителем Кавказского учебного округа, в 1859 г. — членом совета наместника Кавказского, в 1860 г. — начальником управления сельского хозяйства и промышленности на Кавказе, в 1863 г. — сенатором и начальником главного управления наместника Кавказского. Участник разработки университетского устава 1863 г., устава народных училищ 1864 г., проведения крестьянской и судебной реформ на Кавказе. В 1884–1894 гг. — председатель Департамента законов Государственного совета.

Кавказский календарь на 1851 год / изд. от канцелярии наместника Кавказ. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ., 1850. — 119, 36, 55–132, 61, 176, VII с., 2 табл., 1 пл.

Печ. с высоч. е. и. вел. соизволения.

На тит. л . — помета: «М — 145» (номер повторен на ярлыке).

Табл. и пл. на разверн. л.

Переплет — картон, муар. ткань, на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн.; на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — запись: «Любезному и многоуважаемому Барону Александру Павловичу Николаи отъ душевно его любящаго и истинно преданнаго ему М. Щербинина».

Экз. деф.: вырезаны страницы 37–54, содержащие сведения о Ставропольской губернии; утрачен корешок.

Щербинин Михаил Павлович (1807–1881) — писатель, сенатор, председатель Московского цензурного комитета, начальник главного управления по делам печати. Служил на Кавказе, в 1845–1856 гг. — директор походной канцелярии наместника Кавказского.

[Кавказский календарь на 1852 год. — Тифлис, 1851]. — 3–718, [2], V, [48] с., 2 л. ил., 1 табл. (70х720 см).

Есть ошибки в колонцифрах.

Из содерж.: М. Крюков. Некоторые города Ставропольской губернии: с. 354–380.

На с. 354–362 — читательские пометы.

Экз. деф.: утрачен тит. л. и обл.

[Кавказский календарь на 1853 год. — Тифлис, 1852]. — 273–386 с., 1 л. ил.

На с. 273 — помета: «М — 147».

Ил. напеч. в литогр. Францова и Нитче (Одесса).

Экз. деф.: утрачена большая часть книги.

Кавказский календарь на 1854 год / изд. от канцелярии наместника Кавказ. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ., 1853. — 776, V с., 4 л. ил.

Печ. с высоч. е. и. вел. соизволения.

Ил. напеч. в Париже и в литогр. Францова и Нитче (Одесса).

На тит. л. — помета: «М — 148» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, бум., на сторонках пер. — блинт. тисн., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1857 год / изд. от канцелярии наместника Кавказ. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ., 1856. — 274, 279–646, VI с., 1 л. ил.

Печ. с высоч. е. и. вел. соизволения.

На тит. л. — помета: «М — 149».

Переплет — картон, зел. муар. ткань, на корешке — зол. тисн., ткань на корешке и нижняя часть корешка утрачена, ткань с потертостями, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кавказский календарь 1859: XIV-й год / изд. при гл. упр. наместника Кавказ. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ., 1858. — 210, 249–420, 441–552, [1], VI с., 1 л. ил.

Печ. с высоч. е. и. вел. соизволения.

На тит. л. — помета: «М — 150».

Ил.: Могила А.С. Грибоедова (напеч. в Париже).

Переплет — картон, ткань, на корешке — зол. тисн., на сторонках пер. — блинт. тисн.

Кавказский календарь на 1866 год: XXI год / изд. при гл. упр. наместника Кавказ. — Тифлис: печ. в тип. гл. упр., 1865. — 74, 116, 148, 157, VI, [2] с., 2 л. портр., 1 табл. на разверн. л.

Печ. с высоч. е. и. вел. соизволения.

Портр. И.В. Гудовича и А.П. Тормасова напеч. в литогр. Н. Брезе (СПб.).

На тит. л. — помета: «М — 153».

Экз. в цельнокожаном переплете, на сторонках пер. и корешке — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — цв. муар. бум., тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1867 год: XXII год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; [под ред. К.А. Задолинного]. — Тифлис: в тип. гл. упр., 1866. — 80, II, 81—228, VI, 229—260, 275—276, 285—368, 377—407, 56, 155, VII, [24] с., 2 л. портр., 1 табл. на разверн. л.

Имеется также ил. тит. л.

Библиогр. указ. книг и статей, относящихся до Кавказского и Закавказского края: с. 237—255 (паг. 5-я).

Ил. тит. л. и портр. Ф. Паулуччи и Н.Ф. Ртищева напеч. в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

Переплет — картон, ткань, на сторонках пер. и корешке — зол. и блинт. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 164», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кавказский календарь на 1868 год (високосный): XXIII год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; [под ред. К.А. Задолинного]. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1867. — [1], IX, 72, IV, 73—380, VI, 381—480, VII с., 1 л. ил., 2 л. портр.

Имеется также ил. тит. л.

Библиогр. Кавказа: с. 476—479.

Ил. тит. л., портр. А.П. Ермолова и И.Ф. Паскевича-Эриванского напеч. в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

Экз. в цельнокожаном переплете темно-вишневого цв., на сторонках пер. и корешке — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — помета: «М — 155» (номер повторен на ярлыке), тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1870 год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. С.С. Роборовского. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1869. — [1], 503, 207, IX с., 1 л. портр.

Имеется также ил. тит. л.

На тит. л. — помета: «М — 157» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на сторонках пер. и корешке — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Россов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1871 год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. с. с. Роборовского. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1870. — [1], 408, 214, VIII с., 1 портр., 1 цв. к.

Имеется также ил. тит. л.

Ил. тит. л. и портр. М.С. Воронцова напеч. в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис), карта — в Картографич. завед. А. Ильина (СПб.).

На тит. л. — помета: «М — 158» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на сторонках пер. и корешке — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез, имеется шёлк. ляссе.

Кавказский календарь на 1872 год (високосный): XXVII год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. с. с. Роборовского. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1871. — [1], 312, 133, 28, 226, VIII с.

Имеется также ил. тит. л.

Ил. тит. л., портр. Н.Н. Муравьева I и карта напеч. в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 159» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете., на сторонках пер. и корешке — зол. и блинт. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 169», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1873 год: XXVIII год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. с. с. Роборовского. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1872. — [1], 195—279, 231, IX с., 1 л. ил., 1 л. портр.

Имеется также ил. тит. л.

Ил. тит. л. и портр. А.И. Барятинского напеч. в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 160».

Экз. в цельнокожан. пер. темно-вишневого цв., на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1874 год: XXIX год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. с. с. Роборовского. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1873. — 274. 243, VII с., 1 л. ил.

Имеется также ил. тит. л.

Ил. тит. л. напеч. в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 161» (номер повторепн на ярлыке).

Экз. в цельнокож. пер. темно-вишневого цв., на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 171», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, тройной зол. обрез, имеется шёлк. ляссе.

Кавказский календарь на 1875 год: XXX год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. с. с. Роборовского. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1874. — 319, VII, 194, VI с., 1 л. ил., 1 л. портр., 1 табл. на разверн. л.

Имеется также ил. тит. л.

Ил. тит. л. и портр. В.И. Бебутова I напеч. в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 162» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. пер., на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, тройной зол. обрез, имеется шёлк. ляссе.

Кавказский календарь на 1876 год (високосный): XXXI год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. с. с. Роборовского. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1875. — 236, 123, VI, 195, VI с., 1 л. ил., 1 л. портр., 1 табл. на разверн. л.

Имеется также ил. тит. л.

Ил. тит. л. и портр. И.М. Андроникова, напеч. В Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 163» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете темно-зел. цв., на пер. — зол. и блинт. тисн., форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1877 год: XXXII год / изд. гл. упр. наместника Кавказ. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1876. — 77, IV, 79—272, 63, 209, IV с., 1 л. портр., 1 л. ил.

Имеется также ил. тит. л.

Ил. тит. л. и портр. напеч. в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 164» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете темно-синего цв., на переплете — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез, имеется шёлк. ляссе.

Кавказский календарь на 1878 год: XXXIII год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. с. с. Роборовского. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1877. — [1], 95, VI, 97–332, 45, 216, IV с., 1 л. портр., 1 л. ил.

Имеется также ил. тит. л.

Ил. тит. л. и портр. Н.И. Евдокимова, напеч. в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 165» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете темно-фиолетового цв., на переплете — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1879 год: XXXIV год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. д. с. с. Н. Шаврова. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1877. — 521, 188, X с.

На тит. л. — помета: «М — 166» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете темно-зел. цв., на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1880 год (високосный): XXXV год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; под ред. д. с. с. Н. Шаврова. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1879. — 226, 106, 212, VIII с.

На тит. л. — помета: «М — 167» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете коричневого цв., на переплете — зол. и блинт. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 178», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1881 год: XXXVI год / изд. гл. упр. наместника Кавказ., под ред. д. с. Н. Шаврова. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1880. — 242, 95, 205, VIII с., 2 л. табл.

На тит. л. — помета «М — 168» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, муар. ткань черного цв., на верхней сторонке пер. — зол. тисн., здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1882 год: XXXVII год / изд. гл. упр. наместника Кавказ.; Кавказ. стат. ком. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1881. — VI, 323, 239 с., 2 л. портр.

Портр. О.И. Ходзько и А.А. Тергукасова напечатаны в Худож. литогр. К. Томсона (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 168» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, корешок — кожа темно-зел. цв., на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Заявленная на тит. л. карта отсутствует.

Кавказский календарь на 1883 год: XXXVIII год / изд. при гл. упр. главнонач. гражд. ч. на Кавказе; Кавказ. стат. ком. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1882. — [6], 253, 204 с., 1 л. портр.

Портр. А.М. Дондукова-Корсакова.

На тит. л. — помета «М — 169» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор синего цв., на верхней сторонке пер. — зол. тисн., здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кавказский календарь на 1884 год (високосный): XXXIX год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1883. — [4], 356, 203, [2] с.

На тит. л. — помета «М — 170» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань зел. цв., на верхней сторонке пер. — зол. тисн., здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

На с. [1–2] (4-я паг.) реклама «Сборника сведений о Кавказе» (т. I–IX).

Заявленная на тит. л. карта отсутствует.

Кавказский календарь на 1885 год: XL год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе; [под ред. пом. гл. ред. Кавказ. стат. ком-та н. с. Е. Кондратенко]. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1884. — [6], 309, 208, [1] с., 1 л. портр.

Портр. Д.А. Милютина, напеч. в Худож. литогр. Г. Дюстердика (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 171» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, на сторонках пер. — зол., блинт. и цв. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык со срезанными уголками зол. печ. «Переплетное и Галантерейное Заведеніе Абр. Акопова на Дворцовой ул. въ Галлерее Арцруни въ Тифлисе»; обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1886 год: XLI год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Кавказ. стат. ком-те; под ред. пом. гл. ред. Кавказ. стат. ком. Е. Кондатенко. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 185. — [4], 236, VI, 206 с.

На тит. л. — помета: «М — 172» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — цв. декор. бум., обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1887 год: XLII год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Кавказ. стат. ком.; под ред. пом. гл. ред. ком. к. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1886. — [9], 269, 213 с., 4 л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 173» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, на сторонках пер. — зол. и цв. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Заявленная на тит. л. карта отсутствует.

Кавказский календарь на 1888 год (високосный): XLIII год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Кавказ. стат. ком-те; под ред. пом. гл. ред. ком. к. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1887. — [8], 97, 12, XXIV, 321, [10] с.

На тит. л. — помета: «М — 174» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань темно-зел. цв., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 190», на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кавказский календарь на 1889 год: XLIV год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Кавказ. стат. ком-те; под ред. пом. гл. ред. к. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1888. — [8], 166, 81, 32, 343, [11] с., 1 к.

Из содерж.: А.П. Николаи [биография]: с. 19 (3-я паг.).

На тит. л. — помета: «М — 175» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань зел. цв., картон, на сторонках пер. — зол., блинт. и цв. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполипросвета г. Ростов н/Д, обрез с рис.

Кавказский календарь на 1890 год: XLV год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. пом. гл. ред. к. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1889. — [8], 143, 48, 76, 19, [2], 6 с., 249 стб., 250—360 с.

На тит. л. — помета: «М — 176» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань голубого цв., на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

В книгу вложена почтовая квитанция на имя барона А.П. Николаи, на почтовом штемпеле дата «28.VIII. 1884 г. въ Коджорахъ».

Коджоры — дачная местность под Тифлисом.

Кавказский календарь на 1891 год: XLVI год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. чл. того же ком-та с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1890. — IX, 176, [16], 177—261, 35, 82, 21, 5, [1] с., 317 стб., 318—416 с., 15 л. ил., 1 л. портр., 1 к.

Портр. С.А. Шереметева.

На тит. л. — помета: «М — 177».

Переплет — картон, ткань зел. цв., на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 196», обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1892 год: XLVI год / изд. по распоряжению главнонач. гражд. ч. на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. чл. того же ком-та с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе: Я.К. Мансветова, 1891. — IV, 146, 49, 38, 66 с., 360 стб., 361—434, [6] с.

На тит. л. — помета: «М — 178» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань вишневого цв., на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кавказский календарь на 1893 год: XLVIII год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. чл. того же ком-та с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе: Груз. издат. т-ва Либермана Казловского, 1892. — V, 200, 93, 183, 63, 62 с., 89 стб., V с., 366 стб., 62, 18 с., 1 к.

На тит. л. — помета «М — 179».

Переплет — картон, ткань красного цв., на сторонках пер. — зол., блинт. и цв. тисн., обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1895 год: L год / изд. по распоряжению главнонач. гражд. ч. на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. чл. того же ком-та с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. Груз. издат. т-ва, 1895. — X, 46, 28, 70, 112, 107, VI с., 412 стб., 413-508 с., 3 к.

На тит. л. — помета: «М — 180» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор кр. цв., на сторонках пер.зол., цв. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, тройной зол. обрез.

Кавказский календарь на 1896 год (високосный): LI год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. чл. того же ком-та с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. Груз. издат. т-ва: Мартиросианца, 1895. — XII, 46, 12, 69, 100, 308, VI с., 430 стб., 431—525, [8] с., 3 к.

На тит. л. — помета: «М — 181» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань кр. цв., на сторонках пер. — зол., цв. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1897 год: LII год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. чл. того же ком-та с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. Груз. издат. т-ва: М. Шарадзе, 1896. — X, 48, 23, 68, 106, 202, 12, VIII с., 458 стб., 459—566, [7] с.

На тит. л. — помета: «М — 182» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань серого цв., на сторонках пер. — зол., цв. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на нижней сторонке пер. — тисн. «Переп. Кирхнера. СПб. Мал. Морская, 44», обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1898 год: LIII год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. чл. того же ком-та с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. М. Шарадзе: К.И. Мартиросианца, 1897. — XII, 183, 47—130, 100, V, X с., 488 стб., 489—599 с., 1 л. портр., 1 пл., 1 к.

Портр. кн. Г.С. Голицына.

На тит. л. — помета: «М — 183».

Переплет — картон, ткань синего цв., на сторонка пер. — зол., цв. и блинт. тисн.

Кавказский календарь на 1899 год: LIV год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. чл. того же ком-та с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. М. Шарадзе и Ко, 1898. — XVII, 212, 100, 88, X с., 506 стб., 507—639 с., 1 пл., 3 к.

На тит. л. — помета: «М — 184» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань коричневого цв., на сторонках пер. — зол., цв. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на нижней сторонке пер. — тисн. «Паров. Переплетная О.Ф. Кирхнера. СПб.», обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1901 год: LVI год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе при Закавказ. стат. ком-те; под ред. чл. того же ком-та с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. М. Шарадзе и Ко, 1900. — XI, 160, 86, 100, XIII с., 542 стб., 543—675 с., 1 пл.

На тит. л. — помета: «М — 185» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань зел. цв., на сторонках пер. — зол., цв. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на нижней — тисн. «Паров. Переплетная О.Ф. Кирхнера. СПб.», обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1902 год: LVII год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе; под ред. ст. ред. стат. отд. при Закавказ. стат. ком-те с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. Я.И. Либермана: К.И. Мартиросианца: Груз. издат. т-ва, 1901. — [7], VII, 153, 166, 128 с., 10 л. ил., 12 к.

Ценз.: Тифлис. ценз., 21 дек. 1901 г.

На тит. л. — помета: «М — 186».

Изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку новодельного пер.

Кавказский календарь на 1903 год: LVIII год / изд. по распоряжению главнонач. граждан. частью на Кавказе; под ред. ст. ред. стат. отд. при Закавказ. стат. ком-те с. с. Е. Кондратенко. — Тифлис: тип. А.В. Кутателадзе, 1902. — [7], IX, 5—157, 42, 104, XIV с., 564 стб., 565—712, [20] с., 4 к., 1 пл.

Ценз.: Тифлис. ценз., 18 дек. 1902 г.

На тит. л. — помета «М — 187» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань кр. цв., на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Кавказский календарь на 1910 год: LXV год: [в 2 ч.] / изд. по распоряжению наместника е. и. вел. на Кавказе канцелярией наместника; под ред. вице-ред. канцелярии В.В. Стратонова. — Тифлис: тип. и пер. Т-ва «Либерман и Ко», [1909]. — [14], VIII, 928, II, IV, 1186, 49, [16] с., 1 пл.

Из содерж.: Антропологический и этнографический состав кавказских народов / А.М. Дирр.

На с. [1] (паг. 1-я) — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 749».

Экз. в изд. пер.

«Кавказский календарь» (1845—1917) — важнейшее периодическое издание, незаменимый источник по истории, географии, экономике Кавказа, в нем можно найти информацию практически любого характера — от климатической до исторической. В церковном разделе напечатан календарь, в который вошли основные религиозные праздники, торжественные дни, связанные с представителями императорской фамилии, памятные даты по истории Кавказа. Таблица подвижных праздников и постов дана вплоть до 1925 года. Среди календарей также имеются римско-католический, армяно-григорианский, магометанский и еврейский. Издание содержит разнообразные сведения об экономическом, социальном, культурном состоянии губерний Кавказского края, а также сведения об организациях и служащих центральных и местных органов государственной власти, подразделений военного ведомства, общественных организаций и учебных заведений.

Краевой Горский институт: (Доклад о деятельности Института в Комиссии Государственного Ученого Совета 27 июня 1929 г.). — [Ростов н/Д, 1929]. — 20 с.

Настоящий доклад в Комиссию Государственного Ученого Совета представил сотрудник СКГНИИ А.И. Гозулов.

Гозулов Авдей Ильич (Гюзельян Аветик Егия; 1892—1981) — заслуженный деятель наук РСФСР, доктор экономических наук, профессор, выдающийся ученый экономист, статистик, демограф и социолог. В 1927—1930 гг. — ученый секретарь и заведующий отделом экономических исследований СКГНИИ.

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Печатное дело на Северном Кавказе: (Ставропольская губерния). — [Ставрополь: тип. Ставроп. губ. правления, 1901]. — 12 с.

На с. 1 — помета: «№ 188».

Сборник газеты «Кавказ»: первое полугодие 1847 г. / изд. О.И. Константиновым. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ., 1847. — [2], 267, 129 с. — 50 экз.

Печ. с дозволения начальства.

На тит. л. — овальная печать «Библіотеки Импер: Гатчинс: Никол: Сир: Инст:», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 744».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., на форзаце в начале книги ярлык «Библіотеки Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института. Шкапъ XVII Полка 9 № 4».

Сборник газеты «Кавказ»: второе полугодие 1847 г. / изд. О.И. Константиновым. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ., 1848. — [2], 244, 169, [5] с. — 50 экз.

Печ. с дозволения начальства.

На тит. л. — овальная печать «Библіотеки Импер: Гатчинс: Никол: Сир: Инст:»; здесь же — помета: «М — 600».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке —зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института Шкапъ XVII Полка 9 № 4».

Сборник газеты «Кавказ»: первое полугодие 1848 г. / изд. О.И. Константиновым. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ., 1848. — [4], 248, 120 с. — 50 экз.

Печ. с дозволения начальства.

Из содерж.: Краткий очерк Ставропольской губернии в промышленном и торговом отношении [за 1847 г.] / А. В-в. О разборе старинных архивов Ставропольской губернии / Г. Хицунов.

На тит. л. — помета: «М — 602» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, в нижней части корешка — тисн. «Ф.В.», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в конце книги — ярлык «Librairie Russe & Etrangere C. Beguitscheff (anc. J. Baerenstamm) Tiflis. — foundee en 1857 — », обрез крапчат.

«…газета «Кавказ» знакомит Россию с самым интересным и наименее знакомым ей краем, входящим в ее состав. Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание — неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа. Но как сбережение листков газеты неудобно по их формату, то ее редактор, г. Константинов, решил перепечатать более важные статьи в отдельных книжках, по полугодиям, на первый раз только в числе 50-ти экземпляров, и то и не для продажи. О последнем обстоятельстве нельзя не пожалеть: такую книгу многие желали бы иметь, и она не залежалась бы в книжных лавках». В.Г. Белинский.

Религия. Атеизм

Алборов, Борис (Барасби) Андреевич (1886—1968)

Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды»: (К вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях) / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: гос. тип. авт. обл. Ингуши, 1928. — 84 с.

На тит. л. — авт. запись: «Марку Авсарагову от автора. 10/I 29 г.»; здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № 3 502 Рег. № 678 Зак. Дар».

На с. 3, 17, 84 — круглая печать «Библиотека Научно-исследовательских Институтов С-К. Краевой Ассоциации».

Экз. в изд. обл.

Берже, Адольф Петрович (1828—1886)

О народных праздниках, постах и знаменательных днях у мусульман-шиитов вообще и у персиян в особенности: (Ф.Е. Булатову). — [Тифлис, 1856]. — 581—608 с.

Статья вырезана из кн.: Кавказский календарь. — 1856. — С. 581—608.

На с. 582 — помета: «М — 34».

Экз. в обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Гавриил, (Кикодзе Герасим Максимович; 1825–1896)
Обозрение абхазских и самурзаканских церквей в 1870 году: Путевые записки. — [Тифлис, 1870]. — [50] с.
Статья вырезана из газеты «Кавказ» за 1870 год.
На с. [1] — помета: «М — 68» (номер повторен на обл.).
Экз. во владельческой обл., страницы газеты наклеены на бум. верже и прошиты вручную, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 696», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Е.К. (?—?)
Назревший вопрос: (Ко дню столетия присоединения Грузии к России): 1801 XII — IX 1901 гг. — Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1900. — 28 с.
Ценз.: Тифлис. ценз., 23 февр. 1900 г.
На тит. л. — помета: «М — 191».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. запись: «Милейшему Георгію Дурминехановичу Журули <нрзб>»; ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Журули Георгий Дурмениханович — политический деятель Грузии, в 1918 гг. — министр финансов, торговли и промышленности в правительстве Грузинской Демократической Республики.
Егише (?—ок. 480)
История Егише Вардапета: Борьба христианства с учением Зороастровым в пятом столетии, в Армении / пер. с арм. П. Шаншиева. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника Кавказ., 1853. — [1], XXIV, 344 с., 1 к.
Ценз.: А. Эбелинг, 25 окт. 1852 г.
Первый перевод на рус. яз.
На тит. л. — помета: «М — 451» (номер повторен на ярлыке).
В тексте чит. подчеркивания и пометы.
Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторнке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.
Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1872 г. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1873. — 96 с.
На тит. л. — помета: «М — 468».
Переплет — картон, ткань, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 473/2», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Петрушевский, Илья Павлович (1898–1977)
О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха. — Баку: изд-во АзГНИИ, 1930. — 43 с. — (Известия АзГНИИ. Ист. — этнограф. и археол. отд-ние; т. I, вып. 5). — 1 000 экз.
На с. 1 — помета: «3 227».
Экз. в изд. обл.
Хаханов, Александр Соломонович (1866–1912)
Источники по введению христианства в Грузии: Из I т. III вып. «Древностей восточных» имп. Московского Археологического о-ва. — М.: тип. и словолитня О.О. Гербека, 1893. — 47 с.
На тит. л. — помета: «М — 415» (номер повторен на ярлыке).
Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Общественно-политическая литература
Статистика. Экономика. Политика

Гехман, Георгий Николаевич (?—?)
Экономическая география Грузии. — 2-е изд. — Тифлис: Заккнига, 1924. — 146 с. — 3 000 экз.
На тит. л. — помета: «2 647».
Экз. в изд. обл.
Гозулов, Авдей Ильич (1892–1981)
Экономическая география Северного Кавказа: с 20-ю карто-дигр. в тексте и адм. картой Северо-Кавказского края. — Ростов н/Д: Севкавкнига, 1927. — 162, [1] с.: табл., диагр.
На тит. л. помета: «№ 2 256».
Дагестанская АССР во второй пятилетке / сост. П.Я. Федоров, М.О. Шахшаев. — М.: типолитогр. им. Воровского, 1932. — 53 с. — 1 500 экз.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 157».
Экз. в изд. обл.
Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья / изд. Закавказ. стат. ком-та. — Тифлис: тип. И. Мартиросианца, 1890. — XVII, 241, [13] с.
На тит. л. — помета: «М — 659» (номер повторен на ярлыке).
На изд. обл. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 659».
Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 333», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез окрашен. Сохранилась изд. обл.
Известия Ингушского НИИ. Т. IV, вып. 1: По отделениям естественно-производительных сил и экономики. — Орджоникидзе: тип. изд-ва «Serdalo», 1932. — 261 с.: фот., табл.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 253».
Итоги хозяйственного и культурного строительства Карачаевской авт. обл.: Материалы к отчетному докладу Карачаевского Облисполкома 5-му обл. съезду советов. — Кисловодск: Кароболнациздат, 1935. — 247 с., 3 л. портр.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 509».
Экз. в изд. обл.
— То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 510».
Казачество Северо-Кавказского края: Итоги переписи населения 1926 г. / [предисл. «Признак казачества в разработке переписи 1926 г.» А.И. Гозулова]. — Ростов н/Д, 1928. — VI с., 98 с.: табл.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 780».
Экз. в изд. обл.

Краткий экономический обзор Мало-Карачаевского р-на Карачаевской авт. обл.: (По состоянию к 15-летию Октябрьской Революции). — Кисловодск: тип. Кароблнациздата, 1932. — 115 с., 4 табл.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 576».

Экз. в изд. обл. Книга напечатана на оберточной бум. В наличии ещё два экз.

Мелик-Саркисян С.А.(?—?)

«Старо-Зурмутинская дача» Туркменского пристава: (К вопросу об использовании свободных земель Ставропольской губернии). — Ставрополь: тип. губ. правления, 1914. — 32 с.

На тит. л. — авт. запись: «В библиотеку Горского Научно-Исслед. Института от Автора», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 994».

Экз. в изд. обл.

Мелик-Саркисов С.А. — правительственный агроном Ставропольской губернии, инициатор создания Святокрестовского опытно-показательного поля.

— То же.

На тит. л. — авт. запись: «В библиотеку Г.Н.И.И. от автора», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 183».

Месяц, С.И. (?—?)

Население и землепользование Кабарды. — Воронеж: изд. облисполкома Кабардино-Балкар. авт. обл., 1928. — 183 с., 1 л. портр., 4 к. — (Труды по естественно-ист. и экон. обследованию Кабарды; т. II). — 1100 экз.

Фамилия авт. указана на шмуцтит.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. № 2 417».

Месяц, С.И. (?—?)

Зольские и горные пастбища: (Пастбищное хозяйство Кабарды). — Воронеж: изд. облисполкома Кабардино-Балкар. авт. обл., 1928. — 59 с., 1 к., 1 ил. — (Труды по естественно-ист. и экон. обследованию Кабарды; т. II, вып. II).

Заглавие обл.: Пастбищное хозяйство Кабарды.

На тит. л. помета: «2 418».

Население и хозяйство Кубано-Черноморской области: Статистический сборник за 1922— 23 г. / изд. Кубано-Черномор. обл. план. комис.; под ред. В.И. Смирнского. — Ростов н/Д; Краснодар: Юго-Вост. краев. изд-во «Буревестник», 1924. — XII, [2], С, 822 с. — 150 экз.

Тит. л. и обл. парал. фр.

На тит. л. — штамп «Справочная Библиотека С.-К. Крайкома ВКП(б) Инв. № 4 139» (штамп повторен на изд. обл.), здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 744».

На тит. л., с. 17, 822 — треугольная печать «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

Николаи, Александр Павлович (1821—1899)

Записка по поводу составленного Закатальской сословно-поземельной комиссией проекта положения о поземельном устройстве поселян Закатальского округа. — Тифлис, 1874. — 30 с.

В левом верхнем углу с. 5, 9, 13, 25 — овал. печать конгрев. тисн. «Косинской Фабрики Рязанцевыхъ № 3».

На с. 1 — библ. марка с номером: «№ 1 682», здесь же — помета: «М — 513», здесь же ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Основные статистические данные и список населенных мест Чеченской автономной области на 1929—30 г. / изд. плановой комис. Чечен. облисполкома. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало», 1930. — [6], 121 с.: табл. — 700 экз.

На тит. л. — помета: «3 264».

Экз. в изд. обл.

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Вып. II. Кавказ. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. — Пг.: Екатеринин. тип. И.Ф. Вайсберга, 1917. — XIV, 153, VI с.

Тит. л., огл., табл., обл. парал. фр.

На тит. л. — помета: «3 315».

Район Тебердинской железной дороги (Невинномысская-Каменномостское) в экономическом отношении. — Ростов н/Д, 1925. — 120 с. — 500 экз.

На тит. л., с. 1, 17, 120 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 2 637». Экз. в изд. обл., на с. 2 обл. наклеен кармашек для формуляра с обращением к читателю «Берегите книгу!» (ОГИЗ).

Районированный Дагестан: (административно-хозяйственное деление ДССР по новому районированию 1929 г.). — Махачкала: изд. орготдела ЦИК ДССР, 1930. — 56, XXIV, 114 с.: табл. — 2 060 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 737».

Река Сулак и перспективы снабжения электрической энергией Баку и Грозного с промыслами и дагестанской промышленности: (Краткий очерк, сост. по данным изысканий с мая по окт. 1927 г.) / изд. Наркомата промышленности и торговли ДССР; сост. инж. Н.И. Анисимов. — [М.]: тип. «Заря Коммунизма», 1927. — 39 с.: ил., 1 пл.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 964».

Экз. в изд. обл.

Список населенных мест Чечавтобласти / изд. статбюро Чечцика. — Грозный, 1925 (Владикавказ: «Красный Октябрь»). — [83] с.: табл., 6 табл., 1 к. — 500 экз.

На тит. л. — запись пр. кар.: «Был в Чечне в декабре 23 г. <нрзб>», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 939».

Экз. в изд. обл.

Терне, А.М. (?—?)

Статистико-экономические материалы по обследованию Кубанского края: Посевная площадь и состояние посевов в Кубанской обл. в мае 1919 г. — Екатеринодар: тип. «Сотрудник», 1919. — 47—71 с.

На с. 47, [72] — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов № Б-21 Рег. № ____ Зак.____», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 069».

Экз. в изд. обл.

Фадеев, А.В. (?—?)

Очерки по экономической географии Абхазии: (пособие для техникумов, СПШ, курсов для подготовки в ВУЗ и пр.) / изд. АбГИЗа. — Сухум: типо-литогр. АбГИЗа, 1932. — 108 с. — 4 000 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 5 489».

Экз. в изд. обл.

Физико-географическое и экономическое описание района Северо-Кавказской железной дороги / изд. правления Сев.-Кав. ж. д. — Ростов н/Д: 1-я гостип. им. Коминтерна, 1925. — 80, [4] с., 2 к. + 1 отд. л. огл. — (Экономическое описание районов, тяготеющих к Сев.-Кав. им. С.Д. Маркова, ж. д.; вып. III). — 2 000 экз.

На с. 3, [4] (паг. 2-я), об. карты — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № Б 59 Рег. № ___ Зак. ___», здесь же — помета: «№ 158».

Экз. в изд. обл.

Хижняков, Б.Е. (?—?)

Описание кустарных промыслов нацобластей С.-К. края: (С прил. 7 картограмм, 27 рис., фот. и схем, 4 диагр. и 21 табл. в тексте). — Ростов н/Д, 1930. — 78 с.: ил.

Отд. отт. из. журн.: Записки СККГНИИ. — Т. II.

На с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 2 518».

Экз. в изд. обл.

Шаумян, Степан Георгиевич (1878—1918)

Статьи и речи 1917—1918 гг. — Баку: гос. тип. «Красный Восток», 1929. — II, 305, II с. — В надзаг.: Ин-т истории классовой борьбы в Азербайджане им. Ст. Шаумяна. — 600 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 449».

Экз. в изд. ил. обл.

Экономическая география Юго-Востока России / под ред. В.Н. Вершковского, А.Ф. Лебедева, А.А. Пономарева. — Ростов н/Д: изд. Юго-Вост. план. комис. Крайэкономсовета, 1924. — II, 480 с.: табл., схем, диагр., [43] л. ил., 2 цв. к. — Библиогр.: с. 456—480 (458 ист).

Содерж. авт.: П.М. Ерохин, И.В. Новопокровский, А.И. Гозулов, А.Г. Жантиев и др.

На тит. л. — помета: «№ 2 200».

Экз. в изд. обл.

Государство и право

Алибеков, Манай (1859—1920)

Адаты кумыков / пер. Т.Б. Бейбулатова; изд. ДагНИИ. — Махачкала, 1927. — 31 с. — 5 000 экз.

На тит. л. фамилия авт.: Алибек Манай.

На тит. л. — помета: «3 475».

Сохранилась верхняя изд. обл.

Ладыженский, Александр Михайлович (1891—1978)

Обычное семейное право черкесов. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1927. — 5 с.

Отд. отт. из журн.: Бюллетень СККГНИИ. — 1927. — № 2—4.

На тит. л. помета: «М — 891».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «В биб[лиотеку]. Уч. секр.», здесь же — штамп «С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н /Д. Вход №49 «22/III 1928 г.».

Полный стенографический отчет о Кутаисском деле: с прил. решения суда в окончательной форме и топографической съемки местности. — СПб.: изд. ред. газ. «Гамелец», 1879. — VIII, 454 с., 1 пл.

Переплет — картон, мрамор. бум., на корешке — кожан. форматка с зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 491», на верхней сторонке пер.- ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Положение о пользовании водами для орошения земель в Закавказье и Правила для определения существующих прав пользования оросительной водой: с прил. — Тифлис: тип. конторы «Кавказ», 1891. — II, IV, 71 с.

На тит. л. — помета «М — 118» (номер повторен на обл.).

В верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 7 533», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Положение о крестьянах Тифлисской губернии. — [Тифлис, 1864]. — [80] с. разд. паг.

На с. [1] — помета «М — 662» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, в верхней части библ. марка с номером: «№ 1 628», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

— То же.

[50] с. разд. паг.

На с. [1] — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 735».

Экз. в цельнокожан. переплете, на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., форзац — бел. муар. бум.

Сборник адатов Даргинского округа. — [Тифлис, 1873]. — [374] с.

Текст написан от руки.

На тит. л. — запись: «Этот сборник почти весь напечатан в VII выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах, 1873», здесь же — помета: «М — 400» (номер повторен на ярлыке).

Экземпляр в цельнокожан. переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — владельческая запись: «Ар. Николаи», обрез крапчат.

Сборник адатов Шамахальства Тарковского и Ханства Мехтулинского. — [Тифлис, 1873]. — [112] с.

Текст написан от руки.

На тит. л. — помета: «М — 399» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 701», на форзаце в начале книги — владельческая запись «Ар. Николаи».

Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI / изд. А.С. Френкеля; под ред. Д.З. Бакрадзе. — Тифлис: тип. И. Мартиросианца: «Кавказ. обозрение» (Н.И. Френкеля), 1887. — XII, 423 с.

Ценз.: Тифлис. ценз., 3 июля 1887 г.

На тит. л. — помета: «М — 17» (номер повторен на ярлыке).

На изд. обл. запись редактора: «Многоуважаемому Князю Георгію Дмитріевичу Шервашидзе Отъ Дм. Бакрадзе 30 нояб. 84».

Переплет — коленкор, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 464», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора г. Ростов н/Д, обрез с рис.

Шеваршидзе Георгий Дмитриевич (1846–1918) — военный и государственный деятель, вице-губернатор (1883–1889) и губернатор (1889–1897) г. Тифлиса. С 1899 г. состоял при особе вдовствующей императрицы Марии Федоровне (матери Николая II), обер-гофмейстер.

Семенов, Н.С. (?–?)

Очерки народных обычаев кумыков Терской области: предисловие: (Три заметки). — [Владикавказ, 1892]. — 25–104 с.

Страницы вырезаны из кн.: Терский сборник. — 1892. — с. 25–104.

На с. 25 — помета: «М — 227».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Сокольский, Владимир Викторович (1848–?)

Архаические формы семейной организации у кавказскизх горцев. — [М., 1884]. — 39–50 с.

Страницы вырезаны из журн.: Журнал Министерства народного просвещения. — 1884.

На с. 39 — помета «М — 312», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Торнау, Николай Егорович (1812–1882)

Изложение начал мусульманского законоведения. — СПб.: тип. II-го отд-ния собст. е. и. вел. канцелярии, 1850. — III–XVI, 475, XLIX, 87 с.

Предисл. авт. на с. III–XVI (паг. 1-я).

Напеч. по ходатайству Д.Н. Блудова, главноуправляющего канцелярии, на счет казны в тип. II-го отд-ния собст. е. и. вел. канцелярии.

Подстроч. примеч. авт.

Помимо традиционного оглавления имеется «Подробное оглавление на с. VII–XLIX (паг. 4-я).

Экз. деф.: утрачена изд. обл. и тит. л.

Исследование Торнау охватывает все отрасли мусульманского права различных школ, оно имеет не только научное и историческое, но и практическое значение. Многие положения настоящего исследования использовались в непосредственном управлении мусульманскими областями, в частности, Каспийской областью. Издание было напечатано большим тиражом за счет государственной казны, после изучения и одобрения Николаем I.

Учреждение управления Кавказского и Закавказского края — (изд. 1869 г.). — [Тифлис, 1869]. — 6–60 с.

На тит. л. — запись пр. кар.: «Доставлена изъ управленія типографіи II Отделенія Собственной Е. И. В. Канцеляріи 13 февр. 1870 г. № 311», ниже — помета: «М — 585» (номер повторен дважды на ярлыке).

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на верхней сторонке пер. — ярлык: «Шк. XXII. Пол. 1. № 4», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института Шкапъ XXII. Полка I. № 4».

Образование. Культура

Ермоленко, Макар Иванович (1867–1940)

Кабардино-Балкарский Областной музей: (его история и экспонаты). — Владикавказ: типо-литогр. «Красный Октябрь», 1928. — 18 с.

На тит. л. — помета: «№ 2 633».

Экз. в изд. обл.

Известия Азербайджанского государственного университета им. В.И. Ленина. Т. 4–5: Общественные науки. — Баку: 2-я гос. тип. Азполиграфтреста ВСНХ, 1925. — 398, [4] с.

Из содерж.: Происхождение народных легенд о миротворении / М.В. Беляев. Подражание в языках Ср. Поволжья / Н.И. Ашмарин.

Загл. на тит. л. и обл. парал. фр., азерб.

На тит. л. — помета: «2 817» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Известия Бакинского государстенного университета. № 1, второй полутом: (Гуманитарные науки). — Баку: 2-я гос. тип., 1921. — 175–283, [1] с.

Содерж. авт.: Л.Г. Лопатинский, П.К. Жузе, М.В. Сиповский.

В кн. сквозная и постатейная паг.

Обл. парал. рус., фр., азерб.

На тит. л. — помета: «2 815» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Известия Кавказского музея. Т. I, вып. 1: Ф.Ф. Каврайский. Заметки о рыбах Кавказа. I. Уклейки (g. Alburnus) / изд. под ред. д-ра Г.И. Радде, дир. Кавказского музея и Публ. б-ки в Тифлисе; [предисл. Г.И. Радде]. — Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1887. — II, 18, II, 6 с.

Тит. л. и текст парал. нем.

На тит. л. — помета: «М — 190».

Известия Северо-Кавказского государственного университета. — Ростов н/Д. — 1926–1929.

1926. — Т. VIII. — 169 с., 2 л. портр., 1 табл.

Т. X. — 135 с.

1929. — Т. I (XVII). — 211 с., 1 л. порт., 4 л. рис., 2 л. фот.

На тит. л. — пометы «2 764» (т. VIII), «2 766» (т. X), «2 773» (т. I).

Кеппен, Федор Петрович (1833–1908)

Несколько слов о Кавказском музее. — СПб.: тип. В.С. Балашева и Ко, 1896. — 16 с.

На тит. л. — помета: «М — 200» (номер повторен на на обл.).

Экз. в изд. обл., в верхней части корешка — библ. марка с номером «№ 1 405», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кляровский, И. (?–?), Раков, А. (?–?)

Пятигорская прогимназия: Историческая записка 25-летия её существования, 1866–1891. — Пятигорск: тип. О.А. Гнедич, 1892. — 91 с., 10 л. табл.

На тит. л. — помета: «М — 203» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, на сторонках пер. — зол., цв. и блинт. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 468», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат. Сохранилось красное шелк. ляссе.

Коллекции Кавказского музея: [в 6 т.] / обраб. совместно с учеными специалистами и изд. д-р Г.И. Радде. — Тифлис: тип. канцелярии и главнонач. гражд. частью на Кавказе. 1899—1902.

Т. I: Зоология: с 5 портр., 24 табл. и 2 к. / сост. д-р Г.И. Радде. — 1899. — [6], 520 с., 5 л. портр., 2 к., 24 л. ил.

Т. II: Ботаника: 12 л.портр., 16 табл. и 3 к. / сост. д-р Г.И. Радде. — 1901. — [9], 201 с., 2 л. портр., 3 к., 20 л. ил.

Т. III: Геология: с 1 портр., 6 табл. и 1 к. / сост. проф. Н.И. Лебедев. — 1901. — [8], 320 с., 1 л. портр., 1 к., 6 пл.

Т. V: Археология: с 3 портр., 18 табл. и 22 рис. в тексте / сост. гр. П.С. Уварова, пред. имп. Моск. археолог. о-ва. — 1908. — [16], XVI, 231 с., 2 л. портр., 18 л. ил.

Текст парал. нем.

Карты напеч. в тип. Ф.А. Брокгауза и В. Эндгельмана в Лейпциге.

На тит. л. — пометы: «М — 259» (т. I), «М — 260» (т. II), «М — 262» (т. III), «М — 263» (т. V).

Переплет — картон, ткань, в верхней части корешка т. I — библ. марка с номером: «№ 1 834/1», на верхней сторонке пер. — зол. тисн., здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д (т. II, III, V), на форзаце в начале т. I — дарственная надпись: «Zumanrenken an der Baron A.P. Nikolai in honor Kerchring in treuen Anhonqlichkeit Radde. 14/X—99.» = (На память Барону А.П. Николаи с искренними уверениями в верной преданности Г. Радде. 14/ X—99.).

Народное образование на Северном Кавказе: По материалам школьной переписи 15/XII—1927 г. Т. I: Общие сведения; Учащиеся; Бюджет. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1928. — 148, [1] с.

На тит. л. — помета: «2 719».

Экз. в изд. обл.

Отчет по Кавказскому музею и Тифлисской Публичной библиотеке за 1892 год / [сост. Г.И. Радде и П. Меллер.] — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1892. — 23,[2] с.

На тит. л. — помета: «М — 254» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в изд. пер., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 399», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Отчет по Кавказскому музею и Тифлисской Публичной библиотеке за 1893 год / [сост. Г.И. Радде и П. Миллер.] — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1893. — 31, [2] с.

На тит. л. — помета: «М — 224» (номер повторен на ярлыке).

В верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 400», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Памятная книжка Тифлисской второй гимназии за первые девять лет её существования (с 1874 по 1883 г.) / изд. под ред. учителя А.А. Богоявленского. — Тифлис: тип. А.А. Михельсона, 1884. — 195, III с., 6 табл.

Ценз.: Тифлис. ценз., 6 марта 1884 г.

На тит. л. — помета: «М — 22» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, на верхней сторонке пер. — зол. и цв. тисн., здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Перепелетное и Галантерейн. Заведеніе Абр. Акопова на Дворцовой ул. Въ Галлерее Арцруни въ Тифлисе»; здесь же — дарственная надпись: «Его Высокопревосходительству, Члену Государственнаго Совета, Статсъ-Секретарю, Действительному Тайному Советнику Барону Александру Павловичу Николаи Педагогическій Советъ 2-й Тифлисской Гимназіи имеетъ счастіе представить. Председатель Совета, Директоръ гимназіи А. Лаловъ»; обрез крапчат.

Радде, Густав Иванович (1831—1903)

Краткий очерк истории развития Кавказского музея в первые 25 лет существования с 1-го января 1867 по 1-е января 1892 г. / сост. д-р Г.И. Радде, директор музея. — Тифлис: тип. А.А. Михельсона, 1891. — 64, [2] с., 1 пл.

Ценз.: Тифлис. ценз., 5 сент. 1891 г.

На тит. л. — помета: «М — 272», поверх пометы — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Переплет — картон, коленкор, на верхней сторонке пер. — зол. и блинт. тисн., здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

В книгу вложен лист с перечнем званий Г.И. Радде.

Семенов, Леонид Петрович (1886—1959)

Государственный научный музей гор. Владикавказа при Северо-Кавказском институте краеведения: краткий очерк истории и деятельности музея / изд. Северо-Кавказского ин-та краевед. — Владикавказ: тип. Сунж. А.О., 1925. — 23 с.

На тит. л. — помета: «3 498».

Экз. в изд. обл.

Услар, Петр Карлович (1816—1875)

О распространении грамотности между горцами. — [Б. м., 1869?]. — 30 с.

На с. 1 — помета: «М — 393», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кавказские языки

Аварские сказки и песни / собр. Айдемиром Чиркеевским. — Укр. Темир-Хан-Шура: печ. в тип. штаба войск Даг. обл., 1867. — 96 с.

Печ. с разрешения е. имп. выс. главнокомандующего Кавказской армией и наместника Кавказского.

Тит. л. и обл. парал. рус. и авар. Текст на авар.

Литогр. изд.

На тит. л. — круглая владельческая печать «Н.П. Балагуровъ», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 992».

Экз. в изд. обл.

В книге напечатан алфавит аварского языка, созданный П.К. Усларом.

Чиркеевский Айдемир (?—?) — лингвист, издатель и исследователь фольклора Дагестана, один из первых собирателей сказочного эпоса, помощник П.К. Услара.

Алборов, Борис (Барысби) Андреевич (1886—1968)

История осетинских письмен / Осетин. НИИ краевед. — Владикавказ: Осетин. типо-фото-цинкогр. изд-ва «Растдзинад», 1929. — 100 с., 1 табл.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 495».

Экз. в изд. обл.

Алборов Борис Андреевич (1886—1968) — выдающийся деятель науки и образования Осетии, в 1924 г. стал первым профессором-осетином по филологии, один из организаторов и активных членов Осетинского историко-филологи-

ческого общества, занимался различными аспектами развития осетинского языка, уделял много внимания усовершенствованию осетинских письмен, развитию культуры осетинского народа.

Алиев, Умар Джашуевич (1889–1938)

Латинизация горских письмен: (К истории просвещения горских народов). — [Ростов н/Д, 1928.] — 15 с.

Отд. отт. из журнр.: Революция и горец. — 1928. — № 1.

На с. 1 — помета: «6 505».

Алиев Умар Джашуевич (1889–1938) — преподаватель восточных языков. Владел арабским, турецким, всеми восточными тюркскими наречиями (татарским, сартовским, туркменским и др.). До Октябрьской революции — преподаватель. После Октября 1917 г. работал в Туркестане и на Кавказе по организации агитации среди населения, затем в Казани издавал журнал «на тюрко-татарском наречии по программе советских идей и социалистической культуры». Принадлежал к партии социал-коммунистов, входил во Всероссийский мусульманский учительский союз (интернационалистов). С 10 апреля 1918 г. — заведующий отделом горцев Наркомнаца РСФСР. Входил в состав полномочных делегатов комиссии от народов Терека, приехавших в Москву и принятых Лениным в 1920 г. Автор нескольких учебников. В 1925–1931 гг. — первый председатель Северокавказского краевого национального совета по вопросам культуры и просвещения. Первый директор СКГНИИ. Репрессирован в 1938 г. (См.: Альманах «Россия. XX век». Архив Александра Н. Яковлева. Биографический словарь).

Ашмарин, Николай Иванович (1870–1933)

Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи. — Баку: изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. 1926. — 190, IV, [2] с. — (Труды / О-во обслед. и изуч. Азербайджана; вып. 6).

Тит. л. и обл. рус., азерб.

Экз. в изд. обл.

— То же.

84–190, IV, [2] с.

Ашхамаф, Дадут Алиевич (1897–1946)

О принципах построения адыгейской орфографии / Адыг. НИИ краевед. — Краснодар: Адыгнациздат, 1934. — 40 с.

На рус. и адыг.

Издано на средства С.-К. Краевого Комитета Нового Алфавита.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 271».

Экз. в изд. обл.

Ашхамаф Дауд Алиевич (1897–1946) — видный адыгейский языковед и переводчик. Участвовал в качестве соавтора в трудах Н.Ф. Яковлева. Перевел на адыгейский язык произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова.

Бартоломей, Иван Алексеевич (1813–1870)

Чеченский букварь / изд. О-ва восстановления христианства на Кавказе. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1866. — [1], 154 с.

Сост. при содействии юнкера Джемаль-Эддина Мустафина, Эдык Бочарова и Ахмет-хан Трамова.

Текст парал. чеч.

На тит. л. — помета: «М — 607» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, в верхней части корешка — библ. марка, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпрсвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Первый чеченский букварь.

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 945».

Экз. в немой бум. обл.

Беляев, Михаил Васильевич (?–?)

Грамматическая система кавказских (яфетических) языков. — [Владикавказ, 1930.] — 61–98, 125–171 с.

Авт. конволют. В кн. также: М.В. Беляев «Кавказское языковедение: (Библиогр. обзор)».

Отд. отт из кн.: А. Хаджиев. Культура и письменность горских народов Северного Кавказа (Владикавказ. 1930).

На с. 61 (паг. 1-я) — авторская запись: «В б-ку Горск. НИИ. Автор».

Беляев Михаил Васильевич — профессор, заведующий лингвистическим отделом, ученый секретарь терминологической комиссии СКГНИИ.

Беляев, Михаил Васильевич (?–?)

Осетинские этимологии. — [Ростов н/Д], 1930. — 8 с.

Отт. из журн.: Записки СККГНИИ. — 1930. — Т. II.

На с. 1 — помета: «2 497» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Беридзе, Вукол Михайлович (1883–1963)

Грузинский (картский) глоссарий по имеретинскому и рачинскому говорам. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1912. — VIII, 76 с. — (Материалы по яфетическому языкознанию / под ред. акад. Н.Я. Марра; вып. VI).

Текст груз.

На тит. л. — помета: «М — 499», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. в изд. обл.

Бокарев, А.И. (?–?)

Руководство к преподаванию русского языка в дагестанских школах I-й ступени. — Махачкала: изд. Наркомпроса ДССР, 1931. — VI, 81, VII с. — (Новая аульская школа: Книга для учителя).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 081».

Экз. в изд. обл.

Бокарев А.А. — преподаватель педтехникума в г. Буйнакске.

Генко, Анатолий Несторович (1896–1941)

Цахурский (цахский) алфавит / предисл. В. Хулуфу; Наркомпрос АзССР. — Баку: Азернешр: Учеб. — пед. отд., 1934 (тип. «Дворец книги» им. 26). — 15 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 100».

Экз. в изд. обл. На обл. — авторская запись: «Библиотеке Сев. Кавказского Горского Института от автора».

Генко Анатолий Несторович (1896–1941) — выдающийся кавказовед, лингвист, историк и этнограф, обладал феноменальными лингвистическими способностями, владел 26 кавказскими, восточными и европейскими языками. С именем

Генко связана организация в 1936 г. Кавказского кабинета в Институте этнографии АН СССР. Активно участвовал в создании алфавитов для национальных языков народов Северного Кавказа, составил Осетино-чеченский словарь. Труды ученого по-новому раскрыли проблемы этнической, социальной и культурной истории народов Кавказа. Ученого дважды арестовывали — во второй половине 1930-х — начале 1940-х годов. А.Н. Генко погиб в блокадном Ленинграде. Внештатный сотрудник СКГНИИ.

Генко, Анатолий Несторович (1896–1941)

Из области чеченской диалетологии. — [1935]. — 117–132 с.

Статья вырезана из сб.: Языки Северного Кавказа и Дагестана (М.; Л., 1935).

Аннот. нем.

На с. 117 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 996».

На обл. — авторская надпись: «Библиотеке Историко-Лингвистического Института им. С.М. Кирова от проф. А. Генко. Ленинград. 22-III-36».

Жирков, Лев Иванович (1885–1963)

Аварско-русский словарь. — М.: гос. ин-т «Сов. энцикл.», 1936. — 187 с., 1 к. — Прил. «Краткая грамматика аварского языка».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 232».

Экз. в изд. пер.

Жирков, Лев Иванович (1885–1963)

Грамматика даргинского языка. — М.: кн. ф-ка Центр. изд-ва народов СССР, 1926. — 103 с. — (Ком. по изуч. языков и этнических культур вост. народов СССР; № 5).

Тит. л. парал. рус., фр.

На тит. л. — помета «М — 804»; здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Экз. в изд. обл.

Жирков Лев Иванович (1885–1963) — языковед, специалист по кавказским языкам, один из создателей национальных письменностей для бесписьменных языков Северного Кавказа.

Жирков, Лев Иванович (1885–1963)

Языки Дагестана и их изучение: (Доклад, читанный на заседании Ист. — Этногр. Секции Общества 4/IX 1926 г.). — [Б. м., 1926?]. — 8 с.

На с. 1 — помета: «3 188».

Загурский, Леонард Петрович (1827–1891)

Заметки о кюринском языке в связи с исследованными восточно-кавказскими языками: На основании исследований генерала Услара: Из VIII вып. «Сборника сведений о кавказских горцах». — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1875. — 104 с.

На тит. л. — помета: «М — 426» (номер повторен на ярлыке), здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Переплет — картон, коленкор, в верхней части корешка — библ. марка, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, тройной зол. обрез, имеется шёлк. ляссе.

Загурский Леонард Петрович (1827–1891) — выдающийся лингвист и этнограф, правитель дел Кавказского отдела императорского Русского географического общества, изучал языки Кавказа, антропологию и этнографию кавказских народов.

Загурский, Леонард Петрович (1827–1891)

Кавказские алфавиты. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, [1887?]. — 32 с. — Прил. к Известиям Кавказ. отд. Русского геогр. о-ва, т. IX.

В тексте читательские пометы.

Экз. во владельческой немой обл., на верхней обл. — помета: «М — 598» (номер повторен дважды), здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кипшидзе, Иосиф Алексеевич (1885–1919)

Дополнительные сведения о чанском языке: (Из лингвистических экскурсий в русский Лизистан). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1911. — VI, 33 с. — (Материалы по яфетическому языкознанию; вып. III).

Текст рус., груз.

На тит. л. — помета: «М — 1 591».

Экз. в изд. обл.

Кипшидзе Иосиф Алексеевич (1885–1919) — лингвист, специалист по кавказским языкам, ученик Н.Я. Марра.

Лушну Анбан. Сванетская азбука. — Тифлис: печ. в тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1864. — 147 с.

Ценз.: Тифлис. цензура, 20 сент. 1863 г.

Текст парал. сван., груз., рус.

Текст на сванском языке напечатан с использованием алфавита, составленного П.К. Усларом.

Литогр. изд.

Переплет — картон, коленкор, на сторонках пер. — блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — роз. муар. бум., тройной зол. обрез.

Марр, Николай Яковлевич (1864/65–1934)

Извлечение из сванско-русского словаря / предисл. авт. — Пг.: рос. гос. акад. тип., 1922. — VIII, 39 с. — (Материалы по яфетическому языкознанию / под ред. акад. Н.Я. Марра; вып. X).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Марр Николай Яковлевич (1864/65–1934) — выдающийся востоковед, кавказовед, филолог, историк, этнограф, археолог, академик. Марру принадлежит «яфетическая теория», которой он придал общелингвистический характер «нового учения о языке». Основатель Яфетического института, который был преобразован в Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра (ныне Институт лингвистических исследований РАН в Петербурге и Институт языка РАН в Москве).

Марр, Николай Яковлевич (1864/65–1934)

К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. — М.: изд-во Ком. Акад., 1930. — 51 с. — (Ком. Академия. Общество историков-марксистов).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института г. Ростов н/Д. 4 145».

Экз. в изд. обл.

Марр, Николай Яковлевич (1864/65–1934)

К изучению современного грузинского языка: [вступительная лекция в Петроградском ин-те живых восточных языков 18 янв. 1922 г.] — Пг.: рос.гос. акад. тип., 1922. — 22 с. — (Петроград. ин-т живых вост. языков; вып. I).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института г. Ростов н/Д. 10 750».
Экз. в изд. обл.

Марр, Николай Яковлевич (1864/65—1934)

Кавказские племенные названия и местные параллели. — Пг.: рос. гос. акад. тип., 1922. — [1], 39 с. — (Рос. Академия Наук. Труды / Комис. по изуч. племенного состава населения России; вып. 5).
Текст напеч. с матриц 1918 года.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института г. Ростов н/Д. 6 818».
Экз. в изд. обл.

— То же.

На тит. л. — помета: «М — 556».
На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Марр, Николай Яковлевич (1864/65—1934)

Племенной состав населения Кавказа: Классификация народов: (Рабочий проект). — ПГ. 6 тип. Рос. Акад. наук, 1924. — 64 с. — (Российская Академия наук. Труды / Комиссия по изуч. племенного состава населения России; вып. 3).
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института г. Ростов н/Д. 4 882» (номер повторен на обл.).

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института г. Ростов н/Д. 6 819».
— То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института г. Ростов н/Д. 4 883» (номер повторен на обл.).

Марр, Николай Яковлевич (1864/65—1934)

Пособие для изучения живого грузинского языка. Вып. 1 / предисл. авт. — Л.: рос.гос. акад. тип., 1926. — VIII, 99 с. — (ЦИК СССР. Ленинград. ин-т живых вост. языков им. А.С. Енукидзе; вып. 8; Труды яфетического семинария; вып. II).
На рус., груз.
На тит. л. и обл. вымарана фамилия А.С. Енукидзе.
На тит. л. — помета: «2 850».
Экз. в изд. обл.

Мещанинов, Иван Иванович (1883—1967)

Яфетидология и марксизм: (Доклад проф. И.И. Мещанинова и прения по нему на заседании НИАМа при Аз-ГНИИ 18 окт. 1929 г.) / изд. АЗГНИИ. — Баку: Красный Восток, 1930. — 67 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института г. Ростов н/Д. 3 190» (номер повторен на обл.).
Экз. в изд. обл.
Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — языковед и археолог, последователь Н.Я. Марра, его преемник на посту руководителя Института языка и мышления.

Милых, М.К. (1907—1983)

Вопросы орфографии тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана / под ред. проф. Г.П. Сердюченко. — Кисловодск: тип. Кароблнациздата, 1937. — 77 с. (Орджоникидзевский краев. ком. нового алфавита; Орджоникидзевский ист.-линг. ин-т им. С.М. Кирова).
На тит. л. — запись пр. карандашом: «И.Г. Клабуновскому от автора и редактора».
Экз. в изд. обл.
Настоящее издание одно из последних, а возможно, и самое последнее издание СКГНИИ. В выходных данных книги указано: «Сдано в набор 28/V 1937 г. Подписано к печати 3/ VI 1937 г.». По постановлению президиума Орджоникидзевского (Ставропольского) краевого исполкома СКГНИИ ликвидирован 10 сентября 1937 г.
Клабуновский Иван Григорьевич — ученый-краевед, профессор Московского государственного педагогического института, в 1936—39 гг. — директор Ворошиловского (Ставропольского) педагогического института.

— То же.

На тит. л. — круглая печать «Кабинет языка и литературы. АПИ», здесь же — дарственная запись: «В кабинет языка Ворошиловского [Ставропольского] Педин-та. Проф. Г. Сердюченко».
Сердюченко Георгий Петрович (1904—1965) — языковед, заведующий лингвистическим отделом СКГНИИ.

Немировский, Михаил Яковлевич (1883—1965)

Альфред Тромбетти: его жизнь и научные труды по сравнительному языкознанию, по общей и кавказской лингвистике = Professeur M.J. Nemirovskij. Alfred Trombetti: sa vie et ses oeuvres / Горский пед. ин-т. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало» Ингуш. авт. обл.. 1930. — 215—247 с., 1 портр.
Тит. л. и обл. парал. фр.
Рез. фр.
Посвящается памяти А. Тромбетти.
Отд. отт. из журн.: Известия Горского пед. ин-та. — [1930]. — Т. VII.
На тит. л. — штамп «От автора», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института г. Ростов н/Д. 3 647» (номер повторен на обл.).
Экз. в изд. обл.
Немировский Михаил Яковлевич (?—?) — профессор, крупный специалист по общему и кавказскому языкознанию, с 1926 по 1942 гг. возглавлял кафедру языкознания Горского педагогического института во Владикавказе (ныне — Северо-Осетинский государственный педагогический институт).

Немировский, Михаил Яковлевич (?—?)

К научной постановке исследования чеченской группы северо-кавказских языков / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало» Ингуш. авт. обл., 1930. — 448—464 с.
Резюме нем.
Отт. из журн.: Известия Ингуш. НИИ краевед. — Вып. II—III.
На тит. л. — штамп «От автора», здесь же — помета: «3 646».
Экз. в изд. обл.

Немировский, Михаил Яковлевич (?—?)

К современному состоянию кавказской лингвистики = Zum Heutigen stand der Kaukasischen Sprachwissenschaft von Professor Dr. M.J. Nemirovskij. — Владикавказ: типо-фото-цинкогр. изд-ва «Растдзинад», 1930. — 25, [1] с.
Рез. на нем.

На тит. л. — штамп «От автора», здесь же — помета: «З 644» (номер повторен на изд. обл.).
Экз. в изд. обл.

Немировский, Михаил Яковлевич (1883—1965)

К сорокалетию научной деятельности акад. Н.Я. Марра / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало» Ингуш. авт. обл., 1930. — 495—499 с.
Отд. отт. из журн.: Известия Ингуш. НИИ краевед. — Вып. II—III.
На тит. л. — штамп «От автора», ниже — помета: «З 645» (номер повторен на ид. обл.).
Экз. в изд. обл.

Немировский, Михаил Яковлевич (1883—1965)

Хеттские местоименные формы на — I и яфетические языки Кавказа и Средиземноморья. — Владикавказ: типо-фото-цинкогр. изд-ва «Растдзинад», 1930. — 13, [1] с.
Обл. парал. рус., нем. рез. нем.
На тит. л. — штамп «Библиотека С. — К. Горск. Научн.Исслед. Института. г. Ростов н/Д. З 642» (номер повторен на обл.).
Экз. в изд. обл.

Ониан, Арсен (?—?)

Сборник славянских названий деревьев и растений: (на лашхском наречии) / [предисл. Н.Я. Марра]. — Пг.: тип. Акад. наук, 1917. — VII, 41 с. — (Материалы по яфетическому языкознанию / [под ред. Н.Я. Марра; вып. VIII]).
На груз. яз. Тит. л. и обл. парал. рус., груз.
На тит. л. — помета: «М — 1 594».
Экз. в изд. обл.

Ониан, Арсен (?—?)

Сванские тексты на лашхском наречии: Страна и нравы, рассказы и сказки, стихи и песни, заговоры / собр. Арсен Ониан из Сасаша; [ред. Н.Я. Марр]. — Пг.: тип. Акад. наук, 1917. — IV, [1], 94 с. — (Материалы по яфетическому языкознанию / [под ред. Н.Я. Марра; [вып.] IX).
Обл. и тит. л. парал. груз., рус.
На тит. л. — помета: «М — 1 590».
Экз. в изд. обл.

Патканов (Патканян), Керопэ Петрович (1833—1889)

Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии: О древней грузинской хронике: Армянская хроника. — [Б. м., б. г.] — 199-274 с.
Страницы вырезаны из: Журнал Министерства народного образования.
На верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — помета: «М — 246».

Патканов (Патканян), Керопэ Петрович (1833—1889)

О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских. — 1-е изд. — Баку: Азгиз, 1929. — 321-626 с.
На с. 27 — помета: «М — 243».
На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Русско-тюркский словарь . Т. II. П—Я / под ред. Р. Ахундова. — 1-е изд. — Баку: Азгиз, 1929. — 321—626 с.
Тит. л. и обл. парал. рус., азерб.
На с. 626 — запись на азербайджанском языке, сделанная 6. II. 1931 г. Ранамадимом Хазеном.
На шмуцтит. — владельческая запись: «Из книг И. Каурного (?). Баку. Азернешр. III. 32».
Экз. в изд. пер.

Сеоти, З. (?—?), Цомаев, Дз. (?—?)

Практический самоучитель осетинского языка для знающих русский язык: с прил. осетино-русского и русско-осетинского словарей / [обл. худож. К. А. Г.]. — Владикавказ: Растдзинад: Крайнациздат, 1931. — 109 с.
На тит. л. — владельческая печать «Георгий Петрович Сердюченко».
Сохранилась верхняя изд. обл.

Сеоти, З. (?—?), Цомаев, Дз. (?—?)

Практический самоучитель осетинского языка для знающих русский язык: с прил. осетино-русского и русско-осетинского словарей. — 2-е изд. — Владикавказ: Растдзинад: Крайнациздат, 1931. — 91 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 8 285».
Утрачена верхняя изд. обл.

Словарь тюркских народных говоров Азербайджана: с рус. и нем. пер. Т. I, вып. I. Буква «А» / [сост. Н.И. Ашмарин, А.Р. Зифельт и др.]. — Баку: Азгиз, 1930. — XXX с., 250 стб. — (АзГНИИ. Отд-ние языка, лит. и ис-ва. Словарная комиссия).
Тит. л. и обл. азерб. Шмуцтит. парал. рус., нем. Предисл. рус., азерб.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 912».
Экз. в изд. обл.

Тексты и разыскания по кавказской филологии. Т. I / [предисл. Н.Я. Марра]. — Л.: Рос. гос. акад. тип., 1925. — III, 125 с., [1] л. ил.
Обл., тит. л., колонтит. и содерж. парал. фр.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 848».
Экз. в изд. обл.

— То же.

III, 48 с.
На тит. л. — помета: «М — 696», поверх пометы — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».
Экз. деф.: утрачены с. 49—125.

Туманский, Александр Григорьевич (1861—1920)

Арабский язык и кавказоведение: публичная лекция на тифлисских высших курсах по кавказоведению, читанная 6 нояб. 1910 г. — Тифлис: тип. А.И. Петрова, 1911. — 41 с.
Многочисленные читательские пометы в тексте.
На тит. л. — владельческая запись: «Из книг Иналу Kamікозова. Тифлис. 1924 г. Октябрь» (имя и фамилия вымараны), здесь же — помета: «М — 623».

Услар, Петр Карлович (1816—1875)

Этнография Кавказа. Языкознание. [Вып.] III. Аварский язык / барон П.К. Услар, ген. штаба ген.-майор, чл.-кор. СПб. имп. Акад. наук; изд. упр. Кавказ. учеб. округа. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе: тип. Михельсона, 1889. — VII, 242, 275, 20, IV с., 1 табл. на разверн. л.

На тит. л. — помета: «М — 406», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.»,

Переплет — картон, коленкор, на сторонка пер. — зол., цв. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д. форзац — декор. бум., тканевый фальчик.

В книгу вложено сопроводительное письмо попечителя Кавказского учебного округа К.П. Яновского барону А.П. Николаи.

Яновский Кирилл Петрович (1822—1902) — замечательный педагог-администратор, 22 года управлял Кавказским учебным округом.

Николаи Александр Павлович (1821—1899) — барон, государственный деятель, с 1845 г. на Кавказе, сенатор, начальник главного управления наместника Кавказского.

Услар Петр Карлович (1816—1875) — российский языковед, исследователь языков и культур народов Кавказа. Заложил основы научного изучения кавказских языков, стихийный основатель методики полевых исследований, формального лингвистического образования не имел. Работы Услара повлияли на исследования Н.Ф. Яковлева и других ученых.

Услар, Петр Карлович (1816—1875)

Этнография Кавказа. Языкознание. [Вып.] VI. Кюринский язык / барон П.К. Услар, ген. штаба ген.-майор, чл.-кор. СПб. имп. Акад. наук; изд. упр. Кавказ. учеб. окр. —Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1896. — [2], 639, [1] с.

На тит. л. — помета: «М — 405», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Переплет — картон, коленкор, на сторонках переплета — зол., цв. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Хаджиев, А. (?—?), Яковлев, Н.Ф. (1892—1974), Беляев, М.В. (?—?)

Культура и письменность горских народов Северного Кавказа: (сборник статей) / изд. Крайкома Нового Алфавита и Крайнациздата по заказу ВЦК НА. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало» Ингуш. авт. обл., 1930. — 171 с.

Содерж.: Латинизация и унификация горских алфавитов на Северном Кавказе / А. Хаджиев. Унификация алфавитов для горских языков Северного Кавказа; Методы собирания слов и составления общего словаря / Н.Ф. Яковлев. Грамматическая система кавказских (яфетических) языков; Кавказское языковедение (библиогр. обзор) / М.В. Беляев. Примерная программа собирания слов для полного толкового словаря применительно к кабардинскому языку.

На тит. л. — авторская запись: «В Библиотеку С-К Горского Научно-Исследовательского Института. Автор Проф. М. Беляев. 14/IV—30», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 497» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., верхний край со следами затеков.

Хашба, Арсений Константинович (1902—1937)

Академик Н.Я. Марр о языке и истории абхазов / под ред. акад. И.И. Мещанинова; ред.-изд. М.К. Делба. — Сухуми: изд. ИАК АН СССР им. Н.Я. Марра: кн. т-во Туманишвили, 1936. — 68, [3] с.

Экз. в изд. обл.

Хашба Арсений Константинович (1902—1937) — один из первых абхазских филологов, ученый-языковед, абхазовед. В начале 1930-х гг. — директор Института абхазской культуры. Ученик Н.Я. Марра. Репрессирован в 1937 г.

Цагарели, Александр Антонович (1844—?)

Из поездки в Закавказский край летом 1877 года. — [СПб., 1877?]. — 207—231 с.

Статья вырезана из журн.: Журнал М-ва народного просвещения. — Ч. CXCIV.

На с. 207 — помета: «М — 421» (номер повторен на обл.).

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Цагарели, Александр Антонович (1844—?)

Мингрельские этюды. Вып. 1. Мингрельские тексты с переводом и объяснением / собр. и изд. Ал. Цагарели. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1880. — XV, 97, XI, [1], 92 с.

Текст мингрел., рус.

В кн. также: А. Цагарели. Мингрельские этюды. Вып. 2. СПб., 1880.

На тит. л. — помета: «М — 424».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 320», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Цагарели, Александр Антонович (1844—?)

Мингрельские этюды. Вып. 2. Опыт фонетики мингрельского языка. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1880. — IX, [1], 92 с.

На тит. л. — помета: «М — 425».

Экз. в изд. обл., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 1 603», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Цагарели, Александр Антонович (1844—?)

О грамматической литературе грузинского языка: критический очерк. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1873. — XII, 110, [2] с.

На тит. л. — круглая владельческая печать «Н.П. Балагуровъ», ниже — штамп Библиотека С.-К. Горск. научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 968».

Экз. в изд. обл.

— То же.

На тит. л. — помета: «М — 423», поверх пометы — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, в верхней части корешка — библ. марка, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Цагарели, Александр Антонович (1844—?)

Сведения о памятниках грузинской письменности. Вып. 1. С палеогр. табл. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1886. — LIV, 96, 56, [1] с., 1 табл. на разверн. л.

На рус., груз.

На об. табл. сохранился фрагмент ярлыка книжного магазина В. Клочкова.
На тит. л. — помета: «М — 422», поверх пометы — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Чамозоков Б.А. (?—?)

История кабардинской письменности. — [Б. м., б. г]. — 9 с.

Чарая, Петр Г. (1861—1919)

Об отношении абхазского языка к яфетическим / [предисл. и ред. Н.Я. Марра]. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1912. — III, 82 с.
На тит. л. — помета: «М — 1 592», поверх пометы — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».
Утрачена верхняя изд. обл.
Чарая Петр Г. (1861—1919) — грузинский педагог, литератор, этнограф, преподаватель абхазского языка.

Черняев, П.Н. (1863—1931)

Как изучал П.К. Услар язык убыхов. — Ростов н/Д, 1929. — 223—225 с.
Отд. отт. из журн.: Записки Сев.-Кавказ. Горск. ин-та. — 1928. — Т. I.
На тит. л. — помета: «2 469», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».
Экз. в изд. обл.

Чкония, Илья Мирианович (1860—1927)

Грузинский глоссарий: Слова, не вошедшие в Словари Савы-Сулхана Орбелиани и Давида Чубинова / [предисл. Н.Я. Марра]. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1910. — VII, 74 с.
Текст груз. Тит. л. и обл. парал. рус. Предисл. рус.
На тит. л. — помета: «М — 1 593».
Экз. в изд. обл.

Чобанзаде, Бекир Ваган оглы (1893—1938)

Предварительное сообщение о кумыкском наречии: [Положение кумыкского наречия среди других тюркско-татарских наречий: (доклад, читан. на заседании лингвистической комис. О-ва)] / изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку: тип. кооп. изд-ва «Бакинский рабочий», 1926. — 7 с.
Отд. отт. из журн.: Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. — 1926. — № 1.
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 955».
Чобанзаде, Бекир Ваган оглы (1893—1938)
Тюрко-татарская диалектология: (введение) / изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку, 1927. — 134, [2] с.
На азерб .
Обратная паг.
На с. [2] (паг. 2-я) — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 971».
Экз. в изд. обл.

Шарипов, Заурбек (Зоврабек) (?—?)

Краткий русско-чеченский слварь . — [Грозный]: Чечен. изд-во «Serlo», 1928. — 144 с.
Тит. л., обл. и предисл. парал. чечен.
На тит. л. — помета: «3 886».
Экз. в изд. обл.

— То же.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 234».

Языки Северного Кавказа и Дагестана: сборник лингвистических исследований. [Вып]. I / под ред. Г.П. Сердюченко. — М., Л.: СОЦЭКГИЗ, 1935. — 168. — В надзаг.: Сев.-Кавказ. науч.-исслед. ист.-лингв. ин-т им. С.М. Кирова.
Посвящение Н.Я. Марру на с. 5.
Содерж.: Очерки карачаево-балкарской грамматики / А. Боровков. Очерки по кумыкскому синтаксису / Н. Дмитриев. Балкарская лексика / Р. Шаумян. О языке южных осетин / В. Абаев. О чечено-ингушском консонантизме / Г. Сердюченко. Чечено-ингушская лексика / О. Егоров. Из области чеченской диалектологии / А. Генко. К вопросу о так называемых «геминатах» (усиленных смычных) в яфетических языках Дагестана / Р. Шор. Развитие частей речи в горских языках Дагестана / Л. Жирков.
Рез. и огл. фр., нем.
Экз. в изд. обл.

Яковлев, Николай Феофанович (1892—1974)

К вопросу об общем наименовании родственных народов: чеченцы и ингуши. — Ростов н/Д, 1929. — 195—204 с.
Отд. отт. из журн.: Записки СКГНИИ. — 1928. — Т. I. — С. 195—204.
Экз. в изд. обл.
Яковлев Николай Феофанович (1892—1974) — языковед, доктор филологических наук, видный специалист по общему и кавказскому языкознанию. Вместе с Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном был создателем структурной фонологии, один их основоположников Московской фонологической школы. Разработал математическую формулу построения алфавита, внес большой вклад в создание письменностей для ранее бесписьменных языков народов России. Внештатный сотрудник СКГНИИ.

Яковлев, Николай Феофанович (1892—1974)

Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков. — Ростов н/Д, 1929. — 117—128 с.
Экз. в изд. обл.

— То же.

На с. 117 и обл. — помета: «2 480» и штамп «Библиотека С-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Яковлев, Николай Феофанович (1892—1974)

Языки и народы Кавказа: краткий обзор и классификация. — Тифлис: ЗАКНИГА, 1930 — 69, [2] с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 527»
Экз. в изд. обл.

Яндаров, Х. (?—?)

История чеченской письменности. — [Б. м., б. г.] — 14 с.

На с. 1 — помета: «2 509», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

— То же.

На с. 1 — помета: «2 510».

Bedrossian (?—?)

New dictionary armenian-english / by Bedrossian. — Venice: S. Lazarus armenian academy, 1875—79. — XXX, 786 с., 1 табл.

Тит. л. и предисл. парал. англ., арм.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 994».

Словарь напечатан в типографии армянского монастыря мхитаристов, который уже триста лет находится на маленьком островке св. Лазаря (Сан-Лазаро) близ Венеции. Монастырь превратился в настоящий центр просвещения, который привлекает внимание мыслителей, историков, литераторов. Здесь в 1816—1818 годах Байрон изучал армянский язык.

Lafon, Rene (?—?)

Queleues rapprochements entre les langues caucasiques septentrionales et les langues kartveles. — [Б. м., б. г.] — 8 л. фот.

Фотокопии из журн.: Bulletin de le Socite de Linguistique de Paris.

Французский лингвист Рене Лафон рассматривал свою статью «Несколько сближений между северо-кавказскими и картвельскими языками» как подготовительную работу к созданию сравнительной грамматики этих языков. В статье автор ссылается на работы А.М. Дирра, Н.С. Трубецкого, Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова и др.

Pohle, Wilhelm (?—?)

Balkarische studien. — [Б. м., б. г.] — [66] л. фот.

На об. л. [66] — запись пр. карандашом: «Keleti Szemle. — XVI. 1915».

На об. л. 15, 38, 52, 66 — штамп «Библиотека С. —К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. № 3».

«Балкарские этюды» В. Прёле содержат тексты на качаевско-балкарском языке с параллельным переводом на немецкий:

Эпические песни «Песня о Джанымланы Исмаиле» и «Маджир»;

Пословицы;

Топография и этнография пяти балкарских обществ;

Сказки: «Бездетный хан», «Айтек улу Айтек», «Танду-бантыр», «Сон ногайца», «Басханук» и др.

Trubetskoy, N.S. (1890—1938)

Studien auf dem gebiete der vergleichenden lautlehre der nordkaukasischen Sprachen. — [Б. м., б. г.] — [17] л. фот.

Фотокопии из жур.: Caucasica. — Leipzig. — 1929. — Fasc. 3. — С. 7—36.

На об. л. 7 — запись пр. карандашом: «Dirr Caucasica. Fosc. 3».

Trubetzkoy, N.S. (1890—1938)

Notes sur les desinences du verbe dens les legues tchetchenolesghinnes (caucasiques-orientales) = [Заметки о глагольных окончаниях в чечено-лезгинских (восточно-кавказских) языках]. — [1929 — [10] л. фот.

Фотокопии из журн.: Bulletin de la Societe de linguistique de Paris. — Paris. — 1929. — XXIX. — С. 153—171.

На об. л. 10 — запись пр. карандашом: «Bul. de la Soc. de Ling. de Paris 1929. t. XXIX».

Естественные науки

Абих, Герман Вильгельмович (1806—1886)

Восхождение на Арарат 29 июля 1845 г. — [Б. м., 1846]. — С. 109—153.

Статья вырезана из журн.: Горный журнал. — 1846. — Кн. IV. — С. 109—153.

На с. 109 — помета: «М — 7» (номер повторен на штампе), здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Аболин, Роберт Иванович (1886—после 1939)

Краткая характеристика основных типов естественных угодий горного Дагестана /сост. редкол.: Х. Тагиев и др. — Махачкала: тип. Даггосиздата, 1932. — 43 с., 1 к. (58х55 см).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 218».

Экз. в изд. обл.

Бартенев, Александр Николаевич (?—?)

Материалы к познанию Западного Кавказа в одонатологическом отношении. — Ростов н/Д: типо-литогр. им. тов. Лиманского. 1930. — 138 с., 3 табл. — (Труды / СКАНИИ; № 72; НИИ математики и естествознания при СКГУ; вып. 14). — Библиогр.: с. 135—138 (120 ист.). — 600 экз.

Обл. парал. нем. Рез. нем.

На тит. л. — помета: «2 688» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

В настоящем издании описано 58 видов стрекоз.

Бёме, Лев Борисович (1895—1954)

К биологии животных Северного Кавказа. — Владикавказ: тип. «Свет», 1925. — 15 с. — 500 экз.

Рез. анг.

На с. 3, 15 — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исслед. Институтов № 2 204 Рег. № 694 Зак. Обм.», здесь же — помета: «3 093».

Бёме, Лев Борисович (1895—1954)

Результаты обследования охотничьего хозяйства Парабочевского и Самурского заказников Н.К.З. Дагестанской С. С. Республики и краткий обзор фауны наземных позвоночных их населяющей. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало», 1928. — 115—156 с. — 400 экз.

Отд. отт. из журн.: Известия Горского пед. ин-та. — 1928. — Т. V. — С. 115—156.

На с. 115 — помета: «М — 952», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Вейс-фон-Вейссенгоф, Станислав Альфоксович(?—?)

Сведения о состоянии орошения на Кавказе по 1883 год: с ирригационной картой и тремя листами чертежей / изд. Кавказ. о-ва сел. хоз-ва. — Тифлис: тип. А.А. Михельсон. 1883. — 267, III с., 3 черт. на разверн. л.

На тит. л. — помета: «М — 62».

Экз. в изд. обл., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 1 615», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Заявленная на тит. л. карта отсутствует.

Веселовский, В.П. (?—?)

О лесах верховьев реки Белой и Карачая: с прил. списка растений, собр. Н.С. Плотниковым. — Ростов н/Д: 6-я гос. тип., 1927. — 71 с. — (Труды / СКАНИИ; № 29; Ин-т прикладной биологии и с.-х. наук при Донском ин-те сел. хоз-ва и мелиорации; Вып. 8). — Библиогр.: с. 54—71 (271 ист.). — 600 экз.

Обл. пар. нем. Рез. нем.

На тит. л. — помета: «2 658».

Экз. в изд. обл.

Виноградов, С.И. (?—?)

Луга горной Чечни: с прил. списка растений. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1927. — 47 с. — (Труды / СКАНИИ; № 33; Биологич. НИИ при Горском и Пед. ин-тах; Вып. 1). — 600 экз.

Обл. парал. нем. Рез. нем.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 771».

Экз. в изд. обл.

Волков. Л.И. (?—?)

Карачаевский кефирный грибок. — [Б. м., б. г.]

Отд. отт. из журн.: Записки СКГНИИ.

В правом верхнем углу с. 1 — помета: «2 551» (угасание текста).

«Северо-Кавказский Горский Научно-Исследовательский Институт, ставя себе целью всестороннее изучение природных богатств Горских Автономных областей, выдвинул тему по изучению кефирного грибка, который также надо причислить к числу богатств Кавказа».

Л.И. Волков, преподаватель Северо-Кавказского университета.

Воскресенский, А.И. (?—?)

О разведочных работах в горных районах Чечни (летом 1926—27 г.). — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1928. — 6 с.

Отд. отт. из журн.: Бюллетень СККГНИИ. — 1927. — № 2—4.

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «В библиотеку. Ученый секретарь».

— То же.

На тит. л. — помета: «М — 892» (номер повторен на обл.), здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д.».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «20 к. В библи[отеку] Уч. Секретарь», здесь же — штамп «С.-К. Горск. Науч. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. Вход. № 494 «22/III—1928 г.».

Гептнер, Владимир Георгиевич (1901—1975)

Краткий определитель млекопитающих Дагестана / рис. А.Н. Формозова. — Махачкала: изд. ДагНИИ, 1926. — III, 58 с.: рис. — 1000 экз.

На тит. л. — помета: «3 478».

Экз. в изд. обл.

Герсеванов, Михаил Николаевич (1830—1907)

Очерк гидрографии Кавказского края: с двумя картами. — СПб.: тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1886. —119 с.

На тит. л. — помета: «М — 73».

Сохранилась верхняя изд. обл. на обл. авторская дарственная запись: «Его Высокопревосходительству Барону Александру Павловичу Николаи въ знакъ глубочайшаго уваженія и преданности отъ М. Герсеванова», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Заявленные на тит. л. карты отсутствуют.

Григорович-Березовский, Николай Александрович (1876—1940)

I. Водоносные горизонты Ростовского района. II. Гидрогеологические условия Кизлярского округа. — Ростов н/Д: 1-я типо-литогр. гос. изд-ва: С.-К. отд-ние, 1926. — 11 с. — (Труды / СКАНИИ, № 4; Ин-т математики и естествознания при С.-К. гос. ун-те; вып. 3). — 600 экз.

Обл. и рез. фр.

На тит. л. — помета: «М — 815» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Гроссгейм, Александр Альфонсович (1888—1948)

Типы растительности северной части Нагорного Дагестана / изд. ДагНИИ. — Тифлис: 3-я тип. Полиграфтреста ВСНХ Грузии, 1925. — [1], 68 с., 2 л. фот.

Рез. фр.

В тексте чит. пометы.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Ислед. Института. г. Ростов н/Д. 3 477».

Экз. в изд. обл.

Гудермесская плоскость и Истисунские болота в гидрологеологическом, почвенном, ботаническом и гидротехническом отношениях / К.П. Лисицын, Е.Ф. Павлов, Г.И. Борисов, В.Н. Крюк. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1928. — 248 с. разд. паг., 13 л. фот., 4 к. — (Труды/ СКАНИИ; № 34; НИИ прикладных наук при Донском политехнич. ин-те). — 600 экз.

Обл. парал. нем. Рез. нем.

На тит. л. — помета: «2 660».

Экз. в изд. обл.

Дьячков-Тарасов, Александр Николаевич (?—?)

Карачаевские кефирные зерна и перспективы их эксплуатации. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1927. — 4 с.

Отд. отт. из журн.: Бюллетень СКГНИИ. — 1927. — № 2—4.

На тит. л. — помета: «М — 896» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «13 к. В библи[отеку] Уч. Секретарь», здесь же — штамп «С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. Вход. № 497 22/III 1928 г.».

Дьячков-Тарасов Александр Николаевич — видный краевед, историк, археолог и этнограф. Заведующий отделом социальной культуры СКГНИИ.

— То же.
На тит. л. — помета: «№ 2 433» (номер повторен на обл.).
Дьячков-Тарасов, Александр Николаевич (?—?)
Учкуланское искусственное озеро: (в связи с климатом Большого Карачая). — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1927. — 4 с.
Отд. отт. из журн.: Бюллетень СКГНИИ. — 1927. — № 2—4.
На тит. л. — помета: «№ 2 495».
Экз. в изд. обл.
— То же.
На тит. л. — помета: «М — 899» (номер повторен на на обл.).
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — штамп «С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. Вход. № 495 «22/ III 1928 г.».
Ерохин, Петр Михайлович (?—?)
Горная часть реки Ассы. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1927. — 9 с.
Отд. отт. из журн.: Бюллетень СКГНИИ. — 1927. — № 2—4.
На тит. л. — помета: «№ 2 437» (номер повторен на обл.).
Экз. в изд. обл.
Ерохин Петр Михайлович — заместитель директора и заведующий отделом естественно-производительных сил СКГНИИ.
— То же.
На тит. л. — помета: «№ 2 438».
Ерохин, Петр Михайлович (?—?)
Горные курорты Чечни. — Краснодар, 1929. — 3—32 с.
Отд. отт. из журн.: Записки СКГНИИ. — 1928. — Т. 1.
На с. 3 — помета: «№ 2 453».
Экз. в изд. обл.
— То же.
На с. 1 — помета: «№ 2 454».
Ерохин, П.М. (?—?)
Климатический очерк Даргавской долины в Осетии: (широта 42, 27 , долгота 42, 51). — [Ростов н/Д, 1928]. — 13 с.
На с. 1 — помета: «2 539».
Ерохин, П.М. (?—?)
Материалы по гидрологии бассейна р. Сунжи. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1930. — 281 с., 11 л. фот., 11 черт. — (Труды / СКАНИИ; № 60; НИИ математики и естествознания при С.-К. гос. ун-те и Горском НИИ краевед.; Вып. 9). — 650 экз.
Обл. парал. нем. Рез. нем.
На тит. л. — помета:«2 679».
Экз. в изд. обл.
Известия Горского педагогического института. Т. VI. Отдел естественно-ист. и физико-математический / Горск. пед. ин-т. — Владикавказ: Ингуш. тип. изд-ва «Сердало», 1929. — [2], 238 с.: черт., табл. — 300 экз.
Тит. л., обл., оглав. и название статей парал. нем.
На тит. л. — помета: «М — 959».
Экз. в изд. обл.
Каврайский, Федор Федорович (1866—1921)
Лососевые (Salmonidae) Кавказа и Закавказья / предисл. Г.И. Радде. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1896—1897.
Вып. 1: с 9 фототип. табл. — 1896. — 91 с., 9 л. цв. ил.
Вып. 2: с 5 фототип. табл. — 1897. — 79 с.. 5 л. цв. ил.
На рус. и нем.
На тит. л. — пометы: «М — 194» (вып. 1), «М — 195» (вып. 2) (номера повторены на переплете).
Оба выпуска в одинаковых переплетах — картон, коленкор, на верхних сторонках пер. — тисн. черн. кр., на верхней сторонке пер. вып. 1 — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Карк, Л. (?—?), Линдтроп, Н. (?—?)
Железные руды Тамани. — Екатеринодар: Армавир: тип. Т-ва «Энергия», 1919. — 35 л., 3 пл. — (Материалы по геологии Кубан. края). — (Труды / Совет обследования и изуч. Кубан. края.; т. 6, вып. 1).
Книга издана при белогвардейском Кубанском краевом правительстве.
На с. 1, 36, об. плана — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Ассоциации Научно-Исслед. Институтов № Б 161 Рег. № ___ Зак. Обм.»; здесь же — помета «№ 3 072».
Экз. в изд. обл.
Кесслер, Карл Федорович (1815—1881)
Рыбы Черного и Каспийского морей / сличены и описаны К. Кесслером. — СПб.: тип. А. Демакова, 1874. — 132 с., 1 л. ил.
Ил. напеч. в металлографии Ивансона (СПб.).
На тит. л. — овальная печать «Библіотеки Импер: Гатчинск: Никол: Сир: Инст:»; здесь же — помета «М — 201» (номер повторен на пер.).
Экз. в картон. пер., на верхней сторонке пер. — библ. марка с пометой «шк. III Полка 7 № 7»; здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института. Шкапъ III Полка 7 № 7».
Кифер, Г. (?—?)
Свод кавказских землетрясений 1868 года / сост. Г. Кифер, помощник дир. Тифлисской физ. обсерватории; изд. Тифлисской физ. обсерватории. — Тифлис, 1869. — 15 с.
Текст нем. Тит. л. парал. рус.
На тит. л. — помета: «М — 626».

Переплет — картон, коленкор, на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 521», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., страницы прошиты бел. нитками и шёлк. роз. ленточкой.

Экз. деф.: по нижнему краю следы затеков.

Кречмер, У.У. (?—?)

Недровые богатства Карачая. — Ростов н/Д, 1929. — 113—116 с.

На с. 113 указан автор: Кретчмер.

Отд. отт. из журн.: Записки СКГНИИ.

На с. 113 — помета: «№ 2 461» (номер повторе на обл.).

Экз. в изд. обл.

Кузнецов, Николай Иванович (1864—1932)

Принципы деления Кавказа на ботанико-географические провинции: с 2-мя картами: (доложено в заседании физ.-мат. отд-ния 23 мая 1908 г.). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1909. — 174 с., 2 к. — (Записки имп. Акад. наук; Сер. VIII; По физ. — мат. отд-нию; Т. XXIV, № 1).

Карты напеч. в литогр. Э. Бертельсон (СПб.).

На тит. л. — помета: «М — 665».

Экз. в изд. обл.

Лебедев, П.И. (?—?)

Петрографичесий очерк района мышьяковых месторождений верховьев р. Ардона (Северный Кавказ). — Ростов н/Д, 1926. — 40 с. — (Труды / СКАНИИ; № 2; Ин-т математики и естествознания при Сев.-Кавказ. ун-те; Вып. 2). — 600 экз.

Обл. и рез. фр.

На тит. л. — помета: «М — 2 009» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Майоров, А.А. (?—?)

Эолова пустыня у подножия Дагестана: этюд: с 24 ил. в тексте и 4 отд. табл. / изд. ДагНИИ. — Махачкала, 1927. — 116 с.: рис., 5 л. фот. — 800 экз.

Тит. л. и обл. парал. фр.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 785».

Экз. в изд. обл.

[Материалы для геологии Кавказа. Серия 1, кн. 2.] Геологическое описание части бакинского уезда, исследованной в 1870 г., командированными с разрешения наместника Кавказского горными инженерами князем Цулукидзе, Архиповым и Крафтом. — [Тифлис, 1871?]. — 28, [2] с. + Каталог (12 с.) + 1 отд. л. к. + 1 л. черт.

На с. 1 — помета: «М — 5».

Тройной зол. обрез.

Экз. деф.: утрачен тит. л. и пер.

[Материалы для геологии Кавказа. Серия 1, кн. 3.] Геологическое описание части Кутаисского уезда, Кутаисской губернии, известной под именем Окриба, исследованным с разрешения наместника Кавказского, горным инженером Л. Бацевичем и г. С. Симоновым. — [Тифлис]: тип. гл. упр. наместника кавказ., [1873?]. — 36 с. + Каталог (8 с.).

Экз. в цельнокожан. переплете, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 502», на верхней сторонке, пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д. на форзаце в начале книги — помета: «М — 299», на форзаце в конце книги — карман для приложения, тройной зол. обрез.

[Материалы для геологии Кавказа. Серия 1, кн. 4.] Геологическое описание частей Кутаисского и Шаропанского уездов Кутаисской губернии, исследованных командированными с разрешения наместника Кавказского С. Симоновичем и горными инженерами А. Сорокиным и Л. Бацевичем: с 20 июня по 20 декабря 1873 г. / изд. упр. горной частью на Кавказе. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1874. — [1], 120, [4] с., 4 цв. табл. + Каталог (12 с.).

На тит. л. — помета «М — 303» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., на форзаце в конце книги — карман для Каталога, тройной зол. обрез.

Материалы для геологии Кавказа. [Серия 1, кн. 5.] Геологическое описание частей Кутаисского, Лехчумского, Сенакского и Зугдидского уездов Кутаисской губернии, исследованных командированными с разрешения наместника Кавказского С. Симоновичем и горными инженерами Л. Бацевичем и А. Сорокиным: (с атласом) / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1875. — [1], 191, [1] с.

Заявленный на тит. л. атлас отсутствует.

На тит. л. — помета: «М — 302» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокож. переплете, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Материалы для геологии Кавказа. [Серия 1, кн. 6.] Геологическое описание Пятигорского края, иссследованого в 1875 г., командированными с разрешения наместника Кавказского С. Симоновичем и горным инженером Л. Бацевичем и А. Сорокиным: (с атласом) / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1876. — [1], 112 с., 1 табл.

Обозначенный на тит. л. атлас отсутствует.

На тит. л. — помета: «М — 301» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Материалы для геологии Кавказа. [Серия 1, кн. 7.] Геологическое описание частей Кутаисской губернии и Сухумского отдела, исследованных командированными с разрешения наместника Кавказского С. Симоновичем и горным инженерами Л. Бацевичем и А. Сорокиным: (с двумя геологич. картами, с разрезами и табл. рис.) / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1877. — [1], 96, 50, 95, [1] с., 2 к., 2 табл., 1 л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 300» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез.

Материалы для геологии Кавказа. [Серия 1, кн. 8.] Геологическое описание частей Сигнахского и Тифлисского уездов Тифлисской губернии, исследованных командированными с разрешения наместника Кавказского горным инженером Л. Бацевичем и геологом С. Симонович: (с двумя геологич. картами и тремя табл. планов и профилей) / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1878. — [1], 48, 17, 69 с., 2 к., 1 пл., 2 табл.

На тит. л. — помета: «М — 88» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1505», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — розовая муар. бум., тройной зол. обрез.

Материалы для геологии Кавказа. [Серия 1, кн. 9.] Геологическое описание частей Горийского и душетского уездов Тифлисской губернии и Шаропанского уезда Кутаисской губернии, исследованных командированным с разрешения наместника Кавказского горным инженером А. Сорокиным. Вып. I: (с геологич. картой и табл. профилей) / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1879. — 188 с., 1 к., 1 табл.

На тит. л. — помета: «М — 305» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, тройной зол. обрез.

Материалы для геологии Кавказа. [Серия 1, кн. 10.] Геологическое описание частей Горийского и Душетского уездов Тифлисской губернии и части Рачинского уезда Кутаисской губернии, исследованных командированными с разрешения наместника Кавказского геологом С. Симоновичем и горным инженером А. Сорокиным. Вып. II: (с геологич. картой и табл. профилей) / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1880. — [1], 62, [4], 107 с., 1 к., 2 табл.

На тит. л. — помета: «М — 304» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум.

Материалы для геологии Кавказа. [Серия 1, кн. 11]. Геологическое описание Апшеронского полуострова бакинской губернии и окрестностей Навтлуга Тифлисской губернии, исследованных в 1880 г., командированными с разрешения наместника Кавказского горными инженерами Л. Бацевичеми, кн. Цулукидзе. Вып. III: (с геологич. картами, табл. профилей и приборов и разрезами) / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — Тифлис: тип. Ив. Питоева; арендатор Ф. Миллер, 1881. — [1], 71, XII, [1], 25 с., 3 табл., 2 к.

На с. 7, 21 (паг. 5-я) — читательские (возможно авторские) правки.

На тит. л. — помета: «М — 89» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., на форзаце в конце книги — карман для приложений, тройной зол. обрез.

Материалы для геологии Кавказа. [Серия 1, кн. 12] / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1885. — [2], 26, [3], 27, [2], 82 с., 2 табл., 2 к., 1 пл.

На тит. л. — помета: «М — 90» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., на форзаце в начале книги — восьмиугольный ярлык с зол. тисн. «Переплетное и Галантерейн. Заведеніе Абр. Акопова на Дворцовой ул. Въ Галлерее Арцруни въ Тифлисе».

Экз. деф.: следы подтеков и побелки, корешок надорван.

Материалы для геологии Кавказа. [Серия 1, кн. 13] / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1886. — 29, 15, 47, [1] с., 1 табл.

На тит. л. — помета: «М — 91» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тройной зол. обрез, имеется бел. шёлк. ляссе.

Материалы для геологии Кавказа: Серия 2. — Тифлис: тип. И. Мартиросианца, 1887–1895.

Кн. 1 / изд. упр. горной частью на Кавказе и за Кавказом. — 1887. — [2], 162, [1] с., 2 к., 1 табл.

На тит. л. — помета: «М — 92» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., обрез с рис.

Кн. 2, вып. 2 / изд. упр. горной частью Кавказ. края. — 1888. — [2], 256, [1] с., 1 к., 3 пл., 4 табл.

На тит. л. — помета: «М — 93» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, на сторонках пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., обрез с рис., имеется шёлк. ляссе.

Кн. 4 / изд. упр. горной частью Кавказ. края. — 1890. — II, 266, [1] с., 1 к., 7 табл., 3 пл.

На тит. л. — помета: «М — 94» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Кн. 7: Отчет об исследовании Боржомских и Абас-Туманских минеральных вод с целью определения их округов охраны / изд. Кавказ. горн. упр.; сост. горн. Инж. А. Коншин. — 1893. — IX, 104 с., 7 фот., 2 пл., 1 черт.

На тит л. — помета: «М — 111» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум.

Кн. 8 / изд. Кавказ. горн. упр. — 1894. — IX, 409 с., 2 к., 3 пл.

На тит. л. — помета: «М — 97» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, на сторонках пер. — зол. и блинт. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой «№ 1510/7», форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Кн. 9 / изд. Кавказ. горн. упр. — 1895. — III, 286 с., 2 к., 3 табл.

На тит. л. — помета: «М — 98» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, на сторонках пеор. — зол. и блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Материалы для составления климатологии Кавказа. Отд. III. Климатологические очерки. Т. I / собр. и изд. Тифлисской физ. обсерваторией под рук. А. Морица. — Тифлис: печ. в тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1871. — [2], III, [2], 256, [1] с., 1 к., 1 л. ил., 4 л. цв. табл., 1 табл.

Содерж. авт.: Г. Абих.

Текст нем.

На тит. л. — помета: «М — 491» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, на пер. — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1464/3», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Материалы по гидрологии Северного Кавказа. Вып. 1 / Сев.-Кавказ. краев. зем. упр.; Краев. гидрологич. бюро Сев. Кавказа; под ред. инж. А.Ф. Самохина. — Ростов н/Д: кн. изд-во «Северный Кавказ», 1931. — 138 с.

Обл., тит. л. парал. англ. Рез. англ.

На тит. л. — штамп «В порядке обмена» (штамп повторен на обл.), здесь же — помета: «3 391» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Медведев, Яков Сергеевич (1848–1923)

Деревья и кустарники Кавказа: Описание дикорастущих и одичавших деревянистых растений Кавказа, с указанием их распространения, свойств и употребления / изд. Кавказ. о-ва с.-х. — Тифлис: тип. А.А. Михельсона, 1883. — V, III, 402, IV с.

На тит. л. , с. 1, 25 (паг. 3-я) — круглая печать «Библіотека Тифлисскаго Кадетскаго Корпуса».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «90 X», в нижней части корешка — тисн. «Т. К. К.», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Мёллер, Валериан Иванович (1840–1910)

Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края: с картой / изд. упр. горной частью Кавказ. края. — Тифлис: тип. И. Мартиросианца, 1889. — II, V, 420, [1] с.

На тит. л. — помета: «М — 496» (номер повторен на ярлыке и форзаце).

Переплет — картон, коленкор, на верхней сторонке пер. и корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., на форзаце в конце книги — карман для приложений.

Микей, И.Я. (?–?)

Полезные ископаемые Карачая, обследованные летом 1927 г.: (краткая геологическая характеристика). — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1927. — 5 с.

Отд. отт. из журн.: Бюллетень СКГНИИ. — 1927. — № 2–4.

На тит. л. — помета: «2 443».

Экз. в изд. обл.

Микей, И.Я. — инженер. Сотрудничал с СКГНИИ.

— То же.

На тит. л. — помета: «№ 2 444».

Мориц, А.Ф. (?–?)

Записка, читанная 27-го февраля 1873 г. в Кавказском обществе сельского хозяйства на беседе о метеорологии А.Ф. Морицом: рукопись. — [Б. м., 1873]. — 9 с.

Экз. во владельческом переплете. На верхней сторонке пер. — ярлык библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги авторская запись: «Князю Георгію Дмитріевичу Шервашидзе, Плантатору Черноморскаго Прибрежія въ Сухумскомъ Отделе отъ А. Морица», здесь же — помета: «М — 492». Страницы прошиты шёлк. ленточкой.

Экз. деф.: нижний край со следами подтеков.

Мориц, А.Ф. (?–?)

Список замечательнейших землетрясений 1868 года / изд. Тифлис. физ. обсерватории. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1869. — 7 с.

Переплет — картон, коленкор, на верхней сторонке пер. — зол. и блинт. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 522», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум. Страницы прошиты белой ниткой и цв. шёлк. ленточкой.

Муллаев, И.И. (?–?)

Рагимский нефтеносный район: с прил. табл. чертежей / изд. геолого-развед. бюро Азнефти. — Баку: тип. «Красный Восток» БАКПОЛИГРАФА ВСНХ, 1929. — 42 с., 16 л. фот., 4 к. — 500 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов № 3 991 Рег. № 1 324 Зак. Обм.», здесь же — помета: «3 103» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Новопокровский, Иван Васильевич (1880–1951)

Материалы к познанию растительности Приманычской степи. — Ростов н/Д: газ. кн. тип. СКПТ, 1929. — 64 с. — (Труды / СКАНИИ; № 70; НИИ прикладной биологии и с.-х. наук при Донском ин-те мелиорации; вып. 11). — 600 экз.

Обл. парал. нем. Рез. нем.

На тит. л. — помета: «2 686».

Экз. в изд. обл.

Новопокровский, Иван Васильевич (1880–1951)

Растительность Моздокской степи. — Ростов н/Д, 1926. — 59 с., 1 к. — (Труды / СКАНИИ; № 18; Ин-т прикладной биологии и с.-х. и мелиорации; вып. 5). — 600 экз.

Обл. и содерж. парал. нем. Рез. нем.

На тит. л. — пометы: «М — 794» и «М — 2 023–1».

Экз. в изд. обл.

Новопокровский, Иван Васильевич (1880–1951)

Растительность Ставрополья: с картой, 3 профилями, 15 черт. в тексте и 7 табл. рис. — Ростов н/Д: 6-я типо-литогр. ДПБ, 1927. — XVII, 194 с., 7 л. фот., 1 к. — (Труды / СКАНИИ; № 22; Ин-т прикладной биологии и с.-х. наук при Донском ин-те с.-х. и мелиорации, вып. 6). — 600 экз.

На с. III (паг. 1-я) указ. авторы: И.В. Новопокровский, С.Ю. Туркевич и Н.В. Маракуев.

На тит. л. — помета: «М — 871».

Изд. обл. наклеена на пер.

Оверин, А.П. (?–?), Ситовский, Николай Прокофьевич (1829–1890)

Опыт русско-кавказской флоры, в применении к сельскому хозяйству и домашнему быту. Т. 1. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1858. — V, [2], 573, VI с.

На тит. л. — помета: «М — 309» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 488», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — автор. надпись: «Его Превосходительству, Барону Александру Павловичу Николаи отъ А. Овернина, Н. Ситовскаго. 17 мая 1859 г. Тифлисъ».

Пламеневский, Леонид Николаевич (1890–1965)

Новый тип свинцового месторождения в Нагорной Ингушии / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: гос. тип., 1929. — 16 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации научно-Исслед. Институтов. № 3 402. Рег. № 450. Зак. Обм.», здест же — помета: «3 1331»

На тит. л., с. 16 — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов.».

Экз. в изд. обл.

Пламеневский, Леонид Николаевич (1890–1965)

Следы древнего оледенения в районе Владикавказской котловины / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало», 1930. — 46 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 981».

Экз. в изд. обл.

Попов, И.В. (?–?)

Геологические исследования в верховьях реки Б. Зеленчук на Северном Кавказе в 1925 г. (в Карачаево-Черкесской авт. обл.). Ч. II. Микроскопическое описание некоторых горных пород. — Краснодар: Образцов. тип. Кубполиграфа, 1926. — 28 с., 1 табл. — 300 экз.

Обл. и рез. нем.

На с. 28 и об. табл. — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № Б-21 Рег. №___ Зак.____», здесь же — помета: «№ 137».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — штамп «В обмен».

Робинсон, В.Н. (?–?)

Краткий геологический очерк месторождений ископаемых углей каменноугольной системы в Кубанском крае. — Краснодар: 4-я тип. Полиграфтреста, 1922. — 15 с., 2 к., 1 черт. — (Кубано-Черноморский краев. НИИ, существовавший ранее как Совет обслед. и изуч. Кубан. края; т. VI, вып. 4). — 1 500 экз.

На с. 3 — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № Б 161 Рег. №__ Зак. Обм.».

На с. 3, об. с. 15, об. карты — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — помета: «3 070».

Рябов, М.А. (?–?)

Охрана природы и её памятников в Дагестане / изд. ДагНИИ. — Махачкала, 1926. — 31 с. — 300 экз.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 482» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Санин, А.Г. (?–?)

Климат Кабарды: (ориентировочный очерк) / изд. обл. исполкома Кабардино-Балкарской авт. обл. — Воронеж: тип. ред.-изд. ком-та НКЗ, 1926. — 33 с. — (Труды по естественно-ист. и эконом. обслед. Кабарды / под общ. ред. проф. А.Н. Минина; т. 1, вып. III)/ — 1 100 экз.

На тит. л. — помета: «№ 2 243».

Сохранилась верхняя изд. обл.

Седельщиков, В.В. (?–?)

Геологическая экспедиция в нагорную Чечню осенью 1926 г. — [Б. м., 1927]. — 18 с.

Седельщиков В.В. — профессор. Сотрудничал с СКГНИИ.

Соколов, Александр Петрович (1816–1858)

Заметки о Каспийском море / (ст. лейт. А. Соколова). — СПб.: в Морск. тип., 1845. — 169–216, [1] с.

Страницы вырезаны из журн.: Записки гидрографич. департамента Морского м-ва. — СПб. — 1845. — Ч. III.

Тит. л. помещен в конце кн.

На тит. л. — авторская запись: «Федору Андр. Штейну отъ издателя 24 сент. 1857 г.».

На с. 169 — помета: «М — 311» (номер дважды повторен на обл.).

На верхней обл. — наклеена бум. форматка с содержанием; здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Экз. не обрезан.

Соколов, Д. (?–?)

Топографическое описание вод юго-восточной части Закавказского края / сост. с. с. Д. Соколов. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1879. — 33 с.

На с. 32–33 зачеркнут список «Разделение речных и озерных вод вост. ч. Закавказского края на участки». Рядом на полях запись: «Разделеніе это заменено ведомостью, одобреннаго положеніемъ Совета Наместника Кавказскаго и приложенною по кондиціямъ».

На тит. л. — помета: «М — 314».

Экз. в изд. обл., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 1 328», здесь же — ярлык библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Сомов, А. (?–?)

О горно-климатических ресурсах некоторых пунктов Северной Осетии. — [Б. м., б. г.] — 19 с.: фот.

Статковский, Болеслав Игнатьевич (1825–1898)

Задачи климатологии Кавказа: (читано в заседаниях Кавказ. о-ва любителей естествознания 20, 21 и 29 марта 1878 г.). — Спб.: Рус. скоропеч. (П.С. Нахимова), 1878. — VI, 285 с.

Ценз.: СПб. ценз., 4 мая 1878 г.

На тит. л. — помета: «М — 292» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 1489», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат. Сумма, которая может быть выручена от продажи этой книги, назначается в пользу фонда Кавказского Альпийского клуба.

Стебницкий, Иероним Иванович (1832–1897)

Об отклонении отвесных линий притяжения Кавказских гор: геодезическое исследование. — СПб., 1870. — 128 с., 1 табл., 1 к.

На тит. л. — овальная печать «Библіотеки: Импер: Гатчинс: Никол: Сир: Инст:», здесь же — помета: «М — 293» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, мрамор. бум., на верхней сторонке пер. — библ. марка с пометой: «Шк. XII. Пол. 5, № 16», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института. Шкапъ XIV. Полка 5, № 16».

За настоящую работу автор был удостоен звания члена-корреспондента императорской Академии наук и награжден Константиновской медалью императорского Русского географического общества.

Струве, Гейнрих (?—?)

Материалы для изучения минеральных вод Кавказа. Отд. I. Боржомские, Цягверские, Уравельские и Абас-Туманские минеральные воды. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1868. — 23 с.

На тит. л. — помета: «М — 294» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, коленкор, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 536», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Танатар, И.И. (?—?)

О месторождениях меди по рекам Заманлу и Сиси-су. — [Б. м., 192?]. — 531—538 с.: рис.

На с. 531 авторская запись: «В Библиотеку Сев.-Кавк. Горского Краевого Научно-исследоват. Института от автора», здесь же — помета: «М — 2 067», здесь же — штамп «С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. Вход. № 292. 19/I 1928 г.».

Флёров, Александр Федорович (1872—1960)

Растительность Северо-Черноморского побережья Кавказа. Ч. II. Анапский район. — Ростов н/Д, 1926. — 46 с., 8 л. ил. — (Труды / СКАНИИ; № 12; Ин-т прикладных наук при Донском политехн. ин-те; вып. 3; Исслед. каф. ботаники; вып. 2). — 600 экз.

Обл. парал. фр.

На тит. л. — пометы: «М — 787», «М — 867-2» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Хатисян, Гавриил (?—?)

О результатах исследований Девдоратского ледника в 1876 году. — [Тифлис, 1877]. — 11 с.

На с. 1 — помета: «М — 438», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Хатисян, Гавриил (?—?)

Систематический обзор действий комиссии по исследованию Казбекских ледников: читанный на беседе Кавказского отд-ния имп. Русского технического общества 10 января 1877 г. — [Тифлис]: тип. гл. упр. наместника кавказ., [б. г.] — 38 с.

Отд. отт. из журн.: Записки Кавказ. отд-ния имп. Рус. технич. о-ва. — 1877. — Т. IX.

На с. 1 — помета: «М — 436», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Хмелевская, Л.В. (?—?)

К вопросу о возрасте и генезисе косослоистых песков окрестностей г. Ростов н/Д. — [Ростов н/Д, 1927]. — 18 с.

Отд. отт. из журн.: Известия С.-К. гос. ун-та. — 1927. — Т. II (XII).

На с. 1 — авторская запись: « В библиотеку Северо-Кавказского горского научно-исслед. института.», здесь же — штамп «С.-К. Горск. Научн.Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. Вход. 323. 25/I 1928», здесь же — помета: «№ 2 049».

Ходзько, Иосиф Иванович (1800—1881)

Записка о восхождении на вершину Большого Арарата (16,918 ф.) в 1850 году: техническая беседа 31 янв. 1876 г., по сооб. почет. чл. И.И. Ходзько. — [Б. м., б. г.]— 233—248 с.

На с. 233 — помета: «М — 584».

На верхней обл. — запись: «Ходзько», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Чеботарев, Н.П. (?—?)

Солнечная долина Армхи: высокогорная климатическая станция в Ингуши / Н.П. Чеботарев, зав. Владикавказ. туберкулезным диспансером; Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: гос. тип. авт. обл. Ингушии, 1928. — 20 с., 1 к.

На с. 3, 17, об. карты — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № 457. Рег. № 448. Зак. Обм.», здесь же — помета: «3 130».

Экз. в изд. обл.

Чернецкая, З.С. (?—?), Виноградов, С.И. (?—?)

Растительность Кабарды / изд. облисполкома Кабардино-Балкарской авт. обл. — Воронеж: тип. ред.-изд. ком-та НКЗ, 1926. — 48 с., 1 к. — (Труды по естественно-ист. и эконом. обследованию Кабарды / под общ. ред. проф. А.Н. Минина; т. I, вып. IV). — 1 100 экз.

На с. 7, 48, об. карты — круглая печать «Библиотека С.-К. Кораев. Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Ассоциации Научно-исслед. Институтов. № Б-35 Рег. №__ Зак.__», Экз. в изд. обл.

Чирвинский, Петр Николаевич (1880—1955)

Полезные ископаемые Кубани и Черноморья. — Ростов н/Д: 1-я гос. тип. им. Коминтерна, 1927. — 224 с., 3 черт. — (Труды / СКАНИИ; № 24. Институт прикладных наук при донском политех. ин-те; вып. 5). — 1 000 экз.

Обл. парал. нем.

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «Вх. № 239 16 / I—27 г.», здесь же — помета: «2 006».

— То же.

На верхней обл. — штамп «С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. Вход. 3 1 / II—1928», здесь же — помета: «М — 756».

Штебер, Эдуард Альбертович (1862—1942)

Ачкулакские минеральные воды и лечебные грязи Ингушетии / изд. Плановой комис. и здрав. отд. авт. обл. Ингушии. — Владикавказ: гос. тип. Ингуши, 1927. — 32 с.

На с. 3, 17, 32 — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № 3 201. Рег. № 223. Зак.____ », здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институтоа. Г. Ростов н/Д. 12 982».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «Сев.-Кав. Ассоц. науч. Исслед. Инстит.».

Штебер, Эдуард Альбертович (1862—1942)

О происхождении нефти из продуктов эманации земли. — Владикавказ: тип. Наркомпроса, 1924. — 32 с. — 300 экз.

Название парал. нем.
Отд. отт. из журн.: Известия Сев.-Кавказ. пед. ин-та. — 1924. — т. II.
На с. 1 — помета: «М — 816-2».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — штамп: «С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. Вход. № 599. 4 мая 1928 г.».

Abich, Herrmann (1806—1886)
Ueber das Steinsalz und seine geologische Stellung im russischen Armenian: Paleontologischer thell. — St. Peterburg: buchdruckerei der Kaiserlighen Akademia der wissenchaften? 1857. — 6, 47—92, [5] с., 1 к.

Abich, Herrmann (1806—1886)
Geologischen Forschungen in den Kaukasischen Landern. T. III/ Geologie des Armenischen hochlandes. II. Osthaefte: Miteinem atlas von 20 karten, profilen und panoramen. — Wien: in comiission bei A. Holder, 1887. — XII, 162 с., 14 л. рис., 7 табл.
Библиогр. в примеч.
На тит. л. — помета: «М — 8».
Переплет — картон, ледерин, на корешке — зол. тисн., обрез с рис.

Техника

Абрамов, Н.М. (?—?)
Некоторые строительные камни окрестностей Т.-Х.-Шуры / изд. ДагНИИ и Дагсовнархоза. — Махачкала, 1927. — 8, [2] с. — 500 экз.
На тит. л. — помета: «3 479».
Экз. в изд. обл.

Записки Кавказского отделения императорского Русского технического общества. — Тифлис, 1892—1893
Т. XX—XXI, вып. I—V. — Тип. Я.И. Либермана,1892. — [315] с. разд. паг., 8 л. черт.
Т. XII, вып. I—V. — Паровая скоропеч. Я.И. Либермана, 1893. — [210] с. разд. паг.. 6 л. черт.
На тит. л. — помета: «М — 130» (т. XX—XXI), «М — 131» (т. XXII).
Оба экз. в цельнокожан. переплетах, на верхних сторонках пер. и кор. — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 495/1» (т. XX—XXI), «№ 1 495/2» (т. XXII), форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик (т. XX—XXI), цв. декор. бум. (т. XXII), на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д., на форзазе в начале т. XXII — овал. ярлык «Переплетное заведеніе О. Зибертъ въ Тифлисе», обрез т. XXII окрашен.

Краснянский, Михаил Борисович (1873—1944)
Из истории горного дела на Дону: Историческая справка о горном деле на Дону с библиографическим указателем статей по этому вопросу: Материалы для изучения Области Войска Донского в историческом, археологическом и промышленном отношениях, собранных на Юге России за 25-летие. 1893—1918. — Ростов н/Д: тип. Т-ва «Восход», 1918. — 289—317 с.
Отд. отт. из кн.: М.Б. Краснянский. Записки Донского Штейгера. — 1915. — Т. 1. — С. 289—317.
На тит. л. — помета: «2 810» (номер повторен на пер.).

Ненько, Я.Т. (?—?)
Опыт рационализации проектирования водохранилищ. — Ростов н/Д: тип. «Красный Прогресс», 1926. — 57 с. — (Труды / СКАНИИ; № 21; Ин-т прикладных наук при Донском политех. ин-те; вып. 6). — 600 экз.
Обл. парал. англ. Рез. англ.
На тит. л. — пометы: «М — 796», «М — 2 021».
Экз. в изд. обл.

О сети Кавказских железных дорог: чтения гг. Бентковского, Зейдлица, Обезьянинова и Герсеванова в Кавказском отделении Русского технического общества в заседании 1 февраля г. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1869. — 33 с.
На тит. л. — помета: «М — 75».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на об. верх. обл. — запись пр. кар.: «въ Чавчавад. улице домъ Бежанбековъ».

Медицина

Верлин, Я.Я. (?—?)
Критико-исторический обзор статей об Ессентукских минеральных водах с 1863 по 1873 год. — [Тифлис, 1873]. — [2], 59, IV, [1], 32, [1] с., 2 пл., 1 к.
Припл. к: Ответ на «Заметку» д-ра Смирнова, помещенную в № 4 «Сборника Кавказского медицинского общества».
На с. [1] (паг. 1-я) — авт. запись: «Его Высокопревосходительству Барону Александру Павловичу Николаи», здесь же — помета: «М — 656» (номер повторен на ярлыке).
Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 500», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Материалы по изучению зобатости в Карачае: (По данным экспедиции 1927 г. в Карачай проф. А.И. Смирнова и оперативной работы в Учкулане проф. А.Н. Струнникова). — Ростов н/Д, 1929. — 168 с., 17 л. фот.: фот. — (Труды / СКАНИИ; № 47; Кубан. н.-и. мед. ин-те (Краснодар); вып. 3). — 550 экз.
Об. обл., содерж. Рез. нем.
На тит. л. — помета: «2 672».
Экз. в изд. обл.

— То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 789».
Экз. в изд. обл.

Пантюхов, Иван Иванович (1836—1911)
Влияние малярии на колонизацию Кавказа: (с картой) / изд. ред. газ. «Кавказ». — Тифлис: тип. канцелярии гл. упр. гражд. частью на Кавказе, 1899. — 66 с., 1 к.

На тит. л. — помета: «М — 238» (номер повторен на обл.).
Экз. в изд. обл., на верхней обл. авт. запись: «Его Сіятельству Князю Георгію Дмитріевичу Шервашидзе <нрзб> автора», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 559/1».
Пантюхов Иван Иванович (1836—1911) — русский врач, антрополог и писатель. В 1862—1864 гг. — врач в действующей армии на Кавказе, был тяжело ранен. В 1889—1902 гг. — врач для особых поручений при Кавказском военном округе.

Труды первого съезда кавказских врачей: Холерная эпидемия 1892 года на Кавказе: [в 2 т.]. — Тифлис: тип. М.Д. Ротиниана, 1893—1894
Т. I. Вып. 2: Терская область, Ставропольская губерния, Дагестанская область. — 1893. — II, 143-357 с.
Т. II. Вып. 1: Бакинская и Елисаветпольская губерния, Закатальский округ. — 1893. — 181 с.
Т. II. Вып. 2: Карская область, Эриванская, Тифлисская и Кутаисская губерния. — 1894. — 183—338, II с.
На тит. л. — пометы: «М — 63» (т. I), «М — 65» (т. II, вып. 1). «М — 64» (т. II, вып. 2).
Все экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Чеботарев, Н.П. (?—?)
Санаторий в горах Ингуши: Итоги первого сезона санатория Армхи. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало», 1929. — 32, [2] с.: фот. — 400 экз.
Отд. отт. из журн.: Известия Ингуш. НИИ краевед. — Вып. 2.
Экз. в изд. обл.

Сельское хозяйство

А. П. (?—?)
Три дня охоты из Тифлиса: Посвящается А.А. Фету. — [СПб., 1859]. — 557—568 с.
Статья вырезана из журн.: Атеней. — 1859. — № IV. — С. 557—568.
На с. 557 — помета: «М — 235» (номер повторен на обл.).
Экз. во владельческой обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Абхазские вина. — [Б. м., 187?]. — 134—140 с.
Экз. во владельческом переплете — картон, декор. бум., на верхней сторонке пер. — ярлык библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д. на форзаце в начале книги — помета: «М — 589».

Акимцев, Василько Васильевич (1893—1967)
Почвы Малой Чечни: с картой и профилем. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1928. — 58 с., 1 к., 1 схем. — (Труды / Сев.-Кавказ. Ассоц. НИИ; № 33; Ин-т специальных и интенсивных полевых культур при Кубан. с.-х. ин-те; вып. 1). — 600 экз.
Обл. парал. англ. Рез. англ.
В тексте добавления, подчеркивания.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 2 659».
Экз. в изд. обл.

Берг, Виктор (?—?)
Полевые культуры северных склонов Кавказа. Ч. II. Полеводство и полевые культуры горной Чечни. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1930. — 134 с. — (Труды / СКАНИИ; № 74; Науч.-исслед. биол. Ин-т при Горских сел.-хоз. и пед. ин-тах; вып. 5). — 600 экз.
Об. обл., содерж., рез. англ.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 765».
Экз. в изд. обл.

Воскресенский, М.П. (?—?)
Почвенные исследования в бассейне р. Сала. Присальская дача. — Ростов н/Д: гл. тип. Кубполиграфа, 1928. — 91 с., 8 л. схем., 1 к. — (Труды / СКАНИИ; № 38; Ин-т прикладных наук при Донском политех. ин-те; вып. 11). — 600 экз.
Тит. л. парал. фр. Рез. фр.
На тит. л. — помета: «2 664».
Экз. в изд. обл.

Захаров, Сергей Александрович (1878—1949)
Краткий обзор изучения почв Северо-Кавказского края к 1928 г.: Исследовательность почв Северного Кавказа к 1928 г. — Ростов н/Д, 1928. — 39 с., 1 к. — Прил.: Библиография по почвоведению Северного Кавказа / сост. Л. Захарова. — С. 33—39.
Отд. отт. из журн.: Труды СКАНИИ. — № 40. — Т. II.
На с. 1 — помета: «3 096».
Экз. в изд. обл.

Калугин, Иван Иванович (1867—?)
Исследование современного состояния животноводства Азербайджана. Т. 5. Лошади, ослы и мулы / изд. Наркомзема Азербайджана. — Тифлис: 3-я тип. Полиграфтреста ВСНХ Грузии, 1930. — 180 с., 4 л. фот. — 1 000 экз.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 861».
Экз. в изд. обл.

Крюк, В.Н. (?—?)
Оросительные системы восточной части плоскостной Чечни и их роль в заболачивании Гудермесского округа. — Ростов н/Д: гос. тип. им. Коминтерна, 1928. — 102 с., 13 л. ил., 1 к. — 200 экз.
Об. обл., рез. англ.
На тит. л. — помета: «2 697».
Экз. в изд. обл.

Мальгасов, А.А. (?—?)
Сельское хозяйство Ингушетии и пути его социалистической реконструкции. — Орджоникидзе: Ингуш. обл. изд-во «Сердало», 1933. — 86 с. — 2 000 экз.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 249».
Экз. в изд. обл.

Молчанов, В.Е. (?—?)

Фактическое водопользование в Моздокской степи: (с заключением П.А. Витте). — Ростов н/Д, 1926. — 32 с., 1 табл., 1 к. — 600 экз.

Об. обл., рез. англ.

На тит. л. — пометы: «М — 795», «М — 2 022» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Описание Кавказской выставки предметов сельского хозяйства и промышленности в г. Тифлисе в 1889 г. Вып. 1. — Тифлис: тип. А. Михельсона, 1890. — IV, 203, 192 с., 1 пл.

На тит. л. — помета: «М — 470» (номер повторен на ярлыке).

Экз. напечатан на плотной дорогой бум.

Переплет — картон, коленкор, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, обрез крапчат.

— То же.

Экз. напечатан на обычной бум.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 795».

Перепет — картон, коленкор, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., форзац — муар. бум. черн. цв. с зол., тканевый фальчик, обрез окрашен.

Панков, Анатолий Михайлович (?—?)

Почвенная карта равнинной и предгорной частей бассейна реки Терека: (краткий текст с прил. почвенной карты). — Владикавказ: тип. «Красный Октябрь». 1928. — 26 с., 1 к. — 300 экз.

Рез. нем. На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Ассоциации Научно-Исслед. Институтов № 3 385. Рег.: № 426. Зак. Обм.», здесь же — помета: «3 101».

На тит. л., с. 5 и карте — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

Экз. в изд. обл.

Панков, Анатолий Михайлович (?—?)

Почвы Большой Кабарды: (Материалы к познанию почв Северного Кавказа) / изд. обл. исполкома Кабардино-Балкарской авт. обл. — Воронеж. 1926. — 160 с., 2 к. — 1 100 экз.

На тит. л. — запись: «В Сев.-Кав. Краевой Горский Н-И. Институт автор», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 793».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — штамп «С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. Вход. № 525 «5»/IV 1928 г.».

— То же.

На тит. л. — помета: « № 2 245».

Панков, Анатолий Михайлович (?—?)

Почвы Малой Кабарды: (Материалы к познанию почв Северного Кавказа) / изд. ЦИКа Кабардино-Балкарской авт. обл. — Воронеж, 1926. — 102 с., 1 к. — 1 100 экз.

На карте — штамп «Библиотека С.-К. Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № Б 35 Рег. №___ Зак.___», здесь же — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 893».

Сохранилась верх. изд. обл.

— То же.

На тит. л. — помета: «М — 719».

Сельское хозяйство Адыгейско-Черкесской автономной области: Материалы по составлению пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Адыгейско-Черкесской авт. обл. Вып. 1. — Краснодар: тип. Адыгчеркпромторга, 1926. — [2], 246 с., 33 л. диагр., 3 к. — 500 экз.

На тит. л. — пометы: «М — 878-г», «М — 706», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. в изд. обл.

Ситовский, Николай Прокофьевич (?—1890)

Краткий очерк деятельности Кавказского Общества сельского хозяйства за первое 25-летие его существования, 1850—1875 / сост. по поручению О-ва его секретарем Н. Ситовским. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1875. — 33, 22 с.

На тит. л. — помета: «М — 257» (номер повторен на ярлыке).

Экз. во владельческом пер., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Труды Кавказской шелководственной станции за 1887 и 1888 гг.: (с 9-ю табл. рис.). Т. I. — Тифлис: тип. А.А. Михельсона, 1889. — II, 276 с., 8 л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 466».

Переплет — картон, коленкор, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 353».

Христианович, В.П. (?—?)

Сельско-хозяйственные районы Кабарды / изд. ЦИКа Кабардино-Балкар. авт. обл. — Воронеж, 1926. — 212 с., 3 к. — 1 100 экз.

На тит. л. — помета:: «№ 2 247».

Чертежи и виды ирригационных сооружений Мариинской системы в первом отделении Караязского имении. — Тифлис: О. Зиберт, [1867]. — 17 л.: черт., фот.

На с. 1 — помета «М — 1 735».

Четыре крестьянских бюджета сел. Христиановского. Вып. II / под ред. М. Рклицкого. — Владикавказ: тип. Сев.-Осетин. авт. обл., 1925. — 19 с. — 600 экз.

На тит. л. — помета: «2 694».

Экз. в изд. обл.

Шубин, Михаил Ефимович (?—?)

Молочное хозяйство Джераховского о-ва Горной Ингушии / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало», 1929. — 143—221 с.

Отт. из.: Известия Ингуш. НИИ краевед. — Вып. 2.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 987».

Экз. в изд. обл.

Шумаков, Борис Аполлонович (1889–1979), Витте, П.А. (?–?)
Опытно-мелиоративные исследования в Донском округе. — Ростов н/Д, 1926. — 76 с., 5 л. графиков, 4 л. фот., 1 черт. — 600 экз.
Обл. парал. англ. Рез. англ.
На тит. л. — пометы: «М — 789», «М — 2 027».
Экз. в изд. обл.

Искусство

Виды местностей и сооружений на дорогах ведения строительного отделения Тифлисского губернского правления: Боржомо-Ахалкалакская дорога: [фотоальбом] / [фотографы И.О. Орловский и Г.Я. Бабалов]. — Тифлис,[1888]. — [9] л. фот.
На с. [1] — помета: «М — 1 736».
Переплет — картон, коленкор, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., здесь же — суперэкслибрис «Н.А. Девдариани», здесь же фамилия переплетчика «О. Зиберт», корешок — кожа.
Виды местностей и сооружений на дорогах ведения строительного отделения Тифлисского губернского правления: Кахетинская дорога: [фотоальбом] / [фотограф Г.Я. Бабалов]. — Тифлис, [1897] (Одесса: А. Миранский). — [14] л. фот.
На с. [1] — помета: «М — 1 739».
Переплет — картон, коленкор, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., здесь же — тисн. «Губернатору князю Г.Д. Шервашидзе», корешок — кожа.
Виды местностей и сооружений на дорогах ведения строительного отделения Тифлисского губернского правления: Тифлисо-Александропольская дорога: [фотоальбом] / [фотограф Г.Я. Бабалов]. — Тифлис, [1888] (Одесса: А. Миранский). — [18] л. фот.
На с. [1] — помета: «М — 1 737».
Переплет — картон, ледерин, на верхней сторонке пер. — зол. тисн., здесь же — тисн. «Губернатору князю Г.Д. Шервашидзе», корешок — кожа.
Зуммер, В.М. (?–?)
Живописная традиция Востока по данным миниатюры / изд. АзГНИИ. — Баку: гос. тип. «Красный Восток», 1930. — 7, [3] с., 3 л. ил.
На с. 1 — помета: «3 216» (номер повторен на обл.).
Кондаков, Никодим Павлович (1844–1925)
Древняя архитектура Грузии: исследование. — СПб.: В Синодальной тип., 1876. — 50 с.
Ценз.: Моск. ценз., 15 дек. 1876 г.
На с. 3 — помета: «М — 215».
На тит. л. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Утрачен конец книги.

Литературоведение

Дело о Максиме Горьком: Материалы Тифлисского губернского жандармского управления / [Вместо предисл. Ф. Махарадзе]. — Тифлис: Сахалгами, 1928. — XIX, 51 с. — 3 000 экз.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 007».
Экз. в изд. обл.
Кавказ и Лев Толстой, 1928–1928: сборник / Ингуш. НИИ краевед.; под ред. Л.П. Семенова. — Владикавказ: гос. тип. изд-ва «Сердало», 1928. — 50, [2] с. — 500 экз.
Из содерж.: Пролог «Хаджи-Мурата» Л.Н. Толстого на ингуш. яз. — С. 39–41.
На с. 3, 17 и 50 — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № 31 009. Рег. № 1 341. Зак. Обм.».
Экз. в изд. обл.
Мануцян, Серо (?–?)
Социальный характер творчества Ширванзаде / АзГНИИ. — Баку: гос. тип. «Красный Восток», 1930. — 44, [1] с. — 1 000 экз.
На с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 987».
Экз. в изд. обл.
Памяти Н. Нариманова: сборник статей М. Павловича. Н. Самурского, Н. Тюрякулова, В. Гурко-Кряжина, И. Бороздина, С. Вельтмана, А. Ширвани. — М.: научн. Ассоц. востоковед. при ЦИК СССР, 1925. — 23 с.
На тит. л. — помета: «3 056».
Экз. в изд. обл.
Письма с Кавказа к Л.Н. Толстому / изд. Ассоц. Сев.-Кавказ. горских краевед. орг.; обл. худож. Г. Аркабеева. — Махачкала; Пятигорск: типо-литогр. изд-ва «Терек» Терокрисполкома, 1928. — 13 с.
Тит. л. рус., фр.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 829».
Экз. в изд. обл.
Хаханов, Александр Соломонович (1866–1912)
Заметка о персидских эпических произведениях в грузинском переводе: Тушины: (этнографический очерк). — М.: «Русская» типо-литогр., [б. г.] — 27 с.
Отт. из журн.: Этнографическое обозрение.
На с. 1 — помета: «М — 435», здесь же — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Хаханов, Александр Соломонович (1866–1912)
Из истории современной грузинской литературы: князь И.Г. Чавчавадзе. — [Б. м., б. г.] — 37–51 с.
Очерк вырезан из журн.: Русская мысль.
На с. 37 — помета: «М — 437», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Хаханов, Александр Соломонович (1866–1912)
Памятники грузинской литературы. – [СПб., 1894]. – 35–50 с.
Страницы вырезаны из.: Журнал Министерства народного просвещения. – 1894. – № 11. – С. 35–50.
На с. 35 – помета: «М – 439», здесь же – ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

История

Абдул-Латиф-эфенди (?–?)
История Шекинских ханов: Текст и перевод / вместо предисл. Н.И. Ашмарин; пер. с тюрк. А. Дадашев; изд. О-ва обследования и изуч. Азербайджана. – Баку: изд-во «Бакинский рабочий», 1926. – 13, [15] с. – 3 050 экз.
Настоящий автор Керим-ага Фатах, сын последнего шикинского хана Фатали хана.
Текст рус. и наречии азери.
Встречная паг.
На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № Б-49. Рег. №____ Зак·____»; здесь же – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».
Экз. в изд. обл.
Абдурахман ал-Газкумухи (1837–1900)
Выдержки из записок Абдуррахмана сына Джемалэддинова, о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем / предисл. пер. Ап. Руновского. – Тифлис: втип. гл. упр. наместника кавказ., 1862. – 53 с.
Ценз.: А. Коваленский, Тифлис, 21 сент. 1862 г.
На тит. л. – помета: «М – 12», здесь же – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12».
На верхней обл. – ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д. на форзаце в начале книги – штамп «Русская книжная торговля (бывш. Г.В. Беренштама) въ Тифлисе».
Абрамов, Яков Васильевич (1858–1906)
Кавказские горцы / изд. О-ва изуч. Адыгейск. Авт. обл. – Краснодар: тип. Адыгчеркпромторга, 1927. – 36 с. – 2 000 экз.
Впервые опубликован в журн.: Дело. – 1884. – № 1.
В тексте многочисленные читательские пометы.
На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».
– То же.
На тит. л. и с. 29 – штамп «Северо-Кавказский коммунистический университет. Библиотека. Шифр 9.47 СК/ А16 № 46 256. дата 23/IV 29 г.».
– То же.
На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 474».
Авалов (Авалишвили), Зураб Давидович (1874–1944)
Присоединение Грузии к России. – 2-е изд. – СПб.: тип. Монтвида. 1906. – V, [3], 312 с.
На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 918».
Анисимов, Сергей Сергеевич (1876–1948)
Кавказские Альпы: путеводитель по Кабарде и Балкарии: 24 этюда художника Т. Анисимовой: карта Центрального Кавказа. – М.; Л.: гос. изд-во., 1929. – 192 с., 4 л. ил., 1 к. – 3 000 экз.
Тит. л. – помета:«2 267» (номер повторен на пер.).
Экз. в изд. худож. картонаже.
Аверьянов, Петр Иванович (1867–1937)
Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX ст.: Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов / исторический очерк П.И. Аверьянова, Генерального штаба капитана; изд. отд. Генштаба при штабе Кавказ. воен. округа. – Тифлис: тип. штаба Кавказ. воен. округа, 1900. – XVIII, 338, 136 с.
На тит. л. – помета: «М – 647».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. – ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссиею: Архив Главного управления наместника кавказского: [в 12 т.]. – Тифлис, 1866–1904. – 43 см
Т. I: Ч. I: Гуджары и другие акты на грузинском, арабском, персидском и турецком языках, 1398–1799. Ч. II: Кавказ и Закавказье во второй половине XVIII ст. и за время управления генерал-лейтенанта Карла Федоровича Кнорринга 2-го, 1762–1802 / изд. под ред. пред. комис. д. с. с. Ад. Берже. – Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1866. – [1], X, 816 с., 1 порт., 1 к. (52x55 см).
Печ. с разрешения е. имп. выс. наместника кавказ.
Часть документов груз., перс., араб., тур.
Имеется также ил. тит. л.
Карта на разверн. л.
Порт. К.Ф. Кнорринга.
Грав. Г.Д. Дюстердик.
Портр. и карта напечатаны в тип. К. Томпсона (Тифлис).
В тексте читательские пометы.
На тит. л. – помета: «М – 644».
Переплет – картон, ткань, корешок – кожа, в верхней части корешка – кожан. форматка красного цвета, на форматке – зол. тисн., на верхней сторонке пер. – фрагменты ярлыка Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Т. II: Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии князя Павла Дмитриевича Цицианова, 1802–1806 / изд. под ред. пред. комис. д. с. с. Ад. Берже. – Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1868. – [1], VI, 1238 с. – Алф. указ.: с. 1177–1235.
Печ. с разрешения е. имп. выс. наместника кавказ.
Часть документов араб., перс., тур., груз., арм., фр.
Имеется также ил. тит. л.
Портр. П.Д. Цицианова.
Портр. Георгия XII.
Грав. Г.Д. Дюстердик.
Портр. и ил. тит. напечатаны в тип. К. Томпсона (Тифлис).

На тит. л. — помета: «М — 649», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Экз. в роскошном цельнокожан. переплете, на корешке — форматка красной кожи с зол. тисн., на верхней сторонке пер. — фрагменты ярлыка библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Т. III: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича, 1806—1809 / изд. под. ред. пред. комис. д. с. с. Ад. Берже. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1869. — [1], VI, 760 с., 5 портр., 1 факс. — Алф. указ.: с. 721 — 759.

Печ. с разрешения е. и. выс. наместника кавказ.

Часть документов груз., араб., фр.

Имеется также ил. тит. л.

Портр. И.В. Гудовича.

Грав. Г.Д. Дюстердик.

На тит. л. — помета: «М — 650», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. в цельнокож. переплете, на корешке — форматка красной кожи с зол. тисн., на сторонках пер. — глубокий фигурный ковчег, на верхней сторонке пер. суперэкслибрис — зол. тисн. баронской короны, ниже — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Т. IV: Кавказ и Закавказье за время управления генерала от кавалерии Александра Петровича Тормасова, 1809—1811 / изд. под ред. пред. комис. д. с. с. Ад.

Берже. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1870. — [2], 1011, [2] с., 5 портр.

Печ. с разрешения е. и. выс. наместника кавказ.

Имеетя также ил. тит. л.

Портр. А.П. Тормасова.

Грав. Г.Д. Дюстердик.

На тит. л. — помета «М — 651», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. в цельнокожан. переплете, на корешке — форматка красной кожи с зол. тисн., на сторнках пер. — глубокий фигурный ковчег, на верхней сторонке пер. суперэкслибрис — зол. тисн. баронской короны, ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. тисн. бум., обрез крапчат.

Т. V: [Кавказ и Закавказье за время управления генерал-лейтенанта маркиза Филиппа Осиповича Паулуччи и генерала от инфантерии Николая Федоровича Ртищева, 1811—1816 / изд. под ред. пред. комис. д. с. с. Ад. Берже.]. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1873. — VIII, [2], 1170 с., 3 портр., 2 пл. — Алф. указ.: с. 1125—1167.

Печ. с разрешения е. и. выс. наместника кавказ.

Часть текста рус., груз., фр., арм.

Имеется ил. тит. л. и 3 цв. шмуцтит.

Портр. Н.Ф. Ртищева.

Портр. Ф.О. Паулуччи.

На тит. л. — помета: «М — 652», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Экз. в цельнокожан. переплете, на корешке — форматка красной кожи с зол. тисн., на сторонках пер. — глубокий фигурный ковчег, на верхней сторонке пер. суперэкслибрис — зол. тисн. баронской короны, здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум.

Т. VI: Ч. I: Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Алексея Петровича Ермолова, 1816—1827 / изд. под ред. пред. комис. д. с. с. Ад. Берже. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1874. — XIII, 941, [2] с., 2 портр.

Печ. с разрешения е. и. выс. наместника кавказ.

Имеется ил. тит. л. (худож. В. Иогансен), цв. шмуцтит.

Портр. А.П. Ермолова.

Грав. Г.Д. Дюстердик.

На тит. л. — помета: «М — 653», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, в верхней части корешка — форматка красной кожи с зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Т. VIII: Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии генерал-адъютанта барона Григория Владимировича Розена 1-го, 1831 / изд. под ред. пред. комис. д. с. с. Ад. Берже. — [Тифлис, 1881]. — XXI, 1009 с. — Алф. указ.: с. 981—1007.

Имеется ил. тит. л.

Грав. Г.Д. Дюстердик.

Тит. л. напечатан в литогр. К. Томсона (Тифлис).

На с. 1 (паг. 1-я) — круглая печ. «Канцелярія Военнаго губернатора Дагестанской Области».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 774».

Переплет — картон, ткань, обрез с рис.

Экз. деф.: утрачен тит. л., кн. блок отстает от переплета.

Т. IX: Ч. I: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерала от инфантерии Евгения Александровича Головина, 1837—1842. Ч. II: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерала от инфантерии Александра Ивановича Нейдгардта, 1843—1844 / изд. под ред. пред. комис. д. с. с. Ад. Берже. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1884. — [2], 326, 343—1012 с. — Алф. указ.: с. 985—1011.

Печ. с разрешения главного начальника гражданской частью на Кавказе.

Часть текста фр.

Имеется литогр. шмуцтитл., заставки и концовки.

На об. тит. л. — ярлык «Дагестанскій областной Статистической Комитетъ. Отд. VI. № 1з», здесь же — печать «Печ. Дагестанск. Областн. Статистич. Комитета».

На тит. л., с. [1] (паг. 1-я) — круглая печать «Печ. Дагестанск. Областн. Статистич. Комитета», на эту печать сверху поставлена другая «Канцелярія Военнаго Губернатора Дагестанской Области».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 775».

Переплет — картон, ткань.

Экз. деф.: утрачен портр., кн. блок отстает от пер.

Т. X: [Кавказ и Закавказье за время управления наместника кавказского генерал-адъютанта генерала от инфантерии князя Михаила Семеновича Воронцова, 1845–1854] / изд. под ред. пред. комис. д. с. с. Ад. Берже. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1885. — XXXV, 90, 97–323, 241–396, 419–470, 475–510, 515–898, 905–936 с. — Алф. указ.: с. 907–936.

Часть документов фр.

Заставки и концовки литогр.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. — круглая печать «Печ. Дагестанск. Областн. Статистич. Комитета», на эту печать сверху поставлена другая «Канцелярія Военнаго Губернатора Дагестанской Области» ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 778».

Переплет — картон, ткань, обрез с рис.

Экз. деф.: утрачен портр.

Т. XI: [Кавказ и Закавказье за время управления ген.-адъют. Николая Николаевича Муравьева, 1854–1856] / изд. под ред. пред. комис. н. с. Дм. Кобякова. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1888. — XI, 1 016 с. — Указ.: с. 973–1 016.

На тит. л., об. тит. л., с. I (паг. 1-я) — круглая печать «Печ. Дагестанск. Областн. Статистич. Комитета», поверх этой печати на тит. л. и с. I (паг. 1-я) поставлена другая — «Канцелярія Военнаго Губернатора Дагестанской Области».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 776».

Переплет — картон, ткань, обрез с рис.

Экз. деф.: утрачен портр. и фронтиспис.

Т. XII: Кавказ и Закавказье за время управления ген.-адъют. ген. фельдмаршала кн. Александра Ивановича Барятинского, 1856–1862 / [изд. под ред. пред. комис. Е.Г. Вейденбаума]. — Тифлис, 1904. — [1], XII, 458, 471–678, 681–1 278, 1 287–1 556 с. — Алф. указ.: с. 1 531–1 555.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 777».

Переплет — картон, ткань, обрез с рис.

Экз. деф.: утрачен тит., ил. тит. л., портр., вырезана статья «Ставропольская губерния».

«Акты, собранные Кавказской археографической комиссиею» (АКАК) — серия документов по истории Кавказа с X в. по 1862 г., издававшаяся по инициативе русских властей. Состоит из 12 томов, 1866–1904. В АКАК опубликованы ценные источники по истории народов Кавказа: арабская хроника 922 г., фирманы, гуджары (жалованные грамоты) и другие акты на грузинском, армянском, русском,арабском, персидском, татарском, турецком языках, а также родословные местных ханов и султанов. Основное содержание АКАК составляют документы за 1762–1862 гг., которые дают важные сведения по истории Кавказа, о его присоединении к России, русско-иранской и русско-турецкой войнах, Крымской войне, освободительной борьбе горцев; имеются отдельные документы о крестьянских восстаниях. На страницах АКАК — источники по военной истории, истории экономики и социальных отношений. Каждый том включает документы «за время управления» того или иного наместника. АКАК являются ценным источником по истории Кавказа XIX века.

Первым редактором АКАК был Адольф Петрович Берже (1828–1886) — археолог, историк, член многих российских и зарубежных научных обществ, председатель Кавказской археографической комиссии (1864–1886). Ученый в совершенстве знал археологию, географию, этнографию, статистику, историю Кавказа и был первым по обширности и глубине знаний в этой области в России. Художественное оформление АКАК выше всяческих похвал. Усилиями А.П. Берже в 1864 году была приобретена первая скоропечатная машина фирмы «Зигель и Ко», выписан большой запас шрифтов и матриц «для европейских и восточных литер», заказана в Берлине словолитная машина и выписан словолитный мастер. Через два года А.П. Берже во Франкфурте-на-Майне покупает еще две типографские машины — немецкую и американскую — вместе со шрифтами и типографскими принадлежностями. В 1873 году на Всемирной выставке в Вене в «группе «Графические искусства и фабричное рисование», типография Главного управления наместника кавказского в Тифлисе за печатание «Актов Кавказской Археографической Комиссии» на разных языках (издав. д. с. с. А.П. Берже) была удостоена медали.

Архипов, Агафангел Петрович (ок. 1821–1875)

Три дня в ауле Юсуф-Кади. — [М., 1851]. — 399–417 с.

Автор указ. в конце текста.

Стр. вырезаны из журн.: Москвитянин. — 1851. — № 16 (авг.). — Кн. 2. — С. 399–417.

На с. 400 — помета: «М — 10» (номер повторен на обл.).

Экз. в немой владельческой обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Анисимов, Сергей Сергеевич (1876–1948)

Кавказские Альпы: путеводитель по Кабарде и Балкарии: 24 этюда худож. Т. Анисимовой: карта Центрального Кавказа. — М.; Л.: гос. изд-во, 1929. — 192 с., 4 л. ил., 1 к. — 3 000 экз.

Парал. тит. л. и вступ. ст. англ.

На тит. л. — помета: «№ 2 267» (номер повторен на пер.).

Экз. в изд. худож. картонаже.

Ассан, (Гасан Гадазейхурский; 1812–?)

Лезгинец Ассан: написано под его диктовку [В.И. Далем] / Предисл. А. Б. — Спб.: печ. в Воен. тип., 1865. — III, 172 с.

Ценз.: СПб. ценз., 3 и 15 февр. 1864 г.

Впервые напеч. в журн.: Современник. — 1848. — Т. 7.

Сохранилась верхняя издательская обл.

Экз. не обрезан.

— То же.

На тит. л. — помета: «М — 630».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа с зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Ашхацава, Семен Михайлович (?–1932)

Пути развития абхазской истории: доклад, читанный на 1 Всесоюзном краеведческом съезде в Абхазии 12 сент. 1924 / [предисл. Н.Я. Марра]. — Сухум: изд. Наркомпроса Абхазии, 1925. — 47 с. — 1 000 экз.

На правах рукописи.

На тит. л. — помета: «М — 812-г».

Экз. в изд. обл.

Бакланов, Николай Борисович (1881–1959)

Златокузнецы Дагестана: о кустарях-металлистах селения Кубачи / ил. по рис. авт.; обл. Н. Шифрина. — М.: Центр. изд-во народов СССР, 1926. — 67 с.: ил., 25 с. ил. — (Ком. по изуч. языков и энич. культур вост. народов; № 4). — 2 000 экз.

Тит. л. парал. фр.

На об. тит. л. — марка кн. ф-ки Центр. изд-ва народов СССР.

На тит. л. — запись: «Труды Н. И. Института Этнич. и национ. культур народов СССР»; здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № А-40. Рег. № ___ Зак.___ Обм.»; ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 632».

На с. 5, 17, 67, с. 1–25 (паг. 2-я) — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

Экз. в изд. обл.

Бакрадзе, Димитрий Захарович (1826–1890)

Статьи по истории и древностям Грузии: (читано на засед. ист.-филологич. отд-ния 20 мая 1886 г.). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1887. — 38 с.

На тит. л. — помета «М — 19».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «Князю Георгію Дмитріевичу Шарвашидзе от автора. 8 марта 87», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Бакрадзе, Димитрий Захарович (1826–1890), Берзенов, Николай Георгиевич (?–1874)

Тифлис в историческом и этнографическом отношениях / изд. Густава Беренштама в Тифлисе. — СПб.: Тип. А. Бенке. 1870. — [3], 153 с.

Есть ошибки в брошюровке: с. 90–96.

На тит. л. — помета «М — 20» (номер повторен на ярлыке), здесь же — печать «Библіотеки Импер: Гатчинск: Никол: Сир: Инст:», здесь же — овал. штамп «ДублетъИмператор. Публич. Библіотеки. Проданъ», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на верхней сторонке пер. — библ. марка с пометой «Шк. V. Пол. 6. № 3», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книга — ярлык «Библіотеки Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института. Шкапъ V. Полка 6. № 3»; обрез крапчат.

— То же.

На тит. л. — владельческая печать «Кн. М.Р. Вачнадзе», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 805».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, в нижней части корешка — тисн. «М. В.».

Баладзори, Ахмед (?–892)

«Книга завоевания стран»: текст и перевод / пер. с араб. проф. П.К. Жузе; изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку: 2-я тип. АзГИЗА, 1927. — 42, [28] с. — 1 000 экз.

Встречная паг.

Обл. и тест парал. рус., араб.

На с. 3, 17, с. 3 обл. — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — помета: «2 969», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов № Б 49 Рег. № ___ Зак. Обм.».

Экз. в изд. обл.

Баратов, Сулхан Григорьевич (1821–1866)

История Грузии: Тетр. II–III: История средних веков: (от принятия христианства до нашествия аравитян). — СПб.: изд. Беренштама, 1871 (в тип. Ф.С. Сущинского). — II, [4], 86, [2], 82 с.

В тексте множество читательских помет, подчеркиваний и записей на полях.

На с. 1 (паг. 3-я) — запись кр. карандашом: «Иналу Kamikos».

На авантит. вытерта запись: «Принадлежитъ Надыръ-Беку Iедигарову».

На тит. л. вытерта запись: «Из книг Иналу Kamikosa. Тифлис 19 8/8 24 г.».

Переплет — картон, мрамор. бум., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

— То же.

В тексте подчеркивания цв. карандашами.

На тит. л. — помета: «М — 32», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 876».

Сохранилась верхняя изд. обл., на обл. — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Бартоломей, Иван Алексеевич (1813–1870)

Поездка в вольную Сванетию полковника Бартоломея в 1853 году. — [Б. м., б. г.] — 149–237 с., 1 к., 3 табл.

Страницы вырезаны из журн.: Зап. Кавказ. отд. имп. Рус. географ. о-ва. —Тифлис, 1855. — Кн. III.

На тит. л. — помета: «М — 16» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, мрамор. бум., уголки и корешок — ткань, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д., обрез крапчат.

Бартольд, Василий Владимирович (1869–1930)

Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира: (курс лекций, читанных автором на вост. ф-ке Азербайджан. гос. ун-та в 1924 г.). — [Баку, 1925]. — 150 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 967».

Экз. без обл.

Белый, В.М. (?–?)

Г.Г. Анджиевский, деятельность и казнь его: материалы по истории ревдвижения на Тереке / с предисл. В. Кононенко. — Пятигорск: гос. типо-литогр. им. Г.Г. Анджиевского, [1929]. — 70 с., 5 л. фот.

На тит. л. — помета: «2 894».

Экз. в изд. обл.

Березин, Илья Николаевич (1818–1896)

Путешествие по Дагестану и Закавказью. — Казань: в унив. тип., 1849. — XV, 339, 149, [28] с., 3 л. ил., 3 табл., 3 пл., 1 к.

Ценз.: Срезневский, 17 июня 1849 г.

Часть текста на перс., араб.

Книгопродав. объявл. А. Мясникова и В. Исакова на тит. л.

На тит. л. — помета: «М — 33», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 33».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа с тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — запись: «И.Ф. Золотарев».

Березин, Илья Николаевич (1818—1896)

Путешествие по Дагестану и Закавказью: с картами, планами и видами замечательных мест. — 2-е изд., пополнен. — Казань: в унив. тип., 1850. — [2], 120, 134, 128, 21, [22] с., 8 л. ил., 3 пл., 1 к.

Ценз.: Срезневский, 17 июня 1849 г.

На тит. л. — овал. печать «Библіотеки Импер. Гатчинск. Николаев. Сиротск. Института», здесь же — помета: «М — 33» и штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 484».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, в верхней части корешка библ. марка с пометой: «Шк. XIII. Пол. 6. № 9», на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института Шкапъ XIII. Полка 6. № 9».

Берже, Адольф Петрович (1828—1886)

Краткий очерк путешествия по Дагестану: (Посвящается Ю.Ф. Минквицу). — [Б. м., б. г.] — 28 с.

На с. 1 — помета: «М — 35».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Впервые опубликовано в 1862 году в январском номере газеты «Кавказ» (Тифлис).

Бороздин, Корнелий Александрович (1828—1896)

Алазанская долина: (отрывок из закавказских воспоминаний). — [Б. м., б. г.] — 287—314 с.

Страницы вырезаны из журн.: Исторический вестник. — 1886. — № 8. — С. 287—314.

На с. 287 — помета: «М — 37», выше — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Бороздин, Корнелий Александрович (1828—1896)

Крепостное состояние в Мингрелии: (Посвящено М.П. Колюбакину). — [Тифлис, 1865]. — 68 с.

Переплет — картон, бум., на верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — помета: «М — 24» (номер повторен на ярлыке).

Боржомское е. имп. выс. государя вел. кн. Михаила Николаевича заповедное имение: Проект Боржомской узкоколейной железной дороги: Часть общая: пояснительная записка. — Тифлис: тип. Я.И. Либермана, 1892. — 23, [16] с., 1 граф., 1 черт., 1 цв. к. на разверн. л. (130х65 см).

Пояснительная записка, график и карта вложены в папку из синей ткани, на верхней крышке — зол. тисн., внутренняя сторонка папки — бел. муар. бум., на внутренней стороне — помета: «М — 1 718».

Братская помощь пострадавшим в Турции армянам: литературно-научный сборник с оригинальными рисунками И.К. Айвазовского, заставками В.Я. Суреньянца, с двумя отдельными большими группами армян-переселенцев, с автогр. авторов и со множеством портр., видов, типов Закавказья, Турецкой Армении и пр. — 2-е изд., вновь обраб. и доп. — М.: типо-литогр. высоч. утв. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1898. — [950] с. разд. паг., [2] л. ил.

Ценз.: Моск. ценз., 14 янв. 1898 г.

Сохранилась изд. ил. обл.

На тит. л. — помета: «М —14».

Экз. в роскошном составном изд. пер. — картон, кожа двух цветов — красная и коричневая, на верхней сторонке пер. — зол. тисн. «Братская помощь армянам от Редакции Бр. П.», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — декор. бум.

Броссе, Марий Иванович (Мари Фелисите; 1802—1888)

О необходимости и способах изучать памятники старины Грузии. — [Б. м., б. г.] — 129—144 с.

На с. 129 — помета: «М — 402» (номер повторен на обл.).

Экз. во владельческой немой обл.

В верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 352», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Броссе, Марий Иванович (Мари Фелисите; 1802—1888)

Разбор двух грузинских иконных надписей: (с рис). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, [б. г.] — 17 с., 2 л. ил.

Ил. напеч. в литогр. Р. Меллина (СПб.)

На с. 1 — помета: «М — 26», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Бутков, Петр Григорьевич (1775—1875)

Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г.: [в 3 ч.] / предисл. Л. Броссе. — СПб.: изд. и тип. имп. Акад. наук, 1869.

Ч. 1. — XXV, 548 с.

Ч. 2. — 592 с.

Планы, заявленные на тит. л., отсутствуют.

Ч. 3: Хронологический и алфавитный указатель / сост. Л. Броссе. — XXX, 620 с.

Книгопродав. объявл. А. Базунова, И. Глазунова, Я.И. Исакова, Эггерса и Ко, Г. Шмидорфа, И. Киммеля и Энфянджанца и Ко на тит. л.

На тит. л. — пометы: «М — 668» (ч. 1), «М — 667» (ч. 2), «М — 523» (ч. 3).

На тит. л. ч. 1 и 2 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института г. Ростов н/Д».

На тит. л. ч. 3 — владельческая запись: «Изъ книгъ Ага Бека Iедигарова»

На верхней сторонке пер. ч. 3 — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д».

Бюллетень Северо-Кавказского Бюро краеведения. № 1—6 (8—12) / ред. совет: А.И. Воскресенский, А.Н. Дьячков-Тарасов, Б.В. Лунин, М.Л. Ямпольский. — Ростов н/Д, 1927. — 112, [1] с. — 500 экз.

Содерж. авт.: В.П. Вельмин, А.Н. Дьячков-Тарасов, А.М. Ладыженский, Б.В. Лунин, М.А. Миллер, Л. Успенский, П.Н. Чирвинский и К.З. Яцута.

На с. 1 — помета: «М — 885» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — штамп «С.-К. Горск. Научн.-Исслед. Институт. г. Ростов н/Д. Вход. № 352 «1/II 1928 г.».

В «Бюллетене» помещены две заметки о работе СКГНИИ:

1. «СКБК и Горский Н.-И. Институт.

Между СКБК и начавшим функционировать в гор. Ростове н/Д. Северо-Кавказским Горским Научно-Исследовательским Институтом Краеведения устанавливается тесный контакт. Согласно положению об Институте в состав членов Совета Института входит представитель С.-К. Бюро Краеведения. Представители Института принимают участие в работах Президиума Бюро».

2. «Бюллетень» Северо-Кавказского Краевого Горского Научно-Исследовательского Института Краеведения. № 1. Июнь 1927 г. Ростов н/Д. Стр. 60. Тир. 1 000 экз.

В феврале 1927 г. в г. Ростове н/Д. открылся Горский Научно-исследовательский Институт Краеведения вместо закрытого такого же Института во Владикавказе. За короткий срок Институтом проделана значительная работа, о которой ясно свидетельствует вышедший № 1 Бюллетеня — периодического органа СККГНИИК. «Бюллетень» распадается на три части: Краеведческую, Библиографическую и Информационную. В первом отделе (части) 10 статей планово-методического, отчетного и научно-иссследовательского характера: 1) К задачам Сев.-Кав. Кр. Горского Н.-И. Института; 2) Антрополого-этнографические исследования, как один из факторов подъема культуры в национальных областях Сев. Кавказа — А. Н. Дьячкова-Тарасова; 3) Предмет и методы экономических исследований национальных областей — А.И. Гозулова; 4) Задачи Института в деле изучения естественно-производительных сил — проф. В.Н. Вершковского; 5) Краеведение и народное образование в автономных областях С.-К. края — проф. Г. Кесаева; 6) Национальная горская печать в 1927 г. — А.; 7) Задачи СККГНИИК в области картографии автономных областей — А. Жантиева; 8) Запасы водной энергии в Горной Чечне — проф. П.М. Ерохина; 9) Архивное строительство в горских автономных областях С.-Кавказа — А. Гиваргизова и 10) Раскопки курганных погребений старых северо-кавказских племен — Б. Лунина.

В большинстве этих статей, начиная с первой, говорится о задачах в той или иной области изучения горских народов Северного Кавказа. Институт имеет пока три Отдела: 1) географии и естественно-производительных сил; 2) социально-культурный и 3) экономический. Каждый отдел распадается на ряд секций. Задачи этих отделов и секций и изложены в статьях первой части. Очень интересный и важный вопрос подымает А.Н. Дьячков-Тарасов в статье об антрополого-этнографических исследованиях в национальных областях, — это наименее изученная область наших знаний о горцах и здесь широкий простор научно-исследовательским задачам институтских работников. Весьма содержательна небольшая статья проф. В.Н. Вершковского об изучении естественно-производительных сил нацобластей; его ценные мысли о комплексных экспедициях, тематичности их и формах отчетности экспедиций, необходимо усвоить и детально разработать. Значительный вопрос затрагивает А. Жантиев — о картографии автономных областей; карт нет, а без карт нет и краеведения: карта — это глаза каждого каждого исследователя-краеведа, без нее не ступишь и шага; школам без карт также не обойтись, в особенности школам национальным и здесь Институту предстоит проделать трудную, сложную, но и плодотворную работу. Ценные материалы дал проф. П.М. Ерохин в статье о запасе водной энергии в Горной Чечне; вопрос об изучении и использовании колоссальной водной энергии горных горских областей один из значительных вопросов, которому Институт должен будет уделить особое внимание. Целесообразен план архивного строительства в горских автономных областях Северного Кавказа — А. Гиваргизова. В общем задачи, которые намечает Горский Институт на первых порах своей деятельности, весьма обширны и значительны.

Хорошо поставлена вторая часть журнала — Библиография, — здесь дан ряд оценок новейшим изданиям, касающимся горских областей. В третьей части — информационной — приведено положение об Институте и ряд производственных планов Института на 1926—27 операционный год. Что касается планов на ближайший период, принятых Институтом по различным отраслям научно-исследовательской работы, то при внимательном рассмотрении их можно подметить много недочетов, объяснимых спешностью и плохой редакцией их; так, планы не совсем согласованы друг с другом; составлены не по общим принципам и системе, а как вздумалось; иногда планы даны по 1 октября 1927 г., иногда на весь 1926—27 г., тогда как планы составлялись в мае 1927 г., а Институт открылся в феврале; кто начинает с камеральных работ, кто с экспедиций и т.п. Общего плана деятельности нет, а следовательно нет и увязки между отделами и секциями — как раз нет того, о чем писал проф. В.Н. Вершковский в своей статье — «Комплексность и тематичность всех работ Института».

Первый номер «Бюллетеня» Горского Института производит весьма отрадное впечатление, — видна деловая работа Института, правильно намеченные задачи; можно лишь пожелать Институту полного успеха в осуществлении этих задач».

Вардан Великий (?—1271)

Всеобщая история Вардана Великого: (с примеч. и прил.) / пер. и [предисл.] Н. Эммин. — М.: в тип. Лазаревского ин-та вост. яз., 1861. — XXIII, 201, 217 с.

Ценз.: Гиляров-Платонов, 19 авг. 1861 г.

Многочисленные читательские пометы.

На тит. л. — помета: «М — 456».

Переплет — картон, бум., корешок — зел. кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвата г. Ростов н/Д.

Вейденбаум, Евгений Густовович (1845—1918)

Большой Арарат и попытки восхождения на его вершину. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гражданской частью на Кавказе, 1883. — 60 с.

Перепеч. из журн.: Записки Кавказ. отд. имп. Рус. геогр. о-ва.

На тит. л. — помета: «М — 61» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — фрагмент ярлыка Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Экз. со следами затеков по нижнему краю.

Вейденбаум, Евгений Густовович (1845—1918)

От Батума до Артвина: (путевые заметки). — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1879. — 95, [1] с.

Ценз.: Тифлис. ценз., 19 янв. 1879 г.

На тит. л. — запись чернилами: «Евг. Вейденбаума», ниже — помета: «М — 59» (номер повторен на ярлыке).

На верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Вейденбаум, Евгений Густовович (1845—1918)

Хизаны в Грузии: ист. очерк. — Тифлис: тип. канцелярии наместника е. и. вел. на Кавказе, 1913. — 36 с.

В тексте многочисленные читательские пометы.

На тит. л. — помета: «М — 529» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, декор. бум., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Воронов, Николай Ильич (1832—1888)

Долина Риона: (Из путевых воспоминаний). — [Б. м., 1864?] — 22 с.

На с. 1 — помета: «М — 87», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Воронов, Николай Ильич (1832—1888)

Плавание у восточных берегов Черного моря: (Из путевых заметок о Южной России): 1861 г., август. — [Б. м., б. г.] — 23 с.

Страницы вырезаны из журнала «Русское слово».

Восхождение на Казбек в 1844 году: (Доктора Коленати). — [Б.м., б.г.] — 393—408 с.

Страницы вырезаны из журн.: Журнал Министерствава народного просвещения.

На с. 393 — помета: «М — 210» (номер повторен на на ярлыке).

Переплет — картон, бум., в верхней части корешка — библ. марка с номером «№ 690», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. — СПб.: печ. в Воен. тип., (в здании Гл. штаба), 1870. — II, 120 с.

Составитель отчета Старосельский Дмитрий Семенович (1832–1884).

На тит. л. — помета: «М — 258».

Экз. в цельнокож. переплете, на форзаце в начале книги — запись: «Уважаемому и любимому Кавказскому товарищу Воронцовской эпохи — Ивану Федоровичу Золотареву отъ одного изъ скромных деятелей отчета М. Лорисъ-Меликовъ. 10 декабря 1870 г. Владикавказъ», на форзаце в конце книги — ярлык «Librairie Russe etranqere C. Beguitscheff (anc. G. Baerenstamm) Tiflis. — Fondee en 1857», обрез крапчат.

Золотарев Иван Федорович (1812–1881) — действительный статский советник, член-основатель Кавказского общества сельского хозяйства, директор походной канцелярии М.С. Воронцова на Кавказе.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888) — государственный деятель, генерал, служил на Кавказе, с 1847 г. состоял помощником по особым поручениям при главнокомандующем на Кавказе князе М.С. Воронцове, участник военных действий, военный начальник Южного Дагестана и начальник Терской области, министр внутренних дел.

Вязигин, А.А. (?–?)

Некоторые источники для культурно-исторического изучения горских народностей в архивах Северного Кавказа. — Ростов н/Д, 1929. — 219–222 с.

Отд. отт. из журн.: Записки СКГНИИ. — 1928. — Т. 1. — С. 219–222.

На тит. л. — помета: «№ 2 447» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Г-д (?–?)

Поездка к южному отклону Эльбруса в 1848 году. — [СПб., 1849]. — 57–104 с.

Страницы вырезаны из журн.: Библиотека для чтения. — 1849. — Т. IX. — С. 57–104.

На с. 194 — запись «Библіотека для Чтенія. 49-IX».

На с. 57 — помета «М — 594» (номер повторен дважды на обл.).

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Гагемейстер, Юлий Андреевич (1806–1878)

Новые очерки Закавказья. — СПб.: в тип. М-ва внутр. дел, 1848. — 157 с.

На тит. л. — овал. печать «Библіотеки Импер. Гатчинс. Никол. Сир. Инст.», здесь же — помета «М — 69» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, бум., уголки и корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — библ. марка с пометой «Шк. XII Пол. 4 № 9», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д; на форзаце в начале книги ярлык «Библіотека Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института Шкапъ XII. Полка 4. № 9», обрез крапчат.

Ган, К.Ф. (?–?)

Краткий путеводитель по Кавказу / изд. канцелярии наместника е. и. вел. на Кавказе. — Тифлис: тип. канцелярии наместника е. и. вел. на Кавказе, 1913. — [12], 62 с., 2 к.

На тит. л. — помета «М — 537» (номер дважды повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Герсеванов, Михаил Николаевич (1830–1907)

Кавказские железные дороги. — М.: в Унив. тип. (Катков и Ко), 1874. — 16 с.

Ценз.: Моск. ценз., 6 окт., 1874 г.

На с. 1 — помета «М — 75».

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — запись: «Его Высокопревосходительству Барону Александру Павловичу Николаи въ знакъ глубочайшаго уваженія отъ автора. 18 ноября 1875».

Герсеванов, Михаил Николаевич (1830–1907)

Транзитная Тифлисско-Джульфинская дорога. 1. От Тифлиса до Еревана. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1875. — 37 с., 1 черт.

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — запись: «Его Высокопревосходительству Барону Александру Павловичу Николаи въ знакъ глубочайшаго уваженія отъ автора. 13 ноября 1875 г. Тифлис.», ниже — помета: «М — 74».

Гиваргизов, А. (?–?)

Объединенный Горский архив. — Ростов н/Д, 1929. — 215–217 с.

Отд. отт. из журн.: «Записки» СКГНИИ. — 1928. — Т. 1.

На с. 215 — помета «2 451».

Экз. в изд. обл.

Гизетти, А.Л. (?–?)

Хроника Кавказской войск. В 2 ч. [Ч. 1] / сост. ген.-майор в отставке А. Л. Гизетти; под ред. ген. –лейт. Чернявского; изд. воен.-ист. отд. при Штабе Кавказ. воен. ок. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. части на Кавказе, 1896. – XXV, VI, 216 с.

На тит. л. — помета: «М — 76».

Гильденштедт (Гюльденштедт), Иоганн Антонович (1745–1781)

Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах / изд. по повелению имп. Акад. Наук; [пер. К.Ф. Германа] — В СПб.: при имп. Акад. наук, 1809. — [6], 384 с.

На тит. л. — помета: «М — 256».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — темно-зел. кожи, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 632», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Глинка, Сергей Николаевич (1776–1847)

Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения Области Армянской в Российской империи: [в 2 ч.]. — М.: в тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1832–1833.

Ч. 1. — 1832. — LXXXVI, 273 с.

Ч. 2. — 1833. — XVIII, 294 с.

Ценз.: С. Аксаков, 21 мая 1832 г. (Ч. 1), Л. Цветаев, 12 дек. 1883 г. (Ч. 2).

В тексте читательские пометы (Ч. 2).

На тит. л. — пометы: «М — 82» (Ч. 1), «М — 83» (Ч. 2).

Обе части в одинаковых переплетах — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — владельческая печать «Изъ библіотеки А.С. Кацана № 3931» (Ч. 1), «Изъ библіотеки А.С. Кацана № 3932» (Ч. 2), здесь же — запись: «Сидонской», обрез крапчат, имеется шёлк. ляссе (Ч. 2).

Гн-в, П-р (?—?)

О царе Соломоне II и бывшем при нем управлении . — [Тифлис, 1859]. — 421—441 с.

Страницы вырезаны из кн.: Кавказский календарь. — 1859. — С. 421—441.

На с. 421 — помета: «М — 101».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Городецкий, Борис Митрофанович (1876—1941)

Осетины нагорной полосы Терской области: (этнографич. —стат. материалы). — Екатеринодар: тип. «Основа», 1908. — 16 с.

Отд. отт. из кн.: Северо-Кавказский календарь-справочник.

На тит. л. и обл. — круглая печать «НКПС. Центральное Управление по Просвещению на Транспорте. Ростовская н/Д школа семилетка Водтрана».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 852».

Горюнов, Петр Михайлович (1899—1942)

О казачьем вопросе: (из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). — [Ростов н/Д]: изд-во «ДОДН», 1925. — 32 с. — В надзаг.: Агитпроп Донск. ком-та РКП (б). — 1 500 экз.

На тит. л. — штамп « Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 454» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Григорьев, Василий Никифорович (1803—1876)

Абхазия. — [СПб., 1835]. — [4] с.

Страницы вырезаны из кн.: Энциклопедический лексикон А.А. Плюшара. — 1835. — Т. I.

Экз. во владельческом пер. — картон, бум., корешок тканевый, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 102», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Гров, Флоренс Кроуфорд (1838—1920)

Холодный Кавказ / изд. журн. «Природа и люди». — СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1879. — VI, 224 с.

Ценз.: СПб. ценз., 22 мая 1879 г.

На тит. л. — помета: «М — 106» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 509», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Издание содержит ценный этнографический материал.

Издание не подлежит вывозу за пределы Российской Федерации.

Гурко-Кряжин, Владимир Александрович (1887—1931)

Абхазия / изд. научн. ассоц. востоковед. при ЦИК СССР. — М.: типо-хромо-литогр. «Искра революции», Мосполиграф, 1926. — 24 с.: фот. — 1 000 экз.

На с. 1 — помета: «3 055».

Экз. в изд. обл.

Дагестанский сборник. Т. III / редкол.: А.А. Тахо-Годи, Б.Г. Маллачиханов, Д.М. Павлов. — Махачкала: Дагмузей, 1927 (Буйнакск: типо-литогр. Даггосиздата им. Е.Г. Гоголева). — 278 с.: ил., 5 л. ил. — 1 000 экз.

Назв. парал. фр.

Из содерж.: Хаджи-Мурат / Г. Ясулов. Адаты кумыков / Манай. Старая и новая аварская песня / Л.И. Жирков. Посольства от Шамиля к абадзехам / Г.Н. Прозрителев. Кубачинская ювелирная промышленность / Н.Ф. Яковлев. Заметки о сернистых источниках Дагестана / Н. Чашинский. Камни окрестностей Темир-хан-шуры / Н.М. Абрамов. Дагестанский хомяк / Н.Н. Дюков. Изучение даргинских и кубачинских языков / Н.Ф. Яковлев, Л.И. Жирков. Геоботанические исследования 1925 года / И.Д. Богдановская.

Экз. в изд. обл.

Джавахов (Джавахишвили), Иван Александрович (1876—1940)

Государственный сторой древней Грузии и древней Армении. Т. I. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1905. — II, 147 с. — (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии; кн. VII).

В тексте читательские подчеркивания, заметки на полях.

На тит. л. — владельческая запись: «Из книг Иналу Kamікозова. Тифлис. 1924. Октябрь» (фамилия вымарана), ниже — помета: «М — 534».

Экз. деф.: утраченная верхняя обл., книжный блок распадается.

Диев, Гр. А. (Джаншиев, Григорий Аветович; 1851—1900)

Армянский вопрос в Турции: (из переписки с стамбульскими публицистом): с двумя библ. карт. — М.: тип. Д.И. Иноземцева, 1893. — 78, II с.

Ценз.: Моск. ценз. ком., 5 июня 1893 г.

На тит. л. — помета: «М — 115» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — библ. марка с номером: «№ 736».

Динник, Николай Яковлевич (1847—1917)

Верховья Малой Лабы и Мзымты. — Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1902. — 73 с.

Отд. отт.: Записки Кавказ. отдела имп. Рус. геогр. о-ва.

На тит. л. — автор. запись: «Многоуважаемому Михаилу Ивановичу Дегтяревскому от Н. Динника», здесь же — штамп «Библіотека Ростовскаго н/Д. Общества Садоводства», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 889».

Экз. без обл.

Динник Николай Яковлевич (1847—1917) — выдающийся ученый, натуралист, географ, гляциолог, исследователь Кавказа, преподаватель, почетный гражданин г. Ставрополя. Русское географическое общество неоднократно награждало его медалями и присуждало ему премии.

Донские дела: [кн. 1—4]. — СПб.: тип. гл. упр. уделов, 1898—1913. — (Русская историческая б-ка / изд. имп. Археогр. комиссии).

Кн. 1. — 1898. — VII, 30 с., 1006 стб., 36 с.

Кн. 2. — 1906. — II, 55 с., 1112 стб., 69 с.

Кн. 3. — 1909. — IV, 56с., 1022 стб., 83 с.
Кн. 4. — 1913. — [1], 50 с., 974 стб., 975—1013 стб.
Печ. по распоряжению Археогрф. комис.
Тома подготовлены к печати и изданы под наблюдением члена Археогр. комиссии В.Г Дружинина.
Склад изданий: СПб., в помещении имп. Археогр. комиссии; М., в Гл. Архиве М-ва ин. дел; в доме гр. С.Д. Шереметева.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 1 625 [кн. 1], 4 626 [кн. 2], 4 62 [кн. 3], 12 783 [кн. 4]».
Кн. 2—4 в изд. обл.

Дружинин, Василий Григорьевич (1859—1937)

Раскол на Дону в конце XVII века / исследование В. Г. Дружинина. — СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1889. — IX, 335 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 906».
Верхняя изд. обл. утрачена.

Дубенский, Дмитрий Н. (Служивый; ?—?)

Очерки покорения Кавказа: с рис. и картами. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1901. — [1], 147, [3] с.: ил., 1 л. ил.
Ценз.: СПб. ценз., 6 мая 1901 г.
На тит. л. указан псевдоним авт.: Служивый.
Склад изд.: Кн. и геогр. маг.изд. Гл. шт (СПб.); Кн. склад тип. М.М. Стасюлевича (СПб.).
На тит. л. — круглая печать «Армавирская мужская гимназія», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 534 (9 535).
Переплет — картон, бум., изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку переплета, на форзаце в начале книги — ярлык «Армавирская мужская гимназія Фундамент. Библіот. Матер. кн. № 1 619. Систем. кн. № 44 отд. V», на форзаце в конце книги — читательская запись: «Б. Г. / IV «а» = Дуракъ 1 степини».

Евецкий, Орест Степанович (?—?)

Статистическое описание Закавказского края: с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним. В 2 ч. — СПб.: печ. в тип. шт. отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. — II, 306, [2] с.
Печ. с высоч. соизволения.
На тит. л. — помета: «М — 120» (номер повторен на ярлыке).
Переплет — картон, мрамор. бум.. уголки и корешок — кожа, зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 265», в нижней части корешка — суперэкслибрис «F.Z», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат, имеется шёлк. ляссе.

Егоров, Петр Прохорович (1813—1872)

Из дорожный записок по Закавказскому краю. — [СПб, 1853]. — 101—132 с.
Страницы вырезаны из журн. Отечественные записки. — 1853. — Т. 89, № VIII. — С. 101—132.
На с. 101 — помета: «М — 122».
На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Ерицов, Александр Давидович (1841—1902)

Патриарх всех армян Нерсес V-й и князь Михаил Семенович и княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, в их частной переписке: с тремя портр. и прил. — Тифлис: скоропеч. М. Мартиросянца, 1898. — 170 с., 3 портр.
Ценз.: Тифлис. ценз., 11 окт. 1897 г.
На тит. л. — помета: «М — 124».
На верхней изд. обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Ермоленко, Макар Иванович (1867—1940)

Неолитическая стоянка (новокаменного века) в пределах Кабардино-Балкарской авт. обл. (на Кавказе) / изд. облмузея Кабардино-Балкар. авт. обл. — Владикавказ: тип. «Красный Октябрь, 1929. — 11 с.
В тексте испр.ч
Экз. в изд. обл.

— То же.

На с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 579».

Ермоленко, Макар Иванович (1867—1940)

Редкая археологическая находка в Кабардино-Балкарского авт. обл. — Владикавказ: Тип. «Красный Октябрь», 1928. — 6 с.
На тит. л. — помета: «2 631».
Экз. в изд. обл.

Ермолов, Алексей Петрович (1777—1861)

Письма / предисл. А. Тахо-Годи; изд. АСКГКО. — Махачкала, 1926. — 53 с.
На тит. л. — помета: «3 490» (номер повторен на обл.).
Экз. в изд. картонаже.

Жордания Ной и царская охранка: архивные документы / подгот. к печ. Г. Хачапуридзе; с предисл. Мамия Орахелашвили. — Тифлис: Заккнига, 1931. — 54, [4] с. — В надзаг.: Закавказ. НИИ истории партии им. И.В. Сталина.
На тит. л. — помета: «4 367».
Экз. в изд. обл.

Журнал Закавказского Центрального Комитета по устройству помещичьих крестьян. — [Тифлис, 1864]. — [177] с. разд. паг.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.»
Переплет — картон, ткань, зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «1 696», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Журнал Комитета об устройстве крестьян при Главном управлении наместника Кавказского. — [Тифлис, 1870]. — [187] с. разд. паг.
На переплете загл.: Труды по земельному устройству поселян в мусульманских частях Закавказского края. 1869 и 1870.
На с. [1] — помета: «М — 66» (номер повторен на ярлыке).
Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 703», на верхней сторнке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества: кн. I–IV. — Тифлис: В канцелярии наместника кавказ., 1852–1857.

Кн. I. — Изд. под ред. гр. В.А. Соллогуба, д. чл. имп. Рус. геогр. о-ва. — 1852. — XXIV, 272, [5] с.

Кн. II. — Изд. под ред. гр. В.А. Соллогуба, д. чл. имп. Рус. геогр. о-ва и А.А. Харитонова, правителя дел Кавказ. отд. о-ва. — 1853. — [4], 296 с., 4 л. ил., 4 к., 4 пл.

Кн. III. — Изд. под ред. Е.А. Вердеревского, д. чл. и правителя дел Кавказ. отд. о-ва. — 1855. — [4], 315 с., 2 к., 3 табл.

Кн. IV. — Изд. под ред. д. чл. отд. М.К. Ломидзе и Н.Г. Берзенова. — 1857. — [2], 259, [1] с., 1 к., 1 табл.

Ценз.: А. Эбелинг, 26 июня 1852 г. (кн. I), 25 окт. 1855 г. (кн. III), 30 авг. 1857 г. (кн. IV); А. Зайцов, 27 нояб. 1853 г. (кн. II); Ю. Шидловский, 30 окт. 1855 г. (кн. III).

На тит. л. — пометы: «М – 50» (кн. I), «М – 51» (кн. II), «М – 52» (кн. III), «М – 53» (кн. IV).

Все экз. в одинаковых переплетах — картон, декор. тисн. бум., корешок — кожа, на корешке — кожан. форматка с зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марки с номерами: «№ 1 41/1», «№ 1 441/2», «№ 1 441/3», «№ 1 441/4», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. XIV, вып. 2 / под ред. С.А. Егизарова, д. чл. Рус. геогр. о-ва. — Казань: тип. имп. ун-та, 1891. — [2], IV, XLXXX, 403, III, [1] с.

Тит. л. и шмуцтит. парал. фр.

На тит. л. — овал. печать «Темиръ-Ханъ-Шуринское Реальное Училище. Библіотека», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 261».

Записки Общества любителей кавказской археологии. Кн. 1 / изд. под ред. Ад. Берже и Дм. Бакрадзе. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1875. — [2], 9–188 с., 1 л. ил.

Ценз.: Тифлис. ценз., 29 нояб. 1875 г.

На тит. л. и обл. — помета: «М – 25».

Изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку пер.

Перед тит. л. приплетено письмо Общества любителей кавказской археологии, адресованное почетному члену Общества барону А.П. Николаи (1 февраля 1876 г.)

Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. — Ростов н/Д, 1927–1928.

Кн. 1 (т. III), вып. 2. — 1927. — 27 с.: рис.

Кн. 1 (т. III), вып. 3–4. — 1927–1928. — 96 с.: рис.

Обл. парал. фр.

На с. 13, 17, 21 (вып. 2) — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — номер: «3 078» (вып. 2) и «776» (вып. 2–3), здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации научно-Исслед. Институтов. № Б 99 Рег. 3 ___ Зак. Обм.».

Оба экз. в изд. обл.

Записки Терского общества любителей казачьей старины / отв. ред. и президент о-ва Г.А. Вертепов. — Владикавказ: тип. Терского обл. правления,1914.

№ 6. — 70 с., 1 л. портр.

№ 8. — 78.

На тит. л. — помета: «М – 526» (№ 6), «М – 527» (№ 8).

Оба экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

[Засс (?–?)]

Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии / пер. с фр. Яков Ланген. — СПб.: в театральной тип., 1805. — [3], 72 с.

Печ. по высоч. е. и. в. повелению. Посвящение пер. Александру I на с. [1–3] (паг. 1-я).

Подстроч. примеч. авт.

На тит. л. и авантит. — помета: «М – 597» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — ткань, на корешке — кожан. форматка с зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 622», на верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Впервые опубликована на французском языке в 1804 году в Санкт-Петербурге. Возможно, это первая на русском языке книга с описанием Кавказа.

[Зейдлиц, Николай Карлович (1831–?)

Очерк виноделия Кавказа. — Тифлис, 1875]. — С. 177–628.

Страницы вырезаны из кн.: Сборник сведений о Кавказе. — 1875. — Т. III. — С. 117–563.

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 326», обрез крапчат.

Зиссерман, Арнольд Львович (1824–1897)

Двадцать пять лет на Кавказе, (1842–1867): [ч. 1-2]. — СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1879.

Ч. 1: 1842–1851. — [1], 424 с.

Ч. 2: 1851–1856. — 441 с.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. — помета: «М – 930-г» (ч. 1), «М – 931-г» (ч. 2).

На тит. л. ч. 1 — овал. печать «Библіотека № __ Ивана Ивановича Дмитренко».

Оба экз. в одинаковых переплетах — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в нижней части корешка тисн. «М.Н.П.Г.», обрез крапчат.

Зиссерман, Арнольд Львович (1824–1897)

Десять лет на Кавказе: [ст. 1 и 2]. — [СПб, 1854]. — [79] с. разд. паг.

Страницы вырезаны из журн.: Современник. — 1854. — Кн. 9–10.

На с. [1] — помета: «М – 587»

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Зиссерман, Арнольд Львович (1824–18970

Современное состояние Кавказа. — [СПб., 1857]. — 25–42 с.

Страницы вырезаны из журн.: Современник. — 1857. — Кн. 11. — С. 25–42.

На с. [25] — помета: «М – 129».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Зиссерман, Арнольд Львович (1824–1897)

Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, 1815–1879. Т. 1. – М.: в Унив. тип., 1888. – XX, 392 с., 1 л. портр.

В тексте многочисленные читательские пометы.

На тит. л. – помета: «М – 666».

Зубарев, Д. (?–?)

Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область. – [СПб., 1841]. – 509–558 с.

Страницы вырезаны из журн.: Русский вестник. – 1841. – Т. 2, № 6. – С. 509–558.

На верхней сторонке переплета – ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Зубов, Платон Павлович (ок. 1796 – не ранее 1857)

Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель: В историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях: [ч. 1–2]. – СПб.: в тип. Конрада Вингебера, 1834–1835.

Ч. 1. – 1834. – 234, [4] с., 1 табл.

Ч. 2. – 1835. – 268, [1] с.

Ценз.: В. Семенов, 17 окт. 1834 г.

Имеется грав. тит. л. (ч. 1).

На шмуцтит. – помета: «М – 921 – г» (ч. 1), «М – 919 – г» (ч. 2).

Зубов, Платон Павлович (ок. 1796 – не ранее 1857)

Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году: с 4 видами и виньеткой. – М.: в тип. Лазаревых ин-та вост. яз.. 1834. – 107 с., 4 л. ил.

Ценз.: И. Двигубский, 15 окт. 1833 г.

Имеется также литогр. ил. тит. л. с видом Кавказских гор.

Имеется 4 листа литогр. видов и ксилогр. виньетка.

Ил. с натуры П.П. Зубова.

Литогр. В. Логинова.

На литогр. тит. л. – помета: «М – 133» (номер повторен на ярлыке).

Переплет – картон, мрамор. бум., корешок и уголки – кожа, на верхней сторонке пер. – ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Один из первых путеводителей по Кавказу.

Крайне редкое издание.

Обольянинов Н. Кат. рус. ил. изд. № 1023.

– То же.

На литогр. тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 553».

Экз. деф.: утрачен пер.

И. Н. (?–?)

Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь: с пл. Абхазского приморского берега, с рис. памятников христианства в Абхазии и видами Ново-Афонского монастыря. – М.: типо-литогр. И. Ефимова, 1898. – 339, [2] с., 33 л. ил., 1 к., 1 черт.

Ценз.: Г. Дьяченко, 26 июня 1898 г.

В тексте читательские пометы.

На тит. л . – помета: «М – 562».

Переплет – картон, ткань, на верхней сторонке пер. и корешке – зол. тисн., на верхней сторонке пер. – ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Издание представляет научный интерес, оно сыграло важную роль в изучении Кавказа и Абхазии.

Иванов, Д.Л. (?–?)

Восхождение на Эльборус: (читано в общ. собр. имп. Рус. геогр. о-ва 3 окт. 1884 г.). – [СПб., 1884]. – 473–496 с.

Страницы вырезаны из журн.: Известия имп. Рус. геогр. о-ва. – 1884. – № 5 (т. XX). – С. 473–496.

На с. 473 – помета: «М – 139» (номер повторен на обл.).

На верхней обл. – ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Известия Азербайджанского комитета охраны памятников старины, искусства и природы – Азкомстарис – (б. Археологического комитета). Вып. 3, Наркомпрос АзССР. – Баку: гос. тип. «Красный Восток», 1927. – [6], 197, [3], 26, [1] с., 12 л. ил., 1 к.

Встреч. паг.

Обл., тит. л. фр., азерб. Текст рус., азерб. Резюме фр.

На тит. л. – помета: «М – 784».

Известия Кавказского отделения императорского Московского археологического общества: вып. I–VI. – Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1904–1921.

Вып. I. – 1904. – [2], 91, 36 с.

Вып. II. – Под ред. Л.Г. Лопатинского и Е.С. Такайшвили, 1907. – II, 118, 32 с., 10 л. ил.

Вып. III. – Под ред. Л.Г. Лопатинского и Е.С. Такайшвили, 1913. – [2], IV, 184, 78 с.: ил.

Вып. IV. – Под ред. Л.Г. Лопатинского и Е.С. Такайшвили, 1915. – IV, II, 147, 48 с.: ил.

Вып. V. – Под ред. Л.Г. Лопатинского и Л.М. Меликсет-Бекова. – Типо-литогр. Грузин. жел. дор., 1919. – 64 с.

Вып. VI. – Под ред. Л.М. Меликсет-Бекова и Д.П. Гордоева. – Типо-литогр. Груз. жел. дор., 1921. – 46 с.

На тит. л. – пометы: «М – 546» (вып. I), «М – 547» (вып. II), «М – 548» (вып. III), «М – 549» (вып. III).

Вып. I–II, V–VI в изд. обл., на верхней обл. – пометы «М – 553» (вып. V), «М – 554» (вып. VI), здесь же – ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. I: с 2-мя рис. / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. – Екатеринодар: тип. Кубан. обл. правления, 1899. – IX, 166 с., 2 л. ил.

На тит. л. – овал. печать «Библіотека Армавирскаго Обществен. Собранія», здесь же – овал. печать «3-я Советская библиотека имени Л.Н. Толстого. Гор. Армавир, К. о.», ниже – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 546».

Переплет – картон, ткань, корешок – кожа, в нижней части корешка – тисн. «А.О.С.».

Известия Общества любителей изучения Кубанского края. Вып. IX / под ред. проф. Б.М. Городецкого. – Краснодар: тип. Крайсоюза, 1925. – [2], 238, [2] с.

Ильин, А. (?–?)

Ужба. – [Спб, 1883]. – 165–220 с., 1 к.

Страницы вырезаны из журн.: Известия имп. Рус. геогр. о-ва. – 1883. – Т. XIX. – № II. – С. 165–220.

На с. 165 — помета: «М — 137».
На верхней обл. — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Иоселиани, Платон Игнатьев (1810—1875)

Туземные города, существовавшие и существующие в Грузии. — [СПб., 1844].

Переплет — картон, бум., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — штамп «Библиотека С.-К. Горск. научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 920».

Истомин, А. (?—?)

Путеводитель по Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам / изд. Кавказ. Горн. о-ва в Пятигорске. — 2-е изд. — Пятигорск: электропеч. «Сукиасянца и Лысенко», 1908. — 12 с.

На тит. л. — помета: «М — 624».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Исторические памятники вероучений армянской церкви, относящиеся к XII столетию / пер. с арм. А. Худобашева. — СПб.: в тип. 2-го отд-ния собст. е. имп. вел. канцелярии, 1847. — XV, 295 с.

Ценз.: Аввакум, 9 июля 1846 г.
На тит. л. — помета: «М — 420».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 255», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Историческое описание земли Войска Донского / изд. Обл. Войска Донского стат. ком-та; [сост. В.Д. Сухоруков и П.М. Строев]. — 2-е изд. — Новочеркасск: Частная Дон. тип., 1903. — 7, 5, VIII, VII, 399, 9—39 с.

Ценз.: Ростов. н/Д. ценз., 19 июня 1903 г.
На с. I (паг. 3-я), тит. л. — экслибрис «Библіотека Александра Михайловича Ильина. Ростовъ на Дону».
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 227».

История монголов по армянским источникам. Вып. 1, заключающий в себе извлечения из трудов Вардана Стефана Орбелиана и Коннетабля Сембата / пер. и объяснения К.П. Паткана. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1873. — VIII, 100 с.

На об. тит. л. — ярлык «Библіотеки Императорскаго Гатч. Ник. Сир. Института. Шкапъ Ж. Полка 1. № 21.».
На тит. л. — овал. печать «Библіотеки Импер. Гатчинс. Никол. Сир. Инст.», здесь же — овал. печать «Дуплетъ Императ. Публич. Библіотеки. Проданъ», ниже — помета: «М — 242» (номер повторен на обл.).
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык «Шк. Ж. Пол. 1. № 21», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

За два выпуска «Истории монголов по армянским источникам» (СПб., 1873) переводчик К.П. Патканов был награжден медалью Археологического общества.

К. Щ. (?—?)

Из кавказской жизни: рассказ: (Николаю Егоровичу Н-и). — [СПб., 1863]. — 139—166 с.
Страницы вырезаны из журн.: Военный сборник. — 1863. — № 9. — С. 139—166.
На с. 139 — помета: «М — 455».

Кавказский сборник: [в 32 т.] — Тифлис, 1876—1912.

Т. I. — 1876. — [1], IX, 409, [1] с/. 5 л. пл.
Имеется ил. тит. л.
На тит. л. — помета: «М — 324».
Т. II. — 1877. — [1], 457, [2] с.
На тит. л. — помета: «М — 325».
Т. IV. — 1880. — [1], 470, [1] с.
На тит. л. — помета: «М — 328».
Т. VI. — 1882. — [1], 682, 4, 683—727, [1] с., 1 к., 1 пл.
На тит. л. — помета: «М — 329».
Т. VII. — 1883. — [2], II, 647, [1] с., 3 пл.
Часть текста фр.
На тит. л. — помета: «М — 330».
Т. VIII. — 1884. — [2], 509, [1] с., 1 пл.
На тит. л. — помета: «М — 331».
На форзаце в начале книги — дарственная запись: «Многоуважаемому Герчину отъ М. Чернявского. 18 29/III 84 г.»
Т. IX. — 1885. — [2], 539, [1] с., 2 пл.
На тит. л. — помета: «М — 332».
Имеется шелк. ляссе.
Т. X. — 1886. — [2], 607, [1] с.
На тит. л. — помета: «М — 333».
Т. XI. — 1887. — [1], 621, [1] с.
На тит. л. — помета: «М — 334».
Т. XII. — 1888. — [1], 532, [2] с.
На тит. л. — помета: «М — 335».
— То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 335».
Т. XIII. — 1889. — [1], 616, [2] с.
На тит. л. — помета: «М — 336».
—То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 364».
Т. XIV. — 1890. — [1], 553 с.
На тит. л. — помета: «М — 337».
— То же.
На с. [1] (паг. 1-я) — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 337».
Т. XV. — 1894. — [2], 576, 5 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 338».
Т. XVI. — 1895]. — [2], 480, 4, [1] с.
На тит. л. — помета: «М — 339».
— То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 339».

Т. XVII. — 1896. — [2], 544 с.
На тит. л. — помета: «М — 340».
— То же.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 340».
Т. XVIII. — 1897. — 506, 5 с.
На тит. л. — помета: «М — 369».
Т. XIX. — [3], 463, 5, [2], 83 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 342».
Т. XXI. — 1900. — [2], XI, 170, 11, 96 с.
На тит. л. — помета: «М — 344».
Т. XXII. — 1901. — [1], 2, 182, 5, 68, 4, 44, 156, 11 с.
На тит. л. — помета «М — 346».
Т. XXIV. — 1903. — [1], 104, 255, 46, 12 с.
На тит. л. — помета: «М — 347».
Т. XXV. — 1906. — [1], 242, 35, 143, 11, 21 с., 1 портр.
На тит. л. — помета: «М — 348».
Т. XXVI. — 1907. — [1], 15, II, 195, 204 с.
На тит. л. — помета: «М — 349».
Т. XXVII. — 1908. — [1], 197—415, 242, 15 с.
На тит. л. — помета: «М — 350».
Т. XXVIII. — 1908. — [1], 416—658, 24, 225, 13 с.
На тит. л. — помета: «М — 351».
Т. XXXII. — 1912. — 9, 2, 479 с., 1 портр.
На тит. л . — помета: «М — 352».
Т. I—X — под редакцией ген.-лейт. М. Чернявского, т. XI—XXXII — под редакцией ген.-майора В.А. Потто.
В тексте многочисленные читательские пометы — подчеркивания, добавления, исправления, записи на полях.
«Кавказский сборник» — одно из самых авторитетных изданий XIX — начала XX века, внесшего огромный вклад в изучение Кавказа, на его страницах опубликовано более 150 работ, большинство из которых — воспоминания бывших покорителей Кавказа.

Каневский, И. (?—?)
Поездка в Сванетию: путевые очерки. — [СПб., 1882]. — 39—94 с.
Страницы вырезаны из журн.: Русский Вестник. — 1882. — Т. 157. — № 1. — С. 39—94.
На с. 39 — помета: «М — 199», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Каганкатваци, Моисей (VII или X)
История Агван / пер. с арм. [К. Патканьяна]. — СПб.: в тип. имп. Акад. наук, 1861. — XV, 371 с.
На тит л . — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 856».
Экз. в изд. обл.

Карачайлы, Ислам (Хубиев, Ислам Абдул Керимович; 1896—1938)
Быт горских народностей Юго-Востока. — Ростов н/Д: Советский Юг, 1924. — 36 стб. — (Библиотека краеведения; вып. 8).
На тит. л., стб. 2—3, 35—36 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».
На тит. л. — штамп «Справочная Библиотека С.-К. Край<нрзб> ИНВ. № 2 742», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. Г. Ростов н/Д. 7 742».

Караулов, Михаил Александрович (1878—1917)
Терское казачество в прошлом и настоящем: (Памятка Терского казака). — Владикавказ: электропеч. тип. Терск. Обл. Правления, 1912. — XVI, 384, XVII—XVIII с., 1 л. портр.
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Касумов, Егор М. (?—?)
От Тифлиса до Петербурга: путевые заметки. В 3 ч. Ч. I. Тифлис- Москва / изд. автора. — Тифлис: тип. Ив. Питоева, 1883. — IV, 113, 2 с.
Ценз.: Тифлис. ценз., 23 июня 1883 г.
На тит. л. — помета: «М — 198».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «Продолженіе не появлялось», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Каченовский, Владимир Михайлович (1826—1892)
Первое знакомство с Кавказом: От Червленной до Хасав-Юрта. — [СПб., 1863]. — 157—178 с.
Страницы вырезаны из журн.: Военный сборник. — 1863. — Т. VII. — С. 157—178.

Кишмишев, Степан Осипович (1833—1897)
Тифлис сороковых годов. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1894. — 16 с.
Ценз.: Тифлис. ценз., 17 мая 1894 г.
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — запись: «Его Сіятельству Князю Георгію Димитріевичу Шервашидзе отъ автора въ знакъ глубокаго уваженія. 16 янв. 1898 г. Г. Тифлисъ», здесь же — помета: «М — 214».

Ковалевский (Деген-Ковалевский), Борис Евгеньевич (1894—1941)
Страна снегов и башен: очерки сванской культуры: с карт. Свании и 43 фото авт. и др. / предисл. Н.Я. Марра; обл. худож. С.С. Пясковской. — Л.: Прибой, 1930 (тип. «Печатный Двор»). — 213 с., 1 к.
На тит. л., с. 5, 17, 208 — треугольный штамп «Краевой Партийный Клуб. Библиотека».
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 804».
Экз. в изд. обл.

Ковалевский, Павел Иванович (1850—1930)
Кавказ. Т. II. История завоевания Кавказа. — 3-е изд. — СПб.: тип. М.И. Акинфиева, 1915. — 270, II с.: ил.
В тексте и на полях читательские пометы.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 128».

[Козубский, Евгений Иванович (?—1911)]
Памятная книжка Дагестанской области / изд. по распоряжению г. воен. губ. Дагестан. Обл. — Темир-хан-Шура: «Русская Типография» В.М. Сорокина, 1895. — 454 с., 3 л. портр, 14 л. табл.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 434».

Переплет — картон, бум., на верхнюю сторонку пер. наклеена изд. обл., на форзаце в начале книги — владельческая запись: «П. Эмировъ».

— То же.

156 с., 3 л. портр.

На тит. л. — помета: «М — 540».

На верхней обл. — запись: «Въ Тифл. Губ. Стат. Комитетъ получ. 7 марта 1900», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кокиев, Георгий (Ботако) Александрович (1896—1954)

Склеповые сооружения горной Осетии: ист. — этнологический очерк / Осетин. НИИ краевед. — Владикавказ, 1928. — 74 с., 19 л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 800-2» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Кокиев Георгий Александрович (1896—1954) — первый из среды горских народов доктор исторических наук.

Колюбакин, Николай Петрович (1811—1868)

По случаю крестьянского вопроса в Имерети, Гурии и Мингрелии, 15 марта 1863 г. — Кутаиси, 1863. — 119 с.

На тит. л. — авторская дарственная запись: «Михаилу Петровичу Погодину Н. Колюбакинъ», ниже — помета: «М — 206» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 283», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Н.П. Колюбакин в 1837 году в Ставрополе познакомился с М.Ю. Лермонтовым. Многие черты характера и факты из биографии Н.П. Колюбакина были использованы М.Ю. Лермонтовым при создании образа Грушницкого.

Константитнов, Осип Ильич (1813—1856)

Путеводитель по Черноморию, Кавказскому и Закавказскому краю, от Тифлиса и потом до Кутаиса, Эривани, Шемахи и Дербента. А. Земля войска Черномории со времени присоединения ее к России. — [Тифлис, 1852]. — 37—132 с.

Страницы вырезаны из кн.: Кавказский календарь на 1851 год. — Тифлис, 1852. — С. 37—132.

На с. 37 — помета: «М — 209».

На верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Корф, Федор Федорович (1803—1853)

Проезд через Закавказский край. — [СПб, 1838]. — 17—48 с.

Страницы вырезаны из журн.: Библиотека для чтения. — 1838. — № VII, т. 29. — С. 17—48.

На с. 17 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 979».

— То же.

На верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — помета: «М 207».

Кошкин, И.С. (?—?). Зубков, И.И. (?—?)

Донское Торговое Общество и его значение в жизни Донского края. — 2-е изд. И.С. Кошкина. — Ростов н/Д: электро-тип. Ф.А. Полубатко, 1915. — 69 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 3 893».

Краснянский, Михаил Борисович (1873—1944)

Донские уроженцы: Материалы к составлению словаря донских деятелей: Материалы для изучения Области Войска Донского в историческом, археологическом и промышленном отношениях, собранных на Юге России за 25-летие, 1893—1918. — Ростов н/Д: тип. Т-ва «Восход», 1918. — 317—288 с.

Отд. отт. из кн.: Записки Старого Штейгера. — 1915. — Т. 1.

На тит. л. — помета: «2 807».

Экз. во владельческом переплете.

Краснянский, Михаил Борисович (1873—1944)

Записки донского археолога: Материалы по истории г. Ростова на Дону со дня основания первого русского поселения на территории города до учреждения Ростовского н/Д округа в крепости Дмитрия Ростовского, 1741—1797. Т. 2. — Ростов н/Д, 1930. — 8 с.

Отд. отт. из журн.: Записки С.-К. о-ва археологии, истории и этнографии. — 1930. — Вып. 5—6.

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «2 054».

Краткий отчет начальника Дагестанской области со времени образования ее по 1-е ноября 1863 г.: представлен е. имп. выс. главнокомандующему Кавказской армией. — Тифлис: тип. Томсона, [1863]. — [2], 83 с.

На тит. л. — помета: «М — 225», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кубанский сборник: [в 21 т.] / Кубан. обл. стат. ком-т. — Екатеринодар, 1891—1914. — (Труды / Кубан. обл. стат. ком.).

Т. II / изд. под ред. Е.Д. Фелицинра. — Тип А.П. Сташевского, 1891 (Одесса: Тип. А.Н. Нитче). — VI, [584] с. разд. паг., 4 к.

Переплет — картон, бум., корешок — кожа, в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «№ 71. Отд.___», в нижней части кореша — тисн. «А. … АЛ. ДБ. УЧ.», на форзаце в начале книги — помета: «№ 224».

Т. IX / изд. под ред. С.В. Руденко. — Тип. И.Ф. Бойко, 1902. — [360] с. разд. паг., 7 л. диагр.

Сохранилась верхняя изд. обл., корешок — кожа, в нижней части корешка — тисн. «А.П.Б.», на обл. — овал. печать «Армавирская Публичная Библіотека О-ва поп. о детяхъ № ___».

Т. XV: 1910 год / под ред. Л.Т. Соколова. — Тип. Кубан. обл. правлен., 1910. — 647 с., 2 л. ил., 1 к.

Т. XVII: 1912 год / под ред. Л.Т. Соколова. — Тип. Кубан. обл. правлен., 1912. — 476, 51—95 с., 19 л. табл., 10 л. ил., 1 к., 1 пл.

Т. XVIII: на 1914 год / под ред. Л.Т. Соколова. — Тип. Кубан. обл. правлен., 1913. — III, 571, 100—140 с., 2 л. портр., 23 л. табл., 1 пл.

Т. XIX: на 1914 год / под ред. Л.Т. Соколова. — Тип. Кубан. обл. правлен., 1914. — IV, 768, 586—640 с., 8 л. фотопортр., 2 пл., 21 л. табл.

Изд. обл. наклеена на верхнюю сторонку переплета.

Все экз. со штампом «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Ламберти, Арканджело (?—?)

Описание Колхиды или Мингрелии / о. Ламберти, миссионера Конгрегации для распространения христианской веры; пер с фр. с примеч. П.О. Юровского. — Одесса: тип. П. Францова, [1877]. — 41 с.

На с. 1 — помета: «М — 627» (номер повторен на форзаце и ярлыке).

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 659», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Литвинов, М.А. (?—?)

Окраины России. I. Кавказ: пособие для изучения военной географии. — СПб.: тип. Т-ва «Общественная Польза», 1883. — [6], 55 с.

Ценз.: СПб. ценз., 6 сент. 1883 г.

На тит. л. — помета: «М — 479» (номер повторен на ярлыке).

На верхней сторонке переплета — зол. тисн. «В. Г.», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Лунин, Борис Владимирович (1906—2001)

Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. / изд. секции археологии, антропологии, этнографии и ист. ис-тв СКБК. — Ростов н/Д, 1928. — 30 с. — В надзаг.: М-лы по археологии Юго-Вост. России.

Экз. в изд. обл.

Лунин, Борис Владимирович (1906—2001)

Библиографический указатель литературы по истории культуры (археологии) Северного Кавказа. — Ростов н/Д: Крайнациздат, 1928. — 11 с.

Отд. отт. из журн.: Бюллетень СККГНИИ. — 1927. — № 2—4.

Экз. в изд. обл.

Лунин, Борис Владимирович (1906—2001)

Об изучении менгирообразных сооружений Кавказа, как одного из источников к характеристике его культурно-этнической эмбриологии. — [Ростов н/Д, б. г.] — 6 с.

Отд. отт. из журн.: Записки СККГНИИ.

Люлье, Леонтий Яковлевич (?—1862)

Черкессия: историко-этнографические статьи / изд. О-ва изуч. Адыгейской авт. обл. и Адыгейского обл. ист.-этногр. Музея. — Краснодар: тип. Адыгчеркпромторга, 1927. — 47 с. — (М-лы для истории черкес. народа; вып. 4).

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 467».

Экз. в изд. обл.

— То же.

— 47 с.

На тит. л. — помета: «М — 727».

Лядов, Василий Иванович (1834—1892)

Кавказ в физическом и этнографическом отношениях. — [СПб, 1859]. — 263—292, 425—456 с.

Страницы вырезаны из журн.: Рассвет. — 1859. — Т. IV, № 11—12.

Переплет — картон, бум., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — помета: «М — 476».

Максимов, Евгений Дмитриевич (Слобожанин, М.; 1858—1927)

По Северному Кавказу: (Из путевых заметок). — [СПб., 1891]. — [47] с. разд. паг.

Страницы вырезаны из журн.: Наблюдатель. — 1891. — № 6. — С. 73—94; № 7. — С. 263—289 с.

На с. [1] — помета: «М — 308» (номер повторен на обл.).

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Максимов, Евгений Д. (?—?), Вертепов, Григорий Абрамович (?—1919)

Туземцы Северного Кавказа: историко-статистические очерки. Вып. 2. Чеченцы. — Владикавказ: тип. обл. правления Терской обл., 1894. — 100 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 551».

Марр, Николай Яковлевич (1865—1934)

Краеведение / Ассоц. горских краевед. орг-ций Северного Кавказа. — Л.: рос. гос. акад. тип., 1925. — 19 с.

На обл. — Махачкала.

На тит. л. — помета: «3 484».

Экз. в изд. обл.

Марр, Николай Яковлевич (1864—1932)

Талыши. — Пг.: рос. гос. акад. тип., 1922. — 23 с. — (Рос. Акад. Наук; Труды / Комис. по изуч. племенного состава населения России).

Текст был набран в 1918 г.

На тит. л. — помета: «М — 555».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Материалы для описания Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре: [в 9 т.] / изд. воен.-ист. комис. Гл. штаба; сост. полк. Томкеевым. — СПб.; Тифлис: электропеч. штаба Кавказ. воен. окр., 1904—1911.

Т. II / под ред. ген.-лейт. Чернявского. — СПб.: экон. типо-литогр., 1904. — 460, 262 с.

— То же.

Т. IV / Под ред. ген.-лейт. Чернявского. — Тифлис, 1908. — 410, 252 с.

Т. V / Сост. полк. фон-Климан. — Тифлис, 1909. — 399, 226 с.

Т. VI. Ч. I—II. — Тифлис, 1910. — 230, 44, 190, 305 с.

Т. VII. Ч. I. — Тифлис, 1910. — 754 с.

Т. VII. Ч. II. — Тифлис, 1911. — 348, 3 с.

Печ. по распоряжению г-на воен. министра.

На тит. л. — пометы: «М — 573» (т. II), «М — 575» (т. IV), «М — 576» (т. V), «М — 577» (т. VI, ч. I), «М — 578» (т. VI, ч. II), «М — 579» (т. VII, ч. II).

На тит. л. т. II, IV, V, VII — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

На изд. обл. т. V, VI, VII — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Материалы по археологии Кавказа: [вып. 1—14]/ собр. экспедициями имп. Моск. археолог. о-ва, снаряженными на высочайше дарованные средства; под ред. гр. П.С. Уваровой. — М.: тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1888—1894.

Вып. I. [В. Миллер. Терская область: Археологические экскурсии]. — 1888. — V, II, 134 с.: рис., 26 л. ил., 1 к.

Ил. выполнены в фототипии «Шерер, Набгольц и Ко».

Изд. обл. наклеена на переплет.

Вып. II. [В.И. Сизов. Восточное побережье Черного моря: археологические экскурсии]. — 1889. — 182, [1] с.: рис., 38 л. ил.

Вып. IV. [П.С . Уварова. Христианские памятники Кавказа]. — 1894. — 136 с.: рис., 45 л. ч.-б. ил., 2 л. цв. ил.

Ил. выполнены в фототипии О. Ренара.

На верхнюю сторонку пер. наклеена изд. обл. вып. II.

В книгу вложено сопроводительное письмо председателя имп. Московского археологического общества графини П.С. Уваровой от 2 ноября 1894 года губернатору г. Тифлиса князю Г.Д. Шервашидзе.

Машин, А. (?—?)

Очерки социального быта Абхазии. — [Тифлис, 1869]. — [2] с.

Страницы вырезаны из газ.: Кавказ. — 1869. — № 47.

Переплет — картон, декор. бум., в верхней части корешка — библ. марка с номером «№ 755», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — помета: «М — 640».

Медокс, Роман Михайлович (?—1859)

Мое предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году. — [СПб., 1879]. — С. 709—714.

Страницы вырезаны из журн.: Русская старина. — 1879. — Т. XXVI. — Декабрь. — С. 709—714.

Переплет — картон, бум., на верхней сторнке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — помета: «М — 236», на форзаце в конце книги — ярлык «Книжный магазинъ К.Н. Бегичева въ Тифлисе».

Мещанинов, Иван Иванович (1893—1967)

Закавказские поясные бляхи: Опыт яфетидологического анализа памятников материальной культуры / изд. Ассоц. С.-К. горских краевед. орг. — Махачкала, 1927. — 38 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

Экз. в изд. обл.

На тит. л. — помета: «М — 498» (номер повторен на ярлыке).

Экз. во владельческой обл. — мрамор. бум., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — штамп «Русская Книжная Торговля (бывш. Г.В. Бареншатмъ) въ Тифлисе)».

Миллер, Александр Александрович (1875—1935)

Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. — [Л., 1926]. — 71—142 с.

Отд. отт. из журн.: Сообщения АИМК. — 1926. — № I.

На с. 72, 142 — круглая печать «БиблиотекаС.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На с. 72 — запись: «От А.А. Миллера Ленинград. Инженерная 4, кв. 1», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № 411. Рег. № 140. Зак.___», здесь же — помета: «3 107» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Миллер, Борис Всеволодович (1887—1956)

Таты, их расселение и говоры: (Материалы и вопросы) / изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку: тип. АзГИЗА, 1929. — 43 с., 1 к. — (Известия О-ва обслед. и изуч. Азербайджана; № 8, вып. VII).

Надзаг. парал. азерб., фр. Рез. фр.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 1 286».

Миллер, Всеволод Федорович (1846—1913)

О «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», изд. Управлением Кавказ. учеб. округа: (Отзывы проф. В.Ф. Миллера). Вып. XVIII, XIX и XX. — [Тифлис: 1895]. — 30 с. — Прил. к Циркуляру по Упр. Кавказ. учеб. окр. за 1895 г. № 8.

Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Миллер, Всеволод Федорович (1846—1913)

О «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», изд. Управлением Кавказ. учеб. округа: (Отзывы проф. В.Ф. Миллера). Вып. XXI и XXIII. — [Тифлис, 1897]. — 32 с. — Прил. к Циркуляру по Упр. Кавказ. учеб. окр. за 1897 г. № 13.

На с. 1 — помета: «М — 383», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Москвич, Григорий Григорьевич (?—?)

Кавказ: Географический, этнографический, исторический и экономический очерки. — Одесса: Центр. типо-литогр., 1896. — [1], 204 с.

На тит. л. — помета: «М — 493» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Надеждин, П.П. (?—?)

Кавказский край: Природа и люди. — 2-е изд., совершенно вновь обработ. и доп. — Тула: тип. и литогр. Е.И. Дружининой, 1895. — [1], 448 с.

Ценз.: Моск. ценз., 16 мая 1894 г.

На тит. л. — помета: «М — 507».

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа с тисн., форзац — бел. муар. бум., на форзаце в начале книги — запись: «Его Высокопревосходительству Барону Александру Павловичу Николаи. П.Н.».

Надеждин, П.П. (?—?)

Опыт географии Кавказского края. — Тула: тип. Н.И. Соколова. 1891. — [1], 282, III, XII с.

На тит. л. — запись: «Тифлис 1924 г. Август», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 506».

Намитоков, Айтек (?—?)

Черкешенка. — М.: изд-во «Охрана материнства и младенчества НКЗ», 1928 (тип. и словолитня «Красная Пресня» (3-я тип. Мосполиграф). — 39 с. — (Труженица Востока / под ред. В.А. Гурко-Кряжина).

На тит. л. — помета: «М — 798».

Экз. без обл.

Нефедьев, Николай Александрович (1800—?)

Взгляд на Армянскую область: Из путевых записок. — СПб.: втип. Н. Греча, 1839. — 74 с.

Ценз.: П. Корсаков, 5 мая 1839 г.

На тит. л. — помета: «М — 503».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Экз. не обрезан.

Николаи, Александр Павлович (1821–1899)
Воспоминания из моей жизни: Крестьянская реформа в Закавказском крае. — М.: Унив. тип., 1892. — 94 с.
Ценз.: Моск. ценз., 27 мая 1892 г.
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «М — 509», здесь же — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Николаи, Александр Павлович (1821–1899)
Даргинский поход: Из воспоминаний барона А.П. Николаи. — М.: Унив. тип., 1890. — 32 с.
Ценз.: Моск. ценз., 6 июня 1890 г.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 862», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Николаи, Александр Павлович (1821–1899)
Из истории Кавказской войны 1855–1857 гг.: очерк барона А.П. Николаи. — СПб.: тип. В.С. Балашова, 1882. — 32 с.
В тексте читательские подчеркивания.
На тит. л. — помета: «М — 504».
Экз. в изд. обл., в верхней части обл. — библ. марка с номером:«№ 451», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Николаи, Александр Павлович (1821–1899)
Собрание некоторых статей барона А.П. Николаи, за время с 1853 по 1869 год. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1870. — II, 390 с.
На тит. л. — помета: «М — 510», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».
Экз. в цельнокожан. переплете темно-зел. цв., на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 528/1».

Обзор Кубанской области / по поручению наказного атамана Кубанского казачьего войска ген.-лейт. М.П. Бабыча и под ред. начальника войскового штаба ген.-майора А.И. Кияшко; сост. ст. адъютантом штаба, войсковым старшиной П.П. Орловым. — Екатеринодар: тип. Т-ва «Рекорд», 1911. — [1], IV, [3], 116 с., 12 л. портр., 13 л. ил.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 131».

Обзор Ставропольской губернии / По данным Ставропольского губернского статистического комитета. — Ставрополь: тип. губ. правления, 1906–1914
- за 1905 год. — Паровая печ. «Товарищество», [1906]. — 46 с.
- за 1906 год. — 1908. — 39, [1] с.
- за 1907 год. — 1908. — 80, [1] с.
- за 1908 год. — 1909. — 108, [1] с.
- за 1909 год. — 1910. — 153, [1] с.
- за 1910 год. — 1911. — 174 с.
- за 1911 год. — 1912. — 128 с., 6 л. табл.
- за 1912 год. — 1914. — 139, [1] с.
- за 1913 год. — 1914. — 100, [1] с.

На с. 1 «Обзора» за 1905 г, с. 3 за 1906 и 1907 гг., на тит. л. за 1908–1910, 1912, 1913 гг. — запись «В библиотеку Г. Н. И. И. от С. Мелик-Саркисова».
На тит. л., с. 3 «Обзора» за 1911 год — круглая печать «Печ. Дагестан. Област. Статист. Комитета».
На тит. л. «Обзора» за 1906, 1908–1912 гг. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях: произведенное и изд. по высоч. соизволению: [в IV ч.] — СПб.: в тип. Деп. вн. торговли, 1836.
Ч. I. — VI, 399, [5] с., 1 к.
Ч. II. — 401, [5] с.
Ч. III. — 392, [5] с.
Ч. IV. — 401, [5] с.
Ценз.: П. Корсаков, 10 марта (ч. I), 17 окт. (ч. II), 5 дек. (ч. III), 15 дек. (Ч. IV) 1836 г.
На тит. л. — помета «М — 471» (ч. I), «М — 472» (ч. II), «М — 473» (ч. III), «М — 474» (ч. IV).
Все тома в одинаковых переплетах — картон, мрамор. бум., уголки и корешок — кожа, в верхней части корешка библ. марка с номером: «№ 415» (ч. I и II), на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале ч. IV — запись: «4 т. редка 7».
Большая редкость.

[Огранович, И.] (?–?)
Поездка в Ичкерию. — [Тифлис, 1866]. — 44 с.
На верхней обл. — помета: «М — 593», в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 699», здесь же — Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Окольничий, Н. (?–?)
Воспоминания о Кутаисе. — [СПб., 1857]. — 229–508 с.
Страницы вырезаны из жур.: Русский вестник. — 1857. — Т. 8, № 3. — С. 324–356, № 4. — С. 481–508.
Переплет — картон, бум., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — помета: «М — 516».

Омаров, Магомет (?–?)
Чечня на социалистическом пути: Десять лет Чеченской авт. обл., 1922–1932. — Ростов н/Д: Партиздат, 1933. — 36 с.: ил.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 998».
Экз. в изд. обл. и суперобл.

Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии / печ. по высоч. е. и. вел. повелению; пер. с фр. [Я. Лаген]. — СПб.: в театр. тип., 1805. — [4], 72 с.
Посвящение переводчика имп. Александру Павловичу на с. [1–4] (паг. 1-я).
На тит. л. и авантит. — помета: «М — 597».
Переплет — картон, мрамор. бум., корешок тканевый, на корешке — кожан. форматка с зол. тисн. в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 622», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Опись делам, имеющим военное значение, выбранным Особой комиссией при Ставропольском губернском правлении, при участии пред. Ставропольской Ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителева из дел губернского архива по описям того же архива. — Ставрополь: тип. губ. правления, 1913. — 56 с. — (Труды Ставропольской Ученой архив. комис.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «№ 860-г».

Орехов, И. (?—?)

По южному склону Западного Кавказа: (Из путевых заметок). — [СПб., 1869]. — 91—114, 253—284, 151—176, 339—359 с.

Страницы вырезаны из журн.: Военный сборник. — 1869. — Ф № 9—12.

На с. 91 (паг. 1-я) — помета: «М — 517».

Особые прибавления к «Кавказу» 1868 г. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1868. — 42 с., 1 табл.

Ценз.: Тифлис. ценз., 26 марта 1868 г.

На тит. л. — помета: «М — 112».

Отрывки из писем с Кавказа: [Весна и лето 1863 г.] — [Б. м., б. г.] — 299—320 с.

На с. 299 — помета: «М — 629».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Отчет о деятельности учреждений, заведывавших государственными имуществами на Кавказе и за Кавказом по 1883 г. — [Б. м., 1883]. — [119] с. разд. паг.

На с. [1] — помета: «М — 221».

Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Отчет по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем е. и. выс. вел. кн. Михаилом Николаевичем, 6 дек. 1862 — 6 дек. 1872: Представлен 6 дек. 1872 г. нач. гл. упр. наместника, сенатором, стат. — секр., т. с. бароном Николаи. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника Кавказ., 1875. — XVII, 414, [27] с.

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 13 821/1».

— То же.

На тит. л. — помета «М — 227».

Экз. в цельнокожан. пер., на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектор Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — декор. тисн. бум., обрез с рис.

Экз. напечатан на плотной дорогой бум.

Отчет по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею за 1911—1912 гг. — Екатеринодар: тип. Кубан. обл. правления, 1913. — 83 с.: ил.

На тит. л. — овал. печать «Армавирская Публичная библиотека О-ва поп. о детях №___», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 551».

Отчет по управлению Дагестанской областью с 1 ноября 1863 по 1 октября 1869 г.: Представлен е. имп. выс. главнокомандующему Кавказ. армией. — Тифлис: типо-литогр. Томсона, [1869]. — VI, 191, [18] с.

На тит. л. — помета: «М — 220» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Отчет по управлению Закавказским краем с 25 марта 1845 по 1 января 1846 г. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника кавказ., 1854. — [466] с. разд. паг., 21 табл.

В кн. так же: Отчет по управлению Кавказ. краем за 1846, 1847 и 1848 гг.; Отчет по управлению Кавказ. краем за 1849. 1850 и 1851 гг.

На тит. л. — помета: «М — 226» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок и уголки зел. кожи, на корешке — зол. тисн., на форзаце в конце книги — ярлык «Libraire russe etrangere C. Baerenstamm). Tiflis. — Fondee en 1857. --».

Павлов, Андрей Михайлович (?—?)

Краткое обозрение Кавказской губернии уездного города Кизляра, со времени первоначального образования царствовавшей имп. Екатериной II, с изъяснением причин, увеличивших народные промыслы от распространившегося садоводства и упадка винодельческой части, сост. существенное богатство тамошних жителей / соч. студ. имп. Моск. ун-та Андреем Павловым. — М.: в тип. Августа Семона, 1822. — 14 с.

Ценз.: Т. Каменецкий, 1 июня 1822 г.

На тит. л. — помета: «М — 237» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в изд. обл., на корешке — библ. марка с номером: «№ 446», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. II / изд. Воен.-ист. отд. при штабе Кавказ. воен. окр.; под ред. ген.-лейт. В.А. Потто. — Тифлис: тип. шт. Кавказ. воен. окр.. 1909. — II, 32 с., [2] л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 568».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Пантюхов, Иван Иванович (1836-?)

О кумыках: Антропологический очерк: Извлечено из доклада, читан. в засед Кавказ. отд-ния имп. Рус. геогр. о-ва. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1895. — 15—24 с.

Ценз.: Тифлис. ценз., 10 дек. 1894 г.

На тит. л. — помета: «М — 239» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — печать конгревного тисн. «Иванъ Ивановичъ Пантюховъ», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Пантюхов, Иван Иванович (1836—1911)

О кумыках: антропологический очерк. — Тифлис: тип. Грузин. издат. т-ва, 1895. — 48 с.

На тит. л. — помета: « М — 564» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Пантюхов Иван Иванович (1836—1911)

О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. — Тифлис: тип. М.Д. Ротинианца, 1896. — 142, 7 с., 16 л. табл. — Указ. статей, брошюр и книг И.И. Пантюхова в хронологическом порядке: с. 1—7 (паг. 2-я).

Ценз.: Тифлис. ценз., 27 февр. 1896 г.

Тит. л., оглав. парал. фр.

На тит. л. — помета: «М — 240» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 321», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Пахомов, Евгений Александрович (1880—1965)

Монетные клады Азербайджана и Закавказья / изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку: 2-я гос. тип. Азполиграфтреста ВСНХ, 1926. — 100 с. — (Труды / О-во обслед. и изуч. Азербайджана; вып. 3).

Пахомов, Евгений Александрович (1880—1965)

I. О Дербендском княжестве XII-XIII в. II. К толкованию пехлевийских

Надписей Дербента / изд. АзГНИИ. — Баку: гос. тип. «Красный Восток» Азполиграфа ВСНХ, 1930. — 16 с. — (Известия АзГНИИ. Ист.-этногр. и археологич. отд-ние; т. 1, вып. 2).

На с. 1 — помета: «2 929».

Экз. в изд. обл.

Пе-в, П. (?—?)

Кубачинское племя: (Листки из портфеля служащего). — [Тифлис, 1865]. — 18, 24 с.

Припл. к: Н. Юровский. Несколько слов о необходимости сбережения леса в верховьях реки Риона.[Тифлис, 1865].

На с. 1 (паг. 1-я) — помета: «М — 459» (номер повторен на обл.).

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д. В верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 743».

Петцольд, А. (?—?)

В защиту: Ответ проф. Петцольда на критику его сочинения о Закавказском крае, помещенный в № 25, 26 и 27 газ. «Кавказ» за 1866 г. — [Дерпт, 1866]. — 37 с.

Ценз.: Дерп. ценз., 13 дек. 1866 г.

Текст парал. нем.

Переплет — картон, ткань, блинт. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум.

Поночевный, М.О. (?—?)

Географический очерк Боспорского царства. — [Екатеринодар, 1891]. — 60 с., 3 к.

Страницы вырезаны из кн.: Кубанский сборник. — 1891. — Т. 2. — С. 1—60 с.

На тит. л. — помета: «М — 245», в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 436», на тит. л. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Попов, Алексей Григорьевич (1764—1844)

История о Донском Войске. Ч. I / соч. дир. училищ в Войске Донском, кол. советником и кавалером Алексеем Поповым 1812 года, в Новочеркасске. — Харьков: в Унив. тип., 1814. — XXIII, 170, [1] с.

Ценз.: Г. Успенский, 31 мая 1813 г.

Посв. авт. М. И. Платову на с. III—VI (паг. 1-я).

На тит. л., с. 29, 49, 81 и 97 — владельческие записи.

На тит. л. — помета: «М — 565», на помете поставлен штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 565».

Первое печатное историческое сочинение о Донском казачестве.

Ранние издания, особенно периферийные, посвященные донскому казачеству, крайне редки.

Потто, Василий Александрович (1836—1911)

Два века Терского казачества, (1577—1801). Т. 1. — Владикавказ: электропеч. тип. Терского обл. правления, 1912. — XI, 116, [1] с.

На тит. л. — помета: «М — 566».

Переплет — картон, ткань, на верхней сторонке — зол. тисн., форзац — декор. бум.

Посмертное издание последнего незаконченного произведения В.А. Потто.

Потто, Василий Александрович (1836—1911)

Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 4. Турецкая война. — Тифлис, 1887. — [5], 192, 534 с.

Ценз.: Чернявский, 1 дек. 1887 г.

На об. тит. л. — овал. печать «Темиръ-ханъ-Шуринское Реальное Училище. Библіотека», здесь же — ярлык «Темиръ-хан-Шуринское Реальное Училище. Отд. IV. I № 83 с».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 262».

Переплет — картон, бум., корешок — кожа.

[Прозор, Эдуард (?—?)]

Путешествие по Кахетии. — [СПб., 1862]. — 355—383 с.

Страницы вырезана из журн.: Журнал для чтения воспитанников высш. учеб. завед. — 1862 — Т. 159, № 636. — С. 355—383.

На с. 356 — помета: «М — 596».

Экз. во владельческой немой обл., на верхней обл. — помета: «М — 596», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Архивы Ставропольской губернии: Доклад председателя Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителева, читанный в общем собрании комиссии 17 февраля 1906 г. / изд. Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь: тип. губ. Правления, 1912. — 23 с. — (Труды Ставропольской ученой архив. комис.; [вып. 1]).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «№ 839».

Прозрителев, Григогорий Николаевич (1849—1933)

В горах и ущельях близ Кисловодска / издательница И. П. — Ставрополь: печ. в тип. Я.М. Вайнблата, [1924]. — 30 с. — 500 экз.

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «2 598».

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Воронцов и Заводовский: (По воспоминаниям современников). — Ставрополь: тип. губ. правления, 1910. — 24 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 828».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «828» (номер повторен на штампе).

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Дела и нравы: Каменные дела. — [Ставрополь, 1910?]. — [56 с.] разд. паг.

Содерж.: Рельсовый путь по Ставропольской губернии [ст. 1, 2 и 3]; Память о Н.В. Гоголе в захолустьях Полтавской губ.; Необходимость борьбы против пьянства; Из эпохи народных движений [ст. 1 и 2]; Летучи заметки (Афоризмы). Владельческий конволют.

На с. [1] — помета: «822».

Экз. без тит. л.

Прозрителев. Григорий Николаевич (1849—1933)

Железноводск: (Из записной книжки 1903 г.). — Ставрополь: «Новая типография» Хаймовича, 1912. — 10 с. — (Труды Ставропольской ученой архив. комис.; [вып. 1]).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «840».

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Из прошлого Северного Кавказа. — Ставрополь: тип. М.Т. Вайнблата, 1911. — 7 с.

На с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. в изд. обл.

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Из прошлого Северного Кавказа: Воспоминания старого кавказца отставного вахтера Мефодия Степановича Солодуна. — Ставрополь: тип. губ. правления, 1914. — 25 с. — [(Труды Ставропольской ученой архив. комис.; вып. 6)].

На тит. л. — помета: «2 798».

Экз. без обл.

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Из прошлого Северного Кавказа: Извлечено из подлинного архивного дела Моздокского духовного правления 1836 года. — Ставрополь: тип. М.Т. Вайнблата, 1911. — 7 с. — (Труды Ставропольской ученой архив. комис.; [т. 1]).

На с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 833».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «833» (номер повторен на штампе).

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Из прошлого Северного Кавказа: К истории артезианских колодцев и первых постоянных дворов в Ставропольской губернии: Сообщено в заседании Ставропольского комитета д. чл. Г.Н. Прозрителевым 16 января 1906 года / изд. Ставроп. учен. архив. комис. — Ставрополь: тип. наследников Берк, 1906. — 15 с.

Перепеч. из газ.: Ставропольские губ. ведомости. — 1906. — № 12.

На с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 825».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «825» (номер повторен на штампе).

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Из прошлого Северного Кавказа: К истории Ставропольского и Тифлисского театра. — [Ставрополь, б. г.]. — 4 с.

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

К истории Тмутараканского камня. — Ставрополь: тип. губ. правления, 1913. — 22 с. — [(Труды Ставропольской ученой архив. комис.; вып. 4, ч. 1)].

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 841».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «841» (номер повторен на штампе).

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

К 50-летию Ставропольского суда: 17 апреля 1868 года. — Ставрополь: губ. тип., 1918. — 13 с.

Сбор от издания назначается на составление капитала для стипендии Ставропольского окружного суда.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 856» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «856».

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

К 125-летию г. г. Ставрополя (на Кавказе). — Ставрополь: тип. М.Т. Вайнблата, 1911. — 7 с. — (Труды Ставропольской ученой архив. комис., [вып 2]).

На с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 848».

Экз. в изд. обл.

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Казанский кафедральный собор в Ставрополе на Кавказе. — Ставрополь: тип. губ. правления, 1910. — 22 с., 1 л. фот. — (Из прошлого Северного Кавказа). — [(Труды Ставропольской ученой архив. комис.; вып. 2)].

На с. 3 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д», здесь же — помета: «831».

На тит. л. — авт. запись «Г. Прозрителева».

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Легенда о происхождении реки Томузлова Ставр[опольской] губ[ернии] Алекс[андровского] уезда: (Из записной книжки 1900 года). — Ставрополь: «Новая типография» Хаймовича, 1912. — 8 с. — (Труды Ставропольской ученой архив. комис.; [вып. 1]).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — печать «Ставропольская Ученая Архивная Комиссія», здесь же — помета: «836».

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Мажары: Один из древнейших городов Северного Кавказа / изд. Ставроп. губ. стат. ком-та. — Ставрополь: тип. наследников Берка, 1906 (обл. 1905). — 16, 7 с., 2 л. ил.

Припл. к: Г.Н. Прозрителев. Раскопки, произведенные близ гор. Св. Креста, Ставропольской губ., Просковейского уезда, председателем Ставроп. учен. архив. комис. Г.Н. Прозрителевым 18—19 сентября 1909 г. на месте развалин древнего Хозарского г. Мажары. [Б. м., б.г.]

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

Необходимо охранить памятники прошлого. — Ставрополь: тип. М.Т. Вайнблата, 1911. — 8 с. — (Труды Ставропольской ученой архив. комис.; [вып. 1]).

На с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 847» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — помета: «847».

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849—1933)

О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 г. — С.-Петербург: тип. гл. упр. уделов, 1914. — 4 с., 2 табл.

Табл. напеч. в «Т-во С. М. Прокудин-Горский и Ко» (СПб.).

Экз. в изд. обл., на верхней сторонке обл. — помета: «845».

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849–1933)

Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета: доклад д. чл. Ставропольского стат. ком-та Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь: тип. «Северокавказской газеты», 1905. — 55 с., [1] л. портр.

Напеч. по постановлению Ставропольского губ. стат. ком-та от 26 авг. 1905 г.

Экз. в изд. обл.

Прозрителев, Григорий Николаевич (1849–1933)

Посольство от Шамиля к абадзехам / изд. ДагНИИ. — Махачкала, 1927 (Буйнакск: типолитогр. Даггосиздата). — 7 с. — 500 экз.

В тексте читательские пометы.

Экз. в изд. обл.

Происхождение, преобразование, изменение и знаки военных отличий войсковых частей: (с алф. указ). Ч. 2. — [СПб., 189?]. — [6], 144, [IV] с.

Из содерж.: Полки и отдельные батальоны, сформированные на Кавказе и входившие в состав Кавказской армии и Кавказского военного округа.

На тит. л. — помета: «М — 47», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Проценко, Юрий Н. (?–?)

Археологический путеводитель по Тифлису. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1881. — 77 с.

На тит. л. — помета: «М — 253» (номер повторен на ярлыке).

На верхней стороне пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Пятый археологический съезд в Тифлисе: Протоколы Подготовительного комитета / изд. под ред. секретаря ком-та И.Д. Мансветова. — М.: в Синод. тип., 1879. — 68 с., 1 л. ил.

На с. 1 и тит. л. — помета: «М — 486».

На тит. л. — библ. марка с номером: «№ 1 668», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

[Пятый археологический съезд в Тифлисе: Протоколы Тифлисского Предварительного комитета. — М., 1880]. — 105–270 с.: рис., 5 л. ил.

На с. 105 — помета: «М — 126», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Экз. деф.: утрачен тит. л. и обл.

[Пятый археологический съезд в Тифлисе: Протоколы Тифлисского Предварительного комитета. — М.,] 1881. — 349–508, [2] с., 21 л. ил.

На с. 349 — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Экз. деф.: утрачен тит. л. и обл.

Радде, Густав Иванович (1831–1903)

Заметки о Хевсурии. — [Тифлис, 1876]. — 27 с.

На с. 1 — помета: «М — 267».

Экз. во владельческой обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Радде, Густав Иванович (1831–1903)

Предварительный отчет о путешествии д-ра Г. Радде по Кавказу летом 1867 г. — [Тифлис, 1873]. — 36 с.

На с. 1 — помета: «М — 268». Экз. без обл.

Радде, Густав Иванович (1831–1903)

Путешествие в Мингрельских Альпах и в трех их верхних продольных долинах (Рион, Цхенис-Цхали и Ингур) / пер. с нем. по рукописи авт. [К.Л. Зиссермана и Н.П. Кеппена]. — Тифлис: в тип. Меликова и Ко, 1866. — X, 222 с., 9 л. ил., 1 к.

Посвящение автора барону А.П. Николаи на с. V–VIII.

Рис. автора.

На тит. л. — помета: «М — 265» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, на верхней стороне пер. — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 534», на верхней стороне пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Раенко-Туранский, Я.Н. (?–?)

Адыгее до и после Октября / под ред. комис. в составе: И. Борона, М. Хуажева. Д. Цей. — Ростов н/Д: Краснодар: Крайнациздат, 1927. — 180, [2] с., 1 л. портр. — В надзаг.: Комис. по проведению десятилетия Октября и Отдел нар. образования. — 3 000 экз.

На тит. л. — помета: «№ 2 698».

Сохранилась верхняя изд. обл.

Речи, сказанные на кавказских вечерах в С.-Петербурге, 1861–1872. — СПб.: тип. Э. Арнгольда, 1873. — [213] с. разд. паг.

Ценз.: СПб. ценз., 1 февр. 1873 г.

Владельческий конволют.

На тит. л. — овал. печать «Библіотеки Импер. Гатчинс. Никол. Сир. Инст.», здесь же — овал. печать «Дублетъ Императ. Публич. Библіотеки. Проданъ», ниже — помета: «М — 290».

Переплет — картон, бум., на верхней стороне пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека Императорскаго Гатчинскаго Николаев. Сиротск. Института. Шкапъ Е. Полка I. № 81», обрез крапчат.

Рубен (?–?)

Развал грузинской Жиронды. — Тифлис: Красная книга, 1924. — 101с.

На тит. л., с. 3 — треугольный штамп Краевой Партийный Клуб. Библиотека».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 5 166».

Переплет — картон, декор. бум., тканевый корешок, на верхней стороне пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — кармашек для формуляра с обращением «Берегите книги!» (ОГИЗ).

Румянцев, Иван Николаевич (1838–1880)

Новые проповедники мюридизма на Кавказе: (Из записок пленного). — СПб.: Русская Скоропечатня (П.С. Нахимова), 1878. — 186, [2] с.

В тексте читательские подчеркивания.

На тит. л. помета: «М — 282».

Переплет — картон, декор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «282», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Руновский, А. (?—?)

Канлы в немирном крае: (Выдержка из дневника пристава при Шамиле). — [СПб., 1861]. — [18] с.

Страницы вырезаны из журн.: Военный сборник. — 1860. — № 7. — С. 199—216.

На с. [1] — помета «М — 283» (номер повторен на ярлыке и форзаце).

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — штамп «Русская книжная торговля (бывш. Г.В. Беренштамъ) в Тифлисе».

С. (?—?)

День в ауле. — [СПб, б. г.] — 169—220 с.

Страницы вырезаны из журн.: Русский Вестник.

Экз. во владельческой немой обл., на корешке — библ. марка с номером: «№ 5579», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Савельев, П. (?—?)

Путешествие г. Паротта на Арарат. — [СПб., 1835]. — 109—144 с.

Страницы вырезаны из журн.: Библиотека для чтения. — 1835. — Т. XII. — С. 109—144.

На с. 109 — помета: «М — 278» (номер повторен на обл.).

Экз. во владельческой немой обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Савинов, В.Н. (?—?)

Два года в плену у горцев: Воспоминания о жизни и похождениях в Кавказских горах штабс-капитана Новосёлова / рассказанные В. Савиновым. — СПб.: в тип. Карла Крайя, 1851. — 138 с.

Ценз.: Н. Пейкер, 29 авг. 1851 г.

На авантит. — помета: «М — 284».

Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — тисн., в верхней части корешка — фрагменты библ. марки, на верхней стороне переплетной крышки — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Самойлов, К. (?—?)

Заметки о Чечне / капитана К. Самойлова. — [СПб., 1855]. — [80] с. разд. паг.

Страницы вырезаны из журн.: Пантеон. — 1855. — Т. 23, № IX. — С. 43—86; № X. — 29—64.

В тексте читательские пометы.

На с. [1] — помета: «М — 287».

Экз. во владельческой обл., на верхней обл. — владельческая запись: «Имадаев», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Настоящий очерк один из самых первых в русской научно-популярной литературе очерков о Чечне.

Самойлович, Александр Николаевич (1880—1938)

Кавказ и турецкий мир / изд. О-ва обследов. и изуч. Азербайджана. — Баку: 2-я гос. тип., 1926. — 9 с.

Надзаг. азерб.

Отд. отт. из журн.: Известия О-ва обследов. и изуч. Азербайджана.

Экз. в изд. обл.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа: [в 45 вып.] / изд. упр. Кавказ. учеб. окр. — Тифлис, 1886—1915

Вып. V. — 1886. — V, 274, 262 с., 1 табл.

На об. тит. л. — овал. штамп «Темиръ-Ханъ-Шуринское Реальное Училище Библіотека», здесь же — ярлык «Темиръ-Ханъ-Шуринское Училище. Отд. VI. № 12».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 258».

На форзаце в начале книги — ярлык «Переплетная, Коробочная и линевальная мастерская Исаака Садовникова в гор. Т.-Х.-Шуре».

Вып. VI. — 1888. — IV, 192, 225, III, 28 с., 1 табл.

На тит. л. — помета: «М — 357».

Переплет — картон, ткань, на сторонках пер. — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, обрез с рис.

Вып. VIII. — 1889. — VIII, VIII, 172, 395, II, IV.

Имеется также ил. тит. л.

На тит. л. — помета: «М — 359».

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., форзац — цв. декор. бум.. тканевый фальчик.

Вып. IX. — 1890. — XIV, 215, 10, III, 224, V с.

Сохранилась изд. ил. обл.

На тит. л. — помета: «М — 360» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., форзац — бел. муар. бум., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, тканевый фальчик.

Вып. X. — 1890. — III, LXXX, [8], 116, 333, 80 с., 2 табл., 8 л. нот.

Сохранилась изд. ил. обл.

На тит. л. — помета: «М — 361» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, тканевый фальчик.

Вып. XI. — 1891/ — V, [1], 376, 320 с., 5 табл.

Сохранилась изд. ил. обл.

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., форзац — бел. муар. бум.

Вып. XIII. — 1892. — VI, XL, 152, 343 с., 13 л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 364» (номер повторен на ярлыке).

Перпелет — картон, ткань, зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. глянцев. бум.

Вып. XV. — 1893. — III, [2], 335, [69], III, 195 с.

Сохранилась изд. ил. обл.

На тит. л. — помета: «М — 366».

Переплет — картон, ткань, зол. тисн.

Вып. XVI. — 1893. — III, IX, 366, 186, [2] с.

Сохранилась изд. ил. обл.

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум.

Вып. XVII. — 1893. — II, XIII, 197, 63, 95, [1] с.

Из содерж.: Описание Черкесии 1724 г. / пер. и примеч. Е.Г. Вейденбаума; К. Главени. Заметки о трех армянских надписях / Н.Я. Марр. Озеро Кели и его окрестности / Н.Я. Динник.

На тит. л. — помета: «М — 368».

Переплет — картон, ткань, зол. тисн.

Вып. XVIII. — 1894. — [2], 2, 22, 132, 410 с.

На тит. л. — помета: «М — 369» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора г. Ростов н/Д.

Вып. XIX. — 1894. — III, XX, 180, 325 с., 12 л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 370» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум.

Вып. XXI. — 1896. — [2], XLII, 200, 328 с.

На тит. л. — помета: «М — 372» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум.

Вып. XXII. — 1897. — [680] с. разд. паг., 10 л. ил.

На об. тит. л. — овальная печать «Темиръ-Ханъ-Шуринское Реальное Училище Библіотека», здесь же — ярлык «Темиръ-Ханъ-Шуринское Реальное Училище Библіотека. Отд. VI. № 12».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 264».

— То же.

На тит. л. — помета: «М — 373».

Переплет — картон. ткань, зол. тисн.. форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Многочисленные читательские пометы.

Вып. XXIII. — 1897. — [2], XV, [2], 305, IV, 356, 48 с., 10 л. пл., табл., карт.

На тит. л. — помета: «М — 374».

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., форзац — бел. муар. бум.. обрез крапчат.

Вып. XXIV. — 1898. — [4], VII, 72, 126, XLIV, 279, 216 с.

Часть текста парал. груз.

На тит. л. — помета: «М — 375».

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Вып. XXV. — 1898. — [2], XVII, 133, 168, 189, 136, 102 с., 1 к.

На тит. л. — помета «М — 376».

Переплет — картон, ткань, зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 145», форзац — декор. бум., обрез крапчат.

Вып. XXVIII. — 1900. — [2], XI, 80 с.

На тит. л. — помета: «М — 379», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. деф.: утрачен пер. и часть книги.

Вып. XXX. — 1902. — [2], 149, 95, 160, 122 с.

На тит. л. — помета: «М — 381», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института».

Вып. XXXI. — 1902. — [4], VIII, III, 57, 202, 182, 20, 56, 110, [2] с.

Часть текста араб., груз.

В тексте — читательские записи.

На тит. л. — круглая печать «Т.-Х.-Шуринс. Женск. Гимназіи», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 438».

Вып. XXXV. — 1905. — [4], III, 269, IX, 136, [2], IX, 247, [3] с.: рис.

Из содерж.: Грамматический очерк табасаранского языка / А.М. Дирр.

На тит. л. — круглая печать «Т.-Х.-Шуринс. Женск. Гимназіи», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 263».

Экз. в новодельном переплете, на форзаце в начале книги — ярлык «Фундаментальная Библіотека Т.-Х.-Шуринск. Женск. Гимназіи. Отдел II. № 56».

Вып. XXXIX. — 1908. — [1], III, 240, 60, 100, VII, [6], 227 с.

Из содерж.: Арчинский язык.Грамматический очерк, тексты, сборник арчинских слов с русским к нему указателем / А.М. Дирр.

На тит. л. — помета: «М — 382».

Вып. XXXXI. — 1910. — [2], III, 64, 29, [4], 520 с., 1 черт.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 8 038».

Вып. XXXXII. — [1912]. — [1], XVII, [4], 64, 39, 169, 92, [2] с. + А.М. Дирр. Рутульский язык. — V, [7], 169 с.

Вып. XXXXIII. — 1913. — [1], III, [5], IV, 232, 17—176 с., 1 к.: ил.

На тит. л. — помета: «М — 582».

Вып. XXXXIV. — 1915. — [2], IV, 116, 210, 147, 85, 16, 24, 14 с., 4 л. ил.: ил.

Из содерж.: Заметки / А.М. Дирр.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 8 040».

«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1881—1915) содержит обширный и весьма ценный материал для истории, археологии, лингвистики и этнографии Кавказа. Наибольший научный интерес представляют словари и тексты кавказских народов, сказания о богатырях-нартах (Софуко, Урызмах, Батраз и др.), великорусские и инородческие песни (причем среди русских станичных песен попадаются древние былевые мотивы), множество статей о быте и нравах армян, грузин, татар, осетин, горских евреев и других кавказских народностей.

В многотомном труде собрана вся информация о быте, письменности, укладе, обычаях, былины и многое другое, что было собрано многочисленными русскими этнографическими экспедициями после завоевания Кавказа во второй половине XIX века.

Издание не подлежит вывозу за пределы Российской Федерации.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 46 / редкол.: А.М. Дирр (Мюнхен), А.Ф. Ляйстер (Тифлис), Н.Я. Марр (Ленинград), Д.М. Павлов (Пятигорск), А.А. Тахо-Годи (Махачкала), Н.Я. Яковлев (Москва); изд. Ассоц. С.-К. горск. краевед. орг-ций и Дагнаркомпроса. — Махачкала, 1929 (Пятигорск: типо-литогр. изд-ва «Терек»). — II, [1], 318, [2] с.

Предисл. и огл. рус., фр.

В тексте читательские пометы.

На с. I (паг. 1-я), 17, 139 (паг. 3-я), [2] (паг. 4-я) — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Иссследовательских Институтов. № 31 008. Рег. 3 1 340. Зак. Обм.», здесь же — помета: «3 266».

Экз. в изд. обл.

Сборник Областного Войска Донского Статистического комитета. Вып. XIII / изд. под ред. Х.И. Попова, А.А. Кириллова и З.И. Щелкунова. — Новочеркасск: Частная Донская тип., 1915. — [2], XVI, 196, [2], 57—142, 5 с., 1 л. ил.: ил.

На об. тит. л., с. 17 (паг. 3-я), 142 (паг. 5-я) — штамп «Библиотека Книгохранилище им. К. Маркса. Ростов н/Д».

На тит. л. — владельческая запись «А.Н. Струков 12/X Ростов/Дон», здесь же — помета: «М — 51 539», здесь же — штамп «Библиотека им. К. Маркса».

На тит. л., с. [1] (паг. 1-я), 183 (паг. 3-я) — круглая печать «РСФСР Ростовская Публичная библиотека имени К. Маркса».

Сборник Общества любителей казачьей старины. — Владикавказ: электропеч. тип. Терского обл. правления, 1911—1912. — В надзаг.: Прил. к «Терским ведомостям».

№ 1. — 1911. — 28 с.

№ 2. — 1912. — 38 с.

На с. 28 (сб. № 1) — запись: «Продолженіе будет — о занятіях въ Тифлисе».

На тит. л. — помета: «М — 524» (сб. № 1), «М — 525» (сб. № 2).

Оба экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Сборник правительственных распоряжений и решений по устройству быта крестьян и поселян Кавказского края (1864—1880 г.) / сост. упр. канцелярией по делам устройства крестьян при гл. упр. наместника кавказ. Кучаев. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1880. — II, 272, II с.

На тит. л. — помета: «М — 397» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 550», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Сборник сведений о Кавказе: [в 9 т.] / изд. под ред. гл. ред. Кавказ. стат. ком-та Н. Зейдлица. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1871—1880.

Т. I. — 1871. — [1], 342 с., 2 л. ил., 2 табл., 2 пл.

В тексте читательские подчеркивания красным карандашом.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 556».

— То же. — 1 к.

Экз. в цельнокожан. переплете, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 321», на верхней сторонке пер. — фрагменты ярлыка Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. глянцев. бум., тканевый фальчик, обрез крапчат.

Т. II. — 1872. — [2], 353, 111 с., 2 к.

На тит. л. — помета: «М — 316» (номер повторен на ярлыке).

Экз. в цельнокожан. переплете, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. муар. бум., обрез крапчат.

Т. III. — 1875. — III, 628 с., 2 к., 3 л. ил.

На тит. л. — помета: «М — 317» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Т. IV. — 1878. — [3], 62, 142, 370, XII, [17] с.: табл.

На тит. л. — помета: «М — 318» (номер повторен на штампе и ярлыке), здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Сохранилась изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Т. V. — 1879. — [231] с.: табл.

На тит. л. — помета: «М — 319» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Т. VI. — 1880. — [16], 318, 222 с., 2 пл., 13 табл.: табл.

На тит. л. — помета: «М — 320» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером «№ 1 321», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат, имеется шёлк. ляссе.

Т. VII. — 1880. — 570, LXXI, [6] с.: табл. + 1 пл.

На тит. л. — помета: «М — 321» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером «№ 1 321», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

Т. VIII. — 1885. — [416] с.: табл.

На тит. л. — помета: «М — 322» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней част икорешка — библ. марка с номером: «№ 1 321», форзац — бел. муар. бум., тканевый фальчик, обрез крапчат, имеется шелк. ляссе.

Т. IX. — 1885. — [1], II, 446, 99, II, [4] с., 1 к.

На тит. л. — помета: «М — 323» (номер повторен на ярлыке).

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат, имеется шёлк. ляссе.

Сборник сведений о кавказских горцах: [в 8 вып.] / изд. с соизволения е. имп. выс. главнокомандующего Кавказ. армией при Кавказ. горском упр. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1868—1875.

Вып. III. — 1870. — 389 с. разд. паг., 2 л. ил.

Вып. V. — 1871. — 387 с., 1 л. ил., 4 табл.

Вып. VII. — 1873. — 435 с., 1 к.
Вып. VIII. — 1875. — 428 с.
Имеется также ил. тит. л. (вып. V, VII, VIII).
На тит. л. — помета: «М — 676» (вып. III), «М — 678» (вып. V), «М — 680» (вып. VII), «М — 681» (вып. VIII).
Все экз. в одинаковых переплетах — картон, ткань, корешок и уголки — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером «№ 1 417».
«Сборник сведений о кавказских горцах» (1868—1881) — посвящен всестороннему исследованию быта почти миллионного по своей численности населения, именуемого общим названием «горцы», которые имеют существенные различия в религии, обычаях, культуре и языке. В издании помещались исследования и материалы, народные сказания, этнографические очерки, горская летопись и т.п. В выпуске X, к сожалению отсутствующему в НБ СГУ, был напечатан капитальный труд П.К. Услара «Древнейшие сказания о Кавказе».
«Читал я в это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о кавказских горцах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные...»
Л.Н. Толстой.
Сборник сведений о Северном Кавказе: (Материалы исторические, географические, этнографические, статистические, экономические и пр): [в 11 т.] / Ставропольский губ. стат. ком. — Ставрополь, 1906—1914.
Т. I / под ред. пом. пред. стат. ком. А.С. Собриевского. — Тип. наследников Берк, 1906. — [521] с. разд. паг.: ил., 13 л. диагр., 2 л. ил.
На тит. л. — запись: «Из книг С.А. Мелик-Саркисова», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 421».
Т. II / под ред. пом. пред. стат. ком. Г.Н. Прозрителев. — Тип. «Северокавказской газеты», 1908 (обл.: Ставрополь-Кавказский: типо-литогр. Т.М. Тимофеева, 1909). — [203] с. разд. паг., 1 л. портр., 3 л. ил., 1 к.
Изд. конволют.
На тит. л. — запись: «Из книг С.А. Мелик-Саркисова», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 425».
Экз. в изд. обл.
Т. V: Списки населенных мест Ставропольской губернии: (по данным 1909 г.) / под ред. пом. пред. стат. ком. Г.Н. Прозрителева. — Тип. губ. правления, 1911. — [1], 3, [2], VII, 181 с.
В начале книги неправильная брошюровка.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 550».
— То же.
На с. [1] (паг. 1-я) — запись: «В библиотеку Г.Н.И.И. от С. Мелик-Саркисова», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 182».
Экз. в изд. обл.
Экз. деф.: утрачен тит. л.
Т. IX / под ред. пом. пред. стат. ком. присяж. пов. Г.Н. Прозрителева. — Тип. губ. правления, 1914. — [431] с. разд. паг.: фот., 3 л. портр., 2 черт., 6 табл.
Изд. конволют.
На тит. л. — запись: «Из книг С.А. Мелик-Саркисова», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 423».
Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ», касающихся деятельности на Кавказе ген.-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова — Корсакова. [Вып. I—IV]. — Тифлис: тип. конторы газ. «Кавказ», 1889—1890. — [431] с. разд. паг.
Ценз.: Тифлис. ценз., 1 дек. 1888 г.; 30 дек. 1889 г.
На тит. л. — помета: «М — 604».
Переплет — картон, бум. с рис. павлиний глаз, корешок зел. кожи, на корешке — зол. тисн., обрез крапчат.
Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1 / изд. Кавказ. отд. имп. Рус. геогр. о-ва; сост. и изд. под ред. Н.И. Воронова. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ.: тип. Меликова и Ко. 1869. — [642] с. разд. паг., 10 л. табл.
На тит. л. — помета: «М — 398» (номер повторен на ярлыке).
Экз. в цельнокож. переплете, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 1 352», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — бел. тисн. бум., тканевый фальчик, тройной зол. обрез.
Селезнев, Михаил А. (?—?)
Руководство к познанию Кавказа. [Кн. 1—2]. — СПб.: в тип. Морск. кадет. корпуса, 1847, — III, 192, [3], 304 с.
Ценз.: Аввакум, Ивановский, 31 марта 1847 г.; Ивановский, 12 авг. 1847 г.
На тит. л. — овал. печать «Библіотеки Импер. Гатчинск. Никол. Сир. Инст.», здесь же — помета: «М — 271».
Переплет — картон, бум., уголки и корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с пометой: «Шк. XVI Пол. I. № 6», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на форзаце в начале книги — ярлык «Библіотека Императорскаго Гатчинск. Николаевск. Сиротск. Института. Шкапъ XVI. Полка I. № 6», имеется шёлк. зел. лясе.
Семенов, Леонид Петрович (1886—1959)
Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925-27 гг. / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: гос. тип. авт. обл. Ингушии, 1928. — 32 с.: фот.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 976».
Экз. в изд. обл.
Семенов, Леонид Петрович (1886—1959)
Мавзолей Борга-Каш / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: гос. тип. авт. обл. Ингушии, 1928. — 18 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 977».
Экз. в изд. обл.
Семенов, Леонид Петрович (1886—1959)
Чах Ахриев: первый ингушский краевед / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: гос. тип. авт. обл. Ингушии, 1928. — 12 с.: портр.
На тит. л. — помета: «3 128», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов № 3 365 Рег. № 476 Зак. Обм.», здесь же — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».
Экз. в изд. обл.

Ситовский, Николай Прокофьевич (1829–1890)
Обзор 25-летней деятельности Кавказского Общества сельского хозяйства, (1850–1875) / сост. по поруч. О-ва его секретарем Н. Ситовским. — Тифлис: тип. гл. упр. наместника кавказ., 1875. — [769] с. разд. паг., 3 л. портр.
На тит. л. — помета: «М — 310» (номер повторен на ярлыке).
Переплет — картон, мрамор. бум., в верхней части корешка — библ. марка, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.
Смирнов, Семен Алексеевич (1819–1911)
Девятилетие Кавказских минеральных вод с 1862 до 1871. — М.: в Унив. тип. (Катков и Ко), 1871. — 167, [3] с.
На тит. л. — помета: «М — 306» (номер повторен на ярлыке).
Экз. в цельнокож. переплете, на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — цв. декор. бум., тканевый фальчик, зол. обрез, имеется шёлк. ляссе.

Советская Ингушетия к 15-й годовщине Октября / обл. Октябрьская комис. — Орджоникидзе: Ингуш. изд-во «Serdalo», 1932. — 60 с., 2 л. табл.
На с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 6 763».
Экз. в изд. обл.
Сологуб (Соллогуб), Владимир Александрович (1814–1882)
Биография генерала Котляревского. — Тифлис: в тип. канцелярии наместника кавказ., 1854. — 219 с., 1 л. портр.
Печатано по приказанию его светлости князя наместника Кавказского М.С. Воронцова.
Посвящение авт. М.С. Воронцову на с. 5.
На тит. л. — помета: «М — 265».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Сологуб (Соллогуб), Владимир Александрович (1814–1882)
[Предисловие к т. I «Записок Кавказского отдела имп. Русского географического общества»]. — Тифлис, 1852. — 24 с.
На с. 1 — помета: «М — 313» (номер повторен на ярлыке).
На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Соселия, Г.К. (?–?)
К вопросу о происхождении государства у картвельских племен. Вып. 5. — Тифлис: ЗКУ, 1931 (1 тип. Полиграфтреста ВСНХ Грузии). — 181-200 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 354».
Экз. в изд. обл.
Степанос, Таронеци (Асохик; 2-я пол. X в. — нач. XI в.)
Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию — писателя XI ст. / пер. с арм. и объясн. Н. Эммин. — М.: в тип. Лазаревского ин-та вост. яз., 1864. — [2], XVIII, 208, 335 с.
Ценз.: Моск. ценз., 4 окт. 1863 г.
На тит. л. — помета: «М — 457».
Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером «№ 322», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Стонов, Дмитрий (?–?)
Две поездки по Карачаю: сфот. в тексте. — М.: Работник просвещения, 1930. — 55 с.: фот. — (От нашего края в широкий мир / под ред. проф. Б.А. Келлера).
На тит. л. — помета: «3 622».
Терский календарь на 1907 год. Вып. 16 / изд. Терского обл. стат. ком-та; под ред. Г.А. Вертепова. — Владикавказ: тип. Терск. обл. правления, 1907. — 64, 291, 73, [2] с.
В тексте читательские пометы.
На тит. л. — помета: «М — 531».
Переплет — картон, ткань, зол. тисн.
Издание не подлежит вывозу за пределы Российской Федерации.
Терский сборник: литературное приложение к «Терскому календарю» 1903 года. Вып. 5 / изд. Терск. обл. стат. ком-та; под ред. Г.А. Вертепова. — Владикавказ: тип. Терск. обл. правления, 1903. — [1], 325 с., 2 л. портр., 2 л. ил.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 4 514».
Сохранилась верхняя часть изд. обл.
Ткачев, Г.А. (?–?)
Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып. 1. — Владикавказ: электропеч. тип. Терск. обл. правления, 1911. — 156, [2] с. — (Труды Терск. о-ва любителей казачьей старины).
На обл.: Вып. 2.
На тит. л. — помета: «М — 643».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Токарев, С.А. (?–?)
Поездка на снеговой хребет северо-западной цепи Кавказа. — [СПб., 1851]. — 197–218 с.
Страницы вырезаны из журн.: Современник. — 1851. — Т. XXVIII. — С. 197–218.
На верхней обл. — помета: «М — 390», поверх пометы — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Торнау, Федор Федорович (1810–1890)
Плен у шапсугов. — [СПб., 1864]. — 197–218 с.
Авт. указан в конце текста — Кавказский офицер.
Страницы вырезаны из журн.: Русский вестник. — 1864. — Т. XXXX. — С. 197–218.
Торопов, Николай Иванович (1828–1884)
Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающихся лихорадок / соч. Н. Торопова, д-ра медицины, гл. лекаря Кутаисского воен. госпиталя; изд. воен.-мед. департамента. — Спб.: в тип. Якова Трея, 1864. — 342, 345–416, II с.
На об. тит. л. — ярлык «Темиръ-Ханъ-Шуринское Реальное Училище. Отд. VI. № 68».
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 266».
Переплет — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — тисн.
— То же. — 416, III с., 2 табл.
На тит. л. — помета: «М — 392».
На верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат.

[Труды предварительного комитета по устройству V археологического съезда в Тифлисе, 1880 г. — М., 1880]. — 349—508, [2], 21 с., 21 л. ил.

На с. 349 — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Уварова, Прасковья Сергеевна (1840—1924)

Кавказ: путевые заметки. — М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко. 1887. — [4], 326 с., 4 л. фот.

На об. тит. л. и с. [2] (паг. 1-я) — ярлык «Темиръ-Ханъ-Шуринское Реальное Училище. Отд. VI № 37».

На об. тит. л. — овал. печать «Темиръ-Ханъ-Шуринское Реальное Училище. Библіотека».

Уварова, Прасковья Сергеевна (1840—1924)

Поездка в Пшавию и Хевсурию. — [СПб., 1904]. — 247—274 с.: ил.

Страницы вырезаны из кн.: Материалы по археологии Кавказа. — СПб., 1904. — Вып. X. — С. 247—274.

На с. 247 — помета: «М — 2».

На верхней сторонке переплета — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Успенский, Глеб Иванович (1843—1902)

Из путевых заметок. II. Кавказские горы: Гудаур, Нобель и Палашковский. — [СПб., 1883]. — 537—568 с.

Страницы вырезаны из журн.: Отечественные записки. — 1883. — С. 537—568.

На с. 537 — помета: «М — 427».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Утверждение русского владычества на Кавказе / под рук. Н.Н. Белявского; сост. под ред. В.А. Потто. — Тифлис, 1901—1908. — (1801—1901. К столетию присоединения Грузии к России).

Т. IV, ч. 1: Время Ермолова и Паскевича / сост. ген.-майор В. А. Потто, ген. шт. полк. Аверьянов и подполк. Томкеев. — Тифлис: тип. шт. Кавказ. воен. окр., 1906. — II, [1], 320, XII с., 3 л. портр., 5 к.

На тит. л. — помета: «М — 570», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Сохранилась верхняя изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Т. IV, ч. 2: Время Паскевича. Турецкая война 1828—1829 гг. / сост. ген. шт. полк. Веселовзоров, ген.-лейт. В.А. Потто. — Тифлис: электропеч. шт. Кавказ. воен. окр., 1908. — IV, 455, XV с., 3 л. ил., 12 к.

На тит. л. — помета: «М — 571», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д».

На верхней изд. обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Т. XII: Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича / сост. по поручению воен.-ист. отд. В.Н. Иваненко. — Тифлис: тип. канцелярии главнонач. граждан. частью на Кавказе, 1901. — IV, 525 с., 2 л. портр.

На тит. л. — помета: «М — 572», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

На верхней изд. обл. — Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Настоящее издание — юбилейное, задумывалось составителями как многотомный сборник, освещающий события Кавказской войны. Из печати вышли первые четыре и двенадцатый тома.

Фадеев, Анатолий Всеволодович (1908—1965)

Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. (С древнейших времен до крестьянской реформы 1870 г.). — Сухуми: изд. Абгиза, 1934. — 189 с. — В надзаг.: Абхазский НИИ краевед.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 705».

Экз. в изд. обл.

Фадеев, Ростислав Андреевич (1824—1883)

Письма с Кавказа к редактору «Московских ведомостей». — СПб.: в тип. В. Безобразова и Комп., 1865. — 259 с.

Ценз.: СПб. ценз., 7 июля 1865 г.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. — помета: «М — 430».

Переплет — картон, ткань, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 572», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Экз. деф.: утрачены с. 117—122.

Фадеев, Ростислав Андреевич (1824—1883)

Шестьдесят лет Кавказской войны: с прил. карты. — Тифлис: в воен.-поход. тип. гл. шт. Кавказ. армии, 1860. — [3], 147 с.

Ценз.: И. Кайтмазов, Тифлис, 26 нояб. 1859 г.

Книга написана по поручению кн. А.И. Барятинского.

На с. 147 и 148 — карандашная запись, в которой говорится, что «автор так мало сказал о пользе заселения казачьих станиц при покорении Кавказа», что почти все способы завоевания края были не удачны, «через это много, много было принесено бесплодной жертвы».

На тит. л. — владельческая запись: «Скворцовъ», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 5 361».

Переплет — картон, бум., корешок и уголки — кожа, в нижней части корешка — тисн. «Ф... 8... К.В.».

Хаджи-Мурат, Гулла (?—?), Хаджи-Мурат, Казанбий (?—?)

Хаджи-Мурат: мемуары / запись Гамзата Ясулова; предисл. А.А. Тахо-Годи; пер. с авар. койсубулинца Кацарилова под ред. Багадура Маллачи-Хана; изд. ДагНИИ. — Махач-Кала, 1927. — 50, [1] с., 4 л. ил.

В тексте — читательские пометы.

На тит. л. — помета: «3 472».

Экз. в изд. обл.

Харузин, Николай Николаевич (1865—1900)

По горам Северного Кавказа: путевые очерки. — [СПб., 1888]. — 481—530 с.

Страницы вырезаны из журн.: Вестник Европы. — 1888. — № 10. — С. 481—530.

На с. 482 — помета: «М — 433», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Хонели, Илико (Бахтадзе, Илико (Илья) Лукич; ?—1900)

К 100-летию Крцанисской битвы, (1795—1895). — Тифлис: тип. Е.И. Хеладзе, 1896.

Ценз.: Тифлис. ценз., 21 сент. 1896 г.

На тит. л. — помета: «М — 417».

Экз. в изд. обл., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 666», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Худабашев, Александр (?—?)

Обозрение Армении, в географическом, историческом и литературном отношениях. — СПб.: в тип. II-го отд-ния собст. е. имп. вел. канцелярии, 1859. — VIII, 533, II с., 3 к.

Ценз.: И. Гончаров, 12 нояб. 1857 г.

На тит. л. — помета: «М — 418».

Переплет — картон, декор. бум., уголки и корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — декор. бум., на форзаце в начале книги — овал. ярлык «О. Зибертъ. Переплетное Заведеніе въ Тифлисе», тканевый фальчик, обрез окрашен.

Худадов, В.Н. (?—?)

Закавказье: (ист.-эконом. очерк) / под общ. ред. председ. Ассоц. востоковед. М.П. Павловича. — М.; Л.: ЦУП ВСНХ СССР, 1926 (М.: типо-литогр. ЦУП ВСНХ «Новая деревня»). — 208 с.

Цылов, Николай Иванович (1799—1879)

Эпизоды из боевой жизни Алексея Петровича Ермолова на Кавказе в 1818, 1819 и 1820 годах. — СПб.: тип. Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1878. — 31 с.

Ценз.: СПб. ценз., 22 марта 1878 г.

Автор указан в конце книги и на с. 3: Записки очевидца, служившего под его начальством, Н.И. Цылова.

На с. 9 и 13 — владельческая запись: «Иналук Кануков».

На тит. л. — помета: «М — 617».

Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Кануков, Иналук Алибекович — научный сотрудник II-го разряда СКГНИИ.

Чанцев, И.А. (?—?)

Материалы для изучения Кавказа. Вып. 1. — Тифлис: в тип. гл. упр. наместника кавказ., 1873. — 47 с.

Ценз.: Тифлис. ценз., 10 янв. 1873 г.

На тит. л. — помета: «М — 446».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Чернявский, Владимир (?—?)

Отчет о поездке к Черному морю и к озеру Абрау на Кавказе. — Харьков: в Унив. тип., 1880. — 10 с.

Отд. отт. из журн.: Труды Харьков. о-ва испытателей природы. — 1880. — Т. XIII.

На с. 1 — помета: «М — 445», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

[Чех, И.С. (?—?)]

Очерки из старо-кавказской жизни. — [СПб., 1891—1892]. — [104] с. разд. паг.

Страницы вырезаны из журн.: Русский вестник. — 1891. — № IV. — С. 149—176, № IX. — С. 95—116, № XI. — С. 199—218; 1892. — № IV. — С. 54—80.

На с. [1] — помета: «М — 444», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Чужбинский (Афанасьев-Чужбинский), Александр Степанович (1817—1875)

Несколько дней за Кубанью: (из дорожных записок). — [СПб., 1855]. — 34 с.

Страницы вырезаны из журн.: Пантеон. — 1855. — Т. III. — С. 1—13.

На с. 1 — помета: «М — 448».

Чурсин, Григорий Филиппович (1874—1930)

Программа для собирания этнографических сведений: составлено применительно к быту кавказских народов / с предисл. А.Р. Зифельдт-Симумяги; отв. ред. Г. Султанов и А.Р. Зифелидт-Симумяги; изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку: гос. тип. «Красный Восток», 1929. — 58 с.

В тексте читательские пометы и добавления.

На тит. л. — номер: «№ 187», здесь же штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. в изд. обл.

Шафранов (?—?)

Из путевых заметок по Мингрелии: статистические и археологические наблюдения. — [Б. м., б. г.] — 123—149 с.

На с. 123 — помета «М — 588».

На верхней обл. — библ. марка с номером: «№ 722», здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Ширман, Л.А. (?—?)

Кизитиринский некрополь: (могильник Кизитиринского городища Донского округа): материалы по археологии Юго-Востока России. — Ростов н/Д, 1928. — 4 с.

Отд. отт. из журн.: Записки СКОАИЭ. — Кн. I (III), вып. 3-4. — С. 1—4.

На с. 1 — помета «» 914».

Шопен, Иван Иванович (1798—1870)

Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи: сочинение, удостоен. имп. СПб. Академией наук половинной Демидовской премии — СПб.: в тип. имп. Акад. наук, 1852. — IX, [1] с., 1 232 стб., VI с.

В тексте читательские подчеркивания.

На с. [1] (паг. 2-я) — помета: «М — 464».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 464».

Переплет — картон, бум. павлиний хвост, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Шопен, Иван Иванович (1798—1870)

Новые заметки на древнии истории Кавказа и его обитателей. — СПб.: в тип. Н. Тиблена и комп. (Н. Нелюдова), 1866. — [3], 501, [1] с.

В тексте — многочисленные читательские пометы.

На тит. л. — помета: «М — 465».

Переплет — картон, бум. павлиний хвост, корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка библ. марка с номером: «№ 754», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Щеблыкин, Иван Павлович (1884—1947)

Архитектура древних ингушских святилищ / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало», 1930. — 411—447 с.: ил.

Отд. отт. из журн.: Известия Ингуш. НИИ краевед. — 1930. — Вып. II-III. — С. 411—447.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 974».

Экз. в изд. обл.

Щеблыкин, Иван Павлович (1884—1947)

Искусство ингушей в памятниках материальной культуры / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: гос. изд-во авт. обл. Ингуши, 1928. — 30 с.

Отд. отт. из журн.: Известия Ингуш. НИИ краевед. — 1928. — Вып. I. — С. 1—30.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 973».

Экз. в изд. обл.

Щеблыкин, Иван Павлович (1884—1947)

Путеводитель по Ингушской автономной области: с рис. и картами авт. / Ингуш. НИИ краевед. — Владикавказ: тип. изд-ва «Сердало», 1929. — 80 с.: ил., 1 к.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 9 537».

Экз. в изд. обл.

Щербина, Федор Андреевич (1849—1936)

История Кубанского казачьего войска: [в 2 т.]. — Екатеринодар: тип. Кубан. обл. правления, 1910—1913.

Т. 1: История края. — 1910. — II, IV, XV, 700, IV с.: ил., 1 л. фот., 4 к.

Т. 2. — 1913. — 846 с., 23 л. ил.

На тит. л. (т. 1) и с. 1 (т. 2) — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 408 [т. 1], 12 409 [т. 2]».

Эйхвальд, Эдуард Иванович (1795—1876)

Страбоновы известия о Кавказе и южной России. — [СПб., 1838]. — 103—105 с.

Страницы вырезаны из журн.: Библиотека для чтения. — 1838. — Т. X. — С. 103—105.

На с. 103 — помета: «М — 458».

Эристов (Эристави), Рафаил Давидович (1824—1901)

Извлечение из этнографических очерков г. Урбнели о хевсурах. — [Тифлис, 1886]. — 141—198 с.

Страницы вырезаны из журн.: Записки Кавказ. отд-ла имп. Рус. геогр. о-ва. — 1886. — Кн. XIV, вып. I. — С. 141—198.

Эсадзе, Семен Спиридонович (1868—1927)

Историческая записка об управлении Кавказом. Т. II. — Тифлис: тип. «Гуттенберг», 1907. — V, 310, 206 с.

На тит. л. — помета: «М — 614».

Эсадзе, Спиридон (?—?)

Очерк истории горного дела на Кавказе. I. Деятельность графа Мусина-Пушкина и князя Цицианова при ведении горного производства в Грузии / под ред. нач. Кавказ. горн. упр. К.Ф Ругевича. — Тифлис: электропеч. груз. издат. т-ва, 1903. — 164 с.

На верхней сторонке пер. — овал. печать Т-ва по изданию книг Туманишвили и Ко (на груз. яз.), здесь же — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Яковлев, Николай Феофанович (1892—1974)

К вопросу об общем наименовании родственных народов: чеченцы и ингуши. — Ростов н/Д, 1929. — 195—204 с.

Отд. отт. из журн.: Записки СКГНИИ. — 1928. — Т. 1. — С. 195—204.

На с. 195 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 2 477».

Экз. в изд. обл.

Якуби, Абу-ль-Аббас Ахмед ибн Абу Якуб (?—897)

История: текст и перевод / пер. с араб. П. К. Жузе; изд. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана. — Баку: 2-я тип. АзГИЗа, 1927. — 221, [13] с. — (Материалы по истории Азербайджана; вып. 4).

Встреч. паг.

На рус. и араб. Тит. л. и обл. араб.

На с. 3, тит. л. (араб.), с. [10] (паг. 2-я) — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов».

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № Б-49 Рег. №___ Зак. Обм.», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Институтов. Г. Ростов н/Д. 2 970».

Экз. в изд. обл.

* * *

Отрывки из писем с Кавказа: [Весна и лето 1863 г.] — [Б. м., б. г.] — 299—320 с.

На с. 299 — помета: «М — 629».

На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Biberstein, baron Fridrich Marschall von (1768—1826)

Tableau des provinces situees sur la cote occidentale de la mer Caspienn, entre les flueuves Terek et Cour. — St. Petersbourg, 1798. — 120 р.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 872».

Экз. в бум. обл.

Экз. не обрезан.

— То же.

На тит. л. — запись: «1-е издание. Картина местностей провинции, расположенной к западу от Каспийского моря между реками... 1800 г. — нем. перевод», здесь же — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.»

Переплет — картон, декор. бум., на форзаце в начале книги — запись «Marschall de Biberstein. For. And», обрез крапчат.

Ellis, George (1753—1815)

Memoir of Map of the countries comprehended between the Bleck sea and the Caspian: with an account of the Caucasian nation, and vocabularies of the languages. — London: printed for J. Edwards in Pall-Mall, 1788. — IV, 80 р., 1 m. (60x91 см).

На тит. л. — помета: «М — 753».

Переплет — картон, декор. бум.

На карте, которая была напечатана 30 марта 1788 года, обозначен город Ставрополь. Перед нами одно из первых, а, возможно, и первое упоминание нашего города в зарубежной печати.

Абхазские сказки: 1) О Серимее и Кериме; 2) Летучая мышь, колючка и зимородок; 3) Козленок, теленок и ягненок / записаны в Кодорском участке Сухумского окр. учителем Иваном Гулия. — Тифлис: тип. канцелярии наместника е. имп. вел. на Кавказе, 1909. — 10 с.

Текст парал. абхаз.

Отд. отт. из кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. — Тифлис, 1909.

На тит. л. — помета: «М — 642».

Амран: Осетинский эпос / пер., обраб. и коммент. Д. Гатуева; предисл. и ред. Н.Я. Марра; пер. и суперобл. по рис. Н. Феофилактова; рис., заставки, концовки и форзац М. Доброковского. — М.; Л.: Academia, 1932. — 162 с.

На тит. л. и об. тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 5 662».

Экз. в изд. пер. и суперобл.

Ермоленко, Макар Иванович (1867—1940)

Былое: Записи из Центральной части Северного Кавказа по Кабарде и Балкарии: 1. Рабство и княжество; 2. Наградали; 3. Голодный покойник / изд. Кабардино-Балкар. обл. музея. — Нальчик: тип. им. Революции 1905 г., 1932. — 22 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 7 596».

Экз. в изд. обл. Книга напечатана на оберточной бум.

Ермоленко, Макар Иванович (1867—1940)

Предания и легенда ущелий Кабарды и Балкарии Центральной части Северного Кавказа / изд. Кабардино-Балкар. обл. музея. — [Нальчик]: тип. им. Революции 1905 г., 1929. — 20 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д», здесь же — номер: «№ 2 635».

Экз. в изд. обл.

Ермоленко, Макар Иванович (1867—1940)

Предания, легенды и былое ущелий Кабарды и Балкарии Центральной части Северного Кавказа. Т. II / изд. Кабардино-Балкар. обл. музея. — Нальчик: тип. им. Революции 1905 г., 1930. — 49 с.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д», здесь же — номер: «2 636».

Экз. в изд. обл.

Жантиева, Диляра Гиреевна (1902—1975)

Мотивы исторического эпоса северо-кавказских горцев. — [Ростов н/Д, 1929]. — 17 с.

Доклад заслушан на публичном заседании отдела социальной культуры СКГНИИ 29 марта 1929 г.

На с. 1 — номер: «538».

Экз. без обл.

Кёр-оглу, восточный поэт-наездник: полное собрание его импровизаций с присовокуплением его биографии / пер. с анг. С. С. Пенн. — Тифлис: в канцелярии наместника кавказ., 1856. — [3], VIII, 185, [5] с., 1 л. ил.

Ценз.: А. Эбелин, И. Кайтмазов, 28 мая 1856 г.

На тит. л. — помета: «М — 249».

Переплет — картон, декор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 586», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Линин, Ан.А. (?—?)

К вопросам формального изучения поэзии турецких народов. — Баку: 2-я гос. тип. Азполиграфтреста ВСНХ, 1926. — 201 с.

На тит. л. — помета: «2 826» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл.

Натиев, Д. (?—?)

Кавказский военный песенник: (166 песен). — 2-е изд., доп. и испр. — СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1895. — VI, [3], 208 с.

Ценз.: СПб. ценз., 20 сент. 1894 г.

Склад изданий у В.А. Березовского.

На тит. л. — помета: «М — 500» (номер повторен на обл.).

Экз. в изд. обл., на верхней сторонке обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Памятники народного творчества осетин / изд. Осетин. НИИ краевед. — Владикавказ: типо-фото-цинкогр. Сев.-Осетин. авт. обл., 1925—1928.

Вып. 1: Нартовские народные сказания / предисл. Гр. Дзагурова. — 1925. — 128 с. — 1 000 экз.

На с. 1, 17, 122 — круглая печать «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-исследовательских Институтов», на с. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Краевой Ассоциации Научно-Исслед. Институтов. № Б-71 Рег. №___ Зак.___», здесь же — помета «3 176».

На об. тит. л. — запись чернилами: «Осетин: Дзагуров, Влад. Завед. Отделом Наробраз Осетин. Авт. обл. Черк.: Синюхов, Краснодар, Адыг. Образ.».

Экз. без. обл.

Вып. 2: Дигорское народное творчество в записи Михала Гардани / предисл., пер. на рус. яз. и примеч. Гр.А. Дзагурова (Губади Дзагурти). — 1927. — XV, 188 с. — 1 050 экз.

Текст осетин.

На тит. л. — номер: «№ 2 577».

Экз. в изд. обл., на верхней сторонке обл. — штамп «Высылается в порядке обмена. Просьба подтвердить получение».

Вып. 3: В записи Цоцко Амбалова / предисл., пер. на рус. яз. и примеч. Г.Г. Бекоева. — 1928. — 133, 142, 1 л. портр. — 1 050 экз.

На рус., осетин.

На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 990».

Экз. в изд. обл.

— То же.

На тит. л. — помета: «М — 799-2» (номер повторен на обл.), поверх пометы — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».

Экз. в изд. обл., на с. 3 обл. список изданий Осетинского НИИ Краеведения дополнен записью новых пяти экземпляров.

Пасынков, Лев Павлович (1886–1956)
Быт и игры кавказских народов. — Ростов н/Д: Северо-Кавказ. край, 1925. — 30 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 2 699» (номер повторен на обл.).
Экз. в изд. обл.
Пржецлавский, Павел-Платон Гилярович (1821–?)
Нравы и обычаи в Дагестане. — [СПБ., 1860]. — 269–318 с.
Страницы вырезаны из журн.: Военный сборник. — 1860. — Т. XII. — С. 269–318.
На форзаце в начале книги — владельческая запись: «Е. Вейденбаумъ», ниже: «Павелъ Пржецлавскій. Нравы и обычаи въ Дагестане. (вырезка изъ т. XII Военн. Сборника, 1860 г.)», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 848», ниже — помета: «М — 251» (номер повторен на ярлыке).
Экз. во владельческом пер., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Семенов, Леонид Петрович (1886–1959)
Ингушская и чеченская народная словесность. — Владикавказ: гос. тип. авт. обл. Ингуши, 1929. — 30 с. — (Ингуш. НИИ краевед.)
Отд. отт. из журн.: Известия Ингуш. НИИ краевед. — Вып. I.
Экз. в изд. обл.
Семенов Леонид Петрович (1886–1959) — археолог, историк, литературовед, искусствовед и фольклорист, известный лермонтовед.
Светлов, В. (Ивченко, Валериан Яковлевич; 1860–?)
Кавказские предания и легенды. — [СПб., 1891.] — 279–313 с.
Страницы вырезаны из журн.: Наблюдатель. — № 12. — С. 279–313.
На с. 279 — помета: «М — 285» (помета повторена на ярлыке).
На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Чурсин, Григорий Филиппович (1874–1930)
Амулеты и талисманы кавказских народов / изд. Ассоц. Сев.-Кавказ. горских краевед. орг.; обл. худож. Г. А[ркабеева]. — Махачкала; Пятигорск: типо-литогр. изд-ва «Терек» Терокрисполкома, 1929. — 46 с. — Библиогр.: С. 42–46 (204 ист.)
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 828».
Экз. в изд. обл., на с. 4 обл. — изд. марка Ассоциации Северо-Кавказских краеведческих организаций.

Художественная литература

Аргашев (Семенов), Сергей Петрович (1902–1985)
I. Парида: (повесть IX в.). II. Цветы на льду: (дагестанская лирика). III. Песни о вождях / предисл. В.Я. Брюсова; обл. худож. Вл. Орлова. — М.: Всесоюз. науч. ассоц. востоковед., 1924 (тип. «Искра Революции» (б. 7) «Мосполиграф»). — 79 с.
На с. 1 — помета: «М — 11».
Экз. в изд. обл., на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Бестужев-Марлинский, Александр Александрович (1797–1837)
Мулла-Нур: быль. — 2-е изд. — СПб.: изд. и тип. А.С. Суворина, [1887]. — 1–50, 63–239. [4] с. — (Дешевая б-ка; № 22).
На с. [1–4] (паг. 3-я) — реклама изданий А.С. Суворина.
На тит. л. — помета: «М — 488» (помета повторена на обл.)
Сохранилась изд. обл., на с. 3–4 обл. — содерж. серии «Дешевая б-ка».
Переплет — картон, ткань, на сторонках пер. — тисн., на верхней сторонке пер. — фрагмент ярлыка Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, форзац — декор. бум., обрез с рис.
Экз. деф.: утрачены с. 51–62.
Брюсов, Валерий Яковлевич (1873–1924)
Неизданная проза. Юпитер поверженный и фрагменты других исторических рассказов / ред. И.М. Брюсовой и И. Поступальского; [пер. А.П. Радищева]. — М.; Л.: ГИХЛ, 1934. — 213 с., 1 л. портр.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 280».
Экз. в изд. пер.
Гончаров, Иван Александрович (1812–1891)
Полное собрание сочинений: [в 9 т.]: с портр. авт., гравирован. акад. И.И. Пожалостиным и факсимиле. — 2-е изд. — СПб.: в тип. Глазунова, 1877
Т. 2: Обломов: роман: в 4 ч, ч. 1, 2. — [2], 196, 183 с.
Т. 3: Обломов: роман: в 4 ч, ч. 3, 4. — [2], 116, 161 с.
На тит. л. — помета: «М — 1 171» (т. 2), «М — 1 112» (т. 3).
Оба тома в одинаковых владельческих переплетах — картон, на корешке — зол. тисн., в нижн. части корешка — тисн. «Е. К.».
Даниэль, М. (Меерович, идиш Даниэль; 1900–1940)
Юлис: роман / пер. с евр. под ред. Григ. Петникова; рис. М. Горшман. — М.: Сов. лит., 1933. — 134, [1] с., 1 л. портр., 6 л. ил.
Тит. л. парал. евр.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 386».
Экз. в изд. пер.
Иерусалимский, Карл Гаврилович (1792–?)
Ювелир индийского царя, Ованес Ага [Багдадянц], или Любовь отца к сыну и наоборот: драма в 4 д. / пер. с арм. самого автора. — Тифлис: печ. в тип. Мешкова и Ко. 1866. — 58, 10, [1] с., 1 л. портр.
Ценз.:Тифлис. ценз., 13 июля 1866 г.
На тит. л. — помета: «М — 140».
Экз. в изд. обл., в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 421», на верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.
Карамзин, Николай Михайлович (1766–1826)
Сочинения: [в 8 т.] — 3-е изд., испр. и умножен. — М.: в тип. С. Селивановского, 1820.

Т. 1. — 254, [1], IV, [1] с.
Т. 2. — [2], 206, [2] с.
Т. 3. — 214, [3] с.
Т. 4. — 235, [1] с.
Т. 6. — 290, [2] с.
Т. 7. — 325, [3] с.
Т. 8. — 265, [2] с.
Ценз.: И. О. Тимковский, 25 сент. 1818 г.
На тит. л. — пометы: «М — 58» (т. 1), «М — 59» (т. 2), «М — 60» (т. 3), «М — 61» (т. 4), «М — 62» (т. 6), «М — 63» (т. 7), «М — 64» (т.8).
На тит. л. т. 1 — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.»
Все тома в одинаковых переплетах — картон, декор. бум., уголки и корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, обрез крапчат, имеется зел. шёлк. ляссе.
Редкое, труднонаходимое издание, сохранилось в ограниченном количестве экземпляров.

Кузьмичев, Федот Семенович (1799—1860?)

Ночь во граде Арзерум, или трепещущие граждане при покорении оного победоносным российским оружием / песнь автора сына природы Федота Кузьмичева. — М.: в тип. Августа Семена, при имп. мед.-хирург. акад., 1829. — 36 с.
Ценз.: С. Глинка, 25 нояб. 1829 г.
На тит. л. — помета: «М — 204».
Переплет — картон, декор. бум., корешок и уголки — кожа, в верхней части корешка — библ. марка с номером: «№ 794/а», на верхней сторонке пер. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814—1841)

Собрание сочинений: [в 2 т.]. Берлин: изд-во И.П. Ладыжникова, 1921 (Лейпциг 6 тип. Шпамера).
Т. 1: Стихотворения. Поэмы. — 61 с.
Т. 2: Поэмы. Драмы в стихах. — 557 с.
На тит. л. — владельческая запись: «Ж. Фанов», ниже — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 820 [т. 1]. 11 821 [т. 2]».
Оба тома в изд. пер.

Луначарский, Анатолий Васильевич (1875—1933)

Избранные драмы: Королевский брадобрей. Фауст и город. Фома Кампанелла. Канцлер и слесарь. Оливер Кромвель / ред. и вступ. ст. И.А. Альтмана; худож. В. Дворковский. — М.: ГИХЛ, 1935. — XIV, 527 с., 1 портр.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 472».
Экз. в изд. пер.

Прахов, Мстислав Викторович (1840—1879)

Персидские песни. Мотивы Гафиза. — [СПб., 1874]. — 213—243 с.
Страницы вырезаны из журн.: Русский вестник. — 1874. — Т. CIX. — С. 213—243.
На с. 213 — помета: «М — 248».
На верхней обл. — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837)

Сочинения: [в 12 т.] / изд. имп. Акад. наук. — СПб.: тип. имп. Акад наук, 1899—1929.
Т. 2: Лирические стихотворения (1818—1820). Руслан и Людмила (1817—1820). Кавказский пленник (1820—1821). — 1905. — XXII, 260, 528 с., 11 л. ил.
Т. 3: Лирические стихотворения (1821—1824). Братья-разбойники (1821—1822). Отрывки из поэмы (1822). Бахчисарайский фонтан (1822—1823). Цыганы (1823—1824). — 1912. — XII, 300, 352 с., 1 л. портр., 8 л. ил.
Т. 4: Лирические стихотворения (1825—1827). Жених (1825). Борис Годунов (1825). Граф Нулин (1825). Сцена из «Фауста» (1825). — 1916. — XII, 447 с.
Т. 11: История Пугачевского бунта. — Пг., 1914. — X, 482, 364 с., 2 л. портр., 5 л. ил., 1 к.
На тит. л. — пометы: «М — 1 106» (т. 2), «М — 1 107» (т. 3), «М — 1 108» (т. 4). «М — 1 109» (т. 11).

Салов, Илья Александрович (1834—1902)

Битва под Ахалцихом 14 ноября 1853 года: драм. представление в 2 д. с эпилогом (в стихах). — М.: в тип. В. Готье, 1854, 68 с.
Ценз.: М. Похвиснев, 31 марта 1854 г.
На тит. л. — помета: «М — 288».
Экз. в изд. обл., в верхней части обл. — библ. марка с номером: «№3 362», ниже — ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д.

Слепцов, Василий Алексеевич (1836—1878)

Сочинения. В 2 т. Т. 1 / ред., ст. и коммент К.И. Чуковского; суперобл. и пер. по рис. худож. А.П. Могилевского. — М.; Л.: Academia, 1932. — 56, 59—625 с.
В тексте читательские подчеркивания.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 5 668».
Экз. в изд. обл.

Сологуб (Соллогуб), Владимир Александрович (1813—1882)

Сочинения: [в 5 т.] — СПб.: изд. придворного книгопродавца А. Смирдина (сына), 1855—1856.
Т. II. — В тип. Юлиуса Штауфа, 1855. — 563 с.
Т. VI. — В Морской тип., 1856. — 599 с.
Т. V. — Тип. Кр531 с.айя, 1855. — 531 с.
Ценз.: В. Бекетов, 17 июня (т. II), 11 июля (т. IV), 20 сент. (т. V) 1855 г.
На тит. л. — помета: «М — 1 640» (т. II), «М — 1 642» (т. IV), «М — 1 643) (т. V).
Все томв в одинаковых владельческих пер. — картон, мрамор. бум., корешок — кожа, на корешке — зол. тисн., на форзаце в начале книги — экслибрис «Н. Н.» (вел. кн. Николай Николаевич), здесь же — библ. марка с номером: «№ 546» (т. II), «№ 548» (т. IV), «№ 549» (т. V).

Толстой, Лев Николаевич (1828—1910)

Неизданные тексты / ред. и коммент. Н.К. Гудзия и Н.Н. Гусева; ред. Л.Б. Каменев; худож. Н.П. Дмитриевский. — М.; Л.: Academia, 1933. — 436 с., 6 л. ил. — (Труды гос. Толстовского музея).
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 885».
Экз. в изд. пер.

Тынянов, Юрий Николаевич (1894—1943)
Кюхля / худож. М. Кирнарский. — 5-е изд. — Л.: Изд-во писателей в Л., 1932. — 304 с.
В тексте читательские пометы.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 024».
Экз. а изд. пер.
Форш, Ольга Дмитриевна (1873—1961)
Вчерашний день: рассказы / рис. пер. М. Кирнарского. — Л.: Изд-во писателей в Л., 1933. — 258, [1] с.
На тит. л. — штамп «Билиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 384».
Экз. в изд. пер.
Языков, Николай Михайлович (1803—1846)
Полное собрание стихотворений / ред., вступ. ст. и коммент М. К. Азадовского; худож. П.А. Шиллинговский. — М.; Л.: Academia, 1934. — 924 с., 16 л. ил. — [(Русская литература / под общ. ред. Л.Б. Каменева)].
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 042».
Экз. в изд. пер.
Экз. деф.: на шмуцтит. вырезано название серии и фамилия редактора Л. Б. Каменева.

* * *

Андерсон, Шервуд (1876—1941)
По ту сторону желания: роман / авторизов. пер. П. Охрименко; вступ. ст. С.С. Динамова. — Л.: ГИХЛ, 1933. — 320 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 981».
Байрон, Джордж Гордон (1788—1824)
Мистерии / пер. с англ. размерами подлинника Густав Шпет; вступ. ст. и коммент. П.С. Коган; ответст. ред. А.В. Луначарский; суперобл., пер., фронтиспис и ил. в тексте — грав. на дереве А. Кравченко. — М.; Л.: Academia, 1933. — 412 с., 2 л. ил. — (Сокровища мировой литературы).
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 025».
Экз. в изд. пер.
Гейне, Генрих (1797—1856)
Избранные произведения / под общ. ред. А. Дейча; пер. А.П. Радищева. — М.; Л.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1934. — 461 с., 2 л. портр., 3 л. автогр.
В тексте читательские пометы.
Экз. в изд. пер.
Гейне, Генрих (1797—1856)
Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Н.Я. Берковского, П.С. Виноградской и И.К. Луппола; оформление худож. Л. С. Хижинского. — М.; Л.: Academia, 1936. — (Немецкая литература).
Т. VI: Французские дела. Французские художники. О французской сцене / пер. А.В. Федорова; ред. Е. Смирнова и В. Пикова; коммент. Е. Смирнова и Г. Гордона. — 502 с., 4 л. ил.
Т. VII: К истории религии и философии в Германии. Романтическая школа. Духи Стихий / пер. А.Г. Горнфельда; коммент. А.З. Лежнева; ред. и вступ. ст. И.К. Луппола. — 492 с., 5 л. ил.
Т. XI: Письма: Ч. I: (1816—1842) / пер. Е.М. Закс; ред. и коммент. Евг. Книпович. — IX, 533 с., 7 л. портр., 1 л. ил.
Т. XII: Письма. Ч. II: (1843—1856) / пер. Е. М. Закс; ред. и коммент. Евг. Книпович. — 426 с., 8 л. портр., 2 л. ил.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 949 [т. VI], 15 005 [т. VII], 13 707 [т. IX], 15 017 [т. XII].
Все тома в одинаковых изд. пер. и суперобл., имеется шёлк. ляссе (т. VI, VII, XII).
Гете, Иоганн Вольфганг (1749—1838)
Собрание сочинений: в 13 т. / под ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского и М.Н. Розанова. — М.; Л.: ГИХЛ, 1933.
Т. III: Драмы в прозе / вступ. ст., ред. и примеч. акад. М.Н. Розанова. — 630, [2] с., 2 л. портр.
Т. IV: Драмы в стихах / вступ., ст., ред. и примеч. акад. М.Н. Розанова. — 501, [4] с., 2 л. портр., 2 л. ил.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д.».
Оба экз. в одинаковых изд. пер.
Гете, Иоганн Вольфганг (1749—1838)
Фауст. Ч. 2 / пер. Н.А. Холодковского под ред. М.Л. Лозинского. — Пб.; М., 1922. — 343 с. — (Всемирная литература).
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 13 436».
Греческие эпиграммы (VII в. до н. э. — IX в. н. э.) / пер., ст. и примеч. Л.В. Блуменау; ред. и доп. Ф.А. Петровского; худож. Г.А. Ечеистов. — М.; Л.: Academia, 1935. — XXXI, 314 с., 1 л. ил. — (Античная литература).
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 593».
Экз. в изд. пер. и суперобл.
Ибсен, Генрик (1828—1906)
Избранные драмы / вступ. ст А.В. Луначарского; пер. с норвеж. А. и П. Ганзен под ред. М.А. Дьяконова; худож. Д. Митрохин. — Л.: Худож. лит., 1935. — 622 с.
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 412».
Экз. а изд. обл.
Кабе, Этьен (1788—1856)
Путешествие в Икарию: философский и социальный роман / ст. Н.Л. Мещерякова; коммент. Г.О. Гордона; худож. С.Б. Юдовина. — М.; Л.: Academia, 495 с., 1 л. портр. — (Социальные утопии / под общ. ред. В.П. Волгина).
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 709».
Лаллу джи Лал (1763—1835)
Прем Сагар / пер. с хинди, вступ. ст. и примеч. А.П. Баранникова; худож. Г.Д. Епифанов. — М.; Л.: изд-во АН СССР, 1937. — 471 с. — (АН СССР; Труды / Ин-т востоковедения; [вып.] XXV: Легенды о Кришне, т. 1).
На тит. л. — штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 15 514».
Экз. в изд. пер.

Лонгфелло, Генри (1807–1882)

Песнь о Гайавате / пер. И.А. Бунина; [ред. Л. Чуковская; предисл. Конст. Державина]; рис. амер. худож. Ремингтона. – 3-е изд. – Л.; М.: Молодая гвардия, 1933. – 183 с.: рис.

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 11 555».

Экз. в изд. пер.

Лукиан (120–180 н. э.)

Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2 / пер. под ред. с коммент. Б.Л. Богаевского; заставки, пер. и суперобл. В.М. Конашевича. – М.; Л.: Academia, 1935. – 789, [2] с. – (Античная литература / под общ. ред. Д.А. Горбова, В.О. Нилендера и П.Ф. Преображенского).

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 480».

Экз. в изд. обл. и суперобл.

Местр, Ксавье де (1763–1852)

Пленники Кавказа / пер. с фр. Н.И. Виноградова. – М.: Унив. тип., 1894. – 59 с.

Ценз.: Моск. ценз., 9 июля 1894 г.

На об. тит. л. – ярлык «Книжная торговля В. Клочкова. СПб., Литейный, 55».

На тит. л. – помета «М – 211».

Плавт Тит Масций (ок. 254–184 до н. э.)

Избранные комедии / пер. А.В. Артюшкова; под ред. и с примеч. М.М. Покровского; вступ. ст. и введ. к коммент. Н.Ф. Дератани; худож. В.М. Конашевича. – М.; Л.: Academia, 1933. – 607 с., 8 л. ил. – (Античная литература).

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 961».

Экз. в изд. обл.

Рама-изгнаник (Рамаяна): индиская поэма / переложенная стихами С. Рыжовым. – Тифлис: в тип. Амбарцума Энфиаджианца и Ко, 1868. – VII, 106 с. – (Поэтический Восток).

Ценз.: Тифлис. ценз., 25 сент. 1867 г.

Книгопродав. объявл. Беренштама, Энфиаджианца, Аладатова и С.А. Вартанова на с. 4 изд. обл.

Экз. в изд. обл., в верхней части корешка – библ. марка с номером: «№ 353», ниже – ярлык Библ. коллектора Донполитпросвета г. Ростов н/Д, на с. 2 обл. – владельческая запись: «Изъ книгъ Д. Серебрякова и К. Кваліева. 10 января <нрзб>».

Наблюдается обсыпание краев бум. обложки.

Редчайшее провинциальное издание.

Флобер, Густав (1821–1880)

Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. Три повести: Простая душа. Легенда о св. Юлиане Странноприимце. Иродиада / под общ. ред. А.В. Луначарского и М.Д. Эйхенгольца; ст. и коммент. М.Д. Эйхенгольца и М.К. Клемана; [пер. А.П. Радищева]. – М.; Л.: ГИХЛ, 1934. – 184, [2] с., 1 л. портр., 3 л. ил.

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 12 295».

Экз. в изд. тканевом пер., на пер. – зол. тисн., на верхней стороне пер. – барельеф Г. Флобера.

Шоу, Джорж Бернард (1856–1950)

Избранные произведения / с предисл. С. Динамова; ред. пер. и коммент. Мих. Левидова; пер. и форзац А.П. Радищева. – М.; Л.: ГИХЛ, 1933. – 307 с.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 10 032».

Экз. в изд. пер.

Эсхил (525–456 до н. э.)

Прикованный Прометей / пер., ст. и коммент. Адр. Пиотровского; худож. М.А. Добров. – [М.; Л.]: Academia, 1935. – 97 с., 3 л. ил.

В тексте читательские пометы.

На тит. л. – штамп «Библиотека С.-К. Горск. Научн. Исслед. Института. г. Ростов н/Д. 14 704».

Экз. в изд. пер.

Приложение

Н.Ф. Яковлев. Материалы для кабардинского словаря. Выпуск I. Словарь односложных коренных слов и корней открытого типа. М.: Центральное издательство народов СССР, 1927.

А.Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. – Л.: ГИЗ, 1930. – Т. 5. – С. 681–761.

COMMITTEE FOR THE STUDY OF LANGUAGES AND ETHNICAL CULTURE OF THE ORIENTAL PEOPLES IN USSR № 6

N. JAKOVLEV
MEMBER OF THE COMMITTEE

MATERIALS
FOR THE
KABARDEY DICTIONARY

FASC. I

DICTIONARY OF MONOSYLLABIC ROOT-WORDS AND ROOTS OF THE OPEN-SYL- : : LABLE TYPE : :

CENTRAL PUBLISHERS FOR THE PEOPLES OF USSR
MOSKOW 1927

КОМИТЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ СССР № 6

Н. ЯКОВЛЕВ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН КОМИТЕТА

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ
КАБАРДИНСКОГО СЛОВАРЯ

ВЫПУСК I

СЛОВАРЬ ОДНОСЛОЖНЫХ КОРЕННЫХ СЛОВ И КОРНЕЙ ТИПА ОТКРЫ- : : ТОГО СЛОГА : :

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРОДОВ СССР
МОСКВА 1927

52
П-65
Ш 873
Ф

КНИЖНАЯ ФАБРИКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА
НАРОДОВ СССР
МОСКВА ШЛЮЗОВАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ 162

Главлит № 90.663
Тираж 1.500 экз.

Зак. № 133

4644
23-III-1928

Посвящается народам Адыге

Dedicated to the Adyghe peoples

Пользуюсь случаем выразить здесь мою глубокую благодарность Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Черкесской (Адыгейской) автономным областям и краевым органам Северного Кавказа за неоднократную материальную помощь моим экспедициям и научным командировкам на Кавказ, одним из результатов которых и является настоящий труд

ВВЕДЕНИЕ.

Моносиллабические элементы в кабардинском (IV); типы корнесочетаний (VII); культура черкес по данным словаря (XI); развитие абстрактных и формальных значений (XXII); условные обозначения (XXXIV); проект кабардинской графики и орфографии (XXXVI).

Издаваемый словарь включает в себя материалы, систематически собиравшиеся мною с 1921 года параллельно с разработкой грамматики кабардинского языка, опубликование которой предполагается в ближайшем будущем. Собирание материалов для словаря было начато в сотрудничестве с Муталом Тубековым (с. Хамидие, быв. Хапцево, Малая Кабарда). В дальнейшем, с 1922 г. моим постоянным сотрудником по собиранию материалов был Бетал Чемазоков (с. Куркужин, б. Коново, Большая Кабарда); наконец, летом 1925 года во время экспедиции в Карачаево-Черкесскую область словарь был просмотрен и дополнен в сотрудничестве с Асхадом Алтадуковым (с. Эрсаконское), дополнения которого помечены буквой К. в скобках (т. е. говор верхне-кубанских кабардинцев)*). Следует отметить, что при проверке с Чемазоковым словаря, составленного с Тубековым, существование некоторых слов первичного звукового типа (о термине см. ниже), как: хэ «море»; рхэ «сей вразброс; морковь»; ркъ «зубри, правь (пилу, серп); штампуй кожу»; тхэ «чисть кукурузные початки», Чемазоковым отрицалось. Однако, позже при проверке на местах, в Большой Кабарде, оказалось, что и эти слова известны знатокам языка. Из всего материала, представленного в словаре, незарегистрированными для Большой Кабарды остаются пока—рхэ в значении: «сей вразброс», ркъ «штампуй кожу».

*) Перевод на английский язык под моим наблюдением выполнен Н. Д. Струковым и Н. К. Казанской. Всем указаным лицам, в особенности же, Беталу Чемазокову (ныне аспиранту Комитета по изучению языков и этнических культур Восточных Народов С.С.С.Р.), на которого легла главная тяжесть занятий со мною по подбору сырых языковых материалов для словаря, приношу глубокую благодарность за сотрудничество.

Благодарю также Центральное Издательство Народов СССР, содействовавшее изданию книги, и наборщиков типографии Центриздата, благодаря упорному труду которых удалось осуществить сложный набор текста словаря.

Предпосылая словарю краткое введение, считаю необходимым сообщить в нем главнейшие результаты изучения кабардинской лексики и некоторые грамматические сведения, чтобы сделать понятными выбор лексического материала для словаря, особенности его расположения и классификации.

Исследуя все богатство слов, которыми располагает кабардинский и другие черкесские языки (языки народов «Адыге»*), приходишь к выводу, что значительный пласт их лексики составляют коренные слова типа открытого слога с согласным или сочетанием согласных в зачине и одним из двух кратких гласных в исходе**), т. е. слова звуковых типов, которые символически могут быть изображены следующим

*) Народы «адыге» (как они сами себя называют)—каб. edəʒe (ʿedəγe) н.-ч. adəγe, по русски «черкесы»—говорят в пределах Союза на двух языках: верхне-черкесском или кабардинском и нижне-черкесском или кяхском. Кабардинцы живут главной массой в Кабардино-Балкарской Авт. Области и отдельными островками в Карачаево-Черкесской Авт. Области (под именем «черкесы»), в восточной части Адыгейской Авт. Обл. и в окрестностях гор. Моздока (на последней территории под именем «черкес-христиан»). Нижние черкесы живут главной массой в пределах Адыгейск. Авт. Обл. и отдельными островками возле г. Армавира и в окрестностях Туапсе, где образуют черкесский автономный район; *отдельный черкесский аул* (*ĥeʁгamīək*ˌ — *Суворово-Черкесский*) имеется на Таманском полуострове; наконец, наречием нижне-черкесского языка говорят армяне города Армавира. Кабардинский язык не имеет резко-отличающихся наречий: в нем представлены лишь немногие говоры и один более или менее унифицированный язык народной поэзии и высших сословий, унаследованный от существовавшего у кабардинцев удельного строя. Наоборот, нижне-черкесский язык имеет три наречия: бжедухско-темиргоевское, на котором говорит главная масса нижне-черкесского населения: племен—bʒedəğ и ʈemgəy (сокращенно: бж. и тм.), шапсугское—племя ɯapsəğ (сокращенно: шапс.), абадзехское — племя abdaɬ (сокр.: абдз). Наконец, бесленеевское наречие: н.-чер. beshɳəy, каб. beslɳeneı (beshɳeney),—сохранившееся в восточной части Карачаево-Черкеск. Обл., является наречием переходным, совмещающим некоторые черты кабардинского и нижне-черкесского языков. Различие между последними сравнительно невелико: кабардинец из Кабарды и черкес из-под Краснодара могут с некоторыми усилиями об'ясняться друг с другом.

**) В кабардинском языке (в указанном пласте слов) имеется в наличности 46 согласных фонем и всего 3 гласных фонемы (см. таблицу транскрипционных соответствий); из последних одна, характеризуемая долготой (а), имеет формальное значение или закономерно чередуется с двумя другими гласными, характеризуемыми краткостью. Отсюда можно

образом: tə (где t всякий согласный, а ə один из двух кратких гласных); psə, (где p губной мгновенный, ассимилирующийся с последующим согласным в отношении дополнительной артикуляции гортани и источника экспирации, а s спирант не глубже задне-мягконебной базы, реже аффриката; наконец, в единичном случае задне-мягконебный надгортанный мгновенный k); txə (где t-θ глухой зубной мгновенный, а x глухой спирант не ближе задне-твердонебной базы и, в единичном случае, задне-твердонебный лабиализованный мгновенный kˍ); ʗtə, ʗxə (где ʗ-sˍ глухой передне-твердонебный шипящий спирант, а x спирант не ближе мягкого неба); ʃxə (где ʃ-ш глухой средненебный шипящий спирант); ɭxə (где ɭ-ɬ глухой латеральный спирант), и некоторые единичные типы (ntɛ, ftə и др.).

Большинство указанных звукосочетаний является самостоятельно употребляемыми формами (таковы для глаголов—2-е л. ед. ч. повелительного наклонения, для имен—неоформленная в отношении падежа и числа форма, тоже—для местоимений). Лишь немногие корни этого типа не употребляются в виде самостоятельных слов или форм (в словаре заключены в квадратные скобки) и наблюдаются только в сочетаниях с префиксами или суффиксами

Таким образом, если мы будем последовательно сочетать каждую согласную фонему кабардинского языка с одной из двух наличных в нем кратких гласных, у нас получится 78*) корней типа tə, 38 корней типа psə, 9 корней типа txə, 5 корней типа ʃxə, 3 корня типа ɭxə, по 2 корня типов ʗtə и ʗxə и по одному корню

сделать вывод, что долгая гласная фонема развилась из слияния краткой гласной корня с каким-то формативом (вернее всего с одной из кратких гласных «ə»). Краткая «ə» слышится лишь факультативно и в обычной речи сочетание: «длительный согласный+ə» заменяется через: «слоговой длительный согласный», например: sə через s̩, mə через m̩ и т. д. О наличных, кроме того, в кабардинском трех слогофонемах: ʃe, ʃə, ʃa ср. ниже стр. XLII-XLIII. Они никогда не сочетаются с предшествующими согласными одного и того же корня.

*) Вместо ожидаемых 92 звукосочетаний этого типа.

2-х единичных типов (ntɛ, ftə), а всего, таким образом, мы будем иметь до 140 употребительных в языке звукосочетаний типа открытого слога с краткой огласовкой. Из этого числа только 5 корней употребляются несамостоятельно (в соединении с префиксами или суффиксами), остальные представляют собою самостоятельно употребляемые слова. Этот тип слов я называю словами ‖ корнями первичного звукового типа или сокращенно: словами ‖ корнями первичного типа.

Весьма вероятно, что некоторые единичные слова первичного звукового типа могли принять последний лишь в результате изменений из более сложного звукового вида. Так, qᵢe (kᵢe) «ущелье» хочется сопоставить с осетинским qom «ущелье»*). Точно также корень ue (ʷe) в значении «погода, воздух» (ср. также ингушское ʦuo — «дуновение»), как будто представляет более ранний аналог арабскому hawà (هَوَا) «воздух», диал. «погода», которое позднее проникает в кабардинский и в более близкой звуковой форме heue (ħeʷè).

Характерной особенностью звукосочетаний первичного типа является их многозначимость. Каждый из перечисленных нами выше открытых слогов может иметь по нескольку значений. Во первых—именное (существительное, прилагательное), во вторых—именное числительное, в третьих—местоименное, в четвертых—глагольное. Значения междометий, союзов и т. п. встречаются в этих случаях лишь в виде единичного исключения (см. ntɛ, me). Мало того, каждое звукосочетание первичного типа может иметь по нескольку и именных, и глагольных значений, из которых некоторые опять таки наблюдаются лишь в несамостоя-

*) Ср. еще балкарское и карачаевское qam в названиях ущелий, напр. ullu-qam в верховьях Кубани; последнее в свою очередь имеет параллели и в других тюрко-татарских языках, ср. Уллу-кем в верховьях Енисея. Хотя, здесь, может быть, более вероятным будет сопоставление с узб., кыргыз., вост.-туркест. («уйгурск.») qol «долина»; шорск. «река»; карачаев., балк. «сухое ложе дождевого потока»,—словом, имеющим и монгольские параллели.

тельном употреблении. Напр.: se—я; нож; сей!; he—собака; ячмень; [неси]; [иди]; xə—море; шесть; жни; [бери]; [спускайся].

Следует отметить, что лишь в редких случаях существует очевидная связь между именными и глагольными значениями одного и того же звукосочетания. Таковы ʯe «ступня; прыгай!»—ʯəə—«долото; долби!» Огромное большинство звуковых совпадений на первый взгляд необ'яснимо со стороны значения.

Всего, таким образом, на 140 звукосочетаний первичного типа приходится не менее 350-390 отдельных значений (из них несамостоятельно употребляемых не менее 30), что дает в среднем 2,5—2,7 значений на каждое звукосочетание.

Формальные элементы (префиксы, суффиксы) кабардинского, как и других черкесских языков, могут быть двоякого звукового типа: или того же первичного типа, как указанные звукосочетания с реальным значением, или они могут быть представлены одним согласным, редко—одним гласным. Словарь формативов кабардинского языка будет выпущен в ближайшем будущем.

При анализе морфологического состава значительного количества слов и форм кабардинского языка становится ясным, что кроме соединения корней первичного типа с указанными выше формативами, в кабардинском языке (как и в нижне-черкесском) возможны сочетания корней первичного типа между собою. Эти сочетания могут иметь прииименно-об'ективный (дополнение с дополняемым), аттрибутивный (определение с определяемым), копулятивный (параллельно связанные одноформенные члены предложения по отношению друг к другу) и приглагольно-об'ективный (дополнение по отношению к сказуемому) характер; например: neps «слеза» ← ne + psə букв.: «глаза вода»; vəps «слюна» ← və + psə букв.: «рта вода», ʃəl «конина» ← ʃə + lə букв.: «лошади мясо», wəl «говядина» ← wə + lə букв.: «вола мясо». Во всех этих примерах предше-

ствующий корень является как-бы со значением дополнения (родительного приименного), а второй— со значением дополняемого. Таковы же: psəpe «устье реки» и «начало воды (половодья)»; qamepe «острие (отдельного) кинжала». В qamape и некоторых других подобных случаях появление долгого «а» на смыке двух корней может соответствовать универсализации значения: «острие кинжалов», «острие кинжала вообще».

Таким случаям, как psəḷe «сосуд для || из-под воды» где psə «вода», ḷe «сосуд»; feuəḷe «сосуд для || из-под меда», где feu «мед», ḷe «сосуд», ɬəçyvəne «железный гвоздь (железа гвоздь)» где ɬəçy «железо», vəne «деревянный колышек-вешалка, забиваемый в стены»— может быть, только русский перевод придает отличие от вышеприведенных.

От указанного типа приименно-об'ективных сочетаний корней, можно отличать аттрибутивные сочетания, в которых определяемое обычно предшествует определению: pex̣e «белоносый, со светлым пятном на носу (масть)» ←pe + x̣ə букв.: «нос светлый»; uapaçe «седельщик (профессия)» ←uape + e + çe «седла делающий», в отличие от uapeçe «новое седло» ←uape + çe «седло новое»; ʃəuəpe «первый всадник» ←ʃəu + pe «всадник первый» и ʃəuape «передовой (из многих) всадник» ←ʃəu + e + pe «(из) всадников передовой»*); ʃənexəçe «брат более молодой, младший» ←ʃə «брат» + nex «более, наи-» + çe «молодой».

Копулятивные сочетания можно предположить в следующих случаях: ebḷe «кисть и предплечье || рука ниже локтя», ← e «кисть руки» + bḷe «предплечье»; ʃabze «стрелы и тетива → лук (оружие) в целом» ←ʃe «стрела» + bze «тетива»; такие сочетания корней, как pxeçheməçhe «плоды, фрукты»; epçeḷapçe «суставы тела → человеческое тело в целом» ← e «кисть руки» + pçe «шея», ḷe «ступня», букв.: «суставы кистей (рук) и суставы ступней», т. е. «запястья и щиколотки»; epqḷepq ← e + pqə «кость» + ḷe + pqə букв.: «кости кистей

*) Последние 2 примера из Малой Кабарды.

(рук) и кости ступней», т. е. «члены тела → человеческое тело в целом»; eɬḷeɬ «сухотка» ← e + ɬə «сохнущий» + + ḷe + ɬə, букв.: «кисти (рук) сохнущие и ступни (ног) сохнущие»—являются примерами более сложных сочетаний, где приименно-об'ективные или аттрибутивные парные сочетания корней соединены сверх того в сложную копулятивную пару.

Приглагольно-об'ективные сочетания можно усмотреть в таких примерах: pəne—«останови (быков);, букв.: бей по носу» ←pə Genet.-Locat. пребывания от pe «нос» + + ne «бей»; epḷe «ожидай, жди» ←pe «начало» + pḷe «смотри»; vəs «сиди || находись возле отверстия (напр. двери и т.д.)» ←və «отверстие» + [sə] «сиди, находись в сидячем положении»; kes—«садись в торокà (позади седла)» ←ke Dat.-Locat. движения «(к) хвосту» + [sə] «садись»; ʃes «на лошадь садись» ← ʃe «на лошадь», Dat.-Locat. движения от ʃə «лошадь» + [sə] «садись».

Последние примеры указывают на следы склонения, сохраняющегося кое-где в сочетаниях корней с именным значением. Здесь можно привести еще следующие примеры из категории приименно-об'ективных сочетаний этого рода: leps «суп», первоначально собственно: «подливка из бульона к вареному мясу» ← le: Dat.-Locat. движения от lə «мясо» + psə «вода», букв.: «(к) мясу вода»; ʃeç «конюшня» ← ʃe: Dat.-Locat. движения от «ʃə» «лошадь», + [çə] «помещение», букв.: «(для) лошади помещение»; gedeç «курятник», где gede Dat.-Locat. движения от ged «курица» + [çə] «помещение», букв.: «курам помещение» и проч.

Все ранее приведенные примеры с достаточной ясностью указывают на формальное значение изменений гласной именного корня, от которого в современном кабардинском сохранились довольно жалкие следы. С гласной «ə» связано значение Genet., Locat. пребывания, с гласной «e»—Dat.-Locat. движения, наконец, гласная «а» является как бы формативом множественности и, появляясь на смыке двух корней, делается,

повидимому, морфемой универсализации значения всего сочетания. Вот почему это «а», чередующееся обычно с «ə», очевидно, лишь вторично сделавшееся элементом чисто фонетического чередования, в вопросе о его происхождении нельзя рассматривать вне его морфологической функции*).

Чередование ə|ə в корнях кроме имен более широко использовано в числительных (на -ə адвербиальная форма, на -ə адноминальная форма), в глаголах (на -ə непереходная форма, реже в глаголах движения— центростремительная форма; на -ə переходная, реже— центробежная форма), наконец, в местоимениях (на -ə посессивная форма, см. ниже)

Интереснейший вопрос о формах местоимений и, в связи с этим, о происхождении спряжения может быть мною развит только в грамматике кабардинского языка.

В следующих сочетаниях корней можно усмотреть формативы, выраженные согласными или слогами. В сочетаниях: ɛrətx «руконись, письмо» ← ɛ «кисть (руки)», txə «написанный», букв.: «руками написанное»; məɛrəse «садовое яблоко» ← mə «дикое яблоко», ɛ «кисть (руки)», se «посаженный», букв.: «дикое яблоко, руками посаженное»; bʲəʒət «возле (кого) стой» ← bʲə «бок», [tə] «стой, находись в стоячем положении»; bʲəʒərəpx «пояс» ← bʲə «поясница», pxə «связанный», букв.: «поясницей (вокруг поясницы?) связанное», можно указать на инструментальное значение суффикса присоединяемого к первому из корней.

gəpkɛ «(задний) конец арбы» при gə «арба», kɛ «хвост, задний конец»; zəbje «буря» при zə «дуновение, ветер», je «время года, пора» и суффикс отглагольных имен с отвлеченным значением (ср.: waje «пашня», uaje «плетеный шнур (соб.: плетение)» и проч.); ɬəntxᵥe «кровеносный сосуд» ←ɬə—«кровь», xᵥe—«жила, сухожилие»; wabze «сошник» ←we «паши», ze—«зуб; лезвие»;

*) Иначе у моего рецензента проф. Н. Трубецкого; см. Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, XXVI, 1925, p. 280.

xᵥəmpsɛg «муравей», где первая часть, очевидно, восходит к xᵥəpɛ «пастбище» ←xᵥə «паси; вытолачивай», pɛ «место», sɛ «вошь»—все эти примеры, обнаруживающие следы согласных формативов*), чаще всего представленных различными губными, может быть, об'ясняют нам и происхождение некоторых корней типа psə. В известных случаях происхождение сочетания согласных в зачине из сложения двух корней совершенно ясно: ɬhe «клади» при [ɬə] «лежи, находись в лежачем положении» + he «неси», т. е. букв.: «лежать неси».

Таким образом, собранные в данном словаре корни и слова первичного звукового типа путем их сочетаний друг с другом дают значительное количество новых сложно-составных слов (composita) языка, которые (почти во всех вышеперечисленных примерах) современное сознание кабардинца воспринимает уже, как неразложимые целые. Доля первичных корней в создании всего лексического богатства кабардинского языка еще более увеличится, если принять во внимание развитие их конкретных реальных значений в абстрактные и формальные (об этом см. ниже).

Рассматривая слова-корни первичного звукового типа со стороны их реальных значений можно прийти к выводу, что выделенные по чисто фонетическому признаку (определенному звуковому типу) они и в отношении значений оказываются не случайной группой слов, но как-бы систематическим их отбором, характеризующим определенную культурную эпоху того народа, который ими пользовался. Интересно подробно проанализировать состав всего словаря с этой стороны.

Словарь целиком включает в себя личные местоимения, 2 указательных местоимения (из 3-х), функционально заменяющих в кабардинском личное мест. 3-го лица, и все основные числительные (до десяти

*) Впрочем, в отдельных случаях здесь можно предполагать и сохранение исходной согласной корня при корне типа закрытого слога.

включительно и «сто»), наконец, наибольшее количество именных значений (из них специально ад'ективных сравнительно мало) и значительное количество глагольных. Здесь следует отметить, что каждый корень в неоформленном (в отношении времени, числа и лица) виде может иметь не только повелительное (как указано в словаре), но и причастное значение (part. praes.): пассивное—у переходных и активное—у непереходных глаголов.

Большинство слов первичного звукового типа относится к сельскому хозяйству и его продукции. При этом, земледелие представлено сравнительно небогато. Из злаков имеют названия первичного типа только два: хᵥə «просо (в зерне)» и ħe «ячмень (в зерне и на корню)». Другие злаки, очевидно, становятся известными позже. В Большой Кабарде ħesе←ħe «ячмень» + зе «зуб, зерно» первоначально: «ячменное зерно» (как до сих пор и говорят в.-кубанские кабардинцы) получает значение «хлебного зерна» вообще; таким образом, gᵥzħesе, «пшеничное зерно» получилось из «пшеничное ячменное зерно» и т. д. Название грядки и пахотного участка включает в свой состав тот же корень ħesе←ħe+se «сажай, сей» и первоначально, очевидно, также было связано с культурой ячменя. С другой стороны кукуруза, появляющаяся на Кавказе сравнительно поздно, получает у кабардинцев название nartəхᵥ← nart «легендарный герой общекавказского эпоса»+хᵥə «просо» т. е. «нартовское просо, богатырское просо».

Повидимому, в степях Северного Предкавказья черкесы были рано знакомы с просом, если не как с об'ектом земледелия, то, по крайней мере, как с продуктом потребления. В горах же были издавна распространены культура ячменя и собирание диких плодов (последнее в особенности на черноморском побережьи) и поэтому в кабардинском словаре сравнительно богато представлены названия диких плодов, сбор которых в лесистых нагорных и прибрежных местностях Западного Кавказа до сих пор представляет

значительное подспорье питанию местных жителей. Таковы: mə «дикое яблоко», откуда составляется название садового яблока (см. выше); zе «кизил (плод)»; dе «орех (плод)». Из овощей имеется только название моркови рхə, что стоит, может быть, в связи с значением того же корня: «сей вразброс» (В.-Кубанско-кабардинск.)*).

Земледельческая техника представлена значительным количеством терминов: «земля, почва»—ҫɐ, «оттаивай»—wə, «возделывай (землю)»—ҫɐ, «вскапывай (лопатой)»—tɐ, tɐ, «паши»—wе, «поли, тяпай (мотыкой)»—рҫɐ, «сей, сажай»—se, сей вразброс—рхə, «жни»—хе, хə, «укатывай ток»—ue, «молоти»—ve, «чисть кукурузные початки от (обволакивающих их листьев)»—txə, «сеть (для очищения зерна от мякины)»—хə, «меси (тесто)»—рҫə, «раскатывай тесто»—хᵥə, «режь тесто зубчатым колесом»—pkɐ.

Домашние животные представлены сравнительно богато: wə «вол (рабочий бык)», ʃkɐ «теленок-сосун (до 1 года)»; название буйвола: кабардинское хəw составилось из хə «море»+wə «вол», букв.: «морской вол», что указывает на более позднее распространение этого животного через приморских черкес, у которых (у нижних черкес) буйвол соответственно называется ҫsəʒ̊ᵥ←ҫsə «вода»+ʒ̊ᵥə (соответствующее каб. wə) «вол» т. е. «водяной вол»**); ʃə «лошадь»; тот же корень, повидимому, осложненный каким то суффиксом присутствует и в названии осла ʃəd; ħe «собака»—на древность и культовое значение этого животного в быту у черкес указывают такие мужские и женские имена собственные нижних черкес, как абдз.: ħaqᵥə соб. «кобель»; ħeķerez «старая черная собака»; ħeḥàķᵥ «собачья нога»; ħeťəğᵥəž «собака - волк»; ħeʊḥə «собачий хребет» (фамилия); ħeʊħeķᵥəm «собачье ухо» (фамилия); женские имена собственные: ħebz «сука»; такое обращение к родственице, как: а

*) Хотя, по собранным сведениям, кабардинцы морковь сажают, а не сеют (Б. Кабарда).

**) Тот же путь культурных приобретений от приморья к кабардинцам доказывается и историей термина ружье: каб. fenk прямо восходит к шапсугск. fenq, минуя бж., тем. mkᵥenᵷ, mħenᵷ.

šiĥebz «о, моя сука!» и проч.*) Удивительно, что наиболее распространенный в настоящее время скот—овца (равно как и коза) не имеет, как будто, соответственного первичного слова-названия, если не считать tя «баран-производитель, кочкарь». Наоборот, совсем не разводимая теперь, со введением мусульманства (с начала XVIII века), свинья представлена названием ҫᵒᴇ и, несомненно, разводилась раньше нагорными и прибрежными черкесами.

В отношении овцеводства мы должны предположить, что, повидимому, на Северном Кавказе повторилась в более поздний период та же смена пропорциональных отношений между крупным и мелким рогатым скотом, как и подробно изученная по материалам раскопок в Анау и по состоянию животноводства в современном Туркестане.**) Повидимому, у черкес на Кавказе первоначально преобладало разведение крупного рогатого скота, лошадей и свиней и лишь значительно позже количественно возобладало овцеводство, чему способствовало и распространение мусульманской культуры.

Значительное количество терминов первичного типа относится к технике скотоводства и использованию и обработке его продуктов, как bzə «самка», xᵒə «самец»; xᵒe, xᵒə «пасись, вытолачивай (пастбище), разводись»; ve «баз».

*) У кабардинцев не сохранилось аналогичных имен, но на то же значение собаки указывает следующее поверье. Если в какой-либо семье умирают дети, то их следует называть именами, начинающимися на слог he (напр., арабские имена hesan, hemeid, hezret и т. д.) Называя своих детей такими, по выражению кабардинцев, «собачьими именами», родители тем самым как бы показывают свою нелюбовь к ним и предотвращают этим их смерть.

**) См. Е. А. Богданов «Происхождение домашних животных» Москва 1913 г. стран. 32-36, результаты раскопок экспедиции K. Pumpelli 1903-1905 г. в Анау около Асхабада, со ссылкой на публикацию Duerst «Ein Beitrag zur Erforschung der Geschichte der ältesten Haustiere auf Grund der neuesten amerikanischen Ausgrabungen in Zentralasien» («Deutch. landw. Viezucht» 1906). В слоях до 7800 г. до Р. Х. установлено следующее процентное отношение между видами животных: крупн. рог. скот.—27%, овцы—22%, лошади—20% волки—11% (свиньи—0 ?); с 7800-6000 до Р. Х. лошади—28%, крупн. рог. скот—25%, овцы—25%, свиньи—12%, (волки—0 ?); с 6000-750 до Р. Х. (эпоха меди): овцы—25%, крупн. рог. скот —20%, свиньи—15%, козы—10%, собаки—2%; в 1903 г. в Туркестане: овцы—80%, козы—8%, лошади—4% крупн. рог. скот—0,1%.

«Молоко» —ʃe, «дои» —ʃə, «цеди» —žə, «заквашивайся, кисни» —pcᴇ, «квашеное молоко» —ʃxᵒə, «животное масло» —txᵒə, указывают на молочное хозяйство; «мясо»—lə, «туша»—bþe, «сало нутряное»—çe, «пекись, жарься»—ẓe, «варись»—we, «сушись, вялься» —þə—на приготовление мясной и др. пищи.

Особо следует упомянуть здесь названия мастей животных: fe «масть», þe—«рыжий», xᵒə—«светлый, белый» (про масть пятнами), çxᵒe—«серый» (масть и цвет) txᵒe «буланый».

Особенно развита часть словаря, относящаяся к обработке шерсти, что вполне соответствует доминирующему положению шерсти в одежде черкес: «шерсть, волос»—cə; «стриги (шерсть)»—çə; «чеши (шерсть)» —pxə, pxe; «сваливайся, скатывайся (о войлоке»)—pcᴇ; «пряди (нить)»—gə, ge; «вей (веревку); плети аркан» —çə; «плети круглый шнур»— ue; «плети тесьму; тки сукно»—çe; «валяй сукно ногами»—xᵒe; «крои»—bzə, bze; «шей»—də, de. К обработке кожи относятся термины: fe—«шкура; кожа; ремень», pkя—«штампуй кожу».

Обработка дерева и постройка жилища представлены в следующих словах: «дрова, дерево (как материал)» —pxe; «долото, долби»—bzə; «напилок»—lə; «стачивай (первоначально дерево, как у шапсугов) напилком»—xᵒe; «прожигай отверстие (в дереве раскаленным железом)» —lə; «хворост, прут»—kə; «плети плетень»—xᵒə; «обмазывай стену (глиной)»—lə; «крась» —le; «крой (крышу растительным материалом)»—bje; «дверь»—b7e. Наблюдаемое здесь развитие терминологии специально по плетению плетня, находится в связи с исключительной ролью различных родов плетня в быту черкес. Из него сооружаются стены жилищ, зернохранилища, базы для скота и пр. Переносной плетень служит также в процессе выделки бурок, сукна, в старину—для бороньбы и т. д.

Термины по обработке металлов почти отсутствуют. Такие слова, как «тай (о снеге); растапливайся (о масле); плавься (о металле)» tkя; «застывай (о

масле, металле)» ʔə; «накаливайся, нагревайся (о печи, металле)» pl̥ə — первоначально, конечно, не относились к металлам. Здесь можно упомянуть только l̥ə «точи (остри)», pkʁ «зубри, точи (серп, пилу)», причем последний корень по значению, повидимому, стоит в связи с pkʁ «прыгай».

Особого развития достигают в кабардинском словаре термины частей, отправлений и элементарных движений тела человека и животных:

«Голова»—çhe; «волос, шерсть»—cə; «рог, [копыто]»—bz̥e; «глаз»—ne; «смотри»—pl̥e, «нос»—pe; «чихай — [psə]; «рот (отверстие)» — və; «рот, челюсти (пасть)»—z̥e; «кашляй»—pske; «зуб»—ze; «ешь»—ʃxe, ʃxə; «пей; соси»—[fe]; «жаль (кусай)»—ue; «дуй»—pçe; «плачь»—jə.

«Шея»—pçe; «кисть руки»—ʁ; «предплечье, часть руки от кистевого до локтевого сустава»—ble, «бери»—çl̥e, [xə]; «хватай»—px̬e; «ступня (ноги); прыгай»—l̥e, «прыгай»—pkʁ; «бедро, ляшка»—k̬e; «иди, уходи, уезжай»—k̬ʁ; «проходи, проезжай (что)»—k̬ʁ; «беги; беги вскачь»—ʔe ;«ползи, пресмыкайся»—pçə; «[кость]; туловище, телосложение»—pqə; «грудь»—bje; «верхняя часть спины (плечи и верхняя часть лопаток)»—plʁ; «поясная часть тела»—bɮə; «спина ниже талии и ягодицы, задница»—pxe; «позвоночный столб»—txə; «мошонка»—ɮe; «половые органы»—ftə; «бзди»—q̬ʁ; «испражняйся»—cʁ, cя; «рожай»—l̥x̬e; «дуйся, надувайся; уставай от движения, запыхайся»—pçə; «лежи»—[l̥ə]; «стой»—[tə]; «сиди»—[sə]; «стой смирно, не двигайся»—ʔə.

«Масть (животного), цвет глаз и волос (человека)» fe, «рыжий (масть, цвет волос, цвет глаз)»—ɮe; «светлый, белый (о пятнах)»—[x̬ə]; «седей; седой» — tx̬ə; «буланый (о лошадях)» — tx̬e; «серый (о крупном рогатом скоте, цвете глаз)»—çx̬e.

«Мясо, тело»—lə; «чешись, зуди»—[ʃxe]; «шкура»—fe; «сердце»—g̬ə; «кровь»—l̥ə; «сухожилие»—x̬e; селезенка»—ke; «жизненная сила, одушевленность»—pse; «умирай, издыхай»—lʁ; «души, загрызай»—lя.

Итого, если считать только корни с именными значениями, наберется 34 названия частей и органов тела человека и животных и, кроме того, около 30 глагольных названий его отправлений и элементарных движений (глаголы).

Сочетаясь друг с другом эти именные «соматические» корни в свою очередь образуют значительное количество составных слов (composita) — названий частей тела.

Привожу несколько примеров из этой части словаря: nape—«глаза и нос→лицо в целом»; vəpe—«губы, соб.: перед рта, нос рта»; ʁpe—«носок кисти руки, крайняя точка выпрямленной ладони»; l̥ape—«носок ступни»; çherxe—«тыльная часть головы»; çhebɮ—«боковые части головы»; çheg̬əpe—«верхняя поверхность головы, соб.: лицевая часть головы»; ʁçhe—«внешняя поверхность кисти руки, соб.: верх кисти руки»; ʁg̬—«внутренняя поверхность кисти руки, ладонь»; ʁpçe—«сустав соединяющий кисть руки и предплечье, соб.: шея кисти (руки)»; l̥açhe-«верхняя поверхность ступни»; l̥echawe —«высшая точка под'ема (ступни)»; l̥eg̬ — «соб.: внутр. поверхность (сердце) ступни: подошва »; l̥apçe — «шея ступни: сустав соединяющий ступню и голень»; bz̥e—«рог», ne—«кусочек»?: ʁbz̥ane—«ноготь на руке»; l̥ebz̥ane—«ноготь на ноге»; nerq—«скула, соб.: кость глаза»; z̥erq — «челюсть, соб.: кость рта»; perq—«носовая кость»; blərq—плечо (сустав и кость), соб.: «предплечья кость» и т. д.

Таким образом, если учесть еще этот словарный материал, можно сделать вывод, что тело и его части обладают в кабардинском замечательно развитой терминологией.

Однако, не только количеством слов определяется исключительно важное место терминологии тела в системе кабардинского и других черкесских языков и в истории развития их грамматического строя. Развитие абстрактных и, отчасти, формальных значений в большинстве случаев имеет здесь своей отправной точкой именно названия частей тела. Несомненно,

что в этом отношении изучение кабардинского и других черкесских языков представляет большой интерес для общелингвистических выводов и сопоставлений. Правда, во многих других, может быть, даже в большинстве языков мы наблюдаем на отдельных примерах то же явление. Таково развитие значения «голова» от конкретного к абстрактному во многих европейских языках. С другой стороны, в персидском указывается аналогичное и, повидимому, вновь возникающее развитие реальных значений в формальные (предлоги)*). Но черкесские языки имеют в этом отношении известные преимущества. Во первых, сравнительная древность именно конкретных значений, относящихся к телу человека и животных, может быть прочно установлена здесь на основании некоторых фонетических и морфологических явлений. Кроме уже известного нам выделения большого числа названий тела в группу корней первичного звукового типа, приведу еще существенный граматический факт из области нижне-черкесского языка:

В нижне-черкесском языке (во всех наречиях) имеются два вида несамостоятельных (употребляемых префиксально) местоимений притяжательных. Один вид образуется от личных местоимений путем замены гласной «е» через «ə» (далее путем полной утраты

*) Сошлюсь на замечания по моему докладу «О развитии значений в кабардинском и др. черкесских языках», сделанные проф. Л. И. Жирковым Он указывает на следующие примеры развития соматических значений в абстрактные и формальные (значения предлогов) в современном персидском языке: .

соматические:		абстрактные:		формальные:
säг	голова	→	начало, конец, край, верх	→ на краю, у, на верху, на
bäг	грудь	→	перед (имя)	→ впереди, на
гц	лицо	→	поверхность	→ на
läb	губа	→	край, берег	→ на краю, на
pošt	спина	→		→ за спиной, сзади, за
däst	рука	→		→ в руках, с

и мн. другие

гласной). Притяжательные местоимения этого вида представлены, таким образом, корнями первичного звукового типа, находящимися к соответственным личным местоименным корням в таком же отношении, как сохранившийся в composita родительный именных корней (Genet.-Locat. пребывания)—к их дательному (Dat.-Locat. движения, см. выше стр. IX).

Другой вид несамостоятельных притяжательных производится от вышеуказанных местоимений первого вида путем присоединения к ним слога: уə, являющегося, повидимому, притяжательным же местоимением второго вида 3-го лица: «его», что по законам черкесской фонетики должно дать слог с огласовкой в виде долгого i (ī).

Первый вид притяжательных, несомненно относительно первичный по своему образованию, употребляется в н.-черкесском исключительно для обозначения физической принадлежности (т. е. принадлежности частей тела живому существу); вторично образованные же притяжательные второго рода употребляются для обозначения материальной (имущественной) принадлежности (т. е. принадлежности вещей их собственнику). Например, при местоимении se «я» в н.-черк. имеется притяжательное физической принадлежности sə- ‖ s-«мой собственный» и притяжательное материальной принадлежности səy-(каб. səı-) «мой, мне принадлежащий» ←sə+уə (каб. ıə), т. е. как-бы «мой-его». Вид притяжательного иногда определяет значение корня: zlə←s+lə «мое (собственное) тело» ←s(ə) «мой (физически)» +lə «мясо; тело», сравни səylə «мое (принадлежащее мне) мясо» ←səy «мой (имущественно)» + lə «мясо; тело».*)

*) В кабардинском языке притяжательные физической принадлежности отсутствуют и имеется только один вид притяжательных, употребляющийся во всех случаях и соответствующий по образованию притяжательным материальной принадлежности н.-черкесского языка: каб. səl-«мой» Uəl-«твой» и т. д. Этот факт отсутствия притяжательных первичного типа представляет, повидимому, результат более поздней стадии развития языка.

Этнологически интересно, что по отношению к словам — названиям родства первичного звукового типа — н.-черкесск. бж. тм.: ш'ə, кабард. ʃə «брат», первоначально: «сородич (без различия пола*))», рḳ̇ə, каб. рхᵥə-«дочь», ḳ̄e, каб. ḳ̇e «сын», употребляются также притяжательные физической принадлежности бж. тм. ʔə←s+ш'ə-«мой брат», но səуш'ə «моя лошадь» ←səу «мой (мне принадлежащий)»+ш'ə**) «лошадь»; sфḳ̇ə «моя дочь»; sḳ̄e «мой сын» и т. д. Те же местоимения применимы и к составным терминам родства: н.-черк. бж. тм. ḳ̄ешᵥ, каб. ḳ̇eʃ (ḳ̇ешᵥ) «двоюродный брат»***)←ḳ̄e, каб. (ḳ̇e) «сын» + ш'ə «брат-сородич»; н.-черк. бж. тм. ш'əфḳ̇, каб. ʃəрхᵥ «сестра»***) ←ш'ə «брат-сородич»+фḳ̇ə «дочь»: sḳ̄ешᵥ «мой брат», ʔəфḳ̇ ←s+ш'əфḳ̇ «моя сестра».

Первичные слова—ṯə «отец», пə «мать» обычно не употребляются с притяжательными, а в соединении с префиксом—а: аṯ, ап (соб. «их отец, мать»?) они требуют постановки притяжательных материальной принадлежности.

Таким образом, употребление особой категории притяжательных в нижне-черкесском языке может служить косвенным указанием на относительную древность именно «соматических» значений.****)

*) Инг. wo-шə «брат-однофамилец», т.-е. всякий взрослый мужчина по отношению к членам его рода (фамилии); уə-шə←уи-шə←уо-шə «сестра-однофамилица», всякая взрослая женщина по отношению к членам ея рода (см. Н. Яковлев «Ингуши» М. 1925 г. стр. 43, след.) и майстойск. (чеченск. диалектич.): woша, уоша (в том же знач.) имеют тот же корень—шə ‖ ша и префикс, указывающий грамматич. категорию (разумных существ мужск. и разумн. сущ. жен. рода) и сохранили в целости древнее значение корня: «сородич без различия пола по отношению к другим членам рода».

**) Звучит в н.-черкесском и кабардинском совершенно так же, как корень «брат».

***) Повидимому, итеративные сочетания: «сын-сородич», «сородич-дочь».

****) Наличность двух категорий притяжательных в н.-черкесском (пережитки и следы того же явления встречаются также во многих других языках) и тот факт, что притяжательные материальной принадлежности несомненно образованы из притяжательных физической принадлежности, как из первичных, позволяет с большой долей вероятно-

Из следующих примеров можно ясно видеть, что звукосочетания, имеющие «соматические» значения, могут иметь одновременно и ряд конкретных «несоматических» значений и ряд абстрактных значений. При этом между всеми указанными категориями значений еще очевидна прямая семантическая связь. Такое совмещение значений мы наблюдаем более чем у половины (19) именных корней первичного типа с «соматическими» семантиками из общего числа тридцати пяти. Ни одна другая из выделенных выше словарных групп первичного типа не дает такого значительного количества об'яснимых семантических совмещений, и лишь в отдельных случаях мы наблюдаем аналогичные единичные совпадения значений у «несоматических» корней, как: ᵥрже «дрова; дерево, как материал; материал (для обуви, для платья); материал (вообще)».

Таким образом, представляется наиболее вероятным, что отправным пунктом семантического развития рассматриваемой группы слов и корней являются именно «соматические» значения (конечно, для определенной эпохи развития черкесских языков). Конкретные же несоматические значения развиваются из соматических, очевидно, путем дифференциации значений в корнесочетаниях (composita). Здесь следует отметить, что утверждение, будто в языках народов более примитивной культуры должно быть большее количество слов, вследствие отсутствия абстрактных семантик,*) опровергается примерами черкесских и многих других

сти установить культурно-историческое приурочение этого, казалось бы чисто лингвистического факта. Очевидно, категория физической принадлежности развилась до возникновения частной собственности в эпоху родового строя, затем понятие физической принадлежности было перенесено и на отношения родства, и, наконец, в эпоху разложения родового строя и возникновения собственности появилась потребность и в грамматической категории материальной принадлежности. Отсюда можно заключить, что грамматическая категория притяжательных местоимений в эволюции языка является сравнительно очень древней и ее возникновение может быть связано еще с эпохой родового строя и с определенными экономическими и бытовыми явлениями.

*) Hirt, Etymologie, 2, стри. 98 след., ссылка на него у Braun'a «Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen» Leipz.1922 стр. 38.

языков. Хотя абстрактные семантики в них первоначально могут и отсутствовать, но для, обозначения «единичных представлений» эти языки обходятся сочетаниями сравнительно немногочисленных корней, имеющих «единичные» конкретные значения. Так у кабардинцев корень первичного типа «mə» имеет «единичное» значение: «дикое яблоко»; для выражения другого единичного представления: «садовое яблоко» употребляется корне-сочетание: mə-ɐ-rə-se, букв.: «дикое яблоко, руками посаженное». Слово с семантикой «яблоко вообще, всякое яблоко», таким образом, в кабардинском языке отсутствует. Точно также: vəne имеет значение: «деревянный колышек, забиваемый в стены жилищ и служащий в качестве вешалки» (по русски обычно зовется самими кабардинцами: «деревянный гвоздь»); «железный гвоздь» выражается через: ɮəçy-vəne т. е. букв.: «железный деревянный колышек»; термин, аналогичный русскому—«гвоздь вообще» отсутствует.

Сочетания немногих единично-значимых корней могут, таким образом, заменить необходимость иметь для каждого единичного представления отдельное слово.

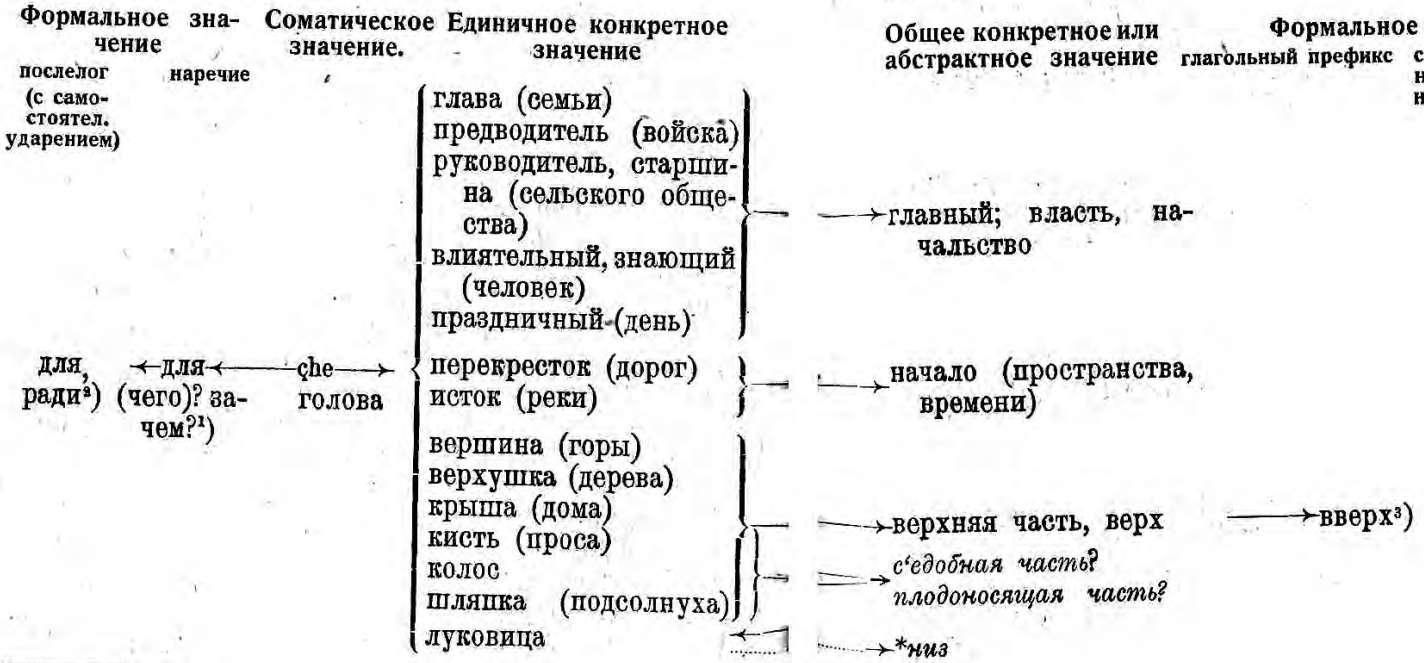
Абстрактное значение корня, повидимому, развивается именно из единичных значений его в сочетаниях. Только при этом допущении можно об'яснить развитие противоположных значений одного и того-же звукосочетания. Так, при естественном с нашей точки зрения развитии абстрактного значения «верх» из «голова», единичное значение «луковица» из того же «голова» легко могло-бы послужить отправным пунктом для развития абстрактного значения «низ». Из «нос» через единичные конкретные значения развиваются одновременно «начало (пространства)» и «конец (пространства)» (последнее значение ясно в глагольных приставках). Наконец, из «нос» и «хвост» развиваются тождественные абстрактные значения «конец», а «хвост» дает возможность для развития наряду с «задний конец» значения «передний конец»,

В ниже приводимых примерах развития значений стрелками обозначено направление семантического развития; курсивом выделено гипотетическое (возможное) развитие значений, фигурной скобкой—группа единичных значений, принимаемая за отправной пункт развития абстрактного значения.

Несомненно, что факты черкесских языков в области развития значений потребуют еще детального изучения, но уже сейчас можно сделать некоторые выводы. Ни одна семантическая группа слов первичного типа в кабардинском языке (да и в других черкесских языках) не дает такого большого процента об'яснимых семантических совпадений единичных и общих значений (19 корней из 35), как слова с соматическим значением. Помимо того в пользу древности именно соматических значений говорит выделение их в нижне-черкесском языке в особую категорию физической принадлежности. Поэтому естественно предположить, что как раз соматические значения в определенную эпоху развития черкесских языков послужили отправным пунктом семантического развития. От соматического значения через единичные значения в корне-сочетаниях развивались абстрактные или общие конкретные значеия. Наряду с этим из реальных значений развивались формальные значения.

Особенно важно подчеркнуть, что кабардинские (и нижне-черкесские) примеры развития значений чрезвычайно интересны, так сказать, и по диапазону этого развития. В девяти случаях они одновременно дают пример развития абстрактных, формальных значений из конкретных, реальных. В таких случаях, как «голова», «нос» и «хвост», развитие значений представлено в языке почти во всех мыслимых его стадиях, начиная с соматических и единичных конкретных и кончая различными видами формальных и абстрактных значений. Обращает на себя внимание также: развитие значений «цвет, окраска» из «масть, цвет глаз и волос», и происхождение названий отдельных цветов «белый»,

«желтый»,—образуемых с помощью одного и того-же суффикса из названий мастей животных и цвета глаз и волос человека, т. е. из названий, так сказать «соматической» окраски — «светлый», «рыжий», — представленных в языке корнями первичного типа. Здесь, может быть, находит об'яснение и тот факт, что в языках многих народов примитивной культуры первоначально отсутствуют названия таких казалось бы распространенных в природе цветов, как «синий» и «зеленый».

[1]) Ср.: çha?, где долгота гласной формально выражает вопрос, ср. н.-черкес.: ʷe adəγ «ты черкес»; ʷe adəγa? «ты черкес?» и др.

[2]) Ср.: çhe-kʁ, где kʁ падежный суффикс с орудным (инструментальным) значением.

[3]) Например, в составе сложного префикса и в связи с суффиксом: çhe-de-...-x «вверх-рядом-... -вниз» → «через (верх), пере-»; напр.: çhedex «переходи (напр., через плетень)» çhedeɜəx «переброс» и т. д.

Черкесские языки и, в частности, кабардинский создают особенно благоприятные условия для исследований в области развития семантики, так как в них мы находим в концентрированном виде то, что в других, более известных языках обычно можно наблюдать лишь на отдельных разрозненных примерах и в отдельных фазах развития.

Ниже привожу в форме таблиц примеры такого развития значений, наблюдаемого в кабардинском языке:

Общее конкретное или абстрактное значение	Формальное значение: глагольный префикс	Формальное значение: словообразовательный или словоизменительный суффикс
главный; власть, начальство		
начало (пространства, времени)		
верхняя часть, верх		вверх[3])
с'едобная часть? плодоносящая часть?		
*низ		

— XXVI —

Формальное значение: послелог (с самостоятел. ударением)	наречие	Соматическое значение	Единичное конкретное значение	Общее конкретное или абстрактное значение	Формальное значение: глагольный префикс	Формальное значение: словообразовательный или словоизменительный суффикс
	ре — нос		ближний конец (земледельческой полосы, грядки)	начало (пространства, времени)	→ начало[1]	
			тонкий конец (веревки*)	передний конец; перед, передний, первый	→ нос, по носу[2]	
			острие (иглы)			
			острый конец, кончик (ножа, кинжала)			
			конец (рога)	*конец* (пространства вообще)	→ возле конца[3]	
			устье (реки)			

[1]) Ср. pe-ɬe «ожидай», букв.: «на начало смотри»; pet «продолжай, тратъ время, занимай время», букв.: «в начале находись».

[2]) Ср. pə-ɬe «останови (быков)» букв.: «бей по носу, бей нос», см.: словарь, корень ɬe

[3]) Ср. gəpkem pə-ɬhe «положи в конец арбы», ʔəɮm pə-t «стой, виси на (букв.: конце ветки) дерева»; ɬəɬexer zepətç «дома стоят концами (т. е. короткими стенами) друг к другу, стоят стык в стык».

kʁ хвост			дальний конец (селения, участка)	конец (пространства, времени)	→ возле (конца)[1]	
			нижний (по течению реки) конец селения			
			толстый конец (веревки)*)			
			тупой конец (иглы)	задний конец; зад, задний, последний[2]		
			острый конец, кончик (ножа)	**передний конец*		
			яйцо (птицы)			
н.-черкес.			древко (орудия, напр.: грабель, лопаты)[3])	каб.: манера, способ, образ	→ падежный суффикс с орудным значением[4])	
			черенок (ножа)[3])			

[1]) ʃəm kʁ-s «садись на лошадь возле хвоста || садись в торока (позади седла)»

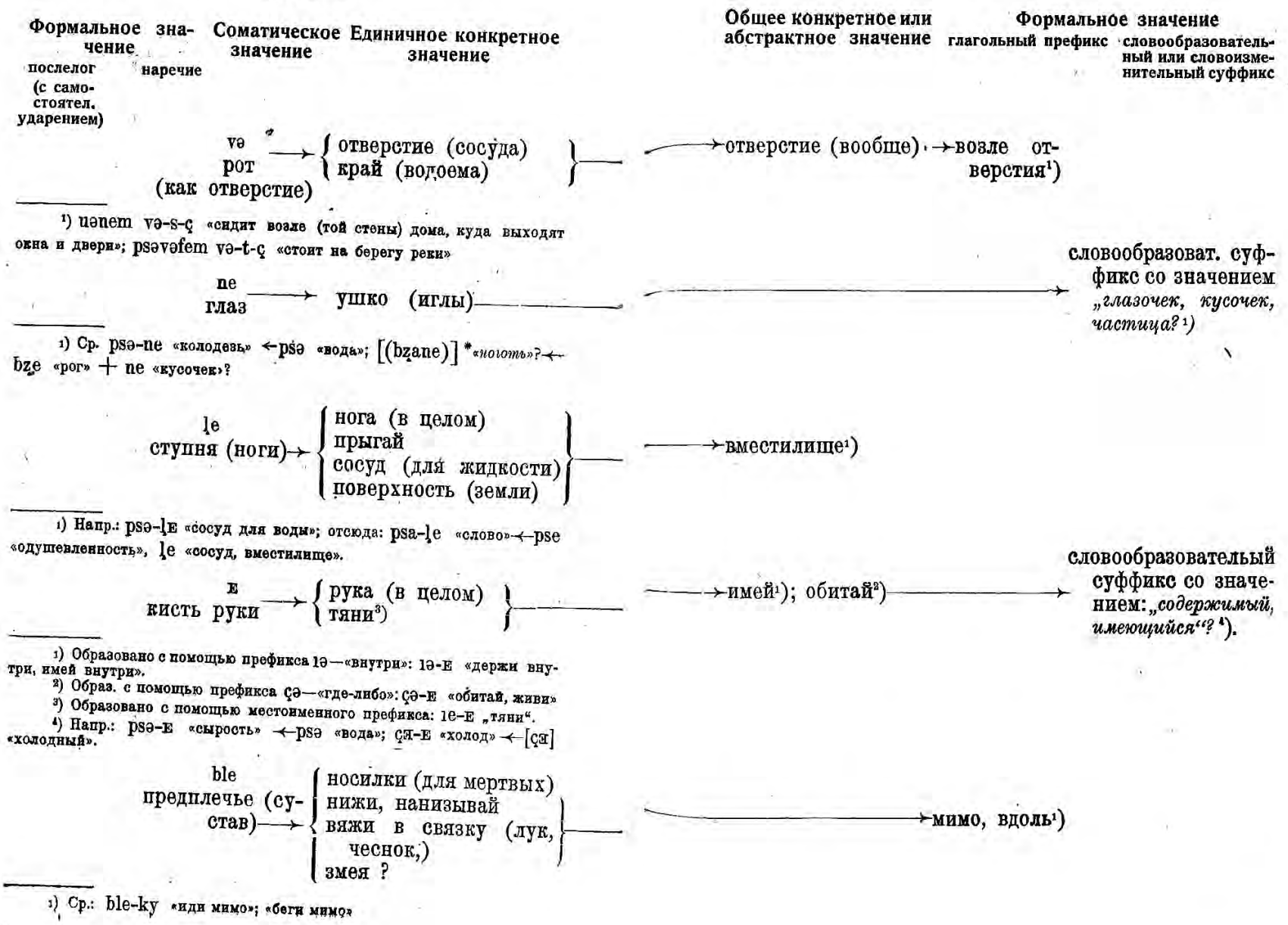
[2]) bɮəm kʁ-rə-s «сиди на [самом] обрыве || [внизу] возле обрыва»

[3]) В каб. мы имеем kʁ в т. же значении (о возможности формального изменения корневой гласной см. выше стр. IX-X)

[4]) Ср.: gəp-kʁ «конец арбы»,—gə-kʁ «арбою, с помощью арбы».

*) Ср.: примеч. на стр. 75

— XXVII —

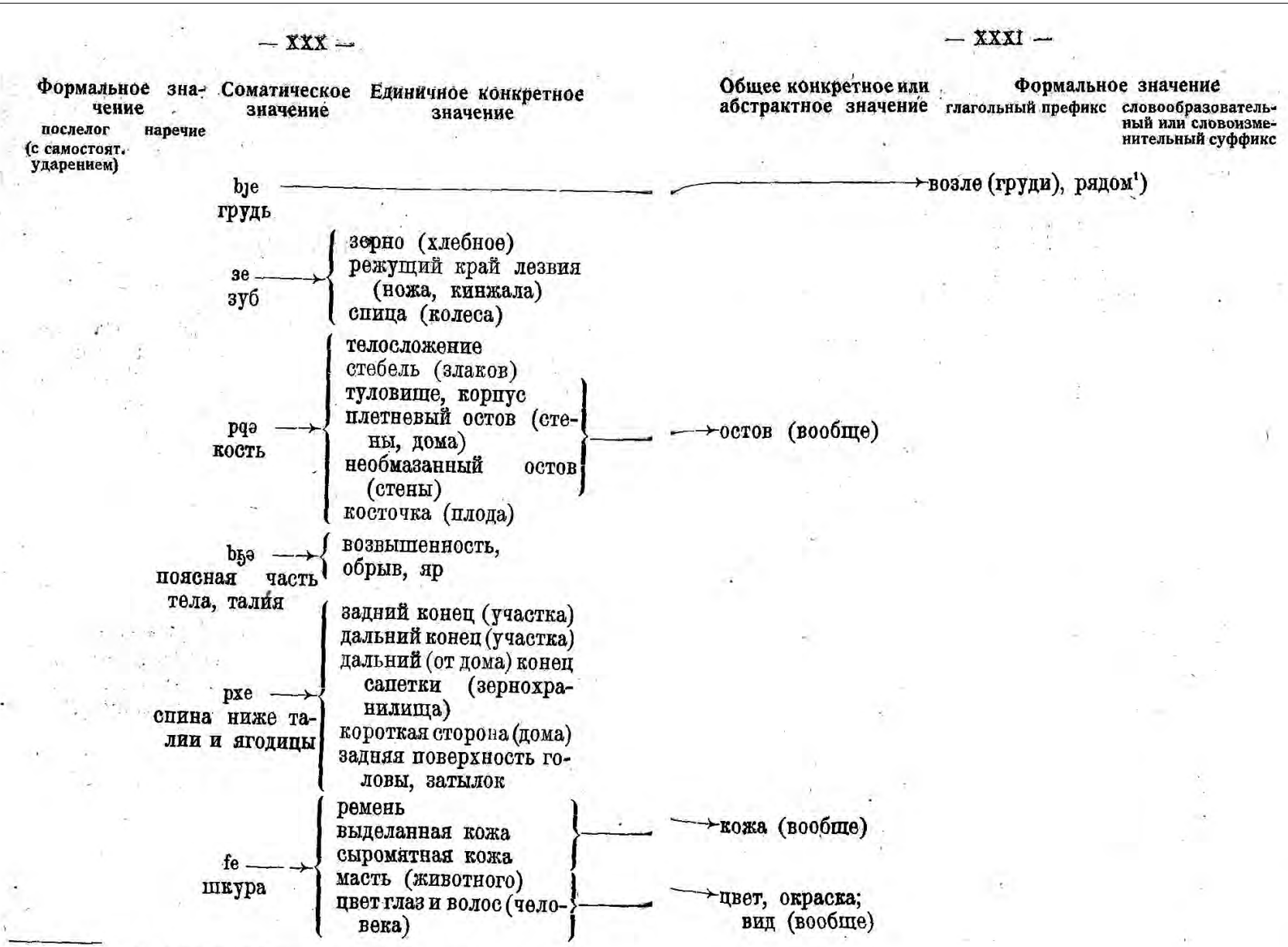
1) nənem və-s-ç «сидит возле (той стены) дома, куда выходят окна и двери»; psəvəfem və-t-ç «стоит на берегу реки»

1) Ср. psə-ne «колодезь» ←psə «вода»; [(bzane)] *«пояс»?← bze «рог» + ne «кусочек»?

1) Напр.: psə-ɬE «сосуд для воды»; отсюда: psa-ɬe «слово»←pse «одушевленность», ɬe «сосуд, вместилище».

1) Образовано с помощью префикса lə—«внутри»: lə-E «держи внутри, имей внутри».
2) Образ. с помощью префикса çə—«где-либо»: çə-E «обитай, живи»
3) Образовано с помощью местоименного префикса: le-E „тяни“.
4) Напр.: psə-E «сырость» ←psə «вода»; çɜ-E «холод» ←[çɜ] «холодный».

1) Ср.: ble-ky «иди мимо»; «беги мимо»

[1]) В составе сложного префикса: bje-de-... букв.: «(с) грудью рядом...», Ср.: bje-de-t-ç «стоит рядом» и т. д.

Формальное значение: послелог (с самостоят. ударением)	Формальное значение: наречие	Соматическое значение	Единичное конкретное значение	Общее конкретное или абстрактное значение	Формальное значение: глагольный префикс	Формальное значение: словообразовательный или словоизменительный суффикс
		x̌ᵒə ——→ светлый белый (цвет пятен — масть животных)	белый (нос) ——→ белая (голова) и т. д.	——→ белый (цвет вообще)[1]		
		ǰe ——→ рыжий (масть)	рыжая (лошадь) рыжая (корова) рыжие, т. е. светло-карие?, желто-карие? (глаза)	——→ желтый (цвет вообще)[1]		
		ç̌x̌ᵒe ——→ серый (масть крупн. рогатого скота)	серый (бык и пр.) серые (глаза)	——→ серый (цвет вообще)		
		t̆x̌ᵒe ——→ буланый (масть лошадей)	буланая (лошадь)[2]			

[1]) Названия цветов образуются от соответственных названий мастей с помощью словообразовательного суффикса -ẓ: x̌ᵒə-ẓ «белый», ǰe-ẓ «желтый», ср. еще pl̆ə-ẓ «красный» от pl̆ə «накаливайся; накаливающийся»

[2]) Сравни: tk̆ᵒə «седей; седой».

Примечание. В таблице стрелками показано предполагаемое направление развития значений. Курсивом набраны гипотетически восстанавливаемые значения. Курсивом, пунктирной стрелой и звездочкой обозначено развитие значений, фактически в языке не представленное, но возможное.

В заключение, необходимо сказать несколько слов об употребительных в словаре условных знаках и транскрипции.

Звукосочетания первичного звукового типа вынесены влево на поле и расположены в алфавитном порядке фонем (см. ниже таблицу транскрипционных соответствий, стрн. 134). Справа, с полустраницы даны их значения. При развитой в кабардинском системе омонимов грамматически различно определяемые семантики (различные части речи) или семантики, хотя и находящиеся в пределах одной и той-же грамматической категории (одна и та же часть речи), но с очевидностью не связанные друг с другом,—расположены в словаре особыми абзацами. Различные, но очевидно близкие друг другу семантики расположены в одном и том же абзаце и отделяются друг от друга точкой с запятой. Наконец, синонимы, передающие одну и ту же кабардинскую семантику, отделяются друг от друга запятой. Грамматически различно определяемые семантики (различные части речи) условно обозначены в словаре перед английским и русским значениями следующими сокращениями в круглых скобках: с.—существительное; пр.—прилагательное; ч.—числительное; м.—местоимение; гл.—глагол; со.—союз, и в словаре расположены обычно в только что приведенном порядке. Впрочем, по условиям трудности набора и верстки надлежащее расположение значений в этом издании не могло быть вполне выдержано.

Имена введены в словарь в неоформленной в отношении числа и падежей форме; местоимения—в форме, неоформленной в отношении падежей; глаголы—в форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, могущей одновременно иметь значение причастия наст. врем. (у переходных глаголов—с страдательным, у непереходных—с действительным значением).

Корни или отдельные значения, самостоятельно не употребляемые, отмечены квадрат. скобками; всякого рода примечания к значениям заключены в круглые скобки.

Примерно с трех четвертей страницы слева под каждым словом ‖ корнем первичного звукового типа приводятся фразеологические и морфологические (composita и проч.) примеры его употребления, заимствованные, как из живого разговорного языка, так и из пословиц, поговорок и проч. Язык песен, как более архаичный, в словаре не использован. В русском переводе этих примеров, по возможности, сохраняется порядок слов подлинника, что оказалось невозможным соблюсти в английском переводе. В квадратные скобки в переводах фразеологии заключены необходимые в русском или английском элементы литературного перевода; в круглых скобках приводятся элементы буквального перевода кабардинского текста. Двумя параллельными чертами разделены элементы словаря или фразеологии, факультативно употребляемые друг вместо друга.

Каждое звукосочетание первичного звукового типа, вынесенное влево, написано—во первых, разработанным мною проектом практического латинского алфавита для кабардинского языка, во вторых, яфетидологической транскрипцией,*) приспособленной и дополненной мною согласно указаниям академика Н. Я. Марра применительно к кабардинскому языку и, в третьих, арабским алфавитом, в форме, принятой для письма на нижне-черкесском языке. Последнее написание введено мною для того, чтобы словарем могли пользоваться, как нижние черкесы, которые пока обучаются грамоте на родном языке с помощью арабского алфавита, так и те из кабардинцев которые грамотны только по арабски или до сих пор пользуются арабским алфавитом для письма на родном языке (напр., кубанские кабардинцы в Карачаево-Черкесской Авт. Области). Принятая мною яфетидологическая транскрипция дает точное научное написание кабардинского текста, графически изображая только отдельные

*) В тех случаях, когда первое и второе написания совершенно тождественны, мною оставляется обычно одно первое.

фонемы этого языка. Варианты же фонем (т.-е оттенки звуков, не связанные со значением слов), особенно богатые в области кабардинских гласных, в письме не выражаются. Таким образом, принятую в словаре систему научной транскрипции следует назвать «фонематической» в отличие от обычно принятой «фонетической», которая стремится с наибольшей точностью выразить на письме все комбинаторные и факультативные варианты фонем, т. е. отразить все действующие в данном языке законы связывания звуков в контекст.

Фонематическая транскрипция удобна в тех случаях, когда издаваемые тексты языка не предназначены, как в данном случае, для специально фонетических целей. В то-же время она дает научно необходимый минимум звуковых отличий, связанный с различением в языке значимых единиц. Тех лиц, которые хотели бы восстановить полностью и звуковые оттенки фонем, появляющиеся в зависимости от звукового контекста, я отсылаю к своей работе «Таблицы фонетики кабардинского языка».*) На основании изложенных в ней фонетических законов, любой из текстов словаря легко может быть перетранскрибирован в точнейшем фонетическом написании.

Предлагаемый мною для кабардинского языка проект практического алфавита на латинской основе разработан еще в 1923 году и нуждается здесь в особом пояснении. Я счел необходимым опубликовать его в этом издании по двум причинам. Во первых, для довольно значительного числа кабардинцев, грамотных только на принятом в Кабардинской Авт. Области латинском алфавите, затруднительно будет пользоваться словарем, изданным одной яфетидологической транскрипцией, вследствие ея сравнительной сложности и недостаточной различимости некоторых букв (точки сверху и снизу). Между тем, в Москве

*) Москва, 1923, с приложением «Словаря примеров к таблицам».

кабардино-латинский шрифт отсутствует и потому в словаре не мог быть издан параллельный текст на нем.

В то же время предлагаемый мною проект в большинстве графических начертаний совпадает с принятым в Кабарде алфавитом*) и лица, знающие последний, легко смогут читать тексты, написанные моим алфавитом. Во вторых, надо признать, что и принятый в Кабарде латинский алфавит и орфография далеко еще не установились окончательно. Со времени опубликования первого проекта Хуранова в 1923 году**) кабардино-латинский алфавит уже два раза был коренным образом переработан. Первая переработка опубликована в букваре Хуранова 1924 г.***) и вторая—в букваре Борукаева 1925 г.****). Таким образом, окончательная выработка кабардинской системы письма еще предстоит в будущем и я смею надеяться, что публикуемый теперь мною проект кабардино-латинского алфавита внесет свою лепту в общее дело создания национальной письменности кабардинцев и всех народов Адыге.

По сравнению с принятым в настоящее время кабардино-латинским алфавитом, предлагаемый проект обладает следующими преимуществами. Во первых, вместо существующих 48 (Букварь Хуранова) — 47 букв он выражает на письме все фонемы кабардинского языка минимальным количеством знаков—всего 43-мя. Во вторых, надгортанные и лабиализованные фонемы кабардинского языка, изображаемые в современном кабардино-латинском письме с помощью сочетаний из 2-3-х знаков (т. е. с помощью двойных-тройных букв), в предлагаемом проекте пишутся или одинарными буквами или так, что число букв, необходимых для изображения слога, не превышает числа звуков

*) Отчасти это явилось результатом того, что еще зимой 1923-24 г. кабардино-латинский алфавит был переработан его авторами в сторону сближения с моим проектом, который был в то время по просьбе кабардинского ОНО передан в копии Зав. ОНО Б. Хуранову.

**) Опубликован в виде листовки, Нальчик.

***) „Qeberdej Txyl 1924 Nalšyk".

****) „De doge de dolaze".

в нем*). Это создает значительную экономию пространства (бумаги, шрифта) по сравнению с существующим кабардино-латинским письмом. В третьих, предлагаемый проект кабардинского письма разработан без каких бы то ни было надстрочных или подстрочных значков. С помощью его любое кабардинское слово может быть написано без отрыва руки от бумаги, тогда как существующий алфавит насчитывает 7 (по Хуранову) букв, снабженных надстрочными (диакритическими) знаками. Несмотря на все эти несомненные достоинства выдвигаемого проекта кабардинского письма, я далек от мысли навязывать его кому бы то ни было. Создание алфавита и системы письма дело не только чистой техники, но также дело творческой национальной общественности. Самые совершенные с технической стороны алфавиты и системы письма имеют шанс войти в жизнь только тогда, когда они проработаны и осознаны самой национальной общественностью. Дать пищу для этой плодотворной работы и является целью опубликования моего проекта.

Прежде всего необходимо пояснить каким образом в моем проекте получается экономия букв и вместе с тем избегаются двухбуквенные написания для выражения единых звуко-фонем. Проблема эта была решена мною не только по отношению к черкесским языкам. Решение ея проверено на материале русского алфавита и на проектах письма для тех тюркских языков, которые строго соблюдают закон сингармонизма. Проблема экономии букв в алфавите в общем виде может быть выражена математической формулой, впервые доложенной мною на I всесоюзном тюркологическом с'езде в марте 1926 года**) и может решаться по отно-

*) Исключение представляют очень немногие случаи написания надгортанных согласных в конце слов.

**) Работа передана для опубликования в Бюллетень I-го всесоюзного тюркологического с'езда № 4 Баку 1926 г. См. тезисы к моему докладу на с'езде.

шению к любому языку, фонематический состав и законы сочетания звуков которого известны. Эту формулу я назвал формулой построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита; сущность ея сводится к следующему:

В языке существуют звуковые отличия (звуки) двух категорий. Одни связаны с различением значений (смыслом) слов. Этот род звуков называется в науке «фонемами»; проще можно было бы назвать их самостоятельными звуками языка. Другой род звуков наблюдается исключительно в определенных сочетаниях (соединениях) звуков друг с другом в речи. Этот род звуковых отличий называется в науке «комбинаторными» вариантами фонем или проще—звуковыми «оттенками» фонем. Система практического письма должна графически отражать все фонемы языка. Проще всего это сделать, вводя для каждой фонемы отдельную букву. Это можно выразить следующей формулой.

$$A = n_b + n_a$$

Где A—общее число знаков алфавита

n_b — число самостоятельных согласных звуков (фонем) в языке.

n_a — число самостоятельных гласных звуков (фонем) в языке.

Однако многие языки, в том числе и кабардинский, допускают дальнейшее упрощение алфавита путем уменьшения количества букв в нем. Количество букв может быть уменьшено в алфавите на следующую величину: $(n_{b\|b} - n_{a\|a})$, где $n_{b\|b}$—число парно различаемых согласных звуков (фонем ‖ вариантов) в сочетаниях с соответствующими парно-различаемыми гласными, а $n_{a\|a}$ — число парно-различаемых гласных (вариантов ‖ фонем) в сочетаниях с теми же парно-различаемыми согласными.

Например, в русском языке имеется парное различение мягких и твердых, по этому признаку взаимно

противопоставленных согласных фонем, которых всего насчитывается 12 пар *). Сочетаться как с твердыми, так и с мягкими парными согласными могут четыре гласных фонемы в соответственных парных вариантах: ᵇa ‖ a, ᵇo ‖ o, ᵇy ‖ y, ᵇи ‖ ы, так как перед фонемой «e» не различаются твердые согласные фонемы**).

В кабардинском, как и в нижне-черкесском языке имеются две группы таких парно-противопоставленных согласных фонем. Во-первых, фонемы, взаимно различаемые по признаку надгортанности ‖ подгортанности экспирации (т. е. источника выдыхания воздуха); таких пар в кабардинском десять:

fy ‖ f; ly ‖ l; ҫy ‖ ҫ; py ‖ p; ty ‖ t; kᵥy ‖ kᵥ; qy ‖ q; cy ‖ c; ky ‖ k;

Разница в произношении этих пар согласных видна из следующих примеров: lы «мужчина» — lə «кровь»; tы «копай (что)» — tə «дари (что)» и т. д. Во-вторых, в кабардинском имеются фонемы взаимно противопоставленные по признаку пассивной лабиализации ‖ активно-выступающей округлой лабиализации (т. е. движения губ вперед); таких пар в кабардинском восемь: xᵥ ‖ x; χᵥ ‖ χ; ɟ ‖ j; gᵥ ‖ g; kᵥy ‖ ky; kᵥ ‖ k; qᵥ ‖ q; qᵥy ‖ qy; разница впроизношении этих фонем видна из следующих примеров: рхехᵥ «береза (белое дерево)», рхех «пила (букв.: берущая дерево?)», ҫехеu «быстро», ҫехᵥeu «гоня под», begᵥ «болезнь, вызывающая у детей гнойники на теле, золотуха?» — beg «паук»**), ɟapḷe «медь» — japḷe

*) Пары эти следующие: мь ‖ м, нь ‖ н, ль ‖ л, рь ‖ р, фь ‖ ф вь ‖ в, сь ‖ с, зь ‖ з, пь ‖ п, бь ‖ б, ть ‖ т, дь ‖ д. Сюда можно причислить еще три пары: кь ‖ к, гь ‖ г, хь ‖ х, хотя представленные в них мягкие средне-твердонебные в русском языке имеют гораздо более ограниченное применение. Впрочем, последнее прибавление не отражается на результате вычислений по нашей формуле, как это будет ясно из дальнейшего.

**) Ср. например: окончания местного (предложного) падежа ед. числа в русском.

***) Правда, теперь в кабардинском ky, g, k произносятся, как шипящие аффрикаты, чаще, чем, как мягкие средне-твердонебные мгновенные. Однако, для целей практического алфавита можно пренебречь этим различием, тем более, что в современном кабардинском оба способа произношения еще одинаково возможны и могут быть охарактеризованы, как диалектические или факультативные варианты одной фонемы.

«заставляй, пускай смотреть,» jaɟ «суши» jaj «заставляй, пускай плакать» и т. д.

Если теперь обратиться к возможным способам практического написания вышеуказанных категорий звуков, то они могут быть следующими. В русском первый слог в слове «няня» может быть изображен тремя способами: «ня», где одинарная особая буква н изображает мягкую согласную фонему, или: «нь,» где тот же звук изображен двумя знаками т. е. двойной буквой «нь», или наконец «ня», где качество согласной фонемы изображено с помощью особой буквы для соответственного варианта гласной. Все эти три написания графически противопоставлены написанию: «на», где с тою же гласной фонемой сочетается соответственная парная твердая согласная. Любой из этих трех способов может быть применен и в кабардинском, вопрос только в том, какой из них выгоднее с точки зрения практической письменности. Если, изобразить, например, сочетание глухой подгортанной согласной фонемы с гласной e: te «дари», то глухую надгортанную в том же сочетании можно изобразить, как t—te «копай», т. е. соответственно первому способу написания, когда для парных согласных фонем введены особые буквы (таков же способ написания арабскими буквами, ср: ت и ط); или мы можем изобразить надгортанную через ty — tye «копай» где «y» отдельный знак надгортанности согласного, и надгортанная согласная фонема изображена, таким образом, двойной буквой (таков способ, принятый современным практическим кабардинским письмом Хуранова и других, только вм. «y» ими принят знак «h»: the «копай» и т. д.), или, наконец, можно написать tы «копай», где надгортанность согласной выражена с помощью особой буквы для гласной. Последний способ и принят мною в предлагаемом проекте практического письма, как наиболее выгодный для кабардинского языка. Выгодность его в смысле экономии числа букв в алфавите может быть легко вычислена по выведенной мною формуле.

Из всего сказанного ясно, что экономия букв в алфавите, в частности, возможна в том случае, если в данном языке есть многочисленная группа парно различаемых согласных фонем и сравнительно немного гласных фонем, варианты которых могут сочетаться с вышеуказанными парными согласными. В этом случае вместо того, чтобы вводить значительное количество отдельных букв для согласных, можно изображать те же согласные фонемы, введя меньшее число дополнительных букв для соответствующих парных оттенков гласных, другими словами можно звуковые особенности согласных на письме выразить через дополнительные буквы для гласных. При этом придется ввести еще один особый дополнительный знак для графического различения парных согласных, находящихся не в сочетаниях с гласными (напр.: в конце слов, перед согласными и т. д.).

Тогда формула примет следующий вид для тех языков, которые могут применить эту «слоговую» систему письма (как русский; черкесский на Кавказе):

$$A=(n_b+n_a)-(\pm n_{b\|\!|b}\mp n_{a\|\!|a})+1$$

где единицей обозначен дополнительный знак. Очевидно, эта формула дает выгодный в смысле уменьшения числа букв в алфавите результат лишь в том случае, если второй член ее представляет отрицательную величину, т. е. если число гласных вариантов, для которых вводятся особые буквы, значительно меньше числа сочетаемых с ними парных согласных фонем.

Как раз такое условие мы и находим в кабардинском. Здесь имеется всего шесть гласных фонем, е, ə, а и ɐ, ы, ʌ. Последние три фонемы физиологически разлагаются на «крепкий приступ»—ʔ и соответственную гласную фонему первой тройки. В виду того, что фонемы ɐ (напр.: «кисть руки; рука»), ы (напр.: ыj «держи»), ʌ (напр.: ʔəıʌ «сказанный») в сочетаниях с предшествующими надгортанными ‖ подгортанными парными согласными фонемами встречаются очень редко и лишь в морфологически ограниченном ряде случаев*), для обозначения надгортанных согласных можно воспользоваться теми же буквами, которые будут служить и для выражения указанных трех гласных фонем, тогда число $n_{a\|\!|a}$ в нашей формуле можно принять равным нулю. Результат вычисления для кабардинского языка тогда будет следующий:

$$A=(46+6)-(10-0)+1=43,$$

если за основу экономии знаков возьмем число надгортанных ‖ подгортанных парных согласных, и

$$A=(46+6)-(8-3^{**})+1=48,$$

если экономию букв произведем за счет лабиализованных ‖ нелабиализованных парных согласных. Отсюда ясно, что первый способ построения алфавита дает для кабардинского наилучшие результаты***). Он и положен в основу опубликовываемого проекта.

По этому способу для обозначения надгортанных согласных фонем применяются особые буквы для следующих за этими согласными гласных: ɐ вм. е; ы вм. ə; и ʌ вм. а, которые для легкости усвоения графики все представляют собою однообразные парные отличия (прописная и введеная в строку соответственная заглавная буквы). Те же буквы: ɐ, ы, ʌ служат и для обозначения трех гласных фонем: ʔе, ʔə, ʔа (ъ ъ, ъ). Если согласная попадет в положение не перед гласной (в исходе слова, перед согласной), что в кабардинском вообще случается относительно редко, то в этом случае после

*) А именно; когда представленные одной согласной фонемой местоименный префикс или глагольная приставка сочетаются с глагольным корнем, начинающимся с одной из трех гласных: Е, Ы, А.

**) Только три буквы для гласных придется прибавить в алфавит потому, что лабиализованные ‖ нелабиализованные пары согласных фонем не сочетаются с последующими тремя гласными фонемами Е, Ы, А одного с ними слога.

***) По отношению к каждому отдельному языку результаты вычисления получаются разные. Так, для нижне-черкесского языка выгоднее проведение экономии за счет именно лабиализованных согласных.

ивать реже встречаемым звукам. Поэтому в парах: fy || f, ly || l, ҫy || ҫ, ry || r, ty || t, ky || k, kᵚy || kᵚ, cy || c более сложное написание присвоено реже встречаемым в кабардинском надгортанным фонемам, в то время как в парах: qy || q, qᵚy || qᵚ очень частые в кабардинском задне-мягконебные надгортанные, наоборот, потребовали для себя простейшего графического изображения.*)

Для фонем «ж» и «ш» мною введены особые одинарные лишенные диакритических значков буквы ʒ и ʃ, случайно не совсем удачно отлитые в типографском шрифте, но довольно удобные для письма.

Некоторых пояснений требует и принятая мною орфография.

Из отдельных звуков наличные в кабардинском долгие дифтонгообразные гласные: ɔ̂ᵘ, û̆ᵘ, ê̆ⁱ, î̆ⁱ, изображаются мною последовательно через двухбуквенные начертания: ɐu (ɐᵚ), əu (əᵚ), ei (ey), əi (əy). Такой способ изображения принят потому, что в подлинно кабардинских словах эти звуки почти во всех случаях являются результатом слияния двух смежных фонем: краткой гласной и ᵚ или «у» одного с ними слога (т. е. перед согласной или в исходе); при чем те-же обе фонемы ясно произносятся раздельно, будучи в ином фонетическом положении отнесены к двум разным слогам (в положении перед гласной)**). Правда, в середине слов было бы правильнее фонетически и во многих случаях также этимологически писать эти двухбуквенные начертания в обратном порядке, ср.: ɪet (yɐə) «ему дари»—seɪt (seyə)←s+ɪet (s-yɐə

*) Этот принцип вовсе не представляет собою моего изобретения. Здесь я лишь пытаюсь теоретически (фонематически) осмыслить то, что практики кабардинской письменности начиная с Атажукина и кончая Шеретлоковым и др. давно начали применять на деле в кабардинской орфографии.

**) Ср. напр: pseu (ҏseᵚ) «живи» (читай: ҏsɔ̂ᵘ) и pseuən «житие (отлагольное имя)» читай: ҏseᵚən; feu (читай: fɔ̂ᵘ) «мед» и feuəḷeᵚ (читай: feᵚəḷe) «сосуд для меда»; другие примеры см. Н. Яковлев, «Словарь примеров к таблицам фонетики кабардинского языка» М. 1923 г. стрн. 97-99.

соответственной согласной буквы пишется особый знак «надгортанности»: «у». Таким образом, число «двойных букв» в системе письма сведено к минимуму, так как все активно лабиализованные фонемы изображаются особыми тоже одинарными буквами, единообразно (с помощью связно написанного с буквой кружочка) видоизмененными из начертаний соответственных букв для пассивно-лабиализованных.

Для тех же сравнительно очень редких случаев, когда надгортанная согласная встречается перед одной из трех гласных фонем ɐ, ɪ, ʌ, знак «у» служит знаком «раздельного» произношения этой согласной от указанной гласной, напр: ryɥʒ (pɤəğsᵚ) «держишь»; ʔətyɐnɐuç «будем говорить, скажем». В этих случаях предшествующая согласная обозначена, как надгортанная. В следующих же примерах: fyəjç «держите»; ʔəsyɐnɐuç «скажу», иное условное написание показывает что предшествующая согласная произносится как подгортанная (еще см. ниже стрн. XLVII).

Из других особенностей публикуемой системы письма отметим, что в виде исключения написания q, ҏ перед «e, ə, a» и в исходе без дополнительного знака обозначают надгортанные заднемягконебные мгновенные, в то время как q, ҏ перед ɐ, ɪ, ʌ или с дополнительным знаком «у» служат для выражения соответственных парных подгортанных задне-мягконебных мгновенных. Это отступление от графического выражения фонетического признака надгортанности мы сочли возможным допустить в системе практического письма потому, что ея задачей является не абсолютное, но лишь относительное выражение фонетических отличий фонем. Графическое соотношение написаний qy и q; qᵚy и qᵚ нами вполне сохранено, изменено лишь абсолютное фонетическое их значение. В практическом письме должен господствовать принцип простейшего графического изображения чаще встречаемых фонем и, наоборот ,более сложные начертания следует присва-

читай: sə̂ə) — «меня ‖ ему дари ‖ отдавай», где s (ə) «меня». Но принятая мною система обозначения надгортанности согласных через особые буквы для трех основных кабардинских гласных требует, чтобы двухбуквенные начертания начинались именно с этих гласных. Таким образом, долгие гласные могут изображаться и так: ɐu (ɐˁ), ɘu (əˁ), ɐı (ɐy), ɘı, (əy)., если им предшествует одна из надгортанных согласных. Так же изображаются тождественные долгие гласные, наличные в кабардинском в заимствованных словах. В этих гласных нельзя не видеть вновь возникшие в языке, под влиянием иноязычных фонетических явлений, настоящие гласные фонемы. Так, слова: stə̂l (русск.) «стол» пишутся: stɐul (stɐˁl); yə-sə̂d (русск. «суд») «его суд»—ɪəsɘud (yə̂səˁd); də̂rs «урок» (арабск. درس «урок»)—dɐırs (dɐyrs); dî̂n (арабск. دين) «вера, религия»—dəın (dəyn), т. е. пишутся применительно к орфографии подлинно кабардинских слов.

Так как согласные, имеющие в кабардинском фонематически различимые пары: «надгортанный—подгортанный», в сочетании с последующими согласными в этом отношении, т. е. в отношении источника экспирации, всегда уподобляются последним, то в практическом письме из двух смежных согласных надгортанность первого никогда не обозначается: psə (φsə) «вода», но pcɐ (pt̂ɐ) «ложь», pqə (pk̂ə) «кость» и. т. д.

Если гласные фонемы (ɾe), (ɾə), (ɾa) встретятся после подгортанного согласного одного с ними слога, то в этом случае их можно обозначить через сочетания ye, yə, ya: ɐj (ɾəğ) «держи», syəjç или sɐjç (sɾəğs̱) «я держу»; fyəjç (fɾəğs̱) «вы держите», но ни в коем случае не: fɐjç (=fəğs̱); наконец, если этим гласным фонемам предшествует надгортанный согласный, то можно принять следующий способ их написания: yɐ, yɘ, yʌ, где «y» служит для обозначения надгортанности предшествующего согласного: pyɐjç-(pɾəğs̱) «ты держишь» ʔətyɐnɐuç (jət̂ɾənɐˁs̱) «будем говорить, скажем» Впрочем, указанные здесь случаи крайне редки и область

распространения их в языке морфологически очень ограничена.

Долгое ударямое «а» обычно предпоследнего слога, появляющееся часто в корнесочетаниях (compositа), в кабардинском закономерно чередуется с гласной «е» в безударном положении.

В практической орфографии я обозначаю а ‖ е через «а» во всех положениях, но яфетидологическая транскрипция точно отражает в этом случае действительное чередование гласных: напр.: uane (ʷane) «седло»; uanaçɐ (ʷenas̱e) «седельщик (мастер)»; uaneçɐ (ʷenes̱e) «новое седло» uanaçɐdaxe (ʷenes̱edaʁe) «красивый седельщик»; uaneçɐdaxe (ʷenes̱edaʁe) «красивое новое седло». Точно также psaɻeẓ (φseɦeẓ) «пословица», происходящее от psaɻe (φsaɦe) «слово», пишется так всюду, а произносится, как написано в скобках.

Ударение в кабардинском в огромном большинстве случаев падает на предпоследний слог основы слова. Исходный согласный при этом считается за целый слог, точно также за два слога следует считать и долгий гласный последнего слога, всегда ударяемый; поэтому: ɻate (ɦə̀ɘe) «летай»; ɻəte (ɦə̀ə̀e) «почитай»; ɻataç (ɦeɘ̀às̱) «он летал»; ɪəɻətaç (yəɦəɘ̀às̱) «он почитал»; ɻateʔ (ɦeɘ̀ej) «снова летай;» ɻəteʔ (ɦəɘ̀ej) «снова почитай» и т. д. Отступающие от этого правила немногие кабардинские морфемы (напр.: указательные местоимения в форме косвен. пад.) и заимствованные слова снабжены в словаре ударением: məbə̀ «этот (ближайший видимый)» (форма косвен. пад.); yezə̀ «сам»; fɐıde (feydè) «польза, выгода» (арабск. فائدة); ʁhlə (ɾeɦlə̀) «родственник по крови» (арабск.: «семья, родство» اهل).

Падежные и, частью, временные окончания, окончание множественного числа и некоторые послелоги, как форманты словоизменения, не влияют на место ударения даже в том случае, если они, присоединяясь к основе, образуют слог или сами по себе составляют слог: bələ̀m «скот» (основа слова), но pəlam (φə̀ləm) «слон», косвен. пад. от основы: pəl (φəl); səɪrxə̀r

(səyɸlʲər) «мой сноп» (основа), но səɪcərxər (seyʲəɸlʲər) «мой гребень (для чесания шерсти)» (форма прямого пад. от основы: cərx (ʲəɸlʲ). Эти случаи в словаре принято писать с пропуском безударного гласного ə, появляющегося при присоединении словоизменительных суффиксов, т. е. pəlm «слон»; səɪcərxr «мой гребень (для шерсти)» и т. д. Параллельная яфетидологическая транскрипция в этих случаях дает полное фонетическое написание слогов, указывая место ударения (ɸələm; səyʲəɸlʲər).

В яфетидологической транскрипции обозначается также ударение слитно написанных compositа из проклитик,—указательных местоимений,—и имен, ср.: məlr (mələr) (форма прямого падежа от основа məl «лед»), но mələr (mələr) (форма прямого падежа от основы lə «мясо») «это мясо».

Слитно с именами существительными пишутся в словаре не только префиксы (местоимения притяжательные, указательные и проч.) но и суффиксально присоединяемые имена прилагательные, так как грамматически они сочетаются с первыми в одно слово (compositum) с общим передвинутым на предпоследний слог ударением: mələr (mələr) «это мясо», səɪlr (səylər) «мое тело || мясо», ləfy (ləf) «хорошее мясо», ləɛɪ (ləɾey) «дурное мясо || тело» (от основ fə (fə) «хороший», ɛɪ (ɾey) «плохой»); cəx‿ (təlʰ) «человек», cəx‿əfy (təlʰəf) «хороший человек», cəx‿ɛɪ (təlʰɾey) «плохой человек», cəx‿daxe (təlʰdaʲe) «красивый человек», от основы: daxe «красивый» и т. д.

Итеративные (копулятивные) сочетания, грамматически представляющие единое целое и об'единенные одним ударением, также пишутся слитно (примеры см. на стр. VIII-IX). Те же из них, которые сохраняют грамматическую самостоятельность (образование форм) за каждым из входящих в сочетание компонентов, как и их самостоятельное ударение, пишутся через черточку: jə-bʔe (ğə-bjə) «плачь-причитай» maɹ-mabʔerəɪ (mağ-məbjerəy) «плачет-причитает»; kedeu-fəɯe (q‿ədeʷ-fəʷe)

«очень хорошо»; meq‿-meʃ (mek‿-meш) земледелие, букв.: «сено-просо»; ueɾe-seɾe (ʷèɾe-sèɾe) «ты и я» и. т. д.

Аналогично пишутся и такие, по происхождению, очевидно, приименно-объективные сочетания, где второй член, сохраняя самостоятельное ударение, получил служебное значение послелога: g‿ə-ɕʌjm (g‿ə-s‿ə̀ğəm) «под арбой», ɕe-nes (s‿è-nès) «до ста» и т. д.

В заключение нельзя не указать, что по вопросу о выработке орфографии в кабардинской письменности ведется большая работа, которая, однако, пока еще не привела к единообразному правописанию. К сожалению, в этом вопросе наблюдается переоценка норм русской грамматики, которые воспринимаются иногда, как единственно возможные нормы общечеловеческой логической грамматики, вообще. Отсюда, напр., стремление «по смыслу» писать раздельно атрибутивные сочетания,—принцип, который в кабардинском, все равно, фактически не проводится до конца и потому порождает непоследовательные написания и путаницу. Будем надеятся, что в этом, как и в других вопросах, молодая кабардинская письменность преодолеет все трудности, лежащие на пути ея развития, и в ближайшем будущем создаст систему письма и орфографию, вполне отвечающие своеобразному грамматическому строю кабардинского языка,—одного из замечательнейших языков, какой только был предметом изучения лингвистов.

Москва, 5 апреля 1926 года.

INTRODUCTION.

Monosyllabic elements in Kabardey (LI); types of root-combinations (LV); culture of the Tcherkes according to the notions of the Dictionary (LVIII); development of abstract and formal meanings (LXIV); conventional signs (LXX); project of Kabardey graphics and orthography (LXXIII).

The present Dictionary includes materials systematically collected since 1921 simultaneously with my work on the Kabardey grammar to publish which it is proposed in the near future. The collection of materials for the Dictionary began in collaboration with Mutal Tubekov (village Hamidie, formerly Haptzevo, in Little Kabarda). Later, since 1922 my constant collaborator in collecting materials became Betal Tchemazokov (village Kurkujin, formerly Konovo, in Great Kabarda). At last in the summer of 1925 during the expedition into the Karatchay-Tcherkes district the Dictionary was looked through and supplemented in collaboration with Ashad Altadukov (village Ersakon) whose additions are marked with the letter K in parenthesis (i. e. the dialect of the Kabardey natives from the Upper Kuban)*) It is necessary to note that at the first examination of the Dictionary composed with M. Tubekov, B. Tchemasokov denied the existence of some words of the primary phonetic type (about this term see further on); as xə «sea»; pxə «sow with dispersion!; carrot»; pkʷ «jagg!, sharpen! (a saw, a sickle); stamp the leather!»; txə «shell the maize!». However later on, after making inquiries in Great Kabarda it appeared that these words too were known to the experts in the language. Of the whole material given in the Dictionary remain for the present

*) The translation of the Dictionary into English was performed by Mr. N. Strukov and Miss N. Kazansky under my control.

To all my collaborators I express my gratitude, especially to B. Tchemasokov, now aspirant of the Institute for the study of languages and ethnical culture of Orient peoples U.S.S.R. who worked chiefly on collecting raw material for the Dictionary.

only: pxə in the meaning of «sow with dispersion!» and pkʷ in the meaning of «stamp the leather!» unregistered for Great Kabarda.

In putting at the head of the Dictionary a brief introduction I regard it as necessary to publish within it the main results of the investigation of the Kabardey lexics and some grammatical information in order to make clear the selection of lexical material for the Dictionary and especially its order and classification.

Investigating the rich supply of words, which the Kabardey and other Tcherkes languages (the languages of the peoples of «Adyghe»*) possess one comes to the conclusion that a considerable layer of their lexics is formed by root-words of the open-syllable type with a consonant or a combination of consonants at the beginning of the word and one of the two short vowels

*) The peoples of «Adyghe» (as they call themselves) in Kabardey: ədəɣe (ʿədəɣe), in Lower Tcherkes: adəɣe, in Russian: «Tcherkes» speak two languages within the Union: the Upper-Tcherkes or Kabardey and the Lower-Tcherkes or Tchah language. The Kabardey people live in the majority in the Kabardey-Balkar aut. distr. and in separate groups in the Karatchay-Tcherkes aut. distr. (under the name of «Tcherkes»), in the Eastern part of the Adyghe aut. distr. and in the outskirts of the town Mosdoq (on the latter territory under the name of Christian-Tcherkes). The Lower-Tcherkes live in the majority within the limits of the Adyghe aut. distr. and in separate groups near the town Armavir and the outskirts of Tuapse where they form an autonomous Tcherkes district; a separate Tcherkes village (ħeðramṭəḳ, in Russian Suvorovo-Tcherkessky) is situated on the peninsula Taman; lastly the Lower-Tcherkes dialect is spoken by the Armenians of the town Armavir. The Kabardey language has no sharply differing dialects and is represented by a small number of subdivisions of dialects (parlers) and a more or less unified language of folkpoetry and the higher classes inherited from the feudal system. On the contrary the Lower-Tcherkes language has four dialects: the Bjeduh-Temirgoy dialect which is spoken by the chief mass of the Lower-Tcherkes — the tribes bẓedəğ and ṭemgəy (abbr. Bj. Tm.); the Shapsug dialect—the tribe maᵽsəğ (abbr. Shap.); the Abadseh dialect—the tribe abḏaḥ (abbr. Abds.). Lastly the Beslen dialect—in Lower-Tcherkes: beshnəy in Kabardey: beslenei (beshəney) (abbr. Besl.) which is preserved in the Eastern part of the Karatchay-Tcherkes distr. and is a transitive dialect which has some traits of the Kabardey as well as of the Lower-Tcherkes language. The difference between these two last languages is comparatively not great: a Kabardey native from Kabarda and a Tcherkes from the town Krasnodar may with some efforts come to perfect understanding with one another.

at the end*), i. e. by words of phonetic types which can be symbolically represented in the following way: tə (t denoting every consonant, ə — one of the two short vowels); psə (p — a labial momentary consonant, which assimilates with the following consonant in respect to the supplementary articulation of the glottis and the source of expiration; s — a spirans not beyond the back-velar**) basis, rarely an affricate and in one single case the back-velar superglottal momentary k); txə (t = θ — a voiceless dental momentary, x — a voiceless spirans not nearer than the back-palatal basis and in one single case the back-palatal labialized momentary ₖ̣); çtə, çxə (ç = s̠ — a voiceless front-palatal sibilant spirans, x — a spirans not nearer than the velum); ʃxə (ʃ = m — a voiceless mid-palatal sibilant spirans); ɬxə (ɬ = ɬ — a voiceless lateral spirans) and several single types (ntɛ, ftə etc.)

Most of the mentioned sound-combinations appear as independently used forms (such are: for the verbs — the second person of the imperative, for the nouns — the form unformed in respect to case and number, the same form for the pronouns). Only a few of the roots of this type are not used as independent words or forms and appear only in combination with prefixes and suffixes (in the Dictionary they are represented in [ ])

*) In the above-mentioned layer of Kabardey words there are 46 consonant phonems and 3 vowel phonems (see: Table of transcriptional correspondencies). One vowel characterised by its length «a» has always a formal meaning and alternates with the two other vowels characterised by their shortness. We may draw the conclusion that the long vowel phonem «a» has developed from the fusion of the short vowel of the root with some formative (most probably with one of the short vowels «ə»). The short vowel «ə» is heard only facultatively and in common speech the combination: «a long consonant» + «ə» is generally replaced by «a long syllabical consonant»; e. g.: sə by s̩; mə by m̩ etc. Concerning the three which exist in Kabardey syllable-phonems: ƒe, ƒə, ƒa compare further on p. LXXIX—LXXXIII. They never combine with the foregoing consonants of one and the same root.

**) The term palatum in phonetic determinations denotes the hard front part of the palate (harter Gaumen) and the term velum the soft back art (weicher Gaumen).

Thus if we combine every consonant phonem of the Kabardey language with one of its two short vowels we shall have 78 *) roots of the type tə, 38—of the type psə, 9—of the type txə, 5—of the type ʃxə, 3—of the type ɬxə, 2—of the type çtə, 2 of the type çxə and one—of every single type ntɛ, ftə. On the whole we shall have about 140 sound-combinations of the open-syllable type with a short vowel at the end. Only 5 sound-combinations of this number are not used independently (i. e. only in combination with prefixes and suffixes), the rest are independently used words. This type of words I call root words || roots of the primary phonetic type or abbr.: words || roots of the primary type.

It is very probable that some single words of the primary phonetic type have assumed the latter in result of phonetic alterations from a more complicated phonetic form. Thus qᵤe (kᵘe) «defile» may be compared with the Oset. qom «defile»**). Likewise the root ue (ʷe) in the meaning of «weather, air» (compare the Ingush ƚuo «blow») seems to represent an earlier analogue to the Arabic hawà (هَوَاء) «air», dialect.: «weather» which penetrates later into the Kabardey language in a nearer phonetic form: heue (heʷè).

A characteristic pecularity of the sound-combinations of the primary type is their many-meaningness. Every one of the above-mentioned open syllables can have several meanings. Firstly a noun meaning (substantive, adjective); secondly a noun-numeral; thirdly a pronoun and fourthly a verbal. The meanings of prepositions, interjections etc. appear in

*) Instead of the 92 sound-combinations of this type we should expect.

**) Compare the Balkar and Karatchay: qam as name of clefts, e. g. ullu-qam in the upper part of the Kuban. The last has in its turn parallels in other Turk-Tatar languages, compare: Uhu-kem in the upper part of the Yenisey. Though perhaps the comparison with the Usbek, Kirgis, Eastern Turkestan («Uygur»): qol «valley», Shor.: «river»; Karatchay-Balkar: «dry bed of a rainflow»—a word which has Mongol parallels would be more probable.

such cases but as exceptions (see: ntɛ, me). Besides every sound-combination of the primary phonetic type can have many noun as well as verbal meanings, some of which are never used independently; e. g.: se «I; knife; sow!»; he «dog; barley; [bear!]; [go!]»; xə «sea; six; reap!; [take!]; [descend!]».

It must be noted that only in rare cases is there an obvious connection between the noun and verbal meanings of the same sound-combination, e. g.: ḷe «foot; jump!»; bзə «chisel; chisel!». A great majority of phonetic coincidences are at first view inexplicable in regard to their meaning.

In such a manner on the whole there appear with the 140 sound-combinations of the primary type no less than 350—390 separate meanings (no less than 30 of them dependently used) which makes on the average 2,5—2,7 meanings for every sound-combination.

The formal elements (prefixes and suffixes) of the Kabardey as well as of other Tcherkes languages may be of a twofold phonetic type: they are either of the same primary type as the above-mentioned sound-combinations with a real meaning, or they can be represented by one consonant, rarely by one vowel. The Dictonary of the formatives of the Kabardey language will be published in the near future.

The morphological analysis of the consistence of a considerable quantity of words and forms of the Kabardey language shows clearly that besides the connection of roots of the primary type with the above-mentioned formatives in Kabardey (as well as in other Tcherkes languages) combinations of roots of the primary phonetic type one with another are possible. These combinations may have an adnominal-objective (the object with the objected word), attributive (the attribute with the attributed word), copulative (parallelly connected uniform members of a sentence in relation to one another) and by-verbal-objective (the object in relation to the predicate) character; e. g.: neps (neꝑs) «tear»

←ne+psə lit.: «water of the eye»; vəps (ɣəꝑs) «spittle» ←və+psə lit.: «water of the mouth»; ʃəl (mməl) «horse-flesh» ←ʃə+lə lit.: «flesh of the horse»; wəl (vəl) «beef» ←wə+lə lit.: «flesh of the bull». In all these examples the foregoing root appears as though in the meaning of object (adnominal-genitive) and the following as objected word. Similar are: psəpe (ꝑsəꝑe) «mouth of a river» and «beginning of water (high-water)»; qamepe (kemeꝑe) «point of a (single) dagger». In qamape (kemaꝑe) and several other similar cases the appearance of a long «a» between two joined roots may correspond to the universalisation of the meaning «point of (many) daggers, point of a dagger in general».

Such cases as: psəḷe (ꝑsəḥe) «vessel for || from under water», where: psə «water», ḷe «vessel»; feuəḷe (feˈəḥe) «vessel for || from under honey», where: feu «honey», ḷe «vessel»; ɬəqyvəne (ǧəs̲ɣəne) «iron nail (nail of iron)», where: ɬəqy (ǧəs̲) «iron», vəne (ɣəne) «wooden peg for driving into the walls» differ from the above-mentioned perhaps only in the Russian translation.

From the above mentioned type of the adnominal-objective combinations of roots we can distinguish attributive combinations in which the attributed word usually precedes the attribute: pex̲ (ꝑeḵ) «white-nosed, with a bright spot on the nose (colour of animals)», ←pe+x̲ə lit. «bright nose»; uanaçɛ (ˈenas̲e) «saddler (profession)» ←uane (ˈene) + e + çɛ «making saddles» in distinction from uaneçɛ (ˈenes̲e) «new saddle» ←uane (ˈane)+çɛ «saddle new»; ʃəuəpe (mməˈəꝑe) «first horseman» ←ʃəu+pe «horseman the first» and ʃəuape (mməˈaꝑe) «the foremost (from many) horseman» ←ʃəu + e + pe «(from) the horsemen the foremost»*); ʃənexəçɛ (mməneḍəs̲e) «the more young brother» ←ʃə «brother»+nex «more»+çɛ «young».

Copulative combinations can be supposed in the following cases: ɛble (ɣeble) «hand and forearm» ←ɛ «hand» +ble «forearm»; ʃabze (mabze) «arrows and string || bow complete» ←ʃe «arrow» + bze «string». Such com-

*) The last two examples are from Little Kabarda.

binations of roots as: pxeçheməçhe (φdeş̡ħeməş̡ħe) «fruits», ɛpçeɬapçe (ɾeφş̡eɬaφş̡e) «joints of the body || the human body as a whole» ←ɛ «hand»+pçe «neck», ɬe «foot», lit.: «joints of the hands and joints of the feet», i. e. «wrists and ankles»; ɛpqɬepq (ɾepkɬepk) ←ɛ+pqə «bone» + ɬe + pqə lit.: «bones of the hands and bones of the feet», i. e. «limbs of the body, the human body as a whole»; ɛɮɬeɮ (ɾeğɬeğ) ←ɛ + ɮə «tabes» + ɬe + ɮə lit.: «hands withering and feet withering» are examples of more complicated combinations where the adnominal-objective or attributive couple-combinations of roots are further connected into a complicated copulative pair.

Adverbial-objective combinations may be noticed in such examples as pəue (φə'ᵛe) «stop (the oxen)!; lit.: strike on the nose!» ←pə Gen.-Loc. of rest taken from: pe «nose» + ūe «strike!»; peple (φeφɬe) «expect!, await!» ←pe «beginning»+ple «look!»; vəs (ɾəs) «sit! || be near the opening (e. g. near the door, etc.)!» ←və «opening» + [sə] «sit!, be in a sitting attitude!»; kɛs (ţes) «mount the crupper (behind the saddle)!» ⇐ kɛ Dat.-Loc. of motion: «(near the) tail», from: kɛ «tail» + [sə] «sit!»; ʃes (ɯes) «mount the horse!» ←ʃe Dat.-Loc. of motion, from: ʃə «horse» + [sə] «sit down!».

The last examples point at the traces of a declension that remains somewhere in the combinations of roots with a noun meaning. One may mention here the following examples from the category of adnominal-objective combinations of this kind: leps (leφs) «soup», primitively: «sauce of broth to boiled meat» ←le Dat.-Loc. of motion from: lə «meat» + psə «water», lit.: «water to the meat»; ʃeç (ɯeş̡) «stable» ←ʃe Dat.-Loc. of motion from: ʃə «horse» + [çə] «apartement» lit.: «apartement for the horses»; gedeç (ḍedeş̡) «fowlhouse» where: gede (ḍede) Dat.-Loc. of motion from: ged «fowl» + [çə] «apartement», lit.: «apartement for the fowls» etc.

All the above-mentioned examples denote clearly the formal meaning of the alteration of the vowel belonging to the noun-root, which has left slight traces in modern

Kabardey. With the vowel «ə» is connected the meaning of of the Gen.-Loc. of rest; with the vowel «e» the meaning of the Dat.-Loc. of motion; lastly the vowel «a» appears as a formative of plurality taking the connecting place between two roots and is as it seems a morphem of universalisation of the meaning of the whole combination. So this «a» generally alternating with «e» has as it seems become for the second time an element of phonetic alternation and within the problem of its origin it cannot be regarded irrespective of its morphological function.*)

The alternation «e || ə» in roots besides nouns is frequent in numerals (with «e» adverbial form, with «ə» adnominal form), in verbs (with «ə» intransitive form, rarely in verbs of motion «centripetal» form; with «ə» transitive, seldom—«centrifugal» form), lastly in pronouns (with «ə» possessive form see further on).

The most interesting question about the forms of pronouns and in connection with it the origin of the conjugation can only be developed in the Grammar of the Kabardey language.

In following combinations of roots one may perceive formatives expressed by consonants or syllables. In combinations: ɛrətx (ɾerəϑʲ) «manuscript, letter» ←ɛ «hands», txə «written», lit.: «written by hands»; məɛrəse (məɾerəse) «garden-apple» ←mə «crab apple», ɛ «hands», se «planted», lit.: «crab-apple planted by hands»; bɮərət (bğərəϑ) «stay by the side (of anybody)!» ← bɮə «side», [ϑə] «stand!, be in an erect attitude!»; bɮərəpx (bɣərəφʲ) «girdle» ← bɮə «waist», pxə «bound!», lit.: «bound by (round?) the waist» may point at the instrumental significance of the suffix added to the first of the roots.

It is necessary to note a group of following cases: gəpkɛ (gəpţe) «back end of the arba» where: gə «arba», kɛ «tail, back end»; zəbje (zəbğe) «storm» where:

*) Prof. N. Trubetskoy has a different opinion. See: Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, XXVI, 1925 p., 280.

ʒə «blow, wind», jе «season of the year, time» and the suffix of verbal nouns with abstract meaning, (compare: waje (vaǧe) «ploughed field», uaje (°aǧe) «plaited lace, lit.: plaiting» and others); lәntxᵒe (ɬәnðᵇe) «blood vessel» ←lə «blood», xᵒe «vein, sinew», wabзe (vaƀde) «ploughshare» ←we «plough!», зе «tooth, cutting edge»; xᵒәmpecᴇg (q̇ᵒәmpeṭeq̇) «ant», where the first part obviously comes from: xᵒәpᴇ (q̇ᵒәpe) «pasture» ←xᵒə «pasture!, trample down (grass)!», pᴇ «place», cᴇ «louse» All these examples which reveal traces of consonant formatives *) represented in the great part by different labial consonants explain perhaps the origin of some roots of the type psə. The origin of the combination of consonants at the beginning of the word from the joining of two roots is in certain cases completely clear: ɬhe (ɬhe) «lay down!» where [lə] «lie!, be in a lying attitude!», +he «bring!» lit.: «bring to lie down!».

In this manner root || words of the primary phonetic type collected in this Dictionary give by means of combining them with one another a considerable quantity of new complicated built up words (compositа) which (as in almost all the above-mentioned examples) the contemporary mind of a Kabardey native takes as a whole. The part of the primary roots in the creation of the copious lexical supply of the Kabardey language is still more important if we take into account the development of their concrete real meanings into abstract and formal ones (see below).

Examining the words || roots of the primary phonetic type in respect to their real semantics one comes to the conclusion that being distinguished by a purely phonetic quality (a determined phonetic type) they appear not as a casual group of words, but as a systematic selection characterizing a determined epoch

*) In a few cases we may also see here the preservation of the end root-consonant of a root of closed-syllable type.

of the culture of the people who used them. It is interesting to analyse in detail the whole material of the Dictionary from this stand-point.

The Dictionary includes all the personal pronouns, two demonstrative ones (out of 3) which functionally replace in Kabardey the third person of the personal pronoun, all the principal numerals (from one to ten and a «hundred»), a great number of noun meanings (a few being noun-adjective) and many verbal meanings. It must be noted here that every root in an unformed state (in respect to tense, number and person) can have not only the meaning of an imperative (as it is designated in the Dictionary) but also of the present participle passive for the transitive and active for the intransitive verbs.

The greater number of words of the primary phonetic type relate to agriculture, the rearing of cattle and their products. Agriculture is comparatively poorly represented. Of corn-grasses only two have names of the primary type: xᵒə «millet (the grain)» and he «barley (as grain and as plant).» Other corn-grasses obviously became known only later. In Great Kabarda: hеse (ħeđe) primitively «barley grain» (as the Kabardey natives from the Upper Kuban still call it) ←he «barley», зе «tooth; grain»; receives the meaning of a «corn grain in general»; thus: geheзe (geđheđe) «wheat grain» was formed from: «wheat-barley grain» etc. The names for the garden-bed and arable land includes the same root hese (ħese) ←he, se «plant!, sow!» and were also as it seems primitively connected with the culture of barley. On the other hand maize which appears in the Caucasus comparatively late receives in Kabarda the name: nartəxᵒ (narðeᵇ) ←nart «legendary hero of the Caucasus epos», xᵒə «millet», i. e.: «the millet of the Narts, the heroes».

Apparently the Tcherkes on the steppes of the North Cis-Caucasus knew millet a long time ago if not as an object of agriculture at least as an object

of consumption. As to the highlands the culture of barley and the collecting of wild fruits (the latter especially on the Black Sea shore) was spread long ago and therefore the nominations of wild fruits are comparatively copiously represented. In the wooded highland districts as well as in the districts of the Western Caucasus situated near the sea coast the collection of wild fruits is till now a considerable support for the local inhabitants in respect to their feeding. Such are: mə «wild apple», from which the nomination of «garden-apple» (see above) is derived; ze «medlar (fruit)»; de «nut (fruit)». Of vegetables there is only the name of «carrot»: pxə which is perhaps connected with the meaning of the same root: «sow with dispersion!» (the Kabardey from the Upper Kuban).*)

Agricultural technique is represerted by a considerable number of terms: «earth, ground» çɜ; «thaw (about the ground)!» wə; «cultivate (the ground)!» çɛ; «dig up (with a spade)!» tɛ, tɜ; «plough!» we; «weed (with a hoe)!» pçɛ; «sow!; plant!» se; «sow with dispersion!» pxə; «reap!, cut down!» xe, xə; «roll the thrashing-floor!, smooth!» ue; «thrash!» ve; «shell, peel the maize (from the envelopping leaves)!» txə; «net (for separating the corn from the chaff)» xə; «knead (the dough)!» pçə; «roll the dough!» xᵥə; «cut the dough with a toothed wheel!» pkɜ.

Domestic animals are comparatively copiously represented: wə «bull (working ox)»; ʃkɛ «sucking calf (up to one year)». The Kabardey name for the «buffalo»: xəw (həv) comes from: xə «sea», wə «bull», lit.: «sea-bull» which shows that this animal came from the Tcherkes which lived near the sea-shore and by whom (the Lower Tcherkes) the «buffalo» is correspondently called: ɸsəʒ̊ᵥ ← ɸsə «water», ʒ̊ᵥə (which corresponds to the

*) According to information received the Kabardey natives plant the carrot and do not sow it (Great Kabarda).

Kabardey: wə) «bull», i. e. «water-bull»*); ʃə «horse», the same root apparently complicated by some suffix is present in the nomination of «ass» ʃəd (ɯəd); he «dog». That this animal from ancient times played an important part (in respect to religious cults?) in the common life of the Tcherkes is shown by such male and female personal Lower-Tcherkes Abds. names as: «he-dog»**) ħaqᵥə; «old black dog» ħəkərəʒ; «dog's foot» ħeḥəkᵥ; «wolf-dog» ħetəğᵥəʒ; «dog's spine (family name)» ħeʒ̊hə; «dog's ear (family name)» ħeʒ̊ħeĸᵥəm; «she-dog» ħebz; the friendly invocation to kinswomen: a, sɨħebz! «oh, my she-dog» etc. is most common among the Kabardey natives). It is strange that the commonest cattle at the present time—the «sheep» (as well as the «goat») probably have no correspondent primary word if we do not take in account: tɜ «ram-producer». On the contrary the pig which is not reared now at all (on account of the spread of the Mussulman religion from the beginning of the XVIII century) is represented by the nomination: ɸɛ and was no doubt reared in former times by the Tcherkes who lived in the highlands and near the shore.

With regard to sheep-breeding we must suppose that the same change of proportional relations between the large and small-cattle which is now being studied in detail from the exhumations in Anau and the state of

*) The same method of cultural acquirement from the shoreland to the Kabardey may be proved by the history of the term «gun»: the Kabardey: feuk (feˑʔ) derives directly to the Shaps. ɬenq avoiding the Bj. Tm. ɯkᵥənʔ., ɯkᵊenʔ.

**) The Kabardey natives did not preserve analogical names, but the following belief points to the same meaning of «dog»: when a child is dying it is necessary to give it a name beginning with the syllable he (for inst. Arabian names: hesan, hemɔid, hesret, etc). By giving the children such «dog names» (Kabardey expression) the parents show thus their dislike for them and avert their death.

contemporary animal-breeding in Turkestan *) was apparently repeated in North Caucasus in a later period. Apparently the breeding of large cattle, horses and pigs predominated at first among the Tcherkes in the Caucasus and only considerably later sheep-breeding took the first place in regard to quantity; this was helped by the spreading of the Mussulman culture in the later period.

A considerable number of terms of the primary type relate to cattle-breeding and to the use and treatment of its products, as: bzə «the female»; xᵒə «the male»; xᵒə, xᵒe «trample down the pasture!, breed»!; ve «fold».

«Milk» ʃe; «milk!» ʃə; «filter!» zə; «curdle!, turn sour!» pcʁ; «curdled milk» ʃxᵒə; «butter» txᵒə,—point to the dairy: «meat» lə; «carcass» bɬe; «grease from the intestines» çe; «bake!, roast!» ẓe; «boil!» we; «dry!, wither!» ɬə,—to the preparing of meat-food.

The names of colours of animals ought to be mentioned here apart: fe «colour of animals»; ɬe «reddish»; xᵒə «bright, white, (the colour of spots)»; çxᵒe «grey (the colour of animals; colour in general)»; txᵒe «light bay (colour of horses)».

That part of the Dictionary which relates to the treatement of wool is particularly developed, a fact that corresponds completely with the culminating position of wool in the Tcherkes clothing: «wool, hair» cə; «shear (the wool)!» çə; «comb (the wool)!» pxə, pxe; «be fulled!, be rolled up (of felt)!» pcʁ; «spin a thread!» gə, ge; «twine (a rope)!; plait the lasso!» çə; «plait a

*) See: Е. А. Богданов. «Происхождение домашних животных». Москва 1913. (E. A. Bogdanov. «Origin of domestic animals». Moscow 1913). p. 32—38, digging results of the expedition of R. Pumpell in 1903—1905 in Anau, near Ashabad with reference to the publication by Duerst «Ein Beitrag zur Erforschung der Geschichte der ältesten Ausgrabungen in Zentralasien» («Deutschlands landw. Viehzucht» 1906). In the layers up to 7800 B. C. the following % relation of different kinds of animals is fixed: large-cattle 27%, sheep 22%, horses 20%, wolves 11%, (pigs 0%?); from 7800 to 6000 B. C.—horses 28%, large-cattle 25%, sheep 25%, pigs 12%, (wolves 0%?); from 6000 to 750 B. C. (the brazen age)—sheep 25%, large-cattle 20%, pigs 15%, goats 10%, dogs 2%. In the year 1903 in Turkestan—sheep 80%, goats 8%, horses 4%, large cattle 0,1%.

round lace!» ue; «plait a tape!; weave the cloth!» çə; «full the cloth with the feet!» xᵒe; «cut out!» bzə, bze; «sew!» də, de. The terms: fe «pelt, leather, strap»; pkʁ «stamp the leather!» relate to the treatment of the leather.

The treatment of the wood and the building of dwellings are represented by the following words: «fire wood, wood (as material)» pxe; «chisel; mortise!» bəə; «file» ıə; «sharpen away (primitively the wood as with the Shaps.) with a file!» xᵒe; «burn a hole (through the wood by means of a redhot iron)!» lə; «brushwood, twig» kə; «plait a hurdle!» xᵒə; «coat the wall (with clay)!» ıə; «paint!» le; «cover (the roof with vegetative materials)!» bɟe; «door» bʔe. The development of the terminology which especially concerns the plaiting of hurdles is connected with the extreme importance of different kinds of hurdles in the common life of the Tcherkes. Hurdles make the walls of dwellings, corn depositories, folds for the cattle etc; the movable hurdle serves also in the process of the dressing of felt-clothes, cloth and in ancient times in the harrowing.

Terms concerning the treatment of metals are almost absent. Such words as: «thaw (of the snow)!; melt (of butter)!; fuse (of metals)!» tkᵚ; «cool (of butter and metals)!» ʔə; «get hot (of stove, metals)!» plə—did not relate originally to metals. The only two are: lə «grind!, whet! (edge)» and pkʁ «sharpen!, jagg! (a sickle, a saw)», this last root is evidently connected with: pkʁ «jump!» in regard to its meaning.

The terms of the parts, functions and elementary motions of the human as well as of the animal body are particularly developed in Kabardey.

«Head» çhe; «hair, wool» cə; «horn [(hoof)]» bẓe; «eye» ne; «look!» plẹ; «nose» pe; «sneeze!» [psə]; «mouth (opening, cavity)» və; «mouth (jaws)» zẹ; «cough!» pske; «tooth» ɜe; «eat!» ʃxe, ʃxə; «drink!; suck!» [fe]; «sting (bite)!» ue; «blow!» pçe; «weep!» jə.

«Neck» pçe; «hand» ʁ; «forearm» ble; «take!» çte, [xə]; «seize!» pxᵥe; «foot; jump!» ɻe; «jump!» pkʁ; «haunch, thigh» kᵥe; «go!, go away!, drive away!» kᵥʁ; «pass!» kᵥʁ; «run!; gallop!» ʔe; «creep!» pçə; «[bone]; body; trunk, structure of the body» pqə; «breast» bje; «upper part of the back (shoulders and the upper part of the shoulder-blade)» plʁ; «waist» bɧə; «back below the waist, and buttocks, posteriors» pxe; «spine, backbone» txə; «scrotum» ɧe; «genitals» ftə; «crack!» [qᵥʁ]; «go to stool!, shit!» cʁ, cɤ; «bear!» ɻxᵥe; «[swell]!; be tired from moving!; pant!» pçə; «lie!» [ɻə]; «stand!» [tə]; «sit!» [sə]; «stand still!, do not move!» ʔə.

«Colour (of animals), colour of eyes and hair (of a human being)» fe; «red (colour of animals, colour of the hair, of the eyes)» ɧe; «bright, white (used of spots)» [xᵥə]; «gray (of hair)» txᵥə; «light bay (of horses)» txᵥe; «gray (of large-cattle, colour of eyes)» çxᵥe.

«Flesh, body» lə; «scratch!, itch!» [ʃxe]; «pelt» fe; «heart» gə; «blood» ɻə; «sinew» xᵥe; «spleen» ke; «vital power, animation» pse; «die!» lʁ; «stifle!; worry!» lɤ.

On the whole if we count only the roots with noun meanings we shall have 34 names of the parts and organs of the human as well as of the animal body and in addition about 30 verbal nominations of its functions and elementary motions (verbs).

By means of combining with one another, these noun-«somatical» roots form in their turn a considerable quantity of compound words (composita)—names of the parts of the body.

I shall mention several examples from this part of the Dictionary: nape (naɸe)«eyes and nose; face as a whole»; vəpe (ɾeɸe) «lips, lit.: forepart of the mouth, nose of the mouth»; ʁpe (ɾeɸe) «nose, i. e.: tip of the hand, extreme point of a straightened hand»; ɻape (ɧaɸe) «tip of the foot»; çhepxe (sᵤhɸhe) «back part of the head»; çhebɧ (sᵤhebğ) «side parts of the head»; çhegəpe

(sᵤhegᵥəɸe) «upper surface of the head, lit.: the front part of the head»; ɛçhe (ɾesᵤhe) «back of the hand, lit.: head, i. e.: the upper surface of the hand»; ʁg (ɾeg) «interior surface of the hand, palm, lit.: heart of the hand»; ʁpçe (ɾeɸsᵤe) «joint which connects the hand with the forearm, lit.: neck of the hand»; ɻaçhe (ɧasᵤhe) «upper surface of the foot»; ɻeçhawe (lesᵤhave) «highest point of the instep»; ɻeg (ɧeg) «sole of the foot, lit.: heart of the foot»; ɻapçe (ɧaɸsᵤe) «anklejoint, joint which connects the foot with the leg, lit.: neck of the foot»; bze «horn», ne «piece?»; ʁbzane (ɾebzane) «finger (lit.: hand) nail»; ɻebzane (ɧebzane) «toe (lit.: foot) nail»; nepq (nepk) «cheekbone, lit.: the bone of the eye»; zepq (zepk) «jaw, lit.: the bone of the mouth»; pepq (ɸepk) «nose-bone»; bləpq (bləpk) «upper arm (joint and bone), lit.: the bone of the forearm?» etc.

If we take into account this material of the Dictionary we can draw the conclusion that the body and its parts possess a remarkably developed terminology in the Kabardey language.

However the particulary important place of the terminolgy of the body in the system of the Kabardey and other Tcherkes languages in the history of the development of their grammatical structure is not only determined by the quantity of words. The development of abstract and partially formal meanings has for its starting point mainly the names of the parts of the body. Undoubtedly in this respect the study of the Kabardey and other Tcherkes languages has a great importance for general linguistical conclusions and comparisons. It is true that in many other and perhaps in most languages we observe in isolated cases the same phenomena. Such is the development of the word «head» from the concrete to the abstract meaning in many European languages. On the other hand in Persian an analogical and evidently recent development of real meanings into formal ones (prepositions)

has been pointed out *). But the Tcherkes languages have in this respect several advantages. The comparative antiquity of the concrete meanings relating to the human and animal body may be firmly stated here on the basis of phonetic and morphologic phenomena.. Besides the already mentioned grouping of a great number of nominations of the body into the category of roots of the primary phonetic type I shall mention an important grammatical fact from the domain of the Lower-Tcherkes language.

In all dialects of the Lower-Tcherkes language there are two kinds of dependent (used as prefixes) possessive pronouns. The first kind is formed from the personal pronouns by means of the substitution of the vowel «e» by «ə» (later on by means of complete loss of the vowel). Possessive pronouns of this kind are represented by roots of primary phonetic type which are in the same relation to the corresponding

*) Here I may mention the remarks of Prof. Jirkov concerning my paper «The development of semantics in Kabardey and other Tcherkes languages». He points out the following examples of development of somatic meanings into abstract and formal ones (meanings of prepositions) in modern Persian:

somatic:		abstract:		formal:
sär	head →	beginning end edge →		on the edge, at
		top →		at the top, on
bär	chest →	front (noun)	→	before, on
ru	face →	surface	→	on
läb	lip →	edge bank shore	→	on the edge, on
pošt	back →		→	behind the back, behind,
däst	hand →		→	in hands, about

and so on.

roots of personal pronouns as is the Gen.-Loc. of rest to the Dat.-Loc. of motion (see p. LVI) of the substantive roots preserved in the composita above.

The other kind of dependent possessive pronouns is formed from the above-mentioned first kind by adding the syllable «yə» (obviously the possessive pronoun of the second category of the 3 person «his») which must give according to the rules of Tcherkes phonetics a syllable with a vowel like a long «ɪ (ī)»

The first kind of possessives (no doubt a comparatively primitive one on account of its formation) is used in Lower-Tcherkes exclusively for the indication of physical belonging (i. e. the belonging of parts of the body to a living creature); possessives of the second category are used for the indication of material (concerning the property) belonging (i. e. the belonging of things to their proprietors), e. g. the pronoun: se «I» in Lower-Tcherkes has a possessive of physical belonging: sə- || s- «my own» and the possessive of material belonging: səy- (Kabardey: səɪ-) «my, to me belonging» ← sə + yə (Kabardey: ɪə) i. e. as though «my-his». The kind of the possessive sometimes determines the meaning of the root: zlə ← s + lə ← «my (own) body» ← s(ə) «my (physically)» + lə «flesh, body», compare: səylə «my flesh (as a property)» ← səy «my (concerning the property)» + lə «flesh, body».*)

It is interesting from an ethnological point of view that in connection with the nominations of primary phonetic type concerning relationship: Lower-Tcherkes Bj., Tm.: ɯ'ə, Kabardey: ʃə «brother», primitively

*) Possessive pronouns of physical belonging are absent in Kabardey and there is but one kind of possessives which is used in all cases and which corresponds in respect of its formation to the possessives of material belonging of the Lower-Tcherkes language; e. g. Kab. səɪ- «my», uəɪ- «thy» etc. This fact of the absence of the possessives of the primary type appears obviously to be the result of the later period of the development of the language.

«member of the same clan (without difference of sex *))»; pq̣ə, Kabardey: pӿə «daughter»; k̄e, Kabardey: q̣e «son» possessive of physical belonging are also used: Bj., Tm.: ʒə←s+mʿə «my brother», but səшʿə «my horse» ←səy «my (to me belonging)» + mʿə **) «horse», sɸq̣ə «my daughter»; sk̄e «my son» etc. The same pronouns may be applied to the compound terms of relation: Lower-Tcherkes Bj., Tm.: k̄em, Kabardey: q̣eʃ (k̄em) «cousin» ←k̄e, Kabardey: k̄e «son»+mʿə «brother»; Lower-Tcherkes Bj. Tm.: mʿəɸq̣, Kabardey: ʃəpӿ (шəɸq̣) «sister»***) ←mʿə «brother» + ɸq̣ə« daughter», Bj. Tm.: sk̄em «my brother», ʒəɸq̣ ← s + mʿəɸq̣ «my sister». The primary words: t̄ə «father»; nə «mother» are generally not used with a possessive but in combination with the prefix «a-»: at̄; an «(lit.: their?) father; mother» they require possessives of material belonging.

The use of a particular category of possessives in Lower-Tcherkes may point in an indirect way to the comparative antiquity of the «somatic» meanings.****)

The following examples show clearly that phonetic combinations which have «somatic» meanings can have simultaneously a quantity of concrete «unsomatic» as well

*) Comp. the Ingush: wo-шə «brother bearing the same clan-name (every adult man in relation to the members of his clan)»; yə-шə ←yu-шə ←*yo-шə «sister bearing the same clan-name (every adult woman in relation to the members of her clan)», see: H. Яковлев «Ингуши» M. 1925. (N. Yacovlev. «The Ingushs» Moscow 1925.) p. 43 et seq., and the Majstoj (Tchetchen dialect.): woшa, yoшa (in the same meaning) they have the *same root: шə || ша and a prefix which points at the grammatical category* (of intelligent creatures of the male and those of the female sex) and have entirely preserved the ancient meaning of the root «members of the same clan without distinction of sex in relation to one another».

**) It sounds in Lower-Tcherkes and Kabardey like the root «brother».

***) Obviously iterative combinations: «son-member of the same clan»; «daughter-member of the same clan».

****) The existence of two categories of possessives in Lower-Tcherkes (their traces appear also in other languages) and the fact that possessives of material belonging were undoubtedly formed from possessives of physical belonging as from primary ones, permits with a great probability the cultural and historical application of this, as it would seem, purely linguistic fact. Obviously the category of physical belonging was developed before the springing up of private property in the epoch of generic life, after a time the

as abstract meanings. Among all the above-mentioned categories a direct semantic connection is obvious. Such a concurrence of meanings we observe in 19 noun-roots of the primary type with «somatical» semantics from the common number of thirty five. No one of the above-distinguished groups of words of the primary type gives such a considerable quantity of explainable semantical concurrences and only in single cases do we observe analogical single concurrences of meanings of the «unsomatical» roots, e. g.: pӿe «wood; wood as material; material (for shoes, clothes); material (in general)».

Thus it appears most probable that the somatic meaning is the starting point of the semantic development of the words and radicals examined (of course for a determined social class of the people and a certain epoch of development of the Tcherkes languages). As to the concrete semantic meanings they are developed from somatical ones, obviously by means of a differentiation of meanings in root-combinations (composita). It must be noticed here that the statement that the language of a more primitive people must have a greater number of words in consequence of the absence of abstract semantics*) is refuted by examples from the Tcherkes and many other languages. Though the abstract semantics may primitively be absent in them for the notation of «single meaning» these languages operate with combinations of comparatively few radicals which have single concrete semantics. Thus in Kabardey the root of the primitive type: me has a single meaning «crab-apple»; for the expression of another

notion of physical belonging was transferred to *family relations* and at last in the epoch of decomposition of generic life and springing up of private property arose the necessity for a grammatical category of material belonging. We may conclude that the grammatical category of possessive pronouns in the evolution of language is comparatively very ancient and its springing up can already be connected with the epoch of generic life and with certain conditions economic, and of common life.

*) Hirt, Etymologie, 2, p. 98, see reference at Braun's «Die Uhrbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen». Leipz. 1922 p. 38.

single conception «garden-apple» is used the root-combination: mə-ɐ-rə-se lit.: «a crab-apple planted by hands». The word with the semantic «apple in general, every apple» is absent in Kabardey. Likewise: vəne (ʒene) has the meaning of «wooden peg for driving into the walls, used as a clothes-peg»; «iron nail» is expressed by means of: ɟəqy-vəne (ǧ̣əs̱-ʒəne) lit.: «iron-wooden peg»; the term of «nail in general» is absent.

Combinations of a few mono-meaning roots may thus substitute the necessity of having a separate word for every single meaning.

The abstract meaning of the root is obviously developed from its single meaning in combinations. Only in such a way can we explain the development of the opposite meanings of the same combination. Thus in the presence of the natural (according to our point of view) development of the abstract meaning «top» from «head», the single meaning «bulb» from the same «head» could easily be the starting point of the development of the abstract meaning «low part, bottom». From «nose» were simultaneously developed by means of single concrete meanings «beginning (of space)» and «end (of space)» (the last meaning is evident in verbal prefixes). At last from «nose» and «tail» is developed the identical abstract meaning «end»; «tail» making possible the development of the meaning «back end» as well as «fore end».

In the following examples of the development of meanings the direction of the semantic development is marked by a pointer, the hypothetic (possible) development of meanings is distinguished by italics and the group of single meanings which is taken as the starting point of the development of the abstract meaning by }.

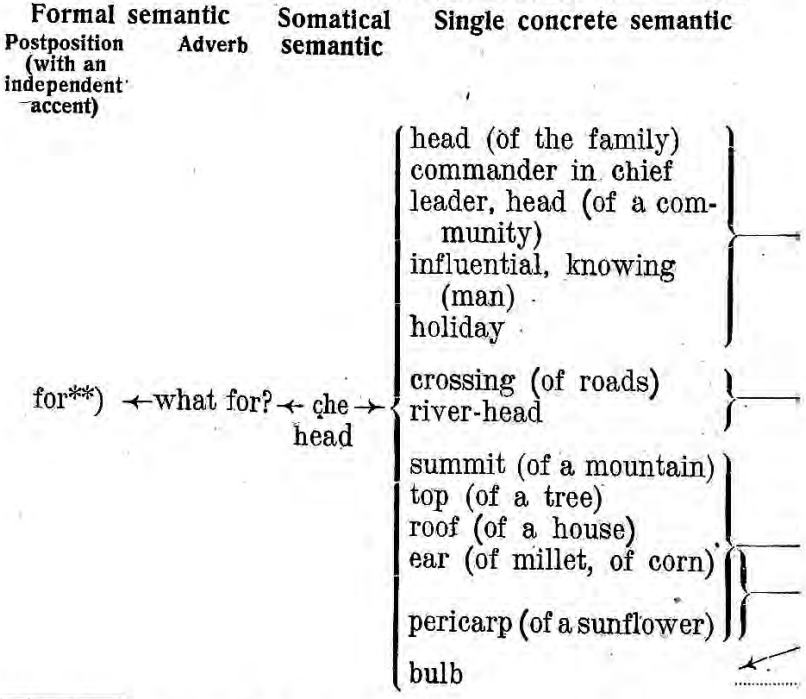
There is no doubt that the phenomena of the Tcherkes languages in the development of meanings will require a detailed study but however it is possible already to draw some conclusions. No one

of the semantic groups of words of the primary phonetic type gives in Kabardey (as well as in other Tcherkes languages) such a great percent of explainable semantic concurrences of unitary and common meanings (19 roots from 35) as the words with somatic meaning. Besides the antiquity of the somatic meanings is shown by the fact that in the Lower-Tcherkes language they are grouped into the particular category of physical belonging. Therefore it is natural to suppose that the somatic meanings were in a certain epoch of the development of the Tcherkes language the starting point of the semantic development. From the somatic meanings through the single meanings in root-combinations abstract or general concrete meanings were developed. Simultaneously formal meanings were developed from the real ones.

It is particularly important to emphasize that the Kabardey (and Tcherkes in general) examples concerning the development of meanings are exceedingly interesting on account of the extension of this development. In nine cases they simultaneously give examples of development of the formal meanings from real ones. In such cases as: «head»; «nose»; «tail» the development of meanings is represented in the language almost in all imaginable stages beginning with the somatic and single concrete meaning and ending with differnt kinds of formal and abstract ones. One's attention is attracted also by the development of the meaning «colour, colouring» from «colour of animals, colour of the eyes, of the hair» and of the nominations of separate colours «white«, «yellow» which are formed by means of the same suffix from the nominations of the colour of animals and from the colour of the human eyes and hair, i. e. from the nominations so to speak of somatical colouring — «bright», «reddish» which are represented in the language by roots of the primary type. This is perhaps the explanation of the fact that in the languages of many peoples of primitive culture

the nominations of colours so common in nature as «blue» and «green» are absent.

The Tcherkes and in particularity the Kabardey language afford very favorable conditions for investigations in the domain of the development of the semantic for we find there in a concentrated form what

*) Compare: çha? (s̱ha), where the length of the vowel formally expresses a question, compare the Lower-Tcherkes: ʼe adəγ ‹thou art a Tcherkes›; ʼe adəγa? «art thou a Tcherkes?» etc.

**) Compare: çhe-kE (s̱he-ṭe), where kE is a casual suffix with an instrumental meaning.

***) E. g. in the compound of a complex prefix and in connection with a suffix: çhe-de-...-x (s̱he-de-...-ɾ) ‹up-side by side... -down → through (the top), over»; e. g.: çhedex (s̱hedeɾ) «get over (e. g. the hedge)!»; çhedeɜəx (s̱hededəɾ) «throw over!» etc.

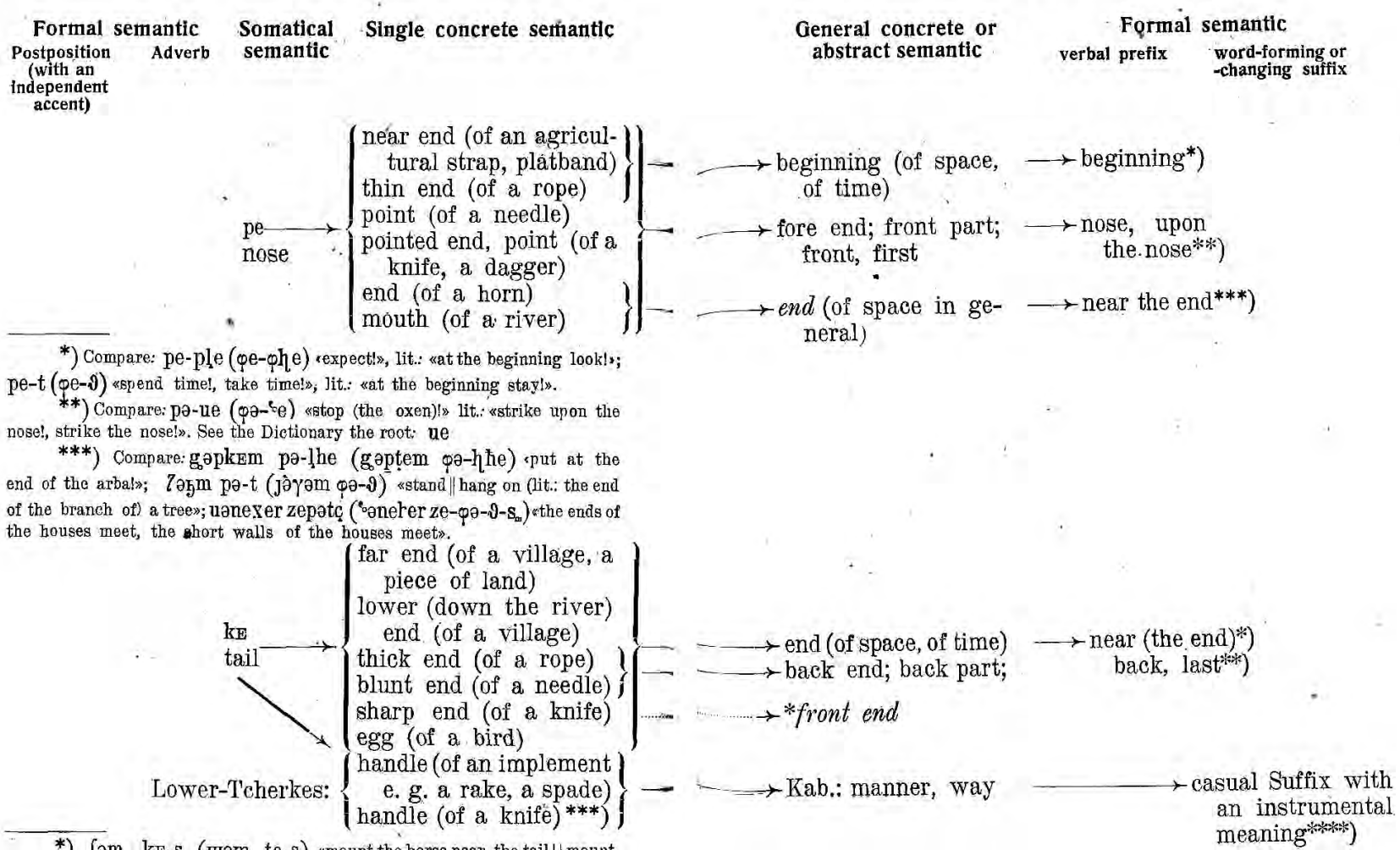
may be observed in other better known languages but in isolated examples and phases of development.

I mention here in the form of a table same examples of such development of semantics noticed in the Kabardey language.

General concrete or abstract semantic	Formal semantic: verbal prefix	Formal semantic: word-forming or -changing suffix
chief; command, authorities, chiefs		
beginning (of space, of time)		
upper part, top		up***)
eatable part? fruit bearing part?		
*bottom		

— LXXIV —

— LXXV —

*) Compare: pe-plẹ (ҏe-ҏḥe) «expect!», lit.: «at the beginning look!»; pe-t (ҏe-ϑ) «spend time!, take time!», lit.: «at the beginning stay!».

**) Compare: pə-ue (ҏə-ʿe) «stop (the oxen)!» lit.: «strike upon the nose!, strike the nose!». See the Dictionary the root: ue

***) Compare: gəpkɛm pə-ḷhe (gəpṭem ҏə-ḥḥe) «put at the end of the arba!»; ʔəɣm pə-t (jəγəm ҏə-ϑ) «stand || hang on (lit.: the end of the branch of) a tree»; uənexer zepətẹ (ʿənɛʰer ze-ҏə-ϑ-sₐ) «the ends of the houses meet, the short walls of the houses meet».

*) ʃəm kɛ-s (ɯəm ṭe-s) «mount the horse near the tail || mount the crupper (behind the saddle)!».

**) bɧem kɛ-rə-s (bγəm ṭe-rə-s) «sit close to the precipice, [below] at the foot of a precipice».

***) In Kabardey: kɜ has the same meaning (about the possibility of formal change of a root-vowel, see above p. LVI—LVII).

****) Compare: gəp-kɛ (gəp-ṭẹ) «the end of the arba», gə-kɛ (gə-ṭe) «by means of an arba».

Formal semantic: Postposition (with an independent accent)	Formal semantic: Adverb	Somatical semantic	Single concrete semantic	General concrete or abstract semantic	Formal semantic: verbal prefix	Formal semantic: word-forming or -changing suffix
		və mouth (as opening)	opening (of a vessel); edge (of a reservoir)	opening (in general)	near 'the opening, the edge*)	

*) uənem və́-s-ç (ʿənem ʃə-s-s$_{m}$) «sits near (at the wall of) the house, (which has windows and doors)»; psəvəfem və-t-ç (ɸsəʃəfem ʃə-ϑ-s$_{m}$) «stands on the river's bank».

		ne eye	eye (of a neddle)			word-forming suffix with the meaning: «*place, piece, part*»?*)

*) Compare: psə-ne (ɸsə-ne) «well» ← psə «water»; [bʒane] *[«*nail*»]? ← bʒe «horn»+ne «piece».

		ɻe foot	foot and leg (as a whole); jump!; vessel (for liquid); surface (of the earth)	receptacle*)		

*) E.g.: psə-ɻe (ɸsə-ɦe) «vessel for water»; hence: psa-ɻe (ɸsa-ɦe) «word» ← psə «animation» + ɻe «vessel, receptacle».

		E hand	hand and arm (as a whole); pull!***)	have!*); inhabit!**)		word-forming suffix with the meaning: «being kept, containing»***)

*) Formed by means of the prefix: ɪə «in»: ɪə-E (yə-ʃe) «keep in!, have (in)!».

**) Formed by means of the prefix: ɕə «somewhere»: ɕə-E (s$_{m}$ə-ʃe) «inhabit!, live (somewhere)!».

***) Formed by means of the pronominal prefix: ɪe: ɪe-E (ye-ʃe) «pull!».

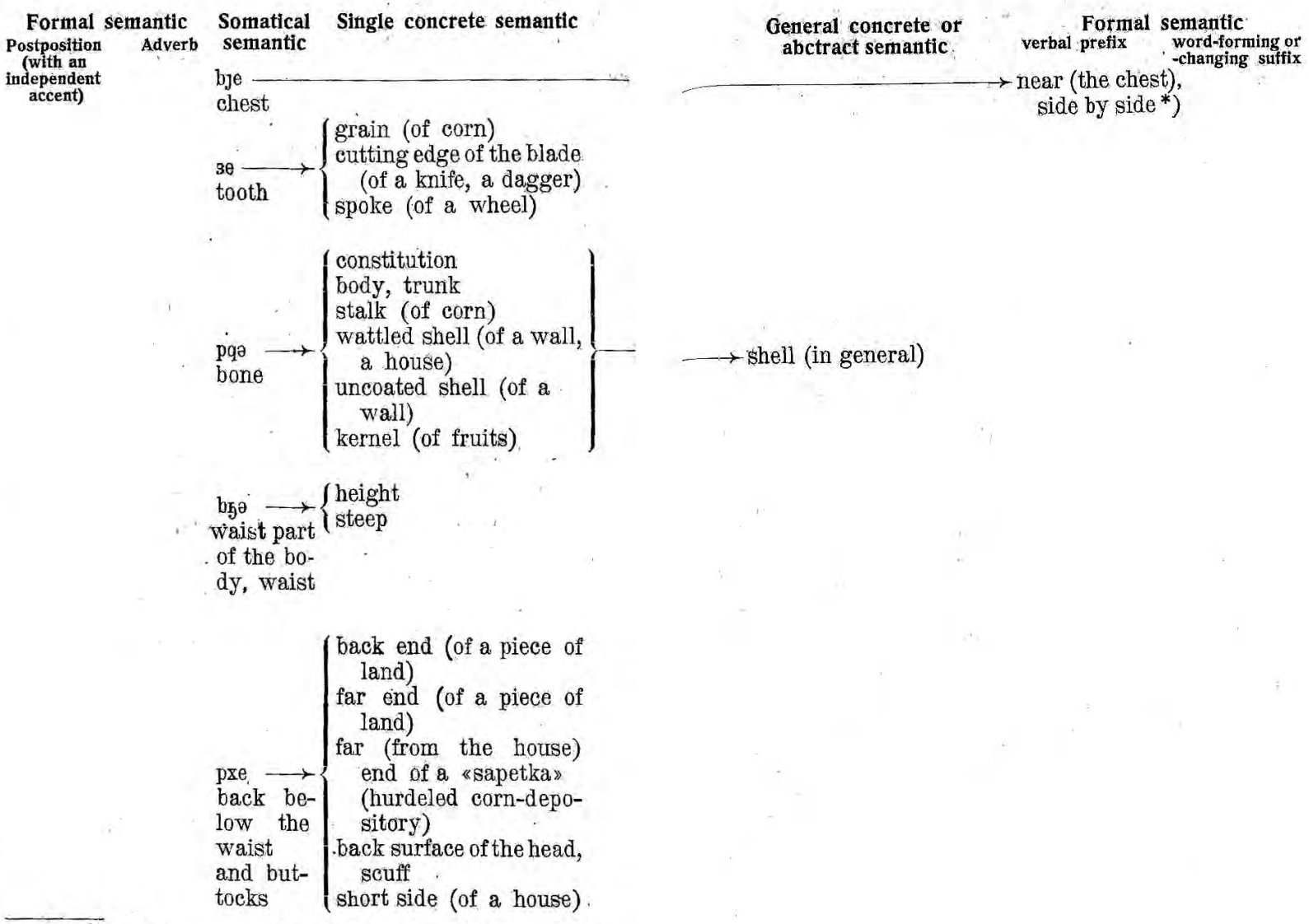
****) E. g.: psə-E (ɸsə-ʃe) «dampness» ← psə «water»; ɕɜ-E (s$_{m}$ə-ʃe) «cold, frost (s.)» ← ɕɜ «cold».

		ble forearm (joint)	litter (for the dead); string!, thread!; tie up in a bunch (onions, garlics)!; snake(?)		by, along*)	

*) Compare: ble-ky (ble-ʈ) «go by!; run by!».

— LXXVIII —

— LXXIX —

*) As a part of a compound prefix: bje-de-... (bǧe-de-...) lit.: «near the breast», compare: bje-de-t-s$_{m}$ (bǧe-de-ə-s$_{m}$) «stands near»... etc.

Formal semantic: Postposition (with an independent accent)	Formal semantic: Adverb	Somatical semantic	Single concrete semantic	General concrete or abstract semantic	Formal semantic: verbal prefix	Formal semantic: word-forming or -changing suffix
		fe — pelt, hide	strap; tanned leather; tawed leather; colour (of the hair of animals)	→ leather (in general);		
			colour (of the eyes and of the hair of men)	→ colour, tint; look (in general)		
		xᵥə — light, white (colour of the spots of the hair of animals)	white (nose); white (head); etc.	→ white (colour in general)*)		
		ɟe — reddish (colour of the hair of animals)	reddish (horse); reddish (cow); reddish (eyes)	→ yellow (colour in general)*)		
		ɕxᵥe — gray (colour of the hair of large-cattle)	gray (ox); gray (eyes)	→ gray (colour in general)		
		txᵥe — light bay (colour of horses)	light bay (horse)**)			

*) Names of colours are formed from corresponding names of colours of the hair of animals by means of the word-forming suffix zˌ: xᵥə-zˌ (kə-zˌ) «white»; ɟe-zˌ (ǧe-zˌ) «yellow»; compare yet: plˌə-zˌ (ɸlˌə-zˌ) «red» from: plˌə «gethot!; getting hot».

**) Compare: txᵥə «grow gray!; gray (of hair)».

Remark. Pointers point here at the supposed direction of development of meanings. Hypothetical meanings are printed in italics. The development of in reality unexistent, but possible meaning is designated by means of italics, dotted pointers and star.

Finally it is necessary to say some words about the conventional signs and transcription used in the Dictionary.

Combinations of sounds of the primary phonetic type are noted in the left margin and arranged in alphabetical order of phonems (see later the table of transcriptional concurrences, p. 134). On the right beginning from the middle of the page their meanings are given. Grammatically differently determined semantics (different parts of speech) or semantics which though standing within the limits of one and the same grammtical category (one and the same part of speech) are obviously unconnected with each other are arranged in fresh paragraphs. Different but evidently proximate semantics are arranged in one paragraph and divided by a semicolon. Finally synonyms which represent one and the same semantic are divided by a comma. Semantics with different gammatical definition (different parts of speech) are conventionally denoted before the Russian and English meaning by following abbreviations enclosed in (): s.—substantive; ad. || adj.—adjective; n.—numeral; pr.—pronoun; v.—verb; conj.—conjunction; and generally arranged in the above-mentioned order. But in consequence with the difficulties of printing of this edition the proper arrangement of meanings could not be wholly attained.

Roots or separate meanings which are not used independently are enclosed in [ ]; notes of every kind relating to the meanings are enclosed in ( ).

The nouns are cited in a form unformed with regard to case and number; the pronouns are unformed respecting case; the verbs are quoted in the 2 pers. sing. imperat. which can have the signification of pres. part. (for transitive verbs with passive and for intransitive with active meaning).

Under every word || root of the primary phonetic type phraseological and morphological examples (compositа etc.) of its use are given taken from the living

spoken language, proverbs and sayings. These are placed a fourth of the way across the page from the left. The language of songs being older has not been used. In the Russian translation of these examples the original order of words is as far as possible preserved which has proved impossible for the English translation. The necessary elements of literary translation of phraseologics in Russian and English are enclosed in [ ]. The elements of literal translation of the Kabardey text are enclosed in ( ). Two parallel lines divide two elementes of the Dictionary or phraseologics which may be used one instead of the other indifferently (facultatively).

Every sound-combination of the primary phonetic type noted on the left is written first by means of my scheme of Practical Latin Alphabet for the Kabardey language, second by means of the Japhetidological transcription*) which I have adopted and completed for the Kabardey language according to the information given by N. Marr Member of the Academy and third by means of the Arabic alphabet used for the Lower-Tcherkes writing. The last method has been introduced so that the Dictionary could be used by the Lower-Tcherkes who have been taught to read and write their own language with the help of the Arabic alphabet and by those people of Kabarda who read and write Arabic or use the Arabic alphabet for their own lauguage (e. g. the Kuban Kabardey natives in the Karatchay-Tcherkes aut. distr.) The appropriated Japhetidological Transcription gives an exact and scientific transcription of the Kabardey text, but represents graphically only separate phonems of this language. Variations of phonems which are especially abundant in the domain of Kabardey vowels are not expressed in its transcription. Thus the system of scientific transcription used in the Dictionary ought to be

*) When the first and second methods are identical I generally leave the first.

called «Phonematical» in order to distinguish it from the «Phonetic» system which most exactly expresses in writing all combinatory and facultative variations of phonems i. e. the laws of connecting sounds in the context of the given language.

The Phonematical transcription is convenient in every case when the published texts of the language are not intended for special phonetic purpose (as in this case). At the same time it gives the necessary scientific minimum of phonetic distinctions which is connected with the discrimination of the semantic elements of the language. I must refer those who want to restore fully the phonetic shades of phonems which appear in dependence with the phonetic context to my work: «Table of Phonetics of the Kabardey Language»:*) in accordance with the phonetic laws stated there every text of the Dictionary can easily be transcribed in the most exact phonetic writing.

My scheme of Practical Alphabet on a Latin basis for the Kabardey language was worked out in 1923 and needs special explanation. I have thought it necessary to publish it here on two accounts. Firstly a Dictionary published exclusively by means of the Japhetidological Transcription would be used with difficulty by a great many Kabardey natives acquainted only with the Kabardey-Latin alphabet in use because of the comparative complication of the Japhetidological Transcription and unsufficient discrimination of its characters (points above and below). In the meantime as we have in Moscow no tipe of the Latin alphabet used in Kabarda the parallel text cannot be published by means of it.

*) «Таблицы фонетики кабардинского языка», Moscow 1923 with pplication of «Словарь примеров к таблицам» («Dictionary of examples to the tables»). M. 1923.

But my scheme coincides with the Kabardey-Latin Alphabet in use*) in the greater part of its graphical characters and a person acquainted with the latter will be able to read texts written by means of my alphabet. Secondly we must acknowledge that the Kabardey-Latin Alphabet and orthography are not yet definitively fixed. Since the date of the publishing of the first alphabet of B. Huranov in 1923**) the Kabardey-Latin Alphabet has been twice seriously remodelled. The first elaboration was published in Huranov's spelling-book in 1924***) and the second one in Barukayev's spelling-book in 1925****). Thus final elaboration of the system of writing of the Kabardey language is to be expected and I hope that my scheme of Practical Latin Alphabet for the Kabardey language which is to be published now will be of some use for carrying out the scheme of national graphics for the Kabardey people and all other peoples of Adyghe.

In comparison with the Kabardey-Latin Alphabet in use my scheme has the following advantages. Firstly instead of 48 (Huranov's spelling book), 47 (Barukayev's spelling-book) letters it represents all phonems of the Kabardey language with the help of the least number of signs—43 letters in all. Secondly the super-glottal and labialized phonems of the Kabardey language represented in the Kabardey-Latin writing by means of combinations of two or three characters (i. e. by means of double or triple letters) are expressed in my scheme either by one letter or in such a way that the number of letters indispensable for the representing of the syllable does

*) It resulted partly from the working over of the Kabardey-Latin alphabet by its authors in winter of 1923-24 in the way of connecting it with my sheme, the copy of which according to the Kabardey Section of Public Instruction was sent to its manager Huranov.

**) Published in a form of a table-publication.

***) «Qeberdej Txyl» 1924 Nalšyk.

****) «De ḑoge de ḑolaze».

not exceed the number of sounds which it contains.*) It affords a considerable economy of space, (paper and print) in comparison with the Kabardey-Latin Alphabet in use. Thirdly my scheme of Practical Latin Alphabet is carried out without any superlineal and underlineal marks. Every Kabardey word can be written by its help without lifting the hand from the paper while the Kabardey alphabet in use has 7 (Huranov) letters supplied with superlineal (diacritic) marks.

In spite of all these undoubted advantages of my scheme of Practical Latin Alphabet for the Kabardey language I have no idea of forcing it on anyone. The composition of an alphabet must be carried out not only on mere technical principles but by national creative powers. A most perfect alphabet and system of writing from a technical stand-point may enter into use only if they are consciously mastered by national society. The publishing of my scheme has only the purpose of supplying materials for this useful work.

First it is necessary to explain how my scheme of Practical Latin Alphabet affords an economy of letters and avoids double letters for the representation of single sound-phonems. This problem has been solved not only with reference to the Tcherkes languages. The solution has also been carried out on materials of the Russian alphabet and schemes of writing of such Turk-Tatar languages which submit to the law of synharmonism. The problem of economy of letters may be expressed by a mathematical formula which I reported for the first time at the II Turkolgical Congress in Bakou in March 1926*) and may be solved with regard to every language if its phonetic structure and laws of combination of sounds are known. I named this formula the

*) The very rare cases of writing superglottal consonants at the end of the word are exceptions.

*) See: Bulletin № 4 of the Turkological Congress in Bakou, 1926, abstract of my report at the Congress.

Formula letters of the «greatest economy in number of the alphabet», its essential points may be thus traced.

Language has phonetic distinctions (sounds) of two categories. The sounds of the first category are connected with the discrimination of meanings of words. They are called in science «phonems» or might more simply be named the self-existing sounds of the language. Sounds of the other category can only be observed in special combinations of sounds in speech. Sound distinctions of this kind are named combinatory variations of phonems or shortly phonetic shades of phonems. A system of practical writing must graphically represent all phonems of the language. This is easy to do by introducing a special letter for every phonem. This can be expressed by the following formula:

$$A = n_b + n_a$$

where A denotes the general number of signs of the alphabet;

n_b — the number of self-existing consonant-sounds (phonems) of the language;

n_a — the number of self-existing vowel-sounds (phonems) of the language.

But many languages and amongst them the Kabardey admit a further diminution of the number of letters. The number of letters can be diminished by the following quantity:

$$(n_{b'\|b} - n_{'a\|a})$$

where $n_{b'\|b}$ denotes the number of couple-distinguished consonant sounds (phonems ‖ variations) in combination with corresponding couple-distinguished vowels; $n_{'a\|a}$ — the number of couple-distinguished vowels (variations ‖ phonems) in combination with the same couple-distinguished consonants. In Russian for instance one can discern the hard and soft consonant phonems, and by reciprocally opposing them according to this sympton

form 12 pairs*). These hard and soft couple-consonants can be combined with four vowel phonems in corresponding couple variations: ᵇa || a; ᵇo || o; ᵇy || y; и || ы as the phonem «e» does not allow the preservation of hardness of the precedent couple-consonant phonem.**)

The Kabardey as also the Lower-Tcherkes language possesses two groups of such couple distinguished consonant phonems. The phonems of the first group are reciprocally distinguished according to the principle of superglottalness || subglottalness of expiration; the Kabardey language has ten such pairs: fy || f; ly || l; ҫy || ҫ; py || p; ty || t; kₒy || kₒ; q || qy; qₒ || qₒy; ҫy || c; ky || k. The following examples show the difference in pronouncing these consonants: lɜ «man»; — lə «blood»; tɜ «dig (something)!» — tə «present (something)!», etc. On the principle of passive labialisation || active round labialisation (i. e. the front protrusion of the lips) there are eight such pairs: xₒ || x; xₒ || x; ɣ || ɣ; gₒ || g; \ kₒy || ky; ĸₒ || k; qₒ || q; qₒy || qy. The difference of pronouncing can be noticed in the following examples: pɜexₒ «birch-tree (lit.: white tree)» — pɜex «saw (lit.: taking a tree?)»; ҫɛxeu «quickly»; — ҫɛxₒeu «driving under»; begₒ «scrofula?» — beg «spider»***); ɣaple «copper»; — japle «make || allow to look!»; jaɣ «dry!» — jaj «make || allow to weep!» etc. If we turn now to the possible ways of practical writing of the above-mentioned classes of sounds they can be thus described. In Russian the first syllable of the word «няня» can be designated in three ways: «нъа,» where

*) These pairs are: мᵇ || м; нᵇ || н; лᵇ || л; рᵇ || р; фᵇ || ф; вᵇ || в; сᵇ || с; зᵇ || з; пᵇ || п; бᵇ || б; тᵇ || т; дᵇ || д. One could add three pairs: кᵇ || к; гᵇ || г хᵇ || х though the soft-velar consonants in Russian have a more limited application. But the last addition has no influence on the results of calculation according to my formula (see further on).

**) Compare e. g. the termination of the locative («prepositional») case of the sing. in Russian.

***) It is true that «ky, g, k» are now pronounced in Kabardey more as sibilant affricates than as soft back-palatal momentary. But for the purpose of a practical alphabet it is possible to neglect this difference the more that in modern Kabardey these two modes of pronunciation are equally possible and can be characterized as dialectic or facultative variations of the same phonem.

the single special letter «ҥ» expresses a soft cosonant phonem; or «нъа» where the same sound is described by means of two characters; i. e. by a double letter «нь»; at lastly «ня» where the quality of the consonant phonem is designated with the help of a special letter «я» for the correspondent variation of the vowel. These three transcriptions are graphically opposed to the writing «на» where the same vowel phonem is combined with the corresponding hard consonant. Each of these three methods can also be applied to the Kabardey language the question only arises which is the most economical from the stand-point of practical writing. If we write for instance the combination of a voiceless subglottal consonant with the vowel «e» as «tɛ» «make a present!» we can write the voiceless superglottal of the same combination as «t» — tɛ «dig», i. e. according to the first method which introduces for couple-consonant phonems special letters (the method of writing by means of the Arabic alphabet is the same, compare: ﺗ ,ﺕ); or we can write it as «ty»: tyɛ «dig!» where «y» represents the special character of the supreglottalness of the consonant and the superglottal consonant phonem is thus written with a double letter (this is the method adopted by the modern practical Kabardey writing of Huranov and others; only instead of «y» they use the character «h»: the «dig!» etc.); or lastly we can write it as «tɛ» «dig!» where the superglottalness of the consonant is expressed by means of a special letter for the vowel «ɛ». The last method I applied in my scheme of Practical writing as the most profitable for the Kabardey language. Its profitableness concerning the economy of letters can easily be calculated with the help of my formula.

The above shows clearly that an economy of letters of an alphabet can be attained if the language possesses few vowel phonems and a great number of couple-distinguished consonant phonems which can be combined with the variations of vowel phonems. In this case instead of introducing a considerable num-

ber of separate letters for the designation of consonants one can design the same consonant phonems by introducing a smaller number of supplementary letters for corresponding couple-variations of vowels. In other words it is possible to express the peculiarities of the consonants in writing by means of supplementary letters for the vowels. It is also necessary to introduce one complementary special character for the graphical discrimination of a consonant uncombined with a vowel (at the end of the word, preceding a consonant etc.).

Thus the formula will take the following aspect for a language which can be adapted to such a syllabic method of writing (as the Russian, the Tcherkes, etc.)

$$A = (n_b + n_a) - (\pm n_{b'\|b} \mp n_{'a\|a}) + 1$$

where I denotes the complementary special character. It is evident that this formula gives advantageous results if the second term is a negative quantity, i. e. if the number of vowel (or consonant) variations which are designated by special letters is a great deal less than the number of couple consonant (or vowel) phonems combined with them.

We find this condition in the Kabardey language. It has six vowel phonems: «e, ə, ˊa» and «Е, Ӭ, А», The last three are physiologically composed of «ʃ» («harter Ansatz») and the corresponding vowel phonem of the first group. Considering that the phonems «Е» e. g.: «hand»—Е; «Ӭ» e. g.: «hold»—Ӭ; «А» e. g.: «said»—ʔəıА in combination with the superglottal ‖ subglottal couple consonant phonems appear rarely and only in morphologically limited cases*) it is possible to use the same characters for the designation of superglottal consonants

*) Especially when a pronominal or verbal local prefix represented by one consonant phonem is connected with a verbal root beginning with one of the three vowels: «Е, Ӭ, А».

and we can take the number $n_{'a\|a}$ as equal to zero. The results of calculation for the Kabardey language may be then represented in the following way:

$$A = (46 + 6) - (10 - 0) + 1 = 43$$

if we take the number of superglottal ‖ subglottal couple consonants as the basis of economy and:

$$A = (46 + 6) - (8 - 3^*)) + 1 = 48$$

if the economy of letters is carried out with regard to the labialized ‖ unlabialized couple consonants. It is clear that the first method of constructing an alphabet gives the best results**) for the Kabardey language and the published scheme is based on it.

According to this method special vowel characters are used for the designation of precedent phonems: «Е» instead of «e»; «Ӭ» instead of «ə» and «А« instead of «a» which for the purpose of easy mastering of the graphics all represent uniform couple distinctions (a small and a corresponding capital letter of the same size). The same letters «Е, Ӭ, А» designate the following three vowel phonems: ʃe, ʃə, ʃa (ﻱ، ﻲ، ﻳ). If the consonant does not precede a vowel (at the end of the word, preceding a consonant) which rarely happens in the Kabardey language it is necessary to write the special character of superglottalness «y» after the corresponding consonant. Thus the number of double letters in the system of writing becomes a minimum as all active labialized phonems are uniformly represented by special single letters composed of corresponding letters for passive-labialized consonants and a little circle written together with the letter.

*) It is necessary to add only three vowel-letters because the labialized ‖ unlabialized pairs of cosonant phonems do not combine with the three following vowels of the same syllable: «Е, Ӭ, А».

**) With regard to every language there are different results of calculation. Thus for the Lower-Tcherkes language it is more profitable to carry out the economy with regard to labialized consonants.

For the comparatively rare cases when the superglottal consonant precedes one of the three vowel phonems «ɛ, ɯ, ʌ» the character «y» denotes the separate pronunciation of this consonant, e. g.: «thou holdst» pyɛɻç (pɾəğs$_{m}$); «we shall speak» ʔətyɛneuç (jətɾene^{ъ}s$_{m}$). In these cases the precedent consonant is designated as a superglottal. In the following examples: fyəɻç (fɾəğs$_{m}$) «you hold»; ʔəsyeneuç (jəsɾene^{ъ}s$_{m}$) «I shall speak» a different conventional writing denotes that the precedent consonant is pronounced as a superglottal. (see later p. LXXXII).

As another peculiarity of the published system of writing we may note that as exception the characters «q, q̣» before «e, ə, a» and at the end of the word without complementary character, designate superglottal back-velar momentary phonems, while «q, q$_{ъ}$» before «ɛ, ɯ, ʌ» or with the complementary character «y» express corresponding couple subglottal back-velar momentary phonems. We admitted this digression from the graphical expression of the phonetic quality of superglottalness in the system of practical writing because its purpose is not the absolute but relative expression of phonetic distinctions of phonems. The graphical correspondence of writings «qy» and «q»; «q̣y» and «q̣» is completely preserved, only their absolute phonetic meaning is changed. A practical transcription must be based on the principle of simple representation of often used phonems; phonems which appear rarely can be transcribed by more complicated characters. Thus in the pairs: fy ‖ f; ly ‖ l; ç̣y ‖ ç; py ‖ p; ty ‖ t; ky ‖ k; k̦y ‖ k$_{ъ}$; cy ‖ c the more complicated transcription is given to the superglottal phonems rarely used in Kabardey, while in the pairs: qy ‖ q; q̣y ‖ q̣ the very frequent back-velar superglottals have demanded the simplest graphical representation*).

*) This principle is not my invention. I have only tried to explain theoretically (phonematically) what experts in Kabardey graphics from Atajukin to Sheretlokov have long ago applied to the Kabardey orthography.

The phonems «ж» and «ш» are represented by special single letters «ʒ» and «ʃ» without any diacritic marks which generally are unperfectly moulded in printing type but convenient for writing.

The orthography used in the Dictionary needs some explanation. The long diphthong-like vowels: ô^{u}, û^{u}, ê^{i}, î^{i} existing in the Kabardey language are designated by means of double letter: eu (e^{ъ}); əu (ə^{ъ}); ei (ey); əı (əy). This method of writing has been adopted because in all original Kabardey words these sounds in almost all cases appear as a result of the fusion of two adjoining phonems: of a short vowel and «u (ъ)» or «ı (y)» of the same syllable (i. e. preceding a consonant or at the end of the word); besides these two phonems must be pronounced distinctly when they are referred to two different syllables (preceding a vowel)**). It is true that in the middle of the words it would be more correct to write these double characters graphically and etymologically in a converse order; compare: ıet (yeə) «give him!»—seıt (seyə)←s + ıet (s-yeə read: sêə) «present ‖ give me to him!» where: s(ə) «me». But the system of designation of superglottalness of consonants by means of special letters for the three principal Kabardey vowels adopted requires double characters beginning with the same vowel. Thus the long vowels can be transcribed in the following way: ɛu (e^{ъ}); ɯu (ə^{ъ}); ɛı (ey); ɯ (əy) if they are preceeded by one of the superglottal consonants. In the same way are expressed identical long vowels which are found in foreign words. These vowels must be looked upon as having newly appeared under the influence of strange phonetic phenomena real vowel phonems. Thus the words: stôl (Russian: стол

**) Compare e. g.: pseu (φse^{ъ}) «live!» (read; φsô^{u}) and: pseuən «living» (verbal noun) read: φse^{ъ}ən; feu (read: fô^{u}) «honey» and: feuəɻe (read: fe^{ъ}əɳe) „vessel for honey"; for other examples see: N. Yacovlev «Table of Phonetics of the Kabardey language» (Таблицы фонетики Кабардинского языка) Moscow 1923. p. 97—99

«table») can be written as: stɐul (stɐˁl); yə-sud (Russian: суд «judgement») — ɪəsəud (yəsəˁd) «his judgement»; dêrs (Arabic: درس «lesson») — deɪrs (deyrs) «lesson»; dîn (Arabic: دين) — dəɪn (dəyn) «faith, religion» i. e. are written according to the orthography of original Kabardey words.

As the consonants which have, in Kabardey, phonematically distinguished pairs «superglottal ‖ subglottal», in combination with following consonants always assimilate with them in respect to the source of expiration, in practical writing the first of the two adjoining consonants is never designated: psə (ɸsə) «water»; pcɐ (ptə) «lie»; pqə (pkə) «bone» etc.

If the vowel phonems: (ʃe), (ʃə), (ʃɐ) appear after a subglottal consonant of the same syllable they can be designated by the combinations: «ye, yə, yaː:ɐj (ʃəğ) «hold!»; syəjç, or: sɐjç (sʃəğsₘ) «I hold»; fyəjç (fʃəğsₘ) «you hold» but never: fɐjç (=fəğsₘ); and lastly if these vowel phonems are preceded by a superglottal consonant the following method of writing can be used: «yɛ, yɐ, yʌ» where «y» designates the superglottalness of the precedent consonant: pyɐjç (pʃəğsₘ) «thou holdst», ʔətyɛnɐuç (jətʃəneˁsₘ) «we shall speak ‖ tell» But the above-mentioned cases are very rare and their domain in the language is morphologically very limited.

The accentuated long «a» usually of the penultimate syllable which often appears in combinations of roots (composita) of the Kabardey language is regularly replaced by the unaccentuated «e». In practical writing I design this «a ‖ e» by «a» in every position but the Japhetidological Transcription denotes exactly the real alternation of vowels, e. g.: uane (ˁane) «saddle»; uanaçɛ (ˁenasₘe) «saddler»; uaneçɛ (ˁenesₘe) «new saddle»; uanaçɛdaxe (ˁenesₘedaʁe) «handsome saddler»; uaneçɛdaxe (ˁenesₘedaʁe) «beautiful new saddle».

In most cases the penultimate syllable of the basis (thema) of the Kabardey words is accentuated. The consonant at the end of the word must be taken

for a whole syllable; as well as the long vowel at the end of the word for two syllables, therefore: ɻate (ɦə̀ə̀e) «fly!»; ɻəte (ɦə̀ə̀e) «respect!»; ɻataç (ɦeə̀ə̀sₘ) «he flew»; ɪəɻətaç (yəɦəə̀ə̀sₘ) «he respected»; ɻateʔ (ɦeə̀ə̀j) «fly again!»; ɻəteʔ (ɦə̀ə̀ej) «respect again!». Disgressing from this rule few Kabardey morphems (e. g. demonstrative pronouns in the form of an oblique case) and foreign words are provided in the Dictionary with an accent: məbə̀ «this (the nearest seen)» (form of an oblique case); yezə̀ «self»; feɪde (feydè) «utility, profit» (Arabic: فائدة); ʁhlə (ɾeħlə̀) «blood-relation» (Arabic: «family, relation» اهل).

Case and in part tense terminations, the termination of the plural and some postpositions have no influence on the place of the accent even if they are added to the basis (thema) of the word and form a syllable or represent a syllable themselves: bələ̀m «cattle» (basis of the word); but: pələ̀m (ɸə̀ləm) «elephant» oblique case from the basis: pəl (ɸəl); səɪpxər (səyɸʲər) «my sheaf» (basis of the word), but: səɪcəpxər (səyə̀ə̀ɸʲər) «my comb (for combing wool)» (form of direct case from the basis (thema): cəpx (ə̀əɸʲ). These words are written in the Dictionary with the omission of the unaccentuated vowel «ə» which appear in case of adjunction of word-changing suffixes, i. e.: pəlm «elephant»; səɪcəpxr «my comb (for wool)» etc. The parallel Japhetidological Transcription gives in these cases a complete phonetic transcription of syllables indicating the place of the accent (ɸə̀ləm; səyə̀ə̀ɸʲər) and denotes also the accent of conjointly written composita — proclitics — demonstrative pronouns and nouns: məɪr (mə̀lər) (form of direct case from the secondary root: məl «ice»); but: mələr (mə̀lər) (form of direct case from the primary root: lə «meat»). «this meat».

Conjointly with substantives are written in the Dictionary not only prefixes (possessive and demonstrative pronouns etc.) but: also suffixely adjoined adjectives because they unite with them in a single word with an accent displaced to the penultimate syl-

lable: mələr (mələ̀r) «this meat», səılr (sə̀ylər) «mý body || || meat», ləfy (ləf) «good meat», ləɐı (ləꜝə̀y) «bad meat || body» (from the basis: fɐ (fə) «good», ɐı (ꜝey), «bad»); cɐx˳ (tə̀ᵏ) «man», cɐx˳əfy (tə̀ᵏə̀f) «good man», cɐx˳ɐı (tə̀ᵏꜝə̀y) «bad man», cɐx˳daxe (tə̀ᵏdà̆ʁe) «handsome man» (from the: daxe (dà̆ʁe) «handsome») etc.

Iterative (copulative) combinations grammatically representing a lexical unity and united by one accent are also written conjointly (see examples on page LV-LVI). Those which preserve grammatical independence (the formation of forms) of every component entering into combination and also independent accents are written by means of a dash: jə-bƵe (ğə̀-bjè) «weep-lament!»; maj-mabƵerəı (mà̆ğ-mà̀bjerəy) «weeps-laments»; k˳ədeɯ-fɐue (q˳ède˙-fə̀˙e) «very well»; meq˳-meʃ (mek˳-meɯ) «agriculture», lit.: «hay-millet»; uere-sere (˙ère-sère) «thou and I» etc.

We may here mention and those similarly written cases and of similar origin where the second component having preserved an independent accent has taken the meaning of a postposition: gə-çʌjm (gə˳s˳à̆ğəm) «under the cart»; çe-nes (s˳ə̀-nès) «to a hundred» etc.

Lastly it is necessary to note the great work on the elaboration of Kabardey orthography and graphics which is needed to produce an uniform orthography. I am sorry to note an overestimation of the laws of Russian grammar which are sometimes taken for the only possible forms of logical grammar in general. Hence the tendency to write separately attributive combinations «according to the meaning» which in the Kabardey language cannot be completely carried through and thus causes unconsequent transcriptions. Let us hope that the new Kabardey written language will break through all difficulties lying in the way of its elaboration and in the near future construct a system of writing and orthography suiting the peculiar grammatical construction of the Kabardey language—one of the most remarkable languages which have ever been object of linguistic investigation.

СЛОВАРЬ
DICTIONARY

me 4.

(o.) запах
(s.) smell, odour

ləm me çeu
мясо [плохой] запах издает
(ləm me s$_{m}$e^{ʕ})
the meat exhals a [bad] smell

gedəur ləm ḷeməʁesme, me çeu ʔəı (psaḷeẓ)
кошка до мяса если не достает, [от него] запах идет, говорит (посл.)
(ḍedə^{ʕ}ʏ ləm ḥeməʁesme, me s$_{m}$e^{ʕ} jəy)
if the cat doesn't reach the meat „a [bad] smell [it] exhals", it says

на!, возьми! (неспряг.)
take it!, there! (inconj.)

me mətxəḷr — на эту книгу
(me məʊɬəḥər) — take this book

mə 7.

(c.) дикие яблоки; дикое яблоко
(s.) crab apples; crab apple

neube mezm mə qəraʃaç
сегодня из лесу диких яблок привезли
(ne^{ʕ}be mèzəm mə kəraшas$_{m}$)
to day crab apples [they] have brought from the wood

məzəmr se qəzet
это одно дикое яблоко мне дай
(məzə̀mər se kəzeʊ)
this one crab apple give me

(м.) [этот, ближайший к говорящему видимый] (употребляется префиксально)
(pr.) [this, the nearest to the speaking person visible] (used prefixably)

mər сяхᵥç (mər tə̀bəsₙ)
это человек this is a man

məсяхᵥr kₒAç
этот человек пошол
(mətə̀bər kₒasₙ)
this man has gone

ne (с.) глаза; глаз; [ушко (иглы)]
(s.) eyes; eye; [eye (of a needle)]

gegre-pet ne qərax (psalez)
во время игры глаз выбивают (посл.)
(degre-ʧeə ne kərab)
in the sport time [they] break the eye (prov.)

nenʃe безглазый; кривой, одноглазый
(neшe) eyeless; one-eyed

mastene (с.) ушко иглы
(mesəene) (s.) eye of a needle

(гл.) [оставайся] (непереход.)
(v.) [remain!] (intrans.)

qane (гл.) оставайся
(kane) (v.) remain!

ne ebəidei qane. (ʼe ebəydey kane).
ты у него останься remain (thou) at his

səqəutməjane (səkaʼməğane)
[меня] не оставляй do not [thou] leave [me]

ntɛ (co.) итак, таким образом, так
(nte) (conj.) so, thus, therefore

ntɛ dene dəkᵥeneu uere-sere neube
итак, куда пойдем ты и я сегодня
(nte dene dəkᵥeneʼ ʼere-sere neʼbe)
so where [we] shall I and thou go to day

xə (с.) сеть рыболовная; (в старину:) сеть для обметания зерна при веянии
(qə) (s.) net for fishing; (in old times:) for sweeping during the grain winnowing

lɨzm xə ieçy
старик сеть делает
(həzəm qə yesₙ)
the old man makes a net

xəkɛ bəezei qauəbəd
сетью рыбу ловят
(qəte bdezey kaʼəbəd)
[they] fish with a net

xᵥe (гл.) стачивай напильником (непереход; переход.)
(qᵥe) (v.) file! (intrans; trans.)

þəkem þəçy iexᵥe
кузнец железо стачивает
(ğətem ğəsₙ yeqᵥe)
the blacksmith files iron

þəkɛr pxaxᵥekɛ çəteu maxᵥe
кузнец напильником стоя стачивает
(ğətər ʧqaqᵥete sₙəəʼ madᵥe)
the blacksmith files standing

(гл.) топчи, валяй (ногами) сукно (обычно смоченное, на специально сделанном плетне) (редко: непереход; переход.)
(v.) full cloth! (with feet, usually wetted on especially prepared wattles) (rarely: intrans; trans.)

fəzxem cei ıax̥e
женщины сукно валяют
(fəzɬem ɬey yaq̥e)
the women full the cloth

xəgebzxem cei x̥en ıak̥edç
у девушек сукна, чтобы валять, много
(qəqebzɬem ɬey q̥en yaq̥edsʷ)
there is much cloth with the girls to be fulled

meur neube max̥e
она || он сегодня валяет [сукно]
(meʷr neʷbe maq̥e)
she || he is fulling [the cloth] to-day

(гл.) [скармливай скотом, паси, выпасай] (непереход.)
(v.) [give (a pasturage) to the cattle for feeding!, pasture!] (intrans.)

x̥ak̥ɛ (гл.) паси, выпасай
(q̥aq̥ə) (v.) pasture!

ɛx̥er neubepseum mex̥ak̥ɛ
пастух сегодня целый день выпасает
(ɾeq̥er neʷbeɸseʷm meq̥ak̥e)
the shepherd pastures the whole day to-day

se neube məq̥ekɜım səçəx̥ek̥ɛneüç
я сегодня в этой долине буду пасти
(se neʷbe məǩeţəym səsʷəq̥ek̥ɛneʷsʷ)
I shall give [the cattle the pasturage] to feed in this valley to-day

х̥ə (гл.) скармливай скотом; вытолачивай (переход.)
(q̥ə) (v.) give (the pasturage) to the cattle for feeding! (trans.)

ɛx̥em ʔemxemkɛ meugəbɲer ıex̥
пастух коровами этот луг вытолачивает
(ɾeq̥em ɟemɬəmţe meʷgəbğer yeq̥)
the shepherd gives this meadow to the cows for feeding

adəɲem ɛç ıajeq̥
черкесы скот водят || занимаются скотоводством
(ʿedəɣem ɾesʷ yağeq̥)
the Circassians breed cattle

(с.) самец
(s.) male

x̥ə heme bzə?
самец или самка?
(q̥ə ɦeme bzə?)
male or female?

(гл.) спей, зрей (непереход.)
(v.) ripen! (intrans.)

məɛrəseq̥aɬer qəpakrəı ıajetɜl
садовые яблоки поспевшие срывают и укладывают [про запас]
(məɾerəseq̥aɬer kəɸaθrəy yağetəl)
[they] pluck ripened apples and store them

(гл.) делайся, становись; будь (в наличности) (непереход.)

(v.) become!, get!, grow!; be present! (intrans.)

lʁ ɤ̞ə!
мужчиной стань!
(ɬə ɖə)
grow up a man!

de tɤ̞ə deuɤ̞
нас пятеро
(de ɔɖə de'ɖ)
we are five

пожелания (при чихании и проч.:)
wishes (at sneezing etc.:)
lʁz uəɤ̞
стариком да станешь ты! (‖ доживешь до старости)
(ɬəz 'əɖ)
may you grow old! (‖ may you live long)!

heʔə uəɤ̞
«хаджи» да сделаешься ты!
(ħejə 'əɖ)
may you become «chadji»!

nasəpəfʁ uəɤ̞
счастливым да станешь ты!
(nasəɸəfe 'əɖ)
may you grow happy!

jaçɛkəh uəɤ̞
долголетним да станешь ты!
(ǧes_eṭəħ 'əɖ)
may you grow long-lived!

we (ve) ʕ (гл.) паши (непереход.; переход.)
(v.) plough! (intrans.; trans.)

lʁçɛr neube mawe
работник сегодня пашет
(ɬəs_er ne'be mave)
the labourer ploughs to-day

neube gɐz ɪawe
сегодня [под] пшеницу пашут
(ne'be gɐd yave)
[for] wheat [they] plough to-day

(гл.) варись (непереход.)
be boiled! (about food: meat
(v.) etc.) (intrans.)

fəzm lə ɪejawe (fəzəm lə yeğave)
женщина мясо варит the woman boils meat

wə (və) ʕ (s.) холощеные рабочие быки, волы; холощеный бык, вол
gelted working oxen, bulls; a gelted ox, bull

wəzəɪməʁem tane çɛɪçɛ (psaḷez)
быков у кого нет, тот телят запрягает (посл.)
(vəzəymə ʁem ɔane s_eys_e)
he who has no oxen, yokes calves (prov.)

səɪadem wə qəɪçɛxɐaç
мой отец быков ‖ быка купил
(səyadem və kəys_eɬas_)
my father has bought oxen ‖ an ox

(гл.) оттаивай; (редко:) тай (непереход.)
(v.) thaw away!, thaw off!; (rarely:) thaw! (intrans.)

ɲatxem ɕʁr mew
весной земля оттаивает
(ğaʊɬem s̲ər mev)
in spring the ground thaws away

məlr waɕ (mə̀lər vàs̲)
лед растаял the ice is thawed

(fə) (пр.) хороший; добрый
(adj.) good; kind

ue uəcʁx̲əfyɕ (ᵔe ᵔətəʟəfs̲)
ты хороший человек thou art a good man

se embarəfy sɕʌɕ
я построил хороший амбар
(se embarəf ss̲as̲)
I have built a good granary

ʃərəɸəfy qesʃex̲aɕ
хорошие сапоги купил
(mərək̲əf kəss̲eʟas̲)
I have bought good boots

fe (с.) шкура; сыромятная кожа; выделанная кожа; ремень
(s.) hide; tawed leather; leather; strap

feɕex̲m fe k̲ed qəɕex̲aɕ
скупщик кож шкур много купил
(fes̲èʟəm fe q̲ed kəs̲eʟas̲)
the hide-forestaller has bought many hides

ʃx̲e sɕʌneu fe svetaɕ
уздечку чтобы сделать, [сыромятной] кожи [я] намял
(nʟe ss̲əneᵔ fe sɕeʊas̲)
for making a bridle [I] have kneaded [some tawed leather

ʃərəq̲lapɕem ɕʁzbzeneu fe qesɕex̲aɕ
для голеницы на подкладку [выделанную] кожу [я] купил
(mərək̲ɳaɸs̲em s̲ezbzeneᵔ fe kess̲eʟas̲)
to underlay the bootlegs [I] bought (some) leather

bɣərəpxm fe ɕʁzeuu
в пояс [я] ремень вдеваю
(bɣərəɸəm fə s̲əzeᵔᵔ)
[I] put a strap in the girdle

(с). масть, цвет шерсти животных; цвет, окраска
(s.) colour of the hair of animals; colour, tint

meuʃəm ɪəfer sət x̲ede?
вот-той лошади масть чему подобна || какова?
(meᵔməm yəfer səʊede)
the colour of the hair of yonder horse like what is?

ɪəfer sət x̲ede?
его цвет чему подобен?
(yəfer səʊ ʟede)
his || its colour like what is?

(м.) вы, местоимение 2-го лица множеств. числа
(pr.) you, pronoun of the second person in the plural

fe ɪətʁur dene fək̲ʁre? (fe yətəᵔr dene fək̲ere)
вы вдвоем куда идете? where do you go two?

ɪefe (гл.) пей; сòси.
(yefe) (v.) drink!; suck!

meur psə ɪeufe (meᵔr ɸsə yeᵔfe)
он воду пьет he drinks water

sabəur bəs ɪeufe (sabəyr bəʊ yeᵔfe)
ребенок грудь сосет the child sucks a teat

fə فـ промокай; сгнивай, портись (непереход.)
get wet!, be wet!, be drenched!; rot! (intrans.)

se пеʃxm səɪjefaç
меня дождь промочил [до костей]
(se ˈèmɬəm səyğefas̬ˌ)
the rain has drenched me through

məʁrəse kˌed faç
яблок много сгнило
(məɾerəse qˌed fas̬ˌ)
many garden-apples are rotten

çɛf (гл.) соси!
(s̬ef) (v.) suck!

sabəɪr bəз çɛuf. (sabəyr bəd s̬eˈᵊf)
ребенок грудь сосет the child sucks a teat

ftə (fʊə) فتـ (с.) половые органы; половой орган, первичный половой признак
(s.) sexual organs; sexual organ, primary sexual symptom

sabəɪm ɪəftr pauəpçʌç
ребенку член обрезали ‖ [над ребенком совершили обрезание]
(sabəym yəftər ɕaˈᵊəps̬as̬ˌ)
they have circumcised the child's sexual organ

fəzxemre lʁxemre ɪaft çeuəkʁtexe
женщины и мужчины своих половых органов стыдятся.
(fəzɬemre ɬəɬemre yafʊ s̬eˈᵊətəʊeɬe)
the women and (the) men are ashamed of their sexual organs.

ze ز (с.) кизил (плоды); кизил (плод)
(s.) medlars, fruits of the burning bush; medlar, fruit of the burning bush

çʌlexer zehe mezm kˌʌxeç
парни по кизил в лес пошли
(s̬ˌaleɬer zeɬe mèzəm ɻˌaɬes̬ˌ)
the boys went for medlars into the wood

məzəzem ɪepˌ
на этот плод кизила посмотри ‖ за этим плодом кизила присмотри
(məzə̀zem yɕɬˌ)
this one medlar see ‖ after this one medlar look

(ч.) раз, один раз; раз, однажды, когда то; наконец,.. же наконец
(n.) once, one time; once, upon a time; after all, at last

se ze səgelaç
я один раз упал
(se ze səḍelas̬ˌ)
I have fallen down once

qalem ze səkˌɛjaç
я в город однажды ездил
(ḳalem ze səkˌeğas̬ˌ)
once I had gone to the town

ʃxe ze! (ɯɬe ze)
ешь же, наконец! eat at last!

zezaqˌe ze zeran uəməxˌ
не делай же вреда, наконец! ‖ не мешай же, наконец!
(zezaḳˌe ze zeran ˈəməqˌ)
don't make harm at last! ‖ don't disturb [anyone] at last!

zə (ч.) один
(n.) one

neube dərdeı zəly qətxₒekₒAç
сегодня к нам один мужчина пришел
(neᵔbe dəydey zəḫ kəʤaqₒasₘ)
to-day one man has come to-us

(гл.) цеди, процеживай (переход.);
(v.) decant!, filter! (trans.)

ʃer zə (ɯer zə)
молоко цеди! decant the milk!

se (с.) ножи; нож
(s.) knives; knife

ƥəkɐm se ɪeçy
кузнец ножи ‖ нож делает
(ǧuṭem se yesₘ)
the smith makes knives ‖ a knife

məser ʔanç (məsèr jansₘ)
этот нож острый this knife is sharp

(м.) я, местоимение первого лица единственного числа
(pr.) I, pronoun of the first person in the singular

se neube seuze
я сегодня отправлюсь ‖ уезжаю
(se neᵔbe seᵔze)
I set off to-day

(гл.) сей!; сажай (непереход.; переход.)
(v.) sow!, seed!; plant! (intrans.; trans.)

meur neube mase (meᵔr neᵔbe mase)
он сегодня сеет he sows to-day

neube ʔəle ɪase
сегодня семена сеют
(neᵔbe ʝəle yase)
[theý] sow [corn] seeds to-day

xese (гл.) сажай (в)
(ɦese) (v.) plant (into)!

teise (гл.) усеивай, выпадай на (непереход.); сей (на, по) (переход.)
(ǝeyse) (v.) spread over! (intrans.); sow over! (trans.)

kɐrtɐufm ues teuse
на картофель снег падает
(tcrtèᵔfəm ᵔes ǝeᵔse)
the snow spreads over potatoes

məhesem nartəxₒ treɪse
на этой полосе кукурузу сеет
(məɦesem narǝəƅ ǝreyse)
on this plot of land he sows maize

[sə] (гл.) [сиди, находись в сидячем положении] (непереход.)
(v.) [sit!, be seated!] (intrans.)

çAler gəpkɐm pəsç
юноша на конце арбы*) сидит
(sₘaler gəpṭem pəssₘ)
the boy sits on the edge of the arba*)

*) Род примитивной двухколесной небольшой повозки, употребительной у горцев Кавказа.
Kind of primitive two-wheeled cart used by the highlanders of the Caucasus

her embar-ɕʌjm ɕesɕ
собака под амбаром сидит
(ĥer embar-s̱ə̀ǧəm s̱ess̱)
the dog sits under the granary

meubə ɪəpəʁr gesɕ
его шапка на бекрень надвинута
(me'ᵇbə̀ yəɸə̀ɾer gess̱)
his cap sits awry

ɕʌler kʁseu ɪah
юношу сидящим в тороках ‖ позади седла везут
(s̱ʌler ṭese'ᵇ yaĥ)
[they] carry the lad behind the saddle

ɕʌler psəvəfem vəsɕ
юноша на берегу реки сидит
(s̱ʌler ɸsə̀ɾəfem ɾ̥əss̱)
the lad sits on the river bank

meur uənem vəsɕ
он сидит у [фасада] дома
(me'ᵇr 'ᵇənem ɾ̥əss̱)
he sits at the house [facade]

ies (гл.) плавай (непереход.)
yes (v.) swim! (intrans.)

lʁr psəm ɪeus
мужчина в воде плавает
(ḫ̱ər ɸsəm ye'ᵇs)
the man swims in the water

lɛ (гл.) умирай; издыхай (о животных) (непереход.)
(ḫ̱e) (v.) die!, expire! (concerning men and animals) (intrans.)

se seulɛ (se se'ᵇḫ̱e)
я умираю I die

wəsəmager lʌɕ (vəsəmaḍer ḫ̱as̱)
бык больной издох the sick ox died

lʁ (с.) мужчина; муж; молодец, храбрец
(ḫ̱ə) (s.) man; husband; a brave man

dəɪdeɪ lʁ qekᵥʌɕ
к нам мужчина пришел
(dəydey ḫ̱ə keḳᵥas̱)
a man has come to us

xəgebzr lʁ dekᵥʌɕ
девушка замуж вышла
(qə̀ḍèbzə̀r ḫ̱ə dekᵥas̱)
the girl has married

ɯe lʁ uəɪʁqe?
у тебя мужа нет?
('ᵇe ḫ̱ə 'ᵇəyɾ̥eke?)
hast thou no husband?

lʁɕ məɪsar
вот-тот храбрец
(ḫ̱əs̱ məysar)
there is a brave man!

lʁje (с.) храбрость, мужество; сила
(ḫ̱əǧe) (s.) bravery, courage; strength, force

lʁjekʁ qətrəɪxaɕ
храбростью ‖ силою отнял
(ḫ̱əǧeṭe kəɔrəyɬas̱)
[he] took away [something] by force

(гл.) будь (‖ являйся) мужчиной; будь (‖ являйся) молодцом, храбрецом (непереход.)
(v.) be a man!; be a brave man! (intrans.)

meubə kᵥedeu zəjelʁneu fʁfyɕ
ему очень мужчиной быть хочется
(me'ᵇbə̀ qᵥede'ᵇ zəyǧeḫ̱ənẽ'ᵇ fefs̱)
he has a strong wish to be a [brave] man

ɪe uəlɯn ɪe uəlɛn (psaḷez)
[надо] или быть мужчиной, или умереть (поговор.)
(ye ˈəḫən, ye ˈəḫen)
either be a brave man or die (saying)

(гл.) души, задуши, удуши на смерть; (реже:) зарежь, задери, загрызи на смерть (о хищном животном) (переход.)
(v.) stifle to death; (rarely:) worry to death (concerning the carnivora) (trans.)

fəzm sabəɪr ɪəlʌç
женщина ребенка задушила
(fəzəm sabəyr yəḫasₘ)
the woman stifled the child

məçem ʃər ɪəlʌç
медведь лошадь зарезал || задрал
(məsₘem ɯər yəḫasₘ)
the bear has worried the horse

gedəum səɉer ɪely
кошка мышь душит || загрызает
(dedəˈm dəğer yeḫ)
the cat is stifling the mouse

le ⌟ (гл.) крась (непереход.; переход.)
(v.) dye!, paint! (intrans.; trans.)

nənaçhem malerəɪ teɪtç
на крыше дома он стоит и красит
(ˈənasₘhem malerəy ɔeyɔsₘ)
on the house-roof he stands and paints

dəɪdeɪ neube uənər ɪale
у нас сегодня дом красят
(deydey neˈbe ˈənər yale)
[they] paint the house at us to day

lə ⌟ (с.) мясо; тело
(s.) meat; flesh; body

se lə seuʃx (se lə seˈɯɬ)
я мясо ем I eat meat

lər ɪəuəʌç (lər, yəˈəɾasₘ)
тело ранил. [he] wounded the body

ɪəlr ləɛɪç
у него тело дурное || [легко поддающееся болезням]
(yələr ləɾeysₘ)
he has a bad body || [easily subjected to illness]

(гл.) выжигай, прожигай (отверстие в дереве) (переход.)
(v.) burn through (an opening in the wood)! (trans.)

ɜasem pxer ɪel
вертел дерево прожигает
(ğasem ɕğer yel)
the spit burns [through] the wood

meubə ɜasemkɛ ɉane ɪejel
он вертелом дыру прожигает
(meˈbə ğasemṭe ğane yeğel)
he burns through a hole with the spit

ləje (с.) выжигание (степи, леса)
(ləğe) (s.) burning through (a steppe, a wood)

bʐəhem gəbɉem ləje ɪəraɜ
осенью степь выжигают
(bʐəhem gəbğem ləğe yərağ)
in autumn [they] burn through the steppe

ɬe (ɬe)
(c.) ступни; ступня; ноги; нога; balls of feet; ball of foot; feet;
(s.) foot; legs; leg

ɬeg
(c.) нижная поверхность ступни, подошва;
(ɬeg)
(s.) heel

ɬaçhe
(c.) подъем ступни
(ɬasₒhe)
(s.) instep

ɬape
(c.) носок ступни
(ɬaɸe)
(s.) tip of the foot plant

qekₒəhənkₒedm ɬe qəsfəmaqem
ходьба многая ног не оставила мне ‖ [утомила меня] (поговор.)
(keĸₒəhənɸèdəm ɬe kəsfəynakem)
much going left me no feet (idiomatical expression)

ʃəm ɪəɬer meuz
[у] лошади нога болит ‖ ноги болят
(ɯəm yəɬer meˑəz)
the horse's leg aches ‖ legs ache

melm ɪəɬer pxaç
у барана ноги связаны
(mèləm yəɬer ɸɬasₒ)
the ram's legs are tied up

(c.) [сосуд (для жидкости); поверхность (земли)]
(s.) [vessel (of liquid); surface (of the earth)]

psəɬe (ɸsəɬe)
(c.) сосуд [для] воды, из-под воды
(s.) vessel of water, [for] water

çʁɬe (sₒəɬe)
(c.) поверхность земли
(s.) surface of the earth

(гл.) прыгай (непереход.)
(v.) jump!, spring! (intrans.)

ʃər maɬe
лошадь прыгает
(ɯər maɬe)
the horse jumps

ʃər bƵəhm ɪeuɬe
лошадь плетень перепрыгивает
(ɯər bjəĥəm yeˑˑɬe)
the horse jumps over the wattled hedge

ɬə (ɬə)
(c.) кровь
(s.) blood

ɯəʌjem ɬə qeuky
из раны кровь выходит
(ˑəɾağem ɬə keˑˑt)
the blood comes out from the wound

(гл.) [лежи, находись в лежачем положении] (непереход.)
(v.) [lie!, be lying!] (intrans.)

gəpkʁm qep pəɬç
на конце арбы мешок [с краю] лежит ‖ мешок [с арбы] висит
(gəptem keɸ ɸəhsₒ)
[at the edge of] the arba a bag lies ‖ hangs down [from the arba]

her gə-çʌjm çʁɬç
собака под арбой лежит
(ĥer gə-sₒàğəm sₒehsₒ)
the dog lies under the arba

uaner fezapem pəlç
седло на вешалке висит
(ʿaner fedapem φəhsₘ)
the saddle hangs on the peg

səhetm səhetəpsʿ ɪəlç
на часах есть (букв.: лежит привязана) цепочка
(səhèðəm səheðəφs ɪəhsₘ)
a chain is (liter.: lies bound) at the watch

(гл.) точи, остри (переход.)
(v.) whet!, sharpen! (trans.)

lɜzm se ɪeɬ
старик нож точит
(ɬəzəm se yeɬ)
the old man whets a knife

ɬxₒe (ɬʰe) (гл.) разрешайся от бремени, рожай, роди (о женщине), телись, жеребись (и т. д. о животных) (непереход.)
(v.) be delivered!, bear! (concerning the woman); calve!, foal! (etc. concerning the animals) (intrans.)

dəɪpəneɒm ɪənəser maɬxₒe
нашего соседа сноха родит
(dəyğənèğəm yənəser maɬʰe)
our neighbour's daughter-in-low bore

nəzebe dəɪzemr ɬxₒaç
сегодня ночью наша корова отелилась
(nəjebe dəyjèmər ɬʰasₘ)
last night our cow calved

[ɬxₒə] ([ɬʰə]) (гл.) роди, рожай (переход.)
(v.) bear! (trans.)

deɬxₒ (c.) брат единокровный или единоутробный (по отношению к сестре*)
(deɬʰ) (s.) brother born of the same father or mother (in relation to the sister*)

[ɬhe] ([ɬʰe]) (гл.) [клади, положи] (переход.)
(v.) [put!, set!] (trans.)

psəm lər xeɬhe
в воду мясо положи
(φsəm lər ɬeɬʰe)
put the meat in the water!

qeptalm eɒape pəɬhe
[к] бешмету**) рукав пришей
(keφəàləm ɾeğaφe φəɬʰe)
sew a sleeve to the beshmet**)

pəer pxₒantem deɬhe
шапку в сундук положи
(φəɾer φqₒanðem deɬʰe)
put the hat in the chest

uənem bʔe vəɬhe
к дому дверь приделай
(ʿənem bje ʒəɬʰe)
put a door to the house

ʃəm uane teɬhe
лошадь оседлай
(ɯəm ʿane ðeyɬʰe)
put the saddle on the horse ‖ saddle the horse

*) Это название употребляется исключительно женщинами.
This name used only by women.

**) Род мужской верхней одежды вроде кафтана.
A kind of man's dress like a caftan

ʒe (ʒe) (с.) рот; пасть (челюсти)
(s.) mouth; jaws

hem ɪəʒem qəpçhe ʒedelç
у собаки кость в пасти находится
(ħem yəʒem kəɸsʰhe ʒedeɬsʰ)
the dog has a bone in its jaws

(гл.) пекись; жарься (непереход.); (редко): жарь, жги, обожги; опали (переход.)
(v.) be baked!; be roasted! (intrans.): (rarely:) roast!, burn round!, scorch! (trans.)

dəɪanem lə ɪejaʒe (dəyanem lə yeğaʒe)
наша мать мясо жарит our mother roasts meat

fəzm çaqʁ ɪejaʒe (fəzəm sʰakʁe yeğaʒe)
женщина хлеб печет the woman bakes bread

mafem səɪʁr ɪeʒe
огонь мне руку обжигает
(mafem səyʀer yeʒe)
the fire scorched my hand

ɪeʒe (гл.) езжай, уезжай, отправляйся (непереход.); дожидайся (переход.)
(yeʒe) (v.) go!, go away!, set off! (intrans.); wait!, expect! (trans.)

meur neube qalem ɪeuʒe
он сегодня в город уезжает
(meʷr neʷbe kalem yeʷʒe)
he goes to town to-day

se seuʒerəɪ səçətç (se seʷʒerəy səsʰəɜsʰ)
я дожидаясь стою I stand waiting

ebə nəɪməʒe (ebə ʷəymənʒe)
его не дожидайся don't wait for him

ʁʒe (с.) сани
(ʀeʒe) (s.) sledge

ʒə (ʒə) (с.) воздух; ветерок, дуновение
(s.) air; breeze, blowing

nənem ʒə çʁtqem
в комнате воздуха нет
(ʷənem ʒə sʰeɵkem)
there is no air in the room

neube ʒə qeupçe (neʷbe ʒə kəʷɸsʰe)
сегодня ветер дует the breeze blows to-day

ʒəbje (с.) сильный ветер, буря
(ʒəbğe) (s.) strong wind, storm

(пр.) старый; ранний
(adj.) old; early

cəxʰr ʒə mexʰ
человек старым становится
(tə̀ʰər ʒə meqʰ)
the man grows old

ləʒ (с.) старый мужчина, старик
(ɬʰəʒ) (s.) elderly man, an old man

səhetr ʒəç ɪəgərəɪ
час ранний || время раннее еще
(səħèɵər ʒəsʰ yəɵərəy)
the hour || the time is early yet

ʒəne səɪdeɪ qakʁe (ʒəʷe səydey kakʁe)
рано ко мне приходи come to me early

(гл.) расчесывай, причесывай (голову) (непереход.)
(v.) comb!, comb out! (trans.)

uəɹçher zə (ʿəysₘher zə)
твою голову причеши! comb thy head!

çɛ ض (c.) дно (посуды)
(sₘe) (s.) bottom (of vessels)

pegəɲm ɪəçɛr çɛxₒaç (φegəɲəm yəsₘer sₘeɬasₘ)
ведра дно отвалилась the pail bottom is off

(пр.) новый; свежий; молодой
(adj.) new; fresh; young

meubə uənеçɛ ɪəɛç
у него новый дом имеется
(meʿbə ʿənesₘe yəɾesₘ)
he has a new house

çɜçɛ (c.) новина, целина
(sₘəsₘe) (s.) fresh unploughed || newly ploughed land

se neube ləçɛ qəsçexₒaç
я сегодня свежее мясо купил
(se neʿbe ləsₘe kəssₘeɬasₘ)
I have bought fresh meat to-day

səɪxader çɛç (səyɬader sₘesₘ)
мой сад молодой my garden is fresh

ʃəçɛ
жеребенок (до 1 года)
(ɯəsₘe)
a young horse, colt, foal (up to one year's age)

ʃkaçɛ
теленок (в возрасте до 2 месяцев)
(ɯqasₘe)
the young calf (up to two month's age)

(гл.) делай (о нематериальном об'екте—ср. çɜ); совершай, исполняй, неси (обязанность); знай (дело); возделывай, сей! (переход.)
(v.) do! (concerning unmaterial objects); perform!, exercise (a duty)!; know (labour)!; sow! (trans.)

kₒeɪ vexₒ çɛ (qₒey ɾeɬ sₘe)
иди и дело делай go and do the work!

meubə bzage ɪeçɛ
он зло совершает
(meʿbə bzaḍe yesₘe)
he performs evil [deeds]

meubə qₒəɬəqₒ ɪeçɛ
он службу исполняет || несет
(meʿbə kₒəɬəkₒ yesₘe)
he performs || exercises an office

çɛ er (sₘe er)
знай это know it

se uərəsəbze seuçɛ
я русский язык знаю
(se ʿərəsəbze seʿsₘe)
I know the Russian language

meubə vexₒr ɪeçɛ
он [свое] дело знает || делает
(meʿbə ɾèɬər yesₘe)
he knows || he does his work

vexₒr zeɟaçɛ
дело узнавай || изучай
(ɾèɬər zeğasₘe)
do learn || do study the work

məɟem se kɛrtɛuf seuçɛ
в этом году я картофель сею || сажаю
(məğèm se tertеʿf seʿsₘe)
this year I plant potatoes

xade ҫе
огород возделывай ‖ обрабатывай
(ɣade s̲ᵤe)
cultivate a kitchen garden

meqₒ-meʃ ҫе
земледелием («сеном-просом») занимайся
(mekₒ-mem s̲ᵤe)
busy yourself the agriculture (the «hay-millet»)

рхаҫе (ɸɸas̲ᵤe)
(с.) столяр (s.) joiner

uanaҫе (ʿenas̲ᵤe)
(с.) седельщик (s.) saddler

bzagaҫе (bzeɖas̲ᵤe)
(с.) злодей (s.) malefactor‖villain

ҫя (с.) земля; почва; земля, как материал
(s̲ᵤə) (s.) earth; land; ground; soil (as material)

se ҫям sətеɪtҫ (se s̲ᵤəm səɔeɪɔs̲ᵤ)
я [на] земле стою I stand on the ground

se ҫя səɪеqem (se s̲ᵤə səyɾekem)
я земли не имею I have no land

məҫяr ҫяfyҫ
на этом участке земля ‖ почва хорошая
(məs̲ᵤər s̲ᵤəfs̲ᵤ)
this piece of land has good soil

ҫяr екɛ qeiҫte
землю руками берет
(s̲ᵤər ɾete keys̲ᵤɔe)
[he] takes up the earth with his hands

ҫяle (с.) поверхность земли
(s̲ᵤəɳe) (s.) surface of the earth

сяхₒхer ҫяlem ҫəzeɥkₒɛ
люди по земле ходят
(təɬɬer s̲ᵤəɳem s̲ᵤəzeʿkₒe)
the people walk upon the earth

(гл.) делай (о материальном об'екте) изготовляй; строй (дом); делай, шей (обувь); принимайся за дело, берись за дело
(v.) make (concerning material objects)!; build!; make shoes!; set to work!, undertake the business!

uane ҫя (ʿane s̲ᵤə)
седло делай make the saddle!

uəne ҫя (ʿəne s̲ᵤə)
дом строй build the house!

waqe ɪeҫy (ʿake yes̲ᵤ)
обувь делает ‖ шьет [he] makes shoes

məbə mər vexₒ ɪeҫy
он за это дело берется
(məbə̀ mər ɾeɬ yes̲ᵤ)
he undertakes this business

ҫе (с.) сырое нутряное сало
(s̲ᵤe) (s.) tallow (in raw state in intestine organs)

seudegerm ҫе ɪeҫe
торговец нутряное сало продает
(seʿdeɖèrəm s̲ᵤe yes̲ᵤe)
the merchant sells tallow

(ч.) сто, сотня
(n.) hundred

de cɜxₒəıçe deuxₒ (de ɪəʰəysₘe deˈᵊqₒ)
нас сто человек we are a hundred

(ч.) три раза
(n.) thrice, three times

sabəır ıanem çe ıəjeʃxaç
ребенка мать три раза накормила
(sabəyr yanem sₘe yəğemʰasₘ)
the mother fed the child thrice

(гл.) продавай, продай (переход.)
(v.) sell! (trans.)

uəiʃr çe ('ᵊəyшər sₘe)
твою лошадь продай sell your horse

(гл.) тки (на ткацком станке); плести (плоскую тесьму) (переход.)
(v.) weave! (a cloth; a thread) (trans.)

xəgebzm ceı ıeçe
девушка сукно ткет
(qəḍèbzəm ə̂ey yesₘe)
the girl weaves the cloth

tɜsəı cər çe
садись и шерсть тки
(təsəy ə̂ər sₘe)
sit down and weave the wool

xəgebzm ɒenʃegçheps ıeçe
девушка учкур*) плетет
(qəḍèqzəm ğenшeḍsₘʰeps yesₘe)
the girl weaves an outchkoor*)

*) Тесьма, с помощью которой затягиваются и поддерживаются штаны
Thread by which the trousers are contracted and tied up

çə (ɕ.) [отдельное крытое помещение
(sₘə) (для гостей, лошадей, телят, кур и т. д.)]
(s.) [separate lodging with roof (for guests, horses, calves, hens etc.)]

ʃeç (с.) конюшня
(шesₘ) (s.) stable

(ч.) три; трое
(n.) three

de çə deuxₒ (de sₘə deˈᵊqₒ)
нас трое we are three

(гл.) стриги (овец) (переход.)
(v,) shear (a sheep)! (trans.)

mel ıaç (mel yasₘ)
овец стригут [they] shear the sheep

(гл.) мерь, измеряй (мерой пространства)
(v.) measure!, square!

kₒeı meuçɜr çə
иди и эту землю измерь
(kₒey meˈsₘə̀r sₘə)
go and measure this land

(гл.) вей (из шерсти, пеньки—веревку); плети (из конского волоса—аркан) (переход.)
(v.) twist!, wind! (a rope of wool, of hemp; a lasso of horse hair) (trans.)

çalem kapse ıeç (sₘalem taᵩse yesₘ)
юноша веревку вьет the lad twists a rope

lɜẓm ʃəkɐmre ʃəseuk̬mre erqeneu ɪeç
старик из конского хвоста и гривы аркан плетет
(ɧə̀ẓəm ɯəṭemre ɯəsə̀ᵓq̬əmre erkeneᵓ yesₘ)
the old man twists a lasso of horse tail and mane

(гл.) будь!, становись (непереход.) только в выражении:
(v.) Be!, become! (intrans.) only in the expression:

nex̬ meç (neɬ mesₘ)
рассветает ‖ светает it dawns

nex̬əç (с.) рассвет
(neɬəsₘ) (s.) dawn, day-break

se nex̬əçm səqeuteg
я на рассвете встаю
(se neɬə̀sₘəm səkeᵓʊeq)
at day break I get up ‖ rise

çx̬e صحوه (пр.) серый (масть рогатого скота; цвет глаз; цвет)
(sₘq̬e) (ad.) gray (colour of the hair of black-cattle; colour of the eyes; colour)

məwər çx̬eç (məvə̀r sₘq̬esₘ)
этот бык серый this ox is gray

meubə wəçx̬e ɪəeç (meᵓbə̀ yəsₘq̬e yəɾesₘ)
он серых быков имеет he has gray oxen

naçx̬e (с.) серые глаза; мужское и женское имя.
(nasₘq̬e) (s.) gray eyes; masculine and feminine name.

çʌlem pəeçx̬e qəɪçex̬aç
парень серую шапку купил
(sₘalem çəɾesₘq̬e kəysₘeɬasₘ)
the lad bought a gray hat

çhe صحه (с.) голова
(sₘɧe) (s.) head

meubə çhe ɪəeqem
у него головы нет (говорят о глупце)
(meᵓbə̀ sₘɧe yəɾekem)
he has no head (speaking of a fool)

(с.) головка (лука), луковица; колос, кисть (злаков); шляпка (подсолнуха)
(s.) bulb; ear (of corn); pericarp (of the sunflower)

bẓənm ɪəçher ɪən x̬aç
у лука луковица большая стала
(bẓə̀nəm yəsₘɧer yən q̬asₘ)
the bulb of the onion increased

semə∫kɐm ɪəçher pauərpçaç
подсолнуха шляпку отрезали
(semə̀ɯṭem yəsₘɧer çaᵓəpsₘas)
[they] cut off the pericarp of the sunflower

me∫m ɪəçher qəfɯçaç
проса кисть нагнулась
(mə̀ɯəm yəsₘɧer kəfəysₘas)
the ear of the millet bowed down

(с.) крыша; вершина; верхушка; верх; исток (реки); перекресток (дорог); праздничный (день); начало (пространства, времени)
(s.) the roof; summit; top; riverhead; crossing (of ways); holiday; beginning (of space, of time)

nənem çhe ɪəeqem
дом крыши не имеет
(ᵓənem sₘɧe yəɾekem)
the house has no roof

vaçhem ɪəçhe (ʕesₘħem yəsₘħe)
горы вершина the summit of the mountain

ʔəɣm ɪəçhe (jəγəm yʲʲsₘħe)
дерева верхушка the top of the tree

de ɪəçhem dəçeupsəu
мы на верху (т.-е. в верхнем этаже) живем
(de yəsₘħem dəsₘeˈᵒᵊpseˈᵒ)
we live at the top (of the house)
psəçhem dəkₒaç
до истока реки [мы] дошли.
(ᵊpsəsₘħem dəkₒasₘ)
[we] have come to the head of the river

ɟegəçhe (c.) перекресток (дорог)
(ğₒegəsₘħe) (s.) crossing (of ways)

maxₒeçhe (c.) праздничный день, праздник
(meɓesₘħe) (s.) holiday

mazeçhe (c.) начало месяца
(mezesₘħe) (s.) the beginning ‖ the head of the month

(гл.) глава (семьи, дома); влиятельный руководитель (селения); старшина, председатель сельсовета; предводитель войска; авторитетный влиятельный (человек)
(v.) head (of the family); leader, director (of a village); chief (of a village), president of the soviet (in the village); commander in chief; authoritative, influ ential man

bənm ɪaçher səmageç (bènəm yasₘħer səmadesₘ)
семьи глава болен the head of the family is ill

ɋaʔem çhe ɪaɛqem
у села нет руководителя ‖ старшины ‖ председателя совета
(kₒajem sₘħe yaᵊekem)
there is no director ‖ chief ‖ president of the soviet in the village

ɜem ɪaçher ɪauəkₒaç
предвдителя войска убили
(ďem yasₘħer yaˈᵊətasₘ)
[they] killed the commander in chief

heblem çheueɪaɛzaɋer lʌç
единственный пользующийся влиянием ‖ авторитетом в квартале умер
(ħeblem šₘheˈᵊeyaᵊezakₒer ḫasₘ)
the only (man) possessing influence ‖ authority in the ward died

ɪəçhe (c.) человек знающий, пользующийся авторитетом
(ḫəsₘħe) (s.) authoritative experienced man

ɪəçhem ɪekengeçəueu kₒaç
к человеку, пользующемуся авторитетом (знающему) посоветоваться пошел,
(ḫəsₘħem yeɘendesₘənˈᵊę kₒasₘ)
went to an authoritative (experienced) man for advise

çte صنه (гл.) пугайся (непереход.)
(sₘɘe) (v.) startle!, take fright! (intrans.)

pçʌntɛm qədeʔa hem səqəjeçtaç
со двора выбежавшая собака меня испугала
(psₘantem kədeja ħem səkəğesₘɘasₘ)
the dog which ran out from the yard startled me

(гл.) бери (переход.)
(v.) take! (trans.)

meutxəlr çte
вот-ту книгу возьми
(meᵊʊhəḫər sₘʊe)
take yonder book

çtə. (гл.) замерзай (о жидкости) (непереход.)
(sₘʊə) (v.) congeal!, freeze! (of liquid) (intrans.)

çʁmaxₒem psə meçt
зимой вода || река замерзает
(sₘəmaᵊem psə mesₘʊ)
in winter the water || river is frozen up

ʔe (гл.) скачи, беги вскачь (о четвероногом); беги (о человеке) (по направлению от говорящего) (непереход.)
(je) (v.) gallop!, run in gallop! (about a quadruped); run (about a man) (away from the speaking person) (intrans.)

səlʃər ʃəjaʔem qeuʔe
моя лошадь на скачках скачет
(səɥʁər ɯəğajem keᵊje)
my horse runs in gallop in horse-race

sabəɪr ɪanem ɪədeɪ maʔe
ребенок к своей матери бежит
(səbəyr yanem yədey maje)
the child runs to its mother

qaʔe
беги || скачи сюда
(kaje)
run!; gallop! (to the speaking person)

ʔə (гл.) не двигайся, стой смирно; застывай (о масле, воске, металле); раскалывайся, лопайся (о льде, стекле и пр.); (непереход.) (К.)
(jə) (v.) don't move!, stand quiet!; coagulate! (about butter, wax, metal); crack!, break! about) the ice, glass etc.); (intrans.) (К.)

çʌler ʔam-xₒedeue çətç
парень, как застывший, стоит
(sₘʌler jam-ᵊedeᵊe sₘəʊsₘ)
the lad stands as frozen up

stekanr çʁem ɪəjeʔaç
стакан от холода лопнул
(sʊeʊʲànər sₘəɤem yəğejasₘ)
the glass cracked from frost

(v.) [беги, убегай; (о человеке)] убегай вскачь (о четвероногом)] (непереход.) (К.)
(гл.) [run!, run away! (about a man); run away in gallop!, gallop away! (about a quadruped)] (intrans.) (K.)

ɪəʔəʔ (гл.) убегай отсюда обратно (о животных, о людях)
(yəjəj) (v.) run back from here (about animals, men)

ɪəʔəky (гл.) убегай отсюда обратно (о жидкости)
(yəʔət) (v.) run back from here (about the liquid)

ʃe (ше) شە (с.) молоко (s.) milk

seˊ ʃe seɯʃx
я молоко ем [с хлебом]
(se ше seˊɯh)
I eat milk [with bread]

(с.) стрела; пуля; патрон, заряд
(s.) arow; ball; cartridge

ʃabze
стрела и лук (вместе)
(шabze)
bow and arrow (together)

çakˌɛm ɪəʃer məʃem teɪxˌaç
охотника пуля [в] медведя попала
(sˌakˌem yəшer məsˌem ǯeyhasˌ)
the hunter's ball hit the bear

kɛraxˌem ʃe ɪəḽhe
в револьвер патрон заложи
(teraḏˌem ше yəḽḥe)
put the cartridge into the revolver (for loading it)

(гл.) веди; вези (от говорящего) (переход.)
(v.) lead!; drive (away from the speaking person)! (trans.)

heçɛr dəɪdeɪ ʃe (ḥesˌer dəydey ше)
гостя к нам веди lead the guest to us

qaʃe
веди || вези сюда (в сторону говорящего)
(каше)
lead || drive (to the speaking person)!

çʌlesəmaǧer ɛzẹkɛ qalem ʃe
парня больного на санях в город [к доктору] отвези
(sˌalesəmaǧer ʃezẹte kalem ше)
drive the sick lad in a sledge to town [to the physician]

ʃə (шə) شە (с.) [*брат-«однофамилец», *член рода («фамилии») по отношению к своим сородичам; брат (семейный)]
(s.) [*kinsman, *member of a («family») klan concerning his kinsmen; brohter (of a family)]

ʃənexəçɛ
младший брат [в семье]
(шənеǧəsˌe)
younger brother [in a family]

səɪʃənexəçɛr ɪeuge
мой младший брат учится
(səушənеǧəsˌer yeˊde)
my younger brother learns

ʃənexəz
старший брат (в семье)
(шənеǧəz)
elder brother (in a family)

səɪʃənexəzm fəz qəɪʃaç
мой старший брат женился
(səшənеǧəzəm fəz kəушasˌ)
my elder brother has married

(с.) лошади; лошадь
(s.) horses; horse

səɪadem se ʃə qəsxˌəiçexˌaç
мой отец мне лошадь купил
(səyadem se шə qəsḅəysˌeḅasˌ)
my father bought me a horse

çʌlem ʃə ɪejexˌ
парень лошадей ‖ лошадь пасет
(sˌalem шə yeğeqˌ)
the lad grazes the horses ‖ the horse

(гл.) дои! (переход.)
(v.) milk! (trans.)

kˌɪı ʔem ʃə
иди и коров дои
(kˌey jem шə)
go and milk the cows

ɪeʃ (гл.) уставай (от работы на месте) (непереход.)
(yem) (v.) be weary!, be tired! (of the work at same-place) (intrans.)

çʌlecʌkˌyr çəseure ɪeʃaç
мальчик от сидения устал
(sˌaletəkˌər sˌəseʾre yешasˌ)
the boy is tired of sitting

ʃxe (шḥe) شحه (гл.) накладывай повязку с особой стягивающей мазью (из яйца, мыла и пр.), перевязывай (при переломе кости) (переход.)
(v.) put a band (with a particular contracting ointment o egg, soap etc)!, bind (when the bone is broken)! (trans.

ʁzem çʌlem ɪəʁqˌətar ɪeʃxe
лекарь парню его руку сломанную перевязывает
(ɾezem sˌalem yəɾekˌəðar yешḥe)
the surgeon binds the lad's broken arm

(гл.) приклеивай, склеивай! (переход.)
(v.) glue! (trans.)

xəgebzm uəner ɪeʃxe
девушка дом обоями оклеивает
(qədèbzəm ʾəner yешḥe)
the girl glues over the house with wall paper

(гл.) ешь; кушай; жри; [чешись, зуди (употребляется только в 3-м лице)] (непереход.)
(v.) eat!; devore!; [itch! (used only in the third person)] (intrans.)

dəɪdeɪ kˌɪı ʃxe (dəydey kˌey шḥe)
к нам иди и кушай come to us and eat

səɪʁr maʃxe (səyɾer mашḥe)
моя рука чешется my hand itches

səɪçəɪfer maʃxe
мое тело (человеческая кожа) чешется
(səysˌəfer mашḥe)
my body (human skin) itches

ʃxə (шḥə) شخر (гл.) ешь; кушай (переход.)
(v.) eat! (trans.)

me məməʁrəser ʃxə (me məməɾerəser шḥə)
на, это яблоко съешь there, eat this apple!

ʃxₒe شخوه (c.) уздечка
(шһе) (s.) bridle

çᴀlem ʃxₒe qəçexₒaç
юноша уздечку купил
(sₘalem шһе kəsₘeһasₘ)
the lad bought a bridle

(пр.) [большой, крупный; взрослый]
(adj.) [big; grown up]

səıɟəneɟm ıəqₒer lᴈʃxₒe xₒaç
моего соседа сын взрослый стал;
(səyğənèğəm yəkₒer ḫəшһе qₒasₘ)
my neighbour's son grew up

ʃxₒə شخور кислое (кипяченое | квашеное) молоко;
(шһə) sour boiled milk (with ferment);

fəzm ʃxₒə ıeɟapcᴇ
женщина кислое молоко заквашивает
(fəzəm шһə yeğapte)
the woman ferments milk

ʃkᴇ شكه (c.) теленок (до 1 года)
(шţе|шқе) (s.) calf (till one year's age)

ʔemḽaqₒe ʃkᴇ ıəuəkyrqem (psaḽeẓ)
коровы нога теленка не убивает (посл.)
(jemḽakₒe шţе yəʿəţərkem)
the leg of a cow doesn't kill a calf (prov.)

çᴀlem ʃkᴇ ıejexₒ
парень телят || теленка пасет
(sₘalem шţе yeğeqₒ)
the lad grazes calves || a calf

ɧe غه (c.) мошонка самца; яички самца
(γe) (s.) scrotum (of a male); testicle

lᴈm ıəɧer qəıuaç
у мужчины мошонка увеличилась от (грыжи)
(ḫəm yəγer kəyʿʿasₘ)
the man's scrotum increased (from oscheósele)

xe خه (ч.) шесть раз
(һe) (n.) six times

se neube uəıdeı xe səneкₒaç
я сегодня к тебе 6 раз приходил
(se neʿʿbe ʿʿəydey һe səneкₒasₘ)
I have come to thee six times to-day

(гл.) жни! (непереход.)
(v.) reap! (intrans.)

kₒeı xe (кₒey һe)
иди и жни go and reap!

meur neubepseum maxe
он сегодня целый день жнет
(meʿʿr neʿʿbeẓseʿʿm maһe)
he reaps the whole day to-day

xə خر (c.) море
(һə) (s.) sea

xəm qₒəhкᴇ çəzeuкᴇ
по морю на кораблях ездят
(һəm kₒəḫţe sₘəzeʿʿкₒe)
[they] sail in ships on the sea

(r.) шесть
(n.) six

seudegerm neube ʃəix iəçaç
торговец сегодня шесть лошадей продал
(se'dedèrəm ne'be шəyɬ yəs$_m$as$_m$)
the merchant has sold six horses to-day

neube leẓak$_ь$e xə dək$_ь$aç
сегодня на работу [мы] шестеро ходили
(ne'bè leẓak$_ь$e ɬə dək$_ь$as$_m$)
to day six [we] have gone to work

xərəi dək$_ь$aç
[мы] все шестеро ходили
(ɬərəy dək$_ь$as$_m$)
[we] went all six

(гл.) [бери, вынимай] (переход.)
(v). [take out!, draw out!] (trans.)

xex (гл.) вынимай, бери (из вещества); бери (из множества), выбирай (переход.)
(ɬeɬ) (v.) take out!, draw out (of a matter)!; take out (of a multitude)!, choose!, select! (trans.)

çalem psəm məwexer xeix
парень из реки камни вынимает.
(s$_m$alem psəm məveɬer ɬeyɬ)
the lad takes stones out of the river
fəzm məeɪəsefaxer samem xeix
женщина гнилые яблоки из кучи выбирает
(fəzəm məɾerəsefaɬer samem ɬeyɬ)
the woman chooses rotten apples from the heap

iəx (гл.) бери, вынимай из (полости) (переход.)
(yəɬ) (v.) take!, draw out! (from a cavity) (trans.)

uəiɛr uəiʔəpm iəx
свою руку из кармана вынь
('əiɾer 'əyjəṗəm yəɬ)
take out thy hand from the pocket

gəm qepxer iərax
из арбы мешки вынимают
(gəm keṗɬer yərаɬ)
they take the sacks out of the cart

(dex) (гл.) бери, вынь, вынеси (из-между); бери наверх, втаскивай, тащи наверх (переход.)
(deɬ) (v.) take out!, draw out! (from-between, from-among)! (trans.) take up!, draw up!

uəizem deḷr dex
во рту что находится вынь
('əyẓem dèḥər deɬ)
take out [that] what lies in thy mouth

heder pçantem dax
мертвеца со двора выносят.
(ɦeder ps$_m$antem daɬ)
they draw the dead out of the yard

məwer ek$_ь$e gabem dax
камень руками на гору втаскивают
(məver ɾeṭe ḍabem daɬ)
they draw up the stone with the hands on the mountain

teix (гл.) бери (сверху), снимай; сдирай, снимай (шкуру) (переход.)
(ðeyɬ) (v.) take (from above)!, take off!; flay (a skin)!, skin! (trans.)

stɛulm stɛultɐpχ̟er tɐix.
со стола скатерть сними
(stɐ̀ᵊləm steulʊ̀eyǫ̀q̟er ʊ̀eyɬ)
take off the table-cloth from the table

meubə melm ɪəfer trɐix.
он с овцы шкуру снимает || сдирает
(meᵊbə̀ mèləm yəfer ʊ̀reyɬ)
he takes off the skin from the sheep

qətɐix (гл.) отнимай, отбирай (переход).
(kəʊeɪɬ) (v.) take away!, draw away! (trans.)

mɐubə ɪəxɕer qətraxaç
у него оружие отняли || отобрали
(meᵊbə̀ yəʃes̻er kəʊraɬas̻)
they took away his arm from him

(гл.) жни (переход.)
(v.) reap (trans.)

məg̟ezr fxə
эту пшеницу жните
(məg̟ɐ̀dər fɬə)
reap [you (plural)] this wheat!

ɪex (гл.) спускайся; опускайся (не-переход.)
(yeɬ) (v.) go down; get down, set down(intrans.)

meur ɪəɕxerekɛ ɪeux
он вниз (по течению реки) спускается || идет || едет
(meᵊr yəs̻q̟ereṭe yeᵊɬ)
he goes down (lower the river-stream)

dex (гл.) сойди, с'езжай (рядом) (непереход.)
(deɬ) (v.) go (aside)!, get (aside)! (intrans.)

nexəɕɛr deuxrəɪ nexəzm ɟeg̟ ɪərɛɪt (xabzez̟)
младший с'езжает (с пути) и старшему дорогу дает (старый обычай)
(neqəs̻er deᵊɬrəy neqəz̟ə̀m ğeg̟ yərɛyʊ)
the younger goes aside and gives way to the older (old custom)

χ̟e (ɓe) خوه (с.) сухожилие (s.) sinew

ləqesɕex̟am x̟ek̟ed xelç
мясо, которое [я] купил, сухожилий много имеет
(ləkess̻ebə̀m ɓeq̟ed ɬehs̻)
the meat which [I] bought, has many sinews.

χ̟ə (ɓə) خوز (с.) просо (зерно) (s.) millet, hyrse (corn)

se x̟ə merkɛtɛuçy qesɕex̟aç
я 20 мерок проса купил
(se ɓə merṭeṭeᵊs̻ kəss̻ebas̻)
I bought twenty measures of hyrse

(пр.) [светлый; белый (преимущественно применительно к частям тела животных)]

(adj.) [light; white (especially concerning, the parts of the body of animals)]

ʃədpseurəɪ pex̟ç q̟əɕhepseurəɪ zeʃç (psal̟ez̟)
[как] у ослов всех морды светлые [так и] горцы все между собою братья (погов.*)
(ɯəd ɸseᵊrəy ɸebs̻ k̟əs̻ħeɸseᵊrəy zeɯs̻) (ɸseh̟ez̟)
[as] all the asses have light muzzles, [so] all the mountaineers are brothers one to another (saying*)

*) Поговорка отмечает живые в быту у балкарцев и осетин родовые отношения.
The saying notes the clan-relations existing in the Balkar and Oset life.

jenexₒ (гл.) освети!
(ǧeneʰ) (v.) do light!

uezdəjer qejeuənexₒ (ʿezdəǧer keǧeʿənehʰ)
освети лампой light with the lamp!

wəm ɪəkɪr kɛxₒç
у быка конец хвоста белый
(vəm yətər ṭehʰsₘ)
the ox has the white tip of its tail

meuçənecɜkₒyr çhexₒç
у этого барашка макушка головы белая
(meʿsₘənetəkₒər sₘheʰsₘ)
this lamb has the white crown of the head

laqₒexₒ (ḥekₒeʰ)
белая нога white leg

natɛxₒ (neṭeʰ)
белый лоб white forehead

xₒəz (пр.) белый
(ʰəz) (ad.) white

meubə ganexₒəz ɪəɛç
у него белая рубашка есть
(meʿbə geneʰəz yəɾesₘ)
he has a white shirt

(гл.) гони (переход.)
(v.) drive away! (trans.)

bələmr psəm xₒə
скотину к реке [на водопой] гони
(bələmər ɸsəm ʰə)
drive the cattle to the river [for watering]

(гл.) раскатывай тесто (переход.)
(v.) roll the dough! (trans.)

fəzm xₒəpcɜne ɪexₒ
женщина тесто раскатывает
(fəzəm ʰəṗtəne yeʰ)
the woman rolls dough

(гл.) плети (плетень) (переход.)
(v.) wattle! (trans.)

ṃeubə bƵəh ɪexₒ (meʿbə bjəh yeʰ)
он плетень плетет he wattles a hedge

je غ (с.) год; время года, сезон
(ǧe) (s.) year; season

məjer jefyç
этот год хороший
(məǧèr ǧefsₘ)
this year is a good one

məjeçɜmaxₒer çɜɛç
в этом году зима холодная
(məǧesₘəmaʰer sₘəɾesₘ)
this year the winter is cold

ɪəḷesr jəɪply mexₒ
в году четыре времени
(yəḥèsər ǧəyṗḥ meḍ)
the year has four seasons

jə ر (г.) плачь! (переход.)
(ǧə) (v.) weep! (intrans.)

sabəɪr maȷ (sabəyr maǧ)
ребенок плачет the child weeps

ɟe غوه (с.) нора
(ǧₒe) (s.) burrow, hole

çheƵ ɪəɟe ɪəsç (psaḷeẓ)
каждый в своей норе сидит (посл.)
(sₘheȷ yəǧe yəssₘ)
each in his burrow sits (prov.)

səþer ləþem çəblaneç (psaļeẓ)
мышь в своей норе сильна (посл.)
(ďəğer yəğem s„əblanes„)
the mouse in its hole is strong (prov.)

(c.) [пора, срок, время]
(s.) [term, time, season]

meʃm ləxəþe x„aç
проса время жатвы наступило
(mèшəm yəƀəğ„e q„as„)
a season of the hyrse harvest has come

(пр.) рыжий (масть лошадей; цвет глаз; цвет волос)
(adj.) the red dish colour of horses; red-eyed; red-haired (concerning the man)

meuxəgebzm ləçhecr þeç
у вот-той девушки волосы рыжие
(me'ʿqədèbzəm yəs„ħècər ğes„)
the hair of yonder girl is red

ʃəþe
рыжая лошадь
(шəğ„e)
a reddish coloured horse ‖ a chestnut horse

naþe (c.) рыжие глаза; женское имя
(nağ„e) (s.) red eyes; feminine name

þeẓ (ğeẓ)
(пр.) желтый (adj.) yellow

se ʃərəq„þeẓ qəsçex„aç
я сапоги желтые купил
(se шərək„ğ„eẓ kəss„eƀas„)
I have bought yellow boots

þə (ğə)
(ш.) сушись (впрок); вялься; засыхай; (непереход.)
(v.) be dried up (for preserving)!; be bried in the open air!; get dry! (intrans.)

pxeçheməçhexer meþ
фрукты сушатся [впрок]
(ọqes„ħeməs„ħeƀer meğ„)
the fruit are dried up [for preserving]

meuʃəþr meþ
вот то дерево сохнет
(me'ʿjəγər meğ„)
yonder tree gets dry

he (ħe).
(c.) ячмень (зерно; растение)
(s.) barley (corn; plant)

neube he seuse
сегодня [я] ячмень сею
(ne'ʿbe ħe se'ʿse)
to day [I] sow barley

(c.) собака
(s.) dog

hefy depļeı—hefy mex„rəı, ʃəfy depļeı—ʃəfy mex„.
(psaļeẓ)
с хорошей собаки пример если брать, хорошая собака будет, и с хорошей лошади если пример брать, хорошая лошадь будет (посл.)
(ħef̱ deɸḥey—ħef̱ meḍ„rəy, шəf̱ deɸḥey—шəf̱ mex„)
if one takes example from a good dog—one becomes a good dog [also],if one takes example from a good horse—one becomes a good horse [also] (prov.)

(гл.) [иди; езжай; двигайся (от говорящего)] (непереход.)
(v.) [go! (from the speaking person)] (intrans).

ʃər ʃəxᵥem xeɻehe
лошадь в табун пусти (‖ пусть войдет)
(шэр шəqᵥem ɦeğeɦe)
let go the horse into the drove [of horses]

meur psəm xeuhe
он в воду входит ‖ в'езжает,
(me'r ɸsəm ɦe'ɦe)
he enters ‖ goes into the water

melxᵥəʃe pçʌntɛm deuhe
стадо овец во двор входит
(melqᵥəше psₘanṭem de'ɦe)
a herd goes into the yard

meur uənem çɛhaç
он в дом вошел
(me'r 'ənem sₘeɦasₘ)
he entered ‖ has gone into the house

vədaner ɻəmçəı masteneb3m fɛherqem
толстая нитка в йгольное ушко не входит.
(ʕədaner ğəmsₘəy mesϑenèbdəm ʃeɦerkem)
the thick thread does'nt go ‖ goes not through the needle-eye.

geɦe (гл.) сходись, об'единяйся (для коллективной работы)
(gᵥeɦe) (v.) come together!, join! (for a collective labour)

səɪɻəneɻmre-sere зеше dəzegᵥehaç
мой сосед й я для коллективной работы на время пахоты об'единились
(səyğənèğəmre-sère ǎey'e dəzegᵥeɦasₘ)
my neighbour and I have joined for a collective labour for ploughing-time.

(гл.) неси (от говорящего) (переход).
(v.) carry!, bear! (from the speaking person) (trans.)

meuьə uənem pɤe ,çɛihe.
он в дом дрова несет·
(me'ьə 'ənem ɸqe sₘeyɦe)
he carries fire-wood into the house

uəneьƶem məwe vəihaç
к дверй дома камень прйнес.
('ənebjem məve ʕəyɦasₘ.)
[he] has carried a stone to the door of the house

gəm bɻərəhe
к арбе*) [сбоку] поднеси
(gəm bğərəɦe)
carry to [the side of] the arba*)

hə (ɦə) (гл.) неси (переход.) (v.) carry (trans.)

qepr dəıdeı hə (kèɸər dəydey ɦə)
мешок к нам неси carry the bag to us

ue)'e) (с.) грады; град (s.) hails; hail

ɻemaxᵥem ue qeux
летом град идет ‖ грады идут
(ğemaьem 'e ke'ɬ)
it hails in summer ‖ in summer the hails fall down

(с.) [погода; воздух?]
(s.) [weather; air?]

uefy (с.) хорошая погода
('ef) (s.) fine weather

*) Арба, см. стран. 5
„Arba", see. p. 5

ueь (c.) засуха
(ʿeĕ̯) (s.) drought

ueı (c.) плохая, погода ненастье
(ʿey) (s.) a bad weather

uafe (c.) небо
(ʿafe) (s.) sky

(м.) ты, личное местоимение второго лица единствен. числа
(pr.) thou, you, personal pronoun of the second person in the singular

ue sət pc̣eneu neube?
ты что будешь делать сегодня?
(ʿe səə̯ ps̱eneʿ neʿbe)?
what wilst thou do to-day?

(гл.) укатывай ток (обычно: телегой) (переход.)
(v.) smooth!, roll the corn floor! (generally with a cart) (trans.)

se neube hem seuue
я сегодня ток укатываю
(se neʿbe ħem seʿʿe)
to day I smooth the corn floor

(гл.) плети круглый шнур (из шелку, бумаги) (плетут обычно вдвоем на руках) (переход.)
(v:) plait a round string, (of silk, cotton) (it is plaited usually by two persons on their hands) (trans.)

xəgebzxem uaje ıaue
девушки шнур плетут
(qə̣debzɬem ʿaĕ̯e yaʿʿe)
(the girls plait the string

(гл.) жаль!, кусай; дерись, бей, ударяй, стреляй; [нападай] (непереход).
(v.) sting!, beat!; strike!; shoot!, fire!; [attack!] (intrans.)

bler maue — (bler maʿʿe)
змея жалит — the snake stings.

meur maue — (meʿʿr maʿʿe)
он бьет — he beats

wəxer qebjeuəwəɛneume pəue
быков, если хочешь остановить, ударь [их по носу]
(vəɬer k̆ebĕ̯eʿʿəvəɾeneʿme ɸəʿʿe)
if thou wishest to stop the oxen, strike [them on their nose]

x əgebzr c̣ajem deuue
девушка тесьму бьет*)
(qə̣dèbzər s̱aĕ̯em deʿʿe)
the maid strikes the tape*)

c̣ak̦er fəukkɛ maue
охотник бьет || стреляет из ружья
(s̱ak̦er feʿʿɸe maʿʿe)
the hunter fires the gun

*) Во время плетения (тканья) тесьмы ткачиха, ударяя по направлению к себе особым ножем, продетым между нитями основы, сдвигает вместе нити утка и делает, таким образом, ткань более плотной:
During the weaving the weaver striking toward himself with an art of knife put between the threads of the warp moves the threads of weft together and thus makes the stuff more compact.

ɪəgə bəɪr uənem tenuerqem
теперь кровники на дом [убийцы] не нападают
(yədə̀ bəyr ˈˈənem ɘeyˈˈerqem)
now the blood-avengers will not attack the house [of a murderer]

ɪeue (гл) жаль!, кусай; бей; стреляй(переход).
yeˈˈe (v) sting!; beat!; shoot!; (trans.)

səɪem bẓe ɪeuaç
мою руку пчела ужалила
(səyɾem bẓe yeˈˈas„)
a bee has stung my hand

kɜr hem baʃkɛ ɪeuue
мужчина собаку палкой бьет
(hə̨ər ĥem baɯte yeˈˈˈˈe)
the man beats a dog with a stick

çak„ɛr dəɟəẓm feukkɛ ɪeuue
охотник [в] волка из ружья стреляет
(s„ak„er dəğ̣ə̀zəm feˈˈə̨te yeˈˈˈˈe)
the hunter shoots [at] the wolf with the gun

fɛue (гл.) наскочи (на острие), напорись, наколись (непереход.)
(feˈˈe) (v.) strike on!, strike upon! (a point) prick yourself!, stick yourself! (intrans.)

ʃər ɟəçyvənem fɛuaç
лошадь на (железный) гвоздь накололась
(шər ğ̣əs„ɾənem fe̲ˈˈas„)
the horse has pricked itself with the (iron)-nail

[uə] [ɾɔ] (гл.) [бей; стреляй] (непереход.)
[(ˈˈə)] (v.) [beat!; strike!; shoot!] (intrans.)

deu (гл.) (редко:) бей (сквозь); стреляй (сквозь) (непереход.)
(deˈˈ) (v.) (rarely:) beat (through)!; shoot (through)! (intrans.)

meur bʔəhm feukkɛ deuəkaç
он сквозь плетень из ружья выстрелил
(meˈˈr bɟə̀ĥəm feˈˈə̨te deˈˈətas„)
he has shot from a gun through the wattle

teɯ (гл.) изменяйся к лучшему (о погоде), переставай (о дожде) (непереход.)
(ɘeyˈˈ)(v.) change!, be changed (for better) (about the weather)!; cease!, leave of! (about the rain) (intrans.)

ueʃxr teɯrəy dəɯeɯr uefy x„aç
дождь перестал и погода хорошая стала
(ˈˈèɯĥər ɘèyˈˈrəɪ dəˈˈneyr ˈˈef̲ q̣as„)
the rain has ceased and the weather has got good

(гл.) [вдевай, суй] (переход.)
(v.) put in!, thrust!; thread (a needle (trans.)

mastem vədane fɛɪu
в иглу нитку вдевает
(masɘem ɾ̨ədane f̲eyˈˈ)
he puts a thread in the needle ‖ he threads the needle

çɛɪu (гл.) всовывай, вдевай (под)
(s„eˈˈ) (v.) put (under)!

fəzm ɟenʃegçheps çяшаç
женщина учкур*) вдела
(fəzəm ğ̬enшedsₘħeɋsʃ̈sₘəyʿasₘ)
the woman has put an outchkoor*) in

bje (bğe) بغه
(с.) грудь
(s.) breast

ɛhmed ɪəbjem ʃe teɪxₒaç
Ахмеду в грудь пуля попала
(ɾɛħmed yəbğ̬em ше ɔeɪɓasₘ)
a ball hit Ahmed's breast

(с.) орел
(s.) eagle

çakₒɛmᵛbje qəuəkʌç
охотник орла убил
(sₘakₒem bğ̬e kəʿəṭasₘ)
a hunter shot an eagle

(пр.) [необгуленная (корова, лошадь, овца, вообще,—самка домашних животных)]
(ad.) [unimpregnated (cow, horse sheep, generally—a female cattle]

məjem ʔeməbje kₒedç
в этом году коров необгуленных много
(məğ̬èm jeməbğ̬e qₒedsₘ)
this year there are many unimpregnated cows

*) „Учкур" см. стран. 30
„Outchkoor" see p. 30

(гл.) крой (крышу растительным материалом, напр.: соломой) (переход.; редко: непереход.)
(v.) thatch!, cover! (a roof with a plant material, for instance: with straw) (trans.; rarely: intrans.)

neubе elэɪ mabje
сегодня Али кроет [крышу]
(neʿbe elэy mabğ̬e)
to-day Ali thatches [the roof]

meubэ heuazekɛ uэner ɪebje
он соломой дом кроет
(meʿbэ ħeʿazeṭe ʿэner yebğ̬e)
he thatches the house with straw

bɟe (bğ̬e) بغوه
(с.) целая туша (животного)
(s.) carcass (of animal)

meləxₒem melm bɟe qərəʃəʔaç?
пастух (овец) овечью тушу привез домой (обычно: с летних пастбищ—„кошей")
(meləqₒem mèləm bğ̬e kərəушəjasₘ)
the shepherd (of the sheep) a sheep-carcass brought home (usually: from summer-pasturages—„coshes")

(пр.) широкий
(ad.) broad

məqalem ɪəuerамr bɟeç
у этого города улица широкая
(məkàlem yəʿeràmər bğ̬esₘ)
this town has the broad street

(ч.) девять раз
(n.) nine times

se neʹibe bʒe sənekˌaç uəɪdeɪ
я сегодня 9 раз приходил к тебе
(se neʹbe bğe sənekˌas„ ʹəydey)
I have come nine times to you to-day

bʒə (bğˌə) بغور (с.) сторона
(s.) side

lam ləbʒəɪtamkɛ zərəzeu çalətty bjedetç
мужчины по обеим сторонам (два парня) ‖ по одному парню стоит
(ḫəm yəbğˌəytəmte zərəzeʹ s„aləyt bğededs„)
on both sides of the man two lads are standing

ɪezəm ləbʒr pəɪuərçaç
он сам свою сторону (поля) скосил
(yezəm yəbğˌər ɸəyʹəpsˌas„)
he himself mowed his side (of the field)

(ч.) девять
(n.) nine

de bʒə deuxˌ (de bğˌə deʹqˌ)
нас девять we are nine

bze بزه (с.) языки; язык (речь)
(s.) languages; language

meuçaler neməcebzékɛ mepsaʒe
этот юноша́ по немецки говорит
(meʹs„àler nemə∂èbzeʒe mɛ̀sahe)
this lad speaks german

çalem bzekˌed ɪeçɛ
юноша языков много знает
(s„alem bzeqˌed yeys„e ‖ yes„e)
the lad knows many languages

(с.) тетива: пружина
(s.) bow-string; spring

ʃabze (шabzə) (с.) (*стрелы и тетива); лук. [оружие]
(s.) (*arrows and bow-string); bow

ʒeḽəpem bze ɪəɛç
кровать пружину имеет
(ğeḫəpem bze yəɾesˌ)
the bedstead has a spring

крои! (непереход.)
cut out! (intrans.)

se meremmaxˌem səbzerqem (xabzeç)
я в пятницу не крою (старый обычай)
(se mereɪymmaʒem səbzerkem)
I don't cut out on triday (old custom)

bzə بزه (с.) самка
(s.) female

meumelm bzə qəɪḽxˌaç
эта овца самку родила
(meʹmèləm bzə kəyḫˌas„)
this sheep a female bore

крои! (переход.)
cut out! (trans.)

xˌəgebzm beuxˌcei ɪebz
девушка женское платье кроит
(qəgèbzəm beʹʒèy yebz)
the girl cuts out a woman dress

ble بله (с.) предплечье, часть руки от кистевого до локтевого сустава (до плечевого сустава?)
(s.) fore-arm, part of arm from wrist-joint to the elbow-joint (to the shoulder-joint?)

ɕʌler ʃəm qeɪxᵓexrəɪ ɪəbler ɪəqᵓətaç
юноша с лошади упав свою руку (в предплечьи) сломал
(s„aler ɯəm keyƅeƅrəy yebler ykᵓəðas„)
the lad from the horse fell and broke his arm (in the fore-arm)

qʌble (c.) носилки для мертвых (на которых покойников относят на кладбище)
(qable) (s.) litter (for carrying dead people to the cemetery)

(c.) змея
(s.) snake

blezeuar arqenm çeuçte (psalęz)
змеей ужаленый аркана боится (посл.)
(bleze'ar arkènəm s„e's„ðe)
stung by the snake fears the lasso (prov.)

(ч.) семь раз
(n.) seven times

se neuƅe ble səgelaç
я сегодня 7 раз упал
(se ne'ƅe ble səḍelas„)
I have fallen seven times to-day

(гл.) нанизывай; вяжи в снизку (непереход.; переход.)
(v.) string!; thread! (intrans.; trans.)

fəzr mablerəɪ çəsç
женщина нанизывая сидит
(fəzər mablerəy s„əss„)
the woman sits stringing together

ɤəgebzm çəje ɪeble
девушка бусы нанизывает
(qəḍèbzəm s„əğe yeble)
the girl strings the beads together

fəzm bzęn ɪeble
женщина лук (в снизку) вяжет
(fəzəm bzəm yeble)
the woman threads the onions (into a long bundle)

(гл.) гори, свети (непереход.)
(v.) burn!, light! (intrans.)

uezdəjer peʃm mable
лампа в комнате [с печью] горит || светит
('ezdəğer ṗèɯəm mable)
the lamp burns in the room [with stove].

blə (ч.) семь
(blə) بلا (n.) seven

çʌlem txələɪbl qəɪçexᵓaç
юноша 7 книг купил
(s„alem ðɬəḫəybl kəyçeƅaç)
the lad bought seven books

bzę (c.) рога; рог (животного); [копыто; ноготь]
(bzę) بظ (s.) horns; horn (of an animal); [hoof; nail]

wəm bzę teɪtç
на быке рога стоят || у быка есть рога
(vəm bzę ðeyðs„)
horns stand on the ox || the ox has horns

wəm bzę teɪtqem
у быка рогов || рога нет
(vəm bzę ðèyðkem)
the ox has no horns || horn.

ḫabzę (c.) копыто.
(ḫabzę) (s.) hoof.

ḫabzane (c.) ногти на ноге; ноготь на ноге [человека]
(ḫebzane) (s.) [human] toe-nails; toe-nail

(с.) кубок с напитком, подносимый молодому в день его возвращения в дом родителей после 2-х - 3-х недельной отлучки, в которой он находился со дня венчания. В старину bzẹ подносили в большой деревянной чаше— pxeʃənaq (ɸqeшənak),— полной бузы*) — maxsəme (maqsəme),—которую он должен был принять одной рукой и передать своему товарищу çeuq̣et (s̱eukᵥeϑ). Молодежь, сопровождающая молодого во время его возвращения, пьет из этой чаши в круговую в отдельном от старших помещении.

(s.) the cup with beverage offered to the bride-groom at his parents home after 2 or 3 weeks absence in which he is since the wedding day. In old times «bzə» was offered in a large wooden bowl ɸqeшənak full of „buza“*) maqsəme which he had to take with one hand and to give over his young fellow— s̱eᶜkᵥeϑ. Young people following the bride-groom at the time of his returning drink round from this bowl in a

*) Род употребительного у кабардинцев опьяняющего напитка, приготовляемого из проса и меда.

Kind of an used by Kabardey natives spirituous beverage, prepared with millet and honey.

room lying apart from that of the eldest men

çauem bzẹ ıərat (xabze)
молодому ‖ жениху кубок дают (обычай)
(s̱aᶜem bzẹ yəraϑ)
[they] offer the cup to the bride-groom (custom)

(с.) пчелы; пчела
(s.) bees; bee

bzạxᵥem bzẹ ıəkᵥedç
у пчеловода пчел много
(bzạqᵥem bzẹ yəqᵥeds̱)
the bee-master has many bees

bzə (bzə) بظ

(с.) ярма; ярмо
(s.) yokes; yoke

neube wəxem bzər ıaqᵥətaç
сегодня быки ярмо сломали
(neᶜbe vəɬem bzər yakᵥəϑas̱)
to-day the oxen have broken the yoke

ləzm bzə ıeçy
старик ярма ‖ ярмо делает
(ḥəzəm bzə yes̱)
the old man makes yokes ‖ a yoke

bʔe (bje) بژ

(с.) дверь
(s.) door

pxaçem bʔe ıeçy
плотник дверь делает
(ɸas̱em bje yes̱)
the carpenter makes a door

(гл.) причитай по умершему (употребляется преимуществ. в итеративном сочетании: jə-bʔe «плачь-причитай» обычно только в отношении женщин); считай

(безобʻектно, напр.: 1, 2, 3... и т. д.)(непереход.)
(v.) bewail a dead man! (used especially in iterative connection: ğə-bʒe «weep-bewail!» usually concerning only the women); count! (without any object, for instance: 1; 2, 3... etc.) (intrans.)

fəzr maj-mabʔerəı çəsç
женщина плача-причитая сидит
(fəzər mağ-mabjerəy s„əss„)
the woman sits weeping-bewailing

fəzr mabʔe
женщина причитает ‖ считает
(fəzər mabje)
the woman bewails ‖ counts

çʌlecɜkˌyr mabʔe çe-nes
мальчик считает до ста
(s„aletəkˌər mabje s„è-nès)
the boy counts to a hundred

bʔə (bjə) برّ
(гл.) сосчитай, пересчитай (переход.)
(v.) count (trans.)

meumərrəsexer bʔə
вот-те яблоки сосчитай
(meʷməɾerəseʲer bjə)
count yonder apples

bʒe (bγe) بغ
(гл.) проклинай (непереход.)
(v.) curse! (intrans.)

fəzr gˌəbzame ɪuue mabʒe
женщина, если рассердится, ужасно проклинает
(fəzər gˌebzame ɾeiʷe mabγe)
if the woman gets angry she curses awfully

bʒə (bγə) بقر
(с.) поясная часть тела, талия
(s.) waist part of the body, waist

uəlbʒ çɛpxe (ʷəγbγ s„eɸʲe)
твою талию опоясай girdle thy waist

(с.) обрыв, яр, круча; возвышенность, гора*)
(s.) steep, precipice; height, mountain*)

çʌler bʒəm çheçətç
юноша над обрывом стоит
(s„aler bγəm s„ħes„əθs„)
the lad stands over the steep

bʒəçhe
верхний край обрыва
(bγəs„ħe)
upper edge of the steep

bze (bde) بنه
(гл.) долби (непереход.)
(v.) chisel! (intrans.)

kˌɪı bze (kˌey bde)
иди и долби go and chisel

pxaçɛr neube kˌedeu-fɜue mabze
плотник сегодня очень хорошо долбит
(φqas„er neʷbe qˌeʷdeʷ-fəʷe mabde)
the carpenter chisels very well to-day

bzə (bdə) بند
(с.) долото
(s.) chisel, gouge

pxaçɛm neube bzə qəıçexˌaç
плотник сегодня долото купил
(φqas„em neʷbe bdə kəys„eʲas„)
the carpenter has bought a chisel to-day

*) Ср.: vaçhe «холм»
Compare: ʕas„ħe «hill»

(гл.) долби (переход.)
(v.) chisel! (trans.)

pхaçɛm sex ɪebз
плотник столбы (для ворот) долбит (т.-е. отверстия в столбах для вдвигания поперечных брусьев, запирающих ворота)
(φdas̱em seɬ yebd̥)
the carpenter chisels posts (for the gate) (i.e.—holes in the posts for pushing in the cross-bars bolting the gate)

pɛ (pe̱) (с.) [веко; скорлупа (яйца)]
(s.) [lid; shell (of eggs)]

napɛ (с.) веко
(nape̱) (s.) eye-lid

meubə ɪənapɛr beɮaç
у него веко опухло
(meˁbə̀ yənape̱r beɣas̱)
his eye-lid has swollen

gedəkampɛ (с.) скорлупа (яйца)
(ɡedəkampe̱) (s.) shell (of an egg)

(с.) постель; место
(s.) bed; place, spot

uəɪpɛ ɪəs
на своем месте сиди
(ˁəype̱ yəs)
sit on your place

səɪpɛr ɮegm çəçy
мою постель на полу постели
(səype̱r ɦ̀ègəm s̱əs̱)
make my bed on the floor

teɪpɛ (гл.) накрывай (переход.)
(ɔeype̱) (v.) cover! (trans.)

çɛleʔeɪm ʃxəɛn teɪpɛ
спящего парня одеялом накрой
(s̱alejeym ɯɦəɾen ɔeype̱)
cover the sleeping lad with a bed-cover

meubə ʃəuanm ɪəçher treɪpɛ
он котел (котла верх) накрывает
(meˁbə̀ ɯəˁànəm yəs̱ɦer ɔreype̱)
he covers (the upper part of) the kettle

pɤ (pə) (гл.) воспитай (переход.)
(v.) bring up! (trans.)

sabəɯəber pɤ
ребенка-сироту воспитай
(sabəyyəber pə)
bring up the orphan child

plɛ (pẖe) (с.) верхняя часть спины (верхняя часть лопаток)
(s.) upper part of the back (upper part of the shoulder-bone)

cɤx̱m ɪəplɛr meuəz
[у] человека верхняя часть спины болит
(tə̀kəm yəpẖer meˁəz)
the man's upper part of the back smarts

(ч.) четыре раза
(n.) four times

sabəɪr ɪanem neube plɛ ɪəjeʃxaç
ребенка мать сегодня 4 раза накормила
(sabəyr yanem neˁbe pẖe yəğeɯɦas̱)
the child's mother has fed (it) four times to-day

plɤ (pẖə) (ч.) четыре
(n.) four

de plɤ deux̱ (de pẖə deˁq̱)
нас четверо we are four

рҫɛ (ps̬e) ضـ (с.) цена
(s.) price

сяхₒхem bələmm ıaʃxa nartəxₒm рҫɛ xₒaçAç
люди скотом потравленную кукурузу оценили
(tə̀ɬem bələ̀məm yaшɬa narʒə̀ɬəm ps̬e ɬas̬asₒ)
the people have put price on the maize, eaten by the cattle

(ч.) десять раз
(n.) ten times

se neube рҫɛ uəıdeı sənekₒAç
я сегодня 10 раз к тебе приходил
(se ne'be ps̬e 'əydey sənekₒas̬)
I have come to you ten times to-day

(гл.) выдергивай с корнем (сорные травы), поли; тяпай, мотыжь, очищай от сорных трав с помощью мотыки (непереход.; переход.)
(v.) weed!, pluck out (weeds)!; hack (the weeds with the hoe)! (intrans.; trans.)

çAlem neube nartəxₒ ɛkɛ ıerҫɛ
юноша сегодня кукурузу (руками) полет
(s̬alem ne'be narʒə̀ɬ ɾeţe yeps̬e)
the lad weeds the maize with hands to-day

çAlexer neube fʌneкɛ mapҫɛxe
юноши сегодня мотыками полют || мотыжат
(s̬aleɬer ne'be ɟaneţe maps̬ɮe)
the lads hack weeds with hoes to-day

рҫя (ps̬ə) ضـ (ч.) десять
(n.) ten

seudegerm neube ʃəırçy qəıçexₒaç
торговец сегодня десять лошадей купил
(se'dedə̀rəm ne'be шəyps̬ kəys̬eɬasₒ)
the merchant has bought ten horses to-day

(гл.) [роись (о пчелах)] (непереход.)
(v.) [swarm (concerning bees)!] (intrans.)

qerҫy (гл.) роись (о пчелах)
(kep̬s̬) (v.) swarm (concerning bees)!

bʒer qeurҫy (bʒer ke'p̬s̬)
пчелы роятся the bees swarm

məjem bʒer ɟaue qeurҫy
в этом году пчелы хорошо роятся
(məğə̀m bʒer ɟə'e ke'p̬s̬)
this year the bees swarm well

[рqе] [ـقـ] (с.) [нива, земля, предназначенная под хлебные растения]
([pke]) (s.) [corn-field, piece of land destined for cereal plants]

məjem gₒezərqemre nartəxₒərqemre zebʃedeḷç
в этом году земли, предназначенные для пшеницы и кукурузы лежат рядом друг с другом
(məğem gₒedə̀rkemre nartəɬə̀rkemre zebğedeḷs̬)
this year the pieces of land destined for wheat and maize lie side by side

рqə (p̬kə) ـفـ (с.) [кость]; туловище, корпус, телосложение; [стебель]; турлучный остов (дома, стены); необмазанный остов (дома); [косточка (плода)]
(s.) [bone]; body, constitution; [stalk]; wattled shell (of a house, wall); uncoated shell (of a house); [kernel (of a fruit)]

çAler galerəı ıərepqr ıəq̬ətaç
парень упал и (свою) носовую кость сломал
(s̬aler q̬alerəy ıəɸə̀rkər ıək̬əəas̬)
the lad fell and broke his nose-bone

çəjənr fɜue dame pqər daxe ıeçy
если одежда хорошо сшита, [она] корпус красивым делает
(s„əğənər fə'e dame pk̲ər daɮe yes„)
if the garment is well sewn, it makes the constitution beautiful

ɐpq-ɮepq (с.) корпус, туловище
(ɾep̲k-ɧep̲k) (s.) body

meuɮɜm ɐpq-ɮepq daxe ıəɐç
этот мужчина корпус красивый имеет
(me'ɧəm ɾepk-ɧep̲k daɮe yəɾes„)
this man has a beautiful body

meubə pqədaxe ıəɐç
у него красивое телосложение
(me'bə̀ p̲kədaɮe yəɾes„)
he has a beautiful constitution

ueʃxk„edm g„eɜr pqəlɐ ıəçʌç
от дождей многих пшеница вялая стеблем сделалась
('eшɧq„èdəm g„ède̲r p̲kəɧ̲e yəs„as„)
from much rain the stalks of wheat grew withered

uənem ıəpqr hezərç
дома остов готов
('ənem yə̀p̲kər ɦezərs„)
the shell of the house is ready

uənepq ('ənep̲k)
остов дома shell of a house

g„əpq (с.) косточка (плода)
(g„əp̲k) (s.) kernel (of a fruit)

baləım, sləıwem, ebrəık„eusm g„əpq ıaɐç
вишни, сливы, абрикосы косточки имеют
(baləym, sləyvem, ebrəyq„è'səm g„əp̲k ya„es„)
cherries, plums, apricots have kernels

pcɐ (ṗte) (гл.) заквашивайся; свертывайся, закисай (о молоке) (непереход.)
(v.) ferment!; curdle!, turn sour (about milk)! (intrans.)

fəzm ʃx„ə ıejapcɐ
женщина кислое молоко заквашивает
(fə̀zəm ɯɧə yeğap̲te)
the woman ferments sour milk

ʃx„ər mapcɐ
молоко свертывается || закисает
(ɯɧər map̲te)
the milk curdles || turns sour

(гл.) скатывайся, сваливайся (о войлоке, бурке; для этого женщины обычно руками закатывают их трубкой в большую грубую циновку) (непереход.)
(v.) be rolled up! (of felt, felt-cloak; they are rolled up by women usually by hands into the large mat) (intrans.)

neube fəzxem uəpçɐ ıajapcɐ
сегодня женщины полость скатывают || валяют
(ne'be fəzɾem 'əp̲s„e yağap̲te)
to-day the women roll up the felt-cover

pcʁ (ṗtə) (с.) ложь
(s.) lie

cʁx„m pcʁ ıəməuəpsme ıəʃxr ıəzaʔe dəherqem (psaɮeẓ)
человек если не соврет, то что он ест, [ему] впрок (в ребра) не пойдет (посл.)
(tə̀ɧəm ṗtə yəmə'əçsme yə̀ɯɾər yədaje dəɦerkem)
if the man doesn't lie, what he eats doesn't profit him (go into his ribs) (prov.)

pkʁ (pṭe ‖ pḳe) (гл.) прыгай (непереход.)
(v.) jump! (intrans.)

ç̣aler mapkʁ
парень прыгает
(s̲aler mapṭe)
the lad jumps

pkя (pṭə ‖ pḳə) (гл.) разрезай, обрезай тесто (особым инструментом с зубчатым колесиком, называемым: kяpже); (К.:) штампуй кожу (с помощью штампа kяpже); зубри, насекай зубцы, остри зубцы, правь, точи (пилу, серп) (переход.)
(v.) cut the dough (with little toothed wheels called ṭəɸḍe)!; (K.:) stamp the leather (with the stamp—ṭəɸḍe)!; sharpen the jaggs (of a file, sickle)! (trans.)

fəzm heləwe*) ıepky
женщина [тесто для] пирожков разрезает
(fəzəm ħeləve*) yepṭ)
the woman cuts [the dough for] small pies

meubə ɟəbʃer ıepky
он серп правит ‖ зубрит
(me'bə̀ ğəbjer yepṭ)
he sharpens [the jaggs of] the sickle

*) Род небольших пирожков в форме треугольника с закругленными углами с начинкой из творогу, поджариваемых в масле.
A kind of triangular-shaped pies with rounded corners, stuffed with curds and toasted with butter.

pe (ɸe) (с.) нос
(s.) nose

cяx̣m pe ıəɛç̣ (ṭə̀ḅəm ɸe yəʃes̲)
человек нос имеет the man has a nose

[передний конец (иглы, веревки и проч.); ближний конец (земледельческого участка); устье (реки); конец (рога)]; острие, кончик (ножа, кинжала); перед (с.); первый из; начало (половодья); начало (пространства; времени)

[fore end (of a needle, rope etc.); near end (of a piece of land, agricultural strip); mouth (of a river); end (of a horn)]; point (of a knife, dagger); front (s.), first; beginning (of a high-water, highflood); beginning (of space; of time)

masteper zerəḳɛm mastekʁr ıereuḳʁ (psaleç̣)
передний конец ‖ острие иглы где идет, задний конец ‖ ушко иглы там же проходит (посл.)
(mesʤeɸer zeṙəḳɛm mesʤeṭer yəre'ḳe)
where the fore end ‖ the point of the needle goes, there the hind end ‖ the eye of the needle passes (prov.)

kʌpsepe (с.) передний конец веревки*)
(ṭeɸseɸe) (s.) fore end of the rope*)

*) Веревка, служащая для увязывания воза, имеет на одном конце сердцеобразную деревянную часть. Этот конец веревки называется передним; другой конец веревки, закрепляемый с помощью той деревянной части, называется задним.
The rope, used for packing a cart-load, has at its one end a cordiform piece of wood. This end of the rope is called the fore-end, the other end being fastenend with that wooden piece is called the hind end of the rope.

hesepe (с.) ближний [к жилищу] конец || начало [земледельческой] полосы || грядки
(ћeseᵽe) (s.) next [to the lodging] end || beginning of an [agricultural] strip || platband

psəpe (с.) устье реки; начало [полой] воды, паводка половодья
(ᵽsəᵽe) (s.) mouth of a river; beginning of the high-water || high flood

wəm ɪəbẑaq̣eper paxaç
у быка конец рога отпилили
(vəm yəbẑeḳ̌eᵽer ᵽaɬas̬)
[they] have sawn away the end of the oxe's horn

sem ɪəper pag̣eç
у ножа кончик тупой
(sem yəᵽer ᵽag̣es̬)
the knife has a dull end || point

çʌler galerəɪ qameper pəɪuədaç
парень упал и острие кинжала отбил
(s̬aler ḍalerəy kemeᵽer ᵽəyᵇədas̬)
the lad fell and broke off the point of the dagger

eʔer x̣əʃem ɪape ɪətеu maḳe
козел, находясь впереди отары, идет
(ejer q̣əɯem yaᵽe yətеᵇ maḳe)
the he-goat goes in front of the herd

ɪape uəzəx̣ezem ɪeuəpçy
первого встречного спроси
(ɪaᵽe ᵇəzəɬezem yeᵇəps̬)
ask the first-comer

dəlq̣eʔeçym ɪəper psəm qeuuaɬe
земли нашего селения начало к реке примыкает
(dəyḳ̌ejès̬əm yəᵽer ᵽsəm ḳ̌eᶜᵇaḥe)
the beginning of the land of our village borders upon the river

mazeqeuənex̣m ɪəpem seuẑe
будущего месяца в начале (|| когда [новый] месяц засветит), я уезжаю
(mezeǩᵇənèɬəm yəᵽem seᵇẑe)
I depart in the beginning of the next month (|| when the [new] moon begins to shine)

рхе (ᵽqe) (с.) дрова; дерево (как материал), лес (строительный материал); [материал вообще]
(s.) fire-wood; wood (as material), timber; materials (generally)

dade рхе ɪeq̣ətе
дедушка дрова колет
(dade ᵽqe yeḳ̌əde)
the grandfather splits wood

bʔe-çhej̣əbʔexem ɪaрхer qesçex̣aç
для окон-дверей дерева [я] купил
(bje-s̬ћeǧ̣əbjeɬem yaᵽqer kess̬eɬas̬)
for the windows-doors I have bought [some] wood

ʃərəq̣əрхе
материал для сапог
(ɯərəḳ̌əᵽqe)
materials for shoes

ceɪaрхе
материал для черкески*)
(ɟeyaᵽqe)
materials for the tcherkeska*)

*) «Черкеска» — род национальной Кавказской верхней мужской одежды из сукна.
«Tcherkeska»—kind of the national Caucasian man-dress made of cloth.

pχə (φqə) بخر

(с.) морковь
(s.) carrot

xəgebzm pχə xeɪse
девушка морковь сажает
(qəgèbzəm φqə ɬeyse)
the girl plants carrot

(гл.) сей (вразброс) (непереход.; переход.) (К.)
(v.) seed (by throwing around)! (intrans.; trans.) (К.)

meur neube mepχ
он сегодня сеет
(me'ʷr ne'ʷbe meφq)
he seeds to-day

neube ʔəle ɪapχ
сегодня семена сеют
(ne'ʷbe jəle yaφq)
[they] seed (the seeds) to-day

pχ°e (φq°e) بخوه

(гл.) хватай (непереход.)
(v.) gripe!, grasp!, seize! (intrans.)

pχ°eɪ qəteɪx
схвати и отними
(φq°ey k'əθeyɬ)
gripe and take off

çAler mapχ°e
юноша схватывает
(s̬aler maφq°e)
the lad grasps

çAler məʁrəsem ɪeupχ°e
юноша яблоко хватает
(s̬aler məʕerəsem ye'ʷφq°e)
the lad seizes an apple

pχ°ə (φq°ə) بخو

(с.) дочь
(s.) daughter

meubə pχ°ə ɪəɛç (me'ʷbə̀ φq°ə yəʕes̬)
у него дочь есть he has a daughter

pse (φse) بسه

(с.) одушевленность; жизнь, жизненная сила; душа
(s.) animation; life, vital power; soul

meubə psek°ed ɪəjeɬaç
он много жизней загубил [т. е. многих животных зарезал]*)
(me'ʷbə̀ φseq°ed yəğeğas̬)
he destroyed many souls [i. e: ditchered many animals]*)

səmagem ɪəpser xekʌç
больного душа вышла [из тела] || больной умер
(səmaḍem yəφser ɬeṭas̬)
the sick man's soul is gone out [from the body] || the sick man died

psə (φsə) بسو

(с.) вода; текучая вода, река, ручей
(s.) water; flowing water, stream, brook

cəx°m psə ɪəreɪf
человек воду пьет
(ṫəɬəm φsə yəreyf)
the man drinks water

se g̬əkʁ psəm səzeprəkʌç
я на подводе реку переехал
(se g̬əṭe φsəm səzeφrəṭas̬)
I crossed the stream in a cart

*) Говорят, обычно о резнике
They speak usually about the butcher

lɐm psəxᵥəreɪm bʒeẓeɪ qəçeuəbəd
мужчина в озере рыбу удит
(ḫəm ɸsəḍᵥəreym bdeẓey kəsₘeʰəbəd)
the man fishes in the lake

(c.) [привязь; шнур; цепочка; луч (солнца)]
(s.) [tie; string; chain; ray (of the sun)]

səhetm səhetəps ɪəlç
часы на цепочке (для часов) надеты || [висят]
(səħèðəm səħeðəɸs yəḫsₘ)
the watch hangs on a chain

kɐraxᵥeps
шнур для револьвера
(teraḍᵥeɸs)
the string for a revolver

çalem kɐraxᵥeps ɪəɐç
у парня есть шнур для револьвера
(sₘalem teraḍᵥeɸs yəɾesₘ)
the lad has a string for a revolver

dəjeps
луч солнца
(dəğeɸs)
ray of the sun

qeɪps (гл.) чихай
(keyɸs) (v.) sneeze!

lɐẓr qəçeɪpsm fəzr tegaç (xabzeẓ)
старик когда чихнул, женщина встала (старый обычай)
(ḫəẓər kəsₘèyɸsəm fəzər ðeḍasₘ)
when the old man sneezed, the woman got up || rose (old custom)

[pskɐ] پسکر || پسجر (гл.) [умывайся, купайся]? (переход.)
([ɸstə||ɸsḳə]) (v.) [wash thyself!, bathe thyself!]? (intrans.)

sabəɪr jepsky
ребенка искупай
(sabəyr ğeɸsṭ)
bathe the child

ʃər ɪejepsky
[он] лошадь купает
(ɯər yeğeɸsṭ)
[he] bathes the horse

neube zəjepsky
сегодня искупайся
(neʰbe zəğeɸsṭ)
bathe thyself to-day

pske پسکه || پسچه (гл.) кашляй (непереход.)
(ɸsə̣e||ɸsqe) (v.) cough! (intrans.)

sabəɪm çɐɐ xəhaçəɪ mapske
ребенок простудившись (||холод от того что проник) кашляет
(sabəym sₘəɾe ɬəhasₘəy maɸsə̣e)
the child having caught cold (|| as the cold got through it) coughs

pḷe پله (гл.) смотри (непереход.)
(ɸḫe) (v.) look at! (intrans.)

dəɪader meqᵥm pḷeneu kᵥaç
наш отец сено посмотреть отправился
(dəyader mèkᵥəm ɸḫeneʰ kᵥasₘ)
our father went to look at the hay

pɭə (φɦə) ٧٠٤

pɭəʒ (пр.) красный
(φɦəʒ) (ad.) red

(гл.) прей (о зерне) (непереход.)
(v.) stew!, rot (concerning the grain)! (intrans.)

embarm ɪəɭ gəzr meɭ
в амбаре лежащая пшеница преет
(embàrəm yəɭ gə̀də̀r meφɦ)
the wheat kept in the granary stews

(гл.) раскаливайся (о металле); нагревайся (о печке) (непереход).
(v.) blaze (of a metal)!; grow hot (of a stove)! (intrans.)

þəkɛm þəçy ɪejepɭ
кузнец железо накаливает
(ğəṭem ğəs̲ yeğeφɦ)
the blacksmith hots the iron

peʃ-hekˌr mepɭ
печка нагревается
(φem-ħèqˌər meφɦ)
the stove grows hot

dəjem qenʔalr ɪəjepɭaç
на солнце кровельное железо накалилось
(dəğem kenjàlər yəğeφɦas̲)
the covering iron grows hot in the sunshine

pçe (φs̲e) ٧٠٥

(с.) шея; [верхний конец (села)]
(s.) neck; [higher end of a (village)]

lɛm ɪəpçer uəAç
у мужчины шея ранена
(ɦem yəφs̲er ʿəʃas̲)
the man's neck is wounded

qˌaʔepçe (с.) верхний [по течению] конец села
(kˌejeṭφs̲e) (s.) higher [down the river] end of a village

(гл.) [дуй] (непереход.)
(v.) [blow!] (intrans.)

ɪepçe (гл.) раздувай
(yeṭφs̲e) (v.) blow out!

meur mafɛm ɪeupçe (meʿr mafem yeʿφs̲e)
он огонь раздувает he blows on the fire

mafɛm ɪepçe (màfem yeφs̲e)
дуй на ‖ раздувай огонь blow at the fire

pçə (φs̲ə) ٧٠٦

(с.) князь (аналог удельному князю др. - русской истории)
(s.) prince (analogus to the feudal prince in the ancient Russian history)

pçəm uənafe ɪəçAç
князь распоряжение сделал
(ps̲əm ʿənafe yəs̲às̲)
the prince has made an order

(гл.) ползи, пресмыкайся, (о змее, ящерице); ползай на четвереньках (о ребенке) (непереход.)

(v.) creep (of a snake, lizard)!; go upon all fours (of a child)! (intrans.)

bler nəbafekɛ mepç
змея на брюхе ползет
(bler nəbafeṭe meφs̲)
the snake creeps on the belly

sabəɪr heɻeqˌəplɛu mepç
ребенок на четвереньках ползет
(sabəyr heɻekˌəpɻeˈ mepsˌ)
the child goes upon all fours

(гл.) [надувайся; раздувайся] (не-
(v.) переход.)
[swell!] (intrans.)

jepç (гл.) надувай
(ǧepsˌ) (v.) make swell!

meubə ʃerəb ɪejepç
он пузырь надувает
(meˈbə̀ ɯerəb yeǧepsˌ)
he makes a bubble swell

kɛtaɪr mepç
кишка надувается
(ṭeṭəyr mepsˌ)
the intestine swells

(гл.) запыхайся, уставай, будь усталым (от быстрого движения) (непереход.)
(v.) pant!, grow tired!, be tired! (from a speedy moving) (intrans.)

ʃər kˌedeu pçaç
лошадь сильно устала
(ɯər qˌedeˈ psˌasˌ)
the horse grew much tired

mepç
устает
(mepsˌ)
grows tired

(гл.) меси (переход.)
(v.) knead!, pat! (trans.)

nane xˌərsane ɪepç
бабушка тесто месит
(nane ḫəṗɪəne yepsˌ)
the grandmother pats the dough

(гл.) мерь (сыпучие тела) (переход.)
(v.) measure (dry substances)!(trans.)

neube nartəxˌ ɪepç
сегодня [он] кукурузу мерит
(neˈbe narϑəḫ yepsˌ)
[he] measures the maize to-day

pʃe (ɸше) پشه (с.) тучи, облака; туча, облако
(s.) clouds; cloud

neube uafem pʃe teɪɻqem
сегодня на небе облаков || облака нет
(neˈbe ˈafem ɸше ϑeyḫkem)
to-day there are no clouds || is no cloud in the sky

uafem pʃe teɪɻç
на небе тучи лежат || туча лежит
(ˈafem ɸше ϑeyḫsˌ)
clouds lie || a cloud lies in the sky

pxe (ɸḫe) پخه (с.) задница, седалище
(s.) posteriors, back below the waist, and buttocks

uəɪpxer ɛt
свою задницу приподними
(ˈəyɸḫer ɾet)
lift thy posteriors

(гл.) [задняя сторона (головы)]; короткая сторона, (дома); дальний от дома конец (сапетки*); задний, дальний конец (земледельческого участка)
(v.) [back part (of the head)]; short-sided end (of a house); far (from the house) end (of a wattled corn-store*); back, far end (of a piece of land, agricultural strip)

ҫherхе (c.) задняя сторона головы, затылок
(sₒ̈ħeɸɬe) (s.) back part of the head

uənерхе (c.) каждая из коротких сторон дома
(ʿənеɸɬe) (s.) each of both short-sided ends of the house

dəuəрхem nartəxₒ ıəlҫ.
в дальнем ‖ заднем конце сапетки*) кукуруза лежит
(deʿəɸɬem narϑəlʰ yəlsₒ̈)
the maize-corn lies in the back ‖ far end of the «doo»*)

meqₒəрɐm ıəрхem meqₒ ҫeuuexe
на дальнем [от селения] конце покоса сено косят
(meķₒəрem yəɸɬem meķₒ sₒ̈eʿʿeɬe)
they mōw hay on the far [from the village] end of the mowing place

*) Род удлиненного бол. шого плетеного зернохранилища, стоящего отдельно во дворе, употребительного у кабардинцев и др. горцев Сев. Кавказа; по кабардински: dəu
A kind of large oblong wattled corn-store, standing apart in the yard used by the Kabardey and other highlanders of the North Caucasus; in Kabardey: (dəʿ), in Russian: «sapetka»

(гл.) завязывай, вяжи (переход.)
(v.) tie up! (trans.)

qeрm ıəҫher рхе
мешка верх завяжи
(kèɸəm yəsₒ̈ħer ɸɬe)
tie up the upper part of the bag

(гл.) чеши (шерсть) (непереход.)
(v.) comb (the wool)! (intrans.)

tɐsəı рхе (tə̀səy ɸɬe)
садись и чеши sit down and comb

рхə (гл.) чеши (шерсть) (переход.)
(ɸɬə) (v.) comb (the wool)! (trans.)

meucər рхə (meʿϑə̀r ɸɬə)
эту шерсть чеши comb this wool

(гл.) связывай (живой объект) (переход.)
(v.) fetter!, bind! (a living object) (trans.)

meulɐr рхə (meʿḫə̀r ɸɬə)
этого мужчину свяжи fetter this man

de (с.) орехи (плоды); орех (плод)
(s.) nuts (fruit); nut (a fruit)

məjem de dəikₒedҫ
в этом году орехов у нас много
(məğèm de dəyqₒedsₒ̈)
this year we have many nuts

təkₒenteısm de ıeҫe
лавочник орехи ‖ орех продает
(ϑəqₒenϑèysəm de yesₒ̈e)
the shop-keeper sells nuts ‖ a nut

(м.) мы
(pr.) we

de neube q̈alem deuk̫ɐ
мы сегодня в город идем
(de ne'ᵇbe kalem de'ᵇk̫e)
we are going to town to-day

(гл.) соглашайся (переход.)
(v.) agree!, consent! (trans.)

məuaser de (mə'ᵇaser de)
на эту цену соглашайся agree to this price

(гл.) шей (непереход.)
(v.) sew! (intrans.)

tɐsəɪ de (təsəy de)
сядь и шей sit down and sew

ɤəgebzr ɐzeu made (q̈əd̈èbzər ɾeze'ᵇ made)
девушка искусно шьет the girl sews skilfully

də (гл.) шей (переход.)
(v.) sew! (trans.)

ɤəgebzm çəjən ɪed
девушка одежду шьет
(q̈əd̈èbzəm s̫əğən yed)
the girl sews a dress

tɐ (te) (гл.) вскапывай землю (напр.: в огороде); копай, рой (непереход.)
(v.) dig up the earth (for instance: in the kitchen-garden)!; dig (intrans.)

k̫ɐɪ xadem fɐue tɐ
иди в огород и хорошенько вскопай [землю]
(k̫ey ɬadem fə'ᵇe te)
go to the kitchen-garden and dig up the [earth] well

meur matɐ (me'ᵇr mate)
он вскапывает || роет he digs up || digs out

cɐx̫xer jatxem xadem çeutɐ
люди весною в огороде вскапывают [землю]
(təɬɬer ğaƆɬem ɬadem s̫e'ᵇte)
the people dig up[earth] in the kitchen-garden in spring

tɤ (tə) (с.) кочкари; кочкарь, баран-производитель
(s.) rams; ram-producer

tɤx̫em tɤ ɪejex̫
пастух кочкарей пасет
(təq̈em tə yeğeq̈)
the shepherd grazes rams

(ч.) [два, двое]
(п.) [two]

lɐɪty (h̤əyt)
двое мужчин two men

(гл.) вскапывай (огород); копай, рой (переход.)
(v.) dig up!; dig! (trans.)

k̫ɐɪ xadem hese tɤ
иди в огород и грядку вскопай
(k̫ey ɬadem ɦese tə)
go to the kitchen-garden and dig up a platband [there]

jatxem hese ɪaty
весной гряды вскапывают
(ğaƆɬem ɦesé yat)
in spring [they] dig up platbands

k̫ɐɪ maçe tɤ (k̫ey mas̫e tə)
иди и яму рой go and dig out a pit

tkɐ طكو
(tḳə)

(гл.) растапливайся (о масле, сале); редко: тай (о снеге); плавься (о металле) (непереход.)
(v.) melt (of butter, tallow)!; rarely: thaw (of snow)!; fuse!, melt (of metals)! (intrans.)

jatxem ues metḳy
весной снег тает
(ǧaəlʁem ʿes meṭḳ)
in spring the snow thaws

fəzm kʌpe ɪejetḳy
женщина сало растапливает
(fəzəm ṭaᵩe yeǧeṭḳ)
the woman melts the tallow

çʌlem bзamcɐ ɪejetḳy
юноша свинец плавит
(s̲alem bdamṭe yeǧeṭḳ)
the lad melts the lead

te ته
(əe)

(гл.) отдавай (в собственность), делай подарок, дари, (непереход.)
(v.) give in property!, make a present || a gift!, present! (intrans.)

səɪnəbzẹeɟr fɐue mate
мой товарищ щедро (хорошо) дарит
(səynəbzẹèǧər fəʿe maəe)
my companion presents generously (well)

tə تر
(əə)

(гл.) [стой, находись в стоячем положении] (непереход.)
(v.) [stand!, be standing!] (intrans.)

bzẹem dame teɪtç
у пчелы—крылья (стоят)
(bzẹem dame əeɪəs̲)
the bee has wings (standing)

lɐm paçɐ teɪtç
у мужчины—усы (стоят)
(ɳəm ᵩas̲e əeyəs̲)
the man has moustaches (standing)

ʔəǯm qedame teɪtç
на дереве—ветки (стоят)
(jèγəm ḳedame əeyəs̲)
the tree has branches (standing)

bjer uefegm ɪətç
орел в небе парит
(bǧer ʿefègəm yəəs̲)
the eagle is hovering in the sky

(гл.) отдавай (в собственность), дари (переход.)
(v.) give in property!, present! (trans.)

nəsaçɐm nəsetən ɪet
молодая невестка дарит подарки [родне молодого]
(nəsas̲em nəseəən yeə)
the young daughter-in-law makes presents [to her husbands relatives]

txe ثخ
(əʁe)

(гл.) пиши (непереход.)
(v.) write! (intrans.)

tɐsəɪ txe (təsəy əʁe)
сядь и пиши — sit down and write

meur vəpçɐu matxe
он разборчиво (отчетливо) пишет
(meʿr ʕəps̲eʿ maəʁe)
he writes distinctly

txə (ʊʃə) نخر
(с.) позвоночный столб, хребет
(s.) backbone, spine

pçafɐm txə ɪeɟawe
повар хребет [обычно: бараний] варит
(ɸs̬afɐ̱m ʊʃə yeğave)
the cook boils a backbone [usually: of a mutton]

(гл.) пиши (переход.)
(v.) write! (trans.)

çʌlem pəɪsmeu ɪetx (s̬alem ɸəysmeᵏ yeʊʃ)
юноша письмо пишет the lad writes a letter

tx̥e (ʊkᵇe) نخوه
(ч.) пять раз
(n.) five times

se qalem tx̥e səkx̥ʌç
я в город пять раз ходил ‖ ездил
(se kalem ʊkᵇe səqx̥as̬)
I went five times to the town

tx̥ə (ʊkᵇə) نخور
(ч.) пять
(n.) five

çʌlecɘkx̥ʏr ɪəɟesəɪtx̥ mex̥
мальчику—пять лет
(s̬aletɔ̀kx̥ər yəɧesəyʊkᵇ meq̥)
the boy is five years old

txe (ʊqe) نخه
(гл.) живи в довольствии, благоденствуй (непереход.)
(v.) live in joy!, thrive! (intrans.)

meur txeue mepseu (meᵏr ʊqeᵏe meɸseᵏ)
он в довольствии живет he lives well ‖ in joy

meur matxe (meᵏr maʊqe)
он великолепно живет he thrives well

txə (ʊqə) نخر
(гл.) чисть кукурузные початки от обволакивающих их листьев (К.); раздери; расцарапай (переход.)
(v.) shell ears of Indian corn from leaves enveloping them (K.)!; tear to pieces!; scratch! (trans.)

meuɒə nartəx̥ ɪetx
он кукурузу чистит
(meᵏɒə narʊəkᵇ yeʊq)
he shells the Indian corn

qeuəɒədəɪ txə
поймай [его] и раздери ‖ расцарапай
(keᵏəɒədəy ʊqə)
catch [him] and tear to pieces ‖ scratch

tx̥e (ʊq̥e) نخوه
(пр.) буланый(?) (масть лошадей)
(ad.) gray?, light bay(?) (colour of horses)

məʃər tx̥eç
эта лошадь буланая
(məшər ʊq̥es̬)
this horse is light bay

ʃətx̥é
буланая лошадь
(шəʊq̥e)
light bay horse

(гл.) сгребай, разгребай, отгребай (напр.: о снеге) (непереход.)
(v.) dig asunder ‖ aside (for instance: of the snow)! (intrans.)

lɜçɛr matx̣erəı pçʌntɛm detḉ
работник разгребая во дворе находится
(ḫəs̲er maəd̲erəy ps̲ʌnṭem deəs̲)
the worker while digging aside is in the yard

tx̣ə تخوړ (c.) масло (животное)
(əd̲ə) (s.) butter (of animals)

fendkɛ tx̣ə ıeuue
в бурдюке масло сбивают
(fendṭe əd̲ə ye'ᵘᵘe)
[they] churn butter in the leathern bag

fəzm tx̣ə ıejawe
женщина масло перетапливает
(fəzəm əd̲ə yeğave)
the woman melts the butter

(гл.) седей; седой (непереход.)
(v.) grow gray!; gray (of hair) (intrans.)

dade ıəçher tx̣aç
дедушки голова поседела
(dade yəs̲ḫer əd̲as̲)
the grandfather's head grew gray

(гл.) сгребай, разгребай отгребай (например: снег) (переход.)
(v.) dig aside || asunder (for instance: the snow)! (trans.)

ɫɜçɛm ues ıetx̣
работник снег разгребает
(ḫəs̲em 'es yeəd̲)
the worker digs the snow [aside]

the (c.) бог
(əhe) (s.) god

cɜx̣xer the ıeɫevaç (təbʰer əhe yeḫeg̲as̲)
люди бога молили the people prayed to god

them-çhekɛ uəməzeran (əhems̲ḥeṭe 'əməzeran)
бога ради не шали for god's sake do not frolic

gə گوړ (c.) сердце
(s.) heart

meubə ıəgr meuəz
у него сердце болит || он страдает || он соболезнует
(me'ᵇbə yəgər me'ᵊəz)
he has a sore heart || he suffers || he pities

(c.) арба*); подвода; экипаж;
(s.) «arba»*); cart; vehicle

gər uəferekyme çʌlem ıajeç (psaɫez)
подвода если опрокинется, мальчик виноват (посл.)
(gər 'əferetme s̲alem yağes̲)
if the cart turns over, the boy is guilty (prov.)

wəg арба*), подвода, приспособленная для запрягания быков
(vəg) «arba»*), cart being adapted for yoking the oxen

ʃəg бричка, подвода, приспособленная для запрягания лошадей
(məg) «britchka», cart being adapted for putting to the horses

(гл.) толки (на толчее пшено, поджаренное просо, кукурузу; последние два — для

*) См. стр. 15.
See p. 15.

приготовления рода круп)
(непереход.; переход.)

(v.) stamp (on a stampen-millet, roasted hyrse, maize; the last two for preparing a kind of groats)! (intrans.; trans.)

fəzr meg (fəzər meg)
женщина толчет the woman stamps

fəzxem nartəxᵒ ıag
женщины кукурузу толкут
(fəzɬem narʒəɬ yagᵒ)
the women stamp the maize

kᵒɐ (кᵒe) كوه
(гл.) иди, уходи; уезжай (непереход.)
(v.) go! (intrans.)

çᴀlecɜkᵒyr ʃkᵒɐulm makᵒɐ
мальчик в школу идет
(sᵒaleɨəkᵒər шкᵒə̀ˇləm makᵒe)
the boy goes to school

kᵒя кᵒə كوز
(гл.) (редко:) проходи (расстояние) (переход.)
(v.) (rarely:) pass! (trans.)

mafɐgᵒm zəsəhetm werstçenəqᵒe ıekᵒy
поезд в 1 час полсотни верст проходит
(mafə̀gᵒəm zəsəhə̀ʒəm versʒsᵒenəkᵒe yeкᵒ)
the train passes half of a hundred verst in an hour

kᵒe (qᵒe) كوه
(с.) ляшки; ляшка (задней ноги четвероногого); бедра; бедро (человека)
(s.) thighs, haunches; thigh, haunch (of the hind leg of a quadruped); hips; hip (of a man)

dəıadem neube kᵒe qəçexᵒaç
наш отец сегодня ляшки || ляшку купил
(dəyadem neˇbe qᵒe kəsᵒeɬasᵒ)
our father has bought haunchs || a haunch to day

(гл.) [набивай, наполняй (мешок соломой, пером, шерстяной ватой); напяль, натяни;] (переход.)
(v.) [cram!, fill!, stuff! (a bag with straw, feather, wool wadding); pull over! (trans.)

qepm heuaze ıərekᵒe
в мешок солому набивает
(kə̀ɸəm ɦeˇaze yəreqᵒe)
he stuffs the straw into a bag

gedəgᵒm ceır teıkᵒe
на шубу черкеску *) натяни
(qedə̀gᵒəm ʒeyr ʒeyqᵒe)
pull the «tcherkeska»*) [dress] over the fur-coat

kᵒə (qə) كوز
(с.) сердцевина; середина
(s.) core; middle

ləzm xarbəzəkᵒ ıeʃx
старик сердцевину арбуза ест
(ɧə̀zəm qarbəzəqᵒ yemɬ)
the old man eats the water-melon core

ləzr ıakᵒ detç
старик середи [многих] стоит
(ɧə̀zər yaqᵒ deʒsᵒ)
the old man stands in the middle [of many]

*) См. стрн. 77
See p. 77

qə (kə) قـ (гл.) остолбе́неть, обалдей, растеривайся до потери речи (непереход.) (К.)
(v.) be benumbed!, be stupefied!, lose yourself until the loss of speech! (intrans.) (К.)

zəg̣er zerəʔeɪpyʌue meq
что нибудь ему как скажешь, он растеряется [и не в состоянии отвечать]
(zəg̣er zerəjeypʳaᵛe mek)
as soon as they say to him something, he gets lost [and cannot answer]

qər (с.) каменистая земля, непригодная для земледелия (К.)
(kər) (s.) a stony land improper for agriculture (К.)

qərm uəs teɪtqem
на каменистой земле трава не растет
(kərəm ᵛəd ʤeyʤkem)
on stony land grass does not grow

qᵒe (kᵒe) قوه (с.) сын
(s.) son

uesmen ɪəqᵒer səmageç
[у] Османа сын болен
(ᵛesmen yəkᵒer səmadeş)
Osman's son is ill

(с.) горная долина, ущелье
(s.) mountain valley; defile

bələmr qᵒem çeuxᵒakᵒɛ
скот в долине пасется
(bəlèmər kᵒem sᵒeᵛqᵒakᵒe)
the cattle grazes in the valley

psəqᵒe (c.) речная долина (К.)
(psəkᵒe) (s.) river valley (К.)

qᵒə (kᵒə) قوه (гл.) набивай, наполняй мукой (переход.)
(v.) cram!, fill up with flour! (trans.)

qepr heʔəjekɛ qᵒaç
мешок мукой набит
(qèpər ħejəğeţe kᵒas̄)
the bag is crammed with flour

qɛ (qe) اه (с.) могила; кладбище
(s.) grave; cemetery

qɛm cəxᵒ detç
на кладбище человек находится
(qem ţəᵏ deʤs̄)
the man is in the cemetery

cəxᵒr çəlɛkɛ qɛm çʌlhe
когда человек умирает, [его] в могилу кладут
(ţəkər sᵒəhţeţe qem s̄ahħe)
[they] put [the man] into the grave when he is dead

qᵒɛ (qᵒe) قوه (с.) свинья
(s.) pig

qᵒʌxᵒem qᵒɛ ɪejexᵒ
свинопас свиней пасет
(qaqᵒem qᵒe yeğeqᵒ)
the swineherd grazes the pigs

[qᵒʁ] [ɾɔʒ̈]
[(qᵒə)]

qeqᵒy (гл.) бзди, испускай газы
(ḳeqᵒ) (v.) crack!

meur qeuqᵒy (meʿr ḳeʿqᵒ)
он бздит he cracks

ve ɔʒ̈ (c.) баз
(ɾe) (s.) fold (for the cattle)

vem bələm ıətç (ɾem bələ̀m yəʊsₒ)
в базу скот стоит the cattle stands in the fold

(гл.) молоти (любым способом) (непереход.; переход.)
(v.) thrash (by any usual means)! (intrans.; trans.)

səıqᵒeʃr neube mave
мой брат сегодня молотит
(seyḳᵒə̀mər neʿbe maɾe)
my brother thrashes to-day

(гл.) кукурекай! (непереход.)
(v.) crow! (intrans.)

edaqe mave (edake maɾe)
петух кукурекает a cock crows

(гл.) болтай, говори чепуху (непереход.); только в выражении:
(v.) talk nonsense! (intrans.); only in the expression:

mave-mawe
болтает чепуху (букв.: «молотит-пашет»?)
(maɾe-mave)
[he] talks nonsense (literally: «thrashes-ploughs»?)

və
(ɾə) ɾɔʒ̈

(c.) рот, полость рта
(s.) mouth, cavity of a mouth

pcʌqᵒxₒem ıəʃərcʁkᵒyxer vəkʁ ıejaʃxe
ласточка своих птенцов маленьких ртом кормит
(pʲas‿qₒem yəшərʲə̀ḳʲer ɾəte yeğaшʲe)
the swallow feeds its young birds from its mouth

ıəvr ıəɲəçʁkʌqᵒ (yə̀ɾər yəğₒes‿ətas‿)
во рту пересохло the mouth is parched

vəpe (c.) губы; губа
(ɾəɸe) (s.) lips; lip

hevəpe леток, отверстие (пчелиного улья)
(ħeɾəɸe) opening (of a bee-hive)

(c.) отверстие (сосудов)
(s.) opening (of vessels)

qʁeçənm ıəvr zewç
[y] кувшина отверстие узкое
(qₒes‿ə̀nəm yə̀ɾər zevs‿)
the jug has a narrow opening

ʃeıçʁtm ıevr bəxₒç
[y] блюдца отверстие просторное
(шeys‿ə̀ʊəm yə̀ɾər bəqₒs‿)
the saucer has a wide opening

qʁeçənəv отверстие кувшина (редко)
(qₒes‿ənəɾ) opening of a jug (rarely used)

(гл.) [втыкай, вонзай, вдевай, суй (только о твердом или заостренном предмете)] (переход.)
(v.) [stick!, thrust!, put in (only about a hard or pointed object)!] (trans.)

ɪəv (гл.) воткни (в отверстие)
(yəɾ) (v.) stick into (an opening)!

baʃr ɟanem ɪəgeɪv
[он] палку в отверстие втыкает
(bàɯər ǧanem yəreyɾ)
he thrusts the stick into the opening

ɪəʁr ɪəʔəpm ɪəvane çətç
свою руку в карман засунув, стоит
(yəɾer yəjèɸəm yəɾaᵇe sₒəθsₒ)
he stands thrusting his hand in the pocket

pxezakʁr yazem çɐv
головёшку в золу воткни (чтобы затушить)
(ɸɖeḑaṭer yazem sₒeɾ)
thrust the fire-stick into the ashes (to extinguish it)

kər bʔəhm dev
хворостину в плетень воткни
(ʔər bjèḥəm deɾ)
stick the dry branch into the hurdle

master blənm xev
иглу в стену воткни
(masθer blènəm ɬeɾ)
stick the needle into the wall

pəv (гл.) наткни на, надень на (конец)
(ɸəɾ) (v.) spit (on the end)!

fəzəm lər zasem peɪv
женщина мясо на вертел натыкает (надевает)
(fəzm lər ḑasem ɸeyɾ)
the woman spits (the) [some] meat on the spit

ɯəv (гл.) клюй; отбивай (косу)
(ᵇəɾ) (v.) peck!; beat (a scythe)!

ged çqₒən ɪeɯəv
курица корм клюёт
(ḑed sₒkₒən yeᵇəɾ)
the hen pecks food

meqₒanem ʃemeg ɪeɯəv
косарь косу отбивает
(meḱₒaᵇem ɯemeḑ yeᵇəɾ)
the mower beats the scythe

ze (ḑe) oɔ̀ (c.) зубы; зуб
(s.) teeth; tooth

meubə ɪəzer meɯəz
у него зуб болит
(meᵇbə̀ yəḑer meᵇəz)
he has tooth - ache

ɪəlesəɪblm-ɪədeɪʔ sabəɪm ɪəzer veuxₒ
к семи годам у ребенка зубы выпадают
(yəlₒəsə̀ɪbləm-yədeyj sabəym yəḑer ɾeᵇʰ)
at about seven years age the child's teeth fall

zedəʔm ze ɪedəʔ
зубной врач зубы ‖ зуб чинит
(ḑedə̀jəm de yedəj)
the dentist treats the teeth ‖ tooth

(c.) хлеб в зерне; зерна; зерно (хлебных злаков, за исключением проса и бобовых растений) (К)
(s.) corn; grains; grain (of cereal plants except the hyrse and leuminaus plants) (K)

hezе (c.) хлебное зерно (в тм. же знач., что выше)
heḑe (s.) grain of corn (used in the meaning above)

gezəze (К.) gezhezе пшеничное зерно
(geďəďe) (К.) (geďheďe) grain of wheat

nartəx̣əze (К.) nartəx̣hezе кукурузное зерно
(narʒəbəďe) (К.) (narʒəbheďe) grain of maize

hezе (К.) hehezе ячменное зерно
(heďe) (К.) (heheďe) grain of barley

(с.) [спицы колеса; спица колеса]
(s.) spokes; spoke

ʃerxm gəze xəzeuḽhe
в колесо спицы вставляю
(wèrḍəm gəďe bəzeʰḽhe)
I make spokes for a wheel

(с.) острйе, режущий край (лезвия)
(s.) cutting edge (of a blade)

sem ɪəzer zagęç
ножа острие тупое
(sem yəďer ďages)
the edge of the knife is blunt

(с.) войско
(s.) army

zer zaцem makɐ
войско на войну идет
(ďer zaʰem makɐ)
the army goes to make war

zer zaцem x̣ajehezər
войско к войне подготовляют
(ďer zaʰem bağeheźər)
[they] prepare the army for the war

ɜə (ďə) ذ (с.) причина, повод
(s.) cause, reason

er ebə ɜə x̣ex̣ənqem
это ему причиной не послужит
(er ebə ďə bəqḽənkem)
this will not serve him as a reason

(гл.) бросай (переход.)
(v.) throw! (trans.)

çʌlem məwe ɪeɜ
юноша камень бросает
(s̱alem məve yeď)
the lad throws a stone

cɐ (ẏe) ز (с.) имя
(s.) name

sabəɪm cɐ fʌçaç
ребенку имя дали
(sabəym ẏe fas̱as̱)
[they] gave the child a name

(с.) вши; вошь
(s.) lice; louse

gaпe-bənʃegr fɐɪ x̣əme cɐ xeɪçɐ
белье («рубашка-кальсоны») грязными когда становятся, вши [в них] заводятся
(ḍane-ǧenшèḍər fey qəme ẏe bəys̱e)
when the linen («shirt-trousers») get dirty lice begin to breed [in them]

(гл.) [гадь, испражняйся] (непереход.)
(v.) [shit!, foul!, go to stool!] (intrans.)

sabəɪʁ tasm ɪeuсѣ
ребенок в таз испражняется
(sabəyr ðàsəm yeʿʿte)
the child goes to stool into a basin

gedəur cəm xeuсѣ
кошка в шерсть гадит
(ḍedəʿʿr ðəm ħeʿʿte)
the cat fouls into the wool

her pçʌntѣm deuсѣ
собака во дворе гадит
(ħer ps̱ʌnṭem deʿʿte)
the dog fouls in the yard

elerəbɣm teɪсѣ
гадь на ковер
(ʿelerəbğ̱əm ðeyṭe)
foul upon the carpet

bʔem vѣсѣ
испряжняйся у двери
(bjem ɾəṭe)
go to stool at the door

сѧ (tə) — (гл.) испражняйся!,гадь! (непереход.)
(v.) go to stool!, shit! (intrans.)

her mecy (ħer meṭ)
собака гадит the dog fouls

сə (ðə) — (с.) волоса; волос; шерсть осенней стрижки; шерсть (вообще)
(v.) hair; one hair; wool of the autumnal shear; wool (generally)

lѧm ɪəbjem cə teɪtç
у мужчины на груди волоса растут
(ḫ̱əm yəbğ̱em ðə ðeyðs̱)
the hair grow on a man's breast

bʒəhem cə ɪaç, jatxem bace ɪaç
осенью [осеннюю] шерсть стригут, [а] весной— весеннюю шерсть (стригут)
(bʒəħem ðə yas̱, ğaðɾem baðe yas̱)
in autumn [they] shear the [autumn] wool, in spring [they] shear the spring wool

edəɣem cəvədanəɪ ʃəlevədanəɪ ɪag
черкесы шерстяную и шелковую пряжу прядут
(edəɣem ðəɣədanəy ɯəleɣ̱ədanəy yaḍ)
the Tcherkes spin the woolen-thread and the silken-thread

ge (ḍe‖ɣe) — (гл) зови; кричи во всеуслышание, объявляй, извещай (непереход.).
(v.) call!; announce!, inform! (intrans.)

neube jeu mage
сегодня [сельский] глашатай*) выкликает
(neʿʿbe ğeʿʿ mage)
to-day the common crier*) calls

meubə ɪege (meʿʿbà yeḍe)
его зови call him

(гл.) пряди, сучи (нить на веретене) (непереход.)
(v.) spin!, twist (a thread on a spindle)! (intrans.)

fəzr neube mage
женщина сегодня прядет
(fəzər neʿʿbe maḍe)
the woman spins to-day

*) Так называется специальный агент общества или сельсовета, который обходит селение, громко об'являя о состоявшемся постановлении или созывая на сход.

*) They call thus a special agent of the community or of the village-soviet which goes round the village informing loudly about a decree or calling to a meeting.

gə (ḍə ‖ ɡ̣ə) (гл.) сучи, пряди (нить на веретене) (переход.)
(v.) twist!, spin (a thread on a spindle)! (trans.)

xəgebzm ʃəle ɪeg
девушка шелк прядет (на веретене)
(ɡ̣əḍèbzəm ɯəle yeḍ)
the girl spins the silk [on a spindle]

fəzm cə ɪeg
женщина шерсть прядет [на веретене]
(fèzəm ʒə yeḍ)
the woman spins the wool [on the spindle]

kʁ (ṭe ‖ ɡ̣e) (с.) хвост; [яйцо]
(s.) tail; [egg]

baʔem ɪəkʁ kʁhç
у лисы длинный хвост
(baɻem yəṭer ṭəħs̲)
the fox has a long tail

gedəkʁ (ḍedəṭe) (с.) куриное яйцо ‖ куриный хвост
(s.) hen's egg ‖ hen's tail

[задний конец (иглы, веревки и пр.), нижний дальний конец (селения, участка)]; кончик, острие (ножа, редко: кинжала); зад; сзади находящийся, последний; [конец (паводка, половодья)]; конец (пространства, времени); [манера, способ]

[hind end (of a needle, rope etc.), lower end (of a village, piece of land); point (of a knife, rarely: of a dagger); back (s.); being behind, last (adj); [end (of a high-water, highflood)]; end (of space, of time); [manner, way]

kʌpsekʁr pəuəpçy.
задний конец веревки*) отрежь
(ṭepseṭer ɸəʷəps̲)
cut off the hind end of the rope*)

ɡ̣aʔekʁ (ḳ̣ejeṭe) (с.) нижний по течению конец села
(s.) lower (down the river) end of a village

hesekʁ (ħeseṭe) (с.) дальний [от жилища] конец земледельческой полосы ‖ грядки
(s.) distant [from the lodging] end of an agricultural] strip ‖ plat-band

qamekʁ (ḳemeṭe) (с.) кончик ‖ острие кинжала
(s.) the point of a dagger

melçʌɡ̣er x̣əʃem ɪakʁ ɪəteu makʁ
хромая овца сзади отары (находясь) идет
(mels̲ak̲er ɡ̣əɯem yaṭe yəteʷ maḳ̣e)
the lame sheep goes (being) behind the big herd (of sheep)

ɪakʁ çətm ɪeuəpçy
последним стоящего спроси
(yaṭe s̲əəəm yeʷəps̲)
ask the behind standing [man]

psəkʁ (ɸsəṭe) (с.) конец воды, паводка, половодья
(s.) the end of a high-flood, high-water

psəper zerək̲em psəkʁr ɪəreuk̲ʁ (psaɻeẓ)
начало [полой] воды по какому пути идет, конец [полой] воды по тому же пути идет (посл.)

*) См. стрн. 75
See p. 75

(ɸsəɸer zerəqˌem ɸsəṭer yərɐˈqˌe)
what way the beginning of the high-flood goes, the end of the high-flood the same way goes (prov.)

ɐxˌem ɪəkɐr qˌaʔem qədəhaqem ɪəgərəɪ
стада конец в селение не вошел еще
(ɾeqˌem yəṭer kˌaɹem kədəħakem yəgərəy)
the end of the herd has not yet entered the village

ɹekɐ (с.) конец года
(ǧeṭe) (s.) the end of the year

məmazem ɪəperəɪ ɪəkɐrəɪ uewbaneure qˌaç
начало и конец этого месяца в дождях (дождливыми) прошли
(məmazem yəɸerəy yəṭerəy ˈevbaneˈre qˌasˌ)
the beginning and the end of this month have expired (rainy) in many rains

meuʃəm qˌekɐdaxe ɪəeç
у вот-той лошади красивая походка (способ ходить)
(meˈšəm qˌeṭedaɾe yəɾesˌ)
yonder horse has a beautiful manner (way) of going

meubə çətəkɐeɪ ɪəeç
у него дурная манера [держать себя]
(meˈbə̀ sˌəðəṭeɾey yəɾesˌ)
he has a bad behaviour || bad manners

(гл.) [лей, поливай]
(v.) [pour!]

teɪkɐ (гл.) поливай на, сверху на (переход.)
(ðeyṭe) (v.) pour on, from above on! (trans.)

ɪəɐm psə teɪkɐ
на его руки воду полей
(yəɾem ɸsə ðeyṭe)
on his hand [some] water pour

dekɐ (гл.) лей между
(deṭe) (v.) pour between!

marʃənem daɹe dekɐ
в машину масло лей
(marɯənem daǧe deṭe)
into the engine [some] oil pour

ɪəkɐ (гл.) лей в (полость)
(yəṭe) (v.) pour into (a cavity)!

qˌəbjanm psə ɪəkɐ
в кумган*) воду налей
(kˌəbǧànəm ɸsə yəṭe)
into the kumgan*) [some] water pour

çɐkɐ (гл.) лей под, снизу по; поливай
(sˌeṭe) (v.) pour under, from below on!; water a plant!

ʔəǧm psə çɐkɐ
дерево водой поливай
(jə̀ɣəm ɸsə sˌeṭe)
water the tree

kʁ (ṭə || qə) (с.) ручка (орудия), черенок (ножа)
(s.) handle (of an implement); handle of a knife

ɾxaçɐm beɪlm kʁ fɐɪɬhe
плотник в железную лопату ручку вдевает
(ɸqasˌem bə̀yləm ṭə feyɬħe)
the carpenter puts the iron spade on the handle

*) Род кувшина с длинным носиком, употребляемого для омовения.
Kind of a jug with a long beak used for ablution.

(гл.) растй, вырастай (непереход.)
(v.) grow! (intrans.)

ʔəɧ meky
дерево вырастает
(jəγ meṭ)
a tree grows

[выходи; сходи, слезай]
[go out!; alight!]

gəm qəıky
слезай с подводы
(gəm kəyṭ)
alight from the cart

uənem qəçeky
из комнаты выходи
(ʿənem kəs̱eṭ)
gó out from the room

ke (ʔe ‖ qe) — (с.) селезенка (s.) milt, spleen

cʁx̱m ıəker meuəz
у человека селезенка болит
(tə̀ɧəm yəʔer meʿəz)
the man has a milt-ache

kə (ʔə ‖ qə) — (с.) хворост; хворостина (s.) brush-wood, dry branches; twig

eləı mezm kə qəreıʃ
Али из лесу хворост привозит
(eləy mèzəm ʔə kəreyш)
Ali brings dry branches out of the wood

ıe (ye) — (пр.) неблагоприятный, несчастный, дурной (ad.) unfortunate, bad

vex̱ʁ ıem x̱eḵaç
дело дурной ‖ неблагоприятный [оборот] приняло
(ʔè̀ɧər yem ɧeḵas̱)
the business got an unfortunate ‖ bad [turn]

восемь раз
eight times

se ıe bʔesʌç
я 8 раз тебе говорил
(se ye bjesʔas̱)
I have told thou eight times

(гл.) мажь, обмазывай (стены строений) (непереход) (v.) coat (the building-walls)! (intrans.)

meufəzxer neube maıe
вот-те женщины сегодня мажут ‖ обмазывают
(meʿfəzʁer neʿbe maye)
yonder women coat to-day

ıə (yə) — (с.) напилок, напильник (инструмент для стачивания) (s.) file (instrument for filing)

təḵenteısm ıə ıeçe
лавочник напилки продает
(ʒəq̱enʒè̀ysəm yə yes̱e)
the merchant sells files

(ч.) восемь (n.) eight

sɐ məɐrəsəɪ qesçexˌaç (sɐ məɾərəsəy kessˌebasˌ)
я 8 яблок купил I bought eight apples

(гл.) мажь, обмазывай (стены строений) (переход.)
(v.) coat (the building-walls)! (trans.)

fəzm uəne ɪeɪ
женшина дом обмазывает
(fəzəm ʷəne yey)
the woman coats the house

ɐ ɑ̈ (ɾe) кисти рук; кисть руки; руки; рука (от плечевого сустава до кисти включ.)
hands; hand; arms; arm (from the shoulder-joint to the hand inclusively)

ɐnʃe (ɾenɯe) безрукий; однорукий
armless; one-armed

ɐble (ɾeble) кисть и предплечье, часть руки от конца пальцев до локтя
hand and forearm; the part of the arm from the finger-end to the elbow

ɐgˌ (ɾegˌ) ладонь
palm of the hand

ɐçhe (ɾesˌħe) верхняя (тыловая) поверхность кисти
upper (hind) surface of the hand

ɐpe (ɾeɸe) кончик кисти (при выпрямленных пальцах)
the extremity of the hand (when the fingers are stretched)

xaɯeɐkɐ ʃəpsane uəməpçɐ
чужими руками крапиву не выдергивай
(ħemeɾeɬe ɯəɸsane ʷəməpsˌe)
do not pull out nettles with foreign hand

çʌlem ɐ ɪəɐqem
у парня руки || рук нет
(sˌalem ɾe yəɾek em)
the lad has no arm || arms

[e] [ₒ] [ʷe] (м.) [тот (невидимый говорящему)] (употребляется препозиционально)
(pr.) [that (invisible to the speaking person)] (used prefixably)

er (м.) он
(pr.) he

ebə там
(ebə̀) there

er ebə zə xˌeχˌənqem
это (букв.: то) ему причиной не послужит
(er ebə̀ də ħeqˌə̀nkem)
this (literally: that) will not serve him as a reason

er xet?
кто он? || кто это? (о неприсутствующем)
(er ħeð?)
who is he? (about an absent person)

Указатель русских значений

А.

Арба gə.

Б.

Баз ve.
баран-производитель tʁ.
беги, убегай (о человеке), скачи (о четвероногом) ʔe;[ʔə].
бедро k̫e.
бей ue.
белый [x̫ə].
бери çte.
бери, вынимай [xə].
бзди [qˌʁ].
благоденствуй, живи в довольствии txe.
бог the.
болтай ve.
большой, крупный [ʃx̫e].
брат, *однофамилец, *сородич [ʃə].
бросай zə.
будь! çə;x̫ə.
будь мужчиной, будь молодцом lʁ.
буланый? (о лошадях) tx̫e.
бык, вол wə.

В.

Валяй ногами сукно, топчи сукно x̫e.
варись we.
вдевай, суй [uə].
веди ʃe.
вези ʃe.
вей веревку çə.
веко [pɐ].
верх, верхушка çhe.
вершина çhe.
ветерок, дуновение ẓə.
взрослый [ʃx̫e].
вид fe.
вода psə.
води, разводи x̫ə.
возвышенность bƀə.
возделывай, сей çɐ.
воздух ẓə.
войско ze.
вол wə.
волос, волоса cə.
восемь lə.
восемь раз le.
воспитай pʁ.
вошь cɐ.
время [ƅe].
вскапывай (огород) tɐ; tʁ.
втыкай, суй (о твердом предмете) [və].
вы fe.
выходи, слезай [kʁ].
вялься, сушись ƅə.

Г.

Гадь [cɐ].
глаз ne.
глава семьи çhe.
гнить, загнивай fə.
год, время года je.
голова çhe.
головка лука, луковица çhe.
гони x̫ə.
гора bƀə.
гори, свети ble.
град ue.
греби, отгребай tx̫e; tx̫ə.
грудь bje.

Д.

Дари; отдавай te; tə.
два [tʁ].
дверь bʔe.
двигайся k̫ɐ; [he].
девять bƀə.
девять раз bƅe.
делай, исполняй, совершай çɐ.
делай, изготовляй çʁ.
делайся x̫ə.
дерево, как материал, строительный лес pxe.
дери, царапай txə
десять pçʁ.
десять раз pçɐ.
дно çɐ.
добрый fʁ.
дожидайся [ẓe].
дои! ʃə.
долби bze;bzə.
долина горная qˌe.
долото bzə.
дочь px̫ə.
дрова pxe.
дуй [pçe].
дуйся, надувайся, раздувайся [pçə].
души, задуши lʁ.
душа, одушевленность pse.

Е.

Езжай, иди k̫ɐ; [he].
ежжай, отправляйся [ẓe].
ешь, кушай ʃxe; ʃxə.

Ж.

Жаль! ue.
жарься ẓe.
жги, обожги ẓe.
жги, прожигай (отверстие) lə.
жизненная сила, одушевленность pse.
жни xe; xə.

З.

Завяжи pxe.
загрызи, задери lʁ.
зад, задний kɐ,

задница рхе.
заквашивайся закисай (о молоке) рсɐ.
замерзай ɕtə.
запах me.
заряд ʃe.
затылок, задняя сторона головы [рхе].
земля ɕɐ.
земля бесплодная [qə].
земля под посев [pqe].
зерно хлебное [зе].
знай ɕɐ.
зови, объявляй ge.
зуб зе.
зубри, точи (серп, пилу) pkɐ.
зуди ʃхе.

И.

Иди, уходи, уезжай [he]; kɐ.
извещай, кричи во всеуслышание ge.
издыхай lɐ.
имя cɐ.
испражняйся, гадь cɐ; cɐ.
исток реки ɕhɐ.
итак ntɐ.

К.

Кашляй pske.
кизил (плод) ze.
кисть проса ɕhe.
кисть руки ɐ.
кладбище qɐ.
клади [ɻhe].
клей, приклеивай ʃхе.
клюй [və].
князь pɕə.
кожа fe.
колись, раскалывайся ɾə.
колос ɕhe.
конец kɐ; [pe].
конец, верхний (по течению) селения pɕe
конец задний, дальний (земельного участка), нижний (по течению) селения [kɐ].
конец задний, дальний (сапетки) [рхе].
конец передний, ближний (земельного участка) [pe].
копай tɐ; tɐ.
копыто [bẓe].
косточка плода [pqə]
кость [pqə].
кочкарь tɐ.
край режущий (лезвия) зе.
крась le.
красный [plə].
кричи во всеуслышание ge.
кровь ɻə.

крои bze; bzə.
крой, накрывай [pɐ].
крой крышу растительным материалом bɻe.
крыша ɕhe.
кубок жениха bẓe.
кукурекай ve.
купайся [pskɐ].

Л.

Лежи, находись в лежачем положении [ɻə].
лей, поливай [kɐ].
лопайся, раскалывайся ɾə.
лошадь ʃə.
ляшка kˌe.

М.

Масть (скота) fe.
масло животное tɤˌə.
материал (вообще) рɤ e.
мерь сыпучие тела pɕə.
меси pɕə.
место pɐ.
могила qɐ.
молодец lɐ.
молодой ɕɐ.
молоко ʃe.
молоко кислое, квашеное, молоко для закваски ʃɤˌə.
молоти ve.
морковь рхə.
мошонка самца ƀe.
муж lɐ.
мужчина lɐ.
мы de.
мясо lə.

Н.

На (возьми)! me.
набивай ватой, соломой [kˌe].
набивай мукой qˌə.
нагревайся plə.
надувайся, дуйся [pɕe]
наконец ze.
нападай [ue]
напилок, напильник ə.
напяливай, натягивай ɪ kˌe.
начало (пространства; времени) pe; ɕhe.
неблагоприятный, несчастный ɪe.
не двигайся ɾə.
неси [he]; hə.
нижи, нанизывай ble.
нижняя часть [рхе].
новый, свежий ɕɐ.
нога ɻe.
нож se.
нора ƀe.
нос pe.

О.

Обалдей, остолбеней qə.
облако pʃe.
обмазывай стену глиной ɪe; ɪə.

обрабатывай землю ручным способом — tɛ̈; tɐ̈.
обрыв, яр — bʲə.
объявляй, кричи во всеуслышание — ge.
один — zə.
один раз, однажды — ze.
одушевленность, жизненная сила — pse.
окраска — fe.
орел — bje.
орех — de.
оставайся — [ne].
остов дома — pqə.
остолбеней, растеривайся — qə.
острие, кончик — pe.
острие, режущий край лезвия — ze.
отверстие (вообще) — və.
оттаивай — wə.

П.

Паси — xᵒe; xᵒə
пасть — ʒe.
патрон — ʃe.
паши — we.
пей — [fe].
пекись — ʒe.
перевязывай, накладывай повязку при переломе — ʃxe.
перед, передний — pe.
передний конец, острие — [pe].
перекресток (дорог) — [ɕhe].
пиши — txe; txə.
плавай — [sə].
плавься о металле — tkᵊɐ.
плачь — jə.
плети аркан — ɕə.
плети круглый шнур — ue.
плети тесьму — ɕe.
плети плетень — xᵒə.
поверхность (земли) — [le].
подвода, экипаж — gᵒə.
позвоночный столб — txə.
ползи, пресмыкайся — pɕə.
поли, выдергивай сорную траву, тяпай (мотыгой) — pɕɛ̈.
половые органы (вообще) — ftə.
положи — [lhe].
пора — [ɻe].
портись — fə.
почва — ɕɐ̈.
поясная часть тела, талия — bʲə.
правь, зубри (серп, пилу) — pkɐ̈.
праздничный (день), праздник — [ɕhe].

предплечье, часть руки от кистевого до локтевого сустава — ble.
прей (о зерне) — plə.
привязь, шнур (цепочка) — psə.
причина — zə.
причитай по умершему — bʔe.
продавай — ɕe.
проклинай — bʲe.
промокай — fə.
просо (зерно) — xᵒə.
проходи, пройди (что) — kᵊɐ̈.
пружина — bze.
прут, хворостина — kə
прыгай — pkɛ̈.
пряди нить — ge; gə.
пугайся — ɕte.
пуля — ʃe.
пчела — bʒe.
пять — txᵒə
пять раз — txᵒe.

Р.

Раз — ze.
раздувай, дуйся — [pɕə].
ранний — ʒə.
раскаливайся (о металле) — plə.
раскатывай тесто — xᵒə.
расти, вырастай — kɐ̈.
режь тесто зубчатым колесиком — pkɐ̈.
река — psə.
ремень — ɬe.
речь (язык) — bze.
рог — bʒe.
рожай, роди — lxᵒe.
роись (о пчелах) — [pɕɐ̈].
рой, копай — tɛ̈; tɐ̈.
рот, пасть — ʒe.
рот, отверстие, рот-полость — və.
рука — ɛ̈.
ручка, древко орудий — kɐ̈.
рушь (пшено) на толчее — gᵒə.
рыжий (масть скота, цвет глаз, волос) — ɻe.

С.

Сало сырое нутряное — ɕe.
самец — xᵒə.
самка — bzə.
самка домашних животных необгуленая — bje.
сани — [ʒé].
сваливайся, скатывайся (о войлоке) — pcɛ̈.
свежий — ɕɛ̈.
свертывайся (о молоке) — pcɛ̈.
свети — ble.
светлый (пятна в масти скота) — [xᵒə].
свинья — qᵒɛ̈.

связывай (живой об'ект) рхə.
седалище, задница рхе.
седей, седой тхₒə.
сей!, сажай se.
сей вразброс (К.) рхə.
сезон, время года je.
селезенка ke.
семь blə.
семь раз ble.
сердце gₒə.
сердцевина kₒə.
середина kₒə.
серый (масть круп. рогатого скота, цвет глаз) çхₒе.
сеть рыболовная, сеть для очистки зерна хə.
сиди, находись в сидячем положении [sə].
скармливай скотом, вытолачивай хₒе; хₒə.
скачи, беги вскачь (о четвероногом) ʔе.
скорлупа яйца [рв].
смотри plе.
собака he.
совершай, исполняй çв.
соглашайся dе.
*сородич, брат [ʃə].
соси [fe].
сохни, засыхай þə.
спей, зрей хₒə.
спина (верхняя часть) plв.
спина ниже талии рхе.
спица колеса [зв].
способ [kв].
спускайся, опускайся [хə].
срок [þе].
становись çə; хₒə.
старый zə.
стебель [pqə]
сто, сотня çе.
стой, находись в стоячем положении [tə].
стой смирно, не двигайся ʔə.
сторона дома, короткая [рхе].
стрела ʃе.
стриги овец çə.
строй çя.
стреляй ue.
ступня lе.
стынь, застывай (о масле, металле) ʔə.
суй, вдевай, втыкай (о тверд. предмете) [uə]. [və].
сухожилие хₒе.
сучи нить ge; gə.
сушись (впрок), вяльсь þə.

считай (безоб'ектно) bʔе.
считай, сосчитывай bʔə.
сын qₒе.

Т.

Тай wə; tkₒя.
так, таким образом ntв.
талия bþə.
теленок ʃкв.
тело lə.
телосложение pqə.
тетива лука bze.
тки сукно çе.
толки пшено gə.
топись, растапливайся (о масле, сале) tkₒя.
тот (невидимый говорящему) [e].
точи, зубри (серп, пилу) pkя.
точи острие lə.
точи, отбивай косу [və].
точи, стачивай напильником хₒе.
три, трое (числительное) çə.
три раза çе.
туловище pqə.
туча pʃе.
туша целая bþе.
ты ue.
тяпай (мотыкой), поли pçв.

У.

Ударяй ue.
уезжай, уходи kₒв
уздечка ʃхₒе.
укатывай ток ue.
умирай lв.
уставай от движения, запыхивайся pçə.
уставай от работы на месте [ʃə].
устье реки [pe].
ушко иглы [ne].
ушелье qₒе

Х.

Хватай рхₒе.
хворост, хворостина kə.
хвост kв.
хороший fя.

Ц.

Царапай, дери тхə
цвет глаз, волос; цвет (вообще) fe.
цеди, процеживай zə.
цена pçв.

Ч.

Черенок ножа kя.
четыре plя.
четыре раза plв.
чешись, зуди ʃхе.
чеши, причесывай волосы zə.
чеши шерсть рхе; рхə

чисть кукуруз-
ные початки tx ə.
чихай [psə].

Ш.

Шей də.
шей обувь çɐ.
шерсть cə.
шесть xə.
шесть раз xe.
шея pçe.
широкий bɻe.
шкура fe.
шляпа подсол-
нуха çhe.
штампуй кожу pkɐ.

Э.

Этот (ближайший к говорящему видимый) [mə].
экипаж gə.

Я.

Я se.
яблоко дикое mə.
язык (речь) bze.
яйцо [kɐ].
ярмо bzə.
ячмень (зерно; растение) he.

Index of English meanings.

A.

After all, at last zė
agree!, consent! de
air ʐə
animation pse
announce! inform! ge
arba gə
arm ɐ
army ɜe
arrow ʃe
attack! [ue]
authoritative man çhe
await!, expect! [ʐe]

B.

Back (s.), back kɐ
back (upper part) plɐ
back below the waist, and buttocks pxe
back bone txə
back part of the head [pxe]
bad ɪe
ball ʃe
barley he
bathe! [pskɐ]
bear!, be delivered! ɭx.e
beat!, strike! uə
be! çə; x.ə
be a man!, be a brave man! lɐ
be baked! ʐe
be benumbed!, be stupefied!, lose yourself! qə
be boiled! wə
be drenched fə
be dried!, get dry! ɻə
be roasted!, roast! ʐe
be rolled up (of felt)! pcɐ
become! x.ə
bee bzɐe
beginning (of a high-flood) [pe]
beginning (of space, of time) pe; çhe
being behind, hind, last kɐ
bewail a dead man! bʔe
big [ʃx.e]
blaze! plə
blood ɭə
blow! [pçe]
body lə; pqə
bone [pqə]
bottom (of vessels) çɐ
bow-string bze
break!, crack! ʔə
breast bje
breeze, blowing ʐə
bridle ʃx.e
bring up! pɐ
broad bɻe

brother having the same family name [ʃə]
brush-wood, dry branches kə
build! çɪ
bulb çhe
bull, gelted ox wə
burn!, light! ble
burn round!, scorch! ʒe
burn!, burn through (an opening)! lə
burrow, hole ɟe
butter tx,ə

C.

Calf ʃkɛ
call! ge
calve!, foal! lx,e
carcass bɟe
carriage gə
carrot pxə
carry! [he]; hə
cart gə
cartridge ʃe
cause, reason зə
cemetry qɛ
chain [psə]
chest bje
chief, president of the soviet çhe
chisel! bзe; bзə
chisel bзə
cloud pʃe
coagulate! ʔə
coat the wall, with clay! ıe,ıə
colour of animals of eyes, of hair; colour, (in general) fe
comb! ʒə
comb (the wool)! pxe; pxə
commander in chief çhe
congeal!, freeze! çtə
constitution pqə
core k,ə
cough! pske
count over! bʔə
count (without any object)! bʔe
cover! [pɛ]
cover the roof with vegetative material bje
crab-apple mə
crack! [qɪ]
cram!, fill! (with flour) q,ə
cram!, fill! (with straw, wadding) [k,e]
creep! pçə
crossing (of ways) [çhe]
crow! ve
cultivate the earth with hands! tɛ; tɪ
cup of the bridegroom bʒe
curdle! pcɛ
curse! bɟe
cut out! bze; bzə
cut the dough with a toothed wheel! pkɪ

D.

Daughter px,ə
decant!, filter! zə
defile q,e
descend! [xə]
die!, expire! lɛ

dig up (the kitchen-garden)!; dig! tɛ; tɪ
dig aside! (e. g.: snow) tx,e; tx,ə
do! perform!, exercise! çɛ
dog he
don't move!, stand buiet! ʔə
door bʔe
drink! [fe]
drive! ʃe
drive away! x,ə
dry branch, twig kə
dye!, paint! le

E.

Eagle bje
ear (of corn) çhe
early ʒə
earth çɪ
eat! ʃxe; ʃxə
edge, point pe
edge, cutting edge (of the blade) зe
egg [kɛ]
eight ıə
eight times ıe
end kɛ; [pe]
end; far, back end (of the corn store, of land) pxe
end; fore, near end (of land, of the village) [pe]
end; higher end (of the village) [pçe]
end; hind far, lower end (of land, of the village) [kɛ]
eye ne
eye (of a needle) [ne]

F.

Female bzə
female of domestic animals unimpregnated bje
ferment! pcɛ
fetter!, bind a living object pxə
field for sowing [pqe]
file ıə
file! x,e
fire-wood pxe
five tx,ə
five times tx,e
fold ve
foot, ball of foot le
forearm ble
fore end, point [pe]
fore part, front pe
foul!, go to stool! cɛ; cɪ
four plɪ
four times plɛ
freeze! çtə
fresh çɛ
full the cloth! x,e
fuse! thaw!, melt! tɛ,ɪ

G.

Gallop!, run in gallop! (about a quadruped) ʔe
get wet!, be drenched! fə
give (a pasturage)!, pasture! x,e; x,ə
glue! ʃx e

go! [he]; kɐ
go away!, part! [ʒe]
go out! [kɐ]
go to stool!, shit [cɐ]; cɐ
god the
good fɐ
grain of cereals [ɜe]
grave qɐ
gray?, light bay? (colour of horses) tx̥e
gray (colour of large-cattle, of eyes, colour in general) çx̥é
gray, white (of hair) tx̥ə
gripe!, grasp! px̥e
ground çɐ
grow! kɐ
grow hot! plə
grow gray! (of hair) tx̥e
grow tired (from moving)!, pant! pçə
grow tired (from work at a place)! [ʃə]
grown up [ʃx̥e]

H.

Hack the weeds with a hoe! pçɐ
hail ue
hair, one hair cə
hand [ɐ]
handle of an implement, of a knife kɐ
haunch k̥e
head çhe
head (of the family) çhe
heart gə
height, mountain bʒə
hide fe
hip k̥e
hoof [bʒe]
holiday [çhe]
horn bʒe
horse ʃə
hundred çe
husband lɐ
hyrse x̥ə

I.

I se
itch! ʃxe
inform! ge

J.

Jaws ʒe
jump!, spring! le; pkɐ

K.

Kernel (of a fruit) [pqə]
kind fɐ
kinsman [ʃə]
knead! pçə
knife se
knight pçə
know! çɐ

L.

Land çɐ
language bze
lead! ʃe
leader, director çhe
leather fe
leg le
lice, louse cɐ
lid [pɐ]
lie!, be lying! [lə]

light(colour of spots of cattle) [x̥ə]
light bay? (of horses) tx̥e
live in joy!, thrive! txe
look! ple
look fe

M.

Make!, make ready! çɐ
male x̥ə
man, a brave man lɐ
manner, way [kɐ]
materials (in general) pxe
measure (dry substances)! pçə
meat, flesh lə
medlar ze
melt!, thaw!, fuse! k̥ɐ
middle k̥ə
milk ʃe
sour milk ʃx̥ə
milk! ʃə
millet (corn) x̥ə
milt, spleen ke
mountain bʒə
mouth, jaws ʒe
mouth, cavity of a mouth və
mouth (of a river) [pe]
move! k̥ɐ; [he]

N.

Name cɐ
neck pçe
net (for fishing) xə
new çɐ
nine bʒə
nine times bʒe
nose pe
nut (fruit) de

O.

Old ʒə
once, one time, ze
one zə
opening (in general) və

P.

Pant! pçə
pasture! x̥e; x̥ə
pass! k̥ɐ
peck! [və]
perform!, exercise çɐ
pericarp of a sunflower çhe
pig q̥ɐ
place, spot pɐ
plait a hurdle! x̥ə
plait a lace! çe
plait a lasso! çə
plait a round string! ue
plough! we
pluck out weeds! pçɐ
point pe; kɐ
posteriors pxe
pour!, water! [kɐ]
power of life pse
present!, give in property! te; tə
price pçɐ
pull over! k̥e
put! [lhe]
put in!, stick!, thrust! [və]
put in!, thrust! [uə]
put a band!, bind! ʃxe

R.

Ram-producer	tɯ
ray	[psə]
reap!	xe; xə
red	[plə]
reddish, red	ɲe
remain!	[ne]
ripen!	xˌə
river	pse
riverhead	ɕhe
roll the corn-floor!	ue
roll the dough!	xˌə
roof	ɕhe
rot!	fə
rot (of grain)!	plə
run!, run away!	[ʔə]
run away (about a person)!, gallop away (about a quadruped)!	ʔe

S.

Scrape aside!	txˌe
scratch!	txə
scrotum	ȵe
season	je
seize!	pxˌe
sell!	ɕe
set to work!, undertake the business!	ɕɯ
seven	blə
seven times	ble
sew!	də
sew shoes!	cɯ
sexual organs (in general)	ftə
sharpen!, jagg! (a scythe, a sickle)	pkɯ
sharpen the blade!	l̩ə
sharpen the scythe!	[və]
shear (the sheep)!	ɕə
shell (of a house)	pqə
shell (of eggs)	[pɐ]
shell (ears of corn)!	txə
shit!	[cɐ]; cɯ
shoot!, fire!	ue
short side of the house	[pxe]
sinew	xˌe
sit!, be seated!	[sə]
six	xə
six times	xe
sledge	[ʐe]
smell, odour	me
smooth!, roll the corn-floor!	ue
sneeze!	[psə]
so	ntɐ
soil	ɕɯ
son	qˌe
soul	pse
sow!, plant!	se
sow with dispersion! (K)	pxə
spine, backbone	txə
stand quiet!, don't move!	ʔə
spin!, twist a thread!	ge; gə
spleen	ke
spoke of a wheel	[ɜɐ]
spring	bze
stamp (roasted hyrse, maize)!	gˌə
stamp the leather!	pkɯ
stand!, be standing!	[te]
startle!, take fright!	ɕte

steep, precipice	bȵə
sterile land	[qə]
stew!, rot (of grain)	plə
stifle!, worry!	lɯ
sting!	ue
strap	fe
strike!	ue
string!, thread!	ble
string	[psə]
suck!	ɹe-fe
summit, top	ɕhe
surface (of the earth)	[l̩e]
swarm! (about bees)!	[pɕɯ]
swell!	[pɕə]
swim!	[sə]

T.

Tail	kɐ
take!	ɕte
take it!, there!	me
take out!, take!	[xə]
talk nonsense!	ve
tallow	ɕe
tear!	txə
ten	pɕɯ
ten times	pɕɐ
term, time	[ɲe]
testicle	ȵe
time	[ɲe]; ze
tie	[psə]
tie up!	pxe
that (invisible to the speaking person)	[e]
thatch!, cover!	bje
thaw!	wə; tkˌɯ
thaw away!, thaw off!, thaw!	wə
thigh	kˌe
this (the nearest to the speaking person visible)	[mə]
thou	ue
thrash!	ve
thread (a needle)!	ue
three	ɕə
thrice, three times	ɕe
throw!	ɜə
thus	ntɐ
twig	kə
tooth	ɜe
twist a string!	ɕə
twist a thread	ge; gə
two	[tɯ]

U.

Unfortunate	ɹe
unimpregnated (female cattle)	bje

V.

Valley, mountain valley	qˌe
vehicle	gˌə

W.

Waist, waist part of the body	bȵə
water	psə
we	de
weave cloth!	ɕe
weed!, pluck out weeds!	pɕɐ
weep!	jə
white	[xˌə]
wood (as material), timber	pxe
wool	cə
write!	txe; txə

Y.

Year	je
yoke	bzə
you	fe
young	ɕɐ

Оглавление
Contents

Введение III

Introduction L

Кабардино-русско-английский словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога с примерами из живого языка 3

Kabardey-Russian-English dictionary of monosyllabic root words and monosyllabic roots of the open syllable type with examples from the living language 3

Указатель русских значений 116

Index of English meanings 125

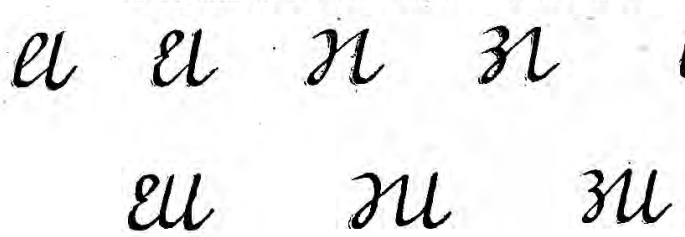
Таблица транскрипционных и алфавитных соответствий 134

Table of transcriptional and alphabetical correspondences 134

Курсивные начертания к проекту практического алфавита Н. Яковлева.
Italic letters to the project of N. Iakovlev's practical alphabet.

Кроме того употребительны следующие сочетания:
In addition to this following combinatons are used:

Н. ЯКОВЛЕВ. Материалы для кабардинского словаря выпуск I.

N. IAKOVLEV. Materials for the kabardey Dictionary fasc I.

4644
23-III-1928

Важнейшие опечатки и исправления:
Prinsipal errata et corrigenda:

Стран.: page:	Строк.: line: св.: above:	сн.: below:	Напечатано: printed:	Следует читать: read:
XXVII		7	(конца)	(хвоста, конца)
XXXII	[2])	6	tкᵥə	txᵥə
XL	13		qy‖q;	qy‖q; qʏ‖qʏ;
L	3		(LV)	(LIV)
„	4		(LXIV)	(LXIX)
„	5		(LXX)	(LXXXII)
„	„		(LXXIII)	(LXXXIV)
LXXV		6	(the end)	(the tail, the end)
LXXXIV	*)	2	pplication	application
3	3		çeu	çeuu
„	7		„	„
„	5		sᵥeᵇ	sᵥeᵇᵇ
„	10		„	„
5	10		for	net for
„		8	þəkem	þəkem
„		4	þəkeг pxaxᵥeke	þəkeг pxaxᵥeke
„		1	standing	standing (with a file)
6	13		iaķᵥedç	iakᵥedç
„		10	(ḳᵥaḳᵥə)	(ḳᵥaḳᵥe)
7	2		вай	вай; разводись, водись
„	4		feeding!	feeding!; breed!

Стран.: page:	Строк.: line: св.: above:	сн.: below:	Напечатано: printed:	Следует читать: read:
7	5		ʔemxemkʁ	ʔemxemkʁ
„	7		jemɬəmtẹ	jemɬemtẹ
„	10		ıajeq̣	ıajex̣
„	13		(ʕedəɣem	(edəɣem
„		7	qəpakrəı	qəpakrəı
8	9		ʒq̣ə	ʒɬə
10	7		ɟʁ	fʁ
„	17		kəss„eɬas„	kess„eɬas„
„		12	hide	pelt, hide
„		10	qəçex̣aç	qəıçex̣aç
„		8	kəs„eɬas„	kəys„eɬas„
11	8		fə	fe
18	11		death	death!
„	13		carnivora)	carnivora)!
„		2	deydey	dəydey
19		16	an opening	a hole
„		7	through	[through]
20	2		balls of feet; ball of foot; feet;	feet;
„	15		foot plant	foot
„		12	meuz	meuəz
26		16	qəsçex̣aç	qesçex̣aç
„		14	kəss„eɬas„	kess„eɬas„
28		18	земля;	земля; участок земли;
„		16	land	(piece of) land
29		15	(ʕake	(vake
„		8	state in	state from the
30		2	qəḍèqzəm	qəḍèbzəm
32	4		ḫèʒəm	ḫ̣èʒəm

Стран.: page:	Строк.: line: св.: above:	сн.: below:	Напечатано: printed:	Следует читать: read:
32		14	black-cattle	large-cattle
33		7	the roof;	roof;
35	7		ıaпəḳaç	ıaпəkʌç
„	8		предвдителя	предводителя
„		11	yeḍendes„ənʕe ḳas„	yeḍendes„əneʕ ḳas„
36	5		замерзай (о жидкости)	замерзай
„	6		fréeze! (of liquid)	freezé!
37	9		about)	(about
38	13		məʃem	məçem
„	15		s„aḳem	s„aḳem
42	3		qəçex̣aç	qəıçex̣aç
„	5		kəs„eɬas„	kəys„eɬas„
„		9	(till one year's age)	(up to one year)
43		6	q̣ʁhkʁ	q̣əhkʁ
46		16	reap	reap!, cut down!
47	на полях: on the margin:		xə-x̣ə-x̣ə	xə-x̣e-x̣ə
„	4		neqəʒàm	neqèʒəm
„	14		(corn)	(grain)
„	17		kəss„eɬas„)	kess„eɬas„)
49	6		wattle!	plait (a hurdle)!, wattle!
„	8		hedge	hurdle
„		10	⟩	⟩́
50	13		red dish	reddish
„		4	qəsçex̣aç	qesçex̣aç
„		2	kəss„eɬas„	kess„eɬas„
51	2		хай;	хай; иссыхай, отсыхай (о членах тела)

— 4 —

Стран.: page:	Строк.: line: св.: above:	сн.: below:	Напечатано: printed:	Следует читать: read:
51	5		get dry!	get dry!; wither (of joints of the body)!
„	15		(corn;	(grain;
„		8	и с хорошей	с хорошей
53		10	)ᶜe)	(ᶜe)
„	снос		стран. 5	стран. 15
„	sub *)		p. 5	p. 15
54	4		a bad	bad
„		13	corn floor	thrashing floor
54		8	corn floor	thrashing floor
55	6		уларяй,	уларяй;
59		13	qərəʃəʒaç?	qərəıʃəʒaç?
60	16		φəyᶜəp̄s̲ₐasₐ	φəyᶜəp̲s̲ₐasₐ
61		3	fore-arm,	fore-arm, foreshulder
62	4		yebler	yəbler
63	3		bẓəm	bẓən
64		10	«bẓə»	«bẓe»
78		„	φḍ̥ey	φḍ̥ey
80	3		φsəḍ̥əreym	φsəḍ̥əreym
82	6		mel̥	mep̥
87	14		əty	вот-ту
„	„		this	yonder
„		11	этого	вот-того
„		„	this	yonder
88	3		q̄alem	qalem
89	„		cəx̥ₒxer	cəx̥ₒxer
90	18		bdamte	bd̆amte
91	7		h̥əm	h̥əm
94	5		tx̥ₒə	tx̥ₒə

— 5 —

Стран.: page:	Столбец	Строк.: line: св.: above:	сн.: below:	Напечатано: printed:	Следует читать: read:
96		16		ʃk̥ₒɛulm	ʃk̥ₒɛulm
„			14	k̥ₒя	k̥ₒя
„			13	ḳₒə	(ḳₒə)
97		1		qəçex̥ₒaç	qəıçex̥ₒaç
„		3		kəs̲ₐeɬasₐ	kəys̲ₐeɬasₐ
„			2	h̥ə̀zər	h̲ə̀z̲ər
99			9	qem	q̣em
103			13	de	ḋe
104			2	der	ḋer
106			18	(ᶜelerəbğəm	(elerə̀bğ̣əm
„			16	vяcɛ	vəcɛ
107			12	mage	maḍe
108		17		yəter	yəṭer
109			4	zerəkₒɛm	zerəkₒɛm
„			„	ıəreukₒɛ	ıəreukₒɛ
110			15	kₒɛkɛdaxe	kₒɛkɛdaxe
115		2		выдергивай	выдергивай (погово-вор.)
„		4		hand	hand (idiomatical expression)
116	1		1	tx̥ₒe	tx̥ₒe
„	2		16	води, разводи	водись, разводись
118	1		7	çhɛ	çhe
119	2	16		ə	ıə
120	„	8		плавься о	плавьс́я (о
122	„		5-7	суй, вдевай, [uə] втыкай (о тверд. предмете) [və]	суй, вдевай [uə] суй, втыкай (о тверд. предмете) [və]
125	„	5		wə	we

Стран.: page:	Столбец	Строк.: line: св.: above:	сн.: below:	Напечатано: printed:	Следует читать: read:
126	1	2		name	name; *kinsman
„	„	11		(aɳ opening)	(a hole)
„	„		14	cemetry	cemetery
127	„	7		buiet	quiet
„	2		15	cɛ;	[cɛ];
128	„		„	kinsman	*kinsman
„	„		12	knight pçə	
129	1		20	kₒя	tkₒя
„	„		8	move! kₒя; [he]	
„	2	добавь: add:	5		prince pçə
130	„	8		pse	psə
„	„		5	cя	çя
„	„		1	scythe	file
„	2	6		of corn	of Indian corn
„	„		5	(roasted	(millet;
„	„		2	[te]	[tə]
131	1	10		ıe-fe	[fe]

Кроме того в алфавитный порядок словаря вкрались следующие погрешности:
Besides following faults have slipped into the alphabetical order of the Dictionary:

Слова: the words:	перенести со стр.: transfer from the pages:	на стр.: to the page:	после слов: after the words:
lɛ, lя	16, 17, 18	19	lə
bje, bɟe, bɟə	58, 59, 60	67	bɟə
tхe, tхə, tхₒe, tхₒə	92, 93, 94	91	tə
uəv	102-103	100	молоти... thrash....

A D D E N D A:

Стр. XXIV, снос 3: сравни также: bɟəm sₒhe-çə-t-ç «стоит (сверху) над обрывом»
Page LXXII, sub [3]): compare also: bγəm sₒhe-sₒə-ə-sₒ «stands above the steep»

[ɲe] ьэ (гл.) задерживайся, застревай (непереходн.)
(v.) linger!, stick! (intrans.)

ıəne (гл.) застревай в (полости)
(yəne) (v.) stick in (the cavity)!
feukm ʃer ıənaç
в ружье.пуля застряла
(fə'ə̯əm ıer yənasₒ)
the bullet stuck in the gun
xene (гл.) застревай в (веществе)
(ɦene) (v.) stick in (the matter)!
vəne (гл.) застревай возле (отверстия)
(ɾəne) (v.) stick at (the hole)!

ɟe ьэ (с.) вид, наружный вид
(s.) look

səmagem ıəfer ɛıç
у больного вид плохой
(səmaḍem yəfer ɾeysₒ)
the sick man has bad looks

lɛ ьэ (гл.) вянь, увядай (о растениях)
(ɦe) (v.) fade!, wither! (about plants)

pqəlɛ вялый стеблем (пример см.: pqə)
(pkəɦe) with a withered stalk (example see: pqə)

[lə] [ьэ] ıəl (гл.) набрасывайся, наскакивай (неперех.)
[(ɦə)] (yəɦ) (v.) fall upon!, spring on! (intrans.)

hem xame zerəɥaǧeu ɪeuɬ
собака, как увидит чужого, — набрасывается
(ħem ħame zerəyḫaǧeʿ yeʿḫ)
as soon as the dog sees a stranger it falls upon him

[çя] [(s̲ə)] [ضر] (с.) холод; зима; (пр.) холодный; зимний
(s.) cold; winter; (ad.) cold; wintry

çяmax̬e (с.) зима, холодное время года (букв.: холодные дни?)
(s̲əmaƀe) (s.) winter, cold season (lit.: cold days?)

çяʁ (с.) стужа, холод
(s̲əɾe) (s.) frost, cold

çx̬e [صخوه] (с.) колдовство
(s̲q̇e) (s.) sorcery

fəzm çx̬e ɪəraxrəɪ deɪle ɪaçʌç
к женщине колдовство применили и [ее] сумашедшей сделали
(fəzəm s̲q̇e yəraƀrəy deyle yas̲as̲)
they bewitched (liter.: made sorcery) the woman and made her mad

çx̬eh (с.) яд
(s̲q̇eh) (s.) poison

[ʔə] [(ɟə)] [ز] deʔ (гл.) сунься, просунься между (непереход.)
(deɟ) (v.) be thrust between! (intrans.)

bʔəhm baʃr deɟeʔ
сквозь плетень палку просунь
(bɟəħəm bàшər değeɟ)
thrust the stick through the hurdle

[xʌe] [(ƀe)] [خوه] (гл.) падай, вались (непереходн.)
(v.) fall! (intrans.)

dex̬e (гл.) падай между
(deƀe) (v.) fall between!

g̲ax̬er bʔəhmre pərx̬emre ɪak̬m dex̬aç
вилы между плетнем и скирдом (посредине) упали
(g̲aq̇ʌer bɟəħəmre pəpq̇ʌemre yàq̇əm deƀas̲)
the pitcher fell (in the middle) between the hurdle and the hay-stack

[ue] [(ʿe)] [و] ɪeue (гл.) нападай (непереходн.)
(yeʿe) (v.) attack!, beset! (intrans.)

bəɪr uənem ɪəuaç
враг на дом напал
(bəyr ʿənem yəʿas̲)
the enemy beset the house

bзe (bd̆e) بنه (с.) рыба; большая рыба?
(s.) fish; large fish?

bзeẓeɪ (с.) рыба (букв.: маленькая рыба)
(bd̆eẓey) (s.) fish (lit.: little fish)

ɤəkʁ bзeẓeɪ qauəbəd
сетью рыбу ловят
(qəṭe bd̆eẓey kaʿəbəd)
they fish with nets

[pse] [(φse)] [بسه] uəps (гл.) строгай, обстругивай (непереходн.)
(ʿəφs) (v.) plane! (intrans.)

sekʁ baʃr uəps
ножом палку строгай
(seṭe bàшər ʿəφs)
plane the stick with a knife

pӽeps (c.) рубанок
(ɸdeɸs) (s.) jointing-plane

pӽaçɛr pӽeps ɪeɯe
плотник рубанком строгает
(ɸdas_er ɸdeɸs ɪe'be)
the carpenter planes with a jointing-plane

[psə] [(ɸsə)] [يسر] qeɪps (гл.) сияй, свети (непереходн.)
(keyɸs) (v.) shine!, light! (intrans.)

neube dəje qeɪps
сегодня солнце сияет
(ne'be dəğe ke'ɸs)
the sun is shining to-day

[pçhe] [(ɸs_ħe)] [يصحه] ɪəpçhe (гл.) вползай в (полость) (непереходн.)
(yəɸs_ħe) (v.) creep into (a cavity)! (intrans.)

bler ɟem ɪəpçhaç
змея в нору вползла
(bler ğem yəɸs_has_)
the snake crepts into the hole

[pçtə] [(ɸs_ʒə)] [يصنر] (гл.) кипи, топись (только о молоке) (непереходн.)
(v.) boil (only about milk)! (intrans.)

fəzm ʃe ɪéjepçt
женщина молоко затапливает
(fəzəm ɯe yeğəɸs_ʒ)
the woman boils some milk

pçtər (пр.) горячий
(ɸs_ʒər) (ad.) hot

pxə [(ɸʟə)] يخر pxər (c.) сноп
(ɸʟər) (s.) sheaf

pxərxer çegm teɪlhe
снопы на скирд клади
(ɸʟərʟer s_èḍəm ʒeyḫħe)
put the sheaves upon the corn-stack

[txə] [(ʒqə)] [تخر] zepətx (гл.) закорузни, потрескайся (о коже на руках, лице) (непереходн.)
(zeɸəʒq) (v.) get coarse (about the skin of the hands, of the face)! (intrans,)

səɪɛr zepətxaç
моя рука закорузла
(səyɾer zeɸəʒqas_)
my hand got coarse

qetxəh (гл.) очерчивай (острием кинжала круг вокруг больного) (переходн.)
(keʒqəħ) (v.) draw (with the point of the dagger a circle round the sick man)! (trans.)

çalegelar qatxəhaç (xabzeq)
парня упавшего очертили (острием кинжала) (старый обычай)
(s_aleḍelar kaʒqəħas_)
they drew (with the point of a dagger) a circle round the fallen lad (old custom)

[de] [ده] (гл.) бери из, выбирай (непереходн.)
(v.) pick out!, choose! (intrans)

xede (гл.) выбирай из (вещества)
(ʟede) (v.) choose out (of the matter)!

xedəɪ xex
на выбор возьми
(ɦedəy ɦeɦ)
take your choice!

[gə] [گ] (с.) поверхность (неба, земли); подошва (ступни); ладонь (руки);
(s.) surface (of the sky, of the earth); sole(of the foot); palm (of the hand)

uefeg (с.) небосвод; высшая точка небосвода, зенит?
(ʿefeg) (s.) firmament; highest point of the firmament, zenith?
bjer uefegem ɪətç
орел в небе парит
(bǧer ʿefègəm yəʒs)
the eagle is hovering in the sky

çɜg (с.) поверхность земли
(s̬əg) (s.) surface of the earth

gəpe (с.) лицо
(gəɸe) (s.) face
uənelęg (с.) пол (в доме)
(ʿənehęg) (s.) floor (of a house)

(см. также: ļe, ʁ)
(see also: ļe, ʁ)

[qe] [(ke)] [ق] ɪəqe (гл.) пожирай, уплетай (переходн.)
(yəke) (v.) devour! (trans.)

ɪəreɪqerəɪ çəsç
(он) уплетая [еду] сидит
(yəreykerəy s̬əss)
(he) is sitting and devouring [the food]

[və] [(ʁə)] [ڤ] qev (гл.) доносись, долетай (о звуке) (непереходн.)
(keʁ) (v.) reach [one's ear]! be heard (intrans.)

maq qeuv
голос доносится
(mak keʿʁ)
the voice is heard

ke (ʔe) [ک‖چ] (гл.) лопни, тресни (о стекле, льде и т. д.) (непереходн.)
(v.) crack (about glase, ice)! (intrans.)

stekanr kaç
стакан треснул
(sʊeʔànər ʔaç)
the glass cracked

Записки Коллегии Востоковедов, V
Mémoires du Comité des Orientalistes

Из культурного прошлого ингушей

Редко где проблема культурного смешения, в самом широком смысле слова, так резко выступает на первый план и приковывает к себе тотчас же исследовательское внимание, как на Кавказе: здесь заключен особый методологический интерес изучения кавказских народов. Географическое положение кавказского перешейка на рубеже двух культурных миров, старого переднеазиатского и более молодого южнорусского, на протяжении доступного нам теперь, уже многовекового исторического периода клало свой отпечаток на судьбу его разноязычных насельников. Победа осталась, в конце концов, за севером, Кавказ в целом прочно вошел в орбиту европейского культурного влияния, идущего через русское русло. От внимательного наблюдения не может ускользнуть историческое преемство в борьбе за культурную гегемонию на Кавказе таких культурных стихий, как скифо-сарматская (аланская), затем хазарская, половецкая (кипчацкая), монгольская и, наконец, с XVI в. русская. Этому натиску с севера противостояли еще более разнообразные влияния, шедшие от культурных стран Передней Азии и Балканскаго полуострова. На окончательной судьбе перешейка сказалась, без сомнения, существенная разница подступов к Кавказу северного и южного, удобства первого и невыгоды второго: потому-то исход последней борьбы за обладание Кавказом Персии, Турции и России получает свое объяснение при одном лишь внимательном взгляде на карту.

Исторический процесс, ясный здесь в широких контурах, необычайно сложен и запутан в частностях. Главная трудность на пути разрешения возникающих в этой связи вопросов — совершенная недостаточность, а вместе с тем и неизученность имеющихся источников. Местная историческая традиция становится, в лице грузинской историографии, лишь с XI в. на прочную почву, когда впервые интересы местных культурных кругов воз-

вышаются до общекавказского масштаба.[1] Известна печальная судьба местной, южнорусской историографии для всего древнего и средневекового времени: своих, сохранившихся удовлетворительно историков не знает ни Алания, ни Хазария, ни Золотая Орда. С другой стороны, скудость надежных местных сведений о домусульманской Персии находится в вопиющем противоречии со значительностью культурной роли древнего Ирана, в особенности сасанидского времени, в исторической жизни народов Кавказа. Такое положение исторической традиции обязывает исследователя прошлых судеб народов Кавказа к тщательному использованию косвенных источников, служащему к достижению той же цели. К одним из важнейших относится, без сомнения, язык, сохраняющий в себе следы всех более или менее значительных влияний, разновременно испытанных говорящим на нем народом.

Ингуши, которые послужат в дальнейших строках предметом нашего внимания, относятся к числу тех коренных народностей Кавказа, обстоятельства и время появления которых на той территории, где их застает история, останутся вероятно навсегда скрытыми от нашей любознательности. Признак, по которому они выделяются в науке из массы своих соседей — их ингушский язык, основной, с точки зрения этнической классификации, хотя и не единственный для нас,[2] принцип деления. По этому признаку они входят, как часть, в состав чеченской группы наречий, занимающей промежуточное положение между восточной группой горских языков, с которой они связаны интимными узами, и более далекой западной (черкесы, абхазы). Не совсем точно утверждение первого исследователя чеченского языка, П. К. Услара, писавшего о чеченцах (включая ингушей): «уроженцы двух противоположных концов Чечни без затрудения могут разговаривать друг с другом, за исключением разве джераховцев, которые говорят весьма измененным наречием».[3] Противоположение языка одних джераховцев (живущих

[1] Армянская литература в целом развивалась в территориально слишком удаленных от центрального Кавказа районах, чтобы служить нам для более ранней эпохи в интересующем нас отношении. Анонимная география, приписываемая М. Хоренскому, была бы, конечно, немыслима без Птолемея, как отправной инстанции.

[2] Ср. Н. Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа. Пгр. 1920, стр. 7 сл., стр. 21 сл. и спец. об ингушах стр. 44—45.

[3] П. К. Услар. Чеченский язык (изд. 1888 г.), стр. 2. Интересно указание Лаудаева, цит. ниже соч., стр. 39, что «шатоевцы неохотно зовут себя нахчоями (sc. чеченцами в смысле Услара), что происходит от их прежних враждебных отношений к чеченцам». Ср. у него же, стр. 3—5 «названия обществ чеченского племени и их значения».

на крайнем западе чеченской территории, у Военногрузинской дороги) всей массе чеченских наречий не согласуется с теми сведениями, которыми располагает в настоящее время кавказское языкознание. Руководствуясь материалами лингвистической анкеты, производившейся в связи с первой переписью 1897 г., и записями, произведенными в 1926 г. в Кахетии автором этих строк, мы получаем следующую картину распределения диалектов: кроме джераховцев, языком, имеющим некоторые существенные фонетические, морфологические и лексические особенности, характеризующие ингушский язык в отличие от прочих чеченских наречий, говорят 1) жители Мецхальского, Хамхинского и Цоринского обществ горной Ингушии; 2) жители всех плоскостных аулов, расположенных в районе верхнего течения рр. Камбилеевки, Сунжи, Ассы и отчасти Фортанги, за исключением группы аулов, расположенных в стороне, на территории известных в истории XVI—XVIII вв. малокабардинских Ахловых кабаков, где один аул Пседах (<каб φsə daɬe 'красивая река' resp. 'хорошая вода') характеризуется чеченскими особенностями,[1] как напр. tqhiesnæ 'девятнадцать', zudæ 'жена, женщина', kujg 'рука', stigil 'небо', doacun, joacun 'короткий', stæk 'человек', chačux 'дома'; 3) так наз. (по-грузински) кистинские общества верховьев Аргуна, в частности общества Саханойское[2] и Маистское[3] б. Тифлисской губ. и Хельдиароевское[4] Аргунского округа. В недавнее сравнительно время (XIX в.) из указанных обществ выселилось в Панкисское ущелье (верховья кахетинской Алазани) небольшое количество кистин, образовавших селения Джаколо (žoqhælæ jurt) и Дуисопели (duvjurt) и занявших селения Омало (omæl), Хорджа (xoržænie) и др. По сведениям Радде, собранным в 1876 г., кистины имелись также в тушинском селении Чиго (Дартлоское общ.),

[1] Транскрипция чеченских (ингушских, цовских) слов, встречающихся далее в тексте унифицирована и основана на ингушской транскрипции З. К. Мальсагова, с необходимым уточнением вокализма (*uo* и *o* вместо *o*, *ie* и *e* вместо *e*, *ij* и *i* вместо *i* и, наконец, *uv* и *u* вместо *u*).

[2] Саханойские кистины называются по-ингушски melxij. Интересно отметить более древнюю (resp. диалектическую) форму этого названия, сохраненную у хевсур, именно მაისი (на старых русских картах Митхо); так же называют их и цова-тушины, для которых форма mitxo закономерна.

[3] Хевсурское მაისი, ингушское mhæjstuo. Форма Мааст встречается в любопытных преданиях у чеченцев (записи Лаудаева, цит. ниже соч., стр. 25 и 50). Ср. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, стр. 124, 125, где название это имеет форму Меэстэ.

[4] Собств. значит 'находящееся по ту сторону реки', вс. Аргуна, чеченск. xildijxæruo, цовское xildaxrow. Ср. груз. მარჯოთელი (собств. 'потусторонний', название части тушин, говорящей по-грузински)=цова-тушинское daxmaxkrow 'пиринятелец'.

в грузинском сел. Зенамхари (Земо-Тионетское общ.) и в селениях Бахтриони и Хорбало. В настоящее время встречаются они же в некоторых грузинских селениях Кахетии, как Артана (Напареульского общ.), Ахметы и др. Записи слов, производившиеся в указанных селениях, показывают такие ингушские особенности, как tqhiestæ 'девятнадцать', siesæk 'жена', kulg resp. kulk 'рука', sigil 'небо', loac 'короткий', sæk 'человек', chæghæš 'дома'; 4) на крайнем востоке чеченской территории, в Хасав-юртовском округе, некоторые селения (каковы: Чанка-юрт, Акбулат-юрт, Кара-су, Голайты и Бильт-аул) проявляют известные ингушские особенности (siesyk, kulük, sigil, sak, lacun), причем предания объясняют эти особенности сравнительно недалеким ингушским происхождением жителей. Следует еще заметить, что произношение *s* (вместо обычного *st* в начале некоторых слов в чеченском) характеризует всю нагорную полосу Чечни, вплоть до чеченцев Андийского округа в Дагестане (отмечено для Итум-Кале, Чаберлоя и т. д.). Все перечисленные районы образуют, таким образом, в настоящее время особую разновидность чеченского языка, которую мы можем назвать условно ингушской, противополагаемой собственно чеченской группе наречий, начинающейся непосредственно к востоку от Фортанги, по течению р. Нетхой, Шалаж, Гехи[1] и проч. Аккинское общество (в верховьях западных притоков Гехи) ныне относится уже к чеченцам.

Не совсем так обстоит дело с точки зрения самих ингушей. Если национальное самосознание коренного ингуша Хамхинского общества, называющего себя ghalgha 'галгаец' примирится, исходя из факта значительного смешения в наиболее населенной части страны, на плоскости, с причислением к себе жителей Мецхальского общества, так наз. fäppij ('вепринцы' по старой русской терминологии), то считать себя в ближайшем родстве с melxij (см. стр. 683, прим. 2) не согласится, вероятно, никто. В устах плоскостного ингуша выражение yz melxie vae 'он митхоевец', равнозначно словам: 'он бессо-

[1] В верховьях Гехи расположено урочище пæйæх, легендарная колыбель чеченского народа. Самое национальное название чеченцев (пæхčuo 'чеченец') естественнее всего производит отсюда (пæйхuo > пæхčuo). Лишены всякого научного значения такие народные этимологии, как приводимые Лаудаевым (Сборн. свед. о кавказских горцах, вып. VI (1872 г.), ст. Чеченское племя, стр. 8—4) — он производит чеченск. похčuoj от слова пехči 'сыр' в смысле 'люди, изобилующие сыром' — и другими авторами. Ив. Попов, в «Сборн. свед. о Терской области», вып. I, стр. 263—264, пишет: «Придерживаясь строгого исследования, можно заметить, что нашаховский язык совершенно сходен только с языком галгаевцев, который имеет небольшую разницу с наречием шатоевцев, чеченцев и ичкеринцев». Сведение относится к 1874 г.: современной картине наречий оно не соответствует.

вестный человек'. С другой стороны, нам известно, что старая (начала прошлого века) русская официальная классификация[1] считала ингушами галашевцев, назрановцев и карабулаков. Галашевцами назывались жители среднего течения Ассы (в районе выше и ниже современного сел. Галашки, инг. gælaškie), говорящие сейчас по-ингушски; назрановцы (näsærxuoj)—ингуши окрестностей Назрани (näsærie); что же касается карабулаков (ингушское название их ærštxuoj, арштинцы), то тут наши сведения недостаточны для решения вопроса, к которой из двух вышенамеченных лингвистически группировок следует их относить. Если руководствоваться теми немногими данными, которые дошли до нас в записях Клапрота,[2] то по языку они должны быть относимы к собственно чеченцам (ср. Frau—suden, Hand—kuigisch и т. п.). Проверить точность показаний Клапрота в настоящее время затруднительно, ввиду того, что втечение мая—июля 1865 г. карабулаки почти поголовно покинули пределы Кавказа и выселились в Турцию.[3] Клапрот выделяет карабулаков в особое племя народа миздже гов (т. е. чеченцев), противопоставляя им ингушей, с одной стороны, и чеченцев, с другой.[4] Различие карабулаков и ингушей отмечают и другие авторы: один из первых, Штедер, побывавший на Фортанге среди карабулаков в 1781 г., отмечает в одном месте своего дневника[5] поселения ахкинюртовцев на Сунже (ныне ингушск. сел. æxki jurt), называл их «eine Vermischung von Karabulaken und Inguchen», а в записях Головинского приводится предание о родоначальнике карабулаков, Арштхоо, выводящее

[1] См., напр., Выписку из ведомости народам обитающим между морями Черным и Каспийским . . . в 1833 г. (напечатана в прил. к Военно-статистическому описанию Терской обл. Г. Н. Казбека, ч. I, Тифлис, 1888, где на стр. 4 указываемое сведение).

[2] См. J. Klaproth. Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle u. Berlin, 1814, стр. 169—170 (где около 35 карабулакских слов и форм).

[3] К 24 июля 1865 г. карабулаков оставалось лишь 75 семей в сел. Ах Барзой. См. Г. А. Дзагуров. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. Ростов-Дон, 1925, стр. 121—122, письмо Александра Нурида к Лорис-Меликову. О карабулаках ср. Иванова, ИКОРГО, XVII, стр. 47—50. Здесь отмечен карабулакский аул Сагопш или Ах Барзой, на территории нынешней Ингушии. Ахриев, Сборн. свед. о кавк. горцах, VIII, статья «Ингуши», стр. 4—5, говорит о карабулаках, как выселенцах из горных обществ Ингушии. В «Изв. Ингушского института краеведения», т. I (Владикавказ, 1928), стр. 71, напечатан документ, утверждающий принадлежность территории Мереджинского общества галгаевцам; по иным же показаниям, это земля карабулаков.

[4] О. с., стр. 144—145.

[5] См. его Tagebuch einer Reise die im Jahr 1781 von der Gränzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden. St.-Petersburg, 1797, стр. 27: «3 bis 4 Dörfer der Achgurter» (ошибка, чит. Achginjurter).

его из чеченского общества Акки (ингуш. äqqij, чеченск. aqquoj). «Некий аккинец, по имени Арштхоо, выселившись из своего общества и спустись с своим родом в Бумутское ущелье, основался у источников, называемых Черными ключами (по-кумыкски—карабулах) и образующих речку, впадающую в р. Мартангу, и названную, по имени Арштхоо, Арштинкой. От населения, основанного здесь Арштхоо, образовалось особое общество, называвшее себя и доселе: Арштхой. Кумыки же называли его, по источникам, у которых оно жило, Карабулах».[1]

Названия, даваемые ингушам соседями, равно как их собственное национальное имя, заключают в себе ключ к пониманию тех исторических обстоятельств, при которых они выступили на арену широких междуплеменных и международных отношений.[2] Что касается русского названия ингуши, то оно происходит, как давно уже известно, от названия селения Ангушт, в Тарской долине, т. е. уже на плоскости, существование которого восходит, по крайней мере, к концу XVII в: оно упоминается Вахуштом, писавшим в начале 40-х гг. XVIII в. в Москве, по материалам, собранным им в Грузии до 1724 г. (когда он переселился в Россию). Вахушт представлял себе положение Ангушта (у него ანგუშტი, современное ингушское название Onguštie) не совсем ясно, соответственно общему смутному положению, какое обнаруживается в его труде относительно притоков Сунжи (у него ბოგრაგნის წყალი 'Брагунская река').[3] В Ангуште мы имеем все основания

[1] См. Чеченцы. Из записок П. И. Головинского, Сборн. свед. о Терской области, вып. I. Владикавказ, 1878, стр. 244. К ингушам относятся в преданиях и мереджинцы (общество в верховьях Фортанги), называемые у осетин, повидимому, мерзедзої (Акад. словарь осетинск. языка, в. v.). В 1866 г. они признавались чеченцами (Грабовский, Сборн. свед. о кавк. горцах, вып. III, стр. 1, прим.). Из общества Акки вышли и ауховцы (по-ингушски также äqqij), занимающие крайний восток чеченской территории (Хасав-юртовский район). Они известны в старых (с XVI в.) русских источниках под именем окочи, ококов и др.

[2] Своих соседей ингуши называют: осетин — ɧirij (<осет. ирон 'иронец, восточный осетин'), мохевцев-грузин — bicnij (<груз. ბენია, мужское имя, ср. фамилию ბენიანი и название села ბენიანთ-კარი, ბენიანი в Мтиулии), хевсур — pxiej (<древнегруз. ფხოველი= соврем. ხევსური, თუში и ფშავი; последних, т. е. пшавов, ингуши зовут šuoj (<ფშავი, а тушин — čəghmæ-bacaj <груз. ჩაღმა-თუში), кабардинцев — ghäbərtij (<кабард. keberdey), кумыков — ghumukij (<кумыкск. kumuk), русских — ghazqij (<казак).

[3] См. текст по изданию Броссэ [Description Géographique de la Géorgie, par le tsaréwitch Wakhoucht, publiée d'après l'original autographe par M. Brosset. St. Pétersbourg, 1842-р. 456—457 (об ანგუშტი и ბოგრაგნის წყალი)]; ср. стр. 326—327, где тушинская Алазань представляется текущей в Аргун, названный по ошибке ხობა (Sona); под Сона следует разуметь андийское Койсу и Сулак (Σοάνα у Птолемея, V, 8, 11—12 и XI, 1; ср. верное замечание М. Джанашвили, русский перевод Вахушта, стр. 131 прим.) Термин Сона, Σοάνα

предполагать первый этап того процесса выселения из гор, которому суждено было привести уже на наших глазах, после революции 1917 г., к совершенному почти обезлюдению метрополии. «Современная горная Ингушия—страна почти безлюдная», пишет новейший исследователь экономического быта горной Ингушии. «Едва ли не каждый пригорок этой страны увенчан живописными руинами, среди которых высятся, как каменные стены, десятиэтажные боевые башни «воу» или приземистые жилые башни «гал», но большинство из них пусты. Обитатели их ушли на плоскость. В древних центрах населения гор мы встречаем множество древних могильников—фамильных склепов с их своеобразной острой крышей. Иногда это целые города мертвых. И действительно—это страна предков. Два, три двора на все селение, иногда даже только один, два человека жителей, чаще стариков, охраняющих древние очаги рода—вот обычная картина горной Ингушии, богатой зеленеющими лугами. Под этой картиной чудится надпись: все в прошлом».[1]

Не случайно, таким образом, русское название народа оказывается связанным с этой важнейшей для дальнейшей судьбы ингушского народа страницей его истории. Пока ингуши жили в горных ущельях верховьев Ассы и Армхи (приток Терека, впадает у Джераха; русское назв. Кистинка), они оставались вне поля зрения своих новых соседей—русских, с XVIII в. интенсивно и планомерно колонизующих равнины Северного Кавказа. Лишь с 1744 г. ингуши становятся прямым объектом русской политики: при учреждении в означенном году «осетинской комиссии по обращению осетинцов и ингушевцов в христианство»[2] уже учитывались полученные через посредство грузин сведения, согласно которым «по оставшимся в их жилищах следам старых церковных строений, предки их были христиане, почему

интересен по связи с чечено-ингушским термином sölie, осетинск. solï (в нартовском эпосе). Едва ли основательно мнение С. Н. Какабадзе (впрочем, со ссылкой на автора этих строк), что сюда же относится выражение «сонские эристави» (русский термин XVI—XVII вв.). См. изд. им «Исторический сборник» (ხის ტორიო კრებული), кн. III, Тифлис, 1928, стр. 112—113. Очевидно это последнее выражение равняется груз ქსნის ერისთავ и б. м. стоит в связи с осетинским назв. селения Казбек по Военногрузинской дороге, Сæна, и соответств. тагаурск. фамилией. Ср. еще Brosset. Histoire de la Géorgie, traduction, 1-re partie, p. 44, n. 3, и Клапрот, о. с., I, 685.

[1] В. П. Христианович. Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта. Ростов на Дону, 1928, стр. 61.

[2] П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. 1869, т. I, стр. 268.

подлинно многие из них и крестятся с великою охотою и желанием».[1] Однако, через 20 лет, астраханское духовенство оценивало достигнутые результаты (указывалось официально на 2085 новообращенных) в следующих выражениях: «за нерачением тех духовных и за неисправлением службы, едва ли сей новопросвященный народ имеет какое понятие о христианском законе».[2] Поэтому по докладу Коллегии иностранных дел (от 27 сентября 1764 г.) решено было создать в Моздоке русскую школу для преподавания новообращенным «закона христианского и российской грамоты»; в 1765 г. школа была построена, и первым просветителем горских детей явился дьячок Романов.[3] В 1769 г., в связи с назначением генерал майора де Медема для «произведения поисков на Кубани, противу обитающих тут подданных турецких», в действительности же против кабардинцев, ряд горских народов («абазинцы алтикизеки», «башильбаи» и т. д.), находившихся в зависимости от Кабарды, выразили желание вступить формально в подданство России. В числе других оказались и ингуши. Эти события совпали с пребыванием на Кавказе первого серьезного исследователя этнографии и языков кавказских народов, акад. Гюльденштедта, присутствовавшего при процедуре присяги на верность, данной ингушами русскому офицеру, и подкрепленной дачей аманатов. Кизлярский комендант отправил к ингушам одного кизлярского служилого дворянина и 10 казаков, «под видом обращения их в христианство, дабы кабардинцы и кумыки, видя российских людей, некоторым образом воздержались от причинения ингушам обид».[4] Первые плоды рус-

[1] Ibid., стр. 266. В рукописи П. Г. Буткова: «Древности по линии Кавказской» (рукописи акад. Буткова, № 5, л. 627 об.) даются любопытные сведения об остатках христианства у ингушей: «У ингуш, на границе их к грузинским подданным Гудамакарцам, каменная церковь: у последних же не далеко от реки Азды, впадающей справа в р. Осай (scil. Ассу), каменная церковь; еще выше, у пхыев (i. e. хевсур) огромная каменная церковь при реке Няке, впадающей в Осай справа... Близ сей церкви большое кладбище. На одном надгробном камне сохранилось еще высеченным изображение некоторого духовного в священнической одежде и в шапке с крестом. Находимые кое-где в церкви и на кладбище буквы по виду суть греческие» (см. ibid., т. III, стр. 596 и И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, стр. 20—21).

[2] Ibid., стр. 438.

[3] Ibid., стр. 269—270. Бутков добавляет: «и всегда потом находились в учителях дьяконы и дьячки». Ингуши во всех этих мероприятиях стоят, судя по имеющимся пока в печати скудным данным, на втором плане. К тому же они нередко совсем не отграничивались от осетин; ср. напр. Акты Кавк. археогр. ком., т. II, Тифлис, 1868, стр. 949, и ср. стр. 957; здесь ингуши называются осетинским племенем.

[4] Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge etc., St.-Petersburg, 1787, I, стр. 480. Бутков, о. с., I, стр. 300. Остатки русского укрепления в Тарской долине,

ской политики сказались, однако, лишь спустя 13 лет. В начале 1783 г. ингуши солидаризировались с жителями чеченских аулов Атаги и Альды, имевшими намерение напасть на русские селения по Тереку. Карательная экспедиция полковника Кека и майора Рика (3—7 марта 1783 г.) разрушила и сожгла аулы атагинцев; ингуши же не оказали сопротивления и выдали заложников. А через 4 месяца России удалось достигнуть крупного политического эффекта. «В то время», по словам Буткова, «наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас, разными образами, чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 г. сразились имев каждая сторона от 1 т. человек. Чеченцы потеряли 20 убитыми и до 40 человек ранеными, однако получили поверхность и отогнали у ингуш до 2 т. баранов».[1] Успехи, достигнутые такой политикой, показались местному начальству столь значительными, что в 1786 г. могла явиться идея учредить постоянную ингушскую милицию, удостоившаяся 11 апреля 1786 г. высочайшего одобрения.[2] Переоценка достигнутых результатов давала себя не раз чувствовать впоследствии. Во всяком случае все вышеперечисленные факты затрагивали по преимуществу одних ингушей в собственном смысле этого слова, т. е. небольшую еще тогда часть ингушского народа, жившую в Тарской долине вокруг Ангушта. Горная же часть оставалась вполне непокорной еще долгие годы. Мы видим, напр., как трудно было русскому проникнуть в коренное общество Галгай, на примере Энгельгардта, совершившего в 1811 г. поездку к знаменитому христианскому храму, известному в позднейшей литературе под названием Тхаба Ерды.[3] Русские войска Галгай увидел впервые в 1830 г. (известная карательная экспедиция Абхазова в июле 1830 г. проникла до Хамхинского общества. См. офиц. отчет Паскевича военному министру, в Актах Кавк. археогр. ком., т. VII, стр. 365 сл.), а затем в 1832 г., когда в наказание за связи с Кази-Муллой и убийство пристава целая русская армия, во главе с Розеном, совершила довольно

виденные 12 сент. 1811 г. Энгельгардтом, относятся, повидимому к этому времени; см. Engelhardt und Parrot, Reise in die Krym und den Kaukasus. Berlin, 1815, I, стр. 227.

[1] Бутков, о. с., II, стр. 111.

[2] Бутков, о. с., II, стр. 171; ср. ibid., III, стр. 197; ср. к вышеизложенному Грабовского: Ингуши, Сборн. свед. о кавк. горцах, т. IX, стр. 2 сл.

[3] Важное для археологии Ингушии путешествие это описано Энгельгардтом, о. с., стр. 225—246.

бесплодный поход через Джерах и Мецхал в Хамхи и Цори.[1] Тем не менее, еще в 1848 г. А. Зиссерман должен был крадучись, ночью, с соблюдением всяких предосторожностей, пробираться в Цори, и затем через земли галгаевцев, называемых им «полупокорными».[2] Действительно покоренным край этот мог назваться лишь в 1858 г., бывшем одновременно последним годом крупного коллективного выступления плоскостных ингушей против русских, известного под названием «назрановского бунта».[3]

Эпоха возникновения Ангушта, как мы видели, не поддается вполне точному определению. Несколько лучше обстоит дело с дальнейшим продвижением ингушей на плоскость. В 1781 г. дивизионный квартирмейстер Штедер объехал, в связи с данным ему поручением исследовать пути в Грузию через главный кавказский хребет, значительную часть Осетии и прилегающие к ней с востока области, в том числе и Ингушию. Он оставил замечательный по точности и обстоятельности отчет о своем путешествии,[4] пользуясь которым можно проследить постепенные изменения в составе населения плоскостной части современной Ингушии за XVIII в.[5]

С начала XVI в. плоскостную часть современной Ингушии в бассейне среднего течения Камбилеевки (ингушск. ghælmij[6]) и верхнего Сунжи (инг. šuolž) занимали кабардинцы М. Кабарды.[7] Мы лишены, к сожалению,

[1] Поход описан живыми чертами Т(орнау) в Русском Вестнике за 1869 г., март, стр. 102—107; ср. Акты, т. VIII, стр. 677 сл.

[2] См. А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе, ч. I, СПб., 1879, стр. 169—179.

[3] Обстоятельства дела характеризованы у Чаха Ахриева, см. Сбор. свед. о Терской области, I, стр. 277—278. В записке, поданной еще 30 апреля 1806 г. неким Лофицким, в числе «средств к приведению Грузии в такое состояние, в коем она, ощутивши существенные выгоды свои под скипетром российским, могла бы быть полезною на совершение дальнейших государственных предположений о крае оном» (из этих средств некоторые, по мнению министерства иностранных дел, «заслуживают особенного внимания правительства») предлагается: «чеченцев же и ингушевцев весьма бы полезно было вывесть вовсе из ущелья настоящего их жительства на другие пустопорожние российские земли, ибо народы сии, по закоренелости в разбойничестве, ничем уняты быть не могут, как или истреблением вовсе наций тех, или выводом на другие земли» (см. Акты Кавк. археогр. ком., т. III, стр. 7). Известно, что мероприятие такого именно рода буквально осуществлено было в начале 60-х гг. прошлого века по отношению к закубанским черкесам.

[4] Напечатан, без указания имени автора, Палласом, Neue Nordische Beiträge, т. VII и отдельно (St.-Petersburg und Leipzig, 1797); ср. полное название выше, стр. 685 прим. 5.

[5] Штедером пользовался в широких размерах уже Клапрот.

[6] Гюльденштедт, а за ним и другие, указывают «кистинское» название Камбилеевки иначе: Galun, Güldenstädt, l. c., стр. 169.

[7] Эпоха появления здесь кабардинцев определяется временем жизни Инала, родоначальника всех кабардинских и, быть может, части абхазских князей; он жил в XV в., как

ПРИЛОЖЕНИЕ / 1107

возможности опереться на показания русских людей, бывавших в этом районе неоднократно с конца XVI и в продолжение XVII в., в силу затруднений двоякого свойства: с одной стороны, все кабардинские так наз. «кабаки», т. е. селения, отличались большим непостоянством и подвижностью (что отмечается не раз в наших источниках), с другой же стороны, «статейные списки» наших послов в Грузию, с которыми приходится иметь главным образом дело, отличаясь изумительной доскональностью в описании всего виданного ими в Грузии, очень скупы на подробности, тем более топографические, касающиеся их пути по северному Кавказу. Нам приходится поэтому особенно принять к сведению сообщаемое Штедером. «Напротив этого погребения (речь идет о Bragunka Ketchanà, так наз. Борга Каше, обстоятельному описанию которого Штедер посвящает 2 страницы своего дневника, стр. 5—7)... на правом берегу реки (Сунжи) лежали, на отроге лесистого мыса, следы древнейших кабардинских жилищ, на крутых берегах ручья Эндерипс, впадающего немного пониже в Сунжу. Их расположение было чрезвычайно крепко и выгодно для обитателей степи; теперь здесь все пусто» (стр. 7). «Окрестности (Сунжи) представляют прекрасные равнины и плодороднейшие возвышенности, тянущиеся в отдалении, по ширине 2 верст, по северной стороне ее вплоть до истоков. Уже более чем 80 лет, на расстоянии 100 верст в длину и 60 верст в ширину все кругом лежит необработанным и служит местом скопления для дичи и грабителей» (стр. 8). «Назран (Nasiran) представляет собою маленькую реку, текущую к северо-востоку и окруженную болотистой почвой, тростником и кустарниками; она имеет чистую родниковую воду, но при болотистом дне, и потому непереходима нигде, где нет брода. Трудности переправы, возвышенности и сама Сунжа, протекающая в лежащих к востоку лесистых

ществует из достаточно надежной генеалогической традиции. Ногмов, История адыхейского народа (изд. Берже, Тифлис, 1861), стр. 70, считает, повидимому, годом смерти Инала 1427 г. Трудно пока сказать, в каком отношении к этому Иналу слепому (nef по-кабардински) стоят абхазские Инал-иповы, и в частности тот Инал, который на рубеже XV—XVI вв. нападал на Имеретию, и другой, ვაზელ ბაღ, разгромивший на черноморском побережьи в 1533 г. коалиционную грузинскую армию; ср. Brosset. Suite et fin des Grandes-Annales, traduction, p. 339, texte, p. 274, и Эсадзе, Записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907, I, стр. 100. Самое имя Инал — турецкого, на Кавказе и у мамлюков кипчакского, происхождения, засвидетельствовано в ранних памятниках турецкой письменности. Точное нарицательное значение его, повидимому, еще не выяснено; см. напр. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Lgr., 1928, стр. 38, ср. стр. 221 и словарь, s. v. ынах 'название должности, титул'. Там же и собств. имя, стр. 216.

горах, образуют здесь крепкое, узкое дефиле, у которого ингуши обыкновенно держат охрану. На южной стороне (sc. Назрана) находятся остатки второго поселения малокабардинцев, так напр., надмогильные памятники, абрикосы и другие фруктовые деревья их прежних садов, и т. п. Они убили различных князей (Fürsten) своих восточных соседей, опасались мести и переселились с Эндерипса южнее к этому узкому дефиле, где они заняли равнину между Сунжей и Камбилеевкой (Kumbelei). 50 лет тому назад, вследствие беспокойств и ради многочисленных стад, они переселились к западу, под горы у ручья Мармолык (Marmorlik).[1] И здесь разбои горских народов принудили их поселиться вновь севернее, на северном склоне гребня (Flözgebirge), где они теперь живут» (стр. 25—26).[2] «В пяти верстах выше дефиле я переночевал, напротив ручья Турше (Turshe),[3] вытекающего из восточных гор, проходящего поля ахкинюртовцев (Achgurter) и впадающего здесь в правый бок Сунжи» (ibid.). «Я следовал берегом Сунжи через равнины и поля ингушей почти вплоть до гор. По ту сторону (sc. Сунжи), на 4 версты восточнее, лежали под лесистым отрогом 3 или 4 деревни ахкинюртовцев, представляющих собою смесь ингушей и карабулаков. Благодаря своим хорошим землям, слабости и открытому положению, они менее дерзки и разбойны, чем их соседи в горах» (стр. 27). «Через пять верст к западу (от Сунжи) мы попали у реки Камбилеевки к ингушам или кистам, расположенным при выходе ее из лесистого предгорья... В недавнее время колония ингушей, называемых Шалха (Schalcha), расположилась у нее, под горами. Густота населения в менее плодородных долинах выгнала их на плоскость... Одна лишь эта колония, благодаря ее мужеству и силе нации, могла держаться, сбрасывая при каждой попытке кабардинцев налагаемое ярмо, при чем недавно погиб один из знатнейших кабардинских князей. На левом берегу Камбилеевки расположено у самых гор около 200 фамилий. Перед собой они имеют глубокую ложбину и берег реки для защиты. Другие поселки (Dörfer) лежат на равнине с правой стороны, на небольших ручьях»

[1] Отсутствуют на известных нам картах.

[2] Чрезвычайно характерно для судьбы нартовского эпоса у ингушей приурочение нартов к этим местам. «Нарты жили в сел. Яндырч, около Назрани, а орштхои жили в самом Назране» (сообщено Б. К. Далгату в 1892 г., см. Этнографическое обозрение, кн. 48 (1901 г.), стр. 41). Об Эндерипсе (Endörssu) и Назрани уже вкратце писал, за 10 лет до Штедера, Гюльденштедт, о. с., I, стр. 170.

[3] Очевидно, речь идет о притоке Сунжи, называемом на современной 5-тиверстной карте Конч; на притоке этого последнего, Сурхохи, одноименный аул (Surxoxethie).

(стр. 28).[1] «Жилища этих ингушей представляют собою плохие, деревянные домишки и при нападении покидаются, вследствие того, что они не имеют башен и укреплений. Они сохраняют с ингушами в горах точную фамильную связь, поддерживая с ними дружбу особенно для того, чтобы в нужный момент иметь возможность найти у них убежище» (стр. 30—31). Описав дефиле, ведущее от Шалха в Тарскую долину, Штедер продолжает: «Отсюда открывается долина Больших ингушей и тянется на юго-восток свыше 6 верст, при ширине в 4 версты. Большинство их селений лежит по северной стороне долины, частью на склоне гор, частью у реки. Также и на западной стороне реки Герге (Gerge)[2] лежит несколько обособленных селений. При входе в долину стоит башня, окруженная стеной, нежилая, которая могла бы служить для защиты прохода» (ibid.). «Под западными горами (sc. внутри Тарской долины) расположено селение Вепший (Wapi), откуда дорога через горы ведет к Тереку» (стр. 32). «На этой реке (sc. Gerge) жили прежде вепшинцы (Wapi), некоторые из них еще остались в бесплодной маленькой долине; у них сохранились еще остатки одной маленькой церкви» (стр. 41). «Здесь (на равнине у Балты) ингуши выпасают своих овец» (стр. 45).

На основании вышеприведенных выдержек мы можем довольно точно представить себе картину передвижений на ингушской плоскости. В конце XVII в. кабардинцы покинули свое прежнее местожительства на Эндерипсе,[3] опасаясь кровной мести со стороны своих беспокойных соседей, карабулаков, чеченцев и кумык. Территория окрестностей Яндырки, вниз по Сунже, оставалась до 1781 г. никем не заселенной. Кабардинцы перешли

[1] Мы вынуждены опустить здесь первое по времени обстоятельное и живое описание внешнего и внутреннего быта как этих колонистов, так и следующее за тем описание «больших ингушей» в Тарской долине. Клапрот, положивший работу Штедера в основу главы 28-ой первой части своей Reise in den Kaukasus und nach Georgien, комбинирует данные Штедера с данными различных других авторов, часто неудачно восполняя или пропуская существенное в изложении своего главного источника (ср. его цитаты на стр. 625, прим., где глухо упоминается, под именем Палласа — «dessen N. N. B. Th. III, S. 27 ff.», сочинение Штедера (читай: Neueste Nordische Beyträge).

[2] Судя по дальнейшим указаниям, Штедер имеет здесь в виду западный приток Камбилеевки, Герчоч (ингушск. Gijrčhuož — собств. ущелье в верховьях этой реки, ведущее в Мецхальское общество к югу).

[3] Кабард. yendərɣə, т. е. 'река Яндыра' (собств. мужск. имя). Ныне в этом месте одноименное ингушское селение Яндырка (jandærie). В 1810 г. в Яндырке было 80 домов, взрослых мужчин 100, по национальности чеченцы, карабулаки и ингуши (Акты, т. IV, стр. 902); а в 1926 г. мы имеем 445 хозяйств, с населением 2082 чел. Тусиков. Ингушетия, Владикавказ, 1926, стр. 180; ср. в указанных местах данные о движении населения Назрани за тот же период времени.

к Назрани и заняли пространство между Сунжой и Камбилеевкой, но и здесь нападения на их стада горных жителей вынудили их к переселению, около 1730 г., на ручей Мармолик (в районе Батокоюрта?) и далее к Пседаху, где их и застал Штедер в 1781 г. Пространства по Сунже и Камбилеевке, оставленные, таким образом, кабардинцами, не остались без претендентов. Вскоре после ухода кабардинских стад, ингуши и карабулаки заняли ущелье в верховьях Сунжи, основав там так наз. ахкинюртовские поселения;[1] их пастбищные и покосные участки продвинулись к 1781 г. до р. Конч к северу. Несколько позднее (вероятно в 60—70 гг. XVIII в.) двинулись к северу и так наз. «большие ингуши» из Тарской долины, и пройдя дефиле, отделяющее ее от равнины, заняли оба берега Камбилеевки на урочище, носившем имя кабардинского князя Шаулоха;[2] ближайшей причиной была перенаселенность Тарской долины. Число дворов переселенцев уже при Штедере доходило до 300 и более. Данные Штедера позволяют установить и другое направление ингушской колонизации, именно в сторону Военногрузинской дороги, на Балту. Здесь невольно возникает вопрос, какие же именно племена и родовые группировки ингушей играли роль в этом массовом завоевании ингушским народом своего места на равнине, которое должно было вывести его постепенно на пути прочного культурного прогресса? По сведениям Штедера, полученным в Тарской долине, жившие так ингуши распадались на 7 племен (стр. 44): Тергимхоевы (Tergimcha, ингуш. Thærgimxuoj), род Эги (Agi, ингуш. Ägi), Хамхоевы (Chamhoy, ингуш. Xæmxuoj), Кортоевы (Chartoi, ингуш. Qoartuoj), Оздоевы или Цикмабухоевы (Zimkaiboch, ингуш. Cikmæbuxuoj), Евлоевы (Geulawy ингуш. Jovluoj) и вепшинцы (Wapi, ингушск. Fäppij). Чрезвычайно характерно, что 30 лет спустя, в 1810 г., те же фамилии выступают от имени ингушского народа в договоре, заключенном ими с вновь назначенным комендантом Владикавказской крепости Дельпоццо, в слегка измененном порядке: Торгемова, Цецме-Бохова, Агиева, Картугова, Яларьева и Хамхоева.[3]

[1] Ахкинюрт (инг. æxkijurt) и значит именно 'селение ущелья' (æxk).

[2] Ныне так наз. тарские (genr. камбилеевские) хутора; ингушское их название (šolxie) несомненно происходит от популярного у кабардинцев имени Шаулох (ср. у русских в XVII в. «Шолоховы кабаки» в М. Кабарде). Неточно Штедер, цит. выше, о Schalcha. У Христиановича (о. с., стр. 64, прим.) приводится справка, сделанная в 1868 г., о выселении из гор Мальсаговых в 1778 г., что согласуется с др. данными.

[3] См. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. IV, стр. 900—901; ср. Грабовский. Ингуши (цит. выше), стр. 6—10. В списке имен, подписавших этот документ, на третьем месте стоит

ПРИЛОЖЕНИЕ / 1109

Обстоятельства при которых состоялся этот договор, связаны с дальнейшим этапом ингушской колонизации. Как мы видели выше, после оставления около 1730 г. Назрани кабардинцами, ближайшие пятьдесят лет район Назрани пустовал: в 1781 г. Штедер застал там сторожевые посты ингушей, имевшие очевидные цели предупреждения обитателей Камбилеевских хуторов о приближении опасности. Произведенное в 1784—86 гг. укрепление линии Моздок — Владикавказ, посредством укреплений Константиновского, Григориполис, Елисаветинского и Потемкинского,[1] значительно обезопасило со стороны Кабарды Назрановский район. В 1803—04 гг. последовало вторичное укрепление названных пунктов. Движение ингушей не заставило себя ждать и в самом начале XIX в. совершился прочный захват камбилеевскими ингушами Назрани. Защищенные отчасти от кабардинцев, назрановцы были открыты для нападений со стороны Чечни. В июне 1810 г. недоразумения между ними привели к сражению между назрановцами и шайками наездников из среды их восточных соседей. Опасаясь мести за убийство нескольких главарей, ингуши и обратились к помощи русских властей, прося о защите от своих беспокойных соотечественников. Что назрановцы перешли сюда от камбилеевских хуторов, следует из прямых указаний на этот счет Энгельгардта, заставшего в сентябре 1811 г. на месте камбилеевских хуторов одни «пустые дома некоторых из нынешних обитателей Назрани».[2] Занятие Назрани представляет собою последний крупный этап ингушской колонизации плоскости. Руководящая роль принадлежала здесь, главным образом, роду Тергимхоевых (им основаны самые населенные ныне аулы: Базоркино, Насыр Корт, Плиево, Бурсуки

Торгемов, Карцал. Не Карцхал ли Орцханович Мальсагов (поэма khœrcxæl) это, которому популярное на плоскости предание приписывает основание Назрани?

[1] Не говоря уже о самом Владикавказе, основанном в 1784 г. Наблюдается разногласие в показаниях, на чьей территории основан Владикавказ. Осетинское название города дзæўджvqæў (ср. груз. ძოგნი, иначе ჯოგნი) означает 'аул Дзевга' (собств. имя мужск.?); Бутков (о. с., II, 165) говорит об ингушском селении Зауре; у Потто. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии, Тифлис, 1899, стр. 88 и 162, речь об осетинском селении Заурове. Штедер разъясняет дело (о. с., стр. 45) — в Заурове жили и ингуши и осетины, но последних было больше. Старшина Гетта (Getta), обладатель единственной башни в селе, был повидимому ингуш. Ср. Klaproth, I, стр. 657.

[2] Энгельгард (о. с., стр. 226—227); Головинский, (о. с., стр. 244—245) говорит, что «около 1810 года, от Галгаевского общества, из аула Даршы выселилось 7 фамилий ... и поселились в Тарской долине». Помимо неверных хронологических пояснений, следующих за приведенной выпиской, искажено название метрополии: след. читать Таргим, а не Даршы. О сражении ингушей с чеченцами и его последствиях, Акты, IV, 896—900.

и т. д.) и его ближайшим сородичам — роду Эги и Хамхоевых. Эти три фамилии составляли, согласно давно уже записанному преданию[1] союз трех селений (ингушск. qä-qälie), игравший столь значительную роль, что он передал свое специальное название — Ghalghaj (галгаи) всему ингушскому народу. С ними заодно в колонизации выступают род Оздоевых (иначе Цикмабухоевых), населявший некогда, в верховьях Ассы, не менее 13 аулов, Кортоевы (сородичи фамилий Эйси-Кяк и Пугоевых) и, наконец, Евлоевы, *владевшие на первоначальной родине не менее, чем 3 аулами. Из этих* фамилий большинство из современного Хамхинского общества, а Оздоевы и Евлоевы — Цоринского.[2]

Остается однако, еще одна фамилия, вернее племя, которое оказывается непредставленным в договоре 1810 г. Это — веппинцы. Из упоминания их Штедером в числе обитателей Тарской долины (ср. выше) явствует, что они участвовали в заселении Тарской долины наряду с галгаями и их союзниками. Из одного недавно опубликованного архивного документа мы знаем, что Герчоч, на котором располагались, по Штедеру, веппинцы, считался в 1904 г. принадлежавшим «с незапамятных времен» фамилии Хулохоевых, жителей сел. Хули, Хамхинского общества.[3] Как объяснить это противоречие? Сел. Верхнее и Нижнее Хули находится, в отличие от большинства селений Хамхинского общества, в бассейне верхнего течения Армхи, прилегает непосредственно к Мецхальскому обществу, населенному веппинцами, и, быть может, в конце XVIII в. причислялось к мецхальцам. Показание Штедера находит поддержку и в данных Энгельгардта, называющего один из притоков Камбилеевки в Тарской долине (несомненно тот же Герчоч) F'choppi, т. е., очевидно, fäppij, т. е. совр. ингушск. форма слова 'веппий'.[4] Затем можно отметить, что в Тарской долине на первой десятиверстной карте Кавказа, изданной в 1847 г. (следовательно, до

[1] Архиев, о. с., стр. 30. Отец трех братьев — Эги, Хамхи и Таргима носил имя Эльберт; ср. Изв. Ингушск. инст. краев., I, стр. 43.

[2] Приведенные данные о родах заимствуются из Malsagoc n. Z. Ghalghaj Grammatik, 1926, словарь, стр. 105—112. Ко времени акта 1810 г. восходит начало пользования назрановскими жителями районом Ачалука. Прочные поселения здесь назрановцев относятся уже к позднейшему времени, а именно к 1829 году, когда «несколько домов назрановцев со старшиной Амирхановым» поселились в Ачалуке. Конфликт между ними и претендовавшим на эти земли малокабардинским владетелем Бекопичем-Черкасским разрешен был русскими властями в пользу ингушей; см. Акты, т. VIII, стр. 668—669.

[3] См. Изв. Ингушск. инст. краевед., I, стр. 70—71.

[4] Энгельгардт, о. с., стр. 226—227.

выселения оттуда в 1859 г. ингушей) показано селение Таршой юрт, населенное веппинцами.[1] Тем не менее, подчиненная роль веппинцев в колонизации северной равнины несомненна; это не значит, однако, что веппинцы не интересны нам в этом отношении. Дело в том, что их колонизационное движение было направлено в другую сторону: к западу и к югу. Интересное фамильное предание, слышанное в июле 1926 г. автором этих строк (от старика С. Алдаганова, в сел. Ангушт) гласит: в старейшем веппинском ауле Эрзи (ärzij) жил род Эрзиевых (oarzxuoj resp. oarcxuoj). От них происходят gieltxuoj, жители селения Гвилет на Военногрузинской дороге (немного выше Дарьяльского ущелья, ингушск. gielæt resp. gijltie, грузинск. გველეთი, у Вахушта გველის თავი); они же жили некогда в Oaxkærie (ущелье р. Кистинки, впадающей с правой стороны Терека, у Дарьяла), основав там селение eghæ gijltie, нижний Гвилет;[2] они же, наконец, под названием zovræ qhungiš (Зауровы), переселились далеко на юго-восток и основали общество, называемое ныне bacaj. Ближайшие родственники этих последних, Зауровы, и посейчас имеются в ärzij и thojn jurt (плоскостной аул Кантышево). Менее определенную формулировку аналогичного предания сообщил в 1892 г. Б. К. Далгату столетний старик Казбык: «В древнейшем из селений Мецхальского общества, Арзи, по преданию жили две фамилии ингушей. Вследствие ряда неурожаев одна фамилия решила переселиться к христианам Бацой за Галгаем. Когда эта фамилия начала подыматься в горы, у одной девушки закружилась голова и проч... После этого чуда половина фамилии вернулась обратно и поселилась в Арзи. В настоящее время из этой фамилии остались три дома Ораковых, прочие вымерли».[3] С другой стороны, мы узнаем следующее: «Тушины Цовского общества происходят от кистинского племени общества Галго. Это доказывает

[1] Ср. веппинское селение Thäršie (фамилии Торшхоевых, живших также в Bejnie и Fælxænie). Хули отнесено к кистинам (а не к галгаевцам) на 20-тиверстной карте Кавказа, изд. в 1834 г. Упомянутые выше у Штедера ингуши района Балты — выходцы из Джераха, Цуровы (čuvræ qhungiš). Эти то Цуровы («Цурова фамилия Джерах») участвуют, наряду с тагаурскими (осетинскими) старшинами, в выдаче обязательств по охране безопасности Военногрузинской дороги (от Балты до Дарьяла) владикавказскому коменданту, в 1809 г. (см. Акты, т. III, стр. 222).

[2] Значительная, повидимому, давность этого события доказывается тем, что, как и сейчас, уже в первой половине XVIII в. ущелье Кистинки было необитаемо; ср. Вахушт (изд. Броссэ), стр. 228—229; ср. перевод Джанашвили, стр. 76—77.

[3] Далгат. Первобытная религия чеченцев. Терский Сборник, вып 3, кн. 2. Владикавказ, 1893, стр. 97. Непонятно, на чем основан расчет времени в указании, что «около 200 л. назад род Укурова основал сел. Эрзи» (Христианович, о. с., стр. 85); хронология

сходство их языков и преданий, живо сохранившихся в памяти народа. Вероятно какая-нибудь кровавая вражда с единоземцами, ... а может быть даже нужда в жизненных способах (sic) которыми так бедны бесплодные скалы гилгойские, заставили одно или нескольких кистинских семейств оставить родной аул, и в дальних горах искать себе приюта, который вскоре и открылся им между гор Цовата... Ныне всех селений в Цовате пять».[1] Цискаров ошибается, называя Галго (хевсурск. форма названия ghalghaj, ღალღა, соответствующая литературно-грузинской ღალღაჯ resp. ღალღვ) прародиной цова-тушин. Не говоря уже о том, что это противоречило бы ингушской традиции (см. выше и ср. ингушское название цовцев — fäppij bacaj), мы имеем у самого Цискарова косвенное указание на этот счет, ведущее нас на более правильный путь: в своих «записках о Тушетии», помещенных в той же газете «Кавказ» за 1849 год, он сообщает нам древнее название второй родины тушин, Цовата, именно Вабуа. Правильность этого показания подтверждается записями, произведенными в 1926 г. в Кахетии, в селении Земо-Алвани (цова-туш. alujnae, ингушск. oalænie), автором этой статьи.

В тексте предания, повествующего о первом поселении цова-тушин на кахетинской равнине, говорится, что они вышли «из гор» (цовск. laumren), а точнее «vaubren», по грузинскому переводу осведомителя, «из Цовата» (ვაგჳოოდან).[1] Не вызывает никаких сомнений, что древнее цовское наименование Цовата — Вабуа тождественно племенному названию веппинцев (совр. форма fäppij), группировавшихся вокруг древнейшего своего центра, аула Эрзи. Чрезвычайно характерно, что последовательные этапы цовско-веппинской колонизации Алванского поля в Кахетии хронологически близки к таковой галгаев. Событие, положившее начало поселениям цовцев

эта противоречит всему остальному, что нам известно об Эрзи. Первое упоминание Эрзи в научной литературе у Гюльденштедта, о. с., I, стр. 474; ср. об Эрзи ниже.

[1] Газ. Кавказ, № 50, от 20 VII 1846 фельетон «Картина Тушетии» Ивана Цискарова. В лице автора приведенной статьи мы имеем первого исследователя одного из чеченских племен, который заслуживал бы такого же внимания, как и Чах Ахриев. Автор прекрасной работы о Ч. Ахриеве, Л. Семенов (см. Известия Ингушского института, I, стр. 261—271) ошибочно считает (цит. сборн., стр. 233) на основании газетной статьи Н. Яковлева, первой записью чеченских песен на языке подлинника запись Толстого. В действительности таковой является записанная не позднее, чем в 1848 г. И. Цискаровым «кистинская» песня, сохранившаяся в его литературном наследии.

[2] Ср. наши «Материалы по цова-тушинскому языку», имеющие выйти в свет в издании Академии Наук СССР.

на равнине, согласно упомянутого предания[1] — насилие, учиненное татарами над несколькими цовцами, случайно попавшими на плоскость, — то самое, о котором рассказывает Вахушт в своей истории Кахетии под 1659 г.[2] Соответственно этому, примерно к XVII в., как мы видели выше, относится и возникновение Ангушта. По сведениям Радде, полученным в 1876 г., ход цовской колонизации представляется в следующем виде: «Рассказывают, что первое выселение оттуда (т. е. из Цовата, в верховьях тушинской Алазани) совершилось лет 150 тому назад... В тридцатых и сороковых годах покинули названные селения и все почти остальные жители, составлявшие Цовское общество. Побудительными причинами выселения их были... то благосостояние, которым пользовались в Кахетии их родичи. Впрочем они не отказались еще окончательно от своей родины и в Индурте живут постоянно, даже зимой, 2—3 семейства.[3] Так как с течением времени, когда стада увеличились, обычная перекочевка с Алвани на летние пастбища в отдаленной Индурте сделалась очень затруднительной,

[1] Известная грузино-тушинская песня, популярная среди цовцев и начинающаяся словами: ბახტრიონს სხენან თათრები (в Бахтрионе сидят татары), также связана с этим событием. В земельных спорах со своими соседями за обладание Алванским полем тушины опирались впоследствии на царственную грамоту, выданную им 7 февр. 1757 г. царями Теймуразом и Ираклием. Об этом, как и о некоторых других документах, связанных с историей постепенного внедрения тушин на плоскость, статья ქ. ალბანელი. თუშების ორი გუჯარი და როგორ უფურებდა ბარის ქართველი თუშს მე XVIII საუკუნის ღამლევს в журнале ქვლი за 1897 год, стр. 877, 902 и 914.

[2] Ср. текст Вахушта, изд. Чубиновым (Histoire de la Géorgie, II Partie, S. Pétersbourg, 1854), стр. 124—125 и перевод, стр. 173—174. В 1642 г. Алванское поле было еще необитаемо: «А Олон место пустое. Около ево деревень и жильцов и пашен никаких нет. От Лавердовского монастыря стоит в 3-х верстах, близко к кумыцким горам». См. цит. ниже «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию», стр. 143. На наличие цова-тушин в недалеком от Алвани расстоянии указывает, однако, маршрут, рекомендованный еще в 1589 г. кн. С. Звенигородскому и дьяку Т. Антонову посланцами царя кахетинского, Александра; «итти послом безстрашно на Метцкие гребени, на Шихово племя, на Бурнашову да на Амалееву землю, да на Батцкие гребени; а владеет тою Батцкою землею государь их Александр» (ср. Белокуров. Сношения России с Кавказом, т. I, стр. 128); ср. Материалы для историко-географ. словаря Кавказа Е. Вейденбаума, Сборн. мат. Кавказа, т. 20, стр. 12), если мы отожествим Амалееву землю с соврем. Омало, а под Батцкими гребенями усмотрим национальное имя цова-тушин — бацби. В настоящее время известны 4 цовских селения в горах: Etelta, Sagirta, Indurta и Charo. Пятым из упомянутых Цискаровым 5 селений было Mozarta (сообщение И. Букурауля).

[3] Это справедливо и для настоящего момента. Полная аналогия современной горной Ингушии, ср. выше стр. 687.

то тушины просили об уступке им места Тбатана.[1] Это было в царствование императора Александра I».[2]

Итак, русское название «ингуши» позднего, недавнего происхождения, и обязано своим возникновением первому этапу направленной в сторону России колонизации, во главе которой стояли выходцы из так называемого ghalghačie,[3] галгаи. Впервые в европейской научной литературе имя ингушей встречаем, повидимому, у Я. Штелина[4] в 1770 г., а затем в этнографическом труде акад. Георги, вышедшем в 1776 г. «Die Kystinzen oder Kisten, die auch von den Russen Jugupzy genannt werden, sind den Tschetschengen an Stärke und überhaupt in allem ähnlich. Sie bewohnen die in viele Districte getheilte Provinz Kistetien am Sunscha und deren Flüsschen, im Mittelgebürge der kleinen Kabardey. Sie sind auch Schutzunterthanen Russlands, welches sie im vorigen Kriege wieder die Türken vergassen, aber im Jahre 1771 zu ihrer Schuldigkeit zurücke kehrten, von neuem huldigten und Geisel gaben».[5] Здесь мы видим, что название ингуши (у Георги по ошибке

[1] У Радде по ошибке: Батани (груз. ბათანა, = у озера, цовск. thbatnix; ср. цовск. назв. аналогичного значения, haumbarč = груз. ალაზნისთვი).

[2] См. Радде. Хевсурия и хевсуры, русск. перевод, Зап. Кавк. отд. Геогр. общ. XI, 2, Тифлис, 1880, стр. 313—314. Р. Эристов указывает, как на промежуточный этап передвижения цовцев из ущелья Глигвы в Тушетию, «Хевию, Мтиулетию, Чартали, Хандо и другие боковые Арагвские и Терекские ущелья», покинутые ими вследствие «притеснения от Арагвского Эристави» (О тушино-пшаво-хевсурском округе, Зап. Кавк. отд. Геогр. общ., V. Тифлис, 1855, стр. 80). Тот же автор приводит «слова одного гомецарского старшины, от которого, по поводу спора гомецарцев с цовцами, за землю, занимаемую последними, потребовали документы на принадлежность им этой земли. Он отвечал: «какие могут быть у нас документы? Несколько столетий тому назад, мы приняли цовцев, как иностранных пришельцев, дали им для жительства, по своему хотению, небольшую горную долину, называемую Индурт и, также по своему хотению, позволяли все это время пасти принадлежащие им стада на земле, нами прежде их занятой...», ibid., стр. 81. Живущие в настоящее время в Панкисском ущелье так наз. по ингушск. phengisxuoj — кистины, выходцы из Митхойского (Сахановского) общества, поселились здесь с 1851 г., ibid., стр. 92, прим. Панкисские кистины — христиане (крещеные в 1866 г.). По Радде, о. с., стр. 54, в 1876 г. жители Джоколо и Дуи Сопели были сплошь (в числе 496 чел.) христианами, жители Омало—частью христиане (182 чел.) частью мусульмане (199 чел.). Кроме того христианами же значились кистины сел. Зенамхари (8 дымов), Бахтриони и Хорбало (188 чел.); см. ibid., стр. 51 и 53 и стр. 316.

[3] Так называлась родовая территория жителей «трех селений», Эги, Хамхи и Таргима.

[4] См. I. v. Stählin. Kurzer Entwurf der zwischen dem Schwarzem Meere und der Kaspischen See gelegenen Länder und Völker, in Geograph. Kalender auf das Jahr 1770; ср. заметку об этом издании у Bacmeister. Russische Bibliothek etc. I, S.-Petersburg, 1778, 239—242.

[5] См. Beschreibung aller Nationen des russischen Reiches etc., von Joh. Gottl. Georgi Erste Ausgabe. Nationen vom Finnischen Stamm. St.-Petersburg, 1776, стр. 133—134.

«югупцы») признается специально русским названием кистов.[1] Не подлежит сомнению, что название кисты известно было в Московии с момента упрочения русско-грузинских взаимоотношений и появления в Москве первой грузинской колонии, т. е. с XVII в. Тем не менее, давность названия кисты (ჯოხეთი) в самой Грузии не слишком большая: мы не имеем, как кажется, возможности проследить этот термин, по *грузинским* источникам, далее XVII в.[2] В греческом письме кахетинского царя Теймураза, написанном в 1639 г., отправленном к Михаилу Федоровичу с митрополитом Никифором, характеризуются пути из Грузии в Россию; здесь мы, между прочим, читаем: «*ἔχομεν καὶ ἄλλην στράταν, μέγα βασιλεύ, ἀπὸ τοὺς κίστιδες, ἀμὶ εἶνε ἄτιχη κατὰ πολά, μόνον ἀπὸ (τοὺς) τούσυδες ἔχομεν καλὴν στράταν*, т. е. имеем мы и другую дорогу, великий государь, через кистов, но она весьма опасна, только через тушин имеем хорошую дорогу».[3] Из этого же письма могли в России узнать впервые и современное национальное имя ингушей, ghalghaj, ставшее однако достоянием русской науки лишь 150 лет спустя, со времени опубликования труда Гюльденштедта: «*ἤλθα καὶ ἄνιξα στράταν στὰ βουνὰ τὸν τουσιόν, ψάβηδες κλέγουδες, κευσουράτιδες, καὶ κήστηδες*, т. е. я пошел и открыл дорогу через горы тушин, через пшавов, галгаев, хевсуров и кистин».[4] Будь русские люди XVI—XVII вв. ближе заинтересованы вопросами кавказской этнографии, они не могли бы не обратить внимания еще на один, повидимому этнический, термин, именно калканцы (resp. колканцы). В статейном списке посольства в Грузию кн. Семена Звенигородского, под 27 мая 1590 г. читаем: «приходили на послов (на пути от Казбека в Ларс) на князя Семена да на дьяка на Торха напоследние люди горние люди колканцы и стрелца были Найденка взяли и лошед под ним убили; и послы князь Семен и дияк Торх, поворотясь, тех калканцев

[1] Также кистинцы, киштинцы (последняя форма чаще в документах XVIII в.).

[2] Мы оставляем в стороне известную анонимную армянскую географию (VII—VIII вв.), где название это встречается, в форме ⴀⴀⴀⴀⴀ (ⴀⴀⴀⴀⴀ) ⴀⴀⴀⴀⴀⴀⴀⴀⴀ, т. е. кусты (кисты) 'людоеды', в длинном списке народов Азиатской Сарматии, ввиду того, что характер текста не исключает здесь возможной позднейшей интерполяции. Ср., впрочем, мнение Н. Я. Марра, ИАН, 1916, стр. 1401 слл., в статье «К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа».

[3] См. Переписку, на иностранных языках, грузинских царей с российскими государями, от 1589 г. по 1770 г. СПб., 1861, стр. 24, ср. еще стр. 28 и старинный перевод на стр. 43 и 45 (кисти, кести).

[4] Ibid., стр. 29 и 45. *κλέγουδες*, несомненно, груз. ღლღღვღო, страна галгаев (в современном письму русск. перевод «Клеиды», на стр. 45).

побили и стрелца у них отняли».[1] Через 14 лет такой же инцидент произошел и с послом Михаилом Татищевым. 3 августа 1604 г., опять на пути от Ларса к «Сонской земле» (начиналась от сел. Казбек) случилось, по словам Татищева, «приходили, государь, на нас на первом стану в ночи горские люди с вогненым боем; а у нас, государь, для береженья была заставка и сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли и с ними бились, ис пищалей стреляли и от станов наших отбили и многих у них перераниди. А Сонские, государь, люди, которые к нам встречю приехали для мостов, сказывали, что те люди приходили из гор Калканцы; преж сево они были послушны Алкас-мурзе, а ныне они послушны Айтек-мурзе».[2] Место действия и зависимость от Малой Кабарды, наряду с созвучием имени Калкан с «Галгаем», невольно обращает на себя внимание. Следует, однако, отметить, что другие наши источники ведут нас как будто в другую сторону. Выше цитированное греческое письмо Теймураза от 1639 г. знает *τὸν ἐριστάβι τὸν καρακαλκάνου* (Аристона Каракалканского древнего перевода),[3] а Рейнеггс, проведший в Грузии ряд лет в качестве уполномоченного русского правительства при грузинском дворе, помещает Каракалкан в Грузии: «К северо-востоку от Ахал-Гори (сел. в Карталинии, на р. Ксанке) живут различные племена, которые называются вообще Каракалкан; они заняли своими домами все доступные для поселения места гор. Они называются черно-встающими потому, что они никогда не моют себе лица. В горах этих народов берет начало река Пшау (Pschau?) из многих ключей и ручьев; однако уже в долинах северо-восточных предгорий она

[1] См. у Белокурова, Сношения России с Кавказом. Вып. I, Москва, 1889, стр. 222. Каково бы ни было, в конце концов, действительное содержание термина «калкан», в вероятной зависимости от него находится современное ингушское название владельцев селения Казбек на Военногрузинской дороге, именно gælxie.

[2] Ibid., стр. 456 и 474. Алкас и Айтек — малокабардинские князья, внуки Клехстана; сын Алкаса — Мундар, сын Айтека — Охлов, откуда известные впоследствии Мухаровы и Ахловы кабаки (последний одно время, как мы видели выше, на территории нынешней Ингушии); ср. ibid., стр. 2 и 8. 7 мая 1605 тому же Татищеву сообщили в Грузии, что «меж Черкасские и Юрьевы (вс. грузинского царя Георгия) царевы земли есть горские люди, словут Осинцы, всего их человек з 200; и те люди Карталинским людем чинят тесноту, тайно приходя, побивают и грабят... А те Осинцы бывали за Айтек-Мурзой Черкасским, да от него отложились». Ibid., стр. 508, ср. стр. 511. Здесь мы имеем дело с *древнейшим* упоминанием этнического термина «осетин» в русских источниках, с интересными подробностями о взаимоотношениях Грузии, осетин и Кабарды в начале XVII. в.

[3] Переписка, цит. выше, стр. 28 и 45; ср. еще Каракалкан там же, на стр. 24—25, 28 и 44. Ср. еще Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию 1640—1643 гг., изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1928, стр. 40.

встречается с рекой Арагвой и соединяется с нею»;[1] на карте, приложенной к сочинению Рейнеггса, Karakalkan показаны в современной Мтиулетии, в верховьях Арагвы.

Свое обще национальное ныне название ghalghaj сами ингуши склонны в настоящее время производить от слова ghalæ 'жилая башня в горах', в отличие от vhov 'башни военного назначения', исходя из известного факта прежней распространенности среди ингушей строительного искусства. Мало вероятная сама по себе, этимология эта не считается: 1) с наличием в ингушском языке более древней формы арабского слова قلعة 'крепость, замок'—qäll (что значит в горах 'село, аул'), попавшей в ингушский, быть может, через более старое посредство осетинского языка (здесь qallæ 'крепость, станица'), тогда как ghalæ идет от кумыков; 2) с показанием иноязычных форм этого слова (ghalgha), хевс. ღალღა, лит. груз. ღალღუ, осет. qулба, которые все указывают, повидимому, на первоначальную краткость первого гласного;[2] 3) с неясностью, что очень важно, значения второго слога (-gha) при таком толковании термина. Первый, обративший внимание на этимологию этого слова, Вахушт колеблется

[1] Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Zweiter Theil. Hildesheim und St.-Petersburg, 1797, S. 77 и Erster Theil. Gotha und St. Petersburg, 1796, S. 3. (Karakalkan-Daghlar=Berge der Schwartz-Aufsetzer oder Schwarz-Mützen, согласно Verbesserungen в конце I тома) переводит Schwarz Aufsteher. Предложенная нелепая этимология (от тур. глагола قالقمق, 'вставать') учитывает правильно турецкое происхождение термина. Название «червощитные» (от тур. قالقان 'щит') прекрасно подходило бы и к обитателям Трусовского ущелья, осетинам по национальности, ношение которыми щита особо отмечается путешественниками; см. Klaproth, o. c., I, 305 и ср. Энгельгардт, о. с., стр. 188. В связи с упоминанием народа каракалканов («Qarakalkanlik») в истории походов Тимура на Кавказе (в 1394 и 1400 гг.). Броссэ делает следующее замечание (Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie etc. St.-Pétersbourg, 1851, p. 388, n. 3): «On sait que c'est le nom donné par les auteurs musulmans aux peuplades des Phchaws, des Khewsours et des Goudamaqars, qui occupent les territoires sur la rive gauche du haut Aragwi»; ср., однако, его же слова ibid., p. 398, n. 4. К XVII веку относится упоминание каракалканов у Hammer'a: см. цитату у Brosset. Hist. moderne de la Géorgie, I livr., p. 62, St.-Pétersbourg, 1856. Заал, играющий большую роль в истории Грузии XVII в., эристав Арагвинский по грузинским источникам, называется в персидском фирмане эриставом каракалканским, см. Акты Арх. ком., т. II, приложение в конце тома, стр. 1088. Ibid., 820, приводится указание на фирман Фехт-али-шаха (1804 г.), адресованный тагаурцам, о присылке трех человек из племени каракалхан (Берже замечает к этому: «осетинское племя; не карабулаки ли?»).

[2] При этом пришлось бы допустить влияние указанной народной этимологии на современное произношение с долгим гласным в первом слоге (ghalghaj): Попов, в статье «Ичкерия» (Сб. свед. о кавк. горцах т. IV), стр. 17, соответствующее инг. qäll чеченское слово переводит 'хутор' («*келли*, на языке прежних обитателей Ичкерии, означает 'хутор'. Ныне хутор называется *котар*»).

между производством слова от (эпонимного) имени внука Дзурдзукоса, Глигоса (ღლიღოსისა-გან) и толкованием его в смысле 'страны неодетых' (უმოსელობისა თჳის წოდებული).[1] Оставляя в стороне решение этого вопроса, мы должны лишь обратить внимание на то, что термину ღლიღუ хронологически предшествует, в наших источниках, другой, имеющий более широкое значение, термин Дурдзук (груз. დურძუკეთი, арм. *դուրդիկք* resp. *դուրձիկք*, арабск. درذوقيه). По толкованию Вахушта, под Дурдзукетией (у него позднейшая форма, с начальным дз — ძურძუკეთი, форма ზურზუკი встречается у Давида Ректора, см. ძველი საქართველო, т. II (Тифлис 1913), отд. 3, стр. 64. В русских источниках XVIII в. встречаем форму «Дзюрдзюки»: «Горские народы Дзюрдзюки, Хевсуры, и Пшавы, подвластные царю (sc. Грузии)—закона греческого». С. Д. Бурнашев. Картина Грузии и т. д. Курск, 1793. Цитата заимствована из 2-го издания этой брошюры. К. Н. Бегичева. Тифлис, 1896, стр. 4. Сведения Бурнашева относятся к 1786 г.) разумелось: 1) верхнее течение р. Арм-Хи или Кистинки; 2) первоначально (ვირველ) еще и вернее течение Ассы (ღლიღუეთი) и еще одной реки, название которой в тексте пропущено, но под которой, вероятно, следует подразумевать Аргун.[2] Какого происхождения это древнейшее в наших источниках название интересующей нас страны? Вахушт и в этом случае ограничивается производством имени страны от мифического эпонима, Дзурдзукоса, Тиненова сына (ძურძუკოს ძე ტინენისა);[3] он следует, впрочем, за Леонтием Руисским (მროველი), в XI в. предлагающим ту же этимологию, с тем впрочем различием, что отцом героя называется не Тинен, а Тирот (ძე ტირეთისა).[4] Представление, связываемое с Дурдзуками у автора начальной грузинской летописи, Леонтия, говорит в пользу большой давности знакомства грузин как с самым термином, так, очевидно, и самим обозначаемым этим термином народом. Для древнейшей эпохи Дурдзук символизирует собою весь северный Кавказ: в этом именно смысле приходится

[1] Вахушт, изд. Броссэ, стр. 456—457. Напрасно издатель говорит в прим. 1, на стр. 457: «aucun mot géorgien ressemblant à ghlighwi n'a, que je sache, le sens de nudité». Вахушт имеет, конечно, в виду груз. ღიღველი, означающее, по С. С. Орбелиани (s. v. შიშველი), ღიღი ფრინველი ნაკრკენ ღაცვნული, 'большую resp. взрослую птицу без оперения' (точнее 'с опавшим оперением'); ср. s. v. ღიღველი, где нет слова 'большой'.

[2] Вахушт, изд. Броссэ, стр. 454—455 и 456—457; ср. стр. 428—429, и перевод Джанашвили, стр. 151—152.

[3] Вахушт, о. с., стр. 458—459.

[4] Вахушт, ibid.; Histoire de la Géorgie, I partie, texte, p. 22, traduction, p. 24.

понимать слова историка: შეიღთა ზედა კავკასიისთა იყო უფლე დურძუკ 'владыкой над сынами Кавказа был Дурдзук'.[1] Несколько раз повторяющееся в своде грузинских летописей сочетание дурдзуков с осетинами, и в частности любопытный рассказ Леонтия о том, как создалось современное ему положение в горах Кавказа, наводит нас на предположение возможной этимологизации დურძუკ в смысле современного осетинского дӯрдзvq 'каменная яма' (т. е. 'ущелье'; соответствующая дигорская форма дордзуq)».[2] Рассказ гласит: когда хазары совершили свой победоносный поход против сынов Торгома, населявших Закавказье, в походе участвовал сын царя хазар, Уобос (უობოს),[3] и «он (scil. царь хазарский) отдал своему сыну землю, долю Кавказа, к западу от реки Ломеки (ლომეკი) до западной оконечности гор, и поселился (там) Уобос, и потомки его суть осетины (ოვსნი), и стала Осетией доля Кавказа. А Дурдзук... пошел и расположился в расселине горы (ნაშრალი მთისა = дӯрдзvq!) назвал ее по имени своему Дурдзукией (დურძუკეთი) и платил дань царю хазаров».[4] В имени сына хазарского царя можно признать, без колебания, древнейшее упоминание ингушского племенного термина «вепший» (fäppij) восходящего таким образом, по крайней мере, к X в. н. э.; что же касается Ломеки (точнее ლომეკის მდინარე), одного из древнейших названий Терека, то мы усматриваем в нем нарицательное «дурдзукское» слово, перевод которого сохранился в осетинском арвуком (букв. 'небесное ущелье', название Военногрузинской дороги, идущей по долине Терека): т. е. ингушское *loamæxkæ 'горное ущелье' и, соответственно, ლომეკის მდინარე значило бы 'река (горного) ущелья'.[5]

[1] Histoire de la Géorgie, texte, p. 22; ср. ibid., слова: დურძუკ, რომელი უწარჩინებულეს იყო შვილთა შორის კავკასისთა (Дурдзук, самый выдающийся человек среди сынов Кавказа). Характерно колебание между формами კავკასიოს კავკასი(ს), на что обратил уже внимание Броссе в прим. 1 на стр. 22 своего издания текста.

[2] Ср. аналогичное название карачаевского аула Хурзук, происходящее от (алано-) осетинского слова хурдзуq, id.

[3] Вахушт, о. с., стр. 424—425 называет его ურბანოს.

[4] Одновременно хазары также вытеснили Хозаниха (ხოზანიჰ, вполне совр. аварского сел. Хунзаха), главу леков, заставив и его поселиться в «расселине горы»; см. Histoire de la Géorgie, texte, p. 22—23, traduction, p. 25—26.

[5] Груз. название района Военногрузинской дороги ჯვარი ('ущелье' par excellence): Смысловая связь 'неба' и 'горы' документирована архаичным осетинским наречием вепшинцев. слово lam значит здесь и то и другое, laumren (в переводе Schiefner'a) 'himmlisch', 'bergig'. Словами lamun duxkhan Цискаров перевел груз. ცის სარტყელი ('небесный пояс', т. е. 'радуга').

Отсюда сам собою напрашивается важный этнологический вывод, что весь район Военногрузинской дороги входил в сферу древнейшего расселения чеченских (ингушских) племен, ныне разделяющих свое пребывание здесь с осетинами и грузинами-мохевцами. В связи с предлагаемой здесь этимологией древнего названия Терека уместно напомнить, что и название притока Терека, некогда занятого Эрзиевыми (выше названный oaxkærie, у Клапрота, о. с., I, 671: Ахкага) происходит вероятно от слова æxkæ, предполагаемого нами в составе (ლომ) ეკი и значит попросту 'ущельный, горный (sc. поток)'.[1]

Имя мифического отца Дурдзука, Тинен гевр. Тирет, ставит перед нами интересный вопрос о древнейшем населении Дурдзукии: только так и приходится, очевидно, понимать эту генеалогию. Кажется несомненной связь имени Тинен (Тирет вероятно возникло, на почве смешения в грузинском письме нуска хуцури сходных начертаний *h* и *ḥ*, из первоначального Тинет) с народом Тиндов, который жил некогда, по преданиям, сообщаемым у Головинского, на территории современной Ингушии: «Тинды были очень древний народ, живший на землях галгаевцев и переселившийся потом неизвестно куда и когда».[2] В названии усматривается иранский формант — -an, чередующийся с -et, оба хорошо известные суффиксы множ. числа (*-an*, редкий в осетинск., звучит в настоящее время, как *-on*;[3] таким образом основа имени tin (thin) дошла до нас через аланское посредство,[4] ср. alon-ta, где -on и ta сочетаются, выше, прим. 1). Впрочем, тиндами далеко не исчерпывается список народов, населявших по преданиям Ингушию до поселения в ней племен ghalghaj и fäppij. Мы знаем, напр., что в Хамхинском обществе жили некогда dyvij, в имени которых легко

[1] Наиболее древнее название Терека, известное нам от Плиния (вернее, может быть, от Гн. Домиция Корбулона, записками которого Плиний здесь пользуется: N. H. VI, 30), Diriodoris, заменено в новейшем издании Detlefsen'a бессмысленным чтением: diri odoris, (ужасного запаха, вонючая вс. река), и перешло в таком виде и к Латышеву (Scythica et Caucasica, II, p. 182). Нижнее течение Терека называлось в древности (Ptol. V 8, 6) *Ἀλόντας* (по имени алан, живших на Тереке?); впрочем A. Premerstein предлагает здесь читать, в соответствии с латинской надписью CIL, XIII, 8213, *Ἀλούτας*. См. Klio, т. XI, стр. 357.

[2] Головинский, о. с., стр. 249; ср. Далгат, о. с., стр. 65. Спец. так наз. «тиндские могилы» (haemryё; пова тушинск. hemur 'надгробный памятник', теперь вытеснено грузинск. ғазарlav < სასაფლაო) сохранились в ущелье р. Фортанги у Бумута.

[3] Миллер. Осетинские этюды, т. II, стр. 126; стр. 120 сл. о *te*.

[4] Осетинский партовский эпос знает какой-то *Тинтӯ*-калак = город Тынтов, см. Миллер, о. с., т. I, passim; Лопатинский отожествляет его с гор. Гори (СМК, XII, отд. I, стр. 144).

узнать иранских дивов (daeva, груз. დევი; ср. еще, быть может, осет. даўæг 'дух покровитель'); нам сообщают о žiltij, джелтах, живших в Мецхальском и Джераховском обществах и отожествляемых столь неудачно Ахриевым (а за ним и другими) с эллинами (sic! пишется в угоду этимологии и «джелины»), в имени которых усматривается осетинский суффикс множественного числа (тæ), при основе джіл (джел), напоминающей нам *гелов (Γῆλαι) Страбона, помещающего их по соседству с легами (Λῆγαι)* на Северном Кавказе;[1] далее идут «Мида», уже на территории Чечни, созвучные какому то селению «Medi», служащему пограничным с Чечней лезгинским пунктом (Gränzort der Lesginer), по сведениям Штедера,[2] и «Джаи», представляющие собой современных аварцев[3] (ингушск. žhoj 'аварцы').[3]

Из названий, даваемых соседями ингушскому народу, нам остается рассмотреть осетинское mæqqæl, представляющее специальный интерес. Название это, в настоящее время синонимичное вышеупомянутому qулъа, некогда, без сомнения, имело ввиду ближайших соседей осетин, веппинцев (тогда как qулъа и по происхождению = ghalgha); до сих пор ущелье Арм-хи, обитаемое веппинцами, называется ущельем mæqqæl-дон'а (отсюда и неупотребительное ныне русское Макал-дон) 'реки ингушей'. Для выяснения происхождения этого термина, обратимся к вышеупомянутому старейшему аулу веппинцев, Эрзий, своим названием тесно связанному с названием народа Макал. Эрзий (ärzij) значит по-ингушски 'орел', а maqqæl, по объяснению некоторых ингушей, 'название птицы, вроде орла'; в чеченском (chuoqh) erzæv (по Услару) 'орел', maqqæl 'коршун'. В ärzij мы имеем, по всей вероятности, старое иранское заимствованное слово, характерным образом не представленное в современном осетинском языке: ср. авест. ərəzifya (санскр. ṛjipyá), древнеперсидск. *ἄρξιφος* 'орел', в измененной, через посредство армянского *արծաւի* > груз. არწივი, форме представленное

[1] Об dyvij и žiltij ср. Malsægæ n. Z. Ghalghaj grammatik, словарь, s. vv. Толкование Ахриева в статье «Ингуши» (Сб. свед. о кавк. горцах, т. VIII, стр. 6).

[2] Штедер, о. с., стр. 40.

[3] Миллер. Мат. по археол. Кавказа. Москва, т. I, 1888, стр. 36. Что касается «вамполов» — великанов, живших после джелтов в Ингушии (ср. Ахриев, стр. 7, и Далгат, Э О, о. с., стр. 43), то они поддаются, не взирая на свой вполне сказочный характер, точному топографическому приурочению к верховьям правого притока Ассы, так наз. Тобачоч: один из притоков последнего называется Вампал-ахкичоч, см. показания Ольшевского у Берже Чечня и чеченцы, стр. 11.

в цова-тушинском в виде archiv.[1] Ахриев объясняет нам происхождение названия аула; родоначальник Кистинского (т. е. Мецхальского) общества во время первых крестовых походов бежал из Сирии в горы Кавказа и основал аул Арзия (т. е. Эрзий).[2] «При этом он, вероятно по примеру своих предков, избрал герб, с изображением орла, который, как знак власти, был передаваем из рода в род старшему члену семьи. Этот герб в настоящее время, как нам известно из достоверных источников, хранится в одном из правительственных учреждений. На груди орла вырезана звездообразная фигура, а на цее находится надпись вырезными буквами».[3] Оставляя на ответственность автора изложенные обстоятельства появления надписи в сел. Эрзий, мы ограничимся констатированием: 1) генетической связи названия аула с изображением орла и 2) несомненной подлинности приводимой далее арабской куфической надписи; вызывает сомнение лишь точность воспроизведения надписи в статье Ахриева. В том виде, в каком надпись представлена у Ахриева, она читается (предположительно) И. Ю. Крачковским, любезно согласившимся высказать свое мнение, следующим образом:

بسم الله الرحمن الرحيم بركه الله مما عمّر سليمن ..... سنه ثمنن و مائتن (?)

Речь идет, таким образом, о построении (resp. возобновлении) неким Сулейманом какого-то сооружения, имевшем место в 280 г. х. (т. е. 893 г. н. э.).[4] Не вдаваясь здесь в эпиграфические подробности, отметим важность

[1] Ср. Hübschmann. Armenische Grammatik. I Th. Lpz., 1895, на стр. 424—425. Ср. еще дагест. языки, напр. лакск. barzu 'орел'. Хевсурам ärzij известен как раз под названием არწივი, а Джерах, называемый по-ингушски и eghœrœ qâll 'нижняя крепость', называют ქომცხე; ср. выражение არწიველ-ქომცხელები в хевсурских песнях, опубликованных А. Шанидзе в წელიწდეული, l. infra cit., стр. 289.

[2] Помимо своей древности, сел. Эрзий было некогда наиболее населенным аулом Мецхальского общества: в 1811 г. в нем числилось 50 дворов, в Тарше — 29, в Мецхале же всего 10; см. Акты, т. IV, стр. 904.

[3] Ахриев. Ингуши, стр. 1. Статья Ахриева вызвала в свое время «заметку о куфических надписях в ауле Арзия и т. д.» Ю. Проценко (в Изв. Кавк. общ. ист. и арх., вып. I, Тифлис, 1882, стр. 45 сл.). Здесь предлагается фантастическое толкование надписи, данное В. Н. Безменовым (стр. 47—48).

[4] Характер куфического письма надписи вполне подходил бы, по обязательно сообщенному мне мнению В. А. Крачковской, к указываемой эпохе. Относительно геральдического значения орла существует обширнейшая литература. К изображению орла (герба) специально у мусульман см. M. v. Berchem. Amida; Fr. Sarre. Ein orientalisches Metallbecken des XIII Jahrhunderts etc. Jahrb. Königl. Preuss. Kunstsamml. Berlin, 1904, 64—69. (Указания В. А. Крачковской.)

приведенной датировки: она служит terminus post quem возникновения названия аула и связанного с ним этнического термина. Мы должны представить себе дело, примерно, так, что не ранее, чем в конце IX в. в ущелье р. Арм-хи возник, или же переменил прежнее название на нынешнее, аул Эрзий, названный так по изображению геральдической птицы (на здании?). Называемый одними 'орлом', герб толковался и в смысле 'коршуна' (maqqæl). Крупная колонизационная деятельность выходцев из этого селения, Эрзиевых, дала повод их западным соседям-осетинам назвать их соотечественников по имени главного их селения, но исходя из менее лестного для национального самосознания вепхинцев понятия 'коршун'. Следует добавить, что осетинам известно первоначальное нарицательное значение слова mæqqæl, в несколько лишь измененной форме: mæqvl 'коршун' resp. 'кончик',[1] подобно тому, как ингуши, кроме maqqæl в значении птицы, употребляют еще и форму mieqqæl в бранном выражении: vuon mieqqæl jæ x̌uo (причем задевают того, к кому обращаются, презрительно за нос) 'ты скверная птица (вепхинец?) mieqqæl'.[2] В качестве terminus ante quem возникновения этнического термина mæqqæl следовало бы, быть может, считать время появления в нашей историографической литературе названия ущелья, находящегося по близости от вепхинцев, Гудамакарского (грузинская форма გუდამაყარი, армянск. Գուդամակարք). Мы рассматриваем это название, как составное из 1) gudan и 2) maqhar. Вторая часть представляется слегка измененной формой интересующего нас термина mæqqæl,[3] что же касается первой, то следует сравнить: сообщаемое Клапротом осетинское название тушин (Gudan),[4] вепхинскую фамилию Гудантовых (Гудатовых) в Джейрахе, Фуртауге и Тарше (селения по Макал-дону),[5] и наконец, название одного из

[1] Ср. еще осет. mikïa 'кончик' и мучъаллæ 'насмешливое прозвище, собств. имя'. Клапрот слышал еще, повидимому, форму mæqvl или mikïa в смысле 'вепхинец', о. с., I, стр. 670: Mæqqæl-дон назван у него «inguschisch» Mukila; ср. Гюльденштедт (I, 474)—Makat т. е. mæqqæltæ.

[2] О внутреннем самосознании вепхинцев можно судить, исходя из названия zovtæ qhungiš (см. выше), по словам Потоцкого, Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase, I, Paris, 1829, p. 125: «les gens qui affectent de la supériorité sur leurs concitoyens prennent les noms de *Zaour*, *Iotach*, et autres semblables».

[3] Грузинская народная этимология видит в გუდამაყარი слова გუდა 'сума' и მაყარი 'свадебный дружка, шафер'.

[4] Клапрот, о. с., I, стр. 688. Мне неизвестно, существует ли сейчас такого значения слово в осетинском языке.

[5] См. Христианович, о. с., стр. 71, 74 и 87, ср. еще сел. Гудамта (გუდამთა) в Тушетии (Гомецарское общество).

древнейших аулов Хевсурии, с известным святилищем, Гудани (გუდანი),[1] являющегося возможно пережитком до-грузинского населения Хевсурии. Впервые «гудамакары» встречаются в списке горских народов у армянского анонимного географа VIII в. (ср. выше), где оно могло быть интерполировано; в грузинских источниках мы имеем его впервые в позднейшем варианте жития Нины, вошедшем в состав свода летописей,[2] и относится к X—XI вв. (?). Если признать сопоставление გუდა-მაყარი и mæqqæl несомненным, отсюда последует вывод о былом распространении вепхинских поселений на южном склоне Кавказских гор, в Гудамакарском ущелье. Этот вывод не противоречил бы, как кажется, тем немногим сведениям, которыми мы располагаем по этнографии обитателей этой окраины Грузии в то, сравнительно отдаленное, время. Различные факты наводят на предположение, что древнейшим, указываемым нашими источниками, очагом чечено-ингушского национального бытия была современная Тушетия, впоследствии огрузинившаяся. Согласно Вахушту, тушины Парсманского (т. е. Пирикительского) ущелья «верой и языком смешаны с кистами» (სარწმუნოებით და ენით შერეულნი ჴრიახ გითარცა ქისტნი, стр. 328 изд. Бросса), а Цискаров (Записки о Тушетии, стр. 42—43) утверждает, что «Цовские и *Пирикительские* тушины суть кистинского происхождения».[3] Название თუში, известное со времен Птолемея, т. е. со II в. н. э., связывается и с религиозной терминологией ингушей: женским божеством tušuol (единственный персонаж ингушской мифологии, имеющий вещественные изображения! Неправильно Далгат. Первобытная религия чеченцев, стр. 100, толкует выражение dälа jæx̌ tušuol в смысле 'божье лицо': оно значит 'божья дочь'), известным и в непонимаемой сейчас форме tuvšæ в формуле dälnæx̌æ-tuvšæx̌æ 'пожалуйста', собств. 'ради бога Туша'? Иначе говорят dällæšoaj-tiešoaj.

[1] Ср. груз. изд. წლიწდეული, I, (ტფილისი, 1925), стр. 268, в. v. გუდანი. Предание об основании Гудани, первого по времени хевсурского селения, у Зиссермана, о. с., I, стр. 207—208. Неясного происхождения сообщаемое Клапротом (о. с., II, стр. 352) сведение, что грузины называют вепхинцев K'omoithi. По Гюльденштедту, о. с., I, стр. 474, название Komoiti осетинское (?), ср. осетинск. ком (ущелье).

[2] См. Histoire de la Géorgie, I partie, texte, p. 98 traduction, p. 126.

[3] В рукописи 1847 г. И. Елисидзе, Записки о Тушетии (хранится в Азиатском музее), на стр. 13 verso читаем: «почти половина жителей Пирикительского общества, именно Парсминский приход говорит чистым кистинским языком, который хотя и груб, но не так гортанный, как цовский язык».

Начиная с древнейших, доступных нашему суждению времен, в непосредственном соседстве с ингушами находилось хорошо известное в истории Кавказа Дарьяльское укрепление. Первым по времени сведением об укреплении этого района должно быть признано известие Феофана Митиленского (главного источника Страбона для Северного Кавказа), относящееся к половине I в. до н. э.[1] Плиний сообщает (примерно через 100 лет) дополнительные сведения об укреплении, приводя, вместе с тем, и название укрепления, Cumania.[2] Будущий историк ингушской культуры не сможет, конечно, обойти молчанием факт известного культурного влияния, которое должна была оказывать близость значительного в военном отношении пункта к колыбели ингушской народности. Данные для непосредственного культурного воздействия на ингушей крупных оборонительных сооружений появились однако лишь несколько столетий спустя, и связаны с именем сасанидского царя Хосроя Ануширвана (531—579 н. э.). По сообщению грузинской истории «Обращения Грузии» sc. в христианство (მოქცევა ქართლისაჲ),[3] вскоре после падения древнего грузинского царства (ок. 525 г. н. э.) «персы усилились и захватили область эров (ერეთი) и Армению, но в особенности завладели Грузией, вошли в Кавказские горы и построили для себя врата Осетии (კარნი ოსეთისანი), а именно: одни большие врата в самой Осетии, двое ворот в Двалии (დვალეთს) и одни врата в Парачване (ბარჭუანს) Дурдзукском (resp. находящемся в Дурдзукие); поставили тамошних горцев в качестве пограничной охраны (გუმრდად),[4] затем назначили одного человека начальником в цанарском ущелье[5] и подчинили ему (sc. охрану). А когда пришел царь Ираклий (т. е. в 623 г.), персы были сокрушены». Что события эти имели место при Ануширване, доказывается совпадением приведенного сведения с сообщениями (идущими из того же

[1] Strabo. Geograph., XI, c. 3, § 5.

[2] Plin. N. H. VI, 30. Название это, конечно, не имеет здесь ничего общего с названием турецкой народности куман (половцев).

[3] *Мы руководствуемся так наз. челишским вариантом этого произведения, обнаруженным в 1903 г. в сборнике XVII в. Соответствующее сведение утрачено к сожалению в древней Шатбердской версии X в.*; ср. ძველი ხელნაწერები, т. I, Тифлис 1909, стр. 1—29, II отд. и СМК, т. XLI, Тифлис, 1910, отд. I, стр. 48 сл. (и спец. стр. 63—64).

[4] Gumard — здесь специальный иранский термин для означения пограничной охраны; см. Какабадзе, о. с., стр. 104, прим. 2, и Hübschmann, o. c., стр. 129—130; Bartholomae, SB. Heid. Akad. Wiss. Phil.-hist. Kl. Jahrg. 1923, 9 Abh., стр. 23 прим. и стр. 51 прим. К армянск. ԳումարապետՔ см. еще стр. 160 цит. у Какабадзе издания Моисея Албанского.

[5] Т. е. по Военногрузинской дороге.

источника?) арабского историка ал-Белазурй и географа Ибн ал-Факйха: «и построил он (scil. انوشروان كسرى) Дурдзукию (الدرذوقيه), а она (состоит из) 12 ворот, и у каждых врат укрепление из камня».[1] Чрезвычайная важность этих указаний еще возрастает, если мы примем во внимание возможную связь сообщаемого грузинским историком названия Парачван (resp. Парчван) с именем хазарского города Варачана, известного нам из армянских источников.[2] Вывод, получаемый из рассмотрения приведенных свидетельств, может быть только тот, что в середине VI в. н. э. где-то на территории современной Ингушии существовало сооруженное сасанидским царем значительное укрепление, снабженное, разумеется, соответствующей охраной, поддерживавшей, возможно, регулярные сношения с административным центром сасанидской империи. Где могло находиться укрепление и упомянутый Парачван? Точный ответ на этот вопрос дадут, быть может, современем археологи Ингушии, вооруженные хорошими познаниями как в области ингушских древностей, так и в области древних сасанидских оборонительных сооружений на Кавказе (ср. Дербент). Нам приходится сейчас ограничиться указанием на так наз. Ассинские ворота, представляющие собою стратегически наиболее удобный пункт для такого рода сооружения, имевшего целью обезопасить район от вторжений с севера;[3] для Парачвана мы получили бы, в таком случае, Кэкальскую (qäqälli-e) котловину, как место наиболее вероятного нахождения.[4]

События VI в. могут считаться, таким образом, отправным моментом дальнейшей культурной эволюции того географического и политического

[1] См. Beládsori, ed. de Goeje, p. 190; BGA, V, p. ГЛЛ. В грузинском и арабских упоминаниях Дурдзукии мы имеем древнейшие о ней свидетельства источников (VIII, IX и X вв.).

[2] Армянская география псевдо-Моисея Хоренского, изд. Патканова, стр. 16 (перевод, стр. 38) и Моисей Албанский (resp. Каланкатуйский) цит. изд., стр. 271, 288 и 295. Местоположение Варачана (վարաչան) неизвестно; Патканов, о. с., стр. 38, примеч. 138, а позднее Marquart, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 16, отожествляют Варачан с также трудноопределимым Балинджаром بلنجر арабских источников.

[3] Подробно описываются Штедером, о. с., стр. 33—34. Ср. также Engelhardt, l. c., стр. 229—230, где об Ассинском укреплении сказано: «Die alte Feste ist jetzt verlassen, aber noch so gut erhalten, dass wenige geübte Schützen das Vordringen einer bedeutenden Macht hindern würden, denn diese könnte nur Mann für Mann dem Pförtchen sich nähern». В этом районе предполагалась перевальная железная дорога, см. о ней Мартиросян, в Изв. Инг. инст. I, стр. 135 сл. (здесь же карта предположенного пути).

[4] Неосновательно мнение Казембека, Derbend-nameh, стр. 201, прим., и независимого от последнего Н. А. Караулова (СМК, вып, 38, отд. I, стр. 78), помещающих, на основании звукового созвучия с Хев-сурами, Цори (и даже Сур-хохи), в район Ассы باب صول арабских географов: эти врата находились в районе Дербенда.

центра, находящегося в ghalghačie (ср. выше), которому суждено было впоследствии навязать свое имя всему ингушскому народу. Однако, уже задолго до этих событий ингушам пришлось, без сомнения, столкнуться с народом, дальнейшая судьба которого, вплоть до сегодняшнего дня, оказалась тесно связанной с судьбой ингушей. Мы имеем в виду алан, современных осетин, первое появление которых в районе Дарьяла, связанное с крупными этническими переворотами II в. до н. э. (на территории современного Туркестана), относится к 35 г. н. э.[1] Начиная с I в., на протяжении ряда веков, мы должны считать культурные влияния, шедшие отсюда, основным источником, питавшим горцев-ингушей, стоявших в тесной зависимости от обладателей северной равнины. Свое господствующее положение аланы утратили в этом районе лишь в бурную эпоху первых монгольских походов на Северном Кавказе в первой половине XIII в. Яркое описание событий 1222 г., когда «напали на алан татары (sc. монголы) и убили их множество и ограбили и взяли в плен», сохраненное нам арабским историком Ибн ал-Асӣром,[2] дает возможность оценить катастрофичность монгольских походов для народов Северного Кавказа и их решающее значение в полной перетасовке разноплеменных этнических масс этого района: современное распределение народов на Северном Кавказе восходит к этому времени.[3] Конечно, на ряду с аланами, здесь действовали и иные влияния, забвение которых создало бы картину одностороннюю и неполную. Мы ограничимся здесь одним лишь характерным примером. Во всех языках Северного Кавказа мы имеем, в значении надгробного сооружения, одно общее слово: абхазск. аԛашàna 'каменное надгробное сооружение'; также 'каменный столб', 'вообще куча камней искусственного происхождения', черкесск.-кабардинск. qeşane 'надгробный памятник', карачаевско-балкарск. k'ešene (то же значение), осет. дигорск. кесена 'башня, замок, чертог, сооружение';

[1] Ср. E. Täubler, Klio, t. IX, Lpz., 1909, стр. 14 сл.

[2] Chronicon, ed. Tornberg, vol. XII, гог—гог: ср. французск. перевод Defrémery. Fragments de géographes et d'historiens arabes etc. Paris, 1849. По-русски в Историч. материалах и разысканиях ак. Куника, Уч. Зап. Акад. Наук, т. II, СПб. 1854, стр. 686—668 и у Тизенгаузена, Сборн. мат. по истории Зол. Орды, I, СПб., 1884, стр. 25—26. Те же события описываются также у Рашид-эд-дина; ср. русский перевод Березина в статье: Первое нашествие монголов на Россию, ЖМНП, 1853, № 9 и Тр. В.О.Р. Арх. общ., т. XV (1888), стр. 92.

[3] Чтобы убедиться в справедливости сказанного, достаточно сравнить известия арабских географов IX—X вв. с послемонгольской литературой об этих же странах.

специально 'могильная изгородь',[1] иранск. чесена 'каменный могильник', 'небольшое каменное сооружение', 'куча камней'; наконец, чеченско-ингушск. kæš, мн. ч. kæšæmæš 'могильник'. У ингушей (и чеченцев) различаются могильники надземные (malxæræ kæš) и подземные (hielæræ kæš). Они играют весьма видную роль в археологии Ингушии, как по значительному своему числу, так и по обилию находимых в них предметов: «*каши* представляют как бы археологические коллекции, из которых можно извлекать предметы домашнего быта отдаленных времен».[2] Все эти слова идут, можно думать, из одного источника: половецкого (куманского) языка. В известном словаре половецкого языка (Codex cumanicus, начала XIV в.), в ряду терминов, относящихся к погребению, стоит kesenä «der toden huw». В. В. Бартольд, в статье «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов», замечает по поводу этого слова: «вероятно, так назывались упоминаемые Рубруком (в описании половецкого погребения) кирпичные мавзолеи»,[3] исходя из киргизского словоупотребления, где «слово käsänä до сих пор значит мавзолей».[4] Многочисленные свидетельства из старинных русских грамот XVI в. (ногайских, крымских и турецких) приводит в статье «К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды» Д. Кобеко.[5] Здесь интересующее нас слово звучит «кешень»: «велю над *слугою своим... кешеню поставити и пети по нем и поминати его*» или «в тех городех мусульманские веры люди по своему обычаю мизгити и кошени держат». Слово известно и как географический термин, и в «Книге Большого Чертежа» читается, напр., (стр. 65): «по реке по Куме с правой стороны 7 мечетей татарских, Можаров юрт, да мечеть по другой стороне реки Кумы — Арак-Кешень».[6]

[1] Штакельберг сравнивает с дигорск. кесена еще перс. كاشانه ædificium specularibus exstructum; см. Miller und Stackelberg. Fünf ossetische Erzählungen. St.-Petersburg, 1891, стр. 57. Персидское слово производят от كاش 'эмаль, глазурь'.

[2] В. Ф. Миллер. Мат. археол. Кавк., вып. I, Москва, 1888, стр. 25. О «кашах» см. Ахриев. Ингушские каши. Сб. свед. о Терской обл., 1, стр. 288—290; Далгат. Терск. Сборн., стр. 62—67; Миллер, о. с., стр. 24—32; Семенов, Изв. Инг. инст., I, стр. 198—202 (здесь классификация типов).

[3] ЗВО, т. XXV (1921), стр. 59.

[4] Ibid., стр. 58.

[5] ЗВО, т. IV (1890), стр. 269—270.

[6] Кобеко резюмирует все случаи употребления слова «кешень» в смысле 'надгробный памятник'. У Спасского, цитированного у Кобеко, более точно: «кешень означает надгробный памятник, каменный или деревянный, особливо в виде строения, но не кладбище». По справке (у Кобеко А. Позднеева «кешень — в монгольском «хушїѣ», разго-

Рассмотрим теперь ингушский словарь с точки зрения присутствия в нем следов аланско-ингушских культурных взаимоотношений. Этимологические сопоставления, предлагаемые в дальнейшем изложении, не ставят, конечно, целью обоснованное подробным *лингвистическим* анализом изучение ингушского языка, а имеют в виду предварительную суммарную задачу — ориентироваться в массе материала, никак почти не вовлеченного пока в научный обиход. При том уровне исследования, на котором стоят ныне все связанные с этим вопросы, трудно избежать привлечения в известных случаях спорных, а чаще, при отсутствии специального обоснования, производящих впечатление недостаточной убедительности фактов. Имея в виду эту существенную оговорку, мы можем обратиться к интересующим нас примерам. Дальнейшие исследования покажут, в какой мере верны делаемые сопоставления, а также позволят уточнить, в ряде случаев, источники тех заимствований, которые предполагаются мною по отношению к значительной части словарных рессурсов, коими ныне располагает ингушский *язык*.

Памятником тесных культурных взаимоотношений алан (осетин) и ингушей служат многочисленные слова, общие осетинскому и ингушскому языку. В подавляющей массе случаев заимствующими были ингуши, что вытекало естественно из общей обстановки, в какой шло здесь культурное развитие. Естественно, напр., что горный ингуш заимствовал у кочевника-алана понятие арбы (инг. vordæ < ос. ӳærдон), пользование которой и посейчас крайне ограничено в горах.[1] Также ограничены и поставлены в специфические условия скотоводческие возможности горной Ингушии. Принимая во внимание утверждение последнего исследователя экономического быта горной Ингушии В. Христиановича, что «почти никаких иных ценностей, кроме скота, горец не имеет» (l. c., стр. 98), нельзя не оценить характерности присутствия в ингушском языке осетинских слов для означения

ворное «хӧшӧ», а в западной Монголии «кӧшӧ» — означает могильный памятник в виде надгробной плиты или каменной бабы». М. М. Ковалевский усматривал в существовании надземных могильников влияние зороастризма. Более трезво судит Грабовский, объясняющий эту особенность недостатком в горах земли (см. Сб. свед. о кавк. горцах, III, статью Грабовского: Экономический и домашний быт жителей Горского участка ингушевского округа, стр. 13).

[1] Осетинск. слово попало и к абхазцам (awardən). Черкесы оказались в этом случае самостоятельнее, и сами обогатили осетинский язык такими словами как гӯанум (гӯаjæн), гуффе и гуцæз 'дощечки над колесами у арбы'; 'кузов арбы'; 'подставка в арбе'.

пастуха (инг. ghokkæz < осетинск. хугæс 'пастух для свиней'),[1] теленка (инг. hasæ < осет. ӳæс, к появлению в инг. h ср. еще hoaqhæ 'стекло' < осет. авг id.), быка кладеного (инг. ust, мн. ч. šerč resp. ustærč, ср. цова-туш. pstarč < осет. стӯр, стор 'крупный скот'),[2] бараньего хвоста, курдюка (инг. dimij < ос. думæг id.), названий для сооружений, служащих для загона скота (инг. kært 'забор, плетень' < ос. кæрт 'двор, усадьба';[3] ср. еще инг. buru 'название города Владикавказа' < осет. буру, бӯру 'вал, рӧв, забор, плетень'), названий мастей (инг. boagxæ 'пестрый' < осетин. борхелæ, бӯрхIа 'русый', инг. žughur 'серый', ср. осет. дзуӯур 'пестрый', инг. muoræ 'коричневый', ср. осет. морæ, id.) и т. п.[4]

Лошадь появилась в горах сравнительно недавно, «явившись на смену вьючного ишака и волов, запрягаемых летом в сани».[5] Ярким доказательством наличия в этой сфере осетинского влияния служит, прежде всего слово bärij (bärie), выражающее понятия 'молодец, удалец, лихой парень, джигит', в сочетании govr bärij (resp. bärie) — '(лихой) всадник, наездник' < осет. барæг 'всадник, верховой'. Ср. далее: инг. nuvr 'седло' < осет. нувæрæн 'место, куда кладут' (?); инг. pхæž 'конский навоз', ср. осет. бæзæн 'помет крупных животных'; инг. žuræl 'недоуздок', ср. осет. дзуларæ, дзулар id.;[6] инг. xættæ 'потник' < осет. хед, хIд 'пот'; инг. tærk 'дурная привычка у лошади, норов', ср. осет. тæргаі 'каприз'; инг. birsæ 'ярый, рьяный' < осет. бурсæг, бӯрсæг 'нападающий, напирающий', ср. еще инг. ärh 'невыложенный, нехолощеный' и осет. æрра 'сумасшедший, глупый, бешеный, неистовый'.

К мелкому скоту переводит нас ингушское слово buož 'козел' (ср. осет. бодз 'козел, вожатый в стаде'). Интересное инг. ier 'борзая собака' восхо-

[1] Замечателен выбор животного, сейчас у ингушей, как мусульман, не разводимого — свиньи; ср. ниже стр. 748.

[2] Возможны и другие сопоставления этого слова.

[3] Слово широко распространено в финских языках; ср. Miller. Die Sprache der Osseten, p. 8.

[4] Должно оговорить, что как эти, так и все, ниже приводимые, примеры отнюдь не претендуют на исчерпывающую полноту материала. Так, напр., к перечисленным терминам можно прибавить: инг. čuxij 'род сыра' < осет. чиӕг 'сыр'; инг. nælxæ 'сливочное масло', ср. осет. нӕлхæ 'нетопленое масло'; инг. qhulg 'маслобойка', ср. осет. қуӕг id.; инг. gaxæ 'гнедой', ср. осет. рохс, рӯхс 'светлый, свет', и перс. رخش, 'имя серой (пегой) лошади Рустема' (> груз. რახში); и пр.

[5] Христианович, стр. 174.

[6] Оба из турецкого يولار (через балкарский).

дит к осет. jегар, стоящему в сложных отношениях к ряду языков (венгерск., чувашскому и др.),[1] инг. næl 'кабан' < осет. нæл 'самец' (ср. еще ингушск. žærghæ 'кабан-самка' и осет. дзæрӷ 'свинья-самка'; инг. khomsær 'клык' и осет. кӕпсур id.; инг. žižig 'мясо, на языке детей' и осет. дзидза 'мясо'), инг. sæj 'олень' связано с осет. саг id., равно как инг. soalnor 'куница' с осет. сæлабур, сæлавур id., инг. suk 'олений рог' с осет. сука 'рог'. К домашним животным относится инг. слово khazæ 'щенок' (ср. осет. кæбус id.); ср. еще 'игральная кость животных', так наз. 'альчик' (инг. ghnolg, ср. осет. ӷолæ). К птичьему царству ср. инг. buoqqær 'зоб' (ср. осет. боqqур id.), название для курятника: инг. goring (ср. осет. горен, гæрæн 'изгородь забор'?[2]). Из прочей фауны отметим инг. burduolg 'летучая мышь' (ср. осет. бурдур в составе хæлум бурдур 'летучая мышь'), инг. zhyj 'еж' (ср. осет. узун id.), и инг. lippærg 'мокрец' (ср. осет. læппæг 'мягкий'). Термины, применимые, по самому понятию своему, лишь к обстановке равнины, равно как и ряд выражений, связанных с земледелием, оказываются, во многих случаях, общими для обоих языков. К первой категории случаев мы относим: инг. ærghæ 'холм, цепь холмов'[3] < осет. рӕӷ 'спина, гребень (горы), горный хребет'; boarz (множ. boarzæmæš) 'курган, надмогильный холм'[4] < осет. бæрзонд 'высокий, вышина'; инг. arie 'равнина, степь, плоскость' (агæ 'наружи, в поле' и т. д.) ср. осет. арӕн 'межа, граница'(?);[5] инг. atæghæ 'долина' (ср. осет. атаӷа 'пуща'); инг. khies 'гребень горы' (ср. осет. кӧбус 'возвышенность, выступ, шишка'); инг. fuord 'море' (ср. осет. фӧрд 'нижнее течение рек Терека и Малки, большая, тихо-текущая река, океан'); инг. šovdæ 'источник, родник' < осет. саудон, сӧадон id. Ко второй категории можно отнести инг. mæqæ 'борона' (ср. осет. мæqI 'подставка из березовых прутьев под скирдами сжатого хлеба, сена для более удобной перевозки их с гор'); инг. nux 'плуг' (ср. осет. нух

[1] Ср. Jacobsohn. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922, Nachtrag zur Seite 15 ff (на стр. 251).

[2] Ср., впрочем, и русское 'курник'.

[3] Ср. в чеченск. ragh (Услар; иначе rägh) «так называют чеченцы невысокий хребет, тянущийся от З к В между Сунжей и Тереком» (вообще: всякий невысокий, длинный, горный хребет). В осетинском см. еще арӕq, арӕq 'местность, состоящая из возвышенностей и котловин (Черногоры)'.

[4] Ačmæz boarz 'холм Ашемеза' называется холм, где по преданию Шамиль принимал присягу от ингушей.

[5] С другой стороны, ср. кумыкск. اري 'дальний, далеко', лакск. ар 'равнина', груз. ველი и т. п.

'ноготь, коготь'); инг. läzæ 'воз пшеницы' (ср. осет. ласæн 'орудие, при помощи которого тащат, напр. сжатый хлеб, с горы на ровное место'); инг. ærær 'мельничный лоток' (ср. осет. æппарæг 'кто кидает, податель, кто бросает'); инг. tuskær 'корзина, сапетка' (ср. осет. тæскӕ 'корзина');[1] инг. doa 'сапетка (для хранения зерна)' < осет. -дон (живой словообразовательный суффикс со значением 'хранилище');[2] инг. žuvr 'кукурузная мука' (ср. осет. дзугур 'мучнистый'); инг. nars 'огурец' (ср. осет. нас, насæ 'тыква');[3] инг. khomæl 'конопля' (ср. осет. гæн id.; также гæмб в выражении гæмбі рувас 'лисица, вьющая коноплю, в сказках');[4] инг. hov 'крупа, просо' (ср. осет. јæў 'просо'). В области так наз. матерьяльной культуры количество общих ингушскому и осетинскому языкам слов громадно, что имеет свою аналогию в матерьялах археологических. Характеризуя вкратце внешнюю сторону быта ингушей, насколько она разъяснена из до сих пор ставшего известным материала, новейший исследователь археологии Ингушии заключает: «Приведенный нами материал, при всей отрывочности и противоречивости, ярко свидетельствует о давности и глубине культурного и экономического общения Ингушии и Осетии».[5] Данные языка вполне согласуются с приведенной характеристикой. Сюда относятся: инг. älx 'брусок для точки бритв, ножей' и т. д. (ср. осет. æлхоі, æлхоінæ 'пестик, для толчения соли, крупы и пр.'); инг. bæzæ 'строевой лес' (ср. осет. бæззаг 'годный'); инг. bieqhæ 'жердь' (ср. осет. бæqæ 'шест, веха, кол'); инг. ghejbæ 'подушка, балка на постройке' (ср. осет. qaiван 'потолочная балка'); инг. ghuol 'шест'

[1] Ср. джагат. тат. تورسوق гевр. تورصوق 'кошница, гарец; мех, в который вливают жидкость (воду, вино, кумыс)' (Будагов).

[2] Есть соответствующее слово и в кабардинском: dəw 'сапетка' (также из аланоосетинского). Любопытно, что «doa» ('дау, корзина, сплетенная из хвороста и служащая собственно для ношения соломы с гумна') играло значительную роль в языческие времена *при церемонии присяги у ингушей*, см. описание церемонии у Ахриева, в *Сб. свед. о Терск. обл.*, стр. 280—281.

[3] Ср. еще кабард. пащэ 'огурец', груз. ნესვი 'дыня'.

[4] Слово весьма интересное в культурно-историческом отношении: сюда относятся греч. κάνναβις, русск. 'конопля' и нем. 'Hanf.'

[5] Л. Семенов, Изв. Ингушского института, I, стр. 208. Было бы ошибочно, разумеется, ограничиваться этими аналогиями, сосредоточивая главное внимание на Северном Кавказе Возможность появления закавказских параллелей, в частности для ингушского погребения, *доказывается различными находками, вроде тех, которые сделаны были в* 1911 г. в кахетинских селениях Матани и Шильда. См. о них ხსნაგნი ვრცელი, 1912, №№ 719 и 722. О сношениях специально джераховских ингушей с осетинами, замечания Семенова, l. c., стр. 205—206.

(ср. осет. qæл 'подставка, вбитая в землю'); инг. moartxuol 'сводчатый' (ср. осет. могор 'бык-устой, плетневый бык для моста, заполняемый камнем'; ко второй части инг. txov 'крыша, потолок'); инг. dhoaghæ 'ключ' (ср. осет. дæɣæл id.); инг. moskæ 'ступица, колесо' (ср. осет. мæсḱ, мæсḱæ id.); инг. molghæ 'нагрудник, у лошади' (ср. осет. мæрɣæ id.); инг. khuopælg 'коробочка' (ср. осет. ḱопп 'коробка, кружка, деревянная миска'); инг. pandær 'балалайка, гармония' (ср. осет. фæндур id.);[1] инг. giebægh(æ) 'копье, штык' (ср. осет. гебох, джебоɣ 'копье');[2] инг. gierz 'оружие' (ср. осет. гæрзтæ 'одежда, оружие', мн. ч. от гарз 'кадушка'?);[3] инг. ghabæ 'кандалы' (ср. осет. qадаман 'путы, кандалы'); инг. bûruv 'бурав' (ср. осет. бурæў, бурaў id.);[4] инг. tälg 'валек экипажный; название игрушки' (ср. осет. тæлг 'обод колеса'); инг. zegæl 'засов' (ср. осет. зæгæл 'гвоздь'); инг. ondæ 'сталь' (ср. осет. æндон id.); инг. čorælg 'пуговица' (ср. осет. цæппæр id.); инг. bæxtær 'подвязка у чувяка' (ср. осет. бахтар 'железная обувь для лазания по горам'); инг. pærgæ 'полоса материи, которой обвертывают покойника' (ср. осет. пагилоі, пагилоінæ 'ключья'); инг. bærcqhæ 'платье, белье' (ср. осет. бæрцаɣудтæ 'карманы для газырей в черкесске');[5] инг. ärgae 'цыновка' (ср. осет. jерджен id.); инг. buott 'футляр, ножны, переплет, конверт' (ср. осет. бўат 'место'); инг. jej 'котел, специально для варки пива' (ср. осет. аг. 'котел');[6] инг. zoakælg 'кувшинчик с длинным

[1] Сюда же слова целого ряда др. языков: др. греч. *πανδοῦρα* (*πανδουρίς*), русск. бандура, и т. д.

[2] Ср. черкесск. ḏebeǧ id.

[3] К персидск. گرز 'боевая палица; membrum virile (ср. значения осет. гарз); есть и в дагестанск. языках, напр. табасар. gürd 'копье'.

[4] К *турецкому* جورغو id.

[5] Осет. слово производное от бæрц 'мера, патрон, газырь', откуда, быть может, и ингушск. barč 'подарок, делаемый при примирении врагов' (ср. к понятию barč'а Леонтовича, Адаты кавказских горцев. Вып. 2 (Одесса, 1888) указатель материалов, s. v. барч на стр. 344—345).

[6] Ср. еще аварск. ḫag, языки андо-дидойской группы, и т. д. Слово кажется заимствованным осетинами, а не наоборот. В прежнее время эти котлы играли в быту ингушей и чеченцев значительную роль; сейчас, в связи с распространением ислама, они исчезают (ср. Христианович, о. с., стр. 192). По сообщению начальника 4-го участка Грозненского округа, штабс-капитана Колчина, в Статистический комитет министерства внутр. дел от 20 февраля 1897 г.: «все чеченцы называют себя, т. е. свое племя, Нохчуй или Ношхой, что в переводе на русский язык означает 'котел' или 'очаг'. По их рассказам, в одном из селений Дагестанской области, под названием Нохшех, и до сих пор существует котел, из которого питались их первые родоначальники, от которых они ведут свое происхождение, и что на этом котле вырезаны имена глав чеченских фамилий, которые ведут свое происхождение прямо от родоначальников, питавшихся из котла того» (заимствуется из архива Азиатского

горлышком' (ср. осет. дзæкул 'мешочек, котомка'); инг. ghuoz 'перстень; кружок, шайка, компания' (ср. осет. qæбус 'объем, обхват, объятие'); инг. ghutæq 'металическая коробочка на кавказском поясе' (ср. осет. ḱуту 'коробочка', связываемое Штакельбергом, о. с., стр. 82, с тур. قوطی?); инг. khod, множ. khodærč 'ножницы' (ср. осет. кæрдæн 'ножницы', кæрдæг 'режущий, косящий, жнущий'; в инг. есть и другое слово, tukær 'специальные горские ножницы, в отличие от русских, называемых khod'); инг. khäd 'язычек у плети' (ср. осет. каўбуд 'плетеный'?); инг. khallæ 'затычка у бочки, кран' (ср. осет. ḱæбæл 'чека, кран, втулка, катушка'); инг. žhov 'молоток' (ср. осет. дзæбуг, дзæбокæ 'молот, молоток'); инг. gurgul (gurgæl) 'колокольчик, колокол' (ср. осет. гўр-гўр кæнун 'греметь, грохотать'); инг. kurs 'связка, тюк' (ср. осет. курес, курIс 'сноп, вязанка'); инг. læræm 'яма (для хозяйственных нужд), погреб; каменный мешок для пленных, в старину' (ср. осет. ўæрм 'яма' ср. груз. ორმო id.; к переходу ў—l ср. еще инг. lærbæq 'голенище, ноговица' и осет. ўæраг 'голень'?).

К сфере социальных отношений относится ряд слов, затрагивающих нередко самые интимные и специфические стороны горского быта. Общеизвестен факт распространенности явлений кровной мести среди ингушей: тем важнее в наших глазах появление осетинского слова в значении: 'убийца, кровник' (инг. märij < осет. марæг; ср. еще слово того же корня: инг. amær 'ядовитое средство; несчастье, порча, колдовство' (из осет. амарун 'убить, замучить, изнурить' и пр.); название савана также идет из этого источника: инг. merčij 'саван' < осет. мæрдцаг 'предназначенное для покойника, платье для покойника'. Общее понятие 'врага' — инг. moastæghæ — производное, по всей вероятности, от осет. маст 'горечь, желчь, досада, раздражение, гнев', откуда осет. маст кæнун 'причинять неприятность, раздражать(ся)', мастIсун 'мстить за оскорбление' и т. д. Отметим, далее, инг. äq 'доносчик' (ср. осет. æлɣ 'брезгливость', æлɣаг 'предмет отвращения, брезгливости, отвратительный'); инг. vyj 'проклятие, анафема' (ср. осет. јеў, в выражении јеў дæ ḱона 'да будет проклят твой дом(?)', формула проклятия); инг. sierdær 'проклинать, бранить' (ср. осет. сардаун 'натравить, доносить'); инг. futtærno 'досада' (ср. осет. фуд, фуд 'плохой, злой, дурной'); инг. suontæ 'кичливый, чванный' (ср. осет. сонт 'сумасшедший, глуповатый, тупой'); инг. ghäræ 'смелый, бестрашный'; (ср.

музея Академии Наук СССР). К фантастической этимологии имени чеченцев ср. выше, стр. 684, прим. 1. О котлах ср. еще Сборн. свед. о Терской области, I, стр. 255, 263 и 267.

осет. qal 'гордый, самоуверенный', или qal, iɣal 'бодрствующий');[1] инг. iəmælkæ 'неученый, дикий' (ср. осет. æmaqæl 'невоспитанный, буйный'); инг. iegḥæz 'неудовольствие, злоба' (ср. осет. jepic, jepʏc 'вражда, ссора'); инг. kædær 'жаловаться, сетовать' (ср. осет. куд 'плачь', от глагола kæun 'плакать');[2] инг. mætær 'вялый' (ср. осет. mæt̆æl 'ослабелый, вялый, грустный, унылый, печальный'); инг. melæ 'слабый, теплый' (ср. осет. mællæg 'худой, тощий'?).

Этой серии сближений противостоит другая, из круга понятий положительных. Ингуши, подобно большинству чеченцев, почти не знали фиксированных в правосознании социальных подразделений (в своей среде) на привилегированных и бесправных. Рабство, имевшее здесь весьма ограниченное распространение, возникало по праву войны,[3] и выражалось словом loal (общего северокавказского происхождения, от абх. alə̀g до лезгин. luk включительно: инг. læj 'раб' ср. осет. læg 'человек'). Интересен, ввиду сказанного, ингушский термин älæ – 'князь';[4] вся обстановка на Северном Кавказе, в особенности в период с I по XIII в. н. э., должна была способствовать отождествлению понятия 'алан' и 'господство, владычество' в среде горцев, находившихся от них в зависимости. С этой точки зрения кажется вполне обоснованной попытка возводить инг. älæ к *alan; при этом следует учесть одно дополнительное обстоятельство. В цова-тушинском, где это слово 'князь' звучит al(e), со словом связано представление не только земного владычества и благоденствия, но и потустороннего; Шифнер справедливо переводил его 'glücklich, selig', а образованное от него alol — 'Seligkeit'. Есть в цова-тушинском выражение: al vacix̌ (по грузинскому

[1] С инг. ghä 'гордый, смелый, самолюбивый' связано, быть может, осет. qæbatʏr 'храбрый, смелый', в своей первой части (qæ). Ср., однако, бæʁатыр ('богатырь').

[2] Ср. еще араб. كدر 'печаль, забота, горе'. Сюда и осет. катаі 'дума, сомнение, тревога, забота, отчаяние'.

[3] Особый и редкий случай возникновения «рабства» (вассалитета) помимо войны отмечен у Христиановича, о. с., стр. 74. Здесь целый род Гу подчинен другому роду Салгиевых.

[4] Термин привлекается, в массе других материалов, в статье Алборова, Изв. Ингушск. инст., I, стр. 349—430. Характерная, почти вневременная и внепространственная постановка вопросов лишает возможности считаться в целом с выводами статьи в данной связи. Статья не свободна от тяжелых лапсусов, как-то: груз. ჭყნ 'озеро', получает фантастическую этимологию на стр. 378; в этой же связи араб. تَوبَة, собств. 'возвращение к богу, раскаяние' переводится как 'нечто запретное перед богом (?)' (стр. 377); абхаз. хах-икал (след. qaq-yəkaw = 'вверху находящийся') сближается, правда с вопросом, с осет. хохагал (стр. 405) и т. д.

толкованию осведомителя: ნეტავი შენ) 'о, если бы (ты)', в смысле значительнейшего благопожелания. Переводя дословно, следует: '(да будешь, да станешь), ты блаженным Вац'ом', где Вац — название старого уже забытого у ингушей божества, сохранившегося пережиточно у осетин в составе уацілла (св. Илья), уастʏрджі (св. Георгий) и т. п.[1] Мы должны предполагать, следовательно, большую давность слова al(e), успевшего эволюционировать в сторону трансцедентности. Это наблюдается, повидимому, и у самих осетин, потомков алан: мы считаем божественного кузнеца осетинской мифологии, курдалæгон, кузнецом (курд) аланов (алæгон), понимаемых, при таком толковании, за какие-то существа высшего порядка,[2] небесные (ӳæларвон, эпитет Курдалагона); параллельные формы имени кузнеца — курд-ала-ӳæргон, курд-алæӳгон — лишь отчасти препятствуют такому словопроизводству. Понятие 'права' также оказывается общим обоим языкам — осетинскому и ингушскому: инг. boqhuo 'право, закон, порядок'; boqhæl 'право, в самом деле'; bæqh 'правильно, верно' связаны с осет. бæгӳ 'как же! наверно! конечно! точно! истинно!' К инг. oaghæz 'польза' ср. осет. аɣаз 'милость, помощь';[3] к инг. kad 'приз' ср. осет. кад 'честь, почесть'; к инг. xastær 'хвалиться' ср. осет. хістаун 'хвалиться, хвастаться'(?); к инг. jiš 'возможность, сила' ср. осет. jec, ic 'достаток, имущество'; к инг. buočæ 'нежный, драгоценный, дорогой' ср. осет. боц 'нежный, изнеженный, дорогой, избалованный, капризный'; к инг. (v)æzæ, (v)æzin (последняя форма в сочетании væzin dälæ 'великий бог') 'тяжелый, дорогой ценный, великий' ср. осет. ӳæззаӳ 'тяжелый'(?); к инг. somæ 'бодрый, бодрственный, здоровый' ср. осет. сом 'утро'; к инг. zuoq 'веселье, шутка' ср. осет. дзæбæх 'хороший, здоровый'; к инг. (v)iezær 'нужда, любовь' ср. осет. ӳарзʏн 'любить' и т. д. Список аналогичных слов, весьма велик. Ср. инг. boaræm 'мера, норма, количество' (осет. барæн 'мера');

[1] Неосновательно Миллер (Осетинские этюды, т. I, стр. 119), а за ним и другие, связывает с ними и уасхо, заимствованное у черкес, где wашḥe толкуется в смысле 'серое небо', и выступает, как бог — покровитель клятвы, в формуле: məwашḥer səjəḥe məǧepl (в нартовском эпосе). Интересной параллелью к цова-туш. alvacix̌, как формуле оптатива, служит осет. уастæн (тоже значение), правильно толкуемое Алборовым, l. c., стр. 361.

[2] Ср. Миллер, ibid., I, стр. 118; II, стр. 248. Сюда же относится, быть может, груз. ალგეთი в известной песне об Амиране (ср. ამირან ღარეჯანიანი, изд. Чичинадзе, Тифлис, 1897, стр. 305 сл.): как бы «страна алаг'ов > алан».

[3] Ср. араб. اغاثة 'помощь'.

инг. kov 'двор, усадьба' (осет. каў 'плетень, изгородь';[1] ср. еще осет. qæў, ɣæў 'аул'); инг. čurt 'надгробный памятник' (осет. цурт, цірт 'могила');[2] инг. khänk 'мальчик' (осет. к̂аннæг 'малый, маленький'); инг. engir 'при многоженстве так называется каждая из жен' (осет. æмуджір 'соперница, говорится о женах'); инг. eggir 'самый, наиболее' (осет. æгæр 'слишком, чрезмерно'); инг. fuos 'добыча' (осет. фонс, фос 'скот, стадо', ср. аварск. ғанz 'рогатый скот'); инг. fusum 'пристанище, приют, дом хозяина') (осет. фусун, фусум 'пристанище; хозяин, кунак'); инг. bnozbuyčæ 'колдун; фокусник' (ср. осет. будзæў 'шут'); инг. kold 'густая грязь, болото' (осет. колтæ 'лужи', от колæ 'лужа, болото, озеро'); инг. khuordæ dær 'надоесть' (ср. осет. к̂орд 'группа, общество, кружок, толпа, куча'); инг. khaž 'изнеможение, состояние ребенка после сильного плача' (осет. к̂æзун 'заикаться, запинаться'); инг. gæpp 'хлоп, стук' (осет. гæбп 'прыжок'); инг. muož 'борода' (ср. осет. боӆо 'борода и усы', ср. абхаз. аҩаӡà 'усы', черк. ҩаӡе 'ус'): инг. niek 'плавание' (осет. накæ, ленк id.); инг. kust 'красота, приличие' (осет. куст 'сработанное, работа; труд, как результат'?); инг. lædær 'течь' (осет. лæдарун 'давать стекать, выливать'); инг. lædær 'слабый, ничтожный' (осет. лæдæр 'никчемный, простяк'); инг. zulæ 'косой о направлении' (осет. зулун, зулун 'кривой, неправый'); инг. bukær 'сгорбленный, сутулый' (осет. бук̂ 'согнутый, съежившийся, сгорбленный'); инг. læzær 'боль, болезнь' (осет. нӀз, нез 'болезнь'); инг. listæ 'частый, густой' (осет. лустæг, лістæг 'мелкий, тонкий'); инг. mistæ 'кислый' (осет. мæст 'горько-соленый источник'); инг. tug 'плевок' (осет. тукæнун 'плевать');[3] инг. thar 'грудь женская' (ср. осет. тар, ітарæ 'грудь, гортань, бронхи'); инг. surxæš 'корь, болезнь' (осет. сурх 'красный'); инг. sijg 'искра' (осет. суг в рæсуг прозрачный, чистый'; ср. еще суг 'дрова'); инг. duz 'penis iuvenilis' (осет. дзодзо id.); инг. čhuor 'кожица, шкурка, скорлупа' (осет. ц̂ар id.); инг. čhug 'кольцо, крючок' (осет. цæг 'кольцо'); инг. qhaž 'тростник' (осет. qæз, qæзæ 'камыш'); инг. ghær 'голос, говор' (осет. ɣæр, qæр 'крик, звук'); инг. ghæd 'кукурузный стебель' (ср. осет. qæд 'бревно, дерево, лес'); инг. guoræ (væxær) 'кувыркаться' (осет. губур 'согнутый, сгорбленный, горбатый'); инг. purxæ (dær) 'брызгать' (осет. апурх кæнун 'обрызгать, разбивать в дребезги'; пурх 'брызги'); инг. poš 'испускать воздух' (осет. пуссут id.); инг. dærz 'дождь, пополам со снегом' (ср. осет. дæрзæг 'жесткий, шероховатый'); инг. gijg 'живот' (ср. осет. губун 'желудок, брюхо'); инг. marš 'колбаса' (ср. осет. мерс кæнун 'жрать'); инг. qhoræ 'глухой' (осет. к̂уру id.; ср. груз ყრუ id.); инг. qhurd 'глоток', qhurdæš 'всхлипывание' (осет. qуртт 'глоток'); инг. qhurg 'глоток' (осет. qур 'горло, глотка'); инг. x̂æl 'вверх по течению, вверх' (ср. осет. уæлæ 'наверху'); и т. д.

Мы принципиально не входим здесь в лингвистическую оценку как сложных фонетических и смысловых подробностей предлагаемых сопоставлений, так и зависящей от них степени вероятности и доказательности некоторых из сближений, довольствуясь пока утверждением очевидной тесной, разнообразной связи ингушского и осетинского словарей. Немногие, отнюдь не исчерпывающие указания, делаемые попутно, на другие языки имеют в виду подчеркнуть, что некоторые слова отнюдь не являются исключительным достоянием интересующих нас здесь особо ингушей и осетин.

Выше приведенные примеры — яркое свидетельство длительного, всестороннего общения ингушского и осетинского народов. Усматривая в осетинах потомков алан, не следует забывать условности этой генеалогии. И мы стоим перед фактом вероятного влияния на северокавказские языки, в том числе и на ингушский, каких-то иных индоевропейских и отличных от современного осетинского, иранских наречий.[1] На примере ärzij мы видели уже случай такого влияния. К этой же категории можно отнести: инг. mægær 'мочь', mogyš 'могучий, сильный', неотделимо от др.-иранск. magavan(?), славянск. мочь, могучий, нем. mögen и т. д.; инг. di 'день' кажется связанным с общеиндоевропейским div в лат. dies, арм. տիւ и пр., инг. muodz 'мед', mezæ 'сладкий' связаны, очевидно, с интернациональным словом 'мед' не через осетинское муд, муд ('мед'); инг. riemæ 'табун лошадей' идет из какого-то иранского источника (ср. перс. رمه 'стадо', армянск. ամբ 'толпа, народ', армянск. խրամբ 'толпа, стадо и пр.);[2] инг. bedær 'перо

[1] Об этом, как и многих других словах, ср. у Миллера. Ossetica. Москва, 1904, стр. 72—77.

[2] Ср. еще кумыкск. чорт 'прямой'. О čurt'ах ср. Изв. Инг. инст. I, стр. 196: «К самым простым по виду надмогильным памятникам принадлежат распространенные повсюду в крае вертикальные плиты (čurt) с рельефными надписями и орнаментом и без них».

[3] Ср. тур. توكرمق 'плевать'.

[1] Этот интересный вопрос обсуждается в статье Трубецкого, Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. 22 (1921), p. 247—252, Remarques sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase septentrional.

[2] См. Hübschmann, o. c., стр. 147 и 283; Марр. Тексты и разыскания по армяно-груз. филологии. Кн. IV, СПб. 1904, стр. 75. Одна из зон горных пастбищ Ингушии называется 'рэм или лам-те-рэм'. «Это зона яловых коров, быков, лошадей, а главным образом молодняка крупного рогатого скота старше года» (Христианович, стр. 112).

птичье' напоминает нам нем. Feder, греч. *πτερόν* и пр.; инг. cuogæl 'лиса' связано, в последней инстанции, с широко распространенным словом 'шакал' (от скскр. šṛgāla, через персидский и многие языки Дагестана, до арабского, еврейского и сирийского);[1] инг. buoršæ 'мужского пола', beršie dienæ 'находящаяся в периоде течки' (о самке), будучи связано с осет. ӯрс 'жеребец', заимствовано все же не у осетин;[2] инг. mar 'муж', близкое черемисскому mari 'муж, человек', восходит, подобно финскому слову, к арийскому *magua-;[3] наконец, упомянем инг. nus 'невестка', nuskæl 'невеста', вводящие нас в сложную проблему общекавказских и общеиндоевропейских взаимоотношений. К инг. nus примыкают, с одной стороны: цова-туш. nus 'невестка, сноха', chin nus 'невеста'; чеченск. nuskul 'невеста'; аварск. nus 'невестка'; арчинск. nustur 'невестка'[4] (арч. nustuw 'зять'; ср. инг. nejc 'жених, зять', чеченск. nuc id.; капучинкс. nuzo 'муж'); черкесск. nəse 'невестка' (отсюда осет. niccæ 'дама'); мегрельск. nosa, nisa 'новобрачная, невестка', чанск. nusa, nisa id., чанск. nusaǧa, (resp. nisaǧa, nisaǩa, nusawa) 'две невестки, по отношению друг к другу' (ср. абх. àšа 'невестка' и àšàla 'соневестка'); груз. nusadia 'жена дяди'. С другой стороны, мы имеем осет. нуостæ 'невестка',[5] примыкающее к общеиндоевропейскому 'сноха'. Параллельно словам на n идут слова того же значения на s: ср. убыхск. səs (säsä) 'junge Frau, Braut' (Дирр); табасар. sus 'новобрачная'; агульск. sus 'молодая жена, невестка (до первого ребенка)'; цахурск. sos 'невестка'; лезгинск. sōs 'невеста, новобрачная'. Повидимому, это второе слово сохранилось, наряду с nus, в ингушском языке в названии одного из трех храмов, находящихся на вершине Столовой горы (инг. mät loam) и называющихся mätsielæ, mätæræ dälæ и susuon dälæ. Что касается первых двух, то перевод названий не вызывает затруднений: mätsielæ значит 'небесный бог Столовой горы' (sielæ, чеченск. stielæ, собств. имя бога грома, в инг.

[1] О взаимоотношениях семитических и индийской форм слова ср. Nöldeeke, ZDMG. 30 (1876), стр. 769.

[2] Затруднение в начальном *ə*; ср. санскр. vṛšan-, перс. gušn, лат. verres и пр.

[3] Ср. Jacobsohn, о. с., стр. 245. Сюда же следует отнести и инг. mæjræ 'храбрый'.

[4] По поводу арчинских слов: Дирр, в словаре арчинского языка, сопоставляет с ними арабск. нус (?); речь идет повидимому, об арабск. نِسْوَة (собират.) 'женщины'.

[5] Свони — тж слово обязано, быть может, аналогии с такими терминами родства, как ус (устæлтæ), и далее æрвад (æрвадтæлтæ), фуд (фудтæлтæ), мад (мадтæлтæ), и затем пониманию нуостæ в собирательном смысле (собств. 'невестки', ср. чанск., абхаз.). Миллер. (Осетинские этюды, III, стр 168) противопоставляет этимологии Hübschmann'a (который связывает его с 'сноха') другую, к славянск. 'невеста, невестка'. Нам кажется возможным объединение обоих точек зрения.

сохранилось в выражении sielæ hæd 'радуга'); mätæræ dälæ 'происходящий от Столовой горы бог' (mätæræ производное от mät помощью суффикса удаления, resp. прилагательного, 'мятский'). Что касается susuon dälæ, *значение его с точки зрения современного ингушского языка не* вполне ясно. Однако, подробности культа этого божества, чтимого исключительно женщинами, дают основание усматривать в susuon общее значение 'женский' и соответственно susuon dälæ переводить 'женский бог', или точнее, имея в виду вышеперечисленные слова других языков, 'бог молодых женщин, новобрачных'. Легко усмотреть главную функцию подобного божества: способствовать обильному и счастливому деторождению.[1]

Во многих из перечисленных выше случаях сосуществования сходных слов в ингушском и осетинском языках, мы побуждаемся к постановке вопроса: кто от кого заимствовал? Задачей будущих исследователей послужит исчерпывающе ответить на это. Мы можем ограничиться несколькими примерами, показывающими, что не только осетины были дающими (что несомненно для бо̀льшей части существующего материала), но что случалось, вероятно, и наоборот. Так представляется нам заимствованным упомянутое уже осет. ӯс, ӯос, происходящее от инг. ust, сохранившегося в выражениях: ust da 'тесть (букв. отец жены)', ust nanæ 'теща (мать жены)', ust vošæ 'шурин (брат жены)', ust jišæ 'свояченица (сестра жены)'; ср. цова-туш. psthun 'жена, женщина', ср. далее чеченск. stie 'жена, самка' и инг. sien 'женский'). К ингушскому придется прибегнуть и при объяснении известного мифологического персонажа осетин, балсæг'а,[2] известного преимущественно из сочетания балсæджі цалх 'колесо Балсега'. Это последнее, по объяснению Миллера, «какое-то странное существо, имеющее вид колеса (цалх) и состоящее на службе у бога (Хуцау) или фуд Іоаннæ

[1] На стр. 192, прим. 2, Изв. Ингушск. инст. предлагается объяснение Х. Б. Ахриева: susuondälæ 'бог (покровитель) благородных женщин'. Прибавление благородных вызвано, быть может, ассоциацией с инг. suv 'княгиня; незамужняя девушка хорошей фамилии'. На чем основан перевод других двух названий, нам непонятно; вероятно здесь mät контаминировалось с muott ('место'), что основано на недоразумении; отсюда перевод: 'место святилища, трон (место) бога'. О культе susuon dälæ ср. Ахриев, Сборн. свед. о кавк. горцах, т. V, стр. 11 статьи «Ингушевские праздники»; Базоркин, Сборн. свед. о кавк. горцах, т. VIII, стр. 10 статьи «Горское паломничество»; Далгат, Терский сборн., т. II, стр. 110—111 (здесь читаем: «женщины поют песни и просят у бога и у Сусох-дяла детей»). Ср. еще Аляборова, l. c., стр. 372.

[2] Параллельные формы этого имени: балцæг, малсæг, марсæг, марсуг. Отметим еще возможную связь осетинского владыки преисподней, Барастӯр'а с ингушским «Эштер'ом», *о котором см. Далгат, о. с., стр. 59.*

(отца Иоанна или Иоанна Крестителя). Собственник колеса посылает его против врага и оно, раскатившись, разрезает его на части».[1] Дигорский вариант сказания о смерти Сослана содержит указание на тождество Иоанна (fid-iuane) с 'небесным Марсугом' (uælarvon Marsug).[2] Несомненно, в колесе Марсуга мы имеем мифологическую персонификацию солнечного диска, и соответственно в самом владельце колеса не трудно предположить 'человека солнца' (инг. *malxæ sæg > malsæg, ныне популярное среди ингушей мужское имя). Наконец, для объяснения некоторых темных по происхождению осетинских выражений, ингушский язык может сослужить свою службу: так осет. gælæxxa 'пожалуйста' не представляет ли собою неточно воспроизведенную ингушскую фразу gæ lielæx̌ hæ ('окажи помощь'; обычно gæ сочетается не с dælær, а с другими глаголами, как-то: lacær, dær, *ladær в gæloadæm)?

В нашу задачу не входит, как сказано, исчерпывающее сравнение этих языков; приведенных примеров, думается, достаточно для доказательства того положения, что ингушский язык сохраняет в себе обильные следы длительного общения со своими соседями с запада, поддерживая в этом вполне наблюдения этнографии и археологии. Мы можем перейти к дальнейшим, регистрируемым языком, влияниям, испытанным ингушским народом в его прошлом. Следующими за аланами по давности влияния следует признать, безусловно, грузин. Как указывалось выше несомненна значительная давность грузино-ингушских связей: она служит основанием частоты упоминания дурдзуков в начальной грузинской летописи.[3] Мы лишены, к сожалению, возможности полагаться на грузинскую летопись для выяснения точной хронологии грузино-ингушских культурно-политических взаимоотношений: установленное авторство Леонтия Руисского[4] придает нашему главному источнику слишком ненадежный характер. Во

[1] Миллер. Осетинские этюды, I, стр. 120. У дигорцев оно называется oinonі cælx.

[2] См. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927, вып. 2, стр. 19 (текст), стр. 15 (перевод). В другом варианте (Памятн. народн. твор. осетин, вып. I, стр. 47) Барсаг назван «одним из лучших мужей среди нартов». О Марсуге правильные соображения у Альборова, l. c., стр. 397.

[3] Ср. по изданию Броссэ, груз. текст, стр. 32 (женитьба Парнаваза на дурдзукианке), стр. 33 (дурдзуки и Саурмаг), стр. 34 (война Мирвана с дурдзуками), стр. 48 (дурдзуки в коалиции против армян), стр. 61 (набеги дурдзуков при Мириане) и т. д.

[4] См. ივ. ჯავახიშვილი. ისტორიის მიზანი, წყაროები და მეთოდები etc., წიგნი I (1916), стр. 112 слл. Новейшая оценка его труда у კეკელიძე, ქართული ლიტერატურის ისტორია, I (тф. 1928), стр. 243 сл. страдает гиперкритицизмом.

всяком случае несомненна гиперболичность выражений историка царицы Тамары в описании похода, в начале XIII в., атабека Иванэ против дидойцев и пховельцев: «Иванэ... поднялся на гору Хада (მთასა ჯადასა), перешел через вершину горы и встал на горе пховельцев и дидойцев, чего не совершал никто ни раньше, ни позже (რომელი არვის ქმნა არცა პირველ არცა შემდგომად); ибо с одной стороны у него осталась Дурдзукия, а с другой стороны — Дидойя и Пховия (დადოეთი და ფხოეთი). Узнав о приходе атабека, цари дурдзуков пришли с дарами, дали ему войско, присоединились к нему и начали со своих гор (ზედადმან) воевать, совершать набеги, убийства, пленения, и пожгли жестоко. Погибло бесчисленное количество дидойцев и пховельцев. И пробыли (там) три месяца, июнь, июль и август. Тогда стесненные атабеком дали заложников, обещали подчинение и дань, и дали клятву. Заключили мир и он вывел заложников, победоносные (войска) пришли к царице, и сказал Иванэ атабек царице Тамаре: могущественная царица, твое приказание исполнено, я разгромил непокорных твоему приказу Дидойю и Пховию».[1] Рано возникшая, связь Дурдзукии с Грузией, вначале военно-политическая, а за тем и более тесная культурно-религиозная, продолжалась очень долго, значительно дольше, чем, напр., связь Грузии с также захваченными в орбиту грузинского культурного влияния прилегающими к Кахетии частями нагорного Дагестана. Опубликованная Джанашвили[2] приписка в евангелии, принадлежавшем Л. А. Магалашвили, гласит: «Христе, когда блаженный патриарх наш Евфимий обозрел в Кахетии епископию Анцуха (ანწუხისა?) и оттуда перешел в Цахур (წახურს), Ках-Елису (კაჯ-ელისენს) и обошел храмы Касрийской Троицы (კასრი სამებისა),[3] Кумской богородицы (ყუმი ღმთის მშობლისა), в Лекарте (ლეკართს) св. равноапостольной Нины, в Заре (ზარს) св. великомученика Георгия, в Вардиане (ვარდიანს) св. Або, в Ганухе (განუხს) Арчила, в Кишнухе (ქიშ-ნუხს) богородицы, Вардашене (ვარდაშენს) Ильи, в Та... саране

[1] См. груз. текст по изданию Броссэ, стр. 333 (= изд. Такайшвили, стр. 528) и франц. перевод, стр. 475. В роли союзников Грузии дурдзуки выступают и позднее, при царице Русудане, в 1234 г. См. ibid., груз. текст, стр. 357, перевод, стр. 510: здесь они переходят через Дарьяльское ущелье. Несомненно, и до Иванэ грузины заходили и к пховельцам и к дурдзукам.

[2] См. З. ჯ. ჯანაშვილი. საქართველოს ისტორია, მეორე გამოცემა. თბ. 1895, стр. 205—206 и ср. русский пересказ в Сборн. матер. по опис. мест. и пл. Кавказа, т. 22, отд. 1, стр. 50.

[3] О Касрис-сакдари (კასრის საყდარი), находящемся в ингилойском селении Кахи см. Джанашвили, Сборн. матер. etc., l. c., стр. 26, прим. 3.

(ოს... სრანს) пресв. (?) апостола Петра, далее храмы Хунзов (ხუნძოს?), Нахчиев (i. e. чеченцев, ნახჩოს), Тушетии (თოშეთისა), Некреса (ნეკრესისა), Лагоета (ლაგოეთისა), Белакана (ბელქანისა), Мач-Пипинета (მაჭ-ფიფინეთისა), Периджан-Мухах-Мамреха (ფერიჯან-მუხახ-მამრეხისა) и всей равнины, т. е. древнего Мовакана и Елисени, от Верхнана-Зегана (ვერხვიანით-ზეგანით) до места впадения реки Иоры (ივრის?) в Алазань,[1] то этот блаженный (ხანატრელმან?) Евфимий приказал мне, архиепископу Курмуха (ქურმუხისა) и пастырю всех горных земель (ყოვლისა მთიულისა წინამძღვარსა), Кириллу Донаури, распорядиться переписью евангелий и разослать для каждой церкви; и я побудил переписать (sc. евангелия) священника Кахской церкви св. Варвары, Ессея Китиашвили, и 12 учеников его, и разослал по церквам, монастырям и семи главным училищам; и приказал им изучать истинный закон, философию, жития отцев, историю Грузии (ქართლისა ცხოვრებაჲ) и историю (ც... ბაჲ ?) Албании.... господи Иисусе Христе, помоги в день судный архиепископу Кириллу; аминь, аминь. В короникон 530-ый (ფლ?), месяца мая 14 числа, в год от сотворения мира 6914-ый (ՋՈՀԴ)».[2] Приведенный интереснейший документ начала XIV в., рисующий нам картину распространения грузинского церковного и культурного влияния на современную Чечню, Дагестан, Закатальский округ и Нухинский уезд, оставляет нас, к сожалению, в нескольких ответственных случаях в неуверенности относительно правильности чтения: по замечанию издателя,[3] приписка очень пострадала и выцвела, в частности названия Анцух и Хунз вызывали сомнения и снабжены в издании вопросительным знаком.[4]

[1] Большинство перечисленных географических названий легко отождествляется на современной карте: Ках-Ингилой, Кум, Лякит, Зарва, Гюллюк (? тоже значение что и Вардиани = розовый; ср., однако, Wakhoucht. Description géographique de la Géorgie, ed. Brosset. St.-Pétersbourg, 1842, p. 483, где Вардиани между Мацехом и Пипинет-Джаром); Гейнук, Гюйнук (? ср. Wakhoucht, l. c., где ghanoukh, т. е. ღანური, стоит рядом с Катехом), Киш-Нуха, Варташен; далее Некрес в окрестностях Кварели, Лагодехи, Белаканы, Закаталы, Мухах-Мамрух и, наконец, Верхнан (к югу от Закатал). Неотождествимо испорченное Та-сараи. Ср. ჯანაშვილი в ძველი საქართველო, ტომი II (ცფ. 1913), გვ. 3, стр. 68—80.

[2] Указанные даты грузинского летосчисления обе соответствуют 1310 г.

[3] L. c., стр. 204, прим.

[4] Анцух и еще более привлекающая к нему Капуча до сих пор носят на себе яркие следы грузинского влияния, сказывающегося и в совр. географической номенклатуре. К району Хунзов (Хунзах) относится наиболее значительный вещественный документ грузинской культуры в Дагестане: грузинская надпись из Хунзаха (вернее из Тануса? Ср. информацию Ш. Гитиновасова, Новый Восток. Москва, 1924, кн. 5, стр. 244, о вывозе оттуда камня с надписью), доставленная в 1879 г. в Тифлис и гласящая о постройке церкви

Положение христианства рисуется здесь однородным на обеих окраинах грузинского влияния — в Чечне и Аварии; единый центр управления паствой — курмухская кафедра, одновременно направляет свое внимание и в ту и в другую сторону. Через 3 столетия картина несколько меняется. Положение в Дагестане характеризуется следующими фактами: Цахур оторван от грузинского влияния категорическим вмешательством Персии,[1] Анцух и Капуча требуют вмешательства военной силы для усмирения их жителей и прекращения набегов на Кахетию (поход Кайхосро Оманишвили в 1612 г. в Дагестан),[2] дидойцы, еще в конце XV в. составлявшие органическую часть Кахетии,[3] выступают перед нами язычниками — недвусмысленными врагами грузинской культуры. «Увидев, что положение его ненадежно, Теймураз решил отправиться в Дидо, чтобы отвратить их от идолослужения, открыть дорогу в Россию и привлечь их на свою сторону. Собрав кахетинцев, он напал на них, разрушил несколько башен и сжег селения. Однако дидойцы призвали себе на помощь других дагестанцев (ლეკნი) и начали сражаться, стреляя из лука и сбрасывая камни, убили руставского епископа на глазах у царя, одновременно убили лошадь Теймураза и уничтожили множество кахетинцев; обратились в бегство (sc. грузины) и пришел Теймураз в Кахетию плача и говоря: о, горе, погиб дворцовый епископ (ვაი დარბაისელ ეპისკოპოზს მოწყეტიდეს). Это случилось в 1640 г., короникон 328-ой».[4] Крупное поражение, понесенное кахетинским царем в его попытке восстановить грузинское влияние в северо-западном Дагестане, стоит в ярком контрасте с успехами, одержанными тем же царем Теймуразом, всего за два года до экспедиции к дидойцам, в районе Ингушии. Сам Теймураз так повествует о своих действиях в этом

в честь Козьмы и Дамиана Учададоном (? ოჯნაღდ || ობ. См. Изв. кавк. отд. Моск. арх. общ. Тифлис, 1904, вып. 1, стр. 68). Название наиболее популярного памятника этой же категории, Датунской часовни, стоит в зависимости от грузинского имени დათუნა. Впрочем, на Датунскую часовню претендуют и армяне. Ср. Բարխուդարեանց. Սբ. Աստուածածին Երկիր եւ դրացիք, 1893, стр. 21—28. Приводимая, в доказательство былой распространенности в Дагестане христианства, армянская надпись «1245 года» (М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Москва, 1890, т. I, стр. 147—148) относится не к XIII, как можно было бы думать, а к XVIII в. (1245 армянск. эры = 1796 г. н. э.). Ср. «Древности» Московск. археол. общ., т. XII, стр. 170 (протокол от 8 XII 1887) и Древности Восточные I (Москва, 1893), протоколы, стр. 28—29.

[1] Ср. Акты Кавказск. археографич. комиссии, т. II, стр. 1085 сл.

[2] Histoire moderne de la Géorgie, p. 115 (груз. текст), p. 161 (франц. перевод).

[3] L. c., p. 103 (груз. текст), p. 148 (франц. перевод).

[4] L. c., p. 122 (груз. текст), p. 169—170 (франц. перевод).

последнем районе: «сам я с боярами и с войском отправился ради великой любви к ц. в. величеству; пошел и открыл дорогу чрез Туския горы, по Псавским, Клегудским, Кевсурским и Кистийским, по которой дороге никогда ни посол ни древние Иверские цари не проходили и не приходили в эти горы. А с божиею силой и милостью в. ц. величества (жители) всех этих гор мне подчинились и принесли мне свои старые записи и я их скрепил, и многие крестились, и теперь еще стоят церкви, иконы и колокола. Там в Кисти мы встретились с послами в. ц. величества, и я взял их с собою и привел в мою страну, в Кахетию... Много потрудились послы в. ц. величества, но и я еще более трудился, целых два месяца, пока (открыл) очистил дорогу, в. г., и божиею силою и милостью т. ц. величества подчинил горцев, так что они сделались моими рабами, как то и сперва было во время Льва».[1] Точная датировка этого события, относящегося к лету 1638 г., дается статейным списком кн. Ф. Волконского и дьяка А. Хватова, доступным нам лишь в бестолковом пересказе Франциска Плоена, сделанном в начале XIX в. и помещенном в качестве введения к цитованной выше «Переписке».[2] Из списка явствует, что встреча русских послов с «боярином Реваз-беем», посланным Теймуразом, произошла близ кабаков черкесского князя Хавсы (?) 2 августа 1638 г. Описание пути через горы содержит ряд любопытных этнографических подробностей, заставляющих пожалеть о недоступности в печати столь выдающегося материала для изучения района Ингушии XVII в. Так напр., сообщается (в пути через «кабаки горских владельцев»): «сии кабаки расположены по обе стороны сего ручья; домы в них каменные, выстроены в горах; мужчины одеты по-черкесски, а женщины носят на головах рога в пол аршина». Ночуя «в деревне, принадлежащей к туской земле», «послы разведывали, от чего сия страна

[1] Ср. цитированную стр. 701, прим. 3. «Переписку на иностранных языках грузинских царей с российскими государями», стр. 29. Противоречие в словах: «никогда ни посол ни древние иверские цари не проходили в эти горы», с указанием ниже: «как то и сперва было во время Льва» (под ним разумеется кахетинский царь Леван, 1520—1574) объясняется и здесь гиперболичностью выражений. О Левана у Вахушта читаем: «предшествующим ему кахетинским царям уже не подчинялись Пшаво-Хевсуры и Тушины и этот Леван овладел ими не силою, но пообещав им, что стада их будут пастись без вреда в Кахетии, сделал пожертвование лашас-джварскому святилищу в Тианети; с тех пор они давали ему войско и отправляли повинности» (Hist. de la Géorgie, II, p. 107 и франц. перевод, стр. 151 и прим. 2).

[2] См. Исторический обзор дипломатических сношений между росс. государями и груз. царями и владетелями, составленный на франц. языке Ф. Плоеном, актуариусом при Главном архиве etc., стр. XXX—XXXI и сл.

получила свое название, кем пред сим она была управляема, и кто теперешний владетель оной. Им сказали в ответ, что страна сия так называется с давнишних времен; что прежде принадлежала она горским жителям, но что теперь владеет оною Теймураз, и что в ожидании русских послов, Теймураз приказал перекрестить множество здешних поселян, что и исполнил грузинский архиерей. Мужчины туской земли стригут волосы и бреют бороды; женщины ходят в черных платьях, схожих с монашескими. Жители горские и земли туской в сражениях употребляют ружья, луки, сабли и копья».[1] Военные действия Теймураза в 1638 г. знаменуют собою последние усилия Грузии сохранить свое влияние в горах. Непрочность достигнутых им успехов становится очевидной из последующих событий: в частности, посольства из Москвы в Грузию совершаются уже в обход гор, кружным путем через Шемаху.[2] Культурное влияние Грузии, шедшее на протяжении многих веков (приблизительно VII—XVII вв.)[3] нашло, как увидим сейчас, свое отражение в языке; вместе с тем оно оставило и более осязательные следы в вещественных памятниках страны, среди которых наибольшей известностью в посвященной этому вопросу литературе пользуется, по справедливости, так наз. храм Тхабаерды (ингушское tqhobhäjierdæ) в недалеком расстоянии от аула Хайрых (x́æjræx). Интерес этого памятника, многократно описывавшегося в литературе, заключается: 1) в нахождении его в центре Галгая, 2) в богатом декоративном и архитектурном материале, им представляемом, 3) в наличии на стенах грузинских над-

[1] Искажение собств. имен у Плоена, о. с., мешает, к сожалению, совершенно точной реконструкции пути послов. Послы шли, вероятно, по Тереку до Джераха, по Джераховскому и Галгаевскому ущельям в Хевсурию, оттуда к тушинам, и далее по Панкиоскому ущелью в Кахетию.

[2] Уже Волконский и Хватов возвращались этим далеким путем в 1639 г. Плоен, l. c., стр. XLI.

[3] Хронологические границы здесь условны более, чем где-либо: с одной стороны, трудно определить исходные моменты возникновения культурной связи; с другой стороны, и в XVIII в. не прекращались связи ингушей с грузинскими царями. Об Ираклии мы имеем предание, приводимое Ахриевым, Сб. Свед. о Кавк. горц., т. VIII, статья Ингуши, стр. 2. Сюда же относится и замечание Буткова, l. c., т. II, стр. 179 и прим. 1, что Ираклий в 1785 г. «призывал к себе осетинцов и ингуш, но напрасно». «Грузинский царь Георгий» фигурирует и в историч. предании о подвиге Чербыша, истребившего на Военногрузинской дороге кабардинских князей. См. цит. статью Б. К. Далгата, Этногр. обозр., 1901, № 1, стр. 63. Разумеется, мнение, что «в конце XIV в. Грузия падает под ударами Тамерлана и ее военное и политическое влияние на ингушей уже больше не восстанавливается» (Христианович, l. c., стр. 69, ср. цитату на стр. 68, прим. 1) основано на недостаточном знакомстве с источниками.

писей, неизвестных другим монументальным памятникам Ингушии, и 4) в обнаружении в нем грузинской же рукописи, наглядно свидетельствующей о распространении в церковном быту ингушей грузинской, а не греческой и не готической (как некогда предполагалось учеными)[1] письменности. До сих пор Тхаба-Ерды оставался вне круга интересов специалистов по истории древнегрузинского архитектурного искусства, и лишь недавно Кавказский историко-археологический институт Академии Наук (в Тифлисе) включил изучение его в план очередных работ.[2] Оставляя в стороне древнейшее свидетельство о православной церкви у кистинского народа, полученное в Моздоке в 1765 г. от двух католических миссионеров, явившихся к кистам из Ахалциха (следовательно из Грузии!) — церковь называется построенной при реке Балсу (= Форганга), что, быть может, результат недоразумения[3] — остановимся на древнейшем описании памятника Штедером в 1781 г.:[4] «К югу, на возвышенности, у которой соединяются оба рукава Ассы, у правого рукава расположено старинное здание, куда совершается ежегодное великое паломничество всего народа. Древний непорочный старик из одной определенной фамилии закалывает жертвенные животные, съедаемые близ живущими фамилиями; голова, с рогами и костями, сохраняется в здании. Оно уже частично разрушилось (versunken), и имеет 23 шага в длину и 7 в ширину, при трех саженях высоты. Оно состоит из гладких тесаных камней, однако крыша развалилась. С западной и восточной стороны видны узкие притворы (Vorhof). От первой из означенных сторон (scil. западной) был вход, ведший через ворота, однако он заложен теперь камнями; нынешний вход ведет через низкую дверь на южной стороне. Над главным входом имеется несколько безформенных фигур, высеченных в диком камне. Мужчина, сидящий на стуле, имеет над собой,

[1] О греческих рукописях у ингушей Klaproth, l. c., I, стр. 623 и Ахриев, Сборн. свед. о кавк. горцах, т. V, стр. 1; о готических — Pallas. Bemerkungen auf einer Reise etc., in den Jahren 1793 und 1794, I, стр. 417.

[2] Ср. Бюллетень Института, № 5 (Ленинград, 1929), стр. 7. (отчет о поездках Д. П. Гордеева). Следует отметить, что изучение Тхаба-Ерды намечалось мимоходом в программной статье Берже. Зап. Общ. любит. кавк. археол. Тифлис, 1875, кн. I; см. стр. 13 внизу.

[3] Бутков, о. с., I, стр. 438.

[4] Гюльденштедту не удалось видеть его ни в 1770 г. ни позднее ср. о. с., I, стр. 151, 479—480 и 482. В последнем из цитованных мест читаем: «Der Distrikt Galgai... Das hieher gehörige Dorf Saglais (?) hatte eine ansehnliche Kirche in vorigen Zeiten». Клапрот, также не бывавший на месте, описывает Тхаба-Ерды со слов Штедера, комбинируя его данные с данными Рейнеггса и искажая их, как показал Engelhardt, l. c., стр. 240, прим.; ср. стр. 227, 230, и passim. Ср. выше стр. 693 прим. 1.

с левой стороны, простирающуюся из облаков руку, держащую наугольник (Winkelmaas); рядом с ним мужчина, держащий перед собой в левой руке крест, а правой берущийся за саблю. Напротив, с правой стороны, другой нес виноград на палке, положенной через плечо; с боку находятся головы ангелов, расположенные, для украшения, на углах карниза. Над (центральной) фигурой находился фасад греческой церкви, подобной той, что я обнаружил в натуре на огромной высоте у Казбека.[1] Надписи стали неразборчивыми вследствие разрыхления камня (durch die Witterung). На восточной стороне находится два узких окна, а на южной стене трехугольные маленькие дыры, оставленные вместо окон. Внутри здание темно, грязно и лишено пола, посередине наполнено угольями, оставшимися от жертвоприношений животных. Головы с рогами, кости и поломанные стрелы сохраняются по сторонам. У восточной стороны расположены сводчатые ниши (gewölbte Bogen), заложенные камнями и имеющие будто бы подземные ходы, где хранятся церковные принадлежности и книги. Я велел убрать камни и заплатил бы вскоре жизнью за свою любознательность, если бы мои проводники-ингуши не извинили бы эти розыски моим благоговением перед святынями».[2] Приведенное описание на 105 лет древнее известного описания В. Ф. Миллера, произведенного в 1886 г. Важность сообщаемого Штедером, помимо описания процедуры культа, заключается в указании на процесс разрушения, наступивший, как можно думать, не

[1] Речь идет о церкви Самеба, расположенной на левом берегу Терека против сел. Степан-Цминда; о ней Бакрадзе; Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис 1875, в. т. Самеба. Отмечаемое здесь сходство сооружений Тхаба-Ерда и Казбекской Самеба следует учесть при исследовании интересующего нас здесь памятника. Замечание Штедера поддерживается и Энгельгардтом (l. c., стр. 240), усматривающим в этом сходстве церквей поддержку народному преданию о сооружении Тхаба-Ерды цар. Тамарой. При оценке хронологии христианских памятников долины Терека необходимо иметь ввиду сообщение летописи «Обращения Грузии» о построении грузинскими азнаурами на Арагве Степан-Цминды, при ц. Арчиле (V в. н. э.); Джавахишвили (ქართველ ერის ისტორია, II, стр. 305) относит сообщение к сел. Степан-Цминда (т. е. Казбек) на Военногрузинск. дороге, ср. однако Картлис Цховреба, вариант ц. Марии, стр. 118 и Histoire de la Géorgie, p. 109 (текст), p. 145 (перевод), где речь идет о Мцхете. Тогда же, в V в., при назв. Степан-Цминде были построены боевые башни, отсутствию которых в Грузии в настоящее время напрасно удивляется И. П. Щеблыкин. Изв. Ингушск. инст., стр. 280. Работа B. Plätschke. Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus. Hamburg, 1929, дает первую попытку общего обзора «башенной культуры» на Кавказе и за его пределами (см. о. с., стр. 67—76. О Грузии ср. еще F. Baumhauer. Forschungen über die Hausformen in Georgien. Hamburg, 1928).

[2] Штедер. о. с., стр. 38—40.

позднее первой половины XVIII в. Сведения Штедера ускользнули от внимания Миллера, как ускользнуло от него (и от всех позднейших авторов по вопросу) еще более интересное для нас описание Энгельгардта, сопровождаемое иллюстрациями, воспроизведением (неудачным, впрочем) надписей и планами. Энгельгардт посетил Тхаба Ерды 13 сентября 1811 г. «Церковь называется Галиерт (Galiert)», пишет он,[1] «и сложена из небольших плит известняка и песчаника, добываемых недалеко от местонахождения выше упомянутой стены» (речь об Ассинском укреплении, ср. выше, стр. 712, прим. 3). Последнее наблюдение автора, как геолога по специальности, заслуживает особого внимания. Следующее за приведенными словами описание памятника ничем существенным не отличается от описания Штедера, за исключением того лишь, что Энгельгардту не удалось получить подтверждения выше приведенному сведению о старике-жреце, совершающем жертвоприношения: по рассказам, слышанным Энгельгардтом, летом, повидимому в июне, в церкви собирался народ и поедал принесенные с собой жертвенные кушания. Наибольший интерес представляет иллюстрационный материал Энгельгардта, на 6-й таблице приложенного к его сочинению атласа. В числе надписей, записанных Энгельгардтом, приводится и та пресловутая надпись, исчезнувшая к 1886 г., но имевшаяся еще в начале 70-х гг., списанная Бакрадзе и послужившая ему основанием для датировки Тхаба Ерды 830 г. н. э. Из матерьялов Энгельгардта явствует, что данные, сообщаемые Бакрадзе Миллеру и приводимые последним на стр. 20 его Археологических экскурсий в Терской области (Материалы по археологии Кавказа, т. I) касательно прежнего расположения надписей на западном фасаде Тхаба Ерды, не верны, так как уже в 1811 г. Энгельгардт регистрирует то самое расположение

[1] L. c., стр. 238. Это свидетельство осталось неизвестным Алборову, правильно предположившему, что позднейшее Тхаба Ерды имело отношение к Галиерду (инг. gäljierdæ), о. с., стр. 353. Фантастично толкование инг. tqhobhä ('две тысячи' гевр. 'двух тысяч') с помощью осет. табу, слова, известного в ряде языков Северного Кавказа, в том числе и абхазском, где выражение yəʒabə̀wp означает 'благодарю, спасибо' (форма ʒabə̀w известна в обращении к богу оспы, золотому Зыскану, aʒə zəshə̀n); табу, подобно кешене, турецкого происхождения, от корня tap гевр. tab 'поклоняться, чтить' ср. осм. тапу 'почитание', джаг. тапук 'почитание, служба, почтительн. приветствие' тапукчі 'поклонник' (Радлов. Словарь, III, 951); уйгур. тапла 'почитать, оказать почет' (ibid., 954); телеутск. табу 'честь, поклонение, богопочитание' (выражение шаманов) уйгур. табук 'служба', джаг. табук 'служить, почитать', уйгурск. табуɣак 'молящийся' (ibid., 977). Интересно, что и ингуш. 'оочі' (см. Алборов, о. с., стр. 360 сл.) имеет точное соответствие в абхазск. wʊoǯ (Джанашия, Христ. Вост., т. IV, стр. 78—85).

надписей, что и Миллер в 1886 г., а именно: надпись № 2 Миллера находилась уже в 1811 г. внутри барельефа в том же перевернутом виде, а не вне барельефа, как сообщал Миллеру Бакрадзе; надпись № 3 отсутствует, как у Миллера, так и у Энгельгардта; надпись № 4, местоположение которой Бакрадзе не указывает («в параллель к надписи № 3»)[1] показана у Энгельгардта вне барельефа, в левом верхнем углу правой плиты с изображением ангела. Что касается чтения надписей Бакрадзе, то несостоятельность его ясна уже на основании того, что предлагается в издании Миллера. Надпись № 2 читается у Миллера (в согласии с Энгельгардтом, не имевшим, повидимому, ясного представления о грузинском письме, и не признавшим надписи за грузинские)[2] Ⴕ Ⴗ Ⴃ Ⴆ Ⴗ || Ⴃ Ⴖ Ⴠ Ⴟ || Ⴑ Ⴃ Ⴚ, т. е. ქრისტე, ხდიდე || ხელმწყნებელი || სა(?), что значит «Христе, возвеличь строителя...». У Бакрадзе прибавлены слова «патрона Давида эристава»...[3] Надпись № 3, известная лишь Бакрадзе, читается: Ⴇ Ⴙ Ⴑ Ⴗ Ⴝ || Ⴃ... Ⴍ, ოჯფლო, გიორგი ებისკოპოზი (ა?ურთხე?) «Господи, Георгия епископа (благослови?)». Надпись № 1 читается у Миллера: Ⴇ (?) Ⴌ Ⴔ (?) || Ⴌ Ⴊ Ⴗ Ⴊ (?) Ⴜ || Ⴙ Ⴑ Ⴗ Ⴝ Ⴑ || Ⴍ, у Энгельгардта видны еще в последней строке Ⴜ, и в предпоследней Ⴌ, т. е, (ოჯფლო საბაოთ?).... გიორგი ებისკოპოზი (?), «Господи Савваоф (?)..... Георгия епископа». Перевод Бакрадзе добавляет к «Георгию епископу», читаемому ясно, сомнительное «помяни». Наибольший интерес заключен в последней надписи: Бакрадзе дает Ⴗ (?) Ⴝ || Ⴇ Ⴑ, у Энгельгардта в первой строке *три* неясных знака, во второй тоже Ⴇ Ⴑ. Поняв ᲛᲘ в смысле числовой даты, не совсем обычно выражающей число 50 через 40 + 10,[4] Бакрадзе без малейшего на то основания толкует первую строку в смысле ქორონიკონი. Между тем, почти совершенно очевидно, что ᲛᲘ представляет собою сокращенное слово типа მთავარი

[1] Матер. по археол. Кавказа. Москва, 1888, т. I, стр. 20.

[2] Ср. Энгельгардт, l. c., стр. 240: «die Inschriften *scheinen* gleichfalls georgiach».

[3] Насколько надежны эти дополнения Бакрадзе, судить сейчас трудно. Что он в своих чтениях не всегда свободен от промахов и фантазирования, выяснялось не раз позднейшими исследованиями. Ср., напр., Мат. по археол. Кавказа. Москва, 1909, т. XII, passim, замечания Такайшвили, как и все другие работы этого последнего.

[4] Примеры все же спорадически встречаются, ср. ᲫᲐᲜᲘᲔᲚ. ოცდაით თვლა და ათაით წერა ქართულში, в журнале ჩვენი წეცნიერება 1923, № 1, стр. 107—112, ср. ibid., 1924, № 11—12, стр. 12—14. В первой из названных статьей, на стр. 108—109, три примера ᲛᲘ в значении 50. Грузинские надписи Тхаба-Ерды рассматриваются, в духе толкований Бакрадзе, у ჯანაშვილი, ივერია, 1895, № 132, в статье ᲔᲞᲘᲜᲘᲙᲘᲡᲘ ᲜᲐᲬᲔᲠᲘ.

(resp. მთავრისგელოზი, მთავრებისჯოგზი и т. п.). Если полагаться на чтение Бакрадзе (ჯ ში), можно читать: ღლიღჯს მთავარი 'князь Галгая'. Однако, имея ввиду, что надпись помещалась, по Энгельгардту, при изображении ангела, следует, вероятно, читать ᲒᲐᲕᲚ ში 'Михаил архангел'. Как бы то ни было, датировка Тхаба Ерды на основании приведенной надписи невозможна, и тем самым падают и все заключения культурно-исторического порядка, делавшиеся последующими исследователями на основании предлагаемой Бакрадзе даты 830 г. н. э. Решение вопроса переносится в область архитектурного и стилистического анализа памятника, который не может быть предметом достаточно полного обсуждения в данном контексте. Отметим лишь, что всеми исследователями, начиная с Миллера, незамечено самое главное в истории интересующего нас сооружения: ктиторское изображение на рельефе дает первоначальную форму сооружения крестообразного плана, тогда как наличный план — базиличный. Очевидно, Тхаба Ерды проделало существенную эволюцию основных своих форм, примеры чего хорошо известны в истории грузинского церковного зодчества.[1] Тхаба-Ерда интересно нам, как сказано выше, еще в одном отношении: здесь хранилась та рукопись, которая была в 1895 г. куплена Вертеповым[2] и в 1927 г. прислана в Ленинград Ингушским институтом для исследования.[3] Рукопись представляет собою остатки (67 листов, почти истлевших от сырости) писаного уставом (ხანმოკლე) Псалтыря, судя по характеру письма, XI—XII в. Начинаясь псалмом 17-ым (лист 1 г.) рукопись доходит, с перерывами, до псалма 139 (лист 67 v.) Во многих местах видны следы приписок (л. 1 г., 2 г., 3 v., 4 г., 5 г., 7 г., 8 г., 9 г., 10 v., 13 г. и 38 v.), неподдающиеся разбору, ввиду плохой сохранности рукописи; лишь в одном случае можно предположительно читать имя

[1] Так, напр., обстояло дело и в известном Атенском сионе, см. об этом Христианский Восток, т. I (СПб., 1912), стр. 293—294. Разница с Атени в том, что там первоначальной формой была базилика, впоследствии превращенная в сооружение крестообразного плана.

[2] Вертепов сообщает (Терский Сборник, т. VI, Владикавказ, 1903, стр. 118) «При посещении Тхаба Ерды еще в 1893 г. я услышал от стариков, что в этом храме было евангелие, которое куда-то исчезло; говорили, что оно не пропало, а хранится у одного из ингушей окрестных селений. Я принялся за розыски, но обладатель священной книги тщательно скрывался. Наконец, в 1895 г. мне удалось добыть небольшой кусок пергамена от этого евангелия, а в 1896 г. я узнал-таки имя обладателя священной книги. За небольшое вознаграждение он уступил мне все сохранившиеся листы. Это оказался Псалтырь, писаный от руки на пергамене древнегрузинским шрифтом».

[3] Передана автору этой статьи акад. Н. Я. Марром для определения.

დვით. Не касаясь здесь особенностей самого текста, отступающего во многих случаях от печатной вульгаты, заметим, что эти последние остатки грузинской письменности в Ингушии завернуты были в кусок кожи с тиснениями, обличающими значительно более позднее (XVI—XVII в.?) происхождение переплета рукописи.

Совершенно естественно, что грузинское культурное влияние на ингушей, при значительности специально церковных форм этого влияния, отразилось особым, отличным от алано-осетинского воздействия образом на языке.[1] Так, прежде всего, мы находим термины elgæc 'дворец; гостиная; часовня' (Мальсагов). Из трех указываемых значений первые два, несомненно, вторичны; первоначальное значение слова 'часовня, храм'. «Все старшие боги чеченцев обязательно имеют храмы или часовни, называемые *элыиц*... Эльгыцы походят на каши, имеют вид небольшой каменной избушки с проходными дверями — одне к северу, а другие к востоку (встречается и одна дверь)... Как в Осетии, так и во всей горной полосе Чечни эльгыцы построены, говорят Казбык и Ганыж, во времена Тамары».[2] Слово — грузинского происхождения (< ეკლესია 'церковь', из греческого), как и пуč — 'белый значек', хранимый в качестве жертвенного приношения в эльгыце[3] (< груз. ნიში 'значек', из армянск.). Грузинского происхождения, как уже многократно отмечалось в литературе,[4] такие названия как phäræskæ 'пятница' (< груз. პარასკევი), šoatt 'суббота' (< груз. შაბათი), khiræ 'воскресение, неделя' (< груз. კვირა), oršuot 'понедельник' (< груз. ორშაბათი); далее žharg 'крест' (груз. ჯვარი; слово представлено во многих языках Северного Кавказа), tarxæ 'пост, ураза' (< груз. მარხვა 'христианский пост'!). К этим словам, органически связанным с церковной культурой, шедшей из Грузии, примыкают: žuožghæt 'ад' (< груз. ჯოჯოხეთი), khiergæm 'свеча' (< груз. ქერეული, ქერეონი 'толстая свеча', из греч.), xæ 'время' (< груз. ხანი), taršæl 'здоровье, благополучие', в формулах при-

[1] Наличие в ингушском языке грузинского влияния отмечается многократно в литературе, начиная с Klaproth. Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise etc., стр. 145 слл. Большое количество сопоставлений, в большинстве неудачных, грузинских и чеченских слов см. в статье ჯანაშვილი. ᲔᲡᲡᲘᲜᲔᲡᲘ ნაშო, см. выше, стр. 736, прим. 4.

[2] Далгат. Первобытная религия чеченцев, стр. 91—92; ср. Ахриев. Ингушевские праздники, стр. 2—3; Вертепов, о. с., стр. 114. По объяснению М. Даскиева, приводимого у Алборова, l. c., стр. 356, значение слова 'жилище, дом'.

[3] Далгат, ibid.

[4] Ср. соображения Лаудаева. Чеченское племя, стр. 57—58.

ветствия (< груз. მარჯვა 'успех, удача', ср. გამარჯობა 'здравствуй'?),[1] zaxæl 'сват, сваяк', zoaxæluol 'сватовство' (< груз. ძახალი, მზახალი 'сват'), zæmie 'дружка свадебный' (< груз. ძმობა, собств. 'братец'). В грузинском находят себе объяснение и два интересных слова, из которых одно связано с институтом кровной мести, а другое служит центральным понятием домусульманского (дошариатского) судебного устройства ингушей и чеченцев. Из них первое — čhir 'горе, печаль', входит в состав выражении čhir liexæg 'мстить, собств. искать (удовлетворения) горя' (< груз. ჭირი 'горе, печаль'): второе — qiel сейчас 'совет, решение, постановление', первоначально 'третейский суд выборных стариков-медиаторов', отсюда qielxuo 'народный судья, старик-медиатор'[2] из груз. კელი 'рука, сила, власть, правосудие' (ср. хевсурск. კელობა 'сила', კელოსანი 'старшина, хевис-бер').

И в области материальной культуры мы имеем характерные документы грузинского культурного влияния; отсутствие таковых представлялось бы непонятным при существовании грузинского строительства. Все исследователи древних сооружений Ингушии и Чечни отмечают, в качестве особенности техники их сооружения, применение извести;[3] соотвествующее слово, khir, пришло из Грузии (< груз. კირი, ср. арм. կիր 'известь)'. Одна из конструктивных деталей военных башен, так наз. машикули, защитный балкончик, носит название čherx, грузинского же происхождения (< груз. диалект. ჭერხო, в хевсурск. ზეთვალი სახლისა, букв. 'верхний глаз дома', 'верхний этаж двухэтажного хевсурского дома'),[4] ингушск. kuor 'окно' связано, быть может, с груз. ქორი (собств. 'этаж', ქორედი 'потолок' resp. ქორეთი, рачинск. диалект). В этой же связи стоят: ингушск. čherg(æ) 'жердь потолочная, палка' (< груз. ჭერი); xerx 'пила' (< груз. ხერხი); ингушск. moarzæghæ 'щипцы' (< груз. მარწუხი); ингушск. mangæl 'коса' (< груз. მანგალი 'серп'); ингушск. ciel 'мотыга для кукурузы' (< груз. ცელი 'коса'?); ингушск. agæ 'люлька' (ср. груз. აკვანი id.); ингушск. bærgæl 'тренога, путы' (ср. груз. ბორკილი 'кандалы, оковы'); ингушск. buogæ 'глиняная миска для молока' (ср. груз. ბაკანი 'деревянная чашка'?); ингушск. khudæl 'медный кувшин для воды' (ср. груз. хевс. კოდი 'деревянная посуда из целого куска, выдолбленного внутри'; ср. გულრაგი 'котел, кастрюля' и т. п.); ингушск. galij 'мешок' (ср. груз. გვალი 'чемодан'). Сюда же относится ингушское gnotæ 'полный комплект всего, что нужно для пахоты' (< груз. გუთანი 'плуг').

[1] С грузинским მარჯვა ассоциируются еще ингушск. märžæ jææ 'возглас при джигитовке', вообще 'возглас ободрения', осет. мáрадз, мáрадзаі 'живо! ну-ка!', мáрдзæ, já мардзæ 'междометие, выражающее воодушевление', черкесск. mardʒ (напр. mardʒ ɡəɕ 'эй на помощь!') абхазск. amàrdʒa 'ну-ка! пожалуйста!'

[2] См. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Вып. 2. Одесса, 1883. в. т. Келохой. Ср. И. Цискарова. Записки о Тушетии (в сборн. «Кавказ». Тифлис, 1849) стр. 159: «Судьи — *келхой*, чинили суд и расправу уголовных и гражданских дел Тушетии, решавшихся по собственному их шариату — *жел*, по древним обычаям и постановлениям, получившим силу закона».

[3] См. Изв. Ингушск. инст., passim; в частности стр. 288: (при постройке башен) «особенно ценилась помощь, выражавшаяся в подарках больших угловых камней и извести... Известь очень ценилась; часто ее давали вместо калыма, выкупа и пр.». Ср. осетинскую пословицу «кому-нибудь известковое (кірін, т. е. прекрасное) строение, а себе плетневую хату». Миллер-Фрейман. Осетинско-русско-немецкий словарь, в. v. кірін.

[4] Ср. წელიწდეული ქართული საენათმეცნიერო საზოგადოებისა I—II (ტფილისი, 1925) გვ. 321. Об ингушск. čherx Изв. Ингушск. инст., стр. 276—277.

Терминология животного царства насчитывает также ряд грузинских заимствований. Осел, бывший в эпоху до замирения горной Ингушии «главным транспортным средством... с улучшением дорог вытесненный верховой и вьючной лошадью»,[1] и характерным образом фигурирующий в ряде древних преданий,[2] именуется vir (< груз. ვირი). Курица наиболее распространенная домашняя птица у ингушей; «из разных видов птицы содержат в большинстве селений только кур».[3] Название ел — kuotæm, из груз. ქათმი. Ястреб проник к ингушам, вероятно, в качестве охотничьей птицы: ингушск. kör (< груз. ქორი). Сказочного происхождения ингушское luom 'лев' (< груз. ლომი) и ингушское jiešæp 'сказочный змей' (< груз. გიშპი).[4] Ингушск. inkæl 'верблюд' связано с арабск. جمل через груз. აქლემი. Ингушск. cisk 'кошка' связывается с груз. ციცა (то же значение). Ингушское bacaj govr 'род лошадей, маленьких, но выносливых', осмысляется теперь, как 'цова-тушинская лошадь' (ср. выше о bacaj), между тем, как первоначально это груз. ბაბაცხენი 'малорослая лошадь-иноходец, пони'

[1] Христианович, о. с., стр. 42.

[2] В предании о построении (об основании) Мецхала ослы перевозят строительные материалы (Изв. Инг. института, стр. 43). Осел, привязанный к хвосту быка, везет шелк и золото в Ларс в легенде о Дударове (там же, стр. 205; источником шелка и ситца считалась у ингушей Грузия, ср. Ахриев. Ингуши, стр. 3 и 17, примеч.). Камни, из которых построен Тхаба Ерды, привезены Мухаммедом на осле; на осле же он увез труп убитого брата (Ахриев, о. с., стр. 20) и др.

[3] Христианович, о. с., стр. 176.

[4] Об этом последнем неправильно у Гоголинского. Сборн. свед. о Терской области, стр. 254: «Веруют также в Гешиб — лесного духа или лешего, схожего с Альмаз, но имеющего еще менее власти предать людям».

(Чубинов). В ряде случае связь с грузинской культурой выражена прибавлением слова guržij, напр. guržij nux ('грузинский плуг, усовершенствованный'), guržij măčij ('грузинские чувяки, сафьянные') и т. п.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают наличный материал для сближения: ср. ингушское kiergæ 'рыжий' (< груз. ჭერა id.); ингушское alæ 'пламя' (ср. груз. ალი 'пламя');[1] ингушское chibdær, (chiddær, chuddær) 'пиявка' (ср. грузинское წურბელი id.); ингушское coacxuol 'пламя, огонь' (< груз. ცოცხალი, собств. 'живой'?); ингушское küj 'шапка' (< груз. ქუდი id.); ингушское næž 'дуб' (< груз. ნაძვი 'ель, кедр', ср. осетинское næsv 'сосна', карачаевскими nəzə 'ель', перс. نج, и проч.); ингушское xuoršæ 'лихорадка' (< груз. ხარშა 'зной'?); ингушск. xuox 'лук' (< груз. ხახვი id.), ингушск. bægie 'рот' (ср. груз. ბაგე 'уста, рот') и т. д.

Эпоха кабардинского влияния оставила по себе наименьший след. Феодальная знать Кабарды очень импонировала бедным обитателям гор, какими были ингуши до своего выселения на плоскость. До сих пор у ингушей существуют выражения, подобные следующему: ghäbærtij älæ viecie cul özdij khænt vejnæ vac suonæ 'я не видел молодца воспитаннее его, если бы только не (было) кабардинского князя'. Ghäbærtie (кабардинец) понимается в смысле 'интеллигентного, образованного человека'. Однако, в языке сохранилось сравнительно мало следов непосредственного влияния Кабарды. Можно отметить название 'золота', сходное в языках ингушском и кабардинском (ингушск. došuv, кабардинск. dəşe; ср. название 'серебра', ингушск. dotuv, кабардинск. dəzən); ингушск. xudær 'кисель' стоит в связи с черк. q̣ədər 'род кушанья', ингушск. xäs 'грядка', xäsij bieš 'огород' — с кабард. þesen 'сажать, сеять', (ср. þade resp. þaðe 'огород'), ингушск. txæmadæ 'тамада, председатель', благодаря присутствию звука x́ — с кабардинск. šhemade 'глава семейства' (ср. абхазск. àəahmada 'почтенный старик', ср. груз. თამადობა 'старшинство во время питья вина'). Инг. quor 'груша, грушевое дерево' связано, быть может, с кабард. q̣əz (то же значение), ингушское šijlij 'род материи' — с кабард. šəle 'шелк'[2] (но ср. инг. čillæ 'шелковые нитки', связанное с осетинским, балкарским, карачаевским, кумыкским словами того же значения, вплоть до джагат. آل 'шелк, наматываемый на средину тетивы, куда вставляется стрела', Будагов) и т. д.

[1] Ср. и тур. آل 'красноватый, красный'.

[2] Ср. еще آلشا казанско-тат. 'грубый красный миткаль', азерб. «бурмет» (Будагов).

Особо следует отметить ингушское x́ašæ 'гость, знакомый, приятель', зависящее от кабардинск. ha§ə 'гость' (нижне-черкесск. haṭe id.).[1]

Одновременным по возникновению, но неизмеримо более значительным, можно сказать, решающим в определении современного культурного облика ингушей было влияние восточных соседей ингушей, кумыков северного Дагестана, несших непосредственно (или посредственно, через Чечню) исламскую культуру, которой суждено было завоевать ингушей на глазах русского правительства, бессильного противопоставить ей серьезную христианскую пропаганду. История постепенного превращения некогда слегка христианизованных, но к моменту выступления на историческую арену вполне оязычившихся ингушей может быть восстановлена в относительной полноте сравнительно с тем, что нам известно о других горцах Северного Кавказа.

Уже с конца XVIII в. Ингушия представляла собою необычную картину полнейшего религиозного хаоса, где воззрения различных эпох и разнообразных религиозных систем причудливо сочетались друг с другом. Деградировавшее за короткий срок[2] поверхностное христианство столкнулось здесь с мусульманством, древнейший след существования которого находим в сообщении Вахушта о жителях Ангушта: «жители Ангушта похожи на черкесов,

[1] Трубецкой, о. с., считает, повидимому, ингушск. и чеченск x́aža независимым от черкесск. словом, возводя и то и другое к иранск. haxay (авест. haxā, дат. haδye) 'друг'. Замечу, кстати, что приводимое в статье абхазск. àφшта не значит 'homme riche', а 'хозяин' (хотя бы и бедный; 'богатый' abèy). К черкесскому φ§ə§an 'protectrice des brebis et des chèvres' следует поставить абх. ащащàна (resp. аҽəшащàна) 'божество, покровительствующее лошадям'.

[2] С XVII в., когда, как мы видели, была сделана последняя попытка вернуть известную часть ингушей в христианство, до 40-х гг. XVIII в., когда образовалась Осетинская комиссия, корни которой восходят еще к Петровской эпохе, к деятельности Иоанна Мангласского, прошло не более столетия. Об Иоанне ср. Иером. Нестор, Моздокская епархия и Ганя (Такаов), епископ Моздокский и Маджарский (1793—1799), в прибавлении к Грузинскому духовному вестнику за 1864 г., октябрь, стр. 51 сл., 56—57. В каком положении находилось христианство во второй половине XVII в. в недалекой от ингушей Мтиулии, можно судить по заявлению Романа Цилканского: «В Мтиулии мало было христианства, ни священника, ни паствы, ни крещеных детей у них не имелось, так что были подобны идолопоклонникам. Они не знали правильного крещения, совершенно не знали ни исповедания веры, ни поста, за исключением великого поста» (მთიულეთსა მცირე რაჲ ქრისტიანობა იყო და არც ხუცესი, არც ქრისტიანობა და არც ნათლის ღების შვილობა მათ არ ეწოდება, ისევ კერპის მზგავსი იყვნენ. არც მართალი ნათლისღება იცოდნენ, არც მარხვა იცოდნენ, თვინიერ დიდ მარხვის მეტი. Ср. ხახანაშვილი. გუჯრები, Кутаис 1891, стр. 56—57).

по вере магометане сунниты».[1] Это свидетельство относится, если на него вообще положиться, к той части ингушей, которая выдвинулась к плоскости, и говорит, в лучшем случае, об известной, обусловленной временными обстоятельствами культурно-политической ориентации Ангушта, а не о действительной принадлежности к мусульманству. Такое понимание слов Вахушта вынуждается последующими данными наших источников. Бывший (с 4 по 7 марта 1770 г.) на Камбилеевке, в районе Ангушта, Гюльденштедт характеризует религиозное состояние ингушей в следующих словах:[2] «Их религия чрезвычайно проста, но имеет ясные следы христианства. Они верят в одного бога, которого они называют dalæ (Dajle), но не признают никаких святых или замечательных в религиозном отношении личностей. Воскресенье празднуют они не богослужением, а отдыхом от работы. Весной они имеют большой, а летом меньший период поста. Ни при рождении, ни при смерти людей они не соблюдают особых обычаев. Они позволяют себе многоженство и едят свинину. У них употребителен, однако, один род жертвоприношения; а именно, они заставляют в известных случаях специально для этого выбранного человека резать овец. Этот человек, называемый ими chæjsæg (Zaninstag), т. е. чистый человек, и являющийся, повидимому, чем то вроде жреца, должен быть неженатым и живет при одной старой каменной церкви, лежащей будто бы глубоко в горах, имеющей каменные статуи и надписи, а в некой нише много книг, к которым, однако, никто не смеет приблизиться».[3] Единственным намеком на некоторое влияние мусульманства приходится признать, по данным Гюльденштедта, существование у ингушей (кистин) имен, подобно Али, Мухаммед (Mahamet), Фатьма (Patuma) и т. п.[4] Через 11 лет ингушей и галгаевцев

[1] Wakhoucht, ed. Brosset, p. 456—457: «ხოლო ანგუსტის მოახლენი არიან მგზავსნი ჩერქეზთა, რჯული მოჰმადიანნი, სუნნი». Сведение датируется временем до 1724 г. (ср. выше, стр. 686). Формулировка Вахушта может дать повод к предположению черкесского посредничества в пропаганде ислама среди жителей Ангушта. Все прочие данные говорят, однако, недвусмысленно о Чечне и Дагестане, как главном источнике распространения мусульманства среди ингушей.

[2] См. Güldenstädt. Reisen etc., I, стр. 150—151; то же, почти в тех же выражениях, повторено на стр. 479—480.

[3] Приведенные сведения Гюльденштедта многократно цитировались и комментировались в позднейшей литературе (Pallas, Klaproth, Броневский, Изв. о Кавказе, т. II стр. 161—163, и т. д.).

[4] Güldenstädt, l. c., стр. 478. Ср. приведенные стр. 709, прим. 2. слова Потоцкого. В газете «Кавказ» за 1846 г. (№№ 18—21, 231 помещен рассказ польского беллетриста Владислава

посетил Штедер, дополняющий во многом Гюльденштедта. «Они (scil. ингуши Галгая) разводят свиней, коз, овец, ослов, мулов и немного лошадей и крупного рогатого скота».[1] «Они чтут единого бога, творца и сохранителя, приносят ему в жертву животных и другие мелочи; они совершают ежегодные всеобщие паломничества к священным местам, где большею частью находятся остатки христианских церквей, построенные некогда царицей Тамарой повсюду в горах. Старый, непорочный человек один имеет привилегию совершать жертвоприношение и молитвы у святилищ. Подобное торжество ознаменовывается всеобщим пиршеством-поеданием жертвенных животных. От христианства у них не сохранилось ничего, за исключением хорошего расположения (die gute Zuneigung) к нему и презрения к магометанской религии. Живущие ближе к равнине позволяют себя крестить, лишь досюда (sc. Галгая) еще не доходили миссионеры, так как одна сторона (ингуши) не требует этого серьезно, а другая сторона (миссионеры) об этом не заботятся».[2] Об Ангуште Штедер сообщает: «Они позволяют себя крестить и постятся весь великий пост; это все, что они знают о христианстве... Вследствие угона лошадей, миссионеры Осетинской комиссии уже несколько лет, как не посещают эти местности; но я заметил, что ингуши считают это за наказание не столько для себя, сколько для миссионеров».[3] Итак, Штедер вполне согласуется с Гюльденштедтом: «мусульманство» Ангушта (известное нам по сообщению Вахушта) не оставило по себе, если оно и было, никаких следов. Лишь в отношении соседей ингушей, карабулаков, замечаются более явственные признаки возрастающего восточного влияния. «Они имеют кое-какие немногие проявления естественной религии (etwas weniges von natürlicher Religion), почитают высшее существо, верят в загробное существование (glauben eine Zukunft), и проявляют, по старой традиции, много склонности к христианской религии. Украшение могильных памятников, по мусульманскому способу, деревянными тюрба-

Стршельницкого (о нем «Кавказ», 1846, № 43) «Два уздения». Фабула заимствована из жизни ингушей и карабулаков середины XVIII в. Здесь дается в фантастических чертах картина борьбы умирающего христианства с язычеством и исламом. Рассказ изобилует, несмотря на попытки историзирования, делаемые автором, всяческими преувеличениями и нелепостями. Одна из глав озаглавлена Цапистаг, как называли, по словам автора, якобы «по-грузински» — туземцы — отшельника-христианина; так-то нашло себе отражение в художественной литературе известие Гюльденштедта.

[1] Steder, l. c., стр. 36.

[2] Steder, ibid, стр. 38.

[3] Ibid., стр. 43.

нами и вертикально поставленными шестами с флагами, позаимствовано ими, как кажется, от обычаев их соседей (scil. чеченцев)».[1]

В марте месяце 1785 г., ислам переходит в наступление: в Чечне выступает с призывом к борьбе с неверными Ушурма, более известный в литературе того времени как Шейх Мансур.[2] Одной из задач его движения было обращение «неверных» язычников-ингушей.[3] Какое представление об ингушах имели еще в 1797 г., спустя 12 лет после выступления Мансура, их мусульманские соседи — чеченцы, показывают сведения, собранные Потоцким от чеченца Уруса 26—28 октября этого года. По словам Уруса, ингуши и карабулаки, одноязычные с чеченцами, в религиозном отношении отличались от них: они обожествляли скалы (des rochers). «Они называют свои священные скалы jierdæ (Jerda) и они совершают им богатые жертвоприношения, специально при погребении. В этих случаях, родственники умершего требуют баранов у тех, кто их имеет, и никто не отказывает. Их предлагают умершему, находящемуся в своем доме, хорошо усаженному и одетому, и держащему в руках трубку (tenant une pipe à la main). Покойник всегда принимает (пожертвование); затем у него спрашивают, что нужно сделать с таким количеством баранов, и так как он не отвечает, их убивают и съедают сообща. Однако у них нет ни жрецов, ни приносителей жертвы. Ингуши имеют также маленьких идолов из серебра, не имеющих определенной формы. Их называют chuv (Tsououm) и к ним обращаются с просьбами о дожде, детях и прочих благах неба».[4] «Религия ингушей была некогда тождественной с религией всех мизджегов, и сейчас у чеченцев имеются jierdæ, или скалы, которые они

[1] Ibid., стр. 18.

[2] О нем Терещенко, Сын Отечества, 1856 г., №№ 15—16 (статья написана на основании «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре», составленного П. Г. Бутковым в 1806 г., на что есть указание у самого Терещенко. Ср. Бутков, о. с. т. III, стр. 188).

[3] Из рапорта Астраханского губернатора Жукова генералу Потемкину, от 26 марта 1785 г.: «После того оный шейх (sc. Мансур) говорил, что как скоро выедет со двора, то в то же самое время соберется к нему великое число войска, с коим и поедет он к ингушам для приведения их в закон магометанский». Следует, впрочем, отметить, что некоторое участие самих ингушей в предприятиях Мансура явствует из рапорта того же губернатора, от 2 сентября т. г. После поражения Мансура под Кизляром в августе 1785 г., «владельцы и старшины Андреевские, Аксаевские и Ингушевские, узнавши о поражении шейха, бывшим с ним подвластным своим определили жестокое наказание, а шейху запретили, чтоб отнюдь впредь к ним не ездил» (Акты, т. II, стр. 1114 и 1116).

[4] Потоцкий, l. c., стр. 124—125. Сведения представляются тенденциозными преувеличениями прозелита. Абсолютно неверно приводимое ниже сведение о проклинании Dalæ.

прежде чтили, и культ которых они покинули ради магометанства. Однако, чеченцы не называют бога Аллахом, но Dalæ (Daa ou Daal), и это имя, пришедшее к ним не от магометанства, не кажется происшедшим и от древней религии, так как ингуши, сохранившие ее, не только не признают Dalæ, но проклинают его и не верят ни во что, кроме своих скал и идолов». Сообщив далее ряд чисто языческих обрядов, совершаемых ингушами по разным случаям жизни,[1] Потоцкий продолжает, со слов Уруса: «Два брата из этого народа, будучи проданы в Турцию, приняли ислам, побывали в Мекке, и, наконец, став свободными, не знаю при каких обстоятельствах, вернулись на свою родину. Их мать была еще жива и им не стоило труда обратить ее в религию Мухаммеда. Затем, движимые священным рвением, они восстали открыто против культа скал. Ингуши собрались и сказали им: «Вы учите нас закону, которому научились в бытность свою рабами. Мы его не желаем. Уйдите из нашей страны, и не возвращайтесь никогда». Оба брата отправились на жительство к чеченцам, где они и живут еще».[2] Из только что приведенного следует, что и после начала активной пропаганды ислама в родственной ингушам Чечне они оставались в массе приверженными старому язычеству, хотя некоторые и приняли втайне новую веру. С язычеством, а не деградировавшим, не взирая на все усилия русского правительства, христианством[3] и пришлось выдержать новому учению главную борьбу, затянувшуюся на период свыше 100 лет. О тяготении ингушей к мусульманству говорит впервые в 1793 г. Pallas.[4] Обуслов-

[1] Попутно отмечено, что «некоторые ингуши — скрытые мусульмане» (les Ingouch sont encore attachés à leur religion, bien que quelques uns soient musulmans en secret), ibid., стр. 127. Интересно приводимое тут же воззрение ингушей на письменность, как на чудо, совершаемое христианством и мусульманством в пользу своих приверженцев. Песня, сохранившаяся у чеченцев, о религиозных битвах между ними и ингушами, приводится в пересказе у Лаудаева, о. с., стр. 59. Там же, стр. 88, анекдот, связанный с обращением назрановцев в мусульманство: новообращенный советует своему товарищу ограничить свои обязательства по отношению к новой религии постом.

[2] Ibid., стр. 127—128.

[3] В 1799 г. в горах был убит свящ. Стефан Гаврилов, посланный к ингушам в 1798 г. «для евангельской проповеди». См. цит. выше, стр. 742 прим. 2, статью Нестора. Моздокская епархия и пр., Прибавление к Груз. духовн. вести. за 1865 г., август, стр. 25. О положении дел в горной Ингушии (у кистов) в «донесении Цилканского архиепископа Иоанна католикосу Антонию, на высочайшее имя г. и. Павла I», от 1 марта 1800 г., читаем: «Направо от Хеви живут кисты, состоящие из многих племен; все они язычники. Если же кто из них переселяется в Хеви, то делается христианином. Много живет их в Гвелети — хевском селении, близь Чими» (Акты, I, стр. 534).

[4] Pallas, о. с., т. I, стр. 417, ср. стр. 361. Не поддаются точному хронологическому приурочению данные Рейнеггса: «Seit etlichen Jahrhunderten ist unter ihnen (d. h. den Kisti

ленность этого тяготения исключительно экономическими и политическими интересами назрановских и сунженских ингушей, попавших, с выходом на плоскость, в сферу сильного воздействия соседей с востока (карабулаки, чеченцы) и с запада (кабардинцы), явствует из событий начала XIX в. О массовом открытом переходе плоскостных ингушей в мусульманство мы узнаем впервые в 1809 г. В рапорте владикавказского коменданта Ивелича ген. Тормасову, от 28 июля 1809 г., сообщается: «Ныне обращают (sc. андреевские и кабардинские муллы) весь ингушевский народ к басурманской вере с обрезанием, кои по безумию своему из принуждения принимают ныне мулл и делают угождения чеченцам и стали строить мечети около р. Сунжи».[1] О том же сообщает 13 июня 1810 г. преемник Ивелича, Дельпоццо, ген. Булгакову: «войдя в теснейший союз с кабардинцами и чеченцами, (ингуши) переселились все на место именуемое Назран, в расстоянии отселе (sc. Владикавказа) за 32 версты, приняли от них мулл, построили мечети, приступили к исповеданию мухаммеданского закона, и обязались как чеченцам так и кабардинцам по условию платить подати».[2] Энергичное вмешательство русских властей приостановило на время внешние успехи исламизации: в упомянутом выше договоре 1810 г. имелся, в числе других, пункт 11-й, гласивший: «Со времени заключения

und Inqusch) das Christenthum wieder in Verfall gerathen. Viele dieser Bergbewohner wurden Muhammedaner; da aber der Gross-Sultan die jährlichen Bekehrungs-Gelder zu senden unterliess, so hörte auch die Bekehrung auf, und das so reizende Paradies hatte für diese Menschen weniger Anziehendes, als da sie ihre Vorhaut um zehn Piaster verkauften, und dennoch der alten Unwissenheit treu blieben» (Reineggs, l. c., т. I, стр. 44). Упадок и мусульманства среди ингушей в 80-ых гг. XVIII в. очевиден из другого замечания того же автора: «Sie (d. h. die Oisungur, кумыцкое племя) haben auch aus Glaubenseifer einen unversöhnlichen Hass gegen die unwissenden Inqusch; und machen oft Jagd auf sie, weil sie die Lehre Muhammeds nicht beibehalten haben, sondern sich lieber, obgleich nur damals, zum Christenthume bekehrten, als man ihnen ausser einem messingenen Kreuze und einem Hemde auch einen Rubel zu geben pflegte» (ibid., стр. 48—49).

[1] Акты, т. IV, стр. 891; дополнительно, от 9 июня 1810 г., Ивелич сообщает лишь об *одной* мечети, «куда ингуши ходили учиться вере», l. c., стр. 897.

[2] Акты, т. IV, стр. 894. Заслуживает внимания хронологическое совпадение этих событий с другим крупным фактом истории мусульманства на Кавказе: к 1809 г. относится принятие «тариката» накшбандийского толка Мухаммедом Эфенди Ярагларским (сел. Яраглар в южном Дагестане, Кюринского округа), духовным отцом и наставником первого Дагестанского имама, Кази Муллы, и учителя Шамиля, Джамал эддина Казикумухского. Ср. об этом *Терские области. ведом.* за 1892 г. № 52 (статья Вертепова. Судьба религиозно-политических учений в Чечне) и «Учение о тарикате», Сборн. свед. о кавк. горцах, вып. II, стр. 3 и 9 (изложенную здесь накшбандийскую «цепь» традиции ср. с приведенной у Brown-Rose. The darvishes. Oxford, 1927, p. 441—445).

нами сего обязательства и на вечные времена, мы и потомство наше обязуемся: к проповедыванию и введению у нас магометанского закона эфендиев, муллов и прочих особ духовных магометанских отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить и пр.». Это не означало, с точки зрения ингушей, согласия на обращение в христианство: они испрашивали и получали курьезные разрешения на то, чтобы «пребывать в идолопоклонстве».[1] Административный нажим русских властей возымел то лишь последствие, что к прочим мотивам, содействовавшим переходу в мусульманство, присоединился новый и очень значительный: инстинкт национального самосохранения. Какими методами действовали пропагандисты ислама, показывает поучительная биография Дударуко Дударова, тагаурского (осетинского) старшины, который в своей среде «настоял христианский закон от народа, живущего по ущельям, отвергнуть, с тем, если кто у них содержит магометанскую веру, тому дают преимущество и считают наравне с старшинами, а тех, которые содержут христианскую веру, считают их подданными».[2] Доходило до того, что из желания дискредитировать своих соперников (в экономическом отношении) мусульмане понуждали их принимать крещение: так было, напр., в 1834 г., когда, по заявлению самих «потерпевших», окрещено было в Назрани более 300 ч. «по принуждению священников, *назрановских мухаммеданских старшин* (курсив наш) и пристава сотника Гайтова».[3]

Движение Кази-Муллы и следовавшего за ним Шамиля завершило процесс внешней исламизации ингушей. В 1862 г. мусульманство ликвидировало формальную принадлежность к христианству гвелетцев.[4] Пишущий

[1] Ср. Акты тт. VI и сл., s. v. ингуши, passim. Не взирая на акт 1810 г., в 1811 г. Энгельгардт мог видеть у ингушей Тарской долины то же, что Штедер видел за 30 лет раньше лишь у карабулаков: «grössere Säulen als diese, von Holz oder Stein, und am obern Ende mit einem ausgehauenen türkischen Bunde oder einem Knopf geziert, stehen auch in der Steppe am Kumbelei» (l. c., стр. 229). Ср. выше, стр. 744—5.

[2] Из рапорта Ивелича от 18 мая 1807 г. Акты, т. III, стр. 215. Дударов действовал, якобы, по наущению Кабарды. Известно, что Ахмед Дударов «сделавшись со времени лжепророка Ушурмы ревностнейшим магометанином», своими нападениями на Военногрузинской дороге вызвал в 1802 г. репрессивную экспедицию русских войск, во главе которых стоял будущий член Академии Наук в Петербурге П. Г. Бутков; Ахмеду помогали горные ингуши, «Жарахи» (вс. Джераховцы). Ср. Бутков, о. с., т. II, стр. 524 и примеч. 3.

[3] Акты, т. VIII, стр. 704.

[4] Об обращении в мусульманство кистин (митхоевцев?) у Цискарова, Записки о Тушетии, стр. 47, рассказывается: «Мы также были христиане, сказал мне один столетний старик, кистин, — и молились там, — он указал на пригорке церковь, только что начавшую разрушаться от времени. — Но когда усилились персияне и завладели нашими горами,

об этом А. Висковатов с крайним удивлением убедился, что «дело обращения христиан в мусульманство совершается теперь, в настоящую минуту, ежедневно, так сказать под нашими глазами, весьма таинственным, но успешным образом».[1] Он отмечает, что: «1) старики гвелетцы соблюдают до сих пор семинедельный пост, и, как говорят, даже христианские праздники; 2) мусульманские имена встречаются только у молодежи и то не часто, у стариков же их вовсе нет; 3) между гвелетцами некоторые, не далее двух лет тому назад, считались крещеными, теперь же все поголовно мусульмане; 4) монастырь на Казбеке и развалины церквей находятся у гвелетцев в большом уважении; с приближением к заоблачной обители они почтительно снимают свои папахи».[2] Через 21 год Н. Харузин, характеризуя религиозные воззрения чеченцев и ингушей, пишет: «Мусульманство действительно вытеснило многие обряды, жившие прежде среди чеченцев и ингушей.... Но и теперь еще в мыслях чеченцев и ингушей живы многие чисто языческие верования, жива своя мифология, которая ведет к различным обрядам. Христианство тоже не осталось без следа в их верованиях».[3] Приведя различные примеры языческих и христианских переживаний в современном быту ингушей, Харузин заключает свою характеристику следующими словами: «С каждым годом это влияние (мусульманства) усиливается: многие обряды, некогда священные, теперь возбуждают смех у молодежи, так что истинных мусульман, пожалуй, легче встретить между молодым поколением, чем среди стариков».[4] Упорство, с каким главным образом язычество отстаивало свои позиции, видно по следующим фактам: в 1873 г. Базоркин (автор статьи «Горское паломничество»)[5]

тогда, я помню, по нашим аулам на ослицах разъезжали муллы и держа нас, ребят, за руки, учили мусульманству, которое мы доныне исповедуем». Так как статья Цискарова написана в 1848 г., первое распространение мусульманства в кистинских горах пришлось бы отнести еще к первой половине XVIII в. Вероятно здесь речь не о собственно кистинах в смысле указаний Вахушта, а жителях долины Шаро-Аргуна.

[1] Русский Вестник, 1865, декабрь, стр. 419. О Гвелети ср. выше, стр. 746, прим. 3.

[2] Ibid. К 1874 г., когда писал Грабовский, между ингушами можно было встретить всего лишь двух-трех человек, исповедующих православную веру; «но и эти люди, по весьма понятной причине, не особенно стараются о том, чтобы знали о их религии, которую они приняли под влиянием каких-либо особенных, исключительных обстоятельств», о. с., стр. 28.

[3] Н. Харузин. По горам северного Кавказа. Вестник Европы, 1888 г., октябрь, стр. 516.

[4] О. с., стр. 519. В 1892 г. Б. Далгат утверждает, что «в глубине гор у ингушей до наших дней сохранились остатки прочих религий, а старое поколение скорее язычники». Первобытная религия чеченцев, стр. 53.

[5] В Сборн. свед. о кавк. горцах, вып. VIII.

описывает еще как очевидец, празднование в честь языческого бога Мятцели; этот праздник справлялся ежегодно и по позднейшему сведению 1892 г.[1] Лишь в конце 70-х гг. был забыт культ Маго (в Хамхинском обществе).[2] В 1898 г. Тхаба Ерды почиталось за святыню.[3] В конце XIX в. справлялся и праздник в честь богини Тушол.[4] Жертвоприношения Гальерду прекратились в начале XX в.[5] По сообщению Мартиросяна, в 1925 г. «когда в горах стояла засуха, жители отправились к (языческому) священному месту на Столовой горе, совершили молитву и принесли жертву».[6] В горах живы еще многие представители языческой жреческой корпорации, дававшие интересные сведения авторам новейших работ о религиозных воззрениях ингушей в языческий период (Далгат, сотрудники Ингушского научно-исследовательского института). В результате длительного сосуществования разных религиозных систем, возникали характерные явления религиозного синкретизма. Не исчерпывая имеющийся в литературе материал, можно указать, напр., на такие факты, как сочетание Мятцели с архангелом Гавриилом, с одной стороны, с Аллахом — с другой;[7] Тхаба-ерды представляется построенным на коране, оставленном Мухаммедом по случаю смерти его брата от руки христианина,[8] в погребальных обрядах переплетаются пережитки языческого церемониала с оплакиванием умершего и предписания мусульманской религии (положение умершего головой на юг, и т. п.);[9] жрец Мятцели обращается лицом к юго-востоку (в сторону Мекки);[10] воскресный день почитается почти наравне с пятницей и признается за праздник воскресения Христа;[11] и пр.

Победа, одержанная мусульманской культурой, документирована фактами ингушского словаря: количество заимствований, возникавших на почве культурного влияния кумыков (несших, помимо своих собственных,

[1] Далгат, о. с., стр. 42; автор принимал участие в празднике летом 1891 г.

[2] Изв. Ингушск. инст., стр. 353.

[3] Вертепов, Терск. сборн., VI, стр. 119.

[4] Изв. Ингушск. инст., стр. 368.

[5] Ibid., стр. 351. Вообще языческие празднества стали редки лишь за последние 30 лет; ibid., стр. 209, ср. стр. 195.

[6] Ibid., стр. 63, ср. стр. 212.

[7] Базоркин, о. с., стр. 5, 7 и 10.

[8] Ахриев. Ингуши, стр. 20.

[9] Ахриев, в приложении к ст. Грабовского. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа. Сборн. свед. о кавк. горцах, вып. III, стр. 28—32.

[10] Далгат, о. с., стр. 108.

[11] Грабовский. Ингуши, стр. 25.

слова арабского и персидского происхождения)[1] превышает наглядно все заимствования из других источников.

К кругу понятий, связанных специально с религией, относятся такие слова, как инг. busulbæ 'мусульманский', busulbal 'мусульманство' (< араб. مسلم); инг. diŋ 'вера, религия' (< араб. دين); инг. duhæ 'молитва' (< араб. دعاء); инг. furulhæl 'гурия' (< араб. حور العين); инг. ghoazuot 'война против неверных' (< араб. غزوات, ср. инг. ghäzæ dær 'вести войну'); инг. ghurbæ 'праздник Курбан' (< араб. قربان 'жертвоприношение'); инг. göavær 'нечестивый, неверующий' (из тур. < араб. كافر; ср. инг. kufr id.); инг. imam 'имам' (< араб. امام); инг. iman 'благочестие, кротость' (< араб. ايمان 'вера'; ср. инг. imæ dyllæ 'стать мусульманином'); инг. jäsij 'предсмертная молитва' (< араб. يس, название 36 суры); инг. jilbæz 'чорт' (< араб. ابليس); инг. lamæz (< перс. نماز); инг. hoažæl 'смерть' (< араб. اجل); инг. læxtæ 'могила' (< араб. لحد); инг. tuobæ 'союз, заключаемый с шейхом' (< араб. توبة 'покаяние, раскаяние'); инг. panæ 'бренный; скотина' (< араб. فان; ср. инг. fanæ id.); инг. häsæ 'нерадивый в религиозном отношении' (< араб. عاص 'ослушивающийся, сопротивляющийся'); инг. abæ 'верхнее платье мулл и хаджи' (< араб. عبا); инг. ælæm 'надмогильный шест с флагом' (< араб. علم 'путевой знак, флаг'); инг. tæhæzær 'наказание' (< араб. تعزير); инг. mælejk 'ангел' (< араб. ملك); инг. hælämæt 'чудо' (< араб. علامة 'знак', в турецком словоупотреблении и 'чудо'; ср. инг. hælämætæ 'очень, чрезвычайно'); инг. hazæp 'лишение, страдание' (< араб. عذاب); инг. hasæ 'посох, палка (напр. почетных лиц, мулл и т. п.)' (< араб. عصا); täziet 'трехдневный траур после смерти кого-либо' (< араб. تعزيه 'утешение'); tovræt 'библия' (< араб. توراة); инг. qhurhan 'коран' (< араб. قرآن); инг. mäl 'благодать' (< араб. مال 'цель, сущность'); инг. bierækæt 'изобилие, благоденствие' (араб. بركت); инг. bærkæl 'благодарность' (< араб. بارك الله 'бог благословил'); инг. äsæl 'кроткий, мягкий' (< араб. اصل 'корень, основание', через кумык. asəl 'происхождение > благородный, образованный'?); инг. mäždig 'мечеть' (< араб. مسجد ср. инг. märzig id.); инг. melhæ 'черновка' (< араб. ملعون 'проклятый'); инг. mimær 'минарет' (< араб. منبر); инг. muolla 'мулла' (< араб. مولى); инг. movlæd 'праздник рождения Мухаммеда' (< араб. مولد; ср. инг. movlæ id.); инг. pærxæ, pæræx 'милостыня обучающимся ученикам мулл' (< араб. فقه); инг. saghæ 'милостыня' (< араб. صدقه); инг. murd 'мюрид' (< араб. مريد; ср. инг. murdæl 'мюридизм'); инг. muthæhalæm 'ученик муллы' (< араб. متعلم); инг. munapæq' безбожник, отступник' (< араб. منافق 'ханжа'); инг. šuqh 'экстаз, исступление' (< араб. شوق 'страсть'); инг. zikir 'религиозное радение, с пляской и пением' (< араб. ذكر; ср. инг. zikirie lovzær 'совершать зикр');[1] инг. qhiemæt 'судный день; крупное происшествие' (< араб. قيامه 'воскресение мертвых'); инг. mæsæx́æt 'примирение' (< араб. مصاحه; ср. инг. mæslæx̀æt, myslæx́æt id.); инг. miskæ 'бедный, жалкий' (> араб. مسكين); инг. mukhærluo 'признание' (< араб. مقرّ); инг. muthæx́ 'преданный, приверженный' (< араб. مطيع); инг. næhælt 'проклятие' (< араб. لعنه); инг. næzmæ 'песнь духовного содержания' (< араб. نظم); инг. næzbæ id.); инг. pærz 'обязанность, долг (религ.)' (< араб. فرض); инг. zieræt 'паломничество' (< араб. زياره); инг. žin 'нечистый дух' (< араб. جن); инг. šejthæ 'чорт' (< араб. شيطان); инг. pejxæmær 'пророк' (< перс. پيغامبر); инг. ielčæ 'посланник (sc. божий), посол' (< кумык. elči); инг. pirhov 'фараон' (< араб. فرعون); инг. pitæm 'лукавство, интрига' (< араб. فتن); инг. suvræt 'сура корана' (< араб. سوره); инг. qhädæ 'судья, кадий' (< араб. قاض); инг. qhie 'бедный, неимущий' (< араб. قين 'раб', ср. еще кумык. kəjən 'тяжелый, плохой'); инг. væhæd 'завет, обет' (< араб. وعد); инг. væsiet 'завещание' (< араб. وصية; ср. инг. væskiet id.); инг. umut 'народ, партия' (< араб. امّة); инг. x́ağæm 'греховный, непотребный' (< араб. حرم); инг. ruzbæ 'праздничный намаз' (< араб. رضوان 'милость, благоволение'?); инг. x́æžæ 'хаджи' (< араб. حاج); инг. xağc 'ложный, неправильный' (< араб. خرص 'ложь'); инг. ustaz 'святой, покровитель' (< араб. استاذ 'учитель, наставник'); инг. x́ielæm 'плата за увечье' (< араб. حلّ 'освобождение от клятвы, состояние дозволенности и пр.'?); инг. sumut 'обрезание, обрезанный' (< араб. سنة 'обычай, постановление, сунна'); инг. suvpæ 'набожный,

[1] Слова арабские и персидские могли попадать к ингушам и иными путями; выделение фактов непосредственного (из книг) или посредственного (через Чечню и Кумыкию) влияния в частности арабского языка, в большинстве случаев вполне возможное, в дальнейшем изложении последовательно не проводится, как деталь, не меняющая положения дела по существу. Относительно *политической* зависимости ингушей от кумыков нам известно очень мало. Неясны, в частности, ближайшие основания претензии, заявленной в 1784 г. шамхалом, на подати от ингушей. См. Бутков, о. с., т. II, стр. 134.

[1] Громадная роль зикра в жизни мусульман Ингушии и Чечни хорошо известна. Имеющиеся в печати материалы по этому вопросу скудны и недостаточны; см. Ипполитов. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе. Сборн. свед. о Кавк. горцах. Тифлис, 1869, вып. 2; ср. вышеупомянутую, стр. 747, прим. 2, статью Вертепова; Пантюхов, Изв. КОРГО, XIII, 126—7, и Борусевич, Этн. Обозр. 1893, 3.

благочестивый' (< араб. صوفى); инг. šærhat 'шариат' (< араб. شريعه); инг. šiek 'сомнение' (< араб. شك); инг. χužærie 'арабская духовная школа' (> араб. حجر); инг. sylχæ 'четки' (< араб. سبحه); инг. zamæ 'время, эпоха' (< араб. زمان); инг. sælæt 'призыв к молитве' (< араб. صلات); инг. sæqæt 'порок, недостаток' (< араб. سقاط 'ошибка, проступок', ср. осет. саqат 'порок, недостаток'); инг. sælæm 'приветствие' (< араб. سلام 'мир'); инг. qhulbæ 'юг, компас' (< араб. قبله 'сторона, в которую обращаются лицом при молитве'); инг. qhubbæ 'мавзолей (надгробный)' (< араб. قبّة); инг. хætær, 'несчастный случай, убыток, вред' (< араб. خطر 'опасность); инг. хejræ 'добро, благо' (< араб. خير),; инг. dæžyl 'антихрист' (< араб. دجّال 'лгун, обманщик'), и т. д.

Слова, своим существованием в ингушском языке обязанные мусульманскому вероучению, связанные непосредственно с религией, трудно, конечно, отделить от понятий, хотя и не имеющих непосредственного отношения к культу, тем не менее не отделимых от арабско-мусульманской культурной стихии.[1] Так напр., вся терминология искусства письма образует сплоченную группу, связанную с арабской письменностью, но в значительной мере трансформированную кумыцким посредничеством. Факты таковы: инг. jaz dær 'писать', joazuv 'письмо, грамота', joazuončæ 'писарь' (< кумык. jazmak 'писать', jazu 'письмо', jazuču 'писец'); инг. ælæp 'буква' (< кум. alәp, из араб. الف 'первая буква алфавита'); инг. täræx resp. tärghæ 'число, дата; надпись надмогильная' (< араб. تاريخ); инг. lughæt 'словарь' (< араб. لغه); инг. kælam 'слово, предложение, фраза' (< араб. كلام); инг. kitab 'книга' (< араб. كتاب); инг. dærc 'урок; чтение из Корана' (< араб. درس); инг. hilmæ 'наука' (< араб. علم); инг. mæsæl 'пример' (< араб. مثل); инг. mæhæn 'смысл, значение, суть' (< араб. معنى); инг. xatthæ 'почерк' (< араб. خط); инг. χæræk 'значек диакритический' (< араб. حركة); инг. χisab 'счет, арифметика, математика' (< араб. حساب; ср. инг. χisæp 'размышление, способ, прием, метод'); инг. šäqhæ 'чернила' (< кум. šaka); инг. syžhæ 'рифма' (< араб. سجع); инг. surt 'картина, изображение' (< араб. صوره); инг. sovt 'звук' (< араб. صوت); инг. sarf 'спряжение' (< араб. صرف); ин. ræfhæ 'кавычки' (< араб. رفع); инг. zarbæ 'печать' (< араб. ضرب 'биение, удар', ср. инг. zarbæ töxa joazuv 'печатная книга');

[1] Самое название арабов, инг. haræpij, своим начальным h (= ع) указывает на книжный источник заимствования.

инг. zæm 'запятая' (< араб. ضمّ 'скрепа'); инг. mužælt 'переплет' (< араб. مجلد); инг. muqhædmæt 'предисловие' (< араб. مقدمة); инг. qhoalæm 'карандаш, ручка' (< араб, قلم); инг. qhæmäl 'речь, беседа' (< араб. مقال); инг. žuz 'учебник (преимущ. арабского языка)' (< араб. جزء 'часть (Корана)' тетрадь, учебник') и т. д.

Арабизмы разного рода проникают в речь в связи с изменением, под влиянием мусульманской культуры, самого способа выражения мыслей и чувств. Такие слова, как инг. þæmæ 'вещь, предмет, дело; что-либо, нечто неопределенное' (< араб. هن 'предмет, вещь, нечто'?), инг. æmmæ 'но (союз)' (< араб. امّا), инг. þätæ, 'как же, потом, следовательно' (< араб. حتى 'так что, даже'), с одной стороны, инг. ædæm 'человек (вообще)' (< араб. ادم), инг. dunie 'мир, вселенная' (< араб. دنيا), инг. hädæl 'обычай, обыкновение' (< араб. عدل 'справедливость, правосудие'), инг. poalxæm 'опыт' (< араб. فلح, ср. арабско-перс. فلحان 'земледелие'), инг. χurmæt 'уважение' (< араб. حرمة); инг. χæmsæræ 'нежный' (< араб. خنثى 'гермафродит'), инг. parghæt 'спокойный, благополучный, удобный' (< араб. فراغة 'свобода, незанятость, досуг'), инг. χäqhæl 'разум, ум' (< араб. عقل), χæšt 'необходимость, нужда' (< араб. حاجه), инг. χæqæštæ 'опытный, привычный' (< араб. حق 'истина, право, должное, и т. д.'), инг. χæl 'состояние, положение, самочувствие' (< араб. حال), инг. ghalæt 'ошибка, провинность' (< араб. غلط), инг. ghejbæt 'клевета' (< араб. غيبه), инг. æmær 'приказ, завет, заповедь' (< араб. امر), инг. balæ 'горе, забота, неудача' (< араб. بلا), инг. derijdær 'сознание, признание' (< араб. ادراك 'познание, сознание'?), инг. dov 'вражда' (< араб. دعوا); инг. fuo 'воздух' (< араб. هوا), инг. sibæt 'лицо, внешность, образ' (< араб. صفة 'форма, признак'), инг. muqhæm 'голос (человека)' (< араб. مقام 'музыкальный тон'), инг. zabær 'болтливость, хвастливость, изнеженность' (< араб. ظرف 'изящество в манерах, речи' и т. п.) и т. д., с другой стороны — примеры этого влияния. Во многих из приведенных случаев заметно (в фонетике и семантике) турецкое, (чаще всего кумыкское), посредничество. Кумыки выступали, прежде всего, как носители высшей в *материальном* отношении культуры. Это доказывается большим количеством относящихся сюда заимствований. Таковы, напр., инг. altæm 'навес, оконный или дверной' (< кум. aldәna 'напротив, впереди'), инг. altæz 'атлас (материя)' (< из кум., араб. اطلس), инг. æmbar 'амбар' (< кум. ambar), инг. basmæ 'ситец' (< кум. basma 'на-

бойка, набивная бязь'). инг. čačmæq (čačmæ) 'дробь' (< кум. čačma), инг. čaqmæ (čaqqæm) 'ружейный затвор' (< кум. čakma 'курок'), инг. čartæq 'купол, поля шляпы' (< кум. čartak, из перс.), инг. čatær 'шатер' (< кум. čatər), инг. čæghærg 'подъемный ворот' (ср. кум. čəγarmak 'вытаскивать'), инг. faz 'феска' (< османск. فس, не из кумыцкого, ввиду начального f), инг. feting 'пуговица' (< кум. pent, из перс. بند), инг. bejræq 'знамя, флаг' (< кум. bajrak), инг. biel 'лопата' (< кум. bel), инг. bieš 'сад, огород' (< кум. bахča?), инг. boambij 'вата' (< перс. پنبه), инг. buolæt 'сталь, булат' (< кум. bulat), инг. buoz 'бязь, материя' (> кум. biz 'полотно', из араб.), инг. čamij 'чашка' (< перс. جام), инг. čarx 'колесо' (< перс. چرخ), инг. čiermæ 'бочка' (< кум. čerme), инг. čuon 'чугун' (< кум čojun), инг. čuoqij 'черкесска, женское платье' (< перс. چوخا 'одежда шерстяная'), инг. gætæ 'полотенце' (< араб. كتان 'полотно'), инг. ghovtæl 'бешмет' (< кум. kaptal), инг. ghudælq 'повозка четырехколесная, линейка' (ср. кум. kozalak id.), инг. ghumægh (ghumghæ) 'рукомойник' (< кум. kumγan), инг. goalæm 'удила' (< перс. لگام), инг. hædsäq 'лук для стрельбы, смычок, инструмент для сбивания шерсти' (во второй части < кум. sadak 'стрела'), инг. uj 'доска' (ср. кум. uj 'дом'?), инг. ikk 'сапог, ботинок' (кум. etik), инг. inzæ 'позумент' (< кум. inži 'жемчуг'), инг. isxælij 'фабричное сукно' (< кум. isxarla),[1] инг. jovlæq 'платок, полотенце' (< кум. jauluk, ср. инг. šovlæq 'платок головной шелковый'), инг. juvrghæ 'одеяло' (< кум. juburgan), инг. käxæt 'бумага, прошение, документ, грамота, письмо' (< кум. kaγəz, из перс.), инг. kiemæ 'лодка, корабль' (< кум. geme), инг. kiep 'болванка, колодка, туловище' (< кум. kep 'форма'), инг. khadæ 'материя, ткань' (< кум. kadaba 'бархат', из араб. قطيفه), инг. kisæ 'карман' (< кум. kise), инг. kuzgæ 'зеркало' (< кум. güzgü), инг. læ 'подкова' (< кум. nal, из араб.), инг. čuogræ 'суп, бульон' (< кум. šorpa) инг. čx́aghær 'вино' (< кум. čaγər), инг. därij 'шелк' (< кум. daraj, из перс.), инг. muxmær 'парча' (< из кум., араб. مخمل), инг. sovræ 'шагрень' (< кум. saurə), инг. sunt 'плотина' (< из. кум., араб سدّ), инг. šarbæl 'шаровары' (< кум. šalbar), инг. mæx́ær (muх́ur) 'печать' (< кум. moxur), инг. mäčij 'чувяк' (< перс. مس),[2] инг. oattæghæl 'инструмент' (< кум. uturgu 'долото'), инг. uotuv 'передняя комната, прихожая' (< кум. otau 'комната, спец. свадебная зала'), инг. palčæq 'башлык' (< кум. bašlək), инг. šušæ 'бутылка, стекло ламповое' (< кум. šiša, из перс.), инг. pašmæq 'башмак' (< кум. bašmak), инг. pielæ 'стакан' (< кум. piala, из перс.), инг. poartæl 'приданное, домашние вещи' (< кум. paltar resp. partal), инг. porduv 'занавес' (< перс. پرده), инг. qabæ 'кувшин, горшок' (< кум. xaba), инг. qhoanzuolg 'жилетка' (< араб. قميص 'рубаха'), инг. sapæ 'мыло' (< кум. sapən), инг. sangær 'канава' (< кум. singir 'ров, траншея, крепость', из перс.), инг. sæx́æt 'часы, час' (из кум. < араб. ساعة), инг. suluv dær 'дубить' (< кум. sülü 'влажный'; ср. инг. dierbæt 'дубленый' < араб. دباغة), инг. tærčæ 'пистолет, револьвер' (< кум. tapanča), инг. taxt 'лист бумаги, железа' (< перс. تخته), инг. tiegæ 'шить' (ср. кум. tikmek id.), инг. turmæl 'бинокль, подзорная труба' (< перс. دوربين), инг. tælbæ 'потник под седлом' (< перс. ترمه), инг. thormij 'сума, сумка' (< перс. تربوه), инг. tuop 'ружье' (< кум. tübek), инг. xumphær 'кобура' (< из тур. قبور, ср. араб. قراب 'ножны', и кабард. Kəmbəre 'кобура'), инг. zurmæ 'зурна, музыка' (из кум., < перс. سرنای), и т. д.

[1] Слово широко распространено, на Кавказе — осет. скæллад, груз. ხელადი, и пр.

[2] Слово широко распространено по Кавказу: русск. мéчты (кубанск.), осет. мес, груз. ფხეკი, лезгинск. тæв, татск. тоči, и т. д.

Определенную группу терминов, связанных с денежными отношениями и торговлей, образуют следующие слова: инг. abæz '20 копеек (монета)' (< кум. abbas, ср. инг. eppæz 'двугривенный' (единица счета), id.), инг. alæpij 'жалованье' (< кум. alapa), инг. axčæ 'деньги' (< кум. akča), инг. tumæ 'десять рублей' (< кум. tuman), инг. bazær 'рынок, торговля' (< кум. bazar), инг. bie 'разница' (< перс. به 'хороший, лучший'), инг. ezær 'тысяча' (< перс. هزار), инг. dast '5 штук, мера торговцев сафьяном' (< перс. دسته), инг. duruz 'ровно, в меру' (< перс. درست), инг. eršæ 'аршин' (< кум. aršin), инг. gieræk 'фунт, гиря' (< перс. كروانكه), инг. ganz 'сокровище, клад' (< перс. گنج), инг. gierd 'мера сыпучих тел' (< кум. gerde, из перс. كرده 'круглый предмет'), инг. misqhal 'золотник' (< араб. مثقال), инг. mulk 'богатство, казна, государственное имущество' (< араб. ملك 'владение, собственность'), инг. pæjdæ 'польза, выгода' (< кум. paida, из араб.), инг. ruzqhæ 'богатство, состояние' (< араб. رزق), инг. sæx́ 'мера сыпучих тел' (< араб. صاع), инг. suom 'рубль' (< кум. som), инг. sovdiegær 'торговец' (< кум. saudügerči, из перс.). инг. sovghæt 'дар, подарок' (< кум. saughat), инг. šæj 'пятак' (< перс. شاهی), инг. tæræz 'весы' (< перс. ترازو), инг. tikæ 'лавка' (< араб. دكان), инг. tup 'штука материи' (< кум. tup), инг. boxčæ 'кошелек' (< кум. boxča 'конверт'), инг. xælqh 'достояние, имущество' (< араб. خلق 'творение, создание?'), инг. zulæm 'убыток, вред' (< араб.

ظلم 'несправедливость'), инг. xæznie 'богатство, казна' (< араб. جزينة), инг. xæsær 'торговля мясом' (< араб. قصاب 'мясник'), и др.

Столь же обширна категория общих слов, касающихся животного и растительного мира и связанных с ним понятий. Сюда относятся: инг. alčæ 'упряжная лошадь' (< кум. alaša 'низкорослая лошадь'), инг. čabæq 'рыба' (< кум. čabak), инг. boal 'вишневое дерево, вишня' (< из перс. آلوبالو, ср. кум. b'ali, балк. balli, карач. bäli, груз. ბალი 'черешня'), инг. boaluoz 'воск' (< кум. balabuz), инг. buorcæq 'барсук' (< кум. borsuk), инг. bughæ 'бугай, племенной бык' (< кум. bogha), инг. burč 'перец черный' (< кум. burč), инг. burtig 'зерно' (< кум. bürtük), инг. cycghuolg 'крыса' (< кум. čičkan 'мышь'), инг. dugæ 'рис, плов' (< кум. dugu), инг. gamæž 'буйвол' (< кум. gamuš), инг. ghaž 'гусь' (< кум. kaz), инг. hæjghær 'жеребец' (< кум. ajγər), инг. jabæq 'тыква' (ср. кум. kabak), инг. jorghæ 'иноходец' (< кум. jorγa), инг. jæltæ 'хлеба', (ср. кум. xalta 'овощи'?), инг. kæg 'сечка из соломы, саман' (< кум. kaga 'сушеные фрукты' ?), инг. khuor 'уголь' (< кум. kömür), инг. læx́æ 'запас мяса на зиму' (< араб. لحم 'мясо'), инг. läčæ 'сокол' (< кум. lačən), инг. masxæm 'брага' (< кум. maxsəma), инг. mejmæl 'обезьяна' (< кум. majmun, ср. карач. majmul), инг. oačuv 'каменная соль' (< кум. ačə 'кислый, горький'), инг. ös 'ряд скошенной травы' (< кум. jezik 'ряд, последовательность'), инг. pastæ 'дыня' (< кум. pastan), инг. pil 'слон' (< кум. pil), инг. qharæqh 'водка' (< кум. arak, из араб. عرق), инг. qoq 'голубь', qoqærč plur. (< кум. gögürčün), инг. sangæl 'сера' (ср. перс. سنگ 'камень'?), инг. säghæz 'смола' (< кум. saγəz), инг. sämærsäq 'чеснок' (< кум. sarəmsak), инг. syrghæ 'молодой бугай' (< кум. səjər 'корова', ср. азербайдж. صغير 'бык'), инг. šiekær 'сахар' (< перс. شكر), инг. šuræ 'молоко' (< перс. شير?), инг. šibyz 'перец красный' (ср. карач. šəbžə), инг. tx́amkæ 'табак' (< кум. tamaku), инг. xærbæz 'арбуз' (< кум. xarbus), инг. tæzæ 'пресный' (кум. taza 'свежий, новый?'), инг. toprær 'глина' (< кум. toprak 'земля'), инг. tuotæq 'дрофа' (< кум. dudak), инг. xingæl 'галушка из кукурузной муки' (< кум. hiŋkal), инг. x́æjbæ 'животное, скотина' (< кум. hajban, из араб.), инг. x́æjbæ 'персик' (< кум. hajwa 'айва'), инг. x́ovlæ 'халва' (< кум. halwa, из араб. حلوى), инг. zyzæ 'цветок' (< кум. čečək?), и пр.

Дальнейшую группу связанных в одно целое терминов образуют слова, относящиеся к гражданскому и политическому правопорядку. Таковы, напр., инг. bäččæ 'вождь, предводитель, вожак' (< перс. پادشاه, ср. инг.

prædčæx́, др. форма того же слова?), инг. biegær 'подводная повинность' (< ср. тур. азербайджанск. بيار 'повинность, заключающаяся в даровой поставке лошадей и ароб' и т. д., по формулировке С. П. Зелинского),[1] инг. eskir 'войско, армия' (< кум. asker), инг. ærghæ 'очередь, черед' (< кум. jerge), инг. ærij 'пустынный, необработанный' (< кум. arəw 'чистый'), bælxij 'помочь общественная' (ср. кум. bulka id.), инг. bjur 'приказ' (из чеченск. < кум. bujruk), инг. ex́ 'стыд, совесть' (< кум. jah 'совесть, сострадание', ср. инг. jæx́ 'самолюбие, зависть'), инг. iel 'совокупность многих однородных предметов, аул' (< кум. el 'село'), инг. erij 'сборище' (< кум. ergemek 'собираться'), инг. gharæbaš 'рабыня' (< кум. karabaš),[2] инг. ghuluq 'дело, служба, услуга', ghuluqčæ 'служащий' (< кум. kulluk, kullukči), инг. jasæq 'дань подать' (< кум. jasak), инг. jiesær 'военнопленный, раб' (< кум. jesir), инг. jovlæ 'бездомный' (< кум. aulija 'глупый'), инг. jovsær 'босяк' (< кум. joksul), инг. kur 'квартал; фамилия, род' (< араб. كورة 'область, район'), инг. næbaxtie 'тюрьма' (< араб. محبوس 'арестант'?), notær 'сарай' (< кум. otar), инг. ovlæ 'аул' (ср. тур. aul), инг. özdij 'уздень, дворянин' (< кум. özden), инг. puræm 'позволение, разрешение' (< перс. فرمان), инг. qačæ 'пища, харчи' (< кум. xarž 'расход', из араб.), инг. qæx́præ 'распутная женщина' (< араб. فحبه), инг. qhæm 'народ, племя' (< араб. قوم), инг. sij 'совесть, честь, уважение', sijzæ 'бессовестный, нечестный' (< кум. sij 'уважение, любовь'), šæx́ær 'город, большое село' (< перс. شهر), инг. ghuod 'штраф, пеня, наказание' (< араб. غود 'месть'), инг. tæjpræ 'род, фамилия, тип, форма' (< араб. طائفة 'класс, сословие'), инг. toabæ 'группа, партия, толпа' (< кум. tabən), инг. toj 'свадьба, пир, веселие' (< кум. toj), инг. turuq 'помощник должностного лица' (< кум. turγak 'десятник'), инг. tutmæq 'арестант' (< кум. tutmak 'арестовать'), инг. tx́amghæ 'тамга, тавро, герб' (< кум. tamga), инг. ujlæ 'мысль, намерение' (< кум. oj, ojla-), инг. urmæ 'улица' (< кум. oram), инг. xan 'хан' (< кум. xan), инг. xuonkær 'турецкий султан' (< тур., خونكار), инг. x́ækim 'начальник' (< кум. hakim, из араб.), инг. žæmhiet 'общество' (< араб. جمعية), и пр.

[1] См. Словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1889, стр. 12—13. Слово biegær могло быть заимствовано из грузинского языка, где ბეგარა 'повинности в пользу помещика, барщина', и т. п.

[2] Это же слово имеет значение русской Бабы-Яги; ср. замечания Ахриева в статье: Из чеченских сказаний, стр. 89, прим. (Сборн. свед. о кавказских горцах, вып. V).

Слова кумыкского (resp. общемусульманского) происхождения проникают во все сферы жизни, исчерпывающее перечисление их потребовало бы значительного места. Отметим, что к перечисленным уже категориям слов можно без труда добавить множество примеров. Инг. turpæl 'богатырь'[1] (ср. балкарск. tulfar 'большой, сильный', карач. tulpar 'храбрый, герой, великан', и ср. киргиз. تولپار 'боевой конь', джагат. تول 'боевой конь'), инг. tur 'меч, шашка' (слово распространено по всему восточн. Кавказу, вплоть до армянск, թուր), инг. sarmæk 'дракон' (< перс. سیمرغ 'феникс', ср. балкар. sarüwek 'дракон', карач. sarubek 'дракон, крокодил'), инг. ubur 'вампир' (< кум. öbür 'злой, фальшивый', ср. каз. اوبر 'обжора, ведьма, злой дух', русск. 'упырь'),[2] инг. poal 'горошина для гадания, гадание' (< араб. فال 'предсказание, гадание, ср. кум. palčі 'гадатель', pal salmak 'гадать'), инг. fie 'бдительный' (< араб. فاعل 'деятельный'), инг. ḫillæ 'притворство, лукавство' (< араб. حلّ 'освобождение от клятвы, дозволение', ср. кум. hilla 'коварство'), инг. ḫælæk 'погибель, разорение' (< араб. هلاك, ср. кум. halek etmek 'возмущать'), инг. eip 'вред, убыток, порок' (< араб. عيب), инг. bæxæn 'причина' (< кум. baγana), инг. iræz 'счастье' (< кум. irazə 'довольный', ср. инг. räzæ 'согласный, довольный', из араб. راض), инг. kicæ 'пословица, поговорка, анекдот, басня, притча' (< араб. قصّة), инг. kinæz 'церковь' (< араб. كنيسة), инг. læ 'спор, пари' (< араб. رهن 'заклад'), инг. mäkær 'сообразительный, хитрый' (< араб. ماكر 'обманывающий'), инг. molxæ 'порошок, порох, лекарство' (< араб.-перс. ملهم 'мазь, лекарство'), инг. oamæl 'нрав, привычка, характер' (< араб. عمل 'деяние, поступок'), инг. pelxæ 'акробат' (< араб. بلهوانى), инг. ghæd 'сложение, структура' (< араб. قدّ 'стан, талия'), инг. sabær 'сдержанность, терпение, кротость' (< араб. صبر), инг. tamæš 'удивление' (< араб. تماشى 'расхаживал', через тур.), инг. xæbær 'известие, новость, сведение' (< араб. خبر), инг. xozæ 'красивый' (< араб. حسن), инг. žuop 'ответ' (< араб. جواب), инг. žhovxær 'драгоценный камень' (< араб. جوهر), инг. hovdæl 'глупый, неразумный' (< араб. ابدال 'отшельник') инг. laghæ 'ступень' (ср. араб. راق 'восходящий' и مراق 'ступени, лестница'), инг. vas 'неприятность, огорчение' (ср. араб. يأس 'горе, отчаяние'), инг. pis 'ненадежный' (ср. тур. پس 'дурной, злой, плохой'), инг. zie 'вред, убыток' (< перс. زيان), инг. xinær 'энергия, бодрость' (< перс. هنر 'искусство, доблесть'), инг. xurdij valær 'опуститься, обосячиться' (< перс. خرده 'мелкий, незначительный'), инг. xægh 'ненависть' (ср. тур. ياغى 'враг, неприятель'?), инг. gunæx 'участие, роль, отношение' (< перс. گناه 'грех, вина'), инг. arqhæl 'навзничь, на спине' (< кум. arka 'спина'), инг. ærghæ 'скирда' (< кум. arak), инг. bielgæl 'определенно, наверное' (< кум. belgili 'известный, заметный'), инг. ghum 'песок' (< кум. xum), инг. astæghæ 'хромой' (< кум. axsak, ср. axsaklamak 'хромать'), инг. bašxæ 'отличный, особенный' (< кум. bašxa), инг. bæt 'лицо' (ср. кум. bet 'щека, лицо'), инг. čyč 'кал, помет' (< кум. čičmak 'alvum exonerare'), инг. čægærg 'плешина' (ср. карач. čəγər, балк. čəkər 'лысый', осет. цæгæр 'плешина'), инг. čæq 'через, насквозь' (< кум. ček 'граница'), инг. čoap 'припадок, исступление' (ср. кум. čapmak 'бросаться, нападать' и т. п.), инг. čoabuol 'рысь, аллюр' (< кум. čabul), инг. juort 'малая рысь' (< кум. jort), инг. darbæ 'лекарство' (< перс. درمان), инг. doazuv 'граница, рубеж' (< кум. dazu), инг. giečuv 'брод' (< кум. geču), инг. ghejghæ 'скорбь, горе' (< кум. kajγə), инг. ghovghæ 'шум' (< кум. kauγa), инг. ḫagæ 'каждый, всякий' (< кум. har, из перс.), инг. ijrčæ 'некрасивый, уродливый' (< кум. erši), инг. ilij 'песня' (< кум. jir), инг. jalæng 'верхом на неоседланной лошади' (< кум. jalan 'пустой, оголенный'), инг. jurt 'аул, селение' (< кум. jurt), инг. kir 'груз, кладь, обоз' (< кум. kire 'наем', из араб.), инг. kult 'связка, охапка, кипа' (< кум. külte 'сноп, вязанка'), инг. mieq 'ус' (< кум. mijik), инг. nægæx 'изредка, по временам; если' (< кум. naga 'хотя, если'), инг. oaghuv 'сторона, бок, стена' (ср. кум. jaγa 'край, берег'), инг. oaz 'звук, нота' (< перс. آواز), инг. säq 'зоркий, внимательный, чуткий' (< кум. sak), инг. tölghij resp. tælghij 'волна' (< кум. talkun), инг. tælmæč 'переводчик' (< кум. tilmač), инг. tämæ 'повод, предлог' (< кум. taman 'достаточно'), инг. tersæ 'грубый, простой, наивный' (< кум. ters), инг. tierkæl dær 'обращать внимание' (< кум. tergeü 'внимание'), и т. д.

Факты ингушского словаря говорят, таким образом, о всестороннем проникновении мусульманской культуры в жизнь Ингушии: за ними стоят те реальные, экономические и идеологические, взаимодействия, благодаря которым они и проникли в язык, придав ему специфический, некогда, без

[1] Слово turpæl воспринимается иногда в литературе о чеченцах неправильно, как собств. имя (почин сделал Берже, о. с., стр. 129), ср. замеч. Услара, Чеченский язык, стр. 148.

[2] К ингушскому представлению об ubur ср. Далгат. Первобытная религия чеченцев, стр. 117; к чеченскому понятию — Лаудаев, о. с., стр. 53. В балкар. obur 'волшебник', в карач. 'ведьма'.

сомнения, совершенно отсутствовавший, отпечаток. Мусульманство является и до наших дней той главной культурной стихией, которая питает немногочисленную пока ингушскую интеллигенцию. Перелом, начавшийся уже в XX в. — сдвиг в сторону европейской, идущей по русскому руслу, культурной ориентации, намечается впрочем все больше и больше. Регистрация фактов и явлений языковых встречает здесь немаловажное затруднение: каждый новый день приносит изменения. Если ограничиться материалом, зарегистрированным в единственном пока ингушско-русском словаре Мальсагова (которым, главным образом, и пользовались мы в предшествующем изложении), можно отметить следующие «руссицизмы»: bankæ < < 'банка', banij < 'баня', böškæ < 'бочка', čaj < 'чай', čuot < 'счет', epsær < < 'офицер', istuol < 'стол', (через кумыков), iškuolie < 'школа' (через кумыков), kæbuc < 'капуста', kæpig < 'копейка', kilovzæl < 'клеуза', kinišk < < 'книжка', kirpišk < 'кирпич',[1] koluošk < 'галоши', kortuol < 'картофель', mæšin < 'машина', mejdælg < 'медаль', partij < 'партия', paškæ < 'пачка', piešk < 'печка', poltuv < 'пальто', piskæ < 'список', poatron < 'патрон', poštæ < 'почта', saltie < 'солдат', sæmvar < 'самовар', sijnæ < 'синий?'[2] siræ < 'серый?', sud < 'суд'. Подбор вполне случаен, количество руссицизмов может быть увеличено во много раз; но для нашей цели достаточно лишь отметить этот новейший этап ингушской культуры, которому суждено, как можно надеяться, внести в ингушский культурный обиход те элементы общечеловеческой культуры, которых ему недоставало до сих пор по вине прошлого.

А. Генко.

Лето 1929 г.

[1] Может быть от кумыков.

[2] Вероятно, случайное созвучие. Ср. скорее, иранск. a-xšaēna 'dunckelfarbig'.

Содержание

Введение ... 3

Часть I. Материалы Государственного архива Ставропольского края. Фонд Р-1260 «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова» (1926–1937)

I. Раздел этнографии и истории

Александр Николаевич Дьячков-Тарасов. Биографическая справка ... 10
А.Н. Дьячков-Тарасов. Экскурсы в область культуры Чечни ... 12
А.Н. Дьячков-Тарасов. «Записка» Р. Скасси, попечителя по торговым сношениям с черкесами (1810–1829) ... 60
Записка о Кавказских делах, составленная статским советником де Скасси, бывшим попечителем по торговым сношениям с черкесами ... 62
Николай Ильич Покровский. Биографическая справка ... 72
Н.И. Покровский. Кавказские войны ... 73
Анатолий Несторович Генко. Биографическая справка ... 79
А.Н. Генко. Об одном забытом источнике по истории горцев ... 83

II. Раздел лингвокультурологии и лингвистики

Николай Феофанович Яковлев. Биографическая справка ... 93
Н.Ф. Яковлев. Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем ... 98
Глава I. «Национальности», «национальные культуры» и «национальные названия» и их происхождение на Кавказе ... 99
Глава II. Проблема национальной истории черкесов ... 112
Глава III. Материальная культура черкесов ... 150
Глава IV. Язык и народная поэзия как элементы духовной культуры черкесов ... 159
Глава V. Современное культурное строительство Кабардинской автономной области ... 182
Мусса Макаович Сакиев. Биографическая справка ... 196
М.М. Сакиев. 30 лет изучения кабардино-черкесского языка ... 199
Михаил Яковлевич Немировский. Биографическая справка ... 212
М.Я. Немировский. Лексикологические заметки по горским яфетическим языкам Северного Кавказа. Этюд I. Номенклатура животного мира ... 214
I. Принципы построения номенклатуры животного мира в горских яфетических языках Кавказа ... 216
II. Обозначение пола животных ... 219
III. Сравнительный обзор названий домашних животных ... 222
IV. Предварительные выводы и «рабочие гипотезы» ... 226
Адольф Михайлович Дирр. Биографическая справка ... 232
А.М. Дирр. Северо-восточные языки. Чеченский язык ... 237
Неизвестный автор. Русские слова в карачаевском языке ... 247
Мария Карповна Милых. Биографическая справка ... 252
М.К. Милых. Об орфографии советизмов и интернациональных слов в тюрко-татарских языках ... 253
Леонид Петрович Семенов. Биографическая справка ... 266
Л.П. Семенов. Мировые мотивы в фольклоре горцев Северного Кавказа ... 270

III. Раздел персоналий

Александр Михайлович Ладыженский. Биографическая справка ... 279
А.М. Ладыженский. Памяти Адольфа Михайловича Дирра ... 281
А.М. Ладыженский. Памяти профессора Г.Ф. Чурсина ... 286

Часть II. Исследования из фондов библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1926–1937)

I. Раздел истории, этнографии и фольклора Кавказа

Георг Эллис. Биографическая справка ... 290
G. Ellis. Memoir of a Map of the Countries Comprehended between the Black Sea and the Caspian; with an Account of the Caucasian Nations, and Vocabularies of their Languages ... 292
Preface ... 292
Memoir, &c ... 292
I. The Tartars ... 296
II. The Abkhas ... 296
III. The Tsherkess, or Circassians ... 297
IV. The Ossi, or Osseti ... 300
V. The Kisti ... 301
VI. The Lesguis ... 301
VII. The Georgians ... 302
Specimen of the Caucasian Languages ... 306
Г. Эллис. Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с описанием кавказских народов и словарей их языков (перевод Э.В. Пивановой и Е.А. Колесниковой)
Введение ... 326
Записки, &c. ... 326
I. Татары ... 330
II. Абхазы ... 331
III. Черкесы ... 331
IV. Осы, или осетины ... 335
V. Кисты ... 336
VI. Лезгины ... 337
VII. Грузины ... 338
Образцы кавказских языков ... 342
Засс (?). Биографическая справка ... 361
Засс (?). Описание Кавказа с историческим и статистическим описанием Грузии (перевод с французского Я.К. Лангена) ... 362
Федор Федорович Торнау. Биографическая справка ... 376
Ф.Ф. Торнау. Плен у шапсугов ... 378
Керопэ Петрович Патканов. Биографическая справка ... 389
К.П. Патканов. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии ... 391
Лев Павлович Пасынков. Биографическая справка ... 427
Л.П. Пасынков. Быт и игры кавказских народов ... 428
Л.П. Семенов. Ингушская и чеченская народная словесность ... 449
Григорий Филиппович Чурсин. Биографическая справка ... 467
Г.П. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов ... 468

II. Раздел языкознания. Языки Кавказа

Краевой горский институт (Доклад о деятельности института в комиссии Государственного ученого совета 27 июня 1929 года) ... 492
Николай Яковлевич Марр. Биографическая справка ... 509
Н.Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа ... 512
Н.Я. Марр. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории ... 547
Иван Иванович Мещанинов. Биографическая справка ... 573
И.И. Мещанинов. Яфетидология и марксизм ... 576
А.Н. Генко. К вопросу о языковом скрещении (два случая с греческим языком) ... 604

А.Н. Генко. О названиях 'плуга' в северокавказских языках
(Представлено академиком Н.Я. Марром в ОГН 3.IV.1930) 612
А.Н. Генко. Из области чеченской диалектологии..... 617
М.Я. Немировский. К сорокалетию научной деятельности академика Н.Я. Марра 631
М.Я. Немировский. К современному состоянию кавказской лингвистики 634
М.Я. Немировский. К научной постановке исследования чеченской группы
северокавказских языков..... 645
Лев Иванович Жирков. Биографическая справка 655
Л.И. Жирков. Языки Дагестана и их изучение..... 657
Л.И. Жирков. Развитие частей речи в горских языках Дагестана..... 662
Павел Николаевич Черняев. Биографическая справка..... 674
П.Н. Черняев. Как изучал П.К. Услар язык убыхов 676
Михаил Васильевич Беляев. Биографическая справка 678
М.В. Беляев. Осетинские этимологии 679
Георгий Петрович Сердюченко. Биографическая справка 685
Г.П. Сердюченко. О чеченско-ингушском консонантизме 687
О. Егоров. Биографическая справка..... 696
О. Егоров. Чечено-ингушская лексика..... 697

III. Раздел истории письменности народов Кавказа

Петр Карлович Услар. Биографическая справка..... 704
П.К. Услар. О распространении грамотности между горцами 706
Леонард Петрович Загурский. Биографическая справка 720
Л.П. Загурский. Кавказские алфавиты 722
Умар Джашуевич Алиев. Биографическая справка..... 735
У.Д. Алиев. Латинизация горских письмен..... 737
Борис Андреевич Алборов. Биографическая справка 748
Б.А. Алборов. История осетинских письмен 750
Б.А. Чамозоков. История кабардинской письменности 810
А.Н. Генко. Цахурский (цахский) алфавит..... 817
М.К. Милых. Вопросы орфографии тюркских языков Северного Кавказа и Дагестана 825

Библиография

Публикации об архивном фонде Р-1260 Государственного архива Ставропольского края
«Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт
им. С.М. Кирова» (1926–1937) 861
Предметный указатель к описи документов № 1 фонда Р-1260 Государственного архива
Ставропольского края «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-
исследовательский институт им. С.М. Кирова» (1926–1937)..... 865
**Н.А. Кононирова. Каталог библиотеки Северо-Кавказского краевого горского историко-
лингвистического научно-исследовательского института** 876
Каталог библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-
исследовательского института в фонде редкой книги Научной библиотеки Ставропольского
государственного университета (СКФУ)..... 883

Приложение

Н.Ф. Яковлев. Материалы для кабардинского словаря.
Выпуск I. Словарь односложных коренных слов и корней открытого типа..... 980
А.Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей..... 1103

«**Caucasica. Кавказоведение: Страницы прошлого**»

Научное издание

Составители:
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Подготовка текста:
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко,
А.И. Темирболатова, Е.Н. Золоторева, М.С. Коршунов

Обложка, верстка, дизайн:
Д.И. Петренко

Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура AcademyC. Заказ 356.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Попов К.Р. («Полиграф-Сервис»),
г. Ростов-на-Дону, ул. Доватора, 142-а,
тел. 8(863) 236-65-00, 236-12-50